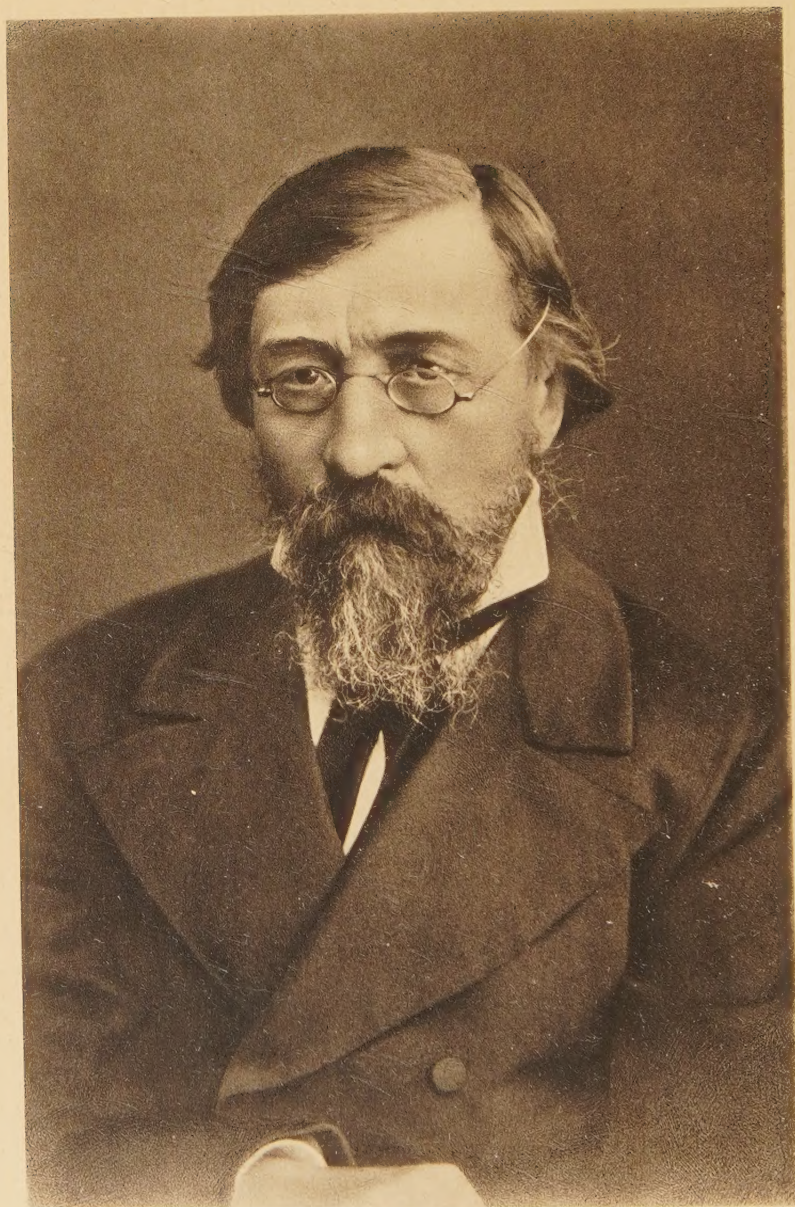

Digitized by the Internet Archive
in 2026

Т-ры Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ.

Николай Гавриловичъ
Чернышевскій.

Съ фотографіи Климашевской въ Астрахани, 1888 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ X, часть 2.

(съ портретомъ автора 1888 г.).

Отдѣльныя статьи

(1849—1863).

Статьи послѣдняго времени

(1885—1889).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1906.

PRINTED IN RUSSIA

3571

Оглавление части 2

Х тома.

Предисловіе издателя.	стр. V—VIII
-------------------------------	-------------

Отдѣльныя статьи.

О Бригадирѣ Фовѣ-Визина (1849) (не было напечатано)	1
Опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи (1853).	21
Библиографическая замѣтка объ „Опытѣ словаря къ Ипат. лѣтописи“.	82
Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, диссертация на степень магистра (1855).	84
Критика „Эстетическихъ отношеній“—Современникъ, 1855 г. № 5	165
Предисловіе къ предполагавшемуся 3-му изданію „Эстетическихъ отношеній“ (1888) (не было напечатано).	190
Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. (1856).	198
Предисловіе къ русскому переводу Исторіи XVIII ст. Шлоссера.	227
Объясненіе на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный г. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюрмеромъ	231
Письма безъ адреса (1862) (было напечатано за границею)	293
Везденежье (1862)—(не было напечатано)	319—329
Алферьевъ, неоконченная повѣсть (1863)—(не было напечатано)	1
Разсказъ о крымской войнѣ по Кинглеку (1863)—(за границею было напечатано только начало)	57—173
Дневникъ Н. Г. Чернышевскаго 1852—1853 гг.	1—108.

Статьи послѣдняго времени.

Характеръ человѣческаго знанія (Рус. Вѣд. 1885, №№ 63, 64)	1
Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь. (Рус. Мысль, 1888, № 9).	16

Матеріали для біографіи Н. А. Добролюбова. (Рус. Мысль, 1889, т. I, 2)	47
Статьи, приложенныя къ переводу исторіи Вебера:	
Предисловія къ русскому переводу—къ томамъ I	76
" " VI	77
" " X	158
" " XI	187
" " I, втор. изд.	205
Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи:	
1. — О расахъ	81
2. — О классификаціи людей по языку	96
3. — О различіяхъ между народами по національному характеру	132
4. — Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ	168
5. — Климаты. Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты	188
Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена	206
Замѣтки о Некрасовѣ по поводу „біографическихъ свѣдѣній“ и „примѣчаній“ въ посмертномъ изданіи стихотвореній Некрасова 1879 г. (Напечатаны въ книгѣ „Н. А. Некрасовъ“ А. Н. Пыпина, 1905)	230
Вечера у княгини Старобѣльской, повѣсть (1889) (не было напечатано).	241—321

Приложенія.

I. Дополненіе къ статьямъ: Studien, Гакстгаузена (т. III)	3
Кавеньякъ (т. IV)	3—14
Очерки политической экономіи, по Миллю (т. VII)	15—16
Кредитныя дѣла (т. VIII)	17—49
II. Статьи, пропущенныя въ I, II и IV томахъ настоящаго изданія	51—124
III. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и о его сочиненіяхъ	125—139
IV. Перечень заграничныхъ изданій сочиненій Н. Г. Чернышевскаго и переводовъ на иностранныя языки	140—141

Предисловіе издателя къ послѣднему тому.

Заканчивая настоящимъ томомъ предпринятое мною въ прошломъ году изданіе полнаго собранія сочиненій Николая Гавриловича Чернышевскаго, считаю пріятнымъ долгомъ принести мою глубокую признательность всѣмъ лицамъ, такъ или иначе оказавшимъ мнѣ содѣйствіе при выполненіи моего труда. Прежде всего благодарю мою дорогую сестру Вѣру Александровну Ляцкую, а также М. А. Антоновича, С. А. Венгерова, П. Я. Дашкова, П. А. Ефремова, М. К. Лемке, Е. А. Ляцкого, К. К. Первухина и В. И. Семева.

Въ моемъ изданіи могутъ, конечно, оказаться и случайные недосмотры и недостатки—безъ этого почти немислимо никакое большое дѣло. Разборка бумагъ моего отца производилась одновременно съ изданіемъ и потому приходилось, иногда, очень спѣшно дѣлать разныя поправки и вставки даже въ такія статьи, которыя начались уже печататься. (Кстати — разборка этихъ бумагъ имѣла результатомъ значительное увеличеніе объема изданія: вмѣсто предполагавшихся 390 печ. листовъ, оно составило 466 листовъ *). Надѣюсь, однако, что всѣ эти недостатки окажутся сравнительно несущественными и не особенно повредятъ достоинству изданія, къ которому я приступилъ съ благоговѣніемъ къ памяти моего отца и съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности, считая своею нравственною обязанностью исполнить этотъ трудъ не иначе, какъ самому лично.

Главнымъ образомъ я заботился о полнотѣ изданія, руководствуясь указаніями, полученными въ свое время отъ А. Н. Пыпина, и спискомъ статей, сдѣланнымъ моимъ отцомъ въ 1861 г., когда самъ онъ задумывалъ изданіе своихъ сочиненій. Большинство статей было мною проверено по

*) На обложкѣ напечатано по ошибкѣ 476 листовъ.

сохранившимися рукописямъ и старымъ корректурамъ. Такимъ образомъ, въ это изданіе вошло: 1) все напечатанное въ Россіи, 2) все напечатанное за границую (въ исправленномъ и дополненномъ видѣ) и 3) почти все, болѣе или менѣе значительное, оставшееся ненапечатаннымъ въ рукописяхъ. Не включены въ изданіе лишь небольшіе отрывки разныхъ статей, рукописи которыхъ не сохранились въ полномъ видѣ, нѣсколько мелкихъ рецензій въ Отечественныхъ Запискахъ 1854 г., указанія на которыя хотя и имѣются въ письмахъ, но сами рецензіи не перечислены, а также переводныя и компилятивныя статьи, а именно:

Семейство Доддовъ за границую, романъ Чарльза Литтона (Отеч. Зап. 1854, № 12; 1855, №№ 1—4).

Хроника современныхъ военныхъ событій (Соврем. 1855, №№ 8—12).

Маленькая графиня, повѣсть Октава Фелье (Совр. 1856, № 3).

Жизнь Жоржа Занда (Соврем. 1856, №№ 4—8).

Бальзакъ (Соврем. 1856, № 9).

Разсказы изъ исторіи Англіи по Маколею (Совр. 1856, №№ 10—12; 1857, №№ 1—12).

Извлеченіе изъ постановленія о Всемилоствѣйшемъ дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей (Совр. 1861, №№ 3—4).

Шлоссеръ, Исторія XVIII столѣтія, т. 1 и 16.

Карпентеръ, Энергія въ природѣ. Спб. 1885.

Шрадеръ, Сравнительное языкознаніе. Спб. 1885.

Спенсеръ, Основныя начала. Спб. 1885

Веберъ, Всеобщая исторія. М. 1885—1893. (Первые 11 томовъ и половина 12-го).

Кромѣ того, въ Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 г. (т. I), имѣются двѣ статьи: „Свобода слова и ея ограниченіе“ и „Политика“, которыя, по всему вѣроятію, принадлежать моему отцу, но у меня нѣтъ ни рукописей этихъ статей, ни какихъ-либо указаній о нихъ въ бумагахъ отца,—поэтому я не счелъ себя въ правѣ включать эти статьи въ мое изданіе.

Нѣсколько поздняя разборка архива А. Н. Пыпина (въ этомъ архивѣ было много рукописей и матеріаловъ для моего изданія) помѣшала своевременно провѣрить нѣкоторыя статьи и помѣстить ихъ въ соотвѣтствующихъ томахъ изданія. Всѣ эти статьи помѣщены особо въ приложеніи къ настоящему тому.

Наконецъ въ томахъ I, III и X, ч. 2 надлежитъ сдѣлать слѣдующія исправленія:

1) Въ I т. на стр. 399—401 помѣщенъ разборъ сочиненія О. Бодянского „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ (изъ Современника 1855, № 5). Статья эта была отнесена мною къ статьямъ моего отца въ виду того, что на ней имѣлись корректурныя поправки, сдѣланныя рукой моего отца. Но нынѣ, при разборѣ рукописей, я нашелъ отмѣтку моего отца о принадлежности ему статьи о Бодянскомъ лишь въ № 3 Современника 1855 г. (помѣщена въ I т. на стр. 332—335), съ указаніемъ, что статья о Бодянскомъ въ № 5 написана, кажется, А. Смирновымъ.

2) Въ Современномъ Обзорѣніи (Соврем. 1857, № 9), помѣщенномъ въ т. III настоящаго изданія, на стр. 388—404, отцу моему принадлежить лишь написанное о Чичеринѣ (стр. 402—403).

3) Въ Современномъ Обзорѣніи (Соврем. 1857, № 10), помѣщенномъ въ томъ же томѣ на стр. 533—554, отцу моему принадлежать лишь страницы 537—550, отъ словъ „Настаетъ новая эпоха для просвѣщенія...“ до словъ „Мы совершенно отвыкли отъ понятія о солидарности...“

4) Въ примѣчаніи къ помѣщенной въ т. X, ч. 2 статьи „Разсказъ о крымской войнѣ по Кинглеку“, не упомянуто, что переводъ самой статьи Кинглека, сдѣланный моимъ отцомъ, былъ напечатанъ (но безъ его примѣчаній) въ книгѣ — „Парижъ и провинція 2-го декабря 1851. Эжена Тено и Разсказъ о переворотѣ 2-го декабря А. В. Кинглека“ Спб. 1869.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о помѣщаемомъ въ настоящемъ томѣ „Дневникъ Н. Г. Чернышевскаго 1852—1853 гг.“.

Въ дѣлахъ Сенатскаго Архива имѣется дневникъ моего отца, отобранный у него вмѣстѣ съ другими бумагами во время его ареста въ 1862 г.

Дневникъ этотъ представляетъ собою довольно толстую тетрадь, въ форматѣ полулиста писчей бумаги. и занимаетъ 92 страницы, исписанныя въ большинствѣ случаевъ особымъ шрифтомъ съ большими сокращеніями словъ и нѣкоторыми условными знаками. Такъ, напр., буква *н* означаетъ „теперь“, буква *р* — „раньше“, *ч* — чѣмъ, *м* — самъ, *д* — противъ, *о* — одинъ, *и* — лучше, *и* — во всякомъ случаѣ, и т. д. Разборка и переписка этого дневника представляла большой и кропотливый трудъ и заняла у меня болѣе трехъ мѣсяцевъ ежедневной работы въ Сенатскомъ Архивѣ.

Дневникъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей. Первая часть — небольшой отрывокъ изъ жизни въ Саратовѣ въ концѣ 1852 г. Вторая часть, самая главная, посвящена цѣликомъ описанію знакомства съ моею матерью. Эта часть дневника обнимаетъ весьма короткій періодъ времени: всего лишь

около двухъ мѣсяцевъ—февраль, мартъ и начало апрѣля 1853 г.—время передъ женитьбою и передъ отъѣздомъ изъ Саратова въ Петербургъ, но это короткое время описано отцомъ съ такою полнотою и съ такимъ глубокимъ анализомъ своего характера, своихъ чувствъ и понятій, что опубликованіе этого дневника имѣетъ весьма серьезное значеніе для правильной оцѣнки нѣкоторыхъ сторонъ его жизни. Безъ этого дневника оставалась бы непонятна и та громадная роль, которую въ жизни моего отца, до самой его смерти, играла моя мать. Третья часть—отдѣльный небольшой дневникъ за время съ 4 марта по 8 апрѣля 1853 г.

Писанъ дневникъ, очевидно, очень быстро, и потому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отрывочность фразъ и ихъ неотдѣланность и незаконченность дѣлаетъ иногда не вполне яснымъ ихъ точный смыслъ. Можно бы было, пожалуй, пропускать такіа фразы и ограничиться отдѣльными выписками, но для цѣльности впечатлѣнія я счелъ необходимымъ привести весь дневникъ полностью, почти безъ всякихъ сокращеній, отмѣчая лишь тѣ слова, которыхъ не могъ разобрать, и дѣлая поясненія нѣкоторыхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ.

Факсимиле этого дневника прилагается при настоящемъ томѣ.

Мих. Чернышевскій.

О БРИГАДИРЪ

ФОНЪ-ВИЗИНА *).

Изъ того, что было написано о фонъ-Визинѣ, подъ руками у меня были, когда я писалъ эту статью, сочиненіе о фонъ-Визинѣ князя Вяземскаго и статья, помѣщенная о фонъ-Визинѣ въ 8 и 9 нумерахъ Отечественныхъ Записокъ 1847 года (написанная вѣроятно Майковымъ).

И тому и другому сочиненію я много обязанъ. Книга князя Вяземскаго важна тѣмъ, что проясняетъ жизнь и личность фонъ-Визина, но я мало могъ пользоваться ею прямымъ образомъ, потому что хотѣлъ разобрать не личность фонъ-Визина и не отношеніе его къ его вѣку, а только одно изъ его произведеній, да и то съ чисто-литературной стороны. Статья, помѣщенная въ Отечественныхъ Запискахъ, раздѣляется на двѣ половины: въ первой (№ 8) авторъ разсматриваетъ, какъ онъ говоритъ, „свѣтлую сторону вѣка Екатерины II въ умственномъ и нравственномъ отношеніи“, разсматриваетъ движеніе, сообщенное обществу Екатерининскаго вѣка примѣромъ Императрицы и отчасти другими благопріятными обстоятельствами. Это до меня не относится, потому не распространяюсь о томъ, чтò въ его взглядахъ справедливо, чтò односторонно. Во второй половинѣ статьи (въ № 9) авторъ разсматриваетъ комедіи фонъ-Визина, главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, до какой степени удовлетворяютъ онѣ требованіямъ художественности—здѣсь онъ говоритъ большею частью очень справедливо и особенно хорошо доказываетъ, что ихъ никакъ нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ комедіями, потому что онѣ не имѣютъ органическаго единства (къ

*) *Примечаніе издателя.* Статья эта была найдена М. К. Лемке въ бумагахъ А. В. Никитенки и представляетъ собою ученическое сочиненіе, писанное мной отцомъ въ бытность его на IV курсѣ Петербургскаго университета въ 1849—1850 г. По сохранившемуся у меня росписанію за этотъ годъ лекцій IV курса философскаго факультета видно, что по вторникамъ отъ 12 до 1½ час. была лекція профессора Никитенки: педагогика или разборъ сочиненій ученическихъ.

тому же результату приходитъ и князь Вяземскій, который говорить, что „фонъ-Визинъ не былъ драматикомъ, не былъ даже и комикомъ“, стр. 204—205,—мнѣніе, съ которымъ должно вполне согласиться). Чрезвычайная слабость комедій фонъ-Визина въ художественномъ отношеніи хорошо доказана имъ въ этой половинѣ его статьи, и его выводамъ едва ли кто захочетъ противорѣчить. Потому я не много говорю о художественной сторонѣ Бригадира, позволяя себѣ распространяться только о тѣхъ вещахъ, относительно которыхъ имѣю мнѣніе, отличное отъ мнѣній той литературной школы, къ которой принадлежитъ авторъ статьи Отечественныхъ Записокъ. Я стараюсь обращать свое вниманіе болѣе на естественность, нежели на художественность: вопросъ о естественности произведенія также очень важенъ, а между тѣмъ о томъ, въ какой степени произведенія фонъ-Визина удовлетворяютъ требованіямъ естественности, писано довольно мало.

Я оставляю безъ вниманія языкъ фонъ-Визина, потому что все, что можно сказать о немъ вообще, давно уже сказано и признано всѣми (то, что это живой языкъ тѣхъ классовъ тогдашняго общества, которые выводятся фонъ-Визинымъ и т. д.). А для того, чтобы прослѣдить въ подробностяхъ отношеніе языка фонъ-Визина къ языку его предшественниковъ и современниковъ, нужно было бы имѣть въ рукахъ несравненно больше матеріаловъ, нежели сколько могъ имѣть ихъ я.

О вліяніи фонъ-Визина на общество я не говорю ничего, потому что если фонъ-Визинъ его и имѣлъ, то слишкомъ мало. Нужно впрочемъ согласиться въ томъ, что называть вліяніемъ на общество какого-нибудь литературнаго произведенія: если то, что при появленіи новаго произведенія поговорятъ о немъ, похвалятъ или осудятъ автора, то фонъ-Визинъ имѣлъ его, и имѣлъ особенно Бригадиромъ; онъ самъ говорить въ своей Исповѣди, какъ много при дворѣ говорили о его Бригадирѣ, какъ другъ передъ другомъ наперерывъ приглашали вельможи его читать свою комедію—но кажется этого еще нельзя назвать вліяніемъ на общество. Оно бываетъ только тогда, если идеи, лежащія въ основаніи произведенія, входятъ въ живое прикосновеніе съ дѣйствительною (умственною, нравственною или практическою, это все равно, но непременно съ дѣйствительною) жизнью общества, такъ что, прочитавши это произведеніе, общество станетъ чувствовать себя не совсѣмъ такимъ, какъ прежде, почувствуетъ, что его взглядъ на вещи проявился или измѣнился, почувствуетъ, что данъ толчекъ его умственной или нравственной жизни. Такого вліянія на общество русская литература при Екатеринѣ не имѣла. Она была забавою, способомъ препровожденія времени, больше ничѣмъ: писали изъ подражанія французамъ или нѣмцамъ (оды Ломоносова); читали — высшіе классы потому, что нельзя же было оставить безъ всякаго вниманія эти подражанія, когда такъ увлекались оригиналами; читали также изъ подражанія императрицѣ; читали по модѣ французскихъ вельможъ меценатствовать, а не потому, чтобы находили въ русскихъ повѣстяхъ и стихахъ что-нибудь новое, что-нибудь интересное — все, что тамъ было, давно уже знали они изъ французскихъ книгъ. Въ среднемъ классѣ читали тогда еще чрезвычайно немногіе, и эти немногіе начали читать еще такъ недавно, что почти никто изъ нихъ еще

не успѣлъ понять, зачѣмъ собственно читаетъ онъ, и что значитъ то, что онъ читаетъ; впечатлѣніе на этихъ немногихъ читателей изъ средняго класса отъ прочитанныхъ ими романовъ, драмъ и т. д. было для нихъ такъ непривычно, такъ мало были приготовлены къ нему, что оно оставалось совершенно неопредѣленнымъ: — прочитавши переводъ какой-нибудь повѣсти, чувствовали, что въ ней есть что-то, но что именно? — Это изъ ста читателей едва ли понималъ одинъ. Почему же читалъ средній классъ, если не понималъ? Читалъ потому, что умѣющій читать человекъ не можетъ не прочитать книги, если ему дѣлать нечего, а книга есть подъ руками; читалъ отчасти и изъ подражанія знатымъ. Такимъ образомъ результатъ отъ чтенія былъ только одинъ—пріучались къ повѣстямъ, драмамъ; уже только слѣдующія поколѣнія, знакомыя съ малолѣтства съ подобными книгами и, до нѣкоторой степени, съ образованностью, которая произвела ихъ, стали читать ихъ понимая, что въ нихъ писано. Такъ литература была для общества забавой или чѣмъ-то непонятнымъ, которое читали сами не зная зачѣмъ. Мнѣ кажется, что настоящаго вліянія на жизнь нашего общества не имѣлъ и Державинъ, не имѣлъ даже довольно долго и Жуковский. Исторія Карамзина была едва ли не первою писанною по-русски книгою, которая имѣла серьезное вліяніе на наше общество — изъ нея Русскіе узнали свое прошедшее и слѣдствія этого знакомства глубоко отразились въ ихъ взглядѣ на себя, въ ихъ жизни и стремленіяхъ. До тѣхъ поръ вліяніе русскихъ книгъ простиралось только на книги же—когда принимались писать, писали подражанія Ломоносову, Державину, писали въ духѣ Жуковского, тѣмъ дѣло и кончалось. Фонъ-Визинъ и этого вліянія не имѣлъ—онъ не нашелъ себѣ въ нашей литературѣ послѣдователей. Что онъ не имѣлъ вліянія на жизнь нашего общества, можетъ быть покажется съ перваго взгляда несправедливымъ; но пусть поищутъ слѣдовъ его вліянія — ихъ нѣтъ нигдѣ. Спѣшу подтвердить свои слова словами князя Вяземскаго: „фонъ-Визинъ одинъ изъ немногихъ, которые выражали себя въ своихъ сочиненіяхъ; главные творенія его носятъ слѣды его личности и его эпохи, но... въ обществѣ не дознался я отголоска фонъ-Визина и въ самомъ историческомъ фонъ-Визинѣ отыскалъ мало отголосковъ общества. Напримѣръ комедіи его не картина нравовъ въ обществѣ, ему предстоящемъ: онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію... Сходство ихъ (лицъ имъ изображенныхъ) отвлеченное, безъ живаго примѣненія къ лицамъ, передъ которыми они были выведены... Настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень вѣроятно и не знали, что Дворъ смѣется надъ ними, глядя на ихъ изображенія. Вѣроятно были Недоросли и Бригадиры и въ числѣ зрителей комическихъ картинъ фонъ-Визина, но комикъ колотъ не ихъ глаза“ (стр. 18—20). Правда и то, что истомъ (стр. 209) князь Вяземскій говоритъ противное, приписывая комедіямъ фонъ-Визина то, что у насъ исчезли Недоросли и т. д.—да во-первыхъ Недорослей и теперь, черезъ 80 лѣтъ, много еще найдется; во-вторыхъ, какъ могли они исчезнуть отъ комедій фонъ-Визина, когда ни они, ни окружавшіе ихъ люди не читали книгъ?

Вещь общеизвѣстная, что форма комедій фонъ-Визина—Мольеровская, цѣликомъ перенесенная имъ въ его Недоросля и Бригадира; я старался

объяснить происхожденіе этой формы, такой противухудожественной и противу-естественной. Но оригинально ли содержаніе комедій у фонъ-Визина? Обыкновенно отвѣчаютъ, что совершенно оригинально. Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ, но пока долженъ ограничиться одними сомнѣніями, потому что не могу доказать заимствованій въ содержаніи, не имѣя подъ руками собранія французскихъ комедій Мольеровской школы. А не сомнѣваться въ оригинальности всего въ комедіяхъ фонъ-Визина нельзя, потому что князь Вяземскій доказалъ, что у фонъ-Визина многія лица и многія мысли, кажется родившіяся изъ самой глубины души фонъ-Визина, заняты изъ французскихъ книгъ. Вѣдь кажется, что устами Стародума говоритъ самъ фонъ-Визинъ, и именно фонъ-Визинъ, русскій Екатеринина вѣка, такъ хорошъ и вѣренъ, повидимому, мѣстный колоритъ во взглядахъ Стародума; а между тѣмъ князь Вяземскій нашель, что Стародумъ составленъ весь изъ выписокъ у Лабрюера и Ларошфуко (стр. 137); точно также и Нельстедовъ, повидимому такой же „оригинальный“ мыслитель, говоритъ выписками изъ „Мои мысли“ Лабомеля. Чтò, кажется, принадлежит личности фонъ-Визина больше его писемъ къ Панину изъ Франціи? а князь Вяземскій опять-таки говоритъ, что всѣ порядочныя остроты и анекдоты тамъ выписаны изъ Дюкло *Considérations sur les moeurs de ce siècle* (кн. Вяз. стр. 138 и 135). По-неволѣ станешь сомнѣваться и въ оригинальности остального. Скажутъ: „Совѣтникъ— списокъ съ Тартюфа или одного изъ его потомковъ, это правда; но остальные комическія лица у фонъ-Визина чисто русскіе и нравы чисто русскіе“. Въ этихъ приговорахъ о народности нравовъ и лицъ надобно быть очень осторожнымъ; наружность часто бываетъ обманчива; я увѣренъ, что многіе передѣланные съ французскаго водевили покажутся очень вѣрными списками съ чисто-русскихъ нравовъ всякому, кто не знаетъ того, какъ пишутся у насъ водевили. И какъ не показаться имъ чисто-русскими? Въ нихъ все чисто-русское: и толстые купцы, которые пьютъ чай десятками стакановъ и поглаживаютъ рукою по брюху, и дѣчки ихъ, которыя хотятъ выйти замужъ непременно за офицеровъ, и мало ли чего „чисто-русскаго“? Я думаю, что внимательное сличеніе лицъ и разговоровъ у фонъ-Визина съ тогдашними французскими комедіями покажетъ, что и комическія лица и сцены заняты фонъ-Визинимъ у другихъ точно также, какъ заняты лица и мысли Стародума и Нельстедова. Но справедливость требуетъ сказать, что заимствованій изъ Мольера (кромѣ лица совѣтника) я не нашель у фонъ-Визина.

Находятъ дурнымъ то, что въ Бригадирѣ „нѣтъ единства“. Не знаю, что именно понимаетъ подъ „единствомъ“ князь Вяземскій; авторъ статьи отечественныхъ записокъ понимаетъ подъ „отсутствіемъ единства“ въ Бригадирѣ то, что въ немъ „нѣтъ главнаго лица, нѣтъ и господствующей идеи“. Дѣйствительно, намъ теперь кажется, будто бы главнаго лица въ Бригадирѣ нѣтъ, будто бы всѣ лица (за исключеніемъ приставныхъ Добролюбова и Софьи) играютъ одинаково важную роль. Но что же за бѣда, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ не было главнаго лица? Неужели непремѣнное, необходимое условіе художественности произведенія то, чтобы въ немъ одно лицо было

главнымъ? Мы часто слышимъ такія сужденія: „Этотъ романъ нехорошъ, потому что въ немъ вмѣсто одного главнаго лица—два главныхъ лица: интересъ между ними раздваивается, и не знаешь, на которомъ сосредоточить вниманіе — одно мѣшаетъ другому, одно заслоняетъ другое“. Нѣтъ, такія требованія несправедливы; необходимо требовать отъ художественнаго произведенія единства идеи, а то, должно ли быть въ произведеніи одно главное лицо, или должно ихъ быть нѣсколько, дѣло, рѣшаемое не теоріею, а характеромъ идеи и концепціею извѣстнаго произведенія: если идея такого свойства и такъ развилась въ сознаніи вашемъ, что воплощается въ характерѣ, дѣйствіяхъ и отношеніяхъ одного лица, разумѣется одно лицо и должно стать главнымъ въ вашемъ произведеніи; а если идея такого рода или такъ развилась въ вашемъ сознаніи, что для воплощенія ея нужно вамъ нѣсколько лицъ (особенно часто бываетъ это, когда основная идея произведенія не изображеніе характеровъ, а изображеніе жизни извѣстнаго класса, или, еще болѣе, извѣстной исторической эпохи), то какъ же не явится въ созданіи вашемъ нѣсколько равно важныхъ, равно необходимыхъ лицъ? И можно быть впередъ увѣрену, что интересъ вашего произведенія вовсе не будетъ отъ этого ни ослабленъ, ни раздробленъ, если только вы строго сохраните единство основной идеи. Не должно, напримѣръ, въ Борисѣ Годуновѣ Пушкина считать недостаткомъ того, что тамъ два главныхъ лица—Борисъ и Дмитрій Самозванецъ: съ появленіемъ Самозванца вы не забываете о Борисѣ, напротивъ, тутъ-то именно всего болѣе и начинаете вы интересоваться имъ. Въ большей части романовъ Вальтеръ-Скотта (во всѣхъ, кажется) по нѣскольку главныхъ лицъ, равно важныхъ по своему внутреннему значенію и по своей необходимости для идеи романа, если не для его интриги. Кто, напримѣръ, въ Айвенго главное лицо и по своему интересу для читателя и по своему внутреннему значенію? Айвенго? А развѣ не также важны, какъ онъ, или не важнѣе его Ребекка, Ричардъ-Львиное-сердце, Робинъ-Гудъ? Кажется, они- дѣлаютъ впечатлѣніе гораздо глубже того, какое дѣлаетъ самъ Айвенго и несравненно больше интересуютъ читателя, нежели этотъ довольно безцвѣтный рыцарь, который самъ получаетъ занимательность почти только отъ своихъ отношеній къ Ребеккѣ.

Такимъ образомъ если бы въ Бригадирѣ и не было единства главнаго лица, большого грѣха тутъ не было бы. Но фонъ-Визину самому показалось бы это непростительнымъ преступленіемъ противъ законовъ изящнаго (какъ можно было тогда обойтись безъ единства лица?) и онъ не могъ сдѣлать этого. И дѣйствительно, онъ этого не сдѣлалъ. Если намъ кажется, будто бы въ Бригадирѣ нѣтъ главнаго лица, намъ кажется такъ потому только, что и основной идеею этого произведенія кажется намъ не та идея, которую положилъ въ основаніе его фонъ-Визинъ. Мы думаемъ, что онъ хотѣлъ представить намъ въ Бригадирѣ картину быта и понятій извѣстнаго класса людей въ его время (въ родѣ того, какъ Гоголь представляетъ картину быта извѣстнаго класса въ какомъ-нибудь своемъ произведеніи): если такъ, дѣйствительно всѣ лица въ Бригадирѣ равно важны для достиженія этой цѣли. Но внимательнѣе вникнувши въ ходъ дѣйствія Бригадира, разсмотрѣвъ со вниманіемъ другія произведенія фонъ-Визина (напр. Выборъ гувернера,

Разговоръ у княгини Халдиной, письмо Дурыкина и отвѣтъ Стародума, и т. д., самого Недоросля съ Митрофанушкой, Вральманомъ и разсужденіями Стародума, даже Исповѣдь фонъ-Визина), сообразивши все, что извѣстно намъ о мнѣніяхъ фонъ-Визина, мы придемъ къ заключенію, что въ Бригадирѣ хотѣлъ онъ развить и доказать свои мысли о нелѣпости и вредѣ тогдашней французоманіи, о нелѣпости и пагубности тогдашней системы воспитанія у знатныхъ и тянувшихся вельѣдъ за знатными, системы, заключавшейся въ препорученія дѣтей французскимъ гувернерамъ, и имѣвшей, по мнѣнію фонъ-Визина, слѣдствіемъ то, что изъ воспитанниковъ выходили полуобразованные дураки, набитые французскими фразами и другимъ французскимъ вздоромъ, выходили такіе люди, которые, по мнѣнію фонъ-Визина, были хуже даже своихъ совершенно необразованныхъ родителей. Эта мысль вездѣ у него высказывается; она была повидимому средоточіемъ умственной и нравственной жизни фонъ-Визина. Больше всего убѣждаютъ насъ въ томъ, до какой степени дурно и вредно казалось ему все французское и какъ глубоко проникнуть онъ былъ этимъ взглядомъ, его „Письма изъ путешествія“. Для человѣка, подобнымъ образомъ судившаго о французахъ, о ихъ жизни и понятіяхъ, конечно не могло быть ничего прискорбнѣе того, что наше молодое поколѣніе выросло подъ этимъ „въ высшей степени пагубнымъ“ вліяніемъ.

Я считаю основной идеею Бригадира протестъ противъ уваженія, пристрастія общества Екатерининскаго вѣка къ тогдашней французской образованности.

Если согласиться съ этимъ мнѣніемъ, то будетъ ясно, что по плану самого фонъ-Визина главнымъ лицомъ Бригадира долженъ быть Иванъ, сынъ Бригадира; послѣ него интересъ сосредоточивался на лицѣ совѣтницы. Такимъ образомъ выполнялось требованіе тогдашней теоріи: „главнымъ героемъ художественнаго произведенія должно быть непременно одно лицо; но для „занимательности“ подлѣ него должно стоять другое лицо, другого пола; между этими двумя главными лицами должна быть любовная интрига“.

Но и совѣтница и, еще болѣе, самъ герой Иванушка вышли у фонъ-Визина, отъ излишняго старанія сдѣлать ихъ какъ можно „смѣшнѣе“, такими мертвыми, неестественными, плохими карикатурами, что потеряли не только всякое художественное значеніе, а даже и сходство съ тѣми, кого должны были изображать; фонъ-Визинъ ихъ натянулъ до такой степени, что они совершенно не достигаютъ цѣли, которой хотѣлъ онъ черезъ нихъ достичь. Потому, не имѣя совершенно никакого внутренняго смысла, совершенно никакого вѣшняго приложенія къ тому, что было на самомъ дѣлѣ въ обществѣ, Иванъ и совѣтница заставляютъ читателя не обращать на нихъ никакого вниманія; дѣлаясь для него нулями, нисколько ненужными и нисколько не занимательными, они заставляютъ его не замѣчать и той идеи, которая должна была высказаться черезъ нихъ. А между тѣмъ лица, которыя по плану фонъ-Визина должны были быть второстепенными, до извѣстной степени удались, и потому, дѣлаясь нѣсколько интересными, сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе читателя, выставляются передъ нимъ на первомъ планѣ и произведеніе кажется имѣющимъ не тотъ смыслъ, ко-

торый хотѣлъ придать ему авторъ. А удались эти лица именно потому, что для фонъ-Визина были они второстепенными, и что потому не обращалъ онъ слишкомъ большого вниманія на ихъ „отдѣлку“ т.-е. утрировку, пересаливанье—это ихъ иногда спасало и они часто являются не въ обезображенномъ съ намѣреніемъ „для смѣха“ видѣ.

Что же осталось въ Бригадирѣ послѣ гибели для читателя двухъ главныхъ лицъ и основной идеи этой комедіи? Остались лица совѣтника, Бригадира и Бригадирши; осталась еще интрига—тройное влѣкитство, во-первыхъ Совѣтника за Бригадиршей, во-вторыхъ Бригадира за Совѣтницей, въ-третьихъ Ивана и Совѣтницы другъ за другомъ. Рассмотримъ эти лица и эту интригу. (О взаимной любви Добролюбова и Софьи не буду я говорить, точно также какъ не буду говорить и о нихъ самихъ—эти лица давно уже оцѣнены по достоинству и въ самомъ дѣлѣ по вѣсѣмъ правамъ слѣдуетъ имъ любить другъ друга—они такъ достойны одинъ другого. Можно только замѣтить, что они даже и языкомъ говорятъ такимъ же нелѣпнымъ и нескладно-жеманнымъ, какъ сами, между тѣмъ какъ всѣ другія лица у фонъ-Визина говорятъ почти вездѣ превосходнымъ языкомъ, который въ большей части мѣстъ не потерялъ еще и теперь своего эстетическаго достоинства, а историческую свою цѣнность сохранить навсегда).

Прежде всего надобно сказать, что и князь Вяземскій, и авторъ статьи „Отечественныхъ Записокъ“, упрекаютъ фонъ-Визина за то, что въ Бригадирѣ нѣтъ дѣйствія, нѣтъ жизни. Правда, въ Бригадирѣ нѣтъ дѣйствія, если понимать подъ этимъ то, что характеры дѣйствующихъ лицъ не развиваются во все продолженіе хода интриги, что какими показались они въ первомъ явленіи, такими и сошли со сцены, не выказавъ ни одной новой черты, ни одной новой стороны въ своихъ характерахъ.

Требованіе: „характеры, выведенные писателемъ, особенно писателемъ драматическимъ, должны непременно развиваться; если они остаются неподвижными, авторъ виноватъ и произведеніе лишено художественнаго достоинства“,—это требованіе слышишь безпрестанно, безпрестанно слышишь упреки тому или другому произведенію за невыполненіе его. Но кажется, что такого требованія нельзя поставить всегда приложимымъ закономъ художественной красоты литературнаго произведенія. Законы художественности не могутъ противорѣчить тому, что есть въ дѣйствительности, не могутъ состоять въ томъ, чтобы дѣйствительность изображалась не въ своемъ настоящемъ видѣ; какъ она есть, такъ и должна она отразиться въ художественномъ произведеніи. А въ дѣйствительности мы часто встрѣчаемъ людей съ такой неглубокой натурою, съ такимъ немногосложнымъ характеромъ, что съ перваго же раза видишь такого человѣка насквозь и видишь его всего, рѣшительно всего, такъ что если и двадцать лѣтъ проживешь съ нимъ, не увидишь въ немъ ничего, кромѣ того, что выказалось въ первомъ же его словѣ, въ первомъ же его взглядѣ. Какимъ же образомъ такой человѣкъ будетъ развивать передъ вами свой характеръ въ художественномъ произведеніи, когда въ дѣйствительности не развиваетъ его? Или художественное произведеніе должно представлять не всю дѣйствительность, а только извѣстную часть ея? вѣроятно только сцены съ кинжалами, вы-

стрѣлами, разбойниками въ красныхъ плащахъ или только героевъ, которые нынѣ ненавидятъ весь родъ человѣческій, проклинаютъ и бѣснуются, а завтра бѣгаютъ по улицамъ и обнимаются со всѣми? Нѣтъ, и неподвижные, неразвивающіеся характеры могутъ быть точно такими же поэтическими и интересными, какъ развивающіеся;—возьмемъ въ примѣръ хоть мистриссъ Виккемъ, доктора Блимбера съ семействомъ и съ мистеромъ Фидеромъ, мистрисъ Пипчинъ и т. д. въ „Домби“ Диккенса, Манилова съ супругой, Ноздрева, двухъ дамъ — „прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ“ и „просто прекрасную“ и т. д. въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя—не правда ли, что все это самыя художественныя, самыя живыя, самыя интересныя лица? а развѣ они не высказались передъ вами съ перваго же раза всѣ сносна? развѣ развились сколько-нибудь ихъ характеры въ продолженіе дѣйствія? — „Но зато они и не дѣйствуютъ“. — Итакъ, если всегда требовать дѣйствія, жизни, то Ноздревъ, двѣ дамы города NN, Маниловъ—неудачныя или непоставленныя въ настоящее положеніе лица? А если этого нельзя сказать изъ того, что они не дѣйствуютъ, выйдетъ только, что извѣстное лицо въ художественномъ произведеніи можетъ не только не развивать своего характера, но можетъ даже и вовсе не дѣйствовать, нисколько не теряя своего художественнаго достоинства. Но нѣкоторые изъ нихъ, если я не ошибаюсь, и дѣйствуютъ, напр., эти двѣ дамы въ Мертвыхъ душахъ даже двигатели катастрофы и двигатели ея по внутреннимъ причинамъ, а не по вѣншему принужденію. — „Но другое дѣло романъ, другое дѣло драма“. — Здѣсь неумѣстно было бы настаивать на томъ, что не совсѣмъ „другое дѣло“, что, можетъ быть, напрасно полагаютъ основнымъ характеромъ драматической формы „сосредоточенную борьбу страстей“, „изображеніе или, лучше сказать, наглядное представленіе рѣшительныхъ, полныхъ жизни и дѣйствія моментовъ“ и т. д. (разумѣется, и эти моменты могутъ служить содержаніемъ драматическаго произведенія, какъ и всякаго другого произведенія—эпическаго, лирическаго, какого угодно; но разница, сказать: „это содержаніе можетъ быть въ извѣстной формѣ“ и говорить, что „эта форма непременно требуетъ этого содержанія, и если вы вложили въ нее другое, то вы виноваты“); достаточно сказать, что нельзя найти ни одного драматическаго произведенія, гдѣ бы не было нѣсколькихъ неподвижныхъ характеровъ, нисколько не мѣшающихъ ни „драматизму“ произведенія, ни „быстротѣ хода“ дѣйствія, ни одному изъ такъ называемыхъ существенныхъ и отличительныхъ качествъ драматическаго произведенія. Не знаю, можно ли сослаться на Шекспира—могутъ сказать, что у него часто содержаніе не вмѣщается въ форму или что онъ часто вводитъ эпизоды „замедляющіе дѣйствіе“, какъ говорятъ его поклонники *quand-même*, то-есть, по просту сказать, эпизоды нисколько не вытекающіе изъ идеи произведенія — (чтобы подкрѣпить свои слова, сошлюсь на то, что Гёте считаетъ необходимымъ передѣлать Гамлета для сцены — выпустить эпизодъ о путешествіи и при этомъ нѣсколько лицъ и т. д.). Но можетъ быть и найдутся такіе жаркіе поклонники Шекспира, которые не отрекутся принять его нѣкоторыя трагедіи, напр., Макбета, за образцы драматическихъ произведеній: если найдутся, то можно указать имъ на самого же

Макбета, котораго обыкновенно и считают величайшимъ по драматичности созданиемъ Европейской литературы: кромѣ самого Макбета (характеръ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный по тому, какъ хорошо развивается онъ—или, лучше сказать, не онъ, самъ онъ остается неизмѣннымъ, а его страсть), и, если угодно, леди Макбетъ (здѣсь тоже много сторонъ въ характерѣ раскрывающихся постепенно) въ этой трагедіи нѣтъ, кажется, ни одного лица съ развивающимся характеромъ; не знаю, можетъ быть слишкомъ смѣло покажется, если я скажу—нѣтъ и характеровъ.—„Но въ томъ дѣло, что тутъ есть все-таки развивающіеся характеры, и въ нихъ сосредоточивается интересъ драмы, они-то именно и главные лица ея; второстепенныя лица могутъ не развиваться, если угодно, но главное непременно должно, и это-то недостатокъ Бригадира, что тамъ нѣтъ ни *одного* лица развивающагося“.—Нѣтъ, можно драмѣ и вовсе обойтись безъ развивающихся лицъ; возьмемъ „Горе отъ ума“—кажется, его никто не упрекалъ въ недостаткѣ драматизма или интересности; а есть ли тамъ хоть одинъ развивающійся характеръ? Кто же? Чацкій или Софья? или Молчаливъ? или Скалозубъ? Про одного Фамусова можно—но нѣтъ, и про него нельзя—сказать, что въ немъ есть развитіе, хотя почти незамѣтное.—„Грибоѣдовъ намъ не указъ“.— Не знаю, гдѣ же вы найдете такую драму, которая была бы вамъ указомъ, т. е. подходила бы подъ ваше требованіе. Скорѣе всего можно было бы указать на „Наѡана Мудраго“ Лессинга,—въ немъ дѣйствительно больше развитія характеровъ, нежели гдѣ-нибудь; но, во-первыхъ, вѣроятно всякій согласится, что несмотря на это, драматизма въ Наѡанѣ не чрезвычайно много (онъ есть, но его тамъ меньше, нежели въ Макбетѣ, Фаустѣ); во-вторыхъ, правда, тамъ удивительно хорошо развиваются подъ конецъ характеры Саладдина и Тамплиера (когда они узнаютъ, одинъ, что Рая была дочь его брата, другой, что она дочь христіанина) и характеръ Дайи, но главное лицо, Наѡанъ, не развивается и не можетъ развиваться, иначе вся драма погибла бы; о сестрѣ Саладдина, Риф, Аль-Гафи нечего и говорить. Наконецъ, беру Фауста, самое драматическое произведеніе, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ и самое безукоризненное по строгой художественности формы (кромѣ двухъ сценъ „кухня вѣдьмъ“ и Walpurgisnacht, которыя инымъ кажутся слишкомъ длинными. особенно первая, нельзя найти тамъ ни одного слова, которое не было бы необходимо и не было бы на своемъ мѣстѣ; и какъ страшно и необходимо развивается передъ вами драма!). Тамъ два лица развивающихся: Гретхенъ (и то больше развивается вѣшняя обстановка, нежели характеръ) и самъ Фаустъ (собственно говоря, развивается только его положеніе и страсти, а характеръ весь высказался уже въ первомъ монологѣ); всѣ остальные характеры—совершенно неподвижны: Вагнеръ квинтъ-эссенція неподвижности, Марта неподвижность, Валентинъ неподвижность; Мефистофель—неужели онъ съ перваго слова до послѣдняго не одно и то же и говорить и дѣлать. Нечего уже и говорить о второстепенныхъ лицахъ, какъ студентъ, приходящій къ Фаусту, подруга Гретхенъ, лица на загородномъ гуляньѣ. вѣдьмы: гдѣ и когда и на что раскрывать имъ многосторонность своего характера, если она есть въ нихъ. А между тѣмъ вѣдь Мефистофель глав-

ный двигатель въ Фаустѣ; а между тѣмъ Вагнеръ и Марта принадлежать къ числу самыхъ лучшихъ созданий поэзіи и ни Вагнера, ни Марты никакъ нельзя исключить изъ Фауста—безъ нихъ дѣйствіе невозможно въ его настоящемъ видѣ.

Нѣтъ, дѣло не въ томъ, чтобы всякій характеръ въ романѣ ли, въ драмѣ ли, непременно развивался, выказывалъ въ себѣ въ продолженіе дѣйствія все новыя стороны, которыхъ прежде вы не замѣчали въ немъ, или, если замѣчали, то слишкомъ смутно: дѣло въ томъ, чтобы всякое лицо было живымъ человѣкомъ и, главное, дѣйствовало такъ, какъ должно дѣйствовать по своей натурѣ, а не такъ, какъ заблагоразсудится автору. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, вовсе не должно считать въ Бригадирѣ недостаткомъ того, что дѣйствующія лица не развиваются. Но если они не живые люди или дѣйствуютъ противъ своей природы, это будетъ невоснаградимымъ недостаткомъ. Разберемъ сначала лица.

Бригадиръ, по справедливому замѣчанію автора статьи Отечественныхъ Записокъ, имѣетъ сродство съ Тарасомъ Скотининимъ у самого же фонъ-Визина въ Недорослѣ и со Скалозубомъ у Грибоѣдова въ Горѣ отъ ума. Но сродство его со Скотининимъ невелико; оно ограничивается только тѣмъ, что оба они здоровые, грубые мужичники, говорить съ которыми нужно осторожно, не то шутя „выхватятъ ребра два“ у собесѣдника. Гораздо больше у него сходства со Скалозубомъ—оно такъ велико, что бесполезно распространяться о немъ; нужно только сдѣлать оговорку что Скалозубъ вовсе не списокъ съ Бригадира и не развитіе его: нѣтъ сомнѣнія, что Грибоѣдовъ и не вспоминалъ о Бригадирѣ во все время, пока писалъ Горе отъ ума. Сходство произошло единственно оттого, что оба характера очень немногосложны и очень вѣрно сняты съ природы, которая представляетъ намъ столько „Бригадировъ“ и „Скалозубовъ“, что нетрудно комическому писателю напасть на мысль вставить такое лицо въ свое произведеніе. По чрезвычайной несложности своего характера Бригадиръ, кажется, близокъ къ общему мѣсту въ родѣ „добродѣтельный человѣкъ“, „скупецъ“, „лицемѣръ“ и т. д.; но онъ живой человѣкъ и вѣрный дѣйствительности: развѣ мало людей, весь характеръ которыхъ только и состоитъ изъ одной той черты, которая развита въ Бригадирѣ? Нужно различать односторонность характера, происходящую отъ преобладанія вѣшной привычки (мужикъ всегда говоритъ по-мужицки, и за это еще нельзя назвать его общимъ мѣстомъ) и то, когда выставляютъ лицо только для того, чтобы говорить о себѣ въ каждомъ словѣ: „я лицемѣръ, я лицемѣръ, смотрите, какъ я лицемѣрю“. По концепціи (которая такъ проста, что нетрудно съ ней справиться) характеръ Бригадира уступаетъ характеру его жены, но по выполнению онъ лучшій въ пьесѣ и, можетъ быть, лучшій у фонъ-Визина: онъ нигдѣ не переходитъ въ карикатуру (рѣдкость у фонъ-Визина), нигдѣ, кромѣ развѣ сцены его объясненія съ совѣтницею. Да и здѣсь его объясненіе не карикатура, а скорѣй общее мѣсто, которыми до сихъ поръ пользуются не только наши, даже англійскіе писатели (кажется, самъ Диккенсъ иногда несвободенъ отъ этого упрека); особенно процвѣтаетъ оно до сихъ поръ у французовъ. Формула его такая: „сол-

дать вездѣ и всегда долженъ употреблять образы, картины, сравненія, заимствованные изъ военной техники; чиновникъ—изъ техники той вѣтви дѣла, которою занимается; ремесленникъ—изъ техники своего ремесла и т. д.“ и одна изъ выгодъ этого общаго мѣста представляется такимъ образомъ: „черезъ это часто можно получать сцены недоразумѣній, которыя довольно (очень, думаютъ писатели этихъ сценъ) интересны и забавны: онъ говоритъ не у мѣста и непонятно для того, кому хочетъ объяснить дѣло“. Что и говорить, человѣкъ сродняется съ той сферою, въ которой долго прожилъ, и часто (очень часто) слова его носятъ отпечатокъ его спеціальнаго занятія; но заставляя съ начала до конца солдата сравнивать всѣ предметы съ фортеціей, судью—съ тяжбою, истцомъ и отвѣтчикомъ—плохая шутка: одна рѣчь не пословица; нужно разбирать, въ какомъ случаѣ какъ долженъ говорить человѣкъ. Мнѣ кажется, что человѣкъ, подобный Бригадиру, не сталъ бы объясняться аллегоріями, которыя онъ вообще не долженъ любить, а тутъ никогда не вздумаетъ употребить. Аллегоріи замедляютъ дѣло; кромѣ того, нужно, чтобы человѣкъ имѣлъ много умѣнья и привычки хитрить, чтобы вздуманное ему въ рѣшительную минуту объ аллегоріяхъ—не онѣ будущъ у него на умѣ, да и время дорого. Бригадиръ любитъ дѣлать дѣло живо и напрямки: „сказалъ, какъ есть, была не была“; положеніе его затруднительно, а онъ при своемъ характерѣ не можетъ извертываться, забѣгать стороною; да и терпѣнья у него недостаетъ. „Пошелъ напроломъ, да такъ да, нѣтъ такъ нѣтъ: люблю тебя, матушка“—въ этомъ родѣ должно быть объясненіе Бригадира, если ужъ непременно надобно вставить въ него техническое слово, а не должно оно растягиваться на двѣ страницы.

Характеръ Бригадира, кажется мнѣ, выдержанъ вѣрно въ продолженіе всей пьесы. Только не совсѣмъ натурально, будто бы онъ могъ отдать сына во французскій пансіонъ по просьбѣ жены; никогда не могъ онъ послушаться ея въ этомъ, а отдалъ его увлеченный примѣромъ другихъ и совершенно противъ своей воли; по его собственному понятію слѣдовало бы пораньше записать его въ полкъ; не жена, а примѣръ другихъ заставили его сдѣлать иначе. Да и Бригадирша, которая выставлена скупою до невозможности, не могла настаивать, чтобы отдать сына во французскій пансіонъ, тѣмъ болѣе послать его въ Парижъ: это должно слишкомъ дорого стоить; а выгоды отъ подобнаго воспитанья не можетъ она никакихъ видѣть, потому что не въ такихъ понятіяхъ выросла и состарѣлась; она не увлечется ловкостью молодого человѣка, а скажетъ развѣ: „Да что онъ ломается, бѣсовъ сынъ?“ По ея мнѣнію, слѣдуетъ оставить сына дома и кормить его, чтобы не „изнурить“ „младенца“—а вѣдь ученье тоже изнуряетъ. Вообще фонъ-Визинъ не объяснилъ, какимъ образомъ у такого человѣка, какъ Бригадиръ, вышелъ сынъ, подобный Ивану и кажется, что онъ сдѣлалъ Ивана его сыномъ только для того, чтобы дать ему случай къ нѣсколькимъ удачнымъ (и ко многимъ неудачнымъ) отвѣтамъ на Ивановы выходки. Какъ бы то ни было, по исполненію Бригадиръ лучшее лицо въ комедіи, живой, и часто натурально дѣйствующій человѣкъ.

Но если Бригадиръ живой человѣкъ, то совѣтникъ, мнѣ кажется, общее мѣсто, распространеніе на тему: „святоша, лицемѣръ, Тартюфъ, взяточникъ“. Взятчиковъ и прежде фонъ-Визина описывалъ у насъ Сумароковъ и, только мнѣ кажется, ничуть не хуже фонъ-Визина (или фонъ-Визинъ не хуже его, какъ угодно), такъ что даже и относительной заслуги въ новизнѣ нѣтъ тутъ никакой со стороны фонъ-Визина. А ханжей, да еще влюбленныхъ, съ легкой руки Мольера наплодилось послѣ Тартюфа столько, что и тутъ фонъ-Визинъ только повторялъ пѣтую тысячи разъ пѣсню, которая, пусть простятъ мнѣ это мнѣніе, и заново-то не была слишкомъ хороша. Нужно, впрочемъ, отдать ту справедливость фонъ-Визину, что онъ не буквально перевелъ изъ Тартюфа сцену объясненія въ любви совѣтника, которая начинается хорошо.

Другое замѣчательное лицо въ Бригадирѣ, приносящее честь фонъ-Визину—Бригадирша. Лидо Бригадирши было бы превосходно, еслибъ фонъ-Визинъ по своему обыкновенному пристрастію къ неумѣстнымъ фарсамъ не заставлялъ ее часто, слишкомъ часто играть шутовской роли. Но оставимъ въ сторонѣ эти выходки, недостойныя таланта фонъ-Визина, оставимъ также и ея скупость, не высказывающуюся ни въ чемъ, кромѣ ея словъ и взваленную на нее тоже безъ всякой нужды только для того, чтобы „смѣшнѣе было“, и тогда Бригадирша явится намъ въ своемъ настоящемъ видѣ:—это простая, до крайности простая и ограниченная, но кроткая и чрезвычайно добрая женщина; жить ей привелъ Богъ очень, очень плохо, потому что у мужа слишкомъ „крутой“ характеръ и церемониться съ ней онъ не охотникъ. Одно изъ мѣстъ, гдѣ она менѣе обезображена, 2 явленіе 4 дѣйствія (гдѣ она плачетъ и жалуется на мужа Софѣ и Добролюбову). Но фонъ-Визинъ, разумѣется, не могъ остановиться, гдѣ должно, и прилагаетъ всевозможное стараніе какъ можно больше и пѣлнѣе заставлять ее говорить глупостей, чтобы „смѣшнѣе“ было, и достигаетъ своей цѣли такъ хорошо, что рѣдко на ней остается человѣческій образъ. Къ сожалѣнію, писатели романовъ и повѣстей до сихъ поръ еще не бросили привычки смотрѣть свысока на тѣхъ простыхъ, нищихъ духомъ людей, къ которымъ должна была бы принадлежать Бригадирша, если бъ фонъ-Визинъ утрировкой не сдѣлалъ изъ нея чучелы вмѣсто человѣка: до сихъ поръ не бросили еще привычки обращать этихъ людей въ посмѣшнице, до сихъ поръ еще публика, къ стыду своему, читая эти глумленія, неумѣстные и жалкія, потѣшается вмѣстѣ съ авторомъ надъ этими лицами. Вѣдь люди въ повѣстяхъ бываютъ двухъ родовъ: умные—эти бываютъ живыми людьми, хоть слишкомъ часто бываютъ чересчуръ умны, и глупые—эти за тѣмъ и выводятся, чтобы дѣлать и особенно говорить глупости, а не за тѣмъ, чтобы жить, и жаль бываетъ этого бѣднаго человѣка, преданнаго незаслуженному посмѣянію; совѣстно бываетъ и за автора, который бьетъ лежачаго, и бьетъ, и трунитъ и глумится надъ своимъ беззащитнымъ созданіемъ и глумится почти всегда чрезвычайно пошло, такъ что роняетъ самъ себя въ нашемъ мнѣніи. Нѣтъ, господинъ „великій“ писатель, вы же и „умный“ человѣкъ, не слѣдуетъ вамъ смотрѣть на этихъ людей съ гениально-возвышенной точки остроумія, на

которую вы стараетесь взгромоздиться, не слѣдуетъ считать ихъ за паяцовъ, которые созданы на свѣтъ для потѣхи умныхъ людей, то-есть насъ съ вами: и они люди, какъ мы съ вами, и они живутъ, радуются и скорбятъ, какъ мы съ вами, и у нихъ есть умъ и душа, какъ у насъ съ вами, и много, много, можетъ быть больше, нежели въ насъ съ вами, есть въ нихъ такого, что заслуживаетъ уваженія и полного сочувствія. И повѣрьте, если уже говорить мысль до конца, что разница между вами, господинъ „умный“ человѣкъ, и между ними, между ихъ жизнью и вашей жизнью, даже между ихъ умомъ и вашимъ умомъ вовсе не такъ велика, какъ угодно вамъ предполагать. Посмотрите на Пикквика у Диккенса: не правда ли, что онъ очень ограниченный человѣкъ? А между тѣмъ кто можетъ не любить его, кто не станетъ уважать его, кто бы не посоветовался съ нимъ и не послушался его совѣта? Нельзя читать безъ отраднаго чувства „Маленькой Фадетты“, „Франсуа-ле-Шампи“ и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ величайшаго писателя нашего времени: какъ отдыхаешь въ этой прекрасной, чистой сферѣ! Каждаго изъ этихъ поселянъ съ удовольствіемъ назвалъ-бы своимъ другомъ, безъ скуки прожилъ бы годы въ ихъ обществѣ и не пришло бы, кажется, ни разу въ голову, что ты выше ихъ по уму и образованію, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ много выше ихъ: а между тѣмъ не правда ли, что всѣ они (кромѣ самой Фадетты) люди ограниченные и по большей части очень и очень ограниченные? (Я не отношу къ этому разряду произведеній такихъ повѣстей, какъ Гоголева „Шинель“: ихъ довольно много, онѣ также выводятъ небогатыхъ умомъ людей не на посмѣшище, но выводятъ ихъ въ критическія тяжелыя минуты или въ бѣдственныхныхъ положеніяхъ, а я говорю о изображеніи не трагической стороны ихъ жизни (одинъ развращенный глупецъ въ состояніи потѣшаться надъ страданіемъ), а о изображеніи въ ихъ жизни свѣтлыхъ моментовъ или не слишкомъ стѣсненныхъ положеній, такихъ, которыя бы вызывали только сочувствіе, а не состраданіе).

Бригадирша по настоящему должна была бы принадлежать къ такимъ людямъ. Но фонъ-Визинъ въ такомъ видѣ не могъ изобразить ея: вѣдь ему нужны были шуточки, паяцы, карикатуры; и Бригадирша только въ меньшей части мѣстъ является у него живымъ лицомъ: обыкновенно заняты они съ своимъ сыномъ, „Иванушкою“, какъ она его зоветъ, возложенною на нихъ авторомъ обязанностию говорить какіи-то нескладныя нелѣпицы, которыя заставляютъ стыдиться за неразборчивость вкуса тогдашней публики. Впрочемъ и то нужно сказать, что много стыдиться намъ за нашихъ предшественниковъ читателей нечего: мы и сами не слишкомъ разборчивы: чѣмъ болѣе нескладно и нелѣпо лицо, тѣмъ смѣшнѣе намъ оно кажется; и въ нашей и даже во французской литературѣ до сихъ поръ еще основное правило для „созданія“ комическихъ характеровъ: „соли, соли, пересаливай; чѣмъ солонѣе, тѣмъ вкуснѣе“. Но порадоваться можно тому, что лучшіе теперешніе юмористическіе писатели, Гоголь и Диккенсъ, никогда не впадаютъ въ этотъ недостатокъ: ихъ можно часто упрекнуть въ идеализаціи положительной стороны жизни,

но въ утрировкахъ комическихъ лицъ—никогда. У Жоржъ-Зандъ не можетъ быть этого недостатка уже и по ея направленію.

Итакъ: совѣтникъ общее мѣсто, занятое у Мольера и другихъ (если угодно, даже у Сумарокова); Бригадиръ — живой человѣкъ, за котораго нельзя не похвалить фонъ-Визина; Бригадирша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комедіи также живая женщина, за концепцію которой нельзя не отдать большой чести фонъ-Визину; но въ большей части мѣстъ она выводится какою-то чучелою, которой нельзя назвать даже карикатурой, потому что на карикатурѣ есть человѣческій образъ, а фонъ-Визинъ и его не оставилъ на Бригадиршѣ.

Такими же, какъ она, уродливостями въ художественномъ отношеніи сдѣлалъ фонъ-Визинъ Ивана и Совѣтницу—или мало сказать, уродливостями въ художественномъ отношеніи—уродливостями и просто въ отношеніи къ здравому человѣческому смыслу. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора статьи Отечеств. Записокъ, онъ далъ совѣтницѣ такую роль, что часто она дѣйствуетъ какъ умная женщина (напр. когда тотчасъ догадывается, что если Бригадирша скажетъ мужу о волокитствѣ совѣтника, то разстроится и ихъ нѣжныя отношенія съ Иваномъ, потому что Бригадиръ разсорится и уѣдетъ) и тутъ же заставляетъ ее говорить такія вещи, что „становится скучно и стыдно за умъ фонъ-Визина“ (слова автора статьи Отеч. Зап.).

Ни о Софѣ и Добролюбовѣ, ни о взаимной любви ихъ не буду я распространяться, потому что не стоитъ. Остается разсмотрѣть остальные волокитства, которыя служатъ завязкою пьесы.

Естественно, что Иванъ, сынъ Бригадира, и Совѣтница влюблены другъ въ друга: между ними такъ много общаго, что, встрѣтившись одни среди людей вовсе на нихъ непохожихъ, не могущихъ имъ нисколько сочувствовать, людей, на которыхъ они смотрятъ какъ на полу-животныхъ, они необходимо должны были быть очарованы другъ другомъ. Кромѣ того, вся ихъ жизнь по фонъ-Визину состоитъ въ стремленіи быть французами; а французы тогда только и дѣла дѣлали, что волочили, и романы французскіе съ начала до конца были набиты однимъ волокитствомъ: нельзя же было имъ отстать отъ своихъ образцовъ; оба они только и думали о волокитствѣ.

Но и князь Вяземскій и авторъ статьи Отечеств. Записокъ замѣтили уже, что двѣ остальные страстишки въ Бригадирѣ совершенно неестественны: съ какой стати Бригадиру влюбиться въ Совѣтницу, а Совѣтнику въ Бригадиршу? Оба они люди пожилые, одинъ думаетъ о взяткахъ, другой о прежнихъ баталіяхъ, оба думаютъ о своихъ чинахъ; а расположенія влюбиться въ нихъ не можетъ быть никоимъ образомъ, вовсе они не такіе люди. Но фонъ-Визину нужно было заставить ихъ волочиться, потому что другихъ причинъ дѣйствія не могъ онъ придумать—и онъ заставилъ ихъ волочиться совершенно вопреки характеру и положенію ихъ. Конечно, можно было бы удовольствоваться и остальными двумя любовными интригами, совершенно естественными; но фонъ-Визину показалось тѣхъ двухъ интригъ мало. А главное, почему заставилъ онъ ихъ волочиться, было то, что, по

его мѣнѣю, чрезвычайно смѣшно видѣть, какъ эти почтенные господа, одинъ рубака, другой святоша, будутъ строить куры и объясняться въ любви: фючъ-Визинъ всѣмъ жертвовалъ желанью смѣшнить, не только правдоподобіемъ, которое такъ сильно страждетъ отъ этой двойной любви, но очень часто даже и здравымъ смысломъ.

Откуда произошла эта непрѣмная обязанность комическому писателю смѣшнить и острить во что бы то ни стало, уже прежде меня сказалъ авторъ статьи Отечественныхъ Записокъ—оттуда же, откуда взята и манера выводить утрированныя одностороннія лица, которымъ другого названія нельзя дать, кромѣ названія нелѣпныхъ общихъ мѣстъ въ человѣческомъ образѣ, лица въ родѣ „скупца“, „святоши“ и т. д.—все это наслѣдство французской комедіи XVII вѣка и знаменитаго до сихъ поръ представителя ея Мольера, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ едва ли можно найти двѣ страницы сряду естественнаго разговора, до того все натянуто и пересолено, чтобъ выходило смѣшнѣе и чтобы „рѣзче“ выставлялись характеры. Но авторъ этой статьи не сказалъ, какимъ образомъ явилось въ самой французской комедіи правило смѣшнить во что бы то ни стало. Постараюсь сказать, какъ понимаю это.

Французская комедія XVII вѣка произошла изъ итальянскихъ комическихъ представленій, которыя часто импровизировались самими актерами по слегка только набросанному эскизу общаго хода комедіи (какъ это бываетъ и теперь въ Италіи), часто и вполне писались. У самого Мольера большая часть пьесъ или подражаніе итальянскимъ или просто переводъ итальянскихъ; а о предшественникахъ Мольера во Франціи нечего и говорить. Къ итальянскому элементу присоединилось сильное вліяніе классической Греко-Римской комедіи, какъ она дошла до насъ въ передѣлкахъ Плавта и Теренція. Но итальянскій элементъ преобладалъ.

Что же такое были эти итальянскія комическія представленія? Они произошли опять изъ двухъ элементовъ: простонародныхъ комическихъ представленій, принадлежащихъ уже самому итальянскому народу (это главный элементъ) и подражанія (впрочемъ довольно слабого) все тѣмъ же знаменитымъ Плавту и Теренцію.

Итальянскія простонародныя представленія, въ которыхъ постоянными дѣйствующими лицами до сихъ поръ остались нѣсколько типовъ—паяцовъ (Арлекинъ и т. д.) были тоже самое, что наши балаганныя представленія съ паяцами. Разница только въ томъ, что наши балаганныя представленія чужды нашей народности, грубая спекуляція, пошлы и глупы; а итальянскія представленія объ Арлекинѣ—произведеніе самого народа, и, какъ все, что производитъ народъ, имѣютъ въ Италіи значеніе и смыслъ, представляютъ чисто народные нравы, очень часто чрезвычайно живы и остроумны. Но во всякомъ случаѣ не имѣютъ они никакого притязанія на естественность: о ней нечего было имъ и думать; народъ сходилъ поохотать, а не „изучать дѣйствительность“, притязаніе, отъ котораго не можемъ оторваться мы, идя въ театръ. Потому единственная и на своемъ мѣстѣ совершенно законная цѣль ихъ была—потѣшить народъ карикатурами и скандально смѣшными приключеніями. О правдоподобіи тутъ нечего и го-

ворить: когда и въ образованномъ обществѣ соберутся нѣсколько человѣкъ и примутся, чтобъ не скучно было, рассказывать смѣшныя исторіи, вѣдь никто тутъ не думаетъ о правдоподобіи: напротивъ, чѣмъ вашъ рассказъ нелѣпѣе и смѣшнѣе, тѣмъ лучше.

Другой элементъ, изъ котораго развилась итальянская комедія и который, кромѣ этого непрямого черезъ нее, имѣлъ на французскую комедію и прямое вліяніе, это древняя комедія. Она тоже наводнена фарсѣрствомъ, которое въ ней уже неизвинительно при ея высокихъ притязаніяхъ, и нелѣпѣйшимъ остроуміемъ, передъ которымъ блѣднѣютъ глупѣйшіе нѣмецкіе witz'ы, вицы. Въ древней комедіи этотъ элементъ долженъ былъ развиваться такимъ образомъ:

Аристофанова комедія и вся древняя Аѳинская комедія была чисто политическая комедія на извѣстное лицо и на извѣстный случай (вспомнимъ, что и давалась она одинъ разъ). Цѣль ея, единственная цѣль ея была — выставить смѣшную, глупую, вредную сторону этого лица или этой вещи, чтобъ уронить ихъ черезъ то въ общественномъ мнѣніи. Она была тоже самое, что политическія карикатуры въ *Journal pour rire*, *Punch* и т. п., гдѣ не въ томъ дѣло, чтобы вещь была естественна, чтобы лицо было изображено такимъ, какимъ человѣческое лицо можетъ быть въ дѣйствительности, а въ томъ, чтобы представить какъ можно смѣшнѣе, какъ можно глупѣе то, что нужно поразить. Потомъ политика была изгнана изъ Аѳинской комедіи, а творчество между тѣмъ изсякло, рутина преобладала, да если бы новые комики были и очень даровитые люди, то Аристофанъ былъ не такой человѣкъ отъ вліянія котораго можно было бы ускользнуть послѣдующимъ писателямъ въ его родѣ: а новые комики не были гении и не имъ было освободиться отъ его подавляющей гениальности. И вотъ они подражали Аристофану во всемъ, въ чемъ могли подражать. Что же вышло у нихъ? Живой современный интересъ комедіи пропалъ; мѣткость карикатуры, по которой всякій, взглянувши на актера, кричалъ: „это Сократъ!“ „Это Клеонъ!“ „Это Ламахъ“ — исчезла, потому что новая комедія должна была отказаться отъ возможности изображать отдѣльныя лица, какъ изображала древняя; смѣлость, которая нужна была для того, чтобы вывести на сцену какого-нибудь Клеона, стала ненужна, исчезло и одушевленіе автора отъ этой смѣлости; патриотизму, проникавшему Аристофана, дѣлать тутъ было нечего; изъ всего, что было въ древней комедіи, новая комедія могла подражать только ея площадности, ея неблагопристойности, ея стремленію представить все въ утрированной карикатурѣ. Такъ для нея исчезло все содержаніе Аристофановой комедіи, осталась одна ея форма — она и схватилась съ жадностью за ея форму, не разбирая того, годится ли сколько-нибудь эта форма для нея, у которой совѣтъ другія притязанія и совѣтъ другое содержаніе. Хороша же должна была выйти новая комедія!

Но еще лучше стала она у Римлянъ, отъ которыхъ отъ однихъ и дошли до насъ комедіи послѣ — Аристофановскія: у Грековъ карикатуры новой комедіи, провозглашавшія себя „характерами, вѣрными дѣйствительности“, были взяты по крайней мѣрѣ изъ греческой же жизни; а у Римлянъ и комедія (по крайней мѣрѣ та, которая дошла до насъ), какъ вся поэтиче-

ская сторона ихъ литературы, не имѣла ровно никакого отношенія къ ихъ собственной народности, была рабскимъ подражаніемъ тому, что было написано Греками. И если Греки могли еще интересоваться сколько-нибудь, напоминаютъ ли о своихъ подлинникахъ карикатуры, выводимыя ихъ новою комедіею подъ именемъ гетеръ, леноновъ, старыхъ развратниковъ и т. п., то у Римлянъ конечно и этой заботы не было (живой примѣръ наши водевили, передѣлываемые съ французскаго: думаютъ ли тѣ люди, которые хохочутъ надъ ними, о сходствѣ типовъ и нравовъ съ дѣйствительностью или о чемъ-нибудь подобномъ?). Греки еще должны были сколько-нибудь думать о содержаніи; для Римлянъ его уже рѣшительно не существовало. И остались для Римлянъ въ комедіи однѣ пошлости, скандальности, площадныя остроты и фарсы.

Всѣ эти драгоценности перенесли цѣликомъ изъ итальяно-римской комедіи во французскую Мольеръ и его предшественники. Для нихъ въ итальянской комедіи понятны и занимательны были только ея шуточки, скандальности, фарсёрство, а не нравы; въ римской комедіи кромѣ фарсёрства и остроумничанья и для Римлянъ ничего не было.

Отсюда и по моему мнѣнію это жалкое стремленіе къ пошлomu и неумѣстному остроумію у фонъ-Визина. Но не только отсюда, какъ повидимому думаютъ многіе.

Вкусъ у самого фонъ-Визина не былъ слишкомъ разборчивъ на то, умѣстны ли остроты, или неумѣстны, удачны ли онѣ или неудачны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть его мелкія юмористическія статьи, хоть напр. его Придворную грамматику, гдѣ на одну удачную остроту

(Вопросъ. Что разумѣешь ты черезъ гласныхъ?

Отвѣтъ. Черезъ гласныхъ разумѣю тѣхъ сильныхъ вельможъ, кои по большей части самымъ простымъ звукомъ, чрезъ одно отверстіе рта производятъ уже въ безгласныхъ то дѣйствіе, какое имъ угодно

Вопр. Что есть полубояринъ?

Отвѣтъ. Полубояринъ есть тотъ, который уже вышелъ изъ безгласныхъ, но не попалъ еще въ гласные; или, иначе сказать, тотъ, который передъ гласными хотя еще безгласный, но передъ безгласными уже гласный)

приходится по крайней мѣрѣ 20 натянутыхъ и вовсе не острыхъ; впрочемъ если кому вздумается назвать вялою и приведенную мною остроту, я много спорить не буду.

„Лисица-Кознодѣй, басня“ — чрезвычайно вяло и задумана и выполнена; остроты нѣтъ ни капли. Письмо Взяткина къ Его Превосходительству и отвѣтъ на это письмо Его Превосходительства остроумнѣе, но пересолены до нельзя и наполнены такими вещами, которыя вовсе не остроумны. Такую же неразборчивость и утрировку въ выборѣ остротъ видимъ и въ „Поученіи на Духовъ день“: фонъ-Визину мало было написать его такъ, чтобъ оставалась хоть какая-нибудь вѣроятность, что оно могло быть произнесено въ церкви; онъ утрируетъ до того основную мысль, наполняетъ

его такими выходками, что не понимаешь, зачѣмъ написано это поученіе? А между тѣмъ фонъ-Визинъ имѣлъ кажется серьезно ту цѣль, чтобы показать, какъ нужно писать для поселянъ. А какъ мало удачнаго въ сравненіи съ неудачнымъ и неестественнымъ въ статьяхъ, присланныхъ отъ Стародума, напр. хоть въ двухъ письмахъ отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина и въ отвѣтѣ на нихъ Стародума и „Университетскаго Профессора“, какъ неостроумно и неправдоподобно они написаны! Беру первое, что попалось подъ глаза изъ отвѣта Университетскаго Профессора о томъ, какіе кандидаты нашлись на мѣсто учителя у Дурыкина:

...„Представился мнѣ еще одинъ молодой человѣкъ 22 лѣтъ; поучень изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жреть безъ милосердія. Онъ требуетъ, кромѣ обѣда и ужина, чтобы данъ былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобы и предлагаемая порція пива была удвоена.

„Господинъ Кераксинъ желаетъ также быть учителемъ, просить 250 рублей въ годъ. Онъ знаетъ по-гречески, по-еврейски, но не знаетъ по-русски, чтѣ кажется для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить по-русски; но поистинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ Г. Дурыкинъ грамотою ли дослужился до титула Его Превосходительства“ (стр. 538 Смирд. изданія). Есть ли тутъ что-нибудь, кромѣ плоскости, невообразимо пошлой плоскости, кромѣ самаго ничтожнѣйшаго общаго мѣста? Неужели это не реторическое распространеніе на заданную тему, которое несносно бываетъ и въ серьезномъ тонѣ, а еще въдесятеро непріятнѣе дѣйствуетъ на читателя, когда выдаютъ его за юморъ?

То же самое, только съ бѣльшею еще примѣсю неестественности, повторяется въ разговорѣ у княгини Халдиной, гдѣ, кромѣ всего этого, Сорванцовъ говоритъ вещи, до того несообразныя другъ съ другомъ, что онѣ не могутъ выйти изъ устъ одного человѣка; жизнь свою описываетъ онъ такъ, какъ не могъ никогда описывать (еслибъ не было подписано, что говоритъ Сорванцовъ, подумалъ бы, что это принялся отдѣлывать его Стародумъ); разговоръ слѣпленъ очень плохо и очень вялъ; къ довершенію всего, какъ только входитъ Здравомысль и начинаетъ говорить о введеніи преподаванія „Политической науки“ и т. п., Сорванцовъ съ княгиней принимаются поддакивать ему: съ чѣмъ это сообразно и для чего даже нужно это фонъ-Визину?

То же самое и въ „Наставленіи дяди своему племяннику“ — вездѣ говорящій говорить о себѣ такъ, какъ не могъ говорить и постоянно вслѣдъ за фразою, которая показываетъ въ немъ хитраго и негоднаго мошенника, отпущаетъ отъ глубины души Стародумовскую аксіому.

Но если стремленіе къ неумѣстнымъ остротамъ и фарсамъ много (мнѣ кажется, главнымъ образомъ) принадлежитъ личности фонъ-Визина, то, я думаю, одной только мольеровской комедіи одолженъ онъ тѣмъ, что считалъ непремѣнно нужнымъ главною пружиною дѣйствія сдѣлать любовную интригу, несмотря на всю ея неумѣстность въ Бригадирѣ (авторъ статьи Отеч. Записокъ хорошо доказалъ, что любовь была бы въ Бригадирѣ во всякомъ

случаѣ самую плохую и слабою пружиною дѣйствія, потому что лица въ Бригадирѣ, кромѣ Совѣтницы и Ивана, выводятся такіа, для которыхъ любовь совершеннѣйшіе пустяки, нисколько ихъ не интересующіе, которые нисколько не могутъ расшевелить ихъ натуры): ни одна Мольерова комедія не обходится безъ любовника, любовницы и прочаго снадобья, нужны ли они или нѣтъ. Какимъ же образомъ явилось во французской комедіи непремѣннымъ правиломъ, чтобы завязкою комедіи была любовь, клеится ли она къ лицамъ, или не клеится? Мнѣ кажется, это правило явилось путемъ, почти одинаковымъ съ тѣмъ, которымъ развилась аксіома, что основная стихія комедіи—шутка во что бы то ни стало.

Въ Греческомъ обществѣ, какъ теперь на Востокѣ, мужчина проводилъ свое время внѣ дома; и тамъ и здѣсь это происходило отъ унижительнаго положенія женщины въ семействѣ: въ Греціи женщина жила въ гинекеѣ, какъ на Востокѣ живетъ въ гаремѣ, была чужда образованія, считалась не болѣе какъ нянькою дѣтей своего мужа, значенія въ глазахъ мужа имѣла очень мало. Жена не была собесѣдницею мужа; молодежь не знала своихъ сестеръ, не только другихъ дѣвицъ. А женское общество для Грека было потребностью ужъ и по стремленію его окружать себя физическою красотою—онъ и напелъ женское общество въ кругу гетеръ. Какъ Турки и Арабы проводятъ все свое время съ утра до ночи въ кофейныхъ, такъ Грекъ проводилъ его въ кругу гетеръ. А отношенія къ гетерамъ должны были быть всегда одного рода—любовь, развратъ, назовите это какъ угодно, но одно это и составляло частную жизнь Грека. Когда комедія вмѣсто политической жизни должна была изображать частную, она должна была взяться за эти отношенія, потому что кромѣ ихъ у Грека ничего не было; потому она постоянно вращается въ кругу гетеръ, содержаніемъ ея должны были быть непремѣнно любовныя интриги и однѣ только онѣ.

Другой источникъ французской комедіи—итальянская комедія, частью была тоже подражаніемъ древней. Да и другой элементъ, лежащій въ основаніи итальянской комедіи,—простонародныя итальянскія представленія были основаны всегда на любви, потому что въ итальянской жизни она играла важную роль и, главное, потому что простой народъ вездѣ любитъ въ юморѣ больше всего скандалѣзность похощеній, цинизмъ шутокъ; а для скандалѣзности и цинизма самое лучшее приволье—отношенія между различными полами и рассказы о любовныхъ приключеніяхъ. Это содержаніе итальянской комедіи пришлось очень по вкусу французамъ XVII вѣка, которые только и думали о волокитствѣ.

Теперь я долженъ былъ бы подробно разобрать ходъ Бригадира. Но это уже хорошо исполнено авторомъ статьи Отеч. Записокъ; такъ я долженъ только сказать, что совершенно согласенъ съ его выводами: ходъ пьесы несвязенъ, произволенъ, перерывается ненужными отступленіями на каждомъ шагѣ. Впрочемъ я не ставлю этого слишкомъ большимъ недостаткомъ: очень часто основная идея художественнаго произведенія можетъ быть выполнена просто рядомъ отдѣльныхъ сценъ или отдѣльныхъ картинъ; что за нужда, вытекаетъ ли одна сцена изъ другой, если все онѣ вытекаютъ изъ идеи

произведенія? а идея можетъ потребовать для своего осуществленія нѣсколькихъ событій, идущихъ параллельно безъ большой связи другъ съ другомъ.

Теперь хотѣлъ бы я просмотрѣть всю комедію, слѣдя за подробностями, но это показалось бы вѣроятно слишкомъ утомительнымъ, такъ что я рѣшаюсь не представлять этого разбора, а только сообщить его результаты. Я зналъ, что хорошихъ и естественныхъ подробностей наберется мало у фонъ-Визина, общихъ мѣстъ и натянутыхъ остротъ — бездна. Я попробовалъ сосчитать, сколько именно; и вышло, что у фонъ-Визина въ Бригадирѣ приходится на каждыя 11 страницъ:

хорошаго одна страница;

очень посредственнаго, такого, для чего не нужно ни ума ни таланта, пять страницъ;

невыносимо дурныхъ общихъ мѣстъ и шутокъ тоже пять страницъ.

Итакъ одна страница хорошаго, разведенная въ 10 страницахъ пустаго или дурного! Влейте стаканъ уксуса въ 10 стакановъ воды и отвѣдайте: едва, едва услышите кисловатость. А между тѣмъ я считалъ за хорошее все, что можно было набрать не совсѣмъ дурного. И потомъ — это хорошее нужно отбирать по три, четыре строки между несносными мѣстами, такъ что еще не успеетъ оно произвести на васъ при чтеніи никакого впечатлѣнія, какъ это впечатлѣніе уже подавляется противоположнымъ впечатлѣніемъ.

ОПЫТЪ СЛОВАРЯ

къ

ИПАТЬЕВСКОЙ ЛѢТОПИСИ *).

Изъ 7-го выпуска II-го тома Прибавлений къ Извѣстіямъ Второго
Отдѣленія Академіи Наукъ.

Ав-иѣ.

Августъ.

Агн-я.

Адъ.

Авръ 154.32 рет. зѣиръ.

Актазъ. 165,24 да ему конь свой борзый актазъ—собственное или (ско-
рѣе) нарицательное?

*) 1. Изъ настоящаго словаря исключены имена собственные, потому что Архео-
графическая Комиссія готовитъ общій указатель собственныхъ именъ ко всѣмъ
лѣтописямъ.

2. Изъ словъ нарицательныхъ въ него вошли только имена существительныя,
прилагательныя и глаголы съ производными отъ нихъ нарѣчіями. Частицы и мѣсто-
именія войдутъ въ особенный списокъ.

3. Словарь расположенъ по этимологическому порядку; слова расположены подъ
корнями по степени простоты своего производства и по близости значенія. Слова слож-
ныя изъ двухъ знаменательныхъ словъ (Begriffswörter) помѣщены подъ первымъ изъ
корней, входящихъ въ ихъ составъ.

4. Большія цифры означаютъ страницу; мелкія, отдѣленные отъ нихъ запятою,
строку. Буква послѣ крупной цифры, означающей страницу, отдѣленная отъ нея запя-
тою, указываетъ на варианты. Въ счетъ строкъ не приняты курсивомъ напечатанныя
замѣчанія издателя; такъ на 1-й страницѣ 1-ю строкою считаю я „Въ лѣто 6619. Вложи
Богъ“.... По строки точекъ, означающія пробѣлы въ спискахъ, приняты въ счетъ; такъ
на страницѣ 48-й строку: „...глаголю ему“... и т. д. считаю я 2-ю строкою.

5. Если цифры стоятъ прямо послѣ слова, это значитъ, что выставлены *все* мѣста
въ которыхъ попадается слово (напр. законъ 5, 13, 17, 26, 30, 4 и т. д. — выставлены
все мѣста, въ которыхъ попадается слово *законъ*).

Алѣк-ати быть голодну.—Алѣчѣннѣ голоднѣй.

Алумпиада, см. Олимпіада.

Амиѣъ, аминѣ.

Ангель.—Ангельскѣ.

Антихристѣ.

Анѣхиманѣдритѣ, см. Архиманѣдритѣ.

Апостолѣ.

Априлѣ.

Араматѣ род. множ.

Архангель.—Архангеловѣ.

Архиепископѣ, арцибискоупѣ, арципискоупѣ (Венгерскѣй).

Архиереи.

Архиманѣдритѣ, анѣхиманѣдритѣ 107,25. 126.16. 128,32. 152,12.

Архистратигѣ.

Аспидѣннѣ? 111,33 аспиднѣми цѣтами украшена церковь.

Ачетѣваитаиксовѣ 25,4. Слова эти отмѣченѣ въ изданіи какѣ испорченнѣ. Но ясно, что смыслѣ ихѣ, испорченѣ они, или нѣтъ, тотѣ же самый, какой имѣетѣ фраза, ихѣ замѣняющая въ Х. и Е. *„если вамѣ та дума будетѣ къ собѣ“*—если бѣ у васѣ и случилось какое-нибудь секретное дѣло (не скрываетѣ его отѣ мужа моего Кѣстяжка). Ихѣ можно позволить себѣ читать такѣ; аче (аще, если) тѣ (ти, союзѣ непереводимѣй, употребляемѣй въ рѣчи, обращенной къ кому-нибудь) ва (вама, двойств. число, дат. пад.) и (союзѣ) тай (тайно, нарѣчіе; сравн. отай, потай) къ собѣ: *„аче тѣ ва и тай къ собѣ“*,—если вамѣ и по секрету между собою (что-нибудь случится говорить). *Ачети* или *ачетѣ* попадаетѣ въѣроятнѣ много разѣ; у издателя отмѣчено въ вариантахѣ 55, ч.

6. Изѣ сокращеніи нуждаются въ объясненіи только:

ЦС.—Церковно-Славянское (обыкновенное библейское) слово;

рет.—реторически составленное или употребительное слово.

Когда мое мнѣніе только предположеніе, я ставлю эти отмѣтки съ вопросительнѣмъ знакомъ: ЦС?; рет?.

Отмѣчая такимъ образомъ слова, я говорю только, что употребленіе ихѣ въ *Ипатѣвской лѣтописи* заставляетѣ считать ихѣ принадлежащими не народному Русскому, а Церковно-Славянскому или реторически-книжному языку; но очень можетѣ быть, что въ другихъ памятникахъ древней Русской письменности найдутѣся мѣста, доказывающіи противное: я не утверждаю рѣшительно, а только обращаю на нихъ вниманіе въ этомъ отношеніи.

7. Я ставлю вопросительный знакѣ послѣ тѣхъ словѣ, значенія которыхъ нельзя объяснить изѣ одной Ипат. лѣтописи. (Напр. *кобѣ* 201, 34 *ворожба?*; *колрѣ* 187,10 *кони въ колрѣхѣ кожаныхѣ?*).

8. Оставляя орѣографію изданія въ выпискахъ изѣ лѣтописи, я восстанавливаю по мѣрѣ возможности древнее русское правописаніе (вмѣсто правописанія XIII—XIV вѣка находимого въ Ипат. спискѣ) въ выставленной мною первообразной формѣ слова. Одного я не рѣшился дѣлать, по недостаточности матеріаловъ: восстанавливать ѣ вм. е послѣ согласной; конечно ѣ въ этомъ случаѣ русское нарѣчіе употребляло гораздо чаще, нежели Церковно-Славянское; не будучи въ состояніи восстановить ѣ во всѣхъ словахъ, я рѣшился оставить всѣхъ послѣ согласной простое е. Поэтому же пишу я напр. епископѣ, не зная, епископ или епископ производили это слово въ XII вѣкѣ.

Бав-а.—Бабинъ.

Бав—избавити, см. быти.

Баг-ряни.—Багряница.

Бан-я.

Баскакъ 191,34.

Бат-я 89,23. Романъ Ростиславичъ посылаетъ попа своего къ Изяславу река тако: *отдаваетъ ти батя Черниговъ.*

Батогъ 119,2. *батогъ божій*—наказаніе.

Берегъ.—Бережистъ 123,37 *рѣка бережиста, твердо текущи*—круто-берегая.

(Берег) бережи, небережи 17,21. 145,5.29 *Новгорода не березита* 17,21 на Новгородъ не обращай вниманія, не берите его (его предлагаютъ имъ).—Невъзъберечи 31,30.32 *невъзъберечица цѣловати хреста.*

Берладникъ? 84,1 *и придоша къ нему* (изгнанному князю, замышляющему возвратить отчину свою) *Половци мнози и берладника у него скупися* 6,000.

Бесоурменинъ 128,38. 129,14 (у Кончака Половецкаго въ войскѣ, иску-сникъ, умѣющій стрѣлять живымъ огнемъ—) басурманъ.

Бл-ти битъ, убивать; 168,19 вмѣсто *битися*—сражаться; разбивать (стѣны города).—Битися сражаться; *битися о рѣку*—сражаться (стрѣлятися) черезъ рѣку.—Възъбити отбить назадъ нападающихъ (на городъ).—Выбити 178,1. 214,24 *выбити кого изъ городовъ*—выгнать вооруженною рукою, отнять у него города.—Изъбити—убить, перебити (обыкновенно многихъ; см. *оубити*).—Изъбитися 202,36 перебить другъ-дружку.—Избитися 165,28. 212,5 рѣзня.—Отъбитися.—Побити; *кубки*—перебить ихъ для перечеки въ монету.—Оубити (обыкновенно одного; см. *избити*).—Оубиеніе.—Оубитися 201,36. 202,5.11. 204,22 убійство.—Оубиство; *Игорево убиство*—то, что Игорь убить.—Оубица.—Било 126,21 въ Печерскомъ монастырѣ—доска, употребляемая вмѣсто колокола?—П. Вои.—Побойще 175,35 *Батыево*—побойще, бой.—Розъбойникъ 33,31. 151,18. ЦС?

(Бид) обиди см. (бѣд).

Билинча 142,11 въ изданіи написано большою буквою, и можетъ быть въ самомъ дѣлѣ собственное имя какого-нибудь Чернаго Клобука (едва ли однако): Половцамъ, пріѣхавшимъ „мира дѣля“ и требующимъ, чтобы Русскіе князья переѣхали къ нимъ на другую сторону Днѣпра, отвѣчаютъ, что они сами должны переѣхать на Русскую сторону (князь-ямъ ѣхати къ нимъ безчестно) и часть Половцевъ, Бурчевичи, *не хотяче дати билинча, и не ѣхаша; бѣша бо у нихъ колодники отъ Черныхъ Клобукъ, и ѣхаша прочь.* Вост.?

Биричь 40,7 глашатай, бирючь.

Бисеръ 196,32 *украси иконы бисеромъ златымъ.*

Благги см. (болог).

Блаз-нитися 92,20 *намъ ся о нь не блазнити*—не сомнѣваться въ немъ, не подозрѣвать его.—Облазнити 124,39 *прошибитися, сбитися съ до-роги.*—Облазнъ 145,10 *дати волость молодшиему въ облазнъ пересѣ*

старѣйшимъ—такъ что изъ этого выходитъ соблазнъ, неудовольствіе, оскорбленіе.

Блещатися см. (блъск).

Близъ 1, (предлогъ) близь; 2, (нарѣчіе) близко; *якоже была близъ себе* 73,29 когда сблизились (войска).—Ближе.—Ближшии.—Приблизитися.

Блистатися см. (блъск).

Блоуд-ити 1, плутать, блуждать 2, прелюбодѣйствовать; *возжемъ блудящимъ я* 186,29 дѣйств.—заводить не туда, куда должно вести.—Изблудити 102,3 *всю ночь* проблуждать, проплутать.—Заблужение 219,20.—Блоудъ.—Блоудьныи 113,41 ЦС? заблудившійся.—Блоудьница 151,18 ЦС? II. Вляденіе 184,32 болтовня, пустословіе. (Блъск) влистатися 171,29 187,11 блестятъ.—Блистаниіе 128,29 блестя (молніи).—Блещатися 196,28 блестятъ.

(Блюд) влюсти хранить; напр. 33,8 плѣннаго, чтобъ не ушолъ; *хрестыанъ* 38,22 жалѣтъ, шадить, чтобъ не погибли отъ войны; *блюсти, абы ся не снялъ* 62,18 сторожить, чтобъ не соединился (съ кѣмъ); *блюсти Переяславля* 103,29 бояться, опасаться за П., чтобъ его не взялъ непріатель.—Блюстися бояться, остерегаться кого.—Съблюсти беречь, шадить (=блюсти) напр. *землю Русскую* жалѣтъ т.-е. избѣгать междоусобицъ.—Съблюденіе 153,13. 27 рет.—Оублюсти 11,23.—Оублюстися 124,8. 145,37 *ублюдъся теплыни*—побоявшись оттепели.

Блюд-о 219,5.

Бовръ 180,31. 207,37.—Бобровыи (бобровые в. мн.) 180,28.

Богъ; *како Богъ дастъ, како Богъ разсудитъ* отвѣтъ непріателю передъ битвою=„я рѣшаюсь на битву“; *передъ Богомъ не что учинити* 74,26—противъ Божьей воли нечего дѣлать=что дѣлать? такъ Богу было угодно; *Боже мя избави*—я не хочу, не рѣшусь ни въ какомъ случаѣ.—Богонабѣдимыи, въ X. Богосънабѣдимыи 152,11. 153,21 о комъ печется, кого любить Богъ рет.—Богобоязныи 119,32. 135,27 рет.—Богобоиныи Ип. 135, м., вм. *богобоязныи* рет.—Богоизъволеныи 153,26 пріятны Богу? рет.—Боголюбъць 154,23 любящій Бога; рет.—Боголюбивыи.—Богомиръныи 154,20 рет.—Богомоудрыи 153,3. 24. 154,13 рет.—Богомоудръство 154,33 рет.—Богоотъць.—Богоприятныи 152,32 рет.—Богородиця.—Богословъць 102,29 богословъ ЦС.—Богостоудьныи 121,40. 139,12 боготерзкій рет.—Богонечъстивыи 181,9 рет.—Богоявленіе.—Божии.—Божьствыныи *ревнивъ по божественнымъ* 79,23 горячій защитникъ церкви.—Безъбожныи эпитетъ Половцевъ и Татаръ.—Божьняка церковь или часовня.—Божьница=божьняка.—II. Оубогыи.—Оубожити 103,9 рет.?—Оубожьство 166,2 рет.?—III. Богатыи.—Богатити 103,10 рет.—Богатство.—Въсебогатъство.—Обогатитися 93,11.—Обогатѣніе 222,8 рет.

Богатырь 180,37 начальникъ отряда у Татаръ.

(Бод)бости ткнуть, ранить (копьемъ или мечемъ).—Оубости 158,23 *оубоденъ* убить (копьемъ или мечемъ).—Бостися 186,7 сражаться.—

Въбости напр. *въ городъ*—оттѣснить назадъ сдѣлавшихъ вылазку.—
Побости ранить.—Побадыватися 210,4 *побадыватися копъи* сра-
жаться.—Пробости 191,23 *проколотъ*.—Събости *съ коня* сбить кошемъ
(или мечемъ) съ коня.

Бой см. битися.

(Бои).—Боятися.—Оубоятися.—Боязнъ.

Бокъ.—Бочъныи боковой.

Болъти быть нездорову.—Розъболѣтися.—Больныи.—Болѣзнъ.—
Болѣсть=болѣзнъ.

Бол-ии болъшій.—Боле болъше.—Болъма и болъми болъше.—Болише
163,25 болъше.—Прѣболе гораздо болъше рет. 154,17.

(Болог)влагъи ЦС? какъ и слѣд. сложныя.—Прѣблагъи.—Благово-
волити.—Благовонъныи.—Благовѣръныи, благовѣръныи.—
Благовѣрию.—Благовѣщенію.—Благодать.—Благодарити.—
Благодаренію.—Благодѣянію рет? 154,4.—Благолюбивыи,
благолюбъныи рет.?—Благонравъныи.—Благосръдныи 123,39
рет.?—Благословляти, благословяти.—Благословлятися, благо-
словлятися получить благословенію.—Благословленію, благосло-
венію *положиша тѣло его въ отни ему благословленіи* нп. 94,31.
151 з въ церкви, которою благословилъ его отецъ, которую наслѣдо-
валъ онъ отъ отца.—Благооумъныи рет.—Благооуханію.—Благо-
оуханъныи.—Благохвальныи и благопохвальныи рет.—Благочъ-
стивыи.—Блажити *прозваши и Сварогомъ и блажиши и Егуптяне*
5,19 ублажали, причли къ богамъ? или просто „хвалили“? „блажилъ“
и Патріархъ Нифонта 79,27 и къ святымъ причиталъ его.—Бла-
женныи эпитетъ епископовъ и покойниковъ (князей).—Прѣблаженныи.—
Блаженство.

Боло-нію низменное мѣсто (но не всегда поемное?), лугъ, займище: на бо-
лонъи растутъ лозы 89,39; наводненіе затопляетъ его 92,37; на болонъи
въ Кіевѣ построены дворы 96,22.—Болото.

Бороти см. бр—П.

Боръ; полки идутъ какъ *борове велиции* 2,21.—Боръкъ 24,2. 89,5. 99,38
лѣсокъ.

Бород-а.—Бородъныи 219,27. 40 *челюсть бородная*—нижняя.—Боро-
датыи 61,17 *азъ уже бородатъ*—я уже взрослый мужчина.

Бороздо см. брѣзыи.

Боре-оуковыи 180,29.—Боръсоуковъ дѣлъ 175,29.

Бос-ныи.

Бояр-инъ.—Боярьскыи сынове бояръстии 46,4 (кажется) сыновья бояръ;
но 210,15 *дворный его слуга, любимый сынъ боярьскыи*.—Боярыни.

(Бр)І. А, брати 5,1.—Изъбрати.—Изъбраникъ.—Перебрати *дружину*
у братъ взять у нихъ на помощь въ походъ.—Перебратися 130,32.
141,9.—Побрати 194,4 *на комъ дань*.—Поборъ 215,30 *Далъ есми*
княгини своей городъ свой и съ данью, а поборомъ и татаръщиною
по князю—государственныя подати?—Събрати.—Събратися.—Съборъ
об. соборъ святителей; *сборъ народа* 6,7 собраніе.—Съборъныи *сборная*

церкви—соборная.—Съборьникъ.—В, заборола, забрала (множ.) 6,19. 84,4. 132,38. 168,21. 24. 34. 38. 199,10. 19. 207,25. 210,1. 2. 4. 5. 226,10.—С, Бракъ 125,31. 136,28 сватьба, брачное торжество.—Брачъный 199,39.—Д, Брашьно.—П. Бороти сражаться; *самострѣлы* (твор.) стрѣлять изъ самострѣловъ.—Боротися сражаться.—Боръць 59,5 воинъ.—Поборьникъ.—В, Боронити оборонять, защищать; *б. чего* останавливать отъ чего, совѣтовать, чтобы не дѣлали.—Възборонити, възбранити *отъ чего* совѣтовать, чтобы не дѣлали.—Брань война; битва.—Браньныи 192,29 *мужъ* рет. воинъ.—Броня, или множ. бронѣ нп. 83,12 (на одномъ).

Братъ, братия.—Братъний.—Братолюбъць.—Братолюбие.—Братоубиство.—Братъство.—Братоучядиє, братоучядо 170,21. 27. 30 племянникъ отъ брата.—Братоучяда 185,34 племянница отъ брата.—Братанъ 78,18. 93,4 такъ въ изданіи по Ип. 78,18. Братънь, Хл. (ошибочно) братъ—племянникъ отъ брата.—Братанъна 121,31 племянница отъ брата.—Братъщина 83,10 *начина* Ростислава *звати у братъщину къ святой Богородици къ старъй, на Петровъ день*—пирушка всѣхъ прихожанъ въ складчину по праздникамъ.

(Бред) въврести *въ рѣку*, чтобы перейти ее въ бродъ.—Перебрести перейти въ бродъ рѣку.—Бродитися итти въ бродъ.—Перебродитися.—Бродъ, бродове.

Брени...дь 29,1 *тысячу брени...мъ дружины Бѣлозерское*; въ Ип. дополнено бренидьецъ? Хл. бернистьецъ? Карамз. поправляетъ бронникъ, съ чѣмъ нельзя согласиться.

Бретьяница 26,30. 27,10 въ бр-ахъ медъ; сравн. братыня Обл. Слов.: и братина (Сарат. губ.) чашка большая съ накладною крышкою: „кадка съ покрешкою“?

Бродъ см. бред—.

(Броус) оуброусъць 95,37 платокъ.

Бръз-ыи об. конь. У Тройдена *бяхуть братья борза* 204,31 *бяхуть же жнанице во св. крещеніи... въ кротости и во смиреніи „дѣятельные, предприимчивые“? или просто „прекрасные“ въ противоположность „проклятому“ Тройдену?—Въбръзъ, набръзъ *пхати, попхати*—наскоро, торопясь.—Бръзость коньская.—Бороздо 104,9 *несвьдуцимъ повзда князя своего бороздо—въбръзъ?**

Бръковъскъ 27,11 „500 *берковъсковъ меду*“?

Бръгъ см. берегъ.

Боувънь 63,10. 12. 67,8 *бити въ полку въ бубны*—барабанъ?

Бовди предл. ед. 115,11 *вложимы и (убитаго князя) *любо* си въ бовди, *любо* си въ пробъ?*

Бовдити см. бѣдѣти.

Бовисеть *младѣства ради и бвести* (избытокъ силъ, здоровья) *не чюяше ранъ* 164,29.

Боур-я.

(Бѣд)възвъпоути 79,22. 143,34 проснуться.—Бовдити 65,12.—Бѣдрыи 134,15 *сѣлѣй, рѣяныи*.—Набѣдѣти *церкви, нищая* пещись о нихъ,

давать имъ подаяніе.—Побѣдѣти 76,з *дати чимъ побѣтити свѣчю и просфуру его*—дать въ церковь вкладъ, чтобы служили по комъ па-
нихиды и поминали на обѣднѣ.

Быти.—Бытіе.—Небытіе.—Побыти погостить, побыть.—Прѣбыти,
перебыти пробить, прожить.—Прибыти 55,28 —Сбытіе.—Сбы-
тіе 154,12 исполненіе (пророчества) ретор.—Оубываніе 90,15 *луны*—
уменьшеніе при затмѣніи.—Добыти—добыть, получить; *головую чего*
(нп. *Кіева*) съ опасностью жизни, т.-е. вооруженною рукою овладѣть
чѣмъ. *Добылъ есми стрѣя своего и твоего Кіевъ тебе дѣля* 58,19 до-
бился союза съ нимъ, привлекъ на свою сторону.—Добытъкъ 1, до-
быча 2, имущество.—Забыти.—Незабытно 155,5 рет. Ип. неза-
быти.—Избыти 102,30. 131,41. 133,1 *уцѣлѣтъ*; но 102,30 *сель*
избыша—лишились.—Избыть сущ. 178,1 *остатокъ*.—П. Избавити
боже мя избави=я не хочу.—Избавитися.—Избавленіе.—Изъ-
бавникъ 197,24 *избавитель* рет.

(Бѣг) бѣжати *передъ кѣмъ*—отъ кого; *чего* 149,31 *уклоняться* отъ чего;
бѣжати любви чей 149,31 *уклоняться* отъ союза съ кѣмъ.—Бѣгъ
бѣгу ятися—обратиться въ бѣгство.—Вѣбѣжати *въ городъ* убѣжать въ
него, успѣть спастись въ городъ.—Вѣзбѣжати *взбѣжать* (куда); но
191,20 *побѣжать*, обратиться въ бѣгство.—Выбѣжати бѣжать (нп. *изъ*
города).—Забѣжати 200,10.—Изъбѣжати=выбѣжати.—Изъбѣжа-
тися 203,12 *избѣжали бо ся бѣзху въ градъ* убѣжали.—Обѣжати
7,1 *смерти*—стараться избѣгнуть.—Отъбѣжати 158,26 *хорриве свое*—
потерять ее.—Перебѣжати.—Побѣжати.—Прибѣжати.—При-
бѣжище.—Пробѣжати.—Розбѣжятися.—Събѣжати 62,з *съ*
конь—соскочить съ лошадей.—Събѣжятися.—Оубѣжати.

(Бѣд) I. А, Бѣда бѣда, несчастье.—Бѣдовати 153,19—бѣдствовать
рет.—В, Побѣдити.—Побѣда.—Побѣдныи *внѣшнѣ пріятни*—о
мученикахъ и убитыхъ за отечество.—С, Оубѣдити *дары* (твор.)—
подарками склонить; *завистью оубѣженъ* 167,25 *движимый завистью*.—
II. Обидѣти; *обижаютъ тѣмъ* (князя), что не даютъ волости 93,21.—
Обида *обида твоя* (injuria tua) то что тебя обижаютъ; *обида* то, что
49,4 не отдають назадъ отнятого; *въ обидѣ не могу быти* нп. 49,6 не
могу позволить нарушать свои права; *быти самому за чью обиду*
58,2 *самому заступаться за кого*; *обида* не наша „обида“=оскорбленіе
чести, а собственно нарушеніе правъ по имуществу; оскорбленіе чести
скорѣе *соромъ*.—Приобидѣти, переобидѣти *разобидѣтъ* (не давши
волости), 39,10. 41,9. 61,2. 7. 11,

Бѣл.-ни.—Оубѣлити 196,37 *выбѣлить* рет.—Бѣль 6,20. 194,5. 207,37.—
Бѣльчатни 223,7 *бѣлчатая наволока*.

Бѣс.-ъ.—Бѣшеніе 184,39 *сумасбродство*.

Изъ-ва-яти 154,19. 196,25. 197,5. 13.

Вав-ити призывать, приглашать Ип. 16,5 *вѣбити*.—Повабити.¹—При-
вабити.

Вагаты, вѣгаты вин. множ. 129,13 *Кониакъ стоялъ у лѣтъ, его же*
идущи по шелемѣи оминущи; итъль же въ нѣтъ (изданіе; Ип. ва-

гаты; Карамз. въ гаты=гати, отъ гать) *узръше удариши на нихъ*. Кажется, должно читать *ватагы*: Кончакъ Русскими не былъ найденъ, а другіе таборы (ватаги) Половцевъ были замѣнены Русскими.

(Ваг) вазнь 216,20 отважность.

Вад-ити см. вед.

Вал-ъ.—Повалитися.

Првдъ-вар-ити.

Варвь 186,30 вл. варваръ—описка или нѣтъ?

Ватага 140,4 *возвратилися* (Половцы) къ *ватагамъ* своимъ въ станъ или въ вѣжи.

(Вед) I. вести, водити *кого ротъ, кресту* приводить къ присягѣ (при договорѣ); *вести кого на княженіе* къ собѣ 137,21 приглашать; просто *вести кого* 31,23 звать въ походъ.—Водитися 173,9 *съ кѣмъ въ божницу*—присягать другъ другу.—Вожь проводникъ.—Въвести *въ любовь* 47,29 помирить; *въ крестное цѣлованіе къ собѣ*—сдѣлать своимъ союзникомъ.—Възвести *кого на кого* 72,5 возбудить на войну противъ кого; *возвести Гречники* 93,32 проводить ихъ (отъ Половцевъ, которые „*накостили*“ имъ); *возведе городъ и посла Володимерю* 100,28 вывелъ жителей и послалъ въ Вол.—Вывести князя 12,24 велѣть ему итти вонъ; *стрѣлци выведены отъ всихъ князей (изъ полковъ вѣсхъ князей)* 130,20 отборные.—Довести *доведе мя сего* 63,29 довелъ до этого; *абы ю Богъ того довелъ* 216,7 чтобы ей Богъ далъ дожить до того.—Завести.—Извести вывести.—Навести *на кого что* 135,14 бѣду.—Перевести *мто* 150,24 провести; *переводити кѣмъ* 167,24 обманывать кого.—Повести *кого на кого* возбудить на войну противъ кого; *не може ихъ повести* не могъ уговорить итти.—Повестися *нужею отъ любви Ростиславли къ Изяславу* 89,25 принуждену быть перейти отъ союза съ Р. къ союзу съ И.; *поводаяся на Кіевъ тѣтя своего* 145,31 Ип. вар. возбуждая на походъ.—Подвести *кого на кого* 76,17. 111,5 призвать на походъ.—Привести.—Провести, провадити; *вся на Бозь покладывая провожаши* 123,18 переносилъ.—Проводникъ.—Дспровадити 85,23. 88,32 проводить.—Отъпровадити 75,27 прогнать.—Прѣпровадити 158,25 *рѣку* переправиться черезъ нее.—Розъвести.—Съвести *въ любовь* 146,38 помирить.—Възводьныи 168,22 *мостъ подземный?*—Поводъ *у коня*.—Поводьныи *конь* 67,13. 133,36. 200,33—запасной, котораго ведутъ въ поводу.—Прѣводъ 196,24 *съ каждаго ула въ церкви*.—II. Завадитися Хл. 110,2 вл. *сзвадитися*.—Съвадити перессорить.—Съвадитися вступить въ бой.—Съвада 26,14. 150,13. 156,26 ссора; битва безпорядочная.

(Вез) везти, возити.—Вестися, возитися вѣхатъ; перевозить свое войско 209,31.—Вывозити.—Извозитися 209,32 *перевѣхатъ* черезъ рѣку.—Перевести.—Перевестися черезъ рѣку.—Повести.—Привести.—Возъ телѣга; *возове обозъ*.—Возила множ. 6,16 на возилахъ перевозятъ раку.—Перевозъ.—Повозъ; *повози* подводы (даются гостю князю и послу) 66,14. 72,15.—Оувозъ (или въвозъ?) 9,18. 19. 20.

- Ярославу пздяицю подѣ городомъ, възшедше два Ляха надѣ увозъ, и ту легоста скрившася... и бывшу ему въ увозъ (Ип. узъ) Ляха та..., съсунувшася въ увозъ (Ип. узъ) пободоста и оскепомъ??—Весло.*
- Вел-ѣти.—Велѣниѣ.—Повелѣти.—Повелѣниѣ.—Воля быти, ходити въ чьей воли — быть кому подвластнымъ; въ волю свою примирити 139,24 заставить принять всѣ условія.—Неволя.—Вольныи мы есмы волная князя пріѣли 117,24 мы приняли князей по доброй волѣ, не завоеваны ими.—Изъволити.—Изъволениѣ.—Доволѣ довольно.—Доволѣти быть достаточну.
- Вел-ии.—Велегласно.—Вельможа.—Вельми.—Великии.—Повеликоу.—Прѣвеликии.—Величиѣ.—Величати *чѣмъ* — ставить въ чѣмъ славу.—Възъвеличати.—Величавыи.—Величество.
- Вельблудъ 177,31.
- Веп-рь 192,10. 216,18.
- Вередъ, врѣдъ—вредъ.—Верeditи *сердце кому*—огорчить, оскорбить.—Неврѣженъ.
- Верига.
- Вес-елыи *весели быша*, т. е. навеселѣ, напились.—Веселиѣ *прѣбыти въ веселии*—пропировать все время.—Веселити.—Веселитися.—Възъвеселитися.
- Вес-ьна.
- Вехоть 218,17 *соломы*—клочекъ.
- Вечер-ъ.—Вечернии.—Вечерняя, вечерня.—Въчера.—Въчерашнии.
- (Ви) овити обвить.—Съвити.—Оувити.—Съвитъкъ.—Съвитъка 33,35 на князѣ.—II. Вино.—III. Вѣньць.—Вѣньчати увѣнчати.—Вѣньчатися увѣнчаться.
- Ви-нити.—Вина 1, вина 2, причина.—Виноватыи.—Безъвиньныи.—Изъвинитися 119,5 провиниться.—Обинити обвинить.—Повиньныи 131,35 виноватыи.—Неповиньныи.—Повиноватися.
- (Вид, вѣд) I. Видѣти *разбѣгашася, камо кто видя* 202,9 куда глаза глядятъ; *аъ видимъ, что ны богъ явитъ* — посовѣтуемся, что намъ надобно дѣлать.—Видѣтися.—Видѣниѣ.—Невидимыи.—Невиданыи.—Невидѣныи.—Видомо 105,23 видимо.—Видъ 112,7. 13.—Оувидѣти.—Завидѣти завидовать.—Зависть.—Ненавидѣти.—Ненависть.—II. Вѣдѣти.—Вѣданиѣ.—Невѣдѣниѣ.—Невидѣликъ 33,36 *вм. невѣдѣниѣ*.—Невѣдомо.—Вѣдатися *съ кѣмъ*—имѣть дѣло, развѣдаться.—Заповѣдѣти.—Заповѣдъ.—Изъвѣдѣти 183,1 развѣдать.—Повѣдѣти.—Повѣдатися, сказаться, извѣстятъ о своемъ намѣреніи.—Исѣповѣдѣти рассказать.—Исѣповѣдѣтися исповѣдаться.—Неисѣповѣдимыи.—Проповѣдати.—Съвѣдѣти знать.—Оувѣдѣти.—Оувѣдатися *съ кѣмъ* 208,11 раздѣлаться съ кѣмъ.—Вѣсть *бъ ему, у него*—онъ извѣщенъ былъ; *безъ отъсти изъпхати* 111,2 въ распахъ.—Вѣстовати 169,4 разговаривать.—Вѣстью 178,34 *бысть ему* его извѣстили.—Вѣстьникъ.—Възвѣстити.—Изъвѣсто 97,28. 153,23. 158,31 очевидно.—Изъвѣститися

кому удостовѣрить кого (цѣлуя крестъ) 31,28. 89,7. 8. 92,21.—Повѣстити 1, дать извѣстіе 2, разговаривать.—Повѣстовати разговаривать.—Съвѣсть 125,25, 30. 201,25. 26 сестра жены.

Вино см. ви-ти.

Вир-а 117,20 дѣтскіи, которымъ розданы посадничества, *многу тяготу людямъ створиши продажами и вирами?*

Вись см. высь.

Висикость високосной годъ.

(Вит) овительникъ 221,17 рет.

Вицкыи 185,20 отправленъ посломъ отъ Венгерскаго короля?

Владѣти, власть, влѣщи см. володѣти, волосъ, волочи.

Влѣкъ-ъ 86,15. 180,31 *бѣлый волкъ* 85,15.—Влѣчии 180,29.

Влѣх-ѣвъ 166,10. 11. 182,20.—Влѣшьба 184,33 волхование.

Вод-а.—Водъныи водяной.—Наводънитися разлитися (о рѣкѣ); быть поняту водою.—Поводъ 92, л. Ип. наводненіе.—Водохреши, водокреши крещеніе (праздникъ).

Водити, возити см. вед, вез.

Вои-нѣ, множ. вой.—Воєвода.—Воєводство 133,16. 158,7 санъ воеводы.—Воиникъ 128,12. 172,29. 182,20. = *воинъ*.—Воиньскыи.—Воєвати *села и города*—грабить, разорять.—Воєватися грабить волости другъ у друга.—Воєваніе.—Повоєвати.—Воєвальныи рет.—Воина.—Подъвоискыи 40,6 *посла (князь) по улицамъ подвоискыи кликати зовучи на обѣдъ?*

Воля см. велѣти.

Володѣти, владѣти.—Владыка.—Владычиця.—Владычънии.—Владычство.—Волость.—Волостель 48,4 правитель волости.—Волоститися 84,10 считаться волостями, спорить изъ-за волостей.—Изъволодѣти 214,1 *чьмъ* управитися, совладѣти.—Обладати.—Область 1, область 2, власть рет.?—Самовластьць 91,22 князь становится самовластцемъ, выгнавъ братьевъ—единовластитель.—Самовластно 154,15. 18. рет.

(Волок) волочи, влѣщи.—Възъволочи 47,5 *стѣлѣ възъволочють* передъ началомъ битвы.—Възъволочися быть поднятъ. Выволочи.—Изъволочи.—Изъволочися 83,11 одѣться.—Облѣчи, оболочи одѣть.—Оболочися.—Поволочи.—Привлачити.—Съволочи кого раздѣть; *ризы*—скинуть платье.—Съволочися 34,16 *чего* скинуть что.—Облако.

Волос-ъ, власть.—Власатый 202,31 *власатая звезда*—комета.

Вон-я 222,15 запахъ благоуханный рет.?

Вор-ъ 6,18 *княземъ за ракою идущимъ (при перенесеніи Борисовой раки) межи воромъ; и не бѣ лѣзъ везти отъ множества народа: поламляху воръ.*

Ворог-ъ, врагъ.—Ворожьба 187,21 вражда.—Ворожьбитъ 114,29.31 врагъ.—Ворожьда, вражьда.—Вражьныи 112,33 рет.—Ворожьство 187,21 неприязнь.—Вражьствовати.—Заворожити 41,18 *кого съ кѣмъ*—поссорить.

Воронъ 183,12.

(Ворон) воропыць 141,6 *яша языка въ воропыхъ* (но Ип. въ *воротныхъ* — описка?) поѣхавшій на воропъ. — Наворонъ 11,18. 80,18. 96,22. 98,26. 101,21. 129,6. 141,6. 203,25 *пустити наворонъ, вънаворонъ* — на рекогносцировку? — Наворепити 10,23. пустить наворопъ. — Наворопыникъ 129,11. поѣхавшій на воропъ.

Ворот-ити. — Воротитися. — Възвратити. възворотити, възвратити. — Възвратитися, възворотитися. възвратитися. — Възвращение. — Извворотитися 11,28 = возвратиться. — Навратити 174,13. 181,30 *конь на бѣгъ* оборотить коня, чтобы бѣжать. — Наворотитися оборотиться. — Обратити. — Обратитися. — Поворотити. — Поворотитися. — Оуворотити 33,13. 193,10 поворотить. — Оуворотитися 97,20 — Ворота множ. — Воротыця Ип. 141,6 вар. *вм. воропыци* описка? — II (врът) въврѣтѣтися 128,7. 140,35 *свертѣшася въ нѣ* ворвались въ средину непріятелей. — Възврънуутися 193,13 оборотиться. — Наврънуутися 193,13 оборотиться. — Обврѣтѣти обвертѣть. — Проврътаныи провернутый. — Розвърѣтѣти. — Оуврънуутися Ип. 141,7 147,27 поворотиться назадъ. — Врътливыи 101,3 непрямодушный, не „управляющій крестнаго цѣлованія“.

Воск-ъ.

(Вощ) овощъ.

Врагъ, вратити, врѣтѣти, врѣдъ см. ворогъ, воротити, вередъ.

(Вр—) веремя, врѣмя *веремя ему есть* обстоятельства благоприятны: *не веремя есть* — негодится. — Врѣменьныи ЦС.? — Изъверемени 72,4 *на кого* — воспользоваться обстоятельствами для войны съ нимъ.

Връб-ие мѣсто поросшее вербою. — Връбная недѣля. — Връбница 29,28 вербная недѣля.

Връв-ъ 127,23. 24.

Връг-нуоти бросить. — Въврѣгати. — Възвърѣгнуоти бросить. — Выверечи. — Изъврѣгати. — Изъврѣжеся *нѣчто на позъ* 143,25 нарывъ сдѣлался. — Повръгати. — Привръщи 190,30 *что граду* набросать около города. — Испровръгнуоти. — Съврѣгнуоти.

(Връз—) отъврѣсти 112,18. 221,6 отворить. — Повръсти 34,12. 154,35 обвязать.

Връст-а 93,27. 94,22. 106,36. 111,26 1) верста, 2) *отъ млады версты* 111,26 съ молодыхъ лѣтъ. — Съврѣстыница 200,1 *мужи плакахуся сверстники своимъ* — о женахъ?

Врът-ьпъ, 222,7 ошиб. изд. *вм. оутроба*.

Връх-ъ, връхоу, въврѣхъ, навръхъ, съврѣхоу. — Възвърѣхъ 206,36 *вверхъ*. — Връхний. — Връховъныи Хл. 36, ы *вм. връхний*. — Съврѣшити. — Съврѣшитися. — Съврѣшение.

Въгаты *вм. вагаты*.

Вън-ъ вонъ. — Въноу снаружи. — Изъвъноу. — Вънѣ ошиб. изд. *вм. дѣнѣ*. — Вънѣшныи.

Въноук-ъ. — Въноука. — Правъноукъ.

Въспадши 30,24 поправлено издателемъ; но въ спискахъ въ *спам*, т.-е. въ Спасскѣ (городѣ).

Вѣторый.—Вѣторьникъ.

(Вѣк, оук) I. Навѣкнуоти.—Обыкнуоти.—Обычяи.—Обычѣни.—
II. Оучити.—Оучитель.—Оученикъ.—Наоучити 79,26 подѣ-
учить напр. воевать.—Наоучение.—Подѣоучити.

(Выс) выше, вышѣйшій.—Съвыше.—Вышѣйшій.—Высоки.—Высоко-
мысляще 110,28 рет.—Высокомыслие рет.—Высокооуміе кичли-
вость рет. ?—Высота.—Выспрь.—Вись 140,2 — *вьсь*?

Вѣдов-а.—Вѣдовиця.

Вѣчера см. вечеръ.

Вѣсь-ь—*весь* постоянно отдѣляется отъ *села*.—Вѣсьця 193,7 уменьшитель-
ное отъ *вьсь*.

Всянамъ 164,4 отмѣчено въ изданіи, какъ непонятное.

Вѣяти.—Вѣтьрь.—Вѣтьрило.

Вѣвер-иця 5,4.

Не-вѣг-ласъ 7,9 невѣжда.

Вѣдѣти см. вид—.

Вѣж-я 1) кибитка (какъ у Калмыковъ) у Черныхъ Клобуковъ 51,18 и
у Половцевъ; 2) столбъ, башня 138,36.

Вѣк-ѣ.—Вѣчѣни.

Вѣнѣць см. ви-ти.

Вѣр-овати вѣрити, довѣрять.—Вѣра.—Вѣрѣни.— Оувѣрѣти *кого*
86,34 внушать ему довѣріе къ себѣ.—Невѣра измѣна.—Невѣріе=
непра.—Невѣрѣстѣи и невѣрѣство измѣна.—Невѣрѣни измѣ-
никъ.—Изневѣрѣтися 159,25 стать измѣнникомъ.

(Вѣс) Вѣшати.—Завѣса.—Повѣсити.—Повѣщение 159,5.—
Съвѣситися 138,37 *по ужицію съ вѣжа*—спуститися.

(Вѣт) вѣчати, вѣщати.—Вѣзвѣщени.—Обѣтъ.—Обѣчати.—
Обѣчѣтися *дары и волости* 225,25 обѣщать дары и волости.—
Отвѣтъ.—Отвѣчати.—Съвѣтъ 1, совѣтъ, 2, намѣреніе.—
Съвѣтънь 77,26.—Съвѣтъникъ.—Съвѣчати, съвѣщевати совѣтъ
держати.—Съвѣчѣтися условливаться.—Оувѣщевати 185,24.—
Вѣче 17,7. 11. 22,1. 22. 28. 32,25. 40,9. 10. 83,16. 88,9. 13. 17. 97,25. 27.
132,33. 168,33. 171,3. *внѣ тайнъ по дворомъ* 97,25.—Завѣтъ.—
Извѣтъ 31,28. 79,31. 83,2. 15. 86,13. 89,3. 92,23. 99,25. 145,29.
не створи въ извѣта крѣстному цѣлованію 70,31 не объявивши, что
снимаетъ съ себя присягу; *извѣтъ до кого доложити* нп. 83,2 измѣ-
нить кому? *безъ всякаго извѣта вѣхати куда* 83,15. 86,13. 89,3 непо-
дозрѣвая злаго умысла; *извѣтомъ просити у кого волости* 99,25 съ
намѣреніемъ измѣнить ему; *извѣта ловити на комъ* 145,29 стараться
найти противъ него обвиненіе въ нарушеніи крестнаго цѣлованія; —
измѣна крестному цѣлованію.

(Вяз, оуз) I, вязати.—Съвязанны колодникъ.—Связѣнь 131,32 тоже.—
Вязити 148,24 быть „связнемъ“, быть въ плѣну.—Вязачи 74,6 *видѣ*
множество колодникъ вязачи — прич. отъ глагола *вязати*; увидѣль,

что много навязано колодниковъ, — II. а) оуже веревка. — Оужище 138,37 тоже. — б) оужика родственникъ. — в) оузькы.

Гад-ати совѣтоваться. — Изъгадати придумать. — Нагадаться рѣшить вслѣдствіе совѣщанія. — Погадати посовѣтоваться. — Розъгадати. — Съгадати рѣшить по совѣщаніи. — Оугадати 1) рѣшить что, 2) условиться, 3) посовѣтоваться.

Газофулакыя 154,9 рет.

Галѣя 125,35 *насады и галѣ* — родъ судна.

Изъ-гас-ити 218,30 *свѣчию надъ чимъ гробомъ* — не дѣлать поминокъ, не давать въ церковь на содержаніе свѣчи надъ гробомъ. — Оугасити. — Оугасати.

Гат-л, — Перегатити.

(Гвозд-ѣ) пригвоздити. — Пригвоздитися.

Генварь.

Герьцикъ, герьцюкъ. — Герьцюковъ.

Глаголати. — Глаголъ. — Поглаголати.

Глава, гладъ, гласъ. См. голова, голодъ, голосъ.

Глаз-ѣкъ 4,34 *стекляный* — шарикъ.

Глоув-окыи. — Глоубина.

На-глоум-итися 139,26 позабавиться.

Гляд-ати. — Розъгляданіе 78,26 *шпіонство, подсматриваніе*. — Съглядати.

Гн-ати, гонити, женоу 1) *гнати кого* (дѣйств.) гнать. 2) *гнати* сред. скакать. — Гонитися *съ кѣмъ, межи собою* биться въ разсыпную, скача туда и сюда. — Гонъ 171,11 погоня. — Гоньць. — Въгнати средн. вскакать. — Възгнати отогнать. — Выгнати дѣйств. — Выгоньць 164,6? *Галичане и Вельичи со своими князьями придоша коньми, а выгонци Галичскыя придоша по Днѣпру и воидоша въ море*. — Догнати 168,13 доскакать. — Загнати 1) загнать кого, 2) ускакать впередъ. — Загоньць 124,40. Черные Клобуки, ѣдучи ночью на Половцевъ, сбиваются съ дороги; *крыло же ихъ въ малѣ отлучивше отъ дружины, воинаша у товары ихъ; Половци же видивше ѣ, загоньць ты Черныхъ Клобукъ, и яша нѣколко ихъ?* — Изъгнати выгнать; но *Литва изгнаша Ездовъ 200,10 = изъгнаша?* захватили враслохъ? — Изгнание. — Изъгонъ 210,14 = разгонъ. — Надъгнати 122,34 *надъ берегъ* — подскать къ берегу. — Отъгнати дѣйств. — Перегонити 54,33. 128,3 *черезъ рѣку* скакать черезъ р. — Погнати 1) погнать, 2) поскакать. — Пригнати прискакать. — Прогнати дѣйств. — Прогнание. — Розъгнати. — Розъгнатися 303,26 разсыпаться (о конвицѣ). — Розъгонъ 74,2. 210,17 когда „полци рушены“, несоблюдается строй, и воины „гонять“, скачутъ кому куда вздумалось. — Съгонити 50,14. 106,3. 161,6 догнать. — Оугонити догнать.

Гни-ти. — Выгнати. — Перегнати.

Гиѣвъ; твор. мн. гиѣвы „по гиѣву, въ серднахъ“ 80,25. 93,25. —

Гиѣватися. — Перегиѣватися. — Розъгиѣватися. — Розъгиѣвити.

Гняд-ни.

(Гнѣт) погнѣсти 171,6.

Говѣти 5,14 *ходити говнючи* жить цѣломудренно. — Говѣннѣ напр. *Филипово* — постъ.

Гов-ядо 177,1 рогатый скотъ.

Год-ъ 1) время нп. 56,27. 2) годъ нп. 139,3. — Година 5,26 время. — Годитися 123,1 *добро бѣшетъ тишина*; но оже ся уже не годило — не привелось ей быть? — Годѣ 219,34 угодно рет. — Годьяно угодно, хочется, прилично Оугодити. — Оугодный и пріятный. — Оугодникъ. — Оугодитися 133,28 *не угодися ему верема таково, како же искашетъ* не выдалось случая. — Негодовати. — Непогодине 106,29 *зимъ воевати* — неудобное время.

Гол-ни 171,26.

Голов-а, глава на свою голову 41,4 на бѣду себѣ; *добыти Києва головою своею* 43,34 съ опасностью жизни, вооруженною рукою; *ся откупити кому головою своею* 58,4 идя на войну, нещадя жизни за кого; *оже ся извинитъ мужъ*, (то) у голову 119,6 отвѣчаетъ головою; *головы своя складати хочемъ (складаемъ)* за тя, говорятъ передъ битвою князю = „не пощадимъ жизни“. — Головня 186,4. 195,12. — Везъголовию 19,13 *обсажался ими на безголовіе себѣ* — на бѣду?

Голод-ъ. — Голодный.

Голос-ъ, гласъ. — Гласохвальный 105,4 рет. — Възъгласити. — Оглашение читаетъ издатель 222,7 но должно читать *охлаждение* вар. в: *ты бѣ алчущимъ кормля и жаждущимъ въ утробѣ охлаждение*: утоленіе зноя, жажды въ утробѣ.

Голоувыи 134,33.

(Голоувъ) приголуувление 121,29 ласка.

Гонити см. гн-ати.

Гоньзноути 193,7. — Гоньзноутися 171,13 спастись бѣгствомъ. — Оугоньзноути Ерм. 27, ы вм. *утечи*.

Гор-а. — Горѣ. — Горьныи. — Загоріе 118,10. — Подъгоры 20,14 *бяху бо болота пришли, но оми на подъгоры* — какъ читать? вин. мн. отъ *подъгора*? такъ въ изданіи; или *на-подъ горы*, принимая *на-подъ* за сложный предлогъ? — Подъгоріе 174,35.

Горазд-ни очень хорошій, искусный. — Гораздо хорошо.

Город-ъ, градъ крѣпость *городъ разсыпати* 189,18 потому главныя укрѣпленія земляныя; *городъ устроенъ на церкви* 162,29; *городъ строится въ одинъ день* 178,4; *вы есте нашъ городъ* 104,24 наша защита, надежда. — Городъкъ. — Градъць. — Городище 122,5. 195,12; *мѣсто гдѣ былъ геродъ* 195,12. — Горожанинъ, горожане, гражяне. — Градъныи. — Городьскыи. — Городьница 132,39 *горожане взошли на заборола и летѣста дѣти городничи съ людьми къ ратнымъ*? — Загородити. — Огородити. — Огородитися. — Огородъ, оградъ. — Передъгородіе.

Горностаи 86,14.

Господ-ъ. — Господинъ. — Огосподинъ вм. господинъ Ип. 179,х. —

Господьнь. — Господьскыи. — Господа 156,17 *предати господу*
свою княгиню съ дѣтьми = госпожу? или (скорѣе) собирательное, какъ
княжся? — Господичичъ 133,17. 202,7. — Госпожа.

Гост-ь 1) гость, 2) прѣѣзжій купецъ.

Готовый. — Приготовленіе. — Оуготовати. — Готовизнипа 26,30
 запасъ.

(Гр, гор, жар) I. А) Горѣти. — Горѣніе. — Загорѣтися. — Изъгорѣти. — Погорѣти. — Розъгорѣтися. — Съгорѣти. — В) Грѣньць 162,7. — Грѣнило. — С) Горьнька 72,21 у князя. — II. Пожаръ. — III. Горькыи. — Горьшии. — IV. Горе.

Гравити см. греб. — градъ см. городъ.

Град-ъ 210,3 *grando*.

Грамота обыкн. *грамоты хрестыныи*.

(Грѣв. гроб, грав) I. Грѣбць. — Грѣбля, гробля 47,9. 102,7. 168,26. 180,4. 190,29 оконъ. — Погребати. — Погребеніе. — Погребальныи. — Грѣбъ. — Грѣбьниця. — Погребъ. — II. Грабити. — Грабленіе. — Грабитель. — Грабительство. — Грабежъ. — Заграбити. — Изъграбити. — Пограбити. — Розъграбити.

(Грем) громъ.

Грив-ьна 20,21. 28,33. 34,6. 78,39. 82,22. 23. 108,28. 139,3. 215,33. 219,6. 223,15. 17. 225,5. — Гривьныи прил. 222,5 *шейный яко гривною утварю златою украсуся*.

Гровъ см. греб. —

Гроз-ити. — Загрозити. — Пригрозити. — Гроза угрозы. — Грозьныи.

Гроув-ость 154,8 *невѣжество рет*.

Гроуна 193,5 *поити тихо на трунахъ?*

Грѣ-ло. — Грѣтань.

Грѣд-ныи. — Прѣгрѣдныи. — Грѣдѣти 179,26. 201,8 *гордиться*. — Грѣдитися. — Загрѣдѣтися. — Розъгрѣдѣти 9,14 *возгордиться*. — Розъгрѣдѣтися. — Грѣдость. — Грѣдыни.

О-грѣн-оути 34,1 II. *обвернуть*.

(Грѣк) грѣчьникъ, Хл. грѣчиньникъ 93,31. 32. 94,15. 98,37. 38?

Грѣх-ъ. — Грѣховьныи. — Грѣшьныи. — Грѣшити 62,2. 122,36. 124,39 *брода* 62,2 не попасть на бродъ, *помысла своего* 122,26 *потерпѣть въ немъ неудачу*. — Грѣшьникъ. — Прегрѣшеніе. — Съгрѣшити. — Съгрѣшеніе.

(Гряд) гряди.

Гряз-ъ 63,8; *урази* тонкое мѣсто. Грязина Хл. 63,8 *вм. урази*. — Грязькыи 195,21 *топкій*. — Нагрязноути 195,21 *трупоу* быть загроужену ими. — Погрязноути и оугрязноути *утонуть*.

Гоувити см. гѣб-.

Гоуд-ьць 155,19.

Гоум-ьно. — Гоуменьце 40,15 у дьячка *простригается*.

(Гѣв, гоув, гы) I. огноути 34,1 *изд. ошиб. вм. оиргноути*. — Розъгноути. — Соугоубити. — II. Гоубити 1) губить 2) *лишать кого имущества, грабить что, нп. волости*. — Погоубити 1) *погубить* 2) *что*

лишиться своего имущества 3) разорить *погубити смерды отъ ролы* 1,з. 10 разорить; отвлекши отъ нивы; *погубити отчину свою* 162,27 потерять ее. Погубитися,—Пагоуба бѣдствіе.—Пагоубоубиственный рет.—III. Гыбноути.—Погыбноути 1) гибнуть, пропадать; 2) быть разорену *стада раздавая тѣмъ, иже кто погуби отъ Телебузину рать* 219,8 разорились отъ Т. похода.—Погыбель.

Да-ти городъ, люди на щитъ, на полонъ; дати кому помъ выйти на битву съ нимъ; дати чѣмъ на чемъ — заплатить чѣмъ за что. — Датися отдаться, сдаться. — Дание 216,10 то что сдались. — Въдати отдать. — Въдатися отдаться. — Възъдати. — Възданіе. — Выдати. — Отъдати *грѣхъ, инъвъ, инъва кому* простить вину; *отдати того всего* 69,9 простить все то; *отда ему богъ болѣзнь* 94,32 освободить отъ болѣзни. — Передати, прѣдати. — Передатися, прѣдатися сдаться. — Прѣданіе сдача (города). Прѣдатель. — Подати честь 144,23 оказать; *городъ* 217,37 отдать. — Поданіе подаянье. — Придати прибавить. — Продати 207,37 хлѣбъ за воскъ и т. п. — Продажа 117,20 посадники *тяготу людямъ створиши продажами и вирами*. — Попродати 111,6 *весь Кіевъ* т.-е. продать имѣнье всѣхъ Кіевлянъ? или обложить налогами? — Розъдати. — Роздаваніе. — Дань 5,23. 12,10. 39,19. 46,19. 26. 28. 48,20. 82,1; 117,23. 185,8. 194,3. 5. 6. 7. 9. 215,28 1) подати 82,1 2) дань съ побѣжденныхъ. — Даръ, дарове. — Дарити. — Даритися дарить другъ друга. — Одарити. — Подарити. — Даровати. — Оудалыи 149,2. — Оудатыи 167,24=оудалый.

По-дав-итися передавать другъ друга.

Давъ-но. — Изъдавна.

Далъ-ъ, далѣе. — Въдалѣе 70,23. 93,27. 142,36 вар. Ип.=далѣе, за столько-то нп. верстъ отъ чего. — Възъдалѣ, възьдалъ Хл. 225,31 далеко. — Одалъ. — Одалѣ, далеко. — Подалѣ 54,21 тоже. — Далекъ, далече. — Изъдалеча. — Дальній. — Оудалитися.

Двиг-ноути. — Двигноутися. — Двизаніе. — Недвижимъ. — Въздвигноути. — Въздвигноутися. — Въздвигженіе (праздникъ). — Въздвизальный *крестъ*. — Подвигноути. — Подвигноутися. — Неподвижно 154,30 ошиб. изд. вм. *непостыжно*. — Розъдвигноути.

Дворъ. — Дворъи, дворъи *слуга* — придворный? или (скорѣе) старинный? — Дворъскыи санъ при князѣ 100,10. 158,7. 175,22. 181,15. 182,6. 183,24. 184,10. 186,15. 189,23. 191,34. 192,33. 193,3. 6. 22. 23. 195,17. — Дворъцкыи 180,25 (сановникъ). — Дворяне 187,38 *божи* — рыцари. — Въдворитися. — Подворіе.

Двъръ-ь. — Ободвъріе.

Девѣли 220,40 толстый.

Девя-носто. — Девятинадесять.

Двисоусъ 112,4. 223,8.

Двѣкабрь.

Демествяникъ, деместъникъ 115,24.

Дерев-о, дрѣво. — Деревянный.

Деряждѣе 186,26?

Дес-ѣныи. — Десѣница.

Десят-ѣ. — Десятни. — Десятѣкъ. — Десятина 82,1. 103.20. — Десятинѣныи.

Диаволь, дияволь, дяволь. — Диаволь.

(Диакъ), дякъ 40,15. 161,6. — Дьячѣкъ 96,37.

Диаконъ, дяконъ.

Див-итися. — Дивленіе. — Подивитися. — Оудивити *церковь* украсить на диво рет. — Оудивитися. — Оудивленіе — Диво. — Вѣдивъ. — Дивѣныи. — Прѣдивѣныи. — Дивии дикѣи.

Дик-ыи *диги* Половицѣ обыкн.; въ противоположность Чернымъ Клобукамъ?

(Дов) надобъ, надоби нужно 62.28. 31. 64,7. 65.33. 110.35. 114,25. 137,9. 144,34. 146,26. 148,33. 162,28. 31. — Надобѣныи. — Подобаѣтъ. — Подобѣникъ рет. — Подобѣныи. — Прѣподобѣныи. — Сѣподобити. — Сѣподобитися. — Оуподобитися. — Доблии. — Доблестъ. — Добрыи, добро, недобрыи, недобро; *добрии людѣи*, и просто *добрии* 110,15. 125,1. 131,14 знатныи. — Прѣдобрыи — Добрѣ 1) хорошо 2) очень. — Недобрѣ нехорошо. — Добровольныи рет. — Добродѣтель хорошій поступокъ. — Добродѣяніе. — Добропрѣлюбѣныи рет. — Добромыслити. — Добронравѣныи. — Добро-срѣдіе. — Оудобренъ (церковь, зданіе) украшенный рет. — Доброта.

Длѣг-ѣ. — Длѣжѣныи обязаный; должникъ.

Долъ см. дѣл. —

О-дол-ѣти, одрляти. — Преодолѣти 9,24 рет.

Дом-ѣ. — Дома. — Домови, домовъ.

Сѣ доров-ыи. — Сѣдоровіе. — Несѣдравіе. — Несѣдровоуя. — Осѣдоровивъся 203,5 ошиб. изд. вм. Ип. *усторобивъся*.

Дорог-а.

Дорог-ыи.

Оу-дос-ити 5,27. 180,27. 197,32 захватить, застать; оудасити Хл. 180,27; оудоусити Ип. 197,32 вм. *оудосити*.

Розѣ-др-ати. — Розѣдратися 172,19 перебить другъ друга. — Оударити. — Оударитися 110,23. 146,9; 1) броситься 2) сразиться. — Оудареніе; *отъ* даренія Ип. 172,27 вм. *отъ оудар*. — Дыря 156,20 дыра *изыиде дырѣю градиною?*

Древ-лѣ. — Древѣныи.

Древѣница 222,27 *завѣсы оксамитныи съ драбницею?*

Дроуг-ыи. — Дроугъ. — Дроугъ дроуга. — Дроугое вторично. — Дроугояко 72,22 иначе. — Дроугоиде 55,33 въ другомъ мѣстѣ. — Дроужба. — Подроуга. — Подроужис мужъ рет. 131,24. — Дроужина. — Дроужининъ 116,29.

(Дроук) оудроучити.

Дрѣж-яти *ратъ* — воевать; *вражду* — враждовать; *честь на комъ* почитать. —

Дръжати*ся по кого* 117,27; *по комъ* 138,11 держаться чьей стороны. — Дръжаниіе 102,30 *епископа*—время его правленія. — Дръжатель правитель. — Въздръжати. — Въздръжаниіе. — Невъздръжаниіе 109,22. — Одръжати, обдръжати 1) владѣть 2) защитить. — Обдръжаниіе осада. — Поддръжати. — Съдръжати. — Оудръжати. — Оудръжати*ся*. — Дръжява. — Дръжявно. — Вседръжителъ. — Самодръжьць 153,1. 155,10. 12. 201,5 единовластитель.

Дръзъ отважны. — Дръзъкы. — Дръзость. — Дръзнути отважиться, броситься на непріателя. — Дръзновениіе.

Дръво см. дерево.

Дръм-аниіе.

Доув-рова.

Доуг-а 18,3 радуга.

(Доуг) недоужьныи.

Доум-ати 1) совѣтъ держать 2) совѣтовать. — Подоумати посовѣтоваться. — Розъдоумывати 134,37. 195,16. — Съдоумати рѣшиться послѣ „думы“. — Оудоумати = *съдоумати*. — Доума—что „удумали“ (на что рѣшились влѣдствіе совѣта) или что мы *думаютъ* (совѣтуютъ) 1) замысль, намѣреніе 2) совѣтъ. — Думьнь 226,2 мудрый. — Доумьця 133,30 совѣтникъ.

Оу-доусити см. оу-досити.

Дѣв-а. — Дѣвадесать. — Дѣванадесать. — Дѣвѣсьтъ. — Дѣвоича 61,14 дважды. — Дѣвои (муж. ед.) двойной. — Надѣвою. — Дѣвоюрѣчу 218,10. — Дѣвѣмадесатьмати 5,21 испорчено? по смыслу нужно *двадесать* въ дат. п.

Дѣждъ, дѣжгъ, дѣжчъ. — Дѣжгьць 5,7. — Бездѣжгнѣ 10,4 засуха. (Дѣл, дол) I. Долъ. — Доловъ. — Оудолъ долина. — II. Подлѣ. — Възлѣ возлѣ. — III. Длѣгы, длѣго. — Надлѣзъ долго. — Продлѣжити. — Продлѣжитися. — Оудлѣжитися 53,20 *оудлѣжися кому*—онъ соскутился по комъ.

(Дѣм) въздѣмъ 90,39 отъ въздѣмити поднять.

Дѣна 72,22 *подступила*, думаютъ, когда человекъ упалъ; *дна*—плоская глеста (Област. словарь).

Дѣн-ѣ внутри. — Дѣноу тоже. — Издѣноу изнутри. — Бездѣна.

Дѣск-а. — Дѣщиця. — Дѣщати.

(Дѣх, доух, дых) доухъ. — Доуховьныи. — Вѣдѣхнути. — Въздѣхнути. — Въздыхание. — Въздоухъ. — Задѣхнутися. — Издѣхнути. — Издыхание — Доушя.

Дѣчи, дѣщи.

Дѣвр-ь.

Дѣн-ь. — Дѣньсь. — Дѣневьныи. — Дѣнина 131,7. 195,5 (цѣлый) день. — Дѣнище 40,3. 4. 87,2. 142,36 сутки пути.

Дѣволь, дѣакъ, дѣяконъ, см. *дна*—

(Дѣ) I. Въздѣти поднять нп. *руцѣ*. — Придѣти 170,16 *мясо къ устомъ* поднести. — Одѣти. — Одѣяниіе. — Одежа. — II. Дѣяти. — Дѣятися. — Дѣяниіе. Издѣяти сдѣлать. — Подѣяти. — Съдѣти, сдѣ-

яти. — Съдѣяться. — Оудѣяться. — Дѣло. — Дѣлати. — Дѣлатель. — Издѣлати. — Дѣля для. — III. Недѣля. — Недѣльный день воскресенье. — Понедѣльникъ. — IV. Дѣтя. — Дѣтище. — Дѣтищъ 5,16 вин. — Дѣтскыи 30,15. 47,9. 17. 72,25. 27. 83,16. 97,12. 18. 115,16. 117,20. 157,32 160,5. 183,20 1) прилаг. молодой, въ дѣтскихъ лѣтахъ; *дѣтскъ* — дитя 2) люди при князѣ; дѣтскіе одни слѣдуютъ за княземъ 47,9, когда другіе всѣ отстали; дѣтскій извѣщаетъ князя объ измѣнѣ; 83,16; имъ раздаются посадничества 117,20. — Дѣтинъць цитадель 70,12. 90,21. 141,33. 199,27. 206,5. — V. Надѣяться. — Надѣяніе. — Ненадѣяся. — Надежа.

Дѣв-а. — Дѣвѣка 177,13 *чья* — дочь.

Дѣд-ъ. — Дѣдѣнь, дѣдѣнь. — Прадѣдъ. — Дѣдичъ 133,4 наслѣдникъ по дѣлу. — Дѣдина дѣдовское владѣніе.

На-дѣл-ити пп. князя, давши ему волость. — Надѣленіе. — Надѣлѣкъ 146,17 дати = *надѣлѣти*. — Подѣлѣтися. — Подѣль 195,10 дѣлежъ. — Роздѣлѣтити. — Роздѣлѣтися. — Роздѣленіе. — Нероздѣльно.

(Дѣра) дыря см. др —

Дяд-ько 156,19.

Евшличъ 155,21 дай ему (Половецкому хану) *поухати зелья именемъ евшанъ*, если онъ не будетъ согласенъ воротиться въ свою землю: тогда онъ захочетъ.

Юдинъ см. одинъ.

Юл-инъ 190,29 еловый лѣсъ — *градъ створенъ елиною*.

Епископъ, епискоупъ, пископъ, пискоупъ. — Епископия, епискоупия. — Епископль, епискоупль. — Епискоупити 127,18 епископствовать.

Еретикъ 102,37. 103,2. 114,36 иногда ругательное слово пп. 114,36.

Ермолой — ермологіонъ (церк. книга).

Юроусалимъ *церковный* 112 1. 12. 120,26.

Юс-тъство.

Еуангелие. — Еуангельскыи. — Еуангелисть.

Жд-ати. — Дождати дождаться. — Дождочю 143,36 будущее, образ. при помощи *хочю*, какъ по Сербски; дождусь. — Дождатися. — Ожидати. — Переждати. — Пождати. — Съждати *кого* — подождать пока соберутся. — Съждатися подождать другъ друга.

Жел-ати. — Желаніе.

Желя см. жал —.

Желѣзо; желѣза множ. оковы. — Желѣзныи.

Женоу, см. гн. —

Жен-а. — Женъскыи. — Женитися. — Оженити женить. — Оженитися.

Женьчюгъ. — Женьчюжныи.

Жереви 6,26. 28.

Жеравъць 168,22 *и возводнымъ мостъ и жеравецъ возжыоша?*

Жи-ти. — Житіе. — Живыи. — Животъ жизнь. — Жизнь пп. 26. 27. 31, и. 32, 11. 37, 16. 17. 38,5 имущество. — Ожити 155,17. *рыбою* — питаться?

Пожити. — Прижити. — Оужити 44,36 *съ кѣмъ* — ужитися. — Живо-

творяи (*крестъ*). — Оживити. — Жито. — Зажитиѣ 85,12. 212,12. 24. 225,30 фуражировка; вообще поѣздка за хлѣбомъ. — Зажитьникъ 27,29. 67,16 фуражиръ.

Ожидати см. ждати.

Жидовинъ 114,36 жидъ какъ бранное слово.

Жльт-ни.

Жръти 188,6.9 *богомъ* приносить жертву богамъ. — Жръць 135,18. — Пожръти 118,14 полки идутъ *кличуче*, *яко пожрети хотяще* — перерѣзать, перебить всѣхъ?

(Жьг, жег)жечи. — Жьженое золото 187,13. 222,30 позолота черезъ огонь. — Вьжечи зажечь. — Вьжьгегъ 6,14 причастіе отъ вьжечи. — Выжечи. — Зажечи. — Зажечися загорѣться. — Зажьжению. — Изъжечи. — Отъжечися 70,3 *я тому ся отъожгу противу* — я за это самъ выжгу (его волости). — Пожечи. — Пожьжению. — Розъжечи. — Розъжечися нп. *иньвомъ*; *раждься* Ип. 122,21 *вм. рожьгься* причастіе. — Съжечи.

(Жьм. жя) съжати, съжмоу.

(Жьн, жя) жятва.

Жяд-ати жадать, нетерпѣливо ждать. — Жядьнии 219,10. 13 *нищій*. — Жяжя жажда. — Жяжяти жажду чувствовать. — Вьжядати почувствовать жажду.

Жякоу 186,27 винит.

Жял-ъ жалость, горе — Жялитися, жалѣть. — Пожялити. — Пожялитися *и пожалити себе* 146,27 *пожалѣть о себѣ*. — Съжялитися. — Жялость, печаль. — Жялостью печально. — Жяловати 1) жалѣть, 2) *на кою жаловаться*. — Жяловатися = *жяловати*. — Пожяловати. — Жялоба. — Желя 131,20. 195,38 печаль.

Пожаръ, см. гр. —

(Жях) оужась. — Оужасьныи ужаснувшійся. — Оужасьть ужась. — Оужасатися.

Задъ. — Задѣ 129,7. позади. — Назадъ *и* назадъ 141,1с = назадъ. — Назадѣ, пазади. — Задънии. — Задъничи 23,9 *у Оловичъ не хочемъ въ задничи быти* — предл. отъ сущ. *зadъниця* или прил. *средн. род. задъниче* = *зadъниця*?

Заяць. — Заеячий 188,7. читай заячий.

(Зв, зов, зыв) зв-ати. — Възвати 1) *воззвать ЦС?* 2) *позвать*. — Възватися 192,2 *отозваться о себѣ*. — Назвати. — Назватися. — Позвати. — Призвати. — Призваніе. — Прозвати. — Съзвати. — Съзватися 14,30 *съ братьею призвать ихъ на думу*.

(Звън, звон) звонити. — Звонению. — Звоукъ.

Звъзда.

Звъръ-ъ. — Звъроядивни 103,12 рет.

Зд-ати, *зижю* = *зижду*. — Зданию построеніе. — Подъздати *на камени* 196,36 *выстроить на каменномъ фундаментѣ*. — Създати. — Създанию.

Зе-ница, зѣница 95,35.

Зел-енни. — Зеліе.

Зем-ля.—Земьныи, земельныи.—Тоземьць, тоземьць туземць.

Зим-а.—Зимовати.

—Зир—см. зр ; злато см. золото.

Зми-и —Змиювь.

Зн-ати.—Незнаемьи.—Познати.—Познатися *познася худъ*—увидѣли, что онъ плохъ.—Знаменіе 1) об. предзнаменованіе; 2) знакъ 185,40; Берендичи пишутъ свои знаменія 85,13 письмена? или условные знаки?—Назнаменати назначить —Назнаменовати 198,32 обозначать рет.—Рознаменати 99,5 *конъ* положивъ на нихъ свои клейма (*пятны*).

Знои.

Зовоу см. зв-ати.

Золото, злато.—Золотыи, златыи.—Золотоврѣхыи.—Златооустъ.—Позолотити.—Позлотистъ 223,3 позолоченный.

(Зр, зор, зир) зрѣти *на ся зряща* 38,1; выжидая другъ друга; *зрѣти на кого* 149,10 слушать кого; *на Володимерь* 160,9 думать какъ-бы завладѣть имъ.—Зрѣмо 129,31 *перейти*—сколько видно мѣста разъ, 3—4 версты?—Възрѣти *на Богъ, на Божию помощь*—надѣяться.—Дозрѣти 42,15. 49,32 *чего* дожидаться.—Объзрѣти.—Озрѣтися.—Перезрѣти 54,9. 212,4 *не могу отчины свое* 54,9 не могу отказаться отъ нея; *пожы* пересмотрѣть.—Позрѣти.—Подъзрѣти 24,1. 84,37. 105,2 *подъ княземъ волость*—подъсматривать, подыскиваться, нельзя ли отнять ее.—Призрѣти призрѣть, призрѣть; но 21,25 *вм. прѣзрѣти*, оставить безъ вниманія.—Прозрѣти.—Прозрѣніе.—Розирати 52,19.—Съзрѣтися переглянуться.—Оузрѣти.—Оузрѣтися.—Позоровати.—Зоря или множ. зорѣ.—Оузоръ 196,29 то, что двери украшены разноцвѣтнымъ камнемъ.—Оузорочкии украшеніе.—Зръцало.—П. Зазоръ 156,24 *имѣти чему*—завидовать.

Зрън-о.

Зоувъ-ъ *рыбий* 86,15.

Зъл-ны.—Зълодѣи.—Зълсба свирѣпость, злодѣйство.—Незълобивыи.—Озълобити 99,4 наказать?—Озълобленіе.

Зъл-о.—Дозѣла.

Про-зѣв-еніе.

Зятъ род. *зятя и зятя* и т. д.

И-ти итти, итти въ походъ.—Вѣннити.—Вѣзити.—Выити.—Доити, об. недоидуче.—Заити *кого отъ чего* отрѣзать кого отъ чего; *заиде и болънь* 223,20 задержала? или застигла?—Изити.—Произити 10,12 рет.—Найти 1) найти 2) встрѣтить 3) прійти на кого войною.—Нашѣствиіе.—Изънайти найти.—Обити.—Отити.—Отъшѣствиіе.—Перейти; *перейти* и *прити*, *прѣидоша* и *придоша* часто смѣшиваются, нн. 2,6. 44,1. 153,1.—Поити.—Прити.—Пришѣствиіе.—Пришѣльць.—Проити.—Розити 37,32. 63,3. 110,11. 148,30 1) раздѣлять кого отъ кого 2) разойтись.—Розитися.—Сѣннити, сѣити, соити.—Сѣнитися, сѣнитися *крестнымъ именованіемъ* 137,36 помири-
реться.—Оуити.

- Игр-ати *душею* 42,29 шутить спасеньемъ т.-е. нарушать клятву. — Игра. —
 Сьиграти.
- Игоумень. — Игоумень прил. — Игоумения. — Игоуменьство
- Июреи. — Июрейскыи.
- Известъ 141,34.
- Изморагдъ 152,26 смарагдъ.
- Икона.
- Икономль (экономовъ).
- Им-ѣти *кого въ любовь* 21,10 любить; *имѣй службу нашу* 169,3 прійми нашу покорность, прійми насъ въ подданные; *имѣти яко отца* — считать за отца; *лсть имѣти* — коварствовать, измѣнять. — Имѣниѣ.
- Имя. — Именовати. — Именоватися. — Всеименитыи 166,1 знаменитый рет. — Именины 141,36.
- (Ин) иноплемennyи. — Иноплемennyи. — Иноязычныи.
- Индиктъ.
- Индитѣба, индития одежда на престолъ.
- Иск-ати *волости* — пытаться завоевать; *стрыичича* — 83,31 вести съ нимъ войну; *искать лиха кому* — зложелательствовать. — Въискати *Игоря* 25,10 стараться освободить. — Изискати 28,15. 32,11 съискать. — Поискати.
- Ист-ина. — Въистиноу. — Истиньныи, истинныи. — Истовоѣ, *вм. извъсто* Хл. 97,о. навѣрное.
- Июль.
- Июнь.
- Ка-ятия раскаяваться, просить прощенья. — Покаятися. — Покаяниѣ. — Окаянныи проклятый. — П. Казнь наказаніе. — Казнити наказывать (казнить смертю *вп.* 119,31). — Показнити наказать.
- Кадѣло, канѣдѣло. — Кадѣльница.
- Каз-ати 1) показывать 2) приказывать 3) сказывать 4) наказывать 119,1. — Наказати 1) дать инструкцію, наказъ 2) приказывать. — Наказаніе 116,4 наказанье. — Показати. — Показатися 134,24 отличиться. — Приказати поручить. — Съказати. — Съказаниѣ. — Оуказати. — II Казитися 37,23 портиться (о замерзшей рѣкѣ).
- Росъ-кал-иѣ распутица.
- Калоугеръ 153,35. 184,27.
- Кам-ы, камениѣ. — Каменьныи, камяныи. — Каменьныи 117,13 каменщикъ.
- Канъ см. ханъ.
- Каноунъ 2,9 канопъ, всеобщая. — На каноунъ накануне.
- Карити, см. кор —.
- Кация, кацѣя, кацѣя 27,13?
- Келія.
- Керѣлешъ, керелесь Хл. киреилѣсонъ, куриелисонъ — киріе элейсонъ,
- (Клад) класти. — Въсъкласти. — Докладывати 216,35 *кого* спрашиваться у *кого*. — Накласти. — Покладати *честь на комъ* уважать;

вины на комъ—обвинять; на Бозѣ вся покладывая провожае 123,18 переносилъ все (оскорбленія), возлагая на Бога (говоря только: да Богъ взомститъ).—Покладъникъ 95,25?—Прикладывати, прикладати 72,22. 153,13.—Съкладати.—Оукладывати 38,28 на комъ предоставлять рѣшеніе кому.

Клекъ-ътати 183,12 объ орлахъ.

Кли-кати.—Кликъ.—Кличъ.—Въскликнути.

Клиросъ, крилосъ.—Крилошане.

Клобоукъ.

(Клон, клан) кланятися.—Кланяніе.—Клонитися 172,17.—Поклонитися *кланяється, поклонися*—знакъ покорности.—Поклонъ.—Прѣклонитися.—Съклонити.—Оуклонитися 101,3 на что—полѣститься, броситься.

(Кльн) клясти.—Клястися, клятися.—Клятва.—Проклясти, прокляти.—Трекляти.

Кльть 19,29,30 авбаръ, клѣть.

Кльщъ (двойств.) 5,12.

(Клю) клевета.—Клеветати.—Оклеветати.

(Клюк) ключитися.—Ключъ *держати*—быть ключникомъ.—Ключъ-никъ 75,40. 113,19,27. 114,32.

Кметъ-ство 56,22 *дивляхуся* (Кіевляне) *кметства ихъ* (Венгровъ, забавляющихся военными играми на коняхъ).

Кобъ 201,34 ворожба? Кобъникъ 182,20 *волахъ и кобъникъ*.—II. Кобыла.—Кобылии.

Ковъръ 114,34,38.

Кож-янии.—Кожухъ 187,13.

Всье-козн-енни 23,19 *діаволь рет*.

(Кои, чи) I. Покои.—Покоины—Покоище ЦС. 222,8.—II. Перепочити отдохнуть.—Опочити остановиться на отдыхъ послѣ похода; но 128,23 *пріютиться?*

(Кол) заклати.—Заколение.—Коль.

Колъно,

Кол-а множ. телѣга 21,33. 34,18. 92,39.—Около.—Коловоротъныи 226,5 *самострѣль*.—Окольни, окольний.

Колъватися.

Колодъ-никъ.

(Колод) кладязь.

Колоколъ.

Колымагъ 158,27. 186,10. 190,19 *въ колымагы рекше во станы* (у Венгровъ и у Ятвяговъ); *въ колымагъ свой рекше во станъ* 190,19 (у Данила).

Комар-а, комары *церковныя*; онѣ устраиваются для положенія тѣлъ Бориса и Глѣба 6,25. 26. 29; на нихъ бѣгутъ люди запершіеся въ церкви отъ непріятеля 192,15.

Комонъ-ь. конь; *комонъ* 55,28. 56,22. 57,19.—Комонъство 47,20 князь погребаетъ убитаго коня, *жалуя комонства его?*—Кониина конское

мясо.—Конюхъ 202,3 по Хл. *конюшій*. — Конюшии 133,27. 35. 38 конюхъ?—Коньникъ, конници конница.—Коньскыи.—*ударилъ на конихъ его* 51,8 — предл. мн. отъ *конь?* по Ип. поправлено послѣ на *конюхы*—потому должно производить отъ *коньнии*—*конный?* на *коньниихъ*—на конныхъ.

Коньдакъ.

Исъ-коп-ати.—Росъкопати.

Коп-иѣ.—Копиинныи.

(Кор) I. А) Оукорити.—Оукоритися 201,22 *укаривашеться ему*—бранилъ его. — Оукоръ.—Оукоризна.—В) Покорити.—Покоритися.—Покорениѣ.—Непокорѣство.—II. Карити 201,23. 25. 26 *по умершей*—оплакивать.

Кор-ень.—Въкоренитися.—Исъкоренити.

Кор-авль 78,39.

Кор-истъ добыча.

Коркодиль—конечно древняя форма *крзкодиль*.

Король.—Королевъ.—Королева, королевая.—Королевъскыи.—Королевичъ сущ.—Королевичъ 172,23 прил. королевичевъ.—Королевѣство.

Коромола заговоръ.—Коромоловати.—Коромольникъ.

Короуна корона.

Корѣзно 34,1. 114,38. 115,8.

Кост-ъ.

Кот-ьль.

Котора ссора, междоусобіе.—Росъкаторатися.

Кошчи 98,17. 26 *быть въсть Половецемъ отъ кошчи Гаврилкова сына...*

Мыстиславъ посла наворонъ съдельники свои и кошчи?

Коярь 187,10 *кожи въ коярѣхъ кожаныхъ?*

(Крад) покрасти.—Оукрасти.

Оу-краи-на 138,9. 160,32. 208,24 пограничныя земли.—Оукраиняне 203,13.

Крас-ити украшать.—Краситися,—Оукрасити.—Оукраситися.—Оукрашениѣ.—Красьныи прекрасный. Прекрасьныи.—Красота.—Оукрасоватися 222,5.

Крестьянинъ см. хрестьянинъ.

Крив-ыи.

Криж-евъникъ 175,5. рыцарь креста Господня.

Кри-чяти.

Крил-о *пожу*.—Крилатыи.

Крилось, см. клирсь.

Оукропъ 72,22 больного влагаютъ въ укропъ.

Крот-ькыи.—Кротость.—Оукротити 52,11 *Половцъ*—не дать имъ грабить?

Крох-ьти 5,8 крошки, пыль?

Кроуг-ъ.—Въкругъ.—Окроугъ.—Окроужити.—Окроужный.—

Кроуживо 187,14. 220,13 кружево, бахрама.

(Кроух) съкроушити.—Съкроушиться.

Кръв-ь.—Кръвопролитіе. кръвипролитіе.—Кръвопитіе 184,33.—
Кръвавни.

Кръм-ъ провіантъ.—Кръмити.—Кръмитися.—Накръмити.—
Накръмитися насытитися.—Перекръмити пропитать.—Покръмъ
53,20 Угры посланы на покормъ въ Устилогъ,—Кръмля 194,29.
222,7 пища.—Кръмитель.—Кръмительница.—Кръмильць 61,33.
100,28 дядька.—Кръмилиця 156,20 кормилица? или скорѣнянка?—
Кръмиличия 171,19 жена кормилица?—Кръмиличичь 156,9.
158,3.

Кръм-а.—Кръмьникъ 59,5 рулевой.—Въскръмити 214,38 наира-
вить ЦС.

Кръчяга 27,11 въ корчагахъ вино.

Кры-ти.—Открыти.—Покрыти и Ип. 6,19 покрити.—Прикрыти.—
Скрыти.—Скрытися.—Кровъ.—Покровъ.—Безъпокровьныи
222,8 рет.—Прикровъ 34,21.

Кръс-ити 64,16 воскресить.—Въскресение.¹

Кръсть, хръсть.—Кръстьецѣлованіе 18,20 присяга.—Кръстьць 72,8
маленькій крестъ.—Кръстьныи, хръстьныи *крестное цѣлованіе*—
присяга.—Кръстити.—Кръститися.—Кръщеніе.—Кръститель.—
Кръстильница 197,15 въ ней крестятъ воду на богоявленіе.—
Окръсть.—Окръстьныи, окръстьныи.

Кръп-ити 113,18 ободрять.—Кръпѣитися ободрять себя.—Оукръпѣити
1) укрѣпить 2) ободрить.—Оукръпѣитися.—Кръпѣость мужество.—
Кръпѣкыи сильныи *крѣпко битися* 1) съ мужествомъ сражаться 2)
быть на битвѣ въ опасности; *крѣпка брань*, *сѣна* сильная, тяжелая;
крѣпка рѣчь 86,3 сильный споръ.—Кръпѣкодоушьныи 176,24 рет.

(Коу) ковати.—Въскovati 78,39 *на икону серебро*—сдѣлать ризу.—
Искovati 88,23 перековать, заковать въ оковы.—Оковати.—
Оковы 125,24.—Поковати 7,7 *комаръ серебромъ*—украсить кованымъ
серебромъ.—Сѣковати.—Коузьникъ 196,22 кузнецъ.

Коувара 83,39.

Коув-цькъ 112,16. 219,6.

Коуд-равыи 220,39.

Коуд-ьшъскыи 184,32 суевѣрный, языческій.—Коудьшьство 184,40 суе-
вѣріе, изувѣрство.

(Коукъ) докоучивати 19,14 усиленно просить.

Коум-ъ 17,12. 204,20.

Коумоузъ, коумызь 133,37. 185,2 у Половцевъ и у Татаръ.

Коун-а 86,15. 145,16. 194,5. 208,1. 215,33. 223,15. 225,5 куна; 1.
куница, 2. кунья шкура (=монета).

Коуп-ьно, въ коупѣ.—Съвъкоупити, съкоупити и ошибк. изд. ско-
пити собрать пп. *вои*—войско.—Съвъкоупитися, съкоупитися
ошибк. изд. скопитися собраться; о князьяхъ 1) собирающихся на
сонмъ 2) собирающихъ *вои*; *съкоупитися въ любовь* 89,35.—
Съвъкоупленіе соединеніе.—Съкоупность.—II. Коупити.—Вы-

коупити. — Исѣкоупити. — Исѣкоупъ выкупъ. — Отѣкоупитися 58,4 кому — расплатиться съ кѣмъ. — Коупецъ.

Коуп-тъль 152,33. — Коупальа 200,11 *наканунъ Иванъ дня, на самая купальа.*

Коуп-ина 113,7 ЦС.

Коур-ъ 72,25. 220,2. 225,5 пѣтухъ; *якоже бысть къ куromъ — около полуночи; въ куры — въ полночь.*

Куръ, кюръ титулъ цареградскихъ императоровъ и царевичей.

Куріелисонъ ср. керьлешъ.

(Коус) коушати 62,11. 128,17 попробовать. — Вѣкоушати. — Исѣкоу-сити. — Исѣкоушению.

Коуст-ъ 184,35. 37. 185,12.

Коуття 153,32.

(Кън, кон, чън, чя). — I. Исѣкони. — Законъ 5,13. 17. 26. 30,4. 115,17.22. 135,30. 181,7.9. 209,11. 219,23 1) собств. обычай, 2) законъ, 3) вѣра. — Законопрѣстоупникъ. — Незаконно 102,40 *мученъ* за свои беззаконія. — Безаконіе. — Безаконныи, безаконныи. — Безаконіе. — Безаконьновати, безаконьновати. — Коньць. — Наконьць. — Коньчъный 113,7. 126,18. *тѣси* — похоронныя. — Оконьчъныи 12,28 *концевой*. — Коньчяти 33,9. 40,13. 125,22. 152,1. 220,7 *съ кѣмъ* раздѣляться (нп. и убить 125,22). — Коньчятися. — Доконьчяти 88,33. 207,27. 218,11. 226,19 кончить. — Приконьчяти 34,14 убить. — Съконьчяти 1) кончить 2) убить. — Съконьчятися 1) умереть 2) 200,2 довершиться. — Оуконьчяти 144,11. 25. 146,35 кончить. — II. Кънязь. — Кънязь 105,28 прилаг. княжескій. — Къняжия 13,31 собирает. женск. р. = князя. — Къняжичъ сынъ князя. — Къняжь. — Кънягыни. — Кънягынинъ. — Къняжити. — Къняженіе. — Къняжитися 159,15 корчить изъ себя князя. — Вѣкъняжитися 159,32. 179,10 съѣсть на пресголь. — III. Зачяти. — Зачятию. — Зачяло. — Начяти. — Начятию. — Начяло. — Начинанию. — Начяльникъ 23,27. 85,10. 113,19. 121,37. 224,37 *зачинщикъ*. — Почяти. — Почятися. — Чядо. — Исѣчядию. — Чядь 30,13. 99,37. 100,9. 101,25. 106,10. 25. 213,11 *чади* (у Половцевъ) *шестьдесятъ, четьреста; Бастыева, Чаргова чадь* (у Половцевъ); *простая чадь* 213,11 противопоставляется боярамъ.

Къниг-а. — Кънижъникъ мудрецъ.

Кър-а 13,8. 9. 140,27 см. объясненіе издателя.

Ла-яти кричать 61,35. 184,2.

Лад-ити 48,4 мирить. — Ладитися мириться, вести переговоры. — Оуладити, помирить.

Лазоуръ 196,27.

Ласк-авию 194,19 притворное улещиванье.

(Лег, лог) I. Лежати. — Вѣлечи 114,25. 132,36. *грабитель* принялись; *во Диньръ* войти. — Вѣлягомо 28,12. 72,24 *якоже бысть влягомо* — когда пришла ночь. — Налегати напирать (нп. о непріятеляхъ). — Налогъ 26,13 обремененіе. — Обѣлечи 130,35 остановиться на поч-

легъ.—Перележати 2,10. 122,36 *ночь* простоять на роздыхъ.—
 Прѣдлежащее на *пр. възвратимся*—о чемъ прежде говорено? или:
 о чемъ слѣдуетъ говорить?—Прилежати *чему*—усердно заниматься.—
 Прилежныи.—Оулечи 4,19 *мятежъ влече*—успокоилось волненіе.—
 Ложьница 113,16. 22 спальная—II. Вложитьи нп. *въ гробъ; въ*
тяготу кого—ввести въ неприятность.—Възложитьи нп. *честь на*
комъ—почтить кого; *вру на лжю* 166,3 придать вѣроятіе лжѣ.—
 Доложити 83,2.—Заложити нп. *церковь; заложити церкви* 9,1 *вм.*
заложися, заложна бысть.—Заложитися 37,20. 55,2? 87,22.
 98,26. 124,24. 141,17 *рѣкою, лѣсомъ* заслониться; *заложивъсь ночью,*
ночь пота 87,22. 98,26. 124,24 уложившись ночью на возы?—Изъ-
 ложити 223,11 описать.—Наложити.—Объложити.—Отъложити
 отложить; но 14,23 *вм. отъложитися*.—Отъложитися 161,4.—
 Положити *тѣло, честь на комъ* почтить; *положити на собѣ что*
 66,6. 25 оставить на себѣ (безчестье); *положити вину*—сказать что
 виновать *старшинство на комъ* 110,29 признать старшимъ; *со-*
вить 61,39 рѣшить.—Положеніе то, что положили.—Приложити
честь къ кому 25,25 почтить.—Приложитися *къ кому*—стать его
 союзникомъ.—Съложити *сромъ*—отметить за безчестье; *голову сло-*
жити за кого—жизни не жалѣть; *путь съ кѣмъ сложити* 81,10
 условиться о походѣ.—Съложитися 89,15. 19 *любовью съ кѣмъ*—
 вступитъ въ союзъ.

Летѣти 1) летѣть 2) падать.—Перелетѣти.

За-ли-ти.—Изълити.—Обълити.—Полити.—Росъполиватися
 37,25 разливаться (о рѣкѣ).—Пролити.—Пролитися.—Пролитіе
крови.—Сълити.

Лививыи Хл., любивыи Ип. 212,10 *конъ* *вм. любимыи* какъ издатель.

Лиз-ати 175,24 *уста своя*—когда хотятъ подольститься.

Ликъ нп. *чернецкій*.—Лице 1) лицо 2) улика.—Нелицемѣр-
 ныи.—Личина 187,10 *кони въ личинахъ*—палобникахъ?—Объли-
 чити.—Объличеніе.—Розъличьныи.—Разъличъ 5, 6. Ипат.
вм. различныи.

Лис-иця 169,23.

Литоургия.

Лих-ьи, лихо 1) плохой 2) злой; *лихо ѣздити* 217,38 плохо, такъ
 что есть опасность,—Прѣизълиха 204,33 чрезвычайно; рет?

Лиш-ити.—Лишиться 12,29. 25,15. 38,34. 54,8. 98,18. 19. 108,34.
 138,5. 146,29. 149,9 *чего, кого* бросить, покинуть, нп. *брата* по-
 покинуть хлопотать о немъ; *Кіева*—перестать домогаться; *Перяславля*—
 покинуть его.—Обълишенъ 152,15 рет.

(Ловѣз) обълобызати 143,27.

Лов-ити 1) ловить, охотиться 133,18; 2) *ловити чего* подыскивать
 случая, чтобъ сдѣлать какой вредъ; вообще искать, стараться нп.
битися.—Ловы вин. множ. охота.—Ловѣць.—Ловѣчии.—Ловѣчеу
 225,1. 3 родъ налога.—Объловитися 139,25 наловить довольно.

Лод-ия.—(Олядия 164,10=лодия).—Лодииникъ 126,12 гребецъ на ладѣ.

Въ-лож-ити вм. лег—.

Лоз-а 89,39 на болонѣ въ лозахъ.—Лозина 169,19 городъ обошли вода и сильная лозина и вербѣ.—Залозьныи 97,35 путь отбиваютъ Половцы.—Залозьникъ 94,16. 98,37 Гречнику и Залознику князя выходятъ на встрѣчу, чтобы сберечь ихъ отъ Половцевъ.

Локоть, локоть род. множ. 106,36. 197,6. 215,33.

Вы-лом-ити.—Изъломити.—Изломитися.—Объломити 133,14 сокрушить, рет.—Объломитися 37,27. 141,10 на озеръ проломитися подъ ледъ.—Поломити 6,18. 203,36 полкъ сломить.—Проломити.—Оуломити 183,37. 188,9 отломить.—Ломъ 110,10. 123,37, 178,2 ломанье; по 123,37 стояху на горахъ, во пропаstechъ и ломахъ—обваль?

Лонокравовичъ 157,36.

Лошадь, Иш. лошадька 1,11. 12.

Лоугъ противополог. „горъ“; обыкн. луговая сторона Двѣпра.

(Лоук—) I. Лоукъ *самострѣльный* 128,39.—Лоучьникъ 196,22 ма-стеръ, дѣлающій луки.—Лоукъ *судельный* 47,11 лука у сѣдла.—II. Лоука 104,29 моря—заливъ.—III. Лоукавыи.—Вьселоукавыи 98,2 ретор.

Лоукъ-но, Хл. локно 225,3 *дѣтъ лукнѣ меду*—кадочка?

(Лоук) I. А) Отълоучити; вм. *отлучитися* 124,39 Иш.—отѣхать; *что на кого отлучити* 179,16 отдѣлить, оставить для кого.—Отълоучитися 24,16. 68,25. 38. 69,11. 190,7 съ кѣмъ 24,16—поѣхать; *отлучитися кою*—отстать отъ союза.—Розълоучити; *розълучивая съ братьею* 17,35 дѣлясь.—Розълоучитися 1) разлучиться 2) покинуть другъ друга.—Розълоучение 19,7 ссора. Нерозълоучно.—В) Полоучити.—Полоучение случай 132,1.—Прилоучитися 153,36. 175,17. 195,32. 196,3 случиться.—Прилоучаи 158,1 случай.—Сълоучитися.—Оулоучити 47,9 *улучи самъ по нихъ*—погнался самъ? или: попались ему самому они?—II. Лоучии, лоуче; *лоучии людѣ, мужеве* 66,30. 94,21=*лѣньшии, добрыи людѣ*—знатные; *лоучая дружина* 13,26 тоже.—III. Лоучь.

Лоучн-а.

Лоучн-ити 209,11. 212,12 грабить.—Изълоупити 212,25 ограбить.—Обълоупити 27,12. 209,12 тоже.—Полоупити 209,12 тоже.

Лѣтъ ъ.—Прилѣбница 104,27. 180,28 шлемъ?

Лѣгати.—Сълѣгати.—Лѣжь прил. 48,17. 166,1. 184,3. 218,10 лжи-выи.—Лѣжя 89,22. 99,22. 165,22. 166,2. 3 ложь.—Лѣжьныи 101,29.—Лѣживыи.—Лѣжеименьць 166,3 рет. лжець? самозванецъ?

Лѣс-ни.

Лѣвъ-ѣ.

Лѣгъ-кыи, лѣгъко.—Лѣгосрьдыи 224,2 незлопамятный.—II. лѣзѣ, нелѣзѣ.—Польза 20,9.

Лѣдъ, множ. *лѣдове*—ледъ.

Лѣнъ-ѣ 225,4.

Лѣсть-обманъ, лукавство, измѣна; на мѣсти обманомъ.—Лѣстити; *подѣ* жь обманывать, коварствовать, измѣнять, зложелательствовать.—Лѣстьць измѣнникъ.—Лѣстивый измѣнническій.—Лѣстныи 176,25 лѣстивый.—Нелѣстью 154,7 истинно.—Облѣстити обмануть.—Перелѣстити кого—обмануть, измѣнить ему.—Прѣлѣсть обманъ, измѣна.—Прѣлѣщение 176,12 обманъ.

По-лѣв-оу полѣво.

(Лѣз—) лѣсти 50,3. 72,14. 134,1. 212,11 итти.—Влѣсти 41,6. 143,26 войти; но 170,15 влѣзть.—Възлѣсти 132,38.—Вылѣсти 212,24. 219,39 выйти; но 97,2 *вылѣзе послухъ по Васи* нашелся свидѣтель за Василья.—Иzlѣсти 205,21 *городъ* взять приступомъ.—Налѣсти найти; *столъ отца, отчину*—отыскать, завоевать; *брата* 25,19 отыскать, освободить; *честь свою*—смыть обиду, отыскать права свои; *хотѣніе свое* 146,6 достигъ его исполненія; *правду свою* 148,26 отыскать свои права.—Налѣстися 133,23 *налѣзся мужъ* напелъ челоуѣкъ.—Полѣзти пойти; на конь—сѣсть на коней, отправиться въ походъ. Прилѣсти 210,2 прійти.—Слѣстися 170,15 сойтись (или сползтися?)—Лѣствица 199,20.

Лѣв-иво, лѣвность.

Лѣв-ни, лѣво, нелѣво, лѣпный, лѣпше, лѣпше лѣпшии *мужи* 17,10. 96,24. 121,3. 122,26 *лучше, знатные; нелѣно есть*—нехорошо, негодится.—Безлѣпа 31,30. 35,5. 140,21. 208,9 безъ причины, неосновательно, попусту.—Нелѣпъти 99,15 такъ издат. но Ип. Хл. *нелѣпъти (велитъ братъ хрестъ цѣловати)* неосновательно, безъ всякаго повода съ твоей стороны; смыслъ ясенъ; но описка *нелѣпъ* вм. *нелѣпъ*, или правильно?—П. Прилѣпа 196,29 *прилѣпъ въ церкви отъ всихъ шаровъ и злата?*

Лѣс-ъ, лѣсныи.

Лѣто 1) лѣто 2) годъ.—Лѣтовати 132,18 провести лѣто.—Лѣтописецъ 225,6 хронографъ, лѣтописъ.

Лѣв-ити 1) любить 2) предпочитать 3) желать.—Любими.—Прѣлюбимъ 81,35 очень любимъ.—Възлюбити 1) полюбить 2) предпочитать 3) захотѣть.—Възлюбленни.—Излюбити 44,4 захотѣть.—Оулубити захотѣть, предпочесть, согласиться на что; *улюбилъ бы Кіевъ ему* 77,27 *вм. улюбися* понравился ему Кіевъ.—Любыи, любъ, любо (нарѣчіе)—милой.—Нелюбъ, нелюбо.—Любо (союзъ) или; *како любо* 145,27 во всякомъ случаѣ; *любо въсхотятъ* 211,32 можетъ быть захотятъ; *любовы же дати жену на полонъ* Ипат. Хл. 66 *вм. любо же дати* какъ въ изданіи—описка или нѣтъ?—Любы 1) любовь 2) доброе согласіе, миръ союзъ; *велику любовь створити межю собою* 52,3 (о встрѣтившихся союзникахъ) очень хорошо, дружелюбно обходиться? *цѣловати крестъ на всей любви* 79,4 отъ чистаго сердца? *любы Ростислава т.-е. къ Р., союзъ съ нимъ; любви сватства* 178,21 *узы свойства.*—Любовная 89,14 *речь* дружеская.—Нелюбіе и 211,37 нелюбовіе неприязнь.—Нелюбовати 127,32. 143,28. 201,23 негодовать.—Любъзно дружески.—Любъзникъ 121,23. 136,34 на

дружину бѣ любилъ ее; *питію* многому любилъ пить.—Прѣлюбы 5,14. 27 *дѣяти*.—Любодѣецъ.

Люд-иѣ.—Людская 80,27 *погыбелъ* то, что народъ гибнетъ.

Лют-иѣ.

ЗА-маз-ати 222,12. 16.—Помазати.—Помазаниѣ.—II. Маслопоусты-
ная Ип. Хл. 20,34 *вм. мясопоустыная*, тоже что *масляная*.—Масль-
ная 3,26. 14,24. 29,11. 107,7 *недѣля*.

Май.

МАЛ-иѣ, мало, немалъ, немало; *мало* 1) нарѣч. и 2) сущ. *вп. въ малъ*
дружины, съ маломъ дружины съ небольшимъ числомъ дружины; *ма-*
лоли 142,27 можетъ быть, что мудренаго; *малии* 191,22=*дѣтстѣи*.—
Малѣ 94,23 *не весь*—едва не весь.—Нимало.—Замало *не* 156,8.
165,12.—Замаломъ *не* 106,35 едва не.—Помалоу.—Маловрѣмень-
ныи рет.—Маловѣрныи 154,35 рет?—Малодоушныи рет?—Ма-
ломошь 153,19. 34 бѣдный? ЦС.?—Оумаляти 221,21 уменьшить.

Манѣтия, манотѣя 33,30 и мятля 72,31. 33. 199,23 (=манотѣя) мантія.

Марть.

МАСТЕРъ 88,38. 153,26 188,1. 196,21; но Ип. 88,38 *мастырь*.

МАТ-и.—Матерѣи 89,9 материнѣ.—Мачеха 73,12. 74,10.—Маче-
шичъ 78,8 сынъ мачехи.—Матѣка 175,21 пчелиная.

Мед-ъ 26,31. 27,11. 171,6. 177,21. 225,3.—Медоуша 113,17 медовой
погребъ.—Медвѣдь 216,18.

МЕТ-ати бросать; покидать.—Вѣметати 47,13. 88,26 *въ погребѣ: въ на-*
пастъ.—Вѣметатися, Ип. вѣмѣтатися 67,29 *въ Уры*—броситися
въ средину Венгровъ.—Вѣзѣметати 92,39 взметнуть.—Наметати.—
Отѣметѣиикъ 33,31 отступникъ рет.—Переметати 56,4. 97,19
мостъ—послѣ этого нельзя пройти, и надобно оиять *помостити* его.—
Пометати покинуть, оставить.—Приметъ 190,29 *взяти городъ при-*
метомъ наваливъ соломѣ и хворосту къ стѣнамъ и потомъ зажегши
ихъ.—Вѣспрометатися 183,13 на воздухъ—объ орлахъ рет.—Розѣ-
метати 6,20. 198,19. 20. 21. 26. 27 раскидывать.

Меч-ѣ.—Мечевыи 172,27. 31.—Мечѣиикъ 22,33. 109,5. 115,16 (санов-
никъ при князѣ).

МИ-ноути миновать; *изъ земль* 214,13 выйти наконецъ.—Изѣминоутися
198,4 *сторожи измирушася съ ними* разошлись, не встрѣтились.—
Оминоути 129,13 *кого*—пройти мимо его, не встрѣтиться.—Поми-
ноути *что*—миновать.—Проминоути 42,37. 33=*поминоути*.—
Мимо.—Мимотекыи рет.

МИРъ I, миръ рах.—Миролюбіѣ.—Мирити.—Миритися.—Омирити
7,22 *кого* заключить миръ съ нимъ.—Примирити *кого къ себѣ* заклю-
чить съ нимъ миръ.—Сѣмирити, сѣмѣрити помирить.—Сѣмири-
тися, сѣмѣритися помириться.—Оумирити.—Оумиритися.—Мирь-
ныи 1) мирныи 2) мирной, невѣдущій войны.—Немирьный 111,7.—
Мирѣиикъ 198,3. 13. 19 съ кѣмъ у насъ миръ.—Немирьиикъ 203,9
съ кѣмъ незаключено мира.—II. Миръ *mundus*.—Мирѣскыи,

мирьскы, мирьскыи (нарѣчіе) по мірскому (имя другое, Славянское) 58,26. 93,33. 102,12. 121,16. 136,10. 151,8.

Мил-ьи.—Милосръдіе.—Немилосръдіе.—Милосръдовати.—Прѣ-милосръды 150,11 рет.—Миловати.—Милование 153,18 рет.—Помиловати.—Помилование 100,14.—Милость 1) милость 2) по-милованье 3) милостыня.—Милостивыи.—Немилостивыи.—Безъ-милостивъ.—Въсемилостивыи ЦС?—Немилостивыи, немилос-тивыиѣ.—Милостыни.—Милостыникъ 114,19. 122,26 *шедше от-туда (убійцы Андрея) убиша Проконя, милостыника его; Святославъ едумавъ съ княгинею своею и съ Кочиремъ, милостыникомъ своимъ?*—Милостыни, Хл. милостыниковъ 114,20. 21 *кони милостныи, оружіе милостное у князя Андрея?*

Митрополить.—Митрополия.—Митрополитьскыи.—Митрополичь.

Млъ-ния.

Млъ-вити говорить, сказать; *во здорově кому* 15,25 доброжелательство-вать.—Измлъвити 102,37. 185,4.—Отъмлъвити 68,10 отвѣчать.—Пере-млъвити 178,11. 179,35 уговорить, чтобы перешли на нашу сторону.—Подъмлъвити 41,1. 81,8. 83,32 подговорить.—Розъмлъ-вити 48,34 уговорить чтобы недѣлали, отговорить.—Съмлъвитися условиться, уговориться.—Оумлъвити уговорить; *на чемъ* 147,12 усло-виться въ чемъ.

(Млъз) млѣко, молоко.

(Млък) млѣчати.—Млъчаниис.—Оумлъчати 41,38 промолчать.

Мнихъ.—Мнискыи.

Мног-ныи, много.—Многоглаголивыи 20,6. 21,10 вар. Х. Ин.—Мно-гоуеимание 117,21 поборы, грабительство.—Многократы 177,15.—Многорозъличныи 88,34 рет.—Многолоукавыи 109,20 рет.—Многолѣтныи рет.—Многоплодыѣ 222,4 рет.—Многострасть-ныи 34,16 рет.—Многоцѣныи рет?—Прѣмногыи 81,35 рет.—Многажды 47,13.—Оумножити 82,28 ошибочная поправка перепис-чика *вм. обнажити*, какъ правильно Лавр.—Оумножитися.—Оум-ноженіис 213,23.—Множество.—Всемножество 220,35 рет.

(Мог) мочи.—Възмочи.—Измочи 23,30 Хл. *вм. възмочи*.—Пере-мочи 100,7 пересилить.—Перематися 15,28 перебиваться вести тя-желую войну.—Помочи.—Поможениис.—Розъмочи 48,13 усилиться, процвѣтать.—Мочно, немочно.—Възможно.—Всемогыи ЦС?—Всемощныи ЦС?—Всемогоущество ЦС?—Помочь 1) по-мощь, 2) вспомогательное войско, союзники; иногда во множ. *помочи* нп. 90,9.—Помочьныи 128,5 *полкъ* союзники.—Помочьникъ.—Помочьница.—Немочи быть нездорову.—Измнемочи быть тяжело больнымъ, быть при смерти.—Измнемочися 101,32. 132,35. 134,35. 166,24. 27. 174,5 утомиться нп. отъ похода, войны.—Немочь 1) без-силіе 2) болѣзнь.—Мѣщи множ. 6,5. 53,22 нп. Игорева = тѣло Игорево.

Могыла курганъ надъ могилою?

Мол-ити просить.—Молитися 1) молиться 2) умолять челоуѣка нп.

- 20,17.—Домолитися 53,2 достичь просьбами.—Помолитися.—Оумолити.—Молитва.—Молитвѣникъ 1) книга молитвеникъ 2) рет. богомолецъ.—Мольба 1) молитва 2) просьба къ человѣку.
- Молод-бы; *молодъ* 176,26 дити *моложышя дружина* 55,30 *моложышии людѣ* 110,13 въ противоположность *старышней дружинѣ*—почетнымъ людямъ.—Изъмлада.—Младѣство 164,29 молодость.—Младѣньць 110,16. 122,2 ЦС?—Молодъ 43,18. 87,17 молодежь, = *моложышя дружина?*
- Мон-исто 219,7. 223,18.
- Монастырь, манастирь.—Манастирьскыи.
- Мор-е.—Морьскыи.
- Мост-ъ.—Мостъкъ мостикъ.—Помостити 56,8 *мостъ*—наместить.—Помость 196,27 въ церкви—поль.
- Мот-ъви предл. пад. 135,15 мятхуса акы въ мотви.
- Съ-мотр-ѣти.—Осьмотрѣти 205,36.—Росьмотрѣти 15,8. 198,36 обсуждѣть.—Росьмотрѣніе 14,7 обсужденіе рет.—Оусьмотрѣти.
- (Мр) мерети 90,25.—Изъмерети умереть (о многихъ).—Померети.—Оумерети.—Съмръть *взяти* 16,15 найти.—Съмрътъныи смертельный.—Бесъмрътъныи.—Мрътъныи.—Умрътъвити 103,10. 131,5 *умертвиша шойцю его* 131,5 ранили въ лѣвую руку такъ, что онъ не могъ владѣть ею?—Моръ 74,17. 82,13. 105,15. 212,35. 213,4.—Поморити 207,36.—Оуморити.
- Мраморъ 197,13.
- (Мръз) съмръзатися 53,4.—Морозъ 205,37. 212,25.—Заморозъ 70,31 *уже бѣ къ заморозу*—къ тому времени, какъ мерзнуть рѣки.—Мръзъкыи 109,23.
- По-мрък-ноути.—Съмръкноутися 10,7 глаг. безличн.—Мракъ.—Омрачѣти.—Омрачъныи 113,6 находящійся во мракѣ рет.—Помрачѣти.
- Моуд-рыи.—Моудролюбіе.—Прѣмоудрыи.—Прѣмоудръно 103,10 рет.—Моудрость.
- Можь-ъ 1) мужчина, человѣкъ; 2) *мужъ чей*—членъ чьей дружины, савновникъ.—Мужьскы нарѣч.—Моужьскыи мужественный.—Моужьство.—Моужьствъныи.
- Моук-а.—Моучити.—Моучитися.—Моученіе.—Моучитель.—Примоучити 146,5 обезсилить (непріятеля).—Оумоучити 21,24 замучить.—Моученикъ; двойств. *мученика*—Борисъ и Глѣбъ.—Моучениця.—Моученичъскыи.
- Моут—см. мят—
- (Мтък) въмъчати 34,4 *во дворъ*—вомчать.—Примъчати 43,14.—Оумъчати 9,20.—Изъмъкъ Ип. Хл. причаст. отъ изъмъкноути 159,9 *мечъ* вынуть.—Отъмъкноути 115,1. 10 отпереть.
- Мы-тися.—Омыти.—Оумытися 112,37. 116,8 *прегрѣшеній*—омыться отъ прегр.—Мовница 202,4 баня?
- Мысл-ъ 1) мысль 2) намѣреніе; *мысль высока* надменность; *въ одной мысли быти*—единодушными быть.—Мыслити.—Домыслитися 114,31 *чего* придумать что.—Замыслити.—Замысль 61,26.—Помыслити.—

Помышление.—Помысль.—Промыслити заботиться о чемъ 1) въ хорошую сторону нп. о *Руской земли* 1,8; 2) въ дурную, *промыслимы о князи* 113,14 говорятъ убійцы—избавимся отъ него; *промыслиай о себѣ* 117,4 = мы тебя выгоняемъ; и *начи промыслиати* 205,22 хлопотать о дѣлѣ т.-е. послалъ за Татарами.—Промысль.—Розъмыслити.—Съмыслити 179,30 *съ кѣмъ* посовѣтоваться.—Съмышлятися 158,11 Ип. толковать между собою.—Съмысль 1) разсудокъ 2) смыслъ, значеніе.—Несъмысленны 34,19 рет?—Оумыслити задумать.

Мыт-о 215,29.—Мытникъ 56,4.—Мытарь 151,18 ЦС?

Мыш-ѣця.

Мыг-а.

Мыд-л-ити 172,14.—Оумьдлити 183,18.—Немыдльно 152,34 рет?

Мызд-а 1546 ЦС?—Мыздыдавъць 153,20 рет.—Мыздоимъць 221,1 рет?—Безъмыздъникъ 192,2 ЦС.—Възъмыздити 171,2 вознаграждать ЦС.—Възъмыздіе ЦС.—Оумьздити 53,2 склонить подарками.

(Мын) I. Мынѣти; *мняще мирни суще* 168,8 вм. *мнящеся*; считаемые за друзей.—Мынѣтися 1) казаться 2) думать о себѣ.—Въспоминати.—Въспомынѣтися 119,2. 133,10 ЦС. опомнѣтися (отъ грѣховъ).—Напоминати 211,11 напоминать.—Помынѣти, поминати.—Память.—Помянути вспомнить.—Помянути 116,23 вспомнить.—Съмынѣтися 38,1 сомнѣваться.—П. Въмѣнити 65,33. 108,38. 112,39. 121,20. 146,27 1) думать о чемъ 65,33. 112,39; 2) поставить въ обязанность, говорить о чемъ (при заключеніи договора) 108,38. 146,27 *Богъ възмънитъ кровь вашу съ мученики* 121,20 почтетъ вашу смерть за мученическую.

Мын-ии, мынѣе.—Мынѣшиця 129,14 *Конякъ же утече, а мынѣшицю его яша?*

Мыст-ѣ; *мысти* множ. 65,17.—Мыстити.—Мыститися 122,22. 30. 139,32 мыстить за себя.—Мыститель.—Възъмыстити.—Отъмыстити.—Отъмыститися.—Отъмыстіе 131,29. 178,36 отмщеніе.—Отъмыстѣникъ отмстить; ЦС?—Помыстити отмстить.

Мычт-аніе 184,32 *Чигизаконова мечтанія*—выдумки или суетвѣрія?—Измъчтаньи 112,4 придуманный, рет.

Мыд-ѣ.—Мѣдъныи.—Мѣдяныи.—Мѣдъница ЦС. лепта.

(Мын) изъмѣнити.—Прѣмѣнити.—Прѣмѣнитися 159,17 *во злато*—превратиться въ золото, расплатиться золотомъ.—Непрѣмѣнно 154,15 рет.

Мынея, минея.

Въмѣнити см. мынѣти.

Мыр-а.—Мѣрити.—Възмѣрѣтися ЦС.—Съмѣрити смирить.—Съмѣрѣтися.—Съмѣренны смиренный.—Съмѣреніе.

Съ-мѣс-ити.

Мыс-яць.

Мыст о; възмѣстѣ, намѣсто, намѣстѣ, помѣстоу вмѣстѣ; *на всихъ мыстѣхъ* во всѣхъ обстоятельствахъ; *до сихъ мыстѣхъ* до этого времени.—Возъмѣстіе 19,13 *осажалъ ны* (врагами) *около, а намъ на безо-*

ловіе и безмѣстіе и собѣ—то, что недостаетъ волостей?—Мѣстичъ 216,10. 225,31 житель внѣшняго города; они противуполагаются *горожанамъ*, жителямъ крѣпости.—Вмѣститися.—Намѣстный 223,17. 18.—Намѣстникъ 221,20.

(Мяк) оумякъчѣти 186,22 *умякшиша сердца Яввяномъ*—они содрогнулись. Мясо-о.—Мясопоуши 73 16.—Мясопоустыная недѣля.

(Мят) мястися 88,9. 132,15 волноваться.—Мятежь волненіе въ народѣ.—Мятежникъ 169,32. 184,11 *земли*—виновникъ безпорядковъ.—Възмѣясти 13,29 *пожъ*—разстроить.—Възмѣястися взволноваться, разстроиться.—Замѣясти 209,28 *къмъ*—разстроить кого?—Изъмѣясти 135,2. 142,24. 167,35 *къмъ*—тоже.—Съмѣясти 131,25 привести въ безпорядокъ.—Съмѣястися.—Съмѣятеніе.—II. Съмоутитися.

Наг-ни.—Нагота.—Обънажити *церкви иконами* 100,16 ограбить иконы изъ церквей.—Обънажитися 131,32 *отъ всего*—лишиться всего, рет. Нев-о.—Небесъный.—Подънебесная.

Нес-ти; Половцы *несутъ хрестіаны* 97,33 грабятъ, уводятъ въ полонъ?—Вънести.—Възнести.—Възвестися.—Изънести.—Перенести.—Понести.—Принести.—Възнесеніе.—Вынести.—Донести.—Занести.—Пронести 202,2 *думу*—разгласить намѣренія.—Рознести.—Сънести.—Съвестися 85,10. 99,29 *тѣмъ*—сговориться черезъ пословъ.—Оунести.—Носилиця (множ.) 115,25. 118,3. 15. 134,21 посылки (для покойника; для больного).—Понось 135,24 поношеніе, упрѣки.

Вч-низ-ъ.—Ниже (сравн. отъ низъкій).—Понизіе 166,35. 167,19. 179,11.

(Ник) ниць прилаг. 147,5 *падаху ници*—падали ниць.—Выникноути 199,18. 210,3 высунуться.—Поникноути 130,6.—Оуничижити 168,38. 221,12 ЦС.—Оуничиженіе 154,3 ЦС.

Нищ-ии.—Нищелюбъць 10,12 рет?—Нищетооуміис 154,11 рет.

Нов-ьи.—Изънова,—Объновити и поновити подновить, заново отдѣлать.—Поновитися ЦС.—Поновленіе рет?

Ног-а.—Подъножька 197,6.

Норовъ, нравъ.

Нос-ъ 59,6.—Нозьдри 63,35.

Ноч-ь; ночьсь 101,9 и сыночи 72,35, 75,34 въ эту (предъидущую) ночь, вчера вечеромъ.

Ноябрь.

Ноуд-ити.—Ноужя 1) принужденіе 2) нужда 3) крайность, необходимость; ноужею приневоленный; *Норъ у нужи* 28,21 въ бѣдствіи.—Ноужьный, 7,1. 133,15 *нужная смерть*—мучительная? или насильственная? *нужная* вся рет. всѣ мученія.—Поноудити.—Приноудити 65,24.—Оуноужень 190,18 приневоленный.

(Ноур) пронырьливыи 25,9. 102,17.

Оу-пы-пис 127,5. 206,30. 217,2 *тѣмъ его* (у больного) тѣ, что сталъ худъ, пропала красота,

(Нъз) выньзити 47,15. 64,7 *вынза мечъ*—вынувъ.—Ножъ 176,29. 185,13.

НѢм-ыи 164,31.

ОВАДА 139,27 *Святославъ я Кондудья, Торцькаго князя, по обидѣ — по наговору? корень ба-яти говорить? или (скорѣе) отъ корня вад (вед) ср. съвада—ссора?*

Овилине.—Изобилие.—Изобильно.

ОВЪЧ-ии общій.—Объщѣникъ 221,16 вм. общѣникъ рет.

ОВ-ѣця.—Овчя 6,32 ЦС?

ОВЬС-ъ 225,4.

ОГЪН-ъ.—Огъньныи.—Огънезарьныи 135,11.

Одинъ, ѳдинъ; заодио 209,7. 8.—Одиною 62,1. 225,30 заразъ, въ одно время.—Юдинодоушьи 116,8 рет.—Юдиномысльныи рет.—Юдиночядыи ЦС.—Одинадесять 213,7.—Въѳдиніе 191,15 соединенье; описка или нѣтъ?—Одинако тѣмъ не менѣе, не смотря на то.

ОЗЕР-о.

ОК-о.—Очевисто 106,38 очевидно.—Окъно 196,25.

ОКСАМИТЬ, оксамоть 92,9. 114,37. 220,13. — Оксамитьныи 222,27. 223,5.

ОКТАВРЬ.

ОЛОУ род. отъ имен. олъ? 165,38 oleum, растительное масло ЦС.

ЮЛЕНЬ 155,5. — Оленьць 5,5 олененокъ.

ОЛЕТЪ нѣкто 72,20 *и рече (Володимерко, съ которымъ вдругъ сдѣлся припадокъ) олеть нѣкто мя удари за плече: олеть непонятно; конечно не собств. имя, а какая нибудь испорченная фраза, въ которой главное слово какая-нибудь форма глагола летѣти (сравн. этотъ глаголъ строкою ниже и хотѣ летѣти).*

ОЛОВ-о 196,28.

ОЛОВИРЬ 187,14. 223,10.

ОЛТАРЬ.

ОЛУМПАДА, алумпиада.

ОНЪВОНЪ амвонъ.

ОПРАКОСЪ (евангеліе, апостолъ).

ОР-ати 1,11. 180,9 пшеницю.

ОР-ьль.

ОРЬНИЦИ вин. множ. 6,20 *повелъ Володимеръ рѣжючи паволоки, орници, бѣль разметати народу.*

ОС ЕНЬ.

ОСЪМ-ъ. — Осъмыи. — Осъмынадесять осъмнадцатый. — Осъмникъ 81,15 *нивъ Гюри у осъмника у Петрила, разболѣся.*

ОСТ-рыи.—Острота 172,31.—Възостритися 109,14 *на рать порываться.* — Изоостритися читай изостритися 187,3 *на поганья — възостритися.*

ОСТРОВЪ.

ОТ-ѣць.—Отънь и отъчь Хл. 4,9 вм. *отънь* отцовскій.—Отъчина, вотъчина (чит. вотъчина) отцовская волость.—Отъчество родина.—Отъчествоиъ 120,7. 158,13 рет? *исполнити отечество свое* 120,7 *быть достойнымъ отца?*—Отъчизна, 14,11 Хл. вм. *отъчизна*.—Отъ-

чимъ 85,7 вотчимъ. — Отьчичь напр. *нашъ* тотъ, котораго отецъ былъ нашимъ княземъ. — Праотъчъскыи 153,22 рет.

Оточина см. чинъ.

Отрокъ 1) дитя 2) слуга. — Отрочя 176,1 зп.

Охтай октоихъ, церковная книга.

Паволока 6,20. 29,16. 57,19. 92,9. 115,15. 223,6. 7.

(Пад) пасти. — Пастися 10,1. 103,5. 174,9. 183,3 = *пасти* нп. *надеся* *церкои*; *пáстися* (быть убиту) *отъ ратныхъ* 174,9. — Паде-
ниис. — Въпасти *въ руцъ* — попасть въ руки. — Въпастися 103,5 =
въпасти. — Напасти. — Нападениис. — Опадати. — Припасти 5,27
нощю на кого нагрнуть. — Съпасти. — Съпастися 183,37 = *съна-*
сти. — Напасть. — Пропасть 123,37 *стояху въ пропастьехъ* — оврагъ? —
Западъ.

Пак-ы. — Наипаче особенно. — П. Пакость вредъ, уронъ, непріят-
ность; *пакости днати* = *пакостити*, грабить. — Пакостити кому —
грабить кого. — Пакоститися 52,11 = *пакостити*.

Пал-иця 5,12 палка.

Папа. — Папинъ.

Парамья паремейникъ, церк. книга.

Пардоусъ 29,22. 86,17 дается въ подарокъ (какъ рѣдкость?)

(Пас) пастоухъ 126,20. зп. *стаду черноризецъ* — игумень. — Опасъ 132,25.
136,39 *емлемъ города безъ опасы* — не „опасены“, беззащитные? или
(скорѣе) безъ страха, безопасно? *Романъ слалъ безъ опасы къ мужемъ*
Галичскимъ — явно, нескрываясь. — Опасеная 204,6 земля, приведенная
въ безопасное положеніе. — Съпасти. — Съпастися. — Съпасеніе. —
Съпасъ. — Съпасовъ.

Пасха, паска.

Патриархъ, патрѣархъ. — Патриаршъ. — Патрѣаршъскыи.

(Пек) — І печь, печь. — Печать 219,18. — Печатьникъ 179,33. 180,7
посланъ Даниломъ исписать грабительства бояръ; печатьникъ идетъ
съ войскомъ. — П. А) Попещися. — В) Печяль. — Печяльныи 1)
печальный 2) *чъмъ* — заботящійся о чемъ. — Печялитиси 115,1 *пе-*
чяль ти имъ — заботься о немъ, возись съ нимъ самъ. — Печяловати
быть печальну, безпокойну. — Печяловатиси 133,22 = *печяловати*.

Перед-ъ 1) существ. 137,22 *Романъ передъ свои посла къ Прѣсьнску* —
авангардъ? 2) предл. передъ. — Передъ, переди. — Въпередъ, въпе-
редъ. — Напередъ, напередъ, напереди *пздити* — быть въ аван-
гардѣ (почотная обязанность нп. 127, 1) — Попередити 202,2. 207,8.
212,21 и оупередити 70,5. 75,32. 93,24. упредить прійти прежде. —
Передьнии 1) передній 2) предъидущій, прежній 3) о войскѣ — пере-
довой; *переднии мужи* 91,22. 93,7. — Прѣжьнии 109,26. 211,21. —
Прѣжепоминаемыи 153,23 рет. — Прѣженанписанныи 153,26 рет. —
Прѣжереченыи 202,10. 211,15 рет?

Перек-ъ 129,30 *пхати полемъ* — тоже что *перекы*. — Перекы 35,35.
36,2. 8. 9. 10. 148,1 *пхати* — наперерѣзъ, такъ чтобы перехватить
дорогу. — Въперекы 81, 5 = *перекы*. — Поперекъ 131,15. 211,23.

Печера 79,11 пещера.

Печени множ. 214,10.

(Пи) I. Пити.—Питиѣ 1) питье, пьянство 2) напитки.—Пиво 185, 6 не наше пиво, а вино.—Испити.—Напитися.—Попитися 144,21=напитися.—Оупитися.—Пиянии.—Пьянство.—Пирь.—II. Въпити 1) кричать отъ боли 2) кричать громко, чтобы слышали.—Въплъ 115,31.—Възъпити 15,2. 170,3. 186,25 *къ кому* — начать просить.

Пис-ати, пьсати; *пишетъ* 153,4 *вм. пишеться* (=сказано въ св. Писаніи); *слово писаное* 48,2 слово св. Писанія.—Писание.—Письць 215,18. 225,1 *писецъ* (чиновникъ у князя).—Въписати. въписьати записать въ книгу.—Исписати *грамоту*—написать: 177,36 переписать, записать.—Написати, написьати.—Написание 154,12 сочиненіе рет.—Пописати 218,12 *грамоты*—написать.—Съписати 1) списать 2) написать.

Пит-атися.—Въспитати 152,28.—Въспитаемъ 149,2 *Всеволодъ бѣ всихъ удале рожаемъ и воспитаемъ* (въ изд. *воспитаніемъ*)—причаст. отъ *въспитати*?—Пищя 116,9 *райская*—блаженство.

(Пла—) запалити.—Попалити.—Пламя.—Пламянии 166,1 рет?—Росъполѣтися 109,22. 122,21 *итвомъ*—воспылать.—Онала 198,18. 23 *опалу створити на кого*—разгнѣваться.—Попълъ 206,29 *пепель*.

Плак-ати.—Плакатися *чего* плакать по чемъ.—Въсплакати.—Оплати.—Росъплакатися.—Плачь.

Плат-ити.—Заплатити.

Пле-мя.

Плеч-ѣ, плеще; *вѣдати плещи на бѣгъ*—обратиться въ бѣгство; *въ плече кому стрѣляти* 100,9 въ бѣгущаго.

Росъ-плод-ити 222,4 размножить.—Росъплодитися 48,13.

Плоск-ыи 187,14.

(Плоу) плавати.—Росъплыватися 37,25 Хл. *Днипръ ся росплываетъ* *вм. росполиваетъ*—разливается.

Плѣз-оущи 197,2 *мнѣ отъ огня*—растопливающаяся.—Плѣзькыи 193,14 *ледъ*—скользкій.—Пспалзывать 84,31: князь, грозя другому, говоритъ: *ты тогда не жалуй на мя, оже ся начнемъ поспалзывать изъ Чернигова къ Новгороду* — если тебѣ придется убираться изъ Ч. въ Н.

Плѣк-ъ 1) отрядъ, 2) войско, выстроенное къ битвѣ, 3) самая битва; *дати кому полкъ*—предложить или привяты битву; *полкъ Киевскій*—Кіевская волость, Кіевскія силы; *по Переяславскомъ полку* 48,24 послѣ Переясл. похода.—Полкъвесь 98,5 испорчено по мнѣнію изд.; кажется, *нѣтъ: и съзгунившися вся братья Киевъ, Рюрикъ и Давидъ, полкъ весь, а самому* (Мстиславу) *нездравующо* — „братья собрались, Рюрикъ и Давидъ, вся дружина“, т.-е. и вся дружина.—Плѣчище *нп.* 13,30 *мѣсто, гдѣ была битва.*—Плѣчыи 131,31 *рядъ* рет.—Исплѣчити построить въ боевой порядокъ.—Исплѣчитися *и* 190,26

сѣплѣчитися — стать въ боевой порядокъ, приготовиться къ бою. —
Оуплѣчитися 135,19 ополчиться ЦС?

Плѣн-ни. — Плѣннѣти 148,30 *руцѣ поганымъ* — давать волю грабить. —
Исѣплѣннѣти. — Исѣплѣнитися. — Наплѣннѣти — Наплѣнитися
1) наполниться, 2) набрать сколько душъ угодно вп. 164,19 — Росѣ-
плѣнитися 134,18 изд. поправляетъ *бо росполонился Днѣпръ* вм. Ип.
Хл. *борзо сполонился* (разлился). — Исѣплѣноу 146,6 вм. *исполню*,
какъ ошиб. попр. изд.: сполна, совершенно.

Плѣт-ь 153,8 рет? — Плѣтная 109,4 *сила* — многочисленное войско. —
Вѣплѣтитися.

(Плю) плевати 195,13.

Повой 82,24 *по княжи животъ княгини вѣда* (церкви) 100 *гривенъ се-
ребра; а по своемъ 5 селъ, и все то да и до повоя* — на покойника? для
поминовенія (по усопшемъ мужѣ и по себѣ)? ср. *повой* — покойникъ, Обл.
Слов.; корень *вы-ти?* или *вити?*

Поганыи язычникъ; *погании* обыкн. = Половцы; но также Черные Кло-
буки 23,11; Болгаре 114,32; Чюдъ 120,16; простой эпитетъ, а не
бранное слово, какъ теперь. — Поганъ собиравъ. 115,46. 214,9.13 языч-
ники (Татары, = *погании* — Поганьскыи. — Поганьство языческая вѣра.

Погостъ 7,25. 120,27; *погостъ безъ числа взяти* (Русскіе у Чуди): дѣдъ
Всеслава ходилъ на Новгородъ, и *погостъ одинъ завелъ за Полтескъ?*
корень *пог-остъ?* ср. *pagus*.

Исѣ-под-ънии 219,227. 220,40 *исподняя устна* — нижняя губа..

Позд-ѣ. — Позднѣй, поздно. — Опоздѣтисѣ 133,4 опоздать.

Пол-ъ 1) половина, 2) полъ *sexus*; наполю пополамъ; обапола, оба-
пола, обаполъ — по обѣ стороны (об. рѣки); сѣполоу 218,9 *то бы
ми с полу было* (о волости) — она бы мнѣ приплась кетати; это бы
хорошо, по мнѣ. — Полѣтора. — Полѣтретия. — Полѣтретина-
десять. — Полѣднѣ; полоуднѣ, полоуднѣи въ полдень. — Полоу-
днѣи югъ. — Полоунощъ, полѣночи, полоуночи въ полночь. —
Полоунощныи сѣверный. — Полѣземли 194,21; полоуотъчины 184,24
полѣтѣртака 146,21 — должно читать раздѣльно, принимая *полѣ а
вин.* над., *полоу* за родит. *полѣ*: *полѣ земли*; *полоу отъчины*; *полѣ
тѣртака*. — Половина.

Пол-ѣ степь; полемъ — не дорогою, а цѣликомъ, невѣженными мѣстами.

Полат-а 111,27 187,17 палаты, огромный домъ. — Полати множ. 72,18,
115,5. 117,22 въ божницѣ — хоры?

Полон-ъ 1) страд. то, что я нахожусь въ плѣну; наше „плѣнъ“;
2) дѣйств. то, что я „полонилъ“ — добыча. — Полонити, плѣнитѣ *го-
роды* — ограбить; *люди* — отвести въ полонъ. — Плѣненіе. — Полонъ-
никъ. — Ополонити 129,16 *конѣ* — захватить въ добычу. — Ополони-
тисѣ набратъ добычи. — Отѣнелонити освободить изъ плѣна. — По-
плѣнитѣ 1) ограбить, 2) взять въ плѣнъ. — П. Пелены 214,38 пе-
ленки (младенческія).

(Полоск —) выполаскивати 5,1 вымывать, выкидывать (о водѣ).

(Полот—) плат-ть 27,12 *служебный*—воздухъ (въ церкви) ЦС.—Платъкъ 223,5 тоже.

(Полох) полошити 226,13 пугать.—Пополохъ 46,32.34 перепугъ, паническій страхъ.—Пополошиться и оуполошиться пугаться, бояться, испугаться.

Поникадѣло, пониканьдѣло.

Поп-ть.—Попинъ 3,25. 26,26=попъ?—Поповъ.—Попадия.

Попель см. пла—.

Порог-ть, *порози* на Дняпрѣ.

Пороз-ьный тотъ. у кого нѣтъ хлопотъ, войны; *порозная недѣля*—пасхальная —Порож-ьный 45,17. 23=*пороз-ьный*. —Праздъникъ (преимуществ. пасха) ЦС?—Праздънство, празньство.—Праздъновати праздновать праздникъ.—Оупороз-ьниться 15,31 *отъ рати*—освободиться отъ войны, окончить ее.—Оупраж-ьняться 153,18 *ни что*—заниматься чѣмъ, рет.

Порокъ, пракъ нп. 173,15. 176,17 стѣнбитное орудіе, бросающее камня, въ родѣ балисты.—Праць муж. род.=*порокъ*. —Пороч-ьный 182,35 *съсуди порочныи*—метательныя стѣнбитныя срудія.

Порох-ть, прахъ прахъ.

Пост-ть.—Пост-ьныи.

Пот-ть ип. много *пота утерети* 15,30 много потрудиться; *взяти городъ съ великымъ потомъ* 208,37 съ трудомъ.

Пояс-ть.—Пасати 46,4 вм. поясати *мечемъ*—посвящать въ рыцари (о Полякахъ).—Прѣпоясати, 95,31. 222,5 ЦС.

(Пр—) паръ 205,35.37 *отъ коній, съ истоковъ*—густой паръ, видный на воздухѣ.

(Пр—) прѣтися спорить; но 208,9 запраться; *кому чѣмъ*—спорить съ кѣмъ, основываясь на чемъ.—Пря 13,15. 133,19 ссора: споръ.—Заперети, запрѣти.—Заперетися, запрѣтися запереться нп. *въ городъ* 2) запраться, непризнаваться. Отъпрѣтися 206,13 *кому*—отказаться (отъ его приглашенія).—Прѣпрѣти 68,15. 83,37 оспорить.—Приперетися 63,2 *къ озеру*—быть приперту къ озеру.—Росъпрѣтися рассориться.—Расъпря 1) споръ 2) ссора.—Съпиратися 97,2 *съ кѣмъ* спорить на очной ставкѣ.—Попрати 6,32 ЦС.—Поприще 161,21. 182,16. 194,19, 197,5 мѣра разстоянія.

Прав-ьи, право 1) правый (ип. рука), 2) истинный, 3) справедливый; *правъ въ крестномъ цѣлованіи* 38,8 не нарушилъ его; *сердце ихъ не бѣ право съ нимъ* 98,27 не было искренне относительно ихъ; *слово наше право будетъ къ вамъ* 99,9 вы увидите, что мы говорили правду; *право ли, криво ли* 110,54 правдою или неправдою; *правый путь* 186,31 настоящая дорога; *рядъ правый* 149,31 искренній миръ? *такъ право* 61,20 прекрасно; такъ и слѣдуетъ; *право, сыну, не моль* 77,13 наше „право, ей Богу“; *царство право* 5,7 изд. поправляетъ Црова (Проба) кажется справедливо; *направо: поправоу*—вправо.—Правовѣр-ьныи.—Правовѣр-ьис.—Правость 154,13 рет.—Правити 1) дѣлать, исполнять, 2) взмекивать то, что должно быть отдано: *а то уже Богови*

правити 38,21 судить это Богу, намъ уже должно поминать о томъ; *своего труда не правяче* 55,19 не обращая вниманія на усталость; *оже тако княжите съ своимъ отцемъ, а правите сами* 56,28 управляйтесь, воюйте (съ Изяславомъ) сами (или одни); *сего не правьте* 60,3 на это не обращайтесь, объ этомъ не толкуйте; *не правяче себе* 61,2, 11 не заботясь о своихъ правахъ; *правити (что) души своей* 102,14 употреблять для души своей (жертвовать въ церквн); *правити столъ церкви тоя* 152,8 управлять епархією; *правити посольство* 218,27 передавать слова. съ которыми посланъ; *правити Татары* 224,10 призывать. Правитися 45,25. 54,26 ты ся прави, съ кимъ ти обида управляйся съ обидѣвшимъ тебя; *правитися черезъ Горину*—переправляться.—Выправитися 43,30 изъ города—выйти.—Доправити 100,34. 139,2. 206,14 игумень *доправи* покойника—вынесъ, проводилъ; *доправити Галича*—достать его себѣ во владѣніе; *ратъ домови* проводить, привести.—Исправити нп. *крестное цѣлованіе*—сдержать условія присяги; *прѣхати, ничтоже исправивъ своего* 48,29 не выправивши, не получивши, *братія крестъ цѣловала на томъ, яко мого, что есть, то исправити* 49,2 возвратить мнѣ; *не исправи волости* 84,9 не отдалъ назадъ по уговору; *исправлю Богомъ и благословеніемъ брата* 224,3 вытребую. достану при помощи Божіей.—Исправитися 30,6 исправится Климъ, взявъ благословеніе на митрополитскій санъ у Патріарха.—Исправленіе 165,19 слѣдствіе, изслѣдованіе (о томъ, виновать ли).—Направити направить.—Оправити *старѣйшинство свое* 60,33 напомнить и доказать его, чтобы нельзя было сказать „ты не настаивалъ на немъ“; *оправити Клима въ митрополию* 92,7 сдѣлать, чтобы его признали (Патріархъ и всѣ) истиннымъ митрополитомъ; *оправи (его) Богъ передъ челоуѣкы* 118,18 показалъ его правоту; *оправити Новгородскую волость и обиду* 120,27 отстоять ихъ права; *оправити его* 146,231 отстоять права (всѣ мѣста).—Оправитися 49,6. 96,33 въ *крестномъ цѣлованіи*—доказать, что не нарушаешь его, объявивъ, что оно не исполнено противниками и потому не обязательно; 96,33 оправдаться.—Переправити переправить.—Переправитися переправиться.—Росъправити 85,39 *ручи вст князю*—пересказать.—Оуправити об. *крестному цѣлованію* или *крестное цѣлованіе* и просто *управити*—исполнить условія договора, сдержать присягу; *управити хотя тб* (обида отъ Гюргя Новгороду) 39,20 желая зацѣпить, вытребовать прекращенія притѣсненій; *не управити ми съ братомъ* 59,29 онъ не исполнитъ того, чѣмъ обязался мнѣ по договору; *управи мя Богъ съ нимъ* 51,13 помогъ побѣдить его; *управити десницу свою* 193,19 направить.—Оуправитися 58,10 *отъ царя*—побѣдить его, кончить войну съ нимъ.—Оуправитель 126,23 рет?—Правьда; *всправьдоу*—въ самомъ дѣлѣ; *вправду путь сходити* 31,29 какъ слѣдуетъ, безъ „лести“; *вправду имѣти братю* 39,13 обращаться съ братьями какъ истинному брату.—Неправьда.—Правьдолюбіе.—Оправьдити ЦС?—Оправьдитися ЦС?—Правьдивый.—Правьдныи.—Правьдникъ.

На-прас-ьный, напрасно 94,39. 190,16,29 жестокий, сильный.

Превошъ, пробошъ 188,10. 203,19 пробсть.

Пресвитеръ, просвутеръ.

Присьный истинный, настоящий, милый; присьно всегда ЦС.—Присьно-дѣвица ЦС.—Присьнодѣвыи ЦС.—Присьнопамятныи рет.

При-яти напр. 37,9. 191,28 благопріятствовать — Пріятель приверженецъ, партизанъ.—Пріятныи.—Пріязнь 138,38 *во пріязнь быти* = пріяти.—Съпріяти 17,12 быть партизаномъ.

(Про—) пръвыи 1) первый, 2) прежній. — Пръвое 1) предл. прежде, 2) напр. прежде, нѣкогда.—Исъпръва сначала.—Пръвъе прежде.—Пръвыинадесять.—Пръвомоучениця.—Топръво 5,4. 97,28 104,19 вотъ только что.—Пръвньць ЦС.

Прок-ть остатокъ, остальные; *прокъ волости* 71,1 то, что уцѣлѣло; *прокъ дружины* 76,4 остальная дружина.—Прочии; прочее и такъ, впрочемъ ЦС.—Прочь; *ты ся прочь* 48,19 подраз. *отъидеши* — ты пойдешь прочь.—Прече Ип. 70,29 вм. *прочь*.—Напрочъ 164,22 *отъхати* — прочь.—Прочю 91,26 *а прочю добръ хранити* — нарѣч. въ остальное время?—Проче предл. съ род. кромѣ.—Опроче 213,8 = проче.

Прологъ.

Прос-ити *того на мнѣ не проси* 41,18 отъ меня.—Проситися проситься, просить себѣ позволенія на что-нибудь.—Прошение просьба. — Прашати спрашивать; *здоровья чьего* — о чьемъ здоровьѣ (первое условіе хорошаго пріема его посланных).—Въпросити, въпрашати.—Въсъпросити просить.—Исъпросити выпросить.—Исъпроситися.—Отъпроситися.—Припрашивати 99 24 просить еще, довольствуясь тѣмъ, что прежде дано. Росъпросити 217,15.—Съпроситися 137,35—*съ кѣмъ* спросить чьего мнѣнія.

Прос-о.

Прост-ити 135,35 ЦС.—Прощение 7,7. 90,13 ЦС?—Простыи, просто *просто реши* — просто сказать, словомъ сказать. — Непрость 153,26 мудрый, рет?—Простѣ 27,24 *бѣ путь* — свободенъ, безпрепятствененъ.—Простьць 102,34 мірянинъ.

Просфуга.

Проти витися.—Противныи об. сущ. = врагъ.—Соупротивья 47, 8 противникъ.—Противоу 1) противъ 2) на встрѣчу.

Протопопина 223,14 жена протопопа.

Прояли мь 21,49 *а прояли мь (X ми) уже и на печенехъ?* мь дат. отъ азъ, какъ на зі строкѣ; но *прояли?* язвы, нарывы, отъ глаг. *примати?*

Проугъ, проузи 146,22.

Прѣт-ове мужская одежда вообще, а не наше „порты“ *портове чернеческии*.

Прѣс-и.

Прѣт-ити кому—грозить, воспрепятствовать съ угрозами.—Запрѣщати ЦС.

(Пряг —) напращи *лукъ* — натянуть.

О-прят-ати и съпрятати *тѣло* — убрать покойника (не „похоронить“, а приготовить къ погребенію).

- Поуст-ити 1) пустить, позволить итти 2) отпустить, стравить, послать 3) не задержать, не оставить въ плѣну, не лишить свободы, не „пріяти“ напр. 18,11, *пустити помочь*—послать вспомогательное войско.—Поуститися пуститься, броситься.—Выпустить.—Испустити.—Отпустить 1) отпустить, 2) отослать.—Отпущение *иряхомъ*—прощенье.—Перепустить 17,20 *Новгородъ Володимерю племени*—позволить ему водвориться тамъ вмѣсто своего племени.—Попустить ЦС? — Попущение ЦС? — Подъпустить 138,18.—Припустить 60,29. 64,20 *припустить дружину* 64,20 послать съ кѣмъ, дать кому свою дружину.—Росъпустить *вои* 1) по окончаніи похода по домамъ; 2) *росъпустить полкъ* для преслѣдованія непріятеля: при этомъ *рушатся* ряды.—Росъпуститися 51,22 скакать въ разсыпную при погонѣ за непріателемъ.—Оупустити.—П. Попустѣти Ип. попустѣти. изд. 109,14 *бъобразъ лица его попустѣтъ*.—П. Поустыи.—Поустыни.—Запустѣти.—Опустѣти,—IV. Поущей сравн. степень 130,14. 164,13 *соромъ пущеи смерти*—больше, пуще смерти; *людіе прости, пущеи Половецъ*—больше, пуще Половецъ.—Поуще 72,29 *пріяти муку пуще того*—больше, пуще.
- Пут-ь 1) путь 2) походъ; *путь казати откуда* 108,18 выгонять; *суботъ имуши путь* 152,37 рет.
- (Пѣв—) I. оуповати.—Оупованіе.—II. Вънезапоу.—Вънезапныи 210,2.—Изънезапа, изънезапы 93,35. 118,11 внезапно.
- Пѣтъ-ька, Хл. пѣтахъ 112,16 птица.—Пѣтъскы 119,27 по птичьему.—Пѣтиця 183,12.
- Пѣшен-иця 5,7. 177,21. 180,9.
- Пѣч-ела 171,6. 175,21.
- Исп-пыт-ати.
- (Пѣ) росѣнати 102,33 *по стѣнѣ люди (вымучивая имѣнье)*. — Опона 43,17 *повелѣ Половщина перетяти тако и съ опоноу?*
- Пѣс-ь.—Пѣсни.—Пѣсарь 84,35.—Пѣсьць 86,15.
- Пѣ-ти.—Пѣніе.—Пѣсьнь.—Пѣвьць 14,14. 180,29.—Отпѣти *объдѣлю* отслужить.—Отпѣти по отпѣти заутрени.
- Пѣс-ькъ.
- (Пѣх) пѣшии.—Пѣшьць; обыкн. *пѣшцы*—пѣхота.
- Пянтикостная недѣля.
- Пят-ь.—Пятыи.—Пятнадцать.—Пятъкъ, пятницу.—Пятничь-ныи.
- (Пят) въспнати.—Опяти.
- Пят-но 99,5 тавро, клеймо, которымъ, „рознаменовываютъ“ коней.
- Рабѣ.—Работа, робота 102,31. 104,35. 154,24. 163,1. 180,12 191,27. 194,3 *одни лишались имѣнія, друзи же работы добыши* 102,31 подвергались мученіямъ? *хрестіане избавлени тоя работы* 104,35 (Половецкихъ набѣговъ) отъ этихъ бѣдствій? рет. *работъ быти, въ работѣ быти*—быть подвластнымъ.—Работныи 219,14 рет.—Поработити 121,6.—Наробъкъ 113,24. 115,2. 162,25. 202,3; *о наро-бѣ!* кричитъ Андрей стучащемуся въ двери 113,24 (зная, что это

слуга?); *паробыи твои* 115,2 твои слуги; *паробокъ Добрыниъ*; *ко-носи Миндововы*, четыре паробыи.

Рав-ьныи 145,29.—Равнитися 103,9 ЦС.—Равнооумныи и равно-христолюбъць 219,22 рет.—Равночѣститель 219,23 рет.—Ровня 171,12 ровное мѣсто, равнина.

Рад-ѣ. — Радость. — Радоватися. — Възрадоватися. — Обѣрадоватися. — Оурадовати 58,31 обрадоваться. — Ради—для, изъ-за (чего), изъ уваженія (къ кому).

Раз-ьныи 170,16 неразъно Ип. нераздъно 146,2 *быти съ кѣмъ* — за одно, быть союзникомъ. — Розъно *поити*—разойтись.—Разънолич-ныи различные.

(Раз -) възразити 186,8 *кого отъ острога* — отбить назадъ. — Выразити 183,3 *плече собѣ* — вывихнуть. — Съразити 193,20 сбить съ коня. — Съразитися. — Оуразъ 172,38. 190,1 *великъ въ полкохъ* (въслѣдствіе битвы) — много убитыхъ; *уразъ великъ земли рчинниша* — много въ ней отъ этого перемерло (перебито) людей; уронъ.—В) Объразъ. — Прообразовати 90,19 предвѣщать.

Раи. — Раискии.

Сѣк-а.

Рам-яныи 127,7 *дождь* — сильный; *рамяно* и *рамяня* 92,39. 110,9 очень, чрезвычайно.

Ран-о. — Сѣзараня 36,20 Хл. вм. *сѣзаетра*.

Ран-ити, раненыи. — Рана 1) рана 2) *рана (фараонова)* — казнь, моръ?

Рать 1) войско, 2) особ. войско непріятельское, непріатели 3) война *ратъ держати, въ рати быти съ кѣмъ* — быть въ войнѣ; *ратъ другая Гюрги* 55,21 другой непріятель. — Ратьныи 1) воинскій, военный 2) непріятельскій и въ смыслѣ сущ. — непріятель; *ратъная земля; ратъная сторона* Днѣпра 127,34 непріятельская; *ратенъ есмь съ кѣмъ* 45,18 воюю съ кѣмъ.—Ратьникъ 1) воинъ, 2) непріятель. — Заратитися начать войну.

(Рв-ати) прорѣви 24,12 *быша отъ озера* — ед. *прорѣвъ?* или *прорѣвъ?* провалы?

(Рек) I. А) Речи; *рекуще, рекше*—то есть; *рекий* 84,18 вм. *рекомый*; *рекомыи*—по прозванію.—Речися 48,10 *речеться* (наст.) говорится.—Неизъреченно рет. — Наречи назвать; *пріѣхаша нарекуе: ты нашъ князь* 23,9 называя его своимъ княземъ; *нарицаемъи* 222,19.—Наречися быть названу, получить имя. — Пронареченыи 152,33 названный впередъ, рет. — В) Въречи 52,29 *самъ ми еси врекъ* — сѣщалъ. — Въречися 126,28 Ип. вм. *отъречися*, какъ ошиб. попр. изд.—обѣщаться. — Объречи 20,18 назначить что кому. — Отъречи 69,33. 92,14 *поидоша съ Гюгемъ, а не отрекоша ему* 69,33 неотка-зались; не отреклись; *отрекоша дружини* (читай *дружина*) Олови 92,14 отвѣчали, что не хотятъ, отказались. — Отъречися отка-заться.—Поречи 203,20 *снемъ* условиться о томъ, чтобы сѣхаться.—Съречи *что*—условиться въ чемъ. — С) Сѣрокъ 195,3 условленное время. — Рокъ 211,2 условленное время. — Прирокъ 163,17.

164,32. 194,31 *прирокомъ* — по прозванію. — Пророкъ. — Пророчьскыи. — Пророчество. — D) Порокъ 1) порицаніе 2) наше „недостатокъ“ 164,40. — Непорочьныи 114,15 рет. — E) Нарочитыи 182,21. 26 знаменитый? — F) Рѣчь *послаша въ рѣчи*хъ 166,34 послали съ рѣчами, съ посольскимъ порученіемъ. — Сирѣчь то есть нп. 172,11. — Нарѣчию 156,14 *посла же нарѣчию попомъ къ Володимерицемъ, рѣка имъ; нарѣчию* должно читать за одно слово, понимать въ смыслѣ угроза или приказаніе? — Рѣчьнь 135,27 краснорѣчивъ рет?

Рж-аніе 177,31.

Ри-ноутися. — Выриноутися 65,20. 132,29 *на кого изъ города*—броситься (о дѣлающихъ вылазку). — Париноутися 67,32. — Отъриноути. — Пориноути 23,32. 115,1 *стягъ*—бросить знамя; это дѣлають измѣнники.

Риг-ати 113,33 *начатъ ригати* (Андрей, раненый и *второпъ* выскочившій за убійцами) — ругаться? или (скорѣе) кричать?

Риз-а, множ. ризы 1) одежда, 2) одежда священническая при служеніи; въ единств. рет.

Рикс-ъ нп. 169,34 Венгерскій король.

Рипидия, рѣпидия рипида, церковн. утварь.

Риск-ати, рыскати 3,33 скакать туда и сюда. — Вырыскати 110,14 дѣлать вылазки (о конницѣ). — Прирыскати 102,27 рет.

Рог-ъ. — Рогатина, рогѣтиця (рогѣтиця) 47,13. 192,11. 193,19 ее вынимають изъ-за пояса и бросаютъ ею въ непріятеля. — Рожаньць 186,35 *стрѣльцемъ держащимъ рожаницы свои и наложившимъ на нѣ стрѣлы свои?*

Род-ити, роженныи родной *акы отъ ваю роженъ* 48,7 будто вашъ сынъ; родимыи 214,36. 216,7. — Родитися. — Роженіе 1) родипа 2) дитя. — Рожьство. — Родитель. — Родительница 153,17 рет. — Пороженіе 152,33 рет. — Родъ. — Съродъникъ. — Народъ 1) народъ, 1) *народъ мнозъ*—толпа. — Рожанемъ 149,2 *всикъ удале рожаемъ и воспитаемъ?*

Розъг-а 188,9 прутикъ.

Рол-ия 1,3. 10 — пашня.

По-роп-ѣтати 19,12.

(Рост—) I. Растеніе 154,15 *луну* рет. — Възърасти 5,4 *вырости*. — Възърасть 1) *ростъ*, 2) *лѣта не ни отъ возраста своего* — съ малыхъ лѣтъ. — Отърасль 10,27 рет. — II. Рощеніе 43,23. 25. 188,9 *лѣтъ, роца*.

Рот-а присяга при договорѣ; *ротъ ходити къ кому*—дать клятву; *роту взяти съ кѣмъ, въ нити въ роту къ кому* — заключить договоръ. — Ротъникъ 32,20. 36,27. 87,7. 96,9. 107,3 *чей* союзникъ.

Роув-ити *городъ* строить. — Нароубити 66,23 *верхъ деревомъ*—сдѣлать деревянный куполь (или главу) у церкви. — Съроубити *городъ* построить. — Пороубъ 24,33. 28,19. 24. 33,4. 5. 86,29. 119,33. 36. 120,2 въ порубъ сажаютъ плѣнныхъ.

Роуг-атися 34,13 *чему* — наругаться. — Пороугатися 72,17. 19 наругаться кому. — Пороуганіе. — Пороугъ 158,26 поруганье.

Роук-а *ити въ руцѣ кому* 11,23 итти, отдаться во власть, въ руки; *въ рукахъ чьихъ быти* 109,28 въ чьей власти; *предати на руцѣ* 12,20; *дати на руцѣ кому дѣтя* 120,35 отдать въ опеку; *на руцѣ кому послати* 151,25 послать въ опеку ему; *пріяти подѣ свою руцѣ* 216,33 подѣ свое покровительство (другого князя). — Роукописаніе. — Изъроучь 186,7 нарѣч. *боаяхуси* — не пуская копыя, а держа въ рукахъ. — Выроучити 76,32. 33 *кою у Половечъ*. — Объроученыи 166,29. — Пороучити. — Пороучитися. — Пороучьникъ 176,15. 191,36 поручитель. — Подъроучьникъ 109,12 *ажы къ подручнику и просту челоуѣку* (прислалъ ко мнѣ приказаніе итти изъ Кіева; а будто я не такой же князь)?

Роусальная 107,19. 118,33. 144,13 *недѣля* — св. отецъ.

(Роух) роушяти 61,39. 221,21 *полковъ нероушати* — не разстраивать рядовъ. — Роушитися. — Пороушити 218,11. 225,6 *рядъ, слово* нарушить. — Розъроушити 129,1. 183,38 *полкъ* разстроить ряды. — Розъроушитися 170,25.

Рѣж-ь 225,5.

Изъ-ры-ти 103,5 ЦС. — Ровъ. — Прорѣви см. рв—.

Рыв-а. — Рыболовъ 83,39. — Рыбии 86,15 зубъ.

Рыд-ати. — Рыданіе.

(Рѣв) ревьнивыи 79,23 ревностный ЦС? — Ревъновати соревновать ЦС? — По-ревъновати ЦС?

Рѣли 170,28 Ип. *воухавту ему во Браневичавпрѣли*, Хл. въ *Браневича верли*? Сравн. обл. слов. *рѣлки* возвышенное мѣсто среди болота, незатопляемое водою; поляна въ чистомъ лѣсу.

По-рѣв-ватися 131,27 *старии порѣвахуся* — при разграбленіи города — были увлекаемы?

Рѣз-ати 6,20. — Рѣзатися. — Вырѣзати. — Зарѣзати. — Изърѣзати. — Порѣзвати 102,32 *головы*. — Оурѣзати 21,22. 102,36 *языки* — языкъ отрѣзать.

Рѣк-а. — Рѣчка.

(Рѣт —) оуєрѣсти, оуєстрѣсти (вм. въєрѣсти) встрѣтити, выйти на встрѣчу. — Оуєстрѣтися 147,20 встрѣтиться. — Оуєстрѣтєніе. — Обѣрѣсти. — Обѣрѣтєся. — Изъобѣрѣсти найти. — Прпоѣрѣсти 154,11 рет. — Єрѣсти, єстрѣсти. — Єрѣтєся, єстрѣтєся. — Єрѣтєніе, єстрѣтєніе 1) встрѣча, 2) праздниѣ Єрѣтєніа.

(Рю —) реѣѣти 183,31 сильно кричать. — Ревѣніе 177,31 вельблудовъ.

(Ряд, роуд) I рядъ 1) рядъ, строй, 2) порядокъ, 3) распоряженіе, 4) договоръ, условіе; *ряды рядити* ип. 75,6 распоряжаться, управлять; *яды взяти съ кѣмъ* 101,18 договоръ заключить; *рядъ положити* 103,25 условиться (при переговорахъ); *ряды дѣяти* 122,14 толковать о дѣлахъ, собираться на сонмъ; *рядъ укончати* 146,35 привести къ окончанію переговоры; *до ряду* 147,1. 13 пока переговоры будутъ кончены, до заключенія договора; *ажъ любитъ съ нами рядъ правый и*

въ любви съ нами быти 149,31 если хочешь мира на условіяхъ справедливости (billig); или (скорѣе) если искренно хочешь мира; на *всѣхъ рядохъ* 150,10 на всѣхъ условіяхъ; *свой рядъ взять* 150,24 отдѣльно заключить миръ; *рядомъ* 171,31 по условію; *безъ ряду* 207,16 безъ порядку. — Рядити приводить въ порядокъ, устраивать нп. полкъ. — Рядитися вести переговоры. — Изърядити *полкъ* — построить въ боевой порядокъ. — Изърядитися 199,38. 200,21. 209,33 о войскѣ — стать въ боевой порядокъ; по 199,38 нарядиться. — Изърядный 111,35. 151,13 хорошій. — Нарядити 1) устроить. 2) распорядиться т.-е. приказать что или послать кого; *нарядити дружину изъ полковъ* 61,39 образовать, выбрать изъ войска отрядъ; *нарядити полкъ* — привести въ боевой порядокъ. — Нарядитися 13,24. 64,17. 209,30 стать въ боевой порядокъ; приготовиться, приготовить свое войско къ бою. — Нарядъ *розирая нарядъ его* 52,19 высматривая какой у него порядокъ, какъ онъ все устроилъ для защиты; *воевода бѣ и нарядъ весь держаше* 106,32 завѣдывалъ всѣмъ; *да весь нарядъ Галичаномъ* 137,17 все въ распоряженіе отдалъ (всѣ мѣста). — Сънарядити 147,20 *полкъ* = *нарядити*. — Отърядити послать, отрядить. — Порядъ 117,10 *положити* условіе заключить. — Прирядити 64,18 *помочь кому* отправить съ кѣмъ вспомогательное войско. — Оурядити урядить, порѣшить вслѣдствіе переговоровъ; *въ наворонъ* назначить въ фуражировку. — Оурядитися сойтись въ условіяхъ, заключить миръ на такихъ-то условіяхъ. — Оуряженіе 154,17 устройство рет. — Рядовы 105,1 *дѣля о дѣтѣхъ своихъ* — для распоряженія о дѣтяхъ; имен. *рядовъ?* сравн. *стонава*. — Рядьця 213,31. 224,7 *при царихъ и при его рядьщихъ?* — II. А) Орудіе дѣло; *есть ли къ тебѣ орудіе велико* 89,7 важное дѣло; *своихъ дѣля орудій* 129,34 по своимъ дѣламъ; *послати по свое орудье* 137,38 по своему дѣлу. — Орудиице 95,22 *суть ли орудьща* — есть у меня дѣлишки. — В) Оружіе. — Вороужитися. — Ороужьныи 192,33 *отроши оружніи?* — Ороужинныи 110,10. — Ороужникъ нп. 170,19 воинъ.

Савля 24,14. 90,39. 113,30. 187,13.

(Сад, сѣд) I. А) сажати 95,1 *на обидѣ*. — Садитися 49,33 *на столъ*. — Всадити посадить; *на конь* и просто *всадити, всаживати* кого *на кого* нп. 165,21 *звать на войну*. — Осажатися 19,13 *ими около* — роздалъ имъ волости круговъ Кіева. — Посадити. — Посадьникъ 4,32. 5,6. 7,29. 8,31. 11,1. 2. 25,29. 27,9. 30,18. 35,18. 19. 52,37. 69,16. 91,14. 92,29. 100,28. 115,16. 117,12. 145,20. — Посадьничьство 117,19 *санъ посадника*. — В) Садъ 197,2. — Насаженіе 206,30 рет. — С) Насадъ, носадъ. — Д) Засада гарнизонъ. — Засадыниці 84,3 *множ. люди, составляющіе гарнизонъ*. — Е) Досадити, — Досада. — Ф) Всаженныи 5,24 *знатный?* — II. Сѣсти, сѣдѣти нп. *на столъ* — и просто *сидѣти* — княжить; *сидѣти на конихъ* и просто *сидѣти* нп. 53,36 *быть готову въ походъ; дружина уже сядяхуть по Тетерева* — были поселены, жили; *сидѣти на коньку* 185,8 *поджавши ноги*. — Сѣдѣніе нп. *княже* — восшествіе на престолъ (*сѣсти*) или княженіе

(спѣсти). — Въѣсти на конѣ и проѣти въѣсти — собраться въ походъ. — Въѣзѣсти 148,18 = въѣсти. — Выѣсти 41,8. 125,35. — Обѣѣсти осадить. — Посѣдѣти съ братомъ 217,23 побесѣдовать. — Съѣѣсти съ конѣ — слѣзть. — Соусѣдъ 116,18 сосѣдъ. — Подѣѣдати 206,19 Тройденъ поселилъ Прусовъ въ Вослонимѣ; *Володимеръ же съ братомъ, пославши рать свою ко Вослониму, взята ѣ, а быша земля не подѣдали?* — III. Село. — Сельце. — Въселеная. — Насельникъ 154,28. — IV. Сѣдло. — Сѣдлыныи 47,11 *лукъ* — *лукъ* у сѣдла. — Сѣдлыникъ 98,26. 29. 102,1. 4. 196,22 1) мастеръ дѣлающій сѣдла 196,22; 2) *пусти наворонъ сѣдельники и коуры свои (Мстиславъ)..., убѣна быта... и сѣдельникъ Ярославъ Изяславича* 98,26. 29; *станиа за Василевоу у сѣдельниковъ... Половци же сокутившиися съ сѣдельники бишася съ ними* 102,1. 4? — Сѣдлыничии 170,34 посланъ преслѣдовать бѣгущихъ? — V. Весѣдовати.

САЖ-ЕНЬ.

Саигать 143,8. 12. 14. 181,37. 195,23. 197,27. 200,30. 35. 208,5 подарки изъ добычи, подносимые побѣдителемъ въ знакъ почта обыкнов. старшимъ родственнымъ (отцу, тестю, брату) и ихъ мужамъ; также Василько далъ сайгать Бурондаю (котораго боялся) 197,27; сайгать состоитъ нп. въ коняхъ, сѣдлахъ, щитахъ, шеломахъ 200,35.

САН-Ъ.

Сан-и, санѣ 2,3. 4,5. 21,33. 143,24. 207,17. 220,14. 16; сани въ Кіевѣ послѣ 16 апрѣля 4,5; князь лѣтомъ ѣдетъ на санияхъ, потому что у него болитъ нога 143,24.

Сапогъ 187,14.

Св-оякъ 194,20. 203,20.

Сват-атися 125,24. 136,36 *съ кнѣзъ* — породниться черезъ свадьбу. — Свадьба — свадебный пиръ нп. 19,27. — Сватъ 1) сватъ по свойству; 2) сватъ, которому поручено сватовство; сваты нп. идутъ за невѣстою 143,32. — Сватъство — родствѣ черезъ сватъбу, сватовство.

Свобода 1) свобода, 2) слобода 82,1. — Свободити. — Свободитися.

СВѢР-ЪНЫИ, СВІРѢНЫИ.

Свѣт-ъ 1) свѣтъ lux, 2) свѣтъ mundus. — Свѣтоносныи. — Свѣтати глаг. безлич. — Свѣтитися. — Освѣсти 114,18 глаг. безл. разсвѣсти. — Освѣтити. — Освѣтитися. — Просвѣтити. — Оусвѣтити 112,15 *каменемъ дорозымъ* — разукрасить такъ чтобы сіяло. — Росвѣтъ. — Свѣтыи. — Свѣтлость. — Свѣчя, свѣща.

Свят-и. — Прѣсвятыи. — Святость. — Святыи. — Святити *церковь*. — Священію освященіе церкви. — Святитися рет. — Освятити. — Освященію. — Священни, священныи. — Священомоученикъ. — Святитель. — Святительскыи. — Священничьскыи.

(Седьмъ) семь, семь. — Седьмыи. — Семьнадесять. — Семьдесять.

Сентябрь, Ип. сентябрь.

Серафимъ.

Серебр-о, срѣбро. — Серебрыни, серебряныи. — Серебрыникъ 6,20.

СЕРЕДА, сръда. — Срѣдѣ посреди. — Насередѣ 21,15 среди. — Посрѣдѣ. —

Середохрестьяная недѣля. — Срѣдѣнии

СЕРЕНЪ 129,30. 185,18 туманъ?

СЕСТР-А. — Сестричичъ сынъ сестры.

Си-яти.

Сив-ьи 161,30 конь.

СИЛ-А 1) множество, 2) сила, 3) насилие; *сѣдѣтъ сами о своей силѣ* 17,22 безъ союзниковъ; *съ силою прити* 30,14 со всѣмъ войскомъ, *поидоша всеми силами* нп. 40,17 всею толпою; *отъ силы миритися* 43,8 не по охотѣ, а отъ крайности; *сила народа* 50,6 множество; *сила великая* 54,25 и *сила тяжка* 158,6 многочисленное войско; *сила наша далеке* 54,37 главное наше войско; *отъ силы своя* 135,30 по мѣрѣ силъ; *создати монастырь своею силою* 215,32 на свое иждивеніе. — Сильныи 1) многочисленный, 2) обильный, 3) сильный; *силенъ будещи* 51,15 соберешь войско; *сильный домъ* 126,20 огромный (о Печерскомъ монастырѣ); *сильныи стѣны* 132,1 крѣпкія; *сильная милостыни* 144,20 обильная; *солнце бѣ мужъ силенъ* 5,24 — чело-вѣкъ твердаго характера? — *Насилие кому створити* 78,14 прину-дять силою.

Синапъныи ЦС.

Сир-ьи ЦС. — Сирота ЦС.

Скврѣн-ьи. — Оскврѣнити.

СКЕП-АНИЕ 178,2 *щитъ скепаніе* — когда щиты разбиваются, разщепыва-ются. — Скепище 169,2 древко у копы? — Оскепище, Хл. осче-пище 172,27 древко у копы — Оскепъ 9,20 копы.

СКИМА. — Скимъникъ.

О-СКЛАВ-ИТИСЯ уемѣхнуться.

(СКОК) I. Скакати 84,3. 135,23 перескакивать. — Вьскакати 126,10 вскочить. — Наскакати 103,15 *на святигельскый санъ* — добиваться архіерейскаго сана. — II. Скочити 163,22 *на столъ митрополичъ* — са-мовластно сѣсть. — Скокъ 56,21 *на скокохъ играти* — заниматься воин-скими играми на коняхъ. — Вьскочити. — Вьскочити. — Искочити (=исьскочити) выскочить, соскочить — Перескокъ 44,7 передающійся непріятелю, переметчикъ? *побѣже перескокъ отъ Гюря въ полку, они же погнаша по немъ.* — Поскочити (атакуя или обращаясь въ бѣг-ство); 172,25 Ипат. *оскоциша* вм. *поскоциша* (обратились въ бѣгство), какъ, вѣроятно справедливо, поправляетъ издатель. — Посокъ 76,27 *на первомъ поскою лети подъ нимъ конь на первомъ же скаку.* — Съскочити. — Оускочити 138,35 *изъ вѣжа* — убѣжать.

О-СКОМ-ИПА 22,17 *Телебужины рати* — непріятное воспоминаніе о томъ, каковъ былъ этотъ походъ.

СКОП-ѢЦЬ.

СКОР-А 29,16.

СКОР-ЫИ. — Вьскорѣ. — Скороминоуи, нескороминууи рет. — Оуско-рити, оускорѣти гл. средн. *передъ кѣмъ* — обогнать кого, прійти прежде.

Скорлатъ, Хл. шарлатъ 215,33.

Скотъ.—Скотыница 27,10 раздѣлили на 4 части и *скотыниши* и *бреть-яниши*—кладовая? казна?

Скрание, обыкн. двойств. скрания високъ.

Скрижаль ЦС.

Скрип-ание 177,30 *телъгъ*—скрипѣніе.

Скрѣбъ.—Скрѣбъныи.—Скрѣбѣти, скрѣбити.

По-скоуд-оу рет?—Скоудьно 90,16; *образъ* затмѣвающейся луны *бысть яко скудно?*—Неоскоудьно рет.—Скоудость ЦС.

Скыпетръ 191,5.

Слѣ-въце; *слонице* Хл. 14,16.

Нео-славъно.—Ослабити 175,24 *вм.* ослабити—*ослабленное лице.*

Сладъ-тъныи.—Наслаженіе ЦС?

(Слоу—) I. слоути 223,25 славиться.—Словыи 211,18 славный.—Прослоути 216,19 прославиться.—Словоутъныи 180,29 знаменитый.— II. Слово.—Словесъныи рет.—Бесловесъныи рет.— III. Слава 1) слава, 2) *нп.* 183,34 похвалба, хвастовство.—Славити об. *бога*—прославлять; но 156,10 *славити кого*—быть его приверженцемъ.—Славитися.—Прославити.—Славъныи.—Неславъныи 133,26 безславный.—Прѣславъныи.—IV. Слоухъ молва.—Слоушати.—Неслоушание.—Отъслоушати *обидню*.—Послоушати 1) слушать что, 2) слушаться кого или чего.—Послоушание *ходити въ чьемъ послушаньи* быть у кого подъ властью; *послушание братъне створити* послушаться брата.—Непослоушание.—Непослоушьно 192,30 *аще насъ послени* (а не самъ поѣдешь ты, князь), *непослушно естъ*—то не будетъ послушанья, не будутъ слушаться.—Послоушьливый.—Послоухъ свидѣтель.—Послоушьство свидѣтельство.—V. Слышати.—Неслыханыи.—Слышание *колоколовъ*—звукъ.—Оуслышати.

Слоу-а.—Слоужити; князь служить другому князю 224,23.—Слоужитель.—Послоужити; *копѣмъ кому* 68,4 быть чьимъ союзникомъ.—Слоужба; *илгъи службу нашу* 169,3 прійми нашу покорность.—Слоужбъныи *платъ*—въ церкви.—Слоужбъникъ церк. книга.

Слѣз-а.—Прослѣзитися.—Слѣзъныи.

Слѣдъ.—Въслѣдъ предл.—Въслѣдовати послѣдовать, наслѣдовать рет?—Въслѣдование подражаніе рет.—Наслѣдити наслѣдовать; *путь дѣда* итти по дѣдовскому пути, подражать дѣду.—Наслѣдіе рет.—II. Послѣдѣ, послѣди послѣ, послѣ того, *впослѣдствіи*.—Послѣже послѣ.—Послѣдъныи 1) послѣдующи, 2) послѣдній.

Слѣпъ-ныи.—Слѣпоокыи.—Слѣпнати.—Ослѣпнати.

Смол-а.

(Смрьд—) I. Смрадъ.—II. Смрьдъ 1,3.10.11.12. 84,3. 163,10. 181,27 *смерды въ городѣ* 84,3 (ихъ тамъ триста); *смердъ, поселянинъ*.—Смрьдии мужицкій.

Смѣ-ятися.—Росмѣятися.—Оусмѣятися усмѣхнуться.

Смѣ-ти.

Снопъ, сноповиѣ 199,28. 210,5.

(Сноу—) основа 221,19 фундаментъ.—Основание рет.

Снѣгъ-ъ.

(Сов) I. Особъ особо.—Особѣ особо.—Особьныи особенныи.—Особьно особенно.—II. Пособити.—Пособиѣ.—III. Оусобиця 169,7 междоусобиѣ.

Соболь 86,14.

Соколь 172,18 *прѣхавшимъ соколомъ стрѣльцемъ?*

Солъ.—Соляныи и Ип. сольныи 97,35 *путь*.

Солома.

Сорокъ.

Сорочька 179,26.

Соромъ 189,6 дат. множ.—описка?

Соромъ срамъ, пострамленіе, безчестье, оскорбленіе чести; *соромъ возложити на кого*—нанести кому обиду.—Соромота ип. 160,22. 188,29 = соромъ.—Соромити нанести безчестье.—Посрамити нанести безчестье.—Оусрамитися постыдиться, посовѣтитися.

Сотона, сатана.—Сотонинъ.

Спѣ-ти 159,23 (дѣйств.) *ратъ*—собирать войско, готовиться къ походу.—Доспѣти ип. приготовиться; *доспѣти на путь* 31,4 и просто *доспѣти* ип. 32,34 или *доспѣти на кого* 73,15 собраться, приготовиться къ походу; *доспѣть яко взяти городъ* 22,4 сдѣлать приготовленіи ко взятію города; *доспѣти церковь* (дѣйств.) 112,6 соорудить.—Поспѣти ип. 9,12. 66,25 1) спѣшитъ 2) готовится къ чему; но *поспѣвая и крѣпя* 131,18 (дѣйств.) возбуждая, готовя и ободряя (на битву); *Богу поспѣвающую* (дѣйств.) = *Богу помогающую* = при помощи Божіей.—Приспѣти; обыкн. *приспѣтъ праздникъ*.—Оуспѣти, неоспѣти; *не успѣти кому* ип. 79,27 не имѣть успѣха противъ кого; *неуспѣти* Ип. 167,38 вар.—Доспѣхъ 130,12. 199,23. 207,14.—Доспѣшьныи 142,16,18 *доспѣшну быти* быть готову на битву.—Спѣшити на войну—порываться.—Спѣшникъ 196,17, Хл. *спѣшитель*—помощникъ.—Поспѣшити *путь свой*—ускорить; *Богъ поспѣши*—помогъ.—Поспѣшениѣ Божіе—помощь.—Поспѣшнякъ Богъ—помощникъ.

Срьдъ-ще.—Срьдцевидѣць рет.—Срьдчъныи.—Оусрьдъно 209,35.—Срьдити 155,13 *Романъ бѣ срьдитъ яко и рысь*—мужественъ?—Пересрьдис 39,1 *ушинути кому*—раздосадовать, огорчить кого.

Ста-ти, стояти; *стояти въ крестномъ тѣлованіи у кого* соблюдать договоръ; *стати у города*—осадить его, *стояти во чью обиду* 216,28 отстаивать чьи нарушенныя права; *не стояче* 75,26 Ип. Хл. *вм. не стояче*.—Стояниѣ 47,22. 196,24 1) осада, 2) *стояніе комаръ бѣ*—онѣ стояли, поддерживались.—Въстати.—Възъстати; *ратью по комъ въ чью защиту начать войну; ледомъ вставшимъ* когда взломался ледъ.—Възъстаніе—Выстояти 86,29. 120,1 148,26 *кого изъ поруба, изъ плѣна освободить*.—Достати 131,18. 223,35 *оружья въ руку его не доста*—не осталось; *како не достанетъ стрѣя твоего*—когда не станетъ его, когда онъ умретъ.—Достояти 59,19 *чего достоймы сдѣ?* Чего до-

ждемся? Достоить гл. безл. должно, слѣдуетъ. — Достоянны подобающій; *достойно есть* — должно. — Достояніе *по достоянью* какъ слѣдуетъ. — Достохвальныи. — Застати. — Настати. — Остати 1) средн. остаться. 2) дѣйств. *остати кого* — отстать отъ кого; *не оставающе* 70,31 не оставиваясь; *оному же оставиу* 167,13 когда онъ оставилъ, бросилъ (подразумѣв. его). — Остатися остаться; *останися высокоумя своего* 15,3 оставъ свою надменность. — Останѣхъ. — Остояти 110,15 Ип. вар. *и остояши около города 9 недѣль* — осаждали городъ. — Остои 212,13,28 осада. — Перестояти 55,20 ночь. — Перестати, непрѣставати. — Непрѣстанно. — Бесѣперестани. — Постояти. — Пристати 217,20 устать. — Прѣдстояти ЦС? — Оустояти *въ крестномъ именованьи и въ крестное именованье*. — II. Ставити 1) ставити, 2) посвящать въ духовный санъ. — Ставитися *въ епископа* быть посвящаему. — Ставление рукоположенія въ духовныя степені. — Застава 157,14 — Наставити — Наставникъ. — Ооставити. — Ооставитися 36 27 остаться. — Ооставление грѣховъ. — Поставити 1) ип. *городъ* — поставить, 2) *епископа* — посвятить въ епископы. — Поставление въ духовный санъ. — Прѣставитися умереть. — Прѣставление. — Приставити ип. *попы тыти* 2, 8 приказать имъ пѣть; *приставити кого къ кому* — послать его провожать кого. — Приставъ 95,19 задержка; *всходити безъ пристава*, безпрепятственно. — Приставникъ 153,25 *чему* — надзиратель за чѣмъ рет? — Роставити разстановить. — Оуставити *законъ* — постановить; *уставити люди* ип. 25,4 успокоить ихъ, условиться, устроить свои дѣла съ народомъ (о новомъ князѣ); *да не уставливаетъ васъ Демьянъ* 170,4 — ободряетъ на войну? или успокоиваетъ, обнадеживаетъ? *уставити землю* 180,24 завести въ ней порядокъ, устроить ее. — Оуставъ 154,16. 221,21 ЦС? — III. Становитися. — Оустановити. — Оустановитися. — Станѣ, станове; *станове въ городъ* 199,30, *ихати до трехъ становъ* 136,15 трое сутокъ, до третьей переночевки? — Становище 43,15. 82,27 1) мѣсто стоянки (о войскѣ), 2) мѣсто гдѣ прежде стояло что (ип. гробъ святыхъ). — IV. Пристанѣхъ 165,37 пристанище ЦС? — Статѣхъ 140,1: *изъяхаши городъ Чюрнаевъ, и оспирогъ взяши, и дворъ зижьгоша и статокъ* (Хл. остатокъ) *его весь поимаши* — все остальное (въ городѣ)? или (скорѣе) все имущество (князя Чюрная)? — Соупостатъ 2,17 рет?

Стаемъ дат. множ. 197,32 *не удоси ея (ихъ) въ городъ, искаше ея по стаемъ посылая люди?*

Ста-до. — Стадъныи 26,16 *кобылы стадъныи*.

Ста-рьи. — Старѣць. — Старость. — Старишинство, старишество. — Старѣшина.

Стегно.

(Стерег) стережи. — Стеречися 89,8. — Остеречи 124,36 *непріятеля* — подсмотрѣть, какъ онъ стоитъ. — Постеречи ип. *Русской земли* — оберегать ее. — Оустеречи ип. *ранъ* — подстеречь непріятеля. — Оустеречися 147,20 быть застигнуто не въ раслохъ. — Сторожъ; *сторожи* — обыкн. никеты (въ войскѣ). — Вѣсторожѣ 164,21. 172,2 *плати* — по-

ѣхать на рекогносцировку? — Осторожиться 186,34 стоять, разставивъ пикеты. — Острогъ нп. 21,33. 70,12. 14. 71,16. 17. 18 отдѣльный фортъ; *острогъ около города* 87,24. — Острожныи нп. *врата острожная* — ворота острога.

Стен-аніе 100,20. — Стонати 165,35. — Стонаніе 95,4. — Стонава 110,9 стонъ, гул. — Постонати 134,25?

(Стиг—) достигнути 154,32 рет? — Настигнути 96,17. — Перестигнути 36,10 перехватить, идя скорѣе; предупредить. — Постигнути догнать; *постигже дождь* 63,2. — Съпостигнути 67,36 = постигнути.

Стогъ 27,1.

Столъ престоль. — Стольныи 215,22. 216,11 *городъ* — столица. — Стольць 72,33. 219,30 стулъ. — Стольникъ 179,13. — Прѣстолю 95,18 ЦС?

Стлѣнь 1) столбъ, 2) башня. — Стлѣннє 90,2. 36 столпѣмъ было загорожено въ Кіевѣ отъ Горы до Днѣпра. — Стлѣньникъ 220,25. — Остлѣннѣи 177,29 *остолти градъ сила Татарская* — окружила?

Стоп-а. — Степень. — II. Стоупити. — Вѣстоупити. — Вѣстоупатися. — Възѣстоупити — Выстоупити. — Застоупити 1) защитить, 2) отрѣзать. — Застоупленіе. — Застоупьникъ. — Застоупьница. — Изѣстоупити 173,18 выступить. — Настоупити *на кого* — пойти войною. — Остоупити, обѣстоупити и Ип. *обистоупити* нп. *кого въ городъ* — осадить. — Остоупленіе — осада. — Отѣстоупити *отъ кого* — разорвать союзъ съ нимъ; *кого* 28,32 тоже. — Отѣстоупитися = отѣстоупити; *къ кому* перейти на его сторону. — Перестоупити, прѣстоупити 1) переступить, 2) сдѣлать преступленіе. — Прѣстоупленіе *крестное* — нарушеніе договора. — Постоупити, постоупати 1) двинуться впередъ, 2) *поступати на ся* позволять обижать себя, не стоять за свои права. — Подѣстоупити 72,22. — Пристоупити; *къ кому* — перейти на чью сторону; *къ чему* 68,26 согласиться. — Състоупити, стоупити *креста* — измѣнить договору; *съступити Вятичъ, Кіева* — уступить. — Състоупитися 1) = състоупити, 2) сойтись, сразиться (о войскахъ). — Състоупленіе 13,25 то, когда войска сошлись. — Състоупъ 2,15. 24,31. — Оустоупити 102,2. 118,7 *инымъ путемъ* — попасть на другую дорогу: *на сторону* — отойти въ сторону. — Оустоупитися 67,17 отступить.

Оу-сторобивъся 203,5 Ипат. выздоровѣвъ; издат. ошиб. поправл. оздоровився.

(Стр—) I. Прострѣти. — Пространство 186,26 просторъ. — Напространѣ 154,3 напросторѣ, т.-е. безопасно; рет. — II. Сторона, страна 1) сторона (рѣки), 2) страна, земля. — Страньныи чужой, пришелець. — Страньникъ 168,36 *ци много странники есмь?* или мы чужіе тебѣ? — Страннопримѣникъ 222,8. — Пристраньно 169,18. 193,29 удивительно.

Страд-ати 1) обыкн *за отчину* — трудиться; воевать, 2) *на кого* 215,29 трудиться, работать (о поселянахъ). — Страданіе 112,37. — Страдальць 10,13 *за Рускую землю* — труженикъ, подвижникъ, защитникъ

ея.—Пострадати.—Страсть страданіе.—Страстотрънъ рет.—
Страстная *недѣля*.

СТРАХЪ.—Страшный.—Страшливыи 172,14. 174,10 боязливый.—
Страшити 187,3 стращать.—Острашиться 11,23 испугаться.—
Перестрашити 70,21 чрезвычайно перепугать.—Пострашити 51,19
устрашить.—Оустрашиться 11,20.

(Стриг—) стричи.—Постричи.—Постричися.—Постриженіе.—
Простричи.—Постригы, Ипат. пострѣгы вин. множ. 141,31 *сы-
нови постриги створити*.

Стро-ити 135,31. 173,4. 182,33 устраивать, прилаживать; *строи*ти должно
читать и 52,19 *вм. стояти*.—Строиться 162,17 *на брань*—гото-
виться.—Строеніе 111,36. 112,11. 123,22 устроение, приведеніе въ
порядокъ.—Пристроить (такъ должно читать *вм. порестроитя*.
прѣ=при) 181,20 *прица*—приладить, устроить.—Пристроиться
устроить свое войско (къ войнѣ, къ битвѣ).—Ростроить 135,29,
206,24 устроить, привести въ хорошій порядокъ.—Оустроить *ви.*
мостъ; *устроити сильно Володимерь* 112,5 укрѣпить? *устроити*
златомъ поясъ 112,15 сдѣлать изъ золота; *полкъ устроень храбрыми*
людми 172,16 отрядъ, составленный изъ храбрыхъ воиновъ.—Оустрою-
ніе 112,13.—Пооустроить 222,24 *церковь чьмъ*—снабдить.

Стры, стры, строи дядя по отцу.—Стрыни 78,16.—Стрыичичъ
сынъ стрыя.

Оу-стрым-ити.—Оустрымитися.—Оустрымленіе.—II. Стрыи и
Хл. стрымы 73,7. 8. 179,27 *вздити подлѣ чей стремь*—быть по-
слушнымъ кому (собств. сопровождать кого повсюду на войну).

Стрѣ-ла.—Стрѣльная 126,14 *рана*—отъ стрѣлы.—Стрѣляти, стрѣ-
лити.—Стрѣлятися перестрѣливаться.—Стрѣльць стрѣлокъ, за-
стрѣльщикъ.—Застрѣлити.—Самострѣль.—Самострѣльныи 128,39
мукъ.—Перестрѣль 131,16. 174,1 *одинъ*—пространство выстрѣла.

По-стря-ти 103,36 остаться надолго, быть задержану.—Стряпати, не-
стряпай, нестряпя, нестряпая, нестряпуче медлить *ви.* 27,20.
36,2. 55,5 *погдѣ стряпать* 106,24—такъ зовутъ князя на княже-
ніе.—Перестряпъ 11,21.—Оустряпати 42,13. 74,28. 178,16.

(Стоуд) I. Стоудныи 109,23 *Богови*—мерзкій передъ Богомъ.—Сто-
ужати 51,16 неотступно просить, надѣдать.—Стоужитися 190,18 *о*
чемъ—горевать?—II. Стыдиться 133,16.—Непостыжно Ип. 154,30
вм. неподвижно рет.—III. Стюднѣць 196,37 колодезь?

Стък-ѣло 196,25.—Стъкѣляныи.

По-стѣл-ати 114,35.—Постѣль, постѣля 138,29. 218,16.

Постѣги Ип. *вм.* постриги.

Стѣна; у палатки 134,1.

Стягъ знамя; его несли передъ тѣломъ князя 101,13. 115,30.—Стяго-
выи 104,26.—Стяговъникъ 154,20.

(Соу)—соватися 63,35 *о конѣ*—метаться, бѣситься.—Присоуноутися
10,22 *къ Барую* броситься, подступить.—Просоуноути 47,13 *рога-
тиною*—проткнуть.—Съсоуноутися 9,19 броситься внизъ.—Оусо-

уноути 72,36 *что си усунулъ* (Хл. *что се и усуну*) *за плече*—что-то хватился за плечо себѣ?—Соулиця дротикъ.

Соувота.—Соуботъный день.

Соуд-ъ *Божій*—сраженіе, выигрышъ битвы.—Соудити *то уже Богови судити* (обыкн. слова передъ битвою).—это будетъ рѣшено битвою.—Соудитися 60,34. 102,39. Соудия 97,5.—Соудииский 135,17.—Осоудити 73,4. Осоудитися 103,1.—Осоужение 113,39.—Росоудити.—Соудьба 139,14.

Съ-соуд-ъ 1) сосудъ нп. *церковный*; 2) орудіе машина; *сосуди на взятъе города* 181,20 *сосуди ратные и градные*—военныя и стѣнныя машины; *сосуди порочные* 182,35.

(Соуи) въ соуе 165,32.—Соуѣтъный ЦС?

Соум-ъныи 158,34 *конь*—обозный, везущій поклажу?

Съл-ати.—Сълатися почти тоже, что сълати, но обыкн. посылать съ просьбою или посылать другъ къ другу.—Въсълати нп. 11,26 *въ городъ*—послать, чтобы вошли въ городъ (гарнизонъ),—Высълати.—Высълатися обыкнов. съ просьбою.—Досълати 38,23 *къ брату*—послать.—Насълати 107,8. 137,28. 34. 145,25. 148,31 *на кого съ угрозою*—прислать съ угрозами кому.—Отъсълати.—Посълати.—Посълатися обыкн. съ просьбою, умолая.—Посълание 182,20.—Присълати.—Присълатися об. съ просьбою.—Росълати.—Съсълати 48,8.—Съсълатися послать другу къ другу пословъ, уговориться черезъ пословъ.—Сълъ посоль.—Посълъ.—Посъльникъ 32,7 *посоль*.—Посъльство 218,26.

Съноузьникъ 175,17. 186,9. 191,20. 195,19?

Съп-ати.—Сънь.—Оусъноути.—Оусъпение.—П. Насыпати 5,8.—Присъпа 4,32 *насыпъ*?—Пересъпа 26,5 *плотина, пересыпъ*?—Росыпати 5,17. 26. 189,18 *законъ*—дать ему упасть; *городы*.

Със-ати 176,1. 32 *сосать*.

Сът-о.—Сотъскыи 4,13. 120,23. 171,6.

(Съх) соухыи.—Посоухоу.—Соушя.—Исоушити.—Осъхноути 97,4 *еще ти ни уста осхла*—еще не обошли уста (послѣ крестнаго цѣлованья).

Сын-ъ.—Сынькъ 116,16 *маленькій сынъ*.—Съноха.—Сыновъць племянникъ.—Сыновиця племянница.

Сыр-ъ 196,37 *сыръ, caseum*.

До-сыт-и нп. 16,17. 26,29. 39,1 *досыта, довольно*.—Сыти родит. 218,36 *нѣтъ ти сыти* *недовольно тебѣ*.—Несыть 102,34 *непосытный*.—Несытъныи 153,16 *несытная любовь*—чрезвычайная, ненасытимая, рет.—Досытъка родит. 197,38 *до досытъка*=*досыти*.—Насытити 219,14.—Насытитися *чего*.

Съачесъ, Хл. съиачесе 190,1 *градъ съ ачесь пріятъ бы былъ*—въ настоящей часъ, теперь?

Въ-съ-лати 109,23 *посѣять*.—Въсѣяние 222,3 *посѣвъ, рет*.

(Сѣк—) сѣчи нп. *люди*—рубить, бить.—Сѣчися въ битвѣ—рубиться.—Сѣчя битва, сѣча.—Высѣчи 33,4 *изъ поруба*—разрубить, прорубить

его и освободить узника.—Засѣчися 149,28 укрѣпиться засѣками.—Засѣкъ вм. *сусѣкъ* Хл. 5, м.—Исѣчи перерубить, перебить.—Осѣчи 102,36 *кого*—голову отрубить кому.—Осѣчися 182,5. 191,19 *въ тѣсѣ* укрѣпиться засѣками.—Осѣкъ 191,19. 20. 208,34. 37 круговая засѣка, за которую прячутся отъ непріятеля.—Отъсѣчи.—Прѣсѣчи 131,28.—Посѣчи изрубить.—Подъсѣчи 149,29 *мосты*.—Просѣчи 90,5 прорубить.—Росѣчи 131,28.—Съсѣчи 156,36. 161,7 *двери; главу*.—Соусѣкъ 5,8 сусѣкъ.—Оусѣкнути 5,29 *кого*—отрубить ему голову.

Сѣѣн-ѣ 112,3 *въ церкви украшена лѣтнемъ отъ верха и до деисуса*—иконстасѣ.—Сѣѣни 21,9 50,1. 3. 10. 72,31. 32. 113,16. 19. 34. 35. 114,19. 127,24 *комната, покій; довольно большая, пріемная комната? Онѣ были на столбахъ*.—Сѣѣнница 49,38. 56,3 = *стѣны*.

Сѣѣт-ѣ 109,20.

По-сѣѣт-ити 103,13 ЦС.—Посѣщение 155,3 ЦС.

По-сѣѣгати 5,13. 18. 185,35 *за мужъ*.—Присяга 157,1.

(ТА-ѣти) талый 129,20 *тала стопа бѣ*—стояли слѣды.

Таи-ти.—Потайти.—Оутайтися *кого*—тайкомъ отъ кого едѣлать.—

Отаи нп. 25,6. 98,26 *кого*—тайкомъ отъ кого.—Потай = *отай*.—

Тайныи.—Вѣтайнѣ.—Таина.

Таль 169,5. 193,35. 194,28 *заложникъ*.

Талантъ 152,35.

Таранъ 173,37.

Тат-ѣва 221,2 *кража*.

Татаръщина 215,30 *подать для Татаръ*.

(ТВ—) I. Творити 1) творить, дѣлать; 2) *я нынѣ того тобѣ не творю* 41,19 не понимаю о томъ, прощаю; 3) почитать, думать; *творяиеть ся передати* 43,16 думалъ, что сдѣлается; *а творятъ ми, како уже ся совокутилъ* 149,18 говорятъ мнѣ, что уже соединился.—Твориться нц. 48,7. 69,12. 117,25 показываться, притворяться; *творися правъ* 48,7 выставлѣя себя, считалъ себя правымъ *по творяиеть ся тамо и дого быти* 133,21 думалъ, что долго тамъ пробудеть.—Творѣць ЦС?—Потворити 206,8 *не потвори ихъ людьми противу себе*—не почелъ и за людей, обошелся съ ними какъ съ пѣшками.—Сътворити сотворить, едѣлать; *Горіевъ день*—отпраздновать; *сътворити зло скоты и челядью* 83,19 заграбить скотъ и челядь.—Сътворитися нп. 13,13. 14,8. 15,18 притвориться.—Сътвореніе.—Тварь рет?—Оутваръ 222,5.—II. Затворити *кого въ городъ*—оставить для защищенія города.—Затворитися *въ городъ* 1) остаться для его защищенія; 2) не отворить города, т.-е. защищаться, не сдаваться.—Затворъ 75,41. 111,7 *раздавати по монастыремъ и затворомъ и нищимъ; попрода весь Кіевъ, шумны... и черныи и черницы, латину и гости и затвори, весь Кіевъ?*—Отворити *городъ*—сдать его.—Отворитися сдѣлаться.—Притворъ 115,7 у божницы.

Тврѣд-ыи *рука твердо текущи* 123,37—въ крутыхъ берегахъ.—Тврѣдь 67,17. 96,10. 150,37 *ста за твердь, на бродѣхъ*—за крѣпкую пози-

цією (закрившись рѣкою); *Ятвязи бѣжаша во свои тверди*—въ лѣса свои? или въ укрѣпленія? *твердь братьѣ*—то, что „братья цѣловала крестъ“.—Тврьдость.—Тврьдити 194,16 *крестомъ кого*—заставлять цѣловать крестъ.—Оутврьдити.—Оутврьдитися обькн. *крестомъ съ кѣмъ*—присягнуть другъ другу.—Оутврьженіе вп. 25,11. 13. 31,27 *то есть утверженіе дѣдѣ и отецъ нашихъ*—такъ (цалуя крестъ) удостовѣряли (въ вѣрности договору) наши дѣды...

Тез-оименитыи 112,36.—Тезоименньныи 153,17 рет?

(Тек—) I. Течи 1) течи; 2) бѣжать, итти куда.—Вытечи выйти (о народѣ).—Прѣтекущее *царство*—скоропреходящее, рет?—Потечи (о народѣ) пойти навстрѣчу.—Притечи приходить, притекать.—Противоутечи выходить на встрѣчу.—Росътекатися 211,9 (о рѣкѣ) разливаться.—Сътечи (о водѣ).—Сътечися 199,25 *съ Татарами*—сойтись, встрѣтиться (въ битвѣ).—Оутечи убѣжать.—Въсьтокъ.—Въсьточьныи.—Исьтокъ 205,37 источникъ.—Исьточьяикъ.—Потокъ.—Прѣдътеча.—II. Заточити.—Заточение.—Поточити=заточити.

Телѣга 177,31.

Теп-ьло.—Затепѣяла 65,36.—Тепѣлыни род. пад. отъ именит. теп-ьлынь? 124,8 оттепель.—Исьтопѣка 88,23 изба (съ печью).—Истьба 7,17 ставится у товара для долгой осады—строение на зиму.—Изъба 138,29.

Тверѣ-ити 168,30 *лѣсы*—рубить?—Отеребити 207,1 мѣсто для города очистить отъ лѣсу?—Потрѣбити 162,6 *море* хвалится Филѣ.—Потрѣбитися ЦС.—Потрѣба 112,31. 153,18 надобность.—Трѣбовати требовать; *требуяи*—нуждающийся, рет?

Теремъ.

Тес-аныи.—Исьтесаннии.

Тет-ѣка 122,12. 152,27.

Тивоунъ, тиоунъ, и Хл. тивонъ 22,22. 23. 27. 48,26. 27. 75,40. 96,4. 100,11. 115,16. 159,8. 194,39 тивуны у мужей 48,27; тивуновъ у Вячеслава нѣсколько 75,40.—Тивоунити 194,39.

Тих-ьи.—Потихоу.—Оутишити.—Оутишитися.—Тихость.—Тишина.—II. Тѣшити 195,37 утѣшать, успокоивать.—Тѣшитися 33,22 114,10 утѣшать себя, успокоивать себя.—Оутѣха.—Оутѣшити и *оутишити* смѣшиваются.—Оутѣшение.—Неоутѣшими 100,20.

Тл-ѣньныи.—Нетлѣньныи.

Тлѣк-ноути средн. 104,27 *на кого*—атаковать кого.—Протлѣчи 164,8 р. ед. *стала у рѣкы на бродуу протолчи*.

Тлѣстыи.

Товаръ 1) имущество; 2) *товари* и *товари* множ. обозъ, станъ.—Товарьныи 67,14 *конь*—обозный.—Товарище 85,18, 19 мѣсто гдѣ стоять станъ, обозъ.

(Ток—) точеныи.

Оу-тол-итися.

Толмачъ 199,3.

Том-итель 157,19. 20. 28 мучитель. — Притомити 132,9 обезсилить, довести до крайности.

Топ-ити. — Топитися 87,20 тонуть. — Потопити. — Потопитися 174,39 перетонуть. — Потопъ. — Потопъ наводненіе. — Исътоноути. — Потоноти. — Оутоноути.

Въ-торопъ 113,33 оторопѣвъ, непомня себя?

Поточити см. тек —

(Тр—) отерети 95,37 ЦС? — Притрѣти 187,22 *богатство* рет. — Оутерети.

Трав-а 173,6. — Отрава 8,15. 91,7. — Потравити 70,37 *жита* — лошадами.

Треп-еть. — Трепетати. — Трепѣтъни. — II. Сътропотливъ.

(Треск—) тресноути. — Тресновеніе 183,26.

Три. — Тридесять. — Третии. — Третиинадесять. — Польтретия. — Потроици 199,8 трижды. — Троиця.

Триодъ.

Тропарь.

Трудъ 1) трудъ, беспокойство 2) скорбь ип. 114,2. — Трудодлюбіе. — Трудный утомившійся, усталый. — Трудитися утомиться. — Исътрудитися. — Потрудитися. — Оутрудитися.

Троуба. — Троубити. — Въсьтроубити.

Троуцъ, троуниѣ.

Тръгъ 82,1 *десятый*. — Тръжъкъ. — Тръговище 4,26.

Исъ-тръг-ноутися. — Отръгноути. — Сътръгноути.

Тръсть.

Тръп-ѣти. — Сътрѣти устоять. — Оутръѣти.

(Трях—) трястися. — Отрясти. — Потрястися.

Тряпеза. — Тряпезьница.

Тоуг-ни. — Тоуга печаль. — Тоужити.

(Тоук) тоучьни.

Тоул-ъ. — Тоульникъ. — Тоулитися 191,23 *закрываться?*

Тоуне.

Тоуръ.

Тоучя.

Тѣк-ноути *на кого* — атаковать. — Възътъкноути дѣйств. — Натѣкноути дѣйств. — Потѣкноути *средн.* атаковать. — Потѣкноутися; *такъ* ему *поткло* — такъ ему привелось; *поткнуся къ ряду* — согласился на миръ. — Подътъкати возбуждать. — Сътъкноути. — Притѣчя. — Притѣчьникъ.

(Тѣп—) отѣпѣтатися. — Потѣпѣтати *полкъ* — смять непріятелей; *поту* 139,33 нарушить.

(Тѣск—) тѣщии. — Тѣщивни. — Нетѣщно. Ип. натощно. — Тѣщитися. — Тѣщяниѣ. — Потѣщитися. — Потѣщяниѣ. — Тѣсноутися, тѣснитися, цнитися, тѣцнѣтися спѣшить, стараться. — Потѣснитися *поспѣшить*, постараться. — Сътѣсноути, съцноути, съчьноути,

сѣтьсеноутиси испугаться, въ испугѣ торопиться.—II. Тѣсьнни.—
Тѣсьнота.—Сѣтьсѣннитися.—III. притисноути.

Тыл-ѣ.

Тысяча 1) тысяча; 2) управленіе тысяческаго.—Тысячскыи, тысяцкыи,
тысячкыи.

Ть-ма.—Тѣмныи.—Отѣмняти.—II. Тьма десять тысячъ.—Тѣмничъ
сынъ—сынъ темника (у Татаръ).

(Тѣн, тѣ) тѣти 159,9.—Исѣтяти.—Отѣтяти.—Перетѣти перерубить.—
Потѣти.—Подѣтяти.—Сѣтяти, сѣтинати.

Тѣсть, цѣть, цѣть.—Тѣщя.

Тѣл-о.—Тѣлесныи.

Тяг-ноути.—Вѣсѣтягывати удерживать отъ чего.—Вѣсѣтягноутися.—
Дотягноути 183,7 успѣть дойти.—Потягноути *потянемъ*—пой-
демъ.—Притягноути успѣть прійти.—Сѣтягноути.—Оутягноути
уйти впередъ, успѣть дойти.—II. Тяжкыи.—Тягота.—Тягость.—
III. Тяжя ссора.—Исѣтязати.—Сѣтяжати.

Оуг-ѣль.

Оуи дядя по матери.

Оул-иця 40,7.

Оум-ѣти.—Оумъ.—Оумьникъ.—Безоумниѣ.—Безоумьныи.—Изъ-
безоумитися.—Изоумѣтисѣ растеряться.—Изоумѣниѣ.—Разо-
умъ.—Розоумьно.—Розоумѣти 1) разунать, 2) понять.—Оуро-
зумѣти.

Оун-ыи.—Оуность.—Оунота.

Оуст-а.—Оустьна.—Оустиѣ.—Оусть 29,14. 40,18. 26 нп. *на усть*
Медвѣдици—на устьѣ Медвѣдицы.—Пооустити, пооуштивати.

Оутро.—Заутра.—Зѣзаутра.—Оутрии.—Наоутрия, наутрѣѣ.—
Заутриѣ, заутрия.—Заутрии *день*.—Оутрьнии.—Заоутрь-
няя, заоутрьня.

(Оутр—) вноутрьнии.—Оутроба 222,7 вар. Ип.

Оух-о.—Об-оух-ати.—Пооухати.

Оучяны, вѣчяны 126,10 *прибѣгоша къ Волзъ и воскакаша во вѣяны,*
и ту абѣ испровергоша учанъ, и тако истопоша.

Фаръ 56,20. 162,22. 29 конь (Венгерскій).—Фаревьникъ 170,10 всад-
никъ (Венгерскій).

Февраль, февраль.

Философъ.—Философствовати.

Финиптъ 111,36. 123,22. 223,2. 9. 10.

О-хав-итися 182,34 остеречься.

Канъ, ханъ.—Кановъ.

Хвала.—Хвалити.—Хвалитися.—Похвала.—Похвалити.—Похва-
литися.—Похваление.—Похвальныи.

Хворость 193,22.

Хвост-атая.

Хероувимъ.

Хлѣв-ъ.

Хлявь ЦС?

Ход-ити 1) ходить, 2) совершать походъ.—Въходити.—Въходъ.—
Въсъходити.—Въсъ-ход-итися.—Въсъходьныи 114,15 *столъ*.—
Выходити.—Выходъ.—Доходити.—Заходити.—Заходъ.—
Исъходити.—Исъходъ.—Находити.—Нахождение.—Объходи-
ти.—Отъходити.—Прѣходити.—Переходъ.—Приходити.—
Приходъ.—Прихожьи.—Проходити.—Росъходитися.—Съхо-
дити.—Съходъ.—Ходатаи.

Холопъ 99,4. 117,13. 185,8. 199,6.

Хоровъ-рыи.—Храбърствоули рет.

Храм-ы 190,9 домъ?—Храмъ.

Хоронити защищать.—Похоронити.—Росъхоронитися.—Съхо-
ронити.

Хороугъви.

Хот-ѣти; хотѣниѣ.—Въсъхотѣти.—Похотѣти.—Хотя.—Неохво-
тивъ 63,29.—Вохвотити 108,33.—Оухвотитися, оухотитися
126,2. 137,32.

Христолюбивыи.—Христолюбъцъ.—Хрестьянинъ, крестьянинъ.—
Хрестьяныи.—Нехрестьяныи.—Хрестьянъскыи.—Хрестъ-
яньство.

Хром-ныи.

Хронографъ.

Хоуд-ны слабый, изнемогшій.—Хоудость рет.—Охоудѣвати слабѣть.

Хоудожъникъ.

Хоула.—Хоулити.—Хоулитися.—По-хоуи-ъся 128,37 причастіе отъ
похоулитися?

Хъза род. 187,14 *сапози зеленого хъза?*

Хълоудъ 62,21?

(Хыт, хват) I. Въсъхытити.—Похытити.—Подъхытити 72,21 под-
хватить.—Похватити 170,23.—II. Хытрыи.—Хытрость.—
Хытръцъ.—Исъхытрити, рет.

Царь.—Царевъ.—Царьскыи.—Царевичъ.—Цариця.—Въцари-
тися.—Царъство.—Царьствіе.—Царьствовати.

Цвѣл-ити 201,27 мучить?

ЦЕВРЬ 225,4.

Цръкъви.—Цръковъныи.—Цръковъникъ.

Цѣл-ыи. Цѣление.—Ицѣлити.—Ицѣлениѣ.—Неицѣлимыи.—Ицѣ-
лѣти.—Цѣломоудріе.—II. Цѣловати.—Цѣловатися.—Цѣло-
ваніе.—Бе-цѣн-ьныи.

Цѣп-ъ.

Цята 111,32. 33. 223,9. 10.

Чел-о.—Челька 104,26 *стяговая*.

Челюсть.

Челидъ.

ЧЕРЕВО.—Червию и Ип. *чрево* 170,15 обувь.
(Червю) *свертываю*

(Черед) оучрѣдити угостить.—Оучрѣженіе.

ЧЕТЫРЕ. — Четвертый. — Четвертынадесять. — Четыредесять. — Четыреста. — Четвергъ. — Четвержьныи *день*.

По-читѣ см. кои.—Чѣн, чя см. кѣн, кон.

Чин-ити. — Чинѣ. — Вѣчинити. Оучинити. — Оучинитися. — Оточина
24, 13. 60, 20. 63, 26 *то* здѣсь средн. родъ тѣстоим. *тѣ*, употребл. какъ
сущ. (= много, мало) съ родит. сущ. *чинѣ* — въ то время сравн. *ѣ*
тѣ чинѣ.

Чыст-ыи. — Нечыстыи. = Прѣчыстыи. — Чистота. — Очистити. — Очи-
стится. — Очищенье.

ЧЛѢНЪ.

ЧРЬМЪНОСТЬ.

Чръный. — Чръньць. — Чръньчъскый. — Чръньчъство. — Чръниця. —
Чръноризъць. — Чръноризъскый.

По-чръп-сти.

ЧРЪТ-ОВЪ.

ЧЬЛОВѢКЪ.—ЧЬЛОВѢЧЬСКИИ.

(Чѣт) чѣсти. — Почѣсти. — Прочѣсти. — Росѣчѣсти. — Съчѣтити. — Оучѣть 104,1 *безъ учета* — безъ числа. — Причѣта 157,19 = *притѣча*. — Почѣтити. — Причитати. — Причитатися. — Чѣсть. — Чѣстьный. — Вѣсѣстьный. — Чѣстити. — Чѣстьникъ рет. — Нечѣстивый. — Вечѣстїю. — Обечѣствовати. — Почѣстити. — Оучѣстити. — Число. — Вечисльный. — Числьница.

Чю-ти. — Очютити. — Почютити. — Съчювьствьный 154.14 матеріаль-
ны рет.

Чюдо.—Чюдьный.—Прѣчюдьный.—Чюдотворьный.
Чютих.—Чютихъ.

Чюжи. — Чюжеземьць.

Чюмъ 185,5 вина — мѣхъ?

Чя-яти.—Нечаяниіе рет.—Отъчаяниіе.

Чяга 98,24 Русскіе (у Половцевъ) наполнились до избытка и колодники и чагами и дѣтьми ихъ.

Чяс-ъ.

Часто.

Часть. — Причаститися. — Причащениис. — Причастис. — Причасть-
никъ.

Ч я ш я.

ШЕЛОМЪ — Шеломя 63, в. 129, 12. 13; Хл. соломя, сольмя — града холмовъ.

Шелудивый, шюлоудивый 15,26.

ШЕРСТЬ.

ШЕСТЬ.—ШЕСТИИ.—ШЕСТЬДЕСЯТЬ.

Ш-ти.—Ошיתי.—Подъшва.

Шиб-еніе. — Вишибити. — Въшибитися 65,9. — Съшибатися.
Шія.

Ш и Я.

ШЬД—СМ. И-ТИ.—ШЬСТВОВАТИ.

- (Шюи) ошююю.—Шюиця, щюиця 131,6.
 Шюмъ.
 Шюр-инъ.—Шюрата множ. 171,38.
 Шяръ краска.
 Шят-атися.
 Шятъръ.
 Щедрота.
 Щитъ.—Защитити.—Защититися.
 Пра-щюръ, Хл. прашоръ 45,4.
 Щад-ити.—Пощадѣти.—Нещадъныи рет.
 Яти, имати.—Ятися.—Ятию 99,9.—Въниматися 53,19 вмѣши-
 ваться.—Възяти, възняти.—Възятися.—Възятию.—Въяти,
 выняти.—Вънятися.—Заяти.—Займатися 63,10.—Изимати за-
 брать.—Объяти.—Объятися, Им. обоуятися.—Отъяти.—Отъ-
 ятися.—Изъотъяти.—Переяти.—Пояти.—Поняти.—Поя-
 тися.—Подъяти.—Подъятися.—Прияти 1) принять; 2) удержать
 въплѣну.—Приятися.—Приятию.—Неприятію.—Въсприяти.—
 Розымати.—Съняти.—Сънятися.—Сънѣмъ.—Оуяти нп. 118,3.
 Яв-ити.—Явитися.—Обоуявитися, обявитися.—Проявити.—Явѣ.
 (Яд) ѣсти.—Изъѣсти.—Поѣсти.—Сънѣсти.—Сънѣстися.—Обѣдати,
 обѣдъ.—Обѣдънии.—Обѣдъняя, обѣдъняя.—Ясть 31, *не имѣти*
на пути ясти—ссоры? (то, когда ѣдятъ другъ друга, стараются сдѣ-
 лать вредъ).
 Язв-ити.—Язва.—Оуязвити.—Язвинити 172,23.
 Язв-ѣць 180,31.
 Языкъ.
 Яма.
 Янда 195,13?
 Яр-ость.—Възъяритися.—Розъяритися.
 Ярыцѣхъ предл. множ. 187,11 *людіе во ярыцѣхъ?*
 Ясьн-ыи.—Оуяснитися.
 Ястрѣвъ.
 Ятры.
 (Ях) ѣхати, ѣздити.—Ѣздъ 135,3.—Въѣхати.—Възъѣхати.—Вы-
 ѣхати.—Доѣхати.—Заѣхати *кого*—заѣхатъ въ тылъ.—Изъѣхати
кого—напасть въ располхъ.—Изъѣздъ; *изъѣздомъ ѣхати*—такъ
 чтобы напасть въ располхъ.—Изъѣждению 87,8 = изъѣздъ.—На-
 ѣхати.—Наѣздъ 210,2.—Объѣхати.—Отъѣхати.—Отъѣздъ.—
 Переѣхати.—Поѣхати.—Поѣздъ 104,9.—Поѣздъство 89,6.—
 Подъѣхати.—Приѣхати.—Приѣздъ.—Проѣхати.—Розъѣхати
кого—стать въ серединѣ, такъ что пельзя сразиться.—Розъѣхатися.—
 Съѣхати.—Съѣхатися.—Съѣздъ.

**Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію
русскаго языка и словесности.** Томъ II, листы 1—15 (или 28—41
листы общаго счета) и при нихъ XXII—LXVI листы *Прибавленій.* *)

Опытъ Словаря къ Ипатьевской Лѣтописи, г. Чернышевскаго, первый послѣ словаря къ „Остромирову Евангелію“ трудъ этого рода въ русской литературѣ. Потому обратимъ вниманіе на планъ и исполненіе этого труда, предполагая, что авторъ не оскорбится нашими замѣчаніями.

Словарь этотъ расположенъ по этимологическому порядку. И дѣйствительно, объяснительнымъ словарямъ тѣхъ языковъ, въ которыхъ значеніе многихъ словъ еще не опредѣлено, приличенъ этимологическій порядокъ. Но къ этимологическому словарю долженъ быть приложенъ алфавитный списокъ словъ, вошедшихъ въ него, по крайней мѣрѣ тѣхъ словъ, производство которыхъ неясно съ перваго взгляда для всякаго. Г. Чернышевскій не сдѣлалъ этого, потому его словаремъ не совѣмъ удобно пользоваться; и мы часто не знаемъ даже, подъ какимъ корнемъ надобно искать нужное намъ слово, потому что словопроизводство — вещь довольно загадочная во всѣхъ языкахъ, тѣмъ болѣе въ славянскомъ, менѣе другихъ обработанномъ. Приложить алфавитный списокъ словъ, въ которыхъ видъ корня измѣнился или затмился, было бы тѣмъ необходимѣе, что авторъ иногда отступаетъ отъ обыкновеннаго словопроизводства (иначе и не можетъ быть при нынѣшнемъ состояніи славянской филологіи); напримѣръ, слово *соумня* относитъ онъ къ корню соу-ти, между тѣмъ, какъ обыкновенно предполагается для этого слова корень *соул-*. *вѣннати*, подобно *възннати* относитъ онъ къ корню ни-ти (=пѣ-ти), а не къ корню *взн*—, какъ обыкновенно. Намъ кажется, что онъ слишкомъ стѣснилъ кругъ своихъ объясненій, рѣшась объяснять Ипатьевскую Лѣтопись только одною Ипатьевскою Лѣтописью, и отказавшись преднамѣренно отъ всѣхъ постороннихъ пособій. Поэтому онъ принужденъ оставить безъ объясненія множество словъ, которыхъ значеніе можно опредѣлить, или уже давно извѣстно, напримѣръ кация, сѣора, оловиръ, паволока, скорлатъ, и оставить ихъ безъ объясненія только потому,

*) Изъ Отеч. Зап. 1854 г. т. XCI (Янв.—Февр.).

что они объясняются не Ипатьевскою Лѣтописью. Г. Чернышевскій ставитъ вопросительные знаки при словахъ, относительно которыхъ онъ не твердо увѣренъ, правильно-ли они объяснены у него; такая осторожность была бы излишнею, если бы онъ не былъ слишкомъ мнителенъ: его сомнѣнiе очень часто скрываетъ подъ собою рѣшительную достовѣрность. Мы совершенно согласны съ г. Чернышевскимъ въ необходимости отличать отъ народныхъ русскихъ словъ слова, заимствованныя въ наши лѣтописи изъ церковнославянскихъ книгъ, и слова, составленные нашими книжниками въ подражанiе греческимъ, или просто для витiеватости (последнiя слова называетъ онъ риторическими); но намъ кажется, что и здѣсь онъ слишкомъ остороженъ; по нашему мнѣнiю, изъ словъ на букву с къ церковнославянскимъ или риторическимъ словамъ, кромѣ отмѣченныхъ г. Чернышевскимъ, въ его словарѣ относятся еще: насаженiе, вселеная, свѣрышы, прѣсвятыи, священномученикъ, ослабитися, свѣтоносныи, оусвѣтити, свѣтлость, скранiе, скръбь, неослабно, прѣславный, слышание, слоужитель, основа, поспѣшение, поспѣшникъ, спѣшникъ, срьдъчныи, достѣить, достойныи, достояние, достохвальныи, наставникъ, оставление, прѣставитися, прѣставление, стонание, остлѣпити, строение, оустройство, поустроить, стоудьныи, осоудитися, осоужение, мсоушити, въсѣяти, оусѣкнуути, посягати.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

ИСКУССТВА КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ *).

Настоящій трактатъ ограничивается общими выводами изъ фактовъ, подтверждая ихъ опять только общими указаніями на факты. Вотъ первый

*) *Примѣчаніе издателя.* Статья эта—магистерская диссертация Н. Г. Чернышевскаго. Она была написана въ 1853 г., но разсмотрѣніе ея университетскимъ начальствомъ затянулось до 1855 г.

Привожу, кстати, относящіяся къ этой статьѣ двѣ выписки изъ писемъ моего отца къ дѣдушкѣ, Г. И. Чернышевскому:

(изъ письма отъ 21 Сентября 1853 г.).

..... Диссертацию свою пишу объ эстетикѣ. Если она пройдетъ черезъ университетъ въ настоящемъ своемъ видѣ, то будетъ оригинальна между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней не будетъ ни одной цитаты, а всего только *одна* ссылка. Если же найдутъ это недовольно ученымъ, то я прибавлю нѣсколько сотъ цитатъ въ три дня. По секрету можно сказать, что ГГ. здѣшніе профессора словесности совершенно не занимались тѣмъ предметомъ, который взялъ я для своей диссертациі, и потому едва-ли увидятъ, какое отношеніе мои мысли имѣютъ къ общественному образу понятій объ эстетическихъ вопросахъ. Имъ показалось бы даже, что я приверженецъ тѣхъ философовъ, которыхъ мнѣнія оспариваю, если бы я не сказалъ объ этомъ ясно. Поэтому я не думаю, чтобы у насъ поняли, до какой степени важны тѣ вопросы, которые я разбираю, если меня не принудятъ прямо объяснять этого. Вообще у насъ очень затмилась понятія о философіи съ тѣхъ поръ, какъ умерли или замолкли люди, понимавшіе философію и слѣдившіе за нею.....

(изъ письма отъ 3 Мая 1855 г.).

..... Диссертация, для сокращенія времени и издержекъ, напечатана мною въ большомъ форматѣ и очень убористымъ прифтомъ: кромѣ того и для тѣхъ же пѣлей, я значительно сократилъ ее (хотя ценсура университетская не зачеркнула ни одного слова), когда рукопись была уже одобрена къ печати. Потому вышло всего только 6^{1/2} печатныхъ листовъ, вмѣсто 20, которые были бы наполнены ею безъ сокращеній и при обыкновенномъ разгонистомъ печатаніи. Въ внѣшнемъ отношеніи она имѣетъ ту особенность, что нѣтъ въ ней *ни одной* цитаты—наперекоръ общей замашкѣ шарлатанить этою дешевою ученостью. Къ числу особенностей принадлежитъ и то, что она писана мною *прямо на блѣно*—случай, едва-ли бывавшій съ кѣмъ нибудь. Этимъ всѣмъ я хотѣлъ себѣ доставить удовольствіе внутренне позабавиться надъ людьми, которые (не могутъ) сдѣлать подобнаго. О содержаніи пока не пишу—это до другаго письма. Заглавіе Вы знаете: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“.....

пунктъ, относительно котораго должно дать объясненіе. Нынѣ вѣкъ монографій, и сочиненіе можетъ подвергнуться упреку въ несовременности. Удаленіе изъ него всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованій можетъ быть сочтено за пренебреженіе къ нимъ или за слѣдствіе мнѣнія, что общіе выводы могутъ обойтись безъ подтвержденія фактами. Но такое заключеніе основывалось бы только на виѣшней формѣ труда, а не на внутреннемъ его характерѣ. Реальное направленіе мыслей, развиваемыхъ въ немъ, уже достаточно свидѣтельствуешь, что онѣ возникли на почвѣ реальности и что авторъ вообще придаетъ очень мало значенія для нашего времени фантастическимъ полетамъ даже и въ области искусства, не только въ дѣлѣ науки. Сущность понятій, излагаемыхъ авторомъ, ручается за то, что онъ желалъ бы, еслибы могъ, привести въ своемъ сочиненіи многочисленные факты, изъ которыхъ выведены его мнѣнія. Но если-бъ онъ рѣшился слѣдовать своему желанію, объемъ труда далеко превзошелъ бы опредѣленныя ему границы. Авторъ думаетъ однако, что общихъ указаній, имъ приводимыхъ, достаточно, чтобы напомнить читателю десятки и сотни фактовъ, говорящихъ въ пользу мнѣній, излагаемыхъ въ этомъ трактатѣ, и потому надѣется, что краткость объясненій не есть бездоказательность.

Но зачѣмъ же авторъ избралъ такой общій, такой обширный вопросъ, какъ эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, предметомъ своего изслѣдованія? Почему не избралъ онъ какого-нибудь спеціальнаго вопроса, какъ это большею частью нынѣ дѣлается?

По силамъ-ли автора задача, которую хотѣлъ онъ объяснить, рѣшать это, конечно, не ему самому. Но предметъ, привлечшій его вниманіе, имѣетъ нынѣ полное право обращать на себя вниманіе всѣхъ людей, занимающихся эстетическими вопросами, то есть всѣхъ, интересующихся искусствомъ, поэзіею, литературою.

Автору кажется, что бесполезно толковать объ основныхъ вопросахъ науки только тогда, когда нельзя сказать о нихъ ничего новаго и основательнаго, когда не приготовлена еще возможность видѣть, что наука измѣняетъ свои прежнія воззрѣнія, и показать, въ какомъ смыслѣ, по всей вѣроятности, должны они измѣниться. Но когда выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія на основные вопросы нашей спеціальной науки, и можно и должно высказать эти основныя идеи.

Уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣрчивость къ апріорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоить говорить объ эстетикѣ.

Авторъ не меньше, нежели кто-нибудь, признаетъ необходимость спеціальныхъ изслѣдованій; но ему кажется, что отъ времени до времени необходимо также обозрѣвать содержаніе науки съ общей точки зрѣнія; кажется, что если важно собирать и изслѣдовать факты, то не менѣе важно и стараться проникнуть въ смыслъ ихъ. Мы всѣ признаемъ высокое значеніе исторіи искусства, особенно исторіи поэзіи; итакъ не могутъ не имѣть высокаго значенія и вопросы о томъ, что такое искусство, что такое поэзія.

„Всѣ сферы духовной дѣятельности подчинены закону восхожденія отъ непосредственности къ посредственности. Вслѣдствіе этого закона идея, вполнѣ постигаемая только мышленіемъ (познаваніе подѣ формою посредственности), первоначально является духу подѣ формою непосредственности или подѣ формою воззрѣнія. Потому человѣческому духу кажется, что отдѣльное существо, ограниченное предѣлами пространства и времени, совершенно соотвѣтствуетъ своему понятію, кажется, что въ немъ вполнѣ осуществилась опредѣленная идея, а въ этой опредѣленной идеѣ вполнѣ осуществилась идея вообще. Такое воззрѣніе предмета есть призракъ (ist ein Schein) въ томъ отношеніи, что идея никогда не проявляется въ отдѣльномъ предметѣ *вполнѣ*; но подѣ этимъ призракомъ скрывается истина, потому что въ опредѣленной идеѣ дѣйствительно осуществляется до *нѣкоторой степени* общая идея, а опредѣленная идея осуществляется до *нѣкоторой степени* въ отдѣльномъ предметѣ. Этотъ скрывающій подѣ собою истину призракъ проявленія идеи вполнѣ въ отдѣльномъ существѣ есть прекрасное (das Schöne)“

Такъ развивается понятіе прекраснаго въ господствующей эстетической системѣ. Изъ этого основнаго воззрѣнія слѣдуютъ дальнѣйшія опредѣленія: прекрасное есть идея въ формѣ ограничennaго проявленія; прекрасное есть отдѣльный чувственный предметъ, который представляется чистымъ выраженіемъ идеи, такъ что въ идеѣ не остается ничего, что не проявлялось бы чувственно въ этомъ отдѣльномъ предметѣ, а въ отдѣльномъ чувственномъ предметѣ нѣтъ ничего, что не было бы чистымъ выраженіемъ идеи. Отдѣльный предметъ въ этомъ отношеніи называется образомъ (das Bild). Итакъ прекрасное есть совершенное соотвѣтствіе, совершенное тожество идеи съ образомъ.

Я не буду говорить о томъ, что основныя понятія, въ зависимости отъ которыхъ выставлено такое воззрѣніе на прекрасное, теперь уже признаны не выдерживающими критики; не буду говорить и о томъ, что прекрасное въ этой системѣ понятій является только „призракомъ“, происходящимъ отъ непроницательности взгляда, не просвѣтленнаго философскимъ мышленіемъ, предѣ которымъ исчезаетъ кажущаяся полнота проявленія идеи въ отдѣльномъ предметѣ, такъ что чѣмъ выше развито мышленіе, тѣмъ болѣе исчезаетъ предѣ нимъ прекрасное, и наконецъ для вполнѣ развитаго мышленія есть только истинное, а прекраснаго нѣтъ; не буду опровергать этого фактомъ, что на самомъ дѣлѣ развитіе мышленія въ челоѣкѣ нисколько не разрушаетъ въ немъ эстетическаго чувства: все это уже было высказано много разъ. Какъ слѣдствіе и часть метафизической системы, изложенное выше понятіе о прекрасномъ надетъ вмѣстѣ съ нею. Но можетъ быть ложна система, а частная мысль, въ нее вошедшая, можетъ, будучи взята самостоятельно, имѣть справедливость, утверждаясь на своихъ особенныхъ основаніяхъ. Поэтому остается еще показать, что господствующее понятіе о прекрасномъ не выдерживаетъ критики, будучи взято и внѣ связи съ удивительными нынѣ метафизическими системами.

„Прекрасно то существо, въ которомъ вполнѣ выражается идея этого существа“ въ переводѣ на простой языкъ будетъ значить: „прекрасно то,

что превосходно въ своемъ родѣ; то, лучшее чего нельзя себѣ вообразить въ этомъ родѣ“. Совершенно справедливо, что предметъ долженъ быть превосходить въ своемъ родѣ для того, чтобы называться прекраснымъ. Такъ, напр., лѣсъ можетъ быть прекрасенъ, но только „хорошій“ лѣсъ, высокій, прямой, густой, однимъ словомъ, превосходный лѣсъ; коряжникъ, жалкій, низенькій, рѣдкій лѣсъ, не можетъ быть прекрасенъ. Роза прекрасна; но только „хорошая“, свѣжая, неоципанная роза. Однимъ словомъ, все прекрасное превосходно въ своемъ родѣ. Но не все превосходное въ своемъ родѣ прекрасно; кротъ можетъ быть превосходнымъ экземпляромъ породы кротовъ, но никогда не покажется онъ „прекраснымъ“; точно то же надобно сказать о большей части амфибій, многихъ породахъ рыбъ, даже многихъ птицахъ: чѣмъ лучше для естествоиспытателя животное такой породы, т.-е. чѣмъ полнѣе выражается въ немъ его идея, тѣмъ оно некрасивѣе съ эстетической точки зрѣнія. Чѣмъ лучше въ своемъ родѣ болото, тѣмъ хуже оно въ эстетическомъ отношеніи. Не все превосходное въ своемъ родѣ прекрасно; потому что не всѣ роды предметовъ прекрасны. Опредѣленіе прекраснаго какъ полного соответствія отдѣльнаго предмета съ его идеею слишкомъ широко. Оно высказываетъ только, что въ тѣхъ разрядахъ предметовъ и явленій, которые могутъ достигать красоты, прекрасными кажутся лучшіе предметы и явленія; но не объясняетъ, почему самые разряды предметовъ и явленій раздѣляются на такіе, въ которыхъ является красота, и другіе, въ которыхъ мы не замѣчаемъ ничего прекраснаго.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно и слишкомъ тѣсно. „Прекраснымъ кажется то, что кажется полнымъ осуществленіемъ родовой идеи“ значить также: „надобно, чтобы въ прекрасномъ существѣ было все, что только можетъ быть хорошаго въ существахъ этого рода; надобно, чтобы нельзя было найти ничего хорошаго въ другихъ существахъ того же рода, чего не было бы въ прекрасномъ предметѣ“. Этого мы въ самомъ дѣлѣ и требуемъ отъ прекрасныхъ явленій и предметовъ въ тѣхъ царствахъ природы, гдѣ нѣтъ разнообразія типовъ одного и того же рода предметовъ. Такъ, напр., у дуба можетъ быть одинъ только характеръ красоты: онъ долженъ быть высокъ и густъ; эти качества всегда находятся въ прекрасномъ дубѣ, и ничего другаго хорошаго не найдется въ другихъ дубахъ. Но уже въ животныхъ является разнообразіе типовъ одной породы, какъ скоро дѣлаются они домашними. Еще больше такого разнообразія типовъ красоты въ человѣкѣ, и мы даже никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы всѣ оттѣнки человѣческой красоты совмѣщались въ одномъ человѣкѣ.

Выраженіе: „прекраснымъ называется полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ предметѣ“ вовсе не опредѣленіе прекраснаго. Но въ немъ есть справедливая сторона—то, что „прекрасное“ есть отдѣльный живой предметъ, а не отвлеченная мысль; есть и другой справедливый намекъ на свойство истинно художественныхъ произведеній искусства: они всегда имѣютъ содержаніемъ своимъ что-нибудь интересное вообще для человѣка, а не для одного художника (намекъ этотъ заключается въ томъ, что идея—„нѣчто общее, дѣйствующее всегда и вездѣ“); отъ чего происходитъ это, увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Совершенно другой смысл имѣть другое выраженіе, которое выставляютъ за тождественное съ первымъ: „прекрасное есть единство идеи и образа, полное сліяніе идеи съ образомъ“; это выраженіе говоритъ дѣйствительно о существенномъ признакѣ—только не идеи прекраснаго вообще, а того, что называется художественнымъ произведеніемъ искусства: прекрасно будетъ произведеніе искусства дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если художникъ передалъ въ произведеніи своемъ все то, что хотѣлъ передать. Конечно портретъ хорошъ только тогда, когда живописецъ сумѣлъ нарисовать совершенно того человѣка, котораго хотѣлъ нарисовать. Но „прекрасно нарисовать лицо“ и „нарисовать прекрасное лицо“—двѣ совершенно различныя вещи. Объ этомъ качествѣ художественнаго произведенія придется говорить при опредѣленіи сущности искусства. Здѣсь же считаю излишнимъ замѣтить, что въ опредѣленіи красоты какъ единства идеи и образа,—въ этомъ опредѣленіи, имѣющемъ въ виду не прекрасное живой природы, а прекрасныя произведенія искусствъ, уже скрывается зародышъ или результатъ того направленія, по которому эстетика обыкновенно отдаетъ предпочтеніе прекрасному въ искусствѣ предъ прекраснымъ въ живой дѣйствительности.

Что же такое въ сущности прекрасное, если нельзя опредѣлить его какъ „единство идеи и образа“ или какъ „полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ предметѣ“?

Новое строится не такъ легко, какъ разрушается старое, и защищать не такъ легко, какъ нападать; потому очень можетъ быть, что мнѣніе о сущности прекраснаго, кажущееся мнѣ справедливымъ, не для всѣхъ покажется удовлетворительнымъ; но если эстетическія понятія, выводимыя изъ господствующихъ нынѣ воззрѣній на отношенія человѣческой мысли къ живой дѣйствительности, остались въ моемъ изложеніи еще неполны, односторонни, или шатки, то это, я надѣюсь, недостатки не самыхъ понятій, а только моего изложенія.

Ощущеніе, производимое въ человѣкѣ прекраснымъ,—свѣтлая радость, похожая на ту, какою наполняетъ насъ присутствіе милаго для насъ существа *). Мы безкорыстно любимъ прекрасное, мы любимся, радуемся на него, какъ радуемся на милаго намъ человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прекрасномъ есть что-то милое, дорогое нашему сердцу. Но это „что-то“ должно быть нѣчто чрезвычайно многообъемлющее, нѣчто способное принимать самыя разнообразныя формы, нѣчто чрезвычайно общее; потому что прекрасными кажутся намъ предметы чрезвычайно разнообразные, существа совершенно непохожія другъ на друга.

Самое общее изъ того, что мило человѣку, и самое милое ему на свѣтѣ—жизнь; ближайшимъ образомъ такая жизнь, какую хотѣлось бы ему

*) Я говорю о томъ, что прекрасно по своей сущности, а не потому только, что прекрасно изображено искусствомъ; о прекрасныхъ предметахъ и явленіяхъ, а не о прекрасномъ ихъ изображеніи въ произведеніяхъ искусства: художественное произведение, пробуждая эстетическое наслажденіе своими художественными достоинствами, можетъ возбуждать тоску, даже отвращеніе сущностью изображаемаго.

вести, какую любить онъ; потомъ и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чѣмъ не жить: все живое уже по самой природѣ своей ужасается гибели, небытія и любить жизнь. И кажется, что опредѣленіе:

„прекрасное есть жизнь“;

„прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни“, —

кажется, что это опредѣленіе удовлетворительно объясняетъ всѣ случаи, возбуждающіе въ насъ чувство прекраснаго. Прослѣдимъ главныя проявленія прекраснаго въ различныхъ областяхъ дѣйствительности, чтобы провѣрить это.

„Хорошая жизнь“, „жизнь, какъ она должна быть“, у простаго народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ у поселяннина въ понятіи „жизнь“ всегда заключается понятіе о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у молодого поселяннина или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, поэтому будучи крѣпка сложеніемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна — это также необходимое условіе красавицы сельской: свѣтская „полувоздушная“ красавица кажется поселяннину рѣшительно „невзрачною“, даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать „худобу“ слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли“. Но работа не дастъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлага“ сложенія, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ. У сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и вѣселою, но нечрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица; уже нѣсколько поколѣній предки ея жили не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ оконечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки; онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества, жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи. Поэтому же самому у свѣтской красавицы должны быть маленькія ушки. Мигрень, какъ извѣстно, интересная болѣзнь — и не безъ причины: отъ бездѣйствія кровь остается вся въ среднихъ органахъ, приливаетъ къ мозгу; нервная система и безъ того

уже раздражительна отъ всеобщаго ослабленія въ организмѣ; неизбежное слѣдствіе всего этого — продолжительныя головныя боли и разнаго рода нервическія разстройства; что дѣлать, и болѣзнь интересна, чуть не завидна, когда она слѣдствіе того образа жизни, который намъ нравится. Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять свои цѣны въ глазахъ человѣка, потому что и въ довольствѣ, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья; вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ зато часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій, страстей“, которыми придаетъ цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очароваться томностью, блѣдностью красавицы, если онъ служитъ признакомъ, что она „много жила“?

Мила живая свѣжесть цвѣта,
Знакъ южныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Но если увлеченіе блѣдною, болѣзненною красотою признакъ искусственной испорченности вкуса, то всякій истинно образованный человѣкъ чувствуетъ, что истинная жизнь — жизнь ума и сердца. Она отпечатлѣвается въ выраженіи лица, всего яснѣе въ глазахъ; потому выраженіе лица, о которомъ такъ мало говорится въ народныхъ пѣняхъ, получаетъ огромное значеніе въ понятіяхъ о красотѣ, господствующихъ между образованными людьми; и часто бываетъ, что человѣкъ кажется намъ прекрасенъ только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза.

Я пересмотрѣлъ, сколько позволяло мѣсто, главныя принадлежности человѣческой красоты, и мнѣ кажется, что все онъ производятъ на насъ впечатлѣніе прекраснаго потому, что въ нихъ мы видимъ проявленіе жизни, какъ понимаемъ ее. Теперь надобно посмотрѣть противоположную сторону предмета, рассмотреть, отчего человѣкъ бываетъ некрасивъ.

Причину некрасивости общей фигуры человѣка всякій укажетъ въ томъ, что человѣкъ, имѣющій дурную фигуру, — „дурно сложенъ“. Мы очень хорошо знаемъ, что уродливость — слѣдствіе болѣзни или пагубныхъ случаевъ, отъ которыхъ особенно легко уродуется человѣкъ въ первое время развитія. Если жизнь и ея проявленія — красота, то очень естественно, что болѣзнь и ея слѣдствія — безобразіе. Но человѣкъ дурно сложенный — также уродъ, только въ меньшей степени, и причины „дурнаго сложенія“ тѣ же самыя, которыя производятъ уродливость, только слабѣе ихъ. Если чело-

вѣкъ родится горбатымъ — это слѣдствія несчастныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось первое его развитіе; но сутуловатость та же горбатость, только въ меньшей степени, и должна происходить отъ тѣхъ же самыхъ причинъ. Вообще худо сложенный человѣкъ — до нѣкоторой степени искаженный человѣкъ; его фигура говоритъ намъ не о жизни, не о счастливомъ развитіи, а о тяжелыхъ сторонахъ развитія, о неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Отъ общаго очерка фигуры переходимъ къ лицу. Черты его бываютъ нехороши или сами по себѣ или по своему выраженію. Въ лицѣ не нравится намъ „злое“, „непріятное“ выраженіе, потому, что злость — ядъ, отравляющій нашу жизнь. Но гораздо чаще лицо „некрасиво“ не по выраженію, а по самымъ чертамъ: черты лица некрасивы бываютъ въ томъ случаѣ, когда лицевыя кости дурно организованы, когда хрящи и мускулы въ своемъ развитіи болѣе или менѣе несутъ отпечатокъ уродливости, т. е. когда первое развитіе человѣка совершалось въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Совершенно излишне пускаться въ подробныя доказательства мысли, что красотою въ царствѣ животныхъ кажется человѣку то, въ чемъ выражается по человѣкообразнымъ понятіямъ жизнь свѣжая, полная здоровья и силъ. Въ млекопитающихъ животныхъ, организація которыхъ болѣе близкимъ образомъ сравнивается нашими глазами съ наружностью человѣка, прекраснымъ кажется человѣку округленность формъ, полнота и свѣжесть; кажется прекраснымъ граціозность движеній, потому что граціозными бываютъ движенія какого-нибудь существа тогда, когда оно „хорошо сложено“, т. е. напоминаетъ человѣка хорошо сложенного, а не урода. Некрасивымъ кажется все „неуклюжее“, то есть до нѣкоторой степени уродливое по нашимъ понятіямъ, вездѣ отыскивающимъ сходство съ человѣкомъ. Фермы крокодила, ящерицы, черепахи напоминаютъ млекопитающихъ животныхъ, но въ уродливомъ, искаженномъ, нелѣпномъ видѣ; потому ящерица, черепаха отвратительны. Въ лягушкѣ къ непріятности формы присоединяется еще то, что это животное покрыто холодною слизью, какою бываетъ покрытъ трупъ; отъ того лягушка дѣлается еще отвратительнѣе.

Не нужно подробно говорить и о томъ, что въ растеніяхъ намъ нравится свѣжесть цвѣта и роскошность, богатство формъ, обнаруживающія богатую силами, свѣжую жизнь. Увядающее растеніе нехорошо; растеніе въ которомъ мало жизненныхъ соковъ, нехорошо.

Кромѣ того шумъ и движеніе животныхъ напоминаютъ намъ шумъ и движеніе человѣческой жизни; до нѣкоторой степени напоминаютъ о ней шелестъ растеній, качанье ихъ вѣтвей, колеблющіеся листочки ихъ — вотъ другой источникъ красоты для насъ въ растительномъ и животномъ царствѣ пейзажъ прекрасенъ тогда, когда оживленъ.

Проводить въ подробности по различнымъ царствамъ природы мысль, что прекрасное есть жизнь и, ближайшимъ образомъ, жизнь, напоминающая о человѣкѣ и о человѣческой жизни, я считаю излишнимъ потому, что есть уже нѣсколько курсовъ эстетики, нечуждыхъ мысли, что красоту въ природѣ составляетъ то, что напоминаетъ человѣка (или выражаясь ихъ терминологіею, предвозвѣщаетъ личность), утверждающихъ, что прекрасное

въ природѣ имѣть значеніе прекраснаго только какъ намекъ на человѣка; потому, показавъ, что прекрасное въ человѣкѣ — жизнь, не нужно и доказывать, что прекрасное во всѣхъ остальныхъ областяхъ дѣйствительности, которое становится въ глазахъ человѣка прекраснымъ только потому, что служить намекомъ на прекрасное въ человѣкѣ и его жизни, также есть жизнь.

Но нельзя не прибавить, что вообще на природу смотритъ человѣкъ глазами владѣльца, и на землѣ прекраснымъ кажется ему также то, съ чѣмъ связано счастье, довольство человѣческой жизни. Солнце и дневной свѣтъ очаровательно прекрасны между прочимъ потому, что въ нихъ источникъ всей жизни въ природѣ, и потому, что дневной свѣтъ, благотворно дѣйствуетъ прямо на жизненные отправленія человѣка, возвышая въ немъ органическую дѣятельность, а чрезъ то благотворно дѣйствуетъ даже на расположеніе нашего духа.

Можно вообще сказать, что, читая въ новѣйшихъ эстетикахъ мѣста, гдѣ перечисляются различные виды и качества прекраснаго въ дѣйствительности, приходишь къ мысли, что, сознательно поставляя красоту въ полнотѣ проявленія идеи, бессознательно принимаютъ ихъ авторы, что полнота жизни и красота въ дѣйствительности тождественны. И не только эта мысль кажется лежащею бессознательно въ основаніи взгляда ихъ на прекрасное въ природѣ, но и въ самомъ развитіи общей идеи прекраснаго слово „жизнь“ попадаетъ въ новѣйшихъ эстетическихъ сочиненіяхъ такъ часто, что наконецъ можно спросить, есть ли существенное различіе между нашимъ опредѣленіемъ: „прекрасное есть жизнь“ и обыкновеннымъ опредѣленіемъ: „прекрасное есть единство идеи и образа“? Такой вопросъ рождается тѣмъ естественнѣе, что подъ „идеєю“ въ новѣйшей эстетикѣ понимается „общее понятіе, какъ оно опредѣляется всѣми подробностями своего дѣйствительнаго существованія“, и потому между понятіемъ идеи и понятіемъ жизни (или, точнѣе, понятіемъ жизненной силы) есть прямая связь. Не есть ли предлагаемое нами опредѣленіе только переложеніе на обыкновенный языкъ того, что высказывается въ господствующемъ опредѣленіи терминологією спекулятивной философіи.

Мы увидимъ, что есть существенная разница между тѣмъ и другимъ способомъ понимать прекрасное. Опредѣляя прекрасное какъ полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ существѣ, мы необходимо прійдемъ къ выводу: „прекрасное въ дѣйствительности только призракъ, влагаемый въ нее нашею фантазією“; изъ этого будетъ слѣдовать, что „собственно говоря, прекрасное создается нашей фантазією, а въ дѣйствительности (или говоря языкомъ спекулятивной философіи: въ природѣ) истинно прекраснаго нѣтъ“; изъ того, что въ природѣ нѣтъ истинно прекраснаго, будетъ слѣдовать, что „искусство имѣетъ своимъ источникомъ стремленіе человѣка восполнить недостатки прекраснаго въ объективной дѣйствительности“, и что „прекрасности“ — всѣ эти мысли составляютъ сущность господствующихъ нынѣ эстетическихъ понятій и занимаютъ столь важное мѣсто въ системѣ ихъ не случайно, а по строгому логическому развитію основнаго понятія о прекрасномъ.

Напротивъ того, изъ опредѣленія: „прекрасное есть жизнь“ будетъ

слѣдовать, что истинная, высочайшая красота есть именно красота, встрѣчаемая человѣкомъ въ мірѣ дѣйствительности, а не красота создаваемая искусствомъ; происхожденіе искусства должно быть при такомъ воззрѣніи на красоту въ дѣйствительности объясняемо изъ совершенно другого источника; послѣ того и существенное значеніе искусства явится совершенно въ другомъ свѣтѣ.

Итакъ должно сказать, что новое понятіе о сущности прекраснаго, будучи выводомъ изъ такихъ общихъ воззрѣній на отношенія дѣйствительнаго міра къ воображаемому, которыя совершенно различны отъ господствовавшихъ прежде въ наукѣ, приводя къ эстетической системѣ, также существенно различающейся отъ системъ господствовавшихъ въ послѣднее время, и само существенно различно отъ прежнихъ понятій о сущности прекраснаго. Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно представляется какъ ихъ необходимое дальнѣйшее развитіе. Существенное различіе между господствующею и предлагаемою эстетическими системами будемъ видѣть постоянно; чтобы указать на точку тѣснаго родства между ними, скажемъ, что новое воззрѣніе объясняетъ важнѣйшіе эстетическіе факты, которые выставлялись на видъ въ прежней системѣ. Такъ, напримѣръ, изъ опредѣленія „прекрасное есть жизнь“, становится понятно, почему въ области прекраснаго нѣтъ отвлеченныхъ мыслей, а есть только индивидуальныя существа—жизнь мы видимъ только въ дѣйствительныхъ, живыхъ существахъ, а отвлеченныя, общія мысли не входятъ въ область жизни.

Что касается существеннаго различія прежняго и предлагаемаго нами понятія о прекрасномъ, оно обнаруживается, какъ мы сказали, на каждомъ шагѣ; первое доказательство этого представляется намъ въ понятіяхъ объ отношеніи къ прекрасному возвышеннаго и комическаго, которыя въ господствующей эстетической системѣ признаются соподчиненными видоизмѣненіями прекраснаго, проистекающими отъ различнаго отношенія между двумя его факторами, идеею и образомъ. Въ господствующей системѣ эстетическихъ понятій чистое единство идеи и образа есть то, что называется собственно прекраснымъ; но не всегда бываетъ равновѣсіе между образомъ и идеею: иногда идея беретъ перевѣсъ надъ образомъ и, являясь намъ въ своей всеобщности, безконечности, переноситъ насъ въ область абсолютной идеи, въ область безконечнаго—это называется возвышеннымъ (*das Erhabene*); иногда образъ подавляетъ, искажаетъ идею—это называется комическимъ (*das Komische*).

Подвергнувъ критикѣ коренное понятіе, мы должны подвергнуть ей и вытекающія изъ него воззрѣнія, должны изслѣдовать сущность возвышеннаго и комическаго и ихъ отношенія къ прекрасному.

Господствующая эстетическая система даетъ намъ два опредѣленія возвышеннаго, какъ давала два опредѣленія прекраснаго. „Возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою“ и „возвышенное есть проявленіе абсолютнаго“. Въ сущности эти два опредѣленія совершенно различны, какъ существенно различными найдены были нами и два опредѣленія прекраснаго, представляемые господствующею системою; въ самомъ дѣлѣ, перевѣсъ идеи надъ формою производитъ не собственно понятіе возвышеннаго, а понятіе „туман-

наго, неопредѣленнаго“ и понятіе „безобразнаго“ (das Hässliche); между тѣмъ, какъ формула: „возвышенное есть то, что пробуждаетъ въ насъ (или, употребляя терминологию спекулятивной философіи: что проявляетъ въ себѣ) идею безконечнаго“ остается опредѣленіемъ собственно возвышеннаго. Поэтому каждое изъ нихъ должно разсмотрѣть особенно.

Очень легко показать непримѣнимость къ возвышенному опредѣленія: „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ образомъ“, послѣ того какъ самъ Фишеръ, его принимающій, сдѣлалъ это, объяснивъ, что отъ перевѣса идеи надъ образомъ (выражая ту же мысль обыкновеннымъ языкомъ: отъ превозможенія силы, проявляющейся въ предметѣ, надъ всѣми стѣсняющими ее силами, или, въ природѣ органической, надъ законами организма, ее проявляющаго) происходитъ безобразное или неопредѣленное. Оба эти понятія совершенно различны отъ понятія возвышеннаго. Правда, безобразное бываетъ возвышеннымъ, когда оно ужасно; правда, туманная неопредѣленность усиливаетъ впечатлѣніе возвышеннаго, производимое ужаснымъ или огромнымъ; но безобразное, если оно не страшно, бываетъ просто отвратительно или некрасиво; туманное, неопредѣленное не производитъ никакого эстетическаго дѣйствія, если не огромно или не ужасно. Безобразіемъ или туманною неопредѣленностью характеризуются не всѣ роды возвышеннаго; безобразное или неопредѣленное не всегда имѣетъ характеръ возвышеннаго. Очевидно, что эти понятія различны отъ понятія возвышеннаго. „Перевѣсъ идеи надъ формою“, говоря строго, относится къ тому роду событій въ мірѣ нравственномъ и явленій въ мірѣ матеріальномъ, когда предметъ разрушается отъ избытка собственныхъ силъ: неоспоримо, что эти явленія часто имѣютъ характеръ чрезвычайно возвышенный; но только тогда, когда сила, разрушающая сосудъ, ее заключающій, уже имѣетъ характеръ возвышенности, или предметъ, ею разрушаемый, уже кажется намъ возвышеннымъ, независимо отъ своей гибели собственною силою. Иначе о возвышенномъ не будетъ и рѣчи. Когда Ніагарскій водопадъ, сокрушивъ скалу, его образующую, уничтожится напоромъ собственныхъ силъ; когда Александръ Македонскій погибаетъ отъ избытка собственной энергіи, когда Римъ падаетъ собственной тяжестью, это явленія возвышенныя; но потому, что Ніагарскій водопадъ, Римская Имперія, личность Александра Македонскаго сами по себѣ уже принадлежатъ области возвышеннаго; какова жизнь, такова и смерть, какова дѣятельность, такова и паденіе. Тайна возвышенности здѣсь не въ „перевѣсѣ идеи надъ явленіемъ“, а въ характерѣ самаго явленія; только отъ величія сокрушающагося явленія заимствуетъ свою возвышенность и его сокрушеніе. Само по себѣ исчезновеніе отъ перевѣса внутренней силы надъ ея временнымъ проявленіемъ не есть еще критеріумъ возвышеннаго. Яснѣе всего „перевѣсъ идеи надъ формою“ высказывается въ томъ явленіи, когда зародышъ листа, разрастаясь, разрываетъ оболочку почки, его родившей: но это явленіе рѣшительно не относится къ разряду возвышенныхъ. „Перевѣсомъ идеи надъ формою“, погибелю самого предмета отъ избытка развивающихся въ немъ силъ, отличается такъ называемая отрицательная форма возвышеннаго отъ положительной. Справедливо, что возвышенное отрицательное выше возвышеннаго положительнаго; потому

надобно согласиться, что „перевѣсомъ идеи надъ формою“ усиливается эффектъ возвышеннаго, какъ можетъ онъ усиливаться многими другими обстоятельствами, напр., уединенностью возвышеннаго явленія (пирамида въ открытой степи величественнѣе, нежели была бы среди другихъ громаднѣхъ построекъ; среди высокихъ холмовъ ея величіе исчезло бы); но усиливающее эффектъ обстоятельство не есть еще источникъ самаго эффекта; притомъ перевѣса идеи надъ образомъ, силы надъ явленіемъ очень часто не бываетъ въ положительномъ возвышенномъ. Примѣры этого могутъ быть во множествѣ отысканы въ каждомъ курсѣ эстетики.

Переходимъ къ другому опредѣленію возвышеннаго: „возвышенное есть проявленіе идеи безконечнаго“, или выражая эту философскую формулу обыкновеннымъ языкомъ: „возвышенное есть то, что возбуждаетъ въ насъ идею безконечнаго“. Самый бѣглый взглядъ на трактатъ о возвышенномъ въ новѣйшихъ эстетикахъ убѣждаетъ насъ, что это опредѣленіе возвышеннаго лежитъ въ сущности господствующихъ понятій о немъ. Мало того; мысль, что возвышенными явленіями возбуждается въ человѣкѣ предчувствіе безконечнаго, господствуетъ и въ понятіяхъ людей, чуждыхъ строгой наукѣ; рѣдко можно найти сочиненіе, въ которомъ не высказывалась бы она, какъ скоро представляется поводъ, хотя самый отдаленный; почти въ каждомъ описаніи величественнаго пейзажа, въ каждомъ разсказѣ о какомъ-нибудь ужасномъ событіи найдется подобное отступленіе или примѣненіе. Потому на мысль о возбужденіи величественнымъ идеи абсолютнаго должно обратить больше вниманія, нежели на предъидущее понятіе о перевѣсѣ въ немъ идеи надъ образомъ, критику котораго было достаточно ограничить нѣсколькими словами.

Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто подвергать анализу идею „абсолюта“ или безконечнаго и показывать настоящее значеніе абсолютнаго въ области метафизическихъ понятій; тогда только, когда мы поймемъ это значеніе, представится намъ вся неосновательность пониманія подъ возвышеннымъ безконечнаго. Но и не пускаясь въ метафизическія пренія, мы можемъ увидѣть изъ фактовъ, что идея безконечнаго, какъ бы ни понимать ее, не всегда, или, лучше сказать, почти никогда, не связана съ идеею возвышеннаго. Строго и безпристрастно наблюдая за тѣмъ, что происходитъ въ насъ, когда мы созерцаемъ возвышенное, мы убѣдимся, что 1) возвышеннымъ представляется намъ самый предметъ, а не какія-нибудь вызываемыя этимъ предметомъ мысли; такъ, напр., величественнѣе самъ по себѣ Казбекъ, величественно само по себѣ море, величественна сама по себѣ личность Цезаря или Катона. Конечно, при созерцаніи возвышеннаго предмета могутъ пробуждаться въ насъ различнаго рода мысли, усиливающія впечатлѣніе, имъ на насъ производимое; но возбуждаются онѣ или нѣтъ, дѣло случая, независимо отъ котораго предметъ остается возвышеннымъ: мысли и воспоминанія, усиливающія ощущеніе, рождаются при всякомъ ощущеніи, но онѣ уже слѣдствіе, а не причина первоначальнаго ощущенія; и если, задумавшись надъ подвигомъ Муція Сцеволы, я дохожу до мысли: „да, безгранична сила патріотизма“, то мысль эта только слѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на меня независимо отъ нея самымъ поступкомъ Муція Сце-

воли, а не причина этого впечатлѣнія; точно также, мысль: „нѣтъ ничего на землѣ прекраснѣе человѣка“, которая можетъ пробудиться во мнѣ, когда я задумаюсь, глядя на изображеніе прекраснаго лица, не причина того, что я восхищаюсь имъ, какъ прекраснымъ, а слѣдствіе того, что оно уже прежде нея, независимо отъ нея кажется мнѣ прекрасно. И потому еслибы даже согласиться, что созерцаніе возвышеннаго всегда ведетъ къ идеѣ безконечнаго, то возвышенное, порождающее такую мысль, а не порождаемое ею, должно имѣть причину своего дѣйствія на насъ не въ ней, а въ чемъ-нибудь другомъ. Но разсматривая свое представленіе о возвышенномъ предметѣ, мы открываемъ, что 2) очень часто предметъ кажется намъ возвышенъ, не переставая въ то же время казаться далеко не безпредѣльнымъ и оставаясь въ рѣшительной противоположности съ идеею безграничности. Такъ Мовбланъ или Казбекъ—возвышенный, величественный предметъ; но никто изъ насъ не думаетъ, въ противорѣчіе собственнымъ глазамъ, видѣть въ немъ безграничное или неизмѣримо великое. Море кажется безпредѣльнымъ, когда не видно береговъ; но всѣ эстетики утверждаютъ (и совершенно справедливо), что море кажется гораздо величественнѣе, когда виденъ берегъ, нежели тогда, когда береговъ не видно. Вотъ фактъ, обнаруживающій, что идея возвышеннаго не только не порождается идеею безграничнаго, но даже можетъ быть (и часто бываетъ) въ противорѣчьи съ нею, что условіе безграничности можетъ быть невыгодно для впечатлѣнія, производимаго возвышеннымъ. Идемъ далѣе, пересматривая рядъ величественныхъ явленій по мѣрѣ возрастанія эффекта, ими производимаго на чувство возвышеннаго. Гроза одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ природѣ; но необходимо имѣть слишкомъ восторженное воображеніе, чтобы видѣть какую бы то ни было связь между грозю и безконечностью. Во время грозы мы восхищаемся, думая при этомъ только о самой грозѣ. „Но во время грозы человѣкъ чувствуетъ собственную ничтожность предъ силами природы, силы природы кажутся ему безмѣрно превышающими его силы“. Что силы грозы кажутся намъ чрезвычайно превышающими наши собственные силы, это правда; но если явленіе представляется непреодолимымъ для человѣка, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно казалось намъ неизмѣримо, безконечно могущественнымъ. Напротивъ, человѣкъ, смотря на грозу, очень хорошо помнитъ, что она безсильна надъ землею, что первый ничтожный холмъ непоколебимо отразитъ весь напоръ урагана, всѣ удары молніи. Правда, ударъ молніи можетъ убить человѣка: но чтожъ изъ того? не эта мысль причиною, что гроза кажется мнѣ величественною. Когда я смотрю на то, какъ вертятся крылья вѣтряной мельницы, я также очень хорошо знаю, что, задрѣвъ меня, мельничное крыло переломитъ меня, какъ щепку, я „сознаю ничтожность своихъ силъ предъ силою“ мельничнаго крыла; а между тѣмъ едва-ли въ комъ-нибудь взглядъ на вертящуюся вѣтряную мельницу возбуждалъ ощущеніе возвышеннаго. „Но здѣсь не пробуждается во мнѣ опасеніе за себя: я знаю, что мельничное крыло не зацѣпитъ меня; во мнѣ нѣтъ чувства ужаса, какое пробуждается грозою“. Справедливо; но этимъ говорится уже совершенно не то, что говорилось прежде, этимъ говорится: „возвышенное есть ужасное, грозное“. Посмотримъ на это опредѣленіе „воз-

вышеннаго силъ природы“, которое въ самомъ дѣлѣ находимъ въ эстетикахъ. Ужасное очень часто бываетъ возвышеннымъ, это правда; но не всегда оно бываетъ возвышеннымъ: гремучая змѣя ужаснѣе льва; но она отвратительно-ужасна, а не возвышенно-ужасна. Чувство ужаса можетъ усиливать ощущеніе возвышеннаго, но ужасъ и возвышенность—два совершенно различныя понятія. Идемъ однако далѣе по ряду величественныхъ явленій. Въ природѣ мы не видѣли ничего, прямо говорящаго о безграничности; противъ заключенія, выводимаго отсюда, можно замѣтить, что „истинно возвышенное не въ природѣ, а въ самомъ человѣкѣ“; согласимся, хотя и въ природѣ много истинно возвышеннаго. Но почему же „возвышенна“ кажется намъ „безграничная“ любовь или порывъ „всесокрушающаго“ гнѣва? неужели потому, что сила этихъ стремленій „неодолима“, „пробуждаетъ идею безконечнаго своею неодолимостью“? Если такъ, то гораздо неодолимѣе потребность спать: самый страстный любовникъ едва-ли можетъ пробыть безъ сна четверо сутокъ; гораздо неодолимѣе потребности „любить“ потребность ѣсть и пить: это истинно безграничная потребность, потому что нѣтъ человека, не признающаго силы ея, между тѣмъ какъ о любви очень многіе не имѣютъ и понятія; изъ-за этой потребности совершается гораздо больше и гораздо труднѣйшихъ подвиговъ, нежели отъ „всесильнаго“ могущества любви. Почему же мысль о ѣдѣ и питьѣ не возвышенна, а идея любви возвышенна? Непреоборимость не есть еще возвышенность; безграничность и безконечность вовсе не связаны съ идеею величественнаго.

Едва-ли можно послѣ этого раздѣлять мысль, что „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою“, или что „сущность возвышеннаго состоитъ въ пробужденіи идеи безконечнаго“. Въ чемъ же состоитъ она? Очень простое опредѣленіе возвышеннаго будетъ, кажется, вполне обнимать и достаточно объяснять всѣ явленія, относящіяся къ его области.

Возвышенное есть то, что гораздо больше всего, съ чѣмъ сравнивается нами“. — „Возвышенный предметъ—предметъ, много превосходящій своимъ размѣромъ предметы, съ которыми сравнивается нами; возвышенно явленіе, которое гораздо сильнѣе другихъ явленій, съ которыми сравнивается нами“.

Монбланъ и Казбекъ величественныя горы, потому что гораздо огромнѣе дюжинныхъ горъ и пригорковъ, которые мы привыкли видѣть; „величественный“ лѣсъ въ пять разъ выше нашихъ яблонь, акацій и въ тысячу разъ огромнѣе нашихъ садовъ и рощъ; Волга гораздо шире Тверцы или Клязьмы; гладкая площадь моря гораздо обширнѣе площади прудовъ и маленькихъ озеръ, которыя безпрестанно попадаютъ путешественнику; волны моря гораздо выше волнъ этихъ озеръ, потому буря на морѣ возвышенное явленіе, хотя бы никому не угрожала опасность; свирѣпый вѣтеръ во время грозы во сто разъ сильнѣе обыкновеннаго вѣтра, шумъ и ревъ его гораздо сильнѣе шума и свиста, производимаго обыкновеннымъ крѣпкимъ вѣтромъ; во время грозы гораздо темнѣе, нежели въ обыкновенное время, темнота доходить до черноты; молнія ослѣпительнѣе всякаго свѣта—все это дѣлаетъ грозу возвышеннымъ явленіемъ. Любовь гораздо сильнѣе нашихъ ежедневныхъ мелочныхъ расчетовъ и побужденій; гнѣвъ, ревность, всякая вообще

страсть также гораздо сильнѣе ихъ—потому страсть возвышенное явленіе. Юлій Цезарь, Отелло, Дездемона, Офелія возвышенныя личности; потому что Юлій Цезарь, какъ полководецъ и государственный человѣкъ, далеко выше всѣхъ полководцевъ и государственныхъ людей своего времени; Отелло любить и ревнуетъ гораздо сильнѣе дюжинныхъ людей; Дездемона и Офелія любятъ и страдаютъ съ такою полною преданностью, способность къ которой найдется далеко не во всякой женщинѣ. „Гораздо больше, гораздо сильнѣе“—вотъ отличительная черта возвышеннаго.

Надобно прибавить, что вмѣсто термина „возвышенное“ (das Erhabene) было бы гораздо проще, характеристичнѣе и лучше говорить „великое“ (das Grosse). Юлій Цезарь, Марій не „возвышенные“, а „великіе“ характеры. Нравственная возвышенность только одинъ частный родъ величія вообще.

Просмотрѣвъ лучшіе курсы эстетики, легко убѣдиться, что въ нашемъ краткомъ обзорѣ подведены подъ принимаемое нами понятія возвышеннаго или великаго всѣ его главныя видоизмѣненія. Остается показать, какъ принимаемое нами воззрѣніе на сущность возвышеннаго относится къ подобнымъ мыслямъ, высказаннымъ въ курсахъ эстетики, пользующихся нынѣ особенной извѣстностью.

О томъ, что „возвышенность“ слѣдствіе превосходства надъ окружающимъ, говорится у Канта, и вслѣдъ за нимъ у позднѣйшихъ эстетиковъ. „мы сравниваемъ, говорятъ они, возвышенное въ пространствѣ съ окружающими его предметами; для этого на возвышенномъ предметѣ должны быть легкія подраздѣленія, дающія возможность, сравнивая, считать, во сколько разъ онъ больше окружающихъ его предметовъ, во сколько разъ, напр., гора больше дерева, растущаго на ней. Счетъ такъ длиненъ, что не дошедши до конца, мы уже теряемся въ немъ; окончивъ его, должны опять начинать, потому что не могли сосчитать, и считаемъ опять безуспѣшно. Такимъ образомъ намъ кажется, наконецъ, что гора неизмѣримо велика, бесконечно велика“.—„Сравненіе съ окружающими предметами необходимо для того, чтобы предметъ казался возвышеннымъ“,—мысль очень близкая къ принимаемому нами воззрѣнію на основной признакъ возвышеннаго. Но обыкновенно она прилагается только къ возвышенному въ пространствѣ, между тѣмъ какъ ее должно одинаково проводить по всѣмъ классамъ возвышеннаго. Обыкновенно говорятъ: „возвышенное состоитъ въ превозможеніи идеи надъ формою, и это превозможеніе на низшихъ степеняхъ возвышеннаго узнается сравненіемъ предмета по величинѣ съ окружающими предметами“; намъ кажется, что должно говорить: „превосходство великаго (или возвышеннаго) надъ мелкимъ и дюжиннымъ состоитъ въ гораздо большей величинѣ (возвышенное въ пространствѣ или во времени) или въ гораздо большей силѣ (возвышенное силъ природы и возвышенное въ человѣкѣ)“. Изъ второстепеннаго и частнаго признака возвышенности сравненіе и превосходство по великости должно быть возведено въ главную и общую мысль при опредѣленіи возвышеннаго.

Такимъ образомъ принимаемое нами понятіе возвышеннаго точно такъ же относится къ обыкновенному опредѣленію его, какъ наше понятіе о сущ-

ности прекраснаго къ прежнему взгляду—въ обоихъ случаяхъ возводится на степень общаго и существеннаго начала то, что прежде считалось частнымъ и второстепеннымъ признакомъ, было закрываемо отъ вниманія другими понятіями, которыя мы отбрасываемъ, какъ побочныя. Вслѣдствіе измѣненія точки зрѣнія и возвышенное, подобно прекрасному, представляется намъ какъ явленіе болѣе самостоятельное и однакоже болѣе близкое человѣку, нежели представлялось. Съ тѣмъ вмѣстѣ наше воззрѣніе на сущность возвышеннаго признаетъ его фактическую реальность, между тѣмъ какъ обыкновенно полагаютъ, будто-бы возвышенное въ дѣйствительности только *кажется* возвышеннымъ отъ вмѣшательства нашей фантазіи, расширяющей до безграничности объемъ или силу возвышеннаго предмета или явленія. И дѣйствительно, если возвышенное существенно есть безконечное, то возвышеннаго нѣтъ въ мірѣ, доступномъ нашимъ чувствамъ и нашему уму.

Но если по опредѣленіямъ прекраснаго и возвышеннаго, нами принимаемымъ, прекрасному и возвышенному придается независимость отъ фантазіи, то, съ другой стороны, этими опредѣленіями выставляется на первый планъ отношеніе къ человѣку вообще и къ его понятіямъ тѣхъ предметовъ и явленій, которые находитъ человѣкъ прекрасными и возвышенными: прекрасное то, въ чемъ мы видимъ жизнь такъ, какъ *мы* понимаемъ и желаемъ ея, какъ она радуется *намъ*; великое то, что гораздо выше предметовъ, съ которыми сравниваемъ его *мы*. Изъ обыкновенныхъ опредѣленій напротивъ, по странному противорѣчію, слѣдуетъ: прекрасное и великое вносятся въ дѣйствительность человѣческимъ взглядомъ на вещи, создаются человѣкомъ, но не имѣютъ никакой связи съ понятіями человѣка, съ его взглядомъ на вещи. Ясно также, что опредѣленіями прекраснаго и возвышеннаго, которыя кажутся намъ справедливыми, разрушается непосредственная связь этихъ понятій, подчиняемыхъ одно другому опредѣленіями; „прекрасное есть равновѣсіе идеи и образа“, „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ образомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, принимая опредѣленіе: „прекрасное есть жизнь“, „возвышенное есть то, что гораздо больше всего близкаго или подобнаго“, мы должны будемъ сказать, что прекрасное и возвышенное—совершенно различныя понятія, неподчиненныя другъ другу и соподчиненныя только одному, общему понятію, очень далекому отъ такъ называемыхъ эстетическихъ понятій: „интересное“.

Потому, если эстетика — наука о прекрасномъ по содержанію, то она не имѣетъ права говорить о возвышенномъ, какъ не имѣетъ права говорить о добромъ, истинномъ и т. д. Если же понимать подъ эстетикою науку объ искусствѣ, то конечно она должна говорить о возвышенномъ; потому что возвышенное входитъ въ область искусства.

Но, говоря о возвышенномъ, до сихъ поръ мы не касались трагическаго, которое обыкновенно признаютъ высшимъ, глубочайшимъ родомъ возвышеннаго. Господствующія нынѣ въ наукѣ понятія о трагическомъ играютъ очень важную роль не только въ эстетикѣ, но и во многихъ другихъ наукахъ (напр., въ исторіи), даже сливаются съ обиходными понятіями о жизни. Поэтому я считаю неизлишнимъ довольно подробно изложить ихъ, чтобы дать основаніе своей критикѣ. Въ изложеніи буду я строго

слѣдовать Фишеру, котораго эстетика нынѣ считается наилучшею въ Германіи.

„Субъектъ по своей природѣ существо дѣятельное. Дѣйствуя, онъ переноситъ во внѣшній міръ свою волю и тѣмъ самымъ приходитъ въ столкновение съ закономъ необходимости, властвующимъ во внѣшнемъ мірѣ. Но дѣйствіе субъекта необходимо запечатлѣно индивидуальной ограниченностью и потому нарушаетъ абсолютное единство объективной связи міра. Это оскорбленіе есть вина (*die Schuld*), и отзывается въ субъектѣ тѣмъ, что связанный узами единства внѣшній міръ весь какъ одно цѣлое взволновывается дѣйствіемъ субъекта, и чрезъ это отдѣльный поступокъ субъекта влечетъ за собою необозримый и непредусмотримый рядъ послѣдствій, въ которыхъ субъектъ уже не узнаетъ своего поступка и своей воли; тѣмъ не менѣе онъ долженъ признавать необходимую связь всѣхъ этихъ послѣдующихъ явленій со своимъ поступкомъ и чувствовать себя въ отвѣтственности за нихъ. Отвѣтственность за то, чего не хотѣлъ, и что однако сдѣлалъ субъектъ, имѣетъ для него послѣдствіемъ страданіе, — т. е. выраженіе противодѣйствія отъ нарушеннаго хода вещей во внѣшнемъ мірѣ нарушившему ихъ дѣйствію. Необходимость этого противодѣйствія и страданія усиливается тѣмъ, что угрожаемый субъектъ предвидитъ послѣдствія, предвидитъ зло себѣ, но подвергается ему чрезъ тѣ самыя средства, которыми хотѣлъ избѣжать его. Страданіе можетъ усилиться до гибели субъекта и его дѣла. Но дѣло субъекта погибаетъ только повидимому, погибаетъ не совершенно: объективный рядъ послѣдствій переживаетъ гибель субъекта и, мало-по-малу сливаясь съ всеобщимъ единствомъ, очищается отъ своей индивидуальной ограниченности, полученной отъ субъекта. Если субъектъ, погибая, усвоитъ себѣ это сознаніе правдивости своего страданія и того, что дѣло его не погибаетъ, а очищается и торжествуетъ его гибелью, то примиреніе полно, и самъ субъектъ просвѣтленнымъ образомъ переживаетъ себя въ свѣтѣ очищающемся и торжествующемъ дѣлѣ. Все это движеніе называется судьбою или „трагическимъ“. Трагическое бываетъ различныхъ родовъ. Первая форма его та, когда субъектъ является не фактически, а только въ возможности виновнымъ, и когда поэтому сила, его губящая, является слѣпою силою природы, которая на отдѣльномъ субъектѣ, болѣе отличающемся внѣшнимъ блескомъ богатства и т. п., нежели внутренними достоинствами, показываетъ примѣръ, что индивидуальное должно погибнуть потому, что оно индивидуальное. Гибель субъекта исходить здѣсь не отъ нравственнаго закона, а отъ случая, который однако находитъ себѣ объясненіе и оправданіе въ примиряющей мысли, что смерть — всеобщая необходимость. Въ трагическомъ простой вины (*die einfache Schuld*) возможность вины переходитъ въ дѣйствительную вину. Но вина лежитъ не въ необходимомъ объективномъ противорѣчій, а въ какой-нибудь запутанности, связанной съ дѣйствіемъ субъекта. Вина эта нарушаетъ въ чемъ-нибудь нравственную цѣлостность міра. Чрезъ нее страдаютъ другіе субъекты, и такъ какъ вина здѣсь на одной сторонѣ, то сначала кажется, что они страдаютъ невинно. Но въ такомъ случаѣ субъекты были бы чистымъ объектомъ для другаго субъекта, что противорѣчитъ значенію субъективности. Потому они должны открыть

въ себѣ слабую сторону какою-нибудь ошибкою, находящеюся въ связи съ ихъ сильными сторонами, и погибать чрезъ эту слабую сторону; страданіе главнаго субъекта, какъ обратная сторона его поступка, истекаетъ силою оскорбленнаго нравственнаго порядка изъ самой вины. Орудіемъ наказанія могутъ быть или оскорбленные субъекты или самъ преступникъ, сознающій свою вину. Наконецъ высшая форма трагическаго — трагическое нравственнаго столкновенія. Общій нравственный законъ дробится на частныя требованія, которыя часто могутъ находиться въ противоположности между собою, такъ что, удовлетворяя одному, человѣкъ необходимо оскорбляетъ другое. Борьба эта, истекающая изъ внутренней необходимости, а не изъ случайностей, можетъ оставаться внутреннею борьбою въ сердцѣ одного человѣка. Такова борьба въ сердцѣ Антигоны у Софокла. Но какъ искусство олицетворяетъ все въ отдѣльных образахъ, то обыкновенно борьба двухъ требованій нравственнаго закона представляется въ искусствѣ борьбою двухъ лицъ. Одно изъ двухъ противорѣчащихъ стремленій справедливѣе и потому сильнѣе другаго; оно сначала побѣждаетъ все, ему сопротивляющееся, и тѣмъ самымъ становится уже несправедливо, подавляя справедливое право противоположнаго стремленія. Теперь справедливость на сторонѣ, которая сначала была побѣждена, и стремленіе, въ сущности болѣе справедливое, погибаетъ подъ тяжестью собственной несправедливости отъ ударовъ противоположнаго стремленія, которое, будучи оскорблено въ своемъ правѣ, имѣетъ за собой, въ началѣ противодѣйствія, всю силу истины и справедливости, но, побѣждая, впадаетъ само точно такимъ же образомъ въ несправедливость, влекущую за собою гибель или страданіе. Прекрасно весь этотъ родъ трагическаго развивается въ „Юлія Цезаря“ Шекспира: Римъ стремится къ монархической формѣ правленія; представителемъ этого стремленія является Юлій Цезарь; оно справедливѣе и потому сильнѣе противоположнаго направленія, стремящагося сохранить издавна установившееся устройство Рима; Юлій Цезарь побѣждаетъ Помпея. Но существующее издавна также имѣетъ право существовать, оно возстаетъ противъ своего побѣдителя въ лицѣ Брута. Цезарь погибаетъ; но заговорщики сами мучатся сознаніемъ того, что Цезарь, погибшій отъ нихъ, выше ихъ, и сила, которой онъ былъ представителемъ, воскресаетъ въ лицѣ Тріумвировъ. Бруты и Кассій погибаютъ; но на гробѣ Брута Антоній и Октавій высказываютъ свое сожалѣніе о немъ. Такъ совершается наконецъ примиреніе противоположныхъ стремленій, изъ которыхъ каждое и справедливо и несправедливо въ своей односторонности, постепенно сглаживающей паденіемъ ихъ обоехъ; изъ борьбы и гибели возникаетъ единство и новая жизнь“.

Изъ этого изложенія видно, что понятіе трагическаго въ нѣмецкой эстетикѣ соединяется съ понятіемъ судьбы, такъ что трагическая участь человѣка представляется обыкновенно какъ „столкновеніе человѣка съ судьбою“, какъ слѣдствіе „вмѣшательства судьбы“. Понятіе судьбы обыкновенно искажается въ новыхъ европейскіхъ книгахъ, старающихся объяснить его нашими научными понятіями, даже связать съ ними; потому необходимо представить его во всей чистотѣ и наготѣ. Оно чрезъ это избавится отъ несообразнаго смѣшенія съ понятіями науки, въ сущности ему

противорѣчащими, и выкажетъ всю свою неосновательность, которая прячется при новѣйшихъ передѣлкахъ его на наши нравы. Живое и неподдѣльное понятіе о судьбѣ было у старинныхъ грековъ (т.-е. у грековъ до появленія у нихъ философіи) и до сихъ поръ живетъ у многихъ восточныхъ народовъ; оно господствуетъ въ разсказахъ Геродота, въ греческихъ мифахъ, въ индійскихъ поэмахъ, сказкахъ Тысячи и одной ночи и проч. Что касается позднѣйшихъ превращеній этого основнаго воззрѣнія подъ вліяніемъ понятій о мірѣ, доставленныхъ наукою, эти видоизмѣненія мы считаемъ лишнимъ исчислять, и еще менѣе находимъ нужды подвергать ихъ особенной критикѣ, потому что всѣ они, подобно понятію новѣйшихъ эстетиковъ о трагическомъ, представляясь слѣдствіемъ стремленія согласить непримиримое—фантастическія представленія полудикаго человѣка и научныя понятія—страждутъ такою же несостоятельностью, какъ и понятіе новѣйшихъ эстетиковъ о трагическомъ: различіе только то, что натянутость соединенія противоположныхъ началъ въ предшествующихъ попыткахъ сближенія была очевиднѣе, нежели въ понятіи о трагическомъ, которое составлено съ чрезвычайнымъ діалектическимъ глубокомысліемъ. Поэтому находимъ не нужнымъ излагать всѣ эти искаженныя понятія о судьбѣ, считая достаточнымъ показать, какъ угловато виднѣется первоначальная основа даже изъ-подъ послѣдней и искуснѣйшей діалектической одежды, которою облеклась она въ господствующемъ нынѣ эстетическомъ воззрѣніи на трагическое.

Вотъ какъ понимаютъ ходъ жизни человѣческой народы, имѣющіе неподдѣльное понятіе о судьбѣ: если я не буду принимать никакихъ предосторожностей противъ несчастья, я могу уцѣлѣть, и почти всегда уцѣлѣю; но если я приму предосторожности, я непременно погибну, и погибну именно отъ того, въ чемъ искалъ спасенія. Я собираюсь въ дорогу, и принимаю всѣ предосторожности противъ несчастій, могущихъ случиться въ пути; между прочимъ, зная, что не вездѣ можно найти медицинскія пособія, беру съ собой нѣсколько флакончиковъ съ нужнѣйшими лекарствами и причу ихъ въ боковой карманъ экипажа. Чтѣ необходимо должно выйти изъ этого по понятіямъ старинныхъ грековъ? То, что экипажъ мой опрокидывается въ дорогѣ, флакончики летятъ изъ кармана; опрокидываясь самъ, я попадаю вискомъ на одинъ изъ флакончиковъ, раздавливаю его, осколокъ стекла врѣзывается въ мой високъ и я умираю. Еслибы не взято было мною предосторожностей, не было бы мнѣ никакой бѣды; но я хотѣлъ приять мѣры противъ несчастья и погибъ отъ того самаго, въ чемъ искалъ безопасности. Подобный взглядъ на человѣческую жизнь такъ мало подходитъ къ нашимъ понятіямъ, что имѣетъ для насъ интересъ только фантастическаго; трагедія, основанная на идеѣ восточной или старинной греческой судьбы, для насъ будетъ имѣть значеніе сказки, обезображенной передѣлкою. А между тѣмъ, все представленное нами изложеніе понятій о трагическомъ въ нѣмецкой эстетикѣ есть только опытъ привести понятіе о судьбѣ въ согласіе съ понятіями современной науки. Это введеніе понятія о судьбѣ въ науку посредствомъ эстетическаго воззрѣнія на сущность трагическаго было сдѣлано съ чрезвычайнымъ глубокомысліемъ, свидѣтельствую-

щимъ о великой силѣ умовъ, трудившихся надъ примиреніемъ чуждыхъ наукъ воззрѣній на жизнь съ понятіями науки; но эта глубокомысленная попытка служить рѣшительнымъ доказательствомъ того, что подобныя стремленія никогда не могутъ быть успѣшны: наука можетъ только объяснить происхожденіе фантастическихъ мѣній полудикаго человѣка, но не примирить ихъ съ истиною. Понятіе о судьбѣ родилось и развилось слѣдующимъ образомъ.

Одно изъ дѣйствій образованности на человѣка состоитъ въ томъ, что она, расширяя кругъ его зрѣнія, даетъ ему возможность понимать въ истинномъ смыслѣ явленія, несходныя съ ближайшими къ нему, которыя одни только кажутся удобопонятными для необразованнаго ума, не постигающаго явленій чуждыхъ непосредственной сферѣ его жизненныхъ отправленій. Наука даетъ человѣку понятіе о томъ, что дѣятельность неорганической природы и жизнь растений совершенно отличны отъ человѣческой жизни, что и жизнь животныхъ не совсѣмъ одинакова съ ней. Дикарь или полудикій человѣкъ не представляетъ себѣ жизни иной, какъ та, которую знаетъ онъ непосредственно, какъ человѣческая жизнь; ему кажется, что дерево говоритъ, чувствуетъ, наслаждается и страдаетъ, подобно человѣку; что животныя дѣйствуютъ во всемъ такъ же сознательно, какъ человѣкъ, что они даже умѣютъ говорить на человѣческомъ языкѣ и не говорятъ на немъ только потому, что хитры и надѣются выиграть молчаніемъ больше, нежели разговорами. Точно такъ же онъ воображаетъ себѣ жизнь рѣки, скалы: скала — это каменѣвшій богатырь, сохранившій чувства и мысль; рѣка — это наяда, русалка, водяной. Землетрясенія Сициліи происходятъ оттого, что гигантъ, заваленный этимъ островомъ, старается сбросить тяжесть, которая лежитъ на его членахъ. Во всей природѣ видитъ дикарь человѣкоподобную жизнь, всѣ явленія природы производитъ отъ сознательнаго дѣйствія человѣкообразныхъ существъ. Какъ онъ очеловѣчиваетъ вѣтеръ, холодъ, жаръ (припомнимъ нашу сказку о томъ, какъ спорили мужикъ-вѣтеръ, мужикъ-морозъ, мужикъ-солнце, кто изъ нихъ сильнѣе) болѣзни (разказы о холерѣ, о двѣнадцати сестрахъ-лихорадкахъ, о цынгѣ — послѣдній между шницбергенскими промышленниками), точно такъ же очеловѣчиваетъ онъ и силу случая. Приписывать его дѣйствія произволу человѣкообразнаго существа еще легче, нежели объяснять подобнымъ образомъ другія явленія природы и жизни; потому что именно дѣйствія случая скорѣе, нежели явленія другихъ силъ, могутъ пробудить мысль о капризѣ, произволѣ, о всѣхъ тѣхъ качествахъ, которыя составляютъ принадлежность человѣческой личности. Посмотримъ же, какимъ образомъ изъ воззрѣнія на случай, какъ на дѣло человѣкообразнаго существа, развиваются всѣ качества, приписываемыя судьбѣ дикими и полудикими народами. Чѣмъ важнѣе дѣло, задуманное человѣкомъ, тѣмъ больше нужно условій, чтобы оно исполнилось именно такъ, какъ задумано; почти никогда всѣ условія не встрѣтятся такъ, какъ человѣкъ разсчитывалъ; и потому почти никогда важное дѣло не дѣлается *именно* такъ, какъ предполагалъ человѣкъ. Эта случайность, разстраивающая наши планы, кажется полудикому человѣку, какъ мы сказали, дѣломъ человѣкообразнаго существа, *судьбы*; изъ этого основного характера, замѣчаемаго

въ случаѣ, или судьбѣ, сами собою слѣдуютъ всѣ качества, придаваемые судьбѣ современными дикарями, очень многими восточными народами и старинными греками. Ясно, что самыя важныя дѣла именно и служатъ игролищемъ судьбы (потому, какъ мы сказали, что чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ отъ бѣдшаго числа условій оно зависитъ, и слѣдовательно тѣмъ обширнѣе въ немъ поле для случайностей); идемъ далѣе. Случай уничтожаетъ наши расчеты—значить судьба любитъ уничтожать наши расчеты, любитъ посмѣяться надъ человѣкомъ и его расчетами; случай невозможно предусмотрѣть, и невозможно сказать, почему случилось такъ, а не иначе, слѣдовательно судьба капризна, своенравна: случай часто пагубенъ для человѣка, слѣдовательно судьба любитъ вредить человѣку, судьба зла; и въ самомъ дѣлѣ у грековъ судьба — человѣконенавистница; злой и сильный человѣкъ любитъ вредить именно самымъ лучшимъ, самымъ умнымъ, самымъ счастливымъ людямъ — ихъ преимущественно любитъ губить и судьба; злобный, капризный и очень сильный человѣкъ любитъ выказывать свое могущество, говоря напередъ тому, кого хочетъ уничтожить: „я хочу сдѣлать съ тобою вотъ-что; попробуй бороться со мною“ — такъ и судьба объявляетъ впередъ свои рѣшенія, чтобъ имѣть злую радость доказать намъ наше безсиліе предъ нею и посмѣяться надъ нашими слабыми, безуспѣшными попытками бороться съ нею, избѣжать ея. Странными кажутся намъ теперь подобныя мнѣнія. Но посмотримъ, какъ они отразились въ эстетической теоріи трагическаго.

Она говоритъ: свободное дѣйствіе человѣка возмущаетъ естественный ходъ природы; природа и ея законы встаютъ противъ оскорбителя своихъ правъ; слѣдствіемъ этого бываетъ страданіе и гибель дѣйствующаго лица, если дѣйствіе было такъ могущественно, что вызванное имъ противодѣйствіе было серьезно: „потому все великое подлежитъ трагической участи“. Природа здѣсь представляется живымъ существомъ, чрезвычайно раздражительнымъ, чрезвычайно щекотливымъ насчетъ своей неприкосновенности. Неужели въ самомъ дѣлѣ природа оскорбляется? неужели въ самомъ дѣлѣ природа мститъ? Нѣтъ; она продолжаетъ вѣчно дѣйствовать по своимъ законамъ. она не знаетъ о человѣкѣ и его дѣлахъ, о его счастіи и его гибели: ея законы могутъ имѣть и часто имѣютъ пагубное для человѣка и его дѣлъ дѣйствіе; но на нихъ же опирается всякое человѣческое дѣйствіе. Природа безстрастна къ человѣку; она не врагъ и не другъ ему: она—то удобное, то неудобное поприще для его дѣятельности. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что всякое важное дѣло человѣка требуетъ сильной борьбы съ природою или съ другими людьми; но почему это такъ? Потому только, что какъ бы ни было само по себѣ важно дѣло, мы привыкли не считать его важнымъ, если оно совершается безъ сильной борьбы. Такъ дыханіе важнѣе всего въ жизни человѣка; но мы не обращаемъ и вниманія на него, потому что ему обыкновенно не противостоятъ никакія препятствія; для дикаря, питающагося даромъ ему достающимися плодами хлѣбнаго дерева, и для европейца, которому хлѣбъ достается только чрезъ тяжелую работу земледѣлія, пища одинаково важна; но собираніе плодовъ хлѣбнаго дерева — „не важное“ дѣло, потому что оно легко; „важно“ земледѣліе, потому что оно тяжело. Итакъ:

не всё важныя по существенному значенію своему дѣла требуютъ борьбы; но мы привыкли называть важными только тѣ изъ важныхъ въ сущности дѣлъ, которыя трудны. Много есть драгоценныхъ вещей, которыя не имѣютъ никакой цѣны, потому что достаются даромъ, напримѣръ, вода и солнечный свѣтъ; и много есть очень важныхъ дѣлъ, которымъ не придается никакой важности, потому только, что они дѣлаются легко. Но согласимся съ обыкновенною фразеологіею; пусть важны будутъ только тѣ дѣла, которыя требуютъ тяжелой борьбы. Неужели эта борьба всегда трагична? Вовсе нѣтъ; иногда трагична, иногда нетрагична, какъ случится. Мореходецъ борется съ моремъ, бурями, подводными скалами; тяжело его поприще; но развѣ необходимо этому поприщу быть трагичнымъ? На одинъ корабль, который будетъ разбитъ бурей о подводныя скалы, приходится сотня кораблей, которые невредимы достигаютъ гавани. Пусть всегда нужна борьба; но не всегда борьба бываетъ несчастна. А счастливая борьба, какъ бы ни была она тяжела, не страданіе, а наслажденіе, не трагична, а только драматична. И не правда ли, что если приняты всё нужныя предосторожности, то почти всегда дѣло кончается счастливо? Гдѣ же необходимость трагическаго въ природѣ? Трагическое въ борьбѣ съ природою случайность. Этимъ однимъ разрушается теорія, видящая въ немъ „законъ вселенной“. — „Но общество? Но другіе люди? Развѣ не долженъ выдержать съ ними тяжелую борьбу всякій великій человѣкъ?“ Опять надобно сказать, что не всегда сопряжены съ тяжелою борьбою великія событія въ исторіи, но что мы, по злоупотребленію языка, привыкли называть великими событіями только тѣ, которыя были сопряжены съ тяжелою борьбою. Крещеніе франковъ было великимъ событіемъ; но гдѣ же при немъ тяжелая борьба? Не было тяжелой борьбы и при крещеніи русскихъ. Трагична ли судьба великихъ людей? Иногда трагична, иногда не трагична, какъ и участь мелкихъ людей; необходимости тутъ нѣтъ никакой. И даже надобно вообще сказать, что участь великихъ людей обыкновенно бываетъ легче участи незамѣчательныхъ людей; впрочемъ опять не отъ особеннаго расположенія судьбы къ замѣчательнымъ или неразположенія къ незамѣчательнымъ людямъ, а просто потому, что у первыхъ больше силъ, ума, энергіи, что другіе люди больше питаютъ къ нимъ уваженія, сочувствія, скорѣе готовы содѣйствовать имъ. Если въ людяхъ есть склонность завидовать чужому величію, то еще больше въ нихъ склонности уважать величіе; общество будетъ благоговѣть предъ великимъ человѣкомъ, если нѣтъ особенныхъ, случайныхъ причинъ обществу считать его вреднымъ для себя. Трагична или нетрагична судьба великаго человѣка, зависитъ отъ обстоятельствъ; и въ исторіи меньше можно встрѣтить великихъ людей, участь которыхъ была трагична, нежели такихъ, въ жизни которыхъ много было драматизма, но не было трагичности. Крезъ, Помпей, Юлій Цезарь имѣли трагическую судьбу; но Нума Помпиль, Марій, Сулла, Августъ окончили свое поприще очень счастливо. Что можно найти трагическаго въ судьбѣ Карла Великаго, Петра Великаго, Фридриха II, въ жизни Лютера, Вольтера, Гёте, Вальтеръ-Скотта? Борьбы въ жизни этихъ людей было много; но, говоря вообще, надобно сознаться, что удача и счастье были на ихъ сторонѣ. А если Сервантесъ

умеръ въ нищетѣ, то развѣ не умираютъ въ нищетѣ тысячи незамѣчательныхъ людей, которые могли бы не меньше Сервантеса рассчитывать на счастливую развязку въ жизни и по своей незначительности вовсе не могли подлежать закону трагизма? Случайности жизни безразлично поражаютъ замѣчательныхъ и незамѣчательныхъ людей, безразлично благоприятствуютъ тѣмъ и другимъ. — Но продолжаемъ нашъ обзоръ, и отъ общаго понятія о трагическомъ переходимъ къ трагическому „простой вины“.

„Въ характеръ великаго человѣка, — говоритъ господствующая эстетическая теорія, — всегда есть слабая сторона: въ дѣйствованіи замѣчательнаго человѣка есть всегда что-нибудь ошибочное или преступное. Эта слабость, проступокъ, преступленіе губятъ его. А между тѣмъ они необходимо лежатъ въ глубинѣ его характера, такъ что великій человѣкъ гибнетъ отъ того же самаго, въ чемъ источникъ его величія“. Не подвержено никакому сомнѣнію, что часто бываетъ это на самомъ дѣлѣ: безкончныя войны возвысили Наполеона; онъ же и низвергли его; почти тоже было и съ Людовикомъ XIV. Но не всегда бываетъ такъ. Часто великій человѣкъ погибаетъ безъ всякой вины со своей стороны. Такъ погибъ Генрихъ IV и съ нимъ вмѣстѣ палъ Сюлли. До нѣкоторой степени это безвинное паденіе находимъ и въ трагедіяхъ, несмотря на то, что авторы ихъ бывали связаны своими понятіями: неужели Деизмона была въ самомъ дѣлѣ причиною своей гибели? Всякій видитъ, что однѣ гнусныя хитрости Яго погубили ее. Неужели Ромео и Джульетта сами причиною своей гибели? Конечно, если мы захотимъ непременно въ каждомъ погибающемъ видѣть преступника, то можемъ обвинять всѣхъ: Деизмона виновата тѣмъ, что была невинна душою и слѣдовательно не могла предвидѣть клеветы; Ромео и Джульетта виноваты тѣмъ, что любятъ другъ друга. Мысль видѣть въ каждомъ погибающемъ виноватаго — мысль натянутая и жестокая. Связь ея съ идеею греческой судьбы и различными ея видоизмѣненіями счѣнь ясна. Здѣсь можно указать на одну сторону этой связи: по греческимъ понятіямъ о судьбѣ, въ гибели своей бываетъ всегда виноватъ самъ человѣкъ; если бы онъ поступилъ иначе, его не постигла бы гибель.

Другой родъ трагическаго, трагическое нравственнаго столкновенія, эстетика выводитъ изъ той же мысли, только взятой наоборотъ: въ трагическомъ простой вины основаніемъ трагической судьбы считаютъ мнимую истину, что каждое бѣдствіе, и особенно величайшее изъ бѣдствій, гибель, есть слѣдствіе преступленія; въ трагическомъ нравственнаго столкновенія новѣйшіе эстетики исходятъ отъ мысли, что за преступленіемъ всегда слѣдуетъ наказаніе преступника или гибелью или мученіями его собственной совѣсти. И эта мысль явнымъ образомъ ведетъ свое начало отъ преданія о фуріяхъ, бичующихъ преступника. Само собою разумѣется, что въ ней подъ преступленіями разумѣются не въ частности уголовныя преступленія, которыя наказываются государственными законами, а вообще нравственныя преступленія, которыя могутъ быть наказаны только или стеченіемъ обстоятельствъ, или общественнымъ мнѣніемъ, или совѣстью самого преступника.

Что касается до наказанія посредствомъ стеченія обстоятельствъ, то

мы уже давно подсмѣиваемся надъ старинными романами, въ которыхъ „всегда подъ конецъ торжествовала добродѣтель и наказывался порокъ“. Однако многимъ романистамъ и всѣмъ авторамъ трактатовъ объ эстетикѣ непрѣмѣнно хочется, чтобы порокъ и преступленіе наказывались на землѣ. И вотъ явилась теорія, утверждающая, что они *всегда* наказываются общественнымъ мнѣніемъ и угрызениями совѣсти. Но и это бываетъ не всегда. Что касается до общественнаго мнѣнія, то оно преслѣдуетъ далеко не всѣ нравственныя преступленія. А если голосъ общества не пробуждаетъ ежеминутно нашей совѣсти, то въ самой большей части случаевъ она и не проснется въ насъ, или, проснувшись, очень скоро заснетъ. Всякій образованный человѣкъ понимаетъ, какъ смѣшно смотрѣть на міръ тѣми глазами, какими смотрѣли греки геродотовскихъ временъ; всякій нынѣ очень хорошо понимаетъ, что въ страданіи и гибели великихъ людей нѣтъ ничего необходимаго; что не всякій гибнущій человѣкъ гибнетъ за свои преступленія, что не всякій преступникъ погибаетъ; что не всякое преступленіе наказывается судомъ общественнаго мнѣнія и проч. Потому нельзя не сказать, что трагическое не всегда пробуждаетъ въ насъ идею необходимости и что вовсе не въ идеѣ необходимости основаніе дѣйствія его на человѣка и, не въ ней сущность его. Въ чемъ же сущность трагическаго?

Трагическое есть страданіе или гибель человѣка—этого совершенно достаточно, чтобы исполнить насъ ужасомъ и состраданіемъ, хотя бы въ этомъ страданіи, въ этой гибели и не проявлялась никакая „безконечно могущественная и неотразимая сила“. Случай или необходимость причины страданія и гибели человѣка—все равно, страданіе и гибель ужасны. Намъ говорятъ: „чисто случайная гибель—нелѣпность въ трагедіи“—въ трагедіяхъ, писанныхъ авторами, можетъ быть; въ дѣйствительной жизни—нѣтъ. Въ поэзіи авторъ считаетъ необходимою обязанностью „выводить развязку изъ самой завязки“; въ жизни развязка часто совершенно случайна, и трагическая участь можетъ быть совершенно случайною, не переставая быть трагическою. Мы согласны, что трагична участь Макбета и лэди Макбетъ, необходимо вытекающая изъ ихъ положенія и дѣлъ. Но неужели не трагична участь Густава-Адольфа, который погибъ совершенно случайно въ битвѣ подъ Люценомъ, на пути торжества и побѣды? Опре-
дѣленіе:

трагическое есть ужасное въ человѣческой жизни,

кажется, будетъ совершенно полнымъ опредѣленіемъ трагическаго въ жизни и въ искусствѣ. Правда, что большая часть произведеній искусства даетъ право прибавить: „ужасное, постигающее человѣка болѣе или менѣе неизбежно“; но, во-первыхъ, сомнительно, до какой степени справедливо посту-
паетъ искусство, представляя это ужасное почти всегда неизбежнымъ, когда въ самой дѣйствительности оно бываетъ большею частію вовсе не неизбежно, а чисто случайно; во-вторыхъ, кажется, что очень часто только по привычкѣ доискиваться во всякомъ великомъ произведеніи искусства „необходимаго сфигленія обстоятельствъ“, „необходимаго развитія дѣйствія изъ сущности самаго дѣйствія“ мы находимъ, съ грѣхомъ пополамъ, „необхо-

димость въ ходѣ событій“ и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, напримѣръ, въ большей части трагедій Шекспира.

Съ господствующимъ опредѣленіемъ комическаго: „комическое есть перевѣсъ образа надъ идеею“, иначе сказать: внутренняя пустота и ничтожность, прикрываемая внѣшностью, имѣющею притязаніе на содержаніе и реальное значеніе, нельзя не согласиться; но вѣстѣ съ тѣмъ надобно сказать, что слишкомъ ограничиваютъ понятіе комическаго, противопоставляя его, для сохраненія діалектическаго метода развитія понятій, только понятію возвышеннаго. Комическое мелочное и комическое глупое или тупоумное, конечно, противоположно возвышенному; но комическое уродливое, комическое безобразное противоположно прекрасному, а не возвышенному. Возвышенное, по изложенію самого Фишера, можетъ быть безобразнымъ: какимъ же образомъ комическое безобразное противоположно возвышенному, когда они различны между собою не сущностью, а степенью, не качествомъ, а количествомъ, когда безобразное мелочное принадлежитъ къ комическому, безобразное огромное или страшное принадлежитъ къ возвышенному? — Что безобразное противоположно прекрасному, ясно само по себѣ.

Окончивъ разборъ понятій о сущности прекраснаго и возвышеннаго, должно теперь перейти къ разбору господствующихъ взглядовъ на различные способы осуществленія идеи прекраснаго.

Здѣсь-то, кажется, сильнѣе всего выказывается важность основныхъ понятій, анализъ которыхъ занялъ такъ много страницъ въ этомъ очеркѣ: отступленіе отъ господствующаго взгляда на сущность того, что служить главнѣйшимъ содержаніемъ искусства, необходимо ведетъ къ измѣненію понятій и о самой сущности искусства. Господствующая нынѣ система эстетики совершенно справедливо различаетъ три формы существованія прекраснаго, подъ которымъ понимаются въ ней, какъ его видоизмѣненія, также возвышенное и комическое. (Мы будемъ говорить только о прекрасномъ, потому что было бы утомительно повторять три раза одно и то же: все, что говорится въ господствующей нынѣ эстетикѣ о прекрасномъ, совершенно прилагается въ ней къ его видоизмѣненіямъ; точно также наша критика господствующихъ понятій о различныхъ формахъ прекраснаго и наши собственныя понятія объ отношеніи прекраснаго въ искусствѣ къ прекрасному въ дѣйствительности вполнѣ прилагаются и ко всемъ остальнымъ элементамъ, входящимъ въ содержаніе искусства, а въ числѣ ихъ къ возвышенному и комическому).

Три различныя формы, въ которыхъ существуетъ прекрасное, слѣдующія: прекрасное въ дѣйствительности (или въ природѣ, если захотимъ удерживать философскую терминологию), прекрасное въ фантазіи и прекрасное въ искусствѣ (въ объективномъ существованіи, придаваемомъ ему творческою фантазіею чловѣка). Первымъ изъ основныхъ вопросовъ, здѣсь встречающихся, — вопросъ объ отношеніи прекраснаго въ дѣйствительности къ прекрасному въ фантазіи и въ искусствѣ. Господствующая нынѣ система эстетическихъ понятій рѣшаетъ его такъ: прекрасное въ объективной дѣйствительности имѣетъ недостатки, уничтожающіе красоту его, и наша фантазія поэтому принуждена прекрасное, находимое въ объективной дѣйствительности,

передѣлывать для того, чтобъ, освободивъ его отъ недостатковъ, неразлучныхъ съ реальнымъ его существованіемъ, сдѣлать его истинно прекраснымъ. Фишеръ полнѣе и рѣзче другихъ эстетиковъ входитъ въ анализъ недостатковъ объективнаго прекраснаго. Потому его анализъ и должно подвергнуть критикѣ. Для избѣжанія упрека въ томъ, что преднамѣренно смягчилъ я недостатки, выставляемые на видъ нѣмецкими эстетиками въ объективномъ прекрасномъ, я долженъ буквально привести здѣсь Фишерову критику прекраснаго въ дѣйствительности (Aesthetik, II Theil, Seite 299 und folg.).

«Внутренняя несостоятельность всей объективной формы существованія прекраснаго открывается въ томъ, что красота находится въ чрезвычайно шаткомъ отношеніи къ дѣлямъ историческаго движенія даже и на томъ поприщѣ, гдѣ она кажется наиболѣе обезпеченною (*т.-е. въ человѣкѣ; историческія событія часто уничтожаютъ много прекраснаго; напримѣръ, говоритъ Фишеръ, реформація уничтожила веселую привольность и пестрое разнообразіе нѣмецкой жизни XIII—XV столѣтій*). Но вообще очевидно, что предполагаемая въ § 234 благосклонность случая рѣдко имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. (§ 234 говоритъ: для бытія красоты необходимо, чтобы при осуществленіи прекраснаго не было вмешательства вредныхъ случайностей, *der störende Zufall*. Сущность случайности состоитъ въ томъ, что она можетъ быть и не быть или быть иначе, следовательно вредная случайность можетъ иногда и не быть въ предметѣ. Потому кажется, что вмѣстѣ съ безобразными индивидуумами должны быть и истинно прекрасные). Кромѣ того именно по самой живости (Lebendigkeit), составляющей неотъемлемое преимущество прекраснаго въ дѣйствительности, красота его мимолетна; основаніе этой мимолетности въ томъ, что прекрасное въ дѣйствительности возникаетъ не изъ стремленія къ прекрасному; оно возникаетъ и существуетъ по общему стремленію природы къ жизни, при осуществленіи котораго появляется только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не какъ что-нибудь преднамѣренное (*alles Naturschöne nicht gewollt ist*). Проблески прекраснаго рѣдки въ исторіи; рѣдко воплотѣлось прекрасное и въ природѣ вообще. Въ извѣстномъ своемъ письмѣ Рафаэль, жившій въ странѣ красоты, жалуется на *carestia di belle donne*; и не часто встрѣчаются въ Римѣ такія модели, какова была Витторія изъ Альбано во время Румора. «Послѣднее созданіе все выше и выше стремящейся природы—прекрасный человѣкъ. Правда, рѣдко создастъ она его, потому что слишкомъ много условій, противодѣйствующихъ ея идеямъ» (Гете). Все живущее имѣетъ множество враговъ. Борьба съ ними можетъ быть возвышенною или комическою; но рѣдки случаи, когда безобразное переходитъ въ комическое или возвышенное. Мы стоимъ среди жизни и ея безконечно разнообразныхъ отношеній. Потому прекрасное въ природѣ живъ; но, находясь среди неисчислимо разнообразныхъ отношеній, оно подвергается столкновеніямъ, порчѣ со всѣхъ сторонъ; потому что природа заботится о всей массѣ предметовъ, а не объ одномъ отдѣльномъ предметѣ, ей нужно сохраненіе, а не собственно красота. Если такъ, то для природы нѣтъ потребности поддерживать прекраснымъ и то немногое прекрасное, которое она случайно производитъ: жизнь стремится впередъ, не заботясь о гибели образа, или сохраняетъ его только искаженнымъ. «Природа борется изъ-за жизни и бытія, изъ-за сохраненія и размноженія своихъ произведеній, не заботясь о ихъ красотѣ или безобразіи. Форма, отъ рожденія предназначенная быть прекрасною, можетъ случаемъ повредиться въ какой-нибудь части: точчасъ же страдаютъ отъ этого и другія части; потому что природѣ тогда бывають нужны силы для возстановленія поврежденной части, и она отнимаетъ ихъ у другихъ частей, что необходимо вредитъ ихъ развитію. Существо становится уже не такимъ, какимъ должно было быть, а такимъ, каковъ можетъ быть» (Гете, въ примѣч. къ Дидро). Замѣтно или незамѣтно, поврежденія повторяются и увеличиваются, пока все существо разрушится. Мимолетность, непрочность—скорбная участь всего прекраснаго въ природѣ. Не только прекрасное освѣщеніе пейзажа, но и цвѣтущая пора органической жизни—одно мгновеніе. «Говоря строго, можно сказать, что только въ про-

долженіе одного мгновенія прекрасенъ прекрасный человѣкъ». — «Чрезвычайно непродолжителенъ періодъ времени, въ теченіе котораго человѣческое тѣло можетъ назваться прекраснымъ» (Гете). Правда, изъ увядшей красоты юности развивается высшая красота — красота характера, которую возрѣніе замѣчаетъ въ чертахъ физиогноміи и въ поступкахъ. Но и эта красота мимолетна; потому что характеръ заботится о нравственныхъ цѣляхъ, а не о красотѣ фигуры и движеній при ихъ достиженіи... Въ одно время личность бываетъ исполнена сознаниемъ своей нравственной цѣли, является такъ, какъ есть, прекрасною въ глубочайшемъ смыслѣ слова; но въ другое время человѣкъ занятъ бываетъ чѣмъ-нибудь имѣющимъ только посредственную связь съ цѣлью жизни его, и при этомъ истинное содержаніе характера не проявляется въ выраженіи лица; иногда человѣкъ бываетъ занятъ дѣломъ, возлагаемымъ на него только житейскою или жизненною необходимостью, и при этомъ всякое высшее выраженіе погребено подъ равнодушіемъ или скукою, неохотою. Такъ бываетъ и во всѣхъ сферахъ природы, принадлежать ли онѣ или нѣтъ къ нравственной области... Эта группа сражающихся воиновъ располагается и движется, какъ будто бы воспламененная духомъ Марса; но чрезъ минуту она рассыпалась, движенія перестали быть прекрасны; лучшіе люди лежатъ равны или убиты: эти воины не *tableau vivant*, они думаютъ о битвѣ, а не о томъ, чтобы ихъ битва имѣла прекрасный видъ. Непреднамеренность (*das Nicht-gewolltsein*) сущность всего прекраснаго въ природѣ; она лежитъ въ его сущности до такой степени, что на насъ чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ, если мы замѣчаемъ въ сферѣ реальнаго-прекраснаго какой бы то ни было преднамѣренный расчетъ именно на красоту. Красота, сознающая свою красоту и занимающаяся ею, учащаяся предъ зеркаломъ быть прекрасною, суетна, т.-е. ничтожна. Аффектація красоты въ дѣйствительно существующемъ совершенная противоположность истинной граціи... Случайность, непреднамеренность красоты, ея незнаніе о самой себѣ — зерно смерти, но и прелесть прекраснаго въ дѣйствительности; такъ что въ сознательной сферѣ прекрасное исчезаетъ въ ту минуту, когда узнаетъ о своей красотѣ, начинаетъ любоваться на нее. Наивность простаго человѣка погибаетъ, какъ скоро касается до него цивилизація: народныя пѣсни исчезаютъ, когда обращаютъ на нихъ вниманіе, начинаютъ собирать ихъ; живописный костюмъ полудикихъ народовъ перестаетъ имъ нравиться, когда они видятъ кокетливый фракъ живописца, пришедшаго изучать ихъ; если цивилизація, прельстившись живописнымъ нарядомъ, хочетъ сохранить его, онъ уже обратился въ маску, и народъ покидаетъ его.

«Но благопріятность случая не только рѣдка и мимолетна, — она вообще должна считаться благопріятностью только относительно: вредная, искажающая случайность всегда оказывается въ природѣ не вполне побѣжденною, если мы отбросимъ свѣтлую маску, накидываемую отдаленностью мѣста и времени на воспріятіе (*Wahrnehmung*) прекраснаго въ природѣ, и строже всмотримся въ предметъ; искажающая случайность вносить въ прекрасную, повидимому, группировку нѣсколькихъ предметовъ много такого, что вредитъ ея полной красотѣ; мало того, эта вредящая случайность вторгается и въ отдѣльный предметъ, который казался намъ сначала вполне прекрасенъ, и мы видимъ, что ничто не изъято отъ ея владычества. Если мы сначала не замѣчали недостатковъ, это происходило изъ другой благопріятности случая — изъ счастливаго расположенія нашего духа, которое дѣлало субъекта способнымъ видѣть предметъ съ точки зрѣнія чистой формы. Ближайшимъ образомъ такое расположеніе духа возбуждаетъ въ насъ самый предметъ своею относительною чистотою отъ искажающаго случая.

«Надобно только ближе посмотрѣть на прекрасное въ дѣйствительности, чтобы убѣдиться, что оно не истинно прекрасно: тогда будетъ ясно, что мы до сихъ поръ только скрывали отъ себя очевидную истину. Эта истина — необходимое и повсемѣстное владычество искажающаго случая. Не мы должны доказывать, что оно простирается рѣшительно на все, а нуждалась бы въ доказательствахъ противоположная мысль, нуждалась бы въ доказательствахъ мнѣніе, что при безконечно-разнообразномъ и тѣсномъ сѣпленіи всего въ міръ какой бы то ни было отдѣльный предметъ можетъ сохраниваться въ цѣлости отъ всѣхъ препятствій, помѣхъ, искажающихъ столкно-

веній. Мы должны только изслѣдовать, откуда происходитъ обобщеніе, говорящее нашими чувствамъ, будто бы иные предметы составляютъ исключеніе изъ общаго закона подвластности искажающему случаю; это мы сдѣлаемъ въ послѣдствіи; а теперь покажемъ только, что видимыя исключенія изъ общаго правила дѣйствительно составляютъ обобщеніе, призракъ (ein Schein). Нѣкоторые прекрасные предметы составляютъ соединеніе многихъ предметовъ; въ этомъ случаѣ, всматриваясь внимательно, мы всегда найдемъ, во-первыхъ, что мы видимъ эти предметы въ такой связи, въ такомъ соотношеніи только потому, что случайно стали на извѣстное мѣсто, случайно смотримъ на нихъ съ извѣстной точки зрѣнія. Особенно прилагается это къ ландшафтамъ: ихъ равнины, горы, деревья ничего не знаютъ другъ о другѣ; имъ не можетъ вздуматься соединиться въ живописное цѣлое; въ стройныхъ очеркахъ и краскахъ мы ихъ видимъ только потому, что сами стоимъ на томъ, а не на другомъ мѣстѣ. Но и съ этой благопріятной точки зрѣнія мы найдемъ здѣсь кустарникъ, тамъ холмъ, нарушающій гармонію; тутъ недостатокъ возвышенія, тамъ тѣни; и мы должны будемъ сознаться, что внутренний глазъ передѣлывалъ, дополнял, исправлялъ ландшафтъ. То же самое бываетъ и съ движущеюся, дѣйствующею группою живыхъ существъ. Иногда сцена можетъ быть въ самомъ дѣлѣ полна значенія и выраженія, но въ ней группы, существенно связанныя, раздѣлены пространствомъ; внутренний глазъ опять уничтожаетъ его, сближаетъ связанное, выбрасываетъ ненужное, лишнее. Другіе предметы прекрасны въ отдѣльности. Тогда мы огказываемся отъ красоты обстановки, выпускаемъ обстановку изъ самаго воззрѣнія, совершаемъ актъ отдѣленія предмета отъ обстановки, большею частью безсознательно и безнамѣренно; когда красавица входитъ въ общество, наши глаза устремляются исключительно на нее, мы забываемъ о другихъ лицахъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ отдѣльномъ ли предметѣ мы находимъ красоту или въ сгруппировкѣ предметовъ, слѣдствіе будетъ одно и то же, если мы строже разсмотримъ красоту. На поверхности прекраснаго предмета мы откроемъ то же, что въ прекрасной сгруппировкѣ предметовъ: между прекрасными частями найдутся непрекрасныя, и найдутся онѣ въ каждомъ предметѣ, какъ бы ни благопріятствовала ему счастливая случайность. Хорошо еще, что нашъ глазъ не микроскопъ, и простое зрѣніе уже идеализируетъ предметы: иначе грязь и инфузорія въ чистѣйшей водѣ, нечистоты на пѣжѣйшей кожѣ разрушали бы для насъ всякую красоту. Мы видимъ только при извѣстной степени отдаленія. А отдаленности идеализируетъ уже сама по себѣ. Она не только скрываетъ нечистоту поверхности, но и вообще сглаживаетъ подробности состава тѣла, приковывающія ихъ къ землѣ, отнимаетъ пошлую ясность, точности, считающую песчинки, ставящую всякую мелочь въ счетъ. Такъ уже самый процессъ зрѣнія беретъ на себя часть труда возведенія предмета къ чистой формѣ. Отдаленность во времени дѣйствуетъ такъ же, какъ отдаленность въ пространствѣ: исторія и воспоминаваніе передаютъ намъ не всѣ мелкія подробности о великомъ человѣкѣ или великомъ событіи; они умалчиваютъ о мелкихъ второстепенныхъ мотивахъ великаго явленія, о его слабыхъ сторонахъ; они умалчиваютъ о томъ, сколько времени въ жизни великихъ людей было потрачено на одѣванье и раздѣванье, ѣду, питье, насморкъ и т. п. Но мало того, что чрезъ это скрывается отъ насъ мелочное и мѣшающее красотѣ: при внимательномъ разсмотрѣніи даже въ прекраснѣйшемъ, повидимому, предметѣ мы ясно замѣчаемъ очень много важныхъ и неважныхъ недостатковъ. Еслибы, напр., въ человѣческой фигурѣ и не было отпечатлѣно никакихъ искажающихъ случайностей на поверхности, то въ основныхъ формахъ непременно замѣчалась нами какое-нибудь нарушеніе пропорціональности. Это ясно будетъ, какъ только мы взглянемъ на гипсовую модель, въ точности снятую съ дѣйствительнаго лица. Руморъ, въ предисловіи къ своимъ «Итальянскимъ изслѣдованіямъ», чрезвычайно перелуталъ всѣ относящіяся сюда понятія: онъ хочетъ обличить ложность фальшиваго идеализма въ искусствѣ, стремящагося улучшать природу въ ея чистыхъ и постоянныхъ формахъ; онъ справедливо говоритъ противъ подобнаго идеализма, что искусство не можетъ передѣлывать неизмѣнныхъ формъ природы, которыя даются ему природою необходимо и неизмѣнно. Но вопросъ въ томъ, находятъ ли въ дѣйствительности въ совершенно чистомъ развитіи основныя, ненарушимыя для искусства формы природы. Руморъ отбѣчаетъ на это, что «природа не отдѣльный предметъ.

представляющийся намъ подъ владычествомъ случая, а совокупность всѣхъ живыхъ формъ, совокупность всего произведеннаго природою, или, лучше сказать, сама производящая сила» — ей долженъ предаться художникъ, не довольствуясь отдѣльными моделями. Это совершенно справедливо. Но Руморъ упадетъ потомъ въ натурализмъ, который хочетъ преслѣдовать, какъ и ложный идеализмъ; его положеніе, что «природа наилучшимъ образомъ выражаетъ все своими формами», становится опаснымъ, когда онъ прилагаетъ его къ отдѣльному явленію, и, противорѣча тому, что самъ сказалъ выше, утверждаетъ, будто бы въ дѣйствительности бываютъ совершенныя модели», какъ, напр., «Витторія изъ Альбано, которая была прекраснѣе всѣхъ созданій искусства въ Римѣ, красота которой была недосыгаема для художниковъ». Мы твердо убѣждены, что ни одинъ изъ художниковъ, бравшихъ ее моделью, не могъ перенести въ свое произведеніе всѣхъ ея формъ въ томъ видѣ, въ какомъ находилъ, потому что Витторія была *отдѣльная* красавица, а индивидуумъ не можетъ быть абсолютнымъ — этимъ дѣло рѣшается, больше мы не хотимъ и говорить о вопросѣ, который предлагаетъ Руморъ. Если даже согласимся, что въ Витторіи были совершенны всѣ основныя формы, то кровь, теплота, процессъ жизни съ искажающими красоту подробностями, слѣды которыхъ остаются на кожѣ, всѣ эти подробности были бы достаточны, чтобы поставить живое существо, о которомъ говоритъ Руморъ, несравненно ниже тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыя имѣютъ только воображаемую кровь, теплоту, процессъ жизни на кожѣ и т. д....

«Итакъ, предметъ, принадлежащій къ рѣдкимъ явленіямъ красоты, какъ показываетъ ближайшее разсмотрѣніе, не истинно прекрасенъ, а только ближе другихъ къ прекрасному, свободнѣе отъ искажающихъ случайностей».

Прежде, нежели подвергнемъ критикѣ отдѣльные упреки, дѣлаемые прекрасному въ дѣйствительности, смѣло можно сказать, что оно истинно прекрасно и вполне удовлетворяетъ здороваго человѣка, несмотря на всѣ свои недостатки, какъ бы ни были они велики. Конечно, праздная фантазія можетъ о всемъ говорить: „здѣсь это не такъ, этого не достаетъ, это лишнее“; но такое развитіе фантазіи, недовольствующейся ничѣмъ, надобно признать болѣзненнымъ явленіемъ. Здоровый человѣкъ встрѣчаетъ въ дѣйствительности очень много такихъ предметовъ и явленій, смотря на которые не приходитъ ему въ голову желать, чтобы они были не такъ, какъ есть, или были лучше. Мнѣніе, будто человѣку непременно нужно „совершенство“, — мнѣніе фантастическое, если подъ „совершенствомъ“ понимать такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всѣ возможные достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какіе отъ нечего дѣлать можетъ отыскать въ предметѣ фантазія человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ сердцемъ. „Совершенство“ для меня то, что для меня вполне удовлетворительно въ своемъ родѣ. А такихъ явленій видитъ здоровый человѣкъ въ дѣйствительности очень много. Когда у человѣка сердце пусто, онъ можетъ давать волю своему воображенію; но какъ скоро есть хотя сколько-нибудь удовлетворительная дѣйствительность, крылья фантазіи связаны. Фантазія вообще овладѣваетъ нами только тогда, когда мы слишкомъ скудны въ дѣйствительности. Лежа на голыхъ доскахъ, человѣку иногда приходитъ въ голову мечтать о роскошной постели, о кровати какого-нибудь неслыханно драгоценнаго дерева, о пуховикѣ изъ гачагьяго пуха, о подушкахъ къ брабантскими кружевами, о пологѣ изъ какой-то невообразимой лійонской матеріи; но неужели станетъ мечтать обо всемъ этомъ здоровый человѣкъ, когда у него есть не роскошная, но довольно мягкая и удобная по-

стель? „Отъ добра добра не ищутъ“. Если человѣку пришлось жить среди сибирскихъ тундръ или въ заволжскихъ солончакахъ, онъ можетъ мечтать о волшебныхъ садахъ съ невиданными на землѣ деревьями, у которыхъ коралловыя вѣтви, изумрудные листья, рубиновые плоды; но переселившись въ какую-нибудь Курскую губернію, получивъ полную возможность гулять досыта по небогатому, но сносному саду съ яблонями, вишнями, грушами, и съ густыми липовыми аллеями, мечтатель навѣрное забудетъ не только о садахъ Тысячи и одной ночи, но и о лимонныхъ рощахъ Испаніи. Воображеніе строить свои воздушные замки тогда, когда нѣтъ на дѣлѣ не только хорошаго дома, даже сносной избушки. Оно разыгрывается тогда, когда незаняты чувства; бѣдность дѣйствительной жизни источникъ жизни въ фантазіи. Но едва дѣлается дѣйствительность сколько-нибудь ссною, скучны и блѣдны кажутся намъ предъ нею всѣ мечты воображенія. Мнѣніе, будто бы „желанія человѣческія безпредѣльны“, ложно въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается обыкновенно, въ смыслѣ, что „никакая дѣйствительность не можетъ удовлетворить ихъ“; напротивъ, человѣкъ удовлетворяется не только „наилучшимъ, что можетъ быть въ дѣйствительности“, но и довольно посредственною дѣйствительностью. Надобно различать то, что чувствуется на самомъ дѣлѣ, отъ того, что только говорится. Желанія раздражаются мечтательнымъ образомъ до горячечнаго напряженія только при совершенномъ отсутствіи здоровой, хотя-бъ и довольно простой пищи. Это фактъ, доказываемый всей исторіей человѣчества и испытанный на себѣ всякимъ, кто жилъ и наблюдалъ себя. Онъ составляетъ частный случай общаго закона человѣческой жизни, что страсти достигаютъ ненормальнаго развитія только вслѣдствіе ненормальнаго положенія предающагося имъ человѣка, и только въ такомъ случаѣ, когда естественная и въ сущности довольно спокойная потребность, изъ которой возникаетъ та или другая страсть, слишкомъ долго не находила себѣ соотвѣтственнаго удовлетворенія, спокойнаго и далеко не титаническаго. Несомнѣнно то, что организмъ человѣка не требуетъ и не можетъ выносить титаническихъ стремлений и удовлетвореній; несомнѣнно и то, что въ здоровомъ человѣкѣ стремленія соразмѣрны съ силами организма. Съ этой общей точки перейдемъ на другую, специальную.

Извѣстно, что чувства наши скоро утомляются и пресыщаются, т.-е. удовлетворяются. Это справедливо не только относительно низшихъ чувствъ (осязанія, обонянія, вкуса), но также и относительно высшихъ—зрѣнія и слуха. Съ чувствами зрѣнія и слуха неразрывно соединено эстетическое чувство, и не можетъ быть мыслимо безъ нихъ. Когда у человѣка отъ утомленія исчезаетъ охота смотрѣть на прекрасное, не можетъ не исчезать и потребность эстетическаго наслажденія этимъ прекраснымъ. И если человѣкъ не можетъ цѣлый мѣсяцъ ежедневно смотрѣть не утомляясь на картину, хотя бы Рафаэлевскую, то нѣтъ сомнѣнія, что не одни глаза его, но также и чувство эстетическое пресытилось, удовлетворено на нѣкоторое время. Что достовѣрно относительно продолжительности наслажденія, то же самое должно сказать и объ его интенсивности. При нормальномъ удовлетвореніи сила эстетическаго наслажденія имѣетъ свои предѣлы. Если она

иногда переходить ихъ, это бываетъ слѣдствіемъ не внутренняго и натурального развитія, а особенныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе случайныхъ и нормальныхъ (напр., мы особенно восторженно восхищаемся прекраснымъ, когда знаемъ, что скоро должны будемъ разстаться съ нимъ, что не будемъ имѣть столько времени наслаждаться имъ, сколько намъ хотѣлось бы и т. п.). Однимъ словомъ, нѣтъ, повидимому, возможности подвергать сомнѣнію фактъ, что наше эстетическое чувство, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ свои нормальныя границы относительно продолжительности и интенсивности своего напряженнаго состоянія, и что въ этихъ двухъ смыслахъ нельзя называть его ненасытнымъ или безконечнымъ.

Точно также оно имѣетъ границы—и довольно тѣсныя—относительно своей разборчивости, тонкости, — требовательности или такъ называемой жажды совершенства. Мы впоследствии будемъ имѣть случай говорить, какъ многое даже вовсе не первоклассное по красотѣ своей удовлетворяетъ эстетическому чувству въ дѣйствительности. Здѣсь мы хотимъ сказать, что и въ области искусства разборчивость его въ сущности очень снисходительна. За одно какое-нибудь достоинство мы прощаемъ произведенію искусства сотни недостатковъ; даже не замѣчаемъ ихъ, если только они не слишкомъ безобразны. Въ примѣръ довольно указать на большую часть произведеній римской поэзіи. Не восхищаться Гораціемъ, Virgilіемъ, Овидіемъ можетъ только тотъ, у кого недостаетъ эстетическаго чувства. А сколько въ этихъ поэтахъ слабыхъ сторонъ! Собственно говоря, все въ нихъ слабо, кромѣ одного—отдѣлки языка и развитія мыслей. Содержанія у нихъ или вовсе нѣтъ или оно самое ничтожное; самостоятельности нѣтъ; свѣжести нѣтъ; простоты нѣтъ; у Virgilіа и Гораціа почти нигдѣ нѣтъ даже искренности и увлеченія. Но пусть критика указываетъ намъ всѣ эти недостатки—съ тѣмъ вмѣстѣ она прибавляетъ, что форма у этихъ поэтовъ доведена до высокаго совершенства, и нашему эстетическому чувству довольно этой одной капли хорошаго, чтобы удовлетворяться и наслаждаться. А между тѣмъ даже и въ отдѣлкѣ формы у всѣхъ этихъ поэтовъ есть значительные недостатки: Овидій и Virgilій почти всегда растянуты; очень часто растянуты и Гораціевы оды; монотонность во всѣхъ трехъ поэтахъ чрезвычайно велика; часто непріятнымъ образомъ бросается въ глаза искусственность, натянутость. Нужды нѣтъ, все-таки остается въ нихъ нѣчто хорошее, и мы наслаждаемся. Какъ совершенную противоположность этимъ поэтамъ вышней отдѣлки можно привести въ примѣръ народную поэзію. Какова бы ни была первоначальная форма народныхъ пѣсенъ, но до насъ доходятъ онѣ почти всегда искаженными, передѣланными или растерзанными на куски; монотонность ихъ также очень велика; наконецъ есть во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ механическіе приемы, проглядываютъ общія пружины, безъ помощи которыхъ никогда не развиваютъ онѣ своихъ темъ; но въ народной поэзіи очень много свѣжести, простоты,—и этого довольно для нашего эстетическаго чувства, чтобы восхищаться народною поэзіею.

Однимъ словомъ, какъ и всякое здоровое чувство, какъ всякая истинная потребность, эстетическое чувство имѣетъ больше стремленія удовлетворяться, нежели требовательности въ претензіяхъ; оно по своей натурѣ ра-

дуются удовлетворяясь, недовольно отсутствіемъ пищи, потому готово удовлетворяться первымъ сноснымъ предметомъ. Малотребовательность эстетическаго чувства доказывается и тѣмъ, что, имѣя первоклассныя произведенія, оно вовсе не пренебрегаетъ второклассными. Рафаэлевы картины не заставляютъ насъ находить плохими произведенія Грѣза; имѣя Шекспира, мы съ наслажденіемъ перечитываемъ произведенія второстепенныхъ, даже третьестепенныхъ поэтовъ. Эстетическое чувство ищетъ хорошаго, а не фантастически-совершеннаго. Потому, еслибы въ дѣйствительномъ прекрасномъ было очень много важныхъ недостатковъ, мы все-таки удовлетворялись бы имъ. Но посмотримъ ближе, до какой степени справедливы упреки, дѣлаемые прекрасному въ дѣйствительности, и до какой степени справедливы слѣдствія, изъ нихъ выводимыя.

I. „Прекрасное въ природѣ непредназначенно; уже по этому одному не можетъ быть оно такъ хорошо, какъ прекрасное въ искусствѣ, создаваемое предназначенно“. — Дѣйствительно, неодушевленная природа не думаетъ о красотѣ своихъ произведеній, какъ дерево не думаетъ о томъ, чтобы его плоды были вкусны. Но тѣмъ не менѣе надобно признаться, что наше искусство до сихъ поръ не могло создать ничего подобнаго даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошныхъ плодахъ тропическихъ земель. Конечно, предназначенное произведеніе будетъ по достоинству выше непредназначеннаго; но только тогда, когда силы производителей равны. А силы человѣка гораздо слабѣе силъ природы, работа его чрезвычайно груба, целовка, неуклюжа въ сравненіи съ работою природы. И потому въ произведеніяхъ искусства превосходство со стороны предназначенности перевѣшивается и далеко перевѣшивается слабостью ихъ въ исполненіи. Притомъ же непредназначенна красота только въ природѣ безчувственной, мертвой: птица и животное уже заботятся о своей вѣщности, безпрестанно охорашиваются: почти всѣ онѣ любятъ опрятность. Въ человѣкѣ красота рѣдко бываетъ совершенно непредназначенною: забота о своей наружности чрезвычайно сильна у всѣхъ насъ. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ не объ изысканныхъ средствахъ поддѣлывать красоту, а подразумеваемъ постоянныя заботы о вѣщности, благообразіи, которыя составляютъ часть народной гігіены. Но если красота въ природѣ въ строгомъ смыслѣ не можетъ назваться предназначенною, какъ и все дѣйствованіе силъ природы то съ другой стороны нельзя сказать, чтобы вообще природа не стремилась къ произведенію прекраснаго: напротивъ, понимая прекрасное какъ полноту жизни, мы должны будемъ признать, что стремленіе къ жизни, проникающее органическую природу, есть вмѣстѣ и стремленіе къ произведенію прекраснаго. Если мы должны вообще видѣть въ природѣ не цѣли, а только результаты, и потому не можемъ назвать красоту цѣлью природы, то не можемъ не назвать ее существеннымъ результатомъ, къ произведенію котораго напряжены силы природы. Непредназначенность (*das Nichtgewolltsein*), безсознательность этого направленія нисколько не мѣшаетъ его реальности, какъ безсознательность геометрическаго стремленія въ пчелѣ, безсознательность стремленія къ симметріи въ растительной силѣ, нисколько не мѣшаетъ правильности шестиграннаго строенія ячеекъ сота, симметріи двухъ половинъ листа.

II. „Отъ непреднамѣренности красоты въ природѣ происходитъ то, что прекрасное рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности“.—Но еслибъ и дѣйствительно было такъ, его малочисленность была бы прискорбна только для нашего эстетическаго чувства, нисколько не уменьшая красоты этого малочисленнаго ряда явленій и предметовъ. Алмазы величиною въ голубиное яйцо попадаются очень рѣдко; любители брильянтовъ могутъ справедливо жалѣть о томъ, и все-таки они соглашаются, что эти очень рѣдкіе алмазы прекрасны. Но жалобы на рѣдкость прекраснаго въ дѣйствительности несовершенно справедливы: прекраснаго въ дѣйствительности вовсе не такъ мало, какъ утверждаютъ нѣмецкіе эстетики. Прекрасныхъ и величественныхъ пейзажей очень много; есть страны, въ которыхъ они попадаются на каждомъ шагу, напр., не говоря уже о Швейцаріи, Альпахъ, Италіи, укажемъ на Финляндію, Крымъ, берега Днѣпра, даже берега средней части Волги. Величественное въ жизни человѣка встрѣчается не безпрестанно; но сомнительно, согласился ли бы самъ человѣкъ, чтобы оно было чаще: великія минуты жизни слишкомъ дорого обходятся человѣку, слишкомъ истощаютъ его; а кто имѣетъ потребность искать и силу выносить ихъ вліяніе на душу, тотъ можетъ найти случаи къ возвышеннымъ ощущеніямъ на каждомъ шагу: путь доблести, самоотверженія и высокой борьбы съ низкимъ и вреднымъ, съ бѣдствіями и пороками людей не закрыть никому и никогда. И были всегда, вездѣ тысячи людей, вся жизнь которыхъ была непрерывнымъ рядомъ возвышенныхъ чувствъ и дѣлъ. То же самое должно сказать и объ увлекательно-прекрасныхъ минутахъ въ жизни человѣка. Вообще нельзя человѣку жаловаться на ихъ рѣдкость; потому что отъ самого человѣка зависитъ, до какой степени жизнь его наполнена прекраснымъ и великимъ. Пуста и безцвѣтна бываетъ жизнь только у безцвѣтныхъ людей, которые толкуютъ о чувствахъ и потребностяхъ, на самомъ дѣлѣ не будучи способны имѣть никакихъ особенныхъ чувствъ и потребностей, кромѣ потребности рисоваться. Въ заключеніе было бы надобно объяснить насчетъ того, что специально называется красотою, разсмотрѣть вопросъ о томъ, до какой степени рѣдкое явленіе женская красота. Но, быть можетъ, это не совсѣмъ уместно въ нашемъ отвлеченномъ трактатѣ; ограничимся только замѣчаніемъ, что почти всякая женщина въ цвѣтѣ молодости кажется большинству красавицею, потому говорить здѣсь было бы можно развѣ о неразборчивости эстетическаго чувства большинства людей, а не о томъ, что красота рѣдкое явленіе. Людей прекрасныхъ лицомъ нисколько не меньше, нежели людей добрыхъ, умныхъ и т. д. Какъ же объяснить жалобу Рафаэля на недостатокъ красавицъ въ Италіи, классической странѣ красоты? Очень просто; онъ искалъ наилучшей красавицы, а наилучшая красавица конечно одна въ цѣломъ свѣтѣ—и гдѣ же отыскать ее? Первостепеннаго въ своемъ родѣ всегда очень мало, но очень простой причинѣ: если его соберется много, то мы опять раздѣлимъ его на классы и будемъ называть первостепеннымъ то, чего найдется всего два-три индивидуума; все остальное назовемъ второстепеннымъ. И вообще надобно сказать, что мысль, будто бы „прекрасное рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности“ основана на смѣшеніи понятій „вполнѣ“ и „первое“: вполнѣ величественныхъ рѣкъ

очень много, первая изъ величественныхъ рѣкъ конечно одна; великихъ полководцевъ много, первымъ полководцемъ въ мірѣ былъ кто-нибудь одинъ изъ нихъ. Авторы трактатовъ объ эстетикѣ въ духѣ господствующей школы разсуждаютъ такъ: если есть или можетъ быть предметъ выше находящагося у меня подъ глазами, то предметъ, находящійся у меня передъ глазами, низокъ. Но не такъ чувствуютъ люди. Зная, что Амазона величественнѣе Волги, мы продолжаемъ однако считать и Волгу величественною рѣкою. Философская система, которой держатся эти авторы, говоритъ, что если одинъ предметъ больше другого, то превосходство перваго надъ вторымъ есть недостатокъ другого: вовсе нѣтъ; въ дѣйствительности недостатокъ есть нѣчто положительное, а не нѣчто вытекающее изъ превосходства другихъ предметовъ. Рѣка, имѣющая одинъ футъ глубины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не потому считается мелкою, что есть рѣки гораздо глубже ея; она мелка безъ всякихъ сравненій, сама по себѣ, мелка потому, что неудобна для судоходства; каналъ, имѣющій тридцать футовъ глубины, не мелокъ въ дѣйствительной жизни, потому что совершенно удобенъ для судоходства; никому не приходится и въ голову называть его мелкимъ, хотя всякому извѣстно, что Па-де-Кале далеко превосходитъ его своею глубиною. Отвлеченное математическое сравненіе не есть взглядъ дѣйствительной жизни. Положимъ, что „Отелло“ выше „Макбета“, или „Макбетъ“ выше „Отелло“ — несмотря на превосходство одной изъ этихъ трагедій надъ другою, онѣ обѣ остаются прекрасными. Достоинства „Отелло“ не могутъ быть вмѣняемы въ недостатки „Макбета“ и наоборотъ. Такъ мы смотримъ на произведенія искусства. Если смотрѣть такъ же и на прекрасныя явленія дѣйствительности, то очень часто мы должны будемъ сознаться, что красота одного явленія безукоризненна, хотя красота другого еще выше. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ кто-нибудь называетъ итальянскую природу не прекрасною, хотя природа Антильскихъ острововъ или Остъ-Индіи гораздо богаче? А только съ подобной точки зрѣнія, ненаходящей себѣ подтвержденія въ дѣйствительныхъ чувствахъ и сужденіяхъ человѣка, и можетъ эстетика утверждать, будто бы въ мірѣ дѣйствительности красота есть явленіе рѣдкое.

III. „Красота прекраснаго въ дѣйствительности мимолетна“ — согласимся; но развѣ отъ этого она менѣе прекрасна? И притомъ это не всегда справедливо: цвѣтокъ дѣйствительно увядаетъ скоро; но человѣкъ долго остается прекраснымъ; можно даже сказать, что человѣческая красота продолжается именно столько, сколько надобно человѣку, ею наслаждающемуся. Не совсѣмъ, быть можетъ, соотвѣтствовало бы характеру нашего отвлеченнаго трактата вдаваться въ подробное доказательство этого положенія; потому скажемъ только, что красота каждаго поколѣнія существуетъ и должна существовать для этого самаго поколѣнія; и нисколько не нарушаетъ гармоніи, нисколько не противно эстетическимъ потребностямъ этого поколѣнія, если красота его увядаетъ вмѣстѣ съ нимъ — у послѣдующихъ будетъ своя новая красота, и жаловаться тутъ некому и не на что. Быть можетъ, неумѣстно было бы здѣсь также вдаваться въ подробныя доказательства того, что желаніе „не старѣть“ — фантастическое желаніе, что на самомъ

дѣлѣ пожилой человѣкъ и хочетъ быть пожилымъ человѣкомъ, если только его жизнь прошла нормальнымъ образомъ и если онъ не принадлежитъ къ числу людей поверхностныхъ. Но это ясно и безъ подробныхъ доказательствъ. Всѣ мы „съ сожалѣніемъ“ вспоминаемъ о дѣтствѣ, говоримъ иногда, что „хотѣли бы снова перенестись въ то счастливое время“: но едва ли кто-нибудь согласился бы на самомъ дѣлѣ превратиться въ ребенка. То же самое должно сказать и относительно сожалѣній о томъ, что „прошла красота нашей юности“—эти слова не имѣютъ реального значенія, если юность прошла сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Пережитое было бы скучно переживать вновь, какъ скучно слушать во второй разъ анекдотъ, хотя бы онъ казался чрезвычайно интересенъ въ первый разъ. Надобно различить дѣйствительныя желанія отъ фантастическихъ, мнимыхъ желаній, которыя вовсе и не хотятъ быть удовлетворенными; таково мнимое желаніе, чтобы красота въ дѣйствительности не увядала. „Жизнь стремится впередъ и уносить красоту дѣйствительности въ своемъ теченіи“, говорятъ эстетики;—правда; но вмѣстѣ съ жизнью стремятся впередъ, т.-е. измѣняются въ своемъ содержаніи, наши желанія, и слѣдовательно фантастичны сожалѣнія о томъ, что прекрасное явленіе исчезаетъ—оно исчезаетъ исполнивъ свое дѣло, доставивъ нынѣ столько эстетическаго наслажденія, сколько могъ вмѣстить нынѣшній день; завтра будетъ новый день, съ новыми потребностями, и только новое прекрасное можетъ удовлетворить ихъ. Еслибы красота въ дѣйствительности была неподвижна и неизмѣнна, „безсмертна“, какъ того требуютъ эстетики, она надобла бѣ, опротивѣла бы намъ. Живой человѣкъ не любитъ неподвижнаго въ жизни; потому никогда не наглядится онъ на живую красоту, и очень скоро пресыщаетъ его *tableau vivant*, которую предпочитаютъ живымъ сценамъ исключительные поклонники искусства. Но по ихъ мнѣнію красота должна быть однообразна въ своей вѣчности, не только вѣчна, потому противъ прекраснаго въ дѣйствительности является новое обвиненіе:

IV. „Прекрасное въ дѣйствительности непостоянно въ свой красотѣ“—но на это надобно отвѣчать тѣмъ же самымъ вопросомъ, какъ и прежде:—развѣ это мѣшаетъ ему быть прекраснымъ по временамъ? Развѣ пейзажъ менѣе прекрасенъ поутру оттого, что красота его померкнетъ на время съ закатомъ солнца? И опять надобно сказать, что большею частью этотъ упрекъ несправедливъ; положимъ, что есть пейзажи, красота которыхъ пропадаетъ съ пурпурнымъ озареніемъ утренней зари; но большая часть прекрасныхъ пейзажей прекрасны при всякомъ освѣщеніи; и надобно прибавить, что незавидна красота того пейзажа, который хорошъ только въ данную минуту, а не все время, пока существуетъ „Иногда физиогномія выражаетъ всю полноту жизни, иногда она не выражаетъ ничего“—пѣтъ; справедливо то, что иногда физиогномія бываетъ чрезвычайно выразительна, иногда она гораздо менѣе выразительна; но чрезвычайно рѣдки минуты, когда физиогномія человѣка, свѣтящаяся умомъ или добротою, бываетъ лишена выраженія: умное лицо и во время сна сохраняетъ выраженіе ума, доброе лицо сохраняетъ и во снѣ выраженіе доброты; а бѣглое разнообразіе выраженія на выразительномъ лицѣ придаетъ ему новую красоту.

Точно такъ же разнообразіе позъ придаетъ новую красоту живому существу. Очень часто бываетъ и то, что исчезновеніе прекрасной позы одно только и спасаетъ ея драгоцѣнность для насъ: „группа сражающихся воиновъ прекрасна; но чрезъ нѣсколько минутъ она уже разстроилась“—а что было бы, еслибы она не разстроилась, еслибы схватка атлетовъ продолжалась цѣлыя сутки? намъ наскучило бы смотрѣть, и мы отвернулись бы, какъ это впрочемъ бываетъ часто въ дѣйствительности. Чѣмъ обыкновенно кончается эстетическое впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго держитъ насъ полчаса или часъ неподвижная „вѣчно прекрасная“, „вѣчно неизмѣнная въ красотѣ своей“ картина?—тѣмъ, что мы уходимъ сами, недождавшись, пока насъ „оторветъ отъ наслажденія“ мракъ вечера.

V. „Прекрасное въ дѣйствительности прекрасно только потому, что мы смотримъ на него съ такой точки зрѣнія, съ которой оно кажется прекраснымъ“.—Напротивъ, гораздо чаще случается, что прекрасное прекрасно со всѣхъ точекъ зрѣнія; такъ, напр., прекрасный пейзажъ бываетъ большею частью хорошъ, откуда бы ни смотрѣли мы на него; конечно, онъ бываетъ въ высшей степени хорошъ только съ *одной* точки зрѣнія—но что же изъ этого? и на произведенія живописи надобно смотрѣть съ извѣстнаго мѣста, для того, чтобы они представлялись намъ во всей своей красотѣ. Это слѣдствіе законовъ перспективы, которые одинаково должны быть соблюдаемы при наслажденіи прекраснымъ въ дѣйствительности и прекраснымъ въ искусствѣ.

Вообще надобно, кажется, сказать, что всѣ разсмотрѣнные упрёки прекрасному въ дѣйствительности преувеличены, а нѣкоторые совершенно несправедливы; что нѣтъ изъ нихъ ни одного, который прилагался бы ко всѣмъ родамъ прекраснаго. Но нами не разсмотрѣны еще главнѣйшіе, существеннѣйшіе недостатки, открываемые господствующими эстетическими воззрѣніями въ прекрасномъ дѣйствительнаго міра. До сихъ поръ упрёки были обращены на то, что прекрасное въ дѣйствительности неудовлетворительно для человѣка; теперь слѣдуютъ прямые доказательства, что прекрасное въ дѣйствительности, собственно говоря, не можетъ и назваться прекраснымъ. Доказательствъ этихъ три. Пересмотримъ ихъ, начиная съ менѣе силенаго и менѣе общаго.

VI. „Прекрасное въ дѣйствительности или группа предметовъ (пейзажъ, группа людей), или одинъ предметъ въ отдѣльности. Вредная случайность всегда портитъ въ дѣйствительности группу, кажущуюся прекрасной, внося въ нее посторонніе, ненужные предметы, мѣшающіе красотѣ и единству цѣлаго; она портитъ и кажущійся прекраснымъ отдѣльный предметъ, портя нѣкоторыя его части: внимательное разсмотрѣніе покажетъ намъ всегда, что нѣкоторыя части дѣйствительнаго предмета, представляющагося прекраснымъ, вовсе не прекрасны“.—Здѣсь мы опять встречаемся съ мыслью, что красота есть совершенство. Но эта мысль только частное приложеніе общей мысли, что человѣкъ удовлетворяется вообще только математически совершеннымъ; нѣтъ, практическая жизнь человѣка убѣждаетъ насъ, что онъ ищетъ только приблизительнаго совершенства, которое, выражаясь строго, и не должно называться совершенствомъ. Человѣкъ ищетъ только *хорошаго*, а не совер-

шеннаго. Совершенства требуетъ только чистая математика; даже прикладная математика довольствуется приблизительными вычисленіями. Искать совершенства въ какой бы то ни было сферѣ жизни — дѣло отвлеченной, болѣзненной или праздной фантазіи. Мы хотимъ дышать чистымъ воздухомъ; но замѣчаемъ ли мы, что абсолютно чистъ воздухъ не бываетъ нигдѣ и никогда? Мы хотимъ пить чистую воду, но не абсолютно-чистую воду: совершенно чистая (дистиллированная) вода даже непріятна для вкуса. Эти примѣры слишкомъ матеріальны? Приведемъ другіе: развѣ кому приходила мысль называть неученымъ человѣка, которому не *все* извѣстно? Нѣтъ, мы не ищемъ человѣка, которому было бы извѣстно *все*; мы требуемъ отъ ученаго только того, чтобы ему было извѣстно все существенное и чтобы ему было извѣстно очень многое. Развѣ мы недовольны, напр., историческою книгою, въ которой не всѣ рѣшительно вопросы объяснены, не всѣ рѣшительно подробности приведены, не всѣ до одного взгляды и слова автора абсолютно справедливы? нѣтъ, мы довольны, и чрезвычайно довольны книгою, когда въ ней разрѣшены *главные* вопросы, приведены самонужнѣйшія подробности, когда *главныя* мнѣнія автора справедливы, и въ книгѣ его *очень мало* невѣрныхъ или неудачныхъ объясненій. (Ниже мы увидимъ, что въ сферѣ искусства мы также довольствуемся приблизительнымъ совершенствомъ). Послѣ этихъ замѣчаній можно сказать, не боясь сильнаго противорѣчія, что и въ области прекраснаго дѣйствительной жизни мы довольствуемся тѣмъ, когда находимъ очень хорошее, но не ищемъ совершенства математическаго, изъятаго отъ *всѣхъ* мелкихъ недостатковъ. Неужели кому-нибудь вздумается говорить, что пейзажъ не прекрасенъ, если на какомъ-нибудь мѣстѣ его растутъ три куста, а лучше было бы, еслибъ росло два или четыре? Вѣроятно никому еще изъ людей, любовавшихся моремъ, не приходило въ голову, что море могло бы быть лучше, нежели оно есть; а если математически строго смотрѣть на море, то въ немъ дѣйствительно есть недостатки, и первый недостатокъ—оно не плоская, а выпуклая поверхность. Правда, этого недостатка не видно, его открываетъ не глазъ, а вычисленіе; потому можно прибавить, что смѣшно и говорить объ этомъ недостаткѣ, котораго невозможно замѣтить, о которомъ можно только *знать*. Таковы большею частью недостатки прекраснаго въ дѣйствительности: ихъ не видно, они нечувствительны, они открываются только изслѣдованію, а не воззрѣнію. Не забудемъ же, что чувство прекраснаго имѣетъ дѣло съ воззрѣніемъ, а не съ наукою: что нечувствительно, то не существуетъ для эстетическаго чувства. Но въ самомъ ли дѣлѣ недостатки прекраснаго въ дѣйствительности большею частью нечувствительны для воззрѣнія? Въ этомъ убѣждаетъ насъ опытъ. Нѣтъ человѣка, одареннаго эстетическимъ чувствомъ, которому бы не встрѣчались въ дѣйствительности тысячи лицъ, явленій и предметовъ, казавшихся ему безукоризненно прекрасными. Но что же особенно важнаго, когда въ прекрасномъ предметѣ и замѣтны для воззрѣнія недостатки? Вѣрно они слишкомъ неважны, если, несмотря на нихъ, предметъ продолжаетъ казаться прекраснымъ—если они важны, предметъ будетъ уродливъ, а не прекрасенъ. А неважное не стоитъ того, чтобы и говорить о немъ. И дѣйствительно, эстетически здоровый человѣкъ не обращаетъ на

него вниманія. — Человѣку, не приготовленному спеціальнымъ изученіемъ новѣйшей эстетики, странно будетъ услышать второе доказательство, приводимое ею въ подтвержденіе того, что такъ называемое прекрасное въ дѣйствительности не можетъ быть прекрасно въ полномъ смыслѣ слова.

VII. „Дѣйствительный предметъ не можетъ быть прекрасенъ уже потому, что онъ живой предметъ, въ которомъ совершается дѣйствительный процессъ жизни со всею своею грубостью, со всѣми своими антиэстетическими подробностями“. — Едва ли можно себя представить высшую степень фантастическаго идеализма. Какъ, неужели живое лицо не прекрасно, а изображенное на портретѣ или снятое въ дагерротипъ прекрасно? и почему же? потому, что на живомъ лицѣ неизбѣжно бываютъ всегда матерьяльные слѣды процесса жизни; потому, что, если мы посмотримъ въ микроскопъ на живое лицо, то всегда увидимъ его покрытое испариною и т. п. Какъ, живое дерево не можетъ быть прекраснымъ, потому, что на немъ всегда гнѣздятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его листьями? Странное мнѣніе, которое даже не требуетъ опроверженія: какое же дѣло моему эстетическому воззрѣнію до того, чего оно не замѣчаетъ? можетъ ли производить какое-нибудь вліяніе на мое ощущеніе тотъ недостатокъ, котораго оно не чувствуетъ? Въ опроверженіе этого мнѣнія не нужно даже приводить истину, что странно искать такихъ людей, которые бы не пили, не ѣли, не имѣли надобности умываться и перемѣнять бѣлье. Распространяться о подобныхъ требованіяхъ совершенно бесполезно. Лучше рассмотримъ одну изъ тѣхъ идей, изъ которыхъ возникъ столь странный упрекъ прекрасному въ дѣйствительности, идею, составляющую одно изъ основныхъ воззрѣній господствующей эстетики. Вотъ эта мысль: „Прекрасное есть не самый предметъ, а чистая поверхность, чистая форма (die reine Oberfläche) предмета“. Неосновательность этого взгляда на прекрасное обнаружится, когда мы пересмотримъ источники, изъ которыхъ оно произошло. Прекрасное чаще всего мы видимъ глазами; а глаза въ очень многихъ случаяхъ видятъ только оболочку, абрисъ, наружность предмета, а не внутреннее его сложеніе. Изъ этого легко вывести заключеніе, что прекрасное есть поверхность предмета, а не самый предметъ. Но во-первыхъ, кромѣ прекраснаго для зрѣнія есть прекрасное для слуха (пѣніе и музыка), въ которомъ нельзя говорить ни о какой поверхности. Во-вторыхъ, не всегда и глазами видимъ мы только оболочку предмета: въ прозрачныхъ предметахъ мы видимъ *весь* предметъ, все его внутреннее сложеніе; водѣ и драгоценнымъ камнямъ именно прозрачность и сообщаетъ красоту. Наконецъ человѣческое тѣло, лучшая красота на землѣ, полупрозрачно, и мы въ человѣкѣ видимъ не одну только поверхность: сквозь кожу просвѣчиваетъ тѣло, и это просвѣчиваніе тѣла придастъ чрезвычайно много прелести человѣческой красотѣ. Въ-третьихъ, странно говорить, что и въ совершенно непрозрачныхъ тѣлахъ мы видимъ только поверхность, а не самый предметъ: воззрѣніе принадлежитъ не исключительно глазамъ; въ немъ всегда участвуетъ припоминающій и соображающій разумъ; соображеніе всегда наполняетъ матеріей пустую форму, представляющуюся глазу. Человѣкъ видитъ *движущійся* предметъ, хотя органъ его глаза самъ по себѣ не видитъ движенія; человѣкъ видитъ

отдаленность предмета, хотя самъ по себѣ глазъ не видитъ отдаленія; такъ точно человѣкъ видитъ матеріальный предметъ, когда глазъ его видитъ только поверхность предмета. Другое основаніе для мысли: „прекрасное есть чистая поверхность“ состоитъ въ предположеніи, что эстетическое наслажденіе несовмѣстимо съ матеріальнымъ интересомъ, принимаемымъ въ предметѣ. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ надобно понимать отношеніе матеріальной интересности для насъ предмета и эстетическаго наслажденія имъ, хотя это изслѣдованіе привело бы къ убѣжденію, что эстетическое наслажденіе отлично отъ матеріальнаго интереса или практическаго взгляда на предметъ, но не противоположно ему. Довольно будетъ указать на свидѣтельство опыта, что и дѣйствительный предметъ можетъ казаться прекраснымъ, не возбуждая матеріальнаго интереса: какая же своекорыстная мысль пробуждается въ насъ, когда мы любуемся звѣздами, моремъ, лѣсомъ (неужели при взглядѣ на дѣйствительный лѣсъ я необходимо долженъ думать, годится ли онъ мнѣ на постройку или отопленіе дома?),—какая своекорыстная мысль пробуждается въ насъ, когда мы заслушиваемся шелеста листьевъ, пѣсни соловья? Что касается человѣка, мы часто любимъ его безъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій, нисколько не думая о себѣ; тѣмъ скорѣе можетъ онъ эстетически нравиться намъ, не возбуждая матеріальнаго (stoffartig) раздумья о нашихъ отношеніяхъ къ нему. Наконецъ ближайшимъ образомъ мысль о томъ, что прекрасное есть чистая форма, вытекаетъ изъ понятія, что прекрасное есть чистый призракъ; а такое понятіе—необходимое слѣдствіе опредѣленія прекраснаго какъ полноты осуществленія идеи въ отдѣльномъ предметѣ, и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ опредѣленіемъ.

Послѣ длиннаго ряда упрековъ прекрасному въ дѣйствительности, становившихся все общѣе и сильнѣе, мы доходимъ теперь до послѣдней, самой сильной и самой общей причины, почему реальное прекрасное не можетъ быть считаемо дѣйствительно прекраснымъ.

VIII. „Отдѣльный предметъ не можетъ быть прекрасенъ уже потому, что онъ не абсолютенъ; а прекрасное есть абсолютное“. — Доказательство дѣйствительно неопровержимое въ кругу понятій философскихъ школъ, породившихъ его и принимающихъ мѣриломъ не только теоретической истины, но и дѣятельныхъ стремленій человѣка абсолютное. Но эти системы уже распались, уступивъ мѣсто другимъ, развившимся изъ нихъ по силѣ внутренняго діалектическаго процесса, но понимающимъ жизнь совершенно иначе. Ограничиваясь этимъ указаніемъ на философскую несостоятельность воззрѣнія, изъ котораго произошло подведеніе всѣхъ человѣческихъ стремленій подъ абсолютъ, станемъ для нашей критики на другую точку зрѣнія, болѣе близкую къ чисто эстетическимъ понятіямъ, и скажемъ, что вообще дѣятельность человѣка не стремится къ абсолютному, и ничего не знаетъ о немъ, имѣя въ виду чисто человѣческія цѣли. Въ этомъ совершенно сходны съ другими чувствами и дѣятельностями человѣка чувство и дѣятельность эстетическія. Въ дѣйствительности мы не встрѣчаемъ ничего абсолютнаго; потому не можемъ сказать по опыту, какое впечатлѣніе произвела бы на насъ абсолютная красота; но то мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, изъ опыта,

что *similis simili gaudet*, что поэтому намъ, существамъ индивидуальнымъ, не могущимъ перейти за границы нашей индивидуальности, очень нравится индивидуальность, очень нравится индивидуальная красота, не могущая перейти за границы своей индивидуальности. Послѣ этого дальнѣйшія опроверженія излишни. Надобно только прибавить, что мысль объ индивидуальности истинной красоты развита тою же системою эстетическихъ воззрѣній, которая поставляетъ мѣриломъ прекраснаго абсолютъ. Изъ мысли о томъ, что индивидуальность существеннѣйшій призывъ прекраснаго, само собою вытекаетъ положеніе, что мѣрило абсолютнаго чуждо области прекраснаго — выводъ противорѣчающій основному воззрѣнію этой системы на прекрасное. Источникъ подобныхъ противорѣчій, не всегда избѣгаемыхъ системою, о которой мы говоримъ, — смѣшеніе въ ней геніальныхъ выводовъ изъ опыта и столько же геніальныхъ, но страждущихъ внутреннею несостоятельностью попытокъ подчинить все ихъ апіористическому взгляду, который часто противорѣчитъ имъ.

Теперь просмотрѣны все упреки, болѣе или менѣе несправедливо дѣлаемые прекрасному въ дѣйствительности, и можно приступить къ рѣшенію вопроса о существенномъ значеніи искусства. По господствующимъ эстетическимъ понятіямъ, „искусство имѣетъ своимъ источникомъ стремленіе человѣка освободить прекрасное отъ недостатковъ (нами рассмотрѣнныхъ), мѣшающихъ прекрасному на степени своего реального существованія въ дѣйствительности быть вполне удовлетворительнымъ для человѣка. Прекрасное, создаваемое искусствомъ, свободно отъ недостатковъ прекраснаго въ дѣйствительности“. Посмотримъ же, до какой степени на самомъ дѣлѣ прекрасное, создаваемое искусствомъ, выше прекраснаго въ дѣйствительности по свободности своей отъ упрековъ, возводимыхъ на это послѣднее; послѣ того намъ легко будетъ рѣшить, вѣрно ли опредѣляется господствующимъ воззрѣніемъ происхожденіе искусства и его отношеніе къ живой дѣйствительности.

I. „Прекрасное въ природѣ не преднамѣренно“. — Прекрасное въ искусствѣ бываетъ преднамѣренно, это правда; но во всехъ ли случаяхъ и во всехъ ли подробностяхъ? Не будемъ говорить о томъ, часто ли, и въ какой степени художникъ и поэтъ ясно понимаютъ, что именно выразится въ ихъ произведеніи — безсознательность художническаго дѣйствованія давно уже стала общимъ мѣстомъ, о которомъ все толкуютъ; быть можетъ, нужнѣе нынѣ рѣзко выставить на видъ зависимость красоты произведенія отъ сознательныхъ стремленій художника, нежели распространяться о томъ, что произведенія истинно творческаго таланта имѣютъ всегда очень много непреднамѣренности, инстинктивности. Какъ бы то ни было, объ эти точки зрѣнія извѣстны, и бесполезно здѣсь останавливаться на нихъ. Но, можетъ, не излишне сказать, что и преднамѣренныя стремленія художника (особенно поэта) не всегда даютъ право сказать, что забота о прекрасномъ была истиннымъ источникомъ его художественныхъ произведеній; правда, поэтъ всегда старается „сдѣлать какъ можно лучше“; но это еще не значитъ, чтобы вся его воля и соображенія управлялись исключительно или даже преимущественно заботою о художественности и эстетическомъ достоинствѣ

произведенія: какъ у природы есть много стремленій, находящихся между собою въ борьбѣ и губящихъ или искажающихъ своею борьбою красоту; такъ и въ художникѣ, въ поэтѣ есть много стремленій, которыя своимъ вліяніемъ на его стремленіе къ прекрасному искажаютъ красоту его произведенія. Сюда, во-первыхъ, принадлежатъ различныя житейскія стремленія и потребности художника, не позволяющія ему быть только художникомъ и болѣе ничѣмъ; во-вторыхъ, его умственные и нравственные взгляды, также не позволяющіе ему думать при исполненіи исключительно только о красотѣ; въ-третьихъ, наконецъ, идея художественнаго созданія является у художника обыкновенно не вслѣдствіе одного только стремленія создать прекрасное: поэтъ, достойный своего имени, обыкновенно хочетъ въ своемъ произведеніи передать намъ свои мысли, свои взгляды, свои чувства, а не исключительно только созданную имъ красоту. Однимъ словомъ, если красота въ дѣйствительности развивается въ борьбѣ съ другими стремленіями природы, то и въ искусствѣ красота развивается также въ борьбѣ съ другими стремленіями и потребностями человѣка, ее создающаго; если въ дѣйствительности эта борьба портитъ или губитъ красоту, то едва ли меньше шансовъ, что она испортитъ или погубитъ ее въ произведеніи искусства; если въ дѣйствительности прекрасное развивается подъ вліяніями, ему чуждыми, недопускающими его быть только прекраснымъ, то и созданіе художника или поэта развивается подъ множествомъ различныхъ стремленій, результатъ которыхъ долженъ быть таковъ же. Правда, въ прекрасныхъ произведеніяхъ искусства находится болѣе преднамѣренности создать прекрасное, нежели въ прекрасныхъ произведеніяхъ другихъ дѣятельностей человѣка, и безспорно, что въ дѣятельности природы вовсе нѣтъ преднамѣренности; потому слѣдовало бы согласиться, что въ этомъ отношеніи искусство стояло бы выше природы, еслибы его преднамѣренность была свободна отъ недостатковъ, этъ которыхъ свободна природа. Но выигрывая преднамѣренностью съ одной стороны, искусство проигрываетъ тѣмъ же самымъ съ другой; дѣло въ томъ, что художникъ, задумывая прекрасное, очень часто задумываетъ вовсе не прекрасное: мало—хотѣтъ прекраснаго, надобно умѣть постигать его въ его истинной красотѣ — а какъ часто художники заблуждаются въ своихъ понятіяхъ о красотѣ! какъ часто обманываетъ ихъ даже художническій инстинктъ, не только рефлексивныя понятія, болышею частью одностороннія! Всѣ недостатки индивидуальности неразлучны въ искусствѣ съ преднамѣренностью.

II. „Прекрасное рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности“;—но развѣ чаще оно встрѣчается въ искусствѣ? Сколько ежедневно бываетъ истинно трагическихъ или драматическихъ событій! А много ли насчитывается истинно прекрасныхъ трагедій или драмъ? Во всѣхъ западныхъ литературахъ три-четыре десятка, въ русской—если не ошибаемся, кромѣ Бориса Годунова и Сценъ изъ рыцарскихъ временъ — ни одной, которая стояла бы выше посредственности. Сколько романовъ совершается въ дѣйствительности! А много ли насчитывается истинно прекрасныхъ романовъ? Можетъ быть, по нѣскольку десятковъ въ англійской и французской литературахъ, и пять-шесть въ русской. Что скорѣе можно встрѣтить: прекрасный пейзажъ въ

природѣ, или живописи?—Почему же такъ? Потому что великихъ поэтовъ и художниковъ очень мало, какъ и вообще мало гениальныхъ людей во всякомъ родѣ. Если рѣдко бываетъ въ дѣйствительности совершенно благопріятный случай для созданія прекраснаго или возвышеннаго, то еще рѣже благопріятный случай рожденія и безпрепятственнаго развитія великаго гения, потому что здѣсь нужно стеченіе гораздо большаго числа благопріятныхъ условий. Этотъ упрекъ противъ дѣйствительности еще съ большею силою падаетъ на искусство.

III. „Прекрасное въ природѣ мимолетно“;— въ искусствѣ оно часто бываетъ вѣчно, это правда; но не всегда, потому что и произведеніе искусства подвержено гибели и порчѣ отъ случая. Греческіе лирики погибли для насъ; погибли картины Апеллеса и статуи Лизиппа. Но не останавливаясь на этомъ, перейдемъ къ другимъ причинамъ невѣчности очень многихъ произведеній искусства, отъ которыхъ свободно прекрасное въ природѣ — это мода и обветшаніе матеріала. Природа не старѣетъ, вмѣсто увядшихъ произведеній своихъ она рождаетъ новыя; искусство лишено этой вѣчной способности воспроизведенія, возобновленія, а между тѣмъ время не безъ слѣда проходитъ и надъ его созданіями. Въ произведеніяхъ поэзіи скоро старѣетъ языкъ. Еще гораздо важнѣе то, что съ теченіемъ времени многое въ произведеніяхъ поэзіи дѣлается непонятнымъ для насъ (мысли и обороты, заимствованные отъ современныхъ обстоятельствъ, намеки на событія и лица); многое становится безцвѣтно и безвкусно; ученые комментаріи не могутъ сдѣлать всего въ нихъ столь же яснымъ и живымъ для потомковъ, какъ все было ясно для современниковъ; притомъ ученые комментаріи и эстетическое наслажденіе—противоположныя вещи; не говоримъ уже, что черезъ нихъ произведеніе поэзіи перестаетъ быть общедоступнымъ. Еще важнѣе то, что развитіе цивилизаціи, измѣненіе понятій иногда совлекаетъ всю красоту съ произведенія поэзіи, иногда превращаетъ его даже въ нѣчто непріятное или отвратительное. Примѣровъ не хотимъ указывать, кромѣ эклога Virgilія, скромнѣйшаго изъ римскихъ поэтовъ. Отъ поэзіи переходимъ къ другимъ искусствамъ. Произведенія музыки погибаютъ вмѣстѣ съ тѣми инструментами, для которыхъ были писаны. Вся древняя музыка погибла для насъ. Красота старыхъ музыкальных произведеній блѣднѣетъ съ усовершенствованіемъ оркестровки. Краски въ живописи очень скоро линяютъ и чернѣютъ; картины XVI—XVII вѣка уже давно потеряли свою первобытную красоту. Какъ ни сильно вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, не въ нихъ однакоже главная причина мимолетности произведеній искусства; она заключается во вліяніи на нихъ вкуса эпохи, почти всегда вліяніи моднаго настроенія, односторонняго и очень часто фальшиваго. Мода сдѣлала половину каждой драмы Шекспира негодною для эстетическаго наслажденія въ наше время; мода, отразившаяся на трагедіяхъ Расина и Корнеля, заставляетъ насъ не столько наслаждаться ими, сколько подсмѣиваться надъ ними. Ни въ живописи, ни въ музыкѣ, ни въ архитектурѣ не найдется почти ни одного произведенія, созданнаго за 100 или 150 лѣтъ, которое не казалось бы нынѣ или вялымъ, или смѣшнымъ, несмотря на всю силу

тенія, впечатлѣнную на немъ. И современное искусство черезъ пятьдесятъ лѣтъ будетъ часто вызывать улыбку.

IV. „Прекрасное въ дѣйствительности непостоянно въ своей красотѣ“. — Это правда; но прекрасное въ искусствѣ мертвенно-неподвижно въ своей красотѣ, это гораздо хуже. На живое лицо можно смотрѣть по нѣсколькимъ часамъ; картина надоедаетъ чрезъ четверть часа, и рѣдки примѣры дилеттантовъ, которые устояли бы часъ предъ картиною. Произведенія поэзіи живѣе, нежели произведенія живописи, архитектуры и ваянія; но и они пресыщаютъ насъ довольно скоро: конечно не найдется человѣка, который былъ бы въ состояніи перечитать романъ пять разъ сряду; между тѣмъ жизнь, живыя лица и дѣйствительныя событія увлекательны своимъ разнообразіемъ.

V. „Красота въ природу вносится только тѣмъ, что мы смотримъ на нее съ той, а не съ другой точки зрѣнія“ — мысль, почти никогда не бывающая справедливою; но къ произведеніямъ искусства она почти всегда прилагается. Всѣ произведенія искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизаціи непремѣнно требуютъ, чтобы мы перенеслись въ ту эпоху, въ ту цивилизацію, которая создала ихъ; иначе они покажутся намъ непонятными, странными, но не прекрасными. Если мы не перенесемся въ Древнюю Грецію, пѣсни Сафо и Анакреона покажутся намъ выраженіемъ антиэстетическаго наслажденія, чѣмъ-то похожимъ на тѣ произведенія нашего времени, которыхъ стыдится печать; если мы не перенесемся мыслію въ патриархальное общество, пѣсни Гомера будутъ оскорблять насъ цинизмомъ, грубымъ обжорствомъ, отсутствіемъ нравственнаго чувства. Но греческій міръ слишкомъ далекъ отъ насъ; возьмемъ ближайшую эпоху. Сколько у Шекспира, у итальянскихъ живописцевъ такого, что понимается и цѣнится только тогда, когда мы перенесемся въ прошедшее съ его понятіями о вещахъ! Представимъ примѣръ еще ближе къ нашему времени: „Фаустъ“ Гёте покажется страннымъ произведеніемъ человѣку, неспособному перенестись въ ту эпоху стремленій и сомнѣній, выраженіемъ которой служить „Фаустъ“.

VI. „Прекрасное въ дѣйствительности заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ частей или подробностей“. — А въ искусствѣ развѣ не то же самое, только въ гораздо большей степени? Укажите произведеніе искусства, въ которомъ нельзя было бы найти недостатковъ. Романы Вальтеръ-Скотта слишкомъ растянуты, романы Диккенса почти постоянно приторно-сентиментальны и очень часто растянуты, романы Теккерея иногда (или, лучше сказать, очень часто) надоедаютъ своею постоянною претензіею на иронически-злое простодушіе. Но гении новѣйшіе рѣдко являются путеводителями въ эстетикѣ; она преимущественно любитъ Гомера, греческихъ трагиковъ и Шекспира. Гомеровы поэмы безсвязны; Эсхиль и Софокль слишкомъ суровы и сухи, у Эсхила кромѣ того недостаетъ драматизма; Эврипидъ плаксивъ; Шекспиръ риториченъ и напыщенъ; художественное построеніе драмы его было бы вполне хорошо, еслибъ ихъ нѣсколько передѣлать, какъ и предлагаетъ Гёте. Перейдемъ къ живописи, и должны будемъ признаться въ томъ же самомъ: противъ одного Рафаэля рѣдко возвышаются голоса; во всѣхъ остальныхъ живописцахъ давно открыто множество слабыхъ сто-

ронъ. Но самого Рафаэля упрекають въ незнаніи анатоміи. О музыкѣ нечего и говорить: Бетховенъ слишкомъ непонятенъ и часто дикъ; у Моцарта слаба оркестровка; у новыхъ композиторовъ слишкомъ много шума и трескотни. Безукоризненная опера, по мнѣнію знатоковъ, одна — Донъ-Жуанъ: незнайки находятъ его скучнымъ. Если совершенства нѣтъ въ природѣ и въ живомъ человѣкѣ, то еще меньше можно найти его въ искусствѣ и въ дѣлахъ человѣка: „въ слѣдствіи не можетъ быть того, чего нѣтъ въ причинѣ, въ человѣкѣ“. Широкое, непредѣльное поле открывается тому, кто захочетъ доказывать слабость всѣхъ вообще произведеній искусства. Само собою разумѣется, что подобное предпріятіе могло бы свидѣтельствовать о ѣдкости ума, но не о безпристрастіи: достоинъ сожалѣнія человѣкъ не преклоняющійся предъ великими произведеніями искусства; но простительно, когда принуждаютъ преувеличенныя похвалы, напоминать, что если на солнцѣ есть пятна, то въ „земныхъ дѣлахъ“ человѣка ихъ не можетъ не быть.

VII. „Живой предметъ не можетъ быть прекрасенъ уже и потому, что въ немъ совершается тяжелый, грубый процессъ жизни“. — Произведеніе искусства — мертвый предметъ; поэтому кажется, что оно должно быть изъято изъ этого упрека. И однакоже такое заключеніе поверхностно. Факты противорѣчатъ ему. Произведеніе искусства — созданіе жизненнаго процесса, созданіе живого человѣка, который произвелъ дѣло не безъ тяжелой борьбы, и на произведеніи отражается тяжелый, грубый слѣдъ борьбы производства. Развѣ много такихъ поэтовъ и художниковъ, которые работаютъ шутя, какъ шутя, безъ поправокъ, писалъ, говорятъ, свои драмы Шекспиръ? А если произведеніе создано не безъ тяжелаго труда, на немъ будутъ „пятна масляной лампы“, при свѣтѣ которой работалъ художникъ. Тяжеловатость можно найти во всѣхъ почти произведеніяхъ искусства, какъ бы легки ни казались они съ перваго взгляда. А если они въ самомъ дѣлѣ созданы безъ большого, тяжелаго труда, то они будутъ страдать грубостью отдѣлки. Итакъ, одно изъ двухъ: или грубость, или тяжелая отдѣлка — вотъ Сцилла и Харибда для произведеній искусства.

Я не хочу сказать, что всѣ недостатки, выставляемые этимъ анализомъ, всегда до грубости рѣзко отпечатываются на произведеніяхъ искусства. Я хочу только показать, что щепетильной критики, которую направляютъ на прекрасное въ дѣйствительности, никакъ не можетъ выдержать прекрасное, создаваемое искусствомъ.

Изъ обзора, нами сдѣланнаго, видно, что еслибъ искусство вытекало отъ недовольства нашего духа недостатками прекраснаго въ живой дѣйствительности и отъ стремленія создать нѣчто лучшее, то вся эстетическая дѣятельность человѣка оказалась бы напрасна, бесплодна, и человѣкъ скоро отказался бы отъ нея, видя, что искусство не удовлетворяетъ его намѣреніямъ. Вообще говоря, произведенія искусства страдаютъ всѣми недостатками, какіе могутъ быть найдены въ прекрасномъ живой дѣйствительности; но если искусство вообще не имѣетъ никакихъ правъ на предпочтеніе природѣ и жизни, то, быть можетъ, нѣкоторые искусства въ частности обладаютъ какими-нибудь особенными преимуществами, ставящими ихъ произведенія выше соотвѣствующихъ явленій живой дѣйствительности? Быть можетъ даже,

то или другое искусство производить нѣчто не имѣющее себѣ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ? Эти вопросы еще не рѣшаются нашею критикою, и мы должны прослѣдить частные случаи, чтобы видѣть, каково отношеніе прекраснаго въ опредѣленныхъ искусствахъ къ прекрасному въ дѣйствительности, производимой природою независимо отъ стремленія человѣка къ прекрасному. Только этотъ обзоръ дастъ намъ положительный отвѣтъ на то, можетъ ли происхожденіе искусства быть объясняемо неудовлетворительностью живой дѣйствительности въ эстетическомъ отношеніи.

Рядъ искусствъ начинаютъ обыкновенно съ архитектуры, изъ всѣхъ многоразличныхъ дѣятельностей человѣка для осуществленія болѣе или менѣе практическихъ цѣлей уступая одной строительной дѣятельности право возвышаться до искусства. Но несправедливо такъ ограничивать поле искусства, если подъ „произведеніями искусства“ понимаются „предметы, производимые человѣкомъ подъ преобладающимъ вліяніемъ его стремленія къ прекрасному“: есть такая степень развитія эстетическаго чувства въ народѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ кругу высшаго общества, когда подъ преобладающимъ вліяніемъ этого стремленія замышляются и исполняются почти всѣ предметы человѣческой производительности: вещи, нужныя для удобства домашней жизни (мебель, посуда, убранство дома), платье, сады и т. п. Этрусскія вазы и галантерейныя вещи древнихъ всѣми признаны за „произведенія искусства“; ихъ относятъ къ отдѣлу „скульптуры“, конечно не совсѣмъ справедливо; но неужели къ архитектурѣ должны мы будемъ причислять мебельное искусство? къ какому отдѣлу отнесены будутъ нами цвѣтники и сады, въ которыхъ первоначальное назначеніе — служить мѣстомъ прогулки или отдыха — совершенно подчиняется назначенію быть предметами эстетическаго наслажденія? въ нѣкоторыхъ эстетикахъ садоводство называется отраслью архитектуры, но это явная натяжка. Называя искусствомъ всякую дѣятельность, производящую предметы подъ преобладающимъ вліяніемъ эстетическаго чувства, должно будетъ значительно расширить кругъ искусствъ; потому что нельзя не признать существеннаго тождества архитектуры, мебельнаго и моднаго искусства, садоводства, лѣпнаго искусства и т. д. Намъ скажутъ: „архитектура создаетъ новое, не существовавшее въ природѣ, она совершенно передѣлываетъ свой матеріалъ; другія отрасли человѣческой производительности оставляютъ свой матеріалъ въ его первобытной формѣ“ нѣтъ, есть много отраслей человѣческой дѣятельности, не уступающихъ архитектурѣ и въ этомъ отношеніи. Въ примѣръ представимъ цвѣтоводство: полевые цвѣты нисколько не похожи на роскошныя махровые цвѣты, обязанные своимъ происхожденіемъ цвѣтоводству. Чтѣ общаго между дикимъ лѣсомъ и искусственнымъ садомъ или паркомъ? Какъ архитектура обтесываетъ камни, такъ садоводство очищаетъ, выпрямляетъ деревья, придаетъ каждому дереву совершенно не тотъ видъ, какой имѣетъ оно въ дѣйствительномъ лѣсу; какъ архитектура соединяетъ камни въ правильныя группы, такъ садоводство соединяетъ въ паркѣ деревья въ правильныя группы. Однимъ словомъ, цвѣтоводство или садоводство передѣлываютъ, обрабатываютъ „грубый матеріалъ“ не менѣе, нежели архитектура. То же самое надобно сказать и о промышленности, создающей подъ пре-

обладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному, напимѣръ, ткани, которыми природа не представляетъ ничего подобнаго, и въ которыхъ первоначальный матеріалъ еще менѣе остался неизмѣннымъ, нежели камень въ архитектурѣ. „Но архитектура, какъ искусство, гораздо болѣе, нежели другія отрасли практической дѣятельности, подчиняется исключительнымъ требованіямъ эстетическаго чувства, совершенно отказываясь отъ стремленія удовлетворять житейскимъ цѣлямъ“; — но какой житейской цѣли удовлетворяютъ цвѣты, искусственные парки? и развѣ Парѣнонъ или Альгамбра не имѣли практическаго назначенія? Гораздо въ меньшей степени, нежели архитектура, подчиняются практическимъ соображеніямъ садоводство, мебельное, ювелирное и модное искусства, которымъ однакоже не посвящается особенной главы въ курсахъ эстетики. Мы видимъ причину того, что изъ всѣхъ практическихъ дѣятельностей одна строительная обыкновенно удостоивается имени изящнаго искусства, не въ существѣ ея, а въ томъ, что другія отрасли дѣятельности, возвышающіяся до степени искусства, забываются по „маловажности“ своихъ произведеній, между тѣмъ какъ произведенія архитектуры не могутъ быть упущены изъ виду по своей важности, дороговизнѣ и наконецъ просто по своей массивности, бросающейся въ глаза прежде всего и больше всего остального. производимаго человѣкомъ. Всѣ отрасли промышленности, всѣ ремесла, имѣющія цѣлью удовлетворять „вкусу“ или эстетическому чувству, мы признаемъ „искусствами“ въ такой же степени, какъ архитектуру, когда ихъ произведенія замышляются и исполняются подѣ преобладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному и когда другія цѣли (который всегда имѣетъ и архитектура) подчиняются этой главной цѣли. Совершенно другой вопросъ о томъ, до какой степени достойны уваженія произведенія практической дѣятельности, задуманныя и исполненные подѣ преобладающимъ стремленіемъ произвести не столько что-нибудь дѣйствительно нужное или полезное, сколько произвести что-нибудь прекрасное. Какъ рѣшить этотъ вопросъ, не входитъ въ сферу нашего разсужденія; но какъ рѣшенъ будетъ онъ, точно такъ же долженъ быть рѣшенъ вопросъ и о степени уваженія, которой заслуживаютъ созданія архитектуры въ значеніи чистаго искусства, а не практической дѣятельности. Какими глазами смотритъ мыслитель на кашмирскую шаль, стоящую 10,000 франковъ, на столовые часы, стоящіе 10,000 франковъ, такими же глазами долженъ смотрѣть онъ и на изящный кіоскъ, стоящій 10,000 франковъ. Быть можетъ, онъ скажетъ, что всѣ эти вещи — произведенія не столько искусства, сколько роскоши; быть можетъ, онъ скажетъ, что истинное искусство чуждается роскоши, потому что существеннѣйшій характеръ прекраснаго — простота. Каково же отношеніе этихъ произведеній фривольнаго искусства къ безыскусственной дѣйствительности? Вопросъ рѣшается тѣмъ, что во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ дѣло идетъ о произведеніяхъ практической дѣятельности человѣка, которая, уклонившись въ нихъ отъ своего истиннаго назначенія — производить нужное или полезное, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свой существенный характеръ — производить нѣчто такое, чего не производитъ природа. Потому не можетъ быть и вопроса, какъ въ этихъ случаяхъ относится красота произведеній искусства къ красотѣ

произведеній природы: въ природѣ нѣтъ предметовъ, съ которыми было бы можно сравнивать ножи, вилки, сукно, часы; точно такъ же въ ней нѣтъ предметовъ, съ которыми было бы можно сравнивать дома, мосты, колонны и т. п.

Итакъ, если даже причислять къ области изящныхъ искусствъ всѣ произведенія, создаваемыя подъ преобладающимъ вліяніемъ стремленія къ прекрасному, то надобно будетъ сказать, что произведенія архитектуры или сохраняютъ свой практическій характеръ, и въ такомъ случаѣ не имѣютъ права быть разсматриваемы какъ произведенія искусства; или на самомъ дѣлѣ становятся произведеніями искусства, но искусство имѣетъ столько же права гордиться ими, какъ произведеніями ювелирнаго мастерства. По нашему понятію о сущности искусства, стремленіе къ произведенію прекраснаго въ смыслѣ граціознаго, изящнаго, красиваго не есть еще искусство; для искусства, какъ увидимъ, нужно больше; потому произведеній архитектуры ни въ какомъ случаѣ мы не рѣшимся назвать произведеніями искусства. Архитектура—одна изъ практическихъ дѣятельностей человѣка, которая всѣмъ не чужды стремленія къ красивости формы, и отличается въ этомъ отношеніи отъ мебельнаго мастерства не существеннымъ характеромъ, а только размѣромъ своихъ произведеній.

Общій недостатокъ произведеній скульптуры и живописи, по которому они стоятъ ниже произведеній природы и жизни — ихъ мертвенность, неподвижность; въ этомъ всѣ признаются, и потому было бы излишне распространяться относительно этого пункта. Посмотримъ же лучше на мнимыя преимущества этихъ искусствъ надъ природою.

Скульптура изображаетъ формы человѣческаго тѣла; все остальное въ ней аксессуаръ; потому и будемъ говорить о томъ только, какъ она изображаетъ человѣческую фигуру. Обратилось въ какую-то аксіому, что красота очертаній Венеры Медицейской или Милосской, Аполлона Бельведерскаго и т. д. гораздо выше, нежели красота живыхъ людей. Въ Петербургѣ нѣтъ ни Венеры Медицейской, ни Аполлона Бельведерскаго; но есть произведенія Кановы; потому мы, жители Петербурга, можемъ имѣть смѣлость судить до нѣкоторой степени о красотѣ произведеній скульптуры. Мы должны сказать, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертаній лица не была бы гораздо ниже безчисленнаго множества живыхъ людей и что надобно только пройти по какой-нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ. Въ этомъ согласится большая часть тѣхъ, которые привыкли судить самостоятельно. Но этого собственнаго впечатлѣнія не будемъ однако считать доказательствомъ. Есть другое, гораздо болѣе твердое. Математически строго можно доказать, что произведеніе искусства не можетъ сравниться съ живымъ человѣческимъ лицомъ по красотѣ очертаній: извѣстно, что въ искусствѣ исполненіе всегда неизмѣримо ниже того идеала, который существуетъ въ воображеніи художника. А самый этотъ идеалъ никакъ не можетъ быть по красотѣ выше тѣхъ живыхъ людей, которыхъ имѣлъ случай видѣть художникъ. Силы „творческой фантазіи“ очень ограничены: она можетъ только комбинировать впечатлѣнія, полученныя изъ опыта; воображеніе лишь разнообразить и

экстенсивно увеличивает предмет но интенсивнѣе того, что мы наблюдали или испытали, мы ничего не можемъ вообразить. Я могу представить себѣ солнце гораздо больше величиной, нежели каково оно въ дѣйствительности; но ярче того, какъ оно являлось мнѣ въ дѣйствительности, я не могу его вообразить. Точно также я могу представить себѣ человѣка выше ростомъ, толще и т. д., нежели тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; но лица прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительности, я не могу себѣ вообразить. Это выше силъ человѣческой фантазіи. Одно могъ бы сдѣлать художникъ: соединить въ своемъ идеалѣ лобъ одной красавицы, носъ другой, ротъ и подбородокъ третьей; не споримъ, что это иногда и дѣлають художники; но сомнительно: во-первыхъ, нужно ли это; во-вторыхъ, въ состояніи ли воображеніе соединить эти части, когда онѣ дѣйствительно принадлежать разнымъ лицамъ? Нужно это было бы только тогда, когда бы художнику попадались все такія лица, въ которыхъ одна часть была бы хороша, а другія дурны. Но обыкновенно въ лицѣ всѣ части почти одинаково хороши или почти одинаково дурны, такъ что художникъ, будучи доволенъ, напр., лбомъ, долженъ почти въ такой же степени остаться доволенъ и очертаніемъ носа и рта. Обыкновенно, если лицо не изуродовано, то всѣ части его бываютъ въ такой гармоніи между собою, что нарушать ее значило бы портить красоту лица. Этому учить насъ сравнительная анатомія. Правда, очень часто случается слышать: „какъ хорошо было бы это лицо, еслибы носъ былъ нѣсколько приподнятъ кверху, губы нѣсколько потоньше“ и т. п.—нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что иногда при красотѣ всѣхъ остальныхъ частей лица одна часть его бываетъ некрасива, мы думаемъ, что обыкновенно или, лучше сказать, почти всегда, подобное недовольство проистекаетъ или отъ неспособности понимать гармонію, или отъ прихотливости, которая граничитъ съ отсутствіемъ истинной, сильной способности и потребности наслаждаться прекраснымъ. Части человеческого тѣла, какъ и всякаго живого организма, постоянно возрождающагося подъ вліяніемъ своего единства, находятся между собою въ тѣснѣйшей связи, такъ что форма одного члена зависитъ отъ формъ всѣхъ остальныхъ, и въ свою очередь онѣ зависятъ отъ нея. Тѣмъ болѣе надобно это сказать о различныхъ частяхъ одного органа, о различныхъ частяхъ лица. Взаимная зависимость очертаній доказывается, какъ мы говорили, наукою, но и безъ помощи науки очевидна для всякаго, одареннаго чувствомъ гармоніи. Человѣческое тѣло—одно цѣлое; его нельзя разрывать на части и говорить: эта часть прекрасна, эта некрасива. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, подбораніе, мозаичность, эклектизмъ ведетъ къ несообразностямъ: принимайте все, или не принимайте ничего—только тогда вы будете правы, по крайней мѣрѣ съ своей точки зрѣнія. Только въ уродяхъ, въ этихъ эклектическихъ существахъ, умѣстна мѣрка эклектизма. А оригиналами при изваяніи „великихъ произведеній скульптуры“, конечно, служили не они. Если бы художникъ взялъ для своего изваянія лобъ съ одного лица, носъ съ другого, ротъ съ третьяго, онъ доказалъ бы этимъ только одно: собственное безвкусіе или, по крайней мѣрѣ, неумѣнье отыскать дѣйствительно прекрасное лицо для своей модели. На основаніи всѣхъ приве-

денныхъ соображеній мы думаемъ, что красота статуи не можетъ быть выше красоты живого индивидуальнаго человѣка; потому что снимокъ не можетъ быть прекраснѣе оригинала. Правда, не всегда статуя бываетъ вѣрнымъ снимкомъ съ натурщика; иногда „художникъ воплощаетъ въ своей статуѣ свой идеалъ“,—но какимъ образомъ составляется идеалъ художника, не похожій на его модель, мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи. Мы не забываемъ и того, что, кромѣ очертаній, въ произведеніи скульптуры есть еще группировка и выраженіе; но оба эти элемента красоты гораздо полнѣе, нежели въ статуѣ, мы встрѣчаемъ въ картинѣ; потому и анализируемъ ихъ, говоря о живописи, къ которой переходимъ. Живопись съ нашей настоящей точки зрѣнія мы должны раздѣлить на изображеніе отдѣльныхъ фигуръ и группъ, живопись, изображающую внѣшній міръ и живопись, изображающую фигуры и группы среди ландшафта или, выражаясь общѣе, среди обстановки.

Что касается до очертаній отдѣльной человѣческой фигуры, надобно сказать, что живопись уступаетъ въ этомъ отношеніи не только природѣ, но и скульптурѣ: она не можетъ очерчивать такъ полно и опредѣленно; зато, располагаясь красками, она изображаетъ человѣка гораздо ближе къ живой природѣ и можетъ придавать его лицу гораздо болѣе выразительности, нежели скульптура. Не знаемъ, до какой степени совершенства дойдетъ современемъ составленіе красокъ; но при настоящемъ положеніи этой стороны техники, живопись не можетъ хорошо передавать цвѣтъ человѣческаго тѣла вообще, и особенно цвѣтъ лица. Краски ея въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла и лица—грубое, жалкое подражаніе; вмѣсто нѣжнаго тѣла она рисуетъ что-то зеленоватое или красноватое; и, говоря безотносительно, не принимая въ соображеніе, что и для этого зеленоватого или красноватого изображенія нужно имѣть необыкновенное „умѣнье“, мы должны будемъ признаться, что живое тѣло не можетъ быть удовлетворительно передано мертвыми красками. Одинъ только изъ оттѣнковъ его передаетъ живопись довольно хорошо—потерявшій жизненность, сухой цвѣтъ стариковскаго или загрубѣлаго лица. Покрѣпы оспѣнными ямочками или болѣзненныя лица также выходятъ на картинахъ несравненно удовлетворительнѣе, нежели свѣжія, молодыя. Наилучшее передается живописью наименѣе удовлетворительно, наихудшее—наиболѣе удовлетворительно. То же самое надобно сказать и о выраженіи лица. Лучшее другихъ оттѣнковъ жизни удастся живописи изображать судорожныя искаженія лица при разрушительно-сильныхъ аффектахъ, напр., выраженіе гнѣва, ужаса, свирѣлости, буйнаго разгула, физической боли или нравственнаго страданія, переходящаго въ физическое; потому что въ этихъ случаяхъ съ чертами лица происходятъ рѣзкія измѣненія, которыя достаточно могутъ быть изображены довольно грубыми взмахами кисти, и мелочная невѣрность или неудовлетворительность подробностей исчезаетъ среди крупныхъ штриховъ: самый грубый намекъ здѣсь понятенъ для зрителя. Удовлетворительнѣе другихъ оттѣнковъ выраженія передается также сумасшествіе, тупоуміе или отсутствіе мысли; потому что здѣсь почти нечего передавать или надобно передать дисгармонію—дисгармонія не портится, а развивается несовершенствомъ исполненія. Но всѣ

остальные видоизмѣненія фізіогноміи передаются живописью чрезвычайно неудовлетворительно, потому что никогда не можетъ она достигъ нѣжности штриховъ, гармоничности всѣхъ мельчайшихъ видоизмѣненій въ мускулахъ, отъ которыхъ зависитъ выраженіе нѣжной радости, тихой задумчивости, легкой веселости и т. д. Руки человѣческія грубы и въ состояніи удовлетворительно сдѣлать только то, для чего не требуется слишкомъ удовлетворительной отдѣлки; „топорная работа“ — вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природою. Впрочемъ живопись (и скульптура) еще больше, нежели очертаніями или выраженіемъ своихъ фигуръ, гордится предъ природою группировкою. Но *эта* гордость еще менѣе понятна. Правда, искусству иногда удается безукоризненно сгруппировать фигуры, но напрасно будетъ оно превозноситься своею чрезвычайно рѣдкою удачею; потому что въ дѣйствительности *никогда* не бываетъ въ этомъ отношеніи неудачи: въ каждой группѣ живыхъ людей всѣ держатъ себя совершенно сообразно: 1) сущности сцены, происходящей между ними, 2) сущности собственнаго своего характера и 3) условіямъ обстановки. Все это само собою всегда соблюдается въ дѣйствительной жизни и съ чрезвычайнымъ трудомъ достигаетъ этого искусство. „Всегда и само собою“ въ природѣ, „очень рѣдко и съ величайшимъ напряженіемъ силъ“ въ искусствѣ — вотъ фактъ, почти во всѣхъ отношеніяхъ характеризующій природу и искусство.

Переходимъ къ живописи, изображающей природу. Очертанія предметовъ, опять, никакъ не могутъ быть не только нарисованы рукою, но и представлены воображеніемъ лучше, нежели встрѣчаются въ дѣйствительности; причину объясняли мы выше. Лучше дѣйствительной розы воображеніе не можетъ ничего представить; а исполненіе всегда ниже воображаемаго идеала. Цвѣта нѣкоторыхъ предметовъ удаются живописи очень хорошо; но есть много предметовъ, колоритъ которыхъ она не можетъ передать. Вообще лучше удаются темные цвѣта и грубые, жесткіе оттѣнки; свѣтлые хуже; колоритъ предметовъ, освѣщенныхъ солнцемъ, хуже всего; такъ же неудачны выходятъ оттѣнки голубого полуденнаго неба, розовые и золотистые оттѣнки утра и вечера. — „Но именно побѣжденіемъ этихъ трудностей прославились великіе художники“ — т.-е. тѣмъ, что побѣждали ихъ гораздо лучше, нежели другіе живописцы. Мы не говоримъ объ относительномъ достоинствѣ произведеній живописи, а сравниваемъ лучшія изъ нихъ съ природою. Насколько лучшія изъ нихъ лучше другихъ, настолько же уступаютъ природѣ. — „Но живопись лучше можетъ сгруппировать пейзажъ?“ — Сомнѣваемся; по крайней мѣрѣ въ природѣ на каждомъ шагу встрѣчаются картины, къ которымъ нечего прибавить, изъ которыхъ нечего выбросить. Не такъ говорятъ очень многіе люди, посвятившіе свою жизнь изученію искусства и опустившіе изъ виду природу. Но простое естественное чувство каждаго человѣка, не вовлеченнаго въ пристрастіе художническою или дилеттантскою односторонностію, будетъ согласно съ нами, когда мы скажемъ, что въ природѣ очень много такихъ мѣстоположеній, такихъ зрѣлищъ, которыми можно только восхищаться, и въ которыхъ нечего осудить. Войдите въ порядочный лѣсъ — не говоримъ о лѣсахъ экваторіальной Америки, го-

воримъ о тѣхъ лѣсахъ, которые уже пострадали отъ руки человѣка, о нашихъ европейскихъ лѣсахъ—чего недостаетъ этому лѣсу? Кому изъ видѣвшихъ порядочный лѣсъ приходило въ голову, что въ этомъ лѣсу надобно что-нибудь измѣнить, что-нибудь дополнить для полноты эстетическаго наслажденія имъ?—Проѣзжайте двѣсти, триста верстъ по дорогѣ—не говоримъ въ Италіи, или въ Швейцаріи и сосѣднихъ съ нею частяхъ Германіи,—нѣтъ, въ средней Россіи, которая, говорятъ, бѣдна видами—сколько вамъ встрѣтится на этомъ небольшомъ переѣздѣ такихъ мѣстностей, которыя восхитятъ васъ, любясь на которыя вы не подумаете о томъ, что „еслибы тутъ вотъ это прибавить, тутъ вотъ это убавить, пейзажъ былъ бы лучше“. Человѣкъ съ неиспорченнымъ эстетическимъ чувствомъ наслаждается природою вполне, не находитъ недостатковъ въ ея красотѣ. Мнѣніе, будто бы рисованный пейзажъ можетъ быть величественнѣе, граціознѣе или въ какомъ бы то ни было отношеніи лучше дѣйствительной природы, отчасти обязано своимъ происхожденіемъ предразсудку, надъ которымъ самодовольно подсмѣиваются въ наше время даже тѣ, которые въ сущности еще не отдѣлились отъ него,—предразсудку, что природа груба, низка, грязна, что надобно очищать и украшать ее для того, чтобъ она облагородилась. Это принципъ подстриженныхъ садовъ. Другой источникъ мнѣнія о превосходствѣ рисованныхъ пейзажей надъ дѣйствительными анализируемъ ниже, когда будемъ разсматривать вопросъ, въ чемъ именно состоитъ наслажденіе, доставляемое намъ произведеніями искусства.

Остается взглянуть на отношеніе къ природѣ третьяго рода картинъ—тѣхъ, на которыхъ изображается группа людей среди пейзажа. Мы видѣли, что группы и пейзажи, изображаемые живописью, по идеи никакъ не могутъ быть выше того, что представляетъ намъ дѣйствительность, а по исполненію всегда неизмѣримо ниже дѣйствительности. Но то справедливо, что на картинѣ группа можетъ быть поставлена въ обстановкѣ болѣе эффектной и даже болѣе приличной сущности ея, нежели обыкновенная дѣйствительная обстановка (радостныя сцены часто происходятъ среди довольно тусклой или даже грустной обстановки; потрясающія, величественныя сцены часто, и даже болѣею частію—среди обстановки вовсе не величественной; и наоборотъ, очень часто пейзажъ не наполненъ группами, характеръ которыхъ былъ бы приличенъ его характеру). Искусство очень легко восполняетъ эту неполноту, и мы готовы сказать, что оно имѣетъ въ этомъ случаѣ преимущество предъ дѣйствительностью. Но, признавая это преимущество, мы должны разсмотрѣть, во-первыхъ, до какой степени оно важно, во-вторыхъ, всегда ли оно бываетъ истиннымъ преимуществомъ.—Картина изображаетъ пейзажъ и группу людей среди этого пейзажа. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ или пейзажъ есть только рамка для группы, или группа людей только второстепенный аксессуаръ, а главное въ картинѣ—пейзажъ. Въ первомъ случаѣ преимущество искусства надъ дѣйствительностью ограничивается тѣмъ, что оно сыскало для картины золоченую рамку вмѣсто простой; во второмъ искусство прибавило, можетъ быть прекрасный, но второстепенный аксессуаръ—выигрышъ также не слишкомъ великъ. Но дѣйствительно ли внутреннее значеніе картины возвышается, когда

живописцы стараются дать группѣ людей обстановку, соответствующую характеру группы? Это сомнительно въ большей части случаевъ. Не будетъ ли слишкомъ однообразно всегда освѣщать сцены счастливой любви лучами радостнаго солнца и помѣщать среди смѣющейся зелени луговъ, и притомъ еще весною, когда „вся природа дышетъ любовью“, а сцены преступленій освѣщать молніею и помѣщать среди дикихъ скалъ? И кромѣ того, не будетъ ли не совѣмъ гармонирующая съ характеромъ сцены обстановка, какова обыкновенно бываетъ она въ дѣйствительности, своею дисгармоніею возвышать впечатлѣніе, производимое самою сценою? И не имѣетъ ли почти всегда обстановка вліянія на характеръ сцены, не придаетъ ли она ей новыхъ оттѣнковъ, не придаетъ ли она ей чрезъ то больше свѣжести и больше жизни?

Окончательный выводъ изъ этихъ сужденій о скульптурѣ и живописи: мы видимъ, что произведенія того и другого искусства по многимъ и существеннѣйшимъ элементамъ (по красотѣ очертаній, по абсолютному совершенству исполненія, по выразительности и т. д.) неизмѣримо ниже природы и жизни; но, кромѣ одного маловажнаго преимущества живописи, о которомъ сейчасъ говорили, рѣшительно не видимъ, въ чемъ произведенія скульптуры или живописи стояли бы выше природы и дѣйствительной жизни. Теперь намъ остается говорить о музыкѣ и поэзіи—высшихъ, совершеннѣйшихъ искусствахъ, предъ которыми, какъ говоритъ господствующая эстетическая теорія, утрирующая въ этомъ случаѣ мысль, въ умѣренной формѣ справедливую, исчезаютъ и живопись, и скульптура. Но прежде мы должны обратить вниманіе на вопросъ: въ какомъ отношеніи находится инструментальная музыка къ вокальной, и въ какихъ случаяхъ вокальная музыка можетъ назваться искусствомъ?

Искусство есть дѣятельность, посредствомъ которой осуществляетъ человѣкъ свое стремленіе къ прекрасному—таково обыкновенное опредѣленіе искусства; мы не согласны съ нимъ; но пока не высказана наша критика, еще не имѣемъ права отступать отъ него, и подстановивъ въ послѣдствіи вмѣсто употребляемаго нами здѣсь опредѣленія то, которое кажется намъ справедливымъ, мы не измѣнимъ чрезъ это нашихъ выводовъ относительно вопроса: всегда ли пѣніе есть искусство, и въ какихъ случаяхъ становится оно искусствомъ?—Какова первая потребность, подъ вліяніемъ которой человѣкъ начинаетъ пѣть? участвуетъ ли въ ней насколько-нибудь стремленіе къ прекрасному? Намъ кажется, что это потребность, совершенно отличная отъ заботы о прекрасномъ. Человѣкъ спокойный можетъ быть замкнутъ въ себѣ, можетъ молчать. Человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ чувства радости или печали, дѣлается сообщителемъ; этого мало: онъ не можетъ не выражать во внѣшности своего чувства: „чувство просится наружу“. Какимъ же образомъ выступаетъ оно во внѣшній міръ? Различно, смотря потому, каковъ его характеръ. Внезапныя и потрясающія ощущенія выражаются крикомъ или восклицаніями; чувства непріятныя, переходящія въ физическую боль, выражаются разными гримасами и движеніями; чувство сильнаго недовольства также—беспокойными, разрушительными движеніями; наконецъ, чувства радости и грусти разсказомъ, когда есть кому разсказать.

и пѣніемъ, когда некому рассказывать или когда человѣкъ не хочетъ рассказывать. Эта мысль найдется въ каждомъ разсужденіи о народныхъ пѣсняхъ. Странно только, почему не обращаютъ вниманія на то, что пѣніе, будучи по сущности своей выраженіемъ радости или грусти, вовсе не происходитъ отъ нашего стремленія къ прекрасному. Неужели подъ преобладающимъ вліяніемъ чувства человѣкъ будетъ еще думать о томъ, чтобы достигать прелести, граціи, будетъ заботиться о формѣ? Чувство и форма противоположны между собою. Уже изъ этого одного видимъ, что пѣніе, произведеніе чувства, и искусство, заботящееся о формѣ, два совершенно различные предмета. Пѣніе первоначально и существенно—подобно разговору—произведеніе практической жизни, а не искусства; но какъ всякое „умѣнье“, пѣніе требуетъ привычки, занятія, практики, чтобы достичь высокой степени совершенства; какъ всѣ органы,—органъ пѣнія, голосъ, требуетъ обработки, ученія, для того, чтобы сдѣлаться покорнымъ орудіемъ воли—и естественное пѣніе становится въ этомъ отношеніи „искусствомъ“, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется „искусствомъ“ умѣнье писать, считать, пахать землю, всякая практическая дѣятельность; а вовсе не въ томъ, какой придается слову „искусство“ эстетикою.

Но въ противоположность естественному пѣнію существуетъ искусственное пѣніе, старающееся подражать естественному. Чувство придаетъ особенный, высокій интересъ всему, что производится подъ его вліяніемъ; оно даже придаетъ всему особенную прелесть, особенную красоту. Одушевленное грустью или радостью лицо въ тысячу разъ прекраснѣе, нежели холодное. Естественное пѣніе, какъ изліяніе чувства, будучи произведеніемъ природы, а не искусства, заботящагося о красотѣ, имѣетъ однако высокую красоту; потому является въ человѣкѣ желаніе пѣть нарочно, подражать естественному пѣнію. Каково отношеніе этого искусственнаго пѣнія къ естественному? — оно гораздо обдуманнѣе, оно рассчитано, украшено всѣмъ, чѣмъ только можетъ украсить его гений человѣка: какое сравненіе между арією итальянской оперы и простымъ, бѣднымъ, монотоннымъ мотивомъ народной пѣсни! Но вся ученость гармоніи, все изящество развитія, все богатство украшеній гениальной ари, вся гибкость, все несравненное богатство голоса, ее исполняющаго, не замѣняютъ недостатка искренняго чувства, которымъ проникнуть бѣдный мотивъ народной пѣсни и неблестящій малообработанный голосъ человѣка, который поетъ не изъ желанія блеснуть и выказать свой голосъ и искусство, а изъ потребности излить свое чувство. Различіе между естественнымъ и искусственнымъ пѣніемъ — различіе между актеромъ, играющимъ роль веселаго или печальнаго и человѣкомъ, который въ самомъ дѣлѣ обрадованъ или опечаленъ чѣмъ-нибудь — различіе между оригиналомъ и копіею, между дѣйствительностью и подражаніемъ. Спѣшнимъ прибавить, что композиторъ можетъ въ самомъ дѣлѣ проникнуться чувствомъ, которое должно выражаться въ его произведеніи; тогда онъ можетъ написать нѣчто гораздо высшее не только по внѣшней красоты, но и по внутреннему достоинству, нежели народная пѣсня, но въ такомъ случаѣ его произведеніе будетъ произведеніемъ искусства или „умѣнья“ только съ технической стороны, только въ томъ смыслѣ, въ которомъ и всѣ человѣческія произведенія, созданныя

при помощи глубокаго изученія, соображеній, заботы о томъ, чтобы „вышло какъ возможно лучше“, могутъ назваться произведеніями искусства; въ сущности же произведеніе композитора, написанное подъ преобладающимъ вліяніемъ произвольнаго чувства, будетъ созданіе природы (жизни) вообще, а не искусства. Точно такъ же искусный и впечатлительный пѣвецъ можетъ войти въ свою роль, проникнутъ тѣмъ чувствомъ, которое должна выражать его пѣсня, и въ такомъ случаѣ онъ пропоетъ ее на театрѣ, предъ публикою, лучше другого человѣка, поющаго не на театрѣ, отъ избытка чувства, а не напоказъ публикѣ; но въ такомъ случаѣ пѣвецъ перестаетъ быть актеромъ, и его пѣніе становится пѣснью самой природы, а не произведеніемъ искусства. Это увлеченіе чувствомъ мы не думаемъ смѣшивать съ вдохновеніемъ: вдохновеніе есть особенно благоприятное настроеніе творческой фантазіи; оно и увлеченіе чувствомъ имѣютъ общаго только то, что въ людяхъ, одаренныхъ поэтическимъ талантомъ и вмѣстѣ особенною впечатлительностью, вдохновеніе можетъ переходить въ увлеченіе чувствомъ, когда предметъ вдохновенія располагаетъ къ чувству. Между вдохновеніемъ и чувствомъ то же самое различіе, какое между фантазією и дѣйствительностью, между мечтами и впечатлѣніями.

Первоначальное и существенное назначеніе инструментальной музыки — служить аккомпанементомъ для пѣнія. Правда, впоследствии, когда пѣніе становится для высшихъ классовъ общества преимущественно искусствомъ, когда слушатели начинаютъ быть очень требовательны въ отношеніи къ техникѣ пѣнія — за недостаткомъ удовлетворительнаго пѣнія инструментальная музыка старается замѣнить его, и является какъ нѣчто самостоятельное; правда, что она имѣетъ и полное право обнаруживать притязанія на самостоятельное значеніе при усовершенствованіи музыкальныхъ инструментовъ, при чрезвычайномъ развитіи технической стороны игры и при господствѣ предпочтительнаго пристрастія къ исполненію, а не къ содержанію. Но тѣмъ не менѣе истинное отношеніе инструментальной музыки къ пѣнію сохраняется въ оперѣ, полнѣйшей формѣ музыки какъ искусства, и въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ концертной музыки. И нельзя не замѣтить, что несмотря на всю искусственность нашего вкуса, на изысканное пристрастіе ко всѣмъ трудностямъ и хитростямъ блестящей техники, всѣ продолжаютъ отдавать пѣнію предпочтеніе предъ инструментальною музыкою: едва начинается пѣніе, мы перестаемъ обращать вниманіе на оркестръ. Выше всѣхъ инструментовъ ставится скрипка потому, что она „ближе всѣхъ инструментовъ подходитъ къ человѣческому голосу“; высочайшая похвала артисту: „въ звукахъ его инструмента слышится человѣческій голосъ“. Итакъ: инструментальная музыка — подражаніе пѣнію, его аккомпанементъ или суррогатъ; пѣніе какъ произведеніе искусства только подражаніе и суррогатъ пѣнію, какъ произведенію природы. Послѣ этого мы имѣемъ право сказать, что въ музыкѣ искусство есть только слабое воспроизведеніе явленій жизни, независимыхъ отъ стремленія нашего къ искусству.

Переходимъ къ высочайшему и полнѣйшему изъ искусствъ, поэзіи, вопросы о которой заключаютъ въ себѣ всю теорію искусства. Неизмѣримо выше другихъ искусствъ стоитъ поэзія по своему содержанію; всѣ другія

искусства не въ состояніи сказать намъ и сотой доли того, что говоритъ поэзія. Но совершенно измѣняется это отношеніе, когда мы обращаемъ вниманіе на силу и живость субъективнаго впечатлѣнія, производимаго поэзіею съ одной стороны и остальными искусствами съ другой. Всѣ другія искусства, подобно живой дѣйствительности, дѣйствуютъ прямо на чувства; поэзія дѣйствуетъ на фантазію; фантазія у однихъ людей гораздо впечатлительнѣе и живѣе, нежели у другихъ, но вообще должно сказать, что у здороваго человѣка ея образы блѣдны, слабы въ сравненіи съ воззрѣніями чувствъ; потому надобно сказать, что по силѣ и ясности субъективнаго впечатлѣнія поэзія далеко ниже не только дѣйствительности, но и всѣхъ другихъ искусствъ. Посмотримъ же какова степень объективнаго совершенства содержанія и формы въ произведеніяхъ поэзіи, и можетъ ли она хотя въ этомъ отношеніи соперничать съ природою.

Много говорятъ о „законченности“, „индивидуальности“, „живой опредѣленности“ лицъ и характеровъ, изображаемыхъ великими поэтами. Но вмѣстѣ съ этимъ говорятъ намъ, что „это однакоже не отдѣльные лица, а общіе типы“ — послѣ такой фразы было бы излишне доказывать, что самое опредѣленное, наилучшимъ образомъ обрисованное лицо остается въ поэтическомъ произведеніи только общимъ, неопредѣленно-очерченнымъ абрисомъ, которому живая опредѣленная индивидуальность придается только воображеніемъ (собственно говоря, воспоминаніями) читателя. Образъ въ поэтическомъ произведеніи точно такъ же относится къ дѣйствительному живому образу, какъ слово къ дѣйствительному предмету, имъ обозначаемому — это блѣдный и общій, неопредѣленный намѣкъ на дѣйствительность. Многіе въ этой „общности“ поэтическаго образа видятъ превосходство его надъ лицами, представляющимися намъ въ дѣйствительной жизни. Такое мнѣніе основывается на предполагаемой противоположности между общимъ значеніемъ существа и его живою индивидуальностію, на предположеніи, будто бы „общее, индивидуализируясь, теряетъ свою общность“ въ дѣйствительности и „возводится опять къ ней только силою искусства, совлекающаго съ индивидуума его индивидуальность“. Не вдаваясь въ метафизическія сужденія о томъ, каковы на самомъ дѣлѣ отношенія между общимъ и частнымъ (причемъ необходимо было бы прійти къ заключенію, что для человѣка общее только блѣдный и мертвый экстрактъ изъ индивидуальнаго, что поэтому между ними такое же отношеніе, какъ между словомъ и реальностію), скажемъ только, что на самомъ дѣлѣ индивидуальныя подробности вовсе не мѣшаютъ общему значенію предмета, а, напротивъ, оживляютъ и дополняютъ его общее значеніе; что, во всякомъ случаѣ, поэзія признаетъ высокое превосходство индивидуальнаго стремленіемъ къ живой индивидуальности своихъ образовъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ никакъ не можетъ она достигъ индивидуальности, а успѣваетъ только нѣсколько приблизиться къ ней, и что степенью этого приближенія опредѣляется достоинство поэтическаго образа. Итакъ: стремится, но не можетъ никогда достигъ того, что всегда встрѣчается въ типическихъ лицахъ дѣйствительной жизни — ясно, что образы поэзіи слабы, неполны, неопредѣленны въ сравненіи съ соотвѣтствующими имъ образами дѣйствительности. „Но встрѣчаются ли въ дѣйствительности

истинно-типическія лица“? Достаточно предложить подобный вопросъ, и не дожидаться на него отвѣта, какъ на вопросы о томъ, дѣйствительно ли въ жизни встрѣчаются добрые и дурные люди, моты, скупцы и т. д., дѣйствительно ли ледъ холоденъ, хлѣбъ очень питателенъ и т. п. Есть люди, которымъ все надобно указывать и доказывать. Но ихъ нельзя убѣдить общими доказательствами въ общемъ сочиненіи; на нихъ можно дѣйствовать только порознь, для нихъ убѣдительны только спеціальныя примѣры, заимствованныя изъ кружка знакомыхъ имъ людей, въ которомъ, какъ бы ни былъ онъ тѣсенъ, всегда найдется нѣсколько истинно-типическихъ личностей; указаніе на типическія личности въ исторіи едвали поможетъ: есть люди, готовые сказать: „историческія личности опоэтизированы преданіемъ, удивленіемъ современниковъ, гениемъ историковъ или своимъ исключительнымъ положеніемъ“.

Отчего произошло мнѣніе, будто бы типическіе характеры въ поэзіи выставляются гораздо чище и лучше, нежели представляются они въ дѣйствительной жизни, раземотримъ послѣ; теперь обратимъ вниманіе на процессъ, посредствомъ котораго „создаются“ характеры въ поэзіи—онъ обыкновенно представляется ручательствомъ за большую въ сравненіи съ живыми лицами типичность этихъ образовъ. Обыкновенно говорятъ: „Поэтъ наблюдаетъ множество живыхъ индивидуальныхъ личностей; ни одна изъ нихъ не можетъ служить полнымъ типомъ; но онъ замѣчаетъ, что въ каждой изъ нихъ есть общаго, типическаго; отбрасывая въ сторону все частное, соединяетъ въ одно художественное цѣлое разбросанныя въ различныхъ людяхъ черты, и такимъ образомъ создаетъ характеръ, который можетъ быть названъ квинтъ-эссенціею дѣйствительныхъ характеровъ“. Положимъ, что все это совершенно справедливо, и что всегда бываетъ именно такъ; но квинтъ-эссенція вещи обыкновенно непохожа бываетъ на самую вещь: теишъ не чай, алкоголь не вино; по правилу, приведенному выше, въ самомъ дѣлѣ поступаютъ „сочинители“, дающіе намъ вмѣсто людей квинтъ-эссенцію героизма и злобы въ видѣ чудовищъ порока и каменныхъ героевъ. Всѣ, или почти всѣ, молодые люди влюбляются—вотъ общая черта, въ остальныхъ они не сходны—и во всѣхъ произведеніяхъ поэзіи мы услаждаемся дѣвицами и юношами, которые и мечтаютъ и толкуютъ всегда только о любви, и во все продолженіе романа только и дѣлаютъ, что страдаютъ или блаженствуютъ отъ любви; всѣ пожилые люди любятъ порезонёрствовать, въ остальномъ они не похожи другъ на друга; всѣ бабушки любятъ внучать и т. д.,—и вотъ повѣсти и романы населяются стариками, которые только и дѣла дѣлаютъ, что резонёрствуютъ, бабушками, которыя только и дѣла дѣлаютъ, что ласкаютъ внучать и т. п. Но большею частью рецензъ не совѣмъ соблюдается: у поэта, когда онъ „создаетъ“ свой характеръ, обыкновенно носителя предъ воображеніемъ образъ какого-нибудь дѣйствительнаго лица; иногда сознательно, иногда безсознательно, „воспроизводитъ“ онъ его въ своемъ типическомъ лицѣ. Въ доказательство напомнимъ о безчисленномъ количествѣ произведеній, въ которыхъ главное дѣйствующее лицо—болѣе или менѣе вѣрный портретъ самого автора (напр. Фаустъ, Донъ-Карлосъ и маркизъ Поза, герои Байрона, герои и героини

Жоржъ-Занда, Ленскій, Онѣгинъ, Печоринъ); напомнимъ еще объ очень частыхъ обвиненіяхъ противъ романистовъ, что они „въ своихъ романахъ выставляютъ портреты своихъ знакомыхъ“; эти обвиненія обыкновенно отвергаются съ насмѣшкою и негодованіемъ; но они большею частью бывають только утрированы и несправедливо выражаемы, а не по сущности своей несправедливы. Съ одной стороны, приличія, съ другой обыкновенное стремленіе человѣка къ самостоятельности, къ „творчеству, а не списыванію копій“ заставляютъ поэта видоизмѣнять характеры, списываемые имъ съ людей, которые встрѣчались ему въ жизни, представлять ихъ до нѣкоторой степени неточными; кромѣ того, списанному съ дѣйствительнаго человѣка лицу обыкновенно приходится въ романѣ дѣйствовать совершенно не въ той обстановкѣ, какой оно было окружено на самомъ дѣлѣ, и отъ этого внѣшнее сходство теряется. Но всѣ эти перемѣны не мѣшаютъ характеру въ сущности оставаться списаннымъ, а не созданнымъ, портретомъ, а не оригиналомъ. Можно возразить: правда, что первообразомъ для поэтического лица очень часто служитъ дѣйствительное лицо; но поэтъ „возводитъ его къ общему значенію“. Возводитъ обыкновенно не зачѣмъ, потому что и оригиналъ уже имѣетъ общее значеніе въ своей индивидуальности; надобно только — и въ этомъ состоитъ одно изъ качествъ поэтического генія — умѣть понимать сущность характера въ дѣйствительномъ человѣкѣ, смотрѣть на него проникательными глазами; кромѣ того надобно понимать или чувствовать, какъ сталъ бы дѣйствовать и говорить этотъ человѣкъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ будетъ поставленъ поэтомъ — другая сторона поэтического генія; въ-третьихъ, надобно умѣть изобразить его, умѣть передать его такимъ, какимъ понимаетъ его поэтъ — едва ли не самая характеристическая черта поэтического генія. Понять, умѣть сообразить или почувствовать инстинктомъ и передать понятое — вотъ задача поэта при изображеніи большей части изображаемыхъ имъ лицъ. Вопросъ о томъ, что называется „возведеніемъ къ идеальному значенію“, „опоэтизированіемъ прозы и нескладницы жизни“, представится намъ ниже. Мы нисколько не сомнѣваемся однако, что бываетъ въ поэтическихъ произведеніяхъ очень много лицъ, которыя не могутъ быть названы портретами, которыя „созданы“ поэтомъ. Но это происходитъ вовсе не отъ того, чтобы не нашлось въ дѣйствительности достойныхъ натурщиковъ, а совершенно отъ другой причины, чаще всего просто отъ забывчивости или недостаточнаго знакомства: если въ памяти поэта исчезли живыя подробности, осталось только общее отвлеченное понятіе о характерѣ, или поэтъ знаетъ о типическомъ лицѣ гораздо меньше, нежели нужно для того, чтобы оно было въ его изображеніи живымъ лицомъ, то поневолѣ приходится ему самому дополнять общій очеркъ, оттыкать абрисъ. Но почти никогда эти придуманныя лица не обрисовываются предъ нами какъ живые характеры. Вообще, чѣмъ больше намъ извѣстно о жизни поэта, о лицахъ съ которыми онъ былъ близокъ, тѣмъ больше мы видимъ у него портретовъ съ живыхъ людей. Трудно не согласиться, что „созданнаго“ въ лицахъ, изображаемыхъ поэтами, бываетъ и всегда бывало гораздо меньше, а списаннаго съ дѣйствительности гораздо больше, нежели обыкновенно предпо-

лагають; трудно не прийти къ убѣжденію, что поэтъ въ отношеніи къ своимъ лицамъ почти всегда только историкъ или авторъ мемуаровъ. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ не хотимъ мы сказать, будто бы каждое слово, произносимое Мефистофелемъ, было буквально слышано Гёте отъ Мерка. Нетолько гениальный поэтъ, но и самый ненаходчивый рассказчикъ въ состояніи къ одной фразѣ придѣлать другую въ томъ же родѣ, прибавить вступленія и переходы.

Гораздо больше бываетъ „самостоятельно изобрѣтеннаго“ или „придуманнаго“—рѣшаемся замѣнить этими терминами обыкновенный, слишкомъ гордый терминъ: „созданнаго“—въ событіяхъ, изображаемыхъ поэтомъ, въ интригѣ, завязкѣ и развязкѣ ея и т. д., хотя очень легко доказать, что сюжетами романовъ, повѣстей и т. д. обыкновенно служатъ поэту дѣйствительно совершившіяся событія или анекдоты, разнаго рода рассказы и пр. (укажемъ въ примѣръ на всѣ прозаическія повѣсти Пушкина: Капитанская дочка—анекдотъ, Дубровский—анекдотъ; Пиковая дама—анекдотъ; Выстрѣлъ—анекдотъ, и т. д.). Но общій очеркъ сюжета самъ по себѣ еще не придастъ высокаго поэтическаго достоинства роману или повѣсти—надобно умѣть воспользоваться сюжетомъ; потому, оставляя безъ разсмотрѣнія „самостоятельность“ сюжета, обратимъ вниманіе на то, выше или ниже дѣйствительныхъ событій „поэтичность“ поэтическихъ произведеній со стороны сюжета, какъ онъ представляется въ нихъ вполне развитымъ. Пособіями для полученія окончательнаго вывода, выставимъ нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ большая часть разрѣшаются сами собою: 1) Бываютъ ли въ дѣйствительности поэтическія событія, совершаются ли въ дѣйствительности драмы, романы, комедіи, трагедіи, водевили?—ежеминутно. 2) Истинно ли поэтичны эти событія въ своемъ развитіи и развязкѣ?—имѣютъ ли они въ дѣйствительности художественную полноту и законченность?—Какъ случится; часто не имѣютъ, но часто имѣютъ. Есть очень много такихъ событій, въ которыхъ строго-поэтическое возрѣніе не находитъ никакихъ недостатковъ въ художественномъ отношеніи. Этотъ пунктъ рѣшается чтеніемъ первой хорошо написанной исторической книги, первымъ вечеромъ, проведеннымъ въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, много на своемъ вѣку издавшимъ; разрѣшается, наконецъ, первыми взятыми въ руки нумерами какой-нибудь французской или англійской судебной газеты. 3) Есть ли между этими законченными поэтическими событіями такія, которыя могли бы безъ всякаго измѣненія быть переданы подъ заглавіемъ „драма“, „трагедія“, „романъ“ и т. п.?—очень много; правда, что многія изъ дѣйствительныхъ событій неправдоподобны. основаны на слишкомъ рѣдкихъ, исключительныхъ положеніяхъ или сѣпленіяхъ обстоятельствъ, и потому въ настоящемъ своемъ видѣ имѣютъ видъ сказки или натянутой выдумки (изъ этого можно видѣть, что дѣйствительная жизнь часто бываетъ слишкомъ драматична для драмы, слишкомъ поэтична для поэзіи); но очень много есть событій, въ которыхъ, при всей ихъ замѣчательности, нѣтъ ничего эксцентрическаго, невѣроятнаго, все сѣпленіе происшествій, весь ходъ и развязка того, что въ поэзіи называется интригою, просты. 4) Имѣютъ ли дѣйствительныя событія „общую“ сторону, которая необходима въ поэтическомъ произведеніи?—конечно ее имѣетъ вся-

кое событіе, достойное вниманія мыслящаго человѣка; а такихъ событій очень много.

Послѣ всего этого трудно не сказать, что въ дѣйствительности есть много событій, которыя надобно только знать, понять и умѣть рассказать, чтобъ они въ чистомъ прозаическомъ разсказѣ историка, писателя мемуаровъ или собирателя анекдотовъ отличались отъ настоящихъ „поэтическихъ произведеній“ только меньшимъ объемомъ, меньшимъ развитіемъ сценъ, описаній и тому подобнахъ подробностей. И въ этомъ мы находимъ существенное различіе поэтическихъ произведеній отъ точнаго, прозаическаго пересказыванія дѣйствительныхъ происшествій. Бѣлая полнота подробностей, или то, что въ плохихъ произведеніяхъ пріобрѣтаетъ имя „реторическаго распространенія“—вотъ къ чему въ сущности приводится все превосходство поэзіи надъ точнымъ разсказомъ. Мы не меньше другихъ готовы смѣяться надъ риторикою; но, признавая законными всѣ потребности человѣческаго сердца, какъ скоро замѣчаемъ ихъ всеобщность, мы признаемъ важность этихъ поэтическихъ распространеній, потому что всегда и вездѣ видимъ стремленіе къ нимъ въ поэзіи: въ жизни всегда есть эти подробности, ненужныя для сущности дѣла, но необходимыя для его дѣйствительнаго развитія; должны онѣ быть и въ поэзіи. Разница только та, что въ дѣйствительности подробности никогда не могутъ быть пустымъ растягиваніемъ дѣла, а въ поэтическихъ произведеніяхъ онѣ на самомъ дѣлѣ очень часто отзываются риторикою, механическимъ растягиваніемъ разсказа. За что же и превозносятъ Шекспира, если не за то, что въ рѣшительныхъ, лучшихъ сценахъ онъ отбрасываетъ въ сторону эти распространенія? Но сколько найдется ихъ даже у него, у Гёте и у Шиллера! Намъ кажется (можетъ быть это—пристрастіе къ своему, родному), что русская поэзія носитъ въ себѣ зародыши отвращенія къ растягиванію сюжета механически подбираемыми подробностями. Въ повѣстяхъ и разсказахъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя общее свойство—краткость и быстрота разсказа.—Итакъ вообще, по сюжету, по типичности и полнотѣ обрисовки лицъ, поэтическія произведенія далеко уступаютъ дѣйствительности; но есть двѣ стороны, которыми они могутъ стоять выше дѣйствительности—украшеніе событія прибавкою эффектныхъ аксессуаровъ и соглашеніе характеровъ лицъ съ тѣми событіями въ которыхъ они участвуютъ.

Мы говорили, что живопись чаще, нежели дѣйствительность, окружаетъ группу обстановкою, соотвѣтствующею существенному характеру сцены; точно такъ же и поэзія чаще, нежели дѣйствительность, двигателями и участниками событій выставляетъ людей, которыхъ существенный характеръ совершенно соотвѣтствуетъ духу событій. Въ дѣйствительности очень часто мелкіе по характеру люди являются двигателями трагическихъ, драматическихъ и т. д. событій; ничтожный повѣса, въ сущности даже вовсе не дурной человѣкъ, можетъ надѣлать много ужасныхъ дѣлъ; человѣкъ, котораго нисколько нельзя назвать дурнымъ, можетъ погубить счастье многихъ людей, и надѣлать несчастій гораздо больше, нежели Яго и Мефистофель. Въ произведеніяхъ поэзіи, напротивъ того, очень дурныя дѣла обыкновенно дѣлаютъ люди, очень дурные; хорошія дѣла дѣлаютъ люди, особенно хоро-

шіе. Въ жизни часто не знаешь, кого винить, кого хвалить; въ поэтическихъ произведеніяхъ обыкновенно положительнымъ образомъ раздается честь и безчестье. Но преимущество это, или недостатокъ?—Бываетъ иногда то, иногда другое; чаще бываетъ это недостаткомъ. Не говоримъ пока о томъ, что слѣдствіемъ подобнаго обыкновенія бываетъ идеализація въ хорошую и въ дурную сторону, или, просто говоря, преувеличеніе; потому что мы не говорили еще о значеніи искусства, и рано еще рѣшать, недостатокъ или достоинство эта идеализація; скажемъ только, что вслѣдствіе постоянного приспособленія характера людей къ значенію событій, является въ поэзіи монотонность, однообразны дѣлаются лица, и даже самыя событія; потому, что отъ разности въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ и самыя происшествія, существенно сходныя, приобрѣтали бы различный оттѣнокъ, какъ это бываетъ въ жизни, вѣчно разнообразной, вѣчно новой, между тѣмъ какъ въ поэтическихъ произведеніяхъ очень часто приходится читать повторенія.—Въ наше время принято смѣяться надъ украшеніями, не истекающими изъ сущности предмета и не нужными для достиженія главной цѣли; но до сихъ поръ еще удачное выраженіе, блестящая метафора, тысячи прикрасъ, придумываемыхъ для того, чтобы сообщить внѣшній блескъ сочиненію, имѣютъ чрезвычайно большое вліяніе на сужденіе о произведеніяхъ поэзіи. Что касается украшеній, внѣшняго великолѣпія, замысловатости и т. д., мы всегда признаемъ возможность превзойти въ вымышленномъ разсказѣ дѣйствительность. Но стоитъ только указать это мнимое достоинство повѣсти или драмы, чтобы уронить ее въ глазахъ людей со вкусомъ, и пизвести изъ области „искусства“ въ область „искусственности“.

Нашъ разборъ показалъ, что произведеніе искусства можетъ имѣть преимущество предъ дѣйствительностью развѣ только въ двухъ-трехъ ничтожныхъ отношеніяхъ, и по необходимости остается далеко ниже ея въ существенныхъ своихъ качествахъ. Разборъ этотъ можно упрекнуть въ томъ, что онъ ограничивался самыми общими точками зрѣнія, не входилъ въ подробности, не ссыался на примѣры. Дѣйствительно, его краткость кажется недостаткомъ, когда вспомнимъ о томъ, до какой степени укоренилось мнѣніе, будто бы красота произведеній искусства выше красоты дѣйствительныхъ предметовъ, событій и людей; но когда помотришь на шаткость этого мнѣнія, когда вспомнишь, какъ люди, его выставяющіе, противорѣчатъ сами себѣ на каждомъ шагѣ, то покажется, что было бы довольно, изложивъ мнѣніе о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью, ограничиться прибавленіемъ словъ: это несправедливо, всякій чувствуетъ, что красота дѣйствительной жизни выше красоты созданій „творческой“ фантазіи. Если такъ, то на чемъ же основывается или, лучше сказать, изъ какихъ субъективныхъ причинъ проистекаетъ преувеличенно высокое мнѣніе о достоинствахъ произведеній искусства?

Первый источникъ этого мнѣнія—естественная наклонность человѣка чрезвычайно высоко цѣнить трудность дѣла и рѣдкость вещи. Никто не цѣнитъ чистоты выговора француза, говорящаго по-французски, нѣмца, говорящаго по-нѣмецки—„это ему не стоило никакихъ трудовъ, и это вовсе не рѣдкость“; но если французъ говоритъ сносно по-нѣмецки, или нѣмецъ

по-французски—это составляет предмет нашего удивленія и даетъ такому человѣку право на нѣкоторое уваженіе съ нашей стороны, почему? потому, во-первыхъ, что это рѣдко; потому, во-вторыхъ, что это достигнуто цѣлыми годами усилій. Собственно говоря, почти каждый французъ, имѣющій порядочное литературное или свѣтское образованіе, превосходно говоритъ по-французски—но какъ мы взыскательны въ этомъ случаѣ!—малѣйшій, почти незамѣтный оттѣнокъ провинціализма въ его выговорѣ, одна не совсѣмъ изящная фраза—и мы объявляемъ, что „этотъ господинъ говоритъ очень дурно на своемъ родномъ языкѣ“. Русскій, говоря по-французски, въ каждомъ звукѣ изобличаетъ, что для органовъ его неумовима полная чистота французскаго выговора, безпрестанно изобличаетъ свое иностранное происхожденіе въ выборѣ словъ, въ построеніи фразы, во всемъ складѣ рѣчи—и мы прощаемъ ему всѣ эти недостатки, мы даже не замѣчаемъ ихъ, а объявляемъ, что онъ превосходно, несравненно говоритъ по-французски, наконецъ мы объявляемъ, что „этотъ русскій говоритъ по-французски лучше самихъ французовъ“ хотя въ сущности мы не думаемъ сравнивать его съ настоящими французами, сравнивая его только съ другими русскими, также усиливающимися говорить по-французски; онъ дѣйствительно говоритъ несравненно лучше ихъ, но несравненно хуже французовъ—это подразумевается каждымъ, имѣющимъ понятіе о дѣлѣ; но многихъ гиперболическая форма можетъ вводить въ заблужденіе. Точно то же и съ приговоромъ эстетики о созданіяхъ природы и искусства: малѣйшій, истинный или мнимый, недостатокъ въ произведеніи природы—и эстетика толкуетъ объ этомъ недостаткѣ, шокируется имъ, готова забывать о всѣхъ достоинствахъ, о всѣхъ красотахъ: стоить ли цѣнить ихъ, въ самомъ дѣлѣ, когда онѣ явились безъ всякаго усилія! Тотъ же самый недостатокъ въ произведеніи искусства во сто разъ больше, грубѣе и окруженъ еще сотнями другихъ недостатковъ—и мы не видимъ всего этого, а если видимъ, то прощаемъ и восклицаемъ: „и на солнцѣ есть пятна“. Собственно говоря, произведеніе искусства могутъ быть сравниваемы только другъ съ другомъ при опредѣленіи относительнаго ихъ достоинства; нѣкоторыя изъ нихъ оказываются выше всѣхъ остальныхъ; и въ восторгѣ отъ ихъ красоты (только относительной) мы восклицаемъ: „они прекраснѣе самой природы и жизни! красота дѣйствительности—ничто предъ красотой искусства!“ Но восторгъ пристрастенъ; онъ даетъ больше, нежели можетъ дать справедливость: мы цѣнимъ трудность—это прекрасно; но не должно забывать и существеннаго, внутренняго достоинства, которое независимо отъ степени трудности; мы дѣлаемся рѣшительно несправедливыми, когда трудность исполненія предпочитаемъ достоинству его. Природа и жизнь производятъ прекрасное не заботясь о красотѣ, она является въ дѣйствительности безъ усилія и слѣловательно безъ заслуги въ нашихъ глазахъ, безъ права на сочувствіе, безъ права на снисхожденіе; да и къ чему снисхожденіе, когда прекраснаго въ дѣйствительности такъ много! „Все не въ совершенствѣ прекрасное въ дѣйствительности—дурно; все сколько-нибудь сносное въ искусствѣ—превосходно“ — вотъ правило, на основаніи котораго мы судимъ. Чтобы доказать, какъ высоко цѣнится трудность исполненія и какъ много теряетъ въ

глазахъ человѣка то, что дѣлается само собою, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, укажемъ на дагерротипные портреты; въ числѣ ихъ найдется очень много не только вѣрныхъ, но и передающихъ въ совершенствѣ выраженіе лица—цѣнимъ ли мы ихъ? Странно даже услышать апологію дагерротипныхъ портретовъ. Другой примѣръ: какъ высоко уважалась каллиграфія! между тѣмъ, довольно посредственно напечатанная книга несравненно прекраснѣ всякой рукописи; но кто же восхищается искусствомъ типографскаго фактора и кто не будетъ въ тысячу разъ больше любоваться на прекрасную рукопись, нежели на порядочно напечатанную книгу, которая въ тысячу разъ прекраснѣ рукописи? Что легко, то мало интересуетъ насъ, хотя бы по внутреннему достоинству было несравненно выше труднаго. Само собою разумѣется, что даже и съ этой точки зрѣнія мы правы только субъективно: „дѣйствительность производить прекрасное безъ усилій“—значить только, что усилія въ этомъ случаѣ дѣлаются не волею человѣка; на самомъ же дѣлѣ все въ дѣйствительности—и прекрасное и непрекрасное, и великое и мелкое—результатъ высочайшаго возможнаго напряженія силъ, не знающихъ ни отдыха, ни усталости. Но что намъ за дѣло до усилій и борьбы, которыя совершаются не нашими силами и въ которыхъ не участвуетъ наше сознание? мы не хотимъ и знать о нихъ; мы цѣнимъ только человѣческую силу, цѣнимъ только человѣка. И вотъ другой источникъ нашей пристрастной любви къ произведеніямъ искусства: они—произведенія человѣка; потому мы все гордимся ими, считая ихъ чѣмъ-то не чуждымъ лично намъ; они свидѣтельствуютъ объ умѣ человѣка, о его силѣ, и потому дороги для насъ. Все народы, кромѣ французовъ, очень хорошо видятъ, что между Корнелемъ или Расиномъ и Шекспиромъ неизмѣримое разстояніе; но французы до сихъ поръ еще сравниваютъ ихъ;—трудно дойти до сознанія: „наше не совсѣмъ хорошо“; между нами найдется очень много людей, готовыхъ утверждать, что Пушкинъ—всемирный поэтъ; есть даже люди, думающіе, что онъ выше Байрона: такъ высоко человѣкъ ставитъ свое. Какъ отдѣльный народъ преувеличиваетъ достоинство своихъ поэтовъ, такъ человѣкъ вообще преувеличиваетъ достоинство поэзіи вообще.

Причины пристрастія къ искусству, нами приведенныя, заслуживаютъ уваженія, потому что онѣ естественны: какъ человѣку не уважать человѣческаго труда, какъ человѣку не любить человѣка, не дорожить произведеніями, свидѣтельствующими объ умѣ и силѣ человѣка? Но едва ли заслуживаетъ такого уваженія третья причина предпочтительной любви нашей къ искусству. Искусство льститъ нашему искусственному вкусу. Мы очень хорошо понимаемъ, какъ искусственны были нравы, привычки, весь образъ мыслей временъ Людовика XIV; мы приблизились къ природѣ, гораздо лучше понимаемъ и цѣнимъ ее, нежели понимало и цѣнило общество XVII вѣка; тѣмъ не менѣе мы еще очень далеки отъ природы; наши привычки, нравы, весь образъ жизни и вслѣдствіе того весь образъ мыслей еще очень искусственны. Трудно видѣть недостатки своего вѣка, особенно когда недостатки стали слабѣе, нежели были въ прежнее время; вмѣсто того, чтобы замѣчать, какъ много еще въ насъ изысканной искусственности, мы замѣчаемъ только, что XIX вѣкъ стоитъ въ этомъ отношеніи выше XVII,

лучше его понимая природу, и забываемъ, что ослабѣвшая болѣзнь не есть еще полное здоровье. Наша искусственность видна во всемъ, начиная съ одежды, надъ которою такъ много всѣ смѣются и которую всѣ продолжаютъ носить, до нашего кушанья, приправляемаго всевозможными примѣсами, совершенно измѣняющими естественный вкусъ блюда; отъ изысканности нашего разговорнаго языка до изысканности нашего литературнаго языка, который продолжаетъ украшаться антитезами, остротами, распространѣніями изъ *loci topici*, глубокомысленными разсужденіями на избитыя темы и глубокомысленными замѣчаніями о человѣческомъ сердцѣ, на манеръ Корнеля и Расина въ беллетристикѣ и на манеръ Іоанна Миллера въ историческихъ сочиненіяхъ. Произведенія искусства льстятъ всѣмъ мелочнымъ нашимъ требованіямъ, происходящимъ отъ любви къ искусственности. Не говоримъ о томъ, что мы до сихъ поръ еще любимъ „умывать“ природу, какъ любили наряжать ее въ XVII вѣкѣ—это завлекло бы насъ въ длинныя сужденія о томъ, что такое „грязное“ и до какой степени оно должно являться въ произведеніяхъ искусства. Но до сихъ поръ въ произведеніяхъ искусства господствуетъ мелочная отдѣлка подробностей, цѣль которой не приведеніе подробностей въ гармонію съ духомъ цѣлаго, а только то, чтобы сдѣлать каждую изъ нихъ въ отдѣльности интереснѣе или красивѣе, почти всегда во вредъ общему впечатлѣнію произведенія, его правдоподобію и естественности; господствуетъ мелочная погоня за эффектностью отдѣльныхъ словъ, отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ эпизодовъ, раздвѣчиванье лицъ и событій не совсѣмъ натуральными, но рѣзкими красками. Произведеніе искусства мелочнѣе того, что мы видимъ въ жизни и въ природѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектнѣе—какъ же не утвердиться мнѣнію, что оно прекраснѣе дѣйствительной природы и жизни, въ которыхъ такъ мало искусственности, которымъ чуждо стремленіе заинтересовать?

Природа и жизнь выше искусства; но искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ, а дѣйствительность не можетъ быть подчинена стремленію нашему видѣть все въ томъ цвѣтѣ и въ томъ порядкѣ, какой нравится намъ или соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ, часто одностороннимъ. Изъ многихъ случаевъ этого угожденія господствующему образу мыслей укажемъ на одинъ: многіе требуютъ, чтобы въ сатирическихъ произведеніяхъ были лица, „на которыхъ могло бы съ любовью отдохнуть сердце читателя“—требованіе очень естественное; но дѣйствительность очень часто не удовлетворяетъ ему, представляя множество событій, въ которыхъ нѣтъ ни одного отраднаго лица; искусство почти всегда угождаетъ ему; и не знаемъ, найдется ли, напримѣръ, въ русской литературѣ, кромѣ Гоголя, писатель, который бы не подчинялся этому требованію; и у самого Гоголя за недостатокъ „отрадныхъ“ лицъ вознаграждаютъ „высоко-лирическія“ отступленія. Другой примѣръ: человѣкъ наклоненъ къ сентиментальности; природа и жизнь не раздѣляютъ этого направленія; но произведенія искусства почти всегда больше или меньше удовлетворяютъ ему. То и другое требованіе—слѣдствіе ограниченности человѣка; природа и дѣйствительная жизнь выше этой ограниченности; произведенія искусства, подчиняясь ей, становясь этимъ ниже дѣйствительности и даже очень часто подвергаясь

опасности впадать въ пошлость или въ слабость, приближаются къ обыкновеннымъ потребностямъ человѣка и чрезъ это выигрываютъ въ его глазахъ. — „Но въ такомъ случаѣ вы сами соглашаетесь, что произведенія искусства лучше, полиѣ, нежели объективная дѣйствительность, удовлетворяютъ природѣ человѣка; слѣдовательно для человѣка они лучше произведеній дѣйствительности“. — Заключение, не совсѣмъ точно выраженное; дѣло въ томъ, что искусственно развитой человѣкъ имѣетъ много искусственныхъ, исказившихся до лживости, до фантастичности требованій, которымъ нельзя вполне удовлетворить, потому что они въ сущности не требованія природы, а мечты испорченнаго воображенія; которымъ почти невозможно и угождать, не подвергаясь насмѣшкѣ и презрѣнью отъ самого того человѣка, которому стараемся угодить, потому что онъ самъ инстинктивно чувствуетъ, что его требованіе не стоитъ удовлетворенія. Такъ публика и въ слѣдъ за нею эстетика требуютъ „отрадныхъ“ лицъ, сентиментальности — и та же самая публика смѣется надъ произведеніями искусства, удовлетворяющими этимъ желаніямъ. Угождать прихотямъ человѣка не значить еще удовлетворять потребностямъ человѣка. Первѣйшая изъ этихъ потребностей — истина. — Мы говорили объ источникахъ предпочтенія произведеній искусства явленіямъ природы и жизни относительно содержанія и выполненія; но очень важно и впечатлѣніе, производимое на насъ искусствомъ или дѣйствительностью: степенью его также измѣряется достоинство вещи.

Мы видѣли, что впечатлѣніе, производимое созданіями искусства, должно быть гораздо слабѣе впечатлѣнія, производимаго живою дѣйствительностью, и не считаемъ нужнымъ доказывать это. Однакоже въ этомъ отношеніи произведеніе искусства находится въ гораздо благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели явленія дѣйствительности; эти обстоятельства могутъ заставить человѣка, не привыкшаго анализировать причины своихъ ощущеній, предполагать, что искусство само по себѣ производитъ на человѣка больше дѣйствія, нежели живая дѣйствительность. Дѣйствительность представляется нашимъ глазамъ независимо отъ нашей воли, болѣею частью не во время, не кстати. Очень часто мы отправляемся въ общество, на гулянье, вовсе не затѣмъ, что-бы любоваться человѣческою красотою, не затѣмъ, что-бы наблюдать характеры, слѣдить за драмою жизни; отправляемся съ заботами въ головѣ, съ замкнутымъ для впечатлѣній сердцемъ. Но кто же отправляется въ картинную галерею не затѣмъ, чтобы наслаждаться красотою картинъ? кто принимается читать романъ не затѣмъ, чтобы вникать въ характеры изображенныхъ тамъ людей и слѣдить за развитіемъ сюжета? На красоту, на величіе дѣйствительности мы обыкновенно обращаемъ вниманіе почти насильно. Пусть она сама, если можетъ, привлечетъ на себя наши глаза, обращенные совершенно на другіе предметы, пусть она насильно проникнетъ въ наше сердце, занятое совершенно другимъ. Мы обращаемся съ дѣйствительностью какъ съ докучливымъ гостемъ, напрашивающимся на наше знакомство: мы стараемся запереться отъ нея. Но есть часы, когда пусто остается въ нашемъ сердцѣ отъ нашего же собственнаго невниманія къ дѣйствительности — и тогда мы обра-

щаемся къ искусству, умоляя его наполнить эту пустоту; мы сами играемъ предъ нимъ роль заискивающаго просителя. На жизненномъ пути нашемъ разбросаны золотыя монеты; но мы не замѣчаемъ ихъ, потому что думаемъ о цѣли пути, не обращая вниманія на дорогу, лежащую подъ нашими ногами; замѣтивъ, мы не можемъ нагнуться, чтобы собрать ихъ, потому что „телѣга жизни“ неудержимо уноситъ насъ впередъ—вотъ наше отношеніе къ дѣйствительности; но мы пріѣхали на станцію, и прохаживаемся въ скучномъ ожиданіи лошадей—тутъ мы со вниманіемъ разсматриваемъ каждую жестяную бляху, которая, быть можетъ, не стоитъ и вниманія—вотъ наше отношеніе къ искусству. Не говоримъ уже о томъ, что явленія жизни каждому приходится оцѣнивать самому, потому что для каждаго отдѣльнаго человѣка жизнь представляетъ особенныя явленія, которыхъ не видятъ другіе, надъ которыми поэтому не произносить приговора цѣлое общество; а произведенія искусства оцѣнены общимъ судомъ. Красота и величіе дѣйствительной жизни рѣдко являются намъ патентованными, а про что не трубить молва, то немногіе въ состояніи замѣтить и оцѣнить; явленія дѣйствительности—золотой слитокъ безъ клейма: очень многіе откажутся уже поэтому одному взять его, не умѣя отличить отъ куска мѣди; произведеніе искусства—банковъ билетъ, въ которомъ очень мало внутренней цѣнности, но за условную цѣнность котораго ручается все общество, которымъ поэтому дорожить всякій и относительно котораго немногіе даже сознаютъ ясно, что вся его цѣнность заимствована только отъ того, что онъ представитель золотого куска. Когда мы смотримъ на дѣйствительность, она сама занимаетъ насъ собою, какъ вѣчто совершенно самостоятельное, и рѣдко оставляетъ намъ возможность переноситься мыслями въ нашъ субъективный міръ, въ наше прошлое. Но когда я смотрю на произведеніе искусства,—тутъ полный просторъ моимъ субъективнымъ воспоминаніямъ, и оно для меня обыкновенно бываетъ только поводомъ къ сознательнымъ или безсознательнымъ мечтамъ и воспоминаніямъ. Трагическая сцена совершается передо мною въ дѣйствительности—тогда мнѣ не до того, чтобы вспомнить о себѣ; но я читаю въ романѣ эпизодъ о гибели человѣка—и въ моей памяти ясно или смутно воскресаютъ всѣ опасности, въ которыхъ я былъ самъ, всѣ случаи гибели близкихъ ко мнѣ людей. Сила искусства, въ особенности поэзіи, есть обыкновенно сила воспоминанія. Уже и по самой своей незаконченности и, неопредѣленности, именно потому самому, что обыкновенно оно только „общее мѣсто“, а не живой индивидуальный образъ или событіе, произведеніе искусства особенно способно вызывать наши воспоминанія. Дайте мнѣ законченный портретъ человѣка—онъ не напомнитъ мнѣ ни одного изъ моихъ знакомыхъ, и я холодно отвернусь, сказавъ „недурно“; но покажите мнѣ въ благопріятную минуту едва набросанный, неопредѣленный абрисъ, въ которомъ ни одинъ человѣкъ не узнаетъ себя положительнымъ образомъ—и этотъ жалкій, слабый абрисъ напомнитъ мнѣ черты кого-нибудь милаго мнѣ; и, холодно смотря на живое лицо, полное красоты и выразительности, я въ упоеніи буду смотрѣть на ничтожный эскизъ, говорящій мнѣ о близкомъ мнѣ, и по воспоминанію о моихъ отношеніяхъ къ нему, говорящій обо мнѣ самомъ. Сила искусства

есть сила общихъ мѣстъ. Есть еще въ произведеніяхъ искусства сторона, по которой они въ неопытныхъ или недалеконзидныхъ глазахъ выше явленій жизни и дѣйствительности—въ нихъ все выставлено на показъ, объяснено самимъ авторомъ, между тѣмъ какъ природу и жизнь надобно разгадывать собственными силами. Сила искусства—сила комментарія; но объ этомъ должны будемъ говорить мы ниже.

Много нашли мы причинъ предпочтенія, отдаваемого искусству предъ дѣйствительностью; но всѣ онѣ только объясняютъ, а не оправдываютъ это предпочтеніе. Не соглашаясь, чтобы искусство стояло не только выше дѣйствительности, но и наравнѣ съ нею по внутреннему достоинству содержанія или исполненія, мы, конечно, не можемъ согласиться съ господствующимъ нынѣ взглядомъ на то, изъ какихъ потребностей возникаетъ оно, въ чемъ цѣль его существованія, его назначеніе. Господствующее мнѣніе о происхожденіи и значеніи искусства говоритъ такъ: „Имѣя непреодолимое стремленіе къ прекрасному, человѣкъ не находитъ истинно-прекраснаго въ объективной дѣйствительности; этимъ онъ поставленъ въ надобность самъ создавать предметы или произведенія, которыя соотвѣтствовали бы его требованію, предметы и явленія истинно-прекрасныя“; или, по специальной терминологіи господствующей школы: „Идея прекраснаго, не осуществляемая дѣйствительностью, осуществляется произведеніями искусства“. Мы должны анализировать это опредѣленіе, чтобы открыть истинное значеніе неполныхъ и одностороннихъ намековъ, въ немъ заключающихся. „Человѣкъ имѣетъ стремленіе къ прекрасному“,—но если подъ прекраснымъ понимать то, что понимается въ этомъ опредѣленіи—полное согласіе идеи и формы, то изъ стремленія къ прекрасному надобно выводить не искусство въ частности, а вообще всю дѣятельность человѣка, основное начало которой—полное осуществленіе извѣстной мысли; стремленіе къ единству идеи и образа—формальное начало всякой техники, всякаго труда, направленаго къ созданію и усовершенствованію всяческихъ надобныхъ намъ предметовъ; выводъ изъ стремленія къ прекрасному искусство, мы смѣшиваемъ два значенія этого слова: 1) изящное искусство (поэзія, музыка и т. д.) и 2) умѣнье или старанье хорошо сдѣлать что-нибудь; только послѣднее выводится изъ стремленія къ единству идеи и формы. Если же подъ прекраснымъ должно понимать (какъ намъ кажется) то, въ чемъ человѣкъ видитъ жизнь—очевидно, что изъ стремленія къ нему происходитъ радостная любовь ко всему живому и что оно въ высочайшей степени удовлетворяется живою дѣйствительностью.—„Человѣкъ не встрѣчаетъ въ дѣйствительности истинно и вполне прекраснаго“—мы старались доказать, что это несправедливо, что дѣятельность нашей фантазіи возбуждается не недостатками прекраснаго въ дѣйствительности, а его отсутствіемъ; что дѣйствительное прекрасное вполне прекрасно, но, къ сожалѣнію нашему, не всегда бываетъ предъ нашими глазами. Еслибы произведенія искусства возникали вслѣдствіе нашего стремленія къ совершенству и пренебреженія всѣмъ несовершеннымъ, человѣкъ долженъ былъ бы давно покинуть, какъ безплодное усиліе, всякое стремленіе къ искусству, потому что въ произведеніяхъ искусства нѣтъ совершенства; кто недоволенъ дѣйствительною

красотою, тотъ еще меньше можетъ удовлетвориться красотою, создаваемою искусствомъ. Итакъ, невозможно согласиться съ обыкновеннымъ объясненіемъ значенія искусства; но въ этомъ объясненіи есть намеки, которые могутъ быть названы справедливыми, если будутъ истолкованы надлежащимъ образомъ. „Человѣкъ не удовлетворяется прекраснымъ въ дѣйствительности, ему мало этого прекраснаго“—вотъ въ чемъ сущность и правдивость обыкновеннаго объясненія, которая, будучи ложно понимаема, сама нуждается въ объясненіи.

Море прекрасно; смотря на него, мы не думаемъ быть имъ довольны въ эстетическомъ отношеніи; но не всѣ люди живутъ близъ моря; многимъ не удастся ни разу въ жизни взглянуть на него; а имъ хотѣлось бы полюбоваться на море—для нихъ интересны и милы картины, изображающія море. Конечно, гораздо лучше смотрѣть на самое море, нежели на его изображеніе; но за недостаткомъ лучшаго, человѣкъ довольствуется и худшимъ, за недостаткомъ вещи — ея суррогатомъ. И тѣмъ людямъ, которые могутъ любоваться моремъ въ дѣйствительности, не всегда, когда хочется, можно смотрѣть на море—они вспоминаютъ о немъ; но фантазія слаба, ей нужна поддержка, напominаніе—и, чтобы оживить свои воспоминанія о морѣ, чтобы яснѣе представлять его въ своемъ воображеніи, они смотрятъ на картину, изображающую море. Вотъ единственная цѣль и значеніе очень многихъ (большей части) произведеній искусства: дать возможность, хотя въ нѣкоторой степени, познакомиться съ прекраснымъ въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности наслаждаться имъ на самомъ дѣлѣ; служить напominаніемъ, возбуждать и оживлять воспоминаніе о прекрасномъ въ дѣйствительности у тѣхъ людей, которые знаютъ его изъ опыта и любить вспоминать о немъ. (Оставляемъ пока выраженіе „прекрасное есть существенное содержаніе искусства“; въ послѣдствіи мы подстановимъ вмѣсто термина „прекрасное“ другой, которымъ содержаніе искусства опредѣляется, по нашему мнѣнію, точнѣе и полнѣе). Итакъ, первое значеніе искусства, принадлежащее всѣмъ безъ исключенія произведеніямъ его—воспроизведеніе природы и жизни. Отношеніе ихъ къ соответствующимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительности таково же, какъ отношеніе гравюры къ той картинѣ, съ которой она снята, какъ отношеніе портрета къ лицу, имъ представляемому. Гравюра снимается съ картины не потому, чтобы картина была не хороша, а именно потому, что картина очень хороша; такъ дѣйствительность воспроизводится искусствомъ не для сглаживанья недостатковъ ея, не потому, что сама по себѣ дѣйствительность не довольно хороша, а потому именно, что она хороша. Гравюра не лучше картины, съ которой снята, она гораздо хуже этой картины въ художественномъ отношеніи; такъ и произведеніе искусства никогда не достигаетъ красоты или величія дѣйствительности; но картина одна, ею могутъ любоваться только люди, пришедшіе въ галлерею, которую она украшаетъ; гравюра расходуется въ сотняхъ экземпляровъ по всему свѣту, каждый можетъ любоваться ею когда ему угодно, не выходя изъ своей комнаты, не вставая съ своего дивана, не скидая своего халата; такъ и предметъ прекрасный въ дѣйствительности доступенъ не всякому и не всегда, воспроизведенный (слабо, грубо, блѣдно,

это правда, но все-таки воспроизведенный) искусствомъ, онъ доступенъ всякому и всегда. Портретъ снимается съ человѣка, который намъ дорогъ и милъ, не для того, чтобъ сгладить недостатки его лица (что намъ за дѣло до этихъ недостатковъ? они для насъ незамѣтны или милы), но для того, чтобы доставить намъ возможность любоваться на это лицо даже и тогда, когда на самомъ дѣлѣ оно не предъ нашими глазами; такова же цѣль и значеніе произведеній искусства; они не поправляютъ дѣйствительности, не украшаютъ ее, а воспроизводятъ, служатъ ей суррогатомъ.

Итакъ первая цѣль искусства—воспроизведеніе дѣйствительности. Нисколько не думая, чтобы этими словами было высказано нѣчто совершенно новое въ исторіи эстетическихъ воззрѣній, мы однакоже полагаемъ, что псевдо-классическая „теорія подражанія природѣ“, господствовавшая въ XVII—XVIII вѣкахъ, требовала отъ искусства не того, въ чемъ поставляется формальное начало его опредѣленіемъ, заключающимся въ словахъ: „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности“. Чтобы за существенное различіе нашего воззрѣнія на искусство отъ понятій, которыя имѣла о немъ теорія подражанія природѣ, ручались не наши только собственные слова, приведемъ здѣсь критику этой теоріи, заимствованную изъ лучшаго курса господствующей нынѣ эстетической системы. Критика эта съ одной стороны покажетъ различіе опровергаемыхъ ею понятій отъ нашего зрѣнія, съ другой стороны, обнаружитъ, чего недостаетъ въ нашемъ первомъ опредѣленіи искусства, какъ дѣятельности воспроизводящей, и такимъ образомъ послужитъ переходомъ къ точнѣйшему развитію понятій объ искусствѣ.

«Въ опредѣленіи искусства какъ подражанія природѣ показывается только его формальная цѣль; сообразно этому опредѣленію оно должно стараться по возможности повторять то, что уже существуетъ во внѣшнемъ мірѣ. Такое повтореніе должно быть признано излишнимъ, такъ какъ природа и жизнь уже представляютъ намъ то, что по этому понятію должно представить искусство. Этого мало, подражать природѣ—тщетное усиліе, далеко не достигающее своей цѣли, потому что, подражая природѣ, искусство, по ограниченности своихъ средствъ, даетъ только обманъ вмѣсто истины и вмѣсто дѣйствительно-живого существа только мертвую маску».

Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что словами: „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности“, какъ и фразой: „искусство есть подражаніе природѣ“, опредѣляется только формальное начало искусства; для опредѣленія содержанія искусства первый выводъ нами сдѣланный, относительно его цѣли, долженъ быть дополненъ, и мы займемся этимъ впослѣдствіи. Другое возраженіе нисколько не прилагается къ воззрѣнію, нами высказанному; изъ предыдущаго развитія видно, что воспроизведеніе или „повтореніе“ предметовъ и явленій природы искусствомъ—дѣло вовсе не излишнее, напротивъ, необходимое. Переходя къ замѣчанію, что это повтореніе—тщетное усиліе, далеко не достигающее своей цѣли, надобно сказать, что подобное возраженіе имѣетъ силу только въ томъ случаѣ, когда предполагается, будто искусство хочетъ соперничать съ дѣйствительностью, а не просто быть ея суррогатомъ. Но мы именно то и утверждаемъ, что искусство не можетъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью и вовсе

не имѣть той жизненности, какъ реальная дѣйствительность; это мы признаемъ несомнѣннымъ.

Итакъ, выраженіе „искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности“ должно быть дополнено для того, чтобы быть всестороннимъ опредѣленіемъ; не исчерпывая въ этомъ видѣ все содержаніе опредѣляемаго понятія, оно однако вѣрно, и возраженія противъ него пока могутъ быть основаны только на затаенномъ требованіи, чтобы искусство являлось по своему опредѣленію выше, совершеннѣе дѣйствительности; объективную неосновательность этого предположенія мы старались доказать, и потомъ обнаружили его субъективныя основанія. Посмотримъ, прилагаются ли къ нашему воззрѣнію дальнѣйшія возраженія противъ теоріи подражанія.

«При невозможности полного успѣха въ подражаніи природѣ оставалось бы только самодовольное наслажденіе относительнымъ успѣхомъ этого фокуса-покуса; но и это наслажденіе становится тѣмъ холоднѣе, чѣмъ больше бываетъ наружное сходство копій съ оригиналомъ, и даже обращается въ пресыщеніе или отвращеніе. Есть портреты, похожіе на оригиналъ, какъ говорится, до отвратительности. Намъ тотчасъ же становится скучнымъ и отвратительнымъ превосходнѣйшее подражаніе пѣнію соловья, какъ скоро мы узнаемъ, что это не въ самомъ дѣлѣ пѣніе соловья, а подражаніе ему какого-нибудь искусника, выдѣлывающаго соловьиныя трели, потому что отъ человѣка мы въ правѣ требовать не такой музыки. Подобные фокусы искуснѣйшаго подражанія природѣ можно сравнить съ искусствомъ того фокусника, который безъ промаха бросалъ чечевичныя зерна сквозь отверстія величинаю не болѣе чечевичнаго зерна, и котораго Александръ Великій наградилъ медимномъ чечевицы».

Эти замѣчанія совершенно справедливы; но относятся къ бесполезному и бессмысленному копированію того, что недостойно вниманія, или къ рисованію пустой внѣшности, обнаженной отъ содержанія. (Сколько превозносимыхъ произведеній искусства подпадаютъ этой горькой, но заслуженной насмѣлкѣ!) Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто бы оно—пустая забава, чѣмъ оно и дѣйствительно бываетъ чрезвычайно часто: художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: „да стоило ли трудиться надъ этимъ?“ Бесполезное не имѣетъ права на уваженіе. „Человѣкъ самъ себѣ цѣль“; но дѣла человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ человѣка, а не въ самихъ себѣ. Потому-то бесполезное подражаніе и возбуждаетъ тѣмъ большее отвращеніе, чѣмъ совершеннѣе внѣшнее сходство: „зачѣмъ потрачено столько времени и труда?“ думаемъ мы, глядя на него: „и какъ жаль, что такая несостоятельность относительно содержанія можетъ совмѣщаться съ такимъ совершенствомъ въ технику!“ Скука и отвращеніе, возбуждаемая фокусникомъ, подражающимъ соловьиному пѣнію, объясняются самыми замѣчаніями, сопровождающими въ критикѣ указаніе на него: жалокъ человѣкъ, который не понимаетъ, что долженъ пѣть человѣческую пѣсню, а не выдѣлывать трели, имѣющія смыслъ только въ пѣніи соловья, утрачивающія его при повтореніи ихъ человекомъ. Что касается портретовъ, сходныхъ до отвратительности, это надобно понимать такъ: всякая копія для того, чтобы быть вѣрною, должна пере-

давать существенныя черты подлинника; портретъ, не передающій главныхъ, выразительнѣйшихъ чертъ лица, невѣренъ; а когда мелочныя подробности лица переданы при этомъ отчетливо, лицо на портретѣ выходитъ обезображеннымъ, безмысленнымъ, мертвымъ — какъ же ему не быть отвратительнымъ? Часто возстаютъ противъ такъ называемаго „дагерротипнаго копированія“ дѣйствительности — не лучше ли было бы говорить только, что копіровка, такъ же какъ и всякое человѣческое дѣло, требуетъ пониманія, способности отличать существенныя черты отъ несущественныхъ? „Мертвая копіровка“ — вотъ обыкновенная фраза; но человѣкъ не можетъ скопировать вѣрно, если мертвенность механизма не направляется живымъ смысломъ; нельзя сдѣлать даже вѣрнаго fac-simile съ обыкновенной рукописи, не принимая значенія копируемыхъ буквъ.

Прежде, нежели перейдемъ къ опредѣленію существеннаго содержанія искусства, чѣмъ дополнится принимаемое нами опредѣленіе его формальнаго начала, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько ближайшихъ указаній объ отношеніи теоріи „воспроизведенія“ къ теоріи такъ называемаго „подражанія“. Воззрѣніе на искусство, нами принимаемое, проистекаетъ изъ воззрѣній, принимаемыхъ новѣйшими нѣмецкими эстетиками и возникаетъ изъ нихъ чрезъ діалектическій процессъ, направленіе котораго опредѣляется общими идеями современной науки. Итакъ, непосредственнымъ образомъ оно связано съ двумя системами идей — начала нынѣшняго вѣка съ одной стороны, послѣднихъ десятилѣтій съ другой. Всякое другое соотношеніе — только простое сходство, не имѣющее генетическаго вліянія. Но если понятія древнихъ и старинныхъ мыслителей не могутъ при настоящемъ развитіи науки имѣть вліянія на современный образъ мыслей; то нельзя не видѣть, что во многихъ случаяхъ современныя понятія оказываются сходны съ понятіями предшествовавшихъ вѣковъ. Особенно часто сходятся они съ понятіями греческихъ мыслителей. Таково положеніе дѣла и въ настоящемъ случаѣ. Опредѣленіе формальнаго начала искусства, нами принимаемое, сходно съ воззрѣніемъ, господствовавшимъ въ греческомъ мірѣ, находимымъ у Платона, Аристотеля, и, по всей вѣроятности, высказаннымъ у Демокрита. Ихъ *μίμησις* соответствуетъ нашему термину „воспроизведеніе“. И если позднѣе понимали это слово какъ „подражаніе“ (*Nachahmung*), то переводъ не былъ удаченъ, стѣсняя кругъ понятія и пробуждая мысль о поддѣлкѣ подъ вышнюю форму, а не о передачѣ внутренняго содержанія. Псевдоклассическая теорія дѣйствительно понимала искусство какъ поддѣлку подъ дѣйствительность съ цѣлью обмануть чувства; но это — злоупотребленіе, принадлежащее только эпохамъ испорченнаго вкуса.

Теперь мы должны дополнить выставленное нами выше опредѣленіе искусства и отъ разсмотрѣнія формальнаго начала искусства перейти къ опредѣленію его содержанія.

Обыкновенно говорятъ, что содержаніе искусства есть прекрасное; но этимъ слишкомъ стѣсняется сфера искусства. Если даже согласиться, что возвышенное и комическое — моменты прекраснаго, то множество произведеній искусства не подойдутъ по содержанію подъ эти три рубрики: прекрасное, возвышенное, комическое. Въ живописи не подходятъ подъ эти

подраздѣленія картины домашней жизни, въ которыхъ нѣтъ ни одного прекраснаго или смѣшнаго лица, изображенія старика или старухи, не отличающихся особенною старческою красотою и т. д. Въ музыкѣ еще труднѣе провести обыкновенныя подраздѣленія: если отнесемъ марши, патетическія пьесы и т. д. къ отдѣлу величественнаго; если пьесы, дышащія любовью или веселостью, причислимъ къ отдѣлу прекраснаго; если отыщемъ много комическихъ пѣсень, то у насъ еще останется огромное количество пѣсень, которыя по своему содержанію не могутъ быть безъ натяжки причислены ни къ одному изъ этихъ родовъ: куда отнести грустные мотивы? неужели къ возвышенному, какъ страданіе? или къ прекрасному, какъ нѣжныя мечты? Но изъ всѣхъ искусствъ наиболѣе противится подведенію своего содержанія подъ тѣсныя рубрики прекраснаго и его моментовъ поэзія. Область ея—вся область жизни и природы; точки зрѣнія поэта на жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ такъ же разнообразны, какъ понятія мыслителя объ этихъ разнохарактерныхъ явленіяхъ; а мыслитель находитъ въ дѣйствительности очень многое, кромѣ прекраснаго, возвышеннаго и комическаго. Не всякое горе доходитъ до трагизма; не всякая радость граціозна или комична. Что содержаніе поэзіи не исчерпывается тремя извѣстными элементами, внѣшнимъ образомъ видимъ изъ того, что ея произведенія перестали вмѣщаться въ рамки старыхъ подраздѣленій. Что драматическая поэзія изображаетъ не одно трагическое или комическое, доказываетъ тѣмъ, что кромѣ комедіи и трагедіи должна была явиться драма. Вмѣсто эпоса, по преимуществу возвышеннаго, явился романъ, съ безчисленными своими разрядами. Для большей части нынѣшнихъ лирическихъ пѣсень не отыскивается въ старыхъ подраздѣленіяхъ заглавія, которое могло бы обозначить характеръ содержанія: недостаточны сотни рубрикъ, тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что не могутъ всего объять три рубрики (мы говоримъ о характерѣ содержанія, а не формѣ, которая всегда должна быть прекрасна).

Проще всего рѣшить эту запутанность, сказавъ, что сфера искусства не ограничивается однимъ прекраснымъ и его такъ называемыми моментами. а обнимаетъ собою все, что въ дѣйствительности (въ природѣ и въ жизни) интересуетъ человѣка, не какъ ученаго, а просто какъ человѣка; общее-интересное въ жизни—вотъ содержаніе искусства. Прекрасное, трагическое, комическое—только три наиболѣе опредѣленные элемента изъ тысячи элементовъ, отъ которыхъ зависитъ интересъ жизни и перечислить которые значило бы перечислить всѣ чувства, всѣ стремленія, волнующія сердце человѣка. Едва ли надобно вдаваться въ болѣе подробныя доказательства вѣрности принимаемаго нами понятія о содержаніи искусства; потому что, если въ эстетикѣ предлагается обыкновенно другое, болѣе тѣсное опредѣленіе содержанія, то взглядъ, нами принимаемый, господствуетъ на самомъ дѣлѣ, т.-е. въ самихъ художникахъ и поэтахъ, постоянно высказывается въ литературѣ и въ жизни. Если считаютъ необходимою опредѣлять прекрасное какъ преимущественное и, выражаясь точнѣе, какъ единственное существенное содержаніе искусства, то истинная причина этого скрывается въ неясномъ различіи прекраснаго, какъ объекта искусства, отъ прекрасной формы,

которая дѣйствительно составляетъ необходимое качество всякаго произведенія искусства. Но эта формальная красота или единство идеи и образа, содержанія и формы, не специальная особенность, которая отличала бы искусство отъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Дѣйствованіе человѣка всегда имѣетъ цѣль, которая составляетъ сущность дѣла; по мѣрѣ соотвѣстствія нашего дѣла съ цѣлью, которую мы хотѣли осуществить имъ, цѣнится достоинство самаго дѣла; по мѣрѣ совершенства выполненія оцѣнивается всякое человѣческое произведеніе. Это общій законъ и для ремесла, и для промышленности, и для научной дѣятельности и т. д. Онъ примѣняется и къ произведеніямъ искусства: художникъ (сознательно или безсознательно, все равно) стремится воспроизвести предъ нами извѣстную сторону жизни; само собою разумѣется, что достоинство его произведенія будетъ зависѣть отъ того, какъ онъ выполнилъ свое дѣло. „Произведеніе искусства стремится къ гармоніи идеи съ образомъ“, ни больше, ни меньше, какъ произведеніе сапожнаго мастерства, ювелирнаго ремесла, каллиграфіи, инженернаго искусства, нравственной рѣшимости. „Всякое дѣло должно быть хорошо выполнено“ — вотъ смыслъ фразы: „гармонія идеи и образа“. Итакъ, 1) прекрасное какъ единство идеи и образа вовсе не характеристическая особенность искусства въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову эстетикой; 2) „единство идеи и образа“ опредѣляетъ одну формальную сторону искусства, нисколько не относясь къ его содержанію; оно говоритъ о томъ, *какъ* должно быть исполнено, а не о томъ, что исполняется. Но мы уже замѣтили, что въ этой фразѣ важно слово „образъ“ — оно говоритъ о томъ, что искусство выражаетъ идею не отвлеченными понятіями, а живымъ индивидуальнымъ фактомъ; говоря: „искусство есть воспроизведеніе природы и жизни“, мы говоримъ то же самое: въ природѣ и жизни нѣтъ ничего отвлеченно существующаго; въ нихъ все конкретно; воспроизведеніе должно по мѣрѣ возможности сохранять сущность воспроизводимаго; потому созданіе искусства должно стремиться къ тому, чтобы въ немъ было какъ можно меньше отвлеченнаго, чтобы въ немъ все было, по мѣрѣ возможности, выражено конкретно, въ живыхъ картинахъ, въ индивидуальныхъ образахъ. (Совершенно другой вопросъ: можетъ ли искусство достигъ этого вполнѣ? Живопись, скульптура и музыка достигаютъ; поэзія не всегда можетъ и не всегда должна слишкомъ заботиться о пластичности подробностей: довольно и того, когда вообще, въ цѣломъ, произведеніе поэзіи пластично; излишнія хлопоты о пластической отдѣлкѣ подробностей могутъ повредить единству цѣлага, слишкомъ рельефно очертивъ его части, и, что еще важнѣе, будутъ отвлекать вниманіе художника отъ существеннѣйшихъ сторонъ его дѣла). Красота формы, состоящая въ единствѣ идеи и образа, общая принадлежность не только искусства (въ эстетическомъ смыслѣ слова), но и всякаго человѣческаго дѣла, совершенно отлична отъ идеи прекраснаго, какъ объекта искусства, какъ предмета нашей радостной любви въ дѣйствительномъ мірѣ. Смѣшеніе красоты формы, какъ необходимаго качества художественнаго произведенія, и прекраснаго, какъ одного изъ многихъ объектовъ искусства, было одною изъ причинъ печальныхъ злоупотребленій въ искусствѣ. „Предметъ искусства — прекрасное“, прекрасное, во что бы то ни стало, другого

содержанія нѣтъ у искусства. Что же прекраснѣ всего на свѣтѣ? Въ человѣческой жизни—красота и любовь; въ природѣ—трудно и рѣшить, что именно—такъ много въ ней красоты. Итакъ, надобно кстати и некстати наполнять поэтическія созданія описаніями природы: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ больше прекраснаго въ нашемъ произведеніи. Но красота и любовь еще прекраснѣ—и вотъ (большею частью совершенно некстати) на первомъ планѣ драмы, повѣсти, романа и т. д. является любовь. Неумѣстныя распространенія о красотахъ природы еще не такъ вредны художественному произведенію: ихъ можно выпускать, потому что они приклеиваются вѣшнымъ образомъ; но что дѣлать съ любовною интригою? Ее невозможно опустить изъ вниманія, потому что къ этой основѣ все приплетено гордіевыми узлами, безъ нея все теряетъ связь и смыслъ. Не говоримъ уже о томъ, что влюбленная чета, страдающая или торжествующая, придаетъ цѣлымъ тысячамъ произведеній ужасающую монотонность; не говоримъ и о томъ, что эти любовныя приключенія и описанія красоты отнимаютъ мѣсто у существенныхъ подробностей; этого мало: привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь, заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересующія человѣка вообще; вся поэзія и вся изображаемая въ ней жизнь принимаетъ какой-то сантиментальный розовый колоритъ; вмѣсто серьезнаго изображенія человѣческой жизни очень многія произведенія искусства представляютъ какой-то слишкомъ юный (чтобы удержаться отъ болѣе точныхъ эпитетовъ) взглядъ на жизнь, и поэтъ является обыкновенно молодымъ, очень молодымъ юношею, котораго рассказы интересны только для людей того же нравственнаго или фізіологическаго возраста. Это наконецъ роняетъ искусство въ глазахъ людей, уже вышедшихъ изъ счастливой поры ранней юности; искусство кажется имъ забавою, приторною для развитыхъ людей и не совсѣмъ безопасною для молодежи. Мы вовсе не думаемъ запрещать поэту описывать любовь; но эстетика должна требовать, чтобы поэтъ описывалъ любовь только тогда, когда хочетъ именно ее описывать: къ чему выставлять на первомъ планѣ любовь, когда дѣло идетъ, собственно говоря, вовсе не о ней, а о другихъ сторонахъ жизни? Къ чему, напримѣръ, любовь на первомъ планѣ въ романахъ, которые собственно изображаютъ бытъ извѣстнаго народа въ данную эпоху, или бытъ извѣстныхъ классовъ народа? Въ исторіи, въ психологіи, въ этнографическихъ сочиненіяхъ также говорится о любви—но только на своемъ мѣстѣ, точно такъ же какъ и обо всемъ. Историческіе романы Вальтеръ-Скотта основаны на любовныхъ приключеніяхъ—къ чему это? развѣ любовь была главнымъ занятіемъ общества и главною двигательною событіемъ въ изображаемыя имъ эпохи? „Но романы Вальтеръ-Скотта устарѣли“—точно такъ же кстати и некстати наполнены любовью романы Диккенса и романы Жоржа-Занда изъ сельскаго быта, въ которыхъ опять дѣло идетъ вовсе не о любви. „Пишите о томъ, о чемъ вы хотите писать“,—правило, которое рѣдко рѣшаются соблюдать поэты. Любовь кстати и некстати—первый вредъ, истекающій для искусства изъ понятія, что „содержаніе искусства—прекрасное“; второй, тѣсно съ нимъ соединенный—искусственность. Въ наше время подсмѣиваются надъ Расиномъ и

мадамъ Дезульеръ; но едва ли современное искусство далеко ушло отъ нихъ въ отношеніи простоты и естественности пружинъ дѣйствія и безыскусственной натуральности рѣчей; раздѣленіе дѣйствующихъ лицъ на героевъ и злодѣевъ до сихъ поръ можетъ быть прилагаемо къ произведеніямъ искусства въ патетическомъ родѣ; какъ связно, плавно, краснорѣчиво объясняются эти лица! Монологи и разговоры въ современныхъ романахъ немногимъ ниже монологовъ псевдоклассической трагедіи. — „Въ художественномъ произведеніи все должно быть облечено красотою“; — одно изъ условій красоты — развитіе всѣхъ подробностей изъ завязки сюжета; и намъ даются такіе глубоко обдуманые планы дѣйствованія, какихъ почти никогда не составляютъ люди въ настоящей жизни; а если выводимое лицо сдѣлаетъ какъ-нибудь инстинктивный, необдуманный шагъ, авторъ считаетъ необходимымъ оправдывать его изъ сущности характера этого лица, а критики остаются недовольны тѣмъ, что „дѣйствіе не мотивировано“ — какъ будто бы оно мотивируется всегда индивидуальнымъ характеромъ, а не общими качествами человѣческаго сердца и обстоятельствами. „Красота требуетъ законченности характеровъ“ — и вмѣсто лицъ живыхъ, разнообразныхъ при всей своей типичности, драматургъ или романистъ даетъ неподвижныя статуи. „Красота художественнаго произведенія требуетъ законченности разговоровъ“ — и вмѣсто живого разговора ведутся искусственныя бесѣды, въ которыхъ разговаривающіе волею и неволею высказываютъ свой характеръ. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ монотонность произведеній поэзіи: люди всѣ на одинъ ладъ, событія развиваются по извѣстнымъ рецептамъ, съ первыхъ страницъ видно, что будетъ дальше, и не только, что будетъ, но и какъ будетъ. Возвратимся однако къ вопросу о существенномъ значеніи искусства.

Первое и общее значеніе всѣхъ произведеній искусства, сказали мы, — воспроизведеніе интересныхъ для человѣка явленій дѣйствительной жизни. Подъ дѣйствительною жизнью, конечно, понимаются не только отношенія человѣка къ предметамъ и существамъ объективнаго міра, но и внутренняя жизнь его; иногда человѣкъ живетъ мечтами — тогда мечты имѣютъ для него (до нѣкоторой степени и на нѣкоторое время) значеніе чего-то объективнаго; еще чаще человѣкъ живетъ въ мірѣ своего чувства; эти состоянія, если достигаютъ интересности, также воспроизводятся искусствомъ. Мы упомянули объ этомъ, чтобы показать, какъ нашимъ опредѣленіемъ обнимается и фантастическое содержаніе искусства.

Но мы говорили выше, что кромѣ воспроизведенія, искусство имѣетъ еще другое значеніе — объясненіе жизни; до нѣкоторой степени это доступно всѣмъ искусствамъ: часто достаточно обратить вниманіе на предметъ (что всегда и дѣлаетъ искусство), чтобы объяснить его значеніе или заставить лучше понять жизнь. Въ этомъ смыслѣ искусство ничѣмъ не отличается отъ разсказа о предметѣ; различіе только въ томъ, что искусство вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, нежели простой разсказъ, тѣмъ болѣе ученый разсказъ: подъ формою жизни мы гораздо легче знакомимся съ предметомъ, гораздо скорѣе начинаемъ интересоваться имъ, нежели тогда, когда находимъ сухое указаніе на предметъ. Романы Купера болѣе, нежели этногра-

фическіе рассказы и разсужденія о важности изученія быта дикарей, познакомили общество съ ихъ жизнью. Но если всѣ искусства могутъ указывать новыя интересныя предметы, то поэзія всегда по необходимости указываетъ рѣзко и ясно на существенныя черты предмета. Живопись воспроизводитъ предметъ со всѣми подробностями, скульптура также; поэзія не можетъ объять слишкомъ много подробностей и, по необходимости выпуская изъ своихъ картинъ очень многое, сосредоточиваетъ наше вниманіе на удержанныхъ чертахъ. Въ этомъ видятъ преимущество поэтическихъ картинъ предъ дѣйствительностью; но то же самое дѣлаетъ и каждое отдѣльное слово съ своимъ предметомъ: въ словѣ (въ понятіи) также выпущены всѣ случайныя и оставлены однѣ существенныя черты предмета; можетъ быть, для неопытнаго соображенія слово яснѣе самаго предмета; но это уясненіе есть только ослабленіе. Мы не отрицаемъ относительной пользы компендіумовъ; но не думаемъ, чтобы Русская исторія Таппе, очень полезная для дѣтей, была лучше Исторіи Карамзина, изъ которой извлечена. Предметъ или событіе въ поэтическомъ произведеніи можетъ быть удобопонятнѣе, нежели въ самой дѣйствительности; но мы признаемъ за нимъ только достоинство живого и яснаго указанія на дѣйствительность, а не самостоятельное значеніе, которое могло бы соперничествовать съ полною дѣйствительною жизнью. Нельзя не прибавить, что всякій прозаическій рассказъ дѣлаетъ то же самое, что поэзія. Сосредоточеніе вниманія на существенныхъ чертахъ предмета не есть характеристическая особенность поэзіи, а общее свойство разумной рѣчи.

Существенное значеніе искусства—воспроизведеніе того, чѣмъ интересуется человѣкъ въ дѣйствительности. Но интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, еслибъ и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи — вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка. Бываютъ люди, у которыхъ сужденіе о явленіяхъ жизни состоитъ почти только въ томъ, что они обнаруживаютъ расположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ дѣйствительности, избѣгаютъ другихъ; это люди, у которыхъ умственная дѣятельность слаба; когда подобный человѣкъ—поэтъ или художникъ, его произведенія не имѣютъ другого значенія, кромѣ того, что воспроизводятъ любимыя имъ стороны жизни. Но если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіемъ жизни, одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому кромѣ него не интересными), въ его картинахъ или романахъ, поэмахъ, драмахъ будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью.

Это направлѣніе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (напр., въ живописи можно указать на картины изъ быта и на многія историческія), но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства, оставаясь въ области искусства, приобретаетъ значеніе научное. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи произведенія искусства не находятъ себѣ ничего соответствующаго въ дѣйствительности, — но только по формѣ; что касается до содержанія, до самыхъ вопросовъ, предлагающихся или разрѣшаемыхъ искусствомъ, они все найдутся въ дѣйствительной жизни, только безъ преднамѣренности, безъ *arrière — pensée*. Предположимъ, что въ произведеніи искусства развивается мысль: „временное уклоненіе отъ прямого пути не погубить сильной натуры“; или „одна крайность вызываетъ другую“; или изображается распадѣніе человѣка съ самимъ собою; или, если угодно, борьба страстей съ высшими стремленіями (мы указываемъ различныя основныя идеи, которыя видѣли въ „Фаустѣ“) — развѣ не представляются въ дѣйствительной жизни случаи, въ которыхъ развивается то же самое положеніе? Развѣ изъ наблюденія жизни не выводится высокая мудрость? Развѣ наука не есть простое отвлеченіе жизни, подведеніе жизни подъ формулы? Все, что высказывается наукою и искусствомъ, найдется въ жизни, и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, со всеми живыми подробностями, въ которыхъ обыкновенно и лежитъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются наукою и искусствомъ, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ событіяхъ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страдаетъ всякое человѣческое произведеніе; — какъ поученіе, какъ наука, жизнь полнѣе, правдивѣе, даже художественнѣе всѣхъ твореній ученыхъ и поэтовъ. Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано; правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь; но ихъ извлекли для насъ геніальные люди, безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе. Наука и искусство (поэзія) — „Handbuch“ для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе — приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности.

Соединяя все сказанное, получимъ слѣдующее воззрѣніе на искусство: существенное значеніе искусства — воспроизведеніе всего, что интересно для человѣка въ жизни; очень часто, особенно въ произведеніяхъ поэзіи, выступаетъ также на первый планъ объясненіе жизни, приговоръ о явленіяхъ ея. Искусство относится къ жизни совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія рассказываетъ о жизни человѣчества, заботясь болѣе всего о фактической правдѣ, искусство даетъ о жизни людей рассказы, въ которыхъ фактическая правда замѣняется

вѣрностью психологической и нравственной истинѣ. Первая задача исторіи — воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всѣми историками — объяснить ее; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для настоящаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; думая о второй задачѣ, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе пріобрѣтаетъ чрезъ это научное достоинство. Совершенно то же самое надобно сказать объ искусствѣ. Исторія не имѣетъ притязанія соперничествовать съ дѣйствительною историческою жизнью, сознается, что ея картины блѣдны, неполны, болѣе или менѣе невѣрны или по крайней мѣрѣ односторонни. Эстетика должна признать, что искусство точно такъ же и по тѣмъ же самымъ причинамъ не должно и думать сравниться съ дѣйствительностью, тѣмъ болѣе превзойти ее красотою.

Но гдѣ же творческая фантазія при такомъ воззрѣніи на искусство? Какая же роль представляется ей? Не будемъ говорить о томъ, откуда проистекаетъ въ искусствѣ право фантазіи видоизмѣнять видѣнное и слышанное поэтомъ. Это ясно изъ цѣли поэтическаго созданія, отъ котораго требуется вѣрное воспроизведеніе извѣстной стороны жизни, а не какого-нибудь отдѣльнаго случая; посмотримъ только, въ чемъ необходимость внимательства фантазіи, какъ способности передѣлывать (посредствомъ комбинаціи) воспринятое чувствами и создавать нѣчто новое по формѣ. Предполагаемъ, что поэтъ беретъ изъ опыта собственной жизни событіе, вполне ему извѣстное (это случается не часто; обыкновенно многія существенно важныя подробности остаются мало извѣстны, и для связности разсказъ долженъ быть пополняемъ соображеніемъ); предполагаемъ также, что взятое событіе совершенно закончено въ художественномъ отношеніи, такъ что простой разсказъ о немъ былъ бы вполне художественнымъ произведеніемъ, т.-е. беремъ случай, когда внимательство комбинирующей фантазіи кажется наименѣе нужнымъ. — Какъ бы сильна ни была память, она не въ состояніи удерживать всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя неважны для сущности дѣла; но многія изъ нихъ нужны для художественной полноты разсказа, и должны быть заимствованы изъ другихъ сценъ, оставшихся въ памяти поэта (напр. введеніе разговора, описанія мѣстности и т. д.); правда, что дополненіе событія этими подробностями еще не измѣняетъ его, и различіе художественнаго разсказа отъ передаваемого въ немъ событія ограничивается пока формою. Но не этимъ исчерпывается внимательство фантазіи. Событіе въ дѣйствительности было перенутано съ другими событіями, находившимися съ нимъ только во внѣшнемъ сцѣпленіи, безъ существенной связи; когда мы будемъ отдѣлять избранное нами событіе отъ другихъ происшествій и отъ ненужныхъ эпизодовъ, мы увидимъ, что это отдѣленіе оставитъ новыя пробѣлы въ жизненной полнотѣ разсказа; поэтъ опять долженъ будетъ восполнять ихъ. Этого мало; отдѣленіе не только отнимаетъ жизненную полноту у многихъ моментовъ событія, но часто измѣняетъ ихъ характеръ — и событіе явится въ разсказѣ уже не такимъ, каково было въ дѣйствительности, или, для сохраненія сущности его, поэтъ принужденъ будетъ измѣнять многія подробности, которыя имѣютъ истинный смыслъ въ событіи только при его дѣйствительной обстановкѣ, отнимаемой изолирующимъ раз-

скажемъ. Какъ видимъ, кругъ дѣятельности творческихъ силъ поэта очень мало стѣсняется нашими понятіями о сущности искусства. Но предметъ нашего изслѣдованія — искусство, какъ объективное произведеніе, а не субъективная дѣятельность поэта; потому было бы неумѣстно вдаваться въ исчисленіе различныхъ отношеній поэта къ матеріаламъ его произведенія: мы показали одно изъ этихъ отношеній, наименѣе благопріятствующее самостоятельности поэта, и нашли, что при нашемъ воззрѣніи на сущность искусства, художникъ и въ этомъ положеніи не теряетъ существеннаго характера, принадлежащаго не поэту или художнику въ частности, а вообще человѣку во всей его дѣятельности,—того существеннѣйшаго человѣческаго права и качества, чтобы смотрѣть на объективную дѣйствительность только какъ на поле своей дѣятельности. Еще обширнѣе кругъ внимательства комбинирующей фантазіи при другихъ обстоятельствахъ: когда, напримѣръ, поэту не вполне извѣстны подробности событія, когда онъ знаетъ о немъ (и дѣйствующихъ лицахъ) только по чужимъ разсказамъ, всегда одностороннимъ, невѣрнымъ или неполнымъ въ художественномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ съ личной точки зрѣнія поэта. Но необходимость комбинировать и видоизмѣнять проистекаетъ не изъ того, чтобы дѣйствительная жизнь не представляла тѣхъ явленій, которые хочетъ изобразить поэтъ или художникъ и не представляла ихъ въ видѣ, гораздо болѣе полномъ, чѣмъ какой могутъ они получить въ произведеніи искусства; а изъ того, что картина дѣйствительной жизни принадлежитъ не той сферѣ бытія, какъ дѣйствительная жизнь; различіе рождается отъ того, что поэтъ не располагаетъ тѣми средствами, какими располагаетъ дѣйствительная жизнь. При переложеніи оперы для фортепьяно теряется бѣлая и лучшая часть подробностей и эффектовъ; многое рѣшительно не можетъ быть съ человѣческаго голоса или съ полного оркестра переведено на жалкій, блѣдный, мертвый инструментъ, который долженъ по мѣрѣ возможности воспроизвести оперу; потому при арранжировкѣ многое должно быть передѣлываемо, многое дополняемо—не съ тою надеждою, что въ арранжировкѣ опера выйдетъ лучше, нежели въ первоначальномъ своемъ видѣ, а для того, чтобы сколько-нибудь вознаградить необходимую порчу оперы при арранжировкѣ; не потому, чтобы арранжировщикъ исправлялъ ошибки композитора, а просто потому, что онъ не располагаетъ тѣми средствами, какими владѣетъ композиторъ. Еще больше различія въ средствахъ дѣйствительной жизни и поэта. Переводчикъ поэтического произведенія съ одного языка на другой долженъ до нѣкоторой степени передѣлывать переводимое произведеніе; какъ же не являться необходимости передѣлки при переводѣ событія съ языка жизни на скудный, блѣдный, мертвый языкъ поэзіи?

Апологія дѣйствительности сравнительно съ фантазією, стремленіе доказать, что произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью, вотъ сущность этого разсужденія.—Говорить объ искусствѣ такъ, какъ говоритъ авторъ, не значитъ ли унижать искусство? — Да, если показывать, что искусство *ниже* дѣйствительной жизни

по художественному совершенству своихъ произведеній, значить унижать искусство; но возставать противъ панегириковъ не значить еще быть хулителемъ. Наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унижительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея—понять и объяснить дѣйствительность, потомъ примѣнить ко благу человѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его: для вознагражденія человѣка въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью, воспроизвести по мѣрѣ силъ, эту драгоцѣнную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее.

Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности быть нѣкоторою замѣною ей и быть для человѣка учебникомъ жизни.

Дѣйствительность выше мечты, и существенное значеніе выше фантастическихъ притязаній.

Задачею автора было изслѣдовать вопросъ объ эстетическихъ отношеніяхъ произведеній искусства къ явленіямъ жизни, рассмотреть справедливость господствующаго мнѣнія, будто бы истинно-прекрасное, которое принимается существеннымъ содержаніемъ произведеній искусства, не существуетъ въ объективной дѣйствительности и осуществляется только искусствомъ. Съ этимъ вопросомъ неразрывно связаны вопросы о сущности прекраснаго и о содержаніи искусства. Изслѣдованіе вопроса о сущности прекраснаго привело автора къ убѣжденію, что прекрасное есть—жизнь. Послѣ такого рѣшенія надобно было изслѣдовать понятія возвышеннаго и трагическаго, которыя, по обыкновенному опредѣленію прекраснаго, подходятъ подъ него, какъ моменты; и надобно было признать, что возвышенное и прекрасное—неподчиненные другъ другу предметы искусства. Это уже было важнымъ пособіемъ для рѣшенія вопроса о содержаніи искусства. Но если прекрасное есть жизнь, то самъ собою рѣшается вопросъ объ эстетическомъ отношеніи прекраснаго въ искусствѣ къ прекрасному въ дѣйствительности. Пришедши къ выводу, что искусство не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ недовольству человѣка прекраснымъ въ дѣйствительности, мы должны были отыскивать, вслѣдствіе какихъ потребностей возникаетъ искусство и изслѣдовать его истинное значеніе. Вотъ главнѣйшіе изъ выводовъ, къ которымъ привело это изслѣдованіе:

1) Опредѣленіе прекраснаго: „прекрасное есть полное проявленіе общей идеи въ индивидуальномъ явленіи“ не выдерживаетъ критики; оно слишкомъ широко, будучи опредѣленіемъ формальнаго стремленія всякой чело-вѣческой дѣятельности.

2) Истинное опредѣленіе прекраснаго таково: „прекрасное есть жизнь“; прекраснымъ существомъ кажется человѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ; прекрасный предметъ, тотъ предметъ, который напоминаетъ ему о жизни.

3) Это объективное прекрасное, или прекрасное по своей сущности, должно отличать отъ совершенства формы, которое состоитъ въ единствѣ

идеи и формы или въ томъ, что предметъ вполне удовлетворяетъ своему назначенію.

4) Возвышенное дѣйствуетъ на человѣка вовсе не тѣмъ, что пробуждаетъ идею абсолютнаго; оно почти никогда не пробуждаетъ ея.

5) Возвышеннымъ кажется человѣку то, что гораздо больше предметовъ или гораздо сильнѣе явленій, съ которыми сравнивается человѣкомъ.

6) Трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеею судьбы или необходимости. Въ дѣйствительной жизни трагическое большею частью случайно, не вытекаетъ изъ сущности предшествующихъ моментовъ. Форма необходимости, въ которую облекается оно искусствомъ, слѣдствіе обыкновеннаго принципа произведеній искусства: „развязка должна вытекать изъ завязки“, или неумѣстное подчиненіе поэта понятіямъ о судьбѣ.

7) Трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть „ужасное въ жизни человѣка“.

8) Возвышенное (и моментъ его, трагическое) не есть видоизмѣненіе прекраснаго; идеи возвышеннаго и прекраснаго совершенно различны между собою; между ними нѣтъ ни внутренней связи, ни внутренней противоположности.

9) Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи. Образы фантазіи только блѣдная и почти всегда неудачная передѣлка дѣйствительности.

10) Прекрасное въ объективной дѣйствительности вполне прекрасно.

11) Прекрасное въ объективной дѣйствительности совершенно удовлетворяетъ человѣка.

12) Искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить недостатки прекраснаго въ дѣйствительности.

13) Созданія искусства ниже прекраснаго въ дѣйствительности не только потому, что впечатлѣніе, производимое дѣйствительностью, живѣе впечатлѣнія, производимаго сознаніями искусства: созданія искусства ниже прекраснаго (точно такъ же, какъ ниже возвышеннаго, трагическаго, комическаго) въ дѣйствительности и съ эстетической точки зрѣнія.

14) Область искусства не ограничивается областью прекраснаго въ эстетическомъ смыслѣ слова, прекраснаго по живой сущности своей, а не только по совершенству формы: искусство воспроизводитъ все, что есть интереснаго для человѣка въ жизни.

15) Совершенство формы (единство идеи и формы) не составляетъ характеристической черты искусства въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныхъ искусствъ); прекрасное какъ единство идеи и образа или какъ полное осуществленіе идеи есть цѣль стремленія искусства въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова или „умѣнья“, цѣль всякой практической дѣятельности человѣка.

16) Потребность, рождающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящныя искусства), есть та же самая, которая очень ясно выказывается въ портретной живописи. Портретъ пишется не потому, чтобы черты живого человѣка не удовлетворили насъ; а для того, чтобы помочь нашему воспоминанію о живомъ человѣкѣ, когда его нѣтъ передъ нашими глазами, и дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ людямъ, которые не имѣли случая

его видѣть. Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности.

17) Воспроизведеніе жизни—общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его; часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе—объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.

Соч. Н. Чернышевскаго. Спб. 1855 *).

Системы понятій, изъ которыхъ развились господствующія доселѣ эстетическія идеи, уступили нынѣ мѣсто другимъ воззрѣніямъ на міръ и человѣческую жизнь, быть можетъ, менѣе заманчивымъ для фантазіи, но болѣе сообразнымъ съ выводами, которые даетъ строгое, непредубѣжденное изслѣдованіе фактовъ при настоящемъ развитіи естественныхъ, историческихъ и нравственныхъ наукъ. Авторъ разсматриваемой нами книги думаетъ, что при тѣсной зависимости эстетики отъ общихъ нашихъ понятій должна подвергнуться преобразованію и теорія искусства. Мы не беремся рѣшить, до какой степени справедлива его собственная теорія, предлагаемая въ замѣну прежней—это рѣшить время, и самъ г. Чернышевскій признается, что „въ его изложеніи можетъ найтись неполнота, недостаточность или односторонность“; но дѣйствительно надобно согласиться, что господствующія эстетическія убѣжденія, лишенная современнымъ анализомъ метафизическихъ основаній, на которыхъ такъ самоувѣренно возвысились въ концѣ предыдущаго и началѣ нынѣшняго вѣка, должны искать себѣ другихъ опоръ, или уступить мѣсто другимъ понятіямъ, если не будутъ вновь подтверждены строгимъ анализомъ. Авторъ положительно увѣренъ, что теорія искусства должна получить новый видъ—мы готовы предположить, что это такъ и должно быть, потому что трудно устоять отдѣльной части общаго философскаго зданія, когда оно все перестраивается. Въ какомъ же духѣ должна измѣниться теорія искусства? „Уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣрчивость къ апріорическимъ, хотя бѣ и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукахъ“, говоритъ онъ, и ему кажется, что „необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія“. Чтобы достичь этой цѣли, сначала онъ подвергаетъ анализу прежнія понятія о сущности прекраснаго, возвышеннаго, трагическаго, объ отношеніи фантазіи къ дѣйствительности, о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью, о содержаніи и существенномъ значеніи искусства, или о потребности, изъ которой происходитъ стремленіе человѣка

*) Авторъ настоящей статьи, подписанной псевдонимомъ Н. П.—ъ, —Н. Г. Чернышевскій.

къ созданію произведеній искусства. Обнаруживъ, какъ ему кажется, что эти понятія не выдерживаютъ критики, онъ изъ анализа фактовъ старается извлечь новыя понятія, по его мнѣнію болѣе соотвѣтствующія общему характеру идей, принимаемыхъ наукою въ наше время. Мы сказали уже, что не беремся рѣшать, до какой степени справедливы или несправедливы мнѣнія автора, и ограничимся только изложеніемъ ихъ, замѣчая недостатки, особенно поразившіе насъ. Литература и поэзія имѣютъ для насъ, русскихъ, такое огромное значеніе, какого, можно сказать навѣрное, не имѣютъ нигдѣ, и потому вопросы, которыхъ касается авторъ, заслуживаютъ, кажется намъ, вниманія читателей.

Но дѣйствительно ли заслуживаютъ?—въ этомъ очень позволительно усомниться, потому что и самъ авторъ, повидимому, не совершенно въ томъ увѣренъ. Онъ считаетъ нужнымъ оправдываться въ выборѣ предмета для своего изслѣдованія:

„Нынѣ вѣкъ монографій, говоритъ онъ въ предисловіи, и мое сочиненіе можетъ подвергнуться упреку въ несовременности. Зачѣмъ авторъ избралъ такой общій, такой обширный вопросъ, какъ эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, предметомъ своего изслѣдованія? Почему не избралъ онъ какого-нибудь спеціальнаго вопроса, какъ это нынѣ болѣею частью дѣлается?“ „Автору кажется—отвѣчаетъ онъ въ свое оправданіе—что бесполезно толковать объ основныхъ вопросахъ науки только тогда, когда нельзя сказать о нихъ ничего новаго и основательнаго. Но когда выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія на основные вопросы нашей спеціальной науки, и можно и должно высказать эти основныя идеи, *если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ*“.

А намъ кажется, что авторъ или не совершенно ясно понимаетъ положеніе дѣла, или очень скрытенъ. Намъ кажется, что напрасно не подражалъ онъ одному писателю, который къ своимъ сочиненіямъ сочинилъ слѣдующаго рода предисловіе:

„Мои сочиненія—обветшалый хламъ, потому что нынѣ вовсе не слѣдуетъ толковать о предметахъ, сущность которыхъ разоблачается мною; но такъ какъ многіе не находятъ для своего ума болѣе живого занятія, то для нихъ будетъ не бесполезно предпринимаемое мною изданіе“.

Еслибы г. Чернышевскій рѣшился послѣдовать этой примѣрной откровенности, то онъ могъ бы сказать въ предисловіи такъ: „Признаюсь, что нѣтъ особенной необходимости распространяться объ эстетическихъ вопросахъ въ наше время, когда они стоятъ въ наукѣ на второмъ планѣ; но такъ какъ многіе пишутъ о предметахъ, имѣющихъ еще гораздо менѣе внутренняго содержанія, то и я имѣлъ полное право писать объ эстетикѣ, неоспоримо представляющей для мысли хотя нѣкоторый интерес“. Онъ могъ бы также сказать: „Конечно, есть науки, интересныя болѣе эстетики; но мнѣ о нихъ не удалось написать ничего; не пишутъ о нихъ и другіе; а такъ какъ „за недостаткомъ лучшаго, человѣкъ довольствуется и худшимъ“ („Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, стр. 86), то и вы, любезные читатели, удовольствуйтесь „Эстетическими отношеніями

искусства къ дѣйствительности". Такое предисловіе было бы откровенно и прекрасно.

Дѣйствительно, эстетика можетъ представить нѣкоторый интересъ для мысли, потому что рѣшеніе задачъ ея зависить отъ рѣшенія другихъ, болѣе интересныхъ вопросовъ, и мы надѣемся, что съ этимъ согласится каждый, знакомый съ хорошими сочиненіями по этой наукѣ. Но г. Чернышевскій слишкомъ бѣгло проходитъ пункты, въ которыхъ эстетика соприкасается съ общою системою понятій о природѣ и жизни. Излагая господствующую теорію искусства, онъ почти не говоритъ о томъ, на какихъ общихъ основаніяхъ она построена, и разбираетъ по листочку только ту вѣтвь „мысленнаго древа“ (слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ доморощенныхъ мыслителей, употребимъ выраженіе „Слова о Полку Игоревѣ“), которая спеціально его занимаетъ, не объясняя намъ, что это за дерево, породившее такую вѣтвь, хотя извѣстно, что подобныя умолчанія нимало не выгодны для ясности. Точно такъ же, излагая собственныя эстетическія понятія, онъ подтверждаетъ ихъ только фактами, заимствованными изъ области эстетики, не излагая общихъ началъ, изъ приложенія которыхъ къ эстетическимъ вопросамъ образовалась его теорія искусства, хотя, по собственному выраженію, только „приводить эстетическіе вопросы къ тому знаменателю, который дается современными понятіями науки о жизни и мірѣ“. Это, по нашему мнѣнію, важный недостатокъ, и онъ причиною того, что внутренній смыслъ теоріи, принимаемой авторомъ, можетъ для многихъ показаться темнымъ, а мысли, развиваемыя авторомъ—принадлежащими лично автору—на что онъ, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть ни малѣйшаго притязанія: онъ самъ говоритъ, что если прежняя теорія искусства, имъ отвергаемая, сохраняется доселѣ въ курсахъ эстетики, то „взглядъ, имъ принимаемый, постоянно высказывается въ литературѣ и въ жизни“ (стр. 92). Онъ самъ говоритъ: „Воззрѣніе на искусство, нами принимаемое, истекаетъ изъ воззрѣній, принимаемыхъ новѣйшими нѣмецкими эстетиками (и опровергаемыхъ авторомъ), и возникаетъ изъ нихъ чрезъ діалектическій процессъ, направленіе котораго опредѣляется общими идеями современной науки. Итакъ, непосредственнымъ образомъ связано оно съ двумя системами идей—начала нынѣшняго вѣка съ одной стороны, послѣднихъ *(двухъ, прибавимъ отъ себя)* десятилѣтій съ другой“ (стр. 90). Какъ же послѣ этого, спрашиваемъ мы, не изложить, насколько то нужно, этихъ двухъ системъ общаго воззрѣнія на міръ? Ошибка, совершенно непонятная для cadaго, кромѣ, быть можетъ, самого автора, и во всякомъ случаѣ чрезвычайно ощутительная.

Принявъ на себя роль простаго излагателя теоріи, предлагаемой авторомъ, рецензентъ долженъ исполнить то, что долженъ былъ бы сдѣлать, но не сдѣлалъ онъ самъ для объясненія своихъ мыслей.

Въ послѣднее время довольно часто различаются „дѣйствительныя, серьезныя, истинныя“ желанія, стремленія, потребности человѣка отъ „мнимыхъ, фантастическихъ, праздныхъ, не имѣющихъ дѣйствительнаго значенія въ глазахъ самого человѣка, ихъ высказывающаго или воображающаго имѣть ихъ“. Въ примѣръ человѣка, у котораго очень развиты мнимыя,

фантастическія стремленія, на самомъ дѣлѣ совершенно ему чуждыя, можно указать превосходное лицо Грушницкаго въ „Героѣ нашего времени“. Этотъ забавный Грушницкій изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы чувствовать то, чего вовсе не чувствуетъ, достичь того, чего ему въ сущности вовсе не нужно. Онъ хочетъ быть раненъ, онъ хочетъ быть простымъ солдатомъ, хочетъ быть несчастливъ въ любви, приходитъ въ отчаяніе и т. д. — онъ не можетъ жить, не обладая этими обольстительными для него качествами и благами. Но какою горестью поразила-бъ его судьба, еслибъ вздумала исполнить его желанія! Онъ отказался бы навсегда отъ любви, еслибъ думалъ, что какая бы то ни было дѣвушка можетъ не влюбиться въ него. Онъ тайнѣ мучится тѣмъ, что онъ еще не офицеръ, не помнитъ себя отъ восторга, когда получаетъ извѣстіе о желанномъ производствѣ, и съ презрѣніемъ бросаетъ свой прежній костюмъ, которымъ на словахъ такъ гордился. Въ каждомъ человѣкѣ есть частица Грушницкаго. Вообще у человѣка, при фальшивой обстановкѣ, бываетъ много фальшивыхъ желаній. Прежде не обращали вниманія на это важное обстоятельство, и какъ скоро замѣчали, что человѣкъ имѣетъ склонность мечтать о чемъ бы то ни было, тотчасъ же провозглашали всякую прихоть болѣзненного или празднаго воображенія коренною и неотъемлемою потребностью человѣческой природы, необходимо требующею себѣ удовлетворенія. И какихъ неотъемлемыхъ потребностей ни находили въ человѣкѣ! Всѣ желанія и стремленія человѣка объявлены были безграничными, ненасытными. Теперь это дѣлается съ большею осмотрительностью. Теперь разсматриваютъ, при какихъ обстоятельствахъ развиваются извѣстные желанія, при какихъ обстоятельствахъ они затихаютъ. Въ результатѣ оказался очень скромный, но съ тѣмъ вмѣстѣ и очень утѣшительный фактъ: въ сущности потребности человѣческой природы очень умѣренны; онѣ достигаютъ фантастически громаднаго развитія только вслѣдствіе крайности, только при болѣзненномъ раздраженіи человѣка неблагоприятными обстоятельствами, при совершенномъ отсутствіи сколько, нибудь порядочнаго удовлетворенія. Даже самыя страсти человѣка „кипятъ бурнымъ потокомъ“ только тогда, когда встрѣчаютъ слишкомъ много препятствій; а когда человѣкъ поставленъ въ благоприятныя обстоятельства, страсти его перестаютъ клокотать, и, сохраняя свою силу, теряютъ безпорядочность, всепожирающую жадность и разрушительность. Здоровый человѣкъ вовсе не прихотливъ. У г. Чернышевскаго приведено — случайно, и въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія — нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Мнѣніе, будто бы „желанія человѣческія безиредѣльны“, говоритъ онъ, ложно въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается, въ смыслѣ, что „никакая дѣйствительность не можетъ удовлетворить ихъ“; напротивъ, человѣкъ удовлетворяется не только „наилучшимъ, что можетъ быть въ дѣйствительности“, но и довольно посредственною дѣйствительностью. Надобно различать то, что чувствуется на самомъ дѣлѣ, отъ того, что только говорится. Желанія раздражаются мечтательнымъ образомъ до горячечнаго напряженія только при совершенномъ отсутствіи здоровой, хотя бы и довольно простой пищи. Это фактъ, доказываемый всею исторіею человѣчества, и испытанный на себѣ каждымъ,

кто жилъ и наблюдалъ себя. Онъ составляетъ частный случай общаго закона человѣческой жизни, что страсти достигаютъ неумѣреннаго развитія только вслѣдствіе ненормальнаго положенія предающагося имъ человѣка и только въ томъ случаѣ, когда естественная и въ сущности довольно спокойная потребность, изъ которой возникаетъ та или другая страсть, слишкомъ долго не находила себѣ соотвѣтственнаго удовлетворенія, спокойнаго и далеко не титаническаго. Несомнѣнно то, что организмъ человѣка не требуетъ и не можетъ выносить слишкомъ бурныхъ и слишкомъ напряженныхъ удовлетвореній; несомнѣнно и то, что въ здоровомъ человѣкѣ стремленія соразмѣрны съ силами организма.—Надобно только замѣтить, что подъ „здоровьемъ“ человѣка здѣсь понимается и нравственное здоровье. Горячка, жаръ бываетъ вслѣдствіе простуды; страсть, нравственная горячка, такая же болѣзнь, и также овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ подвергся разрушительному вліянію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. За примѣрами ходить не далеко—страсть по преимуществу, „любовь“, какая описывается въ сотняхъ трескучихъ романовъ, теряетъ свою романическую бурливость, какъ скоро препятствія отстранены и любящаяся чета соединилась бракомъ;—значитъ ли это, что мужъ и жена любятъ другъ друга менѣе сильно, нежели любили въ бурный періодъ, когда ихъ соединенію мѣшали препятствія? Вовсе нѣтъ: каждому извѣстно, что если мужъ и жена живутъ согласно и счастливо, то взаимная привязанность ихъ усиливается съ каждымъ годомъ, и наконецъ достигаетъ такого развитія, что они буквально „не могутъ жить другъ безъ друга“, и если одному изъ нихъ случится умереть, то для другого жизнь навѣки теряетъ свою прелесть, теряетъ въ буквальномъ смыслѣ слова, а не только на словахъ. А между тѣмъ эта чрезвычайно сильная любовь дѣйствительно не представляетъ ничего бурнаго—почему? потому только, что ей не мѣшаютъ препятствія.—Фантастически неумѣренныя мечты овладѣваютъ нами только тогда, когда мы слишкомъ скудны въ дѣйствительности. Лежа на голыхъ доскахъ, человѣкъ можетъ мечтать о пуховикѣ изъ гагачьяго пуха (продолжаетъ г. Чернышевскій) здоровый человѣкъ, у котораго есть, хотя не роскошная, но довольно мягкая и удобная постель, не находитъ ни повода, ни влеченія мечтать о гагачьихъ пуховикахъ. Если человѣку пришлось жить среди сибирскихъ тундръ, онъ можетъ мечтать о волшебныхъ садахъ съ невиданными на землѣ деревьями, у которыхъ коралловые вѣтви, изумрудные листья, рубиновые плоды; но переселившись не далѣе какъ въ Курскую или Киевскую губернію, получивъ полную возможность гулять досыта по небогатому, но порядочному саду съ яблонями, вишнями, грушами, мечтатель навѣрное забудетъ не только о садахъ „Тысячи и одной ночи“, но и о лимонныхъ рощахъ Испаніи. Воображеніе строить свои воздушныя замки тогда, когда нѣтъ на дѣлѣ не только хорошаго дома, даже сносной избышки. Оно разыгрывается тогда, когда не заняты чувства; отсутствіе удовлетворительной обстановки въ дѣйствительности—источникъ жизни въ фантазіи. Но едва дѣлается дѣйствительность ссною, скучны и блѣдны кажутся намъ передъ нею всѣ мечты воображенія.—Этотъ неоспоримый фактъ, что самыя роскошныя и блестящія, повидимому, мечты забываются

и покидаются нами, какъ неудовлетворительныя, какъ скоро окружаютъ насъ явленія дѣйствительной жизни, служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что мечты воображенія далеко уступаютъ своею красотою и привлекательностью тому, что представляетъ намъ дѣйствительность. Въ этомъ понятіи состоитъ одно изъ существеннѣйшихъ различій между устарѣвшимъ міросозерцаніемъ, подъ вліяніемъ котораго возникали трансцендентальныя системы науки, и нынѣшнимъ воззрѣніемъ науки на природу и жизнь. Нынѣ наука признаетъ высокое превосходство дѣйствительности передъ мечтою, узнавъ блѣдность и неудовлетворительность жизни, погруженной въ мечты фантазіи; прежде, безъ строгаго изслѣдованія, принимали, что мечты воображенія въ самомъ дѣлѣ выше и привлекательнѣе явленій дѣйствительной жизни. Въ литературной области это прежнее предпочтеніе мечтательной жизни выразилось романтизмомъ.

Но, какъ мы говорили, прежде не обращали вниманія на различіе между фантастическими мечтами и истинными стремленіями человѣческой природы, между потребностями, удовлетворенія которыхъ дѣйствительно требуютъ умъ и сердце человѣка, и воздушными замками, въ которыхъ человѣкъ не захотѣлъ бы жить, еслибъ они существовали, потому что въ нихъ нашелъ бы онъ только пустоту, холодъ и голодъ. Мечты праздною фантазіи очень, повидимому, блестящи; желанія здоровой головы и здороваго сердца очень умѣренны; потому, пока анализъ не показалъ, какъ блѣдны и жалки мечты фантазіи, разгулявшейся на пустомъ просторѣ, мыслители обманывались ихъ мнимо блестящими красками, и ставили ихъ выше дѣйствительныхъ предметовъ и явленій, какія встрѣчаетъ человѣкъ въ жизни. Но дѣйствительно ли силы нашей фантазіи такъ слабы, что не могутъ вознестись выше предметовъ и явленій, которыя мы знаемъ изъ опыта? Въ этомъ очень легко убѣдиться. Пусть каждый попробуетъ вообразить себѣ, напримѣръ, красавицу, черты лица которой были бы лучше, нежели черты прекрасныхъ лицъ, видѣнныхъ имъ въ дѣйствительности—каждый, если только внимательно будетъ разсматривать образы, создать которые силится его воображеніе, замѣтитъ, что эти образы нисколько не лучше лицъ, которыя могъ онъ видѣть своими глазами, что можно только думать: „я хочу вообразить себѣ человѣческое лицо прекраснѣе живыхъ лицъ, которыя я видѣлъ“, но въ самомъ дѣлѣ представить себѣ въ воображеніи что-либо прекраснѣе этихъ лицъ онъ не можетъ. Воображеніе—если захочетъ возвыситься надъ дѣйствительностью, будетъ рисовать только чрезвычайно неясныя, смутныя очерки, въ которыхъ мы ничего опредѣленнаго и дѣйствительно привлекательнаго не можемъ уловить. То же самое повторяется и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Я не могу ясно и опредѣленно вообразить себѣ, напримѣръ, кушанья, которое было бы вкуснѣе тѣхъ блюдъ, которыя мнѣ случалось ѣсть въ дѣйствительности; свѣта ярче того, какой видѣлъ я въ дѣйствительности (такъ мы, жители сѣвера, по общему отзыву всѣхъ путешественниковъ, не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія объ ослѣпительномъ свѣтѣ, проникающемъ атмосферу тропическихъ странъ), не можемъ вообразить ничего лучше той красоты, которую видѣли, ничего выше тѣхъ наслажденій, какія испытали въ дѣйствительной жизни. У

г. Чернышевскаго мы находимъ и эту мысль, но она опять высказана только случайно и вскользь, безъ надлежащаго развитія: силы творческой фантазіи, говоритъ онъ, очень ограниченны; она можетъ только составлять предметы изъ разнородныхъ частей (напр., вообразить лошадь съ птичьими крыльями) или увеличить предметъ въ объемъ (напр., представить орла величиною съ слона); но интенсивнѣе (т.-е. прекраснѣе по красотѣ, ярче, живѣе, прелестнѣе и т. д.) того, что мы видѣли или испытали въ дѣйствительной жизни, мы ничего не можемъ вообразить. Я могу представить себѣ солнце гораздо большимъ по величинѣ, нежели каково оно кажется въ дѣйствительности, но ярче того, какъ оно являлось мнѣ въ дѣйствительности, я не могу его вообразить. Точно также я могу представить себѣ человѣка выше ростомъ, толще и т. д., нежели тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; но лица, прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя случалось мнѣ видѣть въ дѣйствительности, я не могу вообразить. Между тѣмъ говорить можно все, что захочется; можно сказать: желѣзное золото, теплый ледъ, сахарная горечь и т. д.—правда, воображеніе наше не можетъ себѣ представить теплаго льда, желѣзнаго золота, и потому фразы эти остаются для насъ совершенно пустыми, не представляющими для фантазіи никакого смысла; но если не вникнуть въ то обстоятельство, что подобныя праздные фразы остаются непостижимы для фантазіи, напрасно усиливающейся представить предметы, о которыхъ онѣ говорятъ, то смѣшавъ пустые слова съ доступными для фантазіи представленіями, можно подумать, будто бы „мечты фантазіи гораздо богаче, полнѣе, роскошнѣе дѣйствительности“.

По этой-то ошибкѣ доходили до мнѣнія, что фантастическія (нелѣпныя, и потому темныя для самой фантазіи) мечты должны быть считаемы истинными потребностями человѣка. Всѣ высокопарныя, но въ сущности не имѣющія смысла, сочетанія словъ, какія придумываются празднымъ воображеніемъ, были объявлены въ высочайшей степени привлекательными для человѣка, хотя на самомъ дѣлѣ онъ просто забавляется ими отъ нечего дѣлать, и не воображаетъ себѣ подъ ними ничего, имѣющаго ясный смыслъ. Было даже объявлено, что дѣйствительность пуста и ничтожна предъ этими мечтами. Въ самомъ дѣлѣ, какая жалкая вещь дѣйствительное яблоко въ сравненіи съ алмазными и рубиновыми плодами Аладдиновыхъ садовъ, какія жалкія вещи дѣйствительное золото и дѣйствительное желѣзо въ сравненіи съ золотымъ желѣзомъ, этимъ дивнымъ металломъ, который блестящъ и неподверженъ ржавчинѣ какъ золото, дешевъ и твердъ, какъ желѣзо? Какъ жалка красота живыхъ людей, нашихъ родныхъ и знакомыхъ, въ сравненіи съ красотой дивныхъ существъ воздушнаго міра, этихъ невыразимо, невообразимо прекрасныхъ сильфидъ, гурій, пери и имъ подобныхъ! Какъ же не сказать, что дѣйствительность ничтожна предъ тѣмъ, къ чему стремится фантазія? Но при этомъ упущено изъ виду одно: мы рѣшительно не можемъ себѣ представить этихъ гурій, пери и сильфидъ иначе, какъ съ очень обыкновенными чертами дѣйствительныхъ людей, и сколько бы мы ни твердили своему воображенію: „представь мнѣ нѣчто прекраснѣе человѣка!“ — оно все-таки представляетъ намъ человѣка, и только человѣка, хотя и говоритъ хвастливо, что воображаетъ не человѣка, а какое-то бо-

лѣе прекрасное существо; или, если порывается создать что-нибудь самостоятельное, не имѣющее себѣ соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ безсиліи падаетъ, давая намъ такой туманный, блѣдный и неопредѣленный фантомъ, въ которомъ ровно ничего нельзя разсмотрѣть. Это замѣтила наука въ послѣднее время, и признала основнымъ фактомъ и въ наукѣ и во всѣхъ остальныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, что человѣкъ не можетъ вообразить себѣ ничего выше и лучше того, что встрѣчается ему въ дѣйствительности. А чего не знаешь, о чемъ не имѣешь ни малѣйшаго понятія, того нельзя и желать.

Пока не былъ признанъ этотъ важный фактъ, фантастическимъ мечтамъ вѣрили, въ буквальномъ смыслѣ, „на слово“, не изслѣдуя, представляютъ ли эти слова какой-нибудь смыслъ, даютъ ли они что-нибудь похожее на опредѣленный образъ, или остаются пустыми словами. Ихъ высокопарность почитали ручательствомъ за превосходство этихъ пустыхъ фразъ надъ дѣйствительностью, и всѣ человѣческія потребности и стремленія объясняли стремленіемъ къ туманнымъ и лишеннымъ всякаго существеннаго значенія фантомамъ. То была пора идеализма въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова.

Къ числу призраковъ, внесенныхъ въ науку такимъ образомъ, принадлежалъ призракъ фантастическаго совершенства: „человѣкъ удовлетворяется только абсолютнымъ, онъ требуетъ безусловнаго совершенства“. У г. Чернышевскаго опять встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ краткія и бѣглыя замѣчанія объ этомъ. Мнѣніе, будто человѣку непременно нужно „совершенство“, говоритъ онъ (стр. 39)—мнѣніе фантастическое, если подъ „совершенствомъ“ понимать (какъ и понимаютъ) такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всѣ возможные достоинства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какихъ отъ нечего дѣлать можетъ искать въ немъ праздная фантазія человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ сердцемъ. Нѣтъ, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 48), практическая жизнь человѣка убѣждаетъ насъ, что онъ ищетъ только приблизительнаго совершенства, которое, выражаясь строго, и не должно называться совершенствомъ. Человѣкъ ищетъ только „хорошаго“, а не „совершеннаго“. Совершенства требуетъ только чистая математика; даже прикладная математика довольствуется приблизительными вычисленіями. Требовать совершенства въ какой бы то ни было сферѣ жизни—дѣло отвлеченной, болѣзненной или праздной фантазіи. Мы хотимъ дышать чистымъ воздухомъ; но замѣчаемъ ли мы, что абсолютно чистъ воздухъ не бываетъ нигдѣ и никогда; вѣдь въ немъ всегда есть примѣсь ядовитой углекислоты и другихъ вредныхъ газовъ; но ихъ такъ мало, что они не дѣйствуютъ на нашъ организмъ, и потому они нисколько не мѣшаютъ намъ. Мы хотимъ пить чистую воду; но въ водѣ рѣкъ, ручьевъ, ключей всегда есть минеральныя примѣси—если ихъ мало (какъ всегда и бываетъ въ хорошей водѣ) онѣ вовсе не мѣшаютъ нашему наслажденію при утоленіи жажды водою. А совершенно чистая (дистиллированная) вода даже непріятна для вкуса. Эти примѣры слишкомъ матеріальны? Приведемъ другіе. Развѣ кому приходила мысль называть неученымъ, невѣждою человѣка, которому не *все* въ мірѣ извѣстно? Нѣтъ, мы и не ищемъ человѣка, которому было-бъ извѣстно *все*; мы требуемъ отъ

ученаго только, чтобы ему было извѣстно все *существенное* и, кромѣ того, *многія* (хотя далеко не *всѣ*) подробности. Развѣ мы недовольны, напр., историческою книгою, въ которой не всѣ рѣшительно вопросы объяснены, не всѣ рѣшительно подробности приведены, не всѣ до одного взгляды и слова автора абсолютно справедливы? Нѣтъ, мы довольны, и чрезвычайно довольны книгою, когда въ ней разрѣшены *главные* вопросы, приведены самонужнѣйшія подробности, когда *главныя* мнѣнія автора справедливы. и въ книгѣ его *очень мало* невѣрныхъ или неудачныхъ объясненій. Однимъ словомъ, потребностямъ человѣческой природы удовлетворяетъ „порядочное“, а фантастическаго совершенства ищетъ только праздная фантазія. Чувства наши, нашъ умъ и сердце ничего о немъ не знаютъ, да и фантазія только твердить о немъ пустыя фразы, а живого, опредѣленнаго представленія о немъ также не имѣетъ.

Итакъ, наука въ послѣднее время дошла до необходимости строго различать истинныя потребности человѣческой природы, которыя ищутъ и имѣютъ право находить себѣ удовлетвореніе въ дѣйствительной жизни, отъ мнимыхъ, воображаемыхъ потребностей, которыя остаются и должны оставаться праздными мечтами. У г. Чернышевскаго нѣсколько разъ встрѣчаемъ бѣглые намеки на эту необходимость, а однажды онъ дастъ этой мысли даже нѣкоторое развитіе. „Искусственно развитый человѣкъ (т.-е. испорченный своимъ противоестественнымъ положеніемъ среди другихъ людей) имѣетъ много искусственныхъ, исказившихся до лживости, до фантастичности требованій, которымъ нельзя вполне удовлетворять, потому что они въ сущности не требованія природы его, а мечты испорченнаго воображенія; которымъ почти невозможно и угождать, не подвергаясь насмѣшкѣ и презрѣнію отъ самого того человѣка, которому стараемся угодить, потому что онъ самъ инстинктивно чувствуетъ, что его требованіе не стоитъ удовлетворенія“ (стр. 82).

Но если такъ важно различать мнимыя, воображаемыя стремленія, участь которыхъ оставаться смутными грезами праздной или болѣзненно раздраженной фантазіи, отъ дѣйствительныхъ и законныхъ потребностей человѣческой натуры, которыя необходимо требуютъ удовлетворенія, то гдѣ же признакъ, по которому безошибочно могли бы мы дѣлать это различіе? Кто будетъ судьей въ этомъ столь важномъ случаѣ?—Приговоръ даетъ самъ человѣкъ своею жизнью; „практика“, этотъ непреложный пробный камень всякой теоріи, должна быть руководительницею нашею и здѣсь. Мы видимъ, что одни изъ нашихъ желаній радостно стремятся на встрѣчу удовлетворенію, напрягаютъ всѣ силы человѣка, чтобы осуществиться въ дѣйствительной жизни—это истинныя потребности нашей природы. Другія желанія, напротивъ, боятся соприкосновенія съ дѣйствительною жизнью, робко стараются укрываться отъ нея въ отвлеченномъ царствѣ мечтаній—это мнимыя, фальшивыя желанія, которымъ не нужно исполненіе, которыя и обольстительны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ не встрѣчать удовлетворенія себѣ, потому что, выходя на „бѣлый свѣтъ“ жизни, они обнаружили бы свою пустоту и непригодность для того, чтобы на самомъ дѣлѣ соответствовать потребностямъ человѣческой природы и условіямъ его наслажденія

жизнью. „Дѣло есть истина мысли“. Такъ, напримѣръ, на дѣлѣ узнается, справедливо ли человѣкъ думаетъ и говоритъ о себѣ, что онъ храбръ, благороденъ, правдивъ. Жизнь человѣка рѣшаетъ, какова его натура, она же рѣшаетъ, каковы его стремленія и желанія. Вы говорите, что проголодались?—посмотримъ, будете ли вы прихотничать за столомъ. Если вы откажетесь отъ простыхъ блюдъ, и будете ждать, пока приготовить индейку съ трюфлями, у васъ голодъ не въ желудкѣ, а только на языкѣ. Вы говорите, что вы любите науку—это рѣшается тѣмъ, занимаетесь ли вы ею. Вы думаете, что вы любите искусство? Это рѣшается тѣмъ, часто ли вы читаете Пушкина, или его сочиненія лежатъ на вашемъ столѣ только для виду; часто ли бываете въ своей картинной галлерей—бываете наединѣ самъ съ собою, а не только вмѣстѣ съ гостями—или вы собрали ее только для хвастовства передъ другими и самимъ собою любовью къ искусству. Практика—великая разоблачительница обмановъ и самообольщеній не только въ практическихъ дѣлахъ, но также въ дѣлахъ чувства и мысли. Потому-то въ наукѣ нынѣ принята она существеннымъ критеріумомъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ. „Что подлежитъ спору въ теоріи, на чистоту рѣшается практикою дѣйствительной жизни“.

Но понятія эти остались бы для многихъ неопредѣленны, если бы мы не упомянули здѣсь о томъ, какой смыслъ имѣютъ въ современной наукѣ слова „дѣйствительность“ и „практика“. Дѣйствительность обнимаетъ собою не только мертвую природу, но и человѣческую жизнь, не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось дѣломъ, и будущее, насколько оно готовится настоящимъ. Дѣла Петра Великаго принадлежатъ дѣйствительности; оды Ломоносова принадлежатъ ей не менѣе, нежели его мозаичныя картины. Не принадлежатъ ей только праздыя слова людей, которые говорятъ: „я хочу быть живописцемъ“, и не изучаютъ живописи, „я хочу быть поэтомъ“—и не изучаютъ человѣка и природу. Не мысль противоположна дѣйствительности, потому что мысль порождается дѣйствительностью и стремится къ осуществленію, потому составляетъ неотъемлемую часть дѣйствительности, а праядная мечта, которая родилась отъ бездѣлья и остается забавою человѣку, любящему сидѣть сложа руки и замуривъ глаза. Точно также и „практическая жизнь“ обнимаетъ собою не одну матеріальную, но и умственную и нравственную дѣятельность человѣка.

Теперь можетъ быть ясно различіе между прежними, трансцендентальными системами, которыя, довѣряя фантастическимъ мечтамъ, говорили, что человѣкъ ищетъ повсюду абсолютнаго я, не находя его въ дѣйствительной жизни, отвергаетъ ее, какъ неудовлетворительную, которыя цѣнили дѣйствительность на основаніи туманныхъ грѣзъ фантазіи, и между новыми воззрѣніями, которыя, признавъ безсиліе фантазіи, отвлекающейся отъ дѣйствительности, въ своихъ приговорахъ о существенной цѣнности для человѣка различныхъ его желаній руководятся фактами, которые представляетъ дѣйствительная жизнь и дѣятельность человѣка.

Г. Чернышевскій совершенно принимаетъ справедливость современнаго направленія науки, и, видя съ одной стороны несостоятельность прежнихъ

метафизическихъ системъ, съ другой стороны неразрывную связь ихъ съ господствующею теоріею эстетики, выводитъ изъ этого, что господствующая теорія искусства должна быть замѣнена другою, болѣе сообразною съ новыми воззрѣніями науки на природу и человѣческую жизнь. Но прежде, нежели займемся мы изложеніемъ его понятій, составляющихъ только примѣненіе общихъ воззрѣній новаго времени къ эстетическимъ вопросамъ, мы должны объяснить отношенія, связывающія новыя воззрѣнія съ старыми въ наукѣ вообще. Часто мы видимъ, что продолжатели ученаго труда возстаютъ противъ своихъ предшественниковъ, труды которыхъ служили исходною точкою для ихъ собственныхъ трудовъ. Такъ Аристотель враждебно смотрѣлъ на Платона, такъ Сократъ безгранично унижалъ софистовъ, продолжателемъ которыхъ былъ. Въ новое время этому также найдется много примѣровъ. Но бываютъ иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимаютъ ясно связь своихъ мнѣній съ мыслями, которыя находятся у ихъ предшественниковъ, и скромно называютъ себя ихъ учениками; что обнаруживая недостаточность понятій предшественниковъ, они съ тѣмъ вмѣстѣ ясно высказываютъ, какъ много содѣйствовали эти понятія развитію ихъ собственной мысли. Таково было, напримѣръ, отношеніе Спинозы къ Декарту. Къ чести основателей современной науки должно сказать, что они съ уваженіемъ и почти сыновнею любовью смотрятъ на своихъ предшественниковъ, вполне признаютъ величіе ихъ генія и благородный характеръ ихъ ученія, въ которомъ показываютъ зародыши собственныхъ воззрѣній. Г. Чернышевскій понимаетъ это, и слѣдуетъ примѣру людей, мысли которыхъ примѣняетъ къ эстетическимъ вопросамъ. Его отношеніе къ эстетической системѣ, недостаточность которой онъ старается доказать, вовсе не враждебно; онъ признаетъ, что въ ней заключаются зародыши и той теоріи, которую старается построить онъ самъ, что онъ только развиваетъ существенно важные моменты, которые находили мѣсто и въ прежней теоріи, но въ противорѣчій съ другими понятіями, которымъ она приписывала болѣе важности, и которыя кажутся ему не выдерживающими критики. Онъ постоянно старается показать тѣсное родство своей системы съ прежнею системою, хотя не скрываетъ, что есть между ними и существенное различіе. Это положительно высказываетъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, изъ которыхъ приведемъ одно: „Принимаемое мною понятіе возвышеннаго (говоритъ онъ на стр. 21) точно также относится къ прежнему понятію, мною отвергаемому, какъ предлагаемое мною опредѣленіе прекраснаго къ прежнему взгляду, мною опровергаемому: въ обоихъ случаяхъ возводится на степень общаго существеннаго начала то, что прежде считалось частнымъ и второстепеннымъ признакомъ, было закрываемо отъ вниманія другими понятіями, которыя мною отвергаются, какъ побочныя“.

Излагая эстетическую теорію г. Чернышевскаго, рецензентъ не будетъ произносить окончательнаго сужденія о справедливости или несправедливости мыслей автора въ чисто эстетическомъ отношеніи. Рецензентъ занимался эстетикою только какъ частью философіи, потому предоставляетъ сужденіе о частныхъ мысляхъ г. Чернышевскаго людямъ, которые могутъ основательно судить о нихъ съ точки зрѣнія спеціально-эстетической, чуждой ре-

цензенту. Но ему кажется, что существенное значеніе эстетическая теорія автора имѣтъ именно какъ приложеніе общихъ воззрѣній къ вопросамъ частной науки, потому онъ думаетъ, что будетъ стоять именно въ средоточіи дѣла, рассматривая до какой степени вѣрно сдѣлано авторомъ это приложеніе. И для читателей, по мнѣнію рецензента, будетъ интереснѣе эта критика съ общей точки зрѣнія, потому что самая эстетика имѣтъ для неспециалистовъ интересъ только какъ часть общей системы воззрѣній на природу и жизнь. Быть можетъ, нѣкоторымъ читателямъ вся статья кажется слишкомъ отвлеченна—но рецензентъ проситъ ихъ не судить по одной наружности. Отвлеченность бываетъ различна—иногда она суха и бесплодна, иногда, напротивъ того, стоитъ только обратить вниманіе на мысли, изложенныя въ отвлеченной формѣ, чтобъ онѣ получили множество живыхъ приложеній, и рецензентъ положительно увѣренъ, что мысли, имъ изложенныя выше, относятся къ послѣднему роду—онъ говоритъ это прямо, потому что онѣ принадлежатъ наукѣ, а не въ частности рецензенту, который только усвоилъ ихъ, слѣдовательно можетъ превозносить ихъ, какъ послѣдователь известной школы можетъ хвалить принятую имъ систему, не замѣшивая въ это дѣло своего личнаго самолюбія.

Но излагая теорію г. Чернышевскаго, мы должны будемъ измѣнить порядокъ, которому слѣдовалъ авторъ; онъ, по примѣру эстетическихъ курсовъ опровергаемой имъ школы, рассматриваетъ сначала идею прекраснаго, потомъ идеи возвышеннаго и трагическаго, потомъ занимается критикою отношеній искусства къ дѣйствительности, затѣмъ говоритъ о существенномъ содержаніи искусства и наконецъ о потребности, изъ которой оно возникаетъ, или о цѣляхъ, которыя осуществляетъ художникъ своими произведеніями. Въ господствующей эстетической теоріи такой порядокъ совершенно натураленъ, потому что понятіе о сущности прекраснаго основное понятіе всей теоріи. Не такъ въ теоріи г. Чернышевскаго. Основное понятіе его теоріи—отношенія искусства къ дѣйствительности, потому съ него и слѣдовало начинать автору. Слѣдуя порядку, принятому у другихъ и чуждому его системѣ, онъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, важную ошибку, и разрушилъ логическую стройность своего изложенія: ему пришлось сначала говорить о нѣсколькихъ частныхъ элементахъ изъ числа многихъ элементовъ, составляющихъ, по его мнѣнію, содержаніе искусства, потомъ объ отношеніи искусства къ дѣйствительности и затѣмъ опять о содержаніи искусства вообще, потомъ о существенномъ значеніи искусства, которое вытекаетъ изъ его отношеній къ дѣйствительности—такимъ образомъ однородные вопросы разрознены другими, посторонними для ихъ рѣшенія вопросами. Мы позволяемъ себѣ поправить эту ошибку, и будемъ излагать мысли автора въ томъ порядкѣ, который болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ систематической стройности.

Господствующая теорія, поставляя цѣлью человѣческихъ желаній абсолютное и ставя желанія человѣка, не находящія себѣ удовлетвореній въ дѣйствительности, выше тѣхъ скромныхъ желаній, которыя могутъ удовлетворяться предметами и явленіями дѣйствительнаго міра, прилагаетъ это общее воззрѣніе, которымъ объясняется въ ней происхожденіе всѣхъ уметвен-

ныхъ и нравственныхъ дѣятельствъ человѣка, и къ происхожденію искусства, содержаніемъ котораго она почитаетъ „прекрасное“. Прекрасное, встрѣчаемое человѣкомъ въ дѣйствительности, говоритъ она, имѣть важныя недостатки, уничтожающіе красоту его; а наше эстетическое чувство ищетъ совершенства; потому для удовлетворенія требованію эстетическаго чувства, не удовлетворяющагося дѣйствительностью, фантазія наша возбуждается къ созданію новаго прекраснаго, которое не имѣло бы недостатковъ, искажающихъ красоту прекраснаго въ природѣ и жизни. Эти созданія творческой фантазіи осуществляются произведеніями искусства, которыя свободны отъ недостатковъ, губящихъ красоту дѣйствительности, и потому собственно говоря только произведенія искусства истинно прекрасны, между тѣмъ какъ явленія природы и дѣйствительной жизни имѣютъ только призракъ красоты. Итакъ, прекрасное, создаваемое искусствомъ, гораздо выше того, что кажется (только кажется) прекраснымъ въ дѣйствительности.

Это положеніе подтверждается рѣзкою критикою прекраснаго, представляемаго дѣйствительностью, и критика эта старается обнаружить въ немъ множество недостатковъ, искажающихъ его красоту.

Г. Чернышевскій, какъ поставляющій дѣйствительность выше грѣзъ фантазіи, не можетъ раздѣлять мнѣнія, будто бы прекрасное, создаваемое фантазіею, выше по красотѣ своей, нежели явленія дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ онъ, прилагая къ данному вопросу свои основныя убѣжденія, будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣхъ, раздѣляющихъ эти убѣжденія, и противъ себя всѣхъ, которые держатся прежнихъ мнѣній о томъ, что фантазія можетъ возноситься выше дѣйствительности. Рецензентъ, соглашаясь въ общихъ научныхъ убѣжденіяхъ съ г. Чернышевскимъ, долженъ также признать справедливость его частнаго вывода, что дѣйствительность по красотѣ своей выше созданій фантазіи, осуществляемыхъ искусствомъ.

Но должно доказать это—и г. Чернышевскій, для исполненія этой обязанности, сначала пересматриваетъ упреки, дѣлаемые прекрасному живой дѣйствительности, и старается доказать, что недостатки, поставляемые ему въ вину господствующею теоріею, не всегда въ немъ находятся, а если и находятся, то вовсе не въ такой искажающей громадности, какъ полагаетъ эта теорія. Потомъ онъ разсматриваетъ, свободны ли отъ этихъ недостатковъ произведенія искусства и старается показать, что всѣ упреки, дѣлаемые прекрасному живой дѣйствительности, прилагаются также къ созданіямъ искусства, и почти всѣ эти недостатки бывають въ нихъ болѣе грубы и сильны, нежели каковы они въ прекрасномъ, которое дается намъ живою дѣйствительностью. Отъ критики искусства вообще онъ переходитъ къ анализу отдѣльныхъ искусствъ, и также доказываетъ, что ни одно искусство, ни скульптура, ни живопись, ни музыка, ни поэзія не можетъ давать намъ произведеній, которыя представляли бы нѣчто такое прекрасное, которому не нашлось бы въ дѣйствительности соотвѣтствующихъ прекрасныхъ явленій, и ни одно искусство не можетъ создать произведеній, равныхъ по красотѣ этимъ соотвѣтствующимъ явленіямъ дѣйствительности. Но мы должны и здѣсь замѣтить, что авторъ опять дѣлаетъ очень важный недосмотръ, неречисляя и опровергая упреки прекрасному въ дѣйствительности только въ

томъ видѣ, какъ изложены они Фишеромъ, и не пополняя этихъ упрековъ тѣми, которые высказаны Гегелемъ. Правда, у Фишера критика прекраснаго живой дѣйствительности гораздо полнѣе и подробнѣе, нежели у Гегеля; но у Гегеля, при всей его краткости, мы встрѣчаемъ два упрека, которые забыты Фишеромъ, и которые чрезвычайно глубоки—*Ungeistigkeit* и *Unfreiheit* (недуховность, несознательность или бессмысленность и несвобода) всего прекраснаго въ природѣ. Надобно прибавить однако, что эта неполнота въ изложеніи, составляя вину автора, не вредитъ сущности защищаемыхъ имъ воззрѣній, потому что забытые авторомъ упреки могутъ быть легко отстранены отъ прекраснаго въ дѣйствительности и обращены на прекрасное въ искусствѣ тѣмъ же самымъ способомъ и почти тѣми же фактами, которые находимъ у г. Чернышевскаго по поводу упрековъ въ непредназначенности. Столь же важно другое уищженіе—въ обзорѣ отдѣльных искусствъ авторъ забылъ мимику, танцы и сценическое искусство—онъ долженъ былъ разсмотрѣть ихъ, хотя бъ и считалъ, подобно другимъ эстетикамъ, отраслью пластическаго искусства (*die Bildnerkunst*), потому что созданія этихъ искусствъ совершенно отличны по характеру отъ статуй.

Но если произведенія искусства ниже дѣйствительности, то изъ какихъ же основаній возникло мнѣніе о высокомъ превосходствѣ искусства надъ явленіями природы и жизни? Авторъ отыскиваетъ эти основанія въ томъ, что предметъ цѣнится человѣкомъ не только по его внутреннему достоинству, а также по рѣдкости и трудности его полученія. Прекрасное въ природѣ и жизни является безъ особенныхъ заботъ съ нашей стороны, и его очень много; прекрасныхъ произведеній искусства очень мало и они производятся не безъ труда, иногда чрезвычайно напряженнаго; кромѣ того, человѣкъ ими гордится, какъ дѣломъ подобнаго себѣ человѣка—какъ для француза французская поэзія (въ сущности очень слабая) кажется лучшею въ мірѣ, такъ для человѣка искусство вообще пріобрѣтаетъ особенную любовь потому, что оно дѣло человѣка—въ его пользу говоритъ пристрастіе къ своему, родному; кромѣ того искусство, подчиняясь, выѣстъ съ художниками, мелочнымъ прихотямъ человѣка, на которыя не обращаютъ вниманія природа и жизнь, и тѣмъ самымъ унижаясь, искажаясь, пріобрѣтаетъ, какъ всякій льстецъ, любовь очень многихъ; наконецъ произведеніями искусства мы наслаждаемся, когда хотимъ, то-есть, когда распложены вникать въ ихъ красоты и наслаждаться ими, а прекрасныя явленія природы и жизни очень часто проходятъ мимо насъ въ такое время, когда наше вниманіе и симпатія обращены на другіе предметы; кромѣ того авторъ исчисляетъ еще нѣсколько основаній слишкомъ высокаго мнѣнія о достоинствѣ искусства. Эти объясненія не совершенно полны—авторъ забылъ очень важное обстоятельство: мнѣніе о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью—мнѣніе ученыхъ, мнѣніе философской школы, а не сужденіе человѣка вообще, чуждаго систематическихъ убѣжденій; масса людей, правда, ставитъ искусство очень высоко, быть можетъ выше, нежели давало бы ему па то право одно внутреннее достоинство, и это пристрастіе удовлетворительно объясняется указаніями автора; но масса людей вовсе не ставитъ искусство выше дѣйствительности, напротивъ, она не думаетъ сравнивать ихъ по достоинству,

а если должна будетъ дать ясный отвѣтъ, то скажетъ, что природа и жизнь прекраснѣе искусства. Одни только эстетики, да и то не всѣхъ школъ, ставятъ искусство выше дѣйствительности, и такое мнѣніе, составившееся вслѣдствіе особенныхъ, имъ только принадлежащихъ воззрѣній, должно быть объясняемо этими воззрѣніями. Именно, эстетики псевдо-классической школы предпочитали искусство дѣйствительности потому, что вообще страдали болѣзнию своего вѣка и кружка — искусственностью всѣхъ привычекъ и понятій: они не въ одномъ искусствѣ, но и во всѣхъ сферахъ жизни боялись и дичились природы, какъ она есть, любили только прикрашенную, „умытую“ природу. А мыслители господствующей нынѣ школы ставятъ искусство, какъ нѣчто идеальное, выше природы и жизни, которыя реальны, потому что вообще не успѣли еще освободиться отъ идеализма, несмотря на гениальные порывы къ реализму, и идеальную жизнь ставятъ вообще выше реальной.

Возвращаемся къ теоріи г. Чернышевскаго. Если искусство не можетъ сравниться съ дѣйствительностью по красотѣ своихъ произведеній, то оно не можетъ быть обязано своимъ происхожденіемъ недовольству нашему красотой дѣйствительности и стремленію создать нѣчто лучшее — въ такомъ случаѣ человѣкъ давно бросилъ бы искусство, какъ нѣчто совершенно недостигающее своей цѣли и безплодное, говоритъ онъ. Потому потребность, вызывающая искусство, должна быть не та, какъ полагаетъ господствующая теорія — до сихъ поръ всѣ, раздѣляющіе съ г. Чернышевскимъ основныя понятія о человѣческой жизни и природѣ, вѣроятно скажутъ, что выводы его послѣдовательны. Но мы не хотимъ рѣшать, совершенно ли вѣрно приписанное имъ объясненіе потребности, рождающей искусство; представляемъ его собственными словами этотъ выводъ, чтобы дать читателямъ полную возможность судить о его несправедливости или справедливости.

„Море вполнѣ прекрасно; смотря на него, мы не думаемъ быть имъ недовольны въ эстетическомъ отношеніи. Но не всѣ люди живутъ близъ моря; многимъ не удастся ни разу въ жизни взглянуть на него, а имъ также хотѣлось бы полюбоваться на море — и для нихъ являются картины, изображающія море. Конечно, гораздо лучше смотрѣть на самое море, нежели на его изображеніе; но за недостаткомъ лучшаго, человѣкъ довольствуется и худшимъ, за недостаткомъ вещи — ея суррогатомъ. И тѣмъ людямъ, которые могутъ любоваться моремъ въ дѣйствительности, не всегда, когда хочется, можно смотрѣть на море — они вспоминаютъ о немъ; но фантазія слаба, ей нужна поддержка, напоминаніе — и, чтобъ оживить свои воспоминанія о морѣ, чтобы яснѣе представлять его въ своемъ воображеніи, они смотрятъ на картину, изображающую море. Вотъ единственная цѣль и значеніе очень многихъ (большей части) произведеній искусства: дать возможность, хотя въ нѣкоторой степени, познакомиться съ прекраснымъ въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности наслаждаться имъ на самомъ дѣлѣ; служить напоминаніемъ, возбуждать и оживлять воспоминаніе о прекрасномъ въ дѣйствительности у тѣхъ людей, которые знаютъ его изъ опыта и любятъ вспоминать о немъ. (Оставляемъ пока выраженіе: „прекрасное есть существенное содержаніе искусства“; впо-

слѣдствіи мы подстановимъ вмѣсто термина „прекрасное“ другой, которымъ содержаніе искусства опредѣляется, по нашему мнѣнію, точнѣе и полнѣе). Итакъ первое значеніе искусства, принадлежащее всѣмъ безъ изъятія произведеніямъ его—воспроизведеніе природы и жизни. Отношеніе ихъ къ соотвѣтствующимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни таково же, какъ отношеніе гравюры къ той картинѣ, съ которой она снята, какъ отношеніе портрета къ лицу, имъ изображаемому. Гравюра снимается съ картины не потому, чтобы картина была не хороша, а именно потому, что картина очень хороша; такъ дѣйствительность воспроизводится искусствомъ не для сглаживанья недостатковъ ея, не потому что сама по себѣ дѣйствительность не довольно хороша, а потому именно, что она хороша. Гравюра не думаетъ быть лучше картины, — она гораздо хуже ея въ художественномъ отношеніи; такъ и произведеніе искусства никогда не достигаетъ красоты или величія дѣйствительности; но картина одна, ею могутъ любоваться только люди, пришедшіе въ галлерею, которую она украшаетъ; гравюра расходуется въ сотняхъ экземпляровъ по всему свѣту, каждый можетъ любоваться ею когда ему угодно, не выходя изъ своей комнаты, не вставая съ своего дивана, не скидая своего халата; такъ и предметъ прекрасный въ дѣйствительности доступенъ не всякому и не всегда, воспроизведенный (слабо, грубо, блѣдно, это правда, но все-таки воспроизведенный) искусствомъ доступенъ всегда и всякому. Портретъ человѣка дѣлается не для того, чтобы сгладить недостатки его лица (что намъ за дѣло до этихъ недостатковъ? они для насъ незамѣтны или милы), но для того, чтобы доставить намъ возможность любоваться на это лицо даже и тогда, когда оно на самомъ дѣлѣ не передъ нашими глазами; такова же цѣль и значеніе произведеній искусства вообще: они не поправляютъ дѣйствительность, не украшаютъ ее, а воспроизводятъ, служатъ ей суррогатомъ“.

Авторъ признаетъ, что теорія воспроизведенія, имъ предлагаемая, не есть ничто новое: подобный взглядъ на искусство господствовалъ въ греческомъ мірѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ утверждаетъ, что его теорія существенно различна отъ псевдо-классической теоріи подражанія природѣ, и доказываетъ это различіе, приводя критику псевдоклассическихъ понятій изъ Гегелевой эстетики: ни одно изъ возраженій Гегеля, совершенно справедливыхъ относительно теоріи подражанія природѣ, не прилагается къ теоріи воспроизведенія; потому и духъ этихъ двухъ воззрѣній, очевидно, существенно различенъ. Въ самомъ дѣлѣ, воспроизведеніе имѣетъ цѣлью помочь воображенію, а не обманывать чувства, какъ того хочетъ подражаніе, и не есть пустая забава, какъ подражаніе, а дѣло, имѣющее реальную цѣль.

Нѣтъ сомнѣнія, что теорія воспроизведенія, если заслужитъ вниманіе, возбудитъ сильныя выходки со стороны приверженцевъ теоріи творчества. Будутъ говорить, что она ведетъ къ дагерротипичной копировкѣ дѣйствительности, противъ которой такъ часто вооружаются; предупреждая мысль о рабской копировкѣ, г. Чернышевскій показываетъ, что и въ искусствѣ человѣкъ не можетъ отказаться отъ своего—не говоримъ, права, это мало, отъ своей обязанности пользоваться всѣми своими нравственными и умствен-

ными силами, въ томъ числѣ и воображеніемъ, если хочетъ даже не болѣе какъ вѣрно скопировать предметъ. Въмѣсто того, чтобы возставать противъ „дагерротипнаго копированья“, прибавляетъ онъ, не лучше ли было бы говорить только, что и копировка, какъ и всякое другое человѣческое дѣло, требуетъ пониманія, требуетъ способности отличать существенныя черты отъ неважныхъ? „Мертвая копировка“ — говорятъ обыкновенно; но человѣкъ не можетъ скопировать вѣрно, если механизмъ его руки не направляется живымъ смысломъ: нельзя сдѣлать даже вѣрнаго fac-simile, не понимая значенія копируемыхъ буквъ.

Но словами „искусство есть воспроизведеніе явленій природы и жизни“ опредѣляется только способъ, какимъ создаются произведенія искусства; остается еще вопросъ о томъ, какія же явленія воспроизводятся искусствомъ; опредѣливъ формальное начало искусства, нужно, для полноты понятія, опредѣлить и реальное начало или содержаніе искусства. Обыкновенно говорятъ, что содержаніемъ искусства служитъ только прекрасное и его соподчиненныя понятія — возвышенное и комическое. Авторъ находитъ такое понятіе слишкомъ узкимъ, и утверждаетъ, что область искусства — все, интересное для человѣка въ жизни и природѣ. Доказательство этого положенія мало развито и составляетъ самую неудовлетворительную часть въ изложеніи г. Чернышевскаго, который, кажется, считалъ этотъ пунктъ слишкомъ яснымъ и почти ненуждающимся въ доказательствахъ. Мы не оспариваемъ самаго вывода, который принимается авторомъ; а недовольны только его изложеніемъ. Онъ долженъ былъ привести гораздо болѣе примѣровъ, которые подтверждали бы его мысль, что „содержаніе искусства не ограничивается тѣсными рамками прекраснаго, возвышеннаго и комическаго“ — легко было найти тысячи фактовъ, доказывающихъ эту справедливую мысль, и тѣмъ болѣе виноватъ авторъ, что мало позаботился о томъ.

Но если очень многія произведенія искусства имѣютъ только одинъ смыслъ — воспроизведеніе интересныхъ для человѣка явленій жизни, то очень многія пріобрѣтаютъ кромѣ этого основнаго значенія другое, высшее — служить объясненіемъ воспроизводимыхъ явленій; особенно должно сказать это о поэзіи, которая не въ силахъ объять всѣхъ подробностей, потому по необходимости выпуская изъ своихъ картинъ очень многія мелочи, тѣмъ самымъ сосредоточиваетъ наше вниманіе на немногихъ удержанныхъ чертахъ, — если удержаны, какъ и слѣдуетъ, черты существенныя, то этимъ самымъ для неопытнаго глаза облегчается обзоръ сущности предмета. Въ этомъ иные видятъ превосходство поэтическихъ картинъ передъ дѣйствительностью — но выпущеніе всѣхъ несущественныхъ подробностей и передача однихъ главныхъ чертъ не особенное качество поэзіи, а общее свойство разумной рѣчи — и въ прозаическомъ разсказѣ бываетъ то же самое.

Наконецъ, если художникъ человѣкъ мыслящій, то онъ не можетъ не имѣть своего сужденія о воспроизводимыхъ явленіяхъ — оно, волею или неволею, ясно или тайно, сознательно или безсознательно отразится на произведеніи, которое такимъ образомъ получаетъ еще третье значеніе — приговора мысли о воспроизводимыхъ явленіяхъ. Это значеніе чаще, нежели въ другихъ искусствахъ, мы находимъ въ поэзіи.

Соединяя все сказанное, заключаемъ г. Чернышевскій, мы получимъ слѣдующее воззрѣніе на искусство: существенное значеніе искусства воспроизведеніе всего, что интересно для человѣка въ жизни; очень часто, особенно въ поэзіи, выступаетъ на первый планъ также объясненіе жизни, приговоръ о явленіяхъ ея. Искусство относится къ дѣйствительности совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія говоритъ о жизни общественной, искусство о жизни индивидуальной, исторія о жизни человѣчества, искусство о жизни человѣка (картины природы имѣютъ только значеніе обстановки для явленій человѣческой жизни или намека, предчувствія объ этихъ явленіяхъ. Что касается различія по формѣ, авторъ опредѣляетъ его такъ: исторія, какъ и всякая наука, заботится только о ясности, понятности своихъ картинъ; искусство о—жизненной полнотѣ подробностей). Первая задача исторіи — передать прошедшее; вторая, исполняемая не всѣми историками—объяснить его, произнести о немъ приговоръ; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для истиннаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; исполняя вторую задачу, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе приобретаетъ научное достоинство. Совершенно то же самое надобно сказать объ искусствѣ. Ограничиваясь воспроизведеніемъ явленій жизни, художникъ удовлетворяетъ нашему любопытству или даетъ пособіе нашимъ воспоминаніямъ о жизни. Но если онъ притомъ объясняетъ и судитъ воспроизводимыя явленія, онъ становится мыслителемъ, и его произведеніе къ художественному своему достоинству присоединяетъ еще высшее значеніе—значеніе научное.

Отъ общаго опредѣленія содержанія искусства натураленъ переходъ къ частнымъ элементамъ, входящимъ въ составъ этого содержанія, и мы здѣсь изложимъ взгляды автора на прекрасное и возвышенное. въ опредѣленіи сущности которыхъ онъ не согласенъ съ господствующею теоріею, потому что она въ этихъ случаяхъ перестала соответствовать настоящему развитію науки. Анализировать эти понятія онъ долженъ былъ потому, что въ обыкновенномъ ихъ опредѣленіи находится непосредственный источникъ мысли о превосходствѣ искусства надъ дѣйствительностью: они служатъ въ господствующей теоріи связью между общими идеалистическими началами и частными эстетическими мыслями. Авторъ долженъ былъ очистить эти важныя понятія отъ трансцендентальной примѣси, чтобы привести ихъ въ согласіе съ духомъ своей теоріи.

Господствующая теорія имѣетъ двѣ формулы для выраженія своего понятія о прекрасномъ: „прекрасное есть единство идеи и образа“, и „прекрасное есть полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ предметѣ“; авторъ находитъ, что послѣдняя формула говоритъ о существенномъ признакѣ не идеи прекраснаго, а того, что называется мастерскимъ произведеніемъ искусства или всякой вообще человѣческой дѣятельности, а первая формула слишкомъ широка: она говоритъ, что прекрасныя предметы тѣ, которые лучше другихъ въ своемъ родѣ; но есть многіе роды предметовъ, не достигающіе красоты. Потому онъ признаетъ оба господствующія выраженія не совершенно удовлетворительными, и принужденъ искать болѣе точнаго

опредѣленія, которое, какъ ему кажется, находить въ формулѣ: „прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ мы видимъ жизнь такую, какова она должна быть по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни“. Представимъ здѣсь существенную часть анализа, на которомъ опирается этотъ выводъ — разборъ принадлежностей человѣческой красоты, какъ ее понимаютъ различные классы народа.

«Хорошая жизнь, жизнь, какъ она должна быть, у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вѣстѣ съ этимъ у поселяннина въ понятіи «жизнь» всегда заключается понятіе о работѣ: жить безъ работы вельзз, да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣтлѣй лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работа много, поэтому будучи крѣпка сложениемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна — это также необходимое условіе сельской красоты: свѣтская «полувоздушная» красавица кажется поселяннину рѣшительно «невзрачною», даже производить на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать «худобу» слѣдствіемъ болѣзненности или «горькой доли». Но работа не даетъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ «рыхлага» сложения, и народъ считаетъ толстоту недостаткомъ. У сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, вседневнаго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и не шуточной, но не чрезмерной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица: уже нѣсколько поколѣній предки ея жили, не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни крови льется въ оконечности мало, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки — онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества, жизни безъ физической работы: если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи. По этому же самому у свѣтской красавицы должны быть маленькія ушки. Мигрень, какъ извѣстно, интересная болѣзнь — и не безъ причины: отъ бездѣйствія кровь остается вся въ среднихъ органахъ, приливаетъ къ мозгу, нервная система и безъ того уже раздражительна отъ всеобщаго расслабленія въ организмѣ; неизбежное слѣдствіе всего этого — продолжительныя головныя боли и разнаго рода нервическія разстройства; что дѣлать? и болѣзнь интересна, чуть не завидна, когда она слѣдствіе того образа жизни, который намъ нравится. Здоровье, правда, никогда не можетъ терять своей цѣны въ глазахъ человѣка; потому что и въ довольствѣ, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья — вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущаго здоровьемъ свѣжестъ продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей: но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселяннинъ ищетъ отдыха, спокойствія то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ зато часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ «сильныхъ ощущеній, волненій, страстей», которыми придется цвѣсть, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнаши-

вается; какъ же не очароваться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ея служатъ признакомъ, что она много жила?

Мила живая свѣжесть цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

«Но если увлеченіе блѣдною, болѣзненною красотою признакъ искусственной испорченности вкуса, то всякій истинно образованный человѣкъ почувствуетъ, что истинная жизнь—жизнь ума и сердца. Она отпечатывается въ выраженіи лица, всего яснѣе въ глазахъ—потому выраженіе лица, о которомъ такъ мало говорится въ народныхъ пѣсняхъ, получаетъ огромное значеніе въ понятіяхъ о красотѣ, господствующихъ между образованными людьми; и часто бываетъ, что человѣкъ кажется намъ прекрасенъ только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза... Взглянемъ на противоположную сторону предмета, рассмотримъ, отчего человѣкъ бываетъ некрасивъ. Причину некрасивости общей фигуры человѣка всякій укажетъ въ томъ, что человѣкъ, имѣющій дурную фигуру—дурно сложенъ». Уродливость—слѣдствіе болѣзни или пагубныхъ случаевъ, отъ которыхъ особенно легко уродуется человѣкъ въ первое время развитія. Если жизнь и ея проявленія—красота, очень естественно, что болѣзнь и ея слѣдствія—безобразіе. Но человѣкъ дурно сложенный—также уродъ, только въ меньшей степени, и причины «дурного сложенія» тѣ же самыя, которыя производятъ уродливость, только слабѣе ихъ. Горбатость—слѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось развитіе человѣка: но сутуловатость та же горбатость, только въ меньшей степени, и должна происходить отъ тѣхъ же самыхъ причинъ. Вообще худо сложенный человѣкъ—до нѣкоторой степени искаженный человѣкъ: его фигура говоритъ намъ не о жизни, не о счастливомъ развитіи, а о тяжелыхъ сторонахъ развитія, о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Отъ общаго очерка фигуры переходимъ къ лицу. Черты его бываютъ вехороши или сами по себѣ, или по своему выраженію. Въ лицѣ не нравятся намъ «злое», непріятное» выраженіе, потому что злость—ядъ, отравляющій нашу жизнь. Но гораздо чаще лицо «некрасиво» не по выраженію, а по самымъ чертамъ: онѣ бываютъ некрасивы въ томъ случаѣ, когда лицевыя кости дурно организованы, когда хрящи и мускулы въ своемъ развитіи болѣе или менѣе носятъ отпечатокъ уродливости, т.-е. когда первое развитіе человѣка совершалось въ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ».

Господствующая теорія признаетъ, что красота въ царствѣ природы—то, что напоминаетъ намъ о человѣкѣ и его красотѣ; потому ясно, что если въ человѣкѣ красота есть жизнь, то и о красотѣ природы должно сказать то же самое. Анализъ, которымъ г. Чернышевскій подтверждаетъ свое понятіе о существенномъ значеніи прекраснаго, мы упрекнемъ въ томъ, что выраженія, употребляемая авторомъ, могутъ ввести въ недоумѣніе, инстинктивно или сознательно человѣкъ замѣчаетъ связь красоты съ жизнью. Само собою разумѣется, что болѣею частью это бываетъ инстинктивно. Напрасно авторъ не позаботился указать это важное обстоятельство.

Различіе между принимаемымъ и отвергаемымъ у автора воззрѣніями на прекрасное очень важно. Если прекрасное есть „полное проявленіе идеи въ отдѣльномъ существѣ“, то прекраснаго въ дѣйствительныхъ предметахъ нѣтъ, потому что идея вполне проявляется только цѣлымъ мірозданіемъ, а въ отдѣльномъ предметѣ вполне осуществиться не можетъ; изъ этого будетъ слѣдовать, что прекрасное въ дѣйствительность вносится только нашею фантазіею, что поэтому истинная область прекраснаго—область фантазіи, а

потому искусство, осуществляющее идеалы фантазіи, стоит выше дѣйствительности и имѣетъ своимъ источникомъ стремленіе человѣка создать прекрасное, котораго не находитъ онъ въ дѣйствительности. Напротивъ, изъ понятія, предлагаемаго авторомъ: „прекрасное есть жизнь“, слѣдуетъ, что истинная красота есть красота дѣйствительности, что искусство (какъ и полагаетъ авторъ) не можетъ создавать ничего равнаго по красотѣ явленіямъ дѣйствительнаго міра, и происхожденіе искусства легко тогда объясняется по теоріи автора, которую мы изложили выше.

Подвергая критикѣ выраженія, которыми опредѣляется въ господствующей эстетической системѣ понятіе возвышеннаго, — „возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формою“ и „возвышенное есть то, что пробуждаетъ въ насъ идею безконечнаго“, авторъ приходитъ къ заключенію, что и эти опредѣленія невѣрны — онъ находитъ, что предметъ производитъ впечатлѣніе возвышеннаго, вовсе не возбуждая идеи безконечнаго. Потому авторъ опять долженъ искать другого опредѣленія, и ему кажется, что всѣ явленія, относящіяся къ области возвышеннаго, обнимаются и объясняются слѣдующею формулою: „Возвышенное есть то, что гораздо больше всего, съ чѣмъ сравнивается нами“. Такъ, напримѣръ, говоритъ онъ, Казбекъ величественная гора, (хотя вовсе не представляется чѣмъ-то безграничнымъ или безконечнымъ), потому что гораздо выше пригорковъ, которые мы привыкли видѣть; такъ Волга — величественная рѣка, потому что гораздо шире маленькихъ рѣкъ; любовь — возвышенная страсть, потому что гораздо сильнѣе ежедневныхъ мелочныхъ расчетовъ и интригъ; Юлій Цезарь, Отелло, Дездемона — возвышенные личности, потому что Юлій Цезарь гораздо гениальнѣе обыкновенныхъ людей, Отелло любитъ и ревнуетъ, Дездемона любитъ гораздо сильнѣе обыкновенныхъ людей.

Изъ господствующихъ опредѣленій, отвергаемыхъ г. Чернышевскимъ, слѣдуетъ, что прекрасное и возвышенное въ строгомъ смыслѣ не встрѣчаются въ дѣйствительности и вносятся въ нее только нашею фантазіею; изъ понятій, предлагаемыхъ г. Чернышевскимъ, слѣдуетъ, напротивъ, что прекрасное и возвышенное дѣйствительно существуютъ въ природѣ и человѣческой жизни. Но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдуетъ, что наслажденіе тѣми или другими предметами, имѣющими въ себѣ эти качества, непосредственно зависитъ отъ понятій наслаждающагося человѣка: прекрасно то, въ чемъ мы видимъ жизнь, сообразную съ *нашими* понятіями о жизни, возвышенное то, что гораздо больше предметовъ, съ которыми сравниваемъ его *мы*. Такимъ образомъ, объективное существованіе прекраснаго и возвышеннаго въ дѣйствительности примиряется съ субъективными воззрѣніями человѣка.

Понятію трагическаго, которое составляетъ важнѣйшую отрасль возвышеннаго, авторъ также даетъ новое опредѣленіе, чтобы очистить его отъ трансцендентальной примѣси, которою опутано оно въ господствующей теоріи, связывающей его съ понятіемъ судьбы, внутренняя пустота котораго доказана теперь наукою. Удаляя, сообразно требованію науки, изъ опредѣленія трагическаго всякую мысль о судьбѣ или необходимости, неизбѣжности, авторъ понимаетъ трагическое просто какъ „ужасное въ жизни человѣка“. Понятіе комическаго (пустота, бессмысленность формы, лишенной содержанія

или имѣющей претензію на содержаніе, несоразмѣрное ея ничтожеству) господствующею теоріею развито такъ, что соотвѣтствуетъ характеру современной науки, потому авторъ не имѣетъ нужды измѣнять его—оно уже и въ обыкновенномъ своемъ выраженіи совершенно гармонируетъ съ духомъ его теоріи. Такимъ образомъ, задача, которую предложилъ себѣ авторъ—привести основныя эстетическія понятія въ соотвѣтствіе съ настоящимъ развитіемъ науки, исполнена, насколько то было доступно силамъ автора, и онъ заключаетъ свое изслѣдованіе такъ:

«Апология дѣйствительности сравнительно съ фантазіею, стремленіе доказать, что произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью—вотъ сущность моего трактата. Говорить объ искусствѣ такъ, какъ говоритъ авторъ, не значитъ ли унижать искусство?—Да, если показывать, что искусство *ниже* дѣйствительной жизни по художественному совершенству своихъ произведеній, значитъ унижать искусство; но возставать противъ панегириковъ не значитъ еще быть хулителемъ. Наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унижительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея—понять и объяснить дѣйствительность, потомъ примѣнить ко благу человѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его: для вознагражденія человѣка въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью, воспроизвести, по мѣрѣ силъ, эту драгоценную дѣйствительность въ ко благу человѣка объяснить ее».

Заключеніе, по нашему мнѣнію, недовольно развитое. Оно оставляетъ еще для многихъ поводъ предполагать, будто бы значеніе искусства на самомъ дѣлѣ уменьшается, когда отвергаются безграничные панегирики безусловному достоинству его произведеній и когда, вѣсто неизмѣримо высокихъ трансцендентальныхъ источниковъ и цѣлей, источникомъ и цѣлью искусства поставляются потребности человѣка. Напротивъ, именно этимъ и возвышается реальное значеніе искусства, потому что такимъ объясненіемъ дается ему неоспоримое и почетное мѣсто въ числѣ дѣятельностей, служащихъ на благо человѣку, а быть во благо человѣку—значитъ имѣть полное право на высокое уваженіе со стороны человѣка. Человѣкъ преклоняется предъ тѣмъ, что служить ему во благо. Онъ называетъ хлѣбъ — „хлѣбъ-батюшка“, за то, что питается имъ; онъ называетъ землю — „матушка-земля“, за то, что она кормитъ его. Отецъ и мать! Всѣ панегирики ничто предъ этими священными именами, всѣ высокопарныя похвалы—пустота и ничтожность предъ чувствомъ сыновней любви и благодарности. Такъ и наука достойна этого чувства, потому что служить на благо человѣку, такъ и искусство достойно его, когда служить на благо человѣку. А оно много, много блага приноситъ ему; потому что произведеніе художника, особенно поэта, достойнаго этого имени — „учебникъ жизни“, по справедливому выраженію автора, и такой учебникъ, которымъ съ наслажденіемъ пользуются всѣ люди, даже и тѣ, которые не знаютъ или не любятъ другихъ учебниковъ. Этимъ высокимъ, прекраснымъ, благотѣльнымъ значеніемъ своимъ для человѣка должно гордиться искусство.

Г. Чернышевскій сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, очень прискорбную ошибку, не развивъ подробнѣе мысль о практическомъ значеніи искусства,

о его благотвѣтельномъ вліяніи на жизнь и образованность. Конечно, онъ этимъ эпизодомъ переступалъ бы границы своего предмета; но иногда такія нарушенія систематичности необходимы для объясненія предмета. Теперь, несмотря на то, что сочиненіе г. Чернышевскаго все проникнуто уваженіемъ къ искусству за его великое значеніе для жизни, могутъ найтись люди, которые не захотятъ видѣть этого чувства, потому что нигдѣ не посвящено ему нѣсколькихъ отдѣльныхъ страницъ; могутъ подумать, что онъ не цѣнитъ по достоинству благотвѣтельнаго вліянія искусства на жизнь, или преклоняется передъ всѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Какъ думаетъ объ этомъ г. Чернышевскій, или какъ будутъ въ этомъ случаѣ думать о немъ другіе, для насъ все равно: онъ оставилъ недосказанными свои мысли, и долженъ отвѣчать за такое упущеніе. Но мы должны объяснить то, что забылъ объяснить онъ, чтобы характеризовать отношенія современной науки къ дѣйствительности.

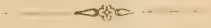
Дѣйствительность, насъ окружающая, не есть вѣчто однородное и однохарактерное по отношеніямъ своихъ безчисленныхъ явленій къ потребностямъ человѣка. Понятіе это мы встрѣчаемъ и у г. Чернышевскаго: „Природа—говоритъ онъ—не знаетъ о человѣкѣ и его дѣлахъ, о его счастья и гибели; она безстрастная къ человѣку, она не другъ и не врагъ ему“ (стр. 28); „часто человѣкъ страдаетъ и погибаетъ безъ всякой вины съ своей стороны“ (стр. 30); природа не всегда соответствуетъ его потребностямъ; потому человѣкъ для спокойствія и счастья своей жизни долженъ во многомъ измѣнять объективную дѣйствительность (стр. 99), чтобы приспособить ее къ потребностямъ своей практической жизни (стр. 59). Дѣйствительно, въ числѣ явленій, которыми окруженъ человѣкъ, очень много такихъ, которыя непріятны или вредны ему; отчасти инстинктъ, еще болѣе наука (знаніе, размышленіе, опытность) даютъ ему средства понять, какія явленія дѣйствительности хороши и благопріятны для него, потому должны быть поддерживаемы и развиваемы его содѣйствіемъ, какія явленія дѣйствительности, напротивъ, тяжелы и вредны для него, потому должны быть уничтожены или по крайней мѣрѣ ослаблены для счастья человѣческой жизни; наука же даетъ ему и средства для исполненія этой цѣли. Чрезвычайно могущественное пособіе въ этомъ оказываетъ наука искусство, необыкновенно способное распространять въ огромной массѣ людей понятія, добытыя наукою, потому что знакомиться съ произведеніями искусства гораздо легче и привлекательнѣе для человѣка, нежели съ формулами и суровымъ анализомъ науки. Въ этомъ отношеніи значеніе искусства для человѣческой жизни неизмѣримо огромно. Не говоримъ о наслажденіи, доставляемомъ человѣку его произведеніями—потому что толковать о высокому цѣнѣ эстетическаго наслажденія для человѣка—дѣло совершенно излишнее: объ этомъ значеніи искусства и безъ того говорятъ уже слишкомъ много, забывая другое, болѣе существенное значеніе искусства, которое занимаетъ теперь насъ.

Наконецъ, г. Чернышевскій, намъ кажется, сдѣлалъ также очень важную ошибку, не объяснивъ отношенія современнаго положительнаго или практическаго міросозерцанія къ такъ называемымъ „идеальнымъ“ стремле-

ніямъ челоѣка—и здѣсь также часто случается необходимость возставать противъ недоразумѣній. Положительность, принимаемая наукою, не имѣетъ ничего общаго съ тою пошлою положительностью, которая господствуетъ въ сухихъ людяхъ и которая противоположна идеальнымъ, но здоровымъ стремленіямъ. Мы видѣли, что современное міросозерцаніе считаетъ науку и искусство такими же насущными потребностями челоѣка, какъ пищу и дыханіе. Точно также оно благопріятно всѣмъ другимъ высшимъ стремленіямъ челоѣка, которыя имѣютъ основаніе въ головѣ или сердцѣ челоѣка. Голова и сердце такъ же необходимы для истинно челоѣческой жизни, какъ желудокъ. Если голова не можетъ жить безъ желудка, то и желудокъ умереть съ голоду, когда голова не будетъ прискивать ему питанія. Этого мало. Челоѣкъ не улитка, онъ не можетъ жить исключительно только для наполненія желудка. Жизнь умственная и нравственная (развивающаяся надлежащимъ образомъ тогда, когда здоровъ организмъ, то есть матеріальная сторона челоѣческой жизни идетъ удовлетворительно)—вотъ истинно приличная челоѣку и наиболѣе привлекательная для него жизнь. Современная наука не разрываетъ челоѣка по частямъ, не искажаетъ его прекраснаго организма хирургическими ампутаціями, признаетъ равно недѣльнымъ и пагубнымъ устарѣлыя стремленія ограничивать челоѣческую жизнь одною головою или однимъ желудкомъ. Оба эти органы равно необходимо принадлежатъ челоѣку и равно существенна для челоѣка жизнь и того и другого органа. Потому-то благородныя стремленія ко всему высокому и прекрасному признаетъ наука въ челоѣкѣ столь же существенными, какъ потребность ѣсть и пить. Она такъ же любитъ—потому что наука не отвлеченна и не холодна: она любитъ и негодуетъ, преслѣдуетъ и покровительствуетъ—она такъ же любитъ благородныхъ людей, которые заботятся о нравственныхъ потребностяхъ челоѣка, или скорбятъ, видя, какъ часто они не удовлетворяются, какъ любитъ и тѣхъ людей, которые заботятся о матеріальныхъ потребностяхъ своихъ собратій.

Мы изложили мысли, высказанныя авторомъ, выставляя на видъ и поправляя замѣченныя нами ошибки его. Теперь остается намъ произнести свое мнѣніе о его книгѣ. Мы должны сказать, что авторъ обнаруживаетъ нѣкоторую способность понимать эти общія начала и нѣкоторое умѣнье прилагать ихъ къ даннымъ вопросамъ; у него также замѣтна способность различать въ данныхъ понятіяхъ элементы, согласныя съ общими воззрѣніями современной науки, и другіе элементы, несогласныя съ ними. Потому его теорія имѣетъ внутреннее единство характера. До какой степени она справедлива, это рѣшить время. Но, охотно признавалъ, что мысли, изложенныя авторомъ, заслуживаютъ вниманія, мы съ тѣмъ вмѣстѣ должны сказать, что ему почти всегда принадлежитъ только изложеніе и примѣненіе этихъ мыслей, которыя уже даны ему наукою. Перейдемъ же къ оцѣнкѣ его изложенія. Многочисленныя ошибки и опущенія, нами замѣченныя, доказываютъ, что г. Чернышевскій писалъ свое изслѣдованіе въ то время, когда въ немъ самомъ еще совершался процессъ развитія выводимыхъ имъ мыслей, когда онъ еще не достигли полной, всесторонней, установившейся систематичности. Еслибъ онъ повременилъ издавать свое сочиненіе, оно

могло бы имѣть болѣе научнаго достоинства, если не въ сущности, то по крайней мѣрѣ въ изложеніи. Онъ самъ, кажется, чувствовалъ это, говоря: „если эстетическія понятія, выводимыя мною изъ господствующихъ нынѣ воззрѣній на отношенія человѣческой мысли къ живой дѣйствительности, еще остались въ моемъ изложеніи неполны, односторонни, или шатки, то это, я надѣюсь, недостатки не самыхъ понятій, а только моего изложенія“ (стр. 8). Надобно сказать что-нибудь и о формѣ сочиненія. Мы ею рѣшительно недовольны, потому что она кажется намъ несоотвѣтствующею цѣли автора—возбудить вниманіе къ мыслямъ, на которыхъ онъ старается построить теорію искусства. Достичь этой цѣли онъ могъ придавъ своимъ общимъ мыслямъ живой интересъ приложеніемъ ихъ къ текущимъ вопросамъ нашей литературы. Онъ могъ показать многочисленными примѣрами живую связь общихъ началъ науки съ интересами дня, которые занимають столь многихъ.

Предисловіе къ третьему изданію „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ *).

Въ сороковыхъ годахъ большинство образованныхъ людей въ Россіи живо интересовалось нѣмецкой философіей; лучшіе наши публицисты передавали русской публикѣ, насколько то было возможно, идеи, господствовавшія тогда въ ней. Это были идеи Гегеля и его учениковъ.

Теперь въ самой Германіи остается мало послѣдователей Гегеля; тѣмъ меньше остается ихъ у насъ. Но въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ его философія властвовала въ нашей литературѣ. Почти всѣ люди просвѣщеннаго образа мыслей сочувствовали ей, насколько знали ее изъ неполныхъ изложеній ея нашими публицистами. Немногіе, имѣвшіе привычку читать философскія книги на нѣмецкомъ языкѣ, были въ своихъ кружкахъ разъяснителями того, что не досказывалось въ печатныхъ русскихъ изложеніяхъ ея; этихъ комментаторовъ слушали жадно, они пользовались глубокимъ уваженіемъ своихъ любознательныхъ знакомыхъ. При жизни Гегеля единство образа мыслей поддерживалось между его учениками личнымъ его авторитетомъ. Но уже и при немъ появлялись въ нѣмецкой философской литературѣ изслѣдованія, въ которыхъ излагались выводы изъ основныхъ его идей или умалчиваемые или въ случаѣ крайней надобности даже порицаемые имъ. Важнѣйшимъ изъ такихъ изслѣдованій было анонимное сочиненіе „Мысли о смерти и безсмертіи“ (Gedanken über Tod und Unsterblichkeit). Оно было напечатано въ 1830 году, за годъ до смерти Гегеля. Когда умеръ авторитетный учитель, одинаковость мыслей у массы его послѣдователей стала ослабѣвать и въ 1835 году, по поводу изданія трактата Штрауса „Жизнь Иисуса“ (Das Leben Jesu), школа Гегеля распалась на три отдѣла: нѣкоторые остались вѣрны системѣ осторожнаго либерализма своего учителя; важнѣйшими изъ нихъ были Мишелетъ и Розенкранцъ; они образовали отдѣлъ, который получилъ названіе центра;

*) Предисловіе это не было пропущено цензурою, такъ какъ о Фейербахѣ писать не полагалось. Третье изданіе „Эстетическихъ отношеній“ было рѣшено поэтому не печатать.

довольно многіе стали открыто высказывать мнѣнія рѣшительно прогрессивныя; сильнѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Штраусъ; онъ и шедшіе вмѣстѣ съ нимъ философы образовали лѣвую сторону гегелевской школы; очень многіе ученики Гегеля были шокированы рѣзкостью ихъ мнѣній, въ особенности выводами экзегетики Штрауса, и въ полемикѣ съ лѣвой стороной отбросили всѣ тѣ прогрессивные элементы, которые были соединены съ консервативными въ системѣ Гегеля; эта многочисленная группа составила правую сторону. Центральная партія старалась смягчить полемику правой стороны съ лѣвою, но это оказалось невозможнымъ; онѣ, идя каждая своимъ направленіемъ, отходили все дальше и дальше одна отъ другой, и передъ тѣмъ временемъ, когда политическія событія 1848 года дали массѣ нѣмецкой публики интересы, передъ которыми утратили важность философскіе споры, разрывъ между лѣвой и правой сторонами гегельянцевъ произвелъ тотъ результатъ, что большинство философовъ правой стороны уже держалось только терминологіи Гегеля, излагая посредствомъ ея идеи XVII вѣка, а большинство мыслителей лѣвой стороны влагало въ рамки гегелевской діалектики содержаніе болѣе или менѣе сходное съ такъ называемою философіей энциклопедистовъ.

Авторъ „Мыслей о смерти и безсмертіи“, Людвигъ Фейербахъ, занимался нѣсколько лѣтъ трудами по исторіи новой философіи. Вѣроятно они содѣйствовали тому, что понятія его пріобрѣли широту, далеко переходившую обычный кругъ идей нѣмецкой философіи, развившейся послѣ Канта. Лѣвая сторона гегелевской школы считала его своимъ. Онъ сохранялъ часть гегелевской терминологіи. Но въ 1845 году, въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, онъ уже говорилъ, что философія отжила свой вѣкъ, что ея мѣсто должно быть занято естествознаніемъ.—Дѣлая обзоръ тѣхъ фазисовъ развитія, которыя проходила его мысль, и показывая при каждомъ изъ нихъ почему она не остановилась на немъ, признала его устарѣвшимъ и перешла къ слѣдующему, онъ, по изложеніи основныхъ идей послѣднихъ своихъ трудовъ, говоритъ: „Но и эта точка зрѣнія не устарѣла ли?“ и отвѣчаетъ: „Къ сожалѣнію да, да!“, *Leider, leider!* Это заявленіе, что онъ считаетъ устарѣвшими и такіе свои труды, какъ „Сущность религіи“ (*Das Wesen der Religion*), основывалось на надеждѣ, что скоро явятся натуралисты, способные замѣнить философовъ въ дѣлѣ разъясненія тѣхъ широкихъ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ было до той поры спеціальнымъ занятіемъ мыслителей, называвшихся философами.

Оправдалась ли надежда Фейербаха хотя теперь, больше, чѣмъ черезъ 40 лѣтъ, послѣ того какъ была высказана?—вопросъ, котораго я не буду разбирать. Мой отвѣтъ на него былъ бы грустный.

Авторъ брошюры, къ третьему изданію которой нишу я предисловіе, получилъ возможность пользоваться хорошими бібліотеками и употреблять нѣсколько денегъ на покупку книгъ въ 1846 году. До того времени онъ читалъ только такія книги, какія можно доставать въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ порядочныхъ бібліотекъ. Онъ былъ знакомъ съ русскими изложеніями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться съ Гегелемъ въ подлинникъ, онъ сталъ читать

эти трактаты. Въ подлинникѣ Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидалъ онъ по русскимъ изложеніямъ. Причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны гегелевской школы. Въ подлинникѣ Гегель оказывался болѣе похожъ на философовъ XVII вѣка и даже на схоластиковъ, чѣмъ на того Гегеля, какимъ являлся онъ въ русскихъ изложеніяхъ его системы. Чтеніе было утомительно по своей явной бесполезности для сформированія научнаго образа мыслей. Въ это время случайнымъ образомъ попалось желавшему сформировать себѣ такой образъ мыслей юношѣ одно изъ главныхъ сочиненій Фейербаха. Онъ сталъ послѣдователемъ этого мыслителя; и до того времени, когда житейскія надобности отвлекли его отъ ученыхъ занятій, онъ усердно перечитывалъ и перечитывалъ сочиненія Фейербаха.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ начала его знакомства съ Фейербахомъ представлялась ему житейская надобность написать ученый трактатъ. Ему казалось, что онъ можетъ примѣнять основныя идеи Фейербаха къ разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ по отраслямъ знаній, не входившимъ въ кругъ изслѣдованій его учителя.

Предметомъ трактата, который нужно было ему написать, должно было быть что-нибудь относящееся къ литературѣ. Онъ вздумалъ удовлетворить этому условію изложеніемъ тѣхъ понятій объ искусствѣ и въ частности о поэзіи, которыя казались ему выводами изъ идей Фейербаха. Такимъ образомъ брошюра, предисловіе къ которой пишу я—попытка примѣнять идеи Фейербаха къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ эстетики.

Авторъ не имѣетъ ни малѣйшихъ притязаній сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему. Онъ желалъ только быть истолкователемъ идей Фейербаха въ примѣненіи къ эстетикѣ.

Странную несообразность съ этимъ представляетъ то обстоятельство, что во всемъ его трактатѣ ни разу не упоминается имя Фейербаха. Дѣло объясняется тѣмъ, что это имя было тогда невозможно употреблять въ русской книгѣ. У автора нѣтъ и имени Гегеля, хотя онъ постоянно полемизируетъ противъ эстетической теоріи Гегеля, продолжавшей господствовать тогда въ русской литературѣ, но излагавшейся уже безъ упоминаній о Гегелѣ. Это имя тоже было неудобно тогда для употребленія на русскомъ языкѣ.

Изъ трактатовъ по эстетикѣ лучшимъ считался тогда обширный и очень ученый трудъ Фишера „Эстетика или наука прекраснаго“ (*Aesthetik oder Wissenschaft der schönen*). Фишеръ былъ гегельянецъ лѣвой стороны, но имя его не принадлежало къ числу неудобныхъ, потому авторъ называетъ его, когда имѣетъ необходимость сказать, противъ кого же полемируетъ онъ; и когда надобно приводить подлинныя слова какого-нибудь защитника опровергаемыхъ авторомъ эстетическихъ понятій, онъ дѣлаетъ выписки изъ „Эстетики“ Фишера.—„Эстетика“ самого Гегеля въ то время была устарѣлой по фактическимъ подробностямъ; въ этомъ состояла причина предпочтенія, которое отдавалось тогда „Эстетикѣ“ Фишера, труду въ то время еще новому, свѣжему. Фишеръ мыслитель довольно сильный; но сравнительно съ Гегелемъ онъ пигмей. Всѣ его отступленія отъ основ-

ныхъ идей „Эстетики“ Гегеля — порча ихъ. Впрочемъ, тѣ мѣста, которыя приводитъ авторъ, излагаютъ идеи Гегеля безъ всякихъ перемѣнъ.

Прилагая основныя идеи Фейербаха къ разрѣшенію эстетическихъ вопросовъ, авторъ приходитъ къ системѣ понятій, находящихся въ совершенномъ противорѣчій съ эстетической теоріей, которой держится Фишеръ, гегельянецъ лѣвой стороны. Это соответствуетъ отношенію философіи Фейербаха къ философіи Гегеля даже въ томъ ея видѣ, какой получила она у мыслителей лѣвой стороны школы Гегеля. Она нѣчто совершенно иное, чѣмъ метафизическія системы, самой лучшей изъ которыхъ въ научномъ отношеніи была гегелевская. Родство содержанія исчезло, осталось только употребленіе нѣкоторыхъ терминовъ, общихъ всѣмъ нѣмецкимъ системамъ философіи съ Канта до Гегеля. Мыслители лѣвой стороны школы Гегеля видѣли у Фейербаха, по достиженіи имъ самостоятельности, такія желанія относительно общественнаго быта, которыя были и у нихъ самихъ, какъ и у огромнаго большинства просвѣщенныхъ людей того времени; поэтому они считали его своимъ. До 1848 года не была замѣчаема ими коренная разница его образа мыслей отъ ихъ понятій. Она обнаружилась различіемъ взгляда на событія весны 1848 года въ Германіи. Переворотъ произошедшій въ концѣ февраля во Франціи, одобрилъ партію реформы въ Германіи; ей показалось, что масса нѣмецкаго народа сочувствуетъ ея стремленіямъ, и въ первыхъ числахъ марта она при одобреніи массы горожанъ захватила власть въ Баденѣ, Вюртембергѣ, въ мелкихъ государствахъ западной Германіи; нѣсколькими днями позднѣе произошелъ переворотъ въ Австріи: Венгрія получила независимость отъ вѣнскаго правительства. Черезъ недѣлю послѣ переворота въ Вѣнѣ произошелъ переворотъ въ Берлинѣ. Партія реформы получила увѣренность, что не только правительства второстепенныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, сформированныя изъ ея мѣстныхъ вождей, будутъ помогать исполненію ея желаній, но и австрійское и прусское правительства, составленныя теперь изъ людей болѣе или менѣе либеральнаго образа мыслей и патріотическаго направленія чувствъ, или будутъ помогать ей или, по крайней мѣрѣ, повиноваться ея требованіямъ. Въ концѣ марта собрался во Франкфуртѣ, столицѣ прежней нѣмецкой имперіи многочисленный съѣздъ представителей либеральной партіи. Они объявили свое собраніе (форпарламентъ, „предварительный парламентъ“), имѣющимъ власть и обязанность сдѣлать распоряженія о созваніи нѣмецкаго парламента („національнаго собранія“), контролировать дѣйствія засѣдавшаго во Франкфуртѣ нѣмецкаго сейма, состоявшаго по старому устройству изъ уполномоченныхъ отъ нѣмецкихъ правительствъ, и принимать мѣры необходимыя для того, чтобы всѣ нѣмецкія правительства, въ томъ числѣ и прусское и австрійское, повиновались этому сейму, постановляющему рѣшенія, диктуемыя форпарламентомъ. Дѣйствительно всѣ правительства повиновались, даже и прусское и австрійское повиновались форпарламенту и нѣмецкому сейму, надъ которымъ владычествовалъ онъ. По всей территоріи учрежденной въ 1815 году федераціи государствъ, называвшейся нѣмецкимъ союзомъ, были произведены выборы депутатовъ въ нѣмецкій парламентъ, который соберется въ Франкфуртѣ и установитъ новое государственное устройство Германіи,

обратитъ ее изъ федераціи государствъ, Staatenbund, въ „федеративное государство“, Bundesstaat. Національное собраніе (какъ назывался этотъ нѣмецкій парламентъ) открыло 18 мая свои засѣданія во Франкфуртѣ; всѣ правительства признали его власть. Оно 14 іюня выбрало временнымъ правителемъ Германіи эрцгерцога Іоанна, дядю австрійскаго императора, передавшаго ему временное управленіе Австріей. Онъ привелъ въ порядокъ австрійскія дѣла, пріѣхалъ во Франкфуртъ и 12 іюля принялъ на себя управленіе нѣмецкимъ союзомъ. Не только австрійское, но и прусское правительство признали его власть. Нѣмецкое національное собраніе занималось составленіемъ конституціи нѣмецкаго союзнаго государства. Повидимому исполнялись надежды нѣмецкой партіи реформъ.

Вся лѣвая сторона гегелевской школы дѣятельно участвовала въ событіяхъ, имѣвшихъ своимъ результатомъ созваніе нѣмецкаго національнаго собранія, повиновеніе нѣмецкихъ правительствъ ему, учрежденіе временнаго центрального правительства, повиновеніе всѣхъ частныхъ нѣмецкихъ правительствъ ему.

Фейербахъ не принялъ никакого участія ни въ агитаціи, которая привела къ этимъ успѣхамъ, ни въ совѣщаніяхъ нѣмецкаго національнаго собранія. Этимъ онъ навлекъ на себя порицанія. Когда дѣло кончилось паденіемъ всѣхъ надеждъ партіи реформъ, онъ сказалъ, что съ самаго начала предвидѣлъ полную неудачу; потому и не могъ участвовать въ дѣлѣ, которое считалъ съ самаго начала не имѣющимъ никакихъ шансовъ успѣха. Программа партіи реформъ была по его мнѣнію непослѣдовательна, силы партіи реформъ были недостаточны для преобразованія Германіи, надежды ея на успѣхъ фантастичны. Когда онъ высказалъ это мнѣніе, оно уже казалось справедливымъ огромному большинству просвѣщенныхъ людей въ Германіи. Еслибъ онъ сталъ оправдываться раньше, то къ несправедливому порицанію прибавилось бы справедливое, что заявленіемъ своего мнѣнія онъ ослабилъ партію реформъ. Потому онъ молча выносилъ упрекъ въ недостаткѣ смѣлости, въ холодности къ благу націи. Теперь дѣло партіи реформы было окончательно проиграно и оправданіемъ своего образа дѣйствій онъ уже не могъ повредить ей.

Различіе его взгляда на политическія событія весны 1848 года отъ взгляда лѣвой стороны гегелевской школы соотвѣтствовало различію его системы философскихъ убѣжденій отъ тѣхъ мыслей, которыхъ держалась она. Философскій образъ мыслей учениковъ Гегеля, составившихъ по его смерти лѣвую сторону гегельянства, былъ недостаточно послѣдователенъ, сохранялъ слишкомъ много фантастическихъ понятій или принадлежавшихъ спеціально системѣ Гегеля или общихъ ей со всѣми метафизическими системами нѣмецкой философіи, начиная съ Канта, который, возставая противъ метафизики, самъ погружался въ нее глубже предшествовавшихъ ему и опровергаемыхъ имъ нѣмецкихъ философовъ школы Вольфа. Вмѣстѣ съ тѣмъ философы лѣвой стороны гегелевской школы были недостаточно разборчивы въ усвоеніи себѣ тѣхъ взглядовъ, спеціалистовъ по естествознанію и по общественнымъ наукамъ, которые казались прогрессивными; вмѣстѣ съ научной истиной они брали изъ этихъ спеціальныхъ трактатовъ много оши-

бочныхъ теорій. Эти слабыя стороны образа мыслей философовъ лѣвой стороны гегельянства съ наибольшей рѣзкостью проявляются въ трудахъ Вруно Бауэра, того изъ ея дѣятелей, который былъ умомъ сильнѣе всѣхъ другихъ, кромѣ Штрауса. Онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ одной крайности къ другой и, на примѣръ, начавъ осужденіемъ экзегетической критики Штрауса за ея разрушительность, самъ черезъ нѣсколько времени написалъ экзегетическій трактатъ, сравнительно съ которымъ экзегетика Штрауса оказывалась консервативною (Теорію міа, которой держался Штраусъ, Вруно Бауэръ замѣнилъ теоріей личнаго авторскаго произвола), потому его труды, свидѣтельствующіе объ очень большой силѣ ума, не приобрѣли такого вліянія на мысли разсудительныхъ людей, какъ труды Штрауса, всегда остававшіеся человѣкомъ разсудительнымъ.

Постоянно работая надъ улучшеніемъ своихъ понятій Штраусъ привелъ ихъ наконецъ въ систему, которую изложилъ въ трактатѣ „Старая вѣра и новая вѣра“ (Der alte und der neue Glaube). Эта книга вышла въ 1872 г. Повидимому, Штраусъ предполагалъ тогда, что совершенно очистилъ свои понятія отъ метафизическихъ элементовъ. Такъ показалось и большинству образованныхъ людей въ Германіи. На самомъ дѣлѣ онъ, принимая всѣ выводы естествознанія, сохраняетъ въ своихъ мысляхъ довольно много метафизическихъ элементовъ; а теоріи натуралистовъ принимаетъ слишкомъ не разборчиво, не имѣя силы различить въ нихъ недоразумѣнія отъ научной истины.

Фейербахъ былъ не таковъ; его система имѣетъ чисто научный характеръ.

Но вскорѣ послѣ того, какъ онъ выработалъ ее, болѣзнь ослабила его дѣятельность. Онъ былъ еще не старикъ, но уже чувствовалъ, что у него не достанетъ времени изложить сообразно съ основными научными идеями тѣ спеціальныя науки, которыя оставались тогда и остаются до сихъ поръ ученой собственностью такъ называемыхъ философовъ по неподготовленности спеціалистовъ къ разработкѣ широкихъ понятій, на которыхъ основывается рѣшеніе коренныхъ вопросовъ этихъ отраслей знанія. (Если называть эти науки старыми ихъ именами, то главная изъ нихъ: логика, эстетика, нравственная философія, общественная философія, философія исторіи). Потому то въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій въ 1845 г. онъ уже говорилъ, что его труды должны быть замѣнены другими, но что у него уже нѣтъ силъ произвести эту замѣну. Этимъ чувствомъ объясняется его печальный отвѣтъ на вопросъ, который онъ предлагаетъ себѣ „Не устарѣла ль и нынѣшняя твоя точка зрѣнія? Къ сожалѣнію да, да!“ *Leider, leider!*—Дѣйствительно ль устарѣла она? Разумѣется, да, въ томъ смыслѣ, что центръ изслѣдованій о наиболѣе широкихъ вопросахъ науки долженъ быть перенесенъ изъ области спеціальныхъ изслѣдованій о теоретическихъ убѣжденіяхъ народныхъ массъ и объ ученыхъ системахъ, построенныхъ на основаніи этихъ протонародныхъ понятій, въ область естествознанія. Но этого не сдѣлано до сихъ поръ. Тѣ натуралисты, которые воображаютъ себя строителями всеобъемлющихъ теорій, на самомъ дѣлѣ остаются учениками и обыкновенно слабыми учениками старинныхъ мыслителей, создавшихъ ме-

тафизическія системы, и обыкновенно мыслителей, системы которых уже были разрушены отчасти Шеллингом и окончательно Гегелемъ. Достаточно напомнить, что большинство натуралистовъ, пытающихся строить широкія теоріи законовъ дѣятельности человѣческой мысли повторяютъ метафизическую теорію Канта о субъективности нашего знанія, толкуютъ со словъ Канта, что формы нашего чувственного воспріятія не имѣютъ сходства съ формами дѣйствительнаго существованія предметовъ, что поэтому предметы дѣйствительно существующіе и дѣйствительныя качества ихъ, дѣйствительныя отношенія ихъ между собою не познаваемы для насъ, и если бы были познаваемы, то не могли бы быть предметомъ нашего мышленія, влагающаго весь матеріалъ знаній въ формы совершенно различныя отъ формъ дѣйствительнаго существованія, что и самые законы мышленія имѣютъ лишь субъективное значеніе, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего такого, что представляется намъ связью причины съ дѣйствіемъ, потому что нѣтъ ни предыдущаго, ни послѣдующаго, нѣтъ ни цѣлаго, ни частей и такъ далѣе, и такъ далѣе. Когда натуралисты перестанутъ говорить этотъ и тому подобный метафизическій вздоръ, они сдѣлаются способны вырабатывать и вѣроятно выработаютъ, на основаніи естествознанія, систему понятій болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ тѣ, которыя изложены Фейербахомъ.—А пока лучшимъ изложеніемъ научныхъ понятій о такъ называемыхъ основныхъ вопросахъ человѣческой любознательности остается то, которое сдѣлано Фейербахомъ.

Авторъ брошюры, выходящей теперь новымъ изданіемъ, высказывалъ въ ней насколько могъ, что придаетъ важность только тѣмъ мыслямъ, которыя взялъ изъ трактатовъ своего учителя,—что эти страницы его брошюры составляютъ все достоинство, какое можетъ быть находимо въ ней; тѣ выводы, какіе онъ дѣлалъ изъ мыслей Фейербаха для разрѣшенія специальныхъ эстетическихъ вопросовъ, казались ему въ то время правильными; но онъ и тогда не считалъ ихъ особенно важными. Онъ былъ доволенъ своимъ небольшимъ трудомъ только въ томъ отношеніи, что ему удалось передать на русскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ идей Фейербаха въ тѣхъ формахъ, какія представляла тогда для подобныхъ работъ необходимость сообразоваться съ условіями русской литературы.

Сдѣлавъ анализъ понятія о прекрасномъ, авторъ говоритъ, что опредѣленіе этого понятія, кажущееся ему справедливымъ, составляетъ по его мнѣнію „выводъ изъ такихъ общихъ воззрѣній на отношенія дѣйствительнаго міра къ воображаемому, которыя совершенно различны отъ господствовавшихъ прежде въ наукѣ“. Это надобно понимать такъ: онъ дѣлаетъ выводъ изъ той мысли Фейербаха, что воображаемый міръ только передѣлка нашихъ знаній о дѣйствительномъ мірѣ, производимая нашей фантазіей въ угожденіе нашимъ желаніямъ; что эта передѣлка блѣдна по интенсивности и скудна содержаніемъ сравнительно съ впечатлѣніями, производимыми на наши мысли предметами дѣйствительнаго міра.

Вообще автору принадлежатъ только тѣ частныя мысли, которыя относятся къ специальнымъ вопросамъ эстетики. Всѣ мысли болѣе широкаго объема въ его брошюрѣ принадлежатъ Фейербаху. Онъ передавалъ ихъ

вѣрно и насколько допускало состояніе русской литературы близко къ изложенію ихъ у Фейербаха.

Пересматривая его брошюру, мы сдѣлали по его указанію нѣсколько поправокъ въ текстъ. Онѣ относятся исключительно къ мелочамъ. Авторъ не желаетъ передѣлывать перечитываемую нами брошюру: въ старости не годится передѣлывать то, что написано въ молодости.

1888 г.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ *).

Въ настоящей книгѣ взрослый читатель не найдетъ для себя ничего новаго о Пушкинѣ. Ея цѣль — служить для юношества началомъ знакомства съ великимъ русскимъ поэтомъ. Съ этою цѣлію въ ней разсказана: а) жизнь поэта, по существующимъ нынѣ печатнымъ матеріаламъ, при чемъ составитель отдавалъ предпочтеніе фактамъ, рельефно представляющимъ трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представленъ краткій очеркъ произведеній Пушкина и в) помѣщено въ „Приложеніи“ нѣсколько мелкихъ стихотвореній и отрывки изъ поэмъ Пушкина, выбранныхъ, разумѣется, согласно назначенію книги.

Такимъ образомъ составленная, книга о Пушкинѣ, по нашему мнѣнію, можетъ служить полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ русскаго юношества, какъ мужскаго такъ и женскаго половъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что издатель имѣлъ въ виду дѣтей. И, однакожь, книга не названа дѣтскою. Это сдѣлано не безъ намѣренія. Кто потрудится перенестись мыслию къ собственному дѣтству и отрочеству, тотъ, вѣрно, вспомнитъ, какъ въ то время хотѣлось ему казаться *большимъ* и какъ отталкивало его одно названіе *дѣтскій*. Намъ случалось видѣть дѣтей, особенно въ порѣ перехода къ отрочеству, которыя именно поэтому не читали хорошихъ книгъ, тогда какъ съ жадностію бросались на книги сомнительнаго достоинства, лишь бы на нихъ не стояло: *для дѣтей*.

Итакъ, мы думаемъ, что родители и наставники, которые, пріобрѣта

*) Т.-е. Н. Г. Чернышевскаго. Книга эта была издана безъ фамиліи автора.

нашу книгу, вырвать из нея этотъ листокъ прежде, чѣмъ отдадутъ ее въ руки своимъ питомцамъ, поступить весьма благоразумно: они придадутъ ей въ глазахъ своихъ питомцевъ двойной интересъ.

Спб. 1856. Июнь.

ГЛАВА I.

Значеніе словъ „великій поэтъ“. — Кто имѣетъ право быть названъ образованнымъ человекомъ. — Общее значеніе литературы въ дѣлѣ образованія и изящной въ особенности. — Мѣсто, занимаемое Пушкинымъ въ нашей изящной литературѣ.

„Пушкинъ—великій поэтъ“, говоритъ каждый изъ насъ, и эти слова такъ важны, что надобно постараться какъ можно лучше вникнуть въ смыслъ ихъ и объяснить себѣ: что такое значить „великій поэтъ“? почему великіе поэты пользуются общимъ глубокимъ уваженіемъ? и почему Пушкина всѣ считаютъ великимъ поэтомъ?

Объяснивъ себѣ это, мы увидимъ, какъ необходимо каждому изъ насъ ближе познакомиться съ жизнью Пушкина и его сочиненіями.

Не нужно доказывать, что образованіе—самое великое благо для человека. Безъ образованія люди и грубы, и бѣдны, и несчастны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только припомнить рассказы путешественниковъ о дикаряхъ. Краснокожіе индѣйцы жили и отчасти еще живутъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ, которыя заняты теперь Сѣверо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всемъ необходимомъ для жизни, и многочисленными богатыми, имѣющими все въ изобиліи сѣверо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что сѣверо-американцы—народъ образованный, а краснокожіе туземцы—дикари. Другой примѣръ, болѣе близкій къ намъ: Россія теперь государство могущественное и богатое, потому что русскіе, благодаря Петру Великому, стали народомъ образованнымъ; а всего только пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, русскіе были угнетаемы и раззоряемы татарами, потому что были еще мало образованы.

Но не довольно того, что просвѣщеніе приноситъ народу и благостояніе и могущество: оно доставляетъ человеку такое душевное наслажденіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Каждый образованный человекъ чувствуетъ это и всегда скажетъ, что безъ образованія жизнь его была бы очень скучна и жалка.

Теперь будетъ совершенно ясно, какъ важна для всеобщаго блага литература, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ средствъ для распространенія образованности самое сильное—литература. Народъ, у котораго нѣтъ литературы, грубъ и невѣжественъ; чѣмъ болѣе усиливается и совершенствуется, или, какъ принято говорить, развивается литература, тѣмъ образованнѣе и лучше становится народъ.

Образованнымъ человекомъ называется тотъ, кто приобрѣлъ много зна-

ній и, кромѣ того, привыкъ быстро и вѣрно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, какъ выражаются однимъ словомъ, привыкъ „мыслить“, и, наконецъ, у кого понятія и чувства получили благородное и возвышенное направленіе, то-есть приобрѣли сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Всѣ эти три качества — обширныя знанія, привычка мыслить и благородство чувствъ — необходимы для того, чтобы человѣкъ былъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ слова. У кого мало познаній, тотъ невѣжда; у кого умъ не привыкъ мыслить, тотъ грубъ или тупоумень; у кого нѣтъ благородныхъ чувствъ, тотъ человѣкъ дурной.

Въ дѣтствѣ, въ первую пору молодости, человѣкъ учится въ школахъ: уроки наставниковъ имѣютъ ту цѣль, чтобы сдѣлать юношу образованнымъ человѣкомъ. Но когда онъ выходитъ изъ школы, перестаетъ учиться, его образованіе поддерживается и совершенствуется чтеніемъ, то-есть вмѣсто прежнихъ наставниковъ, которыхъ слушалъ мальчикъ и юноша, взрослый человѣкъ имѣетъ одну наставницу — литературу.

Чтобы исполнить, какъ должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образованія, литература, какъ мы уже знаемъ, должна давать ему различныя знанія, развивать въ немъ привычку мыслить и поддерживать въ немъ любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до нѣкоторой степени исполняетъ всѣ эти условія; но нѣкоторыя книги имѣютъ главною своею цѣлью сообщать уму читателя различныя познанія — это книги, принадлежащія къ такъ называемой ученой литературѣ, напримѣръ, сочиненія по исторіи, по естественнымъ наукамъ и пр.; другія книги пишутся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣйствовать главнымъ образомъ на воображеніе и сердце читателя, возбуждая въ немъ сочувствіе къ доброму и прекрасному — это книги, принадлежащія къ такъ называемой изящной литературѣ. Между полезными дѣйствіями, какія производятъ на читателя книги того и другого рода, есть очень много общаго; особенно сходны всѣ хорошія книги въ томъ, что непремѣнно возбуждаютъ въ читателѣ желаніе думать о томъ, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны онѣ между собою и въ томъ, что хорошая ученая книга, дѣйствуя болѣе всего на умъ, дѣйствуетъ также и на сердце, а произведенія изящной литературы, преимущественно обращаясь къ сердцу читателя, въ то же время не остаются безполезны и для его ума, которому сообщаютъ вѣрные понятія о человѣческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень рѣзко отличается отъ ученой. Одну сторону этого различія мы уже знаемъ: главная цѣль ученыхъ сочиненій, какъ мы сказали, та, чтобы сообщить точныя свѣдѣнія по какой-нибудь наукѣ, а сущность произведеній изящной словесности — въ томъ, что они дѣйствуютъ на воображеніе и должны возбуждать въ читателѣ благородныя понятія и чувства. Другое различіе состоитъ въ томъ, что въ ученыхъ сочиненіяхъ излагаются событія, происходившія на самомъ дѣлѣ, и описываются предметы, также на самомъ дѣлѣ существующіе или существовавшіе; а произведенія изящной словесности описываютъ и рассказываютъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какъ чувствуютъ и какъ поступаютъ

люди въ различныхъ обстоятельствахъ, и примѣры эти болѣею частію создаются воображеніемъ самого писателя. Коротко можно выразить это различіе въ слѣдующихъ словахъ: ученое сочиненіе рассказываетъ, что именно было или есть, а произведеніе изящной литературы рассказываетъ, какъ всегда или обыкновенно бываетъ на свѣтѣ.

Довольно намъ и этихъ двухъ замѣчаній, чтобы видѣть, до какой степени изящная литература различна отъ ученой, хотя есть у нихъ и много общаго.

Можно теперь спросить: которая же изъ двухъ отраслей литературы важнѣе? которая болѣе приноситъ пользы людямъ? которая болѣе содѣйствуетъ распространенію и усовершенствованію просвѣщенія? На это образованный человѣкъ будетъ отвѣчать: обѣ онѣ равно важны, равно полезны людямъ. Ученая литература спасаетъ людей отъ невѣжества, а изящная — отъ грубости и пошлости; то и другое дѣло одинаково благотворны и необходимы для истиннаго просвѣщенія и для счастья людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошіе писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймемъ, какой высокій смыслъ заключается въ этомъ словѣ. Поэты — руководители людей къ благородному понятію о жизни и къ благородному образу чувствъ: читая ихъ произведенія, мы приучаемся отвращаться отъ всего пошлаго и дурного, понимать очаровательность всего добраго и прекраснаго, любить все благородное; читая ихъ, мы сами дѣлаемся лучше, добрѣе, благороднѣе *).

И если Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ великій поэтъ, то нельзя не согласиться, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сдѣлали наиболѣе добра своимъ соотечественникамъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ каждый русскій наиболѣе обязанъ уважать и любить.

Это въ самомъ дѣлѣ такъ. Мы знаемъ теперь, что отъ литературы очень много зависитъ просвѣщеніе народа, и что безъ просвѣщенія нѣтъ для людей истиннаго счастья; намъ надобно только узнать, какое важное мѣсто въ нашей изящной литературѣ занимаетъ Пушкинъ и какъ многимъ она ему обязана, — и мы увидимъ, что его, по всей справедливости, надобно называть великимъ поэтомъ, и что каждый изъ насъ долженъ почитать его человѣкомъ, сдѣлавшимъ очень много добра нашей родинѣ.

Изящная литература появилась у насъ лѣтъ за восемьдесятъ до Пушкина, вскорѣ послѣ благодѣтельныхъ преобразованій Петра Великаго, познакомившаго русскихъ съ просвѣщенными народами **). Но извѣстно, что почти каждое дѣло достигаетъ своей настоящей важности медленно. То, что

*) Прежде называли поэтами только стихотворцевъ, а поэзіею только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведеніями должно называть всѣ хорошія сочиненія по части изящной литературы, все равно, стихами ли они писаны, или прозою. Впрочемъ, до сихъ поръ „поэтами“ называютъ въ особенности тѣхъ писателей, у которыхъ особенно много или воображенія, или задумчивой теплоты; тѣ произведенія изящной словесности, въ которыхъ холодный разумъ преобладаетъ надъ воображеніемъ и теплотою чувства, не принято называть „поэтическими“.

**) Первая ода Ломоносова, котораго обыкновенно называютъ отцомъ нашей изящной словесности, была написана въ 1739 г.

оказывается очень важно впоследствии, сначала бывает маловажно. Такъ было съ нашей словесностью. Число людей, привыкшихъ къ чтенію, было въ то время очень мало, да и людей, знавшихъ грамоту, было немного. Главная заслуга Ломоносова и писателей, слѣдовавшихъ за нимъ до начала нынѣшняго вѣка, состояла въ томъ, что они своими произведеніями возбуждали охоту къ чтенію и мало-по-малу увеличивали число людей, интересующихся литературою. Изъ этихъ писателей, о которыхъ мы всегда должны вспоминать съ особеннымъ уваженіемъ, самыми замѣчательными, послѣ Ломоносова, были Державинъ, фонъ-Визинъ и Карамзинъ. Не менѣе пользы принесъ литературѣ Новиковъ, хотя не былъ знаменитъ, какъ писатель. Державинъ славился своими стихотвореніями (одами), фонъ-Визинъ написалъ двѣ прекрасныя комедіи („Бригадиръ“ и „Недоросль“). Новиковъ чрезвычайно много и успѣшно заботился объ увеличеніи числа книгъ и распространеніи круга читателей въ Россіи: благодаря его безкорыстнымъ усиліямъ, было издано въ пять или шесть лѣтъ болѣе книгъ, нежели прежде было напечатано въ пятьдесятъ; наконецъ, одинъ изъ молодыхъ людей, которымъ покровительствовалъ Новиковъ въ началѣ ихъ литературнаго поприща, обнаружилъ очень замѣчательный талантъ. Это былъ Карамзинъ, послѣ Ломоносова второй основатель нашей изящной литературы. Его произведенія, написанныя очень хорошимъ и легкимъ языкомъ, читались съ такимъ удовольствіемъ, какого прежде не возбуждали прозаическія сочиненія. Труды этихъ людей образовалась въ Россіи „публика“, то-есть нѣкоторая часть русскаго народа получила привычку находить въ чтеніи наслажденіе, безъ котораго уже не могла обходиться. Тогда явился Жуковскій, который пріобрѣлъ славу прекрасными переводами англійскихъ и нѣмецкихъ стихотвореній, особенно переводами многихъ произведеній великаго нѣмецкаго поэта Шиллера.

Таково было положеніе русской литературы, когда началъ писать Пушкинъ. Публика уже существовала въ Россіи, но была еще немногочисленна; между писателями считалось нѣсколько людей съ замѣчательнымъ талантомъ, но не было еще такого генія, который приводилъ бы читателей въ восторгъ, который показалъ бы русской публикѣ поэзію во всей ея очаровательной красотѣ. Это сдѣлалъ Пушкинъ. И прежде всего существовали на русскомъ языкѣ хорошіе стихи; но когда явились произведенія Пушкина, всѣ увидѣли, что еще не имѣли понятія о томъ, какъ прекрасны могутъ быть русскіе стихи. Въ самомъ дѣлѣ, до Пушкина еще никто не писалъ такимъ легкимъ и живымъ языкомъ, въ которомъ соединялись и простота и поэтическая прелесть; еще никто не умѣлъ придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты. Всѣ эти качества, въ которыхъ состоитъ такъ называемое „художественное совершенство“ пушкинскаго стиха, очаровали публику и привлекли къ чтенію тысячи людей, которые прежде не имѣли привычки читать. Такимъ образомъ, число людей, составляющихъ публику—иначе сказать, число образованныхъ людей въ Россіи—чрезвычайно увеличилось, благодаря превосходнымъ произведеніямъ гениальнаго поэта. Но этимъ не ограничиваются заслуги Пушкина. Сначала болѣе всего поражены были читатели тѣми художественными достоинствами

его стихотвореній и поэмъ, о которыхъ мы уже сказали. Но мало-по-малу все начали увлекаться и другимъ качествомъ этихъ произведеній. Это важнѣйшее качество состояло въ томъ, что Пушкинъ первый сталъ описывать русскіе нравы и жизнь различныхъ сословій русскаго народа съ удивительною вѣрностью и проницательностью. До него почти не имѣли объ этомъ понятія. Пржеііе писатели рѣдко избирали предметомъ своихъ разсказовъ русскую жизнь, а если и дѣлали это, то описывали ее не точно и неестественно. Исклученіемъ изъ этого можно назвать почти только одиъ комедіи фонъ-Визина и басни Крылова. Но фонъ-Визинъ не могъ увлечь за собою другихъ писателей и былъ почти забытъ въ то время, когда явился Пушкинъ. Басни Крылова также не имѣли большого вліянія на литературу, потому что басня вообще никогда не пріобрѣтаетъ господства надъ другими, болѣе значительными отраслями поэзіи. Такимъ образомъ, несмотря на примѣры, поданные фонъ-Визинымъ и Крыловымъ, въ произведеніяхъ почти всѣхъ остальныхъ тогдашнихъ писателей было очень мало близкаго къ русскому обществу; потому и литература вообще возбуждала мало сочувствія въ обществѣ, которое не находило въ ней почти ничего такого, что живымъ образомъ интересовало бы русскаго человѣка *). Теперь не то: если хорошія книги являются все еще не очень часто, можно сказать, рѣдко, зато каждая изъ нихъ возбуждаетъ въ тысячахъ, въ десяткахъ тысячъ людей самое живое участіе. Припомнимъ, напримѣръ, какой сильный интересъ во всемъ обществѣ обнаружился недавно по случаю новыхъ изданій Гоголя и самого Пушкина: каждый человѣкъ, котораго вы встрѣчали въ обществѣ, говорилъ о появленіи этихъ книгъ съ такимъ жаромъ, съ такою любовью, съ такою радостью, какъ будто дѣло лично касалось его самого. И дѣйствительно, оно касалось каждого изъ насъ, потому что мы все находимъ высокое наслажденіе и большую пользу въ чтеніи подобныхъ книгъ, говорящихъ о предметахъ, важныхъ каждому образованному русскому. Этимъ распространеніемъ сочувствія къ литературѣ общество наше обязано Пушкину болѣе, нежели кому-нибудь. До него книги интересовали изъ десяти человѣкъ одного; нынѣ изъ десяти человѣкъ развѣ одинъ какой-нибудь полуневѣжда не интересуется литературою **).

*) Не надобно забывать, что мы говоримъ собственно только объ изящной литературѣ. Въ числѣ ученыхъ сочиненій всегда были книги очень интересныя. Но кругъ публики, читающей ученыя книги, всегда бываетъ гораздо малочисленнѣе той публики, которая читаетъ почти исключительно только произведенія изящной словесности; изящная словесность, между прочимъ, необыкновенно важна и потому, что именно она привлекаетъ къ чтенію и распространяетъ въ обществѣ любовь къ книгамъ, т.-е. къ просвѣщенію.

**) Вскорѣ послѣ того, какъ явились первыя поэмы Пушкина, сдѣлалась извѣстною значительной части публики превосходная комедія Грибоѣдова „Горе отъ Ума“, и Грибоѣдовъ долженъ раздѣлять съ Пушкинымъ славу преобразователя литературы. Но, несмотря на всю любовь къ благородному автору этой комедіи, несмотря на все великія достоинства ея, надобно сказать, что для исторіи нашей литературы и образованія русской публики Пушкинъ еще важнѣе, нежели Грибоѣдовъ: потому что Грибоѣдовъ послѣ „Горя отъ Ума“ не написалъ ничего, а чтобы имѣть дѣйствіе на публику и литературу, дѣятельность писателя должна быть продолжительна и сочиненія его довольно многочисленны.

Вліяніе Пушкіна на літературу было такъ же сильно, какъ и впечатлѣніе, произведенное имъ въ публикѣ. До него, какъ мы сказали, наши поэты писали по большей части о предметахъ, не интересныхъ для русскаго читателя. Послѣ него всѣ талантливые литераторы начали писать въ такомъ же родѣ, какъ и онъ, т.-е. говорить большею частію о предметахъ, которые близко касаются насъ самихъ и представляютъ большую занимательность для образованнаго русскаго человѣка.

Такимъ образомъ, Пушкинъ произвелъ своими сочиненіями въ нашей литературѣ важное измѣненіе къ лучшему, значительно увеличилъ число любящихъ литературу, то-есть образованныхъ людей въ Россіи, и, кромѣ этихъ великихъ услугъ нашему обществу, доставилъ русской публикѣ очаровательную прелесть своихъ произведеній высокія поэтическія, то-есть благородныя, наслажденія. Ко всему этому надобно еще прибавить, что онъ первый научилъ русское общество такъ уважать литературу и талантливыхъ писателей, какъ уважаемъ мы ихъ теперь. И прежде нѣкоторые писатели пользовались въ обществѣ большимъ почтеніемъ—напримѣръ, Державинъ и Карамзинъ—но, вообще говоря, публика смотрѣла на нихъ съ уваженіемъ не столько потому, что сама чувствовала, какой сильной любви и признательности заслуживаетъ хорошій писатель, сколько потому, что видѣла милости, которыя оказываются Державину и Карамзину. Но Пушкина каждый русскій читатель самъ любилъ и уважалъ въ глубинѣ своего сердца, и каждый зналъ, за что его уважаетъ—за то, что Пушкинъ великій поэтъ: и тутъ каждый понималъ то, чего не понималъ прежде—понималъ, что великій поэтъ и вообще великій писатель есть человѣкъ, оказывающій большую услугу, дѣлающій много добра своей родинѣ, понималъ, что литература есть дѣло очень важное, полезное, заслуживающее величайшаго уваженія.

Вотъ какъ велика была польза, принесенная Пушкинымъ русской литературѣ и публикѣ: онъ научилъ публику любить и уважать литературу, возбудилъ сильный интересъ къ ней въ обществѣ, научилъ литераторовъ писать о томъ, что занимательно и полезно для русскихъ читателей. Поэтому-то и справедливо считаютъ его первымъ истинно великимъ русскимъ поэтомъ, потому-то ни одинъ образованный русскій человѣкъ не можетъ произносить его имени безъ глубокаго почтенія, безъ живой признательности.

ГЛАВА II.

Рожденіе А. С. Пушкина. — Его фамильная гордость. — Родъ Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ. — Историческая дѣятельность тѣхъ и другихъ. — Сергій Львовичъ, отецъ поэта. — Василій Львовичъ, дядя поэта. — Бесѣда Любителей Русскаго Слова и Арзамасъ. — Комическое посвященіе Василія Львовича въ арзамасцы. — Марья Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта. — Ольга Сергѣевна, сестра Пушкина, и посланіе къ ней четырнадцатилѣтняго поэта. — Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина. — Ея вліяніе на питомца.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ, 26 мая 1799 года. Онъ чрезвычайно гордился тѣмъ, что происходитъ отъ фамилій, игравшихъ довольно значительную роль въ нашей исторіи, и дорожилъ памятью

своихъ предковъ. Чувство это отразилось на многихъ его произведеніяхъ, и если мы не будемъ знать фамилныхъ воспоминаній, которыми онъ гордился, то многое въ его сочиненіяхъ останется для насъ темнымъ. Просмотримъ же, хотя кратко, чтѣ намъ извѣстно о предкахъ Пушкина.

Родъ Пушкиныхъ, не принадлежа къ числу особенно знатныхъ или могущественныхъ, съ конца XVII вѣка состоялъ на службѣ при дворѣ московскихъ царей, и нѣкоторые члены его успѣвали достигать почетныхъ званій. Трое изъ нихъ были даже боярами—санъ, который по своей важности можетъ быть сравненъ съ нынѣшними чинами полнаго генерала или тайнаго совѣтника. Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ (въ началѣ XVII вѣка) извѣстенъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ между тогдашними сановниками перешелъ на сторону Лжедмитрія, и нашъ поэтъ далъ своему предку значительную роль въ исторической трагедіи „Борисъ Годуновъ“.

Гораздо чаще, нежели о предкахъ по отцовской линіи, Пушкинъ упоминаетъ о предкахъ своихъ со стороны матери, Ганнибаловыхъ. Родоначальникомъ этой фамиліи былъ негръ Ганнибалъ, любимецъ Петра Великаго. Пушкинъ заботливо собиралъ всѣ свѣдѣнія о жизни этого Ганнибала и хотѣлъ написать полную его біографію, но не успѣлъ исполнить своего намѣренія и оставилъ намъ только нѣсколько строкъ о Ганнибалѣ, въ статьѣ „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ“.

„Дѣдъ моей матери—говоритъ Пушкинъ—былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князика. Русскій посланникъ въ Константинополь какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Великому, вмѣстѣ съ двумя другими арачатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ: потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу; во время испанской войны былъ раненъ въ голову и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большого свѣта. Петръ Первыи неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или оставаться во Франціи, но что во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ своего прежняго питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, по котораго я не могъ уже отыскать“. На этихъ историческихъ данныхъ основанъ превосходный разсказъ, которымъ начинается неоконченный романъ Пушкина: „Арапъ Петра Великаго“. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ романа, въ которомъ, судя по началу, Пуш-

зинъ превосходно изобразилъ бы эпоху Петра Великаго, былъ избранъ Ганнибалъ. У Абрама Петровича было два сына. Старшій, Иванъ Абрамовичъ, извѣстенъ тѣмъ, что въ царствованіе Екатерины II участвовалъ въ первой турецкой войнѣ, находясь на флотѣ, дѣйствовавшемъ въ Средиземномъ морѣ; между прочимъ, Иванъ Петровичъ отличился мужествомъ въ Чесменской битвѣ, гдѣ сожженъ турецкій флотъ, и, въ 1770 году, взялъ Наваринъ. Пушкинъ часто упоминаетъ о немъ въ своихъ стихахъ, — напимѣръ, въ слѣдующей замѣткѣ, которая одна была бы достаточна для того, чтобы сдѣлать безсмертными имена Абрама Петровича и Ивана Абрамовича.

„Гдѣ-то было сказано, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, генералъ-аншефъ, отецъ „Ганнибала, покорившаго Наваринъ, былъ купленъ шкиперомъ.. Прадѣдъ „мой если былъ купленъ. то... достался шкиперу, коего имя всякій русскій произносить не всеу:

Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усердѣвъ, неподкупенъ,
Царя наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ!

Братъ наваринскаго героя, младшій сынъ „Арапа Петра Великаго“, Осипъ Абрамовичъ Ганнибалъ, былъ отецъ матери Пушкина, Надежды Осиповны. Южная живость характера была наследована Пушкинымъ отъ своего прадѣда-африканца; даже черты его лица и курчавые волосы напоминали африканскій типъ его прадѣда по матери.

Не зная этихъ подробностей, легко можно вообразить, что предки Пушкина играли необыкновенно важную роль въ русской исторіи: такъ любить говорить о нихъ нашъ поэтъ и такъ искусно намекаетъ о ихъ участіи въ важнѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи. На самомъ же дѣлѣ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ числу довольно старинныхъ фамилій, но важнаго мѣста въ государствѣ никогда не занималъ и славою своею обязанъ только таланту Александра Сергѣевича Пушкина. Что касается до Абрама Петровича Ганнибала, то онъ былъ любимъ Петромъ Великимъ, какъ крестникъ, но также не пользовался вліяніемъ на государственныя дѣла; Иванъ Абрамовичъ, сынъ его, былъ, какъ видимъ, храбрымъ генераломъ, но сражался находясь подъ начальствомъ другихъ и не занималъ никогда мѣста съ самостоятельною властью. Обоихъ этихъ людей мы знаемъ также преимущественно потому только, что о нихъ упоминаетъ Пушкинъ, а не потому, чтобы они замѣтнымъ образомъ участвовали въ историческихъ событіяхъ. Познакомясь съ предками Пушкина, перейдемъ къ ближайшимъ его родственникамъ.

Сергій Львовичъ Пушкинъ, отецъ поэта, сначала служилъ въ гвардейскомъ Измайловскомъ полку, но вскорѣ послѣ женитьбы вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, откуда на лѣто все семейство уѣзжало въ свою подмосковную деревню, Захарьино. Богатый и гостепріимный домъ Сергія Львовича былъ часто посѣщаемъ лучшими тогдашними писателями, потому что хозяинъ былъ человѣкъ образованный и любившій литературу, особенно, по обычаю того вѣка, французскую. Сергій Львовичъ даже сочинялъ французскіе стихи, легкіе и остроумные. Самыми частыми гостями его бывали Карамзинъ и Дмитріевъ; Жуковскій и Батюшковъ также посѣщали его. Александръ Сергѣевичъ былъ еще такъ молодъ въ то время, что этимъ бесѣдамъ въ домѣ его отца нельзя приписывать особеннаго вліянія на развитіе его ума или таланта; но важно то обстоятельство, что съ самаго малолѣтства онъ былъ въ литературномъ кругу. Рассказываютъ, между прочимъ, что однажды, оставивъ дѣтскія игры, ребенокъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ рассказы Карамзина; съ такимъ же вниманіемъ слушалъ онъ иногда Дмитріева, читавшаго свои басни. Подражая примѣру отца, девятилѣтній Александръ Сергѣевичъ уже самъ писалъ небольшія французскія стихотворенія.

Братъ Сергія Львовича, Василій Львовичъ, также отчасти способствовалъ развитію склонности къ литературнымъ занятіямъ въ своемъ племянникѣ. Василій Львовичъ считался въ свое время довольно хорошимъ поэтомъ и, радуясь тому, что ребенокъ выучилъ наизусть нѣсколько его стихотвореній, твердилъ ему, чтобъ онъ читалъ русскихъ поэтовъ. Оближеніе между дядею и племянникомъ было тѣмъ легче, что Василій Львовичъ отличался чрезвычайнымъ простодушіемъ, о которомъ сохранилось много анекдотовъ. Изъ нихъ мы расскажемъ одинъ, довольно забавный и хорошо показывающій разницу между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ,—разницу, которая произведена талантомъ Пушкина.

До появленія Пушкина число людей, занимавшихся у насъ литературою, было не велико; немногочисленна была и публика, интересовавшаяся ихъ произведеніями. При такихъ обстоятельствахъ, любовь къ своему дѣлу охладѣла бы въ большей части писателей, еслибъ они не ободряли и не возбуждали другъ друга, соединяясь въ тѣсныя пріятельскіе кружки, которые назывались „литературными обществами“. Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Петербургѣ было два главныхъ литературныхъ общества: „Бесѣда Любителей Русскаго Слова“, состоявшая по большей части изъ людей, не одаренныхъ талантомъ или уже ослабѣвшихъ отъ старости, и „Арзамасъ“,—общество, составившееся изъ молодыхъ и даровитыхъ литераторовъ, которые хотѣли защищать отъ нападеній „Бесѣды“ Карамзина и Жуковского. Члены „Бесѣды“, привыкнувъ къ старинному слогу, не ободряли ни новаго прозаическаго слога, введеннаго Карамзинымъ, ни превосходныхъ произведеній Жуковского, который прекрасными стихами переводилъ стихотворенія Шиллера и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. „Арзамасомъ“ это общество назвалось потому, что поводомъ къ его основанію былъ шуточный рассказъ, въ которомъ осмѣивался устарѣлый языкъ нѣкоторыхъ литераторовъ: рассказчикъ говорилъ, будто бы однажды, будучи, проѣздомъ,

въ Арзамасѣ и обѣдая въ тамошней гостинницѣ, онъ подслушалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ другой проѣзжій разговаривалъ самъ съ собою, употребляя выраженія, вычитанныя изъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ книгъ и журналовъ: эти смѣшныя и нелѣпыя фразы были выписаны авторомъ сказа изъ сочиненій писателей, мнѣнія которыхъ онъ хотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ. Въ числѣ главныхъ членовъ арзамасскаго общества были Жуковский, графъ Уваровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) и проч.

Василію Львовичу, который въ то время уже не былъ молодымъ человѣкомъ, но любилъ молодежь, очень хотѣлось попасть въ арзамасское общество. Члены его, хотя и были пріатели Василію Львовичу, вздумали посмѣяться надъ своимъ пожилымъ другомъ, у котораго было болѣе добродушія, нежели поэтическаго таланта, и объявили ему, что онъ долженъ безпрекословно подчиниться церемоніямъ торжественнаго принятія въ общество, если хочетъ участвовать въ его собраніяхъ. Добродушный искатель согласился, и ему устроили слѣдующій пріемъ. Сначала тучный Василій Львовичъ долженъ былъ лечь на лавку или диванъ, и его завалили множествомъ пубъ, подъ которыми онъ пролежалъ часъ или два, между тѣмъ, какъ надъ нимъ читали какую-то французскую трагедію; потомъ странно измученнаго страдальца поставили передъ огромнымъ чучеломъ и дали ему въ руки замороженнаго гуся: замороженный гусь—эмблема Арзамаса, сказали ему. Въ этомъ забавномъ положеніи, новопринимаемый долженъ былъ выслушать длинную рѣчь, и вдругъ чучело упало, и спрятавшийся за нимъ мальчикъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Василія Львовича, который въ испугѣ повалился на землю, считая себя уже убитымъ, хотя, конечно, пистолетъ былъ заряженъ однимъ порохомъ.

Мы рассказываемъ этотъ анекдотъ, какъ одинъ изъ примѣровъ, показывающихъ, что тогда сами писатели смотрѣли на литературныя свои занятія вовсе не съ нынѣшней серьезной точки зрѣнія. Литература тогда была не болѣе, какъ забава, пріятнымъ отдыхомъ послѣ разныхъ житейскихъ дѣлъ, а не однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ, какъ всѣ думаютъ нынѣ. Въ наше время не только лучшіе, но и посредственные писатели, собираясь вмѣстѣ для занятій литературными дѣлами, не будутъ тратить цѣлый вечеръ на подобныя шутки; да и ни одинъ изъ людей, называющихъ себя писателями, не захочетъ, чтобы съ нимъ шутили такимъ образомъ. Все это мы говоримъ для того, чтобы показать различіе между тогдашними и нынѣшними понятіями. А главнымъ виновникомъ такой перемѣны былъ Пушкинъ: его произведенія, возбуждивъ необыкновенный интересъ во всѣхъ грамотныхъ русскихъ людяхъ, придали нашей литературѣ важность, которой она не имѣла прежде.

Но мы заглянули далеко впередъ: надобно возвратиться къ дѣтству Пушкина, къ разсказу о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали къ быстрому обнаруженію его таланта.

Василій Львовичъ, его дядя, игралъ, какъ мы видимъ, не слишкомъ завидную роль въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ коротко знакомъ съ лучшими писателями. Отецъ великаго поэта, Сер-

гѣй Львовичъ, также былъ пріятель со многими изъ нихъ. Эти отношенія не могли бы внушить любви къ литературѣ молодому Пушкину, если бы не была она вложена въ него самую природою, не могли бы они доставить ему съ перваго раза блестящаго положенія въ литературныхъ кружкахъ, еслибъ не давалъ ему право на то его необыкновенный и очень рано развившійся талантъ, но, конечно, до нѣкоторой степени, облегчили ему первые шаги на литературномъ поприщѣ: Карамзинъ и Жуковский пріѣзжали въ домъ гениальнаго юношу тѣмъ съ большею любовью, что онъ являлся къ нимъ какъ человѣкъ, носящій фамилію, не чуждую для ихъ слуха.

Изъ другихъ лицъ, близкихъ по родству, особенно много обязанъ былъ Пушкинъ своей бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, которая жила въ домѣ своего зятя, Сергѣя Петровича. Она учила внука читать и писать по-русски и была вообще очень ласкова къ нему. Когда мальчику хотѣлось избавиться отъ какого-нибудь принужденія, онъ бѣжалъ къ бабушкѣ, садился подлѣ нея, даже залѣзалъ въ ея рабочую корзину и по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ бабушкою, слушая рассказы ея. Марья Алексѣевна была женщина умная, много видѣвшая, много помнившая, и, конечно, многое изъ ея рассказовъ осталось навсегда въ памяти внука.

Другомъ дѣтства Пушкина была его сестра, Ольга Сергѣевна, которую онъ нѣжно любилъ до конца жизни. Она была только годомъ старше его, и они вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли; ей первой читалъ десятилѣтній мальчикъ первые свои стихи, которые, по примѣру отца, сочинялъ на французскомъ языкѣ; ей посвящено и первое изъ русскихъ его стихотвореній, извѣстныхъ намъ: оно писано въ 1814 году; молодому поэту не было еще тогда пятнадцати лѣтъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ этого довольно длиннаго „посланія“, драгоценнаго для насъ, какъ первый памятникъ поэтической дѣятельности великаго писателя. „Ты хочешь, милая сестра, чтобъ я писалъ къ тебѣ“, говоритъ Пушкинъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
 Чтобъ я, поэтъ молодой,
 Весѣдовалъ съ тобой
 И, съ лирою забвенной,
 Мечтами окриленный
 Оставилъ монастырь *)
 И край уединенный,
 Гдѣ непрерывный миръ
 Во мракѣ опустился...

„И я переносюсь мыслями къ тебѣ. Что дѣлаешь ты теперь—продолжаетъ молодой поэтъ—читаешь, играешь съ своею собачкою или сидишь за фортепьяно?“

И вотъ ужъ я съ тобой.
 И въ радости нѣмой
 Твой другъ разцвѣлъ душою,
 Какъ ясный вешній день.
 Забыты дни разлуки,

*) Монастыремъ Пушкинъ называетъ Лицей, гдѣ тогда учился.

Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.

„Но это лишь одна мечта — она исчезаетъ, и я остаюсь одинъ въ своей
скучной и пустой комнатѣ. Но время летить, и я скоро примчусь къ
тебѣ...“

И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ заборы
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретавые примчатъ,
Спѣша на новоселье.

Стихи, нами выписанные, еще слабы въ поэтическомъ отношеніи, даже
въ языкѣ, которымъ они написаны, встрѣчаются устарѣлыя или неправиль-
ныя выраженія; но „Посланіе къ Сестрѣ“ должно быть извѣстно каждому
изъ насъ, какъ первое произведеніе великаго нашего поэта.

Мы видѣли, что отецъ, дядя и бабушка имѣли нѣкоторое вліяніе на
дѣтскія понятія Пушкина; но сильнѣе всѣхъ содѣйствовала развитію въ
немъ воображенія его няня, Арина Родіоновна, которой память увѣковѣ-
чила ея воспитанникъ въ своихъ стихахъ. Арина Родіоновна была такъ
привязана къ семейству Пушкиныхъ, что, получивъ отпускную, не хотѣла
ею пользоваться. Александръ Сергѣевичъ чрезвычайно любилъ ее до конца
своей жизни и, когда жилъ въ деревнѣ, постоянно бесѣдовалъ съ нею, какъ
съ лучшимъ изъ своихъ друзей. Кромѣ неусыпной заботливости о своемъ
питомцѣ и самой искренней привязанности къ нему, она приобрѣла право
на его благодарность особенно тѣмъ, что своими неистощимыми рассказами
познакомила его съ русскою народною словесностью. Арина Родіоновна знала
безчисленное множество сказокъ и умѣла прекрасно ихъ пересказывать. Нѣ-
которые изъ лучшихъ произведеній Пушкина взяты изъ этого запаса, на-
примѣръ, прекрасное его стихотвореніе „Женихъ“, заимствованное изъ пре-
данія о томъ, какъ дѣвушка, заблудившись въ лѣсу, забрела въ притонъ
разбойниковъ и, спрятавшись подъ лавку, видѣла ихъ злодѣйства, а по-
томъ узнала атамана разбойниковъ въ своемъ женихѣ и уличила его:

Три дѣва купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ.
Дрожить и еле дышитъ... и пр.

Вообще, очень многія описанія русскихъ народныхъ нравовъ и обы-
чаевъ не были бы у Пушкина такъ живы и хороши, еслибъ онъ не былъ
съ дѣтства пропитанъ рассказами изъ народной жизни. Зато онъ вспоми-
наетъ о своей нянѣ очень часто, и всегда съ самою трогательною любовью.
Онъ пазываетъ ее своею первою музою, то есть говорить, что ея разска-
зами были навѣяны первыя его стремленія къ поэзій:

Наперсница волшебной старинны,
 Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,
 Тебя я зналъ во дни моей весны,
 Во дни утѣхъ и снова первоначальныхъ.
 Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
 Являлась ты веселою старушкой
 И надо мной сидѣла въ шумѣхъ.
 Въ большихъ очкахъ и съ рѣзкою гремушкой.
 Ты, дѣтскую качая колыбель,
 Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
 И межъ пеленъ оставила свирѣль,
 Которую сама заворожила...

Вотъ одно изъ писемъ, которыя посылала старая няня своему воспитаннику, уже славному поэту:

„Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ веѣмъ сердцемъ благодарна, вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское—всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшка Александръ Сергѣевичъ! За ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила. Поживи, дружочекъ, хорошенько—самому слюбится. Я, слава Богу, здорова; цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родионовна“.

Растроганный до глубины души этою простодушною заботливостью няни о томъ, чтобы питомецъ ея „жилъ хорошенько“, этою умилительною любовью, Пушкинъ пишетъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
 Голубка дряхлая моя!
 Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
 Давно, давно ты ждешь меня!..
 Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
 Горюешь, будго на часахъ,
 И медлять поминутно спицы
 Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
 Глядишь въ забытыя ворота
 На черный, отдаленный путь:
 Тоска, предчувствіе, заботы
 Тѣснятъ твою всечасно грудь...

Особенно много воспоминаній въ душѣ Пушкина оставили бесѣды съ нянею въ 1825 и 1826 годахъ, когда онъ совершенно одинъ жилъ въ селѣ Михайловскомъ и длинные зимніе вечера проводилъ въ разговорахъ съ нянею, которая раздѣляла его одиночество: то она пересказывала ему „преданья старины глубокой“,—и въ бумагахъ Пушкина сохранилось нѣсколько сказокъ, записанныхъ съ ея словъ, между прочимъ, сказки „О царѣ Салтанѣ“, „О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, „О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ“, которыя потомъ были переложены имъ въ стихи,—то онъ самъ читалъ ей свои произведенія: пусть другіе поэты читаютъ

кому угодно свои произведенія—говорить онъ въ IV главѣ „Онѣгина“, вспоминая объ этихъ вечерахъ—

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

Арина Родіоновна умерла семидесятилѣтней старушкой, въ 1828 году, въ самую блестящую эпоху восторга, возбужденнаго произведеніями ея питомца.

ГЛАВА III.

Дѣтство до семи лѣтъ и лѣтъ, которою въ эти годы отличался гениальный ребенокъ.—Учителя и гувернеры Пушкина.—Шиллеръ, учившій Пушкина русскому языку.—Степень успѣховъ Пушкина въ наукахъ.—Страсть къ чтенію.—Дѣтскія произведенія.—Лицей.—Лицейскіе журналы.—Дельвигъ.—Державинъ и торжественный актъ 1815 года.

До семи лѣтъ будущій поэтъ не обнаруживалъ ни особенныхъ дарованій, ни даже той живости, которою бываютъ привлекательны почти всѣ дѣти. Онъ былъ ребенкомъ толстымъ, неповоротливымъ, лѣнивымъ, такъ что неподвижностью своею приводилъ въ отчаяніе родныхъ. Гулять и играть его заставляли почти насильно; онъ не любилъ ни бѣгать, ни рѣзвиться: сидѣть или лежать было единственнымъ его наслажденіемъ. Лѣньность толстаго ребенка была такъ велика, что однажды, когда старшіе взяли его съ собою на прогулку, онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и успѣлся отдыхать среди улицы. Кто-то смотрѣвшій изъ окна сосѣдняго дома увидѣлъ эту смѣшную сцену и улыбнулся. „Ну, нечего скалить зубы!“ съ досадою сказалъ ребенокъ и всталъ; а безъ этой помѣхи онъ, вѣроятно, просидѣлъ бы долго.

Между тѣмъ, принялись учить его. Гувернерскъ, гувернантокъ и учителей было много; но, при лѣнности и неповоротливости ребенка, учебныя его дѣла шли довольно плохо и очень медленно. Главный надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ французу-эмигранту, графу Монфору; кромѣ того былъ другой гувернеръ французъ, Руссо. При ихъ помощи, Пушкинъ сдѣлалъ навѣкъ говорить и писать по французски такъ же легко, если еще не легче, нежели по русски. Впрочемъ, мудрено было бы не сдѣлать этого навыка, потому что въ семействѣ Сергѣя Львовича, какъ и почти во всѣхъ тогдашнихъ знатныхъ домахъ, совершенно господствовалъ французскій языкъ. Зато по англійски—въ числѣ гувернантокъ была и англичанка—Пушкинъ учился очень плохо. Этотъ языкъ онъ только впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ мужчиною, узналъ на столько, что могъ читать англійскія книги; по нѣмецки старался онъ вовсе не учиться и успѣлъ въ этомъ, но потомъ очень жалѣлъ о незнаніи нѣмецкаго языка. Стоять, по странности случая, замѣтить то, что русскому языку училъ молодого Пушкина нѣмецъ, фамилія котораго была—Шиллеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно забавно, что величайшаго изъ русскихъ

поэтовъ родному его языку училъ иностранецъ, и еще забавнѣе, что этому иностранцу случилось быть однофамильцемъ гениальнаго нѣмецкаго поэта. Есть люди, которые изъ каждаго случайнаго совпаденія именъ или чиселъ готовы выводить необыкновенно важныя заключенія и предзнаменованія. Имъ не мѣшало бы приложить свои истолкованія къ этому случаю. Мы не станемъ заниматься каламбурами и скажемъ только, что г. Шиллеръ, если и превосходно зналъ по русски, не многому могъ научить Пушкина, потому что мальчику и его сестрѣ, воспитывавшимся вѣстѣ, всѣ остальные предметы преподавались, по тогдашнему обычаю, на французскомъ языкѣ, и даже говорить между собою и со старшими заставляли дѣтей по французски. Однако же, какъ показалъ опытъ, это нисколько не помѣшало Пушкину остаться чисто русскимъ человѣкомъ и писать по русски такъ, какъ не писалъ до него еще никто.

Вообще, учебныя занятія Пушкина и въ отцовскомъ домѣ и въ Лицеѣ, куда онъ поступилъ потомъ, не сопровождались особенно блестящими успѣхами, и то, что говорить онъ о Евгеніѣ Онѣгинѣ, относится и къ самому поэту, представляя вѣрный очеркъ тогдашняго воспитанія дѣтей въ такъ называемыхъ „хорошихъ фамиліяхъ“:

Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя.
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бравилъ
И въ Лѣтній Садъ гулять водилъ.

Онъ по французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцевалъ
И клавялся непринужденно.
Чего жъ вамъ больше?—Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Мы всѣ учились по немногу,
Чемунибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитавшемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Для довершенія сходства съ этимъ очеркомъ, надобно замѣтить, что Пушкинъ съ семи лѣтъ сдѣлался мальчикомъ бойкимъ, живымъ, развязнымъ; прежняя застѣчивость и вялость уступили мѣсто рѣзости, которая часто доходила до шаловливости. Одно только сохранилось въ немъ неизмѣннымъ: какъ ученикъ, Пушкинъ всегда, до самаго окончанія курса въ Лицеѣ, былъ довольно лѣнивъ.

Но если такъ, то какимъ же образомъ успѣлъ онъ пріобрѣсть многостороннія познанія, безъ которыхъ невозможно сдѣлаться хорошимъ лите-

раторомъ? Дѣло въ томъ, что Пушкинъ не любилъ только учить уроковъ, которые было надобно каждый день готовить къ завтрашнимъ классамъ; а любознательности было въ немъ очень много. Страсть къ чтенію развилась въ немъ рано — лѣтъ съ восьми или девяти. Будучи воспитанъ на французскомъ языкѣ, онъ принялся, разумѣется, за французскія книги, которыхъ у его отца было очень много: Сергѣй Львовичъ, большой любитель французской литературы, имѣлъ хорошую библіотеку. Онъ старался поощрять въ дѣтяхъ любовь къ книгамъ и часто читалъ вмѣстѣ съ ними лучшія, по его мнѣнію, сочиненія, особенно Мольера, котораго, говорятъ, зналъ почти наизусть. Сынъ его бросился на книги съ жадностью, читалъ безъ устали день и ночь и, при необыкновенной своей памяти, на одиннадцатомъ году былъ, по выраженію дяди Василія Львовича, уже отличнымъ знатокомъ французской литературы.

Страсть къ чтенію сохранилась у Пушкина до конца жизни. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, который бы прочелъ такъ много книгъ, какъ онъ. Потому и не удивительно, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей своего времени, хотя въ школѣ и считался посредственнымъ ученикомъ. Не съ однимъ Пушкинымъ было такъ: люди съ блестящими способностями часто пренебрегаютъ школьнымъ преподаваніемъ, которое кажется для нихъ слишкомъ медленно или не касается предметовъ, особенно интересующихъ ихъ умъ. Только внимательная и нѣжная заботливость отца или матери можетъ предохранить ихъ отъ пренебреженія школьными занятіями, или—но это уже особенно счастливый и рѣдкій случай—какой-нибудь талантливый и любящій наставникъ заставляетъ ихъ шагъ за шагомъ идти впередъ, не оставляя позади ничего не изученнымъ основательно. И счастливъ бываетъ даровитый юноша, если найдетъ себѣ въ родителяхъ или наставникѣ такого любимаго руководителя: его образованіе будетъ тогда не только обширно, но и основательно—у него будутъ всѣ познанія нужныя человѣку для того, чтобы составить себѣ прочныя и благородныя убѣжденія, то-есть примѣнять отношенія всего, о чемъ случится ему судить, къ понятіямъ справедливости и добра. Иначе, онъ узнаетъ многое, но въ числѣ этого многого больше будетъ неважнаго и излишняго, нежели необходимаго для истинной образованности, которая состоитъ въ томъ, чтобы о всемъ, что дѣлается въ мірѣ, умѣть судить, какъ должно судить человѣку просвѣщенному и благородному.

Въ произведеніяхъ Пушкина мы находимъ доказательства того, что онъ былъ человѣкъ съ большою начитанностью; но если бы онъ вмѣстѣ съ этою начитанностью обладалъ бѣльшею основательностью въ своихъ понятіяхъ о многихъ важныхъ вопросахъ человѣческой жизни, то, безъ сомнѣнія, достоинство его твореній было бы еще выше.

Не отъ Пушкина зависѣло, что онъ не получилъ образованія болѣе солиднаго; не онъ былъ виноватъ, что его любознательность съ самаго начала не нашла умнаго и вполне образованнаго руководителя, который воспользовался бы ею, чтобы поставить ученныя понятія Пушкина на высоту, соотвѣтственную величію его таланта. Но, къ чести нашего поэта должно сказать, что, достигнувъ лѣтъ, когда человѣкъ начинаетъ самъ располагать своими дѣй-

ствіями, онъ неутомимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился надъ собственнымъ образованіемъ. Онъ учился всю свою жизнь.

Вмѣстѣ съ любовью къ чтенію въ ребенкѣ обнаружилась и страсть къ авторству. Мы говорили, что онъ началъ сочинять стихи, когда ему было не болѣе 9-ти или 10-ти лѣтъ, и, по примѣру отца, сначала писалъ на французскомъ языкѣ; вѣроятно, также примѣръ отца внушилъ ему особенную любовь къ Мольеру, и въ числѣ первыхъ произведеній Пушкина были небольшія французскія комедіи, сочиненныя по образцу мольеровыхъ. Онъ читалъ ихъ сестрѣ. Къ сожалѣнію, эти первые опыты не дошли до насъ. Сохранилась въ памяти его сестры только эпиграмма, которою онъ самъ посмѣялся надъ одною изъ своихъ комедій, „l'Escamoteur“, которая не понравилась его слушательницѣ.

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas, c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière (*).

Кромѣ небольшихъ комедій, Пушкинъ писалъ басни и наконецъ вздумалъ сочинить эпическую поэму въ шести пѣсняхъ. Сюжетомъ онъ выбралъ войну карликовъ и карлицъ при старинномъ французскомъ королѣ Дагоберѣ. Карликъ Толи, влюбленный въ Карлицу Нитушь, побѣдивъ соперниковъ, долженъ былъ получить руку миньятюрной красавицы. Но эта поэма погибла, еще не достигши конца: одна изъ гувернантокъ замѣтила тетрадь, надъ которою прилежно трудился молодой авторъ, унесла ее и отдала гувернѣру, жалуясь на непослушнаго мальчика, который „проводитъ время за сочиненіемъ подобныхъ пустяковъ“. Гувернѣръ началъ читать „Толіаду“, какъ называлась поэма по имени своего героя, и расхохотался. Оскорбленный авторъ вырвалъ у него тетрадь и бросилъ въ топившуюся печь.

Мальчику исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и родители начали думать, что пора отдать его въ какое-нибудь училище. Особенно славился тогда существовавшій въ Петербургѣ іезуитскій коллегіумъ, и Сергій Львовичъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы помѣстить сына въ это заведеніе. Но въ то самое время правительство объявило объ открытіи вышшаго училища для дворянъ — Царскосельскаго Лицея. Директоромъ этого учрежденія назначенъ былъ одинъ изъ друзей Сергія Львовича, и двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея.

Годы, проведенные въ Лицеѣ, остались навсегда лучшими годами жизни въ памяти Пушкина: въ Лицеѣ развился его поэтический талантъ, въ Лицеѣ онъ встрѣтилъ друзей, особенно Дельвига, котораго всегда чрезвычайно уважалъ и любилъ. Воспитанники, удаленные отъ столицы, принужденные довольствоваться собственнымъ обществомъ, скоро свыклись между собою и

*) Скажите, за что партеръ освисталъ „Похитителя“? за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера. — Пушкинъ, читая свои комедіи, воображалъ, что онѣ разыгрываются на сценѣ, и сестра была для него „публикою“ и „партеромъ“, рѣшающимъ успѣхъ или паденіе пьесы.

на всю жизнь остались людьми близкими другъ другу. Но, кажется, ни въ одномъ изъ нихъ эти юношескія чувства не остались такъ живы, какъ въ Пушкинѣ. Его лирическія стихотворенія и „Евгеній Онѣгинъ“ наполнены воспоминаніями о Царскомъ Селѣ и Лицеѣ. Нѣсколько прекраснѣйшихъ стихотвореній его написаны въ память годовщины открытія Лицея.

Въ Лицеѣ, точно такъ же, какъ и дома, Пушкинъ не слишкомъ прилежно готовился къ урокамъ и, несмотря на чрезвычайно сильную память и блестящій умъ, считался посредственнымъ ученикомъ. Но, независимо отъ школьнаго преподаванія, онъ читалъ очень много книгъ по всеобщей исторіи, французской и русской словесности. Потому шесть лѣтъ (1811 — 1817), проведенныя имъ въ Лицеѣ, были для него не бесполезны и въ отношеніи умственнаго образованія. Что же касается поэтическаго его таланта, онъ развивался въ это время очень быстро и уже начиналъ пріобрѣтать извѣстность.

Между товарищами Пушкина была довольно сильна любовь къ литературнымъ занятіямъ: многіе писали стихи, другіе переводили разныя прозаическія статьи съ иностранныхъ языковъ; молодые литераторы начали даже издавать рукописные журналы. Къ сожалѣнію, тетради эти, столь интересныя, затеряны и извѣстны намъ только по заглавіямъ. Такъ, одинъ журналъ назывался „Лицейскій Мудрецъ“, другой — „Неопытное Перо“, третій — „Пловцы“, и проч.

Въ первые годы своей лицейской жизни Пушкинъ попрежнему писалъ стихи на французскомъ языкѣ и только около 1814 года началъ писать и по-русски. Мы привели отрывки изъ „Посланія къ сестрѣ“, перваго русскаго его стихотворенія, дошедшаго до насъ. Но оно не было напечатано. Первымъ изъ появившихся въ печати произведеній его было довольно длинное посланіе „Къ другу-стихотворцу“, написанное въ сатирическомъ духѣ, по образцу множества подобныхъ стихотвореній того времени: посланія были тогда въ модѣ. Оно напечатано въ московскомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1814 года, въ восьмой книжкѣ. Послѣ того стихотворенія Пушкина начали появляться въ журналахъ довольно часто и скоро обратили на себя вниманіе легкостью языка, съ которою часто соединялось и поэтическое достоинство мысли и картинъ.

Многіе изъ товарищей сначала не любили Пушкина за его эпиграммы: онъ тогда уже отличался остроуміемъ и за каждое оскорбленіе расплачивался колкимъ стихомъ, котораго боялись не одни его сверстники, но и люди гораздо старше его лѣтами. Довольно долго эта легкая вражда мѣшала даже единодушному согласію товарищей въ томъ, что Пушкинъ превосходитъ ихъ всѣхъ поэтическимъ талантомъ. Но, ближе познакомась съ молодымъ поэтомъ, всѣ полюбили его, потому что въ душѣ Пушкинъ былъ очень добръ и чрезвычайно благороденъ. Извѣстность, которую пріобрѣлъ онъ въ литературѣ, убѣдилъ всѣхъ въ несомнѣнности его дарованія, и въ послѣднее время лицейской жизни Пушкинъ пользовался уже между товарищами громкою славою.

Изъ всѣхъ товарищей Пушкинъ особенно былъ друженъ съ барономъ Дельвигомъ, привязанность къ которому не ослабѣла въ немъ до самой смерти Дельвига и доставила Дельвигу большую извѣстность, какъ пре-

восходному поэту; только послѣ смерти Пушкина, когда уже некому было превозносить до небесъ стихи Дельвига, публика убѣдилась, что этотъ поэтъ не отличался замѣчательнымъ талантомъ. Но Пушкинъ такъ сильно былъ ему преданъ, что искренно считалъ его великимъ поэтомъ, и вліяніе Пушкина на мнѣніе публики было такъ сильно, что почти всѣ вѣрили этому. На самомъ же дѣлѣ баронъ Дельвигъ заслужилъ дружбу Пушкина своею любовью къ поэзіи и тѣмъ, что великій поэтъ могъ откровенно и не безъ пользы говорить съ нимъ о своихъ произведеніяхъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ и не лишеннымъ вкуса.

Изъ событій лицейской жизни ярче всего остался въ памяти Пушкина торжественный актъ 1815 г., который былъ почтенъ посѣщеніемъ Державина, съ одобреніемъ выслушавшаго стихотвореніе молодого поэта: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ случаѣ самъ Пушкинъ:

„Державина видѣлъ я только разъ въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцаловать руку, — руку, написавшую „Водопадъ“ *) Державинъ пріѣхалъ.... Онъ былъ очень старъ.... Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавъ голову рукою; глаза его были мутны, губы отвисли. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенною. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои „Воспоминанія въ Ц. С.“, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ. Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали, но не нашли....“

Послѣ экзамена, на обѣдѣ, графъ Разумовскій, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, поздравляя Сергѣя Львовича съ успѣхами сына, прибавилъ: „Однакоже, я желалъ бы обратить вашего сына къ прозѣ“.

— Оставьте его поэтомъ! — съ необыкновеннымъ жаромъ сказалъ Державинъ.

Объ этихъ отношеніяхъ своихъ къ Державину Пушкинъ упоминаетъ въ превосходныхъ стихахъ „Евгенія Онѣгина“, гдѣ рассказываетъ судьбу своей музы (то-есть своего поэтическаго дарованія):

И свѣтъ ее (музу) съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ...

*) Ода эта, написанная Державинымъ, подъ вліяніемъ извѣстія о смерти Потемкина-Таврическаго, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Державина.

Но вотъ приближилось и время окончанія курса (9 іюня 1817 г.). Пушкинъ былъ выпущенъ съ чиномъ десятаго класса и черезъ три дня опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Молодой человѣкъ тотчасъ взялъ отпускъ и поѣхалъ въ село Михайловское, къ своему семейству.

Надобно замѣтить, что пока Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, его родные переселились изъ Москвы въ Петербургъ и лѣтомъ переѣзжали въ село Михайловское, находящееся въ Псковской губерніи. Пушкинъ до 1820 года, когда долженъ былъ уѣхать на югъ Россіи, каждое лѣто проводилъ также въ Михайловскомъ.

ГЛАВА IV.

Пушкинъ въ свѣтскомъ обществѣ.—Первая его поэма: „Русланъ и Людмила“.—Пушкинъ въ Бессарабіи, въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Крыму.—Поэмы его: „Кавказскій Пльнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыганы“ и „Братья Разбойники“.

По возвращеніи въ Петербургъ послѣ отдыха въ деревнѣ, Пушкинъ вошелъ въ кругъ свѣтской жизни: веселый и живой характеръ его проявлялся тогда во всей силѣ; но въ то же время онъ не покидалъ своихъ литературныхъ занятій, былъ принятъ въ число членовъ Арзамасскаго Общества, о которомъ мы говорили, и въ 1819 году написалъ первую изъ своихъ большихъ поэмъ—„Руслана и Людмилу“, которая прославила его имя, и по прочтеніи которой Жуковский подарилъ ему свой портретъ съ надписью: „Ученику-побѣдителю отъ побѣжденного учителя“.

Нынѣ всякій хорошо видитъ, что эта поэма имѣетъ множество недостатковъ; но въ то время она, дѣйствительно, была необыкновеннымъ явленіемъ по чрезвычайной легкости стиха и по прекрасному языку. Все, что было написано прежними нашими поэтами, казалось тяжелымъ и неизящнымъ въ сравненіи съ поэмою Пушкина; потому вся публика прочла ее съ необыкновеннымъ восторгомъ. Содержаніе этой повѣсти въ стихахъ состоитъ въ томъ, что Русланъ, древній русскій богатырь, отыскиваетъ свою невесту, Людмилу, которую похитилъ волшебникъ Черноморъ.

Вскорѣ по окончаніи „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ былъ посланъ въ Бессарабію и оставался на югѣ Россіи съ 1820 до 1824 года. Сначала прибылъ онъ изъ Екатеринославля, гдѣ завоемъ, такъ что долженъ былъ ѣхать на Кавказскія Минеральныя Воды. Когда его здоровье поправилось, онъ поѣхалъ съ Кавказа въ Крымъ, осмотрѣлъ южный берегъ его, богатый живописными видами, посѣтилъ Бахчисарай, бывшую столицу крымскихъ хановъ, и въ сентябрѣ 1820 года пріѣхалъ жить въ Кишеневъ. Въ концѣ этого года онъ ѣздилъ въ Кіевъ и, по возвращеніи въ Кишеневъ, окончилъ (въ началѣ 1821 года) свою поэму „Кавказскій Пльнникъ“, начатую за нѣсколько мѣсяцевъ. Она написана подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ на поэтическое воображеніе Пушкина величественною горною природою, и лучшее достоинство ея составляютъ превосходныя и живыя картины Кавказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ней отразилось вліяніе

англійскаго поэта Байрона, произведеніями котораго восхищалась тогда вся Европа. Пушкинъ былъ въ то время еще такъ молодъ, что не удивительно, если и онъ подчинился общему увлеченію. Характеръ въ человѣкѣ образуется мало-по-малу, житейскою опытностью, и Пушкинъ послѣ „Кавказскаго Пѣнника“ писалъ еще нѣсколько лѣтъ, увлекаясь вліяніемъ Байрона. Байронъ—поэтъ чрезвычайно грустный. Въ поэмахъ Пушкина, писанныхъ въ байроновскомъ духѣ, также отразилась отчасти эта грусть, но гораздо слабѣе, нежели у англійскаго поэта, потому что въ сущности она противорѣчила природному расположенію Пушкина, скорѣе наклоннаго къ беззаботности, любившаго жизнь и ея удовольствія, добраго и снисходительнаго.

Въ Кишиневѣ же, въ 1822 году, была написана и третья поэма Пушкина „Бахчисарайскій Фонтанъ“, заключающая въ себѣ воспоминанія о Крымѣ, какъ воспоминанія о Кавказѣ были высказаны поэтомъ въ „Кавказскомъ Пѣнникѣ“. Съ какимъ восторгомъ были приняты публикою оба эти произведенія, можно судить по тому, что черезъ нихъ Кавказъ и Крымъ стали знакомы каждому русскому, между тѣмъ какъ прежде понятія о природѣ этихъ странъ были почти у всѣхъ очень неопредѣленны.

Въ половинѣ слѣдующаго года Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Одессу, гдѣ прожилъ около года. Здѣсь онъ началъ писать свой романъ въ стихахъ „Евгеній Онѣгинъ“, который оконченъ былъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ. Мы скажемъ объ этомъ произведеніи послѣ. Въ Одессѣ также была написана поэма „Цыганы“, въ которой особенно хороши описанія кочевой жизни цыганъ. Содержаніемъ этому произведенію послужили такъ же, какъ и прежнимъ, воспоминанія поэта: когда онъ ѣздилъ по Бессарабіи, то часто имѣлъ случай близко присмотрѣться къ цыганскому быту, а однажды даже посвятилъ этимъ наблюденіямъ нѣсколько дней.

На югѣ Россіи, именно въ Кишиневѣ, написанъ Пушкинымъ также отрывокъ изъ поэмы, напечатанный подъ заглавіемъ „Братья Разбойники“. Остальныя части этой недописанной поэмы авторъ уничтожилъ, будучи ею недоволенъ; а напечатанный отрывокъ уцѣлѣлъ случайно въ рукахъ одного изъ пріятелей автора. Содержаніе для разсказа взято изъ анекдота о томъ, что два колодника, скованные вмѣстѣ, переплыли черезъ рѣку. Если это и дѣйствительно было, то все-таки остается случаемъ почти певѣроятнымъ; а поэтическія произведенія хороши тогда, когда, прочитавъ ихъ, каждый говоритъ: „да, это не только правдоподобно, но и вѣче и быть не могло, потому что всегда такъ бываетъ“.

ГЛАВА V.

Возвращеніе Пушкина въ село Михайловское, потомъ въ Москву и Петербургъ.—Трагедія „Борисъ Годуновъ“.—Поэма „Полтава“.—Романъ въ стихахъ „Евгеній Онѣгинъ“.—Путешествіе въ Арзерумъ.—Драматическія произведенія.—Женитьба Пушкина.—Онъ поселяется въ Петербургѣ.—Повѣсти въ прозѣ: „Дубровскій“ и „Капитанская Дочка“.—Поэма „Мѣдвѣй Исаидникъ“.

Въ іюлѣ 1824 года Пушкинъ былъ возвращенъ изъ Одессы въ свое село Михайловское, гдѣ и прожилъ два года. Здѣсь-то, будучи почти по-

стоянно одинокъ, онъ чрезвычайно много читалъ и писалъ. Время, проведенное въ Михайловскомъ, было въ литературномъ отношеніи самою дѣятельною порою его жизни. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько главъ „Евгенія Онегина“ и трагедію „Борисъ Годуновъ“.

Съ этого времени въ произведеніяхъ Пушкина уже не замѣтно увлеченіе Байрономъ, подѣ влияніемъ котораго задуманы прежнія его поэмы. Напротивъ, Пушкинъ проникся особенною любовью къ Шекспиру, величайшему изъ всѣхъ драматическихъ писателей, и, отчасти въ подражаніе драмамъ Шекспира изъ англійской исторіи, написалъ своего „Бориса Годунова“, въ которомъ довольно близко держался разсказа Карамзина; „незабвенной памяти“ Карамзина и посвящена эта драма. До сихъ поръ она остается единственнымъ въ своемъ родѣ твореніемъ въ русской литературѣ. Пушкинъ преимущественно на „Борисѣ Годуновѣ“ основывалъ свою славу, потому что очень долго и внимательно занимался этимъ произведеніемъ.

Въ сентябрѣ 1826 года Пушкинъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, гдѣ съ того времени и жилъ почти постоянно, уѣзжая, впрочемъ, каждый годъ на лѣто и осень въ село Михайловское, гдѣ написалъ большую часть своихъ слѣдующихъ произведеній. Но въ 1826 году изъ Михайловскаго онъ проѣхалъ прежде въ Москву, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ, и гдѣ онъ прожилъ до весны 1827 года. Семь лѣтъ уже не бывалъ онъ въ свѣтскомъ обществѣ, и отъ долгой разлуки оно получило для него новую прелесть. Лѣто провелъ онъ въ Петербургѣ, а на осень уединился въ свое Михайловское.

Въ 1828 году написалъ онъ, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, поэму „Полтава“, существеннымъ содержаніемъ которой, какъ видно уже изъ заглавія, служить борьба Петра Великаго съ Карломъ XII. Уже прежде этого времени Пушкинъ съ особенною любовью занимался изученіемъ эпохи Петра Великаго и еще въ предыдущемъ (1827) году началъ большой романъ „Арапъ Петра Великаго“, въ которомъ, какъ мы видѣли, главнымъ лицомъ хотѣлъ выставить своего прадѣда Галлибала. Романъ этотъ остался неоконченнымъ. Позднѣе Пушкинъ написалъ поэму „Мѣдный Всадникъ“, посвященную прославленію памяти державнаго основателя Петербурга, и это лучшая изъ его поэмъ. Кромѣ того, въ послѣдніе годы своей жизни онъ почти исключительно занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго.

Въ 1829 году онъ испросилъ разрѣшеніе сопровождать нашу армію въ побѣдоносномъ походѣ противъ персіянъ и, проѣхавъ черезъ Тифлисъ, присоединился къ войску на берегу Карса-Чая и видѣлъ взятіе Арзерума. Памятникомъ этой поѣздки осталось „Путешествіе въ Арзерумъ“.

Осенью 1830 года Пушкинъ дописалъ „Онегина“, который былъ начатъ за семь лѣтъ. Романъ этотъ былъ издаваемъ въ свѣтъ отдѣльными главами, и первыя три главы, изданныя въ 1825 году, произвели необыкновенный восторгъ въ публикѣ. Многіе такъ восхищались этимъ романомъ, что выучивали его наизусть. Главное достоинство „Евгенія Онегина“, кромѣ превосходныхъ стиховъ, состоитъ въ томъ, что онъ чрезвычайно вѣрно изображаетъ нравы русскаго общества. Теперь мы имѣемъ довольно много про-

изведеній, болѣе или менѣе отличающихся этимъ достоинствомъ, хорошая повѣсть изъ русскихъ нравовъ нынѣ уже не рѣдкость; но „Евгеній Онѣгинъ“ въ свое время былъ неслыханною и небывалою рѣдкостью. Мы говорили о содержаніи поэмъ, писанныхъ Пушкинымъ до „Онѣгина“: могутъ ли онѣ назваться картинами нашихъ нравовъ? Въ одной изъ нихъ изображаются черкесы и Кавказъ, въ другой—татары и Крымъ, третья—сказка о приключеніяхъ богатырей или витязей. Таковы же были и всѣ почти произведенія русской литературы до появленія „Онѣгина“. Они отличались отъ поэмъ Пушкина только тѣмъ, что были написаны не такъ хорошо, но такъ же мало изображали нравы и бытъ русскаго общества, какъ и „Кавказскій Плѣнникъ“ или „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Исключеніе остается очень за немногими—за комедіями фонъ-Визина „Бригадиръ“ и „Недоросль“ и за комедіею Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Но „Горе отъ ума“ тогда еще не было напечатано, а комедіи фонъ-Визина не цѣнились по достоинству, между прочимъ, оттого, что языкъ ихъ считался слишкомъ устарѣвшимъ. Кромѣ того, романъ Пушкина написанъ въ повѣствовательной формѣ, которая гораздо легче для чтенія, нежели драматическая. „Евгеній Онѣгинъ“ былъ первымъ романомъ, изображавшимъ—и превосходно изображавшимъ—современное русское общество. Успѣхъ его былъ, можно сказать, безпримѣренъ въ русской литературѣ, а вліяніе на развитіе литературы и на понятія публики огромно.

Осень этого года провелъ Пушкинъ въ своемъ селѣ Болдинѣ (Нижегородской губерніи), гдѣ написалъ кромѣ послѣднихъ двухъ главъ „Онѣгина“, большую часть своихъ драматическихъ произведеній, именно: „Скупого Рыцаря“, „Каменнаго Гостя“, „Пиръ во время чумы“ и „Моцартъ и Сальери“. Въ Болдинѣ также были написаны повѣсти, изданныя подъ именемъ „Повѣстей Бѣлкина“. Онѣ были первыми сочиненіями въ прозѣ, которыя напечаталъ Пушкинъ, и уступаютъ въ достоинствѣ другимъ его прозаическимъ произведеніямъ. „Скупой Рыцарь“ и „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, написанныя превосходно, изображаютъ нравы среднихъ вѣковъ, а „Каменный Гость“—старинные испанскіе нравы. Въ этихъ произведеніяхъ вѣрность всѣхъ подробностей тому вѣку и той странѣ, къ которой относится дѣйствіе, такъ же удивительна, какъ и поэтическое достоинство.

Въ началѣ 1831 года Пушкинъ, находившійся тогда въ Москвѣ, былъ чрезвычайно опечаленъ извѣстіемъ о смерти самаго любимаго изъ его друзей, Дельвига.

18 февраля того же года онъ женился на Н. Н. Гончаровой. Бракъ былъ совершенъ въ Москвѣ, гдѣ жило семейство невѣсты. Онъ прожилъ въ Москвѣ до весны, потомъ повезъ свою супругу въ Петербургъ и поселился на лѣто въ Царскомъ Селѣ.

Съ этого года началъ онъ заниматься собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Ему было разрѣшено пользоваться для того государственными архивами, и онъ дѣятельно работалъ въ нихъ. Смерть прервала обширный трудъ Пушкина, когда онъ еще только хотѣлъ приступить къ обработкѣ собранныхъ фактовъ.

Въ 1833 году были написаны Пушкинымъ: повѣсти въ прозѣ „Ду-

бровский" и „Капитанская Дочка“, и драматическое произведеніе въ стихахъ „Русалка“, оставшееся послѣ его смерти неоконченнымъ. Содержаніе „Русалки“ взято изъ сказочнаго міра, какъ содержаніе „Руслана и Людмилы“; но между тѣмъ, какъ „Русланъ и Людмила“ только по заглавію относится къ старинной русской жизни, а на самомъ дѣлѣ очень мало проникнута духомъ нашей старины, въ „Русалкѣ“ многія сцены превосходно изображаютъ старинную нашу жизнь въ ея истинномъ видѣ.

„Дубровский“ и особенно „Капитанская Дочка“ должны назваться лучшими изъ прозаическихъ повѣстей Пушкина. „Дубровский“ изображаетъ бытъ нашихъ помѣщиковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а „Капитанская Дочка“ — эпоху пугачевского бунта, исторією котораго Пушкинъ занимался въ это время.

Въ 1833 году написана Пушкинымъ одна изъ лучшихъ его поэмъ — „Мѣдный Всадникъ“, сюжетомъ которой послужило ужасное наводненіе, бывшее въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года, а героемъ ея Пушкинъ сдѣлалъ Петра Великаго, памятникъ котораго, „Мѣдный Всадникъ“, въ его картинѣ наводненія величественно возвышается надъ волнами и умиряетъ ихъ.

Въ 1836 году Пушкинъ началъ издавать журналъ „Современникъ“, который по смерти основателя продолжалъ издаваться его друзьями, въ томъ числѣ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ и г. Плетневымъ, а впослѣдствіи однимъ г. Плетневымъ, и который, подъ другою редакцію, существуетъ до сихъ поръ.

ГЛАВА VI.

Смерть матери Пушкина. — Тоска овладѣваетъ поэтомъ. — Онъ желаетъ умереть. — Дуэль. — Кончина Пушкина. — Печсія его семейству. — Памятникъ его. — Характеръ Пушкина. — Его привычки.

Въ 1836 году Пушкинъ былъ огорченъ кончиною матери, Надежды Осиповны. Проводивъ ея тѣло въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ Опочковскомъ уѣздѣ Псковской губерніи), онъ, какъ бы предчувствуя близкую смерть, условился съ начальствомъ монастыря, чтобы и ему была приготовлена могила рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положена была его мать.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не долго пережилъ это время. Послѣднее время было наполнено разными огорченіями, которыхъ не въ силахъ былъ переносить великій нашъ писатель, одаренный живымъ и нетерпѣливымъ характеромъ. Онъ самъ, кажется, зналъ, что такъ или иначе, но скоро разстанется съ жизнью. Рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующій случай, обнаруживающій, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Пушкинъ тосковалъ и чувствовалъ тяжесть на душѣ. Товарищи Пушкина по Лицею каждый годъ собирались, 19 октября, въ годовщину основанія Лицея, чтобы вспоминать о прошломъ и проводить этотъ день по товарищески. Пушкинъ часто писалъ къ этому собранію стихотворенія. Такъ онъ сдѣлалъ и въ 1836 году, но не успѣлъ совершенно окончить и обдѣлать своего стихо-

творенія къ 19 октября и въ кругу собравшихся товарищей извинялся, что прочтетъ имъ неоконченную пьесу. Помолчавъ немного, онъ вынулъ листъ бумаги и началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

Но голосъ его задрожалъ, и слезы показались на глазахъ при этихъ словахъ. Онъ положилъ бумагу на столъ, ушелъ въ уголъ комнаты и сидѣлъ тамъ молча. Другой товарищъ прочиталъ его послѣднюю лицейскую годовщину.

Душевные безпокойства тяготили Пушкина до такой степени, что онъ по одному недоразумѣнію, которое можно было устранить, если бы Пушкинъ дорожилъ собою, вышелъ на дуэль съ французскимъ подданнымъ Дантесомъ, жившимъ тогда въ Петербургѣ. Дуэль была 27 января 1837 года. Пуля противника смертельно ранила нашего великаго поэта, и, послѣ ужасныхъ страданій, Пушкинъ скончался 29 января, въ три-четверти третьяго часа пополудни. Послѣдніе часы его жизни подробно описаны Жуковскимъ.

Неожиданная и слишкомъ ранняя смерть Пушкина поразили горестью всѣхъ, кто сколько-нибудь любилъ русскую литературу, которая лишилась величайшаго изъ всѣхъ писателей, какіе только являлись въ ней до того времени. Печальная толпа день и ночь наполняла комнату, въ которой стояло тѣло Пушкина; общая печаль соединяла у гроба его людей всѣхъ состояній, всѣхъ званій, всѣхъ степеней образованности.

Согласно желанію покойнаго, тѣло его было, по Высочайшему повелѣнію, отвезено для погребенія въ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ приготовилъ онъ себѣ могилу подлѣ матери, и на похороны его было пожаловано Императоромъ 10,000 рублей ассигнаціями.

Святогорскій монастырь находится въ четырехъ верстахъ отъ любимаго Пушкинымъ села Михайловскаго. Надъ могилою его поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ обелиска, на четырехугольномъ пьедесталѣ, сдѣланномъ на подобіе древнихъ гробницъ. На памятникѣ простая надпись: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Площадка могилы, начинающаяся зарастать деревьями, находится близъ церкви монастыря, по лѣвую сторону алтаря.

По Высочайшему повелѣнію, долгъ Пушкина казнѣ былъ снятъ съ его имѣнія; супругъ поэта была назначена пенсія въ 5,000 рублей ассигн., и, кромѣ того, дѣтямъ его 6,000 рублей. На изданіе сочиненій Пушкина пожаловано 50,000 рублей.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Пушкинѣ, какъ человѣкѣ. Основными чертами его характера были благородство, мягкость и живость. Благородство было дано ему природою и развито образованностью. Онъ хотѣлъ быть не только чистъ отъ всего, что признавалъ низкимъ или дурнымъ, но держать себя такъ, чтобы никто не имѣлъ права сказать о немъ что-нибудь дурное, по его мнѣнію. Потому каждая клевета глубоко огорчала его, какъ бы ни была глупа и нелѣпа. Даже причиною его смерти надобно считать то, что въ послѣдніе годы недоброжелатели его начали

распускать относительно его разныя пошлыя выдумки: щекотливое чувство собственного достоинства въ немъ было оскорбляемо, онъ не могъ выносить клеветы съ тѣмъ равнодушіемъ, какого она заслуживаетъ, и жизнь стала для него тяжела. Имѣя привычки лучшаго общества, будучи свѣтскимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ былъ очень обходителенъ и любезенъ въ обществѣ; но въ то же время, постоянно опасаясь несправедливыхъ толковъ, онъ старался быть осторожнымъ, и иногда это доводило его до нѣкоторой скрытности даже съ короткими знакомыми. Впрочемъ, при живости своего характера, онъ не могъ выдерживать этой роли и, забывая о ней, обнаруживалъ свои истинныя мысли и чувства. Какъ всѣ добрые и вмѣстѣ живые люди, онъ былъ вспыльчивъ; но гнѣвъ скоро уступалъ мѣсто обыкновенной его кротости и мягкости. Все, что встрѣчалось ему въ жизни, чрезвычайно сильно дѣйствовало на его воспріимчивую натуру; даже мелочи, на которыя другой не обратилъ бы вниманія, очень часто производили на него глубокое впечатлѣніе. О немъ болѣе, нежели о комъ-нибудь, можно сказать, что онъ жилъ впечатлѣніями, которыя приносила настоящая минута. Переходы отъ грусти къ веселости, отъ унынія къ беззаботности, отъ отчаянія къ надеждѣ были у него часты и очень быстры. Въ одномъ онъ оставался всегда неизмѣненъ—въ привязанности къ людямъ, которыхъ разъ полюбилъ: трудно найти человѣка, который былъ бы такимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, какъ Пушкинъ.

Пушкинъ хотѣлъ быть и былъ свѣтскимъ человѣкомъ, но привычки его всегда были просты. И въ жизни онъ не любилъ изысканности, принужденія, искусственности, какъ не любилъ ихъ въ литературѣ. Онъ не терпѣлъ ни картинъ, ни другихъ украшеній въ своемъ кабинетѣ, и когда, на время пріѣзжалъ въ Петербургъ, останавливался въ гостинницѣ, то выбиралъ скромную квартиру. До сихъ поръ еще мы не имѣемъ подробныхъ разсказовъ о томъ, какъ любилъ онъ проводить время по возвращеніи изъ Южной Россіи въ Петербургъ; но что касается жизни его въ Одессѣ и Кишиневѣ и потомъ въ деревнѣ, онъ самъ въ общихъ чертахъ разсказалъ ее въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“. Въ Одессѣ и Кишиневѣ онъ искалъ развлеченій въ обществѣ, или бродилъ по окрестностямъ города, или читалъ лежа въ постели. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ любилъ рѣзкіе переходы изъ одной крайности въ другую, что ему нравилось только или сильное физическое движеніе, или совершенный покой. Онъ даже писалъ первыя главы „Евгенія Онѣгина“ лежа въ постели. Въ деревнѣ онъ вставалъ рано и тотчасъ же отправлялся въ рѣчку купаться, если дѣло было лѣтомъ, а зимою передъ завтракомъ бралъ ванну со льдомъ, потомъ все утро посвящалъ занятіямъ, читалъ или писалъ. Послѣ обѣда, если не было гостей, онъ одинъ игралъ самъ съ собою на бильярдѣ, а вечера проводилъ въ нескончаемыхъ разговорахъ съ своею нянею. Страсть много ходить пѣшкомъ не покидала его и въ столицѣ: такъ, иногда онъ ходилъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село; а когда онъ послѣднее время жилъ на дачѣ на Черной Рѣчкѣ и, занимаясь собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго, долженъ былъ каждый день посѣщать архивы, то всегда ходилъ съ дачи въ городъ и возвращался на дачу пѣшкомъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень крѣпкаго сложенія. Это не мѣшало ему быть мнительнымъ относительно здоровья, и въ молодости онъ воображалъ себя страждущимъ чахоткою, воображалъ даже, что чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ.

Онъ не былъ красивъ лицомъ; только черные курчавые волосы и блестящіе, полные огня и ума глаза его были хороши. Но когда его лицо одушевлялось, въ увлеченіи разговора, онъ былъ прекрасенъ.

Заклучимъ эту характеристику чертою, относящеюся къ литературѣ. Теперь великій писатель и у насъ, какъ вездѣ, гордится своимъ званіемъ писателя. Не такъ было въ то время, когда явился Пушкинъ, и до конца жизни сохранилась въ немъ привычка молодости—думать, что имя великаго поэта не составляетъ его самого неоспоримаго права на высокое мѣсто въ обществѣ. Онъ даже не любилъ, чтобы его считали писателемъ, и это было довольно понятно, потому что только послѣ него научилось русское общество высоко уважать поэтовъ. Но онъ любилъ ободрять молодыхъ писателей, въ которыхъ замѣчалъ талантъ. Губеръ, одинъ изъ хорошихъ поэтовъ своего времени, сохранилъ для насъ воспоминаніе о томъ, какое живое участіе принималъ въ немъ Пушкинъ, когда узналъ, что Губеръ, тогда бѣдный и неизвѣстный юноша, переводитъ „Фауста“. Гоголь встрѣтилъ въ Пушкинѣ перваго цѣнителя своихъ произведеній, и самымъ благороднымъ образомъ выказался въ дружбѣ къ Гоголю характеръ Пушкина, съ любовью ставшаго совѣтникомъ молодому человѣку, который долженъ былъ по его смерти стать его преемникомъ въ господствѣ надъ развитіемъ русской литературы и русскаго общества.

Все, что мы знаемъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, заставляетъ любить его; а великія услуги, оказанныя имъ русской литературѣ, и поэтическія достоинства его произведеній, по справедливому замѣчанію одного изъ литераторовъ, писавшихъ о жизни Пушкина, заставляютъ признаться, что онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ и своихъ твореніяхъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столба.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пійтъ.

.....
.....

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ *).

*) *Примечаніе издателя.* Далѣе въ концѣ книги было непомѣщаемое здѣсь приложеніе изъ слѣдующихъ мелкихъ стихотвореній Пушкина и отрывковъ его поэмъ, а именно: Возрожденіе. — Примѣты. — Муза. — Птичка. — Коварность. — Зимній вечеръ. — Пророкъ. — Стансы. — Утопленникъ. — Апчаръ. — Что въ имени тебѣ моемъ? — Делибашъ. — Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. — Поэту. — Мадонна. — Царскосельская статуя. — Полководецъ. — Пиръ Петра Великаго. — Памятникъ. — Отрывокъ изъ поэмы Полтава (Но онъ рѣшилъ: завтра бой...). — Мѣдный Всадникъ (отрывокъ — На берегу пустынныхъ волнъ...). — Изъ Бориса Годунова (Пимень и Григорій). — Изъ Евгенія Онѣгина (XXXV—XXXIX.—XL.—XXX—XXXII.—XXXVI—XXXVII.—)

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ русскому переводу Исторіи XVIII столѣтія, Шлоссера *).

Шлоссеръ вовсе не похожъ на тѣхъ блистательныхъ рассказчиковъ, знаменитѣйшимъ представителемъ которыхъ теперь считается Маколей. Его изложеніе совершенно лишено драматизма и яркихъ картинъ; у него даже нѣтъ плавности, часто недостаетъ даже внѣшней связности въ рассказѣ, — иной разъ онъ, не договоривъ одного, переходитъ къ другому, а еще чаще случается, что одно и тоже онъ повторяетъ четыре или пять разъ. Мало того, что изложеніе у него не обработано, — даже языкъ его неправиленъ, шероховатъ, небреженъ, такъ дуренъ, что каждый дюжинный фельетонистъ пишетъ лучше его. Читая его, вы читаете будто бы не книгу, изданную для публики, а черновыя тетради, не просмотрѣнныя авторомъ.

И однако же, этотъ человѣкъ, говорящій такимъ небрежнымъ языкомъ, безсвязно, иногда вяло, — этотъ человѣкъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми современными намъ историками. Онъ не увлекаетъ насъ живостью или прелестью рассказа, какъ Маколей или Мишле, вы сначала досадуете на очевидные недостатки его повѣствованія, досада смѣняется у васъ иногда улыбкой, — такъ странно кажется вамъ его несладка, Но это только на первыхъ порахъ знакомства съ нимъ. Едва вы прочтете нѣсколько десятковъ страницъ въ его книгѣ, въ васъ начинается пробуждается чувство, котораго вы никакъ не ожидали — чувство уваженія къ нему. Чѣмъ ближе вы знакомитесь съ нимъ, тѣмъ болѣе растетъ это чувство, и скоро въ дурномъ рассказчикѣ, говорящемъ вяло и небрежно, вы видите мудреца, у котораго, кто бы вы ни были, какъ бы ни горды были вы своею житейскою опытностью и своимъ умомъ, вы учитесь понимать событія и людей. Мало-по-малу онъ овладѣваетъ вашими понятіями такъ, что вы какъ

*) Историческая Библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, Ф. К. Шлоссера. Т. I, переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія. С.-Петербургъ, 1858. (Переводъ сдѣланъ Н. Г. Чернышевскимъ, но на книжкѣ не указана фамилія переводчика).

будто видите его, съ безглаголюю grimасою говорящимъ о тѣхъ изящныхъ историкахъ, которыми вы прежде увлекались: *was für elende Menschen, die alle diese Lappalien erzählen und bewundern!*— „что за жалкіе люди эти господа, съ восторгомъ разсказывающіе такой пошлый вздоръ!“ — и вы соглашаетесь съ нимъ.

Да, этотъ плохой разсказчикъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ, если можно кого-нибудь назвать мудрецомъ. Ничѣмъ не подкупится, ничѣмъ не обольстится онъ: ни блескъ, ни геній, ни софизмы панегиристовъ, ни даже собственныя желанія, ничто не отуманитъ его зоркаго взгляда, не смягчитъ его строгаго приговора. Онъ знаетъ людей, какъ ихъ знали Монтанъ и Макіавелли. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вѣритъ въ правду, онъ любитъ человѣка. Потому рѣчь его, суровая и печальная, разрушая ваши иллюзіи, укрѣпляетъ ваши убѣжденія во всемъ истинно добромъ и высокомъ. Сроднившись съ нимъ, вы, можетъ быть, перестанете видѣть въ исторіи тотъ непрерывный, ровный прогрессъ въ каждой смѣнѣ событій и историческихъ состояній, который чудился вамъ прежде; быть можетъ, вы потеряете вѣру почти во всѣхъ тѣхъ людей, которыми ослѣплялись прежде; но зато уже никакое разочарованіе опыта не сокрушитъ того убѣжденія въ неизбежности развитія, которое сохранится въ васъ послѣ его строгаго анализа; и если вы перестанете представлять героями добра и правды почти всѣхъ тѣхъ, кто прежде являлся вамъ въ ореолѣ, сотканномъ изъ риторическихъ фразъ или идеальныхъ увлеченій, зато укрѣпится ваше довѣріе къ будущимъ судьбамъ человѣка, потому что вмѣсто героевъ истинно полезными двигателями исторіи вы признаете людей простыхъ и честныхъ, темныхъ и скромныхъ, какихъ, слава Богу, всегда и вездѣ будетъ довольно.

Чрезвычайно здравый взглядъ на человѣческую жизнь, вотъ чѣмъ великъ Шлоссеръ. Многіе хвалятся тѣмъ, что не принадлежать ни къ какой партіи; почти всегда это бываетъ самообольщеніемъ и, вѣлушавшись въ слова человѣка, гордящагося своимъ безпристрастіемъ, вы скоро замѣчаете, что и онъ также руководился предубѣжденіями, какъ тѣ, которыхъ осуждаетъ за пристрастный взглядъ, — что и онъ, подобно другимъ, членъ партіи. О Шлоссерѣ этого нельзя сказать. Онъ не хвалится безпристрастіемъ, но дѣйствительно безпристрастенъ, насколько то возможно человѣку: онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, — не потому, чтобы у него не было своего образа мыслей, очень точнаго и непреклоннаго, но потому, что его понятія о людяхъ и событіяхъ основаны не на личныхъ желаніяхъ и привязанностяхъ, а на опытѣ долгой жизни, честно проведенной въ исканіи добра и правды. Чтобы раздѣлять этотъ взглядъ, надобно отказаться отъ всѣхъ обольщеній внѣшности, отъ всѣхъ прикрасъ идеализма, но сохранить молодое стремленіе ко всему истинно благотворному для людей, пужно холодную разборчивость старика соединять съ благородствомъ юности. Такихъ людей не такъ много, чтобы они могли составить особую партію. Немногіе достигаютъ такой зоркости и безпристрастія; потому немногіе могутъ во всемъ соглашаться съ Шлоссеромъ. Почти каждому изъ насъ будутъ непріятны многія изъ его сужденій: одному одни, другому другія; но въ читателѣ, любящемъ чистую правду больше, нежели

потворство своимъ предуѣжденіямъ, послѣ каждаго разнорѣчія съ Шлоссеромъ остается впечатлѣніе: если мнѣ кажется, что онъ неправъ, то едва ли это не кажется мнѣ потому, что я не могу еще отказаться отъ пріятнаго мнѣ обольщенія.

Тацитъ, какъ разсказчикъ, гораздо выше Шлоссера; но въ томъ, что составляетъ главнѣйшее достоинство Тацита,—въ строгомъ и совершенно здоровомъ пониманіи людей и жизни, изъ новыхъ историковъ ближе всѣхъ подходитъ къ Тациту Шлоссеръ.

Мы не говоримъ о другихъ достоинствахъ автора „Исторіи XVIII столѣтія“, о его громадной учености, о добросовѣстности, съ которою пять разъ провѣряетъ онъ каждое свое слово, прежде чѣмъ напишетъ его. о томъ, какъ вѣрно представляетъ онъ посредствомъ краткаго указанія двумя, тремя словами связь и зависимость событій въ своемъ, повидимому, безсвязномъ разсказѣ. Самое изложеніе Шлоссера, его небрежный и неправильный языкъ начинаетъ нравиться, когда вчиташься въ него: онъ грубъ и небреженъ, но эта грубость отъ силы, эта небрежность—отъ сознанія своихъ внутреннихъ достоинствъ; наконецъ находишь странную прелесть въ этомъ примодушномъ отвращеніи отъ наряда, въ этой простой рѣчи, которая ведется какъ будто среди домашняго безцеремоннаго круга.

Теперь нѣсколько словъ о русскомъ переводѣ, начало котораго нынѣ издается.

Шлоссеръ грубъ и небреженъ; этихъ качествъ онъ не хочетъ скрывать въ себѣ и мы не считали нужнымъ прятать ихъ при переводѣ. Читатель найдетъ въ переводѣ очень много фразъ вовсе неизящныхъ, иногда неловкихъ; если онѣ сохранятъ Шлоссеру для русскаго читателя ту же фізіономію, съ какою хотѣлъ онъ являться запросто передъ своими нѣмцами, читатель одобритъ насъ за то, что мы шероховатую простоту рѣчи не замѣнили приглаголенностью, надъ которой такъ брызгливо смѣется авторъ.

У Шлоссера много выписокъ изъ французскихъ, англійскихъ и другихъ источниковъ, особенно въ примѣчаніяхъ. Онъ эти выписки представляетъ въ подлинникѣ, безъ перевода на нѣмецкій языкъ. Такъ какъ нашъ переводъ дѣлается для обширной публики, не имѣющей привычки къ чтенію на иностранныхъ языкахъ, то мы почли удобнѣйшимъ для читателя переводить всѣ эти выписки нѣмецкія, французскія, англійскія, латинскія и итальянскія на русскій языкъ.

Часто Шлоссеръ ссылается на сочиненія, которыя легко доступны его нѣмецкой публикѣ, но которыхъ не существуетъ въ русскомъ переводѣ. Часто онъ упоминаетъ о фактахъ, которые легко узнаетъ нѣмецъ изъ книгъ, находящихся у каждаго подъ рукою въ Германіи, но о которыхъ нечего прочесть на русскомъ языкѣ. Къ русскому переводу необходимо прибавить много выписокъ и примѣчаній, безъ которыхъ могъ обходиться нѣмецкій авторъ. Надобно также сказать, что мы хотѣли бы дать читателю разсказъ о главныхъ фактахъ и важнѣйшихъ дѣятеляхъ XVIII вѣка болѣе подробный, нежели какой дается у Шлоссера. Если бы мы захотѣли помѣщать эти дополнителныя примѣчанія при тѣхъ самыхъ

страницахъ перевода, къ которымъ онѣ относятся, этимъ чрезвычайно замедлилось бы печатаніе перевода; притомъ же, примѣсь этихъ дополненій при чтеніи спутывала бы впечатлѣніе, производимое рассказомъ автора, съ другими разнохарактерными мнѣніями. Эти соображенія склонили насъ къ тому, чтобы наши дополнительные примѣчанія печатать отдѣльно отъ текста. Изъ нихъ составитя три или четыре тома, которые будутъ изданы по окончаніи перевода.

ОБЪЯСНЕНИЕ

на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный г. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюрмеромъ *).

Въ Высочайше одобренномъ объявленіи о „Военномъ Сборникѣ“ сказано: *Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность этого журнала*“.

Значеніе такого желанія Правительства не могло быть сомнительно, особенно по соображенію съ фактами, всѣмъ извѣстными и составлявшими одну изъ главныхъ заботъ Правительства.

Исслѣдованіе причинъ неуспѣха послѣдней войны открыло Правительству существованіе значительныхъ недостатковъ и злоупотребленій въ обученіи, вооруженіи и хозяйствѣ нашей Арміи. Представлялась необходимость склонить всѣхъ благомыслящихъ офицеровъ къ искреннему исполненію мѣръ, принимаемыхъ Правительствомъ для искорененія зла; вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому было—дать самимъ офицерамъ средство узнать и высказать истину, — этимъ доказывалась бы для нихъ собственными ихъ устами неизбѣжность и и полезность преобразованій, предпринимаемыхъ Правительствомъ. Объясняя

*) *Примѣчаніе издателя.* Весною 1858 года былъ основанъ журналъ „Военный Сборникъ“, причемъ главнымъ изъ 3 редакторовъ этого журнала состоялъ мой отецъ. Съ первыхъ же книжекъ этотъ журналъ обратилъ на себя вниманіе цензуры, и тогдашнимъ военнымъ цензоромъ, полковникомъ Штюрмеромъ, былъ написанъ докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности. Въ отвѣтъ на это отецъ мой написалъ объяснительную записку, которую Военный Министръ долженъ былъ доложить Государю. Хотя дальнѣйшаго хода этому дѣлу и не было дано, но отецъ мой не считъ возможнымъ оставаться редакторомъ этого журнала и въ тотъ же годъ сложилъ съ себя эту обязанность.

Упомянутая записка была написана сначала въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, но затѣмъ была смягчена по требованію Военнаго Министра. Для сравненія помѣщаю обѣ редакціи этой записки.

сами для себя недостатки, принадлежавшіе нашему военному быту, офицеры излагали бы и средства къ ихъ отстраненію. Если кто изъ нихъ жаловался бы неосновательно, или предлагалъ бы для улучшеній способы непрактичныя, изъ самой среды его товарищей поднимались бы голоса, показывающіе неосновательность его претензій, неудобопримѣнимость его проекта — и собственнымъ убѣжденіемъ самихъ офицеровъ, сужденія ихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ липались бы всякаго преувеличеннаго характера, ихъ желанія относительно улучшеній въ ихъ бытъ приводились бы къ размѣрамъ удобоисполнимымъ. А такъ какъ Правительство дѣйствительно искренно заботится объ улучшеніяхъ въ Арміи и приняло уже или готовится принять всѣ практически возможныя мѣры къ улучшенію ея быта, то и оказывалось бы, что мѣры Правительства соответствуютъ всѣмъ здравымъ желаніямъ самихъ офицеровъ, что Правительство дѣлаетъ все, что возможно, не дѣлаетъ только того что признано за невозможное самими офицерами. Черезъ это водворялось бы въ Арміи полнѣйшее довѣріе къ заботливости о ней Правительства, уничтожались бы всякія неудовольствія, и Правительству обезпечивалось бы точное и дѣятельное исполненіе всѣмъ сословіемъ офицеровъ тѣхъ улучшеній по вооруженію, тактическому обученію и хозяйству Арміи, какія уже предприняты волею Государя. Такое довѣріе Арміи къ Правительству въ особенности необходимо тогда, когда Правительство предпринимаетъ великія преобразованія въ государственномъ устройствѣ.

И такъ, вопросъ о направленіи „Военнаго Сборника“ зависѣлъ отъ вопроса: хочетъ ли Правительство, чтобы его мѣры понимались Арміею въ истинномъ ихъ смыслѣ и исполнялись съ добросовѣстнымъ усердіемъ?

Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ: онъ заключался въ дѣйствіяхъ самого Правительства; на тотъ же самый отвѣтъ указывали и основанія. Высочайше утвержденныя для изданія „Военнаго Сборника“.

Направленіе „Военнаго Сборника“ было понято огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ точно такъ, какъ предполагала понимать его редакція „Сборника“. Армія увидѣла въ этомъ изданіи новый залогъ довѣрія къ ней и заботливости о ней Правительства. Изъ нѣсколькихъ сотъ статей, доставленныхъ въ „Военный Сборникъ“, не было ни одной, которая имѣла бы иной смыслъ.

Назначеніе, определенное для „Военнаго Сборника“ его Высочайше утвержденнымъ объявленіемъ, могло достигаться только дѣятельностью самихъ офицеровъ русской Арміи; потому объявленіе прямо и обращалось къ офицерамъ, говори имъ, что они одни могутъ рѣшить задачу, исполненію которой долженъ, по указанію Правительства, служить „Военный Сборникъ“.

Офицеры русской Арміи отвѣчали на это приглашеніе съ такимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ къ намѣренію, въ которомъ Правительство основало „Военный Сборникъ“, что съ самаго начала этотъ журналъ сталъ однимъ изъ пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ публикѣ. Мы можемъ это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежитъ не редакціи, а сотрудникамъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно. Редакція должна сказать о себѣ въ этомъ отношеніи развѣ только то одно, что она не отвергала хорошихъ статей и не портила ихъ.

Такимъ образомъ, направленіе „Военнаго Сборника“ не зависѣло отъ редакціи: оно было указано журналу Высочайше утвержденными основаніями и осуществлено дѣятельностью всего корпуса офицеровъ русской Арміи, въ которомъ всѣ просвѣщенные люди явились проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ.

Послѣднее обстоятельство особенно ясно выказывается слѣдующимъ фактомъ. Редакція объявляла, что съ готовностью будетъ печатать всякія возраженія на статьи, помѣщенные въ „Сборникъ“. Дѣйствительно, возраженій явилось очевъ много, и всѣ они, если были хотя сколько-нибудь грамотны, печатались въ „Сборникъ“. Но и эти возраженія всѣ написаны въ томъ же самомъ духѣ, какъ и остальные статьи „Сборника“ *). Спорившіе разнились между собою въ оцѣнкѣ важности того или другого факта, въ сужденіяхъ о предпочтительности той или другой подробности какого-нибудь предложеннаго способа къ улучшенію, а въ основныхъ понятіяхъ и желаніяхъ всѣ сходились единодушно.

Но извѣстно всѣмъ, что просвѣщенные намѣренія Государя возбуждаютъ неудовольствіе въ горсти людей, незначительной по числу, но сильной именно тѣмъ, что она защищаетъ злоупотребленія, слѣдовательно неразборчива въ средствахъ оппозиціи. Не отвѣщаясь на открытое сопротивленіе, эти люди прикрываютъ свои умыслы разными предлогами.

Главное коварство тайныхъ противниковъ просвѣщенной воли Государя Императора заключается въ томъ, чтобы говорить о вредѣ, будто бы приносимомъ Правительству раскрытіемъ злоупотребленій и довѣріемъ къ Россіи. Они проповѣдуютъ скрытность, мракъ. Цѣль ихъ при этомъ очевидна, обманъ слишкомъ грубъ. Пока злоупотребленіе не обличено вполне, до той поры они имѣютъ надежду какъ-нибудь отстоять и сохранить его для своей личной выгоды. Но развѣ можетъ любить мракъ и скрытность тотъ, кто хочетъ чести Правительству, пользы Государству, чьи намѣренія чисты? Дурное Правительство разнится отъ хорошаго не тѣмъ, что при дурномъ существуютъ злоупотребленія, а при хорошемъ ихъ не существуетъ, — нѣтъ, они существуютъ всегда и повсюду, при всякомъ Правительствѣ; нѣтъ, разница въ томъ, что дурное Правительство покровительствуетъ злоупотребленіямъ и прикрываетъ ихъ, а хорошее старается искоренить ихъ, пользуется для того всеми честными средствами, изъ которыхъ первое — преслѣдованіе злоупотребленій свѣтомъ истины, и призываетъ къ содѣйствію себѣ всѣхъ честныхъ людей, то-есть любить правду.

По мѣрѣ своихъ силъ, въ кругу дѣйствія, ему предназначенномъ, „Военный Сборникъ“ усердно служилъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя Императора. Противники намѣреній Государя не могли не чувствовать вражды и къ нему, какъ враждуютъ они противъ всякой правды. Средствомъ въ этой враждѣ послужило имъ, какъ всегда, недобросовѣстное искаженіе фактовъ.

*) Кромѣ одного возраженія, помѣшеннаго въ № 7 „Военнаго Сборника“; редакція была обязана напечатать это возраженіе, потому что имъ думалъ защитить себя авторъ, захотѣвшій видѣть обвиненіе своимъ распоряженіямъ въ словахъ статьи „Военнаго Сборника“, говорившей о состояніи здоровья Южной арміи въ минувшую войну.

Мы подробно рассмотрим докладъ полковника Штюмера, обвиняющій всю русскую литературу въ стремленіи унизить честь Русской Арміи (какъ будто бы русская публика, вся масса которой состоитъ изъ людей, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ Арміи, и имѣющихъ родственниками офицеровъ, могла потерпѣть въ литературѣ подобное стремленіе), особенно обвиняющій въ этомъ направленіи „Военный Сборникъ“, какъ будто бы онъ издается не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства одного изъ корпусовъ русской Арміи, какъ будто бы изъ трехъ его редакторовъ два не принадлежатъ къ офицерамъ Русской Арміи, какъ будто бы всѣ статьи этого изданія *) написаны не офицерами Русской Арміи, какъ будто бы 5,800 человекъ **) офицеровъ Русской Арміи могли сочувствовать изданію, когда бы оно не служило къ чести Русской Арміи.

Г. военный цензоръ говоритъ, что военно-ценсурныя правила начинаются слѣдующими двумя параграфами: „1) Не допускать къ напечатанію ничего оскорбительнаго для чести Русскаго войска. 2) Не допускать никакихъ нападокъ, ни насмѣшекъ на счетъ какой-либо части нашихъ войскъ или Корпуса Офицеровъ“.

Чтобы умѣть охранять эти правила. надобно, прежде всего, умѣть понимать ихъ.

Честь каждаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы не обнаруживать преступнаго потворства недостойнымъ своимъ сочленамъ и сочувствовать всему тому, что нужно для достиженія цѣли, предназначенной этому сословію государственнымъ устройствомъ и желаніями Правительства. Русская Армія хорошо понимаетъ это и ставитъ себѣ за честь радоваться всему, что ведетъ къ искорененію въ ея рядахъ невѣжества и недобросовѣстности. Она понимаетъ, что каждое многочисленное сословіе заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей, достойныхъ порицанія, что честь сословія требуетъ не прикрывать ихъ и не потворствовать имъ, а стараться исправить ихъ.

Необходимымъ средствомъ къ тому всѣ образованные люди считаютъ литературное изобличеніе недобросовѣстности и пороковъ, потому русская Армія съ одобреніемъ принимаетъ статьи, способствующія совершенному очищенію ея отъ недостатковъ. Но г. военный цензоръ понимаетъ честь не такъ, какъ понимаетъ ее огромное большинство офицеровъ русской Арміи. Онъ недоволенъ, онъ находитъ предосудительнымъ для чести русской Арміи направленіе „Военнаго Сборника“.

О направленіи „Военнаго Сборника“ каждый можетъ судить сообразно своимъ понятіямъ. Но какъ бы ни судилъ кто, не долженъ упускать онъ изъ виду одного факта: направленіе „Военнаго Сборника“ придано этому изданію не редакціею, не начальствомъ Гвардейскаго Штаба, а самими офицерами русской Арміи. Тотъ, кто осуждаетъ это направленіе, не дол-

*) За исключеніемъ только двухъ, имѣющихъ чисто историческое содержаніе и относящихся къ отдаленной старинѣ.

**) Изъ 6,000 экземпляровъ „Военнаго Сборника“, расходившихся въ вышедшемъ году, менѣе двухъ сотъ получались лицами не военнаго сословія; остальные болѣе нежели 5,800 экземпляровъ выписывались офицерами.

женъ забывать, что онъ идетъ противъ чувствъ огромнаго большинства русскихъ офицеровъ.

Редакція, изъ множества получаемыхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію въ ихъ направленіи, а единственно по степени ихъ занимательности, дѣльности и достоинству изложенія. Относительно направленія, выборъ былъ невозможенъ, потому что рѣшительно всѣ безъ исключенія статьи были проникнуты одинаковымъ направленіемъ. Даже полковникъ Штюмеръ не могъ не замѣтить этого: въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, приложенной къ докладу о направленіи литературы вообще, онъ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя, одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая козачьимъ, и помѣщенные въ первой книжкѣ „Сборника“, „заслуживаютъ особаго вниманія (собственные слова полковника Штюмера), съ одной стороны, по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству, почти тождественности взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято неопытнымъ читателемъ за гласъ большинства всей Арміи“.

Если бы полковникъ Штюмеръ самъ былъ опытнымъ судьей въ литературныхъ дѣлахъ, то онъ понималъ бы, что написавъ эти слова, онъ безвозвратно осуждаетъ самъ себя. Чтò говоритъ онъ этими словами? Онъ говоритъ, что четыре офицера, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ войскъ, думаютъ о положеніи нашей Арміи, ея потребностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, совершенно одинаково. Редакція можетъ прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи: одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ районѣ расположенія Первой Арміи. Взгляды этихъ людей, невидѣвшихъ другъ друга въ лицо, сходны, по словамъ полковника Штюмера, до тождественности. Еслибъ ихъ мысли были ихъ личными частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ-нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и то же. Ясно, что каждый изъ нихъ выражаетъ общее мнѣніе, одинаковое во всѣхъ частяхъ войскъ. Сходство простирается до того, что полковникъ Штюмеръ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей одну отъ другой, и въ своей запискѣ разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ будто одну статью. Да и какъ мнѣнію, выражаемому этими четырьмя статьями, не быть одинакову во всѣхъ частяхъ арміи, когда во всѣхъ частяхъ происходитъ одно и то же, когда въ одно и тоже время Правительство получаетъ извѣстія объ одинаковыхъ злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и Балашовѣ? Если бы полковникъ Штюмеръ понималъ значеніе того, чтò самъ говоритъ, онъ или не написалъ бы этихъ словъ, или зналъ бы, что, написавъ ихъ, онъ самъ себя опровергъ, или чувствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, что, послѣ этихъ словъ, осуждая „Военный Сборникъ“, онъ осуждаетъ большинство офицеровъ русской Арміи. Вѣдь онъ самъ прибавляетъ, что впечатлѣніе, производимое сходствомъ осуждаемыхъ имъ статей, представляетъ ихъ за „голосъ большинства всей Арміи“; въ другомъ мѣстѣ своей записки о „Воен-

номъ Сборникѣ“, онъ положительно говорить, что направленіе осуждаемаго имъ журнала пользуется сочувствіемъ въ Арміи.

Надобно ли объяснять послѣ этого, что такое дѣлаютъ люди, возбуждающіе Правительство противъ статей, служащихъ выраженіемъ мнѣній большинства офицеровъ русской Арміи и награждаемыхъ, по собственному признанію этихъ людей, сочувствіемъ Арміи? Понимаетъ ли полковникъ Штюрмеръ, что онъ дѣлаетъ, желая возбудить неудовольствіе Правительства противъ чувствъ всего сословія офицеровъ русской Арміи? И чѣмъ заслужило сословіе нашихъ офицеровъ этотъ гнѣвъ? Развѣ тѣмъ, что хочетъ быть еще лучшимъ, нежели каково оно теперь? Или тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ полковника Штюрмера, „офицеры нашей арміи принесли, въ недавнее время, Престолу и отечеству столько благородныхъ жертвъ, которыхъ прахъ еще не остылъ и раны еще не закрылись?“

Первымъ параграфомъ военно-ценсурныхъ правилъ охраняется честь всей Арміи; второй параграфъ охраняетъ честь каждой отдѣльной части войска и корпуса офицеровъ въ особенности. Говоря о нападкахъ и насмѣшкахъ, второй параграфъ, конечно, разумѣетъ нападки и насмѣшки предосудительныя для чести того или другого рода войскъ и корпуса офицеровъ: это видно изъ соображенія его съ первымъ параграфомъ.

Но кромѣ насмѣшекъ, оскорбительныхъ для чести, есть невниная шутка, надъ которою въ образованномъ обществѣ весело хохочетъ первый тотъ самый, къ кому она относится. Известно, что человекъ умственно неразвитый не понимаетъ разницы между этою шуткою и оскорбительною для чести насмѣшкою. Онъ станется смѣшонъ или отвратителенъ, оскорбясь тѣмъ, что ни мало не оскорбително.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ полковникъ Штюрмеръ второй параграфъ военно-ценсурныхъ правилъ и чего требуетъ онъ отъ нашихъ офицеровъ. Вотъ его собственныя слова: „Когда, въ недавнемъ времени, „фльетонистъ Де-Пенъ позволилъ себѣ упомянуть о подпоручикахъ, которые къ ущербу дамскихъ нарядовъ являются на балы въ мундирѣ“ (дѣло нѣкогда вовсе не о мундирѣ), „то хотя статья его и не заключала по видимому ничего лично оскорбительнаго, однакожь порицаніе носить мундиръ въ обществѣ показалось военнымъ людямъ обиднымъ. Не одни только „подпоручики“ (нѣтъ, они одни) „все офицерское сословіе признало себя „оскорбленнымъ, и офицеры разныхъ чиновъ“ (нѣтъ, только одни подпоручики). „разныхъ командъ и изъ разныхъ городовъ потребовали удовлетворенія у редакціи журнала. Можетъ быть они обнаружили въ этомъ „случаѣ излишнюю щекотливость, можно также упрекнуть дравшихся подпоручиковъ въ неблагородномъ окончаніи дуэли съ Пенномъ, но за всеѣмъ тѣмъ, надобно согласиться, что первоначальный порывъ негодованія офицеровъ произошелъ изъ понятія объ оскорбленіи ихъ званія и что это сильно развитое чувство чести составляетъ главнѣйшую долю нравственной силы французской арміи. Изъ этого наконецъ видно, въ какой степени необходимо цѣнить это чувство въ арміи и охранять отъ незаслуженныхъ нападковъ“.

Полковникъ Штюрмеръ хвалитъ поведеніе французскихъ подпоручи-

ковъ въ исторіи съ фельетонистомъ Пенюмъ. Надобно изложить эту исторію чтобы видѣть, какія понятія о чести офицера имѣтъ полковникъ Штюмеръ. Рассказывая въ забавномъ видѣ о какомъ-то балѣ и подсмѣваясь надъ всѣми лицами, тутъ бывшими, Пенъ сказалъ, между прочимъ, что былъ на балѣ одинъ подпоручикъ, который плохо умѣлъ танцевать и по неловкости разорвалъ шпорою платье дамы, съ которою танцевалъ. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ подпоручикъ, были выдуманы. Кажется, тутъ не было обиды никому, но французскіе подпоручики обидѣлись. Можетъ ли благовоспитанный человѣкъ принимать въ обиду шутки надъ неловкостью его манеръ? Онъ чувствуетъ, что сдѣлался бы черезъ это смѣшнымъ и пошлымъ; онъ знаетъ, что ему слѣдуетъ первому отъ души смѣяться при этихъ шуткахъ, и дѣйствительно смѣется отъ души, понимая, что ловкость или неловкость манеръ не вызываетъ и не унижаетъ его чести. Французскіе подпоручики, обидѣвшіеся шуткою Пена, только выказали себя людьми дѣйствительно неблаговоспитанными и смѣшными.

Но тѣмъ не кончилось дѣло: этихъ обиженныхъ собралась цѣлая ватага и всѣ они послали вызовъ Пену драться поочередно съ каждымъ изъ нихъ. Если цѣлое общество считаетъ нужнымъ загладить посредствомъ дуэли оскорбленіе, нанесенное ему отдѣльнымъ лицомъ, то между порядочными людьми принято за правило, чтобы это общество выбирало отъ себя одного, такъ сказать, депутата, который бы дрался одинъ отъ имени всѣхъ. Нарушивъ это правило, подпоручики, составившіе ватагу, показали себя людьми не только неблаговоспитанными и смѣшными, но и неблагородными.

И этого мало. Они поставили драться противъ Пена такого офицера, который служилъ учителемъ фехтованія. Они выставили человѣка, который навѣрняка долженъ былъ убить Пена, такъ чтобы до нихъ не дошла и очередь драться, а между тѣмъ каждый изъ нихъ хвастался своимъ вызовомъ. Это было уже поступкомъ не просто людей смѣшныхъ, неблаговоспитанныхъ и не совсѣмъ порядочныхъ, но прямо дѣло низкихъ, трусливыхъ хвастуновъ, дѣлающихъ подлость. Мы увѣрены, что въ цѣлой нашей Арміи не найдется ни одного офицера, который бы согласился участвовать въ подобной подлой штукѣ.

И этого всего мало. Низкій бандитъ, избранный отъ цѣлой ватаги, чтобы навѣрняка зарѣзать человѣка, плохо владѣвшаго шпагой, не успѣлъ первымъ ударомъ зарѣзать его: рана была не смертельна; однако же, была такъ тяжела, что Пенъ выпустилъ изъ рукъ шпагу и запатался, падая. Въ эту минуту господинъ учитель фехтованія, прицѣпившись хорошеенько; воткнулъ шпагу въ грудь обезоруженнаго, падающаго противника и проткнулъ его насквозь. Въ нашей арміи, славу Богу, не бывало еще примѣра, чтобы офицеръ совершилъ подобную гнусность. Но если бы она совершилась, пѣтъ сомнѣнія, что всѣ до одного офицеры того полка, къ которому принадлежалъ бы негодяй, потребовали бы, чтобы онъ снялъ мундиръ и имъ обезчещенный, потребовали бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ преданъ военному суду, подвергнуть позорнѣйшему наказанію, чтобы надъ его головой была сломана шпага, которую онъ осквернилъ.

И чувства этихъ-то людей осмѣливается полковникъ Штюмеръ ставить въ примѣръ нашимъ офицерамъ! Онъ не понималъ, какъ подлѣ, какъ гнусенъ поступокъ, выставляемый имъ за примѣръ для подражанія русскимъ офицерамъ. Такимъ ли людямъ, которые не знаютъ различія между чувствомъ чести и гнусѣйшею подлостью, такимъ ли людямъ охранять честь Русской Арміи? Имъ-ли учить кого бы то ни было пониманію чести?

Онъ извиняется незнаніемъ и непониманіемъ; онъ просто хотѣлъ похвалить французскую армію, — намѣреніе доброе, только случай къ похвалѣ выбранъ неудачно.

Можетъ быть, не совсѣмъ удачна и вообще его мысль ставить французскую армію примѣромъ для русской въ дѣлахъ чести. Первый долгъ чести для арміи — вѣрность правительству. Что же дѣлала французская армія въ послѣднія тридцать лѣтъ? Она измѣнила въ 1830 году Бурбонамъ, она измѣнила въ 1848 году Людовику Филиппу, она измѣнила своимъ генераламъ, возмущившись противъ нихъ 2 декабря 1851 года, она теперь готовится измѣнить Наполеону III: подъ Севастополемъ она уже кричала „*vive la république!*“ Она храбра на полѣ битвы, но она при каждой смутѣ покрывала себя безчестіемъ въ Парижѣ. Каждый разъ она звѣрски рѣзала стариковъ и женщинъ при началѣ народнаго волненія, и каждый разъ, какъ только волненіе усиливалось, покидала свои знамена и фрaternизировала съ мятежниками. Эго ли чувство чести, которое ставить въ примѣръ русской арміи противники „Военнаго Сборника“?

Разсмотрѣвъ, изъ какихъ понятій о чести вытекаютъ мнѣнія полковника Штюмера относительно обязанностей военной цензуры, мы разсмотримъ теперь, до какой степени знакомъ онъ съ ценсурнымъ уставомъ.

Онъ начинаетъ обвиненіемъ гражданской цензуры за то, что она не присылала на разсмотрѣніе военнаго цензора двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Современникѣ“, а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ которыхъ между множествомъ дѣйствующихъ лицъ разныхъ званій представлены два или три лица военнаго сословія. Мы не обязаны защищать гражданскую цензуру. Но мы должны разсмотрѣть мнѣніе полковника Штюмера о ея обязанностяхъ, чтобы видѣть, знаетъ ли онъ ценсурный уставъ. Онъ полагаетъ, что гражданская цензура обязана присылать военному цензору каждую повѣсть, въ которой, хотя мимоходомъ, являются лица военнаго сословія. (Въ двухъ повѣстяхъ, на которыя указываетъ полковникъ Штюмеръ, военные лица являются только мимоходомъ). Сообразно такому понятію, если въ повѣсти, хотя мимоходомъ, является купецъ, она должна быть препровождаема изъ гражданской цензуры въ департаментъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, занимающійся городскими дѣлами. Если являются: государственный, удѣльный и дворцовый крестьяне, повѣсть должна пребывать поочередно въ Министерствахъ: Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Императорскаго Двора.

Полковнику Штюмеру, какъ видно изъ его претензіи, неизвѣстны первыя основанія нашего ценсурнаго устройства. Общая цензура должна передавать на разсмотрѣніе частной цензуры того или другого вѣдомства только тѣ статьи, которыя касаются какихъ-нибудь административныхъ или

законодательныхъ вопросовъ по этому вѣдомству. Еслибы каждое упоминаніе о лицѣ какого-нибудь званія вело къ посылкѣ статьи на разсмотрѣніе того вѣдомства, которому подчинено это званіе, каждая повѣсть должна была бы два-три года бродить по десяткамъ различныхъ вѣдомствъ, потому что въ каждой выводится много лицъ самыхъ разнородныхъ званій.

Но вотъ отъ литературныхъ журналовъ полковникъ Штюмеръ переходитъ къ „Военному Сборнику“; тутъ мы должны быть внимательнѣе. Вотъ его подлинныя слова: „Въ іюньской книжкѣ Военнаго Сборника помѣщено весьма неутѣшительное для военныхъ людей открытіе, что служба „офицера безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума, и „потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству“.

На какихъ страницахъ іюньской книжки „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюмеръ нашелъ это открытіе? Вотъ на какихъ. Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ пѣхотѣ, говоритъ, что когда онъ стоялъ съ своимъ взводомъ одинъ въ деревнѣ, то ему было очень скучно, потому что помѣщиковъ кругомъ не было, а товарищи, по расположенію полка на просторныхъ квартирахъ, стояли очень далеко отъ этой деревни, и что ему прекраснымъ развлеченіемъ послужила охота. Онъ совѣтуетъ испробовать это развлеченіе тѣмъ офицерамъ, которые, подобно ему, живутъ разбросанно и по одиночкѣ на просторныхъ квартирахъ, и предлагаетъ свои совѣты о томъ, какъ обзавестись ружьемъ и собакою для охоты; потомъ говоритъ, что солдаты также съ удовольствіемъ занимаются охотою, и если офицеръ при расположеніи на просторныхъ квартирахъ позволить имъ иногда, въ свободное время, это развлеченіе, то оно будетъ полезно и для здоровья солдатъ и для самой службы, потому что солдаты приучатся къ вѣрной стрѣльбѣ.

Мы просимъ прочесть всю эту небольшую статейку въ подлинникѣ *), чтобы убѣдиться, какъ она невинна. Впрочемъ, и по самому содержанію ея уже легко отгадать, что статья эта написана совершенно спокойнымъ тономъ, съ теплымъ сочувствіемъ къ армейскому офицеру, съ единственнымъ желаніемъ нѣкоторой пользы и этому офицеру и самой службѣ. Но полковникъ Штюмеръ набралъ прилагательныхъ именъ съ разныхъ страницъ, прибавилъ нѣсколько существительныхъ собственного изобрѣтенія (напримѣръ, слово „пьянство“,—этого слова нѣтъ въ статьѣ); замѣнилъ другія выраженія автора фразами собственного изобрѣтенія (напримѣръ: „Служба офицера не представляетъ никакой пищи для ума“,—этой фразы нѣтъ въ цѣлой статьѣ), приписалъ свое изобрѣтеніе автору статьи и такимъ образомъ сдѣлалъ „открытіе“, присоединивъ еще, будто бы авторъ говорилъ вообще о службѣ офицера, между тѣмъ какъ авторъ говорилъ только о случаяхъ одинокой жизни офицера, которому пришлось стоять одному вдаль отъ всѣхъ товарищей. Эта недобросовѣстность превосходитъ всякое вѣроятіе.

Далѣе полковникъ Штюмеръ осуждаетъ два отрывка изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“, искажая при-

*) Ружейная охота въ примѣненіи къ военному дѣлу и военной жизни. „Военный Сборникъ“ № 2-й.

водимые отрывки по тому же способу. Полковникъ Штюмеръ не хотѣлъ замѣтить, что первый изъ приводимыхъ имъ отрывковъ принадлежитъ не „Военному Сборнику“, а „Морскому Сборнику“, изъ котораго перепечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мнѣніе полковника Штюмера о предметахъ чести расходится съ мнѣніемъ морского начальства, издающаго „Морской Сборникъ“, и съ понятіями самого Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, принимающаго столь близкое участіе въ этомъ изданіи. Вторая же изъ статей, безчестящихъ по мнѣнію полковника Штюмера русскую армію, есть „Голосъ изъ Арміи“, — статья, одобренная къ печатанію самимъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, о чемъ хранится въ редакціи „Военнаго Сборника“ письменное засвидѣтельствованіе. Замѣтимъ, что эта статья („Голосъ изъ Арміи“) болѣе всѣхъ другихъ статей доставила полковнику Штюмеру матеріаловъ для его особенной записки о „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мысли, одобренные Государемъ Императоромъ, наиболѣе безчестятъ, по мнѣнію полковника Штюмера, Русскую Армію. Какимъ путемъ искаженій достигъ онъ до такого ужаснаго результата, совершенно раскрывается сличеніемъ его записки о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ „Военнаго Сборника“. Подобнымъ образомъ онъ искажаетъ и статьи другихъ журналовъ, имъ упоминаемыхъ и заканчиваетъ свои добросовѣстные выписки слѣдующимъ заключеніемъ:

„Такимъ образомъ, русская публика, въ послѣдніе три мѣсяца, освѣдомилась изъ трехъ лучшихъ журналовъ (Современникъ, Отечественныя Записки и Военный Сборникъ), что офицеры нашей Арміи невѣжды, пьяницы и воры!..“.

Это клевета на гражданскую цензуру, которая никакимъ образомъ не позволила бы выражаться о русскихъ офицерахъ столь площадными словами. Полковнику Штюмеру позволительно предполагать, что подобная клевета не покажется неправдоподобною: онъ не знаетъ Ценсурнаго Устава. Въ „Военномъ Сборникѣ“ ни разу не употреблены эти грязныя слова. Можно ручаться за то, что не найдется ихъ и ни въ какомъ русскомъ журналѣ. Если называть русскихъ офицеровъ невѣждами, пьяницами и ворами, значить „стремиться къ униженію и представленію на поруганіе военной службы“, какъ говоритъ далѣе полковникъ Штюмеръ, то это стремленіе принадлежитъ исключительно одному полковнику Штюмеру, который первый и одинъ отважился сочетать эти слова съ словомъ Русскій Офицеръ.

Утвердившись на такихъ основаніяхъ, онъ начинаетъ давать совѣты литературѣ.

Онъ говоритъ во-первыхъ, что литература „должна преслѣдовать только „тѣ пороки и недостатки, которые дѣйствительно существуютъ, и представлять тины, дѣйствительно взятые изъ среды общества“; но именно такъ и дѣйствуетъ русская литература. Всѣ повѣсти и статьи, на которыя онъ нападаетъ, могутъ служить тому примѣромъ. Въ одной изъ нихъ („Внукъ русскаго милліонера“) изображается, какимъ образомъ богатый купеческій сынокъ проматываетъ наслѣдство, доставшееся ему послѣ дѣда, — развѣ этотъ

типъ не дѣйствительно взять изъ среды общества? Что другая повѣсть или, точнѣе говоря, романъ („Тысяча душъ“), вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь нашихъ губернскихъ городовъ, это рѣшено всею русскою публикою, которая съ громкимъ одобреніемъ приняла превосходный романъ одного изъ первыхъ писателей нашего времени. О томъ, скучно-ли жить одному въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ товарищей (первая изъ статей Военнаго Сборника, осуждаемыхъ полковникомъ Штюмеромъ), можетъ сказать каждый армейскій офицеръ. О томъ, выдуманные ли факты изображены въ отрывкѣ изъ „Морского Сборника“, который также осуждается полковникомъ Штюмеромъ, можетъ свидѣтельствовать Морское начальство. Взяты ли изъ дѣйствительности факты, изображаемые въ третьей статьѣ („Голосъ изъ Арміи“) благоволилъ рѣшить самъ Государь Императоръ, удостоившій своего одобренія эту статью, особенно осуждаемую полковникомъ Штюмеромъ.

И такъ, вѣрны ли дѣйствительности, правдивы ли тѣ статьи, которыя осуждаются полковникомъ Штюмеромъ? Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Вторымъ правиломъ для литературы, полковникъ Штюмеръ ставитъ: „Не представлять явленіями общими тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые составляютъ случаи частные, встрѣчающіеся рѣдко“. Нельзя не улыбнуться, видя, что эта мысль, относящаяся къ дарованію, а вовсе не къ направленію беллетриста, ставится полковникомъ Штюмеромъ за общее правило для всей литературы. Беллетристъ талантливый всегда изображаетъ такіе типы, которые не составляютъ случаевъ частныхъ, а принадлежать къ характеристическимъ чертамъ общественной жизни; писатель безъ таланта никакъ не умѣетъ достичь этого. Итакъ, полковникъ Штюмеръ ставитъ въ обязанность ценсурѣ запрещать все написанное беллетристами мало-талантливыми. Къ чему такое жестокосердіе къ людямъ и безъ того уже обиженнымъ природою? Не лучше ли согласиться съ ценсурнымъ уставомъ, который предписываетъ ценсурѣ судить о направленіи писателя, предоставляя уже публикѣ разбирать, сколько таланта имѣетъ писатель.

Послѣднее изъ своихъ правилъ полковникъ Штюмеръ излагаетъ въ такомъ странномъ видѣ, что одна фраза его прямо противорѣчитъ другой. Вотъ начало: „Въ отношеніи пороковъ и злоупотребленій, караемыхъ законами, достаточно, чтобы законы исполнялись; а потому, литературѣ остается только представлять на судъ публикѣ всю гнусность зла“. Эти слова означаютъ, что литература должна обличать зло, караемое закономъ. Но что далѣе? „Не рѣдко случается также, что подробныя описанія злоупотребленій научаютъ плутовъ тому, чего они еще не знали“. Стало быть литература должна скрывать зло? И какая вѣрная мысль: плуты научаются плутовать изъ литературныхъ разсказовъ, карающихъ плутовство! Послѣ этого воры не научаются ли воровать изъ Уложенія о преступленіяхъ?

Составивъ общія правила, онъ занимается далѣе примѣненіемъ ихъ къ военному сословію.

„Военное сословіе составляетъ, какъ и всѣ другія, часть народа. Оно имѣетъ какъ общія, такъ и свои собственныя страсти, недостатки и по-

„роки. Оно не лучше и не хуже другихъ сословій и подлежить наравнѣ съ прочими литературному представленію дурной стороны ума и сердца“.

Справедливо. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же хлопотать, зачѣмъ говорить, что честь военнаго званія унижается, когда оно подвергается литературному изображенію точно въ такой же степени какъ прочія сословія, которыя ни мало не принимаютъ за оскорбленіе своей чести такія изображенія?

Но продолжаемъ слушать полковника Штюмера: „Въ каждой арміи „говорить онъ, могутъ быть хвастуны, лгуны, жестокосердые, хитрецы, скупые и даже безправственные офицеры; но объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п. говорить нечего,—ибо еслибъ такой офицеръ встрѣтился, то онъ по закону исключается изъ службы“. Но законъ также исключаетъ изъ гражданской службы взяточниковъ, слѣдовательно и о нихъ также нечего говорить? Именно о томъ-то и говорится, исполняется ли законъ?—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ цѣлой Россіи одинъ только полковникъ Штюмеръ осмѣливается „говорить объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п.“. Никто другой не употребляетъ такихъ грязныхъ словъ. Но слушаемъ далѣе. „Представлять такого рода „типы есть тоже самое, что говорить о сфинксахъ или центаврахъ“. Мысль полковника Штюмера имѣетъ сильную наклонность къ сфинксамъ, которые растерзывали невинныхъ людей. Она уже не въ первый разъ склоняется къ этимъ чудовищамъ. Излагая свое первое правило, полковникъ Штюмеръ уже говорилъ, что литература не должна представлять „страсти и злодѣянія сфинксовъ, центавровъ и сильфидъ“. Но слушаемъ далѣе.

„Въ Германіи, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ литературная писменность часто употреблялась во зло, никто не осмѣлится представить позорную картину офицера“. Будто бы въ самомъ дѣлѣ французскіе, нѣмецкіе и англійскіе романы и повѣсти не осмѣливаются изображать французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ съ невыгодной стороны? Изъ этого видно, что полковникъ Штюмеръ знаетъ иностранную литературу не такъ хорошо, какъ Ценсурный Уставъ.

„Гдѣ не имѣется цензуры (продолжаетъ онъ), тамъ существуютъ обыкновенно особые законы, ограждающіе военное сословіе отъ печатныхъ нападковъ и оскорбленій“. Гдѣ же это существуютъ такіе особенные законы? Ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы ихъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ такихъ законовъ, продолжаетъ онъ, тамъ офицеры сами должны защищать себя; и въ примѣръ всемъ офицерамъ Русской Арміи приводитъ дуэль французскихъ подпоручиковъ съ Пюномъ. Мы уже разбирали эту исторію, которая служитъ представительницею понятій полковника Штюмера о чести. Такъ вотъ чего онъ хочетъ: онъ хочетъ, чтобы русскіе офицеры, подобно некоторымъ французскимъ подпоручикамъ, обижались тѣмъ, въ чемъ нѣтъ ничего обиднаго, и сами себя дѣлали смѣшными такой щепетильностью. Онъ хочетъ, чтобы офицеры Русской Арміи исполняли предположеніе „Статскаго“, разговаривающаго съ „Военнымъ“ у Гоголя (въ „Развѣздѣ изъ театра“): Вѣдь вотъ, вы какіе, господа военные! Вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а

затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть офицеры,—не говоря уже о прочихъ наклонностяхъ,—но просто скажи: есть офицеры дурного тона,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ“. Именно такъ понимаетъ честь полковникъ Штюрмеръ.

Далѣе представляетъ онъ ужасающую картину послѣдствій отъ такихъ страшныхъ обидъ, какія нанесены были Русской Арміи пятью тысячами восемьюстами офицеровъ, одобрявшихъ „Военный Сборникъ“. Чего тутъ нѣтъ!—и никто изъ молодыхъ людей не пойдетъ въ военную службу, и начальства никто не будетъ уважать, и Россія потеряетъ свой голосъ въ Европейскихъ дѣлахъ, и внутренняя безопасность исчезнетъ, если Правительство не запретитъ русскимъ писателямъ говорить, что иногда офицеры посѣщаютъ московскихъ цыганъ и петербургскія Минеральныя воды.

Усердіе защищать сфинксовъ и другихъ чудовищъ — качество, достойное всякаго уваженія; но добросовѣстность и истинное понятіе о чести, это качества еще болѣе важныя. Примѣромъ послѣдняго служила намъ дуэль французскихъ подпоручиковъ. Доказательствъ добросовѣстности мы видѣли много, но еще больше увидимъ въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“; она — документъ образцовый въ своемъ родѣ.

ЗАМѢЧАНІЯ

на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный г. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюмеромъ *).

Въ Высочайше одобренномъ объявленіи о „Военномъ Сборникѣ“ сказано: *Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность этого журнала*“.

Значеніе такого желанія Правительства не могло быть сомнительно, особенно по соображенію съ фактами, всѣмъ извѣстными и составлявшими одну изъ главныхъ заботъ Правительства.

Изслѣдованіе причинъ неуспѣха послѣдней войны открыло Правительству существованіе значительныхъ недостатковъ и злоупотребленій въ обученіи, вооруженіи и хозяйствѣ нашей Арміи. Представлялась необходимость склонить всѣхъ благомыслящихъ офицеровъ къ искреннему исполненію мѣръ,

*) *Примѣчаніе издателя.* Первоначальная редакція той же записки. На корректурѣ имѣется слѣдующая пометка Военнаго министра: „Здѣсь дѣло идетъ не объ оправданіи однихъ только редакторовъ, но и объ оправданіи моемъ и вашемъ какъ наблюдавшихъ за направленіемъ сборника, а потому я требую, чтобы никакихъ ругательствъ не было употреблено въ выраженіяхъ, а только одинъ хладнокровный разсужденіи и ясные доводы—все оскорбительное какъ на счетъ полковника Штюмера, такъ и для французской арміи прошу непремѣнно отбросить, иначе я не берусь представить это объясненіе Государю Императору.“

Гг. Редакторы по мнѣнію моему, справедливо опредѣляютъ правила чести, говоря о неблагородномъ дѣйствіи нѣсколькихъ французскихъ Подиоручиковъ, но правила чести также требуютъ: не обвинять цѣлую армію за дѣйствіе нѣсколькихъ лицъ.—Эти же правила требуютъ, чтобы не смотря ни на сдѣланную намъ несправедливость и неправильный доносъ отвѣтъ нами написанъ былъ съ достоинствомъ и безъ всякихъ оскорбительныхъ выраженій, иначе пренія могутъ кончиться площадными ругательствами¹ какъ и бываетъ иногда между Гг. журналистами“.

принимаемыхъ Правительствомъ для искорененія зла; вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому было—дать самимъ офицерамъ средство узнать и высказать истину,—этимъ доказывалась бы для нихъ собственными ихъ устами неизбежность и полезность преобразованій, предпринимаемыхъ Правительствомъ. Объясняя сами для себя недостатки, принадлежавшіе нашему военному быту, офицеры излагали бы и средства къ ихъ отстраненію. Если кто изъ нихъ жаловался бы неосновательно, или предлагалъ бы для улучшеній способы непрактичныя, изъ самой среды его товарищей поднимались бы голоса, показывающіе неосновательность его претензій, неудопримѣнимость его проекта,—и собственнымъ убѣжденіемъ самихъ офицеровъ, сужденія ихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ лишались бы всякаго преувеличеннаго характера, ихъ желанія относительно улучшеній въ ихъ бытѣ приводились бы къ размѣрамъ удобоисполнимымъ. А такъ какъ Правительство дѣйствительно искренно заботится объ улучшеніяхъ въ Арміи и приняло уже или готовится принять всѣ практически возможныя мѣры къ улучшенію ея быта, то и оказалось бы, что мѣры Правительства соотвѣтствуютъ всѣмъ здравымъ желаніямъ самихъ офицеровъ, что Правительство дѣлаетъ все, что возможно, не дѣлаетъ только того, что призвано за невозможное самими офицерами. Чрезъ это водворялось бы въ Арміи полнѣйшее довѣріе къ заботливости о ней Правительства, уничтожились бы всякія неудовольствія, и Правительству обезпечивалось бы точное и дѣятельное исполненіе всѣмъ ея словіемъ офицеровъ тѣхъ улучшеній по вооруженію, тактическому обученію и хозяйству Арміи, какія уже предприняты волею Государя. Такое довѣріе Арміи къ Правительству въ особенности необходимо тогда, когда Правительство предпринимаетъ великія преобразованія въ государственномъ устройствѣ.

Итакъ, вопросъ о направленіи „Военнаго Сборника“ зависѣлъ отъ вопроса: какъ дѣйствуетъ и впредь намѣрено дѣйствовать Правительство относительно Арміи: хочетъ ли оно улучшать ее? хочетъ ли Правительство, чтобы его мѣры понимались Арміею въ истинномъ ихъ смыслѣ и исполнялись съ добросовѣстнымъ усердіемъ?

Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ: онъ заключался въ дѣйствіяхъ самаго Правительства; на тотъ же самый отвѣтъ указывали и основанія, Высочайше утвержденныя для изданія „Военнаго Сборника“.

Если мы ошибались въ этомъ отвѣтѣ, значитъ, мы ошибались, находя, что Правительство заботится объ улучшеніи вооруженія Арміи, ея обмундированія и продовольствія, ея тактическаго обученія, о введеніи лучшаго порядка въ ея хозяйственномъ и военномъ управленіи, о возвышеніи ея духа; значитъ, мы ошиблись, находя, что Государь Императоръ милостивъ къ своей Арміи и заботливъ о ней. Но, въ такомъ случаѣ, мы ошибались вмѣстѣ со всѣми честными людьми нашей Арміи, сочувствовавшими просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя.

Дѣйствительно, направленіе „Военнаго Сборника“ было понято огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ точно такъ, какъ предполагала понимать его редакция „Сборника“. Армія увидѣла въ этомъ изданіи новый залогъ довѣрія къ ней и заботливости о ней Правительства.

Изъ нѣсколькихъ сотъ статей, доставленныхъ въ „Военный Сборникъ“, не было ни одной, которая имѣла бы иной смыслъ.

Назначеніе, опредѣленное для „Военнаго Сборника“ его Высочайше утвержденнымъ объявленіемъ, могло достигаться только дѣятельностью самихъ офицеровъ русской Арміи; потому объявленіе прямо и обращалось къ офицерамъ, говоря имъ, что они одни могутъ рѣшить задачу, исполненію которой долженъ, по указанію Правительства, служить „Военный Сборникъ“.

Офицеры русской Арміи отвѣчали на это приглашеніе съ такимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ къ намѣренію, въ которомъ Правительство основало „Военный Сборникъ“, что съ самаго начала этотъ журналъ сталъ однимъ изъ пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ публикѣ. Мы можемъ это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежитъ не редакціи, а сотрудникамъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно. Редакція должна сказать о себѣ въ этомъ отношеніи развѣ только то одно, что она не отвергала хорошихъ статей и не портила ихъ.

Такимъ образомъ, направленіе „Военнаго Сборника“, не зависѣло отъ редакціи: оно было указано журналу Высочайше утвержденными основаніями и осуществлено дѣятельностью всего корпуса офицеровъ русской Арміи, въ которомъ всѣ просвѣщенные люди явились проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ.

Послѣднее обстоятельство особенно ясно выказывается слѣдующимъ фактомъ. Редакція объявляла, что съ готовностью будетъ печатать всякія возраженія на статьи, помѣщенные въ „Сборникъ“. Дѣйствительно возраженій явилось очень много, и всѣ они, если были хотя сколько нибудь грамотны, печатались въ „Сборникъ“. Но и эти возраженія всѣ написаны въ томъ же самомъ духѣ, какъ и остальные статьи „Сборника“ *). Сперившіе разнились между собою въ оцѣнкѣ важности того или другаго факта, въ сужденіяхъ о предпочтительности той или другой подробности какого нибудь предложеннаго способа къ улучшенію, а въ основныхъ понятіяхъ и желаніяхъ всѣ сходились единодушно.

Но извѣстно всѣмъ, что просвѣщенные намѣренія Государя возбуждаютъ неудовольствіе въ горсти людей незначительной по числу, но сильной именно тѣмъ, что она защищаетъ злоупотребленія, слѣдовательно неразборчива въ средствахъ оппозиціи. Не отваживаясь на открытое сопротивленіе, эти люди прикрываютъ свои умыслы разными предлогами.

Главное коварство тайныхъ противниковъ просвѣщенной воли Государя Императора заключается въ томъ, чтобы говорить о вредѣ, будто бы приносимомъ Правительству раскрытіемъ злоупотребленій и довѣріемъ къ Россіи. Они проповѣдуютъ скрытность, мракъ. Цѣль ихъ при этомъ очевидна, обманъ слишкомъ грубъ. Пока злоупотребленіе не обличено вполнѣ,

*) Кромѣ одного возраженія, помѣщеннаго въ № 7 „Военнаго Сборника“; редакція была обязана напечатать это возраженіе, потому что имъ думалъ защититъ себя авторъ, захотѣвшій видѣть обвиненіе своимъ распоряженіямъ въ словахъ статьи „Военнаго Сборника“, говорившей о состояніи здоровья Южной арміи въ минувшую войну.

до той поры онѣ имѣють надежду какъ нибудь отстоять и сохранить его для своей личной выгоды. Но развѣ можетъ любить мракъ и скрытность тотъ, кто хочетъ чести Правительству, пользы Государству, чьи намѣренія чисты? Дурное Правительство разнится отъ хорошаго не тѣмъ, что при дурномъ существуютъ злоупотребленія, а при хорошемъ ихъ не существуетъ,—нѣтъ, они существуютъ всегда и повсюду, при всякомъ Правительствѣ; нѣтъ, разница въ томъ, что дурное Правительство покровительствуетъ злоупотребленіямъ и прикрываетъ ихъ, а хорошее старается искоренить ихъ, пользуется для того всѣми честными средствами, изъ которыхъ первое—преслѣдованіе злоупотребленій свѣтомъ истины, и призываетъ къ содѣйствію себѣ всѣхъ честныхъ людей, то есть любитъ правду.

По мѣрѣ своихъ силъ, въ кругу дѣйствія, ему предназначенномъ, „Военный Сборникъ“ усердно служилъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя Императора. Противники намѣреній Государя не могли не чувствовать вражды и къ нему, какъ враждуютъ они противъ всякой правды. Средствомъ въ этой враждѣ послужило имъ, какъ всегда, недобросовѣстное искаженіе фактовъ.

Мы подробно рассмотримъ докладъ полковника Штюмера, обвиняющій всю русскую литературу въ стремленіи унизить честь Русской Арміи (какъ будто бы русская публика, вся масса которой состоитъ изъ людей, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ Арміи, или имѣющихъ родственниками офицеровъ, могла потерпѣть въ литературѣ подобное стремленіе), особенно обвиняющій въ этомъ направленіи „Военный Сборникъ“, какъ будто бы онъ издается не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства одного изъ корпусовъ русской Арміи, какъ будто бы изъ трехъ его редакторовъ два не принадлежатъ къ офицерамъ Русской Арміи, какъ будто бы всѣ статьи этого изданія *) написаны не офицерами Русской Арміи, какъ будто бы 5,800 человекъ **) офицеровъ Русской Арміи могли сочувствовать изданію, когда бы оно не служило къ чести Русской Арміи.

Г. военный цензоръ самъ признается въ своемъ докладѣ, что „не получаетъ постоянно никакихъ журналовъ“, слѣдовательно не имѣетъ привычки къ чтенію. Это признаніе одно только и могло объяснить для насъ характеръ его доклада, который иначе былъ бы непостижимъ. Человеку, мало читавшему, натурально не имѣть понятій о томъ, какимъ тономъ долженъ говорить о литературѣ судья, который не хочетъ компрометировать своей умственной репутаціи.

Въ началѣ доклада г. военный цензоръ говоритъ объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на него его должностію; какъ понимаетъ онъ эти обязанности,

*) За исключеніемъ только двухъ, имѣющихъ чисто историческое содержаніе и относящихся къ отдаленной старинѣ.

**) Изъ 6,000 экземпляровъ „Военнаго Сборника“, расхившихся въ нынѣшнемъ году, менѣе двухъ сотъ получались лицами не военнаго сословія; остальные болѣе нежели 5,800 экземпляровъ выписывались офицерами.

мы рассмотрим ниже, а прежде всего замѣтимъ, что кромѣ частныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на того или другаго должностнаго человѣка его особеннымъ званіемъ, на всѣхъ вообще служащихъ Правительству лежитъ одна общая обязанность: не компрометировать Правительство своими дѣйствіями.

Ничѣмъ Правительство не компрометируется такъ опасно, какъ совѣтами невѣжественными. Невѣжество подвергается смѣху *).

Послѣ этихъ замѣчаній, займемся разборомъ мнѣній г. докладчика.

Онъ говоритъ, что военно-ценсурныя правила начинаются слѣдующими двумя параграфами: „1) Недопускать къ напечатанію ничего оскорбительнаго для чести Русскаго войска. 2) Недопускать никакихъ нападокъ, ни насмѣшекъ на счетъ какой-либо части нашихъ войскъ или Корпуса Офицеровъ“.

Чтобы умѣть охранять эти правила, надобно, прежде всего, умѣть понимать честь.

Честь каждаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы не обнаруживать преступнаго потворства недостойнымъ своимъ сочленамъ и сочувствовать всему тому, что пужно для достиженія цѣли, предназначенной этому сословію государственнымъ устройствомъ и желаніями Правительства. Русская Армія хорошо понимаетъ это и ставитъ себѣ за честь радоваться всему, что ведетъ къ искорененію въ ея рядахъ невѣжества и недобросовѣстности. Она понимаетъ, что каждое многочисленное сословіе заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей, достойныхъ порицанія, что честь сословія требуетъ не прикрывать ихъ и не потворствовать имъ, а стараться исправить ихъ.

Необходимымъ средствомъ къ тому все образованные люди считаютъ литературное изобличеніе недобросовѣстности и пороковъ, потому русская Армія съ одобреніемъ принимаетъ статьи, способствующія совершенному очищенію ея отъ недостатковъ. По собственному опыту, редакция „Военнаго Сборника“ убѣдилась въ томъ. Но г. военный цензоръ понимаетъ честь не такъ, какъ понимаетъ ее огромное большинство офицеровъ русской Арміи, онъ недоволенъ, онъ находитъ предосудительнымъ для чести русской Арміи направленіе „Военнаго Сборника“.

О направленіи „Военнаго Сборника“ каждый можетъ судить сообразно развитости своимъ понятіямъ. Но какъ бы ни судилъ кто, не долженъ упускать онъ изъ виду одного факта: направленіе „Военнаго Сборника“ придано этому изданію не редакціею, не начальствомъ Гвардейскаго Штаба, а самими офицерами русской Арміи. Тотъ, кто осуждаетъ это направленіе, не долженъ забывать, что онъ идетъ противъ чувствъ огромнаго большинства русскихъ офицеровъ. Дѣло это извѣстно всѣмъ, кто слѣдитъ за литературою. Полковнику Штюрмеру оно не было извѣстно только потому, что онъ по собственному признанію, оставался чуждъ литературнаго движенія.

Редакция, изъ множества получаемыхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію въ ихъ направленіи, а единственно

*) Противъ этого мѣста имѣется слѣдующая помѣтка Военнаго министра: „въ журнальной статьѣ это могло бы быть допущено, но не здѣсь“.

по степени ихъ занимательности, дѣльности и достоинству изложенія. Относительно направленія, выборъ былъ невозможенъ, потому что рѣшительно всѣ безъ исключенія статьи были проникнуты одинаковымъ направленіемъ. Даже полковникъ Штюмеръ не могъ не замѣтить этого: въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, приложенной къ докладу о направленіи литературы вообще, онъ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя, одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая козачьимъ, и помѣщенные въ первой книжкѣ „Сборника“, „заслуживаютъ особаго вниманія (собственные слова полковника Штюмера), съ одной стороны, по важности разсматриваемыхъ предметовъ и повидимому сходству, почти тождественности взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято неопытнымъ читателемъ за гласъ большинства всей арміи“.

Если бы полковникъ Штюмеръ самъ былъ опытнымъ судьей въ литературныхъ дѣлахъ, то онъ понималъ бы, что, написавъ эти слова, онъ безвозвратно осуждаетъ самъ себя. Чтò говоритъ онъ этими словами? Онъ говоритъ, что четыре офицера, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ войскъ, думаютъ о положеніи нашей Арміи, ея потребностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, совершенно одинаково. Редакція можетъ прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи: одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ районѣ расположенія Первой Арміи. Взгляды этихъ людей, невидѣвшихъ другъ друга въ лицо, сходны, по словамъ полковника Штюмера, до тождественности. Еслибъ ихъ мысли были ихъ личными частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и тоже. Ясно, что каждый изъ нихъ выражаетъ общее мнѣніе, одинаковое во всѣхъ частяхъ войскъ. Сходство простирается до того, что полковникъ Штюмеръ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей одну отъ другой, и въ своей запискѣ разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ будто одну статью. Да и какъ мнѣнію, выражаемому этими четырьмя статьями, не быть одинакову во всѣхъ частяхъ арміи, когда во всѣхъ частяхъ происходитъ одно и тоже, когда въ одно и тоже время Правительство получаетъ извѣстія объ одинаковыхъ злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и Балашовѣ? Если бы полковникъ Штюмеръ понималъ значеніе того, что самъ говоритъ, онъ, или не написалъ бы этихъ словъ, или зналъ бы, что, написавъ ихъ, онъ самъ себя опровергъ, или чувствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, что, послѣ этихъ словъ, осуждая „Военный Сборникъ“, онъ осуждаетъ большинство офицеровъ русской Арміи. Вѣдь онъ самъ прибавляетъ, что впечатлѣніе, производимое сходствомъ осуждаемыхъ имъ статей, представляетъ ихъ за „голосъ большинства всей Арміи“; въ другомъ мѣстѣ своей записки о „Военномъ Сборникѣ“, онъ положительно говоритъ, что направленіе осуждаемаго имъ журнала пользуется сочувствіемъ въ Арміи.

Надобно ли объяснять послѣ этого, чтò такое дѣлаютъ люди, возбуждающіе Правительство противъ статей, служащихъ выраженіемъ мнѣній большинства офицеровъ русской Арміи и награждаемыхъ, по собственному

признанію этихъ людей, сочувствіемъ всей Арміи? Понимаетъ ли полковникъ Штюмеръ, что онъ дѣлаетъ, желая возбудить неудовольствіе Правительства противъ чувствъ всего сословія офицеровъ русской Арміи? И чѣмъ заслужило сословіе нашихъ офицеровъ этотъ гнѣвъ? Развѣ тѣмъ, что хочетъ быть еще лучшимъ, нежели каково оно теперь? Или тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ полковника Штюмера, „офицеры нашей арміи принесли, въ недавнее время, Престолу и отечеству столько благородныхъ жертвъ, которыхъ прахъ еще не остылъ и раны еще не закрылись“?

Если понятіе чести, доступное даже малообразованнымъ людямъ, представляется полковнику Штюмеру въ такомъ странномъ видѣ, что все сословіе нашихъ офицеровъ онъ обвиняетъ въ нарушеніи перваго параграфа военно-ценсурныхъ правилъ, охраняющаго честь Арміи, то еще менѣе способенъ онъ понимать второй параграфъ этихъ правилъ, охраняющій отдѣльныя части войска и корпусъ офицеровъ отъ нападковъ и насмѣшекъ: понятіе нападковъ и насмѣшекъ, свойственное только образованному обществу, конечно, не можетъ быть доступно человѣку, который, по собственному признанію, незнакомъ съ литературою, составляющею одну изъ необходимыхъ принадлежностей образованнаго общества.

Смыслъ втораго параграфа ясенъ для человѣка сколько-нибудь развитаго умственно. Первымъ параграфомъ военно-ценсурныхъ правилъ охраняется честь всей Арміи; второй параграфъ охраняетъ честь каждой отдѣльной части войска и корпуса офицеровъ въ особенности. Говоря о нападкахъ и насмѣшкахъ, второй параграфъ военно-ценсурныхъ правилъ, конечно, разумѣетъ нападки и насмѣшки предосудительныя для чести того или другаго рода войскъ и корпуса офицеровъ: это видно изъ соображенія его съ первымъ параграфомъ.

Но кромѣ насмѣшекъ, оскорбительныхъ для части, есть невинная шутка, надъ которою въ образованномъ обществѣ весело хохочетъ первый тотъ самый, къ кому она относится. Извѣстно, что человѣкъ умственно неразвитый не понимаетъ разницы между этою шуткою и оскорбительною для чести насмѣшкою. Онъ становится смѣшонъ или отвратителенъ, оскорбляясь тѣмъ, что ни мало не оскорбительно.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ полковникъ Штюмеръ второй параграфъ военно-ценсурныхъ правилъ и чего требуетъ онъ отъ нашихъ офицеровъ. Вотъ его собственныя слова: „Когда, въ недавнемъ времени, „фельетонистъ Де-Пеннъ позволилъ себѣ упомянуть о подпоручикахъ, которые къ ущербу дамскихъ нарядовъ являются на балы въ мундирѣ“ (дѣло шло вовсе не о мундирѣ), „то хотя статья его и не заключала „повидимому ничего лично оскорбительнаго, однакожъ порицаніе носить „мундиръ въ обществѣ показалось военнымъ людямъ обиднымъ. Не одни „только подпоручики“, (нѣтъ, они одни) „все офицерское сословіе признало „себя оскорбленнымъ, и офицеры разныхъ чиновъ“ (нѣтъ, только одни подпоручики), „разныхъ командъ и изъ разныхъ городовъ потребовали удовлетворенія отъ редакціи журнала. Можетъ быть они обнаружили въ этомъ „случаѣ излишнюю щекотливость, можно также упрекнуть дравшихся подпоручиковъ въ неблагородномъ окончаніи дуэли съ Пенномъ, но за всѣмъ

„тѣмъ, надобно согласиться, что первоначальный порывъ негодованія офицеровъ произошелъ изъ понятія объ оскорбленіи ихъ званія и что это „сильно развитое чувство чести составляетъ главнѣйшую долю нравственной „силы французской арміи. Изъ этого наконецъ видно, въ какой степени „необходимо цѣнить это чувство въ арміи и охранять отъ незаслуженныхъ „нападковъ“.

Полковникъ Штюмеръ хвалитъ поведеніе французскихъ подпоручиковъ въ исторіи съ фельетонистомъ Пенонъ. Надобно изложить эту исторію, чтобы видѣть, какія понятія о чести офицера имѣетъ полковникъ Штюмеръ. Рассказывая въ забавномъ видѣ о какомъ-то балѣ и подсмѣиваясь надъ всѣми лицами, тутъ бывшими, Пенъ сказалъ, между прочимъ, что былъ на балѣ одинъ подпоручикъ, который плохо умѣлъ танцевать и по неловкости разорвалъ шпорою платье дамы, съ которою танцевалъ. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ подпоручикъ, были выдуманы. Кажется, тутъ не было обиды никому, но французскіе подпоручики обидѣлись. Такой гнѣвъ былъ бы непонятенъ, если бы не знали мы о томъ, какое мѣсто занимаютъ въ обществѣ французскіе офицеры (кромѣ офицеровъ специальныхъ родовъ оружія). Они составляютъ не самое уважаемое, какъ у насъ, сословіе, а напротивъ наименѣе уважаемое. Это незавидное положеніе зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, между прочимъ отъ того, что молодые люди хорошихъ фамилій или зажиточнаго состоянія почти никогда не избираютъ военной карьеры во Франціи: сословіе пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ пополняется въ этой странѣ такими людьми, которые у насъ служатъ канцеляристами въ земскихъ и уѣздныхъ судахъ. Не получивъ рѣшительно никакого воспитанія, они не умѣютъ держать себя въ свѣтскомъ обществѣ. Можетъ ли благовоспитанный человѣкъ принимать въ обиду шутки надъ неловкостью его манеръ? Онъ чувствуетъ, что сдѣлался бы черезъ это смѣшнымъ и пошлымъ; онъ знаетъ, что ему слѣдуетъ первому отъ души смѣяться при этихъ шуткахъ, и дѣйствительно смѣется отъ души, понимая, что ловкость или неловкость манеръ не высмѣетъ и не унижаетъ его чести. Французскіе подпоручики, обидѣвшіеся шуткою Пена, только выказали себя людьми дѣйствительно неблаговоспитанными и смѣшными.

Но тѣмъ не кончилось дѣло: этихъ обиженныхъ собралась цѣлая ватага и всѣ они послали вызовъ Пену драться поочередно съ каждымъ изъ нихъ. Если цѣлое общество считаетъ нужнымъ загладить посредствомъ дуэли оскорбленіе, нанесенное ему отдѣльнымъ лицомъ, то между порядочными людьми принято за правило, чтобы это общество выбирало отъ себя одного, такъ сказать, депутата, который бы дрался одинъ отъ имени всѣхъ. Нарушивъ это правило, подпоручики, составившіе ватагу, показали себя людьми не только неблаговоспитанными и смѣшными, но и неблагородными.

И этого мало. Первымъ поставили они драться противъ Пена такого офицера, который служилъ учителемъ фехтованія. Они хотѣли навѣрняка убить Пена какъ трактирные герои во фризскихъ шинеляхъ навѣрняка обыгрываютъ купеческихъ сынковъ на бильярдѣ. Они выставили человѣка, который навѣрняка долженъ былъ убить Пена, такъ чтобы до нихъ не дошла и

очередь драться, а между тѣмъ каждый изъ нихъ хвастался своимъ вызовомъ. Это было уже поступкомъ не просто людей смѣшныхъ, неблаговоспитанныхъ и не совсѣмъ порядочныхъ, но прямо дѣломъ низкихъ, трусливыхъ хвастуновъ, дѣлающихъ подлость. Мы увѣрены, что въ цѣлой нашей Арміи не найдется ни одного офицера, который бы согласился участвовать въ подобной подлой штуцѣ, а во французской арміи такихъ подпоручиковъ сошлись цѣлые десятки.

И этого всего мало. Низкій бандитъ, избранный отъ цѣлой ватаги, чтобы навѣрняка зарѣзать человѣка, плохо владѣвшаго шпагой, не успѣлъ первымъ ударомъ зарѣзать его: рана была не смертельна; однако же, была такъ тяжела, что Пенъ выпустилъ изъ рукъ шпагу и зашатался, падая. Въ эту минуту господинъ учитель фехтованія, прицѣпившись хорошенько, воткнулъ шпагу въ грудь обезоруженнаго, падающаго противника и проткнулъ его насквозь. Въ нашей арміи, слава Богу, не бывало еще примѣра, чтобы офицеръ совершилъ подобную гнусность. Но если бы она совершилась, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ до одного офицеры того полка, къ которому принадлежалъ бы негодяй, потребовали бы, чтобы онъ снялъ мундиръ имъ обезчещенный, потребовали бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ преданъ военному суду, подвергнуть позорнѣйшему наказанію, чтобы надъ его головой была сломана шпага, которую онъ осквернилъ. Ватага французскихъ подпоручиковъ напротивъ того, осыпала своего достойнаго сотоварища выраженіями признательности.

И чувства этихъ-то людей осмѣливается полковникъ Штюрмеръ ставить въ примѣръ нашимъ офицерамъ! Онъ не понималъ, какъ подлѣ, какъ гнусенъ поступокъ, выставляемый имъ за примѣръ для подражанія русскимъ офицерамъ. Такимъ ли людямъ, которые не знаютъ различія между чувствомъ чести и гнуснѣйшею подлостью, такимъ ли людямъ охранять честь Русской Арміи? Имъ ли учить кого бы то ни было пониманію чести?

Полковникъ Штюрмеръ конечно также не зналъ о послѣдствіяхъ поступка, заслужившаго отъ него похвалу. Онъ не зналъ, что въ цѣлой Европѣ, отъ Португаліи до Россіи, поступокъ французскихъ подпоручиковъ возбудилъ негодованіе и уронилъ честь французской арміи. Неужели онъ хочетъ, чтобы нашихъ офицеровъ презирала вся Европа?

Но вѣтъ, мы забываемъ, что онъ извиняется незнаніемъ и непониманіемъ; онъ просто хотѣлъ похвалить французскую армію, — намѣреніе доброе, только случай къ похвалѣ выбранъ неудачно.

Можетъ быть, не совсѣмъ удачна и вообще его мысль ставить французскую армію примѣромъ для русской въ дѣлахъ чести *). Первый долгъ чести для арміи — вѣрность правительству. Что же дѣлала французская армія въ послѣднія тридцать лѣтъ? Она измѣнила Людовику XVI въ 1792 году, она измѣнила директоріи въ 1797 году, она измѣнила Наполеону I въ

*) Противъ этого мѣста имѣется слѣдующая помѣтка Военнаго министра: „здѣсь редакторъ впадаетъ въ ту же ошибку, въ которой обвиняетъ Г. Штюрмера, т.-е. осуждаетъ цѣлую Французскую Армію за дѣйствія нѣсколькихъ подпоручиковъ. Все это не можетъ быть здѣсь допущено. Это должно быть рассказано безъ браги и обвиненій цѣлой арміи.“

1815 году, она измѣнила въ 1830 году Бурбонамъ, она измѣнила въ 1848 году Людовику Филиппу, она измѣнила своимъ генераламъ, возмущившись противъ нихъ 2 декабря 1851 года, она теперь готовится измѣнить Наполеону III: подъ Севастополемъ она уже кричала „*vive la république!*“ Она храбра на полѣ битвы, но она при каждой смутѣ покрывала себя безчестіемъ въ Парижѣ. Каждый разъ она звѣрски рѣзала стариковъ и женщинъ при началѣ народнаго волненія, и каждый разъ, какъ только волненіе усиливалось, покидала свои знамена и фратернизировала съ мятежниками. Это ли чувство чести, которое ставятъ въ примѣръ русской арміи противники „Военнаго Сборника“?

Разсмотрѣвъ, изъ какихъ понятій о чести вытекають мнѣнія полковника Штюмера относительно обязанностей военной цензуры, мы рассмотримъ теперь, до какой степени знакомъ онъ съ ценсурнымъ уставомъ.

Онъ начинается обвиненіемъ гражданской цензуры за то, что она не присылала на разсмотрѣніе военнаго цензора двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Современникъ“, а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ которыхъ между множествомъ дѣйствующихъ лицъ разныхъ званій представлены два или три лица военнаго сословія. Мы не обязаны защищать гражданскую цензуру. Но мы должны разсмотрѣть мнѣніе полковника Штюмера о ея обязанностяхъ, чтобы видѣть, знаетъ ли онъ ценсурный уставъ. Онъ полагаетъ, что гражданская цензура обязана присылать военному цензору каждую повѣсть, въ которой, хотя мимоходомъ, являются лица военнаго сословія. (Въ двухъ повѣстяхъ, на которыя указываетъ полковникъ Штюмеръ, военныя лица являются только мимоходомъ). Сообразно такому понятію, если въ повѣсти, хотя мимоходомъ, является купецъ, она должна быть препровождаема изъ гражданской цензуры въ департаментъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, занимающійся городскими дѣлами. Если являются государственный, удѣльный и дворцовый крестьяне, повѣсть должна перебивать поочередно въ Министерствахъ: Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Императорскаго Двора.

Полковнику Штюмеру, какъ видно изъ его претензіи, неизвѣстны первыя основанія нашего ценсурнаго устройства. Общая цензура должна передавать на разсмотрѣніе частной цензуры того или другого вѣдомства только тѣ статьи, которыя касаются какихъ-нибудь административныхъ или законодательныхъ вопросовъ по этому вѣдомству. Если бы каждое упоминаніе о лицѣ какого-нибудь званія вело къ посылкѣ статьи на разсмотрѣніе того вѣдомства, которому подчинено это званіе, каждая повѣсть должна была бы два три года бродить по десяткамъ различныхъ вѣдомствъ, потому что въ каждой выводится много лицъ самыхъ разнородныхъ званій.

Если претензія полковника Штюмера на гражданскую цензуру за неприсылку на его разсмотрѣніе повѣстей, которыхъ гражданская цензура и не должна была присылать къ нему, доказываетъ незнакомство его съ главными основаніями Ценсурнаго Устава, то рассказъ его о содержаніи этихъ повѣстей обнаруживаетъ совершенную непривычку къ чтенію и пониманію литературныхъ произведеній.

Но вотъ отъ литературныхъ журналовъ полковникъ Штюмеръ пере-

ходить къ „Военному Сборнику“: тутъ мы должны быть внимательнѣе чтобы видѣть степень его добросовѣстности. Вотъ его подлинныя слова: „Въ июньской книжкѣ Военнаго Сборника помѣщено весьма неутѣшительное для „военныхъ людей открытіе, что служба офицера безцвѣтна, скучна не представляетъ никакой пищи для ума, и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ „пьянству“.

На какихъ страницахъ июньской книжки „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюмеръ нашелъ это открытіе? Вотъ на какихъ. Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ армейской пѣхотѣ, говоритъ, что когда онъ стоялъ со своимъ взводомъ одинъ въ деревнѣ, то ему было очень скучно, потому что помѣщиковъ кругомъ не было, а товарищи, по расположенію полка на просторныхъ квартирахъ, стояли очень далеко отъ этой деревни, и что ему прекраснымъ развлеченіемъ послужила охота. Онъ совѣтуетъ испробовать это развлеченіе тѣмъ офицерамъ, которые подобно ему живутъ разбросанно и поодионокѣ на просторныхъ квартирахъ, и предлагаетъ свои совѣты о томъ, какъ обзавестись ружьемъ и собакою для охоты; потомъ говоритъ, что солдаты также съ удовольствіемъ занимаются охотою, и если офицеръ при расположеніи на просторныхъ квартирахъ позволить имъ иногда, въ свободное время, это развлеченіе, то оно будетъ полезно и для здоровья солдатъ и для самой службы, потому что солдаты приучатся къ вѣрной стрѣльбѣ.

Мы просимъ прочесть всю эту небольшую статейку въ подлинникѣ *), чтобы убѣдиться, какъ она невинна. Впрочемъ, и по самому содержанію ея уже легко отгадать, что статья эта написана совершенно спокойнымъ тономъ, съ теплымъ сочувствіемъ къ армейскому офицеру, съ единственнымъ желаніемъ нѣкоторой пользы и этому офицеру и самой службѣ. Но полковникъ Штюмеръ набралъ прилагательныхъ именъ съ разныхъ страницъ, прибавилъ нѣсколько существительныхъ собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ, слово „пьянство“, — этого слова нѣтъ въ статьѣ); замѣнилъ другія выраженія автора фразами собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ: „Служба офицера не представляетъ никакой пищи для ума“, — этой фразы нѣтъ въ цѣлой статьѣ), приписалъ свое изобрѣтеніе автору статьи и такимъ образомъ сдѣлалъ „открытіе“, присочинивъ еще, будто бы авторъ говорилъ вообще о службѣ офицера, между тѣмъ какъ авторъ говорилъ только о случаяхъ одинокой жизни офицера, которому пришлось стоять одному вдаль отъ всѣхъ товарищей. Эта недобросовѣстность превосходитъ всякое вѣроятіе.

Далѣе полковникъ Штюмеръ осуждаетъ два отрывка изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“, искажая приводимые отрывки по тому же способу. Полковникъ Штюмеръ не хотѣлъ замѣтить, что первый изъ приводимыхъ имъ отрывковъ принадлежитъ не „Военному Сборнику“, а „Морскому Сборнику“, изъ котораго перепечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мнѣніе полковника Штюмера о предметахъ чести расходится съ мнѣніемъ морского начальства, издаю-

*) Ружейная охота въ примѣненіи къ военному дѣлу и военной жизни. „Военный Сборникъ“ № 2-й.

паго „Морской Сборникъ“, и съ понятіями самого Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, принимающаго столь близкое участіе въ этомъ изданіи. Вторая же изъ статей, безчестящихъ по мнѣнію полковника Штюмерера русскую армію, есть „Голосъ изъ Арміи“, — статья, одобренная къ печатанію самимъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, о чемъ хранится въ редакціи „Военнаго Сборника“ письменное засвидѣтельство. Замѣтимъ, что эта статья („Голосъ изъ Арміи“) болѣе всѣхъ другихъ статей доставила полковнику Штюмеру матеріаловъ для его особенной записки о „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мысли, одобренныя Государемъ Императоромъ, наиболѣе безчестятъ, по мнѣнію полковника Штюмерера, Русскую Армію. Какимъ путемъ дерзкихъ искаженій достигъ онъ до такого ужаснаго результата, совершенно раскрывается сличеніемъ его записки о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ „Военнаго Сборника“. Подобнымъ образомъ онъ искажаетъ и статьи другихъ журналовъ, имъ упоминаемыхъ, и заканчиваетъ свои добросовѣстные выписки слѣдующимъ заключеніемъ:

„Такимъ образомъ, русская публика, въ послѣдніе три мѣсяца, освѣдомилась изъ трехъ лучшихъ журналовъ (Современникъ, Отечественныя Записки и Военный Сборникъ), что офицеры нашей Арміи невѣжды, пьяницы и воры!...“

Это клевета на гражданскую цензуру, которая никакимъ образомъ не позволила бы выражаться о русскихъ офицерахъ столь площадными словами. Полковнику Штюмеру позволительно предпологать, что подобная клевета не покажется неправдоподобною: онъ не знаетъ Ценсурнаго Устава. Въ „Военномъ Сборникѣ“ ни разу не употреблены эти грязныя слова. Можно ручаться за то, что не найдется ихъ и ни въ какомъ русскомъ журналѣ. Если называть русскихъ офицеровъ невѣждами, пьяницами и ворами, значить „стремиться къ униженію и представленію на поруганіе военной службы“, какъ говоритъ далѣе полковникъ Штюмеръ, то это стремленіе принадлежитъ исключительно одному полковнику Штюмеру, который первый и одинъ отважился сочетать эти слова съ словомъ Русскій Офицеръ.

Способъ передачи литературныхъ произведеній полковникомъ Штюмеромъ напоминаетъ извѣстный рассказъ деньщика о томъ, какую „комедію“ видѣлъ онъ въ театрѣ *): „Дѣвушка, красивая изъ себя такая, завела шашни съ чернымъ такимъ генераломъ; генераль-то мужчина ужъ въ лѣтахъ, однако такой видный и здоровый; извѣстно, убѣжала къ нему отъ отца. Нашли ее черезъ полицію, привели въ кварталъ; отецъ ее принялся ругать; а она ему, безстыдница, прямо въ глаза говоритъ: „я съ моимъ чернымъ по любви живу, съ нимъ связь имѣю“. Нечего дѣлать, надо стыдъ прикрыть, повѣнчали. Только вотъ, долго ли, коротко ли, завелся у чернаго-то генерала адъютантъ, молодой такой, ловкій, да и подѣхалъ къ генеральской женѣ, чтобы себѣ мѣсто хорошее черезъ нее получить. Она съ дуру-то и попроси мужа за своего любовника, а сама любовнику подарила платокъ мужпннъ. Генераль-то какъ увидѣлъ свой платокъ у любовника, догадался; ну. и

*) Противъ этого мѣста имѣется помѣтка Военнаго министра: „полагая выпустить“.

добрые люди то же ему рассказали. Онъ говоритъ: когда дѣвическаго своего стыда не сберегла со мной, такъ и мужнина стыда, извѣстно не сбережетъ. Возьми генераль, да и удупи жену,—въ пьяномъ видѣ былъ; ну, а какъ хмѣль-то прошелъ, онъ видитъ, плохо дѣло, самому въ Сибирь идти, за смертоубійство то-есть; ну, наложилъ на себя руки“.

Такъ одинъ изъ посѣтителей театра понялъ и пересказалъ содержаніе „Отелло“. Точно также полковникъ Штюмеръ передаетъ содержаніе тѣхъ немногихъ повѣстей и статей, которыя удалось ему прочесть.

Нѣтъ сомнѣній, что человѣкъ съ подобнымъ развитіемъ и подобною добросовѣстностью совершенно способенъ понимать условія, при которыхъ литература можетъ существовать и приносить пользу. Онъ начинаетъ философствовать объ эстетикѣ и греческой мифологіи, начинаетъ законодательствовать въ литературѣ. Утвердившись на такихъ основаніяхъ, онъ начинаетъ давать совѣты литературѣ *).

Онъ говоритъ, во первыхъ, что литература „должна преслѣдовать только тѣ пороки и недостатки, которые дѣйствительно существуютъ, и представлять типы, дѣйствительно взятые изъ среды общества“; но именно такъ и дѣйствуетъ русская литература. Всѣ повѣсти и статьи, на которыя онъ нападаетъ, могутъ служить тому примѣромъ. Въ одной изъ нихъ („Внукъ русскаго милліонера“) изображается, какимъ образомъ богатый купеческій сыночекъ проматываетъ наслѣдство, доставшееся ему послѣ дѣда,—развѣ этотъ типъ не дѣйствительно взятъ изъ среды общества? Что другая повѣсть или, точнѣе говоря, романъ („Тысяча душъ“), вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь нашихъ губернскихъ городовъ, это рѣшено всею русскою публикою, которая съ громкимъ одобреніемъ приняла превосходный романъ одного изъ первыхъ писателей нашего времени. О томъ, скучно ли жить одному въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ товарищей (первая изъ статей Военнаго Сборника, осуждаемыхъ полковникомъ Штюмеромъ), можетъ сказать каждый армейскій офицеръ. О томъ, выдуманные ли факты изображены въ отрывкѣ изъ „Морскаго Сборника“, который также осуждается полковникомъ Штюмеромъ, можетъ свидѣтельствовать Морское начальство. Взятые ли изъ дѣйствительности факты, изображаемые въ третьей статьѣ („Голосъ изъ арміи“) благоволилъ рѣшить самъ Государь Императоръ, удостоившій своего одобренія эту статью, особенно осуждаемую полковникомъ Штюмеромъ.

Итакъ, вѣрны ли дѣйствительности, правдивы ли тѣ статьи, которыя осуждаются полковникомъ Штюмеромъ? Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Вторымъ правиломъ для литературы, полковникъ Штюмеръ ставитъ: „Не представлять явленіями общими тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые составляютъ случаи частные, встрѣчающіеся рѣдко“. Нельзя не улыбнуться, видя, что эта мысль, относящаяся къ дарованію, а вовсе не къ направленію беллетриста, ставится полковникомъ Штюмеромъ за общее правило для всей литературы. Беллетристъ талантливый всегда изображаетъ такіе типы, которые не составляютъ случаевъ частныхъ, а принадлежать

*) Противъ этого мѣста имѣется помѣтка Военнаго министра: „ругательства“.

къ характеристическимъ чертамъ общественной жизни; писатель безъ таланта никакъ не умѣетъ достичь этого. Итакъ, полковникъ Штюрмеръ ставитъ въ обязанность ценсурѣ запрещать все написанное беллетристами мало-талантливыми. Къ чему такое жестокосердіе къ людямъ и безъ того уже обиженнымъ природою? Не лучше ли согласиться съ ценсурнымъ уставомъ, который предписываетъ ценсурѣ судить о направленіи писателя, предоставляя уже публикѣ разбирать, сколько таланта имѣетъ писатель. Но забавнѣе всего, что эстетическое качество, возводимое полковникомъ Штюрмеромъ на степень ценсурнаго правила, можетъ относиться только къ беллетристикѣ, а полковникъ Штюрмеръ хочетъ поставить его закономъ для всѣхъ отраслей литературы. Какимъ образомъ, напримѣръ, составить хотя бы статью о войнѣ 1812 года, если литературѣ не слѣдуетъ изображать „случаевъ частныхъ, встрѣчающихся рѣдко?“ Вѣдь каждое историческое событіе происходило только одинъ разъ, составляетъ частный случай.

Послѣднее изъ своихъ правилъ полковникъ Штюрмеръ излагаетъ въ такомъ странномъ видѣ, что одна фраза его прямо противорѣчитъ другой. Вотъ начало: „Въ отношеніи пороковъ и злоупотребленій, караемыхъ законами, достаточно, чтобы законы исполнялись; а потому, литературѣ остается только представлять на судъ публики всю гнусность зла“. Эти слова означаютъ, что литература должна обличать зло, караемое закономъ. Прекрасно; но что далѣе? „Нерѣдко случается также, что подробныя описанія злоупотребленій научаютъ плутовъ тому, чего они еще не знали“. Стало быть литература должна скрывать зло? И какая вѣрная мысль: плуты научаются плутовать изъ литературныхъ разсказовъ, карающихъ плутовство! Послѣ этого воры не научаются ли воровать изъ Уложенія о преступленіяхъ? Иной воръ, напримѣръ, занимался простымъ воровствомъ: но вотъ онъ прочелъ въ Уложеніи о преступленіяхъ, что другіе занимаются воровствомъ со взломомъ, и самъ принимается производить воровство со взломомъ. А другой прочтетъ въ томъ же Уложеніи статью объ изнасилованіи малолѣтнихъ дѣвушекъ, подумаетъ про себя: „такъ вотъ что, значить, возможно насиловать малолѣтнихъ дѣвушекъ!“ и тотчасъ же изнасилуетъ какую-нибудь несчастную дѣвочку.

Составивъ общія правила, онъ занимается далѣе примѣненіемъ ихъ къ военному сословію.

„Военное сословіе составляетъ, какъ и всѣ другія, часть народа. Оно имѣетъ какъ общія, какъ и свои собственныя страсти, недостатки и пороки. Оно не лучше и не хуже другихъ сословій и подлежитъ наравнѣ съ прочими литературному представленію дурной стороны ума и сердца“.

Справедливо. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же хлопотать, зачѣмъ говорить, что честь военнаго званія унижается, когда оно подвергается литературному изображенію точно въ такой же степени какъ прочія сословія, которыя нимало не принимаютъ за оскорбленіе своей чести такія изображенія?

Но, продолжаетъ полковникъ Штюрмеръ, при этомъ не должно однакожь забывать, что военное званіе „основано главнѣйше на сознаніи и охраненіи чести cadaго лица отдѣльно, каждой отдѣльной части войскъ и всей

„арміи. Безъ глубокаго чувства чести прочія военныя доблести почти не-
 „возможны; онѣ, какъ бы листы великолѣпнаго древа воинской славы—вы-
 „растаютъ всѣ изъ двухъ корней: присяги и чести“. Прекрасная картина!
 Жаль одного: листья на деревьяхъ вырастаютъ не изъ корней, а изъ вѣтвей,
 вѣтви изъ ствола, и уже стволъ изъ корня. Но продолжаемъ слушать
 полковника Штюмерера: „Въ каждой арміи, говоритъ онъ, могутъ быть
 „хвастуны, лгуны, жестокосердые, хитрецы, скупые и даже безнравственные
 „офицеры; но объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п.
 „говорить нечего,—ибо еслибъ такой офицеръ встрѣтился, то онъ по закону
 „исключается изъ службы“. Но законъ также исключаетъ изъ гражданской
 службы взяточниковъ, слѣдовательно и о нихъ также нечего говорить?
 Боже мой! именно о томъ-то и говорится, исполняется ли законъ?—это во-
 первыхъ. А во-вторыхъ, въ цѣлой Россіи одинъ только полковникъ Штю-
 меръ осмѣливается говорить объ офицерахъ „плутахъ, пьяницахъ, трусахъ,
 „ворахъ и т. п.“. Никто другой не употребляетъ такихъ грязныхъ словъ.
 Но слушаемъ далѣе. „Представлять такого рода типы есть' тоже самое,
 „что говорить о сфинксахъ или центаврахъ“. Мысль полковника Штю-
 мера имѣетъ сильную склонность къ сфинксамъ, которые растерзываютъ не-
 винныхъ людей. Она уже не въ первый разъ склоняется къ этимъ чудови-
 щамъ. Излагая свое первое правило, полковникъ Штюмеръ уже говорилъ,
 что литература не должна представлять „страсти и злодѣянія сфинксовъ,
 „центавровъ и сильфидъ“. За что такъ беречь чудовищъ? Но слушаемъ
 далѣе.

„Въ Германіи, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ литературная
 „письменность часто употреблялась во зло, никто не осмѣлится представить
 „позорную картину офицера“. Будто бы въ самомъ дѣлѣ французскіе, нѣ-
 мецкіе и англійскіе романы и повѣсти не осмѣливаются изображать фран-
 цузскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ съ невыгодной стороны?
 Изъ этого видно, что полковникъ Штюмеръ знаетъ иностранныя литера-
 туры не такъ хорошо, какъ Ценсурный Уставъ.

„Гдѣ не имѣется цензуры (продолжаетъ онъ), тамъ существуютъ обыкно-
 „венно особыя законы, ограждающіе военное сословіе отъ печатныхъ напад-
 „ковъ и оскорбленій“. Гдѣ же это существуютъ такіе особенные законы!
 Ни въ одномъ изъ государствъ Западной Европы ихъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ
 такихъ законовъ, продолжаетъ онъ, тамъ офицеры сами должны защищать
 себя; и въ примѣръ всѣмъ офицерамъ Русской Арміи приводитъ дуэль фран-
 цузскихъ подпоручиковъ съ Пэнномъ. Мы уже разбирали эту исторію, кото-
 рая служитъ представительницею понятій полковника Штюмерера о чести.
 Такъ вотъ чего онъ хочетъ: онъ хочетъ, чтобы русскіе офицеры, подобно
 нѣкоторымъ французскимъ подпоручикамъ, обижались тѣмъ, въ чемъ нѣтъ
 ничего обиднаго, и сами себя дѣлали смѣшными такой щепетильностью. Онъ
 хочетъ, чтобы офицеры Русской Арміи исполняли предположеніе „Статскаго“,
 разговаривающаго съ „Военнымъ“ у Гоголя (въ „Разъѣздѣ изъ театра“):
 Вѣдь вотъ, вы какіе, господа военные! Вы готовы вдоволь посмѣяться надъ
 какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронъ какъ-нибудь военныхъ,
 скажи только, что есть офицеры, — не говоря уже о прочихъ наклонно-

стяхъ,—но просто скажи: „есть офицеры дурнаго тона,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ“. Именно такъ понимаетъ честь полковникъ Штюмеръ. Но о чести мы не будемъ разсуждать съ полковникомъ Штюмеромъ, потому что чести нѣтъ безъ добросовѣстности *).

Далѣе представляетъ онъ ужасающую картину послѣдствій отъ такихъ страшныхъ обидъ, какія нанесены были Русской Арміи пятью тысячами восемьюстами офицеровъ, одобравшихъ „Военный Сборникъ“. Чего тутъ нѣтъ! — и никто изъ молодыхъ людей не пойдетъ въ военную службу, и начальства никто не будетъ уважать, и Россія потеряетъ свой голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, и внутренняя безопасность исчезнетъ, если Правительство не запретитъ русскимъ писателямъ говорить, что иногда офицеры посѣщаютъ московскихъ цыганъ и петербургскія Минеральныя воды.

Усердіе защищать сфинксовъ и другихъ чудовищъ—качество, достойное всякаго уваженія; но добросовѣстность и истинное понятіе о чести, это качества еще болѣе важныя. Примѣромъ послѣдняго служила намъ дуэль французскихъ подпоручиковъ. Доказательствъ добросовѣстности мы видѣли много, но еще больше увидимъ въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“; она—документъ образцовый въ своемъ родѣ.

*) Противъ этого мѣста имѣется пометка Военнаго министра: „опять ругательство“.

СЛИЧЕНІЕ ЗАПИСКИ

полковника Штюрмера о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ Сборника.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА *).

ЦѢЛЬ ЖУРНАЛА, УКАЗАННАЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Въ объявленіи объ этомъ изданіи сказано было, что оно „предпринимается съ цѣлью доставить офицерамъ всѣхъ оружій занимательное и „полезное чтеніе и въ то же время „каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать „средство сообщать своимъ товарищамъ по оружію наблюденія и замѣчанія свои о всѣхъ предметахъ, „касающихся матеріальнаго быта нашихъ войскъ“.

ВЫЗОВЪ СОТРУДНИКОВЪ.

При вызовѣ сотрудниковъ, редакция объявила, „что „Военный Сборникъ“ тогда только можетъ достигъ „указанной правительствомъ благой „цѣли своего изданія, когда онъ сдѣ-

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Это объявленіе удостоено было Высочайшаго одобренія Государя Императора.

*) Въ этомъ обзорѣ „Военнаго Сборника“ рассмотрѣны только тѣ статьи, о которыхъ можно сдѣлать какія либо замѣчанія. О прочихъ статьяхъ здѣсь не упоминается.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШГЮРМЕРА.

„лается органомъ прогресса въ нашей
„арміи, когда практическіе и мысля-
„щіе люди будутъ видѣть въ немъ
„проводникъ гласности для своихъ
„идей, плода ихъ опыта и наблюда-
„тельности“.

ГЛАСНОСТЬ.

Изъ письма г. Н. О. Т., помѣщен-
наго въ журналъ съ признательностью
редакціи и принятаго ею за „отголо-
сокъ сочувствія арміи къ дѣлу „Воен-
„наго Сборника“, видно (стр. 77), что
„впечатлѣніе, произведенное вѣстью
„объ этомъ изданіи, особенно прояви-
„лось въ молодыхъ офицерахъ“. Впе-
„чатлѣніе это выразилось слѣдующи-
„ми словами: „Итакъ у насъ есть
„теперь свой журналъ, свой магазинъ
„наблюденій и мыслей, есть органъ,
„посредствомъ котораго мы можемъ
„высказать все, что сильно занимаетъ
„насъ, что затрагиваетъ за живое“,
и проч. (стр. 77).

Другой офицеръ говоритъ (стр. 93):
„Правительство дозволило каждому
„гласно высказывать свои мысли о
„дѣлахъ важныхъ для общаго блага“.

„Говорить о важности гласнаго вы-
„раженія общественнаго мнѣнія, раз-
„бирать послѣдствія этой благодѣ-
„тельной мѣры и доказывать ея поль-
„зу—совершенно излишне; объ этомъ
„было уже такъ много говорено, что
„если въ настоящее время и есть про-
„тивники гласности, люди, имѣющіе
„причины желать келейности и скрыт-
„ности, то и они даже не рѣшаются
„сознаться въ своихъ предубѣжде-
„ніяхъ публично“.

По мнѣнію третьяго (стр. 248):
„весьма важно еще то обстоятельство,
„что одинъ журналъ помѣщаетъ на
„своихъ страницахъ безъ затрудненія
„разныя замѣтки офицеровъ, касаю-
„щіяся ихъ служебныхъ обязанностей,
„и въ нихъ свободно дозволяетъ вы-
„сказывать иногда очень горькую
„правду“.

„Такое направленіе журнала, ко-
„нечно, возможно только при глубо-
„комъ убѣжденіи въ пользѣ гласности,

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Письмо это („Голосъ изъ Арміи“) было удо-
стоено Высочайшаго одобренія Государя Импе-
ратора.

„которая одна и может вывести
„насъ на настоящій и твердый путь
„къ совершенствованію“.

Изъ приведенныхъ отвызовъ видно, что гласность довольно заманчива. Въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго, напротивъ того, гласность мнѣній просвѣщенныхъ и опытныхъ людей, невыходящая изъ предѣловъ благоразумія и законовъ, признается правительствомъ весьма полезною. Но достигаются ли эти условія въ „Сборникѣ“?—это обнаружить послѣдующій разборъ.

Статьи: а) „Голосъ изъ Арміи“ (стр. 77), б) „Мысли по поводу преобразованій въ артиллеріи“ (стр. 93), в) „Замѣтки командира стрѣлковой роты“ (стр. 111), д) „Потаповъ, изъ воспоминаній козака. Разсказъ“ (стр. 163),—коими на вызовъ редакціи откликнулись офицеры пѣхотный, артиллерійскій, стрѣлковый и козацкій, заслуживаютъ особаго вниманія, съ одной стороны по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству (почти тождественности) взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято, неопытнымъ читателемъ, за гласъ большинства всей арміи, за несомнѣнную истину. Если прибавить къ сему разборъ статьи „Морскаго Сборника“ „Старыя мысли на новое дѣло“, помѣщенный въ „Обозрѣніи военныхъ журналовъ“ (стр. 239), то ареопагъ судей сухопутной арміи дополнится еще однимъ членомъ, представителемъ флота.

Одинъ изъ нихъ, основываясь на опытѣ 10-лѣтней своей службы, замѣчаетъ (стр. 111), что „гуманныя идеи, проникая весь составъ русскаго общества, заглянули и въ военный бытъ, но коснулись его слишкомъ поверхностно, мимоходомъ, не отразились во всѣхъ мелочахъ нравственнаго быта солдатъ“. А потому авторъ „беретъ смѣлость сказать нѣсколько словъ по этому поводу“. Но всѣ голоса весьма сход-

Первая изъ этихъ статей, „Голосъ изъ Арміи“, была удостоена прочтеніемъ и одобрена къ печати Государемъ Императоромъ. Статья „Замѣтки командира Стрѣлковой роты“, написанная однимъ изъ офицеровъ Л.-гв. Измайловскаго полка, была прочитана предварительно командиромъ полка, который самъ можетъ засвидѣтельствовать, что болѣе благородной и болѣе благонамѣренной статьи—быть не можетъ. Изъ этихъ-то двухъ статей по преимуществу и составлены искаженные выписки г. ценсора.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА

„ны между собою, слѣдовательно приличнѣе будетъ привести по порядку подлинныя ихъ выраженія.

РАЗБОРЪ СТАТЕЙ ПО ПРЕДМЕТАМЪ.

а) „Недостатковъ (стр. 78) и грѣшковъ у насъ довольно много, и даже „крупныхъ. Теперь, когда вездѣ такъ „громко заговорили о взяточничествѣ „и казнокрадствѣ, когда возстановляются болѣе человѣческія отношенія между помѣщиками и крестьянами, пора и намъ ближе осмотрѣться „вокругъ себя“.

СОЛДАТО-КРАДСТВО.

„У насъ (стр. 81) надъ солдатомъ тяготеетъ постоянная, непрерываемая взятка. Солдато-крадство, „несмотря на сильныя мѣры противо- „дѣйствія со стороны правительства, „еще образуетъ, какъ извѣстно, до- „вольно правильно организованное ре- „месло нашего брата. Здѣсь нечего „говорить, на сколько эта язва имѣетъ „своею причиною недостатокъ закон- „ныхъ средствъ къ безбѣдной жи- „зни *), на сколько она развивается „всеобщимъ примѣромъ подобныхъ „обычаевъ и косвеннымъ вынужде- „ніемъ стоящихъ выше **) на длин- „ной лѣстницѣ солдато-крадства. Сол- „датъ очень хорошо знаетъ, гдѣ его „фунты провіанта....“ и т. д.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКА ИЗЪ „СБОРНИКА“.

Эта выписка окончена не на точкѣ и даже не на запятой, а на серединѣ фразы. Въ подлинникѣ такъ: „пора и намъ, ближе осмотрѣвшись вокругъ себя и построже провѣривъ свои дѣла, этимъ явленіемъ въ жизни общества гражданскаго искать соответственныхъ у себя дома,—въ жизни общества военнаго“ (стр. 78). Безъ окончанія фразы, намѣренія автора скрыты и могутъ быть истолкованы произвольно.

Выписка начата г. цензоромъ съ середины фразы, а заканчивается словами совершенно другаго параграфа. Въ подлинникѣ смыслъ далеко не тотъ, какой выходитъ у г. ценсора.

„Мы никогда не прочь бросить камешекъ въ огородъ взяточника чиновника. Но тамъ берется взятка съ лица болѣе или менѣе заинтересованнаго, а у насъ надъ солдатомъ тяготеетъ постоянная, непрерываемая взятка. Солдато-крадство, несмотря на сильныя мѣры противо-дѣйствія со стороны правительства, еще образуетъ, какъ извѣстно, довольно правильно организованное ремесло нашего брата. Здѣсь нечего говорить, на сколько эта язва имѣетъ своею причиною недостатокъ законныхъ средствъ къ безбѣдной жизни; на сколько она развивается всеобщимъ примѣромъ подобныхъ обычаевъ и косвеннымъ вынужденіемъ стоящихъ выше на длинной лѣстницѣ солдато-крадства: для насъ важнѣе то, что это гнусное обыкновеніе, независимо отъ названныхъ вѣшнихъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ поддерживается, находитъ себѣ защиту въ понятіяхъ всего нашего общества, признающаго солдато-крадство дѣломъ весьма обыкновеннымъ, благо-разумнымъ, и только: наконецъ, оно находитъ себѣ поддержку и въ условной нашей честности, по которой мы отворачиваемся съ негодованіемъ отъ человѣка, вынужшаго тихонько девьги изъ чужаго кошелька; очень строги, если деньщики нашъ показываетъ купленные имъ для насъ вещи дороже, нежели заплатилъ за нихъ,—а между тѣмъ не задумываемся дѣлать тоже самое съ суммами, назначенными для солдата, солдата, наиболѣе заслуживающаго пощады въ этомъ отношеніи.

*) Скучное жалованье.

**) Начальниковъ.

Взятки козачьяго начальства составляют предметъ особой повѣсти подъ заглавіемъ „Потаповъ“ (стр. 162—189).

Козачьему артиллерійскому офицеру простой козакъ рассказываетъ съ негодованіемъ, какъ жестоко прежній полковой командиръ, лютой прелютой, сѣрый волкъ задурилъ, какъ безсовѣстно бралъ онъ взятки съ козаковъ, между тѣмъ какъ жена его, мать командерша, обирала станичныхъ женщинъ. Къ счастью этого взяточника смѣнилъ неженатый полковой командиръ, „чудный человекъ“, которому крѣпко понравился хорунжій Потаповъ, товарищъ по корпусу автора этого разсказа.

Потаповъ въ свою очередь рассказываетъ товарищу о благородныхъ правилахъ своего командира, „который окруженъ дѣтскими и взяточниками, заваленъ кляузными дѣлами, день и ночь сидитъ за бумагами, и котораго всѣ ненавидятъ за его честность.“

Повѣсть оканчиваются тѣмъ, что молодой Потаповъ, воспитанный въ корпусѣ, съ сердцемъ, открытымъ для всего благороднаго и умомъ возвышеннымъ, преданъ, за пристрастное производство слѣдствія надъ отцомъ любимой имъ дѣвушки, военному суду, вмѣстѣ съ благороднымъ своимъ командиромъ. Взяточники торжествуютъ нахально и отвратительно. Потаповъ

„Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, нравственное вліяніе начальника части на его подчиненныхъ, которое онъ необходимо долженъ имѣть, кромѣ officialнаго, собственно служебнаго;— гдѣ его примѣръ для нихъ? Какимъ образомъ возможно внушеніе солдату словомъ, когда онъ очень хорошо знаетъ, гдѣ его фунты провіанта?... Мало того, что офицеръ связанъ въ слѣдованіи младшихъ себя въ различныхъ плутняхъ, онъ не можетъ войти во всѣ подробности домашняго быта солдата, не предполагая къ себѣ съ его стороны ни симпатіи, ни довѣренности“ (стр. 81—82).

Примѣчаній, сдѣланныхъ у г. цензора, что недостатокъ средствъ означаетъ „скудное жалованье“ и что стоящіе выше суть „начальники“, въ подлинникѣ нѣтъ.

Г. цензоръ не приводитъ выписокъ изъ этой повѣсти, а передаетъ ея содержаніе по своему усмотрѣнію. Въ дѣйствительности же она имѣетъ другой смыслъ.

1) Козакъ, рассказывая Потапову о злоупотребленіяхъ прежняго своего командира, начинаетъ съ того, что командиръ „давнымъ давно смѣненъ. А нынѣ (говоритъ козакъ) у насъ другіе порядки пошли. Во всемъ себѣ у начальства защиту видимъ“ (стр. 165).

2) Цѣль статьи г. цензоръ понялъ слишкомъ односторонне. Слова Потапова, находящагося подъ судомъ за лицепріятіе, оказанное имъ въ слѣдственномъ дѣлѣ отца любимой имъ дѣвушки, свидѣтельствуя о желаніи автора указать читателю, что уклоненіе отъ правды и справедливости никогда не можетъ быть извинительно.

3) Фраза, представленная въ выпискѣ г. цензора, не есть подлинная, а составлена изъ отдѣльныхъ словъ, собранныхъ изъ всей 170 страницы.

4) Что Потаповъ умеръ безъ священника,— это предположеніе самого г. цензора. Конечъ статьи не оставляетъ никакого сомнѣнія, что Потаповъ исполнилъ всѣ свои духовныя обязанности. За часъ до смерти онъ еще спрашивалъ, отслужили ли по его приказанію благодарственный молебенъ за Государя. Какую цѣль имѣлъ г. цензоръ, дѣлая свою помѣтку о священникѣ? Зачѣмъ также въ послѣдней фразѣ слова „ремесло нашего брата“, онъ замѣнилъ словами: *ремесло начальниковъ*.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

дѣлается горькимъ пьяницею и умираетъ безъ священника.

Трудно постигнуть, какую цѣль имѣетъ эта повѣсть? Какую пользу могутъ принести нападки на солдато-крадство, представляемое не какъ гнусный порокъ, осужденный общественнымъ мнѣніемъ и составляющій рѣдкое исключеніе, „но какъ довольно организованное ремесло начальниковъ“ (стр. 82).

Перехожу къ другому предмету.

ОТНОШЕНІЯ ОФИЦЕРА КЪ СОЛДАТУ.

а) „Мы цѣхотинцы (говоритъ безъ-именный на стр. 78) принадлежимъ къ такого рода оружію, гдѣ главное дѣло, гдѣ впереди всего человекъ, и потому отношенія офицера къ солдату должны стать на ряду самыхъ капитальныхъ вопросовъ нашего быта“.

„Въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ солдатомъ, рѣдкій изъ насъ откажется отъ какого-то презрительнаго тона, отъ какой-то отталкивающей нетерпѣливости. Въ Крыму французскіе офицеры были поражены ненатуральностью нашихъ отношеній къ солдату. Хотя они не знали *иныхъ условий* нашей военной организаціи и раздѣленія русскаго общества на сословія, но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ этомъ нѣкоторой доли истины. Подобное поведеніе офицера относительно солдатъ порождено барскимъ, сословнымъ взглядомъ, и перенесено на службу изъ житейской среды“.

Какія это особыя условія? Отношенія нижнихъ чиновъ къ офицерамъ опредѣлены у насъ, какъ и во всякой другой арміи, Военнымъ уставомъ, что и называется дисциплиною.

Русское общество раздѣляется на сословія, но разница происхожденія устранима изъ всѣхъ служебныхъ отношеній между лицами составляющими армію. Для сихъ отношеній есть чины высшіе и низшіе, но сословій въ военной службѣ нѣтъ.

Эта небольшая выписка составлена изъ фразъ, выбранныхъ изъ двухъ страницъ (78 и 79), при чемъ г. цензоръ опустилъ всѣ тѣ фразы, отъ которыхъ зависитъ пониманіе самой сущности дѣла, и не затруднился исказить остальное.

Вотъ что написано въ подлинникѣ:

„Мы, цѣхотинцы, принадлежимъ къ такого рода оружію, гдѣ главное дѣло, гдѣ впереди всего — человекъ, и потому отношенія офицера къ солдату должны стоять на ряду самыхъ капитальныхъ вопросовъ нашего быта.“

„Характеръ, который мы даемъ этимъ отношеніямъ, иногда бываетъ не только не согласенъ съ нравственнымъ чувствомъ, но и со стороны практической имѣетъ вредное, если не сказать пагубное вліяніе на успѣхъ самой службы.“

„Въ ежедневныхъ постоянныхъ столкновеніяхъ съ солдатомъ, рѣдкій изъ насъ откажется отъ какого-то презрительнаго тона, отъ какой-то отталкивающей нетерпѣливости. Мы еще въ Крыму случалось слышать отъ французскихъ офицеровъ, что они были поражены ненатуральностью нашихъ отношеній къ солдату. Хотя, вообще, можно не придавать большаго значенія ихъ провицательности, можно предполагать, что высказывая свое сужденіе, французскіе офицеры не принимали во вниманіе *иныхъ условий* нашей военной организаціи и раздѣленія русскаго общества на сословія, но тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть нѣкоторой доли истины въ ихъ словахъ.“

„Неужели, въ самомъ дѣлѣ, много такихъ людей, которымъ кажется, что тихое, внимательное обращеніе съ солдатомъ будетъ униженіемъ офицерскаго сана? Участіе къ нуждамъ и удобствамъ солдата, превышающее

„обязанности, налагаемыя требованіями самой „службы, будетъ неприлично порядочному чело- „вѣку и дворянину? Лишь необразованность, не „чувствующая своего умственного превосход- „ства, можетъ бояться сближенія съ низшимъ „себя по положенію въ обществѣ.

„Подобное поведеніе офицера относительно „солдатъ порождено барскимъ, сословнымъ взгля- „домъ и перенесено на службу изъ житейской „среды“ (стр. 78—79).

Сужденія и сомнѣнія г. цензора, отражаются ли дѣйствительно сословныя отношенія въ нашемъ войскѣ, обнаруживаютъ только его невѣдѣніе нашихъ законовъ. Онъ не сказалъ бы, что у насъ на службѣ нѣтъ сословій, а есть только чины, еслибъ зналъ, что законы наши въ самомъ прохожденіи службы и въ опредѣленіи наказаній отдѣляютъ дворянина отъ недворянина. Авторъ возстаетъ только противъ неправильнаго проявленія этихъ отношеній, но г. цензоръ превратно толкуетъ мысли автора.

„У насъ существуютъ такія аксіомы „и положенія, которыя громко вопі- „ютъ своею безтолковостью и неспра- „ведливостью и даже не могутъ быть „оправдываемы какими бы то ни было „прирожденными понятіями цѣлаго „общества. Кому изъ насъ не обила „ушей ходячая, все разрѣшающая „фраза, когда рѣчь заходитъ у на- „шихъ товарищей о солдатахъ, но „глубоко безнравственная и безсмы- „сленная фраза: „для русскаго сол- „дата необходима палка, онъ хоро- „шихъ словъ не понимаетъ“. Неосмо- „трительное употребленіе крутыхъ „мѣръ происходитъ въ нашихъ офи- „церахъ оттого, что мы не привыкли „стыдиться такихъ мѣръ, и не при- „выкли смотрѣть на это, какъ на „поправленіе самыхъ присущихъ правъ „человѣка“. Здѣсь,—замѣчаетъ ав- „торъ,—разумѣютъ домашнія испра- „вительныя мѣры, а не наказаніе по „суду“.

Авторъ долженъ бы знать, что тѣлесное наказаніе, какъ по суду, такъ и исправительное, существуетъ не только у насъ, но и во многихъ дру- гихъ европейскихъ арміяхъ. Вопію- щихъ и безтолковыхъ положеній у насъ нѣтъ; несправедливости быть не

Эта выписка заслуживаетъ особеннаго вни- манія. Не говоря уже о томъ, что она набрана изъ отдѣльныхъ фразъ съ двухъ страницъ, и что слово *положенія* подчеркнуто съ тѣмъ, чтобы дать ему потомъ другой смыслъ,—тѣ фразы даже, которыя выбраны въ разбивку изъ статьи, искажены съ явною цѣлю дать имъ тотъ рѣзкій тонъ, котораго онѣ не имѣли, дать имъ тотъ смыслъ, который нуженъ былъ г. цензору.

Вотъ, что говорится въ самомъ подлинникѣ:

„Но кромѣ того, у насъ существуютъ такія аксіомы и положенія, которыя громко вопіютъ своею безтолковостью и несправедливостью, и даже не могутъ быть оправдываемы какими бы то ни было природными понятіями цѣлаго общества (рѣчь, слѣдовательно, не о положеніяхъ, издаваемыхъ правительствомъ, а обо мнѣніяхъ, рождающихся въ самомъ обществѣ, хотя и независящихъ отъ понятій, природ- ныхъ обществу). Кому изъ насъ не обила ушей ходячая, все-разрѣшающая фраза,—когда рѣчь заходитъ у нашихъ товарищей о солдатахъ,— но глубокобезнравственная и бессмысленная фраза: *„для русскаго солдата необходима палка: онъ хорошихъ словъ не понимаетъ“*. Но не думайте, чтобы такія возрѣнія были результатомъ долгаго опыта; нѣтъ, подобные афоризмы повторяются по заведенному обычаю, какъ-то легко, безотчетно и бездоказательно. И большая часть придерживающихся имъ, по

должно, ибо строгость исправительныхъ мѣръ опредѣляется не произволомъ, а по закону, охраняющему въ солдатѣ права человѣка, и наконецъ изрѣченіе о палкѣ есть не аксіома, а безразсудная фраза.

натурѣ своей, добрѣе и лучше, нежели какъ кажется по такимъ ихъ словамъ.

„Фразу, только что приведенную, декламируетъ и дамскій любезникъ, расхаживающій постоянно по улицамъ съ единственнымъ намѣреміемъ прельщать прекрасный полъ; и какой нибудь весельчакъ, добрейшая душа, хотя и готовый сколько угодно выбрасывать изъ окна „штафирку“,—какъ онъ выражается,—если тотъ недостаточно выразитъ благоговѣніе къ эполетамъ; и старый офицеръ, вышедшій изъ тѣхъ же рядовъ, о которыхъ такъ презрительно выражается; еще печальнѣе слышать тоже самое и отъ юноши, только что выпущеннаго изъ корпуса,—юноши, который, при рассказѣ о произведеннѣй имъ экзекуціи, для возбужденія въ слушателяхъ уваженія къ твердости и мужеству своего характера, лжетъ на себя немилосердно, баснословно увеличивая число ударовъ, которые будто бы приказалъ онъ сдѣлать.

„Повторяющимъ аксіому о необходимости палки и въ голову не приходитъ, какой страшный укоръ они взводятъ сами на себя, какое высказываютъ непониманіе русскаго человѣка вообще и русскаго солдата въ особенности.

„И можетъ-ли, хоть одинъ изъ нихъ, положить руку на сердце, сказать, что онъ, прежде чѣмъ прибѣгнулъ къ палкѣ, сдѣлалъ, по крайнему своему разумѣнію, все, что могъ только сдѣлать? Да и есть ли вѣроятность предполагать, чтобы у человѣка съ такимъ взглядомъ на существо, себѣ подобное, было успѣшно исправленіе солдата своимъ нравственнымъ вліяніемъ, убѣжденіемъ или стыдомъ; есть ли вѣроятность, чтобы у такого офицера родилось хотя желаніе къ этого рода вліянію на солдата?

„Неосмотрительное употребленіе крутыхъ мѣръ, главнымъ образомъ, происходитъ въ нашихъ офицерахъ не отъ особеннаго расположенія къ этимъ упражненіямъ, а скорѣе отъ того, что мы не привыкли стыдиться такихъ мѣръ и не привыкли смотрѣть на это, какъ на поправленіе самыхъ присущихъ правъ человѣка *). Мы не хотимъ, или не умѣемъ заглянуть глубже въ солдата, не подозреваемъ, что дѣлается съ нимъ при первомъ наказаніи, и какъ легко переноситъ онъ послѣдующія, когда ему болѣе уже нечего терять. „Ваше благоро-

*) „Здѣсь, конечно, разумѣются домашнія и исправительныя мѣры, а не наказанія по суду“.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СВОРНИКА“.

діе! меня еще никогда не били!“ говорить онъ такимъ голосомъ, какъ еще никогда, можетъ быть, не приходилось ему говорить—и говорить по большей части напрасно.—Вы не поддерживали этого чувства стыда и чести, и, по окончаніи процесса наказанія, жалуетесь товарищу, что вы разстроены, но не потому, что сдѣлали возмутительный поступокъ, а оттого, что, какъ вы говорите, нервы ваши слабы, и вы неспособны служить съ такими грубыми людьми, которые постоянно васъ бѣсятъ“.

Непостижимо, какъ г. цензоръ, котораго прямая обязанность заключалась именно въ добросовѣстномъ составленіи выписки, дабы своей ошибкой не навлечь на другого подозрѣнія въ неблагонамѣренности, рѣшился не только отбросить весь конецъ послѣдняго параграфа, то есть самый смыслъ дѣла, но и оставшуюся фразу измѣнить именно въ томъ смыслѣ, чтобы авторъ ея подвергся осужденію. Неужели г. цензоръ не понимаетъ, чтѣ онъ сдѣлалъ; и какъ называется то, чтѣ онъ сдѣлалъ. Какъ же онъ говорить, что *несправедливости быть не должно*, а самъ творить хуже чѣмъ несправедливость?

Г. цензоръ выпустилъ вступленіе этой выписки, которымъ объясняется самый мотивъ автора.

„Нужно правильное пониманіе провинностей и, главное, внутреннихъ побужденій къ нимъ“, говорить авторъ, и затѣмъ уже переходитъ къ недостаткамъ нашего понятія о дисциплинѣ, недостаткамъ не мнимымъ, а дѣйствительнымъ, но о которыхъ, конечно, нѣтъ ничего въ иностранныхъ романахъ. Зачѣмъ также, г. цензоръ послѣ словъ „еслибъ мы не ожесточили этого человѣка“ выпустилъ фразу: „Этотъ солдатъ не колеблется передъ жертвами непріятельскихъ пушекъ, не выдастъ въ трудную минуту своихъ“? Отчего онъ не выписываетъ также слѣдующаго параграфа, который прямо сюда относится?

Равномѣрно неосновательны слѣдующія замѣчанія автора (стр. 80): „Какъ часто въ нѣкоторой гордости, „приходящей отъ благороднаго сознанія своей правоты, когда она про-“ бивается въ солдатѣ, мы видимъ не-“ простительную дерзость; мы заду-“ шимъ въ немъ *святѣйшіе* (?) по-“ рывы духа, оттого только, что они „не пришли по нашему узкому по-“ ниманію дисциплины. И бѣдный сол-“ датъ ищетъ себѣ выхода въ отчаян-“ номъ пьянствѣ, въ буйствѣ и побѣ-“ гахъ, переноситъ жесточайшія на-“ казанія съ силою характера, достой-“ ную лучшаго дѣла, которое, вѣро-“ ятно, и нашлось бы, еслибъ мы не „подавили и не ожесточили этого че-“ ловѣка. Это не тотъ проныра, ко-“ торый мелкими угодженіями, щепе-“ тильною исправностью и терпѣли-“ вымъ перенесеніемъ различныхъ уни-“ женій, добился до фельдфебеля, а „теперь уже и офицеръ, и вымещаетъ „свои прежнія бѣды на прежнихъ „товарищахъ“ и прочее.

Должно полагать, что это есть отрывокъ изъ какого-либо плохого ино-

страннаго романа, о несчастномъ положеніи русскихъ солдатъ. Благодарный и опытный офицеръ этого сказать не можетъ, ибо существованіе такого самопроизвольнаго угнетенія солдатъ противно здравому смыслу, не говоря уже о томъ, что оно, при нашихъ военныхъ законахъ, невозможно.

б) Въ томъ же духѣ другой голосъ изъ арміи (стр. 107):

„Солдатъ выносить на своемъ тѣлѣ, какъ всѣ невзгоды своего командира, такъ и всѣ непріятности офицеровъ. Пока не измѣнятся отношенія старшаго къ младшему, не переведутся на Руси и командиры, которыхъ такъ вѣрно называлъ г. П. (въ Морскомъ Сборникѣ) *дантистами*. Нѣкоторые господа имѣютъ скверную привычку расправляться съ людьми собственноручно. Случалось иногда, во время фронтоваго ученія, что батальонный командиръ, взбѣсившись вдругъ за какую-нибудь ошибку, врывается въ каре и, съ пѣной у рта (!), руками и ногами разсыпаетъ удары (!); киверъ у него отъ сильныхъ движеній свернулся на бокъ, перчатки запачканы кровью (!), вся фигура представляетъ что-то безобразное...“ и проч. и проч.

Хотя авторъ статьи и благодаритъ г. П. за эту картину и считаетъ ее болѣе полезною, „чѣмъ строгій положительный законъ“, тѣмъ не менѣе ее невозможно здѣсь кончить. Она отвратительна. Продолженіе о *зуботычинахъ и подзатыльникахъ*, о бѣшенствѣ офицеровъ, о турецкихъ командирахъ, о двухъ методахъ расправы съ солдатами и проч. (стр. 108—110), означено въ книгѣ краснымъ карандашомъ.

Эта выписка помѣщена безъ начала, безъ конца и даже безъ середины. Г. пенсоръ совершенно произвольно свелъ отдѣльныя фразы въ цѣльный параграфъ, котораго, конечно, и смыслъ вышелъ совершенно не тотъ. Въ подлинникѣ картина достигаетъ вполне своей благонамѣренной цѣли, а изъ подъ пера г. пенсора она вышла какъ будто голымъ поруганіемъ военнаго быта.

Авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о вредномъ влияніи дурнаго обращенія старшихъ офицеровъ съ младшими, ведущемъ послѣднихъ къ загроубѣлости, выписываетъ слѣдующій отрывокъ изъ статьи Морского Сборника *).

„Чтобы окончить разсужденія наши о наказаніяхъ и обращеніи съ командой, говорить г. П., скажемъ нѣсколько словъ о скверной привычкѣ, которую имѣютъ нѣкоторые господа, — привычкѣ расправляться съ людьми собственноручно. Въ былые годы говорили, что безъ крѣпкаго слова корабль не поворотить, и потому были такіе виртуозы браниться, что, слушая ихъ, не знаешь бывало, чему удивляться: плодовитости русскаго языка, или умѣнью этихъ господъ подбирать непостижимыя фразы. Мало-по-малу, манера подкрѣплять каждое приказаніе бранною выведасъ между моряками, виртуозы почти совершенно исчезли; и если подъ часъ и сорвется крѣпкое слово, то это уже невольно, по свойственной русскаго натурѣ привычкѣ ругнуть, чтобы отвести маленько душу. Надо надѣяться, что и такъ называемые дантисты также со временемъ совершенно выведутся. Ничто не можетъ быть безобразнѣе человѣка, который съ бранью и проклятіями, покрасивъ отъ гнѣва, поражаетъ по физиономіи матроса, смиренно принимающаго удары. Случалось иногда, во время фронтоваго ученія, что батальонный командиръ, взбѣсившись вдругъ за какую-нибудь ошибку, врывается въ каре, и съ пѣной у рта, руками и ногами щедро разсыпаетъ удары во всѣ стороны. Киверъ у него отъ сильныхъ движеній свернулся на бокъ, перчатки запачканы кровью, вся фигура представляетъ что-то безобразное и крайне карикатурное: жаль, что въ эти минуты онъ не можетъ взглянуть на себя въ зеркало! — кажется, этого было бы достаточно, чтобы навсегда излечить его отъ привычки

*) „Еще нѣсколько словъ моимъ сослуживцамъ“, „Морской Сборникъ“ 1857, № 1.

„расправляться своими руками. Господь этихъ
„оправдываютъ тѣмъ, что, будучи отъ природы
„вспыльчивы, они рѣшительно не могутъ удержаться,
„но оправданіе ли это? Отъ подчиненныхъ они требуютъ же умѣнья владѣть
„собою, бороться со своими наклонностями, и
„не допускаютъ въ нихъ ни вспыльчивости, ни
„досады: такъ почему же прежде всего не хотятъ они потрудиться надъ собою—пріучить
„себя удерживать порывы гнѣва? Своимъ личнымъ примѣромъ мы всегда будемъ дѣйствовать
„на подчиненныхъ сильнѣе и вѣрнѣе, нежели какими угодно доводами; а дурныя привычки, къ несчастью, перенимаются скорѣе,
„нежели хорошія. Можно навѣрное сказать, что у командира, привыкшаго расправляться собственноручно,
„молодые офицеры также привыкаютъ драться. Къ счастью, съ каждымъ годомъ угловатость въ нашихъ манерахъ слаживается,
„и есть надежда, что собственноручныя расправы со временемъ выведутся совершенно“.

Почему г. цензору показалась вторая половина этой картины до такой степени отвратительна, что онъ не рѣшился ее выписать? Что скажетъ морское начальство, узнавъ, что г. цензоръ распространяетъ такіе слухи о статьѣ, которую оно признало (да которая и въ дѣйствительности есть) высоко нравственной и ведущей прямо къ исправленію общества? Можно ли подъ предлогомъ мнимаго отвращенія такъ искажать истину, такъ смѣяться надъ мыслью и честью другого? Не картина, а искаженіе картины отвратительно. Неужели г. цензоръ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ?

Можно было бы полагать, что несомнѣнная благонамѣренность автора (насмѣшливо названнаго поборникомъ гуманности) предохранитъ его отъ пера г. ценсора. Но вышло противное: г. цензоръ, не имѣя возможности отыскать въ статьѣ того, что ищетъ, рѣшается не только на сведеніе въ одно цѣлое отдѣльныхъ словъ 112-й страницы, но принимаетъ самъ сочинять за автора и сочинять именно такъ, чтобы положить пятно на его рѣчь.

Въ подлинникѣ этотъ параграфъ таковъ:

„Въ продолженіе моей десятилѣтней службы, меня всегда поражало встрѣчаемое весьма часто отсутствіе общечеловѣческихъ отношеній между нижними чинами и ихъ ближайшими начальниками, т.-е. ротными командирами. Они составляли два отдѣльныхъ, строго замкнутыхъ

в) Поборникъ *гуманности* составилъ свои замѣтки несомнѣнно съ благонамѣренною цѣлью. Это видно. Но многія изъ его замѣчаній опрометчивы и неосновательны. Мѣста эти отмѣчены краснымъ карандашомъ (стр. 111—122). Здѣсь можно указать только главнѣйшія мысли.

Онъ говоритъ, „что его всегда поражаало встрѣчаемое весьма часто отсутствіе общечеловѣческихъ отношеній между нижними чинами и ротными командирами. Это два отдѣльныхъ, строгозамкнутыхъ кружка, которые случайно сомкнулись, и безъ взаимнаго участія идутъ рядомъ. И можетъ ли быть иначе? Офицеры

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗ „СБОРНИКА“.

„служать изъ матеріальныхъ выгодъ,
„солдаты считаютъ службу вѣчнымъ
„разрывомъ съ семьей, родиной, обы-
„чаемъ. Изъ этихъ двухъ главныхъ
„частей образовалось у насъ военное
„сословіе. Можетъ ли въ немъ суще-
„ствовать любовь къ званію воина,
„сочувствіе къ общему направленію
„правды и чести. Разумѣется, нѣтъ!“
и проч. (стр. 112).

кружка, между которыми, казалось, ничего не было общаго, кромѣ того, что оба случайно столкнулись вмѣстѣ, и безъ взаимнаго участія идутъ рядомъ. И можетъ ли быть иначе? Многіе ли служатъ въ военной службѣ по призванію? Воля родителей, основанная по большей части на матеріальныхъ выгодахъ воспитанія въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, ограниченность требованій для поступленія на службу, красота военной формы и почетность ея въ глазахъ общества—вотъ побудительныя причины вступленія дворянъ въ военную службу. Что же касается до нижнихъ чиновъ, то они считаютъ ее вѣчнымъ разрывомъ съ семьей, родиной, обычаемъ. Рекрута провожаютъ родные на службу, думая о томъ, что очень не скоро придется, а быть можетъ и никогда уже не придется увидѣть его въ кругу семейства; и дѣйствительно, многіе не возвращались домой, послѣ нашего продолжительнаго срока службы. Изъ этихъ двухъ главныхъ частей образовалось у насъ военное сословіе; при подобномъ составѣ, при недостаточномъ развитіи составныхъ частей, можетъ ли существовать любовь къ званію воина, сочувствіе къ общему направленію—правды и чести? Разумѣется, нѣтъ! Напротивъ, проглядываетъ какое-то равнодушіе, отчужденіе, какъ отъ самой службы, такъ и членовъ ея между собою. Что же могло такъ разъединить людей одной націи, одной вѣры, повидимому съ общими интересами,—неужели только недобровольное избраніе ими военнаго поприща? Вотъ вопросъ, который мы постараемся разъяснить. Вникая въ него подробнѣе, невольно приходишь къ мысли, что эти люди далеки одинъ отъ другого не вслѣдствіе какихъ-либо непріязненныхъ столкновеній, не по врожденному чувству антипатіи, а потому, что не поняли другъ друга; а не поняли оттого, что никогда не смотрѣли одинъ на другаго, какъ человѣкъ долженъ смотрѣть на себѣ подобное существо“.

Какимъ образомъ, г. цензоръ вмѣсто словъ: „Они составляли два отдѣльныхъ кружка“, пишетъ: „это два отдѣльныхъ кружка“.

Какимъ образомъ, „волю родителей, красоту военной формы и почетность ея въ глазахъ общества“, г. цензоръ обращаетъ въ слова „офицеры служатъ изъ матеріальныхъ выгодъ“? Небольшое содержаніе оберъ-офицеровъ не даетъ матеріальныхъ выгодъ, и слѣдовательно, сочинивъ эти слова за автора, г. цензоръ явно желалъ приписать ему намекъ на

„Ограниченность обязанностей, требуемых правительствомъ съ офицеровъ, и вынесенный изъ корпуса поверхностный взглядъ на значеніе службы дѣлають офицера *гостемъ* на службѣ“.

„Не успокоивши рекрута, начинаютъ прямо выламывать ему ноги и руки. Обаяніе этой системы обученія было такъ сильно, что встрѣчались начальники, проходившіе въ неописанный восторгъ отъ *хватки, какъ орла щелкнуть, и изумительной игры въ нокъ*. Спросить, зачѣмъ все это?—никто не смѣлъ; да и какъ объяснить существенную необходимость большей части ружейныхъ приѣмовъ и учебныхъ шаговъ. Солдаты или оставляли всякую работу мысли и дѣлался *ученымъ зѣвотомъ* или терялъ всю вѣру въ себя, всякое уваженіе къ своимъ учителямъ, и дѣлался такъ называемымъ негодяемъ“ (стр. 114).

то, что всѣ офицеры живутъ доходами съ солдатъ. Иного повода не могло быть къ подобной поддѣлкѣ. Вотъ до чего доходить г. цензоръ. Неужели онъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ?

Даже и этихъ трехъ строчекъ г. цензоръ не сохранилъ цѣлыми, а выпустилъ именно то, что придавало имъ смыслъ. Въ подлинникѣ такъ:

„Ограниченность обязанностей, требуемых правительствомъ съ офицеровъ, вынесенный изъ корпуса поверхностный взглядъ на значеніе службы, неохота думать, заставляющая его избѣгать всего, что не входитъ въ кругъ рутинныхъ обязанностей—все это дѣлаетъ офицера *гостемъ* на службѣ“.

Замѣчательно, что г. цензоръ для составленія этого параграфа, отбросивъ часть примѣчанія, самую необходимую, вставилъ другую куда ему вздумалось въ самый текстъ, и все это выдалъ за произведеніе автора. Въ подлинникѣ такъ:

„Теперь разсмотримъ отношенія офицеровъ къ солдатамъ, съ перваго столкновенія ихъ въ службѣ. По большей части, офицеры или не обращали на послѣднихъ ровно никакого вниманія, или же открыто оказывали имъ пренебреженіе, удивляясь ихъ тупоумію и глупости. Удивленіе это проявлялось прежде всего, когда взятый изъ-подъ сохи, вырванный изъ семейнаго круга, почти дикарь, окруженный чужими людьми, связанный непривычной одеждой, солдатъ не понималъ истинъ, взятыхъ цѣликомъ изъ Военскаго Устава. Что же отъ этого происходило? Начальники, иногда и высшіе, а большею частью изъ среды солдатъ, не видя успѣховъ, истощали терпѣніе, выходили изъ себя, и мѣрами строгости навсегда отталкивали подчиненныхъ, которые окончательно теряли всю вѣру въ себя. Русский солдатъ есть сынъ русскаго крестьянина, можетъ быть такого, какъ Глѣбъ Савиновъ („Рыбаки“, Григоровича); въ немъ много русской смѣтки, врожденной логики; его не увлечешь громкой фразой какъ Француза, народнымъ мотивомъ какъ Итальянца; нѣтъ, ему расскажи его языкомъ, чтобы онъ разложилъ умомъ, и тогда онъ въ вѣкъ ничего не забудетъ. Нашему же рекруту, не успокоивши его, не обласкавши добрымъ словомъ, теплымъ участіемъ, начинаютъ прямо выламывать ноги и руки, часто безъ предварительнаго объясненія, въ чемъ состоитъ сущ-

„Солдатъ не свыкается съ своими начальниками, потому что существуютъ обстоятельства, которыя отталкиваютъ ихъ постоянно.

1) „Это всегдашній начальнический тонъ обращенія съ ними. Во фронтѣ или внѣ его, начальники одинаково равнодушно презрительно или холодно форменно обращаются съ солдатами. 2) Убѣжденіе, что каждый офицеръ *баринъ*. Въ каждомъ изъ нихъ, солдаты изъ *крепостныхъ* продолжаютъ видѣть барина, бурмистра, управляющаго Русскаго или Нѣмца, смотря по тому, какой націи начальникъ; солдатамъ же изъ казенныхъ крестьянъ видятся становые, окружные и исправники, грабившіе и притѣснявшіе ихъ“ (стр. 116).

ность приѣмовъ, которымъ его учать *). Врожденная логика разумнаго существа никакъ не могла переварить подобной пищи; спросить: „зачѣмъ все это?“ никто не смѣлъ; да и какъ объяснить существенную необходимость большей части ружейныхъ приѣмовъ и учебныхъ шаговъ?—и потому солдатъ невольно бросался въ крайности: или оставлялъ всякую работу мысли и дѣлался ученымъ звѣремъ,—чему покорялось значительное большинство; или же, порываясь разсуждать, но встрѣчая всюду противодѣйствіе, терялъ всю вѣру въ себя, всякое уваженіе къ своимъ учителямъ, дѣлался такъ называемымъ негоднемъ, и оканчивалъ незавидное свое служебное поприще“.

И въ этой выпискѣ г. цензоръ держится своей методы сводить въ одну рѣчь слова, набранныя на цѣлой страницѣ, и, отбросивъ начало, мѣняетъ самый тонъ рѣчи.

Въ подлинникѣ такъ:

„Когда молодой солдатъ уже нѣсколько привыкнетъ къ своему быту, обживется, — онъ все-таки не свыкается съ своими начальниками, потому что существуютъ обстоятельства, которыя отталкиваютъ ихъ постоянно. Во-первыхъ, это всегдашній начальнический тонъ обращенія съ ними; во фронтѣ, или внѣ его, начальники одинаково равнодушно, презрительно или холодно-форменно, обращаются съ солдатами. Умѣть отдѣлать свои отношенія служебныя и частныя — была бы важная услуга; для этого стоитъ только отличить въ солдатѣ человѣка отъ солдата; а чтобы онъ самъ понялъ эту двойственность, солдатомъ видѣть его только во фронтѣ, человѣкомъ — всюду. Дисциплина отъ этого нисколько не пострадаетъ; напротивъ, разность тона скорѣе увеличитъ значеніе фронта, какъ во всемъ отличное отъ обыкновенныхъ отношеній частныхъ. Каждый изъ насъ бывалъ въ походахъ; вспомните, какъ въ это время отношенія солдатъ съ офицерами сближаются; общая цѣль, общія труды, лишенія ставятъ и тѣхъ и другихъ на общечеловѣче-

*) „Хотя въ настоящее время эта метода обученія, благодаря Бога, отмѣнена, но почти всѣ нынѣ служащіе солдаты прошли чрезъ ея премудрость. Обаяніе этой системы обученія было такъ сильно, что встрѣчались начальники, приходившіе въ неописанный восторгъ отъ *зватки*, какъ *орлякъ* целкнулъ, и изумительной *шры въ поскы*“.

„скую ногу; а дисциплина развѣ отъ этого „страдаетъ? Нисколько.

„Второе обстоятельство, способствующее „разъединенію, есть убѣжденіе, что каждый „офицеръ—*баринъ*; часто, спрашивая у сол- „даты: „кто тамъ?“—получаешь въ отвѣтъ— „*господа*. Въ каждомъ изъ начальниковъ, „солдатъ продолжаетъ видѣть своихъ преж- „нихъ властей; — крѣпостной: барина, бурми- „стра, управляющаго изъ Русскихъ или Нѣм- „цевъ, смотря по тому, какой націи началь- „никъ; казеннымъ видятся становые, окру- „жные и исправники, грабившіе и притѣсняв- „шіе ихъ. Нужно всѣми мѣрами доказывать „имъ, что мы офицеры, которыми и они мо- „гутъ быть, а не *господа*, чѣмъ, по ихъ мнѣ- „нію, они никогда быть не могутъ. Этотъ „страхъ власти, это сознаніе превосходства „породы, проявляется не только въ словахъ, „но и въ поступкахъ, какъ можно замѣтить, „присмотрѣвшись къ обращенію нижнихъ чи- „новъ съ офицерами внѣ фронта“.

Г. цензоръ представилъ только конецъ рѣчи, но упустилъ ея поводъ. Авторъ, указы- вая, какъ важно для ротныхъ командировъ внимательно слѣдить за отношеніями къ сол- датамъ унтеръ-офицеровъ, людей вполнѣ не- образованныхъ и неразборчивыхъ въ сред- ствахъ къ достиженію благорасположенія рот- ныхъ командировъ на счетъ солдатъ, говоритъ такъ:

„За средствами (у фельдфебелей и унтеръ- „офицеровъ) недостатка не бываетъ; дежур- „ства, дневальства, нарядъ на работы, носка „шанцевалаго инструмента, раздача годовыхъ „вещей, — вотъ тѣ мелкіе бичи, которые мо- „гутъ жестоко истязать бѣднаго солдата при „его молчаливомъ терпѣніи. Каждый изъ рот- „ныхъ командировъ согласится со мною, что „слѣдить за правильнымъ нарядомъ людей на „дежурства и дневальства очень трудно; тѣмъ „болѣе, что отдѣленные унтеръ-офицеры имѣ- „ютъ право нарядить не въ очередь — за на- „казаніе. Солдатъ, въ особенности дослужив- „шійся до галуновъ, чрезвычайно гордится „своимъ достоинствомъ; истинное сознаніе сво- „ихъ заслугъ — чувство прекрасное, еслибъ „оно не влекло за собою злоупотребленія вла- „сти; но у насъ почти каждый унтеръ-офи- „церъ, въ своемъ маленькомъ кругѣ дѣйствій, „дѣлается мелкимъ, но грубымъ тираномъ. „Ничтожное, часто неумышленное неуваженіе „отъ своего подчиненнаго, не по службѣ, а

„У насъ почти каждый унтеръ- „офицеръ дѣлается мелкимъ, но гру- „бымъ тираномъ. Ничтожное, неумы- „шленное неуваженіе отъ подчинен- „наго, не по службѣ, а въ частномъ „быту, принимается имъ чуть не за „крѣпостную обиду и отмщается жестоко; „при разборѣ ссоръ и жалобъ „иногда встрѣчаются такіа ожесто- „ченія, за какое-нибудь пустое слово, „что можно бояться кровопролитія“.

(Стр. 117).

Если бъ солдаты имѣли дѣйстви- тельно убѣжденія, подобныя выше- приведеннымъ замѣчаніямъ, то не подлежить сомнѣнію, что любой полкъ разбѣжался бы; но, къ счастью, до этой крайности никогда не доходило. Это доказываетъ только, что *гуман- ность* ведетъ иногда къ заблужде- нію, а сіе послѣднее къ рѣзкимъ, неосновательнымъ заключеніямъ.

Остальная часть статьи весьма по- лезна и выполнена практическихъ на- ставленій для умственного и строеваго образованія солдатъ.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СВОРНИКА“.

ОТНОШЕНІЯ НАЧАЛЬНИКОВЪ КЪ
ПОДЧИНЕННЫМЪ ОФИЦЕРАМЪ.

6) Авторъ статьи говоритъ (стр. 101): „Не знаю, какъ теперь, а прежде были у насъ какія-то особенныя понятія объ отношеніяхъ начальника къ подчиненнымъ. Подчиненный съ понятіемъ о начальникѣ соединялъ понятіе о карательной власти въ различныхъ видахъ наказаній, начиная съ выговора, послѣ котораго на первый разъ три дня ходилъ, какъ *ошельмованный*, и къ которому однако скоро привыкалъ до такой степени, что переносилъ его потомъ уже совершенно равнодушно, и оканчивая отдавѣемъ подь судъ. Сообразно съ этимъ предубѣжденіемъ о власти, установились особыя отношенія между начальникомъ и его подчиненными, и родились какія-то искаженныя понятія о дисциплинѣ и чинопочитаніи. Начальникъ съ своей стороны какъ-то боялся сближенія съ подчиненными. По его понятіямъ, онъ опасался сближеніемъ съ ними нарушить дисциплину и чинопочитаніе и долго раздумывалъ о томъ, нарушатся ли онѣ поданіемъ руки подчиненному? Совершенно забывалось, что вовсе не великодушно оскорблять того, кто не имѣлъ права защищаться“.

ДИСЦИПЛИНА.

„Мы очень хорошо понимаемъ важность и необходимость дисциплины“ (стр. 102), но только расходимся нѣсколько въ своихъ понятіяхъ съ

„въ частномъ быту, принимается имъ чуть не за кровную обиду, и отищается жестоко; при разборѣ споровъ и жалобъ, иногда встрѣчаются такіа жесточенія, за какое-нибудь пустое слово, что можно бояться „кровопролитія“.

Есть ли хоть малѣйшій поводъ этому простому наблюденію автора давать такое заключеніе, какое дѣлаетъ г. цензоръ?

Здѣсь г. цензоръ свелъ въ одну рѣчь отдѣльныя фразы съ трехъ страницъ, выпустивъ то, что именно и опредѣляетъ цѣль, съ какой онѣ написаны.

Послѣ опредѣленія отношеній между начальниками и подчиненными въ артиллеріи, отношеній, которыя именно и способствуютъ тому, что артиллерійское общество стоитъ выше обществъ другихъ родовъ оружія, авторъ излагаетъ свои мысли о томъ, что и общество пѣхотныхъ офицеровъ, несмотря на разнообразіе своего состава, могло бы быть значительно поднято противъ прежняго лучшимъ обращеніемъ начальниковъ съ подчиненными и тѣснѣйшею между ними связью. Высказавъ эту мысль, авторъ говоритъ далѣе слѣдующее:

„Не знаемъ, какъ теперь, а прежде у насъ господствовалъ уже давно образовавшійся, совсѣмъ особый взглядъ на службу, и родились какія-то особенныя понятія о ней и объ отношеніяхъ начальника къ подчиненнымъ.“

„Не будемъ входить въ подробности и изыскивать источники и обстоятельства, развившія этотъ взглядъ; скажемъ только, что подчиненный съ понятіемъ о начальникѣ соединялъ понятіе о карательной власти, которая можетъ олицетворяться въ различныхъ чинахъ и званіяхъ, начиная отъ майора (батальоннаго командира) и постепенно восходя до генерала (корпуснаго), и проявляться въ различныхъ видахъ наказаній, начиная съ выговора, послѣ котораго на первый разъ три дня ходишь какъ *ошельмованный*, и къ которому, однако, скоро привыкаешь до такой степени, что переносишь его потомъ уже совершенно равнодушно, и оканчивая отданіемъ подь судъ.“

„Сообразно съ этимъ представленіемъ о власти установились особыя отношенія между начальникомъ и его подчиненными, и родились какія-то искаженныя понятія о дисциплинѣ.“

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„съ тѣми, ~ которые воображаютъ, будто старшинство даетъ право на арендное содержаніе моральной стороны своихъ подчиненныхъ и на удобреніе этой почвы оскорбленіями всякаго рода.

„Дисциплина обратилась въ какую-то широкую отвлеченность (стр. 103), подъ которую можно было подвести даже чуть, чуть не семейныя обстоятельства офицера и отвѣчать за нарушеніе которой можно было не согласившись съ мнѣніемъ жены своего командира. Повиновеніе начальству обратилось въ простую и прямую обязанность каждого чина ежеминутно быть готовымъ къ выслушанію самой неприличной брани отъ старшаго по чину“. Остальное означено краснымъ карандашомъ. (Стр. 102—106).

Замѣчательно, что при подобномъ сужденіи, авторъ восклицаетъ (стр. 102): „Да не упрекнетъ насъ никто въ томъ, будто бы мы говоримъ не въ пользу дисциплины. Далеко нѣтъ“.

Но это не болѣе какъ фраза.

подлинныя выписки изъ „Сворника“.

„плинѣ и чинопочитаніи. Почти всѣ служебныя отношенія вертѣлись около распекаціи. „Можно было прослужить два, три года, и не сказать слова съ командиромъ, если только подчиненный держалъ себя такъ хорошо, что не подвергался служебному выговору. Даже „начальникъ, съ своей стороны, какъ-то боялся сближенія съ подчиненными. По его понятіямъ, онъ опасался сближеніемъ съ ними нарушить дисциплину и чинопочитаніе. Встрѣчаясь даже съ такимъ изъ подчиненныхъ, котораго обязанъ былъ видѣть очень часто, онъ долго раздумывалъ о томъ, нарушится ли нѣтъ дисциплина чрезъ то, если онъ по-дастъ ему руку? Учивость была совершенно изгнана изъ обращенія, какъ будто вѣжливость могла унижить начальника, и какъ будто необходимо унижать другихъ, чтобы самому быть выше. Совершенно упускалось изъ виду, что истинное достоинство никогда не позволить себѣ ничего лишняго, и что не деликатность есть оскорбленіе, которое бываетъ тѣмъ чувствительнѣе и щекопливѣе, чѣмъ выше лицо, отъ котораго оно идетъ. „Совершенно забывалось, что вовсе невеликодушно оскорблять того, кто не имѣлъ права защищаться. И все это сваливалось на несчастную дисциплину.

„Но да не упрекнетъ насъ никто въ томъ, будто мы говоримъ не въ пользу дисциплины. „Далеко нѣтъ. Мы очень хорошо понимаемъ важность и необходимость дисциплины, но только расходимся нѣсколько въ своихъ понятіяхъ о ней съ тѣми, которые воображаютъ, будто старшинство даетъ право на арендное содержаніе моральной стороны своихъ подчиненныхъ и на удобреніе этой почвы оскорбленіями всякаго рода, для того, чтобы взростить на ней хорошій плодъ.

„Дайте мнѣ самыхъ изнѣженныхъ, самыхъ испорченныхъ сибаритовъ, и я, съ помощью дисциплины, сдѣлаю изъ нихъ самыхъ доблестныхъ воиновъ“, говорилъ Пирръ. „Родная армія безъ дисциплины гораздо опаснѣе для государства, нежели непріятель“, говорилъ маршалъ Морицъ Саксонскій. Все это мы очень хорошо понимаемъ, и ровно ничего не находимъ сказать противъ такихъ прос-тыхъ и неоспоримыхъ истинъ. Многіе говорятъ, что безъ дисциплины невозможна побѣда; скажемъ болѣе, безъ нея не можетъ существовать даже армія. Но какъ ни говорить о дисциплинѣ, она все-таки останется

„только *безпрекословнымъ повиновеніемъ*
 „*младшаго къ старшему во всемъ, что*
 „*касается до службы; а изъ этого вовсе*
 „*не слѣдуетъ, чтобы старшій могъ злоупотре-*
 „*блять своею властію, примвѣшивать къ ней*
 „*свой произволъ и пользоваться ею для*
 „*того, чтобы безнаказанно оскорблять млад-*
 „*шаго.*

„Въ этомъ случаѣ начальникъ уже пере-
 „стаегъ быть представителемъ закона, кото-
 „рый всегда спокоенъ, а дѣлается просто
 „человѣкомъ, безнаказанно оскорбляющимъ без-
 „защитнаго.

„Подавляя въ человѣкѣ чувство чести
 „и уваженія къ самому себѣ, начальникъ
 „*нарушаетъ* дисциплину, и заставляетъ под-
 „чиненнаго, за испытанное имъ публичное
 „униженіе, возставать въ душѣ противъ стар-
 „шаго.

„Такія отношенія, конечно, не могли быть
 „полезны ни для службы, ни для самихъ офи-
 „церовъ.

„Принося вредъ нравственному развитію,
 „удаленіе командира отъ офицеровъ и разъ-
 „единеніе общества очень много вредило и
 „службѣ. Командиръ не имѣлъ никакой воз-
 „можности вѣрно оцѣнить способности и нрав-
 „ственность своихъ подчиненныхъ, изъ кото-
 „рыхъ болѣе ловкіе всегда имѣли возможность
 „искусно маскироваться. Офицеръ, исправный
 „по службѣ (что, впрочемъ, всегда составля-
 „етъ одно изъ важныхъ достоинствъ) и въ
 „то же время въ высшей степени испорчен-
 „ный нравственно, могъ прослыть за полез-
 „наго человѣка, скорѣе выслужиться, полу-
 „чить роту и потомъ вдругъ начать обсыты-
 „вать солдата, притѣснять его всеми возмож-
 „ными средствами и кончить тѣмъ, что про-
 „играть солдатскія деньги.

„Командиръ разочаровывался наконецъ въ
 „*хорошемъ* офицерѣ; но не подозрѣвая, что
 „виною ошибки онъ самъ и тѣ отношенія, въ
 „которыхъ онъ находится съ офицерами и ко-
 „торыхъ не дозволяютъ ему проникнуть за
 „кругъ служебныхъ формъ, переносилъ свое
 „разочарованіе на цѣлое общество и, повиди-
 „мому справедливо, находилъ, что послѣ этого
 „никому нельзя довѣрять, и что въ его
 „полку нѣтъ ни одного порядочнаго чело-
 „вѣка.

„Все остальное сбивалось также только на
 „соблюденіе самой узкой формальности. Дис-
 „циплина—это существенное свойство образо-

„ванной арміи, безъ котораго войско—толпа, непригодная для битвы, принимала иногда самыя странныя формы. Дисциплина — душа войска, обратилась въ какую-то широкую, отвлеченность, подъ которую можно было подвести даже чуть-чуть не семейныя обстоятельства офицера, и отвѣчать за нарушеніе которой можно было, не согласившись съ мнѣніемъ жены своего командира. Повиновеніе начальству обратилось въ простую и прямую обязанность каждаго чина ежеминутно быть готовымъ къ выслушанію самой ужасной, очень часто самой неприличной брани отъ старшаго по чину.

„Страннѣе всего то, что такія отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ образовались совершенно, вопреки духу нашего законодательства, которое постоянно шло въ виду, изъ каждаго частнаго начальника сдѣлать ближайшаго ходатая за своихъ подчиненныхъ предъ высшимъ начальствомъ.

„Законъ, вручая начальнику значительную власть надъ подчиненными, налагая на него строгую отвѣтственность за нихъ, въ то же время обязываетъ этого начальника быть вѣжливымъ и справедливымъ. По духу и по самой буквѣ закона, начальникъ долженъ входить во всѣ нужды своего подчиненнаго, звать его потребности, степень возможности ихъ удовлетворенія, и содѣйствовать къ улучшенію его быта, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

„Понятно, что это совершенно невозможно при описанномъ нами обращеніи.

„Напрасно здѣсь говорить, что подобныя отношенія между начальникомъ и его подчиненными существуютъ не вездѣ, и что есть начальники, которые, имѣя правильный взглядъ на свои обязанности, свято исполняютъ свой истинный долгъ — это разумѣется само собою“.

Изъ этой выписки видно, что слова автора о необходимости дисциплины дѣйствительно составляютъ его убѣжденіе, и не даютъ никому права подозрѣвать, что это только фраза. Можно ли судить человѣка, читая между строчками?

Точно также и авторъ другой статьи, для успокоенія совѣсти, огориваетъ (стр. 119): „Да не обвинять меня въ томъ, что я проповѣдую слабость, излишнее снисхожде-

По выпискѣ г. цензора можно подуматъ, что предшествующая рѣчь этого другаго автора была какимъ-то возмутительнымъ монологомъ противъ дисциплины, до такой степени возмутительнымъ, что потребовала для очище-

ЗАПСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„ніе къ солдатамъ; нисколько. По-
нимаю всю важность дисциплины, я
„возстаю только противъ ея злоупотре-
„бленій“.

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“

нія совѣсти особой оговорки. Но можно ли
такъ безжалостно бросать тѣнь подозрѣнія на
человѣка, котораго каждое слово дышитъ вы-
сокимъ, благороднымъ чувствомъ, достигающимъ
не на долю всякаго.

Вотъ рѣчь автора, которую г. цензоръ счелъ
нужнымъ подвергнуть подозрѣнію.

„Для возможнаго уничтоженія всѣхъ не-
„справедливостей, не рѣдко злоупотребленій,
„мнѣ кажется, нужно, чтобы ближайшіе на-
„чальники входили въ самыя мелочи быта
„солдатъ, считали бы послѣднихъ себѣ подоб-
„ными существами, мыслящими и чувству-
„ющими; а главное, не прятали бы отъ нихъ
„своего сердца, не краснѣли бы предъ ихъ
„благородными порывами, дали бы имъ вздох-
„нуть. Не даромъ говорить русская пословица:
„сердце сердцу вѣсть подаетъ“, и сердце
„русскаго солдата съумѣетъ откликнуться на
„задушевный голосъ своего начальника. Не-
„рѣдко, одинъ только лживый стыдъ и не-
„умѣстный страхъ уничтоженія чинопочитація,
„ставили преграду между начальниками и под-
„чиненными; а какъ легко было ее преодо-
„лѣть: ласковое слово, иногда шутка, — за-
„бота, когда солдатъ боленъ, участіе къ его
„семейному быту, изрѣдка разпросы объ
„его семьѣ, родинѣ, — вотъ все, чего жела-
„етъ онъ.“

„Да не обвинять меня въ томъ, что я про-
„повѣдую слабость, излишнее снисхожденіе къ
„солдатамъ; — нисколько. Понимаю всю важ-
„ность дисциплины въ военной службѣ, я
„возстаю только противъ ея злоупотребе-
„ній“.

Въ чемъ же тутъ очищать свою совѣсть?
Развѣ она хоть на одну іоту расходится съ
духомъ всего нашего законодательства, развѣ
законъ не предписываетъ точно также сбли-
женія, вниманія и участія начальниковъ къ
подчиненнымъ? Неужели г. цензоръ не пони-
маетъ, что значить бросить подозрѣніе на
другаго?

СЛУЖБА.

а) Авторъ статьи „Голосъ изъ
Арміи“ объясняетъ также „незрѣлое
„пониманіе у насъ самой службы“
(стр. 82). По его словамъ: „До сихъ
„поръ, наша дѣятельность по службѣ
„носитъ характеръ служенія частному
„лицу, а не государству. Началь-
„никъ, авторитетомъ своей власти,
„дастъ личнымъ вкусамъ и симпа-

И въ этихъ выпискахъ точно также нѣтъ
ни одного цѣлаго мѣста; г. цензоръ съ не-
обыкновенною осмотрительностью выбрасываетъ
каждое слово, которое хотя сколько-нибудь
могло бы смягчить тонъ рѣчи.

Въ подлинникѣ напечатано такъ:

„Надобно также упомянуть о незрѣломъ
„пониманіи у насъ самой службы. До сихъ
„поръ, наша дѣятельность по службѣ носить

„тіямъ значеніе обязательнаго долга,
„и для собственныхъ видовъ на-
„правляетъ дѣятельность подчинен-
„ныхъ. Говорятъ, что рота должна
„знать духъ своего командира и по
„его дудочкѣ плясать.

„Здѣсь-то и нужно искать (стр. 83)
„начало раболѣпству, наущничеству,
„податливости характера и располо-
„женія въ подчиненныхъ; на сколько
„плутъ староста безнравственнѣе про-
„стаго мужика, на столько плутова-
„тый фельдфебель хуже обыкновен-
„наго рядоваго; начальникъ, требую-
„щій услужливости отъ своихъ под-
„чиненныхъ, самъ дѣлаетъ тоже са-
„мое относительно вышнихъ. Движи-
„мый ревностью къ угрожденію на-
„чальству, онъ готовъ былъ бы раз-
„дѣть солдатъ и сложить все въ
„цейхгаузъ, чтобы ничего не носи-
„лось и не портилось.

„Личная непріятность и ссора
„часто переносится въ область службы.
„На плацу при ученьяхъ дѣлаются
„придирки, выговоры, и что еще
„хуже, еще отвратительнѣе, — злоба
„иногда вымещается на подчинен-
„ныхъ того, кто имѣлъ несчастье не
„понравиться“.

„Здѣсь прибавлены *указанія* на
„плацъ-майора въ городѣ Ш. и на
„генерала ***, который любилъ грѣ-
„тое бургонское.

„характеръ служенія частному лицу, а не
„государству; до сихъ поръ личныя, частныя
„отношенія какъ-то смутно отдѣляются отъ
„служебныхъ въ нашей жизни. Начальникъ
„части, авторитетомъ своей власти, даетъ
„своимъ личнымъ вкусамъ и симпатіямъ зна-
„ченіе обязательнаго долга; дѣятельность под-
„чиненныхъ своихъ болѣе или менѣе стремится
„направить для собственныхъ видовъ; ставитъ
„свою особу на первый планъ и, болѣею
„частью, дѣлаетъ это не по добросовѣстности,
„а отъ безсознательнаго смѣшенія въ себѣ
„частнаго, индивидуальнаго лица съ служеб-
„нымъ, общественнымъ. Этимъ объясняются
„изрѣченія старыхъ, закаленныхъ ротныхъ ко-
„мандировъ: *„рота должна знать духъ сво-
„его командира“*, или *„по моей дудочкѣ
„плясать“*. Въ переводѣ они будутъ значить
„то, что солдаты должны изучать и прино-
„рвляться ко всѣмъ прихотямъ, капризамъ,
„привычкамъ и частнымъ видамъ своего бли-
„жайшаго начальника.

„Здѣсь-то и нужно искать начало раболѣпству,
„наущничеству, податливости характера и рас-
„положенія въ подчиненныхъ; точно такъ же,
„какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ такого же
„рода отношенія владѣльца къ собственнымъ
„крестьянамъ бываютъ причиною появленія
„плутовъ и пройдохъ старостъ или прикащи-
„ковъ; и на сколько плутъ староста безнрав-
„ственнѣе простаго, безхитростаго мужика,
„на столько плутоватый фельдфебель хуже
„обыкновеннаго рядоваго. Начальникъ части,
„требующій услужливости отъ своихъ подчи-
„ненныхъ, самъ дѣлаетъ тоже самое относи-
„тельно вышнихъ. Движимый ревностію къ
„угроженію начальству, онъ готовъ былъ бы
„раздѣть солдатъ и сложить все въ цейхгаузъ,
„чтобы ничего не носилось и не портилось.

„Личная непріятность и ссора часто пере-
„носятся въ область службы; тотчасъ же
„являются форменныя бумаги съ форменными
„выраженіями, считающимися у насъ колкими,
„какъ напимѣръ: *„вынужденнымъ нахо-
„жусь...“* — *„не лишнимъ считаю замѣтить...“*
„и т. п. Прославленнымъ на незавидномъ по-
„прищѣ военнаго крючкотворства дается даже
„титулъ головы. — *„О, этотъ человекъ — го-
„лова!... какое у него перо!...“* таинственно
„произносятъ его товарищи. На плацу, при
„ученьяхъ, дѣлаются придирки, выговоры
„и, — что еще хуже, еще отвратительнѣе, —
„злоба иногда вымещается на подчиненныхъ

СМОТРЫ.

„Кстати о смотрахъ (стр. 84).
„Смотры высшаго начальства составляютъ альфу и омегу нашей служебной дѣятельности; удача на смотре поглощаетъ всѣ стремленія начальниковъ частей.

„Въ горячихъ случаяхъ ожиданія смотра отличаются иные офицеры, люди разбитные на всѣ руки, какъ говорится съ правилами: „воруй да не попадайся“, которые зубочистками и пинками дѣлаютъ повиdimому чудеса въ обученіи солдатъ ружейнымъ приемамъ и широкому шагу. Но солдаты, прошедшіе ихъ школу, съ забитыми и поглупѣвшими головами, съ оторопѣвшими физиономіями, уже менѣе годны къ ловкому дѣйствію въ разсыпномъ строю. Они отвыкли разсуждать и имѣть свою волю. Да и сами эти офицеры оказываются совершенно лишними въ часъ битвы. Но тѣмъ не менѣе, ими дорожатъ. Они весьма нужны для смотровъ, для различныхъ сдѣлокъ съ мѣстными властями и для командировокъ по хозяйственной части. Ужъ если и себя не забудетъ такой человекъ, то все же посылающій его будетъ не въ накладе“.

„того, кто имѣлъ несчастіе не понравиться; и старшій начальникъ наказываетъ тогда солдата не за то, что онъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ, а затѣмъ, чтобы досадить ближайшему его начальнику.

„Кстати о смотрахъ. Нельзя не замѣтить, что смотры высшаго начальства составляютъ альфу и омегу нашей служебной дѣятельности. Не успѣшность службы въ ея постепенномъ, непрерывномъ ходѣ; не ровная, постоянная заботливость о ея выгодахъ, — а только удача на смотру, вотъ что поглощаетъ всѣ стремленія начальниковъ частей. Оттого такая напряженная, лихорадочная дѣятельность передъ днемъ смотра, такіа усиленные ученія; здѣсь уже не имѣютъ мѣста ни заботливость о здоровьи солдатъ, ни разборчивость средствъ; кому, напримѣръ, неизвестны проколотыя штыками мишени и т. п.?

„Вотъ въ такихъ-то горячихъ случаяхъ ожиданія смотра и отличаются иные офицеры, люди разбитные, на всѣ руки, какъ говорится, съ правилами „воруй да не попадайся“, которые зубочистками и пинками дѣлаютъ, повиdimому, чудеса въ обученіи солдатъ ружейнымъ приемамъ и широкому шагу. Но солдаты, прошедшіе ихъ школу съ забитыми и поглупѣвшими головами, съ оторопѣвшими физиономіями, уже менѣе годны къ ловкому дѣйствію по одиночкѣ, въ разсыпномъ строю; нѣтъ у нихъ ни смѣтливости, ни рѣшительности; они отвыкли разсуждать и имѣть свою волю. Да и сами эти офицеры, обыкновенно такіе храбрые предъ безмолвнымъ и безотвѣтнымъ фронтомъ своей роты или команды, отходятъ предъ лицомъ настоящей опасности и смерти, какъ замѣчалось, на задній планъ; эти люди, такіе находчивые въ надувательствѣ становыхъ приставовъ, при расплатѣ кобтрмарками, знающіе наизусть, какъ *Отче нашъ*, всѣ параграфы Воинскаго устава, но не понимающіе и не дающіе никогда себѣ отчета, почему такъ, а не иначе говорить уставъ, на основаніи какихъ тактическихъ данныхъ то или другое постановлено, — оказываются совершенно лишними въ часъ битвы. Но тѣмъ не менѣе, ими дорожатъ. Они весьма нужны для смотровъ, для различныхъ сдѣлокъ съ мѣстными властями и для командировокъ по хозяйственной части. Ужъ если и себя не

СТРѢЛБА ВЪ МИШЕНЬ

„Кому, напримѣръ, не извѣстны проколотыя штыками мишени?“ (стр. 84).

б) Болѣе рѣзко, и не безъ остроты, описаны употребляемые, будто бы, въ артиллеріи хитрости для обмана начальства въ отношеніи успѣховъ практической стрѣльбы и описано составленіе подложныхъ журналовъ производства оной (стр. 98—99).

Даже весьма основательная статья „Взглядъ на состояніе войскъ въ минувшую войну“ представляетъ довольно рѣзкія выраженія о долгѣ службы, обученіи войскъ и проч.

ВОЕННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

При разборѣ „Морскаго Сборника“ (стр. 238—245) выписаны изъ этого журнала сужденія о нѣкоторыхъ предметахъ и нѣсколько подлинныхъ выраженій. Послѣ колкаго сравненія

„забудетъ такой человѣкъ, то все же, посылающій его будетъ не въ накладѣ.“

—Но гдѣ же найти универсальное лекарство и противоядіе для недостатковъ нашихъ? Ясно, что отвѣтъ будетъ тотъ же самый, какими отвѣчали на всѣ вопросы, затронутые въ послѣднее время; отвѣтъ этотъ: „въ проsvщеніи“. Только образованный офицеръ можетъ имѣть болѣе человѣчный взглядъ на солдата, можетъ отрѣшиться отъ условной честности и возвыситься до истинной честности, и понять свой долгъ и назначеніе обширнѣе и правильнѣе“ (стр. 83, 84 и 85).

Г. цензоръ, приводя эти слова въ обвиненіе, не знаетъ, конечно, что они совершенно справедливы.

Г. цензоръ принимаетъ на себя видъ, что онъ рѣшительно никакихъ, даже и мелкихъ злоупотребленій и подозрѣвать не можетъ. Сознаніе въ ошибкѣ онъ ставитъ въ преступленіе. Очевидно, что онъ не можетъ сойтись въ мнѣніи съ „Сборникомъ“, который возстава на господъ, проповѣдующихъ правило „воруй да не попадайся“, возстае точно также и на тѣхъ, кто проповѣдуетъ: „обманывай, плутуй, но не сознавайся“.

Эта статья еще въ рукописи удостоилась быть читанной и одобренной Государемъ Императоромъ.

Г. цензоръ, относительно этой статьи, ограничился только отзывомъ, что въ ней есть рѣзкія мѣста противъ долга службы и обученія войскъ. Но еслибы онъ привелъ эти мѣста точно также составленными изъ отдѣльных фразъ и словъ, собранныхъ совершенно съ разныхъ страницъ, какъ онъ приводилъ мѣста изъ другихъ статей, то и эта статья могла бы подвергнуться осужденію, и кто читалъ ее въ подлинникѣ, тотъ не узналъ бы ее вышедшею изъ подъ пера г. цензора. Статью „Голосъ изъ Арміи“ Его Величество точно также осчастливилъ прочтеніемъ и помѣтками, но передѣланная г. цензоромъ, она явилась въ такомъ видѣ, что ея и слѣда ни осталось; все, что было въ ней благороднаго, разумнаго, поблекло въ искаженныхъ выпискахъ.

Г. цензоръ, искажая выписку, лишаетъ ее основной идеи и умалчиваетъ о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о судопроизводствѣ на корабляхъ, совершенно другаго характера, чѣмъ въ сухопутномъ вѣдомствѣ, и о такомъ во-

нашего Балтійскаго флота съ *этапными инвалидами*, слѣдуетъ рѣзкое описаніе воспитанія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и наконецъ приводится мнѣніе о военномъ судопроизводствѣ. Законная форма военного суда представляетъ, по мнѣнію автора, два важныя неудобства (стр. 242), *„медленность и зависимость участи подсудимаго отъ одного лица“*. Военные законы ясны, — къ чему же множество инстанцій? Участіе къ судьбѣ провинившагося должно быть разсудительное и живое; для чего же отдавать ее на произволъ неспособности или прихотливости, свойственной старости? Къ чему между первоначальнымъ осужденіемъ и окончательнымъ пересмотромъ его, что дѣлается коллегіально, вводить произвольное сужденіе одного лица, котораго мнѣніе, по положенію, имъ занимаемому, непремѣнно должно имѣть вѣсъ и значеніе. Судите cadaго естественными судьями его; вводите въ комиссію непремѣнно и элементъ товарщества. Какое подкрѣпленіе для власти, если лейтенантъ осудить лейтенанта“!

простѣ, по которому Морское вѣдомство само желало узнать мнѣніе своихъ служащихъ, находя его несомнѣнно полезнымъ для соображеній при преобразованіяхъ судопроизводства.

Вотъ слова, цитированныя изъ „Морскаго Сборника“:

„Допуская къ себѣ надежды на лучшее будущее, нельзя не пожелать реформы и усовершенствованій по той части, отъ которой судьба служащихъ наиболѣе зависить, именно по судебной. При настоящей организаціи существуютъ два важныя неудобства — медленность и зависимость участи подсудимаго отъ одного лица. Медленность не свойственна военному судопроизводству и могла бы быть устранена, во-первыхъ, уменьшеніемъ случаевъ, по которымъ служащіе предаются военному суду; во-вторыхъ, учрежденіемъ, для всякаго случая, особой комиссіи изъ офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, изъ живущихъ съ подсудимымъ одною жизнью. Если всѣ преступленія противъ общества предоставить рѣшенію гражданскихъ законовъ, то военные чины не будутъ считать себя какою-то отдѣльною кастою, и военнымъ судамъ останутся только случаи, противные требованіямъ службы. Мундиръ долженъ подвигать ко всему хорошему и честному, а не спасать отъ кары за дурное и неблагородное. Кто справедливѣе разсудить случаи, вредящіе службѣ: тѣ ли, которые хорошо знаютъ ея требованія, дѣятельно занимаясь ею, или люди, которымъ дають въ руки вѣсы правосудія потому, что они не умѣютъ держать въ нихъ жезла власти; тѣ ли, кому подсудимый болѣе или менѣе извѣстенъ, со всею исторіею его служебной карьеры, которые слѣдятъ за ходомъ сословія, или отжившіе старцы, мѣрящіе все масштабомъ прошедшаго, иногда слишкомъ снисходительные, подъ часъ безмѣрно строгіе, давно отставшіе отъ сословія? Военные законы ясны; къ чему же множество инстанцій? Участіе къ судьбѣ провинившагося должно быть разсудительное и живое; для чего же отдавать ее на произволъ неспособности или прихотливости, свойственной старости? Къ чему между первоначальнымъ осужденіемъ и окончательнымъ пересмотромъ его, что дѣлается коллегіально, вводить произвольное сужденіе одного лица, котораго мнѣніе, по положенію, имъ занимаемому, непремѣнно должно имѣть вѣсъ и значеніе? Судите cadaго

По приведеніи этого мѣста, разбирающій „Морской Сборникъ“ говоритъ: „Мысли автора справедливы и рациональны. Ничто не можетъ сравниться съ судомъ товарищей, всегда непристрастнымъ“. Этого одобренія надлежало ожидать. Оба „Сборника“ имѣютъ одно убѣжденіе. „Военный“ предлагаетъ (стр. 120) проступки солдатъ отдавать на судъ сослуживцевъ, на подобіе того, какъ крестьянскія дѣла разбираетъ мирь. „Морской“ желаетъ, чтобы офицера судили его товарищи. Оба „Сборника“ забываютъ, что основанія уголовнаго судопроизводства зависятъ отъ вышшихъ государственныхъ соображеній, и что законы вырабатываются не изъ праздныхъ мечтаній молодыхъ офицеровъ, но изъ жизни народа, мудростью правительства и требованіями времени.

„естественными судьями его; введите въ комиссію непременно и элементъ товарищества. Законъ, повторяемъ, ясенъ; что черно, то черно и будетъ; но какое подкрѣпленіе для власти, если лейтенантъ осудитъ лейтенанта! Какое торжество закона надъ всѣми связями дружбы и частныхъ отношеній! Съ другой стороны, отстаивая товарища, членъ комиссіи дорожаетъ до всѣхъ побудительныхъ и извинительныхъ причинъ, и торжество истины обезпечится. Мойте грязное бѣлье невѣжества, наглости и безнравственности на бѣломъ свѣту, противно пословицѣ, и это покажетъ всѣмъ, что вы хотите держать себя чисто“ (стр. 241—242).

И въ этомъ размышленіи г. цензоръ также находитъ преступленіе?

Г. цензоръ въ этомъ случаѣ столько же скупъ на выписки, сколько щедръ на философскія разсужденія.

Авторъ, разбирающій „Морской Сборникъ“, говоритъ слѣдующее: „Мысли автора справедливы и рациональны. Ничто не можетъ сравниться съ судомъ товарищей, всегда непристрастнымъ. Офицеръ, осужденный цѣлымъ обществомъ, хорошо знающимъ малѣйшія подробности его быта, не найдетъ уже никакого оправданія нигдѣ, куда бы судьба его ни бросила. Даже теперь, когда общество офицеровъ устранено отъ судебной власти надъ своими товарищами, и теперь даже судъ товарищей явно оставляетъ свои слѣды на личности осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ. Это замѣтно и тамъ даже, гдѣ, по видимому, менѣе всего можно подозрѣвать существованіе этого мнѣнія. Офицеръ, удаленный изъ одного полка своими товарищами, никогда не найдетъ участія къ себѣ въ другомъ. Каждый, говоря о такомъ офицерѣ, непременно уже скажетъ при всякомъ удобномъ случаѣ: „его удалили офицеры изъ такого-то полка“. Если же офицеръ удаленъ самимъ командиромъ, то хотя бы поступокъ его и былъ вдвое чернѣе того, за который первый изгнанъ своими товарищами, однако почти всегда объ немъ скажутъ только: „У него была какая-то исторія съ командиромъ“ (стр. 242—243).

Затѣмъ на 120 страницѣ „Военный Сборникъ“ предлагаетъ отдавать нѣкоторые проступки на судъ самихъ же солдатъ слѣдующимъ образомъ: „Когда проступокъ по роду своему не требуетъ немедленнаго наказанія,

За симъ изложено довольно подробно устройство прусскихъ офицерскихъ судовъ и разрѣшенія, даваемые ими на дуэли холоднымъ оружіемъ. Такъ какъ дуэли воспрещены у насъ безусловно, то кажется благоразуміе было бы не дразнить молодыхъ умовъ изложеніемъ этой статьи, тѣмъ болѣе, что учрежденіе, введенное въ протестантскомъ государствѣ, можетъ быть, въ религіозномъ отношеніи, совершенно противно тѣмъ началамъ, на которыхъ основаны законы православнои державы.

МЫСЛИ ПО ЧАСТЯМЪ УЧЕБНОЙ И
УЧЕНОЙ.

Разсмотрѣвъ статьи, относящіяся къ фронтовой службѣ, обратимся къ частямъ учебной и ученой.

Выше упомянуто было о мнѣніи „Морскаго Сборника“ (повторенномъ въ „Военномъ Сборникѣ“ (на стр. 239—241) на счетъ неудовлетворительности воспитанія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. На стр. 234—238, встрѣчается разборъ предмета, относящагося не только до одного Морскаго корпуса, но до всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, до всѣхъ учебныхъ заведеній,—это значеніе балловъ. Авторъ, сознавая необходимость балловъ, какъ за поведеніе, такъ и за науки для домашняго лишь обихода, старается доказать, что вообще нельзя никогда придавать серьезнаго значенія балламъ. Мысли его,

полезно отдавать его на судъ товарищей, это подыметъ голосъ общества, внушить виновному уваженіе къ товарищамъ и вѣрво взысканіе опредѣлять справедливѣе *)“.

Неужели г. цензоръ и въ этомъ видитъ безнравственность? Но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода судъ повторяется безпрестанно и самими разумными начальниками. Какое соотношеніе съ подобнымъ судомъ имѣть уголовное судопроизводство?

Г. цензоръ позабылъ упомянуть, откуда въ „Военномъ Сборникѣ“ взято описаніе прусскихъ офицерскихъ судовъ, тогда какъ на 243 страницѣ ясно сказано, что описаніе взято изъ *Военнаго Журнала за 1857 годъ № 5-й*, то есть изъ журнала, издаваемого Военно-Ученымъ Комитетомъ и проценсированнаго уже военной ценсурой.

Г. цензоръ, который въ другой своей запискѣ увлекся дуэлью французскихъ подпоручиковъ съ Пэнномъ до того, что несмотря на *неблагородное* окончаніе дуэли, выставивъ ее образцомъ чувства *чести*, лишь только зашла въ „Сборникъ“ рѣчь о судахъ, разрѣшающихъ дуэли, находить, что дразнить молодыхъ дуэлями не хорошо. Трудно рѣшить, чего желаетъ г. цензоръ. Но очевидно, что онъ въ обоихъ случаяхъ совершенно расходится съ понятіями о чести всего военнаго общества, признающаго дуэль съ Пэнномъ образцомъ, не чести, а низости, марающей мундиръ; а дуэль, разрѣшаемую судомъ,—вещью иногда совершенно неизбѣжною, хотя и прискорбною.

Здѣсь выводъ г. цензора особенно оригиналенъ. Мысли, высказанныя о баллахъ, онъ

„*) Каждый солдатъ, прежде поступленія въ военную службу, былъ крестьяниномъ, и потому знаетъ, что такое міръ, понимаетъ всю важность этого учрежденія, и съ юныхъ лѣтъ „читаетъ къ нему уваженіе; поэтому дѣла, отданныя на обсужденіе солдатскому міру, будутъ рѣшены имъ безпристрастно. Слишкомъ большой строгости отъ ихъ опредѣленій ожидать нельзя, русскій солдатъ самъ по себѣ чело-вѣколюбивъ: въ лагеряхъ десятки нищихъ пропитываются на его счетъ: арестанту онъ всегда дастъ копѣйку, если она у него есть. Состраданіе у него развито даже къ животнымъ: рогатая лошадь, собака служатъ тому примѣромъ; весь запасъ пѣжности солдата, за немѣнимымъ „другаго исхода, истощается на какого нибудь „пѣгаго ваську или мохнатую жучку“.

конечно, отчасти справедливы, того отвергать нельзя, но желательно было бы, чтобы кадеты не читали его статьи, потому что они могут и готовы слишком повѣрить проповѣдаваемой заманчивой истинѣ.

Въ статьѣ: „Мысли по поводу преобразованій въ артиллеріи“, собственно о преобразованіяхъ нѣтъ почти никакихъ подробностей, за исключениемъ только слѣдующаго:

Авторъ, сказавъ, „что по окончаніи послѣдней войны сдѣланъ правительствомъ цѣлый рядъ реформъ, „самыхъ благодѣтельныхъ“ для на- „рода“, и о дозволеніи гласности, продолжаетъ (стр. 94): „Перелистывая официальный отдѣлъ „Артиллерійскаго Журнала“, невольно оставившись на отчетѣхъ о различныхъ реформахъ по артиллерійскому вѣдомству: въ числѣ этихъ „новыхъ, важныхъ мѣръ, одно изъ „первыхъ мѣстъ занимаетъ уничто- „женіе въ артиллеріи экзаменовъ“.

За симъ изложены довольно интересно подлоги и хитрости, употреблявшіяся офицерами для удовлетворенія *нелѣпой* (какъ выражается авторъ) *формальности*. Авторъ замѣчаетъ, что „какъ артиллерійское начальство „печатно заклеило бесполезную формалистику этихъ экзаменовъ, то *возвратъ къ ней содѣлался невозможнымъ*“.

По прочтеніи этихъ строкъ, невольнымъ образомъ представляешь себѣ ребенка, радующагося, что тетюшка выпросила его отъ экзамена, къ которому онъ не былъ приготовленъ. Кто желаетъ трудиться, тому экзамены не мѣшаютъ; кто не хочетъ, тотъ воспользуется не много и вводными теперь лекціями.

ПОЛЕМИКА.

Въ полемической статьѣ по вопросу о батареѣ Раевского (1812 г.) встрѣчаются нѣсколько рѣзкія выраженія, напимѣръ, стр. 296: „Это можно бы „оставить безъ вниманія, если бы

признаетъ *справедливыми*, „того отвергать *нельзя*“, находить даже, что все это „истина“, но отвергаетъ ее, потому что она *заманчива*! Если истинѣ излагать (или какъ выражается цензоръ *проповѣдывать*) нельзя, потому что онѣ *заманчивы*, то, что же тогда проповѣдывать? — неужели ложь?

Въ этомъ случаѣ г. цензоръ совершенно расходится въ мнѣніи съ Артиллерійскимъ Ученымъ комитетомъ. Насмѣшки его неумѣстны, дѣло объ экзаменахъ уже рѣшено серьезнымъ образомъ, людьми, которые приобрѣли себѣ всеобщее уваженіе своею просвѣщенною и благонамѣренною дѣятельностью. Подлоги и хитрости, употреблявшіяся при экзаменахъ, всѣми признаны, экзамены отмѣнены и сравненія съ тетюшками уже лишни. Авторъ статьи „Сборника“ совершенно правъ въ своихъ словахъ. Вотъ приведенная имъ выписка изъ подлиннаго рѣшенія Комитета помѣщеннаго въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“.

„Принимая въ соображеніе, сказано въ отчетѣ, что нынѣшній порядокъ офицерскихъ „экзаменовъ, какъ доказывается по многолѣт- „немъ его существованію, не только не слу- „жить ни для какой полезной цѣли, но, вмѣсто „поощренія къ занятіямъ молодыхъ офицеровъ, „даетъ имъ лишь поводъ ухищряться въ под- „логахъ, а потомъ издѣваться надъ слѣпымъ „распоряженіемъ, наноситъ этимъ ущербъ „пользѣ службы и самой нравственности офи- „церовъ, унижая ихъ личное достоинство, и на- „конецъ обременяетъ начальство разсмотрѣніемъ „громднаго количества письменныхъ отвѣтовъ „на вопросы, всегда почти списанныхъ изъ „курсовъ или прежнихъ рѣшеній, — Артилле- „рійское отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, „находя существованіе настоящаго порядка „офицерскихъ экзаменовъ вреднымъ, признало „необходимымъ нынѣ же отмѣнить оный“.

За симъ слѣдуютъ соображенія, чѣмъ замѣнить экзамены, чтобы дѣйствительно привести образованіе артиллерійскихъ офицеровъ къ желаемой цѣли.

Статья эта, принадлежащая заслуженному нашему исторіографу и члену Военно-Ученаго Комитета, только подъ перомъ г. цензора, при его умѣнны придѣлывать къ одному предложенію окончаніе совершенно другаго предложенія, могла

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

„почтенный автобіографъ не имѣлъ
„притязанія, облекшись въ докторскую
„мантію, поучать насъ уму разуму.
„Кто принимаетъ на себя такую роль,
„тотъ долженъ подтвердить неоспо-
„римыми доказательствами новые фак-
„ты, а не ограничиваться повтореніемъ:
„я видѣлъ, я слышалъ. Историкъ
„(стр. 297) долженъ вѣрить только
„тѣмъ свидѣтелямъ, *которыхъ вся*
„*жизнь была посвящена служенію*
„*правдѣ*“.

Послѣднее выраженіе въ особенности
оскорбительно. Какое право имѣетъ
авторъ намекать печатно, что его про-
тивникъ всю жизнь не служилъ
правдѣ?...

О ВООРУЖЕННОЙ СИЛѢ ГОСУДАРСТВА.

Въ составѣ „Военнаго Сборника“
статья „О вооруженной силѣ и ея
устройствѣ“ (стр. 16—57) обращаетъ
на себя особое вниманіе читателей.
Предметъ оной относится къ военной
философіи, стратегіи и военной ста-
тистикѣ; а это высшія отрасли воен-
ной науки.

Съ самаго начала статьи авторъ
принимаетъ уже совершенно миролю-
бивое направленіе. „Образованіе, го-
„воритъ онъ (стр. 17), доведетъ на-
„роды до того, что они откажутся
„отъ употребленія насилія въ слу-
„чайно возникающихъ недоразумѣ-
„ніяхъ“. Въ подтвержденіе сего, при-
„водитъ извѣстную фразу: „имперія —
„это миръ!“ Потомъ указываетъ на
„громадную силу“ (стр. 18) обще-
„ственного мнѣнія“, которое будто бы
„ставитъ миръ выше всего, радуется,
„что идея справедливости дѣлается
„постепенно руководящею мыслью на-
„шего вѣка“ и повторяетъ другую

ПОДЛИННЫЯ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

выразить какой-то отвлеченный намекъ, кото-
рый г. цензоръ счелъ нужнымъ выставить осо-
бенно *оскорбительнымъ*.

Изъ выписки г. цензора видно, что начало
ея взято на 296 страницѣ, а окончаніе при-
брано изъ 297. Этому окончанію предшествуютъ
слѣдующія слова, отъ которыхъ зависитъ прямо
ихъ смыслъ:

„При изложеніи какого бы то ни было
„историческаго факта, слѣдуетъ сличить между
„собою всѣ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія, и по-
„томъ ихъ дополнить и повѣрить показаніями
„свидѣтелей излагаемаго событія: послѣдніе
„матеріалы драгоцѣнны, но ими должно поль-
„зоваться съ большою разборчивостью, потому
„что они не всегда отличаются безпристрастіемъ.
„Почти всѣ автобіографіи имѣютъ недостатокъ
„Птолмеевой системы, поставляя Я въ центрѣ
„міра. Поэтому историкъ, имѣющій цѣлью
„своихъ изслѣдованій истину, и ничего болѣе
„какъ истину, долженъ вѣрить только тѣмъ
„свидѣтелямъ событій, *которыхъ вся жизнь*
„*была посвящена служенію правды*“.

То есть служенію истины, остающейся всегда
безпристрастной, даже и тамъ, гдѣ затронуто
собственное Я.

Г. цензоръ обратилъ это въ особенное оскор-
бленіе.

Можно было бы полагать, что г. цензоръ,
признавшій самъ важное значеніе этой статьи,
поступить съ ней серьезнѣе, чѣмъ съ другими.
Но г. цензоръ, ни сколько не стѣсняясь смы-
сломъ, озабочился только тѣмъ, чтобы изъ 40
печатныхъ страницъ набрать двѣ страницы
выписокъ.

Какъ одного автора онъ съ насмѣшкою ви-
нить въ *гуманномъ* направленіи, такъ этому
онъ ставитъ въ вину *миролюбивое* направленіе.

„извѣстную фразу: „время завоеваній прошло“.

Миръ—„миръ, покровительствующій труду и развитію довольства „(стран. 19) между народами содѣлывается нормальнымъ положеніемъ „нашего общества, а исключительное „(стран. 20) военное могущество государства становится въ Европѣ „аномаліею. Политическое достоинство „государства должно быть главнымъ „образомъ основываемо не на арміяхъ „и флотахъ, а на совокупности всѣхъ „нравственныхъ и матеріальныхъ силъ „государства, источникомъ которыхъ „служить *народъ*. Не въ казармахъ „скрывается сила (слова Пексана). „Исторія лучше всего свидѣтельствуетъ „гдѣ искать ее. Отнынѣ (стран. 21), „тѣ правительства будутъ сильны, „которыя тѣсно связаны съ народомъ. „Англійская армія въ Крыму утратила „свою славу, но англійскій уполномоченный понизилъ ли свой голосъ на „конгрессѣ? — Нисколько. Англія по „прежнему была требовательна“.

„При сознаніи закона (стран. 22) „вооруженная сила, какъ обезпеченіе „внутренняго спокойствія государства, „имѣетъ лишь весьма неважное значеніе. Во Франціи одна армія можетъ „гарантировать внутреннее спокойствіе „страны. Положеніе Россіи въ этомъ „отношеніи тоже не установилось“.

„На количество войскъ можетъ „имѣть также вліяніе степень личнаго „довѣрія между правительствомъ и „народомъ (стр. 23). Вездѣ арміи „(стран. 26) тѣмъ вѣрнѣе притягивали „войну и все зло, съ нею сопряженное, „чѣмъ онѣ были страшнѣе. Изъ нихъ „не было ни одной, которая предохранила бы свою страну отъ вторженія. Наполеонъ съ своими превосходными арміями былъ униженъ „болѣе, чѣмъ кто либо“.

„Для войска, государство должно „пожертвовать людьми молодыми, сильными, здоровыми; оно ослабляетъ „составъ населенія, уменьшая его приращеніе (стран. 28).

Чтобы возстановить смыслъ этихъ двухъ параграфовъ, надо было бы выписать 8 печатныхъ страницъ. По отиѣткамъ самого г. цензора видно, что онъ свелъ фразы изъ отдѣльныхъ фразъ, мало того изъ отдѣльныхъ словъ 19, 20, 21, 22, 23 и 26 страницы. Можно ли приписывать другому смыслъ подобно сведенныхъ параграфовъ и притомъ въ статьѣ теоретическій, гдѣ логичность самого вывода связываетъ всѣ слова отъ перваго до послѣдняго.

Даже для этихъ четырехъ строкъ надо выписать цѣлую страницу. Вотъ она:

„Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что военныя касты невозможны, и „что вооруженная сила должна возникать изъ „среды всего населенія страны. Посмотримъ теперь, какія, соображенія представляются какъ-

„дому государству, при образованіи военной
„силы на этомъ условіи.

„Для войска, государство должно пожертво-
„вать людьми молодыми, сильными, здоровыми,
„слѣдовательно, оно лишаетъ себя производи-
„тельныхъ трудовъ лучшей части своего насе-
„ленія; оно ослабляетъ и самый составъ на-
„селенія, уменьшая его приращеніе. Враки не
„согласуются съ чисто-военными цѣлями; въ
„войскахъ почти всѣхъ государствъ они встрѣ-
„чаютъ большія или меньшія затрудненія, да
„и самыя обязанности военной службы имъ
„не благопріятствуютъ; поэтому, самая способная
„къ умноженію часть населенія тратитъ свои
„производительныя силы въ семейныхъ обя-
„занностей гражданина. Это обстоятельство
„ограничиваетъ число рождающихся; но при
„продолжительномъ военномъ напряженіи, когда
„большая часть крѣпкаго населенія вызвана
„на службу, къ ограниченному числу рождаю-
„щихся присоединяется еще другое невыгодное
„условіе—ихъ недолговѣчность, такъ какъ по-
„колѣніе въ подобномъ случаѣ производится
„людьми недозрѣлыми, хилыми, болѣзненными.
„или дряхлыми, словомъ, тѣми, которые по
„своимъ физическимъ недостаткамъ были не-
„способны для военной службы.—Обстоятель-
„ство это уже оправдалось однажды на Фран-
„ціи. Огромныя арміи, которыя она выставяла
„въ послѣдніе годы имперіи, были причиной,
„что въ 1830-хъ годахъ количество ея кон-
„скриптовъ было менѣе обыкновеннаго соб-
„ственно потому, что изъ родившихся въ
„1810—1815 годахъ, немногіе дожили до
„21-го года.—Большія постоянныя арміи и
„флоты, несообразныя съ населеніемъ и излиш-
„не его отягощающія, точно также вредно на
„него дѣйствуютъ, какъ и другія причины,
„имѣющія вліяніе на уменьшеніе населенія: вой-
„ны, болѣзни, голодъ и проч.

„Это важное экономическое условіе постоянно
„побуждаетъ и всегда будетъ побуждать пра-
„вительства заботиться, какъ объ уменьшеніи
„пропорціи постоянныхъ войскъ къ населенію,
„такъ и объ облегченіи самой военной повин-
„ности. Достигается это двумя способами:
„1) организаціею милицій, ополченій, развитіемъ
„торговаго флота и 2) сокращеніемъ сроковъ
„службы“.

„Это и такъ ясно, а изъ предыдущихъ до-
„казательствъ, помѣщенныхъ на 29 стр., вы-
„текаетъ еще яснѣе.

„Какъ справедливость въ распре-
„дѣленіи военной повинности, такъ и
„сбереженіе военныхъ силъ въ случаѣ
„продолжительнаго напряженія, оди-

„наково заставляють отдать предположеніе *краткимъ срокамъ службы*“ (стр. 30).

„Выходить, значить (стр. 34), что армія не только не обогащаетъ государство, но парализируя извѣстную часть работы, которая могла бы быть предпринята на поглощенные ею суммы, ослабляетъ народное производство, а слѣдовательно и обогащеніе“.

Слова экономиста *Бастіа* (стр. 3): „распустить 100.000 солдатъ, значить сберечь 100 милліоновъ франковъ и отдать ихъ людямъ, платящимъ подати. Пуская такимъ образомъ 100.000 человекъ на рынокъ, вы рядомъ пускаете туда и 100 милліоновъ франковъ, которые оплачивали бы ихъ работу и, слѣдовательно, мѣра, увеличивающая число предлагаемыхъ рукъ, увеличиваетъ и запросъ на нихъ. Какъ предъ увольненіемъ, такъ и по роспускѣ войскъ, въ странѣ есть 100 милліоновъ франковъ, соответствующихъ 100.000 человекъ, вся разница въ томъ, что прежде страна давала 100 милліоновъ франковъ 100.000 человекамъ, чтобы они ничего не дѣлали, а потомъ она даетъ тѣ же деньги, чтобы они работали. Во второмъ случаѣ нація получаетъ что-нибудь а въ первомъ не получаетъ ничего. Результатъ — чистый убытокъ для народа“.

Вышеизложенныя мысли могутъ быть болѣе или менѣе справедливы въ теоріи политической экономіи, но здравый смыслъ говорить, что онѣ совершенно неумѣстны въ военномъ журналѣ, имѣющемъ притязаніе сдѣлаться авторитетною книгою военныхъ людей. Уменьшеніе значенія арміи можетъ быть прочтено съ удовольствіемъ лицами уховнаго званія, которыя по сану

Г. цензоръ упустилъ здѣсь весь смыслъ рѣчи. Въ одной изъ статей 1852 года было напечатано, что *арміи обогащаютъ государства, способствуютъ обращенію денегъ, и что расходы на армію составляютъ предметъ второстепенной важности*. Г. цензоръ привелъ только одну фразу изъ критики на это сужденіе, но конечнаго вывода не привелъ. Вотъ онъ: „Нѣтъ, не *обращеніемъ* капиталовъ, а тѣмъ, что армія *оберегаетъ работу, даетъ возможность каждому члену спокойно трудиться надъ своимъ дѣломъ. — вотъ чѣмъ армія способствуетъ благосостоянію государства*; и необходимо заботиться только о томъ, чтобы пріобрѣсть это спокойствіе съ возможно меньшими пожертвованіями“ (стр. 35).

Точно также г. цензоръ поступаетъ и съ словами французскаго экономиста *Бастіа*.

Бастіа разбиралъ существовавшій во Франціи тотъ же экономическій софизмъ, будто арміи слѣдуетъ содержать для обогащенія государства циркулирующіе капиталы. Приступая къ этому разбору и указавъ на важность арміи въ политическомъ смыслѣ, онъ именно просилъ, чтобы не перетолковали его словъ, чтобы не дали имъ другаго смысла; но г. цензоръ, не смотря на предупредительную фразу *Бастіа*: „Пусть же не ошибаются въ члѣн моего сужденія“, не оказалъ ему снисхожденія и, выписавъ только конецъ его рѣчи, лишилъ ее смысла, который она имѣетъ въ подлинникѣ. Впрочемъ, сущность дѣла, именно, что Франція могла бы распустить 100.000 войска, не уничтожая благосостоянія государства — осталась ясною.

Какимъ образомъ, г. цензоръ, читавшій эту статью, не замѣтилъ, что въ ней, послѣ разбора экономическихъ условій, на которыхъ создаются вооруженныя силы, посвящено 20 страницъ на разборъ условій чисто военныхъ, требуемыхъ отъ каждой арміи? Послѣдній выводъ этой статьи лучше всего свидѣтельствуетъ, писана ли она для духовныхъ и купцовъ или для военныхъ.

„Высокое достоинство войскъ даетъ госу-

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

своему суть предпочтительно слуги мира; оно может понравиться купцамъ, помѣщикамъ, профессорамъ, но ни одного офицера не пріохотитъ оно къ военной службѣ.

„дарству возможность уменьшать ихъ число, „сберегать средства, необходимы для развитія „народнаго. Достоинство же войскъ вполне за- „виситъ отъ насъ. Вотъ, значить, цѣль, къ „которой должны стремиться всѣ наши стара- „нія, вся наша дѣятельность. Въ этомъ стре- „мленіи заключается и самый долгъ нашъ. „Кто его исполнить, тому государство будетъ „вдвойнѣ благодарно“.

Какъ въ началѣ статьи авторъ убѣждаетъ не скорбѣть о сокращеніи штатовъ, какъ въ самой статьѣ онъ доказываетъ, что это сокращеніе не произвольно, а вытекаетъ изъ насущныхъ потребностей государства; такъ въ концѣ онъ приглашаетъ всѣхъ военныхъ усугубить свои старанія и усилія, чтобы достоинствомъ войскъ замѣнить ихъ уменьшающееся число.

ОТНОШЕНІЕ КЪ ИНОСТРАННЫМЪ ДЕРЖАВАМЪ.

Г. цензоръ не хотѣлъ замѣтить простой и ясный смыслъ статьи.

Въ статьѣ „Военное Обзорѣніе“ (стр. 215—223) авторъ отзывается нѣсколько рѣзко о Наполеонѣ III и французской арміи. „Наполеонъ сдѣ- „лалъ войско слѣпымъ орудіемъ испол- „нительной власти, увеличивъ жало- „ванье, учредивъ военный капиталъ и „присвоивъ военнымъ чинамъ многія „особыя права (напримѣръ, ѣздить въ „омнибусахъ за половинную таксу). „Онъ всѣми мѣрами старается устраи- „вать всякую связь между войскомъ „и народомъ, чему много способствуетъ „то, что вся армія живетъ въ казар- „махъ. Французское войско (стр. 216) „не только не пользуется въ настоя- „щее время никакой популярностью, „но напротивъ того, является какою- „то кастою отверженцевъ обще- „ства (1). Армія постепенно обра- „щается изъ національнаго войска въ „вербованное, наемное войско.

„Мѣра эта, просто обманъ, какъ „нельзя лучше ведетъ императора къ „цѣли, имъ предположенной. Армія „наполняется наемниками, а прави- „тельство получаетъ возможность уси- „лить жалованье, не увеличивая бюд- „жета (стр. 218).

„Вотъ какими мѣрами Луи-Напо- „леонъ достигъ своей цѣли, создалъ „себѣ наемное войско, держась извѣст-

Выписки эти составлены, какъ и всѣ предыдущія изъ отрывковъ фразъ, набранныхъ съ разныхъ страницъ. Въ этой статьѣ говорится о новыхъ учрежденіяхъ, послѣдовавшихъ во Французской арміи и весьма интересныхъ для военныхъ, а именно: о дотаціонной кассѣ и увеличеніи числа нижнихъ чиновъ, служащихъ не по обязанности, а по найму. Мнѣніе, выраженное здѣсь авторомъ, пробывшимъ нѣкоторое время въ близкихъ сношеніяхъ съ французскою арміею, есть общее мнѣніе ея офицеровъ. Могла ли же быть эта статья напечатана въ политическомъ отношеніи, то рѣшила гражданская цензура, которой представлялись статьи „Сборника“ на разсмотрѣніе.

ЗАПИСКА ПОЛКОВНИКА ШТЮРМЕРА.

ПОДЛИННЫЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ „СБОРНИКА“.

„наго правила своего дяди: *„всѣ средства хороши, лишь бы вели прямо къ цѣли.* Но Наполеонъ III „впалъ въ весьма важную ошибку учрежденіемъ гвардіи. Учрежденіе „этого привилегированнаго войска „возбудило нѣкоторое неудовольствіе „въ массѣ линейныхъ войскъ.

„Слишкомъ далеко завлекало бы „насъ исчисленіе невыгодъ этой чуждой центризаціи. Подобная „система управленія только и возможна во Франціи при развитыхъ „желѣзныхъ дорогахъ“ и проч.

Въ какой мѣрѣ подобные отзывы о французской арміи и о духѣ французскаго правительства могутъ быть дозволены, это ближе извѣстно министру иностранныхъ дѣлъ. Кажется, однакожь, что въ военномъ журналѣ, издаваемомъ по Высочайшему повелѣнію, эти сужденія неумѣстны.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Говоря только о тѣхъ статьяхъ, о которыхъ сдѣланы замѣчанія, сколько разнообразныхъ, сколько важныхъ предметовъ, относящихся въ особенности до военнаго управленія, перенесъ „Сборникъ“ уже въ 1-мъ своемъ томѣ! — Солдатокрадство, отношенія офицеровъ къ солдатамъ и къ начальникамъ, дисциплина, служба, смотры, практическая стрѣльба, военное судопроизводство, артиллерійскіе экзамены, и проч. и проч. Отдавая должную дань справедливости способностямъ составителей поименованныхъ статей, и сознавая охотно, что въ нихъ заключаются многія полезныя мысли, все же сожалѣть должно, что эти именно статьи были избраны для обработки. Исслѣдованія по симъ предметамъ требуютъ зрѣлой служебной опытности, уваженія къ существующему порядку,....*).

Дѣйствительно, „Сборникъ“ тронулъ много вопросовъ, но рѣшеніе ихъ надо искать, конечно, не въ выпискахъ г. цензора. Отвѣчали ли „Сборникъ“ хотя на одинъ вопросъ криво, а не по строгой правдѣ и не по чувству глубокой любви къ Государю и арміи?

Можно сказать утвердительно, что ни „Военный Сборникъ“, ни какая бы то ни было книга въ мірѣ, не можетъ считаться безопасною отъ обвиненія въ неблагонамѣренности, если обвиненіе это будетъ основываться на произвольномъ составленіи фразъ и на произвольномъ ихъ толкованіи! Такъ и случилось: статьи, прочитанныя Государемъ Императоромъ, статьи, помѣщенные Морскимъ вѣдомствомъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, официальные слова журнала заведенія Артиллерійскаго Огдѣленія Военно-Ученаго Комитета, выписки изъ „Военнаго Журнала“, уже одобреннаго военною цензурою, — все подало г. цензору пищу и поводъ къ обвиненіямъ.

*) Окончанія этой рукописи я не нашелъ въ имѣющихся у меня матеріалахъ.

ПИСЬМА БЕЗЪ АДРЕСА *).

I.

5 февраля. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь!

Вы недовольны нами. Это пусть будетъ, какъ вамъ угодно: надъ своими чувствами никто не властенъ, и мы не ищемъ вашихъ одобреній. У насъ другая цѣль, которую, вѣроятно, имѣете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не отъ насъ вы, и не отъ васъ мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды. Есть для нихъ судья въѣ вашего круга, очень малочисленнаго, и даже нашего круга, который хотя и гораздо многочисленнѣе вашего, но все-таки составляетъ лишь ничтожную частичку въ десяткахъ милліоновъ людей, благу которыхъ мы и вы хотѣли бы содѣйствовать. Если бы этотъ судья могъ произносить съ сознаніемъ дѣла оцѣнку вашимъ и нашимъ работамъ, всякія объясненія между вами и нами были бы излишни.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Васъ онъ знаетъ по имени, но будучи совершенно чуждъ вашего круга понятій и вашей обстановки, рѣшительно не знаетъ ни вашихъ мыслей, ни причинъ, руководящихъ вашими дѣйствіями; а насъ онъ не знаетъ даже и по имени. Согласитесь, милостивый государь, что такое положеніе дѣлъ фальшиво. Работать для людей, которые не понимаютъ тѣхъ, кто работаетъ для нихъ, — это очень неудобно для работающихъ и невыгодно для успѣха работы. Думаешь, что какое-нибудь дѣло принесетъ пользу, а видишь, что оно остается неисполненнымъ по недостатку сочувствія въ людяхъ, для которыхъ предпринято. Вы испытывали это при каждомъ хорошемъ вашемъ дѣлѣ. Тоже очень часто испытывали и мы. Это печалитъ и подѣ конецъ сердить. Становишься мнительнъ и раздражителенъ. Не имѣешь духа объяснить свою неудачу настоящею ея причиною, — недостаткомъ общности въ понятіяхъ между собою и

*) Эта статья была набрана для № 2 Современника за 1862 г., но не была пропущена цензурою.

людьми, для которыхъ работаешь;—признать эту причину было бы слишкомъ тяжело, потому что отняло бы всякую надежду на успѣхъ всего того образа дѣйствій, которому слѣдуешь;—не хочешь признать эту настоящую причину, и стараешься найти для неуспѣха мелочныя объясненія въ мало-важныхъ, случайныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, вы сваливаете вину своихъ неудачъ на насъ; нѣкоторые изъ насъ винятъ въ своихъ неудачахъ васъ. Какъ хорошо бы оно было, еслибъ эти нѣкоторые изъ насъ, или вы, были правы въ такомъ объясненіи своихъ неуспѣховъ! Тогда задача бы разрѣшилась очень легко устраненіемъ внѣшняго препятствія успѣху дѣла. Но грустно то, что никакія наши дѣйствія противъ васъ, или ваши противъ насъ, не могутъ привести ни къ чему полезному. Апатиченъ остается народъ; какой же результатъ могли бы произвести ваши заботы, или наши хлопоты о его пользахъ, хотя бы вы, или мы, и остались на полѣ дѣйствія одни?

Вы говорите народу: ты долженъ идти вотъ какъ; мы говоримъ ему: ты долженъ идти вотъ такъ. Но въ народѣ почти всѣ дремлютъ; а тѣ немногіе, которые проснулись, отвѣчаютъ: давно уже раздаются призывы къ народу, чтобы онъ жилъ такъ или иначе, и много разъ пробовалъ онъ слушать призывы, но пользы отъ нихъ не было. Звали народъ выручать Москву отъ поляковъ,—народъ пошелъ, выручилъ, и оставленъ былъ въ положеніи, хуже котораго не было прежде и не могло быть при полякахъ. Потомъ ему сказали: выручай Малороссію; онъ выручилъ, но ни ему, ни самой Малороссіи, не стало отъ этого лучше. Ему сказали: завоюй себѣ связь съ Европой,—онъ побѣдилъ шведовъ и завоевалъ себѣ вмѣстѣ съ балтійскими гаванями только рекрутчину и подтвержденіе крѣпостного права. Потомъ, по новымъ призывамъ, онъ много разъ побѣждалъ турокъ, захватилъ Литву, разрушилъ Польшу и опять-таки не получилъ себѣ никакой пользы. Двинули его противъ Наполеона: онъ завоевалъ своему государству первенство въ Европѣ, а самъ былъ оставленъ все въ прежнемъ положеніи. Такую же пользу онъ получалъ себѣ и отъ призывовъ, которые были послѣ. Зачѣмъ же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Онъ не ждетъ себѣ отъ нихъ другой пользы, какъ и отъ прежнихъ.

Виноваты ли въ этомъ недовѣріи народа вы или мы, нынѣшніе люди? Нынѣшнее расположеніе народныхъ мыслей устроилось долгимъ ходомъ событій, бывшихъ раньше васъ и насъ. Постараемся понять это.

Истина одинаково горька для васъ и для насъ. Народъ не думаетъ, чтобы изъ чьихъ-нибудь заботъ объ немъ выходило что-нибудь дѣйствительно полезное для него. Мы всѣ, отдѣляющіе себя отъ народа какими-нибудь именами, — именемъ ли власти, именемъ ли того или другого привилегированнаго сословія, — мы всѣ, предполагающіе у себя какіе-нибудь особенные интересы, различные отъ предметовъ народнаго желанія, — интересы ли дипломатическаго и военнаго могущества, или интересы распоряженія внутренними дѣлами, или интересы личнаго нашего богатства, или интереса просвѣщенія—мы всѣ смутно чувствуемъ, какая развязка вытекаетъ изъ этого расположенія народныхъ мыслей. Когда люди дойдутъ до мысли: „ни отъ кого другого не могу я ждать пользы для своихъ дѣлъ“, они

непремѣнно и скоро сдѣлають выводъ, что имъ самимъ надобно взяться за веденіе своихъ дѣлъ. Всѣ лица и общественные слои, отдѣльные отъ народа, трепещуть этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избѣжать ее; вѣдь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы отъ нея, даже тотъ изъ нашихъ интересовъ, который мы любимъ выставить, какъ единственный предметъ нашихъ желаній, потому что онъ совершенно чистъ и безкорыстенъ, — интересъ просвѣщенія. Мы думаемъ: народъ невѣжественъ, исполненъ грубыхъ предразсудковъ и слѣпой ненависти ко всѣмъ отказавшимся отъ его дикихъ привычекъ; онъ не дѣлаетъ никакой разницы между людьми, носящими нѣмецкое платье; съ ними со всѣми онъ сталъ бы поступать одинаково; онъ не пощадитъ ни нашей науки, ни нашей поэзіи, ни нашихъ искусствъ: онъ станетъ уничтожать всю нашу цивилизацію.

Потому мы также противъ ожидаемой попытки народа сложить съ себя всякую опеку и самому приняться за устройство своихъ дѣлъ. Намъ такъ ослѣпляетъ страхъ за себя и свои интересы, что мы не хотимъ даже разсуждать, какой ходъ событій былъ бы почетнѣе для самого народа, и мы готовы для отвращенія ужасающей насъ развязки забыть все, — и нашу любовь къ свободѣ, и нашу любовь къ народу.

Подъ вліяніемъ этого чувства обращаюсь къ вамъ, м. г., съ изложеніемъ моихъ мыслей о средствахъ, которыми можно отвратить развязку. одинаково опасную для васъ и для насъ.

Дѣлая это, я понимаю, что дѣлаю.

Я измѣняю народу.

Измѣняю потому, что, руководясь личными опасеніями за вещь болѣе драгоцѣнную для меня, нежели для народа, — за просвѣщеніе, я уже не думаю о томъ, полезна ли для народа забота о разрѣшеніи запутанностей положенія русской націи вашими и нашими усиліями, а напротивъ, не выигралъ ли бы народъ чрезъ независимое отъ насъ занятіе національными дѣлами больше, чѣмъ отъ продолженія нашихъ хлопотъ о немъ. Въ этомъ случаѣ, для своей выгоды, я подавляю въ себѣ убѣжденіе, что ничьи постороннія заботы не приносятъ людямъ такой пользы, какъ самостоятельное дѣйствованіе по своимъ дѣламъ. Да, я измѣняю своему убѣжденію и своему народу. Это низко. Но мы принуждены были дѣлать уже столько низостей, что одна лишняя ничего для насъ не значить.

А я предчувствую, что она будетъ совершенно лишнею, что останется недостигнутою та жалкая цѣль, для которой измѣняю я народу. Никто не въ силахъ измѣнить хода событій: одни хотѣли бы, но не имѣютъ средствъ; у другихъ есть средства, но не можетъ быть желанія.

Изъ-за чего же я становлюсь измѣнникомъ народу, когда самъ знаю, что не помогу ни вамъ, ни себѣ? Не лучше ли продолжать молчаніе? Да, было бы лучше; но презрѣнная писательская привычка надѣяться на силу слова отуманиваетъ меня. Я не въ состояніи держаться на точкѣ зрѣнія житейскаго благоразумія, съ которой очень ясно вижу, что всякія объясненія напрасны; едва я поднимаюсь на нее, меня сбиваетъ съ толку обыкновенная наша писательская мысль: „ахъ, если бы можно было объяснить дѣло!

оно уладилось бы!“ Поэтому я и молчалъ болѣе двухъ лѣтъ отъ того, что не имѣлъ возможности бить воздухъ словами, и, какъ видите, возобновляю этотъ пустой трудъ съ первой же минуты, какъ мнѣ показалось, что можно мнѣ возобновить его.

Почему мнѣ такъ показалось? Въ какой журналъ, въ какую газету я ни загляну, вездѣ я нахожу признаки того, что какъ будто бы почувствовалась надобность въ нашихъ объясненіяхъ. Очень вѣроятно, что признаки эти обманчивы. Но пристрастіе добиваться хорошихъ результатовъ посредствомъ объясненій такъ сильно въ писателяхъ, что я увлекаюсь имъ.

Это увлеченіе неизвинительно послѣ столькихъ опытовъ. Но я усиливаюсь прикрыть въ собственныхъ глазахъ жалкую забавность его, твердя себѣ о фактахъ, которые дѣйствительно таковы, что вы, м. г., дѣйствительно могли бы желать объясненія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: бывшіе помѣщики крестьяне, называемые нынѣ срочно-обязанными, не принимаютъ уставныхъ грамотъ; предписанное продолженіе обязательнаго труда оказалось невозможнымъ; предписанныя добровольныя соглашенія между землевладѣльцами и живущими на ихъ земляхъ, срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными; будучи поставлены въ безысходное положеніе этою неисполнимостью предположеннаго рѣшенія, помѣщики ропшутъ и предъявляютъ требованія, о которыхъ не отваживались говорить не больше, какъ годъ тому назадъ; въ государствѣ появилось и усиливается общее безденежье; курсъ падаетъ, что равнозначительно возвышенію цѣнности звонкой монеты сравнительно съ бумажными деньгами, или, что то же, паденію цѣнности бумажнаго рубля, однихъ этихъ фактовъ внутренней жизни русскаго народа уже достаточно, и я не имѣю надобности касаться ни многихъ другихъ значительныхъ фактовъ ея, ни другихъ менѣе вѣрныхъ явленій, принадлежащихъ отношеніямъ русскаго народа въ жизни другихъ народовъ, входящихъ нынѣ въ составъ одного съ нимъ цѣлаго.

Примите, м. г., увѣреніе въ искренности чувствъ, склонившихъ вступить въ это объясненіе вашего покорнѣйшаго слугу, какимъ имѣю честь, и пр.

II.

6 февраля.

Источникомъ тѣхъ затрудненій во внутренней жизни русскаго народа, о которыхъ я упомянулъ въ концѣ перваго письма, считается многими не только въ нашемъ, м. г., но и въ нашемъ кругу, такъ называемый крестьянскій вопросъ. Я не имѣю нужды доказывать вамъ, м. г., что вы не ошиблись, обративъ на него первое ваше вниманіе. Но смѣю заключать изъ нѣкоторыхъ вашихъ словъ, что не излишнимъ будетъ разяснить вамъ, почему онъ приобрѣлъ такую важность въ вашихъ глазахъ. Часто человѣкъ не замѣчаетъ отношенія внѣшнихъ побужденій къ его собственнымъ дѣйствіямъ, а при эгой неизвѣстности онъ можетъ ошибаться и относительно характера своихъ дѣйствій: можетъ казаться ему возникшимъ изъ его воли такой фактъ его жизни, который произведенъ независѣвшими отъ него внѣшними обстоятельствами.

Необходимость заняться крестьянскимъ вопросомъ наложена была на Россію ходомъ послѣдней нашей войны. Въ народѣ ходилъ слухъ, что императоръ французовъ требовалъ уничтоженія крѣпостного права и согласился подписать миръ лишь тогда, когда внесена была въ договоръ тайная статья, постановлявшая, что крѣпостнымъ крестьянамъ дается воля. Не знаю, м. г., извѣстна ли вамъ эта молва, принимавшаяся за истину всѣмъ нашимъ народомъ; но если она достигала васъ, вы, конечно, еще лучше моего знали совершенную несправедливость столь страннаго мнѣнія. Напрасно было бы однакоже приписывать его только невѣжеству и легковѣрію простолюдиновъ; отъ этихъ качествъ произошло только то, что инстинктивное предчувствіе неизбежной связи событій вылилось у народа въ грубую форму, нелѣпость которой очевидна не только для васъ, м. г., но и для каждаго, имѣющаго понятіе о международныхъ отношеніяхъ. А предчувствіе, выразившееся въ столь смѣшномъ для насъ видѣ, было вѣрно; оно говорило народу, что крымская война сдѣлала необходимою освобожденіе крестьянъ. Связь этихъ двухъ фактовъ такова: военныя неудачи обнаружили для всѣхъ слоевъ общества несостоятельность того порядка вещей, въ которомъ оно жило до войны. Я не имѣю надобности перечислять вамъ, м. г., тѣ силы, которыя могуществомъ своимъ должны были, повидимому, обезпечить торжество русскаго оружія; вамъ лучше, нежели мнѣ, извѣстна громадность средствъ, которыми располагала тогда Россія. Многочисленность нашихъ войскъ была безмѣрна; храбрость ихъ несомнѣнна. При тогдашнемъ непоколебимомъ и, смѣю сказать, безпечномъ до слѣпоты довѣріи къ нашей денежной системѣ и къ нашимъ кредитнымъ учрежденіямъ и при нашемъ порядкѣ установленія налоговъ, не могло, повидимому, быть недостатка въ денежныхъ средствахъ. Потому русское общество нимало не превосходило мѣръ возможнаго, когда ожидало въ началѣ войны, что мы возьмемъ Константинополь и разрушимъ Турецкую имперію. Когда война получила совершенно иной ходъ, этого разочарованія нельзя было приписать ничему, кромѣ непригодности механизма, располагавшаго нашими силами. Открылась надобность измѣнить неудовлетворительное устройство. Самою замѣтною чертою его считалось тогда крѣпостное право. Конечно, оно было только однимъ частнымъ приложеніемъ принциповъ, на которыхъ былъ устроенъ весь прежній порядокъ; но внутренней связи этого частнаго факта съ общими принципами большинство нашего общества тогда еще не принимало. Потому общіе принципы прежняго порядка были оставлены въ покоѣ и вся реформаціонная сила общества обратилась противъ самаго осязательнаго изъ его виѣшнихъ примѣненій.

Надобно замѣтить вамъ, м. г., что это настроеніе общественнаго мнѣнія страдало самою неудачною непоследовательностью. Крѣпостное право, конечно, заключало въ себѣ возможность многихъ злоупотребленій, и вамъ очень хорошо извѣстны случаи жестокости, или алчности, или циническаго насилія, проистекавшіе изъ крѣпостного права. Но при всей ихъ многочисленности надобно согласиться съ словами бывшихъ адвокатовъ крѣпостного права, что всѣ эти вопіющія нарушенія закона были исключеніемъ изъ общаго правила, и что огромное большинство помѣщиковъ составляли

люди вовсе не злые и не преступавшіе правъ, какія давались имъ надъ крестьянами закономъ или утвердившимся подъ вліяніемъ закона обычаемъ. Тяжела была для крѣпостныхъ крестьянъ и вредна для государства законная сущность крѣпостного права. Но она была сообразна всему порядку нашего устройства; потому самъ въ себѣ онъ не могъ имѣть силы, чтобы отмѣнить ее. А между тѣмъ общество предполагало отмѣнить крѣпостное право силою старого порядка.

Эта ошибка, столь замѣчательная нынѣ для всѣхъ, показываетъ, что причина, заставившая общество приняться за опытъ отмѣненія крѣпостного права, была недостаточно сильна для возбужденія въ обществѣ совершенно отчетливыхъ понятій объ основаніяхъ прежней его жизни. Да и дѣйствительно, вы лучше меня знаете, м. г., что крымская война, при всѣхъ своихъ неудачахъ и при всей своей обременительности, не нанесла Россіи удара слишкомъ тяжелаго. Непріятель едва коснулся нашихъ границъ на двухъ окраинахъ, далекихъ отъ коренныхъ русскихъ обитателей; можно сказать, что чувствительно было его прикосновеніе даже только къ одной окраинѣ, Черноморской, такъ какъ стоянка союзнаго флота подъ Петербургомъ, бомбардированіе Свеаборга и мелкія высадки на финляндскомъ берегу не могли считаться серьезными нападеніями и доставляли намъ больше поводовъ къ насмѣшкамъ, нежели къ основательнымъ безпокойствамъ. Но что же такое Крымъ, Таганрогъ и Керчь для жителей Великой Россіи? Это отдаленныя колоніи, о которыхъ коренной русскій никогда много не думалъ. Притомъ же, благодаря характеру мѣстности, своему незнанію, отчасти, быть можетъ, и по разсчету императора французовъ, непріятель и въ этой окраинѣ не проникалъ далѣе нѣсколькихъ верстъ отъ берега. Самыя его побѣды надъ нами не были окончательными разгромами военныхъ силъ, организованныхъ старымъ порядкомъ. Арміи наши отступали, но не бѣжали; ослабѣвали, но не уничтожались, и все еще сохраняли твердость и могущество, внушавшія уваженіе къ непріятелю. Не могло исчезнуть и въ насъ уваженіе къ старому порядку: оно также только поколебалось, но не пало.

Такова была степень глубины впечатлѣнія, обратившаго насъ къ работамъ о реформахъ. Оно было мелко, поверхностно. Англофранцузы (какъ мы тогда называли союзниковъ) прорвали небольшую прорѣху въ нашемъ платѣ, и мы думали на первый разъ, что надобно только починить ее; но, начавъ штопать, мы постепенно замѣчали ветхость матеріи на всѣхъ мѣстахъ, до которыхъ приходилось намъ дотрогиваться; и вотъ мы видимъ теперь, м. г., что все общество начинаетъ высказывать потребность одѣться съ ногъ до головы въ новое, — штопать оно не хочетъ. Говоря проще, наше общество, занявшись отмѣненіемъ крѣпостного права, принялось за дѣло очень серьезное. Принялось оно за него съ легкомысленною и безпечною недалекостью, думая, что отдѣлаться отъ этой задачи можно столь же незначительными передѣлками прежнихъ внутреннихъ трактатовъ, сколь ничтожны были передѣлки прежнихъ дипломатическихъ трактатовъ, оказавшіяся достаточными для заключенія парижскаго мира. Но внутреннее дѣло вышло не таково, какъ внѣшнее. Надъ нимъ поневолѣ стало учиться наше общество серьезности. Пришлось обществу много думать, и вы видите теперь,

м. г., какъ широко развивается трудъ пересозданія, которому, первоначально, поставлялись такія узкія границы.

И странное дѣло, м. г., какъ бываетъ иногда вѣренъ инстинктивный, почти бессмысленный шопотъ людей, которые громко и сознательно говорятъ совершенно иное. Вы можете припомнить теперь, что при самомъ же началѣ крестьянскаго дѣла поднялась темная молва, предсказавшая то самое движеніе дворянства, которое обнаруживается теперь.

Молва объ этомъ движеніи, возникшая при самомъ же началѣ крестьянскаго дѣла, казалась пустою и смѣшною людямъ, судившимъ о будущихъ событіяхъ не на основаніи самаго характера затронутыхъ этимъ дѣломъ общественныхъ отношеній, а только по прежнимъ дѣйствіямъ дворянства, при прежнихъ отношеніяхъ, теперь измѣнившихся. Они видѣли, что дворянство всегда являлось робкимъ въ дѣлахъ съ существующею властью, искало себѣ выгоды только отъ угожденія ей, и потому ожидали, что оно не выкинетъ энергіи и по вопросамъ, возникшимъ изъ уничтоженія крѣпостного права. Они видѣли, что дворянство очень пристрастно къ своимъ привилегіямъ, и потому не ожидали, чтобы оно могло предъявить гражданскія требованія. Почти всѣ просвѣщенные люди считали его безсильнымъ для гражданской дѣятельности. Но они забывали принимать въ расчетъ логическую силу событія, которая даетъ смѣлость боязливымъ, политическій умъ людямъ, не думавшимъ прежде ни о чемъ, кромѣ мелкихъ личныхъ расчетовъ. Осмѣливаясь думать, судя по нѣкоторымъ вашимъ словамъ, что и вы, м. г., раздѣляли это заблужденіе. Этого нельзя ставить въ порицаніе вамъ, потому что ошибались вмѣстѣ съ вами почти всѣ наши передовые люди. Но тѣмъ не менѣе ошибка раскрывается теперь фактами, и, научаемые опытомъ, всѣ теперь могутъ видѣть, что съ самаго начала надобно было ожидать исполненія той молвы, которая показалась имъ пустою болтовнею раздраженныхъ крѣпостниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каково было положеніе фактовъ при началіи крестьянскаго дѣла? Существовали четыре главные элемента въ этомъ дѣлѣ: власть, имѣвшая дотолѣ бюрократическій характеръ; просвѣщенные люди всѣхъ сословій, находившіе нужнымъ уничтоженіе крѣпостного права; помѣщики, желавшіе отерочить это дѣло изъ опасенія за свои денежные интересы, и, наконецъ, крѣпостные, тяготившіеся этимъ правомъ. Въ сторонѣ отъ этихъ четырехъ элементовъ находилась вся остальная половина населенія — государственные крестьяне, мѣщане, купцы, духовенство и то большинство безпомѣстныхъ чиновниковъ, которое не получало большихъ выгодъ отъ бюрократическаго порядка. Изъ всѣхъ этихъ сословій, какъ и изъ самихъ помѣщиковъ, нѣкоторые люди, — наиболѣе просвѣщенные, — составляли одну партію, которую выше назвали мы „партію просвѣщенныхъ людей“, и которая стала въ послѣдніе годы называться у насъ либеральною партією. Но здѣсь мы говоримъ не объ отдѣльныхъ лицахъ, болѣе или менѣе возвысившихся надъ своими сословными понятіями, болѣе или менѣе думавшихъ объ общественныхъ дѣлахъ; мы говоримъ здѣсь о той массѣ всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостного и дворянскаго, которая знала только свои сословные и личные расчеты. О ней мы говоримъ, что она стояла въ сторонѣ отъ крѣ-

постного вопроса, когда онъ началъ разыгрываться. Не имѣя расчета поддѣрживать крѣпостное право, она готова была по естественному человѣческому чувству симпатизировать его уничтоженію; но, по своей неопытности въ общественныхъ дѣлахъ, еще не замѣчала, что собственными своими интересами она будетъ принуждена принять участіе въ немъ. Это едва начнется обнаруживаться для нея только теперь, и, съ вашего дозволенія, м. г., я коснусь впослѣдствіи, какъ неизбѣжности участія этой массы остальныхъ сословій въ крестьянскомъ дѣлѣ, такъ и вліянія, какое окажетъ она на ходъ событій своимъ неизбѣжнымъ вмѣшательствомъ. А теперь, сдѣлавъ эту оговорку о первоначальномъ безучастіи другихъ общественныхъ элементовъ, мы займемся разсмотрѣніемъ первоначальныхъ отношеній между четырьмя элементами, принимавшими въ немъ участіе съ самаго начала.

III.

13 февраля.

На шесть дней былъ я оторванъ мелкими хлопотами своего журнальнаго ремесла отъ бесѣды съ вами, м. г., о дѣлѣ, которое однакоже для меня гораздо важнѣе всѣхъ личныхъ моихъ дѣлъ, не только мелкихъ, но и важныхъ. Вотъ какъ идетъ наша жизнь, — некогда бываетъ по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ удосужиться ни на четверть часа для мыслей о предметѣ, который самъ ставишь выше всего. Упоминаю объ этихъ недосугахъ не для того только, чтобы выставить ихъ своимъ извиненіемъ передъ вами, м. г., въ недостаткахъ моего изложенія: тѣ же самые недосуги ставлю я оправданіемъ и для васъ, м. г., въ томъ, что вы, какъ замѣтно по многимъ вашимъ выраженіямъ, не углублялись достаточно въ предметъ, насъ занимающій. Въ самомъ дѣлѣ, м. г., несмотря на всю разницу вашего положенія отъ моего. въ отношеніи къ недосугамъ разницы между нами мало, да и у всѣхъ людей жизнь въ этомъ отношеніи идетъ почти такъ же. Вы имѣете очень большіе доходы, я — довольно умѣренные, другой — очень малые; вы живете очень богато, я — такъ себѣ, другой и вовсе бѣдно; васъ повсюду встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ, меня — такъ себѣ, другого и вовсе съ пренебреженіемъ. А недосуговъ почти у всѣхъ людей одинаковое количество. И у васъ, и у меня, я у всякаго другого пропасть времени уходитъ на пустые разговоры, которыхъ ни избѣжать нельзя, ни вести не стоитъ; на семейныя дѣла, не имѣющія никакой связи съ общественными; на развлеченія, отъ которыхъ нельзя отказаться, хотя и ни къ чему они не нужны: одинъ изъ насъ таскается по театрамъ, другой сидитъ за вистомъ, третій читаетъ легкія книги, четвертый трется въ свѣтскомъ обществѣ, — словомъ, каждый по-своему, а все-таки каждый какъ-нибудь убиваетъ время попусту. И за всѣми этими мелочами, неважными, но необходимыми, мало остается времени на серьезныя занятія. А въ серьезныхъ занятіяхъ опять-таки у каждаго дня своя забота, мимолетная, ни къ чему прочному не ведущая, а все-таки безотлагательная. Такъ и летитъ время, и когда увидишь надобность взяться за дѣло, дѣйствительно важное, не имѣешь до-

суга ни приготовиться къ нему, ни сообразить его и начинаешь почти-что на авось, и ведешь его на авось, и самъ не замѣтишь, какъ оно отъ этого веденія на авось выходитъ вовсе не тѣмъ, чѣмъ ждалъ его видѣть. Съ полною готовностью примѣнять къ вамъ всѣ извиненія, вытекающія изъ этого обыкновеннаго хода нашей жизни, прошу и васъ, м. г., столь же снисходительно, по той же причинѣ, смотрѣть на недостатки моей корреспонденціи.

Повѣрьте, я цѣню всю важность принятой мною на себя обязанности разъяснить вамъ положеніе нашихъ дѣлъ, и самъ первый жалѣю о томъ, что могу бесѣдовать съ вами лишь урывками, спѣша, кое-какъ, но что же дѣлать, когда и у меня, и у васъ слишкомъ мало времени для основательныхъ занятій.

Прежнее письмо къ вамъ я кончилъ тѣмъ, что изъ характера и взаимныхъ отношеній четырехъ общественныхъ элементовъ, съ самаго начала участвовавшихъ въ крѣпостномъ вопросѣ, надобно было предвидѣть, къ чему пойдетъ это дѣло. Мы видѣли, что тутъ было четыре элемента: власть, просвѣщенные люди, или либеральная партія, дворянство и крѣпостные крестьяне. Подумаемъ о роли каждого изъ нихъ при первоначальномъ постановленіи крѣпостного вопроса.

Крѣпостное право было создано и распространено властью; всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи. Почему же власть принималась за отмѣненіе той изъ установленныхъ ею самой привилегій, которою наиболѣе дорожило дворянство? Отвѣтъ уже данъ во второмъ моемъ письмѣ. Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войнѣ, доставила силу такъ называемой либеральной партіи, требовавшей уничтоженія крѣпостного права. Такимъ образомъ, власть принимала на себя исполненіе чужой программы, основанной на принципахъ, несогласныхъ съ характеромъ самой власти.

Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами элемента, бравшагося за его исполненіе, должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный, произвольный способъ веденія дѣла. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкою его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершаться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ бюрократическомъ характерѣ дѣйствій, вторая—въ пристрастіи къ дворянству.

Дѣло начато было съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства. А бюрократія по самой сущности своей всего болѣе занимается формалистикою. Потому и результатъ оказался такой, что измѣнены были формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній. Этимъ думали удовлетворить помѣщиковъ.

Но точчасъ оказалось, что рѣшеніе сдѣлано было неудобноисполнимое.

Предполагалось сохранить сущность крѣпостного права, отиѣнивъ его формы. Но безъ формъ нельзя сохранить и сущности. И что же вышло? Помѣщики увидѣли себя не въ состояніи пользоваться выгодами, которыя были оставлены за ними; выгоды эти исчезали безъ всякаго вознагражденія для нихъ, потому что власть и не предполагала, чтобы выгоды эти на самомъ дѣлѣ исчезли.

А между тѣмъ дворянство видѣло, что власть старалась сдѣлать для него все, что могла. Изъ этого естественно слѣдовалъ выводъ: и такъ, власть не въ состояніи ничего сдѣлать для сохраненія собственности помѣщиковъ или для ихъ вознагражденія. А изъ этого вывода еще легче слѣдовалъ другой: и такъ, помѣщики должны сами позаботиться о сохраненіи той части собственности, какая можетъ остаться за ними, и о полученіи вознагражденія за ту часть, которую теряютъ. А изъ этого вывода неизбежно слѣдовалъ третій: но до сихъ поръ помѣщики держались не собственной силою, а постороннею опорою; теперь, когда прежняя опора оказывается слишкомъ слаба, надобно имъ отыскать для себя новыя опоры. Выборъ тутъ былъ незатруднителенъ.

Мы видѣли, что при началѣ крѣпостного вопроса масса другихъ сословій, до которыхъ не касался онъ прямо, оставалась равнодушна къ нему. Но пельзя ей было сохранить равнодушіе, когда она увидѣла развязку, приготовленную бюрократическимъ рѣшеніемъ дѣла. Крѣпостные крестьяне не повѣрили, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена тѣми формальными перемѣнами, какими ограничило ее бюрократическое рѣшеніе. Изъ этого повсюду произошли столкновенія между крѣпостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое рѣшеніе. Произошли сцены, которыхъ нельзя было видѣть хладнокровно. Массою другихъ сословій овладѣло состраданіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ. А между тѣмъ крѣпостные крестьяне, несмотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли. Отъ этого ихъ расположенія должны будутъ произойти новыя столкновенія, если надежда ихъ не исполнится. Такимъ образомъ страна подвергалась смутамъ и опасается новыхъ смутъ. А смутное время бываетъ тяжело для всѣхъ. Изъ этого стала развиваться въ массѣ другихъ сословій мысль, что нужно измѣнить рѣшеніе крестьянскаго вопроса для отклоненія смутъ. Разъ будучи принуждены обстоятельствомъ думать объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ сословія естественно перешли отъ частнаго вопроса, давшаго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей и, разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. Тотчасъ же замѣтили они, что находятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаково невыгодныя для всѣхъ сословій, и соединились въ желаніи измѣнить эти черты.

Вамъ извѣстно, м. г., какихъ общихъ перемѣнъ стали желать всѣ сословія, которыхъ прямо не касался частный вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Всѣ они чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебного устройства и отъ многосложной формалистичности законовъ. Дворянство точно такъ же страдало отъ этихъ недостатковъ, какъ и другіе сословія. Такимъ образомъ, самъ собою открывался

ему способъ найти нужную для него опору. Оно сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся нынѣ дѣла. Послѣ сдѣланныхъ мною объясненій, могу ли я надѣяться, м. г., что вы избѣжите двухъ заблужденій, послѣдствія которыхъ были бы прискорбны.

Во-первыхъ, м. г., вы не припишете какимъ-либо частнымъ или сословнымъ побужденіямъ дворянства тѣхъ желаній общей реформы, представителемъ которыхъ оно теперь выступаетъ. Эти желанія не имѣютъ ничего общаго съ раздраженіемъ нѣкоторой части дворянства на власть за уничтоженіе крѣпостнаго права. Съ его уничтоженіемъ огромнѣйшее большинство дворянства уже совершенно примирилось, какъ съ фактомъ безвозвратнымъ. Если остаются въ дворянствѣ особенныя сословныя желанія по этому дѣлу, не принадлежація и всѣмъ другимъ сословіямъ, то эти желанія относятся только къ размѣру выкупа. Тутъ возможенъ споръ, и еще неизвѣстно, какой размѣръ выкупа будетъ одобренъ или допущенъ другими сословіями. Но совершенно иной характеръ имѣютъ желанія дворянства относительно предметовъ, выходящихъ за предѣлы этого частнаго вопроса. Въ мысляхъ о реформѣ общаго законодательства, объ основаніи администраціи и суда на новыхъ началахъ, о свободѣ слова,—дворянство только является представителемъ всѣхъ другихъ сословій, и представителемъ ихъ выступило оно даже не потому, чтобы въ немъ сильнѣе были эти желанія, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, а единственно потому, что оно имѣетъ при нынѣшнемъ порядкѣ организацію, дающую возможность выражать желанія. Если бы другія сословія имѣли законные органы для выраженія своихъ мыслей, они высказались бы по этимъ предметамъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и дворянство, только съ большею рѣшимостью, потому что всякое другое сословіе еще болѣе дворянства чувствуетъ обременительность тѣхъ общихъ недостатковъ нынѣшняго устройства, объ устраненіи которыхъ говоритъ дворянство. Если вы, м. г., спросите купечество или духовенство, или крестьянъ, или даже массу чиновниковъ (за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ, которымъ нынѣшній порядокъ выгоденъ), вы услышите отъ каждаго изъ этихъ сословій тѣ же самыя мысли о законодательствѣ, администраціи и судѣ.

Если бы вы пожелали убѣдиться въ этомъ, вы отстранили бы отъ себя всякую возможность другого важнаго заблужденія. Вы совершенно освободились бы отъ мысли, что можно приписывать какія-нибудь мѣры противъ общаго стремленія, начинающаго обнаруживаться. Его проявленія еще кажутся слабыми, но вѣдь это потому только, что они еще первыя. Присмотрѣвшись къ дѣлу, вы замѣтите, что сила ихъ очень быстро растетъ; очень жаль, что, при отдаленности вашей отъ маленькихъ людей, вы лишены удобствъ лично дѣлать эти наблюденія. А мы,—наблюдающіе вблизи жизнь всѣхъ слоевъ общества, кромѣ вашего круга, — мы видимъ очень быстрое распространеніе мыслей, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, и замѣчаемъ, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія ихъ.

Этимъ кончаю я, м. г., общій очеркъ настоящаго положенія дѣл.

Для многихъ онъ былъ бы уже совершенно достаточенъ. Но я никакъ не смѣлъ надѣяться, что онъ покажется намъ достаточно полонъ для васъ, мало занимавшагося разсмотрѣніемъ дѣлъ съ той точки зрѣнія. которая одна только разъясняетъ ихъ. Для васъ этотъ краткій очеркъ можетъ имѣть только значеніе предисловія, перечисляющаго предметы, о которыхъ далѣе будетъ говорить подробнѣе, показывающаго надобность заняться ими и общающаго, что авторъ постарается разъяснить ихъ вамъ.

Мы видѣли, что главнымъ пунктомъ, около котораго стало группироваться все остальное, было дѣло объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Я займусь имъ въ слѣдующемъ письмѣ.

IV.

13 февраля.

Какимъ неровнымъ токомъ идетъ наша жизнь, м. г.! Шестъ дней не могъ я уличить минуту для бесѣды съ вами, а нынѣ вотъ въ одинъ день отправляю уже второе письмо. Такъ и во всемъ важномъ, какъ въ этомъ мелочномъ случаѣ. Иной разъ тянутся долгіе годы, и незамѣтно никакихъ перемѣнъ въ существующихъ отношеніяхъ. А то приходитъ такое время, что безпрестанно совершаются новости, и вся обстановка жизни быстро пере дѣлывается. Возьмите, на примѣръ, прошлый годъ. Смуты въ Варшавѣ, смуты внутри Россіи, загадочное появленіе программы *), порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой къ свѣдѣнію всѣми. небывалое движеніе молодежи въ самомъ Петербургѣ, страшная развязка этого движенія, слухи о предполагаемыхъ требованіяхъ дворянства, приготовленія его къ занятію общественными вопросами,—вотъ сколько въ одинъ годъ новостей, изъ которыхъ каждая передвигала общество все далѣе и далѣе по одному направленію. Едва ли кому былъ пріятенъ какой-нибудь изъ этихъ сюрпризовъ; но они все-таки случались, производимые натянутостью отношеній. Не слѣдуетъ ли позаботиться о томъ, чтобы избавиться отъ ихъ повторенія? А избавиться отъ нихъ можно только прекращеніемъ натянутости отношеній; а чтобы прекратить ее, надобно разобрать, отчего отношенія сдѣлались натянуты. Мы начнемъ разборъ самаго главного натянутого отношенія, т. е. вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ.

Я не знаю, м. г., имѣете ли вы точное понятіе о свойствахъ вещи, называемой бюрократическимъ порядкомъ. Но если вы позволите, я объясню вамъ натуру этой вещи однимъ примѣромъ.

*) Авторъ очевидно намекаетъ на появленіе „Великорусса“, вышедшаго 1861 г. въ 3-хъ номерахъ. За „Великорусса“ былъ сосланъ въ Сибирь поручикъ Обручевъ. Одновременно вышла прокламація „Къ Молодому Поколѣнію“. За эту послѣднюю М. Н. Михайловъ, сотрудникъ „Современника“, былъ сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь. Кромѣ того былъ поданъ государю адресъ отъ различныхъ сословій, въ которомъ ставится монарху на видъ необходимость созванія народнаго представительства. Это званіе можно найти частію въ „Колоколѣ“, частію въ „Свободномъ Словѣ“ Блюммера, въ „Будущности“ Долгорукова. *Примѣчаніе, содѣланное въ заграничномъ изданіи этой статьи.*

Цѣлый уголъ моей комнаты заваленъ многотомнымъ изданіемъ „*Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости*“. Конечно, только очень немногіе люди прочитали весь этотъ сборникъ журналовъ и протоколовъ, постановленій и докладовъ, справокъ и соображеній; къ огромному же числу людей, принимавшихъ за это чтеніе и покинувшихъ его, принадлежу и я. Не знаю, по какимъ причинамъ покидали чтеніе этихъ матеріаловъ другіе, но про себя могу сказать, что я былъ остановленъ не многотомностью изданія и не сухостью безчисленныхъ подробностей, — по такому важному дѣлу можно бы жадно прочесть не десятки, а сотни томовъ, — меня остановило совершенно другое обстоятельство, отпечатанное на первыхъ же страницахъ I-го тома, такъ что я не дочиталъ бы „*Матеріаловъ*“, еслибъ они составляли всего одну тоненькую брошюрку, страничекъ во сто. Вотъ это обстоятельство, сдѣлавшее для меня ненужнымъ тратить время на чтеніе „*Матеріаловъ*“: Редакціонная Коммиссія открыта была 4-го марта 1859 г.; это первое засѣданіе было только приготовительнымъ, и журналъ его занимаетъ съ небольшимъ одну страницу; для дѣйствительнаго начала своихъ занятій Редакціонныя Коммиссіи собрались на другой день 5 марта, и вотъ что мы читаемъ въ самомъ же началѣ журнала этого втораго засѣданія:

„Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Коммиссій извлеченныя изъ печатныхъ и литографированныхъ его мнѣній нѣкоторыя основныя мысли, которыя, по его убѣжденію, не бесполезно было бы принять къ соображенію, а именно“..

Предположеніе предсѣдателя состояло изъ 9 пунктовъ; переписывать здѣсь всѣ ихъ было бы излишне, потому что нѣкоторые имѣли только формальную важность, другіе относились къ предметамъ, которые уже были поставлены внѣ круга вопросовъ, предоставленныхъ разсмотрѣнію Коммиссій. Обращаю вниманіе только на слѣдующіе пункты, относившіеся къ вопросамъ, въ которыхъ мнѣніе Коммиссій не было, повидимому, связано ничѣмъ. Вотъ они:

„2) Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ, необходимо дать имъ возможность *пріобрѣтать въ собственность отъ помѣщиковъ, по добровольному съ ними соглашенію, достаточное количество земли для упроченія своей осплостности и обезпеченія своего быта.*

„4) Обязательныя барщинныя повинности, и при срочно-обязанномъ положеніи, будутъ все-таки составлять видъ крѣпостнаго права, но лишь подчиненнаго законнымъ правиламъ. Посему они все таки не могутъ не быть для крестьянъ тягостны, а для крестьянъ и правительства могутъ сдѣлаться источникомъ важныхъ затрудненій, что не соотвѣтствовало бы благимъ намѣреніямъ Государя о дѣйствительномъ прекращеніи крѣпостнаго состоянія. Въ этихъ видахъ, обязательныя повинности должны быть разсматриваемы лишь какъ мѣра переходная, и если Коммиссіямъ удастся сократить срокъ, или умѣрить дѣйствіе оной, то улучшеніе быта можетъ быть упрочено даже и на время срочно-обязаннаго періода.

„6) Помѣщики должны получить справедливое, вполне достаточное

вознагражденіе за тѣ земли и угоды, которыя крестьяне у нихъ выкупать“.

Смотрите же, м. г., что слѣдуетъ въ журналѣ прямо за изложеніемъ предложеній предсѣдателя:

„По выслушаніи сего, члены Коммиссій единогласно изъявили полное сочувствіе выраженнымъ предсѣдателемъ основнымъ соображеніямъ, какъ исполнѣ согласнымъ съ ихъ убѣжденіями, а потому и просили о внесеніи сихъ соображеній въ журналъ Коммиссій для непремѣннаго руководства. Предсѣдатель не встрѣтилъ препятствій ко внесенію всего этого въ журналъ, предоставляя однако же каждому изъ членовъ высказывать искренно свои убѣжденія, если бы они были, въ чемъ бы то ни было, и не согласны съ его мыслями.

Вы можете видѣть изъ этого, м. г., что такое значить бюрократическій порядокъ. Старшій говоритъ: я полагаю, что надобно рѣшить дѣло вотъ такъ и вотъ такъ; согласны ли вы, господа? я не навязываю вамъ своихъ мнѣній: возражайте противъ нихъ, если не согласны; можете совершенно отвергнуть ихъ, если они не правильны. На это всѣ младшіе товарищи единогласно отвѣчаютъ: ваши мнѣнія совершенно согласны съ нашимъ убѣжденіемъ, и мы исполнѣ принимаемъ ихъ.

Теперь, м. г., попробуйте разсудить, правдоподобная ли вещь, возможная ли вещь была, чтобы ни одинъ изъ десяти тогдашнихъ членовъ Коммиссій не имѣлъ ни по одному изъ 9 пунктовъ, предложенныхъ предсѣдателемъ, никакого взгляда, различнаго отъ рѣшеній, предложенныхъ предсѣдателемъ, даже никакого сомнѣнія въ невозможности дополнить или улучшить, хотя въ чемъ-нибудь, хотя одно изъ этихъ десяти рѣшеній? Вы бываете въ обществѣ, м. г.; вы знаете, что если разговоръ ничѣмъ не связанъ, то никакъ не обходится дѣло безъ разспросовъ, объясненій, споровъ; конечно, могутъ согласиться наконецъ всѣ единодушно, но вѣдь не съ перваго же слова. Въ засѣданіи Редакціонныхъ Коммиссій, судя по журналу его, было не такъ. Это показываетъ, что свободы мнѣній въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ не было.

„Но вѣдь предсѣдатель нимало не стѣснялъ ея, — онъ приглашалъ членовъ возражать и отвергать“. Конечно такъ, м. г.; но опять таки прошу васъ вспомнить, что вы сами, конечно, замѣчали въ обществѣ. Есть случаи, въ которыхъ на всякія приглашенія выражать свои мнѣнія свободно, каждый человекъ, въ комъ есть хоть капля разсудка и чувства приличій, отвѣтитъ не иначе, какъ условной фразой, которая и напередъ извѣстна. Напримѣръ, во время кадрили дама спрашиваетъ кавалера: „не скучаетъ ли онъ?“ Даю голову на отсѣченіе, онъ непремѣнно будетъ отвѣчать, что нимало не скучаетъ, что ему очень пріятно танцевать съ ней. А вѣдь она вызвала его высказаться, и вѣдь онъ, по всей вѣроятности, очень скучалъ съ ней, иначе не было бы и повода къ ея вопросу. Но какъ же вы хотите иначе, м. г.? На все есть свои законы приличія. Или другой примѣръ: хозяйинъ любитъ самъ дѣлать салатъ; сдѣлалъ и спрашиваетъ гостей: вкусенъ ли салатъ; всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ всегда: „очень, очень хороши!“.... Я хотѣлъ сказать, м. г., что во всякомъ разрядѣ житейскихъ вещей есть свои правила благоразумія, свои обязанности благоприличія, ко-

торыхъ никто не нарушаетъ, кромѣ людей неблаговоспитанныхъ или сумасбродныхъ. Въ томъ разрядѣ дѣлъ, который называется бюрократическимъ порядкомъ, принято за правило соглашаться во всемъ со старшимъ членомъ, который предсѣдательствуетъ въ собраніи. Быть можетъ, вамъ покажется это правило страннымъ, но покажется развѣ только по незнакомству съ основаніями, изъ которыхъ оно вытекло. Дѣло въ томъ, что тутъ всегда предполагается, что предсѣдатель, — или какъ бы тамъ ни назывался старшій членъ собранія, — всегда имѣетъ болѣе точныя свѣдѣнія о цѣляхъ высшаго правительства, сообразуется съ ними, служитъ истолкователемъ плановъ, уже принятыхъ высшимъ правительствомъ. Вы знаете, м. г., что не всегда такъ бываетъ; иногда высшее правительство еще не приняло опредѣленнаго рѣшенія по вопросу, переданному для разработки въ бюрократическую комиссію; иногда оно готово измѣнить свое мнѣніе о вопросѣ, хотя бы оно и было уже составлено у него. Но такіе случаи бываютъ только исключеніемъ, а правила для образа дѣйствій возникаютъ не изъ исключительныхъ случаевъ, и при бюрократическомъ порядкѣ всегда уже всѣ приглашаемые на совѣщаніе бываютъ убѣждены, что они приглашены только работать по инструкціи, измѣнить которой уже нельзя, и хранителемъ которой избранъ старшій членъ ихъ собранія. Напрасно сталъ бы самъ онъ увѣрять въ противномъ, ему никто не повѣритъ, что каждое его слово не должно приниматься за основаніе вырабатываемаго постановленія. Это настроеніе мыслей, — настроеніе совершенно неизбѣжное при бюрократическомъ порядкѣ, — дѣйствуетъ съ такою обаятельною силою на предсѣдателя, что какъ бы ни готовъ онъ былъ въ началѣ различать свои личныя мнѣнія отъ неизмѣнныхъ рѣшеній правительства, онъ скоро спутываетъ эти понятія, и ему начинаетъ уже представляться, что каждое его слово — дѣйствительно законъ; „я органъ правительства, я знаю его виды, я хочу того, чего оно хочетъ, значитъ — чего я хочу, того оно хочетъ. Угодно ли вамъ, м. г., чтобы я подтвердилъ примѣромъ это неизбѣжное увлеченіе? Вы видѣли, что въ засѣданіи 5 марта предсѣдатель еще представлялъ свои мнѣнія, только какъ свои личныя мнѣнія, которыя только „не бесполезно было принять къ соображенію“; черезъ два съ половиною мѣсяца въ засѣданіи 20 мая, онъ уже выражался слѣдующимъ образомъ:

„Выкупъ крестьянами земли, какъ уже было мною изъяснено, долженъ быть на основаніи *Высочайшей* воли не *обязательный*, а *полюбовный*, т.-е. выкупъ не можетъ происходить безъ формальнаго согласія помѣщика продать, а крестьянина купить поземельныя угодья, за исключеніемъ усадебъ, продажа коихъ обязательна для тѣхъ помѣщиковъ, которые не изъявятъ согласія на продажу угодій полевыхъ“.

За этимъ вступленіемъ слѣдовалъ рядъ соображеній, изложивъ которые, предсѣдатель говорилъ совершенно въ духѣ заключенія, какое мы видѣли въ журналѣ 5 марта; онъ и теперь, 20 мая, тоже приглашалъ членовъ комиссій не стѣсняться его мнѣніемъ, давалъ имъ свободу отвергать это мнѣніе.

„Въ заключеніе повторяю, что всѣ эти мои соображенія я не предлагаю въ основу сужденій Финансовой Коммиссіи; Коммиссія имѣетъ пол-

ное право не только измѣнить имъ, но и совершенно ихъ отвергнуть, и что цѣль моя при предъявленіи этихъ моихъ соображеній, состоитъ единственно въ томъ, чтобы объяснить Коммисіи: въ какія данныя можетъ быть нынче вставленъ вопросъ о выкупѣ крестьянами полевыхъ угодій, и что выкупъ этотъ я признаю весьма исполнимымъ“.

Все это очень либерально; но извольте припомнить, м. г., какія выраженія встрѣчаются въ началѣ рѣчи, имѣющей такое заключеніе: председатель упоминаетъ о „*Высочайшей волѣ*“; а потомъ, излагая свои соображенія, онъ выражается такъ: „правительство должно, крестьяне должны, оцѣнка должна быть; правительство покрываетъ своими средствами, правительство найдетъ возможность“ и т. д., и т. д., эти обороты рѣчи выставляютъ каждую мысль председателя, какъ дѣло уже рѣшенное правительствомъ. Какое же существенное вліяніе могли имѣть заключительныя слова, что члены Коммисіи могутъ измѣнять и отвергать мнѣніе председателя, когда по тону всей предшествующей рѣчи слѣдовало принимать эти мнѣнія за неизмѣнную инструкцію, такъ какъ они представлены въ связи съ Высочайшею волею. О чемъ же тутъ разсуждать? Надобно принимать къ исполненію.

Редакціонныя Коммисіи такъ и сдѣлали.

Посмотрите же, м. г., что изъ этого выходило. Вы очень хорошо знаете, съ какою цѣлью были назначены эти Коммисіи. Высшее правительство, опредѣливъ нѣкоторые, самые общіе принципы дѣла, нашло нужнымъ, чтобы имъ занялись специалисты. Ихъ основательному изслѣдованію оно желало предоставить опредѣленіе всего устройства дѣла. Что же мы видимъ?—Едва собрались эти специалисты, ни за что еще не успѣли приняться, а уже опредѣлилось, какъ будетъ устроено дѣло. Но вѣдь дѣло еще не изслѣдовано; вѣдь они еще не знаютъ, какія основанія будутъ найдены ими для него? Нужды нѣтъ, эти основанія уже готовы. Какъ же они приготовлены? Очень просто. У каждаго есть о каждомъ предметѣ какое-нибудь мнѣніе или предположеніе. Разумѣется, было и о крестьянскомъ дѣлѣ какое-нибудь мнѣніе или предположеніе у лица, назначеннаго председательствовать въ этихъ Коммисіяхъ, какъ были у него мнѣнія и предположенія о всякомъ другомъ предметѣ,—и о томъ, что Віардо хорошая пѣвица, и о томъ, что Вольтеръ былъ остроумный писатель, и о томъ, что пулковская обсерваторія хорошо устроена; предположите же теперь, что начали бюрократическимъ порядкомъ разсуждать объ итальянской оперѣ, о французской литературѣ, объ астрономіи. Собираютъ специалистовъ; председатель высказываетъ свои мнѣнія объ этихъ предметахъ, съ которыми очень мало знакомъ, но о которыхъ все-таки имѣетъ же какое-нибудь мнѣніе,—что изъ этого слѣдуетъ по бюрократическому порядку? то, что специалисты тотчасъ восклицаютъ: совершенно согласны и вполне принимаемъ основанія, предлагаемыя вами, г. председатель.

Скажите, м. г., хорошъ ли вышелъ бы обѣдъ, если бы поваръ сталъ безусловно принимать всѣ ваши или мои мнѣнія о томъ, какъ варить супъ или жарить ростбифъ? А вѣдь вы или я, мы имѣемъ объ этомъ нѣкоторыя понятія. Но вы и я даже и не высказываемъ своего мнѣнія объ этомъ

повару, которому поручили готовить намъ обѣдъ. И мы очень хорошо дѣлаемъ, что не высказываемъ тутъ своего мнѣнія. А по бюрократическому порядку это дѣло пошло бы вотъ такъ: поваръ руководился бы не своимъ знаніемъ и опытною, а старался бы развѣдать, какъ мы думаемъ объ устройствѣ кухонной плиты, о формѣ кострюль и жаровень, о времени сколько нужно держать кушанье на плитѣ и т. д., и т. д. Разумѣется, если бы стали къ намъ приставать съ этими развѣдываніями, забѣгать и справа и слѣва, вовлекать насъ во всякіе разговоры и ловить каждое наше слово для исполненія,—разумѣется, вывѣдали бы отъ насъ что-нибудь и объ этихъ предметахъ,—и о кострюляхъ, и о жаровняхъ, и о томъ, какъ топить печь и т. д., и т. д., и каждое наше слово объ этомъ, дошедшее до повара Богъ знаетъ черезъ сколько устъ и Богъ знаетъ какъ перетолковывавшееся въ каждахъ устахъ, становилось бы инструкціей для повара. Какъ вы полагаете, хорошъ былъ бы у насъ порядокъ на кухнѣ, и вкусень выходилъ бы нашъ обѣдъ, какъ бы хорошъ ни былъ нашъ поваръ?

А вѣдь мы въ самомъ дѣлѣ не думали связывать его, ничего не хотѣли предписывать ему; мы хотѣли только, чтобы обѣдъ былъ хорошъ, и думали, что онъ будетъ готовить его какъ самъ знаетъ. Нѣтъ, если поваръ будетъ къ вамъ въ бюрократическихъ отношеніяхъ, это наше желаніе неисполнимо: поваръ непременно будетъ только подмастерьемъ нашимъ, поварская часть будетъ управляться нами.

Вотъ точно такъ вышло и въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ.

Будемъ говорить серьезно. При бюрократическомъ порядкѣ совершенно бесполезны умъ, знаніе, опытность людей, которымъ поручено дѣло. Люди эти дѣйствуютъ какъ машины, у которыхъ нѣтъ своего мнѣнія; они ведутъ дѣло по случайнымъ намѣкамъ и догадкамъ о томъ, какъ думаетъ про это дѣло то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этимъ дѣломъ. Что изъ этого выходитъ, мы увидимъ все на томъ же примѣрѣ Редакціонныхъ Коммисій.

Первою чертою дѣла для примѣра пусть послужитъ такъ называемая гласность,—это, м. г., бюрократическое выраженіе, придуманное для замѣны выраженія „свобода слова“, и придуманное по догадкѣ, что выраженіе „свобода слова“ можетъ показаться непріятнымъ или рѣзкимъ кому-нибудь,—и такъ, м. г., первую чертою для моего примѣра я беру такъ называемую гласность по крестьянскому дѣлу.

По фактамъ, которые приведены мною выше, могло казаться, будто предсѣдатель Коммисіи дѣйствовалъ по своему убѣжденію. Остальные члены были работники, не могшіе дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, а трудившіеся по инструкціямъ предсѣдателя. Но по крайней мѣрѣ предсѣдатель поступалъ сообразно своему убѣжденію. Оно могло быть составлено безъ основательнаго знакомства съ дѣломъ; но каково бы оно ни было, все-таки оно было его убѣжденіемъ, и если оно опредѣляло, характеръ коммисіонныхъ работъ, все-таки въ этихъ работахъ могла быть какая-нибудь опредѣленная мысль и внутренняя связность. Пѣтъ, м. г., и это наше предположеніе оказывается ошибочнымъ. Мы видѣли предсѣдателя въ его отношеніяхъ къ членамъ. Передъ ними дѣйствительно онъ былъ человѣкъ само-

стоятельный. Но вѣдь онъ былъ въ сношеніяхъ не съ ними одними, а со множествомъ лицъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ, занимавшихъ относительно его точно такое же положеніе, какое занималъ онъ относительно членовъ Редакціонныхъ Коммиссій. По бюрократическому порядку онъ тоже въ свою очередь вывѣдывалъ мнѣнія лицъ, болѣе заслуженныхъ, чѣмъ онъ; тоже строилъ догадки о ихъ мнѣніяхъ, и тоже принималъ всякое ихъ слово и всякую догадку о ихъ мнѣніяхъ за инструкцію, которую долженъ исполнять. Можно было бы найти множество подтвержденій тому въ воспоминаніяхъ, еще свѣжихъ у каждаго изъ насъ. Но я хочу опираться только на факты, формально засвидѣтельствованные въ протоколахъ Коммиссій, и укажу вамъ на одинъ изъ нихъ.

Черезъ мѣсяцъ по открытіи Коммиссій, въ засѣданіи 6 апрѣля, предсѣдатель, наученный опытомъ, высказалъ убѣжденіе, что ни онъ самъ, ни Редакціонныя Коммиссіи никакъ не могутъ удовлетворительно исполнить порученнаго имъ дѣла, если не привлекутъ къ помощи ихъ труду всю публику; онъ видѣлъ, что ему и Коммиссіямъ необходимо опереться на общественное мнѣніе; онъ видѣлъ, что, не будучи поддерживаемы общественнымъ мнѣніемъ, онъ и Редакціонныя Коммиссіи не найдутъ въ себѣ силы дѣйствовать, какъ нужно для успѣха дѣла. Вотъ, м. г., подлинныя слова предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, написанныя въ журналѣ засѣданія 6 апрѣля.

„Возбужденъ былъ вопросъ: какую степень гласности должны имѣть занятія Коммиссій?

„По мнѣнію, выраженному предсѣдателемъ, занятія эти составляютъ дѣло всей Россіи,—дѣло, съ которымъ тѣсно связано и спокойствіе и благосостояніе цѣлаго государства, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Опытъ показалъ, что, хотя поднятый вопросъ живо затронулъ интересы всего народа, но Россія, въ полномъ довѣріи къ своему Государю, осталась спокойною; что спокойствіе это можно частію приписать и нѣкоторой гласности, съ которой съ самаго начала, по Высочайшему повелѣнію, было ведено дѣло. При томъ же Коммиссія, совершая трудъ, столь близкій интересамъ всѣхъ сословій, обязана честнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ всею Россіею. Дать этотъ отчетъ, успокоить всѣхъ и каждаго, можно только посредствомъ полной откровенности, потому что гдѣ дѣло ведется открыто, тамъ нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелѣпымъ толкованіямъ. Наконецъ, на Коммиссіяхъ лежитъ святая обязанность уяснить вопросъ и самимъ себѣ *со всѣхъ сторонъ*. Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ трудъ Коммиссій, какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и неодносторонними, онъ при всей опытности своихъ членовъ, врядъ ли избѣгнуть такихъ ошибокъ, которыя, при примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни, могутъ оказать неблагоприятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому, и здѣсь необходимо передать себя общему суду, призвать на помощь общее участіе, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнитъ недостающіе факты и исправитъ во время каждую ошибку Коммиссій“.

Вникните въ эти слова, м. г., взвѣсьте ихъ, они заслуживаютъ того.

Какой сильный и твердый тонъ, какое честное и широкое понятіе о дѣлѣ. Хорошо; но слушайте же, какой выводъ дѣлается изъ такого основанія, какое примѣненіе получаетъ такой принципъ, какая практика извлекается изъ теоріи:

„Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній, предсѣдатель полагалъ бы полезнымъ:

„1) Всѣ журналы и труды Коммиссій печатать въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

„2) Напечатанные экземпляры разсылать гг. членамъ Главнаго Комитета, министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, генералъ-губернаторамъ, начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства (симъ послѣднимъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ).

„3) Предварить всѣхъ означенныхъ лицъ, что подлежащіе обсужденію Коммиссій вопросы будутъ разрѣшаемы не ранѣе прибытія членовъ-экспертовъ, а затѣмъ труды Коммиссій будутъ предъявляемы депутатамъ губернскихъ комитетовъ, для сообщенія замѣчаній и съ ихъ стороны.

„4) Просить всѣхъ лицъ, которымъ будутъ разсылать такіе *труды*, сообщать свои замѣчанія къ опредѣленному сроку, на особомъ по каждой главѣ листѣ, и по возможности кратко, чтобы Коммиссіи могли принять ихъ въ соображеніе своевременно, тотчасъ же раздѣлять по отдѣленіямъ и имѣть физическую возможность прочесть и обсудить ихъ“.

М. Г., вы твердо убѣждены, что предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій былъ человѣкъ очень умный. Я совершенно согласенъ съ вами; посмотрите же, м. г., можетъ ли умный человѣкъ, если руководится своимъ умомъ, дѣлать такой выводъ изъ такого основанія. „Дѣло Редакціонныхъ Коммиссій,—дѣло всей Россіи“. Самимъ Коммиссіямъ для успѣха въ своихъ занятіяхъ, „необходимо предать себя общему суду, призвать на помощь общее участіе“. Что же надобно сдѣлать? какъ исполнить эту обязанность, какъ получить эту помощь? „Экземпляры трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій разсылать начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, прося ихъ сообщать Редакц. Коммиссіямъ свои замѣчанія“. М. Г., скажите сами: развѣ начальники губерній и губернскіе предводители дворянства цѣлая Россія? Развѣ судъ ихъ—общій судъ цѣлой Россіи? Развѣ отчетъ передъ ними,—отчетъ передъ всею Россіей? Думаете ли вы, м. г., что онъ, человѣкъ умный, не былъ внутренно сконфуженъ передъ самимъ собою несоборностью своего заключенія съ началомъ? Думаете ли вы, что онъ могъ прямо смотрѣть въ глаза членамъ Редакціонныхъ Коммиссій, когда переходилъ отъ своего начала къ своему заключенію. Я этого не думаю, потому что думать такъ, значило бы оскорблять его память съ той стороны, съ которой уже никакъ нельзя отзываться о немъ дурно,—стороны ума.

Чѣмъ же можно объяснить такую странную несвязность мыслей, такое явное несоотвѣтствіе принимаемаго рѣшенія съ собственными желаніями? Конечно, только тѣмъ, что предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій и самъ былъ совершенно связанъ въ своихъ рѣшеніяхъ. И кѣмъ же былъ онъ связанъ въ этомъ случаѣ? Я говорю съ вами, м. г., прямо и открыто, по-

тому, выскажу самъ свое убѣжденіе, впередъ свидѣтельствуя, что вы ошибетесь, если сочтете его вѣрнымъ. Предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій не былъ связанъ тутъ твердою и обдуманною волею того лица или тѣхъ лицъ, волю которыхъ онъ обязанъ былъ исполнить по закону; онъ былъ связанъ мнѣніями, опасеніями, привычками множества другихъ лицъ, которыя даже не имѣли законнаго права обнаруживать вліяніе на Редакціонную Коммиссію. Онъ былъ связанъ мнѣніями цѣлаго круга, отъ котораго, по формальному своему полномочію, былъ совершенно независимъ. Вотъ для васъ, м. г., случай убѣдиться, что при бюрократическомъ порядкѣ нѣтъ ни у кого независимости. Въ мелочахъ, особенно въ поступкахъ съ подвѣдомственными лицами, каждый имѣетъ при бюрократическомъ порядкѣ много произвола. Но слѣдовать своимъ убѣжденіямъ въ дѣлахъ серьезныхъ никто не властенъ; всѣ связаны безгласною и незаконною взаимною зависимостью, потому что все тутъ основано на слухахъ, догадкахъ, т.-е. на умѣнны угрождать всякому, кто могъ бы распустить невыгодный слухъ, если бы человѣкъ не угодилъ ему.

Если вы сравните практическое заключеніе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій о сообщеніи „Трудовъ Коммиссій“ губернскимъ предводителямъ и губернаторамъ съ теоретическимъ стремленіемъ предсѣдателя призвать все общество къ участию въ этихъ трудахъ и давать отчетъ о нихъ цѣлой Россіи, то вы увидите, м. г., каковъ бываетъ ходъ дѣла при бюрократическомъ порядкѣ: начинаютъ тѣмъ, что видятъ надобность чего-нибудь существеннаго и великаго, стремятся къ нему, и успѣваютъ сдѣлать лишь нѣчто очень маловажное и вовсе не существенное, а только формальное. Вы согласитесь, м. г., что мнѣнія губернаторовъ и губернскихъ предводителей никакъ не могли придать новой силы правительственному дѣлу, потому что сами губернаторы имѣютъ только силу, заимствованную отъ правительства, и губернскіе предводители находились тогда въ такомъ же положеніи: они не имѣли значенія, независимаго отъ правительства: не могло имѣть самобытнаго вѣса и ихъ мнѣніе. Такимъ образомъ Редакціонныя Коммиссіи никакъ не могли найти въ нихъ подкрѣпленія, въ которомъ чувствовалъ необходимую пужду предсѣдатель Коммиссій. Что же касается до содѣйствія этихъ лицъ разъясненію дѣла замѣчаніями на труды Коммиссій, то въ этихъ замѣчаніяхъ Коммиссіи не могли найти ничего новаго для себя: губернаторы смотрѣли на дѣло съ правительственной точки зрѣнія, подобно самой Коммиссіи, слѣдовательно не могли указать Коммиссіямъ важныхъ сторонъ дѣла, которыхъ не замѣчали бы и сами Коммиссіи; а губернскіе предводители могли дѣлать замѣчанія только съ помѣщичьей точки зрѣнія, которая уже и безъ того была очень знакома Коммиссіямъ. И такъ, необходимо нуждался въ опорѣ и критикѣ для своихъ трудовъ, Редакціонныя Коммиссіи искали ихъ у людей, которые были для нихъ совершенно бесполезны въ этихъ отношеніяхъ и принуждены были работать, не имѣя ни поддержки, ни критики въ своихъ трудахъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь объяснить вамъ, м. г., къ чему это привело. А теперь покончу нѣсколькими замѣчаніями рѣчь о предметѣ, наполнившемъ собою все нынѣшнее письмо,—о характерѣ бюрократическаго

порядка. Припомните, м. г., какіе странные факты видѣли мы засвидѣтельствованными въ журналахъ Редакціонныхъ Коммиссій. Созываются люди, чтобы разсмотрѣть дѣло; но съ перваго же раза имъ предлагаютъ заключенія, которыми уже рѣшается все дѣло; а вѣдь оно еще не разсмотрѣно ни ими, ни лицомъ, предлагающимъ эти рѣшенія. И эти лица принимаютъ предлагаемыя имъ рѣшенія. Что же послѣ этого они будутъ дѣлать? Они будутъ не разсматривать дѣло, а только будутъ заниматься подбораніемъ и прилаживаніемъ мелкихъ подробностей, т.-е. ихъ работа будетъ работа каменщиковъ, смазывающихъ кирпичи одинъ къ другому, хотя и предполагали тѣ, которые созывали ихъ, что созываютъ ихъ обсудить планъ зданія. Какъ произошла такая перемѣна въ ихъ назначеніи? Этого никто не знаетъ. По чьей волѣ произошла она, — ни по чьей, потому что никто этого не хотѣлъ. Она произведена силою бюрократическаго порядка, противъ которой ничего не въ силахъ сдѣлать никто, хотя бы стоялъ въ самой главѣ всего управленія. Вы хотите только спросить, вашъ вопросъ принимаютъ за рѣшеніе; вы хотите посовѣтоваться, и ваши слова принимаютъ за приказаніе; вы ищите опоры, — все, до чего вы касаетесь, гнется передъ вами. Такъ уже заведено въ бюрократическомъ порядкѣ, и ничего иного не добьетесь вы отъ него.

И посмотрите же, м. г., какая удивительная вещь произведена натуры бюрократическаго порядка. Думалъ ли кто-нибудь въ высшемъ правительствѣ, что крѣпостное право должно быть сохранено при провозглашеніи его отмѣны? Конечно, никто этого не хотѣлъ въ высшемъ правительствѣ. Хотѣлъ ли того предсѣдатель Редакціонныхъ Коммиссій? — Конечно нѣтъ, вамъ извѣстно это. Хотѣли ли того члены Редакціонныхъ Коммиссій? — Нѣтъ, это всѣмъ извѣстно. Что же вы видѣли, м. г., въ самой же первой выпискѣ, приведенной мною изъ журналовъ Редакціонныхъ Коммиссій? Вы видѣли, что Редакціонныя Коммиссіи начали свои работы принятіемъ принципа: при провозглашеніи освобожденія крестьянъ, крѣпостное право должно быть сохранено; припомните подлинныя слова журнала „Засѣданія“ 5 марта: „обязательныя барщинныя повинности и при срочно-обязанномъ положеніи будутъ составлять все-таки видъ крѣпостнаго права“. Это говоритъ предсѣдатель Коммиссій. По выслушаніи сего члены Коммиссій единогласно изъяснили полное сочувствіе къ этимъ словамъ предсѣдателя и внесли ихъ въ журналъ для непремѣннаго руководства себѣ. Снова спрашиваю, какъ могло это случиться, что въ основаніи дѣла кладется рѣшеніе, несогласное ни съ убѣжденіемъ членовъ Коммиссій, ни съ желаніемъ ихъ предсѣдателя, ни съ намѣреніемъ высшаго правительства? Случилось это по неизбѣжному характеру бюрократическаго порядка: предсѣдателю Коммиссій показалось по какой-то догадкѣ, что хотятъ этого какія-то лица, которымъ необходимо угождать; членамъ Коммиссій показалось, что слова предсѣдателя должны служить выраженіемъ неизмѣнной рѣшимости высшаго правительства, а высшее правительство, увидѣвъ такое рѣшеніе Коммиссій, убѣдилось, что нельзя уничтожить крѣпостнаго права, если уже специалисты, и при томъ извѣстные противники крѣпостнаго права, рѣшаютъ, что надобно сохранить его.

Точно также опредѣлились и всѣ другія черты дѣла; выкупи земель

необязательный, а по добровольному соглашенію, размѣръ надѣла, величина повинностей и платежей крестьянскихъ, и т. д. Никто не можетъ принять на себя отвѣтственности за устройство дѣла въ такомъ видѣ, — ни высшее правительство, ни Редакціонныя Коммиссіи, рѣшительно никто не желалъ устроить дѣло такъ; его такъ устроилъ собственно бюрократическій порядокъ, независимо отъ воли и убѣжденія лицъ, чѣмъ бы то ни было — работами ли своими, желаніями ли своими, подписями ли своими, — участвовавшихъ въ веденіи этого дѣла.

Но посмотрите же, м. г., что изъ этого вышло? Я открою вамъ тайну, которая до сихъ поръ оставалась неизвѣстною не только вамъ, — отъ котораго укрывается столь многое, — неизвѣстною даже лицамъ, составлявшимъ положеніе объ освобожденіи крестьянъ, — открою тайну, которая удивитъ какъ неожиданная новость всякаго, кромѣ освобожденныхъ крестьянъ, съ первой же минуты почувствовавшихъ на своихъ карманахъ дѣйствіе этого секрета.

V.

16 февраля.

Открытіемъ секрета, который хочу сообщить вамъ, обязанъ я, м. г., случайному обстоятельству. Не смотря на гласность, которую непременно хотѣлъ придать трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій ихъ предсѣдатель, я цѣлые два года даже не видывалъ этихъ изданій; такъ мало было ихъ обращеніе между публикой. Нужно заводить знакомства и прибѣгать къ просьбамъ, чтобы достать эти книги. Такъ у насъ все дѣлается, м. г.: безъ знакомства, безъ просьбъ ничего; съ ними — все. Но писать о крестьянскомъ вопросѣ нельзя было, потому я и не хлопоталъ, чтобы достать матеріалы, которыми не могъ бы воспользоваться. Наконецъ, когда приблизился срокъ обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, разнесся слухъ (неосновательный, какъ обнаружилось впоследствии), будто бы по его обнародованіи разрѣшено будетъ разбирать Положенія. Тогда я захотѣлъ имѣть Труды Редакціонныхъ Коммиссій. Это изданіе состоитъ, какъ вамъ извѣстно, изъ двухъ отдѣловъ: одинъ, напечатанный въ 8 д. л. содержитъ въ себѣ матеріалы, болѣе или менѣе переработанные самими Коммиссіями; другой отдѣлъ, напечатанный въ 4 д. л. подъ названіемъ „Приложеній къ Трудамъ Коммиссій“, заключаетъ въ себѣ статистическія данныя о помѣстьяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Тутъ обозначены: имя владѣльца и помѣстья, количество душъ и тягловъ въ каждомъ помѣстьѣ, общее количество земли при помѣстьѣ, количество каждаго рода угодій, входящихъ въ эту общую цифру, величина существовавшего надѣла и размѣръ повинностей, отбываемыхъ или платимыхъ за него. Этотъ отдѣлъ я успѣлъ получить раньше, чѣмъ досталъ первый отдѣлъ, въ которомъ переработаны Коммиссіями данныя втораго отдѣла. Не имѣя подъ руками этихъ сдѣланныхъ Коммиссіями выводовъ, и даже не зная до какой степени выработаны они, я долженъ былъ заняться самъ разработкою цифръ, представлявшихъ мнѣ описаніями помѣстій. Мнѣ хотѣлось получить приблизительное понятіе о томъ, какая

перемѣна производится Положеніями въ существовавшемъ надѣлѣ земли и въ повинностяхъ, отбываемыхъ или платимыхъ крестьянами помѣщику. Работу свою я хотѣлъ ограничить великорусскими губерніями, о которыхъ объ однихъ я и хотѣлъ писать, потому что самъ лично знакомъ только съ ихъ бытомъ и обычаями. Но и тутъ я не могъ переработать всѣхъ цифръ по всѣмъ великорусскимъ уѣздамъ, — цифръ наполняющихъ цѣлые 4 тома: у меня не достало бы на то времени. Я долженъ былъ взять только нѣкоторые уѣзды, чтобы судить по нимъ о всемъ цѣломъ. Но я хотѣлъ, чтобы разработанная мною часть дѣйствительно могла служить точною представительницею всего цѣлаго, и чтобы никому нельзя было заподозрить какого-нибудь произвола во мнѣ при выборѣ тѣхъ или другихъ уѣздовъ для пробы цѣлаго. Поэтому я передъ началомъ работы принялъ два слѣдующія правила:

1) Составивъ списокъ уѣздовъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ „Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій“, я сталъ отбрасывать тѣ уѣзды, въ которыхъ общее число описанныхъ помѣстій включаетъ менѣе 10 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, оставляя въ своемъ списокѣ только уѣзды, имѣющіе болѣе этого числа. Цѣль этого приѣма понятна: я хотѣлъ работать только надъ уѣздами, представляющими достаточную широту основанія для выводовъ о дѣйстви производимой Положеніями перемѣны. Такимъ образомъ осталось у меня 175 уѣздовъ, изъ которыхъ въ каждомъ описано состояніе болѣе чѣмъ 10 тыс. душъ.

2) Изъ нихъ я рѣшился взять тѣ, которыми будетъ начинаться каждый десятокъ, т. е. первый уѣздъ, одиннадцатый уѣздъ, двадцать первый уѣздъ и т. д. *).

Такимъ образомъ, досталось мнѣ взять для разработки цифръ слѣдующіе уѣзды:

Александровскій	—	Владимірской губерніи.
Вирюченскій	—	Воронежской „
Спасскій	—	Казанской „
Дмитровскій	—	Курской „
Клинскій	—	Московской „
Горбатовскій	—	Нижегородской „
Орловскій	—	Орловской „
Пензенскій	—	Пензенской „
Новоржевскій	—	Псковской „
Михайловскій	—	Рязанской „
Саратовскій	—	Саратовской „
Алатырскій	—	Симбирской „
Козловскій	—	Тамбовской „
Нерехтскій	—	Костромской „
Рославльскій	—	Смоленской „
Корчевскій	—	Тверской „
Евфанскій	—	Тульской „
Мышкинскій	—	Ярославской „

*) Прилагаю сдѣланный мною списокъ на тотъ случай, если бы вы, м. г., пожелали удостовѣриться въ правильности его составленія.

Надѣюсь, м. г., что правилами, принятыми мною при этомъ выборѣ, отстранена всякая возможность подозрѣвать какую-либо произвольность въ немъ. Посмотрите же, м. г., что открылось изъ разбора цифръ по этимъ 18 уѣздамъ.

Прежде всего я занялся счетомъ того, каковъ будетъ назначаемый Положеніями новый оброкъ, при назначаемомъ ими новомъ надѣлѣ, сравнительно съ прежнимъ оброкомъ и надѣломъ, въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыя прежде были на оброкѣ и останутся на оброкѣ по Положенію.

Общее число душъ въ оброчныхъ имѣніяхъ, внесенныхъ въ „Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій“, по всѣмъ 18 уѣздамъ: 125.324 души. Прежній надѣлъ ихъ показанъ въ 419.406^{1/2} десятинъ. Всего оброка за этотъ надѣлъ при крѣпостномъ правѣ платили они помѣщикамъ: 842.728 руб. 50 коп. Такимъ образомъ, при прежнемъ крѣпостномъ правѣ, среднимъ числомъ, бралось съ крестьянъ за одну десятину надѣла: 2 руб. 9 коп. По правиламъ, даннымъ новыми Положеніями, изъ прежняго надѣла должно отойти къ помѣщику: 101.767^{3/4} десятины. Остается за крестьянами: 317.638^{3/4} десятины. За нихъ установленъ оброкъ: 731.346 руб. 80 коп. То есть за одну десятину земли своего надѣла крестьяне должны по новымъ правиламъ платить 2 руб. 30^{1/2} коп. Иначе сказать, по новымъ Положеніямъ освобождаемые крестьяне должны платить помѣщику 1 руб. 10 коп. вмѣсто каждого рубля, который платили ему при прежнемъ крѣпостномъ правѣ.

Ожидали ли вы, м. г., такого результата?

Не смѣю далѣе утруждать вашего вниманія. Но если бы я смѣлъ предполагать, что свѣдѣнія, мною доставляемые вамъ, будутъ приниматься вами съ тою же единственною мыслью о драгоцѣнности правды, съ какою я старался приобрѣсти эти свѣдѣнія, то я поставилъ бы себѣ за удовольствіе изложить вамъ во всей подробности вопросъ о судьбѣ оброчныхъ имѣній по новому Положенію; потомъ перешелъ бы къ вопросу о помѣстьяхъ, состоящихъ на барщинѣ; наконецъ представилъ бы вамъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ значеніи тѣхъ сторонъ новаго устройства, которыя одинаково касаются тѣхъ и другихъ помѣстій. Но я уже довольно много времени потратилъ на непрошенную бесѣду съ вами, м. г., и не могу тратить его больше, не зная, не будетъ ли оно совершенно потеряннымъ. Во всякомъ случаѣ, вы теперь можете судить о томъ, каковъ былъ бы характеръ дальнѣйшихъ бесѣдъ съ вами; слѣдовательно, вы сами можете судить, нужны ли онѣ для васъ.

Я понимаю, м. г., что нарушилъ правила приличія, напращиваясь съ своими объясненіями къ человѣку, ни мало не вызвавшему меня на нихъ; поэтому не будетъ для васъ страннымъ, если я не соблюду этихъ правилъ и въ заключеніи своей корреспонденціи, и не подпишусь по обычаю „готовый къ услугамъ“ или „вашъ покорнѣйшій слуга“, а подпишусь просто

Н. Чернышевскій.

СПИСОКЪ

уѣздовъ великороссійскихъ губерній, въ которыхъ Приложеніями къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій описано состояніе болѣе чѣмъ 10 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ.

<i>Владимірской губернии.</i>	Рыльскій.	Исарскій.
1 Александровскій.	Старооскольскій.	Керенскій.
Гороховецкій.	<i>Московской г.</i>	Мокшанскій.
Ковровскій.	Московскій.	Нижнеомовскій.
Муромскій.	Богородскій.	Саранскій.
Покровскій.	Вронницкій.	Чембарскій.
Шуйскій.	Волоколамскій.	<i>Псковской г.</i>
Юрьевскій.	41 Клинскій.	Псковской.
<i>Вологодской г.</i>	Коломенскій.	Великолупцкій.
Вологодскій.	Можайскій.	81 Новоржевскій.
Кадниковскій;	Подольскій.	Опочецкій.
<i>Воронежской г.</i>	Рускій.	Островскій.
Воронежскій.	<i>Нижегородской г.</i>	Порховскій.
11 Бирючевскій.	Нижегородскій.	Торопецкій.
Бобровскій.	Ардатовскій.	<i>Рязанской г.</i>
Валуйскій.	Арамазскій.	Рязанскій.
Задонскій.	Балахнинскій.	Данковскій.
Землянскій.	Васильсурскій.	Егорьевскій.
Новохоперскій.	51 Горбатовскій.	Зарайскій.
Острогожскій.	Княгининскій.	Касимовскій.
Павловскій.	Лукояновскій.	91 Михайловскій.
<i>Вятской г.</i>	Макарьевскій.	Равенбургскій.
Яранскій.	Сергачскій.	Рязскій.
<i>Казанской г.</i>	<i>Новгородской г.</i>	Сапожковскій.
Лаишевскій.	Новгородскій.	Спасскій.
21 Спасскій.	Боровичскій.	<i>Самарской г.</i>
<i>Калужской г.</i>	Демянскій.	Самарскій.
Жиздринскій.	Устюжскій.	Вугурусланскій.
Козельскій.	Череповецкій.	Бузулукскій.
Лихвинскій.	<i>Орловской г.</i>	Николаевскій.
Медынскій.	61 Орловскій.	Ставропольскій.
Мещовскій.	Болховскій.	<i>Саратовской г.</i>
Мосальскій.	Дмитровскій.	101 Саратовскій.
Тарусскій.	Елецкій.	Аткарскій.
<i>Курской г.</i>	Карачевскій.	Балашовскій.
Бѣлгородскій.	Кромскій.	Вольскій.
Грайворонскій.	Ливенскій.	Петровскій.
31 Дмитриевскій.	Малоархангельскій.	Сердобскій.
Новооскольскій.	Мценскій.	Кузнецкій.
Путивльскій.	Сѣвскій.	Хвалынскій.
<i>Пензенской г.</i>	<i>Пензенской г.</i>	<i>Петербургской г.</i>
71 Пензенскій.	Городищенскій.	Петербургскій.
		Лужскій.

Симбирской губернии.

- 111 Алатырский.
Ардатовский.
Курсунский.
Курмышский.
Сенгилеевский.
Сызранский.

Тамбовской г.

- Тамбовский.
Борисоглебский.
Елатомский.
Кирсановский.
121 Козловский.
Моршанский.
Темниковский.
Щацкий.

Костромской г.

- Варнавинский.
Ветлужский.
Галицкий.
Кинешемский.
Кологривский.
Макарьевский.
131 Нерехтский.
Юрвецкий.

Пермской губернии.

- Пермский.
Оханский.
Соликамский.

Смоленской г.

- Бѣльскій.
Вяземскій.
Гжатскій.
Дорогобужскій.
Ельнинскій.
141 Рославльскій.
Сычевскій.
Юхновскій.

Тверской г.

- Тверской.
Бѣжецкій.
Весьегонскій.
Вышневолоцкій.
Зубцовскій.
Калязинскій.
Кашинскій.
151 Корчевскій.
Новоторжскій.
Осташковскій.

- Ржевскій.
Старицкій.

Тульской г.

- Тульскій.
Алексинскій.
Бѣлевскій.
Богородицкій.
Веневскій.
161 Епифанскій.
Ефремовскій.
Каширскій.
Крапивинскій.
Новосильскій.
Одоевскій.
Черяскій.

Ярославской г.

- Ярославскій.
Давиловскій.
Мологскій.
171 Мышкинскій.
Пошехонскій.
Романо-Борисоглебскій.
Ростовскій.
Угличскій.

БЕЗДЕНЕЖЬЕ *).

I.

Когда товаръ бываетъ дешевъ: когда его находится слишкомъ мало или слишкомъ много?

По этому головоломному вопросу не имѣютъ никакихъ сомнѣній простые люди: мужики, мѣщане, канцелярскіе чиновники, кухарки, хозяйки небогатыхъ семействъ, и т. д. и т. д. Сидишь, бывало, поутру за чаемъ и слушаешь разговоръ старшихъ родственниковъ, возвратившихся съ рынка, и ихъ знакомыхъ, завернувшихъ къ нимъ отогрѣться послѣ двухъ-часовыхъ поисковъ дешевой провизіи на рынкѣ. — „Мало нынче было подвезено дровъ, и приступу къ нимъ пѣтъ: ломаютъ по два рубля (ассигнаціями) за возъ“. — „Вотъ то-то и есть, пропустили вы прошлую среду: покупали по рублю за возъ; а я вамъ говорилъ тогда, берите, такого большого подвозу не будетъ послѣ“. — Думала, батюшка, что навезутъ еще больше, и куплю по 80 копѣекъ“. — На другое утро сидишь, бывало, опять за чаемъ, и опять слышишь такой же разговоръ: „ужъ сколько нынче навезли сѣна, просто ужасъ, — ну и покупали дешево: я взяла три воза за пять рублей“. — „А я, матушка, въ прошлую пятницу заплатилъ за одинъ возъ четыре рубля, потому что очень мало сѣна было привезено. — Такіе разговоры слушаешь, бывало, изо дня въ день, и слушаешь по цѣлымъ долгимъ годамъ. Однообразно и потому скучновато; но очень полезно.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, прослушавшему въ дѣтствѣ за чаемъ такой курсъ живой экономической мудрости, совершенно ясно и неопровержимо все дѣльное и справедливое въ книжной ученой политической экономіи. Его уже ничѣмъ не собьете вы, напримѣръ, съ мысли, что если товаръ падаетъ въ цѣнѣ, то значитъ, что количество этого товара слишкомъ велико.

*) *Примѣчаніе издателя.* Статья эта, оставшаяся ненапечатанною, предназначалась вѣроятно въ апрѣльскую книжку Современника 1862 г. такъ какъ цензорская корректура помѣчена 29 марта 1862 г.

Но кто не знаетъ, какъ идутъ экономическія дѣла въ самой коренной дѣйствительности, въ жизни той массы, которая своими руками производитъ все національное богатство и хлопочетъ съ утра до ночи, чтобы какъ-нибудь переколотиться на свѣтѣ,—кто не узналъ эту жизнь, такъ что не можетъ забыть о ней, тотъ почти-что ничего не умѣетъ разобрать и въ книжной мудрости; отвлеченныя понятія и отвлеченныя статистическія цифры вертятся у него въ головѣ, складываясь и раскладываясь по прихотямъ фантазіи и производя всякую любую путаницу, какую только захочется ему сочинить изъ нихъ. Къ вопросу о дороговизнѣ вещей и упадкѣ цѣнности денежныхъ знаковъ эти мудрецы приступаютъ, напримѣръ, такимъ манеромъ:

„Всѣ жалуются на дороговизну вещей, которая съ ученой точки зрѣнія должна быть названа пониженіемъ цѣны денежныхъ знаковъ сравнительно съ общею массою товаровъ. Но можно ли объяснять этотъ упадокъ излишнимъ увеличеніемъ количества денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи? Въ такомъ-то году, когда цѣнность денежныхъ знаковъ не находилась въ упадкѣ, Россія имѣла въ обращеніи столько-то миллионѣвъ звонкой монеты, столько-то миллионѣвъ кредитныхъ билетовъ, столько-то миллионѣвъ процентныхъ билетовъ разныхъ кредитныхъ учреждений, и другихъ бумагахъ, замѣнявшихъ собою деньги; итого было у насъ тогда, — въ какомъ-нибудь 1850 или 1852 году, столько-то миллионѣвъ денежныхъ знаковъ. Нынѣ находится въ обращеніи по каждому изъ этихъ разрядовъ столько-то миллионѣвъ, итого сумма всѣхъ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, составляетъ столько-то миллионѣвъ. Изъ этого мы видимъ что....“

Тутъ разногласіе между мудрецами, потому что видны по ихъ расчетамъ оказываются вещи, совершенно разныя: однимъ видно, что сумма денежныхъ знаковъ, находящаяся нынѣ въ обращеніи, меньше той, какая была прежде; другимъ видно, что она равна ей; третьимъ видно, что она нѣсколько больше, но не настолько, насколько увеличился размѣръ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, нашего общества за послѣдніе годы; эти противорѣчающія очевидности нисколько не мѣшаютъ всѣмъ тремъ партіямъ мудрецовъ послѣ своего небольшого разногласія въ очевидности снова сойтись въ общемъ выводѣ, и они въ одинъ голосъ заключаютъ:

„Изъ этой очевидности (которая по однимъ состоитъ въ томъ, что количество денежныхъ знаковъ увеличилось, а по другимъ въ томъ, что оно уменьшилось) столь же очевидно слѣдуетъ, что количество денежныхъ знаковъ, находящихся нынѣ въ обращеніи у насъ, недостаточно при громадномъ развитіи нашихъ производительныхъ силъ въ послѣдніе годы и при возникшемъ изъ того огромномъ увеличеніи торговыхъ сдѣлокъ въ странѣ. Дѣйствительно, если предположимъ, что сумма этихъ оборотовъ удвоилась, то не очевидно ли, что недостаточна стала для ихъ совершенія масса денежныхъ знаковъ, не превышающая, или мало превышающая, ту, которая находилась въ прежнее время при размѣрѣ оборотовъ, вдвое меньшемъ“.

Къ этому заключенію мудрецы сходятся, хотя и расходились по дорогѣ; сходятся потому, что и въ мысляхъ у нихъ было не то, чтобы дер-

жаться прямого пути, а только чтобы какими бы то ни было изворотами дойти до такого результата.

Соединившись тутъ во взаимныхъ объятіяхъ, они продолжаютъ въ одинъ голосъ: „выводъ, нами сдѣланный изъ сравненія нынѣшней суммы денежныхъ знаковъ съ бывшею прежде у насъ, получаетъ еще болѣе осязательности, если мы просто сравнимъ количество настоящихъ денегъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова съ числомъ нашего населенія. Звонкой монеты у насъ теперь такъ мало, что не стоитъ и считать ее; кредитныхъ билетовъ находится въ обращеніи около 700 милліоновъ, а населеніе Россійской имперіи составляетъ около 70-ти милліоновъ человѣкъ; стало быть на каждого жителя имперіи приходится среднимъ числомъ всего по 10 рубл. Не очевидно ли, что эта цифра слишкомъ мала. Изъ этого очевидно, въ чемъ находится причина промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ нашихъ затрудненій: денежныхъ знаковъ слишкомъ мало; ясны и средства устранить всѣ затрудненія: надобно увеличить количество денежныхъ знаковъ. Какимъ способомъ увеличить его, тоже ясно: золото и серебро нельзя производить силою одного желанія, значитъ нечего и хлопотать о звонкой монетѣ, а надобно пособить горю выпустивъ еще побольше кредитныхъ билетовъ и процентныхъ бумагъ всякаго наименованія“.

Цѣлыхъ три партіи мудрецовъ пѣли хоромъ этотъ прекрасный гимнъ. Но этихъ пѣвцовъ надобно назвать крайними мудрецами; а въ противоположность крайнимъ всегда существуютъ умѣренные. Умѣреннымъ быть легко во всякомъ дѣлѣ: надобно только слушать, что говорятъ люди, выходящіе изъ какихъ бы то ни было основаній, — справедливыхъ или ложныхъ все равно, — и развивающіе свой взглядъ по строгой логикѣ, которая приводитъ ихъ къ вѣрнымъ выводамъ, если основанія вѣрны, или къ фальшивымъ, если основанія фальшивы, — надобно слушать, что говорятъ эти люди, и повторять ихъ слова съ прибавкою ограничительныхъ оговорокъ: „есть справедливая сторона въ мнѣніи, утверждающемъ, что...“ „Нельзя отчасти не согласиться съ тѣмъ, что...“ и т. д. и т. д.; что же касается до сдѣланныхъ крайними людьми выводовъ, то надобно прибавлять къ нимъ замѣчаніе въ такомъ родѣ: „эта мѣра слишкомъ сильна; къ той же цѣли приведетъ средство болѣе удобное, — не дѣлать ничего или почти ничего“. Владѣя умѣньемъ ко всему, что говорится людьми какого бы то ни было взгляда, приставлять такія оговорки, вы будете человѣкомъ умѣренной партіи. Такъ и по вопросу о денежныхъ знакахъ умѣренные мудрецы разсуждали слѣдующимъ манеромъ, тоже на основаніи глубокихъ научныхъ соображеній: „Нельзя не признать отчасти справедливымъ того мнѣнія, что излишества въ денежныхъ знакахъ у насъ нѣтъ; не лишено нѣкотораго основанія даже и то мнѣніе, что количество денежныхъ знаковъ слишкомъ мало. Но увеличивать эту массу значительнымъ выпускомъ новыхъ бумажныхъ денегъ было бы дѣломъ рискованнымъ, какъ и всякая крайняя мѣра. Дѣлать большіе выпуски можно, потому что не окажутъ они чувствительнаго вліянія, но лучше и того не дѣлать, чтобы курсъ не падалъ“.

Итакъ ничего не дѣлать? О, нѣтъ: это самая смертельная обида для умѣренныхъ людей — сказать про нихъ, что они не хотятъ дѣлать ничего

или почти ничего; они тотчас же восклицаютъ: „извольте дослушать, мы еще не развили до конца свой взглядъ; у насъ также есть своя программа дѣятельности—конечно безъ рѣзкихъ мѣръ, предлагаемыхъ крайними людьми; но въ нашихъ мѣрахъ, легкихъ и мягкихъ находится болѣе легкое лекарство отъ болѣзней. Есть одно обстоятельство, котораго не хотятъ замѣчать крайніе мудрецы, опровергаемые нами (да гдѣ жъ вы ихъ опровергаете? Вы только повторяете ихъ слова на половину; вѣдь если, напримѣръ, вмѣсто полнаго слова „бумага“ вы хотите произносить только одну половину его „бума“, то вѣдь вы не опровергли его, а только отняли у него смыслъ; если это слово дурно, то и ваше искаженіе его тоже дурно, съ тою только разницею, что въ добавокъ оно и глупо, чего нельзя сказать о цѣломъ словѣ). Это важное обстоятельство, выставляемое нами на видъ, заключается въ низкомъ курсѣ бумажныхъ знаковъ (да вовсе не вы, о умѣренные мудрецы, выставляете на видъ это обстоятельство: его выставляютъ на видъ другіе крайніе люди, противоположные первымъ; разница между вами и этими другими крайними людьми та, что они говорятъ объ этомъ обстоятельстве со смысломъ, а вы,—но какъ вы о немъ говорите, мы послушаемъ, продолжайте...). Чѣмъ объяснить низкій курсъ бумажныхъ знаковъ при неоспоримости (вотъ ужъ и неоспоримость! а вы бы просто сказали, что вы не умѣете опровергнуть, — это еще не признакъ неоспоримости) того факта, что у насъ нѣтъ излишества или даже есть недостаточность въ количествѣ денежныхъ знаковъ? Понять это можно только при глубокомъ изученіи великихъ истинъ политической экономіи (фразы „о глубинѣ изученія, необходимой для“... и т. д. обыкновенно служатъ признакомъ, что голова, требующая глубины мыслей, напутала въ себѣ мысли, совершенно не клеящіяся; если, напримѣръ, вздумаю я, что Петербургъ лежитъ подъ тропиками, то дѣйствительно потребуются необыкновенно глубокія соображенія, чтобы объяснить, почему въ Петербургѣ такой холодный климатъ; а и вся-то надобность въ глубокомысліи произошла оттого, что взялъ я правду, что въ Петербургѣ холодно, да взялъ вздоръ, будто Петербургъ лежитъ подъ тропиками, спуталъ эту правду съ этимъ вздоромъ, да и хочу, чтобы они ужились вмѣстѣ). Благодаря изслѣдованіямъ Рикардо, доказано, что курсъ бумажныхъ денегъ не можетъ держаться безъ обмѣна на звонкую монету (о умѣренные мудрецы! Рикардо вовсе не то доказывалъ. Тутъ и доказывать-то нечего; умному человеку, каковъ былъ Рикардо, нечего было размышлять надъ такими вопросами),—и теперь навсегда опровергнуты теоріи утопистовъ, утверждавшихъ противное. (Умѣренные мудрецы при всякомъ случаѣ таки задѣвуть утопистовъ, теоріи которыхъ состоятъ совершенно въ иномъ, чѣмъ полагаютъ умѣренные мудрецы, и которые по вопросамъ о денежномъ обращеніи ни на одинъ волосъ не отступаютъ отъ Рикардо). Итакъ для возстановленія курса бумажныхъ денегъ, надобно только возстановить размѣнъ ихъ на звонкую монету. Такъ какъ ихъ количество не чрезмерно, то и къ размѣну будетъ представлена лишь самая незначительная часть ихъ,—такъ сказать только для пробы, въ самомъ ли дѣлѣ станутъ размѣнивать; а какъ только увидятъ люди, что въ самомъ дѣлѣ размѣниваются ихъ бумажныя деньги на звонкую монету, то и перестанутъ представлять ихъ къ размѣну: зачѣмъ

дескать, вѣдь теперь ужъ это — вѣрный капиталъ, все равно что золото. Изъ этого слѣдуетъ, что при нынѣшнемъ состояніи разнѣннаго фонда государственнаго банка можно возстановить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету и этимъ все дѣло будетъ улажено. Курсъ поднимется, торговля возстановится, промышленность оживится и, вѣроятно, даже процвѣтутъ, какъ въ старые блаженные годы, наши акціонерныя общества.

Сладки словеса умѣренныхъ мудрецовъ: по шучьему велѣнію, по иванушкину прошенію окажись разнѣнный фондъ достаточнымъ для возстановленія курса, процвѣти торговля и промышленность. — Пріятны и слова крайнихъ мудрецовъ: ну-ка съ Богомъ, щелкайте станки, печатайте побольше кредитныхъ билетовъ, и все пойдетъ какъ по маслу. Но вотъ, — картина, достойная Дантовой кисти, — что это за лица исхудалыя, зеленныя, съ блуждающими глазами, съ искривленными злобной улыбкой ненависти устами, — съ немытыми руками, съ скверными сигарами въ зубахъ? Это — нигилисты, изображенные г. Тургеневымъ въ романѣ „Отцы и дѣти“. Эти небритые, нечесанные юноши отвергаютъ все, все: отвергаютъ картины, статуи, скрипку и смычокъ, оперу, театръ, женскую красоту, — все, все отвергаютъ, и прямо такъ и рекомендуютъ себя: мы дескать нигилисты, все отрицаемъ и разрушаемъ. Что-то скажутъ они о выслушанныхъ нами теоріяхъ умѣренныхъ мудрецовъ и крайнихъ мудрецовъ.

Они скажутъ вотъ что: вспомните, читатель, простые житейскіе факты, свидѣтелями которыхъ были вы съ самаго дѣтства. Вспомните разговоры вашего отца, дяди, бабушки о дороговизнѣ и дешевизнѣ сѣна и дровъ; если цѣнность вещи упала, значить, что количество этой вещи сдѣлалось больше, чѣмъ при какомъ она можетъ сохранять свою прежнюю цѣнность. Курсъ бумажныхъ денегъ упалъ, — при этомъ фактѣ уже не нужны никакія другія изысканія, и противъ него невозможны никакія возраженія. Онъ самъ по себѣ полнѣйшее и очевиднѣйшее заявленіе тому, что выпущенное количество бумажныхъ денегъ слишкомъ велико.

Положимъ, что мои векселя падаютъ въ цѣнѣ. Изъ этого уже ясно, что я надавалъ векселей больше, чѣмъ слѣдовало. Тутъ нечего сравнивать ихъ прежнее количество съ нынѣшнимъ. Пусть прежде масса денежныхъ знаковъ была больше нынѣшней; но если тогда курсъ кредитныхъ билетовъ и другихъ бумагъ не падалъ, это значить, что тогда въ обращеніи находилось не больше денежныхъ знаковъ, чѣмъ слѣдовало. Пусть нынѣшняя сумма денежныхъ знаковъ меньше прежняго; но если курсъ бумажныхъ денегъ падаетъ, это все-таки значить, что количество ихъ чрезмѣрно велико. Время на время не приходитъ. Количество, не бывшее чрезмѣрнымъ прежде, можетъ оказываться чрезмѣрнымъ нынѣ. Пока не было желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву, по шоссе между этими городами содержалось быть можетъ 100 тысячъ лошадей; и если цѣна этихъ лошадей не падала, то значить ихъ было не больше, чѣмъ нужно. Теперь, быть можетъ, осталось всего 10 тысячъ лошадей на этомъ шоссе, и все-таки это количество чрезмѣрно, если цѣна ихъ упала. Что тутъ будете вы разсуждать объ увеличившемся движеніи проѣзжихъ и товаровъ между Петербургомъ и Москвой; пусть оно и увеличилось, но если цѣна лошадей упала,

значить все-таки, что цѣна эта упала, и что ямщики на шоссе должны не увеличивать, а уменьшать число своихъ лошадей.

Что еще разсуждаете вы о пропорціи между количествомъ кредитныхъ билетовъ и количествомъ населенія? Припомните разсказы о дровахъ и сѣнѣ. Если возы дровъ стоятъ на рынкѣ по цѣлой недѣлѣ, то семь десятковъ возовъ на рынкѣ будутъ означать собою меньшій размѣръ рыночныхъ оборотовъ, чѣмъ 20 возовъ въ такое время, когда больше одного дня не стоитъ возъ на рынкѣ. По 20 возовъ въ день,—вѣдь это составитъ 140 возовъ въ недѣлю; а 70 возовъ въ недѣлю дадутъ только по 10 возовъ на день. Значить иной рынокъ, на которомъ въ каждое данное время находится только по 20 возовъ дровъ, достаточенъ на поддержаніе экономическихъ отправленій въ количествѣ печей, вдвое большемъ того, какое едва поддерживается въ исправности другимъ рынкомъ, постоянно имѣющимъ 70 возовъ дровъ. Понятно или нѣтъ? Просто или нѣтъ?

Сколько нужно мнѣ имѣть наличныхъ денегъ въ карманѣ, чтобы круглый годъ былъ у меня на столѣ чай поутру и вечеромъ? Какъ вамъ это сказать? Да вѣдь этого совершенно нельзя опредѣлить. Голова сахару стоитъ рублей 5, да фунтъ чаю рубля 3; значитъ 10 рублей за-глаза довольно, чтобы войти въ магазинъ и записаться чаемъ и сахаромъ. Легко обойтись и гораздо меньшимъ количествомъ наличныхъ денегъ: $\frac{1}{2}$ ф. чая и 5 ф. сахара все еще порядочный запасъ. Его купить можно на 3 рубля. Значить человѣкъ, у котораго никогда не будетъ въ наличности за одинъ разъ больше 10 рублей, можетъ постоянно пить чай, лишь бы эта маленькая наличность въ его карманѣ быстро возобновлялась. Положимъ, она возобновляется каждый день. Тогда получая и расходуя по 10 рублей въ день, я буду проживать въ годъ 3,650 рублей, т. е. буду совершать торговые сдѣлки на эту сумму въ теченіе года. Но если я получаю деньги только одинъ разъ въ мѣсяцъ по 100 рублей, то хотя наличность и бываетъ у меня тутъ гораздо больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, а все-таки въ годъ получу я только 1,200 рублей и въ теченіе года сдѣлаю покупокъ вътрое меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Тутъ шутя стану я порядкомъ экономничать на чаѣ и сахарѣ; иной разъ будетъ у меня въ карманѣ и 25-рублевая бумажка; а я стѣсняюсь позвать себѣ пріятеля на стаканъ чаю. А что если я получаю деньги одинъ разъ въ годъ по 300 рублей? Наличность тутъ бываетъ иногда у меня очень солидная; а все-таки большую часть дней въ году останусь я безъ чаю и безъ сахару.

Понятно ли, въ чемъ штука? Штука не въ томъ, насколько денегъ бываетъ у меня въ карманѣ за одинъ разъ, а въ томъ, каковъ мой годовой доходъ. Положите, что красненькая бумажка за № 12,345,678 возвращается ко мнѣ въ карманъ 350 разъ въ годъ; значитъ я съ одной этой бумажкой буду жить такъ, какъ живутъ люди, имѣющіе болѣе 3,500 дохода. А если бумажки въ карманѣ у меня перебываютъ и разныхъ номеровъ и разныхъ цвѣтовъ, существенной разницы тутъ не будетъ.

Итакъ, сколько же бумажекъ нужно человѣку, чтобы жить въ порядочной квартирѣ, имѣть сносный столъ и пр. и пр., какъ имѣютъ люди, проживающіе болѣе 3000 рублей въ годъ? Сколько нужно ему наличныхъ

денегъ, этого нельзя сказать: а можно только сказать, что въ годъ онъ долженъ прожить болѣе 3,000 рублей.

Не угодно ли теперь вмѣсто одного человѣка взять цѣлый народъ, положимъ, хоть русскій народъ. Вы говорите, что въ какомъ-нибудь 1850 году было у насъ денежныхъ знаковъ, положимъ, 1,400 милліоновъ, а вся сумма продажъ и покупокъ всей націи простиралась въ томъ году до 7.000 милліоновъ. А теперь говорите вы, сумма продажъ и покупокъ доходить до 10,000 милл., а денежныхъ знаковъ находится въ обращеніи только на 1.250 милліоновъ; значить денежныхъ знаковъ мало, говорите вы; по пропорціи 1850 г. когда денежныхъ знаковъ было ни много, ни мало, а въ самую пору, нужно было бы теперь на 2,000 милл. денежныхъ знаковъ. Нѣтъ глубокомысленные мудрецы, вовсе не значить. Разсужденіе надобно начинать вовсе не съ того конца, а вотъ съ какого. Если въ 1850 г. при количествѣ денежныхъ знаковъ 1,400 милл., не оказывалось излишества въ денежныхъ знакахъ, а сумма торговыхъ сдѣлокъ простиралась только до 7,000 милл. р., это значить, что каждый рубль денежныхъ знаковъ переходилъ тогда изъ рукъ въ руки среднимъ числомъ 5 разъ въ годъ. Какъ составлялась эта сумма переходовъ, все равно,—быть можетъ вотъ такъ:

400 милліоновъ лежали неподвижно, не сдѣлали ни одной покупки; значить и считать нечего; значить въ суммѣ оборотовъ они составляли	0,000 милл.
500 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 4 раза; значить сдѣлали покупокъ на	2,000 „
500 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 10 разъ; значить сдѣлали покупокъ на	5,000 „
1,400 милліоновъ сдѣлали оборотовъ на	7,000 „

А можетъ быть движеніе совсѣмъ было другое; напримѣръ:

700 милліоновъ лежали неподвижно, значить произвели покупокъ на	0,000 милл.
300 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по одному разу и сдѣлали покупокъ	0,300 „
200 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 4 раза и сдѣлали покупокъ на	1,200 „
100 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 10 разъ и сдѣлали покупокъ на	1,000 „
50 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 20 разъ и сдѣлали покупокъ на	1,000 „
50 милліоновъ перешли изъ рукъ въ руки по 70 разъ и сдѣлали покупокъ на	3,500 „
1,400 милліоновъ сдѣлали оборотовъ на	7,000 милл.

А что если было въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ во 2 примѣрѣ? Въдѣ тогда пустая сумма 50 милл. рублей исполнила половину работы, а цѣлая половина рублей лежала на боку. И если бы еще другіе 50 милл. начали работать такъ же усердно, какъ наиболѣе стличившіеся ихъ товарищи?

Тогда вѣдь всѣмъ другимъ работавшимъ 600 милліонамъ пришлось хотѣ отпираться на боковую къ своимъ товарищамъ соннымъ 700 милліонамъ.

Ну а что, если бы эти сонные 700 милліоновъ вдругъ проснулись, да и начали работать не хуже наиболѣе отличившихся? Вѣдь начавъ хлопотать о томъ, чтобы совершить по 70 покупокъ въ годъ, они накупили бы ни сумму 49,000 милліоновъ, да и безъ нихъ была уже сумма покупокъ въ 7,000 милл.; значить всего было покупокъ на 56,000 милліоновъ. Вотъ была бы штука! Ну-ко, о мудрецы, разсудите, какая бы это была штука?

О, возблагоденствовала бы Россія, восклицаютъ мудрецы: легко ли сказать, сумма торговыхъ оборотовъ увеличилась бы въ 8 разъ! Да что же это такое, если не то, что страна сдѣлалась бы въ 8 разъ богаче? Да тогда я думаю, каждый мужикъ завелъ бы у себя золотые лапти, какъ в. Кокоревъ.

Эхъ мудрецы, мудрецы! все то вы понимаете, кромѣ одной небольшой вещицы, называемой дѣйствительнымъ ходомъ обыденной жизни мелкихъ людей. Мелкіе люди думаютъ о провизіи, о дровахъ, объ сапогахъ. Подумайте-ка, количество этихъ вещей измѣнилось ли бы отъ великаго движенія, овладѣвшаго сонными рублями? Можетъ быть по немногу оно и стало бы измѣняться, — уменьшаться или увеличиваться, смотря по обстоятельствамъ, о которыхъ мы поговоримъ послѣ. Ну а вдругъ, скоропостижно, какая перемѣна произошла бы въ количествѣ товаровъ? Да ровно никакой. Что въ самомъ дѣлѣ, могло ли бы прибавиться количество хлѣба до новой жатвы? Могли ли бы вдругъ народиться пожилые быки и коровы, изъ шкуры которыхъ были бы сшиты лишніе сапоги. Значить количество вещей осталось бы прежнее. Прежде оно переходило среднимъ числомъ изъ рукъ въ руки, положимъ, по два раза; значить сумма вещей равнялась въ дѣйствительности $3\frac{1}{2}$ тысячамъ милліоновъ; при двухъ оборотахъ каждой вещи, составлялась сумма сдѣлокъ въ 7,000 милліоновъ. А теперь тѣ же вещи должны войти въ сдѣлки на 56,000 милліоновъ, значить каждая должна войти въ сдѣлки гораздо большее число разъ, значить увеличилась горячка покупателей покупать, покупать; а покупатели горячатся покупать, продавцы ломятъ цѣну не бывалую, — значить цѣна вещей должна возрасти, — ну, хоть въ два раза; тогда вещей оказалось на сумму 7,000 милліоновъ, и каждая прошла восемь разъ черезъ продажу, вотъ и составила сумма оборотовъ въ 56,000 милліоновъ.

Ну, а что же страна обѣднѣла или обогатѣла? А покуда еще ровно ничего неизвѣстно, — должно быть, что никакой особенной перемѣны въ богатствѣ страны не произошло.

Ну а деньги какъ? съ ними не было ли перемѣны? какъ же, съ ними-то произошла перемѣна. Вѣдь товары вздорожали отъ горячности покупателей, и вздорожали по нашему предположенію вдвое. Значить это то же самое, что цѣна денегъ упала вдвое.

Подумайте теперь, отчего она упала? вѣдь количество денегъ не увеличилось и не уменьшилось. Такъ, но произошла перемѣна въ характерѣ отношеній между деньгами и товарами. Прежде деньги посматривали на то-

вары свысока, ухаживайте-ка за нами, говорили они товарамъ, а теперь сами принялись ухаживать за товарами, ну и пришли у нихъ въ небреженіе, и унизились предъ ними.

Положимъ, что мы очень огорчены этимъ обстоятельствомъ: жалко намъ видѣть, что такія элегантныя существа, какъ полу-имперіалы (ахъ хоть бы на одинъ изъ нихъ полюбоватся хоть издали!) и кредитные билеты унижаются передъ огурцами и говядиной, вяленой рыбой и саломъ—какую перемѣну слѣдуетъ намъ выпрашивать у судьбы, чтобы возстановилась репутація милыхъ нашихъ денежныхъ знаковъ?

Явное дѣло, чего надобно просить у судьбы: да благоволитъ она пробудить въ нашихъ денежныхъ знакахъ чувство сановитой важности, чтобы они считали неприличнымъ для себя ухаживать за товарами, а держали себя чинно и спокойно.

Но когда же человѣкъ ли, кредитный ли билетъ, находящійся въ рукѣ человѣка, забываетъ сановитую важность, хлопочетъ, суетится, роняетъ свое достоинство? это бываетъ въ случаѣ нужды. Когда нѣтъ хлѣба, поневоль суетишься. Стало быть потери достоинства происходятъ отъ нужды, а возстановиться она можетъ не иначе, какъ устраненіемъ нужды.

Изъ примѣра, нами предположеннаго видно, что упадокъ цѣнности денегъ можетъ произойти безъ всякаго увеличенія въ количествѣ денежныхъ знаковъ; легко сообразить, что онъ можетъ произойти даже и при уменьшеніи этого количества. Въ самомъ дѣлѣ пусть прежнее количество и прежнее обращеніе денежныхъ знаковъ было таково:

700 милліоновъ рублей переходили въ годъ изъ рукъ въ руки по 1 разу, значить сдѣлали покупокъ на	700 милл.
700 милліоновъ рублей переходить изъ рукъ въ руки по 9 разъ значить сдѣлали покупокъ на	6,300 —
1.400 сдѣлали покупокъ на	7,000 милл.

Пусть теперь количества денежныхъ знаковъ уменьшится на 200 милл., по 100 милл. въ каждомъ изъ двухъ разрядовъ; но пусть увеличится быстрота обращенія, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ:

600 милліоновъ рублей переходить изъ рукъ въ руки по 2 раза и дѣлаютъ покупокъ на	1,200 милл.
600 милліоновъ рублей переходятъ изъ рукъ въ руки по 18 разъ и дѣлаютъ покупокъ на	10.800 —
1,200 милл. дѣлаютъ покупокъ на	12,000 милл.

Въ этомъ случаѣ цѣнность денегъ также упадетъ, несмотря на уменьшеніе въ количествѣ денежныхъ знаковъ, потому что быстрота ихъ обращенія увеличилась въ большей пропорціи, чѣмъ уменьшилось ихъ количество: оно уменьшилось только на одну седьмую часть, а она возрасла вдвое.

Что же такое? не надобно ли думать, что, когда увеличивается быстрота обращенія денежныхъ знаковъ, цѣнность денегъ непременно уже падаетъ? Нѣтъ, это какъ случится. Мы брали такіе случаи, что сумма про-

дажъ и покупокъ возрастала безъ увеличенія въ количествѣ товаровъ; увеличеніе хлопотъ деньгамъ происходило не отъ возрастанія массы вещей, надъ оборотами которой онѣ хлопочать, а просто отъ суетливости, овладѣвавшей покупателями вслѣдствіе нужды. Тутъ достоинство денегъ падаетъ какъ вообще падаетъ достоинство всякаго лица и предмета, когда онъ подвергается нуждѣ. Но предположимъ обратный случай—что масса продажъ и покупокъ возрастаетъ, то есть возрастаетъ и количество хлопотъ деньгамъ, иначе сказать, увеличивается быстрота ихъ обращенія не вслѣдствіе нужды, а вслѣдствіе увеличенія массы товаровъ, то есть вслѣдствіе увеличенія общественнаго благосостоянія. Тогда выйдетъ исторія совершенно другого рода. Хлопоты деньгамъ увеличиваются не по ихъ волѣ, а по усилившимся просьбамъ предметовъ, надъ которыми онѣ работаютъ; тутъ не деньги напрашиваются на работу, а товары напрашиваются къ деньгамъ, значить достоинство денегъ не только не падаетъ, а еще поднимается. Вотъ примѣръ.

Прежде мы полагали, что при суммѣ оборотовъ въ 7,000 милл. рублей количество товаровъ простиралось до $3\frac{1}{2}$ тысячъ миллионѣвъ рублей, такъ что каждая вещь проходила среднимъ числомъ два раза черезъ денежный оборотъ. Теперь положимъ, что количество вещей увеличилось до 6,000 милл., а сумма оборотовъ до 9,000 милл. Если количество денежныхъ знаковъ осталось прежнее, то быстрота ихъ обращенія конечно увеличилась; но все-таки каждая вещь соприкасается теперь съ деньгами только полтора раза въ годъ среднимъ числомъ, а прежде прикасалась два раза; значить денежные знаки, несмотря на увеличившуюся быстроту своего обращенія, стали рѣже прежняго видѣться съ товарами, не такъ охотно принимаютъ на свиданіе съ собой всякую вещь, желающую сдѣлать имъ визитъ, стали менѣе доступны, болѣе важны; а если такъ, то ихъ цѣнность возвысилась.

Можно бы до безконечности разнообразить эти примѣры различнаго измѣненія въ цѣнности денегъ при различіи въ обстоятельствахъ, производящихъ измѣненіе въ денежныхъ оборотахъ. Но и приведенныхъ нами примѣровъ конечно достаточно для того, чтобы убѣдиться въ главномъ принципѣ вѣрныхъ сужденій по вопросамъ о денежномъ обращеніи: ни перемѣны въ количествѣ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, ни перемѣны въ быстротѣ ихъ обращенія не могутъ сами по себѣ служить мѣрками для выводовъ о томъ, возвысилась или упала цѣнность денегъ. Она можетъ возвыситься, хотя бы количество денежныхъ знаковъ увеличилось, и можетъ упасть, хотя бы оно уменьшилось; можетъ подняться, хотя бы быстрота ихъ обращенія увеличилась; и можетъ упасть, хотя бы обращеніе денегъ замедлилось. Тотъ или другой изъ противоположныхъ результатовъ явится въ дѣйствительности,—упадутъ или поднимутся деньги въ цѣнѣ, зависитъ не отъ какого-нибудь формальнаго критеріума въ родѣ величины итога обращающихся денегъ или въ родѣ соображеній о быстротѣ ихъ обращенія,—этотъ результатъ зависитъ отъ характера реальныхъ перемѣнъ народной жизни,—перемѣнъ, которыя имѣютъ лишь случайнымъ своимъ послѣдствіемъ ту или другую перемѣну въ количествѣ и обращеніи денежныхъ знаковъ,—и которыя могли бы при другихъ условіяхъ производить въ этихъ фор-

мальныхъ элементахъ совершенно другую перемѣну или не производить никакой. Тутъ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ дѣйствительный результатъ зависитъ отъ сущности дѣла, а не отъ формальной его обстановки. Если реальная перемѣна дѣйствительнаго хода народной жизни такова, что денежные знаки должны упасть въ цѣнѣ, то они упадутъ, хотя бы не возрасла ни сумма денежныхъ знаковъ, ни быстрота ихъ обращенія.

Изъ элементовъ, имѣющихъ реальное значеніе въ народной жизни и своими измѣненіями производящихъ, черезъ посредство или безъ посредства перемѣнъ въ массѣ или быстротѣ обращенія денежныхъ знаковъ, перемѣны въ цѣнности денегъ, мы указали одинъ, очень многообъемлющій: количество производимыхъ товаровъ. Но легко замѣтить, что подъ этою рубрикою соединяется множество разнородныхъ фактовъ, которые надобно было бы разнести на много рубрикъ при точнѣйшемъ анализѣ. Масса производимыхъ товаровъ не первоначальный элементъ, а результатъ сочетанія многихъ элементовъ, каковы напримѣръ: количество работающихъ рукъ, степень ихъ усердія въ работѣ, степень ихъ искусства, степень предпріимчивости, количество и достоинство матеріаловъ, надъ которыми совершается трудъ, количество и достоинство орудій (инструментовъ и машинъ) и т. д. и т. д. Кромѣ этихъ элементовъ есть другіе, которые не имѣютъ такого прямого участія въ работѣ надъ производимыми товарами, но точно также опредѣляютъ характеръ экономической жизни народа, — напримѣръ, народные обычаи и нравы, общественное устройство, законы, и т. д. и т. д., — еслибы сказать, все, отъ чего зависитъ или чѣмъ составляется дѣйствительная жизнь народа. Каждая перемѣна въ каждомъ изъ этихъ элементовъ отзывается перемѣною и въ состояніи денежнаго рынка. Нѣтъ возможности перечислить всѣ эти элементы, да и надобности нѣтъ въ томъ, чтобы составить полный теоретическій списокъ ихъ. Важность только въ томъ, чтобы мы знали и исполняли общій принципъ.

Алферьевъ *).

Милый другъ,

Мы шли по одной дорогѣ. Подъ Вами оборвалась крутизна; я продолжалъ идти, гордясь тѣмъ, что цѣлъ, и отчасти стыдясь того, что цѣлъ,—не очень долго: и подо мною оборвалась крутизна. И вотъ, мы оба лежимъ, разбитые. Это ничего, мы оба выздоровѣемъ, опять пойдѣмъ своею дорогой, одной дорогой; опять я буду часто сердить Васъ, Вы будете говорить мнѣ: „надобно работать, работать“! Такъ; но пока мы лежимъ, мы не видимся. А мнѣ хотѣлось бы, чтобъ и это время разлуки не пропало даромъ для нашей дружбы. И вотъ, мнѣ вздумалось показать Вамъ, какъ я понимаю Васъ, какъ я цѣню Васъ. Прочтите,—вѣдь скажете: „да, я представленъ вѣрно“! А если такъ, то, значитъ, моя повѣсть будетъ имѣть успѣхъ. Да, не скрываю отъ Васъ и этой другой своей цѣли,—разсчитъ на успѣхъ. Что скрывать?—Вы слишкомъ хорошо знаете меня: дружба дружбой, нѣжность нѣжностью, а самолюбичко и расчетецъ все таки тутъ же, подлѣ дружбы и нѣжности. Черты живаго, очень выразительнаго лица, изображаемаго съ любовью не слѣпою, но горячею,—характерные для эпохи факты, разсказываемые во всей живой ихъ опредѣленности, должны дать моему очерку больше яркости, чѣмъ могло бы быть въ блѣдныхъ изображеніяхъ моей слабой фантазіи. Правда, я измѣняю обстановку, на сколько нужно, чтобы не затрогивать самолюбія однихъ, не оскорблять благородной скромности другихъ лицъ, группирующихся около Васъ въ моей повѣсти, какъ въ моей памяти. Но вся сущность дѣла сохранена безъ всякой переменны, и нѣкоторыя сцены я могъ пересказывать почти слово въ слово такъ, какъ онѣ происходили. Это запасъ повѣствовательнаго матеріала, слишкомъ соблазнительный для разсказчика съ блѣднымъ воображеніемъ—и я польстился на этотъ запасъ. Онъ Вашъ, а не мой; потому у другого человѣка надобно было бы мнѣ спросить позволеніе пользоваться имъ, прежде, чѣмъ запускать въ него руку. Но Вы не такой человѣкъ;—впередъ извѣстно, что скажете: „если это полезно для другихъ, то пріятно мнѣ“!.

*) Примѣчаніе издателя. Настоящая повѣсть написана моимъ отцомъ въ 1863 г. въ крѣпости непосредственно вслѣдъ за романомъ „Что дѣлать?“, конецъ котораго помѣченъ 4 апрѣля 1863 г., а начало этой повѣсти помѣчено 5 апрѣля 1863 г. Окончаніе повѣсти не сохранилось. Была ли она окончена? На вѣроятность окончанія указываетъ помѣтка, сдѣланная на 1 страницѣ рукописи: „5—6 апрѣля—22 іюля“. Повидимому, это указаніе на время начала и окончанія повѣсти, такъ какъ и далѣе на рукописи имѣются подобныя даты, причемъ послѣдній сохранившійся листъ помѣченъ 26 мая.

Дружнѣй! Работа есть лопатамъ! и проч.
Спасибо скажутъ наши внуки,
Когда разбогатѣетъ Русь и проч.
Ей пригодятся камень каждый,
Который добываемъ мы.

(Пѣсня Алферьева). Некрасовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Алферьевъ, устроивъ свою карьеру, пріобрѣтаетъ въ кругу знакомыхъ заслуженную репутацію.

I.

Исторія начинается.

Алферьевъ просидѣлъ у меня цѣлый вечеръ. Мы провели время очень пріятно, въ разговорѣ о высокихъ предметахъ. Мы оба любимъ такіе разговоры.

На другое утро я работалъ, то есть плодилъ слова на бумагѣ,— слова то и не пустыя, пожалуй, только плодилъ то почти что по пусту, но съ усердіемъ къ пользѣ ближняго и своей. Служанка вошла и говоритъ: „Пожалуйте въ залу, тамъ васъ спрашиваютъ,—Алферьевъ“.

Что такое?—подумалъ я. Вотъ ужъ полгода, мы очень хороши съ Алферьевымъ, но не до такой нѣжной неразлучности. Вчера не предполагали видѣться раньше, какъ недѣли черезъ двѣ. Значитъ, экстренное дѣло. Но какое жъ можетъ быть дѣло у него ко мнѣ?—Все наши отношенія съ Алферьевымъ состоятъ въ разговорахъ о высокихъ предметахъ; въ нихъ никогда не бываетъ экстренности. А, главное, что жъ онъ остался въ залѣ и прислалъ сказать о себѣ, а не вошелъ прямо, самъ, въ кабинетъ?—Странно.

Выхожу въ залу.—Опершись рукой на столъ у дивана, стоялъ незнакомый молодой человѣкъ, одѣтый изящно. Я плохой распознаватель умѣнья одѣваться, но даже я съ перваго взгляда замѣтилъ тонкій вкусъ въ его костюмѣ „безукоризненно строгой простоты“. (Я вычиталъ, что надо выражаться такъ). И самъ онъ показался мнѣ человѣкомъ очень свѣтскаго воспитанія: такъ непринужденна была его поза, такъ легко онъ поклонился и сдѣлалъ шагъ впередъ ко мнѣ, въ отвѣтъ на мой поклонъ. А независимо отъ своей свѣтскости, изящный посѣтитель былъ господинъ нѣсколько средняго роста, сухощавый, довольно широкій въ плечахъ и костлявый, съ свѣтлыми, почти бѣлыми, но очень курчавыми волосами, съ очень бѣлымъ, даже блѣдно-ватымъ, но здоровымъ цвѣтомъ лица, черты котораго были угловаты, съ сѣрыми маленькими глазами узкаго прорѣза,—скорѣе некрасивъ, чѣмъ недурень.

— Извините, сказалъ я:—служанка назвала мнѣ фамилію моего пріятеля, г. Алферьева; слуги часто такъ перевирають, прибавилъ я съ развязною улыбкою, имѣвшею своимъ назначеніемъ прикрыть мой конфузъ по поводу гнуснаго бумажнаго татарскаго халата, закапаннаго стеариномъ спереди и— вещь неимовѣрная, но дѣйствительная, даже сзади, и съ этого сзади бывшаго въ Плюшкинскомъ видѣ, выказывавшемся своими краями по бокамъ.— Покорно прошу, дополнилъ я съ свойственною мнѣ любезностью.

— Служанка не переврала; моя фамилія дѣйствительно Алферьевъ, сказалъ посѣтитель, садясь и подавая письмо.

Я взглянулъ на адресъ, разрывая конвертъ: рука Панаева. „А!“— Развернулъ записку—такъ и есть: „не найдется ли у насъ въ журналѣ работа для г. Алферьева, который выходитъ въ отставку, чтобы заняться литературою“.—Умень, подумалъ я. Да и гантировка общается хорошаго работника. Въ перчаткахъ будете писать, сударь? Иванъ Ивановичъ чело-вѣкъ деликатный, отдѣлался отъ тебя препровожденіемъ ко мнѣ; а мнѣ препровождать васъ ужъ некуда, кромѣ вашей квартиры. Не погнѣвайтесь, сударь.

— Я посмотрю-съ; поищу; быть можетъ, найду что нибудь для васъ; но не рассчитывайте на это: скорѣе, нѣтъ.—Онъ хотѣлъ встать и раскланяться; но такъ какъ я большой искусникъ въ разговорахъ, по части мастерства ввязываться, къ собственному озлобленію, въ бесѣды съ посѣтителями, отъ которыхъ желаю скорѣе избавиться, то я ужъ и продолжалъ:—Вы не родственникъ Ильѣ Никитичу Алферьеву, котораго я ожидалъ найти вмѣсто васъ? Договаривая эти слова, я, съ обычною своею быстротою и основательностью соображенія, уже глубоко обдумалъ нелѣпость ихъ: если бъ былъ родственникъ, то натурально Илья Никитичъ и рекомендовалъ бы его, а не явился бы онъ въ родѣ Мельхиседека, самъ по себѣ, безъ рода и племени. Но, противъ моего ожиданія, посѣтитель отвѣчалъ:

— Да, я ему родственникъ.

— И въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ?

— Да!

— Но вѣдь онъ знакомъ и съ Панаевымъ и со всѣми въ „Современникѣ“.

— Я знаю.

Что за диво!—Почему же вы не сказали ему, чтобъ онъ познакомилъ васъ?

— Потому что я не хотѣлъ пользоваться рекомендаціею.

— Его? Почему жъ?

— Не его въ частности, а вообще;—потому что не находилъ это удобнымъ.

*) Я, наконецъ, вразумился и почувствовалъ къ нему нѣкоторое уваженіе, не смотря на его изящество. Не хочется, видите ли вы, пользоваться рекомендаціею. Смѣшно; но почему не сказать и „честно“. Онъ заслуживаетъ, чтобы посовѣтовать ему не дѣлать глупости.—Вы хотите выйти въ отставку, чтобы заняться литературою. Занятіе хорошее, если у васъ есть беллетристическій талантъ. Но нельзя же цѣлый день писать повѣсти,—это не обы-

денное занятіе, на цѣлый день, и не мѣшаетъ обыденной работѣ. Быть беллетристомъ—очень можно и оставаясь на службѣ. А, кромѣ повѣстей, ничто не требуется и ничто не выгодно. Собственно журнальная работа—черная работа, которая обременительнѣе службы; славы она вовсе не даетъ, денегъ даетъ мало.

— Я это знаю. Писать повѣстей я не буду. Я ищу черной журнальной работы,—не потому, что она завидна, а потому, что она нужна мнѣ. Я не для того выхожу изъ службы, чтобы быть литераторомъ; я желаю найти работу въ журналѣ, потому что выхожу въ отставку.

— Значить, у васъ нѣтъ независимыхъ средствъ для жизни?

— Нѣтъ.

— Это другое дѣло. Если у васъ есть качества, нужныя для журнальной работы, вы, вѣроятно, найдете ее; не у насъ,—у насъ все занято,—но гдѣ нибудь въ другомъ журналѣ. Но само собою, вы должны въ это время оставаться на службѣ, чтобы не остаться ни при чемъ. Вѣдь можетъ быть, вы и не годитесь для журнальной работы. А если и годитесь, это устраивается не такъ скоро. И тутъ, какъ на службѣ, приходится ждать вакансій. Итакъ, ищите, испытывайте себя и ждите, оставаясь на службѣ.

— Я не могу этого сдѣлать. Не дальше, какъ черезъ недѣлю, я долженъ подать въ отставку.

— Это жалъ. Что жъ, у васъ вышли столкновенія по службѣ?

— Нѣтъ. Но я долженъ выйти въ отставку потому, что служба портить. Я не выдержалъ и засмѣялся. Служба портить! Это любопытно.

— Гдѣ жъ вы нашли такую службу? Въ откупахъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, спокойно улынувшись:—въ министерствѣ **— онъ назвалъ министерство.

— Интересно. Я знакомъ со многими, служащими въ этомъ министерствѣ; признаюсь вамъ, не замѣчалъ ни на комъ порчи отъ службы въ немъ. Одно изъ самыхъ чистыхъ министерствъ, помилуйте.

— Я не говорилъ, что портить служба именно въ этомъ или какомъ нибудь другомъ министерствѣ, я говорилъ, что портить служба вообще. Примѣръ вы могли бы видѣть на Ильѣ Никитичѣ.

— На Ильѣ Никитичѣ?!—сказалъ я съ удивленіемъ:—Илья Никитичъ испорченный человѣкъ? Помилуйте! Онъ превосходный человѣкъ,—честнѣйшій гражданинъ; такихъ людей мало, не то, что у насъ, и тамъ, гдѣ люди лучше, чѣмъ у насъ, такихъ людей мало.

— Да. Я не говорилъ противнаго. Но ему 28 лѣтъ; онъ статскій совѣтникъ; онъ свыкъ съ мыслью о карьерѣ. Онъ получаетъ 3.000 р. жалованья; онъ ужъ пріобрѣлъ привычку имѣть тонкое бѣлье и обѣдать въ хорошемъ ресторанѣ, платя за обѣдъ полтора рубля, и имѣть къ столу полбутылки сотерна. Онъ ужъ не можетъ считаться неиспорченнымъ человѣкомъ, потому что ему тяжело отказаться отъ всего этого. Если бы повалилось мнѣя дорогу—ему ужъ поздно: онъ уже привыкъ дорожить тѣмъ, отъ чего потребовалось бы отказаться. Онъ человѣкъ связанный. Черезъ три года, когда мнѣ будетъ 26 лѣтъ, со мною будетъ тоже. Я этого не хочу. Я хочу остаться человѣкомъ свободнымъ.

— Илья Никитичъ человѣкъ связанный и испорченный, потому что онъ привыкъ имѣть хорошее бѣлье?—повторилъ я, смотря на своего посѣтителя съ его изящнымъ туалетомъ.

— Вы хотите сказать, что я одѣтъ лучше, чѣмъ онъ?—Да. Это моя потребность. Но теперь я еще могу отказаться отъ нея. Теперь, я еще могу жить на 25 р., на 15 р. въ мѣсяцъ. Черезъ три года будетъ поздно.

Слѣдовательно, онъ можетъ разсчитывать на хорошую карьеру, подобно Ильѣ Никитичу, если ему черезъ три года будетъ поздно?

— Мнѣ кажется, сказалъ я, можно и не пріобрѣтать дурной привычки обѣдать въ хорошемъ, а въ скверномъ ресторанѣ, если ужъ это такъ вредно,—и можно носить самое дурное бѣлье, если это необходимо для неиспорченности. Получайте хорошее жалованье—и все таки можете жить нищимъ, если вамъ это нравится.

— Въ переводѣ на серьезный языкъ, вы хотите сказать, что имѣя характеръ, можно и не портиться. Это такъ. Но кто можетъ поручиться за себя? Честность требуетъ не подвергать себя опасностямъ измѣнить себя.

— Извините меня, но вы представляетесь мнѣ человѣкомъ экзальтированнымъ.

— Что я представляюсь вамъ человѣкомъ экзальтированнымъ, это, конечно, такъ, если вы говорите. Но себѣ я не представляюсь такимъ человѣкомъ. Какъ видите, я флегматикъ. Я сужу холодно.

— Хорошо. Вы говорите, что испортитесь черезъ три года. Я рекомендую вамъ оставаться на службѣ вовсе не такъ долго,—нѣсколько мѣсяцевъ („въ теченіе которыхъ эта дурь пройдетъ у тебя, мой милый“)—въ теченіе которыхъ вы еще не испортитесь, а избѣжите риска. Служите, пока найдете работу и испытаете себя на ней.

— Это было бы лучше, правда. Но есть особенная причина, по которой я не могу этого сдѣлать. Я чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ. До сихъ поръ мнѣ давали мелкія дѣла. Теперь мнѣ хотятъ поручить историческо-статистическую работу,—онъ назвалъ работу,—вы видите, что она займетъ много времени,—годъ, если не больше,—что она важна и интересна. Вы согласны?

— Совершенная правда. Но что жъ изъ этого?

— Взявшись за нее, я заинтересуюсь ею. Кромѣ того, было бы безчестно бросить дѣло, за которое взялся. Вы видите, я буду надолго привязанъ. А въ это время изъ этой самой работы возникнутъ другія такія же. Отказаться отъ нея, оставаясь на службѣ, я не могу, потому что это безчестно. Итакъ, я долженъ выйти въ отставку теперь же, или связываю себя навсегда,—становлюсь тѣмъ, чѣмъ сталъ Илья Никитичъ.

Илья Никитичъ! Это было до крайности забавно. Нашелъ примѣръ нравственнаго паденія. Человѣкъ живетъ очень скромно (я знаю, сколько расходовъ на другихъ онъ долженъ дѣлать изъ своего жалованья). Почти не курить сигаръ, которая очень любитъ. Все надѣлалъ этотъ несчастный обѣдъ, единственная роскошь, которую онъ себѣ позволяетъ. Вотъ ты, братецъ, точно, субъектъ, а не Илья Никитичъ. Бѣжить изъ службы оттого, что нашли его дѣльнымъ человѣкомъ, и даютъ ему работу, которая выдвинетъ его вне-

редь, обезпечить его служебный успѣхъ.—Но у меня мелькнула другая мысль о субъектѣ, сидѣвшемъ подлѣ меня. Ему хотѣть поручить работу, предполагающую большія свѣдѣнія. Ясно, что служба противна его убѣжденіямъ, кромѣ того, что хочетъ испортить его хорошимъ жалованьемъ и карьерою. Но вотъ куда нельзя ли отвернуть его отъ литературы!—(У многихъ журналистовъ есть—и у меня была—манера отклонять отъ литературы всякаго порядочнаго человѣка; вѣроятно, по нежеланію дѣлиться съ другими пріятностями этого дѣла).—Позвольте спросить, гдѣ вы кончили курсъ?

— Въ здѣшнемъ университетѣ.

— Кандидатомъ?

— Да.

— Держите экзаменъ на магистра?

— Я сдѣлалъ это.

— Чего жъ вамъ лучше?—Ищите мѣста профессора. Кафедра и вѣрнѣе, и спокойнѣе, и почетнѣе журнальной работы. У васъ остались связи съ университетомъ?

— Съ немногими изъ профессоровъ.—Онъ называлъ двухъ, трехъ.

— Они руководятъ большинствомъ совѣта. Ихъ мнѣніе принимается Ш*** (тогдашнимъ попечителемъ). По вашему знакомству я вижу, что вы магистръ юридическаго факультета. Въ немъ три каѳедры вакантны. Выбирайте, черезъ два мѣсяца получите любую.

— Мнѣ говорили. Но я не хочу дѣятельности, противной моимъ убѣжденіямъ. Никакая каѳедра не можетъ быть согласна съ моими убѣжденіями.

— Даже и каѳедра? Помилуйте!

— Мнѣ странно слышать это отъ васъ, сказалъ онъ такимъ тономъ, будто говорилъ путное.

— Ну, дѣтина!—Мы разговорились. Я сталъ подробно разбирать каждый пунктъ нашего предшествовавшаго краткаго объясненія,—по каждой статьѣ доказывалъ разсудительность своего мнѣнія, экзальтированность его взгляда. Онъ слушалъ терпѣливо, спокойно; возражалъ холодно и коротко; большею частью, не оспаривалъ моихъ словъ,—по очевидному непризнаванію ихъ заслуживающими возраженій,—а только говорилъ: „вашъ взглядъ таковъ; я не могу раздѣлять его“;—„мой взглядъ кажется вамъ неправиленъ; я остаюсь при мнѣніи, что онъ вѣренъ“.—Я постепенно вошелъ въ свою манеру подсмѣиваться. Шутки мои не всегда отличаются соблюденіемъ такта, бываютъ (по мнѣнію другихъ) часто цѣловки, неумѣстны,—полагаю, противъ моего намѣренія,—пошловаты до непріятности. Онъ принималъ ихъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, съ видомъ снисходительнаго одобренія, съ мягкою, нѣсколько меланхолической улыбкой, которая явилась у него, какъ только сталъ разговоръ одушевляться, и ужъ не сходила съ лица его все время; въ его глазахъ, маленькихъ, сѣрыхъ, такъ и вонзавшихся въ васъ, свѣтилось кроткое, задумчивое добродушіе. Съ этимъ взглядомъ, съ этой улыбкой, лицо его стало привлекательно. Такъ мы толковали часа два. Онъ нѣсколько разъ входилъ въ мой тонъ и самъ подсказывалъ мнѣ насмѣшливые обороты мысли противъ себя самого, и все тихимъ, будто минорнымъ тономъ: въ его голосѣ постоянно звучало уныніе. Это меня тогда же поразило: отчего

унылый голосъ при самой свѣжей бодрости и твердости духа?—конечно, отчего: его общій образъ мыслей печаленъ, онъ все и день и ночь скорбитъ, какъ гражданинъ; это было и очень забавно, и очень мило. Что это очень мило, я оставилъ себѣ знать про самого себя; а что это забавно, я сказалъ ему; и онъ согласился, что это должно быть забавно. Да и вообще, онъ охотно смѣялся надъ собою,—то есть, надъ впечатлѣніемъ, которое онъ долженъ производить. Но оставался совершенно какъ наковальня: какъ ни колоти, она только отзывается на удары, будто и слышитъ, но не остается никакого слѣда на ней отъ нихъ. Уперся на своемъ, и баста. „Что жъ изъ того, если другимъ это кажется неблагоразумно или смѣшно? По-моему—нѣтъ“!—вотъ вамъ и все. Съ тѣмъ мы и разстались. Я просилъ его зайти ко мнѣ черезъ недѣлю, что можетъ быть я найду ему какую нибудь работу, а вѣрнѣе, что не найду,—но что важнѣе потолковать еще разъ,—„нельзя ли васъ сбить съ вашихъ мыслей“.—„Это напрасно“, скромно отвѣчалъ онъ.—И я очень хорошо и давно видѣлъ, что напрасно.—„Конечно; но все таки священныи долгъ опытнаго человѣка—не оставлять безъ назиданія восторженнаго юношу“, сказала я, смѣясь уже надъ собою.—„Конечно; и юноша обязанъ не скрываться отъ назиданій. Зайду“.

II.

Второе явленіе *).

Въ Петербургѣ часто бываетъ, что, долго не встрѣчавъ ни разу человѣка, котораго вы очень могли бы уже много разъ встрѣтить у общихъ вашихъ и его знакомыхъ, вы вдругъ начинаете встрѣчать его очень часто. Дѣло случая.

Дня черезъ два, черезъ три послѣ того, какъ новый Алферьевъ былъ у меня, мнѣ случилась надобность побывать у профессора,—назову его хоть Молодымъ: онъ и тогда вовсе не былъ ни молодымъ человѣкомъ, ни молодымъ профессоромъ, но онъ заслуживаетъ этого псевдонима по юношеской чистой пылкости, которая сохранилась въ немъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, о которыхъ мой новый знакомый упомянулъ, какъ о своихъ знакомыхъ. Я засталъ г. Молодого за завтракомъ, вмѣстѣ съ его семействомъ, и онъ, по усердію къ общей пользѣ, обозначаемому его псевдонимомъ, тотчасъ же горячо принялся толковать о дѣлѣ, которое тогда довольно часто заводило меня къ нему. Дѣло, точно, было важное, интересное. Завтракъ кончился, и мы перешли въ кабинетъ хозяина. И хозяйка перешла туда вмѣстѣ съ нами, потому что дѣло интересовало и ее, женщину умную, образованную. Черезъ четверть часа слуга доложилъ, обращаясь не къ хозяйнѣ, а къ хозяйкѣ: „господинъ Алферьевъ“.—„Скажи ему, что я сейчасъ буду готова“, сказала хозяйка мужу, вставая, и ушла.—Вошелъ мой новый пріятель.—„Жена сейчасъ будетъ готова. Борисъ Константиновичъ“, сказалъ

*) Помѣтка на рукописи: 17 апр. 23 іюля.

хозяинъ;—черезъ двѣ, три минуты хозяйка возвратилась,—„ѣдемъ, Борисъ Константиновичъ“—и они скрылись.

Мы съ хозяиномъ продолжали толковать о своемъ,—читали, сличали, справлялись,—часа три незамѣтно пролетѣли въ работѣ и спорахъ; дверь кабинета отворилась и вошла хозяйка въ сопровожденіи своего кавалера. У нея въ рукахъ была связка, очевидно, происходившая изъ Гостиннаго Двора, у него—другая, явно того же происхожденія.—„Посмотри, что мы накупили для Анеты“, сказала хозяйка мужу,—связки развязались, явился кусокъ матеріи,—изъ разсужденій о ней я повялъ, что это какая то особенная кисея; другой кусокъ—тоже что въ родѣ другой особенной кисеи, и пошли куски матерій, платочки, рукавчики и всякое тому подобное добро, предназначавшееся для Анеты, тогда очень милой дѣвочки лѣтъ одиннадцати (теперь ужъ почти невѣсты—и славной дѣвушки),—тоже уже явившейся восхищаться пріобрѣтеніями, сдѣланными для нея. Отецъ Анеты, сообразно своему характеру, обозначаемому псевдонимомъ Молодаго, тоже вематривался и хвалилъ,—ну, да вѣдь онъ то отецъ Анеты, почему ему не посмотреть на наряды, радующіе дочку,—а Алферьевъ то изъ за чего усердствуетъ?—Мой Алферьевъ неутомимъ и неистощимъ въ изложеніи свойствъ и достоинствъ кисей и платочковъ, рукавчиковъ и воротничковъ, закупленныхъ для Анеты.

Если бъ онъ хотѣлъ занять каѳедру, было бы натуральнымъ расчетомъ прислуживаться хозяйкѣ для дружбы съ хозяиномъ, отъ голоса котораго зависятъ каѳедры юридическаго факультета; только, нѣтъ: этотъ голосъ нельзя купить, умный человѣкъ не станетъ и пытаться прислуживаться ему ли, женѣ ли его,—это значить, проиграть всякій шансъ каѳедры. Да и это была бы низость, это не похоже на человѣка, который не хотѣлъ знакомиться со мною черезъ своего родственника, моего пріятеля. Да вѣдь онъ же и не ищетъ каѳедры,—профессоръ Молодой самъ предлагалъ ему ее, безъ его искательства,—онъ отказался. Что жъ это такое?—Ѣдетъ изъ Коломны въ Большую Конюшенную, чтобы отправиться въ Гостинный Дворъ съ дамою, уже не молодою, не красавицею и съ молодю, вовсе не охотницею до кокетства и съ молодю,—и проводить съ нею въ Гостинномъ Дворѣ часа два, если не больше, закупая наряды для 11-лѣтней дѣвочки, возвращается, чтобы разсматривать и объяснять эти наряды,—и какъ объясняетъ, показываетъ ихъ.—Хозяйка скажетъ два, три слова о какой нибудь статьѣ покупки, а мой повый знакомый такъ и разсыпается, съ жаромъ и обиліемъ мыслей модистики профессорствуетъ по части цвѣта и рисунка баржея и кисеи,—голосъ тихъ, и лицо задумчиво,—по и по голосу и по лицу слышию и видно, что скорбящій гражданинъ наслаждается. И хозяйка видимо признаетъ его авторитетность по этой части, и выражаетъ полное довольство результатами своего послушанія его совѣтамъ въ Гостинномъ Дворѣ,—и хозяинъ слушаетъ и видитъ это равнодушно, будто такъ и слѣдуетъ молодому магистру юридическаго факультета равняться съ сидѣльцами лавокъ Погребова, Рябова, Янсена Гооста свѣдѣніями по бережно-кисейному вопросу,—хозяинъ не удивляется такому проявленію юридическаго таланта.

Меня разбиралъ смѣхъ.—Лизавета Семеновна, спросилъ я хозяйку:—давно произведенъ вами monsieur Алферьевъ въ dame d'atours вашего двора?

— Да, я ему очень благодарна; Борисъ Константиновичъ никогда не

тяготится помогать мнѣ своими совѣтами, отвѣчала она безъ малѣйшей насмѣшки.

— М.-г. Алферьевъ,—вы не разсердитесь, Лизавета Семеновна,—но скучно вамъ это, м.-г. Алферьевъ?

— Нѣтъ, отчего же скучно, когда у меня есть вкусъ и знаніе?—Это доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, отвѣчалъ скорбящій гражданинъ.

Началось сообщеніе мнѣ свѣдѣній и я узналъ,—вещь уже не удивительную послѣ того, что видѣлъ,—узналъ, что мой скорбящій гражданинъ находится въ отношеніяхъ модистки-совѣтчицы не къ одной Лизаветѣ Семеновнѣ, а ко всѣмъ дамамъ и дѣвицамъ, съ которыми знакомъ, утромъ ѣздитъ съ ними въ Гостинный Дворъ и по магазинамъ, вечеромъ цѣлые часы и часы разсуждаетъ съ барынями и барышнями о ихъ нарядахъ,—да вѣдь не то, что говорить любезности по поводу нарядовъ,—какое!—говоритъ серьезно, будто самъ барышня, о томъ, какой покрой лучше, какой цвѣтъ идетъ къ лицу, какая прическа изящнѣе; пользуется и наслаждается, и очень гордится своимъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ.

— Борисъ Константиновичъ, да вы бы издавали модный журналъ, сказалъ я ему въ насмѣшку какъ то разъ, когда мы побольше познакомились съ нимъ,—сказалъ въ насмѣшку ему, и вздохнулъ, вспомнивъ то время, когда я былъ сотрудникомъ одного моднаго журнала и даже писалъ въ немъ нѣсколько разъ обзоръ моды, при такомъ феноменальномъ отсутствіи всякаго понятія о нихъ, которое сдѣлало бы честь любому трапписту, — о, какое стѣспенное было это время, когда слѣдовало бы веселиться, пользоваться молодостью,—не мнѣ, я тогда ужъ не былъ молодъ,—нѣтъ, не мнѣ... а было нельзя—грустно было видѣть это, быть причиною этого... ну, да ничего: еще будетъ время, вознаградится.—Впрочемъ, что жъ я все сбиваюсь на свои дѣла.—Борисъ Константиновичъ, да вы бы издавали модный журналъ, сказалъ я ему въ насмѣшку.

— Я думаю объ этомъ, отвѣчалъ онъ очень солидно:—вы смѣтаетесь надъ этимъ, но вы тутъ совершенно неправы. Моды, наряды—это очень хорошо и очень важно.

Плюшкинъ не по одному халату, а отчасти даже и отъ очень большой части—и въ душѣ, я привыкъ съ глубокимъ пренебреженіемъ смотрѣть не то что на такую крайность, какую видѣлъ въ Борисѣ Константиновичѣ, а даже на самое умѣренное развитіе изящныхъ наклонностей и свѣтской граціозности въ мужчинѣ. Женщина—наша игрушка: игрушка должна быть нарядна, это ея право, это ея утѣшеніе, она должна заниматься этимъ; это источникъ ея бѣдной, жалкой возможности выбиваться изъ нашего порабощенія,—это для нея дѣло серьезное, вопросъ объ огражденіи своей личности, о приобрѣтеніи какого нибудь наслажденія жизнью. Но въ мужчинѣ мысль объ изяществѣ своей личности казалась мнѣ признакомъ пошлой пустоты. А въ Борисѣ Константиновичѣ я видѣлъ такую дикость, которой и постигать не могъ. Заниматься своимъ изяществомъ—это въ мужчинѣ наклонность, положимъ, пустая, глупая, но все-таки понятная. Но онъ идетъ въ тысячу разъ дальше: быть руководителемъ дамъ въ выборѣ нарядовъ, проводить въ этомъ занятіи цѣлые часы, утѣшаться этимъ—такая страшность совершенно нелѣпа.

И точно, я долго не могъ понять возможности соединенія въ одномъ человѣкѣ такихъ несоотвѣствующихъ качествъ и стремленій, какія видѣлъ въ Борисѣ Константиновичѣ. Очень долго я не былъ въ состояннн характеризовать его въ своихъ мысляхъ иначе, какъ словами „нелѣпный человѣкъ“.

Если бы я изображалъ выдуманное лицо, мнѣ не пришло бы въ голову совмѣстить въ немъ такія черты, а еслибъ и вздумалось мнѣ это, я, конечно, сообразилъ бы, что это лицо неправдоподобное, невозможное для романа, который не хочетъ казаться безсвязною сказкою. Но когда я близко узналъ Бориса Константиновича, мнѣ стало казаться, будто я понимаю его. Нелѣпнымъ, онъ все-таки остался для меня, но пересталъ быть неимовѣрнымъ.

Онъ нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ справляться, не нашель ли я ему работу; мы нѣсколько разъ встрѣчались у профессора, котораго я называлъ Молодымъ, у Ильи Никитича, и постепенно стали близки другъ другу,—впрочемъ, не скоро,—и также постепенно,—частью отъ него, гораздо больше отъ другихъ,—я кое-что узналъ и о его прошедшемъ,—больше всего я узналъ отъ Ильи Никитича.

III.

Какія свѣдѣнія существуютъ въ преданіяхъ о свойствахъ, обнаружившихся, и подвигахъ, совершавшихся Борисомъ Константиновичемъ Алферьевымъ до начала настоящей исторіи. Также и о томъ, что въ дѣяніяхъ его было особеннаго и что не особеннаго *).

— У васъ есть родственникъ Борисъ Константиновичъ, — что онъ за человѣкъ и почему я ни разу не встрѣчалъ его у васъ?—спросилъ я Илью Никитича, когда увидѣлся съ нимъ послѣ перваго явленія Бориса Константиновича на полѣ моего зрѣнія.

— Борисъ? — юноша. Впрочемъ, хорошій юноша. Еще не установился и неизвѣстно, что изъ него выйдетъ; очень можетъ выйти дрянъ, а еще вѣроятно — сумасшедшій. Но гораздо больше можно разсчитывать, что когда установится и образумится, то будетъ умный и порядочный человѣкъ. Теперь онъ еще слишкомъ экзальтированъ, а я все холожу его. Ему это, конечно, не по вкусу. Потому онъ рѣдко бываетъ у меня по вечерамъ, а когда у меня собираются знакомые, онъ и вовсе не благоволитъ посѣщать меня. Потому вы его и не встрѣчали у меня.

— То есть, вы продолжаете обращаться съ нимъ такъ, какъ обращались, когда ему было 15 лѣтъ, а вамъ 20. Натурально, что онъ не хочетъ стоять въ такихъ отношеніяхъ при вашихъ знакомыхъ.

— Что, вы ужъ съ выговоромъ мнѣ? А вы долго съ нимъ говорили?

— Довольно долго.

— Ну, какъ же вы самъ-то съ нимъ говорили? Полагаю, такъ же, какъ я?

*) Помѣтка на рукописи: 6 апр. 23 июля.

— И то правда. Онъ хочетъ выходить въ отставку — безразсудство, но кажется его не переубѣдишь; — и хочетъ заняться журнальною работою. — Способенъ онъ къ этому?

— Да, если захочетъ.

— Какъ же, если захочетъ? — Хочетъ.

— А что жъ изъ этого, что нынѣ хочетъ? Завтра можетъ не захотѣть, — такой человѣкъ, что всегда дѣлаетъ Богъ знаетъ что; вы спросили, что онъ за человѣкъ, — человѣкъ неблагонадежный, хоть и основательный.

Илья Никитичъ началъ рассказывать, что онъ зналъ о немъ. Этотъ рассказъ послѣ дополчился, какъ я ужъ говорилъ, кое-какими другими разсказами самого Бориса Константиновича и другихъ, и вотъ какія свѣдѣнія я теперь имѣю о жизни Бориса Константиновича до той поры, какъ я познакомился съ нимъ.

Съ той самой поры, какъ Илья Никитичъ знаетъ его, онъ все такой и былъ — тихій, кроткій, задумчивый, будто флегматичный, — съ 5 лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ съ семействомъ, по случаю перечисленія отца изъ провинціальной службы въ столичную. Флегматическая разсудительность никогда не измѣняла ему. Онъ шалилъ въ дѣтствѣ, но съ соблюденіемъ спокойствія, хладнокровія, не забывался въ шалостяхъ, а между тѣмъ, переходилъ въ нихъ обыкновенные предѣлы дѣтской опрометчивости; вотъ какъ, напримѣръ. Тогда ему было лѣтъ 8, 9. Сидитъ онъ на окнѣ, въ спальнѣ, которая окнами на дворъ и, высовывая голову изъ окна, поглядываетъ въ бокъ, на стѣну, — и смирно, хорошо. Смотритъ мать черезъ минуту — нѣтъ Бориньки. “Гдѣ Боринька?” — „Боринька, гдѣ ты?“ — „Сейчасъ ворочусь, мамаша“, отзывается смирный голосъ Бориньки снизу, снаружи, черезъ окно — мать выглядываетъ съ испугомъ: Боринька ужъ близко отъ земли, спускается по жолобу, — а квартира въ 3-емъ этажѣ, отъ окна до земли сажени три, четыре. — Черезъ минуту Боринька входитъ въ комнату, не запыхавшись, ничего. — „Боринька, да какъ же это можно?“ — „Да вѣдь я, мамаша, разсматривалъ: жолобъ то подлѣ самаго окна, — такъ хорошо достать руками“. — „А какъ сорвешься?“ — „Я подумалъ, мамаша, — только увидѣлъ, что какъ же сорваться? Онъ не толстый, не тонкій, въ самую пору мнѣ хорошо обхватить. И я сильный, ловкій“. — „Ну, а если проволоки между листьями перержавѣли, или тонки, и онъ весь оторвался бы подъ тобой?“ — „А вотъ этого я не сообразилъ, мамаша. Виноватъ, мамаша, не годилось дѣлать этого“. — Рано стали замѣчать въ немъ, при ровной, мягкой послушливости почти во всемъ, дубовое упрямство въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ первый разъ онъ показалъ дикую настойчивость, когда ему было 6 лѣтъ, — онъ учился читать, и читалъ ужъ бойко. Вотъ, сидитъ Боринька и смотритъ въ книгу прилежно. Мать, проходя мимо, заглянула — книга лежитъ передъ нимъ вверхъ ногами. — „Что это, Боринька?“ — „А я хочу и такъ умѣть читать“. — „Вверхъ ногами-то? Да зачѣмъ это, Боринька?“ — „Такъ мнѣ вздумалось, мамаша“. — И выучился читать вверхъ ногами. И все такъ, — что заберетъ себѣ въ голову, то и дѣлаетъ. Сначала эти оригинальности относились къ ребяческому вздору, какъ умѣнье читать книгу вверхъ ногами, или какъ то, что услишавъ ходячій повсюду анекдотъ о Колумбѣ, поставившемъ яйцо на длинный конецъ, Боринька

съ мѣсяцъ все трудился поставить яйцо на длинный конецъ безъ Колумбовской уловки, не раздавливая, пока эта напрасная фантазія смѣнилась успѣшнымъ трудомъ надъ обученіемъ скворца говорить: „Боринька, выпусти меня“.—Нѣтъ, еще нельзя, не умѣешь сказать, чего тебѣ хочется“, возражалъ Боринька на невнятные звуки; но когда остался доволенъ чистотою произношенія своего воспитанника, поставилъ клѣтку на окно, покормилъ скворца изъ рукъ, поцѣловалъ его головку.—„Ну, теперь скажи, чего ты хочешь“.—Скворецъ молчалъ, Боринька сидѣлъ и ждалъ.—„Боринька, выпусти меня“.—Хорошо сказалъ, изволь“.—Боринька отворилъ клѣтку—скворецъ выступилъ изъ клѣтки на окно, оглянулся, подошелъ опять къ клѣткѣ, потерялся о нее носикомъ,—попробовалъ подточить, хлопая крыльями, разъ, другой,—закричалъ еще разъ: „Боринька, выпусти меня“—взмахнулъ крыльями и улетѣлъ.—Боринька все это время плакалъ и улыбался, и долго смотрѣлъ въ окно за полетомъ скворца, и все плакалъ. Въ этомъ ужъ виденъ смыслъ; а ребенку было только еще лѣтъ 11. Потомъ характеръ его упрямства сдѣлался еще яснѣе. Напримѣръ, онъ сталъ требовать, чтобы прислуга звала его „ты, Боринька“, а не „вы, Борисъ Константиновичъ“—и опровергалъ возраженія по Сократовскому методу, въ вопросахъ и отвѣтахъ: „А ты скажи, Марфа, я кто? мальчикъ?“—„Мальчикъ“.—„А Петровъ сынъ, Андрюша, кто? мальчикъ или нѣтъ?“—„Мальчикъ“.—„Ты его какъ зовешь? Андрюша или Андрей Петровичъ?“—Андрюша“.—„Онъ мальчикъ, и я мальчикъ; стало быть и я кто же? Боринька я“. Мать находила это лишнимъ; когда услышала отецъ, вовсе сердился; прислуга не слушалась Бориньки;—но онъ не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ, пока ему говорили „Борисъ Константиновичъ, мамаша зоветъ васъ“; выходили сцены, наконецъ, всѣ устали, а онъ упрямствовалъ и таки добился своего: стали говорить: „Боринька, мамаша зоветъ тебя“.

*) Въ это время Боринькѣ было лѣтъ 12, и Илья Никитичъ потерялъ его изъ виду лѣтъ на 5: Константинъ Григорьевичъ, отецъ Бориньки, опять уѣхалъ на провинціальную службу,—получилъ мѣсто губернатора въ Симбирскѣ, или Тамбовѣ, или гдѣ-то въ тѣхъ краяхъ. Илья Никитичъ не могъ сообщить мнѣ, какимъ образомъ Боринька лѣтъ черезъ 5 появился въ Петербургѣ, одинъ, для поступленія въ университетъ; только предполагалъ, что это не обошлось безъ ссоры съ отцомъ, но подробностей не зналъ. Я потомъ услышалъ ихъ отъ матери Бориса Константиновича,—самъ онъ не любилъ рассказывать о своихъ подвигахъ.

Вылѣзаніе изъ окна 3-го этажа по жолобу, обученіе скворца словамъ „Боринька, выпусти меня“, обученіе домашнихъ словамъ: „Боринька, мамаша зоветъ тебя“—все это мало доходило до отца; но Боринька подрасталъ, кругъ его мыслей и поступковъ расширялся, сталъ проникать въ кабинетъ Константина Григорьевича.

Константинъ Григорьевичъ былъ человѣкъ совершенно честный, умный, знающій дѣла, занимающійся ими; но это нисколько не мѣшало въ его губерніи твориться такимъ чудесамъ, какихъ въ сказкахъ не бывало,—почему

*) Помѣтка на рукописи: 7 апр. 22 іюля.

не мѣшало, все равно; да намъ и нѣтъ дѣла до этихъ чудесъ: намъ нужно только самъ Константинъ Григорьичъ. Вотъ два, три случая, слышанные мною отъ туземцевъ, которыхъ встрѣчалъ я въ Петербургѣ.

Однажды въ хорошее лѣтнее утро, часовъ въ 10, возникли по всѣмъ улицамъ баснословнаго губернскаго города и полицейскіе солдаты, и пожарные солдаты, и проспавшіеся забранные вчера пьяные, съ крестами мѣломъ на спинахъ, чтобы не убѣгали, и просто мѣщане безъ крестовъ мѣломъ на спинахъ, значить, нанятые городомъ или выставленные на натуральную повинность, которые не убѣгутъ,—по цѣлой ордѣ на каждой улицѣ, и у каждого ордынца въ рукахъ ведро и мазилка и каждая орда тащить съ собою по нѣсколько маленькихъ лѣстницъ.—Что это такое?—Орды идутъ благонамѣреннымъ порядкомъ,—вотъ, каждая орда разсыпается по своей улицѣ отрядами, по 2, по 3 человека.—„Начинай“ раздается команда старшихъ ордынцевъ,—мазилки погружаются въ ведра, вынимаются, и пошли писать водяною желтою вохрою всѣ некрашенные заборы и деревянные дома;—владѣльцы, а паче владѣльцы домовъ поднимаютъ вопль, особенно новыхъ основныхъ домиковъ: новенькая сосна вѣдь такъ и бѣлѣетъ, лоснится на солнцѣ, мило смотрѣть; но ордынцы дѣйствуютъ сколь мирно, столь же и невозмутимо, и склоняющееся къ западу свѣтло дня зрѣть уже пожелтѣвшими всѣ дома и заборы баснословнаго города которые зрѣло некрашенными, восходя надъ градомъ отъ страны восточной.—„А вы будьте благодарны, дурачье, посяняли ордынцы: даромъ обходится вамъ, на городской счетъ“.—Впрочемъ, рассказавъ это, я вижу, что не рассказалъ еще ничего о Константинѣ Григорьичѣ, маніемъ руки ужестившемъ свою резиденцію. Но вотъ это ужъ особенное—только это ужъ не одинъ случай, а повторялось разъ пять, шесть въ началѣ резидировація Константина Григорьича, пока не нужно стало повторять. Дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ Константина Григорьича.—„Нельзя, ваше превосходительство“, произноситъ правитель канцеляріи или старшій секретарь губернскаго правленія: „законъ говоритъ противное“.—„Какой законъ, укажите?“—Препятствователь беретъ съ этажерки томъ Свода Законовъ, раскрываетъ, указываетъ статью.—„Это законъ?“—„Законъ“.—„Онъ мѣшаетъ?“—„Онъ мѣшаетъ, ваше превосходительство“.—Константинъ Григорьичъ выдвигаетъ ящикъ стола, бросаетъ туда Сводъ Законовъ, задвигаетъ ящикъ.—„Гдѣ законъ? укажите“.—Правитель канцеляріи или старшій секретарь молчитъ.—„Ступайте, пишите, какъ я велю“, говоритъ Константинъ Григорьичъ, разваливаясь въ своемъ креслѣ. Умолкнувшій возражатель идетъ и пишетъ.—И это выдвиганье и задвиганье сходило съ рукъ Константину Григорьичу. Впрочемъ, ово опять, быть можетъ, еще не характеризуетъ Константина Григорьича. Такъ вотъ это ужъ вѣроятно характеризуетъ.

Однажды поутру народъ сталъ останавливаться у воротъ ограды Рождественской церкви.—Что такое останавливается народъ? Подошелъ полицейскій, посмотрѣлъ, пошелъ въ часть, доложилъ. Пріѣхалъ частный приставъ, взглянулъ, поскакалъ доложить полиціимейстеру. Полиціимейстеръ поскакалъ и доложилъ Константину Григорьичу. „Узнать, кто“, сказалъ Константинъ Григорьичъ. Полиціимейстеръ поскакалъ къ протопопу Рождественской церкви.

Протопопъ говоритъ: „право, я ничего не знаю, кто и какъ“. Тогда полиціймейстеръ поскакалъ на Московскую улицу узнавать изъ источника, — источникъ жилъ на Московской улицѣ. Какой же это источникъ, — что, о комъ и отъ кого узнавать поскакалъ полиціймейстеръ, и что это за происшествіе, надѣлавшее столько хлопотъ полиціймейстеру? — Происшествіе было такое, что поутру увидѣли у церковныхъ воротъ привезенный ночью колоколъ, пудовъ въ 40—45 вѣсомъ, а къ ушамъ колокола привязана записка: „Сей колоколъ жертвуется въ Рождественскую церковь неизвѣстнымъ дателемъ для душевнаго спасенія“. Колоколъ, разумѣется, новенькій, съ иглочки. Духовенство перекрестилось съ усердіемъ: „слава Богу! Мы ужъ давно говорили прихожанамъ, что поліелейный колоколъ у насъ треснулъ; да прихожане то у насъ не усердны къ церкви. А вотъ, Господь и послалъ со стороны милость свою“. — Поѣхали, доложили архіерею; архіерей повторилъ то же, велѣлъ отслужить молебенъ и тащить колоколъ на колокольную. Тѣмъ дѣло и кончилось со стороны неизвѣстнаго дателя и духовной власти. Но когда полиціймейстеръ доложилъ объ этомъ губернатору, Константинъ Григоричъ вздумалъ спросить: кто неизвѣстный датель? — Какое было ему дѣло до этого? — Никакого; такъ, вздумалось. Протопопъ не знаетъ неизвѣстнаго дателя; но на колоколѣ, по обыкновенію, надпись, на какомъ заводѣ отлить: „сей колоколъ, вѣсомъ въ 41 пудъ 5 фунтовъ, отлить на заводѣ купца Сыроѣдова“. Да хоть бы и не было надписи; все равно источникъ былъ бы извѣстенъ; другого колокольнаго завода, кромѣ Сыроѣдова, нѣтъ на 300 верстъ кругомъ. Вотъ полиціймейстеръ и поскакалъ къ купцу Сыроѣдову. Купецъ Сыроѣдовъ говоритъ: „Точно; колоколъ съ моего завода. Мой приказчикъ и отвезъ его нынѣшней ночью къ церкви“. — „Кто неизвѣстный датель?“ говоритъ полиціймейстеръ. — „Этого не могу сказать, потому что онъ запретилъ. Онъ для Бога жертвовалъ, не для славы человѣческой. Сами знаете, когда доброе дѣло получаетъ славу человѣческую, лишается заслуги передъ Богомъ“. — „Такъ и не скажете?“ — „Не могу сказать, батюшка: поклялся держать втайнѣ“. — „Такъ и его превосходительству доложить, Иванъ Федорычъ?“ — „Такъ и его превосходительству доложите, батюшка“. — Полиціймейстеръ поскакалъ къ Константину Григоричу: такъ и такъ, ваше превосходительство, не сказывается. — „Не сказывается?“ — „Не сказывается, ваше превосходительство“. — „Привезти его самого ко мнѣ“. — Опять поскакалъ полиціймейстеръ къ Сыроѣдову, привезъ его къ Константину Григоричу. — „Кто неизвѣстный датель?“ — „Не могу сказать, ваше превосходительство, побожился ему хранишь втайнѣ, потому что онъ для Бога жертвовалъ, а не для славы человѣческой; вы сами, ваше превосходительство, изволите знать, когда доброе дѣло получаетъ славу человѣческую, лишается заслуги передъ Богомъ“. — „Не сказываете, Иванъ Федорычъ? Мнѣ не сказываете?“ — „Не могу сказать, ваше превосходительство“. — „Въ полицію“, сказалъ Константинъ Григоричъ, обращаясь къ полиціймейстеру. Полиціймейстеръ вздохнулъ, — онъ былъ пріятель Ивану Федорычу, — и повезъ Ивана Федорыча въ полицію. — Сидитъ Иванъ Федорычъ въ полиціи въ секретной, никого къ нему не допускаютъ. Семейство Ивана Федорыча сходитъ съ ума. Иванъ Федорычъ, 65-лѣтній старикъ, сначала дрожитъ отъ холода въ не-

топленной секретной, потомъ угораеть чуть не до смерти, когда секретную затопили, чтобъ онъ не замерзъ.—На другой день явился въ полицію полиціймейстеръ.—„Скажите неизвѣстнаго дателя, Иванъ Федорычъ; губернаторъ очень гнѣвается на вашу непокорность“.—„Не могу“.—„Не можете?“—„Не могу“.—Полиціймейстеръ вздохнулъ еще тяжеле прежняго и повезъ Ивана Федорыча въ острогъ. Сидитъ Иванъ Федорычъ въ острогѣ пять недѣль, въ концѣ пятой недѣли получается изъ Петербурга предписаніе: „Купца первой гильдіи Сыроѣдова выпустить съ предоставленіемъ ему права жаловаться на незаконное заключеніе“. Предписаніе получено оттого, что, благо, архіерей почелъ себя прикосновеннымъ къ дѣлу и послалъ донесеніе.—„Будете жаловаться, Иванъ Федорычъ?“ спрашиваютъ у него.—„Какъ же мнѣ жаловаться, батюшка? У меня подряды, постройки,—пожалуйся, меня раззорять“.—„Да какъ же, Иванъ Федорычъ, вѣдь онъ васъ избидѣлъ?“—„Это точно, сильно избидѣлъ меня, старика“.—„А вѣдь вы, Иванъ Федорычъ, можно сказать, одинъ изъ первыхъ купцовъ у насъ въ обществѣ?“—„Это точно, можно сказать“.—„Какъ же можно не жаловаться то?“—„А я же вамъ сказалъ, какъ мнѣ нельзя жаловаться то“.—Стало быть, и это дѣло сошло съ рукъ Константину Григорьичу; а можетъ быть, и оно тоже не показываетъ еще ничего особеннаго въ Константинѣ Григорьичѣ.—Ну, такъ вотъ это уже покажетъ.

*) Тоже все однажды нашли на улицѣ убитаго старика. Экая важность!—подумаешь;—каждый мѣсяцъ бывала не одна такая находка. Но вотъ, подите же, на этотъ разъ городъ почему то вздумалъ удивиться, вздумалъ думать, тотчасъ же обдумалъ и пошелъ толковать: „Климchonки, Климchonки!—Это Климchonки убили!“ Въ городѣ, видите, было повѣріе, будто завелась въ немъ новая секта, Климchonки, у которыхъ вѣра состоитъ въ томъ, что мужья должны забивать своихъ женъ до смерти для своего и ихъ душевнаго спасенія и что эту свою вѣру Климchonки основываютъ на словахъ: „кто погубить свою душу, тотъ спасетъ ее“; „душа“ кто же, какъ не жена? Слѣдовательно, кто убьетъ свою жену, тотъ спасетъ свою душу, и женину тоже, потому что она—невинная мученица. Такъ разсуждали Климchonки, по мнѣнію города. Существовала ли секта какихъ нибудь Климchonковъ, разумѣется, неизвѣстно; а скорѣе, что нѣтъ; а если существовала, то ужъ, разумѣется, не разсуждала же такимъ образомъ. Оно точно, многіе мужья въ томъ городѣ, какъ и во всякомъ другомъ, забивали до смерти своихъ женъ,—но безъ всякаго сектантства и не на основаніи ипостранныхъ словъ: „кто погубить свою душу, тотъ спасетъ ее“, а на основаніи родного нашего присловья: „жену люби какъ душу, трясина какъ грушу“, поясняемаго другимъ роднымъ присловьемъ: „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“, и вѣроятно, даже полагали, что жена отъ этого будетъ долговѣчнѣе, по третьему нашему присловью: „битая посуда два вѣка живетъ“,—но, иногда въ усердіи къ родному обычаю и хватали черезъ мѣру—только. Какое тутъ сектантство? И опять же, если и существовали Климchonки, то вѣдь сами же горожане говорили, что по Климchonской сектѣ слѣдуетъ забивать женъ; а старикъ какая жена?—

*) Помѣтка по рукописи: 8 апр. 24 іюля.

„Вздоръ“, сказалъ Константинъ Григорьичъ; „никакихъ Климчонковъ нѣтъ; я разузнавалъ объ этомъ, и архіерея спрашивалъ, и съ благочиннымъ сколько разъ говорилъ,—и они говорятъ, нѣтъ никакихъ Климчонковъ; а старикъ убить просто въ дракѣ. Поискать убійцу по кабакамъ“. Поискали; по обыкновенію не нашли. Старика похоронили и тѣмъ покончилъ дѣло Константинъ Григорьичъ.—Но въ городѣ росъ и росъ вопль: „Климчонки, Климчонки! Губернаторъ прикрываетъ Климчонковъ. Они станутъ всѣхъ насъ убивать“. Словомъ, до того взбудоражились мирные граждане резиденціи Константина Григорьича, что пошелъ слухъ по всему широкому царству Русскому и поднялось дѣло. Константинъ Григорьичъ урезонивалъ производителей дѣла, что Климчонки, если бы и были на свѣтѣ, никакъ не могли бы убить старика. Производители заговорили, что губернаторъ мѣшаетъ дѣлу, прикрываетъ Климчонковъ. Правитель канцеляріи говорилъ Константину Григорьичу: „не мѣшайте; пусть дѣлаютъ, что хотятъ; а то вамъ плохо будетъ“.—„Не поущу губить людей, которые ни въ чемъ невиноваты“, говорилъ Константинъ Григорьичъ, и продолжалъ опровергать производителей. Они уѣхали, не открывши ничего; пріѣхали другіе, важнѣе прежнихъ,—стали распоряжаться помимо Константина Григорьича. Насажали полонъ острогъ людей; нѣтъ мѣста въ острогѣ сажать больше; наняли большой домъ, и его насажали половъ; наняли другой домъ, и тотъ набили биткомъ. Константинъ Григорьичъ не могъ мѣшать, но продолжалъ урезонивать распорядителей. Правитель канцеляріи продолжалъ совѣтовать ему отстать; онъ продолжалъ отвѣчать правителю канцеляріи: „пустъ будетъ мнѣ плохо; но не могу молчать при такомъ безобразіи“. И точно, черезъ нѣсколько времени пришла ему отставка,—почетная: перемѣщеніе въ Петербургъ, на мѣсто безъ дѣла, рангомъ равное губернаторскому, съ жалованьемъ больше губернаторскаго. Онъ сказалъ: „не хочу“, взялъ чистую отставку и уѣхалъ въ свою деревушку,—онъ имѣлъ душъ 300.—Половина острога и два дома года два стояли набиты народомъ по стариковскому Климчонковскому дѣлу, потомъ стали понемногу опоражниваться: иные поудавлялись, другіе такъ поумирали, но больше выпускали;—года еще черезъ два разсортировали и всѣхъ остальныхъ: больше выпустили, а десятка два и сослали за фальшивыя показанія и ябеды. Еще года черезъ два пьяный мужикъ проговорился, что это онъ убилъ старика, безъ всякаго климчонства, а просто: шли они вмѣстѣ изъ кабака пьяные, поругались, старикъ хватилъ его кулакомъ по уху, а онъ хватилъ старика по головѣ топоромъ, который на грѣхъ случился у него за поясомъ. И этого мужика сослали, разумѣется.

Вотъ этотъ случай уже конечно нельзя назвать не показывающимъ ничего особеннаго въ Константинѣ Григорьичѣ; потому онъ и не сошелъ даромъ съ рукъ ему. Илья Никитичъ, когда разсказывалъ мнѣ о единородномъ сынкѣ такого родителя, не зналъ этихъ дѣяній родителя и безъ исторіи ограничился сильнымъ отзывомъ о Константинѣ Григорьичѣ, какъ о человѣкѣ страшно упрямомъ и своенравномъ, обыкновенно взбалмочномъ, иногда обращавшемъ свою твердость и на хорошее.

— Такъ вотъ что! — замѣтилъ я на этотъ отзывъ:—одна половина

характера въ Борисѣ Константиновичѣ отъ него; а другая не отъ матери же?—мать какого характера? кроткая и разсудительная?

— Такъ, другая половина характера отъ нея. Экій умница, какой догадливый, сказалъ Илья Никитичъ, и поцѣловалъ меня въ маковку.—Я махнулъ рукою на себя, какъ имѣю привычку дѣлать, когда заслуживаю такое одобреніе. Да что, еще такія ли истины открываю я въ разговорахъ. Разъ я сказалъ, что у Гоголя былъ великій талантъ, — въ другой разъ, что Коперникова система была очень большимъ шагомъ впередъ въ астрономіи,—въ третій разъ, что пища имѣетъ вліяніе на здоровье. Мои пріатели, слыша отъ меня такія истины, всегда поздравляютъ меня за нихъ словами, иногда цѣлуютъ въ маковку; люди мало знакомые спрашиваютъ шопотомъ: „что это?“ — пріатели отвѣчаютъ имъ: „да, онъ разсѣянъ; это только оттого, что онъ разсѣянъ!“—малознакомые, находя такое истолкованіе недостаточнымъ, покачиваютъ головою. Но за эти же вещи, попадавшіяся въ моихъ статьяхъ, я заслужилъ имя софиста, недобросовѣстнаго парадоксита, и мало ли еще какого пехорошаго челоуѣка. Вотъ какъ различна судьба однихъ и тѣхъ же словъ въ разговорѣ и печати.

Оно точно не требовалось быть ни Гоголемъ, ни Коперникомъ, чтобы сообразить, что у такого лица жена была тихая, кроткая и разсудительная женщина; каковы ни были ея врожденныя качества, хотъ бы родилась она графинею Зрини и Лолою Монтеесъ, она все таки стала бы черезъ нѣсколько лѣтъ замужества ниже воды, тише травы, и привыкла бы къ разсудительности.—Но мужъ снисходилъ въ именъ ея ослабѣвшему здоровью, и благодаря тому, согласился взять Борянку съ собою въ провинцію, а не отдалъ въ кадетскій корпусъ или въ училище Правовѣдѣнія при своемъ отъѣздѣ, какъ думалъ. Но это была только отсрочка, чтобы подросъ. Черезъ годъ по пріѣздѣ въ провинцію, сынъ сталъ просить, чтобы его отдали въ гимназію, потому что веселѣе учиться съ другими, чѣмъ одному. Отецъ не согласился, а сказалъ, что еще черезъ годъ все таки надобно будетъ отправить Бориса въ корпусъ. Борянка приготовился къ отпору. Онъ учился хорошо; но когда начались сборы къ отправленію въ корпусъ, онъ сказалъ, что посылать его нельзя, онъ не выдержитъ экзамена. — „Какъ такъ?“ — „Такъ, не выдержу“. — „Экзамень легкій“. — „Никакого не выдержу“. — „Не выдержишь въ 3-ій общій классъ, поступишь во 2-й“. — „Ни въ какой классъ не выдержу“. — „Какъ?“ — „Такъ“. И пояснилъ, какъ такъ: мать сказала ему по французски, что отецъ разсердится, что шутить нельзя.—„Я не понимаю, мамаша; скажите по русски, я позабылъ“.—Отецъ разсердился и порядкомъ поучилъ его. Но Борянка все позабылъ: и географію позабылъ, когда на другой день пришелъ учитель, и грамматику позабылъ; готовился даже забыть умѣть читать. Отецъ раза два вбивалъ ему память чубукомъ; не вбилъ, только притупилъ. Послѣ третьяго раза Борянка сказалъ: „вы видите, папаша, побои не помогаютъ мнѣ, а только дѣлаютъ мученье: такъ вы не мучьте меня, или я уйду“. — „Куда?“ — „Куда нибудь“.—Константинъ Григорычъ побилъ его еще побольше, и заперъ, сказавши: „выпущу, когда попросишься“. День прошелъ, другой день прошелъ—Борянка не просится, чтобы его выпустили. Прошла недѣля: тоже. Отецъ увидѣлъ, что дѣло

доходить до слишкомъ большой глупости; да и мать просила; отецъ сказалъ ей: „ступай выпусти“. — „Пойдемъ, Боринька, папаша простилъ“. — Боринька поблагодарилъ мамашу и сказалъ: „вы, мамаша, не огорчайтесь, о томъ я васъ попрошу“. — „О чемъ?“ — „Оставьте меня тутъ еще“. — „Зачѣмъ?“ — „Потому, что это мнѣ ничего; только скучно, а я могу терпѣть“. — Отецъ развелъ руками. — „Пусть сидитъ“ — Боринька просидѣлъ еще дня три, уже съ незапертою дверью, но не соблазнился выйти. „Довольно“, — сказала мать: „видимъ, что ты можешь терпѣть“. — „Когда увидѣли, такъ покорно благодарю, мамаша, потому что мнѣ было очень скучно“. — Конечно, сердясь на сына, отецъ отчасти и былъ доволенъ такими его геройствами, думая: „въ меня! молодецъ!“ — и послѣ нѣсколькихъ подобныхъ столкновений, въ которыхъ сынъ держалъ себя точно также, Константинъ Григорьичъ отпустилъ его въ университетъ, чему не повѣрилъ бы, еслибъ предсказали ему это года за три. — Это я слышалъ впоследствии отъ матери Бориса Константиныча; а изъ того, что слышалъ въ началѣ знакомства съ нимъ отъ Ильи Никитича, стоитъ разсказать еще о двухъ прѣздахъ сына къ родителямъ въ деревню на каникулы.

Понятно, что Константинъ Григорьичъ, чрезвычайно тяжелый въ семействѣ, не церемонился ни съ прислугою, ни съ мужиками, на резидированіе между которыми удалился года черезъ полтора послѣ отъѣзда сына въ университетъ. Когда сынъ на слѣдующее лѣто прѣхалъ въ деревню, опъ въ первый разъ просидѣлъ за столомъ смирно, только поглядывалъ на отца, ругавшаго неуклюжую прислугу, которая замѣнила въ домѣ небогатаго помѣщика прежнюю благовидную и расторопную прислугу губернатора; но на другой день сказалъ, что обѣдать будетъ одинъ, у себя въ комнатѣ. „Почему?“ спросила мать. — „Если батюшкѣ будетъ угодно, я скажу ему; это относится къ нему“. — Отецъ позвалъ его. Пошли объясненія; тянулись недѣлю, безъ успѣха; сынъ уѣхалъ въ сосѣдній городъ; черезъ двѣ—три недѣли возвратился и отецъ въ остальное время каникулъ сдерживалъ себя, не дрался и не ругался. — На слѣдующее лѣто, сынъ хотѣлъ было идти дальше, облегчить положеніе матери, которую отецъ мучилъ своими капризами; но тутъ не могъ сдѣлать ничего, потому что мать слишкомъ любила мужа, сама очень мѣшала сыну, ежеминутно поддавалась мужу и упрощала сына не вступаться за нее. — Онъ долженъ былъ бросить начатое. Но, разумѣется, и отецъ давно ужъ бросилъ мысль вмѣшиваться въ дѣла сына, чувствовалъ себя при немъ стѣпеннымъ, но и гордился имъ, видя въ немъ свой портретъ.

По окончаніи курса, Борисъ Константинычъ еще года полтора бралъ отъ своихъ деньги на свое содержаніе; небольшія деньги, потому что при своемъ небогатомъ помѣстьѣ отецъ хоть и жилъ вообще очень скромно, но любилъ играть роль и иногда давалъ обѣды съ виномъ изъ Петербурга; да и самъ Борисъ Константинычъ не хотѣлъ брать много: ему довольно было 500 р. въ годъ. Выдержавъ экзаменъ на магистра и поступивъ на службу, онъ отказался отъ всякаго пособія со стороны родныхъ.

Вотъ каковъ былъ характерецъ моего новаго знакомаго: смирный, скромный, задумчивый, будто печальный, будто холодный, — все обдумывающій

впередъ, на всякія замѣчанія отвѣчающій: „я знаю“, дѣлающій все по зрѣломъ размышленіи, но воплощеннѣйшій упрямецъ, какой только бывалъ на свѣтѣ; ко всему этому—съ какой стати?—присоединяющій очень большую заинтересованность своимъ туалетомъ, пристрастіе къ изяществу до заботливости о наряжаніи всѣхъ знакомыхъ дамъ. Я уже говорилъ, что если бы изображалъ выдуманное лицо, никакъ не вздумалъ бы, что эта черта можетъ быть совмѣщена съ остальнымъ характеромъ его фізіономіи; но чѣмъ больше узнавалъ я Бориса Константиныча, тѣмъ больше видѣлъ, что это у него не одинокая черта, что во всемъ въ жизни проявляется у него сильная склонность, соответствующая страсти разсуждать о фасонѣ рукавовъ и волановъ: изящество, изящество во всемъ.—Въ какихъ комнатахъ приходилось ему жить при началѣ нашего знакомства, это скоро будетъ разсказываться: въ плохихъ, даже очень; но онъ украшалъ свою жалкую комнату очень изящною бронзовою статуэткою, изображавшею Рашель,—статуэткою, пережившею все другое его имущество. Мы съ Ильею Никитичемъ смѣялись сквозь тоску передъ разлукою съ Борисомъ Константинычемъ, пересчитывая списокъ вещей, которыя онъ бралъ съ собою въ дорогу. Ему, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, неудобно было самому заняться покупкою вещей для своего отъѣзда, и онъ поручилъ сдѣлать это Ильѣ Никитичу. Всего, всѣхъ вещей на очень, очень дальнюю дорогу онъ хотѣлъ имѣть только рублей на 60, 70,—а въ это время у него были деньги; но онъ скупился и справедливо; обрѣзывалъ свои надобности до послѣдней возможности. Я въ своемъ Плюшкинскомъ халатѣ, удивлялся скудности списка и говорилъ: Ильа Никитичъ, необходимо купить нѣсколько паръ теплыхъ чулокъ, фланелевую рубашку,—я набиралъ много такихъ необходимостей, пропущенныхъ въ списокъ. „Хуже васъ я знаю, что это было бы необходимо,—отвѣчалъ Ильа Никитичъ:—да вѣдь онъ не возьметъ, броситъ; вы знаете, каковъ этотъ юноша,—скажетъ: когда я нашелъ ненужнымъ, то не нужно“.—„Правда“, сказалъ я. За то, тѣ немногія вещи, которыя онъ хотѣлъ имѣть, онъ описывалъ въ подробности, чтобы купить ему ихъ именно такого сорта, какой ему нуженъ, и совершенно особеннаго сорта. Ручку для стальныхъ перьевъ онъ предписывалъ купить рѣзную изъ красного коралла; почтовую бумагу—соломеннаго цвѣта; стальные перья—непремѣнно въ тишенной гуттаперчевой коробчкѣ. Коротко сказать: половина вещей казалась взята изъ кабинета свѣтскаго капризника, другая половина—съ туалетнаго стола свѣтской дѣвушки. Но верхъ совершенства составлялъ портфель. Борисъ Константинычъ велѣлъ купить его непремѣнно въ англійскомъ магазинѣ и очень отчетливо изображалъ длинную его характеристику. Замѣчательнѣйшею частью портфеля былъ замочекъ, —точно, совершенно особенный: въ среднѣй восьми-угольной стальной дамаскированной пластинки лежащее колесо съ зубчиками; оно повертывается—и портфель запертъ; если хотите запереть еще безусловно, оно повертывается другимъ манеромъ, и тогда сплмается съ восьми-угольной пластинки и кладется въ карманъ; а на томъ мѣстѣ, гдѣ оно было, на пластинкѣ вырѣзаны арабески: очень, очень мило. — Но всего этого изящества было, какъ я сказалъ, на 60, 70 рублей. Это былъ списокъ вещей спартака, имѣющаго склонности графа Д'Орее. Онъ бралъ съ собою нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ Шекспира. Ильа

Никитичъ нашелъ очень красивое изданіе, въ прелестномъ англійскомъ переплетѣ; Борисъ Константинычъ, не рассчитывавшій на подобную удачу, восхитился ею, и нѣсколько минутъ Илья Никитичъ не могъ отвязаться отъ его похвалъ за такого Шекспира.

Мнѣ не случилось слышать, какъ Борисъ Константинычъ говоритъ по-французски, потому что по неспособности моей внимать какіе бы то ни было звуки, кромѣ отечественныхъ, всѣ дванадесять языковъ бѣгутъ моего присутствія. (Прискорбна мнѣ мысль, что я не могъ дѣйствовать въ 1812 году, по своей нерожденности тогда: Россія избавилась бы отъ нашествія, поставивъ меня на границѣ). Но Борисъ Константинычъ часто говорилъ мнѣ, что будетъ писать по-французски, для европейской публики; изъ этого я заключилъ, что онъ очень хорошо знаетъ французскій языкъ; — что жъ особеннаго, получилъ свѣтское воспитаніе. Однако жъ, мнѣ пришлось быть озадаченнымъ отъ него и по этой части, когда онъ принесъ мнѣ главу изъ романа, который писалъ по-французски. Читаю и разѣваю ротъ: едва ли найдется во Франціи десятокъ писателей, которые такъ свободно и энергично владѣютъ французскимъ языкомъ; сжатость, сила, легкость—удивительныя; рѣшительно, первоклассный французскій писатель по слогу. — Какъ это онъ умудрился?—Оказалось, что это одна изъ величайшихъ его амбицій, совершенство во французскомъ языкѣ, и онъ Богъ знаетъ сколько упражнялся, чтобы достичь этого таланта. „Это очень изящный языкъ, и составляетъ мою страсть“, пояснилъ онъ.

*) Я увѣренъ, что величайшее изъ его честныхъ прискорбій состояло и продолжаетъ состоять въ томъ, что онъ не красавецъ.

Если было въ немъ еще что нибудь особенное, кромѣ страсти къ изяществу при страшномъ упрямствѣ, пусть постепенно высказывается изъ разсказа о его приключеніяхъ, какъ высказывалось для меня этими приключеніями. Но въ первое время моего знакомства съ нимъ, сущность вопроса о Борисѣ Константиновичѣ состояла именно въ его изящности при упрямомъ намѣреніи бросить службу, „чтобы не испортиться“.

VI.

Какъ устранивается матеріальный бытъ Бориса Константиныча по выходѣ его въ отставку. Причемъ твердостью воли Бориса Константиныча рѣшается восточный вопросъ.

Жилъ онъ очень скромно; и одѣвался скромно, хоть очень изящно; даже и скромное, все таки стоитъ денегъ; кромѣ того, онъ обзаводился изящными вещами. Поэтому у него не было ровно нисколько денегъ въ запасъ, а были, напротивъ, кое какіе небольшіе долги. Впрочемъ, и безъ слабости къ изяществу, трудно было бы ему въ 23 года составить себѣ капиталъ, когда до опредѣленія на службу онъ получалъ отъ родныхъ не больше 500 р., а, опредѣлившись на службу, отказался и отъ этого пособія. Спра-

*) Помѣтка на рукописи: 9 апрѣля.

шивалось теперь: чѣмъ же будетъ онъ жить, бросивъ службу, пока найдетъ себѣ литературную или другую работу?—Наличность его кассы могла продлить его земную жизнь на 2, на 3 недѣли. Что затѣмъ?—Если бы я нашелъ ему работу, было бы отлично. Но я одаренъ такимъ свойствомъ, что всегда очень подолгу не могъ найти работы для хорошихъ сотрудниковъ,—умѣнье распорядиться! Увидѣвъ, что отъ меня ждать нечего, Борисъ Константинычъ сталъ продавать свои вещи, распродалъ все въ нѣсколько дней, и все таки остался безъ денегъ;—узнавъ это потомъ, я спросилъ, какъ же онъ устроилъ, что продавъ вещей рублей на 300, остался все таки съ 25 рублями. „Я продалъ вещи, чтобы скорѣе расплатиться съ долгами“, сказалъ онъ.—Да почему жъ вамъ именно въ это время совершеннаго безденежья нужно было платить долги, которыхъ вы не сѣяли платить прежде?—„Прежде, у меня были вѣрные доходы, я былъ увѣренъ въ возможности расплатиться, когда потребуютъ. Оставаясь безъ доходовъ, я хотѣлъ расплатиться немедленно, потому что не зналъ, скоро ли будетъ потомъ у меня эта возможность“. Совершенно основательно.

*) Но за то онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ очень тѣсныхъ обстоятельствахъ, такъ что продалъ напоследокъ почти все свое бѣлье. На полсотни рублей онъ прожилъ мѣсяца четыре. Удалось ему помѣстить гдѣ то статейку, взять за нее рублей 30,—хватило еще мѣсяца на полтора. Потомъ опять нѣтъ ничего. Онъ очень сильно нуждался. Наконецъ, стали улыбаться ему двѣ перспективы: одна, педурная и вѣрная; другая очень хорошая, но слишкомъ невѣрная.—Русское Общество Пароходства и Торговли имѣло, тогда по крайней мѣрѣ вдвое больше управляющихъ, агентовъ, завѣдующихъ и всякихъ служащихъ, чѣмъ всѣ остальные торговли и пароходныя общества на свѣтѣ, взятыя вмѣстѣ; и особенно много у него было агентовъ на Востокѣ. Кто то изъ имѣвшихъ вліяніе въ этомъ обществѣ сказалъ Ильѣ Никитичу, что можетъ быть, достанетъ его родственнику мѣсто агента общества въ Бейрутѣ или Смирнѣ.—Борисъ Константинычъ приходилъ въ идиллическое восхищеніе отъ этой надежды: свѣтлое небо Востока,—полутропическая растительность—синее море,—онъ безпрестанно повторялъ стихи, неизвѣстно откуда взятые имъ (—ужъ не его ли собственные? только я не знаю, едва ли онъ писалъ стихи), но показавшіеся мнѣ дѣйствительно очень милыми:

... Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золота,
Убаюканный сладостнымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—

я буду сидѣть и мечтать,—ходить и мечтать, лежать и мечтать, прибавлялъ онъ, прочитавъ эти строки своимъ мелодическимъ, тихимъ голосомъ.—Онъ давно мечталъ о югѣ; онъ и прежде, все толковалъ,

*) Помѣтка на рукописи: 10 апрѣля. 11—13 не писалъ. 14 апрѣля.

что отправится на южный берегъ Крыма или Закавказье. А теперь — берегъ Сиріи или Малой Азіи, — какое же сравненіе? — восторгъ, восторгъ! — Мы съ Ильею Никитичемъ сочувствовали стихамъ о пурпурномъ солнцѣ, полосами золотящемъ лазурное море; но считали еще болѣе пріятнымъ обстоятельствомъ то, что за слушаніе сладостнаго пѣнія волны этого моря подѣ благовонною древесною тѣнью, благородное Русское Общество пароходства и торговли даетъ 4.000 р. въ годъ. — Борисъ Константинычъ сильно одобрялъ и эту карманную сторону перспективы, но плѣнялся собственно мечтательною частью ея. Однако же, плѣнительная перспектива была невѣрна, слишкомъ невѣрна. Мы съ Ильею Никитичемъ перешли отъ сомнѣнія къ полному безвѣрію въ нее; а Борисъ Константинычъ все еще мечталъ и изъ за этого ожиданія, не слушая нашихъ настояній, медлилъ согласіемъ на другую, немечтательную, но все таки очень хорошую вещь, шедшую къ нему въ руки: уроки географіи, статистики и еще чего то въ заведеніи спекулянта, готовившаго мальчиковъ и юношей къ выдерживанію вступительныхъ экзаменовъ во всякія учебныя заведенія отъ корпуса до университета. Плата за урокъ была хорошая, 2 р. въ часъ, — спекулянтъ былъ такой молодецъ, что понималъ свою выгоду въ запусканіи пыли въ глаза родителямъ даже и высотой платы учителямъ: значить, отлично; уроковъ было много, до 15 часовъ въ недѣлю, такъ что годовой бюджетъ образовался слишкомъ въ 1.000 рублей. — „Берите скорѣе, онъ не можетъ долго ухаживать за вашимъ магистерствомъ; онъ же самъ говоритъ вамъ это, — ему нельзя ждать“, — твердили мы, — и въ заключеніе убѣжденій Ильи Никитичъ бранилъ Бориса Константиныча, ссылаясь на меня, что вотъ и посторонній человѣкъ, а тоже готовъ ругать. Онъ бранилъ бы своего кузена еще гораздо энергичнѣе, если бы мы тогда знали, что Борисъ Константинычъ въ это время, послѣ продажи зимняго пальто (дѣлю было въ началѣ весны), занимался продажей своего послѣдняго сюртука, — но тогда мы только знали, что у него вообще не должно быть денегъ, а до какой степени ихъ нѣтъ, мы и не подозрѣвали: онъ сохранялъ изящество своего фрака со всѣми принадлежностями, и кто же зналъ, что онъ рѣдко обѣдаетъ, когда у него были хорошія перчатки? — постысь, тайно отъ людей, какъ древніе отшельники, онъ все посылалъ мечтами по сосѣдству мѣстъ, означенныхъ ихъ подвижничествомъ, между Бейрутомъ и Смирною. Прошло два, три мѣсяца, слухи о Бейрутѣ и Смирнѣ давно заглохли совершенно, — очередь должна была доходить до галстуховъ, — Илья Никитичъ сказалъ однажды: „теперь, Борисъ, надѣюсь, скоро образумишься: перчатки то у тебя ужъ такія же какъ у меня. Вѣрно плохо становится“. — И точно, черезъ нѣсколько времени, пурпурное солнце и лазурное море задержались туманомъ даже отъ глазъ Бориса Константиныча; онъ отправился къ спекулянту и взялъ уроки.

— Экій ты счастливецъ, Борисъ, сказалъ Илья Никитичъ: — всякій другой на твоёмъ мѣстѣ нашелъ бы уроки ужъ отданными; — удивительно! — за безразсудныхъ счастье!

Похваливъ его за благоразуміе, которое онъ, наконецъ, оказалъ, я сталъ подсмѣиваться надъ нимъ. — Какая жъ въ васъ послѣдовательность, Борисъ Константинычъ? Не хотите читать лекцій въ университетѣ, потому что не можете читать сообразно съ вашими убѣжденіями, а преподавать Географію

Ободовскаго и Статистику Горлова—беретесь;—вѣроятно, эти книги совершенно соотвѣтствуютъ вашимъ убѣжденіямъ?

До сихъ поръ я остерегался высказывать такое мнѣніе,—пожалуй, наведи только на мысль, онъ и въ самомъ дѣлѣ брякнетъ: „да, это безчестно, и я не сдѣлаю этого“;—но теперь, онъ взялся, значитъ, ужъ останется при своемъ,—но только я напрасно думалъ, что мое замѣчаніе могло бы навесить его на мысль; онъ давно это обдумалъ, и съ самымъ серьезнымъ видомъ возразилъ мнѣ:

— На поверхностный взглядъ это можетъ казаться непослѣдовательностью: я согласенъ. Но я вдумался въ этотъ вопросъ глубже. Двѣ вещи, которыя вы сопоставили, совершенно различны. Вступая на кафедру, я беру на себя обязанность излагать науку, какъ я ее понимаю. Правда ли?

— Такъ.

— А здѣсь, что я обязываюсь дѣлать? Приготовлять къ экзамену. Я не берусь сообщать моего взгляда, отъ меня требуютъ только сообщенія извѣстнаго количества фактовъ.—Тамъ, если я берусь за дѣло, я обязанъ развивать человѣка въ человѣкѣ. Здѣсь я только обязываюсь приготовить мальчика къ исполненію извѣстной формальности, въ которой, впрочемъ, нѣтъ ничего дурного, исполненіе которой, напротивъ, полезно для него. Поймите, что, находя при данной обстановкѣ невозможнымъ исполненіе одной изъ этихъ вещей, я могу исполнять другую, которая не имѣетъ ничего общаго съ нею.

— Понимаю,—сказалъ я.—Вы правы, и съ мѣсяць хохоталъ надъ нимъ, говоря: ну-ко, объясните еще разъ.

А вѣдь, пожалуй, онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ правъ. Вотъ это долго затрудняло меня: почему всегда говоришь ему: „оно, пожалуй, и такъ; если хотите, вы правъ“,—и въ то же время хохочешь надъ нимъ: почему нѣтъ возможности ни оспорить его, ни чувствовать, что онъ разсуждаетъ дѣльно?—Но потомъ мнѣ показалось, что я понялъ, отчего это: онъ возводитъ каждый свой личный вопросъ къ общимъ принципамъ, противъ которыхъ никто не спорить; и съ этой высоты, тянетъ логическую нитку до своего уголка, чего не дѣлаетъ никто изъ разсудительныхъ людей. Онъ серьезно принимаетъ за норму дѣйствій то, что для всѣхъ насъ игра словъ. Кто станетъ спорить противъ того, что надобно добросовѣстно исполнять принимаемую на себя обязанность?—Борисъ Константиновичъ и изречетъ вамъ эту истину; вы, по оплошности, скажете: „да, я согласенъ съ этимъ“,—думая: экая важность!—а онъ изъ этого и выведетъ вамъ такую штуку, что ему надобно выйти въ отставку, или нельзя искать мѣста профессора. А выводъ правиленъ. Вотъ почему видишь, что результатъ нелѣпъ, смѣешься, а опровергнуть не можешь.

Итакъ, надобно было согласиться, что Борисъ Константиновичъ поступаетъ совершенно основательно въ томъ, что беретъ на себя скучное и въ сущности глупое дѣло—приготовленіе мальчиковъ къ экзамену,—дѣло, которое не хуже его можетъ исполнять каждый встрѣчный грамотный юноша,—и находить противнымъ своей совѣсти браться за дѣло очень важное и полезное, на которое и у насъ и вездѣ очень мало людей вполне способныхъ, и къ которому онъ способенъ, какъ очень немногіе изъ этого малаго

числа. Но только что порѣшилиъ этотъ вопросъ съ такою основательностью, какъ вышла новая комиссія.

Черезъ недѣлю послѣ основательнаго рѣшенія этого вопроса, человѣкъ, вліятельный въ Русскомъ Обществѣ Пароходства и Торговли, пріѣхалъ къ Ильѣ Никитичу и сказалъ, что мѣсто агента готово, устроено, пусть Борисъ Константиновичъ собирается въ Бейрутъ. — Ильѣ Никитичъ отправился сообщить ему это пріятное извѣстіе. Лицо Бориса Константиновича отуманилось и онъ глубоко вздохнулъ. — „Что ты, Борисъ?“ — „Какъ это жаль! какъ это жаль! въ прискорбіи повторялъ Борисъ Константиновичъ“. — „Чего жаль?“ — „Того, что это мѣсто погибло“. — „Какъ погибло?“ — Онъ объяснилъ Ильѣ Никитичу, какъ погибло, — разумѣется, очень основательно; и потомъ повторилъ тотъ же аргументъ мнѣ, съ тѣмъ же прискорбіемъ. — Онъ, изволите видѣть, далъ слово содержанию паціона, принявъ на себя обязательство и не хорошо черезъ недѣлю отказаться, — это значило бы играть договорами. — „Да послушай, Борисъ: вѣдь онъ ничего не потеряетъ отъ твоего отказа и не потерпитъ никакого затрудненія отъ этого; вѣдь легко найти на твое мѣсто хоть сто человѣкъ, изъ которыхъ каждый будетъ отличнымъ преподавателемъ, — ты только сдѣлаешь услугу кому нибудь изъ твоихъ друзей, передавъ ему эти уроки. Такъ ли?“ — „Конечно, такъ; но ты, Ильѣ Никитичъ, смотришь только на одну сторону дѣла; тутъ есть болѣе важное соображеніе, общій принципъ. Принято обязательство; оно справедливо, оно выгодно для обязавшагося; если бы оно было невыгодно для него, онъ имѣлъ бы право отказаться, хотя въ этомъ случаѣ показалъ бы себя человѣкомъ непостояннымъ, каковъ я не хочу казаться; но это обязательство даже нельзя назвать невыгоднымъ для обязавшагося. Можетъ ли человѣкъ отказываться отъ обязательства, когда оно выгодно для него, только потому, что измѣнивъ обязательству, онъ получитъ больше выгоды? Если можетъ, исчезаетъ всякая обязательность договоровъ, подрывается основаніе связей между людьми“...

*) Ильѣ Никитичъ не дослушалъ, съ сердцемъ ушелъ. — Оспаривая намѣренія Бориса Константиновича въ разговорахъ съ нимъ, я обыкновенно защищалъ ихъ безъ него, въ разговорахъ о немъ съ Ильею Никитичемъ. Но тутъ и я спасовалъ: это ужъ дѣйствительно походило на мономанію, которую нельзя защищать и за глаза.

Послѣ того Борисъ Константиновичъ опять принялся читать стихи о пурпурномъ солнцѣ и лазурномъ морѣ, и съ мѣсяцъ читалъ ихъ, очень печальнымъ голосомъ. Видно было, что жертва, такъ глупо принесенная имъ въ удовольствіе его мономаніи, была тяжела для него.

V.

Устроивъ свои дѣла, Борисъ Константиновичъ начинаетъ заботиться объ устройствѣ чужихъ дѣлъ по тѣмъ же неоспоримо прекраснымъ принципамъ.

Вотъ, такимъ образомъ, Борисъ Константиновичъ устроилъ свои дѣла: по смѣшной фантазіи, бросилъ службу, которая общала ему очень хоро-

*) Помѣтка въ рукописи: 15 апрѣля.

шую карьеру, и на которой онъ, при своей твердости и честности, былъ бы полезенъ; по фантазіи, еще болѣе смѣшной, не захотѣлъ вступить на другую дорогу, тоже недурную въ матеріальномъ отношеніи, — дорогу самую чистую, благородную, на которой онъ былъ бы: — уже мало сказать, полезенъ, должно сказать: чрезвычайно полезенъ; по фантазіи, уже превышающей всякую мѣру смѣшного, отказался отъ мѣста, стремленіемъ къ которому пылалъ; довольно долго — рѣшительно только по своей дикой фантазіи, подвергалъ себя тяжелой нуждѣ; теперь, наконецъ, имѣлъ порядочное пропитаніе, но безъ всякой перспективы чего нибудь сноснаго въ будущемъ.

Если такой человѣкъ, какъ Илья Никитичъ, выходилъ изъ терпѣнія, глядя на него, то ужъ разумѣется, онъ совершенно уронилъ себя во мнѣніи всѣхъ остальныхъ своихъ родственниковъ и свѣтскихъ знакомыхъ. — У него было прекрасное положеніе въ обществѣ, у него были превосходныя надежды въ будущемъ, — то есть, еще недавно, и онъ былъ тогда прекрасный молодой человѣкъ, котораго всякое почтенное семейство принимало хорошо, котораго считали за недурнаго жениха даже въ семействахъ очень высокаго круга, недалекаго отъ аристократіи. Ему угодно было, ровно безъ всякой надобности, обратиться въ человѣка ничтожнаго, на котораго всѣ благо-разумные люди смотрѣли съ чувствомъ презрительнаго состраданія къ его помѣшательству и подозрительнаго отвращенія къ его „дурнымъ правиламъ“.

И я не скажу, что его родные и свѣтскіе знакомые были не правы. Безразсудство, дикое безразсудство — иначе нельзя было назвать того, что онъ сочинилъ надъ собою. Я полюбилъ его, потому что это безразсудство пронесло изъ благородныхъ мотивовъ; я уважалъ его, потому что видѣлъ въ немъ и твердость воли, и силу ума, и возвышенность стремленій; но — но все таки я смотрѣлъ на него съ соболѣзнованіемъ, какъ на человѣка экзальтированнаго до нелѣпости, нелѣпости гибельной ему и безплодной.

Только ли ему гибельной, только ли безплодной? — Нѣтъ, я долженъ былъ соглашаться, когда Илья Никитичъ предсказывалъ ему, что онъ, съ своими благородными мыслями, чистыми намѣреніями, великолѣпными усиліями, будетъ дѣлать путаницу, вредную и для другихъ. — потому что въ обществѣ человѣкъ не можетъ губить себя одиноко, — губя себя, онъ вовлекаетъ въ гибель и другихъ. Люди въ обществѣ стоятъ такъ близко другъ къ другу, что никто не можетъ наносить себѣ ранъ, не задѣвая своимъ кинжаломъ и другихъ; Илья Никитичъ говорилъ ему это серьезно и сурово, съ досадою любви, потому что тоже любилъ его; я весело и шутливо, съ обыкновеннымъ своимъ балагурствомъ. Онъ принималъ и упреки Ильи Никитича и мои шутки съ одинаково снисходительною, спокойною, грустною улыбкой, очень живо высказывавшею намъ его мнѣніе о нашихъ мысляхъ и о людяхъ, имѣющихъ такія мысли, — эта тихая, грустная улыбка была еще яснѣе его словъ, а и слова его были достаточно ясны: „Я смѣшонъ вамъ, говорилъ онъ, но почему знать, — быть можетъ, вы жалки мнѣ, — болѣе, чѣмъ жалки. Въ васъ нѣтъ преданности истинѣ. Вы такъ же знаете ее, какъ я, — въ томъ же видѣ, — вы видите ее, но вы не любите ее: вы убѣждены въ ней, — но вы не хотите примѣнять ее къ жизни. Я хочу и буду дѣйствовать по убѣжденіямъ“.

*) Холодность, съ которою говорилъ онъ это, всего больше пугала насъ. Ясно было, что всѣ его дикія выходки представляются ему вещами совершенно обыкновенными,—что онъ дѣлалъ ихъ безъ всякаго колебанія и даже безъ особеннаго усилія, что его мономанія овладѣла всею его натурою, и онъ разсуждаетъ о ней, поступаетъ по ней такъ же инстинктивно, легко, машинально, какъ мы киваемъ головою при встрѣчѣ съ знакомыми, говоримъ „здравствуйте“ и „каково ваше здоровье“.—Не было никакого сомнѣнія, что онъ настроить много бѣдъ;—и не себѣ одному, потому что, какъ всѣ фанатики, онъ любилъ впутываться въ чужія дѣла,—не оставаться зрителемъ, а становиться совѣтникомъ, не оставаться совѣтникомъ, а становиться дѣйствующимъ лицомъ.

Само собою, что наши ожиданія не замедлили оправдаться; еще бы не оправдаться!

Прошло съ годъ—поменьше—послѣ того, какъ я познакомился съ Борисомъ Константинычемъ, мѣсяца три послѣ того, какъ онъ потерялъ Малую Азію. Эта рана уже зажила въ его душѣ; я ужъ не слышалъ отъ него стиховъ о пурпурномъ солнцѣ и лазурномъ морѣ съ глубокими вздохами.—Однажды, я зашелъ къ нему съ очень пріятнымъ извѣстіемъ, что отыскалась ему литературная работа: одинъ изъ моихъ знакомыхъ вздумалъ издать переводъ „Исторіи Греціи“ Грота: одну половину перевода онъ рассчитывалъ сдѣлать самъ,—спросилъ у меня, не имѣю ли я знающаго человека для перевода другой половины; я назвалъ Бориса Константиныча, мой знакомый поручилъ мнѣ переговорить съ нимъ.—„Къ досадѣ, я не могу взять эту работу“.—„Почему же?“—„Я предвижу въ моей жизни приближеніе катастрофы,—очень счастливой, но измѣняющей весь характеръ моей жизни“.—„Можно спросить, что такое?“ спросилъ я.—„Нѣтъ, это тайна“, отвѣчалъ онъ.

Недѣли черезъ полторы, двѣ, я засталъ Бориса Константиныча запечатывающимъ письмо.—„Въ этомъ письмѣ—катастрофа, на которую я намекалъ вамъ“, сказалъ онъ, опуская письмо въ карманъ пальто.—„Можно узнать, въ чемъ она состоитъ?“—„Еще нѣтъ. Завтра все будетъ рѣшено, и тогда будетъ видно всѣмъ“, прибавилъ онъ съ пафосомъ и торжественнымъ довольствомъ,—состояніе, котораго онъ никогда не обнаруживалъ прежде: видно было, что дѣло слишкомъ важно для него, если онъ не можетъ не дать высказаться нѣкоторому волненію.—Я сталъ говорить о дѣлѣ, по которому зашелъ, о переводѣ Грота, что еще съ недѣлю можно подождать отвѣта, чтобъ онъ подумалъ. Онъ слушалъ плохо; когда я всталъ, и онъ взялъ шляпу, — „пойдемъ вмѣстѣ“, — увидѣвъ выѣску приѣма городской почты, сказалъ: „вотъ, я только сюда. До свиданья“, но пожимая мнѣ руку при прощаньи, опять поддался чувству и произнесъ: „Какъ счастливъ тотъ, кто встрѣтитъ и полюбитъ женщину съ высокою душою“.—„Конечно, счастливъ, шутя отвѣчалъ я, при двухъ условіяхъ: если онъ самъ человекъ съ высокою душою и если женщина съ высокою душою тоже полюбитъ его“.—„Это разумѣется само собою“, серьезно отвѣчалъ онъ.—„И еще третье

*) Помѣтка въ рукописи: 26 июля.

условіе, дополнилъ я: если у этихъ любящихся людей съ высокими душами есть деньги“.—Онъ улыбаулся съ снисходительнымъ состраданіемъ къ пошлости моихъ понятій; не отвѣчая на третье условіе, сказалъ „до свиданья“ и пошелъ въ лавочку отдавать катастрофу на городскую почту.

Ясно: возвышенная любовь съ безденежемъ. Несчастная! загубить онъ ея судьбу, подумалъ я: а вѣроятно, порядочная женщина.—И я покачалъ головою.

VI.

Лица, соучаствующія въ катастрофѣ.

Почти всѣ свѣтскіе знакомые Бориса Константиныча стали холодно смотрѣть на него, когда онъ устроилъ свою карьеру по своимъ воззрѣніямъ, и почти всѣ родные вознегодовали на него; а онъ, разумѣется, пересталъ бывать у презрѣвшихъ и вознегодовавшихъ. Но было одно семейство, занимавшее средину между родными и знакомыми, въ которомъ онъ не замѣчалъ ни пренебреженія, ни негодованія, — которос, напротивъ, принимало его съ полною привѣтливостію, съ уваженіемъ, какъ прежде.—Онъ привыкъ часто проводить вечера въ свѣтскомъ обществѣ. Теперь ему негдѣ было проводить такіе вечера, какъ только въ этомъ домѣ. Онъ сталъ частымъ гостемъ людей, съ которыми прежде не былъ близокъ.

Эти полу-родственники, полу-просто знакомые были вотъ въ какомъ родствѣ съ нимъ. Сестра Ильи Никитича, то есть двоюродная сестра Бориса Константиновича, была за полковникомъ Чекмазовымъ, который служилъ въ провинціи; а братъ полковника, Андрей Федоровичъ Чекмазовъ, тоже человѣкъ женатый, служилъ въ одномъ изъ министерствъ. Жену Андрея Федорыча звали Серафима Антоновна. Они были люди молодые, — свадьба ихъ была года за два, за три передъ тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю. Вотъ они то остались въ хорошихъ отношеніяхъ съ Борисомъ Константинычемъ, одни изъ родныхъ, если могли назваться родными. Въ строгомъ смыслѣ слова, конечно, не могли: братъ человѣка, женатаго на двоюродной сестрѣ вашей—это уже не то, что по петербургски, а и по провинціальному чужой человѣкъ вамъ. Но Борисъ Константинычъ и Андрей Федорычъ говорили другъ другу „ты“, по родственному, а Серафима Антоновна звала Бориса Константиныча кузеномъ.

То, что они остались дружны съ Борисомъ Константинычемъ, ужъ много говоритъ въ ихъ пользу. И точно, Андрей Федорычъ очень цѣнилъ Бориса Константиныча, потому что умѣлъ цѣнить всякаго, и умѣлъ видѣть, какую пользу можетъ извлечь изъ всякаго. Онъ былъ мастеръ хорошо держать себя съ людьми и служилъ очень хорошо. Ему не было еще 30 лѣтъ, онъ не имѣлъ ни блестящихъ способностей, ни особенной учености; но все таки былъ, а еще больше считался, однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей въ своемъ министерствѣ и очень дѣльнымъ составителемъ всѣхъ важныхъ бумагъ по своему министерству, особенно, ученыхъ, административныхъ и законодательныхъ записокъ и проектовъ. Репутація его была тѣмъ тверже, чѣмъ выше былъ

кругъ, судившій о немъ. Равные считали его только человѣкомъ, работающимъ усердно, быстро, складно, не дурно; непосредственные начальники—однимъ изъ лучшихъ работниковъ въ министерствѣ; а когда еще высшіе начальники говорили: „эту работу надобно поручить самому дѣльному человѣку; кому вы поручите“,—то у подчиненнаго начальника постоянно подвертывалась на мысль именно фамилія Чекмазова; такъ что самое высшее начальство знало его за самаго лучшаго изъ лучшихъ дѣльцевъ, которымъ онъ былъ только равенъ во мнѣніи людей, дававшихъ ему своими рекомендаціями первенство надъ другими. Это не было слѣдствіемъ пристрастія или интригъ: фамилія Чекмазова произносила передъ высшимъ начальствомъ потому, что онъ былъ, если не даровитѣ всѣхъ, если не дѣльнѣе всѣхъ,—за то, благонадежнѣе всѣхъ; онъ не зарвется въ дѣло такъ, чтобъ отъ этого дѣло замедлилось,—онъ углубляется въ него лишь на столько, на сколько дозволяетъ срокъ, и всегда приготовитъ работу къ сроку; онъ не зарвется въ дѣло такъ, чтобы дѣло разстроилось отъ этого,—онъ въ запискѣ или проектѣ проведетъ, правда, свой взглядъ добросовѣстно, но лишь на столько, на сколько это требуется сущностью предположенной мѣры. Онъ отличный исполнитель, и только; другіе больше или меньше, самостоятельные работники,—онъ только исполнитель и если порученное ему дѣло никакъ не улучшится въ его рукахъ, за то оно идетъ въ его рукахъ совершенно такъ, какъ предположено повести его. Такихъ исполнителей было много для текущихъ, формальныхъ, машинныхъ дѣлъ; но для дѣлъ важныхъ, онъ былъ одинъ,—онъ одинъ имѣлъ требуемую для нихъ обширность образованія. Онъ былъ единственный настоящій чиновникъ между учеными людьми, служившими въ министерствѣ, единственный ученый человѣкъ между настоящими чиновниками; потому онъ шелъ впередъ быстро, и его подвигали впередъ не по личнымъ пристрастіямъ, а потому, что онъ дѣйствительно былъ пригоднѣе всѣхъ. Тогда онъ ждалъ себѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника,—теперь ужъ получилъ и безъ сомнѣнія поднимется по должностямъ довольно высоко,—выше сослуживцевъ болѣе его даровитыхъ; и нельзя сказать, что онъ обгоняетъ ихъ не по достоинству.—Есть люди, которые умѣютъ распоряжаться своими способностями съ искусствомъ, съ какимъ отличный хозяинъ небольшого помѣстья распоряжается своимъ помѣстьемъ: средства не велики, но ничто у него не лежитъ даромъ, ничто не тратится на излишніе затѣи, ничто не пропадаетъ—и смотришь, онъ получаетъ съ своего помѣстья больше дохода, чѣмъ другой съ помѣстья вдвое, втрое большаго.

*) Какъ умѣлъ онъ пользоваться своими способностями, такъ онъ пользовался и всѣмъ, и всѣми, между прочимъ и знакомствами и знакомыми. Онъ любилъ заводить знакомства, поддерживать ихъ, не манкировалъ ни передъ однимъ знакомымъ, и въ каждомъ умѣлъ найти что нибудь пригодное для себя.—Такъ, онъ умѣлъ найти полезную для себя сторону и въ Борисѣ Константиновичѣ, изъ котораго, казалось бы, нельзя извлечь никакой служебной пользы. Служебное значеніе Андрея Федорыча основывалось на томъ, что онъ человѣкъ умный и ученый,—такихъ исполнительныхъ чиновниковъ, какъ онъ, очень много; но между ними въ его вѣдомствѣ нѣтъ никого, кромѣ него, имѣю-

*) Помѣтка въ рукописи; 16 апрѣля.

щаго репутацію чловѣка, стоящаго въ уровень съ современными учеными понятіями, а это очень хорошая вещь, и въ ней—основаніе необходимости, основаніе успѣховъ Андрея Федорыча. Чтобы поддерживать это свое значеніе, онъ старался держаться въ кругу ученыхъ и умныхъ людей. Онъ бывалъ у очень многихъ изъ нихъ. И у него бывали нѣкоторые профессора, кое какіе литераторы, кое какіе артисты; это много помогало его карьерѣ. А Борисъ Константинычъ былъ очень пригоденъ, чтобы составлять компанію имъ, даже служить нѣкоторою приманкою для нихъ. Онъ былъ въ этомъ отношеніи для Андрея Федорыча то же, что хорошій поваръ для чловѣка, основывающаго свою карьеру на гастрономическихъ наклонностяхъ людей. При Борисѣ Константинычѣ не могло быть ни пробѣловъ, ни вялости въ серьезномъ разговорѣ; его рѣзкіе парадоксы и давали темы для ученыхъ бесѣдъ и оживляли ихъ.—„Что вы никогда не заглянете къ Чекмазовымъ? вѣдь онъ же бываетъ у васъ“, говорилъ, случалось, одинъ умный чловѣкъ другому.—„Скучновато у него, я полагаю. Кто тамъ бываетъ?“—„Ну, разные. Алферьевъ бываетъ“.—„Ну, этотъ хорошъ. То есть, Илья“.—„Нѣтъ, Илья рѣдко; есть другой, Борисъ“.—„А, видалъ и этого. Значить, ничего. Заѣду какъ нибудь“.

Борисъ Константинычъ сталъ очень хорошимъ краеугольнымъ камнемъ кабинета ученыхъ и литературныхъ экземпляровъ коллекціи Андрея Федорыча. Но камень этотъ имѣлъ наклонность играть роль не въ одной геогнозѣ, минералогіи и другихъ ученыхъ собраніяхъ,—ему правилось быть и въ обществѣ ювелирныхъ вещей,—по просту говоря, онъ, проспѣвъ полчаса, часть въ ученой бесѣдѣ Андрея Федорыча, уходилъ въ гостиную къ дамамъ, разсуждать о браслетахъ, брошкахъ съ небольшою основательностью, чѣмъ объ Эрратическихъ камняхъ, по поводу которыхъ называлъ Агассиса шарлатаномъ и истреблялъ его теорію ледниковъ за то, что онъ пишетъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ духѣ плантаторовъ; въ кабинетѣ оставалась тема: „какъ? Агассисъ шарлатанъ? Какъ, будто вся его ученая репутація создавалась заимствованіемъ первыхъ юношескихъ трудовъ Карла Фохта. Будто Фохтъ такой первоклассный ученый“. Такихъ темъ Борисъ Константинычъ успѣвалъ задать десятокъ въ одинъ часъ, такъ что хватало до закуски. Были всякія темы, по вкусу всякому: и литературныя, и историческія, и юридическія. Конечно, было бы еще лучше, если бы Борисъ Константинычъ оставался въ кабинетѣ весь вечеръ; но Андрей Федорычъ, какъ чловѣкъ умный, зналъ, что нельзя же требовать отъ другого, чтобы онъ только служилъ намъ,—надобно поступать такъ осторожно, чтобы онъ и не замѣчалъ, что служить намъ, и поэтому Андрей Федорычъ не мѣшалъ Борису Константинычу отдаваться его стремленію въ гостиную, къ дамамъ. Необходимость этого вознагражденія за трудъ Андрей Федорычъ понималъ тѣмъ осязательнѣе, что и самъ еще недавно увлекался.

Конечно, увлекался, и до того, что сдѣлалъ огромную ошибку: рано жеңился, когда карьера только начиналась, когда былъ еще очень далекъ отъ близкаго теперь генеральства,—потому жеңился на дѣвушкѣ, не имѣвшей такого родства, въ какое могъ бы вступить онъ, если бы выбрать невѣсту теперь. Но,—чловѣкъ умный, Андрей Федорычъ зналъ мѣру и сожалѣнію объ ошибкѣ. Она была неисправима; слѣдовательно, нечего и раздумывать о ней. Андрей Федорычъ совершенно примирился съ тою мыслью, что жена его—

не болѣе, какъ Серафима Антоновна. И неосновательно было бы не примириться: недостатокъ важнаго родства,—конечно, недостатокъ, вознаграждаемый ничѣмъ; но насколько онъ можетъ вознаграждаться, онъ вознаграждался. Начать съ того, что Серафима Антоновна была женщина, на которую засматривались многіе, но такъ какъ ужъ впередъ ожидается, что именно она-то и есть „катастрофа“, занимающая собою Бориса Константиныча, то лучше всего и познакомиться съ нею изъ отношеній между нею и Борисомъ Константинычемъ.

VII.

Борисъ Константинычъ сочиняетъ „катастрофу“.

Прежде, когда Борисъ Константинычъ бывалъ во многихъ свѣтскихъ домахъ, Серафимъ Антоновнѣ доставалось мало вечеровъ проводить съ нимъ, и онъ не занимался ею. Теперь, когда исчезли другія знакомства, когда онъ сталъ бывать у Чекмазовыхъ чаще и чаще, онъ скоро сдѣлался другомъ Серафимы Антоновны, и вотъ дружба, какъ и водится, перешла въ любовь.

Когда бумаги Бориса Константиныча перешли на сохраненіе къ Ильѣ Никитичу, Ильа Никитичъ отдалъ ихъ мнѣ. Я нашелъ между ними нѣсколько тетрадокъ дневника. Борисъ Константинычъ начиналъ вести дневникъ раза три,—когда жизнь его бывала особенно занимательна для него. Первые листы второй серіи дневника заключаютъ въ себѣ исторію его любви къ Серафимѣ Антоновнѣ. Беру изъ нихъ нѣсколько отрывковъ. Вотъ самое начало:

„Я обращалъ слишкомъ мало вниманія на свою кузину С. Она женщина замѣчательнаго характера. Я убѣдился въ этомъ нынѣ. Я увидѣлъ у нихъ незнакомую даму, молодую, дурную собою, сухонарую, высокую, и спросилъ у Лизы, кто она. Лиза отвѣчала: „Линденфельсъ, институтская подруга сестры“.— „Почему жъ я не видѣлъ ея прежде у кузины?“ — „Прежде онѣ съ сестрою не бывали другъ у друга; теперь возобновили знакомство“.— „Почему жъ онѣ не бывали другъ у друга три года? И почему теперь возобновили знакомство?“— „Я не знаю; какая нибудь случайность“, сказала Лиза и перемѣнила разговоръ. Мнѣ показалось, что она знаетъ, но не считаетъ себя вправѣ сказать, и это заинтересовало меня. Я пошелъ къ Андрею Федорычу и спросилъ, кто такая Линденфельсъ. — „А ты не слышалъ? сказалъ онъ: романтическая исторія, надѣлавшая шума мѣсяць тому назадъ“. Я ничего не слышалъ: какъ страшно я отсталъ отъ свѣта! — „Нѣтъ, я не слышалъ; что такое?“ „Влюбилась въ негодяя, который, подкутивши у Луи, сталъ хвастаться связью съ нею, надѣлалъ другихъ подлостей,—конечно, все отвернулось отъ нея. Серафимъ стало жаль ея, и она, какъ видишь, захотѣла сдѣлать, что можетъ, чтобы развлечь и утѣшить ее. Мнѣ, признаюсь, это не совсѣмъ правится; но ты знаешь мое правило: жена не ребенокъ, ее нельзя водить на помочахъ. Да я и самъ, ты знаешь, защитникъ эмансипаціи женщинъ. Я говорилъ Серафимѣ; но она отвѣчала, что считаетъ это своею обязанностью; я не сталъ противорѣчить. Конечно, это даже и благородно, если хочешь“.

*) „Еще бы не благородно.—Осель!

„Почти весь вечеръ я присидѣлъ съ дамами, по обыкновенію. Баронесса Линденфельсъ мнѣ не понравилась, не смотря на свое несчастье: при голубыхъ лентахъ на платьѣ, зеленныя перчатки. Я простилъ бы это купчихѣ, провинціалкѣ; тамъ это еще ничего не доказываетъ, кромѣ недостатка возможности къ развитію вкуса; откройте эту возможность и — смотрите, что выйдетъ; раньше не судите. Но свѣтская дама—если она не понимаетъ, что одѣвается безъ вкуса, это значить она лишена смысла.—Лизою я тоже не совсѣмъ доволенъ: у ней есть вкусъ, даже очень тонкій; но она слишкомъ мало пользуется имъ. За то, ея сестра хорошо пользуется моими совѣтами: она была нынѣ одѣта какъ нельзя проще, но очень изящно.

(Дня черезъ четыре). Я опять встрѣтилъ у Ч. Линденфельсъ. „Я не могъ бы такъ долго и часто сидѣть съ этою госпожею“, сказалъ я кузинѣ С., „какъ вамъ не скучно съ нею?“—„Почему вы знаете, что мнѣ съ нею не скучно? Но“...—„Договаривайте же, кузина“.—„Мнѣ нечего договаривать“, сказала она.

(На другой день). Мы ѣздили съ кузиной С. въ магазинъ, какъ вчера условились. Нашъ разговоръ шелъ о туалетѣ. Но вдругъ она сказала: „У васъ грубое сердце, Борисъ“,—сказала это будто шутя, будто не давая значенія этимъ словамъ, — будто они служили только острою, отвѣчающею на мое замѣчаніе, что въ Петербургѣ меньше красивыхъ лицъ, нежели гдѣ нибудь. Но я понялъ, къ чему это относилось.—„Вы напоминаете мнѣ о Линденфельсъ, кузина?“—Кажется, ей было непріятно, что я угадалъ. Но она сдѣлала надъ собою усиліе и сказала: „Неужели, Борисъ, непростительно поскучать, для того, чтобы поддержать и утѣшить?“—Не непростительно, кузина, а, напротивъ, прекрасно. Но слишкомъ добродѣтельно. А вы знаете, я не люблю добродѣтели. Если бъ тутъ было хоть небольшое самолюбіе, кузина, все таки было бы лучше. Но чистая добродѣтель—это такъ скучно“.—„Почему жъ знать, что тутъ нѣтъ самолюбія? Вы такой скептикъ, Борисъ, что можете открыть его. Она все таки баронесса Линденфельсъ, а я не больше, какъ Чекомасова. Эта исторія забудется, Линденфельсъ опять будетъ въ обществѣ, которое выше моего, недоступно мнѣ,—можетъ быть, у меня есть расчетъ на это“.—„Вы приказываете мнѣ такъ думать?“—„Да“.—„Извиняю вашу добродѣтель“.—„По крайней мѣрѣ, не находите ничего особеннаго въ томъ, что обязана была бы дѣлать на моемъ мѣстѣ каждая женщина“.

„Каждая“! То и жалъ, что слишкомъ не каждая. Но тѣмъ лучше та, которая даже не знаетъ, что она дѣлаетъ то, что сдѣлала бы не каждая.

(Черезъ нѣсколько дней). „Мнѣ не совсѣмъ нравится самоувѣренность Лизы. „Милый кузень, я сама знаю, что мнѣ къ лицу. Жаль, что мое лицо не такъ красиво. Но этому не могутъ пособить ваши совѣты“.—Сестра гораздо умнѣе ея и выѣзжаетъ въ свѣтъ не вторую зиму, а пятую; однако, находитъ пользу въ моихъ совѣтахъ.

(Черезъ два дня)... Послѣ, у насъ былъ опять такой разговоръ съ Лизою, какъ третьяго дня. Но я уже слишкомъ порицалъ ее за то, что она

*) Помѣтка въ рукописи: 17 апрѣля.

пренебрегаетъ искусствомъ одѣваться,—чуть не довелъ до слезъ. Нѣтъ, это несправедливо. Если она, быть можетъ, очень серьезна, это не мѣшаетъ ей оставаться дѣвушкою и любить наряды, безъ любви къ которымъ женщина—не женщина, да и мужчина—пень, а не мужчина. Я показалъ бы одного своего знакомаго тѣмъ, которые вооружаются противъ заботы объ изяществѣ въ мужчинѣ“.

(Черезъ пять дней). Когда я вошелъ, кухня С. быстро встала и ушла. Черезъ полчаса она возвратилась и ей случилось взять меня за руку. Я удивился: „Кухина, отчего у васъ такая холодная рука?“—„Это ничего, я умывалась“.—„Вы умывались?“—„Да, чтобъ освѣжить лицо“.—Я посмотрѣлъ внимательно на ея лицо. Она сконфузилась.—„Кухина, вы хотѣли скрыть, что вы плакали? Но слѣды остались“.—„Слѣды остались? Я плакала? Но вы съ ума сошли, Борисъ. Мы такъ счастливы съ Андрѣ“.

Меня нельзя обмануть. Да и можетъ ли Андрей Федорычъ составить счастье такой женщины. Она много, много выше его. Онъ пошлъ. Она должна чувствовать это.

Черезъ часъ, я сидѣлъ у него. Онъ былъ не въ духѣ, и какъ то вовсе не кстати сказалъ пошлость о женщинахъ и женахъ: „это игрушки, на которыя пріятно смотрѣть, но съ которыми непріятно жить. Я совершенно раздѣляю мнѣніе коммунистовъ, отвергающихъ бракъ. Жениться—это глупость“.—Пошлякъ, неизлечимый пошлякъ! И хорошее понятіе имѣетъ о „коммунистахъ, отвергающихъ бракъ“. Тебѣ, глупое животное, и понимать, что такое коммунизмъ и что говорятъ коммунисты. Они говорятъ, что ты оселъ и варваръ—вотъ, что они говорятъ.

„Борисъ, забудьте то, что я вчера говорила вамъ. Забудьте, забудьте, умоляю васъ. С.“

VIII.

Мужъ и жена. (Продолженіе о лицахъ, соучаствующихъ въ катастрофѣ).

Эта записка, вложенная между листами дневника, еще не имѣла на самомъ дѣлѣ такого эротическаго характера, какой можно бы предполагать по ея восклицательному слогу. Да и все дѣло, когда была получена эта записка Борисомъ Константинычемъ отъ Чекмазовой, еще не имѣло такого трагическаго положенія, въ какое было тотчасъ же послѣ того поставлено рѣшительностью Бориса Константиныча. Онъ вообще былъ расположенъ утрировать людей и вещи, потому напрасно вообразилъ Андрей Федорыча и глупымъ животнымъ, и осломъ, и варваромъ. Андрей Федорычъ не геній, не герой,—его натура вовсе не привлекательная, потому что онъ ужъ слишкомъ разсчитливъ, благоразуменъ, примазанъ и прилизанъ. Но онъ не только не чудовище, онъ даже миловиденъ: маленькаго роста, худенькій, хиленькій, тоненькій, но стройненькій, съ тонкими, но правильными чертами лица, моложаваго не по чину,—что составляетъ его отчаяніе, такъ что въ послѣднее время онъ сталъ нарочно стараться хоть обрюзгнуть, если не удастся потолстѣть, чтобы не казаться моложе своихъ лѣтъ; онъ человѣкъ и не злой, и не безчестный, только не-

множко лиса; но у него и въ мягкомъ очеркѣ губъ и въ голубыхъ глазахъ написана неподдѣльная мягкость характера, готовность быть и добрымъ и милымъ. Нѣсколько тривиаленъ, правда; но это ужъ самая худшая черта и его характера и его фізіономіи.

Серафима Антоновна тоже не богиня Олимпа, какъ вообразилъ ее Борисъ Константинычъ. Она и не красавица, какою слѣдовало бы ей быть, еслибъ она была богиня Олимпа. Правда, она высокаго роста, у ней стройная, длинная талья,—густые темнорусые волосы, большіе темные голубые глаза, она производитъ нѣкоторый эффектъ, когда бываетъ въ обществѣ,—но такой эффектъ, какой производитъ цѣлая половина молодыхъ женщинъ, занимающихся собой,—никакъ не больше: какая она красавица!—далеко нѣтъ! Впрочемъ, многіе находятъ, что она не дурна, но только многіе, далеко не всѣ. Однако, въ дневникѣ Бориса Константиныча рѣчь идетъ не о ея красотѣ,—красота подразумѣвается,—Борисъ Константинычъ плѣнился возвышенностью ея души, которая начала открываться ему съ появленія баронессы въ гостиной Серафимы Антоновны.

*) — Андре, говорила Серафима Антоновна мужу: не сердись, но я должна просить у тебя денегъ.

— Опять, Серафима. Не совѣстно ли тебѣ?—Ты рѣшительно доведешь меня до того, что я долженъ буду ѣхать въ провинцію на доходное мѣсто, и для денегъ разстроить свою карьеру. Въ провинціи можно нажить, но нельзя идти впередъ по службѣ. Да и тебѣ самой пріятно ли будетъ обратиться въ провинціальную барыню, хоть бы и первую даму въ городѣ? Подумай, будь разсудительна. Черезъ пять, много десять лѣтъ, мы и здѣсь будемъ жить богато. Но до тѣхъ поръ повремени. Я не позволю вамъ, сударыня, разстроить мою карьеру. Извольте жить скромнѣе. Къ Рождеству Пономаревъ опять подастъ мнѣ счетъ въ 500 р. за ваши тряпки, какъ подалъ къ Пасхѣ. Я этого не хочу.

— Андре, ты опять все объ этомъ; и такимъ жестокимъ тономъ будто я мотовка. И даже не спросилъ, сколько денегъ я прошу у тебя, такъ немного, мой другъ: всего 20 рублей на ложу въ оперѣ, и для чего, еслибъ ты зналъ, ты не сталъ бы порицать меня.

— 20 рублей на ложу въ оперѣ? Слишкомъ низко хотите спуститься, сударыня. Еще поги служить, можете подняться и въ 10 рублевый ярусъ; а то не угодно ли въ кресла, въ 15-тый рядъ. Это будетъ намъ съ вами стоить всего 4 рубля.

— Фи, Андре, какія вещи ты говоришь! Неужели ты не поминишь до сихъ поръ, что въ креслахъ бываютъ только мѣщанки и чиновницы. Что ты сказалъ это мнѣ, такъ и быть,—по, пожалуйста, не скажи этого при комъ либудь другомъ, особенно при дамахъ: ты скомпрометируешь и себя и меня. И опять смягчивъ голосъ, но уже сохраняя въ немъ чувство достоинства, котораго не было слышно въ первыхъ ея словахъ, звучавшихъ только нѣжною просьбою, Серафима Антоновна продолжала: И повѣрь мнѣ, мой другъ, я бережлива. Для того только, чтобы быть въ оперѣ, я не бросила

*) Помѣтка въ рукописи: 23 мал.

бы не только 20 рублей, и 2 рублей. Но ты спроси, Андре,—голосъ ея переходилъ въ пизиданіе,—зачѣмъ мнѣ нужна ложа? Ты очень много наговорилъ, а этого не спросилъ. Я пригласила баронессу Линденфельсъ ѣхать съ нами. Вотъ зачѣмъ нужна мнѣ ложа въ 20 рублей.

— Линденфельсъ? Ты успѣла познакомиться съ Линденфельсъ? спросилъ вдругъ голосомъ такимъ же серьезнымъ, какъ прежде, но уже совершенно другого тембра:—какъ тебѣ удалось это?

Вотъ, Андре, ты все бранишь меня за тришки, какъ ты называешь, отвѣчала Серафима Антоновна тономъ уже полнаго пизиданія. И встрѣтила Линденфельсъ у Вихманъ. А ты еще ворчалъ, когда я сказала поутру, что ѣду къ Вихманъ.

Ну, оставь жѣ Серафима, сказалъ Андре, уже просто семейнымъ голосомъ, казнимъ говорить ходовіе между собой мужчи и жены о дѣлахъ, по которымъ совершенно сходится мнѣніемъ.—Ну, ты встрѣтила ее у Вихманъ. Какъ же вы познакомились?

— Очень просто. Она не узнала меня; а я сначала показала видъ, будто не узнала ее, потомъ вдругъ вскрикнула и бросилась къ ней: „неужели это ты, Антуанетта? Сколько лѣтъ не видѣлись“.

— Однакожъ, это было рискованно съ твоей стороны. Она могла сдѣлать скандалъ, отсторониться отъ твоихъ объятій.

— Ахъ, Андре, какъ же мы женщины, несообразительны. Невозможно было бы не рассчитать, что теперь она будетъ рада знакомству съ кѣмъ бы то ни было изъ женщинъ, принадлежащихъ къ какому бы то ни было обществу. Понимаешь ли ты это?

— Умница, Серафима! сказалъ Андрей Федорычъ и поцаловалъ руку жены.

— Нетъ, мой другъ, это не заслуживаетъ особеннаго удивленія, скромно и просто сказала Серафима Антоновна, мило поправивъ локтевою рукою волосы мужа,—нѣсколько жиденькіе, это правда, не такіе густые, какъ ея, но все же недурные свѣтлые волосы.—Удача въ томъ, что я встрѣтила ее въ такое время, когда она еще безусловно исключена изъ своего круга, и когда она ужъ успѣла почувствовать тягость исключенія изъ общества;—итакъ, завтра мы ѣдемъ съ нею въ оперу, —понятно, что съ нею нельзя ѣхать въ 3-й ярусъ! поволила Серафима Антоновна съ лукавою улыбкою жены, имѣющей право на признательность мужа и всеріозно радующейся, что и она не безполезна тусовкѣ; —на следующей недѣлѣ мы выѣдемъ въ балъ въ Дворянское Собраніе, —какъ кстати подошелъ этотъ балъ.—Ты долженъ танцевать съ нею, я найду другихъ кавалеровъ.

Умница, Серафима, повторилъ Андрей Федорычъ, и обнялъ жену, мило подставившую ему свои губки, которыя очень многимъ казались недурными, и дѣйствительно были розовыя, полненькія. Началась очень милая сцена.

Да, Серафима Антоновна была неглупа: кокетничая съ Борисомъ Константинычемъ, она сама указала настоящее объясненіе дѣла, какъ только замѣтила, что одна добродѣтель не объясняется его—„не угодно ли вамъ подумать обо мнѣ вотъ что“—и этимъ отвратила всякую возможность, чтобы

чудаки предположить тутъ что нибудь, кромѣ чистѣйшей добродѣтели. Точно: пріобрѣтеніе дружбы баронессы Линденфельсъ было важно: пройдетъ годъ, баронъ помирится съ женою, общество сниметъ апафему съ нея, въ ея салонѣ опять явятся графини, и найдутъ въ этомъ салонѣ Серафиму Антонову и Андрея Федорича Чеказовыхъ: чему это равняется? Это равняется тому, какъ если бы вдругъ оказалось, что дядя Серафима Антоновича не уездный заѣздатель мелкопомѣстной губерніи, а Сибирскій или Пензенскій губернскій предводитель, или что Андрей Федоричъ не Андрей Федоричъ, а помолодѣвшій и поступившій въ русскую службу съ поручикомъ изъ *conseiller d'Etat* въ статскіе совѣтники Баронъ или Билль, то есть патентованный администраторъ съ прописаніемъ на лбу* другого такого свѣтъ не производилъ“.

*) Само собою, я не видѣлъ сцену между Серафимою Антоновною и Андреемъ Федоричемъ, и они оба не такъ глупы, чтобы разсказывать ее другиму;—я воспроизвожу ее наугадъ, но не совсемъ наудачу: я видѣлъ двѣ очень похожія сцены между ними по поводу пріѣзда дяди Серафимою Антоновною у Андрея Федорича; обѣ сцѣ и начали и кончили совершенно такъ, насколько можно было имъ идти въ концѣ даже супружескихъ поладуевъ при постороннемъ и не близкомъ человѣкѣ, то есть, очень мало дальше простого милаго поналуи. Но все таки, видно было, что между супругами существуютъ очень милыя отношенія.

Итакъ, обстановку объясненія я присочиняю по характеру другихъ такихъ сценъ между ними, видѣнныхъ мною около того времени. А содержаніе объясненія знаю изъ очень ясныхъ отраженій его не только въ ихъ поступкахъ,—это бы еще ничего,—а даже и въ словахъ.

Вотъ какъ началась дружба Серафима Антоновича съ баронессою Линденфельсъ, послужившая для Бориса Константиновича первымъ основаніемъ заинтересоваться Серафимою Антоновною, предположить въ ней женщину съ очень возвышенными чувствами, потомъ открыть, что она несчастна съ мужемъ, потомъ и влюбиться въ нее. Ужъ изъ этого одного ясно, что Борисъ Константиновичъ фантазировалъ на тему, которую придумалъ самъ, что онъ сочинилъ себѣ свою собственную Серафиму Антонову, на которую вовсе не походила настоящая Серафима Антоновна. А горячій (хоть бы и холодный) человѣкъ, въ родѣ Бориса Константиновича, ужъ пожалуй сочинилъ бы еще новую Серафиму Антонову, тоже вовсе не похожую на настоящую, только уже въ другую сторону, — Серафиму Антонову пустую женщину, прониру, притворицу, дрянную женщину. Это будетъ несправедливость къ настоящей Серафимѣ Антоновнѣ.

Точно, въ Серафимѣ Антоновнѣ было и пронирство, и притворство, и очень много пошлаго, и много дряннаго,—но что жъ такое? Изъ этого еще не слѣдуетъ, что она была дрянная женщина, или хоть вовсе пустая женщина. Она была — просто такая же дама, какъ большая часть нашихъ дамъ, — нѣсколько похуже нѣкоторыхъ, нѣсколько лучше нѣкоторыхъ изъ этого большинства. Тратить лишнія деньги на наряды, хитро воспользоваться слу-

*) Помѣтка въ рукописи: 24 мая.

чаемъ, чтобы втереться въ кругъ повыше нашего настоящаго круга — что тутъ особеннаго?

Теперь почти не было бы надобности говорить, въ чемъ состояла та сцена между Серафимою Антоновною и мужемъ, когда Борисъ Константинычъ замѣтилъ слѣды слезъ на ея глазахъ. Но Илья Никитичъ былъ свидѣтелемъ этой сцены, такъ почему жъ не пересказать ее, когда есть такой вѣрный источникъ?—Серафима Антоновна купила бархатный бурнусъ, или что то въ этомъ родѣ, бархатное,—Илья Никитичъ сказывалъ, что именно, но я сбиваюсь въ дамскихъ нарядахъ,—итакъ, что то бархатное, стоимвшее 85 рублей, а мужъ разрѣшилъ ей израсходовать 50 рублей, и никакъ не болѣе 60.—Выдавъ 55 рублей (бѣленькую и три красненькихъ) съ этимъ разрѣшеніемъ, онъ отправился на службу, проработавъ на дому у очень важнаго начальника надъ очень важною запискою до 5 часовъ, возвратился домой измученный работою, въ самомъ дѣлѣ усердною, а въ особенности раздраженный — не столько обиженный, сколько встревоженный за свои серьезныя отношенія къ начальнику тѣмъ, что начальникъ не пригласилъ его остаться обѣдать; былъ дома за обѣдомъ сильно не въ духѣ, придирался къ тому, что супъ дуренъ, пирожное пахнетъ мыломъ, а послѣ обѣда потребовалъ отчета о покупкѣ, уже предполагая передержку;—натурально, что при такомъ расположеніи духа съ нѣкоторою ломотою въ плечахъ и поясицѣ отъ утра, дѣло не могло обойтись безъ сцены, за которую однако жъ не надобно винить никого: начальникъ не пригласилъ обѣдать потому, что у него въ тотъ день былъ обѣдъ интимный, секретнаго дѣловаго свойства, такъ что второстепеннымъ людямъ не слѣдовало тутъ быть,—итакъ неприглашеніе Андрея Федорыча вовсе не было нелюбезностью съ его стороны къ Андрею Федорычу, и черезъ недѣлю, когда Андрею Федорычу опять привелось работать у него, онъ пригласилъ Андрея Федорыча обѣдать самымъ любезнымъ образомъ, и изгладилъ всѣ сомнѣнія Андрея Федорыча простымъ, милымъ обращеніемъ своимъ за обѣдомъ. Итакъ, начальникъ вовсе не былъ виноватъ передъ Андреемъ Федорычемъ; Андрей Федорычъ точно также вовсе не былъ виноватъ передъ женою, что выместилъ на ней досаду;—въ семейной жизни не всякое лыко въ строку, и эти неудачныя лыки очень скоро —въ концѣ того же вечера—распрямляются: „Какъ измучился я нынѣ днемъ, Серафима, да и вотъ еще какая была непріятность“,—скажетъ мужъ, въ видѣ приступа, во время отдыха въ дезабилье. — „Но за то ты должень, Андре, дать мнѣ 50 р., потому что я должна сдѣлать себѣ платье голубаго дама: оно стоитъ дороже, но остальные деньги я съэкономничала и пужно только 50 р., и я тебя прощаю“,—скажетъ всякая умная жена, — и непріятность забыта. Что дама въ подобныхъ случаяхъ всего приличнѣе голубаго цвѣта, я заключаю изъ того, что именно голубаго цвѣта было платье дама, явившееся черезъ нѣсколько дней у Серафимы Антоновны, которая, по свидѣтельству самого Бориса Константиныча, отличается тонкимъ пониманіемъ того, какой цвѣтъ къ чему идетъ; но можно замѣнять голубой цвѣтъ и другимъ, по вкусу или какъ лучше идетъ къ другому лицу. — Вотъ какою милою развязкою кончаются сцены у умныхъ мужей и женъ. Для умной жены это даже—пріятно: итакъ нѣтъ большой

вины передъ женою на Андреѣ Федорычѣ. Нельзя осуждать и Серафиму Антоновну за передержку, которая была причиною сцены: молодой женщиной трудно удержаться отъ передержки противъ штата на наряды, когда она думаетъ—и можетъ быть справедливо—что у ея мужа больше денегъ, нежели онъ говорить ей. И опять, нельзя винить мужа, если онъ скрываетъ отъ жены часть своихъ доходовъ, потому что скажи онъ: „мы можемъ расходовать 5 тысячъ“ — окажется израсходовано 7 тысячъ; слѣдовательно, чтобы прожилось 5 тысячъ, мужъ долженъ говорить женѣ: „мы не можемъ проживать болѣе 3 съ половиною тысячъ“. — И опять тоже нельзя винить жену, что она слѣдуетъ своему соображенію, а не словамъ мужа о его доходахъ, когда знаетъ, что мужъ себѣ на умѣ. Онъ себѣ на умѣ и она себѣ на умѣ. И опять, кого же можно винить за то, что онъ или она себѣ на умѣ? Неужели жить безъ ума? — Такъ жилъ Борисъ Константинычъ и что хорошаго вышло изъ этого — отчасти мы видѣли, а дальше увидимъ больше.—Словомъ, какъ ни раскидывай умомъ, ничего особеннаго нельзя открыть дурнаго въ дѣйствительныхъ качествахъ и отношеніяхъ Андрея Федорыча и Серафимы Антоновны, а видно въ нихъ много хорошаго.

Коротко и ясно, Андрей Федорычъ и Серафима Антоновна были счастливы другъ съ другомъ, жили отлично и превосходно, когда Борису Константинычу заблагоразсудилось начать сочинять съ Серафимою Антоновною свою катастрофу. Изъ всего, что мы до сихъ поръ знаемъ, даже по его утрирующему дневнику до отправления записки восклицательнаго характера къ Борису Константинычу, Серафима Антоновна не входила съ нимъ ни въ какія отношенія, изъ которыхъ слѣдовало бы сочинять катастрофу. Она кокетничала съ нимъ; она всегда была не прочь пококетничать,—почему жъ было не пококетничать и съ Борисомъ Константинычемъ, когда онъ подвернулся подъ руку? — Правда, онъ не былъ хорошъ собою; но за то у него были превосходныя манеры, онъ удивительно говорил по-французски, вообще, былъ очень *distingué*. Да хоть бы и не былъ, такъ что жъ такое?—все-таки, онъ молодой человѣкъ, слѣдовательно, нельзя не пококетничать съ нимъ. Каждый молодой человѣкъ знаетъ, что глупо принимать невинное кокетничаніе въ серьезную сторону и развивать изъ него „катастрофу“;—все равно, какъ всякая молодая дѣвушка знаетъ, что нельзя вѣрить комплинтамъ любезничающей молодежи.—Однако же, около Серафимы Антоновны было трое, четверо молодыхъ людей, съ которыми она кокетничала до своего знакомства съ баронессою Линденфельсъ, и она не обращала особенныхъ усилій на Бориса Константиныча: правда, онъ былъ очень *distingué*, но въ ея глазахъ и тѣ трое, четверо другіе были тоже очень *distingués*, что жъ особенно заниматься имъ?—Но баронесса дала ему рѣшительный перевѣсъ въ ея мысляхъ надъ другими *distingués*, объявивъ, что онъ имѣетъ манеры самаго избраннаго общества, могъ бы съ успѣхомъ быть *attaché* при посольствѣ, и говорить по французски, какъ Александръ Дюма (*père* или *fils*, неизвѣстно). Правда, баронесса была набитая дура, и Серафима Антоновна признавала за нею это качество; правда манеры самой баронессы были плоховаты, но вотъ, что жъ вы прикажете дѣлать: случилось же ей, менѣе умной, замѣтить въ Борисѣ Кон-

стантинычъ превосходство надъ другими, или это оттого, что она все таки больше видѣла людей высшаго изящества, чѣмъ Серафима Антоновна?—но если она могла цѣнить изящество, какъ же она сама оставалась плоховата и пошловата?—вѣроятно, что она бражнула наудачу, и случайно въ этотъ разъ попала на правду; но какъ бы тамъ ни произошелъ отзывъ баронессы, что Борисъ Константиновичъ *distingué* изъ *distingués*, такой отзывъ, хотя бы и набитой дуры, но баронессы Линденфельсъ, не могъ не имѣть всепобѣждающаго вліянія на мысли m-me Чекмазовой, хотя и смотрѣвшей на баронессу, какъ на простоволосую дуру. И съ того же вечера кузина принялась усердно очаровывать своего *distingué* изъ *distingués* кузена. Она была не на столько глупа, чтобы не понимать, какія свойства души ему нужны,—до сихъ поръ она потому и мало кокетничала съ нимъ, что свойства эти болѣе скучны, чѣмъ удовлетворительны для другихъ *distingués*. Но, когда онъ сталъ *distingué* изъ *distingués*, почему жъ было не потрудиться для него?—Кротость характера, возвышенность образа мыслей, томная жажда болѣе широкой и свободной, простой и полезной жизни, вообще всякія стремленія ко всякимъ великимъ идеаламъ и серьезнымъ вопросамъ, все это было выставлено ему въ ясномъ свѣтѣ,—и онъ не замедлилъ увидѣть все, какъ показалъ его дневникъ. Правда, роль была слишкомъ не натуральна; въ ней было неловко бѣдной Серафимѣ Антоновнѣ, и она играла такъ форсированно, что человекъ и не слишкомъ хитрый увидѣлъ бы натушность игры на многихъ изъ ея штукъ. Напримѣръ, какъ было не догадаться, что она нарочно долго держала руку въ холодной водѣ, чтобъ потомъ взять этою ледяною рукою руку своего кузена, чтобъ онъ узналъ, что она умывалась, чтобъ онъ спросилъ, зачѣмъ она умывалась въ такое необыкновенное время, какъ 9 часовъ вечера, чтобъ онъ увидѣлъ на ея глазахъ слѣды слезъ, которыхъ иначе и не увидѣлъ бы при свѣчахъ. Были штуки еще грубѣе: Серафима Антоновна, видя простоту душевную своего *distingué* изъ *distingués*, безъ всякихъ ухищреній и прикрасъ оставалась въ чемъ продолжительный томный взглядъ, потомъ вдругъ встрепенется,—порывисто и глубоко вздохнетъ,—и тѣмъ обнаружитъ Борису Константиновичу, что въ ней пробудилось мученіе совѣсти, и стремительно бросится къ мужу, цаплетъ его, садится къ нему на колѣни, то есть, „пойми же ты, Борисъ, что я ищу въ объятіяхъ мужа спасенія отъ преступной страсти къ тебѣ“, и съ тѣмъ вмѣстѣ: „видишь ли, какъ я очаровательна въ моихъ ласкахъ,—почувствуй это, тирани моего сердца“. Коротче сказать, поступала съ Борисомъ Константиновичемъ какъ съ 11-лѣтнимъ школьникомъ. И Борисъ Константиновичъ принималъ все за чистѣйшую монету, съ добросовѣстностью 14-лѣтняго школьника, и ангельскія ея свойства, и томные взгляды, и ея страданія отъ пошлости мужа, и воспламенялся.

Изъ за чего такъ трудилась Серафима Антоновна? Ровно ни изъ за чего,—шалила, дурачила, — нужно же чѣмъ нибудь забавляться, чтобъ не было скуки,—что тутъ важнаго?—Всякій взрослый человекъ знаетъ, что тутъ нѣтъ ничево важнаго, что это ни къ чему особенному не ведетъ, ни къ чему особенному не ведетъ, ни къ чему не обязываетъ, что это одинъ изъ способовъ препровожденія времени, принятыхъ въ обществѣ; кто помоложе, по-

безничасть (если мужчина), кокетничасть (если женщина), кто постарше (уже безъ различія пола) играетъ въ карты. Кто жь играть въ карты за тѣмъ, или такъ, чтобы выигрывать или проигрывать состояніе? Никто; рѣшительно никто изъ тѣхъ, кого она знала. Говорятъ, гдѣ то въ Англическомъ клубѣ ведется игра на десятки тысячъ; но эти пари не ставятъ за домъ-берные стоны квартиры статскихъ (векорѣ будущихъ дѣйствительныхъ статскихъ) совѣтника и совѣтницы Чемазовыхъ. Фата, разсудила Серафима Антоновна. А Борисъ Константиновичъ, привычавшій считатьъ себя самостоятельнымъ, повелъ дѣло по своимъ убѣжденіямъ, и по уму Серафима Антоновна сообразить, что такое онъ съ нею сочиняетъ, какъ ужь и оказалась сочинена надлежавшая „катастрофа“.

Серафима Антоновна и Андрей Феофановъ были очень счастливо по своему: тривиальны или не тривиальны были оба они, все было равно: они отлично или другъ къ другу и потому были счастливы. Но у нихъ были минуты неудовольствія другъ и друга, и ютъ въ одну изъ такихъ минутъ послѣ чароудѣйственнаго обряда мысленнаго. Андрей Константиновичъ почувствовалъ окончательное воспламененіе къ несчастной жертвѣ съ высокою душою, началъ безсознательно обманывать себя, что Серафима Антоновна несчастна съ Андреемъ Феофановымъ, обманывалъ себя и не думая, какъ черезъ четыре дня уже получилъ отъ нея записку восклицательнаго характера „забудьте, забудьте!“ — Это „забудьте“ было еще забудьте не что нибудь безвѣстнаго, — „забудьте“ было то, что она, что Андрей, что допустить се до признанія, что дѣйствительно, они не счастливы въ бракѣ. Она выжила эту сцену кокетничаньемъ и притворничаньемъ, но вѣдь онъ говорилъ страстно, голосъ хорошаго тенора дѣйствительно возмущалъ, — онъ въ сущности, въ томъ числѣ и я,—хохочуть и плачуть въ театрѣ и въ оперѣ непритворно, — а голосъ истинный, и тогда же, когда она, Серафима Антоновна, ушла, — она еще минута была по своему привычному, — она казалась чувствующею въ запискѣ, что, да, и не счастлива. Андрей же, три часа первы успокоившись, она ужаснулась тому, что онъ, забывшись и поверивъ, она вспомнила, что еще говорилъ о ней въ запискѣ, что онъ въ сущности, не могла провансаль судьбу, забывшись, и въ этомъ ужасѣ она написала записку, — припомнилась эта сценка, это ужь было лико, — это: это простая, искренняя просьба женщины, испугавшейся, ужь не заманивающей, а ужь дѣйствительно желающей и умоляющей: забудьте! — Это она сама говорила мнѣ, когда я отдалъ ей эту записку, поймавшаю меня въ бу-магахъ Бориса Константиновича, и говорила мнѣ, что я сиротой, и въ сущности поддаться ей въ ее поруганію, и не смѣя, то разболала ее, и тогда такъ кимъ господамъ. Но на ней не было лица, когда она рассказывала эту сцену; она забыла, что ее губы подрумянены, когда утирала потъ, катившійся по ее лицу, и пришла влѣзть по своимъ губамъ, — она почувствовала, что на нѣтъ остаться красное пятно, а губы доблѣдны, — она ужь, — она и задѣ и замѣтила — оно потомъ утирала лицо своимъ платкомъ, и сидѣла на него, и не обращала вниманія на красное пятно, — какое жь тутъ притворство? — Женщина была испугана напоминаніемъ этой сцены черезъ три

года,—какъ же я не повѣрю, что она была испугана, когда писала эту записку черезъ два, три часа послѣ этой сцены?

Но ея просьба „забудьте“—совершенно искренняя просьба, какъ я вполне вѣрю, была не изъ тѣхъ просьбъ, которыя исполняются;—конечно, она произвела противоположное дѣйствіе. Впрочемъ, я этого не знаю. Я только могу предполагать. Предположенія тутъ вовсе не мудрены. Но я не знаю, какъ потомъ шло дѣло,—или по крайней мѣрѣ, не имѣю теперь основаній вѣрить тому, въ чемъ меня увѣряли послѣ и чему я тогда повѣрилъ. Въ чемъ тогда увѣряли меня, чему я тогда повѣрилъ, и чему не имѣю основаній вѣрить теперь, это вы прочтете на своемъ мѣстѣ. А положительно мнѣ извѣстно то, что письмо, которое я видѣлъ запечатываемымъ было, какъ я видѣлъ, отдано на городскую почту черезъ двѣ недѣли послѣ полученія этой записки, какъ я вижу изъ сравненія чиселъ. Итакъ, двѣ недѣли мнѣ неизвѣстны, а по прошествіи двухъ недѣль—письмо съ „катастрофой“. Это письмо мнѣ извѣстно, и послѣдствія его извѣстны.

IX.

Катастрофа. *).

Вечеромъ я видѣлъ Бориса Константиныча запечатывающимъ письмо,—на другой день, часу въ шестомъ, вошелъ ко мнѣ Илья Никитичъ съ сердитымъ, очень сердитымъ лицомъ. „Извольте ко почитать произведеніе моего братца, котораго вы любите защищать“, сказалъ онъ, подавая мнѣ письмо и посмотрѣлъ на меня и презрительно, и мстительно, и злобно. Я, какъ имѣю обыкновеніе, сильно струсилъ, хоть и зналъ, что я то, по крайности, никакимъ грѣхамъ не причастенъ, но все таки струсилъ: „Да что же читать? лучше вы такъ расскажите, Илья Никитичъ“, сказалъ я, соображая, что Илья Никитичъ хочетъ за что то подвергать меня наказанію. „А вы хотите увернуться,—давайте же сюда,—онъ взялъ у меня письмо,—я самъ прочту вамъ. Восхищайтесь“.

„Милостивый Государь,
Андрей Федорычъ,

„Какъ человѣкъ просвѣщенный, стоящій выше предразсудковъ, вы поймете, что я долженъ былъ поступить, какъ поступаю, обращаясь къ Вамъ съ прямымъ объясненіемъ фактовъ, и что Вамъ необходимо съ достоинствомъ и спокойствіемъ принять ту неизбежную развязку, которую я сообщаю Вамъ.—Серафима Антоновна и я, мы любимъ другъ друга. Ея благородная натура выше предубѣжденій и мелочныхъ мотивовъ. Она сказала мнѣ, что любить меня, и что бѣдность не страшна ей. Правда, мы будемъ жить скудно: люди, подобные мнѣ, не могутъ доставлять житейскихъ удобствъ тѣмъ, кого они любятъ. Но тѣ женщины, которыя способны полюбить такихъ людей, и не нуждаются въ пустыхъ мелочахъ, которыми дорожитъ большинство. Поэтому, не огорчайтесь за Серафиму Антоновну: она будетъ счастлива въ бѣдной и темной долѣ, которую

*) Помѣтка въ рукописи: 19 апрѣля.

рѣшилась раздѣлить со мною. Завтра, въ 12 часовъ, я пріѣду за нею. Надѣюсь застать Васъ, чтобы пожать Вашу руку, и, если нужно, утѣшить и укрѣпить словами дружбы и чести.

Вашъ навсегда Б. Алферьевъ

— Вы знаете Чекмазова?—спросилъ Илья Никитичъ, злобно прочитавъ письмо,—спросилъ также злобно и устремилъ неподвижный, тоже все злобный взглядъ; какъ вамъ нравится такое обращеніе къ моему почтенному родственнику Андрею Федорычу?

Я почесалъ въ затылкѣ.

— А ее знаете?

— Видѣлъ мелькомъ раза два, отвѣчалъ я, довольный ужъ тѣмъ, что могу хоть на этотъ вопросъ отвѣчать словоизъясненіемъ, а не однимъ почесываніемъ затылка, и отъ этого удовольствія даже усугубилъ возвратившійся мнѣ даръ слова: Ею я видѣлъ раза два, по только мелькомъ, и не могу сказать, что знаю.

— Гмъ! — Точъ въ точъ, такая же, какъ мужъ! Поняли, умно?

Я снова потерялъ словоизъяснительность.

— Умно, умно! повторилъ нѣсколько разъ Илья Никитичъ. Насытившись терзаніемъ души моей, Илья Никитичъ изрекъ: вотъ какихъ людей вы защищаете. Стыдно, батюшка! Вамъ за тридцать лѣтъ! У васъ черезъ десять лѣтъ ужъ пора будетъ жениться сыну. („Нѣтъ, я полагаю, черезъ десять лѣтъ еще рановато“—кромѣ этого я ничего не нашелся подумать въ оправданіе себѣ).

— Вѣдь это безобразіе, батюшка! Ну, ужъ довольно. Слушайте, стану рассказывать, что изъ этого вышло.

И онъ началъ рассказывать. Точно, было отчего ему злиться, видя такія штуки, происходящими изъ убѣжденій, которыя онъ считалъ святыми.

Письмо было отдано на городскую почту часовъ въ 5 вечера, часовъ въ 9 достигло Андрея Федорыча, сидѣвшаго за работою въ кабинетъ, и предполагавшаго, что черезъ полчаса будетъ спокойно пить чай съ женою,—вотъ, только допишетъ этотъ отдѣлъ какого-то отзыва со стороны министерства на какой-то проектъ другого министерства.—„Рука Бориса“, подумалъ онъ, взглянувъ на адресъ. —„Ужъ не боленъ ли, бѣдняжка. Славный малый, хоть чудакъ“.—Съ первыхъ словъ письма, пріятель славнаго малаго разинулъ ротъ; дочитавъ до словъ „Серафима Антоновна и я, мы любимъ другъ друга“, почувствовалъ жаръ и ознобъ, дрожалъ отъ гнѣва, торопливо и безуспѣшно дочитывая письмо, --какъ звѣрь вбѣжалъ къ женѣ,—она сидѣла передъ зеркаломъ, поправляя прическу и прочія украшенія, потому что къ чаю могутъ быть гости, „пошла вонъ!“ закричалъ Андрей Федорычъ горничной, и свирѣпо зашагалъ по комнатѣ. Горничная бѣжала въ недоумѣніи; —„никого не принимать!“ закричавъ онъ въ догонку ей, захлопывая дверь. „У васъ амуръ! измѣнять своимъ обязанностямъ! Я васъ проучу, сударыня!“ произнесъ онъ задыхающимся голосомъ, когда остался наединѣ съ женою.

Серафима Антоновна поблѣднѣла при первомъ его крикѣ горничной, —

но тотчасъ же собралась съ духомъ, и гордо сказала: Что такое? Я ничего не понимаю. Вы съ ума сошли, Андрей Федорычъ?

— Да, и схожу съ ума, только отъ вашего безумія, сударыня! онъ бросилъ ей на туалетъ письмо.

*) Отъ смущенія она могла разбирать только безсвязныя слова; поняла, однако, что это письмо не къ ней, а къ ея мужу,—понявъ это, она еще болѣе растерялась, потому что о чемъ же можетъ писать Борисъ къ мужу?

Или не можете понять, сударыня? А вамъ то должно быть ясно. Онъ извѣщаетъ меня, что вы въ связи съ нимъ и завтра собираетесь бѣжать; вѣрно затѣмъ сообщаетъ, чтобы я снабдилъ васъ деньгами на дорогу.

Серафима Антоновна помертвѣла, зарыдала, и бросилась къ ногамъ мужа: Андре, пощади меня! И повинна! клянусь тебѣ! Онъ оклеветалъ меня!

— Какъ оклеветалъ? Что вы врете?

— Андре, клянусь! Онъ низкій человѣкъ, онъ клеветникъ! Андре, защити меня отъ него!

— Врете, вы, сударыня! Какая тутъ клевета; у васъ съ нимъ была связь.

— Не было, Андре! клянусь!

— Какъ не было? Съ чего же онъ взялъ?

— Не было, Андре! Я не знаю, съ чего онъ взялъ.

— Да съ чего же нибудь взять? Имѣю же что нибудь? Признавайтесь: что у васъ съ нимъ было?

— Ничего, Андре! Мы говорили.

— Говорили? Только говорили? Врете, сударыня!

— Нѣтъ, Андре, только говорили! И онъ письма писалъ.

— Письма? Гдѣ они? Подай ихъ сюда!

Серафима Антоновна встала съ колѣнъ; но дрожала, бѣдная: не могла пройти черезъ комнату; опустила на козетку.—И не могу идти. Они въ той шкатулкѣ,—вмѣсто прежняго, отчаяннаго крика, она говорила едва слышно: будто сиды покинули ее, какъ она встала съ колѣнъ; и точно—она была такъ слаба, что у ней закружилась голова отъ усилія подняться на ноги и пройти; и Андрею Федорычу было уже очевидно, какъ онъ измучилъ ее обморокомъ, не очень рѣдко, и былъ знатокъ по этой части,—но это не приготовленіе къ такому обмороку,—она въ самомъ дѣлѣ ослабѣла, бѣдная.—Они въ той шкатулкѣ, Андре, дай се мнѣ, тихо договорила она.

Андрей Федорычъ подаде шкатулку. Серафима Антоновна кое какъ отыскала ее при помощи мужа.—Вотъ они, Андре, возьми.

— Всѣ тутъ? Не утаила? Онъ внимательно заглянулъ въ шкатулку.

— Нѣтъ, Андре; всѣ.

Андрей Федорычъ порылся въ шкатулкѣ. Точно, больше нѣтъ. А еще нигдѣ не спрятано?

— Нѣтъ, Андре.

Позвольте сидѣть въ вашей комнатѣ, сударыня; никуда ни шагу, слышали? И не смѣй звать ни Парасю, ни кого. Сиди одна, никуда и прочту ихъ.

*) Помѣтка въ рукописи: 27 июля.

Куда ей идти? Она сидѣла бѣлая, какъ похотно, исторически переводя духъ очень неровно. Онъ и самъ дрожалъ, усаживаясь въ кабинетъ съ кинною писемъ, и принялся читать ихъ мрачный, какъ Аббаддонна.

„Мы вчера много говорили съ вами, Серафима Антоновна, но я не все досказалъ, и потому пишу вамъ. Вы не давали мнѣ этого позволенія: но къ чему же ждать? Мы понимаемъ другъ друга. Такъ, жизнь человѣка должна быть служеніемъ идеѣ. Блаженъ, кто живетъ для того, чтобы служить ей. Но что такое идея? Это трудно опредѣлить. Прогрессъ, стремленіе къ возведенію человѣка въ человѣческой самъ, — социализмъ, — это понятія болѣе опредѣленныя: но именно потому, что они болѣе опредѣлены, они охватываютъ только нѣкоторыя стороны идеи: ея гущность, ее саму они еще не представляютъ собою. Идея — это живое соединеніе всѣхъ силъ вселенной въ „космосъ“, въ стройномъ порядкѣ, въ гармоніи. Идея есть стремленіе вселенной отъ хаоса къ космосу. Сами мы — это результатъ идеи, стремленія силъ вселенной къ созданію космоса изъ хаоса....“

Чортъ знаетъ, какаго глумленія, подумалъ, даже пронабавилъ мысль губами, такъ сильно было впечатлѣніе: — подумалъ Андрей Федорычъ: чортъ знаетъ что такое! Положимъ, я еще въ состояніи понимать, ну, а Серафима, что тутъ можетъ она понять? — Какъ это она читала? Андрей Федорычъ продолжалъ читать, — брови его хмурились по прежнему, даже больше прежняго, но ротъ сталъ искривляться уже не по прежнему: судорожныя движенія губъ постепенно переходили къ презрительной улыбкѣ, — онъ читалъ, читалъ — все та же ахинея, — вотъ ужъ третье или четвертое письмо, — какъ тутъ раздвинуться бровямъ, — голова трещить!

..... Эти чувства изъ значителенной степени индивидуальны. И я хочу этимъ сказать, что они не естественны или истинны. — Глупъ, — но они получаютъ настоящую свою форму отъ настоящего характера политикъ и нравъ вычекъ націи, котораго нельзя назвать вѣчнымъ. И мы видимъ, что въ другія времена и въ другихъ странахъ эти чувства не могли или не могли имѣть историческимъ явленіемъ, которое несовмѣстно съ истинно-истинною формой — вотъ вамъ и фактическое доказательство, что эта форма не вѣчна и не общечеловѣчна. У спартанцевъ прекрасныя или слабыя дѣти выбрасывались: припоминаю прекрасный мифъ, относящійся къ этому греческому племени: родители Эдипа велѣли выбросить этого поворожденнаго младенца. Раджпуты (на югъ отъ пустыни низовьевъ Инда, на сѣверъ отъ Персиды, — приналежа къ Персидѣ до недавняго времени) убивали поворожденныхъ дочерей. Въ этомъ избранномъ обществѣ можно видѣть самымъ предчувствіемъ истины. Не подумайте, что я изпадаю еще и потому такъ и выражаюсь, чтобы устроить такую мысль, а я хочу видѣть предчувствіемъ истины, но предчувствіемъ фактическимъ, то есть истина предчувствуется такъ, что въ этомъ предчувствіи является доказательство. Серафимовна тоже надобно сказать о всѣхъ явленіяхъ исторической жизни прошлаго и настоящаго: въ нихъ всѣхъ истина предчувствуется фактически, и истинно доказано. Такъ и индѣйская форма привязанности родителей къ дѣтямъ есть доказательство. Серафимовна родителей состоятъ не въ томъ, чтобы дать существованіе дѣтямъ, но въ томъ, чтобы дать ему счастливое существованіе. Это высказалъ Мандельсхъ. Но само

Мальтусъ есть историческое явленіе, и потому въ его формулѣ истина является ложью для нашего времени, которое уже предчувствуетъ болѣе полное рѣшеніе вопроса о космосѣ человѣческой жизни....

— „Чортъ знаетъ что! Экій дуракъ! повторялъ Андрей Федорычъ. Но гдѣ откопалъ, что Нербудда—неправильно? Вездѣ Нербудда; а по его Нербадда; если бы такую начитанность имѣть мнѣ, то“... думалъ Андрей Федорычъ, быстро перевортывая листы обширной корреспонденціи,—въ заголовкахъ вездѣ было имя его жены, но въ самой корреспонденціи играли роль лица, болѣе извѣстныя въ Европѣ вообще и въ Петербургѣ тоже: Гершель-младшій, мистриссъ Бичеръ-Стоу, Александръ Гумбольдтъ,—эти выставлялись болѣе съ хорошей стороны, хотя не безъ сильныхъ порицаній; Прудонъ и Меттернихъ играли очень дурныя роли, и назывались оба ренегатами истины,—Андрей Федорычъ даже было задумался: какъ же, Меттернихъ и Прудонъ порицаются оба? ужъ кого бы нибудь одного бранилъ; и какой же истины ренегатъ Меттернихъ?—но думать было некогда. Героями переписки были—въ одной половинѣ Карлъ Фохтъ, въ другой—Пьеръ Дюпонъ; только о нихъ и отзывался Борисъ Константинычъ безусловно одобрительно;—какой Пьеръ Дюпонъ? есть Шарль Дюпонъ, но Пьеръ Дюпонъ?—а, вотъ: „Пьеръ Дюпонъ смѣнилъ собою Верамже“... Впрочемъ, было кое что и о любви.

...„Я совершенно не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, что любовь непременно предполагаетъ вѣрность въ пошломъ смыслѣ слова. Почему не признать возможности минутнаго увлеченія, послѣ котораго человѣкъ возвращается къ постоянному предмету своей привязанности съ чувствомъ не только не ослабѣвшимъ, напротивъ, ожившимся? Въ человѣкѣ два стремленія, изъ соединенія которыхъ возникаетъ жизнь: сила косности (привычки), потребность неизмѣнности, и противоположное стремленіе—искать новаго, бросая привычное, потребность переменъ. Всякая жизнь есть поляризація. Въ магнетизмѣ, въ электричествѣ, въ Ньютоновомъ законѣ, всюду вы видите раздвоеніе силы, стремящейся по противоположнымъ направленіямъ, и изъ противоположныхъ направленій соединяющейся въ одно явленіе—эта обратная сторона поляризаціи извѣстна подъ именемъ теоремы параллелограмма силъ,—вѣрнѣе назвать ее: діагонализмъ силъ; итакъ, поляризація и діагонали“...

Нѣтъ, и это напрасно читать. Андрей Федорычъ все быстрѣе и быстрѣе перевортывалъ страницы,—вездѣ все тоже, все тоже, о чемъ толковалъ Борисъ Константинычъ въ его кабинетѣ съ учеными, литераторами и артистами: будущность человѣчества, борьба противъ предубѣжденій, и подведеніе всего подъ законъ поляризующагося діагонализма,—и нигдѣ, никакого признака rendez vous, ничего похожего на связь;—о любви говорится часто, но все какъ объ ученомъ предметѣ, будто отрывки изъ восторженнаго курса психологін. Все это пересыпано словами: „вы понимаете меня, я понимаю васъ“,—„ваша возвышенная душа предчувствуетъ эту истину“—Серафима Антоновна и Аристотель,—Зороастръ, Серафима Антоновна и Вишну, Дидро, Наполеонъ и Серафима Антоновна,—поэтому, не больше часа пошло на чтеніе цѣлой груды писемъ;—вотъ и послѣднее, писанное уже третьяго дня,

и въ немъ ничего, кромѣ разсужденій. Андрей Федорычъ не могъ не успокоиться; давно на лицѣ была презрительно-веселая усмѣшка. Но, подходя къ комнатѣ жены для окончательнаго объясненія, онъ опять принялъ суровый видъ.

Когда онъ отворилъ дверь спальни, его обдало запахомъ гофманскихъ капель: у бѣдной Серафимы Антоновны сильно разболѣлась голова отъ плача и страха. Надобно побранить ее, но недолго и слегка, потому что онъ человѣкъ разсудительный: что бранить, когда, точно, нездорова; вѣдь онъ видитъ, что не прикидывается. Но слегка надобно побранить, нельзя же,—и онъ сказалъ строгимъ тономъ:

— Видишь, Серафима, къ чему ведутъ эти глупости? Разболѣлась голова; завтра, пожалуй, будешь больна; и все отъ своихъ глупостей.

— Нѣтъ, я буду здорова. Только прости меня. Я невинна, Андре. Онъ низкій человѣкъ, онъ клеветникъ.

— Я это вижу, Серафима. Но зачѣмъ же ты подавала поводъ къ этому? Ты все таки держала себя неосторожно. Разказывай все, что у васъ было.

— Ничего, Андре. Онъ только говорилъ, я слушала.

— А сама ты писала ему?

— Нѣтъ, Андре, что же мнѣ было отвѣчать на такія письма.

— „И то правда“, подумалъ Андрей Федорычъ.—Такъ не писала.

— Нѣтъ, Андре.

— Ну, хорошо, успокойся. Я прощаю, только впредь будь осторожнѣе. Теперь успокойся.

*) Андрей Федорычъ сталъ помогать служанкѣ ухаживать за женою. Первы Серафимы Антоновны понемногу успокоились, она оправилась;—тогда начались подробныя, уже мирныя объясненія, въ которыхъ Андрей Федорычъ чаще всего произносилъ восклицаніе „дуракъ, какъ есть дуракъ“!—и вопросъ, какъ же ты, Серафима, связывалась съ такимъ дуракомъ?—а со стороны Серафимы Антоновны вопросительный отвѣтъ: „я и сама не рада была, да какъ ты отъ него отвянешься?“ — и ко времени сна грядущаго уже возстановились благополучнѣйшія супружескія отношенія.

X.

То еще не была настоящая катастрофа,—настоящая катастрофа здѣсь.

**) Борисъ Константинычъ, неизмѣнно точный въ соблюденіи назначеннаго времени, явился, какъ писалъ, въ 12 часовъ. Слуга попросилъ его пройти къ Андрею Федорычу. Андрей Федорычъ вѣжливо и перемонно всталъ при появленіи ожидаемаго гостя.

— Очень благодаренъ вамъ, Борисъ Константинычъ, — началъ онъ официальнымъ тономъ, за вашу готовность утѣшить и подкрѣпить меня въ моей печали. Но прежде всего позвольте спросить васъ, какое право имѣете

*) Помѣтка въ рукописи: 20 апрѣля.

**) Помѣтка въ рукописи: 20 апрѣля.

вы писать мужу клеветы на его жену, и сообразны ли такіе поступки съ правилами чести?

Борисъ Константинычъ, входившій съ намѣреніемъ заключить несчастнаго въ свои объятія и излиться въ ободреніяхъ, остолбенѣлъ, и принявъ позу и фізіономію остолбенѣлости, сохранялъ ее безъ особенныхъ усилій воли.

— Прошу васъ садиться, Борисъ Константинычъ,—это будетъ удобнѣе, чтобы выслушать мои замѣчанія, потому что они будутъ довольно длинны.

Андрей Федорычъ указалъ кресло, Борисъ Константинычъ машинально сѣлъ.

— Понимали ли вы, что вы дѣлали, когда писали мнѣ ваше безразсудное письмо? Какъ могло прійти вамъ въ голову обращаться ко мнѣ съ такими словами о моей женѣ, которая не для меня одного, такъ хорошо знающаго ея благородство, но и для всѣхъ, сколько нибудь знающихъ ее, выше всякихъ подозрѣній? Если бы я не зналъ, что вы только безумецъ, то я бы не зналъ, какое имя дать подобному поступку, который превосходитъ всякую мѣру наглости въ клеветѣ, не могущей притомъ имѣть никакой...

Но Борису Константинычу нужно было лишь нѣсколько секундъ, чтобы оправиться отъ перваго изумленія, и онъ уже подвелъ неожиданную встрѣчу подъ свою теорію: дѣло ясно. Онъ увидѣлъ, что ошибся въ благородствѣ Андрея Федорыча; Андрей Федорычъ, хотъ и говорилъ ему всегда, что раздѣляетъ его убѣжденія, но вѣдь говорилъ только изъ желанія казаться передовымъ человекомъ, а на самомъ дѣлѣ человекъ прозаическій, пошлый: онъ поступаетъ, какъ обыкновенно поступаютъ въ этихъ случаяхъ домашніе деспоты: заперъ жену, быть можетъ истиранилъ ее, и говорить, что она не любитъ Бориса Константиныча; обязанность Бориса Константиныча: защитить ее отъ тиранства, возратить ей свободу, дать ей обѣщанное счастье взаимной любви. Въ его мысли ужъ мелькнулъ весь процессъ фактовъ, нужный для достиженія этой цѣли при неожиданно оказавшейся пошлой тираннической хитрости мужа; вотъ какъ это будетъ. Андрей Федорычъ говоритъ: „вы не увидите ее“; онъ отвѣчаетъ: „увиджу“, встаетъ и идетъ къ ея комнатѣ; Андрей Федорычъ становится въ двери кабинета и говоритъ: „вы перешагнете порогъ только черезъ мой трупъ“.—„Если необходимо, я готовъ“. Дуэль—глупость; но если варварство принуждаетъ, нельзя иначе. Одинъ пистолетъ заряженъ. Другой нѣтъ. Кому достанется заряженный? Это любопытно. Если падаетъ онъ, Борисъ Константинычъ, что жъ, онъ исполнитъ долгъ; если упадетъ Андрей Федорычъ, они увѣзжаютъ въ Америку. —Борисъ Константинычъ обдумалъ все это, пока Андрей Федорычъ произносилъ начало своего выговора ему, —и обдумавъ, спокойно поднялъ на Андрея Федорыча глаза и твердымъ, но по обыкновенію тихимъ голосомъ сказалъ:

— Вы хотите сказать, что Серафима Антоновна не имѣетъ того намѣренія, о которомъ я говорилъ въ своемъ письмѣ къ вамъ? Вы позволите мнѣ замѣтить, что въ этомъ случаѣ только ея собственныя слова могутъ имѣть убѣдительность для меня.

Андрей Федорычъ холодно и горько улыбнулся. — Вамъ угодно лично объясниться съ моею женою? Я надѣялся, что у васъ достанетъ деликатности пощадить ее отъ этого.

— И сказать свое мнѣніе и остаюсь при немъ. Я долженъ видѣть ее.

— Вы непременно хотите этого?

— Да.

„Андрей Федорычъ пожалъ плечами и позвонилъ. Вонзаль слуга. Доложи Серафимъ Антоновичъ, что Борисъ Константинычъ желаетъ видѣть ее и что я просилъ бы ее принять его. Ты не переверни? Слуга повторилъ слова. Такъ.“

Слуга ушелъ. Несчастный мужъ и счастливый поборникъ молча ждалъ его возвращенія. Борисъ Константинычъ былъ холоденъ и спокоенъ. Андрей Федорычъ пожималъ плечами и морщился.

— Серафима Антоновна прятать извиненія: они не могутъ принять, сказалъ слуга и вышелъ.

— Вы видите? Вы согласитесь, что она права, уклоняясь отъ встрѣчи съ человѣкомъ, который такъ оскорбилъ ее, и меня въ ея лицѣ.

Но теперь Борисъ Константинычъ уединился съ своимъ прощаньемъ. Это ужъ слишкомъ понятно: разговоръ съ слугою.—Я долженъ видѣть ее, сказалъ онъ еще спокойно и тверже прежняго.

— Вамъ не жаль такъ мучить женщину? Вы называете себя благороднымъ человѣкомъ?

Борисъ Константинычъ не удостоилъ его отвѣтомъ. Кто отвѣтъ былъ только въ его взглядѣ, говорившемъ: „Я долженъ видѣть ее: ты не можешь помѣшать мнѣ“.

Андрей Федорычъ опять пожалъ плечами, и вздохнулъ.—Какъ ни глубоко и серьезно, что ваше требованіе не сообразно ни съ чѣмъ, я пойду еще настаивать, чтобъ она исполнила его. Но, Борисъ Константинычъ, не забывайте же, до какой степени дурно требовать, чтобы мужъ просилъ жену о томъ, что и по ея и по его мнѣнію унижительно для нея. Вы хотите подвергать сомнѣнію мои слова,—какъ вы можете дѣлать это, я не понимаю; но все равно: я принужденъ дать вамъ ушну, что если кто изъ насъ двухъ изберетъ играть безчестную роль, то не я.—Имѣйте терпѣніе подождать моего возвращенія.

Андрей Федорычъ ушелъ и довольно долго не возвращался.

„Какой пошлякъ!—какія пошлыя уловки! Съ нимъ не будетъ дуэли.“ Такъ думалъ Борисъ Константинычъ, но ужъ отъзвѣти не такъ думалъ: онъ ужъ чувствовалъ, что что то неладно, что факты будто начинаютъ не подходить подъ его теорію.

Андрей Федорычъ возвратился. Ваше желаніе будетъ исполнено, сухо и спокойно сказалъ онъ; моя жена придетъ сказать, когда будетъ въ состояніи принять васъ.

Борисъ Константинычъ поклонился. Они опять сѣли, молча: Борисъ Константинычъ неподвижно, Андрей Федорычъ съ легкими манерными жестами нетерпѣнія.

— Серафима Антоновна проситъ пожаловать, сказалъ слуга. Оба встали. — Въ гостинную, съ пренебреженіемъ сказалъ Андрей Федорычъ, пропуская Бориса Константиныча на одинъ шагъ впередъ.

Серафима Антоновна, блѣдная, съ сверкающими глазами, стояла, опер-

пись лѣвою рукою на высокую спинку кресла; едва Борисъ Константинычъ появился въ дверяхъ, она сдѣлала другою рукою знакъ, говорившій: оставитесь!

— Вы желали меня видѣть, сказала она рѣзко и громко, чтобы удостовѣриться, что я не зашита въ мѣшокъ и не брошена въ море. Вы видите, нѣтъ. Она слегка наклонила голову и показала рукою на дверь.

Но Борису Константинычу и этого было мало. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Зачѣмъ онъ стоялъ, ужъ Богъ его знаетъ. Едва ли онъ могъ продолжать сомнѣваться, а впрочемъ можетъ быть онъ хотѣлъ до конца исполнить свой долгъ,—долгъ требовалъ, чтобы онъ видѣлъ ее наединѣ и получилъ отъ нея свободный отвѣтъ, —или онъ стоялъ потому, что растерялся.—Андрей Федорычъ понялъ въ томъ смыслѣ, что онъ стоитъ для исполненія долга.

— Кажется, Борисъ Константинычъ все еще сомнѣвается, Серафима;— можетъ быть, по его мнѣнiю, ты боишься при мнѣ высказать свои истинныя чувства къ нему. Я уйду, чтобъ онъ не сомнѣвался.

— Андре, я запрещаю тебѣ оставлять меня съ этимъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, Серафима, позволь; иначе, онъ, пожалуй, станетъ думать Богъ знаетъ что, и Андрей Федорычъ повернулся, вышелъ изъ гостиной, затворилъ дверь и прошелъ въ свой кабинетъ.

— Вы безчестный человѣкъ, Борисъ Константинычъ; я даже не ненавижу васъ—только презираю. Я запретила мужу вызывать васъ на дуэль и не позволю ему принять вашъ вызовъ. Прощайте. Она повернулась и пошла къ двери, противоположной той, у которой стоялъ Борисъ Константинычъ.

XI.

Объясненiе катастрофы.

— Да что жъ это такое, наконецъ? спросилъ я Илью Никитича, когда онъ разсказалъ мнѣ это дикое происшествiе.

— Да чортъ знаетъ что такое, рѣшительно чортъ знаетъ что, отвѣчалъ онъ догматически.

— Да какъ же это наконецъ?

— Да я же вамъ говорю, что чортъ знаетъ, какъ. Потому то Борисъ Константинычъ и есть Борисъ Константинычъ, что съ нимъ происходятъ такія событiя.

— Да наконецъ вѣдь онъ же не въ бѣлой горячкѣ?

— Это какъ вамъ угодно; по всегдашнему.

— *) Но нѣтъ же, наконецъ, былъ же какойнибудь поводъ ему написать это письмо; кокетничала она съ нимъ?

— Аааахъ! съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Илья Никитичъ и посмотрѣлъ на меня съ отчаянiемъ.—Аааахъ! такъ вы вотъ о чемъ спрашиваете. Что вы, новорожденный младенецъ, что ли? Да какое же „кокетни-

*) Помѣтка въ рукописи: 28 июля.

чала“? Понятно, полагаю, что должна была быть связь. Безъ этого, конечно, не написалъ бы, хоть и сумасшедшій. Сумасшествіе только въ томъ, батюшка, что онъ разсудилъ, что когда онъ ея любовникъ, то она его любитъ; а того не разсудилъ, что дамы имѣють любовниковъ не для любви, а для развлеченія.

— Такъ она дрянъ, сказалъ я.

— Фу ты, Господи!—ну, чѣмъ же она дрянъ? Какъ мужа имѣють другихъ женщинъ на содержаніи, такъ жены имѣють любовниковъ; тѣ и другія не по серьезному чувству, а для развлеченія. Чѣмъ же тутъ жены хуже мужей?—Это нужно со стороны женъ для возстановленія равновѣсія въ супружеской жизни. А вы скажете: „но страдаетъ семейная жизнь“, а я вамъ говорю: „нисколько“. Мужъ дастъ содержанкѣ столько денегъ, столько времени и всего, сколько остается лишняго за исполненіемъ обязанностей семейной жизни; не жертвуетъ выгодами жены для содержанки;—такъ и жена вовсе не измѣняетъ ни мужу, ни семейной жизни для любовника; любовникъ—игрушка, мужъ—серьезная вещь. „Дѣлу время, и потѣхѣ часъ“—правило нашей старины,—чуть помните? А что это не похоже на ваши съ Борисомъ Константинычемъ теоріи, не спорю.—Впрочемъ, я чувствую, вы и меня то доводите до того, что я глупѣю. Вѣдь я не затѣмъ пріѣхалъ къ вамъ, чтобы разсуждать о нравахъ нашего общества. Я къ вамъ не за такими папвостями, а за дѣломъ Андрей Федорычъ не продолжалъ объясненія съ Борисомъ, какъ ушелъ въ кабинетъ, и не вышелъ ужъ къ нему. А какъ ушелъ Борисъ, онъ поѣхалъ ко мнѣ, и разсказалъ все, какъ было. Это умно, онъ умнѣе, чѣмъ я думалъ, даже благороднѣе.—„Вы хотите, чтобы я докончилъ мытье головы моему братцу?—говорю я ему; точно, это лучше, чѣмъ вамъ было продолжать сцену съ этимъ сумасшедшимъ“.—„Дѣт, говорить, я хочу просить васъ—избавить меня отъ этой непріятности. Онъ довольно наказанъ, а въ моихъ глазахъ это дѣло не имѣетъ важности. Но теперь хорошая минута, чтобъ урезонивать его для его же пользы“.—„Это правда“, говорю я. Вотъ я и отправляюсь къ Борису и заѣхалъ позвать васъ. Поѣдемъ-те“.

— Зачѣмъ же мнѣ то ѣхать? Въ наказаніе мнѣ за то, что я защищалъ его, вы ведете меня присутствовать при его казни?

— Пожалуй, хоть и такъ. А серьезно затѣмъ, что онъ знаетъ, что вы, подсмѣиваясь надъ нимъ въ глаза, за глаза защищаете его; во мнѣ онъ видитъ слишкомъ холоднаго судью, а въ васъ—самаго расположеннаго въ его пользу. Такъ пусть же видитъ, что, серьезно говоря, и вы не можете противорѣчить мнѣ.

Я вздохнулъ. Почтенную роль вы даете мнѣ, Илья Никитичъ; что вотъ, Борисъ, смотри: сидитъ, сидитъ очень глупый человѣкъ, но даже и тотъ понимаетъ, что ты глупъ.

— Ну, все равно, поѣдемъ.

— Поѣдемъ, сказалъ я, тщательно и не безуспѣшно стогая съ лица кислую мину.

ХП.

Болѣе удовлетворительное объясненіе катастрофы, возстановляющее то, чему было повредила катастрофа.

— Любопытно бы подемотрѣть, что дѣлаетъ Борисъ, сказалъ Илья Никитичъ, подходя къ двери Бориса Константиныча.

Подсматривать было не нужно: мы слышали ровные, но торопливые шаги. Борисъ Константинычъ быстро ходилъ по комнатѣ. Это у него ужъ самая высокая степень волненія, когда онъ начинаетъ расхаживать быстрыми шагами. Онъ рѣдко обращается къ этому занятію, но, принявшись за него, оказываетъ неутомимость: можетъ ходить часовъ шесть и больше; и въ это время, также не переставая ни на мгновеніе ока, потираетъ руки.

— Здравствуй, Борисъ; отличился! — началъ Илья Никитичъ безъ всякихъ предисловій: — очень хорошо! Андрей Федорычъ разсказалъ мнѣ все; и Серафима Антоновна пополняла; а я вотъ ему разсказалъ, твоему сочувствователю, мы съ нимъ пріѣхали хвалить тебя, — „утѣшить и подкрѣпить“, какъ ты выражался въ письмѣ. Не стыдно, Борисъ?

— Не смѣйся, Илья, — это не смѣшно, а грустно, сказалъ Борисъ Константинычъ съ улыбкою, довольно печальнаго обыкновенной, не прекращая своей прогулки.

— Что тутъ грустнаго? — Только смѣшно; но можетъ быть и полезно, если послужить тебѣ урокомъ.

— Чего? — съ этимъ словомъ Борисъ Константинычъ остановился передъ Ильею Никитичемъ, какъ умный передъ человѣкомъ, сказавшимъ глупость.

— Разсудительности, положительности!

— Я очень разсудителенъ и положителенъ, гораздо больше тебя и всѣхъ васъ; выразивъ это мнѣніе съ внушительнымъ движеніемъ бровей, Борисъ Константинычъ отвернулся и опять пошелъ ходить; но уже не торопливыми шагами — значить, значительно успокоившись, что оправился, и не потирая руки, а спокойно заложивъ ихъ за спину.

— Такъ что жъ это такое вышло съ тобою?

— Ошибка.

— Но всему есть предѣлъ; и ошибокъ тоже. Ты можешь по ошибкѣ принять муху за пчелу, по принять муху за слона, — это ужъ не ошибка, это помѣшательство. Какія основанія были у тебя сочинить, что наша почтенная кузина памфрена бросить мужа для тебя? Положимъ, она объяснялась тебѣ въ любви, поло...

— Она не объяснялась мнѣ въ любви.

— Даже и не объяснялась! — воскликнули Илья Никитичъ и я въ одинъ голосъ. Борисъ Константинычъ оказался превзошедшимъ всѣ наши соображенія.

Но всегда отличаясь сообразительностью и находчивостью, я съ этого восклицанія переложилъ голосъ на пояснительный тонъ, соотвѣтственно тому

переводя и взглядъ съ Бориса Константиныча на Илью Никитича, съ приличнымъ замѣненіемъ удивленнаго вида тѣмъ самымъ, какой получило лицо Пифагора, когда онъ открылъ теорему, извѣстную подъ его именемъ:— Видите, Илья Никитичъ, честный человѣкъ всегда скажетъ это, какія бы причины ни были у него къ ошибкѣ. Онъ всегда будетъ выставять себя одного за виноватаго, въ случаѣ надобности даже за идіотски-глупаго лишь бы не упало ни малѣйшей тѣни на репутацію женщины.

— Кто вамъ сказалъ, что я желаю выставять себя идіотски-глупымъ? Я нисколько не желаю этого,—нѣсколько раздражительно, то есть, по масштабу его самообладанія, совершенно теряя власть надъ собою, возразилъ Борисъ Константинычъ новому Пифагору, останавливаясь передъ нимъ: кто вамъ сказалъ, что я дамъ кому нибудь право называть меня дуракомъ? Что я пощажу для этого кого нибудь или что нибудь?—продолжалъ онъ, возвышая голосъ:—кто вамъ сказалъ, что у меня не было очень основательныхъ причинъ къ предположенію, которое оказалось ошибочнымъ. Я имѣлъ совершенно достаточныя причины думать, что она броситъ мужа для меня. Да, были отношенія, совершенно уполномо...

— Молчите!—съ неописаннымъ благородствомъ воскликнулъ я, въ трепетѣ, что своимъ пифагорействомъ раздражилъ самолюбіе Бориса Константиныча до того, что онъ падаетъ въ грязь доказыванія, что у него была связь съ Серафимою Антоновною.

— Я не намѣренъ молчать, рѣзко перебилъ, онъ, продолжая стоять передо мною, но удѣляя взоры поровну мнѣ и Ильѣ Никитичу: потому что не желаю выставять себя дуракомъ, когда я вовсе не былъ имъ. Да, были отношенія, совершенно уполномочивавшія меня находить, что она рѣшилась бросить мужа для меня. Онъ—вы его знаете; это проза; посредственность, пошлость. Я говорю безпристрастно. Онъ не въ состояніи понимать моего или вашего образа мыслей,—потому что образъ мыслей у меня, у васъ, у Ильи Никитича, у всѣхъ насъ одинъ, надѣюсь.—Она вполнѣ сочувствовала всему, что я говорилъ—Женщина съ такимъ взглядомъ съ такими стремленіями не можетъ выносить общества такого человѣка, какъ статскій совѣтникъ Чекмазовъ.—Согласны ли? но, видя на моемъ лицѣ такое крайнее замѣшательство, при которомъ нельзя ждать отъ человѣка ясныхъ отвѣтовъ, онъ обратился къ Ильѣ Никитичу:—согласенъ ли ты, Илья? Вообрази, что ты или я женщина; могли ли бы ты или я жить съ Андреемъ Федорычемъ? Отвѣчай.

*) — Нѣтъ, не могли бы, ты правъ, отвѣчалъ Илья Никитичъ серьезнымъ тономъ; это не подлежитъ спору, не могли бы, ни я, ни ты. Это было бы самое мерзкое мученіе, самая отвратительная гадость, а не жизнь. Я бы удавился, если бы ужъ не могъ уйти.

— Итакъ, я совершенно логически заключилъ, что жизнь съ нимъ должна быть несносна для нея. Между тѣмъ, для человѣка необходимо любить; и она соглашалась, что не понимаетъ жизни безъ любви. Кого же она могла полюбить при такихъ стремленіяхъ, какія видѣлъ я въ ней?

Только человѣка съ подобными стремленіями. Такой человѣкъ подлѣ нея былъ я одинъ. Слѣдовательно, она должна быть любить меня.

— Выводъ сдѣланъ основательно, только, изъ чего же онъ сдѣланъ? спросилъ Илья Никитичъ: откуда ты взялъ, что она имѣетъ какой то образъ мыслей и какія то стремленія, которыя имѣемъ мы съ тобой? Съ чего ты это выдумалъ?

— Она слушала меня съ такимъ вниманіемъ, показывала такое сочувствіе къ моимъ мыслямъ.

*) — Такъ, такъ; я ужъ и спросилъ только для очищенія совѣсти; по началу твоего разсужденія было видно, что именно это, и только это.— Такъ и она говорила и мужу, и мнѣ, когда былъ у нея передъ тѣмъ, какъ поѣхать вотъ къ нему.—Что жъ было между вами, спрашиваю я у нея:—вы знаете, я и человѣкъ скромный, и ужъ вовсе не тетушка съ моралью,—мнѣ нужно же знать, когда вы поручаете, чтобъ я докончилъ объясненіе за васъ.—„Онъ говорилъ, а я слушала“.—Я не повѣрилъ ей. Но сказалъ: итакъ, я считаю возможнымъ взять съ собою одного посторонняго господина, присутствіе котораго было бы полезно. Могу я сдѣлать это, Серафима Антоновна?—„Совершенно можете, кого вамъ угодно“.—Вотъ, я и привезъ его: она разрѣшила, такъ что жъ мнѣ не взять его съ собою. А все таки не вѣрилъ ей. Теперь, вѣрю, братецъ ты мой, Борисъ Константинычъ, „онъ говорилъ, а я слушала“—вѣрю, вѣрю!

— Но, Илья Никитичъ, вы... началъ было я, вспоминая свою пифагорійскую теорему.

— Нѣтъ, холодно и твердо отвѣчалъ Илья Никитичъ:—не полагайте, что онъ умалчиваетъ что нибудь для охраненія ея репутаціи. Нѣтъ, вы видите все дѣло, какъ на ладони. Оно неправдоподобно, потому я и не вѣрилъ. Но я ошибался, это видно. Ну, Борисъ, какъ ни хорошо я тебя зналъ, но до такой степени глупымъ человѣкомъ все таки не предполагалъ.—Вы интересуетесь разными науками, обратился онъ ко мнѣ: поблагодарите моего брата: онъ вамъ показываетъ самъ въ себѣ такую рѣдкость, что любознательный человѣкъ не полѣнится поѣхать тысячу верстъ посмотретьъ ее.—До сихъ поръ была извѣстна натуралистамъ одна порода людей homo sapiens—человѣкъ, отличающійся отъ обезьянъ разсудкомъ; теперь мы отыскали другую породу: homo insipiens didacticus,—человѣкъ, не отличающійся разсудкомъ отъ обезьянъ, но необыкновенно сильный въ діалектикѣ. Полагали, что эта порода млекопитающихъ вымерла около того же времени, какъ вымерла въ другомъ классѣ позвоночныхъ, въ классѣ птицъ, порода Дронть-Дуду. Въ средніе вѣка обѣ эти породы множились и процвѣтали; вскорѣ послѣ того какъ Магелланъ совершилъ первое кругосвѣтное плаваніе, обѣ начали вымирать. Соприкосновеніе съ купцами, матросами было губительно для обѣихъ породъ. Какъ вы полагаете, кто это ходитъ по комнатамъ?—Тома Кемпійскій, Тома Аквинатъ, Эригена,—схоластикъ среднихъ вѣковъ, doctor angelicus „учитель ангельскій“—одного изъ нихъ такъ именно и звали, какъ его

*) Помѣтка въ рукописи: 25 мая

слѣдуетъ называть: doctor seraphicus, Серафимскій учитель,—это млекопитающій Дронть-Дуду.

Млекопитающій Дронть-Дуду ходилъ себѣ по комнатѣ, какъ ни въ чемъ не бывало,—не быстрыми шагами, а тихими, то есть не въ волненіи или досадѣ,—нѣтъ, равнодушно. Илья Никитичъ говорилъ и говорилъ, а онъ слушалъ, будто и не о немъ идетъ рѣчь, будто это, точно, безобидная лекція изъ естественной исторіи.

— Такъ, такъ, узнаю тебя въ этомъ, Борисъ, говорилъ Илья Никитичъ:—изъ того, что женщина, отъ нечего дѣлать, по небольшому кокетству, быть можетъ, а главное, по любопытствѣ слушаетъ твои диссертациі, которыхъ даже не понимаетъ,—изъ того, что она слушаетъ ихъ, ты заключаешь, что она влюблена въ тебя; изъ изъ дикаго неподтвержденнаго ничѣмъ заключенія, что она влюблена въ тебя, ты дѣлаешь новое заключеніе что она готова всеѣмъ пожертвовать для тебя, которому, вѣроятно, не дала бы даже своего поцалуя, вѣроятно дававшася не одному мужу, вѣроятно, отказала бы въ этомъ пустомъ поцалуѣ, если бъ тебѣ вздумалось протянуть за нимъ губы,—щелкнула бы тебя по губамъ, но вамъ не нужно этого, Борисъ Константинычъ, вы не такой человѣкъ, вы ужъ знаете, что эта женщина, которая развѣ-развѣ позволила бы вамъ поцаловать ея руку, что она готова—чего готова, ужъ рѣшилась стать изъ-за любви къ вамъ женщиною погибшею во мнѣніи общества, разорвать все отношенія къ людямъ, изъ которыхъ не только ея мужъ, ея сестра, каждая ея пріятельница для нея интереснѣе и дороже чѣмъ вы,—промѣнять порядочную обстановку на бѣдность. Ахъ, ты сумасшедшій, ахъ, ты сумасшедшій!—Но мало того, что ты сумасшедшій, ты слѣпой сумасшедшій. — Не имѣть мозга въ головѣ — это большое несчастье; не имѣть глазъ во лбу тоже очень большое; каждого изъ нихъ достаточно, чтобы человѣкъ былъ жалокъ,—въ тебѣ соединяются оба. Что ты сумасшедшій, ты, полагаю, понимаешь; доказывать ли тебѣ, что ты слѣпой? Какъ же ты смотрѣлъ на нее и не замѣчалъ, что она совершенно подѣ пару своему мужу?—Илья Никитичъ пустился въ подробное изображеніе свойствъ Серафимы Антоновны, припоминая, въ какомъ ея поступкѣ очень ясно высказывалась ея пустота, въ какомъ—тщеславіе, въ какомъ—какая другая пошлая замашка, и все приговаривая къ каждому анекдоту: вѣдь это было при тебѣ, вѣдь ты торчалъ же тутъ? Помнишь?

На каждый такой вопросъ Борисъ Константинычъ отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ добросовѣстному собесѣднику: „помню“, и продолжалъ ходить, не дѣлая никакихъ другихъ замѣчаній, кромѣ только „помню“,—ни одного слова.

— Посмотри же ты на себя, продолжалъ Илья Никитичъ,—какую пошлую роль ты разыгралъ въ этомъ дѣлѣ.—Ты считаешь себя человѣкомъ и умнымъ, и благороднымъ,—а какъ смѣшонъ, тупъ, пошлъ былъ ты въ этой сценѣ съ Андреемъ Федорычемъ, котораго ты презираешь; а онъ былъ тутъ уменъ и благороденъ;—какъ бездушенъ и низокъ былъ ты, добиваясь объясненія съ этою несчастною женщиною, передъ которой ты страшно виновать,—которой вѣдь это объясненіе было страшною пыткой,—тебѣ еще это было нужно, какъ будто мала была мерзость, которую ты сдѣлалъ ей твоимъ письмомъ. Она тоже пошлая женщина, какъ и ея мужъ, но въ этой

спенѣ ты былъ низокъ и подлъ передъ нею, она благородна. О, въ какое унизительное положеніе ты поставилъ себя! Какъ ты компрометировалъ убѣжденія, представителемъ которыхъ являлся! Ты повергнулъ святыню нашихъ убѣждений въ кучу навоза, на поруганіе, на оплеваніе всеѣмъ дуракамъ, на попреаніе всеѣмъ животнымъ! Ты преступникъ! Если бы можно было намъ составить судъ надъ тобою, ты былъ бы повѣшенъ.

*) — Половина десятого, Илья, сказалъ Борисъ Константинычъ, вынимая часы: пора къ Желтухинымъ; вы тоже ѣдете къ нимъ?—Изъ твоего раздраженія, Илья, я вижу, что ты любишь меня, и очень признателенъ тебѣ за это; и вамъ тоже—прибавилъ онъ, относясь ко мнѣ. Я отдалъ все время говорить тебѣ, и вамъ подтверждать его слова. Я знаю, что послѣ подобныхъ случаевъ нельзя избѣжать разговоровъ съ людьми близкими. Разговоръ долженъ былъ быть, и онъ былъ. Вы говорили три часа,—довольны ли вы? Онъ остановился передъ Ильею Никитичемъ и твердымъ, нѣсколько суровымъ взглядомъ смотрѣлъ на него,—удѣляя небольшую долю смотрѣнія и мнѣ. Я далъ тебѣ довольно времени высказаться, —вамъ заявлять ваше согласіе съ нимъ. Обыкновеніе требуетъ—вѣдь это все дѣлается въ удовлетвореніе рутинѣ, будемъ же соблюдать ее,—обыкновеніе требуетъ, чтобъ и я сказалъ нѣсколько словъ. Скажу ихъ—не потому, чтобы надѣялся сказать ими что нибудь новое для васъ, а въ удовлетвореніе рутинѣ.—Я ошибся и съ самаго начала сказалъ это; прибавить къ этому—я и теперь ничего не имѣю. послѣ вашихъ разсужденій, какъ до нихъ. Я поступалъ честно, и потому мнѣ не въ чемъ раскаяваться и нечего стыдиться. Въ томъ, что случилось, нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни даже замѣчательнаго. Никогда не ошибается лишь тотъ, кто ни къ чему не стремится, ничего не дѣлаетъ. Смѣяться легко, порицать легко, но не всегда позволительно. Таково мое мнѣніе. —Ѣдемъ къ Желтухинымъ.

— Ты неисправимъ, Борисъ, сказалъ Илья Никитичъ со вздохомъ.

— Надѣюсь, неисправимъ, по твоему выраженію; неизмѣнно вѣренъ своимъ правиламъ, по моему.

Илья Никитичъ и я, мы остались тогда убѣждены, что Серафимъ Антоновичъ и Борисъ Константиновичу нечего было скрывать: что они „говорили, и только“.—Но я уже сказалъ передъ описаніемъ катастрофы, что теперь я не знаю, что было между ними въ продолженіе двухъ недѣль, прошедшихъ между сценою, когда Серафима Антоповна сказала, что ненавидитъ мужа, и испугалась своихъ словъ, оставшись одна.—и между тѣмъ вечеромъ, когда Борисъ Константинычъ отправилъ свое письмо.

Неправдоподобно, чтобы Борисъ Константинычъ написалъ это письмо безъ rendez vous и всей ихъ принадлежности. Такъ думалъ и Илья Никитичъ. Но Илья Никитичъ принужденъ былъ отказаться отъ этого мнѣнія, и мнѣ также казалось, что Борисъ Константинычъ смастерилъ свое письмо при совершенно такихъ отношеніяхъ, какія выказались намъ „какъ на ла-

*) Помѣтка въ рукописи: 26 мая.

дони“ изъ апологіи „млекопитающаго Дронть-Дуду“. Но тогда мы не знали сцены негодованія на мужа, послѣ которой была послана записка „забудьте“! Натурально предположить, что за такою сценою должны были слѣдовать другія, дававшія Борису Константинычу основаніе думать, что Серафима Антоновна готова жертвовать для него многимъ. И по всей вѣроятности, Борисъ Константинычъ, выставя себя круглымъ дуракомъ въ этомъ дѣлѣ, одурачилъ Илью Никитича и меня. Меня,—это, пожалуй, и не было бы особеннымъ мастерствомъ; но Илью Никитича—это штука трудноватая. А впрочемъ, кто жъ его знаетъ, Бориса Константиныча?—Онъ былъ тогда способенъ и на то, и на другое: онъ былъ способенъ и написать письмо безъ всякихъ основаній; былъ способенъ и разыграть самую тяжелую для него роль, не моргнувъ. Рѣшительно, не умѣю сказать, то или другое было на самомъ дѣлѣ.

Думаю, впрочемъ, что онъ разыгралъ роль. Если такъ, онъ сдѣлалъ то, чего никто не могъ бы сдѣлать: совершенно уничтожить всякое сомнѣніе о невинности женщины во всѣхъ, до кого доходилъ слухъ о скандалѣ. Величайшіе мерзавцы и мерзавки искренно говорили: „она чиста; онъ дуракъ“; даже легкая тѣнь, какую набрасываетъ на имя дамы обыкновенное невинное кокетство, какая лежитъ, какъ легкій вуаль, на именахъ почти всѣхъ дамъ въ сплетническихъ кружкахъ, которая была пріобрѣтена и Серафимою Антоновною за прежнія ея кокетничанья съ другими,—даже эта тѣнь надолго была уничтожена сіяніемъ ея невинности въ глупой продѣлкѣ Бориса Константиныча.—„Онъ дуракъ, она чиста“;—„чиста“, „чиста“, этимъ тверженіемъ долго были заглушаемы всякія сплетни о ней за прежнія и за новыя легкія шалости.

А твердили „чиста“ потому, что этимъ необходимо пополнялось „дуракъ“,—чтобы признавать его дуракомъ, необходимо признать ее чистою. А невозможно было не признавать его круглымъ дуракомъ.

И не только я, Илья Никитичъ также былъ тогда совершенно убѣжденъ, что сплетники и сплетницы не ошибаются, сваливая всю вину исключительно на него.—Очень можетъ быть, что они и не ошибались, что онъ и дѣйствительно былъ въ этомъ дѣлѣ истиннымъ *doctor angelicus seraphicus*, млекопитающимъ Дронть-Дуду, какимъ нашелъ его Илья Никитичъ,—очень и очень можетъ быть,—кто жъ можетъ поручиться за то, что дикость фантазій такого господина не могла дѣйствительно перейти всякую границу правдоподобія.

Для меня было несомнѣнно, что отъ такого человѣка надобно ежеминутно ждать новой дикой исторіи, и не всегда же счастье будетъ такъ милостиво, чтобы его фантазіи лопались безъ бѣды для него и для той женщины, которой онъ благоволитъ давать роль въ нихъ.—Я выразилъ это соображеніе Ильѣ Никитичу, когда мы ѣхали съ нимъ къ Желтухинымъ. Илья Никитичъ выразилъ надлежащее удивленіе къ моей сообразительности, пожалѣлъ, что во время ѣзды по скверной мостовой неудобно встать и поцѣловать меня въ маковку, и сдѣлалъ съ своей стороны три-четыре замѣчанія, которыя тогда показались мнѣ не основательны,—одно кажется обидно и теперь,—и едва ли справедливо, а съ другими я скоро долженъ былъ согласиться: ихъ я приведу къ тѣмъ фактамъ, которыми они подтверждались; а то замѣчаніе, ко-

торое, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не подтверждается фактами, состояло въ томъ, что Илья Никитичъ выразился обо мнѣ такъ: „Эхъ вы, переметная сума“!—во всякомъ случаѣ не деликатно такъ обижать человѣка; это не-хорошо. Что человѣкъ смирный и безотвѣтный, то ужъ и обижать его?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новая исторія, имѣющая надъ прежнею то превосходство, что прямо такъ и начинается съ катастрофы, между тѣмъ, какъ прежняя только уже заканчивалась катастрофою, и что новая катастрофа совершается съ успѣхомъ и плодотворностью, между тѣмъ, какъ прежняя не удалась и не принесла плодовъ.

I.

Борисъ Константинычъ оказывается примѣнившимъ къ себѣ изреченіе мудрыхъ старцевъ и старицъ земли русской: „Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись“!

На вечерѣ у Желтухиныхъ Борисъ Константинычъ былъ скучноватъ, унылъ, даже очень сильно. Потомъ, нѣсколько дней мы не видѣлись. Когда онъ зашелъ ко мнѣ дней черезъ пять, шесть, я ожидалъ, что замѣчу въ немъ слѣды грусти,—нисколько! Онъ былъ въ обыкновенномъ настроеніи духа, лучше обыкновеннаго. Что жъ это?—Хоть и мудрецъ, но все же человѣкъ, а не камень; не слѣдовало бы такъ скоро сбѣжать съ тебя этому разстройству, какъ водѣ съ гуся. Онъ тутъ же разрѣшилъ это мое недоумѣніе. Поговоривъ о дѣлѣ, мы стали болтать. Я вклеилъ какую то шутку надъ его „серафимскимъ промахомъ“,—онъ отвѣчалъ: „Взглядъ вашъ и Ильи Никитича, вѣроятно, очень основателенъ; но не всѣ раздѣляютъ его, и за страданіе, которому подвергла меня ошибка въ характерѣ одной женщины, я вполне вознагражденъ сочувствіемъ другой“.

(На этомъ рукопись прерывается).

Разсказъ о крымской войнѣ *).

(По Кинглеку).

Съ примѣчаніями.

Когда я началъ читать книгу Кинглека *The invasion of the Crimea*, я былъ увѣренъ, что найду въ ней много любопытнаго, но не ожидалъ, что она окажется заслуживающею того, чтобы близко ознакомить съ нею русскую публику.

Кинглекъ былъ близокъ къ лорду Раглану; самъ находился въ Крыму; уже въ то время задумалъ быть историкомъ этого похода; по смерти лорда Раглана, его супруга передала Кинглеку всѣ бумаги своего мужа; это собраніе документовъ и корреспонденцій очень полно: лордъ Рагланъ былъ человѣкъ аккуратный и добросовѣстный. Кинглекъ увѣренъ, что въ переданной ему коллекціи сохранено все, отъ важнѣйшаго и секретнѣйшаго документа до ничтожнѣйшей записки, — рѣшительно все, что поступало въ канцелярію и кабинетъ англійскаго главнокомандующаго. Самъ Кинглекъ обращался съ вопросами ко всѣмъ лицамъ въ Англіи, отъ которыхъ надѣялся получить поясненія по предмету своего труда; получилъ такимъ образомъ множество свѣдѣній, въ дѣльности и добросовѣстности которыхъ вполне убѣжденъ. Даже иностранцы доставляли ему много матеріаловъ; между прочимъ, французское правительство нарочно прислало въ Англію одного изъ лучшихъ офицеровъ французской арміи, чтобы дать всѣ возможные полуофициальныя свѣдѣнія Кинглеку. Притомъ Кинглекъ одинъ изъ важныхъ людей торійской партіи; всѣ свѣдѣнія, которыми располагали его политическіе друзья, были предоставлены въ его распоряженіе. Кромѣ того, англійскіе архивы не имѣли для него никакихъ секретовъ. Онъ одинъ изъ людей, имѣющихъ наиболѣе свѣдѣній по дипломатическимъ дѣламъ: часто лично онъ получалъ свѣдѣнія о такихъ фактахъ по континентальной политикѣ, которые еще были неизвѣстны даже англійскому министерству. Все это обѣщало, что его книга будетъ богата новыми и достовѣрными матеріалами.

Онъ считается однимъ изъ талантливыхъ англійскихъ писателей. Это обѣщало, что книга его будетъ хороша въ литературномъ отношеніи.

Но я очень мало расположенъ къ торійскому образу мыслей. Потому

*) *Примѣчаніе издателя:* Эта статья, также какъ и предыдущая (повѣсть „Алферьевъ“) и романъ „Что дѣлать?“, написана Н. Г. Чернышевскимъ въ 1863 г. въ крѣпости. Начало ея помѣчено 11 августа, а конецъ—6 сентября 1863 г. Болѣе крупнымъ шрифтомъ набранъ текстъ, принадлежащій моему отцу, и его примѣчанія; болѣе мелкимъ—переводъ Кинглека.

ожидалъ, что буду смѣяться надъ умствованіями Кинглека въ его исторіи, какъ смѣялся надъ ними въ его парламентскихъ рѣчахъ. Я ошибся. Въ парламентѣ Кинглекъ — тори, и только. Но, взявшись писать исторію, онъ очень добросовѣстно исполнилъ обязанность историка. Обязанность историка не въ томъ, чтобы, сядя за свой рабочій столъ, забывать свои убѣжденія, — нѣтъ, дѣлать это глупо и гадко, да и не удастся никогда сдѣлать этого. Но ученый въ своемъ кабинетѣ можетъ возвышаться надъ мимолетными интересами дня, господствующими надъ мыслью публициста или оратора, можетъ заботиться о томъ, чтобы не отвлекаться отъ общихъ, долговѣчныхъ интересовъ своей партіи, ради ея мелочныхъ обыденныхъ надобностей. Кинглекъ старался объ этомъ и мнѣ кажется, успѣлъ въ томъ до очень значительной степени. Онъ очевидно хотѣлъ, чтобы и чрезъ двадцать, и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ тори могли указывать на его книгу, какъ на трудъ, достойнымъ образомъ излагающій мнѣніе ихъ партіи. Эта забота очистила его мысль отъ мелочности, больше всего мѣшающей соглашенію добросовѣстныхъ людей всѣхъ партій въ обыденной житейской политической борьбѣ. Онъ остался тори, но такимъ тори, противъ котораго мало имѣлъ бы возраженій англичанинъ моего образа мыслей. Онъ остался англичаниномъ, но такимъ англичаниномъ, противъ котораго очень мало серьезныхъ возраженій можетъ имѣть серьезный русскій читатель.

Главная заслуга его, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ постарался взглянуть на крымскую войну съ полною серьезностью ученаго исследователя, убѣжденного, что чѣмъ болѣе очищается истина, тѣмъ выгоднѣе для всѣхъ націй и всѣхъ партій, въ томъ числѣ и для партіи, которую онъ считаетъ наиболѣе основательною. Поэтому ему удалось понять причины и ходъ крымской войны въ такомъ видѣ, ближе котораго къ истинѣ не подхожу и я, хоть я человекъ другой націи, а главное — совершенно иныхъ политическихъ убѣждений, чѣмъ Кинглекъ.

Выскажу здѣсь главный выводъ того отдѣла его труда, который изданъ въ началѣ нынѣшняго года и съ которымъ я познакомлю теперь русскую публику. По обыкновенному взгляду дюжины статей и оффиціальныхъ документовъ, причины крымской войны выходятъ мелочны до забавности, до пошлости. Неудовлетворительность дѣла принуждаетъ искать на комъ бы сорвать досаду за него. Винять интриганство Пальмерстона, или честолюбіе покойнаго русскаго государя, или зложелательность англійскаго посланника въ Константинополь, лорда Стратфорда, или ошибочность дѣйствій русскаго чрезвычайнаго посла къ портѣ оттоманской, князя Меншикова, или уступчивость Абердина и Росселя Пальмерстону, или уступчивость графа Нессельроде желаніямъ его государя и пр. „Они“ или „Онъ“ виноваты въ томъ, что вышла такая ужасная война изъ-за такихъ мелочей, — вотъ общій голосъ. Мнѣ онъ всегда казался нелѣпъ. Я и въ этомъ вопросѣ не хотѣлъ отречься отъ своего убѣжденія, что капризы и ошибки, страсти и недостатки отдѣльныхъ лицъ безсильны надъ ходомъ великихъ событій, что фактъ, подобный Севастопольской войнѣ, не могъ быть порожденъ или устраненъ волею отдѣльныхъ людей: что онъ — результатъ силъ, владѣющихъ умами громадныхъ массъ, результатъ убѣждений и стремленій націй и партій, а ближай-

шею прямою причиною его долженъ быть другой какой нибудь великій фактъ жизни европейскихъ націй, изъ котораго борьба Россіи съ передовыми державами Европы произошла столь же неотвратимо, какъ событія конца XVIII в. во Франціи изъ предшествующихъ фактовъ западно-европейской жизни, какъ страшное военное могущество Франціи въ началѣ XIX вѣка изъ этихъ событий конца XVIII в., какъ вторженіе западныхъ континентальныхъ военныхъ силъ подъ преобладаніемъ и руководствомъ военныхъ силъ Франціи въ 1812 году произошло изъ развитія страшнаго военного могущества во французской націи. Не Наполеонъ, не его маршалы, не русскіе противники ихъ представляются мнѣ главными силами, дѣйствовавшими въ этомъ фактѣ, называемомъ войною 1812 года. Я вижу тутъ извѣстное историческое положеніе французской націи, нѣмецкой націи, русской націи и отношенія, неотразимо, неотвратимо возникающія изъ этихъ данныхъ положеній, и результаты, столь же неотвратимо возникающіе изъ этихъ данныхъ отношеній между данными силами.

Такъ я смотрѣлъ и на Севастопольскую войну и находилъ, что она — не болѣе, какъ одна изъ результатовъ, необходимо порождавшихся событіями, сосредоточивающимися въ страшномъ кризисѣ французской національной жизни съ ночи 1—2 декабря 1851 до начала 1852 года. Никто не отвергалъ никогда, что французскому правительству, извѣстному подъ именемъ правительства второй имперіи и прикрывающемуся именемъ Наполеона III, принадлежить очень большое участіе въ возбужденіи войны. Но мнѣ страшно и грустно было слышать, какъ мелочно и легкомысленно понимается это участіе: пошлымъ, анекдотическимъ, мелодраматическимъ манеромъ, по которому Наполеонъ III есть великій хитрецъ, геній политическаго искусства, чуть ли не сочетаніе всѣхъ талантовъ Юлія Цезаря и Августа Цезаря въ одномъ лицѣ, — геній болѣе геніальный, чѣмъ даже его дядя, который уже самъ по себѣ превышалъ всѣхъ когда либо существовавшихъ великихъ людей своею геніальностью. Мнѣ всегда казалось иное. Я никогда не измѣнялъ тому взгляду на Наполеона III, несомнѣнность котораго была доказана всею его жизнію и дѣятельностью до ночи съ 1 на 2 декабря 1851 г., и когда я слышалъ дифирамбы негодующаго или восторженнаго поклоненія ему, мнѣ было смѣшно и досадно, — смѣшно, мнѣ представлялись буряты, поклоняющіеся разгнѣванному на однихъ, осыпающему своими милостями другихъ, маленькому пню, правда, обтесанному въ нѣчто сходное съ человѣческою фигурою, но все таки деревянному, бессмысленному и неподвижному. Гнусное идолопоклонство, вредное идолопоклонство, потому что идолопоклонники дурѣютъ и сами отъ этого поклоненія ничтожеству.

Но это ничтожество, этотъ фантомъ есть представитель извѣстнаго положенія французской націи. Представитель того періода ея жизни, когда она въ изнеможеніи отказалась на время отъ заботы о внутреннемъ своемъ развитіи и отдалась подъ власть безцвѣтнаго, грубаго насилія. Ясно было, что ея наслователи должны придумать ей какія нибудь внѣшнія развлеченія, чтобы она поменьше думала о своемъ позорѣ и нашла себя связанною хоть чѣмъ нибудь съ своими наслователями. Ясно было, что люди, которымъ нужно было дать Франціи роль тигрицы, прежде всѣхъ другихъ занятій порекомендуютъ ей по-

считаться съ тою медвѣдицею, которая когда-то погнала ее, полузамершую въ нашемъ климатѣ, черезъ всю Европу на ея родину за Рейнъ. Это было понятно всякому, умѣвшему понимать отношенія, существовавшія тогда между великими державами Европы. Но разсказъ объ этомъ будетъ предметомъ слѣдующей статьи, а теперь довольно будетъ высказать только ту часть моего взгляда на дѣло, который оправдывается частью книги Кинглека, вошедшею въ первую мою статью.

«Въ началѣ зимы 1851 г. Франція была еще республикою; но конституція 1847 года не имѣла корней во Франціи» (1), составилось общее мнѣніе, что

(1) Это правда, она не могла жить, потому что не удовлетворяла почти никого; она была страною амфибіей между республиканскимъ и монархическимъ устройствомъ: въ сущности дѣла президентъ имѣлъ власть болѣе обширную, чѣмъ прежній король, и гораздо болѣе эффе́ктивное по тогдашнему времени основаніе для этой власти: выборъ былъ въ глазахъ массы французовъ болѣе хорошимъ правомъ на довѣріе, чѣмъ наслѣдственность. На бумагѣ, эта черта французской конституціи казалась заимствованною изъ американской (президентъ избирается націею, а не законодательною властью; право назначенія министровъ принадлежитъ президенту); но по различію отношеній, на дѣлѣ выходило совершенно иное. Американцы имѣли привычку не давать никакой безотвѣтственности министрамъ; президентъ, ихъ назначающій и предсѣдательствующій въ ихъ совѣтѣ, былъ не болѣе, какъ повѣренный американцевъ. Насмѣшливо и утрированно, но очень ярко представляется это отношеніе извѣстнымъ анекдотомъ о томъ, какъ какой-то честный портной или сапожникъ въ Вашингтонѣ шелъ по улицѣ, прогуливался, дѣлать ему было нечего; онъ шелъ мимо „Бѣлаго Дома“, въ которомъ живетъ президентъ, „дай зайдѣ“ — зашелъ, „за чѣмъ вы?“ — спрашиваетъ его слуга, онъ сказалъ, — „пожалуйте“ — слуга провелъ его по всѣмъ параднымъ комнатамъ, ремесленникъ очень внимательно осматривалъ мебель, и вышелъ изъ „Бѣлаго Дома“ успокоившись: онъ заходилъ посмотрѣть, не крадетъ ли, или не портитъ ли президентъ казенную мебель. Во Франціи привычки были не тѣ. Перенести слова американской конституціи во французскую, значить, перенести мебель изъ Бѣлаго Дома въ Тюльери. Мебель та же, но ея значеніе для посѣтителей будетъ другое: кресло будетъ стоять на мѣстѣ престола. — Надобно сказать, что изъ 1.200 членовъ конституціоннаго собранія, вотировавшаго конституцію 1848 г., 900 человекъ очень хорошо понимали это, но они были люди; одни изъ нихъ ошиблись въ выборѣ средства для достиженія своихъ цѣлей, другіе прежними ошибками отняли у себя возможность отвратить ошибку въ этомъ случаѣ. Собранія дѣлились по вопросу объ этой (статьѣ) чертѣ конституціи такимъ образомъ: около 600 голосовъ принадлежало людямъ, желавшимъ возстановленія монархіи; но республика была провозглашена еще такъ недавно, что въ ту пору (осень 1848 г.) невозможно было думать о попыткѣ воз-

становленія; надобно было сдѣлать отсрочку; да притомъ они и сами еще не поладили между собою, котораго изъ двухъ претендентовъ возстановить,—легитимистскаго или орлеанскаго; и поэтому также была нужна имъ отсрочка; а между тѣмъ, важно было, чтобы во время отсрочки сущность администраціи была согласна съ монархическими преданіями, т. е., чтобы самъ глава совѣта министровъ имѣлъ прямое самобытное значеніе въ глазахъ націи, для этого американская форма была удобна, нація прямо выбираетъ президента, онъ носитъ свой санъ независимо ни отъ кого. Около 300 человекъ изъ республиканцевъ (Кавеньякъ, Марра—Marrast) полагали, что нечего дѣлать, надобно принять американскую форму, что вѣроятность возстановленія монархіи гораздо меньше, чѣмъ возможность новаго, еще болѣе страшнаго возстанія, подобнаго ужасной іюньской рѣзнѣ. Вотъ только эти 300 человекъ и ошибались тогда въ пониманіи положенія дѣла; они не замѣтили, что ударъ, нанесенный крайнимъ республиканцамъ вслѣдствіе іюньскаго пораженія республ. инсургентовъ, былъ слишкомъ тяжелъ, что крайніе республиканцы надолго стали безсильны. Но и эта ошибка была натуральна: ошибавшіеся сами нанесли этотъ ударъ, они еще не успѣли убѣдиться, что прежніе противники дѣйствительно стали безопасны для нихъ: какая армія ждетъ, что война кончается на другой день послѣ боя?—она еще долго все остерегается новыхъ попытокъ нападенія, содержитъ усиленные караулы, держится въ лагерномъ порядкѣ. Итакъ, эти 300 человекъ думали: „надобно еще принимать мѣры предосторожности противъ враговъ“; а главная мѣра предосторожности противъ новаго возстанія была, конечно, усиленіе значенія правительства и главы правительства въ глазахъ націи. Для этого американская форма была удобна, и они вотировали ее вмѣстѣ съ монархистами; и только они не замѣтили того, что форма, вотируемая ими, несообразна съ республиканскими учрежденіями при данномъ положеніи; остальные 300 республиканцевъ видѣли это, какъ видѣли монархисты, потому вотировали противъ. Они еще такъ недавно были во враждѣ съ другими 300 республиканцами, что не могли убѣдить ихъ въ искренности своего желанія мириться, а можетъ быть, еще и въ самомъ дѣлѣ считали дѣломъ возможнымъ скоро оправиться и возобновить борьбу; но по нежеланію ли умѣренныхъ республиканцевъ мириться съ ними, или потому, что недостаточно сами хлопотали объ этомъ, они были въ ту минуту безсильны въ собраніи. Вотъ сущность дѣла: 600 голосовъ было за американскую форму, какъ за полезную для возстановленія монархіи; 300 голосовъ было за нее, какъ за полезную для сохраненія тишины; эти 300 ошиблись, тѣ 600 въ сущности дѣла не ошиблись, но въ своихъ надеждахъ ошиблись; возстановилась не та монархія, какой они хотѣли.

Почему же было таково положеніе дѣлъ осенью 1848 года, что монархисты вотировали за республиканское учрежденіе, половина республиканцевъ за учрежденіе, требуемое монархистами?—Здѣсь было бы неумѣстно, длинно объяснять это, но сущность дѣла состояла въ томъ, въ чемъ теперь признаются разсудительныя люди обѣихъ боровшихся партій и cadaго изъ двухъ главныхъ отдѣловъ, боровшихся внутри каждой партіи: правительство орлеанской династіи надѣлало очень много ошибокъ и тѣмъ восстановило противъ

себя общественное мнѣніе. Республиканцы вздумали, что могутъ, пользуясь этимъ, низвергнуть монархическія учрежденія; легитимисты смотрѣли на нихъ съ удовольствіемъ, даже помогали имъ, думая совершенно справедливо: „низвергайте, пожалуйста, Луи-Филиппа, вы этимъ приведете только націю къ возведенію на престолъ государя изъ другой династіи, потому что французы еще не думаютъ о республиканскихъ учрежденіяхъ, а привычки у нихъ монархическія“. Это была совершенная правда; ошибались легитимисты только въ томъ, что думали: „единственный серьезный претендентъ—нашъ; вѣдь бонапартистской партіи вовсе не существуетъ между политическими людьми“. Между политическими людьми, дѣйствительно, почти вовсе не было бонапартистовъ; легитимисты ошиблись только въ томъ, что не думали о равнодушіи массы ко всякимъ политическимъ партіямъ, равнодушіе, которое существуетъ не только почти на всемъ континентѣ Европы (кромѣ развѣ Швейцаріи), но и въ самой Англіи, гдѣ масса—нынѣ въ восторгѣ отъ Росселя, завтра восхищается Кобденомъ, послѣ-завтра—Робертомъ Пилемъ, а вообще знаетъ только „парламентъ—восхитительная вещь“ и „да здравствуетъ король“ (или королева), а что такое дѣлаетъ парламентъ, какое значеніе имѣетъ король, этого и въ Англіи масса не знаетъ: ей некогда думать объ этомъ. Въ Англіи политическіе люди, наученные долгимъ опытомъ, увидѣли всѣ, что время бороться противъ слова „парламентъ“ уже прошло, что время успѣшно бороться противъ титула „короля“ еще не настало; а династія и дворъ убѣдились, что политическіе люди дѣйствительно такъ думаютъ. Потому, по общему соглашенію династіи, двора и политическихъ людей всѣхъ партій, согласились оставить виѣ круга борьбы престолъ и парламентъ, не поднимать массу ни противъ того, ни противъ другого, потому что всѣ попытки къ этому кончались бы или уже неуспѣхомъ, или еще неуспѣхомъ. Потому въ Англіи уже довольно давно все идетъ уже мирно и еще мирно. Но Франція занялась политической жизнью новаго направленія гораздо позднѣе Англіи; у политическихъ людей и у двора Франціи еще нѣтъ столько опытности, чтобы дворъ убѣдился искренно въ невозможности бороться противъ парламентской формы; оттого, политическія партіи и принуждены безпрестанно обращаться къ крайнему напряженію силъ націи, — а масса націи, тоже еще неопытная, поддается на эти попытки, — то ловится на словѣ „республика“ и воображаетъ, что можетъ уже отбросить прежнюю привычку любить короля, — то ловится на словѣ „король“ и воображаетъ, что ненавидитъ республику, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мало понимаетъ, что такое за вещь республика, что такое монархія и какая разница между этими формами, и есть ли между ними какая нибудь разница, въ самомъ дѣлѣ интересная для нея, французской націи. Итакъ, легитимисты думали поймать націю на словѣ республика, чтобы замѣнить государя одной династіи государемъ другой; а республиканцы все усердно работали въ пользу республики, но сами они стали замѣчать, что слово республика плоховато что-то интересуется народъ, кажется ему прѣсновато и непонятно; чѣмъ бы подправить его по народному вкусу? — думали, думали, — и рѣшили: подправить соціальною теоріею. Это было тѣмъ натуральнѣе, что почти всѣ республиканцы были не совсѣмъ старовѣры въ поли-

тической экономіи: любили побранивать Мальтуса, кстати Адама Смита, кстати даже и Жанъ-Батиста Сэ и Мишеля Шевалье и Росси; но они занялись этимъ только между дѣломъ и отъ нечего дѣлать; это казалось имъ вещью не важною, и вотъ этою мелочью, по ихъ мнѣнію, они поладили съ социалистами. Социалисты, особенно Луи-Бланъ, бывшій въ 1846—47 годахъ главнымъ представителемъ въ публикѣ и у простолюдиновъ, какъ Эжень Сю—у парижскихъ швей повѣрили, что республиканцы очень сильно полюбили социализмъ, и принялись работать для возбужденія массы на пользу республиканцевъ, а республиканцы стали говорить тономъ социалистовъ. Парижскіе простолюдины знали, что такое социализмъ, но не знали опредѣленно, что такое республика; они не знали, что у нихъ во Франціи слово республика означаетъ вовсе не то, что въ Швейцаріи или Америкѣ, тамъ, что оно значить то, что во Франціи называется „парламентское правленіе“, по примѣру Англіи; въ Англіи это выраженіе „парламентское правленіе“ было принято въ концѣ XVII вѣка, чтобы кончить волненія полюбовною сдѣлкою. Теперь уже и сами англичане забыли это (т. е. и масса простого народа, и публики, и писателей,—забыла). Французы, съ голоса забывшихъ смыслъ своего слова англичанъ, тоже ошиблись, не сообразили, что нынѣшняя англійская форма отличается отъ нынѣшней швейцарской только именемъ, только титуломъ перваго правителя: въ Англіи этотъ сановникъ называется—первый министръ, въ Швейцаріи президентъ республики; форма правленія одна и та же. Но, дѣйствительно, есть фактъ, соотвѣтствующій разницѣ названій: въ сторонѣ отъ настоящаго правительства (комитета, составляемаго изъ господствующей въ нижней палатѣ партіи, которому поручаетъ это дѣло партія;—лицо это—первый министръ, комитетъ—министерство, въ которомъ онъ предсѣдатель), въ сторонѣ отъ этого правительства въ Англіи стоитъ дворъ, центръ котораго—династія. Дворъ не имѣетъ силы вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, онъ видѣлъ уже очень давно, что безсилень противъ парламента, т. е. въ сущности противъ нижней палаты, которая безусловно проводитъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ свою волю, допуская верхнюю палату только быть своею совѣтницею, пока остается сама холодна, но какъ только въ нижней палатѣ большинство одной партіи надъ другой твердо, и какъ только большинство горячо хочетъ чего нибудь, верхняя палата отступается отъ своихъ совѣтовъ и соглашается на все, чтобы не возбуждать серьезной борьбы, въ которой, какъ сама знаетъ, погибла бы. Будучи убѣждена въ томъ, что верхняя палата не служитъ и не желаетъ служить серьезнымъ ограниченіемъ ея власти, нижняя палата оставляетъ ее существовать, какъ безвредную для себя въ сущности, чтобы не волновать массу напрасной борьбой. Точно такъ, обѣ палаты вмѣстѣ оставляютъ существовать дворъ, который не служитъ серьезнымъ ограниченіемъ власти парламента и комитета (министерства), управляющаго дѣлами по порученію нижней палаты. Въ Швейцаріи нѣтъ ни палаты перовъ, ни двора; отъ этого сущность дѣла очевиднѣе, чѣмъ въ Англіи; но и тамъ и здѣсь, она одна и та же. Какую же форму должно принять стремленіе Франціи къ такому управленію, какъ въ Англіи и Швейцаріи: сохранится ли дворъ и палата перовъ, какъ въ Англіи, устранится ли? Тутъ былъ споръ не изъ-за сущности дѣла,

но только изъ-за внѣшняго вида его, но споръ очень горячій. Искренніе приверженцы парламентскаго управленія съ сохраненіемъ англійскихъ формъ (династическая оппозиція, т. е. оппозиція, желавшая сохранить орлеанскую династію, но не одобрявшая системы управленія, по которой Луи-Филиппъ имѣлъ очень большую дѣйствительную власть, какой вовсе не имѣетъ въ Англіи царствующее лицо) не могли поладить съ республиканцами. Это и было едва ли не главною причиною всѣхъ волненій, междоусобицъ и переворотовъ, начавшихся въ 1847 году агитаціею противъ высокаго ценза (династическая оппозиція) имѣвшею своимъ предводителемъ Одилона Барро, началось это движеніе при помощи всѣхъ другихъ недовольныхъ; когда оно разгорячилось умы, то по всегдашнему закону стало переходить подъ руководство людей болѣе смѣлыхъ республиканцевъ; неосторожное рѣшеніе Луи-Филиппа и Гизо дѣйствовать силою вмѣсто того, чтобы успокоить броженіе уступкою, произвело февральскій взрывъ; это былъ довольно ранній періодъ агитации, характеръ ея предводителей не опредѣлился, публика видѣла въ якихъ недовольныхъ королемъ, созывающимъ ее на борьбу—противъ чего? публика не успѣла еще разобрать противъ ли министерства Гизо, или противъ всей системы управленія Луи-Филиппа, или противъ англійскихъ учреждений, или противъ еще чего нибудь другого? Публика не могла разобрать 25-го февраля, кто же побѣдилъ 24-го февраля; но побѣда была рѣшена битвою, бойцами была парижскіе работники, нельзя было не уважить ихъ, потому провозглашена была республика; а въ собраніе, которому было поручено устроить республиканскій порядокъ, попали безъ разбора всѣ, кто прежде вооружался противъ низвергнутаго правительства: человекъ 300 легитимистовъ, человекъ 300 бывшей династической оппозиціи (орлеанисты), человекъ 300 умѣренныхъ республиканцевъ, которые желали только парламентскаго правленія съ устраненіемъ двора, и человекъ 300 представителей радикальныхъ тенденцій грамотной части простонародья (красные и социалисты). Отъ этого и республика, и конституція вышли неудобоисполнительныя ни для кого.

страна была застигнута врасплохъ революціею 1848 года, была врасплохъ принуждена объявить себя республикою, что монархическая система правленія единственно удобная для Франціи. Чувство тревожности, происходившее изъ этого мнѣнія, соединилось съ ужасающею боязнью возстаній, подобныхъ тѣмъ, какія, три съ половиною года тому назадъ, наполняли улицы сценами кровопролитія. Людямъ наблюдательнымъ и людямъ боязливымъ казалось, что уже недалекъ и часъ неизбежнаго возвращенія анархіи, что онъ опредѣленъ самою конституціею, требовавшею, чтобы весною слѣдующаго года былъ назначенъ новый президентъ; что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и характерѣ французской націи, это дѣло не обойдется мирно, что долгое ожиданіе опасности раздражитъ первыя люди; а французы въ такихъ случаяхъ стремительно бросаются впередъ или отступаютъ,—труднѣе всего имъ хладнокровно стоять, или идти равнымъ шагомъ, стройно.

Вообще, Франція находила, что лучше всего—вновь мирно выбрать тогдашняго президента, не смотря на правило конституціи, запрещавшее это (2); огромное большинство законодательнаго собранія слѣдовало этому мнѣнію, но его желаніе не могло

(2) Въ американской конституціи нѣтъ правила, запрещающаго вновь выбирать прежняго президента. Но республиканцы, вотиновавшіе вмѣстѣ съ монархистами, понимали, чего хотятъ монархисты, потому монархисты и должны

были сдѣлать имъ эту уступку, чтобы сохранить ихъ голоса: республиканцы ждали, когда вотировали конституцію, что монархисты будутъ имѣть кандидатами на президентство кого нибудь изъ своихъ, и хотѣли помѣшать неопредѣленному продленію власти монархическаго президента, еслибъ онъ былъ выбранъ.

получить силы закона, потому что не имѣло за себя три четвертыхъ доли всего числа голосовъ, а республиканская конституція 1848 года неблагоприятно постановляла, что перемѣны въ ней не могутъ быть производимы иначе, какъ рѣшеніемъ большинства трехъ четвертей голосовъ (3). Дѣйствіе политическаго организма за-

(3) Такія условія дѣйствительно неблагоприятны. Если большинство законодательнаго собранія разсудительно, оно само удержится отъ опрометчивыхъ дѣйствій; если же оно неразсудительно, никакія ограниченія не дадутъ благоразумія людямъ, распоряжающимся дѣлами, т.-е. все-таки тому же большинству. Тогдашнее законодательное собраніе состояло болѣе чѣмъ на двѣ трети изъ монархистовъ и приверженцевъ президента, хотѣвшихъ измѣнить это правило. Но остальные были республиканцы; еслибъ они предвидѣли, что выйдетъ, они уступили бы; но они думали, что на президентскихъ выборахъ имъ удастся провести своего кандидата, если тогдашній президентъ не будетъ въ числѣ кандидатовъ. И монархисты, и республиканцы, какъ видимъ теперь, ошиблись. Правило именно потому и было вставлено въ конституцію 1848 г., что республиканцы тогдашняго собранія (1848 г.) ждали, что въ слѣдующемъ собраніи монархисты будутъ имѣть большинство. А когда оба отдѣла республиканской партіи въ собраніи 1848 г. соединились, они имѣли большинство, потому что къ нимъ присоединялись тѣ изъ монархистовъ, которые не желали тогда рѣшительной борьбы или по любви къ спокойствію, или по разсчету, что выгоднѣе отложить ее. Парламентское большинство въ сущности не можетъ быть связываемо ничѣмъ, кромѣ своего благоразумія, или безсилія самого парламента. Въ Англіи veto верхней палаты примѣняется, какъ мы сказали, лишь къ мелкимъ случаямъ; королевское veto—вовсе не примѣняется на дѣлѣ, оно остается лишь на бумагѣ. Но такъ какъ въ Англіи уже нѣтъ и еще нѣтъ такихъ вопросовъ, изъ за которыхъ та или другая партія готовы были идти на смертный бой, то объ онѣ, которая бы ни была въ большинствѣ, дѣйствуютъ не слишкомъ горячася. Напрасно приписывать это „благоразумію“ англійской натуры, это просто особенность положенія историческаго періода, не болѣе, какъ симптомъ извѣстнаго положенія дѣлъ по вопросамъ внутренней политики. По иностраннымъ дѣламъ нижняя палата часто горячится очень сильно, но тутъ вѣдь уже объ партіи сближаются сильно по сущности дѣла.

труднялось этою стѣснительною задержкою, и многіе, вообще наклонные уважать законность, были принуждены признавать, что конституцію надобно передѣлать безъ уваженія къ ея условіямъ. Но республика была еще далека отъ серьезныхъ взрывовъ. Законъ сохранялъ свою силу, и рѣшимость поддерживать порядокъ, во что бы то ни стало, была такъ сильна, что собраніе вручило президенту власть объявлять находящимся на военномъ положеніи тѣ департаменты, которые покажутся подвергающимися опасности смутъ (4). Борьба, шедшая въ собраніи, была вѣснательна въ

(4) Монархисты законодательнаго собранія продолжали считать опаснѣйшими своими врагами республиканцевъ, а президента менѣе опаснымъ, и притомъ такимъ, котораго могутъ они уничтожить даже безъ борьбы, при первомъ серьезномъ покушеніи его противъ существующаго порядка, потому что они думали въ такомъ случаѣ соединиться противъ президента съ республиканцами; они полагали, что самъ по себѣ онъ ничего не значитъ, что онъ только на-мѣстникъ, поддерживаемый ими въ ожиданіи, пока имъ придетъ время открыто поставить своего президента на его мѣсто.

глазахъ военныхъ людей или любителей деспотической рѣшимости и крутости; но она показывала скорѣе признаки здоровья, чѣмъ опасности для государства. Приверженцы Луи-Наполеона утверждали, будто бы дѣйствія правительства стѣснялись враждебными ему рѣшеніями законодательнаго собранія или рѣчами; это неправда. Еще большая клевета то, что собраніе занималось составленіемъ умысловъ противъ президента (5). Армія вспоминая свое униженіе въ 1848 году, была въ

(5) Дѣйствительно, это чистая неправда. Собраніе избѣгало всякой борьбы съ президентомъ, опасаясь, что если раздражить его, онъ обернется къ республиканцамъ; онъ и точно постоянно дѣлалъ нѣкоторыя попытки этого, думая, не согласятся ли республиканцы на продленіе его власти, если онъ возьметъ министровъ изъ ихъ партіи, т. е. отдастъ управленіе дѣлами въ ихъ руки, но лишь бы сохранить за собою первое мѣсто въ государствѣ; по какой системѣ управлять государствомъ—ему все равно, лишь бы считаться первымъ по почету лицомъ. Онъ не имѣлъ политическихъ убѣжденій, кромѣ одного, что онъ долженъ быть главою французской державы. Но дѣло въ томъ, что дѣйствительно монархисты оставляли его на мѣстѣ не для него, а для себя, они не дѣйствовали противъ него, но вели дѣла къ тому, чтобы поскорѣе пришла возможность замѣстить этого повѣреннаго или президентомъ монархической партіи, или и прямо королемъ.

досадѣ на народъ, рада была воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ дѣйствовать противъ него (6); но не было ни одного генерала съ репутаціею, кото-

(6) Въ арміи тогда и состояла конечно сущность дѣла. Но армія стала за президента не по этому чувству, которое было слабо, да и то было возбуждаемо лишь искусственнымъ образомъ. Важность заключается въ томъ, что по самому характеру военной дисциплины, армія обязана исполнять команду, какую бы ни получила: такъ, слѣдовало лишь замѣнить однихъ командировъ другими, и армія стрѣляла въ какую угодно сторону; положеніе солдата въ строю таково, что онъ не можетъ поступать иначе. Пока Шангарнье былъ главнокомандующимъ, монархистамъ нечего было бояться арміи. Главная ошибка монархистовъ была въ томъ, что они дали Луи-Наполеону волю выдвинуть въ командиры людей, не бывшихъ монархистами; этими назначеніями дѣло было рѣшено, если монархисты не пошлютъ своихъ генераловъ принять команду надъ войсками прежде, чѣмъ войска будутъ поставлены въ строй. Войско въ строю—не больше, какъ машина, дѣйствующая штыками, палашами, пулями и ядрами. За тѣмъ оно и устраивается; чѣмъ

ближе подходит оно къ этому идеалу, тѣмъ оно лучше. Въ отличной арміи два полка будутъ сражаться одинъ съ другимъ, какъ гладіаторы.

рый согласился бы сдѣлать выстрѣлъ, не имѣя на то приказа отъ военнаго министра, по тогдашнему закону, единственнаго человѣка, который могъ давать уполномочіе на это (7).

(7) Подпись президента, по закону, не имѣла никакой силы безъ контрассигнировки министра.

Но президентомъ республики былъ принцъ Шарль Луи-Наполеонъ Бонапарте считавшій себя, по сенатской консулту 1804 года, законнымъ наслѣдникомъ императора французевъ. Выборы, сдѣлавшіе его главою государства, были ведены (при управленіи умѣреннаго республиканца Кавеньяка, его соперника по кандидатурѣ на президентство) со строгимъ безпристрастіемъ, а онъ въ прежнее время два раза дѣлалъ попытки сѣсть на французскій престолъ, вѣтому онъ имѣлъ право заключать, что милліоны гражданъ, избравшихъ его на президентство, хотятъ воспользоваться его честолюбіемъ для возстановленія монархической формы правленія во Франціи (8).

(8) Это и правда. Масса искренно подавала голосъ за него, но не потому, что была за него, а потому, что была тогда на сторонѣ его покровителей, монархистовъ, какъ за полгода передъ тѣмъ была на сторонѣ республиканцевъ; кого бы ни рекомендовали ей тогда монархисты, она выбрала бы всякаго; и Шангарнье, и всякаго другого; но счастье Луи-Наполеона было въ томъ, что монархисты не успѣли сойтись ни на какомъ другомъ кандидатѣ: легитимисты не соглашались на орлеанистскихъ кандидатахъ, орлеанисты на легитимистскихъ; нейтральнаго не нашлось никого, кромѣ него: на него силѣе всѣхъ указывалъ Тьеръ; указывалъ также Эмиль Жирарденъ: покровительство Тьера было главною опорою его счастья; содѣйствіе Эмиля Жирардена было полезно потому, что Жирарденъ, журналистъ необыкновенно даровитый, не имѣлъ себѣ соперниковъ между людьми, занимавшимися политическою полемикой; газета Жирардена, „Presse“, была тогда наиболѣе читаемою и любимою, она отняла сотни тысячъ, если не два-три милліона голосовъ у Кавеньяка. Жирарденъ былъ равнодушенъ къ вопросу о монархической, или республиканской формѣ правленія. Человѣкъ вполнѣ практическій, онъ видѣлъ безсиліе умѣренныхъ республиканцевъ сдѣлать что нибудь, видѣлъ, что надобно сдѣлать что нибудь для успокоенія Франціи,—думалъ, что всякое твердое правительство займется реформами, истинно полезными, потому говорилъ: не надобно колебаться, надобно отдать власть или монархистамъ, или крайнимъ республиканцамъ, кому нибудь, для него было все равно, только отдать ее въ руки людей съ опредѣленными планами реформъ. Онъ думалъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и монархисты должны будутъ дѣлать широкія реформы; крайніе республиканцы были поражены тогда іюньскимъ ударомъ; потому онъ сталъ за монархистовъ и могущественно поддерживалъ ихъ кандидата. Послѣ онъ также увидѣлъ, что ошибся,—увидѣлъ очень скоро, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выборовъ, но уже было поздно. Никто не повредилъ кандидатурѣ Кавеньяка столько, какъ онъ.

«Но если онъ успѣлъ выказать свое честолюбіе, которое, можно сказать, было наложено на него обстоятельствами, онъ остался—и это было счастьемъ для него,—

извѣстенъ за человѣка, бѣднаго умомъ. Во Франціи тогда вообще считали его тупымъ. Когда онъ говорилъ, ходъ его мыслей былъ вялъ; черты его лица были пошлы; онъ много учился и думалъ, но его сочиненія не выказали въ немъ свѣтлаго ума, хотя онъ очень усердно обрабатывалъ ихъ. Даже его приключенія не придали ему интересности, какую обыкновенно пріобрѣтаютъ авантюристы. Когда онъ жилъ въ Лондонѣ, тѣ лондонцы, которые любили собирать у себя людей съ извѣстностью, никогда не представляли его своимъ друзьямъ, какъ серьезнаго претендента на престолъ, а представляли какъ будто какого нибудь аэронавта, который два раза падалъ съ своего воздушнаго шара, и все-таки остался—хоть до нѣкоторой степени—живъ и здоровъ. Онъ полюбилъ англійскія привычки, сталъ хорошимъ псовымъ охотникомъ, любителемъ конскихъ скачекъ. Онъ былъ любезенъ, общителенъ, мягокъ и веселъ, и довольно охотно говорилъ о своихъ видахъ на французскій престолъ съ афоризмами о своемъ «предначертаніи» онъ обращался, очевидно по политическому расчету, къ случайнымъ знакомымъ; но съ своими близкими друзьями онъ говорилъ языкомъ практичнаго претендента на императорскій престолъ.

«Мнѣніе, составившееся о немъ во времена его изгнанія, мало измѣнилось и по его возвращеніи во Францію; въ національномъ собраніи его видѣли человѣкомъ, не имѣющимъ большого ума, и потому считали его безвреднымъ, а на президентскомъ креслѣ онъ вообще казался вялымъ. Но была горсть людей, издавна имѣвшихъ увѣренность, что онъ человѣкъ способный, а въ послѣднее время наблюдательные люди замѣчали, что между тѣми изъ официальныхъ документовъ, которые, какъ было извѣстно, писалъ самъ президентъ, по временамъ являются такіе, которые вовсе не бѣдны мыслью и показываютъ, что человѣкъ, писавшій ихъ, отдѣляя себя отъ націи, главою которой былъ, умѣетъ разсматривать ее какъ предметъ холоднаго наблюденія. Долго безконечно изучая сочиненія Наполеона I, онъ пріобрѣлъ манеру и привычку своего дяди смотрѣть свысока на французскій народъ, считать его просто матеріаломъ изученіемъ и управленіемъ котораго занимается чужой этому матеріалу умъ. Въ долгіе періоды его тюремнаго заключенія и изгнанія, отношенія между нимъ и Франціею которую изучалъ онъ, были очень похожи на отношенія между анатомомъ и трупомъ. Онъ читалъ лекціи о немъ, онъ разсѣкалъ его по суставамъ; онъ объяснял ихъ отправления; онъ показывалъ, какъ дивно природа, въ своей безконечной мудрости, приспособила это тѣло на службу династїи Бонапарте, и какъ безъ попечительности этихъ Бонапарте оно истлѣетъ и исчезнетъ изъ міра.

«Если его умъ былъ менѣе, чѣмъ какой предполагался въ немъ во время англо-французскаго союза, онъ гораздо выше той тупой ограниченности, какую приписывали ему въ прежнее время, начиная съ 1836 года до конца 1851 г. Люди долго не могли признать ловкости этого ума потому, что наука, надъ которой онъ работалъ, имѣла отталкивающій характеръ. И до него было много людей, унижавшихъ себя до внесенія обмана въ политику; еще больше людей, трудившихся на менѣе возвышенномъ поприщѣ, прилагали свою ловкость къ дѣламъ, занимающимъ собою суды исправительной полиціи и уголовныя; но едва ли кто изъ людей нашего поколѣнія, кромѣ принца Луи-Бонапарте, проводилъ въ трудолюбивой юности и въ серьезной молодости цѣлые часы и часы, придумывая, какъ примѣнить плутовство къ юридической наукѣ. Очень можетъ быть, что не врожденная низость была причиной такого направленія его ума. Наклонность долго, долго сидѣть надъ обдумываніемъ плана для достиженія цѣли была точно уже въ самой натурѣ его; но изъ этого еще не слѣдуетъ что отъ самой натуры получилъ онъ склонность думать именно надъ тѣмъ, какъ дѣлать законъ орудіемъ обмана; родство дало ему эту склонность,—оно уже несомнѣнно дало ее, если не дала натура. Правда, онъ могъ бы, если бы былъ человѣкъ твердый, отвергнуть указаніе, данное ему случайностью того, что онъ родился именно въ фамиліи Бонапарте; но могъ бы лишь тогда, когда рѣшился бы остаться частнымъ человѣкомъ. А когда онъ рѣшился быть претендентомъ на императорскій престолъ, то разумѣется, ему надобно стало обдумывать, какимъ же образомъ грубое Бонапартовское иго 1804 года можетъ быть передѣлаво такъ, чтобы мягко положить на шею Франціи. Франція—европейская держава, а иго въ сущности было

такое, какое монголы положили на китайцевъ,—изъ этого слѣдовало, что требуемая передѣлка должна быть просто поддѣлкою, плутовствомъ.

«И такъ отъ требованія своего наслѣдственнаго притязанія скорѣе, чѣмъ отъ врожденной испорченности сердца, принцъ Луи-Наполеонъ сталъ обманщикомъ по ремеслу; ждать отъ него, чтобы онъ былъ не вѣроломъ предъ Франціею, не отказываясь совершенно отъ своихъ претензій, было рѣшительно несообразностью.

«Цѣлые годы принцъ изучалъ это странное ремесло и, усердно занимаясь, сталъ очень искусенъ въ немъ. Задолго передъ тѣмъ, когда пришла ему возможность примѣнить къ дѣлу его крючкотворное ремесло, онъ уже научился тому, по какимъ правиламъ составляется конституція, которая на словахъ устанавливала бы одно, а на дѣлѣ другое. Онъ научился, какъ употреблять, напримѣръ, слово «судъ присяжныхъ» въ законахъ, отиѣняющихъ его; умѣлъ дѣлать ловушки изъ слова «вопрошаніе безъ ценза» (suffrage universel), зналъ, какъ удушить націю ночью посредствомъ фокуса, называемаго плебисцитомъ (9).

(9) Все это правда. Но всего этого было бы мало, успѣхъ былъ просто насильно взваленъ на плечи президенту силою хода обстоятельствъ; точно такъ и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ бы на его мѣстѣ и всякій другой политическій авантюристъ, глупый или умный все равно, лишь бы человѣкъ, не служащій какомунибудь опредѣленному убѣжденію, а думающій только о томъ, чтобы захватить побольше власти. Тутъ совершалась во Франціи извѣстная басня, — и нѣсколько разъ, и при послѣднемъ разѣ шла въ присутствіи Луи-Наполеона, прежде присутствовали другіе, и поступали также. Басня вотъ какая: левъ и медвѣдь поймали оленя общими трудами; поймавши, разодрались изъ за раздѣла добычи; оба они звѣри почти равносильные, потому бой былъ почти равно тяжелъ для обоихъ; они оба перебрались и изнурились,—медвѣдь былъ побѣжденъ: но левъ остался едва живъ, и не могъ ничего сдѣлать противъ лисицы, которая спокойно пришла, сѣла и стала кушать оленя предъ глазами неподвижнаго льва. Напрасно басня говоритъ, что это была именно лисица, такъ же успѣшно и спокойно могъ бы кушать очень не сильный передъ здоровымъ львомъ или медвѣдемъ всякій звѣрь, лишь бы имѣлъ влеченіе къ мясной пищѣ и привелось ему проходить по сосѣдству: волкъ, шакалъ, собака, — все равно, большой хитрости не требуется. Хитрость будто только въ томъ, чтобы дожидаться безопаснаго времени, потому что, сунься этотъ слабый звѣрь одною минутою раньше, левъ и медвѣдь бросили бы (хоть на минуту) драку и растерзали посторонняго посѣтителя; но это ожиданіе вѣдь не отъ хитрости, — оно просто отъ сознанія своей слабости передъ борющимися: какъ сунется, когда жилы дрожать отъ страха, ноги не двигаются? Страшно, ревъ идетъ ужасный; ревъ утихъ, раздается глухой хрипъ побѣжденнаго, слабые стопы побѣдителя, ноги зрителя идутъ впередъ, потому что жилы его перестали дрожать, а вкусный видъ оленьяго мяса уже давно тянутъ къ себѣ его аппетиты. Эта пьеса нѣсколько разъ повторилась во Франціи въ бурное время 1847 (конца) — 1851 (до конца) года. Два отдѣла орлеанистовъ (Гизотовскій и Тьеровскій) попили на смертный бой изъ за власти; когда оба отдѣла дрались другъ друга такъ, что французы подумали: тѣ и другіе никуда не годятся, негодяи, — то пришли республиканцы и взяли власть (февральская революція). Очень слабые до февральской революціи, республиканцы стали

дѣйствительно очень сильны, когда успѣли взять власть; во Франціи всегда такъ: масса народа любить спокойствіе, если какая нибудь рука, благодаря случаю, захватить команду надъ арміею, желѣзными дорогами и телеграфомъ, народъ думаетъ: „а Богъ съ ними, пусть управляютъ, какъ хотятъ, вѣдь мы то, по совѣсти говоря передъ самими собою, этихъ ихъ дѣлъ не понимаемъ, изъ за чего тамъ они спорятъ въ палатѣ и въ газетахъ, хоть и говоримъ другимъ, что понимаемъ, — чортъ ихъ разберетъ, а любопытно послушать и почитать, потому что занимательно, какъ романъ, — такъ и пусть себѣ управляютъ, лишь бы не мѣшали намъ заниматься нашими серьезными дѣлами: пахать землю, работать на фабрикахъ, заводахъ, торговать, быть фабрикантами, помѣщиками, — намъ, пахарямъ и землевладѣльцамъ, фабричнымъ и фабрикантамъ, мелкимъ лавочникамъ и негоціантамъ, не хочется ссориться съ арміею, полиціею и вѣсѣмъ чиновничествомъ изъ за формы правленія; пусть себѣ управляютъ, лишь бы былъ порядокъ, безъ котораго намъ нельзя заниматься дѣлами“. И такъ, если бы сами республиканцы не подняли новаго шума ссорою между собою, сидѣли бы они правителями: по два ихъ отдѣла, красные и умѣренные, поссорились и отдѣлали другъ друга (теперь ужъ не на однихъ словахъ, а и оружіемъ на улицахъ Парижа), такъ что одинъ изъ соперниковъ (красные, социаллисты) остался на мѣстѣ за-мертво, другой (умѣренные республиканцы) тотчасъ послѣ побѣды тоже повалился, истекая кровью (ужасная трехдневная іюньская битва 1848 г., — такая, что со времени Ватерлооской до сихъ поръ едва ли была столь кровопролитная и ожесточенная, кромѣ главнаго севастопольскаго штурма. Число убитыхъ, конечно, неизвѣстно: дрались вѣдь не одни состоявшіе въ спискахъ полковыхъ штабовъ или въ спискахъ красныхъ клубовъ, — дрались всякіе люди, и женщины и дѣти, пули поражали всѣхъ, отъ архіепископа, тоже убитаго пулею, до малютокъ, — кто считалъ? — кто можетъ сосчитать? — по числу убитыхъ было едва ли меньше, чѣмъ потомъ при Маджентѣ или Сольферино, а вѣроятно больше). И такъ, республиканцы сами перебили себя; пришли монархисты и взяли власть (выборы президента; Луи-Наполеонъ выбранъ какъ повѣренный монархистовъ); министры — монархисты; начальствуютъ арміею — монархисты; истинный повелитель Франціи — повѣренный монархистовъ, генераль Шангарнье, главнокомандующій арміею въ Парижѣ и соединенныхъ департаментовъ и національною гвардіею Парижа и этихъ департаментовъ (1-го военнаго округа); онъ можетъ по первому слову своихъ повѣрителей, монархистовъ, арестовать президента; это для Шангарнье такъ же легко, какъ отпавить на гаутвахту провинившагося ротнаго командира. Но монархисты ссорятся, — шумъ опять только на словахъ, потому что въ іюнь бойцы на военномъ оружій перебиты; на словахъ ссоры тянутся долго, потому эта ссора идетъ долго; легитимисты думаютъ: „Шангарнье чуть ли не орлеанистъ; не смѣнить ли его?“ Орлеанисты думаютъ: „Шангарнье чуть ли не легитимистъ, — не смѣнить ли его?“ (а Шангарнье — просто человѣкъ, желающій возстановленія королевской власти, т. е. правленія, какое было съ 1815 до 1848 г.; ему все равно, орлеанисты или легитимисты будутъ управлять). И такъ оба отдѣла монархистовъ говорятъ: смѣнить Шангарнье. Смѣняютъ. Безъ Шангарнье остаются командирами генералы, готовые служить,

пожалуй, и президенту; они идутъ къ нему и говорятъ: „не угодно ли принять власть, — мы полагаемъ, что при васъ намъ будетъ лучше служба, чѣмъ при монархистахъ, когда намъ загораживали дорогу люди, исключительно преданные монархическому порядку, — между тѣмъ какъ для насъ всякій порядокъ хорошъ, лишь бы былъ порядокъ и было бы служащимъ людямъ хорошее повышеніе по службѣ, — принимайте-ка власть: мы люди простые, военные, этихъ формъ не знаемъ, какъ онѣ устраиваются, — такъ форму устройте вы“. — „Хорошо“, говоритъ президентъ, назначаетъ своихъ людей на главныя мѣста по командованію войсками и полиціею — и дѣло сдѣлано, — тогда происходитъ и эффектная развязка (2 декабря 1851 г.). Что тутъ хитраго? Дѣло простое. Сначала приходятъ монархисты и говорятъ: возьмите-ка покуда титулъ президента. — „Хорошо-съ“, отвѣчаетъ Луи-Наполеонъ. Потомъ приходятъ генералы и говорятъ: „возьмите-ка кстати ужъ и власть президента или императора, вѣдь это все равно“. — „Очень благодаренъ“, говоритъ Луи-Наполеонъ. И не по его хитростямъ приходили къ нему, хоть онъ и хитрилъ, — хитрость была видна почти всѣмъ, насквозь, а потому, что не къ кому было придти, кромѣ какъ къ нему.

Адвокатская изворотливость, которую онъ пріобрѣлъ для юридическихъ работъ, разумѣется могла быть примѣнена къ составленію государственныхъ бумагъ и всякихъ политическихъ сочиненій; и чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ лучше это дурное дарованіе обращалось у него на службу его слабостямъ. У него въ натурѣ было долго колебаться между разными планами дѣйствія, не только между сходными, но и противоположными прямо планами. Эта слабость росла въ немъ съ годами; и его совѣсть все больше привыкла стоять нейтральною при этихъ столкновеніяхъ мыслей, такъ что онъ вовсе потерялъ способность предпочитать одинъ путь другому на томъ основаніи что одинъ честнѣе, а другой безчестнѣе, и, чтобы отдохнуть въ своей нерѣшительности ему постоянно приходилось дѣлать себѣ гдѣ вѣвудъ временную стоянку, въ какомъ нибудь смыслѣ, въ какомъ случалось. Какъ лѣвтяй пріобрѣтаетъ большую изворотливость въ придумываніи извиненій для своихъ промедленій, такъ принцъ Луи Наполеонъ сталъ чрезвычайно искусенъ въ придумываніи не только двусмысленныхъ фразъ, но и двусмысленныхъ плановъ дѣйствія, потому что постоянно затруднялся въ выборѣ между направо и налево (10).

(10) Это даже и не искусство, это дѣйствуетъ само данное положеніе, сама натура. Вообразите, въ предыдущей баснѣ простяка волка, смотрящаго на бой медвѣдя и льва, все еще нерѣшительный бой, и прибавьте обстоятельство, что бьющіеся требуютъ отъ зрителя: „прими чью нибудь сторону“ — какъ онъ будетъ переминыться, вилять туда и сюда, и все таки не двигаться съ мѣста, просто потому, что если онъ подойдетъ близко и одинъ изъ борющихся задѣнетъ его лапою, то изъ него тутъ же и духъ вылетитъ, но опять же и не переминыться нельзя, потому что вѣдь кто-жъ нибудь одолѣетъ, — и если, если останется не очень израненъ? Отгонитъ его отъ лакомаго оленя, да еще пожалуй царапнетъ слегка за то, что не помогаль. Что-жъ ему дѣлать, какъ не переминыться и не вилять? Такъ поступила бы даже и самая простодушная, добрая собака, и не заслужила бы тѣмъ ни репутаціи хитрости, ни репутаціи двоядушія: нѣтъ, въ ней дѣйствовала только основательная робость. Похвалу или порицаніе заслуживаетъ только то, съ какими намѣ-

реніями было выжиданіе и какъ зритель воспользовался успѣхомъ, давшимся ему въ руки безъ всякаго его искусства.

Частью по привычкамъ, усвоеннымъ въ тайныхъ обществахъ итальянскихъ карбонаровъ, частью отъ долговѣтнаго заключенія въ тюрьмѣ, а частью, какъ онъ однажды сказалъ, отъ близкихъ сношеній съ спокойными, самообладающими любителями лошадей и конныхъ скачекъ въ Англіи, онъ приобрѣлъ способность долго молчать; но, по натурѣ, онъ не былъ ни человѣкъ осторожный въ словахъ, ни человѣкъ скромный. Съ иностранцами, особенно съ англичанами, онъ вообще былъ открытъ. Онъ былъ молчаливъ и скрытенъ только съ французами, но только по принципу, по которому охотникъ молчаливъ и скрытенъ съ куропатками и перелетами. Правда онъ былъ способенъ притворяться и притворяться долго; но сохраненію его тайнъ много помогало то обстоятельство, что его мнѣніе часто въ самомъ дѣлѣ было не сформировано, а потому онъ ничего и не могъ сказать. Его любовь къ маскамъ и переодѣваньямъ, вѣроятно, болѣе происходила отъ пустого тщеславія и театральной маніи, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, чѣмъ отъ низкой любви къ обману: и точно, положительно извѣстно о многихъ случаяхъ, что тайна, въ которую онъ любилъ закутываться, происходила отъ желанія произвести мелодраматическій эффектъ.

Многіе полагаютъ, что напрасно обижаютъ его тѣ люди, которые говорятъ, будто онъ лишенъ всякаго понятія о правдѣ. Онъ понималъ правду въ частныхъ разговорахъ и вообще предпочиталъ ее, но его правдивость, хоть можетъ быть и не принимаемая только для этого расчета, иногда становилась средствомъ обмана, потому что, возбудивъ довѣріе къ нему, она вдругъ подламывалась подъ вліяніемъ какого нибудь сильнаго расчета. Онъ могъ лѣтъ шесть, семь быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, искренно и правдиво говорить съ нимъ все это время, и потомъ вдругъ обмануть его. Люди, видя, что ловятся на кажущуюся надежность его характера, натурально располагались думать, что и все другое, кажущееся въ немъ хорошимъ, только маска; но сообразите будетъ съ общими законами человѣческой природы, если мы предположимъ, что правдивость, длившаяся шесть, семь лѣтъ, была неподдѣльнымъ остаткомъ хорошаго въ немъ, а не просто подготовленіемъ для лжи. Шаткость и измѣнчивость его характера помогала скрытности: люди такъ утомлялись наблюденіемъ за колебаніемъ его мыслей, что ихъ подозрѣнія начали дремать на время, — а потомъ, видя, что они утомились предсказаніемъ того, что онъ сдѣлаетъ какую нибудь вещь, онъ тихонько прокрадывался и дѣлалъ ее.

Въ немъ была отвага, но не та, какая дается размышленіемъ. Чтобы выдержать роль въ чрезвычайныхъ опасностяхъ, въ которыя онъ по временамъ кидался, и выдержать ее пристойно, нужна была такая сила характера, въ которой природа отказала не ему одному, а большинству людей. Но отвага измѣняла ему только въ положеніяхъ дѣйствительно опасныхъ и грозившихъ немедленною физическою бѣдою. У него было настолько мужества, что еслибъ онъ былъ только частнымъ человѣкомъ, то онъ выдержалъ бы обыденныя испытанія жизни съ достоинствомъ. Но по временамъ у него кромѣ того бывала искусственная смѣлость, производившаяся долгимъ мечтательнымъ обдумываніемъ, и, вздувшись до этой отваги, онъ часто былъ способенъ подвергать свою твердость испытаніямъ выше своей силы. Дѣло въ томъ, что воображеніе имѣло надъ нимъ очень большую власть, такъ что онъ влюблялся въ идею предпріятія, — но не имѣло столько живости, чтобы дать ему предощутить, каковы будутъ его впечатлѣнія въ минуту опасности. Такимъ образомъ, онъ былъ очень большимъ авантюристомъ въ своихъ планахъ дѣйствія, а когда напослѣдокъ становился лицомъ къ лицу съ опасностью, которой давно искалъ, онъ бывалъ ошеломленъ ею, какъ будто чѣмъ непредвидѣннымъ. Онъ любилъ придумывать и обдумывать заговоры, имѣлъ много ловкости въ подготовленіи средствъ для исполненія своихъ замысловъ, но его труды по этой наукѣ имѣли тенденцію вводить его въ сцены, къ которымъ онъ былъ плохо приспособленъ природою, потому что подобно большинству обыкновенныхъ людей онъ не владѣлъ тѣмъ присутствіемъ духа и тою физическою храбростію, которыя нужны для критическихъ минутъ отважнаго предпріятія. Короче сказать, онъ

былъ литературный мечтатель, обдуманно выводившій себя на отчаянную дорогу и очень далеко заходившій по ней, но способный въ минуту испытанія растеряться отъ внезапнаго возвращенія здраваго смысла и струсить.

Отъ природы овъ не былъ ни кровожаденъ, ни жестокъ; въ мелочахъ у него были даже мягкіе и благородные инстинкты, а вообще онъ былъ расположенъ дѣйствовать не безчестно, пока не являлось сильнаго побужденія къ противному, такъ что овъ могъ цѣлые мѣсяцы жить въ обществѣ англійскихъ любителей охоты и лошадей, не дѣлая постыдныхъ поступковъ; а если овъ былъ не такъ созданъ природою или развитъ жизнію, чтобы мысль «это дурно» могла удержать его отъ чего нибудь, то надобно выводить изъ этого, что его чувство распознаванія добра и зла было, какъ и натурально, омрачено привычкою искать идеаль въ лицѣ, подобномъ Наполеону I. Очень правдоподобно, что овъ, по ученой ли любознательности или по любопытству, если не по желанію руководиться свою находкою—пытался иногда выслушать, что говорить съ вѣстъ; онъ, по всей вѣроятности, старался иногда объ этомъ потому что,—фактъ извѣстный,—съ перомъ въ рукахъ и съ достаточнымъ временемъ на приготовленіе, онъ могъ сдѣлать очень недурное подражаніе тону словъ человѣка, не лишеннаго совѣсти.

Его постояннымъ желаніемъ было привлечь на себя удивленное вниманіе свѣта; а случайность рожденія указала ему престолъ Наполеона I, какъ престолъ, къ которому онъ можетъ прикрѣпить свою надежду; п этому его жажда извѣстности стала казаться честолюбіемъ, хоть корень ея былъ просто въ тщеславіи. Но умственное уединеніе, въ которое онъ былъ поставленъ странностью науки, надъ которой работалъ, кажущаяся бѣдность его ума, его деревянный взглядъ, а болѣе всего видимая отдаленность усія, — всѣ эти необѣщающія удачі обстоятельства, страаннымъ своимъ контрастомъ съ велиכותью его цѣли, заставляли людей видѣть въ его претензіи только комическую глупость. Съ страстнымъ желаніемъ забраться на такую высоту, чтобы всѣ смотрѣли на него, въ немъ было соединено сильное, почти эксцентричное пристрастіе къ тѣмъ фокусамъ, которыми производятъ свои мелодраматическія продѣлки плохой драматургъ, или режиссеръ, или актеръ; такимъ образомъ, пристрастіе и фантазія влекли его придумывать сценическіе эффекты и сюрпризы, героемъ которыхъ всегда ставилъ овъ самого себя. Эта склонность такъ сильно властвовала надъ нимъ, что скорѣй можно видѣть въ ней искреннее расположеніе, а не просто страсть театральничать. Если бы она была одинока, то вѣроятно только придала бы особый характеръ его развлеченіямъ; но, по случайности, такой человѣкъ родился претендентомъ на французскій престолъ; его желаніе подражать Наполеону I и воспродизвести имперію, связало его театральничество съ тѣмъ, что можно назвать солиднымъ его честолюбіемъ; поэтому, пока онъ былъ изгнанникомъ, онъ постоянно былъ занятъ мыслью скопировать возвращеніе Наполеона съ Эльбы и разыграть это представленіе въ дѣйствительности, а не на сценѣ, и притомъ собственною персоною.

Но въ некоторыхъ чертахъ, его попытка поднять возстаніе въ Страсбургѣ въ 1836 году была болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ какъ обыкновенно отзывались тогда о ней. Ему тогда было 28 лѣтъ. Овъ успѣлъ привлечь на свою сторону Водре, командира артиллерійскаго полка, составлявшаго часть гарнизона. Попытка была произведена рано по утру 30 октября. Водре сказалъ своимъ артиллеристамъ, что въ Парижѣ вспыхнула революція и король низвергнутъ; повѣривъ этому, они согласились признать принца Наполеономъ II. Водре посылалъ отряды въ квартиры префекта и генерала Вуардоло, командовавшаго гарнизономъ, и арестовалъ ихъ обоихъ. Овъ успѣлъ сдѣлать это такъ, что другіе полки еще ничего и не знали.

Если въ арміи дѣйствительно было тогда расположеніе къ имени и династіи Бонапарте, то для привлеченія всего гарнизона на сторону наследника императора теперь было бы почти ничего не вужно, кромѣ того, чтобы этотъ наследникъ нѣмѣлъ присутствіе духа, необходимое въ такомъ предіриятіи. Овъ былъ приведенъ къ Вуардоло, содержимому подъ арестомъ; сталъ склонять его на свою сторону; генераль отказался. Тогда принцъ, окруженный людьми, представлявшими собою императорскую свиту, былъ проведенъ въ казармы 16-го пѣхотнаго полка; эта свита сказала солда-

тамъ, застигнутымъ совершенно врасплохъ, что лицо, явившееся къ нимъ,—ихъ императоръ. Они увидѣли передъ собою молодого человѣка, который фигурую и лицомъ похожъ былъ на ткача,—ткача, изнуреннаго долгими часами монотонной работы въ душной комнатѣ, который не имѣлъ хорошей осанки и усталый глаза въ землю; а между тѣмъ этотъ молодой человѣкъ такого вида стоялъ передъ ними одѣтый, среди бѣлаго дня, съ головы до ногъ въ историческій костюмъ аустерлицкаго и маренгскаго вождя. Такая жалкая выставка не могла не разстраивать дѣла, съ успѣхомъ поведеннаго полковникомъ Водре. Но солдаты знали, что въ Парижѣ не разъ и не два случались странныя вещи; очень могло быть, что молодой человѣкъ передъ ними, въ самомъ дѣлѣ, какъ имъ говорятъ про него, сдѣланъ императоромъ французомъ, Наполеономъ II. Эта безызвѣстность солдатъ давала принцу случай узнать на опытъ, дѣйствительно ли существуетъ во французяхъ расположеніе къ имени Бонапарте, и если существуетъ, то способенъ ли онъ воспользоваться этимъ расположеніемъ.

Но черезъ нѣсколько времени вошелъ во дворъ казармъ, гдѣ была эта сцена, полковникъ Таландь, командиръ полка, узнавшій наконецъ о томъ, что происходитъ въ его казармахъ. Онъ тотчасъ же приказалъ запереть ворота и съ жаромъ, гнѣвомъ, презрѣніемъ пошелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояли предлагаемый императоръ и его «императорскій штабъ». Это появленіе негодующаго полковаго командира было вещью, которой слѣдовало ожидать принцу,—именно тою самою вещью, на борьбу съ которою онъ шелъ въ казармы,—но оно поразило принца сокрушающимъ ударомъ, будто вещь изумительная, не предвидѣнная. Онъ, литературщикъ, стоялъ въ костюмированкѣ великаго полководца, передъ нимъ явился настоящій полковникъ, съ дѣйствительнымъ правомъ отдавать приказанія солдатамъ,—негодующій полковникъ испугалъ его и въ одну минуту грезы принца разлетѣлись. Нѣкоторые изъ его окружавшихъ думали, что онъ обязанъ не выдавать Водре, подговореннаго имъ, и хотъ для спасенія Водре долженъ продолжать свое приключеніе, отвѣститься на отчаянное или хотъ сколько нибудь энергическое сопротивленіе полковнику. Но принцъ не сдѣлалъ ничего такого. Въ числѣ принадлежностей его костюма была шпага, но онъ даже не пытался защищаться ею, когда подошедшій Таландь сорвалъ съ него ленту почетнаго легіона, потомъ сорвалъ съ него эполеты, бросивъ на землю, топталъ ихъ ногами, оборвалъ костюмъ съ принца и посадилъ его подъ караулъ. Его нарядившіеся спутники, представлявшіе собою императорскую свиту, подверглись той же судьбѣ, какъ ихъ предводитель. Прежде чѣмъ судить о поведеніи принца въ эти минуты, надобно по справедливости признаться, что когда разъ уже не было предотвращено появленіе полковника на дворѣ казармъ, опасность сопротивленія была велика, настолько велика, что точно могла смутить всякаго неотличающагося мужествомъ. Надобно также признать, что, по собственной фантазіи поставивъ себя въ такое положеніе, принцъ доказалъ, что обладалъ значительною отвагою извѣстнаго рода: несправедливо было бы называть безъ всякихъ оговорокъ боязливымъ того человѣка, который идетъ добровольно на такую опасность; справедливѣе сказать, что это человѣкъ съ трусливою отвагой. Онъ былъ не властенъ надъ своею натурою.—а его натура была: быть авантюристомъ до минуты опасности, но рѣзко отрезвляться и потрясаться дѣйствительнымъ столкновеніемъ съ опасностью, совершенно терять присутствіе духа отъ этого, оставаться безъ желанія продолжать свою роль отчаяннаго смѣльчака—это объясняется легко: его отвага вся происходила изъ театральничанья и тщеславія; а эти страсти имѣли силу доводить его до края пропасти, но не имѣли столько силы, чтобы удерживать его отъ натуральной дрожи при наступленіи риска быть убитымъ тутъ же на мѣстѣ. Сознавая, что по шлагѣ, сюртуку и сапогамъ онъ совершенно императоръ Наполеонъ, онъ воображалъ, что великій парадъ встрѣчанія, дѣланнаго побѣдоносному вождю войсками въ 1815 году, очень можетъ быть повторенъ имъ и французскими солдатами въ 1836 году; но очевиднымъ образомъ, это мнѣніе овладѣло имъ не оттого, что онъ сошелъ въ самый дѣлѣ съ ума, а только оттого, что слишкомъ поддался своей господствующей наклонности; и вотъ, когда ему сказали «нѣтъ, остановись же»—онъ не рванулся впередъ, какъ сумасбродъ, на продолженіе своего приключенія; онъ не попытался даже и потребовать хорошенько, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ въ

солдатах бонапартистское расположение, на котором онъ устраивалъ свой проектъ, — нѣтъ, какъ только столкнулся онъ съ дѣйствительностью, онъ замеръ на мѣстѣ, — мгновенно остылъ, сталъ разсудителенъ, безвреденъ, послушенъ и сдался (какъ всегда дѣлалъ) во власть первому отважному человѣку, который дотронулся до него пальцемъ. Это превращеніе, подобное тому мнимому диву, которое мы видимъ, какъ истерическая дѣвушка, увлекаемая странными галлюцинаціями, исполненная повидимому страшной, сумасбродной силы, мгновенно излечивается и успокаивается отъ рѣзкаго угрожающаго слова «перестать». Получивъ нѣсколько денегъ (очень немного, всего 15.000 франковъ) отъ государя, котораго хотѣлъ извергнуть, принцъ былъ отправленъ въ Америку добродушнымъ королемъ французамъ.

Но если у него не было качества, нужнаго на то, чтобы пройти по дорогѣ авантюристкаго предпріятія, его владѣвшая страсть имѣла столько силы, чтобы заставить его повторить опытъ. Французская армія уже знала теперь вся, что у него нѣтъ храбрости, нужной для такого дѣла, имя его стало смѣшнымъ, потому что онъ не могъ соблазнить своимъ планомъ ни одного офицера, чиномъ выше поручика. Однако онъ не отсталъ отъ своей идеи: скоро онъ опять задумалъ разыграть новое «возвращеніе съ Эльбы», но уже въ новыхъ костюмахъ, съ новыми декораціями. Пока онъ готовилъ поддѣльные флаги и поддѣльных солдатъ, — мундиры для его соопщиковъ были сшиты по образцу 42-го полка, квартировавшаго въ Булонн, и пуговицы съ этимъ номеромъ были заказаны въ Бирмингемѣ, пока онъ поддѣлывалъ мундиры, пуговицы и училъ несчастнаго орла играть роль императорской птицы — предвѣщательницы успѣха, онъ занимался дѣломъ, въ которомъ былъ искусенъ; мастеръ былъ онъ также въ сочиненіи прокламацій и плебисцитовъ, составившихъ значительную долю груза, съ которымъ онъ поѣхалъ черезъ море во Францію: но онъ долженъ былъ знать, что если ему удастся пробраться куда онъ задумалъ, то вѣдь онъ увидитъ себя по утру на дворѣ Булонскихъ казармъ, окруженнаго толпою вооруженныхъ спутниковъ, поддерживаемаго однимъ изъ офицеровъ гарнизона, общавшимся помогать ему; но что тутъ же будетъ стоять толпа солдатъ, изъ которыхъ одни вздумаютъ быть за него, другіе противъ него. третьи не будутъ знать, что имъ дѣлать. Такъ и случилось. Онъ устроилъ дѣло такъ ловко и счастливо, что куда онъ хотѣлъ придти, туда и пришелъ, — и вотъ онъ стоялъ наконецъ въ томъ самомъ положеніи, въ которое заботливо проложилъ себѣ дорогу. Но тутъ его характеръ выдалъ его. Онъ взволновался, растерялся, — такъ онъ самъ сказалъ потомъ предъ палатою перовъ: «я былъ въ такомъ волненіи, что безъ всякаго моего намѣренія истолетъ мой выстрѣлилъ и ранилъ солдата, который былъ не противъ меня», — его мысли не сладили съ опасностью, смѣшались, въ немъ не было ни пылкости, ни удалства, которыя дѣлаютъ людей воинственными въ критическія минуты, и натурально, что онъ не годился управлять разгоряченными солдатами. Потому, когда наконецъ успѣлъ ворваться на дворъ казармы твердый, сердитый офицеръ, подполковникъ Пюжелье, онъ почти въ одинъ мигъ уничтожилъ принца силою болѣе твердаго характера и выгналъ его на улицу, со всею его 50 вооруженными спутниками, и съ знаменемъ, и съ деревяннымъ орломъ на знамени, и съ поддѣльнымъ императорскимъ штабомъ, погналъ будто трупъ бродячихъ актеровъ. Но черезъ нѣсколько недѣль тотъ же самый принцъ Луи-Наполеонъ держалъ себя предъ палатою перовъ съ достоинствомъ и съ благородною заботливостью о спасеніи своихъ соучастниковъ; тутъ положеніе было по силамъ ему, потому что онъ имѣлъ досугъ обдумывать, какъ ему надобно говорить и поступать.

Натурально, что при такомъ характерѣ, онъ имѣлъ склонность долго медлить на первыхъ фазисахъ заговоромъ; но такъ какъ онъ по рожденію и честолюбію заявилъ себя свѣту претендентомъ на французскій престолъ, то за него неотступно схватились нѣсколько человѣкъ другихъ авантюристовъ, людей дѣйствительно отважныхъ, рѣшившихся дѣлать его судьбу; и если повременамъ его личныя желанія и склоняли бы его на отдыхъ или отсрочку, его отношенія къ этой горсти праверженцевъ, не допускали того: его паргизаны нуждались въ деньгахъ, и надобно было постоянно пытаться счастье.

Въ 1851 году всѣ эти побужденія, вмѣстѣ съ оскорбительнымъ чувствомъ личнаго униженія и обманувшагося разсчета, влекли президента на новый рискъ. Онъ издавна желалъ, чтобы измѣнена была конституція, но прежде все надѣялся измѣнить ее при помощи и одобренія большинства, или по крайней мѣрѣ очень многихъ государственныхъ людей и знаменитыхъ генераловъ. Изъ того факта, что онъ желалъ ихъ содѣйствія своимъ планамъ, надобно, кажется, заключать, что сначала онъ не думалъ душиить Францію наложеніемъ на нее чисто-азіатскаго деспотизма, а желалъ основать такую монархію, которую могли поддерживать люди съ хорошею и громкою извѣстностью. Но, во-первыхъ, почти никто не считалъ его человѣкомъ такимъ ловкимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ, а во-вторыхъ, тогда онъ казался очень смѣшнымъ. Потому, изъ тысячи людей, искренно желавшихъ, чтобы на мѣсто республики явилась власть диктатора, кого бы то ни было, лишь бы способнаго, почти никто не могъ повѣрить, что президентъ республики годится быть такимъ человѣкомъ; по этой причинѣ, политическіе люди отвергали это предложеніе: онъ не нашелъ ни одного государственнаго человѣка, согласившагося помогать ему, ни одного генерала, отвѣчающаго на его настоянія иначе какъ словами: «я долженъ имѣть приказаніе отъ военнаго министра».

Оттолкнутый всѣми ими, онъ долженъ былъ бросить свой планъ преобразовать форму правительства при содѣйствіи хоть нѣкоторыхъ изъ главныхъ государственныхъ людей и генераловъ, замѣнить этотъ планъ замысломъ совершенно иного рода и наконецъ попалъ въ руки такихъ людей, какъ Периньи, Морни и Флери. Онъ сталъ придумывать свои умыслы съ ними, и по случайности довольно странной, характеръ и денежныя нужды его сообщниковъ дали энергію и опредѣленный видъ планамъ, которые безъ этой подталкивающей силы могли бы долго оставаться грезами. Президентъ былъ щедръ на деньги для своихъ компаньоновъ, давалъ имъ все, сколько могъ. Но конституція республики такъ успѣшно связала произволъ въ распоряженіи казною, что президентъ не могъ располагать никакими государственными деньгами, кромѣ суммы, даваемой ему казною закономъ. Въ своемъ упорномъ пристрастіи къ сильной административной власти, составители конституціи дали въ распоряженіе главы государства обширныя средства опрокинуть всю ихъ постройку, но распоряженія деньгами не дали ему; онъ при своей расточительности постоянно долженъ былъ перебиваться такими изворотами, какъ купецъ, не имѣющій денегъ. Тѣсно было ему и въ настоящемъ; а когда онъ думалъ о будущемъ, какому подвергался онъ по конституціи, онъ видѣлъ, что ему впередъ назначенъ день, когда онъ долженъ сойти съ своего виднаго мѣста въ бѣдность и ничтожество. Быть можетъ онъ и радъ былъ бы приобрести честными средствами то, что было нужно ему. Въ началѣ 1851 года онъ очень просилъ законодательное собраніе увеличить суммы, даваемыя на его надобности. Ему отказали (11). Послѣ этого, слѣдовало ждать, что еслибъ

(11) Отказали потому, что деньги свои президентъ расходовалъ главнымъ образомъ на подкупъ войскъ. Увеличивать его содержаніе значило увеличивать подкупы.

онъ самъ и удержался онъ желанія запустить руку въ казну, то его сообщники, становясь съ каждымъ днемъ практичнѣе въ своихъ видахъ, скоро заставятъ своего предводителя дѣйствовать. Прежде самъ президентъ предложилъ собранію установить вѣчто въ родѣ ценза, — это и было сдѣлано закономъ 31 мая (12). Те-

(12) Этотъ законъ опредѣлялъ, что для права подавать голосъ на выборахъ нужно имѣть извѣстную давность мѣста жительства; такимъ образомъ работники, часто перемѣняющіе мѣсто жительства, теряли право голоса и число избирателей уменьшалось съ 9 милліоновъ до 6 и даже до 5. Три или четыре милліона, терявшіе право голоса, вотировали большею частью за

„красных“. Въ этомъ и состояла цѣль закона, чтобы отнять важнѣйшую часть силы на выборахъ у „красной“ партіи, — такъ тогда назывались, кромѣ прежнихъ, „красные“ 1849 года (партія Ледрю-Роллена) и социалисты и почти все умѣренные республиканцы — все эти три отдѣла лѣвой стороны уже принуждены были тогда вновь помириться и дѣйствовать за одно, какъ было до 1848 года, потому что опять уже чувствовали свое безсиліе въ одиночествѣ другъ отъ друга, — безсиліе, до котораго довели другъ друга ссорами въ апрѣлѣ и маѣ 1848 г., когда соединенными силами умѣренныхъ и красныхъ республиканцевъ подавлены были социалисты, потомъ июньскою битвою, когда силою умѣренныхъ республиканцевъ (резервъ которыхъ составляли монархисты) подавлены были парижскіе работники, — а кстати запутаны въ дѣло и обезсилены красные республиканцы, — хотя это возстаніе было чисто возстаніе проголодавшихся людей, и никто изъ политическихъ дѣятелей не принималъ въ немъ участія: красные и социалисты видѣли, что въ случаѣ возстанія, гибель инсургентовъ неизбежна при тогдашнихъ обстоятельствахъ, потому всячески отклоняли отъ него работниковъ; но голодъ былъ сильнѣе разсудка въ несчастныхъ. Доказано, что подстрекателями были одни, малочисленные тогда, — бонапартисты; но ихъ подстреканіе не было важно; существенною причиною возстанія была крутость и опрометчивость, съ которою закрыты были знаменитыя „національныя мастерскія“, нелѣпое учрежденіе, устроенное умѣренными республиканцами въ противодѣйствіе социалистамъ; когда основатели убѣдились, что социалисты дѣйствительно обезсилены майскими неудачными агитаціями, они тотчасъ же рѣшили закрыть національныя мастерскія, какъ уже ненужныя противъ социалистовъ; закрыть ихъ слѣдовало, онѣ стоили огромныхъ расходовъ и были устроены нелѣпо, приучали къ праздности (принципомъ ихъ было: не давать серьезной работы, а только занимать день работника пустяками), — но сдѣлать такую перемѣну слѣдовало не въ одинъ же день, а постепенно, чтобы дать набраннымъ въ нихъ десяткамъ тысячъ людей время разойтись по фабрикамъ; поступили не такъ; закрыли въ одинъ день; на другой день работникамъ ихъ не на что было купить хлѣба, и они поднялись. Масса инсургентовъ билась ни изъ за чего, ни съ какими надеждами, кромѣ отчаянія. Потому-то такой ужасной битвы не было еще никогда на улицахъ Парижа. Даже рѣзни большой революціи ничтожны передъ этою, — даже то побойще, которымъ проложилъ себѣ карьеру Наполеонъ I, — когда въ первый разъ было открыто имъ, что главное искусство въ подобныхъ случаяхъ — умѣнье дѣйствовать картечью на близкой дистанціи (Вандемьерское возстаніе съ знаменитымъ продольнымъ картечнымъ огнемъ по улицѣ Ле-Пельтье).

перъ онъ сталъ приверженцемъ вотированья безъ ценза, противникомъ закона 31 мая. Людямъ, занимавшимся политикою, уже одна эта перемѣна могла бы показать, каковъ характеръ замысловъ, занимающихъ теперь президента; но онъ съ самаго начала до послѣдней минуты не жалѣлъ словъ, имѣвшихъ цѣлью успокоить подозрѣніе; онъ пользовался этимъ средствомъ очень усердно и неуклюже съ самаго того часа, какъ онъ явился передъ публикою въ февралѣ 1848 года, онъ хватался за всякій случай беспрестанно повторять, что не имѣетъ никакихъ замысловъ противъ конституціи. Рѣчь, съ которою онъ обратился къ собранію 13 ноября 1850 года, можетъ служить

однимъ изъ примѣровъ этихъ торжественныхъ и добровольныхъ увѣреній. Онъ говоритъ въ ней, что «считаетъ великими преступниками людей, изъ за личнаго самолюбія компрометирующихъ ту,—хоть и не большую долю безопасности, которая дается государству нынѣшнюю конституцію; что если конституція эта заключаетъ въ себѣ недостатки и опасности, то собраніе имѣетъ право обратиться на нихъ вниманіе націи», но что онъ лично, «связанный своею клятвою, удерживается въ строгихъ границахъ, предписываемыхъ ему этимъ актомъ». Далѣе онъ объявляетъ, что «первая обязанность властей—внушать націи уваженіе къ закону своимъ примѣромъ неуклонной вѣрности ему»; увѣряетъ собраніе, что личную заботу свою имѣетъ не о томъ, «кто будетъ управлять Франціею въ 1852 году», по окончаніи срока власти, даваемого ему конституціею 1848 года, а о томъ, «чтобы переходъ этотъ, каковъ бы онъ ни былъ, совершился безъ волненія и потрясенія», потому что, по его мнѣнію, благороднѣйшая, достойнѣйшая человѣка съ возвышеннымъ умомъ цѣль—стремиться не къ тому, чтобы продолжать свою власть, если имѣетъ ее, а въ томъ, чтобы нераздѣльно работать для укрѣпленія, на общую пользу, тѣхъ принциповъ власти и нравственности, которые противодѣйствуютъ страстямъ людей и непрочности законовъ».

Мы видимъ, что этотъ языкъ былъ искусно придуманъ для его цѣли: принцъ говорилъ, что человѣкъ, дѣйствующій противъ конституціи, былъ бы злодѣй и дуракъ; что поэтому нельзя винить его въ такой мысли; а если предположить, что онъ дѣлалъ эти признанія по доброй волѣ, а между тѣмъ уже рѣшился сдѣлать то, что уже сдѣлалъ впоследствии, то онъ былъ бы виновенъ въ обманѣ слишкомъ черномъ; но если мы подумаемъ, какое широкое поле было въ его умѣ для разворѣзанныхъ плановъ, какая нерѣшимость была въ его характерѣ, и какъ настоятельны были денежныя надобности компаньоновъ, окружавшихъ его, то мы можемъ быть, согласимся съ болѣе благорасположеннымъ къ нему взглядомъ тѣхъ, которые думаютъ, что когда онъ дѣлалъ такіа торжественныя увѣренія, онъ дѣйствительно отступалъ передъ мыслию объ измѣнѣ. И точно, его слова совершенно соответствовали тѣмъ, какими выражалъ бы свою существенную мысль испуганный человѣкъ, разсердившійся на голодныхъ и смѣлыхъ товарищей, толкающихъ его впередъ, вздумавшій держаться противъ нихъ, не идти впередъ.

Когда совершилось превращеніе республики въ имперію, вниманіе наблюдателя натуральнымъ образомъ сосредоточивалось на томъ человѣкѣ, который уже былъ главою государства, а теперь садился на престолъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кажется, что именно онъ самъ исполнилъ ту часть дѣла, которую можно назвать литературною. Онъ былъ юристомъ своей категоріи. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ самъ писалъ свои прокламаціи, плебисциты, конституціи и всякія тому подобныя вещи: но двигающая сила, которая вела заговоръ къ развязкѣ, давалась дѣлу главнымъ образомъ отъ графа Морни и отважнаго офицера, майора Флери.

Морни былъ человѣкъ очень отважный и одаренный очень большою вкрадчивостью. Во время монархіи онъ былъ членомъ палаты депутатовъ; но онъ былъ болѣе извѣстенъ какъ спекулянтъ, чѣмъ какъ политическій человѣкъ. Онъ занимался особенно тою частью биржевой игры, которая состоитъ въ выпусканіи, покупкѣ и перепродажѣ акцій новоосновываемыхъ компаній: нѣкоторымъ изъ этихъ оборотовъ пришлось быть разъясненными посредствомъ скандальныхъ процессовъ, и часть его извѣстности основывается именно на этихъ процессахъ. Онъ былъ мастеръ основывать «торговныя компаніи», и теперь вздумалъ по тѣмъ же правиламъ основать спекуляцію, которая давала бы ему суммы, какихъ не давала ни одна прежняя спекуляція. Морни былъ человѣкъ практической. Принцъ Луи-Наполеонъ могъ довольствоваться мечтательною жизнью въ грезахъ о томъ сладкомъ часѣ, когда благодарная Франція по собственному желанію вдругъ вздумаетъ поздравить его императоромъ; Морни былъ не такой человѣкъ, чтобы праздно покоиться съ нимъ грезами въ голодной странѣ мечтаній.

Еще способѣе заставить президента дѣйствовать, вести его до конца придуманнаго имъ замысла, твердой рукой провести его по этой дорогѣ былъ майоръ Флери. Флери былъ еще молодъ лѣтами, но пережилъ уже очень много всякихъ вещей. Онъ

былъ сынъ негодянта, получилъ въ наслѣдство послѣ отца очень хорошую сумму денегъ, ринулся въ парижскія наслажденія съ такимъ жаромъ, что скоро покончилъ свои средства продолжать этотъ періодъ своей жизни. Но пока друзья его отца вздыхали разъ по десяти въ день о томъ, что «юноша прокутился», юноша подходилъ къ лѣтницѣ, по которой подвиглся такъ, что распорядился по своему усмотрѣнію судьбою могущественной націи. Онъ вступилъ въ армію простымъ солдатомъ, но офицеры его полка нашли его такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и такъ восхищались его храбростью, съ которою онъ выдерживалъ свою невзгуду, что ихъ расположеніе скоро повело его по офицерскимъ чинамъ, — и наконецъ, онъ былъ причисленъ къ штабу президента, — кажется, потому, что былъ знатокъ въ лошадахъ.

По своему темпераменту и по житейской опытности, прошедшей изъ этого темперамента, Флери очень любилъ деньги, или тѣ вещи, которыя покупаютъ за деньги, и не такой человѣкъ, чтобы не добиваться денегъ всѣми силами. Онъ былъ отваженъ и рѣшителенъ, и отвага его была такая, которая не робѣетъ въ критическую минуту. Если принцъ Луи-Наполеонъ былъ смѣлъ и изобрѣтателенъ въ придумываніи, то Флери былъ человѣкъ дѣйствія. Принцъ былъ ловокъ на то, чтобы подвести мину и начинить ее, а Флери — храбрецъ, готовый стоять у мины съ зажженнымъ фитилемъ и приложить его къ пороху, какъ слѣдуетъ. Находясь онъ подлѣ Луи-Наполеона въ Страсбургѣ или въ Вулони, дѣло могло бы стоить головы очень многимъ, и ужь никакъ не обратилось бы въ посмѣище. Онъ и Луи Наполеонъ дополняли другъ друга и, будучи вмѣстѣ, они составляли такую чету съ такими отличными способностями для произведенія неожиданнаго взрыва, что имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ правительственныя средства, очень могли обратить трюмную грезу въ дѣйствительность. Кажется, что какъ только сталъ Флери соучастникомъ секретныхъ плановъ президента, президентъ потерялъ свободу воли: а ужь павѣрное можно сказать, что онъ не дешево раздѣлался бы съ Флери, если бы попыгался остановиться.

Слова генераловъ, отвѣчавшихъ президенту, что будутъ дѣйствовать не иначе, какъ по приказу военнаго министра, показали средства, къ которому надобно прибѣгнуть, и Флери рѣшилъ: найти какого нибудь генерала, умѣющаго командовать, умѣющаго хранить тайну, готоваго на всякій рискъ, хорошенько вывѣдать его, будетъ ли онъ расположенъ помогать дѣлу и, если окажется, что онъ готовъ согласиться, то посвятить его въ тайну заговора и сдѣлать военнымъ министромъ, чтобы его подпись отдавала всю армію въ распоряженіе заговорщиковъ. Флери отправился въ Алжирію искать агента этого сорта и имѣлъ удачу найти именно такого человѣка, какого желалъ: то былъ генералъ, носившій тогда имя Ашилла (Ахилла) Сентъ-Арно, но эта фамилія была у него уже принятая по обстоятельствамъ, а настоящее его имя, давно брошенное имъ, было Жакъ-Арно Ле-Руа. О пѣкоторыхъ изъ его подвиговъ мы расскажемъ послѣ, когда будемъ говорить собственно о Крымской войнѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть главнымъ лицомъ. Здѣсь довольно будетъ сказать, что характеръ его прошедшаго и настоящаго показался Флери ручающимся за то, что онъ согласится. Флери не ошибся: Сентъ-Арно былъ очень радъ служить на все, и Флери, убѣдившись въ этомъ, посвятилъ его въ тайну. А когда она была вѣрена человѣку, котораго выбралъ Флери, то принцъ Луи-Наполеонъ и остальные соумышленники уже и не могли отступиться отъ задуманнаго; денежныя надобности господина Сентъ-Арно, урожденнаго Арно Ле-Руа, были не такъ скромны, чтобы могли удовлетвориться суммами, какія возможно было ему получать при сохраненіи законовъ; а поссориться съ подобнымъ господиномъ, посвященнымъ въ тайну заговора, было бы очевидною погубительною для всѣхъ заговорщиковъ. Онъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ 27-го октября.

Въ тотъ же самый день былъ назначенъ префектомъ полиціи господинъ Мона или де-Мона. Прежде этотъ господинъ былъ префектомъ департамента Верхней Гаронны. Друзья его говорятъ, будто у него было состояніе, и будто онъ никогда не пользовался безчестными источниками дохода. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ, между прочимъ, захотѣлъ поусердствовать президенту тѣмъ, чтобы арестовать въ своемъ департаментѣ болѣе двадцати человѣкъ за выдуманный имъ же самимъ заговоръ. Судебная

власти департамента не дозволили ему сдѣлать этого, потому что не было никакихъ основаній для обвиненія этихъ лицъ. Мона, или де-Мона, предложилъ замѣнить недотатокъ обвиненій стратагемою: тайкомъ подложить поддѣльные бумаги, оружіе и граматы въ квартиры лицъ, которыхъ ему захотѣлось арестовать. Натурально, судебныя начальства ужаснулись подобнаго рода предложенію и довели о немъ министру юстиціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Леонъ Фоше, вытребовалъ своего подчиненнаго въ Парижъ, высказалъ ему такое негодованіе и презрѣніе, что Мона вышелъ изъ пріемной начальника, вздыхая; люди, знавшіе, въ чемъ состояли слова министра, считали Мона погибшимъ на вѣкъ; но онъ пошелъ и рассказалъ свою скорбь президенту. Президентъ, разумеется, тотчасъ же увидѣлъ, что это человекъ пригодный дѣлу,—Мона былъ посвященъ въ разговоръ и назначенъ префектомъ полиціи (главнымъ полицейскимъ начальникомъ Парижа).

Персиньи, урожденный Фіалевъ, также былъ однимъ изъ заговорщиковъ. Причину, по которой онъ перемѣнилъ фамилію, онъ самъ объяснилъ такъ, во время своего процесса въ 1840 году: по матери онъ былъ изъ хорошаго семейства; отцовская фамилія ему не нравилась и онъ назвалъ себя фамиліею дѣда своей матери. Свою карьеру началъ онъ въ званіи унтеръ-офицера: «служить» было его «влеченіемъ», по его собственному выраженію, потому онъ и «служилъ»—сначала легитимистамъ; но случай свелъ его съ Луи-Наполеономъ, онъ скоро сдѣлался преданнымъ другомъ принца, сотоварищемъ всѣхъ его замысловъ и приключеній. Если Мона пошелъ въ компанію съ президентомъ просто какъ въ денежную спекуляцію, то Персиньи могъ сказать по полной справедливости, что дѣло принца Луи-Бонапарте издавна стало его убѣжденіемъ, и что онъ даже старался, насколько можно было, возвысить это дѣло до значенія политическаго принципа. Но роль, вѣренная Персиньи во время переворота 2 декабря, была не эффектная, если и была важна. Сообщники Луи-Наполеона не полагали на его твердость, ожидали, что онъ растеряется; Персиньи, человекъ твердой души, не поддающийся унынію, обязался находиться безотлучно въ Еlysée, гдѣ жилъ президентъ, чтобы получать въ свои руки извѣстія о ходѣ дѣла во все продолженіе опасности и не допускать до президента ничего изъ этихъ извѣстій въ такомъ видѣ, который могъ бы убить его бодрость. Такъ разсказываютъ; такъ ли дѣло или нѣтъ, но Персиньи не былъ въ числѣ дѣйствующихъ исполнителей заговора; поэтому на немъ и не лежитъ такихъ пятенъ, какъ на Морни, Флери, Мона и Сентъ-Арно, урожденномъ Ле-Руа.

Необходимо было принять мѣры, чтобы парализовать парижскую національную гвардію; а комендантомъ ея былъ генераль Перро, человекъ неподкупной честности. Вдругъ дать ему отставку значило бы возбудить подозрѣніе. Придумали такое средство: начальникомъ штаба къ нему назначили нѣкотораго господина, по фамиліи Віэйру. Прошлая жизнь и настоящая репутація Віэйры были таковы, что генераль Перро почелъ обидою себѣ его назначеніе и подалъ въ отставку. Именно того и желала Элизейская братія. 30 октября комендантомъ національной гвардіи былъ назначенъ генераль Лавустинъ, человекъ бывавшій въ великихъ битвахъ прошлыхъ войнъ, но теперь, при сѣдыхъ волосахъ своихъ, не постыдившійся принять роль, предложенную ему: онъ назначался за тѣмъ, чтобы не дать собраться и дѣйствовать національной гвардіи. Открывъ эту частицу своихъ мыслей Віэйръ и Лавустину, заговорщики не нашли нужнымъ вполне посвящать ихъ въ тайну заговора: роль обоихъ состояла только въ томъ, чтобы не дѣлать и не допускать никакихъ распоряженій для созванія національной гвардіи и запретить ея барабанщикамъ бить сборъ.

Главною машиною, на которую возлагали свою надежду Элизейская братія, была, конечно, армія. Горькое воспоминаніе о прошлыхъ унижительныхъ неудачахъ въ битвахъ съ парижскимъ народомъ раздражало солдатъ противъ него. Кромѣ того, въ законодательномъ собраніи шли тогда гренін, возбуждавшія въ солдатахъ большое неудовольствіе на всѣхъ не-военныхъ, а въ особенности на парижанъ, на депутатовъ, на политическихъ людей всѣхъ партій. Нѣкоторые депутаты предусматривали, что армія можетъ стать обращена противъ законодательнаго собранія; они предложили собранію припять противъ этого мѣру, на которую оно имѣло право по конституціи:

назначить какую найдетъ нужнымъ часть войска на охраненіе свободы своихъ совѣщаній и отдать этотъ корпусъ подъ начальство командира, котораго само выберетъ. Армія обижалась этимъ. Во Франціи военный министръ издавна былъ генералъ и армія привыкла считать его приказы будто бы приказами, отдаваемыми имъ по званію главнокомандующаго войсками, хотя они выходили отъ него, какъ отъ члена гражданскаго правительства: солдаты не понимали, что они въ сущности всегда были подчинены гражданской власти. Теперь имъ растолковали, что собраніе хочетъ подчинить ихъ гражданской власти, отдать подъ начальство «какому нибудь адвокату». Понятый въ этомъ смыслѣ проектъ о назначеніи командира для части войскъ прямою властью законодательнаго собранія такъ раздражилъ войска, что, еслибъ онъ былъ принятъ, вѣроятно произошелъ бы бунтъ. Онъ былъ отвергнутъ; но досада не всегда исчезаетъ съ устраненіемъ повода къ ней, и раздраженіе, возбужденное въ арміи преніями о немъ, такъ ловко поддерживалось искусственными средствами, что парижскій гарнизонъ сталъ смотрѣть на народъ рѣшительно враждебными глазами (13).

(13). Все это очень преувеличено, хотя часть правды тутъ есть. Солдаты всегда смотрятъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на невоенное населеніе городовъ, въ которыхъ стоятъ; это можно сказать и объ австрійской, и о прусской, и даже объ англійской арміи. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ: солдатъ чувствуетъ свою силу только въ дисциплинѣ, въ умѣньи держаться строемъ, въ единодушномъ дѣйствіи по командѣ. Конечно, всякому солдату покажется странно быть подъ прямымъ начальствомъ чловѣка невоеннаго, но невоенный и не возьметъ прямого начальства, потому что не умѣетъ командовать. Солдаты парижскаго гарнизона даже и не замѣтили бы отъ кого назначенъ командиръ, стоящій передъ ихъ фронтомъ, лишь бы онъ былъ генералъ, и лишь бы полковые, батальонные, ротные командиры встрѣчали его за несомнѣннаго, подлиннаго своего командира, — а они не могли бы поступать иначе. Собраніе конечно назначило бы командиромъ своего охранительнаго корпуса генерала. Оно отвергло проектъ не по опасенію раздражить армію, а по нежеланію ссориться съ президентомъ, котораго все еще считало безсильнымъ, — такъ оно само понимало это; а на самомъ дѣлѣ тутъ уже дѣйствовалъ инстинктъ, что президентъ можетъ въ случаѣ ссоры обратиться къ республиканцамъ и къ парижскому народу; республиканцы въ это время уже начинали нѣсколько, — хоть еще очень мало, — оправляться отъ прежнихъ пораженій, а парижскіе простолюдины тогда ненавидѣли собраніе, какъ реакціонное. Президента не любили ни республиканцы, ни простолюдины, но считали его менѣе сильнымъ врагомъ, чѣмъ монархистовъ. — Солдаты были нѣсколько расположены къ президенту, — они полагали, что онъ хлопочетъ объ увеличеніи жалованья имъ; кромѣ того, онъ часто угощалъ ихъ. Но это расположеніе было слабо, да еслибъ и было много сильнѣе, то ничего еще не значило бы: армія исполняетъ волю той власти, приказанія которой принимаетъ командиръ, распоряжающійся ея дѣйствіями: не надобно забывать, что армія — орудіе войны, устроенное именно такъ, чтобы дѣйствовать механически. Если бы въ ночь 2 декабря Кавеньякъ (республиканецъ) или Шангарье (монархистъ) не спалъ, а собралъ нѣсколько чловѣкъ адъютантовъ и разослалъ ихъ по казармамъ съ приказаніями, догадавшись во время принять на себя роль диктатора (или генерала законодательнаго собранія, все равно, — лишь бы

роль главнаго командира), то адъютанты его преспокойно повели бы солдатъ арестовать президента, военнаго министра и всѣхъ другихъ заговорщиковъ. Это и говорилъ Шаррасъ уже нѣсколько дней, но не успѣлъ во время втолковать никому изъ старшихъ генераловъ монархической или республиканской партіи; — а самъ онъ не могъ принять команды, потому что еще не былъ даже и бригаднымъ генераломъ (генераль-маіоромъ). Когда Шангарнье, Кавеньякъ, Ламорисьеръ, арестованные, ѣхали въ тюрьму, то, конечно, каждый изъ нихъ вспоминалъ: „эхъ, если бы я хоть вчера подъ вечеръ догадался, что дремать не слѣдуетъ, что уже пора принять мѣры“.

Заговорщики стали сводить въ Парижъ и его окрестности такіе полки, въ сдѣйствіи которыхъ наиболѣе были увѣрены, командирами этихъ войскъ назначали генераловъ, въ безцеремонности которыхъ съ совѣстью были наиболѣе убѣждены. Главнокомандующимъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ былъ Маньянъ. Во время булонской экспедиціи Луи-Наполеона, Маньянъ имѣлъ несчастіе казаться принцу такимъ человѣкомъ, котораго можно купить за 100.000 франковъ. Потомъ онъ имѣлъ несчастіе быть уличеннымъ въ томъ, что продолжалъ сношенія съ офицеромъ, взявшимся тогда предложить ему эту плату. Маньянъ не скрывалъ своей готовности сдѣлать все, что угодно; и елисейская братія, кажется, желала вполне посвятить его въ свои секреты; но его панегиристъ, Гранье де Кассаньякъ, быть можетъ и не понимая, какъ отлично рекомендуетъ его такими увѣреніями. — увѣряетъ, что Маньянъ, хотъ и вполне готовый дѣйствовать противъ Парижа и законодательнаго собранія, не хотѣлъ подвергать себя опасности открытымъ участіемъ въ заговорѣ: «онъ справедливо потребовалъ, — возвѣщаетъ Гранье-де-Кассаньякъ, — чтобы ему ничего не сообщали до той минуты, когда надобно будетъ давать приказанія войскамъ и садиться на лошадь». То есть, онъ былъ готовъ обратить своихъ солдатъ на низверженіе конституціи, на произведеніе рѣзни, какая понадобится для этого, но не захотѣлъ лишить себя огражденія отъ отвѣтственности за то приказомъ военнаго министра: имѣя приказъ, онъ въ случаѣ неудачи заговора могъ бы сказать: «я не хотѣлъ участвовать ни въ какомъ умыслѣ. Обязанность солдата — повиноваться. Вотъ приказъ, полученный мною отъ генерала Сентъ-Арно. Я только повиновался моему начальнику».

Но 27 ноября этотъ человѣкъ, Маньянъ, собралъ у себя двадцать человѣкъ подчиненныхъ ему генераловъ и косвенными словами сообщилъ имъ, что скоро, быть можетъ, имъ сдѣланъ будетъ призывъ дѣйствовать противъ Парижа и противъ конституціи. Они обѣщали усердное и полное повиновеніе, и хотъ каждый изъ нихъ, начиная съ самаго Маньяна, зналъ, что будетъ пріятно огражденъ отъ отвѣтственности приказомъ начальника, но всѣ они воображали, что являются героями, — такъ надобно заключать изъ словъ нхъ панегириста Кассаньяка, съ гордостью разсказывающаго, что заключивъ между собою эту великодушную сдѣлку на истребленіе парижанъ, они торжественно обнялись.

Довольно часто вонска были угощаемы обѣдами съ виномъ и лѣстивыми словами, а ихъ раздраженіе на невоенныхъ было такъ искусно поддерживаемо, что солдаты, привычные къ алжирской воннѣ, были доведены до расположенія говорить «бедуины» вмѣсто «парижане» — ужъ въ этомъ прозвищѣ слышалась рѣзня. Парижская армія была теперь въ такомъ расположеніи духа, какое нужно было заговорщикамъ.

Имъ необходима была помощь Сентъ-Жоржа, управляющаго государственною типографіею, гдѣ печатались официальные акты. Онъ дался на подкупъ. Тогда все было готово.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря у президента былъ, по обыкновенію, вечеръ, — у него по понедѣльникамъ бывали вечера. Министры, ничего не знавшіе о заговорѣ, были тутъ вмѣстѣ съ заговорщиками. Тутъ же былъ и Війейра. Президентъ пореговаривалъ съ нимъ; онъ обѣщаль, что не будетъ барабаннаго боя для сбора національной

гвардіи, что бы ни случилось въ ту ночь, уѣхалъ и исполнилъ свою скромную роль; для безопасности, онъ, какъ разсказываютъ, велѣлъ прорѣзать кожу на барабанахъ. Въ обыкновенное время гости начали разѣзжаться, — и въ 11 часовъ оставалось у президента только трое гостей: Морни (озаботившійся передъ тѣмъ побывать въ театрѣ, чтобы видѣли, что у него нѣтъ никакого дѣла), Мопа и Сентъ-Арно, урожденный Ле-Руа. Кромѣ того былъ тутъ дежурный адъютантъ президента, полковникъ Бевилль, также участникъ заговора. Персигни, кажется, не было. Морни, Мопа и Сентъ-Арно ушли съ президентомъ въ его кабинетъ; полковникъ Бевилль также пришелъ къ нимъ. Мокаръ, домашній секретарь президента, также соумышленникъ заговорщиковъ, кажется, не былъ тутъ въ кабинетѣ; тоже не было тутъ и Флери, — вѣроятно не было потому, что онъ разѣзжалъ по генераламъ, воодушевляя ихъ. Прежде было уже рѣшено сдѣлать дѣло той ночью; лица, бывшія въ кабинетѣ, стали разсуждать о принятіи рѣшенія; но безъ Флери не могли ничего разсудить: если мнѣтельность и говорила имъ «не лучше ли остановиться», — то вѣдь они знали, что Флери, стремительный и рѣшительный, уже дѣлаетъ теперь, быть можетъ, безвозвратный шагъ. Черезъ нѣсколько времени они получили извѣстіе, что приказъ собратъся и выѣхать изъ казармъ ужъ данъ жандармскому баталіону и уже исполненъ такъ, что никто изъ постороннихъ ничего не замѣтилъ. Кто сдѣлалъ этотъ рѣшительный шагъ и кто привезъ въ Елисейскій дворецъ это рѣшительное извѣстіе о немъ? — положительно, мы еще не знаемъ; но по всѣмъ соображеніямъ, именно Флери. Вѣроятно онъ же, когда пришелъ съ этими извѣстіемъ въ кабинетъ, и доказалъ остальнымъ, что теперь, послѣ мѣры, принятой имъ, ужъ поздно останавливаться. Такъ мы должны заключать по соображенію; а ужъ извѣстно пока то, что когда вошелъ въ кабинетъ Флери, то заговорщики принялись за исполненіе дѣла. Президентъ далъ полковнику Бевиллю пакетъ съ бумагами и послалъ его въ государственную типографію печатать ихъ. Жандармскій баталіонъ былъ двинутъ также именно къ этой типографіи. Парижъ спалъ; баталіонъ спокойно вышелъ изъ своихъ казармъ, прибылъ къ типографіи, окружилъ ее. Наборщики, еще работавшіе въ ней, были будто взяты въ плѣнъ: до окончанія дѣла жандармы не выпустили ни одного изъ нихъ. Нѣсколько времени наборщики ждали, не зная, для какой работы ихъ задержали, но вотъ явился Бевилль съ своимъ пакетомъ, — въ пакетѣ были прокламаціи, которыя слѣдовало напечатать къ утру; Сентъ-Жоржъ, управляющій типографіею, приказалъ набирать ихъ. Говорятъ, что наборщики хотѣли не послушаться, — но хотѣли или не хотѣли, были заставлены работать. Подлѣ каждаго наборщика стали два жандарма, одинъ справа, другой слѣва; набираемые документы были для скорости набора разрѣзаны на небольшіе куски, такъ что никто изъ наборщиковъ и не могъ видѣть полнаго смысла набираемыхъ имъ строкъ. Въ прокламаціяхъ этихъ президентъ говорилъ, что законодательное собраніе — гнѣздо заговоровъ; объявлялъ его распущеннымъ; возстановлялъ право выборовъ безъ всякаго цеза; предлагалъ новую конституцію; снова клялся, что его обязанность — сохранить республику; объявлялъ Парижъ и двѣнадцать сосѣднихъ департаментовъ находящимися на военномъ положеніи. Одна изъ прокламацій была обращена къ войску; въ ней онъ раздражалъ злобу солдатъ на невоенныхъ, напоминаямъ о пораженіяхъ войска въ 1830 и 1848 годахъ.

Президентъ написалъ письма, которыми увольнялъ своихъ министровъ, не участвовавшихъ въ заговорѣ; но эти письма были отравлены къ нимъ уже только по утру; подписалъ также бумагу, назначавшую Морни министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Была поздняя ночь. Заговорщики уже приняли важныя мѣры, послѣ этихъ мѣръ останавливаться было уже опасно, — но все еще не было совершенной невозможности остановиться. Они еще могли разорвать письма, дававшія отставку министрамъ, — они не могли надѣяться, чтобы не разнеслись по городу извѣстія о ихъ замыслѣ, когда наборщики будутъ вынуждены изъ плѣна; но наборщики сами не знали въ точности значенія прокламацій, которыя набирали; еще можно было утаить текстъ и даже замаскировать характеръ прокламацій; но вслѣдъ затѣмъ были сдѣланы шаги уже безвозвратные.

Передъ тѣмъ, какъ она были сдѣланы, пока еще можно было вернуться, бод-

рость измѣнила, какъ разсказываютъ, нѣкоторымъ изъ елисейской братіи; они упали духомъ, а одинъ изъ нихъ даже и сказалъ что не рѣшается идти дальше. Но Флери, какъ разсказываютъ, повелъ этого человѣка одного съ собою въ сосѣднюю комнату, заперъ дверь, вынулъ пистолетъ, сталъ передъ струсившимъ товарищемъ и сказалъ, что сію же минуту застрѣлитъ его, если онъ будетъ колебаться. Я употребляю здѣсь выраженіе «говорить»,—но я могу сказать, что вѣрность этого разсказа признава однимъ изъ двухъ лицъ, между которыми происходила эта сцена наединѣ.

Но почему бы то ни было, по бодрости ли духа, или по страху, заговорщики продолжали свое полночное дѣло. Приказъ военного министра Маньяну былъ подписанъ въ самое глубокое время ночи,—вѣроятно, въ половинѣ третьяго, потому что въ три часа онъ былъ уже въ рукахъ Маньяна.

Около того же часа ночи, Мона послалъ нѣсколькимъ полицейскимъ приказаніе немедленно явиться къ нему въ префектуру, чтобы получить отъ него распоряженія относительно иностранныхъ эмигрантовъ, прибытія которыхъ въ Парижъ будто бы надобно ожидать по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ. Въ половинѣ четвертаго комисары собрались въ префектуру. Мона призывалъ къ себѣ въ кабинетъ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, и каждому давалъ особое порученіе, такъ что они ничего не знали другъ о другѣ, кто куда и зачѣмъ отправляется. Это былъ первый моментъ того періода дѣла, что тайна выходила за границы тѣснаго кружка нѣсколькихъ лицъ въ руки большого числа второстепенныхъ агентовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ той ночи каждый изъ этихъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Франціи: отъ него зависѣло испортить приказаніе префекта, отдававшее страну во власть елисейской братіи, или, повинаясь закону, обнаружить заговоръ и тѣмъ повести заговорщиковъ подъ судъ. Распоряженіе Мона состояло въ томъ, что онъ послалъ комисаровъ арестовать знаменитѣйшихъ генераловъ и важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи,—всѣхъ въ одну и ту же назначенную минуту; для одновременности арестованія каждому комисару было поручено сдѣлать только одинъ арестъ; каждому велѣно было взять отрядъ полицейскихъ и съ нимъ подойти къ дверямъ квартиры указаннаго ему для ареста лица нѣсколько пораньше назначеннаго времени, но ждать до четверти седьмого и ровно въ четверть седьмого, не раньше и не позже, произвести арестъ.

Въ шесть часовъ бригада пѣхоты, подъ командою Форе, уже стояла на quai d'Orsay; другая, подъ командою Дюлака, въ Тюильрійскомъ саду; третья, подъ командою Котта; на place de la Concorde; четвертая, подъ командою Канробера, вмѣстѣ съ цѣлою дивизіею кавалеріи подъ командою Ребелля—около Елисейскихъ полей. Изъ того, что войска были поставлены именно на этихъ пунктахъ, надобно заключать, что главною заботою заговорщиковъ было въ это время еще не утѣшеніе Парижа, этою заботою можно было еще повременить, городъ не могъ подняться такъ рано,—потому многія важнѣйшія части его и оставались еще не заняты войсками,—теперь пока войска имѣли назначеніемъ поддерживать, въ случаѣ надобности, комисаровъ, разосланныхъ для арестованія,—три первыя бригады занимали тѣ пункты, по сосѣдству которыхъ были расположены квартиры арестуемыхъ лицъ, и ограждать безопасность елисейской братіи и прикрывать ея бѣгство изъ Парижа въ случаѣ неудачи дѣла,—для этого и стоялъ тамъ Канроберъ съ пѣхотою и Ребелль съ кавалеріею.

Распоряженіе Мона было исполнено аккуратно и успѣшно: равно въ четверть седьмого,—по тогдашнему времени года это было еще до разсвѣта,—каждый комисаръ вошелъ въ назначенную ему дверь. Въ одну и ту же минуту комисары арестовали знаменитѣйшихъ генераловъ Франціи: генераль Шангарнье (главный генераль крайнихъ монархистовъ), генераль Бедо, генераль Ламорисьеръ (тогда главный генераль либеральной части монархистовъ, готовый на союзъ съ республиканцами въ случаѣ серьезной опасности,—которой еще не ждали,—со стороны президента), генераль Кавеньякъ (главный генераль умѣренныхъ республиканцевъ), генераль Лефлю были подняты съ постелей и препровождены черезъ спящій городъ въ тюрьму. Въ ту же минуту то же было сдѣлано съ главными лицами, заведующими порядкомъ засѣданій законодательнаго собранія, со многими главнѣйшими или опаснѣйшими по твердости характера депута-

тами: въ числѣ другихъ были арестованы Тьеръ, Міо (демократъ), полковникъ Шаррасъ (едва ли не даровитѣйшій изъ всѣхъ политическихъ военныхъ людей нынѣшней Франціи,—одинъ изъ немногихъ депутатовъ, совершенно ясно понимавшихъ положеніе дѣлъ, какъ уже было замѣчено выше, ждавшій подобной катастрофы, предлагавшій простое, легкое средство устранить ее, но не успѣвшій убѣдить ни массу своихъ собратовъ республиканцевъ, ни массу монархистовъ, одинаково бывшихъ слѣпыми, а самъ не имѣвшій возможности принять команду, потому что былъ только полковникъ) и многіе другіе демократы; были арестованы и тѣ не бывшіе депутатами лица, которые считались главными людьми тайныхъ обществъ. Общюю дѣлюю этихъ ночныхъ арестовъ было то, чтобы, когда городъ проснется по утру, армія увидѣла бы себя безъ генераловъ, стоящихъ за законъ, законодательное собраніе безъ людей, на которыхъ лежала обязанность созвать его, всѣ политическія партіи остались бы парализованы отсутствіемъ своихъ предводителей. Число всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ четверть седьмого ночью съ 1 на 2 декабря, было 78 человекъ; 18 изъ нихъ были депутаты.

Было еще темно, когда Моранъ съ отрядомъ пѣхоты пріѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, занялъ его и взялъ въ свои руки рукоятку того французскаго административнаго механизма, благодаря которому человекъ, сидящій на этомъ мѣстѣ, распоряжается всею націею. Моранъ сѣлъ за этотъ столъ и уже диктовалъ по телефону во всѣ департаменты о томъ, съ какими энтузіазмомъ Парижъ принималъ новыя распоряженія, а Парижъ еще спалъ и о новыхъ распоряженіяхъ еще никто не зналъ.

Когда стало свѣтать парижане увидѣли на стѣнахъ прокламація президента и постепенно узнали, что въ эту ночь арестовано множество знаменитѣйшихъ людей Франціи, что всѣ генералы, на помощь которыхъ могли бы разсчитывать друзья закона и порядка, брошены въ тюрьмы; городъ узнавалъ объ арестахъ, какъ мы сказали, постепенно и очень медленно. Газеты, за которыхъ привыкли люди хвататься, чтобы узнать факты, узнать правду о томъ, что думаютъ дѣлать другіе,—всѣ были захвачены и остановлены въ типографіяхъ.

Двери законодательнаго собранія были замкнуты; передъ ними стояли солдаты. Но депутаты, начавшіе сходиться на засѣданіе, нашли средство войти въ залъ собранія черезъ квартиру одного изъ сановниковъ законодательнаго собранія, находившуюся въ томъ же зданіи. Ихъ собралось уже очень много; нѣкоторые изъ нихъ успѣли отыскать Дюпена, своего президента; онъ было не хотѣлъ идти въ засѣданіе (14), но они

(14). Дюпенъ старшій — трусливый эгоистъ: бывши повѣреннымъ по частнымъ дѣламъ Луи-Филиппа, т. е. бывши очень близкимъ, домашнимъ человекомъ орлеанскаго короля, онъ не постыдился потомъ увѣрять, что обратился въ республиканскую вѣру,—теперь былъ опять монархистомъ, потому что монархисты имѣли твердую надежду возстановить королевскій престолъ,—черезъ нѣсколько времени не постыдился принять должность, впрочемъ, независимую и чистую должность по высшему судилищу Франціи, кассационному суду при Луи-Наполеонѣ. Онъ не безчестный человекъ, каковы герои разсказываемой Кинглекомъ драмы, но одинъ изъ самыхъ плохихъ по характеру между дѣятелями временъ, предшествовавшихъ имперіи. Въ душѣ онъ орлеанистъ, насколько можетъ безъ вреда себѣ быть имъ.

заставили его идти въ залъ и сѣсть на его предсѣдательское кресло, когда вломился въ залъ отрядъ солдатъ и вытѣснилъ изъ него депутатовъ, нанося удары прикладами. Въ то же самое время отрядъ легкой кавалеріи съ наглыми обидами разогналъ другихъ депутатовъ, толпившихся у боковыхъ дверей зала. Двѣнадцать человекъ изъ числа разгоняемыхъ депутатовъ были арестованы и отправлены въ тюрьму.

Между тѣмъ (все по утру 2 декабря) президентъ, сопровождаемый своимъ дя-

дею, принцем Иеронимом и графом Флаго,—который, кажется, до нѣкоторой степени зналъ о замыслѣ раньше,—съ множествомъ генераловъ, многочисленнымъ штатомъ проѣхалъ по нѣкоторымъ изъ главныхъ улицъ. Кажется, что по своей театральной манѣ онъ ждалъ отъ этого кавалькадированія рѣшительнаго торжества своему дѣлу; и точно, непопулярность законодательнаго собранія (за реакціонное направленіе монархизмовъ, господствовавшихъ въ немъ), внезапность и ловкость удара, нанесеннаго въ ту ночь, давала надежду на успѣхъ; но президентъ ошибся: онъ не сообразилъ, какими глазами все еще продолжалъ смотрѣть на его личныя претевзіи насмѣшливый парижскій народъ. Минута, когда парижане перестали смѣяться надъ нимъ, была уже очень близка, но еще не пришла. Да онъ и не сдѣлалъ того, что пужно было для полученія аплодисментовъ,—не поѣхалъ хоть сколько нибудь на рискъ: онъ ѣхалъ по тѣмъ улицамъ, и частіямъ набережной, гдѣ стояли войска, подлѣ самыхъ солдатъ. Пріемъ, сдѣланный ему на улицахъ парижанами, былъ ни расположенный, ни враждебный, а леденящій, спокойный и презрительный.

Встрѣтивъ такое фіаско, президентъ упалъ духомъ. Опять, хоть не такъ безнадёжно какъ въ Страсбургѣ и Булони, онъ былъ ошеломленъ столкновеніемъ съ дѣйствительностью. И не удивительно было, что онъ смутился и оробѣлъ: по своей старой склонности, онъ сочинилъ и назначилъ разыграть въ этотъ день большой спектакль императорской встрѣчи его,—въ роли аустерлицкаго побѣдителя,—французскою націею. Когда, вышедши изъ комнаты, гдѣ все это сочинено и снабжено декораціями, онъ поѣхалъ по улицамъ,—онъ ѣхалъ, ѣхалъ и съ каждою минутою, съ каждымъ шагомъ все яснѣе видѣлъ, что Парижъ слишкомъ занятъ серьезными дѣлами слишкомъ солиденъ и полонъ презрѣнія къ фокуснику, чтобы привѣтствовать его императоромъ;—вещь въ самомъ дѣлѣ замѣчательная: парижское населеніе было такъ надменно передъ нимъ, или такъ мало хотѣло думать о немъ, что не порадовало его даже тѣмъ, чтобы смотрѣть на него хоть съ любопытствомъ, котораго, казалось бы, заслуживалъ онъ послѣ продѣлки, устроенной тою ночью. Какъ же это, даже и не смотря на него, вѣдь это онъ, императоръ, теперь уже съ настоящею генеральскою свитою, на настоящихъ лошадяхъ, въ неподдѣльныхъ мундирахъ,—и день свѣтлый, можно бы видѣть его. Да, на него свѣтило настоящее, несценическое солнце, но декабрьское, на которомъ замерзнешь. Принцъ Луи-Наполеонъ поѣхалъ домой и больше не показывался въ публику.

Онъ безвыходно сидѣлъ въ Елисейскомъ дворцѣ, почти все одинъ, въ запертой комнатѣ,—сообщники не могли никого допускать къ растерявшемуся своему предводителю. Воротившись съ своей поѣздки, онъ, даже забывъ снять свои регаліи, сѣлъ въ кабинетѣ спиной къ окну, лицомъ къ камину, повѣсивъ голову, и сидѣлъ, сидѣлъ много, много часовъ, опершись локтями на колѣни, закрывъ лицо руками.

Такъ рассказываютъ, а какъ бы то ни было, положительный фактъ то, что въ это время опасности сообщники его не допускали до него никого, не допускали до него и никакихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, какія передавали ему сами. Самъ ли онъ инстинктивно пожелалъ, или его сотоварищи и безъ его просьбы разсудили, что онъ губить ихъ своимъ уныніемъ,—но его устранили, оградилъ отъ всякихъ тревожныхъ извѣстій и стерегли; разсудили, что нельзя допускать до его ушей ничего, кромѣ того, что найдутъ удобнымъ сказать ему Персиваль или Флери,—разсудили, что невозможно допустить его увидѣть какого нибудь адъютанта, прискакавшаго отъ Сентъ-Арно, или Маньяна, или какого нибудь комисара, пріѣхавшаго отъ Мона съ извѣстіями, которыми разстраивался даже самъ Мона.

Выгнанные изъ своего зала депутаты собрались въ Ратушѣ (mairie) 10-го округа (15). Тамъ, по предложенію знаменитаго Беррье (предводителя либе-

(15). Парижъ былъ раздѣленъ тогда на 12 частей (округовъ или мэрій): mairie — зданіе полицейскаго управленія округомъ, съ прекраснымъ заломъ, довольно кружкое, ограждаемое полицейскими солдатами округа; мэръ 10-го округа былъ самый преданный изъ всѣхъ мэровъ монархическому большинству законодательнаго собранія.

рального отдѣла легитимистовъ, или умѣренныхъ легитимистовъ) собраніе вотировало, что дѣйствія Луи-Наполеона лишаютъ его президентскаго сана (16) и постано-

(16). Конституція 1848 года говорила, что если президентъ предпри-метъ что либо противъ законнаго порядка или противъ законодательнаго собранія, онъ этимъ самымъ дѣломъ уже низлагаетъ себя съ своего мѣста, — что законодательное собраніе даже уже и не имѣетъ рѣшать этого, а только заявляетъ, какъ фактъ уже совершившійся и что даже не ожидая и этого заявленія со стороны законодательнаго собранія, а тѣмъ больше по его заявленію, собирается верховный судъ, члены котораго уже впередъ назначены, и дѣлаетъ распоряженіе объ арестованіи преступника, если онъ еще не арестованъ. — Постановленія конституціи были, какъ видимъ, очень точны и сильны; но, какъ мы знаемъ, законодательное собраніе было непопулярно и непредусмотрительно. Фортъ ничего не значить, какъ бы силенъ ни былъ, если гарнизонъ не умѣетъ владѣть орудіями, а кромѣ того снѣтъ, не поставивъ караульныхъ, — пять человѣкъ безъ всякой помѣхи перелѣзли тайкомъ черезъ стѣну, заперли двери казармы, а тѣ все еще спали, — привезли пушку со стѣны, черезъ которую перелѣзли, зарядили пушку картечью, навели въ окно казармы, и тогда закричали: „вставайте господа, и сдавайтесь: видите, фитиль готовъ и картечь въ пушкѣ ваша собственная, прекрасная“. Спавшіе вздумали было погорячиться съ просонья, еще не понявъ милаго оборота, но черезъ минуту, какъ увидимъ ниже, опомнились, разсудили, что поздно, сдались и сами связывали другъ другу руки. Такова была часть мелодрамы, относившаяся къ конституціи и законнымъ властямъ. Она была дѣйствительно водевилна. Но потомъ надъ народомъ, надъ окрестными жителями, которыхъ долженъ былъ охранять фортъ, разыгралась другая часть мелодрамы, менѣе забавная. Кинглекъ будетъ рассказывать о ней черезъ нѣсколько страницъ. Истолкованіе же первой части пьесы: фортъ — конституція 1848 года, построеніе очень уродливое по смѣшенію въ немъ совершенно разнохарактерныхъ системъ, но впрочемъ при всей своей уродливости само по себѣ крѣпкое; пушки на стѣнахъ форта суть войска, артиллеристы же гарнизона суть генералы и государственные люди Франціи, обязанные употреблять оныя пушки на оборону онаго форта, пушка же, привезенная къ окну казармы, есть часть французской арміи (4 бригады пѣхоты и проч.), обращенная на укрощеніе духа таковыхъ артиллеристовъ, картечь же есть подлинная картечь, съ присовокупленіемъ пуль, палашей и другихъ обыкновенныхъ видовъ оружія.

вило, что члены верховнаго суда должны собраться и приступить къ суду надъ президентомъ и его сообщниками. Только что были вотированы эти рѣшенія, какъ на дворъ Ратуши пришелъ батальонъ венсенскихъ стрѣлковъ и двинулся въ залъ. Одинъ изъ вице-президентовъ собранія вышелъ на встрѣчу солдатамъ на лѣстницу и сказалъ: «Остановитесь, предоставьте свободу собранію». Офицеръ, къ которому прямо относились эти слова, понявъ опасность порученія, потому ему и отвѣчалъ: «я не больше, какъ исполнитель, — пойду спросить новаго приказанія у своего командира».

А между тѣмъ подошли еще нѣсколько батальоновъ бригады Форэ, вмѣстѣ съ самимъ Форэ и окружили Ратушу. Венсенскимъ стрѣлкамъ было скомаандовано: «закрижай». Къ дверямъ зала подошли два полицейскіе комисара, — объявили, что имъ при-

казано очистить залъ, просили собраніе не противиться этому. Депутаты отказались уступить. Пришелъ третій комисаръ,—сталъ говорить болѣе повелительнымъ языкомъ,—но также поколебался, когда ему объяснили противозаконность исполняемаго имъ порученія. Наконецъ пріѣхалъ адъютантъ Маньяна съ письменнымъ приказомъ командиру батальона очистить залъ, если понадобится, то и силою, и отвѣтъ въ Мазасскую тюрьму всѣхъ депутатовъ, которые будутъ противиться. Языкъ этого приказа свидѣтельствуешь, какъ малодушно прикрывался Маньянъ обязанностью повиноваться военному министру: онъ не забылъ прибавить снова, что дѣлаетъ свое распоряженіе «въслѣдствіе приказаній военнаго министра». Въ залѣ было тогда около 220 депутатовъ; всѣ они объявили, что не хотятъ удалиться, и уступать только силѣ. Президентъ Дюпена тутъ не было, потому что предсѣдательствовалъ старшій вице-президентъ Бенца-д'Ази; полиційскіе взяли подъ руки его и другого вице-президента и повела изъ зала. Всѣ депутаты пошли за ними и, между двумя рядами солдатъ, пошли по улицамъ за своими вице-президентами; пѣнное собраніе шло черезъ *rue de Grenelle*, *rue St.-Guillaume*, *rue Neuve de l'Université*, *rue de Beaune* и наконецъ было приведено на *quai d'Orçay*. Въ ихъ лицѣ Франція шла плѣнная по улицамъ своей столицы,—такое зрѣлище было густо смотрѣвшимъ на него парижанамъ,—но грусть этихъ зрителей была похожа на чувство, съ какимъ люди, проходя мимо какой нибудь непріятной уличной сцены, жалуютъ, что никто не приходитъ прекратить ее, а сами идутъ мимо. Депутаты, собиравшіеся въ Ратушу, слишкомъ надѣясь на силу закона (17),

(17). Отчасти, конечно, они руководились этимъ чувствомъ: но главное было то, что они не довѣряли парижанамъ: огромное большинство собиравшихся были монархисты (какъ и сами вице-президенты): созвать народъ значило звать его на баррикады; они не знали, пойдетъ ли онъ на баррикады по ихъ призыву, и несомѣнно знали, что крикъ на баррикадахъ былъ бы *vive la république*,—и при томъ навѣрное даже *vive la république démocratique et sociale*. Это было страшнѣе для нихъ, чѣмъ все, чего самыя предупредительныя или самыя боязливыя могли ждать для себя (и по ихъ мнѣнію для Франціи) отъ самаго крупнаго наполеоновскаго деспотизма. Въ эти минуты прямо предложилась къ немедленному отвѣту въ мысляхъ cadaго депутата знаменитая тогдашняя полемическая фраза: *la France, sera-t-elle cosaque (napoléonienne) ou sociale (rouge, barbare?)*—и всѣ монархисты отвѣчали: лучше пусть будетъ наполеоновскою, чѣмъ красною. Они не захотѣли понять, что именно *napoléonienne* и будетъ *rouge*, гораздо болѣе *rouge*, чѣмъ все, чего они боялись отъ социалистскаго терроризма, легковѣрно созданнаго ихъ робкою фантазіею. Еслибъ не это, у депутатовъ достало бы мужества остановиться, хоть и шли они между двухъ рядовъ штыковъ, закричать народу и скомандовать солдатамъ: „вяжи батальонныхъ“, и навѣрное сами солдаты конвоемъ также машинально перевязали бы своихъ командировъ, какъ прежде арестовали своихъ плѣнниковъ и пошли бы вмѣстѣ съ народомъ на другихъ солдатъ, командиры которыхъ не трусили бы, а Маньянъ, главнокомандующій, навѣрное, трусилъ бы и бѣжалъ бы. Дѣло еще могло бы повернуться и въ эти минуты. Но депутаты, не лишеныя мужества лично за себя, боялись отдавать Францію въ руки враговъ, которыхъ по своему заблужденію считали болѣе вредными для нея, чѣмъ того врага, который арестовалъ ихъ. Они не трусили, они поступили честно; они только ошибались все еще и въ эту минуту, какъ прежде, какъ, по всему, что видно со стороны, продолжаетъ и до сихъ поръ ошибаться и масса французскихъ

роялистовъ, сильная сочувствіемъ большей части департаментовъ и масса французскихъ республиканцевъ, сильная расположеніемъ простолюдиновъ Парижа. Эти массы, розняціяся между собою не столько по существу стремленій, сколько по именамъ, которыми зовуть ихъ, все еще не могутъ, кажется, понять другъ друга. Въ мелкихъ частныхъ дѣлахъ такія ошибки, можетъ быть, неизвинительны, когда тянутся такъ упрямо, такъ долго: но въ исторіи народовъ иначе не бываетъ; всегда бываетъ нужно очень много времени, чтобы партіи поняли другъ друга и примирились хоть настолько, чтобы дружно стремиться къ тому, чего одинаково желаютъ. Быть можетъ, это жалко; быть можетъ, это дико; но это идетъ чрезъ всю исторію всѣхъ націй, и несправедливы къ французамъ тѣ, которые судятъ о нихъ дурно изъ-за этого грустнаго недоразумѣнія ихъ. Даромъ и скоро ничто не достается націямъ: все пріобрѣтается только долгимъ, труднымъ опытомъ жизни.

позабыли, или не захотѣли позаботиться, чтобы собралось большое стеченіе народа по сосѣдству зала, въ которомъ они засѣдали: зрители этого конца свободныхъ учрежденій не были многочисленны,—это были только люди, случайно проходившіе мимо. Не было между ними бури негодованія. Въ злой часъ республиканцы приняли законъ, чтобы представители народа получали жалованье; это узаконеніе подорвало кредитъ собранія, потому что уничтожило мнѣніе о безкорыстіи, которымъ облагораживается парламентъ въ глазахъ свободного народа. Парижскіе работники, храбрые и воинственные, но не простыя и отчасти люди завистливые, сравнивали свою поденную плату съ платою депутатамъ и не находили основаній ставовиться за людей, которые служатъ патріотами по найму за 25 франковъ въ день (18). Но уже по

(18). Кинглекъ тутъ понимаетъ дѣло, какъ торгъ; если бы рѣчь шла о мнѣніи французскихъ легитимистовъ крайняго отдѣла, онъ былъ бы правъ. Но даже легитимисты отдѣла Беррье навѣрное не совсѣмъ такъ смотрѣли на дѣло. Смѣшно и вредно для кредита нынѣшней англійской палаты общинъ было бы, еслибы ея члены вздумали назначить себѣ жалованье: всѣ они люди съ независимыми отъ своего обыденнаго труда средствами жизни, почти всѣ люди богатые. Другіе и не идутъ въ нынѣшнюю палату общинъ и не могутъ идти, если бы даже захотѣли голодать въ ней; въ Англии еще остается обычай, что почти всѣ расходы по выборамъ несетъ самъ кандидатъ. Не говоря о подкупѣ, безъ котораго не обходится дѣло въ мелкихъ городахъ (болѣе убыточныхъ для кандидатовъ, чѣмъ большіе города и графства),—совершенно чистые и публичные расходы на выборы довольно велики, печатаніе объявленій, наемъ помѣщеній для предварительныхъ собраній избирателей, наемъ прислуги, безъ которой нельзя же обойтись при такихъ хлопотахъ, и проч. т. п.,—все это стоитъ тысячъ и тысячъ рублей каждому кандидату. — Во Франціи издавна обычай совершенно иной, такой же какъ въ Америкѣ; тамъ кандидатъ въ сторонѣ; онъ хлопочетъ лишь у главныхъ людей своей партіи, чтобы они рекомендовали его комитету партіи, завѣдующему выборами, — хлопочетъ за себя передъ этимъ комитетомъ, — и только; комитетъ назначаетъ или отвергаетъ претендента на кандидатство; если онъ отвергнуть, онъ отходитъ въ сторону: некому подавать голосъ за него на выборахъ; если комитетъ назначаетъ его своимъ кандидатомъ, ему опять не остается ничего дѣлать самому: всѣ хлопоты ведетъ комитетъ, — деньги на это вноситъ по подпискѣ вся партія. Потому во Франціи, какъ въ

Америкѣ, шли въ депутаты и люди, живущіе своимъ трудомъ, не имѣющіе лишнихъ денегъ; они сильно нуждались: занятія по депутатству отнимали много времени, т. е. и дохода у этихъ небогатыхъ адвокатовъ, медиковъ, журналистовъ, небогатыхъ купцовъ, маленькихъ фабрикантовъ, — всё это знали; имъ справедливо было получать вознагражденіе. Это понимали всё во Франціи. кромѣ одного очень небольшого отдѣла одной изъ множества партій. А въ особенности понимали это парижскіе работники: вѣдь они были республиканцы, а кореннымъ правиломъ республиканцевъ было: „государство не нищій; оно не принимаетъ даромъ ничьихъ услугъ; за всякую службу — жалованье; иная служба обидна для націи и вредна, потому что не аккуратна“. Надъ жалованьемъ депутатамъ шутили, какъ шутятъ надъ всѣмъ, но шутили невинно, понимая, что шутятъ, а что въ самомъ дѣлѣ жалованью слѣдуетъ быть, по французскимъ обычаямъ; да и жалованье было очень умѣренно: 25 фр. въ день—около 9.000 фр. въ годъ,—это жалованье члена суда второй инстанціи, или чиновника, соответствующаго нашему начальнику отдѣленія, не больше. Парижане не любили тогдашнихъ депутатовъ не за ихъ жалованье, а за то, что они были люди не той партіи, какъ сами парижане.

своему развитому чувству, тонко замѣчающему разницу между пристойнымъ и непристойнымъ, парижскій простолюдинъ былъ расположенъ оскорбляться спеною, которую теперь видѣлъ. Онъ разсуждалъ, какъ ему поступить при этомъ зрѣлищѣ, которое выводило Францію изъ ряда свободныхъ государствъ. А между тѣмъ отворились ворота казармы d'Orsay, депутаты были введены на ея дворъ и ворота опять затворились.

Было еще только два часа дня. Нужно было дожидаться темноты, чтобы сдѣлать то, что хотѣли дальше сдѣлать съ этими плѣнными. Въ половинѣ пятого три депутата пришли къ казармѣ и потребовали, чтобы ихъ также отвели къ прежнимъ плѣннымъ. Въ половинѣ десятого вечеромъ были приведены въ казарму 12 депутатовъ, взятыхъ солдатами у дворца законодательнаго собранія. Такимъ образомъ теперь было въ казармѣ 232 депутата.

Въ три четверти десятого вѣхало на дворъ казармы множество закрытыхъ фуръ безъ оконъ,—тѣхъ фуръ, въ которыхъ возятъ преступниковъ; всё депутаты были брошены въ нихъ и были отвезены—одни въ Валерьенскій фортъ, другіе въ Венсенскій фортъ, третьи—въ Мазасскую тюрьму. Такимъ образомъ, къ развѣту 3-го декабря, всё знаменитые люди законодательнаго собранія и всё лучшіе генералы Франціи были въ тюрьмахъ: кромѣ Шангарье, Ведо, Ламорисьера, Кавеньяка и Дефлю, кромѣ Тьера, полковника Шарраса, Мю, арестованныхъ ночью, теперь сидѣли въ плѣну еще 232 депутата, въ томъ числѣ люди знаменитые: Беррье (предводитель либеральныхъ легитимистовъ), Одилонъ Барро (президентъ либеральныхъ орлеанистовъ), Гюставъ де Бошонъ, Бенца д'Ази, герцогъ Брешь, адмиралъ Сесиль, Шамболъ, де Корсель, Дюфоръ, Дювержье де Горанъ, де Фаллу, генералъ Лористонъ, Ланжюне, герцогъ де Моинъ, герцогъ Монтебелло, генералъ Ралу Лафоссъ, генералъ Удино, Ремюза, Токвилль. Въ числѣ этихъ 232 человекъ находилось 12 человекъ бывшихъ министровъ, въ томъ числѣ 9 человекъ, бывшихъ министрами во времена президентства Луи-Наполеона.—Таковы были люди, брошенные въ тюрьму; а бросавшіе ихъ были: принцъ Луи-Бонапартъ, Морни, Мона, Севъ-Арно, урожденный Ле-Руа,—дѣйствующіе по совѣту и согласію Фіалена де Периньи, подъ повужденіемъ отъ Флера. Правда, что этимъ людямъ помогала армія; но мы видѣли, что Маньянъ, командовавшій ею, прятался подъ приказъ военнаго министра, и если бы былъ преданъ суду въ случаѣ неудачи, то безъ сомнѣнія сталъ бы доказывать, что былъ только орудіемъ, а не самостоятельнымъ лицомъ, когда дѣлалъ все то, что дѣлалъ.

По конституціи 1848 года, преступленія противъ нея подвергались преслѣ-

дованію Верховнаго Суда, особенно учрежденнаго только для этихъ дѣлъ. Онъ собрался; отрядъ солдатъ вошелъ въ залъ, судьи были согнаны съ своихъ мѣстъ,—но прежде, чѣмъ солдаты вошли, они успѣли составить формальный актъ о томъ, что начинаютъ процессъ противъ «бывшаго президента», и сходя съ своихъ мѣстъ, объявили, что только «отсрочиваютъ продолженіе засѣданія до дня, который будетъ опредѣленъ ими по усмотрѣнію», и приказали отнести къ «бывшему президенту» формальную повѣстку о томъ, что онъ преданъ суду.

Уже издавна храбрые парижане привыкли встрѣчать беззаконіе вооруженнымъ сопротивленіемъ. Но теперь было много причинъ, заставлявшихъ парижскій народъ находить, что въ настоящую минуту было бы неблагоразумно обращаться къ оружію. Событія 1848 года наполнили людей ужасомъ, внушили имъ ненависть къ социализму. Люди, испытавшіе, что значить цѣлые мѣсяцы и годы трепетать за свою жизнь и собственность, были доведены этимъ до такого унылаго состоянія, что готовы были стать за всякое правительство, хоть бы и незаконное, противъ всякаго возстанія хотя бы и законнаго (19). Надобно прибавить, что

(19). Это совершенная правда, но опять надобно выразиться точнѣе. Все время съ марта 1848 г. до декабрьскаго переворота дѣйствительно было проведено образованными классами въ постоянномъ опасеніи возстаній, рѣзни и грабежа. До іюньской рѣзни, они дѣйствительно могли опасаться попытокъ насильственнаго введенія экономическихъ преобразованій,—хотя теперь уже и давно доказано, что ни одинъ изъ тогдашнихъ представителей социализма во Франціи не думалъ объ этомъ,—напротивъ, всѣ до одного они считали всякое насиліе вреднымъ и поставляли всю надежду на успѣхъ въ дѣйствованіи мирнымъ и законнымъ путемъ объясненій. Но положимъ, тогда ни хотѣли имъ вѣрить въ этомъ, положимъ, до іюня могли опасаться ихъ. А чего-жь было бояться ихъ послѣ іюньской битвы, какіе бы умыслы они ни имѣли? Они были уничтожены, они были совершенно безсильны вредить, или волновать, еслибъ и хотѣли. Но толпа продолжаетъ кричать, и сама запугиваетъ себя своимъ крикомъ. Это было все то же самое, какъ нашъ почтенный Сергій Глинка продолжалъ предостерегать русскую націю противъ Наполеона I до конца своей жизни, когда не только самъ Наполеонъ, но вѣроятно уже и Гудсонъ Лау, сторожившій его на Св. Еленѣ, умеръ давно. Почтенный ратникъ 1812 года продолжалъ и въ 1832 году и позднѣе воображать, что Кутузовъ стоитъ въ тарутинскомъ лагерѣ и что завтра Мюратъ внезапно атакуетъ его авангардъ.—Эта фантазія заднимъ числомъ постоянно дѣйствуетъ въ исторіи, и напрасно порицать за нее только нашего милаго ратника, трепетавшаго мыслию на 20 лѣтъ назадъ, или тогдашнихъ образованныхъ французовъ, трепетавшихъ въ концѣ 1851 года врага, забитаго ими же самими на повалъ лѣтомъ 1848 года. Масса англичанъ до сихъ поръ все воображаетъ, что папа собирается не нынѣ—завтра въ распlochъ захватить ихъ въ свои руки,—эта фантазія заднимъ числомъ уже слишкомъ на 250 лѣтъ.—Но изъ фантазій ничего важнаго въ дѣйствительности не выходитъ: она можетъ только замаскировать дѣйствительныя причины. Французы фантазировали на тему: „социализмъ ужасенъ“ и трепетали; это правда; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они приводимы были въ трепетъ дѣйствительно своею фантазіею,—трепетъ происходилъ отъ другой причины, очень солидной, совершенно осповательной, которая только на словахъ, для украшенія рѣчи, уступала первенство фантазій, бывающей

всегда болѣе удобною для риторическихъ упражненій,—а па дѣлѣ очень прямо дѣйствовала на нервы, безъ всякаго посредства фантазіи. Парижскіе работники были республиканцы; большинство населенія департаментовъ были монархисты. Если была возможность думать, что для разрѣшенія вопроса о формѣ правленія будетъ добросовѣстно взято достаточное время, какое нужно, чтобъ или Парижу убѣдиться, что провинціалы не желаютъ республики, или провинціаламъ имѣть время обдумать, дѣйствительно ли они твердые монархисты, если бы добросовѣстно положено было ждать такого разрѣшенія вопроса, то дѣйствительно нечего было бы бояться никакихъ смуть; или парижане разсудили бы: „точно, они монархисты, гдѣ-жъ намъ совладѣть съ цѣлою Франціей? Надобно уступить, пусть будетъ опять король“, или бы провинціалы сказали: „оно точно, мы было привыкли думать, что мы монархисты; а разсудивши, увидѣли, что это для насъ все равно, какая форма правленія нравится Парижу, та и наша; все равно, какъ и во всемъ, мы полагаемся на вкусъ парижанъ,—и въ модахъ, и въ биржевыхъ дѣлахъ, и въ наукахъ“. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, дѣло рѣшалось бы мирно, добровольною и разсудительною уступкою той или другой стороны, смотря по тому, какая нашла бы себя слабою въ пунктѣ несогласія. Но такъ разсудительно дѣло бываетъ только въ книгахъ, а не въ жизни. Положеніе дѣла съ зимы 1848 года было таково: существовала республика; управляли ею монархисты; монархисты знали, что всякія новыя учрежденія упрочиваются привычкою къ нимъ; и такъ, если ждать пока можно будетъ разсудительно и мирно рѣшить вопросъ, то—кто же знаетъ?—тутъ, въ это время провинціалы привыкнуть къ республиканскимъ учрежденіямъ, и тогда дѣло монархистовъ будетъ сдано въ архивъ. И такъ, надобно снѣшнть, пока въ ихъ рукахъ администрація. Поэтому каждый день монархисты совѣщались о надобности низвергнуть поскорѣе республиканскія учрежденія.—пока они все еще удерживались отъ этого, потому что еще не поладили между собою, какими учрежденіями замѣнить ихъ: прежними легитимистами, или прежними орлеанистами, или смѣшеніемъ тѣхъ и другихъ, или чѣмъ нибудь новымъ,—у нихъ доставало разсудительности и добросовѣстности на то, чтобы не начинать дѣла прежде, чѣмъ они поладили между собою: такъ, — но вѣдь они были люди.—хоть и разсудительные; а все же люди; хоть и добросовѣстные, а все же люди со страстями; поэтому безпрестанно они слегка порывались все вмѣстѣ па дѣло, которое сами все признавали преждевременнымъ; тотчасъ же замѣчали ошибку и отдергивали руку назадъ,—а нація и Парижъ все-таки видѣли, что монархистовъ забираетъ желаніе хватиться за дѣло: нынѣ кто нибудь изъ нихъ произнесетъ рѣчь, что „чѣмъ скорѣе будетъ низвергнута республика, тѣмъ лучше“,—а другіе не догадаются остеречься и аплодируютъ ему; завтра люди слышать, что ночью Шангарнь начиналъ было собирать войска для арестованія республиканцевъ, да тутъ же кетати и президента, и дѣлалъ это по приказанію монархистовъ; послѣ завтра какой то дикарь встаетъ въ законодательномъ собраніи и предлагаетъ перенести столицу изъ Парижа въ Буржъ, потому что,—такъ прямо и говорить,—въ Буржѣ монархисты; они насъ поддержать, а парижане гадки намъ. Конечно, изъ всего этого ничего не выходило,

разсудительные тотчас заглушили опрометчивыхъ, или бросили свою минутную опрометчивость. Но кто же могъ поручиться, что завтра не будетъ исполнено ими того, отъ чего едва удержались они вчера? Они и сами не были увѣрены въ себя: „да, мы можемъ увлечься“, думалъ почти всякій и говорили многіе изъ нихъ. А люди посторонніе партіямъ,—т. е. масса и образованнаго общества, не только простолюдиновъ и тѣмъ меньше могла быть увѣрена, что они не сдѣлають преждевременной попытки, а преждевременная попытка возстановить королевскій санъ, не могла обойтись безъ битвы съ Парижемъ и безъ рѣзни во многихъ другихъ городахъ. Каждый вечеръ французы засыпали съ мыслию: ну, что будетъ, если нынѣ ночью Шангаріе получилъ приказаніе арестовать республиканцевъ, прогнать президента и провозгласить королемъ кого нибудь изъ двухъ представителей двухъ бурбонскихъ линій?—Да, всякій знаетъ, что завтра же быть можетъ, легитимисты и орлеанисты начнутъ рѣзаться съ республиканцами въ Парижѣ и во всѣхъ большихъ городахъ, и если одолѣютъ ихъ, то начнутъ рѣзаться между собою во всѣхъ департаментахъ—сѣверъ и земли по Рейну, по Ронѣ и Севѣ, по низовью Луары станутъ за одну династію, остальная Франція, особенно южная часть центра и Бретань за другую, а вездѣ противники большинства будутъ сильны, и повторится Вандейская война въ увеличенномъ размѣрѣ. Вотъ была истинная причина тревоги,—тоже отчасти преувеличенная, но солидная, дѣйствительная. О ней меньше толковали, чѣмъ о социалистскомъ фантомѣ, потому что нечего было тутъ убѣждать и доказывать: всѣ сами видѣли, что этого слѣдуетъ бояться.—Исторія именно тѣмъ и величественна, и грустна, что сущность дѣла въ ней всегда проста и солидна, что никакими фантазіями и эффектами не измѣняется сущность дѣла, развивающаяся совершенно честно, только не такъ ровно и тихо, какъ пріятно бы желать, но напрасно желать. Исторія грустна именно тѣмъ, что низость, подлость, измѣна въ ней такой же безсильный миражъ, какъ и порывы великодушія, самопожертвованія; то и другое одинаково только заставляетъ насъ презирать или уважать отдѣльныхъ дѣятелей,—но не Наполеонъ побѣдилъ Макка въ Ульмѣ,—будь Наполеонъ генераломъ австрійской службы, походъ кончился бы все равно гибельнымъ для Австріи образомъ: Франція 1805 года не могла не побѣдить Австріи того года,—только потому и побѣдилъ Наполеонъ. Будь полководецъ французовъ менѣе даровитъ, чѣмъ Наполеонъ, будь онъ даже бездарнѣе самого Макка, побѣда французовъ была только бы не такъ эффектна, или не такъ быстра,—а условія мира были бы тѣ же самыя. „Странная вещь,—говорили римляне во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ:—отчего это Лабенъ всегда побѣждалъ, пока былъ на сторонѣ Цезаря, и всегда остается побѣжденъ, съ тѣхъ поръ какъ перешелъ на сторону Помпея“,—очень просто, отвѣчали сами же они черезъ нѣсколько времени: на сторонѣ Цезаря были всѣ свѣжія силы, на сторонѣ Помпея одна только гибель. Безсиліе людей надъ ходомъ событій трагично; но исторія отнимаетъ и возможность унынія за будущее, если отнимаетъ грезы опрометчивыхъ надеждъ: чему быть, того не миновать, говоритъ она, и изъ общаго хода событій послѣднихъ вѣковъ доказываетъ, что слѣдуетъ ждать все большихъ успѣховъ знанія и жизни.

чувство пренебреженія къ президенту не исчезло тотчасъ же послѣ переворота, сдѣланнаго въ ночь съ 1 на 2 декабря: мы увидимъ, что оно было уничтожено бойнею 4 декабря; но до вечера 4 декабря самая эксцентричность дѣла такъ напоминала собою Страсбургскій фарсъ и вѣщную сцену въ Булони, что въ продолженіи цѣлыхъ 54 часовъ послѣ разсвѣта 2 декабря негодованіе публики ослаблялось чувствомъ, что все это дѣло—не болѣе, какъ смѣшно. Всѣ презрительно говорили: «Сулукъ, Сулукъ»!—да, Луи-Наполеонъ казался Парижу похожъ на негра, провозгласившаго себя императоромъ и разыгравшаго изъ себя пародію на Наполеона I; а многимъ казалось, что подражаніе 18-му Брюмера, сочиненное президентомъ теперь, точно такая же кукольная комедія, какъ его прежнія подражанія возвращенію съ Эльбы. Разница была очень видна всякому: на этотъ разъ труппа принца состояла не изъ нѣсколькихъ десятковъ людей въ поддѣльных мундирахъ, съ поддѣльными знаменами.—онъ распоряжался для своего спасенія всѣми средствами могущественнѣйшаго гражданскаго и военнаго административнаго механизма въ цѣломъ свѣтѣ; но все-таки господствовала мысль, что онъ спотыкается, быстро самъ летитъ съ ногъ, скоро будетъ въ необходимости спасовать и и подвергнется наказанію. Кромѣ этого чувства, бездѣйствіе объясняется и тѣмъ, что заговорщики успѣли парализовать національную гвардію, что—масса работниковъ не видѣли ничего противнаго своимъ интересамъ въ дѣлѣ 2 декабря. Уничтоженіе цenzы и немедленное предоставленіе народу права избирать диктатора для Франціи (20) были

(20) Формальная сущность прокламацій президента состояла въ томъ, что: 1) цензъ уничтожается; 2) всѣ совершеннолѣтніе французы призываются посредствомъ правильнаго вотированія принять или отвергнуть президентство Луи-Наполеона и проектъ новой конституціи, предлагаемый имъ.

прианками, которыми обольстилось много честныхъ, легковѣрныхъ сердецъ между парижскими работниками; а менѣе благородные, доступные чувству зависти съ удовольствіемъ смотрѣли на продѣлку, посредствомъ которой люди, подобные Ламорисьеру, Ведо, Кавеньяку, подобные де-Люину, Токвилю, Герцогу Брольи, были запятаны въ полицейскіе фуры для мошенниковъ, были развезены въ нѣтъ по тюрьмамъ персонами, подобными Мориа, Мона, Сентъ-Арно, урожденному Ле-Руа (21). Но всему этому не было достаточнаго

(21) Надобно вспомнить также, что Кавеньякъ былъ главнымъ командиромъ, Ламорисьеръ главнымъ его помощникомъ въ страшномъ истребленіи парижскихъ простолюдиновъ въ іюнѣ 1848 года; другіе арестованные генералы—также почти всѣ были памятны парижскому простолюдию по этому дѣлу; еще не забыто было прозвище *les boureaux de Cavaignac* — „Кавеньяковы палачи“—Токвиль, Брольи, Одилонъ Барро, Тьеръ и другіе—были памятны какъ распорядители, приказывавшіе тогда Кавеньяку истреблять инсургентовъ, безпощадно и нѣсколько разъ отсылавшіе изъ тогдашняго (конститутивнаго) правительствующаго законодательнаго собранія депутаціи инсургентовъ, явившіяся съ предложеніями положить оружіе; изъ 232 арестованныхъ депутатовъ развѣ человекъ 10 было такихъ, которые не говорили тогда Кавеньяку: „бей, бей безъ пощады, безъ пощады!“—изъ остальныхъ 222, каждое имя, насколько было извѣстно народу, настолько было извѣстно ему по рѣчамъ въ этомъ тоиѣ во время іюньской рѣзни. Дѣло не въ томъ, были ли преступны тогдашніе инсургенты, были ли правы большинство Конститутивнаго Собранія и генералы его, думая, что для спасенія націи необходимо безпощадное истребленіе іюньскихъ инсургентовъ, — они искренно думали тогда это, они дѣйствовали по совѣсти, какъ справедливый судья осу-

ждаетъ на наказаніе шайку разбойниковъ; но дѣло не въ томъ: дѣло въ томъ, что истребленные тысячи людей были парижскіе простолюдины—родственники, пріятели, товарищи по мастерской тѣмъ людямъ, которые теперь видѣли арестованіе Кавеньяка, его іюньскихъ помощниковъ и его іюньскихъ повелителей, приказывавшихъ ему не жалѣть картечи, — „дѣйствуйте картечью, генераль, и штыками, всякое другое оружіе имѣетъ мало дѣйствія, палаши, пули, ядра, бомбы—пожалуйста, не тратьте времени на эти пустяки; наша тактика должна быть: сгонять инсургентовъ въ густую массу, давать по ней нѣсколько залповъ картечи, потомъ двигать солдатъ въ штыки съ обонхъ концовъ улицы, чтобы некуда было бѣжать, потомъ отводить солдатъ въ сторону и пускать картечь въ догонку тѣмъ, которые успѣютъ увернуться отъ штыковъ“, — вотъ были инструкціи, исполнявшіяся въ 1848 году въ іюнѣ Кавеньякомъ: инструкціи простыя, но достойныя великихъ полководцевъ, хотя составлялись статскими, а не военными людьми. Они думали тогда, что это необходимо. Такъ или нѣтъ все равно. Но вотъ какъ отразилось это въ декабрѣ 1851 г.: „Вы убійцы нашихъ родныхъ; какое намъ дѣло спасать васъ?“

матеріала на то, чтобы немедленно формировались силы для вооруженнаго возстанія. Богатый и средній классъ негодовали, но ужасались мысли о возстаніи; бѣдному классу она была менѣе страшна, но въ немъ не было негодованія. Кромѣ того, — вещь извѣстная, — въ парижскомъ населеніи тогда и не было настоящей боевой силы. Она всегда изобиловала воинственными и отважными людьми, для которыхъ бой самъ по себѣ наслажденіе; но тогда эта часть французскаго народа еще не существовала и успѣла возродиться послѣ уничтоженія результатовъ великой битвы іюньскихъ дней 1848 года, арестами, эмиграціей, ссылками, слѣдовавшими за пораженіемъ инсургентовъ. Люди баррикадъ были тогда лишены оружія, лишены своихъ предводителей и истреблены до такой степени, что немногіе уцѣлѣвшіе были слишкомъ малочисленны для серьезной борьбы; ихъ безпомощность еще болѣе обезсильвалась теперь тѣмъ, что въ ночь съ 1 на 2 декабря вдругъ исчезли ихъ командиры, главные люди тайныхъ обществъ, — внезапно арестованные, подобно депутатамъ и генераламъ и сидѣвшіе теперь по тюрьмамъ.

Впрочемъ, еще былъ остатокъ старыхъ инсургентскихъ силъ, — было нѣсколько людей, хотѣвшихъ попытаться построить нѣсколько баррикадъ: была горсть другихъ людей, рѣшившихся на то же самое не по любви къ возстаніямъ, а по другимъ, почти противоположнымъ побужденіямъ: горсть людей, въ которыхъ было столько мужества, столько гордости, столько преданности закону и свободѣ, что они не могли не встать за оружіе противъ декабрьской продѣлки, — знаменитѣйшимъ изъ этихъ людей былъ Викторъ Гюго (22). Онъ и нѣкоторые другіе депутаты, избѣжавшіе

(22) Викторъ Гюго былъ въ то время „красный“ и пожалуй даже „соціалистъ“; людей образованнаго общества, носившихъ такіа прозванія, было довольно мало во Франціи. Но это обстоятельство не должно мѣшать видѣть, что онъ былъ отличнымъ представителемъ той манеры, по которой обыкновенно поступаетъ большинство людей: сущность не въ томъ, въ какомъ мѣстѣ воинствуетъ человѣкъ, а въ томъ, по какой стратегіи онъ воинствуетъ. До февраля 1848 г. Викторъ Гюго не зналъ, какой у него образъ мыслей въ политикѣ, ему не приходилось думать объ этомъ; а впрочемъ онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и отличайшій семьянинъ, добрый, честный гражданинъ и сочувствовалъ всему хорошему, въ томъ числѣ славѣ Наполеона I и

рыцарскому великодушію императора Александра I, доброму сердцу герцогини Орлеанской, матери наслѣдника тогдашняго короля Луи-Филиппа, и несчастіямъ благородной герцогини Беррійской, матери соперника этому королю и этому наслѣднику, сочувствовалъ прекрасному таланту Тьера, соперника Гизо, гениально простому краспорѣчію Гизо (едва ли не величайшаго изъ тогдашнихъ ораторовъ), честности Одилона Барро, противника Гизо и Тьера, гению и честности Араго, знаменитаго астронома, главнаго представителя республиканцевъ въ тогдашней палатѣ, благородству Фурьеристовъ, добродушію Луи-Блана, великолѣпной діалектикѣ Прудона, любилъ монархическія учрежденія и, кромѣ того, все остальное хорошее, въ томъ числѣ и Спартанскую республику и Вильгельма Телля, — образъ мыслей извѣстный и заслуживающій всякаго почтенія уже и по одному тому, что изъ сотни честныхъ, образованныхъ людей чуть ли не 99 человекъ во всѣхъ странахъ свѣта имѣютъ навѣрно такой образъ мыслей. Но вотъ пришло 24 февраля, — Франція въ опасности раздѣлилась на два лагеря, каждый честный гражданинъ долженъ идти въ тотъ или другой, смотря по своимъ убѣжденіямъ. Виктору Гюго вздумалось, что такъ какъ теперь во Франціи республика, то честнѣе всего быть ему республиканцемъ; но какимъ же? Республиканцы были тогда умѣренные и красные. Ему вздумалось, что умѣренные честнѣе красныхъ, онъ и сталъ умѣреннымъ. А красные боролись съ ними, — ему показалось, что они враги республики, онъ сталъ воинствовать противъ нихъ: чуть ли не ему принадлежитъ благородное выраженіе, имѣвшее тогда очень большой успѣхъ: „я знаю двѣ республиканскія кокарды: пестряную, трехцвѣтную національную, и красную, незаконную, что-то въ этомъ родѣ: такъ онъ и поражалъ красныхъ, пока не побилъ до конца; тогда ему стало жаль ихъ, въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что они красные и незаконники, а все же жалко: люди семейные, хорошіе мастеровые, многіе даже и по праздникамъ не бываютъ въ пьяномъ видѣ, онъ разсудилъ, что надобно вогутиться за нихъ, и вступился, и вдругъ увидѣлъ, что самъ сталъ красный и социалистъ, — искренно, видите ли, проникся чувствами своихъ кліентовъ; ну и сталъ безбоязненно, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, высказывать свое новое имя „красный, социалистъ“, и пошелъ на баррикады, когда понадобилось. Такіе люди въ историческихъ дѣлахъ столь же благородны, сколько смѣшны, столь же благонамѣренны, сколько вредны всѣмъ безъ исключенія, и друзьямъ и врагамъ, но масса всегда такова. На Викторѣ Гюго эта черта выразилась очень эффектно, потому что онъ былъ очень горячій человѣкъ, но больше, или меньше, почти всѣ тогда поступали въ томъ же вкусѣ, разница была лишь въ томъ, какой лагерь кому казался лучшимъ, и какая партія въ лагерь кому когда казалась честнѣе, а духъ дѣйствій и основательность поступковъ были точно такіе же. Эта манера идетъ черезъ всю всемірную исторію отъ египетскихъ Оивъ и до нашего времени.

ареста, составили изъ себя «Комитетъ Сопротивленія», чтобы силою оружія отстоять власть закона. Они сформировали свой комитетъ въ первый же день кризиса 2 декабря.

Нѣсколько депутатовъ отправилось въ Сентъ-Антуанское предмѣстье поднимать народъ. Имена этихъ депутатовъ были: Шельше (Шельхеръ, Schoelcher), Боденъ, Обри, Дюваль, Ше, Малардье, де-Флоттъ (23), и нашли энергическихъ товарищей себѣ въ Курне,

(23) Эти всё были уже действительно политическіе люди съ опредѣленнымъ образомъ мыслей, не то, что Викторъ Гюго, всё они принадлежали къ партіи, называвшейся тогда партіею „соціальной республики“ и составившейся изъ соединенія остатковъ смѣлаго отдѣла бывшихъ умѣренныхъ республиканцевъ, примирившихся съ своими прежними врагами іюньской битвы, прежней партіи „красныхъ“ и прежней партіи социалистовъ. Шельхеръ извѣстенъ тѣмъ, что по его настоянію временное правительство 1848 года провозгласило (въ первое время послѣ февральской революціи) освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ; де-Флоттъ, по происхожденію аристократъ, былъ однимъ изъ лицъ, наиболѣе строго наказанныхъ правильнымъ судебнымъ порядкомъ во время процессовъ по іюньскому возмущенію; онъ былъ потомъ въ числѣ волонтеровъ Гарибальди, былъ, кажется, однимъ изъ его любимыхъ товарищей и убитъ въ Сицилійско-Неаполитанскомъ походѣ Гарибальди. Это былъ человѣкъ безтрепетнаго мужества. Другіе, пошедшіе съ нимъ 2 декабря въ Сентъ-Антуанское предмѣстье и присоединившіеся къ нимъ тамъ, перечисляемые Кинглемъ въ слѣдующихъ строкахъ, также были всё люди, действительно, простого и твердаго мужества, безъ фанфаронства, которымъ страдали люди въ родѣ Виктора Гюго, Тамартина и тому подобныхъ героевъ, хоть и честныхъ людей.

квартира котораго сдѣлалась помѣщеніемъ ихъ штаба. Ксавье Дюррье, Кесслеръ, Рюэнъ, Леместръ, Вабрионъ (Wabribon), Леженъ и другіихъ журналистахъ демократическихъ газетъ. Больше своею личною энергіею, чѣмъ содѣйствіемъ народа, они успѣли построить маленькую баррикаду на углу улицы Св. Маргариты. Противъ нихъ пошелъ батальонъ 19-го пѣхотнаго полка,—и произошла сеча, думая о которой сначала улыбеишься, потомъ чувствуешь невольное удивленіе къ трогательной совѣстливости,—почти педантству,—этихъ храбрыхъ людей, хотѣвшихъ испытать не побѣдить ли вооруженную силу безоружное могущество закона. Положивъ ружья, перекинувъ чрезъ плечо свои депутатскіе шарфы, чтобы солдаты видѣли, что они представители націи, депутаты эти стали передъ баррикадою,—одинъ изъ нихъ, Шарль Боденъ, держалъ въ рукахъ экземпляръ конституціи. Приблизившись на нѣсколько шаговъ къ баррикадѣ, шедшая въ атаку колонна остановилась. Нѣсколько секундъ царствовало молчаніе: съ одной стороны былъ законъ, признанный Франціею,—съ другой былъ линейный батальонъ. Но дѣло зависло отъ пріятія правила: «закону должно повиноваться»,—а командиръ батальона не считалъ этого правила аксіомой; посмотрѣвъ молча нѣсколько секундъ на безоружныхъ депутатовъ, онъ сдѣлалъ командный жестъ, солдаты передней шеренги приложились, взвели курки... еще секунда—и пули полетѣли. Боденъ палъ безъ дыханія: голова его пробита была нѣсколькими пулями; упалъ также мертвымъ еще другой депутатъ; нѣсколько другихъ были ранены. Конституція упала на землю изъ руки, которая держала ее. Уцѣлѣвшіе взяли свои ружья. Одна изъ ихъ пуль убила офицера, сковадовавшаго стрѣлять. За тѣло Шарля Бодена загорѣлся бой, о какихъ говорятъ Иліада. Батальонъ остался побѣдителемъ: четверо солдатъ подняли и унесли трупъ Бодена. Масса Сентъ-Антуанскихъ простолюдиновъ держалась въ сторонѣ; эта попытка сопротивленія не удалась, умерла.

Послѣ того комитетъ сопротивленія сталъ возводить свои баррикады,—мѣстомъ ихъ былъ лабиринтъ переулковъ между Hôtel de Ville и сосѣднею частью бульваровъ,—привычный центръ парижскихъ возстаній. Но инсургенты по своей многочисленности не имѣли возможности занять также и дома, примыкающіе къ баррикадамъ; войска, не подвергаясь фланговому огню изъ оконъ, могли безопасно двигаться по улицамъ и легко брали баррикаду за баррикадой. Это дѣло началось 2 декабря и заняло и часть слѣдующаго дня. Поэтому наступленіе войскъ ослабилось; ночь съ 3-го на 4-е

и все утро 4-го числа инсургенты почти съ безпрепятственной свободой провели въ постройкѣ баррикадъ на этомъ центральномъ пунктѣ Парижа *).

Въ 2 часа дня 4-го числа положеніе Парижа было слѣдующее: лабиринтъ мелкихъ улицъ между Hôtel de Ville и сосѣдвою частью бульваровъ былъ баррикадированъ; инсургенты держали за собою эту мѣстность безъ боя. Въ остальныхъ частяхъ города все было тихо: надъ Парижемъ тяготѣла армія; число солдатъ, бывшихъ въ строю по улицамъ и площадямъ столицы, простиралось до 48.000 человекъ (точная по спискамъ цифра—47.928); въ этой арміи были войска всѣхъ родовъ оружія: пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженеры и саперы, жандармы. Сильные отряды пѣхоты были поставлены на такихъ позиціяхъ, что могли одновременно со всѣхъ сторонъ окружности двинуться на баррикадированную мѣстность, бывшую въ ихъ центрѣ. Искусственными средствами солдаты были приведены въ озлобленіе на парижанъ (24). Имъ прямо говорили, что они не должны давать никакого снисхожденія

(24) Теперь озлобленіе, дѣйствительно, уже было, и было серьезно. Люди, стоящіе въ строю, постепенно ожесточаются противъ тѣхъ, битвы съ которыми ждуть; это уже и само по себѣ, независимо отъ всякихъ внушеній, развивается изъ двухъ натуральныхъ причинъ: одна—опасеніе за самого себя,—чувство самозащиты, чувство воинственности, разгорающейся отъ раздражающаго ожиданія; вторая—физическая усталость, заставляющая солдата злиться на тѣхъ, которые служатъ причиною, что онъ подвергается изнурительному стоянію въ строю, — эти люди уже дѣйствительно сдѣлали ему сильную досаду, измучили его, если онъ стоитъ для нихъ въ строю нѣсколько часовъ; а тутъ это тяжелое и раздражающее положеніе длилось уже болѣе двухъ съ половиною сутокъ. Солдаты теперь были бы уже ожесточены на парижанъ, хотя бы прежде были очень дружны съ ними, и хотя бы не были угощаемы виномъ съ раздражающими внушеніями и обѣщаніями.

и людямъ всражающимся, которые только мѣшаютъ войску своимъ любопытствомъ,—не должны щадить и безоружныхъ зрителей,—не давать пощадъ не только инсургентамъ, но и никому изъ тѣхъ, которые хоть и не были замѣчены всражающимися, покажутся похожими на стоявшихъ за инсургентовъ, убивать всѣхъ такихъ. Подумаемъ, что эта обязанность разбирать, кто изъ безоружныхъ похожъ на желавшаго сражаться,—была возложена на разсвѣтившихъ солдатъ,—и мы поймемъ, что изъ такой инструкціи очень натурально выходитъ то, что произошло вечеромъ 4 декабря. Тотъ фактъ, что инструкция, дававшаяся солдатамъ, была именно такая, я знаю изъ источника, очень благопріятнаго Элизейскому дворцу.—По причинамъ, которыя были тогда неизвѣстны, солдаты были оставляемы въ бездѣйствіи; между головами колоннъ и передовыми позиціями инсургентовъ было большое разстояніе.

Отчего происходило роковое, раздражающее бездѣйствіе—теперь вещь извѣстная: Маньянъ медлил вступить въ дѣло,—потому что кто нибудь трусилъ: или самъ онъ, или президентъ, или Сентъ-Арно. Самъ Маньянъ, въ своемъ рапортѣ, объясняетъ свое промедленіе такими выраженіями, которыми оправдывается мнѣніе людей, думающихъ, что и промедленіе, какъ все остальное, было преднамѣреннымъ средствомъ приготовить случай для совершенія убійствъ въ громадномъ размѣрѣ,—было средствомъ ожесточить солдатъ и выманить мирное населеніе подъ ружья. Но я не вѣрю этому; не вѣрю собственно потому только, что заговорщикамъ было невыгодно терять на это ожиданіе цѣлыхъ семь часовъ короткаго декабрьскаго дня,—поэтому я отвергаю то объясненіе дѣла, которое потрудился сообщить самъ Маньянъ. Думаю, что его понятія о честности, раскрытыя процессомъ по Вулоньскому дѣлу въ палатѣ перовъ въ

* *Примѣчаніе издателя.* До этого мѣста было напечатано въ заграничномъ изданіи (Эльпидина въ Женевѣ, 1890): „Заговорщики и соумышленники Людовика Бонапарте въ 1851 году.—Изложеніе по Кинглеку Н. Г. Чернышевскаго съ его примѣчаніями“.

1840 году, даютъ мнѣ право по собственному моему усмотрѣнію судить о томъ, какого вниманія заслуживаютъ слова такого господина.—Я объясняю бездѣйствіе войскъ такимъ образомъ: борьба съ инсургентами, съ военной стороны, была легка; но Маньянъ не могъ не видѣть, что въ политическомъ отношеніи онъ подвергается черезъ нее большой опасности. Механическая часть продѣлки, устроенной въ ночь съ 1 на 2 декабря, была исполнена съ успѣхомъ, до удивительности полнымъ; но въ другихъ отношеніяхъ дѣло элизейской братіи казалось рѣшительно неудавшимся: ни одинъ человѣкъ съ честною или громкою репутаціею не захотѣлъ идти на поддержку президенту. Уже давно было много людей, которые, изъ желанія упрочить порядокъ и спокойствіе, желали, чтобы президентъ успѣлъ низвергнуть или передѣлать конституцію; но желая этого, они полагали, что онъ возьмется за подобное дѣло не иначе, какъ при помощи большинства или хотя нѣсколькихъ государственныхъ людей, считавшихся ревнителями порядка. Эти надежды были совершенно обмануты продѣлкою 2 декабря,—надѣявшіеся увидѣли всѣхъ знаменитыхъ защитниковъ порядка брошенными въ тюрьму; а людьми, помогавшими президенту своимъ сотрудничествомъ и одобреніемъ, они увидѣли Морни, Мопа или де-Мона, Сентъ-Арно, урожденнаго Ле-Руа. Списокъ новаго министерства, обнародованный 2 декабря, не заключалъ въ себѣ ни одного уважаемаго хоть кѣмъ нибудь имени, и элизейскіе заговорщики, испуганные одиночествомъ, въ которомъ видѣли себя, прибѣгли къ курьезной уловкѣ. Они назначили «совѣщательную комиссію» и обнародовали списокъ ея членовъ, въ который, кромѣ самихъ себя и людей, готовыхъ служить имъ, помѣстили 80 человѣкъ хорошей репутаціи,—всѣ эти 80 именъ были подлогомъ. Честные люди, ихъ посившіе, одинъ за другимъ протестовали противъ предположенія, что они согласились быть «совѣтниками» Луи-Бонапарте, Морни, Мопа, Флери и Сентъ-Арно, урожденнаго Ле-Руа. Элизейская братія получила однако же большой выигрышъ отъ этой штуки: на нѣсколько часовъ, почти всѣ, а многие даже на нѣсколько дней были обмануты относительно числа и свойства людей, дѣйствительно помогавшихъ президенту. Но Маньянъ, разумѣется, зналъ истину. Утромъ 4 декабря онъ видѣлъ, что не смотря на полный видимый успѣхъ, Элизейская братія не имѣетъ поддержки ни отъ одного человѣка съ солидною репутаціею; потому, онъ имѣлъ полное основаніе трусать,—и въ этомъ, по всей вѣроятности, была истинная причина его бездѣйствія.

И точно: при одиноществѣ, въ которомъ были оставлены заговорщики, идти противъ инсурентовъ, хотя и слабыхъ числомъ, было очень опасно генералу, командующему войсками. Дѣйствовать противъ инсурентовъ въ защиту закона, по приказанію правительства—дѣло не опасное; но теперь законъ былъ на сторонѣ инсурентовъ, а компанія, забравшаяся на министерскія мѣста, не имѣла такихъ почтенныхъ именъ, чтобы незаконность формы закрывалась личнымъ авторитетомъ ихъ. Потому, хотъ Маньянъ и имѣлъ возлюбленный ему приказъ военнаго министра, онъ долженъ былъ сильно задумываться надъ вопросомъ: что будетъ съ нимъ, если онъ выстрѣлитъ по парижанамъ, а заговоръ между тѣмъ провалится отъ безпомощности заговорщиковъ.

Но какъ бы то ни было, Маньяну объяснили наконецъ, что онъ уже скомпрометировалъ себя безвозвратно, и что его участь неразлучна съ участью заговорщиковъ; что хотъ онъ и станетъ прикрываться приказомъ военнаго министра въ предыдущихъ своихъ дѣйствіяхъ, но свидѣтельство каждаго изъ двадцати генераловъ, собиравшихся у него 27 ноября, уличить его, что и самъ онъ былъ заговорщикомъ. Умное разъясненіе этого пункта извѣствовало Флери отъ надобности показать Маньяну свой пистолетъ. Главнокомандующій согласился двинуть войска на инсурентовъ. Онъ уже потерялъ большую часть короткаго декабрьскаго дня, —но въ 2 часа пополудни колонны его пошли, въ 3 часа головы ихъ уже подошли съ разныхъ сторонъ къ самымъ баррикадамъ.

Аванпостъ инсурентовъ на сѣверо-восточномъ краю ихъ позиціи прикрывался небольшою баррикадою, перерѣзывавшею Бульваръ близъ театра Gymnase. Человѣкъ двадцать, съ орудіемъ и барабаномъ, взятымъ изъ кладовой театра, стояли за этою баррикадою; на верху ея развѣвался маленькій флагъ, который удалось достать пчл.

Въ 60—70 саженьяхъ отъ нея была голова сильной колонны, занимавшей всю

западную часть Бульвара; нѣсколько орудій было поставлено впереди солдатъ. На нейтральномъ пространствѣ между баррикадою и головою колонны, лавки и почти всѣ окна были заперты; но по троттуарамъ стояло множество любопытныхъ, въ томъ числѣ много женщинъ. Эти люди явно подвергали себя опасности отъ выстрѣловъ, которые будутъ направлены неудачно, не прямо. Но вовсе не въ такомъ положеніи были люди, находившіеся далѣе на западъ, дальше отъ баррикады, чѣмъ стояла голова колонны: отъ той линіи, на которой стояла голова колонны, до церкви Магдалины, вся широта улицы была занята войсками. Но троттуары, окна, балконы всей блестящей части Бульваровъ были наполнены зрителями и зрительницами, смотрѣвшими на бездѣйствующія войска будто на военный парадъ. Этимъ людямъ не было никакой причины думать, что они подвергаются хоть малѣйшей опасности: они не видѣли никого, съ кѣмъ бы сразаться войску. Правда, по стѣнамъ были выставлены объявленія, совѣтовавшія народу не толпиться по срединѣ улицъ, говорившія, что соборща будутъ разогнаны безъ обычныхъ предварительныхъ оповѣщеній о томъ, чтобы разошлись сами. Но и тѣ, кому случилось прочесть эти объявленія, натурально предполагали, что угроза относится къ шумнымъ толпамъ, которыя стали бы непріязненно мѣшать движеніямъ войскъ: никому не могло прійти въ мысль понять объявленіе какъ смертный приговоръ мирнымъ зрителямъ.

Въ 3 часа одно изъ орудій, поставленныхъ передъ головою колонны, сдѣлало выстрѣлъ по баррикадѣ; ядро перелетѣло высоко надъ нею. Солдаты, стоявшіе въ головѣ колонны, пустили съ десятокъ пуль въ баррикаду; инсургенты тоже отвѣчали нѣсколькими пулями; но ни съ той, ни съ другой стороны никто даже и не былъ раненъ, и этотъ ничтожный обмѣнъ нѣсколькихъ пуль былъ сдѣланъ такъ вяло и безвредно, что даже зрители, стоявшіе на троттуарахъ пространства между головою колонны и баррикадою, почли безопаснымъ для себя свое мѣсто. А зрителямъ, стоявшимъ позади войскъ, не было никакой причины опасаться за себя: тамъ не было видно никого, кто былъ бы противъ войскъ. Итакъ, по всему протяженію бульвара отъ церкви Магдалины до Rue de Sentier, троттуары, окна, балконы оставались наполнены мужчинами, женщинами, дѣтьми, а отъ Rue de Sentier до головы колонны, бывшей близъ театра Gymnase, зрители тоже остались по прежнему на троттуарахъ; но окна на этой части бульвара были заперты. Все было тихо.

Нѣкоторые утверждаютъ, будто въ это время былъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ окна или съ кровли дома, стоящаго близъ угла Rue de Sentier. Другіе утверждаютъ, что этого не было. Одинъ изъ свидѣтелей показываетъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ солдатомъ, стоявшимъ въ центрѣ одного изъ баталіоновъ, и выстрѣлившимъ вверхъ, на воздухъ. Но за этимъ выстрѣломъ, каковъ бы онъ ни былъ, послѣдовало вотъ что: солдаты, бывшіе въ головѣ колонны (по сосѣдству Rue de Sentier), повернулись фронтомъ съ востока,—отъ баррикады,—на югъ, на линію домовъ, идущихъ по южной сторонѣ бульваровъ, и открыли огонь. Ружья нѣкоторыхъ прилисли въ упоръ въ грудь зрителямъ, безпечно смотрѣвшимъ на нихъ плотною массою съ троттуара,—другіе стрѣляли въ зрителей и зрительницъ, беззаботно стоявшихъ по многу человекъ у оконъ и тѣспившихся на балконахъ. Большая часть офицеровъ не участвовала въ командныхъ словахъ «на лѣво полу-кругомъ,—приложись,—и стрѣляй», но и не произношеніе этихъ словъ офицеры были такъ же взволнованы, какъ солдаты: по крайней мѣрѣ, капитанъ Джессъ, рассказъ котораго объ этой сценѣ (напечатанный въ Times's)—самый холодный, основательный и обстоятельный. капитанъ Джессъ, стоявшій на балконѣ бульвара близъ угла Монмартрской улицы, видѣлъ, что всѣ офицеры, которые были видны съ этого балкона, держатъ себя такъ, какъ будто одобряютъ все, что дѣлаютъ солдаты.

Порывъ, овладѣвшій солдатами или наброшенный командирами на солдатъ, бывшихъ въ головѣ колонны,—былъ порывомъ паническаго ужаса, приводящаго въ свирѣпое изступленіе,—какъ паническое чувство, онъ съ быстрою заразительностью охватывалъ солдатъ отъ шеренги на шеренгу, съ Бульвара Bonne Nouvelle на Boulevard Poissonnière, откуда на Boulevard Montmartre, быстро пронесся по всей длинѣ Монмартрскаго бульвара и перешелъ на Boulevard des Italiens. Такимъ об-

разомъ, посредствомъ маневра, называемаго по строевой тактикѣ «на лѣво кругомъ, въ полуборотъ»,—мгновенно сформировалась изъ войскъ, бывшихъ колонною, обращенною на востокъ, противъ баррикады, длинная линія строя, обращеннаго фронтомъ на югъ, противъ линіи домовъ по бульварамъ,—и этотъ строй, состоявшій изъ 16.000 человекъ, стрѣлялъ въ толпу, тѣсными рядами стоявшую на троттуарѣ,—въ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стоявшихъ на балконахъ и у оконъ домовъ. Стрѣльба въ окна и по балконамъ придавала особенная убійственность тѣмъ, что когда ужъ началась она на восточной части Boulevard Montmartre, люди, стояшіе у оконъ и на балконахъ далѣе на западъ, не могли видѣть или понять, что войска стрѣляютъ тамъ—на востокъ,—по окнамъ и балконамъ, стрѣляютъ боевыми патронами,—и они оставались на своихъ мѣстахъ,—спокойно, до тѣхъ поръ, пока зараза стрѣльбы доходила своимъ быстрымъ полетомъ до солдатъ, бывшихъ противъ нихъ, и пули летѣли въ нихъ,—только тутъ, по стуку пуль о стѣны и дребезжанью разбитыхъ стеколъ они понимали, что это такое,—если не понимали по ранамъ своимъ или не были убиты. У одного изъ оконъ стоялъ русскій, помѣщикъ, съ сестрою (25),—вдругъ, полетѣли

(25) A Russian noble with his sister at his side,—фамиліи этихъ лицъ не выставлено у Кинглека. Мнѣ помнится, что я слышалъ отъ какого-то другого русскаго то же самое—но отъ кого, не умѣю теперь сказать въ точности,—это было слышано мною давно, лѣтъ 5 назадъ; рассказчикъ не былъ раненъ, говорилъ, что стоялъ не на балконѣ, а у окна ресторана. Разумѣется, это другой случай: вѣроятно, и русскихъ тутъ былъ не одинъ десятокъ у разныхъ оконъ и на разныхъ балконахъ, и на разныхъ мѣстахъ троттуара.

на нихъ пули, и они оба были равны. Англійскій медикъ, смотрѣвшій изъ окна того дома, имѣлъ счастье остаться не раненъ,—и когда я сталъ перевязывать раны русскихихъ,—говоритъ онъ,—я былъ такъ тронутъ забвеніемъ сестры о себѣ въ заботѣ о братѣ, забвеніемъ брата о себѣ въ заботѣ о сестрѣ, что никогда не благодарилъ такъ горячо судьбу за то, что я умѣю дѣлать перевязки и лечить.

Изъ людей, стоявшихъ на троттуарѣ и не сваленныхъ первымъ залпомъ,—одни ринулись гдѣ-бы срыгаться или хотъ полу-прикрыться отъ пуль; другіе бросились навзничъ на землю, чтобы ползкомъ убраться прочь, въ надеждѣ, что, прилегли, будутъ ниже полета пуль. Порывъ стрѣлять въ толпу охватилъ солдатъ мгновенно, но не на мгновеніе: они заряжали, стрѣляли, и заряжали съ какою то-странною жестокостью къ начатому занятію, и торопливо все пускали и пускали пули въ людей, будто ихъ собственная жизнь зависѣла отъ того, сколько людей успѣютъ они убить въ заданный срокъ упражненія.

Когда толпа исчезла, солдаты старательно прицѣливались въ каждого оставшаго, старавшагося убраться прочь, чтобы спастись: а если кто изъ такихъ думалъ спастись тѣмъ, что шелъ къ солдатамъ, и просилъ пощады, солдаты заставляли его отойти или убѣждали остановиться не подходя,—потомъ велѣли ему бѣжать,—и старались подстрѣлить на бѣгу. Эта бойня безоружныхъ, мужчинъ и женщинъ, продолжалась четверть часа или даже минутъ двадцать. Въ числѣ лицъ, стоявшихъ на одномъ изъ балконовъ по бульвару (близъ угла Rue Montmartre) былъ англійскій офицеръ; судя по пункту, съ котораго онъ смотрѣлъ на эту сцену, знанію военнаго дѣла, съ которымъ онъ наблюдалъ ее, хладнокровію, которое онъ сохранилъ при наблюденіи и описаніи ея, и его полному пониманію важной отвѣтственности, которую беретъ на себя специалистъ, офицеръ, при подобныхъ описаніяхъ,—судя по всему этому, надобно думать, что на его рассказъ всегда будутъ,—какъ дѣлаю я,—основываться историки, которые будутъ стараться о вѣрномъ изображеніи того, какъ создавалась вторая французская имперія. Это капитанъ Джессъ.

Въ ту минуту, когда началась стрѣльба, онъ стоялъ и смотрѣлъ на войска, какъ на военный парадъ; подлѣ него стояла его жена. Съ балкона, на которомъ они

стояли, онъ могъ обозрѣвать бульваръ на востокъ на протяженіи около 800 ярдовъ (350 сажень, около $\frac{2}{3}$ версты),—ему видна была и голова колонны; переносъ взглядъ на западъ, онъ видѣлъ все протяженіе бульвара до того мѣста, съ котораго имя Boulevard Montmartre замѣняется именемъ Boulevard des Italiens. И вотъ его слова: «Я выпелъ на балконъ, гдѣ стояла моя жена, и оставшись тамъ, смотрѣлъ на войска. Весь бульваръ, насколько видно было глазу, былъ покрытъ войсками, преимущественно пѣхотою, стоявшею по-взводно, по интерваламъ въ четверть дистанціи, in subdivisions at quarter distance (26). По мѣстамъ были орудія, поставленные

(26) Т. е. въ очень плотномъ строю.

по нѣскольку вмѣстѣ; орудія были 12-ти фунтовыя пушки и гаубицы. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли на подъемѣ Boulevard Poissonnière. Офицеры курили сигары (27).

(27) То есть, передъ этимъ было скомандовано соотвѣтственно нашему: „вольно“,—войска были не въ боевой готовности, а въ бездѣйствіи, въ ожиданіи,—они стояли въ строю, но не предвидѣлось надобности держать ихъ въ строевомъ порядкѣ. Парижане очень хорошо понимаютъ эту разницу по куренію сигаръ офицерами,—итакъ, они знали тогда, что имѣютъ передъ собою солдатъ, которые очень далеки отъ всякаго военнаго дѣйствія.

Окна были наполнены людьми,—болѣе всего женщинами, лавочниками, прислугою, дѣтьми, или, какъ мы, случайными посѣтителями Парижа. Вдругъ, въ то время, какъ я смотрѣлъ въ бинокль на войска къ востоку отъ меня, къ головѣ колонны, послышалось оттуда нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; голова колонны имѣла тысячъ до трехъ. Въ нѣсколько мгновеній всѣ они начали стрѣлять; занятіе стрѣльбою быстро распространялось все ближе къ намъ,—и линія огня, на нѣсколько мгновеній приостановившись въ ходѣ, стала охватывать войска все ближе къ намъ. Но огонь былъ такъ правиленъ, что сначала я думалъ, что это стрѣляютъ холостыми зарядами, въ знакъ торжества отъ какаго нибудь извѣстія, что гдѣ нибудь взята баррикада, или для сигнала, чтобы обозначить другимъ войскамъ свою позицію. Только уже тогда, когда подошло это на 50 ярдовъ (сажень 200) ко мнѣ, я распозналъ по звуку выстрѣловъ, что они не холостые, а боевые,—но и въ эту минуту я не вѣрилъ свидѣтельству своихъ ушей. потому что глаза мои не отыскивали никакого непріятеля,—и я продолжалъ смотрѣть на солдатъ, пока рота, бывшая противъ нашего балкона, взвела курки, и какой-то плутоватый солдатъ, проворнѣе другихъ,—еще юноша, безъ усовъ, безъ волоска на подбородкѣ,—приложился въ меня,—тотчасъ же я подбросилъ мою отступавшую жену на окно, выходившее на балконъ, чтобы прикрыть ее уголъ простѣнка,—и въ этотъ самый мигъ пуля ударила въ потолокъ балкона надъ нами и осыпала насъ кусочками и пылью разбитой штукатурки. Черезъ секунду я снялъ жену на полъ, уже въ комнатѣ, и еще черезъ одну секунду, цѣлый залпъ ударилъ пулями по всему фасаду дома, по балкону, по окнамъ. Одна пуля разбила въ нашей комнатѣ зеркало надъ каминомъ, другая колпакъ столовыхъ часовъ; въ окнахъ уцѣлѣло лишь одно стекло; шторы и рамы были изорваны, разбиты,—вся комната изъязвлена пулями. Желѣзная рѣшетка балкона, хоть и не высокая, была большою защитою; но все таки пули летѣли въ эту комнату съ балкономъ, потому, выждавъ паузу, когда солдаты заряжали ружья, я взялъ жену за руки и мы убѣжали въ заднія комнаты. Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ длилась послѣ этого болѣе четверти часа; черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала ея, пушки были сняты съ передковъ и наведены на магазинъ г. Салландруза, черезъ пять домовъ отъ нашего направо (ближе къ головѣ колонны). Зачѣмъ все это дѣлалось—оставалось загадкою, непонятною никому изъ бывшихъ въ одномъ домѣ съ нами,—ни иностранцы, ни французы не могли постигнуть этого. Нѣкоторые думали, не перешли ли войска на сторону инсургентовъ;

другіе говорили: не выстрѣлили ли кто нибудь въ солдатъ изъ какого нибудь дома?—но не изъ нашего, ни изъ какого другого на Boulevard Montmartre не было сдѣлано такого выстрѣла, мы видѣли бы его съ балкона, если бы онъ былъ.—По всей вѣроятности это убійство людей безъ всякаго повода было слѣдствіемъ паническаго страха, ужаснушаго солдатъ мыслью, не скрываются ли враги въ домахъ по бульвару,—побудившаго ихъ обезпokoить себя, предупредить враговъ;—или это было просто дѣломъ кровожадности.—Солдаты, какъ я уже сказалъ, дѣлали залпъ за залпомъ болѣе четверти часа, хотъ ни одинъ выстрѣлъ не отвѣчалъ имъ. Они убили множество несчастныхъ людей, стоявшихъ на троттуарѣ и не успѣвшихъ добиться себѣ убѣжища ни въ одномъ домѣ; нѣсколько человѣкъ было убито у нашей двери».—Подобное тому, что съ хладнокровіемъ наблюдать капитанъ Джессъ, съ ужасомъ видѣли тысячи другихъ мужчинъ и женщинъ.

Если огромное большинство офицеровъ не давало команды стрѣлять, то, напри-мѣръ, полковникъ Рошфоръ не слѣдовалъ этому примѣру. Онъ былъ уланъ и передъ тѣмъ временемъ уже произвелъ съ своими уланами бойню между сидѣвшими на стульяхъ передъ дверьми у кофейной Тортони. Потомъ онъ вообразилъ, что сдѣланъ по войску выстрѣлъ въ той части бульвара, которая была занята пѣхотою, и произвелъ новую атаку на толпу, и военный Элизейскій историкъ этихъ событій, Модюн, съ торже-ствомъ рассказываетъ, что до 30 труповъ были трофеями этого подвига;—онъ виро-чемъ выражается, что убиты были вооруженные люди;—нѣтъ, доказанъ фактъ, что въ этомъ мѣстѣ, на Boulevard Poissonière, не было ни одного вооруженнаго чело-вѣка; трупы были трупы мирныхъ жителей,—почти всѣ убитые были нарядно одѣты. Отъ Rue de Sentier до западнаго конца Boulevard Montmartre на протяженіи 1000 ярдовъ (около 425 саженъ, почти цѣлой версты) ливія бульваровъ была усыяна трупами; а по мѣстамъ они лежали грудями: раненые ползли нѣсколько шаговъ, пока подползали до трупа, черезъ который не могли перебраться, и умирали на немъ,—вотъ, вѣроятно, причина, почему очень многіе трупы лежали одинъ на дру-гомъ. Передъ одною изъ лавокъ было насчитано 33 трупа. На мирной маленькой площадкѣ дворика, открытаго на бульварѣ и называющагося Cité Bergère насчи-тано было 37 труповъ. Число убійцъ было—тысячи солдатъ; число убитыхъ навсегда останется неизвѣстно; но изъ этихъ убійцъ и этихъ убитыхъ не было ни одного сра-жающагося: битвы не было, не было даже простого уличнаго безпорядка, не было даже ссоры, даже спора,—нѣтъ, просто убійцы убивали безоружныхъ мужчинъ, уни-вали женщинъ, дѣтей. Каждый трупъ свидѣтельствовалъ: это просто убійство. Трупы, лежавшіе нѣсколько особо отъ другихъ, вѣзались въ памяти людей глубже, чѣмъ трупы, лежавшіе помногу вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ остался передъ глазами видъ убитаго старика, сѣдого,—зонтикъ лежалъ подлѣ него,—его оружіе. Другіе съ ужасомъ вспо-минали о щегольски одѣтомъ чело-вѣкѣ, вышедшемъ, какъ видно, погулять,—онъ сидѣлъ мертвый, прислонившись къ стѣнѣ,—у ногъ его лежала сигара, упавшая изъ его руки. У третьихъ остался въ памяти ребенокъ, онъ мертвый остался прислоненнымъ къ стѣнѣ,—это былъ типографскій ученикъ: въ его рукѣ замерла корректуры, которая онъ несъ куда-то,—залитые его кровью, листы ихъ колебались вѣтеркомъ. Военный Элизейскій историкъ этихъ подвиговъ какъ будто радъ тому, что убито было много женщинъ: высказавъ всѣмъ женщинамъ вообще порицаніе за то, что женщины, бывшія тутъ, преступно старались прятать мужчинъ отъ огня солдатъ, полковникъ Модюн имѣетъ храбрость продолжать такими словами: «многія изъ бульварныхъ амазонокъ дорого полатылись за свое неблагоприятное столкновеніе съ этою баррикадою новаго рода»,—то есть, съ живою баррикадою вдругъ сформировавшеюся изъ солдатъ,—п имѣетъ храбрость выражать «надежду», что женщины воспользуются этимъ урокомъ, «и извлекутъ себѣ изъ него умъ на будущее время».—Одна убитая такъ и лежала, какъ упала,—какъ бѣжала,—съ малюткой на рукахъ: незачѣмъ было брать малютку изъ рукъ убитой,—дита тоже было убито. Выраженіе, которыя очень давно стали только уже эффектной метафорой, теперь снова получили свое древнее буквальное значеніе, понадобились для буквального изображенія дѣйствительнаго факта: «я избѣ-жаю отъ старцевъ, бредущихъ уже только опираясь о стѣну, до малютокъ, еще не

умѣющихъ ходить, не опираясь о стѣну». Изъ ружейныхъ ранъ лется очень мало крови, меньше чѣмъ изъ всякихъ другихъ ранъ; но тутъ все таки троттуаръ и мостовая во столькихъ мѣстахъ были залиты лужами крови, что потомъ трудно было пройти не зачерпнувъ крови въ обувь. Около каждаго дерева на парижскихъ бульварахъ оставлено не вымощеннымъ небольшое мѣстечко, чтобы дать волю дереву разрастаться толще. Кровь, собиравшаяся лужами на асфальтовой мостовой, медленно стекала въ эти ямки, — свернулась тамъ въ кровавое желе, и оно оставалось тутъ много дней—это видѣли всѣ, кто хотѣлъ заглянуть. «Кровь убитыхъ, говоритъ капитанъ Джеессъ, стояла свернувшись въ аякахъ у деревьевъ, когда мы проходили по бульварамъ на другой день, въ 12-мъ часу утра». — Бульвары и сосѣднія улицы, — продолжаетъ онъ, — были совершенно такіе пруды крови, какъ на дворѣ бойни». — Неимовѣрно, но положительно: по нѣкоторымъ домамъ на бульварѣ стрѣляли даже изъ пушекъ. На сѣверной сторонѣ бульвара троттуаръ былъ покрытъ штукатуркою и обломками, какіе падаютъ только отъ артиллерійскихъ залповъ, — это фактъ.

Солдаты вламывались во многіе дома, гнались за живыми въ нихъ изъ этажа въ этажъ, наконецъ ловили ихъ и убивали. Если и положимъ, что они дѣлали такъ въ обольщеніи своею мыслию, будто изъ этихъ домовъ стрѣляли по нимъ, все-таки вещь несомнѣнная, что едва ли былъ хоть одинъ случай, — а вѣроятно совершенно не было ни одного случая, въ которомъ это не было бы напраснымъ мѣшаньемъ; оно рождалось такимъ образомъ. Кто нибудь изъ солдатъ яростно бѣжалъ по направленію къ какому нибудь дому, преслѣдуя уходящаго зрителя, — другіе тотчасъ же воображали, что изъ этого дома былъ сдѣланъ выстрѣлъ, — цѣлая толпа убійцъ вламывалась въ двери и истребляла всѣхъ въ этомъ домѣ. Такъ было съ ковровымъ магазиномъ Салландруза. 14 человекъ, бывшихъ тамъ, думали было укрыться за тюками ковровъ. Солдаты перебили ихъ, лежавшихъ на полу.

Въ то время, какъ это дѣлалось на бульварѣ, четыре бригады сходились съ разныхъ сторонъ къ той мѣстности, гдѣ была дѣйствительно сдѣлана, хоть и слабая, и опрометчиво ранняя, попытка сопротивленія. Артиллерія разбивала, — потомъ пѣхота безъ серьезной борьбы брала баррикаду за баррикадой; но дѣломъ распоряжались такимъ способомъ, чтобы все равно, будетъ ли борьба или не будетъ ея, все-таки было убито какъ можно больше людей: войска окружили эту мѣстность такъ, чтобы некуда было убѣжать изъ нея, и подвигаясь, втѣснять людей въ такія улицы, выходъ изъ которыхъ былъ загороженъ другими отрядами, — и тутъ всѣ согнанные, — инсургенты ли или нѣтъ, все равно, — были убиваемы изъ ружей. Благодаря такому изобрѣтенію, Маньянъ могъ сказать въ своемъ рапортѣ, что «тѣ, которые защищали баррикады въ Вофурскомъ кварталѣ, были преданы смерти», — «преданы смерти,» — это правда; одни ли они — объ этомъ онъ и не говорилъ; такъ, онъ выразился хорошо; и правительство, благодаря тому же изобрѣтенію, не солгало, объявивъ, что «изъ людей, защищавшихъ баррикаду, бывшую у Сентъ-Мартенскихъ воротъ, войска не пощадили ни одного». — Рапортъ Маньяна напечатанъ въ «Мониторѣ», увѣреніе правительства въ газетѣ Patrie, личною органѣ президента. — Нѣкоторые изъ убитыхъ, точно, были инсургенты, еще сражавшіеся, или уже бѣжавшіе; но огромное большинство были — просто беззащитные прохожіе, пойманные солдатами, — прохожихъ ловили, потомъ разстрѣливали. Какое бы объясненіе ни хотѣлъ кто давать убійству мирныхъ зрителей на бульварахъ, — я подробнѣ займусь этимъ послѣ, — но разстрѣливаніе плѣнныхъ въ кварталахъ, гдѣ были баррикады, не нуждается въ догадкахъ для объясненія: причиною его было то, что солдатамъ сказано было: «не давать пощады никому» — это фактъ. Разумѣется, были случаи, что солдаты, уступая голосу своего человѣческаго чувства, давали пощаду кое-кому изъ попадавшихъ имъ; но эта снисходительность была обращена въ вину имъ, — и они заглаживали свою вину новымъ разстрѣливаніемъ. Разумѣется, нная дверь отворялась сострадательною рукою для пріюта бѣгущимъ, — во пріютъ за нею скоро кончался. Напримѣръ, когда была взята баррикада у Сентъ-Денискихъ воротъ, позади ея было поймано до 100 человекъ, — и всѣ они были разстрѣляны. Но ихъ крови было мало: солдаты вошли въ дома, гдѣ по ихъ мнѣнію прятались отъ нихъ бѣжавшіе, — еще набрали тамъ больше 30 чело-

вѣкъ и тоже разстрѣляли ихъ.—Это рассказывалъ самъ офицеръ, занимавшійся тутъ разстрѣливаніемъ,—и рассказывалъ не изъ раскаянія, а просто для описанія своего подвига. Какъ поступали солдаты съ людьми, даже и не вѣбжавшими съ улицы въ дома, а съ людьми, жившими въ домахъ, если подозрѣвали, что въ этихъ домахъ есть бѣглецы,—какъ они поступали въ такихъ случаяхъ можно сообразить по тому, что произошло въ одномъ изъ маленькихъ проулковъ. Описавши взятіе баррикады съ улицы Montorgueil, военный Елизейскій историкъ говоритъ, что тотчасъ же вѣдно было обыскивать кофейныя и трактиры, и продолжаетъ: «въ нихъ было взято сто плѣнниковъ, изъ которыхъ у большей части руки еще были черны отъ пороха,—ясная улика ихъ участія въ борьбѣ. Какъ же возможно было не исполнить надъ очень многими изъ нихъ страшнаго правила военного положенія?»

Это убиваніе производилось по приказаніямъ, совершенно неотклонимымъ, и однако же такъ обстоятельно обдуманымъ, что разстрѣливавшие могли позволить многимъ изъ несчастныхъ распорядиться передъ смертью деньгами бывшими при нихъ. Такъ, когда одному сказали, что надобно разстрѣлять его, онъ попросилъ командующаго офицера, чтобы были пересланы къ его матери 15 франковъ, бывшіе при немъ. Офицеръ согласился, записалъ адресъ матери его, принявъ отъ него 15 франковъ, потомъ убилъ его. Такихъ случаевъ было много.

Огромныя толпы плѣнниковъ были приводимы въ префектуру полиціи: но главные начальники разсудили, что неудобно было бы, если бы изнутри этого зданія слышались на улицахъ ружейныя залпы разстрѣливанія. Конечно только по этому соображенію и былъ принятъ другой способъ расправы съ плѣнными. Этотъ способъ—вещь изумительная, но вотъ что засвидѣтельствовано однимъ изъ депутатовъ Законодательнаго Собранія, который самъ видѣлъ это своими глазами: плѣнные, которыхъ рѣшено было убить, были приводимы по нѣскольку человѣкъ на одинъ изъ дворовъ префектуры; руки у нихъ были связаны на спинѣ; агенты Мопа подходили къ приведеннымъ и били ихъ по головѣ палками съ большою сеницевою шипкою и убивали, — это способъ, принятый на парижскихъ бойняхъ для битья быковъ. Это изумительно. Но именно такъ рассказываетъ Ксавье Дюррье, депутатъ, видѣвшій это изъ окна комбаты, въ которой сидѣлъ подъ арестомъ. Въ комнатахъ, выходившихъ окнами на этотъ дворъ, сидѣло много арестованныхъ депутатовъ,—они всѣ видѣли это: «мы всѣ видѣли это», говоритъ Ксавье Дюррье. Тѣла съ размозженными головами были оставляемы на помостѣ двора; одни падали уже безжизненными, другіе еще шевелились.

Встрѣчаются случаи, что войско, сражаясь съ инсургентами, по необходимости принуждено бываетъ вредить выстрѣлами безоружнымъ людямъ, подвергавшимся подлѣ лнію бѣговаго огня.—Это вещь понятная всякому. Иногда бываетъ больше: командиръ войскъ велитъ наносить смерть людямъ, которые не сражаются противъ него, даже и не мѣшаютъ дѣйствію войскъ,—но которые,—по его вѣрному или ошибочному мнѣнію,—могутъ сдѣлаться причиною затрудненія или опасности для войскъ, если не уйдутъ,—онъ обращаетъ противъ нихъ оружіе изъ предосторожности;—но въ такомъ случаѣ онъ предупреждаетъ ихъ настоятельнѣйшими убѣжденіями уйти, нѣсколько разъ предостерегаетъ ихъ, что если они не послушаются, онъ обратитъ противъ нихъ оружіе. Такие случаи можно назвать надобностью изъ предосторожности убивать зрителей по безразсудству или злонамѣренности вредныхъ войскамъ. Бывали случаи болѣе страшные: такое убійство дѣлалось иногда и безъ предварительныхъ предостереженій,—командиръ не упрашивалъ зрителей уйти или не давалъ имъ времени на то, чтобы уйти, — это надобно назвать злостнымъ убійствомъ зрителей; но все таки, зрители были убиваемы потому, что ихъ присутствіе считалось могущимъ повредить войску; потому убійство, хоть и злостное, не было убійствомъ только по прихоти командира. Бывали и такіе случаи, что солдаты, не сражающіеся, не подвергающіеся никакой дѣйствительной опасности,—вдругъ срѣбляли въ толпу мужчинъ и женщинъ, не мѣшавшую имъ, — такой случай мы видѣли; это—убійство по пустой мечтѣ. Бывало иногда, — даже и въ недавнія времена, что когда побѣжденные уже бросили оружіе и сдались, прося пощады, солдаты, улюлюкающіе о пощадѣ, отвергали

мольбу и тутъ же убивали просившихъ о ней; это называется: «не давать пощады». Бывало даже и то, что побѣжденные, бросившіе оружіе и сдавшіеся на волю побѣдителя, и не бывшіе убиты имъ тотчасъ-же успѣвали такимъ образомъ стать въ положеніе взятыхъ въ плѣнъ подходящими солдатами; но вслѣдъ за тѣмъ, черезъ такое время, какое, наиримѣръ, нужно, чтобы солдаты успѣли спросить рѣшенія у офицера, находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, — эти сдавшіеся были предаваемы смерти. Это называется «убійство плѣнныхъ». — Бывало и то, что солдаты, послѣ боя на улицахъ, вламывались въ дома, гдѣ по ихъ мнѣнію находились люди, помогавшіе ихъ противникамъ, и въ своей ярости, убивали мужчинъ и женщинъ, которыхъ не видѣли сражающимися противъ нихъ. Это — убійство несражавшихся, но убійство, совершенное людьми, еще разгоряченными отъ сраженія. Бывало и то, что солдаты, хватая безоружныхъ людей, которыхъ считали помощниками своихъ противниковъ, успѣвали однако же сдерживать свою ярость, и не убивали ихъ, а брали въ плѣнъ; но потомъ, по полученіи приказаній отъ людей, еще болѣе жестокихъ, чѣмъ самые раздраженные солдаты, эти люди были убиваемы. Это называется «хладнокровное убійство несражающихся».

Вотъ списокъ не менѣе какъ девяти видовъ убиванія цѣлой массы людей, — девяти видовъ, столь различныхъ, что они разнятся между собою не второстепенными признаками, а тѣмъ, что каждый слѣдующій много преступнѣе предыдущаго. — Теперь мы видимъ положительный фактъ, что 4 декабря въ Парижѣ были сдѣланы дѣла, относящіяся ко всѣмъ этимъ девяти категоріямъ; другой столь же положительный фактъ: если не каждое отдѣльное изъ этого множества дѣлъ было совершено по особому приказанію элизейской братіи, то всѣ ихъ безъ исключенія произвела все таки элизейская братія. Недобво еще прибавить: это убиваніе плѣнныхъ было убиваніе такихъ людей, которыхъ нельзя было винить ни въ чемъ, кромѣ того, что они взялись за оружіе, не въ нарушеніе, а на защиту законовъ своего отечества.

Но было еще другое дѣло, на которое надобно было употребить армію — только согласится ли исполнить такое дѣло офицеры и солдаты? Во время возстанія, въ громадномъ городѣ, каковъ Парижъ, безчисленная полицейская команда, если станетъ усердствовать, можетъ нахватать множество людей; войска также могутъ отступить отъ ужаснаго приказанія не давать пощады безоружнымъ людямъ, захватываемымъ ими, и оставлять многихъ въ живыхъ. Такъ и случилось. Плѣнники, набранные такимъ образомъ, были подъ стражею гражданской власти. Но правительство, жалѣя, что захваченные оставлены живыми, можетъ желать предать ихъ смерти, и съ тѣмъ вмѣстѣ находить невыгоднымъ для себя убивать ихъ рукою гражданской власти. Въ такомъ случаѣ, если честь и гордость военнаго сословія не помѣшаетъ ему, оно можетъ найти наилучшимъ употребить пѣхотныхъ солдатъ, — не для военнаго дѣла, а для исполненія обязанности палачей, въ замѣнъ гражданскихъ своихъ агентовъ, которые привыкли считать такую обязанность слишкомъ унижительною; и чтобы прикрыть дѣло, правительство можетъ приказывать нѣкоторымъ солдатамъ исполнять его среди мертвой ночи.

Было ли такъ дѣйствительно? Правда ли, что съ одобренія министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуры полиціи, по приказаніямъ принца Луи-Бонапарте, Сентъ-Арно, Маньяна, Морни и Мона, полночное дѣло такого рода было совершено парижскою арміею.

Люди, живущіе не въ Парижѣ, находятъ, что неизвѣстно, что-жъ такое сдѣлалось съ массами плѣнниковъ, приведенныхъ въ тюрьмы и другія мѣста заключенія 4-го и 5-го декабря, — куда-жъ они дѣвались? — Люди, живущіе въ Парижѣ, находятъ, что въ этомъ нѣтъ никакой неизвѣстности, — что сомнѣваться тутъ не въ чемъ. Ихъ аргументы отчасти вотъ каковы. Одно семейство, желавшее узнать куда дѣвался ушедшій изъ дому и не возвращавшійся родственникъ, обратилось съ просьбою узнать объ этомъ къ челоѣку, занимавшему такое положеніе въ обществѣ, что семейство это считало его могущимъ спросить у официальныхъ людей о судьбѣ пропавшаго. Желая исполнить просьбу, онъ познакомился съ однимъ изъ *juge substitut*, — помощниковъ судьи первой инстанціи. Когда рѣчь коснулась предмета, помощникъ судьи закипѣлъ

негодованіемъ отъ воспоминанія о томъ, чему былъ свидѣтелемъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и отъ оскорбленной гордости, что посторонняя власть вмѣшалась тутъ въ дѣло судьи. Онъ разсказалъ вотъ что: ему было приказано отправиться въ нѣкоторыя тюрьмы и сдѣлать разборъ плѣннымъ, затѣмъ, чтобы опредѣлить, кого изъ нихъ оставить подъ арестомъ, кого отпустить; въ то время, какъ онъ занимался этимъ, въ комнату вошли унтеръ-офицеры и солдаты и грубо объявили, что имѣютъ приказаніе взять тѣхъ плѣнныхъ, у которыхъ пальцы черны. Не слушая протестацій помощника судьи, они стали смотрѣть руки у плѣнныхъ, рѣшили, что руки у многихъ черны, и вывели всѣхъ этихъ людей,—за тѣмъ, какъ понималъ помощникъ судьи, чтобы разстрѣлять ихъ. Въ томъ, что уведенные дѣйствительно были разстрѣляны, нѣтъ, по его словамъ, никакого сомнѣнія; — но все-таки, онъ не былъ очевидцемъ того, какъ ихъ разстрѣливали.—Впрочемъ, это дополняется другимъ фактомъ: въ ночь съ 4 на 5 декабря, и точно также въ слѣдующую ночь, жители многихъ кварталовъ Парижа слышали ружейные залпы,—залпы цѣлыхъ взводовъ солдатъ; такихъ залповъ никогда не слыхивали они въ такое время, ни прежде, ни послѣ. Звукъ шелъ главнымъ образомъ съ Марсова поля; но также и изъ другихъ мѣстъ, въ особенности изъ Люксанбургскаго сада и съ Эспланады дома инвалидовъ; тѣ изъ слышавшихъ, которые были неподалеку отъ этой эспланады, говорятъ, что послѣ каждого залпа слышали также крики и стоны,—что разъ среди этого смутнаго шума они даже разслышали нѣсколько жалобныхъ словъ, кончившихся вдругъ пронзительнымъ стономъ,—имъ казалось, что это былъ голосъ юноши, тяжело раненнаго и потомъ получившаго смертельную рану.

Отчасти по фактамъ такого рода, а еще болѣе по всеобщей молвѣ, Парижъ убѣдился тогда, и—справедливо ли или ошибочно, отчасти убѣжденъ, что въ ночь съ 4-го на 5-ое и въ слѣдующую ночь плѣнники были разстрѣливаемы цѣлыми толпами и тѣла ихъ были брошены въ ямы.—Приверженцы императора—напримѣръ, Гранье де Кассаньякъ,—утверждаютъ, напротивъ, что солдаты не были употреблены на должность палачей. Итакъ, на одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ отрицаніе партизановъ императора, — имѣющее тотъ вѣсъ, какой найдемъ возможнымъ признавать за нимъ, на другой чашкѣ — убѣжденіе парижавъ, основанное на фактахъ, не составляющихъ полной юридической улики. Но при этомъ не мѣшаетъ подумать и о томъ, почему подобный вопросъ остается сомнителенъ, если онъ сомнителенъ. Вопросъ простъ: правда ли, что въ ночь съ четверга на пятницу 4/5 декабря и съ пятницы на субботу 5/6 декабря, цѣлыя толпы людей, набранныхъ изъ парижскаго населенія, были уведены изъ тюремъ и разстрѣляны на мѣстахъ, находящихся тоже въ самой толщѣ,—между прочимъ, на Марсовомъ полѣ и въ Люксанбургскомъ саду; это такой вопросъ, который былъ бы до несомнѣнности разъясненъ тогда же въ одни сутки, много въ двое сутокъ, еслибы Парижъ не утратилъ свободы изустнаго слова и печатнаго слова. Да и теперь, хоть прошло уже нѣсколько лѣтъ, когда свобода будетъ восстановлена во Франціи, этотъ вопросъ разрѣшится быстро и правдиво. Но люди, отнявшіе у Парижа свободу изустнаго и печатнаго слова,—тѣ самые люди, о которыхъ утверждаетъ Парижъ, что они въ эти двѣ ночи убивали цѣлыя толпы своихъ соотечественниковъ разстрѣливаніемъ. Итакъ, дѣло сводится къ тому, что обвиняемые въ такомъ дѣйствиіи люди отняли у Франціи и Европы вѣрнѣйшее средство дознаться истины по этому предмету. Когда процессъ приводится въ такое положеніе, правосудіе не оказывается столь туго и безпомощно, чтобы подобная уловка противъ него удавалась.

При подобныхъ случаяхъ, оно, мудро отступая отъ обыкновеннаго своего правила, выслушиваетъ неполную улику противъ утайщика, и потомъ, требуя, чтобы скрывающей истину, возвратилъ ее на свѣтъ, или принялъ послѣдствія своего скрывательства, переноситъ съ обвинителя на обвиненнаго обязанность представить полное доказательство, и если оно не представлено, признаетъ обвиненнаго уличеннымъ. Принцъ Луи-Бонапартъ и его компаньоны закрыли обыкновенные пути къ отысканію истины,—поэтому они останутся признанными за виновныхъ въ томъ, въ чемъ винить ихъ Парижъ, или должны доказать, что они не разстрѣливали толпы парижанъ ночью 4 и ночью 5 декабря.

Число убитых войсками въ теченіе слишкомъ полутора сутокъ (40 часовъ), слѣдовавшихъ за началомъ убійствъ на бульварахъ, навсегда останется неизвѣстно. Тѣла были похоропены почти всѣ въ ночное время. Стараясь хоть приблизительно опредѣлить количество ихъ, мы не можемъ совершенно положиться даже и на показанія офицеровъ, убивавшихъ и хоронившихъ: довольно долгое время они находили выгоды для своей служебной карьеры считаться дѣйствовавшими тутъ со всеусердіемъ. Но все-таки, вотъ одно изъ такихъ показаній,—признаніе командира одного изъ убиавшихъ полковъ, высказанное еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣла. Нельзя принимать его слова ни за совершенно точныя, ни даже за приблизительно точныя; но все-таки онъ тамъ былъ совершителемъ дѣла, о которомъ говорилъ, и говорилъ онъ съ желаніемъ, чтобы ему повѣрили,—потому его свидѣтельство имѣетъ хоть тотъ вѣсъ,—если даже не имѣетъ болѣе важнаго вѣса,—что представляетъ его понятіе о томъ, какъ надобно ему говорить, чтобы его слова показались вѣрными правдѣ. Его слова состояли въ томъ, что его полкъ,—только одинъ его полкъ,—убилъ 2.400 человекъ. Если принять, что эти слова сколько нибудь близки къ истинѣ, и что другіе полки усердствовали не меньше, чѣмъ его полкъ, то для выраженія суммы убитыхъ понадобится очень большая цифра: число полковъ, дѣйствовавшихъ противъ парижанъ, было отъ 30 до 40, изъ нихъ до 20 принимали участіе въ убійствахъ.

Армія, уничтожившая столько враговъ, сама потеряла только 25 человекъ убитыми во время этихъ своихъ подвиговъ (съ 3 до 6 декабря).

Едва ли есть на землѣ городъ съ такимъ воинственнымъ населеніемъ, какъ Парижъ. Его жители менѣе всѣхъ другихъ горожанъ Европы расположены трусливо преувеличивать цѣну жизни, и своей и чужой. У нихъ любовь къ борьбѣ имѣетъ силу брать верхъ надъ боязнью и жалостью, и они люди, привычныя къ великимъ битвамъ на улицахъ. Но они не были привычны видѣть, какъ убиваютъ массу безоружныхъ, беззащитныхъ людей. Видъ того, что совершилось 4 декабря, поразилъ столицу Фривціи, какъ появленіе чумы. Англичанинъ, зоркій наблюдатель, бывшій тутъ, говорить, что у людей, удалявшихся съ мѣстъ убійства, лица были мертвенно посинѣлыя, позеленѣлыя, какихъ онъ никогда не видывалъ. Конечно, никогда; потому что кто же когда прежде видывалъ людей, бывшихъ зрителями такихъ убійствъ. Говорятъ, что видъ этой сцены, стоя въ убитыхъ потрясли крѣпость нервовъ у многихъ мужчинъ, такъ что они рыдали какъ маленькія дѣти.

Къ разсвѣту 5 декабря вооруженное возстаніе было уже прекращено. Оно и съ самаго начала было слабо. Но нравственное сопротивленіе дѣйствіямъ президента и его сообщниковъ быстро усиливалось въ первые дни и стало уже очень грозно, когда, вечеромъ 4 декабря, начался убійства. Эти убійства навели ужасъ, и вооруженное возстаніе уронило своимъ паденіемъ всѣ надежды людей, думавшихъ, что одною силою общественнаго мнѣнія и смѣха заговорщики будутъ сведены изъ элизейскаго дворца въ тюрьму. Дѣло людей, хотѣвшихъ дѣйствовать этою нравственною силою, не имѣло ничего общаго съ дѣломъ людей, поднявшихъ возстаніе,—но оно могло имѣть успѣхъ только при сохраненіи бодрости народомъ; а народъ, озадаченный продолженіемъ 2 декабря, былъ теперь пораженъ ужасомъ.

По красотѣ, по величію, по исторической славѣ, по воинскимъ подвигамъ, по могуществу нравственнаго руководительства цѣлою великою націею, по власти вѣнчать и низлагать ея государей, нѣтъ на землѣ города, равнаго Парижу. Но пораженная, какъ ударомъ паралича убійствомъ 4 декабря, прекрасная, героическая столица Фривціи была связанная предана въ руки принца Луи-Бонапарте, и Мори, и Моа или де Мона, и Сентъ-Арно урожденнаго ле Руа, и выгода, извлеченная принцемъ изъ этого дѣла, была выгода прочная. Во французской политической теоріи есть аксіома, что не можетъ стать правителемъ Фривціи тотъ, надъ кѣмъ смѣются. Съ 1836 до 1848 г., принцъ Луи-Бонапарте высовывался изъ темнаго ничтожества лишь за тѣмъ, чтобы смѣшнить; ставъ президентомъ, онъ только стать болѣе постояннымъ предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ, которыми такъ умѣютъ владѣть французы;—для повѣрки этого, довольно просмотрѣть *Charivari* за 1849, 1850 и первые 11 мѣсяцевъ 1851 года (запрещеніе этого журнала и было однимъ изъ первыхъ актовъ верховной

власти въ рукахъ заговорщиковъ). Даже внезапность и полная успѣшность удара, нанесеннаго закону въ ночь съ 1 на 2 декабря, не заставила Парижъ смотрѣть на президента серьезно. Но съ трехъ часовъ вечера 4 декабря взглядъ на него долженъ былъ измѣниться, — и вышло такъ, что именно тѣ, которые жарче всѣхъ стали говорить противъ президента, болѣе всѣхъ помогли его успѣху: и тутъ, какъ въ другихъ случаяхъ, судьба принца Луи-Бонапарте была оригинальна: тѣмъ усерднѣе противники его доказывали, что онъ, собственно онъ самъ, хитрый и злодѣй, своимъ умомъ придумалъ и устроилъ убійство, — мнѣніе, которое я на слѣдующихъ страницахъ подвергну разбору, — тѣмъ полнѣе снимали они съ него репутацію смѣшной безарности, репутацію, мѣшавшую ему дѣйствительно упрочить свою власть. Когда настала ночь 4 декабря, онъ былъ уже закрытъ отъ насмѣшекъ горами труповъ, лежащихъ на бульварахъ.

Въ провинціяхъ дѣло шло такъ же, какъ въ столицѣ. Еще до разсвѣта 2 декабря, Морни забрался въ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, телеграфировалъ оттуда свои приказанія на немедленное и усерднѣйшее исполненіе всѣмъ префектамъ, — приказалъ префектамъ отставить отъ должности всѣхъ тѣхъ меровъ, мировыхъ судей и другихъ начальствующихъ лицъ, которыя не дадутъ немедленной подписки въ томъ, что преданы президенту и принимаютъ всѣ его распоряженія. Во Франціи, административный механизмъ устроенъ такъ, что даетъ министру внутреннихъ дѣлъ почти непреодолимую власть надъ провинціями, — а успѣшность средствъ принужденія, которыми имѣлъ Морни, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, усиливалась тѣмъ, что онъ обращался къ провинціямъ съ напоминаніемъ о томъ, какъ ужасна опасность апархій и какіе злодѣи социалисты, — авархія и социализмъ уже давно были фантомами, которыми запугивались провинціалы (28). Всѣ 40.000 общинъ Фран-

(28) То есть, Морни просто на просто пожалъ зрѣлый хлѣбъ на почвѣ, воздѣланной и засѣянной монархистами. Тѣ ужъ три съ половиною года твердили провинціаламъ: не разбирая ничего, слушайте все, что будетъ вамъ говорить правительство, — иначе, анархія и социализмъ, рѣзня и грабежъ. — Когда монархисты достаточно внушили это провинціаламъ и замѣтили (черезъ своихъ министровъ, въ особенности министровъ внутреннихъ дѣлъ, поочередно назначаемыхъ ими къ президенту, — изъ этихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ извѣстнѣйшій — Леонъ Фоше, о которомъ выше упомянулъ Кинглекъ, объясняя карьеру Мона), — когда монархисты замѣтили должности префектовъ и проч. людьми, готовыми исполнять всякое приказаніе министра внутреннихъ дѣлъ. — тогда Морни съ нѣсколькими солдатами и компаньонами пришелъ въ кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ пораньше поутру, когда чиновниковъ еще не было въ канцеляріи, сѣлъ за столъ, отъ котораго шли телеграфическія проволоки и продиктовалъ провинціямъ: „министръ — я, — Морни; итакъ, повинуйтесь мнѣ“. Это дѣло было очень не мудрое, благодаря тому, что подготовка сдѣлана была такъ отлично хорошо монархистами.

цпн были извѣщены, что немедленно должны сдѣлать выборъ между социализмомъ, анархіею и грабежомъ съ одной стороны, — съ другой — добродѣтельнымъ диктаторомъ, законодателемъ, рекомендуемымъ и патентованнымъ подписью господина де Морни. Даже такой человѣкъ, какъ даровитый Монталамберъ (29) такъ отлочно попался въ эту ди-

(29) Предводитель того отряда легитимистовъ, который отличался усердіемъ къ католицизму, — ораторъ, дѣйствительно очень краснорѣчивый, авторъ „Житія Св. Елисаветы Венгерской“ и знаменитой рѣчи, имѣвшей въ свое время великолѣпный успѣхъ и слѣдующій смыслъ: „Нѣкогда, были совершаемы кре-

стовые походы против иноземныхъ враговъ всякой святыни, мусульманъ; нынѣ должно предпринять столь же священный крестовый походъ противъ внутреннихъ еще злѣйшихъ враговъ всего, чѣмъ дорожатъ люди, противъ социалистовъ“. Новый крестовый походъ длился три года, и когда Флери, Морни, Персины увидѣли, что онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, они распорядились въ ночь съ 1 на 2 декабря упрочить—хоть не въ рукахъ крестоносцевъ, а въ своихъ,—результаты, доставленные счастливымъ походомъ рыцарски благородныхъ,—дѣйствительно, въ сущности благородныхъ и честныхъ,—крестоносцевъ.—Самъ Монталамберъ едва ли человекъ совершенно чистый; но все-таки, гораздо болѣе чистый, нежели тѣ, которые захватили власть въ ночь съ 1 на 2 декабря; а масса монархистовъ, приготовившая это дѣло дѣйствительно состояла изъ людей совершенно чистыхъ и благонамѣренныхъ; они только не понимали, что такое дѣлають.

лемму, что публично высказаль свое убѣжденіе, что она вѣрна, что Франція дѣйствительно одинъ выборъ: Луи-Бонапарте, или «погибель Франціи» (30). Въ провинціяхъ,

(30) Легитимисты тогда нашли и теперь продолжаютъ находить, что Монталамберъ выказался тутъ съ дурной стороны, что измѣна его дѣлу короля Генриха V была дѣломъ не одного безкорыстнаго убѣжденія, а въ значительной степени и разчета: онъ надѣялся стать министромъ у Луи Бонапарте. Вѣроятно, легитимисты правы. Но никто другой изъ нихъ не послѣдовалъ этому дурному примѣру одного изъ своихъ предводителей, всѣ остались вѣрны дѣлу того лица, котораго считаютъ законнымъ королемъ Франціи, Генриха V. Они участвовали въ общей ошибкѣ монархистовъ, имѣвшей результатомъ пораженіе; но подобно другимъ отдѣламъ монархистовъ, они приобрѣли право на уваженіе честностью и вѣрностью своимъ убѣжденіямъ, которую выказали подвергнувшись неожиданному пораженію.

какъ въ Парижѣ, были люди, у которыхъ преданность закону была сильнѣе боязни борьбы съ заговорщиками, захватившими власть, и сильнѣе боязни социализма; но департаменты были оставлены во мракѣ распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ, потому не могли такъ быстро, какъ Парижъ, увидѣть, что дѣло 2 декабря совершенно только горстью соумышленниковъ, безъ содѣйствія государственныхъ людей, бывшихъ друзьями закона и порядка; въ первыя минугы по полученіи прокламацій,—провинціи изумились и смутились, но скоро повяли дѣло такъ, что президентъ конечно дѣйствовалъ при помощи знаменитѣйшихъ государственныхъ людей, что поэтому надобно надѣяться, что онъ произведетъ только благотворныя перемѣны въ конституціи, возвратитъ Франціи хоть часть того спокойствія и той свободы, которыми она пользовалась при Луи-Филиппѣ.—Поэтому, если и были кое-гдѣ по провинціямъ возстанія, то они были ничтожны; а всякій департаментъ, въ которомъ можно было ждать ихъ, былъ провозглашаемъ или уже прежде провозглашенъ находящимся на военномъ положеніи. За каждою попыткою возстанія въ провинціяхъ слѣдовали убійства, ссылки, заключеніе въ тюрьму, секвестрація имуществъ,—всѣмъ этимъ съ безграничною властью распоряжались командиры войскъ, назначенные изъ генераловъ, ненавидѣвшихъ законный порядокъ и націю, его любившую, пылающихъ чувствомъ, которое извѣстно подъ именемъ «усердія». Нѣкоторые изъ нихъ, въ своей ярости, переходили всякія границы политическаго благоразумія, хотя бы и самаго свирѣпаго. Напримѣръ, въ департаментѣ Аллье, было назначено предавать военному суду всѣхъ тѣхъ, о которыхъ «начальство знаетъ, что они брались за оружіе», и отправлять въ ссылку всѣхъ «извѣстныхъ за

людей социалистского образа мыслей»—сылать их просто по административному распоряжению, без всякого суда, и секвестровать их имущество. Таким образом то, что человек имѣетъ въ своихъ мысляхъ извѣстное убѣжденіе по теоретическимъ вопросамъ, уже выѣнялось въ уголовное преступленіе,—и арестованные были казнимы или вовсе безъ суда или по суду людей, принявшихъ на себя обязанность палача. Фамилія генерала, издававшего такое постановленіе—Энаръ; оно было тотчасъ же одобрено и обнародовано правительствомъ (въ Монитёрѣ, 28 декабря).

Свирѣпость, съ которой дѣйствовала элизейская братія, безъ сомнѣнія происходила оттого, что она трепетала за себя; но когда заговорщики начали опоминаться отъ страха, ими стало управлять другое побужденіе, которое однако же вело ихъ по той-же дорогѣ: теперь они уже придавали своимъ дѣйствіямъ такой колоритъ, которымъ думали пріобрѣсть поддержку и расположеніе огромнаго числа людей,—людей, которые мучились боязнью демократовъ, и желали одного—безопасности. Болѣе трехъ лѣтъ масса жила въ боязни «соціалистовъ»; и хоть сами по себѣ приверженцы социализма никогда не были такъ сильны, чтобы человекъ съ характеромъ могъ опасаться ихъ, но они были болѣе или менѣе связаны съ горячими демократами, которыхъ называли «красными»; а республиканскія учрежденія были новы и слабы, потому нація натурально могла опасаться анархіи; но многіе находятъ, что приверженцы порядка,—эта масса образованнаго общества, чуждая всякимъ партіямъ, одинаково расположенная поддерживать существующій порядокъ, какова бы ни была форма правленія,—что эта масса, опиравшаяся на всю массу сельскаго населенія, имѣвшая за себя большинство писателей и владѣющая почти всюю недвижимою собственностью, почти всѣми капиталами, могла быть осторожна и безъ трусости. Однако же, какъ бы ни было, основательную боязнь или фантомомъ она была загнана, боязнь привела ее въ разслабленіе, которое нельзя не назвать унижительнымъ. Эти люди, потерявшие всякую бодрость духа, умиленно смотрѣли на правительство, какъ на своего естественнаго покровителя и готовы были продать свою свободу за безопасность отъ анархіи. И вотъ элизейская братія, оправившись отъ своего страха, увидѣла теперь, если не рассчитывала на это и прежде, что получить себѣ большую выгоду, если увѣрить эту массу, что ея предпріятіе—война противъ социализма. Тѣ горсти людей, которыя дрались на баррикадахъ послѣ ночного переворота 1/2 декабря, дѣйствительно состояли отчасти изъ социалистовъ,—а отчасти и изъ людей, которые взяли за оружіе безъ всякаго социализма, только потому, что были люди высокаго мужества, неспособные смотрѣть сложа руки на то, что попирается законъ. Но элизейская компанія была владычицею,—единственною владычицею печатнаго станка; преувеличивая вспышки, происходившія въ нѣкоторыхъ городахъ и соединяя всѣхъ бравшихся за оружіе подъ названіе одной ненавистной партіи, она увѣрила тысячи, можетъ быть миллионы людей, что занимается энергическою, отчаянною борьбою противъ социализма. Но мѣръ того, какъ это увѣреніе было принимаемо за правду, громадныя толпы шли на сторону правительства, и надобно полагать, что даже между высшими классами, гордо оставшимися въ отчужденности отъ элизейскаго дворца, было много людей, въ глубинѣ души радовавшихся тому, что избавились отъ страха, внушавшагося имъ демократами, хоть избавленіе и было куплено тою цѣною, что Франція переходила на время въ руки людей, подобныхъ Морни и Моша.

Да, многимъ казалось, что продолжка элизейской братіи счастливо выручила ихъ отъ демократическихъ страховъ, вывела на безопасный путь безпечной жизни. Когда арабъ приходитъ къ рѣшенію, что въ бурнусѣ, день и ночь безсѣйно одѣвающимъ его, населеніе уже слишкомъ размножилось, онъ кладетъ бурнусъ на муравейникъ, чтобы одна порода насекомыхъ была изгнана другою, и когда это исполнится, онъ легко стряхиваетъ побѣдителей ударомъ хлыста или чубука. Образованное общество Франціи думало поступить по этому способу съ своимъ отечествомъ,—и первая часть дѣла была исполнена усѣбно: красная порода была перебита, передавлена или изгнана; но вслѣдъ за тѣмъ оказалось, что голодная безцвѣтная порода, порода употребленная на исполненіе этого дѣла, рѣшительно не хочетъ быть стряхнута съ бур-

нуса,—прицѣпилась къ нему, и до сихъ поръ, черезъ столько лѣтъ, все еще цѣпко держится за него и ѣсть очень хорошо.

Войска, дѣйствовавшія въ провинціяхъ, въ точности подражали парижской арміи. Но правительство опасалось, что солдаты, при всей своей горячности, уничтожатъ только наружный слой недовольныхъ, что палашъ и пуля не пробьютъ самаго сердца націи: армія убивала людей на улицахъ, дорогахъ и поляхъ; стрѣляла и въ окна домовъ,—разстрѣливала толпы плѣнныхъ,—все это такъ, но она не имѣла способности отыскивать негодующихъ друзей порядка и закона, не компрометировавшихъ себя наружнымъ образомъ. Потому Морни послалъ по провинціямъ людей черной репутаціи, вооруженныхъ ужасающимъ полномочіемъ. Эти люди назывались комиссарами правительства; куда ни пріѣзжалъ комиссаръ, населеніе трепетало: по опыту 1848 оно знало, что въ числѣ этихъ уполномоченныхъ грознаго министерства внутреннихъ дѣлъ бывають люди, извѣстные полиціи и своими преступленіями, какъ своими услугами, и что иной такой властитель заставляетъ населеніе дорого платиться за охраненіе порядка (31).

(31) Въ числѣ экстраординарныхъ комиссаровъ, разсланныхъ первое время послѣ февральской революціи тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ледрю Ролленомъ, было нѣсколько человѣкъ, выбранныхъ очень неудачно. Они не могли сдѣлать никакого важнаго вреда: при первомъ произвольномъ распоряженіи, жители города объявляли комиссару, чтобъ онъ ѣхалъ назадъ въ Парижъ, и онъ принужденъ былъ ѣхать со стыдомъ. Тогда было такое время, что въ каждомъ городѣ населеніе держало себя очень бодро; а временное правительство не поддерживало Ледрю Роллена,—онъ былъ тогдашній предводитель „красныхъ“ республиканцевъ, а большинство временнаго правительства составляли „умѣренные“ республиканцы,—Ледрю Ролленъ никогда не имѣлъ силы отстоять и такихъ своихъ распоряженій, которыя желалъ бы отстаивать; а комиссаровъ, которые не нравились департаментамъ, куда были посланы, онъ и самъ не желалъ отстаивать, понимая, что это было бы вредно для него, при шаткости его положенія. Онъ дѣлалъ много опрометчиваго, потому что былъ человѣкъ, очень быстро дѣйствовавшій и притомъ не успѣвавшій во-время отдать самъ себѣ отчета въ томъ, чего же именно онъ хочетъ, потому поступавшій,—нынѣ, по внушенію Мишеля де Бурже, человѣка пожилого, солиднаго, твердаго; завтра—по внушенію Жана Рено, мечтателя; послѣ-завтра по внушенію Ламартина, который еще меньше его понималъ, чего самъ хочетъ, и т. д. Но онъ былъ человѣкъ неглупый, и не имѣлъ упрямаго самолюбія, потому всегда готовъ былъ и поправлять сдѣланную ошибку. Итакъ, 7 или 8 плохихъ или даже безчестныхъ людей, успѣвшихъ тогда попасть въ число 80 или 90 комиссаровъ, разсланныхъ по провинціямъ, не успѣли сдѣлать ничего важнаго,—не только подвергнуть кого нибудь какому нибудь тяжелому лишенію, но и серьезно встревожить хоть кого нибудь. Но шума и скандала изъ-за нихъ было сдѣлано очень много, главнымъ образомъ по расчету умѣренныхъ республиканцевъ, желавшихъ и успѣвшихъ подорвать на этихъ случаяхъ административную депутацію Ледрю-Роллена, чтобы захватить министерство внутреннихъ дѣлъ въ свои руки.

Были времена, когда угасавшая искра національной жизни поддерживалась служителями вѣры и когда это бывало, то возникала въ народѣ глубокая любовь къ своей церкви, непоколебимо противостоявшая потоку теченію вѣковъ. Такъ было два раза въ Россіи (32). Во Франціи церковь, правда, уже не пользовалась силою, ка-

(32) Конечно, во время татарскаго ига и во время смуть, слѣдовавшихъ за смертью Ѳедора Ивановича. Въ тѣхъ отдѣлахъ своего разсказа, который относится къ Россіи, Кинглекъ подробнѣе говоритъ объ этомъ; а здѣсь только ссылается на свой главный источникъ по предмету отношеній Русской націи къ православной церкви, книгу Артура Стэнли.

кую имѣла прежде; но добродѣтельная жизнь ся смиренныхъ, трудящихся священниковъ все-таки уже возвратила ей болѣе значительное вліяніе на умы французовъ, чѣмъ предполагала Езрона. Потому, когда вся свѣтская правительственная власть въ государствѣ была захвачена горестью соумышленниковъ, когда вдругъ были низвергнуты ими и парламентская, и судебная власть, которая могли обуздать ихъ, французская Церковь, уцѣлѣвшая среди этого разрушенія, вдругъ явилась имѣющею очень много силы помочь или повредить націи. Она могла стать между солдатами и его безоружною жертвою; могла закрыть народъ отъ его ярости; могла вынудить уступки въ пользу низложенной. націи. Или, дѣйствуя еще энергичнѣе, она могла сдѣлать прямой выборъ между добромъ и зломъ,—и она сдѣлала прямой выборъ.

Массу французскаго духовенства составляютъ люди, ревностно преданные церкви, безкорыстные. Но церковь, которой они служили, уже была привлечена на сторону президента тѣмъ, что французская армія при немъ осаждала, взяла, заняла Римъ и восстановила свѣтскую власть папы. Поэтому, хотъ духовенство и видѣло, что Монъ, подкрѣпившись почтою, арестовалъ генераловъ и государственныхъ людей Франціи, и закрытъ національное законодательное собраніе, по все-таки оно, изъ-за Римскаго дѣла, захотѣло стать на сторону Монъ. Насколько имѣло оно участіе въ политическихъ дѣлахъ этого кризиса, оно превратило французскую церковь въ агентство министра внутреннихъ дѣлъ. Въ елахъ, когда пришло время плебисцита,—подачи голосовъ въ одобреніе или отчужденіе дѣйствій президента и предлагаемой имъ новой конституціи, священники раздавали народу билеты съ словомъ «да», и усердно посылали его вотировать.

Всѣ учрежденія Франціи были низвергнуты или поработены, элизейская братія видѣла полную возможность пользоваться своимъ торжествомъ и воспользовалась имъ въполнѣ. Заговорщики рѣшили сдѣлать, чтобы не осталось во Франціи людей, достойныхъ называться мужчинами. По особенностямъ политическаго состоянія Франціи въ теченіе уже многихъ лѣтъ (33), едва ли не большинство энергичныхъ людей Франціи

(33) Постоянно, съ 1814; передъ тѣмъ былъ лишь небольшой перерывъ въ блистательнѣйшую эпоху правленія Наполеона I; а до этой эпохи (приблизительно, 1807—1812 годы) было, приблизительно съ 1760-тыхъ годовъ, тоже же самое, что послѣ нихъ.

принадлежало къ клубамъ, которые по закону считались «тайными обществами» (34). Сѣть, накинутая на этихъ людей, должна была захватить десятки и сотни тысячъ

(34) Даже такой формалистъ, такой прямодушный консерваторъ и приверженецъ строгой законности, какъ Гизо, былъ членомъ клуба, открыто называвшагося комитетомъ для веденія выборовъ, а въ сущности составлявшаго подъ этимъ прикрытіемъ тайное общество; Гизо прямо или косвенно дѣйствовалъ въ немъ почти все время Реставраціи, особенно съ 1822—1823 года до іюльской революціи.

честныхъ гражданъ; по приблизительному счету полагали, что въ тогдашнемъ населеніи Франціи было до 2 милліоновъ человѣкъ, продолжавшихъ участвовать или прежде участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ. А если французъ когда нибудь участвовалъ

въ обществѣ, запрещенномъ по закону, этого было уже достаточно, чтобы къ нему могли быть примѣнены законы, которые онъ тогда нарушалъ. Но правительство 2-го декабря не удовольствовалось ни этимъ, ни чѣмъ либо подобнымъ: оно поступило гораздо рѣшительнѣе.

Принцъ Луи-Бонапарте, по внушенію и одобренію Морни и Мопà, издалъ декретъ съ обратнымъ дѣйствіемъ, объявлявшій, что правительство имѣетъ право арестовать всякаго, когда либо принадлежавшаго къ какому нибудь тайному обществу и ссылать его безъ суда въ Алжирію, въ мѣста заключенія уголовныхъ преступниковъ, или въ знойныя болота Кайенны, — этотъ декретъ, подписанный 8 числомъ декабря, и обнародованный въ Мониторѣ 9 декабря, примѣнялся къ такому множеству людей, къ какому въ Англіи прилагался бы законъ, который объявлялъ бы подлежащихъ ссылкѣ всѣхъ, когда либо присутствовавшихъ въ политическомъ митингѣ; но такой законъ былъ бы во сто разъ милостивѣе, изданнаго новымъ французскимъ правительствомъ: быть сосланнымъ въ Кайенну значить быть осужденнымъ на медленную, мучительную, ужасную смерть. Морни и Мопà настойчиво примѣняли этотъ законъ съ свирѣпостью, которая въ началѣ была производима въ нихъ смертельнымъ страхомъ за самихъ себя, потомъ продолжаема была ими по гнусному расчету приобрести популярность у консерваторовъ тѣмъ, чтобы называть толпы людей социалистами и искоренять ихъ подъ этимъ именемъ. Никогда не будетъ съ точностью опредѣлено громадное число всѣхъ людей, которые были во все это время убиты или брошены въ тюрьмы во Франціи, или отосланы на смерть въ Африку и Кайенну. Но панегиристъ Луи-Бонапарте и его соумышленниковъ Гранье-де-Кассаньякъ призывается, что число людей, сосланныхъ въ теченіе немногихъ недѣль новымъ правительствомъ, простиралось до ужасной цифры 26.500 человекъ.

Франція могла бы безъ замѣтнаго ослабленія вынести потерю многихъ десятковъ тысячъ обыкновенныхъ солдатъ и работниковъ; но никакая нація на свѣтѣ, — ни даже сама французская, столь изобилующая людьми, готовымъ рисковать жизнью за свободу и честь родины, — не можетъ вынести потерю слишкомъ 25.000 человекъ, взятыхъ на отборъ изъ самыхъ энергичныхъ и мужественныхъ гражданъ; потерявъ потерю столькихъ такихъ людей въ одинъ мѣсяцъ, Франція не могла не стать на цѣлые годы стравою увядшею, лишенною бодрости духа. Вотъ почему справедливо мое выраженіе: Францію обезлюдили.

Но кромѣ людей убитыхъ и людей сосланныхъ, было нѣсколько тысячъ французовъ, которыхъ новое правительство подвергло страданіямъ, столь ужаснымъ, что вѣлья и пересказывать ихъ подробностей. Я говорю о людяхъ, которые были заверты въ казематы крѣпостей и въ тюрьмы кораблей «Канада» и «Дюгекленъ». Это были, большею частью, республиканцы. Особенно извѣстны страданія одного отдѣла ихъ, состоявшаго изъ 2.000 человекъ. Въ такой большой массѣ, очень большую долю составляли литераторы; это можетъ показаться удивительно: тутъ были писатели, довольно извѣстные, редакторы газетъ, сотрудники газетъ: кромѣ того, было много юристовъ, медиковъ, другихъ людей подобныхъ профессій, — людей, принимающихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ законнымъ порядкомъ литературной борьбы, а не мятежами. Они были мучимы отъ 2 до 3 мѣсяцевъ. Многіе изъ нихъ были вывущены дышать свѣжимъ воздухомъ не раньше 10 марта. Они были содержимы въ такихъ гнусныхъ страданіяхъ, что, когда они были вывущены, неприятно и странно было смотрѣть на нихъ. Многіе должны были стравиться прямо въ госпитали. Я долженъ указать источники, на которыхъ основываюсь, — это рассказы Ксавье Дюррѣ в Ипполита Мажана, — *Le Coup d'Etat, par Xavier Durrien, ancien Représentant du peuple; Histoire de la Terreur Bonapartiste, par Hippolyte Magen*. Но у кого нѣтъ специальной надобности изучить въ подробности дѣло 2-го декабря, тотъ пусть лучше не читаетъ этихъ страшныхъ страницъ: всякій, кто читаетъ ихъ, тотъ долго мучится воспоминаніями прочтеннаго: эти видѣнія долго будутъ тяготѣть надъ его мыслями, и вскорѣ онъ усядется отдѣлаться отъ картинъ гнуснаго мученія, которому подвергались люди, наши современники.

Наконецъ, пришелъ срокъ такъ называемаго плебисцита, — подачи голосовъ по

вопросу, принимает ли Франція власть Луи-Бонапарте и его конституцію. Дѣло было устроено такъ, что покорность диктатурѣ Луи-Бонапарте была для Франціи единственнымъ средствомъ избѣжать анархіи и полнаго хаоса. Президентъ объявлялъ въ своей прокламаціи, что если Франція не хочетъ давать ему президентства, то можетъ избрать на его мѣсто другого,—но этотъ выборъ представлялся ей только на словахъ, а не на дѣлѣ: на дѣлѣ, вотированіе состояло только на отвѣтъ «да» или «нѣтъ» на вопросъ, быть ли президентомъ Луи-Бонапарте; голоса, поданные за какого нибудь другого кандидата, не должны были приниматься за попятные. Ясно, что «нѣтъ» оставляло бы государство безъ правительства, — анархія, — которую влекло это за собою, уже и сама по себѣ была угрозою, достаточною, чтобы вынудить «да». Потому, если бы собраніе голосовъ и было ведено съ полною честностью, уже самый способъ постановки вопроса отнималъ всякую свободу выбора: та административная централизація, которая въ февралѣ 1848 года заставила націю объявить, что ей нравится республика,—потому что иначе нація подверглась бы анархіи,—теперь заставляла безпомощную націю стать на колѣна и сказать, что ей пріятно имѣть единовластнаго законодателямъ персону, рекомендуемую господиномъ Морни.

Имѣя въ своемъ распоряженіи армию и всю правительственную власть, и предложивъ націю вопросъ въ такой формѣ, элизейская братія могла бы, кажется, безопасно для себя предоставить дѣлу вотированія идти къ неизбежному результату безъ дальнѣйшаго стѣсненія свободы; если бы она поступила такъ, она придала бы хоть нѣкоторую благовидность своему увѣренію, что плебисцитъ надобно считать за утвержденіе ея дѣяній волею нации. Но эта братія, думая о своихъ дѣяніяхъ и имѣя руки, покрытыя кровью, не рискнула предоставить хоть вида свободы выбору. Она поступила вотъ какимъ способомъ: она объявила 32 департамента находящимися на военномъ положеніи; а чтобы поставить всякій другой изъ остальныхъ департаментовъ въ такое же положеніе, ей нужно было только взять листъ бумаги и перо съ чернилами: потому можно по полной справедливости сказать, что вся Франція была подъ тяготѣніемъ военного положенія.

Итакъ, каждый избиратель вотировалъ подъ палашомъ. Но палашъ, занесенный надъ нимъ, далеко не единственное обстоятельство, которымъ этотъ плебисцитъ à la Bonaparte отличается отъ свободнаго вотированія. Чтобы масса могла выразить какое нибудь мнѣніе, людямъ, ее составляющимъ, надобно соглашаться между собою. Заговорщики 2 декабря давали ей приглашеніе согласиться съ ними,—дѣйствовали въ этомъ смыслѣ всѣми правительственными средствами; противники ихъ не имѣли никакой возможности переговорить, чтобы согласиться между собою. Были безусловно запрещены не только всякія публичныя собранія для совѣщаній о вотированіи,—были невозможны даже и небольшія собранія въ домахъ частныхъ людей для этихъ совѣщаній. Газеты—главнѣйшее средство согласиться въ томъ, какъ надобно вотировать. Но кромѣ газетъ, издаваемыхъ элизейскими компаніонами, не было тогда никакихъ газетъ: всѣ, нерасположенные въ пользу заговорщиковъ, замолкли. Нельзя было напечатать ни одного слова, неблагопріятнаго кандидату господина Морни. Ставилось въ преступленіе даже то, если кто сталъ бы печатать или раздавать билеты для вотированія противъ Луи-Бонапарте, и во время церемоніи, называвшейся «выборомъ», дѣйствительно было арестовано нѣсколько лицъ за то преступленіе, что раздавали отрицательные билеты или убѣждали другихъ вотировать противъ президента. Скоро всѣ увидѣли, что каждый противникъ элизейскаго правительства былъ на выборахъ такъ безпомощенъ и одинокъ, какъ слѣпой и глухой.

Въ Шерскомъ департаментѣ генералъ д'Альфонсъ декретировалъ, что всякій, распространяющій слухи или внушающій опасенія, безпокоющія народъ, будетъ немедленно арестованъ и преданъ военному суду. Префектъ департамента Верхней Гаронны формально запретилъ всякія собранія, «какъ бы малочисленны оны ни были», и объявлялъ, что всякій, кто нарушаетъ это приказаніе, будетъ сочтенъ за члена тайнаго общества и, согласно страшному декрету 8 декабря, будетъ сосланъ; что всякая раздача печатныхъ или даже писанныхъ билетовъ для вотированія, не одобренныхъ мѣромъ или мировымъ судьбою, будетъ сочтена за преступленіе: что будетъ почтенъ ви-

новнымъ въ возбужденіи междоусобной войны и немедленно преданъ суду всякій, кто будетъ распространять какое либо мнѣніе»—это буквально такъ сказано въ декретѣ префекта, доходившаго почти до помѣшательства въ своей ярости противъ свободы. Въ третьемъ департаментѣ помощникъ префекта объявилъ, что будетъ арестованъ всякій, кто «усомнится» въ добросовѣстности дѣйствій правительства.

Вотъ какія средства были приняты генералами, префектами и помощниками префектовъ для обезпеченія выбора. Но едва ли даже и нужно было такое усердствование, потому что при самомъ началѣ своего дѣла элизейская братія приняла мѣру, которая и одна была бы уже достаточна для вынужденія согласія. Общее вотированіе было назначено 20 и 21 декабря; а арміи было приказано вотировать гораздо раньше—въ теченіе 48 часовъ отъ полученія депеши о томъ, разсылавшейся 3 декабря. Такимъ образомъ всѣ военныя силы Франціи вотировали, можно сказать, подъ ружьемъ, въ строю, и результатъ ихъ вотированія былъ уже обнародованъ задолго до того времени, когда стала вотировать остальная нація. Итакъ, если бы Франція осмѣлилась вотировать противъ президента, она бы поставила себя въ немедленное и прямое столкновение съ своею арміею,—и при томъ въ такое время, когда была отдана на ея произволъ военнымъ положеніемъ.

Застигнутая врасплохъ, смущенная, запуганная, совершенно безоружная и безпомощная Франція должна была или рѣшиться на поднятіе безнадежной войны противъ своего могущественнаго правительственнаго механизма и своей огромной арміи, наступившей ей на горло, или разомъ поддаться Луи-Бонапарте, и Морни, и Мона, и господину ле-Руа, по прозванію Сентъ-Арно. Она поддалась. Элизейскіе компаньоны потребовали у Франціи или «да», или «нѣтъ» на вопросъ: поручаетъ ли она Луи-Бонапарте собственнаго его волюю сочинить новую конституцію для управленія Франціею,—и когда, уже извѣстною намъ методою, сгоняя людей вотировать бессмысленными стадами, они получили отъ нихъ билеты съ «да», число которыхъ благоразсудили показать въ 8 миллионѣвъ, то Парижу было объявлено, что особа, такъ долго бывшая любимымъ предметомъ его насмѣшекъ, стала теперь единовластнымъ законодателемъ его, Парижа, и всей Франціи. Въ сочинительствѣ законовъ, какимъ желалъ онъ подтянуть страну, принцъ Луи-Бонапарте былъ искусникъ: онъ издавна учился тому, какъ облекать азіатское самовластіе терминологіею, заимствованною изъ устройства свободныхъ европейскихъ государствъ. При совѣтахъ и содѣйствіи Морни, и безъ сомнѣнія съ полнымъ одобреніемъ остальныхъ заговорщиковъ, онъ составилъ актъ, по названію бывшій «конституціею», а по дѣйствительному смыслу—постановленіемъ о томъ, что онъ долженъ повелѣвать, а Франція должна платить ему дань и повиноваться.

Мы видѣли, что успѣхъ заговора 2 декабря основался на убійствѣ, которое было совершено надъ множествомъ людей на бульварахъ 4 декабря; и такъ какъ это странное происшествіе стало причиною важной перемѣны въ государственномъ устройствѣ и политикѣ Франціи и даже въ судьбѣ Европы, то надобно по возможности разобрать, какъ и отчего это произошло. Къ началу вечера 4 декабря дѣло заговорщиковъ казалось почти безнадежно упавшимъ отъ одиночества, въ которомъ безпомощно оставались принцъ Луи-Бонапарте и его сообщники. Но въ это время, въ 3 часа пополудни, началось убиваніе толпы, и когда трупы были убраны съ бульвара, Парижъ и Франція были уже подъ полною властью элизейскаго дворца. Пострадавшіе и оскорбленные французы, видя такую причину такого результата, натурально были расположены думать, что бульварное убійство было обдуманно устроено по злоуѣйскому расчету для достиженія цѣли, къ которой привело. Какъ по мнѣнію Кембрижскаго теолога, человѣкъ, смотрящій на часы, необходимо долженъ получить убѣжденіе въ существованіи часовщика, такъ люди, видѣвшіе адское убійство, убѣдились, что тутъ дѣйствовали демоны. Они видѣли, что оне дало богатство и благоденствіе элизейскому товариществу, и нашли, что безошибочно могутъ вывести изъ этого: люди, собравшіе жатву, какъ свою, и посѣяли ее. Но насколько дѣло извѣстно теперь, это заключеніе не имѣетъ въ свою опору убѣдительныхъ доказательствъ; и, быть можетъ, сообразите будетъ съ общими нашими понятіями о человѣческой натурѣ,

если мы примемъ такой взглядъ, что бульварное убійство произошло отъ множества разнообразныхъ обстоятельствъ, а не произведено холоднымъ расчетомъ президента, сообразившаго, что ему нужно убить множество мирныхъ мужчинъ и женщинъ, чтобы ужасъ этой сцены отнялъ всякую бодрость духа у парижанъ. Можно объяснить дѣло, и не прибѣгая къ ужасной гипотезѣ такого расчета.

Армія, какъ мы видѣли, кишѣла ненавистью ко всѣмъ не военнымъ, и ея ожесточеніе было заботливо раздуваемо президентомъ и Сентъ-Арио (35). Это чувство.

35) Проще сказать, какъ было замѣчено выше: большинство французскихъ солдатъ и офицеровъ презирало невоенныхъ людей, но тщеславію считало себя первымъ, лучшимъ сословіемъ націи, — тщеславію, которое свойственно всякому сословію, всякой націи, сознающей свою силу: такъ въ Англіи большинство коммерческихъ людей презираетъ остальную націю, въ томъ числѣ аристократію; большинство аристократовъ — тоже презираетъ всю націю, въ томъ числѣ коммерческіе классы; большинство англійскихъ моряковъ тоже презираетъ всю націю, въ томъ числѣ и аристократію, и купцовъ. Армія въ Англіи очень слаба сравнительно съ каждымъ изъ этихъ трехъ классовъ, но все-таки и она не совсѣмъ лишена того же чувства. Тоже во всякой другой націи, въ томъ числѣ и во французской; сильные классы до 1852 года тамъ были: аристократы, юристы, чиновники, публицисты (литераторы), негоціанты, военные; каждый изъ этихъ классовъ очень высоко смотрѣлъ на всѣ остальные. Въ военныхъ это чувство было особенно сильно, потому что ихъ сословіе было дѣйствительно очень сильно.

еслибы не подкрѣпилось другими побужденіями, не довело бы храбрую французскую армію до того, чтобы стрѣлять въ упоръ въ толпу беззащитныхъ мужчинъ и женщинъ; но въ душѣ элизейской братіи и командовавшихъ генераловъ было другое чувство, болѣе сильное, и отъ нихъ заразило оно солдатъ и офицеровъ.

Когда живымъ существомъ, — человѣкомъ, или животнымъ, овладѣваетъ ужасъ, это существо, смотря по различію темперамента и обстоятельствъ, или подвергается въ безсильное, недвижное оцѣпенѣніе, или мечется съ истерическою энергіею, — въ послѣднемъ случаѣ, ужасъ бываетъ самою пламенною и слѣбною изъ всѣхъ страстей. Во французахъ нервическая впечатлительность южныхъ племенъ соединяется съ очень большимъ количествомъ энергіи, принадлежащей сѣвернымъ племенамъ, — потому они очень способны увлекаться въ обѣ формы ужаса: и тотъ ужасъ, отъ котораго люди начинаютъ сильно убивать другихъ, и въ тотъ, отъ котораго люди повергаются въ оцѣпенѣніе. 4 декабря въ Парижѣ были обѣ эти формы ужаса: армія свирѣствовала, народъ повергся въ оцѣпенѣніе, — но и армія и народъ одинаково были подъ властью ужаса. Правда, между зрителями на бульварахъ не было людей вооруженныхъ, которые могли бы довести солдатъ до свирѣпаго паническаго ужаса матеріальнымъ образомъ; если и было два-три выстрѣла изъ оковъ, — вещь сомнительная, — два-три выстрѣла на улицѣ, покрытой людьми, очевидно сошедшими только смотрѣть на парадъ, а вовсе не сражаться, не могли бы испугать отличныхъ солдатъ, каковы французскіе, — это для нихъ пустяки. Но дѣло въ томъ, что президентъ и его сообщники, хоть получили полный успѣхъ въ машинаторіи части дѣла, не получили поддержки отъ людей съ репутаціей и авторитетомъ. Потому они очевидно были въ опасности: и если Морри и Флери еще сохраняли мужество и 4 декабря по-утру, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что президентъ, его дядя Геронимъ, сынъ Геронима Шьеръ, Мона, Сентъ-Арио, Маньянъ трусыли, видя опасность положенія, въ которое поставили себя.

Душевное состояніе президента было, судя по всему, очень похоже на то, какое

овладѣвало имъ прежде, въ Страсбургѣ и Булони, и опять потомъ, подъ Маджентою и Сольферино. Какъ онъ былъ оцѣненъ имъ отъ страха во все время маджентской битвы, это видѣли всѣ, потому что онъ имѣлъ необдуманность не спрятаться отъ своего войска. Но въ день сольферинской битвы были приняты мѣры, чтобы посторонніе глаза не могли видѣть, каково онъ чувствуетъ себя, а потомъ его сотоварищи стали очень усердно увѣрять Евролу, что во время этого сраженія онъ не только былъ въ состояніи дѣлать распоряженія, но даже входилъ на такихъ пунктахъ, гдѣ была очень большая опасность. «Тутъ императоръ Наполеонъ»,—по словамъ Монитера,—«превозмогъ, можно сказать, самого себя; его видѣли повсюду, повсюду руководящаго битвою; всѣ окружающіе его содрогались, видя, какимъ опасностямъ онъ подвергаетъ себя; онъ одинъ казался не видящимъ опасности». Такое усердіе хвалителей заставляло англичанъ на половину повѣрить, что онъ держалъ тутъ себя мужественно. Но во Франціи хлопоты объ этомъ не удалась по непріятному обстоятельству, произошедшему отъ того, что французскій императоръ не кстати поддавался и тутъ своему пристрастію къ блеску и театальной парадности: кромѣ многочисленнаго штаба, онъ имѣлъ при себѣ кавалерійскій отрядъ въ прекрасныхъ новыхъ, очень нарядныхъ мундирахъ, и извѣстную «конвойную сотню». *Cent gardes*, штабъ и этого отряда составляли очень большую и видную массу, плотно занимавшую цѣлыя сотни футовъ по фронту и въ глубину; если бы такая масса людей дѣйствительно подвѣзжала хоть близко къ такимъ пунктамъ, гдѣ шло сраженіе, то нѣтъ никакой человѣческой возможности, чтобы многіе изъ нея не были ранены и убиты. Но изъ всего этого подчища никто не былъ убитъ,—никто даже не былъ и раненъ,—кромѣ одного солдата изъ конвойной сотни, о которомъ Монитеръ утверждаетъ, будто бы у него дѣйствительно была оцарапана пулею кожа,—это Монитеръ говоритъ въ опроверженіе слуха, что раненый не былъ и оцарапанъ, а только мундиръ его былъ въ одномъ мѣстѣ порванъ,—порванъ, быть можетъ, и дѣйствительно пулею. При такомъ обстоятельствѣ какъ же могла Франція повѣрить словамъ хвалителей? Возможно ли было, чтобы огромный отрядъ людей—и притомъ же конныхъ людей, двигался весь день подъ убійственнымъ огнемъ и остался до такой степени неприкосновененъ для пуль и ядеръ? Но Монитеръ не смутился этимъ затрудненіемъ: онъ призвалъ на помощь себѣ небесное провидѣніе, и объявилъ, что «покровъ Божественный», охраняющій императора Наполеона, «распростеръ щитъ и на его свиту»: *la protection dont Dieu l'a couvert s'est étendue à son état major*. *Moniteur*, 29 іюня 1859.—Парижъ хохоталъ; потому уныніишіе изъ империалистовъ разсудили, что вопросъ о томъ, какъ держалъ себя ихъ государь при Сольферино—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ лучше всего молчать.

Предназначенно распускаемая ложъ часто порождаетъ мнѣніе, такое же невѣрное, но прямо противоположное тому, въ которомъ хотѣли увѣрить. Я долженъ предостеречь и противъ этого. Какъ при Сольферино, такъ и при Маджентѣ, прежде того въ Страсбургѣ и Булони, и теперь во время декабрьскаго кризиса, Луи Бонапарте растерялся, уналъ дуломъ; но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ его трусость не должно считать ничѣмъ, кромѣ той потери присутствія духа, которой подвергается въ опасныя минуты большинство обыкновенныхъ людей невоеннаго званія. Но должно сказать, что во всѣхъ этихъ пяти случаяхъ, онъ самъ же вздумалъ ставить себя въ положенія, требующія мужества,—хотѣлъ разыграть роль героя, несогласную съ его темпераментомъ. Она была для него невозможна: мало того, что онъ, подобно большинству обыкновенныхъ людей, совершенно терялъ способность соображать и дѣйствовать, когда видѣлъ передъ собою опасность,—кромѣ того, онъ не могъ и скрывать этой потери всякой бодрости: его лицо, его взглядъ выдавали его. Когда онъ встревоженъ, то, быть можетъ, по какому нибудь болѣзненному физическому недостатку въ сердцѣ или артеріальной системѣ, лицо его мертвѣетъ, зеленѣетъ. Если бы блѣдность и зеленѣя онъ сохранялъ присутствіе духа, блѣдность бы только свѣдѣтельствовала бы силу его характера, побуждающаго физическую слабость; но когда душа дрожитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, человѣкъ не годится въ распорядители опасныхъ дѣлъ, и наводитъ уныніе, трусость на тѣхъ, которымъ долженъ давать приказанія. Натурально, что трусость президента

должна была убивать бодрость и въ его помощникахъ. А мы знаемъ много фактовъ, показывающихъ, что съ ночи 1 декабря до вечера 4 декабря президентъ дѣйствительно очень боялся за себя и не зналъ, что ему дѣлать. У него былъ давно обдуманнѣйшій планъ выборовъ; 2 декабря онъ обнародовалъ его какъ законъ, а 3 декабря отыгнулъ, уступая предполагаемому имъ недовольству парижанъ этими правилами. Онъ ежеминутно заботился о томъ, чтобы подлѣ него былъ сильный кавалерійскій корпусъ, — чтобы служить ему конвоемъ, когда вздумается ему, что пора бѣжать; почти все время кризиса стояли на дворѣ элизейскаго дворца экипажи и верховыя лошади для его бѣгства. Въ это же время онъ прибѣгъ и къ отчаянному средству — обнародовать фальшивый списокъ членовъ совѣщательной коммисіи. Но всего лучше можно судить о состояніи его даже по той позатурѣ, въ какой застаешь его исторія, когда ловить его при попыткѣ приобрести милость солдатъ.

Когда человѣкъ не храбраго десятка видитъ себя въ опасности, видитъ свою жизнь зависящею отъ каприза солдатъ, — онъ по инстинктивному движенію хватается всѣ деньги, какія есть у него, и отдаетъ ихъ солдатамъ, съ увѣреніями, что любятъ ихъ и благоговѣютъ передъ ними. Точно такъ поступилъ и Луи-Бонапарте. Эту вещь нельзя было утаить, и его историкъ, Гранье де-Кассаньякъ, разсудилъ, что ужъ все-таки лучше всего будетъ, если разсказать ее величественнымъ слономъ классической древности, — назвать солдатъ побѣдителями эффектнаго греческаго слова, а французскія 5-франковыя монеты назвать «оболами». — «У президента оставалось, изъ всего фамильнаго его богатства, полученнаго по наслѣдству, 50.000 франковъ. Онъ зналъ, что въ пѣботорыхъ случаяхъ прежнихъ смутъ войско поддавалось инсургентамъ не столько потому, что было побѣждено, сколько потому, что было изнурено отъ голода. Потому онъ взялъ всѣ деньги, какія оставались у него изъ прежняго богатства, — всѣ, до послѣдняго 5-франковика и поручилъ полковнику Флери идти и раздать солдатамъ, побѣдителямъ демагогівъ, — раздать имъ по-ротно, повзводно, этотъ его послѣдній оболъ». Президентъ, въ одномъ изъ своихъ прежнихъ воззваній къ парижской арміи, говорилъ, что не скажетъ солдатамъ «посылаю васъ впередъ», — а станетъ самъ впереди ихъ и скажетъ: «слѣдуйте за мною». Едва ли пристойно было обращаться съ пустыми актерскими словами подобнаго рода къ настоящимъ солдатамъ; а во всякомъ случаѣ, президентъ не имѣлъ обязанности исполнять ихъ; потому что на улицахъ Парижа едва ли могла когда нибудь произойти такая бѣгства, чтобы латератору, хотя бы онъ и былъ президентомъ, нужно было съ аффектаціею становиться впереди солдатъ, закаленныхъ въ войнѣ; но все-таки между хвастовствомъ президента и характеромъ, какой выказалъ онъ на дѣлѣ, такая разнища, что нельзя не усмѣхнуться при встрѣчѣ съ нимъ. Президентъ клялся, что поведетъ солдатъ на врага, а вмѣсто того высылалъ имъ денегъ. Но всей вѣроятности, такая измѣна не была огорчительна для солдатъ; и я усомниваюсь объ этой взяткѣ, которою подкупалъ онъ людей, пугавшихъ его своимъ оружіемъ, только потому, что она выказываетъ намъ въ какомъ настроеніи духа находился онъ и тѣмъ открываетъ причину убійствъ 4 декабря.

Другой ключъ къ той же тайнѣ мы находимъ въ декретѣ 5 декабря, которымъ президентъ постановилъ, что сраженія съ внутренними врагами, инсургентами, должны считаться въ такую же честь и давать такія же награды войскамъ, какъ битвы съ иноземными непріятелями. Правда, этотъ декретъ былъ изданъ не до убійствъ, а уже послѣ нихъ; но настроеніе духа, въ какомъ человѣкъ встрѣчаетъ опасность отгадывать изъ того, что онъ дѣлаетъ въ первое время по минованіи опаснѣйшей минуты. Находя, что глава гордой и могущественной націи былъ способенъ подписать 5 декабря такой декретъ, мы можемъ составить себѣ пѣкоторое понятіе о томъ, каковы были его ощущенія наканунѣ по утру, когда агонія ужаса еще не смѣнялась непрістойнымъ восхищеніемъ о минованіи бѣды.

Въ то время, какъ принцъ Луи-Бонапарте чуть не клялся въ поги солдатъ, его дядя Геронимъ находился въ такомъ трепетѣ, что не способенъ былъ сдерживаться и напечаталъ письмо, въ которомъ обнаруживалъ свою трусость и даже выказывалъ намѣреніе отступить отъ племянника. Онъ говорилъ, — и быть можетъ говорилъ вправду, — что хотя подвергалъ себя опасности, сопровождая президента въ

его поѣздкѣ по улицамъ 2 декабря, но не виновенъ въ заговорѣ и былъ чуждъ умысловъ элизейскаго дворца (это письмо было отправлено въ печать вечеромъ 4 декабря, когда Иеронимъ еще не зналъ, что возстаніе уже почти подавлено). Сыны Иеронима, Пьеръ, дѣйствительно порицалъ, какъ увѣряютъ, дѣйствія президента, и порицалъ сильно; потому, натурально было ему не желать класть голову на плаху или подвергаться какимъ-нибудь бѣдамъ изъ-за того только, что онъ двоюродный братъ принцу Луи-Бонапарте. Всякій, и самый храбрый человѣкъ, всегда будетъ принимать мѣры противъ того, чтобы его не казнили по ошибкѣ, и нельзя осуждать принца Пьера Наполеона за то, что онъ отдѣлялъ свою судьбу отъ опасной судьбы элизейской компаніи, въ умыслахъ которой не участвовалъ. Такъ; но видя, что даже его родственники отрезаются отъ него, президентъ долженъ былъ еще болѣе трусить и наводить трусость на своихъ сообщниковъ.

Мона, или де Мона, былъ человѣкъ крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія, съ румяными щеками; но бываетъ, что обширное и прочное вмѣстилище не вмѣщаетъ въ себѣ крѣпкаго духа, и само не выдерживаетъ опасности. Говорятъ, что цвѣтущее здоровье измѣнило господину Мона въ критическое время отъ ночи 2-го декабря до вечера 4-го декабря: онъ имѣлъ несчастье страдать немощью во весь этотъ періодъ страха.

Надобно также повторить, что 4 декабря парижская армія была удерживаема въ бездѣйствіи всю большую лучшую для дѣйствія часть дня отъ утра до 2 часовъ пополудни.

Есть и другіе факты, показывающіе, что элизейская братія въ это время трепетала того, что уже надѣлала, трепетала и того, что приходилось ей дѣлать. Очевидное дѣло, что Маньянъ и двадцать генераловъ, обвинявшихся 27 ноября, видѣли теперь себя запутавшимися въ такую опасность, какой не предполагали: одиночество, въ которомъ покинуть былъ президентъ, пренебрегаемый всѣми людьми съ хорошею репутаціею и почтеннымъ положеніемъ въ обществѣ, это одиночество и пренебреженіе показывало всѣмъ помогавшимъ ему генераламъ, что непроницаемая по ихъ прежнему мнѣнію броня «письменное приказаніе военнаго министра» — стала очень плохимъ прикрытіемъ ихъ тѣлу.

Французы расположены думать и дѣйствовать гуртомъ; въ ихъ арміи нѣтъ между солдатами и офицерами той разницы по общественному положенію, которая въ англійской арміи считается лучшею преградой распространенію паническаго страха и другихъ опрометчивыхъ увлеченій. Во французской арміи порывъ отваги или ужаса часто пробѣгаетъ какъ электрическій ударъ по всему войску, овладѣваетъ всею массою и солдатъ, и офицеровъ, и генераловъ. Чаше всего, порывъ начинается снизу, отъ рядовыхъ солдатъ распространяется на командировъ. Тутъ было наоборотъ: онъ шелъ отъ главныхъ командировъ черезъ офицеровъ на солдатъ. Шесть часовъ войско стояло и стояло въ строю, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ баррикады, — и все не атаковало ихъ, — оно все ждало и все не получало приказанія атаковать ихъ. Ясно было, что правительство колеблется, а генералы понимали, что даже недолгое колебаніе въ такое время — и признакъ, и причина опасности; когда же они увидѣли, что въ колебаніи проведена уже большая часть дня, они не могли не понять, что элизейскій заговоръ проваливается оттого, что не нашелъ себѣ поддержки, и не могли не знать, что если онъ провалится, то судьба ихъ будетъ очень дурна.

По своему темпераменту, французы болѣе способны выдерживать долгіе часы въ битвѣ, чѣмъ въ бездѣйственномъ ожиданіи подобнаго рода, тяжело дѣйствующемъ на нервы. А смущающее ожиданіе опасной борьбы когда длится много времени, легко перерождается у нихъ въ ту форму разстройства мыслей, которая внушаетъ человѣку свирѣбость; 4 декабря войско было подвергнуто такому раздражающему тяготѣнію страха. А у Маньяна и командовавшихъ подъ его начальствомъ генераловъ мучительность ожиданія опасной битвы въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ третей дня усиливалося ожиданіемъ страшной отвѣтственности передъ закономъ: они сознавали, что элизейскій заговоръ рухнетъ, они же будутъ преданы суду за свое совѣщаніе 27 ноября. Кто сообразитъ ощущенія этихъ двадцати одного генерала и сколько нибудь знаетъ французскую армію, у того яв-

ственно зазвенять въ ушахъ рѣзкія восклицанія, скрежетъ зубовъ и ругательства, какія слышатся отъ раздраженнаго французскаго генерала. Но если генералы, — противъ обыкновенія французскихъ генераловъ, и молчали, то ихъ лица и жесты, выражавшіе ужасъ, не могли не быть быстро поняты зоркими французскими солдатами и офицерами. Офицеры и солдаты не могли съ точностью опредѣлять, чѣмъ именно смущены и раздражены генералы, — но такая неизвѣстность только увеличивала тревогу, заражавшую этихъ наблюдателей. А мы знаемъ, что были даны инструкціи, приказывавшія войску безпощадно убивать всѣхъ, кто будетъ противиться или мѣшать ему; въ нихъ конечно не говорилось, что надобно или позволительно убивать мирныхъ зрителей, не мѣшающихъ войску; но онѣ своею свирѣлостью дѣйствовали на умы солдатъ такъ, что подъ влияніемъ ихъ всякое опасеніе должно было принять въ солдатахъ свирѣлый характеръ.

Но всему этому я понимаю ходъ дѣла такъ: натуральный и очень основательный трепетъ президента и нѣкоторыхъ его сообщниковъ за свою судьбу обратился въ яростную тревогу, перешедши отъ нихъ на генераловъ, отъ генераловъ этотъ ожесточающій страхъ за себя спускался все ниже и ниже въ войско и охватилъ солдатъ съ такою одуряющею силою, что они, не дожидаясь команды, вдругъ повернулись фронтомъ къ безоружной толпѣ и стали стрѣлять.

Если принять такое объясненіе, то надобно будетъ бросить теорію, приписывающую принцу Луи-Бонапарте злодѣйское умышленное устроеніе убійствъ на бульварахъ для наведенія страха на Парижъ и для подавленія оппозиціи; но хоть и можно будетъ въ такомъ случаѣ сказать, что онъ не давалъ точныхъ и подробныхъ приказаній о томъ, что надобно убивать мирную толпу, все-таки нельзя отвергнуть того, что убійство это было произведено пачъ съ Морай, Мона и Сентъ-Арно, при соучастіи и одобреніи Флери и Персиньи. Эта компанія придумала и совершила дѣло 2 декабря: она же, для поддержки своего ночного дѣла, поставила армію на парижскихъ улицахъ; она своими внушеніями направила мысли солдатъ къ убиванію парижанъ; наконецъ, по ея колебанію и колебанію Маньяна, бывшаго ея орудіемъ, армія, поставленная въ виду баррикадъ, была удерживаема въ бездѣйственномъ ожиданіи до того, что генералы заразились въ измѣненной формѣ ужасомъ, сообщавшіяся имъ изъ элизейскаго дворца, отъ генераловъ онъ сообщился солдатамъ въ видѣ свирѣпаго паническаго одурѣнія, бывшаго непосредственною причиною убійства. Я долженъ также просить не забывать, что сомнѣніе, которое я стараюсь разъяснить, относится только къ убійству мирной толпы на бульварѣ. — То, что убиваніе плѣнныхъ, взятыхъ въ баррикадированныхъ кварталахъ, было дѣломъ предумышленнымъ, исполнявшимся вслѣдствіе точныхъ приказаній изъ элизейскаго дворца, — это положительный фактъ, о которомъ невозможно спорить. Надобно прибавить и то, люди, руки которыхъ облились кровью этихъ убійствъ, взяли и добычу, приобретенную убійствами. Сентъ-Арно уже нѣтъ въ живыхъ. Но Луи-Наполеонъ Бонапарте, Морай, Флери, Мона, Маньянъ, Персиньи — эти господа всѣ еще живы и въ ихъ шкатулкахъ продолжаютъ накапливаться деньги, собираемыя съ французской націи.

Вещь извѣстная, что самые напрактиковавшіеся игроки иногда утомляются своими продолжительными усиліями впередъ разсчитывать шансы игры, и тогда, въ своей взволнованной неизвѣстности будущаго, охотно принимаютъ даваемый на авось совѣтъ гораздо менѣе опытнаго, но твердаго духомъ молодого сотоварища, — и когда этотъ горячій юноша, смѣло восклицая: «счастье повинуется моей волѣ», говоритъ: «ставь вотъ эту карту», — выхватываетъ карты изъ опытнѣйшей руки и самъ бодро становится на мѣсто изнуреннаго разсчетами и мнительностью, блѣдный старый игрокъ покоряется силѣ крѣпкихъ нервовъ юноши, — и если юноша выигрываетъ, старикъ прощается благодарностью къ нему за удачу страшнаго риска, въ который былъ введенъ имъ. — Полковникъ Флери велъ впередъ элизейскихъ своихъ сотоварищей, властвовалъ надъ ними въ періодъ кризиса пламенностью и твердостью своего характера, и колеблющіеся подчинялись его руководству. Прибавляютъ, что не разъ ему приходилось не ограничиваться убѣжденіями, приходилось прибѣгать къ угрозамъ, силою вынуждать остальныхъ идти по его указанію; было ли это, или довольно было и мягкихъ средствъ убѣжденія, но положительный фактъ то, что онъ заслужилъ ихъ

благодарность, приказывая имъ продолжать и продолжать игру,—онъ сорвалъ банкъ и выигралъ имъ—Францію. Они поступили круто съ выигранною въ банкъ страню: отняли у нея свободу, запустили лапы въ ея кошелекъ, стали обогащаться ея богатствомъ. Они возсѣли съ царями и повелителями, предъ лицомъ всей Европы насиловали ее, какъ угодно было ихъ душѣ. Ненавистники свободы и недоброжелатели Франціи во всѣхъ странахъ Европы увеселялись этимъ зрѣлищемъ!

Таковы были дѣла, совершенныя принцемъ Луи Бонапарте. То, что клятвою обязался онъ сдѣлать, извѣстно всѣмъ,—онъ публично далъ эту клятву 20 декабря 1848 года.—онъ стоялъ въ Национальномъ собраніи, поднимъ руку къ нему, и произносилъ слова президентской присяги: «Предъ лицомъ Бога и предъ французскимъ народомъ, въ собраніи его представителей, клянусь оставаться вѣрнѣ единой и нераздѣльной демократической республикѣ и исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя на меня конституціею». Онъ далъ эту присягу, какъ правитель: какъ частный человекъ, онъ поручился за ея исполненіе своею личною честию въ тѣхъ словахъ, которыми добровольно дополнилъ ее тутъ же: по запискѣ, обдуманно написанной, онъ прочелъ собранію: «Воля націи и присяга, данная теперь мною, опредѣляютъ мои обязанности. Онѣ ясны; я буду исполнять ихъ, какъ честный человекъ. Я буду считать врагомъ Франціи всякаго, кто захотѣлъ бы незаконными средствами измѣнить учрежденія, которыя установила для себя Франція».

Въ Европѣ были тогда сотни тысячъ мужчанъ и миллионы женщинъ, искренно убѣжденныхъ, что опредѣлить границу, раздѣляющую доброе отъ злого—дѣло духовенства, что дѣло хорошо, если духовенство благословляетъ его. Теперь утромъ, на 30-тый день послѣ 2 декабря, лучи 12.000 восковыхъ свѣчъ пробивались сквозь густой зимній туманъ, вилѣвшій въ воздухѣ, и разливали потускнѣлый свѣтъ свой по громадному пространству церкви, служащей памятникомъ вѣковъ, памятникомъ странно разнохарактерныхъ переворотовъ французской исторіи. Въ этой церкви собрался сонмъ епископовъ, священниковъ и діаконъвъ римскаго отдѣла церкви Христовой. Этотъ сонмъ епископовъ, священниковъ, діаконъвъ, собрался, стоялъ и ждалъ прибытія человека, давашаго присягу 20 декабря 1848 года: имъ, по ихъ мнѣнію, принадлежало право устанавливать отношенія между человекомъ и Богомъ, и человекъ, дававшій тогда ту присягу, благоволилъ теперь увѣдомить ихъ, что вновь явится предъ лицо Божіе, и на этотъ разъ при ихъ содѣйствіи. И вотъ онъ прибылъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ преклоняли колѣна короли Франціи, стоялъ теперь непремѣнный режиссеръ группы, дававшій спектакли въ Страсбургѣ и Булонн, а полтъ него, какъ и слѣдуетъ, Морни, съ пріятностью размышляющій о величавѣ выигранной ставки, и Маньянъ, основательно претендующій теперь на суммы уже гораздо побольше 100.000 франковъ, и Мона, уже исцѣлѣвшій отъ недуга, и Сентъ-Арно, урожденный ле-Руа, и Фіаленъ, принявшій имя Персини, и двигатель всего дѣла Флери, которому, вѣроятно, хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ скучной церемоніи, чтобы заняться кутежомъ на нынѣшніи богатія средства, а пока, во время скучной церемоніи, вѣроятно размышлявшій, съ зѣвотою, о томъ, какъ странно это случилось, что онъ сталъ владыкою судьбы великой націи благодаря своему пламенному пристрастію къ кутежу. Когда духовенство увидѣло, что присягатель и его компаніоны готовы, оно начало обрядъ. Надѣвъ ризы, во всю длину обшитыя знаками креста Господня, и привязъ чрезъ это видъ возвысившихся надъ всякою землею тѣлою и боязнью, епископы и священники пошли къ алтарю, воскурили кадила онміама Господу Богу и колѣпопреклонялись предъ нимъ, и воздвигались отъ колѣпопреклоненія, и снова преклонялись и воздвиглись, наконецъ, и въ слухъ тысячей воспѣли гимнъ славословія, издревле служащій выраженіемъ благодарной хвалы Всесильному Богу за высія милости, оказываемыя его десницею: хвала Богу воспѣвалась теперь въ Notre Dame за то, что совершено было принцемъ Луи Бонапарте въ эти тридцать дней, начиная съ ночи 1-2 декабря. И пропѣвъ «Тебе Бога хвалимъ», епископы и весь сонмъ духовенства возвысили голоса и воскликнули Domine salvum fac Ludovicum Napoleonem, — Боже, да сохраняеши Луи Наполеона».

Что же такое зло, что добро? и кто заслуживаетъ того, чтобы за него моли-

лась вся нація? Если совѣстливые и набожные люди во Франціи, возмущенные декабрьскими дѣяніями, обращались съ этими вопросами къ французской церкви, она имъ дала отвѣтъ въ этотъ день въ кафедральномъ соборѣ столицы.

Въ слѣдующемъ декабрѣ форма государственной системы была приведена въ соотвѣтствіе съ ея сущностью, и президентъ республики сталъ тѣмъ, что называютъ «императоръ французовъ»; онъ благоизволилъ принять титулъ: «Наполеонъ III, милостію Божіею и волею народа, императоръ французовъ».

Когда думаешь о событіяхъ декабря 1851 г., вниманіе естественно влечется сосредоточиваться на людяхъ, которые были дѣятелями въ нихъ, и на другихъ лицахъ, которыя хотѣли дѣйствовать,—конечно не въ томъ духѣ, но не могли, потому что упали въ ямы, выкопанныя для нихъ злоумышленниками. Но все такъ, нельзя же не видѣть, что главный фактъ этого времени—не дѣйствія или судьба отдѣльных лицъ, а покорная уступка массы людямъ, захватившимъ власть. Странно кажется, что въ это критическое время нація, давно уже бывшая свободною и всегда бывшая храброю, бездѣйствовала. Причиною бездѣйствія была ненависть, внушенная ей къ демократамъ. Чистая демократія тогда была выставлена французамъ столь враждебною личной свободѣ, столь опасною и тяжелою, что не только люди, имѣвшіе политическій образъ мыслей, несогласный съ демократами, но и вся масса, вообще не имѣвшаяся въ политическіе споры, была возстановлена противъ демократовъ: поэтому демократическія учрежденія должны были лишиться своей хилой жизни, какъ только будетъ обращено противъ нихъ оружіе солдатъ. Подобные случаи многочисленны въ исторіи. По обыкновенію, солдаты были двигаемы противъ демократическихъ учреждений вождемъ, получившимъ славу въ войнѣ. Теперь примѣръ Франціи доказалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, лицу, распоряжающемуся арміею, не нужно имѣть и военной славы,—довольно имѣть немножко хитрости,—этого уже достаточно: человекъ, до той поры предводительствовавшій только актерами въ поддѣльныхъ мундирахъ, сталъ диктаторомъ, законодателемъ, абсолютнымъ монархомъ. Примѣръ этотъ научаетъ и другой истинѣ. Обыкновенно, переходъ отъ свободы къ деспотизму совершался постепенно; декабрьскіе событія доказали, что онъ можетъ совершиться мгновенно, когда нація, возненавидѣвшая демократическія учрежденія, имѣетъ сильную административную централизацію и большую армію.

Франція потеряла свободу; но мы совершенно ошиблись бы, если бы вообразили, что абсолютная монархія, основанная во Франціи, была похожа на тѣ абсолютныя монархіи, въ которыхъ правительство спокойно за себя, потому что масса управляемой націи расположена довольствоваться этою формою государственнаго устройства. Нѣтъ, во Франціи вся масса порядочныхъ людей отвергнулась отъ новаго правительства, и осталась тверда въ этомъ: она не только не удостоила своимъ содѣйствіемъ компанію, занявшую Тюильри, но презрительно смотрѣла и смотритъ на тѣхъ немногихъ изъ своей среды, которые дали заманить себя въ Тюильри деньгами. Она осталась при своемъ рѣшеніи—ждать удобнаго времени, а въ ожиданіи его не дѣлать ничего несогласнаго съ ея намѣреніемъ подвергнуть элизейскую компанію безпощадной отвѣтственности, какъ только настанетъ возможность. Ясно, какой результатъ долженъ былъ произойти изъ этого положенія вещей. Наполеонъ III стоялъ на краю бездны,—ежеминутно ему угрожала казнь по закону; а между тѣмъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю правительственную силу; инстинктъ самосохраненія, руководящій всякимъ живымъ существомъ, направлялъ его къ тому, чтобы употреблять эту силу,—на устраненіе погибели отъ себя и своихъ сообщниковъ. Ясно, что это должно было сдѣлаться основаніемъ всей его политики, и по внутреннимъ, и по вѣншимъ дѣламъ. Итакъ, съ 2 декабря 1851 г., всѣ дѣйствія французскаго правительства по иностранной политикѣ были направляемы къ тому, чтобы поддерживать престолъ, воздвигнутый г-номъ Мори и его сотоварищами.

Итакъ, если я подробно рассказывалъ переворотъ, происшедшій въ государственномъ устройствѣ Франціи, я только дѣлалъ то, что необходимо для настоящаго предмета моей книги. Возникновеніе англо-французской войны съ Россіею не можетъ быть понятно, если не будемъ подробно знать, въ чемъ состояла сущность иностран-

ной политики новаго французскаго правительства; эта политика была тогда еще незнакома европейскимъ народамъ,—они еще не сообразили, что она безусловно руководить личными необходимостями людей, захватившихъ власть, и мы теперь не могли бы вѣрно понять ея цѣлей, если бы не составили себѣ довольно подробнаго понятія о событіяхъ, посредствомъ которыхъ ходъ европейскихъ дѣлъ сталъ зависѣть отъ надеждъ и опасеній компаніи, состоящей изъ принца Луи Бонапарте, Морни, Флери, Маньяна, Персиньи, Мопа и Сентъ-Арно, урожденнаго ле-Руа.

Почти тотчасъ же послѣ декабрьскаго переворота, результаты его начали отзываться на европейскихъ дѣлахъ. Элизейскіе компаніоны понимали, что имъ удалось поработить Францію и попрасть ея законы только потому, что французскій народъ не желалъ возобновленія смутъ; изъ этого ясно было имъ, что имъ надобно запятаться и занять Францію чѣмънибудь другимъ, кромѣ своей полицейской системы,—иначе ихъ власть упадетъ, какъ только пройдетъ мимолетная боязнь анархін, фантастически запугавшая народъ. По внутреннимъ дѣламъ они стояли въ такомъ положеніи, что не могли дѣлать ничего, кромѣ стѣснительнаго и неблаговиднаго; и такъ, надобно было отвлечь вниманіе Франціи отъ внутреннихъ постыдныхъ дѣлъ шумомъ иностранной политики. Надобно было сдѣлать поднятъ этотъ шумъ, потому что иначе головы элизейскихъ заговорщиковъ слетѣли бы съ плечъ; надобно было имъ быстро наваливать новые факты иностранной политики между собою и своими прежними дѣяніями, чтобы этими новыми предметами закрыться отъ опасности, которою грозило имъ воспоминаніе французовъ о продѣлкѣ 2 декабря и убійствахъ 4 декабря. Колебаться имъ было невозможно. Тутъ дѣло шло не о славѣ, не о честолюбіи,—дѣло шло о спасеніи своихъ головъ. Чтобы принцу Луи Бонапарте, Морни и Флери, Мопа, Сентъ-Арно и Маньяну не быть отведенными въ тюрьму и преданными суду, а продолжать пользоваться своею добычею; имъ необходимо было нарушить тишину въ Европѣ, поднять смуты въ ней. Мѣры къ этому тотчасъ же были приняты. Предлогомъ былъ избранъ восточный вопросъ, ближайшимъ поводомъ къ поднятію тревоги изъ-за этого вопроса—такъ называемое дѣло о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ. Недалеко, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ переворота 2 декабря французскому посланнику въ Константинополь Лавалетту были посланы инструкціи, имѣвшія цѣлью поднять шумъ изъ-за этого дѣла и поссорить Турцію съ Россіею. Въ чемъ же состояло дѣло о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ?

Греческая и Римская церковь пользуются извѣстными правами по заведыванію святыми мѣстами Палестинскими; иногда между духовенствомъ бывали споры изъ-за этихъ правъ; но въ концѣ 1851 года, ничего такого не было; въ Палестинѣ давно существовалъ миръ между духовенствомъ греческимъ и римскимъ; они не вели споровъ ни о чемъ.

Однако же французское правительство нашло возможность поднять споръ. Въ 1740 года Порта заключила съ Франціею конвенцію, по которой признавала за французскимъ правительствомъ право охранять интересы римской церкви въ Палестинѣ, и обязалась оставить неприкосновенными всѣ права, которыми тогда пользовалось римское духовенство по заведыванію св. мѣстами. Но французское правительство не имѣло существеннаго интереса на-

блюдать за исполненіемъ этой конвенціи: вообще у католиковъ вовсе нѣтъ обычая паломничества къ св. мѣстамъ Палестинскимъ, нѣтъ его и у французовъ. Изъ французовъ посѣщаютъ Іерусалимъ только туристы, какъ посѣщаютъ Египетъ и Константинополь, не для паломничества, а изъ любознательности или для развлечения; и туристы эти очень малочисленны. Потому, конвенція 1740 была забыта и французскимъ и турецкимъ правительствами.

Между тѣмъ, съ 1740 года, могущество Россіи росло. Въ Россіи довольно распространенъ обычай хожденія ко св. мѣстамъ Палестинскимъ; поэтому, русское правительство было отчасти заинтересовано дѣйствовать на пользу греческой церкви въ Палестинѣ, и при удобныхъ обстоятельствахъ склоняло Порту предоставлять греческому духовенству въ Палестинѣ разныя преимущества по завѣдыванію св. мѣстами. Нѣкоторыя изъ новыхъ льготъ противорѣчили забытой конвенціи 1740 года. Но никто объ этомъ не думалъ въ теченіе долгихъ годовъ или десятковъ годовъ,—даже римское духовенство въ Палестинѣ, какъ мы говорили, перестало обижаться новыми правами греческаго, привыкло къ нимъ, и споровъ не было никакихъ.

Эта мирная уступка со стороны римскаго духовенства очень понятна: привилегіи, уступленныя Портою греческому духовенству на счетъ прежнихъ правъ римскаго, относились къ предметамъ очень второстепеннымъ. Важнѣйшее изъ правъ, утраченныхъ римскимъ духовенствомъ, было право имѣть ключъ отъ главной двери церкви Рождества въ Вифлеемѣ,—теперь этотъ ключъ находился у грековъ, католики могли входить въ церковь только боковыми дверями; остальные утраченныя привилегіи имѣли еще гораздо менѣе важности,—напримѣръ, право поставить серебряную звѣзду въ алтарѣ этой церкви. Ясно, что даже при сильномъ взаимномъ соперничествѣ греческое и латинское духовенство не могли серьезно поссориться изъ за такихъ вопросовъ, объ стороны должны были скоро предать ихъ забвенію,—и дѣйствительно, предали. Вспомнимъ, что Вифлеемская церковь Рождества—только одно изъ многихъ европейскихъ мѣстъ поклоненія, далеко не имѣющихъ такой важности, какъ іерусалимская церковь Гроба Господня; что и по завѣдыванію этимъ второстепеннымъ мѣстомъ поклоненія, уступка относилась лишь къ маловажной подробности, чисто формальной. И вотъ такой-то вопросъ, не имѣвшій силы возбудить непріязни даже между духовенствомъ въ Палестинѣ, былъ обращенъ новымъ французскимъ правительствомъ въ средство взволновать Европу.

Французскій посланникъ въ Константинополь, Лавалеттъ, получилъ, какъ мы видѣли, приказаніе напомнить Портѣ забытую конвенцію 1740 года и потребовать восстановленія правъ, гарантированныхъ ею римскому духовенству. Очень скоро онъ получилъ приказаніе угрожать Портѣ вооруженною силою, если его требованіе не будетъ исполнено. Для турецкаго правительства было рѣшительно все равно, которое духовенство будетъ имѣть ключъ отъ той или другой двери Вифлеемской церкви; но ключъ былъ отданъ греческому духовенству по желанію Россіи; возвратитъ его латинскому духовенству, которое до той поры и не претендовало на эту передачу, значило оскорбить русское правительство. Порта была въ затрудненіи, но Лавалеттъ грозилъ флотомъ и пушками; Порта уступила и потою 9 февраля

объщала удовлетворить претензію французскаго правительства. Это общаніе было противно фирманамъ, даннымъ греческому духовенству въ Палестинѣ по желанію русскаго правительства; русскій посланникъ выразилъ неудовольствіе,—и Порты черезъ нѣсколько дней издала въ удовлетвореніе ему фирманъ, подтверждавшій прежніе фирманы о правахъ греческаго духовенства въ Палестинѣ,—то есть, нарушавшій общаніе, уже данное французскому правительству. Отъ этого трусливаго двоедушія дѣло запуталось: французскій посланникъ требовалъ исполненія общанія, данного нотою 9 февраля, русскій посланникъ—исполненія фирмана, изданнаго черезъ нѣсколько дней послѣ того. —Какъ было выпутаться Портѣ изъ затрудненія? — Она въ своемъ желаніи не оскорбить ни то, ни другое правительство, придумало новую хитрость. Для исполненія дѣла на мѣстѣ, она послала въ Іерусалимъ Афиѣ-Бея,—и онъ хотѣлъ уладить непріятность такимъ образомъ: объявилъ на словахъ греческому и римскому духовенству, что сохраняются привилегіи греческаго духовенства, но скрылъ фирманъ и не согласился обнародовать его по требованію представителей Россіи въ Палестинѣ. Потомъ, молча, ключъ отъ главныхъ дверей Вифлеемской церкви былъ отданъ римскому духовенству и дано ему позволеніе поставить серебряную звѣзду въ ея алтарѣ. Такимъ образомъ, на словахъ Порты польстила греческому духовенству въ Палестинѣ, на дѣлѣ исполнила требованія Франціи. Черезъ это, русское правительство было поставлено въ споръ съ Турціею и Франціею, турецкое правительство—въ непріятное положеніе между противоположными требованіями французскаго и русскаго *).

Шли споры между французскимъ и русскимъ правительствами черезъ турецкое; турецкое, запугиваемое французскимъ, постоянно поддавалось ему,—русское правительство постепенно было доведено до сильнаго негодованія, и русскій императоръ приказалъ 5-му корпусу придвинуться къ турецкимъ границамъ, 4-му корпусу быть въ готовности идти также на югъ.

Эти движенія войскъ показались Западной Европѣ довольно опасными,—чтобы понять, въ чемъ она видѣла опасность, надобно ближе познакомиться

*) Если бы мы не видѣли настоящаго мотива, двигавшаго ходомъ событій, мы могли бы вообразить, что во всей бѣдѣ виновато трусливое двоедушіе Порты. Дѣйствительно, эта ошибка Порты много помогла успѣху замысла французскаго правительства. Если бы Порты твердо сказала Лавалетту: «Конвенція была забыта самою Франціею; фирманы новѣе ея; мы не хотимъ ссориться съ Россіею; для насъ все равно какому изъ христіанскихъ духовенствъ владѣть ключами,—ведите переговоры съ Россіею,—на чемъ Вы поладите съ нею, такъ мы и сдѣлаемъ» — если бы Порты отвѣчала въ этомъ духѣ, по всей вѣроятности дѣло изъ-за конвенціи 1740 года было бы брошено Франціею. Такъ; но это не избавляло ни отъ чего ни Порты, ни Россію, ни Европу. Французскому правительству надобно было поднять шумъ изъ-за чего бы то ни было; оно разсудило,—и очень расчетливо, какъ увидимъ ниже, что выгоднѣе всего для него поднять шумъ по такъ называемому восточному вопросу, и поднять его въ такомъ видѣ, чтобы Турція поссорилась съ Россіею. Придиркою къ этому была взята конвенція 1740 года; но если бы Турція своею прямою и честною отдѣлалась отъ этой придирки, нашлись бы другія,—всякая драка между какимъ нибудь русскимъ и какимъ нибудь французскимъ пьяными матросами могла бы послужить такимъ же предлогомъ вынуждать Порты къ дѣйствіямъ, оскорбительнымъ для Россіи.

съ понятіями Западной Европы о чувствахъ русскаго народа и намѣреніяхъ русскаго правительства по такъ называемому „восточному вопросу“. Читатель и безъ помощи длинныхъ примѣчаній можетъ разобрать, насколько правды въ этихъ понятіяхъ, насколько въ нихъ преувеличенія, уже похожаго на пустяки, и насколько совершеннаго вздора. Но все-таки я въ нѣкоторыхъ случаяхъ буду дѣлать оговорки, чтобы видно было зачѣмъ я приложу изложеніе Кинглека: оно кажется мнѣ важно не потому, что я вижу въ немъ совершенно точное изложеніе дѣйствительныхъ стремленій русскаго народа и политики русскаго правительства, а только потому, что не зная этого взгляда Западной Европы на „восточный вопросъ“, нельзя понять, какимъ образомъ успѣло французское правительство надѣлать столько бѣдъ самоі Франціи, Англіи, Турціи, Сардиніи, Австріи, не только Россіи, — нельзя понять и разсчета, по которому именно восточный вопросъ былъ выбранъ французскимъ правительствомъ для поднятія необходимаго ему шума. Итакъ; опять начинаю дѣлать извлеченіе изъ Кинглека.

«Люди, живущіе въ сѣняхъ Россіи, отъ природы расположены чувствовать наклонность захвата, когда слышатъ о болѣе счастливыхъ земляхъ, гдѣ круглый годъ цвѣтутъ розы и сіяетъ теплое солнце» (36). «А съ той поры, какъ русская нація при-

36) Съ чего это взято? Житель Архангельской или Олонецкой губернии не хочетъ переселяться въ Херсонскую или Самарскую, своя родная мѣстность, какова бы ни была, гораздо милѣе ему. Кто въ русскомъ народѣ имѣлъ когда (послѣ—время Святослава, хотѣвшаго, дѣйствительно, переселиться изъ Кіева на Дунай) влеченіе идти изъ предѣловъ Россіи жить дальше на югъ? — Мы завоевывали южныя степи, потому что принуждены были взять ихъ подъ свою власть для обузданія набѣговъ дикихъ татарскихъ ордъ на нашу старую землю. Но это было дѣломъ тяжелой для насъ необходимости, а не слѣдствіемъ несуществовавшаго въ насъ влеченія на югъ. Съ самаго начала русской исторіи русское племя, — когда и насколько шло куда нибудь изъ родной мѣстности, — шло на сѣверо-востокъ, а не на югъ. Причина ясна: у насъ привычки сѣверныхъ жителей; южный климатъ намъ не привыченъ, и съ непривычки, кажется даже хуже нашего, тяжелъ. Въ нашемъ не только простомъ, но и среднемъ классѣ до сихъ поръ остается (напримѣръ) твердое мнѣніе, что Закавказье — страна непріятная и убійственная по климату. Паломники, побывавшіе въ Константинополѣ, съ удовольствіемъ вспоминая дешевизну винограда и другихъ фруктовъ, всегда прибиваютъ, что, однако же, русскому человѣку невозможно жить тамъ: слишкомъ душно, зной изнурителенъ и повергаетъ въ болѣзни. Дѣло не въ томъ, основательно ли мнѣніе русскаго народа о климатѣ южныхъ земель, а въ томъ, что оно именно таково. Но точно также дѣло и не въ томъ, что Западная Европа ошибается, предполагая въ насъ несуществующее въ насъ влеченіе на югъ, а въ томъ, что она предполагаетъ его, и на этомъ строитъ свои соображенія, и по этимъ соображеніямъ готова дѣйствовать въ случаѣ — дѣйствительной или мнимой — надобности. Такъ и случилось на общую бѣду

нашу и цѣлой половины Западной Европы въ 1853—1855. Большая часть международных бѣдъ происходитъ точно такъ же, какъ эта, оттого, что народы слишкомъ мало знаютъ другъ друга.

обрѣла берегъ и гавани на Черномъ морѣ, она принуждена постоянно думать о завладѣніи проливами, ведущими чрезъ средину Турецкой имперіи въ Средиземное море (37).

37) Болѣе или менѣе дальновидные государственные люди на Западѣ и у насъ могли находить, что владѣніе Черноморскимъ берегомъ возбуждаетъ мысль о завладѣніи Босфоромъ и Дарданеллами; но русская нація была столь же чужда этой мысли, какъ итальянцы или греки мысли овладѣть Гибралтаромъ, который относительно ихъ прибрежнаго моря то же самое, что Босфоръ и Дарданеллы относительно Чернаго. Это различіе дальновиднаго желанія однихъ, дальновиднаго опасенія другихъ правителей отъ національнаго стремленія важно сдѣлать здѣсь потому, что ниже мы увидимъ, какая важная и вредная ошибка была сдѣлана англійскою націею изъ-за того, что она, подобно Кинглеку, смѣшивала эти двѣ совершенно разнородныхъ вещи. Русская нація имѣла на Черномъ морѣ только одинъ интересъ—торговый: а для черноморской торговли рѣшительно не нужно владѣніе выводящими въ Средиземное море проливами, какъ ни нужно ни Россіи, ни Пруссіи для ихъ балтійской торговли владѣніе проливами, ведущими изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое. Для торговли нуженъ миръ; при немъ, кто бы ни владѣлъ проливами, торговля идетъ; безъ него, кто бы ни владѣлъ проливами, торговля прекращается. Насколько русскіе интересовались своею черноморскою торговлею, настолько они желали мира съ Турціею.—это очень понятно; но англичане тогда забыли это, и въ этой забывчивости поддались внушеніямъ французскаго правительства, на бѣду себѣ, французамъ и намъ. Мы увидимъ, что ихъ ошибка произошла отъ предположенія, которое повторяетъ здѣсь Кинглекъ,—будто вся русская нація имѣла желаніе овладѣть Босфоромъ и Дарданеллами, и будто это стремленіе было такъ сильно, что русское правительство не могло устоять противъ пламеннаго желанія націи.

Русская аристократія также была проникнута этимъ стремленіемъ. Она издавна любить заниматься дѣлами внѣшней политики, и русское правительство, благопріятствуя этой наклонности, увеличивало число дипломатическихъ занятій. Почти всякій даровитый и просвѣщенный русскій, отправлявшійся путешествовать за границу, получалъ какія нибудь дипломатическія порученія и ѣхалъ съ увѣренностью, что онъ ѣдетъ служить государству (38), что собираніемъ свѣдѣній или другимъ, еще болѣе

38) Удивительное преувеличеніе. Дипломатическая служба конечно считалась у насъ одною изъ почетныхъ,—но военная всегда считалась самою почетною, и на одного человѣка хорошей фамиліи, посвящавшаго себя дипломатіи, навѣрное всегда приходилось у насъ 50 человѣкъ такихъ фамилій, шедшихъ по другимъ отраслямъ гражданской службы безъ всякихъ заботъ объ иностранной политикѣ, и 100 человѣкъ, шедшихъ по военной службѣ—у насъ есть обычай, что если служащему человѣку надобно или хочется съѣздить куда нибудь по своимъ дѣламъ или для развлеченія, онъ старается, для формы, достать какую нибудь командировку,—чтобы не считаться въ

отпуску, чтобы формуляръ не пестрилъ отпусками, чтобы время не пропало для счета службы. Кто имѣеть связи, почти всегда—если хочетъ — получаетъ такое порученіе, отправляясь отдыхать въ свою деревню на лѣто. Командировка состоитъ только въ формѣ, безъ всякаго дѣйствительнаго порученія,—иначе, онъ и не взялъ бы ее. Очень возможно, что многіе, по знакомству, получали такую же формальную командировку и когда ѣзжали отдохнуть въ Парижъ или Баденъ-Баденъ. А западные наблюдатели, не зная нашего обычая, воображали, будто эти туристы дѣйствительно ѣздить съ порученіями и инструкціями, и приписывали важность формѣ, основанной лишь на правилѣ обозначать въ формулярныхъ спискахъ время отпусковъ вычетомъ изъ дѣйствительной службы. Вотъ изъ-за какихъ вещей могутъ иногда возникать недоразумѣнія и подозрѣнія у одной націи противъ другой. Намъ очень легко смѣяться надъ Кинглекомъ и англичанами, читая соображенія, важно излагаемые имъ; но вспомнимъ, что у насъ самихъ точно такія же дикія понятія объ англичанахъ, французахъ, нѣмцахъ. Будемъ менѣе сообразительны и болѣе заботиться о приобрѣтеніи дѣйствительныхъ свѣдѣній,—тогда будетъ спокойнѣе и для насъ и для другихъ. И изъ-за такихъ то вещей погибло болѣе милліона людей, раззорены милліоны людей и въ Англіи, и у насъ, и во Франціи—урокъ хорошій. И масса образованныхъ русскихъ тутъ отличалась не хуже англичанъ своею сообразительностью, какъ увидимъ ниже: если англичане очень умно сообразили, что мы—изверги, враги рода человѣческаго, то и мы, образованные русскіе, сообразили то же самое объ англичанахъ. При такой догадливости можно ли было не пачать англичанамъ и намъ угощать другъ друга ядрами, бомбами, картечью, пулями и палашами, въ удовольствіе г. Морни и г. Персины.

прямымъ содѣйствіемъ. Исполняя порученія, люди эти естественно становились приверженцами политики, болѣе предпримчивой, чѣмъ открытая политика ихъ правительства, и результатомъ этого было, что стремленіе овладѣть землями на югъ отъ Россіи, вложенное самою природою въ русскую націю, было поддерживаемо и развиваемо русскою аристократіею (39).

(39). Безъ сомнѣнія, результатъ долженъ былъ быть таковъ, если было то, что воображаетъ о насъ Кинглекъ, заодно со своими соотечественниками и остальными европейцами; но вѣдь въ томъ то и сила, что не было ничего такого, что они воображали. А изъ этой праздной фантазіи,—подобно многимъ нашимъ фантазіямъ (напримѣръ: англичане—сухіе эгоисты; французы—народъ легкомысленный; нѣмцы—теоретики; испанцы—фанатики, и проч.)—изъ за этой праздной фантазіи вышелъ тотъ результатъ, что пролились рѣки крови и расточены были нашими тогдашними непріятелями и нами двѣ, если не три или не больше тысячи милліоновъ рублей.

Честолюбивое стремленіе правителей (40) и аристократіи усиливалось набожнымъ

(40). Вотъ, уже „правители“ вмѣсто „нація“—Кинглекъ самъ не видитъ, что разсуждаетъ вовсе не о томъ, что выходитъ у него теперь. Но мы увидимъ, что онъ же самъ опять говоритъ потомъ: нѣтъ честолюбіе было

не въ правителяхъ русской націи, а въ ней самой. Эта путаница очень понятна. Фантазія всегда бываетъ сбивчива.

желаніемъ простолюдиновъ. Около 50 миллионъ людей въ Россіи исповѣдуютъ одну вѣру и исповѣдуютъ ее съ горячностью, какая уже давно не существуетъ въ Западной Европѣ (41). Всѣ войны, которыя приходилось вести русскимъ, были войны

(41). Это также любопытная мысль: мы привыкли думать, что въ насъ, въ русскомъ народѣ, гораздо меньше религіознаго фанатизма, чѣмъ въ западныхъ народахъ; справедлива ли такая сравнительная наша оцѣнка, я не знаю; но по всей вѣроятности мы не очень далеки отъ истины, думая, что мы, русскіе, народъ, очень мало расположенный быть нетерпимымъ къ ино-вѣрцамъ. Однако же, Западная Европа думаетъ иначе, — и посмотрите, какими убѣдительными фактами Кинглекъ подкрѣпляетъ мнѣніе о насъ, что въ насъ, русскихъ, еще существуетъ фанатизмъ, какой Западная Европа знала только въ средніе вѣка. Факты его такъ сильны, что если бы рѣчь шла не о насъ самихъ, мы не могли бы не согласиться, что выводъ вполне доказанъ. Это дѣйствительно любопытно. Дѣло извѣстно намъ по непосредственному ежедневному опыту, — и мы видимъ, что выводъ несообразенъ съ дѣйствительностью. Но согласимся же, что Западной Европѣ извинительно было ошибиться въ этомъ вопросѣ, если можно когда нибудь признать извинительность ошибки, несообразной съ здравымъ смысломъ; если же такія ошибки неизвинительны, то продолженіе разсужденій и разсказа Кинглека покажетъ намъ, что и русское общество дѣлало въ это время ошибки, такія же грубыя.

съ иновѣрцами (42); два раза, если не больше, русская національная жизнь совер-

(42). Правда, мы, какъ нація, не вели ни одной національной войны съ православными, послѣ временъ Ярославъ; да и междоусобія кончились уже очень давно; до Іоанна III мы и много дрались между собою, но эти драки были маловажны сравнительно съ войнами противъ другихъ народовъ, европейскихъ и азіатскихъ, которые всѣ были не нашей вѣры; а съ Іоанна III мы исключительно воевали только противъ иновѣрцевъ: даже смуты временъ самозванцевъ казались намъ тогда войною, затѣянною противъ насъ иновѣрцами, для обращенія насъ въ католическую вѣру.

шенно погибавшая, была спасаема воинственною ревностью русскаго духовенства (43).

(43). У всѣхъ русскихъ историковъ написано и доказано это. Въ первый разъ, русская церковь спасла нашу народность при татарскомъ игѣ; во второй разъ, возстановила русское царство, погибавшее при самозванцахъ. Кинглекъ знаетъ русскую исторію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ единодушно представляютъ ее всѣ наши историки, отъ Карамзина до г. Соловьева и даже болѣе новыхъ, чѣмъ г. Соловьевъ.

По этимъ причинамъ, любовь къ отечеству и усердіе къ православію слились у русскихъ въ одно всеобъемлющее чувство, такъ что они не могутъ отдѣлять патріотизма

отъ православія; и хотя они по природѣ народъ добрый и кроткій, но когда дѣло коснется ихъ вѣры, они пылки. Они слышали о невѣрныхъ, сломавшихъ кресты съ церковей Христовыхъ, овладѣвшихъ великимъ городомъ, столицей православія (44) и

(44). То есть Константинополь,—слышали, но далеко не все: большинство русскихъ и до сихъ поръ не знаетъ, что существуетъ на свѣтѣ Константинополь или хоть Царьградъ, имя болѣе знакомое; а изъ меньшинства, слышавшаго имя „Царьградъ“, чуть ли не большая половина едва ли не воображаетъ, что это сказочный городъ, котораго нѣтъ на свѣтѣ. А „столица православія“ русскихъ скорѣе всего—Кіевъ, или Москва. Между этими двумя городами выборъ труденъ; впрочемъ, одни больше уважаютъ Москву, другіе Кіевъ; но никто не поставитъ въ сравненіе съ ними какой-то невѣдомый Царьградъ.

насколько они могли судить, они полагали, что было бы дѣломъ богоугоднымъ, съ дозволенія царя, истребить и искоренить турокъ (45). Но этого мало. Русскіе знали, что

(45). Когда турки воюютъ съ русскими, русскіе дѣйствительно восхищаются, слыша отъ возвращающихся солдатъ разказы о нашихъ побѣдахъ. Всякому народу пріятно слышать о своихъ побѣдахъ надъ врагами, какими бы то ни было. Но насколько русскіе простолюдины имѣютъ понятіе о туркахъ, они воображаютъ ихъ людьми необыкновенно солидной честности, говорятъ: „вотъ, они невѣрные, а въ нихъ больше правды, чѣмъ въ насъ“, выставляютъ ихъ за это другъ другу примѣромъ подражанія и вообще очень уважаютъ. Это извѣстно всякому, слушавшему бесѣды простолюдиновъ или читавшему книжонки, составляющія литературу грамотной части ихъ.

въ турецкихъ владѣніяхъ находятся 14—15 милліоновъ людей, исповѣдующихъ ту же вѣру, какъ русскіе, находящихся въ порабощеніи у мусульманъ, и слышали разказы о страданіяхъ этихъ братьевъ своихъ, — разказы, воишіе объ отищеніи (46). Рус-

(46). Русскіе слыхивали объ этомъ ровно столько же, сколько объ Америкѣ. Образованное общество имѣетъ кое-какое понятіе о сербахъ, болгарахъ, какъ и о чехахъ и лужичанахъ. Но вѣдь Кинглекъ тутъ говоритъ о массѣ простолюдиновъ. Она знаетъ только, что гдѣ то въ земляхъ турецкаго султана есть Аѳонскій монастырь, и что въ немъ живутъ греки, и что этимъ греческимъ монахамъ дана отъ ихъ царя всякая воля.

скій народъ не могъ представить себѣ предпріятія, дѣлающаго болѣе чести ему и его церкви, чѣмъ поднять знамя креста, изгнать невѣрныхъ изъ Европы и соединить съ «святою Русью» обширныя провинціи, въ которыхъ живутъ и страдаютъ его братья (47). Правда, что русскіе поселяне—народъ непредпримчивый, и что очень трудно

(47). Когда уже шла война на Дунаѣ, и въ особенности, когда союзный флотъ явился у Крошштадта, большинство образованнаго русскаго общества,—какъ и всегда бываетъ съ большинствомъ образованнаго общества всякой честной и немалодушной націи въ подобныхъ обстоятельствахъ, прониклось воинственностью; г-жа Павлова, г. А. Майковъ и даже истинный

поэтъ г. Тютчевъ стали писать стихи въ томъ духѣ, какой Кинглекъ предполагаетъ постоянно существовавшимъ въ массѣ русской націи; но эти стихи были не для народа, остались неизвѣстны ему; а публика, тогда хвалившая ихъ, не думала ни о чемъ подобномъ до начала войны, точно такъ же, какъ и сами авторы стиховъ не занимались тогда подобными сочиненіями.

встрѣтить между ними человѣка, который по доброй волѣ пошелъ бы въ крестопосцы,—всякій предпочелъ бы остаться въ своемъ селѣ. Но народъ зналъ, что и въ мирное, и въ военное время одинаково бываютъ рекрутскіе наборы; одинаково берутся подати на содержаніе арміи; потому онъ желалъ въ простотѣ сердца, чтобы ужъ если такъ, то пусть по крайней мѣрѣ армія будетъ обращена на дѣло, казавшееся ему святымъ и правымъ (48). Эти желанія были освящены голосомъ предсказаній: прори-

(48). Нѣтъ, народъ зналъ вовсе не то: онъ зналъ, что въ военное время рекрутскіе наборы бываютъ чаще и въ увеличенномъ размѣрѣ, что села и деревни бѣднѣютъ отъ войны, хотя бы она шла далеко отъ нихъ,—что война всегда бываетъ тяжела мужикамъ, какъ и всѣмъ; поэтому народъ желалъ сохраненія мира,—ниже мы увидимъ, что и русское правительство желало того же. Правительство было огорчено, когда увидѣло, что не можетъ избѣжать войны съ Англіею и Франціею,—оно съ самаго начала видѣло, что турки—не больше, какъ авангардъ союзной арміи; народъ застоналъ, когда услышалъ: „началась война“. Въ чувствахъ, съ которыми смотрѣлъ на войну, народъ былъ согласенъ съ правительствомъ,—разница была только въ нѣкоторыхъ изъ мотивовъ одинаковаго прискорбія и въ способѣ его выраженія.

пачели давно предвозвѣщали, что турецкое царство будетъ сокрушено русоволосыми людьми (49).

(49). Эти предсказанія дѣйствительно приводятся въ книгахъ г. Муравьева, извѣстнаго путешественника ко св. мѣстамъ. Но книги его неизвѣстны народу; духовенство вообще всегда находило ихъ книгами, написанными съ незнаніемъ дѣла, исполненными грубыхъ ошибокъ противъ православія,—ошибокъ, очень натуральныхъ у человѣка, не имѣющаго понятія о предметѣ, за который берется. Это мнѣніе духовенства я могу засвидѣтельствовать, потому что выросъ въ кругу духовенства. Подобныя книги читаются только людьми, которыхъ большинство нашихъ епископовъ и священниковъ считаетъ,—и справедливо,—пустыми людьми, только прикидывающимися за усердныхъ къ церкви, а въ самомъ дѣлѣ безполезнѣйшими для нея изъ всѣхъ ея сыновъ и дочерей. Народъ не имѣетъ ничего общаго съ этою частью публики, состоящею преимущественно изъ праздныхъ вдовыхъ и бездѣтныхъ пожилыхъ барынь и праздныхъ отставныхъ чиновниковъ пожилыхъ лѣтъ. Это классъ, не имѣющій никакого значенія ни въ правительствѣ, ни въ администраціи, ни въ церкви, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національной массѣ.

Но какъ ни сильно было въ своей коллективной силѣ это задушевное желаніе цѣлой націи (50), оно оставалось бы смутно и неопредѣленно, если бы не нашло цѣ-

(50). То есть націи, выдуманной Западною Европою съ тою же основательностью, съ какою нами выдумана легкомысленная французская или без-

душно-разсчитливая англійская нація, какъ честь изобрѣтенія такой французской націи мы раздѣляемъ съ англичанами, нѣмцами и проч.,—такъ англійской націи—съ французами, нѣмцами и проч., такъ честь изобрѣтенія такой русской націи англичане раздѣляютъ съ французами, нѣмцами и проч.

люю себѣ какого нибудь знаменитаго города и символа, на который могли бы устремляться взоры массы. И городъ, и символъ давно были найдены: городъ—это былъ Царьградъ, нѣкогда столица вселенной; символъ—это былъ крестъ, видѣнный имъ на небесахъ—основателемъ Царьграда,—видѣнный имъ на небесахъ, осыненный небесною надписью: «этимъ знаменіемъ ты побѣдишь» (51). Люди, смотрѣвшіе на дѣло

(51). Все это прекрасно; но не дурно также вспомнить, что русскій народъ ровно ничего не зналъ объ этомъ видѣніи Императора, основавшаго Царьградъ; какія мнѣнія имѣлъ онъ о самомъ Царьградѣ,—насколько имѣлъ о немъ какое нибудь мнѣніе,—мы уже говорили.

съ политической точки зрѣнія, видѣли мыслъ Золотой Рогъ, владѣствующій надъ Босфоромъ и Дарданеллами, залогъ богатства и могущества для государства. На горизонтѣ набожной толпы возвышался куполь Св. Софіи (52).

(52). Видъ его на горизонтѣ набожной толпы конечно будетъ еще эффектнѣе, если мы сообразимъ, что она и не слыхивала о существованіи церкви св. Софіи въ Царьградѣ. О св. Софіи писалъ г. Муравьевъ; но его книги написаны съ такимъ мудренымъ краснорѣчіемъ, что народъ ровно ничего не понималъ бы, если бы и читалъ ихъ; а даже и грамотная часть народа не могла познакомиться съ этими книгами,—между прочимъ ужъ и потому, что цѣна имъ была не по карману народу.

Такимъ образомъ, стремленіе набожности придавало силу честолюбію государственныхъ людей. Императоръ Александръ I, когда противился этому стремленію русскаго честолюбія, сознавался, что «онъ единственный человѣкъ въ Россіи, противоборствующій желанію русскихъ воевать съ турками» (53).

(53). Императоръ Александръ I дѣйствительно сказалъ это, и сказалъ справедливо, только слова его относились къ обстоятельствамъ, совершенно не тѣмъ, къ какимъ Кинглокъ по примѣру большинства ораторовъ и публицистовъ Западной Европы вздумалъ примѣнить ихъ, спутавши факты, совершенно разнородные. Геройская борьба грековъ противъ турокъ возбуждала сочувствіе всѣхъ благородныхъ людей въ Европѣ,—и въ Англіи, и во Франціи (вспомнилъ Байрона). Образованные русскіе, узнавъ о ней и о ея благородствѣ изъ европейскихъ книгъ и газетъ, тоже одушевились сочувствіемъ къ подвигамъ и страданіямъ героевъ и героинь, мучениковъ и мученицъ,—и, напримѣръ, даже смиренный Гнѣдичъ, авторъ идилліи „Рыбаки“, написалъ знаменитый гимнъ вождя, зовущаго своихъ соотечественниковъ на войну:

Къ оружію, о греки, къ бою!
Впередъ, за правыхъ Богъ!
И пусть тирановъ кровь рѣкою
Течетъ у вашихъ ногъ!

Безъ всякаго сомнѣнія, императоръ Александръ плакалъ отъ глубокаго сочувствія этому гимну; по всей вѣроятности, и самъ Гнѣдичъ, знаменитый мастеръ читать стихи, читалъ Государю этотъ гимнъ; а положительный фактъ то, что императоръ очень сочувствовалъ грекамъ. Но по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, онъ находилъ, — подобно тогдашнимъ правителямъ всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ державъ, что не должно начинать войны съ Турціею для помощи грекамъ. Онъ боролся тутъ не съ желаніемъ массы русскаго простонародья, которая не слыхивала о Байроцѣ, не читала ни Гнѣдича, ни газетъ, — онъ боролся съ желаніемъ русскаго образованнаго общества, съ просьбами всѣхъ благородныхъ людей Западной Европы, умолявшихъ его вступиться за грековъ, а главное, съ влеченіемъ собственнаго сердца, желавшаго помочь несчастнымъ героямъ. Тутъ нѣтъ ровно ничего, относящагося къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь у Кинглека.

Царь былъ глава церкви. Ему необходимо было исполнять обязанности, возлагаемыя на него этимъ положеніемъ. Религіозное чувство націи было бы опаснымъ образомъ оскорблено, если бы духовенство принуждено было сознаться, что царь не раздѣляетъ набожнаго желанія націи (54). Но каковъ же будетъ результатъ, если осуществится

(54) Это можно уже было бы оставить даже и безъ замѣчаній. Каждый изъ насъ помнитъ, что русское духовенство столько же участвовало въ возбужденіи войны съ Турціею, сколько въ парижскихъ событіяхъ 2 декабря. Но вотъ, попробуйте же скоро переубѣдить людей, набившихъ себѣ голову соображеніями, лежащими на бумагу очень складно, и грѣшащими только однимъ недостаткомъ — незнакомствомъ съ дѣйствительною жизнью русской націи. Но книжныхъ свѣдѣній о ней у Кинглека — очень много. — Вѣроятно, лишь меньшинство изъ русскихъ читателей имѣетъ о своемъ отечествѣ столько историческихъ, статистическихъ, географическихъ знаній, какъ онъ. Прибавимъ: натурально и простительно, что онъ раздѣляетъ грубыя ошибки, издавна повторяемыя въ книгахъ; онъ не жилъ среди насъ. Но странно видѣть русскихъ, которые разсуждаютъ, хоть и не въ такомъ же удивительномъ духѣ, какъ онъ, о жизни своего отечества. Перечитайте то, что писалось у насъ о Крымской войнѣ: большая часть написана также фантастично. Впрочемъ, пора прекратить замѣчанія: читатель уже самъ легко продолжитъ замѣчать ошибки Кинглека по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ встрѣчаться, потому что ошибки эти будутъ лишь повтореніемъ или развитіемъ основныхъ, уже отмѣченныхъ нами.

стремленіе русской націи овладѣть Константинополемъ?—русскіе сами смущались этимъ вопросомъ. Присоединеніе Европейской Турціи къ владѣніямъ царя очевидно влекло за собою распаденіе организма русской имперіи. Явно было, что невозможно было бы управлять Россіею правительству, переселившемуся на Босфоръ; а по самому положенію своему Константинополь необходимо долженъ быть столицею государства, въ составъ котораго входитъ. Потому, если бы онъ сталъ владѣніемъ русскаго императора, то надобно было полагать, что русская правительственная власть перенесется туда, и Царьградъ сдѣлается столицею новаго государства, а не будетъ провинціальнымъ городомъ прежняго русскаго царства. Русскіе государственные люди всегда предвидѣли, что завладѣніе Константинополемъ повело бы къ очень большимъ перемѣнамъ

во всемъ; а, надобно полагать, что это соображеніе подкрѣпляло собою тѣ причины нежелать завоеванія Царьграда, которыя находили они въ матеріальной трудности похода на него, въ упрямой храбрости турокъ, въ неудовольствіи, которое стали бы питать за подобное предпріятіе остальные великія державы. Но все-таки, добыча была такъ заманчива для аристократіи, одушевленной національнымъ честолюбіемъ, и для народа, пламенѣющаго религіознымъ чувствомъ, что русскому царю необходимо казалось дѣлать видъ, будто онъ постоянно думаетъ объ осуществленіи завоевательной мысли, столь драгоцѣнной для націи. Она почла бы его плохимъ ревнителемъ вѣры, если бы нашла, что онъ не хочетъ стараться о возстановленіи креста на поруганной мусульманами церкви Св. Софіи царьградской; онъ охладилъ бы преданность престолу въ лучшихъ своихъ сановникахъ, если бы ничего не дѣлалъ для подготовки завладѣнія Босфоромъ.

Изъ этой разнохарактерности побужденій и соображеній, управлявшихъ русскою политикою, происходилъ тотъ общій результатъ, что въ русскихъ императорахъ была честолюбивая мысль овладѣть Константинополемъ, что она постоянно была жива и бдительна, по временамъ дѣятельна, но всегда — нерѣшительна. Въ началѣ нынѣшняго вѣка Наполеонъ I сказалъ: Россія такъ давно угрожаетъ Константинуполю и не беретъ его, что пора перестать ждать, что она возьметъ его — *la Russie a trop menacé Constantinople sans le prendre*; его слова очень долго оставались истинною, которая уже давно существовала, когда они были произнесены: на цѣлые полвѣка послѣ того, русская политика продолжала соответствовать характеристикѣ, которую онъ далъ ей ими. Царямъ была очевидная надобность въ томъ, чтобы русская нація полагала, что они постоянно подбираются къ овладѣнію Константинополемъ, но побужденія, заставлявшія отложить это дѣло, постоянно перевѣшивали. Мысли русскихъ царей по этому дѣлу были переменныя. Имъ и хотѣлось, и не хотѣлось приниматься за него; эта борьба мыслей заставляла ихъ колебаться. Передъ русскими, они, натурально выставляли честолюбивую сторону своихъ желаній; передъ Европою, тоже натурально, болѣе выставляли расчеты благоразумія, удерживавшіе ихъ отъ завоеванія: эта двойственность, судя по всему, была не слѣдствіемъ желанія обманывать, а слѣдствіемъ нерѣшительности. Завоеваніе Константинополя было проектомъ, исполненіе котораго постоянно отлагалось, но который самъ не былъ вовсе покидаемъ. — Честолюбіе при подобной нерѣшительности получаетъ сильное ободреніе къ дѣйствію, когда устранивается какое нибудь изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ ему; главнымъ препятствіемъ ему было опасеніе, что великія европейскія державы вступятъ въ союзъ противъ Россіи, если она вздумаетъ приводить свою мысль въ исполненіе. Когда такой союзъ кажется невозможнымъ, Россія дѣйствуетъ рѣшительнѣе.

Императоръ Николай былъ правителемъ съ неограниченною властью, человѣкъ настойчиваго характера. Мысли его были очень постоянны: онъ такъ усердно занимался дѣлами, что министры постепенно стали только секретарями, исполнявшими его рѣшенія, и онъ гордился тѣмъ, что самъ ведетъ всѣ важныя дѣла, что въ немъ по одному имени, а дѣйствительно сосредоточивается правительственная власть. Онъ гордился и тѣмъ, что онъ истинно національный царь. Онъ любилъ быть правдивымъ и говорилъ, что по понятіямъ и чести онъ «джентельменъ» — онъ любилъ употреблять это выраженіе и европейскіе дипломаты привыкли полагаться на его слово.

Но его дѣйствія по восточному вопросу съ начала 1853 года показались Европѣ несоотвѣствующими прежнему характеру его политики. Иногда онъ говорилъ съ откровенностью, отнимавшею всякое подозрѣніе у самыхъ недвѣрчивыхъ правителей; потому онъ дѣлалъ совершенно не то, что говорилъ съ такою прямою. Это казалось хитростью; но хитрость эта высказывалась въ вещахъ, не имѣвшихъ обдуманности, въ дѣйствіяхъ неразсчетливыхъ. Такимъ увидѣла его Европа въ 1853 и 1854 годахъ, по дѣлу о восточномъ вопросѣ; но она увидѣла это ужъ поздно, а когда рѣшалось дѣло, въ началѣ 1853 года она считала его такимъ, какимъ привыкла знать: человѣкомъ твердымъ и правдивымъ, человѣкомъ мужественнымъ и гордымъ, который не могъ унизиться до лжи (55).

(55) Читатель увидить, что лжи и не было, что Русскій императоръ и въ 1853—1854 году оставался такимъ же человѣкомъ, какимъ былъ прежде, что дѣло объясняется обстоятельствами, устраняющими всякую надобность предполагать перемѣну въ немъ: онъ только встрѣтилъ своими противниками людей, какихъ еще не бывало между европейскими правителями его времени, — людей, у которыхъ не было никакихъ правилъ и никакихъ убѣжденій и никакихъ цѣлей, кромѣ злонамѣреннаго интриганства. Онъ не понялъ съ перваго раза, что за господа элизейскіе компаніоны, которые захватили власть во Франціи, какъ не поняли тогда этого и англійскіе правители—ни Абердинъ, ни Россель, ни даже Пальмерстонъ, вообразившій, что понялъ ихъ, ни самъ Ратклиффъ Стратфордъ, которымъ безусловно восхищается Кинглекъ: всѣ надѣлали ошибокъ, потому что не догадались съ перваго раза, что имѣютъ противниками (нашъ государь) и товарищами (англичане) людей, у которыхъ только одна цѣль—одинаково обманывать всѣхъ безъ разбора, и одинъ принципъ: безъ всякаго колебанія губить миллионы людей, если можно черезъ это имъ самимъ добыть нѣсколько миллионовъ франковъ. Не понять такихъ людей съ перваго раза—ошибка страшная; но въ ней были виноваты почти всѣ правители и другихъ великихъ державъ, и особенно неизвинительна была она англичанамъ, которыхъ и не щадитъ Кинглекъ: мы увидимъ, что онъ винитъ своихъ соотечественниковъ гораздо больше, чѣмъ русскаго императора.

Императоръ Николай былъ человѣкъ рѣзкаго характера, любилъ заниматься войскомъ и былъ неутомимымъ генералъ-инспекторомъ своей арміи; но онъ не любилъ войны. Онъ не былъ чуждъ стремленіямъ своей націи по турецкому вопросу; но въ тогдашнее время (1852—1853) онъ давно уже не думалъ воевать съ нею. Онъ воевалъ съ нею вскорѣ по своему воцареніи. Но опыты этой войны не понравились ему: она была очень тяжела для войска, сильно страдавшаго отъ болѣзней и недостатка; и хоть у султана еще не было тогда новой арміи послѣ уничтоженія старой янычарской, походъ былъ затруднителенъ для русскихъ. Дибичъ успѣлъ кончить войну блистательнымъ образомъ; но императоръ Николай все-таки увидѣлъ, что завоевать Турцію безъ содѣйствія или одобренія другихъ великихъ державъ—дѣло слишкомъ тяжелое, оставилъ эту мысль, если имѣлъ ее прежде.—Но онъ зналъ, что гордость его націи будетъ глубоко оскорблена, если турецкая имперія распадется безъ участія Россіи и безъ выгоды для стремленія русской націи войти въ Константинополь. Потому, видя, что при существующихъ обстоятельствахъ русскіе не могутъ овладѣть Константинополемъ, онъ рѣшилъ, что долженъ, въ ожиданіи выгоднѣйшаго для него времени, охранять турецкую имперію отъ распадѣнія. Болѣе 20 лѣтъ и дѣйствія, и слова его соотвѣтствовали этому принципу, который вовсе и не былъ только маскою. Предполагая, что когда нибудь Турція можетъ достаться въ добычу Россіи, императоръ Николай считалъ полезнымъ сохранять ее въ цѣлости для будущей выгоды Россіи. Въ 1833, онъ спасъ султана и его династію отъ гибели, остановивъ побѣдоносную армію паши египетскаго.—Въ 1840. онъ также показалъ себя вѣрнымъ покровителемъ султана, искренно соединившись съ Англіею и нѣмецкими великими державами для предотвращенія гибели, которою вновь угрожалъ Турціи Мехметъ-Али.

Въ 1844, русскій царь былъ въ Англіи и внимательно всматривался, не найдетъ ли между нашими госуларственными людьми такихъ, которымъ надобно поддерживать существованіе Турецкой имперіи. Онъ откровенно высказался Веллингтону, лорду Абердину и Роберту Пилю. Но,—очевиднымъ образомъ потому, что не нашелъ сочувствія, прекратилъ эти разговоры, сказавъ, что впрочемъ онъ и самъ держится такой же политики, какъ Англія,—охраняетъ существованіе Турціи, и чтобы это увѣреніе дѣйстви-

вало сильнѣе, онъ оставилъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ формальное изложеніе своей системы, въ которой ручался и за Австрію, что она согласна съ нимъ. Наше правительство выразило полное свое согласіе съ тою частью записки царя, въ которой онъ говорилъ, каковы его принципы по турецкому вопросу при существующемъ положеніи дѣлъ; сказало, что согласно и съ очевидною истинною, что въ случаѣ распаденія Турецкой имперіи, очень полезно будетъ, если великія державы будутъ дѣйствовать по соглашенію между собою; но главные люди тогдашняго министерства, — Веллингтонъ, Пиль и Абердинъ, — всѣ трое одинаково прибавили, что не могутъ входить ни въ какія обязательства на случай обстоятельствъ, еще не кажущихся близкими. Вотъ существенное содержаніе записки царя: «Россія и Англія обѣ проникнуты убѣжденіемъ, что общій ихъ интересъ требуетъ, чтобы Турція сохранила свою независимость и нынѣшнія свои владѣнія. Согласно въ этомъ принципъ, Россія и Англія имѣютъ одинаковый интересъ соединять свои усилія для охраненія Турецкой имперіи и для отвращенія всѣхъ опасностей, могущихъ угрожать ея существованію. Поэтому, главная забота ихъ — предоставить Портѣ жить спокойно, не тревожа ее ненужными дипломатическими придирами, и не вмѣшиваясь безъ крайней надобности, въ ея внутреннія дѣла». Объяснивъ, что наклонность Порты притѣснять ея подданныхъ — христіанъ должна быть останавливаема соединенными и дружелюбными увѣщаніями всѣхъ высшихъ державъ, а не одинокими дѣйствіями какой нибудь изъ нихъ, записка продолжаетъ: «Если всѣ великія державы открыто и искренно примутъ это за принципъ своей политики, то онѣ могутъ съ основательностью надѣяться, что сохранять существованіе Турціи. Но они не должны скрывать отъ себя, что она заключаетъ въ себѣ очень много элементовъ распаденія. Притомъ, оно можетъ быть ускорено непредвидѣнными обстоятельствами. При безвѣстности будущаго, можно кажется найти только одну основную мысль, дѣйствительно имѣющую практическое значеніе; она такова: опасность, могущая произойти отъ катастрофы въ Турціи, будетъ много уменьшена, если въ подобномъ случаѣ Россія и Англія успѣютъ дойти до соглашенія о томъ, чтобы дѣйствовать заодно. Это соглашеніе будетъ тѣмъ полезнѣе, что съ нимъ будетъ вполне согласна и Австрія: между ея и Россіею уже существуетъ полное согласіе».

Вообще, судя по всѣмъ дѣйствіямъ царя, можно сказать, что до 1853 года его политика относительно Турціи была выжидательная. Онъ имѣлъ свои планы о томъ, какъ воспользоваться ея распаденіемъ, но не желалъ видѣть этого распаденія прежде, чѣмъ успѣетъ войти въ соглашеніе съ Англіею. Если бы онъ успѣлъ устроить это соглашеніе, онъ бытъ можетъ постарался бы ускорить раздробленіе владѣній султана. Но Англія постоянно отказывалась входить въ обязательства, основанныя на предположеніи катастрофы, которую желала она отворотить; потому русскій императоръ вѣроятно привыкъ къ мысли, что судьба не предназначила Турецкой имперіи пасть при его жизни и что ему не придется управлять ея разрушеніемъ. Поэтому онъ взялъ другую сторону дилеммы, и не только на словахъ, но и на дѣлѣ былъ усерднымъ охранителемъ государства, которое нельзя было ему разрушить. Но натурально было, что принужденный обстоятельствами держаться такой политики, онъ былъ недоволенъ ими, и когда Турція сердила его, онъ нѣсколько поддавался раздраженію противъ нея. Въ такія минуты его дѣйствія колебались между влеченіемъ разрушить ее и основательнымъ рѣшеніемъ его, что ему не слѣдуетъ дѣлать этого; изъ борьбы этихъ двухъ мотивовъ выходило направленіе, которое англійская дипломатія характеризуетъ словами: «стремленіе приобрѣсть господствующее вліяніе на политику Порты, для этого устранить вліяніе всѣхъ другихъ державъ на нее; дѣйствовать такъ, чтобы если не ускорить паденіе Турціи, то хотя мѣшать ея упроченію и подготовить въ будущемъ для Россіи возможность обратитъ въ свою пользу паденіе этого государства. когда обстоятельства будутъ благоприятны такому дѣлу».

Около того же времени, какъ Русскій императоръ былъ разсерженъ торжествомъ французскаго правительства по дѣлу о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ, была у ту-

рокъ война съ черногорцами. Это тревожило Австрію, тѣмъ болѣе, что она знала о сочувствіи русскаго императора черногорцамъ. Чтобы предупредить его вмѣшательство, австрійскій кабинетъ рѣшилъ послать Портѣ безусловное требованіе немедленно вывести войска изъ Черногорья, русскій царь одобрилъ это рѣшеніе; по всей вѣроятности, онъ узналъ его уже только когда Австрія уже рѣшила выразить свое требованіе; но по совѣщанію ли или безъ совѣщанія съ нимъ она сдѣлала такъ, онъ рѣшилъ дѣйствовать за-одно съ нею. Изъ Вѣны отправлялся съ австрійскимъ требованіемъ въ Константинополь графъ Лейнингенъ; императоръ рѣшилъ одновременно съ нимъ отправить и отъ себя чрезвычайнаго посла, съ порученіемъ объявить Портѣ, что отказъ султана вывести войска изъ Черногорья будетъ принятъ Россіею за объявленіе войны ей Турціею и съ порученіемъ потребовать удовлетворенія по дѣлу о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ. Такимъ образомъ, говоря, что вступить въ войну съ Турціею, если требованіе Австріи будетъ отвергнуто, царь долженъ былъ обозрѣть, въ какое положеніе относительно другихъ великихъ державъ станеть Россія въ подобномъ случаѣ.

Больше всѣхъ другихъ державъ была заинтересована тутъ Австрія. Ея правительство постоянно держалось и теперь намѣрено было держаться той системы, что распадѣніе Турецкой имперіи—вредно для Австріи, потому что поставать южную границу ея въ сосѣдство съ русскою. Но она уже послала султану угрозу войною, и ей трудно было выпутаться изъ этой угрозы, еслибы султанъ отвергъ ея требованіе. Императоръ Николай долженъ былъ ждать, что Австрія будетъ его союзницею,—и будетъ именно съ тою цѣлью, чтобы удержать его отъ разрушенія Турціи.

Это было бы стѣснительно для него. Но за то, дѣйствуя въ союзѣ съ Австріею, русскій императоръ могъ быть увѣренъ, что Пруссія не станеть мѣшать войнѣ, участіе Австріи служило бы для Пруссіи и всей Германіи вѣрнымъ ручательствомъ, что интересы нѣмецкой торговли на нижнемъ Дунаѣ будутъ охранены.

Какъ приметъ это дѣло новое французское правительство,—бонапартистское правительство?—это было неизвѣстно. Даже и предположеніе, что оно станеть подражать политикѣ Наполеона перваго, не разъясняло вопроса: Наполеонъ I бывалъ и другомъ, и врагомъ Турціи. Впрочемъ, казалось, что нѣтъ особенныхъ причинъ думать, что новый императоръ французовъ откажется участвовать въ раздробленіи Турціи. А еслибы и отказался, онъ представлялся не страшенъ: русскій императоръ твердо рѣшилъ не ссориться съ Англіею; а безъ Англіи Франція не могла ничего сдѣлать въ странѣ, отдѣленной отъ нея всѣмъ протяженіемъ Средиземнаго моря,—такая война была бы слишкомъ опасна для Франціи: «Если я и Англія согласны (по турецкимъ дѣламъ), говорилъ императоръ,—то, мнѣніе другихъ западныхъ державъ неважно.

Такимъ образомъ, для русскаго императора важенъ былъ только вопросъ объ Англіи. Если онъ успѣетъ согласиться съ нею о томъ, какъ распорядиться кусками Турецкой имперіи, то онъ не будетъ введенъ въ опасность распадѣніемъ этой имперіи, но даже можетъ сдѣлать что нибудь для ускоренія этой катастрофы. Но онъ самъ говорилъ, что знаетъ, что союзъ съ Англіею зависить отъ расположенія не столько правительства Англіи, сколько массы англійской націи,—и онъ заботливо старался узнать ея расположеніе.

Англія издавна была загадкою для континентальныхъ государственныхъ людей и публицистовъ; но въ тогдашнее время,—съ мѣсяца 1851 года, имъ стало казаться, что они разгадали ее. Имъ показалось, что она падаетъ съ своего мѣста въ ряду державъ; и были факты, которые дѣйствительно могли быть поняты въ этомъ смыслѣ поверхностными наблюдателями. Англія уже давно пренебрегала заботою о силѣ своей арміи—иностранны сочли это признакомъ разслабленія націи. Правда, Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты показывали, что народъ можетъ быть воинственъ, хотя не содержитъ многочисленной арміи въ мирное время; но въ Англіи было явленіе, представлявшее націю въ другомъ видѣ. Множество людей честныхъ и уважаемыхъ ораторствовали противъ всякой воинственности. Серьезнымъ ихъ желаніемъ было только—продлить миръ, предостеречь націю отъ бесполезныхъ войнъ; но они въ своемъ

одушевленіи заходили гораздо дальше, и наконецъ составили партію, доказывавшую нелѣпость всякихъ войнъ вообще,—Peace Party, партія, безусловно превозносящая миръ. Былъ третій симптомъ: экзальтированное восхищеніе дивнымъ развитіемъ промышленности и техническихъ наукъ; а въ довершеніе впечатлѣнія, лѣтомъ 1851, англичане обратились ко всѣмъ націямъ съ проповѣдью этого поклоненія промышленности и механикѣ, устроили всесвѣтныи храмъ для него—Хрустальный дворецъ всемирной выставки. Сущность дѣла была практичная и разсудительная: англичане хотѣли дать себѣ и другимъ случай видѣть новыя изобрѣтенія, сравнить разныя издѣлія, устроить большой промышленный митингъ. Но континентальные наблюдатели вздумали приписывать выставкѣ болѣе глубокомысленное значеніе: торжественное отреченіе отъ всякаго господства, основаннаго на силѣ. И точно, въ Англіи говорилось и писалось тогда много горячихъ рѣчей и статей, имѣвшихъ подобный смыслъ. Самимъ англичанамъ показалось бы тогда неправдоподобно предсказаніе, что не дальше, какъ черезъ три года, они будутъ громко требовать войны изъ-за дѣла, далекаго отъ прямыхъ англійскихъ интересовъ; тѣмъ легче было ошибиться иностранцу, и нельзя строго порицать посланниковъ великихъ державъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, если они тогда писали своимъ правительствамъ, что Англія совершенно погрузилась въ занятія, которыя должны мѣшать ей заботиться о внушеніи уваженія къ ея голосу въ европейскихъ политическихъ распряхъ.

Все это привело иностранцевъ къ мнѣнію, что натура англійскаго народа измѣнилась, что отнынѣ онъ будетъ держать себя смирно въ иностранной политикѣ; а въ началѣ 1853 случилось, что первымъ министромъ сталъ человѣкъ, имя котораго казалось ручательствомъ за миролюбіе Англіи,—лордъ Абердинъ. Императоръ Николай услышалъ объ этомъ съ особенной радостью: когда, въ прежнее время, лордъ Абердинъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Англія не согласилась на просьбы Австріи вступить съ нею въ союзъ на защиту Турціи. А между тѣмъ, именно то обстоятельство, что лордъ Абердинъ былъ первымъ министромъ, повело теперь къ войнѣ.

Было и другое обстоятельство, подкрѣплявшее надежду, что возстановленіе династіи Бонапарте поведетъ къ возобновленію хищническихъ плановъ Наполеона I, поэтому не желали разрыва между державами, изъ которыхъ состоялъ великій союзъ, низвергнувшій Наполеона I, и были бы противъ того, чтобы они перессорились лишь изъ-за желанія Англіи продолжать прежнюю ея политику по турецкимъ дѣламъ. Да и сама по себѣ эта политика, хотя была принимаема вождями обѣихъ партій, чередующихся въ управленіи, была одобряема далеко не всѣми въ Англіи: люди, замѣчательные по своему вліянію на публику, не считали противнымъ интересу Англіи то, чтобы она спокойно допустила совершиться изгнанію турокъ изъ Европы. Но всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, русскій императоръ находилъ, что если когда, то именно теперь Англія можетъ допустить его раздробить Турецкую имперію, быть можетъ даже помогать ему въ этомъ.

Представителемъ Англіи при его дворѣ былъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ; еще до своего пріѣзда въ Россію онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ очень уважающій императора Николая и потому былъ принятъ имъ съ удовольствіемъ. Онъ не былъ человѣкъ раболѣпный къ царю,—но изъ депешъ его видно, что онъ находилъ большое удовольствіе, когда русскій самодержецъ бесѣдовалъ съ нимъ. Надобно прибавить, что онъ былъ человѣкъ, умѣвшій понимать смыслъ словъ, съ которыми обращаются къ нему и отвѣчать кстати, умно, такъ, что разговоръ съ нимъ шелъ легко и дѣлялся прямодушнѣе.

9 января 1853, онъ былъ на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны; императоръ подошелъ къ нему и завелъ съ нимъ разговоръ.

«Вы знаете, сказалъ онъ, мои желанія относительно Англіи; то, что я говорилъ вамъ прежде, я повторю и теперь: я всегда желалъ быть въ тѣсной дружбѣ съ Англією, и увѣренъ, что эти мои отношенія къ ней останутся прочны. Повторяю вамъ: важнѣйшая для меня и для англійскаго правительства вещь — то, чтобы мы,—я и оно,—были въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ между собою.

И никогда не было больше надобности въ этомъ, чѣмъ теперь. Прошу васъ передать эти мои слова лорду Джону Росселю (56). Когда мы согласны между собою, я со-

(56) Бывшему тогда министру иностранныхъ дѣлъ.

вершенно не беспокоюсь объ остальной Западной Европѣ,—ни мнѣнія, ни намѣренія ея другихъ державъ, кромѣ вашей, не важны. Турція—это другое дѣло; она въ критическомъ состояніи, и можетъ ввести въ хлопоты всѣхъ насъ. До свиданья».

Императоръ пожалъ руку Сеймуру, думая, что этимъ и кончится разговоръ; но опытный дипломатъ увидѣлъ и тутъ благоприятную минуту для объясненія и уловилъ ее; когда императоръ взялъ его руку чтобы проститься, онъ сказалъ: «Государь, если вы позволите, я желалъ бы быть съ вами очень смѣлъ». «Пожалуйста, будьте; что такое», отвѣчалъ императоръ. «Мнѣ было бы большимъ удовольствіемъ, если бы ваше величество прибавили два-три слова, которыми успокоилась бы тревога изъ-за турецкихъ дѣлъ, возбуждаемая въ нашемъ правительствѣ текущими событіями. Быть можетъ вамъ угодно будетъ прибавить къ вашему порученію мнѣ какое нибудь увѣреніе въ этомъ смыслѣ». Видъ и голосъ императора были добры и ласковы, но показывали, что онъ не имѣлъ намѣренія говорить съ сэромъ Гамильтономъ о демонстраціи, которую думалъ тогда сдѣлать движеніемъ войскъ къ турецкой границѣ. Однако же,—вначалѣ какъ будто неохотно, потомъ воодушевляясь, прямодушно и рѣшительно, онъ сказалъ: «Дѣла Турціи въ большомъ разстройствѣ; кажется, что она распадается; ея паденіе будетъ фактомъ очень непріятнымъ; но необходимо, чтобы Англія и Россія согласились по этому вопросу, и чтобы ни одна изъ нихъ не дѣлала въ немъ ничего важнаго, не увѣдомивъ о томъ другую». Сеймуръ отвѣчалъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поступать такъ; но императоръ, продолжая безъ перерыва, сказалъ: «Да, у насъ на рукахъ больной (57),—очень трудно больной; я говорю вамъ: будетъ очень

(57) Вотъ оно, знаменитое выраженіе „больной“,—„который умереть“—выраженіе, которое твердилось потомъ нѣсколько лѣтъ въ Европѣ; я попробую разобрать его и всѣ эти разговоры съ той точки зрѣнія, которая кажется мнѣ болѣе основательною, чѣмъ тогдашнія, да и нынѣшнія толки.

большимъ несчастіемъ, если онъ,—нынѣ, завтра,—исчезнетъ изъ числа живыхъ,—а въ особенности, если онъ исчезнетъ прежде, чѣмъ успѣютъ быть улажены всѣ необходимыя по этому случаю мѣры. Но теперь не время говорить объ этомъ».

22 января императоръ и англійскій посланникъ опять имѣли разговоръ. «Я засталъ государя одного; онъ принялъ меня очень ласково,—писалъ тогда Сеймуръ,—встрѣтилъ меня словами, что я, какъ ему тогда (9 января) показалось, имѣю желаніе говорить съ нимъ о восточныхъ дѣлахъ; что онъ не имѣетъ причинъ уклоняться отъ такого разговора, но долженъ начать съ времени, довольно отдаленнаго. «Вы знаете, сказалъ онъ, мечты и проекты, которымъ любила предаваться императрица Екатерина (58); они переда-

(58) Императоръ говоритъ объ извѣстномъ планѣ Екатерины II завоевать Константинополь. Она дѣйствительно имѣла такую мысль; но не должно забывать, что когда окончательно очаровалась она этою надеждою, — около 1770 года, если не раньше, отношенія высихъ. державъ были совершенно иныя: Австрія еще была постоянною союзницею Россіи въ войнахъ съ Турціею; тогда можно было надѣяться на устройство такой коалиціи, въ которой всѣ державы, кромѣ Франціи, были бы согласны отдать Россіи Константинополь. Впослѣдствіи, когда границы Россіи раздвинулись на западъ, Германія, Франція, Англія уже получили наклонность поддержи-

вать Турцію какъ орду, связывающую дѣйствія сосѣда, котораго онѣ стали опасаться; нѣтъ никакого сомнѣнія, что планъ завоевать Константинополь сформировался прежде, чѣмъ началось это опасеніе. Правда, что громкую извѣстность получилъ онъ уже послѣ этой перемѣны въ расположеніи Западной Европы къ намъ; но принять онъ былъ гораздо раньше, и Фридрихъ II уже въ 1770 году велъ съ Австріею и Россіею переговоры, основанные на твердой его увѣренности, что Екатерина II желаетъ владѣть Константинополемъ.—Съ той поры, какъ отношенія Россіи къ Западной Европѣ измѣнились,—а они измѣнились въ томъ смыслѣ задолго до второй турецкой войны императрицы Екатерины,—сама Екатерина могла мечтать и вѣроятно мечтала о прежнемъ своемъ планѣ быть владычицею Босфора; но едва ли сама она придавала тогда серьезное практическое значеніе этимъ мечтамъ; могъ увлекаться этимъ планомъ Потемкинъ; но едва ли съ 1775 года завоеваніе Константинополя было серьезнымъ практическимъ стремленіемъ русской политики. Обстоятельства были уже не тѣ. Поэтому, надобно полагать, что императоръ Николай говорилъ и совершенно прямодушно и совершенно вѣрно, выражаясь объ этомъ проектѣ словомъ „мечта“. И въ политикѣ, какъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ, предубѣжденіе долго переживаетъ причину, его породившую, и очень часто овладѣваетъ настроеніемъ большинства только уже тогда, когда эта причина давно исчезла. Подробный разборъ фактовъ, по всей вѣроятности, доказалъ бы, что въ первой половинѣ XIX вѣка Западная Европа напрасно тревожилась тѣмъ, что покойный государь называлъ теперь „мечтою“. Но—это великое несчастіе—русскихъ публицистовъ не было въ первой половинѣ XIX вѣка; да и западные публицисты не имѣли средствъ достаточно познаться съ фактами нашей исторіи. Отъ этого и Россія, и Западная Европа много страдали, не понимая другъ друга: предубѣжденія, по восточному вопросу укоренившіяся въ публикѣ, привели, наконецъ, къ такому прискорбному результату, какъ та напрасная война, о которой рассказываетъ Кинглекъ. Западная Европа не повѣрила и не могла повѣрить императору Николаю, потому что 70 лѣтъ твердила противное его словамъ. А твердила потому, что не имѣла средствъ узнать истину о Россіи заблаговременно. Англійскіе и нѣмецкіе правители увлечены были общею ошибкою обществъ, въ которыхъ жили.

вы преданіемъ и нашему времени. Но наслѣдовалъ громадныя территоріальныя владѣнія, я не наслѣдовалъ этихъ иллюзій,—или этихъ напѣреній, если вамъ угодно такъ называть ихъ. Нѣтъ; мое государство такъ обширно, такъ хорошо обставлено во всѣхъ отношеніяхъ, что неосновательно было бы мнѣ желать увеличенія моихъ владѣній или моего могущества, что напротивъ, я самъ первый скажу вамъ: наша главная, быть можетъ, наша единственная опасность—опасность, которая возникла бы изъ того, если бы увеличилось наше государство, и безъ того уже слишкомъ обширное.

Одно изъ пограничныхъ намъ государствъ—Турція; и при нашемъ пынѣшемъ положеніи, мы должны быть очень довольны такимъ сосѣдствомъ. Прошли времена, когда намъ былъ сколько нибудь грозенъ воинственный фанатизмъ турокъ; а между тѣмъ, эта имперія еще настолько сильна,—или до сихъ поръ была сильна, что могла сохранять свою независимость и пользоваться уваженіемъ отъ другихъ державъ.

«Но въ Турецкой имперіи есть много милліоновъ христіанъ; я долженъ охранять ихъ интересы; и право на то дано мнѣ трактатомъ. Я могу сказать, что пользуюсь этимъ правомъ съ увѣренностью; и охотно признаюсь, что иногда оно имѣетъ значи-

тельные неудобства; но я не могу уклониться отъ исполненія долга, формально лежащаго на мнѣ. Наше русское исповѣданіе принято нами отъ востока, и есть чувства, есть обязанности, которыхъ я не могу забывать.

«Теперь: Турція, находясь въ томъ состояніи, которое я характеризовалъ, постепенно впала въ такое разслабленіе, что при всемъ нашемъ желаніи продлить жизнь больного, какъ я говорилъ вамъ надвяхъ,—и прошу васъ вѣрить, что я не менѣе васъ желаю продленія его жизни,—онъ можетъ вдругъ умереть на нашихъ рукахъ. Мы не въ силахъ воскрешать мертвыхъ: Если Турецкая имперія падетъ, она падетъ безвозвратно. И потому спрашиваю васъ: не лучше ли впередъ обдумать случай, очень вѣроятный, чѣмъ подвергаться хаосу, путаницѣ и неизбѣжной всеобщей войнѣ,—вещамъ, которыя будутъ необходимыми слѣдствіями катастрофы, если она случится неожиданно и прежде, чѣмъ будетъ составлено соглашеніе на этотъ случай.—Вотъ предметъ, на который я прошу васъ обратить вниманіе вашего правительства».

Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ отвѣчалъ объясненіемъ, что англійское правительство вообще имѣетъ правиломъ не принимать на себя обязательствъ по фактамъ, еще не наступившимъ и что англійская нація вѣроятно была бы не расположена къ плану впередъ распорядиться наслѣдствомъ стараго друга и союзника.—«Правило вашего правительства — и вообще всегда хорошо,—возразилъ императоръ, а въ особенности хорошо во времена шаткія, переменчивыя, подобныя нынѣшнему; но все-таки, очень важно и полезно то, чтобы мы поняли друга друга и не дали событіямъ захватить насъ врасплохъ. И вотъ, я желаю сказать вамъ, какъ другъ Англіи и какъ *джентльменъ*: если Англія и я, мы согласимся по этому дѣлу, то мнѣнія и намѣренія остальныхъ державъ не важны для меня,—для меня будетъ все равно, что захотятъ дѣлать и говорить другія державы. И такъ, я прямо скажу вамъ, что если Англія думаетъ нынѣ-завтра взять въ свое владѣніе Константинополь, я не допущу этого. Я не приписываю ей этого намѣренія, но въ подобныхъ случаяхъ лучше договаривать все до конца. Она не хочетъ захватить Константинополь; я точно также расположенъ дать обязательство не входить въ него,—государемъ, не входить; временно занять его моими войсками, это другое дѣло: можетъ случиться, что если все будетъ предоставлено игрѣ случая, если не будетъ сдѣлано предварительнаго соглашенія, то обстоятельства поставятъ меня въ надобность временно занять Константинополь моими войсками».

20 февраля императоръ подошелъ къ сэру Гамильтону на вечеръ у Великой княгини, супруги наслѣдника престола (вынѣшней императрицы) съ самою любезною ласкою отвелъ его въ сторону, со словами, что хочетъ поговорить съ нимъ, и сказалъ: «Если ваше правительство приведено къ убѣжденію, что Турція сохраняетъ какіе нибудь элементы жизни, это значитъ, что ваше правительство получало невѣрныя свѣдѣнія. Повторяю вамъ, что больной умираетъ, и мы никакъ не должны допускать, чтобы такое событіе застигло насъ врасплохъ. Мы должны прійти къ какому нибудь соглашенію».

Сэръ Гамильтонъ почелъ себя въ правѣ заключить изъ этого, что въ мысляхъ царя распаденіе Турецкой имперіи совершенно признаво дѣломъ близкимъ.

На другой день императоръ опять пригласилъ къ себѣ сэра Гамильтона, сталъ доказывать ошибочность такого взгляда англійскаго правительства, что оно хочетъ продолжать смотрѣть на Турцію какъ на державу, которая можетъ остаться и вѣроятно останется въ своемъ прежнемъ видѣ,—и наконецъ, высказалъ свою столь долго умалчивавшуюся мысль, которою надѣялся привлечь Англію въ союзъ съ собою. Быть можетъ не такъ трудно, какъ вообще полагаютъ, прійти къ удовлетворительному соглашенію о распредѣленіи турецкихъ владѣній, въ случаѣ распаденія Турецкой имперіи, сказалъ онъ, и продолжалъ: «Молдавія и Валахія, на фактѣ, уже и теперь независимыя государства, находящіяся подъ моимъ покровительствомъ; это можно бы оставить безъ переменъ: Сербія могла бы получить такую же форму правленія; Булгарія—тоже: я не вижу причинъ, почему бы эта земля не могла стать независимымъ государствомъ. Теперь, о Египтѣ. Я вполне понимаю важность этой страны для Англіи. Потому скажу только: если, въ случаѣ распредѣленія наслѣдства султана, вы возьмете себѣ Египетъ, я не имѣю возраженій противъ этого. Тоже самое могу я сказать о

Канди: этого островъ быть можетъ годится для васъ; и я не вижу причинъ, почему бы не стать ему англійскимъ владѣніемъ».

«Я не желалъ,—писалъ министерству сэръ Гамильтонъ,—чтобы императоръ подумалъ, будто представитель англійскаго правительства соблазнился эгипъ предложеніемъ; потому я отвѣчалъ только, что, сколько мнѣ извѣстно, желанія Англіи относительно Египта не простираются дальше того, чтобы установить прочное и удобное сообщеніе съ Индіею.—«Хорошо»,—сказалъ императоръ:—«дайте вашему правительству случай высказаться вновь по этому дѣлу полнѣе и рѣшительнѣе. Я нѣтъ довѣріе къ англійскому правительству. Я желаю отъ него не обязательства, не формальной конвенціи: я хочу только откровеннаго обмѣна мыслями, и въ случаѣ надобности, попрошу у англійскаго правительства джентельменскаго слова.—этого будетъ достаточно между нами».

Въ отвѣтъ на это, англійское правительство сказало, что не имѣтъ никакой мысли стремиться къ овладѣнію ни Константинополемъ, ни какою другою частью Турецкой имперіи; выразило свое довольство увѣреніемъ царя, что и онъ также чуждъ всякаго подобаго желанія, и въ заключеніе, очень любезно, но совершенно ясно и безусловно, отказалось вступить въ какое бы то ни было тайное соглашеніе съ Россіею для рѣшенія восточнаго вопроса.

Эти переговоры, происходившіе въ январѣ и февралѣ 1853, были ведены между русскимъ императоромъ и англійскимъ правительствомъ на томъ подразумеваемомъ условіи, что должны остаться строгою тайною; и болѣе года дѣйствительно оставались. Ниже мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ тайна была обнародована и какое вліяніе имѣло это открытіе на расположеніе умовъ въ Европѣ и Англіи.

И мы тогда посмотримъ внимательно, въ самомъ ли дѣлѣ эти разговоры имѣли такое сильное вліяніе на ходъ событій, какое обыкновенно приписываютъ имъ; дѣйствительно ли они, или какія нибудь другія вещи возстановили противъ Россіи Европу. А теперь мы займемся не вѣшнимъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, а самымъ ихъ содержаніемъ.

Скажу прямо: и Западная Европа и русская публика находятъ въ нихъ предметы для сильнаго порицанія. Оно кажется мнѣ неосновательно. — Въ мысляхъ, которыя сообщалъ покойный государь Сеймуру, дѣйствительно есть важная ошибка: она состояла въ непониманіи истиннаго характера и положенія новаго французскаго правительства. Покойный государь въ 1853 году сказалъ, какъ говорилъ въ 1844 году: „Если я и Англія согласны, остальные правительства не важны для меня въ этомъ дѣлѣ“. Въ 1844 году это, по всей вѣроятности, было основательно: Франція не имѣла особенной надобности горячиться на дѣйствія Россіи по турецкимъ дѣламъ, когда Англія не находила бы въ этихъ дѣйствіяхъ причинъ для войны. Но теперь было обстоятельство совершенно другого рода. Люди, которые сами по себѣ не были важны, видѣли себя въ такомъ положеніи, что завтра будутъ казнены по законному суду, если нынѣ не надѣлаютъ новыхъ преступленій и бѣды. А когда люди видятъ себя въ такомъ положеніи, они очень способны надѣлать огромныхъ бѣдъ: отчаяніе даетъ и силу, и хитрость, и храбрость. Потому и англійское правительство и русскій государь скоро были впутаны въ бѣды новымъ французскимъ правительствомъ,—и впутаны именно потому, что не предполагали съ какими цѣлями, по какимъ своимъ надобностямъ оно должно дѣйствовать. Не предвидѣть этого была большая ошибка.

Но покойный государь раздѣлялъ со съ огромнымъ большинствомъ правителей и дипломатовъ всѣхъ европейскихъ державъ и въ томъ числѣ Ан-

глии. Порицать его за нее было невозможно; да порицатели сами еще оставались совершенно не замѣчающими ее, запутанными въ ней, когда стали порицать. Осужденіе привязалось къ другимъ сторонамъ разговоровъ. Посмотримъ, основательно ли привязалось.

Западная Европа нашла проектъ покойнаго государя слишкомъ увеличивающимъ могущество Россіи, потому вреднымъ для всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ. Потому вознегодовала. Русская публика тоже нашла, что проектъ необыкновенно расширяетъ могущество Россіи, но изволила усмотрѣть въ своей мудрости, что такія мысли не должны быть высказываемы передъ иностранцами, что подобные проекты слѣдуетъ держать въ секретѣ, потому тоже вознегодовала. Посмотримъ, умно ли поступила Западная Европа и возлюбленная мудрая російская публика. Конечно, я говорю не о всѣхъ людяхъ въ Западной Европѣ и въ русской публикѣ: и тамъ, и у насъ было меньшинство, разсуждавшее, по моему мнѣнію, справедливо; но я говорю про огромное большинство и тамъ, и у насъ. Оно дѣйствительно разсудило такъ, какъ я описалъ,—правильно ли разсудило, я попробую разобрать.

Разсужденія начинались какъ съ факта очевиднаго, съ того, что въ этихъ разговорахъ выражено намѣреніе Россіи овладѣть Константинополемъ и другими частями Европейской Турціи. Это намѣреніе показалось Западной Европѣ очень вреднымъ. Но если бы оно дѣйствительно исполнилось, точно ли принесло бы оно вредъ Западной Европѣ. — Это зависѣло бы отъ того, какъ приняла бы Западная Европа такой фактъ. Если бы она взглянула на него съ разсудительной точки зрѣнія, которую я постараюсь разъяснить, то она осталась бы спокойною, холодною, только сожалѣющею о Россіи зрительницею факта, и дѣло обошлось бы безъ малѣйшаго вреда для Западной Европы, безъ потери одного крейсера или сантима для нея, не только безъ потери одного человѣка,—напротивъ, дѣло послужило въ большую выгоду ея торговлѣ и вообще матеріальному прогрессу: смѣна турецкой власти какою бы то ни было другою,—не только русскою, но хоть бы даже и не лучшею, чѣмъ тогдашняя (и нынѣшняя) французская, все-таки была бы выгодна для развитія международной коммерціи.—Но, безъ всякаго сомнѣнія, у Западной Европы не достало бы благоразумія и расчетливости оставить фактъ завладѣнія развиваться безъ ея вмѣшательства, по его внутреннему закону: она перетрусилась бы, раскричалась бы, вооружилась бы и пошла бы совокупными силами всѣхъ четырехъ великихъ своихъ державъ со всею ихъ свитою воевать противъ русскихъ. (Изъ послѣдующаго хода переговоровъ мы увидимъ, что эта коалиція уже и составлялась). Тогда, конечно, война была бы еще гораздо громаднѣе, продолжительнѣе, гибельнѣе для Европы и Россіи, чѣмъ Дунайско-Крымская. Занявъ такія позиціи, какъ Босфоръ и Дарданеллы, Россія могла бы бороться на крайнемъ югѣ еще несравненно упорнѣе, чѣмъ въ Севастопольской позиціи, гдѣ у нашего войска не было подвоза съ моря, и на многія сотни верстъ сухого пути не было плодородныхъ и населенныхъ областей: тамъ подвозъ по Черному морю былъ бы свободенъ, богатые хлѣбомъ и всякимъ провіантомъ области были бы подъ бокомъ у насъ. Но тогда былъ бы лишь второстепенный, — хотя еще болѣе севастопольскаго убійственный театръ войны: война шла бы по всей западной границѣ; на-

ученныя 1812 годомъ, западно-европейскія арміи не побѣждали бы, сломя голову въ одну кампанію до Москвы, но въ нѣсколько походовъ прочно отѣснили бы русскія войска до Смоленска и Кіева, утвердились бы на всей Днѣпровской линіи. Едва ли бы удержалась за нами и линія Невы. Императоръ Николай даже и не думалъ о возможности подвергать себя и Россію такому страданію,—мы увидимъ ниже, что онъ вовсе не расположенъ былъ къ разрыву со всѣми четырьмя великими державами, дѣйствующими заодно. Онъ именно хотѣлъ предотвратить всякій шансъ подобнаго положенія, когда настойчиво говорилъ Сеймуну: надобно условиться, поладить, чтобы не попасть всѣмъ намъ, противъ нашего желанія, въ общую Европейскую войну.

Но пора ли была говорить объ этомъ? дѣйствительно ли кризисъ по восточному вопросу приближался? — Западная Европа тогда твердила: „нѣтъ“, — мы, русскіе, мало привычныя разсуждать о политикѣ, на половину вѣрили своимъ газетамъ и журналамъ, говорившимъ „да“, на половину—авторитету Западной Европы. Теперь и Западная Европа почти соглашалась, что кризисъ былъ близокъ.

Въ Малой Азіи турки населяютъ внутреннее пространство, между тѣмъ, какъ всѣ три берега (кромѣ небольшой доли сѣвернаго между устьемъ Кызыль-Ирмака и Трапезунтомъ) заняты сплошною каймою греческаго населенія, врѣзывающагося довольно глубоко и внутрь страны по долинамъ рѣкъ Мендересъ-Чая и Сакаріи (*); трудно сказать, каково близкое будущее въ этой странѣ, гдѣ образованнѣйшее меньшинство занимаетъ болѣе выгодную позицію, но турки составляютъ большинство. Судьба Мало-Азіатской части Турецкой имперіи—дѣло, зависящее отъ постороннихъ вмѣшательствъ и случайностей. Но вопросъ о ближайшемъ будущемъ турецкаго племени въ Европѣ—вещь, не подлежащая никакому сомнѣнію: дѣло быстро идетъ къ тому, что съ турками, въ ихъ городахъ-лагеряхъ, Стамбулѣ, Адрианополѣ, и другихъ произойдетъ то же, что въ половинѣ XVI вѣка произошло съ ихъ одноплеменниками въ Казани и Астрахани: сами по себѣ европейскіе турки, какъ наши казанскіе татары, племя очень хорошее, съ которымъ легко могутъ уживаться славяне,—даже водить знакомство и дружбу; но вѣдь невозможная же была вещь, чтобы Поволжье оставалось татарскою землею, когда эта земля стала имѣть больше славянскаго населенія, чѣмъ татарскаго. А Поволжье, съ Казани и ниже, еще и теперь, не только въ XVI вѣкѣ, имѣло бы меньше натуральной невозможности сохранять своихъ прежнихъ хановъ, чѣмъ Европейская Турція. Взгляните на большую этнографическую карту Европы въ томъ же атласѣ: широкое пространство около Казани и на югъ, и на западъ, и на сѣверъ населено татарами. Этотъ широкій выступъ ихъ на оба берега Волги примыкаетъ съ востока къ огромному татарскому пространству; русское население около самой Казани—оазисъ; кругомъ ея также, даже и теперь только оазисы русскихъ. Объ Астрахани и говорить нечего: на сотни верстъ кругомъ сплошная калмыцкая и татарская краска. А въ Европейской Турціи не только нѣтъ этого—нѣтъ даже и той путаницы племенъ, которая затруд-

(*) По картѣ № 8 Этнографическаго отдѣла атласа Берггауза.

няетъ развязку дѣла въ восточной половинѣ собственной Австрійской имперіи, гдѣ славяне перепутаны съ нѣмцами, и въ королевствѣ Венгерскомъ съ его вассальными землями, гдѣ перепутаны съ славянами (и на юго-востокѣ съ румынами) венгры и отчасти нѣмцы. Нѣтъ, въ Европейской Турціи каждое племя плотно, округленно, неразрывною массою занимаетъ сплошь свою землю. На сѣверъ отъ Дуная—одни валахи; на югъ отъ Дуная на западѣ—одни сербы, на востокѣ—одни болгары; южнѣе сербовъ—одни арнауцы, южнѣе болгаръ—одни греки. Всѣ края и грани разлома такъ ясны и чисты, какъ нельзя желать лучше. Турки въ Европѣ чисто то же, что Дештъ-Кыпчакская власть надъ Москвою, Тверью, Рязанью въ началѣ царствованія Іоанна III. Она не можетъ продержаться двухъ лѣтъ безъ охраненія запретительнымъ голосомъ другихъ европейскихъ властей. Въ XVII вѣкѣ было не то: большинство племенъ, подвластныхъ Турціи, столько же заботилось о независимости, сколько теперь заботятся о ней гиндусы въ Остѣ-Индіи. Да и до конца прошлаго вѣка было мало переменъ. Но съ начала, а въ особенности съ 20-тыхъ годовъ нынѣшняго вѣка стало уже совершенно не то, и въ 1848 году было ясно, что безъ австрійскаго и русскаго охраненія султанъ переѣхалъ бы жить въ Эрзерумъ или Брюсселю. Теперь это на время отвращено результатомъ Севастопольской войны; но въ 1851, 1852 еще не было опекунства великихъ державъ надъ Турціею; она могла развалиться и незначай, и разваливалась; уже лѣтъ за десять, пятнадцать до Крымской войны турецкій вопросъ былъ въ дѣйствительности, а съ 1848 даже и оказался для многихъ правителей, въ томъ числѣ для русскихъ, находящимся въ положеніи, очень похожемъ на знаменитый испанскій вопросъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка: императоръ Николай теперь, какъ тогда Людовикъ XIV, чувствовалъ, что не нынѣ-завтра къ нему въ руки повалится держава, склеенная изъ разныхъ кусковъ, что остальная Европа не допуститъ его безъ упорнѣйшей борьбы вступить во владѣніе этимъ богатымъ наслѣдствомъ, такъ что, при всемъ своемъ богатствѣ, оно будетъ для него раззорительно.

Мы знаемъ, на что рѣшался Людовикъ, чтобы отвратить отъ себя это раззореніе: онъ согласился на полюбовную сдѣлку съ державами, которыя иначе должны были стать главными дѣятельницами въ союзѣ противъ него. На эту попытку склонилъ его Вильгельмъ III, величайшій дипломатъ того вѣка и можетъ всей новой исторіи, безусловный распорядитель иностранной политики двухъ державъ изъ числа трехъ, которыя должны были въ случаѣ неудачи сдѣлки составить коалицію противъ Людовика. Благодаря искусству, твердости и безпристрастію Вильгельма III были составлены условія, мирно разрѣшавшія страшный вопросъ.—Въ теченіе полутораго лѣтъ почти всѣ историки находили отвратительными, безнравственными эти условія Вильгельма съ Людовикомъ о раздѣлѣ испанской монархіи. Но они осуждали ихъ потому только, что останавливались на словахъ „раздѣлъ чужихъ владѣній“—„раздробленіе государства“—„тайная конвенція“ и т. д. Наконецъ, Маколей, изъ уваженія къ своему герою, рѣшился выкинуть въ сущность дѣла, не конфузясь неблагозвучія словъ, подъ которыми оно было извѣстно.—Вообще я не очень-то расположенъ соглашаться съ Маколеемъ: почти постоянно онъ бродитъ довольно мелко. Но тутъ любовь къ Вильгельму дала ему силу стать

на точку зрѣнія, дѣйствительно высокую. Прочтите въ изданномъ послѣ его смерти томѣ „Исторіи Англіи“ разборъ вопроса о проэктѣ раздѣла испанской монархіи, составленномъ Вильгельмомъ и принятомъ Людовикомъ,—это очень честныя и хорошія, не только хорошо написанныя страницы. Обдумавъ ихъ, невозможно оставаться въ сомнѣніи: проэктированное рѣшеніе вопроса полюбовною сдѣлкой о раздробленіи испанской монархіи не было дурнымъ дѣломъ.

Сдѣлка эта рушилась. У Людовика не достало ума и твердости устоять противъ соблазна, когда представился удобный случай отступиться отъ нея. Но то, что онъ хоть на время жертвовалъ своею суетностью истинному интересу своей династіи, своей націи и всей Европы,—это одно изъ немногихъ его дѣйствій, смягчающихъ приговоръ исторіи надъ нимъ, какъ правителемъ и человекомъ.

Возьмемъ изъ того же Маколей другой случай. Вильгельмъ хотѣлъ поскорѣе кончить войну съ Людовикомъ, мѣшавшую заняться переговорами о полюбовной сдѣлкѣ по испанскому вопросу. Въ Рейсвейнѣ собрался конгрессъ изъ лучшихъ дипломатовъ того времени. Они толковали, спорили, и у нихъ не выходило ничего путнаго, потому что дѣло было страшно многосложное и запутанное. Маколей довольно мелочно приписываетъ неудачность ихъ занятій только ихъ педантизму и формализму. Тогдашнія дипломатическія формы дѣйствительно были смѣшны и вялы. Но въ сущности, проволочка происходила не отъ нихъ. Вопросы, которые надобно было рѣшить, дѣйствительно были щекотливы и запутаны. Вильгельмъ рѣшилъ пойти на проломъ, повести переговоры съ Людовикомъ и его интимнѣйшими совѣтниками мимо конгресса и толпы дипломатовъ, черезъ—кого же?—у него былъ Портландъ; но кого же взять посредникомъ со стороны Людовика?—Вильгельмъ выбралъ маршала Буффлера, который навѣрное имѣлъ меньше дипломатическаго искусства и меньше свѣдѣній въ политическихъ дѣлахъ, нежели—но только покойный русскій государь, правитель во всякомъ случаѣ солидный, но даже и Людовикъ XIV, правитель пустой, вздорный. Буффлеръ имѣлъ одно качество, которое Вильгельмъ нашелъ уже достаточно обезпечивающимъ способность французскаго маршала къ этому дѣлу: маршалъ былъ человекъ прямодушный, и именно его прямодушіе, по мнѣнію Вильгельма, должно было дать ему силу выискнуть въ сущность дѣла, понять ее очень ясно. И точно, Буффлеръ отлично понималъ сущность дѣла, и благодаря этому обстоятельству, зависѣвшему единственно отъ его прямодушія, дѣло уладилось очень гладко и быстро, съ такою выгодною для Франціи (какъ и Англіи) и для Людовика (какъ и для Вильгельма), какихъ не приобрѣли бы Франція и Людовикъ черезъ Рейсвейнскій конгрессъ. Кто подумаетъ, что Буффлеръ не велъ дѣло своего государя и націи очень хорошо, или что Вильгельмъ неудачно выбралъ Буффлера, не дипломата, для очень важныхъ переговоровъ, тотъ пусть справится у Маколей.

Императоръ Николай въ 1852—1853 годахъ былъ по турецкому вопросу въ такомъ же положеніи, какъ Людовикъ въ 1695—1700 годахъ по испанскому. Онъ самъ рѣшился искать того выхода, который былъ принятъ Людовикомъ только по настоятельнымъ разясненіямъ Вильгельма; уви-

дѣвъ надобность обратиться къ тому крайнему средству для отвращенія войны, которое принялъ Вильгельмъ для прекращенія войны,—къ прямымъ, совершенно прямодушнымъ объясненіямъ, и самъ себя выбралъ для дѣла, для котораго Вильгельмъ выбралъ Буффлера.

Я скажу, что не могу найти тутъ ничего дурного или неразумительнаго. Но, — читатель, покойный государь дѣйствительно сдѣлалъ напрасно то, что сдѣлалъ. Если я не ошибаюсь, почти всѣ русскіе дипломаты находили, что онъ поступаетъ неосновательно. Я не знаю, по какимъ соображеніямъ они думали такъ, — но если по одному, — которое одно заставляеть меня говорить „напрасно онъ дѣлалъ это“, — если по этому соображенію они порицали рѣшительность покойнаго государя, то дѣйствительно они были правы въ своемъ порицаніи. Видите ли, читатель, въ чемъ разница: когда на одной сторонѣ былъ Буффлеръ, на другой былъ Вильгельмъ III, а не Дерби, или Д'Израэли, или лордъ Абердинъ, или лордъ Пальмерстонъ. Дѣло Буффлера не было напрасно потому, что онъ имѣлъ дѣло съ великимъ дипломатомъ, а не съ мелкотравчатымъ мастеромъ, — съ человѣкомъ, способнымъ обнимать мыслью ходъ событій на цѣлыя десятилѣтія, дѣйствовать для прочнаго разрѣшенія великихъ вопросовъ надолго, — а между тогдашними англійскими правителями не было дипломата, подобнаго Вильгельму. Человѣкъ, не имѣющій технической сноровки, можетъ успѣшно вести дѣло только съ такимъ гениальнымъ специалистомъ, который умѣетъ возвышаться надъ мелочною техникою, когда того требуютъ обстоятельства. Великій полководецъ, хоть бы Наполеонъ I, находить, что Карно имѣлъ очень дѣльныя мысли по стратегическимъ планамъ; а обыкновенный порядочный генераль скажетъ: „вздоръ, Карно не умѣетъ командовать ротой; какъ же можно имѣть съ нимъ разсужденіе о военныхъ дѣлахъ? онъ все говоритъ вздоръ“ — такъ и говорили, читатель, французскіе генералы, когда Карно былъ военнымъ министромъ. Да если бы не то, что въ Англіи, а хоть въ какой нибудь изъ великихъ западно-европейскихъ державъ былъ, — не то что въ 1852—1853, а вообще начиная съ 1847 года правитель, котораго можно было бы назвать великимъ, — тогда исторія Западной Европы была бы очень различна отъ той, которую мы съ вами пережили. Отношенія націй и державъ въ 1848 и слѣдующихъ за нимъ годахъ такъ встряхивались, что какая бы изъ великихъ западныхъ державъ ни имѣла гениальнаго правителя, — хоть бы даже слабѣйшая изъ нихъ, Турція, эта держава въ 1848 году взяла бы первенство не то, что надъ каждою изъ остальныхъ, — взяла бы патронатство надъ всѣмъ континентомъ Западной Европы, стала бы въ Западной Европѣ то, что была въ 1807—1811 годахъ Франція въ Рейнскомъ союзѣ или Македонія при Александрѣ Великомъ въ греческомъ мірѣ, — все, все. Кто этого не знаетъ, читатель, тотъ не знаетъ исторію послѣдняго пятнадцатилѣтія, и я не намѣренъ спорить съ такимъ человѣкомъ. А такъ какъ этого не случилось, и ни одна изъ великихъ западныхъ державъ не была возвышена своимъ правительствомъ къ 1852 году на степень могущества, гораздо большаго, чѣмъ какое имѣла въ 1847, то изъ этого и ясно каждому умѣющему понимать исторію, что въ эти годы, 1848—1851, не было ни въ одной изъ нихъ гениальнаго правителя. Подъ этотъ выводъ подходитъ и Англія. Въ тѣ годы

она могла приобрести протекторатъ. — не на словахъ, а на дѣлѣ: 1, надъ Пиривейскимъ полуостровомъ; 2, Италію; 3, Германію; 4, Венгрію; 5, всеми странами, составляющими Европейскую Турцію, и кромѣ этихъ пяти порядочныхъ кусковъ еще надъ нѣсколькими другими, — а ничего такого не произошло, потому я и думаю, что Англія въ это время не имѣла ни одного великаго правителя между своими сильнѣйшими государственными людьми. Но у меня, читатель, есть рьяные литературные противники, которые все сомнѣваются, имѣю ли я понятіе о чемъ нибудь, или круглый невѣжда. И теперь, напримѣръ, они навѣрное думаютъ схватиться за слово „великій правитель“, да и вообразить, что, дескать, онъ все вреть, онъ не знаетъ, что такое великій правитель, — я, пожалуй, и объясню моимъ рьянымъ противникамъ, что не я не имѣю, а они не имѣютъ понятія объ этомъ. Начну съ того, что приведу хоть десять именъ, — и попрошу моихъ рьяныхъ литературныхъ противниковъ сказать, ошибся ли я, ставя какое нибудь имя въ этотъ списокъ геніальныхъ правителей, — начнемъ его хоть со времени Ришльё, и для избѣжанія споровъ изъ за національных нашихъ симпатій или антипатій, русскую исторію оставимъ въ сторонѣ. Вотъ я и скажу: Въ великихъ державахъ Западной Европы въ 1840 — 1860 годахъ не было ни одного такого правителя, какъ Ришльё, Кромвелль, Вильгельмъ III, Помбаль, Питъ старшій, лордъ Клайвъ, Фридрихъ II, Франклинъ, Вашингтонъ. Гошъ. Тутъ, какъ видите, съ именами самыми громкими перемѣшаны имена, мало кѣмъ произносимыя, какъ имена великихъ правителей, — навѣрное, напримѣръ, представится моимъ рьянымъ противникамъ, что меня можно предать поруганію за имя Гоша, о которомъ половина ихъ и не слыхивали, — или за Франклина, или за Клайва, — а пусть попробуютъ, и вы увидите, какое выйдетъ увеселеніе для васъ изъ за этого: вѣдь штука-то въ томъ, что, напримѣръ, Франклинъ, какъ правитель и въ частности дипломатъ, былъ едва ли не выше Ришльё, — а Гошъ навѣрное выше одного французскаго очень знаменитаго человѣка, о которомъ мы тоже будемъ говорить, — кто этотъ французъ, — мы тогда и увидимъ. Но это мимоходомъ, а главное дѣло вотъ въ чемъ: въ десяткѣ именъ, приведенныхъ мною, есть и абсолютисты (Ришльё, Помбаль), и конституціоналисты, и республиканцы, и военные деспоты (Кромвелль, Клайвъ); — есть и такъ называемые консерваторы и такъ называемые революціонеры, — есть и люди, имѣющіе власть самостоятельно (Кромвелль, Вильгельмъ III, Фридрихъ II, въ сущности и Ришльё) и люди, имѣющіе ее только по порученію отъ другихъ, — есть и люди, получившіе власть обыкновеннымъ, правильнымъ путемъ (Ришльё, Помбаль, Питъ, Фридрихъ II) и люди, захватившіе ее путемъ насилія (Кромвелль, Вильгельмъ III), — есть и такіе люди, какъ Вашингтонъ, которыхъ признаютъ чистыми даже ихъ противники, и такіе люди, какъ Клайвъ, которыхъ признаютъ очень грязными даже ихъ панегиристы, — видите, какія разницы, и какія многочисленныя. А серьезные историки, дипломаты, правители говорятъ: все эти разницы между великими правителями, какъ ни громадны сами по себѣ, ничтожны для государственныхъ людей и историковъ сравнительно со сходствомъ между великими правителями по силѣ ума и воли. Возьмемъ, напримѣръ, громадную нравственную разницу между ними отъ Клайва внизу

до — кого вы находите лучшимъ, того и поставьте вверху, — хотите, Гоша, — хотите, Вашингтона, — хотите, Вильгельма, — хотите Фридриха, я пожалуй пропущу всякое имя безъ спора, — а то, пожалуй, чтобы ужъ вовсе не было споровъ, — отъ Клайва до Людовика Святого, дѣйствительно превосходнаго человѣка (и великаго правителя, не смотря на его ребяческій походъ съ арміею, составленною изъ дѣтей, — буквально: дѣтей, маленькихъ мальчиковъ, — противъ мусульманъ). Разница очень большая между Клайвомъ и Людовикомъ Святымъ, какъ людьми; но, — это страшно, читатель, а все-таки правда: гениальный правитель съ дурнымъ сердцемъ хорошъ, какъ правитель. Онъ насилуетъ, грабитъ или обижаетъ немногихъ, съ которыми имѣетъ личныя, частныя дѣла, — но съ націею онъ поступаетъ честно и хорошо, потому что поступать съ нею иначе и ненужно, и глупо, и ему самому вредно. Таковъ мой взглядъ, читатель; правленъ ли онъ, или нѣтъ, вы можете судить, какъ вамъ угодно; но онъ таковъ, — поэтому, если, папримѣръ, я человѣкъ благородной души, я все-таки не могу не признать Клайва хорошимъ правителемъ, хоть гнушаюсь имъ, какъ человѣкомъ; — или, когда я раздѣляю мнѣніе Кинглека, что Мона и Маньянъ плохіе правители, то все-таки раздѣляю не изъ за того, что гнушаюсь ими какъ людьми, а просто только потому, что они плохіе правители. Наоборотъ: если я человѣкъ очень дурной души, я все-таки не могу признать великимъ правителемъ того, который нечестно поступаетъ съ своею націею, — быть можетъ, я восхищаюсь его продѣлками мошенничества и грабежа и насилуванія, когда онъ относится къ его дѣламъ съ отдѣльными лицами, — но когда я вижу, что онъ относится къ націи, я принужденъ находить ихъ неумѣтными и глупыми. Поэтому, читатель, — какой бы души, — хорошей или дурной, — ни былъ я, я признаю великимъ правителемъ ужаснаго злодѣя надъ отдѣльными лицами, Цезаря Борджію и не признаю другого такого же мастера на злодѣйства, Тиберія. Беремъ другую разницу, — разницу по личному расположенію къ той или другой формѣ правленія, — великіе правители выше и этой мѣрки. Кто былъ Вашингтонъ, — главнокомандующій инсургентовъ, президентъ демократической республики; что жъ за человѣкъ былъ онъ по личнымъ своимъ наклонностямъ? — Положительно извѣстно, что онъ былъ аристократъ по личному своему расположенію; — несомнѣнно, хоть на это и нѣтъ такихъ формальныхъ документовъ, какъ о его аристократизмѣ, но все-таки несомнѣнно по тысячамъ неоспоримыхъ доказательствъ, что онъ былъ монархистъ въ душѣ. Если бы могъ онъ быть тѣмъ, чѣмъ лучше всего ему правилось бы, онъ былъ графомъ Моунтъ-Верпономъ, лордомъ Вашингтономъ, президентомъ сѣверо-американскаго совѣта министровъ его величества короля Великобританскаго и сѣверо-американскаго. Кто былъ Помбаль? — министръ португальскаго короля, истреблявшій все, что оставалось сколько нибудь похожаго на конституціонныя ограниченія. Кто онъ былъ въ душѣ? — безъ всякаго сомнѣнія, республиканецъ, одной породы съ Дантономъ, или еще ближайшее родство, родной братъ Катону, убившему себя, чтобы не видѣть вѣнца на головѣ цезаря, — это покажется странно, читатель, тому, кто не вникалъ въ характеръ Помбаля; кто вникнетъ, не усомнится въ томъ. Кто былъ Вильгельмъ III? — президентъ республики семи соединенныхъ провинцій и конституціонный король Англіи; вотъ уже порядочная разно-

шерстность; но она еще очень одноцвѣтна передъ тою третьею разностью, что онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ абсолютистъ въ душѣ, желалъ бы быть такимъ неограниченнымъ самодержцемъ, что подобнаго самодержца и во снѣ не снилось Людовику XIV, — и былъ по характеру военнымъ деспотомъ въ родѣ Кромвелля, т. е. много посолондѣ Наполеона I, — у Наполеона I была любви къ эффекту, — это уже нѣкоторое уваженіе къ общественному мнѣнію, нѣкоторое мягкосердіе. Кромвелль и Вильгельмъ изъ-за величайшаго эффекта великодушіемъ не щадили никогда ни одного человѣка, за то и не обижали не только человѣка, даже мухи не обижали безъ разсчета. Маколей стуживаетъ эту сторону, — страшную деспотичность Вильгельма III, но и въ его разсказѣ она видна, а въ другихъ разсказахъ Вильгельмъ III съ этой стороны — чистѣйшій Кромвелль, то есть почти что Чингисъ-ханъ или Тамерланъ, съ европейскими нравами. И однако же этотъ человѣкъ, — чѣмъ же онъ знаменитъ въ исторіи? тѣмъ, что прочно возстановилъ англійскую конституцію, при ея возстановленіи согласился. — даже и не вступаясь и въ совѣщанія объ этомъ, впередъ, можно сказать, подписавъ бланковый документъ, — согласился очень много ограничить прежнія права короля, — и вѣрно сохранялъ эту конституцію въ Англии, и провелъ всю жизнь свою въ борьбѣ и неунынныхъ трудахъ на пользу Голландской республики, республиканскія учрежденія которой охранялъ также внимательно, какъ дисциплину въ ея войскахъ. Что это за странность, читатель? — республиканецъ въ душѣ, поборникъ самодержавной власти своего короля; монархистъ въ душѣ — основатель республики; абсолютистъ въ душѣ — расширитель правъ парламента, вѣрный хранитель конституціонныхъ учрежденій въ одной, — республиканскихъ въ другой странѣ? — читатель, это странности лишь для людей, не знающихъ исторіи и не понимающихъ государственнаго быта; въ сущности, это не больше, какъ проявленіе великой силы ума въ этихъ трехъ правителяхъ. Великій правитель хочетъ могущества своему правительству: могущество правительства соразмѣрно могуществу націи и степени его довольства правительственною формою; это истины не мудренныя въ теоріи. Но нужна правителю очень большая сила ума и воли, чтобы неукоснительно держаться ихъ въ практикѣ. Такой правитель постоянно помнитъ, что для него невыгодно тратить время, силу и колебать расположеніе націи къ правительству изъ-за того, чтобы сохранить форму, которая правится ему, но стала не по вкусу націи, или измѣнить форму, которая не правится ему, но остается по вкусу націи (*). Нѣтъ онъ выше этихъ формальностей: онъ соглашается на сохраненіе или установленіе такой формы, — и неизмѣнно

(*) Кромвелль не исключеніе изъ этого. Національная сила была тогда на сторонѣ республиканцевъ. Какая форма правилась ему самому, трудно рѣшить; вѣроятнѣе всего, что очень долго, — даже, когда Карлъ I былъ уже въ плѣну у республиканцевъ, Кромвеллю все еще было бы пріятнѣе всего возстановить престолъ и на престолъ этотъ возстановить Карла I. Потомъ, онъ перешелъ изъ этого стюартовскаго монархизма едва ли не прямо къ тому расположенію мыслей, поддавшись которому, Наполеонъ I титуловалъ себя императоромъ. Но Кромвелль не поддался своему влеченію, — онъ остался военнымъ командиромъ Англии. Былъ ли между этими двумя монархическими влеченіями время, когда онъ былъ дѣйствительно республиканцемъ — вещь очень сомнительная.

управляетъ по ней,—такой формы, которая въ данное время въ данной странѣ доставляетъ правительству наиболѣе довѣрія и расположенія, то есть, давая наиболѣе благосостоянія населенію страны, даетъ наиболѣе могущества ея правителю.—Не полагайте, читатель, что я отклонился отъ прямого предмета статьи: нѣтъ, безъ этого объясненія невозможно было бы изложить осязательнымъ образомъ того, какъ легко и простительно было правителямъ европейскихъ державъ ошибиться въ характерѣ новаго французскаго правительства. Читать статью о прошедшихъ фактахъ и объ общихъ историческихъ истинахъ—вещь очень легкая сравнительно съ задачею быстро понять многосложный фактъ, едва еще начинающій раскрывать свою сущность. Но согласитесь, что на этихъ моихъ двухъ-трехъ страницахъ о великихъ правителяхъ есть многое, надъ чѣмъ могутъ усомниться люди и неглупые и довольно, повидимому, знающіе. А всякій, кто, читая эти страницы, не скажетъ: „ну, разумѣется, это ясно, какъ $2 \times 2 = 4$ и очень давно извѣстно мнѣ“, всякій такой человекъ, читатель, не имѣетъ никакого права осудить ошибку правительствъ и націй, послужившую, какъ мы увидимъ, причиною папрасной Крымской войны. Только тотъ могъ понять тогда характеръ новаго французскаго правительства, кто былъ совершенно холоденъ къ вопросу о формѣ правленія. Кто расположенъ былъ думать, что монархическая форма вообще лучше республиканской, тотъ долженъ былъ почувствовать симпатію къ правительству, возстановившему эту форму. Почти всѣ правители почти всѣхъ первостепенныхъ и второстепенныхъ державъ подошли подъ эту развилину дилеммы. Симпатія помѣшала имъ быстро проникнуть глубже формы въ сущность дѣла. Кто расположенъ былъ вообще предпочитать республиканскую форму, подошелъ подъ другую развилину дилеммы: онъ почелъ новыхъ правителей Франціи титанами злодѣйства, потому что они, какъ вы видите, совершили дѣйствительно ужасающія вещи; а злодѣи они или нѣтъ, довольно того, что они показались титанами,—титаны не дѣлаютъ пошлыхъ мелочей, титаны не поднимаютъ шумъ для шума, безъ всякаго другого смысла и намѣренія, кромѣ какъ поднять шумъ. Итакъ, и республиканцы, и монархисты Европы могли легко не замѣтить во время, какую мелкую штуку выкидываетъ новое французское правительство,—и штука по иностранной политикѣ удалась, какъ продѣлка въ почъ съ 1 на 2 декабря, и за эту удачею необходимо послѣдовала, даже почти безъ воли штукарей, мутившихъ воду изъ Парижа, Севастопольская рѣзня, какъ за прежнюю продѣлкою надъ Парижемъ послѣдовали убійства 4 декабря.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ положеніе: правительство одной изъ великихъ державъ цѣлый годъ подвергается раздражающимъ непріятностямъ изъ-за предмета совершенно неважнаго, и подвергается отъ кого же?—отъ правительства державы, которая остается существующею благодаря охраненію, даваемому ей со стороны оскорбляемаго ею теперь правительства. Согласитесь, читатель, что правитель этой оскорбляемой сильной державы не заслуживаетъ особеннаго порицанія, если наконецъ приходитъ къ мысли: „мнѣ трудно продолжать быть охранителемъ этого столь слабого и столь наглаго передо мною правительства“.—Только. Больше ничего не требовалось. Вотъ и явился восточный вопросъ. А какъ онъ явился, то и стало уже и очень плохо: въ

Европѣ не было тогда великаго дипломата,—да и великій дипломатъ, какъ мы знаемъ, не успѣлъ развязать испанскаго вопроса, какъ изъ испанскаго вышла отличная война и изъ восточнаго недурная.

Я не говорю, читатель, что тутъ не было ошибки. Теперь каждый видитъ, что была. Турецкое правительство не было достойно даже и того, чтобы сердиться на него,—оно было только игрушкою въ рукахъ французскаго. Но я хотѣлъ показать вамъ, что тогда не такъ легко было избѣжать этой ошибки, какъ легко видѣть ее теперь.

Да, читатель, Севастопольской войны не было бы только въ такомъ случаѣ, если бы для русскаго императора было совершенно одинаково видѣть какое бы то ни было внутреннее устройство во Франціи. Онъ любилъ монархическую форму,—но все равно, читатель, если бы ему и правилась республиканская, а не монархическая, онъ точно такъ же не въ силахъ былъ бы повѣрить, что новое французское правительство имѣетъ намѣренія до неимовѣрности мелочныя—собственно только одно намѣреніе: поднять шумъ. А безъ этого, нельзя было не разсердиться на турецкое правительство: вѣдь безъ этого казалось, что если бы оно держало себя менѣе двоедушно, то успѣло бы отдѣлаться отъ придирокъ французскаго,—что не французское правительство придирается къ нему, а оно само своимъ двоедушіемъ свѣтъ непріятности между Франціею и Россіею. Предположите во французскомъ правительствѣ хоть малѣйшую долю чего нибудь похожаго на какой нибудь политическій расчетъ, и вы увидите, что нѣтъ возможности повѣрить, что оно цѣлый годъ мучить Турцію изъ-за ключа отъ Виллемековской церкви,—надобно будетъ предположить, что оно и само не радо этому дѣлу, какъ не радо ему русское правительство, и только не можетъ выпутаться изъ него, какъ не можетъ выпутаться и русское.—что слѣдовательно, во всей этой путаницѣ и пронеходящихъ изъ нея непріятностей виновато турецкое правительство, которое, и точно, давно извѣстно какъ плохое, безтолковое, двоедушное, трусливое и нахальное. Согласитесь, что ошибиться было легко.

Впрочемъ, если и не согласитесь, все равно: своимъ порицаніемъ вы докажете только что принадлежите къ числу непогрѣшительныхъ мудрецовъ, не могущихъ въ среду извинить человѣку того, что въ понедѣльникъ онъ не совсѣмъ опредѣлительно предвидѣлъ, какая будетъ погода во вторникъ. Въ 1863 году очень видно, что изъ столкновѣній 1852 года должна была произойти Севастопольская осада въ 1854—1856 г.; теперь ясно даже, что именно въ столькихъ то шагахъ отъ извѣстнаго кургана или буерака должна была быть пачата траншея. Все это ясно, итакъ можете порицать.

Нѣтъ читатель, не въ томъ умъ, чтобы твердить годы и годы „виновать онъ“,—„виновать онъ“.—Люди, когда успѣютъ образумиться отъ ошеломленія бѣдою, должны пачать думать: не виноваты ли и мы въ этой бѣдѣ? и если виноваты, то чѣмъ?—это небезполезно: быть можетъ, это хоть на одну каню уменьшитъ бѣды наши въ будущемъ.—можетъ быть, —какъ вы думаете, читатель? можетъ ли нація извлекать себѣ хоть маленькую долю опытности изъ серьезнаго размысленія о прошломъ горькомъ опытѣ?

Если „да“, вы простите мнѣ, что иногда я буду рѣзко отзываться о большинствѣ русской публики при пересмотрѣ хода столкновѣній, изъ кото-

рыхъ произошла севастопольская война, и не буду оставлять вины русской публики прикрытыми молчаливымъ согласіемъ на ея любимую отговорку: „это правительство было виновато“. Нѣтъ, читатель, мы будемъ идти глубже, и если будутъ намъ представляться ошибки нашего правительства, то мы будемъ доискиваться, точно ли оно виновато, или большинство русской публики вводило его въ такія положенія, изъ которыхъ происходилъ вредъ для русской націи и ея правительства.

Но, — послѣ этого объясненія, продолжимъ нашъ разборъ разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, — разговоровъ, возбудившихъ потомъ столько крика, по моему мнѣнію неосновательнаго.

Къ чему между прочимъ служило это длинное объясненіе о общемъ характерѣ дѣйствій великихъ правителей? — оно было нужно именно въ этомъ мѣстѣ затѣмъ, чтобы читатель серьезно вникъ въ вопросъ: что же такое форма въ политическихъ дѣлахъ? — Каждый, пожалуй, готовъ согласиться съ отвлеченною истиною, что „сущность дѣла важнѣе формы“, но большинство мало вникаетъ въ важность этой истины, безпрестанно пренебрегаетъ сущностью изъ-за формы и даже готово кричать „невѣжда“ или „софистъ“, противъ писателя, старающагося серьезно проводить тотъ взглядъ что надобно смотрѣть на сущность дѣла, дорожить ею больше всего. Такъ безпрестанно кричали противъ меня мои рьяные литературные противники. А благодаря длинному объясненію, я хоть на этотъ разъ, быть можетъ, и успѣю показаться не совѣтъ неправымъ въ томъ, что говорю: всѣ великіе правители умѣли становиться выше формы. Я привелъ довольно длинный рядъ именъ ихъ, и прошу показать въ дѣятельности хоть одного изъ названныхъ мною великихъ правителей хоть одинъ важный фактъ, который не служилъ бы такъ или иначе, подтвержденіемъ вывода, высказываемаго мною *). Теперь, вѣроятно, уже яснѣе прежняго будетъ,

(*) Можетъ показаться страннымъ, что перечисляя столько великихъ правителей, изъ которыхъ иные даже и не очень знамениты у насъ въ публики, я не ставлю въ ихъ разрядъ величайшую знаменитость новаго времени, Наполеона I. Прежде, я не объяснялъ случаевъ подобнаго моего несогласія съ обыкновеннымъ мнѣніемъ, полагая, что причины сами собою ясны всякому знакомому съ дѣломъ, хотя бы онъ соглашался или не соглашался съ моимъ взглядомъ на дѣло. Но, какъ я сейчасъ сказалъ, безпрестанно выходило не то: меня называли невѣждою («смотрите-ко, господа, забылъ Наполеона I»), парадоксистомъ («смотрите-ко, господа, хочетъ произвестъ эффектъ оригинальничаньемъ»), софистомъ («смотрите-ко, господа, такой недобросовѣстный человѣкъ, что не хочетъ назвать Наполеона I великимъ правителемъ изъ-за того, что Наполеонъ I былъ императоръ») и изъ этого умнаго предположенія о причинахъ моего умно предположеннаго софизма слѣдовали размышленія о ужасности моего образа мыслей, который столько же понятенъ господамъ подобнымъ размышлителямъ, сколько всѣмъ намъ извѣстно родство Мельхиседека), — и все это изъ за того только, что я хоть сколько нибудь полагался на сообразительность людей, не раздѣляющихъ моего взгляда. Попробую же, для примѣра, указать здѣсь, что я вовсе не по невѣжеству, парадоксальничанью или софистикѣ не ставлю Наполеона I въ разрядъ такихъ правителей, какъ перечисленные мною. — По положенію и характеру дѣятельности, ближе всего будетъ сопоставить его съ Фридрихомъ II и Кромвеллемъ. Кто помнитъ существенные факты изъ жизни этихъ двухъ великихъ правителей, тотъ знаетъ, что они постоянно сохраняли обдуманность и благоразуміе среди блистательнѣйшихъ успѣховъ, — что на самомъ дѣлѣ они никогда не презирали врага,

хоть могли хвастаться презрѣніемъ къ нему для одобренія своихъ солдатъ,—никогда въ своихъ походахъ не нарушали правила здраваго смысла: иди впередъ не дальше, чѣмъ необходимо,—Фридрихъ, напримѣръ, могъ бы нѣсколько разъ броситься на Вѣну или вторгнуться во Францію; эго было бы очень эффектно, но онъ помнилъ, что это не нужно и вредно;—они всегда мирились при первой возможности и никогда не начинали хлопотливыхъ дѣлъ безъ крайней надобности; Кромвелль, напримѣръ, не сталъ воевать съ Мазарини, хоть навѣрное истребилъ бы французскій флотъ (что было очень вкусно и ему, какъ ультра-протестанту, и всѣмъ англичанамъ, какъ людямъ уже думавшимъ о безусловности господства на моряхъ); онъ при первой возможности помирился съ Голландіею, хоть могъ завоевать ее (что было очень лестно ему и англичанамъ, по ихъ торговой враждѣ на голландцевъ): Кромвелль помнилъ, что ему (и Англіи) было бы вредно податься тому или другому соблазну.—Кто помнить и умѣть цѣнить такія вещи, тотъ, по моему мнѣнію, не можетъ не видѣть, что человекъ, безъ толку навязавшій себѣ на шею испанскія дѣла, бросившійся на Москву, не принимавшій въ 1813 году мирныхъ предложеній союзниковъ,—что этотъ человекъ былъ гораздо ниже Фридриха II и Кромвелля по силѣ ума и твердости воли. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ каждый можетъ согласиться, или не согласиться, какъ ему заблагоразсудится; но я прошу помнить, что оно имѣетъ на своей сторонѣ факты, не лишеныя значенія, и что эти факты можно принимать во вниманіе, не будучи ни невѣждою, ни софистомъ. Прошу господъ моихъ рьяныхъ противниковъ сообразить такой случай. Положимъ, что я не сдѣлалъ этой оговорки причинъ, по которымъ не причисляю Наполеона I къ правителямъ, подобнымъ Фридриху II, Питту Старшему и проч.—если бы кто вздумалъ въ такомъ случаѣ закричать про меня «невѣжда»—«софистъ» за этотъ пропускъ имени Наполеона I,—не далъ ли бы онъ мнѣ полного права сѣсться надъ нимъ?—Прошу ихъ, для изощренія ихъ ума, перечитать хорошенько біографію, напримѣръ, Гоша,—и они увидятъ, что точно то же произошло бы, если кто вздумалъ закричать то же про меня за то, что я называю великимъ правителемъ этого предшественника Наполеона, хоть Гошъ умеръ въ такомъ періодѣ своей жизни и дѣятельности, какъ если-бы Наполеонъ I умеръ въ 1795 году, до своего перваго итальянскаго похода: основательные люди уже и въ 1795 году находили, что Наполеонъ I очень хорошій, чрезвычайно хорошій главнокомандующій,—это они уже видѣли по осадѣ Тулона и еще болѣе по Вандемьеровскому побѣдѣ, о которомъ я упоминалъ выше. Я считаю это побѣдѣ гнуснымъ дѣломъ, но все-таки я не могу не признать, что въ немъ Наполеонъ выказалъ себя превосходнымъ мастеромъ военной техники,—оно вѣроятно болѣе свидѣтельствуется его полководческій талантъ, чѣмъ Маренгская или Аустерлицкая битва, и безъ сомнѣнія гораздо больше, чѣмъ Бородинская. Кто не знаетъ мнѣнія основательныхъ специалистовъ, тому опять покажется, что я говорю софизмъ; а на самомъ дѣлѣ, это только показываетъ, что хоть я и вовсе не знатокъ военнаго дѣла, не знаю даже какъ осѣдлать лошадь простую ли, кавалерійскую ли, все равно, но кое-что читалъ или слышалъ отъ знающихъ людей объ этихъ битвахъ. Точно такъ, и о Гошѣ я сужу не по удачу, а кое-что читалъ о немъ. Никто не имѣетъ обязанности знать біографію Гоша; но кто скажетъ «вранье, будто Гошъ былъ гениальнѣе Наполеона I»,—тотъ обнаружитъ, что не знаетъ или не понимаетъ фактовъ, дающихъ право думать такъ.

Это объясненіе очень длинно; но оно еще не кончено. Хотите ли. Хотите ли, читатель, а я укажу вамъ еще одно обстоятельство, изъ-за котораго могу быть названъ невѣждою, софистомъ и проч., если не объясню его.—Я все ссылался на Маколей. Вотъ, рьяный противникъ тотчасъ и сообразить: «Маколей—это вся кладовая, изъ которой онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія; ничего кромѣ Маколей не читалъ. Малознающій шарлатанъ».—А почему я ссылаюсь именно на Маколей?—Его книга находится или скоро будетъ находится въ рукахъ русской публики; только поэтому я и дорожу ею: публикѣ легко будетъ справиться, чтобы провѣрить, правду ли я говорю о вещахъ, въ которыхъ ссылаюсь на Маколей.—А то вѣдь очень можетъ быть, читатель, что хоть я и не Скалигеръ, Юстъ Линсей или Фразъ Роттердамскій, у которыхъ запасъ свѣдѣній былъ изумителенъ,—но все-таки читалъ я кое-что и о Ришельѣ, и о Фридрихѣ II, и о Франклинѣ, и о другихъ гениальныхъ правителяхъ, и читывая не объ одномъ дѣлѣ, по-

когда я повторяю прежнія мысли: если бы въ числѣ тогдашнихъ англійскихъ правителей былъ человѣкъ, подобный Вильгельму III, или Фридриху II, или Франклину, попытка русскаго императора не была бы напрасна. Но замѣчательнѣйшимъ дипломатомъ изъ тогдашнихъ англійскихъ министровъ (виговъ) и предводителей оппозиціи (тори) былъ лордъ Пальмерстонъ, — человѣкъ, не равняющійся не только Вильгельму, даже Роберту Пилю или Кавуру, одинъ изъ обыденныхъ „великихъ людей на малыя дѣла“, — одинъ изъ людей, отлично изворачивающихся со дня на день, не безъ эффекта, часто и не безъ пользы для своего государства, но не способныхъ руководить ходомъ событій, а умѣющихъ только хорошо плавать по теченію и по вѣтру, ныль туда, завтра сюда, какъ случится. А партія нуждается въ партнерѣ. Русскій императоръ хотѣлъ, чтобы поведено было съ нимъ такое дѣло, вести которое могъ бы только новый Вильгельмъ III. Потому Буффлеръ и былъ оставленъ на этотъ разъ при своемъ военномъ и никто изъ англійскихъ министровъ не захотѣлъ ввести его въ дипломатическія занятія. Если русскіе дипломаты не одобряли попытку своего государя именно на томъ основаніи, что предвидѣли напрасность, то они были совершенно правы.

Но за этою оговоркою о напрасности, я скажу, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ попытка была хороша. Англійскіе министры не взялись за дѣло потому, что оно было не подъ силу имъ; но имъ самимъ и большинству европейской публики показалось, что дѣло, отъ котораго они отказались, само по себѣ было бы вредно для Англій и всей Западной Европы. Въ этомъ они очень ошибались. Они говорятъ: русскій государь хотѣлъ слишкомъ многого для увеличенія могущества Россіи. Не забудемъ, что мы имѣемъ только первый базисъ, выставленный имъ для переговоровъ, по-просту сказать „первый запросъ“, съ котораго всегда дѣлается значительная сбавка, —

добномъ разбираемому мною. По сошлюсь я для примѣра на сходный случай изъ переговоровъ, веденныхъ положимъ Фридрихомъ Пилемъ Франклиномъ, мои рьяные противники, не умѣя справиться объ этомъ, безъ церемоніи вообразить и возопіютъ: «ты неѣжда, этого не было». — Положимъ, я могъ бы сослаться на «Исторію XVIII вѣка» Шлоссера; но Шлоссеръ не такой охотникъ, какъ Маколей, класть въ ротъ разжеванное и пережевываемое; его надобно читать со вниманіемъ, имѣть нѣкоторыя подготовительныя свѣдѣнія, чтобы понять, — а мои господа рьяные литературные противники лишили меня права предполагать въ нихъ эти качества: они не поняли бы, да пожалуй опять подняли бы крикъ, — что, дескать у Шлоссера нѣтъ этого, — да еще, — чего не бывало съ ними, бывало и это, — вообразили бы: «вѣдь Шлоссера-то переводилъ онъ, (то есть, я) — такъ, можетъ быть, и перевралъ; вѣдь онъ, говорятъ, не знаетъ по нѣмецки». — Какъ вы прикажете разсуждать съ такими противниками, читатель, не принадлежащій къ нимъ? — Трудновато разсуждать, скажете вы. — Нѣтъ, скажу я: не трудновато, а только очень скучновато; да и грустновато: видѣть себя въ необходимости доходить до такихъ внушій «начатковъ ученія» людямъ молодыхъ лѣтъ, чтобы они хоть эту статью оставили безъ криковъ «неѣжда писалъ», — «софистъ писалъ», — чтобы такіе крики хоть на этотъ разъ не мѣшали вамъ, читатель, спокойно читать эту статью съ дѣльнымъ, спокойнымъ вниманіемъ, какого, увѣряю васъ, заслуживаетъ писатель, который, каковы бы ни были степень его учености и таланта, человѣкъ серьезно и добросовѣстно ищущій истины съ частнымъ желаніемъ привести этимъ хоть незначительную пользу вамъ. За это желаніе вы простите ему и ту грубость, съ которою онъ говоритъ вамъ истину, — горькую истину. Онъ не умѣетъ писать мягко, — и не жалѣетъ объ этомъ: его грубая рѣчь по крайней мѣрѣ искренна.

переговоры—это дѣло коммерческое. Мы не знаемъ, до какой степени могло бы русское правительство „сбавить цѣну“, говоря по-коммерчески, если бы пошла серьезная переторжка. Мы видимъ только, что англичане имѣли бы полную возможность получить очень большую сбавку: первымъ словомъ русскаго государя было: „вы, англичане, можете быть, думаете овладѣть Константинополемъ,—этого я не могу допустить“,—а вѣдь въ сущности, очень можетъ быть, что только по этому опасенію онъ и высказывалъ, что „если понадобится, я на время введу въ него свои войска — не для того, чтобы стать его владѣтелемъ“, и вѣдь очень можетъ быть, что въ мысляхъ у покойнаго государя не было никакого другого дополненія къ этимъ словамъ, какъ только: „а единственно затѣмъ, чтобы охранить его отъ вѣчнаго занятія вами“. И вѣдь очень можетъ быть, что если бы найдена была комбинація, которая отнимала бы у русскаго государя это опасеніе, то онъ сказалъ бы: „да, вы успокоили меня, и я вижу, что мнѣ не будетъ надобности подводить мой флотъ или мое войско и на сотни верстъ къ Константинополю“. Почему кто можетъ знать, что онъ не сказалъ бы этого? Дѣло неизвѣстное. Но по сопоставленію мыслей объ англійскомъ и о русскомъ занятіи Константинополя, дѣло очень и очень не лишенное правдоподобія.

Повторяю: я не имѣю претензій знать, каковы были мысли русскаго императора, кромѣ тѣхъ, которыя онъ высказалъ. Но прибавляю: и никто не можетъ съ достовѣрностью знать этого; очень можетъ быть, что онъ и самъ не могъ бы сказать съ достовѣрностью, какія уступки въ первомъ запросѣ окажутся возможны,—это очень натурально, потому что размѣръ ихъ долженъ былъ опредѣляться предположеніями другой стороны.

Но я говорю, что эти уступки могли не быть значительны и очень значительны. Въ первомъ базисѣ переговоровъ онъ говорилъ: „я знаю, что вамъ, англичанамъ, пріятно было бы владѣть Египтомъ и Кандією; на это я согласенъ“. Само собою, что это такъ; англичанамъ, то есть большинству англійской публики, въ томъ числѣ всѣмъ вигамъ и всѣмъ тори, всѣмъ людямъ, бывающимъ министрами (кромѣ Гладстона) воображается, что это было бы очень выгодно для Англіи. Я полагаю, что они ошибаются, что правъ Гладстонъ, который раздѣляетъ мнѣнія меньшинства англійской публики, находящаго, что подобное пріобрѣтеніе, хоть бы досталось даромъ, было бы очень убыточно для Англіи. Но я знаю также, что Гладстонъ тутъ ничего не значить. Итакъ, я знаю, что русскій императоръ нисколько не обманивался въ предположеніи того желанія, на которое и выразилъ согласіе. Но англійское правительство, хотя дѣйствительно раздѣляло эту наклонность большинства англійской публики, имѣло благоразуміе разсчитать что удовлетворить ей,—при данныхъ ли тогдашнихъ обстоятельствахъ, или при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, этого мы не знаемъ.—было бы вредно для Англіи. Этотъ, разсудительный, по моему мнѣнію, расчетъ дѣластъ ему честь. Итакъ, оно рѣшило: „мы не станемъ брать ни Египта и ни Кандіи“ и прислало Сеймuru инструкцію въ этомъ смыслѣ (конечно, читатель понимаетъ же, что Сеймуръ не на авось сказалъ покойному государю „Англія не желаетъ“—такъ на авось посланники не говорить). Ясно, что при такой умѣренности (безкорыстіи, разсчетливости, называйте, какъ хотите,—по-

моему: при такой разсудительности) англійскаго правительства покойный государь не могъ не увидѣть, что и ему не нужно такихъ большихъ гарантій для сохраненія баланса съ Англіею, какія были нужны въ случаѣ, если бы англійское правительство было менѣе разсудительно (то есть менѣе тщеславно и алчно).

Ясно, что уже первое удостовѣреніе о дѣйствительныхъ рѣшеніяхъ англійскаго правительства вело покойнаго государя къ расположенію (это несомнѣнно по законамъ человѣческой натуры; къ расположенію, а по всей вѣроятности слѣдуетъ думать больше: не только къ расположенію, къ полной готовности) измѣнить первоначальный запросъ въ менѣе высокій. Съ одной стороны, являлся фактъ: „нѣтъ напора“ — съ другой, натурально оказывалась возможность уменьшить силу контрфорсовъ. По моему мнѣнію, ясно какъ день, что Западная Европа могла заключить съ покойнымъ государемъ соглашеніе на условіяхъ, гораздо менѣе обременительныхъ во мнѣніи большинства ея публики (а по моему мнѣнію, гораздо лучшихъ и для Россіи), чѣмъ тѣ, которыя были выставлены только какъ первоначальный базисъ для обозначенія черты, съ которой поведется сближеніе взаимными уступками.

Но пусть не было бы сдѣлано покойнымъ государемъ никакой сбавки; станемъ на ту несообразную ни съ чѣмъ точку зрѣнія, на которую угодно было взгромоздиться тогда большинству европейской (и нашей) публики, — согласимся забыть, что „первоначальный базисъ“ не есть „ультиматумъ“, — то есть забыть, что конвенція или трактатъ всегда бываетъ несравненно мягче съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ черновой проектъ перваго меморіала, съ котораго начинается дѣло, — вообразимъ себѣ, что Западная Европа (представляемая Англіею) приглашалась не условливаться, не торговаться, — а сказать прямо только „да“ или „нѣтъ“ на вопросъ: „въ этихъ условіяхъ не можетъ быть ни убавки, ни прибавки ни одной іоты: принимаешь ли ты ихъ?“ — Западной Европѣ (и нашей публикѣ) заблагодарзудилось поднять вопль въ этомъ тонѣ. Посмотримъ, дѣйствительно ли первоначальныя условія имѣли такой смертоубійственный для Западной Европы характеръ, какой возмущилъ ее тогда.

Первое изъ условій этого черноваго проекта со стороны покойнаго государя было: пусть будутъ обращены въ самобытныя государства по границамъ національностей всѣ области, лежащія между Россіею и окрестностями Константинополя (или всею полосою южнаго турецкаго побережья, населенною греками — слова государя въ той формѣ, въ какой были записаны Сеймуромъ, не опредѣляютъ съ точностью границъ пространства, остающагося при Константинопольскомъ предполагаемомъ владѣніи). Само собою, противъ этого никто не можетъ сказать ничего: это хорошо, на всякіе глаза, кромѣ развѣ австрійскихъ; австрійскіе одни не важны. Ни Англіи, ни Франціи, ни Пруссіи нѣтъ ни малѣйшей радости собственно въ томъ, что турки насилуютъ сербовъ и болгаръ: на этотъ счетъ можно быть увѣреннымъ. Но государь прибавлялъ: „эти государства пусть будутъ подъ протекторатомъ Россіи“, — вотъ одна изъ двухъ причинъ, отпугнувшихъ отъ переговоровъ англійское правительство. Оно правда; правителямъ, живущимъ со дня на день, должно было показаться, — какъ потомъ показалось и большинству ев-

ропейской публики,—что это значить: „эти области будутъ отдѣльными государствами только по имени, а на дѣлѣ будутъ русскими провинціями“. Я не имѣю претензіи знать, раздѣлялъ ли покойный государь такое ожиданіе или находилъ его ошибочнымъ. Но нѣтъ для меня никакого сомнѣнія о томъ, какъ пошло бы дѣло на самомъ дѣлѣ: черезъ десять лѣтъ послѣ извѣстнаго историческаго столкновенія очень не трудно понять его сущность, если ты не совсѣмъ чуждъ знанія исторіи и можешь наводить географическія и статистическія справки. Это не большая мудрость. Ею гордиться нельзя. Потому я не вижу особенныхъ причинъ приписывать особенную гениальность слѣдующему соображенію, по моему мнѣнію очень нехитрому: сила вещей очень скоро заставила бы Англію, Францію, Австрію (съ поддержкою отъ всѣхъ другихъ державъ Западной Европы) стать охранительницами новыхъ государствъ; и кто бы ни назывался на бумагѣ протекторомъ этихъ государствъ, на фактѣ они были бы подъ протекторатомъ всей Европы, отъ Гибралтара до Уральскаго хребта. Въ немного лѣтъ эта группа сдѣлалась бы гораздо болѣе самостоятельна, чѣмъ теперь Турція. Россія имѣла бы въ столицѣ валаховъ, столицѣ сербовъ, столицѣ болгаръ меньше вліянія, чѣмъ даже и теперь имѣеть въ Стамбулѣ, лагерѣ одряхлѣвшей орды, помыкаемой всѣми; точно такъ же и другія великія державы не имѣли бы возможности командовать въ этихъ столицахъ такъ, какъ поочередно командуютъ въ Стамбулѣ. Былъ ли бы отъ этого убытокъ или вредъ Россіи ли, какой ли другой изъ великихъ или второстепенныхъ державъ, объ этомъ каждый можетъ думать по своему; я полагаю, что отъ этого была бы польза и Англіи, и Франціи, и Россіи, и всякой другой державѣ, имѣющей какое нибудь естественное основаніе быть особенной державою. По моему, Англія не въ убыткѣ отъ того, что не можетъ помыкать Голландією, Россія не въ убыткѣ отъ того, что не можетъ помыкать Швецією или Пруссією. Можетъ быть, въ этомъ мнѣніи я ошибаюсь,—это каждый пусть рѣшаетъ по своему. Но рѣшать надобно только то, правился ли бы кому изъ насъ такой фактъ. А что фактъ вышелъ бы таковъ, это вещь независимая отъ разности мнѣній. Нѣкоторымъ правится, что у европейскихъ мужчинъ растеть борода,—другимъ, можетъ быть, это и не правится,—но можно не спорить о томъ, растеть ли борода у европейскихъ мужчинъ. Я впрочемъ не удивлюсь, если это мое мнѣніе будетъ принято за парадоксъ.

Понимать въ 1863 году что вышло бы изъ проэкта, составленнаго въ 1853 году,—вещь, не требующая особеннаго ума. Понять это въ 1853 году—иной вопросъ. Кто понималъ, имѣлъ право быть считаемъ за очень умнаго человѣка; кто не понималъ, не заслуживаетъ особеннаго порицанія, потому что огромное большинство даже и очень неглухихъ людей не понимало. Но все таки не въ этомъ важность, кто заслуживаетъ похвалы, кто не заслуживаетъ порицанія; важность въ томъ, что человѣкъ, подобный Вильгельму III или Риппль не усомнился бы пойти на такую сдѣлку съ Россією, если бы русское правительство не сдѣлало никакой уступки; и убѣдилъ бы другія великія державы принять эту сдѣлку.

Это несомнѣнно. Разсчитать теперь ясенъ. Въ теченіе десяти лѣтъ итоги подвелись. Но по всей вѣроятности, если бы англійское правительство тогда

не отпугнулось от переговоров призрачною опасностью этого базиса их для Западной Европы, то русское правительство и не отказалось бы видоизмѣнить термины его такъ, что даже и миражъ опасности разсѣялся бы. Я не имѣю претензіи знать то, что говорилось и предполагалось между покойнымъ государемъ и его довѣренными совѣтниками. Но теперь и нѣтъ надобности знать этого, чтобы положительно сказать: русское правительство, каковы ни были его расположенія во время разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, не нашло бы затруднительнымъ для себя видоизмѣнить термины своего перваго проекта для успокоенія Европы за чистоту своихъ намѣреній. Это доказано,—по моему мнѣнію, къ чести русскаго правительства: каждый читатель можетъ рѣшать по-своему, къ чести или нѣтъ; я знаю, что и русская земля, какъ всякая другая земля не лишена счастія имѣть въ числѣ своихъ дѣтей фанфароновъ и бреттѣровъ, но полагаю, что ни нація, ни правительство, ни серьезный писатель не обязаны быть очень чувствительны къ мнѣнію такихъ господъ,—поэтому и не очень конфужусь, говоря, что, по моему мнѣнію, къ чести русскаго правительства служить фактъ, бывший черезъ нѣсколько времени послѣ разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ. Переговоры съ Турціею продолжались; Россія формулировала одно изъ своихъ требованій такимъ образомъ: для огражденія турецкихъ подданныхъ греческаго исповѣданія отъ притѣсненій Россія должна имѣть протекторатъ надъ ними. Европа нашла, что въ этомъ видѣ, условіе тревожить ее: русское правительство согласилось выразить его въ другихъ терминахъ: всѣ великія державы должны имѣть совокушный протекторатъ. Я нахожу, что это измѣненіе терминовъ дѣлаетъ честь русскому правительству. Цѣль была—охраненіе болгаръ, сербовъ отъ обидъ со стороны нахаловъ изъ числа мусульманъ (я знаю, что далеко не всѣ турецкіе мусульмане нахалы: въ славянскихъ земляхъ Турціи есть не очень мало такихъ пашей, кади и другихъ мусульманскихъ начальниковъ, которые не притѣсняютъ христіанъ; но—не всѣ же таковы, потому огражденіе нужно для христіанъ,—въ этомъ не спорили и другія великія державы); эта хорошая цѣль достигалась и новою формулировкою, какъ прежнюю; а новая была пріятнѣе для Европы, потому удобнѣе и для Россіи, чѣмъ прежняя: поэтому русское правительство, согласившись на замѣну прежней формулировки новою, имѣло полное право считать себя выигравшимъ сущность дѣла и вмѣнять себѣ въ заслугу передъ своею націею и передъ Европою,—а главное, передъ турецкими христіанами,—свою благоразумную сговорчивость.—Но это только мое мнѣніе, что фактъ, разсказанный мною, служить къ чести русскаго правительства; кому не совѣстно представлять себя трагичнымъ героемъ передъ всѣми разсудительными людьми, можетъ утверждать противное. Тутъ разность мнѣній возможна. Но не возможна никакая разность мнѣній о томъ, что фактъ былъ именно таковъ; также и о томъ, что онъ совершенно параллеленъ первому базису разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, и что характеръ его развитія вслѣдствіе переговоровъ несомнѣнно опредѣляется, каковъ былъ бы характеръ развитія этого базиса: по всѣмъ законамъ человѣческой вѣроятности, надобно думать, что если бы пошли переговоры объ этомъ базисѣ, русское правительство не затруднилось бы успокоить Европу соглашеніемъ на замѣну термина „про-

текторатъ Россіи надъ этими новыми государствами“ терминомъ „совокупный протекторатъ великихъ державъ“ надъ ними. По моему мнѣнію, Россія ни на одинъ золотникъ не уменьшала бы своего вѣса въ этихъ государствахъ черезъ такую замѣну: я полагаю, что вліяніе одного государства на другія соразмѣрно его дѣйствительной силѣ и даровитости его правительства, а не тому, какія слова написаны на какой бы то ни было бумагѣ, хотя бы даже на бумагѣ самыхъ безспорно уважаемыхъ всѣми трактатовъ. Вотъ уже около 50 лѣтъ, во всѣхъ трактатахъ пишется, что всѣ пять великихъ державъ имѣютъ совершенно равный голосъ; и никто никогда не нарушалъ и не оспаривалъ этого правила. Однако же, голосъ Россіи или Англіи, или Франціи по большей части дѣлѣ, рѣшаемыхъ совѣщаніями пяти великихъ державъ, сильнѣе голоса Пруссіи. Я полагаю даже, что если бы пяти великимъ державамъ вздумалось принять въ свой коллегіумъ государство Саксенъ-Кобургское, то вѣсъ этого государства въ Европейской политикѣ не увеличился бы. Но я полагаю, что Саксенъ-Кобургское правительство не согласилось бы войти въ этотъ коллегіумъ: для него, это слишкомъ убыточно: его финансы разстроились бы отъ принятія на себя обязанности имѣть такой многочисленный дипломатическій корпусъ, какъ Пруссія, не говоря ужъ объ Англіи, или Россіи. Но быть можетъ, я ошибаюсь; быть можетъ, достаточно написать на бумагѣ: Саксенъ-Кобургъ очень могущественная держава, — Голландія, Швеція, Баварія, — не говоря ужъ объ Испаніи, — почувствуютъ, что Саксенъ-Кобургъ гораздо могущественнѣе ихъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но я не думаю этого.

А пока я не думаю этого, я по необходимости разсуждаю слѣдующимъ образомъ: какія слова были бы написаны на бумагѣ, учреждающей протекторатъ надъ подданными ли греческаго исповѣданія въ земляхъ Турціи, или надъ новыми государствами, возникающими изъ ея развалинъ, — „протекторатъ Россіи“ или „протекторатъ великихъ державъ“, это для существа дѣла все равно; а при данныхъ обстоятельствахъ, можно сказать, что та форма словъ выгоднѣе для Россіи, которая удобнѣе для нея; а удобнѣе та, которую написать легче. Такъ ли, читатель, или нѣтъ? Не бойтесь, такъ; дѣло ясное.

Вотъ какъ просто судить о дѣлѣ черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ оно было. Но, читатель, честь тѣмъ не очень многимъ, которые и тогда умѣли понимать его такъ же ясно. Кто они, все равно. Но кто бы они ни были, все равно: они люди очень не глухие, — по моему мнѣнію. А мы теперь, видя, что еще не рѣшая, кого слѣдовало бы хвалить по дѣлу, которое мы разбираемъ теперь, — по разговорамъ, надѣлавшимъ столько шума, — но уже видя, что порицать некого, двинемся дальше, — отъ перваго изъ условій, высказанныхъ покойнымъ государемъ со стороны Россіи, перейдемъ ко второму.

Оно было также источникомъ вопля въ Европѣ. Вы видѣли, что покойный государь не высказалъ опредѣленнаго проэкта объ окончательной судьбѣ, которую желалъ бы дать Константинополю съ прилежащею мѣстностью. Само собою, сообразительность большинства западно-европейской, да тоже и нашей публики, ни мало не затруднилась увидѣть въ чемъ дѣло. „Я не войду въ него владѣльцемъ; войду только временно занять его моими войсками“, — „то есть“ — дополнила сообразительность — „и посадить тамъ государемъ своего родствен-

ника“, основать въ Константинополѣ государство для одной изъ младшихъ линій русской династіи,—это ясно“. Во первыхъ и во вторыхъ, вовсе не ясно. Во первыхъ не ясно потому, что тамъ,—въ подлинномъ-то документѣ Сеймура, сказано, какъ мы видѣли, не „войду“, а „можетъ быть войду“—сообразительность заблагоразсудила не сообразить этого. А мы ужъ замѣтили, что вѣдь тоже очень можетъ быть, что все это „можетъ быть“ или „если понадобится“ относится только къ устраненію опасенія, чтобы не захватили Константинополя англичане. И въ такомъ случаѣ, все зданіе сообразительности падаетъ, какъ скоро покойный государь получаетъ увѣреніе, что англичане не тронуть Константинополя,—тогда вѣдь очень возможная вещь такой отвѣтъ: „прекрасно; и мнѣ нѣтъ охоты трогать его“. Итакъ, не ясно, что русскія войска хоть временно вошли бы въ Константинополь. А если Константинополь не занять русскими войсками, то желаніе русскаго государя еще не рѣшаетъ, кому быть тамъ государемъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, не ясно даже и было ли у него желаніе учредить въ Константинополѣ секундогенитуру, престолъ для одной изъ младшихъ линій своей династіи. Я не имѣю претензіи знать, что говорилъ покойный государь по этому вопросу своимъ приближеннымъ. Я знаю, какъ и всѣ, что Европа думаетъ, будто онъ говорилъ имъ именно это; я не знаю, ошибается ли Европа въ этой своей молвѣ; но вотъ что я знаю, читатель,—и вы должны знать, если вы читывали историческія книги, какія бы то ни было, все равно,—хоть бы только по части римской исторіи или не дальше крестовыхъ походовъ: я знаю, что молва эта, будь она ошибочна, будь она вѣрна, все равно еще ровно ничего не значить. Изъ нея никакъ нельзя выводить заключенія о томъ, каково было бы дѣйствительное предложеніе покойнаго государя, когда бы онъ сталъ говорить англійскому посланнику въ Петербургъ или сталъ бы поручать своему посланнику въ Лондонъ сказать англійскому правительству, на какое свое предположеніе о судьбѣ Константинополя онъ ожидаетъ согласія Англіи. Кромвель, Вильгельмъ III, Фридрихъ II—даже и они не всегда же были только дипломатами и правителями. Даже и они въ простыхъ разговорахъ выражали свои мысли не въ такой формѣ, которая цѣликомъ такъ и переходила бы въ окончательныя объясненія. Итакъ, неизвѣстно,—не мнѣ одному, а вѣроятно никому, каково было бы рѣшительное предложеніе покойнаго государя англичанамъ о Константинополѣ. Очень вѣроятно, что онъ и самъ не опредѣлялъ этого безусловно, когда вызывалъ англичанъ на объясненія. Дѣло разъясняется для обѣихъ сторонъ именно самымъ ходомъ объясненій. Но положимъ,—чего нельзя сказать павѣрное,—что онъ потребовалъ бы Константинополь для одной изъ младшихъ линій своей династіи, какъ думаетъ Европа, и ни на волосъ не уступилъ бы въ этомъ требованіи. И говорю, что даже такое условіе не помѣшало бы человѣку въ родѣ Вильгельма III пойти на сдѣлку, убѣдить всю англійскую націю, всю Европу принять ее. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть прочтетъ у Маколей изложеніе переговоровъ Вильгельма съ Людовикомъ по испанскому вопросу. Тамъ онъ увидитъ, что Вильгельмъ охотно соглашался на такія притязанія Людовика, которыя обыкновенному дипломату показались бы гораздо опаснѣе, чѣмъ предполагаемыя Европою требованія покойнаго государя. Почему соглашался Вильгельмъ,—почему онъ не видѣлъ ничего страшнаго въ томъ, что запугало бы людей менѣе зоркихъ, объ этомъ можно про-

честь у Маколея. А почему не было бы страшнымъ для Европы увеличеніемъ русскаго могущества, если бы она согласилась на предлагаемое ей желаніе покойнаго государя отдать младшей линіи его династіи Константинополь съ прилежащими землями, — почему не запугало бы такое желаніе человѣка, подобнаго Вильгельму, это можно пояснить двумя примѣрами изъ французской исторіи.

Первый примѣръ, — занятіе испанскаго престола младшею линіею французской династіи. Сила Франціи въ XVIII вѣкѣ до самой революціи была гораздо меньше, чѣмъ во второй половинѣ XII вѣка; и одною изъ главныхъ причинъ ослабленія было именно занятіе испанскаго престола младшею линіею французской династіи. Этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ и понятенъ даже рьянымъ моимъ литературнымъ противникамъ. Франція была истощаема усилями въ пользу испанскихъ бурбоновъ; испанскіе бурбоны не были прочными союзниками Франціи. Франція была связана въ своихъ дѣйствіяхъ своими отношеніями къ Испаніи. Это фактъ.

Другой примѣръ — исторія Наполеона I и покровительствуемыхъ имъ государей. Когда дѣла Наполеона пошли дурно, ни одинъ изъ нѣмецкихъ государей Рейнскаго союза не отпалъ отъ него, каждый съ полнымъ усердіемъ до послѣдней возможности помогаль своему протектору. А Мюратъ отпалъ отъ него; отпалъ даже Евгеній Богарне, — человѣкъ, который былъ не чета Мюрату. Эти двое стали дѣйствовать во вредъ ему только когда его положеніе сдѣлалось очень дурно. А всѣ трое остальные родственники, получившіе отъ него престолы, бѣсили его своими неудобными для него поступками съ самаго же перваго дня, какъ получили отъ него престолъ, и бѣсили съ этого дня неукоснительно каждый день. У Людовика (голландскаго) онъ былъ принужденъ формально отнять престолъ, потому что Людовикъ, — это не безчестіе, а честь самому Людовику, — прямо становился противъ Франціи, держаль руку англичанамъ и русскимъ. У Иосифа (испанскаго) и Иеронима (вестфальскаго) Наполеонъ не отнял титуловъ и резиденцій, какъ у Людовика, но принужденъ былъ отнять власть и передать управленіе ихъ королевствами постороннимъ людямъ. — А ему не встрѣчалось дѣлать ничего подобнаго съ государями чужихъ династій, земли которыхъ взялъ онъ подъ свой протекторатъ: государями Баварскимъ, Баденскимъ, Вюртембергскимъ, Саксонскимъ и проч. онъ былъ постоянно и неизмѣнно доволенъ. Это не значитъ, что нѣмецкіе государи Баваріи, Бадена, Вюртемберга, Саксоніи и проч. были идеалами преданности, благодарности и проч., или, наоборотъ, были дѣйствительно низкими, рабскими людьми, какими иногда легкомысленно называютъ ихъ и вышедшіе писатели съ хвастливаго голоса тогдашнихъ французскихъ фанфароновъ или съ голоса раздраженныхъ тогдашнихъ (не очень разумныхъ, хотя и совершенно честныхъ) нѣмецкихъ ультра-патріотовъ, — точно такъ же и не значитъ это съ другой стороны, что родственники Наполеона были люди безумные и неблагодарные, какъ повторяютъ многіе по раздраженному Сентъ-Эленскому голосу Наполеона. Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Между нѣмецкими государями Рейнскаго союза большая часть были люди холодной души и люди очень гордые. Они не могли быть лакеями рабства, не могли быть ангелами рыцарской преданности. Они, правда, угощали алчныхъ французскихъ генераловъ и сановниковъ, давали имъ взятки, — пожалуй, нѣкоторые даже

и льстили нѣкоторымъ, — но со скрежетомъ зубовъ отъ горькаго чувства униженія, — и все-таки, вообще говоря, держали себя съ большимъ достоинствомъ даже передъ этими нахалами и грабителями, которыхъ такъ часто Наполеонъ ставилъ своими намѣстниками съ властью татарскихъ баскаковъ; а съ тѣми французскими генералами и сановниками, которые были не безчестные люди, почти всѣ нѣмецкіе государи Рейнскаго союза держали себя и вовсе безукоризненно со стороны формъ, — и съ самимъ Наполеономъ также. И однако-жь эти государи, почти всѣ или очень гордые люди или благородные люди (какъ король Саксонскій), оставались вѣрными и усердными друзьями Франціи, хотя тяжесть протектората чувствовалась ими какъ нельзя впечатлительнѣе. Это просто потому, что существенные интересы ихъ и ихъ государствъ требовали того. А родственники Наполеона, державшіе себя такъ неудовлетворительно, были лучше большинства этихъ государей. Только Мюратъ былъ человѣкъ ненадежный, по своему легкомыслію, — остальные четверо всѣ были и очень неглупы (Іосифъ даже и очень уменъ, Евгений Богарне, кажется, тоже) и очень недурные люди по сердцу, — Евгений Богарне даже очень и очень благородный человѣкъ; Іосифъ — тоже хорошій; о Людовикѣ нечего и говорить. Изъ пятерыхъ — повторяю — только Мюратъ могъ стать неблагодаренъ по легкомыслію и фанфаронству; остальные четверо — никакъ не были способны стать плохими людьми. И однако же — мы говорили, каковы были ихъ отношенія къ Наполеону. Почему это было такъ, — вопросъ не затруднительный, но требующій длиннаго отвѣта, краткая сущность котораго проста: родственники суть родственники, то есть, члены семейства, и потому бываютъ хороши между собою, когда имѣютъ между собою семейныя отношенія: обѣдаютъ вмѣстѣ, пьютъ чай (у французовъ — кофе) вмѣстѣ, заботятся о здоровьѣ другъ друга, совѣтуются на-распашку, по родственному, веселятся вмѣстѣ. Но смѣшеніе двоякихъ отношеній, существенно разнородныхъ, не ведетъ ни къ чему, кромѣ неудобствъ, и черезъ неудобства ведетъ къ неизбежности взаимныхъ неудовольствій. Отношеніе между двумя государями совершенно разнородно съ отношеніемъ между двумя родственниками. Потому, неудобно одному государю быть братомъ или сыномъ другого государя. Почему неудобно, это можно пояснить другимъ сходнымъ неудобствомъ. Между государемъ и подданнымъ могутъ существовать безъ всякаго неудобства очень близкія дружескія отношенія: быть одному изъ этихъ двухъ лицъ человѣкомъ зависимымъ и человѣкомъ искренно преданнымъ, быть другому изъ нихъ человѣкомъ повелѣвающимъ и человѣкомъ искренно уважающимъ повиновающагося — это вещи, не заключающія въ себѣ противорѣчія, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи правотъ. Потому, никто изъ государственныхъ людей не говорилъ, что европейскимъ государямъ есть надобность или польза вести такой скучный образъ жизни, какой ведутъ японскій (мнимый, а не настоящій) государь даири (по принужденію отъ настоящаго государя, кубо) и (тоже мнимый) тибетскій государь (тоже по принужденію отъ настоящаго государя, китайскаго императора и его намѣстника въ Тибетѣ): эти несчастные люди на самомъ дѣлѣ отдѣлены отъ сношеній со всѣми безъ исключенія мужчинами, какъ несчастныя турецкія дамы отдѣлены на словахъ. Европейскіе государи живутъ какъ слѣдуетъ жить людямъ: имѣютъ пріятелей партнеровъ

для виста, для обѣда, ужина, для игры на бильярдѣ, для простаго разговора, служащаго отдохомъ отъ серьезныхъ занятій, — и ничего дурного не выходитъ изъ этого: можно быть и пріятелемъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, не нарушая формъ, приличныхъ для соблюденія подданному. Но есть такія отношенія семейной фамиллярности, которыя противорѣчатъ понятію „подданный“ въ точномъ смыслѣ слова, напримѣръ, звать коронованную особу полуименемъ — „Викторинька“ — *my dear Victoria*, — вмѣсто „Вы, королева“, — говорить ей „давай-ко поскорѣ чаю, Викторія“ и т. п. — это не годится подданному; потому королева Викторія поступила очень основательно, выбравъ себѣ мужа не изъ числа своихъ подданныхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, можно было бы найти и въ Англіи человѣка не менѣе чѣмъ принцъ Альбертъ способнаго составить счастье всякой другой хорошей женщины: но именно только для одной изъ хорошихъ женщинъ въ Англіи, для королевы Викторіи это было невозможно: съ англичаниномъ она рѣшительно не могла бы жить такъ мирно, хорошо и счастливо, какъ жила съ принцемъ Альбертомъ, хотя бы этотъ англичанинъ былъ идеаль всевозможныхъ семейныхъ достоинствъ и добродѣтелей. Какъ твердо вся публика всякаго государства понимаетъ основательность правила: „царствующее лицо должно избирать себѣ супруга или супругу не изъ числа своихъ подданныхъ, потому что отношенія подданства и супружества несовмѣстимы“, — также твердо знаютъ основательные историки и основательные государственные люди вѣрность другого общаго вывода изъ самой сущности дѣла и изъ множества примѣровъ: „каждая династія должна оставаться династіею своего государства, имѣющею одинъ престолъ и только одну коронованную чету“; публика, не занимающаяся специально историческими изслѣдованіями или политическими вопросами, менѣе твердо знаетъ это правило; но менѣе твердо знаетъ его только потому, что вопросъ о его примѣненіи встрѣчается рѣже, чѣмъ вопросъ о бракосочетаніи лица царствующаго или предназначеннаго царствовать.

Но если извинительно Западной Европѣ не очень твердо знать эту не-сомнѣнную истину, то намъ, русскимъ, можно было бы понимать дѣла въ этомъ отношеніи очень ясно. Для націй Западной Европы національныя историческія событія не представляютъ воспоминанія о такомъ великомъ урокѣ, какой мы должны были бы видѣть въ явленіи, обнимавшемъ собою болѣе четырехъ столѣтій нашей исторіи. Средневѣковое распадѣніе странъ на мелкія владѣнія приняло въ Западной Европѣ форму феодализма, — феодализмъ имѣлъ для cadaго свѣтскаго владѣнія особую мѣтную династію. У насъ точно такое же распадѣніе имѣло другую форму, — форму раздробленія государства по вотчинному праву (въ смѣшеніи съ республиканскимъ вѣчевымъ началомъ, которое постепенно было подавлено вотчиннымъ), — по вотчинному праву въ его славянскомъ духѣ, по которому, какъ извѣстно, дается доля недвижимаго имущества каждому изъ сыновей. Это громадное явленіе прочно начинается, — послѣ нѣсколькихъ прелюдій, достойныхъ такого перваго акта, — начинается тѣмъ, что Святополкъ рѣжетъ братьевъ, — и послѣдній актъ, имѣющій за собою аналоги, достойные такого послѣдняго акта, — кончается тѣмъ, что послѣдній великій князь Московскій, имѣющій серьезныхъ удѣльныхъ совладѣтелей, Василий Темный, ослѣвленъ этими совладѣтелями. По воспоминанію, уже безъ

серьезной надобности тянутся еще на полтора вѣка эпилоги: государи московскіе, все забывая, что они уже цари—единовластители, а не удѣльные великіе князья, истребляютъ своихъ родныхъ. Съ особеннымъ эффектомъ производится это въ двухъ послѣднихъ эпилогахъ: въ предпослѣднемъ, Іоаннъ IV своею рукою убиваетъ своего сына; сынъ, изволите видѣть, показался ему соперникомъ, хочетъ разорвать и погубить Россію, передавшись ея врагамъ, какъ передавались въ старину князья тверскіе. Тутъ эффектное обстоятельство—близость родства между убивающею рукою и убиваемымъ организмомъ; а послѣдній эпизодъ необыкновенно эффектенъ по своимъ послѣдствіямъ: мудрый правитель, вѣрный слуга царя,—неизвѣстно, устраиваетъ или нѣтъ, но вполнѣ одобряетъ то, что зарѣзываютъ послѣдняго представителя удѣльной формы, ребенка, которому имя удѣльнаго князя было дано только уже какъ почетный титулъ. Эффектъ извѣстенъ: два русскіе царя погибаютъ насильственной смертью, третій отведенъ въ плѣнъ къ иноземцамъ, государство подвергается непрерывному повсемѣстному грабежу въ теченіе цѣлой четверти столѣтія. Таковы эпилоги. А все время коренной драмы отъ убійствъ, совершенныхъ Святополкомъ, до ослѣпленія Василія Темнаго сплошь наполнено фактами, сообразными эпизодамъ, началу и концу драмы: „изгналъ“, „прогналъ“, „ослѣпилъ“, „насилъно постригъ въ монахи“, „бросилъ въ порубъ (тюрьму безъ оконъ)“ князь князя, своего родственника—этими фактами нѣтъ счета: „убилъ“ князь князя, своего родственника—этихъ фактовъ цѣлыя десятки. Само собою, что колоритъ фактовъ—средневѣковой, невозможный въ XIX вѣкѣ: теперь, соперничающіе претенденты не убиваютъ другъ друга, ссорящіеся государи родственники не ослѣпляютъ и не постригаютъ въ монахи другъ друга. Наполеонъ I,—какъ ни бывалъ свирѣпъ, въ случаѣ надобности или вспышки не казнилъ своихъ совладѣтелей—родственниковъ,—только низвергалъ и отдавалъ въ опеку;—Мюратъ при всемъ своемъ легкомысліи, не подослалъ убійцъ къ Наполеону,—только измѣнилъ ему, передался врагамъ. Въ наше время нельзя дѣлать или опасаться такихъ грубыхъ вещей, какія бывали въ темную старину. Но вѣдь сущность дѣла не въ формѣ, не въ насильственныхъ постриженіяхъ и выкалываніи глазъ:—сущность дѣла въ чувствѣ вражды между родственниками, вражды непримиримой, безпощадной.

Отчего было это чувство у Рюриковичей? Неужели они были не люди,—неужели не женскою грудью, а сосцами волчихи, какъ Ромуль и Ремъ, мифическіе прототипы нашихъ удѣльныхъ князей, были они выкормлены? Неужели въ ихъ душѣ не было натуральной веѣмъ людямъ склонности любить родныхъ?—Конечно, они были люди, имѣли эту склонность; многіе были люди мягкіе, добрые; многіе—люди благороднаго сердца. А все-таки, ни у одного изъ нихъ нѣтъ біографіи безъ семейныхъ раздоровъ, страшныхъ, свирѣпыхъ;—и лучшіе изъ нихъ, Мстиславы, прославились больше всего усердіемъ и удачею, съ которою низвергали родственниковъ. Да, сущность дѣла была,—какъ и всегда остается,—неотвратима никакими личными достоинствами или добродѣтелями: однофамильцы не могутъ безъ вреда себѣ, безъ огорченій себѣ, безъ ослабленія своихъ государствъ быть между собою въ отношеніяхъ государей къ государямъ.

Хотите ли выяснитъ себѣ общій принципъ, подъ неотвратимую силою

котораго охватывается этотъ частный случай несовмѣстности отношеній?— Отношенія между государями—чисто дѣловыя, требующія полной холодности чувства между государями. Императоръ русскій не имѣетъ никакихъ сильныхъ личныхъ чувствъ къ султану турецкому или королю шведскому, какъ Берингъ не имѣетъ никакихъ серьезныхъ личныхъ чувствъ къ Штиглицу, помѣщикъ къ купцу, которому продаетъ свой хлѣбъ, къ магазинщику, у котораго покупаетъ мебель. Между-престольныя отношенія совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя въ частномъ быту называются коммерческими. Два брата не могутъ быть хозяевами двухъ фирмъ, имѣющихъ торговлю между собою; одинъ братъ не можетъ быть подрядчикомъ, входящимъ въ контрактныя условія съ другимъ; все знаютъ, что это не годится, никто изъ благо-разумныхъ людей не становится въ такія отношенія: коммерческія дѣла ведутся только съ чужими людьми; иначе, и братья перессорятся, и дѣло пойдетъ у обоихъ плохо. Братья должны или имѣть общую фирму, или разойтись по такимъ дѣламъ, которыя не сводили бы ихъ въ коммерческіе разсчеты. Одинъ братъ можетъ имѣть суконный магазинъ другой лавку серебряныхъ товаровъ, и они останутся въ ладу, потому что ихъ дѣла не соприкасаются. Въ подобномъ положеніи находятся династіи очень маленькихъ государствъ, не имѣющихъ далекаго круга серьезныхъ соприкосновеній: младшая линія можетъ безъ вреда себѣ и старшей линіи занять другой престолъ, престолъ государства, не имѣющаго серьезныхъ соприкосновеній съ кореннымъ государствомъ. Братъ герцога Баденскаго могъ бы безъ неудобства себѣ и ему стать королемъ шведскимъ. Но не только династія великихъ державъ, даже династіи голландская или испанская находятся въ другомъ положеніи: даже испанская династія уже соотвѣтствуетъ дому Ротшильдовъ, который находитъ невозможнымъ раздѣлить свою фирму, — въ свѣтъ не достаетъ мѣста, чтобы обособившаяся фирма могла не сталкиваться съ коренною: дѣла коренной фирмы слишкомъ обширны. Подобно коммерческимъ отношеніямъ, между-государственныя, между-престольныя отношенія требуютъ точнѣйшаго взаимнаго учета до копѣйки; до малѣйшей мелочи балансъ долженъ быть ровень. Иначе, тотчасъ же выйдетъ хаосъ, разладъ, ссоры, вредныя для обѣихъ сторонъ. Родные не могутъ держать себя такъ между собою.

Если покойный государь имѣлъ такой взглядъ, то неосновательно предположеніе, что онъ серьезно желалъ сдѣлать Константинополь съ окрестною областью государствомъ для младшей линіи своей династіи. Если-жъ онъ имѣлъ это желаніе, все-таки было бы совершенно напрасно порицать его за такую наклонность, потому что онъ въ этомъ случаѣ раздѣлялъ бы мнѣніе почти всей публики всѣхъ націй и огромнѣйшаго большинства всѣхъ дипломатовъ, полагающихъ, что учрежденіе престола для младшей линіи не ослабляетъ, а усиливаетъ старшую линію и государство старшей линіи. Мнѣніе, раздѣляемое почти всѣми, нельзя ставить въ порицаніе никому, хотя бы оно было ошибочно. Но тѣмъ не менѣе, оно ошибочно. И если покойный государь раздѣлялъ его (это вовсе не доказано, —но для полноты разбора предположимъ и этотъ случай), то ошибался, и въ этомъ случаѣ истинно проницательный европейскій правитель воспользовался бы его ошибкою, чтобы ослабить Россію предоставленіемъ ей мнимаго увеличенія силы. Теперь, нѣтъ

сомнѣнія, что это впоследствии оказалось бы ослабленіемъ Россіи. Но покойный государь все-таки не заслуживалъ бы порицанія за то, потому что на первое время и Россія, и Европа ошиблись бы подобно ему: предположили бы, что могущество Россіи увеличилось. То, что это не такъ, замѣтили бы лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Но каковы бы ни были существенныя, серьезныя желанія покойнаго государя относительно избранія государя для Константинополя и относительно протектората надъ другими новыми государствами въ предѣлахъ нынѣшней европейской Турціи,—желанія, которыхъ мы не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью, потому что возможность выработаться въ опредѣленную форму была отнята у нихъ отказомъ англійскаго правительства начать объясненія,—и какъ бы ни была велика сдѣланная большинствомъ европейской и нашей публики несправедливость принимать первоначальный, черновой проэктъ за окончательную формулировку ихъ, я скажу, что была несправедливость еще болѣе важная и вредная для Европы и Россіи въ крикъ, поднявшемся тогда двумя разногласными хорами—однимъ у насъ, другимъ въ Европѣ. Оба разобранныя нами предположенія покойнаго государя сами по себѣ не имѣли бы силы поднять этого крика,—несравненно сильнѣе ихъ поддѣйствовало третье его предположеніе, замѣченное нами и Европою въ ихъ разговорахъ: онъ признался Сеймуру, что хочетъ присоединить всю европейскую Турцію къ Россіи. Это намѣреніе,—я долженъ сказать,—дѣйствительно могло и должно было ужаснуть Европу. Никакими аргументами не въ силахъ я доказать, что Европа не была права въ своемъ негодованіи на это намѣреніе. Тутъ не отобѣешься никакими Вильгельмами третьими и испанскими вопросами. Никакими удѣльными системами и примѣрами изъ исторіи Наполеона не докажешь, что русская публика ошиблась, нашедши присоединеніе такихъ богатыхъ областей съ такими стратегическими и морскими позиціями, какъ Дарданеллы, Босфоръ, Константинополь громаднымъ увеличеніемъ средствъ Россіи ужасать Европу военнымъ могуществомъ. Но точно также я не въ силахъ доказывать, что большинство русской публики было несправедливо, подвергнувъ порицанію чрезвычайную неосторожность, сдѣланную открытіемъ такого намѣренія Европѣ: подобные замыслы не высказываются,—предупреждать о нихъ другія державы безразсудство.

Такъ. Я вполне согласенъ. Только вотъ какая странность: Европа и большинство нашей публики прочли въ разговорахъ покойнаго государя съ Сеймуромъ относительно этого третьяго пункта вещь, которой вовсе, повидимому, не слѣдовало бы прочесть въ нихъ. Во-первыхъ, что же изъ европейской Турціи остается для присоединенія къ Россіи послѣ первыхъ двухъ пунктовъ? Кажется, ровно ничего. Первый пунктъ говоритъ: „вся европейская Турція до окрестностей Константинополя“,—второй пунктъ прибавляетъ: „и Константинополь съ его окрестностями“—должны имѣть своихъ особенныхъ государей,—кажется, ужъ ровно ничего не оставлено для присоединенія къ владѣніямъ русскаго государя. Кажется, можно бы довольно ясно рассмотреть это. Но мало того: покойный государь и прямо, положительно выразилъ свое твердое рѣшеніе, что границы самой Россіи не будутъ расширены, прибавилъ и причину такого своего рѣшенія: потому, что расширеніе ихъ было бы вредно ей. Съ того и

началь онъ. Выразить это въ самой безусловной формѣ было первое его заботою. Это и прописано у Сеймура какъ нельзя точнѣе.

Что-жъ это такое, читатель? Читать „нѣтъ“ и воображать себя читающими „да“,—смотреть на слова „не хочу, не сдѣлаю“ и видѣть вмѣсто нихъ слова: „желаю и сдѣлаю“,—что-жъ это такое, читатель?

Да, читатель: это такая штука, которая озадачить своею изумительностью человѣка, мало опытнаго въ наблюденіи того, что творится на бѣломъ свѣтѣ,—что творится на немъ людьми надъ самими собою.

Хоть бы заподозрили искренность покойнаго государя, хоть бы отвергли, какъ притворство, противоположное рѣшеніе его,—нѣтъ, все возопило: „признался! признался!“—и вотъ ужъ подлинно возникъ „на горизонтѣ“ и европейской и нашей публики тотъ „куполь Св. Софіи“, о которомъ говоритъ Кинглекъ. „Русскій царь сказалъ Сеймуру“—возопилъ одинъ хоръ и вознегодовалъ; „нашъ царь сказалъ Сеймуру“—возопилъ другой хоръ, и возликовалъ.

Что-жъ это такое, читатель? Откуда взялся этотъ куполь?—„нѣтъ купола, не будетъ купола, вреденъ былъ бы миѣ куполь“,—говоритъ человѣкъ, „ура! нашъ царь дастъ намъ куполь!“—Къ оружію, братья, русскій царь сказалъ: беру себѣ куполь,—не дадимъ ему купола! Aux armes, messieurs, mylords et gentlemens!“

Съ чего вы взяли ваше „ура“ и ваше aux armes? несчастные, несчастные люди!

Странный случай!—быть можетъ, хотите вы сказать, читатель,—нѣтъ, читатель: это очень обыкновенный въ исторіи случай: смотреть на вещь, и видять не ту вещь, которая передъ глазами, а совершенно другую, чаще всего, вещь прямо противоположнаго характера, которую, казалось бы очень мудрено увидѣть человѣку, имѣющему глаза, потому что она вовсе не существуетъ. Но эту несуществующую вещь видять, а ту, которая передъ глазами, не видять, потому что смотреть, зажмуривъ глаза или отъ страха, или для болѣе удобнаго созерцанія внутреннихъ своихъ видѣній, кажущихся болѣе пріятными или важными, чѣмъ факты. Мы уже встрѣчали на предыдущихъ страницахъ много примѣровъ такого способа созерцанія: все партіи французской націи, отъ легитимистовъ до красныхъ, неукоснительно занимались имъ съ конца 1847 до конца 1851. Потомъ, мы читали, какъ англійская публика созерцала русскую націю. Какой пріятный вечеръ 4 декабря приготовили себѣ французы такимъ созерцаніемъ и какое прекрасное собраніе они устроили для себя, мы уже видѣли; потомъ увидимъ, что и англичане также извлекли для себя не малую пользу и пріятность изъ того же прекраснаго манера созерцанія. А далѣе, увидимъ, что и наша съ вами, читатель, русская публика не отстала отъ просвѣщеннѣйшихъ націй въ этомъ искусствѣ и также извлекла изъ него очень хорошую сумму отрады для русской націи, въ числѣ же ея и для себя самой.

У насъ привыкли все сваливать на правительство (эта манера издавна была въ модѣ и у французовъ). А мы, читатель, посмотримъ въ ходъ дѣла посолднѣе,—и постараемся рекомендовать публикѣ другую манеру разсужде-

нія,—менѣе вкусную, но болѣе полезную. Эту методу мы вотъ и испробуемъ на Крымской войнѣ.

Когда возникла эта война, и оказалась для русской публики удивительная вещь, которой публика никакъ не ожидала, именно,—что война стоитъ большихъ денегъ, рѣкъ крови,—русская публика, изволите ли видѣть, полагала, что война есть милый парадъ, на который очень интересно любоваться,—когда торговля остановилась, все покупаемое стало дорожать, все продаваемое стало идти за безцѣнокъ, когда пошли усиленные рекрутскіе наборы, когда пришлось всѣмъ сидѣть безъ денегъ въ размышленіяхъ о родныхъ, страдающихъ или уже погибшихъ въ степяхъ и болотахъ театра войны, въ траншеяхъ и на бастіонахъ Севастополя, въ битвахъ, штурмахъ и лазаретахъ,—когда русская публика вкусила и раскусила что такое война,—русской публикѣ захотѣлось отыскать, кого порицать за эту войну и найти факты, на которыхъ можно бы основать порицаніе. Она вообразила, что нашла очень важный такой фактъ въ разговорахъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, и изволила сообразить, что именно эти-то вотъ разговоры виноваты въ войнѣ. Но она потрудились не замѣтить одного обстоятельства, очень солиднаго: она сама прочла, а нѣсколько пораньше ея, Западная Европа прочла въ этихъ разговорахъ вовсе не то, что въ нихъ было. Если бы Западная Европа прочла то, что было въ нихъ: „купола нѣтъ“,—„расширять предѣлы не желаю, потому что расширение ихъ было бы вредно для Россіи“,—то Западная Европа не нашла бы въ этихъ разговорахъ никакой важной вредности для нея,—да и русская публика тоже не нашла бы причины ликовать по поводу ихъ до вкушенія плода отъ древа познанія войны, и порицать по вкушеніи его.

Какъ же произошло это обстоятельство? О, Боже мой, да очень просто: гораздо раньше, нежели покойный государь сталъ говорить въ Сеймуромъ,—гораздо раньше, нежели Сеймуръ явился посланникомъ въ резиденцію покойнаго государя, на разговоры покойнаго государя съ Сеймуромъ былъ уже готовъ комментарий,—Европа и русская публика прочла эти разговоры съ комментариемъ на нихъ, сочиненнымъ за-долго до нихъ,—и комментарий былъ такъ хорошъ,—достолюбезенъ для русской публики, грозенъ для Европы, что и наша публика и Европа имѣли полное право заняться исключительно комментариемъ, не удостаивая вниманія разговоры. Кто же сочинилъ этотъ комментарий.—Да все то же самое достолюбезное огромное большинство русской публики. Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, я слышалъ эту болтовню; съ тѣхъ поръ, какъ помнить себя самые старые изъ людей, видѣнныхъ мною, они слышали эту болтовню; но говорить, что особенно распространилась она съ 20-тыхъ годовъ,—почти одновременно съ первою холерою, только не прошла, какъ холера, а все росла и крѣпилась; она постоянно шла и въ печатномъ словѣ, какъ въ изустномъ; огромное большинство нашихъ писателей съ достопочтеннаго поэта Н. М. Карамзина, чувствительнаго русскаго путешественника, выказавшаго такую замѣчательную способность поѣздить по Франціи и пожить въ Парижѣ во время революціи, не замѣчая революціи, и такой великій талантъ государственнаго мужа въ своей милой запискѣ „о старой и новой Россіи“, гдѣ говорить, что всѣ бѣдствія Россіи

значительно смягчатся, если губернаторами будут назначаться исключительно люди из богатых старинных фамилий,—до автора стихотворений о томъ, что враги Россіи не услышатъ „пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца“ (какой патріотизмъ-то, сообразите!) и о томъ, что врагамъ Россіи непонятна „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина („сіи скрижали“, по выраженію онаго поэта)—всѣ, кромѣ очень немногихъ, занимались при случаѣ тою же болтовнею, заимствованною изъ стариннаго гимна,—помните:

Громъ побѣды раздавался,
Веселися, храбрый Россъ;
Звучной славой украшайся.
Магомета ты потрѣсь,—

хотите-ли вы, напримѣръ, примѣръ болтовни Пушкина. — прочтите-ко его предисловіе къ „Путешествію въ Эрзерумъ“, да припомните, кетати, какъ у него даже сами эрзерумцы уже говорятъ, что русскіе скоро возьмутъ Константинополь:

Стамбуль гауры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой
Какъ змія спящаго раздавятъ.

Это была болтовня, читатель,—пустая болтовня, не больше, разсужденія Маниловыхъ о томъ, какъ они построятъ мостъ черезъ прудъ, и устроятъ на немъ лавки, — болтавшее огромное большинство русской публики и русскихъ писателей не намѣрено было пожертвовать не только ни одною каплею своей крови,—даже ни мѣднымъ грошемъ для этого дѣла; да оно и не воображало себѣ его какъ дѣло, или хоть какъ намѣреніе,—оно только болтало.—Да, это была только пустая, праздная, пошлая болтовня,—но вѣдь Европа не была обязана знать, что это пустая болтовня, она не имѣла права думать этого, она не имѣла права думать, что огромное большинство русскихъ писателей пишетъ пустую, праздную болтовню, — огромное большинство русскаго образованнаго общества говоритъ пустую, праздную болтовню,—и когда она принималась за чтеніе разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, у ней въ ушахъ звенѣло „Стамбуль и Босфоръ“—„Стамбуль и Босфоръ“,—у ней въ глазахъ темнѣло и рябѣло отъ этого звона въ ушахъ,—и передъ ея глазами тоже заперстрѣло: „Стамбуль и Босфоръ“.—Европа была права, читатель: свѣтъ не имѣетъ права предполагать, что большинство общества, называющаго себя представителемъ великой націи, состояло изъ Маниловыхъ, Собакевичей и Чичиковыхъ, съ преобладаніемъ Маниловыхъ по числу персонъ, Собакевичей по количеству денегъ въ шкапулъкахъ,—Чичиковыхъ по житейской дѣятельности.

Она принимала это большинство публики и писателей за представителя русской націи, болтовню его за выраженіе чувствъ русской націи.—Мы съ вами, читатель, жестоко смѣялись надъ Кинглекомъ за то, въ какомъ видѣ представляются ему мысли и стремленія русской націи, — но читатель, опъ ошибается только въ томъ, что говоритъ „къ этому стремилась русская на-

ція“, — вмѣсто того, чтобы сказать: „этимъ празднословіемъ занималось большинство русской публики“.

Европа не могла слышать словъ покойнаго государя, — не могла понять ихъ, — потому что большинство русской публики слишкомъ прозвонило ей уши этою болтовнею. А большинство русской публики и не замѣчало еще какъ громка эта его болтовня: оно не уважало себя, оно не понимало, что хоть оно Маниловы, Собакевичи и Чичиковы, — по преимуществу, Маниловы, — люди ничтожные, — что хоть они и сами себя считаютъ людьми ничтожными и презрѣнными, но что вѣдь они — въ глазахъ Европы — представители великой, мощной, честной, серьезной націи, — что потому, какъ ни слабъ и дряблъ самъ по себѣ, какъ ни дрянень и жидокъ голосъ ихъ, онъ звучитъ во вселенной съ серьезною силою громового голоса русской націи.

Оглушая Европу, русская публика сама почти не слышала своего голоса. Но вотъ, — Европа вынуждена была сказать „я ужасаюсь этого голоса“ — русская публика услышала это „вотъ что! такъ мы дѣйствительно хотимъ взять Константинополь? — Ай-да мы! молодцы!“ и удивилась, и восхитилась, и расхрабрилась, и ужъ точно, раскричалась: прошу читателя вспомнить, что писали почти всѣ русскіе писатели и чему сочувствовали почти всѣ русскіе читатели отъ начала серьезной распри до появленія союзныхъ флотовъ на Черномъ морѣ и передъ Кронштадтомъ: „всю европейскую Турцію присоединимъ къ Россіи“. — Это твердилось тогда почти всеми писателями. А почти всѣ читатели восхищались этими умными словами и очень многіе изъ читателей комментировали ихъ въ разговорахъ еще умнѣе: „шапками закидаемъ англо-французишковь! идемъ на Парижъ!“ — не знаю, какъ вы, читатель, а я имѣлъ удовольствіе слышать это собственными ушами, — и хоть бы отъ людей полуграмотныхъ: нѣтъ, отъ людей, недурно судившихъ объ оперѣ и Шекспирѣ, — и хоть бы отъ юныхъ прапорщиковъ: нѣтъ, отъ людей пожилыхъ, повидимому солидныхъ, имѣвшихъ чины отъ надворнаго до статскаго совѣтника, — вѣроятно, и повыше, но я не встрѣчался тогда съ лицами болѣе высокихъ чиновъ, потому лично не могу свидѣтельствовать о нихъ ничего, — и хоть бы пьяны были почтенные и солидные закидыватели шапками, когда говорили это: нѣтъ, они разсуждали такимъ манеромъ въ трезвомъ видѣ.

Вы знаете, читатель, какимъ другимъ пошлымъ хоромъ смѣнился этотъ хоръ, когда грянулъ Севастопольскій громъ, когда союзный флотъ ходилъ мимо Кронштадта и стронлаесь батареи въ предмѣстьяхъ Петербурга, — вы знаете, какимъ малодушнымъ униженіемъ затряслись эти храбрецы, и какъ они на-поваль лязвили въ своихъ низкихъ разговорахъ всѣхъ и все, — отъ покойнаго государя до послѣдняго солдата, отъ правительственныхъ дѣйствій до кремневыхъ замковъ нашихъ тогдашнихъ ружей, — это былъ шопоть такой же гнусный, какъ прежній крикъ, — и столь же убійственный для русской націи: крикъ накликалъ на насъ врага, шопоть смущалъ истинныхъ представителей націи, такъ что они не могли отступитъ и сказать врагу „миримся“, — шопоть мѣшалъ миру, — мириться при такомъ шопотѣ было бы трусостью.

Такъ ли читатель? Кто же пролилъ рѣки крови? Кто раззорилъ весь югъ Россіи, истощилъ силы всѣхъ остальныхъ частей Россіи? — Кто? — О, если бы совѣсть и факты позволяли думать: „покойный государь“ — какъ это было бы хорошо для Россіи! Покойный государь уже давно умеръ, и мы могли бы не опасаться за будущее; — хорошо было бы для Россіи, если бы совѣсть и факты позволяли сказать хоть: „ну, если не покойный государь, то наше правительство“ — и это было бы успокоительно: министры мѣняются, посланники мѣняются, генералы мѣняются, — тогда были Нессельроде, Меншиковъ, Паскевичъ, Горчаковъ, — теперь, всѣ они сошли со сцены, — черезъ двадцать, тридцать лѣтъ не останется на сценѣ и никого изъ тогдашнихъ сановниковъ: вѣдь они и тогда были люди ужъ немолодыхъ лѣтъ, — устанутъ, одряхлѣютъ, выйдутъ въ отставку, — значить если бы они были виноваты, всякая опасность уже почти прошла бы, скоро и вовсе прошла бы. Но, читатель, плохо, очень плохо то, что ни покойный государь, ни правительство не виноваты въ Севастопольской войнѣ. Это очень, очень плохо. Большинство публики — вѣдь это персона безсмертная, не удаляющаяся въ отставку, — нѣтъ никакой надежды чтобы эта персона, устроившая крымскую войну, перестала быть представительницею русской націи и имѣть громадное вліяніе на ея судьбу. Есть одна надежда: эта безсмертная, не дряхлѣющая персона очень, очень молода и неопытна. Она научится, она станетъ опытиѣ, разсудительнѣе. Это несомнѣнно, — это не надежда, это математическая достовѣрность. Надежда — надежда еще лучше, но за то только надежда, а не полная несомнѣнность: надежда-то, эта персона довольно скоро станетъ опытиѣ и разсудительнѣе.

Тогда, эта стотысяче-головая персона будетъ дѣйствовать и говорить съ пользою для русской націи. А теперь, ей надобно учиться — вотъ, мы и стараемся показать, — какъ вредно стало для нея и для націи, что она не уважала себя и по неуваженію къ себѣ занималась пустою болтовнею. Теперь, мы будемъ смотрѣть, какъ эта персона, достолюбезная масса русскаго просвѣщеннаго общества, стала отличаться тогда, когда изъ ея глубокой болтовни стали выходить уже серьезныя опасности столкновенія съ западными державами изъ-за ея „глазки и лапки, Стамбуль и Босфоръ, Стамбуль и Босфоръ, глазки и лапки“. Тутъ она отличалась еще умнѣе и благороднѣе прежняго, — она стала, изволите видѣть, восхищаться новооявившимся въ ней талантомъ, потѣшаться въ своемъ шушуканьи надъ дѣйствіями ея правительства: оно, изволите видѣть, казалось ей очень забавно, потому что не дѣйствовало съ такою храбростью, какою была одушевлена чешущая свои сотни тысячъ языковъ достолюбезная персона. Она и почесывала эти языки въ темныхъ своихъ шушуканьяхъ такимъ манеромъ, что дескать наше правительство труситъ — ха, ха, ха! — а я вотъ какъ поступила бы, — вотъ мы и посмотримъ, было ли за что шушукать „правительство труситъ“ и умно ли предполагала поступить храбрая шушукующая персона.

6 сентября
1863.

ДНЕВНИКЪ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

1852—1853 *).

*) Примѣчанія въ выноскахъ, отмѣченныхъ цифрами, сдѣланы мною. *Мих. Чернышевскій.*

ДНЕВНИКЪ ВЪ САРАТОВѢ.

25 ноября 1852 г., 8¹/₂ час. послѣ чаю, передъ ужиномъ. — Голова, показалось мнѣ, что тяжела, поэтому, отъ нечего дѣлать, сталъ перебирать бумаги и нашелъ дневникъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга и задумалъ продолжать.

И продолженіе начинаю въ обстоятельствахъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, при какихъ началъ—тогда молоденькая дамочка и теперь Катерина Николаевна.

Итакъ, начинаю со вчерашняго дня, чтобы не дать изгладиться свѣжимъ впечатлѣніямъ, потомъ переберу и другія стороны своей Саратовской жизни.

Съ августа или сентября прошлаго года, давая уроки у Кобылина ¹⁾ его сыну, я не бывалъ въ ихъ семействѣ и не поздравлялъ его на именины оттого, что не хотѣлъ еще бывать въ Саратовскомъ обществѣ. Наконецъ, вскорѣ послѣ Пасхи (нѣтъ, не оттого собственно я не бывалъ, а оттого, что не смѣлъ показаться, не зная, какъ меня примутъ; но вмѣстѣ и нежеланіе являться въ обществѣ было тутъ) было у нихъ какое то торжество, должно быть день рожденія Николая Михайловича ²⁾ и меня пригласили. У меня не совѣтъ прошелъ флюсъ; все таки я собрался, съ большими хлопотами, взошелъ въ залу; тамъ сидѣли Михайловскіе ³⁾ и Млн ⁴⁾ стоялъ у рояли, на которой игралъ Михайловскій. Я по обыкновенію не зналъ, что дѣлать, но подошла сама Анжелика Алексѣевна ⁵⁾ и сказала, чтобы я шелъ въ залу, и тамъ я сидѣлъ неподвижно; впрочемъ, Николай Михайловичъ удостоилъ меня чести, что сѣлъ вмѣстѣ со мною и разсказывалъ свои анекдоты, обращаясь ко мнѣ, что я, конечно, весьма цѣнилъ, но былъ, по обыкновенію, скроменъ, какъ баранъ. Обѣдалъ—это все еще ничего; послѣ обѣда, благодаря Сер. Гаврил. ⁶⁾, который былъ тутъ ⁷⁾, я вступилъ въ разговоръ: не знаю, что то она спросила меня и я долженъ былъ отвѣчать и удостоился такимъ образомъ чести въ первый разъ сказать нѣсколько словъ съ Катериною Николаевною ⁸⁾. Это было въ залѣ у второго окна отъ рояли. Потомъ сѣли играть въ вистъ—она, Сер. Гавр. я и Михайловскій, и я помню,

¹⁾ Въ подлинникѣ поставлено слово, написанное арабскими буквами. По смыслу текста на этомъ мѣстѣ должна быть фамилія Кобылина.

²⁾ Николай Михайловичъ Кобылинъ, тогдашній предсѣдатель Саратовской Газетной Палаты.

³⁾ Фамилію эту ставлю на догадкѣ. Въ подлинникѣ стоитъ *Млнс*.

⁴⁾ Фамилію не могъ разобрать.

⁵⁾ Кобылина, жена Николая Михайловича.

⁶⁾ Не могу съ точностію сказать: *Сергію Гавриловичу* (Шапошникову) или *Серафиму Гавриловичу*—начальныя буквы подходятъ къ обоимъ случаямъ.

⁷⁾ Три слова неразборчивы.

⁸⁾ Дочь Кобылина, молоденькая барышня 15—16 лѣтъ.

какъ дорого мнѣ было это удовольствіе, потому что она съ перваго разу мнѣ понравилась, да и то, что они первыя лица въ Саратовѣ по своему положенію въ обществѣ, имѣло тутъ свое дѣйствіе. Такъ это продолжалось до 10 часовъ и, помню, что первый разговоръ былъ о Святогорцѣ и Муравьевѣ, о которомъ я сказалъ, что онъ можетъ въ 3 минуты положить 97 земныхъ поклоновъ и что на этотъ фокусъ собираются смотрѣть по билетамъ. Я помню, какъ я считалъ себя тогда обязаннымъ Сер. Гавр. за то, что черезъ него получилъ я честь сидѣть подлѣ Катерины Николаевны и играть съ нею въ карты. Я помню, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Катерина Николаевна всегда выигрывала и какъ я старался выиграть, когда игралъ съ нею, и проигрывать, когда игралъ противъ нея. И я помню, что она всегда выигрывала и мнѣ, можетъ быть, сказала нѣсколько словъ, можетъ быть какъ нибудь иначе, но оказала (какъ и всемъ, конечно) вниманіе, и въ какой я былъ радости отъ этого. И послѣ этого я дня три только и видѣлъ ее передъ глазами. Но это была пока глупость, болѣе ничего, потому что тогда я еще не зналъ ее; это было просто дѣйствіе того, что еще въ первый разъ я былъ въ обществѣ миленькихъ ⁹⁾ (потому что Серафима Гавриловна, конечно, не очень хороша собою). Когда собрались ѣхать, Михайловскій попросилъ меня взять его и поѣхать по соборной площади, чтобы отыскать извозчиковъ, потому что была страшная грязь въ полномъ разгарѣ и, не найдя, я отвезъ его на Московскую улицу, гдѣ ему попался извозчикъ.

Итакъ, послѣ этого я былъ подлѣ сильнымъ (тогда, впрочемъ, еще глупымъ) вліяніемъ Катерины Николаевны.

И я нѣсколько времени бредилъ ею (только не придавайте этому слову ужъ слишкомъ важнаго значенія). И я съ нетерпѣніемъ ждалъ 9 мая, думая, что снова будетъ тоже.

И я надѣлъ мундиръ, поѣхалъ поздравлять Николая Михайловича и взялъ долгушу¹⁰⁾. Но увы! Меня не пригласили къ обѣду, какъ я надѣялся; потому, должно быть, что никого не приглашали. Это меня огорчило. Разрушило мои надежды на то, что увижу снова вблизи ее.

И послѣ этого мѣсяца 2—3 я не видѣлъ ее.

И помню, какую радость доставилъ мнѣ слѣдующій случай:

Я бралъ для Николая Ивановича¹¹⁾ *Revue des deux mondes*. Hans Jacob¹²⁾ (это было, должно быть, скоро послѣ Пасхи, потому что была страшная грязь), встрѣтился со мною на улицѣ, просилъ меня доставить ему нынѣ же одну изъ взятыхъ мною книжекъ. И вотъ я самъ явлюсь съ ней, и вотъ я посижу у нихъ вечеръ, и вотъ, можетъ быть, я буду бывать у нихъ. И я потащился за нею къ Николаю Ивановичу и съ біеніемъ сердца подѣзжалъ къ ихъ дому. Но, увы! Они мнѣ встрѣтились на крыльцѣ—они выходили, чтобы ѣхать гулять и вслѣдъ за ними шель Александръ¹³⁾. И я помню, она мнѣ сказала: „Вы къ Сашѣ? Онъ идетъ за нами“. И потащился я съ грустными мечтами снова домой.

⁹⁾ Одно слово неразборчиво.

¹⁰⁾ Мѣстное названіе экипажа.

¹¹⁾ Костомарова.

¹²⁾ Hans Jacob—Иванъ Яковлевичъ? Не знаю, кто подразумевается подъ этимъ именемъ. По смыслу текста—какъ будто Кобылинъ.

¹³⁾ Сынъ Кобылина, которому тогда отецъ мой давалъ уроки.

Но когда же это было? Не знаю. Только послѣ перваго раза, какъ я у нихъ былъ, и была еще грязь.

Но вотъ начинается и мое знакомство съ ними.

Да, помню еще, какъ я былъ разъ обрадованъ, когда, идя отъ нихъ, встрѣтился съ Николаемъ Михайловичемъ между бульваромъ и ихъ домомъ, — радовался случаю поклониться ея отцу.

Но вотъ начинается и мое знакомство.

И помню, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ, чтобы они переѣхали на дачу, надѣясь, что буду ѣздить туда давать уроки и что, слѣдовательно, нельзя, чтобы меня не оставляли тамъ.

Анжелика Алексѣевна уже раньше разъ говорила мнѣ, что я у нихъ никогда не обѣдаю—это разъ когда она вышла къ намъ внизъ, чтобы взять Александра съ собою и попросила меня кончить урокъ.

Но, увы! Александръ прѣзжаетъ брать уроки въ городъ.

Снова разрушились надежды.

Но, наконецъ, когда разъ онѣ поѣхали въ городъ, въ то время, когда у насъ былъ урокъ, Анжелика Алексѣевна вошла въ кабинетъ, гдѣ мы сидѣли, и сказала мнѣ, чтобы я прѣхалъ къ нимъ на дачу, сказала опредѣленно. Что у нихъ фейерверки и чтобы я прѣзжалъ въ воскресенье.

И, наконецъ, я рѣшился.

И вотъ—Господи, сколько сборовъ! — И, наконецъ, я умытый, одѣтый и т. д. и т. д.—въ этихъ сборахъ прошелъ часъ—какъ и часто проходилъ, — и теперь проходить $\frac{1}{2}$ часа.

Голова прошла совершенно и я принимаюсь за свою работу. Теперь 9 час.

1853 года, января 9, въ 10 $\frac{1}{2}$ час. утра. Продолжаю. Не пошелъ въ гимназію, чтобы обдумать и начертить устройство клапана, который заказывать долженъ я былъ ѣхать съ Николаемъ Ивановичемъ¹⁴⁾ въ половинѣ втораго. Но соображая, убѣдился окончательно, что машина не пойдетъ при такомъ устройствѣ (колесо съ чечевицеобразными ¹⁵⁾), потому что давленіе воды на выходящую массу будетъ болѣе, чѣмъ вся сила колеса. Это меня такъ озадачило, что я рѣшился бросить все это (пока; можетъ быть послѣ снова примусь, когда будутъ средства); если дѣлать опытъ, то въ самомъ только простомъ видѣ—простое колесо, которому и не будетъ мѣшать давленіе воды, и рѣшился уничтожить всѣ слѣды своихъ глупостей, поэтому изорвалъ письмо въ Академію Наукъ, ту рукопись, которую нѣкогда отправлялъ Ленцу и которая все хранилась у меня, наконецъ, всѣ чертежи и расчеты, относящіеся къ моимъ послѣднимъ похождениямъ у Николая Ивановича и теперь сажусь продолжать.

Прежде всего описываю два послѣднихъ случая.

1. 6 генваря, что было на ея день рожденія. Я рѣшился въ этотъ день высказать ей свою любовь и какія тутъ мысли вертѣлись у меня въ головѣ. Она весьма хороша, но не образована. Я предложу ей давать уроки; конечно, безъ платы. И я буду имѣть потомъ удовольствіе думать, что она обязана мнѣ кое чѣмъ все-таки. Я скажу ей: Вамъ приходится время любить—можетъ быть вы въ опасности выбрать недостойнаго—выберите же меня, потому что я люблю васъ

¹⁴⁾ Костомаровымъ.

¹⁵⁾ Слово неразборчиво.

искренно и эта любовь во всякомъ случаѣ не будетъ для васъ опасна. Все было обдумано. Хорошо. Конечно, меня оставили объѣдать. Подали закуску. Она отошла и сѣла у окна, которое у дверей изъ маленькой комнаты. Я подошелъ съ намѣреніемъ просить ее на кадрили, но не рѣшился бы, можетъ быть; она сама сказала: „Николай Гавриловичъ, скажите что нибудь“. — „Я собирался просить васъ на кадрили“. — „Такъ рано?“ — „Послѣ не успѣешь“. — „Извольте, четвертую, потому что три первыя я уже общала“. — „Еще?“ — „Можетъ быть и четвертую не будутъ танцовать“. — Послѣ обща я оставался тамъ, была и Серафима Шапошникова и было весьма скучно, потому что я не могъ придумать, чтобы сказать, и, наконецъ, она стала учить танцовать маленькую дѣвочку, которая иногда бывала у нихъ. Наконецъ, явились и гости; наконецъ, вотъ и гости (двое Юрасовыхъ, Свѣчина, Стефани). Иванъ Ивановичъ ¹⁶⁾ хотѣлъ ѣхать въ театръ я, главнымъ образомъ, его удерживалъ. Первую кадрили я танцевалъ съ Оленькою, которая продолжала сердиться и не говорила ни слова, вторую я игралъ, третью танцевалъ съ Шапошниковою и защищалъ Юрасову, которая поругалась съ Иваномъ Ивановичемъ. Наконецъ, вотъ и четвертая кадрили. Я подхожу, она говоритъ: „Я думала, что вы забудете“ (кокетство это было, или нѣтъ?). Я старался сѣсть вдаль, чтобы сидѣть однимъ и чтобы некому было подслушивать. И вотъ во время первой фигуры я началъ: „Катерина Николаевна, прежде всего, я долженъ сказать, что я говорю серьезно и совершенно искренно. Для меня чрезвычайно трудно сказать то, что я рѣшился, наконецъ, сказать. Но я все-таки скажу... Никогда я не забуду того разстоянія, какое есть между вами и мною...“ — „Съ кѣмъ вы танцуете слѣдующую кадрили? Танцуйте съ Софьей Юрасовой, полюбезничайте съ нею (это было сказано такимъ голосомъ, какимъ обыкновенно отклоняется разговоръ, который не хотятъ продолжать). Я не люблю говорить того, что не думаю. Только смотрите, не задѣвайте ее, она вамъ наговоритъ дерзостей“ и т. д. Откуда взялись слова, такъ что во все время 2 и 3 фигуръ она мнѣ не дала сказать ни слова, все говорила сама. Во время 4 фигуры вошелъ свинья Шомполовъ и подошелъ къ ея столу, у котораго стоялъ и во время 5 фигуры, подошелъ Алекс. Никол. къ Шомполову, и у нихъ продолжался разговоръ, во время котораго я не могъ поймать ни минуты, чтобы сказать ей, что я буду продолжать. По окончаніи 6 фигуры она сказала: „Благодарю; шеша мы не будемъ танцовать“, и отошла налѣво къ какимъ то дамамъ, которыя тутъ сидѣли. Но шенъ былъ и мы, конечно, сдѣлали его съ ней. Послѣ этого она въ продолженіи вечера нисколько не измѣнила своего обращенія со мною. — также сажала меня за кадрили, также говорила, не сумѣю ли я сыграть польки.

Что это такое значить? Поняла она, что я хотѣлъ сказать, или нѣтъ? Конечно, поняла, иначе не прекратила бы разговора, не отошла бы послѣ шестой фигуры въ сторону, хотя всегда танцуютъ у нихъ шенъ. Итакъ, поняла. Прекратила, значить — не хотѣла дослушать. Также нецеремонна въ своемъ обращеніи — значить, не конфузится. Что же, наконецъ, это такое?

Нынѣ или въ воскресенье буду у нихъ и буду искать случая переговорить съ ней объ этомъ.

II. Вчера, въ четвергъ, въ собраніи. Былъ назначенъ концертъ любителей.

¹⁶⁾ Не знаю, къ кому относится это имя.

Играли увертюру изъ Фрейшица и Вильгельма Телля. Для послѣдней рѣшился я быть тамъ. Отправился вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, котораго я уговорилъ. Итакъ, мнѣ нельзя было оставаться на балѣ, который былъ послѣ концерта. И вотъ ждалъ ихъ и дождался. Она и мать сидѣли на правой сторонѣ въ 1 ряду, и я взобрался на подмостки для оркестра, чтобы видѣть ихъ. Она нѣсколько разъ, кажется мнѣ, взглядывала на меня. Я болѣе всего смотрѣлъ на нее и любовался по обыкновенію (хотѣлось прибавить для очищенія себя отъ насмѣшекъ за неудачный выборъ—и старался критически рассмотреть вопросъ, хороша ли она или нѣтъ; вчера показалась хороша и въ профиль). Когда она взглядывала, я переводилъ глаза, не торопясь, впрочемъ на другихъ. И у меня было чувство: останутся ли они на балѣ? И если останутся... Со мною, вѣрно, она не будетъ танцевать, да и я не посмѣю просить ее на кадрили. И у меня было что то въ родѣ полузависти, полуревности, что я не буду съ ней, а будутъ другіе.

Вильгельмъ Телль приводитъ меня въ восторженное состояніе, и когда мы послѣ поѣхали къ Николаю Ивановичу и говорили за шахматами о немъ, у меня выступили слезы отъ волненія. И я чувствовалъ и во время музыки и послѣ, что въ случаѣ и я оставляю свою вялость, нерѣшительность.

Иду покурю, и снова писать.

Итакъ продолжаю прежнее.

Вотъ я, наконецъ, на дачѣ (хлопоты съ билетомъ и какъ мнѣ не хотѣлось терять денегъ). Они сидѣли уже въ 1 ряду на правой скамѣ. Я не посмѣлъ подойти къ нимъ ¹⁷⁾.

Вѣрно вечеромъ буду у нихъ. Нѣтъ, потому что не могу дѣлать ничего, разстроенный разговоромъ о томъ, что слѣдуетъ еще дать денегъ А. И. М. для Николая Дмитриевича ¹⁸⁾, чтобы получилъ онъ мѣсто. Маменька не хочетъ ¹⁹⁾.

¹⁷⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

¹⁸⁾ Пылина.

¹⁹⁾ Далѣе эта часть дневника прерывается и изъ имѣющихся матеріаловъ не видно, было ли вообще продолженіе этой части дневника.

ДНЕВНИКЪ МОИХЪ ОТНОШЕНІЙ

СЪ ТОЮ,

КОТОРАЯ ТЕПЕРЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МОЕЮ ЖЕНОЮ.

Тетрадь 2-ая ²⁰).

O zarte Sehnsucht, suesses Hoffen,
Der ersten Liebe goldne Zeit!
Das Auge sieht den Himmel offen,
Es schwelgt das Herz in Seligkeit!
O, dass sie ewig gruenen bliebe,
Die schoene Zeit der ersten Liebe! ²¹)

Und sie wird ewig gruenen bleiben
Die schoene Zeit meiner
ersten Liebe

(Писано 17 Марта
послѣ окончанія 41, А)

Leben meinem Leben
giebt sie allein.

²⁰) Тетрадь 1-ая, къ сожалѣнію, не сохранилась. Обложка этой тетради написана позже начала самого дневника, какъ это видно изъ имѣющейся на ней пометки—„Писано 17 Марта, послѣ окончанія 41, А“²¹, т. е. послѣ примѣчанія А, сдѣланнаго на 41 страницѣ дневника.

²¹) Schiller, Die Glocke.

Продолженіе описанія 28 февраля.

Теперь 1 марта 10 часовъ вечера.

... Итакъ я беру за руки его, поворачиваю спиною къ себѣ, оттѣсняю его, бѣгомъ въ переднюю, затворяю дверь, гляжу отъ времени до времени въ щелку, что дѣлаетъ онъ—братъ ужъ вышелъ; когда онъ затворилъ за собою дверь на крыльцо, я выбѣгаю, жму ему нѣсколько разъ руку, хохочу, прошу извиненія въ своей шуткѣ—онъ, конечно, не оскорбился ею. А между тѣмъ послѣ говорить.—когда я сталъ вытѣснять его, раздался всеобщій хохотъ; она, когда я вышелъ въ переднюю, бѣжить къ дверямъ, чтобы проститься еще разъ съ нямъ—конечно, шутя—Вороновъ становится у дверей въ переднюю, затворяетъ ихъ, снова не пускаетъ. Палимпсестовъ и Пригоровскій хотѣли оттащить Воронова и отворили для нея двери, онъ легко ихъ отталкиваетъ²²⁾. Дѣло кончается всеобщимъ смѣхомъ и похвалами моей удали. Но я тутъ нѣсколько разъ раньше я спрашивалъ у нея, не переходитъ ли моя шутливость за границы. Она говоритъ, ничего. Я продолжаю. Черезъ нѣсколько времени она спрашиваетъ воды. Нѣтъ, еще это. Я беру мѣлъ, который лежитъ на столѣ для карточной игры, подхожу къ Пригоровскому ставлю ему на спинѣ крестъ, потомъ у Палимпсестова, потомъ у Воронова; у меня вырываютъ мѣлъ, ставятъ мнѣ на спинѣ крестъ—это знакъ поклонниковъ Ольги Сократовны²³⁾, страдающихъ по ней. Я протестую противъ этого, говорю, что это было раньше, но не теперь, подхожу къ Воронову отцу и ему ставлю крестъ, потому что ему случилось предъ этимъ случайно пойти изъ залы въ гостиную рядомъ съ О. С., и начинается всеобщее ставленіе крестовъ, и весь мой фракъ сзади покрытъ крестами. Наконецъ, я начинаю, когда немного утихло, ставить девизы, и у Палимпсестова, когда это могла видѣть только Елена Васильевна Акимова, ставлю на отворотахъ сюртука—на одномъ Е., на другомъ А и тотчасъ же стираю этотъ девизъ. Маленькая Воронова палитъ также, особенно со мной; я пишу на полу Н. В. и Н. Ч. (Наталя Воронова и Николай Чернышевскій). Вороновъ, тотчасъ послѣ Н. Ч. ставитъ: страдаетъ по О. С. В.: я приписываю: страдалъ, но болѣе будутъ страдать они. Всеобщій смѣхъ. Наконецъ, я пишу крупнымъ шрифтомъ во всю доску: ИЗМѢННИЦА. О. С. кричитъ—кто же? и пишетъ: измѣнникъ. Общій шумъ, хохотъ, веселье. Дѣло кончается тѣмъ, что кричатъ: должно сказать объ этомъ Василию Акимовичу. Онъ заставитъ вась мыть полы. И мы, въ самомъ, вымыли ихъ, только не такъ, какъ обыкновенно. Едва утихъ этотъ шумъ и разсѣлись всѣ по мѣстамъ, О. С. спра-

²²⁾ Эпизодъ, остающийся непонятнымъ вслѣдствіе несохранившихся предыдущихъ страницъ первой тетради дневника.

²³⁾ Ольга Сократовна Васильева, впоследствии—Чернышевская. Дочь саратовскаго доктора Сократа Евгеньевича Васильева. Далѣе въ дневникъ вездѣ вѣдетъ полное имени выставлены инициалы О. С., которые сохраняю и здѣсь.

пиваетъ воды. Пригаровскій и Палимпсестовъ бросаются принести. Пригаровскій успѣваетъ раньше убѣжать въ спальную за водой. Палимпсестовъ становится у дверей изъ залы въ гостиную, притворяя ихъ, повтореніе моей продѣлки. Какъ Пригаровскій подходитъ, хочетъ вырвать у него стаканъ. Пригаровскій не даетъ, вода плещется, остальное, около $\frac{1}{3}$ доли пролито въ той половинѣ зала, которая къ гостиной. Пригаровскій торжествуя, удерживая стаканъ, несетъ его О. С., но я сижу на дорогѣ, подталкиваю ловко стаканъ подо дно, онъ летитъ, не разбивается, вода разливается повсюду, попадаетъ на платье невѣсты²⁴⁾. Я вижу, что зашутился слишкомъ, извиняюсь. О. С. меня бранитъ, я ухожу въ гостиную, сажусь подлѣ играющихъ въ карты, притворяюсь смиренникомъ. Но оказывается, что платью ничего не потерпѣло. Я черезъ извѣстное время снова выхожу въ залу, сажусь съ самаго края у окна. Наташа Воронова²⁵⁾, съ которою я много шалилъ, подходитъ ко мнѣ, говоритъ, „что вы стали такъ смиренъ!“ — „А вамъ хочется, чтобы я не былъ смиренникомъ, хорошо!“ — я схватываю ее, она вырывается, я таки успѣваю схватить ее за талію и сажаю къ себѣ на колѣни. Общій хохотъ. Подбѣгаетъ братъ: дуэль — готовъ — просите секундантовъ. Пригаровскій, котораго я прошу, отказывается, потому что сидитъ подлѣ О. С. ...²⁶⁾ безъ секундантовъ, а мнѣ именно хотѣлось сманить Мг. Пригаровскаго съ его мѣста. „Дуэль, дуэль!“ — „Нѣтъ не могу“. Мнѣ предлагаютъ двѣ палки на выборъ, вмѣсто пшгагъ. Подходитъ Василій Акимовичъ. — О. С. кричитъ: „приколотить ихъ лучше, вмѣсто дуэли“. Вороновъ убѣгаетъ; я остаюсь и говорю потихонько Василю Акимовичу: „ударьте меня палкою“. Онъ бьетъ. О. С. говоритъ: „Вы, сударь, слишкомъ дерзки. Я ревную васъ. Какъ вы смѣете дѣлать при мнѣ подобныя вещи“. — А, такъ вы гнѣваетесь на меня — хорошо же! Я выхожу на морозъ. Или схвачу горячку, или дождусь вашего прощенія“. Ухожу въ комнату бабушки. Тамъ сижу минутъ 10. Наконецъ, Пригаровскій приходитъ — самъ за мною и уводитъ меня, говоря, что ему должно сказать мнѣ о Городецкомъ, который поручилъ мнѣ кланяться. Мы начинаемъ ходить по залѣ, я не подхожу къ О. С., вѣдь я подъ ея гнѣвомъ. Палимпсестовъ говоритъ: стань предъ нею на колѣни, проси прощенія. Я подхожу. — „Это отъ вашего имени передано мнѣ приказаніе?“ — „Отъ ея, отъ ея, я свидѣтель“, говоритъ Елена Васильевна. Я становлюсь на колѣна передъ О. С. и повторяю какіе-то 2 стиха, о прощеніи, которые диктуетъ мнѣ Палимпсестовъ. — Встаньте встаньте, говоритъ О. С. „Вашу руку поцаловать въ знакъ прощенія“. Она прячетъ руки. Я не встаю. Наконецъ, она вполовину сама даетъ руку, вполовину Ел. Вас. подноситъ ее къ моимъ губамъ, я самъ беру ее, цалую, встаю, и говорю, наклоняясь на ухо О. С., которая сидитъ крайняя къ углу передней: „О. С., это не одна шутка въ самомъ дѣлѣ, я буду всегда дѣлать такъ“. Собираются кататься. Мы уходимъ съ Пал. и Пригар., они заходятъ ко мнѣ. По возвращеніи къ Ак. на чай начинается серьезный разговоръ съ О. С. Но ложусь спать. До завтра. Но теперь напишу: у меня на глазахъ слезы отъ радости о моемъ счастьи; не отъ горя плачу, съ радости.

²⁴⁾ Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Акимовыхъ (дальніе родственники Пыпиныхъ). Хозяинъ дома — Василій Акимовичъ. Невѣста — то дочь его, Елена Васильевна, выходящая замужъ за Сахарова. Другая дочь, Елизавета Васильевна, была уже замужемъ за Бусловскимъ.

²⁵⁾ Младшая, лѣтъ пятнадцати, изъ Вороновыхъ, семейство которыхъ было близко съ Чернышевскими и Пыпиными.

²⁶⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

О, милая моя, о самое свѣтлое, самое благословенное явленіе моей жизни! о да будешь ты счастлива, какъ ты того стоишь!

O Maedchen, Maedchen,
Wie lieb'ich Dich!
Wie blickt dein Auge!

и, о если бъ я могъ прибавить:

Wie liebst du mich!..
Wie ich Dich liebe
Mit warmen Blut
Die Du mir Jugend
Und Freud und Muth
Zu neuem Gluecke
Und Thaten giebst!
Sei ewig gluecklich!

О, еслибъ я могъ прибавить:

Wie Du mich liebst! ²⁷⁾

Но любишь ли ты меня или еще не любишь, ты полюбишь меня, полюбишь! Полюбишь! Ты слишкомъ благодарна ²⁸⁾, слишкомъ проникательна, чтобы не опфнить моей привязанности къ тебѣ, моей полной преданности тебѣ.

Продолжаю 3 марта, 5^{3/4} утра.

Меня пригласили къ Акимовымъ возвратиться пить чай. Начинаются танцы. Да—О. С-вну спрашиваютъ, почему она не заставляеть меня полькировать. „Я не думаю, чтобы онъ могъ ловко полькировать, а я не хочу, чтобы онъ былъ смѣшонъ“. Она танцуетъ со мною первую кадрили. Послѣ каждой кадрили я снова сажусь подлѣ нея. Наташа Воронова постоянно подбѣгаетъ подслушивать насъ. садится подлѣ меня и протягиваетъ голову, становится подлѣ нея и подслушиваетъ и хохочетъ. Мы прогоняемъ ее. Я говорю, что если она не отстанетъ, я сдѣлаю дерзость хуже прежней. — Какую же? — Какая придетъ въ голову, но сдѣлаю. — О, какой вы удалецъ! говоритъ О. С. Вы и такъ ужъ много надѣлали глупостей. Да я могу и дѣлать глупости и быть дерзкимъ, въ особенности теперь. Итакъ намъ безпрестанно мѣшаютъ.

— О. С., гдѣ я могу съ вами видѣться? Весною вы, конечно, будете гулять, но пока гдѣ? Могу ли я бывать изрѣдка у васъ? — Можете. — Напримѣръ, когда теперь? — На второй недѣлѣ. — Нельзя ли раньше? Вы судья въ этомъ дѣлѣ, но я просилъ бы васъ позволить раньше, если можно. — Хорошо, такъ и быть, можете въ воскресенье. (Итакъ, я цѣлую недѣлю не буду видѣть ее. А я ужъ и теперь, черезъ 1^{1/2} сутокъ, стосковался по ней). Могу ли я бывать у Патрикѣевыхъ, Ольга Андреевна приглашала меня? — Можете. — Т. е. могу ли я тамъ видѣться съ вами? Вы тамъ вѣдь часто бываете? — Часто; каждое воскресенье ужъ непременно. — Итакъ я отправлюсь въ слѣдующее воскресенье. Завтра, кажется, будетъ неловко.

— Мнѣ ужасно хотѣлось привезти сюда маменьку, чтобы она видѣла васъ. Конечно, я ничего бы не сказалъ ей. — А если она увидитъ, какъ я шалю, скажетъ:

²⁷⁾ Goethe, Mailied.

²⁸⁾ Очевидная описка, вмѣсто благородна.

какая кокетка. Если я не поправлюсь ей?—Нѣтъ, понравитесь, потому что она, (хотя, разумѣется, въ ней старыя понятія о вещахъ) слишкомъ умна, чтобы не понять васъ. Маменька моя въ сущности весьма добра и будетъ любить васъ больше, чѣмъ меня; это потому, что она постоянно говоритъ, что такъ будетъ и что ея понятія таковы, что свекровь должна брать сторону невѣстки противъ сына, что положеніе жены вообще бываетъ не довольно хорошо. Это вѣрно въ нашей крови.— О. С., я совершенно завишу отъ васъ. Я знаю, что это значительно будетъ стѣснять васъ, не въ отношеніи ко мнѣ, потому что я не принимаю относительно себя никакихъ обязательствъ, сердцемъ нельзя распорядиться впередъ. Но вы вѣрно не имѣете такихъ понятій, потому это стѣснило бы васъ; но какъ бы то ни было, я бы хотѣлъ теперь сдѣлать такъ: передъ отъѣздомъ своимъ изъ Саратова сказать своимъ—папенькѣ и маменькѣ—о моемъ намѣреніи сдѣлать предложеніе. Потомъ просить согласія у Сократа Евгеньича. Что жъ? Объ этомъ никто, кромѣ него, не будетъ знать. Итакъ, по вашему мнѣнію я долженъ такъ поступить?— „Какъ хотите“.—Нѣтъ, относительно тѣхъ вещей, гдѣ я хочу поступать, какъ мнѣ хочется, я не спрашиваю ничего совѣта. Это, напримѣръ, относительно образа мыслей и относительно моихъ поступковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но когда я спрашиваю совѣта, я хочу, чтобы получилъ приказаніе²⁹⁾. Такъ я могу такъ сдѣлать?— „Можете“.—Начинаетъ она: „А если ваши родные будутъ не согласны?“—Я не думаю. Но если бъ и такъ было, я весьма послушливъ, я напоследокъ безусловно повиновался родителямъ, но въ этомъ случаѣ ихъ несогласіе не удержитъ меня. Я могу дѣйствовать самостоятельно, когда того потребуютъ обстоятельства. „А если мой папенька не согласится?“ Я помолчалъ. (Что это такое? Въ самомъ дѣлѣ она думаетъ: а если онъ не согласится, или это было только выраженіемъ ея мысли: у меня есть средство отдѣлаться отъ тебя, если будетъ нужно. Я заставлю папеньку отказать тебѣ. Нѣтъ, послѣдняго я не думаю. Она слишкомъ благородна и искренна, чтобы поступить такъ и чтобы думать подобнымъ образомъ). „А если за мною не будетъ много денегъ?“—Я и такъ не ожидаю, чтобы могло быть много. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ничего не было. Сейчасъ я скажу, повидимому, совершенно противное: конечно, чѣмъ больше будетъ у васъ денегъ, тѣмъ лучше, но для васъ, а не для меня. Ваши деньги будутъ, конечно, принадлежать вамъ. Я не буду никогда считать ихъ принадлежащими намъ вмѣстѣ. И если бы когда нибудь вамъ—вамъ—вздумалось употребить сколько нибудь изъ нихъ на наши общія потребности, я согласился бы на это не иначе, какъ на принятіе займа. И вы не настаивайте, не дѣйствуйте въ такомъ духѣ, чтобы за вами дали больше денегъ. У васъ большое семейство. У васъ есть сестры. Вѣроятно, онѣ не будутъ имѣть женихами людей съ такими мнѣніями, какъ я. Вотъ существенное содержаніе нашего разговора. Она спросила еще, когда я говорилъ о Патрикѣевыхъ, знакомы ли мы съ Максомъ? Я тамъ часто бываю.— „Нѣтъ. Но я бы хотѣлъ познакомиться. Только не знаю, какъ это сдѣлать. Нашъ разговоръ былъ прерванъ и я долженъ былъ послѣ спросить, какъ мнѣ познакомиться съ Максомъ.“

Потомъ я долженъ былъ разстаться съ нею. Тутъ разговоръ нашъ съ Палимпсестовымъ. А „въ его квартирѣ, — послѣ какъ онъ высказалъ все, я сказалъ:

²⁹⁾ Это слово неразборчиво.

„ну, теперь я скажу, что она может выйти замужъ за кого угодно, но что пока она не выйдетъ замужъ, я не женюсь“. Больше этого, прямо, я не смѣлъ сказать, хотя бы мнѣ, конечно, хотѣлось сказать ему, чтобы я уже обязался передъ нею.

Теперь кончено описаніе нашихъ послѣднихъ свиданій и разговоровъ. Начну описывать только существенное — наши предыдущія свиданія раньше четверга 19 февраля. Но теперь сойду внизъ, посмотрю, что дѣлаетъ маменька. Окончивъ ихъ описаніе, стану описывать мои мысли, соображенія, разсчеты относительно моей женитьбы именно на ней и чувства, произведенныя во мнѣ ею, и тѣмъ, что я сталъ ея женихомъ. Пишу такъ, пока докуривается папироса.

Да, я долженъ прибавить, что въ пятницу у Чесноковыхъ ³⁰⁾, когда мы сидѣли еще въ 1-ый разъ у дивана въ гостиной къ стѣнѣ, отдѣляющей ее отъ залы, она мнѣ сказала: „А мнѣ вчера говорили о васъ очень дурно, предостерегали отъ васъ, говорили, что вы очень дурной человѣкъ, что вамъ нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ. Но я знаю, что этотъ человѣкъ говорилъ отъ зависти, потому что я вовсе не хороша къ нему“. — Что же, онъ хорошо знаетъ меня? — „Нѣтъ“.

(Это должно быть Линдгрень????—имени она не хотѣла сказать). — То же самое и по искреннему убѣжденію могли бы сказать и люди близкіе ко мнѣ. — Потомъ, когда мы сидѣли въ залѣ и я описывалъ свои понятія о супружескихъ обязанностяхъ (по тому поводу, что она сказала, что поцалуетъ ³¹⁾ меня только тогда, когда потребуется это; что когда я буду мужемъ, тогда, конечно, она обязана будетъ повиноваться мнѣ и что я буду имѣть право требовать ея поцалуетъ) и о свободѣ жены и о моей покорности ея волѣ, я наконецъ прибавилъ: Я говорю рѣшительно, какъ какойнибудь соблазнитель. — А развѣ вы не можете быть соблазнителемъ? — Э! помилуйте, — и я махнулъ рукой, какъ бы говоря: куда!

Наконецъ, еще вставки въ разговоръ подъ конецъ вечера воскресенья. Когда мы говорили о сватовствѣ моемъ и намъ мѣшали... ³²⁾, тогда снова сѣлся подлѣ нея, говорилъ: я могу продолжать? Разъ она вслухъ сказала: „Какъ тускло горитъ эта лампа“. — Вамъ скученъ этотъ разговоръ? — „Вы умный человѣкъ, и не понимаете, почему я говорю это! Насъ подслушиваютъ!“ — Въ самомъ дѣлѣ, я былъ чрезвычайно глупъ. Наконецъ, послѣ разговора съ Палимпсестовымъ, я подошелъ къ ней, когда она ходила по залѣ и сказалъ: „Наши разговоры все остаются неоконченными. Что же скажете мнѣ окончательно? Могу я сдѣлать такъ, какъ говорилъ?“ — Можете. — „Я вамъ не надоѣлъ еще?“ — Фи, какъ это глупо — и она, сказавъ это съ чувствомъ совершенно искреннимъ, отвернулась и пошла прочь, такъ что я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что это было весьма глупо. Да, я раньше сказалъ ей—это было до катанья и до начала моихъ шалостей: О. С. вчера была вами... ³³⁾ одна вещь, которая оторчила меня (это: она могла сдѣлать со мною все, что хотѣла) сказать это прямо я не успѣлъ, но потомъ, когда стали говорить о томъ, въ кого была влюблена, теперь влюблена и въ сколькихъ будетъ влюблена О. С., я сказалъ, для всѣхъ, но главнымъ образомъ, для нея: „хо-

³⁰⁾ Семейство, бывшее близкимъ къ Чернышевскимъ—Дмитрій Яковлевичъ Чесноковъ и два его сына—Федоръ Дмитріевичъ и Василій Дмитріевичъ.

³¹⁾ Слово поцѣлуй и глагольныя формы отъ него отецъ мой писалъ всегда: поцѣлуй и поцѣловать.

³²⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

³³⁾ Тутъ въ рукописи вѣроятно пропущено слово „сказана“ или „сдѣлана“.

тите, я вамъ скажу правду? О. С. ни въ кого не влюблена, и вѣроятно, ни въ кого не будетъ влюблена“. — Это правда, сказала она. — „А была она влюблена одинъ только разъ“. — Ни разу, сказала она. Я нагнулся къ ея уху: „А въ Кіевѣ?“. — Онъ былъ влюбленъ въ меня, а я въ него нисколько. — „Теперь я рѣшительно ничего не понимаю“. — Ну да, онъ былъ влюбленъ въ меня, а я его вовсе не любила.

Теперь 2 марта, понедѣльникъ 1 недѣли поста, 11 часовъ утра.

Принимаюсь описывать событія, предшествовавшія нашему разговору съ ней у нихъ, слѣдствіемъ которыхъ было предложеніе.

Вотъ таблица моихъ свиданій съ нею:

26 генваря, понед. — Я видѣлъ ее въ первый разъ у Акимовыхъ.

28 — журналъ.

30 — пятн. — именины Вас. Дим., любезничаніе съ Ростиславомъ ³⁴⁾.

Ф е в р а л ь:

1 — воскрес. Я былъ у нихъ ³⁵⁾ съ визитомъ. Видѣлъ ее на катаньи.

2 — Срѣтеніе. У Акимовыхъ.

3 — вторн. У Шапошниковыхъ говорили мнѣ о ней.

5 — четв. — ходилъ къ нимъ съ Вас. Дм., не засталъ Ростислава.

8 — воскр. — у Аким.

9 — понед. — первый разъ у нихъ.

12 — четв. — у Аким. Я упросилъ ее остаться. Она хотѣла ѣхать въ театръ.

13 — пятн. — Шапошниковы (весьма важное свиданіе).

15. — воскр. — У Аким. долженъ былъ видѣться. Неудача.

17 — втор. — Нашла робость, не успѣлъ переговорить ничего.

18 — среда — Акимовы — Купріяновъ.

19 — четв. — Предложеніе.

21 — суб. — Я сказалъ, что буду говорить съ нею, какъ должно жениху въ маскарадѣ.

22 — Маскарадъ. Воскресенье передъ масляницею.

23 — понед. — У нихъ долго сижу съ ней.

25 — Шапошн. Среда.

26 — Четвергъ масляницы — не видѣлъ ее.

27 — Чеснок. пятница.

28 — Суббота — Акимовы.

М а р т ь.

Ни 1 ни 2 еще не видѣлъ ее. Неужели до воскресенья! Почему же? Во всякомъ случаѣ успѣю написать все и сдѣлать что нибудь по своей диссертациі. Итакъ, начинаю описывать.

Воскресенье 1 февраля я поѣхалъ къ Васильевымъ съ визитомъ. Конечно, это была шутка — желаніе показать ей, что въ самомъ дѣлѣ интересуюсь ею, но съ какою

³⁴⁾ Ростиславъ Сократовичъ Васильевъ, старшій братъ Ольги Сократовны.

³⁵⁾ Т. е. у Васильевыхъ.

цѣлью интересуюсь? Чтобы просто полюбезничать. Не засталъ дома Ростислава. Хорошо же, я увижу ее на катаньи. Зашелъ къ Чесн., который уже смѣялся надъ моею влюбленностью. Я самъ смѣялся и тогда смѣялся искренно. Пошелъ нарочно посрединѣ дороги между рядами экипажей. У Полиціи попадается, останавливается поѣздъ. Мнѣ говорятъ: Вы должны были встать на запятки. Тогда я еще сдѣлалъ бы это, потому что тутъ ничего серьезнаго не было, но я не догадался—слишкомъ плохъ. Василий Дмитріевичъ ³⁶⁾ выругалъ меня за эту оплошность. Очень долго не видѣлъ ее. Наконецъ почти у самаго конца Сергіевской улицы она встрѣчается намъ. Она сидитъ съ Ростиславомъ. Потомъ она попадается безпрестанно. Наконецъ, поѣздъ стоитъ нѣсколько времени. Когда онѣ были противъ насъ. Вас. Дм. и Шапошниковъ говорятъ ей что то, она отвѣчаетъ имъ любезностью на любезность. Трогаются съ мѣста, я говорю: „О. С. Вы всемъ сказали по ласковому слову, неужели не скажете мнѣ?“—Хорошо, будьте нынѣ у Шапошниковыхъ.—Послѣ объяснилось, что нельзя, потому что Шап. сами были на свадьбѣ чьей то. Когда мы зашли къ Чесн. надо мною и моею влюбленностью все смѣялись.

А раньше, въ пятницу на именинахъ Василя Дмитріевича тоже. Ростиславъ, который былъ тамъ и котораго я засталъ уже немного выпившимъ, любезничать со мною, а я съ нимъ, и надъ нашею дружбою подсмѣивались.... ³⁷⁾.

Да, я еще позабылъ одну свою шутку съ нею послѣ перваго вечера у Аким. Мы разѣхались въ 4^{1/4} часа. Я проснулся въ 11 часовъ. Но мнѣ вздумалось исполнить ея просьбу для шутки въ 1-ый же классъ, который былъ у меня въ VII классѣ. Это должно быть въ среду. И я нарочно хотѣлъ спросить нѣсколькихъ человѣкъ урокъ, чтобы спросить и Васильева ³⁸⁾ и поставить ему 5. Потомъ отослать журналъ къ О. С. Я думалъ, что (она) можетъ осердиться за эту смѣлость, но думалъ, что шутя и объявить мнѣ благодарность. Я сильно колебался, дѣлать ли это, наконецъ, сказалъ: да до какихъ же поръ мнѣ быть робкимъ? Вздумалъ сдѣлать, такъ сдѣлаю. И вотъ въ среду я взялъ съ собой бумаги, сургучъ, печать (церковную для большей важности), нитки и отправился въ гимназію. Въ VII классѣ спрашивалъ урокъ --такъ, это было въ среду, потому что раньше этого были у меня часы въ IV классѣ, гдѣ я готовилъ записку къ Ростиславу. Спрашиваю уроки у 4—5 человѣкъ, спрашиваю, наконецъ, и его и потомъ снова другихъ. Венедиктъ ничего не знаетъ. Все-таки я ставлю ему 5. Послѣ этого ухожу въ канцелярію, вкладываю въ журналъ приготовленную записку въ этомъ родѣ: „Ростиславъ Сократовичъ, посылаю къ вамъ мой классный журналъ и покорнѣйше прошу Васъ показать его О. С., чтобы ОНА (большою буквою) лично могла сама убѣдиться въ томъ, какъ послушно исполняются мною ея приказанія“. Завертываю въ бумагу. Надписываю: Ростиславу Сократовичу Васильеву, обертываю ниткою, запечатываю, такъ чтобы никто не могъ видѣть, что такое въ свертокѣ, вхожу въ классъ, отдаю Венедикту. Потомъ меня взяла нѣкоторая робость. Я боялся, что она обидится. На другой день Венедиктъ отдаетъ мнѣ свертокъ, изъ котораго дома я вынимаю журналъ и нѣсколько конфетокъ. Я ждалъ ея записки съ изъясненіемъ благодарности, но записки, конечно, не было. Я былъ очень обрадованъ успѣхомъ своей шутки. У меня

³⁶⁾ Чесноковъ.

³⁷⁾ Пропускъ нѣсколькихъ строкъ.

³⁸⁾ Венедиктъ Сократовичъ, младшій братъ Ольги Сократовны.

до сихъ поръ цѣлѣ этотъ свертокъ, запечатанный ея ручкою разноцвѣтными печатками. Я его получилъ 21 февраля въ четвергъ. Конфеты—это первый ея подарокъ мнѣ—какъ будто я предчувствовалъ, что будутъ и другіе — и до сихъ поръ цѣлы, лежать въ сверткѣ. На журналѣ были выставлены карандашемъ цифры ея рукою: противъ Венедикта 6 + нѣсколько разъ, потомъ „и т. д.“ по Венедиктовой графѣ:

Я какъ дитя радовался всему этому. Прерываю разсказъ, чтобы снова написать. Всѣ мои глупыя сомнѣнія въ чистотѣ ея сердца, всѣ мои сомнѣнія въ ея искренности, возбуждаемыя словами Палимпсестова, совершенно исчезли безъ всякаго слѣда, совершенно. Я спокоенъ за свое счастье съ нею и теперь, какъ и раньше, у меня только одна забота: деньги, деньги, деньги, чтобы она жила въ полномъ довольствѣ. Будутъ и деньги. Будутъ. И она будетъ счастлива со мною. И я буду счастливъ ея счастьемъ.

Во вторникъ 3 февраля, я надѣялся быть на вечерѣ у Шапошниковыхъ, гдѣ думалъ полюбезничать и съ нею и съ Патрикѣевыми. Но мнѣ хотѣлось быть и у Горбуновыхъ — такъ еще была слаба моя страсть къ ней. Все-таки ³⁹⁾ не пригласили куда, что меня огорчило. У Шапошниковыхъ, гдѣ я былъ довольно долго — нѣтъ, это послѣ, раньше понедѣльникъ Срѣтенье. На Срѣтенѣ былъ у насъ Василій Акимовичъ и приглашалъ бывать у нихъ. „У насъ по праздникамъ всегда собираются, пріѣзжайте нынѣ“. — О, какъ я былъ счастливъ, что воротился во время домой и засталъ его у насъ. Я продолжалъ любезничать съ нею еще сильнѣе, чѣмъ раньше, но много любезничалъ и съ Катериною Матвѣевою ⁴⁰⁾, такъ что перевѣсъ былъ не такъ замѣтенъ, но на слѣдующій разъ былъ уже рѣшительный перевѣсъ, и я съ Катериною Матвѣевою говорилъ уже такъ только, изъ приличія.

О. С. понравилась мнѣ, какъ и раньше; также умѣла слушать любезности, не конфузясь и не давая права быть дерзкимъ; отвѣчала на нихъ, также шутила, шалила, кокетничала. Но въ этотъ разъ за закускою я уже не прислуживалъ Катеринѣ Матвѣевнѣ, а О. С. уже кормила меня, а не Палимпсестова. Я сказалъ, что былъ вчера у нихъ. „А мнѣ просто сказали, что въ очкахъ. Я думала, что это Купріяновъ“. И она нѣсколько увѣрилась въ томъ, что я не попусту шучу, что она въ самомъ дѣлѣ мнѣ нравится. Я въ этотъ вечеръ и въ слѣдующій начинаю къ восторженно шутливому языку подмѣшивать болѣе спокойный и серьезный, увѣряя въ томъ, что она мнѣ нравится въ самомъ дѣлѣ и что если это будетъ продолжаться такъ, то я искренно привяжусь къ ней. Но особеннаго въ этотъ вечеръ я ничего къ ней не чувствовалъ. Мнѣ было весело говорить любезности, играть легкимъ чувствомъ, быть какъ бы въ легонькомъ упоеніи. Но все это дѣлалось только съ цѣлью пріобрѣсти нѣкоторую ловкость и опытность при будущихъ моихъ паркетныхъ подвигахъ и при будущемъ выборѣ невѣсты. Я сказалъ ей, что въ самомъ дѣлѣ она весьма добра, весьма умна и поэтому я теперь въ самомъ дѣлѣ начинаю привязываться къ ней. Но особеннаго ничего въ этотъ вечеръ не было. Я ее даже вслухъ называлъ кокеткою и сказалъ, что только говорю ей комплименты, потому что она вызываетъ на нихъ меня. На другой день у

³⁹⁾ Это слово неразборчиво.

⁴⁰⁾ Патрикѣева.

Шапошниковыхъ Серафима Гавриловна ⁴¹⁾ сказала мнѣ: А васъ здѣсь дожидались болѣе часу и даже скушали кусокъ сыру, когда узнали, что вы любите сыръ“. Я, конечно, жалѣлъ, что не засталъ ихъ, что опоздалъ пріѣхать. Но меня занимало и то, что меня не пригласили на закуску или на вечеръ къ Горбуновымъ— значитъ, все это была еще шутка, игра. Когда же это перестало быть игрою? А вотъ расскажу, воротясь отъ Кобылиныхъ.

Это писано 3 марта въ 6½ час. утра. Хотя до сихъ поръ моя привязанность была болѣе шутка, чѣмъ серьезное что нибудь, все-таки жъ я постоянно каждый день бывалъ у Чеснокова, гдѣ могъ говорить о ней, и чрезъ котораго хотѣлъ познакомиться съ нею. Такимъ образомъ въ четвертъ 5 марта мы собрались къ нимъ, но Ростислава уже не застали дома. Воскресенье 8 мы условились быть съ Шап. у Аким. Пріѣзжалъ почти въ 8 часовъ, потому что я работалъ и опоздалъ одѣваясь. Пріѣзжаешь, она давно уже тамъ. Выходить изъ гостиной, подаетъ мнѣ руку, черезъ нѣсколько минутъ говоритъ, что хочетъ ѣхать въ театръ — ее упрасиваютъ, она говоритъ, что непремѣнно. Я ей говорю: пожалуйста, останьтесь, и она остается. Конечно, въ этомъ было, можетъ быть, кокетство (можетъ быть она только говорила, что поѣдетъ, чтобы заставить меня просить себя, но скорѣе, что въ самомъ дѣлѣ потому, что я просилъ, но что въ этомъ участвовало кокетство). Какъ бы то ни было, она сдѣлала это такъ, что было видно, что у нея доброе сердце. Она въ этотъ вечеръ больше сидѣла съ Палимпсестовымъ, чѣмъ со мною. Со мною танцевала двѣ кадрили, 2 и 5. Но передъ 4 кадрилию, когда я сидѣлъ подлѣ нея, къ ней подошелъ братъ жениха ⁴²⁾, весьма скромный, тихій, застѣнчивый молодой человекъ, прося ее танцевать какую нибудь кадрилию. „Я танцую“. Онъ опечалился. Мнѣ стало его жалъ. „Вы не говорили еще Палимпсестову, что танцуете съ нимъ?“— „Нѣтъ“. — „Видите, какъ вашъ отказъ огорчилъ Сахарова. Танцуйте съ нимъ“. — „Хорошо. М-г Сахаровъ, я съ вами танцую“. — Какъ мнѣ это понравилось, чрезвычайно, и съ этого времени я началъ постоянно говорить ей, что у нея доброе сердце. И въ самомъ дѣлѣ весьма доброе сердце. При прощаніи Сергѣй Гавриловичъ ⁴³⁾ просилъ позволенія ввести меня къ нимъ въ домъ. Она вполовину дала это согласіе.

Итакъ на другой день мы должны отправиться.

9 понедѣльникъ. Я у нихъ. У меня долженъ былъ быть Николай Ивановичъ ⁴⁴⁾, и я велѣлъ пріѣхать за собою къ Васильевымъ и пріѣхать около 7 часовъ обратно за мною. Когда мы вошли — прямо въ комнату Ростислава — меня поразила страшная загрязненность этихъ комнатъ. Входимъ въ комнату Ростислава. Она и Катерина Матвѣевна сидятъ на диванѣ. У нихъ Линдгрень, потомъ на нѣсколько времени Яковлевъ. На столѣ разбросаны подсолнечныя сѣмечки. И это меня непріятно оскорбило: грызеть сѣмечки. Я сѣлъ на кровати рядомъ съ ней ⁴⁵⁾. Василій Дмитріевичъ говоритъ: „Видите какъ она печальна; это оттого, что вы слишкомъ плохо себя держите“. — „Я не смѣю садиться подлѣ нея, между ею и Кат. Матв. на диванѣ“. Я въ самомъ дѣлѣ не смѣлъ. Она, наконецъ, сказала, чтобы я сѣлъ. И тотчасъ же стала мнѣ давать изъ своихъ

⁴¹⁾ Шапошникова.

⁴²⁾ Дочь Акимова, Елена Васильевна выходила замужъ за Сахарова.

⁴³⁾ Шапошниковъ.

⁴⁴⁾ Костомаровъ.

⁴⁵⁾ Т. е. на кровати, стоявшей рядомъ съ диваномъ, на которомъ сидѣла О. С.

рукъ орѣхи. „Я не могу грызть, потому что у меня зубовъ нѣтъ“. — „Ну, такъ я стану грызть“, и она начала разгрызать и класть мнѣ въ ротъ. Я каждый разъ цаловалъ ея руку. Наконецъ, я сталъ говоритьей: „Вы въ самомъ дѣлѣ держите себя слишкомъ неосторожно. Со мной, напимѣрь, вы дѣйствительно можете позволить себѣ подобныя вещи, потому что я въ сущности порядочный человѣкъ, но другимъ это покажется не такъ. Я знаю, что это просто живость, веселость, бойкость характера. Но другіе скажутъ, что это желаніе завлечь“. И т. д. разговоръ въ этомъ родѣ (раньше Шап. садился подлѣ ея ногъ и по ея приказанію лаялъ собаченкою). Наконецъ, встали, пошли въ залъ, потому что тутъ было слишкомъ накурено. Она сама за руки провела меня черезъ корридоръ, ходъ весьма запутанный. Пришли тутъ и другіе. Начинаютъ танцовать. Я съ ней, и говорилъ ужъ серьезно, что я въ самомъ дѣлѣ довольно сильно привязанъ къ ней, что конечно это не любовь, но что она весьма интересуется меня и весьма мнѣ нравится. „И вы начинаете мнѣ нравиться“. За мною пріѣхали. Я хотѣлъ говорить ей при слѣдующемъ свиданіи о томъ, что у нихъ въ домѣ страшный безпорядокъ и что она должна заняться хозяйствомъ. На другой день былъ и Чесн. Тамъ объяснили мнѣ ея отношенія съ матерью и братьями. И какъ я узналъ, что мать ее не любитъ и что, по выраженію Вас. Дм., „ей дома житье тепленькое“, у меня тотчасъ сильно развилось сочувствіе къ ней. Весьма сильно развилось. Такъ это и доброта, выраженная ею въ предъидущій вечеръ у Ак. сдѣлали то, что я началъ чувствовать къ ней довольно серьезную привязанность. Я съ нетерпѣніемъ дожидался четверга, когда она хотѣла быть у Аким.

12 четвергъ. Снова тоже. Тутъ я говорилъ ей болѣе, чѣмъ раньше, что ужъ теперь она почти совершенно держитъ меня въ рукахъ. Она смотрѣла съ своимъ вопросительнымъ видомъ, смотрѣла своими проницательными глазами. Тутъ то особенно сильную роль играли конфетные билетки, которые даже и въ прежніе вечера она постоянно раздавала мнѣ и другимъ и съ большимъ умѣньемъ выбирала. Особенно, когда мы сидѣли у стола, который стоитъ подлѣ оконъ ближе къ гостиной. Я любезничалъ, называлъ ее кокеткой, но когда разговоръ былъ между нами одними, часто говорилъ съ чувствомъ. Наконецъ сѣли между этимъ столомъ и столикомъ, на которомъ трубки, Бусловская, она и Палимпсестовъ. Черезъ нѣсколько времени подсѣлъ и я и сказалъ — не помню, какъ это пришлось сказать, — вѣроятно, говорили о чемъ нибудь подобномъ — „Вотъ я какъ опишу будущія отношенія къ женѣ, когда женюсь. Я буду покорнѣйшимъ слугою своей жены, покорнѣйшимъ слугою, покорнѣйшимъ слугою, только. Покорнѣйшимъ слугою“. Послѣ этого Бусл., когда кончили танцовать, подошла къ ней и поздравила ее съ скорымъ замужествомъ, какъ мнѣ сказалъ на другой день Палимпсестовъ.

Иду внизъ — начерчу расположеніе комнаты, въ которой мы видѣлись ⁴⁶⁾.

Нѣтъ, начинаю писать вслѣдъ за предъидущимъ, потому что хочется писать.

Итакъ общій результатъ нашихъ разговоровъ о свиданіи у Аким. былъ тотъ, что она мнѣ нравилась больше, чѣмъ какая нибудь дѣвица до сихъ поръ, такъ что при ней всѣ другія и въ томъ числѣ Кат. Матв. теряли всякую заниматель-

⁴⁶⁾ Далѣе въ рукописи сдѣлана приписка карандашемъ: „Нельзя спуститься. Теперь буду заниматься работою. Начертить можно послѣ въ свободное время, потому что знаю ихъ комнаты“.

ность для меня, и я только изъ приличія, только изъ деликатности отъ времени до времени начиналъ говорить любезности Кат. Матв.; о Катеринѣ Николаевнѣ ⁴⁷⁾ не было, конечно, уже никакого помину съ 1-го же разу, какъ я увидѣлъ ее.

Мнѣ хотѣлось видѣть ее, хотѣлось говорить и любезничать съ нею, хотѣлось даже слышать, какъ говорятъ о ней. Но жениться въ Саратовѣ я не думалъ. Поэтому, чувствуя, что по неопытности въ подобнаго рода дѣлахъ, какъ человѣкъ увлекающійся ею въ 1-й разъ, я могу увлечься, я начиналъ чувствовать необходимость прекратить эти отношенія, не только изъ боязни запутаться самому, хотя и говорилъ ей, что я у нея почти въ рукахъ, но думалъ, что я совершенно безопасенъ, и въ самомъ дѣлѣ тогда былъ безопасенъ. Нѣтъ, я только боялся, чтобы не повредить ея репутаціи своимъ ухаживаніемъ.

На другой день все таки мы должны были видѣться у Шап.

Вдругъ поутру приносятъ записку отъ Палимпсестова (она у меня дѣла). Я ему говорилъ шутя, что хочу говорить съ нимъ о серьезномъ дѣлѣ, онъ сказалъ, что не хочетъ говорить — поводомъ къ этому было то, что я говорилъ про него, а онъ въ раздраженіи про меня ей, чтобы она не слушала, что во всѣхъ моихъ словахъ нѣтъ ни слова правды, что я человѣкъ дурной и хитрый.

Я отвѣчалъ, что буду у него около 9 часовъ. Мнѣ кстати нужно было заѣхать за табакомъ къ Малѣевскимъ ⁴⁸⁾.

Онъ поступилъ чрезвычайно дружески, какъ слѣдуетъ вполне благородному человѣку.

„Послушай, какія у тебѣ намѣренія относительно Сократовой“?

„Никакихъ“.

„Ты не хочешь на ней жениться“?

„Нѣтъ“. Я говорилъ искренно. Тогда я не думалъ, чтобы могъ жениться въ Саратовѣ.

„За что же ты увлекаешь ее? О васъ съ ней начнутъ скоро говорить. Какъ можно играть ея репутацію. Зачѣмъ ты говоришь такія вещи, какъ вчера, напр., о томъ, какимъ бы ты былъ мужемъ. Бусловская приняла это за высказываніе намѣренія сватать ее и, когда послѣ этого она танцевала со мною, Бусловская подошла и поздравила ее съ скорымъ замужествомъ. Ты рѣшительно можешь увлечь ее. Должно быть осторожнѣе съ дѣвушкой, положеніе которой и такъ не завидно, о которой и такъ уже говорятъ много дурного. Да и увѣренъ ли ты въ себѣ? Развѣ ты не можешь увлечься самъ?“

„Я самъ понимаю необходимость прекратить свои настоящія отношенія къ ней. А это, что я говорю о томъ, какимъ бы я былъ мужемъ, дѣйствительно, съ моей стороны большая неосторожность. Благодарю тебя. Ты поступаешь какъ истинно порядочный человѣкъ“. И мы разстались. Я — съ намѣреніемъ прекратить эти отношенія, съ чувствомъ, что я зашелъ бы слишкомъ далеко, что однимъ словомъ я всегда, вездѣ дѣйствую или слишкомъ мало, или слишкомъ много, съ чувствомъ уваженія и благодарности къ Палимпсестову.

Итакъ завтра у Шап. долженъ былъ я видѣть ее.

⁴⁷⁾ Кобылиной.

⁴⁸⁾ Эта фамилія написана неразборчиво.

...⁴⁹⁾ Я тосковалъ о томъ, что едва начинается для меня нѣчто похожее на жизнь сердца, какъ ужъ должно быть оставлено, потому что становится при моемъ характерѣ слишкомъ серьезно, что у насъ невозможна роскошная жизнь сердца, что я долженъ покинуть эти отношенія, которыя такъ были для меня милы, и, наконецъ, такъ искренни по своей новизнѣ. Теперь слѣдующее свиданіе у Шап. Раньше займусь дѣломъ, потомъ снова за это. Теперь 9 часовъ утра 3 марта вторникъ (у меня нѣтъ классовъ).

13, пятница. Итакъ я въ 5^{1/2} часовъ у Шап. Черезъ нѣсколько времени являются онѣ—она, Кат. Матв., Афанасія Яковлевна. Входятъ въ комнату Сер. Гаврил.⁵⁰⁾ Мы садимся съ нею у стола. Какъ всегда въ нашемъ обществѣ сначала дѣла не клеятся, разговоръ идетъ вяло. Другіе сидятъ на кровати Сер. Гавр. Она беретъ карандашъ и начинаетъ играть со мною въ отвѣты и вопросы (я раньше отдаю ей записку Палимпсестова,—конечно, при всѣхъ). Написавъ 3 отвѣта, „я напишу на 3 вещи, которыя напишу я“, говоритъ она. 1) Я пишу: „Я не смѣю вѣрить этому“—Я думалъ, что первое, что она напишетъ ⁵¹⁾ какъ у Аким. наканунѣ давала мнѣ билетики, въ которыхъ говорилось: „я тебя люблю“ и т. п. Дѣйствительно ею написано: „Я васъ люблю“—это продолжалось нѣсколько времени въ такомъ же родѣ. Мы рвали эти записки. Наконецъ, она написала: О. С. Чернышевская. Я взялъ.—„Это рѣшительная неправда, вы все шутите, а мнѣ вовсе не до шутокъ“. Это я говорилъ по обыкновенію холоднымъ вялымъ тономъ и вслухъ. Раньше я написалъ: „Игра для меня перестаетъ быть игрою“. Она въ это время сидѣла у стола спереди, я сбоку въ углу. Наконецъ, дѣвицы позвали въ залу танцовать. Я взялъ ея руку. „О. С. вы все шутите. Я начинаю не шутить“.—„Я вовсе не шучу. Я хочу имѣть такого мужа, какимъ вы будете по вашимъ словамъ“. Конечно, это сказала она такимъ тономъ, что если бы дѣло разстроилось, то это должно было принять за шутку. „Хорошо, я не могу жениться ужъ по одному тому, что я не знаю, сколько времени пробуду я на свободѣ. Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль? У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя. Что же я буду дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать. Но, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свои мнѣнія прямо и рѣзко. И тогда я едва ли уже выйду изъ крѣпости. Видите я не могу жениться“. Не знаю, повѣрила ли она этому, кажется, мало, потому что подобныя вещи для нея мало привычны. Мы пошли танцовать. Я танцевалъ съ другими или говорилъ съ Гавр. Мих. и т. п., съ нею не могу теперь припомнить, что я говорилъ, кромѣ повтореній, что все-таки я привязанъ къ ней, что если это будетъ продолжаться такъ, то я наконецъ не буду въ состояніи разсуждать, и т. п. Наконецъ, танцую съ нею послѣднюю кадрили. Но раньше я упрямивалъ ее быть у Аким. въ воскресенье и дожидался этого дня съ нетерпѣніемъ. Въ послѣдней кадрили я говорю: Итакъ вы видите, что наши отношенія не могутъ продолжаться. Я теперь расскажу вамъ повѣсть моей любви. Сначала мнѣ весьма нравилась одна дѣвушка, имени которой не скажу, потому что не хочу подвергать ее насмѣшкѣ

⁴⁹⁾ Два слова неразборчивы.

⁵⁰⁾ У Сергѣя Гавриловича Шапошникова была сестра Серафима Гавриловна. Въ рукописи имена написаны сокращенно и часто бываетъ трудно рѣшить, о комъ идетъ рѣчь подъ одинаковыми буквами Сер. Гавр.—о братѣ или о сестрѣ.

⁵¹⁾ Все это мѣсто написано очень неразборчиво.

вмѣстѣ со мной, потому что это была съ моей стороны любовь рѣшительно глупая (это я говорилъ о Кобылиной). Я уже готовъ былъ объясниться страннымъ образомъ въ такомъ родѣ: Вы умная, добрая, благородная; но вы теперь не можете играть такой роли въ обществѣ, какую могли бы играть, потому что слишкомъ мало развиты. Позвольте мнѣ быть образователемъ вашего ума и сердца. Но тутъ я у Шапошниковыхъ увидѣлъ Катерину Матвѣевну, и увидѣлъ, что, кромѣ той дѣвушки, есть другія дѣвицы, умныя, добрыя, и милыя. Наконецъ, третье и самое страшное явленіе въ моей жизни—явились вы. Не знаю, чѣмъ это кончится, но, вѣроятно, этотъ третій актъ будетъ самымъ серьезнымъ, самымъ страшнымъ актомъ. Я теперь еще могу нѣсколько разсуждать, но скоро не буду въ состояніи. Я и теперь дѣлалъ глупости. Но скоро вы можете быть заставите меня сдѣлать страшную, самую непростительную глупость. Потому что вы теперь знаете, я не могу, не вправѣ связать чѣй бы то ни было судьбы съ моею. Итакъ вы будете у Акимъ? „Буду“.—Какія кадрили вы танцуете со мною? 1-ую я хотѣлъ танцовать съ невѣстою, 2-ую съ Кат. Матв. (она бѣдная, не смотря на то, что я говорилъ ей: Не любите никого!—Даже васъ?—Даже меня,—тотчасъ отвела меня въ сторону и просила быть у Акимъ, а эту кадрили у Шап. танцовать съ нею). Это было между 4 и 5 кадрилию въ комнатѣ снова Сер. Гавр., потому что мы всѣ безпрестанно переходили изъ комнаты его въ залу и снова въ его комнату. Я сказалъ, что танцую съ ней. О. С. взяла бы меня танцовать, но мнѣ жалъ было Кат. Матв.; я просилъ позволенія у О. С. танцовать съ нею и она ушла безъ всякаго каприза—какая она умная и добрая. Итакъ какое безумство съ моей стороны. Я хотѣлъ прекратить отношенія къ ней, а между тѣмъ упрашивалъ ее быть у Акимъ. Мнѣ хотѣлось видѣться съ ней еще 2—3 раза передъ разлукой, чтобы говорить ей тономъ искренней преданности и сожалѣнія о необходимости разлуки. Мнѣ хотѣлось порадоваться еще моею начинающейся любовью. Но я самъ не понималъ хорошенько, что я дѣлаю. Мнѣ хотѣлось совершенно серьезно поговорить объ этомъ: „О. С. Чернышевская“, я самъ не зналъ хорошенько, что будетъ слѣдствіемъ этого разговора.

Скорѣе всего я ожидалъ, что увижу и она сама скажетъ мнѣ, что это была шутка и что тогда со спокойнымъ сердцемъ я могу отстать отъ нея. Но неужели въ самомъ дѣлѣ только шутка? Едва ли, думалъ я. Что же дѣлать? Я самъ не зналъ впередъ, что я сдѣлаю. Я зналъ только, что мнѣ сладко быть съ нею и что не видѣть ее для меня весьма тяжело. Боже мой, какъ я безумно поступаю! Но я говорилъ себѣ, что если бы этого потребовали обстоятельства, я не отказался бы, если бы этого потребовала она, но она этого не потребуетъ, это кончится однимъ любезничаньемъ. Теперь иду относить Кольцова въ переплетъ. Потомъ снова писать. Теперь ужъ событій осталось всего только за 4 дня. Потомъ буду описывать свои чувства, свои соображенія.

Да, раньше при второмъ свиданіи у Акимовыхъ я сказалъ Катеринѣ Матвѣевнѣ, когда она все просила меня любить ее и все говорила, что я ее обманываю, что я люблю О. С., я сказалъ ей, что характеръ О. С. мнѣ гораздо болѣе нравится, потому что она живая, веселая, бойкая—когда О. С. потомъ, по обыкновенію, говорила мнѣ, какъ же вамъ вѣрить, вы тоже самое говорите Катѣ, я сказалъ: Нѣтъ. Конечно, я шучу съ ней также какъ съ вами, но тѣхъ серьезныхъ и неромантическихъ вещей, которыя говорю вамъ, тѣхъ не пламенныхъ, а

спокойныхъ увѣреній въ своей привязанности въ вамъ, я ей не говорю. И сейчасъ, напримѣръ, я сказалъ ей, что вы по характеру мнѣ нравитесь больше, чѣмъ она.

Да, еще должно бы прибавить разсказъ о первомъ нашемъ свиданіи у Чесновыхъ и о томъ, какъ она боялась меня. Это было сказано мнѣ во 2 и 3 вечеръ у Акимовыхъ.

Пишу въ 12 часовъ. Долженъ скоро уйти. Итакъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера воскресенья. Аким. нѣтъ дома. Это меня ошеломило совершенно. Я былъ совершенно разстроенъ, больше чѣмъ тогда, когда мы неудачно ходили къ самимъ Васильевымъ. Что дѣлать? Чесн., къ которому я заѣхалъ, говорить—во вторникъ отправьтесь. Хорошо. Снова тоже нетерпѣніе.

Наконецъ, вторникъ. О, какъ долго, казалось мнѣ, я не видѣлъ ее. Да и теперь—всего 3 сутки, а мною нетерпѣніе овладѣло такъ, что я не поручусь, что не буду у нихъ до воскресенья. Нѣтъ, выдержу, буду повиноваться ей. Хотя и довольно тяжело это для меня, тѣмъ болѣе, что у насъ не все еще переговорено съ нею, что мы съ нею не совершенно понимаемъ другъ друга. Можетъ быть и она не совершенно довѣряетъ мнѣ. Но нѣтъ, она слишкомъ умна и слишкомъ проницательна, чтобы у ней могло оставаться во мнѣ какое нибудь сомнѣніе. Но пора идти.

Послѣ, по возвращеніи отъ Кобылиныхъ.

Сажусь въ 10 час. вечера продолжать.

Во вторникъ мы приходимъ въ комнату Ростислава съ Вас. Дмитр.—въ столовой сидитъ она съ одной изъ Рычковыхъ⁵²⁾, въ комнату Ростислава не входитъ—я не рѣшаюсь выйти къ нимъ, хотя Фогелевъ⁵³⁾ выходилъ.— не рѣшаюсь выйти, чтобы не показать Ростиславу, что я у нея, а не у него. Она посылаетъ мнѣ Рычкову съ билетикомъ:

Огонь въ твоей пылающей груди
Не для меня ты, для другой храни.

„Я давно былъ увѣренъ въ этомъ“, сказалъ я. Она входитъ разъ или два въ комнату; я только нѣсколькими словами перебрасываюсь съ ней и то весьма вяло. Наконецъ она входитъ одѣтая проститься: „Мы ѣдемъ въ театръ“. Я былъ такъ глупъ, что даже не успѣлъ, или не догадался, или не посмѣлъ спросить, когда она будетъ у Акимовыхъ—весьма неудачное свиданіе. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы уходимъ, т. е. Вас. Дм., а не я. Я посидѣлъ бы Богъ знаетъ до какихъ поръ, чтобы показать, что я у нихъ для Ростислава, а не для нея. Весьма неудачно. Даже Вас. Дм. говорить, что неудачно, и утѣшаетъ тѣмъ, что на масляницѣ устроить блины и „тогда можно будетъ поправить дѣло“.

Хорошо. На другой день (въ среду 18 числа) является (человѣкъ) снова съ запискою отъ Палимиссестова. (Эта записка у нея; должно будетъ приложить ее къ дѣлу). „Если ты сколько нибудь уважаешь О. С. будь нынѣ ея ангеломъ хранителемъ. Она будетъ у Аким., тамъ будетъ одинъ молодой человѣкъ весьма дурныхъ правилъ. Малѣйшая любезность съ ея стороны будетъ поводомъ къ жесто-

⁵²⁾ Лидія Ивановна и Полина Ивановна Рычковы—двоюродныя сестры Ольги Сократовны.
⁵³⁾ Впослѣдствіи мужъ Полины Ивановны Рычковой.

кой атакѣ. Мнѣ къ сожалѣнію нельзя быть“. Я догадался, что это Купріяновъ, но думалъ, что скорѣе кто нибудь другой, потому что Купр. не стоитъ того. Отвѣчаю Пал. въ восторженныхъ выраженіяхъ благодарности и возгласахъ, что онъ истинно порядочный человѣкъ.

Иду къ Аким. Вслушиваюсь у двери—дома, но никого еще нѣтъ. Я хотѣлъ подождать нѣсколько минутъ на улицѣ, чтобы кто нибудь пріѣхалъ. Выхожу за ворота. Подъѣзжаютъ. Это она. Ее провожаетъ Фогелевъ. Фогелевъ уѣзжаетъ, она остается. Боже мой, какъ все неосторожно. Я встрѣчаю. Провожая ее по двору. „Палимисестовъ истинно порядочный человѣкъ, вотъ что онъ мнѣ написалъ. Я отдамъ вамъ, хотя бы не слѣдовало отдавать“. — „Но какъ же мы войдемъ вмѣстѣ?“ — говоритъ она. — „Я войду черезъ нѣсколько минутъ“. Черезъ нѣсколько минутъ вхожу. Скоро является и Купріяновъ. — „Это онъ?“ — „Должно быть онъ“. — „Какъ же онъ узналъ, что я буду здѣсь? Да, вчера въ театрѣ онъ спрашивалъ когда я буду, — я сказала, что завтра или послѣ завтра“. — „Ну, если бы я зналъ, что это онъ, конечно я понималъ бы, что опасенія и хлопоты излишни. Она во весь вечеръ почти не говорила со мною. Весьма много сидѣла съ Купр. у стола, который въ гостиной подлѣ оконъ. Я сидѣлъ большею частью съ Пав. Вас., но отъ времени до времени подходилъ къ нимъ. Видно было, что дѣло не клеится, что она весьма не любезна съ нимъ. Я былъ спокоенъ. Теперь она предупреждена, вѣрно будетъ осторожна. Но тогда я не зналъ еще всего ея ума.

(Да, въ разсужденіи о ея порокахъ. Въ субботу 28 февраля, въ квартирѣ Палимисестова онъ сказалъ: „Конечно, можно кокетничать, но кокетство имѣетъ свои предѣлы; — она переходитъ эти предѣлы. Не будь она такъ умна, что никогда не позволить забыться съ нею, это было бы отвратительно“. А, такъ, вотъ ты самъ, хотя ты весьма ограниченный человѣкъ, все-таки признаешь ея умъ — да и общій голосъ, что она весьма умная, даже дураки понимаютъ это, — тѣмъ болѣе понимаю и цѣню я).

У Акимовыхъ въ этотъ вечеръ она отрѣзала волоса и у меня. и у Купр., котораго я крѣпко дернулъ за волоса, т. е... ⁵⁴⁾ и онъ не нашелся, что сказать, когда узналъ, что это я, а не она; черезъ нѣсколько времени вырвалъ у нея бумажку съ волосами, которыя разсыпались по полу; она хотѣла спасти, но не могла; это мнѣ было пріятно, чтобы этотъ дуракъ и мерзавецъ не думалъ, наконецъ, что у нея есть его волосы.

Она весь вечеръ была со мною весьма не любезна, говорила больше съ Купр., говорила мнѣ, что я ревнивецъ, и что я хочу быть ея дядькою, опекуномъ. Такъ что, наконецъ, Елена Вас. это замѣтила и сказала мнѣ, что, вѣрно, я поссорился съ О. С., да и въ самомъ дѣлѣ подъ конецъ вечера я сказалъ какую то глупость; конечно, нарочно, чтобы разсердить ее *); кажется насильно хотѣлъ взять ее подъ руку, чтобы пройти по залѣ. Она показывала раздраженный видъ.

⁵⁴⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

*) Между прочимъ, когда она не хотѣла подать мнѣ руку, чтобы пройти по залѣ и отвертывалась отъ меня, я сказалъ (тутъ стояла Ел. Вас. и сказала: „О. С., рѣшительно на васъ сердится“. — „О. С. изволите капризничать, только она забываетъ, что капризничать можно только тогда, когда наши капризы кого нибудь огорчаютъ“; — она обернулась ко мнѣ съ раздраженнымъ видомъ: „Что вы сказали?“ — „То, что мы можемъ капризничать только тогда, когда наши капризы кого нибудь огорчаютъ, и что поэтому вы напрасно капризничаете“. — Послѣ этого она еще болѣе стала высказывать досады на меня. Это было почти передъ самымъ отъѣздомъ.

Наконецъ, я сказалъ (сказавъ по обыкновенію, что я и теперь почти въ рукахъ у нея), что я хочу поговорить съ нею серьезно и просилъ сказать, когда можно. „Въ пятницу“, сказала она и я готовился въ пятницу сказать ей то, что пишу въ началѣ описанія 19 числа (описывая свои намѣренія). Наконецъ, выходимъ. Моей лошади еще нѣтъ. Я хочу идти пѣшкомъ. Она садится вмѣстѣ съ Купр. Конечно ее провожаетъ какая то старуха Акимовыхъ. Они трогаются съ мѣста. Тутъ, въ первый кажется разъ въ жизни, я догадался, наконецъ, что долженъ сдѣлать—они уже выѣхали изъ воротъ. „О. С. позвольте мнѣ сказать вамъ весьма важную вещь, всего два слова“.—Остановились. Я подхожу и сажусь на облучокъ. Они сидѣли вдвоемъ съ Купр., старуха внизу на днѣ саней. „Ступай“, кричу я. Что въ самомъ дѣлѣ вообразилъ бы себѣ Купр., если бы ѣхалъ одинъ съ нею. Да развѣ онъ и не рѣшился бы на какую нибудь дерзость? Вѣдь онъ дуракъ и свинья.

Ѣдемъ. Кучеръ не знаетъ куда и везетъ мимо Патрикѣевыхъ. Она говоритъ съ Купр. Я вмѣшиваюсь въ ихъ разговоръ и выставляю Купр. въ глупомъ видѣ, его разговоръ выставляю незанимательнымъ, дурачу его, заставляю говорить съ собою. Ну, гдѣ же ему бороться со мною, когда я хочу дурачить его. „Вы, рѣшительно, мой дядька, говоритъ она; потомъ не говоритъ со мною, не отвѣчаетъ на мои вопросы. Я нарочно все обращаюсь къ ней, зная, что она не будетъ отвѣчать. Говорю различныя пустыя вещи, только бы говорить. У меня есть предчувствіе, что она не въ самомъ дѣлѣ сердится на меня. Наконецъ, я говорю: „Говорите со мною или не говорите, это для меня все равно. Неужели вы думаете, что это меня можетъ бѣсить? Но все-таки, если я нынѣ вѣдь себя глупо, я имѣю право на вашу благодарность. Одинъ мой поступокъ нынѣ вы должны одобрить (это то, что я былъ для нея, для того, чтобы предупредить ее). Вы благодарны мнѣ за это?“—„Благодарна“—„И не мнѣ одному?—есть еще человѣкъ, имѣющій право на вашу благодарность (т. е. Пал.)—Вы благодарны и ему?“—„Да“. Наконецъ, подвѣзжаемъ къ ея дому, ворота заперты. Она выходитъ изъ саней и подходитъ къ калиткѣ, опираясь на руку Купр., который, кажется, не прочь считать свое свиданіе съ нею удачнымъ. Я подхожу къ калиткѣ, когда она входитъ съ нимъ. „О. С., дайте и мнѣ руку въ знакъ прощенія“. Она не отвѣчаетъ ни слова и убѣгаетъ. Я дружески прощаюсь съ Купр. и иду пѣшкомъ домой; изъ всего вечера доволенъ только тѣмъ, что проводилъ ее, что она не ѣхала одна съ Купр. Боже мой, я и теперь съ огорченіемъ воспоминаю, что было бы, если бы она поѣхала одна съ нимъ. Эта скотина могла вообразить Богъ знаетъ что. „Итакъ все-таки я былъ у Ак. не даромъ“, думалъ я.

Послѣ этого четвергъ. И теперь только нѣкоторыя вставки и начну свои размышленія о ней, и о себѣ, и стану описывать свои впечатлѣнія.

Боже мой, какъ подробно описано. Все, рѣшительно все, съ стенографическою подробностью. Никогда я не считалъ себя способнымъ къ тому, чтобы до такой степени дорожить воспоминаніями, которыя, наконецъ, такъ длинны. Вѣдь цѣлыхъ 44 простыхъ и 10 двойныхъ страницъ ⁵⁵⁾.

Да, еще все старался быть какъ можно болѣе краткимъ, только въ описаніяхъ двухъ вечеровъ давалъ себѣ полную волю. И все-таки написалъ 64 стра-

⁵⁵⁾ 44 простыхъ страницъ (вѣроятно это была первая часть дневника) не хватаетъ: въ дѣлѣ имѣется только продолженіе, писанное на цѣлыхъ листахъ.

ницы. Вѣдь это выйдетъ: 64×27 (строкъ) $\times 80$ (буквъ въ строкъ) = 138.200 буквъ⁵⁶). Вѣдь это 140 страницъ обыкновенной печати! вѣдь это, наконецъ, цѣлая повѣсть. Вотъ плодovitый писатель. И все это еще не кончено. Начинаются размышленія и впечатлѣнія, да будутъ еще вставки. Господи Твоя воля! Въ самомъ дѣлѣ дороги мнѣ эти воспоминанія! До воскресенья! (Когда наконецъ, увижу ее—ужь я успѣлъ стосковаться!) Еще вѣдь испишу не мало страницъ. Ну, не ожидалъ отъ себя такой усидчивости.

Да мало ли чего я не ожидалъ отъ себя.

А вотъ теперь какъ превзошелъ свои ожиданія.

Ложусь. Завтра вставки и размышленія.

Да будешь ты благословенна!

Нынѣ отдалъ переплетать Кольцова. Просиль, чтобы переплели, какъ можно лучше.

Да будешь ты счастлива, какъ того заслуживаешь!

Да будешь ты счастлива!

Этимъ хочу закончить:

Да будешь ты счастлива, ты, давшая мнѣ столько счастья. Ты, достойная счастья.

1.. Почему *Ольга Сократовна* моя невѣста.

Сажусь писать свои заключенія, размышленія и т. д. 11 часовъ 4 марта, среда. Я въ самомъ спокойномъ состоянii духа и не расположенъ совершенно къ восторженности.

Итакъ 1. Почему я въ четвергъ 19 числа рѣшился сказать ей, что, если она не захочетъ выйти за другого, то можетъ всегда выйти за меня.

Я чувствовалъ къ ней сильную привязанность, это правда. Но чтобы ужь тогда эту привязанность могъ бы назвать настоящей любовью, этого не скажу. Дѣйствительно, это чувство было мнѣ ново; но это была болѣе потребность любить кого нибудь, а не именно любовь къ ней—именно потребность любить, видя нѣкоторую возможность удовольствiя, волновала мое сердце: это было то самое чувство, которое такъ часто въ уединенныхъ мечтахъ расширяло мое сердце, хотя не было еще никакого плана, какъ въ Петербургѣ, гдѣ я постоянно мечталъ о счастья жениться и постоянно завидовалъ тѣмъ людямъ, которые могли жениться въ первой молодости. Вѣдь я, главнымъ образомъ, жалѣлъ и о томъ, что я въ Саратовѣ, потому что живучи здѣсь, я потерялъ 2 года для приобрѣтенiя себѣ возможности жить, т. е. содержать какъ должно жену. Но и то правда, что я чувствовалъ къ ней несравненно болѣе сильную привязанность, чѣмъ напр. къ Кобылиной—какое же сравненiе! То просто мысли въ досужное время о хорошенькой дѣвушкѣ съ весьма добрымъ сердцемъ, и—еще болѣе—дѣвушкѣ, которая хорошо одѣвается и живетъ не въ грязномъ (хотя довольно пошломъ) кругу. Да и казалась ли она мнѣ хорошенькой? Я постоянно сомнѣвался въ ея красотѣ. Въ

⁵⁶) Въ страницѣ рукописи 40—42 строки, такъ что цифра 27 не совсѣмъ понятна. Можетъ быть это считано по первымъ страницамъ—въ поль-листа п тѣ были написаны болѣе сжато. 80 буквъ—тоже непонятно; если считать съ сокращенiями, ихъ 57—60, а если полностью, то гораздо больше 80.

нѣкоторыхъ позахъ ея лицо дѣйствительно красиво; но въ иныхъ позахъ оно мнѣ рѣшительно не нравилось. Но особенно моему желанію считать ее весьма хорошенькой мѣшало то, что ея лицо весьма часто имѣло глупенькое выраженіе, т. е. на немъ совершенное отсутствіе мысли, когда оно не одушевлено дѣтскою веселостью. Мало того—слишкомъ часто, почти постоянно, когда глаза ея не блещутъ огнемъ дѣтской радости, выраженіе ея лица напоминало мнѣ пошлое и прямо глупое выраженіе лица А. О. Р. И было постоянно совѣстно, что мнѣ нравится ребенокъ, потому что, наконецъ, она рѣшительно дитя, мало того, что по лѣтамъ, еще болѣе потому, что совершенно не развита въ умственномъ отношеніи. Кромѣ того, я чувствовалъ и совѣстился, что главнымъ образомъ мнѣ нравится въ ней то, что они довольно роскошно живутъ и что она всегда хорошо одѣта, т. е. въ дорогомъ платьѣ и т. д. — это мнѣ было рѣшительно совѣстно. Поэтому, увидѣвши даже Патрикѣву я совершенно забылъ о Кобылиной.

Почему же я думалъ сутокъ двое послѣ вечера на святкахъ у Шапошниковыхъ о Патрикѣвой и съ удовольствіемъ любезничалъ съ ней въ первый вечеръ у Акимовыхъ, т. е. 26 генваря? Главнымъ образомъ потому, что это была первая дѣвушка, съ которой я говорилъ смѣло, съ которой любезничалъ—меня радовала моя смѣлость, мое любезничаніе. Я думалъ не о ней, а о томъ, что я смѣло любезничаю съ нею.

Но когда я увидѣлъ О. С. я, рѣшительно, потерялъ всякую охоту смотрѣть на Патр. и говорить съ ней и, если иногда говорилъ, то единственно изъ со-вѣстливости, чтобы не заставить ее огорчиться моимъ слишкомъ большимъ невниманіемъ. Патрикѣва даже не казалась мнѣ хорошенькою. У нея нѣтъ въ лицѣ того глупенькаго выраженія, какъ у Кобылиной, нѣтъ ни одной позы, въ которой она абсолютно не правила бы, какъ есть такія позы у Кобылиной, но за то она рѣшительно ужъ не хороша. Выраженіе ея лица гораздо лучше, но черты лица гораздо хуже. И въ 40 лѣтъ она не будетъ вовсе хороша. А теперь она недурна, главное особенно дурнаго въ ея лицѣ нѣтъ ничего, но и хорошенькой можетъ быть названа только потому, что у нея весьма молоденькое личико и что держать себя довольно свободно. Правда, что въ ней нѣтъ ничего, чтобы мнѣ не нравилось, какъ въ большей части другихъ дѣвицъ; правда, что она лучше многихъ. Но за то вѣдь на тѣхъ я смотрю съ рѣшительно неприятнымъ чувствомъ, не люблюсь ими, а чувствую какую то непріятность.

А, О. С.? Во-первыхъ, она рѣшительно хороша собою, какъ мнѣ показалось тогда — теперь я нахожу, что она красавица и она въ самомъ дѣлѣ красавица. Но тогда мнѣ показалась просто весьма хорошенькою. И тогда ужъ готовъ я былъ сказать, что по чертамъ лица она гораздо лучше всѣхъ, кого я видѣлъ въ Саратовѣ — въ Петербургѣ вѣдь я никого не видѣлъ (кромѣ той хорошенькой дѣвушки на выставкѣ и молоденькой хозяйки Ив. Вас. Писарева въ Семеновскомъ полку на вечерѣ—но это я видѣлъ слишкомъ мелькомъ и слишкомъ изда-лека и только любовался ими, какъ картинками, никакъ не болѣе. А дама въ бѣль-этажѣ въ оперѣ на послѣднемъ представленіи, когда я сидѣлъ въ креслахъ? Ужъ это дѣйствительно только любовался и болѣе ничего, еще менѣе чего нибудь другого, чѣмъ въ тѣхъ двухъ случаяхъ; всего этого нельзя даже сравнить съ

тѣмъ, какъ я любовался Кобылиною дѣйствительно ⁵⁷⁾. Конечно, мнѣ ничье лицо не нравилось такъ, какъ ея лицо или, по настоящему говоря, только глядя на нее, не чувствовалъ сомнѣнія въ томъ, что она дѣйствительно мнѣ нравится, что она дѣйствительно хороша.

А она въ самомъ дѣлѣ хороша! Въ самомъ дѣлѣ хороша! Увлекательно хороша!

Но еще болѣе мнѣ нравится живость, бойкость, инициатива ея характера и обращенія. Никогда ее не надо выспрашивать, она сама требуетъ — это рѣшительно необходимо при моемъ характерѣ, который необходимо долженъ всегда дожидаться, чтобы имъ управляли, чтобы говорили: дѣлай то-то и то-то, дѣлай вотъ что; при моемъ характерѣ, который лишенъ всякой инициативы, но это то и замѣчательно, потому что я, рѣшительно, въ душѣ, по существу, а не по однимъ умственнымъ убѣжденіямъ демократъ. Я всегда долженъ слушаться, нехотя слушаться того, что мнѣ велятъ дѣлать; я самъ ничего не дѣлаю и не могу дѣлать — отъ меня должны требовать и я сдѣлаю все, что только отъ меня потребуютъ; я долженъ быть подчиненнымъ, какъ всегда и былъ и даже подчиненъ былъ людямъ, которыхъ ставилъ ниже себя, напр. Срезневскому, а не управляющимъ имъ; вѣдь, напр., и въ классѣ я хотѣлъ бы говорить то, что хотѣть слушать ученики, хотѣлъ бы ставить такія отмѣтки, какія долженъ ставить по ихъ мнѣнію. Такъ и въ семействѣ я долженъ играть такую роль, какую обыкновенно играетъ жена, а у меня должна быть жена, которая была бы главою дома. А она именно такова. Это то мнѣ и нужно. Пусть мнѣ говорятъ: живи такъ, ѣшь то, ложись тогда то, поѣзжай со мной туда то, купи то-то; пусть мнѣ говорятъ: я хочу, чтобы образъ нашей жизни былъ таковъ, чтобы наши деньги употреблялись такъ-то. Да, у нея много характера. Я буду имѣть, конечно, много вліянія на нее, но она будетъ имѣть на меня гораздо болѣе. Что же выйдетъ? У меня характеръ мнительный, робкій, неувѣренный въ самомъ себѣ, поэтому постоянно наклонный къ унылости, тоскѣ. Если случалось, что у меня гости и что они не придаютъ своего направленія разговору, у меня тотчасъ является унылость и вялость, скука и тоска. Но если въ людяхъ, съ которыми я сижу, господствуетъ какое нибудь истинно опредѣленное расположеніе духа, т. е. какая нибудь живость и не тоскливость, я всегда поддаюсь ему и самъ отъ души становлюсь живъ и веселъ. Такова именно она. Она разольетъ живость, веселье на нашу жизнь и мы будемъ жить игриво, „припѣваячи“, именно припѣваячи, съ постоянною улыбкою и радостью въ моемъ сердцѣ.

Не дай Богъ, чтобы моя жена подчинялась моему расположенію духа. Тогда у насъ было бы страшное уныніе и тоскливость. Напр., еслибъ въ родѣ Кат. Матв. Патрикѣвой — она стала бы ходить повѣсивъ голову, какъ хожу я, если предоставленъ самъ себѣ, тосклива бы была наша жизнь. И она завяла бы, и я изнывалъ бы, глядя на нее и на себя.

У нея именно такой характеръ, какой нуженъ для моего счастья и радости. Эта одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой я хочу имѣть своею женою именно ее.

Какая завлекательность въ обращеніи вслѣдствіи этого. Этой завлекательности

⁵⁷⁾ Одно слово неразборчиво.

нельзя противиться. Смѣло, бойко, рѣшительно она овладѣваетъ тобою и радостно идешь, куда ведетъ она. И какъ является, бывало, она у Акимовыхъ, кто царствуетъ? Она, она царствуетъ надъ всѣми, она душа всѣхъ и всего, всѣ смотрятъ на нее, всѣ хотятъ говорить съ ней, всѣ думаютъ о ней. Для всѣхъ почти кажется это кокетствомъ; кокетство, можетъ быть и есть въ ней, но его въ сущности должно быть довольно мало, менѣе, чѣмъ въ другихъ. Нѣтъ, то, что она увлекаетъ, дѣлается безъ особаго желанія кокетничать съ ея стороны. Нѣтъ, въ ея характерѣ то, что когда она держитъ себя рѣшительно непринужденно, такъ какъ ея характеръ велитъ ей держать себя, она завлекаетъ всѣхъ.

Это вторая причина по моей программѣ ⁵⁸⁾.

3. — чрезвычайная доброта сердца (много случаевъ, назову только 2: кадрили съ Сахаровымъ, чтобы онъ не огорчился тогда, когда ей хотѣлось танцевать съ Пал., и то что давала цѣловать руку Шапошникову у Чесн.) — а со мной сколько разъ эта доброта проявлялась! Постоянно, постоянно! Чрезвычайная мягкость характера, необыкновенная мягкость — рѣшительно въ ней нѣтъ упрямства, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда капризовъ.

И эта доброта, эта мягкость, это веселье при ея положеніи, несносномъ положеніи въ семействѣ! Да, этотъ характеръ переработаетъ меня, не поддастся моей склонности къ апатіи, влости, а сдѣлаетъ меня похожимъ на нее! А сколько случаевъ доброты со мной! Постоянно! Напр. хотя 5 кадрили въ маскарадѣ, которую хотѣла она танцевать съ Веден. ⁵⁹⁾! Да развѣ я не дѣлалъ постоянно выходки глупыя, неловкія? Сердилась ли она на нихъ? Развѣ я не держалъ себя весьма глупо, т. е. не пользовался случаемъ сидѣть съ ней, говорить съ ней, какъ она сама предлагала мнѣ. Развѣ я не былъ весьма часто, рѣшительно, глупъ? бѣте? Развѣ я не постоянно велъ себя такъ, что ко мнѣ шла поговорка: *si jeunesse savait?* А развѣ я не называлъ ее постоянно кокеткою, большею частью весьма не ксати, т. е. при людяхъ, при людяхъ, при которыхъ это вовсе не слѣдуетъ говорить? Развѣ я не цѣловалъ ея руку всегда весьма холодно, по принужденію, говоря, что это я дѣлаю только потому, что она этого хочетъ? Развѣ мало и говорилъ я ей и дѣлалъ съ ней такого, что рѣшительно раздражало бы, оскорбляло бы всякую другую дѣвушку? А теплое искреннее пожиманіе моей руки?

Боже мой, сколько въ ней ума и такту!

Боже мой, если бъ во мнѣ была хоть сотая доля этого такту! Я говорю не про неловкость мою, это мелочность, это другое — а про тактъ, котораго я у себя нахожу болѣе, чѣмъ у другихъ!

Обошлась ли она, при всей страстности, эксцентричности (не говорю уже о *bêtise*, глупости, недогадливости) моихъ поступковъ и моего характера, со мной хоть разъ невнопадъ? Нѣтъ, нѣтъ! Всегда, всегда какая провицательность и какой тактъ! Ни разу ни одного слова, ни одного движенія неудачнаго!

Но теперь я знаю ея умъ лучше, чѣмъ раньше. Она, рѣшительно, умнѣе всѣхъ, кого только я ни видывалъ! Это гениальный умъ! Это гениальный тактъ!

⁵⁸⁾ Эта программа приведена дальше.

⁵⁹⁾ Вѣроятно съ „Веденянинымъ“.

Передъ ней я чувствую себя почти также, какъ въ старые годы чувствовалъ себя передъ Вас. Петр. въ иные разы при разговорахъ по политикѣ ⁶⁰⁾...

Нужно только будетъ развить этотъ умъ, этотъ тактъ, серьезными, учеными бесѣдами и тогда посмотрѣть, не долженъ ли я буду сказать, что у меня жена M-me Staël! И тогда посмотрю, кто будетъ имѣть право сказать, что я принадлежу женщинѣ, равной которой нѣтъ въ исторіи. Боже мой, это я пишу безъ восторженности, если угодно холодно, я между тѣмъ пишу такія вещи, которыя рѣшительно для меня смѣшны по своей страшной самонадѣянности, по своему страшному удивленію къ ней! Но этого я не побоюсь думать! Я буду гордиться ею и не буду сомнѣваться въ справедливости ⁶¹⁾ моей гордости.

Прямота — она сама говоритъ, что у нея не можетъ быть скрытности, что она вся наружу — и это дѣйствительно такъ: кто скажетъ, какъ она, на мой вопросъ: „Но я долженъ сказать, что дѣлаю это (говоря, что я ея женихъ) только потому, что думаю, что дѣлаю этимъ услугу вамъ?“ — при ея умѣ и проницательности она, конечно, видѣла, что держитъ меня рѣшительно въ рукахъ и что можетъ заставить меня дѣлать, что угодно, и вовсе не имѣетъ необходимости отвѣчать на этотъ вопросъ „да“, чтобы удержать меня — „почти“. Нѣтъ, мы говоримъ такія вещи, что должны говорить прямо, къ чему это „почти“ — говоря рѣшительно. Боже мой, какъ это глупо. Боже мой, какъ это глупо, какая глупѣйшая невыносимѣйшая навязчивость тамъ, гдѣ и такъ ясно — „Если хотите „почти“ можно выпустить“ ну, кто скажетъ это?

(Боже мой, какъ мнѣ хочется видѣться съ ней — мало ли что нужно переговорить съ ней, — но главнымъ образомъ, чтобы спросить ее, что ей во мнѣ не нравится, чтобы постараться уничтожить въ себѣ эти стороны).

Въ ней чрезвычайное благородство, какъ слѣдствіе ума, доброты, мягкости сердца, деликатности, такта, прямоты, но, наконецъ, какъ даръ природы. О, какъ много благородства! Оно во всемъ! И ни капли принудительности, притворства! Развѣ она чѣмъ нибудь измѣнила свое обращеніе съ тѣхъ поръ, какъ рассчитываетъ на меня? Развѣ она старается показать мнѣ больше привязанности, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть? Развѣ она оставляетъ мнѣ хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что можетъ быть влюблена въ меня? „Вы мнѣ нравитесь. Вы хорошій человѣкъ. Вы умный человѣкъ.“ — Развѣ она притворяется чѣмъ нибудь передо мной, чтобы больше завлечь меня.

Наконецъ, отчасти слѣдствіе всего этого вмѣстѣ, — рѣшительное отсутствіе пошлости; пошлости, которую вижу почти во всѣхъ, на кого смотрю съ вниманіемъ, кого считаю стоящимъ того, чтобы смотрѣть, есть ли въ ней пошлость, или нѣтъ. Нѣтъ, я никогда не могъ взглянуть на нее съ высока, какъ смотрю на Ник. Ив. ⁶²⁾, какъ смотрю на Ан. Ник. ⁶³⁾, не говоря уже о другихъ (Евг. Ал. ⁶⁴⁾ человѣкъ, не имѣющій ничего блестящаго, отличнаго — онъ просто человѣкъ, ограниченный человѣкъ). Напримѣръ, хотя это нѣжности, любезности — есть ли въ нихъ что нибудь приторнаго? Что нибудь отталкивающаго, какъ напр., въ проявленіяхъ нѣжности Ник. Ив. или А. Ник. Подъ приторнымъ я

⁶⁰⁾ Нѣсколько словъ неразборчиво.

⁶¹⁾ Это слово неразборчиво.

⁶²⁾ Ник. Иван. Костомаровъ.

⁶³⁾ Анна Никаноровна Пасхалова, впоследствии (1854) жена Д. Л. Мордовцева.

⁶⁴⁾ Вѣроятно Евг. Ал. Бѣловъ.

понимаю не притворное—въ этихъ двухъ людяхъ его нѣтъ, а что то такое, что непріятно. Вообще, нѣжные чувства рѣдко, весьма рѣдко можно видѣть безъ того, чтобы, кромѣ радости, они не внушали какого то непріятнаго чувства. У нея этого нѣтъ.

Умъ, благородство, прямота! Нѣтъ, подобное ей существо едва ли найду я, если потеряю ее!

И какая разсудительность, осторожность при видимой чрезвычайной свободѣ. Т. е. она не хочетъ остерегаться почти никогда; но развѣ она позволяетъ себѣ что нибудь въ самомъ дѣлѣ неосторожное? Какъ она всегда удерживаетъ мою неосмотрительность.

Наши пріѣхали изъ церкви. Иду внизъ.

Одна половина программы кончена. Послѣ обѣда другая.

Да будешь ты счастлива, какъ достойна того.

3 часа. Продолжаю.

Ей хочется избавиться отъ своихъ непріятныхъ отношеній къ матери, которая ее терпѣть не можетъ. Это вещь, которая описана у меня раньше ⁶⁵⁾. Вообще, какъ скоро человѣкъ въ тяжеломъ положеніи, и я могу помочь ему, у меня рождается къ нему любовь, и если это собственно отъ меня зависитъ, я всегда исполню все, что онъ отъ меня потребуетъ. Я говорю это не въ похвалѣ себѣ. Итакъ, это была одна изъ главныхъ причинъ, по которой я согласился. Но еслибъ я не чувствовалъ къ ней слишкомъ сильной привязанности раньше, за ея качества, а не за ея положеніе, конечно, я бы не пожертвовалъ собою. Напр., для Кат. Матв. я никогда не рѣшился бы, хоть она весьма добрая дѣвушка.

На меня чрезвычайно много подѣйствовала ея довѣрчивость ко мнѣ. Вѣрно она понимаетъ мой характеръ и вѣрно я кажусь ей хорошимъ человѣкомъ, честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, если она рѣшилась поступить такъ въ отношеніи ко мнѣ. А если она понимаетъ меня такъ, какъ я въ самомъ дѣлѣ, и все-таки рѣшается выйти за меня, значитъ, она думаетъ быть счастлива со мною. А ума и проницательности, чтобы понять, у нея слишкомъ достаточно. Достаточно и разсудительности, разсудительности, чтобы не обмануться въ своихъ соображеніяхъ о томъ, хороша ли будетъ ея жизнь со мною. Но мнѣ ея довѣріе ко мнѣ чрезвычайно льститъ.

Послѣ, какъ я увидѣлъ глупость своей первой привязанности, весьма пустой и слабой, и привязанности, которая и тогда не была довольно честна, чтобы увѣрить меня въ томъ, что она достаточно, что она не обольщеніе праздною фантазіи, чѣмъ она и была, потому что долго я не могъ бы ей доставить средствъ жить такъ, какъ теперь она живетъ, я обратился къ мыслямъ болѣе достойнымъ порядочнаго человѣка. Я сначала обольстился блескомъ, который окружаетъ дѣвицу, принадлежащую къ семейству, живущему на широкую ногу. Но потомъ я увидѣлъ мелочность, пустоту этого чувства, вовсе не достойнаго порядочнаго или сколько нибудь умнаго человѣка. Я понималъ, что для счастья въ супружеской жизни, и особенно для счастья моего, необходимо, чтобы моя жена была рѣшительно довольна своимъ положеніемъ, я не могу видѣть вокругъ себя недовольство

⁶⁵⁾ Вѣроятно въ первой тетради дневника.

чѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе недовольства мною. Для довольства своимъ положеніемъ нужно во-первыхъ то, чтобы человѣкъ никогда не думалъ, что его положеніе (матеріальныя условія для жизни) хуже того, чѣмъ могли бы быть. Слѣдовательно, для счастья жены необходимо, чтобы она никогда не имѣла мысли о возможности найти себѣ лучшую партію, чѣмъ ея мужъ. Говори попросту, я пришелъ къ мысли, что никакъ не долженъ жениться на дѣвушкѣ, которая была бы по своему положенію въ обществѣ выше меня. Сначала, и почти до самаго 15 или 16 февраля во мнѣ преобладала крайность и я хотѣлъ жениться не иначе, какъ на весьма нуждающейся дѣвушкѣ, на дѣвушкѣ, которая была бы весьма бѣдная и безпомощная, чтобы она всю жизнь радовалась и тому немногому довольству, какимъ бы пользовалась со мною и какого никогда не видывала раньше. Но когда я узналъ О. С., эта мысль у меня ослабѣла. „Еслибъ можно было жениться на ней“, думалъ я. „Но она можетъ составить лучшую партію“, думалъ я. „Я не вправѣ дѣлать ей предложеніе; можетъ быть она не осмотрѣвшись хорошенько, ослѣпленная моею любовью, и согласилась бы, но какъ я буду лишать ее лучшаго жребія“.

Но вотъ она сама выбираетъ меня—если такъ, я счастливъ.

Хорошо. Это все равно, матеріальная ли или нравственная невыгодность положенія заставляетъ считать дѣвушку жизнь со мной несравненно выше, чѣмъ ея прежняя жизнь. Все-таки остается сущность моего образа мыслей, остается нарушеннымъ цѣлое правило, которое я поставилъ себѣ ⁶¹⁾ для женитьбы: выйти за меня замужъ представляется ей не потерей, а выигрышемъ. Она такъ умна и разсудительна и тверда, что не раскается въ этомъ предпочтеніи. Хорошо. Я спокоенъ, моя совѣсть чиста. Я могу безъ упрека себѣ предаться своему влеченію. „Ты говоришь, для тебя жить со мною лучше, чѣмъ жить теперь. Я счастливъ, что мои надежды на счастье съ тобою встрѣчаются съ твоими мыслями о счастья со мною“. „Я не обманываю тебя, я не лишаю тебя ничего такого, о чемъ бы ты могла пожалѣть послѣ. Хорошо. Ты можешь располагать мною; я самъ не смѣлъ бы никогда дерзнуть на это, чтобы не ослѣпить, не обольстить тебя своимъ пламеннымъ языкомъ, не заставить тебя забыть о разсчетахъ, про забвеніе которыхъ ты могла бы пожалѣть впоследствии. Я счастливъ тѣмъ, что ты разсчитала и видишь, что не будешь жалѣть о томъ, что осчастливила меня“.

Я могу безъ упрека совѣсти стать твоимъ мужемъ. А могу ли я безъ упрека совѣсти отказаться отъ этого счастья? Нѣтъ. Я бы сталъ вѣчно говорить себѣ: ты могъ помочь и не рѣшился помочь, когда требовали твоей помощи. Ты подлець, ты трусъ, ты мерзавецъ, *tu es lâche*—низкій, гадкій, трусливый, подлый человѣкъ.

Я принялъ вызовъ наслажденія, какъ вызовъ битвы принялъ бы. (Егип. ночи, Пушкина).

Отказаться было бы вѣчнымъ позоромъ для меня. Я на вѣки потерялъ бы возможность ужазать себя.

Я на вѣки остался бы заклеименъ презрѣніемъ въ своихъ глазахъ. Я былъ бы несчастливъ, я мучился бы собственнымъ презрѣніемъ. Я не могъ не поступить такъ, какъ поступилъ.

⁶¹⁾ Одно слово неразборчиво, вѣроятно—закономъ. См. приложенное факсимиле.

А совѣтоваться съ родными? Есть случаи, въ которыхъ никто не долженъ спрашивать ничего совѣта. Это тѣ случаи, когда чувствуешь себя обязаннымъ сдѣлать такъ, а не иначе. Если они будутъ согласны—лишнее спрашивать ихъ; если бы не согласились—я потерялъ бы право спрашивать ихъ совѣта, потому что не послушался бы его.

А если они не согласятся теперь потому, что она покажется имъ слишкомъ вѣтрена? Объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Вотъ кратко мои мысли: „Вотъ какова она по моему убѣжденію. Вы не убѣждаетесь, что она такова въ самомъ дѣлѣ и что мнѣ кажется такъ. Вы не довѣряете мнѣ. Что же я за человѣкъ послѣ этого. Мнѣ лучше не жить. Я рѣшительно спокоенъ. Даю вамъ столько то времени на размышленіе. Если вы не согласитесь, я убью себя, потому что лучше умереть, чѣмъ быть человѣкомъ безчестнымъ и безхарактернымъ. Лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ счастья“. И они согласятся, потому что я буду говорить рѣшительно спокойно и они увидятъ, что я сдержу слово. А если не согласятся? Я дѣйствительно убью себя. Убью и только. Я не переживу своего безчестія, но я умру все-таки безчестнымъ, потому что связалъ себя обѣщаніемъ, которое выполнить не въ состояніи. Но къ чему я говорю вздоръ? Развѣ Папенька и Маменька будутъ въ самомъ дѣлѣ противиться! Не думаю, не ожидаю этого. Много-много если имъ не совсѣмъ пріятно будетъ согласиться, но навѣрное согласятся, не доводя меня до такихъ угрозъ. Я, если нужно, я спокойно сдержу свои угрозы. Маменька не переживетъ моего самоубійства. Жаль. Но зачѣмъ же была такъ самонадѣянна, такъ малодовѣрчива ко мнѣ, чтобы доводить меня до этого? Зачѣмъ поставила меня въ такое положеніе? Мнѣ горько будетъ убить ее, еще болѣе горько будетъ то, что взявши на себя обѣщаніе выше моихъ силъ, я связалъ на нѣсколько времени О. Сокр.—но что же дѣлать? Ссориться я не могу, умереть я могу. А если они скажутъ: „дай раньше узнать ее?“— „Нѣтъ, нечего узнавать, я ее знаю, жить съ ней мнѣ, а не вамъ. Если я такой дуракъ, что даже въ этомъ дѣлѣ нелзя предоставить меня собственной волѣ, куда же я гожусь? Да или нѣтъ, и черезъ часъ или вы пойдете знакомиться съ родными моей невѣсты, или я убью себя“. Это я сдѣлаю. Это для меня не трудно даже. Это въ моемъ характерѣ.

Во мнѣ, говорятъ Николай Ивановичъ и Анна Никаноровна, мало фантазіи—вотъ вамъ доказательство на бумагѣ, какой я фантазеръ. Вѣдь серьезно обдумываю, какъ поступить въ такомъ случаѣ, который рѣшительно невозможно ожидать. Вѣдь рѣшительное сопротивленіе моихъ родныхъ рѣшительно невѣроятно. А я все-таки принимаю его въ расчетъ серьезно, и уже обдумалъ все. Жаль, что не принасъ еще завѣщанія. Я смѣюсь надъ своими глупыми опасеніями. Но если бы, противъ всякой возможности, случилось такъ, какъ представляетъ мнѣ возможнымъ моя необузданная фантазія, конечно, я рѣшительно хладнокровно поступилъ бы такъ, какъ думаю поступить. Теперь только одно колебаніе—выборъ рода смерти. Вѣроятно, (о, какой положительный человѣкъ!—самъ люблюсь на свою нелѣпую фантазію) запасусь къ тому времени ядомъ. Если ядъ не успѣю запасти, думаю, что лучше всего будетъ разрѣзать себѣ жилы. Все-таки, предварительно, прочитаю, какъ древніе поступаютъ въ этомъ случаѣ, напр. Сенека. Если не успѣю получить положительныхъ свѣдѣній, чтобы успѣхъ открытія (жиль) былъ несомнѣнно, зарѣжусь чѣмъ нибудь, только не бритвою, потому что это слишкомъ

невѣрно. А убить себя все-таки убью, если понадобится, конечно. Ужь это вѣрно. Однимъ словомъ —

Что мнѣ крѣпкій замокъ,
Караулъ, ворота (въ случаѣ несогласія родныхъ)

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Мнѣ и жизнь ни по чѣмъ.

Смѣшно. А пишу совершенно серьезно. Знаю, что сопротивленіе невозможно. А ужъ приготовился къ нему и знаю, что сдѣлаю, если оно будетъ. Но, само собою разумѣется, глупо ожидать его.

Ну, такого смѣшнаго, нелѣпаго, (и вмѣстѣ такого сомнѣнія въ случаѣ возможности сопротивленія, т. е. возможности невозможнаго) эпизода не найдется, вѣроятно, въ моей памяти.

Продолжаю. Я не могу отказаться. Это было бы безчестно. Я бы покрылся позоромъ въ своихъ глазахъ.

Мало этого. Я бы мучился сознаниемъ своего безсилія рѣшиться на что нибудь. „Не посмѣлъ, не посмѣлъ, подлецъ, принять счастья, не спросивъ Папенъки и Маменьки; не посмѣлъ рѣшиться на свое счастье, потому что это важный шагъ — а, да ты, дѣйствительно, такая дрянь, какою считалъ себя! Ты, братецъ, ни на что не способенъ! Славная, ты братецъ, тряпка! Вотъ ужъ истинный Гамлетъ“.

Я, дѣйствительно, тогда сталъ бы Гамлетомъ въ своихъ глазахъ, мысль, которая и безъ того ужъ постоянно меня мучаетъ. Тогда я на вѣкъ не освободился бы отъ нея. Теперь я спокоенъ. Теперь я чувствую себя человѣкомъ, который въ случаѣ нужды можетъ рѣшиться, можетъ дѣйствовать, а не существомъ изъ числа тѣхъ крысъ, которыя собирались привязывать звонокъ на шею коту.

О, какъ мучила меня мысль о томъ, что я Гамлетъ. Теперь вижу, что нѣтъ; вижу, что я тоже человѣкъ, какъ другіе; правда не такъ много имѣющій характера, какъ бы желалъ имѣть, но все-таки человѣкъ не совсѣмъ безъ воли, однимъ словомъ человѣкъ, а не совершенная дрянь. Меня мучило бы (еслибъ я поступилъ не такъ, какъ поступилъ 19 февраля въ четвергъ)⁶⁷⁾ и то, что я поступилъ съ такимъ благороднымъ существомъ, какъ О. С., не деликатно, грубо, негуманно, что я человѣкъ безчувственный. Какъ тяжело ей должно было поставить меня въ такое положеніе, какъ она поставила меня! Какъ дорого это усиліе должно было ей стоить! А я все-таки не пожалѣлъ ее, не тронулся ея положеніемъ! Развѣ не тяжелъ ей былъ вызовъ? Значитъ я долженъ былъ принять его, если во мнѣ есть хоть сколько нибудь способности сочувствовать тяжелому положенію — и значитъ, положеніе тяжело, когда она рѣшается на такія вещи. Я не тронулся этимъ! Да послѣ этого я былъ бы скотина, свинья! Да послѣ этого я не могъ никакъ не

⁶⁷⁾ 19 февраля было сдѣлано предложеніе.

быть убѣжденъ въ томъ, что я деревянный человѣкъ, что я безчувственный человѣкъ, что я поступилъ по свински, что я безчувственная скотина.

(Иду внизъ къ Маменькѣ. Тамъ, конечно, буду дѣлать дѣло. Именно поправлю свои цифры въ словарь)⁶⁸). (Продолжаю въ 10¹/₂ часовъ).

Почему я долженъ имѣть *невѣсту*.

Мнѣ жаль ее, мнѣ совѣстно передъ собою не дать руки, которую хотѣли взять, чтобы выйти изъ напасти.

Да, что жъ, наконецъ, я дѣлаю здѣсь? И до какихъ поръ это будетъ продолжаться? Жить здѣсь, значить терять свою карьеру. Будетъ ли у меня довольно силъ, чтобы вырваться отсюда? Два года я прожилъ здѣсь, въ теченіе которыхъ я два раза собирался рѣшительно уѣхать и все-таки не уѣхалъ—почему это другое дѣло—отчасти по апатіи, отчасти изъ сожалѣнія оставить Маменьку—доказали⁶⁹), что у меня нѣтъ рѣшимости уѣхать отсюда, если меня не принудятъ обстоятельства, а какія обстоятельства, кромѣ женитьбы, могутъ заставить меня сдѣлать это? Здѣсь я жить женатый не могу: во-первыхъ, потому, что никогда не буду имѣть средствъ къ жизни—на 1400 р. не прожить; во-вторыхъ потому, что я здѣсь буду всегда въ зависимости отъ Маменьки, или долженъ буду постоянно имѣть непріятности съ ней, потому что ея мысли объ образѣ жизни вообще, тѣмъ болѣе объ отношеніяхъ семейной жизни, рѣшительно не сходятся съ моими;—нѣтъ, довольно и того, что я живу въ подчиненіи, но чтобы моя жена должна была подчиняться кому нибудь, т. е. чтобы я сталъ подчиняться кому нибудь въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ, т. е. въ повиновеніи ей, а моя жена подчинялась кому нибудь и чему нибудь въ образѣ своей жизни—нѣтъ, это уже слишкомъ.

Да и можетъ-ли она поладить здѣсь съ Маменькой? Нѣтъ, потому что не она будетъ главою семейства. Другое дѣло, если Маменька пріѣдетъ жить съ нами въ Петербургъ,—весьма радъ, потому что тамъ она будетъ гостя, будетъ пользоваться всѣмъ уваженіемъ, всякою предупредительностью отъ насъ, а мы, т. е. моя жена, будетъ главою дома. Однимъ словомъ, здѣсь жить женатый я не могу. А я долженъ, я хочу жениться, слѣдовательно, ужъ по одному этому я долженъ ѣхать въ Петербургъ. А моя карьера? Неужели я долженъ остаться учителемъ гимназіи, или быть столоначальникомъ, или чиновникомъ особыхъ порученій съ перспективою быть ассесоромъ? Какъ-бы то ни было, а все-таки у меня настолько самолюбія еще есть, что это для меня было-бы убійственно. Нѣтъ, я долженъ поскорѣе уѣхать въ Петербургъ. А я не могу ѣхать, если обстоятельства меня не заставляютъ. Какія-же обстоятельства? Служебныя? Я увѣренъ, что меня теперь вытѣняютъ, а я скорѣе поставлю все вверхъ дномъ и останусь, если ужъ на то пошло. Я не хочу, чтобы кто-нибудь могъ сказать, что принудилъ меня къ тому-то, тѣмъ болѣе ⁷⁰). Нѣтъ, я слишкомъ самолюбивъ, чтобы позволить такъ повернуться дѣламъ. Остается одно — пріобрѣтеніе возможности жениться. Да не просто въ случаѣ возможности жениться, а по необходимости жениться.

⁶⁸) Словарь къ Ипатьевской лѣтописи.

⁶⁹) Т. е. два года.

⁷⁰) Нѣсколько словъ не разборчиво.

Мысль о женитьбѣ только тогда подѣйствуетъ на меня, когда я буду думать не „я хочу жениться“, а когда я буду знать, что я долженъ жениться, что мнѣ ужъ нельзя не жениться, однимъ словомъ, когда я буду не человѣкъ, который думаетъ жениться, а когда я буду женихъ. Когда-же я буду женихомъ? Если не стану теперь, если не стану женихомъ О. С. какъ теперь, чѣмъ-же женихомъ я буду? (объ этомъ послѣ). И такъ я долженъ стать женихомъ, чтобы уѣхать отсюда: безъ этого у меня не достанетъ силъ уѣхать отсюда, покинуть Маменьку. Я долженъ уѣхать. Безъ этого одного ужъ я несчастливъ на всю жизнь. Итакъ я долженъ стать женихомъ О. С., чтобы получить силу дѣйствовать, иначе —
на путь по душѣ крѣпкой воли мнѣ нѣтъ.

Ну, хорошо. Если бы даже я уѣхалъ отсюда? Я ужъ испыталъ прелесть отношеній съ дѣвцами черезъ отношенія къ О. С. Эта прелесть уже увлекаетъ меня. И вотъ что я буду дѣлать въ Петербургѣ? Я долженъ скоро и рѣшительно, не развлекаясь ничѣмъ, устраивать свои дѣла. А если я явлюсь въ Петербургъ не женихомъ, я буду увлеченъ въ женское общество своею потребностью; что же выйдетъ? То, что я буду заниматься двумя дѣлами — работою и женскимъ обществомъ, если угодно — волокитствомъ и мыслію о волокитствѣ, т. е. это у меня будетъ не волокитство, а потребность любви и отыскиваніе любви. И любовь помѣшаетъ работѣ. Да еще на меня стануть имѣть виды господа, имѣющіе дочерей и т. п. — устою-ли я противъ ихъ увлеченій, самъ увлекаюсь своимъ сердцемъ? Нѣтъ. И я буду гоняться за двумя зайцами, и одно — работу — упущу. Да, и какой мой характеръ? Развѣ я не бездѣлничая вообще все время, когда мнѣ нѣтъ рѣшительной необходимости работать? Слѣдовательно, у меня должна быть необходимость работать и окончить, устроить свои дѣла быстро и скоро. Что жъ можетъ заставить меня работать, не теряя времени? Только одно: „я имѣю невѣсту, которая ждетъ меня и долженъ поскорѣе устроить свои дѣла такъ, чтобы она была моею женою“.

Кромѣ этого я ничего не вижу, чтобы могло меня заставить не терять времени въ пустыхъ работахъ ⁷¹⁾ со стороны, напр. Срезневскаго. Э, Боже мой, да я у него могу нахватать разнаго сотрудничества, такъ что мои собственные дѣла будутъ постоянно отлагаться. Да, онъ будетъ настаивать, а я постараюсь тянуть. Я не могу кончить работы иначе какъ тогда, если мнѣ давъ срокъ, къ которому я долженъ ее кончить: такъ, напр., и мой словарь никогда не былъ бы отдѣланъ, если бы не рѣшительная мысль ѣхать въ Петербургъ въ декабрѣ. А уѣхалъ-ли я? Нѣтъ. Итакъ я долженъ быть женихомъ. Вотъ невѣста. Если ужъ этотъ случай не будетъ схваченъ мною, какой можетъ быть другой случай, столь прекрасный, столь счастливый, столь понудительный?

Хорошо. Я, пожалуй, поѣду въ Петербургъ. Тамъ года два не устрою своихъ дѣлъ, какъ должно, если не буду принужденъ къ этому необходимостью. Въ эти два года я постарѣю много, потрачу лучшій пылъ сердца, сдѣлаюсь расцѣпленнымъ въ выборѣ. Да и кто мнѣ понравится послѣ нея? И вотъ сколько лѣтъ пропадетъ у меня! Богъ знаетъ сколько! И вотъ мнѣ 32 года, и вотъ я долженъ жениться на 25-лѣтней отцвѣтшей дѣвушкѣ, и вотъ мнѣ 50 лѣтъ, а мои старшіе дѣти еще мальчики, еще дѣвочки. А я хочу свѣжей любви, а я хочу долго люби-

⁷¹⁾ Одно слово неразборчиво.

ваться, наслаждаться молодостью жены. Да и какія дѣвицы въ Петербургѣ? Виллы, блѣдныя, какъ Петербургскій климатъ, какъ Петербургское небо. Нѣтъ, я не хочу ихъ. Да у нихъ будетъ семейство тутъ, да у моей жены, если она изъ Петербурга, будутъ различнаго рода матери, тетки, братцы и т. д.—я ихъ не хочу. Я не хочу, чтобы у насъ былъ кто вибудъ, кромѣ меня и моей жены, чтобы ей надували въ уши, что обыкновенно надувають въ уши г-жи родественницы. Нѣтъ, моя невѣста должна быть не изъ Петербурга. Если не женюсь теперь на ней, когда-же? Богъ знаетъ, когда, вѣроятнѣе всего—никогда. Чтобы я женился, нуженъ подобный случай. А подобный случай требуетъ подобной дѣвицы—найдется-ли еще хоть одна такая на моемъ пути? Что же? Я долженъ буду отыскивать въ Петербургѣ блѣдную, вялую, золотушную, чахоточную красавицу. Или ѣхать въ качествѣ кандидата въ женихи въ Саратовъ. Господи Боже мой! Что это за чепуха! Я не долженъ выпускать этого чуднаго случая. Не долженъ, или я погибъ. И я беру и благословляю руку, которая такъ довѣрчиво, такъ счастливо для меня протянута ко мнѣ. Не найти мнѣ подобной руки. Беру ее, благословляю ее! О, да будешь ты благословенна, да будешь ты счастлива!

} Это все написано въ среду 4 марта.

Продолженіе. Пишу 5 марта въ 12^{1/2} час. утра.

Мнѣ должно жениться уже и потому, что черезъ это я изъ ребенка, каковъ я теперь, сдѣлаюсь человѣкомъ. Исчезнетъ тогда моя робость, застенчивость и т. д.

Наконецъ, мнѣ должно жениться, чтобы стать осторожнѣе. Потому что, если я буду продолжать такъ, какъ началъ, я могу понастѣя въ самомъ дѣлѣ. У меня должна быть идея, что я не принадлежу себѣ, что я не вправе рисковать собою, иначе, почему знать? Развѣ я не рискну? Должна быть какъ защита противъ демократическаго, противъ революціоннаго направленія и этою защитой ничто не можетъ быть, кромѣ мысли о женѣ.

Итакъ, я долженъ необходимо жениться.

Долженъ-ли я жениться на ней?

Объ этомъ я ужъ говорилъ съ одной стороны, съ той стороны, что я и раньше нашего разговора въ четвергъ 19 февраля чувствовалъ къ ней сильную привязанность и думалъ, что для моего счастья необходима такая жена, какъ она.

Что будетъ, если я женюсь на ней? Я никогда не смогу найти такого прекраснаго существа, какъ она; мой выборъ будетъ всегда несравненно хуже, чѣмъ тотъ счастливый случай, который представился мнѣ теперь. Потому что я знаю, что у меня нѣтъ ни довольно проницательности, ни довольно опытности, чтобы предохранить себя отъ хитрости обмана, наконецъ, ...⁷²⁾ Гдѣ мнѣ искать, гдѣ кому нибудь найти такую дѣвушку? Такую чистую, такую благородную, такую умную, такую красавицу? Кто лучше ея изъ тѣхъ, которыхъ называютъ здѣсь красавицами? Я во всякомъ случаѣ не знаю, и вѣрно никто мнѣ не будетъ такъ нравиться.

Наконецъ, у меня есть еще одно желаніе—фантастическое желаніе,—это можетъ быть,—но глубокое, давно уже зародившееся и все развивающееся болѣе и болѣе; сильное желаніе—не желаніе даже, а глубокая потребность ⁷³⁾ на всемъ моемъ характерѣ:

⁷²⁾ Одно слово неразборчиво.

⁷³⁾ Одно слово неразборчиво.

Я хочу любить только одну во всю жизнь.

Я не хочу, чтобы у меня было о комъ-нибудь и какія-нибудь воспоминанія, кромѣ какъ о моей женѣ.

Я хочу, чтобы мое сердце не только послѣ брака, но и раньше брака, не принадлежало никому кромѣ той, которая будетъ моей женой.

Кромѣ этого, я хочу поступить теперь въ обладаніе своей женѣ и тѣломъ, не принадлежавъ ни одной женщинѣ, кромѣ нея. Я хочу жениться дѣвственнымъ и тѣломъ, какъ будетъ дѣвственна моя невѣста — для этого я долженъ жениться скорѣе, потому, что я слишкомъ долго не могу удержаться цѣломудреннымъ; я не хочу попасть къ женщинѣ, кромѣ своей жены. Поэтому ужъ я долженъ не медлить женитьбою.

А что теперь? Какъ ни говори, какъ ни увѣрай себя, что то, что я чувствую къ ней, еще не любовь, — все-таки это любовь.

Да не въ названіи дѣло, дѣло въ томъ, что глубже чувства, которое внушаетъ она мнѣ, я не испытывалъ, и что это чувство такъ глубоко, что воспоминаніе о немъ никогда не пропадаетъ изъ моего сердца. И въ объятіяхъ жены, если это будетъ не она, я буду помнить: „А было время, мое сердце принадлежало другой. Другъ мой, я не всю свою жизнь, не всю свою душу отдалъ тебѣ. Часть жизни моей души принадлежитъ не тебѣ. Не ты моя первая любовь“. Это будетъ мнѣ мучительно. Я буду ревновать себя за свою жену къ О. С., къ моей первой любви. Я этого не хочу. Пусть у меня будетъ одна любовь. Второй любви я не хочу.

Все это весьма идеально, можетъ быть весьма смѣшно, но что-жъ дѣлать? Мало-ли есть въ моемъ характерѣ такого, что для другихъ должно показаться смѣшнымъ и отъ чего все-таки я не могу и не хочу освободиться.

Итакъ, такъ будь ты моею единственною любовью, если только это возможно, если только ты согласна!

Долженъ сказать, что я пишу это нисколько не разгоряченный, — да и отъ чего мнѣ разгорячаться? Уже шестой день, какъ я не видѣлъ ее, а что теперь имѣетъ на меня какое нибудь вліяніе, кромѣ ея присутствія?

Итакъ, я люблю ее. Я не надѣюсь найти другую, къ которой бы я могъ такъ сильно привязаться; я даже не могу представить себѣ, никакъ не могу представить себѣ, чтобы могло быть существо болѣе по моему характеру, болѣе по моему сердцу, чтобы какой-бы то ни было идеальнѣе было выше ея, я не могу даже вообразить себѣ ничего выше, лучше ея. Она мой идеаль, но идеаль не потому, чтобы я идеально смотрѣлъ на нее: я вижу ее, какъ она есть, я не украшаю ее въ моемъ воображеніи, нѣтъ — потому что въ ней все, что можетъ быть лучшаго, все, что можетъ плѣнять, обворожать, заставить биться радостью и счастьемъ мое сердце.

Это женщина, съ которою я буду счастливъ, какъ только можно быть счастливымъ отъ женщины. Въ ней мое счастье, въ ней.

Она выбираетъ меня — значитъ она думаетъ найти во мнѣ свое счастье. Это всего важнѣе; безъ этого я никогда бы не рѣшился для своего счастья рисковать ея счастьемъ. Она думаетъ быть счастлива со мною — хорошо; если такъ, я не буду колебаться.

Потому что у меня одно колебаніе: будешь ли ты счастлива со мною; что я буду счастливъ съ тобою, объ этомъ печего и толковать, какъ нечего толковать о томъ, что днемъ на небѣ бываетъ солнышко.

Вотъ мои мысли (конечно, кромѣ мысли, что она выберетъ меня, приметъ мою руку) при началѣ разговора съ ней. Я не сознавалъ ясно, но я чувствовалъ ясно, что мой разговоръ, къ которому я готовился въ пятницу и который я началъ въ четвергъ, кончится съ моей стороны тѣмъ, что я сдѣлаю ей предложеніе.

Я хотѣлъ его сдѣлать, я готовился къ нему.

Но раньше я долженъ былъ, какъ честный человѣкъ, высказать ей мои сомнѣнія о томъ, что должна она связать свою судьбу со мною.

Я сдѣлалъ это, потому что — какъ угодно, а въ сущности я честный человѣкъ, и я правду говорю, когда говорю передъ собою и повторяю ей:

Твое счастье для меня дороже моей любви.

Тяжело было для меня говорить такъ, какъ я говорилъ съ нею. Вмѣсто любви, вмѣсто восторга, вмѣсто языка жениха, языкъ человѣка, который говорить: пожалуйста не рѣшайтесь выходить за меня замужъ!

Чѣмъ бы это могло кончиться? Этотъ разговоръ могъ бы быть чрезвычайно ⁷⁴⁾..... для моего счастья.

Но я все таки началъ этотъ разговоръ и высказалъ все, что долженъ былъ высказать.

Я поступилъ, какъ честный человѣкъ.

И она выслушала этотъ грубый языкъ, она выслушала его и поняла мои рѣчи въ ихъ истинномъ смыслѣ; не оттолкнула меня за мой грубый совѣтъ „откажитесь отъ мысли быть моей женой“.

Она поняла, что я говорю, какъ честный человѣкъ, что говорю это не для того, чтобы мнѣ хотѣлось заставить ее оттолкнуть меня, — что было бы тогда со мною, я не знаю, — а потому, что я долженъ былъ сказать ей, за кого она выходить.

Она поняла, что я не ломаюсь, что я говорю искренно, по чувству обязанности сказать все, а не потому, что хотѣлъ отказаться отъ ея руки. Кто бы понималъ это? Она поняла!

Кто бы не оскорбился этимъ? Она не оскорбилась!

О, какъ это возвысило мое уваженіе къ ней! О, какъ это возвысило мою увѣренность въ томъ, что я буду счастливъ съ нею, и что она не будетъ несчастна со мною!

Я не знаю равной тебѣ. Ты согласна—я счастливъ!

Да будешь ты счастлива!

Да будетъ у меня одно счастье въ жизни—счастье тѣмъ, что ты счастлива!

Моя жизнь будетъ посвящена твоему счастью.

Я пишу это совершенно холодно. Я теперь далекъ отъ всякой экзальтаціи, отъ всякаго преувеличенія. Я спокоенъ, я говорю мысль, которая никогда не покинетъ меня, потому что она имѣетъ источникомъ мой характеръ и мое знаніе себя, а не какую нибудь горячность.

Я разсуждаю о моихъ чувствахъ, я теперь не увлекаюсь ими.

Насколько твое счастье зависитъ отъ меня, отъ моихъ силъ, отъ моей безграничной преданности, ты будешь счастлива!

5¹/₂ час. вечера, 5 марта, четвергъ. Начинаю писать свои размышленія о ней.

⁷⁴⁾ Это слово неразборчиво.

Первый, самый главный, единственный вопросъ, отъ котораго разрѣшенія зависить мое счастье, это вопросъ, котораго я стыжусь:

Не играетъ ли только мною она? Я рѣшительно говорю: нѣтъ.

Но я человѣкъ мнительный и долженъ записывать свои сомнѣнія. Чтобы и впослѣдствіи можно было видѣть, что я не увлекался, а дѣйствовалъ по совѣсти и разсудку, конечно движимый сильнымъ, глубокимъ, нѣжнымъ, но вовсе не слѣпымъ чувствомъ.

Я пишу ихъ и изъ ненависти къ этой глупой сторонѣ моего характера — мнительности, робости, опасенію встрѣтить противодѣйствія, несчастія, горе, непріятности тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ и не можетъ быть. Эта сторона моего характера должна быть безжалостно казнена, и я казнь ее страшнымъ образомъ, выставляю на неигладимый позоръ этимъ записываніемъ.

Стыдись, малодушный! (вотъ истинное названіе для меня)!..

Стыдись, малодушный, своего глупаго малодушія — вотъ оно выставляется тебѣ самому на показъ, чтобы ты могъ послѣ, когда продолжишь борьбу съ этою гнуснѣйшею, подлѣйшею, наконецъ вреднѣйшею стороною своего характера. который, скажу безъ самохвальства — былъ бы безукоризненъ, если бы въ немъ не было этой стороны, — чтобы тогда ты могъ видѣть ее на бумагѣ неизгладимо заклеименною тѣмъ самымъ, что она выставлена цѣликомъ, какъ есть, безъ всякихъ прикрашъ и преувеличеній — ты увидишь ее и она будетъ поражена всякій разъ, какъ ты посмотришь на ея изображеніе во всей ея гнусности.

Мнѣ тяжело, — о, какъ тяжело писать то, что я буду писать, — но я напишу все. Я казню себя тѣмъ, что пишу. Я не щаю никогда никого, потому что озлобленъ противъ себя тѣмъ, что во мнѣ есть такая гнусность: тѣмъ болѣе, не пощажу своей гнусности, этого источника моего ожесточенія.

Пусть, когда разсѣются мои глупыя сомнѣнія, когда мнѣ придетъ охота откаться отъ нихъ, у меня *на бумагѣ* (останется) неизмѣнное доказательство того, какъ я былъ глупъ со своими опасеніями, и тогда я буду всегда имѣть право сказать себѣ, если бы начались снова подобныя опасенія: посмотри, какъ былъ ты глупъ — ты и теперь будешь также глупъ, если не подавишь своихъ глупыхъ сомнѣній; сомнѣнія были во мнѣ — не противъ ея — нѣтъ; въ отношеніи къ ней у меня не было сомнѣній, не было подозрѣній, оттого что она слишкомъ благородна и пряма, чтобы у нея могли быть отъ меня тайны, когда она увидитъ, что со мной не нужно имѣть тайнъ.

Нѣтъ, не противъ нея, а сомнѣнія относительно моихъ житейскихъ, служебныхъ, литературныхъ, политическихъ отношеній. Сомнѣнія противъ нея — они и теперь нелѣпы; я и теперь не обращаю вниманія на нихъ, а послѣ, если я буду такъ счастливъ, что блаженство жить для нея будетъ моимъ удѣломъ — послѣ у насъ не будетъ никакихъ недоразумѣній; я буду знать о ея жизни, о ея чувствахъ ко мнѣ и къ другимъ, о всѣхъ ея отношеніяхъ все, что заслуживаетъ быть извѣстнымъ, все, что имѣетъ хоть малѣйшую важность для меня или для нея.

Опять какой горячій языкъ, — а вѣдь я пишу рѣшительно спокойно! Я пишу такъ же спокойно, какъ говорю: „Солнце освѣщаетъ землю“ — что жъ дѣлать, что о солнцѣ нельзя не употреблять сильныхъ выраженій, какъ бы спокойно ни говорилъ о немъ; — что же дѣлать, что о ней нельзя не писать величественныхъ, торжественныхъ мыслей, какъ бы холодно ни писалъ. Она сама виновата въ томъ,

что самыя спокойныя, холодныя размышленія о ней, излагаясь какъ нельзя проще и спокойнѣе, все таки имѣютъ какой-то возвышенный характеръ. О возвышенномъ самыя холодныя мысли возвышенны.

Играетъ ли она мною? И я думаю это! Нѣтъ, я не думаю это, а въ моей гнусной мысли, малодушной фантазіи есть эти гнусныя мысли, и я ихъ выдаю на позоръ. Можетъ быть. — клеветать на нее мое необузданное малодушіе. — она просто видитъ въ тебѣ простака, который безъ памяти влюбленъ въ нее и съ которымъ она можетъ дѣлать, что ей угодно — вѣдь это даръ Божій! Ей хочется выйти замужъ. Она имѣетъ надежды, что можетъ быть посвѣтается ей кто нибудь, кто кажется ей лучше тебя, напр. Палимпсестовъ. Но какъ дѣвушка весьма умная, видитъ, что это не легко; можетъ быть это будетъ, можетъ быть то и не будетъ. А ей хочется выйти замужъ поскорѣе. Ну, вотъ она и взяла тебя про запасъ — будетъ приискивать себѣ жениховъ, увидитъ, что нѣтъ возможности выйти ни за кого, кромѣ тебя, — „ну, нечего дѣлать, пойду за этого глупенькаго простачка“, — вѣдь ей весьма несносно жить въ домѣ — „онъ все таки избавитъ меня отъ матери, а тамъ, когда выйду за него, посмотримъ, что будетъ“.

Низко, братъ, низко, стыдись этихъ мыслей.

Иду пить чай. Буду продолжать по возвращеніи.

Продолжаю 6 марта, пятница, 9 часовъ утра.

„Плохо, если не найду никого; нечего дѣлать, тогда пойду за этого простачка. Онъ мнѣ вовсе не нравится. Что жъ такое? Можно будетъ жить и съ нимъ, потому что онъ будетъ моимъ лакеемъ. Я буду имъ управлять. Онъ мнѣ не будетъ мѣшать ни въ чемъ, я съ тѣмъ и пойду, и такъ буду держать его, чтобы онъ не смѣлъ ревновать и, однимъ словомъ, все таки жить съ послушнымъ мужемъ лучше, чѣмъ жить съ нетерпящею меня матерью“. (Это я хватилъ уже черезъ чуръ — я излагаю въ этихъ строкахъ свои сомнѣнія яснѣе и рѣзче, чѣмъ они представляются мнѣ).

Итакъ, я игрушка ея, я запасной дворянинъ, я лицо, о которомъ говорится въ пословицѣ: „за неимѣніемъ маркиганта служить и булочникъ“ ⁷⁵⁾.

Но положимъ, что, наконецъ, не найдутъ ей другого жениха. Она выйдетъ за меня. Что тогда будетъ? Она будетъ вести себя такъ, какъ ей вздумается. Окружить себя въ Петербургѣ самую блестящую молодежь, какая только будетъ доступна ей по моему положенію и по ея знакомствамъ, и будетъ себѣ съ ними побезничать, кокетничать; наконецъ, найдутся и такіе люди, которые заставятъ ее перейти границы пустого кокетства. Сначала она будетъ остерегаться меня, недовѣрять мнѣ, — но потомъ, когда увидитъ мой характеръ, будетъ дѣлать все, не скрываясь. Сначала я сильно погорю о томъ, что она любитъ не меня, потомъ привыкну къ этому положенію, у меня явится *résignation*, и я буду жалѣть только о томъ, что моя привязанность пропадаетъ неоцѣненная, т. е. зная ее она будетъ, но будетъ считать ее не слѣдствіемъ нѣжности моей привязанности и моихъ убѣжденій о правѣ сердца быть всегда свободнымъ, а слѣдствіемъ моей глупости, моей ослиной влюбленности. И у меня общаго съ ней только то, что мы будемъ жить въ одной квартирѣ и она будетъ располагать моими доходами.

Я перестану на это время любить ее. У нея будетъ самое грустное располо-

⁷⁵⁾ Это слово не совсѣмъ разборчиво.

женіе духа. Но быть рѣшительно въ распоряженіи у нея я не перестану. Только въ одномъ стану я тогда независимымъ отъ нея: нѣкоторою частью денегъ я буду располагать самъ, не передавая ихъ ей — буду употреблять ее на посылки и подарки своимъ роднымъ. Что будетъ послѣ? Можетъ быть ей надоѣстъ волокитство, и она возвратится къ соблюденію того, что называется супружеская обязанность, и мы будемъ жить безъ взаимной холодности; можетъ быть даже, когда ей надоѣдятъ легкомысленныя привязанности, она почувствуетъ нѣкоторую привязанность, ко мнѣ, и тогда я снова буду любить ее, какъ люблю теперь.

Ну, это до крайности нелѣпо. Эти мысли оскорбительны для нея, недостойны меня. Я знаю, что онѣ глупы, рѣшительно ложны. Что этого никогда не будетъ. Будетъ она любить меня, или просто будетъ чувствовать только нѣкоторую благодарность мнѣ за мою привязанность, но вертопрашничать она не будетъ. Но если бы я былъ рѣшительно увѣренъ, что такъ будетъ — чтобы я сдѣлалъ! Я зналъ бы, что черезъ бракъ съ ней буду несчастливъ, но я не отступлю отъ своего обязательства и если бы даже она сама мнѣ сказала: „я выхожу за тебя только для того, чтобы пользоваться рѣшительно свободою, дѣлать, что мнѣ угодно, любезничать со всѣми, съ кѣмъ захочу“ — я все таки сказалъ бы: „какъ вамъ угодно, такъ и живите; я сказалъ, что повѣнчаюсь на васъ, и прошу васъ ѣхать въ церковь вѣнчаться. Пусть будетъ, что будетъ. Я готовъ на все. Вамъ угодно, чтобы я былъ вашимъ мужемъ — я готовъ. Вы будете моею женою и будете совершенно свободны“.

Изъ чего же возникаютъ мои сомнѣнія? Изъ моего характера, прежде всего. Мнѣ нужны слишкомъ ясныя доказательства, что мною не пренебрегаютъ, что я не надоѣлъ, что я не противенъ. Мнѣ всегда кажется, когда напр. я сижу у кого нибудь, или кто нибудь сидитъ у меня, что онъ со мною скучаетъ, что я пришелъ не во время и т. д. Мнѣ трудно убѣдиться въ томъ, что я на своемъ мѣстѣ, что я въ хорошихъ отношеніяхъ къ кому нибудь. Но этотъ поводъ скоро уничтожится, если она въ самомъ дѣлѣ будетъ привязана ко мнѣ. Напр. убѣдился же я, что Николаю Ивановичу ⁷⁶⁾ я не мѣшаю, что онъ не пренебрегаетъ мною; точно также и относительно Евгенія Александровича ⁷⁷⁾ Чеснокова, Малышева ⁷⁸⁾ и т. д. Слѣдовательно, за это нечего бояться, это пройдетъ весьма скоро, вѣроятно, раньше моего отъѣзда въ Петербургъ весною.

Другой источникъ — мнѣ говорили (Палимпсестовъ). „Она истаскана“ (конечно, сердцемъ) — „она растеряла свои чувства и уже не способна любить“. Это и теперь на меня не дѣйствуетъ, потому что я ставлю себя выше другихъ и ихъ мнѣнія для меня не имѣютъ никакого вѣсу. Я способенъ, чѣмъ они, понимать такихъ людей, какъ О. С.; странно было бы, если бы религіозныя мнѣнія Николая Ивановича или Анны Пиканоровны имѣли хотя малѣйшее дѣйствіе на меня. — Я выше по ясности взгляда, я лучше ихъ понимаю эти вещи, поэтому они, говоря мнѣ, заставляютъ меня только одобрительно улыбаться: „друзья мои, вы ничего тутъ не понимаете, вы городите страшную чепуху“. То же самое, только въ гораздо большей степени, и съ этими толками о томъ, что она истаскана, что она растратила чувства. „Милые мои, вы говорите благородно, предупреждая меня,

⁷⁶⁾ Костомарову.

⁷⁷⁾ Вѣлова.

⁷⁸⁾ Эта фамилія написана неразборчиво.

что вамъ кажется вотъ какъ. Но вы въ сущности люди съ грязною душою. Вы не можете понимать, что такое за разница между любезничаньемъ, которое не касается до сердца, и между сердечною привязанностью. Вы не способны понимать ее. Неужели вамъ кажется, что она любить кого нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ любезничаетъ, кому кружить головы? Если хотите, она любить такъ, какъ любить напр., тебя, мой милый Ѳеодоръ Устиновичъ ⁷⁹⁾, Елена Васильевна Акимова—но вотъ видите: О. С. рѣшительно другой человѣкъ—ея сердце не истощено этимъ чувствомъ—она гораздо выше, и ея сердце остается рѣшительно дѣвственнымъ. Ея любовь еще впереди. Меня она полюбитъ, или другого, я не знаю. Можетъ быть и не найдетъ она человѣка, котораго полюбила бы истинною любовью, который бы занялъ мѣсто, въ самомъ дѣлѣ, въ ея сердцѣ. Но дѣло въ томъ, что ея сердце до сихъ поръ еще дѣвственно. И что касается, напр. до тебя, мой милый, мой благородный другъ, Ѳеодоръ Устиновичъ, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ смѣшно было слушать, когда ты говорилъ, что Елена Васильевна тебѣ нравится, а О. С. не можетъ нравиться, что у Ел. Вас. милое кокетство, а у О. С. кокетство, которое было бы отвратительно, если бы она не была такъ умна, и что въ Ел. Вас. ты былъ влюбленъ, а О. С. никакъ не могла тебѣ нравиться—это, мой милый, препотѣшно было мнѣ слушать послѣ того, какъ ты говорилъ о томъ, что у О. С. истощилось сердце, а у насъ съ тобою дѣвственное сердце; нелѣпо, мой милый, потому что, во первыхъ, напрасно, значить, ты говоришь о дѣвственности своего сердца: ты, мой милый, не понимаешь, что такое дѣвственность сердца, но еще потѣшнѣ видѣть, что ты не понимаешь разницы между Ел. Вас.—пустенькой, глупенькой и поэтому пошленькой дѣвченкою, которая была и будетъ пошленькой вертопрашницею, и между такимъ возвышеннымъ существомъ, какъ О. С., существомъ съ такою глубокою и благородною натурою. Смѣшно (и въ самомъ дѣлѣ мнѣ было смѣшно, хотя мнѣ вовсе не до смѣха, какъ скоро дѣло касается отношеній и чувствъ О. С. ко мнѣ), весьма смѣшно! Дай тебѣ Богъ здоровья, ты честный человѣкъ, но—извини—ты рѣшительно глупъ и пошлый человѣкъ, и эти слова, мой милый Ѳед. Уст.—увы, остались безъ всякаго дѣйствія на меня! Мой милый, напрасно ты трудился, хотя я благодаренъ тебѣ за твои честныя, благородныя усилія просвѣтить меня. Извини—мнѣ стыдно такъ сказать о человѣкѣ, который показалъ мнѣ истинную дружбу, но *amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas*—ты, рѣшительно, похожъ на свинку, которая доказывала бы человѣку, что напрасно онъ ѣстъ апельсины, потому что желудки гораздо лучше ей нравятся. Славный ты человѣкъ! Но не далъ тебѣ Богъ способности понимать многого на свѣтѣ. И есть натуры, которыя выше тебя, напр. хотя и О. С., и о нихъ ты, мой милый, не судя. Ты производишь на меня тоже впечатлѣнiе, какъ человѣкъ, который сталъ бы говорить мнѣ, что Вольтеръ, Луи Бланъ и Прудонъ, Искандеръ и Гоголь ему не нравятся, потому что слишкомъ много въ нихъ цинизма, а что Булгарина и Масальскаго читаетъ онъ съ большимъ удовольствiемъ.

Но теперь гораздо важнѣе. Теперь мои собственные сомнѣнiя, которыя кажутся мнѣ, конечно, непрiятны, но наконецъ нуждаются въ самомъ дѣлѣ въ разъясненiи. И я не знаю, весьма вѣроятно, что я даже буду говорить о нихъ съ О.

С. Я знаю, что это не такъ, какъ мнѣ представляется, но наконецъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ представляется это. Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ во мнѣ есть эти мысли.

„Не хитритъ ли она со мною? Не увлекаетъ ли она меня обдуманно, не предполагаетъ ли она, что я могу не сдержатъ своего общанія пріѣхать сюда какъ можно скорѣе сватать ее, не хочетъ ли она заставить меня жениться на ней до отъѣзда моего въ Петербургъ?“ Если такъ, зачѣмъ не сказать это прямо? Тогда я представлю свои возраженія. Если она не убѣдится ими, я сдѣлаю, какъ ей угодно. Объ этомъ долженъ поговорить съ ней. Я начну: „О. С., какъ вы думаете, я хитрю скольконибудь съ вами? Вы не увѣрены скольконибудь, что я въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно, въ вашихъ рукахъ?“ и потомъ разговоръ пойдетъ, какъ придется. Можетъ быть приведетъ онъ меня и къ тому, что я спрошу ее: „А вы не хитрите со мною?“ И попрошу ее выслушать мои сомнѣнія.

Зачѣмъ она говорила мнѣ о двухъ своихъ женихахъ, Харьковскомъ (250 душъ) и Кіевскомъ (1000 душъ)? Въ дѣйствительности существованія перваго я не сомнѣваюсь. Но второй не придуманъ ли впоследствии для эффекта? Мнѣ что то нѣсколько подозрителенъ этотъ кіевскій женихъ. Дѣйствительно, несомнѣнно, что тамъ ухаживалъ за ней какойнибудь молодой богатый человѣкъ. Но хотѣлъ ли онъ пріѣхать сюда, чтобы ее сватать? Не просто ли это сказано для того, чтобы сказать мнѣ другими словами: женись на мнѣ теперь? Потому что, если отложишь до зимы, то я выйду за другого? И отчего это „женись теперь“? Оттого ли, что ей хочется поскорѣе вырваться изъ своего семейства? Это еще весьма невинно и даже хитрость ея въ этомъ случаѣ не имѣетъ ничего дурнаго. Но не происходитъ ли это отъ мысли: „Кто тебя знаетъ, удержишь ли ты свое слово пріѣхать? Я должна ковать желѣзо, пока оно горячо“,—если такъ, я скажу ей въ первый разъ—и въ послѣдній разъ,—потому что это единственный случай, въ которомъ я долженъ сказать ей „нѣтъ“,—подобнаго другого случая не можетъ быть—я скажу ей: Нѣтъ, если вы такъ мало вѣрите искренности, и серьезности, и прочности моей привязанности, вамъ рано выходить за меня. Должно подождать. Я рискую страшно, но долженъ раньше рисковать. Я уѣду, не женившись на васъ. Что я пріѣду за вами, вы увидите. Я рискую. Потому что, если такъ мало вы надѣетесь на прочность моей привязанности, вы не станете дожидаться меня, и, если представится случай, выйдете за другого. Но что жъ дѣлать, я лучше готовъ пожертвовать своимъ счастьемъ (я пишу это для себя, потому пишу, какъ думаю, и пишу все, что думаю—тутъ нѣтъ испытанія для нея, тутъ есть только то, что я пишу), чѣмъ связывать вашу судьбу съ моею, пока мои обстоятельства еще не устроены и заставляютъ васъ или нуждаться, или содержать меня на свои деньги нѣсколько мѣсяцевъ“.

То, что говорила она, будто бы, Бусловской, что въ половинѣ поста она дастъ слово или мнѣ или Яковлеву, нисколько на меня не дѣйствуетъ. Это чтонибудь не такъ.

Ну, теперь мои сомнѣнія относительно ея кончены. Теперь перехожу къ другимъ мыслямъ...

И во первыхъ, о моихъ отношеніяхъ къ Папенкѣ и Маменькѣ. Что можетъ быть изъ моего сватовства? Согласятся ли они, чтобы я сваталъ ее? Можетъ быть ея дурная репутація слишкомъ хорошо извѣстна имъ и не согласятся. Если будетъ рѣшительное несогласіе, я ужъ написалъ, какъ я поступлю. Однимъ словомъ,

они меня не остановятъ, потому что я не хочу ихъ слушать въ этомъ случаѣ. Но правъ ли я буду передъ ними? Вотъ другой вопросъ. Я сильно огорчу ихъ. Это такъ. Но это меня не колеблетъ. Пусть огорчатся, это будетъ прискорбно для меня. Но что жъ дѣлать? Это такой случай, что слишкомъ большая деликатность вовсе тутъ не у мѣста. Не объ огорченіи дѣло, а о томъ, правъ ли я буду передъ ними, выравъ ли я не слушаться ихъ?

Когда предлагаются подобныя вопросы, отвѣтъ извѣстенъ: я въ правѣ такъ сдѣлать. Въ правѣ ли я, или нѣтъ такъ сдѣлать, но я твердо убѣжденъ, что въ правѣ, и вотъ почему:

Они не судьи въ этомъ дѣлѣ, потому что у нихъ понятія о семейной жизни, о качествахъ, нужныхъ для жены, объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, о хозяйствѣ, образѣ жизни, рѣшительно не тѣ, какъ у меня. Я человѣкъ рѣшительно другого міра, чѣмъ они, и какъ странно было бы слушаться ихъ относительно, напр., политики или религіи, такъ странно было бы спрашивать ихъ совѣта о женитьбѣ. Это вообще. Въ частности—они, рѣшительно, не знаютъ моего характера и того, какая жена нужна мнѣ. Въ этомъ дѣлѣ можетъ быть судьей, могъ бы быть напр.—ищу, ищу и не найду, потому что никто не можетъ войти въ мой характеръ и въ мои понятія, кромѣ меня самого. Можетъ быть со временемъ, когда рѣшительно убѣдился въ томъ, что я дѣйствительно таковъ, какъ изображаю ей себя, только О. С. Это все равно, что совѣтоваться съ ними, напр., о своихъ отношеніяхъ къ А. Ник. Пасхаловой. Они тутъ рѣшительно ничего не понимаютъ. А отъ этого дѣла зависитъ мой миръ съ самимъ собою и—вѣроятно—мое счастье. Какіе же тутъ совѣты отъ людей, положимъ весьма любящихъ меня, но которымъ, рѣшительно, нельзя растолковать ни того, что такое О. С., ни того, что такое я, ни того, какова должна быть, по моимъ понятіямъ, жена. Этого мало. У меня къ О. С. рѣшительно особые отношенія, которыя понять могутъ только весьма немногіе, напр. А. Ник. Пасхалова. (Я думаю и Ник. Ив., хотя не совсѣмъ), а ужъ вовсе не Маменька. Но если бы, напр., моя Маменька была и такова, какъ Анна Ник., т. е., если бы ей можно было объяснить и если бы она могла сочувствовать этимъ отношеніямъ, то и тутъ: развѣ эти отношенія таковы, что могутъ быть рассказаны кому нибудь? Нѣтъ, имъ не въ правѣ я рассказывать; Ольгѣ С. и то не должно, потому что они слишкомъ странны, а я не въ правѣ, я былъ бы подлецомъ, если бы высказалъ бы хоть однимъ намекомъ на нихъ кому бы то ни было. „Она хочетъ выйти за меня“—какъ хорошо рассказывать эти отношенія! А эти отношенія—одно изъ самыхъ главныхъ обстоятельствъ и безъ нихъ ничего нельзя понять. Слѣдовательно, я не могу, не смѣю, не въ правѣ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе съ людьми, которымъ чужды всѣ понятія, всѣ отношенія этого дѣла. Я былъ бы подлецомъ, если бы сталъ совѣтоваться.

Мнѣ не должно совѣтоваться, наконецъ, и для того, чтобы не лицефривить болѣе передъ собою, какъ и передъ ними. Развѣ я послушаюсь ихъ мнѣнія? Да, въ сущности, развѣ я не дѣлалъ всегда такъ, какъ мнѣ казалось нужнымъ, а всегда только прикрывался ихъ волею. „Какъ вамъ угодно, такъ я и сдѣлаю“.— „Я сдѣлалъ такъ потому, что мнѣ казалось, что вамъ такъ угодно“, а въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ такъ, какъ *мнѣ* было угодно. Къ чему это лицефривіе? Оно гнусно, оно лживо. Пора его бросить.

Пора, наконецъ, перестать выставлять себя мальчикомъ, который все спра-

шивается — „Что прикажете?“, а самъ дѣлаетъ, вовсе не обращая вниманія на приказанія. Пора дѣйствовать прямо и самостоятельно, какъ дѣйствуютъ всѣ другіе.

Но я все таки чувствую нѣкоторое сожалѣніе, что не могу высказать свои намѣренія, т. е. сказать имъ, что О. С. мнѣ весьма нравится, что, если будетъ можно, я приѣду изъ Петербурга просить ея руки, но что, конечно, я не знаю, дастъ ли она ее мнѣ. Мнѣ тяжело скрываться отъ нихъ. Но что дѣлать? Не могу я сказать это потому, что это слишкомъ рано. Это значило бы толковать о томъ, что еще слишкомъ невѣрно. Потому что развѣ я увѣренъ, что она выйдетъ *за меня*, а не за другого? До тѣхъ самыхъ поръ, какъ я поѣду изъ Петербурга въ Саратовъ, или теперь до тѣхъ самыхъ поръ, какъ я поѣду въ Петербургъ весною, я не долженъ говорить ни одного слова. Однимъ словомъ, дѣло находится въ такомъ положеніи, что пока должно быть еще тайною. Я не имѣю наклонности скрытничать. Скорѣе я болтушка. Но что дѣлать? Тайну я долженъ хранить, когда ее должно хранить.

Но я буду виноватъ передъ ними, что огорчу ихъ, потому что этотъ выборъ, вѣроятно, не понравится имъ?

Въ одномъ я почти рѣшительно увѣренъ, что мысль „не понравится“, покажется „слишкомъ верченою, слишкомъ кокеткою“, что эта мысль одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ произведеній моей фантазіи, которыя рождаетъ она въ такомъ огромномъ количествѣ. Скорѣе понравится. Гораздо скорѣе. А если не понравится? Что жъ дѣлать, долженъ отвѣчать обыкновенною фразою: „не вамъ жить съ нею, а мнѣ“. Что дѣлать? Не я виноватъ, что вы такъ мало полагаетесь на меня, что вы (особенно Маменька) слишкомъ самонадѣянны, такъ что вамъ непременно только то хорошо и разсудительно, что дѣлается по вашему; что дѣлать? Кто виноватъ, что вы никакъ не хотите понять, что могутъ быть лица, понятія, отношенія, которыя чужды вашему кругу понятій. Вы слишкомъ самонадѣянны, такъ что же мнѣ дѣлать? Не пожертвовать же своимъ счастьемъ и своею *честью* вашей самонадѣянности“.

Наши приѣхали отъ обѣдни. Кончаю писать. Примусь послѣ обѣда. Теперь 12 часовъ.

Остается нѣсколько минутъ до обѣда, могу посидѣть въ своей комнатѣ, потому что Маменька занята разливаніемъ чаю, котораго я пить не хочу.

Я созданъ для повиновенія, для послушанія, но это послушаніе должно быть свободно. А вы слишкомъ деспотически смотрите на меня какъ на ребенка. „Ты и въ 70 лѣтъ будешь моимъ сыномъ и тогда ты будешь меня слушаться, какъ я до 50 лѣтъ слушалась Маменьки“. Кто жъ виноватъ, что ваши . . . ⁸⁰⁾ такъ велики, что я долженъ сказать: въ пустякахъ, въ томъ, что все равно, — а раньше этими пустяками были важныя вещи, — я былъ послушнымъ ребенкомъ. Но въ этомъ дѣлѣ не могу, не въ правѣ, потому что это дѣло серьезное. Нѣтъ-съ, тутъ я ужъ не тотъ сынъ, котораго вы держали такъ: „Милая Маменька, позвольте мнѣ съѣздить къ Ник. Ив.“ — „Хорошо, ступай!“ „Милая Маменька, позвольте мнѣ съѣздить къ Аннѣ Ник.“ — „И не смѣй ѣздить, это гадкая женщина“. Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ я не намѣренъ спрашиваться, и если вы хотите приказы-

⁸⁰⁾ Одно слово неразборчиво.

вать, съ сожалѣніемъ долженъ сказать вамъ, что напрасно вы будете приказывать“.

Я мужчина, наконецъ, и лучше васъ понимаю, что дѣлаю. А если станете упрямиться,—извольте, спорить не стану, а убью себя“. Посмотримъ, что тогда будетъ. И если будетъ необходимость, я исполню свою угрозу, потому что лучше умереть, чѣмъ жить безчестнымъ въ собственныхъ глазахъ, или разсорившись съ тѣми, кого люблю, съ тѣми, которые, наконецъ, сами любятъ тебя, только слишкомъ странны со своей претензіей на всезнаніе и безошибочность своихъ понятій о людяхъ и о томъ, что „такъ, а не такъ должно тутъ поступить“. Но само собою, этого никогда не будетъ. Много, много, если скажетъ Маменька: „Я не хотѣла бы; я думаю, что она не составитъ твоего счастья“.—„А я думаю“.—„Ну, какъ хочешь“. А Папенька ничего и не скажетъ. А всего вѣроятнѣе, что она имъ понравится и что дурные слухи не остановятъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, я входить въ разсужденіе не буду, скажу просто: „Я лучше васъ знаю ее и себя. Согласны вы или нѣтъ?“

Боже мой! Что за дикая фантазія! Что за странное свойство ожидать вездѣ сопротивленія и непріятностей! Что за странное свойство постоянно готовиться къ страшной ссорѣ съ людьми, которые никогда и не думали съ тобою ссориться? Что за пѣтушиная храбрость (пѣтушиная—потому что вовсе не представляется случая выказать ее, а не потому что я не выдержалъ бы себя такъ, какъ думалъ выдержать—случая то нѣтъ!) Что за смѣшное расположеніе духа вездѣ ожидать или оскорбленія или несогласія? Когда весьма согласны и весьма рады. Но буду продолжать. Вѣдь долженъ же излагать свои мысли.

Что будетъ въ самомъ дѣлѣ, если они будутъ недовольны моимъ выборомъ? Я увѣренъ, что скоро увидятъ, что я не ошибся и скажутъ, что ошибались, не одобряя раньше моего выбора. Потому что источникъ несогласія можетъ быть только одинъ—если имъ покажется, что она не составитъ моего счастья. А они увидятъ, что я счастливъ, и ихъ предубѣжденія исчезнутъ и дѣло скоро кончится рѣшительнымъ примиреніемъ со мною. А если она скажетъ: „Я не хочу, потому что не правлюсь вашимъ роднымъ?“ Тогда снова за то же:—„Вы должны просить ее выйти за меня“. Если она не пойдетъ, снова то же: „Вы разстроили, извольте устроить, или я не буду живъ“.—Но это будетъ роль унижительная для нихъ? Нѣтъ, она съ ея благородствомъ не потребуетъ отъ нихъ ничего унижительнаго. Только Маменька должна будетъ сказать ей: „О. С., будьте моей дочерью. Я буду любить васъ не менѣе, чѣмъ люблю сына“. Тутъ унижительнаго ничего нѣтъ. А если Маменька не согласится! Какъ угодно, послѣ не жалѣйте обо мнѣ; вы значить, сами хотѣли моей смерти—сами накликали, такъ не пеняйте на другихъ. Я не виноватъ.

Теперь кончено въ отношеніи къ роднымъ. Иду внизъ смотрѣть, что дѣлается. 35 мин. 1-го.

Продолжаю послѣ обѣда. 2 часа.

Я правъ передъ родными во всемъ. Въ одномъ только несправедливъ я: Маменька любитъ меня всюю силою души—а вотъ является чужая мнѣ до сихъ поръ, которая и не говорила даже, что любитъ меня,—и я люблю ее такъ, что привязанность къ Маменькѣ рѣшительно ничтожна передъ любовью къ ней. И какое

право имѣю я любить ее болѣе самой Маменьки? Гдѣ тутъ справедливость? Тутъ нѣтъ справедливости. Что дѣлать! Любишь болѣе не тѣхъ, кого болѣе долженъ любить, а тѣхъ, кого болѣе любишь!

Перехожу къ ея вѣроятнымъ отношеніямъ къ моимъ роднымъ.

Маменькѣ будетъ сначала не совсѣмъ нравиться свобода ея обращенія, особенно съ молодыми людьми. Но скоро Маменька увидитъ, что здѣсь ничего дурнаго нѣтъ, что это не грозитъ мнѣ никакимъ несчастіемъ и помирится съ этимъ. Ей можетъ быть не будетъ нравиться ея любовь къ свѣту. Но она говоритъ, что этой любви къ выѣздамъ и нарядамъ у нея нѣтъ. Не знаю. Можетъ быть она сама ошибается. Но и съ этимъ Маменька скоро помирится, когда увидитъ, что она не живетъ выше своихъ средствъ (своихъ средствъ — потому что мои деньги будутъ ея деньгами). А за все остальное Маменька не можетъ не полюбить ее. Особенно она полюбитъ ее за то, что я въ самомъ дѣлѣ отъ души привязанъ къ ней, что я счастливъ ею. Потому что мое счастье, наконецъ, выше всякаго для Маменьки. И какъ ее не полюбить! Дурные слухи будутъ доходить до Маменьки. Но она увидитъ ихъ несправедливость и не будетъ обращать на нихъ вниманія, когда увидитъ, что мнѣ все это извѣстно весьма хорошо, что она ничего не скрываетъ отъ меня, потому что я въ самомъ обыкновенномъ, самомъ спокойномъ состояніи духа, всегда только радуясь на нее, вполне полагаясь, ни въ чемъ не подозреваю ее; когда Маменька увидитъ, что она въ самомъ дѣлѣ привязана ко мнѣ. А ея отношенія къ Маменькѣ? Конечно, она будетъ, прекрасною дочерью. Если ужъ съ своею матерью, которая ее ненавидитъ, она такъ хороша тѣмъ болѣе она будетъ хороша съ моею Маменькой, въ которой увидитъ готовность любить ее болѣе всего на свѣтѣ, какъ источникъ своего счастья.

Однимъ словомъ, я не сомнѣваюсь даже въ своей необузданной малодушной фантазіи, что Маменька будетъ любить ее, что она будетъ сама лучшею дочерью для Маменьки и что она полюбитъ Маменьку, или если не полюбитъ, то будетъ весьма хороша къ ней и благодарна ей за ея любовь, на которую будетъ отвѣчать всевозможно предупредительностью и должною внимательностью. Таковъ ужъ ея милый, добрый характеръ. А Папенька? Папенька, конечно, будетъ радоваться на нее, потому что на Папеньку угодить гораздо легче, онъ гораздо мягче, чѣмъ Маменька. Папенька никогда никому не былъ помѣхою. У него характеръ чрезвычайно мягкій и нѣжный, въ сущности едва ли не болѣе, чѣмъ у меня. Однимъ словомъ, она найдетъ въ моихъ родныхъ самыхъ лучшихъ родныхъ, какіе только могутъ быть. И все наше семейство будетъ счастливо черезъ нея. А если Маменька захочетъ ѣхать съ нами въ Петербургъ? Долженъ буду отвѣчать, что теперь еще нельзя. Одну — и едва не главную въ самомъ дѣлѣ причину — я ей скажу: Должно подождать, пока устроятся наши денежные дѣла и пока мы будемъ въ состояніи, какъ должно успокоить ее въ Петербургѣ.

Истинная причина должна быть для нея всегда тайною: раньше, чѣмъ явится Маменька жить съ нами, наши отношенія съ О. С. должны быть ужъ установлены, чтобы она нашла ихъ ужъ рѣшительно опредѣленными, твердыми и не могла имѣть никакого вліянія на нихъ. Потому что, по моему несомнѣнному убѣжденію, которое я не хочу нарушать ни въ какомъ случаѣ, никто, какъ-бы онъ ни былъ близокъ, какъ-бы онъ ни любилъ, не долженъ имѣть вліянія на отношенія между мною и

моею женою. Тутъ законъ—воля моей жены и исполненіе всего, что только можетъ быть исполнено при моемъ характерѣ и моихъ средствахъ.

Когда мы совершенно устроимся, тогда милости просимъ. Мы будемъ весьма рады. Тогда, наконецъ, и Папенка можетъ быть переѣхать къ намъ. Но это едва-ли возможно. Онъ не захочетъ. И Маменька будетъ у насъ только гостей: скорѣе всего будетъ, что она не пріѣдетъ къ намъ, разъ что черезъ два года послѣ своего отправленія въ Петербургъ пріѣдемъ въ Саратовъ.

А нашъ образъ жизни въ Петербургѣ? Здѣсь одно только сомнѣніе—довольно ли я буду получать денегъ? Работать я буду, какъ нельзя больше, насколько у меня достанетъ силъ. А силъ у меня достанетъ на 15 часовъ въ сутки. Странно было-бы, если-бы я не имѣлъ возможности получать 2000 р. сер. въ первый-же годъ послѣ нашей свадьбы. Мы будемъ жить вѣроятно одни. Братъ ⁸¹⁾ и Иванъ Григорьевичъ ⁸²⁾ не будутъ жить съ нами. Къ чему? Даже это зависитъ отъ нея. Если мы будемъ жить одни, тогда нашъ бюджетъ представится такимъ образомъ—смотри записку, которую я составилъ раньше, отмѣченную знакомъ В. Н. ⁸³⁾. Квартира изъ 4 комнатъ: залъ, ея комната, моя рабочая комната, пѣчто вродѣ спальни или столовой,—однимъ словомъ не пріемная комната. Квартира эта будетъ выходить на улицу, съ порядочнымъ подъѣздомъ; вѣроятно она будетъ на Петербургской сторонѣ, если тамъ будутъ у меня уроки, или, если уроки въ Пажескомъ Корпусѣ, то гдѣ нибудь на Фонтанкѣ 20 р. сер. въ мѣсяцъ . . . 240 р.

Въ ней будутъ 2 печи и 1 въ кухнѣ. Дровъ будетъ выходить въ зиму на наши печи 7 сажень, потомъ 8 сажень на кухню, всего 15 саж. по 4 р. сер.—60 р.; за воду и другіе мелкіе расходы различнаго рода 3 р. сер.—35 р., всего 95 р.

Освѣщеніе. Обыкновенно 2 стеариновыя свѣчи на зимнія вечера, по 2 ф. въ недѣлю, въ 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ, всего 24 ф. въ лѣтніе мѣсяцы и 14 ф. въ зимній мѣсяцъ = 84 ф. = 24 + 108; 30 разъ зимою общество, тогда 2 лишнія свѣчи, 15 ф. и т. д., всего положимъ 140 ф. по 10 р. пудъ—35 р.; въ кухнѣ и передней 5 ф. въ мѣсяцъ сальныхъ 5 р. сер., всего. 40 р.

Прислуга. Женищина, которая можетъ быть горничною для нея и кухаркою—3 р. сер., 36 р. сер. и мальчикъ—всего 70 р.

Бѣлье для меня: 1 р. въ мѣс., для нея—1 р. 50 к., всего 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ; это составитъ съ новой чернорабочей 3 р. сер. и (прислуга изъ 3 лицъ) 35 р.

Такимъ образомъ все вмѣстѣ будетъ стоить, кромѣ ежедневныхъ текущихъ расходовъ 480 р. сер.

Положимъ для круглаго счета. 500 р. сер.

Столъ и чай. Чай ⁸⁴⁾ 6 пуд.—60 р., чай 40 р.=100 р.

⁸¹⁾ Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

⁸²⁾ Терсинскій, женатый на старшей сестрѣ Александра Николаевича Пыпина—Любови Николаевнѣ, вскорѣ умершей.

⁸³⁾ Записки этой не сохранилось.

⁸⁴⁾ Вѣроятно описка вмѣсто „сахаръ“.

Столъ. Собственно кушаніе—50 к. сер. въ день; булки и хлѣбъ къ столу—15, молока на 10 = 25 к., всего 75 к.=270 р. сер. въ годъ; мелкія покупки къ столу и закуска 80 р. въ годъ=350+100 р. чай. 450 р.

Расходы рѣшительно необходимы: 10 р. въ библіотеку для чтенія для нея; кое-какіе другіе расходы въ слѣдующемъ родѣ, напр. бумага и письма 40 р. сер.=50 р. сер. Расходы собственные для меня: извозчики 5 р. въ мѣсяць=60 р., платье 140=200 р., всего 1200 р. сер.

Театръ. Въ оперу, если будемъ абонироваться въ креслахъ—80 р. сер., извозчики и мелкіе расходы 10 р. = 90 р. сер. (скорѣе, ложу пополамъ съ кѣмъ нибудь 50 р. сер. и тогда вмѣсто 90—60), еще 60 р. сер. на другіе театры, театр 150 р.

Итого—кажется все, кромѣ ея расходовъ 1350 р. сер.

если буду получать 1800 р. сер. 450 р. на ея наряды и удовольствія.

О, если бы такъ! Конечно такъ, потому что я считалъ все слишкомъ не экономически. Можно все это дѣлать гораздо выгоднѣе и вмѣсто 1350 р. вѣрно понадобится только 100 р. въ мѣсяць, 1200 р. въ годъ. Остальное, собственно, ея расходы. Но само собою и эти расходы совершенно зависятъ отъ ея воли.

Я думаю, что глупо было бы мнѣ сомнѣваться въ возможности получать 2000 р. сер. въ годъ. Но теперь обзаведеніе—вотъ задача. Главное и почти единственное—мебель. (Тутъ роаяль—что дѣлать съ нимъ)?

Роаяль 300 р. сер., этотъ расходъ можетъ быть отложенъ, если за ней будетъ роаяль, или она можетъ дать мнѣ въ займы для его покупки. Другая мебель въ ея комнатѣ: диваны 2=35 р. сер.; кресла (всего для всѣхъ комнатъ 12 по 10 р.) 120 р. сер. Столы: мой рабочій—20 р. сер.; 5 еще—50 р.; ея гардеробъ—20 р. сер.; другіе шкапы 20 р. сер. (Ковровъ, если не будетъ у нея, отложимъ до пріѣзда въ Петербургъ); другіе диваны (3)—45 р. сер.; стулья 18=30 р. сер., всего 330 р. сер. Посуда 70 р. сер., всего 400 р. сер. Боже мой, да у меня, какъ гора съ плечъ свалилась—всего 400 р. сер. да и то еще. ⁸⁵⁾ все въ изобиліи. Поѣздка сюда 70 р. сер. Отсюда до Москвы 3 лишнихъ—74 р. сер., изъ Москвы 26 р. сер.=100 р. сер.; да различные расходы въ дорогѣ=200 р. сер. Свадьба—ну, это ужъ дѣло постороннее; подарки, разумѣется, если можно, на 200 р. сер.; одежда моя 50 р. сер., всего 250 р. сер. Всего расходовъ по свадьбѣ 450 р. сер., да обзаведеніе 400 р., всего какихъ нибудь 1000 р. сер., и тогда можно будетъ все сдѣлать безъ нужды.

Схожу для освѣженія къ Чеснокову. Послѣ докончу.

Писано 7, суб. 7 час. утра. Завтра я увижу ее.

Итакъ, по серьезномъ разчетѣ, я вижу, что обзаведеніе не представляетъ никакихъ существенныхъ неудобствъ. Конечно, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она нашла при вступленіи въ свою квартиру все вполне готовымъ—но все это мечты. И если дѣло пошло на то, что мнѣ не у кого будетъ занять 1000 р. сер.,—въ случаѣ

⁸⁵⁾ Одно слово неразборчиво.

крайности можно попросить ихъ у Ник. Ив., который сказалъ, что дать, если будетъ въ рукахъ,—то можно будетъ ограничиться мебелью на 100, посудой на 100, проѣздъ на 200 р. сер., расходы свадебные 100 р., всего 500 р. Подарки можно послать послѣ, послѣ же закупить мебель. Откуда же я получу 500 р. сер.? Отъ литературныхъ трудовъ, надѣюсь, если уѣду отсюда въ концѣ іюня; въ Саратовъ за нею отправлюсь въ половинѣ октября; все-таки въ 3 мѣсяца, конечно, по утрамъ буду работать для экзамена и кое-что даже Срезневскому; послѣ обѣда буду писать и вѣрно получу нѣсколько сотъ рублей сер. А если бы не получилъ? Вѣрно кто нибудь дастъ въ займы. Можетъ быть даже Введенскій, когда передъ отъѣздомъ скажу на что. А если онъ не дастъ? Возьму у ростовщика по 20% и все-таки буду имѣть 500 р. Но если у Введенскаго, то возьму чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Наконецъ, если бы не удалось получить деньги въ Петербургѣ, возьму ихъ въ Саратовѣ, или у собственныхъ знакомыхъ, или даже черезъ Паненькино ходатайство у кого нибудь изъ отдающихъ за проценты. Однимъ словомъ, когда разсудилъ и разсмотрѣлъ, вижу, что за деньгами остановки не будетъ. Если за ней будутъ деньги, для меня все равно; я скажу рѣшительно, что трогать ихъ на наши общіе расходы не намѣренъ. Но послѣ, когда по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она увидитъ мою чистоту въ отношеніи къ ея деньгамъ, можетъ быть можно будетъ, не тревожа ее, принять ея предложеніе дать мнѣ часть своихъ денегъ въ займы. Но лучше будетъ, если этого не дѣлать. И лучше будетъ, если за ней не будетъ ничего деньгами. Теперь это ей говорить еще не слѣдуетъ. Конечно, мнѣ бы хотѣлось имѣть передъ отъѣздомъ 1500 р. сер., чтобы у насъ было при свадьбѣ все, что нужно.

Но вижу, что въ денежномъ отношеніи затрудненій не будетъ, или они легко могутъ быть побѣждены.

Теперь вопросъ: какъ мы будемъ жить въ Петербургѣ? Разъ въ недѣлю у насъ собираются знакомые. Въ другіе дни мы будемъ дома только для своихъ, какъ это дѣлаетъ Введенскій. Можно намъ будетъ бывать у тѣхъ людей, которыхъ она почтетъ достойными. Я безъ нея не буду бывать нигдѣ, кромѣ какъ по дѣламъ. Довольно часто, насколько позволятъ деньги, будемъ бывать въ театрѣ. До 6 или 7 часовъ у меня весь день будетъ посвященъ работѣ. Сижу за работою всегда, когда позволяетъ качество работы, подлѣ нея. Но наконецъ, мое время рѣшительно въ ея распоряженіи, кромѣ времени, употребленнаго на необходимую работу. Выборъ знакомыхъ будетъ зависеть отъ нея. Я ее, конечно, познакомлю съ кружкомъ Введенскаго, особенно, кромѣ Введенскаго, съ Рюминымъ, Милюковымъ, Городковыми. Потомъ отъ нея ⁸⁶⁾ зависитъ продолженіе этого знакомства. Мы будемъ жить вѣроятно одни. Но если захотятъ Иванъ Григорьевичъ или Саша⁸⁷⁾, и если она согласится, то, конечно, вмѣстѣ. Эти люди не помѣшаютъ намъ, потому что прекрасные люди, которые не будутъ ни вмѣшиваться въ наши супружескія отношенія, ни стѣснять насъ. Тогда, конечно, и квартира будетъ больше и прислуги больше и столъ можетъ быть съ большими прихотями. Саша, если ужъ такъ будетъ нужно, можетъ нѣкоторое время жить даромъ. Ив. Григ.— какъ угодно, будетъ-ли участвовать въ третьей долѣ расходовъ, или платить 25 р. сер. въ мѣсяцъ, это будетъ зависеть отъ его отношеній: захочетъ-ли онъ быть рѣшительно

⁸⁶⁾ Одно слово неразборчиво.

⁸⁷⁾ Александръ Николаевичъ Пынинъ.

членомъ семейства или только жить съ нами. Если будемъ жить вчетверомъ, тогда комната для Ив. Григ., для Саши, для меня, для нея и 2 общія комнаты. Эта квартира будетъ стоить 350 или 400 р., прислуга ⁸⁸⁾ лакей. Маменька если захочетъ съ нами, мы постараемся устроить такъ, чтобы прѣехала года черезъ два. Черезъ два года мы сами, вѣроятно, прѣдемъ сюда въ Саратовъ на каникулы—если она захочетъ; если нѣтъ, съѣзжу одинъ на мѣсяцъ.

Теперь, кажется, все. Остаются вопросы: 1) состоится-ли наша свадьба; 2) что будетъ, если не состоится; 3) любить-ли она меня. Эти вопросы разрѣшить теперь рано, въ слишкомъ подробныхъ соображеніяхъ. Это будетъ гораздо яснѣе передъ отъѣздомъ. Напишу только общія соображенія.

1) вѣроятно. Оттого, что или она привязана ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ и хочетъ выйти за меня не потому только, чтобы выйти за кого нибудь, или, если не видитъ теперь, со временемъ увидитъ, что другіе женихи (кромя этого Кіевскаго помѣщика) хуже меня.

2) если не состоится, если она не дожидается меня—это меня въ самомъ дѣлѣ весьма поразитъ, говоря безъ всякихъ шутокъ. Это меня разстроитъ надолго. Но не состояться можетъ она только въ случаѣ —если ей представится женихъ, который покажется ей лучше меня. Я скорѣе умру, чѣмъ не сдержу своего обязательства, не сдержатъ которое будетъ для меня позоромъ, который отравитъ всю мою жизнь, сдержатъ которое теперь для меня представляется источникомъ счастья.

3) любить-ли она меня, т. е. говоря не про романическую любовь — этого нѣтъ, но про то, что, кажусь-ли я ей человѣкомъ, въ самомъ дѣлѣ стоящимъ особой привязанности; человѣкомъ, съ которымъ она будетъ гораздо счастливѣе, чѣмъ при равныхъ денежныхъ средствахъ съ другимъ кѣмъ-бы то ни было? Кажется что такъ; во всякомъ случаѣ, все ея обращеніе дышетъ истинною нѣжностью, горячею привязанностью. Все, рѣшительно все. Все дышетъ горячею привязанностью.

Да будешь же ты счастлива, моя милая! Въ тебѣ теперь моя жизнь. Нѣтъ ни одной мысли у меня, которую не озаряла бы мысль о тебѣ. Я вполне преданъ тебѣ. Я чувствую себя совершенно другимъ человѣкомъ послѣ 19 февраля. Я сталъ рѣшительнѣе, смѣль; мои сомнѣнія, мои колебанія исчезли. Теперь у меня есть воля, теперь у меня есть характеръ, теперь у меня есть энергія.

Теперь мои впечатлѣнія и моя перемена послѣ 19 февраля. Но это послѣ, теперь иду пить чай.

Писано въ 9^{1/2} часовъ утра 7 числа.

Впечатлѣнія и слѣдствія для меня.

Въ первыя минуты послѣ какъ я ушелъ въ четвергъ отъ О. С. я былъ доволенъ и спокоенъ, но только чувствомъ того, что я поступилъ какъ слѣдовало поступить, что я не отступилъ, когда мнѣ говорили: я хочу быть съ тобой. Но не могу рѣшительно сказать, чтобы у меня не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ того, не найду ли я впоследствии въ своемъ поступкѣ опрометчивости и рискованія своею участію. Я не могъ не рисковать, это я знаю; если бы я отказался отъ риска, я замучился бы упреками совѣсти и собственнымъ презрѣніемъ, это такъ. Но мнѣ все-таки кажется, что я сдѣлалъ страшный рискъ. „Я не могу не идти; но къ

⁸⁸⁾ Два слова неразборчивы.

чему меня приведетъ эта дорога, я еще не знаю“. Однимъ словомъ, я былъ доволенъ собою и только.

Въ пятницу я былъ въ Гимназіи; послѣ обѣда поѣхалъ къ Ник. Ив. Тутъ то сидя въ своей комнатѣ и за обѣдомъ и послѣ обѣда, я началъ все живѣе и живѣе чувствовать, что я не только доволенъ, что я счастливъ. Когда, наконецъ, я поѣхалъ къ Ник. Ив. и могъ на свободѣ — первыя минуты рѣшительнаго уединенія и самоуглубленія послѣ разговора съ ней — рѣшительно предаться своимъ впечатлѣніямъ, я дошелъ до рѣшительнаго восторга, какого никогда еще не ощущалъ. Я сталъ рѣшительно блаженнымъ. И это продолжается съ той минуты до сихъ поръ. И чѣмъ больше представляю, тѣмъ глубже становится мое счастье, тѣмъ, что можетъ быть я буду ея мужемъ. Оно теперь уже вошло въ мою натуру, стало частью моего существа, какъ мои политическія и спеціальныя убѣжденія. Къ Ник. Ив. я вошелъ въ рѣшительно радужномъ расположеніи духа; я чувствовалъ, что мое сердце стало не таково, какъ было раньше. „Я теперь рѣшительно измѣнился“, сказалъ я ему, хотя вовсе не хотѣлъ высказываться, но не могъ — отъ избытка сердца говорили и уста; „и эта переменъ все будетъ усиливаться. Мое презрѣніе къ самому себѣ, источникъ моего ожесточенія, причина того, что я покрываю ядовитымъ презрѣніемъ все, прошло. Теперь я почти доволенъ собою, потому что надняхъ поступилъ почти рѣшительно, какъ порядочный человѣкъ, и въ мирѣ съ самимъ собою. Я теперь не хочу ругать никого“. И я сдержалъ свое слово, не хотѣлъ даже смѣяться надъ Богомъ и будущею жизнью, отъ чего не удержался бы раньше. Говорилъ потомъ съ восторгомъ о томъ, что высшее счастье есть семейная жизнь. Наконецъ, при отъѣздѣ почти проболтался: „Я завтра къ Стефани. Если пѣтъ у меня ни аневризма, ни чахотки, я надняхъ дѣлаю предложеніе одной дѣвицѣ. Nur sprechen Sie Niemand von meiner Heirath.“ — Почти проболтался. Почти проболтался и черезъ недѣлю 26 февраля, четвергъ, Аннѣ Никаноровнѣ: когда вошла мать и она хотѣла показать, что мы говоримъ рѣшительно не о томъ, о чемъ говорили, т. е. о нашихъ отношеніяхъ, она сказала: „А вотъ Николай Гавриловичъ говорить, что хочетъ жениться.“ Когда мать ушла, я сказалъ: „А вы, не думая сказать правду, сказали правду. Я женюсь.“ Къ счастью, конечно, и она и Ник. Ив. позабыли объ этомъ, или не приняли это совершенно серьезно. Я писалъ съ восторгомъ нѣсколько мѣстъ, содержащихъ въ себѣ общіе возгласы, въ письмѣ къ Сашѣ 26 февраля. Къ счастью дѣло, конечно, не ясно для него. Ник. Ив. и А. Н. или не обратили вниманія, или забыли, или такъ деликатны, что не напоминаютъ.

А что было бы со мною безъ этого? Я всѣ дни передъ четвергомъ былъ въ страшной тоскѣ; я вздыхалъ безпрестанно, я плакалъ при мысли, что долженъ буду прекратить эти отношенія, что долженъ буду разстаться съ ней, едва начавъ, что день моей жизни затмѣвается въ самомъ началѣ.

Послѣ этого случилось то, что я ожидалъ: мое озлобленіе противъ себя проходить. Проходить и мое ожесточеніе, моя желчь противъ всего, что попадаетъ мнѣ. Вотъ рѣшительная картина моей внутренней жизни до и послѣ: раньше это былъ туманъ, покрытое все одной сѣрой тучей — небо, на которомъ только изрѣдка мелькали свѣтлыя мѣста среди облаковъ. Теперь это чистое, ясное, лазурное небо, по которому только изрѣдка пробѣгаютъ облака, но и эти облака озарены счастьемъ моей жизни, мыслью о ней, и они скоро расплываются отъ теплыхъ лучей яркаго

солнца. Однимъ словомъ, вмѣсто дурнаго расположенія духа, я теперь имѣю хорошее расположеніе духа...

Иду отдохнуть отъ чувствъ, спокойныхъ, но слишкомъ сильныхъ. Это восторгъ, какой является у меня при мысли о будущемъ социальномъ порядкѣ, при мысли о будущемъ равенствѣ и отрадной жизни людей — спокойный, сильный, никогда не ослабѣвающий восторгъ. Это не блескъ молніи, это равно не волнуемое сіяніе солнца. Это не знойный іюльскій день въ Саратовѣ, это вѣчная сладостная весна Хіоса.

Надежда на счастье быть ея мужемъ имѣетъ, кажется, ужь и прямо благоприятное дѣйствіе даже на мой организмъ: пропадаетъ тоска, пропадаетъ и ея слѣдствіе — боль въ груди противъ соска, эта боль, которая такъ заставляла меня сомнѣваться въ здоровьи моей груди. Во всякомъ случаѣ, я теперь ничего не чувствую вотъ уже нѣсколько дней. Да и сама грудь, вѣроятно, будетъ крѣпче, чѣмъ раньше: во всякомъ случаѣ, во всѣ эти дни я писалъ больше, чѣмъ когда либо, и всетаки не чувствовалъ боли въ груди. Что жь? Весьма естественно, что спокойствіе сердца успокаиваетъ грудь.

Но есть и еще вліяніе — это то, что пропадаетъ моя нерѣшительность, мнительность, застенчивость; что изъ робкаго, малодушнаго я сталъ человѣкомъ твердымъ и рѣшительнымъ. Дѣйствительно, я теперь чувствую, что справедливо написалъ въ этомъ дневникѣ нѣсколько дней тому назадъ:

O Mädchen, Mädchen! Wie lieb ich Dich! Wie ich Dich liebe, mit warmen Blut. Die Du mir Jugend und Freud und Muth zu neuen Thaten Und glücke giebst! Sei ewig glücklich, Wie Du mich liebst ⁸⁹⁾!

Теперь я говорю: Wie Du mich liebst. потому что нѣсколько дней размышленія, обдумыванія, углубленія въ твое обращеніе со мною увѣрило меня, что ты любишь меня. Что я имѣю цѣну въ твоихъ глазахъ. Что и для тебя было бы рискованно разлучиться со мною.

Вотъ твое вліяніе:

Я сталъ черезъ тебя изъ тряпки, дряни — человѣкомъ; я сталъ изъ жестокаго — радостнымъ, гуманнымъ въ мысляхъ; я сталъ изъ мнительнаго, недоувѣряющаго себя — увѣреннымъ въ себя, уважающимъ именно себя.

Да будешь Ты счастлива! Кончаю этимъ:

Да будешь Ты счастлива!

И ты будешь счастлива.

Теперь принимаюсь перечитывать написанное и дѣлать дополненіе и вставки.

Да будешь Ты счастлива! Меня ты ужь дѣлаешь счастливымъ.

И ты будешь счастлива!

(о, какъ робко прибавлю я — со мною или съ другимъ, но ты будешь счастлива)!

Потому что въ Тебѣ настолько высоты ⁹⁰⁾, настолько ума, что ты не ошибешься въ выборѣ)!

И если ты выберешь другого, тотъ другой въ самомъ дѣлѣ будетъ достойнѣе Тебя, чѣмъ я, и Ты будешь съ нимъ счастливѣе, чѣмъ со мною.

⁸⁹⁾ Goethe. Mailied.

⁹⁰⁾ Это слово неразборчиво.

Но — о, если бы я былъ признанъ Тобою достойнымъ Тебя! И если бы ты думала — а ты настолько умна и проницательна, что твои мысли не будутъ обманчивы, въ пользу ли мою будутъ онѣ или въ пользу другого — о, если бы ты думала, что будешь счастлива со мною!

Ты во всякомъ случаѣ будешь счастлива!

8. Воскресенье. Половина третьяго.

Утромъ взялъ Кольцова отъ Смирнова. Отдалъ 3 р. сер. (и взялъ съ почты Копперфильда Введенскаго, котораго прислалъ онъ мнѣ въ подарокъ и его отдамъ съ подписью). Довольно хорошо вышелъ переплеть. Это былъ мой первый подарокъ ей, и первый подарокъ женинѣ. Потомъ былъ у Патрикѣвыхъ, гдѣ могъ видѣться съ нею. Теперь къ Кобылинымъ, оттуда къ ней, но раньше занесу книги. Каково то будетъ нынѣшнее свиданіе? Съ трепетомъ души думаю о немъ. Такъ много нужно переговорить: 1, хитрить ли она со мною? 2, мои чувства къ пей; 3, гдѣ будемъ видѣться? 4, что ей во мнѣ не нравится? 5, о моемъ отъѣздѣ и переносѣхъ. Чѣмъ скорѣе уѣхать, тѣмъ лучше. Постараюсь. Только не съумѣю сдѣлать, чтобы она больше говорила. Начинаю одѣваться.

Со слѣдующей страницы начинается снова описанія событій. Но теперь они будутъ ужъ рядомъ съ чувствами, размышленіями, впечатлѣніями. Завтра я надѣюсь видѣть тебя, опять говорить съ тобою.

3 марта 11^{1/2} час. Вчера отъ Кобылиныхъ отправился къ ней, въ 6 час. по моимъ, и опоздалъ ¹/₂ часа по нимъ. Отъ нихъ въ 8 час. къ Аннѣ Никан. Утромъ уговаривался, чтобы у нихъ были Патрик. и Вас. Дим. и накликалъ на свою шею, потому что намъ мѣшали. Отправляясь къ Кобылинымъ я заѣхалъ къ нимъ, завезъ книги (Кольцова и Копперфильда). Я вошелъ во дворъ и подходилъ было на заднее крыльцо, какъ вдругъ съ лѣстницы голосъ: „М-г Чернышевскій.“ — Это она. „Я для васъ встала съ постели (она въ пятницу и субботу была очень больна: у нея болѣла грудь и голова — я этого не зналъ). „Вотъ какое сильное доказательство любви“ — тутъ еще была Рычкова. — „Вы скучали обо мнѣ?“ — „Чрезвычайно“ — это я сказалъ съ чувствомъ ужъ. Я взмошелъ. „На минутку. Вотъ я привезъ книги“ — „Merçi.“ — „Когда?“ — „Въ 6 часовъ, но не позже.“ Съ ней была младшая Рычкова, но потомъ ушла и я оставшись съ ней, нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку. Отъ Кобылиныхъ, наконецъ, — какъ мнѣ хотѣлось и какъ робѣлъ, чтобы не прійти слишкомъ рано. Вхожу — у нихъ ужъ Аванасія Яковлевна, Патрикѣва, младшая Рычкова, Василій Димитріевичъ, Ник. Дим., Вороновъ. Сначала она сидѣла съ Вороновымъ и я говорилъ съ Кат. Матв.; милая, добрая, кроткая дѣвушка! Потомъ сѣлъ съ ней, когда стали другія танцевать. Патр. сказала мнѣ: „Нѣтъ ли у васъ книгъ?“ „Рѣшительно нѣтъ.“ — „Напр. Кольцова, да еще въ какомъ хорошенькомъ переплетѣ! Или Давида Копперфильда?“

Боже мой, какъ я глупъ. Какъ я глупъ! Какъ я глупъ!

Наконецъ сѣли. Разговору нашему мѣшаютъ. Сидятъ подлѣ насъ. Подходить безпрестанно Кат. Матв. Между прочимъ говорили о моихъ глупостяхъ у Аким. (Купріяновъ и Нат. Алекс. Воронова). Отрывками я могъ говорить: „О. С., какъ вы думаете, хитрю я съ вами.“ — „Можетъ быть.“ „Помилуйте.“ — „Поѣдете и позабудете.“ Я увѣрялъ, что нѣтъ. Говорилъ, что докажу свою любовь чѣмъ

угодно. „Если хотите доказать, поѣзжайте въ апрѣлѣ въ Петербургъ и возвращайтесь въ іюлѣ.“ — „Не могу. Потому что въ это время каникулы. Раньше октября, половины, не могу. Но знаете что: не хитрите ли вы со мною? Не хотите ли вы заставить меня жениться на васъ раньше отъѣзда въ Петербургъ? Этого не долженъ я дѣлать, чтобы не заставить васъ нѣсколько мѣсяцевъ нуждаться. Но я, рѣшительно, въ вашей волѣ — когда вамъ угодно и что вамъ угодно.“ — „Нѣтъ, я этого не хочу.“ — „Если вы хотите, скажите мнѣ — скажите, мнѣ должно говорить прямо“ — и я привелъ въ доказательство свой пріѣздъ въ Саратовъ. — „А если ваши родители не согласятся?“ „У меня есть средства, этого не будетъ, но я объ этомъ думалъ.“ — И я говорилъ въ общихъ фразахъ о томъ, что у меня въ дневникѣ. Не передаю подробностей разговора. Я спросилъ, говорила ли она Бусловской, что выберетъ между мной и Яковлевымъ. Она не говорила — такъ я и думалъ. Она сказала: „Мнѣ кажется, вы женитесь на мнѣ изъ состраданія.“ „Какъ долго! Съ отчаянія я могу сдѣлать Богъ знаетъ что. Я могу выйти замужъ, какъ чуть не вышла въ прошломъ іюлѣ. Но теперь я не выйду безъ разбора. Я ни въ кого, вѣроятно, не влюблюсь. Но никто не правилъ мнѣ болѣе васъ.“ Прощаясь я сказалъ: „Я рѣшительно недоволенъ нынѣшнимъ вечеромъ. Когда мы можемъ говорить съ вами. Она сказала — „будущее воскресенье.“ „Такъ долго?“ „Хорошо, во вторникъ въ половинѣ седьмого.“ При прощаніи я не поцаловалъ даже ея руки — я просто пожалъ ея руку. До вторника. Нужно же переговорить все, какъ слѣдуетъ.

О, моя милая! Какъ я люблю тебя! Какъ ты чиста и благородна!

Да будешь ты счастлива!

10 марта 10 часовъ утра. Вторникъ. И вчера и нынѣ все думаю о ней. Она сказала въ воскресенье на мой вопросъ; „чѣмъ же доказать, что я рѣшительно искрененъ въ моей любви?“ — „Вотъ чѣмъ: поѣзжайте въ апрѣлѣ, возвращайтесь въ іюлѣ, потому что мнѣ, можетъ быть, будетъ слишкомъ тяжело, и отчаяніе можетъ заставить выйти за человѣка немилаго.“ Я сказалъ, что возвратиться раньше октября не могу. Теперь думаю, вчера я рѣшилъ сдѣлать, во всякомъ случаѣ, то, что отъ меня зависитъ: я уѣду въ апрѣлѣ (это все дастъ мнѣ возможность кончить свои дѣла нѣсколько раньше), непременно въ началѣ мая и то если задержать Кобылинъ, а то — какъ будетъ путь. Не стану дожидаться здѣсь пока кончу диссертацию; довольно того, что успею, хоть буду работать всѣми силами. Довольно переписывать словарь. Теперь принялся за диссертацию. Это смотри въ другомъ дневникѣ. Нынѣ, когда я входилъ въ комнату, гдѣ пили чай, Маменька говорила А. Иванъ, которая жаловалась на одышку: поѣдьте къ Сократу, къ Аняѣ Кириловнѣ⁹¹. — „Поѣдьте нынѣ“, сказалъ я. Маменька сказала, что можно. Если поѣдемъ нынѣ, я раньше долженъ побывать у нихъ и объяснить, что это не моя мысль, что это сама Маменька. Какъ то она понравится Маменькѣ? О, моя милая, я живу только тобою.

10 часовъ вечера. О, какъ я ждалъ не дождался времени, когда увижу ее, поговорю съ нею! Вотъ наконецъ я вхожу на переднее крыльцо, — такъ она сказала мнѣ — прислушиваюсь — никого, вхожу въ переднюю — все тихо; долго стою,

⁹¹) Сократъ Евгеньевичъ Васильевъ, отецъ Ольги Сократовны, былъ извѣстный въ Саратовѣ докторъ. Анна Кириловна — его жена.

весьма долго, дожидаясь, не выйдет ли кто, чтобы не быть принужденным самому отыскивать—нѣтъ. Нечего дѣлать, иду—въ гостинной, которая отворена, не видно никого. Иду черезъ корридоръ въ заднюю людскую. — „У себя Анна Кириловна? — У себя, да въ дѣтской О. С., пожалуйста. — Вхожу, она на диванѣ въ комнатѣ Ростислава (Ростиславъ уѣхалъ на слѣдствіе куда то). Вхожу. Подаю ей руку (ни при встрѣчѣ, ни при прощаніи не поцаловалъ, къ чему). Сажусь подлѣ нея. Она говоритъ мнѣ, что долго оставаться нельзя, что съ Анной Кириловой лучше не видѣться—почему?—Мнѣ и такъ за васъ досталось въ воскресенье. Маменька не хочетъ, чтобы я принимала когонибудь, даже короткихъ знакомыхъ, когда нѣтъ брата. — Вы мнѣ сказали, чтобы я уѣзжалъ въ апрѣлѣ, пріѣзжалъ въ іюнѣ — я думалъ, думалъ объ этомъ, наконецъ, рѣшилъ: мой ранній отъѣздъ можетъ нѣсколько, весьма немного, ускорить мое возвращеніе и я поѣду въ самомъ началѣ мая или даже въ концѣ апрѣля, но только въ такомъ случаѣ если до тѣхъ поръ я успѣю убѣдить васъ, что я, рѣшительно искрененъ. Вѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ? — И вѣрю и нѣтъ. — И такъ я ѣду въ апрѣлѣ или маѣ. — Нѣтъ, лучше оставайтесь до іюня. — Для Венедикта! — Да, онъ говоритъ, что безъ васъ будетъ плохо. — Я ужъ думалъ объ этомъ (дѣйствительно, я давно ужъ обдумалъ это и рѣшилъ). Я передъ отъѣздомъ скажу, что нужно. Аннѣ Кириловнѣ угодно, чтобы онъ кончилъ съ правомъ на чинъ — скажу, чтобы ему дали непременно, что если не дадутъ, то должны ожидать отъ меня... непріятностей... молчаніе. Что же мы будемъ играть съ вами въ молчанку? — Что жъ начинать говорить и не доканчивать. Скоро я долженъ уйти? — Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. — А къ Аннѣ Кириловнѣ не заходить? — Нѣтъ. — Мнѣ кажется это неловко. — Нѣтъ, лучше не заходите,—уходите же — и она проводила меня. Мнѣ сказали: Анна Кир проситъ васъ къ ней кушать чай (вѣдь я спрашивалъ дома ли Анна Кир., она это не знала; можетъ быть, если бы знала и согласилась бы, что не ловко не зайти, а я, олухъ, не успѣлъ сказать ей это! Фу, какъ я глупъ!). — Неловко не зайти — „нѣтъ, лучше не заходите.“ — Когда же я могу видѣть васъ? сказалъ я при прощаніи передъ уходомъ изъ комнаты Ростислава: „Вотъ видите, я не такой страстный любовникъ, чтобы для меня было необходимою постоянно безпрестанно видѣть предметъ своей страсти, но мнѣ хотѣлось бы говорить съ вами, чтобы вы лучше узнали меня.“ — „Въ воскресенье на минуту можете быть у насъ, потому что это день моего рожденія; будутъ Патрикѣевы и Фанни.“ — А раньше? Вы не будете у Патр.? „Нѣтъ, я буду у нихъ въ то воскресенье, на 3-й недѣлѣ буду говѣть.“ — Боже мой, какъ я глупъ! Боже мой, какъ я глупъ! Не сказалъ ей, что спрашивалъ я самъ Анну Кир. — и ушелъ, а долженъ былъ зайти къ Аннѣ Кир. — и грустно мнѣ теперь.

И грустно, грустно мнѣ. Снова до воскресенья! И еще до того воскресенья, потому что въ это воскресенье я долженъ быть только на минуту и не успѣю сказать ничего — и въ то воскресенье у Патр. снова тоже — можно ли такъ было говорить? Когда жъ, наконецъ, мы сблизимся такъ, чтобы лучше узнать другъ друга? Т. е. чтобы мнѣ узнать, дѣйствительно ли она, какъ мнѣ кажется, нѣжно привязана ко мнѣ, а ей убѣдиться въ томъ, что я не хитрю, не обольщаю ее обѣщаніями, которыя не сдержу? Грустно! Неужели и всѣ мои ожиданія, и надежды и мысли о счастьи съ ней также разлетятся, какъ это наше свиданіе? Грустно. На глазахъ у меня слезы.

Нѣтъ, не хочу кончить этимъ. Да будешь ты счастлива! Вотъ мое окончаніе.
Да будешь ты счастлива!

Да когда же я увижусь съ тобой, какъ должно? Да когда жъ мы будемъ видѣться съ тобою, какъ должно? Но что ни будь, я хочу въ нашихъ отношеніяхъ только одного: чтобы ты была счастлива. Я буду счастливъ твоимъ счастьемъ, хотя бы ты была счастлива съ другимъ.

Да будешь ты счастлива!

11 марта 9 час. утра.

Хитрить она со мною, или нѣтъ? Все ея обращеніе показываетъ, что нѣтъ. И если даже хитрить, какъ она должна быть умна, чтобы такъ хитрить! Что она не чувствуетъ ко мнѣ слишкомъ глубокой привязанности, какъ я къ ней, это такъ; но если она гораздо болѣе осторожна, чѣмъ я, это происходитъ отъ того, что она гораздо болѣе стѣснена, чѣмъ я, и, наконецъ, она еще не совѣмъ довѣряетъ мнѣ. Я никогда не позабуду того, какъ у Чесн. въ пятницу на масляницѣ, когда мы сидѣли въ залѣ, она вынула бумагу изъ кармана — Что это такое, спросили Вас. Дим. и Кат. Матв. — Вамъ нельзя показать это. — А мнѣ? — Вамъ можно — и она отдала мнѣ ее — я вышелъ въ переднюю — это былъ мой листокъ, на которомъ было написано распредѣленіе пѣсенъ Кольцова для Гимназіи. Когда Вороновъ бралъ у меня эту книгу и принесъ назадъ, листка не было; онъ сказалъ, что потерялъ — это она взяла его, чтобы имѣть чтонибудь моей руки. — Это меня чрезвычайно тронуло. Я воротился и отдалъ ей, потому что она дала съ условіемъ, чтобы я возвратилъ: О. С., неужели это не шутка? Боже мой, нѣтъ, какъ угодно, это не хитрость! Женюсь ли я на ней? Вѣроятно, т. е. я говорю не о томъ, сдержу ли я свои обязательства, а о томъ, что, вѣроятно, она не найдетъ до тѣхъ поръ человѣка, который будетъ ей нравиться лучше меня, котораго бы она предпочла мнѣ. Буду ли я счастливъ съ ней? Нечего и говорить о томъ случаѣ, когда она будетъ имѣть ко мнѣ нѣжную привязанность. Но если бы даже этого и не было, я съ ней долженъ быть болѣе счастливъ, чѣмъ съ другой, потому что въ самомъ дѣлѣ она такова, какова должна быть моя жена.

А если она выйдетъ за другого? Что тутъ поразить меня? То, что я потерялъ прекрасный случай окончательно устроить свою судьбу. Но будетъ ли это прямымъ ударомъ для моего сердца! Не знаю. Кажется, что нѣтъ, но вѣроятно, будетъ. Буду ли я тосковать, какъ любовникъ, который потерялъ свою возлюбленную, или какъ человѣкъ, который потерялъ возможность устроить наилучшимъ образомъ свою судьбу? Кажется мнѣ, что только какъ послѣдній. Но къ чему еще приду я, это неизвѣстно еще. Полтора мѣсяца впереди.

То, что она не дорожитъ собственно мною, какъ я дорожу собственно ею, это несомнѣнно. Что она не хитритъ со мною, что она въ самомъ дѣлѣ рада выйти за меня, а не просто выйти поскорѣе за человѣка, съ которымъ, какъ съ весьма многими другими, можно жить — и это правда. Принимаюсь за дѣло.

Писано 14 марта въ 9 ч. утра.

Четвергъ, 12 марта. Я вложилъ письмо № 1 подъ бумагу, которою обернулъ Исторію Русской Поэзіи Милюкова и отдалъ ее Венедикту. Послѣ этого я былъ спокоенъ. Но дожидался съ трепетомъ, что будетъ. Не прійдетъ ли Вене-

диктъ? Нѣтъ; наконецъ 6 часовъ. Я готовъ. Но со мною ѣдетъ Сережа⁹²⁾. Я не хочу, чтобы онъ зналъ. Я ѣду къ Палимпсестову, у котораго хотѣлъ быть вечеромъ послѣ О. С. Его еще нѣтъ дома. Прекрасно. Посылаю за извозчикомъ. Ёду. Вхожу. Она сидитъ въ залѣ. „Такъ вы здѣсь? Я думала, что вы не будете?“ Я былъ радъ своей смѣлости, я со смѣхомъ увѣрялъ ее въ своей любви, просилъ вѣрить мнѣ. Наконецъ, — не буду описывать всего въ подробности, потому что мнѣ некогда, я долженъ снѣшить работать, — наконецъ является разговоръ о Кольцовѣ. Она хочетъ, чтобы я прочиталъ оттуда нѣсколько стихотвореній. Я не хотѣлъ, потому что читаю дурно и не хотѣлъ еще разъ показаться ей смѣшнымъ. Она показываетъ видъ, что сердится. Наконецъ, я читаю „Бѣгство“. — Она смѣется. — „Вы читаете рѣшительно какъ Псалтырь“. — Поэтому то я и не хотѣлъ читать вамъ. — Это былъ снова веселый эпизодъ. Но содержаніе разговора. „Неужели вы думаете, что я могу не сдержатъ своихъ обѣщаній?“ и т. д. Увѣрялъ, что никого не люблю кромѣ ея и рассказывалъ о томъ, кто мнѣ нравится, между прочимъ объ этой красавицѣ въ оперѣ въ бель-этажѣ и о женѣ В. Петр. ⁹³⁾ „дружбы говорилъ мнѣ, чтобы я одобрилъ его выборъ. Я напрягалъ свое воображеніе и достигъ такъ до того, что его невѣста мнѣ стала нравиться“. Сказалъ, что здѣсь ни одна дѣвица мнѣ не нравится. Хотя есть хорошенькія, только я слишкомъ разборчивъ. „Напримѣръ Кобылина?“, — потому что разговоръ былъ и о ея болѣзни, сказала она съ улыбкою, такъ что видно, что по ея мнѣнію она не хороша. Я постыдился за себя, какъ стыдился почти постоянно и раньше, и сказалъ, что она была бы хороша, еслибы на ея лицѣ не было глупенькаго выраженія — что и правда. Я увѣрялъ, что привязанъ къ весьма не многимъ, между прочимъ въ Саратовѣ никому — что и правда, — что мнѣ, только мнѣ, люди милы за свои мнѣнія и свои качества. „А въ Петербургѣ? — сказала она — вы не любили никого? Напр. Введенскаго?“ — „Вовсе не думаю, чтобы отношенія наши съ нимъ были такъ коротки“, — „Можетъ быть съ его женою были короче? — „Да, она подарила мнѣ при отъѣздѣ сигарочницу. Подарила и сестра. Я ей отдалъ взаменъ сигарочницу Введенской, а ея сигарочницу отдалъ здѣсь одному изъ своихъ пріятелей“. — „Хорошо же вы бережете подарки. Такъ бы вы сдѣлали и со мною?“ — „Нѣтъ, все, что я получилъ отъ васъ, я берегу“. — „Напримѣръ, что же? Вѣрно бахромѣ отъ мантильи?“ — „Да. Но одну вашу вещь я сжегъ“. — „Почему? И какую?“ — „Это какое то вязаніе, которое далъ мнѣ Вас. Дим.“. — „Почему это?“ — Я не хотѣлъ возвратить его, не хотѣлъ и имѣть — потому что это было дано не вами“. — Когда о Кольцовѣ она сказала, что подчеркивалъ ли я тамъ что нибудь, я сказалъ что подчеркнулъ въ „Послѣдній поцалуй“, — „На полгода всего мы разстаться должны“ — и „какъ весна хороша ты“ — но „невѣста моя“ не подчеркнулъ, — другого ничего — нѣтъ. — „Почему же вы не подчеркнули невѣста моя?“ — „Не хотѣлъ. Она отыскала это и „подчеркните же и это“. — „Нѣтъ, нельзя“. — Подчеркните“. И она взяла мою руку и провела ногтемъ моимъ по этимъ словамъ. Но сама не хотѣла подчеркнуть и не подчеркнула — это еще когда будетъ. — Еще: „Вы довольно смѣлы“. — Это при началѣ разговора. — „Да, мнѣ стоитъ только вздумать, что такъ должно сдѣлать, и сдѣлать для меня

⁹²⁾ Сергій Николаевичъ Панинъ, младшій братъ Александра Николаевича Панина, бывшій тогда гимназистомъ.

⁹³⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

ничего не стоить“. — „Какъ напр. вы начали разговоръ со мною“. — Конечно, это была шутка и сказано это было шуточнымъ тономъ, такъ что нельзя было ошибиться. Но шутилъ я не долго. Теперь, напр. я припомнилъ, что черезъ нѣсколько дней я говорилъ, что къ сожалѣнію не могу жениться, но если бы могъ, то сдѣлалъ бы предложеніе. Еще, когда о Кольцовѣ, она со смѣхомъ говорила: „Ну, читайте же: обойми, поцалуй, приласкай, еще разъ поскорѣй поцалуй горячій“. — „Нѣтъ, это не нужно, и я этого не хочу“.

Снова продолжаю сущность разговора. „Всѣ мои ожиданія о томъ, какое вліяніе производятъ на меня мои отношенія къ вамъ сбылись. Не сбылось только одно — я думалъ, что они дадутъ мнѣ спокойствіе — а между тѣмъ я мучусь и тоскую — какъ же вы хотите, чтобы я вѣрилъ, когда вы говорите это и смѣетесь“. — „Я говорю совершенно серьезно, даромъ, что смѣюсь. Если хотите и я буду васъ увѣрять, что люблю васъ, но это будетъ ложь“. — „Я этого не хочу слышать, я хочу только, чтобы вы мнѣ вѣрили“. — „Ну, я вамъ вѣрю“; — я заставилъ ее это повторить нѣсколько разъ и, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ убѣдился и успокоился. И теперь рѣшительно спокоенъ. Потомъ, намеки о ея приданомъ — что этого я рѣшительно не жду — намеки на то, что у меня рѣшительно нѣтъ ничего — это должно сказать еще яснѣе. Я сказалъ только, что хочу сказать ей оскорбительную вещь, что это непріятно для меня, но что она сама заставляетъ меня сказать это, потому что два раза говорила объ этомъ, хотя я раньше говорилъ въ такомъ тонѣ, что она не должна была возобновлять подобный разговоръ (Палимпсестовъ послѣ сказалъ, что за ней должно быть 3000 р. сер. — я не думаю, что мнѣ представлялась такая же сумма, когда она въ четвергъ сказала, что назначено ей, то будетъ дано; для меня это все равно) и я ей скажу — намекну на то, что она огорчаетъ меня тѣмъ, что говоритъ, чтобы я оставался для Венедикта; но я ей не сказалъ этого, скажу все-таки. Какъ она догадлива! Такъ о поцалуѣ, — что я этого не хочу — (тутъ большею частью былъ виноватъ Венедиктъ — онъ зналъ, что я женихъ — поцалуйте же ее, сказалъ Венедиктъ). — Не хочу я этого, сказала и она и я. — Да вѣдь вы хотѣли же ее поцаловать на Пасху. — Не поцалую, сказала она. И я не поцаловалъ бы васъ, если бы тутъ было 50 человѣкъ. Я перецаловалъ бы всѣхъ, но васъ не поцаловалъ бы. — „Почему?“ — Такъ, не хочу. — „Изъ скромности, знаю“ ⁹⁴⁾. Наконецъ, разговоръ о томъ, что я не долженъ бывать у нихъ: „Дайте честное слово, что не будете у насъ послѣ слѣдующаго воскресенья до Пасхи. — „Нѣтъ, не дамъ, потому что мнѣ надо видѣться съ вами“ *). — „Вы будете меня видѣть у Патрикѣевыхъ въ слѣдующее воскресенье, потомъ въ церкви“. — „Лишь бы я видѣлся съ вами, для меня все равно, у васъ или гдѣ нибудь“. — Раньше этого, когда о томъ, хитрю ли я — я сказалъ: „Я то ужъ не хитрю, и вы настолько проницательны, что должны это видѣть, но другому показалось бы, что вы хотите хитрить со мною; весьма многое въ вашемъ обращеніи могло бы показаться кокетствомъ, я думалъ объ этомъ. — весьма многое“. „Почти все“, сказала она. — „Я замѣчаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣчаю другія вещи, которыя другой не за-

⁹⁴⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

*) Я сказалъ еще: я довольно жилъ въ своихъ отношеніяхъ, кромѣ любви къ женщинамъ. Я много испытывалъ, но я никогда не испытывалъ ничего настолько сильнаго, какъ то, что заставляетъ меня испытывать мои отношенія къ вамъ. И это правда.

мѣтилъ бы; я замѣчаю, хотя обыкновенно не вижу и не замѣчаю ничего“. Потомъ я сказалъ: „Наши характеры повидимому весьма различные“.

Да, весьма различные. — „А между тѣмъ вы не сказали, не сдѣлали ничего такого, что бы не жалѣлъ я — вотъ поэтому то вы и нравитесь мнѣ“. Но довольно. Опишу разставанье. Когда я сталъ выходить, — чтобы я былъ у Анны Кириловны она не хотѣла — сама пусть позоветъ, если хочетъ, она знаетъ что вы здѣсь. Когда я выходилъ, Венедиктъ накинулъ на нее мою шубу, она засмѣялась, надѣла шляпу, вышла. „Извозчикъ“, закричала она и сказала: „Я такъ прокачусь“. и поѣхала по площади до угла, потомъ воротившись давала мнѣ целовать руку нѣсколько разъ. Наконецъ, смѣясь протянула губки. „Поцалуйте въ самый дѣлѣ“, сказалъ я — конечно, я не ожидалъ и не хотѣлъ этого, но эта шутка была такъ мила. Потомъ она стала за перилами и все ворочала меня и давала нѣсколько разъ целовать руку. Оканчиваю тѣмъ, что она сказала мнѣ: „Въ самомъ дѣлѣ къ вамъ весьма можно привязаться“.

Я ей говорилъ о томъ, какъ мнѣ хочется помолиться ⁹⁵⁾ за нее. Я ей говорилъ о томъ, что если за полчаса до свадьбы она сказала бы, что ей больше нравится другой, я порадовался бы за нее. Но я еще долженъ сказать о ея женѣ изъ Кіевской губерніи, — что я не совершенно этому вѣрю.

Теперь я совершенно спокоенъ.

Да будешь ты счастлива, милая, милая!

3½ часа. Послѣ обѣда.

Я, увѣряя ее въ томъ, что сдержу обязательства свои, сказалъ ей, что если бы я нарушилъ (ихъ), это имѣло бы слѣдствіемъ такой позоръ въ моихъ собственныхъ глазахъ, что я не могъ бы оставаться живымъ, что я не въ горячности, а совершенно спокойно убилъ бы себя; что я совершенно спокойно рѣшился бы, что жизнь послѣ этого мнѣ будетъ несносна и что я не могу жить. Раньше этого я сказалъ ей, что я пока не влюбленъ, но что моя привязанность къ ней развивается страшно, такъ что наконецъ я не отвѣчаю за то, чтобы я не показался ей еще большимъ чудакомъ, чѣмъ теперь, и что дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что я рѣшительно влюблюсь въ нее. Я тяжель на подъемъ, но когда поднимусь, то ужъ тутъ я пойду дѣйствительно. Она ревнуетъ меня. Это кажется ясно; ревнуетъ не серьезно, конечно, но все-таки ей пріятна мысль, что мое сердце не принадлежало никому, кромѣ ея, и она хочетъ удостовѣриться въ этомъ. Значить, въ ней есть ко мнѣ привязанность. Я говорилъ ей объ этомъ дневникъ и она говорила нѣсколько разъ, чтобы я принесъ его. Можетъ быть — вѣроятно даже — что я отнесу его завтра, какъ я и говорилъ ей, — но когда можно будетъ читать? Можетъ быть и будетъ время. Но мнѣ жалко его терять. Кажется, она въ самомъ дѣлѣ начинаетъ привязываться ко мнѣ. Во всякомъ случаѣ, она сказала: къ вамъ весьма можно привязаться.

Теперь мои размышленія:

Она мнѣ весьма часто говорила: Вы любите поговорить, вы весьма любите поговорить.

Хитритъ ли она со мною? Нѣтъ, это ясно изъ ея обращенія, откровенности, изъ всего. Она не хочетъ и не можетъ хитрить. А мои сомнѣнія? Рѣшительно

⁹⁵⁾ Это слово неразборчиво.

изгладились. Т. е. сомнѣнія томъ, что она говорила Бусловской, что она въ понедѣльникъ говорила мнѣ, что Яковлевъ ей сдѣлалъ предложеніе; что ее сватали эти два помѣщика—Харьковский (въ этомъ я не сомнѣвался) и Кіевскій—это должно быть такъ и было. Дождется ли она меня? Вѣроятно. Она сама сказала: раньше я вышла бы за перваго встрѣчнаго, теперь буду разборчива. Дѣло зависть отъ того, чтобы кто нибудь понравился ей больше, чѣмъ я. Я думаю, что она успѣетъ привязаться ко мнѣ такъ, что едва ли найдетъ человѣка, который бы ей понравился больше. Когда я ворочусь? Вѣроятно въ сентябрѣ, и въ октябрѣ, черезъ 28 дней, буду въ Петербургѣ съ ней.

Мои отношенія къ домашнимъ? Маменька не будетъ противъ этого выбора. Если будетъ, я уже сказалъ, что я скажу ей и что я сдѣлаю, если она этимъ не убѣдится; но во первыхъ, едва ли понадобится сказать, а если понадобится, то будетъ совершенно достаточно одного намека.

Но мнѣ совѣстно, что я ее, которая не любитъ меня, а развѣ просто думаетъ, что я хорошій человѣкъ и что за меня можно пойти съ удовольствіемъ, что ее я люблю гораздо болѣе чѣмъ Маменьку, которая живетъ только любовью ко мнѣ. Мнѣ совѣстно.

Какъ мы будемъ жить съ нею? Рѣшительно счастливо. Какъ она будетъ держать себя? Весьма свободно. Но кокетничать будетъ гораздо меньше, чѣмъ теперь. Она весьма остепенится. Но если бы и такъ, пусть она дурачится, шалитъ—это будетъ меня радовать за нее. Хотя можетъ быть и будетъ у меня чувство—не ревности, нѣтъ, я такъ увѣренъ въ ея прямотѣ, что подозрѣніямъ противъ нея никогда не можетъ быть мѣста,—а зависти къ тѣмъ людямъ, которые на минуту обратятъ на себя ея вниманіе. Будетъ ли она счастлива со мною? Будетъ, насколько это позволятъ денежные средства. А ея шалости и, наконецъ, это чувство зависти? Я ужъ и теперь дѣлаюсь болѣе разсудительнымъ, потому что больше увѣренъ въ себѣ и черезъ ея любовь приобретаю я эту увѣренность въ себѣ. Я буду менѣе глупъ, менѣе малодушенъ, чѣмъ теперь. Ея шалости будутъ просто радовать и развеселять меня. Какъ я увидѣлъ ее въ своей шубѣ и шляпѣ, я сталъ думать, не вздумаетъ ли она носить мужское платье.

Если въ Петербургѣ есть хоть одна блумеристка, я самъ предложу ей это, и мы будемъ щеголять съ ней по Невскому и мы будемъ дурачиться. Но я ужъ успѣлъ сообразить: что-жь она будетъ дѣлать со своими волосами? Отрѣзать ихъ жаль. Впрочемъ, для меня она будетъ также мила съ кудрями по плечамъ, какъ и съ косою. Но въ сущности она будетъ весьма вѣрною женою, вѣрною, какъ немногія. А если въ ея жизни явится серьезная страсть? то есть я буду покинуть ея, но я буду радъ за нее, если предметомъ этой страсти будетъ человѣкъ достойный. Это будетъ скорбью, но не оскорбленіемъ. А какую радость дать мнѣ ея возвращеніе! Потому что она увидитъ, что какъ бы ни любилъ ее другой, но что никто не будетъ любить ее такъ, какъ я. Я буду любить ее, какъ отецъ любитъ дочь и какъ мужъ любитъ свою жену и любовникъ любитъ свою милую. А если предметъ ея страсти будетъ недостойнъ ея? Тѣмъ скорѣе кончится эта связь, тѣмъ болѣе она будетъ привязана ко мнѣ. Нѣтъ, я не Буа Жибера въ *Péché de Mr. Antoine*, я, —однимъ словомъ я не пахожу лица, съ которымъ бы я могъ сравнить себя. Но пора за работу.

Прощай дневникъ до завтра. Завтра я снова увижу ее. Я счастливъ тобою, моя милая невѣста.

5 часовъ. Былъ у Чеснокова, воротился. Маменька еще спитъ. Пока снова пишу.

Что будетъ по моемъ прїѣздѣ въ Петербургъ? Примусь готовиться къ экзамену, это до обѣда. Прїѣду если въ половинѣ мая, до половины августа это будетъ 3 мѣсяца. Успѣю приготовиться весьма хорошо. Вѣроятно это будетъ много заниматься 30 час. въ недѣлю приготовленіемъ. Вѣроятно будетъ до обѣда время и для другихъ занятій. Должно будетъ изучить для Никитенки Vicher's Aestetik—это одна недѣля; двѣ недѣли на исторію литературы для Никитенки. Одна недѣля для Устрялова. Два мѣсяца для Срезневскаго. Устный экзаменъ кончу въ двѣ недѣли. Если диссертация—ее успѣть посмотрѣть Срезневскій до начала каникулъ—и въ два мѣсяца успѣть напечатать—будетъ готова къ защищенію къ началу сентября; буду защищать; если не успѣю, совѣтуютъ въ началѣ сентября, послѣ свадьбы. Это ничего. Послѣ обѣда вѣроятно много времени должно будетъ истратиться для посѣщеній (встаю въ 8, до 3 занимаюсь—изъ 7 часовъ вѣроятно въ занятіяхъ всегда успѣю проводить $4\frac{1}{4}$ часа и въ недѣлю 30), но наконецъ будетъ оставаться часа $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ (отъ 5 до 7) для занятій, иногда ни часу, иногда цѣлый вечеръ; итакъ часовъ 15 будетъ въ недѣлю; въ это время можно написать печатный листъ, итого 4 листа въ мѣсяцъ. Это доставитъ мнѣ вѣроятно сначала меньше, послѣ больше 200 р. сер., и 150 р. сер., итого около 500 р. сер. Проживу 100 р. сер., на 400 р. можно съѣздить и купить мебели. Рояль возьму на прокатъ тотчасъ по прїѣздѣ (200 р. сер. на мебель, 200 на поѣздку), еще рублей 500, или, если можно, больше займу. Это я пишу потому, что главный предметъ моихъ заботъ теперь денежные отношенія. Остальные всѣ уладятся. У кого займу? Если ужъ на то пошло—у ростовщика. Послѣ можно будетъ расплатиться. Но вѣроятно не откажется дать кто нибудь изъ знакомыхъ. Вѣдь нашелъ же Миная. Въ Саратовѣ кто? Въ рѣдкой крайности Николай Ивановичъ. У него едва ли будутъ готовы деньги. Но для меня онъ выпишетъ. Но раньше кто нибудь изъ кружка родныхъ, напр., черезъ Ан. Иван. или что нибудь вродѣ. Но раньше должно постараться найти деньги въ Петербургѣ. Вѣроятно дастъ Введенскій. Если нѣтъ—у ростовщика. Расплачусь. Потому что наконецъ глупо сомнѣваться въ возможности работать и получать деньги, когда выше всѣхъ изъ кружка Введенскаго, напримѣръ, хотя выше его и Милюкова. Однимъ словомъ деньги получу какъ бы то ни было. Въ Петербургѣ о своемъ намѣреніи ѣхать жениться не буду говорить до послѣднихъ дней, когда можетъ понадобится объяснить, для чего нужны деньги.

Главное сыграть свадьбу и устроить квартиру. Тамъ пойдетъ своимъ порядкомъ. Я человѣкъ, которымъ не будутъ пренебрегать. Я человѣкъ нужный. Буду писать въ Отечественныхъ Запискахъ или Современникѣ. Можетъ быть получу нѣсколько денегъ и черезъ Русскую Академію. Буду писать все что угодно. Главнымъ образомъ, если на мой выборъ, критическія извѣстія о различнаго рода литературѣ и теоріи словесности. Можетъ быть даже составлю учебникъ вмѣстѣ съ Введенскимъ. Ему отдамъ всю честь, себѣ приму только участіе въ денежныхъ выгодахъ.

Однимъ словомъ, я скоплю казну и могу сказать ей навѣрное: „Тамъ всего у Дневникъ.“

насъ довольно, эти люди намъ друзья, что душѣ твоей угодно, все добуду съ ними я“.

Въ себѣ я теперь увѣренъ. Въ ней увѣренъ. Въ согласіи своихъ родныхъ увѣренъ.

Гдѣ жъ ты прежде мое сомнѣніе?

Съ ней буду переписываться каждую недѣлю. Она будетъ посылать письма на мое имя въ Университетъ.

О, моя милая невѣста!

Ты источникъ моего довольства самимъ собою, ты причина того, что я изъ робкаго, мнительнаго, нерѣшительнаго сталъ человѣкомъ съ силой воли, рѣшительностью, силою дѣйствовать. Благословляю тебя!

Да будешь ты счастлива!

Все это писано въ совершенно холодномъ состояніи духа.

Описаніе воскресенія, дня ея рожденія. Писано въ понедѣльникъ, 4^{1/2}.

Утромъ я былъ у Акимовыхъ, потому что она велѣла быть, сказавъ, что это неловко, какъ бы я бывалъ только для нея. Я раньше этого читалъ свой дневникъ и нашелъ тамъ описаніе вечера въ Семеновскомъ полку, которое меня много позабавило. но выѣтъ съ тѣмъ и утѣшило: тамъ нѣтъ ничего собственно объ этой брѣнюеткѣ, а только общія чувства о несчастномъ положеніи женщинъ, подобныхъ ей. и тамъ ужъ есть мысль „я хочу любить одну, чтобы могъ сказать ей: никого я не обнималъ раньше тебя, никого я не любилъ раньше тебя“. Я не думалъ, чтобы эта мысль была такъ стара во мнѣ. Это меня обрадовало. У Аким. П. Вас. спрашивалъ меня, женюсь ли я на ней: я сказалъ, что ѣду въ Петербургъ черезъ 1^{1/2} мѣсяца. На вечерѣ Кат. Матв., съ которой я говорилъ больше всѣхъ, сказала мнѣ, помню-ли я стихи Кольцова „Обойми, поцѣлуй и т. д.“; —я сталъ говорить ихъ — „На полгода всего мы разстаться должны“ — „Вотъ это я хочу вамъ напомнить, вы подаете эти надежды“. — „Не знаю, сбудется-ли это—мало-ли что ожидаешь и что не сбывается“. — „Зачѣмъ же возбуждать надежды?“ — „Вотъ видите, я чрезвычайно привязанъ къ О. С., но она ко мнѣ нисколько“ (это я говорилъ, что думалъ). — „Да какъ же можно такъ скоро?“ — „Я ничего не хочу, а говорю только, что отъ своихъ словъ я не откажусь, но что отъ нея я не вправе ничего ожидать“.

Итакъ, въ 5 час. мы явились съ Фед. Дим.⁹⁶⁾ Акимовы были ужъ у нихъ. Она сидѣла въ какомъ-то бѣломъ платьѣ, должно быть не своемъ, или въ блузѣ. во всякомъ случаѣ оно было весьма широко. Онѣ сидѣли въ комнатѣ Ростислава; онѣ съ Катер. Матв. и Афанасіей Яковлевной цѣлый день шалили и переодѣвались во всевозможные наряды. Она тотчасъ убѣжала и переодѣлась—вотъ со мной, при мнѣ она не хочетъ дурачиться, для меня она держитъ себя не такъ, какъ для другихъ—и что нибудь значу въ ея глазахъ. Мы пошли въ залъ. Первую кадрили она имѣла кавалера—Гуськова, вторую хотѣла танцевать со мною, третью я долженъ былъ съ Кат. Матв. Въ первую кадрили я пригласилъ Елену Вас., которая весь вечеръ странно хотѣла любезничать со мной. Но она рѣшительно дурная дѣвушка и съ ней я не хочу дурачиться, даже, напр., какъ съ Вороновою, потому что она въ самомъ дѣлѣ кокетка. Я, впрочемъ, говорилъ ей довольно много о своей находчивости въ разговорахъ—въ оправданіе, что я не говорилъ съ ней, и

⁹⁶⁾ Федоръ Димитріевичъ Чесноковъ.

разсказывалъ довольно много примѣровъ этого, между прочимъ, о разговорахъ съ Шапошниковою, такъ что это имѣло видъ откровенности. „Вы будете у насъ въ воскресенье?“ — „Буду“ — „Когда?“ — „По утру“ (потому что я думалъ, что вечеромъ будетъ О. С. у Патр., но теперь буду вечеромъ, потому что вечеромъ О. С. будетъ у Акимовыхъ). Я кромѣ того весьма много говорилъ съ Кат. Матв., почти весь конецъ вечера. Это добрая дѣвушка, но болѣе ничего какъ обыкновенная добрая дѣвушка, даже умная дѣвушка, съ которой можно быть откровеннымъ. Она довольно мало понимаетъ въ нашихъ отношеніяхъ съ О. С. Съ О. С. говорилъ весьма мало, почти только между второю кадрилию и въ самомъ концѣ вечера, и В. Дим. былъ весьма недоволенъ моею нелюбезностью и сказалъ, что я держу себя ни на что не похоже. Я подъ конецъ вечера—все время ходилъ съ нимъ и съ Кат. Матв.—сказалъ ему на его повторенныя слова, что я плохъ до крайности, что ему наконецъ стыдно имѣть такого protégé — „Наши отношенія съ О. С. довольно странны“. — Онъ нѣсколько понимаетъ ихъ, хотя не знаетъ, кажется, всего. — „Безъ этихъ отношеній я не поѣхалъ бы въ Петербургъ“. — Онъ все хвалилъ ее, говорилъ, что имѣй онъ возможность доставить ей такую жизнь, къ какой она привыкла, онъ женился-бы на ней. Значить, онъ не знаетъ моихъ отношеній къ ней вполне. Разсказывалъ мнѣ о томъ, какое ея житіе, какъ Ростиславъ разъ сказалъ ей, когда пріѣхала къ Патрику отъ Гусковыхъ одна: „Я скажу отцу, что ты была въ гостинницѣ“. Хотѣлъ сказать еще болѣе объ этомъ случаѣ. Сказалъ, что мать не любитъ ее до того, что не хотѣла отдать ее за Персидскаго, который весьма хорошій человѣкъ и который ей нравился. Онъ сказалъ Сократу Евг., тотъ сказалъ, что онъ не прочь, что должно переговорить съ Анной Кирил. „Пріѣзжаетъ онъ разъ—болна, въ другой—тоже, въ 3, 4—тоже, и дѣло тѣмъ кончилось“. — Шутка съ доскою для ариометики, которая стоитъ у нихъ въ углу залы подлѣ передней. Въ первой кадрили мой визави Вороновъ любезничалъ со своею дамою Лидіей Иван. (Рычкова кажется). Фед. Дим. и Пав. Вас., которые не танцевали, написали на доскѣ: „дежурные старшины Ѳ. Д. Чесноковъ и Пав. Вас. Акимовъ“, я тотчасъ написалъ вверху „на свадьбѣ Лид. Ив. и Мих. Алекс.“ Рычкова оскорбилась и ушла. Мы написали вверху „свадьба разстроилась“ и понесли доску въ заднюю комнату, гдѣ сидѣли служители—она была тамъ—она вышла послѣ этого, но О. Сокр. сказала, что она разсердилась и хотѣла жаловаться теткѣ, Дарьѣ Кирил. Чтобы сколько нибудь укротить ее, она велѣла мнѣ написать „О. С. и Ник. Гавр.“ и я написалъ это на двери въ передней, какъ бы тайкомъ. Ей тотчасъ это показали, я не хотѣлъ показывать, она, кажется, нѣсколько успокоилась. Какая находчивость и какая доброта! Сколько разъ ужъ я дѣлалъ подобныя неловкости и ставилъ О. С. въ неловкое положеніе, и она не оскорблялась, не капризничала никогда. Вас. Дим. говорилъ о ней подъ конецъ вечера въ самыхъ выгодныхъ выраженіяхъ, и я нашелъ тутъ настоящее слово: „Ольга Сократовна *редкая* дѣвушка“.

Теперь конецъ описаній всѣхъ эпизодовъ и я начинаю записывать разговоры съ ней. (Но раньше иду пить чай и послѣ съѣзжу къ Колесникову⁹⁷⁾ за 1 Лѣ-мъ Современника для нея).

Наконецъ, долженъ сказать, что мнѣ она съ каждымъ новымъ свиданіемъ

⁹⁷⁾ Эта фамилія написана не вполне разборчиво.

больше нравится и съ каждымъ новымъ свиданіемъ въ самомъ дѣлѣ я болѣе и болѣе вижу въ ней чудныхъ, удивительныхъ качествъ сердца и характера, съ каждымъ новымъ свиданіемъ больше и больше вижу въ ней рѣдкаго ума. О ней ужъ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ. Качества ея души цѣнить и Вас. Дим. и всѣ знающіе ее коротко, напр., и (даже она!) Сер. Г. Шапошникова и Кат. Матв., которая можетъ цѣнить, потому что сама весьма добрая дѣвушка. Но и цѣню ихъ гораздо болѣе всѣхъ, потому что—скажу прямо—во мнѣ самомъ есть много благородства и нѣжности, потому мнѣ вполне понятны чудныя качества ея души. Прощай до 7 часовъ, мой милый дневникъ.

Писано 17, вторникъ, 12¹/₂ час. утра.

Мы все воскресенье говорили съ ней мало. Sie konnte mir kein Wortchen sagen, zu viele Lauscher waren wach, Nur ihrem Blick ich konnte fragen, Und wohl verstand ich, was er sprach.

Она держать себя въ отношеніи ко мнѣ такъ, что показываетъ, что увѣрена, что я ужъ не нуждаюсь въ доказательствахъ ея привязанности ко мнѣ. И я былъ совершенно доволенъ. Зачѣмъ при другихъ высказывать внимательность, когда я увѣренъ въ ней. Разговоры наши были весьма кратки. Первый былъ у стола, который стоитъ на улицу къ гостиной ближе. На немъ лежалъ гребешокъ, она взяла его и сказала Катеринѣ Матвѣевнѣ: „Какъ же можно такъ бросать?“ — „А вы часто и долго бываете передъ зеркаломъ?“ сказалъ я. — „Я одѣваюсь передъ зеркалами только на балъ; а такъ, я только вхожу въ залъ взглянуть, когда ужъ одѣта, все-ли такъ; волосы мнѣ причесываетъ дѣвушка, что жъ мнѣ быть передъ зеркаломъ?“ — Вотъ дѣвушка! У нея нѣтъ даже зеркала и это правда, я увѣренъ въ этомъ. И я рѣшительно увѣренъ въ томъ, что сказала мнѣ послѣ Кат. Матв.: „Оля рѣшительно не занята собою, хотя держать себя гораздо свободнѣ Елены Васильевны“ (она передъ этимъ сказала, что Ел. Вас. весьма занята собою). Да. Это совершенная правда.

Потомъ, когда пили чай (послѣ первой кадрили; вторую я долженъ былъ танцевать съ ней). Мы ходили нѣсколько времени по залѣ вмѣстѣ. Она подошла сказать мнѣ, что скоро будетъ и моя очередь отправиться къ Аннѣ Кирилловнѣ ⁹⁸⁾ на испытаніе—она поочередно приводила къ ней молодыхъ людей. — „Не думайте, что будетъ для меня особенно скучно. Я вамъ говорю правду, что для меня всякій разговоръ потерялъ свой интересъ, кромѣ разговора съ вами. Если говорить не съ вами, то для меня рѣшительно все равно—говорить ли съ Анной Кирилловной. Кат. Мр., Вас. Дим., Кат. Матв.—рѣшительно все равно“. Я сказалъ, что принесъ свой прежній дневникъ, Петербургскій, прочитать ей нѣсколько мѣстъ о томъ, какъ я жилъ въ Петербургѣ. — „Я не могу прочитать его?“ — „Нѣтъ, онъ такъ мною написанъ, что его нельзя разобрать“. — „Ахъ, какъ это дурно. Зачѣмъ же вы принесли? Вы и такъ можете рассказать. „Для того, чтобы вы не могли усомниться въ томъ, что я буду читать правду“. — „Я и такъ повѣрю“. — „Я отыскалъ тамъ романтическое мѣсто объ одномъ вечерѣ, на которомъ я былъ“. — „О, если ваши воспоминанія ограничиваются только этимъ, то нечего о нихъ будетъ и беспокоиться“. — „Вы меня сильно огорчили О. С. во вторникъ, когда я былъ у васъ на минуту—вы сказали, чтобы я оста-

⁹⁸⁾ Анна Кирилловна Васильева—мать Ольги Сократовны.

вался до конца іюня для Венедикта—неужели вамъ это кажется важнѣе?“— „Но вѣдь вы сказали, что это дѣло устроится и тогда, если вы уѣдете? Конечно, это мнѣ кажется важнѣе, потому что вѣдь все равно, когда вы ни уѣдете, вы не воротитесь отъ этого раньше?“— „Нѣтъ, все-таки это ускорить мой пріѣздъ“. И она отводитъ меня къ Ан. Кир.— „Но сейчасъ начать танцевать, я долженъ танцевать съ вами эту кадрили?“— „Все равно, протанцуете четвертую“.— „Да будетъ ли четвертая?“— „Вѣроятно будетъ“.— Четвертой не было, и я не танцевалъ съ ней въ этотъ вечеръ, но это было для меня нисколько не прискорбно, потому что мы съ ней теперь обходимся какъ женихъ съ невѣстой, какъ друзья, увѣренные другъ въ другѣ, которымъ не нужно мелкой разчетливости въ внимательности и любезности для того, чтобы понимать привязанность другъ къ другу. Я отправился къ Ан. Кир. Она говорила о томъ, что инныя дѣвицы бойки весьма, о томъ, что Ел. Вас. кажется выходить неохотно. Я, чтобы угодить ей, говорилъ, что вѣдь, конечно, можно принудить Богъ знаетъ какъ, но и на собственный выборъ дѣвицы часто нельзя положиться. Она спрашивала меня о Пасхаловой, я говорилъ много и оправдывалъ ее. Наконецъ—я просидѣлъ минутъ 25— Кат. Матв. пришла вызвать меня танцевать третью кадрили. Тутъ то мы говорили о томъ, что О. С. не кокетка и не занята собою.

Послѣ этого, черезъ нѣсколько времени, я говорилъ минуты двѣ съ О. С. Послѣ какъ Вас. Дим. сказалъ мнѣ о томъ, какъ мать не любитъ ее до того, что не хотѣла отдать ее за Персидскаго ⁹⁹). „О. С., а если ваши не согласятся, чтобы вы вышли за меня?“— „Кто жь? Развѣ одинъ Папенъка“.— „А Анна Кирилловна?“— „Этого нельзя ожидать“.— „А какъ же васъ сватали и она не захотѣла?“— „Тогда я была ребенкомъ, это дѣло началось, когда мнѣ было 15 лѣтъ и кончилось, когда мнѣ не было почти 16. Она не хотѣла, чтобы я такимъ ребенкомъ вышла замужъ. Да и теперь она называетъ меня дѣвочкой; говорить, я еще не привыкла заниматься хозяйствомъ. Я тогда еще училась. Она не хотѣла, чтобы я прямо со школьной скамьи вышла замужъ. Да я и послѣ еще училась, я училась до 17 лѣтъ“.

Этотъ разговоръ совершенно удовлетворилъ меня. Кажется, на счетъ Анны Кир. я могу быть спокойнымъ. А теперь спокоенъ и на счетъ Сократа Евгеньевича, потому что онъ не согласился бы только изъ любви къ ней, изъ опасенія, что я не составлю ей счастья; а теперь, когда буду знакомъ съ нимъ, онъ увидитъ, что я хорошій человекъ и что, насколько отъ меня будетъ зависѣть, она будетъ счастлива. Передъ тѣмъ, какъ она отвела меня къ Ан. Кир. и когда мы ходили, пока я пилъ чай, передъ словами, что для меня все равно съ кѣмъ ни говорить, если не съ ней, я говорилъ ей: я не влюбленъ въ васъ, вы только чрезвычайно мнѣ нравитесь, какъ никто никогда, даже въ ¹⁰⁰). Я только убѣдился, что я буду вполне счастливъ съ вами. Я убѣдился рѣшительно и въ томъ, что вы не пожалѣете никогда о томъ, что вышли за меня, кромѣ только одного; за одно я не ручаюсь—это за то, что у меня будетъ много денегъ“.— „Да развѣ въ деньгахъ счастье?“— „Деньги одно изъ условій счастья“.— „Это такъ“.— „Да, я только за это не ручаюсь. За все остальное я ручаюсь передъ собою. Никогда съ моей стороны не будетъ кромѣ этого ничего, что бы могло

⁹⁹) Саратовскій помѣщикъ.

¹⁰⁰) Нѣсколько словъ неразборчивы.

мѣшать нашему счастью“. — „А съ моей?“ — „Я увѣренъ, совершенно увѣренъ, что и съ вашей стороны никогда ничего, чтобы когда нибудь возмутило мое счастье“. — „А если я буду виновна въ чемъ нибудь передъ вами?“ — „Я въ этомъ увѣренъ, что никогда ни въ чемъ“. — „Почемъ знать? Вѣроятно, я не могла быть виновна изъ каприза, но мало ли что можетъ быть?“ — „Нѣтъ, въ васъ я увѣренъ совершенно, что вы можете быть только источникомъ счастья“.

Теперь иду къ Кобылину остается только разговоръ передъ отъѣздомъ.

Наконецъ, послѣ какъ мы все ходили съ Кат. Матв. и Патр., стали собираться домой; О. С. подошла ко мнѣ, взяла мою руку отъ Кат. Матв. и сказала ей: „Ты нынѣ совѣмъ отбила у меня Николая Гавриловича“. Все въ этотъ вечеръ происходило такъ, какъ бы она имѣла полное право на меня и мнѣ не нужно ухаживать за нею. „Когда мы теперь увидимся съ вами?“ сказалъ я. — „Въ воскресенье у Акимовыхъ“. — „Утромъ вы будете у Патрикѣевыхъ?“ — „Буду“. — „Я могу тамъ быть?“ — „Можете“. — „А раньше?“ — „Нѣтъ, раньше нельзя“. — „Вы не будете у Патрикѣевыхъ на этой недѣлѣ?“ — „Нѣтъ“. — „Вы будете говѣть и васъ можно видѣть въ церкви?“ — „Нѣтъ, не буду говѣть, потому что будетъ грязно, лошади нужны для Папенки“. — „А“ *).

Стали прощаться. „О. С., почему вы не хотите познакомить меня съ Соократомъ Евгеньевичемъ?“ — „Если хотите, сейчасъ можно“. — Я думалъ въ самомъ дѣлѣ, что она почему нибудь не хочетъ, чтобы я знакомился съ нимъ. И она повела меня къ нему въ кабинетъ. „Папенка, рекомендую вамъ Николая Гавриловича Чернышевскаго“. Онъ взялъ меня за руку и просилъ бывать у него. — „Я самъ тоже люблю что нибудь поговорить—я самъ былъ въ Университетѣ, да еще на казенномъ . . . ¹⁰¹⁾ Медицина мнѣ надѣла и я люблю поговорить о чемъ нибудь. Вотъ теперь читаю Русскую Исторію Ишимовой. Хорошо написано и прекраснымъ языкомъ“. Я простился съ нимъ и спросилъ О. С., когда я могу быть у него. Она сказала, что можно въ четвергъ. „Достаньте мнѣ 1 № Современника за нынѣшній годъ, тамъ весьма хвалятъ одну повѣсть“. — „Достану; только не знаю, скоро ли, потому что я не читаю нынѣ ничего“. — „Достаньте поскорѣ“. Мы стали прощаться. Она вышла на крыльцо и я нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку. Въ передней (тутъ она сказала снова, что говорила раньше: „Какъ онъ цалуетъ—совершенно машинально“, потому что я самъ сказалъ эти слова, сказанныя ей раньше) и потомъ на крыльцѣ. Я расстался съ ней рѣшительно довольный вечеромъ, хотя другой на моемъ мѣстѣ и не былъ бы доволенъ, потому что она избѣгала любезничать со мною—но для меня именно это и служить самымъ лучшимъ доказательствомъ ея настоящей привязанности и увѣренности въ моей привязанности.

Когда на другой день вечеромъ Вас. Дим. былъ у меня, онъ сказалъ, что когда онъ просилъ ее быть на дняхъ у Патр, она спросила его: „Для чего вы хотите быть?“ — „Собственно для себя, ни для кого бы, но почему вы такъ неласковы съ Чернышевскимъ?“ — „Это могло бы зайти слишкомъ далеко. Я пошла бы за него. Но онъ уѣзжаетъ и нельзя намъ не остерегаться, чтобы не

*) „Такъ вы уѣдете въ маѣ?“ — „Даже раньше, если можно“. — „И мы поѣдемъ на лѣто съ Папенкою въ Харьковъ недѣли на двѣ и воротимся въ концѣ іюля“. И я съ грустными, но покорнымъ тономъ сказалъ: „И выйдете тамъ замужъ“. — „За кого же? Я тамъ знаю всѣхъ. Я говорила вамъ, что тамъ помѣщикъ сваталъ меня, но я не пошла за него и не пойду“.

¹⁰¹⁾ Одно слово не разборчиво.

зайти слишкомъ далеко“. Я увѣренъ, что это правда, что она въ самомъ дѣлѣ ставитъ меня выше и лучше всѣхъ, что она цѣнитъ мою привязанность.

Теперь понедѣльникъ. Я сѣзидилъ за Современникомъ къ Колесникову¹⁰²⁾, у котораго онъ былъ, и рѣшилъ самъ теперь же отвезти имъ его, а не дожидаться до утра, чтобы передать черезъ Венедикта. Но ужъ было нѣсколько темно—понравится ли ей мое посѣщеніе, и, кромѣ того, я былъ непричесанъ, не приглаженъ—нужды нѣтъ, зачѣмъ заставлять ее дожидаться лишніе сутки? Да хотѣлось и показать ей мое рвеніе тотчасъ исполнить ея желаніе. Я взмошелъ. Она сидѣла въ залѣ и читала. Я не сталъ скидывать шубы. Она вышла ко мнѣ къ дверямъ передней и взяла книгу. „Ужъ досталъ? Какъ скоро. Какой милый, милый!“ Я нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку, не съ пламенною пылкостью, а съ спокойною нѣжностью. „О. С., я буду въ четвергъ у С. Евг.“ — „Будьте“. „Въ 6 часовъ“. — „Да, около вотъ этого времени“—было около 6¹/₂ часовъ. Я еще нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку.

Прости моя милая невѣста, будь счастлива, какъ я счастливъ тобою. Прости до четверга и будь счастлива. Еще два дня и я опять увижу тебя. Прости, будь счастлива.

Да будешь ты счастлива!

Долженъ записать еще переѣзду въ моихъ чувствахъ съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ свои размышленія. Теперь я пересталъ ревновать или завидовать, потому что убѣдился рѣшительно въ томъ, что она вовсе не кокетничаетъ и что желаніе вскружить голову всякому, кто попадется ей въ руки, какъ выражается Палимпсестовъ, рѣшительно ей чуждо. Этого мало. Еще важнѣе. Я убѣдился, что никого она не предпочитаетъ мнѣ, что ея чувство ко мнѣ, или, лучше сказать, ея мысли обо мнѣ, рѣшительно серьезны и довольно глубоки, что она привязана ко мнѣ, или лучше сказать, что я въ ея глазахъ болѣе всѣхъ достоинъ любви и что ни о комъ, кромѣ меня, она не думаетъ и никогда не подумаетъ, кромѣ развѣ того случая, что серьезно и пламенно влюбится въ когонибудь—вещь не весьма вѣроятная по ея собственнымъ словамъ, которыя должны быть рѣшительно справедливы и въ искренности которыхъ я убѣжденъ, точно также, какъ въ своихъ чувствахъ къ ней. Теперь я рѣшительно спокойно чувствую къ ней чрезвычайно сильную привязанность. Прошли всякія безпокойства, всякія сомнѣнія въ томъ, можетъ ли она вѣрить мнѣ, или можетъ ли она оцѣнить, какъ глубоко и нѣжно я привязанъ къ ней. Теперь моя привязанность рѣшительно тиха и спокойна, но чрезвычайно глубока, сильна и нѣжна. О, да будешь ты счастлива, моя милая невѣста!

Писано 18 Марта въ 10¹/₂ ч. вечера . . .¹⁰³⁾.

Когда я шелъ изъ гимназіи, меня догналъ Вороновъ и сказалъ мнѣ, что „Вы хотите быть у нихъ въ четвергъ—О. С. сказала, что ихъ дома не будетъ до вторника—завтра именины Дарьи Кирилловны, они будутъ у нея; воскресенье и понедѣльникъ именины и рожденіе Лидіи Ивановны“.

Я посмѣялся этому несчастью передъ Вороновымъ, но это меня обезкуражило рѣшительно. Почему? Не умѣю хорошенько сказать почему. Можетъ казаться мнѣ

¹⁰²⁾ Эта фамилія написана неразборчиво.

¹⁰³⁾ Три слова неразборчивы.

потому, что она вообще не дорожитъ случаемъ видѣться со мною? Она рѣшительно не имѣетъ ко мнѣ привязанности. Но я самъ знаю, что это неправда, что она избѣгаетъ случаевъ видѣться со мною, потому что еще больше начнутъ говорить о насъ, ужъ и теперь говорятъ. Или—это ближе—зачѣмъ она сказала Воронову, что я хотѣлъ быть у нихъ въ четвергъ, зачѣмъ она передаетъ мнѣ черезъ него? Она могла бы это черезъ брата. Вороновъ не такъ чистъ и не такъ привязанъ къ ней, какъ Чесноковъ—зачѣмъ выбирать его посредникомъ? Но и это не то—нѣтъ—скажу, что—весьма глупо—все-таки ближе всего къ истинѣ. Это то, что я *влюбленъ* въ нее; мало того, что привязанъ къ ней — мнѣ *нужно* ее *видѣть*; мало того, что я думаю, что лучше жены для меня не можетъ быть; мало того, что я думаю, что я буду счастливъ—во мнѣ потребность *видѣть ее теперь*. Глупо, весьма глупо быть влюбленнымъ—и между тѣмъ это правда. Правду я сказалъ ей, когда былъ въ четвергъ 12: — „Я ожидалъ отъ себя подобныхъ вещей, но чтобы онѣ были въ такомъ размѣрѣ, этого ужъ я не ожидалъ. Я ожидалъ, что буду дѣлать глупости, но чтобы дѣлать такіа глупости, на это ужъ я отъ себя не надѣялся. А со временемъ вѣроятно это все будетъ еще въ большемъ размѣрѣ, тѣмъ теперь.“ Такъ и есть, такъ и выходитъ. Я все болѣе и болѣе увлекаюсь. Чѣмъ же наконецъ это кончится? До чего наконецъ это дойдетъ?

Но Вас. Дим. сказалъ мнѣ, что будетъ просить ее быть завтра у нихъ. Если она не будетъ у нихъ, я все-таки буду у С. Евг. Все равно, будетъ ли она дома или нѣтъ, увижу ли ее или нѣтъ. Но должно быть я завтра увижусь съ ней. А если завтра не застану ее дома, буду у нихъ въ пятницу или въ субботу. Нѣтъ, воля ваша, О. С., вы доводите меня до рѣшительно глупаго состоянія, до состоянія влюбленности.

Да будешь ты счастлива, давшая мнѣ столько счастья!

Писано 20 марта, 8 утра, описаніе четверга.

Вас. Дим. Чесноковъ упросилъ О. С. быть у нихъ въ четвергъ, потому что Д. Тавр. именинница. Я пришелъ, когда ихъ еще не было. Наконецъ пріѣхали. Пошли мы изъ флигеля въ домъ. О. С. сѣла на креслахъ съ правой стороны дивана, Катерина Матв. на диванѣ, я подлѣ нея. О. С. была весьма грустна. Отчего? Она получила нынѣ письмо, въ которомъ писали ей о смерти Рычкова и еще какого-то Виктора ¹⁰⁴⁾, „котораго я любила“, сказала она. Она на память сдѣлала его портретъ и показала мнѣ. Она была чрезвычайно грустна и въ весь вечеръ почти у нея навертывались слезы, наконецъ, она нѣсколько разъ принималась плакать, нѣсколько разъ уходила, чтобы посидѣть одной. Я не сумѣлъ заставить ее высказаться мнѣ и тѣмъ сколько нибудь облегчить свою печаль. Она въ весь вечеръ избѣгала меня. Только разъ удалось мнѣ говорить съ ней и то такъ неловко, что она не поняла моихъ настоящихъ чувствъ. Это было вотъ какъ. Передъ чаемъ, въ 7½ час., она ходила по залѣ съ Кат. Матв., я подошелъ къ нимъ. Кат. Матв. стала говорить съ Ростиславомъ, я остался съ ней. „Кто жъ умеръ? братъ?“ „Да“, сказала она, нехотя. „Въ такомъ случаѣ эта печаль вовсе не такъ серьезна и долга, какъ я думалъ. Мы родныхъ любимъ такъ, что потеря ихъ не такъ глубоко огорчаетъ насъ. Вотъ если бы это былъ посторонній, дѣло

¹⁰⁴⁾ Викторъ Ивановичъ Рычковъ—двоюродный братъ Ольги Сократовны.

другое“ *). И т. д. я говорилъ нѣсколько минутъ въ этомъ родѣ, но такъ глупо, что она приняла это за выраженіе ревности и ушла. Я хотѣлъ сказать, что понималъ, что она думаетъ, что я ревную, и увѣрялъ, что этого нѣтъ, что это только выраженіе одного сочувствія, по которому все, что радуетъ ее, радуетъ меня и что огорчаетъ ее, огорчаетъ меня. Она не повѣрила. И скоро уѣхала. Я долженъ былъ остаться, чтобы не показать виду, что былъ только для нея, не посмѣлъ даже проводить ее. Что теперь дѣлать? Нынѣ въ переѣзду позову Венедикта къ себѣ и поговорю съ нимъ, если можно съ нимъ говорить серьезно.

Что возбуждаетъ во мнѣ ея печаль о смерти этого молодого человѣка? Нѣтъ, вовсе не ревность. Нѣтъ, одна только скорбь о ея скорби. Но правда и то, что я сказалъ ей: „Кромѣ того, что я огорченъ вашею печалью, я огорченъ еще тѣмъ, что вы не довѣряете мнѣ, что вы не видите, какое чувство возбуждаетъ во мнѣ ваша печаль о немъ, считаете это чувство ревностью“.

А послѣ, когда она уѣхала, говорилъ съ Вас. Дим. о нашихъ съ ней отношеніяхъ и высказалъ свои намѣренія, не высказывая своего разговора съ ней въ четвергъ 19 февраля. Что теперь дѣлать? Вѣроятно, буду просить Венедикта попросить ее отъ меня, чтобы она была дома и поговорила со мною нѣсколько минутъ, а самъ пойду къ Сокр. Евг. и посижу съ нимъ, пока онъ поѣдетъ къ больнымъ. Постараюсь, чтобы она поняла мое настоящее чувство, мой настоящій характеръ. Едва ли это удастся сразу. Для чего я это сдѣлаю? Чтобы она могла мнѣ повѣрить, высказать свою печаль и тѣмъ нѣсколько облегчить ее. И для того, чтобы она поняла меня и лучше увидѣла, что если она рѣдкая дѣвушка, то и я рѣдкій человѣкъ: человѣкъ, съ которымъ можно говорить все; который весьма способенъ выслушать, понять все; понять все, что ему говорятъ, такъ, какъ понимаетъ это человѣкъ, который говоритъ ему, какъ чувствуетъ это онъ самъ, что я человѣкъ, который сочувствуетъ всему, даже тому, что въ другихъ возбуждаетъ не сочувствіе, а ревность или зависть; что я человѣкъ съ мягкою душою, открытый сочувствію для всякаго горя, для всякой радости. А это для чего? Потому что за это болѣе всего можно привязаться ко мнѣ; это лучшая сторона во мнѣ и я хочу, чтобы она знала и оцѣнила ее. Мало того: я хочу, чтобы наши отношенія уже скорѣе стали именно таковы, каковы они всегда должны быть со мною; что каковы бы ни были мои чувства, хотя даже любовь, хотя даже влюбленность, но что раньше всего—я другъ; раньше всего я живу не своею жизнью, а жизнью тѣхъ, кого я люблю. Установить эти отношенія весьма важно для нашего будущаго счастья.

Но быть у ней нынѣ, говорить съ ней нынѣ—не слишкомъ ли это рано? Не значить ли это надоѣдать ей? Въ такомъ ли она состояніи, чтобы могла разсудить и понять кого нибудь и что нибудь, кромѣ своей скорби? Такъ, рано; поэтому можетъ быть и будетъ лучше, если она не захочетъ нынѣ говорить со мною; но я долженъ нынѣ же показать ей готовность говорить съ ней, чтобы впослѣдствіи, когда она будетъ въ состояніи говорить со мною, она знала, что всегда будетъ таково; что ревность, зависть ни на минуту не были въ моей душѣ отъ этой скорби объ умершемъ миломъ. Я думаю теперь о ней больше, чѣмъ раньше. Я всю ночь видѣлъ ее во снѣ, что было только одинъ разъ до сихъ поръ,

*) Я былъ такъ глупъ, что въ это время въ самомъ дѣлѣ думалъ, что эта смерть *только* блага, котораго, можетъ быть, она любила. Но потомъ увидѣлъ, что умеръ, въ самомъ дѣлѣ, еще другой, и о немъ... (Дальше нѣсколько словъ неразборчивы).

да и то во время какой то бессонницы, продолжавшейся часа два. Теперь я спалъ весьма крѣпко, но всю ночь видѣлась мнѣ она и думалось о ней. Я грущу ея грустью и грущу, что она до сихъ поръ не оцѣнила во мнѣ лучшей моей стороны способности быть повѣреннымъ, того, что со мною можно и должно говорить все. Allein das Neigen von Herzen zu Herzen, Ach! wie so eigenschaffet das Schmerzen. Но я сочувствую ей больше, чѣмъ когда нибудь, потому что всякое несчастье, всякое горе заставляетъ меня болѣе интересоваться чело-вѣкомъ, усиливаетъ мое расположеніе къ нему. Если чело-вѣкъ въ радости, я радуюсь съ нимъ. Но если онъ въ горѣ, я болѣе раздѣляю его горе, чѣмъ раздѣляю его радость и люблю его гораздо больше.

Писано въ 12 час. вечера. Пятница.

Въ гимназіи я говорилъ съ Тищенко¹⁰⁵⁾, который сказалъ, что О. С. по-ѣхала заказывать себѣ черное платье и весьма грустить, много плакала это утро. Я черезъ него передалъ Венедикту, чтобы онъ былъ у него въ 12 часовъ. Мы пошли и просидѣли около часу. „Венедиктъ Сократовичъ, вы дитя или нѣтъ? съ вами можно говорить серьезно? Вы будете смѣяться или перескажете не такъ?“ — „Говорите, перескажу такъ.“ — „Я хотѣлъ быть нынѣ у Сокр. Евг. — будетъ ли О. С. дома? (я хотѣлъ въ такомъ случаѣ просить ее поговорить со мною нѣсколько минутъ). — „Нѣтъ. Значить и вы не будете?“ — „Нѣтъ, все равно, буду. Мнѣ хотѣлось еще кое-что вамъ сказать, чтобы вы передали“. И я сталъ говорить о томъ, чтобы онъ передалъ О. С., что она рѣшительно ошибается, приписывая мой вчерашній разговоръ чувству ревности (эти слова я даже не высказалъ, потому что онъ не знаетъ, кажется, о комъ она груститъ). приписывая мнѣ желаніе заставить ее говорить по какому нибудь другому чувству, кромѣ того, о которомъ я говорилъ ей—желаніе облегчить нѣсколько ея горестъ, давши ей возможность высказаться, и чувству скорби о ея скорби. Я чрезвычайно разстроены ея горемъ. Почти какъ она сама. Нѣтъ, вѣроятно, менѣе, чѣмъ она, но все-таки весьма разстроены, такъ что не могъ ни вчера, ни нынѣ ни читать, ни писать. Когда чело-вѣкъ въ горѣ, онъ занимается вдвое болѣе. Я никогда не видѣлъ ее во снѣ, кромѣ того, что разъ какъ то мнѣ не спалось и я только дремалъ и конечно думалъ о ней, какъ всегда думаю о ней. Но нынѣшнюю ночь я всю ночь видѣлъ ее во снѣ” и т. д. о ея характерѣ, въ общихъ выраженіяхъ, такъ, чтобы она поняла ихъ, если онъ будетъ пересказывать сколько нибудь вѣрно; но чтобы онъ не понималъ, я говорилъ о чувствѣ ревности, о томъ, что не могу ревновать ее, потому что слишкомъ знаю ее; о томъ, что я съ этой стороны на столько знаю, чтобы нуждался въ распришиваніи; о томъ, что я чело-вѣкъ, который прежде всего созданъ быть повѣреннымъ, которому говорятъ все; что это замѣчали мнѣ люди, которые не любятъ меня и которыхъ я не люблю (я говорю о Пасхаловой), которые все-таки говорили мнѣ, что „на васъ можно положиться болѣе, чѣмъ на кого нибудь, съ вами скорѣе будешь высказываться, чѣмъ съ кѣмъ нибудь“. Я говорилъ о томъ, что безъ отношеній къ ней никогда не уѣхалъ бы изъ Саратова, потому что жаль было бы покинуть Маменьку и т. д. Не знаю, какъ передать онъ, и какъ она приметъ этотъ мой поступокъ—и какъ она повѣритъ тому, что я пересказывалъ черезъ него, но мнѣ стало нѣсколько легче,

¹⁰⁵⁾ Товарищъ Ростислава Сократовича.

когда я высказался передъ нимъ съ надеждою, что онъ хотя сколько нибудь передастъ ей.

Послѣ обѣда спать, потому что не шла работа на умъ. Я рѣшительно не могъ работать. Проснулся въ 6 почти, такъ что когда вошелъ на дворъ къ Васильевымъ, ужь стояла лошадь для Сокр. Евг. и я не пошелъ. Отчасти не пошелъ и для того, чтобы успѣлъ побывать у Шапошн. для того, чтобы выпросить Маменькѣ березовки. Мнѣ жаль ее, всего болѣе жаль потому, что я покидаю ее, которая живетъ однимъ мною, покидаю для О. С., которая не чувствуетъ ко мнѣ никакой особой привязанности. Мнѣ совѣстно передъ ней, что я такъ мало люблю ее въ сравненіи съ О. С., которая слишкомъ мало любитъ меня.

Но, все-таки въ ней моя жизнь, въ ней моя радость и скорбь. Der Eichwald brauset, die Wolken ziehn. Ein Mägdlein sitzt am Ufer's Grün. Es bricht sich die Welle mit Macht, mit Macht. Das Auge vom Weinen getrübet. Das Herz ist gestorben, die Welt ist leer. Und weiter giebt nichts dem Wunsche noch mehr. Du Heilige, rufe dein Kind zurück, Ich habe genossen das irdische Glück, ich habe gelebt und geliebt¹⁰⁶). Она говорила: „Теперь я желала бы умереть. Это первая потеря чловѣка близкаго къ моему сердцу“.—Es rinnet der Thränen vergeblicher Lauf. Die Klage sie weinet die Todten nicht auf. Doch sage, was tröstet und heiter die Brust Nach der süßen Liebe verschwundener Lust—Ich, die Heilige, will's nicht versagen. Lass rinnen des Thränen vergeblichen Lauf. Es weine die Klage den Todten nicht auf. Doch das süsseste Glück für die trauernde Brust nach der schönen Liebe verschwundener Lust sind der Liebe Schmerzen und Klagen¹⁰⁷).

Я буду плакать вмѣстѣ съ тобою о твоёмъ погибшемъ милomъ, моя милая, моя милая, милая! И я плачу въ самомъ дѣлѣ.

Писано 26 марта 11¹/₂ час. Буду коротокъ, какъ можно болѣе, потому что некогда быть длиннымъ.

Воскресенья 22 марта я дожидался съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, чтобы встрѣтить ее у Акимовыхъ. Даже я не совѣмъ рассчитывалъ на это, поэтому даже мало одѣвался. Но она была тамъ. Наконецъ, танцую кадрили, и ей говорю о моей скорби. Доказательства въ тонѣ, какимъ я говорю и на моемъ лицѣ. Послѣ сидимъ съ ней въ гостиной, пока другіе танцуютъ гротфатеръ. Она говоритъ мнѣ, что теперь менѣе печальна, чѣмъ раньше, чѣмъ нынѣ поутру; и она была, правда, печальна. но не до такой степени, чѣмъ раньше. Я почувствовалъ, что у меня на сердцѣ становится легче. Она, наконецъ, когда подали водку, начала шалить съ Пригоровскимъ, который былъ подлѣ на диванѣ (мы сидѣли на креслахъ въ залѣ), заставляла его пить водку и грозила, если онъ не будетъ пить, вылить ему на голову, и вылила въ самомъ дѣлѣ цѣлую рюмку. И я началъ шалить—мѣшалъ ему пить, когда подавала ему, и т. д. Двѣ рюмки разлилъ, наконецъ, унесъ бутылку и продолжалъ шалить. Она, наконецъ, разсердилась, принявши это за дерзость преднамѣренную съ моей стороны. Можетъ быть я и сдѣлалъ въ продолженіе этой шутки какую нибудь дерзость, но не замѣчая самъ. Когда ушли въ залу, она подала руку Палимисестову, сказавъ, что не хочетъ говорить со мною.

¹⁰⁶) Шиллеръ—Das Mädchens Klage.

¹⁰⁷) Шиллеръ—Das Mädchens Klage.

Я нѣсколько приставалъ къ ней, чтобы она говорила со мною, потому что мнѣ хотѣлось узнать, чѣмъ я оскорбилъ ее и, кромѣ того, спросить, почему она думаетъ, что я не могу понравиться Аннѣ Кирилловнѣ, потому что я думаю, что понравлюсь, поэтому буду у нея, если О. С. позволить. Но она не хотѣла говорить и наконецъ (это было когда они съ Палим. шли по залѣ)—„Вы хотите быть со мною также дерзки, какъ съ Наташей—съ ней можно, потому что она дѣвочка, но съ собою я не позволю такъ обращаться, потому что я дѣвица. Я отвѣчу вотъ чѣмъ“—и она приподняла нѣсколько руку (т. е. вы заставите меня ударить васъ по щекѣ). Видя, что она рѣшительно разсержена, я оставилъ ее. Но когда (тотчасъ послѣ этого) стала уѣзжать, я на лѣстницѣ спросилъ, въ самомъ ли дѣлѣ я ее оскорбилъ.

Продолжаю писать въ 9 часовъ, воротившись отъ О. С.

„Oui, je suis fâchée“—„Ну, это еще ничего, не въ этомъ дѣло—оскорбилъ ли я васъ въ самомъ дѣлѣ?“—„Oui, je suis fâchée“—и она не хотѣла подать мнѣ руки ни на прощаніе, ни послѣ, когда стали разѣзжаться (тутъ они поѣхали всѣ вмѣстѣ, я съ Бусловскимъ и Кат. Матв. послѣдніе). Это меня разстроило до крайности. Памятникомъ этого разстройства осталось недописанное письмо къ ней и письмо къ Сашѣ¹⁰⁸), писанное во вторникъ, и еще то, что я не хотѣлъ ничего писать объ этомъ въ дневникъ, пока дѣла не устроятся.

Наконецъ настало Благовѣщеніе. Я всѣ три ночи, на понедѣльникъ, вторникъ и среду, не засыпалъ до часу, двухъ или болѣе, поэтому просыпался поздно и утомленный. Поэтому проспалъ и обѣдню раннюю. Прихожу къ поздней въ шубѣ. смотрю—въ лѣвомъ придѣлѣ назади стоитъ Кат. Матв. и подлѣ нея Полина Ивановна Рычкова.—О. С. съ перваго раза я не замѣтилъ, но думалъ, что она должна быть тутъ, поэтому посмотрѣлъ еще разъ—она стоитъ между ними, и когда я оборотился, спряталась за Полину Ивановну. А. такъ она перестала сердиться, потому что начинаетъ шутить—я думалъ, что она серьезно и долго будетъ сердиться,—о, такъ я пойду къ нимъ. Когда я не видѣлъ ее, я хотѣлъ подойти; когда увидѣлъ, что тутъ, не хотѣлъ, чтобы не оскорбить ее своимъ преслѣдованіемъ; теперь увидѣлъ, что не сердится, поэтому рѣшился подойти—я ушелъ домой, чтобы нѣсколько одѣться. потому что теперь ясно, онѣ поѣдутъ къ Патрикѣевымъ, а Патрикѣевы можетъ быть позовутъ меня—воротился, сталъ и началъ говорить съ Кат. Матв. которая стояла слѣва. О. С. черезъ минуту оборотилась и сказала, чтобы я не говорилъ,—я отвѣчалъ какъ обыкновенно шутливо-равнодушнымъ тономъ—„Я говорю не съ вами, для васъ должно быть все равно“.—„Да вы мнѣ мѣшаете молиться, уйдите“.—„Если вамъ непріятно, вы можете уйти, куда вамъ угодно“—и продолжалъ говорить съ Кат. Матв. Она ушла и стала сзади меня, подлѣ О. Андр., но рѣшительно подлѣ меня. Я продолжалъ говорить съ Кат. Матв., которая сердилась и смѣялась. О. С. начинаетъ говорить со мною и страшно хохотала своему разговору и моимъ отвѣтамъ—наконецъ она сказала: „что вы не молитесь?“—„Если вы прикажете буду молиться“, и нѣсколько разъ она велѣла мнѣ становиться на колѣни, молиться въ землю. Въ это время опустилъ мнѣ ея муфту Вороновъ, который стоялъ подлѣ—вѣроятно, по ея приказанію—я взялъ муфту и поклонившись въ землю поцаловалъ

¹⁰⁸) Александру Николаевичу Пыпину.

ее, потомъ поцаловалъ платѣ Кат. Матв. и сдѣлалъ это нѣсколько разъ, пока взяли у меня муфту; тогда я, когда она велѣла мнѣ становиться на колѣни, цаловалъ платѣ Кат. Матв. и такъ шалилъ страшнымъ образомъ во всю обѣдню, такъ что всѣ, кто стоялъ кругомъ, смотрѣли на насъ. Она шалила, спрятала въ карманъ моего пальто свои ключи, перчатки, четки и т. д., наконецъ что я замѣтилъ только, когда былъ у Кобылина, положила мнѣ въ карманъ папироску— гдѣ она ее взяла, Богъ знаетъ. Послѣ конца обѣдни я спросилъ ее, будетъ ли она у Патр. вечеромъ. Она сказала, что нѣтъ. Онѣ поѣхали къ Патр., я не зашелъ къ нимъ утромъ, хотя и думалъ, что можетъ быть зайду; вмѣсто этого пошелъ къ Малышеву¹⁰⁹⁾ котораго не засталъ дома, и потомъ просидѣлъ до 1¹/₂ у Кобылина. Анжелика Алексѣевна сказала, чтобы я у нихъ обѣдалъ; я поторонился домой, сталъ собираться, чтобы быть у нихъ въ 3¹/₂; въ это время принесли мнѣ отъ Вас. Дим. записку, чтобы я былъ въ 5 ч. у Патр. Я зашелъ къ нему и сказалъ, что буду. Отъ Кобылина отправился въ 1¹/₂6. Когда пришелъ, у Патр. были уже всѣ, т. е. Рычковы, Шапошниковы, Чесноковы, наконецъ, Ростиславъ, но ея не было въ этихъ комнатахъ. Она была въ заднихъ, куда ушла должно быть нарочно, увидя меня въ передней. Наконецъ, она вышла и проходя мимо (я сидѣлъ въ гостиной съ О. Андр.), поклонилась на мой поклонъ, но не подала мнѣ руки.

Когда начинали первую кадрили, Кат. Матв. сказала мнѣ, чтобы я просилъ О. С., потому что она хочетъ танцевать со мной, но она сказала, что имѣетъ кавалера, „Какую же вы хотите танцевать со мной?“ — „Ни которой“, но (вторую я танцевать съ Афанасією Яковлевной) въ третью кадрили, когда я долженъ былъ танцевать съ Кат. Матв., она сказала, что танцуетъ со мной—потомъ она танцевала со мной слѣдующія три кадрили—ихъ только я и танцевалъ, потому что другія кадрили она не танцевала, такъ что я не танцевалъ съ Кат. Матв. Потомъ она сидѣла со мной въ гостиной, сначала у окна, которое въ залъ, послѣ на креслахъ, которые отъ дивана къ залу—потомъ ушла играть на фортепiano; потомъ сѣла съ Лидіей Ивановной подлѣ окна, которое къ гостиной; я стоялъ подлѣ и когда она уходила, садился говорить съ Лид. Иван. Наконецъ Лидія Пв. ушла и мы сѣли одни. Послѣ этого еще нѣсколько времени мы ходили по залу. Что тутъ было сказано замѣчательнаго, буду писать какъ можно короче, потому что не достаеетъ времени.

Когда мы танцевали вторую кадрили, мы сидѣли подлѣ дверей у передней.

Тутъ я началъ свое объясненіе относительно воскресенья. Сущность разговора будетъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ съ самаго начала: „Вы еще слишкомъ молоды, я бы васъ болѣе любилъ, если бы вы были годомъ старше. Вы не понимаете значенія того, что дѣлаете, потому что въ воскресенье вы сказали мнѣ такія слова, которые имѣли на меня ужасное слѣдствіе—вы не понимали, какъ оно важно, вы еще не понимаете всей серьезности нѣкоторыхъ вещей“.—Она говорила, что я былъ дерзокъ нарочно, потому что у меня все дѣлается обдуманно: потому что она не вѣритъ мнѣ; словомъ, что это было преднамѣренно. — что я былъ дерзкимъ нарочно, чтобы показать, что могу обращаться съ ней такъ, какъ съ другими. Потомъ мы сидѣли у окна, которое къ гостиной: тутъ она

¹⁰⁹⁾ Фамилія неразборчива; можетъ быть—Мелавтовичу.

сказала мнѣ, что я одинъ только разъ оскорбилъ ее.— „Что жъ это такое?“ — „Я это не скажу, вы должны знать сами“.—Я началъ вспоминать, что было серьезнаго сказано мною, но не могъ отгадать. Наконецъ она сказала: „Когда вы были у насъ и мы сидѣли въ столовой“.—Я началъ перебирать разговоръ и наконецъ дошелъ до мѣста —я женись на васъ только потому, что думаю этимъ сдѣлать вамъ услугу. „Вы сказали „почти“—я сказалъ, что ¹¹⁰⁾ можно опустить „почти“—это оскорбило ее (я думалъ, что это должно быть въ высшей степени оскорбительно, но не замѣтилъ, что она этимъ оскорбилась—смотри это—дневникъ, размышленія о ней)—это оскорбило ее и она такъ долго не довѣрялась мнѣ потому, что это оскорбило ее—какъ мало еще она откровенна со мною—я сталъ говорить о странности моихъ понятій, о томъ, что я хотя понимаю, что это оскорбительно, но готовъ всегда сказать это во второй разъ, если понадобится,—началъ говорить о томъ, что мои понятія въ самомъ дѣлѣ странны. и разговоръ перешелъ къ моимъ понятіямъ о супружескихъ отношеніяхъ. — „Неужели вы думаете, что я измѣню вамъ?“— „Я этого не думаю, я этого не жду, но я обдумывалъ и этотъ случай“.— „Что жъ бы вы тогда сдѣлали?“—Я рассказалъ ей Жака Жоржъ-Занда. „Что жъ бы вы тоже застрѣлились?“— „Не думаю“, и я сказалъ, что постараюсь достать ей Жоржъ-Занда (она не читала его, или во всякомъ случаѣ не помнитъ его идей—нынѣ былъ у ¹¹¹⁾ у него нѣтъ Жоржъ-Занда, и сказалъ ей нынѣ объ этомъ). Наконецъ подошла Лидія Ивановна и сказала, что Ан. Кир. поручила поцеловать меня и сказать мнѣ, что Ростиславъ говорилъ Ан. Кир. наканунѣ, что она мнѣ нравится и что я хочу сдѣлать ей предложеніе, и что Ан. Кир. сказала, что она будетъ согласна, и Ростиславъ требовалъ, чтобы и она согласилась, и что когда она ушла и легла въ постель, Ростиславъ подошелъ къ ней и приставалъ до тѣхъ поръ, пока она сказала, что согласится.— „Такъ я буду у васъ“.—Теперь можно бывать, потому что вамъ дано не только разрѣшеніе, даже приказаніе“ — и наконецъ, когда я прощался и всѣ вышли въ переднюю вмѣстѣ, она сказала: „Demain, a cinq heures“. Итакъ я былъ у нихъ нынѣ въ 5 часовъ и пробылъ до 8^{1/2}, сидѣлъ съ полчаса съ Сокр. Евг., 3 раза былъ у Анны Кирил., въ разговорѣ съ которой попадались намеки, на которые я тоже отвѣчалъ намеками. Теперь разговоръ съ нею нынѣ. Я предугадывалъ, что она подойдетъ къ этому и что кончится тѣмъ, что она мнѣ говорила, но, не приготовился къ этому, не обдумывалъ это, потому что считалъ это не совсемъ вѣроятнымъ послѣ ея словъ, что она не хочетъ этого (чтобы раньше моей поѣздки)—это было сказано мнѣ у Акимовыхъ.

26 марта. У нея (продолжаю писать 27 янв., 6^{1/2} час. утра).

Она рѣшительно измѣнила свое обращеніе со мною—не стѣсняется ничѣмъ со мною, также какъ раньше не стѣснялась, напр., съ Вас. Дим., и теперь сама сказала, что въ субботу я долженъ быть у нихъ, а въ воскресенье можетъ быть у нея будетъ Кат. Матв. и тогда я снова долженъ быть. Но сущность разговора будутъ слова, которые она сказала мнѣ, когда я воротился отъ ея матери: „Поѣдьте въ Петербургъ вмѣстѣ“.— „Я снова скажу вамъ—воля ваша“.— „То есть?“— „То есть, какъ вамъ угодно, такъ я и сдѣлаю, но дѣло въ томъ, что

¹¹⁰⁾ Два слова неразборчивы.

¹¹¹⁾ Фамидія неразборчива.

это, по моему мнѣнію, будетъ не совсѣмъ чѣстно съ моей стороны. Но если вамъ такъ угодно, я вѣроятно долженъ сдѣлать такъ, какъ вамъ угодно. Теперь некогда; когда я буду у васъ въ субботу, я выскажу вамъ неудобства этого; если вы и послѣ захотите, я сдѣлаю, какъ вамъ угодно“. Раньше этого, когда она повела меня отъ Сокр. Евг. къ Аннѣ Кир., я сказалъ: „Если она заговоритъ о моихъ намѣреніяхъ, что мнѣ сказать ей?“ — „Она этого не скажетъ“. — „И я такъ думаю, но если заговоритъ, что сказать?“ — „Что хотите“. — „Но до какой степени я могу высказывать ей?“ — „Сколько хотите, она этого не скажетъ“. — „Но если она станетъ намекать, могу-ли я говорить?“ — „Даже не мѣшало бы“. — Я самъ все-таки не намекалъ. Но сама О. С., когда Анна Кир. стала просить меня прочитать стихи, развернула послѣдній поцалуй изъ Кольцова и сказала: „Ну, прочитайте-же „на полгода всего мы разстаться должны“. Я конечно отвѣчалъ на это — „И слава Богу, что на полгода, т. е. не болѣе“, — „То есть не менѣе?“ — Потомъ она сказала Полинѣ Ивановнѣ, что скоро выходить замужъ; при матери — что теперь она уѣзжаетъ отсюда, когда та говорила, ...¹¹²⁾), что ей тяжело разставаться съ дѣтьми и послѣ ужъ добавила, что это она уѣзжаетъ съ отцомъ въ Харьковъ — такъ она хотѣла заставить меня высказаться передъ матерью яснѣе. Но я говорилъ только такъ, чтобы не опровергать намековъ Анны Кир. и О. С., а самъ не говорилъ болѣе, чѣмъ онѣ. Иду внизъ работать.

Я говорилъ на эти предложенія: 1) у меня нѣтъ денегъ, но если вы рѣшительно хотите, я возьму гдѣнибудь; 2) я все время буду работать — что-жъ вамъ будетъ за удовольствіе и что-же вы станете дѣлать? Она отвѣчала, что у нея есть деньги и что она сама будетъ работать въ это время. Я ей говорилъ потомъ, что она не рѣшительно знаетъ мой характеръ, и что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые „кроютъ чужую крышу, а свою раскрываютъ“, что я постоянно жертвовалъ своими выгодами для чужихъ, и рассказалъ свои отношенія къ Любинькѣ¹¹³⁾ — я не думалъ, что такъ я буду дѣлать и съ вами, но Богъ знаетъ. Но наконецъ я не могъ говорить обо всемъ, потому что ужъ было поздно и выскажу ей въ субботу, когда она велѣла быть въ 4¹/₂ час.

Что-жъ теперь будетъ: Вѣроятно, я женюсь до отъѣзда. Въ такомъ случаѣ поѣдемъ въ половинѣ мая. А какъ это устроится? Въ субботу я буду говорить ей все: 1) денегъ нѣтъ — если угодно, она должна мнѣ дать взаймы на устройство квартиры и т. п. — это будетъ стоить 1000 или 1200 р. сер., 2) по пріѣздѣ я буду работать весьма много, такъ что мало времени могу посвящать ей; 3) Еще мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы она должна была беспокоиться о моихъ дѣлахъ — мнѣ хотѣлось-бы, чтобы раньше, чѣмъ ея судьба соединилась со мной, дѣла мои были устроены; 4) наконецъ, скажу и то, что эта женитьба будетъ предметомъ, который введетъ въ сомнѣніе моихъ петербургскихъ знакомыхъ относительно того, буду-ли я работать какъ должно; 5) я не хотѣлъ бы, чтобы у нея былъ мужъ, нуждающійся въ комънибудь, неравный по положенію своимъ покровителямъ.

(Но что жъ такое наконецъ? Все-таки я буду радъ, если это такъ выйдетъ).

Что скажетъ она на это? Скажетъ, что все-таки хочетъ выйти за меня теперь.

¹¹²⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

¹¹³⁾ Двоюродная сестра, Любовь Николаевна Котляревская, вышедшая замужъ за И. Г. Терсинскаго и вскорѣ умершая.

до отъѣзда. Почему-же? Я попрошу ее быть такъ-же откровенной и прямою, какъ я. Что особеннаго въ эти мѣсяцы? Что она не хочетъ исполнять мои желанія раньше все устроить, потомъ жениться, чтобы не было у нея безпокойства на счетъ возможности жить и на счетъ моей честности и будущности. Что она скажетъ, я положительно не знаю, можетъ быть никакихъ не будетъ особенныхъ фактовъ, скорѣе только то, что ея положеніе невыносимо тяжело. Чѣмъ кончится разговоръ? Я скажу: „Когда-же я долженъ просить вашей руки? Сейчасъ или на Святой? Она вѣроятно скажетъ — на Святой.

Что же окончательно? Я радъ, что это будетъ такъ. Всѣ мои сомнѣнія и щепетильности, кромѣ разсчета о деньгахъ, вздоръ; это, конечно, непріятно, что я долженъ буду пользоваться ея приданнымъ, но что же дѣлать? Это вѣроятно введетъ ее въ сомнѣніе относительно моей честности и безкорыстія — но что жъ дѣлать? Я не сталъ бы просить денегъ у нея, если бы могъ взять ихъ въ другомъ мѣстѣ, но гдѣ кромѣ? Я не знаю. Даже сказавши это ей, я попробую сыскать въ другомъ мѣстѣ — только едва ли это удастся. Дѣло кончится тѣмъ, что я попрошу, если она почтетъ это возможнымъ, у самого Сократа Евг. взаймы, и если такъ, то 2000 р. сер. Сейчасъ принимаюсь составлять смѣту издержекъ на обзаведеніе.

О, моя милая невѣста! Ты хочешь такихъ отношеній, какихъ никогда не хотѣлъ бы я, — но какъ тебѣ угодно, такъ и будетъ.

Продолжаю въ 11 час. воротаясь отъ Николая Ивановича.

Что будетъ? Вотъ что: свои противодѣйствія ¹¹⁴⁾ не выставлю я всѣ — я скажу только о денежныхъ; скажу, что нужно 1000 р. сер., что если она думаетъ, что это возможно, я попрошу ихъ у Сократа Евг. взаймы; если нѣтъ, то у нея (хотя это мнѣ весьма не хочется). Она скажетъ, что мнѣ сдѣлать. Раньше всего, если она позволить говорить о деньгахъ съ Сократомъ Евг., я попрошу указать, нельзя ли занять у другого, если нѣтъ — у него. Однимъ словомъ дѣло о деньгахъ будетъ рѣшено завтра. Но я предложу ей сутки, или сколько угодно времени на размышленіе. Послѣ ея отвѣта, который вѣроятно будетъ — я хочу ѣхать теперь въ Петербургъ — я скажу, что прошу позволенія объявить о моихъ намѣреніяхъ Сократу Евг. сейчасъ же и скажу ему такъ: „Сократъ Евгенъичъ всмотритесь въ меня пристальнѣе, потому что я намѣренъ просить руки О. С.“. Послѣ этого когда я скажу о своихъ намѣреніяхъ своимъ? Я думаю, лучше это сказать черезъ 2 или 3 этакъ недѣли, по полученіи рѣшительнаго согласія отъ Сократа Евг., потому что раньше — безразсудно: къ чему, если онъ не согласится? Онъ вѣроятно согласится, но все-таки нужно раньше получить положительное согласіе, потомъ объяснить своимъ. Въ какомъ духѣ будетъ объясненіе съ нашими? Раньше я скажу Паненкѣ, и если онъ не заставитъ, то не буду входить ни въ какія подробности, если заставитъ — объясню, почему съ ней я буду счастливъ, съ другой нѣтъ; объясню свой характеръ и то, какая жена мнѣ нужна. Если не пойметъ и не согласится, скажу свое рѣшеніе — скажу какъ можно мягче, что я рѣшилъ не пережить этого дѣла, если они не согласятся. Но я не думаю, чтобы не согласились. Только онъ дурнаго мнѣнія о Сократѣ Евг. — что за нужда, это не касается ея — а если онъ слышалъ о ея свободномъ обращеніи — и о немъ объяснюсь. Однимъ словомъ, отношенія къ своимъ меня теперь рѣшительно перестали тревожить. Они согласятся;

¹¹⁴⁾ Не описка ли, вмѣсто „возраженія.“?

такъ или иначе, но согласятся, и я думаю безъ большого противорѣчія. А если Папенька скажетъ — дай посмотрѣть намъ? Я скажу — нѣтъ, сейчасъ согласіе; ни сутокъ отсрочки. Пожалуй, нѣсколько минутъ на размышленіе, но безъ совѣта съ кѣмъ бы то ни было, даже съ Маменькою. Со стороны Анны Кир. полное согласіе уже видно приглашеніемъ бывать у нихъ почаще, зная зачѣмъ я бываю.

Послѣ этого объясненія съ ней и вслѣдствіе его съ Сократомъ Евг. я поговорю съ ней о Николаѣ Ивановичѣ и Лидіи Ивановнѣ.

Чѣмъ-же кончится дѣло? Тѣмъ, что я поѣду отсюда съ О. Сокр. Поѣдемъ, если можно, прямо изъ церкви, но на это не согласятся; въ такомъ случаѣ послѣ обѣда: свадьба будетъ поутру — я думаю, она согласится съ этимъ, потому что не любитъ церемоній, какъ и я.

Каковы теперь мои мысли, мои чувства о ней?

Во-первыхъ, какое впечатлѣніе произвели на меня ея вчерашнія слова? Самое успокоительное. Теперь я буду внѣ опасности потерять ее. Теперь я буду внѣ своей обыкновенной мнительности о томъ, что будетъ, будетъ-ли такъ, какъ мнѣ представляется и хочется.

Но мои дѣла въ Петербургѣ не устроены. Да развѣ, говоря разсудительно, и могу сомнѣваться въ томъ, что я буду имѣть возможность доставить ей жизнь съ такими же удовольствіями, какими пользуется она здѣсь. Мои мысли о томъ, что не понравится Никитенкѣ (да онъ мнѣ не нуженъ) и Введенскому, что я женился? Да это вздоръ. Спрашивать мнѣнія Введенскаго о томъ, когда и на комъ мнѣ жениться? Я не позволю и говорить себѣ объ этомъ, скажу только: по моему характеру такъ было нужно, безъ этого я не выѣхалъ бы изъ Саратова. Болѣе ничего не скажу и послѣ этого ничего не позволю себѣ сказать. Помѣшаетъ ли моимъ дѣламъ, что я пріѣду женатымъ? Развѣ магистерскій экзамень начну я въ сентябрѣ, вмѣсто мая, да въ маѣ трудно будетъ и начать; за то я не буду торопиться и дѣло пойдетъ гораздо лучше и основательнѣе. А магистерскій экзамень раньше или позже нѣсколькими мѣсяцами все равно, до или послѣ каникулъ. Да во всякомъ случаѣ онъ и былъ бы конченъ послѣ каникулъ, потому что защищеніе диссертации оставалось бы послѣ каникулярнаго семестра во всякомъ случаѣ.

Будетъ-ли она мѣшать мнѣ работать? Напротивъ, тутъ я буду рѣшительно внѣ всякихъ развлеченій и буду работать до 6 часовъ каждый день, сидя подлѣ нея. Когда будетъ свадьба и когда мы поѣдемъ? Въ концѣ мая или началѣ іюня. Когда будетъ объясненіе съ нашими? Передъ самою свадьбою, если они сами не заговорятъ раньше объ этомъ, если до нихъ не дойдетъ рѣшительныхъ слуховъ.

Какія теперь мои чувства? Такъ разсудительны и чисты отъ всякихъ грязныхъ расчетовъ, которыхъ раньше я ожидалъ отъ себя, что я дивлюсь. Радость моя отъ того, что мой союзъ съ ней вѣрный и настолько, что я буду мужемъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, не отъ нетерпѣнія чувственности. Чувственная сторона теперь во мнѣ рѣшительно не имѣетъ никакого вліянія въ сравненіи со стороною душевнаго счастья и разсудительности, спокойныя надежды на то, что моя жизнь опредѣляется такимъ образомъ, какъ только могъ я представить.

Завтра допишу эту тетрадь до того, какъ пойду къ нимъ, потому что хочу начать слѣдующую тетрадь окончательнымъ объясненіемъ съ ней.

О моя милая невѣста! Источникъ моего счастья! Ты будешь правительницею

нашей жизни, и моя жизнь будетъ счастлива, потому что будетъ посвящена заботамъ о твоёмъ счастьѣ.

Писано въ субботу въ 8¹/₂ утра.

Влюбленъ ли я въ нее или нѣтъ? Не знаю; во всякомъ случаѣ мысль объ „обладаніи ею“, если употреблять эти гнусные термины, не имѣетъ никакого возбуждающаго дѣйствія на меня. Я только думаю о томъ, что я буду съ ней счастливъ, потому что въ ней столько ума и проницательности, что она не будетъ раскаиваться, что вышла за меня, потому что поступки ея весьма хорошо обдуманы, потому что она достаточно понимаетъ меня и что не знаетъ еще въ моёмъ характерѣ, то, я надѣюсь, не измѣнить ея мнѣнія обо мнѣ къ худшему, потому что особенности и странности моего характера, который нельзя понять и которому нельзя вѣрить иначе, какъ послѣ долгаго знакомства, — моя хорошая сторона.

Но она мнѣ весьма нравится. Если бы она была не хороша собою — а мнѣ хорошенькими кажутся весьма немногія и собственно говоря, никого кромѣ нея, изъ тѣхъ дѣвицъ, которыхъ я встрѣчалъ здѣсь; Афанасія Яковлевна, впрочемъ, тоже имѣетъ миленькое лицо, — то, конечно, я не могъ бы такъ быть привязанъ къ ней, какъ теперь — мнѣ нужно, чтобы я могъ любоваться на свою милую; если бы она не была такъ хороша, я не очаровался бы ею, но все-таки ея красота, хотя весьма важна для меня, но все-таки важнѣе, гораздо важнѣе для меня качества сердца и характера и когда я думаю о блаженствѣ, которое ожидаетъ меня, вѣроятно, тутъ является и чувственная сторона этого блаженства, но гораздо сильнѣе занимаетъ, гораздо болѣе очаровываетъ меня сердечная сторона ея отношеній. А какъ будутъ эти отношенія — она третьяго дня сказала: у насъ будутъ отдѣльныя половины и вы ко мнѣ не должны являться безъ позволенія — это я и самъ хотѣлъ бы такъ устроить, можетъ быть думаю объ этомъ серьезнѣе, чѣмъ она; — она понимаетъ, вѣроятно, только то, что не хочетъ, чтобы я надѣлалъ ей, а я понимаю подъ этимъ то, что и вообще всякій мужъ долженъ быть чрезвычайно деликатенъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ къ женѣ ¹¹⁵⁾... Моя постоянная мысль и главная черта въ моёмъ характерѣ въ этомъ отношеніи, что я не люблю высказывать своихъ чувствъ при комъ бы то ни было постороннемъ, и что единственная нѣжность, которую я хотѣлъ позволить себѣ при третьемъ лицѣ въ отношеніи къ женѣ — это пожатіе руки. Цаловаться и я не люблю — въ сильномъ движеніи нѣжности я готовъ поцаловать, но только въ сильныхъ движеніяхъ нѣжности. Въмѣсто этого я любилъ бы цѣловать руку, но это снова только въ нѣжныхъ движеніяхъ, а не при всякомъ случаѣ, какъ только случится быть одному подлѣ другого, но и это я хотѣлъ бы почти совершенно изгнать, потому что это показываетъ, что съ женой обращаешься какъ свѣтскій властитель Японіи съ своимъ духовнымъ императоромъ — за рабское положеніе въ сущности стараешься вознаградить божескимъ почитаніемъ по наружности. Къ чему у меня есть порывы, такъ это къ тому, чтобы прижимать къ сердцу. Но и это только въ порывахъ нѣжности. Но просто прижать къ сердцу, какъжимаешь руку ¹¹⁶⁾... У насъ до сихъ поръ все наоборотъ противъ того, какъ обыкновенно бываетъ между женихомъ и невѣстой — она настаиваетъ, я уступаю. Обыкновенно говоритъ невѣста жениху: „Другъ мой, я въ твоей власти; я не могу противиться тебѣ, но прошу

¹¹⁵⁾ Нѣсколько словъ пропущены.

¹¹⁶⁾ Нѣсколько словъ пропущены.

тебя, не злоупотребляй этою властью“. У насъ наоборотъ — я ей говорю: „Я въ вашей власти; дѣлайте, что хотите“ — и она говоритъ: „Я хочу быть за вами“. — „Очень хорошо, я согласенъ и прошу вашей руки“. — „Но я не хочу откладывать, извольте сейчасъ“. — „Очень хорошо. Я готовъ сейчасъ быть вашимъ женихомъ“. — „Но я не хочу, чтобы это было въ сентябрѣ — это должно быть раньше вашего отъѣзда...“ Обыкновенно женихъ ищетъ невѣсту, подходитъ къ ней, заговариваетъ съ нею — я наоборотъ, — я дожидаюсь, чтобы она подошла ко мнѣ и сказала: говорите со мной, сидите со мной. Такъ и тутъ — можетъ быть и будетъ такъ: „Вы можете быть у меня“. — „Покорно благодарю, О. С.“. — Какъ мы будемъ проводить день? Все время, когда я дома, я буду постоянно сидѣть подлѣ нея, пока ей будетъ угодно. Я буду работать подлѣ нея. Сколько я буду работать для своихъ ученыхъ цѣлей? Часа 3 въ день, не болѣе, потому что и теперь никогда почти не работаю постольку и все-таки у меня столько познаній, какъ у немногихъ. А писать для полученія денегъ? Можетъ быть болѣе 3 часовъ въ день. Въ первые мѣсяцы, пока у меня не будетъ уроковъ въ корпусѣхъ, я буду такимъ образомъ работать часовъ до 2; послѣ гулять вмѣстѣ съ нею, послѣ обѣда снова часъ — два, до 6, 6¹/₂; послѣ снова я ей собесѣдникъ. О чемъ мы будемъ говорить? Я буду ея учитель, я буду излагать ей свои понятія, я буду преподавать ей энциклопедію цивилизаціи. Тутъ у насъ явится курсъ гораздо болѣе полный, чѣмъ какъ теперь у меня въ гимназій. Этого достанетъ на нѣсколько лѣтъ, на 3, 4 года. Въ матеріалѣ для разговора такимъ образомъ не будетъ недостатка. Мы будемъ, наконецъ, вмѣстѣ читать. Я самъ для этого преподаванія повторю многое, приобрѣту познанія во многомъ, чего теперь не знаю. Такъ мы будемъ учиться вмѣстѣ. Можетъ быть она будетъ помогать мнѣ и въ работахъ, можетъ быть она будетъ сама писать или переводить. Каково будетъ мое отношеніе къ ней въ социальномъ смыслѣ? Я желалъ бы, чтобы мы наконецъ начали говорить другъ другу „ты“; особенно, чтобы она говорила мнѣ „ты“ — самъ я лучше хотѣлъ бы говорить — Вы. Звать ее буду я всегда полнымъ именемъ, всегда буду звать ее Ольга Сократовна. — Она можетъ быть захочетъ звать меня по имени — но едва ли. И вѣроятно, если будетъ, скоро оставитъ. Однимъ словомъ наши отношенія будутъ имѣть по внѣшности самый оффиціальныи и холодный характеръ: подъ этою внѣшностью будетъ съ моей стороны самая полная, самая глубокая нѣжность. Теперь, наши отношенія къ роднымъ ея и моимъ. Какова она будетъ съ Маменькою? Не знаю и не хочу знать. Если по внѣшности она обходительная дочь своей матери, тѣмъ болѣе будетъ она хороша съ моей Маменькою. Маменька, если уѣдетъ въ Петербургъ, будетъ вмѣшиваться въ хозяйственныя дѣла — если О. С. угодно, пусть будетъ такъ. Если не угодно, нѣтъ. Въ характерѣ Маменьки лежитъ непремѣнно вмѣшиваться. Но я буду твердъ и если О. С. не захочетъ, не допущу Маменьку говорить объ этихъ вещахъ ни ей, ни мнѣ. Я скажу, что не желаю говорить объ этомъ и только. И не буду говорить, и не буду слушать. И только. Такимъ образомъ отношенія къ Маменькѣ не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій непріятныхъ для нея. Во всякомъ случаѣ я поставлю себя и ее въ такія отношенія къ Маменькѣ, что Маменька не будетъ никогда вмѣшиваться въ наши личныя отношенія и не будетъ никогда говорить ни слова относительно того, что она дѣлаетъ и какъ держитъ себя. А какъ она будетъ держать себя? Весьма бойко, но злалить будетъ меньше, чѣмъ теперь; она будетъ

держатъ себя нѣсколько похоже на Анну Никаноровну, хотя не въ томъ родѣ. У Папенки такой характеръ, что онъ никогда никому не можетъ служить помѣхой. Наши отношенія къ ея роднымъ? Это зависитъ рѣшительно отъ нея. Главныя отношенія къ Венедикту, но Анна Кирил. не отпуститъ его отъ себя, какъ сказала мнѣ въ послѣдній разъ — поэтому эти отношенія не могутъ быть обременительны ни для нея, ни для меня. Но вообще отношенія наши къ ея роднымъ будутъ рѣшительно зависѣть отъ нея. Наши отношенія къ Сашѣ ¹¹⁷⁾? Это все равно, какъ ей будетъ угодно. Жить вмѣстѣ или врозь, все равно, какъ лучше покажется для нея. Только одно, чему весьма рада будетъ вѣроятно и она — Саша будетъ весьма часто бывать у насъ, будетъ весьма часто обѣдать и пить вечеромъ чай всегда, когда у него свободный вечеръ. Отношенія къ знакомымъ? Выборъ кружка будетъ рѣшительно зависѣть отъ нея. У меня только два семейства, съ которыми я буду знакомъ тѣсно — Срезневскіе и Введенскіе. Съ женою Срезневскаго она можетъ познакомиться или нѣтъ, это смотря по обстоятельствамъ и отношеніямъ моимъ къ женѣ Срезневскаго и по тому, будетъ ли ей пріятно это знакомство. Ал. Иван. Введенскую она будетъ принимать хотя изрѣдка по вечерамъ, если не захочетъ быть дружна съ нею — что вѣроятно; не захочетъ, потому что едва ли Введенская ей очень понравится — слишкомъ щепетильна. Вѣроятно, ей понравится Городковъ ¹¹⁸⁾, можетъ быть съ нимъ она будетъ знакома домами. Но остальные знакомства зависятъ отъ нея. Если ей понравится кружокъ Введенскаго, онъ будетъ бывать у насъ каждую недѣлю. Если нѣтъ, только разъ въ мѣсяцъ, и она можетъ быть при нихъ въ семейныхъ комнатахъ — но, конечно, будетъ бывать, потому что въ ней есть настолько людскости. Сама она, какого рода людей наберетъ въ свои знакомые? Вѣроятно, болѣе дамъ и дѣвицъ, но нѣсколько человѣкъ и мужчинъ, изъ которыхъ едва ли хоть одинъ будетъ для нея короткимъ знакомымъ. Во всякомъ случаѣ кого ей угодно, и какъ и когда ей угодно, такъ она и будетъ принимать. Я въ этомъ дѣлѣ не помѣха.

О моя милая невѣста, ты будешь настолько довольна своею жизнью, насколько это зависитъ отъ моихъ отношеній къ тебѣ.

Итакъ:

Нынѣ рѣшительное объясненіе о томъ, что заставляеть ее хотѣть ѣхать со мною теперь же. Объясненіе о томъ, откуда взять мнѣ денегъ. Вѣроятно она согласится, чтобы я попросилъ займы у Сократа Евгеньича, или попросилъ его сначала быть лучше только моимъ посредникомъ при займѣ денегъ у когонибудь. Вопросъ о томъ, не нынѣ ли же объявить о своихъ намѣреніяхъ Сократу Евгеньичу.

Вслѣдствіе всего этого поѣздка въ Петербургъ вмѣстѣ, какъ скоро путь будетъ хорошъ, т. е. около вѣроятно 10 мая. Передъ этимъ наканунѣ, или въ этотъ самый день свадьба. За два, за три дня становлюсь официальнымъ женихомъ. Можетъ быть за недѣлю. Къ свадьбѣ никакихъ приготовленій, если можно. У меня шаферомъ Василій Дмитріевичъ, и если можно въ одинъ день и его свадьба, если онъ захочетъ жениться на Лидіи Ивановнѣ.

Вотъ приближается новый рѣшительный моментъ нашихъ отношеній и я

¹¹⁷⁾ Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

¹¹⁸⁾ Докторъ Гавріиль Родіоновичъ Городковъ. На сестрѣ жепы его женился впоследствии Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

встрѣчаю его съ такимъ же полнымъ спокойствіемъ, съ какимъ встрѣтилъ объясненіе девятнадцатаго февраля.

Я предаюсь твоей волѣ, моя милая. Таковъ мой характеръ. Ты властительница моей жизни и моихъ поступковъ. Управляй же мною неограниченно. Ты надѣнешься быть счастлива со мною. Хорошо. Твоя надежда разсудительна и справедлива. Веди меня къ счастью, котораго такъ много уже дала ты мнѣ и будь сама счастлива.

Желаю тебѣ счастья и дѣлаю все, что ты считаешь нужнымъ для твоего счастья. Вполнѣ преданный тебѣ повторяю: желаю тебѣ счастья и дѣлаю и всю мою жизнь буду дѣлать все, что ты считаешь, что ты сочтешь нужнымъ для твоего довольства, твоего счастья.

1853 года 28 марта 9 часовъ 50 мин. утра.

Я повинуюсь тебѣ.

Я жду своего счастья отъ своихъ отношеній къ тебѣ.

Я нахожу въ нихъ и теперь все свое счастье, всю свою радость.

Ты будешь довольна и счастлива, насколько это въ моей власти.

Ты будешь счастлива.

Какъ весна хороша

Ты, невѣста моя.

И да будетъ—и будетъ, сколько это зависитъ отъ меня—вся жизнь твоя свѣтлымъ днемъ весны.

Прощай до вечера.

Будь счастлива.

Писано 29, воскресенье, передъ тѣмъ, какъ идти къ поздней обѣднѣ, послѣ которой объясненіе съ Папенъкой.

28. Долго мы сидѣли вмѣстѣ съ другими—съ Лидіей Ивановной, съ Ростиславомъ; наконецъ, изъ комнатъ Ростислава мы ушли въ ея комнату и сѣли тамъ на кровати, которая стоитъ у окна къ комнатѣ Ростислава. „Что же вы скажете, О. С.“ — „Я раздумала, это не нужно“. — „Почему же?“ (мнѣ хотѣлось, чтобы было такъ, какъ она говорила въ чествергъ). — „Я не хочу, чтобы вы занимали денегъ. Я не хочу, чтобы вы становились въ затруднительное положеніе“. Черезъ нѣсколько времени: „Я боюсь, что буду вамъ въ тягость“. Я сказала ей, что денегъ достану, что это пустяки. Что въ тягость мнѣ быть она не можетъ. — „Какъ же, я буду мѣшать вамъ работать“. — Я не такъ прележно работаю. Я весьма мало работаю. Если бы я работалъ, какъ другіе, я зналъ бы не столько, какъ теперь. У меня одно сомнѣніе—это то, что связываю вашу жизнь со своей, когда моя еще не устроена и т. д. въ этомъ родѣ. Мнѣ бы это даже хотѣлось, если бы совѣсть не запрещала мнѣ, потому что у меня слишкомъ мнительный характеръ, что я не спокоенъ пока дѣло не кончено рѣшительно. И теперь меня будетъ беспокоить мысль, что возвратившись я не застану васъ. — „Нѣтъ, теперь это не будетъ, потому что я не перестану понимать вашъ характеръ и любить васъ“. Это было сказано такъ, какъ никогда еще. И мало по мало ея головка склонилась на мое плечо. Руки наши лежали одна въ другой. Я безпрестанно цаловалъ ея руку. „У меня только одно сомнѣніе—это деньги: за все

остальное я отвѣчаю. Хотѣлось бы рѣшительно устроить всѣ дѣла, приготовить квартиру, меблировать ее и тогда пріѣхать вмѣстѣ съ вами къ всему готовому“. — „Это ничего; я готова потерпѣть, пока устроится, жить кое какъ, потому что у меня будетъ вѣрный другъ“. И я наконецъ сказалъ: „О. С., позвольте поцаловать васъ“. Она отклонилась въ противоположную сторону. — Нѣтъ — снова наклонилась на мое плечо; я это не сдѣлалъ — и она наклонилась снова; да, она знаетъ, что я не сдѣлаю ничего, что должно быть непріятно ей, и почему я хотѣлъ поцаловать ее? Не изъ удовольствія, а чтобы это было залогомъ нашихъ отношеній. „Вы говорили что нибудь своимъ?“ — „Нѣтъ ихъ мнѣніе для меня въ этомъ дѣлѣ вовсе не интересно, они не могутъ быть судьями по своимъ понятіямъ“. Я говорилъ о томъ, что можетъ быть они будутъ нѣсколько недовольны, потому что можетъ быть слышали что нибудь о томъ, что она держитъ себя вольно и потому, что не любятъ Сократа Евгеньича и готовы защищать Анну Кир. „Поговорите съ ними и съ Маменькою. Съ Папенъкою я сама поговорю. Раньше со своими, потомъ съ Маменькою. Со своими завтра, въ понедѣльникъ съ Маменькою“.

Я буду говорить съ Папенъкою, потому что его легче склонить и его согласіе будетъ имѣть вліяніе на Маменьку. Не думаю, чтобы было сильное сопротивленіе отъ него, чтобы заставилъ меня высказать мое намѣреніе не пережить это. Маменька согласится съ Папенъкою. Поговорю послѣ обѣда, потому что не хочется волновать его передъ обѣдею, которую онъ долженъ служить. Итакъ, около 12 часовъ утра дѣло будетъ окончательно рѣшено съ нашими. Съ Папенъкою буду говорить весьма легко, и просить и объяснять насколько можно объясниться. Потомъ онъ призоветъ Маменьку и скажетъ ей: „Николай выбралъ себѣ невѣсту, что ты скажешь?“ — „А вы что?“ скажетъ Маменька. „Я долженъ согласиться. стѣснять нельзя“, и Маменька скажетъ то же. Иду къ обѣднѣ. 2½ часа. До обѣда было некогда. Поэтому говорилъ съ Папенъкою только сейчасъ, рѣшительно спокойно. Папенъка сказалъ только, что будутъ ли у меня средства содержать ее, какъ она привыкла. Я сказалъ, что думалъ объ этомъ, будутъ. Онъ сказалъ, что не будетъ мнѣ мѣшать. Я просилъ поговорить объ этомъ съ Маменькою и нынѣ же, потому что, сказалъ я, если Маменька станетъ спрашивать, ей могутъ разказать Богъ знаетъ что, потому что о ней говорятъ много дурнаго и многіе ее не любятъ. Я говорилъ съ Папенъкою спокойно и совершенно откровенно о томъ, что мнѣ въ ней нравится — главное характеръ, твердость и разсудительность. Говорилъ о томъ, что ее не любятъ мать и братъ. „Да хорошо ли ты ее узналъ?“ — „Весьма хорошо, потому что такіе были разговоры. и главное я смотрѣлъ, какъ и что она дѣлаетъ“. Не говорилъ, конечно, о нашихъ отношеніяхъ. Просилъ, чтобы переговаривалъ съ Маменькою нынѣ же. Разговоръ продолжался минутъ 20, рѣшительно хорошо, лучше, чѣмъ я ожидалъ, потому что то, что о ней говорятъ дурно, не вызвало никакого замѣчанія съ его стороны. Папенъка ее видѣлъ нѣсколько разъ, но рѣшительно нисколько не знаетъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Маменька тоже согласится съ Папенъкою. Теперь иду къ Губернатору¹¹⁹⁾, по возвращеніи отъ него можетъ быть найду ихъ уже перегово-

¹¹⁹⁾ Саратовскій губернаторъ Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ приглашалъ нерѣдко моего отца къ обѣду. Вѣроятно и въ этомъ случаѣ онъ отправлялся на обѣдъ.

рившими. Я рѣшительно спокоенъ. Съ моей стороны не будетъ нужно никакихъ усилій, потому что не будетъ несогласія и отъ Маменьки. Маменька согласится.

Часть ночи. Сейчасъ кончился разговоръ безусловнымъ согласіемъ Маменьки. Онъ продолжался весьма долго. Когда я спросилъ Паленьку, пришедши отъ Губернатора, онъ сказалъ, что Маменька не стала ничего отвѣчать, что поэтому я долженъ говорить съ ней самъ. Я послѣ ужина въ своей комнатѣ началъ говорить (она все говорила, что ей хочется спать—немного хитрила, чтобы избѣжать этого разговора, вообще она немного хитритъ и сначала было чуть не подвела меня, но я вообще не поддаюсь въ такихъ случаяхъ), потому что не смотря на все видимое согласіе не окончу разговора безъ того, чтобы не сказать: такъ вотъ что—изложу самымъ опредѣленнымъ образомъ свое мнѣніе — такъ или нѣтъ. Когда я сказалъ намѣреніе и имя, она сказала: „весьма рады мы, что изъ такого почтеннаго семейства, съ которымъ, хотя незнакомы, но уважаемъ; что твой выборъ упалъ въ хорошую сторону—это меня весьма обрадовало; чѣмъ будешь жить?“—Я началъ говорить; она начала говорить объ обязанностяхъ мужа, совершенно какъ говорила раньше, такъ что будетъ именно такую свекровью (кромѣ своихъ вмѣшательствъ, могущихъ быть, но которые я, конечно останавливаю), какъ я представлялъ ее О. С. Потомъ внизъ ¹²⁰⁾—„должно переговорить съ Паленькою“. Когда пришелъ Паленька, она стала говорить, что раньше хотѣла видѣть ее—она и наверху говорила: „почему ты не хотѣлъ познакомить?“—и сказалъ, какъ радовался, когда собирались къ Аннѣ Кир. и какъ звалъ къ Акимовымъ.—„Нѣтъ, раньше скажите, что согласны, тогда и увидите“—и тутъ то началось длиннѣйшее и уточнѣннѣйшее преніе — „раньше должна видѣть“—„раньше должны согласиться“, почти только въ этихъ словахъ. Наконецъ, она легла: мы остались съ Паленькою и я въ общихъ намекахъ сказалъ, что, если не согласится Маменька, это будетъ имѣть ужасныя послѣдствія для меня—я предчувствовалъ, что настою на своемъ—но если бы не настоялъ, если бы, какъ между прочимъ, говорила Маменька „переговоримъ еще поутру, лучше,—то я можетъ быть для примѣра, какъ залогъ будущаго, сочинилъ бы съ собою какую нибудь легкую операцию въ родѣ жены Брута (и тутъ ядовитыя насмѣшки надъ собою—не могу не смѣяться надъ своею рѣшимостью и надъ своимъ прежнимъ поведеніемъ, которое сдѣлало бы то, что эти глупости могли понадобиться). Она легла, я снова началъ приставать, даже намекая на то, что это будетъ имѣть для меня такія важныя послѣдствія, какихъ она не ожидаетъ,—сказалъ, что если не согласится, это будетъ страшною печалью на всю мою жизнь, наконецъ сказалъ: „итакъ одно слово: согласны или нѣтъ? Если не согласны, я не буду больше ни слова говорить объ этомъ дѣлѣ“.—„Согласна“,—тутъ начинаются увѣренія въ томъ, что она облегчила меня отъ страшной тяжести. Она снова говорила о важности этого шага, что должно было посоветоваться; я сказалъ, что нельзя въ этомъ дѣлѣ и т. п., но въ другой разъ даже не повторилъ вопроса согласны ли, и болѣе не буду говорить и спрашивать о согласіи. Можетъ быть снова понадобится возобновить разговоръ въ этомъ родѣ, но уже не я начну его, и завтра же скажу Аннѣ Кир. о намѣреніи Маменьки, какъ скоро позволитъ здоровье и погода пріѣхать къ ней съ просьбою въ извѣстномъ родѣ.

¹²⁰⁾ Комната отца была на верху въ мезонинѣ.

Теперь дѣло рѣшено и я ложусь спать спокойно. Завтра отъ Кобылиныхъ возвращусь домой и изъ дому пойду къ Аннѣ Кир., чтобы не показывать вида, что иду говорить съ ней, когда Маменька не ожидаетъ—нѣтъ, она должна видѣть, куда иду, и передъ уходомъ скажу ей, что буду говорить Аннѣ Кир. На отвѣтъ вызывать Маменьку не стану. Если будетъ отвѣтъ сколько нибудь несогласный, снова начну разговоръ и кончу его не иначе, какъ полученіемъ согласія, если снова вздумается колебаться.

Однимъ словомъ: хотѣлось, чтобы нынѣ мнѣ дали рѣшительный отвѣтъ и настоялъ на своемъ.

Я могу быть твердъ и неотступенъ въ своихъ требованіяхъ когда захочу. Quod erat demonstrandum.

Теперь нѣтъ препятствій ни съ чьей стороны, моя милая невѣста.

Мнѣ теперь никто не можетъ препятствовать. Теперь ты моя *невѣста*, не вѣста передъ моими родными.

Расположеніе духа мое въ этотъ день, который былъ днемъ ожиданій и ожиданій большаго сопротивленія, чѣмъ какое было, и большей неуступчивости съ моей стороны, чѣмъ я ожидалъ отъ себя? Нѣсколько разъ предъ началомъ разговоровъ, лучше сказать, при ожиданіи минуты для разговора, билось сердце, но мало. Такъ у меня тверда воля, если нужно. Даже бѣненіе сердца сдерживается, если захочу. Разговоръ конченъ совершенно спокойно, такъ какъ я постоянно въ этомъ длинномъ и тяжеломъ разговорѣ съ Маменькою сдерживалъ себя.

Зачѣмъ я такъ безжалостно вынуждалъ маменьку отказаться отъ своего желанія увидѣть раньше, чѣмъ согласиться? Такъ мнѣ казалось нужно,—во-первыхъ для обезпеченія согласія, во-вторыхъ для успокоенія себя—что я хочу, какъ сказать, такъ и сдѣлать, вотъ что я хочу. Совѣсть мучаетъ ли меня за эту безжалостность? Нѣтъ.

Я знаю, что долженъ былъ бы совѣститься этой неуступчивости, настоятельности, но такъ было нужно,—что же дѣлать? Я поступилъ, какъ долженъ былъ поступить.

До завтра, моя милая *невѣста передъ моими родными*, а ужъ не передъ однимъ мною.

Завтра увижусь съ Анною Кирилловною.

До завтра же, моя милая невѣста.

Писано въ понедѣльникъ 29 марта, 9 час.

Когда сталъ собираться тотчасъ послѣ обѣда, Маменька позвала меня въ гостинную.— „Что же ты хочешь сказать?“ — Вотъ что — „Да погоди, развѣ нельзя мнѣ раньше увидѣть?“ И снова прежняя исторія, которая продолжалась болѣе часу. И, наконецъ, сказала: „Да или нѣтъ—если нѣтъ, не пойду и не буду говорить больше ни слова.“ И ушелъ и сѣлъ писать.— „Хорошо, подожди Папенку отъ вечерни и попроси у него благословенія“ и дожидаясь; мнѣ было весьма тяжело, что я заставляю ее ждать. Это продолжалось до 6 час. Наконецъ, благословеніе дано и я отправился. Она въ комнатѣ Ростислава, у нихъ Вороновъ. Отправляюсь черезъ нѣсколько времени къ Аннѣ Кирил. Когда ушли другіе, кто тутъ сидѣлъ, я черезъ нѣсколько времени говорю ей: „У меня къ вамъ, Анна Кирил., важная просьба“. — „Какая?“ — „Слишкомъ важная“. — „Да я для васъ все сдѣлаю“. — „Но вы меня слишкомъ мало знаете“. — „Говорите,

нужды нѣтъ“. — „Мнѣ весьма нравится О. С., я прошу вашего согласія. Маменька хотѣла бы сама быть у васъ съ этой просьбою, но ей нельзя, потому что она не выходитъ изъ комнаты и я долженъ говорить отъ нея и отъ своего имени“ — „Весьма рада; вы говорили съ моимъ мужемъ?“ — „Нѣтъ, потому что ваше имѣніе важнѣе“. — „Я переговорю съ нимъ. Съ моей стороны полное согласіе“. Тутъ вошла Лидія Ивановна и сидѣла довольно долго. Когда она ушла, я снова повторилъ: „Такъ ваше согласіе?“ — „Я согласна.“ Я нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку и простился. Вошелъ кто то. „Желаю вамъ полного исполненія всѣхъ вашихъ желаній“. Какова мать! Ни о чемъ не стала спрашивать, ни о моихъ средствахъ, ни о томъ, когда и какъ, ничего.

Я вышелъ и нѣсколько времени намъ мѣшала говорить Лидія Ивановна. Наконецъ, О. С. сама сѣла подлѣ меня, рука въ руку—я рассказалъ ей коротко, что я говорилъ съ Анною Кирил. „Ну, О. С., глупаго парня выбираете вы себѣ—вообразите, съ перваго слова Маменька сказала, что весьма рада; но прибавила, что желала бы раньше васъ видѣть, но мнѣ вошло въ голову—завтра непременно, и я не отсталъ и не согласился раньше показать ее вамъ. Видите, я глупый человѣкъ, не щажу никого, можетъ быть не пощажу и васъ, если такъ будетъ нужно—не думаю все-таки, чтобы это простиралось на васъ, но почему знать? Не думаю все-таки, чтобы простиралось“. Она сказала, что ждала меня въ 5, 6, но раньше я ужъ сказалъ ей самъ, отчего такъ поздно—дождался Паненьку отъ вечера. „Когда же, О. С., это зависитъ отъ васъ—теперь или по пріѣздѣ?“ „Я вамъ говорила“. — „Т. е. теперь. Хорошо, завтра постараюсь обдѣлать дѣла“, — т. е. я думалъ попросить у Костомарова 1,000 р. сер. — „А въ четвергъ скажите мнѣ, потому что въ среду я буду у Гуськовой“. — Дружно, дружно сидѣли и ходили мы рука въ руку. Вошли другіе и начался общій разговоръ. Она сняла нагаръ съ свѣчи — „не снимайте, не будете нравиться“, сказалъ кто то. „Я и не хочу никому нравиться, кромѣ одного“. — О. С., сказалъ я послѣ всего, вы будете рѣшительно управлять моими дѣлами; чрезвычайно немного дѣлъ, въ которыхъ не отъ васъ будетъ зависѣть рѣшеніе, и не знаю, представится ли случай къ подобнымъ дѣламъ—знайте это и готовьтесь распоряжаться моими дѣлами. Я постоянно буду дѣлать все, что вамъ будетъ угодно, поэтому сама судите, что лучше мнѣ дѣлать и управляйте мною“. Раньше этого, когда говорилъ о разговорѣ съ нашими, я сказалъ, что Маменька дѣйствительно будетъ любить ее больше, чѣмъ меня. „Всѣ мои отношенія зависятъ отъ васъ и даже къ нимъ; напр., можетъ быть Маменькѣ вздумается ѣхать съ нами“. — „Чтожь, вѣроятно, она не будетъ намъ въ тягость“. — „Нѣтъ, но знайте, что въ наши съ вами отношенія я не допущу вмѣшиваться никого, ни Маменьку, никого, кромѣ развѣ тѣхъ, кого вы сами захотите имѣть совѣтникомъ или какъ угодно называть“.

Теперь совершенно спокоенъ. Совѣтно, что такъ вынуждалъ Маменьку, — но что дѣлать? Такъ было нужно. О. С. вознаградитъ ее своею любовью и ласковостью за минутную скорбь. О, ты будешь наилучшею дочерью, мой милый другъ.

Писано 2 апрѣля, четвергъ, 10 час. вечера.

1 апрѣля, среда. Когда я воротился отъ губернатора, Сережа подаль мнѣ записку, писанную рукою Тищенко, что меня непременно ждутъ. Я тотчасъ по-

шелъ—меня звала Анна Кирил., которая дала мнѣ „будущему сыну“¹²¹⁾ и про-сила написать отвѣтъ и велѣла быть завтра.

2, четвергъ, былъ у нихъ. Мы сидѣли у Ростислава. Наконецъ, къ Аннѣ Кир. — она прочитала мнѣ размышленія о супружеской жизни, т. е., главнымъ образомъ, „о приданомъ позвольте не говорить“, что было написано въ концѣ и сказала, что говорила съ Сократомъ Евгеньичемъ; позвала О. Сократовну— „вотъ ваша невѣста“. Я поцаловаль у О. С. руку, Анна Кир. что то сказала;—ка-жется, чтобы поцаловаться. Я не хотѣлъ принуждать Ольгу Сократовну и не хо-тѣлъ получить отъ нея первый поцалуй при другихъ. „Asseyez—vous ici, у насъ нѣтъ секретовъ съ Николаемъ Гавриловичемъ“ —потомъ послала за Сокр. Евг. — „вотъ вашъ сынъ“, сказала Анна Кирилловна. Мы поцаловались съ Сокр. Евг. Анна Кир. сказала ему, чтобы онъ соединилъ наши руки. Недолго посидѣвъ, онъ сталъ уходить, я пошелъ, сказавъ, что мнѣ должно переговорить съ нимъ—но собственно я хотѣлъ сказать Ольгѣ Сокр. о деньгахъ, готова ли она употребить свои— „готова“. — „Такъ мы ѣдемъ вмѣстѣ“. — „Вмѣстѣ“, это было въ залѣ. Я ушелъ къ Сокр. Евг. и сказалъ, что послѣ Пасхи тотчасъ¹²²⁾, и тотчасъ ѣдемъ. Потомъ говорилъ о ученыхъ и медицинѣ. Наконецъ, снова посидѣлъ у Анны Кирил., простился—было уже болѣе 7 часовъ, пошелъ въ комнату Ростислава. При немъ разговоръ не выдался, но онъ часто оставлялъ насъ однихъ, конечно, часто нарочно. Теперь въ первый разъ, когда мы были въ залѣ бралъ Ольгу Сокр. за талью, какъ это дѣлается между друзьями¹²³⁾. Я снова сказалъ ей, что съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько узналъ ее, у меня была только одна мысль о ней и что теперь я живу только ею, только мыслью о ней и ея счастьемъ. Когда тутъ сидѣлъ и Венедиктъ, я шутилъ надъ ея бойкостью, говорилъ о мужскомъ платѣ, о томъ, что ей теперь остается только стрѣлять изъ пистолета и пить шампан-ское. — „Что жъ? Я и поѣду въ мужскомъ платѣ“. — „Только что дѣлать съ вашими волосами?“ — „Обрѣжу ихъ и буду носить фальшивую косу — нѣтъ, не хочу, чтобы во мнѣ было что нибудь фальшивое“. Она хотеть, чтобы свадьба была 29 апрѣля по утру¹²⁴⁾, чтобы на ней никого не было и чтобы мы уѣхали въ тотъ же день...¹²⁵⁾.

Прости до завтра, моя милая невѣста. Завтра обрученіе.

Прощай до завтра. Будь счастлива, какъ я счастливъ тобою.

Писано 4 апрѣля въ 8 час. утра, суббота. Описаніе пятницы, день обру-ченія.

Поутру я пошелъ за кольцами; взялъ для Ольги Сокр. 3 кольца, чтобы можно было выбрать, но когда шелъ оттуда она меня встрѣтила на дорогѣ—самое ма-ленькое кольцо приходилось ей впору. Въ 8 час. отправился къ нимъ сказать, что Пашенька хотѣла быть раньше — пріѣхалъ вмѣстѣ съ Паненькою; Пашенька черезъ нѣсколько времени уѣхалъ за Маменькою, чтобы воротиться къ 12 часамъ, потому что къ этому времени должна была отойти обѣдня—но ждали—ждали—ихъ все нѣтъ. Наконецъ, Ольга Сокр. послала меня за ними въ ½ 2-го, но на дорогѣ они встрѣтились. Маменька держала себя все время по обыкновенію чо-

¹²¹⁾ Т. е. записку, съ надписью «будущему сыну».

¹²²⁾ Т. е. что свадьба должна быть тотчасъ послѣ Пасхи.

¹²³⁾ Нѣсколько строкъ пропущены.

¹²⁴⁾ Свадьба состоялась дѣйствительно 29 апрѣля 1853 г.

¹²⁵⁾ Нѣсколько словъ пропущено.

порно, какъ женщина не бывавшая въ обществѣ, но желающая показать себя тонною. Ольгѣ Сокр. это показалось строгостью и неудовольствіемъ. Когда Маменька вошла Ольга Сокр. подошла къ ней, а она ужъ успѣла сказать, что вовсе не годилось— „Покажи же мнѣ, которая“. Когда вошла въ гостинную, Ольга Сокр. подала ей скамейку и снова подала, когда она перешла къ Аннѣ Кирил. и сѣла тамъ—этого я не ожидалъ и потому сказалъ Ольгѣ Сокр., что это ужъ слишкомъ, что это не должно быть, но на первый разъ такъ и быть, можно. Я тотчасъ взялъ Ольгу Сокр. и спросилъ, какъ ей нравится Маменька. „Ничего“, но послѣ молебна, обрученія и обѣда, когда мы сидѣли у Ростислава, она мнѣ сказала: „Я боюсь вашей Маменьки. Она должно быть очень строга“. Я чувствовалъ и раньше, что ей неловко, что она опасается и потому говорилъ ей, что не позволю никому вмѣшиваться, а за обѣдомъ взялъ и сломалъ свою вилку— „Посмотрите, Ольга Сокр.—Вы понимаете, что я этимъ хочу показать?“. За обѣдомъ Маменька держала себя чопорно. Когда она будетъ у нихъ въ другой разъ, я попрошу Маменьку быть ласковѣе. За молебномъ Ольга Сокр. молилась очень усердно и мнѣ стало грустно за нея бѣдную, у меня показались слезы. И потомъ, когда мы сидѣли послѣ обѣда у Ростислава одни, я нѣсколько разъ плакалъ о томъ, что она груститъ... Наконецъ, проводилъ своихъ домой и черезъ часъ, около 8 часовъ, возвратился къ нимъ; что было въ этотъ вечеръ, напишу послѣ обѣда передъ тѣмъ, какъ идти къ нимъ. Пашенька, когда ложился спать, на мой вопросъ, какъ ему нравится Ольга Сокр., сказалъ, что она слишкомъ рѣзва. — Я сказалъ, что другого характера жена не можетъ ужиться со мною и что это пройдетъ. Но для меня все равно, и скоро (тотчасъ послѣ свадьбы) и для нея будетъ все равно, каковы бы ни были отношенія къ ней моихъ родныхъ, потому что она увидитъ, что это для меня все равно. Кто не любитъ ее, тотъ и не можетъ вмѣшиваться въ наши отношенія съ ней... Теперь внизъ къ Маменькѣ за работу.

До 3 часовъ, моя милая невѣста. Въ 4^{1/2} я снова буду съ тобою.

Итакъ, я пришелъ къ нимъ; онѣ готовились идти гулять. Сначала намъ все мѣшали. Пріѣзжала Гуськова съ женихомъ. Я долженъ былъ оставаться у Ростислава. Но Ростиславъ сказалъ, что меня вызываютъ и я вышелъ—Ольга Сокр. вовсе этого не хотѣла. Они уѣхали. Рычковы вышли гулять. Ольга Сокр. была такъ грустна. Я все допрашивалъ отчего. Она никакъ не хотѣла сказать; наконецъ, когда я сказалъ, что для меня все легко сдѣлать для нея, потому что люблю ее—она сказала, въ томъ то и вопросъ, люблю ли?.. Наконецъ, она сказала, отчего она грустна. Гуськова сказала ей: „онъ не дворянинъ, кто будутъ твои дѣти?“ — Я сталъ растолковывать ей, что это пустяки, что это никогда нельзя считать пренятствіемъ или вещью, стоящей размысленія. — „Вы слишкомъ молоды, вы моложе, чѣмъ я думалъ...“ „Неужели вы любите меня, Ольга Сокр.? Я вижу, что въ самомъ дѣлѣ любите больше, чѣмъ говорите. Теперь, пока, эта любовь не заслужена, потому что вы или мало понимаете, или не совсѣмъ вѣрите тому, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ стою я вашей любви. Но вы любите меня“. Да, она еще никого не любила и любить въ первый разъ.

Прощай, моя робкая, моя нѣжная подруга, прощай, до свиданія черезъ часъ. всего только черезъ одинъ часъ. Пора собираться къ Тебѣ.

Писано 5 апрѣля, 7 час. утра.

.. Вчера ей долго не было—она уѣхала въ лавки, воротясь около 7 часовъ.

Теперь я сидѣлъ большею частью съ Анною Кир. — какой, въ самомъ дѣлѣ, странный случай: 15 марта 1833 г., въ самый день ея рожденія, получилъ Сократъ Евг. перстень отъ Государя. Сидѣлъ и съ Сократомъ Евг. — Анна Кирил. ужасно любезничаешь со мною. Я ее терпѣть не могу. Сократа Евг. я люблю. Наконецъ, она пріѣхала...

Прощай, моя нѣжная, милая, робкая подруга, прощай до свиданія черезъ 2 часа.

Писано 6 апрѣля, понедѣльникъ, въ XI часовъ, передъ отправленіемъ къ нимъ.

Утромъ, по приказанію Анны Кирил. я отправился къ нимъ въ 8 часовъ, чтобы ѣхать за серебромъ. Поѣхали въ X часовъ, раньше дожидались долго лошадей. Она выходитъ ко мнѣ въ бѣлой блузѣ и садится рядомъ со мной у Ростислава. Она была весьма мила въ ней. Раньше заѣхали въ старый соборъ — это было мое первое явленіе вмѣстѣ съ ней, при которомъ насъ видѣли другіе, потому что раньше за кольцами. но тутъ не видалъ никто. — Оттуда (отъ Алпатовой) она поѣхала къ Патрикѣевымъ, я слѣзъ у своего дома. У насъ былъ Сократъ Евг. Потомъ, какъ я одѣлся, отправился за ними, чтобы вмѣстѣ съ ними явиться домой — она съ Дарьей Кир. хотѣла пріѣхать къ намъ. Я просилъ Маменьку быть ласковѣе, она держала себя чопорно. Но А. Ив. ей понравился. Я увѣрялъ, что Маменька больше всѣхъ будетъ ее любить, что это только глупость. Когда уѣхали, я долго говорилъ Маменькѣ, чтобы была ласковѣе съ ней и наконецъ. началъ съ горя плакать. Къ нимъ отправился въ часть, Маменьку уговорилъ ѣхать къ нимъ пить чай. Послѣ обѣда отправились гулять. Ольга Сокр. устала, потому что много гуляла. Во время прогулки говорила о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и о томъ, какъ ей хочется устроить свадьбу. Теперь ужъ нельзя, чтобы никого не было. поэтому она шьетъ себѣ подвѣчное платье. Она хочетъ, чтобы я сдѣлалъ ей шкатулку и нынѣ я все хлопоталъ объ этомъ. Но некогда. Воротясь отъ Палимпсестова я нашелъ Маменьку у нихъ — послушна — и она была нѣсколько ласковѣе. нынѣ просила пить чай...

6 понедѣльникъ (писано вторникъ, почти ночью) былъ у нихъ отъ Кобылиныхъ, не засталъ ее — потомъ отъ Кобылиныхъ, не обѣдавши — голоду не чувствовалъ нисколько. Мы сидѣли съ ней въ комнатѣ Ростислава... Потомъ ѣздили къ намъ пить чай. Маменька была ласковѣе, чѣмъ раньше, но ей все-таки не понравилось. У насъ собрались Ѳеодоръ...¹²⁶⁾ съ вѣнками, чтобы смотрѣть ее — она сказала, что ей это ничего, не очень непріятно. Сидѣли втроемъ наверху съ Алекс. Яковл.¹²⁷⁾ Тутъ она вѣзла мнѣ надѣть кольцо и я надѣлъ и ношу его. Потомъ снова у нихъ и снова нѣсколько времени вмѣстѣ съ ней наединѣ, но весьма мало. Нынѣ поутру побываю у нихъ и съ 6 часовъ снова у нихъ.

7, вторникъ (писано въ среду, XII часовъ).

Былъ у нихъ отъ X до XI утра, пока Ольга Сокр. поѣхала въ лавки. Послѣ снова у нихъ; съ 6 часовъ снова у нихъ. Шелъ сильный дождь почти весь день и когда она провожала меня: „Мнѣ жаль васъ“ — и я при Сережѣ сказалъ: „Вы знаете, что мнѣ гораздо болѣе жаль Васъ...“ Маменьку я оставилъ больную, поэтому воротился $\frac{1}{2}$ часа раньше обыкновеннаго. Когда пріѣхалъ за мною Сережа.

¹²⁶⁾ Отчество неразборчиво.

¹²⁷⁾ Не знаю, кто.

онъ ушелъ къ Ростиславу, мы остались въ залѣ... я взглянулъ на нее и у меня въ глазахъ навернулись слезы—да и теперь навертываются— „Мнѣ жаль васъ, что вы принуждены любить меня. Не такой долженъ быть у васъ женихъ. Мало у насъ порядочныхъ людей. Нѣтъ, не такимъ долженъ бы быть у васъ женихъ...“ Нынѣ хотѣлъ быть у нихъ въ обѣдъ, не знаю, можно ли будетъ—вѣрно можно, потому что съ Маменькою посидитъ Ѳекла Никифоровна, но во всякомъ случаѣ буду вечеромъ. Я все болѣе и болѣе привязываюсь къ ней и моя любовь становится все чище и цѣломудреннѣе.

Дополненіе къ моему дневнику о той, которая теперь представляется моей женою.

Писано въ 7 час. вечера, 7 марта, суб.

1. Передъ своимъ описаніемъ отношеній моихъ къ ней до 19 февраля я долженъ все таки написать, что когда за нѣсколько дней до этого я говорилъ о Ник. Иван. съ нимъ, чтобы развлечь его, утѣшить, заставить бывать въ обществѣ (это было у ¹²⁸), который тогда жилъ уже у насъ; онъ съ Евг. Ал. Бѣловымъ игралъ въ шахматы въ залѣ, мы съ Ник. Ив. ушли въ гостиную), то я ему сказалъ, что онъ навѣрно нашелъ бы невѣсту, если бы посѣщалъ общество, потому что вотъ я гораздо холоднѣе его, а все-таки жъ на дняхъ побываю у Стефани и если у меня нѣтъ аневризма, то я на дняхъ сдѣлаю предложеніе. Изъ этого видно, что и до среды (18 февраля) я былъ уже въ такихъ отношеніяхъ, которыя вовсе нельзя назвать простымъ любезничаньемъ.

2. Палимпсестовъ сказалъ мнѣ: „Вообрази, Николай Иван. увѣряетъ меня, что ты влюбленъ“. Я увѣрялъ его, что это самая невѣроятная вещь. — „Господи помилуй! Да какимъ же это образомъ? Вотъ видишь, какъ это было: мы послѣ Вильгельма Телля прѣѣхали къ нему. Я былъ, рѣшительно, взволнованъ В. Теллемъ, даже плакалъ и тутъ въ волненіи пошутилъ и сталъ увѣрять, что я влюбленъ — конечно, волненіе, искренность чувства, вызваннаго В. Теллемъ, отразились и тутъ, и онъ могъ представить, что я взволнованъ любовью“. Дѣйствительно, раньше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ влюбился, я любилъ увѣрять, что я влюбленъ, какъ трезвый иногда любить притворяться пьянымъ. А вотъ и вышло изъ смѣха дѣло, изъ невѣроятнаго — дѣйствительное. На вечерѣ музыканты. Вечеръ продолжался до 4¹/₂ часовъ.

3. Мое поведеніе было такъ странно и смѣло, что послѣ она говорила (танцуя) Палимпсестову: странный человѣкъ этотъ Чернышевскій—требуешь отъ меня случаевъ доказать свою любовь, хочешь, чтобы я требовала отъ него доказательствъ любви (это сказалъ мнѣ Палимпсестовъ въ разговорѣ 28 марта у него на квартирѣ).

4. У Чесн. нашелъ я Ѳед. Дим., который только что возвратился со свадьбы Ал. Порфир. Иванова и былъ въ восторгѣ отъ сестры невѣсты и говорилъ, что, если бы поставить ее рядомъ съ Ольгою Сокр., то вотъ были бы двѣ соперницы, изъ которыхъ было бы трудно выбрать. „Ого, какъ она хороша, — думалъ я съ восхищеніемъ: — влюбленъ и все-таки говорить, что не знаетъ, которая лучше“.

¹²⁸) Фамилія неразборчива.

Онъ продолжалъ — „И какая добрая дѣвушка — прислуга любить ее, а это лучшее доказательство, что хорошій характеръ и доброе сердце“. — „А Ольгу Сокр. любить прислуга?“ — „Любить; особенно одинъ старикъ лакей рѣшительно души въ ней не часть“. Какъ это меня успокоило — все таки я зналъ, что это должно быть такъ.

5. „Венедиктъ мой любимый братъ“. — „Я его не люблю“. — „За что же?“ — „За то, что въ немъ нѣтъ того, за что я люблю васъ (т. е. демократическаго направленія).“

6. Она сидѣла на диванѣ къ бабушкиной комнатѣ, Катерина Матв. у второго окна на улицу. Итакъ, сначала я сидѣлъ подлѣ Кат. Матв., послѣ пересѣлъ къ Ольгѣ Сокр.

Писано 14 марта въ XII часовъ вечера.

7. Мнѣ наконецъ сказалъ Палимпсестовъ, что хозяева (собственно Бусловская) находятъ, что я уже слишкомъ разшалился. Да, и въ самомъ дѣлѣ, кажется ужъ я очень шалилъ.

8. Листъ 1. Она послѣ говорила мнѣ, что это было чрезвычайно странно, что это даже показалось ей слишкомъ дерзко прямо въ первый разъ объясниться въ любви, но что она подумала: оскорбиться мнѣ, или не показывать этого? Обратитъ въ шутку? Лучше обращу въ шутку! О, какъ она мила, добра и умна.

9. 2 листъ, 1 стр. она въ самомъ дѣлѣ приняла это за оскорбленіе, какъ я и вижу послѣ этихъ словъ ея, которыя записаны въ 8 примѣчаніи. Вы требуете отъ меня, чтобы требовала отъ васъ доказательствъ любви —

10. если такъ, сказала она, прежде всего бросьте вашу папирску. Я загасилъ ее.

11. Неужели вы считаете, что я такъ глупа, что могу этому вѣрить? — Почему же? Тогда, конечно, я шутилъ, когда увѣрялъ васъ въ моей пламенной любви, но теперь я не говорю ничего! такого.

12. Она, кажется, принимала это и въ этотъ разъ за слухи о томъ, что она держитъ себя слишкомъ свободно, потому что и раньше ужъ говорила нѣсколько разъ на мои подобныя выраженія, что я люблю ее за то, что слышала о ней — отвѣчала на это, что она знаетъ, что о ней говорятъ очень много дурнаго.

Теперь прочиталъ 1 страницу 2 листа. Ложусь.

Это программа для описанія моихъ побужденийъ принять ея руку. Смотри въ дневникъ о ней съ 29 листа (и обрат. 28) то, что она будетъ управлять мною, такъ какъ и должно быть всегда со мною.

Побужденія:

1. Красота.
2. Характеръ, живость, инициатива, бойкость, рѣшительность.
- 2б. Завлекательность обращенія вслѣдствіе этого.
3. Доброта и рѣшительное отсутствіе капризовъ.
4. Умъ.
5. Прямота.
6. Чрезвычайное благородство.
7. Постоянная граціозность; какъ слѣдствіе всего этого — отсутствіе пошлости.

Вещи въ другомъ родѣ:

1. Тяжелое положеніе.
2. Довѣріе ко мнѣ, значитъ понимаетъ меня. Какъ она говорила со мною: всегда выслушивала отъ меня, не раздражаясь, понимая, что я говорю не какъ человѣкъ, который ломается, видя, что онъ нуженъ, а просто, какъ честный человѣкъ, который хочетъ выставить себя въ настоящемъ видѣ, чтобы не обманулись, выбирая его.
3. Искала моей помощи — безчестно отказаться отъ того, чтобы помочь.
4. Желаніе имѣть одну любовь въ жизни и чувство, что тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ и что поэтому мое сердце, если бы сталъ ожидать, уже не будетъ предано ей рѣшительно непринадлежащимъ никогда другой.
5. Вслѣдствіе всего этого убѣжденіе, что я съ ней буду счастливъ.
6. Главное — ея мысль, что я такой человѣкъ, какой нуженъ для ея счастья. Боже мой! Сколько причинъ, а набираются еще!
- 2б. Убѣжденіе въ томъ, что отказавшись я буду мучиться. А — сознаниемъ своего безсилія рѣшиться на что нибудь. В — сознаниемъ, что поступилъ съ нею

не гуманно, по свински; С—что рѣшившись на это, наконецъ, стану дѣйствовать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ, что исчезнетъ Гамлетское состояніе.

Зс. Убѣжденіе, что меня поймаетъ какая нибудь другая въ миллионъ разъ менѣе достойная любви, не могущая составить мое счастье; что если я буду выбирать, то попадусь въ просакъ.

Зд. Что потребность искать любви, т. е. волокитствовать, будетъ мнѣ сильно мѣшать въ моихъ дѣлахъ.

Зе. Если не женюсь теперь, когда женюсь? въ Петербургѣ едва-ли.

Зф. Моя жена должна быть не изъ Петербурга.

Я долженъ чѣмъ нибудь сдерживать себя на дорогѣ къ Искандеру.

ДНЕВНИКЪ.

Мартъ, 1853.

Писано 4 марта, 8¹/₂ час. утра.

Жизнь моя съ 19 числа стала такъ богата ¹²⁹⁾, что я хочу, чтобы можно было всегда мнѣ припомнить день за днемъ событія, которыя всѣ смѣшаны вмѣстѣ ¹³⁰⁾ мыслью о ней Черезъ эту мысль о ней и они становятся для меня милы.

4 среда. Въ гимназію не пойду потому, что не совсѣмъ еще прошла охрип-лость и боюсь, что напряженіе голоса въ гимназіи увеличитъ ее. Утро все буду заниматься повѣркою своего словаря ¹³¹⁾ (теперь я поправляю пропущенныя и не-правильно отмѣченныя цифры, это нынѣ кончу). Вечеромъ долженъ къ Николаю Иван. чтобы быть у Стефани. Вчера былъ вечеромъ у Анны Никаноровны, кото-рая меня приняла по прежнему — не знаю, хитрость ли это, чтобы не высказать нашей новой дружбы Эдмонду и матери или—скорѣе — мое предыдущее посѣще-ніе не разрушило ея подозрѣній противъ меня. А утромъ отнесъ переписать Коль-цова для О. С., которая имя велѣла выставить (О. В.) ¹³²⁾. Должно будетъ запла-тить вѣроятно 3 руб. сер. (а думалъ, что будетъ стоить не болѣе 2 руб.), готово будетъ въ субботу. Завтра думаю быть у Мал. ¹³³⁾, къ которому ѣздилъ было вчера, но не засталъ дома. Вечеромъ сидѣлъ Евгеній Алекс. до 10¹/₄ часовъ. 3 часа убито.

Утро все писалъ и разбиралъ листки. Къ 4 час. кончилъ разборъ листовъ совершенно и сталъ думать о диссертаци. Рѣшилъ прежде всего отдѣлить мѣста, написанныя не напыщеннымъ языкомъ отъ напыщеннаго и написалъ нѣсколько строкъ предисловія. Вечеромъ недоволенъ, потому что съ 7 до 10¹/₂ просидѣлъ у Млн. ¹³⁴⁾ , который посылалъ записку съ просьбою помочь на экзаменѣ одному поляку, — какъ это меня взбѣсило! Видно не почелъ за нужное итти самъ! Не считаетъ меня достойнымъ личнаго посѣщенія! И моя жена будетъ имѣть та-кого мужа, который доставитъ ей положеніе въ обществѣ такое незавидное! Нѣтъ, это несносно! Припомнивъ сообразилъ, что это вовсе не отъ гордости, а потому, что я не просилъ его къ себѣ и потому, что я живу не одинъ, а съ семействомъ.

¹²⁹⁾ Это слово неразборчиво.

¹³⁰⁾ Одно слово неразборчиво.

¹³¹⁾ Словарь къ Ипатьевской лѣтописи (помѣщенъ въ настоящемъ томѣ).

¹³²⁾ Т. е. Ольга Васильева.

¹³³⁾ Фамилія неразборчива, вѣроятно—Мелантовича.

¹³⁴⁾ Фамилія неразборчива.

Но какъ же потерять 3½ часа, когда минуты такъ дороги! Снова потеря времени. Въ гимназiи не былъ и завтра не буду. Принимаюся за главный дневникъ, чтобы написать тамъ страницу. Нѣтъ, не хочу, чтобы не кончить описанiемъ сомнѣнiй. Завтра лучше окончу свои сомнѣнiя и начну описывать свои впечатлѣнiя. О. С! О. С! О. С! Нѣтъ, я люблю васъ, потому что во мнѣ въ самомъ дѣлѣ перемѣна. Я не теряю времени ни минуты безъ сожалѣнiя. Дѣятельность, дѣятельность!

Я скоплю казну, сберегу казну.

6 пятница. Все утро (въ гимназiи не былъ) писалъ дневникъ. Послѣ обѣда былъ у Чеснокова; оттуда, какъ возвратился, написалъ Кобылинъ, чтобы играть въ карты съ Катер. Никол. Возвратился, ужъ былъ Николай Иван., котораго я вчера просилъ къ себѣ. Уѣхалъ сейчасъ въ 12 часовъ. Ложусь. Дневника о ней написалъ 5 страницъ.

Благословенна да будешь ты! Жду съ нетерпѣнiемъ воскресенiя.

7, суббота. Какъ всталъ, сѣлъ писать (это написано въ 8 час. послѣ окончанiя 1 стр. 36 листа ея дневника). Послѣ чаю поѣду къ Млн. ¹³⁵⁾ на минуту и Никол. Иван., послѣ въ ряды ¹³⁶⁾ купить для Стефани стаканъ, послѣ къ переплетчику посмотрѣть Кольцова. Въ 11 час. ходилъ къ переплетчику (Смирновъ противъ Полициi) посмотрѣть, что дѣлается съ Кольцовымъ. Онъ его окончательно золотилъ. Золотой обрѣзъ вышелъ хорошо. И я пробылъ болѣе часу, чтобы все это кончилось подъ моимъ надзоромъ. При мнѣ отзолотилъ корешокъ и положилъ заглавiе. Все это вышло хорошо. Книга любви чистой, какъ моя любовь, безграничной, какъ моя любовь; книга, въ которой любовь — источникъ силы и дѣятельности, какъ моя любовь къ ней — да будетъ именно выраженiемъ моей любви (это писано въ 3 часа).

Послѣ обѣда писалъ и докончилъ свою диссертацию. Вечеромъ жду Николая Ивановича, чтобы ѣхать къ Стефани. У него просидѣлъ до сихъ поръ и довольно нудно, но наконецъ, все-таки даже подобное общество теперь потеряло для меня свою прелесть. Стефани человѣкъ рѣшительно порядочный. Тамъ былъ Сорочинскiй, тоже порядочный человѣкъ. Ложусь. Завтра увижусь съ ней.

8, воскресенье. Отправился къ Чесноковымъ съ Вас. Дим. и къ Ольгѣ Андр. Патрикѣевой, которая приглашала въ пятницу у Чесноковыхъ (споръ съ Маменькою изъ-за этого), хотѣлъ быть въ прошлое воскресенье, но не успѣлъ. Тамъ просидѣлъ около 1½ часа и былъ весьма доволенъ, что былъ, потому что тамъ буду видѣться съ О. С. Потомъ былъ у Малышева, который сказалъ, что мѣсто въ Кузнецкѣ будетъ дано и что нельзя отъ него отказаться. Потомъ у Кобылиныхъ, къ которому теперь иду обѣдать, но раньше занесу книги къ О. С., потомъ къ нему, отъ него къ Аннѣ Никаноровнѣ.

У Кобылиныхъ скучалъ; когда время стало подходить къ 6 у меня билось сердце. У Анны Никаноровны сначала разговоръ никакъ не вязался. Потомъ снова я вовлекъ ее въ откровенность и она стала говорить о томъ, что въ ея жизни есть гнусная сторона — что она не была ни дочерью, ни супругою, ни матерью, я опровергалъ эти мысли въ извѣстномъ родѣ. Когда при эпизодѣ о положенiи женщины и о томъ, что должно быть не такъ и о томъ, какъ должно

¹³⁵⁾ Вѣроятно — къ Мелантовичу.

¹³⁶⁾ Т. е. въ Гостинный дворъ.

быть, она сказала: „Да будутъ-ли эти времена?“ — „Будутъ“, сказалъ я. и слезы выступили у меня отъ радостной мысли о томъ, что будетъ нѣкогда на землѣ, — да и теперь текутъ слезы, и о томъ, что все будетъ, когда насъ ужъ не будетъ. и когда послѣ этого она стала говорить о томъ, что вообще жила даромъ на землѣ. у меня снова показались слезы. „Нѣтъ, на другихъ вы имѣете больше вліянія, чѣмъ на меня, потому что я уже нѣсколько установился, когда узналъ васъ, и все-таки видѣлъ кое-что и наши темпераменты слишкомъ различны. Но если бы. наконецъ, и никто, кромѣ меня не зналъ васъ и тогда вы жили бы недаромъ, потому что слѣды знакомства съ вами не изгладятся и во мнѣ, и я безпрестанно бралъ и съ чувствомъ истиннаго участія, симпатіи цаловалъ ея руку. Когда мы прощались я сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, вы жили не даромъ, если бы и я одинъ зналъ васъ“.

Какое различіе—раньше этотъ разговоръ. ¹³⁷⁾ теперь я сказалъ совершенно искренно. У меня были и насмѣшливыя фразы, но не ядовитыя, а теплая насмѣшка. Я былъ рѣшительно искрененъ, но мягокъ, тепелъ. И все это совершила ты, о моя милая! „Да будешь ты благословенна! Съ завтра начнется диссертация. О, если бы въ началѣ мая могъ я кочить ея!“

Писано 10, въ 10 часовъ.

9 марта. Былъ въ гимназін. Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, потому что въ ¹³⁸⁾ воротаясь въ 3¹/₄ отъ Кобылинныхъ думалъ о своей диссертациі и о словахъ: „уѣзжайте въ апрѣлѣ, вернитесь въ іюлѣ“. — рѣшился ѣхать въ концѣ апрѣля. Если къ 15 числу не будетъ готова диссертация о Ипатьевской . . .¹³⁹⁾, въ 10 дней напишу что нибудь другое, напр. теперь думаю — о заслугахъ Гумбольдта въ теоріи сравнительнаго языкоизученія.

Вечеромъ общался быть у Николая Иван. Не желая терять еще вечера (онъ хотѣлъ быть у Анны Никан.), устроилъ такъ, чтобы быть въ этотъ же вечеръ. Былъ. Посидѣлъ до 11 часовъ почти. У меня была одна мысль— „я теряю время.“ Нынѣ началъ писать диссертацию. Можетъ быть и будетъ кончена къ 5 апрѣля, и тогда можно будетъ отдать переписывать. Въ концѣ апрѣля постараюсь уѣхать потому, чтобы скорѣе воротиться сюда.

Писано 11, въ 11 час. вечера.

10, вторникъ, занимался работою по диссертациі — глава о согласованіи словъ; увидя ея трудность и многосложность рѣшился оставить до послѣ, а пока отдѣлать главу о употребленіи словъ — этими двумя главами я ограничился; о ¹⁴⁰⁾ предложеній не хочу, потому что это нельзя по памятнику, писанному съ такимъ неискusstвомъ, такимъ плохимъ языкомъ, какъ Ипатьевская лѣтопись. И вотъ 5 часовъ и я собираюсь. Боже мой, собираться началъ еще позтру ¹⁴¹⁾ и т. д. и — „уходите поскорѣе и до воскресенья меня не увидите.“ Боже мой, какъ мнѣ было грустно, грустно! Я даже заходилъ къ П. Я. Евтр., чтобы разсѣяться нѣсколько. Его не было дома. Даже пошелъ воротиться домой къ Млн., у котораго посидѣлъ съ полчаса (по дѣлу объ экзаменѣ юнкера Релишевскаго).

¹³⁷⁾ Нѣсколько словъ пропущено.

¹³⁸⁾ Одно слово неразборчиво.

¹³⁹⁾ Вѣроятно пропущено слово «лѣтописи».

¹⁴⁰⁾ Одно слово неразборчиво.

¹⁴¹⁾ Одно слово неразборчиво.

И было такъ грустно, что просидѣлъ бы гораздо болѣе, если бы не заставила меня уйти мысль: „Я не долженъ терять времени“. Грустно было мнѣ. Да и теперь не совсѣмъ хорошо.

11, среда, въ гимназіи не былъ, потому что еще не поправился голосъ. Весь день писалъ матеріалы для своей диссертациі. О управленіи словъ. Завтра „обстоятельства“. На первый случай я разбираю 24 стр. до княженія Изяслава, по нимъ составилъ первую черновую и потомъ буду приписывать остальное. Работа довольно прилежно. Вѣрно часовъ 8 въ сложности сидѣлъ. Что то будетъ въ воскресенье?

Не знаю какъ показаться передъ Анною Кирил. Что то будетъ въ воскресенье?

О, какъ она благородна, какъ добра!

Но некогда терять времени. Ложусь, чтобы завтра раньше приняться за работу. Начинаю работать съ удовольствіемъ, потому что долженъ работать, долженъ спѣшить для нея и потомъ вижу, можетъ быть будетъ что нибудь интересное для науки. Во всякомъ случаѣ теперь я вижу, что хорошо и понятно выйдетъ о двойственномъ числѣ. Начинаю пересматривать свой словарь, чтобы его переписка не задержала меня.

Сообразилъ, что печатаніе диссертациі не можетъ задержать: въ 3—4 мѣсяца, конечно, успѣютъ напечатать.

Милая моя! Если бы ты любила меня!

Четв. 12, всталъ въ 6^{1/2} и прямо за работу.

(Писано въ 9 час. передъ гимназією).

Послѣ какъ воротился отъ Кобылина, да и раньше, и вчера вечеромъ, тосковалъ страшно, такъ что не могъ приняться за работу послѣ какъ пришелъ отъ Кобылиныхъ. Письмо. Вслѣдствіе этого 6^{1/2}—8 у нихъ, послѣ у Палимпсестова до 10^{1/2}. (Говорили о различныхъ вещахъ, я былъ весьма разговорчивъ, оттого что мнѣ было легко на душѣ и для того, чтобы не дать завязаться продолжительному разговору о О. С., потому что я тутъ высказалъ бы (у Палимпсестова, потому что онъ зналъ, говоря, что будетъ Николай Ивановичъ).

13, пятница, утро работалъ, теперь въ гимназію. Потому что нужно пройти по программѣ: въ классѣ буду работать. Теперь мнѣ легко, потому что переговорилъ съ нею. Хотя не о всемъ, но во всякомъ случаѣ о томъ, что у меня въ письмѣ и увидалъ, что она вѣритъ мнѣ. Опишу свиданіе послѣ обѣда. Утромъ нынѣ работалъ. Вечеромъ буду снова.

Писано 14, суббота, 12 час., только что уѣхали Николай Ивановичъ и Евгений Александровичъ.

13, пятница, послѣ обѣда къ Карлину, который сказалъ мнѣ отъ Пескова, что больно ему нужно говорить со мною. Я хотѣлъ эти дни работать, но нечего дѣлать, въ самомъ дѣлѣ должно спѣшить. Поѣхалъ, его нѣтъ дома — несчастный, не смотря на свою болѣзнь, онъ отправился въ . . . ¹⁴²⁾ отъ Сѣнной площади къ Покрову продавать краски. Воротился къ Николаю Ивановичу, отъ котораго поѣхалъ къ нему, долженъ былъ дожидаться.

Не совершенно напрасно потратилъ время, потому что написалъ письмо къ

¹⁴²⁾ Одно слово неразборчиво.

брату¹⁴³⁾. Послѣ къ Карлину, къ сапожнику, наконецъ, къ Николаю Ивановичу. Переговорилъ о метрическомъ свидѣтельствѣ Карлина съ Прудентовымъ, — добрый человѣкъ — и съ какимъ восторгомъ рассказывалъ о томъ, какъ строилъ домъ. До умиленія, умиленія, которое пріятно трогаетъ слушателя. Послѣ этого поѣхалъ отъ Николая Ивановича, воротился домой въ 9¹/₂ часовъ — работать некогда. Но теперь я не жалѣлъ объ этомъ вечерѣ, потому что употребилъ его въ пользу ближняго.

14, суббота. Разговоръ съ Директоромъ, который, по его мнѣнію, поступилъ благородно, отказавшись доносить на меня въ Казань. Конечно, благородно съ его точки зрѣнія. Я хотя не раздѣлялъ ее, но былъ разстроганъ. Инспекторъ много смѣялся нашей дружбѣ. Я не былъ въ состояніи вести себя такъ раньше, когда не былъ увѣренъ въ своей силѣ, какъ и въ томъ, что я не трусь и не малодушенъ. Но теперь я былъ спокоенъ и мягокъ и *просилъ* его, а не требовалъ, чего раньше не могъ сдѣлать. Еще я доволенъ собою въ отношеніи этого: не уступилъ и не струсилъ, но былъ чрезвычайно мягокъ и даже нѣженъ. Послѣ, какъ пришелъ изъ класса, я усталъ. Пошелъ къ Чеснокову, потому что Вас. Дим. заходилъ вчера и узналъ, что онъ приходилъ, чтобы звать къ себѣ, потому что у нихъ будетъ Катер. Матв. Я пожалѣлъ нѣсколько, потому что славная дѣвушка и мнѣ было бы пріятно поговорить съ нею вовсе не любезничая — теперь я пересталъ любезничать съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ ея, кромѣ ея.

Пришедши сталъ пересматривать свой дневникъ за Петербургскую жизнь и нашелъ мѣста о вечерѣ у хозяйки Ивана Вас. ¹⁴⁴⁾. Это мѣсто таково, что я захотѣлъ прочитать его Олгѣ С. и прочитать завтра, если будетъ можно. А теперешній дневникъ кончить ужъ послѣ. Сталъ работать. Пріѣхалъ Ник. Ив., послалъ за Евг. Ал. и они просидѣли съ 7¹/₂ до 12. Итакъ и нынѣ я почти не работалъ. Ничего, работа довольно скорая.

Завтра, воскресенье, я долженъ быть у Карлина, можетъ быть у Инспектора, у Акимовыхъ (О. С. сказала, что не ловко не быть, потому что какъ будто бывалъ раньше только для нея), у Город., если достанетъ времени; раньше хотѣлъ къ Директору, чтобы высказать ему, что я оцѣниваю его поступки со мною, но теперь не буду, потому что не достанетъ времени. Это можно будетъ высказать и предъ отъѣздомъ и будетъ гораздо лучше. Вечеромъ буду у нея. О, моя милая невѣста! Ты сдѣлала меня счастливымъ, ты дала мнѣ миръ съ самимъ собою, ты дала мнѣ счастье; теперь ты даешь мнѣ надежду на счастье во всю нашу жизнь.

Да будешь ты счастлива.

Но перечитаю нѣсколько дневникъ о ней для дополненій.

Писано 17, во вторникъ, въ 8¹/₂ веч.

15, воскресенье, былъ до обѣдни у Карлина, послѣ у Город., которому долженъ былъ заплатить визитъ, послѣ у Акимовыхъ, потому что ей такъ кажется нужнымъ. Любезничалъ, т. е. шалилъ съ Вороновой. Пав. Вас. принялъ меня радушно и спросилъ, наконецъ, правда ли, что я женюсь на О. С. — „О. С. прекрасная дѣвушка, но я черезъ 1¹/₂ мѣсяца уѣзжаю, тотчасъ послѣ Пасхи и когда я пріѣду въ Петербургъ, у меня останется всего 20 р. сер., — тутъ нельзя же-

¹⁴³⁾ Т. е. къ Александру Николаевичу Пыпину.

¹⁴⁴⁾ Фамилія поразборчива.

ниться“. Вечеромъ быть у нея. Какъ мнѣ было прискорбно, что она не хотѣла, чтобы я былъ поутру поздравить ее. Вечеръ у нея описанъ въ дневникѣ о ней.

16, понедѣльникъ, какъ пообедалъ былъ у Колесн., послѣ къ ней, отвезъ два первыхъ номера Современника, которые взялъ у Колесн. Отъ нея заѣхалъ къ Чеснокову, гдѣ засталъ Шапошникова, который смѣялся, что я укралъ изъ гимназической библіотеки Кольцова. Вечеромъ Вас. Дм. былъ у меня. Я его приглашалъ, чтобы поговорить о О. С., но скоро (при моей помощи—такъ я привыкъ лицефрить и вести разговоръ вовсе не о томъ, что мнѣ хотѣлось бы, а говорить о чемъ хочется только какъ бы потому, что другіе сами говорятъ объ этомъ) разговоръ перешелъ къ политическимъ вопросамъ и продолжался такъ до самаго конца, когда онъ сталъ вставать. Я удерживалъ его—поговоримте о О. С.,—но онъ сказалъ „теперь я занятъ не тѣмъ“—въ самомъ дѣлѣ славный человѣкъ и искренно преданъ высокимъ мыслямъ объ общественныхъ дѣлахъ.

17, вторникъ, утромъ написалъ письмо къ Введенскому, которое вечеромъ отнесъ Сережа вмѣстѣ съ письмомъ къ Сашѣ, написаннымъ у Николая Иван. Когда пошелъ къ Кобылинымъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Анжелику Алексѣевну, которая сказала, чтобы я обѣдалъ у нихъ. Такъ пришелъ домой въ 6 час., жаль было терять время. Идя туда занесъ книгу, которую нужно было кунить, Василю Дм., въ Казенную Палату; сказалъ ему, что въ четвергъ буду у Сокр. Евг. Онъ сказалъ, что онъ любитъ шутивый разговоръ и что я долженъ шутить, онъ будетъ хохотать и будетъ доволенъ мною. Послѣ баня. Послѣ бани сѣлъ за дневникъ о ней, тотчасъ послѣ пишу это. Теперь принимаюсь за работу. Окончилъ выписки, теперь долженъ буду писать и дополнять ихъ. Послѣ разбирать и составлять. Къ воскресенью эти варварскія работы будутъ кончены. Посмотрю еще до того времени нѣсколько своего словаря, который скоро долженъ буду отдать снова переписывать. Завтра нигдѣ не буду, если не будетъ крайней надобности. Послѣ завтра буду у Сокр. Евг., т.-е. увижусь съ ней.

18, среда ¹⁴⁵⁾ час. веч., послѣ какъ писалъ въ дневникѣ о ней. Изъ гимназіи пришедши усталъ. Какъ отдохнулъ къ Чеснокову. Тамъ Вас. Дим. говорилъ мнѣ, что будетъ просить ее быть завтра у нихъ, потому что именинница бабушка Дарья Гавриловна. Это меня оживило. Можетъ быть и будетъ—едва ли впрочемъ. Но я хочу надѣяться. Какъ пришелъ оттуда, отправился снова къ нему, чтобы идти вмѣстѣ къ Евг. Ал., который присылалъ за мною, у котораго былъ Николай Иван. и Максимовъ. Тамъ просидѣлъ до X. Работалъ весьма мало, потому что безпокойство нѣкоторое отъ моей любви и оттого, что Богъ знаетъ, увижу ли завтра ее, какъ думалъ. Впрочемъ началъ разрѣзывать и завтра начну писать. Если бы завтра увидѣть ее. Я рѣшительно влюбленъ, мало того, что люблю. Мнѣ совѣстно за себя. Ну какъ же такому серьезному человѣку, какъ я, быть влюбленнымъ—воля ваша, Ольга Сокр., вы довели меня до глухого состоянія. Какъ можно съ нетерпѣніемъ дожидаться. — „Когда я увижу ее!“ Какъ можно волноваться отъ мысли. — „А если моя надежда увидѣть ее не сбудется?“ Но — влюбленъ, такъ влюбленъ, отъ этого я счастливъ, отъ этого я тверже, рѣшительнѣе люблю васъ, Ольга Сократовна, люблю васъ. Любовь моя,

¹⁴⁵⁾ Бумага въ дневникѣ въ этомъ мѣстѣ протерта.

рѣшительно, рѣшительно оправдывается, рѣшительно оправдывается разсудкомъ, но сильна до неразумности.

Писано въ пятницу 20 марта, послѣ какъ писалъ въ дневникѣ о ней.

Четвергъ 19. И вотъ я собрался видѣться съ ней и какое безутѣшное было свиданіе! Какъ грустна была она! Болѣе ничего не хочу писать.

О, какая скорбь поразила ее!

Пятница 20 марта. Какъ собирался идти къ Сокр. Евг. Маменька ужасно кашляла, поэтому я не успѣвши застать Сокр. Евг. пошелъ къ Шапошн. спросить у А. Ив. березовки. Я былъ разстроенъ такъ, что это замѣтилъ и Сергѣй Гавр. и Серафима Гавриловна. Я былъ разстроенъ и озлобленъ. Наконецъ, я не выдержалъ и сказалъ, когда меня спрашивали все, о чемъ я задумался—„я думаю о дѣвицѣ, и если угодно, скажу, что я думаю, а потомъ, если угодно, скажу, о комъ я думаю. Я думаю вотъ что: нѣкоторые находятъ, что эта дѣвица недурна. Я нахожу, что это неправда. Многимъ, кажется, что она хорошо себя держитъ. Я знаю, что она кокетка. Многимъ, кажется, что мнѣ было пріятно говорить съ ней, что я даже имѣлъ какія то намѣренія относительно ея. Я говорю, что это неправда, что мнѣ всегда была она противна. Вотъ что я думаю о ней. Теперь, если угодно, я скажу ея имя. Я начну поодиначкѣ и поочередно и скажу Конст. Петровичу (онъ сидѣлъ подлѣ меня, мы играли въ вистъ). Я всталъ нагнулся и сказалъ ему на ухо: „это Серафима Гавриловна“. „Теперь,—сказалъ я вслухъ,—вамъ предоставляется Конст. Петровичъ рѣшеніе, можно ли передать это другимъ“. „О, какъ вы злы, какъ вы никого не щадите—не говорите съ нимъ, пожалуйста. Я такимъ злымъ никогда его не видѣлъ“. Серафима Гаврил. все утѣшала его, чтобы онъ сказалъ—глухая, гадкая! Она думала, что это я говорю о О. С., да мнѣ и весело вводить ее въ это обольщеніе, хотя потому, что говорилось раньше (что Конст. Петровичу пріятно играть вмѣстѣ съ Сер. Гавр. и потому что я послѣ говорилъ, чтобы онъ не увлекался, какъ, кажется увлекается онъ этою дѣвицею, о которой я говорилъ, и вообще по ходу предыдущаго и слѣдующаго разговора было весьма ясно, что я говорю о Серафимѣ Гавр.—глухая скверная дѣвчонка! Мнѣ опасно подвергаться подлѣ руку. Я не хочу ударить тебя, какъ могъ бы и какъ хотѣлось бы мнѣ ударить тебя—но я насколько мнѣ вздумается не пощажу). Потомъ, я черезъ нѣсколько времени засмѣялся. „Что вы смѣетесь?“ сказала Сераф. Гавр. „Я смѣюсь нѣкоторымъ предположеніямъ, которыя имѣли о моихъ намѣреніяхъ и можетъ быть имѣютъ до сихъ поръ. Когда меня на дняхъ спрашивали, справедливы ли эти предположенія, я сказалъ, что они оскорбительны для меня (я говорилъ это Воронову, когда мы ѣхали съ нимъ и съ Вас. Дмитр. 15 марта отъ Васильевыхъ; говорилъ Катеринѣ Матв., когда былъ у нихъ въ первый разъ; писалъ это брату и показывалъ это письмо Василію Дмитр.), что я обижаюсь ими и что мнѣ совѣстно за тѣхъ, которые ихъ считаютъ сколько нибудь вѣроятными“. Она вѣрно поняла снова о О. С.—„Вы говорите слишкомъ ясно“, сказалъ Конст. Петр., когда мы пошли вмѣстѣ.—„Она не поняла“, сказалъ я. Это скверная дѣвка.

Серафима Гавр.,—когда стали говорить о Аннѣ Кирил., о чемъ я говорилъ ей, сказалъ—о Венедиктѣ, что ему должно ѣхать въ Университетъ—вклеила такъ: „Какъ теперь ему ѣхать, онъ еще молодъ, онъ двумя годами моложе Ольги Сократовны, впрочемъ, это ужъ не значить, чтобы онъ былъ молодъ“. Мнѣ хо-

тѣлось сказать, что это правда, потому что это потѣшало меня — какъ будто я не не знаю ея лѣтъ и какъ будто я думаю, что ей 16 лѣтъ.

Глупая дѣвчонка! Ты думаешь еще, что это я говорилъ о ней, а не о тебѣ.

Глупая дѣвчонка! Гадкая, злая, мерзкая дѣвчонка.

Суббота, 21 марта, 11 ч. вечера.

Утро пробылъ въ гимназіи, между классами сходилъ (лѣньность нѣсколько дней назадъ пропала) къ Еленѣ Вас. Акимовой поздравить съ причащеніемъ, потому что хочу подольститься къ ней, чтобы не мѣшала намъ и не озлилась на меня. Изъ класса къ Чеснокову и Бѣлову, послѣ ко всенощной, гдѣ думалъ имѣть возможность переговорить съ ней, но кругомъ стояли гимназисты, главное Вороновъ, поэтому я тотчасъ ушелъ къ Палимпсестову, гдѣ засталъ Пригоровскаго. Меня весьма радовалъ разговоръ съ Сераф. Гавр. и я рассказалъ его Фёдору Димитр. и Палимпсестову. Завтра буду у нихъ, чтобы просить Сократа Евг. къ Маменькѣ, которой здоровье весьма расхилилось.

Завтра увижу ее непременно. Если не удастся, буду у нихъ въ понедѣльникъ. Въ церкви она стояла у печки въ маленькой комнатѣ, въ которой дверь направо отъ входа въ переднюю. О, моя милая, какъ я люблю тебя!

Палимпсестовъ показывалъ два списка дѣвицъ съ выставленіемъ баллами ихъ достоинства. Одинъ былъ составленъ по алфавитному порядку и О. С. стояла первая подъ В и противъ нея поставлено 5. Въ другомъ списокѣ, который былъ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ, она стояла самая первая и снова противъ нея 5, а въ списокѣ по алфавитному порядку, изъ 200 дѣвицъ всего противъ четырехъ стоитъ 5; не болѣе и въ другомъ списокѣ. Она рѣшительно первая по общему мнѣнію. Это меня обрадовало за нее. Я горжусь ею. О моя милая, да будешь ты счастлива. Но я теперь въ горести, потому что ты горюешь. И я до сихъ поръ не имѣлъ возможности облегчить твою грусть! Я похудѣлъ отъ тоски черезъ нее. Это мнѣ все замѣчаютъ — и нынѣ въ гимназіи и Палимпсестовъ тоже.

О моя милая! Какъ чиста моя любовь къ тебѣ!

Я не могъ работать отъ тоски. Но эта тоска сладка, потому что я тоскую твоею тоскою, мой милый (какъ мнѣ хочется употребить слово ангелъ, но не буду употреблять его, потому что не хочу осквернять ее этимъ пошлымъ названіемъ), о, мой чистый, мой нѣжный, благородный другъ!

Писано 27 марта.

Не хотѣлъ ничего писать равнѣе объясненія ея гнѣва на меня въ воскресенье у Акимовыхъ. Послѣ было. рѣшительно все время занято и только теперь по окончаніи вписыванія своихъ чувствъ въ дневникъ о ней, принимаюсь за этотъ дневникъ.

22 воскресенье. Утромъ былъ у Патрикѣевыхъ, не засталъ тамъ ни ее, ни Катер. Матв. Поэтому пошелъ къ Малыш., котораго не засталъ дома, и послѣ къ Кобылину, у котораго и обѣдалъ. Вечеромъ прямо отъ Кобыл. къ Акимовымъ.

23, 24, утро 25, былъ ужасно разстроень, не былъ у нея и не писалъ ей, чтобы болѣе не оскорбить ее.

23 поэтому не былъ и въ гимназіи. Ходилъ къ Николаю Иван. Послѣ обѣдалъ у Кобылиныхъ. Вечеромъ былъ такъ разстроень, что не хотѣлъ итти даже къ Евгенію Алекс., чтобы нѣсколько уйти отъ себя. Но пришелъ онъ и просидѣлъ

до XI. Всѣ эти ночи воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ не спалъ до двухъ или трехъ часовъ, потому что слишкомъ мучился.

24, вторникъ, утро работалъ, послѣ Кобылина снова работалъ, въ 6 часовъ къ Евгению Алекс. и съ нимъ и Максимовымъ къ Василию Дим. у котораго до X. Максимовъ говорилъ нѣсколько о ней.

25, утромъ въ церкви. Послѣ у Кобылиныхъ, къ Патрикѣевымъ не хотѣлъ зайти, чтобы не замѣтили слишкомъ, что я только для нея. Обѣдалъ у Кобылина, послѣ у Патрикѣевыхъ, гдѣ довольно много говорилъ съ Лидіей Ивановной — славная дѣвушка! Послѣ Патрикѣевыхъ Василій Дим. зашелъ ко мнѣ — тутъ, когда я просилъ его зайти ко мнѣ, онъ сказалъ: „Я привязанъ къ вамъ, Николай Гавриловичъ, какъ собака“. Сначала говорилъ о мнѣ и ей, послѣ онъ сталъ говорить о себѣ. Мнѣ было совѣстно не войти въ его положеніе послѣ такой привязанности и говорилъ о томъ, что ему слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ. Просидѣлъ до XII.

26, четвергъ, въ гимназіи не былъ. Вечеромъ у нея. Сократъ Евг. говорилъ умнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Онъ умный человѣкъ.

27, пятница. Былъ въ гимназіи. Ничего особеннаго не было тамъ. Вечеромъ у Николая Ивановича.

Да, въ четвергъ былъ именинникъ Шапошиниковъ — отецъ. Я долго сидѣлъ у нихъ и дочь сидѣла и говорила со мною съ удовольствіемъ — глупенькая, неужели она до сихъ поръ не поняла смысла моихъ словъ. Я не прощаю ей это: „Венедиктъ двумя годами моложе Ольги Сократовны, впрочемъ ужъ онъ не такъ молодъ“. У Николая Иван. (пятница, нынѣ) наконецъ, предложилъ ему Рычкову и завтра поговорю объ этомъ съ О. С.

Милый мой другъ, милый мой другъ!

28, суббота. Писано въ перемѣну въ X час. (до этого времени все писалъ дневникъ о ней). Когда сталъ одѣваться принесли отъ Николая Иван. записку, чтобы не говорилъ о немъ у Васильевыхъ — тотчасъ съѣлъ писать отвѣтъ, что не должно обращать вниманія на толки матери и по нѣмецки написалъ, что я напр. нынѣ говорю съ отцомъ моей невѣсты — можетъ быть мнѣ вздумаютъ мѣшать, тогда я скажу, что лишу себя жизни и послѣ не позволю ни одного слова, ни одного намека на отношенія между мною и женою. Теперь онъ можетъ понять, кто моя невѣста, оттого, что я сказалъ ему, что завтра буду у Васильевыхъ. Но что же дѣлать? Скажу ей, впрочемъ, объ этомъ.

Писано 30 марта, вторникъ, въ 5 час. утра.

Какъ одѣлся послѣ обѣда къ О. С.; отъ нихъ въ 9 час. къ Евгению Алекс., гдѣ не засталъ все-таки Николая Ивановича.

Воскресенье 29, былъ у поздней обѣдни, послѣ все дожидаясь, когда можно переговорить съ Паненькою; потомъ къ Губернатору. Оттуда къ Млнт. чтобы дать время нѣсколько пройти шуму въ головѣ, потому что я слишкомъ много шилъ ¹⁴⁶⁾ и нѣсколько шумѣло; потомъ лежалъ для этого же нѣсколько

¹⁴⁶⁾ На обѣдѣ у губернатора. Это „слишкомъ много“ составляло вѣроятно рюмки дѣл. портвейну и бокаль — другой шампанскаго, отъ которыхъ отецъ считалъ невозможнымъ отказываться, чтобы не обидѣть хозяина. Вообще же отецъ никогда не употреблялъ спиртныхъ напитковъ.

времени наверху и, наконецъ, разговоръ съ Маменькою. Я готовъ былъ на самоубійство. И, вѣроятно, рѣшился бы.

30, понедѣльникъ, изъ гимназіи поѣхалъ отъ Кобылиныхъ въ 3¹/₂ ч., послѣ обѣда тотчасъ одѣваюсь; разговоръ съ Маменькою. Наконецъ, въ 6¹/₄ час. у нихъ послѣ снова разговоръ, но уже въ мирномъ духѣ съ Маменькою и Папенъкою. Легъ въ 10 час. „Надо достать денегъ“, эта мысль не давала мнѣ покоя и она разбудила меня въ 4 часа. Теперь все думаю объ этомъ. Прежде всего къ Ник. Иван., если не дастъ—что дѣлать? Посоветуюсь съ кѣмънибудь—можетъ быть съ Вас. Дим.—послѣ переговорю даже съ своими о деньгахъ. Мнѣ нужно 1000 руб. сер. Вѣрно, когда онъ ¹⁴⁷⁾ заплатитъ этотъ долгъ. Но это все равно. Гдѣ бы то ни было, достану денегъ. Наконецъ, если ничего не удастся, обращусь къ Сокр. Евген. Принимаюсь за работу.

Писано 1 апрѣля, среда, послѣ гимназіи.

31, вторникъ, утромъ былъ у Николая Иван. Только вошелъ я, какъ пріѣхалъ Фрейманъ просить денегъ. Николай Иван. не далъ ему и сказалъ, когда онъ уѣхалъ, что не дастъ безъ залога. Потомъ, я сказалъ ему о томъ, что сдѣлалъ вчера предложеніе. Онъ спросилъ меня о деньгахъ, но не предложилъ своихъ, поэтому я и не сталъ ему говорить; не стану говорить и со своими, потому что не хочу одолжаться кѣмъ бы то ни было и потому что кажется они немного на меня дуются, а скажу ей, что если она не усомнится расходовать свои деньги на переездъ, обзаведеніе и первое время жизни, то такъ, если нѣтъ—мои надежды на Костомарова разрушились, но, если угодно, я постараюсь достать въ другомъ мѣстѣ.

Писано 3 апрѣля въ 6 час. утра, пятница.

Въ среду я пошелъ къ Губернатору, чтобы доставить удовольствіе Маменькѣ, воротился оттуда—записка отъ Тищенки, у Васильевыхъ была Катер. Матв. и просила послать за мною. Но главное, Анна Кирилловна меня ждала и поручила сказать это Венедикту въ классѣ, тотъ по обыкновенію не сказалъ. Я пошелъ къ Губернатору почти въ 8 час. Маменька была недовольна, зачѣмъ ты окольными путями—какими окольными путями?—Снова разговоръ, снова непріятности. Наконецъ, у нихъ. Анна Кирил. дала мнѣ свое „будущему сыну“ и велѣла написать о супружеской жизни. Я пошелъ къ стоянію¹⁴⁸⁾, чтобы угодить Маменькѣ, но мнѣ хотѣлось прочитать поскорѣе, что она пишетъ и поэтому я ушелъ изъ церкви и сталъ читать подъ лампою на губернаторскомъ подъѣздѣ; воротился домой, сказалъ, что это послала Анна Кирилловна и послала сына, а тотъ послалъ Тищенку. Маменька успокоилась.

2 апрѣля, четвергъ, утромъ былъ у Кобылина, поелъ въ гимназіи (Палимистовъ былъ наканунѣ совѣтоваться о повѣздкѣ въ университетъ, я ему отнесъ программу), въ 4¹/₂ къ Аннѣ Кирил. Тамъ былъ Вас. Дим., разговоръ съ О. С. не вылезъ при другихъ; я ей далъ впрочемъ прочесть свой отвѣтъ Аннѣ Кирил. и отдалъ ей „будущему сыну“. Анна Кирил., кажется, въ ужасной радости, что избавляется отъ О. С. Во всякомъ случаѣ со мною чрезвычайно мила. Сократъ Евг. весьма просто, почти холодно, но онъ мнѣ нравится; вотъ наконецъ намъ объявили, что мы женихъ и невѣста.

¹⁴⁷⁾ Два слова неразборчивы.

¹⁴⁸⁾ Вѣроятно въ церковь.

Воротился домой въ 9 час. Прошу Папенку завтра поѣхать, сначала не согласился, потому что все недоволенъ — ему кажется неблагоразумно, я ему говорю о своихъ расчетахъ, хвалю себя и т. д. Наконецъ, согласился ѣхать завтра, т. е. нынѣ поутру. По его мнѣнію должно сказать Федору Степан. „А. Ив.?“ — А. Ив. и такъ узнаеть. — Ольгѣ Сокр. хотѣлось пріѣхать вечеромъ къ Маменькѣ. Съ Папенкою у меня были довольно искреннія объясненія.

Теперь отправляюсь за кольцами, потомъ къ нимъ, къ Фед. Степ., послѣ домой, виѣстѣ со своими снова къ нимъ; въ гимназіи не былъ. Завтра скажу Директору о разрѣшеніи. У Сократа Евг. обѣдаю. Можетъ быть и Папенка обѣдаетъ. Кажется, и Папенка и Маменька перестали почти быть недовольными, особенно Папенка кажется теперь успокоился. Все идетъ хорошо, и я умѣю уговорить людей, потому что и Папенка и даже Маменька собираются дѣлать по моему. Папенка доволенъ.

Писано 4 апрѣля, въ XII час. утра между классами.

Былъ у Фед. Степ. Потомъ съ Папенкою къ нимъ. Потомъ Папенка за Маменькою, чтобы воротиться къ XII часамъ. Я остался, они долго не пріѣзжали. Я предчувствовалъ это и предчувствовалъ, что сдѣлалъ глупость, что не поѣхалъ съ Папенкою. Наконецъ, О. С. послала меня за ними, но я встрѣтилъ ихъ на дорогѣ. Маменька послѣ обѣдни вздумала пить чай — какъ это не хорошо! Ольгѣ Сокр. ужасно тяжело показалось ожиданіе — наконецъ, когда я воротился съ ними домой, у меня сидѣлъ Палимпсестовъ, который дожидался меня. Съ нимъ я посидѣлъ съ часъ, между прочимъ, чтобы дать время пройти головѣ, въ которой шумѣло, потому что я выпилъ 3 рюмки хересу и 3 бокала шампанскаго. Снова къ нимъ. Вечеромъ Маменька была со мною ласкова и, кажется, довольна мною. Папенка сказала, что рѣзва. Должно быть не совсѣмъ нравится. Но Маменька по обыкновенію хитритъ.

Я спрошу Ольгу Сокр., хочетъ ли она быть у нихъ, и просить ли Маменьку снова къ нимъ ѣхать.

4 апрѣля, утромъ былъ у Директора: право разрѣшенія у него, это хорошо. Двѣ недѣли можно не ходить, это хорошо. Нѣсколько успѣю поработать въ это время и буду бывать только въ 7 классѣ. Потомъ къ Чеснокову, которому сказалъ это. Вечеромъ у нихъ.

Писано 5 апрѣля въ среду, въ XI час.

Маменька больна и я все сидѣлъ въ ея комнатѣ и только, когда уснула крѣпко, ушелъ на минутку.

Въ субботу вечеромъ просидѣлъ у нихъ, былъ таки въ 7 классѣ.

5, воскресенье. Снова у нихъ весь день. Былъ у Палимпсестова въ 6 часовъ, пока О. С. ѣздила въ ряды.

6, понедѣльникъ, въ гимназіи быть некогда, потому что долженъ былъ заказывать шкатулку. По этому случаю былъ у Паля снова. Паль не беретъ. Вамганцъ¹⁴⁹⁾ взялся и далъ чинароваго дерева на пробу. Пусть будетъ чинаровая. мнѣ пришло въ память „у Чернаго моря чинара стоитъ молодая“, такъ роскошна ты, моя милая.

¹⁴⁹⁾ Фамилія мастера неразборчива.

Взяли съ Папенъкою на фракъ, отдамъ Мейендорфу. Былъ у Кобылина, Анжелика Алексѣевна очень рада и хвалить ее.

7, вторникъ. Снова у Вамганца. У Кобылина обѣдалъ, потому что ее не было дома въ это время. Она говѣетъ и отъ вечерни въ ряды. Вечеромъ страшно больна Маменька, просидѣлъ у нея до часу, когда она успокоилась. Въ 6 час. снова разбудила меня.

8, среда. До этого времени просидѣлъ у Маменьки въ комнатѣ; во время обѣда, можетъ быть, удастся побывать у нея. Нужно еще купить погребокъ и конфетъ для Рычковыхъ. Иду къ Маменькѣ, если не проснулась, запишу вчерашній день въ ея дневникъ ¹⁵⁰).

¹⁵⁰) На этомъ днѣ (8 апрѣля) дневникъ обрывается. Вѣроятно дальнѣйшему веденію его помѣшала серьезная болѣзнь бабушки Евгеніи Егоровны (умерла 19 апрѣля 1853 г.), хлопоты со свадьбою (29 апрѣля 1853 г.) и скорый вѣздъ за тѣмъ (въ первыхъ числахъ мая) отъѣздъ въ Петербургъ.

СТАТЬИ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ

1885 — 1889.

Характеръ человѣческаго знанія ¹⁾.

Есть руки у человѣка, у котораго обѣ руки цѣлы? — Есть.

— Такъ ли? — Такъ.

По-вашему такъ. И по-моему такъ.

И продолжаемъ.

Сколько рукъ у того человѣка, у котораго обѣ руки цѣлы? — Двѣ.

— Здравствуйте, господа. — Это вопиеть ученый, одинъ изъ знакомыхъ мнѣ ученыхъ. — О чемъ разговариваете?

— Да вотъ о томъ, что у человѣка, у котораго обѣ руки цѣлы, двѣ руки.

— По-вашему это такъ?

— По-нашему это такъ.

— Вы ошибаетесь, господа. Это не такъ.

— Не такъ? То какъ же?

— Вотъ какъ: человѣку, которому кажется, что обѣ руки у него цѣлы, кажется, что у него двѣ руки; и еслибъ ему было извѣстно, что у него есть руки, то у него было бы двѣ руки: но есть у него руки или нѣтъ, это неизвѣстно ему и не можетъ быть извѣстно не ему, ни кому изъ людей. Мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а самихъ предметовъ не знаемъ и не можемъ знать. Не зная предметовъ, мы не можемъ сличать съ ними наши представленія о нихъ; потому не можемъ знать, походятъ ли наши представленія о предметахъ на предметы. Быть можетъ походить; но быть можетъ, и не

¹⁾ Тѣ натурфилософскія умствованія, надъ которыми пронизируетъ и которыя опровергаетъ почтенный авторъ предлагаемой статьи, весьма распространены между современными натуралистами: ихъ раздѣляютъ и проповѣдуютъ даже авторитеты по естествознанію каковы, напр., знаменитые берлинскіе профессора Вирховъ и Любуа-Раймонъ (см. E. Dubois Reymond: *Ueber die Grenzen des Naturerkenntnis — Die sieben Welt-räthsel*. — Virchow: *Freiheit der Wissenschaft im modernen Staat*). Оба они громко вопиють о томъ, что человѣческій умъ слишкомъ зазнался, забылъ о своей ограниченности и дерзко берется за рѣшеніе такихъ великихъ вопросовъ, которые ему не подъ силу, которые вообще неразрѣшимы и вовеки останутся неразрѣшимыми. Любуа-Реймонъ въ своей брошюрѣ насчитываетъ такихъ вопросовъ священное число — 7. Чтобы побить спѣсь у человѣческаго ума, названные натуралисты силятся доказать, что человѣческій умъ ограниченъ, что его познанія крайне поверхностны, что онъ долженъ почтительно преклоняться передъ великими вопросами и смиренно отказаться отъ ихъ разрѣшенія. Если же какой-нибудь дерзкій умъ и берется за ихъ разрѣшеніе, то запутывается въ несообразностяхъ и безвыходныхъ противорѣчійхъ. Конечно, голоса такихъ ученыхъ, какъ выше названные, не остались одинокими. Проповѣдуемая ими натурфилософскія идеи встрѣчены сочувственно многими и многими натуралистами. Вотъ противъ этихъ-то воззрѣній, между прочимъ весьма благопріятствующихъ спиритизму, и ратуетъ почтенный авторъ статьи. *Примѣчаніе Редакции Прогрессъ Вѣдомостей*, въ которыхъ была напечатана эта статья (1885, №№ 63 и 64).

походить. Если походятъ, то они — представленія о дѣйствительно существующихъ предметахъ. Если не походятъ, то они — представленія не о предметахъ, дѣйствительно существующихъ, а о предметахъ несуществующихъ. Которая изъ этихъ двухъ альтернативъ соотвѣтствуетъ факту, мы не знаемъ, и не можемъ знать. — Мы имѣемъ представленіе о рукѣ. Слѣдовательно, существуетъ нѣчто, возбуждающее въ насъ представленіе о рукѣ. Но мы не знаемъ и не можемъ знать, сходно ли наше представленіе о рукѣ съ этимъ «нѣчто», возбуждающимъ его. Быть можетъ, сходно: въ такомъ случаѣ то, что мы представляемъ себѣ, какъ руку, дѣйствительно рука, и у насъ дѣйствительно есть руки. Но быть можетъ наше представленіе о рукѣ и не сходно съ дѣйствительно существующимъ нѣчто, къ которому мы относимъ его, въ такомъ случаѣ то, что мы представляемъ себѣ какъ руку, не существуетъ, и у насъ нѣтъ рукъ; вмѣсто рукъ у насъ есть какія-то группы чего-то, какія-то, не похожія на руки, группы чего-то невѣдомаго намъ, но рукъ у насъ нѣтъ; и достовѣрно объ этихъ группахъ чего-то лишь то, что ихъ двѣ. То, что ихъ двѣ, достовѣрно потому, что для каждаго изъ двухъ нашихъ представленій, каждое изъ которыхъ — особое представленіе объ особой рукѣ, должно быть особое основаніе: слѣдовательно существованіе двухъ группъ чего-то не подлежитъ сомнѣнію. — Итакъ, есть у насъ руки, или нѣтъ, — вопросъ неразрѣшимый; мы знаемъ только, что если у насъ есть руки, то у насъ дѣйствительно двѣ руки, а если у насъ нѣтъ рукъ, то число группъ чего-то, существующихъ у насъ вмѣсто рукъ, тоже не какое нибудь иное число, а число два. Таково ученіе объ относительности человѣческаго знанія. Оно — основная истина науки. Вы теперь видите, господа, что научная истина такъ же далека отъ невѣжественнаго предубѣжденія, котораго держались вы, предполагая, будто бы намъ можетъ быть извѣстно, что у насъ есть руки, какъ и отъ фантазерства тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть рукъ. Эти ученые также называютъ свое схоластическое пустословіе ученіемъ объ относительности человѣческаго знанія. Но они философы, то есть, фантазеры, а не натуралисты. Ихъ ученіе — вздоръ, противорѣчащій естествознанію. Можемъ ли мы знать, что наши представленія о предметахъ не сходны съ предметами, когда мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а самихъ предметовъ не знаемъ, то-есть не можемъ и сличать нашихъ представленій съ предметами? А то, что мы знаемъ лишь наши представленія о предметахъ, самихъ же предметовъ не знаемъ и не можемъ знать, это — основная истина науки, то-есть естествознанія.

Мой знакомый, какъ видите, натуралистъ.

Одинъ ли онъ натуралистъ такого образа мыслей, какъ онъ? Вѣроятно. Но крайненъ мѣрѣ было бы очень странно, если бы нашелся, кромѣ него, хоть еще одинъ натуралистъ, который признавалъ бы неразрѣшимый вопросъ о томъ, дѣйствительно ли есть руки у человѣка.

Я не знаю, почему другіе — если есть другіе — такіе натуралисты думаютъ объ этомъ вопросѣ одинаково съ моимъ знакомцемъ, но мой знакомецъ думаетъ такъ лишь потому, что самъ не понимаетъ, о чемъ онъ думаетъ и что такое онъ думаетъ. Онъ любитъ пофилософствовать; но серьезно заниматься философіей ему нѣтъ времени, и онъ философствуетъ, какъ дилеттантъ. Онъ не подозреваетъ, что если философствовать съ его точки зрѣнія, то логика велитъ принять выводы тѣхъ философовъ, о которыхъ отзывался онъ такъ сурово. Изъ его основной мысли, что

мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а предметовъ не знаемъ, слѣдуетъ, что наши представленія о предметахъ не могутъ быть сходны съ предметами; она ведетъ къ этому потому, что сама она — лишь выводъ изъ отрицанія реальности человѣческаго организма. Пока не принято за истину отрицаніе существованія человѣческаго организма, логика не допускаетъ и самой постановки вопроса о томъ, знаемъ ли мы предметы: только когда признано за истину, что мы — не люди, что мы ошибаемся, воображая себя людьми, является вопросъ о томъ, можемъ ли знать предметы, — и логическій отвѣтъ будетъ: не можемъ.

Моему знакомому невѣдомо, что эти мысли находятся въ логической связи между собою. Только потому и невѣдомо ему, что онъ — простякъ, одураченный «фантазерами», о которыхъ отзывается онъ такъ свысока.

Довольно посмѣлились мы надъ моимъ — и вашимъ? — ученымъ знакомымъ, не знающимъ и не могущимъ знать, дѣйствительно ли есть руки у людей. Оставимъ его и поговоримъ о томъ, какъ произошло недоразумѣніе, по которому довольно многіе натуралисты воображаютъ, будто согласна съ естествознаніемъ отрицающая существованіе предметовъ естествознанія мысль, что человѣкъ не имѣетъ знанія о предметахъ, знаетъ только свои представленія о предметахъ.

Люди знаютъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, сколько хотѣлось бы и полезно было бы имъ знать; въ ихъ скудномъ знаніи очень много неточности; къ нему примѣшано много недостовернаго и, по всей вѣроятности, къ нему еще остается примѣшано очень много ошибочныхъ мнѣній. Отчего это? Оттого, что восприимчивость нашихъ чувствъ имѣетъ свои предѣлы, да и сила нашего ума не безгранична, то-есть — оттого, что мы люди, существа ограниченные.

Эту зависимость человѣческихъ знаній отъ человѣческой природы принято у натуралистовъ называть относительностью человѣческаго знанія.

Но на языкѣ той философіи, которую мы будемъ называть иллюзионизмомъ, выраженіе «относительность человѣческаго знанія» имѣетъ совершенно иной смыслъ. Оно употребляется какъ благовидный, не шокирующій профановъ терминъ для замаскированія мысли, что все наши знанія о внѣшнихъ предметахъ — не въ самомъ дѣлѣ знанія, а иллюзіи.

Перепутывая эти два значенія термина, иллюзионизмъ вовлекаетъ неосторожнаго профана въ привычку спутывать ихъ. И издавна убѣжденный въ истинѣ одного изъ нихъ, онъ кончаетъ тѣмъ, что воображаетъ, будто бы давно ему думалось — не такъ ясно, какъ стало думаться теперь, но ужъ издавна довольно ясно — думалось, что наши представленія о внѣшнихъ предметахъ — иллюзія.

Натуралисту, читающему иллюзионистскій трактатъ съ довѣрчивостью къ добросовѣстности изложенія, тѣмъ легче поддаться этому обольщенію, что онъ по своимъ специальнымъ занятіямъ знаетъ: въ нашихъ чувственныхъ воспріятіяхъ вообще довольно велика примѣсь соображеній: софистическая аргументація ведетъ довѣрливаго все къ большому и большому преувеличенію роли субъективнаго элемента въ чувственныхъ воспріятіяхъ, все къ большому и большому забвенію того, что не все чувственыя воспріятія подходятъ подъ классъ имѣющихъ въ себѣ примѣсь соображеній; забывать ему о нихъ тѣмъ легче, что въ своихъ специальныхъ занятіяхъ онъ и не имѣлъ повода приглядываться, примѣнать ли къ нимъ субъективный элементъ.

А быть довѣрчивымъ къ добросовѣстности изложенія натуралисту тѣмъ легче, что въ его спеціальной наукѣ всѣ авторы излагаютъ свои мысли безхитростно. Человѣку, привыкшему имѣть дѣло лишь съ людьми добросовѣстными, очень можно, и не будучи простякомъ, стать жертвою обмана, когда ему придется имѣть дѣло съ хитрецомъ.

Чтожъ удивительнаго, если натуралистъ вовлечется въ теорію, принадлежащую иллюзіонизму? — Подвергнуться вліянію этой системы философія тѣмъ извинительнѣе для подвергающихся ему, натуралистовъ ли, или не-натуралистовъ, что большинство ученыхъ, занимающихся по профессіи философіею, послѣдователи иллюзіонизма. Масса образованныхъ людей вообще расположена считать наиболѣе соотвѣтствующими научной истинѣ тѣ рѣшенія вопросовъ, какія приняты за истинныя большинствомъ спеціалистовъ по наукѣ, въ составъ которой входитъ изслѣдованіе этихъ вопросовъ. И натуралистамъ, какъ всѣмъ другимъ образованнымъ людямъ, мудрено не поддаваться вліянію господствующихъ между спеціалистами по философіи философскихъ системъ.

Винить ли большинство спеціалистовъ по философіи за то, что оно держится иллюзіонизма? — Разумѣется, винить было бы несправедливо. Какой характеръ имѣетъ философія, господствующая въ данное время, это опредѣляется общимъ характеромъ умственной и нравственной жизни передовыхъ націй.

Итакъ, нельзя винить ни большинство философовъ нашего времени за то, что они иллюзіонисты, ни тѣхъ натуралистовъ, которые подчиняются вліянію иллюзіонизма, за то, что они подчиняются ему.

Но хоть и не виноваты философы-иллюзіонисты въ томъ, что они иллюзіонисты, все-таки надобно сказать, что ихъ философія—философія, противорѣчащая здравому смыслу; и о натуралистахъ, поддавшихся ея вліянію, надобно сказать, что мысли, заимствованныя ими изъ нея, умѣстны только въ ней, а въ естествознаніи совершенно неумѣстны.

Знаемъ-ли мы о себѣ, что мы люди?—Если знаемъ, то наше знаніе о существованіи человѣческаго организма — прямое знаніе, такое знаніе, которое мы имѣемъ и безъ всякой примѣси какихъ бы то ни было соображеній: оно — знаніе существа о самомъ себѣ. А если мы имѣемъ знаніе о нашемъ организмѣ, то имѣемъ знаніе и объ одеждѣ, которую носимъ, и о пищѣ, которую ѣдимъ, и о водѣ, которую пьемъ, и о пшеницѣ, изъ которой готовимъ себѣ хлѣбъ, и о посудѣ, въ которой готовимъ себѣ его, и о нашихъ домахъ, и о нивахъ, на которыхъ воздѣлываемъ пшеницу, и о лѣсахъ, кирпичныхъ заводахъ, каменоломняхъ, изъ которыхъ беремъ матеріалы для постройки своихъ жилищъ, и т. д. и т. д. Короче сказать; если мы люди, то мы имѣемъ знаніе нечисленнаго множества предметовъ, прямое, непосредственное знаніе ихъ, ихъ самихъ; оно дается намъ нашею реальною жизнью. Не все наше знаніе таково. У насъ есть свѣдѣнія, добытыя нами посредствомъ нашихъ соображеній: есть свѣдѣнія, полученныя нами изъ разсказовъ другихъ людей или изъ книгъ. Когда эти свѣдѣнія достовѣрны, они также знаніе; но это знаніе не непосредственное, не прямое, а косвенное, не фактическое, а мысленное. Оно нечѣ можно говорить, что оно знаніе не самихъ предметовъ, а лишь представленій о предметахъ. Различіе прямого, фактического знанія отъ косвеннаго, мысленнаго, параллельно различію между реальною нашею жизнью и нашею мысленною жизнью.

Говорить, что мы имѣемъ лишь знаніе нашихъ представленій о предметахъ, а прямого знанія самихъ предметовъ у насъ нѣтъ, значитъ отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существованіе нашего организма. Такъ и дѣлаетъ иллюзионизмъ. Онъ доказываетъ, что у насъ нѣтъ организма, — нѣтъ и не можетъ быть.

Онъ доказываетъ это очень простымъ способомъ: примѣненіемъ къ дѣлу приѣмовъ средневѣковой схоластики. Реальная жизнь отбрасывается; вмѣсто изслѣдованія фактовъ, анализируются произвольно составленныя опредѣленія абстрактныхъ понятій; эти опредѣленія составлены фальшиво; въ результатѣ анализа оказывается, разумеется, что они фальшивы; и опровергнуто все, что нужно было опровергнуть. Произвольное истолкованіе смысла выводовъ естественныхъ наукъ доставляетъ груды цитатъ, подтверждающихъ выводы анализа фальшивыхъ опредѣленій.

Это—схоластика. Новая форма средневѣковой схоластики. Тоже фантастическая сказка. Но сказка тоже связанная и переполненная ученостью.

Разсказывается она такъ:

Существо, о которомъ намъ неизвѣстно ничего, кромѣ того, что оно имѣетъ представленія, составляющія содержаніе нашей мысленной жизни, мы назовемъ нашимъ «я».

Вы видите: реальная жизнь человѣка отброшена. Понятіе о человѣкѣ замѣнено понятіемъ о существѣ, относительно котораго намъ неизвѣстно, имѣетъ ли оно реальную жизнь.

Вы скажете: но если содержаніе мысленной жизни этого существа тождественно съ содержаніемъ мысленной жизни человѣка, то объ этомъ существѣ не можетъ небыть намъ извѣстно, что оно имѣетъ и реальную жизнь, потому что это существо—человѣкъ.

И да, и нѣтъ; оно человѣкъ, и оно не человѣкъ. Оно человѣкъ потому, что его мысленная жизнь тождественна съ человѣческой мысленною жизнью; но оно не человѣкъ, потому что о немъ неизвѣстно, имѣетъ ли оно реальную жизнь. Разумеется, это двусмысленное опредѣленіе употребляется лишь для того, чтобы не съ перваго же слова ясно было, къ чему будетъ ведена аргументація. Сказать вдругъ, безъ подготовки: «мы не имѣемъ организма» — было бы не разсчитливо; слишкомъ многіе отшатнулись бы. Потому на первый разъ надобно ограничиться двусмысленнымъ опредѣленіемъ, въ которомъ лишь сквозь туманъ проглядываетъ возможность подвергнуть сомнѣнію, дѣйствительно ли существуетъ человѣческій организмъ. И впередъ все будетъ такъ: хитрости, подстановки разныхъ понятій подъ одинъ терминъ, всяческія уловки схоластической силлогистики. Но намъ довольно теперь пока и одного образца этихъ діалектическихъ фокусовъ. Чтобы изложить ученіе иллюзионизма коротко, разскажемъ его просто.

Анализируя наши представленія о предметахъ, кажущихся намъ существующими внѣ нашей мысли, мы открываемъ, что въ составѣ каждаго изъ этихъ представленій находятся представленія о пространствѣ, о времени, о матеріи. Анализируя представленіе о пространствѣ, мы находимъ, что понятіе о пространствѣ противорѣчитъ самому себѣ. То же самое показываетъ намъ анализъ представленій о времени и о матеріи: каждое изъ нихъ противорѣчитъ самому себѣ. Ничего противорѣчающаго самому себѣ не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. Потому не можетъ существовать ничего подобнаго нашимъ представленіямъ о внѣшнихъ предметахъ. То, что представляется намъ какъ внѣшній міръ, — галлюцинація нашей

мысли; ничего подобного этому призраку не существуетъ внѣ нашей мысли и не можетъ существовать. Намъ кажется, что мы имѣемъ организмъ; мы ошибаемся, какъ теперь видимъ. Наше представленіе о существованіи нашего организма — галлюцинація, ничего подобного которой нѣтъ на самомъ дѣлѣ и не можетъ быть.

Это, какъ видите, фантастическая сказка, не больше. Сказка о несообразной съ дѣйствительностью умственной жизни небывалаго существа. Мы хотѣли рассказать ее какъ можно короче, думая, что длинныя фантастическія сказки не скучны: лишь подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы въ нихъ повѣствовались приключенія красавицъ и прекрасныхъ юношей, преслѣдуемыхъ злыми волшебниками, покровительствуемыхъ добрыми волшебниками, и тому подобныя занимательныя вещи. А это — сказка о существѣ, въ которомъ нѣтъ ничего живаго, и вся сплетена изъ абстрактныхъ понятій. Такія сказки скучны, и чѣмъ короче пересказывать ихъ, тѣмъ лучше. Поэтому нашла мы достаточнымъ перечислить лишь важнѣйшія изъ понятій, анализируемыхъ въ ней. Но точно такъ же, какъ понятія о пространствѣ, времени и матеріи, анализируются въ ней другія абстрактныя понятія, — всякія, какія хотите, лишь бы очень широкаго объема; напримѣръ: движеніе, сила, причина. Приводимъ тѣ, которыя анализируются почти во всѣхъ иллюзионистскихъ трактатахъ: ничто не мѣшаетъ точно такъ же анализировать и другія, какія захотите, отъ понятія «перемѣна» до понятія «количество». Анализъ по тому же способу дастъ тотъ же результатъ: «это понятіе» — какое бы то ни было, лишь бы широкое понятіе — «противорѣчить самому себѣ».

Мы попробуемъ, для курьеза, посмотрѣть, какой судьбѣ подвергается этотъ приемъ изслѣдованія истины таблицу умноженія.

Вы помните, ариметика говоритъ: «дробь, помноженная сама на себя, даетъ въ произведеніи дробь».

Извлекаемъ квадратный корень изъ числа 2. Получаемъ ирраціональное число. Оно — дробь.

Ариметика говоритъ: квадратный корень числа, перемноженный самъ на себя, даетъ въ произведеніи число, корень котораго онъ.

Итакъ, квадратный корень числа 2, перемноженный самъ на себя, даетъ въ произведеніи число 2, то есть: дробь, помноженная сама на себя, даетъ въ произведеніи цѣлое число.

Что изъ этого слѣдуетъ? Понятіе объ умноженіи — понятіе, противорѣчащее самому себѣ, то есть оно иллюзія, ничего сообразнаго съ которой нѣтъ и быть не можетъ. Никакого отношенія между числами, сколько нибудь сходнаго съ понятіемъ объ умноженіи, нѣтъ и быть не можетъ.

Замѣьте, о чемъ идетъ рѣчь. Уже не о томъ только, что ни въ какомъ перчаточномъ магазинѣ нѣтъ и не можетъ быть двухъ паръ перчатокъ. Съ этимъ вы ужъ примирились, убѣдившись, что нѣтъ на свѣтѣ и не можетъ быть ни перчаточныхъ магазиновъ, ни перчатокъ. Но вы сохранили мнѣніе, что когда вы имѣете представленіе о двухъ парахъ перчатокъ, то вы имѣете представленіе о четырехъ перчаткахъ. Вы видите теперь, что вы ошибались. Ваша мысль, будто бы дважды два — четыре, мысль нелѣпая.

Хорошъ анализъ! — Вы скажете: превосходенъ; и было бы жаль, еслибы надобно было прибавить къ этому, что онъ противорѣчаетъ математикѣ, потому что въ такомъ случаѣ мы должны были бы признать его вздоромъ.

Помилуйте, напрасное опасеніе. Неужели жъ мы назовемъ его противорѣчащимъ математикѣ?— Въ основаніе его мы взяли математическія истины, и въ выводѣ получили математическую истину. Мы разъяснили истинное значеніе умноженія: умноженіе—иллюзія. Это математическая истина.

Таковы всѣ анализы, даваемые схоластикою, называющеюся иллюзионизмомъ. И таково согласіе результатовъ его анализовъ съ математикою. У него свои особенныя математическія истины, потому онъ во всемъ согласенъ съ математикою. Противорѣчить ей! — возможно ли? никогда! Она подтверждаетъ все въ немъ. Онъ опирается на нее.

Онъ получаетъ свои математическія истины тѣмъ же способомъ, какимъ удалось намъ доказать, что таблица умноженія вздоръ, которому не могутъ соответствовать никакія отношенія между числами. Какимъ способомъ устроили мы этотъ выводъ, вполне согласный съ математикою? — Очень просто: мы исказили понятіе о квадратномъ корнѣ, объявивъ, что та дробь— квадратный корень числа 2. Арифметика говоритъ, что мы не можемъ извлечь квадратнаго корня изъ числа 2; не можемъ получить числа, которое, будучи перемножено само на себя, давало бы въ произведеніи число 2; мы можемъ лишь формировать рядъ чиселъ, каждое изъ которыхъ, начиная со втораго, будучи перемножено само на себя, даетъ въ произведеніи число, болѣе близкое къ числу 2, чѣмъ давало, будучи перемножено само на себя, предшествовавшее число того ряда чиселъ. И если какое нибудь изъ этого ряда чиселъ арифметика называетъ въ какомъ нибудь данномъ случаѣ «квадратнымъ корнемъ числа 2», то она объясняетъ, что употребляетъ это выраженіе лишь для краткости, вмѣсто длиннаго точнаго выраженія: «это число будучи перемножено само на себя, даетъ въ произведеніи дробь, настолько близкую къ числу 2, что для данного случая эта степень приближенія достаточна съ практической точки зрѣнія». Мы отбросили это объясненіе истиннаго смысла выраженія «квадратный корень числа 2», дали смыслъ противоположный истинному его смыслу,— и этимъ способомъ приобрѣли «математическую истину», которая и дала намъ выводъ, что между числами не можетъ быть никакого отношенія, сколько нибудь подобнаго понятію объ умноженіи. выводъ, тоже составляющій математическую истину.

Отрицать математику! въ наше время! Нѣтъ, въ наше время это невозможно. Это могла дѣлать средневѣковая схоластика. Но ни анализъ понятія объ умноженіи, сдѣланный нами по правиламъ анализовъ, какія даетъ иллюзионизмъ, ни какой изъ этихъ анализовъ не отрицаетъ математику. Напротивъ иллюзионизмъ опирается на математическія истины, и его выводы согласны съ математикою, подобно нашему анализу понятія объ умноженіи и выводу изъ этого анализа.

Математика — о! — это основная наука всѣхъ наукъ; иллюзионизмъ не можетъ не опираться на нее. Онъ любитъ опираться на нее. Его анализы, подтверждаемые истинами и всѣхъ другихъ наукъ, опираются основнымъ образомъ на математику. Онъ пользуется множествомъ математическихъ истинъ. И особенно любитъ двѣ изъ нихъ. Полезны ему и всѣ другія его математическія истины. Но особенно полезны эти двѣ, особенно любимыя имъ. На нихъ основаны важнѣйшіе его анализы,— анализы понятій о пространствѣ, о времени, о матеріи.

Первая изъ нихъ: «понятіе о безконечномъ дѣленіи,—понятіе, котораго мы не можемъ мыслить».

Это математическая истина. Какимъ же образомъ въ математикѣ безпрестанно попадаются соображенія, основанныя на понятіи о безконечной дѣлимости чиселъ? И, напримѣръ, что же такое прогрессіи съ неизмѣннымъ числителемъ и постоянно возрастающимъ знаменателемъ? Математика не только говоритъ о нихъ, какъ о прогрессіяхъ, которыя можно и надобно понимать, но и умѣетъ суммировать многіе разряды ихъ.

Вторая изъ наиболѣе любимыхъ иллюзіонизмомъ математическихъ истинъ: «пониманіе безконечнаго ряда превышаетъ силы нашего мышленія».

Но что же такое, напримѣръ, тѣ «сходящіяся» геометрическія прогрессіи, суммированію которыхъ очень легко выучиться, какъ ни безконечны ряды? Если мы можемъ даже суммировать ихъ, то вѣроятно можемъ же понимать? — Но и изъ тѣхъ безконечныхъ рядовъ, сумма которыхъ превышаетъ всякую опредѣленную величину, очень многіе совершенно понятны, не то что при большихъ, но и при очень скромныхъ свѣдѣніяхъ въ математикѣ. Напримѣръ, безконечный рядъ

$$1, 2, 3, 4...$$

понятенъ всякому, выучившемуся нумераціи. Еще проще понять безконечный рядъ

$$1 + 1 + 1 + 1 + 1...$$

Чтобы понять его, достаточно узнать значеніе цифры 1 и знака +, такъ что легко понимать его и человѣку, не успѣвшему ознакомиться ни съ какими цифрами, кромѣ единицы. А сумма того ли другого ли изъ этихъ рядовъ превышаетъ всякую данную величину.

И добро бы тѣ ряды, пониманіе которыхъ иллюзіонизмъ провозглашаетъ превышающимъ силы человѣческаго мышленія, были изъ числа рядовъ, пониманіе которыхъ невозможно безъ пониманія какихъ-нибудь формулъ, непонятныхъ людямъ, не изучавшимъ высшую математику. Нѣтъ, дѣло идетъ о рядахъ, понимаемыхъ всѣми грамотными людьми. Та математическая истина, что человѣческій умъ не въ силахъ понимать безконечную дѣлимость, провозглашается по поводу вопроса, — понятна ли человѣку простѣйшая изъ сходящихся геометрическихъ прогрессій, понимать и суммировать которыя научаетъ всѣхъ желающихъ арифметика; дѣло тутъ идетъ о прогрессіи

$$1, \frac{1}{2}, \frac{1}{4}, \frac{1}{8}.....$$

Этого ряда чиселъ не въ силахъ мыслить человѣческій умъ. А вторая, математическая истина, говорящая, что пониманіе безконечныхъ рядовъ превышаетъ силы человѣческаго мышленія, говоритъ это по поводу простѣйшаго изъ рядовъ чиселъ, формируемыхъ чрезъ сложеніе, о рядѣ чиселъ, съ неостижимостью котораго мы уже ознакомились:

$$1 + 1 + 1 + 1 + 1...$$

Да, объ этихъ двухъ рядахъ чиселъ, — объ этихъ, именно объ этихъ, математическая истина говоритъ, что пониманіе ихъ превосходитъ силы человѣческаго мышленія.

Какую-жъ надобность имѣетъ математическая истина говорить это? — А извольте читать:

«Понятіе о пространствѣ требуетъ мыслить о пространствѣ какъ о дѣльномъ до безконечности и какъ о безграничномъ. Мыслить безконечную дѣльность нашъ умъ не можетъ; это превышаетъ силы человѣческаго мышленія. А мыслить безграничность, значить мыслить безконечный рядъ, образуемый сложениемъ конечныхъ величинъ; это также превышаетъ силы человѣческаго мышленія. Итакъ, понятіе о пространствѣ требуетъ, чтобы нами было мыслимо то, чего мы не можемъ мыслить; всякая наша попытка мыслить понятіе о пространствѣ—попытка мыслить невысказанное. Изъ этого ясно, что понятіе о мышленіи—понятіе, противорѣчащее самому себѣ, то-есть иллюзія нашего мышленія, и что нѣтъ и не можетъ быть ничего сообразнаго съ этою иллюзіею».

Анализъ, какъ видите, очень хорошій,—ни чѣмъ не хуже нашего анализа понятія объ умноженіи. Математическая истина очень любитъ такіе анализы. Сильно нравится ей и этотъ. А если бы мы могли мыслить рядъ дробей, о которомъ мы говорили, и мыслить рядъ слагаемыхъ единицъ, то мы нашли бы этотъ прекрасный анализъ понятія о пространствѣ—фальшивымъ пустословіемъ, противорѣчащимъ ариметикѣ. Потому-то математическая истина и говоритъ, что нашъ умъ не можетъ не формировать какой бы то ни было-бы геометрической прогрессіи, ни мыслить сложения. Вы видите, она говоритъ это по надобности. А вы думали, — по капризу. Не хорошо вы думали, не хорошо.

Анализъ понятія о времени иллюзионизмъ производитъ буквально повтореніемъ своего анализа понятія о пространствѣ, лишь съ подстановкою соотвѣствующихъ терминовъ: поставьте слово «время» на мѣсто слова «пространство» и слово «вѣчность» вмѣсто слова «безграничность» — и будетъ готово: понятіе о времени — иллюзія: ничего сообразнаго съ этою иллюзіею нѣтъ и не можетъ быть.

Понятія о движеніи, о матеріи сами собою исчезаютъ изъ нашего мышленія, когда изъ него исчезли понятія о пространствѣ и времени, такъ что для ихъ изгнанія изъ нашихъ мыслей пожалуй и не нужно было-бы особыхъ анализовъ. Но иллюзионизмъ щедръ: онъ даетъ намъ и особый анализъ понятія о движеніи, и особый анализъ понятія о матеріи, и анализы понятій о силѣ, о причинѣ, — все это на основаніи математической истины, на основаніи тѣхъ же самыхъ заявленій ея, которыя разрушили наши понятія о пространствѣ и времени, или какихъ-нибудь другихъ такихъ же заявленій, — всякихъ, какихъ угодно ему: математическая истина такъ любитъ его анализы, что съ удовольствіемъ говоритъ все надобное для составленія ихъ.

Математическая истина поступаетъ похвально, дѣлая такъ. Но откуда берется у нея сила на это? Отрицать ариметику — такое дѣло, на которое математическая истина, разумѣется, не можетъ имѣть достаточныхъ собственныхъ талантовъ. Очевидно, что она почерпаетъ ресурсы на это изъ какой-нибудь другой истины, глубже ея проникающей въ тайны схоластической премудрости. И легко догадаться, изъ какой именно истины заимствуетъ она силу говорить все, что нужно иллюзионизму. Математика лишь примѣненіе законовъ мышленія къ понятіямъ о количествѣ, геометрическому тѣлу и т. д. Она лишь одинъ изъ видовъ прикладной логики. Итакъ, ея сужденія находятся подъ властью логической истины. А логическую истину иллюзионизмъ безпрятственно изобрѣтаетъ самъ, какую хочетъ. Схоластика, это по преимуществу — диалектика. Иллюзионизмъ чувствуетъ

себя полнымъ хозиномъ логики: «законы нашего мышленія» — эти слова умѣть онъ припутать ко всякой мысли, какую хочетъ онъ выдать за логическую истину. И этимъ онъ импонируетъ; въ этомъ его сила, — въ умѣнь дробить и соединять абстрактныя понятія, плести и плести силлогистическія путаницы, въ которыхъ теряется человѣкъ, непривычный къ распутыванію діалектическихъ хитросплетеній.

«Человѣческое мышленіе — мышленіе существа ограниченаго; потому оно не можетъ вмѣщать въ себѣ понятіе о безконечномъ. Такъ говоритъ логика. Изъ этого ясно, что понятіе о безконечномъ — понятіе, превышающее силы нашего мышленія».

Математическая истина не можетъ противорѣчить логической.

И въ эту ловушку, устроенную иллюзіонизмомъ изъ перепутыванія незнакомаго математикѣ понятія объ онтологическомъ безконечномъ съ математическимъ понятіемъ о безконечномъ, попадаютъ люди, хорошо знающіе математику, даже первоклассные спеціалисты по ней, и, попавшись въ ловушку, стараются воображать, будто бы въ самомъ дѣлѣ есть какая-то истина въ увѣреніи иллюзіонизма, что математическая истина одинаково съ логическою, — говорящую вовсе не о томъ, — требуетъ признанія неспособности человѣческаго мышленія охватывать математическое понятіе о безконечномъ.

Иллюзіонизмъ любитъ математику. Но онъ любитъ и естествознаніе.

Его анализы основныхъ понятій естествознанія, превращающіе въ миражъ всѣ предметы естествознанія, основываются на истинахъ логики и математики; но его выводы изъ его анализовъ подтверждаются истинами естествознанія. Онъ очень уважаетъ истины естествознанія — точно такъ же, какъ истины логики и математики. Потому-то всѣ естественныя науки и подтверждаютъ его выводы. Физика, химія, зоологія, фізіологія, въ признательность за его уваженіе къ ихъ истинамъ, свидѣтельствуютъ ему о себѣ, что онѣ не знаютъ изучаемыхъ ими предметовъ, знаютъ лишь наши представленія о дѣйствительности, не могущія быть похожими на дѣйствительность, — что онѣ изучаютъ не дѣйствительность, а совершенно несообразныя съ нею галлюцинаціи нашего мышленія.

Но что же такое эта система превращенія нашихъ знаній о природѣ въ миражъ посредствомъ миражей схоластической силлогистики? Неужели же приверженцы иллюзіонизма считаютъ его системою серьезныхъ мыслей? Есть между ними и такіе чудаки. Но огромное большинство сами говорятъ, что ихъ система не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Не этими словами говорить, само-собою разумѣется, но очень ясными словами, приблизительно, такими:

Философская истина — истина собственно философская, а не какая нибудь другая. Съ житейской точки зрѣнія, она не истина и съ научной точки зрѣнія — тоже не истина.

То-есть: имъ нравится фантазировать. Но они помнятъ, что они фантазируютъ.

И разстанемся съ ними.

Наши знанія — человѣческія знанія. Познательныя силы человѣка ограничены, какъ и всѣ его силы. Въ этомъ смыслѣ слова, характеръ нашего знанія

обусловливается характером наших познавательных силъ. Будь органы нашихъ чувствъ болѣе воспримчивы и нашъ разумъ болѣе силенъ, мы знали бы больше, нежели знаемъ теперь, и, разумѣется, нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ нашихъ знаній видоизмѣнились бы, если бы наши знанія были обширнѣе нынѣшнихъ. Расширеніе знаній вообще сопровождается видоизмѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ прежняго запаса ихъ. Исторія наукъ говоритъ, что очень многія изъ прежнихъ знаній видоизмѣнились, благодаря тому, что теперь мы знаемъ больше, чѣмъ знали прежде.

Такъ. Но не остановимся-жъ на займетвованіи изъ исторіи наукъ неопредѣленнаго выраженія: «расширеніе знаній сопровождается видоизмѣненіемъ ихъ». Позаботимся ознакомиться съ нею побольше; всмотримся, какія-жъ черты знаній видоизмѣняются отъ расширенія знаній. Мы увидимъ, что существенный характеръ фактическихъ знаній остается неизмѣннымъ, каково бы ни было расширеніе ихъ. Возьмемъ, для примѣра, исторію расширенія знаній о водѣ.

Термометръ далъ намъ знанія о томъ, при какомъ именно повышеніи температуры вода закипаетъ, при какомъ именно пониженіи замерзаетъ. Прежде мы не знали этого. Въ чемъ состоятъ видоизмѣненія нашихъ прежнихъ знаній, произведенныя этими новыми знаніями?—Прежде мы знали только, что когда вода закипаетъ—она очень согрѣлась, а когда замерзаетъ, то очень остыла. Неопредѣленные понятія, выражаемыя словами «вода закипаетъ, очень согрѣвшись, а замерзаетъ, очень охладившись», перестали-ли быть вѣрны? — Они остались правдою. Новыя знанія видоизмѣнили ее лишь тѣмъ, что дали ей опредѣленность, которой не имѣла она. Химія дала намъ знаніе совершенно новое: вода—соединеніе кислорода съ водородомъ. Объ этомъ не было у насъ вовсе никакого знанія, хотя-бъ и самаго неопредѣленнаго. Но перестала-ль вода быть водою оттого, что мы узнали ее происхожденіе, о которомъ прежде не знали совершенно ничего? Вода и теперь все та же самая вода, какою была до этого открытія. И всѣ тѣ знанія о водѣ, какія были у насъ до него, остались вѣрны и послѣ него. Видоизмѣненіе ихъ ограничилось тѣмъ, что къ нимъ присоединилось опредѣленіе состава воды.

Есть дикари, не знающіе льда и снѣга. И быть можетъ еще остаются дикари, не умѣющіе кипятить воду и, быть можетъ, не догадывающіеся, что туманъ—водяной паръ. Если такъ, то существуютъ люди, знающіе лишь одно изъ трехъ состояній воды,—капельножидкое,—не имѣющіе знанія, что она бываетъ и твердымъ тѣломъ, и тѣломъ газообразнымъ. Но то, что знаютъ они о водѣ въ единственномъ извѣстномъ имъ состояніи, ея—ошибочное ли знаніе?—Вода, пока она не ледъ или снѣгъ и не паръ, а вода въ тѣсномъ смыслѣ слова. — та самая вода, которую знаютъ они. И ихъ знанія о водѣ—знанія вѣрныя... очень скудныя, но вѣрныя.

И отъ какого расширенія нашихъ знаній, о водѣ ли, или о чемъ бы то ни было иномъ, измѣнились бы тѣ свойства воды, которыя мы знаемъ? Продолжали бы вода при обыкновенной температурѣ оставаться жидкостью, какъ теперь, каково бы ни было расширеніе нашихъ знаній? Или расширеніе нашихъ знаній перемѣнитъ этотъ фактъ? Удѣльный вѣсъ воды при данной температурѣ измѣнится ли отъ нашего знанія о немъ ли, о чемъ ли иномъ? Пока мы не умѣли опредѣлять, онъ былъ тотъ же самый: теперь мы умѣемъ опредѣлять его съ довольно большою точностью, но не вполне точно: что можетъ дать намъ относительно его какое бы то ни было расширеніе нашихъ знаній? Оно можетъ дать намъ

лишь болѣе точное опредѣленіе того же самаго, что и теперь мы знаемъ съ довольно большою точностью.

Мы—существа, способныя ошибаться, и каждому изъ насъ очень часто случается въ житейскихъ дѣлахъ ошибаться. Потому каждый разсудительный человѣкъ знаетъ, что въ житейскихъ дѣлахъ надобно всматриваться и вдумываться, когда желаешь не надѣлать слишкомъ много, слишкомъ грубыхъ ошибокъ. То же самое и въ научныхъ дѣлахъ. Потому въ каждой спеціальной наукѣ выработаны правила осторожности, какія нужны въ частности для нея. Кромѣ того есть особая наука, логика, говорящая о правилахъ осторожности, соблюдать которыя надобно во всѣхъ научныхъ дѣлахъ. Но какъ бы хороши ни были правила и какъ бы усердно ни старались мы соблюдать ихъ, все-таки мы остаемся существами, всѣ способности которыхъ ограничены, ограничена и способность избѣгать ошибокъ. Потому при всей возможной заботливости добросовѣстныхъ изслѣдователей истины различать достовѣрное отъ недостовѣрнаго, всегда оставалась и теперь безспорно остается въ человѣческихъ знаніяхъ ускользнувшая отъ вниманія изслѣдователей примѣсь недостовѣрнаго и ошибочнаго.

Она остается. И чтобъ уменьшать ее, ученые должны подвергать провѣркѣ всѣ тѣ знанія, относительно которыхъ есть хоть малѣйшая возможность разумнаго сомнѣнія, вполнѣ ли достовѣрны они.

Того требуетъ разумъ. Присмотримся повнимательнѣе, какъ можно внимательнѣе къ этому его требованію.

Предположимъ, что взрослый человѣкъ, любознательный, но не имѣвшій случая выучиться ариметикѣ, находитъ наконецъ возможность начать учиться ей и понемножку добирается до таблицы умноженія. Что надобно сказать о немъ, если онъ рѣшитъ, что не долженъ принимать ее за истину безъ провѣрки?—Его рѣшеніе разумно. Вы, если подойдете къ нему, когда онъ считаетъ, дѣйствительно ли выходятъ по счету на каменикахъ или горошинахъ тѣ цифры, которыя напечатаны въ клѣточкахъ таблицы умноженія, вы назовете его за это человѣкомъ умнымъ.— Но онъ провѣрилъ таблицу. Всѣ цифры въ ней вѣрны. Что теперь посоветуете вы ему?—Снова приняться за провѣрку таблицы, провѣренной имъ?—Онъ осмѣялся бы васъ, и былъ бы правъ.—Разумъ требуетъ отъ учащагося ариметикѣ, чтобъ онъ провѣрилъ таблицу умноженія. Но когда онъ разъ провѣрилъ ее, разумъ говорить ему: «Для тебя она остается подлежащею ни малѣйшему сомнѣнію на всю твою жизнь».

И всѣ ли клѣточки таблицы умноженія велитъ разумъ провѣрять тому, кто учится ариметикѣ?—Если бы вы спросили у взрослого неглупаго человѣка, котораго застали за тою провѣркою таблицы умноженія, съ первой ли клѣточки началъ онъ провѣрку, онъ отвѣчалъ бы вамъ: «въ первой клѣточкѣ напечатано, что однажды одинъ—одинъ: тутъ нечего провѣрять; и во всемъ томъ рядѣ клѣточекъ, гдѣ поставлены цифры, соответствующія умноженію на единицу, тоже нечего провѣрять. Въ слѣдующихъ рядахъ иное дѣло: въ нихъ провѣрка необходима. По ту клѣточку, въ которой напечатано, что дважды два—четыре, я оставилъ безъ провѣрки: мнѣ ужъ прошла надобность провѣрять ее; эту цифру я ужъ давно выучился знать, безъ книги: провѣрка этой цифры сдѣлана мною давно, давно, и повторять провѣрку ея теперь — было бы глупо мнѣ». — Если бы вы сказали:

Напрасно ты положился на свою память» — правы были-ль бы вы?

Осмотрительность необходима. Но и осмотрительности есть разумный предѣлъ. Такъ говорить разумъ о житейскихъ дѣлахъ. Разумность сомнѣнія имѣеть свои предѣлы и въ наукѣ, какъ въ жизни.

Вы пишете письмо, довольно длинное. Вы кончили его. Вы прочитываете его, всматриваясь, не сдѣлали-ль какія нибудь описки: поправляете, какія замѣтите. Не пересчитать ли еще разъ? — Если оно длинно, то не бесполезно. — Но, быть можетъ, и послѣ втораго просмотра остались, и послѣ третьяго останутся какія нибудь незамѣченныя вами описки?—Очень можетъ быть. И хотя бы пересчитали двадцать, тридцать разъ, все-таки могутъ остаться ускользнувшими какія нибудь описки: письмо длинно. Но и не пересчитывать же вамъ его хоть бы десять, не то что тридцать разъ. Что жъ вы дѣлаете? — Письмо длинно. И, пожалуй, каждое слово въ немъ важно. Пусть каждое. Но существенное значеніе имѣютъ лишь нѣсколько словъ. Всѣ остальные, какъ бы ни были важны, ничтожны передъ важностью этихъ немногихъ. — И, просмотрѣвъ письмо разъ, много два, вы всматриваетесь въ эти немногія слова, только въ эти немногія. Ихъ немного. Въ нихъ не очень трудно всмотрѣться очень хорошо. И вы, если вы человѣкъ съ обыкновенною, — лишь бы съ обыкновенною, и того довольно, — силою человѣческой внимательности, — спокойно можете сказать себѣ: «довольно», и вложить письмо въ конвертъ; вы знаете, хорошо знаете, что въ существенныхъ словахъ нѣтъ описки; а если и осталось не замѣчено вамъ нѣсколько описковъ въ остальномъ, длинномъ, то сущность письма не въ этомъ остальномъ, хоть оно и велико по количеству строкъ, и если что нибудь въ этомъ остальномъ длинномъ и ошибочно, нѣтъ большой бѣды въ томъ. Такъ ли велитъ разумъ поступать въ житейскихъ дѣлахъ? И такъ ли велитъ онъ думать о разныхъ степеняхъ сомнительности разныхъ частей ихъ состава? И не говорить ли онъ, что даже въ житейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ, по многочисленности ихъ состава, не можемъ мы ручаться за совершенную достовѣрность всѣхъ частей, бываютъ части совершенно достовѣрныя?

А что, если все письмо состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ? А что, если только изъ одного, коротенькаго? Напримѣръ, если вы написали письмо, которое все состоитъ лишь въ слѣдующихъ словахъ: «здоровъ ли ты»?—Трудно будетъ вамъ написанное вами рассмотреть такъ хорошо, что вашъ разумъ рѣшитъ: описки тутъ нѣтъ, отсутствіе описковъ вполне достовѣрно? трудно сдѣлать такую хорошую провѣрку такого короткаго письма?—А если вы, самъ получивъ письмо, состоящее изъ одного вопроса, здоровы ли вы, отвѣчаете на него письмомъ, состоящимъ изъ одного слова «да», — то очень мудрено будетъ вамъ вполне изучить написанное вами до такой степени, что не останется для васъ возможности сколько нибудь разумнаго сомнѣнія въ отсутствіи описковъ?

Это о житейскихъ дѣлахъ. Въ нихъ разумъ велитъ намъ быть осмотрительными, но и ставить нашей осмотрительности границы, переходя которыя она изъ разумной осмотрительности превращается въ глупость.

А въ дѣлахъ науки разумъ развѣ теряетъ права, принадлежащія ему въ дѣлахъ жизни?

Не будемъ говорить о томъ, допускаетъ ли разумъ возможность сомнѣнія въ математическихъ знаніяхъ, какія мы приобрѣли. Это — абстрактныя знанія. Будемъ говорить лишь о конкретныхъ знаніяхъ, о которыхъ исключительно и

думаютъ разсудительные ученые, когда говорятъ о томъ, достовѣрны ли наши знанія.

Пока ученый, расположенный восхищаться силою человѣческаго разума подвергать своему суду все, или, наоборотъ, расположенный печалиться о слабости нашихъ познавательныхъ способностей, забываетъ о скромной истинѣ въ увлеченіи эффектными внушеніями горячаго чувства, ему легко писать безоговорочныя тирады о томъ, что всѣ наши знанія могутъ быть подвергаемы сомнѣнію. Но это будетъ игра разгоряченной фантазіи, а не что-нибудь разсудительное. Лишь начнемъ хладнокровно пересматривать содержаніе какой-нибудь области научнаго знанія, — какой бы то ни было, — мы безпрестанно будемъ находить въ ней такія знанія, о которыхъ разумъ образованнаго человѣка рѣшаетъ: «въ совершенной достовѣрности этого свѣдѣнія тебѣ нельзя сомнѣваться, не отрекаясь отъ имени разумнаго существа».

Возьмемъ для примѣра одну изъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ примѣсъ недостовѣрнаго наиболѣе велика, — исторію.

«Аѳиняне побѣдили персовъ при Мараѳонѣ» — достовѣрно ли это или сомнительно? — «Греки побѣдили персовъ при Саламинѣ»; «греки побѣдили персовъ при Платеѣ» — и т. д., и т. д., — возможно ли образованному человѣку имѣть хотя малѣйшее сомнѣніе въ достовѣрности этихъ его знаній, формулированныхъ этими простыми, краткими словами? — Подробности нашихъ свѣдѣній, напр., о мараѳонской битвѣ, могутъ и должны быть предметомъ провѣрки, и многія изъ нихъ, кажушіяся очень достовѣрными, могутъ оказаться или сомнительными, или невѣрными. Но сущность знанія о мараѳонской битвѣ уже давно провѣрена каждымъ образованнымъ человѣкомъ, провѣрена его чтеніемъ не то что лишь разказовъ собственно объ этой битвѣ, а всѣмъ его чтеніемъ, всѣми его разговорами, всѣми его знаніями о жизни цивилизованнаго міра, — не прошлой только, но, главное, нынѣшней жизни цивилизованнаго міра, — той жизни, въ которой фактически участвуетъ онъ самъ. Если бы не было мараѳонской битвы и если бы не побѣдили въ ней аѳиняне, весь ходъ исторіи Греціи былъ бы иной, весь ходъ всей слѣдующей исторіи цивилизованнаго міра былъ бы иной и наша нынѣшняя жизнь была бы иная; результатъ мараѳонской битвы — одинъ изъ очевидныхъ для образованнаго человѣка факторовъ нашей цивилизаціи.

А къ такимъ крупнымъ фактамъ примыкаютъ факты, достовѣрность которыхъ непоколебимо опирается на ихъ достовѣрность.

И что же такое оказывается относительно нашихъ историческихъ знаній? Въ составѣ ихъ безспорно находится много, очень много свѣдѣній недостовѣрныхъ, очень много ошибочныхъ сужденій; но есть въ ихъ составѣ такія знанія, достовѣрность которыхъ для каждаго образованнаго человѣка такъ непоколебима, что онъ не можетъ подвергать ихъ сомнѣнію не отрекаясь отъ разума.

Разумѣется, то, что разумъ говоритъ объ историческихъ знаніяхъ, говоритъ онъ и о всякихъ другихъ конкретныхъ знаніяхъ.

Провѣрены ли имѣть для каждаго образованнаго человѣка его жизнь въ образованномъ обществѣ тѣ его знанія, что въ Англіи есть городъ Лондонъ, во Франціи есть городъ Парижъ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки есть городъ Нью-Йоркъ, и т. д. и т. д., о сотняхъ и сотняхъ городовъ? Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ бывалъ онъ самъ и теперь живетъ или бываетъ въ какомъ-нибудь изъ

нихъ. Во множествѣ другихъ, онъ никогда не бывалъ; но допускаетъ ли его разумъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ достовѣрности его знанія. что дѣйствительно существуютъ и эти сотни городовъ, существованіе которыхъ извѣстно ему лишь по рисункамъ, книгамъ, разговорамъ?

И кончимъ вопросами: четыре ли ноги у лошади? Существуютъ ли львы и тигры? Орлы—птицы это, или нѣтъ? Умѣетъ ли пѣть соловей?—Маленькій ребенокъ можетъ не имѣть достовѣрныхъ отвѣтовъ на эти вопросы: но въ образованномъ обществѣ—лишь очень маленький ребенокъ; десятилѣтній ребенокъ, живущій въ образованномъ обществѣ, не только давнымъ давно пріобрѣлъ эти знанія, но и давнымъ давно переросъ возможность подвергнуться, не отрекаясь отъ разума, хоть малѣйшему сомнѣнію достовѣрность ихъ.

Разумъ подвергаетъ провѣркѣ все. Но у каждого образованнаго человѣка есть множество знаній, которыя ужъ провѣрены его разумомъ и оказались по провѣркѣ не могущими подлежать для него ни малѣйшему сомнѣнію, пока онъ останется человѣкомъ здраваго разсудка.

Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь.

(Предисловіе къ нѣкоторымъ трактатамъ по ботаникѣ, зоологіи и наукамъ о человѣческой жизни. ¹⁾).

Вредно или полезно вредное? — вопросъ, какъ видите, головоломный. Потому ошибиться въ выборѣ между двумя рѣшеніями его очень легко.

Этимъ и объясняется то, что почтенные авторы трактатовъ, предисловіе къ которымъ пишу я, держатся теорій благотворности такъ называемой борьбы за жизнь.

Своимъ основаніемъ они имѣютъ мысль блистательную въ логическомъ отношеніи: «вредное полезно».

Въ какомъ отношеніи къ фактамъ неизбѣжно должна находится теорія, основанная на нелѣпости? Выводы изъ нелѣпости нелѣпы; ихъ отношеніе къ фактамъ — непримиримое противорѣчіе.

Теорія благотворности борьбы за жизнь противорѣчитъ всѣмъ фактамъ каждаго отдѣла науки, къ которому прилагается, и, въ частности, съ особенною рѣзкостью противорѣчитъ всѣмъ фактамъ тѣхъ отдѣловъ ботаники и зоологіи, для которыхъ была придумана и изъ которыхъ расплзлаея по наукамъ о человѣческой жизни.

Она противорѣчитъ смыслу всѣхъ разумныхъ житейскихъ трудовъ чловѣка и, въ частности, съ особенною рѣзкостью противорѣчитъ смыслу всѣхъ фактовъ сѣльского хозяйства, начиная съ первыхъ заботъ дикарей объ охраненіи прирученныхъ ими животныхъ отъ страданій голода и другихъ бѣдъ и съ первыхъ успѣй ихъ разрыхлять заостренными палками почву для посѣва.

Изъ какихъ же матеріаловъ сплетена эта теорія, противорѣчающая всѣмъ житейскимъ и научнымъ знаніямъ, и какимъ процессомъ мышленія приплетена къ наукѣ? Свѣдѣнія объ этомъ добродушно сообщитъ публикѣ составитель ея: съ

¹⁾ *Русская Мысль* нѣсколько разъ помѣщала статьи въ разъясненіе и защиту эволюціонной теоріи отъ одностороннихъ на нее нападеній. Въ нашемъ обществѣ, однако, продолжаютъ иногда смѣшивать эту плодотворную научную теорію съ попытками сѣузить ея смыслъ и значеніе, съ стремленіемъ доказывать, что эволюція (трансформизмъ) обусловливается исключительно борьбою за существованіе, которая будто бы всегда благотвѣтельна, всегда ведетъ къ прогрессу. Въ виду такого смѣшенія понятій, редакція *Русской Мысли* сочла своимъ долгомъ дать мѣсто статьѣ писателя *Старою трансформиста*, какъ онъ на этотъ разъ подписался. Примѣчаніе Редакціи *Русской Мысли*, въ которой была помѣщена эта статья (1888, Сент.).

идиллическою наивною, рѣдкою въ наши времена и тѣмъ болѣе умирительною, повторяютъ ихъ многіе изъ почтенныхъ авторовъ, къ трактатамъ которыхъ пишу я предисловіе. Въ невинности души своей они не подозрѣваютъ, какую грустную исторію жалкихъ недоразумѣній пересказываютъ.

Къ повторяемымъ ими указаніямъ его на клочки мыслей, послужившихъ матеріалами для сплетенія этой теоріи, я присоединю изложеніе оставшагося неизвѣстнымъ или непонятнымъ и для нихъ, какъ для него, смысла той доктрины, изъ состава которой вырванъ лоскутъ, послужившій основой теоріи благотворности борьбы за жизнь.

Это ученіе имѣетъ публицистическій характеръ. Для правильнаго пониманія произведеній публицистики надобно знать историческія обстоятельства, при которыхъ возникли они, и политическіе мотивы, которыми они порождены.

Сто лѣтъ тому назадъ Англіей правила аристократія. Она дѣлилась на двѣ партіи: консервативную—торійскую и либеральную—вигистскую. Соотвѣтственно перемѣнамъ историческихъ обстоятельствъ, большинство въ палатѣ общинъ пріобрѣтала и брала власть въ свои руки то одна, то другая. По окончаніи войны съ возставшими американскими колоніями и съ Франціей, партія виговъ заявляла, что необходимо произвести большія реформы. Торійская партія не видѣла возможности говорить, что онѣ не нужны; самъ вождь ея, Питтъ, предлагалъ проекты важныхъ преобразованій; тактика ея ограничивалась тѣмъ, чтобы затягивать дѣло. Власть была въ ея рукахъ. Поэтому дѣло затягивалось. Въ этомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Началась французская революція. Рѣзкія рѣчи и кровавыя сцены, которыми съ самаго начала сопровождалась она, привели большинство виговъ къ мысли, что опасно колебать существующій порядокъ на родинѣ; оно перешло на сторону тори. Въ палатѣ общинъ осталось мало приверженцевъ реформъ; по своей малочисленности они были безсильны. Проекты реформъ были отброшены. Но въ массѣ англійской публики множество людей сохранили либеральный образъ мыслей. Утрата надежды на реформы раздражала ихъ; негодованіе придавало все болѣе и болѣе радикальный оттѣнокъ ихъ мнѣніямъ. Коалиція тори и большинства виговъ стала опасаться, что они подымутъ народъ на вооруженную борьбу. Чтобы предотвратить это, парламентъ въ 1793 году остановилъ дѣйствія акта Habeas Corpus, то-есть уполномочилъ правительство производить произвольные аресты. Въ такихъ дѣлахъ уполномоченіе означаетъ повелѣніе. Министерство было бы смѣнено палатой общинъ, если бы не стало дѣйствовать безпощадно. Преслѣдованія развивали въ либеральной части англійскаго общества склонность къ радикализму.

Таково-то было настроеніе очень значительной части англійской публики въ 1793 году.

Въ этомъ году человѣкъ очень сильнаго ума, великаго литературнаго таланта и вполне радикальнаго образа мыслей, Уильямъ Годунинъ, издалъ *Исслѣдованіе о политической справедливости* (Inquiry concerning Political Justice), трактатъ о томъ, какія государственныя учрежденія соотвѣтствуютъ справедливости. Излагая ихъ, Годунинъ доказывалъ, что они благотворны и что несообразныя съ справедливостью англійскія учрежденія производятъ вредъ массѣ народа, пороки и преступленія. Это было ученое изслѣдованіе; но, благодаря таланту автора, оно было написано увлекательно.

Впечатлѣніе, произведенное имъ, было громадно.

Публицисты господствующей партіи не могли найти никакихъ дѣльныхъ возраженій противъ доводовъ Годуина. Она, по ходу историческихъ обстоятельствъ, продолжала господствовать въ палатѣ общинъ и править государствомъ. Но ея дѣло казалось безвозвратно проиграннымъ передъ судомъ разума и совѣсти.

Подъ этимъ гнетомъ умственного и нравственного пораженія она оставалась пять лѣтъ.

И вотъ, наконецъ, въ 1797 году явился на защиту ея владычества боецъ, сѣмѣвшій найти аргументацію, которая отнимала всякое значеніе у всѣхъ доводовъ Годуина. Этотъ побѣдоносный защитникъ политической системы, отвергавшей всякія реформы, даже самыя легкія и очевидно полезныя для государства, былъ Мальтусъ; свою сокрушающую всѣ доводы Годуина аргументацію онъ изложилъ въ *Трактатъ о принципѣ размноженія населенія* (An Essay on the Principle of Population).

Понятно, съ какимъ восторгомъ господствующая партія привѣтствовала книгу, доставлявшую полное оправданіе ея системѣ отказа во всякихъ реформахъ.

То, что теорія Мальтуса составлена съ цѣлью опровергнуть доводы Годуина, оправдать систему отказа во всякихъ реформахъ, было забыто экономистами слѣдующаго поколѣнія и рѣдко припоминается нынѣшними. Въ обыкновенныхъ изложеніяхъ ея передается только аргументація, служившая Мальтусу подготовкой вывода, а выводъ, въ которомъ вся сущность дѣла, оставляется безъ упоминанія. Этотъ выводъ—тотъ, какой былъ надобенъ для отнятія силы у доводовъ Годуина. Защищать англійскія учрежденія оказалось невозможно; Мальтусъ разсудилъ, что защитѣ отказа въ реформахъ должно отдѣлится отъ вопроса о томъ, хороши или дурны существующія англійскія учрежденія, что единственная возможность оправдать политику господствующей партіи дается безусловнымъ отрицаніемъ полезности улучшеній государственнаго устройства, независимо отъ того, хорошо или дурно оно. Онъ и прискивалъ аргументацію, дающую надобный выводъ. Она извѣстна всѣмъ. Потому было бы излишнимъ подробно повторять ее здѣсь. Достаточно напомнить главные черты ея, чтобы видно было, какъ получается изъ нея безусловное оправданіе безусловнаго отказа въ реформахъ. Сама по себѣ она вѣрна; отступленіе Мальтуса отъ истины состоитъ лишь въ томъ, что онъ взялъ за основаніе своей силлогистики одну сторону дѣла, отрицая другія стороны его, и не повелъ аргументацію дальше того звена ея, къ которому удобно было прицѣпить надобный ему выводъ. Изложивъ этотъ выводъ, мы возвратимся къ тому звену аргументаціи, на которомъ прерываетъ ее Мальтусъ, доведемъ ее до конца и увидимъ, какой расчетъ заставилъ Мальтуса прервать ее на срединѣ.

Органическія существа имѣютъ силу размножаться. Дѣйствіемъ этой силы каждый видъ органическихъ существъ достигаетъ такой многочисленности, что количество пищи, какое могутъ добывать себѣ эти существа, становится недостаточнымъ для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ ихъ. Потому нѣкоторыя изъ нихъ погибаютъ или прямо отъ голода, или отъ болѣзней, производимыхъ скудостью питанія, или отъ другихъ послѣдствій недостатка пищи. Уцѣлѣвающія существа продолжаютъ размножаться; потому продолжается и процессъ гибели нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ недостаточности количества пищи для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ ихъ. Дѣйствію этого закона природы подлежатъ всѣ тѣ живыя существа, которые называются неразумными. Подлежатъ и люди, когда держатъ себя въ дѣлѣ

размноженія, какъ неразумныя существа. Такъ держитъ себя масса народа въ Англіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Въ каждой изъ этихъ странъ населеніе давно размножилось до такой степени, что количество пищи, добываемое въ ней сельско-хозяйственнымъ трудомъ и получаемое ею изъ другихъ странъ въ обменъ за другіе продукты труда, стало недостаточнымъ для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ живущихъ въ ней людей; потому ея населеніе страдаетъ отъ недостатка пищи и часть его непрерывно погибаетъ отъ послѣдствій недостатка пропитанія, къ числу которыхъ принадлежатъ пороки и преступленія; а уцѣлѣвающее населеніе продолжаетъ размножаться, потому постоянно вновь возникаетъ излишекъ населенія и продолжается процессъ уничтоженія этого излишка страданіями нищеты и послѣдствіями ихъ. И такъ, причина нищеты и ея послѣдствій, пороковъ и преступленій, въ Англіи и подобныхъ ей странахъ — неразумительность массы народа въ дѣлѣ размноженія. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Англіи и подобныхъ ей странахъ нищета и послѣдствія нищеты не могутъ быть прекращены ничѣмъ, кромѣ замѣны неразумительности массы народа въ дѣлѣ размноженія разумительностью. Никакія перемѣны въ политическихъ учрежденіяхъ такой страны не могутъ имѣть вліянія на судьбу народа ея въ экономическомъ отношеніи. Какъ бы дурны ни были учрежденія такой страны, нищета и послѣдствія нищеты въ ней происходятъ не отъ нихъ, а отъ неразумительности ея народа въ дѣлѣ размноженія, и замѣна дурныхъ учрежденій хорошими не можетъ улучшить судьбу ея народа, пока онъ остается неразумителемъ въ дѣлѣ размноженія. Потому въ такой странѣ политическія реформы бесполезны. Требованія ихъ должны быть отвергаемы, какъ пустяки иллюзіи. Напраснаго труда, бесполезной ломки не должны предпринимать разумительные правители.

Ясно, въ чемъ дѣло: Мальтусъ думалъ о тогдашнихъ англійскихъ учрежденіяхъ одинаково съ Годуиномъ: они дурны. Разница лишь въ томъ, что, по мнѣнію Годуина, дурныя учрежденія должны быть замѣнены хорошими, а по мнѣнію Мальтуса — должны быть сохранены.

Потому-то аргументація Мальтуса и обрывается на томъ звенѣ, къ которому удобно прицѣпить желанный выводъ: «реформы бесполезны».

Это звено аргументаціи — мысль, что въ странахъ, подобныхъ Англіи, нищета и ея послѣдствія происходятъ отъ неразумительности массы народа въ дѣлѣ размноженія. Дѣйствительно, неразумительность въ этомъ дѣлѣ очень вредна. Но въ немъ ли одномъ неразумительны люди, неразумительные въ немъ? Нѣтъ; всѣ люди, неразумительные въ этомъ, неразумительны и во многихъ другихъ важныхъ житейскихъ дѣлахъ. А вредна всякая неразумительность; всякая ведетъ къ разстройству здоровья или состоянія и въ важныхъ случаяхъ къ гибели отъ нищеты или ея послѣдствій: болѣзней, пороковъ, преступленій. Потому, при изслѣдованіи причинъ нищеты и ея послѣдствій, слѣдовало бы говорить не исключительно о неразумительности въ дѣлѣ размноженія, а вообще о неразумительности, обо всѣхъ ея видахъ; но это было неудобно для Мальтуса, потому что нѣкоторые виды неразумительности, какъ, напримѣръ, лѣнь, тщеславіе, властолюбіе, находятся въ очевидной зависимости отъ учреждений, развиваются при дурныхъ, ослабѣваютъ при хорошихъ.

Но пусть будетъ такъ, какъ нужно Мальтусу. Предположимъ, что нищета и ея послѣдствія производятся исключительно неразумительностью въ дѣлѣ размноженія. То, какъ держитъ себя человѣкъ въ данномъ дѣлѣ, много зависитъ отъ того,

какъ привыкъ онъ держать себя вообще въ житейскихъ дѣлахъ. Человѣкъ, привыкшій вообще дѣйствовать разсудительно, держитъ себя и въ дѣлѣ размноженія разсудительнѣе, нежели человѣкъ, привыкшій вообще дѣйствовать нерассудительно. Спрашивается: раздражаетъ ли людей испытываемая ими несправедливость? Спрашивается: въ какомъ настроеніи духа человѣкъ дѣйствуетъ разсудительнѣе—въ раздраженномъ или спокойномъ? Спрашивается: къ чему приучаетъ людей несправедливость—къ разсудительности или нерассудительности? И такъ: несправедливыя учрежденія, поддерживая или развивая въ людяхъ привычку вообще поступать нерассудительно, ведутъ ихъ къ нерассудительности и въ дѣлѣ размноженія; потому, даже принимая этотъ видъ нерассудительности за единственную причину нищеты и ея послѣдствій, должно признать, что для устраненія нищеты и ея послѣдствій необходима замѣна несправедливыхъ учрежденій справедливыми.

Такимъ образомъ, аргументація Мальтуса, будучи доведена до конца, даетъ въ выводѣ то самое, что говорилъ Годуинъ.

Мальтусъ хотѣлъ оправдать политическую систему, которой держалась, съ одобренія большинства виговъ, торійская партія, правившая Англію. Для этого онъ выставилъ одинъ изъ видовъ нерассудительности производящимъ всю ту сумму зла, которая производится суммой дѣйствія всѣхъ видовъ нерассудительности, и оборвалъ свою аргументацію на половинѣ пути къ правильному выводу, чтобы подмѣнить его фальшивымъ. Но въ основаніе этой слишкомъ узкой и не доведенной до конца аргументаціи онъ взялъ вѣрную мысль: когда люди не сдерживаютъ силой разума силу размноженія, они размножаются до такой степени, что количество пищи, какое могутъ добывать они, становится недостаточнымъ для удовлетворительнаго пропитанія всѣхъ ихъ.

Историческія обстоятельства, заставлявшія большинство виговъ поддерживать тори, длились много лѣтъ. Но, наконецъ, они миновали. Тогда большинство виговъ возвратилось къ прежнимъ своимъ принципамъ, которымъ оставалось вѣрно меньшинство. Одинъ изъ вождей торійской партіи, Кэннингъ, понявъ, что она не можетъ сохранить въ своихъ рукахъ власть иначе, какъ взявшись сама за исполненіе реформъ, которыхъ требовала грозная своимъ числомъ оппозиція виговъ, и въ 1827 году оттолкнулъ отъ власти другихъ вождей торійской партіи, не принявшихъ его программу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ. Прогнанные имъ отъ власти вожди торійской партіи, Уэллингтонъ и Робертъ Пиль, снова получили ее; но ужъ и сами видѣли, что необходимо производить реформы, чтобы удержать ее за собой. Съ той поры, съ 1828 года, торійская партія постоянно хвалится своею преданностью дѣлу улучшеній; безъ этой похвалы ей невозможно добиться власти, и, добившись власти, она часто видитъ себя въ необходимости производить реформы. Та политическая система, въ защиту которой составилъ свою теорію Мальтусъ, безвозвратно рушилась вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ тому теперь.

Еще ранѣе, чѣмъ потеряла свой житейскій, политическій смыслъ, утратила теорія Мальтуса свое научное значеніе. Мыслитель великой силы ума, Рикардо, издалъ въ 1812 году свои *Основанія политической экономіи*,—трудъ, пересоздавшій эту науку. Своею теоріей ренты и своею формулой распредѣленія продукта онъ раскрылъ тотъ законъ экономической жизни, на который смутно, слабо и съ примѣсю фальши указывала теорія Мальтуса. Съ того времени экономистамъ слѣдовало бы сдать теорію Мальтуса въ историческій архивъ. Но она раньше

того надѣлала такого шума, что у большинства экономистовъ и до сихъ поръ звенить въ ухахъ отъ него. Потому она по сихъ поръ излагается въ трактатахъ о политической экономіи и, благодаря этому, остается извѣстна всѣмъ.

Теперь мы можемъ перейти къ разсказу о томъ, по какому случаю теорія Мальтуса, составленная исключительно для рѣшенія одного изъ специальныхъ вопросовъ политической экономіи, была перенесена въ ботанику и зоологию, и какой судьбѣ подверглась она при этомъ перенесеніи.

До половины нашего столѣтія силы изслѣдователей, занимавшихся разработкой ботаники и зоологіи, были поглощены трудами по описанію формъ растений и животныхъ, внутренняго устройства ихъ, дѣятельности ихъ органовъ, развитія ихъ изъ зародыша до полного роста. Это были задачи громаднхъ размѣровъ. Работа надъ ними не оставляла огромному большинству ботаниковъ и зоологовъ досуга много заниматься вопросомъ о происхожденіи нынѣшнихъ видовъ растений и животныхъ. Изслѣдуя настоящія формы организмовъ, они видѣли, что эти формы существовали съ самаго начала нашихъ историческихъ свѣдѣній; по недосугу заниматься специальными изслѣдованіями вопроса объ этомъ постоянствѣ формъ, они вообще приняли рѣшеніе, представляющееся очевиднымъ для поверхностнаго взгляда: нынѣшніе виды растений и животныхъ неизмѣнны. Въ геологическихъ наслоеніяхъ, образовавшихся въ отдаленныя времена, были находимы остатки растений и животныхъ, несходныхъ съ нынѣшними; естественнымъ выводомъ изъ мнѣнія о неизмѣнности нынѣшнихъ видовъ была мысль, что прежніе, несходные съ ними виды погибли, не оставивъ потомства въ нынѣшнихъ флорѣ и фаунѣ. Это казалось тѣмъ болѣе достовѣрнымъ, что подтверждалось геологическою теоріей, по которой поднятія материковъ изъ моря и погруженія ихъ въ море считались совершавшимися съ быстротой, производившею катастрофы колоссальнаго размѣра; при такихъ переломахъ неизбѣжно должны были погибать заселенныя ими флоры и фауны.

Это ученіе, дававшее неизмѣнности видовъ геологическую основу, создалъ величайшій изъ натуралистовъ первой трети нашего столѣтія, Кювье, основатель сравнительной анатоміи, преобразователь зоологической классификаціи, творецъ палеонтологіи. Онъ изложилъ его съ гениальною силою мысли въ *Трактатъ о переломахъ поверхности земнаго шара и о перемѣнахъ, произведенныхъ ими въ царствѣ животныхъ*, составляющемъ вступленіе къ его *Изслѣдованіямъ объ ископаемыхъ костяхъ* (*Recherches sur les ossements fossiles*),—труду, которымъ создана была палеонтологія, изданному въ 1812 году.

Ученіе Кювье, доказывающее неизмѣнность видовъ теоріей катастрофъ, уничтожавшихъ флоры и фауны, неодинаковыя съ нынѣшними, очень быстро приобрѣло владычество въ естествознаніи, отчасти благодаря гениальности своего изложенія и громадному авторитету, какой заслужилъ себѣ Кювье техническими трудами по зоологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи, отчасти потому, что общій характеръ этой системы понятій соответствовалъ духу времени, стремившемуся возстановить преданія и отвергавшему все несогласное съ ними. Кювье былъ въ естествознаніи представителемъ того направленія мыслей, которому желать дать господство въ умственной жизни Наполеонъ и которое получило владычество надъ нею при Реставраціи.

Подъ вліяніемъ ученія Кювье были не только отвергнуты почти всѣми нату- а-

листами, но и забыты большинствомъ ихъ всякія мысли о происхожденіи нынѣшнихъ видовъ растеній и животныхъ отъ прежнихъ. Эти мысли существовали издавна. Пока физиологія оставалась очень мало разработана, онѣ были неопредѣленны или фантастичны. Съ развитіемъ физиологическихъ знаній онѣ освобождались отъ этихъ недостатковъ и, наконецъ, получили научную обработку въ геніальномъ трудѣ Ламарка *зоологическая философія* (*Philosophie zoologique*), изданномъ въ 1809 году, за три года до трактата Кювье *Изслѣдованія объ ископаемыхъ костяхъ*. Представитель идей, отвергаемыхъ духомъ времени, Ламаркъ былъ въ 1809 году 65-ти лѣтній старикъ и черезъ два или три года ослѣпъ. Кювье могъ перенебречь имъ, когда готовилъ къ изданію своей *Трактатъ о переворотѣхъ поверхности земнаго шара*, и пренебрегъ, прошелъ совершеннымъ молчаніемъ теорію Ламарка, какъ вздоръ, не заслуживающій хотя бы самаго краткаго возраженія. Съ точки зрѣнія выгоды для своего ученія, создатель теоріи катастрофъ, уничтожавшихъ прежнія флоры и фауны, поступилъ разсчетливо; но съ точки зрѣнія научнаго интереса—несправедливо. Допустимъ, что теорія Ламарка была вполнѣ ошибочна. Но онъ выводилъ ее изъ безспорныхъ фактовъ, которые ужъ были тогда непоколебимо установлены естествознаніемъ: изъ понятія объ органической жизни, какъ о химическомъ процессѣ; изъ закона зависимости организма отъ обстановки его жизни; изъ закона, что объемъ и составъ органа видоизмѣняются подъ вліяніемъ того, дѣйствуетъ органъ или бездѣйствуетъ. Пусть Ламаркъ не умѣлъ правильно понять эти законы органической жизни; пусть выводъ, сдѣланный имъ изъ нихъ, совершенно ложенъ. Надобно было показать, въ чемъ же состоятъ его ошибки,—того требовалъ интересъ науки. Но Кювье разсудилъ, что удобнѣе будетъ пройти теорію Ламарка молчаніемъ, подавить ее презрѣніемъ, чтобы она скорѣе была забыта. Разсчетъ былъ вѣренъ и достигъ полного успѣха. Несообразная съ духомъ времени, непонравившаяся огромному большинству натуралистовъ, теорія ослѣпшаго старика была подавлена презрѣніемъ Кювье и скоро была забыта. Новое поколѣніе натуралистовъ, воспитавшееся подъ владычествомъ идей Кювье, если знало о ней, знало только то, что она—пустое фантазерство, съ которымъ не стоитъ знакомиться; большинство ихъ, какъ должно думать по дальнѣйшему ходу дѣла, даже вовсе не знало и о ея существованіи.

Въ геологій владычество понятій Кювье длилось лѣтъ двадцать или двадцать пять. Несообразность теоріи катастрофъ съ геологическими фактами была раскрыта Лейеллемъ въ трактатѣ *Основанія геологій* (*Principles of Geology*), первый томъ котораго вышелъ въ 1830, а послѣдній въ 1833 году. Пересоздавая геологію, Лейелль доказалъ, что съ того времени, какъ начали отлагаться древнѣйшія изъ наслоеній, содержащихъ въ себѣ отпечатки или остатки растеній или животныхъ, поверхность суши не подвергалась никакимъ катастрофамъ, которыя превосходили бы размѣрами своего дѣйствія наводненія, землетрясенія, изверженія огнедышащихъ горъ; что прежнія катастрофы точно также не могли уничтожать органическую жизнь на материкахъ или большихъ островахъ, какъ не уничтожаютъ ея нынѣшнія, не уступающія имъ силой и размѣромъ; что никакой быстрой гибели прежнихъ флоръ и фаунъ не было, что очень многіе изъ прежнихъ видовъ продолжали существовать, когда нѣкоторые другіе замѣнялись новыми, что смѣны флоръ и фаунъ были, подобно великимъ геологическимъ измѣненіямъ, процессы медленные, тихіе.

Если говорить съ научною строгостью, то должно сказать, что этими выво-

дами была уже опровергнута теорія неизмѣнности видовъ, что спеціалисты по ботаникѣ и зоологіи, принимавшіе геологическую исторію землі, раскрытую Лейблемъ, теряли научное право сомнѣваться въ происхожденіи новыхъ видовъ отъ прежнихъ. Но и въ научныхъ, какъ въ житейскихъ дѣлахъ послѣдовательность образа мыслей приобрѣтается большинствомъ людей не скоро. Какъ большинство общества, усвоивъ себѣ правильныя понятія по какому-нибудь житейскому вопросу, довольно долго сохраняетъ прежнія, несообразныя съ ними мысли по другимъ житейскимъ дѣламъ, вопросамъ, такъ и большинство спеціалистовъ, принявъ правильное рѣшеніе какого-нибудь научнаго вопроса, сохраняетъ на болѣе или менѣе долгое время несообразныя съ нимъ привычныя мнѣнія по другимъ научнымъ вопросамъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ большинство спеціалистовъ, занимавшихся науками объ органическихъ существахъ, уже усвоило себѣ понятія Лейбеля о медленномъ и въ общихъ своихъ чертахъ совершенно спокойномъ ходѣ геологическихъ измѣненій со времени существованія древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ организмовъ; но лѣтъ двадцать послѣ того или продолжало держаться идей Кювье о неизмѣнности видовъ, или не высказывало своего несогласія съ ними по опасенію порицанія за противорѣчіе имъ, какъ за неприличное ученымъ людямъ фантазерство.

А, между тѣмъ, въ ботаническомъ и зоологическомъ знаніи накопились факты, свидѣтельствовавшіе о генеалогическомъ родствѣ между видами. Въ такихъ фактахъ не было недостатка и гораздо раньше, еще во времена Линнея, лѣтъ за сто до половины нашего вѣка. Но въ послѣдніе годы прошлаго и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка большинство спеціалистовъ отвернулось отъ нихъ или давало имъ фальшивое объясненіе, подчиняясь духу времени, стремившемуся возстановить преданія. Во второй четверти нашего столѣтія это направленіе желаній большинства образованнаго общества стало ослабѣвать и мало-по-малу смѣнилось противоположнымъ, вліяніе котораго на спеціалистовъ по ботаникѣ и зоологіи подготавливало соответствующую перемѣну въ ихъ понятіяхъ объ отношеніяхъ между видами.

И, наконецъ, въ 1859 году, черезъ 26 лѣтъ послѣ изданія послѣдняго тома *Основаній геологіи* Лейбеля, разрушившихъ теорію катастрофы, которымъ приписывалось уничтоженіе прежнихъ флоръ и фаунъ, была напечатана книга Дарвина *О происхожденіи видовъ*, разрушившая соединенную съ ученіемъ о катастрофахъ теорію неизмѣнности видовъ, которой слѣдовало бы рушиться лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, если бы въ мысляхъ спеціалистовъ держалось только то, что имѣетъ какую-нибудь опору, кромѣ привычки.

То, что книга, которая произвела этотъ, собственно говоря, запоздавшій переворотъ, была напечатана въ 1859 году, а не позднѣе, было результатомъ особеннаго обстоятельства, принудившаго ея автора посвятить обнародованіемъ своей теоріи, которое безъ того замедлилось бы еще на нѣкоторое время, — по мнѣнію автора, «на два или на три года». Это цѣлая исторія, заслуживающая большого вниманія своею психологическою характерностью и важностью матеріаловъ, какіе даетъ для разъясненія особенностей книги, получившей громадное вліяніе на ходъ науки. Расскажемъ ее на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ о немъ самимъ Дарвиномъ, пополняя ихъ необходимыми біографическими данными.

Въ 1831 году Дарвинъ, въ то время еще очень молодой человѣкъ, только что начинавшій свою ученую дѣятельность, неизвѣстный никому, кромѣ своихъ личныхъ знакомыхъ, былъ назначенъ натуралистомъ ученой экспедиціи, отправля-

емой англійскимъ правительствомъ въ кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ *Beagle*. Экспедиція отплыла изъ Англіи 27 декабря 1831 г. Дарвину было тогда нѣсколько меньше 23 лѣтъ (онъ родился 12 февраля 1809 г.). Экспедиція дѣлала остановки на восточномъ, потомъ на западномъ берегу южной Америки, поплыла сдѣлать остановку въ пустынномъ, еще почти нисколько не изслѣдованномъ натуралистами Галапагосскомъ Архипелагѣ, лежащемъ въ 900 километрахъ отъ ближайшей части западнаго берега Америки. Изучая животныхъ архипелага, Дарвинъ увидѣлъ, что они сходны, но не одинаковы съ животными ближайшей части Америки. Онъ былъ, по его выраженію, «очень удивленъ» этимъ. Раздумье о неожиданномъ фактѣ возбудило въ немъ мысль, что галапагосскія животныя—видоизмѣнившіеся потомки прежнихъ, другіе потомки которыхъ—нынѣшнія сходны съ галапагосскими животными ближайшей части Америки. Потомъ онъ видѣлъ такое же отношеніе другихъ островныхъ фаунъ и флоръ къ фаунамъ и флорамъ ближайшихъ частей материковъ. *Beagle* возвратился въ Англію въ началѣ октября 1836 года. Экспедиція длилась болѣе четырехъ съ половиной лѣтъ. Участіе въ ней молодого натуралиста, отправившагося въ нее безвѣстнымъ, прославило его. Сборникъ наблюденій, привезенный имъ, сразу поставилъ его въ ряду первыхъ натуралистовъ того времени. Онъ сдѣлалъ множество наблюденій чрезвычайно добросовѣстныхъ; въ числѣ ихъ были сотни важныхъ. Въ реестрѣ авторовъ, цитируемыхъ Лейделлемъ въ новыхъ изданіяхъ *Основаній геологій*, выходившихъ между 1845 и 1858 годами, нѣтъ ни одного натуралиста, на котораго было бы столько ссыловъ, сколько на Дарвина. Лѣтъ шесть по возвращеніи изъ экспедиціи онъ занимался обработкой собранныхъ въ ней матеріаловъ, обогащая фактическую часть естествознанія новыми свѣдѣніями. Онъ издалъ въ эти годы *Дневникъ изслѣдованій по естественной исторіи и геологій*, сдѣланныхъ имъ во время экспедиціи, и нѣсколько монографій, важнѣйшая изъ которыхъ *Зоологія плаванія корабля англійскаго королевскаго флота Beagle*; послѣдній томъ ея напечатанъ въ 1843 году. Послѣ того онъ издалъ нѣсколько другихъ монографій; важнѣйшая изъ нихъ *Монографія усконогихъ*, первый томъ которой вышелъ въ 1851, а второй въ 1853 году; прибавленіемъ къ ней служить напечатанное вскорѣ послѣ втораго тома ея изслѣдованіе *Объ ископаемыхъ усконогихъ*. Но задолго до изданія изслѣдованій объ этомъ отдѣлѣ животныхъ, главнымъ предметомъ ученой работы Дарвина сталъ трактатъ, содержаніе котораго было не монографическое, а широкое, охватывавшее все отдѣлы ботаники, зоологій, палеонтологій и многіе отдѣлы другихъ частей естествознанія. Мысль о генеалогическомъ родствѣ между видами, возбужденная въ Дарвинѣ изученіемъ животныхъ Галапагосскаго архипелага и подтвержденная изученіемъ другихъ островныхъ фаунъ и флоръ во время экспедиціи, представляла такую громадную важность, что Дарвинъ не могъ отказаться отъ работы надъ разъясненіемъ ея даже и въ первые годы по возвращеніи изъ экспедиціи, когда необходимо было трудиться надъ обработкой фактическихъ свѣдѣній, собранныхъ во время путешествія. Онъ говоритъ, что съ 1837 года занимался «терпѣливымъ собираніемъ и обдумываніемъ всякихъ фактовъ, о которыхъ можно было полагать, что они имѣютъ какое-нибудь отношеніе» къ вопросу о родствѣ нынѣшнихъ видовъ съ прежними. Послѣ «питательныхъ занятій этимъ», то-есть въ 1842 году, когда онъ кончилъ безотлагательныя работы по описанію фактическихъ результатовъ наблюденій, сдѣ-

ланныхъ во время экспедиціи, и приготовилъ къ печати послѣдній томъ *Zoological plavaniya korablya Beagle*, онъ «сталъ больше прежняго» заниматься изслѣдованіемъ о происхожденіи видовъ; когда вопросъ этотъ показался ему разъяснившимся, онъ написалъ краткій очеркъ своихъ понятій о немъ, а въ 1844 г. «придалъ дальнѣйшее развитіе прежнему очерку и прибавилъ, къ нему выводы, оказавшіеся вѣроятными». «Съ того времени я непрерывно занимался изслѣдованіемъ этого предмета»,—говоритъ онъ и продолжаетъ: «Теперь—въ ноябрѣ 1859 г., когда онъ писалъ предисловіе къ первому изданію книги *О происхожденіи видовъ*,—мой трактатъ почти конченъ; но такъ какъ понадобится еще два или три года, чтобы пополнить его, а мое здоровье не прочно, то меня убѣдили издать это извлеченіе изъ него»—книгу *О происхожденіи видовъ*; онъ постоянно называетъ ее только извлеченіемъ изъ трактата, который надѣется издать года черезъ два или три. «Я увидѣлъ тѣмъ болѣе надобности въ этомъ»,—въ составленіи и обнародованіи извлеченія,—«что г. Уоллесъ, изучая естественную исторію Малайскаго архипелага, пришелъ къ выводамъ о происхожденіи видовъ, почти совершенно одинаковымъ съ моими. Въ 1858 году онъ прислалъ мнѣ статью объ этомъ предметѣ, съ просьбой передать ее сэру Чарльзу Лейеллю, который передастъ ее Линнеевскому обществу. Сэръ Чарльзъ Лейелль и докторъ Гукеръ, — Джозефъ Гукеръ, сынъ Уильяма, и, подобно отцу, знаменитый ботаникъ, — «знавшіе мой трудъ (докторъ Гукеръ даже читалъ очеркъ, написанный мною въ 1844 году), нашли надобнымъ, въ интересахъ моего имени, чтобы одновременно съ статьею г. Уоллеса было обнародовано извлеченіе изъ моего труда.

Уоллесъ былъ много моложе Дарвина, но размѣръ его ученой силы былъ уже вполне выказанъ: онъ имѣлъ въ 1858 году 36 лѣтъ. Онъ приобрѣлъ почтенную извѣстность прекрасными изслѣдованіями, но при всей своей добросовѣстности, они свидѣтельствовали, что ему никогда не стать первокласснымъ ученымъ. Очень вѣроятно, что соображенія объ отношеніи силъ и ученыхъ заслугъ Дарвина и Уоллеса много содѣйствовали настойчивости, съ какою Лейелль и Гукеръ требовали, чтобы Дарвинъ не отнялъ у себя дальнѣйшимъ промедленіемъ славу преобразователя наукъ объ органическихъ существахъ; вѣроятно, имъ казалось несправедливостью допустить, чтобы она досталась второстепенному натуралисту, когда на нее имѣтъ право великій натуралистъ. А во всякомъ случаѣ несправедливостью было бы это по первенству Дарвина въ составленіи той теоріи, къ которой пришелъ Уоллесъ, изучая животныхъ Малайскаго архипелага. Онъ отправился туда въ 1854 году; за десять лѣтъ передъ тѣмъ Гукеръ уже читалъ изложеніе той же теоріи, написанное Дарвиномъ.

И такъ, по убѣжденіямъ Лейелля и Гукера, Дарвинъ составилъ извлеченіе изъ своего труда, и въ собраніи Линнеевскаго общества, 1 іюля 1858 года, была вмѣстѣ съ статьею Уоллеса *О тенденціяхъ разнovidностей неопредѣленно далеко отклоняться отъ первоначальнаго типа* (On the tendencies of Varieties to depart indefinitely from the original type) прочтена статья Дарвина *О тенденціи видовъ образовывать разнovidности и объ упроченіи видовъ и разнovidностей посредствомъ естественнаго отбора* (On the tendency of species to form varieties and on the perpetuation of species and varieties by means of Natural Selection); и обѣ статьи были вмѣстѣ напечатаны въ *Журналь Линнеевскаго Общества*. Статьи Дар-

вина далеко превосходила статью Уоллеса силой развитія основныхъ мыслей и ученостію. За Уоллесомъ осталась та маленькая доля славы, которая по справедливости должна была принадлежать ему; превознося Дарвина, преобразователя наукъ объ органическихъ существахъ, упоминали съ уваженіемъ объ Уоллесе какъ чело-ловѣ, самостоятельно пришедшемъ къ теоріи, одинаковой съ дарвинской, и примѣ-нившимъ ее къ разясненію довольно многихъ фактовъ, о которыхъ мало говори-лось или вовсе не упоминалось въ статьѣ Дарвина. Свою статью, отданную для прочтенія въ Линнеевскомъ обществѣ и напечатанную въ его *Журналѣ*, Дарвинъ сталъ пере-рабатывать и расширять для изданія отдѣльною книгой; объемъ ея очень увеличился при этой переработкѣ, длившейся болѣе года. Такимъ образомъ составлялась знаменитая книга *О происхожденіи видовъ посредствомъ естественнаго отбора* (On the Origin of species by means of Natural Selection), вышедшая въ ноябрѣ 1859 года.

Во введеніи къ ней, рассказывая, по какому случаю сдѣлалъ извлеченіе изъ своего трактата для прочтенія въ Линнеевскомъ обществѣ, Дарвинъ говоритъ, какъ мы видѣли, что трактатъ, извлеченіе изъ котораго сталъ дѣлать онъ, былъ тогда уже почти конченъ, оставалось только пополнить его, и что на это нужно было года два или три. Счетъ времени относится, очевидно, никакъ не позже, чѣмъ къ концу іюня 1858 года, потому что рѣчь идетъ о мотивѣ, по которому авторъ рѣ-шился сдѣлать извлеченіе изъ своего труда, а 1 іюля оно уже было прочтено въ Линнеевскомъ обществѣ. Но допустимъ, что это лишь кажется такъ по вкрадшейся у Дарвина неточности конструкціи и что, выражая надежду кончить работу черезъ два-три года, онъ относилъ начало этого срока не къ тому времени, на которое указываетъ конструкція словъ, а къ тому, въ которое писать, — не къ веснѣ 1858 г., когда имъ было принято рѣшеніе составить извлеченіе, а къ ноябрю 1859 г., когда кончалось печатаніе извлеченія въ новой, расширенной формѣ. Въ такомъ случаѣ, конецъ трехлѣтняго срока не весна 1861, какъ выходитъ по фор-мальному смыслу словъ, а конецъ 1862 года, какъ, вѣроятно хотѣлъ сказать Дар-винъ. Примемъ также въ соображеніе, что очень часто авторы разсчитываютъ кон-чить работу въ срокъ, оказывающійся недостаточнымъ для этого. Три года работы, чтобы приготовить къ напечатанію трактатъ, который уже «почти конченъ», ко-торый надобно только «пополнить», — кажется, срокъ достаточный. Но допустимъ, что не представляло бы никакой странности, если бы, вмѣсто «двухъ или трехъ» лѣтъ, понадобилось пять или шесть, и что промедленіе не заключало въ себѣ ни-какихъ особенныхъ поводовъ къ соображеніямъ о ходѣ работы Дарвина, еслибы она была кончена, наиримѣръ, лѣтъ въ шесть и трактатъ явился бы въ свѣтъ въ 1865 году.

Но что мы видимъ? Въ 1868 году, — не черезъ шесть, а черезъ девять, — лѣтъ Дарвинъ печатаетъ книгу *Объ измѣненіи формъ животныхъ и ра-стеній подъ хозяйствомъ человека*; это разросшаяся въ цѣлую книгу первая изъ четырнадцати главъ «извлеченія», какъ продолжаетъ Дарвинъ назы-вать книгу *О происхожденіи видовъ* и въ новыхъ ея изданіяхъ. Вмѣсто трехъ лѣтъ работы, на окончаніе всего труда, бывшаго уже «почти конченнымъ», ушло девять лѣтъ работы на отдѣлку одной изъ четырнадцати главъ, которая за то и разрослась въ особую книгу, превышающую своимъ объемомъ все «извлеченіе», то-есть все изложеніе теоріи въ цѣломъ ея составѣ. Проходитъ еще три года, и

Дарвинъ въ 1871 году печатаетъ книгу *О генеалогіи человѣка и о половомъ отборѣ*. Что это такое? Опять одна глава трактата, разросшаяся въ книгу, превышающую своимъ объемомъ все изложеніе цѣлой теоріи? Нѣтъ, теперь Дарвину было ужъ менѣе легко, чѣмъ прежде, сдерживать разростаніе труда въ такихъ границахъ, чтобы можно было вести обработку цѣлыми главами; трактатъ о половомъ отборѣ — одинъ изъ десяти отдѣловъ 4-й главы первоначальнаго трактата, разросшійся въ полтора тома; а прибавленный къ нему трактатъ о генеалогіи человѣка — прибавка, вовсе не входившая въ планъ первоначальнаго трактата. Этимъ способомъ и продолжалась работа до самой смерти Дарвина: онъ обрабатывалъ маленькіе кусочки первоначальнаго трактата, разроставшіеся въ особыя большія статьи или цѣлыя книги, печаталъ прибавочныя изслѣдованія, не входившія въ планъ трактата, надъ обработкой котораго трудился; и когда умеръ (въ апрѣлѣ 1882 г.), черезъ двадцать два года послѣ изданія «извлеченія» изъ своего трактата, всѣ обработанные куски, взятые вмѣстѣ, составили развѣ одну десятую долю трактата, который былъ «уже почти конченъ» весной 1858 года и который долженъ былъ, по расчету автора, сдѣланному въ ноябрѣ 1859 г., быть доведенъ весь до готовности къ напечатанію *черезъ два или три года*, явиться весь цѣлкомъ въ свѣтъ въ 1862 году.

Но что-жь это такое: трактатъ, работѣ надъ которымъ не было бы конца, хотя бы авторъ прожилъ еще двадцать, или хоть и пятьдесятъ лѣтъ, — трудъ, начатый въ 1837 году, молодымъ, только еще 28-ми лѣтнимъ человѣкомъ, казавшійся «почти конченнымъ», черезъ 22 года послѣ того, автору, имѣвшему тогда 50 лѣтъ и получившій обработку лишь нѣсколькихъ кусковъ, едва ли составляющихъ одну десятую долю его послѣ работы длившейся еще двадцать два года, до самой смерти труженика, умершаго 73-лѣтнимъ старикомъ, что это за трудъ, разроставшійся и разроставшійся безъ предѣла росту, и какъ могъ онъ разростаться до такой несообразности съ размѣромъ продолжительности самой долгой вѣроятной человѣческой жизни?

Фактъ до такой степени страшенъ, до такой степени противорѣчитъ правиламъ разсудительной человѣческой дѣятельности, что разъ поставленъ вопросъ о немъ, невозможно устранить отвѣта: способъ работы, котораго держался Дарвинъ въ трудѣ надъ трактатомъ о генеалогическомъ родствѣ между видами, былъ непригоденъ для успѣшности труда такого рода.

Есть ученые, которые останавливаются на каждомъ вопросѣ, представляющемся имъ при занятіяхъ и затрогивающемъ ихъ любопытство, не могутъ оторваться отъ него, пока не изслѣдуютъ его. Когда основной предметъ занятія маленький, узкій, то и число возбуждаемыхъ имъ вопросовъ не очень велико, и трудъ изслѣдованія всѣхъ ихъ удобополнимъ. Ученые, любящіе этотъ способъ работы, пишутъ обыкновенно ряды монографій. И когда они пишутъ монографіи, работа у нихъ идетъ хорошо, основательно, и, вмѣстѣ, успѣшно. Дарвинъ любилъ такой способъ работы, и прежде чѣмъ обратилъ всѣ свои силы на трудъ надъ трактатомъ о родствѣ видовъ, написалъ много монографій. Благодаря его добросовѣстности, даровитости, трудолюбію и учености, онѣ были превосходны. При своей страсти всматриваться во все, попадающее на глаза, онъ сдѣлалъ во время экспедицій корабля *Beagle* множество точныхъ, прекрасныхъ наблюденій. Дневникъ ихъ доставилъ ему славу великаго ученаго. Онъ вполнѣ заслужилъ ее: книга, издан-

ная имъ, обогатила науку. Но что такое была эта книга? Сборникъ мелкихъ монографій, рядъ наблюденій надъ отдѣльными фактами, соединенныхъ между собою только единствомъ лица, дѣлавшаго ихъ, и хронологическимъ порядкомъ, въ какомъ они были записываемы. Потому Дарвинъ занимался обработкой коллекцій, привезенныхъ имъ. Изъ этихъ его работъ особенно знаменита *Зоологія плаванія корабля Beagle*. Она составляетъ пять томовъ. Но это не что-нибудь цѣльное, связанное, полное,—это тоже рядъ маленькихъ монографій. Хронологическій порядокъ «дневника» замѣненъ тутъ распредѣленіемъ, по порядку зоологической классификаціи. Но это не цѣльный классификаціонный трактатъ, а сборникъ отрывковъ, каждый изъ которыхъ—особая монографія, и которые отдѣлены одни отъ другихъ множествомъ классификаціонныхъ пробѣловъ: тутъ описываются не всѣ семейства животныхъ, а только тѣ виды тѣхъ родовъ тѣхъ семействъ, какіе попадались автору во время его путешествія. Отчасти до этого труда, отчасти послѣ него, Дарвинъ написалъ много другихъ монографій, напечатанныхъ особыми книгами или статьями. Знаменитѣйшая изъ нихъ *Монографія объ имѣющихъ стеблевидный стерженецъ и сидящихъ усоногихъ*, составляющая два тома. Прибавленіемъ къ ней служить изслѣдованіе *Объ ископаемыхъ усоногихъ*, напечатанное особою статьей.

Все это было превосходно. Каждая монографія исчерпывала, какъ это называется, предметъ, сообщала о немъ всѣ свѣдѣнія, какія могли быть пріобрѣтены добросовѣтнѣйшимъ изслѣдованіемъ, разъясняла, насколько могли быть при данномъ состояніи науки разъяснены, всѣ вопросы, порождаемые изученіемъ предмета. Но это были предметы маленькіе; вопросы, возбуждаемые ихъ изученіемъ, были не многочисленны по каждому изъ нихъ, и вообще не широки, въ большинствѣ случаевъ очень узки. Потому-то и можно было съ успѣхомъ вести работы о нихъ исчерпывающимъ способомъ.

И вотъ этотъ способъ работы, удобопримѣнимый только въ монографическихъ трудахъ, Дарвинъ примѣнилъ къ трактату о генеалогическихъ отношеніяхъ между нынѣшними и прежними флорами и фаунами, то-есть къ предмету, охватывающему всю ботанику, всю зоологію, всю палеонтологію и многія другія отрасли естествознанія. Изслѣдовать по всѣмъ этимъ наукамъ всякіе вопросы, какіе подвернутся подъ перо,—изслѣдовать каждый изъ нихъ монографическимъ, исчерпывающимъ способомъ работы—сообразно ли это съ числомъ лѣтъ, какія можетъ прожить на свѣтѣ самый долговѣчный человѣкъ, разумно ли это, и того ли требуютъ правила научной работы, тождественныя съ законами разсудка?

Припомнимъ цифры годовъ, которыми самъ Дарвинъ отмѣтилъ фазисы своей работы надъ трактатомъ о генеалогическихъ отношеніяхъ между видами. Работа начата въ 1837 году. Въ 1842 году теорія готова, сдѣланъ эскизъ ея; въ 1844 г. теорія окончательно пополнена, сдѣланы выводы изъ основныхъ ея положеній. И такъ, теоретическая часть работы закончена; остается только подставить подъ теоретическія положенія тотъ фактическій матеріалъ, изъ котораго извлечены они. Этотъ матеріалъ уже былъ собранъ, изученъ раньше; онъ готовъ. То-есть что-жъ собственно остается сдѣлать? Остается только переписать на-бѣло готовую на черновыхъ листахъ работу. Идетъ работа переписыванія готовой черновой рукописи на-бѣло,—идетъ четырнадцать лѣтъ; весной 1858 года

настигаетъ автора неожиданная надобность сообщить свою теорію ученому міру — и оказывается, что трактатъ «почти конченъ», понадобится только еще «два или три» года работы, чтобы «пополнить» его. Но ни трехъ, ни двухъ лѣтъ, ни года, ни полгода отсрочки не даетъ статья Уоллеса; она требуетъ безотлагательнаго обнародованія теоріи, изложенной въ трактатѣ. А онъ въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ быть обнародованъ. Почему же не можетъ? Онъ «почти конченъ»; остается только «пополнить» его, то-есть, по общепринятому смыслу этого выраженія, прибавить разясненія мелочей, можетъ быть, и любопытныхъ, но не имѣющихъ особенной важности; ученый міръ охотно подождетъ ихъ и два, и три года. И такъ, надобно отправить трактатъ въ типографію, и при чтеніи корректуръ дѣлать, гдѣ слѣдуетъ оговорки: «предоставляю себѣ право отложить болѣе подробное разясненіе этого вопроса до того времени, когда получу досугъ заняться этимъ; онъ любопытенъ, но не имѣетъ важнаго значенія для трактата, издаваемого мною теперь». Ученый міръ привыкъ къ такимъ оговоркамъ; ни одинъ трактатъ о предметѣ широкаго содержанія не обходится безъ нихъ. Ахъ, совсѣмъ не то! Трактатъ не можетъ быть напечатанъ въ настоящемъ своемъ видѣ потому, что еще не существуетъ; автору только угодно воображать, будто онъ существуетъ; трактата нѣтъ; на рабочемъ столѣ автора громоздятся груды черновыхъ бумагъ. «Трактатъ почти конченъ», — это, какъ видимъ по дальнѣйшему ходу дѣла, значитъ: авторъ, сдѣлавъ множество монографическихъ изслѣдованій, полагаетъ, что предметъ почти исчерпанъ ими; онъ полагаетъ это потому, что въ настоящее время ему припоминается не очень много вопросовъ, кажущихся любопытными; онъ думаетъ, что на изслѣдованіе ихъ понадобится не очень много времени; при этомъ онъ полагаетъ, что ему не представится никакихъ другихъ любопытныхъ вопросовъ; до сихъ поръ было не такъ: въ продолженіе четырнадцати лѣтъ у него непрерывно возникали изъ однихъ любопытныхъ вопросовъ другіе, не менѣе любопытные; но ему въ настоящее время кажется, что впередъ не будетъ этого. За фантазіей, будто предметъ почти исчерпанъ, слѣдуетъ фантазія, что работа будетъ кончена въ два, много въ три года. Эти слова «два или три года» значатъ: «Груда монографій, высыпавшая на моемъ рабочемъ столѣ, состоитъ изъ десятковъ группъ изслѣдованій; эти группы имѣютъ теперь связь между собою только въ моихъ мысляхъ; связи между ними на бумагѣ нѣтъ; я до сихъ поръ не имѣлъ досуга изложить на бумагѣ соотношенія между ними. Теперь займусь этимъ. Очень многія изъ монографій остались незаконченны, потому что меня отвлекало отъ нихъ желаніе изслѣдовать другіе любопытные вопросы: я закончу ихъ; кромѣ того, напишу изслѣдованія о тѣхъ любопытныхъ вопросахъ, которые еще не изслѣдованы и которые уже послѣдніе, за которыми уже не явятся въ моихъ мысляхъ никакіе другіе. Я надѣюсь, что кончу все это въ два или три года».

И такъ, черезъ два или три года трактатъ будетъ конченъ. Но теперь онъ — груды черновыхъ бумагъ, безсвязныхъ, незаконченныхъ отрывковъ, непригодныхъ для чтенія никому, кромѣ автора. А статья Уоллеса принуждаетъ автора безотлагательно обнародовать теорію, изложенную въ трактатѣ. Прежній очеркъ, сдѣланный въ 1844 году, не годится теперь: четырнадцатилѣтняя работа превратила его въ мелкіе лоскутки, раздѣленные массами монографій, загроможденные ими. Пришлось сдѣлать новый очеркъ или, какъ авторъ называетъ эту свою статью,

сдѣлать «извлеченіе» изъ трактата. Сдѣлавъ его и напечатавъ въ *Журналъ Линнеевскаго Общества*, Дарвинъ сталъ перерабатывать и расширять для изданія отдѣльною книгой; объемъ его расширился такъ, что переработка сдѣлалась книгой въ нѣсколько сотъ страницъ. Эта расширенная переработка «извлеченія» — та знаменитая книга, которая произвела переворотъ въ наукахъ объ органическихъ существахъ. Авторъ и въ пятомъ изданіи ея, вышедшемъ въ 1869 году, все еще называетъ ее «извлеченіемъ» изъ трактата, надъ обработкой котораго продолжаетъ трудиться и который за десять лѣтъ передъ тѣмъ надѣялся кончить въ два или три года; онъ и теперь все еще надѣется довести до конца работу надъ своимъ трактатомъ, продолжая ее прежнимъ способомъ, все еще не видя, что при его способѣ работы это трудъ нескончаемый. За годъ передъ тѣмъ, послѣ девятилѣтней работы, онъ приготовилъ къ печати, издалъ первую главу своего трактата: *Видоизмненіе животныхъ и растений подъ хозяйствомъ человѣка*; девять лѣтъ работы — и одна глава готова; остается обработать такимъ же способомъ только тринадцать главъ; и работнику только еще 60 лѣтъ; согласитесь, какъ же ему не надѣяться, что онъ, продолжая работу тѣмъ же способомъ, доведетъ ее до конца?

Правила научной работы говорятъ: если ты взялъ предметомъ труда что-нибудь очень широкое, многосложное, сосредоточивай всѣ свои силы на разъясненіи основныхъ вопросовъ, не отвлекаясь отъ нихъ ничѣмъ, иначе не достанетъ у тебя ни времени, ни силъ заняться ими, какъ должно. Число вопросовъ, возбуждаемыхъ работой надъ предметомъ широкаго содержанія, безпредѣльно велико; они возникаютъ безчисленными рядами, и каждому изъ ихъ безчисленныхъ рядовъ нѣтъ конца. Хвататься за каждый изъ этихъ вопросовъ, который покажется тебѣ любопытнымъ, значитъ превращать научный трудъ въ забаву твоего любопытства, въ пустую, праздную игру. Разбирай, необходимо ли тебѣ для рѣшенія основной задачи твоего труда изслѣдовать вопросъ, показавшійся тебѣ любопытнымъ, подвергай изслѣдованію только тѣ вопросы, которые необходимо изслѣдовать для этой главной твоей задачи, и изслѣдуй ихъ лишь настолько, насколько это необходимо для нея; всѣ другіе вопросы устраняй, какъ неумѣстные въ твоемъ трактатѣ; иначе ты растратишь на нихъ свои силы, свое время, запутаешься въ непрерывно и безконечно расширяющемся лабиринтѣ ихъ, а основные вопросы останутся у тебя неизслѣдованными; ты примешь за несомнѣнныя истины какія-нибудь случайно подвернувшіяся тебѣ сужденія, которыя вообразишь разрѣшающими ихъ, и станешь подводить все подъ вообразившіяся тебѣ аксіомами фальшиво истолкованныя твоимъ недоразумѣніемъ чужія мысли, истинный смыслъ которыхъ остался непонятенъ тебѣ по твоей неподготовленности понять ихъ или не замѣченъ тобою въ торопливости, съ какою ты схватился за нихъ и вырвалъ ихъ изъ связи системы, опредѣляющей смыслъ ихъ.

Были ли извѣстны Дарвину эти условія успѣшности научнаго труда надъ предметами широкаго содержанія? Быть можетъ. Но въ «извлеченіи» изъ трактата, надъ которымъ работалъ онъ съ 1844 до 1858 года, въ знаменитой книгѣ *О происхожденіи видовъ* нѣтъ ни малѣйшаго слѣда знакомства съ этими требованіями науки; по этой книгѣ видно, что его работа была непрерывнымъ нарушеніемъ ихъ.

Напримѣръ, ему представляется вопросъ: какимъ образомъ попали на острова

животныя и растенія? Разсудительный отвѣтъ былъ бы: «Исслѣдованіе этого вопроса не относится къ предмету моего труда; замѣчу только, что дѣло ясно само собой: геологія доказала, что всѣ острова, населенные сухопутными растеніями и животными, были частями материковъ. Если есть, кромѣ этого общаго объясненія, другія, частныя, тѣмъ лучше. Но мнѣ недосугъ теперь искать ихъ; когда буду имѣть досугъ, можетъ быть, поинтересуюсь пріискать ихъ. Но если я когда-нибудь займусь этимъ, то въ другомъ трудѣ; въ настоящемъ подобныя изслѣдованія были бы неумѣстны». Дарвинъ совершенно чуждъ мысли, что по правиламъ научнаго труда долженъ отвѣчать такъ. Ему воображается, что онъ обязанъ исчерпать вопросъ, не разбирая, относится ли вопросъ къ дѣлу. Онъ придумываетъ возраженія противъ общезвѣстнаго объясненія; они ничтожны; но онъ воображаетъ, что они важны; находитъ общепринятое рѣшеніе не относящагося къ дѣлу вопроса сомнительнымъ, считаетъ себя обязаннымъ пріискать другія объясненія. Не заносятся ли сѣмена растеній съ материковъ на далекіе острова морскими течениями? Зерна скоро тонуть въ морской водѣ, не могутъ заплывать далеко. Но сухое дерево тонетъ не такъ скоро. Дарвинъ опускаетъ въ морскую воду высушенныя вѣтки растеній съ созрѣвшими стручками и другими вмѣстителями зеренъ. Но бываетъ ли подобное этому въ природѣ? Придумавъ возраженіе, очевидно пустое, Дарвинъ пріискиваетъ и опроверженіе: вѣтеръ сломить вѣтку съ созрѣвшими стручками или ягодами; она полежитъ и высохнетъ, а онѣ еще не отвалились отъ нея; буря сброситъ ее въ море, она поплыветъ... Что это такое? *Натуральная исторія въ занимательныхъ разсказахъ для дѣтей?* Нѣтъ, это книга *О происхожденіи видовъ*, пересоздающая науку, книга на пятую или десятую долю глубокомысленная, въ остальныхъ доляхъ ребяческая, но неизмѣнно добросовѣстная и переполненная ученостію. Продолжаемъ чтеніе. Дарвинъ держитъ вѣтки съ созрѣвшими ягодами или стручками въ морской водѣ; черезъ нѣсколько времени вынимаетъ нѣкоторыя, сажаетъ зерна, ждетъ, дадутъ ли они ростки, еще черезъ нѣсколько времени вынимаетъ другія вѣтки и т. д., и т. д., считаетъ: вотъ такіа-то зерна дали ростки черезъ столько-то дней, а такіа-то черезъ столько-то; собираетъ свѣдѣнія о подобныхъ наблюденіяхъ; считаетъ, сколько дней нужно, чтобы вѣтки были донесены морскимъ теченіемъ къ острову за столько-то миль. Этого объясненія мало; надобно искать другихъ. Дарвинъ добываетъ морскихъ птицъ, моетъ ихъ лапки, разсматриваетъ грязь, смытую съ лапокъ; находитъ въ ней сѣмена; считаетъ: вотъ сколько видовъ растеній могли вырасти на островахъ изъ сѣмянъ, занесенныхъ птицами вмѣстѣ съ грязью лапокъ. Придумываетъ возраженіе: морскія птицы изъ Америки перелетаютъ иногда, гонимыя бурей, черезъ Океанъ въ Англію; почему не выросли въ Англіи американскія растенія изъ сѣмянъ, занесенныхъ ими съ грязью на ланкахъ? Это потому... Но читайте сами опроверженіе этого возраженія и дальнѣйшія изслѣдованія о неотносящемся къ дѣлу вопросѣ, какъ могли попадать на острова растенія и животныя. Впрочемъ, разумѣется, по мнѣнію Дарвина, вопросъ относится къ дѣлу; онъ даже показываетъ связь изслѣдованій о немъ съ основною задачей своего труда. Можно найти связь чего угодно съ чѣмъ угодно, была бы охота связывать. Нѣтъ ничего труднаго доказать, что изслѣдованіе о походѣ Александра Македонскаго въ Бактрію должно входить въ описаніе Лондона: Ньютонъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Лондонѣ; а однимъ

изъ предшественниковъ Ньютона былъ Эратосеенъ, а Эратосеенъ жилъ въ Египтѣ при Птолемейхъ, а Птолемеймъ Египетъ достался потому, что былъ завоеванъ Александромъ; а еслибъ Александръ былъ разбитъ въ Бактріи, то египтяне при помощи грековъ выгнали бы македонянъ изъ своей земли; потому ясно, что изслѣдованіе причинъ успѣха похода Александра въ Бактрію должно составлять необходимую часть описанія Лондона. А сколько времени отняли у Дарвина изслѣдованія о вѣткахъ плывущихъ по морю, и о грязи на лапкахъ птицъ?

Другой примѣръ. Подъ перо Дарвину подвергается слово «инстинктъ». У него возникаетъ вопросъ: какъ развились инстинкты? Отвѣтъ, требуемый правилами научной работы, очевиденъ: «Это вопросъ праздный для человѣка, всѣ силы котораго должны быть сосредоточены на предметѣ его труда, на разъясненіи происхожденія видовъ; инстинкты не служатъ классификаціонными признаками; всякіе вопросы о нихъ должны быть устранимы изъ труда, имѣющаго цѣлью разъяснить видоизмѣненія формъ». Но вопросъ о развитіи инстинктовъ любопытенъ, и Дарвинъ пускается въ изслѣдованіе его; чѣмъ дальше, тѣмъ больше любопытнаго; и въ этотъ вопросъ, которымъ вовсе не имѣлъ права заниматься, когда занимался трудомъ надъ своимъ трактатомъ, Дарвинъ углубляется такъ, что изслѣдованіе о развитіи инстинктовъ разрастается до объема, далеко превосходящаго объемъ его изслѣдованія о развитіи органовъ, и образуетъ цѣлую главу въ трактатѣ, въ которомъ совершенно неумѣстно; это седьмая глава трактата; а изслѣдованіе о развитіи органовъ, одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ основнаго предмета труда, составляетъ лишь третью долю пятой главы.

Такимъ-то образомъ, увлекаясь вопросами, посторонними основному предмету труда, или вдаваясь въ мелочи, Дарвинъ тратилъ годы за годами въ изслѣдованіяхъ, бесполезныхъ для разъясненія коренной задачи, и, подавляемый массой этой ненужной работы, не имѣлъ досуга вникнуть съ должнымъ вниманіемъ въ существенные вопросы своего труда. Наконецъ, онъ принужденъ былъ вышнейю необходимостью — статьей Уоллеса — приостановить на время свои нескончаемыя блужданія по сторонамъ, сдѣлать «извлеченіе» изъ постоянно разрастающейся груды черновыхъ бумагъ, которую считалъ трактатомъ о генеалогическомъ родствѣ нынѣшнихъ видовъ съ прежними. Переработавъ это «извлеченіе», издавъ его отдѣльной книгой, онъ снова углубился въ изслѣдованіе мелочей, большею частью не относившихся къ дѣлу, и, перенося свою работу, по ходу случайныхъ увлеченій, съ одной части трактата на другую, мало-по-малу доводилъ нѣкоторые второстепенные или совершенно посторонніе основному предмету вопросы до такой широкой разработки, что считалъ ихъ исчерпанными и печаталъ особыми книгами или статьями эти части своего трактата или прибавки къ нему. Перечислимъ важнѣйшія изъ тѣхъ, которыя были напечатаны въ первыя шестнадцать лѣтъ по изданіи книги *О происхожденіи видовъ*. Какъ монографіи, онѣ превосходны, подобно прежнимъ его монографіямъ, и каждая изъ нихъ много подвигала впередъ изученіе вопроса, который разрабатывался въ ней. Но на общій ходъ понятій о генеалогическихъ отношеніяхъ между видами онѣ не имѣли ни малѣйшаго вліянія; переворотъ въ наукѣ былъ произведенъ исключительно «извлеченіемъ», напечатаннымъ въ *Журналь Линнеевскаго Общества*, и расширенною его редакціей, книгой *О происхожденіи видовъ*. Послѣдующіе труды, изданные Дарвиномъ, ни мало не содѣйствовали замѣнѣ прежнихъ

ошибочныхъ мнѣній объ исторіи органическихъ существъ новыми: кто изъ натуралистовъ, державшихся учевія о неизмѣнности видовъ, перешелъ отъ нея къ учевію о генеалогическомъ родствѣ ихъ, тотъ перешелъ подъ вліяніемъ книги *О происхожденіи видовъ*; и начинающіе натуралисты учились по ней, а не по слѣдующимъ книгамъ Дарвина. Потому мы коснемся этихъ его монографій лишь для разъясненія способа работы его надъ трактатомъ о родствѣ между видами.

Послѣ книги *О происхожденіи видовъ* онъ издалъ монографію *О разныхъ приспособленіяхъ цвѣтка орхидей для ихъ оплодотворенія*. Это часть 5-го отдѣла 6-й главы трактата. Цвѣтки орхидей устроены такъ, что пыль тычинокъ не можетъ быть переносима на рыльца пестиковъ вѣтромъ; ее переносить на лапкахъ, головкахъ, спинкахъ насѣкомыхъ, залѣзающихъ въ мужскіе цвѣтки орхидей сосать сладкій сокъ, марающіеся въ пыли тычинокъ, потомъ залѣзающіе въ женскіе цвѣтки тоже сосать сокъ и марающіе пылью тычинокъ, рыльца пестиковъ. Что же изъ того для разъясненія вопроса о происхожденіи видовъ? Идетъ изслѣдованіе. Оказывается, что яркость окраски и большой размѣръ цвѣтка помогаетъ насѣкомымъ отыскивать его. Много ли помогаетъ? Въ этомъ ли дѣло? Не гораздо ли замѣтнѣе для насѣкомыхъ запахъ сладкаго сока? Развѣ не прилетаютъ насѣкомыя сосать его изъ цвѣтковъ, не имѣющихъ яркой окраски и очень маленькихъ? Это крупный фактъ: Дарвинъ забываетъ о немъ, увлекшись изслѣдованіемъ мелкаго частнаго случая. Но пусть собственно величина и яркость окраски цвѣтка привлекаютъ насѣкомыхъ къ орхидеямъ. Что изъ того? Вотъ что: тѣ растенія семейства орхидей, у которыхъ цвѣтки были побольше и ярче, нежели у другихъ того же вида или того же рода или семейства, болѣе привлекали къ себѣ насѣкомыхъ; потому размноженіе ихъ шло сильнѣе; они вытѣснили растенія своего вида, или рода, или семейства съ меньшими и менѣ яркими цвѣтками; такимъ образомъ, цвѣтки орхидей становились все великолѣпнѣе. Это и оказывается, по мнѣнію Дарвина, однимъ изъ наиболѣе ясныхъ и сильныхъ свидѣтельствъ въ пользу основной мысли его, что развитіе организациі было производимо дѣйствіемъ естественнаго отбора. Прекрасно; если, углубившись въ изслѣдованіе орхидей, забыть обо всѣхъ другихъ растеніяхъ, то, дѣйствительно, выходитъ такъ. А если вспомнить, что существуютъ растенія, у которыхъ оплодотвореніе происходитъ способами болѣе простыми, вѣрными, чѣмъ перенесеніе пыли тычинокъ съ мужскихъ цвѣтковъ на пестики женскихъ насѣкомыхъ, то будетъ ясно, что развитіе цвѣтка орхидей не могло быть результатомъ естественнаго отбора: если бы ходъ дѣла зависѣлъ отъ него, то не могли бы существовать растенія съ такимъ устройствомъ цвѣтка, какъ орхидей; они были бы вытѣснены растеніями, оплодотвореніе которыхъ совершается способами болѣе простыми и вѣрными и у которыхъ поэтому сила размноженія несравненно могущественнѣе. И такъ, если забывать крупные факты, то можно объяснять развитіе цвѣтковъ орхидей дѣйствіемъ естественнаго отбора; а если вспомнить крупные факты, то ясно, что самое существованіе орхидей опровергаетъ мысль о преобладаніи естественнаго отбора въ процессѣ развитія организациі, что ея повышение производится дѣйствіемъ какихъ-то другихъ силъ, преодолевающихъ его дѣйствіе. Если бы преобладалъ онъ, то не могли бы существовать не только въ частности орхидей, но и вообще никакія растенія имѣющія организацию выше тѣхъ, которые размножаются по способу иховъ и грибовъ.

Мы не имѣемъ подъ руками отмѣтки, въ какомъ году издана монографія о вьющихся растеніяхъ; кажется, послѣ изслѣдованія объ оплодотвореніи орхидей и раньше изслѣдованія о видоизмѣненіи животныхъ и растеній подъ хозяйствомъ чловѣка; если наше воспоминаніе объ этомъ ошибочно, то оно вводитъ насъ въ отступленіе отъ хронологическаго порядка, который желали бы мы соблюсти. Переходимъ къ дѣлу.

Движенія и привычки (habits) вьющихся растеній — часть 4-го отдѣла 6-й главы трактата. Свойство растенія быть вьющимся не служить классификаціоннымъ признакомъ; потому изслѣдованіе о свойствахъ нѣкоторыхъ растеній быть вьющимися было напрасною тратой времени для чловѣка, трудившагося надъ разъясненіемъ генеалогическихъ отношеній между видами.

Монографія объ оплодотвореніи орхидей была напечатана въ 1862 году; въ 1868 году явилось изслѣдованіе, превосходящее своимъ объемомъ книгу *О происхожденіи видовъ*.

Видоизмѣненіе животныхъ и растеній подъ хозяйствомъ чловѣка (under domestication) — это первая глава трактата. Дарвинъ полагалъ, что эта книга дастъ его теоріи основаніе болѣе прочное, чѣмъ какое могло быть дано краткимъ изложеніемъ первой главы трактата въ книгѣ *О происхожденіи видовъ*. Ему казалось, что важность дѣла въ подробностяхъ, которыя сообщастъ онъ теперь, что онъ убѣждаетъ въ измѣнчивости видовъ значительную часть натуралистовъ, оставшихся при прежнихъ понятіяхъ послѣ изданія книги *О происхожденіи видовъ*. Ровно никакого дѣйствія въ этомъ смыслѣ не произвела книга о видоизмѣненіи домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній. И ожиданіе, что она убѣдитъ кого-нибудь изъ неубѣдившихся «извлеченіемъ», какъ называлъ Дарвинъ книгу *О происхожденіи видовъ*, было только наивностью чловѣка, придававшего чрезмѣрную важность мелочамъ. Все сколько-нибудь важное для людей, умѣющихъ различать важное отъ мелочей, было уже сообщено въ «извлеченіи» изъ этой части трактата. Въ полномъ ея изложеніи были прибавлены тысячи подробностей, драгоценныхъ для разъясненія мелкихъ вопросовъ; но эти прибавки имѣютъ только техническую важность: никакого вліянія на образъ мыслей по вопросу объ измѣнчивости или неизмѣнности видовъ онѣ не могли имѣть. Кого карта Англіи не убѣждаетъ въ томъ, что Темза течетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ Шмекское море, того не убѣдитъ въ этомъ топографическая карта береговъ Темзы; эта карта имѣетъ очень большое значеніе, но только техническое; общія понятія о теченіи Темзы ни мало не зависятъ отъ тѣхъ подробностей, которыя прибавляетъ она къ очерку Темзы, даваемому общеою картою Англіи. Дарвинъ, по своему пристрастію къ монографическому исчерпыванію вопросовъ, постоянно забывалъ, что мелочи — это не болѣе, какъ мелочи, что крупные вопросы рѣшаются на основаніи немногихъ, существенно важныхъ фактовъ, или широкихъ идей, и никакія тысячи мелочей не могутъ имѣть никакого замѣтнаго вѣса при взвѣшиваніи аргументовъ по крупнымъ вопросамъ. Ошибочная надежда Дарвина, что подробная разработка первой главы его трактата убѣдитъ кого-нибудь изъ тѣхъ, кого не убѣдила первая глава «извлеченія» — лишь наивность простодушнаго чловѣка. Но онъ сдѣлалъ громадную научную ошибку, взявъ за основаніе своихъ соображеній о характерѣ дѣйствія естественнаго отбора тѣ результаты, какіе производитъ хозяйственный отборъ, дѣлаемый чловѣкомъ.

Хозяинъ стада, убивая худшихъ животныхъ, не подвергаетъ сберегаемыхъ имъ лучшихъ тому процессу, которымъ убиваетъ худшихъ. Если, напримѣръ, онъ бьетъ обухомъ по лбу тѣхъ коровъ, которыхъ убиваетъ, онъ не наноситъ такихъ же ударовъ обуха по лбу тѣмъ коровамъ, которыхъ сохраняетъ. Естественный отборъ подвергаетъ каждое животное стада газелей тому процессу, результатомъ котораго оказывается смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ. Самая обыкновенная форма естественнаго отбора — вымираніе излишнихъ существъ отъ недостатка пищи; одни-ли умирающія существа подвергаются въ этомъ случаѣ голоду? Нѣтъ, всѣ. Такъ ли поступаетъ хозяинъ съ своимъ стадомъ? Улучшалось ли бы его стадо, еслибы онъ сдерживалъ размноженіе, подвергая всѣхъ животныхъ голоду. Переживающія животныя слабѣли бы, портились бы, стадо ухудшалось бы.

Въ 1871 году Дарвинъ издалъ соединенными въ одной книгѣ два изслѣдованія: о половомъ отборѣ и о генеалогіи человѣка.

Изслѣдованіе о половомъ отборѣ — это 2-й отдѣлъ 4-й главы трактата. Ставя главною причиною замѣны прежнихъ видовъ новыми естественный отборъ, Дарвинъ принимаетъ, какъ одну изъ второстепенныхъ вѣдопзмѣняющихъ организмы силъ, половой отборъ. О дѣйствіи этой силы ему не слѣдовало бы говорить много, потому что самъ онъ считалъ ея вліяніе второстепеннымъ. А, между тѣмъ, изслѣдованіе о ней разрослось у него до такой степени, что превзошло объемомъ книгу *О происхожденіи видовъ*, въ которой оно составляло лишь одинъ, и, притомъ, самый меньшій по объему, отдѣлъ изъ десяти отдѣловъ одной главы, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній въ одномъ, тоже маленькомъ, изъ одиннадцати отдѣловъ другой главы (глава 5, отдѣлъ 9: *вторичныя половыя отличія измѣнчивы*). Съ какою цѣлью изслѣдовалъ Дарвинъ дѣйствіе полового отбора? Хотѣлъ ли онъ сдѣлать полное систематическое обзорѣніе производимыхъ этимъ отборомъ такъ называемыхъ вторичныхъ половыхъ различій по всѣмъ классамъ, семействамъ, родамъ и видамъ животныхъ? Это было бы громадный каталогъ, вродѣ такъ называемыхъ *Genera et species animalium*. Нѣтъ, ничего подобнаго онъ не хотѣлъ сдѣлать, потому что зналъ: такая работа возможна только какъ сводъ частныхъ каталоговъ отдѣльныхъ классовъ животныхъ; а каталоговъ этихъ еще не было тогда ни одного (кажется, и теперь еще нѣтъ). Предпринимая свое изслѣдованіе, Дарвинъ имѣлъ цѣль совершенно разумную, удободостижимую безъ такой работы, длиннаго которой превышала бы сравнительную маловажность предмета въ его системѣ понятій о причинахъ измѣненія формъ. Онъ хотѣлъ только показать, что существуетъ половой отборъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе этой силы производитъ довольно значительные результаты. Для этого было бы достаточно привести нѣсколько примѣровъ наиболѣе крупныхъ и ясныхъ. Онъ приписываетъ дѣйствію полового отбора, напримѣръ, развитіе роговъ у самцовъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ, развитіе клыковъ у нѣкоторыхъ другихъ, развитіе яркой окраски и украшающихъ формъ перьевъ у самцовъ нѣкоторыхъ птицъ. И достаточно было бы для подтвержденія этихъ мыслей напомнить о рогахъ оленей, клыкахъ слоновъ, перьяхъ хвоста павлина. Работа могла бы быть кончена въ нѣсколько дней, если не въ нѣсколько часовъ. Но — предметъ любопытенъ, и Дарвинъ завлекся далеко-далеко за предѣлы того, чѣмъ долженъ былъ бы ограничиться по нормѣ, даваемой собственными его понятіями о сравнительной маловажности предмета въ системѣ разъясненій родства жи-

нѣшнихъ видовъ съ прежними. Онъ анализируетъ половыя (собственно такъ называемыя вторичныя, не относящіяся къ органамъ размноженія, половыя) разницы множества животныхъ разныхъ классовъ, начиная съ довольно низкихъ. Его привлекаютъ особенно тѣ случаи, въ которыхъ наиболѣе трудно разобрать способъ дѣйствія полового отбора; это коллекція курьезовъ, подобная тѣмъ, какія собираютъ любители рѣдкостей. Труда и времени потрачено въ сто разъ больше, чѣмъ было нужно; а полного, цѣльнаго обзора, все-таки, не вышло. Впослѣдствіи кто-нибудь, начавъ составлять его, вѣроятно, найдетъ въ изслѣдованіи Дарвина много матеріаловъ, полезныхъ для своего труда; но, съ точки зрѣнія надобностей теоріи самого Дарвина, масса работы надъ изслѣдованіемъ половыхъ различій потрачена совершенно напрасно. И къ какимъ половымъ особенностямъ относятся тѣ лоскуты обзора, на которые Дарвинъ употребилъ наибольшее количество своего напраснаго труда? Къ разницамъ окраски, т.-е. къ тѣмъ, которыя заслуживаютъ наименьшаго вниманія въ трактатѣ, имѣющемъ цѣлю разъяснить происхожденіе видовъ, различій между органическими существами по формамъ устройства. Напомнимъ одинъ примѣръ. Павлинъ отличается отъ павы разными украшеніями, изъ которыхъ самое эффектное—длинный хвостъ, развертывающійся вертикальнымъ вѣромъ съ великолѣпнымъ ободомъ, образуемымъ яркою разноцвѣтною окраскою концовъ перьевъ. Ясно, что пріобрѣтеніе такого хвоста павлиномъ имѣло главными своими причинами какое-то усиленіе дѣятельности желѣзъ, питающихъ перья хвоста, и какое-то фізіологическое измѣненіе питанія опушки концовъ перьевъ; отъ этихъ причинъ перья удлиннились и получили густоту опушки, яркость ея окраски. Очень большую важность имѣло также то измѣненіе мускуловъ, управляющихъ движеніями хвоста, которое дало павлину возможность развертывать хвостъ вертикальнымъ вѣромъ: развернутый, онъ производитъ гораздо больше эффекта, чѣмъ неразвернутый. На вопросы объ этихъ измѣненіяхъ желѣзъ, мускуловъ и питанія концевой опушки перьевъ и слѣдовало обратитъ наибольшее вниманіе. Но они не интересуютъ Дарвина; онъ бьется исключительно надъ вопросомъ, какъ изъ двухъ боковыхъ пятенъ конца опушки образовалось одно центральное. Хорошо, пусть этотъ, сравнительно ничтожный, вопросъ интереснѣе всѣхъ важныхъ. Но прежде чѣмъ вдаваться въ изслѣдованіе о томъ, какъ произвелъ половой отборъ сліяніе двухъ боковыхъ пятенъ въ одно, слѣдовало рассмотреть предварительный вопросъ: возможно ли считать это сліяніе результатомъ полового отбора? Развѣ тѣ два пятна производили менѣе эффектное впечатлѣніе на паву, чѣмъ нынѣшнее одно? Развѣ отъ ихъ сліянія въ него ободъ хвоста павлина сталъ великолѣпнѣе? Окраска ихъ была, по мнѣнію самого Дарвина, точно такая же яркая и распредѣленіе яркихъ цвѣтовъ въ ней было точно такое же, какъ въ нынѣшнемъ пятнѣ: а сумма ихъ площадей была больше площади нынѣшняго пятна: при сліяніи ихъ въ него сфѣзались очень большіе сегменты тѣхъ сторонъ, которыми они были обращены къ средней линіи длины пера; потому ободъ вѣра при раздѣльности боковыхъ пятенъ былъ великолѣпнѣе, чѣмъ сталъ по сліяніи ихъ: такъ выходитъ, если брать за достовѣрные факты тѣ понятія объ окраскѣ и величинѣ боковыхъ пятенъ, на которыхъ основываетъ свое изслѣдованіе Дарвинъ; слѣдовательно, съ его собственной точки зрѣнія должно было бы рѣшить, что сліяніе двухъ боковыхъ пятенъ въ одно не могло быть произведено половымъ отборомъ, что его произвела какая-то другая сила, перемѣ-

щавшая окраску по направленію къ корнямъ концевой опушки пера, какая-то переменна въ питаніи опушки, дѣйствовавшая независимо отъ полового отбора и наперекоръ ему. Въ обѣ эти ошибки безпрестанно вводитъ Дарвина его увлеченіе изслѣдованіемъ мелочей: изъ-за мелочей онъ забываетъ факты болѣе крупныя и, углубляясь въ придумываніе, какимъ способомъ данная сила произвела данный результатъ, онъ постоянно забываетъ разсмотрѣть предварительный вопросъ о томъ, возможно ли приписывать дѣйствию этой силы произведеніе этого результата, не противоположенъ ли характеръ этого результата характеру ея, не слѣдуетъ ли поэтому рѣшить, что онъ произведенъ дѣйствіемъ какой-нибудь другой силы, отбросить прискливаніе объясненія, которое по необходимости будетъ фальшивымъ, и заняться изслѣдованіемъ, какаѣ другія силы произвели данный результатъ?

Изслѣдованіе о генеалогіи человѣка, изданное вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о половомъ отборѣ, — прибавка къ тому трактату, извлеченіе изъ котораго составляетъ книга *О происхожденіи видовъ*. Въ ней нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о томъ, должно ли, по мнѣнію автора, примѣнять къ человѣку его понятія о родствѣ нынѣшнихъ органическихъ существъ съ прежними, или не должно. Простякъ хотѣлъ поступить хитро. И схитрилъ, какъ умѣютъ хитрить простяки. Всѣ тѣ, обмануть кого хотѣлъ онъ своимъ молчаніемъ, подняли гвалтъ при появленіи книги *О происхожденіи видовъ*, всѣ въ одинъ голосъ закричали, что онъ производитъ человѣка отъ обезьяны. Онъ принялся горячо увѣрять, что не могъ имѣть такой мысли, что она, по его мнѣнію, нелѣпа. Никто изъ кричавшихъ не повѣрилъ опечаленному добряку. Всѣ оставили за нимъ мысль, отъ которой отрекался онъ, какъ отъ нелѣпости, никогда не приходившей въ голову ему. Въ тысячу разъ было бы ему легче, еслибъ онъ прямо и вполне высказалъ въ книгѣ *О происхожденіи видовъ* свои понятія о генеалогіи человѣка. Но говорить объ этомъ не входило въ планъ трактата, извлеченіемъ изъ котораго была она. Увидѣвъ, что хитрость ввела его въ бѣду, и ободрившись примѣромъ другихъ натуралистовъ, высказавшихъ свои понятія объ отношеніяхъ человѣка къ прежнимъ существамъ подобной организаціи, онъ написалъ изслѣдованіе о предметѣ, котораго не хотѣлъ касаться, когда составлялъ планъ своего трактата. Человѣкъ менѣе начинный съ самаго начала зналъ бы, что неизбежно рѣшиться на одно изъ двухъ: или, составляя планъ трактата о генеалогическомъ родствѣ нѣкоторыхъ органическихъ существъ съ прежними, ввести въ него изслѣдованіе генеалогіи человѣка, или отбросить самую мысль о такомъ трактатѣ.

Въ 1872 г. Дарвинъ напечаталъ изслѣдованіе о выраженіи чувствъ у человѣка и животныхъ, а въ 1875 г. — изслѣдованіе о насѣкомоядныхъ растеніяхъ. Оба они относятся ко второму отдѣлу пятой главы трактата, говорящему объ употребленіи и неупотребленіи органовъ. Но не только въ первомъ изданіи «извлеченія», даже и въ пятомъ, вышедшемъ въ 1869 г., нѣтъ еще ни одного слова, соответствующаго имъ, т.-е. не только въ 1859 г., но и въ 1869 г. Дарвинъ еще не предвидѣлъ, что найдетъ надобнымъ «исполнить» свой трактатъ этими изслѣдованіями. И дѣйствительно, мудро было предусмотрѣть, что случится такъ. Насѣкомоядность нѣкоторыхъ растеній не принадлежитъ къ числу классификаціонныхъ признаковъ ихъ. () переменнахъ въ выраженіи лица или въ состояніи мускуловъ другихъ частей тѣла при порывахъ чувства нечего и говорить, причисляются

ли онѣ къ видовымъ отличіямъ. Потому изслѣдованія объ этихъ предметахъ— работы совершенно неумѣстныя въ трудѣ, имѣющемъ цѣлью разъяснить отношенія между видами. И, въ особенности, слѣдовало ли тратить время на эти ненужныя изслѣдованія человѣку, трудящемуся надъ своимъ трактатомъ уже десятки лѣтъ, не успѣвшему подвинуться въ обработкѣ его далѣе первой главы и уже имѣющему больше шестидесяти лѣтъ отъ роду? Кажется, онъ имѣлъ бы надобность помнить, что ему должно дорожить временемъ, не терять мѣсяцевъ за мѣсяцами, годовъ за годами на блужданія по сторонамъ отъ основнаго предмета труда. Но подвернулись неумѣстные вопросы, показались любопытными и отвлекли труженика отъ предмета его работы; впрочемъ, нѣтъ, не отвлекли: онъ доказываетъ, что изслѣдованіями о нихъ разъясняется родство между видами. Что-жь, разумѣется, можно приплетать что угодно къ чему угодно, было бы желаніе.

На 1875 году мы остановимся, потому что не имѣемъ подъ руками хронологическаго списка частей трактата, изданныхъ Дарвиномъ въ послѣдующіе годы. Это жаль. Но и обзоръ тѣхъ частей, которыя были изданы имъ въ первыя шестнадцать лѣтъ по напечатаніи книги *О происхожденіи видовъ*, достаточно показываетъ, какъ успѣшно и систематично шла у неутомимаго труженика обработка основныхъ его понятій о родствѣ между видами.

Онъ обработалъ первую главу трактата, служащую предисловіемъ къ изложенію его теоріи. На этомъ и остановилась систематическая обработка трактата. Послѣ того, т. е. съ 1868 г. до конца жизни, онъ ужъ только блуждалъ по лабиринту черновыхъ бумагъ, масса которыхъ все разрасталась и становилась все хаотичнѣе; отъ времени до времени онъ останавливался надъ какою-нибудь группой этихъ бумагъ и обрабатывалъ какой-нибудь кусокъ трактата, относившійся къ вопросу или мелочному, или постороннему основной задачѣ, издавалъ этотъ кусокъ, не имѣющій связи ни съ тѣми, которые были изданы раньше, ни съ тѣми, къ обработкѣ котораго переходилъ онъ.

Теорія должна была излагаться во второй, третьей и четвертой главахъ трактата. Глава вторая предназначена была для изслѣдованія перемѣнъ формъ растений и животныхъ въ естественномъ ихъ состояніи, независимо отъ человѣка; она должна была служить подготовкой къ изложенію существеннѣйшихъ частей теоріи, къ разрѣшенію вопроса о томъ, какая сила произвела развитіе органическихъ формъ; рѣшеніе этого вопроса должно было составлять содержаніе главы третьей (имѣвшей своимъ заглавіемъ: *Борьба за жизнь*) и главы четвертой (заглавіе которой было: *Естественный отборъ*, результатъ борьбы за жизнь). Изъ двадцати двухъ отдѣловъ этихъ трехъ главъ Дарвинъ успѣлъ до конца жизни обработать только одинъ отдѣлъ, именно второй отдѣлъ четвертой главы, излагающій ученіе о половомъ отборѣ.—одинъ отдѣлъ изъ двадцати двухъ, и, притомъ, отдѣлъ, посвященный изложенію дѣйствій не борьбы за жизнь, а другой силы—силы соперничества между самцами за обладаніе самкой или между самками за обладаніе самцомъ. Изъ ученія о борьбѣ за жизнь, дѣйствія которой составляютъ, по теоріи Дарвина, основной элементъ исторіи развитія органическихъ формъ, и о производимомъ ею естественномъ отборѣ, объ этой существеннѣйшей чертѣ его теоріи, бѣдный труженикъ не успѣлъ обработать ни одного кусочка до самой своей смерти. Онъ умеръ,—припомнимъ цифры,—онъ умеръ въ 1882 г., а теорія была готова у него въ 1844 г. Работа, неутомимо веденная тридцать восемь лѣтъ,

ушла на изслѣдованія или мелочныя, или постороннія предмету труда, такъ что въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ ни одно изъ коренныхъ положеній теоріи не могло быть подвергнуто авторомъ внимательному разбору, по недостатку времени, и пришедшія на мысль ему при началѣ труда рѣшенія основныхъ вопросовъ остались непровѣренными.

Тридцать восемь лѣтъ напрасной траты силъ на блужданія по сторонамъ отъ основнаго предмета труда—исторія науки едва ли представляетъ другой примѣръ такого нарушенія правилъ научной работы.

А, между тѣмъ, принято превозносить похвалами способъ работы Дарвина надъ его трактатомъ. Источники ихъ—то, что эта нескончаемая, безразсудная работа имѣетъ качество очень эффектное. Много содѣйствуютъ горячности ихъ и нравственныя достоинства автора, отражающіяся въ его работѣ: неутомимое трудолюбіе, безусловная добросовѣстность, искреннѣйшая скромность, доброжелательнѣйшая готовность признавать чужія заслуги, отдавать полную справедливость трудамъ соперниковъ, кротость незлобивой души, непоколебимая никакими нападеніями враговъ; эти прекрасныя черты человѣка возбуждаютъ во всякомъ честномъ человѣкѣ уваженіе къ его труду. Но существенная причина похвалъ его способу работы, все-таки, не нравственныя достоинства ея, а то, что результатъ ея очень эффектенъ: набирая и набирая подробности за подробностями, и анализируя всяческія мелочи, Дарвинъ подавляетъ массой учености мысль человѣка, не умѣющаго или забывающаго разсматривать, къ какому разряду знаній принадлежатъ матеріалы, изъ которыхъ однихъ сложены всѣ груды учености, производящія эффектъ своими размѣрами, по какимъ нормамъ производятся анализы и какими особенностями отличается умъ, громоздящій эти груды, производящій эти анализы.

Съ качествами очень добраго, безусловно честнаго, чрезвычайно благороднаго человѣка въ Дарвинѣ соединились нѣкоторыя изъ качествъ великаго ученаго: сильный умъ, громадный запасъ знаній и, при всей его громадности, не ослабѣвающее до конца жизни влеченіе увеличивать его, учиться и учиться. Но мы видѣли, что этотъ умъ, хотя и сильный, имѣлъ склонности, несовмѣстныя съ успѣшностью работы надъ разъясненіемъ широкихъ, многосложныхъ вопросовъ: онъ съ неудержимою страстью вдавался въ изслѣдованія или мелочныя, или постороннія основному предмету труда, нескончаемо тратилъ время на собираніе длинныхъ перечней, не прибавляющихъ ничего къ разъясненію, даваемому немногими примѣрами, на разработку вопросовъ, не относящихся къ дѣлу; теряясь въ массахъ мелочей и въ далекихъ блужданіяхъ отъ предмета, онъ упускалъ изъ вида крупныя факты, не имѣлъ досуга изслѣдовать существенные вопросы. Была въ умѣ Дарвина и другая особенность, несовмѣстная съ успѣшностью труда надъ разъясненіемъ законовъ жизни, многосложныхъ и запутанныхъ: ребяческая наивность. Нормы, по которымъ Дарвинъ производилъ анализы фактовъ жизни, были ключки оптимистической философіи въ популярной передѣлкѣ, подводящей всякіе факты безъ всякаго исключенія подъ простонародную поговорку: «все на свѣтѣ къ лучшему». Человѣкъ, руководящійся въ своихъ сужденіяхъ подобными мыслями, не имѣетъ научной подготовки къ пониманію законовъ жизни, какова бы ни была обширность его специальныхъ свѣдѣній. Но и въ запасѣ специальныхъ знаній были у Дарвина пробѣлы, о пополненіи которыхъ онъ не заботился, не до-

гадиваясь, по своей наивности, что, кромѣ свѣдѣній, надобныхъ для монографическихкихъ изслѣдованій, существуетъ другой разрядъ специальныхъ знаній, въ которыхъ нѣтъ необходимости монографисту, но безъ которыхъ невозможно основательное изслѣдованіе вопросовъ очень широкихъ. Мы увидимъ эти пробѣлы, обративъ вниманіе на нѣкоторыя черты его разсказа о томъ, какъ возникла у него мысль объ измѣнчивости видовъ и о томъ, какъ искалъ онъ разъясненія исторіи измѣненій формъ организмовъ.

Натуралистъ, правда, еще очень молодой, потому, конечно, еще не успѣвшій пріобрѣсти такого количества специальныхъ знаній, какое имѣютъ первоклассные ученые въ 35 или 40 лѣтъ, но, все-таки, натуралистъ, и, притомъ, уже способный обогатить науку превосходными наблюденіями и очень основательными выводами изъ нихъ, — слѣдовательно, уже имѣющій очень много специальныхъ знаній, плыветъ изъ Англіи къ восточному берегу южной Америки, посѣщаетъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, дѣлая наблюденія и, между прочимъ, изучая животныхъ, дѣлаетъ потомъ такія же наблюденія по западному берегу южной Америки, приплываетъ, наконецъ, къ Галапагосскому архипелагу и «удивляется», даже не просто, а «очень удивляется», увидѣвъ, что животныя этого архипелага похожи на животныхъ ближайшаго берега южной Америки, но не одинаковы съ ними. Какъ же возможно было, чтобы онъ удивился этому? Предположимъ наибольшую правдоподобную скудость запаса специальныхъ знаній у него; все-таки, странно, что въ его знаніяхъ могъ быть пробѣлъ, оставившій мѣсто удивленію при видѣ того, что онъ увидѣлъ. Правда, зоологическая географія была тогда разработана гораздо меньше, чѣмъ теперь; но, все-таки, общеизвѣстнымъ фактомъ было уже и тогда то, что фауны острововъ, лежащихъ далеко отъ континентовъ, обыкновенно состоятъ изъ видовъ сходныхъ, но не одинаковыхъ съ видами ближайшихъ частей континентовъ. И мало того, что онъ «очень удивился» тогда; черезъ двадцать пять лѣтъ онъ, уже давно ставшій первокласснымъ натуралистомъ, разсказывая во «Введеніи» къ книгѣ *О происхожденіи видовъ* этотъ фактъ, не находитъ въ немъ ничего страннаго. То же самое невѣдѣніе о его странности остается и еще черезъ десять лѣтъ, въ пятомъ изданіи книги. Какъ понять это невѣдѣніе? Очевидно, что мысли Дарвина о томъ, какія знанія нужны натуралисту, оставались односторонни и въ 1859, и въ 1869 году, какъ были односторонни его заботы о пріобрѣтеніи знаній до отплытія изъ Англіи въ концѣ 1831 года: онъ дорожилъ только свѣдѣніями, надобными монографисту; плохое знакомство съ отдѣлами свѣдѣній, относящимися къ широкимъ фактамъ, продолжало казаться ему не страннымъ, потому что оставалось у него плохимъ, и онъ даже не замѣчалъ, что оно остается плохимъ, считая этотъ отдѣлъ знаній маловажнымъ.

Неожиданный фактъ, удивившій молодого натуралиста на Галапагосскихъ островахъ, привелъ его къ мысли, что животныя этого архипелага — видоизмѣненные потомки предковъ, другіе потомки которыхъ, вѣроятно, тоже видоизмѣнившись, живутъ въ ближайшей части южной Америки. Мысль правильная. Но опять странный пробѣлъ въ знаніяхъ: молодому натуралисту не припомнилось, что были великіе натуралисты, говорившіе о генеалогическомъ родствѣ между видами. Какъ могъ онъ уѣхать изъ Англіи, не зная этого? Хорошо; не зная. Допустимъ, что онъ, предполагавшій быть монографистомъ, былъ правъ, считая ненужнымъ знакомиться съ трудами натуралистовъ, устарѣвшими въ своихъ мелочныхъ подро-

ностяхъ, потому непригодными для монографиста, пособиями для котораго должны служить новѣйшія книги. Но вотъ онъ возвратился въ Англію, и, хотъ принужденный работать, главнымъ образомъ, надъ приготовленіемъ къ печати фактическихъ результатовъ своего путешествія, трудится и надъ разъясненіемъ своей мысли о генеалогическомъ родствѣ между видами. Это уже не монографическая задача. Одно изъ основныхъ правилъ научной работы говоритъ, что человѣку, желающему сформировать себѣ правильныя понятія по очень широкому вопросу, по которому современныя спеціалисты имѣютъ ошибочныя мнѣнія, необходимо навести справки о мнѣніяхъ прежнихъ великихъ спеціалистовъ; но это правило научной работы надъ разъясненіемъ широкихъ вопросовъ неизвѣстно молодому—теперь, впрочемъ, уже не очень молодому, двадцати восьмилѣтнему—натуралисту, задумавшему пересоздать науку объ органическихъ существахъ. Онъ не знаетъ, что ему слѣдуетъ навести справки о мнѣніяхъ прежнихъ великихъ натуралистовъ, мысли которыхъ о родствѣ между видами называли незаслуживающими вниманія учителя его, ученики Кювье. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что теорія неизмѣнности видовъ, изложенная Кювье, ошибочна; и онъ не догадывается, что для него, противника Кювье; не должны быть авторитетными отзывы учениковъ Кювье о мысляхъ натуралистовъ, противникъ которыхъ былъ Кювье. Онъ продолжаетъ вѣрить своимъ учителямъ, что мысли этихъ натуралистовъ о родствѣ между видами не заслуживаютъ вниманія, и, годъ за годъ, работаетъ надъ приекиваніемъ объясненія измѣненій формъ организмовъ, не догадываясь, что не мѣшало бы ему справиться о мнѣніяхъ прежнихъ трансформистовъ. Онъ не находитъ объясненія, бродитъ въ потемкахъ. И вдругъ—о, радость?—объясненіе нашлось. Оно нашлось—о, чудо изъ чудесъ!—въ трактатѣ о политической экономіи,—въ трактатѣ, написанномъ съ цѣлью оправдать торійское министерство, при поддержкѣ большинства виговъ отвергающее проекты политическихъ реформъ, предлагаемые меньшинствомъ виговъ. Какъ возможно было сдѣлать въ книгѣ подобнаго содержанія находку, надобную для пересозданія науки объ отношеніяхъ между розой, сосной и хмолъ, между слономъ, орломъ и сельдью? Случай удивительный по своей несообразности съ правилами здраваго смысла, но, помимо этого своего свойства, очень простой, совершенно естественный. Если человѣкъ, желающій стать живописцемъ, не знаетъ, что учиться живописи надобно у живописцевъ, то въ своихъ поискахъ учителя онъ, зашедши къ столяру, научится живописи у этого мастера: столяръ не живописецъ, это правда; но умѣетъ чертить карандашомъ фигуры стульевъ и столовъ; онъ научитъ этому; что-жь, и то хорошо. Развѣ-жь это не живопись?

И такъ, пересоздавать естествознаніе надобно на основаніи политическаго памфлета. Прекрасно. Но если ужъ пришлось заимствовать у Мальтуса теорію, объясняющую измѣненія формъ растений и животныхъ, то слѣдовало, по крайней мѣрѣ, выкинуть въ смыслъ ученія Мальтуса. Дарвинъ не позаботился и объ этомъ. Онъ не догадался разобрать, какой смыслъ имѣетъ у Мальтуса мысль, озарившая его, утомленнаго блужданіемъ въ темнотѣ. Если бы онъ правильно понялъ восхитившую его мысль учителя,—теорія, построенная на ней, была бы ошибочна только тѣмъ, что приписывала бы преобладающее вліяніе на ходъ измѣненій органическихъ формъ дѣйствію силы, имѣющей лишь второстепенное значеніе въ этомъ отношеніи, оставляла бы безъ вниманія другія силы, вліяніе которыхъ на измѣненіе формъ организмовъ гораздо могущественнѣе: она давала бы слишкомъ узкое

объясненіе фактамъ, но не искажала бы охватываемую ею маленькую долю истины прибавкой лжи, примѣшанной къ ней по недоразумѣнію. Вышло иначе. Въ восторгѣ отъ внезапнаго озаренія ума, Дарвинъ вырвалъ изъ аргументаціи Мальтуса очаровавшую его мысль, не потрудившись разсмотрѣть мыслей, съ которыми она соединена у его учителя и которыми опредѣляется ея смыслъ. Онъ предположилъ въ ней смыслъ, соотвѣтствующій его привычнымъ понятіямъ о вещахъ, не догадываясь, что этотъ смыслъ несообразенъ съ понятіями его учителя, и построилъ на фальшиво понятіи обрывкѣ публицистической защиты торійскаго министерства, поддерживаемаго большинствомъ виговъ, теорію развитія органической природы. Таковъ источникъ теоріи благотворности борьбы за жизнь; онъ — грубое недоразумѣніе.

Мальтусъ говоритъ, что каждый видъ ограниченныхъ существъ имѣетъ силу размножаться; что по дѣйствию этой силы количество существъ каждаго вида становится и остается превышающимъ количество пищи, находимой этими существами; что потому нѣкоторые изъ нихъ подвергаются голоду и погибаютъ или прямо отъ него, или отъ болѣзней и другихъ бѣдствій, производимыхъ имъ.

Все это правда. Но для чего Мальтусъ выставляетъ ее на видъ? Онъ хочетъ показать, отчего происходятъ бѣдствія, которымъ подвергаются люди, когда чрезмѣрно размножаются, и показываетъ, что въ этомъ случаѣ причина ихъ бѣдствій — чрезмѣрное размноженіе: они размножаются, какъ неразумныя существа, и подвергаются бѣдствіямъ, какимъ подвергаются чрезъ свое размноженіе неразумныя животныя. О чемъ же говоритъ Мальтусъ? О бѣдствіяхъ и причинѣ бѣдствій. Что такое по его понятіямъ бѣдствія? Они, по его понятіямъ, бѣдствія, и только; зло, и только. Видитъ ли онъ что-нибудь хорошее въ причинѣ бѣдствій, о которой говоритъ, въ чрезмѣрности размноженія? Ничего хорошаго въ ней онъ не видитъ: она — причина бѣдствій, и только; причина зла, и только.

Такъ это по Мальтусу. И на самомъ дѣлѣ такъ. Онъ не правъ лишь тѣмъ, что производитъ всѣ бѣдствія отъ одной причины — отъ чрезмѣрности размноженія; есть и другія причины ихъ, совершенно различныя отъ нея; онъ есть не только у людей, но и у разумныхъ животныхъ и у растений. Напримѣръ, когда молодая сухопутная млекопитающая, играя, забудетъ смотрѣть себѣ подъ ноги, заблѣтутъ въ болото и утонутъ, или когда бури ломаетъ дерево: — это бѣдствія, происходящія отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ недостаткомъ пищи, ни съ чрезмѣрностью размноженія. Но въ томъ, что чрезмѣрное размноженіе производитъ только бѣдствія и что бѣдствія — это бѣдствія, и только бѣдствія, Мальтусъ правъ, по свидѣтельству физиологій животныхъ и растений и прикладныхъ ея наукъ, патологій и терапій ихъ.

Итакъ, по Мальтусу, бѣдствія, производимыя чрезмѣрностью размноженія — бѣдствія, и только, зло, и только, и причина, производящая ихъ, чрезмѣрность размноженія — причина бѣдствій, и только, причина зла, и только. Но Дарвинъ не былъ подготовленъ къ пониманію такого взгляда на вещи; у него даже не было предположенія, что такой взглядъ на вещи возможенъ, потому что привычныя ему понятія о вещахъ были совершенно пныя и были привычны ему до такой степени, что казались единственными возможными. Эти понятія о вещахъ, казавшіяся ему единственными возможными, были тѣ, по которымъ бѣдствія считаются не бѣдствіями, а благами, или, въ случаяхъ крайняго неудобства признавать ихъ благами,

считаются источниками благъ. Такой способъ понимать вещи называется оптимистическимъ. Держась этого образа мыслей и не предполагая возможности иного, Дарвинъ былъ убѣжденъ, что Мальтусъ думаетъ о бѣдствіяхъ подобно ему, считаетъ ихъ или благами, или источниками благъ. Тѣ бѣдствія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ,—голодъ, болѣзни и производимыя голодомъ драки изъ за пищи, убійства, совершаемыя для утоленія голода, смерть отъ голода,—сами по себѣ, очевидно, не блага для подвергающихся имъ; а такъ какъ они, очевидно, не блага, то изъ этого, по понятіямъ Дарвина, слѣдовало, что ихъ должно считать источниками благъ. Такимъ образомъ, у него вышло, что бѣдствія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ, должны производить хорошіе результаты, а коренная причина этихъ бѣдствій, чрезмѣрность размноженія, должна считаться коренною причиною всего хорошаго въ исторіи органическихъ существъ, источникомъ совершенствованія организаціи, тою силой, которая произвела изъ одноклѣточныхъ организмовъ такія растенія, какъ роза, липа и дубъ, такихъ животныхъ, какъ ласточка, лебедь, орелъ, левъ, слонъ и горилла. На основаніи такой удачной догадки относительно смысла заимствованной у Мальтуса мысли построилась въ фантазіи Дарвина теорія благотворности борьбы за жизнь. Существенныя черты ея таковы.

Исторія органическихъ существъ объясняется мыслью Мальтуса, что они, чрезмѣрно размножаясь, подвергаются недостатку пищи и часть ихъ погибаетъ или отъ голода, или отъ его послѣдствій, изъ которыхъ особенно важны въ этомъ отношеніи два: борьба за пищу между существами, живущими одинаковою пищею, и борьба между двумя разрядами существъ, пожираемыми и пожирающими;

совокупность фактовъ, производимыхъ голодомъ и его послѣдствіями, мы будемъ называть борьбою за жизнь, а результатъ борьбы за жизнь, то-есть гибель существъ, неспособныхъ выдержать эту борьбу, и сохраненіе жизни только существами, способными выносить ее, будемъ называть естественнымъ отборомъ;

сравнивая прошнія флоры и фауны между собою и съ нынѣшними флорой и фауной, мы видимъ, что нѣкогда существовали только растенія и животныя низкой организаціи, что растенія и животныя высокой организаціи возникли позднѣе и что совершенствованіе организаціи шло постепенно, а соображая данныя сравнительной анатоміи и эмбриологіи, находимъ, что всѣ растенія и животныя, имѣющія организацію болѣе высокую, чѣмъ одноклѣточные организмы, произошли отъ одноклѣточныхъ организмовъ;

а такъ какъ коренная причина измѣненій органическихъ формъ—борьба за жизнь и естественный отборъ, то:

причина совершенствованія организаціи, источникъ прогресса органической жизни—борьба за жизнь, то-есть голодъ и другія производимыя имъ бѣдствія, а способъ, которымъ производитъ она совершенствованіе организаціи—естественный отборъ, т.-е. страданіе и гибель.

И эту теорію, достойную Торквемады, сочинилъ добрякъ, покинувшій изученіе медицины по неспособности выносить видъ операцій въ хирургической клиникѣ, гдѣ приняты всѣ мѣры для смягченія страданій оперируемаго. Мальчики, растущіе въ обществѣ людей загрубѣвшихъ отъ бѣдности, т.-е., главнымъ образомъ, отъ недостатка пищи,—грубые, невѣжественные злые мальчики, когда мучаютъ мышенка, не думаютъ, что дѣйствуетъ на пользу мышамъ; а Дарвинъ учитъ думать это. Позвольте видѣть: мыши бѣгаютъ отъ этихъ мальчиковъ: благодаря тому,

въ мышахъ развивается быстрота и ловкость движеній, развиваются мускулы, развивается энергія дыханія, совершенствуется вся организація. Да, злые мальчики, кошки, коршуны, совы—благодѣтели и благодѣтельницы мышей. Полно, такъ ли? Такое бѣганіе полезно ли для развитія мускуловъ и энергіи дыханія? Не надрываются ли силы отъ такого бѣганія? Не ослабѣваютъ ли мускулы отъ чрезмѣрныхъ усилій? Не портятся ли легкія? Не получается ли одышка? По физиологій, да: результатъ такого бѣганія—порча организма. И бѣганіемъ ли ограничивается дѣло? Не сидятъ ли мыши, спрятавшись въ норахъ? Полезно ли для мышей, млекопитающихъ животныхъ, т.-е. существъ съ полною потребностью движенія и очень сильною потребностью дыханія, неподвижное сидѣніе въ душныхъ норахъ? По физиологій, не полезно, а вредно. Но стоитъ ли соображать, что говоритъ физиологій? Есть книга Мальтуса; достаточно выхватить нѣсколько строкъ изъ нея и—готова теорія, объясняющая исторію органическихъ существъ.

Что постыдятся сказать въ извиненіе своихъ злыхъ шалостей невѣжественные мальчики, то придумалъ и возвѣстилъ міру человѣкъ умный, человѣкъ очень добрый и — натуралистъ, которому, кажется, слѣдовало бы помнить основныя истины физиологій; вотъ до какого помраченія памяти и разсудка можетъ доводить ученое фантазерство, развивающее ошибочную догадку о значеніи непонятыхъ чужихъ словъ!

Много дурного говорилъ Мальтусъ; ему нельзя было обойтись безъ того; онъ хотѣлъ защищать политику коалиціи тори и большинства виговъ, вызванную историческими обстоятельствами, это правда, но, тѣмъ не менѣе, вредную для ихъ и его родины политику, о которой самъ онъ зналъ, что она несправедлива и вредна; дурную книгу написалъ онъ, не добросовѣстную, и заслуживаетъ за то порицанія. Но въ томъ, что взвелъ на него благодарный ученикъ, онъ не виновать; такихъ мерзостей онъ, не внушалъ; напрасно Дарвинъ вообразилъ себя его ученикомъ,—онъ искажитель Мальтуса; напрасно онъ называетъ свою теорію примѣненіемъ его теоріи къ вопросу о происхожденіи видовъ—это не примѣненіе теоріи Мальтуса, а извращеніе смысла его словъ, — извращеніе грубое, потому что истинный смыслъ его словъ ясенъ. Онъ считаетъ чрезмѣрность размноженія причиною бѣдствій и только; а бѣдствія онъ считаетъ бѣдствіями, и только. Въ этомъ онъ вѣренъ истинѣ, вѣренъ естествознанію. Дарвинъ называетъ совокупность результатовъ чрезмѣрнаго размноженія борьбою за жизнь: хорошо; что же такое борьба за жизнь съ точки зрѣнія, на которую ставитъ своихъ читателей Мальтусъ? Совокупность бѣдствій, и только бѣдствій. Результатъ борьбы за жизнь Дарвинъ называетъ естественнымъ отборомъ: хорошо; что же такое, сообразно понятіямъ Мальтуса, естественный отборъ? Никакъ не благо, а непременно нѣчто дурное, потому что чрезмѣрность размноженія не производитъ, по его понятіямъ, ничего хорошаго, производитъ только дурное.

Такъ это по Мальтусу. Совершенно такъ, какъ по физиологій. Мальтусъ намъ не миль и не авторитетенъ. Но пренебрегать физиологій не слѣдуетъ.

Припомнимъ же, что такое, по физиологій растений и животныхъ, бѣдствіе въ жизни индивидуальнаго существа и какое вліяніе на дѣтей имѣютъ, по физиологій, бѣдствія родителей.

Физиологій говоритъ: бѣдствіе въ жизни индивидуальнаго органическаго существа—нарушеніе хорошаго хода функцій организма, и у организмовъ, имѣющихъ

способность ощущения, нарушение, соединенное съ ощущеніемъ боли, когда ка-
сается частей организма, въ которыхъ находится способность ощущения; если на-
рушеніе тяжело или продолжительно, оно имѣетъ результатомъ въ нѣкоторыхъ
случаяхъ смерть, во всѣхъ другихъ порчу здоровья, порчу организма; то же самое,
если оно хотя и не тяжело и не продолжительно, но повторяется часто.

Какое вліяніе на организацию потомковъ имѣетъ, по физиологіи, порча здо-
ровья, порча организациі родителей? Организмы, имѣющіе испорченное здоровье,
рождаютъ организмы, имѣющіе прирожденную испорченность здоровья; существа,
имѣющія испорченную организацию, рождаютъ существа, имѣющія прирожденную
испорченность организациі. И если ходъ жизни идетъ въ этомъ направленіи че-
резъ рядъ поколѣній, то съ каждымъ новымъ поколѣніемъ размѣръ результата
увеличивается потому что онъ сумма порчъ прежнихъ поколѣній, у каждаго изъ
которыхъ прирожденная испорченность увеличивалась порчею, производимою бѣд-
ствіями собственной жизни.

Какъ называется на языкѣ физиологіи порча организма, возрастающая по
ряду поколѣній? Она называется вырожденіемъ. И какъ называется вырожденіе,
состоящее не только въ ухудшеніи здоровья организма, но и въ измѣненіи самой
организациі? Оно называется пониженіемъ организациі, деградациею.

Вотъ что такое, по физиологіи, результатъ борьбы за жизнь — пониженіе
организациі; вотъ что такое, по физиологіи, естественный отборъ — сила пони-
жающая организацию, сила деградирующая.

Но зачѣмъ поминать физиологическіе законы, когда есть Мальтусъ? Хорошо:
Мальтусъ важнѣе физиологіи, то пусть будетъ важнѣе. Но и мысль Мальтуса, ре-
комендуемая намъ въ замѣнъ физиологіи, ведетъ къ тому же понятію о естествен-
номъ отборѣ. Ходъ вывода простъ и ясенъ.

Чрезмѣрность размноженія производитъ только бѣдствія; естественный
отборъ — результатъ чрезмѣрнаго размноженія: спрашивается, что такое естествен-
ный отборъ, благо или зло? Кажется, не очень мудрено сообразить: онъ — зло.
Что такое зло въ примѣненіи къ понятію объ организациі? Пониженіе организациі,
деградациа.

Насколько видоизмѣняются организмы дѣйствіемъ естественнаго отбора, они
деградируются. Еслибъ онъ имѣлъ преобладающее вліяніе на исторію органиче-
скихъ существъ, не могло бы быть никакого повышенія организациі. Если пред-
ками всѣхъ организмовъ были одноклѣточные организмы, то при преобладаніи
естественнаго отбора не могли бы никогда возникнуть никакіе организмы хотя
сколько-нибудь выше одноклѣточныхъ. А если одноклѣточные организмы не пер-
вобытныя формы органической жизни, если первымъ фазисомъ существованія жизни,
ставшей впоследствии органическою, было существованіе микроскопическихъ ку-
сочковъ органическаго, но еще не организовавшагося вещества, называемаго теперь
протоплазмой, то изъ этихъ неорганизованныхъ кусочковъ протоплазмы не
могли, въ случаѣ преобладанія естественнаго отбора, возникнуть никакіе орга-
низмы, ни даже самыя низшіе разряды одноклѣточныхъ существъ; и мало
сказать, что изъ нихъ не могли возникнуть никакіе организмы, — нѣтъ, не
могли бы продолжать своего существованія даже и эти кусочки протоплазмы:
каждый изъ нихъ въ самый моментъ возникновенія былъ бы уничтожаемъ дѣй-
ствіемъ естественнаго отбора, разлагался бы на неорганическія комбинаціи химиче-

скихъ элементовъ, болѣе устойчивыя въ борьбѣ, чѣмъ протоплазма. А если первобытными существами были не безформенные кусочки протоплазмы, а одноклѣточные организмы, то и о нихъ слѣдуетъ сказать, что они подъ преобладаніемъ естественнаго отбора не только не могли бы повышаться въ организаціи, но не могли бы и продолжать свое существованіе: онъ отнималъ бы у нихъ организацію, превращалъ бы ихъ въ кусочки безформеннаго органическаго вещества, а его превращалъ бы въ неорганическія соединенія.

Но было не такъ. Изъ первобытныхъ существъ, имѣвшихъ очень низкую организацію или даже не имѣвшихъ никакой организаціи, бывшихъ безформенными кусочками протоплазмы, развились растенія и животныя очень высокой организаціи. Это значитъ: исторія тѣхъ кусочковъ протоплазмы или одноклѣточныхъ организмовъ, которые были первыми предками высоко-организованныхъ существъ, и исторія слѣдующаго ряда предковъ этихъ существъ шла въ направленіи противоположномъ дѣйствию естественнаго отбора, подъ вліяніемъ какой-то силы или комбинаціи силъ, противоположной ему и перевѣшавшей его.

Одна ли была эта сила, или комбинація нѣсколькихъ силъ? Прежніе трансформисты нашли, что повышеніе организаціи производилось дѣйствіемъ не одной силы, а нѣсколькихъ силъ; и нѣкоторыя изъ этихъ силъ были опредѣлены ими. Нынѣшніе трансформисты пополняютъ открытія прежнихъ. Должно думать, что рядъ этихъ открытій далеко не законченъ, что перечисленіе повышающихъ организацію силъ еще остается неполнымъ. Но по законамъ физиологіи ясно опредѣляется общій характеръ всѣхъ ихъ: всѣ силы, повышающія организацію, — тѣ силы, которыя имѣютъ благопріятное вліяніе на жизнь индивидуальнаго органическаго существа, — содѣйствуютъ хорошему ходу функцій его организма и, если это существо имѣетъ способность ощущенія, возбуждаютъ въ немъ своимъ дѣйствіемъ ощущенія физическаго и нравственнаго благосостоянія, довольства жизнью и радости.

Добрый читатель или добрая читательница, я утомилъ васъ длиннотою моей статьи. Простите.

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова¹⁾,

I.

Переписка Н. А. Добролюбова съ отцомъ и матерью.

Вступительныя свѣдѣнія.—Обзоръ содержанія переписки; извлеченія изъ нея.

Сохраненіемъ писемъ Николая Александровича Добролюбова къ отцу, матери и другимъ роднымъ русская литература обязана сестрамъ его: Антонинѣ Александровнѣ Костровой, Аннѣ Александровнѣ Рождественской и Катеринѣ Александровнѣ Стекловой, мужу Антонины Александровны (нынѣ покойному), Михайлу Алексѣвичу Кострову, и двоюродному брату Николая Александровича (нынѣ также покойному) Михайлу Ивановичу Благообразову. Тѣ письма, которые получалъ отъ Николая Александровича дядя его (нынѣ также покойный), Василій Ивановичъ Добролюбовъ, до переѣзда своего въ Петербургъ, утратились; но сохранились тѣ, которые получалъ онъ въ Петербургѣ отъ племянника изъ-за границы.

Николай Александровичъ былъ старшій сынъ священника нижегородской Никольской церкви Александра Ивановича и супруги его Зинаиды Васильевны Добролюбовыхъ.

Иларіонъ Галактіоновичъ Короленко (братъ писателя Владиміра Галактіоновича), живущій нынѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ и принявшій на себя трудъ участія въ пополненіи матеріаловъ для біографіи Николая Александровича, собранныхъ въ первое время по его смерти однимъ изъ его знакомыхъ и береженныхъ заботливо любовью А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, списалъ копію съ послужнаго списка Александра Ивановича. Важнѣйшія изъ свѣдѣній, представляемыхъ этимъ спискомъ, слѣдующія:

Александръ Ивановичъ былъ сынъ діакона одного изъ сельскихъ приходовъ нижегородской епархіи, кончилъ курсъ въ нижегородской семинаріи по первому разряду и былъ опредѣленъ учителемъ высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища въ 1832 году, рукоположенъ въ іерейскій санъ 20 сентября 1834 года и опредѣленъ священникомъ въ нижегородскую Никольскую

¹⁾ Русская Мысль, 1889, №№ 1 и 2. Примѣчанія, слѣданныя въ этой статьѣ въ выносахъ, принадлежатъ Н. Г. Чернышевскому.

церковь; начиная съ 1835 года исполнялъ разныя порученія епархіальнаго начальства; за успѣшное исполненіе ихъ получалъ выраженія благодарности; 3 марта 1841 былъ опредѣленъ законоучителемъ въ нижегородское училище дѣтей канцелярскихъ служителей; 22 іюня 1843 г. былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи, съ увольненіемъ отъ должности учителя; «за весьма усердное стараніе и дѣятельное смотрѣніе за построеніемъ при его приходской церкви» двухъ трехэтажныхъ каменныхъ флигелей объявлена была ему 25 сентября 1844 года отъ епархіальнаго начальства «полная признательность и благодарность»; въ 1850 г. былъ онъ награжденъ кавалеріею.

Средства на постройку флигелей при церкви были собраны его просьбами у прихожанъ.

Въ воспоминаніяхъ, составленіемъ которыхъ занимается теперь Антонина Александровна, она говорить:

«Александръ Ивановичъ былъ на хорошемъ счету у преосвященнаго (Іереміи); уважая его, какъ дѣльнаго, умнаго человѣка, Іеремія предложилъ ему перейти на мѣсто протоіерея въ городъ Семеновъ; но Александръ Ивановичъ не могъ согласиться на предложеніе, такъ какъ его удерживали запутанныя дѣла по дому, постройка котораго вынудила его произвести нѣсколько займовъ. Прихожане, любившіе Александра Ивановича, упрости Іеремію оставить имъ его. Но разъ воля преосвященнаго встрѣтила себѣ отпоръ, то по своему характеру онъ не могъ не испытывать неудовольствія противъ Александра Ивановича, котораго и послѣ отказа старался склонить на согласіе. Поэтому Александръ Ивановичъ былъ всегда на-сторожѣ и опасался, что Іеремія вынудитъ, все-таки, его согласіе своею властью».

Изъ переписки, которую по смерти Александра Ивановича велъ съ Николаемъ Александровичемъ Борисъ Ефимовичъ Прутченко, занимавшій тогда должность предсѣдателя нижегородской казенной палаты, видно, что, Іеремія, желая отомстить Александру Ивановичу за несогласіе съ его волей, хотѣлъ уменьшить его доходъ отъ священнической должности. Никольская церковь имѣла одного священника, потому что приходъ ея былъ недостаточно великъ для того, чтобы могли имѣть отъ него средства къ жизни два священника; но Іеремія, чтобы сдѣлать вредъ Александру Ивановичу, рѣшилъ назначить къ ней втораго священника; такимъ образомъ, доходъ, который получалъ Александръ Ивановичъ, раздѣлили бы пополамъ между нимъ и его товарищемъ. Но прихожане своимъ протестомъ заставили Іеремію отказаться отъ этого намѣренія.

Доходъ Александра Ивановича отъ священнической должности составлялъ, вѣроятно, около 500 руб. Такъ должно думать потому, что Василій Ивановичъ опредѣляетъ, приблизительно, въ 200 рублей долю его, нѣсколько меньшую половины.

Свой домъ Александръ Ивановичъ строилъ въ долгъ. Когда онъ умеръ, доходъ съ дома все еще поглощался срочными уплатами по долгамъ. Это видно по подробнымъ отчетамъ, находящимся въ письмахъ Василя Ивановича къ Николаю Александровичу.

Сумма долговъ, лежавшихъ на домѣ во время смерти Александра Ивановича, составляла 2,854 р. 43 к.

Домъ былъ каменный, двухэтажный, на фундаментѣ, съ подвалами, часть которыхъ имѣла отдѣлку жилыхъ комнатъ. При домѣ находился деревянный флигель.

Въ годы, предшествовавшіе смерти Александра Ивановича, въ домѣ жилъ князь В. А. Трубецкой, занимавшій тогда должность управляющаго нижегородскаго удѣльной конторой. Въ флигелѣ жили сами Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна.

Домъ и флигель были застрахованы въ 9,000 р.

О дѣйствительной стоимости дома Антонина Александровна въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

«Домъ отца, какъ слышала я отъ него, по постройкѣ обошелся ему болѣе 42—43 тысячъ на ассигнаціи, т. е. тысячъ 12 слишкомъ серебромъ. Домъ проданъ, лѣтъ 15—16 тому назадъ, за 14 тыс. р. сер. не отремонтированнымъ».

Переходя отъ отвѣтовъ на вопросы о матеріальномъ положеніи дѣтей Александра Ивановича по его смерти къ отвѣтамъ на вопросы о качествахъ здоровья и о характерѣ его и Зинаиды Васильевны, Антонина Александровна говоритъ:

«Александръ Ивановичъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, средняго роста, довольно полный; но въ последнее время заботы по дому, столкновенія съ Іереміей, опасенія преслѣдованія оказали на него свое вліяніе; а потеря жены, о которой онъ очень горевалъ и безъ слезъ не могъ говорить, значительно подорвала его здоровье. Онъ крѣпился, попрежнему исполнять всѣ свои обязанности, и не падалъ духомъ, хотя замѣтно худѣлъ и ослабѣвалъ физически.

«Такъ какъ по смерти отца я осталась дѣвочкою по четырнадцатому году, то мнѣ довольно трудно съ увѣренностью судить о характерѣ Александра Ивановича; но по отношеніямъ его съ Іереміемъ, которому не удалось настоять на переводѣ отца, по тому, какъ онъ переносилъ потерю жены, почти не проявляя своего горя виѣшнимъ образомъ ни въ раздраженіи, ни въ упадкѣ дѣятельности и духовныхъ силъ, можно думать, что онъ обладалъ сильнымъ характеромъ и способностью владѣть собою во время тяжелыхъ событій жизни.

«Онъ былъ предприимчивъ и очень дѣятеленъ, что доказывается его постройками собственнаго дома при небольшихъ средствахъ, церковныхъ домовъ и украшеніями и улучшеніями, произведенными въ церкви. Весь день онъ былъ постоянно занятъ службой въ церкви, требами, церковными, консисторскими и собственными дѣлами, которая заставляла его засиживаться за 12 часовъ ночи.

«Въ приходѣ его любили, такъ какъ онъ былъ ласковъ со всѣми, добръ, ровень въ обращеніи, сдержанъ даже въ минуты досады, исполнительенъ и являлся всюду съ готовностью по первому призыву.

«Мать Николая Александровича, Зинаида Васильевна, дочь протоіерея Никольской церкви, Василя Федоровича Покровскаго, на мѣсто котораго поступилъ Александръ Ивановичъ, была также крѣпкаго сложенія, довольно высокая и видная женщина.

«Всѣ ея болѣзни: ревматизмъ, зубная боль и другія были приобрѣтены уже въ послѣдствіи.

«Она была также очень дѣятельна и неутомима. Имѣя большую семью, она содержала въ большой чистотѣ и порядкѣ какъ весь домъ, такъ и дѣтей, которыхъ также приучала къ труду, чистотѣ и порядку. Всѣхъ дѣтей она кормила сама, сама веда все хозяйство и работала на всю семью. Первоначальнымъ обученіемъ всѣхъ дѣтей она занималась также сама.

«Насколько образцовою матерью и хозяйкой была она, можно судить по тому, что, оставшись послѣ нея тринадцати лѣтъ, я знала всѣ домашнія женскія работы и вполне умѣла вести хозяйство.

«Безпрестанная неутомимая дѣятельность и заботы подорвали, наконецъ, ея здоровье, и на 38-мъ году жизни она умерла отъ простуды послѣ родовъ, 8 марта 1854 г.

«По смерти жены Александръ Ивановичъ предполагалъ пригласить на житье къ себѣ свою мать, Марью Федоровну (жившую по смерти мужа съ своими дочерьми на родинѣ, верстъ за 200 отъ Нижняго), и написалъ объ этомъ какъ ей, такъ и Николаю Александровичу. Но извѣстіе отъ сына о смерти жены такъ повліяло на Марью Федоровну, что съ нею произошелъ ударъ, и она не въ состояніи была переѣхать къ сыну. Хозяйкой осталась я.

«Александръ Ивановичъ умеръ отъ холеры; болѣзнь его продолжалась 10—12 часовъ. Еще наканунѣ смерти, 5 августа, служилъ онъ всеношную; а на другой день, въ 10 часовъ утра, онъ уже скончался, въ концѣ 42 года своей жизни».

Обремененный дѣлами, Александръ Ивановичъ не имѣлъ времени самъ быть учителемъ сына. Потому, когда мать научила мальчика, чему могла, отецъ пригласилъ давать уроки ему воспитанника семинаріи Михаила Алексѣевича Кострова. Ученикъ сильно полюбилъ учителя и навсегда сохранилъ любовь къ нему. Михаилъ Алексѣевичъ сдѣлался ближайшимъ другомъ Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны. Когда Антонина Александровна достигла возраста вѣтупленія въ бракъ, Михаилъ Алексѣевичъ женился на ней.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, Антонина Александровна, отвѣчая на вопросы о ея покойномъ мужѣ, говоритъ:

«Семинаристомъ онъ жилъ на квартирѣ въ домѣ Фавсты Васильевны (*старшей сестры Зинаиды Васильевны*), и Александръ Ивановичъ, зная его, какъ хорошаго воспитанника семинаріи, не имѣющаго средствъ, и сочувствуя его бѣдности, доставилъ ему урокъ у себя, которымъ Михаилъ Алексѣевичъ и содержалъ себя во время своего ученія въ семинаріи».

По окончаніи семинарскаго курса, въ 1848 г., Михаилъ Алексѣевичъ былъ, какъ отличный ученикъ, посланъ въ московскую духовную академію. Кончивъ курсъ въ академіи, онъ возвратился въ Нижній и получилъ должность инспектора нижегородскаго духовнаго училища.

По смерти Александра Ивановича мѣсто его было, какъ это тогда называлось, зачислено за Антониной Александровной, т.-е. было оставлено вакантнымъ до ея замужества, съ тѣмъ, что будетъ тогда отдано человѣку, за котораго она выйдетъ, если онъ будетъ достойнымъ іерейскаго сана. Женившись на Антонинѣ Александровнѣ, Михаилъ Алексѣевичъ получилъ это мѣсто.

Онъ оставался священникомъ при Никольской церкви до самой своей смерти. Онъ скончался 19 іюня 1886 г.

Михаилъ Алексѣевичъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Николаѣ Александровичѣ, говоритъ:

«Когда ему стало восемь лѣтъ съ половиной, то приглашенъ былъ въ учителя — къ нему я. — Наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ. Тогда — онъ былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ — былъ переведенъ — въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ и шелъ все первымъ».

Въ семинарію онъ былъ переведенъ въ 1848 г., въ 1852 г. перешелъ въ богословскій классъ. Курсы въ классахъ семинарій (и духовныхъ академій) были въ тѣ времена двухлѣтніе. Николай Александровичъ долженъ былъ кончить семи-

нарскій курсъ въ 1854 г. и тогда былъ бы, какъ отличный ученикъ, отправленъ на казенный счетъ въ московскую или казанскую духовную академію, курсы которыхъ начинались, какъ и въ нижегородской семинаріи, по четнымъ годамъ. Но ему хотѣлось ѣхать не въ духовную академію, а въ университетъ. Онъ еще до перехода въ богословскій классъ сталъ готовиться къ университетскому экзамену, усиленно занимаясь дома тѣми предметами, которые въ семинаріяхъ были преподаваемы въ объемѣ меньшемъ требуемаго для принятія въ университетъ. Увидѣвъ, что можетъ выдержать университетскій экзаменъ, онъ сталъ говорить отцу о своемъ желаніи ѣхать въ университетъ. Оно оказалось неудобоисполнимо. Михаилъ Алексѣвичъ говоритъ объ этомъ такъ:

«Семинарское образованіе не могло удовлетворять его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а непремѣнно желалъ ѣхать въ какой-нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда; но затруднительное положеніе кошелька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиной, что рѣшено было отправить его въ петербургскую духовную академію».

Невозможность удѣлять изъ священническаго дохода столько денегъ на содержаніе сына въ университетѣ, сколько было бы, по мнѣнію отца, необходимо ему тамъ, происходила отъ того, что Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна имѣли тогда, кромѣ старшаго сына, шестеро дѣтей.

Въ петербургской академіи курсы начинались по нечетнымъ годамъ. Къ приѣмному экзамену допускались и пробывшіе только одинъ годъ въ богословскомъ классѣ воспитанники тѣхъ семинарій, курсы которыхъ шли по четнымъ годамъ. Оставаться въ семинаріи было невыносимо-скучно для Николая Александровича. Потому-то онъ и просилъ отца отпустить его въ петербургскую академію. Это было выигрышемъ года времени сравнительно съ поступленіемъ въ казанскую или московскую академію.

Но для того, чтобы воспитанникъ семинаріи, не кончившій курса, а пробывшій только годъ въ богословскомъ классѣ и не отправляемый семинарскимъ начальствомъ по такъ называемому «вызову изъ академіи», а отправляющійся только по своему собственному желанію, могъ быть допущенъ къ приѣмному экзамену въ академіи, нужно было разрѣшеніе св. синода. А для того, чтобы оно было дано, надобно было ходатайство епархіальнаго преосвященнаго о немъ. Въ томъ, чтобы архіерей согласился ходатайствовать передъ св. синодомъ, и состояла вся сущность дѣла; разрѣшеніе св. синода было только формальностью: на подобныя ходатайства епархіальныхъ архіереевъ не бывало отказовъ.

Ходатайство преосвященнаго было отправлено въ св. синодъ 13 марта 1853 года, а Николай Александровичъ 15 марта писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Свершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено!

«Мнѣ непремѣнно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но, между тѣмъ, я видѣлъ ясно, что для моего отца, дѣйствительно, очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе, я бы объявилъ, что хочу этого, и что про-

живу тамъ хоть на 50 цѣлковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображеніе работало, разсудокъ едва сдерживалъ порывы страсти.—

«Жутко было мнѣ тогда. Но, наконецъ, папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ ничего слушать не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь.—

«Но при всемъ томъ, я не могъ помириться съ мыслью —остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученіе было очень незавидное».

Чтобы сократить на годъ потерю времени въ семинаріи, онъ вздумалъ отправиться въ петербургскую академію.

«На это дѣло папенька согласился легче. Не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено.—

«По окончаніи дѣла мнѣ слѣдовало бы радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университет не оставляетъ меня. Впрочемъ, это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, а если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть Сѣверную Пальмиру, не по расчетамъ на превосходство столичнаго образованія: все это на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этою мыслью, а теперь ужъ начинаю подумывать, что

«То кровь кипитъ, то силъ избытокъ...»

«Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ; я, притомъ, я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно, переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?... Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

«Мучать сомнѣнія душу тревожную...»

и потомъ опять какая-то апатія напдаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый Промыселъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благодати и неуспынной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и прогонятъ назадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзаменъ. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія требуется, чтобы поддержать себя, а, между тѣмъ, я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться».

Онъ «едва-едва принимался готовиться» къ академическому экзамену потому, что надъ мыслями о надобности готовиться лежало у него въ глубинѣ души твердое сознаніе совершенной неважности въ этомъ; при всей своей склонности къ самоприпицанію онъ зналъ, что готовъ къ экзамену; онъ раздумывалъ о томъ, что можетъ быть, его «прогонятъ» съ академическаго экзамена, а, между тѣмъ, зналъ, что выдержитъ его блистательно.

Пріемный экзаменъ въ петербургской академіи начинался около половины августа. Николай Александровичъ выѣхалъ изъ Нижняго въ началѣ августа (1853 г.). Онъ ѣхалъ въ дилижансѣ (желѣзной дороги изъ Нижняго въ Москву

тогда еще не было). Изъ Москвы онъ написалъ отцу и матери письмо. Онъ веселымъ тономъ описываетъ свою поѣздку и впечатлѣнія, какія произвела на него Москва. Желѣзная дорога изъ Москвы въ Петербургъ была уже открыта. Николай Александровичъ ѣхалъ въ вагонѣ 3-го класса. Первое письмо его изъ Петербурга къ отцу и матери помѣчено 10-мъ числомъ августа. Описавъ поѣздку по желѣзной дорогѣ, онъ переходитъ къ разсказу о забавномъ приключеніи, которое произошло съ нимъ немедленно по пріѣздѣ. Нанимая извозчика везти его съ чемоданомъ въ духовную академію, онъ почелъ достаточнымъ назвать ее духовной академіей; везъ, везъ его извозникъ и привезъ къ зданію, которое оказалось академіей художествъ. На слова его, что это не та академія, не духовная, извозникъ отвѣчалъ, что никакой другой академіи извозчики не знаютъ. Николай Александровичъ объяснилъ ему, что духовная академія находится въ Невскомъ монастырѣ. И пришлось ѣхать обратно всю длинную проѣханную дорогу.

До окончанія экзамена, по выдержаніи котораго Николай Александровичъ былъ бы принятъ на казенное содержаніе, ему должно было жить на квартирѣ. Она была заранѣе пріискана для него находившимися въ академіи нижегородцами. Случайнымъ выборомъ ея былъ открытъ Николаю Александровичу путь, вмѣсто духовной академіи, въ Педагогическій институтъ.

Вотъ его разсказъ отцу и матери ¹⁾.

«Земляки еще заранѣе отыскиали мнѣ комнатку недалеко отъ академіи, за три рубля сер. въ мѣсяцъ безъ стола— . Я предложилъ хозяину доставлять мнѣ столъ; говорить: «не могу» — . Я долженъ былъ согласиться платить рубль двадцать коп. ассигнаціями за каждый день за столъ... Конечно, это не совсѣмъ выгодно; но мое положеніе теперь таково, что имъ всякій спекуляторъ можетъ пользоваться. Теперь разскажу вамъ дѣло.

«Здѣсь случилось со мной весьма важное и, быть можетъ, счастливое обстоятельство. На моей квартирѣ нашелъ я поселившася въ одной комнатѣ со мною студента Педагогическаго института, одного изъ тѣхъ, которые въ предпрошломъ году поступили въ институтъ, не выдержавъ экзамена въ духовной академіи. Наверху жило въ томъ же домѣ два брата—одинъ—кончившій курсъ въ здѣшней академіи,—другой студентъ вятской семинаріи, сыновья тамошняго ректора. Младшій братъ пріѣхалъ было держать экзаменъ въ духовную академію, но братъ не совѣтовалъ ему, и онъ подаетъ прошеніе въ Педагогическій институтъ. Вчера къ студенту института пришелъ товарищъ, живущій на дачѣ, которую нанимаютъ для студентовъ каждое лѣто и на которую мой соквартирецъ не попалъ только потому, что пріѣхалъ изъ отпуска раньше срока. Этотъ товарищъ разсказывалъ: «Въ институтѣ, братъ, слезы: на 56 вакансій явилось только 23 человѣка, и изъ числа ихъ только 20 могли быть допущены къ экзамену, потому что изъ трехъ остальныхъ одному 38 лѣтъ, другому 14, третій какой-то отчаянный (*полоумный*) ²⁾. Черезъ нѣсколько дней былъ еще экзаменъ, явилось пять человѣкъ, и всѣ приняты почти безъ экзамена».—Я сказалъ, что если не примутъ въ академію, то и я бы попытался; и студенты начали такіа увѣренія (*о легкости экзамена въ институтѣ*), что мнѣ даже не вѣрилось. Наконецъ, одинъ началъ совѣтовать, чтобъ я сходилъ на дняхъ въ институтъ, поэкзамене-

¹⁾ Въ извлеченіяхъ изъ писемъ Николая Александровича пропуски, дѣлаемые нами отмѣчаются, какъ и въ другихъ извлеченіяхъ, двумя чертами— . Многоточія не отмѣтки пропусковъ; они принадлежатъ манерѣ Николая Александровича писать.

²⁾ Курсивомъ въ скобкахъ отличены отъ текста наши пояснительныя вставки. Когда курсивъ, то-есть соответствующее курсиву подчеркиванье словъ, встрѣчается въ письмахъ Николая Александровича, мы дѣлаемъ оговорку объ этомъ въ примѣчаніи.

новался тамъ (а то можно сдѣлать безъ всякихъ письменныхъ документовъ моихъ) ¹⁾ и потомъ быть спокойнымъ. Я сказалъ, что не вижу причины, для чего бы рѣшаться на такую мистификацію, и онъ объявилъ мнѣ вотъ что: «Теперь они (*лица, составляющія институтское начальство, директоръ и конференція*) въ отчаяніи и принимаютъ всякаго, а, между тѣмъ, хлопотуть по всѣмъ гимназіямъ и семинаріямъ (*посылая приглашенія ѣхать въ институтъ*); напримѣръ, одинъ профессоръ выписалъ шесть человекъ изъ одной смоленской семинаріи, гдѣ онъ самъ учился... Министръ объявилъ, что если къ 1 сентября не будетъ полного комплекта, то онъ закроетъ заведеніе; а, между тѣмъ, у васъ (*въ академіи*) къ тому времени только кончатся экзамены. Если васъ постигнетъ неудача, куда вы тогда дѣнетесь? А теперь, выдержавши экзаменъ (*въ институтъ*), вы можете быть спокойны насчетъ академіи. Если же васъ примутъ (*въ академію*), то придете только къ директору (*института*) и скажете: ваше превосходительство, я получилъ отъ родителей письмо, въ которомъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ не совѣтуютъ поступать въ Педагогическій институтъ,—и онъ, не имѣя въ рукахъ вашихъ документовъ, не можетъ никакъ вступиться за это»... Такой ходъ дѣла поставилъ меня въ страшное раздумье. Мнѣ бы такъ хотѣлось поступить въ институтъ, что, выдержавъ тамъ экзаменъ, я бы сталъ умышленно молчать на экзаменѣ академическомъ ²⁾, но, во всякомъ случаѣ, я не рѣшусь избрать окончательно мѣсто воспитанія безъ воли вашей, мои милые, дорогие, безцѣнные папаша и мамаша, которыхъ теперь больше чѣмъ когда-нибудь люблю. Умоляю васъ, рѣшите мое недоумѣніе, выведите меня поскорѣе—если можно, нынѣ ³⁾—изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь теперь... Пока еще можно воротиться мнѣ, а, между тѣмъ, кромѣ другихъ выгодъ, у меня останутся (*защитыми*) 35 цѣлковыхъ, которые, право, жалко отдать за неуклюжую шляпу и не совсѣмъ тонкій сюртукъ академическій ⁴⁾. Весь нынѣшній день я въ такомъ волненіи, что, какъ видите, даже бумагу взялъ вверхъ ногами, начиная писать вамъ».

Когда улеглось волненіе, въ которомъ Николай Александровичъ отдалъ на рѣшеніе отца и матери вопросъ, держать ли ему экзаменъ въ Педагогическій институтъ, онъ увидѣлъ, что въ тревогѣ мыслей не разсчиталъ, можетъ ли отвѣтъ быть полученъ имъ своевременно. По тогдашнему ходу почты, отвѣтъ на письмо, отправленное изъ Петербурга въ Нижній 10 августа, не могъ быть полученъ въ Петербургѣ ранѣе 19 августа, а вѣроятнѣе было, что оборотъ почты займетъ двумя днями больше этого кратчайшаго, возможнаго срока, и отвѣтъ придетъ только 21 августа. А начало послѣдняго круга пріемныхъ экзаменовъ въ институтъ было назначено 17 августа. Дождаться отвѣта значило пропустить возможность поступленія въ институтъ. Оказывалось необходимымъ держать экзаменъ въ институтѣ, не дожидаясь отвѣта отца и матери, или отказаться отъ поступленія въ институтъ.

Педагогическій институтъ считался учрежденіемъ, одинаковымъ съ универси-

1) Документы Николая Александровича находились у академическаго начальства, которому были представлены при подачѣ просьбы о допущеніи къ экзамену въ академію.

2) Молчать на экзаменѣ, чтобъ оказаться не выдержавшимъ его; но, все-таки, держать экзаменъ,—вѣроятно, для того, чтобъ отецъ имѣлъ оправданіе передъ архіереями, могъ сказать ему: мой сынъ поступилъ въ институтъ лишь потому, что не выдержалъ экзамена въ академіи.

3) То-есть отвѣчайте мнѣ въ тотъ же день, какъ получите это письмо, если будетъ можно отвѣчать въ тотъ день, если это будетъ почтовый день. Почта изъ Нижняго въ Москву ходила тогда только три, даже только два раза въ недѣлю.

4) Тѣ воспитанники семинарій, которые пріѣзжали въ академію не на казенный, а на свой счетъ, должны были, при поступленіи въ нее, вносить деньги за выдаваемую имъ одежду академической формы. Принимаемые въ Педагогическій институтъ всѣ получали обмундировку бесплатно.

тетами. Преподаваніе въ немъ считалось университетскимъ. Многие—и, притомъ, принадлежавшіе къ наилучшимъ—профессоры Петербургскаго университета были, съ тѣмъ вмѣстѣ, профессорами Педагогическаго института. Студенты Петербургскаго университета считали студентовъ института равными себѣ.

Поступить въ Педагогическій институтъ значило, по мнѣнію Николая Александровича, то же самое, что поступить въ университетъ. А ему такъ сильно хотѣлось поступить въ университетъ. И отецъ не согласился на это его желаніе только потому, что не имѣлъ денегъ на содержаніе его въ университетѣ. Теперь ему представлялся случай поступить на казенное содержаніе въ учрежденіе, равное университету. Онъ не могъ пропустить этого случая.

Онъ сходилъ въ институтъ за разрѣшеніемъ держать экзаменъ, а 17 числа пошелъ держать экзаменъ въ институтъ.

Начало экзамена въ духовную академію было назначено въ тотъ же самый день, 17 августа. Держа экзаменъ въ институтѣ, нельзя было держать экзаменъ въ академіи.

Николай Александровичъ выдержалъ всѣ экзамены въ институтѣ. Они кончились 20 августа, и 21 августа, утромъ, онъ былъ объявленъ принятымъ въ студенты института.

И только вечеромъ въ этотъ день, когда дѣло было ужъ кончено, пришло, какъ и слѣдовало тому быть по обыкновенному ходу оборота почты, письмо отца и матери, бывшее отвѣтомъ на вопросъ, начинать ли дѣло.

Это письмо не сохранилось. Но по послѣдующей перепискѣ видно, въ чемъ состоялъ отвѣтъ отца и матери. Онъ былъ такой, какимъ неизбѣжно слѣдовало ему быть по тѣмъ мыслямъ, которыя внушалъ отцу и матери Николай Александровичъ, объясняя имъ мотивы, склонившіе его къ желанію держать экзаменъ не въ духовную академію, а въ Педагогическій институтъ.

Отецъ и мать не могли сомнѣваться въ томъ, что его трусость напрасная. Пусть отецъ могъ считать себя не компетентнымъ судьей приготовленности сына къ академическому экзамену. Но развѣ стали бы ручаться семинарское начальство и архіерей, если бы не имѣли полной увѣренности, что воспитанникъ ихъ семинаріи, за котораго они ручаются, выдержитъ экзаменъ прекрасно?

Онъ поддался трусости, совершенно неосновательной, это было ясно отцу и матери. Онъ осрамилъ себя, ихъ, семинарское начальство, архіерея, если они не выведутъ его изъ ошибки, которой онъ поддался. Онъ самъ подсказалъ имъ отвѣтъ, который они должны дать ему. Содержаніе ихъ отвѣта видно съ полною ясностью по ссылкѣ на него въ одномъ изъ тѣхъ писемъ Николая Александровича, которыя будутъ цитированы дальше:

«Вы писали, что если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и васъ, и семинарію, что вы не думали, чтобъ я былъ такъ легковѣренъ и проч. и проч.»

Иного отвѣта и не могло быть отъ разсудительныхъ людей, при той мотивировкѣ, какую далъ Николай Александровичъ своей просьбѣ о дозволеніи ему держать экзаменъ въ Педагогическій институтъ. Но какъ сложилась въ его мысляхъ такая мотивировка?

Могъ ли онъ не сознавать, что хорошо подготовленъ къ академическому экзамену, выдержитъ его прекрасно? Онъ былъ скромнѣе въ мнѣніяхъ о себѣ. Но,

все-таки, не могъ не знать, что его свѣдѣнія очень много превышаютъ размѣръ требованій академическаго экзамена. Или онъ имѣлъ трусливый характеръ? Напротивъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые неспособны испытывать робости. Съ чего-жъ ему вздумалось предполагать, что онъ не выдержитъ академическаго экзамена? Это было пріятное ему самообольщеніе. Прежде, оно служило ему, какъ мы видѣли, отрадой отъ мысли, что ему приходится ѣхать въ духовную академію, а не въ университетъ. Что-жъ, быть можетъ, онъ не выдержитъ экзамена въ академіи—вотъ и будетъ прекрасно! Правда, это будетъ стыдъ; но что за важность! онъ избавится отъ поступленія въ академію. Теперь ему представлялась еще гораздо большая надобность успокоивать себя мыслью, что онъ не выдержалъ бы академическаго экзамена. Ему хотѣлось оправдать передъ собой то свое «преступленіе», что, выпросивъ у отца и матери позволеніе ѣхать въ духовную академію, онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, захотѣлъ держать экзаменъ не въ академію, а въ другое учебное заведеніе.

Въ данномъ случаѣ мученіе души мнимаго преступника можетъ казаться смѣшнымъ. Но впослѣдствіи времени бывали у Николая Александровича такіе же напрасныя и гораздо болѣе тяжелыя мученія совѣсти по поводу фактовъ болѣе важныхъ, чѣмъ вопросъ о томъ, въ академію ли поступить, или въ Педагогическій институтъ. По достоинству преподаванія, по полезности преподаваемаго не было разницы между академію и филологическимъ факультетомъ института, на который поступилъ Николай Александровичъ. Большая разница была въ жалованьѣ, получаемомъ на должностяхъ, даваемыхъ воспитанникамъ института и академіи, непосредственно по окончаніи курса: хорошо кончившіе курсъ въ академіи были назначаемы учителями семинаріи; жалованье учителю семинаріи было 900 р. асс.; хорошо кончившіе курсъ въ Педагогическомъ институтѣ были назначаемы старшими учителями гимназій; жалованье старшему учителю гимназій 400 р. сер., то-есть 1,400 р. асс., въ полтора раза больше семинарскаго. Но не объ этой разницѣ, дѣйствительно важной, думалъ тогда Николай Александровичъ, а лишь о томъ, что институтское преподаваніе лучше академическаго. Это было незнаніе. Вскорѣ по поступленіи въ институтъ Николай Александровичъ увидѣлъ, что онъ—та же самая семинарія.

Отецъ и мать были совершенно правы, отвѣчая упреками на просьбу сына о дозволеніи ему уклониться отъ академическаго экзамена, какъ слишкомъ труднаго для него. Но не были-ль упреки высказаны сурово? Мать не могла говорить сыну суровымъ тономъ, — такой у ней былъ характеръ, такая пѣжкость была въ ея любви къ сыну. Еслибъ отецъ написалъ рѣзко, то несомнѣнно уступилъ бы ея просьбѣ изорвать суровое письмо, замѣнить рѣзкія выраженія мягкими. Но нельзя думать, чтобъ отецъ, при всемъ своемъ огорченіи, захотѣлъ написать сыну сурово; такое предположеніе опровергается характеромъ всѣхъ писемъ Александра Ивановича къ Николаю Александровичу, какія сохранились. Свои совѣты сыну онъ излагаетъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, безъ малѣйшаго доктринерства; свои несогласія съ намѣреніями сына онъ высказываетъ не иначе, какъ обстановка ихъ оговорками; а, впрочемъ, поступай, какъ самъ разсудишь; намъ издали мудрено судить; тебѣ самому виднѣе, какъ будетъ лучше.

Чтеніе переписки Александра Ивановича съ сыномъ отнимаетъ всякую возможность сомнѣваться, что упреки его Николаю Александровичу за робость

передъ академическимъ экзаменомъ были высказаны со всею деликатностью, какая была совмѣстна съ обязанностью родителей предостеречь сына отъ поступка, представлявшагося имъ, по его же собственному письму, легкомысленною, постыдною робостью.

Онъ не принялъ въ расчетъ, какую дурную мотивировку дало его намѣренію поступить въ Педагогическій институтъ смущеніе, наведенное на его душу мыслью, что онъ очень огорчитъ отца и мать этимъ своимъ желаніемъ. Потому, получивъ ихъ отвѣтъ, онъ придалъ ихъ упрекамъ вовсе не то значеніе, какое имѣли слова ихъ.

Отецъ и мать были огорчены тѣмъ, что сынъ струсилъ академическаго экзамена; онъ понялъ ихъ огорченіе въ томъ смыслѣ, что они осуждаютъ его за предпочтеніе, отдаваемое имъ институтскому курсу надъ академическимъ, что по этому извѣстіе о его поступленіи въ институтъ повергнетъ ихъ въ глубокую печаль; ему даже казалось, что имъ трудно будетъ простить такое ужасное нарушеніе ихъ воли, требовавшей отъ него поступленія въ академію.

Вотъ письмо, которымъ онъ отвѣчалъ на ихъ рѣшеніе вопроса о выборѣ между институтомъ и академіей:

1853, августа 23. С.-Пбургъ.

«Простите меня, мои милые, родные мои, папаша и мамаша, которыхъ такъ много люблю и почитаю я въ глубинѣ души моеѣ!... Простите моему легкомыслію и неопытности! Я не устоялъ въ своемъ послѣднемъ намѣреніи (*ждать или рѣшенія*), и письмо ваше пришло слишкомъ поздно—къ вечеру того дня, въ который поутру объявленъ я студентомъ главнаго Педагогическаго института. Не оправдать я надеждъ и ожиданій вашихъ и—горе непослушному сыну!... Тоска, какой никогда не бывало, надрываетъ меня эти два дня, и только Богу извѣстно, сколькихъ слезъ, сколькихъ мукъ бесплоднаго раскаянія стоило мнѣ послѣднее письмо ваше! Какъ въ горячкѣ метался я оба дня, дожидаясь почты, и еслибъ можно, самъ полетѣлъ бы къ вамъ, чтобъ у ногъ вашихъ вымолить прощеніе. Не стану теперь оправдываться, не стану ничего рассказывать вамъ, потому что я слишкомъ возмущенъ¹⁾; но съ полнымъ сознаніемъ своей вины прибѣгаю къ вамъ съ мольбой о прощеніи и благословеніи... Оно только можетъ возратить мнѣ потерянное спокойствіе, котораго нигдѣ я не нахожу теперь. Какъ ни хорошъ Педагогическій институтъ и какъ ни хорошо принять я въ немъ, но я лучше бы желалъ быть послѣднимъ въ академіи,—именно потому только, что вы это одобряете... Не считайте же меня ослушникомъ, непокорнымъ сыномъ... Клянусь, еслибъ я зналъ, что вы такъ сильно вооружитесь противъ института, не поступилъ бы я туда ни за какія блага въ мірѣ. Всѣми преимуществами, всею будущностью своею пожертвовалъ бы я, чтобы только исполнить волю вашу, волю любящихъ родителей, которыхъ счастье для меня дороже моего, котораго я еще не понимаю. Но я ошибся, я обманулся, и жестоко наказываюсь за опрометчивость! Горе мнѣ, несчастному своевольнику, безъ благословенія родителей! Я чувствую, что не найду счастья съ одною своею неопытностью и глупостью...

«Неужели же оставите вы меня, столь много любившіе меня, такъ много желавшіе мнѣ всего добраго? Неужели по произволу²⁾ пустите вы меня за мою вину передъ вами? Простите—умоляю васъ. Простите и требуйте чего хотите, чтобъ нечистотъ мое послушаніе. Скажите слово и я уволюсь тотъ же часъ изъ института, воротчусь въ семинарію, и потомъ пойду, куда вы хотите, хоть въ казанскую академію. Лучше вытерпѣть всѣ пытки горькаго униженія и пошлыхъ насмѣшекъ, лучше испытать всѣ муки раздраженнаго самолюбія, разбитыхъ надеждъ и несбывшихся мечтаній, чѣмъ

1) Возмущенъ печалью или раскаяніемъ.

2) На произволъ мой, на волю судьбы.

нести на себѣ тяжесть гнѣва родительскаго. Я вполне испыталъ это въ послѣдніе дни послѣ полученія вашего письма, Избавьте же меня отъ этого состоянія, простите, простите меня. Я знаю, вы меня любите... Не смѣю подписаться тѣмъ, чѣмъ недавно я слѣлся¹⁾, чтобы не раздражить васъ... Но все еще надѣюсь, что вы позволите мнѣ назваться сыномъ вашимъ.

Н. Добролюбовъ.

«Съ слѣдующею почтой, поуспокоившись, я буду обстоятельно писать къ вамъ. Но горько смущаетъ меня, тяжело налегаетъ на сердцѣ страшная мысль, какъ будетъ принято это письмо мое. Еще разъ—ради Господа Бога, ради всего святаго и дорогаго для васъ—простите моей неопытности, не лишите меня вашей любви и благословенія, безъ которыхъ нѣтъ въ мірѣ счастья, не оставьте вашими совѣтами, безъ которыхъ я пропаду здѣсь. Ради Бога, ради Христа—умоляю любовь вашу. Иначе—я не знаю, что будетъ со мною...»

Онъ хотѣлъ написать отцу и матери вовсе «болѣе обстоятельно», когда «поуспокоится», и надѣялся, что успокоится къ времени слѣдующей почты; но вмѣсто одной почты прошло пять, вмѣсто двухъ или трехъ дней двѣ недѣли, а онъ все еще оставался неспособнымъ привести въ порядокъ свои мысли совершенно разстроенными порицаніемъ, полученнымъ отъ отца и матери, все еще не могъ обратиться съ духомъ, чтобы написать обѣщанное «обстоятельное» объясненіе своего ужаснаго преступленія.

Но оказалось, что отцу и матери не нужно было никакихъ обстоятельныхъ разъясненій, чтобы найти преступленіе сына извинительнымъ, потому что никакого преступленія въ его предпочтеніи институту передъ академіей они и не воображали находить. Онъ поступилъ въ Педагогическій институтъ—имъ было совершенно достаточно узнать это, чтобы огорченіе ихъ прошло.

Въ чемъ состояло оно? Въ томъ, что онъ струсилъ академическаго экзамена. Къ этому экзамену онъ былъ превосходно подготовленъ, казалось всѣмъ: отцу, семинарскому начальству, архіерею (близко знавшему его лично)—и вотъ, онъ думаетъ, что не выдержитъ экзамена въ академію. Какъ же можно было отцу и матери надѣяться, что онъ выдержитъ экзаменъ въ институтъ? Они знали: тамъ требуется подготовка по программѣ гимназическаго курса, большая часть котораго не входитъ въ составъ семинарскаго. По общему и совершенно справедливому мнѣнію воспитанниковъ и преподавателей семинаріи, экзаменъ въ Педагогическій институтъ былъ для семинариста гораздо труднѣе академическаго. Увѣренія сына, что институтскій экзаменъ обращенъ въ пустую формальность, не могли не возбуждать въ людяхъ, болѣе знающихъ жизнь чѣмъ онъ, грустныхъ мыслей о его неопытности. Институтскій экзаменъ, какъ бы ни была велика снисходительность экзаменуемыхъ и наблюдающихъ за экзаменуемыми, все таки, долженъ былъ оставаться для семинариста труднѣе академическаго. Что-жъ будетъ, если ихъ сынъ, не надѣющийся выдержать экзамена въ академіи, пойдетъ держать экзаменъ въ институтъ?—должны были думать отецъ и мать.

Опасенія оказались напрасны: сынъ не осрамился, какъ заставлялъ ожидать, а выдержалъ экзаменъ въ институтъ.

¹⁾ Семинаристы, поступавшіе въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе, имѣли обычай въ первое время по поступленіи подписываться «студентъ» такого-то учрежденія.

Отецъ и мать написали ему, что вовсе не сердятся, напротивъ—радуются.

Письмо ихъ не сохранилось. Но содержаніе его само собой понятно изъ того, что прежде они вовсе не порицали желанія сына поступить на университетъ, а только не имѣли денегъ на содержаніе его въ университетъ; ѣхать въ академію, а не въ университетъ, пришлось ему исключительно потому, что воспитанники академіи жили на казенномъ содержаніи. Теперь онъ поступилъ на казенное содержаніе въ высшее учебное учрежденіе, считающееся одинаковымъ съ университетами, дающее кончающимъ въ немъ курсъ должности лучше даваемыхъ духовными академіями,—какую-жъ причину имѣли отецъ и мать быть недовольными? Напротивъ, имъ было пріятно, что сынъ поступилъ въ учебное заведеніе, которое нравится ему болѣе, чѣмъ академія, и лучше академіи обеспечиваетъ кончающихъ курсъ. Они были рады.

Увидѣвъ это, онъ удивился, былъ въ восторгѣ и написалъ имъ письмо не на одномъ, какъ обыкновенно, а на нѣсколькихъ листахъ. Вотъ начало этого письма:

1853, Сентября 6. Петерб.

«Такъ вы на меня не сердитесь, такъ вы благословили меня! И даже ни одного упрека за своевольство. Какъ я теперь веселъ, спокоенъ и счастливъ, этого невозможно высказать... Теперь я буду писать вамъ, милые мои папаша и мамаша, много много, все буду писать вамъ. Вотъ, если хотите, съ начала исторія. Когда сказали мнѣ, что можно поступить въ Педагогическій институтъ, я не могъ не впасть въ сильное раздумье. Я соображалъ и припоминалъ, я молился, и послѣ долгаго, мучительнаго размышленія—только съ самимъ собой и ни съ кѣмъ больше—рѣшился я на этотъ важный шагъ, опредѣляющій судьбу моей будущности. Я припомнилъ, что и вы говорили мнѣ о поступленіи въ институтъ при неудачѣ въ академіи, или даже послѣ ученія въ академіи, я соображалъ и совѣты и отзывы нѣкоторыхъ знакомыхъ, вошелъ въ свои собственные наклонности, и послѣ всего этого приступилъ къ дѣлу. Отправивши письмо къ вамъ, я не рассчитывалъ, что отвѣтъ придетъ очень поздно, и потому писалъ, что безъ вашего согласія не рѣшусь ни на что. Но потомъ увидѣлъ я, что если до этого ни на что не рѣшаться, то ничего и не сдѣлаешь. Поэтому вечеромъ 12 числа отправился я къ инспектору института, Александру Никитичу Тихомандритскому, спросилъ его, можно ли держать экзаменъ безъ документовъ моихъ, которые представлю послѣ, объяснилъ обстоятельно все дѣло и получилъ позволеніе явиться на экзаменъ 17 числа. Въ этотъ же самый день былъ назначенъ первый экзаменъ въ академіи. (Поэтому я вечеромъ 16-го писалъ Журавскому ¹⁾ записку, что зубная боль препятствуетъ мнѣ быть на экзаменѣ. Онъ тотчасъ пришелъ осведомиться, потому что квартира моя была почти возлѣ академіи. Я легъ и очень болѣзненно отвѣчалъ ему, что къ несчастью и проч.). На другой день пошелъ я въ институтъ вмѣстѣ съ сыномъ вятскаго ректора. Пришедши туда, я, прежде всего, долженъ былъ написать сочиненіе *О моемъ призваніи къ педагогическому званію*; и какъ написать что-нибудь дѣльное нельзя было на такую пошлую тему, то я и написалъ тутъ всякаго вздору—и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту поучить кого-нибудь, и то, что мнѣ 17 лѣтъ, и то, что прежде мнѣ самому хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ (*будущихъ*) наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо. На экзаменъ (*изустный, послѣ письменнаго*) я вышелъ, прежде всего къ Лоренцу. Онъ прогналъ меня по всеобщей исторіи и заключилъ: ви отшень хорошо

¹⁾ Воспитаннику нижегородской семинаріи, отправленному въ петербургскую академію на казенный счетъ, и потому немедленно послѣ пріѣзда помѣщенному жить въ академіи. Онъ и Николай Александровичъ ѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ.

знаете исторію. Это меня ободрило, и съ веселымъ духомъ держаль я экзамень по другимъ предметамъ; а послѣ экзамена подошелъ я къ инспектору и спросилъ его: «Александръ Никитичъ, позвольте узнать, могу ли я надѣяться поступить въ институтъ? Иначе я могу еще теперь обратиться въ академію». Онъ, вмѣсто отвѣта, развернулъ списокъ и, показавъ мнѣ мои баллы, довольно высокіе, сказалъ: «Помилюйте, а это что же?» Затѣмъ, 20 числа, былъ другой экзамень».

По окончаніи его, инспекторъ поздравилъ Добролюбова съ поступленіемъ въ институтъ. На другой день, 21 числа, экзаменовавшіеся были позваны въ конференцію института.

«Позвали насъ въ конференцію, и директоръ прочиталъ: «принимаются такіе-то безусловно». Такихъ нашлось человекъ 12, меня не было. «Безъ благословенія родителей нѣтъ счастья», подумалъ я; но директоръ началъ снова: «затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые хотя оказались хорошими, даже очень хорошими по всемъ предметамъ, но слабы или въ нѣмецкомъ, или во французскомъ языкѣ и потому» (гуть—можете представить—онъ остановился и закашлялъ; я задрожалъ) «могутъ быть приняты только съ условіемъ, что они къ первымъ зимнимъ праздникамъ окажутъ свои успѣхи въ этихъ языкахъ». Въ этотъ разрядъ попала бѣлая часть семинаристовъ, и я—первый. Такимъ образомъ, я былъ уже принятъ, когда, пришедши домой, получилъ ваше письмо, которое въ одинъ мигъ повергло меня въ такое отчаяніе. Вы, кажется, недовольны слишкомъ сильнымъ (*взволнованнымъ, страстнымъ*) тономъ моего письма (*отъ 23 августа, которое приведено выше*), въ которомъ я ничего путемъ не объяснилъ вамъ; но я тогда рѣшительно не могъ писать иначе: такъ быстро и такъ тяжело былъ этотъ переходъ отъ полного счастья къ безнадежной горести. Хорошо еще, еслибъ я могъ кому-нибудь сказать мое горе; но вы знаете мой характеръ. Получилъ я письмо при товарищахъ; слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я прочелъ его, но я только свистнулъ и очень равнодушно положилъ его въ карманъ. За то послѣ я плакалъ цѣлый вечеръ. Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ написалъ я вамъ мое письмо, которымъ, быть можетъ, даже напугалъ васъ. Простите, но вспомните—вѣдь, вы писали, что если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и васъ, и семинарію, что вы не думали, чтобы я былъ такъ легко-вѣренъ и проч. Было отъ чего придти въ отчаяніе. Я даже не ожидалъ отъ васъ и теперь такого всепрощенія. Но за то я теперь совершенно счастливъ».

Послѣ этого Николай Александровичъ рассказываетъ, что по его просьбѣ, оберъ-прокуроръ синода сдѣлалъ распоряженіе, чтобы академическое правленіе выдало ему его документы для представленія въ институтъ.

«28 числа я получилъ изъ академическаго правленія свои документы, представилъ директору и въ тотъ же день поселился въ институтъ, идѣ и пребываю до сихъ поръ въ добромъ здоровьи и совершенномъ счастіи.

«Теперь я отвѣтилъ на большую часть вашихъ вопросовъ. Остается еще сказать о томъ, лучше ли я нахожу для себя институтъ, чѣмъ академію? Вы можете такъ спрашивать, не издавши института, и чтобы вполне предполагать превосходство перваго, надобно самому присмотрѣться къ обоимъ. Разумѣется, у кого какой вкусъ.—Другимъ правится и духовная академія; но что касается до меня, то вы конечно, припомните, что я поѣхалъ въ духовную академію только отъ крайности. Давнишняя моя мысль и желаніе было поступить въ университетъ; но когда сказали мнѣ ¹⁾, что это невозможно, я старался найти хоть какое-нибудь средство освободиться отъ вліянія ²⁾ и это средство я нашелъ въ петербургской академіи. Но и при этомъ у меня

¹⁾ Когда сказалъ ему отецъ.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ письма уничтожено нѣсколько словъ, вѣроятно, Александромъ Ивановичемъ, безъ сомнѣнія, изъ предосторожности (онъ показывалъ и читалъ письма сына знакомымъ; могъ спросить ихъ у него и архіерея). Вычеркнутыя слова

всегда оставалась мысль не только поступить на статскую службу, но даже учиться въ свѣтскомъ заведеніи. Мысль эта глубоко вкоренилась во мнѣ, и ничуть не была пустою мечтой, какъ увѣрялъ одинъ человѣкъ ¹⁾. Я ужъ умѣлъ наблюдать за своими склонностями, умѣлъ сообразить кое-что и давно понялъ, что я совсѣмъ несклоненъ и неспособенъ не только къ жизни духовной, но и къ наукѣ духовной ²⁾. И припомните, слышали-ль вы отъ меня хоть разъ хоть одно слово о преимуществѣ духовной академіи передъ университетомъ? Кажется, никогда. Я покорился судьбѣ, хвалилъ академію петербургскую на счетъ другихъ академій духовныхъ, но никогда не возвышалъ ее надъ свѣтскими заведеніями... И что же могъ я чувствовать, когда, прѣѣхавши сюда, вдругъ увидѣлъ возможность осуществить давнишнія мечты, когда я опять нашелъ то, что считалъ уже невозвратно потеряннымъ? Я не могъ не броситься на эту мысль—поступить въ институтъ, не могъ упустить благоприятный случай, тѣмъ болѣе, что экзаменъ институтскій былъ легче академическаго ³⁾ и что перейти изъ академіи въ институтъ, какъ вы писали, можно не черезъ годъ, а только черезъ два ⁴⁾. Для чего же бесполезно тратить ихъ? Притомъ, въ институтскомъ начальствѣ, товарищахъ и проч. я нашелъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ академическихъ».

Онъ сравниваетъ то, что видѣлъ въ академіи съ тѣмъ, что увидѣлъ въ институтѣ; показываетъ, что все въ институтѣ лучше академическаго, и продолжаетъ:

«Какъ же еще не лучше въ институтѣ противъ академіи? Именно вы сказали правду—Промыселъ привелъ меня сюда, и я вижу въ этомъ вознагражденіе за то терпѣнье, за ту кротость, съ которой я покорился судьбѣ, и перенесъ отказъ вашъ или, лучше, рѣшеніе необходимости касательно поступленія въ университетъ. А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, припомните: вы, папаша, нѣсколько разъ спрашивали, видя меня за исторіей, за словесностью, за математикой: «Да что ты все этимъ занимаешься? Развѣ это тамъ важно, развѣ это тамъ требуютъ?» Подъ «тамъ» вы разумѣли академію; а я почему-то готовился съ этихъ именно предметовъ, совсѣмъ не имѣя ея въ виду, и вотъ это мнѣ пригодилося. Да и то сказать: меня въ академіи постоянно убивала-бы мысль, что я поступилъ туда не самъ собою, а по разнымъ протекціямъ—преосвященнаго, Волкова, графа Толстаго, который просилъ за меня Макарія, какъ мнѣ здѣсь сказали. Между тѣмъ, здѣсь я поступилъ именно самъ собою, а не по чужой милости или, лучше, по одной милости Божіей, которую постараюсь заслуживать всегда, сколько можно слабому человѣку. По нѣкоторымъ вашимъ отзывамъ обо мнѣ и о моемъ характерѣ, я думаю, что вы достаточно знаете меня и потому поймете, что послѣднее обстоятельство для меня тоже не послѣдней важности.

были, очевидно, собственные имена; одно изъ нихъ, несомнѣнно «Паисій», ректоръ нижегородской семинаріи; къ этому имени было прибавлено, по всей вѣроятности, другое: «Ерема», какъ называли архіерея Іеремію.

¹⁾ Какой-то знакомый, быть можетъ, тотъ Леонидъ Ивановичъ, который, какъ упоминается въ письмѣ Николая Александровича отъ 6 августа, убѣждалъ его поступить въ монахи, когда будетъ въ академіи. Поступленіе въ монашество было для студентовъ духовныхъ академій путемъ къ архіерейству.

²⁾ Не по недостатку религіозности (онъ былъ тогда человѣкъ вѣрующій), а потому, что формы преподаванія въ духовныхъ заведеніяхъ казались ему очень неудобовѣроятными. формы быта духовенства тяжелы, и, что всего важнѣе, ему хотѣлось посвятить себя литературѣ.

³⁾ Это еще отголосокъ того настроенія мыслей, которое давало Николаю Александровичу извиненіе передъ самимъ собою въ намѣреніи держать экзаменъ въ институтѣ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ самъ приводитъ примѣръ трудности институтскаго экзамена для семинаристовъ: сынъ вятскаго ректора не выдержалъ этого экзамена.

⁴⁾ Совѣтъ поступить въ академію и перейти черезъ годъ въ институтъ былъ данъ отцомъ, вѣроятно, въ письмѣ, порицавшемъ намѣреніе сына не поступать въ академію. Перейти въ институтъ черезъ годъ нельзя было потому, что курсы классовъ («отдѣленій») института были тогда двухлѣтніе, соотвѣтственно тому и пріемъ въ институтъ происходилъ лишь разъ въ два года (по нечетнымъ годамъ).

«Вы еще спрашиваете меня, все ли у меня цѣло, есть ли деньги? Да куда же я дѣну 35-то цѣлковыхъ? Вѣдь, я не вносилъ ихъ въ академію. Вещи всѣ также въ совершенной сохранности. Прощайте. Сынъ вашъ С. Г. П. И. (*студентъ Главнаго Педагогическаго института*) Н. Добролюбовъ».

Первое изъ сохранившихся писемъ отца и матери Н. А. Добролюбова было писано къ нему 27 сентября, отправлено 28, получено Николаемъ Александровичемъ 5 октября, то-есть на восьмой день по отправленіи (почта въ тѣ времена очень часто запаздывала). Письмо матери служить, между прочимъ, отвѣтомъ на (не сохранившееся) письмо сына, заключавшее въ себѣ поздравленіе ея съ днемъ рожденія. Листъ начинается письмомъ отца, состоящимъ лишь изъ немногихъ строкъ. Отецъ говоритъ, что посылаются при этомъ письмѣ «еще десять рублей» и прибавляетъ: «Я увѣренъ, что ты не употребишь оныя деньги безразсудно. А въ необходимомъ и даже полезномъ не отказывай себѣ ни въ чемъ. Чаю покупать себѣ лучшаго».

Послѣ отца пишетъ мать:

«Я вчера съ писала тебѣ, милый Николенька, и была очень утѣшена полученнымъ отъ тебя письмомъ. Никакъ не ожидая, чтобы ты, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, могъ вспомнить день моего рожденія, я была спокойна, какъ давно не бывала; но каково-жъ мое удивленіе: къ вечеру нашъ добрый Михаилъ Алексѣевичъ принесъ твое письмо, такъ неожиданно полученное, которое еще больше меня обрадовало потому, что я не ожидала».

Она благодаритъ сына за то, что онъ вспомнилъ о днѣ ея рожденія, и продолжаетъ:

«Мы къ тебѣ не скоро отвѣчали»,—вѣроятно, на письмо отъ 6 сентября.—«потому, что писалъ къ тебѣ Михаилъ Алексѣевичъ, такъ чтобы не затруднять тебя излишнею пересылкой. Мы разсчитали, что у тебя за покупкой книгъ останется немного денегъ, потому посылаемъ ихъ тебѣ».

Мать проситъ его беречь здоровье, не отказывать себѣ ни въ чемъ надобномъ, и продолжаетъ:

«Отецъ написалъ такъ коротко» потому, что спѣшилъ къ обѣднѣ; онъ просилъ ее отвѣчать на заключавшіеся въ письмѣ сына, отъ 6 сентября, вопросы о томъ, какія изъ вещей, ставшихъ ненужными ему по поступленіи въ институтъ, слѣдуетъ ему продать. Она выражаетъ согласіе на то, чтобы онъ продалъ всѣ перечисленные имъ вещи, кромѣ чемодана:

«Чемоданъ, если можно, то оставь при себѣ: онъ тебѣ понадобится, когда поѣдешь къ намъ въ гости; а я надѣюсь, что это будетъ, дождусь тебя къ себѣ, чтобы на тебя полюбоваться въ твоемъ мундирѣ».

Она возвращается къ тому, что очень обрадована полученнымъ вчера письмомъ сына:

«Будь здоровъ, спокоенъ и счастливъ. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо твое. Оно меня очень радуетъ. Но только папаша велѣлъ мнѣ написать, чтобы ты не тратилъ время дорогое, котораго такъ мало даютъ тебѣ¹⁾, на ненужныя письма.

¹⁾ Николай Александровичъ сообщилъ отцу и матери распредѣленіе дня въ институтѣ; отецъ нашелъ, какъ видно по письмамъ Николая Александровича, что, при такомъ распредѣленіи дня, остается слишкомъ мало времени для серьезныхъ, самостоятельныхъ занятій, къ какимъ привыкъ дома сынъ.

Но къ намъ, прошу тебя писать хоть понемногу. Прощай, мой милый, мой дорогой Николенька, какъ ты самъ себя называлъ въ письмѣ. Миѣ это названіе очень пріятно. Любящая тебя много, очень много, мать твоя З. Добролюбова».

Въ тѣ времена въ среднемъ кругу провинціального общества было принято называть взрослыхъ дѣтей въ письмахъ къ нимъ по имени и отчеству. Александръ Ивановичъ обыкновенно и называется такъ сына. Зинаида Васильевна раза два поддавалась этому обычаю. Сынъ просилъ ее называть его, попрежнему Николенькой.

Къ письму Зинаиды Васильевны сдѣлала приписку младшая сестра ея, Варвара Васильевна:

«Благодарю тебя, милый Николенька, за память. Радуюсь, что ты не пошелъ въ куты. Варвара К.».

Варвара Васильевна Колосовская была и сама, какъ Зинаида Васильевна, жена священника. Но это, какъ видимъ, не стѣсняло ее имѣть безпристрастное мнѣніе о «кутѣ». Въ однихъ изъ своихъ писемъ къ Николаю Александровичу она объясняетъ и причину, по которой рада, что онъ не пошелъ въ куты: семинаристы и студенты духовныхъ академій имѣютъ неуклюжія манеры и плохо знаютъ приличія; племянникъ ея теперь отстанетъ отъ этихъ принадлежностей кутейническаго воспитанія.

Она была бойчѣе Зинаиды Васильевны въ шуткахъ. Но если она дѣлала такую приписку къ письму сестры, то не ясно ли, что Зинаида Васильевна раздѣляла ея мнѣніе о преимуществахъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній надъ духовными? Да и у самой Зинаиды Васильевны высказывается предпочтеніе института духовной академіи въ словахъ, что ей пріятно будетъ видѣть сына въ институтскомъ мундирѣ (онъ былъ одинаковый съ университетскимъ).

Прочитавъ первое изъ сохранившихся писемъ отца и матери къ Николаю Александровичу, нельзя не увидѣть, что деликатность его характера была единственнымъ источникомъ мучительнаго сомнѣнія въ томъ, одобрятъ ли отецъ и мать его предпочтеніе институтскаго курса академическому. Онъ не могъ не знать, что мать предпочитаетъ свѣтскія учебныя заведенія духовнымъ; и онъ превосходно зналъ, что понятія обо всемъ на свѣтѣ одинаковы у отца и матери. Послѣ того разговора съ отцомъ, въ которомъ рѣчь была доведена до вопроса, можетъ ли отецъ содержать его въ университетѣ, онъ не могъ не понимать, что прежнія разсужденія отца о преимуществахъ академическаго воспитанія надъ университетскимъ были только результатомъ желанія отца отклонить его отъ намѣренія, неудобноисполнимаго по недостатку денегъ, сберечь его отъ огорченія раскрытіемъ положенія денежныхъ дѣлъ семейства.

Съ того дня, какъ получено было Николаемъ Александровичемъ письмо отца и матери, говорившее, что они и не думали сердиться на него за предпочтеніе институтскаго курса академическому, напротивъ, рады его поступленію въ институтъ, жизнь его шла спокойно до половины марта.

Въ первыя недѣли по поступленіи въ институтъ Николай Александровичъ восхищался имъ. Но очень скоро увидѣлъ, что и институтскія лекціи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ (именно: лекціи Срезневскаго по славянскимъ нарѣчіямъ и Н. М. Благовѣщенскаго по римской литературѣ) хороши сами по себѣ, даютъ ему, въ

общей сложности своей, слишкомъ мало знанія сравнительно съ тѣмъ, сколько желаетъ и можетъ онъ приобретать. Не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ по началѣ курса, онъ уже сталъ употреблять на занятія, постороннія требованіямъ институтскаго курса, всѣ тѣ часы, какіе оставлялъ въ распоряженіи студентовъ институтскій порядокъ дня, регулированный обязательнымъ росписаніемъ отъ минуты, опредѣленной для пробужденія, до минуты, въ которую гасятся лампы съ запрещеніемъ имѣть послѣ того свѣтъ для работы.

Отецъ, прочитавъ это росписаніе, сообщенное ему и матери сыномъ при самомъ началѣ курса, замѣтилъ, что оно даетъ слишкомъ мало времени для занятій болѣе серьезныхъ, чѣмъ школьная работа, требуемая уставомъ заведенія. Отецъ вывелъ изъ этого, что сынъ, имѣвшій въ семинарскіе годы гораздо болѣе времени для занятій по своему выбору, не можетъ быть доволенъ институтскимъ порядкомъ дня, стѣсняющимъ свободу занятій, мѣшающимъ серьезности ихъ. Сынъ сначала хотѣлъ успокоить отца въ этомъ отношеніи, но въ письмѣ отъ 27 октября признался, что замѣчаніе его справедливо.

«Надобно сказать правду, папаша: вы совершенно правы. Времени для занятій здѣсь мало...—Занятные часы такъ часто перерываются, что нѣтъ возможности втянуться въ работу... Только начнешь заниматься, вдумаешься, сосредоточишь мысль на одномъ предметѣ,—какъ вдругъ звонокъ—ужинать. Развлечешься, и опять трудно приняться за прежнее дѣло. И только вновь соберешься съ мыслями—приходитъ гувернеръ и желаетъ спокойной ночи».

Съ сентября до января отецъ и мать три раза присылали сыну деньги, хотя онъ постоянно писалъ, что не нужно присылать ихъ, что у него еще остается много. Послѣ третьей присылки онъ пишетъ (27 января 1854 г.):

«Наканунѣ дня моего рожденія, 23 января, получилъ я письмо ваше, мои добрые папаша и мамаша, и не могъ надивиться, для чего приложены при немъ эти 10 р. с. Наконецъ, рѣшилъ я, что вы просто хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ ко дню моего рожденія, не болѣе. По поводу этихъ денегъ я сосчиталъ, сколько всѣхъ денегъ передали вы мнѣ отъ августа мѣсяца, и нашелъ огромную сумму—почти сто рублей. Разумѣется, сколько ни присылайте денегъ, ихъ всѣ можно изстратить на предметы очень полезныя и даже пожадуй, пущыя. Но если нѣтъ денегъ, такъ и обойдешься безъ нихъ,—а черезъ годъ, посмотришь, онѣ ужъ и не нужны—». Я могу совершенно успокоить васъ и, благодаря за присылку, могу сказать, что я дѣйствительно, какъ вы предполагали, не нуждался въ деньгахъ. Доселѣ я никому не былъ долженъ, даже булочнику; доселѣ я никогда не сидѣлъ безъ копѣйки въ карманѣ, доселѣ я чистилъ всѣхъ велъ свое маленькое хозяйство, т.-е. не пробивался на шаремыжку, а всегда имѣлъ свой чай, со своею булкой¹⁾, свою бумажку, сургучъ, ниточку, пуговку и проч. и проч.».

Кромѣ недовольства институтомъ, у Николая Александровича не было до половины марта никакого тяжелаго чувства и не было огорченій, кромѣ мелкихъ

¹⁾ Въ институтѣ не было тогда чая; кто изъ студентовъ хотѣлъ пить чай, тотъ долженъ былъ имѣть свой. Пища въ институтѣ была недостаточная; кто изъ студентовъ, имѣвшихъ мало денегъ, но все же имѣвшихъ какія-нибудь деньги, не хотѣлъ голодать, принужденъ былъ покупать хоть булку къ чаю. Вовсе не имѣющие денегъ тоже пили чай съ булкой, съ ними дѣлились товарищи. Главнымъ организаторомъ пособій товарищамъ очень скоро сталъ Николай Александровичъ, и когда у другихъ не случалось свободныхъ денегъ, онъ давалъ изъ своихъ всѣ надобные рубли, говоря получающему, что это деньги всего товарищескаго общества.

столкновений съ назойливою, лицемѣрною, льстивою и вмѣстѣ грубою институтскою формалистикой. Письма его за все это время имѣютъ обыденное содержаніе, подобное тому, какое обыкновенно имѣютъ письма любящихъ сыновей-юношей къ родителямъ. Онъ рассказываетъ, какъ идетъ его жизнь, чѣмъ онъ занимается, успокоиваетъ опасенія отца и матери за его здоровье въ дурномъ петербургскомъ климатѣ, сообщаетъ петербургскія новости, какія доходили до института; больше всего мѣста въ новостяхъ занимаютъ извѣстія о нашей войнѣ съ Турціей и ея союзниками; къ слухамъ о ходѣ военныхъ дѣйствій присоединены нѣкоторыя изъ патріотическихъ стихотвореній, восхищавшихъ тогда массу петербургской публики.

Отецъ Николая Александровича былъ человѣкъ не болѣе, какъ семинарскаго образованія, да и то не такого, какое пріобрѣтали любознательные семинаристы временъ сына, а бывшаго въ это время ужъ старомоднымъ съ новой семинарской точки зрѣнія. И въ слогѣ Александра Ивановича есть слѣды старой семинарской витѣватости; но сравнительно съ тѣмъ, какъ писало огромное большинство священниковъ его поколѣнія, онъ писалъ очень простымъ слогомъ, производившимъ самое выгодное для него впечатлѣніе на человѣка, читавшаго много писемъ священниковъ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ онъ.

А по своему содержанію всѣ его письма отъ перваго слова до послѣдняго показываютъ въ немъ человѣка очень умнаго и дѣльнаго, добраго, деликатнаго. Онъ былъ чуждъ всякаго педантизма; въ его совѣтахъ сыну нѣтъ ни тѣни резонерства, они просты, дѣльны. Многословія онъ не любилъ, да и некогда было ему писать длинно; слогъ его сжатый, онъ писалъ кратко и дѣльно. Онъ не навизывалъ своихъ мнѣній сыну, всегда предоставлялъ ему поступать по собственному соображенію или влеченію. Въ одномъ только совѣтѣ онъ настойчивъ: «не отнимай у себя времени на то, чтобы писать длинныя письма,—говоритъ онъ сыну, — не утомляй себя этимъ, у тебя и безъ того много дѣла; не трать времени на письма къ людямъ, къ которымъ не имѣешь обязанности или надобности писать; и къ намъ пиши лишь столько, сколько дозволяютъ твои занятія; для насъ достаточны будутъ и короткія письма».

Мы видимъ въ письмахъ Александра Ивановича такого отца, который постоянно думаетъ о томъ, чтобы не быть въ тягость сыну своими желаніями, не стѣснять его свободу своими мнѣніями.

Зинаида Васильевна писала простымъ разговорнымъ языкомъ. Когда она рассказывала какую-нибудь новость подробно, рассказъ ея хорошъ. Письма ея проникнуты нѣжною любовью къ сыну.

Каждое письмо отъ него было радостью и для нея, и для Александра Ивановича. Оно читалось сначала ими безмолвно; потомъ Александръ Ивановичъ читалъ вслухъ дѣтямъ и всѣмъ, кто былъ въ комнатѣ, если были тутъ еще кто-нибудь. Когда приходили гости, Александръ Ивановичъ вынималъ письмо сына и читалъ имъ. Антонина Александровна говоритъ, что такимъ образомъ ей приходилось слышать каждое письмо брата раза четыре, разъ пять.

Если сыну случалось пропустить ту почту, съ которой ждали письма, отъ сына отецъ и мать, матерью овладѣвало безпокойство; а если проходило еще нѣсколько дней безъ письма отъ сына, начиналъ тревожиться и отецъ. Вотъ какъ рассказываетъ сыну (въ письмѣ отъ 1 янв. 1854) Зинаида Васильевна объ одномъ изъ такихъ случаевъ:

«У насъ, слава Богу, все хорошо; только одно насъ беспокоить, что такъ давно ты къ намъ не пишешь, и что здоровъ ли ты. Неужели тебя такъ приковали золотыя цѣпи (*милыя, драгоценныя для тебя цѣпи науки*), что нѣтъ времени написать нѣсколько строкъ намъ? Не только я одна беспокоюсь, но и папаша частенько говорить: что отъ тебя нѣтъ писемъ? Все ждали къ празднику; но и тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Разъ онъ шелъ мимо семинаріи и, увидѣвши у служителя въ рукахъ письмо съ твоимъ почеркомъ (*на адресъ*), такъ обрадовался, что, забывши, что оно не къ намъ, принесть домой, но, закусивши, поѣхалъ самъ къ Лаврскому (*товарищу Николаю Александровичу по семинаріи, къ которому было это письмо*) затѣмъ, чтобы прочесть его тамъ; а В. В. (*Валеріанъ Викторовичъ Лаврскій*) былъ такъ добръ ко мнѣ, что на другой день приносилъ его ко мнѣ прочесть».

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, 16 дек., отвѣчая на тревожные вопросы сына по поводу упоминаній въ письмѣ отца и ея о ихъ легкихъ нездоровьяхъ, Зинаида Васильевна писала:

«Мы очень жалѣли, что тебя беспокоили нашею болѣзнью. Это правда, у папаша болѣла нога —но, слава Богу, прошло благополучно. А моя болѣзнь, ты знаешь, давнишняя. Я не была покойна до тѣхъ поръ, какъ получила отъ тебя письмо; — тутъ я совершенно успокоилась и болѣзнь моя прошла. Теперь я здорова».

Около 24 февраля поѣхалъ въ Петербургъ сынъ Бориса Ефимовича Прутченко, Михаилъ Борисовичъ; Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна послали съ нимъ своему сыну письмо и полумперіаль. Но онъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Москвѣ; потому это письмо ихъ не могло быть замѣною письма, идущаго по почтѣ, и они написали 27 февраля сыну письмо, которое отправили по почтѣ. Это было послѣднее письмо, написанное сыну Зинаидой Васильевной. Приводимъ его вполнѣ. Оно служитъ отвѣтомъ на письмо сына отъ 18 февраля:

«Милый, неоцѣненный другъ мой, Николай Александровичъ! Я очень рада, что ты здоровъ и веселъ и доволенъ своимъ поступленіемъ въ институтъ. Отъ души радуюсь, что этимъ исполнилось всегдашнее твое желаніе. Жалѣю и о твоихъ многотрудныхъ занятіяхъ¹⁾. Но да поможетъ тебѣ Господь. Прошу тебя, береги больше всего свое драгоценное здоровье, оно ничѣмъ не можетъ замѣниться: ни честью (*почестями*), ни богатствомъ. Мы съ удовольствіемъ читали и радовались твоей умѣренности (*въ желаніи школьныхъ отличій и въ школьныхъ занятіяхъ*). Да и къ чему такъ много изнурять себя излишнимъ занятіемъ; не всѣмъ же можно быть первыми²⁾; а мы очень въ тебѣ увѣрены, что ты и не при усиленныхъ занятіяхъ будешь не изъ послѣднихъ. А всего лучше, когда ты къ намъ пріѣдешь совершенно здоровымъ, какъ общаешься. Но только не черезъ пять мѣсяцевъ; это очень долго³⁾. Мы всѣ тебя съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и рассчитываемъ время твоего отпуска. Я бы желала знать,

¹⁾ Жалѣю и о твоихъ — это и» здѣсь потому, что слова Зинаиды Васильевны служатъ отвѣтомъ на слова сына въ письмѣ отъ 18 февраля: «У васъ, мои милые, родные, опять начнутся тяжкіе труды (*у отца съ наступленіемъ великаго поста, начинающагося въ томъ году 22 февраля*) и «беспокойства» (*у матери за здоровье отца, изнуряемаго великопостнымъ служеніемъ*)».

²⁾ По его письмамъ нельзя было догадаться, что въ это время хорошіе профессоры (какъ, напримѣръ, Срезневскій) ужъ видѣли: студента такого даровитаго и съ такими обширными знаніями еще не бывало въ институтѣ.

³⁾ Дѣйствительно, въ половинѣ февраля, когда писалъ о «пяти» мѣсяцахъ Николай Александровичъ, оставалось только четыре, а теперь ужъ только три съ половиною мѣсяца до начала институтскихъ каникулъ.

какъ ты кончилъ свое сочиненіе ¹⁾, и порадовало ли оно тебя, и какъ ты проводилъ масляницу, не видалъ ли чего интереснаго для насъ и новаго. А ты жъ и общалъ написать побольше. Но вотъ у насъ прошла и первая недѣля поста, а мы отъ тебя не получили общаннаго письма, и опять начинаю беспокоиться о нашемъ здоровьи ²⁾. Можетъ быть, тебѣ совершенно и никогда писать намъ при твоихъ трудныхъ занятіяхъ; но что же дѣлать, дружочекъ мой, прошу тебя, хотя понемногу, а пиши, хотя два письма въ мѣсяцъ, для нашего спокойствія. А я въ тебѣ увѣрена, что ты меня попрежнему любишь. Папаша въ церкви, у насъ много причастниковъ, въ томъ числѣ и Михайлъ Ивановичъ нашъ. Родные наши все здоровы. Желаю и прошу Бога, чтобъ и ты былъ совершенно здоровъ, веселъ и успѣвалъ во всемъ хорошо. Остаюсь любящая тебя много, много З. Д.»

Николай Александровичъ получилъ это письмо 2 марта. Послѣ того двѣ недѣли не было письма отъ отца и матери. Это не представляло ничего особеннаго: они обыкновенно писали ему не чаще, чѣмъ разъ въ двѣ недѣли. Такъ шло время до 14 марта, вѣроятно, не возбуждая въ Николаѣ Александровичѣ никакихъ опасеній.—Михайлъ Борисовичъ Прутченко, оставшійся въ Москвѣ, какъ видно, слишкомъ двѣ недѣли, пріѣхалъ въ Петербургъ и 16 марта отдалъ Николаю Александровичу полумперіаль и письмо отъ 22 февраля, посланное съ нимъ (письмо это не сохранилось). На другой день пришло къ Николаю Александровичу письмо, отправленное отцомъ по почтѣ 13 марта (черезъ пять дней по кончинѣ Зинаиды Васильевны); онъ началъ читать — и прочелъ слова отца, подготовлявшія его къ полученію извѣстія о смерти матери. Это письмо Александра Ивановича не сохранилось. Какими выраженіями подготовлялъ онъ сына къ извѣстію о смерти матери, мы можемъ угадывать по мыслямъ, возбужденнымъ ими въ сынѣ; очевидно, что были выраженія, говорившія, что болѣзнь матери очень опасна, и, быть можетъ, было прибавлено къ этому, что мало остается надежды на ея выздоровленіе. Читеніемъ этихъ, по всей вѣроятности, немногихъ, простыхъ словъ началось въ Николаѣ Александровичѣ то душевное состояніе, которое едва могъ выдержать организмъ юноши, въ то время еще здороваго, сильнаго. Вотъ письмо, написанное Николаемъ Александровичемъ отцу въ тотъ же день:

1854, 17 марта. Петербургъ.

«Вчера получилъ я письмо ваше, папаша и мамаша мои, посланное съ Михайломъ Борисовичемъ, а нынѣ получилъ еще письмо отъ васъ, папаша, отъ 13 марта. Первые строки обрадовали меня, извѣстивши о новой сестрицѣ... Но далѣе ужасная вѣсть поразила меня, какъ нельзя болѣе, и только слабая надежда меня поддерживаетъ... Я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастіе. Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для насъ милая, нѣжная, кроткая, любящая мамаша наша, нашъ благодѣтельный геній, нашъ милый другъ и хранитель... Боже мой! въ прахъ и смиреніи повергаюсь передъ Твоею святою волей! Едва дерзая ³⁾ мысли постигли было мою голову, какъ вотъ страшная

¹⁾ Это былъ разборъ степени вѣрности перевода *Энеиды* г. Шершеневича; Николай Александровичъ сличалъ стихъ со стихомъ всю первую книгу перевода съ подлинникомъ.

²⁾ Замѣтимъ: письмо сына, на которое она отвѣчаетъ, было писано 18 февр.; это значить: прошло еще только четыре дня или, много, пять дней по его полученіи, и она уже снова беспокоится, здоровъ ли сынъ.

³⁾ Мысли о томъ, что онъ будетъ радостью и гордостью матери.

кара грозить уже мнѣ, видимымъ образомъ наказывая самонадѣянность надменнаго ума... Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи!... Помози моему невѣрію, поддержи меня, сохрани мнѣ, моимъ милымъ добрую нашу хранилищу! Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Богу, съ моею глубокою горестью... Но я вѣрю, что сильно это орудіе, я твердо вѣрую, Господи, что Ты слышишь вопль моего сердца,—и не только моего,—Ты слышишь молитвы, совершаемыя передъ алтаремъ Твоимъ¹⁾, слышишь молитвы, произносимыя невинными устами чистыхъ младенцевъ и Ты помилуешь всѣхъ насъ.—Ты услышишь эти молитвы! Вѣрую, вѣрую, вѣрую,—твердо и крѣпко съ любовью и молитвой!...

«Но—Боже мой!—отчего я не съ вами, папаша?... Отчего не могу видѣть и утѣшить теперь васъ, отчего много дней долженъ я ждать вашего новаго извѣстія, которое рѣшить все? Еслибъ я былъ съ вами, еслибъ чудомъ какимъ-нибудь могъ я перенестись къ вамъ,—о, я вылечилъ бы мою мамашу, я влилъ бы бодрость и свѣжесть въ печальную душу вашу, я далъ бы крѣпость и силу ослабѣвшимъ членамъ больной моей милой, неоцѣненной матери, я пробудилъ бы въ ней новыя силы, остановилъ бы дыханіе жизни на устахъ ея. Ея любовь откликнулась бы на горячій призывъ сыновняго сердца.

«Но что есть, того не перемѣнишь... Нужно предаться Провидѣнію и ждать... Но еслибъ могъ я скорѣе, скорѣе получить письмо отъ васъ,—радостную вѣсть о выздоровленіи мамы. Что бы ни было, пишите ко мнѣ, пишите скорѣе, пишите каждый день, если можно, хоть по двѣ строчки,—если еще не все кончено. Пишите вы, Михайль Алексѣевичъ²⁾, пишите чаще, больше, подробнѣе, не скрывая ничего отъ меня... Я все приму и перенесу съ твердостью, хотя вѣсть можетъ быть ужасна, такъ ужасна, что ничего ужаснѣе, кажется, не можетъ быть для меня... Мамашенька, мамашенька!... Слышите ли вы еще?... Благословите меня, успокойте меня, утвердите меня, утвердите во мнѣ вѣру въ Провидѣніе спасите меня и на этомъ пути!...

«Я увѣренъ, папаша, что вы ничего не пожалѣете, употребите всѣ средства для того, чтобы сохранить драгоценную, слабую жизнь... Я самъ съ своей стороны, молясь Богу, вмѣстѣ прошу заочно и докторовъ вашихъ, особенно добраго Егора Егорыча³⁾, который уже давно знаетъ натуру мамы, который и меня спасъ однажды отъ смерти... Пусть употребить онъ все стараніе и искусство... Благодарный сынъ отплатитъ за мать свою.

«Сестры и братья мои! не плачьте, не шумите, пожалуйста... Умоляю васъ... Можетъ быть, вы не понимаете всей опасности... Покойте, радуйте мамашу, не давите повода ни къ какому потрясенію... Нянюшка! побереги плхъ, посмотрите за ними!... Ради Господа Бога! Добрые родные наши,—всѣ, всѣ вы любили меня и всѣхъ васъ!... Употребите всѣ старанія и заботы... Услужите этимъ всей семьѣ нашей, обяжите насъ на вѣки!... Издали, но близко къ вамъ, умоляю я васъ объ этомъ...

«Я совершенно здоровъ, и былъ бы доволенъ и спокоенъ, если бы не тревожила мысль о тяжелой болѣзни мамашеньки... Боже! помилуй насъ!...

«Но, папаша, если ужъ чѣтъ надежды, если все кончено,—да поддержи васъ Господь!... Да вынести могучая душа ваше тяжелое горе, покоряясь премудрому Промыслу, въ которомъ вы всегда почерпали силу и мужество!... Но уже я сказалъ, что твердо вѣрую въ опредѣленіе Промысла, который молю о спасеніи мамы!... И если это письмо будетъ вами получено еще тогда, когда не будетъ все кончено,—оно послужитъ вамъ залогомъ радостной перемѣны; оно должно успокоить васъ и оправдать надежду мою... Это испытаніе, посланное отъ Бога... Кто знаетъ можетъ быть, это устроено для утвержденія меня въ вѣрѣ... Видь, и одна душа много значить у Бога!...

¹⁾ Молитвы его отца, іерея, совершающаго литургію.

²⁾ Михайль Алексѣевичъ Костровъ, ближайшій другъ Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны, бывалъ у нихъ едва ли не каждый день.

³⁾ Егоръ Егоровичъ Эвеніусъ считался хорошимъ врачомъ, какъ должно думать, по нѣсколькимъ упоминаніямъ о немъ въ письмахъ Николая Александровича. Онъ былъ, между прочимъ, врачомъ, лечившимъ преосвященнаго.

Мужайтесь же, мужайтесь, мой добрый папаша!... Будем другъ другу облегчать тяжкое бремя горести...

— — ¹⁾.

«Нынѣ мы говѣемъ, и, черезъ два дня готовясь приступить къ страшнымъ тайнамъ Христовымъ, я заочно прошу у васъ прошенія во всемъ, въ чемъ когда-нибудь огорчилъ васъ... Прошу прошенія и благословенія у васъ, мамаша, твердо вѣря, что вы и заочно, и еще не получивъ этого письма, благословляете меня со всею прежнею горячею любовью... Выздоровливайте, моя милая мамашенька, дождитесь радостнаго свиданія со мной черезъ какіе-нибудь три мѣсяца... Насъ нынѣ отпустить, кажется, ранѣе обыкновеннаго... И я твердо вѣрю, что Господь милосердый не лишитъ меня счастья увидѣться скоро, скоро съ милою, доброю моею маменькой....»

Прошла недѣля, и все еще не было никакого извѣщенія отъ отца о матери. Николай Александровичъ написалъ второе письмо отцу, оставлявшему его въ томительной неизвѣстности. Онъ все еще хотѣлъ надѣяться, что мать жива, и въ письмѣ своемъ обращался также и къ ней.²⁾

25 марта. Петерб.

«Не дождавшись вашего письма, пишу къ вамъ, мои милые папашенька и мамашенька. Я много грустилъ о болѣзни вашей, мамашенька, но крѣпкая надежда не покидала меня и въ самой грусти. Въ субботу, 20 числа, приобщился я св. Таинъ, и много, много молился я о вашемъ здоровьи, мамашенька, о вашемъ спокойствіи, папаша. Послѣ этого стало мнѣ веселѣе и надежда моя укрѣпилась еще болѣе... Сладостно прозвучали въ ухахъ моихъ слова воскреснаго Евангелія: все возможно вѣрующему,—и съ полною готовностью зывалъ я ко Господу: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію. Съ полною увѣренностью теперь пишу я къ вамъ, что мое письмо найдетъ васъ, мамаша, внѣ опасности. Господь милосердый услышалъ, вѣрно, сердечные вопли дѣтей, чистыя молитвы ваши, папаша, и внялъ слезнымъ прошеніямъ и обѣтамъ любящаго сына. Теперь со дня на день буду ждать отъ васъ письма, которое подтвердитъ мои убѣжденія и надежды. А въ отвѣтъ на это письмо я надѣюсь найти словечка три, написанныя вашею рукою, мамашенька, моя милая, дорогая мамашенька. Ахъ, еслибъ вы знали, сколько я люблю васъ... Но, вѣдь, вы и сами меня такъ любите, если еще не больше. Умоляю васъ—берегите себя. Пусть доктора употребятъ всѣ усилія, пусть будутъ удалены отъ васъ всѣ горести и неприятности, всѣ заботы семейныя, пусть нѣжная любовь окружитъ постель вашу, и ваше здоровье быстро станетъ поправляться. Тяжело, я думаю, было вамъ, мой добрый папаша, вынести тяжкую болѣзнь, дрожать при видѣ опасности... Но вѣкъ безъ несчастья нельзя прожить, только бы это несчастье не было неозвратно, невознаградимо... Болѣзнь пройдетъ и воспоминаніе о ней будетъ пріятно во время совершеннаго здоровья... Вѣдь, вамъ, мамаша, и не въ первый разъ такая болѣзнь. Кажется, послѣ родовъ Васеньки вы тоже были сильно, сильно больны нѣсколько дней. И тотъ же Егоръ Егоровичъ Эвеніусъ и г. Линдемманъ вылечили васъ. И теперь они могутъ сдѣлать это.

«Я совершенно здоровъ и ничего теперь не желаю, кромѣ радостной вѣсти отъ васъ о вашемъ выздоровленіи, мамаша».

Но въ тотъ же день, какъ Николай Александровичъ написалъ это письмо, онъ, отдавъ его на почту, получилъ письмо отца, увѣдомлявшее его, что мать умерла ²⁾.

¹⁾ Кончая письмо, Николай Александровичъ припомнилъ, что долженъ извѣстить отца объ исполненіи порученія, даннаго имъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ; порученіе состояло въ томъ, чтобы навести справки о положеніи дѣла, которымъ интересовался отецъ. Сообщивъ ему собранныя о дѣлѣ свѣдѣнія, Николай Александровичъ,—вѣроятно, послѣ нѣкотораго перерыва,—прибавилъ приписку.

²⁾ Это письмо отца также не сохранилось. Оно было отъ 20 марта, какъ упоминается въ сохранившемся письмѣ Александра Ивановича отъ 27 марта.

И вотъ письмо къ отцу, второе, написанное имъ въ этотъ день:

25 марта 1854 г. С.-Петербург.

«Добрый мой, милый мой, драгоценный для меня папашенька! Что мнѣ отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо! Велика моя горестъ, но прежде всего не могу я не поблагодарить васъ за вашу предусмотрительность. Ваша любовь, ваше благоразуміе рассчитали вѣрно. Въ теченіе недѣли я привыкъ къ тягостной мысли, и нынѣшняя вѣсть поразила меня уже не такъ сильно, какъ я ожидалъ. Тяжко, тяжело, невыразимо тяжело мнѣ; но я не изнемогъ подъ бременемъ страданій, я сохранилъ силу разсудка и мысли. Всего болѣе беспокоюсь я о васъ, мой милый, несравненный папаша. Вамъ, вѣрно, было горько присутствовать при послѣднихъ страданіяхъ нашей милой мамашеньки. Вѣрно, и теперь еще тяжело, горько, грустно вамъ. Вы пишете, успокоивая меня, что вы предаетесь въ волю благаго и премудраго Промысла... Дай Богъ вамъ силу и твердость къ перенесенію этого бѣдствія! И что же еще можемъ мы дѣлать, какъ не покоряться волѣ Господней, распоряжающейся несповѣдимо, но всегда премудро? Наши сѣтованія не могутъ намъ помочь, не могутъ утѣшить. Твердая воля способна къ перенесенію всякихъ бѣдствій, и твердость воли, сила духа, показываемая въ несчастіяхъ, благоразуміе, распорядительность въ тяжелыхъ обстоятельствахъ возвышаютъ человѣка, показываютъ истинное его достоинство. Вы, папашенька, ни въ чемъ не можете упрекнуть себя: вы употребили все, что отъ васъ зависѣло для спасенія жизни мамани. Богъ не судилъ такъ... что же дѣлать: такова Его святая воля!... Въ отношеніи ко мнѣ тоже вы сдѣлали весьма много при этомъ. Вы спасли меня отъ тягостнаго отчаянія, вы поддержали мои силы, дали мнѣ время оправиться, привыкнуть къ тягостной мысли, и я не сомнѣваюсь, что всѣ ваши распоряженія по дому и хозяйству будутъ также прекрасны и вполне замѣнять для моихъ милыхъ сестеръ и братьевъ попеченія матери ¹⁾. Наша добрая бабенка ²⁾ будетъ, вѣрно, такъ добра что позаботится о нихъ, приложить все свое попеченіе объ ихъ воспитаніи и образованіи.. Бѣдныя, бѣдныя мои сестры, милые братья мои! Какъ бы нужна для васъ теперь любовь материнская! Но Господь оставилъ вамъ милого несравненнаго папашу: любите его, радуйте, утѣшайте, молитесь, чтобы Господь Богъ подкрѣпилъ его!... Такъ много, такъ много горя!...

«Папашенька! надѣйтесь, надѣйтесь, что еще счастье снова посѣтитъ смиренную долю нашу, и въ кругу дѣтей, которая будутъ тѣмъ больше любить и утѣшать васъ, вы найдете отраду и забвеніе о пезабвенномъ... На этихъ дняхъ читаль я Жуковского; онъ много утѣшилъ меня. Вотъ что нашелъ я у него:

„Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье—
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье“.

«И мы—будетъ время—пробудимся отъ этого несчастія и, освѣщенные благотѣльнымъ гонимъ нашей доброй хранительницы-матушки, узнаемъ радость... Я буду находить утѣшеніе, подкрѣпленіе въ васъ и, съ своей стороны, буду стараться дѣлать все, отъ меня зависящее, для спокойствія и радости вашей. Отнынѣ вся моя жизнь, всѣ труды, всѣ старанія мои будутъ посвящены вамъ, вамъ однимъ нераздѣльно... Мамани уже теперь ничего не нужно; нуженъ ей только святая молитвы церкви, и я надѣюсь, что наши молитвы, и особенно ваши, передъ престоломъ Божиимъ, при страшной жертвѣ Господней, дойдутъ до Всевышняго, и Онъ успокоитъ земную страдальцу въ ангельскихъ селеніяхъ. Я не сомнѣваюсь—ей тамъ лучше, свободнѣе, веселѣе. Доб-

¹⁾ Эти увѣренія, что не можетъ сомнѣваться въ благоразуміи распоряженій отца, служили для дочери и маленькихъ сыновей.

²⁾ Припомнимъ слова Антонины Александровны, что мать Александра Ивановича жила съ дочерью далеко отъ Нижняго, и что онъ по кончинѣ Зинаиды Васильевны просилъ ее переселиться къ нему для заботъ о его дѣтяхъ и домашнемъ порядкѣ.

рая душа ея найдетъ тамъ въ безконечной красотѣ несозданной, въ неизреченномъ блаженствѣ святыхъ осуществленіе того, о чемъ тосковала она въ этой бѣдной жизни... Ее воззвалъ Господь, чтобы наградить за горести, претерѣнныя ею въ мірѣ... И теперь, вѣрно, съ небесъ смотритъ она на насъ, и будетъ радоваться, если мы будемъ достойны того... Объ ней ничего жалѣть: я томлюсь только безпокойствомъ о васъ, мой добрый папаша, жалѣю о себѣ, о своемъ бѣдномъ сердцѣ, на которое всегда такъ сладостно отзывалось сердце матери, и о моихъ братьяхъ и сестрахъ. Но въ васъ есть столько любви, что вы можете разлить ее на все окружающее васъ и сдѣлать потерю безцѣнной матери, по крайней мѣрѣ, менѣе ощутительною для насъ...

«Мнѣ хотѣлось бы знать о новомъ устройствѣ въ домѣ, какое заведено вами; хотѣлось бы узнать опредѣленіе о состояніи моихъ сестеръ. Прикажите, папаша, чтобъ онѣ писали ко мнѣ... А что бѣдная невинная причина вашей горести, Лизанька? ¹⁾ Что Володя и Ваня? ²⁾ На нихъ нужно обратить теперь вниманіе... Папаша, папашенька! я вполнѣ, вполнѣ надѣюсь на васъ... Да поможетъ вамъ Господь милосердый!»

Черезъ четыре дня по отправленіи этого письма Николай Александровичъ получилъ письмо отца отъ 24 марта (также не сохранившееся). Онъ началъ писать отвѣтъ на него въ тотъ же день, но этотъ день (29 марта) былъ понедѣльникъ. Почта изъ Москвы въ Нижній по вторникамъ не ходила, отправлялась по средамъ; письма, посланные изъ Петербурга въ понедѣльникъ, пришедши въ Москву во вторникъ, лежали тамъ до среды; потому раніе вторника не для чего было отправлять письмо, и Николай Александровичъ закончилъ его и отдалъ его на почту уже во вторникъ, 30 числа.

1854 г. 29—30 марта. Спб.

«Нынѣ я хотѣлъ непременно писать вамъ, мой милый, добрый, несравненный папаша. Я знаю, что вы и при своемъ тяжкомъ горѣ заботитесь обо мнѣ. Нынѣ, 29, получилъ я еще утѣшительное письмо ваше со вложеніемъ листка *Ниж. Губ. Вѣд.*; нѣсколько разъ прочиталъ статью Павл. Иван. ³⁾ — и не могъ удержаться отъ слезъ... Я счастливъ тѣмъ, что жизнь и смерть нашего чистаго ангела, нашей неопѣненной мамашеньки, возбуждаетъ во всѣхъ, знавшихъ ее, такое участіе. Послѣ вашего письма отъ 20 марта, полученнаго 25 марта, я уже получилъ нѣсколько извѣстій о нашей горькой потерѣ... — ⁴⁾. Всѣ принимаютъ участіе, всѣ стараются утѣшить меня. Я теперь довольно спокоенъ, хотя еще не могу надолго оторваться отъ печальной мысли. Нишу ли, читаю ли, мнѣ все представляется кроткій образъ мамаша, встаютъ въ памяти воспоминанія дѣтства, и при мысли, что все это исчезло безвозвратно, тяжело, тяжело ноетъ сердце. Но я стараюсь одолѣть себя, и представляю вашу любовь, папаша, о которой и мамаша такъ часто писала мнѣ; я воображаю маленькихъ сестеръ и братьевъ, которые теперь такъ нуждаются въ поддержаніи, утѣшеніи. Думаю, что самъ я долженъ васъ утѣшить и поддержать въ вашей скорби, и моя печаль разсѣвается и остается только неизбѣжная тихая грусть... Я усердно молюсь за мамашу и надѣюсь, что Господь сподобитъ ей быть въ селеніяхъ

¹⁾ Та дочка послѣ рожденія которой мать умерла отъ простуды.

²⁾ Братъ Николая Александровича.

³⁾ Этотъ «Пав. Иванъ», помѣстившій въ *Нижегородск. Губернскія Вѣдомостя* некрологъ Зинаиды Васильевны, быть можетъ, протоіерей Павелъ Ивановичъ Лебедевъ, назначенный по смерти Александра Ивановича однимъ изъ опекуновъ его дѣтей. Судя по тому, какъ держалъ онъ себя въ качествѣ опекуна, должно думать, что онъ былъ человѣкъ хорошій и разсудительный.

⁴⁾ Тутъ перечисляются петербургскіе знакомые Николая Александровича, которые имѣли знакомыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и получили отъ нихъ извѣстіе о смерти Зинаиды Васильевны.

праведныхъ, въ неизреченной славѣ и блаженствѣ райскомъ. Молитвы церкви восполнять недостатки ея, если какіе отъищутся передъ Единымъ Непогрѣшимымъ.

«Ваше увѣдомленіе о болѣзни моей мамыши поразило меня не менѣе, даже, можетъ быть, болѣе, нежели самая вѣсть о смерти ея. Такъ это было неожиданно, такъ много противорѣчило моимъ надеждамъ. Въ борьбѣ между страхомъ и надеждой провелъ я недѣлю, и когда все рѣшилось, я сдѣлался какъ-то тупъ къ печали... Безъ слезъ, безъ мысли, безъ воспоминаній, а просто съ какою-то тяжестью въ сердцѣ часто оставался я по нѣсколько минутъ. Къ счастью, нашлись здѣсь два добрые чело-вѣка, которые утѣшили меня».

Это были институтскіе товарищи Николая Александровича. Особенно ободряли его совѣты одного изъ нихъ, говорившаго о его обязанности поддерживать отца. Пересказавъ ихъ, Николай Александровичъ продолжаетъ:

«Такіе совѣты и убѣжденія дѣйствительно вливали въ меня мужество и отвлекали мысль мою отъ тяжелой потери къ вашему положенію, папашенька, заставляли думать о живыхъ болѣе, чѣмъ о мертвыхъ. Теперь, благодаря Бога, я довольно спокоенъ, подкрѣпленный вашими письмами, вашимъ примѣромъ, вашими молитвами».

За этимъ слѣдуютъ горячія обращенія къ бабушкѣ, о которой Николай Александровичъ предполагаетъ, что она пріѣхала жить у сына, и къ Фавстѣ Васильевнѣ; онъ умоляетъ ихъ помогать его отцу въ заботахъ о его сестрахъ и братьяхъ. Въ концѣ письма онъ проситъ отца быть спокойнымъ за него:

«Обо мнѣ прошу васъ не беспокоиться. Я пристроенъ уже и мнѣ остается только увѣнчать своими трудами и успѣхами ваши безчисленные заботы и попеченія обо мнѣ... Вы пишете, что ждете меня на вакацію: я съ радостью поспѣшу утѣшить васъ и постараюсь заставить васъ забыть въ объятіяхъ сыновнихъ ваше горе, нашу общую невозвратимую потерю».

Вскорѣ послѣ отправленія этого письма Николай Александровичъ получилъ письмо отца отъ 27 марта; оно первое изъ сохранившихся писемъ Александра Ивановича къ сыну по кончинѣ Зинаиды Васильевны. Приводимъ начало его:

Суббота, 27 марта, 1854 г.

«Вотъ и 20-й день нашему незабвенному другу! Сейчасъ съ кладбища... Священное безмолвіе... Блаженіи умирающіи о Господѣ... Ей тамъ, право, лучше... Каково-то намъ? Особенно мнѣ... Я лишился съ ней всѣхъ благъ».

Но онъ говоритъ, что начинаетъ успокаиваться.

«Не унывай и не ропщи и ты, милый мой Николай. Прошу тебя, увѣщаваю,— нѣтъ! повелѣваю быть равнодушнѣе.— —Ободришь. Успокой меня своимъ терпѣніемъ.— —Будемъ молить Бога, чтобъ Онъ даровалъ намъ здоровье и продлилъ лѣта твои и мою— —для поддержанія и устройства дѣтей».

«Я писалъ тебѣ отъ 20 и 24 сего марта. Во всѣхъ письмахъ прошу тебя не предаваться мрачной скорби и стѣнованію. Позволь же мнѣ надѣяться на твою твердость».

Но и черезъ мѣсяцъ по полученіи письма, которымъ отецъ осторожно подготавливалъ сына къ извѣстію о смерти матери, сынъ все еще оставался въ такомъ тяжеломъ настроеніи души, что впадалъ среди дня въ галлюцинаціи. Вотъ что писалъ онъ отцу 20 апрѣля:

«Испуганное странною потерей сердце бьется и трепещет при малѣйшей неизвѣстности и безпокойствѣ. Во всемъ видить оно грозный призракъ новаго бѣдствія. Всю святую недѣлю я ждалъ письма отъ васъ, мой милый, неоцѣненный, горячо-горячо любимый папашенька. Съ наступленіемъ нынѣшней недѣли безпокойство мое страшно усилилось. Не могу придумать, отчего вы не пишете ко мнѣ. Я посылалъ къ вамъ письма 2, 6 и 11 апрѣля. Не знаю, получили ли вы ихъ. Я писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ своихъ успѣхахъ, о радостныхъ новостяхъ русскихъ; но, признаюсь, все это не веселитъ меня. Что всѣ земныя радости, что все счастье наше, если не съ кѣмъ раздѣлить его, не кого порадовать своею радостью? Теперь, послѣ горькой утраты нашей милой, нашей родимой, больше нѣтъ для меня радости, какъ ваше счастье, ваше спокойствіе и радость, добрый, любимый папаша мой!... Не мнѣ утѣшать васъ бесплодными разсужденіями, не мнѣ говорить вамъ о терпѣніи и покорности Промыслу... Я слишкомъ слабъ для этого, я слишкомъ сильно чувствую наше общее горе... Но, папаша, если возможна радость на землѣ, послѣ столь тяжкаго горя, я обещаю вамъ радость въ дѣтяхъ вашихъ, которыя теперь принадлежатъ вамъ нераздѣльно и единственно, всю душой, всю любовью и мыслію. Любите васъ, и счастье снова посѣтитъ нашу смиренную, опустѣвшую обитель... Горько буду плакать я черезъ полтора или два мѣсяца, пріѣхавши домой, но надѣюсь найти отраду въ вашей отеческой любви... Но до тѣхъ поръ мнѣ хочется знать подробности послѣднихъ дней мамаша... Впрочемъ, зачѣмъ это?... Ваше сердце разорвется отъ страшнаго воспоминанія. Нѣтъ, не пишите мнѣ этого, а скажите только, какъ вы устроились нынѣ, какъ встрѣтили праздники; все ли такъ хорошо, какъ бывало прежде?... Господи, дай мнѣ забвеніе прошлыхъ печалей и радостей! Дай позабыть незабвенное! Дай хоть на часъ успокоиться! Вдали отъ роднаго, привѣтнаго слова, безъ вашихъ отрадныхъ писемъ, я невольно поддаюсь мучительному объятію тоски. Страшная потеря растетъ передо мною и принимаетъ все болѣе и болѣе гигантскіе размѣры. За что я ни возьмусь—ничто не занимаетъ и не развлекаетъ меня. Достаточно одной черты, одного незначительнаго слова, одного легкаго намека, чтобы перенести меня въ прежнее, невозвратно-минувшее, счастливое прошедшее, представить тоскливому воображенію кроткій образъ бѣдной матери... О, папаша! простите, простите меня, что я такъ безжалостно раздираю вашу душу... Я самъ не понимаю, что со мной дѣлается... 16 апрѣля я былъ у обѣдни въ здѣшней Благовѣщенской церкви. Жарко молился я о душѣ милой мамаша нашей, и пѣніе «Пасхи Господней» какъ-то отрадно было для меня. Только это не всегда такъ на меня дѣйствуетъ... Двѣнадцать разъ въ день, утромъ и вечеромъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ слышу я: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», но часто эта святая пѣснь кажется мнѣ горькою, жесткою насмѣшкой надъ моимъ положеніемъ... И при этомъ я страшусь за васъ, папашечка!.. Здоровы ли вы, спокойны ли, утѣшаютъ ли васъ дѣти ваши? Каковы оказываются наши родные? Хорошо ли обходится съ дѣтьми и съ хозяйствомъ наша нянюшка? Вѣрно, многое васъ разстраиваетъ... Что дѣлать, мой милый, великодушный папаша... Нужно ждать и надѣяться, что все это устроится современнымъ. Вдругъ всего же нельзя сдѣлать... Ниночка не замѣнитъ мамашу съ перваго раза даже и въ хозяйствѣ¹⁾... Но, вѣрно, она попривыкнетъ и будетъ распоряжаться лучше. Вокругъ меня все такія веселыя лица. Нѣкоторые ѣздили на Святую домой, наприм., въ Тверь, Москву... Всѣ радуются веснѣ, хорошей погодѣ, скорому окончанію лекцій, успѣхамъ русскаго оружія»...

Николай Александровичъ передаетъ отцу слухи съ театра войны и продолжаетъ:

«Въ общихъ, огромныхъ событіяхъ отечества какъ-то невольно поддаешься патриотическому чувству и откликаешься на общую радость. Но свое горе, все-таки, близко къ сердцу и тяжелымъ камнемъ давить его. Вы это знаете, мой добрый папаша, и я напрасно тревожу васъ; но, право, самъ не знаю, что такъ мучитъ меня, именно

¹⁾ По смерти матери, хозяйкой въ домѣ пришлось быть, какъ мы видѣли. Антонинѣ Александровнѣ, которой было только еще тринадцать лѣтъ.

потому, что нѣтъ писемъ ни отъ васъ, ни отъ другихъ родныхъ и знакомыхъ. Порой находить на меня какое-то забытье: я на-яву дремлю, и мнѣ все представляется въ какихъ-то туманныхъ, невѣстныхъ образахъ; тогда я спрашиваю себя, не есть все это тяжкій сонъ, не мечта ли разгоряченнаго воображенія?... Но всѣ мысли такъ ясны, воспоминанія имѣютъ такую обстоятельность, подробность и свѣтлость, какой не бываетъ въ сновидѣнiяхъ. Горькая дѣйствительность предстаётъ во всей ужасной своей истинѣ.

«А, между тѣмъ, съ 1 мая начнутся экзамены... Нужна вся энергiя вся сосредоточенность мыслей и памяти. Едва ли я могу сдать экзамены совершенно удачно. Помолитесь обо мнѣ, папашенька. Вы такъ добры и чисты, что Господь услышитъ молитву вашу. Вчера, впрочемъ, отвѣчалъ я двумъ профессорамъ на ренетиціяхъ; ничего, обошлось какъ слѣдуетъ. Нынѣ профессоръ (*Лебедевъ*) разбираетъ въ классѣ мое сочиненіе, о которомъ спрашивала меня еще моя милая, обожаемая мамаша; разборъ свой онъ закончилъ тѣмъ, что мой трудъ отлично-хорошій, во всѣхъ отношеніяхъ, образцовый трудъ... О, какъ бы порадовалась мамашенька, если бы могла узнать это при своей жизни!... Порадуйтесь же вы за нее, мой вѣжно-любимый папаша»!...

Прошелъ еще мѣсяцъ, и душевное состояніе Николая Александровича оставалось все такое же; галлюцинаціи продолжались. Онъ писалъ 24 мая отцу:

«Вчера, мой милый папашенька, получилъ я записочку Ниночки и при ней письмо Михаила Алексѣевича. Изъ него узналъ я, что вы здоровы и очень заняты въ настоящее время, и пожелалъ вамъ счастливо и легко кончить труды свои. Узналъ я также, что у насъ былъ 18 ч. Оранскій образъ Пресвятой Владычцы, передъ которой, вѣрно, помолились вы о душѣ нашей милой, незабвенной мамани.—не забыли, вѣрно, помолиться и о тоскующемъ на чужбинѣ сынѣ вашемъ. Не понимаю самъ, что со мною дѣлается: чѣмъ лучше идетъ все, лично до меня касающееся по институту, тѣмъ сильнѣе грущу я о потерѣ мамани. Вотъ уже кончился три экзамена, о которыхъ я писалъ вамъ, изъ тѣхъ самыхъ предметовъ и въ тѣ самые сроки. Изъ всѣхъ предметовъ получалъ я по 5».

Онъ передаетъ отцу подробности экзаменовъ; слова его очень скромны; но, все-таки, ясно, что институтское начальство выставило его въ славу институту, на показъ посѣтившему экзамены министру народнаго просвѣщенія. Скромными выраженіями рассказавъ, что до сихъ всѣ экзамены идутъ у него «какъ слѣдуетъ», онъ возвращается къ той давно опровергнутой отцомъ и матерью, но, все-таки, какъ видимъ, не покидавшей его мысли, что глубоко опечалилъ ихъ своимъ поступленіемъ въ институтъ, и выводитъ изъ нея такое заключеніе, которое находится въ явной несообразности съ хорошо извѣстною ему причиной смерти матери (припомнимъ, что мать умерла отъ простуды); онъ съ самаго полученія извѣстія о смерти ея сдѣлалъ выводъ, который не могъ бы придти въ голову никому, кромѣ такого человѣка, какъ онъ, и увеличивалъ свое душевное страданіе размышленіями объ ужасномъ послѣдствіи его самовольства:

«Теперь уже я не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ вами въ своемъ, нѣсколько произвольномъ, поступкѣ. Говорю «нѣсколько» потому, что знаю,—вы никогда не имѣли предубѣжденія противъ свѣтскихъ заведеній, и единственно матеріальныя средства были причиною того, что я не отправился въ казанскій университетъ... Одно только страшно терзаетъ меня по временамъ, это мысль, что мое своевольное поступленіе въ институтъ и сопровождавшія его обстоятельства имѣли, можетъ быть, слишкомъ гибельное вліяніе на разстроенное и безъ того здоровье моей мамани, особенно въ тогдашнемъ ея положеніи, и приблизили ее ко гробу. Какъ я ни гоню отъ себя эту мысль, но она довольно часто приходитъ мнѣ въ голову и шепчетъ мнѣ,

что я невольный убійца своей матери... Тяжко, неизъяснимо тяжело становится на душѣ, когда посѣщаетъ меня эта безотрадная, отчаянная мысль, и тѣмъ больше тяготить она меня, что поправить дѣло уже невозможно... Я не оправдаюсь передъ матерью, не представлю ей своихъ успѣховъ, не скажу, что я имѣлъ право такъ поступить, какъ поступилъ, потому что надѣялся вознаградить ее за всѣ лишнія и горести, которыя она потеряла отъ меня, послѣ разлуки со мной... Не успѣлъ я ее порадовать, не услышитъ она отчаяннаго, безнадежнаго сыновняго вопля, не увидитъ горькихъ слезъ, не отвѣтитъ на радостный призывъ и не встрѣтитъ ее кроткаго взора, полнаго безпредѣльной любви, свѣтлый, полный гордаго сознанія своихъ силъ и исполненнаго долга—взглядъ ея сына. И чтобы смерти подождать эти три мѣсяца!... Какого полнаго, невозмутимаго счастья дождались бы и я, и моя мамаша, и всѣ, насъ окружающіе... Теперь въ вашей любви, въ нашемъ сердцѣ, папаша, буду искать я моего счастья. Всѣ эти успѣхи, эти чужія похвалы, сказанныя съ видомъ покровительства, на которое не имѣютъ права, или съ искусно скрытою завистью; эти знанія, питающія умъ, а не сердце,—все это, право, чистый вздоръ, и не можетъ доставить счастья... Хорошо еще, что я имѣю такого отца, какъ вы, мой милый, несравненный папаша... О, я очень, очень люблю васъ и любилъ и буду любить всегда; только мнѣ какъ-то совѣстно говорить вамъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что это естественно, что иначе и не можетъ быть».

Черезъ три недѣли послѣ этого онъ поѣхалъ къ отцу и черезъ полтора мѣсяца по приѣздѣ похоронилъ отца.

О томъ, какое вліяніе на всю его жизнь имѣла смерть матери и отца, Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ:

«Кто-то (анонимный авторъ одного изъ некрологовъ Добролюбова) ска- залъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабаго сложенія. Рѣши- тельно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложенія.— — Ко- нечно, усиленные занятія въ семинаріи, а отчасти и (раньше того) въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ могли имѣть не очень благопріятное вліяніе на его здо- ровье; но останься въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и.—относительно говоря,—здоровствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца. — Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17 лѣтъ нахо- дился неотлучно, для которой онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ, потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ, и которую и самъ онъ любилъ, какъ другому и не удастся любить, была такимъ уда- ромъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь, — т. е., безъ матери, — говорилъ онъ намъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи (въ августѣ 1861 г. за три мѣсяца передъ смертью),—развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ то я еще лѣтъ пять, шесть проживу...»

А за три мѣсяца до послѣдняго свиданія съ родными, онъ, 16 мая 1861 г., писалъ изъ Неаполя Антонинъ Александровнѣ:

«Говоря по правдѣ, со времени маменькиной смерти до сихъ поръ я и не ви- дывалъ радостныхъ дней».

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. I ¹⁾).

«Всеобщая Исторія» Вебера — наилучшій изъ тѣхъ трактатовъ, которые имѣютъ своимъ назначеніемъ дать подробный разсказъ о фактахъ исторіи чело-
чества. Это признано во всемъ ученомъ мірѣ.

Потому въ предисловіи къ переводу этой книги на русскій языкъ нѣтъ на-
добности распространяться о ея достоинствахъ.

Онъ имѣетъ и слабыя стороны. Поговоримъ о нихъ.

Веберъ — ученый очень добросовѣстный; но онъ только очень добросовѣстный
и очень ученый человѣкъ. Онъ не гениальный человѣкъ. Въ своихъ общихъ по-
нятіяхъ, онъ не самостоятельный мыслитель. Тѣ мнѣнія, которыя кажутся спра-
ведливыми огромному большинству нѣмецкихъ историковъ, кажутся справедливыми
и ему. Въ этихъ мнѣніяхъ есть два элемента противонаучные. Одинъ изъ нихъ —
наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ умахъ нѣмецкихъ историковъ отъ періода владычества си-
стемъ трансцендентальной философіи надъ нѣмецкою наукою. «Введеніе» у Вебера
составлено въ этомъ вкусѣ. Другой противонаучный элементъ въ его книгѣ —
обыкновенная не у однихъ нѣмцевъ, у людей всѣхъ націй слабость: пристрастіе къ
своей націи.

Такъ; и очень жаль, что такъ. Безъ философскихъ разсужденій въ трансцен-
дентальномъ тонѣ и безъ разсужденій о превосходствѣ нѣмецкой націи надъ итальян-
скою, французскою и англійскою, книга Вебера была-бы несравнено лучше. Но и
при этихъ своихъ дурныхъ примѣсахъ, она въ сущности все-таки книга честная:
авторъ, если и говоритъ много противонаучнаго, то лишь потому, что ошибается;
онъ всегда добросовѣстенъ.

¹⁾ «Всеобщая Исторія» Георга Вебера. Изданіе Солдатенкова, Москва, 1885—1893.
15 томовъ, изъ которыхъ первые 11 и половина 12-го тома переведены Н. Г. Черны-
шевскимъ (подъ псевдонимомъ «Андреевъ»).

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. VI.

Правописаніе мусульманскихъ, и въ частности арабскихъ, собственныхъ именъ еще не установилось у западныхъ оріенталистовъ. Приведемъ объясненія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе частыхъ случаевъ этого колебанія ореографіи.

Въ арабскомъ письмѣ употребляются только три знака для выраженія гласныхъ; основной характеръ этихъ знаковъ:

а, и, у.

Потому можно полагать, что когда было введено у арабовъ правописаніе, остающееся до сихъ поръ употребительнымъ, то въ курейшитскомъ нарѣчіи, получившемъ владычество въ литературѣ, существовали только три эти гласные звука: а, и, у. Въ нынѣшнемъ произношеніи арабовъ, говорящихъ литературнымъ языкомъ, существуютъ и гласные звуки

э, о;

но въ письмѣ нѣтъ особыхъ знаковъ для нихъ. Звуку э соотвѣтствуетъ обыкновенно знакъ звука а, иногда знакъ звука и; звуку о соотвѣтствуетъ знакъ звука у.

Нѣкоторые оріенталисты пишутъ на западныхъ языкахъ арабскія (и другія мусульманскія) имена соотвѣтственно обозначенію ихъ гласныхъ звуковъ на арабскомъ (и персидскомъ, турецкомъ) письмѣ; другіе соотвѣтственно нынѣшнему выговору.

Такимъ образомъ, напримѣръ, слово, которое пишется по арабски

маликъ

получаетъ у разныхъ оріенталистовъ четыре разныя формы:

маликъ,

меликъ,

малекъ,

мелекъ,

Членъ аль (le, the, der) оріенталисты въ книгахъ на западныхъ языкахъ пишутъ двумя разными способами:

аль,

эль.

Нѣкоторые изъ согласныхъ звуковъ въ арабскомъ языкѣ способны принимать удвоеніе. Когда передъ словомъ, начинающимся съ такого звука, находится членъ, то въ нынѣшнемъ произношеніи звукъ л въ членѣ исчезаетъ, замѣняясь удвоеніемъ начального звука слова, съ которымъ связанъ членъ. Эта замѣна дѣлается только въ произношеніи; на письмѣ членъ сохраняетъ свой видъ безъ перемѣны. Такъ, напримѣръ, пишется

аль-Рашидъ;

но звукъ р способенъ удвоиться; потому произносится

ар-Рашидъ.

Соотвѣтственно этому, нѣкоторые ориенталисты употребляютъ въ своихъ книгахъ на западныхъ языкахъ форму

(Гарунъ) аль-Рашидъ,

другіе форму

(Гарунъ) ар-Рашидъ.

Въ старомъ арабскомъ языкѣ существительныя и прилагательныя измѣнялись по падежамъ; одно изъ окончаній именительнаго падежа было у.

Въ нынѣшнемъ арабскомъ языкѣ окончанія падежей исчезли. Но коранъ читается по старому произношенію, съ окончаніями падежей. Это старое произношеніе и вообще считается наиболѣе правильнымъ; но въ разговорномъ языкѣ оно употребляется лишь въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ словъ. Когда слова читаются съ окончаніями падежей, и когда за словомъ, имѣющимъ окончаніе падежа на гласный звукъ, слѣдуетъ членъ, присоединенный къ слову, имѣющему очень тѣсную грамматическую связь съ предъидущимъ словомъ, то звукъ а въ членѣ поглощается предшествующимъ ему звукомъ окончанія падежа. Такимъ образомъ, когда имя

Гарунъ читается

Гаруну,

то имя, которое въ нынѣшнемъ разговорномъ языкѣ произносится во всѣхъ падежахъ,

Гарун-аль-Рашидъ

произносится въ именительномъ падежѣ по старому выговору

Гаруну-р-Рашиду.

Соотвѣтственно этому, имя халифа Гаруна, получившаго названіе «справедливый», Рашидъ, пишется у разныхъ ориенталистовъ въ книгахъ на западныхъ языкахъ четырьмя способами:

Гарунъ-аль-Рашидъ,

Гарунъ-ар-Рашидъ,

Гаруну-р-Рашидъ,

Гаруну-р-Рашиду.

Одна изъ формъ образованія существительныхъ въ арабскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе —аъ или —етъ; когда слово этой формы стоитъ въ рѣчи такъ, что не

имѣеть особенно тѣсной связи съ слѣдующимъ словомъ, то въ нынѣшнемъ разговорѣ звукъ т исчезаетъ, замѣняясь гортаннымъ звукомъ, довольно близкимъ къ русскому звуку г въ словахъ господъ, богатый. Одно изъ словъ этой арабской формы

давлать (государство);

оно входитъ въ составъ почетныхъ названій очень многихъ высшихъ сановниковъ халифата, на примѣръ: областныхъ правителей или везирей, бывшихъ въ дѣйствительности государями, но считавшихъ удобнымъ для себя признавать на словахъ власть халифа, который и награждалъ ихъ за уваженіе къ нему почетными названіями: «защитникъ государства», «опора государства» и т. д.

Слово давлать, по разнымъ способамъ его произношенія, пишется на западныхъ языкахъ восемью разными способами:

давлать, давлеть, девлатъ, девлетъ,
давлâ (daulah), давлé (dauleh) и проч.

Пользуясь книгами ориенталистовъ, писавшихъ мусульманскія имена разными способами, Веберъ пишетъ ихъ въ разныхъ отдѣлахъ своего труда неодинаково соответственно неодинаковости правописанія въ книгахъ, служившихъ для него источниками.

Въ переводѣ эта шаткость правописанія уменьшена по возможности; но для того, чтобы сдѣлать въ этомъ отношеніи все надобное, было бы необходимо дѣлать справки, которыя были неудобноисполнимы.

То же самое должно сказать и о многихъ другихъ частностяхъ перевода. На примѣръ, слѣдовало бы возстановлять во всѣхъ случаяхъ точные титулы. Это могло быть сдѣлано лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Поясимъ примѣрами.

Сановникъ, занимавшій майнцскую каеэдру, былъ архіепископъ, а не простой епископъ. Разница правъ архіепископа отъ епископа въ католической церкви среднихъ вѣковъ была очень велика. Гдѣ рѣчь идетъ о сановникѣ, занимающемъ майнцскую каеэдру, тамъ въ переводѣ онъ, вѣроятно, всегда называется архіепископомъ; если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ названъ въ переводѣ просто епископомъ, это недосмотръ; и конечно, слѣдуетъ досадовать на недосмотръ; но можно и извинить его.

Гораздо хуже то, что относительно нѣкоторыхъ итальянскихъ и французскихъ каеэдръ не были при переводѣ сдѣланы справки, дѣйствительно ли простыми епископами оставались онѣ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ разсказѣ, или уже имѣли тогда титулъ архіепископскихъ.

То же самое относительно титуловъ; графъ, маркграфъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, точность возстановлена; въ другихъ, осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстно, точенъ ли титулъ.

Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена историки часто путали титулы; остатки этихъ неточностей встрѣчаются и въ трудахъ новыхъ историковъ, которыми пользовался Веберъ; изъ ихъ книгъ нѣкоторыя неточности перешли и въ его работу. Само собой понятно, что иначе быть не могло; нельзя порицать Вебера за то, что онъ полагался на знаменитыхъ авторовъ монографій, труды которыхъ справедливо считаются очень основательными.

Притомъ, это мелочи; нѣтъ большой бѣды въ томъ, что иной герцогъ названъ иной разъ маркграфомъ или иной маркграфъ иной разъ герцогомъ. Совершенно иное дѣло—восхищеніе дурнымъ, восхваленіе безразсудствъ и злодѣйствъ.

Если говорить собственно лишь о шестомъ томѣ, къ переводу котораго присоединено это предисловіе, то должно сказать, что наиболѣе отвратительно въ немъ восхищеніе походами нѣмцевъ въ Италію. Ни за это, ни за другія подобныя дурныя чувства не должно порицать лично самого Вебера. Онъ лишь поддается увлеченіямъ, господствующимъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. Несправедливо было бы порицать и большинство нѣмецкихъ-ли историковъ или вообще нѣмецкихъ ученыхъ писателей за эти дурныя увлеченія: самохвалство не особенность нѣмцевъ, а вообще дурное качество огромнаго большинства людей всѣхъ націй: «мы» всегда правы, «мы» всегда хороши, кто бы ни были «мы»,—нѣмцы или французы, испанцы или венгры, китайцы или монголы; и насколько можно извлечь изъ какаго-нибудь африканскаго или полинезійскаго людоеда историческія сужденія широкаго объема, онъ будетъ говорить тоже; его племя—во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ другими племенами всегда было правымъ, и всѣ подвиги его племени были благотворны и славны.

Не будемъ порицать нѣмцевъ за то, что большинство ихъ историковъ продолжаютъ восхищаться побѣдами своихъ предковъ въ X, XI, XII вѣкахъ въ Италіи. Но должно желать, чтобы распространялось въ нѣмецкой націи то справедливое мнѣніе о средневѣковыхъ походахъ въ Италію, которое высказывается довольно многими изъ нѣмецкихъ ученыхъ: эти походы, гибельные для итальянцевъ, были гибельны и для самихъ нѣмцевъ: нѣмецкое государство, окрѣпшее благодаря благоумію Генриха I, было расшатано походами Оттона I и слѣдующихъ императоровъ въ Италію; Гюнштауфены своими войнами въ Италіи разрушили нѣмецкое государство и погубили свою династію. Когда большинство образованныхъ людей въ Германіи станутъ думать такъ, тогда—и только тогда—найдетъ справедливымъ это мнѣніе и большинство нѣмецкихъ историковъ.

Въ переводѣ выброшены почти всѣ лирическія тирады, которыхъ довольно много въ разсказѣ Вебера объ итальянскихъ походахъ нѣмцевъ.

Изъ разсказа Вебера о дѣлахъ, происходившихъ въ самой Германіи, выброшены тѣ мелочи, которыя не интересны для людей другихъ націй.

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Вебера, т. VII.

Съ мыслью о переводѣ «Всеобщей Исторіи» Вебера на русскій языкъ соединилось намѣреніе дѣлать пополненія къ этому трактату. Возможно полагать, что оно стало до нѣкоторой степени удобоисполнимымъ. Если окажется, что дѣйствительно такъ, то работа, начинаемая теперь, будетъ продолжаема.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

1.

О Расахъ.

Тѣ различія, по которымъ человѣческій родъ дѣлится на расы, существуютъ съ очень давнихъ временъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, большинство специалистовъ по антропологіи даже утверждало, что возникновеніе различій между расами совпадаетъ съ самымъ возникновеніемъ людей, что каждая раса — особый видъ, имѣющій свое особое происхожденіе. Въ ученыхъ трактатахъ это мнѣніе облекалось въ ученую форму, выставлялось выводомъ изъ научныхъ фактовъ. На самомъ дѣлѣ, оно происходило изъ мотива, не имѣющаго ничего общаго съ научной истиной. Плантаторы рабовладѣльческихъ штатовъ Сѣвероамериканскаго Союза стали опасаться, что законодательная власть Союза отмѣнитъ невольничество на всемъ пространствѣ Союза, какъ оно ужь было отмѣнено законодательными властями сѣверныхъ штатовъ въ этихъ штатахъ. Подобныя эпохи опасеній были переживаемы рабовладѣльцами англійскихъ колоній и нѣкоторыхъ другихъ колоній и государствъ. Но все то были дѣла очень мелкія по сравненію съ отмѣной невольничества въ рабовладѣльческихъ штатахъ Сѣвероамериканскаго Союза. Кому, кромѣ филантроповъ или малочисленныхъ людей очень прогрессивнаго образа мыслей, былъ интересенъ вопросъ о невольничествѣ въ государствахъ или колоніяхъ, не имѣвшихъ важности ни для кого изъ людей постороннихъ этимъ малочисленнымъ странамъ или мелкимъ островамъ? Споры приверженцевъ и противниковъ рабства въ государствахъ, образовавшихся изъ прежнихъ испанскихъ владѣній въ Америкѣ, обращали на себя мало вниманія за границами этихъ слабыхъ государствъ. И какими учеными силами располагали защитники рабства въ

нихъ? Понятно, что они имѣли очень мало вліянія на мысли большинства антропологовъ.—Были рабовладѣльскія колоніи у Франціи, но онѣ не имѣли сильнаго вліянія на политическую жизнь даже и самой Франціи.—Притомъ, рабовладѣльцы ихъ были увѣрены, что пока будетъ существовать во Франціи законное правительство, ихъ интересы не будутъ подвергаться никакой опасности; имъ могло не нравиться, что есть во Франціи люди, говорящіе противъ рабства; они могли опровергать порицателей его; но знали, что эти хулители безсильны, и сами едва ли много интересовались своей полемикой съ ними; вели ее больше для удовлетворенія правилу, требующему не оставлять порицаній безъ отвѣта, чѣмъ по серьезной надобности возражать. Рабовладѣльцы англійскихъ колоній тоже не имѣли такого важнаго значенія, чтобы хотя сама Англія внимательно вслушивалась въ ихъ голоса. Совершенно иной характеръ получилъ вопросъ о невольничествѣ, когда аболіціонисты въ Сѣвероамериканскомъ Союзѣ приобрѣли такое вліяніе на общественное мнѣніе въ свободныхъ штатахъ, что плантаторы южныхъ штатовъ стали опасаться отгнѣны рабства законодательной властью Союза. Плантаторы южныхъ штатовъ составляли могущественнѣйшую изъ политическихъ партій въ государствѣ, которое ужъ было однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ цѣломъ свѣтѣ и о которомъ предполагалось не одними его гражданами, но и большинствомъ серьезныхъ людей въ Европѣ, что скоро оно станетъ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ государствъ. Рабовладѣльцы давно правили этимъ государствомъ почти непрерывно; правили имъ совершенно непрерывно съ той поры, когда противники невольничества стали приобретать вліяніе, опасное для нихъ. Когда они серьезно встревожились за судьбу своихъ плантацій и увидѣли надобность защищаться отъ нападеній аболіціонистовъ, то нашлись у нихъ на ораторскую, газетную, ученую борьбу громадныя силы, какъ нашлись послѣ на военную. Какъ при началѣ вооруженнаго столкновенія большинство специалистовъ по военному дѣлу стало на сторону рабовладѣльцевъ, такъ и въ ученой борьбѣ плантаторы располагали трудомъ людей, болѣе авторитетныхъ, чѣмъ антропологи аболіціонистовъ. Достаточно припомнить, что въ защиту рабства возвысилъ голосъ Агассизъ.

Рабовладѣльцы были люди бѣлой расы, невольники — негры; потому защита рабства въ ученыхъ трактатахъ приняла форму теоріи о коренномъ различіи между разными расами людей. Бѣлая раса вполне обладаетъ тѣми качествами ума и характера, какія нужны для разумнаго управленія государственными дѣлами и обширными частными предпріятіями въ родѣ большихъ фабрикъ или сельскаго хозяйства въ большомъ размѣрѣ; негры по природѣ своей лишены не только способности къ политической жизни, но и способности разумно, трудолюбиво вести хозяйственные дѣла, потому не могутъ быть гражданами благоустроеннаго государства, а должны работать подъ распоряженіемъ бѣлыхъ господъ; ихъ невольническое положеніе не только выгодно для ихъ хозяевъ, но представляетъ и для нихъ самихъ единственное избавленіе отъ нищеты; они такъ легкомысленны и лѣнны, что безъ посторонняго принужденія не могутъ добывать себѣ сытную пищу и хотя бы небольшія удобства жизни; это мы видимъ въ Африкѣ; тамъ они бѣдствуютъ; у бѣлыхъ господъ въ Америкѣ они пользуются изобиліемъ. Невольничество — благодѣтельное для нихъ учрежденіе.

Южные штаты Сѣверо-Американскаго Союза были не первыя могущественныя общества, устроенныя на основаніи рабовладѣнія. Теорія, излагаемая уче-

ными защитниками рабства въ южныхъ штатахъ, была не нова въ своей сущности: уже греки оправдывали свою власть надъ рабами тѣмъ, что масса рабовъ—люди другой природы. Это, говоритъ, на примѣръ, Аристотель: онъ дѣлитъ людей на разряды, изъ которыхъ одинъ самой природой предназначенъ владычествовать надъ другимъ, предназначеннымъ природой для рабства.

Интересы рабовладѣнія были не единственнымъ источникомъ господствовавшего у грековъ (и у римлянъ) мнѣнія, что есть народы, которые предназначены природой къ рабству, какъ они предназначены къ свободѣ. Самолюбіе бываетъ и безкорыстное; защитники рабства въ древнемъ мірѣ держались своего ученія не только по расчету выгодъ, но и по тщеславію. Подъ вліяніемъ уваженія къ общественному устройству и мыслямъ грековъ и римлянъ образованное общество новой Европы оставалось не чуждо склонности хвалить рабство и послѣ того, какъ оно исчезло въ ней. Специалисты по наукамъ о человѣкѣ раздѣляли эту склонность общества, къ которому принадлежали. Но и само оно и его специалисты по наукамъ о человѣкѣ перестали чувствовать живой интересъ къ разсужденіямъ этого рода, когда стало очевидно, что рабство въ Европѣ исчезло безвозвратно. Ученые защитники его повторяли привычныя старыя мысли, но не имѣли влеченія много заниматься ими; вопросъ оставался приблизительно на той степени разработки, какую дали ему Аристотель и другіе греческіе защитники рабства. Вѣяны повторенія старины, которыми ограничивались похвалы рабству въ XVIII вѣкѣ, мало соответствовали тогдашнему состоянію знаній о физической природѣ человѣка, гораздо болѣе высокому, чѣмъ во времена Аристотеля.

Но когда встревожились за свое рабовладѣніе плантаторы южныхъ штатовъ, ученые разсужденія въ защиту рабства быстро получили такую разработку, какая была нужна для опроверженія мыслей партіи, сдѣлавшейся опасною для рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ. Это было въ первой половинѣ нашего вѣка. Ученіе объ отношеніяхъ между группами живыхъ существъ было основано тогда на мысли, что существа, имѣющія общее происхожденіе, имѣютъ потомство способное рождать дѣтей, въ свою очередь способныхъ имѣть дѣтей такихъ же плодородныхъ. Теорія сообразности рабства негровъ съ природой была сдѣлана выводомъ изъ этого ученія. Она приняла такой видъ:

Отъ сожителства бѣлыхъ мужчинъ съ негритянками или негровъ съ бѣлыми женщинами дѣти рождаются не въ такомъ большомъ числѣ, какъ отъ сожителства бѣлыхъ мужчинъ съ бѣлыми женщинами или негровъ съ негритянками. Дѣти, родившіяся отъ сожителства людей бѣлой расы съ людьми черной, гораздо менѣе способны имѣть въ свою очередь дѣтей, чѣмъ люди бѣлой расы или черной расы. Такимъ образомъ средняя раса (мулатская) очень быстро вымираетъ, если число ея не поддерживается новыми рожденіями отъ сожителства бѣлыхъ людей съ черными. Мулаты и мулатки не способны поддерживать существованіе своей расы сожителствомъ между собою. Что слѣдуетъ изъ того?—Выводъ таковъ:

Сравнивая этотъ фактъ съ результатами, производимыми сожителствомъ самцовъ одного вида млекопитающихъ съ самками другого, мы находимъ, что разница между бѣлыми и черными людьми менѣе велика, нежели разница между лошадью и осломъ, но болѣе велика, чѣмъ разница между волкомъ и собакой. Дѣти жеребца и ослицы или осла и кобылы совершенно бесплодны; дѣти волка и суки или кобели и волчихи совершенно плодородны. Мулаты и мулатки не совер-

шенно безплодны, какъ мулы и лошаки, но несравненно менѣе плодородны, нежели ублюдки отъ сожительства волковъ съ собаками.

Ясно, что какъ о волкахъ мы имѣемъ понятія инныя, чѣмъ о собакахъ, и отношенія наши къ этимъ двумъ разнымъ видамъ млекопитающихъ не одинаковы; и что какъ нельзя требовать или ожидать отъ осла тѣхъ качествъ, которыми заслуживаетъ напе сочувствіе и уваженіе лошадь, такъ и о неграхъ мы не должны судить по тѣмъ понятіямъ, какія имѣемъ о бѣлыхъ, и общественное положеніе негровъ должно быть совершенно иное, чѣмъ положеніе бѣлыхъ.

Вообразилъ себѣ, что намъ необходимо, чтобы волкъ жилъ на нашемъ дворѣ; можемъ ли мы оставлять его на свободѣ, какъ оставляемъ собаку? Нѣтъ, этимъ мы только сдѣлали бы вредъ себѣ и погубили бы волка. Быть можетъ, онъ растерзалъ бы насъ; еще скорѣе, онъ бросился бы рѣзать домашній скотъ на нашемъ и сосѣднихъ дворахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ былъ бы убитъ. Будемъ же держать его на цѣпи. Это будетъ счастье для него. Онъ будетъ сытъ у насъ, а у себя въ лѣсу онъ постоянно мучился голодомъ.

Плантаторы были такъ могущественны, что ссориться съ ними осторожные люди сѣверныхъ штатовъ считали дѣломъ очень опаснымъ. Они заявляли, что если законодательная власть Союза нарушить ихъ рабовладѣльческія права, ихъ штаты отдѣлятся отъ Союза и составятъ особую конфедерацію. Большинство населенія свободныхъ штатовъ пугалось этой угрозы, дѣлало уступки плантаторамъ, предоставляло имъ управленіе Союзомъ. Въ книгахъ уступчивость отражалась тѣмъ, что ученые сѣверныхъ штатовъ переходили на сторону защитниковъ плантаторской теоріи расъ. Такъ напримѣръ, самъ Агассизъ, славнѣйшій боецъ за нее, былъ профессоромъ въ сѣверныхъ штатахъ, но совершенно подчинился вліянію плантаторовъ. Само собою разумѣется, что когда люди принимаютъ чужія мнѣнія по боязни ссоры, большинство этихъ стоворчивыхъ прозелитовъ воображаетъ себя дѣйствующимъ не по какимъ нибудь предосудительнымъ мотивамъ, не по робости или житейскому расчету, а по искреннему убѣжденію. Въ этомъ состоитъ извиненіе такимъ людямъ, какъ Агассизъ. Впрочемъ, ему воображалось, что онъ говоритъ по совѣсти, а не по раболовству.

Какъ ученые въ сѣверныхъ штатахъ подчинялись авторитету южныхъ защитниковъ рабства, такъ большинство европейскихъ ученыхъ подчинилось по вопросу о расахъ авторитету сѣверо-американскихъ ученыхъ. И дѣйствительно, какъ было не принять теорію о коренной разницѣ расъ? Мулаты и мулатки безплодны; ублюдковъ волка и собаки; это говорили сѣверо-американскіе ученые; они изучили факты на мѣстѣ. Слѣдовало вѣрить имъ.

Но слѣдовало бы также подумать о томъ, безпристрастны ли они, дѣйствительно ли они изучили факты, о которыхъ говорятъ съ такою увѣренностью, добросовѣстно ли они передаютъ хотя бы тѣ факты, которые ясны, и безъ особеннаго изученія сами бросаются въ глаза. Европейскіе ученые не считали нужнымъ этого; они были бѣлые, плантаторское ученіе о расахъ льстило бѣлой расѣ; какая же охота была имъ сомнѣваться въ его основательности?

Сѣверные штаты робѣли плантаторовъ. Европа слышала, что плантаторы грозятъ расторженіемъ Союза; она знала, что результатомъ отпаденія была бы междоусобная война; междоусобіе помѣшало бы работѣ на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ, Европа терпѣла бы недостатокъ въ хлопкѣ. И что было бы, если бы

война кончилась побѣдой сѣверныхъ штатовъ? Рабство было бы отмѣнено; освобожденные негры не стали бы работать, потому что они лѣнныя животныя, не желающія пріобрѣтать удобствъ жизни трудомъ, предпочитающія животную нищету работѣ. Бѣлые люди не могутъ работать на хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ, къ этому способны только негры—такъ говорили плантаторы, и Европа вѣрила имъ. Въ случаѣ побѣды сѣверныхъ штатовъ Европа останется безъ хлопка, подвергнется очень тяжелому экономическому бѣдствію; потому Европѣ надобно желать, чтобы сѣверные штаты продолжали подчиняться южнымъ и чтобы продолжало существовать въ южныхъ штатахъ невольничество. Такъ думало тогда большинство вліятельныхъ людей въ Европѣ.

Но бѣдствіе, котораго такъ опасались уступчивые люди въ сѣверныхъ штатахъ, которое пугало и Европу, произошло. Плантаторы отложились отъ Союза, началась междоусобная война, она длилась почти четыре года: подвозъ хлопка изъ южныхъ штатовъ въ Европу остановился; тѣ части Европы, въ которыхъ была развита хлопчатобумажная промышленность, подверглись тяжкимъ, продолжительнымъ страданіямъ. Война кончилась отужною невольничества въ южныхъ штатахъ. Безразудная часть плантаторской партіи мечтала о его возстановленіи. Большинство плантаторовъ скоро убѣдилось, что возстановить его нельзя. Вопросъ о невольничествѣ пересталъ имѣть политическое значеніе, сдѣлался предметомъ исключительно научнаго изслѣдованія. Что-же тогда оказалось? Факты свидѣтельствуютъ противное тому, что говорили о безплодіи мулатской расы ученые защитники невольничества, относительно плодородія мулаты и мулатки нисколько не отличаются отъ бѣлыхъ и черныхъ.

Предлогомъ говорить объ ихъ безплодіи служило то обстоятельство, что очень многія мулатки дѣйствительно или оставались безплодными, хотя имѣли сожителство съ мужчинами, или если рождали дѣтей, то дѣти ихъ умирали въ громадной пропорціи, не достигая взрослыхъ лѣтъ. Но оказалось, что эти мулатки вели такой образъ жизни, который производитъ тѣ же самые результаты у женщинъ всякой расы, бѣлой ли, желтой ли или черной: а тѣ мулатки, которыя вели образъ жизни, удовлетворяющій общимъ для всѣхъ расъ условіямъ плодородія женщинъ и здороваго роста ихъ дѣтей, имѣли столько же дѣтей, какъ аріанки, монголянки или негритянки, ведущія такой же образъ жизни, и дѣти у нихъ выросли такими же здоровыми, какъ у женщинъ этихъ расъ.

Люди, не знающіе, какое вліяніе имѣетъ живое общественное мнѣніе на мысли ученыхъ, дивились тому, что можно было съ такой беззаботностью о правдѣ утверждать, будто бы мулатки мало способны имѣть многочисленныхъ здоровыхъ дѣтей. Былъ курьезъ еще болѣе странный. На той степени плодородія ублюдковъ, при которой ихъ потомство могло бы существовать неопредѣленное число поколѣній, не уменьшаясь или даже увеличиваясь въ числѣ, очень часто былъ наблюдаемъ фактъ, что типъ этого потомства не устойчивъ: дѣти не сохраняютъ типа своихъ родителей-ублюдковъ, а возвращаются къ типу той или другой изъ расъ, отъ которыхъ произошли родители-ублюдки. Такъ напримѣръ, было замѣчаемо, что если отъ сожителства животныхъ бѣлой породы съ животными черной породы произошли пестрые дѣти, то у этихъ пестрыхъ дѣтей лишь немногія дѣти будутъ пестрыя, а большинство будутъ или бѣлыя, или черныя. Едва ли наблюденія о пестрѣ потомства млекопитающихъ разнаго цвѣта анализированы съ

достаточной точностью. Но предположимъ, что они совершенно достовѣрны. Ученые защитники невольничества переносили на мулатовъ и мулатокъ то наблюденіе, которое считалось достовѣрнымъ относительно пестрыхъ дѣтей, рождающихся отъ сожителства овецъ или собакъ разнаго цвѣта. Они говорили: мулатскій типъ не имѣетъ устойчивости; дѣти мулата и мулатки не походятъ на своихъ родителей, уклоняются отъ нихъ или къ бѣлому или къ негритянскому типу: дѣти тѣхъ, которые приблизились напимѣръ къ негритянскому типу, будутъ еще ближе къ нему, чѣмъ ихъ родители, и такимъ образомъ черезъ небольшое число поколѣній потомки мулата и мулатки становятся совершенными неграми.

Чтобъ опредѣлительно судить о плодородіи или безплодіи людей какого-нибудь типа, нужно имѣть статистическія свѣдѣнія. Понятно, что масса общества можетъ быть обманываема въ этомъ дѣлѣ самоувѣренностью тона специалистовъ; понятно и то, что специалисты не имѣющіе подъ руками статистическихъ цифръ, могутъ быть вводимы въ ошибку довѣріемъ къ товарищамъ, говорящимъ самоувѣренно. Но вопросъ о сходствѣ дѣтей съ родителями рѣшается безъ всякихъ ученыхъ пособій простымъ нагляднымъ впечатлѣніемъ. Каждому, живущему въ рабовладѣтельской странѣ, было превосходно извѣстно, что дѣти мулата и мулатки имѣютъ точно такое же сходство съ родителями, какъ дѣти бѣлыхъ людей или негровъ; что поэтому мулатскій типъ очень устойчивъ. Но обществу рабовладѣльческихъ земель угодно было пренебрегать этимъ своимъ знаніемъ и повторять пріятныя для него слова ученыхъ защитниковъ рабства, что дѣти мулата и мулатки не сохраняютъ типа родителей.

Какъ объяснить возможность такого противорѣчія наглядной истинѣ? Подлогъ былъ произведенъ способомъ очень безцеремоннымъ, но вполне пригодившимся для полученія пріятной лжи. Мулаты и мулатки въ Соединенныхъ Штатахъ не составляли отдѣльнаго общества, не жили вмѣстѣ сплошными группами. Мулаты или мулатка обыкновенно жили въ домѣ или жилищѣ бѣлаго или чернаго семейства. Мулатамъ чаще случалось быть любовниками или мужьями негритянокъ, чѣмъ мулатокъ; мулаткамъ чаще случалось быть любовницами бѣлыхъ или женами негровъ, чѣмъ любовницами или женами мулатовъ. Дѣти мулатки отъ негра въ большинствѣ случаевъ разумѣется имѣли типъ средний между отцомъ и матерью, то есть болѣе походили на негровъ или негритянокъ, чѣмъ ихъ мать. Дочери этихъ дочерей, становясь женами негровъ, имѣли дѣтей еще болѣе близкихъ къ негритянскому типу. То же самое, только въ обратномъ направленіи, происходило при сожителствѣ мулатки съ бѣлымъ, ихъ дочерей съ бѣлыми. Ступени генеалогіи, приближающей потомство мулатки къ бѣлому типу, были опредѣлены съ полной точностью, и по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ признаки были такъ ясны, что каждый въ рабовладѣтельской странѣ по одному взгляду съ достовѣрностью узнавалъ генеалогическую степень человека, имѣющаго типъ средний между мулатскимъ и бѣлымъ. Дочь мулатки и бѣлаго была терцеронка; дочь терцеронки и бѣлаго была квартеронка; признаки терцеронки были такъ рѣзки, что никто не могъ принимать ее ни за мулатку ни за квартеронку; каждый видѣлъ, что она терцеронка. Дочь квартеронки и бѣлаго уже трудно было отличить отъ бѣлой женщины, не жившему въ рабовладѣтельской землѣ; когда ее потомки еще два или три поколѣнія имѣли дѣтей отъ бѣлыхъ, то ее потомки становились трудно различимы отъ бѣлыхъ и для опытнаго наблюдателя. Въ десятомъ или двѣнадцатомъ

поколѣнія они ужъ становились неразличимы отъ бѣлыхъ и для опытнаго взгляда. Словомъ, дѣло шло по тѣмъ же законамъ, какъ при сожительствѣ всякихъ людей, какого-нибудь типа съ людьми какого-нибудь другого типа, какъ напримѣръ при сожительствѣ потомства испанца и французки съ людьми французской національности или потомства каталонца и андалузянки съ людьми каталонскаго племени. А когда люди мулатскаго типа сожительствовали между собой, то ихъ типъ оставался проченъ въ ихъ потомствѣ. Это было извѣстно всѣмъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ; но приверженцамъ рабовладѣнія угодно было повторить полезную для защиты невольничества ложь, будто бы мулатскій типъ неустойчивъ.

Теперь всѣ разсужденія о бесплодіи мулатокъ, или о неустойчивости мулатскаго типа, отброшены серьезными антропологами, какъ пустыя выдумки ученыхъ, бывшихъ прислужниками рабовладѣльцевъ.

Классификація расъ остается до сихъ поръ очень шаткой въ своихъ подробностяхъ. Спеціалисты, справедливо признаваемые наиболѣе компетентными судьями по вопросамъ этого рода, не сходятся между собою въ томъ, сколько коренныхъ расъ должно считать. И послѣдователи извѣстнаго способа классификаціи не сходятся между собою въ мнѣніяхъ, къ той или другой изъ принимаемыхъ ими расъ причислить то или другое племя. Признаки, по которымъ слѣдуетъ дѣлить людей на расы, тоже остаются предметомъ споровъ.

Наиболѣе популярный признакъ расы—цвѣтъ кожи. Но есть авторитетные спеціалисты, находящіе, что онъ имѣетъ очень мало научнаго значенія. Нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что гораздо важнѣе разнѣца по формѣ волосъ на головѣ: они дѣлятъ людей на три основныя расы: у одной изъ нихъ волоса имѣютъ въ поперечномъ разрѣзѣ круглую форму; эти волоса ни сколько не вьются; у другой расы разрѣзъ волоса головы—эллипсъ не очень сплюснутый; эти волоса слегка вьются; у третьей расы разрѣзъ волоса головы—эллипсъ очень сплюснутый, такъ что волосъ походитъ на ленту съ закругленными коймами: такіе волоса курчавы, какъ овечья шерсть. Вообще эта классификація довольно близко совпадаетъ съ дѣленіемъ людей на желтую, бѣлую и черную расы. Она замѣчательна тѣмъ, что порядокъ расъ въ ней не тотъ, какъ въ классификаціи по цвѣту кожи, въ которой на одномъ концѣ порядка стоитъ бѣлая раса, на другомъ черная, — желтая занимаетъ средину между ними: въ классификаціи по формѣ волосъ головы масса народовъ, составляющихъ бѣлую расу, занимаетъ средину между народами желтой и черной расъ.— Безъ сомнѣнія, несравненно болѣе важную роль имѣютъ различія формы головы. Ихъ можно подводить подъ двѣ разныя точки зрѣнія: съ одной—кореннымъ принципомъ дѣленія принимается собственно форма черепа, съ другой, форма профиля. Но и по формѣ профиля и по формѣ черепа выводы относительно дѣленія людей на расы получаются приблизительно одинаковые: исключенія есть, но вообще овальный черепъ соединенъ съ такъ называемымъ кавказскимъ (или греческимъ, европеескимъ) профилемъ; угловатый черепъ—съ плоскимъ (китайскимъ, монгольскимъ) профилемъ; длинный и приплюснутый черепъ—съ негритянскимъ профилемъ. Форма черепа и профиля, какъ всѣми признано, несравненно важнѣе цвѣта кожи и формы волосъ головы, но нѣкоторые спеціалисты не считаютъ удобнымъ ставить ее важнѣйшимъ основаніемъ классификаціи расъ, потому что она менѣе устойчива, чѣмъ цвѣтъ кожи и форма волосъ. Такъ напримѣръ замѣчено, что дѣти американскихъ негровъ, купленныхъ въ Африкѣ

вообще имѣють очертаніе профиля менѣе далекое отъ арійскаго, чѣмъ ихъ отцы: съ каждымъ поколѣніемъ это измѣненіе развивается. Правда, что и теперь негры Соединенныхъ Штатовъ остаются все еще очень не похожи на арійцевъ чертами лица; но вообще они потомки африканскихъ негровъ лишь въ четвертомъ, много пятомъ поколѣніи. Въ Африкѣ встрѣчается большая разница профиля между племенами одинаковаго цвѣта кожи и одинаковой формы волосъ головы. Нѣкоторые изъ нихъ имѣють профиль очень похожій на арійскій. Возможно, что причина этой разницы—неодинаковость исторіи племенъ. Тѣ, которыя имѣли очень долго жизнь менѣе бѣдственную, чѣмъ другія, и сдѣлались людьми нѣсколько болѣе развитыми въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, приобрѣли формы головы, болѣе подобныя формамъ народовъ, давно вышедшихъ изъ дикаго состоянія: потомъ ихъ матеріальное и нравственное положеніе ухудшилось, но медленные перемѣны въ чертахъ лица, производимыя пониженіемъ быта еще не успѣли развиться вполне, а понизившись до прежняго дикаго состоянія, эти племена еще сохранили черты прежняго болѣе высокаго развитія. Впрочемъ, кажется, что это объясненіе основано только на аналогіи; едва ли найдены какіе нибудь факты, прямо подтверждающіе его. Аналогія—аргументъ, не заслуживающій серьезнаго довѣрія.

По нынѣшнимъ понятіямъ вопросъ о происхожденіи расъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Не только такія группы живыхъ существъ, какъ волкъ, собака, и близкіе къ нимъ виды, или какъ лошадь и оселъ и очень сходные съ ними виды, но и всѣ млекопитающіе несомнѣнно имѣють общее происхожденіе. Такимъ образомъ безплодіе сожителства млекопитающихъ разныхъ группъ вовсе не относится къ дѣлу, когда рѣчь идетъ о томъ, имѣють ли они общее происхожденіе. Они всѣ имѣють его. Безплодіе свидѣтельствуетъ вовсе не о разницѣ происхожденія, а только о томъ, что разница въ устройствѣ организма сожительства существъ болѣе велика, чѣмъ было бы совмѣстно съ возможностью для нихъ имѣть дѣтей. Происхожденіе этой разницы чисто историческое. Если существа двухъ группъ имѣють отъ своего сожительства дѣтей, но ихъ дѣти безплодны, это значитъ, что ихъ организмы болѣе различны, нежели было бы совмѣстно съ рожденіемъ плодороднаго потомства.

Разныя расы людей производятъ на обыкновеннаго наблюдателя-неспециалиста очень неодинаковое впечатлѣніе по цвѣту кожи, характеру волосъ головы, формамъ черепа и профиля; но онъ видитъ, что все это существа одинаковыя въ той же степени, какъ одинаковы, напримѣръ, разныя породы обыкновенной домашней (европейской, то есть собственно египетской) кошки или европейскаго медвѣдя. Это простое мнѣніе массы людей вполне подтверждено теперь наукой. —Ни въ какой породѣ млекопитающихъ нельзя найти два существа, которыя были бы безусловно одинаковы: у тѣхъ млекопитающихъ, которыя рожаютъ нѣсколько дѣтей въ одно время, дѣти, родившіяся одновременно, все-таки нѣсколько отличаются одно отъ другого. Потому, когда рѣчь идетъ о тождествѣ организаціи двухъ млекопитающихъ одной породы, научный смыслъ словъ «ихъ организація тождественна» состоитъ не въ томъ, что между ними нѣтъ никакихъ разницъ, а только въ томъ, что разницы очень незначительны сравнительно съ элементами тождества.

Въ этомъ смыслѣ имѣемъ ли мы право сказать, что всѣ расы людей тождественны не только по своей организаціи, но и по своимъ умственнымъ и нрав-

ственнымъ качествамъ? Въ XVIII вѣкѣ было сильно распространено между образованными людьми мнѣніе, что должно сказать такъ. Они говорили о единствѣ человѣческой природы въ выраженіяхъ очень широкихъ и сильныхъ. Нѣкоторые изъ знаменитыхъ мыслителей, воспитавшихся въ концѣ того періода, сохранили это убѣжденіе на всю жизнь. Напримѣръ Песталоцци и Гегель продолжали въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка говорить о тождествѣ людей безоговорочнымъ тономъ Руссо: каждый человекъ, родившійся здоровымъ, родится съ тѣми же склонностями, какъ всякій другой, природная разниа умственныхъ и нравственныхъ силъ людей, родившихся не больными, а здоровыми, очень не велика. Но лѣтъ черезъ десять или двадцать оставалось уже очень мало ученыхъ, которые не смѣялись бы надъ этимъ мнѣніемъ, какъ чрезмѣрно наивнымъ. Пренебреженіе къ нему было однимъ изъ частныхъ результатовъ ненависти къ теоріямъ XVIII вѣка. Но время ненависти прошло, и новыя поколѣнія стали находить, что мыслители XVIII вѣка были менѣе наивны, чѣмъ казалось поколѣніямъ, ненавидѣвшимъ его. Однимъ изъ результатовъ этой перемены было возникновеніе того направленія, которое теперь стало господствующимъ въ естествознаніи. По примѣненію къ частному вопросу о человѣческихъ расахъ его можно характеризовать такъ: разницы между расами проникаютъ всю организацію: не только форма черепа и профиля или ступни ноги у каждой расы своя особенная, но и каждая кость, каждый мускулъ, каждая железа имѣетъ у каждой расы свои особенности: не только передній полушаріа головного мозга имѣютъ у каждой расы нѣкоторыя особенности, имѣетъ ихъ и каждый нервъ желудка или ноги: но все эти разницы довольно незначительны сравнительно съ элементами тождества въ организаціи всѣхъ расъ.

Естествознаніе приняло господствующее теперь направленіе очень недавно: натуралисты еще не очень пожилыхъ лѣтъ учились по книгамъ противоположнаго направленія. Дѣло только начинается и, какъ далеко поидетъ оно въ своемъ развитіи, нельзя сказать опредѣлительно. Но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ быстро ослабѣваетъ въ наукѣ значеніе разницъ между расами. Специалисты не какіе нибудь люди особой породы; огромное большинство ихъ, подобно огромному большинству всякихъ другихъ людей, подчиняются общественному мнѣнію, которое вырабатывается подъ преобладающимъ вліяніемъ событій. Потому дальѣйшій ходъ этого, какъ и всякаго другого ученаго дѣла, очень много зависитъ отъ хода событій. Говорятъ иногда, что мысли натуралистовъ имѣютъ основу совершенно твердую, такъ что не могутъ поддаваться требованіямъ общественнаго мнѣнія. Конечно не только астрономія, но и физиологія должны быть названы системами понятій очень прочныхъ сравнительно съ теоріями политическихъ и общественныхъ наукъ. Но припомнимъ факты изъ исторіи не то что физиологіи, а самой астрономіи. Пусть очень простительно было Тихо де Браге изобрѣтать свою систему для того, чтобъ уклоняться отъ научной надобности признать систему Коперника, держаться которой было бы для него, если не такъ опасно, какъ для Галилея, то всетаки неудобно. Но какія серьезныя непріятности могли угрожать французскимъ астрономамъ конца XVII и начала XVIII вѣка, если бы они приняли теорію Ньютона? Неудобствъ отъ этого не было имъ никакихъ: но они были французы; они жили во французскомъ обществѣ: оно предпочитало астрономическую систему своего соотечественника Декарта системѣ англичанина Ньютона.

тона; и нѣсколько десятилѣтій большинство французскихъ астрономовъ отвергало теорію Ньютона, защищало теорію Декарта.

Между специалистами по антропологіи много споровъ о томъ, какія разницы должны быть принимаемы за основаніе классификаціи людей по расамъ, сколько коренныхъ расъ должно считать, къ какой расѣ или къ какой помѣси расъ должно относить то или другое племя. Но факты, которые совершенно достовѣрны, охватываютъ огромное большинство человѣческаго рода. Для людей, ищущихъ въ антропологіи рѣшенія важныхъ историческихъ вопросовъ, эти безспорные факты достаточны.

На сколько именно расъ дѣлятся люди — вопросъ, не имѣющій очень большого значенія для исторіи человѣчества. Важны только три расы: бѣлая, желтая и черная или раса съ вьющимися волосами головы, прямыми волосами и волосами, подобными шерсти, или раса съ овальнымъ черепомъ, рельефнымъ профилемъ, не выдающеюся впередъ нижнею челюстью, раса съ угловатымъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, нижней челюстью, не выдающеюся впередъ, и раса съ приплюснутымъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, нижнею челюстью, сильно выдающеюся впередъ. Эти три расы составляютъ вѣроятно болѣе девяти десятыхъ частей общаго населенія земнаго шара. Если принимать какія нибудь другія расы за коренныя, то все вмѣстѣ онѣ и незначительны числомъ и сравнительно не важны историческимъ значеніемъ. И ни объ одномъ изъ народовъ или племенъ, занимающихъ важное мѣсто въ нынѣшнемъ составѣ рода человѣческаго, нѣтъ сомнѣній, къ какой расѣ должно отнести его; точно также нѣтъ этого сомнѣнія почти ни объ одномъ изъ народовъ, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи человѣчества, если до насъ дошли сколько нибудь точныя извѣстія о его наружности. Этого достаточно для изслѣдователя или рассказчика всеобщей исторіи. Если о какомъ нибудь народѣ, имѣвшемъ довольно важное значеніе въ исторіи человѣчества, намъ неизвѣстно съ полною достовѣрностью, къ какой расѣ принадлежалъ онъ, то неудовлетворительность нашихъ свѣдѣній о немъ заключается не собственно въ недостатокъ извѣстій о его наружности, а вообще въ недостаточности извѣстій о немъ.

Все расы произошли отъ однихъ предковъ. Все особенности, которыми отличаются онѣ одна отъ другой, имѣютъ историческое происхожденіе. Но какую степень устойчивости имѣютъ ихъ особенности? — не все одинаковую. Цвѣтъ кожи негровъ очень устойчивъ. Едва ли можно полагать, что черезъ двадцать поколѣній негры, живущіе въ странѣ русаго народа, имѣющаго очень бѣлую кожу, могутъ стать имѣющими кожу значительно менѣе черную, чѣмъ имѣло первое поколѣніе. Желтая кожа и бѣлая кожа гораздо быстрее принимаютъ отбѣлки, сближающіе ихъ во цвѣтѣ. Собственно говоря, цвѣтъ кожи монгола, ставшаго свѣтлымъ, сохраняетъ свою особенность колорита, не одинакову съ цвѣтомъ кожи очень смуглаго человѣка чистой аріійской расы: многіе люди монгольской расы имѣютъ очень свѣтлую кожу, но не считаясь, все-таки можно видѣть, что это не бѣлый цвѣтъ, а только освѣтлѣвшій желтый; и наоборотъ, у аріійцевъ, очень смуглыхъ, все-таки видно, что цвѣтъ ихъ кожи — не желтый, а потемнѣвшій бѣлый. Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ специалисты. И едва ли будетъ легковѣріемъ считать это правдой. Относительно формы черепа достовѣрно извѣстно, что съ развитіемъ умственной жизни людей какого-нибудь племени лобъ ихъ становится выше: съ этимъ соединено уменьшеніе длины нижней челюсти, такъ что измѣняется профиль,

происходить увеличеніе такъ называемаго лицевого угла. Съ какой степенью быстроты можетъ происходить эта перемѣна и какой величины можетъ достигать она, еще не изслѣдовано опредѣлительнымъ образомъ. Но по личнымъ отрывочнымъ наблюденіямъ извѣстно много случаевъ, что лобъ правнуконъ имѣлъ гораздо болѣе высоты, чѣмъ какой имѣли праѣды. У многихъ племенъ и народовъ замѣчено, что высшее сословіе имѣетъ болѣе развитый лобъ, нежели масса населенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это объясняется разностыю происхожденія. Но встрѣчается много случаевъ, въ которыхъ достовѣрно извѣстна одинаковость происхожденія высшаго и низшаго сословія; тутъ очевидно, что разниа профиля произведена различіемъ матеріальной и умственной жизни.

Бѣлые люди всегда считали свою расу лучше желтой расы и были расположены презирать черную. Люди этихъ расъ думаютъ о себѣ, кажется, очень неодинаково: есть много извѣстій, что монголы считали черты лица своей расы болѣе красивыми, чѣмъ профиль бѣлой расы; но много извѣстій и о томъ, что они признавали людей бѣлой расы болѣе красивыми, чѣмъ своихъ соплеменниковъ. Между неграми нѣкоторые также предпочитаютъ свою расу бѣлой, другіе бѣлую своей. То, что многіе изъ желтыхъ и черныхъ людей находятъ бѣлую расу болѣе красивою, чѣмъ свою, можетъ служить подтвержденіемъ высокаго мнѣнія бѣлыхъ людей о красотѣ своей расы. Но если огромное большинство желтыхъ и черныхъ людей имѣетъ лица некрасивыя на взглядъ бѣлыхъ, то слѣдовало бы разобратъ, на сколько въ этомъ впечатлѣніи участвуютъ обстоятельства постороннія сущности вопроса, какъ на примѣръ то, что матеріальное положеніе желтыхъ и черныхъ людей хуже положенія бѣлыхъ и умственная жизнь ихъ менѣе развита. Могутъ-ли желтые и черные люди при обстоятельствахъ, благоприятствующихъ приобрѣтенію красоты, дѣлаться очень красивыми на взглядъ бѣлыхъ людей?— Мы имѣемъ множество свидѣтельствъ бѣлыхъ путешественниковъ о томъ, что есть племена негритянской расы, имѣющія очень красивыя черты лица; эти племена встрѣчаются вдалѣ отъ моря, гдѣ жизнь менѣе тяжела для негровъ, нежели въ приморскихъ частяхъ Африки. Всѣ бѣлые люди, бывавшіе въ Японіи, говорятъ, что многія японки очень красивы лицомъ. Цвѣтъ кожи, красотѣ лица — не такія особенности, которыя имѣли бы прямую связь съ умомъ и характеромъ. Относительно цвѣта кожи понятно само собой, что онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ дѣятельности головного мозга. Нельзя найти никакихъ фізіологическихъ причинъ, почему бѣлый, или желтый, или черный цвѣтъ кожи могъ бы считаться благоприятнымъ или неблагоприятнымъ для высокаго развитія умственной жизни или результатомъ какого-нибудь ея состоянія. Но у насъ есть сильное влеченіе предполагать хорошія умственные и нравственные качества въ людяхъ, красивыхъ лицомъ; и можно думать, что эта связь до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ: красивыя черты лица результатъ хорошей организаціи всего тѣла; хорошая организація тѣла не можетъ не быть признана основой для хорошей дѣятельности головного мозга. Но хотя эти условія и должны считаться коренными, развитіе нравственной и умственной жизни человека подвергается такимъ сильнымъ постороннимъ вліяніямъ, что результатъ чрезвычайно часто оказывается несоотвѣтствующимъ характеру личной организаціи. Людямъ красивымъ слѣдовало-бы быть умными и добрыми; никто не собиралъ данныхъ о томъ, какова пропорція умныхъ и добрыхъ людей между ними, — болѣе ли велика она между ними, нежели

между некрасивыми людьми (того же общественного положенія); но каждому изъ насъ извѣстно по личному житейскому опыту, что между красивыми людьми встрѣчается очень много недалекихъ по уму и не заслуживающихъ симпатіи по характеру. Люди очень некрасивые лицомъ должны были бы быть гораздо ниже красивыхъ по уму и качествамъ характера. Но каждому изъ насъ извѣстно, что многіе очень некрасивые люди очень добры и умны. Дѣло въ томъ, что наружность человека можетъ пострадать отъ вліяній, которыя не будутъ проникать въ глубину организма; профиль испортится, а головной мозгъ не пострадаетъ; наоборотъ, могутъ быть вліянія, которыя испортятъ головной мозгъ, не испортивъ профиля. Вообще достовѣрныя свѣдѣнія объ умѣ и характерѣ человека мы до сихъ поръ не можемъ приобрѣтать никакими разсужденіями по какимъ-нибудь общимъ основаніямъ. Они приобрѣтаются только изученіемъ поступковъ этого человека.

Это говорено было собственно по вопросу о связи красоты лица съ умственными и нравственными качествами. Иное дѣло придаленность передней части черепа: она конечно прямо показываетъ, что у человека мало развиты переднія части головного мозга. Потому, тѣ негритянскія племена, у которыхъ передняя часть черепа очень придалена, конечно имѣютъ переднія части головного мозга мало развитыми. Но вопросъ вовсе не въ томъ, низко ли нынѣшнее состояніе ихъ умственной жизни, а въ томъ, способны-ли они къ высокой цивилизаціи, можетъ-ли развиться передняя часть головного мозга ихъ, подняться ихъ лобъ. Факты показываютъ, что можетъ.

Пока существовало невольничество въ Соединенныхъ Штатахъ, полемика должна была идти о томъ, способны или неспособны негры быть гражданами благоустроеннаго государства. Теперь споръ объ этомъ сдѣлался излишнимъ. Они получили права гражданъ и пользуются ими точно такъ же, какъ тѣ части блага населенія Соединенныхъ Штатовъ, которыя по несчастнымъ обстоятельствамъ своей исторіи находятся еще на низкой степени развитія. Нѣтъ никакой разницы между тѣмъ, какъ вотируетъ большинство приандцевъ, переселившихся въ Америку уже немолодыми людьми, и большинство негровъ; тѣ и другіе одинаково поддаются проекамъ интригантовъ. Какъ будутъ вотировать негры Соединенныхъ Штатовъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ — мы не знаемъ, но безпристрастные люди говорятъ, что уже теперь, черезъ двадцать лѣтъ по приобрѣтеніи права голоса, они пользуются имъ гораздо разсудительнѣе, чѣмъ вначалѣ.

Впрочемъ вопросъ о неграхъ утратилъ прежнее значеніе по ихъ освобожденію въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ, гдѣ освобождены, они по закону пользуются всѣми или почти всѣми правами свободныхъ гражданъ, и если подвергаются какимъ-нибудь стѣпненіямъ въ общественной жизни отъ обычаевъ, усвоенныхъ бывшими въ рабовладѣльческія времена, то эти стѣпненія замѣтно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ бѣлые теряютъ рабовладѣльческія привычки. Отмѣна невольничества на Кубѣ и въ Бразиліи — дѣло близкаго времени; въ томъ не сомнѣваются сами рабовладѣльцы. — Очень вѣроятно, что черезъ нѣсколько времени возникнутъ въ Африкѣ отношенія, при которыхъ вопросъ о людяхъ негритянской расы получить очень большую важность: бѣлые съ юга и въ особенности съ запада надвигаются на ту часть Африки, которая населена неграми. Этими будущими отношеніями можно и теперь сильно интересоваться, но мы еще не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы предугадывать, какова будетъ участь негровъ въ

Африкѣ при распространеніи владычества или очень сильнаго вліянія бѣлыхъ на ихъ земли.

Въ настоящее время изъ вопросовъ о расахъ наиболѣе важны относящіеся къ желтой расѣ. Она гораздо многочисленнѣе черной, притомъ никто не сомнѣвается въ способности желтыхъ людей имѣть большія благоустроенныя государства съ нынѣшнюю принадлежностью большихъ державъ, многочисленнымъ хорошо дисциплинированнымъ войскомъ. Часто встрѣчаются разсужденія о томъ, не предстоитъ ли европейскимъ государствамъ очень большая опасность отъ Китая, населеніе котораго такъ многочисленно. По пропорціи числа войскъ во Франціи, Германіи, Россіи, Китай можетъ сформировать 15 или 20 милліоновъ войска, и если приобрететъ достаточныя денежныя средства, то можетъ послать на Европу 7 или даже 10 милліоновъ воиновъ. При нынѣшнихъ отношеніяхъ между европейскими государствами нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы они соединились для общей обороны; напротивъ, они стали бы держаться такъ, какъ государства древней Греціи при нашествіяхъ македонянъ. Есть въ Европѣ довольно много людей, предполагающихъ вѣроятность подавленія Европы китайцами. Они страхи фантастичны: когда китайцы усвоятъ себѣ европейскія искусства на столько, чтобы войска ихъ, стали не то, что очень хороши, а хотя бы только не хуже нынѣшнихъ турецкихъ, Китай уже не будетъ однимъ государствомъ. Теперь разныя племена китайскаго народа остаются соединены въ одно государство только потому, что еще не умѣютъ защитить свою самостоятельность отъ иноземнаго ига.

Но не фантастическій, а реальный интересъ имѣетъ вопросъ о желтой расѣ съ иной стороны: способна ли или неспособна приобрести очень высокое умственное и нравственное развитіе раса, къ которой принадлежитъ половина человѣческаго рода? До недавняго времени у европейскихъ ученыхъ владычествовали о желтой расѣ понятія презрительныя. Негры были не люди, а животныя: о расѣ, имѣвшей великихъ мыслителей, сдѣлавшей великія техническія открытія, нельзя было говорить такимъ тономъ, какъ о неграхъ; китайцевъ нельзя было не признавать людьми. Но они были люди низшей породы. Умственная и нравственная организація ихъ имѣла черты существенно отличныя отъ качествъ, составляющихъ истинное человѣческое достоинство бѣлой расы. Въ тѣ времена предполагалось, что фантазія—собственно человѣческое качество: животныя тогда не имѣли фантазіи. Теперь имѣютъ; мы знаемъ, что она—одна изъ необходимыхъ функций мышленія, и что каждое существо, имѣющее какія-нибудь представленія, необходимо имѣетъ въ числѣ ихъ и нѣкоторыя представленія, соотвѣтствующія не дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ, а комбинаціямъ ихъ, то есть представленія, принадлежащія области воображенія. Но въ тѣ времена не хотѣли знать этого; ученые на одной страницѣ трактата писали о собакахъ и кошкахъ, видящихъ сны, а на слѣдующей преспокойно толковали, что животныя не имѣютъ воображенія, впрочемъ, въ тѣ времена животныя не имѣли способности мыслить. О китайцахъ нельзя было сказать, что они лишены способности мыслить, но воображеніе у нихъ было чрезвычайно слабо. Они были способны только заботиться о матеріальныхъ выгодахъ, въ этомъ и состояло все ихъ мышленіе. Когда думаешь исключительно о своихъ житейскихъ дѣлахъ, то, разумѣется, для фантазіи тутъ очень мало простора. Вотъ именно въ такомъ состояніи находились китайцы: по свойству своей расы, думать только о житейскихъ дѣлахъ, они не имѣли надобности въ воображеніи, и природа не сдѣ-

лала имъ никакого огорченія, лишивъ ихъ этой высшей человѣческой способности. Правда, результаты такой скупости природы относительно надѣленія китайцевъ человѣческими качествами были очень важны въ матеріальномъ отношеніи; лишенные фантазіи китайцы, разумѣется, не могли создавать никакихъ идеаловъ, тѣмъ менѣе могли стремиться къ ихъ осуществленію; лишенные идеаловъ, они не могли представить себѣ ничего лучше той обстановки, въ какой жили, ничего лучше обычаевъ, какихъ держались; изъ этого происходилъ роковой законъ ихъ жизни: неподвижность. Китайская исторія вполне подтверждала это: если европеецъ писалъ хоть десять строкъ, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ китайской исторіи, то въ этихъ десяти строкахъ непремѣнно находилось мѣсто для замѣчанія, что китайцы живутъ теперь точно такъ же, какъ жили за 2000 лѣтъ до нашей эры, что съ той поры ни произошло никакой перемѣны въ китайскихъ обычаяхъ, никакого измѣненія въ китайскихъ понятіяхъ о вещахъ. Вообще очень странные люди были китайцы.

Это, впрочемъ, и было натурально, потому что желтая раса имѣла свое особое происхожденіе, различное отъ бѣлой. Люди, имѣющіе совершенно различное происхожденіе, разумѣется, должны были быть существенно различны между собой.

Но теперь—увы!—намъ, бѣлымъ, никакъ нельзя оставаться при мысли, что бѣлая и желтая расы—двѣ группы существъ разнаго происхожденія. Китайцы произошли отъ тѣхъ же самыхъ предковъ, какъ и мы. —Они не особенная порода людей, а люди одной съ нами породы; потому они должны подлежать тѣмъ же законамъ жизни и мышленія, какъ и мы, должны, между прочимъ, имѣть и фантазію. Говоря серьезно, трудно представить себѣ при нынѣшнемъ состояніи антропологии возможность тѣхъ странныхъ мнѣній о китайцахъ, которыя еще недавно казались большинству ученыхъ разсудительными. При внимательномъ наблюденіи невозможно не видѣть, что желтые люди думаютъ и чувствуютъ совершенно то же, что бѣлые люди на подобной имъ степени развитія. Тѣ особенности, какія мы замѣчаемъ въ китайцахъ—не особенности китайцевъ, а общія качества людей даннаго историческаго состоянія и общественнаго положенія. Говорятъ, напримѣръ, что китайцы очень трудолюбивы и довольствуются очень малымъ. Это общія свойства людей, предки которыхъ съ давняго времени вели осѣдлую жизнь, жили своимъ трудомъ, а не грабежомъ, жили въ угнетеніи, жили бѣдно. Тѣ части каждаго изъ европейскихъ народовъ, которыя подходятъ подъ эти условія, точно такъ же трудолюбивы, какъ китайцы, точно такъ же довольствуются скуднымъ вознагражденіемъ. Точно то же оказывается и относительно другихъ, такъ называемыхъ, особенностей, китайца; это —не особенности китайца, а общія качества всѣхъ людей, всѣхъ расъ, въ томъ числѣ и бѣлыхъ людей соответствующаго положенія.

Остается сказать въ частности объ одной изъ многихъ китайскихъ особенностей, о такъ называемой неподвижности китайскаго быта и китайскихъ понятій. Китайская исторія имѣетъ тѣ же самыя черты, какъ исторія всякаго народа при такихъ же обстоятельствахъ. Теперь извѣстно, что жизнь каждаго цивилизованнаго народа подвергалась при нѣкоторыхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ упадку; самымъ обыкновеннымъ изъ этихъ понижующихъ цивилизацію фактовъ было опустошеніе страны нашествіемъ иноземцевъ. Въ крайней своей степени это бѣдствіе получало устойчивый характеръ подѣ формой иноземнаго владычества. Въ исторіи западной Европы такими бѣдствіями, были напримѣръ, нашествіе гунновъ, потомъ

набѣги венгровъ, наконецъ, нашествія турокъ. Развернемъ какой случится трактатъ объ исторіи западной Европы; въ каждомъ мы найдемъ одно и то же совершенно справедливое замѣчаніе, что эти бѣдствія надолго роняли благосостояніе и культуру народовъ, подвергавшихся имъ. Для ясности сравнимъ китайскую исторію съ англійской. Англія не подвергалась иноземному завоеванію со второй половины XI вѣка. Населеніе Англіи имѣло время отдохнуть, оправиться и, поднявшись до прежняго уровня благосостоянія и культуры, сдѣлать новые успѣхи. Разверните исторію Китая и сосчитайте, сколько разъ въ это время подвергался онъ завоеванію варварами. Китайская исторія не неподвижность, а рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ нашествій и завоеваній варваровъ. Послѣ каждого упадка китайцы оправлялись, успѣвали иногда подняться до прежняго уровня, иногда и выше его, но снова падали подъ ударами варваровъ. Почему варварамъ удавалось одолевать народъ цивилизованный и болѣе многочисленный, чѣмъ они, вопросъ требующій особаго разъясненія, но онъ относится не къ одной китайской исторіи: бывали покоряемы сравнительно малочисленными варварскими племенами и другіе цивилизованные народы; бывало это и въ западной Азіи, и въ Европѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди желтой расы имѣютъ какія нибудь природныя различія отъ людей бѣлой расы въ своей умственной и нравственной организаціи, потому что всякому наружному различію должно соотвѣтствовать какое нибудь различіе и въ устройствѣ головного мозга; но связь этихъ различій, или маловажныхъ, или измѣнчивыхъ остается еще не изслѣдованной и потому ставить ее принципомъ объясненія какихъ нибудь опредѣленныхъ фактовъ умственной или нравственной жизни значитъ придавать важность мелочамъ и говорить на удачу пустяки безъ всякаго научнаго основанія. Чтобы видѣть, какъ шатки объясненія подобнаго рода, сдѣлаемъ обзоръ родства тѣхъ млекопитающихъ, которыя особенно хорошо знакомы всѣмъ намъ.

Лошадь довольно послушная служительница человѣка; осель, близкій родственникъ ея, тоже служить намъ; но есть нѣсколько видовъ млекопитающихъ еще болѣе близкихъ лошади, чѣмъ осель, и однако же оказывающихся непокорными человѣку. — Изъ близкихъ родныхъ быка нѣкоторые болѣе или менѣе подчинились человѣку, какъ на примѣръ буйволъ и якъ, но американскій бизонъ до сихъ поръ остается неукротеннымъ. — Мы сдѣлали домашнимъ животнымъ кошку, собака давно стала вѣрнѣйшимъ другомъ человѣка; гепардъ, напоминающій своимъ видомъ отчасти кошку, отчасти собаку, тоже служить человѣку. Но волкъ, гораздо болѣе близкій родной собакѣ, чѣмъ гепардъ, остается неукротенъ. Словомъ, какое бы изъ млекопитающихъ, сдѣлавшихся нашими слугами, ни взяли мы, у него есть очень близкіе родственники, не захотѣвшіе служить намъ или оказавшіеся по своему характеру непригодными для нашей службы. А рядъ тѣхъ немногихъ млекопитающихъ, которыя служатъ намъ, состоятъ изъ представителей семействъ очень далекихъ одно отъ другого по своей организаціи: собака и кошка принадлежать къ двумъ разнымъ семействамъ отдѣла хищныхъ животныхъ; лошадь и осель къ отдѣлу однокопытныхъ, быкъ, овца и коза къ разнымъ семействамъ отдѣла жвачныхъ, слонъ и свинья къ разнымъ семействамъ отдѣла толстокожихъ.

До какой степени еще остается неуволима для насъ связь между умственными силами млекопитающаго существа и наружностью его, мы увидимъ, прише-

мнивъ, какія млекопитающія (кромѣ обезьянъ) считаются самыми умными. Это слонъ, лошадь и собака. Есть множество животныхъ, занимающихъ въ зоологической классификаціи очень близкія къ нимъ мѣста и однако же не заслужившихъ репутацію особенно умныхъ. Одно изъ двухъ: или мы несправедливы къ этимъ животнымъ, которыхъ не считаемъ особенно умными, или классификація по наружнымъ признакамъ не даетъ достаточныхъ средствъ судить объ умственныхъ способностяхъ. Во многихъ случаяхъ вѣроятно мы несправедливы; такъ напримѣръ, оселъ по всей вѣроятности заслуживалъ бы считаться животнымъ очень умнымъ. Но во многихъ случаяхъ небольшія наружныя разницы вѣроятно въ самомъ дѣлѣ соответвѣствуютъ очень большимъ различіямъ въ умственныхъ способностяхъ и, наоборотъ, очень большія разницы наружности не производятъ большой разницы въ умственныхъ силахъ.

При такомъ положеніи нашихъ знаній о связи между наружными признаками и умственными силами, научная осторожность не допускаетъ ставить различіе между бѣлой и желтой расами принципомъ объясненія какихъ бы то ни было фактовъ ихъ исторіи. До сихъ поръ еще остается сильна старая привычка объяснять историческія разницы расовыми; но это методъ объясненій устарѣлый и дающій два очень дурные результата: во первыхъ, объясненіе, основанное на немъ, обыкновенно бываетъ само по себѣ ошибочно; во вторыхъ, успокоиваясь на этомъ фальшивомъ, мы забываемъ искать истиннаго объясненія.

Во многихъ случаяхъ истина была бы ясна сама собою, если бы не была закрыта отъ насъ фантастическимъ объясненіемъ факта посредствомъ расовыхъ отличій. Такъ, напримѣръ, мнимая неподвижность быта и понятій китайцевъ была бы безъ всякаго труда понята нами въ истинномъ ея видѣ, какъ рядъ паденій цивилизаціи подъ гнетомъ варваровъ, если бы наше вниманіе не было отвлечено отъ этихъ фактовъ произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше извѣстнаго уровня цивилизаціи.

Остановимся пока на этомъ.

2.

О классификаціи людей по языку ¹⁾.

Сображенія объ условіяхъ, необходимыхъ для возникновенія расовыхъ отличій, приводятъ къ заключенію, что каждая раса когда-нибудь составляла одну цѣльную группу людей, живущихъ вмѣстѣ. Но у всѣхъ расъ, имѣющихъ важное историческое значеніе, этотъ періодъ общей жизни относится къ временамъ доисторическимъ. Въ историческія времена дѣйствующими группами являются уже не расы въ цѣльномъ своемъ составѣ, а части расъ, или, точнѣе сказать, части частей расъ. Напримѣръ, въ Индію пошла не вся бѣлая раса, а только часть одного изъ большихъ отдѣловъ ея, арійскаго семейства, жившаго тогда уже особо отъ другого большого отдѣла ея, семитическаго семейства; изъ Пенджаба въ бассейнъ Ганга пошла не вся эта часть, а только часть ея. Потому для историческихъ

¹⁾ Веберъ, т. VIII.

ислѣдованій и разсказовъ нужна классификація людей болѣе подробная, чѣмъ та, какая дается распредѣленіемъ ихъ по расамъ.

Классификація людей по расамъ основывается на нѣкоторыхъ изъ ихъ различій по наружности. Если къ характеристикѣ расы мы будемъ прибавлять опредѣленія видоизмѣненій этихъ основныхъ признаковъ или другія различія по наружности, то получимъ характеристики отдѣловъ расы; продолжая идти этимъ путемъ подразличеній, мы будемъ получать подраздѣленія болѣе и болѣе подробныя. Эти физическіе типы будутъ по нисходящему порядку подразличенія болѣе или менѣе соотвѣтствовать группамъ людей, называемымъ семействами народовъ, народами, племенами народа, отдѣлами племени народа; но лишь болѣе или менѣе, а не вполне; и степень соотвѣтствія будетъ въ очень многихъ случаяхъ — вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ — неудовлетворительна для историческихъ надобностей. Напримѣръ, одинъ изъ частныхъ физическихъ типовъ бѣлой расы будетъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовать той группѣ людей, которая называется арійскимъ семействомъ; но грузины, черкесы — народы того же типа, а между тѣмъ они не принадлежатъ къ арійскому семейству; и наоборотъ: въ составѣ народовъ арійскаго семейства находится очень много людей разныхъ неарійскихъ физическихъ типовъ. Одно изъ частныхъ видоизмѣненій арійскаго типа до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ той группѣ людей, которая называется древнимъ греческимъ народомъ; но мы положительно знаемъ, что между древними греками было очень много людей не этого типа; и наоборотъ: въ составѣ нѣкоторыхъ народовъ, называвшихся у грековъ варварами, иноплемениками, безъ сомнѣнія находилось много людей того физическаго типа, который мы называемъ древнимъ греческимъ. Персы вводили въ плѣнь множество грековъ и гречанокъ; потомки тѣхъ греческихъ плѣнныхъ, которые жили не сплошными массами, а маленькими группами между персовъ или подвластныхъ персамъ народовъ, безъ сомнѣнія усвоивали себѣ національность массы, среди которой жили; у многихъ изъ этихъ людей, утратившихъ греческую національность, безъ сомнѣнія сохранялся греческій физическій типъ. Карфагеняне, южноитальянскіе туземцы, этруски, галлы, иллирійцы, фракійцы, сикны тоже вводили въ плѣнь много грековъ и гречанокъ. Кромѣ этихъ невольныхъ переселеній въ страны варваровъ, бывали и добровольныя. — (О нымѣнныхъ европейскихъ народахъ и американскихъ народахъ европейскаго происхожденія давно признано всѣми специалистами, что они — смѣсь людей разныхъ физическихъ типовъ. Изучая составъ тѣхъ нымѣнныхъ западно-европейскихъ націй, которыя наиболѣе многочисленны и съ очень давняго времени имѣютъ особенно важное историческое значеніе — испанской, итальянской, французской, англійской и нѣмецкой націй — мы видимъ, что каждая изъ нихъ — соединеніе людей нѣсколькихъ очень различныхъ физическихъ типовъ, что каждый изъ этихъ типовъ принадлежитъ лишь меньшинству людей, составляющихъ націю, и что въ составѣ другихъ націй находится очень много людей того же типа. Перепутанность эта такъ велика въ пяти главныхъ націяхъ западной Европы, что если говорить съ научной точностью, то о каждой изъ нихъ должно сказать: нельзя составить такую характеристику наружныхъ особенностей, подъ которую подходило бы большинство людей этой націи и которая съ тѣмъ вмѣстѣ оставалась бы относящейся собственно къ этой націи, какъ ея отличіе отъ другихъ націй, а не была бы характеристикой группы людей гораздо болѣе обширной, чѣмъ эта нація. Правда, есть

характеристики физического типа каждой из великих западно-европейских наций, уже давно находящаяся в общем употреблении; но каждая из них составлена произволом фантазии; главный ингредиент их—смесь самохвальства нации с злоречием других наций, бывших враждебными или завидовавшими ей; к этому курьезному сочетанию клеветы с самохвалством присоединены ученые недосмотры и недоразумения. Для примера возьмем общеупотребительные характеристики национального немецкого типа и национального английского; в них обих самой важной, самой существенной особенностью наружности выставляется светлый цвет волос: немец, это человек с русыми волосами; немцы с темными волосами—люди не национального немецкого типа; они составляют лишь меньшинство немецкой нации; англичанин—человек с волосами еще более светлыми, чем немец; он у него так светлы, что цвет их на голове—средний между русым и рыжим, а бакенбарды, усы и борода у него вовсе рыжие; люди не с такими волосами—люди не национального английского типа, и составляют лишь меньшинство английской нации.—А на самом деле, у большинства немцев—темные волосы, и у большинства англичан—тоже темные, не только на голове, но и в бакенбардах, усах, бороде. Как же попали светлые волосы в характеристику национальных типов немецкого и английского?—Итальянцы и французы любили ругать немцев, смеяться над ними: взяли предметом насмешки светлые волосы многих немцев, и сделали этот цвет волос меньшинства принадлежностью огромного большинства немцев: русые люди—пухлые, золотушные, неуклюжие, и ум у них неповоротливый; они дураки. Но немцы не оставались в долгу: французы и итальянцы люди легкомысленные, неостоянные, влюбленные: это потому, что темперамент у них холерический; а у людей с холерическим темпераментом, вообще, черные волосы: мы, немцы, не таковы: мы люди разсудительные, даем обещание обдумав, с твердым решением соблюдать его; потому мы люди добросовестные: а когда мы так солидно умом и так благородны душой, то и темперамент у нас не такой, как у легкомысленных, влюбленных французов и итальянцев, он у нас спокойный и вместе энергический, и волосы у нас не такие: у них—черные, а у нас светлые.—Совершенно тем же способом попали в английский национальный тип светлые волосы из перебранок между французами и англичанами. В обоих случаях, к одинаковому выводу из чужой брани и своего самохвальства присоединились ученые подтверждения, имевшие такую же степень научной оповательности: Цезарь и Тацит говорят, что германцы—русые люди: как же нынешним немцам не быть русыми людьми?—Ангlosаксы были люди с очень светлыми волосами: как же не быть людям с очень светлыми волосами нынешним англичанам?—Что сказать на это?—Если разберем факты, то увидим, что отзывы Цезаря, Тацита о германцах и слова хроник об ангlosаксах не дают прочного основания для разсуждений о физических качествах нынешних немцев и англичан: но без всяких ученых споров совершенно достаточно будет ограничиться ответом: каковы бы ни были волосы у германцев, вообще, и у ангlosаксов в частности, русые ли, зеленые ли, розовые ли, все-таки у большинства нынешних немцев и англичан они темные. Общеупотребительные характеристики физического типа испанской, итальянской, французской, английской и немецкой наций не пригодны ни к чему, кроме брани и

самохвальства, и примѣненіе этого житейскаго взора къ исторіи даетъ въ результатѣ историческій вздоръ. Но можно замѣнить фальшивыя характеристики правдивыми?—Можно, только это будутъ ужъ не характеристики національных типовъ. Вникнемъ въ дѣло. Начнемъ съ англійской націи. Ее составляютъ люди нѣсколькихъ очень различныхъ типовъ; къ каждому принадлежитъ лишь меньшинство; чтобы составить характеристику, охватывающую физическія особенности большинства англичанъ, понадобится соединить характеристики разныхъ типовъ; чтобы подвести ихъ подъ одно опредѣленіе, понадобится употреблять выраженія широкаго, неопредѣленнаго; на примѣръ, о волосахъ придется выразиться такъ: «цвѣтъ волосъ видоизмѣняется отъ темнаго каштановаго, близкаго къ черному, до очень свѣтлаго, близкаго къ блѣлокурному»; люди съ черными, блѣлокурыми, рыжими волосами все вмѣстѣ составляютъ лишь меньшинство англійской націи, потому и можно оставить волосы этихъ цвѣтовъ внѣ границъ опредѣленія англійскаго типа; но попробуемъ поставить границу съ которой нибудь стороны менѣе далеко отъ другого предѣла, исключимъ или темнокаштановые волосы или свѣтлорусые,—въ нашихъ границахъ останется лишь меньшинство англичанъ. Потому нельзя сдѣлать опредѣленія, менѣе широкаго, чѣмъ «волоса всякихъ оттѣнковъ отъ темнаго каштановаго до свѣтлорусаго». То же самое будетъ и со всеми другими признаками: каждый будетъ опредѣленъ очень широкимъ выраженіемъ. Только при такомъ качествѣ выраженій характеристика англійскаго типа дѣйствительно будетъ охватывать большинство людей англійской національности. Но подъ такую характеристику не хуже, чѣмъ большинство англичанъ, подойдетъ большинство голландцевъ, датчанъ, норвежцевъ, шведовъ, нѣкоторыхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ, литовцевъ, сѣверной половины славянъ. Что-жъ такое это будетъ—характеристика-ль національнаго англійскаго типа?—Нѣтъ, характеристика арійскаго населенія сѣверной Европы.—Точно также нельзя составить характеристику испанскаго типа, подъ которую, вмѣстѣ съ большинствомъ испанцевъ, не подошло бы большинство португальцевъ, соединяемыхъ съ Испаніей французовъ, нѣкоторыхъ южныхъ нѣмецкихъ племенъ, итальянцевъ, альбанцевъ, нынѣшнихъ грековъ, южныхъ славянъ, и что это будетъ?—Не характеристика національнаго испанскаго типа, а характеристика арійскаго населенія южной Европы. Большинство итальянцевъ тоже не можетъ быть охвачено характеристикой менѣе широкой чѣмъ эта, охватывающая все разноплеменное арійское населеніе южной Европы. Изъ пяти націй остаются двѣ, французская и нѣмецкая. Въ каждой изъ нихъ соединены люди сѣверно-европейскаго и южно-европейскаго типовъ; потому всякая попытка дать характеристику національнаго французскаго или нѣмецкаго типа даетъ въ результатѣ характеристику всего арійскаго населенія Европы, за исключеніемъ развѣ, Андалузій, Сициліи на югѣ, Скандинавіи и кусочка Нидерландовъ на сѣверѣ.

Это примѣняется ко всемъ большимъ народамъ бѣлой расы, не только новымъ, но и древнимъ. Вавилоняне, ассиріяне, персы, греки, римляне тоже состояли изъ людей разныхъ физическихъ типовъ. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не можетъ быть характеризованъ по физическимъ признакамъ такими чертами, которыя не были бы гораздо шире его народности. Классификація по физическимъ признакамъ даетъ вмѣсто народовъ болѣе широкія группы людей, лишенныя національнаго единства, состоящія изъ людей разныхъ народностей и притомъ народностей такихъ

чуждыхъ одна другой по исторической своей жизни, какъ англичане и литовцы, испанцы и альбанцы. А въ исторіи національныя группы имѣютъ громадную важность; потому ей необходима классификація людей по другому основанію распределенія, дающему группы, болѣе соответствующія національнымъ группамъ.

Такое основаніе для классификаціи людей представляетъ языкъ.

Далеко не всегда люди, составляющіе историческую группу, соединены между собой общностью языка. Мы имѣемъ въ исторіи много примѣровъ тому, что одна нація силой налагала свою власть на людей другихъ народностей и насильственно удерживала ихъ въ составѣ своего государства. Таковы были, напримѣръ, персидское государство и, во времена своей обширности, римское государство. Но бывають и случаи добровольнаго соединенія людей разныхъ національностей въ одну историческую группу. Обыкновенно приводятъ въ примѣръ этого Швейцарію. Есть много и другихъ случаевъ сходнаго рода. Напримѣръ, населеніе той части Уэльза, гдѣ еще владычествуетъ одно изъ нарѣчій кельтскаго языка, желаетъ оставаться принадлежащимъ къ составу англійскаго государства: точно также бретонцы, продолжающіе говорить на своемъ нарѣчій кельтскаго языка, желаютъ оставаться принадлежащими къ составу французскаго государства: французскіе баски—тоже. И наоборотъ: есть примѣры, что часть націй не хочетъ составлять одно государство съ другими людьми своей національности. Издавна приводятъ Швейцарію въ примѣръ и этого случая: швейцарскіе итальянцы не желаютъ присоединиться къ итальянскому государству, швейцарскіе французы не желаютъ присоединиться къ французскому государству, нѣмецкіе къ нѣмецкому. Но ужь довольно съ давняго времени выдвинулся на первый планъ исторіи другой такой фактъ, гораздо большаго размѣра: англичане и сѣвероамериканцы не желаютъ составлять одно государство.

Такъ, часто исторія народовъ опредѣляется силами, болѣе могущественными, чѣмъ чувства національнаго единства и чувство національнаго различія. Но даже и въ такихъ случаяхъ эти чувства сохраняютъ большое вліяніе на жизнь людей. Само собою разумѣется, что при насильственномъ подчиненіи одного народа другому, они, вообще говоря, враждебны между собой. Но и при добровольномъ соединеніи въ одно государство, люди разныхъ національностей вообще группируются въ разные общественныя и политическіе отдѣлы по народностямъ. Не говоря о Швейцаріи, гдѣ каждая изъ трехъ національностей занимаетъ особую часть страны, мы видимъ это въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ, гдѣ индейцы живутъ перемѣшанно съ людьми сѣвероамериканской національности и между собою. Ирландцы въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ составляютъ одно нѣмецкое, хотя живутъ разбросанно; нѣмцы тоже. И тѣ и другіе съ любовью держатся людей своего народа въ американскихъ городахъ, пока не утратятъ своей національности, и продолжаютъ любить свою европейскую отчизну, пока сохраняютъ память, что они ирландцы или нѣмцы. Сѣвероамериканцы и англичане до сихъ поръ охотники говорить одни о другихъ дурно, временами желаютъ вреда одни другимъ; а раньше, непріязненныя чувства между ними были гораздо сильнѣе; долго спустя послѣ признанія независимости Соединенныхъ Штатовъ Англіей, когда ужь слѣдовало бы забыть вражду, они стали воевать между собою безъ всякаго солиднаго повода, просто по охотѣ ссориться, которая довела ихъ до войны; а передъ этимъ, и послѣ этого не разъ грозили одни другимъ войною. Вы подумаете: «два народа, чуждые одинъ

другому»; и сами они охотники говорить это. Но всмотритесь ближе: надъ чувствомъ непрязни, остающимся въ англичанахъ отъ злобы на отпаденіе сѣвероамериканцевъ отъ Англіи, въ сѣвероамериканцахъ отъ злобы на предшествовавшія притѣсненія и на жестокое веденіе войны для подавленія ихъ независимости, владычествуетъ взаимная любовь; оба народа чувствуютъ себя составляющими въ сущности одинъ народъ; пусть что хотятъ говорить англичане о сѣвероамериканцахъ, сѣвероамериканцы объ англичанахъ во времена ссоръ, — тѣ и другіе остаются братьями другъ другу: ихъ раздоры не то, что ссоры между чужими, это семейныя ссоры братьевъ, живущихъ разными домами; временами, они сердятся другъ на друга, но и во время ссоры остаются милѣе другъ другу, чѣмъ два разные народа, находящіеся въ союзѣ между собой.

Чѣмъ въ сущности опредѣляется принадлежность человѣка къ той группѣ, къ которой добровольно принадлежитъ онъ?—Его чувствомъ: «Эти люди—мои люди», и чувствомъ каждаго изъ нихъ о немъ: «онъ—нашъ человѣкъ». Самое прочное основаніе этого чувства—одинаковость языка: «мои люди—люди говорящіе моимъ языкомъ»;—«человѣкъ, говорящій нашимъ языкомъ—нашъ человѣкъ».

Въ этомъ причина важности, какую имѣетъ для исторіи классификація людей по языку; группы, даваемые ею, не всегда близко совпадаютъ съ историческими группами, но въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ ними очень близко; и когда не совпадаютъ близко, всетаки соответствуютъ очень сильной связи между людьми, хотя бъ и вовсе различныхъ, хотя бы временами и враждебныхъ между собою историческихъ группъ. Люди одной національности—люди считающіе другъ друга родными и потому дѣйствительно родные: родство опредѣляется чувствомъ родства. Родные между собою люди—это тѣ люди, которые сознаютъ себя родными.

Въ существенныхъ своихъ чертахъ классификація языковъ остается до сихъ поръ та, которая была установлена Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, братомъ Александра, менѣе знаменитымъ, чѣмъ этотъ натуралистъ и полигисторъ, но тоже однимъ изъ людей очень обширной учености. Главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій Вильгельмъ Гумбольдтъ выбралъ языки. Онъ изучилъ огромное количество ихъ и сдѣлалъ открытія, бывшія въ его время изумительными. Напримѣръ, онъ нашелъ, что языкъ древнихъ иберійцевъ, отъ котораго не дошло до насъ почти ничего кромѣ собственныхъ именъ, искаженныхъ передающими ихъ греческими и римскими писателями, и который поэтому оставался совершенно загадочнымъ для филологовъ, былъ тотъ самый, которымъ теперь говорятъ баски; и при помощи баскаго языка объяснилъ множество древнихъ испанскихъ собственныхъ именъ. Теперь этотъ способъ изслѣдованія старыхъ языковъ, отъ которыхъ дошло до насъ мало остатковъ, сдѣлался общеупотребительнымъ: но въ то время (нѣсколькими годами раньше появленія первой попытки Шамполиона изучить древній египетскій языкъ помощью коптскаго) методъ, приложенный Вильгельмомъ Гумбольдтомъ къ иберійскому языку, былъ очень новъ, и была нужна большая проныцательность ума, чтобы пользоваться имъ правильно. Вообще слѣдуетъ считать Вильгельма Гумбольдта человѣкомъ не только громадныхъ знаній, но и очень

сильнаго ума. Должно однако же не забывать, что онъ хотя много занимался философiей и науками наиболѣе близкими къ ней, не имѣлъ силъ выработать самостоятельный образъ мыслей по тѣмъ очень широкимъ вопросамъ, изслѣдованiемъ которыхъ спеціально занимаются мыслители, называемые философами; онъ подчинился влiянію господствовавшаго тогда въ Германіи метафизическаго направленiя философiи. Наиболѣе сильные изъ нѣмецкихъ философовъ того времени основали каждый свою особую систему, но сходились въ томъ, что стремились объяснить всѣ факты дѣйствiемъ мысли. Въ примѣненiи къ языку это давало тотъ выводъ, что языкъ вполне выражаетъ собою все содержаніе мыслей человѣка, всѣ отбѣнки его понятiй о вещахъ, объ отношенiяхъ между предметами и о перемѣнахъ въ нихъ. Мышленіе считалось тогда основной силой, производящей человѣческой организмъ, такъ что понятiе о человѣкѣ было почти отождествляемо съ понятiями о его мышленiи. Все это было перенесено Вильгельмомъ Гумбольдтомъ изъ господствовавшихъ тогда нѣмецкихъ философскихъ системъ въ его ученіе о языкѣ. Результатъ выходилъ приблизительно такой: языкъ человѣка и его умственная жизнь—одно и тоже. Что находится въ умственной жизни человѣка, все выражается его языкомъ; чего нѣтъ въ его языкѣ, того нѣтъ въ его умственной жизни. Человѣкъ въ сущности мыслящая сила; организмъ человѣка лишь проявленіе его мышленiя; потому вся звуковая дѣятельность органовъ человѣческой рѣчи тождественна съ его мышленiемъ; и если мы будемъ говорить объ отдѣльномъ человѣкѣ, то должны сказать, что его индивидуальность и его языкъ совершенно совпадаютъ. То же самое и о народѣ. Человѣкъ родится ужъ индивидуальнымъ существомъ; вся слѣдующая жизнь его—проявленіе той индивидуальности, съ какой онъ родился, потому человѣкъ уже родится способнымъ мыслить только посредствомъ того языка, который тождественъ съ его индивидуальностью; индивидуальность человѣка продуктъ индивидуальностей его родителей, ихъ индивидуальности продукты индивидуальностей ихъ родителей и т. д. Такимъ образомъ языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, вполне обусловленъ его происхожденiемъ: онъ можетъ мыслить только на языкѣ своихъ родителей, никакой другой языкъ не можетъ сдѣлаться выраженiемъ его умственной дѣятельности, и если онъ по какому нибудь случаю выросъ между людьми другого языка и не умѣетъ говорить на языкѣ своихъ родителей, говорить только на языкѣ чужихъ ему людей, среди которыхъ выросъ, то языкъ, которымъ говоритъ онъ, будетъ по своей сущности всетаки тождественъ съ языкомъ его родителей, эта сущность будетъ только проявляться другими звуками; но разумѣется проявленіе, не соответствующее сущности проявляющагося въ немъ, будетъ проявленiемъ очень неудовлетворительнымъ. Человѣкъ не можетъ хорошо говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ языка своихъ родителей. То же самое должно сказать и о народѣ. Когда какое нибудь племя мало по малу забываетъ свой языкъ, принимая языкъ другого племени, сущность чужого языка, которымъ со временемъ замѣнится прежній языкъ, будетъ та же самая, какую имѣлъ прежній языкъ, а тотъ языкъ, которымъ говоритъ оно, навсегда останется чужимъ ему языкомъ, на которомъ оно не можетъ удовлетворительно выразить свои понятiя и которымъ оно вѣчно будетъ владѣть очень плохо.

Поясимъ дѣло примѣромъ. Дорійскій городъ Галикарнассъ привлекалъ множество людей изъ сосѣднихъ іонійскихъ городовъ; іонійскіе переселенцы составили наконецъ большинство населенiя Галикарнасса; въ этомъ городѣ стало

преобладать іонійское нарѣчіе, и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ жители Галикарнасса стали говорить имъ; потомки дорійцевъ забыли дорійское нарѣчіе, стали по языку іонійцами. Одинъ изъ гражданъ Галикарнасса, богатый человекъ знатнаго рода, Геродотъ, много путешествовалъ, собиралъ историческія и всякія другія свѣдѣнія и написалъ сочиненіе, за которое называютъ его отцомъ исторіи. По языку это сочиненіе признавалось греками и въ новой Европѣ всегда признавалось всѣми филологами за образцовое по чистотѣ іонійскаго (новоіонійскаго, въ противоположность гомеровскому) нарѣчія. Возможно-ли это? Очевидно нѣтъ. Геродотъ былъ человекъ очень знатнаго рода. Знатные роды въ Галикарнассѣ были дорійскіе. Итакъ, Геродотъ былъ доріецъ; сущность языка Геродота дорійская; на іонійскомъ нарѣчіи писалъ онъ плохо. Всѣ греки и всѣ филологи ошибались, находя, что онъ писалъ по-іонійски хорошо. Или можно доказать, что обѣ бабушки и оба дѣда Геродота были іонійскаго племени? Вотъ было бы счастье! Тогда можно было бы возвратитъ Геродоту умѣніе писать на іонійскомъ нарѣчіи. Такова наивность теоріи Вильгельма Гумбольдта. Смѣяться ли надъ нимъ? Это было бы несправедливо; онъ только раздѣлялъ увлеченіе тогдашняго образованнаго нѣмецкаго общества фантастическими мудрствованіями Канта, Фихте, Шеллинга. Лично онъ не подлежитъ порицанію. Но теперь, когда и у самихъ нѣмцевъ прошло увлеченіе метафизическимъ фантазерствомъ, въ которое впасть Кантъ отъ избытка заботъ опровергнуть метафизику, можно было бы лингвистамъ ужъ не повторять разсужденія Вильгельма Гумбольдта о тождествѣ умственной жизни человека и звуковъ его рѣчи: а это дѣлается до сихъ поръ большинствомъ специалистовъ по языкознанію, когда они, подымаясь надъ своей спеціальной работой, пускаются въ философствованія о характерѣ человѣческаго языка вообще, и объ умственныхъ и нравственныхъ особенностяхъ людей, склоняющихся существительныя по падежамъ, отъ людей, замѣняющихъ надежи предлогами. Классификація языковъ, установленная Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, значительно измѣнена изслѣдованіями специалистовъ, продолжавшихъ его дѣло. Но главныя черты его системы языковъ остаются до сихъ поръ общепринятыми и по всей вѣроятности должны быть признаны основательными. Вильгельмъ Гумбольдтъ дѣлитъ языки на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ два или три обыкновенно отбрасываются теперь, какъ не имѣющіе существенной разницы отъ того или другого изъ трехъ наиболѣе важныхъ. Эти три сохраняютъ свое значеніе. Названія ихъ таковы:

Изолирующіе языки.

Агглютинирующіе языки.

Флектирующіе языки.

Изложимъ общепринятые понятія о характерѣ каждаго изъ этихъ разрядовъ и объ отношеніяхъ между ними.

Во всѣхъ европейскихъ языкахъ глаголы измѣняются по формамъ спряженія, существительныя если не по падежамъ, то хоть для образованія множественнаго числа; есть и другія измѣненія словъ. Эти такъ называемыя грамматическія формы служатъ для обозначенія отношеній между словами. Но не всѣ языки имѣютъ такое устройство. Въ нѣкоторыхъ нѣтъ никакихъ перемѣнъ словъ во грамматическимъ формамъ. Въ нихъ связь между словами остается безъ обо-

значенія звуками, когда ясна безъ него; а когда было бы затруднительно угадать ее безъ обозначенія звуками, она обозначается особыми словами соотвѣтствующими нашимъ мѣстоименіямъ, вспомогательнымъ глаголамъ, нарѣчіямъ времени и мѣста, предлогамъ, союзамъ. Такіе языки называются изолирующими «обособляющими» (имѣющими лишь обособленныя слова, не связываемыя между собою измѣненіями формъ). Къ этому разряду принадлежатъ нѣкоторые языки юго-восточной Азіи. Важнѣйшій изъ нихъ—китайскій.

Измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ производятся въ нашихъ, арійскихъ, языкахъ двумя способами: основная группа звуковъ слова, проходя по грамматическимъ формамъ, или остается неизмѣнною, только принимая разныя приставки, или видоизмѣняется и сама.

По первому способу спрягается въ нашихъ языкахъ огромное большинство глаголовъ, склоняется по падежамъ или переходитъ въ форму множественнаго числа огромное большинство существительныхъ. Таково, напримѣръ, спряженіе глаголовъ:

латинск.	desiderare	—	desider—are
французск.	désirer	—	désir—er
англійск.	wish	—	wish
нѣмецк.	wünschen	—	wünsch—en
русск.	желать	—	жела—ть

Основные группы звуковъ

desider— désir— wish— wünsch— жела—

проходятъ черезъ все спряженіе, не подвергаясь перемѣнѣ; перемѣняются лишь приставки.

Языки, въ которыхъ измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ производятся только этимъ способомъ, въ которыхъ корень слова не подвергается никакимъ перемѣнамъ, кромѣ немногихъ и незначительныхъ, требуемыхъ удобствомъ выговора, называются агглютинирующими, «приклепывающими» приставки къ основной части слова. Къ этому разряду принадлежитъ огромное большинство языковъ: всѣ туземные американскіе; всѣ извѣстныя намъ туземные африканскіе; малайскіе (въ Полинезіи и въ Азіи), дравидскіе (въ Остѣ-Индіи); монголо-тюркскіе; финскіе; грузинскій, черкесскій, баскскій.

Въ нашихъ, арійскихъ, языкахъ, есть, кромѣ этого агглютинирующаго, другой способъ измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ. Беремъ глаголы:

латин.	velle	хотѣть.
франц.	vouloir	
англ.	will	
нѣмецк.	wollen	

Будемъ спрягать:

Латинск. неопредѣл. velle изъявит. наст. единств. 1 л. volo 2 vis 3 vult.—

Этого достаточно: мы ужъ имѣемъ въ 4 формамъ 4 разные вида основной группы звуковъ.

vel—le, vol—o, vi—s, vul—t.

Французск. неопредѣл. vouloir. Изъявит. наст. единств. 1 л. veux. Будущее единств. 1 л. voudrai. Этого довольно; мы имѣемъ ужь 3 видоизмѣненія основной группы звуковъ:

voul—oir, veu—x, vou—drai.

Англійскій неопред. will. Наст. единств. 1 лицо will; прошед. единств. 1 л. would (произносится wood); мы имѣемъ 2 видоизмѣненія основной группы звуковъ:

will, woul—d (произносится woo—d).

Нѣмецк. неопредѣл. wollen. Изъяв. наст. единств. 1 л. will; мы имѣемъ 2 видоизмѣненія основной группы:

woll—en, will ¹⁾).

Языки въ которыхъ употребляется этотъ способъ измѣненія словъ по грамматическимъ формамъ, называются флектирующими, видоизмѣняющими основную часть слова, проводимаго черезъ формы грамматическихъ измѣненій. Къ флектирующему разряду причисляются два семейства языковъ: наше (арійское) и семитическое.

Итакъ наши языки принадлежатъ къ флектирующему разряду. Изъ этого по принципу «мы лучше всѣхъ» само собою слѣдуетъ, что люди, говорящіе флектирующими языками, умѣе всѣхъ другихъ, а изъ этого не менѣе ясно слѣдуетъ, что флектирующие языки лучше всѣхъ другихъ. Агглютинирующие языки ближе къ флектирующимъ по своему устройству, чѣмъ изолирующіе; изъ этого ясно, что имъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе надъ изолирующими. Такимъ образомъ получается безъ малѣйшаго затрудненія слѣдующая разсортровка языковъ и умственныхъ способностей народовъ по порядку восхожденія отъ плохого къ лучшему.

Изолирующіе языки даны природой тому отдѣлу человѣческаго рода, который скупо снабдила она умомъ. У этого отдѣла людей умъ очень, очень плохъ. Они вовсе не способны понимать связь между предметами или между предметомъ и его качествами, или связь въ ходѣ фактовъ. Какъ же возможно было бъ имъ понимать что-нибудь такое? Мышленіе и языкъ, это одно и то же. Все содержаніе мысли высказывается звуками словъ, которыми человѣкъ выражаетъ ее; чего нѣтъ въ его словахъ, того нѣтъ въ его мысли. Рѣчь людей говорящихъ изолирующими языками, —бесвязный рядъ словъ. И понятія, высказываемыя ею, безсвязно проходятъ одно за другимъ въ умѣ высказывающаго ихъ, какъ безсвязно слѣдуетъ слово за словомъ въ его рѣчи. Его слова собственно потому и безсвязны, что нѣтъ связи между понятіями въ его умѣ. Глупы, до удивительности глупы народы, говорящіе изолирующими языками.

Агглютинирующие языки несравненно выше изолирующихъ: слова въ нихъ связаны приставками. Но приставки не срослись въ неразрывное цѣлое съ основ-

¹⁾ Русскій глаголь этого корня «велѣть» имѣетъ агглютинирующее спряженіе; есть другой агглютинирующий глаголь того же корня, вѣрнѣе сохранившій основное значеніе своего корня «из вод—ить»: есть существительное «вол—я»; сравнивая эти слова, мы получаемъ двѣ русскія формы корня: «вель—» и «воль—».

ными частями словъ; слово агглютинирующаго языка дѣлится отчетливо обрисовывающимися чертами на тѣ части, изъ которыхъ склеено. Народы, говорящіе этими языками, получили отъ природы гораздо больше ума, чѣмъ народы, говорящіе изолирующими языками. Но приставки лишь слабо соединены съ основными частями словъ; изъ этого слѣдуетъ, что и связь между понятіями слаба въ мысляхъ народовъ, говорящихъ агглютинирующими языками. Эти народы не вовсе глухы, но слабы умомъ.

Только во флектирующихъ языкахъ связь между словами неразрывна, потому что грамматическая форма, связывающая слово съ другими словами, срослась въ неразрывное единство съ основной частью его; по технической терминологіи, перенесенной въ лингвистику изъ системъ нѣмецкой трансцендентальной философіи конца прошлаго вѣка и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго, это называется гармоническимъ сліяніемъ формы съ содержаніемъ; содержаніе—то понятіе, которое обозначается основной частью слова; форма—грамматическое видоизмѣненіе этой основной части. Только народы, говорящіе флектирующими языками, способны мыслить хорошо; только они надѣлены сильнымъ умомъ.

Рѣчь на изолирующемъ языкѣ—бесвязная груда камней, рѣчь на агглютинирующемъ языкѣ—стѣна, сложенная изъ кирпичей, соединенныхъ известью, всѣ связи—особые отъ кирпичей слон; и кирпичъ легко отдѣляется отъ кирпича. Рѣчь на флектирующемъ языкѣ—нѣчто совсѣмъ иное; она органическое цѣлое, это ужъ не мертвая масса кусковъ мертваго матеріала, а зеленѣющее, цвѣтущее, дающее плоды дерево.

Это безпрепятственное шествіе торжествующаго мышленія флектирующихъ ученыхъ отъ произвольныхъ предположеній путемъ силлогизмовъ къ желаемому выводу напоминаетъ средневѣковую схоластику, съ которой и дѣйствительно имѣетъ очень близкое родство нѣмецкая трансцендентальная философія, давшая основные аргументы для изложенной нами теоріи отношеній между тремя разрядами языковъ: языками глухыхъ народовъ, не совсѣмъ глухыхъ, но и не умныхъ народовъ, и народовъ очень умныхъ: за истины, не подлежащія сомнѣнію, приняты фантастическія мысли о тождествѣ языка съ мышленіемъ, и вышли нелѣпые выводы: говорящій человѣкъ не можетъ оставлять безъ обозначенія звуками тѣ части своей мысли, которая легко разгадывать по высказываемымъ частямъ; слушающій человѣкъ не можетъ угадать по высказанному ничего невысказаннаго: «мысль—языкъ; чего нѣтъ въ звукахъ языка, того нѣтъ въ мысли говорящаго, и не можетъ явиться въ мысли слушающаго»,—эта основа всей аргументаціи вымысла, несообразный съ фактами.

Мыслятъ ли глухонѣмые отъ рожденія, которыхъ не учили разгадывать слова по движеніямъ губъ? И тѣ глухонѣмые отъ рожденія, которые научены разгадывать слова по движеніямъ губъ, даже произносить слова,—слышать ли они звуки словъ, разгадываемыхъ ими по движеніямъ губъ и произносимыхъ ими?

Впрочемъ, теперь едва ли кто-нибудь изъ людей, пишущихъ о языкѣ, не знаетъ, что человѣкъ мыслить представленіями, что когда онъ мыслить посредствомъ словъ, онъ дѣлаетъ это по удобству замѣнять многосложное простымъ, но что подъ каждымъ словомъ, которое онъ мыслить, является въ его мышленіи представленіе, и слово лишь свидѣтельствуетъ ему, что являющееся ему представленіе ужъ было подробно разсматриваемо имъ много разъ, и что теперь нѣтъ надобности

тратить время на новое разсматриваніе этого представленія, можно смѣло и быстро пользоваться имъ, какъ ужъ хорошо знакомымъ; вѣроятно, каждому пишущему о языкѣ извѣстно теперь и то, что словами охватывается не все содержаніе представленій, а лишь доля его, и во многихъ случаяхъ эта доля—хотя и существенная—доля очень маленькая; что есть много представленій, содержаніе которыхъ не можетъ быть все исчерпано какимъ бы то ни было количествомъ словъ; таковы, напримѣръ, наши представленія о людяхъ, хорошо знакомыхъ намъ; или, другой примѣръ: можетъ ли быть вполне передано словами во всей своей подробности изображеніе фигуры, образуемой на картѣ линіею береговъ Пиренейскаго полуострова, нарисованнаго величиной только съ ладонь, не говоря объ изображеніи въ размѣрѣ болѣе значительномъ?—Хотя бы написать объ этой линіи десять толстыхъ томовъ, не достанетъ въ нихъ мѣста для отчетливой передачи всѣхъ подробностей ея.

Должно полагать, что эти понятія объ отношеніяхъ языка къ мышленію извѣстны всѣмъ пишущимъ о языкѣ и считаются каждымъ изъ нихъ за безспорныя, и что теорія, основанная на фантазіяхъ, несообразныхъ съ ними, повторяется лишь по недоразумѣнію.

Перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій объ отношеніяхъ между изолирующими, агглютинирующими и флектирующими языками, которые установлены специальнымъ трудами великихъ лингвистовъ, а не заимствованы изъ несообразныхъ съ фактами фантазій трансцендентальной философіи Канта и ближайшихъ продолжателей его метафизическаго построенія воображаемой вселенной, ни мало непохожей ни на что существующее или могущее существовать въ дѣйствительности.

Изолирующіе языки состоятъ изъ словъ, не имѣющихъ никакой грамматической формы; слова этихъ языковъ можно уподобить такимъ группамъ звуковъ, напримѣръ, латинскаго языка, которые получаются черезъ отбрасываніе всѣхъ окончаній.

Въ латинскомъ языкѣ есть глаголь, имѣющій, въ числѣ другихъ формъ своего спряженія, слѣдующія: *lego* (читаю), *legis* (читаешь), *legere* (читать). Сравнимъ эти формы

leg—o
leg—is
leg—ere

отбросимъ звуки, которыми онѣ отличаются одна отъ другой, оставимъ только общую всѣмъ имъ группу звуковъ:

leg—

это слово не будетъ имѣть никакой формы, будетъ слово безформенное.

Но пусть оно будетъ написано послѣ словъ *tu* (ты) и *nunc* (теперь), а за нимъ пусть слѣдуетъ слово *librum* (книгу)

tu nunc leg—librum
(ты теперь чита—книгу)

мудрено ли догадаться, какимъ окончаніемъ должно въ этомъ случаѣ пополнить безформенное слово *leg—*?

Изолирующіе языки ставятъ слова безъ обозначенія связи только въ конструкціяхъ, подобныхъ этой.

Въ латинскомъ языкѣ мысль «ты видишь его» выражается словами *vides eum*. Глаголь *video* въ данномъ случаѣ требуетъ дополненія въ винительномъ падежѣ; слово *eum* поставлено въ винительномъ падежѣ, форма винительнаго падежа крѣпко связываетъ слово *eum* съ словомъ *video*.

Мысль: «приходишь къ нему» выражается на латинскомъ языкѣ словами *venis ad eum*. Глаголь *venio* въ данномъ случаѣ требуетъ, чтобы дополненіе было поставлено съ предлогомъ *ad*; слово *eum* поставлено съ предлогомъ *ad*. Спрашивается: связь между *venio* и *te* посредствомъ предлога *ad* въ выраженіи *venis ad eum* менѣе ли крѣпка, нежели непосредственная связь между *vides* и *eum* въ выраженіи *vides eum*?—Португальцы, испанцы, французы, итальянцы, нѣмцы, голландцы, англичане, датчане, шведы, племена нарѣчій литовскаго языка, славянскія племена, греки, албанцы,—все нынѣшніе европейскіе арійцы давно рѣшили: связь посредствомъ предлоговъ и другихъ вспомогательныхъ словъ не менѣе крѣпка, чѣмъ непосредственная связь, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда грамматическія отношенія между словами не очень просты, она заслуживаетъ предпочтенія передъ непосредственной связью, будучи опредѣленнѣе и яснѣе. То же самое давно рѣшено армянами, персіянами, другими арійцами персидскаго семейства, и индійскими арійцами. Нѣтъ теперь ни одного арійскаго народа, грамматика котораго не свидѣтельствовала бы, что онъ считаетъ связь посредствомъ предлоговъ и другихъ вспомогательныхъ словъ не менѣе крѣпкой и болѣе опредѣлительной, чѣмъ непосредственное связываніе словъ формами, потому отдастъ ей предпочтеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отношенія между словами не очень просты. Это значитъ: все нынѣшніе арійцы строятъ многосложныя выраженія по тому способу, по какому строятся они въ изолирующихъ языкахъ.

Въ агглютинирующихъ языкахъ основная группа звуковъ слова не измѣняется, проходя черезъ грамматическія формы, образуемыя приставками. Мы ужъ видѣли, что въ нашихъ, арійскихъ, языкахъ огромное большинство глаголовъ спрягается по этому способу, огромное большинство существительныхъ склоняется тоже этимъ способомъ.

Сравнимъ для примѣра первые четыре падежа турецкаго склоненія и одного изъ видовъ латинскаго втораго склоненія.

	Турецкое склоненіе.	Латинское 2 склоненіе.
Единств. Именит. падежъ	кюн (день)	<i>vir</i> (мужчина).
Родительн.	кюн—инъ	<i>vir—i</i>
Дательн.	кюн—я	<i>vir—o</i>
Винительн.	кюн—и	<i>vir—um</i>

Именительный падежъ въ обоихъ словахъ остается не имѣющимъ приставки;

изъ трехъ косвенныхъ падежей два въ томъ и другомъ языкѣ формируются приставкой гласнаго звука;

и одинъ изъ трехъ въ томъ и другомъ языкѣ образуется приставкой, состоящей изъ гласнаго звука и согласнаго звука; оба эти согласные звуки принадлежатъ одному фонетическому разряду; въ латинскомъ звукъ *m*, въ турецкомъ по-

совой звукъ, видоизмѣненіе звука н, родственнаго звуку м. Припомнимъ, что въ формахъ греческаго склоненія латинскому звуку м соответствуетъ звукъ н (напр. греческій винительный единственнаго числа 2 склоненія ον латинскому um).

Каковы же дѣйствительныя отношенія аріискихъ языковъ къ изолирующимъ и агглютинирующимъ?

Въ аріискихъ языкахъ есть безформенныя слова: ихъ довольно много даже въ латинскомъ; таковы въ немъ многія нарѣчія времени и мѣста, предлоги, союзы, междометія. Въ новыхъ европейскіихъ аріискихъ языкахъ, такихъ словъ гораздо больше. Приведемъ два примѣра:

латинск. de, франц. de, англ. of (другому тоже безформенному латинск. предлогу ab), нѣмецк. von, русск. отъ.

латинск. et, франц. et, англ. and, нѣмецк. und, русск. и.

Эти слова безформенныя, какъ слова изолирующихъ языковъ.

Во всѣхъ аріискихъ языкахъ есть случаи конструкціи, въ которыхъ связь между словами остается безъ всякаго обозначенія звуками. Такова, само собою разумѣется, конструкція безформенныхъ словъ. Въ латинской фразѣ *venis ad eum* («приходишь къ нему») слово *ad* связываетъ слова *venis* и *eum*; но само оно не имѣетъ обозначенія своей связи съ этими словами; беремъ два ряда латинскихъ словъ

venis ad eum (приходишь къ нему)
ab ad in (отъ къ въ)

Къ первой фразѣ слово *ad* очень крѣпко связано съ каждымъ изъ словъ, между которыми стоитъ; вторая фраза совершенно безсвязный рядъ словъ; слово *ad* совершенно одинаково въ обоихъ рядахъ. Къ безсвязному ряду словъ *ab, ad, in* прибавимъ слова *sunt voces linguae latinae* (суть слова языка латинскаго — «это слова латинскаго языка»), будемъ имѣть фразу:

ab, ad, in sunt voces linguae latinae
(*ab, ad, in*—слова латинскаго языка).

Что такое *ab, ad, in* въ этомъ выраженіи?—Подлежащія. Что такое подлежащее въ языкахъ, имѣющихъ падежи?—именительный падежъ существительнаго. Итакъ, въ выраженіи *ab, ad, in sunt* и проч., предлоги *ab, ad, in* имѣютъ грамматическое значеніе существительныхъ, поставленныхъ въ именительномъ падежѣ. Мы видимъ, что вопросъ о томъ, какое грамматическое значеніе имѣетъ то или другое слово, опредѣляется конструкціею предложенія, а не формой слова даже въ латинскомъ языкѣ, въ которомъ владычество грамматическихъ формъ гораздо шире и тверже, чѣмъ въ новыхъ европейскіихъ языкахъ аріискаго семейства. А когда такъ даже въ латинскомъ языкѣ, то не должно ли называть смѣшными порицанія изолирующимъ языкамъ за то, что въ нихъ грамматическое значеніе словъ опредѣляется конструкціею выраженій?

А что окажется, если мы попробуемъ сосчитать, какова пропорція словъ безъ окончаній формъ въ нѣмецкой или французской живой рѣчи?—На письмѣ французская рѣчь богата словами, имѣющими опредѣленные грамматическія

формы; но этими формами ихъ снабжаетъ условная орѳографія, далекая отъ звуковъ живой рѣчи; французская орѳографія спрягаетъ, напримѣръ, глаголь *aimer* такъ, что неопредѣленное наклоненіе *aime* рѣзко отличается отъ причастія *aimé*, а живая рѣчь не различаетъ этихъ формъ. Но чтобы не входить въ длинные разсужденія, которые были бы нужны для разъясненія правильности счета безформенныхъ словъ въ нѣмецкомъ языкѣ и въ живой французской рѣчи, оставимъ вопросъ о преобладающемъ характерѣ устройства этихъ языковъ, и сдѣлаемъ пробу счета безформенныхъ словъ въ англійскомъ языкѣ. Беремъ для примѣра два первыхъ стиха національной англійской пѣсни и первую строфу сѣверо-американской національной пѣсни.

Англійская національная пѣсня начинается такъ:

Rule, Britannia, the waves,
Britons never shall be slaves¹⁾.

(Слова, принявшія какое нибудь грамматическое окончаніе, подчеркнуты; число ихъ—3; другія 6 словъ не имѣютъ никакой приставки, обозначающей грамматическую форму; они безформенны.

Начало американской пѣсни:

A Yankee boy is trim and tall
And never overfat, sir;
At dance and frolic, hop and ball
As nimble as a rat, sir.
Yankee doodle, guard your coast,
Yankee doodle dandy.
Fear not then, nor threat, nor boast,
Yankee doodle dandy²⁾.

Изъ 42 словъ только одно (*is*, «есть») имѣетъ опредѣленную грамматическую форму; всѣ остальные безформенны.—Такіе случаи не очень часты; но разверните любую англійскую книгу, вы увидите длинные ряды безформенныхъ словъ, перерываемые маленькими группами словъ, имѣющихъ какую нибудь приставку для опредѣленія формы, или только одинокими такими словами.

Англійскій языкъ остается флектирующимъ; но онъ далъ очень широкое владычество опредѣленію отношеній между словами конетрукціей рѣчи и вспомогательными словами; потому для него достаточно очень небольшое число разныхъ грамматическихъ окончаній, и большинство словъ въ рѣчи не имѣетъ надобности

¹⁾ «Владычествуй, Британія, на моряхъ; не будутъ никогда рабами британцы.— Эта пѣсня возникла въ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда угрожало Англій порабоженіе иноземцами, возбуждавшими мятежи, чтобы подъ предлогомъ помощи инсургентамъ наложить ярмо на всю націю, одинаково и на инсургентовъ и на ихъ противниковъ.

²⁾ Янки—стройный, высокій паренъ, не жирный; на весельѣ, въ танцахъ на праздникъ, онъ проворенъ, какъ мышенокъ.

«Янки щеголь-ротозѣй, стереги свой берегъ, и тогда не бойся, и не грози, и не хвались, Янки щеголь-ротозѣй».

Эта пѣсня появилась, когда сѣвероамериканскимъ колоніямъ, еще составлявшимъ часть англійскаго государства, угрожало съ моря нападеніе иноземцевъ, воевавшихъ съ англичанами.

принимать какую нибудь приставку для связи съ другими: связь и безъ того достаточно ясна.

Мы видѣли, что въ изолирующихъ языкахъ есть два способа конструкціи: по одному, безформенныя слова ставятся рядомъ безъ обозначенія связи между ними; по другому, связь обозначается вспомогательными словами; агглютинирующіе языки употребляютъ оба эти способа конструкціи, но имѣютъ кромѣ нихъ третій способъ, состоящій въ томъ, что связь между словами обозначается приставками къ словамъ, грамматическими формами, безъ посредства вспомогательныхъ словъ; всѣ эти три способа употребляютъ и флектирующіе языки: одинаково съ агглютинирующими, они или ставятъ безформенныя слова рядомъ, не обозначая ничѣмъ связь между ними, или обозначаютъ ее вспомогательными словами, или обозначаютъ ее грамматическими формами. Кромѣ этихъ трехъ способовъ конструкціи, флектирующіе языки не имѣютъ никакого другого. Такимъ образомъ, по своему синтаксису они не представляютъ никакой существенной разницы отъ агглютинирующихъ языковъ.

Но въ этимологіи у нихъ есть особенность очень важная. Агглютинаціонный способъ производства формъ, оставляющій основную группу звуковъ слова неизмѣнной, преобладаетъ и въ арійскихъ языкахъ. Но есть въ нихъ другой способъ производства формъ—подвергающій видоизмѣненіямъ основную группу звуковъ. Примѣромъ очень широкаго примѣненія этого способа можетъ служить нѣмецкій корень, имѣющій въ неопредѣленномъ наклоненіи произведеннаго отъ него глагола форму *werf-en*: въ этой формѣ основная часть слова *werf*: приставка, образующая форму—*en*. Проходя по разнымъ формамъ, основная часть мѣняетъ свой гласный звукъ въ такомъ размѣрѣ разнообразія, что принимаетъ поочередно всѣ основныя гласныя нѣмецкаго языка.

(*ich*) *warf* прошедш. изъявит. (я бросилъ).

(*ich*) *werf* настоящ. изъявит. (я бросаю).

wirf 2 единст. изъявит. (брось).

ge-worf-en прошедш. причаст. (брошенъ).

(*der*) *wurf* существительное (бросокъ).

Этотъ способъ производства формъ есть во всѣхъ арійскихъ языкахъ. На основаніи употребленія его въ нихъ и дано имъ названіе флектирующихъ, «видоизмѣняющихъ» корень.

Къ флектирующему разряду принадлежатъ только два семейства языковъ: арійское и семитическое. Разница между ними очень велика и по размѣру и по характеру примѣненія флектирующаго способа.

Въ арійскихъ языкахъ корень имѣетъ коренную гласную: она въ нѣкоторыхъ формахъ производства замѣняется другой; но сравнивая формы корня въ разныхъ языкахъ, мы вообще можемъ опредѣлить, какую гласную должно считать основной.

Притомъ, въ арійскихъ языкахъ преобладаетъ агглютинирующій способъ производства формъ: флектирующій является исключеніемъ даже въ тѣхъ изъ арійскихъ языковъ, которые даютъ ему наиболѣе широкое примѣненіе, какъ на-примѣръ, нѣмецкій.

По флектирующему способу спрягается въ нѣмецкомъ языкѣ лишь съ небольшимъ 20 простыхъ глаголовъ: (и разумѣется, сдѣланные изъ нихъ сложные

съ предлогами); всѣ остальные нѣмецкіе глаголы спрягаются по агглютинирующему способу.

Совсѣмъ не то въ семитическомъ семействѣ языковъ. Въ немъ всѣ корни склоняемыхъ или спрягаемыхъ словъ, всѣ корни существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ—видоизмѣняются по флектирующему способу; очень широкое употребленіе въ немъ имѣетъ и агглютинирующій способъ, но служить лишь второстепеннымъ пополненіемъ къ флектирующему. Корень принимаетъ одну изъ формъ флектированія; къ этой формѣ дѣлаются приставки; каждый корень проходитъ черезъ многія формы флектированія; каждая изъ этихъ формъ имѣетъ опредѣленное грамматическое значеніе. Корень безъ флектированія не только не употребляется, но и не можетъ быть произнесенъ, потому что самъ по себѣ не имѣетъ никакой гласной, состоитъ только изъ согласныхъ. Вообще, онъ состоитъ изъ трехъ согласныхъ; если онъ имѣетъ только двѣ согласныя, это значитъ, по мнѣнію специалистовъ, что одна изъ трехъ буквъ корня слилась съ другой; сравненіемъ формъ и корней находятъ исчезнувшую согласную, возстановляютъ первобытный трехбуквенный корень. Такъ дѣлаютъ они даже съ немногими однобуквенными корнями (не многихъ безформенныхъ словъ); они находятъ обѣ исчезнувшія буквы (и подводятъ безформенное слово подъ одну изъ формъ трехбуквенныхъ корней, находя, что его безформенность лишь кажущаяся, что на самомъ дѣлѣ оно—слитный видъ одной изъ формъ трехбуквеннаго корня).

Это строеніе языка такъ несходно съ нашимъ арійскимъ, что семитическая этимологія производитъ на арійцевъ впечатлѣніе очень странное. Этимологія агглютинирующихъ языковъ кажется намъ съ самаго начала нашего знакомства натуальной, ясной, мы не видимъ въ ней ничего непривычнаго; семитическая этимологія представляется намъ ненатуральной, пока мы не привыкнемъ къ ней. Чтобы дать понятіе о ней, разберемъ производство именъ Ахмедъ, Махмудъ, Мухамедъ. Корень ихъ хмд.

Между этими согласными вставляются гласныя, вторая или третья изъ трехъ согласныхъ удваивается, передъ первой или послѣ послѣдней изъ нихъ ставятся гласныя или группы согласныхъ и гласныхъ, —и получается множество разныхъ формъ корня. Въ числѣ ихъ находятся:

Х	а	М	Д	(хамд; существит. «хвала»).		
Х	а	М	а	Д	а	(хамада; 3 лица мужск. рода единст. прошедш. «онъ хвалилъ»).
а	Х	М	а	Д	(ахмадъ—Ахмедъ; превосходная степень прилагательнаго («прехвальный»)).	
ма	Х	М	у	Д	(махмудъ; причастіе «хвалимый»).	
му	Х	а	ММ	а	Д	(мухаммад—мухаммедъ; другое причастіе; («восхваленный»)).

Звуки, а, ма, му, предшествующіе звуку Х, не предлоги, какъ мы могли бы подумать по нашей арійской этимологіи; это лишь части формъ словъ, какъ тѣ гласные звуки, которые вставлены между согласными корня.

Существительныя, прилагательныя, причастія, полученные этимъ способомъ, склоняются по падежамъ единственнаго числа агглютинирующимъ способомъ; множе-

ственное число производится отъ нѣкоторыхъ формъ единственнаго тоже агглютинирующимъ способомъ; но отъ другихъ—флектирующимъ, и въ такихъ случаяхъ множественное вовсе не похоже формой на единственное.

Основные формы глагола въ изъявительномъ наклоненіи спрягаются по лицамъ, родамъ и числамъ агглютинирующимъ способомъ.

Напримѣръ:

Существ. именит. единств. Хамду (хвала).

родительн. Хамда (хвалы).

Глаголъ прошедш. ед. 3 лица муж. рода хамада (онъ хвалилъ)
женск. рода хамада (она хвалила ¹⁾).

Наши арійскіе языки принадлежать къ одному разряду съ семитическими, потому что подобно имъ употребляютъ флектирующій способъ образованія формъ, чуждый агглютинирующимъ языкамъ. Но онъ получилъ въ семитическихъ языкахъ такое развитіе, что разница между ними и нашими языками несравненно рѣзче и шире, нежели между нашими и агглютинирующими. Такъ одинъ братъ можетъ менѣе походить на другого брата, чѣмъ на дальняго родственника.

Прежде полагали, что языки не переходятъ изъ одного разряда въ другой, что напримѣръ, агглютинирующій языкъ съ самаго своего возникновенія былъ агглютинирующимъ и никогда не можетъ стать флектирующимъ.

Теперь доказано, что всѣ агглютинирующіе языки были нѣкогда изолирующими, агглютинація—лишь результатъ постепеннаго подведенія вспомогательнаго слова подъ одно удареніе съ главнымъ словомъ и сокращенія вспомогательнаго слова подъ вліяніемъ того, что при подведеніи его подъ одно удареніе съ главнымъ словомъ, оно начинаетъ произноситься болѣе слабымъ голосомъ и нѣкоторые изъ его звуковъ исчезаютъ.

Исторія семитическихъ языковъ еще не разъяснена настолько, чтобы видно было, какимъ путемъ развились въ нихъ тотъ характеръ производства формъ, который господствуетъ теперь; въ древнѣйшихъ памятникахъ *этихъ* языковъ они уже имѣютъ такой же характеръ, какъ нынѣ. Всѣ они очень близки между собою; разница между ними едва ли болѣе велика, чѣмъ между нѣмецкимъ и голландскимъ, или датскимъ и шведскимъ.

Наши, арійскіе языки, раздѣлены теперь на нѣсколько группъ, каждая изъ которыхъ уже далека отъ другихъ. Но нѣкогда всѣ эти группы были только нарѣчьями одного языка. Мы не имѣемъ памятниковъ первобытнаго арійскаго языка. Но по сравненію корней и формъ произошедшихъ отъ него языковъ мы видимъ, что нѣкогда онъ былъ изолирующимъ, мало по малу сталъ агглютинирующимъ, и что возникновеніе флектирующаго способа производства формъ въ немъ—явленіе періода, сравнительно уже очень поздняго.

Въ новыхъ арійскихъ языкахъ этотъ способъ постепенно утрачиваетъ свое значеніе: глаголы флектирующаго спряженія или замѣняются глаголами агглютинирующаго спряженія, или сами переходятъ въ это спряженіе; агглютинація, всегда

¹⁾ Разница формы 3 лица женск. рода отъ 3 лица муж. рода будетъ яснѣе, если мы скажемъ, что въ концѣ женской формы стоитъ буква, означающая легкое придыханіе, что звукъ а сливаясь съ этимъ придыханіемъ становится глубокъ и протяженъ. Латинскимъ алфавитомъ это можно написать такъ: chamada, chamadāh.

сохранявшая въ арійскихъ языкахъ преобладаніе надъ флектированіемъ, начинаетъ вытѣснять его. Въмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается пропорція словъ, являющихся въ конструкціи рѣчи безформенными: въ этомъ направленіи ужь очень далеко пошли два изъ главныхъ нынѣшнихъ языковъ арійскаго семейства, французскій, въ живой рѣчи, отбросившей множество изъ тѣхъ формъ, которыя еще удерживаются на бумагѣ правописаніемъ; и англійскій, не только въ живой рѣчи, но и на письмѣ.

Когда было установлено распредѣленіе языковъ на изолирующіе, агглютинирующіе и флектирующіе, лингвисты восхищались флектированіемъ корней въ арійскихъ языкахъ. Многие и до сихъ поръ говорятъ объ этой особенности ихъ съ восторгомъ. Хорошо или нѣтъ флектирующій способъ образованія грамматическихъ формъ самъ по себѣ, объ этомъ можно думать какъ кому нравится. Это будетъ вопросъ, подобный тому, блондины или брюнеты красивѣй; когда объ ихъ красотѣ разсуждаютъ дѣвицы, разговоръ бываетъ очень занимателенъ для ведущихъ его дѣвицъ и можетъ, какъ гимнастика юныхъ умовъ, заслуживать одобреніе людей солидныхъ лѣтъ, если сами дѣвицы помнятъ, что вопросъ, разрѣшаемый ими, нѣсколько глуповатъ. Но никто изъ постороннихъ людей не могъ бы одобрить этихъ дѣвицъ, еслибъ онѣ вздумали восхищаться, напримѣръ, какъ брюнетомъ, человѣкомъ, у котораго между русыхъ волосъ растутъ клокъ темно-каштановыхъ. Дѣвицы едва ли когда впадаютъ въ такія ошибки сужденій. Но почтенные люди, которые превозносятъ арійскіе языки за флектированіе корней, восхищаются тѣмъ, что арійская этимологія представляетъ нѣчто подобное волосамъ того человѣка, у котораго на фонѣ одного цвѣта выросъ клокъ другого цвѣта.

Въ семитическихъ языкахъ всѣ корни флектируются, и всѣ флектируются по одному и тому же порядку флектированія. Всякое арабское слово, имѣющее форму хамдъ, то есть, по арабской схематикѣ форму

1 а 2 3

— существительное имя; всякое слово, имѣющее форму махмудъ, то есть по арабской схематикѣ форму

ма 1 2 у 3

— причастіе страдательнаго залога: такимъ образомъ никакой путаницы не происходитъ. То ли въ арійскихъ языкахъ? Беремъ для примѣра нѣмецкій. Въ немъ находится, какъ мы говорили, около 200 флектирующихъ глаголовъ. Имѣютъ ли они какую нибудь опредѣленную гласную для образованія неопредѣленнаго наклоненія? Просматривайте ихъ списокъ, вы увидите, что ихъ корни въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія представляютъ всѣ пять чистыхъ, всѣ три смягченныхъ гласныхъ звуковъ нѣмецкаго языка и всѣ двугласныя, какія есть въ немъ; напримѣръ:

A	back—en
Ae	gähren
E	geb—en
I	bind—en
O	komm—en

Oe	könn—en
U	ruf—en
Ue	müss—en
Au	hau—en

и т. д. достаточно и этого.

Понятно, что путаница формъ была бы велика, еслибы и каждый классъ этихъ глаголовъ флектировался по одному опредѣленному порядку; но нѣтъ и этого ограниченія путаницы: въ каждомъ классѣ соединены глаголы, флектирующіеся по разнымъ порядкамъ. Въ нѣмецкомъ спряженіи три основныя формы: неопредѣленное наклоненіе, 1 лицо единств. числа прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, и прошедшее причастіе. Беремъ для примѣра тотъ классъ флектирующихъ глаголовъ, которые имѣютъ въ неопредѣленномъ наклоненіи букву е. Ихъ насчитывается около пятидесяти. Посмотримъ, какія формы имѣютъ въ нихъ прошедшее и причастіе.

Неопредѣленное наклон.	Прошедшее время.	Прошедшее причастіе
berg—en	barg	ge—borg—en
fecht—en	focht	ge—focht—en
fress—en	frass	ge—fresse—en

Итакъ, вотъ три разные пути флектированія глаголовъ, имѣющихъ въ неопредѣленномъ гласную е. Кромѣ глаголовъ, расходящихся по этимъ тремъ путямъ, есть въ томъ же разрядѣ нѣсколько глаголовъ, у которыхъ флектирующія формы перепутаны съ агглютинирующими, какъ напримѣръ:

brenn—en brann—te ge—brannt

и къ довершенію восторга ученыхъ, восхищающихся флектированіемъ корней въ аріійскихъ языкахъ, тотъ же разрядъ представляетъ такіа диковинки:

denk—en dach—te ge—dacht
 geh—en ging ge—gang—en
 steh—en stand ge—stand—en.

Припомнимъ, что кромѣ флектирующихъ глаголовъ находится въ нѣмецкомъ языкѣ множество глаголовъ, имѣющихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи видъ совершенно сходный съ флектирующими, но спрягающихся исключительно агглютинирующимъ способомъ; прибавимъ, что есть множество всяческихъ другихъ словъ—существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчій, даже предлоговъ и союзовъ, имѣющихъ совершенно такой же видъ, какъ та или другая форма флектирующихъ глаголовъ, и мы получимъ приблизительное представленіе о путаницѣ, какую производятъ въ нѣмецкомъ языкѣ флектирующіе глаголы и производныя отъ нихъ всяческими несообразными одна съ другой постановками гласныхъ флектированныя существительныя. Но всякое представленіе объ этой безтолочи, не разъясненное попытками разобрать ее, будетъ слишкомъ слабо срав-

нительно съ тѣмъ, что мы увидимъ, когда возьмемъ нѣмецкую книгу и начнемъ разбирать по клѣткамъ формъ читаемыя нами въ ней слова. Мы получимъ результаты, способные повергнуть впечатлительнаго человѣка въ отчаяніе. Напримѣръ, каждая изъ простыхъ формъ спряженія раздробится по нѣсколькимъ десяткамъ клѣтокъ, и въ однѣхъ клѣткахъ съ прошедшими или настоящими временами, или повелительными, или неопредѣленными наклоненіями лягутъ именительные и всякіе другіе падежи существительныхъ, сказуемыя формы прилагательныхъ и пр. и пр. Это нѣчто гораздо худшее, нежели совершенная безформенность словъ изолирующихъ языковъ: это нельзя назвать иначе, какъ этимологическимъ хаосомъ. Почти то же самое въ англійскомъ языкѣ, въ которомъ почти столько же флектирующихъ глаголовъ, какъ въ нѣмецкомъ. Перешедши къ французскому языку, увидимъ то же самое, но если можно такъ выразиться, въ удвоенной степени хаотичности: кромѣ той путаницы, которую производятъ собственно французскія формы флектированія, второй комплектъ безтолочи влагается въ этотъ хаосъ уцѣлѣвшими клочками флектированія не по французскому способу, а по латинскому.

Не слѣдуетъ придавать чрезмѣрной важности элементу безтолковщины, вносимому флектированіемъ въ устройство нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ. Не въ томъ главное дѣло, каковы формы языка, а въ томъ, каково уметственное состояніе народа, говорящаго языкомъ. Есть прландское преданіе, что жилъ на свѣтѣ такой сильный герой, который убивалъ медвѣдя соломинной ¹⁾. На самомъ дѣлѣ такихъ исполиновъ не бываетъ: но дѣйствительно человѣкъ сильный можетъ производить большую массу тяжелой работы орудіями, которыми не сдвинуть съ мѣста ничего тяжелаго слабые люди, и хорошій мастеръ можетъ выдѣлывать изящныя вещи орудіями очень грубыми. Если бы языки передовыхъ народовъ были послѣдовательнѣе въ дѣлѣ образованія грамматическихъ формъ, эти языки были бы болѣе удобными орудіями правильной рѣчи. Такъ: но и при нынѣшнемъ состояніи своихъ языковъ, очень неудовлетворительномъ съ этимологической точки зрѣнія передовые народы говорятъ и пишутъ очень хорошо.

Кто не хочетъ изобрѣтать или повторять вздора о характерѣ языковъ, долженъ ограничивать свои сужденія объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ высказываніемъ справедливой мысли, что гибокъ, богатъ и при всѣхъ своихъ несовершенствахъ прекрасенъ языкъ каждаго народа, уметственная жизнь котораго достигла высокаго развитія.

Классификація языковъ на первой своей ступени подразличенія, распредѣляющей ихъ на три разряда по грамматическому строенію, имѣетъ только техническое специальное значеніе. Для исторіи народовъ эта группировка не представляетъ никакой дѣйствительной важности, и мы говорили о ней такъ много только потому, что наше арійское самохвальство сдѣлало ее подкладкой для пустыхъ панегириковъ необыкновенному уму нашего арійскаго семейства и для клеветы въ униженіи народовъ, говорящихъ нефлектирующими языками.

Разряды языковъ мало совпадаютъ съ дѣленіемъ людей по расамъ: изолирующими языками говорить только часть желтой расы; къ народамъ, говоря-

¹⁾ Въмѣсто стрѣлы онъ клалъ на тетиву соломинку. Лукъ былъ такъ крѣпокъ, что соломинка летѣла съ силой убивавшей медвѣдя.

щимъ агглютинирующими языками, принадлежитъ часть желтой расы, краснокожая и малайская расы (если считать ихъ не видоизмѣненіями желтой, а коренными расами), черная раса (насколько извѣстны ея языки) и нѣкоторые отдѣлы бѣлой расы. Впрочемъ эти отдѣлы бѣлой расы не многолюдны, и огромное большинство ея говоритъ флектирующими языками. Слѣдующую степень подраздѣленія людей по языку образуетъ классификація ихъ по семействамъ языковъ, соединяющая въ одну группу тѣ языки, въ которыхъ корни словъ одинаковы. Эти группы ужь имѣютъ довольно низкое соотвѣтствіе съ исторической жизнью.

Изъ двухъ семействъ народовъ, говорящихъ флектирующими языками, одно, семитическое, вѣроятно должно признать еще составляющимъ такую группу людей, всѣ члены которой могутъ узнавать по языку, что они болѣе родственны между собою, чѣмъ съ другими людьми бѣлой расы.

Для народовъ арійскаго семейства это время давно прошло. Не только бенгалецъ и французъ, но даже нѣмецъ и французъ или славянинъ не могутъ замѣтить никакого родства между своими языками, если не знаютъ о немъ изъ ученыхъ изслѣдованій; это было такъ ужь и въ древнѣйшую изъ эпохъ, отъ которыхъ дошли до насъ письменныя памятники арійскихъ языковъ европейской отрасли: римляне не замѣчали родства кельтскаго и германскаго языковъ съ латинскимъ. Греки не видѣли родства иллірійскаго языка съ греческимъ. Исключеніемъ кажется было отношеніе между италійскими нарѣчіями и греческимъ языкомъ: у грековъ и италійцевъ возникло много разсказовъ о переселеніи грековъ въ тѣ части Италіи, въ которыхъ народъ говоритъ италійскими нарѣчіями, и эти нарѣчія считались видоизмѣненіями эолійскаго діалекта, сильно испортившагося въ Италіи отъ вліянія прежнихъ туземныхъ языковъ, которые впоследствии вытѣснилъ онъ. Но разсужденія греческихъ и латинскихъ писателей о родствѣ италійскихъ нарѣчій съ греческимъ языкомъ имѣютъ очень сбивчивый характеръ.

Ограничиваясь отношеніями между арійскими языками, мы видимъ на слѣдующей ступени подраздѣленія уже группы народовъ, въ каждой изъ которыхъ люди замѣчаютъ по языку свое родство и могутъ легко научиться понимать другъ друга. Таковы въ Европѣ романская, нѣмецкая и славянская группы языковъ. Неаполитанецъ и сѣверный французъ не понимаютъ другъ друга, но замѣчаютъ, что ихъ языки болѣе родственны между собою, чѣмъ съ нѣмецкимъ или какимъ нибудь изъ славянскихъ. Если мы предположимъ, что, поселившись въ Германіи неаполитанецъ привыкнетъ хорошо понимать нѣмцевъ и самъ хотя неправильно, но легко говорить по-нѣмецки въ продолженіе года, то мы должны предположить, что ему достаточно будетъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, чтобы въ такой же степени усвоить себѣ французскій языкъ, если онъ поселится въ сѣверной Франціи. Съ провансальскимъ нарѣчіемъ французскаго языка онъ свыкнется еще скорѣе. Съ довольно давняго времени у нѣкоторой части образованнаго общества каждаго изъ романскихъ, нѣмецкихъ (кроме англійскаго) и славянскихъ народовъ существуютъ смутныя мысли, что онъ и другіе народы его частной группы европейскихъ языковъ должны дѣйствовать какъ одно народное цѣлое. Будучи возведены въ теорію, эти мысли получаютъ названіе панроманизма, пангерманизма, панславизма. Если наша работа пойдетъ какъ должно, то въ одномъ изъ отдѣловъ ея мы разсмотримъ, какое отношеніе къ потребностямъ и дѣйствительнымъ стремленіямъ народовъ имѣютъ эти теоріи.

На слѣдующей ступени подразличенія мы видимъ уже тѣ группы людей, которыя называются народами. Обыкновенная группировка народовъ романскаго и германскаго отдѣловъ арійскаго населенія Европы такова:

РОМАНСКАЯ ГРУППА.

Португалцы, испанцы. Сѣверо-западная галисійская часть испанцевъ гораздо ближе по языку къ португальцамъ, нежели къ другимъ частямъ испанскаго народа; но историческая связь влущаетъ этому отдѣлу населенія испанскаго государства мысль, что онъ часть испанскаго народа, а португалцы — народъ чужой ему. Литература у галисійцевъ общая съ другими испанцами.

Французы. Сѣверо-восточная (каталонская) часть испанскаго народа ближе по языку къ соседнимъ французамъ, чѣмъ къ другимъ испанцамъ. Но историческая связь и тутъ производитъ такое же дѣйствіе, какъ въ сѣверо-западномъ углу испанскаго государства. Литература у каталонцевъ тоже общая съ другими испанцами.

Итальянцы. Сицильяны съ трудомъ понимаютъ жителей средней Италіи и едва ли могутъ хорошо понимать піэмонтцевъ раньше, чѣмъ проживутъ съ ними недѣли двѣ. Но литературное единство дѣлаетъ сицильянцевъ и піэмонтцевъ одинаково горячими приверженцами государственнаго единства всей Италіи. Общихъ историческихъ воспоминаній они имѣютъ очень мало: со времени паденія Римской имперіи до недавняго объединенія Италіи, исторія Сициліи шла совершенно особе отъ исторіи Піэмонты, Ломбардіи, Венеціи, даже Тосканы. Съ ходомъ дѣла въ Римѣ исторія Сициліи имѣла связь, но лишь временами. Собственно говоря, въ тѣсной исторической связи Сицилія постоянно была только съ южной Италіей.

Ладины, живущіе въ Граубюденѣ, говорятъ языкомъ, близкимъ къ итальянскому, но не считаютъ себя итальянцами.

Румыны (точнѣе: *романы*). Въ румынскомъ языкѣ очень велика примѣсь славянскихъ словъ; но онъ не меньше испанскаго или французскаго имѣетъ право быть причисляемъ къ романскимъ языкамъ, какъ и причисляютъ его сами румыны.

ГЕРМАНСКАЯ ГРУППА.

Нѣмцы. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ соседнихъ съ нѣмцами народовъ стали очень горячо говорить о томъ, что населеніе нѣкоторыхъ областей сѣверной Германіи не понимаетъ языка нѣкоторыхъ областей южной Германіи. Разница между этими частями нѣмецкаго народа по языку никакъ не больше, чѣмъ между норманцами и провансалами, или тосканцами и сицильйцами. Мекленбургцы и шварцвальдскіе ливабы считаютъ себя однимъ народомъ, хотятъ принадлежать къ составу одного государства, имѣютъ одну литературу; этого достаточно для того, чтобы признавать ихъ дѣйствительно людьми одного народа.

У тѣхъ же соседнихъ съ нѣмцами народовъ идутъ горячія разсужденія и о томъ, что люди, составляющіе большинство нѣмецкаго населенія сѣверо-восточной Германіи, не нѣмцы по происхожденію, а только онѣмеченные славяне. Кто такіе

эти люди по своему происхожденію, славяне или абиссинцы, или сіамцы, все равно: теперь они такіе же чистые нѣмцы, какъ швабы.

Голландцы. По своему языку голландцы гораздо ближе къ сосѣднимъ нѣмцамъ, нежели эти нѣмцы къ швабамъ. Голландскій языкъ съ филологической точки зрѣнія лишь одно изъ нарѣчій ниже-нѣмецкаго языка. Но у голландцевъ своя особая литература, родство которой съ нѣмецкой никакъ не больше, чѣмъ съ французской; голландцы считаютъ себя особымъ народомъ, хотя остаются государствомъ особымъ отъ Германіи. Потому въ историческомъ и во всякомъ другомъ реальномъ смыслѣ они народъ отдѣльный отъ нѣмцевъ.

Англичане. Съ филологической точки зрѣнія англійскій языкъ тоже только одно изъ нарѣчій ниже-нѣмецкаго языка, принявшее въ свой словарь громадную массу словъ норманскаго нарѣчія французскаго языка, но сохранившее ниже-нѣмецкій характеръ въ своемъ грамматическомъ строѣ. Должно однако же прибавить, что фонетика англо-саксонскаго нарѣчія очень сильно измѣнилась при переходѣ его въ нынѣшній англійскій языкъ, и потому этотъ языкъ точно также не понятенъ нѣмцамъ, какъ французскій или итальянскій. Его близкое родство съ нѣмецкимъ имѣетъ значеніе только для людей занимающихся лингвистикой; въ дѣйствительной жизни оно утратило всякое значеніе.

Въ Ирландіи считается очень мало людей, говорящихъ по-ирландски; это лишь старики и старухи нѣкоторыхъ особенно глухихъ мѣстностей. Черезъ двадцать лѣтъ не останется въ Ирландіи людей, знающихъ ирландскій языкъ, кромѣ специалистовъ, которые изучаютъ его по книгамъ. Газеты ирландской національной партіи пишутся чистымъ англійскимъ языкомъ. Рѣчи въ національныхъ митингахъ говорятся на англійскомъ языкѣ. Ирландское нарѣчіе его отличается отъ языка лондонцевъ только особенностями выговора, такими же маловажными, какъ особенности нарѣчія нортгемберлендскаго или йоркскаго графствъ.

Датчане, норвежцы, шведы. Языки этихъ народовъ гораздо ближе между собою, чѣмъ къ другимъ германскимъ языкамъ и потому составляютъ особый отдѣлъ германской группы, называемый скандинавскимъ. Есть во всѣхъ трехъ скандинавскихъ народахъ люди, желающіе, чтобы они соединились въ одно государство; но кажется, этотъ панскандинавизмъ ненавистенъ массѣ каждаго изъ трехъ народовъ, соединенія которыхъ жаждутъ панскандинавы.

Норвегія очень долго была соединена съ Даніей подъ властью одного короля; датчане были въ тѣ времена болѣе цивилизованы, чѣмъ норвежцы; подъ двойнымъ вліяніемъ правительства и литературы норвежскій языкъ замѣнился въ городахъ и большихъ селеніяхъ датскимъ, такъ что уцѣлѣлъ только въ глухихъ, малолюдныхъ мѣстностяхъ. Теперь есть въ Норвегіи люди, желающіе возстановить преобладаніе норвежскаго языка въ его родной странѣ, но масса норвежцевъ кажется нерасположенной покинуть датскій языкъ, ставшій роднымъ для нея, и учиться забытому прежнему языку.

Въ Исландіи люди продолжаютъ говорить почти безъ всякой перемѣны тѣмъ языкомъ, какимъ говорили ихъ предки норвежцы, переселившіеся въ Исландію. Всѣ три скандинавскіе языка были тогда очень близки одинъ къ другому, такъ что нынѣшнее исландское нарѣчіе кажется и датчанину и шведу старой формой его языка.

Въ лингвистическомъ смыслѣ народъ составляютъ всѣ люди, говорящіе однимъ языкомъ.

Географическій смыслъ слова «народъ» не вполне совпадаетъ съ лингвистическимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ разница очень велика.

Подъ словомъ «народъ» при классификаціи людей по географическимъ группамъ понимается масса людей, говорящихъ однимъ языкомъ и живущихъ вмѣстѣ, такъ что пространство, населенное ими, или вовсе не имѣетъ постоянныхъ жителей, говорящихъ не на ихъ языкъ или по крайней мѣрѣ эти люди по ихъ языку образуютъ лишь незначительную пропорцію общаго населенія страны. Такъ напримѣръ испанскимъ народомъ въ точномъ географическомъ смыслѣ слова называютъ говорящее на испанскомъ языкѣ населеніе Испаніи, та часть Испаніи, въ которой большинство населенія говоритъ на баскскомъ языкѣ, не принадлежитъ къ странѣ испанскаго народа, хотя составляетъ часть Испаніи въ государственномъ смыслѣ слова. Кромѣ тѣхъ людей испанской народности, которые живутъ въ Испаніи, есть довольно большое число испанцевъ, живущихъ въ странахъ другихъ народовъ, напримѣръ въ Англіи. Пока они продолжаютъ говорить испанскимъ языкомъ, они остаются въ лингвистическомъ смыслѣ слова испанцами. Но когда мы употребляемъ слово «народъ» не въ лингвистическомъ, а въ географическомъ смыслѣ, мы должны сказать, что эти испанцы перестали принадлежать къ составу испанскаго народа, со времени своего переселенія изъ Испаніи въ страну чужого народа. Такіе переселенцы вообще сохраняютъ симпатію къ своей родной странѣ, обыкновенно желаютъ участвовать въ ея жизни, до нѣкоторой степени и участвуютъ, напримѣръ читаютъ испанскія книги и если могутъ то испанскія газеты, предпочитаютъ имѣть дѣла съ испанскими торговыми центрами, на сколько это не представляетъ особенныхъ затрудненій и денежныхъ невыгодъ, стараются помогать дѣламъ, какія имѣетъ ихъ родной народъ съ народомъ, между которыми живутъ они, даже отправляются волонтерами въ испанскія войска, когда Испаніи угрожаетъ большая военная опасность. Но все это лишь нѣкоторые остатки прежней полной связи съ исторической жизнью родной страны. Связь уже стала очень не полна съ самаго времени переселенія въ страну чужого народа, постоянно слабѣетъ и, вообще говоря, черезъ нѣсколько поколѣній исчезнетъ совершенно: это относится къ переселенцамъ, живущимъ въ чуждой странѣ маленькими группами, какъ испанцы въ Англіи. Если масса переселенцевъ въ одну мѣстность чуждой земли велика и они образуютъ въ ней единственное или совершенно преобладающее населеніе, то могутъ неопредѣленно долгое время сохранять тотъ языкъ, съ какимъ перешли изъ родной страны въ чужую; новая мѣстность, занятая переселенцами, становится ихъ новой отчизной. Эти переселенія большихъ массъ дѣлятся на два разряда: одинъ изъ нихъ тотъ, когда переселенцы заняли страну почти безлюдную или хотя имѣющую населеніе довольно многочисленное, но по своей сравнительной неразвитости мало способное сопротивляться переселенцамъ, подчиняющееся не только политическому, но и умственному владычеству ихъ. Таковы были переселенія испанцевъ въ Америку. Другой разрядъ составляютъ тѣ случаи, когда большая масса переселенцевъ образовала сплошное населеніе области въ странѣ, составныя части которой имѣютъ многочисленное населеніе болѣе сильное, чѣмъ переселенцы. Въ исторіи испанскаго народа такихъ случаевъ не было; но нѣсколько примѣровъ этому представляетъ исторія переселеній нѣмецкаго народа. Изъ нихъ особенно интересенъ съ научной точки зрѣнія случай переселенія довольно большой массы нѣмцевъ въ Трансильванію, часть которой они заняли, такъ что

стали совершенно преобладающимъ по числу населеніемъ этой области. Они переселились въ Трансильванію въ половинѣ XII вѣка. Съ той поры прошло болѣе семи столѣтій. Потомки переселенцевъ составляютъ менѣе 250.000 человекъ: Область, занимаемая ими, находится очень далеко отъ ближайшей границы страны нѣмецкаго народа. Они имѣли очень мало сношеній съ нѣмецкимъ народомъ. Съ самаго переселенія своего въ Трансильванію они находились подъ властью иноплеменниковъ, венгровъ, и довольно долгое время подъ владычествомъ турокъ, которымъ повиновалось венгерское правительство Трансильваніи. И однакоже, они остаются чистыми нѣмцами по языку и по обычаямъ. Сравнивая ихъ съ нѣмцами тѣхъ областей сѣверо-западной Германіи, изъ которыхъ переселились они, мы находимъ, что ихъ нарѣчіе теперь представляетъ довольно большое различіе отъ нарѣчія, на которомъ говорятъ ихъ соплеменники, оставшіеся на родинѣ. Главная разница состоитъ въ томъ, что у нихъ прежнее нарѣчіе измѣнилось гораздо меньше, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ на родняѣ, и обычаи, съ какими ушли они, удержались у нихъ крѣпче. Тѣ же черты представляютъ двѣ массы французскаго населенія въ сѣверной Америкѣ: первая сплошная масса, центръ которой Нью - Орлеанъ, и сѣверная, остающаяся преобладающимъ по числу населеніемъ въ значительной части Нижней Канады. Эти переселенія произошли сравнительно недавно, всего только лѣтъ 200 тому назадъ; но и луизианскіе и нижне-канадскіе французы уже довольно много отличаются своимъ языкомъ и еще больше своими обычаями, понятіями, политическими стремленіями отъ своихъ соотечественниковъ, живущихъ въ самой Франціи. Значительность разницы тѣмъ болѣе замѣчательна, что прошло всего лишь 125 лѣтъ послѣ перехода Луизианы и Нижней Канады подъ власть иноплеменниковъ: до окончанія семилѣтней войны, Луизиана и Нижняя Канада принадлежали къ французскому государству; правители и войска были тамъ пріѣзжіе изъ Франціи. Въ періодъ времени, охватывающій только четыре поколѣнія, развилась разница, достигшая теперь значительной рѣзкости. Характеръ разницы и главная причина ея тѣ же самыя, какія проявляются при сравненіи трансильванскихъ нѣмцевъ съ ихъ соплеменниками въ сѣверо-западной Германіи: французскій народъ во Франціи много измѣнился со второй половины прошлаго вѣка, американскіе французы сохранили старыя выраженія, понятія, обычаи, стремленія, замѣнявшіяся во Франціи другими. Напримѣръ, языкъ нижне-канадскихъ французовъ—чистый французскій, но старинный языкъ. Сочувствіе Франціи у нижне-канадскихъ французовъ остается очень сильно, а до преобразованія государственныхъ отношеній Нижней Канады къ Верхней Канадѣ, нмѣющей англійское населеніе, и къ центральному англійскому правительству—симпатія этихъ французовъ къ Франціи была еще сильнѣе; они имѣли горячность патріотическаго фанатизма, какого достигало національное чувство во Франціи лишь въ эпохи великихъ военныхъ бѣдствій. У луизианскихъ французовъ остается, кажется, и до сихъ поръ фанатическая любовь къ Франціи. Она была возбуждена до страстной силы ненавистью къ правительству Соединенныхъ Штатовъ за отмену невольничества, горячими защитниками котораго были луизианскіе французы; ненависть къ своему правительству переходила у нихъ въ желаніе присоединиться къ французскому государству, правительство котораго помогало рабовладѣльцамъ южныхъ штатовъ въ ихъ войнѣ съ союзнымъ правительствомъ. Теперь

это чувство вѣроятно нѣсколько улеглось въ луизианскихъ французахъ, но, кажется, все еще сохраняетъ страстную силу. Однакоже, при всемъ своемъ французскомъ патриотизмѣ, нижне-канадскіе и луизианскіе французы несравненно болѣе заняты своими мѣстными дѣлами, чѣмъ дѣлами Франціи. При всемъ ихъ сочувствіи ей, историческая жизнь ихъ идетъ совершенно отдѣльно отъ ея жизни.

Другой разрядъ случаевъ переселенія массъ въ далекія земли исторія испанскаго народа представляетъ въ громадномъ размѣрѣ. Испанцы покорили Мексику, Центральную Америку, большую половину южной Америки и переселились въ эти земли большими массами. Нѣкоторые изъ занятыхъ ими американскихъ странъ имѣли довольно многочисленное населеніе, но оно не умѣло сражаться, было покорено отрядами, состоявшими лишь изъ нѣсколько сотъ человѣкъ, могло послѣ того ненавидѣть завоевателей, подымать мятежи противъ нихъ, но свергнуть съ себя ихъ владычество не имѣло силы. Во время мятежей туземцевъ могли погибать многіе изъ испанцевъ, жившихъ въ возмущившейся области; маленькіе отряды испанскаго войска могли быть истребляемы туземцами, но серьезной опасности испанскому владычеству эти мятежи не представляли и были безъ труда подавляемы. Уже съ очень давняго времени американскіе испанцы полагали, что могутъ поддержать свое владычество надъ туземцами безъ всякой помощи испанскаго правительства, что подвластность ему вовсе не нужна для нихъ, и желали совершенно отдѣлиться отъ Испаніи. Они дѣлали попытки этого рода, но были усмиряемы войсками, присылаемыми изъ Испаніи. Только когда силы Испаніи были поглощены борьбой съ французами, установились мѣстные правительства въ американскихъ земляхъ, занятыхъ испанскими переселенцами, и успѣли сформировать такія военныя силы, что отбились отъ войскъ испанскаго правительства, которое, по удаленіи французовъ изъ Испаніи, хотѣло возстановить въ Америкѣ свою власть, сдѣлавшуюся только номинальной въ годы нашествія французовъ на Испанію. — По прекращеніи войнъ съ испанскимъ правительствомъ за независимость, американскіе испанцы имѣли много ссоръ съ нимъ: нѣкоторыя изъ этихъ ссоръ доходили до войны. Теперь испанское правительство и народъ уже совершенно отбросили мысль о возможности покорить испанскія государства Америки и не имѣютъ никакой надежды на то, чтобы хотя одно изъ этихъ государствъ добровольно признало въ какой бы то ни было формѣ и хотя бы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ власть испанскаго правительства надъ нимъ. Испанцы американскаго континента, по всей вѣроятности, уже совершенно спокойны въ этомъ отношеніи. Но, кажется, они все еще остаются враждебны испанскому правительству и кажется, что всѣ партіи, поочередно управлявшія Испаніей, сохраняютъ непріязнь къ испанскимъ государствамъ американскаго континента. Однако же и во времена ожесточенной войны для подавленія американскихъ инсургентовъ, когда испанскія войска не брали побѣжденныхъ въ плѣтъ, разстрѣливали всѣхъ попадавшихся имъ въ руки, истребляли населенія цѣлыхъ городовъ, а инсургенты разстрѣливали всѣхъ плѣнныхъ испанцевъ, сажали на корабли и прогоняли за море всѣхъ уроженцевъ Испаніи, жившихъ между ними, это была лишь временная ссора между родными. Американскіе испанцы говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ европейскіе испанцы. Литература европейскихъ и американскихъ испанцевъ остается общая національная. Такъ; но со времени установленія независимости

испанскихъ государствъ въ Америкѣ, ихъ историческая жизнь идетъ отдѣльно отъ жизни Испаніи.

Когда довольно многочисленная часть людей извѣстнаго языка переселится въ другую страну и составитъ особое государство или по крайней мѣрѣ общество, живущее своей особой жизнью, отдѣльной отъ народа, изъ которой вышла, то черезъ нѣсколько времени это новое государство или общество непременно пріобрѣтетъ какія нибудь различія отъ народа, изъ котораго вышло, или народъ тотъ измѣнится, между тѣмъ какъ вышедшее изъ него особое общество сохранить старину. Это такъ, но при оцѣнкѣ различій обыкновенно дѣлаются громадные преувеличенія. Извѣстно, что, по мнѣнію жителей любой сельской мѣстности, только въ ней люди говорятъ чистымъ языкомъ, а въ сосѣднихъ мѣстностяхъ языкъ дуренъ, такъ что смѣшно и гадко слушать его звуки; между тѣмъ такъ посторонній человѣкъ находитъ разницу этихъ двухъ сосѣднихъ нарѣчій или незначительной или даже фантастичной, на самомъ дѣлѣ вовсе несуществующей. Случайнымъ образомъ люди сосѣдняго селенія стали въ прошломъ году употреблять какое-нибудь одно слово не совсѣмъ привычное сосѣдамъ, судящимъ объ ихъ языкѣ; этого достаточно, чтобы смѣяться надъ ними, найти ихъ нарѣчіе дурнымъ: черезъ годъ вышло у нихъ изъ моды слово, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ и порицаніямъ, но мнѣніе о нихъ уже сложилось и будетъ держаться, хотя исчезла и ничтожная фактическая опора для него: вздоръ, какъ извѣстно, вещь очень легкая, въ родѣ маленькихъ воздушныхъ шаровъ, которые теперь покупаются на забаву дѣтямъ, а недавно были очень моднымъ развлеченіемъ и у взрослыхъ: воздушные шары, какъ этотъ вздоръ, прекрасно носятся по воздуху безъ всякой опоры.

Когда группа людей, хотя и довольно многочисленная, но составлявшая лишь незначительную часть народа своей страны, переселяется въ другую страну и перестаетъ участвовать въ развитіи понятій и учрежденій большихъ государствъ, то, оказываясь отсталой отъ передовыхъ народовъ, она черезъ нѣсколько времени окажется непохожей на массу народа, изъ которой вышла. Это случилось, какъ мы видѣли съ трансильванскими нѣмцами, съ французами въ Луизианѣ и Южной Канадѣ. Трансильванскіе нѣмцы жили между народовъ, которые по уровню своей цивилизаціи были гораздо ниже нѣмцевъ западной Германіи: чему могли учиться они отъ румыновъ, составлявшихъ массу населенія Трансильваніи, отъ секлеровъ (трансильванскихъ венгровъ), занимавшихъ привилегированное положеніе въ этой странѣ, отъ сербовъ, ближайшихъ сосѣдей Трансильваніи съ юга, или отъ турокъ, державшихъ подъ своею властью Трансильванію? Понятно, что у нѣмцевъ Трансильваніи болѣе или менѣе ослабѣвала и та образованность, съ какой они пришли туда. А нѣмцы западной Германіи развивались, соборазно успѣхамъ развитія пзмѣнялся и языкъ ихъ: трансильванскіе нѣмцы продолжали говорить прежнимъ языкомъ, и нарѣчіе, которымъ говорятъ ихъ соплеменники въ западной Германіи, оказывалось не такимъ, какое уцѣлѣло у нихъ. Французы въ Луизианѣ стали рабовладѣльцами или домашними людьми рабовладѣльцевъ: у нихъ явилась вражда къ просвѣщенію, распространеніе котораго было опасно для рабовладѣльческихъ правъ: понятно, что они отстали отъ развитія французскаго народа, и языкъ ихъ не принялъ нововведеній, какія получили во Франціи. Населеніе Нижней Канады усвоило себѣ полукочевые обычаи охотниковъ или жило разбросанно по огромному пространству земли подъ феодальной властью крупныхъ землева-

дѣльцевъ, называвшихся сеньерами; оно отстало отъ развитія жизни французскаго народа, и языкъ его сохранилъ старинный характеръ. Но случаи подобнаго рода не могутъ считаться общимъ правиломъ. Финикіянѣ, переселяясь на сѣверный берегъ Африки, въ Сицилію, въ Испанію, вели тамъ такой же образъ жизни, какъ народъ, остававшійся въ самой Финикіи; улучшенія или ухудшенія понятій и обычаевъ шли приблизительно одинаковымъ ходомъ въ Тиръ, Кароагенъ, Утикъ и европейскихъ колоніяхъ финикіянъ. Мы не видимъ, чтобы кароагеняне черезъ 600 лѣтъ послѣ своего переселенія въ Африку различались чѣмъ-нибудь отъ народа остававшагося въ Финикіи. Правда, наши свѣдѣнія о бытѣ и языкѣ финикіянъ и кароагенянъ скудны, но не до такой степени, чтобы правдоподобно было объяснять ихъ неполнотой отсутствіе упоминаній о различіи кароагенской народности отъ финикійской. Впрочемъ, мы говоримъ о финикійскихъ колоніяхъ лишь для того, чтобы пропускъ не возбудилъ предположенія, будто бы примѣръ ихъ свидѣтельствовалъ бы противъ возможности сохраненія національной одинаковости между людьми одного языка, разселившимися по разнымъ странамъ. Переходимъ къ греческимъ колоніямъ. О нихъ намъ положительно извѣстно, что онѣ сохраняли во всей чистотѣ греческую національность, пока оставались независимыми отъ туземцевъ. Были три или четыре колоніи, въ которыхъ населеніе стало говорить не такимъ языкомъ, какъ его соплеменники, оставшіеся въ Греціи; главный примѣръ этого представляетъ городъ Соны, находившійся на южномъ берегу Малой Азіи, въ далекомъ разстояніи отъ всѣхъ другихъ греческихъ колоній. Этотъ и очень немногіе другіе случаи, въ которыхъ колонисты утрачивали чистоту греческаго языка, объясняются особенными причинами, подъ влияніемъ которыхъ потерпѣлъ бы порчу греческій языкъ и въ Пелопоннесѣ, и въ Атикѣ (какъ и дѣйствительно потерпѣлъ въ Пелопоннесѣ, когда туда проникли славяне въ такомъ числѣ, что составили большинство населенія). Когда этихъ обстоятельствъ не было, языкъ колонистовъ оставался чистымъ; онъ оставался такимъ въ сотняхъ греческихъ колоній, а исключеніе составляютъ три или четыре. Когда колонія находилась въ литературной связи съ той областью, изъ которой вышли ея жители, нарѣчіе ихъ или сохранилось такимъ же, какимъ продолжала говорить ихъ родная область, или, если оно измѣнялось въ ихъ родной области, то измѣнялось точно такъ же и у нихъ; въ обоихъ случаяхъ нарѣчіе было одинаковое у нихъ и въ ихъ родной области. Знаменитый примѣръ того Антиохія. Нѣсколько раньше 300 года до нашей эры часть жителей Атики была переселена въ Сирію. Новый городъ этихъ плѣнниковъ былъ названъ Антиохіей. Въ половинѣ V вѣка нашей эры антиохійцы еще славились чистотой своего аттическаго языка; а между тѣмъ они прожили уже болѣе семи столѣтій очень далеко отъ Атики. Мы не имѣемъ никакихъ упоминаній о томъ, чтобы въ половинѣ IX вѣка нашей эры сицилійскіе и южно-италійскіе греки говорили языкомъ сколько нибудь различнымъ отъ языка Греціи (и Византіи); а между тѣмъ они жили отдѣльно отъ нея уже полторы тысячи лѣтъ. Языкъ греческаго народа въ эти полторы тысячи лѣтъ очень много измѣнился, но сицилійскіе и южно-италійскіе греки оставались въ литературномъ единствѣ съ Греціей, и языкъ ихъ измѣнялся точно такъ же, какъ у народа, жившаго въ ней.

Въ настоящее время очень большую важность представляетъ вопросъ объ отношеніяхъ народности сѣверо-американцевъ къ англійской народности. Остаются

ли сѣверо-американцы людьми той же національности, какъ англичане, или у нихъ уже развилась особая національность? И если теперь они еще не очень различны отъ англичанъ по языку, то черезъ нѣкоторое довольно отдаленное время, напри- мѣръ лѣтъ черезъ двѣсти или триста, не будутъ ли они настолько же различны отъ англичанъ, какъ напри- мѣръ итальянцы отъ испанцевъ или датчане отъ шве- довъ? О томъ, что будетъ черезъ двѣсти лѣтъ, можно судить лишь по соображе- нію хода, какой имѣли факты до сихъ поръ, и дѣлать предположенія о будущемъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ оговоркой: «если ходъ обстоятельствъ будетъ та- кой-же, какъ былъ до сихъ поръ».

Вотъ уже сто лѣтъ, какъ англійское населеніе Сѣверной Америки сдѣла- лось независимымъ отъ англійскаго правительства. Въ это время непрерывно происходилъ очень большой приливъ переселенцевъ въ Соединенные Штаты; англичане составляли только меньшинство новыхъ переселенцевъ. Большинство ихъ состояло изъ ирландцевъ и нѣмцевъ. Нѣмцы — люди совершенно не англійской національности, но нельзя назвать англичанами и людей ирландской народности, хотя она гораздо менѣе различна отъ англійской, чѣмъ обыкновенно говорится. Полагаютъ, что постоянный приливъ этихъ двухъ главныхъ и довольно большой массы всяческихъ другихъ иноплеменныхъ переселенцевъ очень сильно измѣняетъ прежнюю національность населенія Соединенныхъ Штатовъ, такъ что уже по вліянію этой одной причины она сдѣлалась очень различна отъ англійской и бу- деть дѣлаться все болѣе различной отъ нея. Подобное этому вліянію иноплемен- ныхъ языковъ, обычаевъ и понятій производить, по мнѣнію очень многихъ спе- циалистовъ, сама страна особенностями своего климата, измѣняющими тѣлосложеніе европейцевъ, переселившихся въ Соединенные Штаты; съ перемѣной тѣлосло- женія конечно измѣняется и характеръ людей. О вліяніи климата Соединенныхъ Штатовъ эти специалисты рассказываютъ удивительныя вещи. Климатъ этой части сѣверной Америки, по ихъ увѣренію, чрезмѣрно сухъ; отъ сухости воздуха сохнетъ тѣло; прославляемая ими въ этихъ разсужденіяхъ европейская гармоническая округленность формъ исчезаетъ; люди становятся сухошавыми; черты ихъ лица теряютъ европейскую граціозность, становятся угловатыми, въ особенности замѣтна перемѣна очертанія шеи: высыхая, она становится тонкой, длинной; мо- жетъ быть менѣе отвратительно для зрѣнія, но ужасно для филантропа измѣненіе характера груди, все отъ той же чрезмѣрной сухости воздуха. Грудь становится узкой, не даетъ простора развитію легкихъ; къ чему это ведетъ, понятно вся- кому, хоть разъ заглянувшему въ учебникъ физиологій; уменьшающійся объемъ легкихъ уменьшаетъ силу жизни; жители Соединенныхъ Штатовъ обречены кли- матомъ своей страны на вымираніе отъ пестощенія; если число населенія въ Соеди- ненныхъ Штатахъ не уменьшается, а растетъ, это происходитъ отъ прилива крѣпкихъ людей изъ Европы: онъ съ избыткомъ замѣщаетъ убыль населенія отъ вымиранія тѣхъ семействъ, которые уже нѣсколько поколѣній подвергались ги- бельному дѣйствію сѣверо-американскаго климата. Нельзя къ прискорбію пройти молчаніемъ и другія черты физической перемѣны еще болѣе омерзительныя, чѣмъ длиннота сухой шеи и угловатая черта лица. Выющиеся шелковистые евро- пейскіе волосы грубѣютъ, толстѣютъ, становятся прямыми; это ужъ не прелестные волосы бѣлой расы, а нѣчто среднее между ними и волосами конскихъ хвостовъ, совершенно какъ у краснокожихъ. Цвѣтъ лица тоже утрачиваетъ прелестную

европейскую свѣжесть, становится тусклымъ, получаетъ оттѣнокъ грязноватости; онъ еще не сдѣлался такимъ грязнокраснымъ, какъ у краснокожихъ туземцевъ, потому что было еще мало времени для произведенія перемѣны во всемъ ея размѣрѣ; но очевидно, что перемѣна идетъ къ превращенію европейцевъ въ краснокожихъ. — Эта перспектива дѣйствительно такъ печальна, что отрадой можетъ служить лишь одно: прежде чѣмъ потомки европейцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ превратятся въ краснокожихъ, они вымрутъ. Смерть ихъ избавитъ насъ отъ униженія видѣть краснокожую расу, хвалящуюся происхожденіемъ отъ нашей, претендующую на равенство съ нами. Вѣроятно, намъ уже теперь пора подумать о томъ, какъ спасти современныхъ и будущія поколѣнія нашихъ европейскихъ братьевъ отъ судьбы, на которую обречены переселившіеся въ Сѣверную Америку европейцы. Плаваніе изъ Европы въ Сѣверную Америку должно воспретить. А когда оставшееся безъ прилива свѣжихъ европейскихъ людей сѣверо-американское населеніе вымретъ, надобно будетъ построить кругомъ опустѣвшей страны стѣну безъ воротъ. Снаружи будутъ по сухопутнымъ границамъ ходить караулы, а по морскимъ крейсировать сторожевые корабли и гнать назадъ безумцевъ, которые захотѣли бы перелѣзть черезъ стѣну въ страну физической и нравственной гибели.

Любопытно то, что у самихъ сѣверо-американцевъ появились специалисты, повторяющіе нѣкоторые изъ мрачныхъ разсужденій европейскихъ специалистовъ о губительномъ влияніи сѣверо-американскаго климата: онъ дѣйствительно сушитъ тѣло, и хотя не превращаетъ европейскихъ переселенцевъ въ краснокожихъ, но имѣетъ другой тоже ужасный результатъ высыханія тканей: въ нервахъ остается слишкомъ мало влаги; они получаютъ лихорадочную дѣятельность; вотъ собственно эта нервическая горячка и убьетъ бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ; она уже начала убивать его, смерти предшествуетъ, какъ и должно быть при непрерывной нервической горячкѣ, расстройство умственныхъ способностей: бѣлые въ Соединенныхъ Штатахъ сходятъ съ ума цѣлыми массами. Пропорція этихъ несчастныхъ быстро растетъ.

Мы назвали любопытнымъ фактомъ то, что между сѣверо-американскими специалистами явились соперники тѣмъ изъ европейскихъ, которые съ печалью обрекаютъ сѣверо-американцевъ на гибель. Но этотъ случай замѣчателенъ, лишь какъ одно изъ очень крупныхъ и смѣшныхъ проявленій склонности людей повторять о себѣ самихъ въ передѣланномъ видѣ пустая выдумка враговъ. Зависть европейцевъ къ быстрому развитію могущества и благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ породила въ числѣ всякихъ другихъ зловѣчивыхъ изобрѣтеній и клевету на климатъ страны ненавистнаго государства. Между сѣверо-американскими учеными нашлись люди, занявшіеся передѣлкой вздора на другой ладъ, — это совершенно въ порядкѣ вещей. Климатъ сѣверо-американскихъ штатовъ имѣетъ вредное дѣйствіе; этотъ вздоръ принять за правду; но вредному дѣйствію придано не унижающее, а возвышающее направленіе: подъ влияніемъ климата энергія умственной дѣятельности сѣверо-американскаго населенія достигаетъ размѣра, превышающаго силы человѣческаго организма; это печально, но очень почетно для сѣверо-американцевъ: погибать отъ избытка умственныхъ силъ —какая славная гибель! Это судьба Пико-де-Мирандолы и Паскаль. Рафаэль и Моцартъ тоже умерли отъ изнуренія организма избыткомъ умственной силы.

Съ чего взяли европейскіе ученые, завистники Соединенныхъ Штатовъ, говорить, будто бы климатъ этой страны вреденъ для людей европейскаго происхожденія? Широкимъ основаніемъ для этого послужило ошибочное истолкованіе фактовъ ботанической и зоологической географіи, сдѣланное раньше того другими специалистами безъ всякаго злого умысла, просто по недоразумѣнію. Суха земного шара дѣлится на нѣсколько областей, въ каждой изъ которыхъ растетъ особая флора, живетъ особая фауна. Сколько этихъ областей, о томъ идетъ споръ; но нѣкоторыя изъ нихъ принимаются единогласно всѣми специалистами; одна изъ такихъ безспорно особенныхъ ботаническихъ и зоологическихъ областей — Сѣверная Америка. Въ горячности перваго восторга отъ открытія, что суха земного шара дѣлится на нѣсколько такъ называемыхъ ботаническихъ и зоологическихъ царствъ, специалисты сдѣлали преувеличенный выводъ, будто бы никакой видъ растеній или животныхъ не можетъ быть перевезенъ изъ своей родной области въ другую безъ того результата, что въ новой странѣ онъ переродится и получитъ характеръ, принадлежащій туземнымъ растеніямъ или животнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ перерожденіе дѣйствительно бываетъ, но для этого нужны не такія разницы климата, какъ между Европой и Сѣверной Америкой, а такія, какъ между сѣверной Европой и экваторіальной Америкой. Недавно произошла въ Соединенныхъ Штатахъ забавная исторія, начавшаяся пріятно для существъ, бывшихъ ея героями, но получившая продолженіе, трагическое для нихъ. Въ Сѣверной Америкѣ не было воробьевъ; сѣверо-американцы желали развести у себя этихъ птичекъ, полезныхъ истребленіемъ гусеницъ и развившихся насѣкомыхъ, дѣлающихъ вредъ растительности; впередъ огорчались сѣверо-американцы тѣмъ, что попытки развести у себя воробьевъ будутъ напрасны. Въ своей безнадежности они даже не дѣлали этихъ попытокъ. Но какими-то судьбами на какомъ-то кораблѣ, подъ палубой котораго вѣроятно былъ по небрежности разсыпанъ мѣшокъ зернового хлѣба, приплыло въ Соединенные Штаты нѣсколько воробьевъ; они стали порхать по паркамъ города, куда приплыли, — кажется въ Нью-Йоркъ; и вмѣсто того, чтобы погибнуть, какъ слѣдовало бы по неумолимому закону природы, принялись плодиться. Деревья парковъ очистились отъ вредныхъ насѣкомыхъ; жители города радовались. Воробы разлетѣлись по сосѣднимъ фермамъ, дальше и дальше, стали появляться въ другихъ городахъ; повсюду радовали жителей, очищая деревья отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Но скоро расплодился до такой степени, что, какъ и въ Европѣ, сдѣлались убыточными сельскимъ хозяевамъ, поѣдая огромное количество зеренъ на нивахъ; сельскіе хозяева стали стрѣлять ихъ, разводить кошекъ на погибель имъ; но наперекоръ ружьямъ, кошкамъ и неумолимому закону природы воробы размножаются и размножаются. Изъ этого видно, что неумолимые законы природы безсильны, когда сочинены учеными по недоразумѣнію. Чѣмъ, кромѣ смѣха, отвѣчать на такія нелѣпицы, какъ выдумки о вырожденіи всѣхъ европейскихъ растеній и животныхъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ точно такъ же, какъ въ Европѣ, растутъ всѣ перевезенные туда европейскіе хлѣба, овощи, цвѣты, не хуже, чѣмъ въ Европѣ живутъ всѣ европейскія домашнія птицы и млекопитающія? — При развитіи полемики противъ аболіціонистовъ законъ природы, о которомъ идетъ рѣчь, былъ примѣненъ защитниками рабства негровъ и къ вопросу о человѣческихъ расахъ. Само собою разумѣется, что вышло: въ южныхъ штатахъ климатъ оказался не допускающимъ работы бѣлыхъ на плантаціяхъ. Въ Венесуэлѣ, Гра-

надѣ, Перу, гдѣ климатъ гораздо болѣе зноенъ, бѣлые, не имѣя рабовъ, воздѣ-
ливали нивы и плантаціи безъ всякаго вреда своему здоровью, напротивъ съ
пользою для него и для своего кармана; но въ южныхъ не могли обходиться безъ
невольниковъ, пока рабство не было отмѣнено. Начавшись съ невозможности бѣ-
лымъ работать въ южныхъ штатахъ, дѣло распространилось на бѣлыхъ во всей
Сѣверной Америкѣ. По закону природы, всякое живое существо вырождается при
переселеніи изъ своей географической области въ другую; ясно, что европейцамъ
нельзя не вырождаться въ Сѣверной Америкѣ. Впередъ зная, что такое должны
увидѣть по неумолимому закону природы, ученые стали смотрѣть на людей евро-
пейскаго происхожденія въ Соединенныхъ Штатахъ и увидѣли то, что слѣдовало
увидѣть: вырожденіе, порчу; увидѣли между прочимъ прямые, толстые волосы и
тусклый цвѣтъ лица у людей съ шелковистыми, вьющимися волосами и свѣжимъ,
нѣжнымъ, румянымъ цвѣтомъ лица.

Не стоитъ опровергать дикую выдумку, будто у людей бѣлой расы въ Сѣ-
верной Америкѣ портятся волосы и цвѣтъ лица. Но вопросъ о шеѣ и груди
надобно рассмотреть ближе. Вообще говоря, шея сѣверо-американскихъ простолю-
диновъ длиннѣе, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ, землепашцевъ и чернорабочихъ въ
Европѣ; но это отъ того, что дѣти и внуки переселяющихся въ Америку евро-
пейскихъ простолюдиновъ вообще становятся выше своихъ отцовъ ростомъ. Кромѣ
Швеціи, Норвегіи, Сѣверной Шотландіи, Тироля, нѣкоторыхъ швейцарскихъ кан-
тоновъ и нѣкоторыхъ уголковъ, простолюдины Западной Европы люди приземистаго
тѣлосложенія. Попадаетъ между ними много людей высокаго роста: но большин-
ство ихъ приземисты, на 5 или 10 сантиметровъ ниже ростомъ, чѣмъ люди высшихъ
сословій ихъ племени и мѣстности. Въ Соединенныхъ Штатахъ простолюдины
приобрѣтаютъ такой ростъ, такое тѣлосложеніе, какіе въ Западной Европѣ имѣетъ
большинство дворянства. Приземистость замѣняется стройностью. Отъ чего про-
исходитъ эта разница, вопросъ, кажется, еще не разъясненный специальными изслѣ-
дованіями. Его легко рѣшить на основаніи общихъ фізіологическихъ законовъ;
только нельзя безъ точныхъ изслѣдованій имѣть увѣренность, что рѣшеніе пра-
вильно: быть можетъ, тутъ кромѣ общихъ силъ органической жизни дѣйствуютъ
какія нибудь особыя комбинаціи ихъ, еще неизвѣстныя. Но если предположить,
что результатъ производится не какими нибудь частными сочетаніями силъ, а
прямо ими самими, то ходъ измѣненія представляется очень простымъ. Огромное
большинство простолюдиновъ Западной Европы слишкомъ обременено работой и
начинаетъ усиленно трудиться съ возраста слишкомъ ранняго. Дѣло извѣстное
всѣмъ поселянамъ, не только фізіологамъ, что лошадь, которую слишкомъ рано
начнутъ запрягать въ плугъ или телегу, остается меньше ростомъ, чѣмъ лошадь
той же породы, которая будетъ пользоваться двумя годами свободы дольше ея;
если ростъ еще не законченъ, лошадь, подвергнутая работѣ, растетъ меньше, чѣмъ
пользующаяся свободой. Но когда лошадь, слишкомъ рано начавшая работать,
пользуется довольно сытнымъ кормомъ, кости ея растутъ въ толщину почти такъ
же, какъ у лошади свободной отъ работы, и мускулы, не удлиняясь, растутъ въ
ширину; потому она приобретаетъ тѣлосложеніе болѣе тяжелое, она становится
приземистой. То же самое относится и къ рогатому скоту. Лошадь, ростъ которой
задержанъ преждевременной работой, имѣетъ ноги и шею не болѣе толстыя, чѣмъ
лошадь той породы, закончившая свое развитіе на свободѣ отъ работы и потому

достигнувшая полного роста; но у рабочей лошади ноги короче, потому кажутся болѣе толстыми; шея у лошади, достигшей полного роста, длиннѣе, чѣмъ у рабочей (пропорціонально тому, что и весь позвоночный столбъ ея длиннѣе); потому кажется менѣе толстой, чѣмъ у рабочей лошади. Толщина ногъ и шеи лошади, достигшей полного роста, не меньше или больше, чѣмъ у рабочей лошади той же породы, но пропорціонально длинѣ меньше, чѣмъ у этой приземистой малорослой лошади. То же самое извѣстно всѣмъ о всякихъ другихъ домашнихъ млекопитающихъ, употребляемыхъ на работу. Дѣти европейскихъ простолюдиновъ, переселившихся въ Америку, пользуются свободой отъ тяжелой работы долѣе, чѣмъ дѣти простолюдиновъ, оставшихся въ Европѣ. Если нѣтъ другихъ частныхъ причинъ, производящихъ увеличеніе роста дѣтей европейскихъ простолюдиновъ въ Америкѣ, оно производится этой общей причиной увеличенія роста живыхъ существъ. Грудь американцевъ не менѣе просторна, чѣмъ грудь европейскаго простолюдина, плеча его не менѣе широки; но онъ выше ростомъ, потому кажется имѣющимъ менѣе широкія плеча и грудь.

Онъ болѣе стройнаго тѣлосложенія; сущность дѣла въ этомъ. Слѣдуетъ ли назвать вырожденіемъ или порчей приобрѣтеніе стройнаго тѣлосложенія? При всѣхъ порицаніяхъ высшимъ сословіямъ Англіи, при всѣхъ разсужденіяхъ объ угнетенномъ положеніи англійскихъ простолюдиновъ, специалисты въ послѣднее время признали, что состояніе простолюдиновъ въ Англіи менѣе дурно, чѣмъ въ другихъ земляхъ Западной Европы; трудъ ихъ хотя и слишкомъ продолжительный, всетаки менѣе продолжителенъ, чѣмъ на континентѣ; пища ихъ хотя и недостаточная, всетаки менѣе скудна и дурна; потому ихъ тѣлосложеніе менѣе приземисто, чѣмъ людей ихъ сословія на континентѣ. Какъ по своему экономическому состоянію, такъ и по тѣлосложенію англійскіе простолюдины занимаютъ средину между европейскими континентальными и сѣверо-американскими; они стройнѣе, крѣпче здоровѣе, сильнѣе континентальныхъ, сѣверо-американскіе стройнѣе, крѣпче здоровѣе, сильнѣе ихъ.

А сухость климата; отъ котораго становятся худощавы европейскіе переселенцы въ Америкѣ? Въ Западной Европѣ простолюдины, которымъ удалось разбогатѣть, ведутъ вообще говоря неподвижную жизнь, обжираются и спятъ, ничего не дѣлая; потому становятся жирными. Въ Соединенныхъ Штатахъ обычаи не таковы: разбогатѣвшій простолюдинъ остается дѣятеленъ, хлопотливъ, потому не жирѣетъ. Сухость или влажность воздуха тутъ не причеиъ. Туареги въ Сахарѣ становятся жирнымъ, получивъ возможность обжираться и сидѣть безвыходно въ своемъ шатрѣ. Не многимъ туарегамъ достается такое блаженство. Но есть другое племя въ другой странѣ, регулярно проходящее изъ года въ годъ процессъ ожиренія и похуданія. Это киргизы степей на югѣ западной Сибири. Зимой они голодаютъ и къ веснѣ становятся худы какъ скелеты. Но когда кобылы ожеребились и начинается дѣланіе кумыса, они сидятъ и вьютъ его, сколько достанетъ силы пить. Скоро они становятся жирны до безобразія. Страна, въ которой живутъ они, имѣетъ климатъ болѣе сухой, чѣмъ населенная часть земли Соединенныхъ Штатовъ. Масса англійскихъ простолюдиновъ еще сохраняетъ привычки старинной неповоротливой жизни. Въ Соединенныхъ Штатахъ даже сельскіе простолюдины имѣютъ обычаи, какіе принадлежатъ въ Западной Европѣ только торговому сословію большихъ городовъ; это люди бойкіе, уметвенная жизнь ихъ дѣятельна;

оттого и происходит впечатлѣніе, что нервы ихъ работаютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у европейскихъ простолюдиновъ. Дѣло тутъ не въ климатѣ, а въ особенностяхъ экономическаго быта, въ распространенности надежды подняться до высокаго положенія въ обществѣ. Масса европейскихъ простолюдиновъ лишена этой надежды; у американцевъ каждый энергическій простолюдинъ имѣетъ ее.

Какое вліяніе на понятія и обычаи англійскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ имѣли иноплеменные переселенцы? Если разобрать дѣло внимательно, то вѣроятно получится отвѣтъ: не имѣли никакого. Они только сами усваиваютъ себѣ понятія и привычки англійскаго населенія Сѣверной Америки. Въ третьемъ поколѣніи огромное большинство живущихъ тамъ прландцевъ, нѣмцевъ и другихъ европейцевъ оказывается совершенно утратившимъ свою прежнюю національность, не имѣющимъ никакого различія въ понятіяхъ и обычаяхъ отъ людей англійскаго происхожденія. Едва ли иноплеменное вліяніе можетъ отразиться на обычаяхъ не отразившись на языкѣ; а языкъ сѣверо-американцевъ чистый англійскій. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть, какъ и въ Англіи, областныя нарѣчія, но они имѣютъ такой же характеръ, какъ и въ Англіи; это особыя измѣненія англійскаго языка, а не результаты примѣи какого-нибудь другого языка къ англійскому. Тѣмъ языкомъ, какимъ пишутся книги и говорятъ люди, получившіе литературное образованіе въ Англіи, говоритъ въ Сѣверной Америкѣ гораздо большая пропорція людей англійскаго языка, чѣмъ въ самой Англіи. Мѣстныя нарѣчія въ Соединенныхъ Штатахъ оттѣснены этимъ языкомъ гораздо больше, чѣмъ въ самой Англіи; и ходъ окончательной замѣны ихъ литературнымъ языкомъ идетъ въ Америкѣ быстрѣе, чѣмъ въ Англіи. Это потому, что школьное образованіе болѣе распространено въ Соединенныхъ Штатахъ и тамъ гораздо больше, чѣмъ въ Англіи, пропорція людей, имѣющихъ привычку читать газеты и книги. Литературный языкъ въ Америкѣ тотъ же самый, какъ въ Англіи. Когда англичане говорятъ, что сѣверо-американскій языкъ отличается отъ англійскаго, они придаютъ важность особенностямъ медной манеры говорить. Интонація рѣчи въ образованномъ обществѣ каждой страны—такое же дѣло моды, какъ покрой одежды: двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ въ англійскомъ свѣтскомъ обществѣ были модными не тѣ выраженія, какъ теперь, и модная манера интонаціи была не та; черезъ двадцать или тридцать лѣтъ нынѣшнія модныя выраженія, нынѣшняя интонація будутъ замѣнены другими въ англійскомъ обществѣ, будутъ мѣняться они и въ американскомъ обществѣ. Теперь есть разница въ нихъ между Сѣверной Америкой и Англіей, была прежде, будетъ и черезъ десятки лѣтъ. Но эти различія модныхъ выраженій и интонацій лишь колебанія около одного и того же общаго уровня, одинаковаго въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. Возьмемъ для примѣра разницу интонацій. Есть средній уровень быстроты рѣчи, то-есть количества слоговъ произносимыхъ въ продолженіе минуты. Пусть въ данное время принять оны. Изящному обществу начинаетъ казаться, что эта манера говорить слишкомъ вялая, оно ускоряетъ выговоръ; черезъ нѣсколько времени находитъ, что быстрый выговоръ трескотня дурного тона и замѣняетъ его медленнымъ, пѣвучимъ, потомъ возвращается или къ умѣренной скорости или къ очень быстрой и продолжаетъ колебанія въ томъ же порядкѣ. Само собой разумѣется, что два самостоятельные центра моды рѣдко будутъ въ одно и то же время изобрѣтать одну моду, почти постоянно будутъ имѣть разныя моды; но разница обыкновенно состоитъ въ томъ, что мода одного

центра ужъ покинута другимъ, который черезъ нѣсколько времени возвратится къ ней, когда она уже будетъ покинута первымъ центромъ. Кромѣ различія въ модной интонаціи, англичане не могутъ подмѣтить въ языкѣ американскаго образованнаго общества никакихъ различій отъ англійскаго. Когда они хотятъ выказать болѣе зоркую проницательность, они приводятъ какой нибудь десятокъ выраженій; но пересматривая эти слова или обороты, другіе англичане, болѣе знающіе исторію своего языка, находятъ, что половина ихъ недавно были употребительны въ англійскомъ обществѣ, а другая половина—новыя выраженія, которыя, пока смѣялись надъ ними англичане, ужъ оказались входящими въ употребленіе у самихъ англичанъ.

До сихъ поръ нѣтъ никакого признака, что англійскій языкъ въ Америкѣ становится различенъ отъ языка Англіи; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ распространяется литературное образованіе въ той и въ другой странѣ, исчезаютъ тѣ диалектическія разницы, какія прокрались прежде изъ мѣстныхъ нарѣчій въ языкъ образованнаго общества или той или другой страны, и тожество его въ обѣихъ странахъ очищается отъ этихъ разницъ, бывшихъ впрочемъ и сто лѣтъ тому назадъ ужъ маловажными. Языкъ Франклина—образцовый и для англичанъ, какъ языкъ Фильдингъ для американцевъ.

Сравнительно съ вопросомъ о томъ, сохранится ли единство языка, литературы и образованности у всѣхъ частей народа, переселившагося или начинающаго переселяться изъ Англіи въ другія страны, маловажны всѣ другіе вопросы подобнаго рода. Почти вся Сѣверная Америка уже занята людьми, говорящими по-англійски; испанскій языкъ удержалъ за собой только Мексику, утративъ области болѣе обширныя чѣмъ она; Австралія много превосходитъ величиною всю Западную Европу; пусть большая половина этого континента не способна принять многочисленное населеніе; вестакъ остаются очень обширныя пространства, о которыхъ уже и теперь несомнѣнно, что они будутъ густо населены. Кромѣ того, есть нѣсколько другихъ довольно большихъ частей суши, берега которыхъ уже заняты англичанами и о которыхъ должно думать, что они будутъ заселены ими. Пространства, занятые въ Америкѣ людьми испанскаго и португальскаго языковъ, тоже огромны: но увеличеніе населенія ихъ идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ малонаселенныхъ земляхъ, занимаемыхъ англичанами. По самому умѣренному разсчету, число людей англійскаго языка будетъ черезъ 50 лѣтъ превышать 200 милліоновъ. Оно уже и нынѣ равняется всему числу людей, говорящихъ романскими языками, и далеко превышаетъ число нѣмцевъ. Вопросъ теперь въ томъ, долго ли останутся потомки людей англійскаго языка въ разныхъ странахъ людьми одного и того же языка? По всей вѣроятности останутся очень долгое время, такое долгое, что нельзя предвидѣть конца ему раньше наступленія какихъ нибудь перемѣнъ въ общей исторіи человѣческаго рода и притомъ такихъ перемѣнъ, для которыхъ теперь еще не замѣтно никакихъ подготовительныхъ обстоятельствъ. Словомъ, судя по нынѣшнему ходу дѣлъ, наиболѣе вѣроятной представляется та перспектива, что люди англійскаго языка получатъ преобладающее вліяніе на исторію всего человѣчества.

3.

О различіяхъ между народами по національному характеру ¹⁾.

Быть и событія жизни людей опредѣляются отчасти внѣшними фактами независимыми отъ ихъ качествъ, отчасти собственными ихъ качествами. Тѣ группы людей, о которыхъ рассказываетъ исторія—народы, части народовъ, соединенія народовъ или частей народовъ.

Изъ этихъ безспорно справедливыхъ мыслей само собою слѣдуетъ, что наши знанія о качествахъ народовъ могутъ служить однимъ изъ источниковъ разъясненія формъ быта и событій жизни историческихъ группъ людей.

Качества какой бы то ни было группы людей—совокупность качествъ отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ она состоитъ. Потому знанія о качествахъ этой группы только совокупность знаній объ индивидуальныхъ качествахъ людей, составляющихъ ее. Такимъ образомъ, наши знанія о качествахъ народа не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ нашихъ знаній о качествахъ отдѣльныхъ людей составляющихъ этотъ народъ.

Мы часто можемъ приобрѣтать довольно хорошее знакомство съ качествами отдѣльныхъ лицъ, не зная ни быта ихъ и никакихъ важныхъ фактовъ ихъ жизни. У каждаго бывающаго въ многолюдныхъ обществахъ есть знакомые, о которыхъ онъ ничего не знаетъ, кромѣ впечатлѣній, производимыхъ на него и его родныхъ или друзей встрѣчами въ обществѣ съ ними; эти встрѣчи могутъ быть совершенно ничтожны по своему содержанію, ограничиваться обмѣномъ привѣтствій и разговорами о предметахъ постороннихъ разговаривающимъ, и однако же давать намъ достаточные матеріалы для довольно вѣрныхъ сужденій объ нѣкоторыхъ изъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ нашего знакомаго. Напримѣръ, если мы разговаривали съ нимъ о газетныхъ извѣстіяхъ или городскихъ анекдотахъ, то очень можетъ быть, что мы хорошо узнали его мнѣнія о всяческихъ общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ; а по его мнѣніямъ мы можемъ разгадывать его нравственные качества.

Когда мы такимъ образомъ ознакомились съ нравственными качествами человѣка, о которомъ не знаемъ ничего кромѣ наружности, одежды и этихъ его качествъ, мы можемъ дѣлать выводы о томъ, какой образъ жизни ведетъ онъ; и если услышимъ о какомъ нибудь важномъ его поступкѣ или событіи его жизни, можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетворительно объяснять этотъ фактъ нравственными качествами его. Предположимъ напримѣръ, что по его разговорамъ мы убѣдились, что онъ разсудителенъ и одаренъ твердой волей. Мы можемъ вывести изъ этого догадку, что онъ устроилъ свой бытъ по возможности хорошо, что напримѣръ онъ каждый день имѣетъ пищу, качество которой соответствуетъ его денежнымъ средствамъ, а не тратитъ на одинъ обѣдъ столько денегъ, что послѣ того нѣсколько дней голодаетъ. Предположимъ мы услышали, что онъ подвергался какой нибудь опасности, но вышелъ изъ нея цѣлъ; мы имѣемъ право сдѣлать догадку, что онъ держалъ себя въ этой опасности разсуди-

¹⁾ Веберъ, т. IX.

тельно и мужественно. Будутъ ли такія догадки достовѣрными знаніями? Разумѣется, нѣтъ; но пока не получимъ свѣдѣній, которыми опровергались бы онѣ, мы имѣемъ разумное право считать ихъ правдоподобными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже очень вѣроятными.

Итакъ относительно отдѣльныхъ лицъ часто мы можемъ имѣть гораздо больше знаній о ихъ качествахъ, чѣмъ о ихъ бытѣ и важныхъ фактахъ ихъ жизни. Въ этихъ случаяхъ наши знанія о ихъ качествахъ могутъ оказывать намъ пользу для разясненія немногихъ и неудовлетворительныхъ свѣдѣній о ихъ образѣ жизни и о крупныхъ событіяхъ ея.

Таковы ли отношенія между нашими свѣдѣніями о качествахъ народовъ и свѣдѣніями о формахъ ихъ быта, о крупныхъ фактахъ ихъ исторіи? Обыкновенно отношеніе между этими двумя разрядами свѣдѣній о народахъ совершенно обратное: формы ихъ быта и крупные факты ихъ исторіи извѣстны намъ гораздо больше и точнѣе, чѣмъ ихъ качества, и наши понятія о ихъ качествахъ обыкновенно лишь выводы изъ нашихъ свѣдѣній о ихъ бытѣ и судьбѣ. Возьмемъ для примѣра наше знаніе объ одномъ изъ качествъ древняго греческаго народа, о томъ, трусливый или храбрый народъ были греки.

Мы все говоримъ: греки были народъ храбрый. Спросимъ себя: почему знаемъ это? Намъ припоминаются Марафонъ, Саламинъ, Платея, множество другихъ сраженій, въ которыхъ греки побѣждали враговъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ они. Правда мы знаемъ, что они превосходили этихъ враговъ дисциплиной и были лучше вооружены; но какое вооруженіе не дастъ побѣды малочисленному войску надъ многочисленнымъ врагомъ, если оно не состоитъ изъ людей храбрыхъ; а дисциплина можетъ быть сохранена во время сраженія только храбрыми людьми. То же самое относительно всехъ другихъ оговорокъ о преимуществахъ греческихъ войскъ помимо храбрости. Сдѣлавъ наибольшія допускаемыя разсудкомъ уступки по этимъ оговоркамъ, мы все-таки останемся въ необходимости признавать побѣды грековъ свидѣтельствующими о храбрости ихъ.

Что же такое наше знаніе объ этомъ качествѣ грековъ? Оно выводъ изъ нашихъ свѣдѣній о ихъ битвахъ. Подобно этому и вообще, не событія греческой исторіи разясняются нашими знаніями о качествахъ грековъ, а на оборотъ качества грековъ извѣстны намъ по фактамъ ихъ жизни. Храбрость ихъ мы знаемъ по фактамъ ихъ военной дѣятельности; другія ихъ качества по результатамъ ихъ другихъ дѣятельностей, напримѣръ, умственные качества грековъ извѣстны намъ по произведеніямъ ихъ искусствъ, по ихъ литературѣ.

Такимъ образомъ, все наши знанія объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ прежнихъ народовъ и прежнихъ поколѣній нынѣшнихъ народовъ—не прямые знанія, а выводы изъ нашихъ знаній о крупныхъ фактахъ ихъ исторіи, о формахъ ихъ быта, о произведеніяхъ физической, умственной и нравственной дѣятельности ихъ.

Могутъ ли эти производныя знанія быть употребляемы для разясненія свѣдѣній о фактахъ того разряда, который другими своими фактами даетъ основу для нихъ? Безъ сомнѣнія, могутъ. Предположимъ напримѣръ что у греческихъ историковъ находится извѣстіе такого рода: когда греческое войско приблизилось къ рѣкѣ, персидское, стоявшее на другомъ берегу ея, ушло, не защищая перехода. Предположимъ что этимъ и ограничиваются все наши свѣ-

дѣнія о дѣлѣ, что мы не имѣемъ ни какихъ извѣстій о числѣ греческаго и персидскаго войскъ и не знаемъ, почему персидское войско ушло, не пытаясь остановить непріятеля. На основаніи нашего знанія, что греки были храбры и персы признавали ихъ превосходство въ этомъ качествѣ если не надъ малочисленнымъ отборнымъ корпусомъ воиновъ собственно персидской національности, то надъ массой своихъ разноплеменныхъ милицій, мы можемъ съ нѣкоторой степенью вѣроятности объяснить отступленіе персидскаго войска боязнью его начальниковъ, а что милиціонеры, составлявшие, по всей вѣроятности массу его, не выдержали боя съ греками. Но мы все должны забывать, что это будетъ лишь догадка. Персидскіе военачальники могли имѣть совершенно иные мотивы отступленія. Быть можетъ, ихъ войско, стоявшее на рѣкѣ, было малочисленнѣе греческаго; въ такомъ случаѣ мотивомъ отступленія было не мнѣніе о превосходствѣ грековъ по храбрости, а число ихъ; или быть можетъ отступленіе было военной хитростью, персы хотѣли заманить грековъ въ такую мѣстность, гдѣ удобно будетъ истребить всѣхъ ихъ; а быть можетъ персидскіе военачальники ушли потому, что получили приказаніе снѣсти на защиту какой нибудь другой области отъ другого врага:—мало ли какіе мотивы могли быть у нихъ, помимо ихъ мнѣнія о храбрости грековъ. А впрочемъ, наша догадка правдоподобна, и нельзя осудить насъ за то, что мы остановились на ней, при недостаткѣ данныхъ для достовѣрнаго объясненія факта.

Но случаи, подобные предложенному нами, встрѣчаются рѣдко и вообще говоря маловажны. Обыкновенно, мы или имѣемъ такіе рассказы о фактахъ, что ходъ событій достаточно объясняется нашими достовѣрными знаніями объ общихъ качествахъ человѣческой природы, и нашими свѣдѣніями о состояніи народа въ данное время и подробностяхъ дѣла, или наши свѣдѣнія объ особенныхъ качествахъ народа такъ скудны и шатки, что ставить ихъ объясненіемъ фактовъ значить превращать исторію въ сказку, сочиняемую нами по нашему произволу.

Наши знанія объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ народовъ прошлыхъ временъ—знанія не прямые, а производныя изъ знаній о фактахъ ихъ жизни: потому ясно, что они гораздо скуднѣе, гораздо менѣе точны и достовѣрны, чѣмъ знанія о фактахъ, служащія основаніемъ для вывода ихъ. Относительно прежнихъ народовъ и прежнихъ поколѣній нынѣшнихъ народовъ, это не можетъ быть измѣнено. Намъ нельзя знать умственные и нравственные качества ихъ иначе, какъ по фактамъ ихъ исторической дѣятельности.

Но не можемъ ли мы приобрѣсти объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ современныхъ намъ народовъ прямые свѣдѣнія такіа обширныя и точныя, чтобы они служили прочнымъ основаніемъ для разъясненія историческихъ фактовъ?

Чтобы увидѣть, удобоисполнимъ ли такой трудъ, попробуемъ составить списокъ тѣхъ людей, которые хорошо знакомы намъ; и дѣлать отмѣтки о ихъ качествахъ. Пусть въ нашъ списокъ будетъ внесено 100 человѣкъ. Скоро мы кончимъ работу, если захотимъ вести ее съ точностью, удовлетворительной для ученыхъ соображеній?

Многія качества человѣка могутъ быть узнаваемы очень легко: таковы напримѣръ его наружность и размѣръ его физической силы. При обыкновенныхъ условіяхъ нашихъ встрѣчъ съ людьми достаточно взглянуть на человѣка, чтобы

получить довольно точное представление о его наружности: а чтобы приобрести довольно точное понятие о размѣрѣ его силы, достаточно увидѣть его берущимъ въ руки тяжелую вещь. Но и чисто физическія качества не все можно узнавать легко. Напримѣръ есть болѣзни, вліяніе которыхъ остается незамѣтно до очень высокой степени ихъ развитія. Человѣкъ можетъ быть близокъ къ смерти по дѣйствію такой болѣзни, а казаться здоровымъ. Припомнимъ для примѣра нѣкоторые виды тифа и осфу. Человѣкъ уже заразился, а продолжаетъ быть по виду совершенно здоровымъ. Принадлежитъ ли физическое здоровье къ качествамъ человѣка или нѣтъ? Должно ли оно входить въ понятіе о характерѣ человѣка? — На первый вопросъ, вѣроятно, все скажутъ да; на второй множество ученыхъ, любящихъ объяснять исторію народовъ качествами ихъ, отвѣчаютъ нѣтъ. Обыкновенно однакоже они говорятъ о темпераментѣ народовъ: «этотъ народъ имѣетъ веселый характеръ, а этотъ угрюмъ по характеру». Темпераментъ сильно видоизмѣняется отъ переменъ въ состояніи здоровья. Больной человѣкъ вообще имѣетъ менѣе веселое настроеніе духа, чѣмъ здоровый. Легкое хроническое расстройство здоровья отъ неудовлетворительныхъ условій житейской обстановки не называется болѣзью, но имѣетъ значительное вліяніе на настроеніе духа.

Оставимъ разборъ вопросовъ о физическихъ качествахъ. Должно ли причислять къ умственнымъ качествамъ человѣка его знанія, къ нравственнымъ качествамъ, — должно ли причислять его привычки? Если отвѣчать нѣтъ, то у насъ не останется никакой возможности сдѣлать характеристику человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а если вводить въ понятіе о характеристикѣ человѣка его знанія и привычки, то очень рѣдко найдется человѣкъ, о которомъ можно было бы сказать, что напримѣръ въ 40 лѣтъ онъ сохранилъ тотъ характеръ, какой имѣлъ въ 20.

Какъ бы ни были кратокъ нашъ списокъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, въ числѣ ихъ найдутся принадлежащія къ разряду качествъ трудно узнаваемыхъ. Напримѣръ, вѣроятно, мы не забыли внести въ него разсудительность, твердость воли, честность. Если внесено хоть одно изъ этихъ качествъ, намъ во многихъ случаяхъ будетъ мудрено рѣшать, какую отмѣтку объ этомъ качествѣ ставить противъ имени нашего знакомаго. Можно прожить годы съ человѣкомъ и не узнать достовернымъ образомъ, разсудителенъ онъ или нѣтъ, сильна или слаба его воля и тверда ли его честность; и самъ онъ можетъ дожить до 30, до 50 лѣтъ, не зная на какія поступки высокаго благородства или низкой пошлости, отваги или трусости способенъ онъ. Кому изъ насъ не случалось часто слышать отъ своихъ близкихъ знакомыхъ: «удивляюсь, какъ могъ я это сдѣлать» и вмѣстѣ съ ними дивиться ихъ поступкамъ, совершенно противорѣчающимъ нашему понятію о характерѣ ихъ. Человѣкъ дожилъ до 50 лѣтъ, не дѣлая ничего безразсуднаго, попалъ въ затрудненіе, какого не случалось ему испытывать, и потерялъ голову, дѣйствуетъ безразсудно: мало ли случаевъ подобнаго рода? — Но не будемъ стѣняться недостаточностью нашихъ знаній о тѣхъ умственныхъ или нравственныхъ качествахъ нашихъ знакомыхъ, которые трудно узнавать; будемъ приписывать характеризующимъ нами людямъ разсудительность, безразсудство, твердую волю или слабую волю безъ заботы о провѣркѣ, основательно ли наше мнѣніе. Съ этой заботой мы впутались бы въ такой долгій и

тяжелый трудъ, что, по всей вѣроятности, не довели бы его до конца. Безъ нея мы легко и быстро составимъ характеристики своихъ знакомыхъ по нашему списку качествъ. Разумѣется, научная цѣнность такого списка будетъ очень мала. Вѣрные знанія будутъ перепутаны въ немъ съ такимъ множествомъ ошибокъ, что лучше всего будетъ бросить его въ печь. Но сдѣлаемъ это чрезъ минуту по его окончаніи, а эту минуту употребимъ на то, чтобы посмотрѣть, какую степень разнообразія имѣютъ характеры, начерченные нами. Мы увидимъ, что разнообразіе ихъ очень велико.

Впрочемъ, это, по всей вѣроятности, извѣстно каждому изъ насъ и безъ напрасной работы записывать, какое мнѣніе мы имѣемъ о характерѣ нашихъ знакомыхъ. Если такъ, то намъ нѣтъ и надобности дѣлать ту пробу, о которой мы говорили. Изложимъ тѣ выводы, какіе дала бы она, если бы была сдѣлана.

Въ кругу знакомыхъ каждого изъ насъ нѣтъ двухъ людей, характеры которыхъ не имѣли бы очень важныхъ различій между собой. Комбинаціи качествъ очень разнообразны; напримѣръ, съ разсудительностію иногда соединяется большой умъ, иногда такой размѣръ умственной силы, который лишь немногимъ отличается отъ тупоумія. Множество людей, называемыхъ въ умственномъ отношеніи совершенно бездарными, очень разсудительны. Вотъ мы имѣемъ уже четыре разряда людей: даровитые и благоразумные; даровитые и нерассудительные; бездарные и благоразумные; бездарные и безразсудные. Прибавимъ оцѣнку по какому нибудь третьему качеству, напримѣръ по честности, каждый разрядъ распадется на два разряда. Какое число разрядовъ мы получимъ, если произведемъ оцѣнку по девяти качествамъ? Если не всѣ 1024 разряда, даваемые формулой комбинацій, то навѣрное сотни изъ этого числа типовъ попадаются въ дѣйствительности.

Та проба, которую предлагаемъ мы сдѣлать, даетъ результаты, лишенные научной серьезности, потому что довести ее до конца можно только подъ условіемъ записывать наши мысли о качествахъ нашихъ знакомыхъ безъ заботы о произвѣркѣ неосновательности нашихъ мнѣній. Но сдѣлана ли хотя бы такая же поверхностная попытка опредѣлить характеры людей, составляющихъ не кругъ нашихъ личныхъ знакомыхъ, а цѣлый народъ? Кто когда пытался считать, какую пропорцію общаго числа людей какого нибудь народа составляютъ напримѣръ люди разсудительные и какую люди нерассудительные, какую люди твердой воли, какую люди слабой воли, и такъ далѣе, и какую пропорцію въ общемъ числѣ составляютъ люди того или другого изъ умственныхъ и нравственныхъ типовъ, образуемыхъ разными комбинаціями качествъ? —Ничего подобнаго не дѣлалось относительно какого бы то ни было народа. И должно прибавить, что количество труда, нужное для хорошаго прямого изслѣдованія психическихъ и нравственныхъ качествъ какого нибудь изъ цивилизованныхъ народовъ, далеко превышаетъ своей громадностью размѣръ силъ ученаго сословія этого народа.

Потому мы принуждены довольствоваться нашими субъективными, случайными и очень ограниченными наблюденіями характеровъ людей и выводами о нравственныхъ качествахъ изъ нашихъ знаній формъ быта и крупныхъ событій жизни народовъ. Сумма знаній, доставляемыхъ этими источниками, скудна и страдаетъ примѣсно шаткихъ догадокъ; но хорошо было бы, если бы мы заботились пользоваться хотя этими неудовлетворительными матеріалами съ внимательностью и осторожностью. Мы не сдѣлаемъ и этого. Ходячія понятія о характерахъ народовъ со-

ставлены небрежно или подъ преобладающимъ вліяніемъ нашихъ симпатій или антипатій. Въ примѣръ небрежности приведемъ общепринятое опредѣленіе національнаго характера древнихъ грековъ. Каждому изъ насъ врѣзалась въ память слѣдующая характеристика качествъ древняго греческаго народа:

«Национальными качествами грековъ были любовь къ искусству, тонкое эстетическое чувство, предпочтеніе изяшнаго роскошному, воздержность въ наслажденіяхъ, умѣренность въ питъѣ вина и тѣмъ болѣе въ ѣдѣ. Пирѣ грековъ были веселы, но чужды пьянства и обжорства».

Ограничимся этими чертами національнаго характера, приписываемаго грекамъ.

Беремъ тотъ періодъ жизни греческаго народа, который составилъ славу грековъ. Онъ начинается около эпохи мараонскаго сраженія и кончается около времени херонейской битвы. Въ этотъ періодъ важнѣйшими греческими государствами были спартанское, аѣинское, оиванское, сиракузское. Очень большую важность имѣли также коринѣское и агригентское. Не должно забывать и того, что самой обширной областью коренной греческой страны была Фессалія.

По тѣмъ же самымъ историкамъ, которые опредѣляютъ характеръ всего греческаго народа перечисленными у насъ чертами, спартацы были народъ, жертвовавшій потребностямъ военной гимнастики и дисциплины всѣми другими заботами или влеченіями. Съ той поры, какъ начинаются точныя извѣстія о спартацахъ, мы видимъ, что эти воины, принужденные жить у себя дома скудно и сурово, какъ въ лагерѣ, предаются оргіямъ, лишь вырвутся на свободу. Павзаній, побѣдитель при Платеѣ, первый спартаецъ, о жизни котораго мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, ужъ былъ таковъ. Оставшись на волѣ въ Византіи, онъ сталъ жить какъ персидскій сатрапъ и до того увлекся жаждой роскошнаго разврата, что хотѣлъ отдать Грецію подъ господство персидскаго царя, для полученія сатрапскаго владычества надъ ней въ должности персидскаго намѣстника. Менѣе знамениты, но достаточно извѣстны намъ гармоны Лизандра. Они держали себя тоже, какъ персидскіе сатрапы. Какихъ художниковъ, поэтовъ или ученыхъ произвела Спарта?—никакихъ; если бывали въ Спартѣ хорошіе музыканты, то они были прѣзжіе.

Оиванцы были обжоры и пьяницы по увѣренію всѣхъ историковъ и были лишены живости ума. Пьяные обжоры, они погрязали въ тупой умственной и нравственной апатіи. Фессалійцы были грубые пьянцы и развратники, презиравшіе всякую умственную дѣятельность.

Сиракузанцы и агригентцы не знали воздержанности ни въ чемъ; мудрад греческая умѣренность въ наслажденіяхъ была невѣдома имъ; потому она подверглась участи сибаритовъ, такъ говорятъ историки; коринѣяны они называютъ развратниками, подобными азіатцамъ.

Къ кому-жъ изъ грековъ примѣняется характеристика всего греческаго народа? Только къ аѣинянамъ. Да и то лишь къ аѣинянамъ двухъ поколѣвій, которыя жили между мараонской битвой и началомъ пелопоннесской войны. Въ эту войну аѣиняне были ужъ испорченный народъ, говорятъ намъ историки, а до мараонской битвы они еще не проявляли тѣхъ качествъ, какими прославились во времена Перикла. Мы видимъ, что вмѣсто характеристики греческаго народа намъ дается характеристика аѣинянъ во времена Перикла.

Характеристика греческаго народа, повторяемая большинствомъ историковъ, составлена небрежно. Но она хороша, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что не впадена дурными тенденціями.

Даже и этого достоинства лишены ходячія характеристики тѣхъ народовъ, которые еще существуютъ. Мы приведемъ лишь одну изъ нихъ.

Итальянцы, какъ извѣстно всѣмъ цивилизованнымъ народамъ кромѣ самихъ итальянцевъ, трусливы, коварны; и если не употребляется о нихъ выраженіе «подлый народъ», то лишь по свойственной нашему деликатному времени нелюбви къ слишкомъ грубымъ эпитетамъ, а смыслъ ходячей за Альпами характеристики итальянскаго народа тотъ самый, который на безцеремонномъ языкѣ выражается словомъ «подлость».

Мы выбрали для примѣра ходячую характеристику итальянскаго народа потому, что при разборѣ ея порицаніе за недобросовѣстность падаетъ не на одинъ какой нибудь народъ, а ложится общей виной на три націи: испанскую, французскую и нѣмецкую; да и англичане не участвовали въ составленіи этой характеристики только потому, что не случилось имъ предпринимать много экспедицій для покоренія Италіи. Ихъ ученымъ досталась характеристика, ужь изготовленная; они приняли ее.

Какимъ образомъ составилаь эта характеристика итальянскаго народа? Главнымъ источникомъ ея была досада завоевателей на желаніе итальянцевъ освободиться отъ ихъ владычества. Въ Италію ходили нѣмцы, плавали испанцы, ходили туда французы; всѣ они побѣждали, покоряли Италію или часть ея; при первой возможности покоренные разрывали обѣщанія, данныя покорителямъ, и пытались свергнуть съ себя ихъ иго. Какой покоренный народъ не поступалъ точно такъ же? Въ политическихъ дѣлахъ тяжелыя обѣщанія сохраняются, лишь пока не представляется надежды избавиться отъ ихъ исполненія. Что мы видимъ въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ или частей народовъ: примѣровъ противнаго нѣтъ. Одно изъ двухъ: или историки каждаго другого европейскаго народа должны называть свой народъ коварнымъ, или они не имѣютъ права ругать итальянскій народъ за то, за что прославляютъ свой народъ, за любовь къ независимости.

Но итальянцы не только коварны, они и трусы. Намъ говорить: чѣмъ же, какъ не превосходствомъ храбрости завоевателей, то-есть недостаткомъ мужества у итальянцевъ сравнительно съ ними объяснить завоеванія иноземцевъ въ Италіи?— Будемъ припоминать обстоятельства, при которыхъ итальянцы были побѣждаемы, и увидимъ, что ходъ событій опредѣлялся такими отношеніями силъ, при которыхъ итальянцы были бы побѣждаемы, еслибъ и превосходили своихъ иноземныхъ враговъ мужествомъ. Въ X вѣкѣ всѣ земли, составлявшія имперію Карла Великаго, раздробились на мелкія государства: шель процессъ раздробленія и въ Германіи, но медленнѣе, чѣмъ во французской и въ итальянской земляхъ. Нѣмецкій король еще сохранялъ довольно большую власть надъ областными государями, когда французскій король сталъ уже безсиленъ за границами своего непосредственнаго областнаго владѣнія; то-же самое, что во Франціи, было и въ Италіи. Въ этомъ отношеніи нельзя сказать объ итальянцахъ ничего дурного, чего не слѣдовало бы съ такой же силой примѣнить къ французамъ, а потомъ и къ нѣмцамъ. Напротивъ были обстоятельства, дѣлавшія утрату національной силы болѣе извинитель-

ной для итальянцев: южная часть ихъ земли оставалась подъ византійской властью; ихъ берега были ближе французскихъ для нападеній африканскихъ мусульманъ.—Италія была, подобно Франціи, раздроблена; но она была богаче Франціи. Нѣмецкіе короли справедливо находили, что выгодыѣ грабить и поработать Италію, чѣмъ Францію, потому ходили въ Италію. Могутъ ли быть обвиняемы въ недостатокѣ храбрости мелкія государства за то, что король большаго государства побѣждаетъ ихъ? Говорить: но итальянцы сами облегчали иноземцамъ завоеваніе своей земли междоусобіями. Что въ этомъ особеннаго? У какого народа раздробленнаго на разныя государства, не было междоусобій? —Когда восточная часть Испаніи объединилась въ сильное государство, а французская королевская династія объединила подъ непосредственной властью короля, большую часть Франціи и сдѣлала Провансъ владѣніемъ родственниковъ короля, то стали нападать на Италію арагонцы и французы. Такимъ образомъ, итальянцы должны были отбиваться отъ трехъ сильныхъ народовъ. Свидѣтельствуешь ли противъ храбрости ихъ то, что они были побѣждаемы? Такое положеніе дѣлъ оставалось до недавняго времени. Если мы всмотримся въ подробности борьбы мелкихъ итальянскихъ государствъ противъ сильныхъ иноземныхъ войскъ, мы увидимъ множество примѣровъ тому, что итальянцы сражались храбрѣе своихъ завоевателей.

Историки, называющіе итальянцевъ трусами, вообще держатся той теоріи, что качества народа составляютъ неизмѣнный потомственный характеръ его, наследуемый потомками отъ предковъ; о томъ, на сколько сообразна съ фактами эта теорія, мы будемъ говорить послѣ. Теперь замѣтимъ, что ученые, держащіеся ея, были бы повидимому обязаны считать итальянцевъ очень храбрымъ народомъ. Дѣйствительно, кто предки итальянцевъ? римляне; или, если прибавить и второстепенные элементы, то кромѣ римлянъ также греки, лангобарды, норманны, арабы. Всѣ эти народы считаются очень храбрыми. Какимъ же образомъ потомки храбрыхъ могутъ получать названіе трусовъ отъ людей, постоянно твердящихъ о неизмѣнной наследственности характера? Это дѣлается по очень легкому способу: теорія наследственности проповѣдуется на тѣхъ страницахъ, на которыхъ автору надобно твердить ее, а на промежуточныхъ страницахъ, для которыхъ она неудобна, мѣсто ея занимаетъ какая-нибудь другая теорія, болѣе удобная для автора въ эти часы его соображеній, чаще всего теорія вырожденія. Если историкъ, проповѣдующій теорію неизмѣнности національныхъ качествъ, пишетъ подробный разсказъ о средневѣковыхъ нашествіяхъ на Италію, итальянцы на страницахъ его разсказа вырождаются и возрождаются много разъ. Подходитъ большое иноземное войско, напримѣръ къ Риму. Въ Римѣ передъ тѣмъ временемъ было междоусобіе; побѣжденная партія мѣшаетъ ненавистнымъ противникамъ въ дѣлѣ обороны или предательски открываетъ ворота города иноземцамъ. Въ этомъ нѣтъ ровно ничего особеннаго римскаго или итальянскаго; такъ дѣлалось во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ городахъ во времена междоусобій. Но такъ ли поступили древніе римляне, когда подошелъ къ Риму Ганнибалъ? Нѣтъ, не такъ. Они не впустили Ганнибала въ Римъ. А теперь, въ такой-то годъ XI или XII столѣтія римляне сдѣлались нѣмецкому королю. Очевидно, за разсказомъ объ этомъ очень удобно можетъ быть помѣщена тирада въ патетическомъ тонѣ съ восклицательными знаками: «Да, римляне теперь не были достойными потомками тѣхъ римлянъ, которые назначили торгъ на аренду земель, занятыхъ подъ стѣнами Рима войскомъ Ганнибала и да-

вали за участки этихъ земель такую же высокую арендную плату, какъ въ мирное время, непоколебимо убѣжденные, что скоро отѣснятъ грознаго врага! Теперь въ Римѣ уже не было истинныхъ римлянъ! Жалкіе люди, называвшіе себя этимъ славнымъ именемъ, были...» идутъ всякіе ругательные эпитеты, какіе только позволяетъ автору употребить его благовоспитанность. — Нѣмецкій король вошелъ въ Римъ, папа коронуется его. На коронаціонномъ праздникѣ нѣмецкое войско разбуянилось; жители Рима, выведенные изъ терпѣнія, забыли, что шансы удачи для нихъ малы, схватились за оружіе; начался бой противъ нѣмцевъ. Исходъ его, разумѣется, зависѣлъ отъ того, успѣли-ль къ этому часу дня перепиться почти всѣ нѣмцы, или большинство ихъ, хотя и пьяное, еще сохранило силу крѣпко держаться на ногахъ и разсудокъ смыкаться въ боевой порядокъ. Если сохраняло, то войско, хорошо дисциплинированное и превосходно вооруженное, одерживало побѣду надъ нестройными толпами людей, между которыми было мало опытныхъ солдатъ. А если нѣмцы были пьяны до неспособности сражаться, то народъ вымывалъ ихъ изъ Рима. Въ такомъ случаѣ историкъ размышляетъ, вставить или не вставить въ разсказъ тираду о томъ, что римляне показали себя достойными потомками славныхъ предковъ. Если онъ находитъ, что тирада о ихъ трусости не отдѣлена отъ страницы, которую пишетъ онъ, количествомъ страницъ достаточнымъ для возрожденія римлянъ, они останутся на этотъ разъ невозродившимися. Но черезъ пять или семь лѣтъ нѣмецкій король — теперь уже римскій императоръ — снова идетъ къ Риму. На этотъ разъ у римлянъ не было междоусобія, или побѣдившая партія успѣла установить крѣпкую власть, побѣжденные въ чувствѣ своего безепія помирились съ побѣдителями; пѣмны нѣтъ, правительство сдѣлало большіе запасы провіанта; городъ выдерживаетъ продолжительную осаду; нѣмцы разбиты удачною вылазкой, или большинство ихъ погибло отъ битвъ и болѣзней; они отступаютъ, римляне преслѣдуютъ ихъ. Тутъ историкъ чувствуетъ сильное желаніе возродить римлянъ и не находитъ никакихъ препятствій къ этому, потому что послѣдняя тирада о ихъ трусости помѣщена не ближе, какъ страницъ за десять передъ той, которую пишетъ онъ теперь: римляне возрождаются подъ его перомъ. Если вы одарены человѣколюбивымъ образомъ мыслей, не спѣшите радоваться: черезъ достаточное число страницъ они снова вырождаются; по знайте впередъ, что вамъ не будетъ тогда надобно предаваться большому огорченію: они черезъ вѣсколько страницъ возродятся въ двадцатый или въ двадцать первый разъ.

Много геройскихъ подвиговъ совершали итальянцы въ долгіе вѣка своей раздробленности. Но съ самаго завоеванія лангобардскаго королевства Карломъ Великимъ до очень недавняго времени они не могли отбиться отъ многочисленныхъ, могущественныхъ враговъ: каждый соедѣ, когда могъ собрать большое войско, шелъ или шлылъ грабить богатую и раздробленную Италію; если итальянцы успѣвали отразить его, онъ, оправившись отъ неудачи, возобновлялъ нападенія, а если онъ долго оставался ослабѣвшимъ, то вмѣсто него шелъ грабить Италію другой соедѣ; потому при множествѣ удачныхъ сраженій итальянцы никогда не имѣли времени отдохнуть, и побѣды ихъ оставались напрасны: отбившись отъ нѣмцевъ, они подвергались нападеніямъ испанцевъ или французовъ; даже венгры много разъ ходили грабить Италію. Отразивъ одно нападеніе, изнуренные итальянцы дѣлались жертвами, если не второго, то третьяго нападенія и снова оказывались трусами, по мнѣнію побѣдителей, повторяемому до сихъ поръ большинствомъ

историковъ другихъ націй. Историки вообще расположены превозносить покорителей и ругаться надъ покоренными. Это не ихъ профессиональная слабость, а только результатъ зависимости ихъ сужденій отъ общественнаго мнѣнія націй, къ которымъ принадлежатъ они.

Теперь можно полагать, что Италія сохранить свою независимость. Тѣ народы, которые стремились грабить и поработать ее, начинаютъ, кажется, привыкать къ мысли, что итальянскій народъ не поддастся иноземному владычеству безъ упорнаго сопротивленія, что желаніе поработить его должно быть отброшено, какъ неудобоеисполнимое. Когда они привыкнутъ думать такъ, ихъ историки будутъ справедливѣе судить о прошломъ итальянскаго народа, будутъ признавать, что хотя раздробленность и отнимала у него силу успѣшно бороться противъ иноземныхъ нашествій, но разрозненные и потому слабыя части его выказывали въ первой борьбѣ не меньше мужества, чѣмъ ихъ поработители.

Тогда исчезнетъ одна изъ тѣхъ пошлыхъ выдумокъ, на которыхъ держится теорія вырожденія народовъ во времена упадка ихъ военнаго могущества.

Итальянцы—потомки того народа, который покорилъ и цивилизовалъ Пиренейскій полуостровъ, Галлію, Англію и часть Германіи, покорилъ всѣ земли кругомъ Средиземнаго моря и много земель, далекихъ отъ него. Римское государство стало ослабѣвать; восточная половина, въ которой преобладала греческая цивилизація, сдѣлалась особымъ государствомъ; западная половина, оставшаяся подъ властью римлянъ, продолжала ослабѣвать и вскорѣ была ограблена и поработена варварами. Изъ этого выводять, что римляне выродились. Дѣло объясняется фактами, не оставляющими мѣста для этого приговора. Съ какого времени началось мнимое вырожденіе римлянъ? Обыкновенно считаютъ первымъ важнымъ проявленіемъ его пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу. Но болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до того кимбры и тевтоны истребили нѣсколько римскихъ войскъ, не менѣе многочисленныхъ, чѣмъ войско Вара, и ворвались въ Италію. За сто лѣтъ раньше того былъ фактъ, еще болѣе характеристичный: Ганнибалъ вошелъ въ Италію, нанесъ нѣсколько пораженій римскимъ войскамъ, превосходившимъ численностью его войско, тринадцать лѣтъ держался въ Италіи и покинулъ ее, лишь повинувшись приказанію правительства своей родины. Не съ этого ли времени слѣдуетъ считать римлянъ выродившимися? — Есть историки, у которыхъ мелькаетъ въ мысляхъ такое предположеніе. Съ той точки зрѣнія, на которой стоятъ цѣнители нравственныхъ качествъ народа по успѣшности битвъ, оно справедливо. Но война, долго шедшая постыдно для римлянъ, кончилась побѣдой ихъ; и послѣ того они сдѣлали громадные завоеванія. Это мѣшаетъ признать ихъ выродившимися въ эпоху нашествія Ганнибала. Напрасное затрудненіе: скажемъ, что они выродились передъ второй пунической войной и возродились во время ея; этимъ будетъ объяснено все: и позоръ пораженій на Требии, у Тразименскаго озера, при Каннахъ, и еще постыднѣйшая трусость римлянъ, допускавшая ослабѣвшаго Ганнибала оставаться въ Италіи цѣлыя тринадцать лѣтъ послѣ битвы при Каннахъ, и побѣда римлянъ надъ нимъ и послѣдующія ихъ завоеванія. Сдѣлавъ огромныя завоеванія, римляне стали ослабѣвать и были наконецъ покорены варварами. Изъ этого выводится, что они выродились. Но у тѣхъ же самыхъ историковъ разсказываются факты, достаточно объясняющіе разрушеніе римской имперіи и безъ этого фантастическаго предположенія. Припомнимъ лишь одну ту сторону хода

перемѣнѣ въ обстоятельствахъ, которая преобразовала составъ римскаго войска, и паденіе римской имперіи уже будетъ понятно безъ помощи пустыхъ выдумокъ. Когда римляне, покоривъ сосѣднія итальянскія земли, стали ходить за Альпы и отправлять войска за море, перестало быть возможнымъ для ихъ воиновъ прежнее соединеніе военнаго ремесла съ домашнимъ бытомъ. Народъ раздѣлился на два класса: большинство гражданъ покинуло военную службу по несовмѣстности ея съ сохраненіемъ домашнего хозяйства, меньшинство бросило домашній бытъ, стало профессиональнымъ военнымъ сословіемъ, оторвавшись отъ общественныхъ связей; римскіе солдаты сдѣлались похожими по своимъ чувствамъ на средневѣковыхъ наемниковъ; имъ было все равно, съ кѣмъ сражаться, лишь бы получать жалованье и обогащаться добычей; римскіе полководцы стали похожи на итальянскихъ кондоттиеровъ. Таковъ былъ Марій; много раньше того уже занялъ подобное положеніе Сципіонъ Африканскій, побѣдитель Ганнибала: масса того войска, съ которымъ онъ поплылъ въ Африку, составила изъ людей, шедшихъ служить не сенату или народному собранію, а лично полководцу, обѣщавшему добычу и дававшему жалованье на первое время изъ своихъ собственныхъ денегъ. Мужественно ли или нѣтъ оставалось большинство римлянъ, отвыкшее отъ военнаго дѣла, все равно: оно не могло противиться своимъ войскамъ. Это было положеніе подобное тому, какое существовало во всей западной Европѣ съ конца среднихъ вѣковъ до недавняго времени. Французы или нѣмцы, испанцы или англичане XVI вѣка и слѣдующихъ двухъ столѣтій были одинаково неспособны сопротивляться своимъ войскамъ. Скажемъ ли мы, что всѣ эти народы были тогда трусливы? Они просто не знали военнаго дѣла. Припомнимъ исторію Англіи во время войнъ Алой и Бѣлой розъ: одинъ изъ соперниковъ собираетъ воиновъ по ремеслу, охраняющихъ уэльскую границу, другой — воиновъ по ремеслу, охраняющихъ шотландскую границу; они идутъ одинъ на другого; кто одержалъ побѣду, входитъ въ Лондонъ и становится владыкой Англіи. Нѣчто подобное этому представляютъ войны Суллы съ Маріемъ, Цезаря съ Помпеемъ. Въ Римѣ возникаетъ наконецъ наслѣдственность сана верховнаго полководца въ семействѣ Юлія Цезаря: всѣ полководцы повинуются этому главнокомандующему войскъ римскаго государства. То же самое начинается и въ Англіи со времени, какъ овладѣлъ государствомъ Генрихъ Тюддоръ. Въ XVII столѣтіи масса нѣмецкаго народа — беззащитная жертва армій Тилли, Валленштейна, Беригарда Саксонскаго. Отъ Беригарда зависитъ основать себѣ государство въ юго-западной Германіи или отдать свои завоеванія королю французскому. Франконія и Швабія принадлежатъ ему, какъ Италія Марію въ отсутствіе Суллы. Западная Европа выдержала это положеніе и мало-по-малу вышла изъ чего къ началу нынѣшняго вѣка, благодаря тому, что по границамъ Испаніи, Франціи, Германіи не было варваровъ, нѣмшихъ главной своей мыслью грабить сосѣднія цивилизованныя земли и научившихся военному искусству на службѣ у народовъ этихъ земель. «Но существенный признакъ вырожденія римлянъ въ III и IV столѣтіяхъ нашей эры состоитъ именно въ томъ, что они брали массы иноземцевъ на свою службу», говорятъ намъ. А что такое дѣлали французы съ конца XV до начала XVIII столѣтія? Держало тогда или не держало французское правительство на своей службѣ многочисленный корпусъ швейцарскихъ наемниковъ? И сколько иноземцевъ было въ войскахъ Фридриха II? — Столько, сколько могъ онъ набрать; тѣмъ больше, тѣмъ пріятнѣе было ему.

Съ той поры, какъ историки считаютъ надобнымъ изучать политическую экономію и толковать о раздѣленіи труда, они въ книгахъ о послѣднихъ временахъ римской республики и о римской имперіи сами разъясняютъ, какими экономическими силами была произведена замѣна войска, состоящая изъ гражданъ домохозяевъ, войскомъ солдатъ по ремеслу и потомъ замѣна итальянцевъ на военной службѣ уроженцами областей менѣе цивилизованныхъ и иноземными варварами. Потому давно пора было бы бросить фантазію о вырожденіи римлянъ, слѣдовало бы говорить лишь о томъ, что масса итальянскаго населенія перестала образовывать главную массу войска, непрерывно ведущаго войны на отдаленныхъ границахъ и живущаго тамъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Такимъ образомъ, паденіе римской имперіи, завоеваніе Италіи варварами достаточно объясняется ужъ одной той перемѣной, которую произвели въ составѣ войска громадныя завоеванія римлянъ. Но вмѣстѣ съ военной перемѣной дѣйствовали въ томъ же разрушительномъ направленіи другія перемѣны, произведенныя завоеваніями; изъ нихъ особенно важна была перемѣна въ политическомъ устройствѣ государства; она была важнѣе военной. Соединяя дѣйствія этихъ перемѣнъ, мы найдемъ совершенно излишней выдумку фантазію о вырожденіи римскаго народа.

Отложимъ споръ противъ фантастическихъ мифній, перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій о національномъ характерѣ, которыя соответствуютъ нынѣшнему состоянію знаній о жизни народовъ. Для упрощенія дѣла будемъ говорить только о тѣхъ народахъ, которые принадлежатъ къ романскому и германскому отдѣламъ арійскаго семейства. Едва ли найдется теперь историкъ, который не признавалъ бы, что всѣ отдѣлы арійскаго семейства имѣли первоначально одинаковыя умственные и нравственные качества. Тѣмъ менѣе возраженій со стороны людей, знакомыхъ съ изслѣдованіями о первобытныхъ временахъ жизни арійцевъ можетъ встрѣтиться мысль, что первоначально не было никакой разницы въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ между людьми сосѣднихъ двухъ отдѣловъ арійскаго семейства, населяющихъ теперь западную Европу, большую часть Америки, нѣкоторыя части Австраліи и южной Африки. Кто будетъ спорить противъ этого мифнія, покажетъ только свое желаніе отрицать результаты филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Итакъ предки романскихъ и германскихъ народовъ имѣли одинаковыя умственные и нравственные качества. Теперь эти народы во многомъ отличаются одинъ отъ другого по своимъ учрежденіямъ и обычаямъ. Какъ произошла разница между ними? Есть мифіе, приписывающее ее вліянію примѣси людей не-арійскаго происхожденія. Говорятъ напримѣръ, что пберійцы (предки басковъ), народъ не-арійскаго семейства, составили очень значительную долю населенія, говорившаго римскимъ (или романскимъ) языкомъ въ вестготскомъ государствѣ: говорятъ, что осталась въ нынѣшнихъ испанцахъ и португальцамъ значительная примѣсь арабской и берберской крови. Она гораздо менѣе велика, чѣмъ полагаютъ ученые, говорящіе о значительности ея. Но отложимъ споръ. Пусть вліяніе иноплеменныхъ элементовъ на сформированіе нынѣшнихъ испанской и португальской національностей было велико. Но безспорно то, что во французскомъ народѣ очень мало примѣси крови какихъ нибудь людей, кромѣ кельтовъ, римлянъ и германцевъ. Въ западной Германіи почти всѣ люди потомки германцевъ. Въ Англіи и Шотландіи почти всѣ люди потомки кельтовъ, итальянцевъ и германцевъ

или скандинавовъ. Кельты теперь признаны имѣвшими національность, еще болѣе близкую къ латинской, чѣмъ первоначальная германская. Такимъ образомъ основные элементы французскаго, англійскаго и западно-германскаго населенія должны быть признаны тождественными, (по тождеству первобытныхъ италійцевъ и германцевъ). Что же мы видимъ теперь? Не будемъ говорить о разницѣ между англичанами, французами и западными нѣмцами, обратимъ вниманіе на каждый изъ этихъ народовъ отдѣльно. Беремъ Францію. Французскій народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ племенныхъ отдѣловъ. Когда мы сравниваемъ общеупотребительныя характеристики ихъ, то кромѣ принадлежности къ одной филологической народности мы не найдемъ ни одной черты, которая была бы общей для всѣхъ ихъ. По ходячимъ характеристикамъ нормандецъ человѣкъ болѣе различный своими умственными и нравственными качествами отъ гасконца, чѣмъ отъ англичанина.—Англія въ четыре раза меньше Франціи, но тоже дѣлится на нѣсколько областей, въ каждой изъ которыхъ, если судить по характеристикамъ, даваемымъ этнографами, живетъ племя, вовсе не похожее своими умственными и нравственными качествами на другіе отдѣлы англійскаго народа. Приведемъ одинъ примѣръ. По общему мнѣнію англійскихъ и шотландскихъ этнографовъ, населеніе южной Шотландіи очень рѣзко отличается отъ массы англичанъ своими нравственными качествами. Эти шотландцы далеко превосходятъ англичанъ, по англійскому мнѣнію, хитростью и жадностью (а по своему выраженію, разсудительностью). Но жители сѣверной части Англіи говорятъ тѣмъ же нарѣчіемъ, имѣютъ тѣ же привычки, какъ эти шотландцы, и не отличаются отъ нихъ ничѣмъ, кромѣ того, что называютъ себя англичанами, а не шотландцами.—Нечего говорить о томъ, что швабы по этнографическимъ характеристикамъ ни мало не похожи на вестфальцевъ; этого достаточно относительно западной Германіи, въ населеніи которой нѣтъ никакой иноплеменной примѣси.

Правда, ходячія характеристики французскаго, англійскаго и нѣмецкаго народовъ фантастичны, такъ что французы дивятся и, смотря по настроенію духа, хохочутъ или сердятся, читая неслѣпости, пользующіяся у иноземцевъ репутаціей характеристики французскаго народа, и точно такія впечатлѣнія производятъ на нѣмцевъ ходячая у иноземцевъ характеристика нѣмецкой націи, на англичанъ—континентальная характеристика англійской націи; но нѣкоторыя разницы въ привычкахъ этихъ народовъ дѣйствительно существуютъ. Неслѣпы и тѣ ходячія характеристики, по которымъ каждый отдѣлъ населенія Франціи, Англіи, западной Германіи оказывается вовсе не похожъ на другія племена своей націи; но дѣйствительно есть и областныя разницы привычекъ. Какимъ же образомъ возникли эти областныя и національныя различія между людьми, происшедшими отъ предковъ, имѣвшихъ одинаковыя качества и привычки, отъ людей одного отдѣла, одного лингвистическаго семейства?

Народъ — группа людей, качества народа — сумма индивидуальных качествъ людей, составляющихъ эту группу; потому качества народа измѣняются переменъ качествъ отдѣльныхъ людей, и причины переменъ однѣ и тѣ же въ обоихъ случаяхъ. Какимъ образомъ, на примѣръ, народъ, говорившій однимъ языкомъ, начинаетъ говорить другимъ? Отдѣльныя лица находятъ надобнымъ выучиваться чужому языку; если та же надобность одинакова для всѣхъ

взрослыхъ семействъ, ихъ дѣти уже въ своемъ семействѣ привыкають говорить на языкѣ, который прежде былъ чужимъ ему; когда эта переменна произойдетъ въ большинствѣ семействъ, прежній языкъ будетъ быстро забываться массою народа, новый станетъ роднымъ ей. Разница между переменною языка у отдѣльнаго человека и у народа состоитъ только въ продолжительности времени, нужнаго для нея.

Точно то же происходитъ въ дѣлѣ приобрѣтенія или утраты всякихъ знаній и привычекъ. Отъ перемены въ знаніяхъ и привычкахъ измѣняется такъ называемый характеръ людей.

Но какимъ причинамъ человекъ приобрѣтаетъ какія-нибудь знанія? — Отчасти по склонности всякаго мыслящаго существа изучать предметы и размышлять о нихъ, отчасти по житейской надобности въ тѣхъ или другихъ знаніяхъ. Любознательность, склонность къ наблюденію и размысленію—природное качество не человека только, но всѣхъ существъ, имѣющихъ сознаніе. Едва-ли найдется теперь натуралистъ, который не признавалъ бы, что всѣ существа, имѣющія нервную систему и глаза—существа мысляща, что они изучаютъ обстановку своей жизни, заботятся улучшить ее. Потому теперь должно прямо называть не заслуживающимъ вниманія тотъ предразсудокъ, по которому ученые въ старину приписывали любознательность только нѣкоторымъ народамъ, а у другихъ отрицали ее. Никогда не было и не можетъ быть ни одного здороваго человека, который не имѣлъ бы нѣкоторой любознательности и нѣкотораго желанія улучшить свою жизнь.

Итакъ влеченіе къ приобрѣтенію знаній и склонность къ заботѣ объ улучшеніи своей жизни—врожденные качества человека, подобно дѣятельности желудка. По существованіе дѣятельности желудка и потребность въ пищѣ могутъ оставаться плохо удовлетворенными по неблагопріятности вѣнншихъ обстоятельствъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппетитъ вовсе пропадаетъ. Когда вѣннія обстоятельства не благопріятны приобрѣтенію знаній и успѣху заботъ объ улучшеніи жизни, умственная дѣятельность будетъ идти слабѣе, чѣмъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ замирать, какъ могутъ замирать другія влеченія человѣческой природы, безъ которыхъ дѣятельность легкихъ, желудка и другія такъ называемыя функція растительной жизни человека продолжаютъ не ослабѣвая. Отъ слишкомъ продолжительнаго голода человекъ умираетъ, отъ замиранія любознательности или эстетическаго чувства онъ не умираетъ, а только становится оупѣвшимся въ этихъ отношеніяхъ. Что можетъ происходить съ отдѣльнымъ человекомъ, то можетъ происходить и съ огромнымъ большинствомъ народа, если оно подвергается тѣмъ же давленіямъ, и съ цѣлымъ народомъ, если подвергаются имъ всѣ люди, составляющіе его. При благопріятныхъ обстоятельствахъ врожденная склонность человека къ приобрѣтенію свѣдѣній и къ улучшенію своей жизни развивается; то же самое несомнѣнно и относительно народа, потому что всѣ перемены въ его физическомъ-ли, умственномъ-ли состояніи—суммы переменъ, происходящихъ въ состояніи отдѣльныхъ людей.

Въ старину были споры о томъ, хороши или дурны врожденные нравственные склонности человека. Теперь слѣдуетъ назвать обветшалыми сомнѣнія въ томъ, что онѣ хороши. Это опять частнымъ случаемъ гораздо болѣе широкаго

закона жизни органических существъ, одаренныхъ сознаниємъ. Есть такіе роды или виды живыхъ существъ, которые предпочитаютъ одинокую жизнь, чуждаются общества подобныхъ себѣ. Между млекопитающими таковы, какъ говорятъ, кротъ. Но громадное большинство видовъ млекопитающихъ находятъ пріятнымъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ подобными себѣ. Это достоверно обо всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ млекопитающихъ, которые по своей организаціи менѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ кротъ. Пока считалось возможнымъ называть всѣ другія живыя существа, кромѣ человѣка, лишенными сознания, можно было ставить вопросъ, — добръ, или злъ онъ по природѣ. Теперь этотъ вопросъ лишился смысла. Человѣкъ имѣетъ природную склонность къ доброжелательству относительно существъ своего вида, какъ имѣютъ ее всѣ тѣ живыя существа, которыя предпочитаютъ одиночеству жизнь въ обществѣ подобныхъ себѣ.

Но и склонность къ доброжелательству можетъ ослабѣвать подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ для нея обстоятельствъ. Существа самыя кроткія ссорятся между собою, когда обстоятельства, возбуждающія къ враждѣ, сильнѣе склонности къ доброжелательству. Дерутся между собою пани, и голуби. Едва-ли были дѣлаемы точныя наблюденія для разъясненія вопроса, до какой степени можетъ испортиться характеръ ихъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, развивающихъ злыя привычки. Но о тѣхъ млекопитающихъ, которыя давно сдѣлались предметомъ постоянныхъ внимательныхъ наблюденій, какъ напримѣръ лошади, всѣмъ извѣстно, что при раздражающемъ ходѣ жизни характеръ ихъ можетъ сильно портиться.

Наоборотъ мы знаемъ, что млекопитающія, по своей природѣ жестоки къ существамъ другихъ видовъ и расположенны драться между собою при самыхъ маловажныхъ столкновеніяхъ интересовъ, пріобрѣтаютъ довольно кроткій характеръ, когда человѣкъ заботится о развитіи доброжелательности въ нихъ. При соображеніяхъ объ этомъ обыкновенно припоминается собака. Но еще замѣчательнѣе развитіе кротости въ кошкѣ. По природнымъ склонностямъ, кошка существо гораздо болѣе жестокое, чѣмъ волкъ. Однако же всѣ мы знаемъ, что кошка легко привыкаетъ держать себя мирно относительно домашней птицы. Есть множество разказовъ о кошкахъ, привыкшихъ кротко выносить всякія обиды отъ маленькихъ дѣтей, играющихъ съ ними.

Одно изъ самыхъ важныхъ различій между млекопитающими по нравственнымъ качествамъ обуславливается устройствомъ ихъ желудка, по которому нѣкоторые семейства питаются исключительно растительной пищей, другія исключительно животной. Всѣ мы знаемъ, что собака, родственница волка и шакала, питающихся исключительно пожираниємъ животныхъ, легко привыкаетъ ѣсть хлѣбъ и всѣ другіе сорты той растительной пищи, которую ѣдятъ люди. Она не можетъ питаться только сѣномъ, которымъ не способенъ питаться и человѣкъ. Едва ли были дѣлаемы точныя наблюденія о томъ, могутъ ли собаки совершенно отвыкать отъ мясной пищи. Но всѣмъ извѣстно, что собаки нѣкоторыхъ охотничьихъ породъ приучаются съ омерзениємъ отвращаться отъ ѣды тѣхъ животныхъ, для охоты за которыми употребляются. Такая собака, мучимая голодомъ, не можетъ ѣсть такъ называемой дичи. Наоборотъ лошадь и корова или волъ легко привыкаютъ ѣсть мясной супъ. Были наблюдаемы случаи, что серны или сайги, живущія въ плѣну у человѣка, ѣли сало. Когда мы припоминаемъ такія рѣзкія перемѣны

качествъ, непосредственно обусловленныхъ устройствомъ желудка, то должны утратить для насъ всякій смыслъ сомнѣнія въ томъ, способны ли очень сильно видоизмѣняться подъ вліяніемъ обстоятельствъ качества, менѣе устойчивыя, чѣмъ особенности, зависящія отъ устройства желудка.

Умственные и нравственные качества менѣе устойчивы, чѣмъ физическія, потому должно думать, что и наслѣдственность ихъ менѣе устойчива. Размѣръ наслѣдственности ихъ еще не опредѣленъ научными изслѣдованіями съ такой точностью, какая нужна для рѣшенія вопросовъ объ умственныхъ и нравственныхъ сходствахъ и разницахъ между людьми одного физическаго типа. Мы должны составлять себѣ понятія объ этомъ лишь по случайнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія приобретаемъ житейскими наблюденіями надъ сходствомъ или несходствомъ дѣтей съ родителями, братьевъ или сестеръ между собой.

Чтобы опредѣлить, каково въ сущности мнѣніе, приобретенное разсудительными людьми по житейскимъ наблюденіямъ этихъ сходствъ и разницъ, употребимъ способъ рѣшенія точно опредѣленныхъ гипотезъ, употребляемый натуралистами для разъясненія понятій о вопросахъ, которые трудно рѣшить анализомъ конкретныхъ фактовъ.

Предложимъ себѣ слѣдующую задачу. Въ глухомъ селеніи одной изъ земель западной Европы живутъ жена и мужъ, люди одного физическаго типа, одинаковыхъ характеровъ. Всѣ мужчины въ ихъ селеніи землевладѣльцы, а женщины помогаютъ мужчинамъ въ сельскихъ работахъ. Эти мужъ и жена ведутъ такой же образъ жизни; они трудолюбивы, честны, добры. У нихъ родился сынъ. Черезъ годъ по его рожденіи они умираютъ. Ближайшій родственникъ сироты — двоюродный братъ его матери, человѣкъ женатый, но бездѣтный. () немъ и о его женѣ намъ извѣстно только, что они люди честные, добрые, трудолюбивые и не бѣдные, что они живутъ въ столицѣ страны другого народа, что они родились и всю жизнь провели тамъ, говорятъ на языкъ этой столицы, не знаютъ никакого другого, и выдвигали нивы развѣ проѣздомъ по желѣзной дорогѣ. Больше ничего неизвѣстно намъ о нихъ. Мы не знаемъ, къ какому сословію гражданъ столицы принадлежатъ они и какой образъ жизни ведутъ: намъ сказано только, что они честные. Будучи извѣщены о смерти своей родственницы и ея мужа и о томъ, что остается сиротка, они рѣшаютъ взять малютку на воспитаніе къ себѣ и усыновляютъ. Прошло 29 лѣтъ. Усыновленный сирота сталъ 30 лѣтнимъ мужчиной. Его пріемные отецъ и еще мать живы; они любятъ его, какъ родного сына; онъ также любитъ ихъ, какъ родныхъ отца и мать. Подобно имъ, онъ трудолюбивъ. Со времени его усыновленія, въ жизни его не было никакихъ необыкновенныхъ случаевъ. Больше ничего не извѣстно намъ о немъ. Спрашивается, каковы, кромѣ трудолюбія, его привычки и качества и чѣмъ онъ занимается? На нѣкоторые вопросы объ этомъ можно дать отвѣты, имѣющіе очень большую степень вѣроятности. Такъ наприимѣръ очень вѣроятно, что этотъ мужчина сталъ человѣкомъ той національности, къ которой принадлежитъ масса жителей столицы. Этотъ отвѣтъ подсказанъ тѣмъ свѣдѣніемъ, что усыновившее сироту семейство не знало языка его родины, говорило на языкъ столицы, въ которой выросло. Очень вѣроятно также, что онъ горожанинъ, а не земледѣлецъ. Это мнѣніе также основано на нашихъ знаніяхъ объ усыновившихъ его родныхъ. Землевладѣлецъ ли онъ? Едва ли; зажиточные горожане въ западной Европѣ находятъ профессію землепашца

невыгодной для себя и не готовить къ ней своихъ младшихъ. По всей вѣроятности, онъ горожанинъ. Какой городской профессіей занимается онъ; ремесленникъ онъ, или школьный учитель, или адвокатъ, или врачъ? Никакого сколько нибудь разсудительнаго рѣшенія этого вопроса мы не можемъ сдѣлать, потому что не знаемъ, какой городской профессіей занимался пріемный отецъ и какихъ мыслей объ этой профессіи держались онъ и его жена; находили ли они, что ихъ пріемному сыну лучше всего будетъ стать человѣкомъ этой же профессіи, или предпочитали ей какую нибудь другую.

Намъ теперь легко узнать истинный характеръ нашихъ мнѣній о томъ, вліянію ли происхожденія или вліянію жизни мы приписываемъ преобладающую силу въ дѣлѣ образованія нравственныхъ качествъ. Мы нашли вѣроятнымъ, что сирота сдѣлался честнымъ человѣкомъ. Онъ росъ въ честномъ семействѣ; будучи огражденъ отъ нищеты благосостояніемъ и любовью своихъ пріемныхъ отца и матери, онъ безъ труда могъ приобрести привычку гнушаться воровствомъ и другими видами безчестныхъ поступковъ. Чтобы провѣрить, дѣйствительно ли вліянію жизни, а не вліянію происхожденія мы приписываемъ развитіе хорошихъ качествъ, перемѣнимъ условія гипотезы, предположимъ, что люди усыновившіе сироту, жили плутовскими продѣлками и считали глупостью быть честными относительно постороннихъ людей. Велика ли увѣренность, что сирота, воспитанный ими, выросъ честнымъ человѣкомъ? Мы видимъ, что нравственные качества его родителей вовсе не принимаются нами въ соображеніе, потому что онъ сталъ сиротой раньше, чѣмъ могъ научиться отъ нихъ чему нибудь дурному или хорошему.

Перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій о развитіи характера отдѣльныхъ людей, которыя соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію нашихъ теоретическихъ знаній и выводамъ изъ житейскихъ наблюденій. Для упрощенія дѣла мы будемъ говорить исключительно о западно-европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства. Когда люди передовыхъ націй привыкнувъ справедливо судить другъ о другѣ, они будутъ приготовлены справедливѣе нынѣшняго судить и о людяхъ другихъ лингвистическихъ или расовыхъ отдѣловъ.

Беремъ двухлѣтняго ребенка. Опаснѣйшее время физическаго развитія ужъ перенесено имъ. Онъ остался здоровымъ, крѣпкимъ. Устранимъ всякія предположенія о какихъ нибудь особенныхъ бѣдствіяхъ въ слѣдующіе годы его физическаго развитія и спросимъ себя, нужны ли какія нибудь благопріятныя условія жизни для того, чтобъ онъ выросъ здоровымъ. Мы знаемъ, что для этого нужны между прочимъ удовлетворительная пища и удовлетворительная обстановка домашней жизни. Изъ сотни здоровыхъ двухлѣтнихъ дѣтей доживетъ 80 или 90 здоровыми до 20 лѣтнаго возраста, если эти условія существуютъ для нихъ. А если ихъ семейства обвиняли около того времени, какъ они достигли двухлѣтнаго возраста, и послѣдующій ростъ ихъ будетъ идти въ сырыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ, пища имъ будетъ дурна и недостаточна, то очень многіе изъ нихъ умрутъ, не достигнувъ совершеннолѣтія, а многіе изъ уцѣлѣвшихъ окажутся получившими какія нибудь болѣзни, порождаемая дурнымъ питаніемъ и сыростью жилищъ.

Физическія качества двухлѣтнаго ребенка несравненно устойчивѣе тѣхъ нравственныхъ качествъ, или точнѣе сказать, еще не качествъ, а только наклоностей къ качествамъ, какія имѣетъ онъ. У двухлѣтнаго ребенка ужъ обозначи-

лись всё тѣ физическія особенности, какія будетъ онъ имѣть въ годы совершеннолѣтія, если останется здоровъ. Но о даровитости двухлѣтняго ребенка мы не можемъ составить себѣ основательныхъ понятій; и если называемъ дѣтей этого возраста даровитыми или бездарными, то лишь фантазируемъ на основаніи нашихъ симпатій или антипатій. Не только о двухлѣтнихъ, даже о восьмилѣтнихъ дѣтяхъ трудно судить, даровитыми или тушыми людьми стануть они. А нравственныя качества менѣе устойчивы, чѣмъ умственныя способности.

Теперь доказано, что дитя чахоточныхъ родителей родится не имѣющимъ чахотки; обыкновенно бываетъ только то, что чахоточные родители малокровны, имѣютъ слабо развитую грудь и что эти качества организма наслѣдуютъ ихъ дѣти. Но если малокровный и слабогрудый малютка получить укрѣпляющее воспитаніе, то у него или уменьшится или вовсе исчезнетъ расположеніе къ болѣзнямъ, производящимъ чахотку. Такимъ образомъ дитя наслѣдуетъ отъ родителей только расположеніе сдѣлаться чахоточнымъ, а разовьется или уменьшится, или исчезнетъ оно, опредѣляется его жизнью. Дѣти родителей, имѣющихъ крѣпкое здоровье, рождаются вообще крѣпкими, но это наслѣдство очень легко снимается у нихъ неблагоприятными условіями жизни.

Относительно нравственныхъ качествъ должно предполагать, что отъ родителей наслѣдуются тѣ склонности, которыя прямо обусловлены такъ называемымъ темпераментомъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдуется темпераментъ). Но и эта, вѣроятно справедливая мысль, требуетъ оговорокъ для того, чтобы можно было ей оставаться справедливой, если она справедлива. Для простоты раздѣлимъ всё виды темперамента на два типа: сангвиническій и флегматическій. Предположимъ, что если отецъ и мать имѣютъ одинаковый темпераментъ, то всё дѣти имѣютъ его. Изъ этого еще не слѣдуетъ ничего о наслѣдованіи хорошихъ или дурныхъ нравственныхъ качествъ. Темпераментомъ опредѣляется только степень быстроты движеній и, вѣроятно, перемѣнъ душевнаго настроенія. Должно думать, что человекъ, имѣющій быструю походку, расположенъ къ болѣе быстрой смѣнѣ настроеній, чѣмъ человекъ, движенія котораго медленны. Но этой разницей не опредѣляется то, который изъ нихъ болѣе трудолюбивъ, и тѣмъ менѣе опредѣляется степень честности или доброжелательности того или другого; не опредѣляется даже и степень разсудительности. Торопливость или нерѣшительность — не качества темперамента, а результаты привычекъ, или затруднительныхъ обстоятельствъ. Суетливыми, опрометчивыми, безразсудными бываютъ и люди, имѣющіе тяжелую, медленную походку. Нерѣшительными бываютъ и люди съ быстрой походкой. Это знаетъ всякій хорошій наблюдатель людей. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что быстрота движеній и рѣчи, сильная жестыкуляція и другія качества, считающіяся признаками природнаго расположенія, такъ называемаго сангвиническаго темперамента, а противоположныя качества, считающіяся признаками флегматическаго темперамента, бываютъ у цѣлыхъ сословій и у цѣлыхъ народовъ результатомъ только обычая. Тѣ люди, которымъ ихъ старшіе родные и знакомые внушаютъ привычку держать себя съ достоинствомъ, почти всё съ очень раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ плавности движеній и рѣчи; наоборотъ въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ считается надобной рѣзкость движеній и рѣчи, почти всё съ молодости привыкаютъ къ сильной и быстрой жестыкуляціи, къ произвольному и быстрому тону рѣчи. У тѣхъ народовъ, гдѣ общество дѣлится на рѣзко обособленные классы,

эти кажущіеся признаки темпераментовъ оказываются на самомъ дѣлѣ только сословными привычками.

Тѣ умственные и нравственные качества, которыя не находятся въ такой близкой связи съ физическимъ типомъ, какъ темпераментъ, менѣе устойчивы въ индивидуальномъ человѣкѣ, чѣмъ темпераментъ. Изъ этого ясно, что сила передачи ихъ по наслѣдству менѣе велика, чѣмъ сила передачи темперамента.

Понятіе о народномъ характерѣ очень многосложно; въ составъ его входятъ всѣ тѣ различія народа отъ другихъ народовъ, которыя не входятъ въ составъ понятія о физическомъ типѣ. Всматриваясь въ это собраніе множества представленій, можно разложить ихъ на нѣсколько разрядовъ очень не одинаковыхъ по степени своей устойчивости. Къ одному разряду относятся тѣ умственные и нравственные качества, которыя прямо обуславливаются различіями физическихъ типовъ; къ другому принадлежать разности по языку; далѣе, особые разряды образуютъ разницы по образу жизни, по обычаямъ, по степени образованности, по теоретическимъ убѣжденіямъ. Устойчивѣе всѣхъ тѣ различія, которыя прямо обусловлены разнициами физическихъ типовъ и называются темпераментами. Но если говорить о европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства, то нельзя найдти въ немъ ни одного большого народа, который состоялъ бы изъ людей одинаковаго темперамента. Притомъ, хотя физическій типъ отдѣльнаго человѣка остается неизмѣннымъ во всю жизнь и обыкновенно передается отъ родителей дѣтямъ, потому имѣть прочную наслѣдственную устойчивость, но умственные и нравственные качества, составляющія результаты его, видоизмѣняются обстоятельствами жизни до такой степени, что зависимость ихъ отъ него сохраняетъ силу, только когда обстоятельства жизни дѣйствуютъ въ томъ же направленіи; а если ходъ жизни развиваетъ другія качества, то темпераментъ поддается его вліянію, и та сторона дѣйствительнаго характера человѣка, которая подводится подъ названіе темперамента, оказывается совершенно неодинаковой съ качествами, какія можно было бы предполагать въ человѣкѣ по нашимъ понятіямъ объ умственныхъ и нравственныхъ результатахъ физическаго типа. Каждый изъ большихъ европейскихъ народовъ составляютъ, какъ мы говорили, люди разныхъ физическихъ типовъ, и счета пропорціямъ этихъ типовъ не сдѣлано. Потому теперь еще нѣтъ основательныхъ понятій о томъ, какой темпераментъ принадлежитъ большинству людей того или другого изъ этихъ народовъ. Но быть можетъ имѣть справедливость какое-нибудь изъ ходячихъ мнѣній о рѣшительномъ преобладаніи того или другого физическаго типа у народовъ сравнительно малочисленныхъ, каковы, на примѣръ, голландцы, датчане, норвежцы. Предположимъ, что кака-я-нибудь характеристика физическаго типа котораго-нибудь изъ этихъ народовъ дѣйствительно охватываетъ собою огромное большинство людей, составляющихъ его, и будемъ изучать характеры людей этого народа посредствомъ личнаго наблюденія или, при невозможности провести много времени въ той странѣ, по чуждымъ презвѣстнымъ мыслямъ разсказамъ о частной жизни людей этого народа, о томъ, какъ работаютъ, разговариваютъ, веселятся они; мы увидимъ, что очень значительная часть людей этого народа имѣетъ не тѣ умственные и нравственные качества, какія соотвѣтствуютъ понятіямъ о темпераментѣ, производимомъ особенностью его физическаго типа. Предположимъ, на примѣръ, что по своему физическому типу люди этого народа соотвѣтствуютъ представленію о флегматическомъ темпераментѣ; потому

господствующими качествами ихъ должны быть медленность движеній и рѣчи; въ дѣйствительности мы увидимъ, что очень многіе изъ нихъ имѣютъ противоположныя качества, считающіяся принадлежностью сангвиническаго темперамента. Какова пропорція людей того и другого разряда, никто не считалъ ни въ этомъ, ни въ какомъ другомъ народѣ. Но вѣматриваясь, мы увидимъ, что медленность или быстрота движеній и рѣчи у людей этого народа находится въ тѣсной связи съ обычаями сословій или профессій, къ которымъ принадлежатъ они, съ ихъ понятіями о своей личной, фамиліной важности или низкости своего общественнаго, семейнаго, личнаго положенія, съ ихъ довольствомъ или недовольствомъ ходомъ своей жизни, съ состояніемъ ихъ здоровья и вообще съ обстоятельствами, имѣющими вліяніе на душевное настроеніе. Каково бы ни было отъ природы тѣлосложеніе человѣка, но изъ людей, у которыхъ здоровье разстроено болѣзнями, угнетающими душу, лишь очень немногіе сохраняютъ живость движеній и рѣчи; наоборотъ при болѣзняхъ, дѣйствующихъ раздражающимъ образомъ, лишь очень немногіе люди могутъ производить движенія и вести разговоръ спокойно, плавно. Подобно тому дѣйствуютъ всякія другія обстоятельства, угнетающія или раздражающія, печалиющія или веселяющія человѣка. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ масса земледѣльцевъ живетъ сносно, и не имѣетъ ни большихъ запасовъ хлѣба отъ прошлыхъ лѣтъ, ни большихъ денегъ, — земледѣльческое населеніе при обыкновенныхъ урожаяхъ каждый годъ переходитъ два состоянія, сангвиническое и флегматическое. Передъ жатвой оно начинаетъ быть расположеннымъ къ веселію и, при всемъ утомленіи отъ полевыхъ работъ, держитъ себя въ часы отдыха сангвинически. Это настроеніе усиливается до той поры, когда новый хлѣбъ обмолоченъ и поступаетъ въ пищу: нѣсколько времени длится веселье, движенія быстры, разговоры бойки, шумны. Потомъ начинаются раздумья о томъ, достанетъ-ли хлѣба до осени: оказывается надобность стать экономнѣе въ пищу, веселье уменьшается и черезъ нѣсколько времени люди становятся унылы. Это длится до той поры года, когда надъ мыслями объ истощеніи запасовъ пищи берутъ верхъ мысли о близости новой жатвы. Природный темпераментъ вообще заслоняется вліяніями жизни, такъ что различить его несравненно труднѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ: внимательно разбирая факты, мы должны прійти къ мнѣнію, что врожденные склонности къ быстротѣ или медленности движеній и рѣчи слабы и гибки, что главное дѣло не въ нихъ, а въ томъ вліяніи, какое оказываютъ на народы племя или сословіе народа, обстоятельства жизни.

О томъ, велика ли природная разница между народами по живости и силѣ умственныхъ способностей, существуютъ очень неодинаковыя мнѣнія. Если рѣчь идетъ о народахъ разныхъ расъ или лингвистическихъ семействъ, рѣшеніе опредѣляется нашими понятіями о расахъ и лингвистическихъ семействахъ. Это вопросы, по которымъ люди, держащіеся одного мнѣнія, не имѣютъ права отставлять безъ внимательнаго разбора противоположныя мнѣнія. Но когда рѣчь идетъ, какъ теперь у насъ, только о передовыхъ народахъ, о западно-европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства, то слѣдуетъ назвать непричѣсными къ вопросу никакія теоріи объ умственныхъ разницахъ между людьми по происхожденію ихъ предковъ. Пусть на южной и сѣверо-восточной окраинахъ западной Европы есть примѣсь не-арійской крови. нацимѣръ, въ Сициліи и южной половинѣ Иберійскаго полуострова примѣсь арабской и берберской, а на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова

примѣсь финской: но даже въ Сициліи и въ Андалузіи примѣсь не-арійской крови не велика: это мы видимъ по сходству преобладающихъ тамъ физическихъ типовъ съ типами древнихъ и нынѣшнихъ грековъ. Еще меньше примѣсь финской крови въ сѣверныхъ частяхъ населенія Норвегіи и Швеціи. Такимъ образомъ вся масса населенія Западной Европы происходитъ отъ людей одного отдѣла арійскаго семейства и должна быть признана имѣющей одинаковыя наслѣдственные умственные качества. Разность въ нихъ между разными народами западной Европы предположеніе фантастическое, опровергнутое филологическими изслѣдованіями; потому, если въ настоящее время находятся какія нибудь неодинаковости между западными народами въ умственномъ отношеніи, онѣ получены ими не отъ природы ихъ племени, а исключительно отъ исторической жизни, и будутъ сохранены или не сохранены ими, смотря по тому, какъ будетъ идти она.

Но когда говорятъ о различіи народовъ по умственнымъ качествамъ, то обыкновенно судятъ не собственно о силѣ ума, а только о степени образованности народа; только поэтому и возможны тѣ опредѣленные сужденія, какія вошли въ привычку. Разсмотрѣть, каковы умственные качества народа сами по себѣ помимо того блеска или той тусклости, какая дается имъ высокой или низкой степенью образованности, дѣло очень трудное, при нынѣшнемъ состояніи науки не могущее приводить ни къ какимъ достовѣрнымъ заключеніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если сравниваются народы желтой расы съ народами бѣлой, и служащее лишь предлогомъ для самохвальства и для клеветы, когда рѣчь идетъ о сравненіи разныхъ народовъ одного отдѣла одной лингвистической семьи. Продолжать старыя сужденія о врожденныхъ различіяхъ между народами западной Европы по умственнымъ качествамъ значитъ не понимать результатовъ, къ которымъ уже довольно давно пришла лингвистика, доказавшая, что всѣ они потомки одного и того же народа.

Различія по языку имѣютъ громадную важность въ практической жизни. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, имѣютъ склонность считать себя однимъ національнымъ цѣлымъ; когда они привыкаютъ составлять одно цѣлое въ государственномъ отношеніи, у нихъ развивается національный патріотизмъ и внушаетъ имъ болѣе или менѣе непріязненные чувства къ людямъ, говорящимъ другими языками. Въ этомъ реальномъ отношеніи языкъ составляетъ едва ли не самую существенную черту различій между народами. Но очень часто придаютъ разницѣ по языку теоретическое значеніе, воображаютъ, будто особенностями грамматики можно опредѣлять особенности умственныхъ качествъ народа. Это пустая фантазія. Этимологическія формы въ отдѣльности отъ правилъ синтаксиса не имѣютъ никакой важности; а правила синтаксиса во всѣхъ языкахъ удовлетворительно опредѣляютъ логическія отношенія между словами, при помощи ли, или безъ помощи этимологическихъ формъ. Существенную разницу между языками составляетъ только богатство или бѣдность лексикона, а составъ лексикона соответствуетъ знаніямъ народа, такъ что свидѣтельствуетъ лишь о его знаніяхъ, о степени его образованности, о его житейскихъ занятіяхъ и образѣ жизни и отчасти о его сношеніяхъ съ другими народами.

По образу жизни есть очень важныя различія между людьми: но въ западной Европѣ всѣ существенныя различія этого рода не національныя, а сословныя или профессиональныя. Землепашецъ ведетъ не такую жизнь, какъ ремесленникъ,

работающій въ комнатѣ. Но въ западной Европѣ нѣтъ ни одного народа, въ которомъ не было бы земледѣльцевъ или ремесленниковъ. Образъ жизни знатнаго сословія не тотъ, какой ведутъ земледѣльцы или ремесленники; но опять у всѣхъ европейскихъ народовъ есть знатное сословіе; даже и у тѣхъ, у которыхъ, какъ у норвежцевъ, исчезли или почти исчезли аристократическіе титулы, дѣло не въ титулахъ, а въ привычкѣ занимать высокое общественное положеніе.

Привычки, имѣющія важное реальное значеніе, различны у разныхъ сословій или профессій по различію ихъ образа жизни. Есть множество другихъ привычекъ, имѣющихъ не сословный, а національный характеръ. Но это мелочи, составляющія лишь забаву или щегольство, къ которымъ разсудительные люди равнодушны и которыя сохраняются лишь потому, что эти люди оставляютъ ихъ безъ вниманія, какъ нѣчто индифферентное, пустое. Для археолога эти мелочи могутъ имѣть очень важное значеніе, какъ для нумизмата старыя монеты, находящіяся въ землѣ. Но въ серьезномъ ходѣ народной жизни ихъ значеніе ничтожно.

Каждый изъ народовъ западной Европы имѣетъ особый языкъ и особый національный патріотизмъ. Эти двѣ особенности — единственные особенности, которыми весь онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ западной Европы. Но онъ имѣетъ сословные и профессиональные отдѣлы; каждый изъ этихъ отдѣловъ во всѣхъ отношеніяхъ умственной и нравственной жизни, кромѣ языка и національнаго чувства имѣетъ свои особыя черты быта; ими онъ походитъ на существующіе сословные отдѣлы другихъ западныхъ народовъ; эти сословныя или профессиональныя особенности такъ важны, что каждый данный сословный или профессиональный отдѣлъ даннаго западно-европейскаго народа, помимо своего языка и патріотизма, менѣе похожъ умственно и нравственно на другіе отдѣлы своего народа, чѣмъ на соответствующіе отдѣлы другихъ западно-европейскихъ народовъ. По образу жизни и по понятіямъ земледѣльческой классъ всей западной Европы представляетъ какъ будто одно цѣлое; то-же должно сказать о ремесленникахъ, о сословіи богатыхъ простолюдиновъ, о знатномъ сословіи. Португальскій вельможа по образу жизни и по понятіямъ гораздо болѣе похожъ на шведскаго вельможу, чѣмъ на земледѣльца своей націи; португальскій земледѣлецъ болѣе похожъ въ этихъ отношеніяхъ на шотландскаго или норвежскаго земледѣльца, чѣмъ на лиссабонскаго богатаго негоціанта. Въ международныхъ дѣлахъ нація, имѣющая государственное единство или стремящаяся пріобрѣсти его, дѣйствительно составляетъ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Но по внутреннимъ дѣламъ она состоитъ изъ сословныхъ или профессиональных отдѣловъ, отношенія между которыми приблизительно таковы же, какъ между разными народами. Въ исторіи всѣхъ западно-европейскихъ народовъ бывали случаи, когда и по международнымъ дѣламъ нація распадалась на части враждебныя одна другой, и слабѣйшая изъ нихъ призывала иноземцевъ на помощь себѣ противъ внутреннихъ враговъ или радостно встрѣчала иноземцевъ, безъ ея призыва пришедшихъ покорить ея родину. Быть можетъ нынѣ уменьшилась эта готовность слабѣйшей части націй соединяться съ иноземцами для вооруженной борьбы противъ своихъ соплеменниковъ. Рѣшиться на измѣну родинѣ, вѣроятно, никогда не было легко ни для какой части какого бы то ни было европейскаго народа. Но въ старыя времена внутренняя борьба сопровождалась такими свирѣпостями, что одоливаемая сторона дѣйствовала по внушенію отчаянія; чтобы спастись отъ смерти,

люди рѣшаются на очень тяжелые для нихъ самихъ поступки. Если справедливо мнѣніе, что въ наши времена уже стали невозможны у цивилизованныхъ народовъ при сословной или политической борьбѣ свирѣпости, способны доводить побѣжденныхъ внутреннихъ противниковъ до отчаянія, то не будетъ и случаевъ, чтобы какая нибудь часть какой нибудь цивилизованной націи соединялась съ иноземцами противъ соотечественниковъ.

Нѣкоторымъ публицистамъ эта надежда кажется не лишеною основательности. Но безспорно то, что до недавняго времени было не такъ. Потому, рассказывая жизнь народа, историкъ постоянно долженъ помнить, что народъ — соединеніе разныхъ сословій, въ связи между которыми въ прежнія времена, не имѣли такой прочности, чтобы выдерживать порывы взаимнаго ожесточенія.

Впрочемъ, теперь всѣ историки понимаютъ важность сословнымъ ссоръ и если часто говорятъ о народѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, въ разсказѣ о дѣлахъ, по которымъ разные сословія не были единодушны, эта ошибка ихъ происходитъ не отъ незнанія, а только отъ временнаго забвенія или отъ какихъ нибудь другихъ причинъ. Но понятія о характерѣ сословій еще остаются у большинства образованныхъ людей, потому и у большинства историковъ, въ значительной степени ошибочными. Главныхъ причинъ этого двѣ: масса публики, потому и большинство ученыхъ, не имѣютъ близкаго знакомства съ дѣйствительными обычаями и понятіями классовъ, по своему общественному положенію и образу жизни далекихъ отъ нихъ, и притомъ судятъ о нихъ подѣ влияніемъ политическихъ сословныхъ пристрастій. Возьмемъ для примѣра господствующее понятіе о земледѣльческомъ сословіи. Вообще предполагается, что нравы земледѣльцевъ чище; чѣмъ нравы ремесленниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, по всей вѣроятности бываетъ справедливо. Напримѣръ, если большинство земледѣльцевъ живетъ въ довольствѣ, а большинство ремесленниковъ терпитъ нищету, то, разумѣется, дурныя качества, порождаемая бѣдностью, будутъ развиваться у ремесленниковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у земледѣльцевъ. Ученые вообще живутъ въ большихъ городахъ, потому часто видятъ неудобства жилищъ ремесленниковъ и другія матеріальныя бѣдствія ихъ. Какъ живутъ земледѣльцы, имъ извѣстно гораздо меньше: и очень велики шансы того, что личныя впечатлѣнія, случайно приобретаемая ими о бытѣ земледѣльцевъ, будутъ невѣрны по отношенію къ большинству этого сословія. Другой источникъ ошибокъ — политическое пристрастіе. Поселене считаются консервативнымъ сословіемъ; потому ученые консервативнаго образа мыслей вообще превозносятъ разсудительность и чистоту нравовъ сельскаго сословія, ученые, желающіе общественныхъ переменъ, думаютъ и говорятъ о немъ подѣ влияніемъ политической вражды.

Кромѣ сословныхъ и профессиональных дѣленій, у каждого цивилизованнаго народа имѣетъ очень большую важность дѣленіе по степенямъ образованности. Въ этомъ отношеніи принято дѣлить націю на три главные класса, которые характеризуются названіями: люди необразованные, люди поверхностнаго образованія, и люди основательнаго образованія. Мы можемъ, какъ намъ угодно, судить о вредѣ или пользѣ просвѣщенія, можемъ хвалить невѣжество, или считать его вреднымъ для людей: но всѣ согласны въ томъ, что огромное большинство людей, не получившихъ образованія и не имѣвшихъ возможности приобрести его собственными усиліями, очень много отличается — въ дурную-ли, въ хорошую-ли

сторону, не о томъ теперь рѣчь, а лишь о томъ, что очень много отличается своими понятіями отъ огромнаго большинства образованныхъ людей. А понятія людей—одна изъ силъ, управляющихъ жизнью ихъ.

Сдѣлаемъ выводы изъ этого обзора дѣйствительнаго положенія нашихъ свѣдѣній о національномъ характерѣ.

Мы имѣемъ очень мало прямыхъ и точныхъ свѣдѣній объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ даже тѣхъ современныхъ народовъ, которые наиболѣе извѣстны намъ, и ходячія понятія о характерахъ ихъ составлены не только по матеріаламъ недостаточнымъ, но пристрастно и небрежно. Самый обыкновенный случай небрежности тотъ, что случайно пріобрѣтенныя свѣдѣнія о качествахъ какой-нибудь малочисленной группы людей ставятся характеристикой цѣлой націи. Замѣнить небрежныя и пристрастныя характеристики народовъ вѣрными—дѣло очень хлопотливое, и у большинства ученыхъ нѣтъ серьезнаго желанія, чтобы оно было исполнено, потому что обыкновенная цѣль употребленія характеристикъ народа состоятъ вовсе не въ томъ, чтобы говорить безпристрастно, а въ томъ, чтобы высказывать такія сужденія, какія или кажутся выгодными для насъ, или льстятъ нашему самолюбію. Люди, желающіе говорить безпристрастно о другихъ народахъ, воздерживаются отъ этого способа сужденій слишкомъ произвольнаго, довольствуются свѣдѣніями, которыя пріобрѣтаются гораздо легче и представляютъ болѣе достовѣрности: они изучаютъ формы быта, крупныя событія жизни народа и ограничиваются тѣми сужденіями о качествахъ народовъ, какія безъ труда выводятся изъ этихъ достовѣрныхъ и точно опредѣленныхъ фактовъ. Объемъ такихъ сужденій гораздо менѣе широкъ, чѣмъ содержаніе ходячихъ характеристикъ; существенное различіе его отъ нихъ то, что при каждой чертѣ ставится оговорка о томъ, къ какой части народа и къ какому времени относится сужденіе. Такъ это должно быть по серьезнымъ понятіямъ о характерѣ многочисленныхъ группъ людей.

Мы знаемъ не качества народовъ, а только состоянія этихъ качествъ въ данное время. Состоянія умственныхъ и нравственныхъ качествъ сильно влѣиваются вліяніемъ обстоятельствъ. При перемѣнѣ обстоятельствъ происходитъ соответствующая перемѣна и въ состояніи этихъ качествъ.

О каждомъ изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ мы знаемъ, что первоначально формы его быта были не тѣ, какъ теперь. Формы быта имѣютъ вліяніе на нравственные качества людей. Съ перемѣною формъ быта эти качества измѣняются. Уже по одному тому всякая характеристика цивилизованнаго народа, приписывающая ему какія нибудь неизмѣнныя нравственные качества, должна быть признаваема ложной. Кромѣ египтянъ, обо всѣхъ другихъ народахъ, достигавшихъ цивилизованнаго состоянія, мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, относящіеся къ временамъ очень грубаго ихъ невѣжества. Достаточно припомнить, что даже въ Иліадѣ и Одиссѣи греки еще не умѣютъ читать и писать. Разбирая преданія, сохранившіяся у грековъ подъ формами мифовъ, мы видимъ черты быта совершенно дикаго. Многіе ученые находятъ въ этихъ разсказахъ даже воспоминанія о людоедствѣ. Такъ ли это, или нѣтъ, были-ль людоедами люди, уже говорившіе греческимъ языкомъ, или выводы объ этомъ ошибочны, но достовѣрно то, что греческому народу были нѣкогда чужды всякія цивилизованныя понятія или привычки. Можетъ ли сохраниться одинаковость нравственныхъ качествъ между предками дикарями и потомками, достигшими высокой цивилизаціи? Сохраниться

могутъ развѣ физическій типъ и тѣ черты темперамента, которыя прямо обуславливаются ими; но и это можетъ быть справедливымъ лишь по присоединеніи къ термину «одинаковость» такихъ оговорокъ, которыми отнимается у него почти всякое значеніе. Напримѣръ, цвѣтъ глазъ остался прежній, но прежде выраженіе глазъ было тупое, почти безсмысленное, а впослѣдствіи оно сдѣлалось соответствующимъ высокому умственному развитію; контуры профиля остались тѣ же, но изъ грубыхъ сдѣлались миловидными; вспыльчивость осталась, но проявляется гораздо рѣже и формы ея проявленія стали не тѣ. Перемѣны обстоятельствъ, отъ которыхъ видоизмѣнялись формы быта, всегда ли одинаково касались всѣхъ сословій? Это могло бывать только въ рѣдкихъ случаяхъ. Видоизмѣняясь неодинаково, обычаи разныхъ сословій становились менѣе сходными, чѣмъ были прежде. Народъ приобрѣталъ знанія, отъ этого измѣнялись его понятія: отъ перемѣны понятій измѣнялись нравы; этотъ ходъ перемѣнъ тоже былъ неодинаковымъ въ разныхъ сословіяхъ, былъ неодинаковымъ и въ разныхъ частяхъ страны, занятой народами. Такимъ образомъ жизнь каждаго изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ представляетъ рядъ перемѣнъ въ бытѣ и понятіяхъ, и ходъ этихъ перемѣнъ былъ неодинаковъ въ разныхъ частяхъ народа. Потому точныя характеристики могутъ относиться только къ отдѣльнымъ группамъ людей, составляющихъ народъ, и только къ отдѣльнымъ періодамъ ихъ исторіи.

Стремленіе объяснить исторію народа особенными неизмѣнными умственными и нравственными качествами его имѣетъ своимъ послѣдствіемъ забвеніе о законахъ человѣческой природы. Сосредоточивая свое вниманіе на дѣйствительныхъ или мнимыхъ разницахъ предметовъ, мы привыкаемъ не обращать вниманія на качества общія всѣмъ имъ. Если предметы принадлежать къ разрядамъ очень различнымъ, это забвеніе можетъ оставаться безвреднымъ для вѣрности нашихъ сужденій; напримѣръ, если мы говоримъ о растеніи и о камнѣ, намъ не всегда бываетъ надобно помнить, что оба эти предмета имѣютъ нѣкоторыя общія качества; разница между ними велика, и обыкновенно рѣчь идетъ о такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ камень выказалъ бы качества неодинаковыя съ растеніемъ. Въ исторіи это не такъ. Всѣ тѣ существа, жизнь которыхъ разсказываетъ она—организмы одного вида; разницы между ними менѣе значительны, чѣмъ одинаковыя качества ихъ; тѣ вліянія, дѣйствіемъ которыхъ производятся перемѣны въ жизни этихъ существъ, обыкновенно таковы, что на каждомъ изъ нихъ отражаются приблизительно одинаковыми послѣдствіями. Беремъ для примѣра пищу. Она у разныхъ народовъ и у разныхъ сословій одного народа очень неодинакова. Есть разница и въ томъ, какое количество одинаковой пищи нужно взрослымъ людямъ неодинаковаго образа жизни для того, чтобы чувствовать себя сытыми и оставаться здоровыми. Но каждый человѣкъ ослабѣваетъ при недостаткѣ пищи, и у каждаго настроеніе души бываетъ дурнымъ, когда онъ мучится голодомъ.

Соображенія о качествахъ дѣятельности желудка, общихъ всѣмъ взрослымъ здоровымъ людямъ, несравненно важнѣе тѣхъ различій, какія могутъ быть справедливо или фантастически выводимы изъ соображеній о разницахъ привычекъ разныхъ людей къ тому или другому сорту пищи. Привычка дѣлается выносимой для людей такія положенія, которыя нестерпимы людямъ непривычнымъ. Но какъ бы ни была сильна она, общія качества человѣческой природы сохраняютъ свои требованія. Человѣкъ никогда не можетъ утратить влеченія улучшать свою

жизнь, и если у какихъ нибудь людей мы не замѣчаемъ этого стремленія мы, лишь не умѣемъ разгадать мыслей, скрываемыхъ ими отъ насъ по какимъ, нибудь соображеніямъ, чаще всего по мнѣнію, что бесполезно говорить о томъ, чего нельзя сдѣлать.

Когда человѣкъ привыкъ къ своему положенію, его желаніе улучшить жизнь обыкновенно лишь немногимъ возвышается надъ уровнемъ его привычнаго положенія. Такъ напримѣръ, землепашецъ вообще желаетъ лишь того, чтобъ его трудъ или нѣсколько облегчился или приносилъ бы ему вознагражденіе нѣсколько больше прежняго. Это не значитъ, что при удовлетвореніи нынѣшняго своего желанія онъ не будетъ имѣть новаго. Онъ только хочетъ оставаться благоразумнымъ въ своихъ желаніяхъ и думаетъ, что желать слишкомъ много было бы неразумно. Если положеніе какого нибудь народа долго было очень бѣдственнымъ, то привычныя его желанія имѣютъ очень небольшой размѣръ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не былъ способенъ желать гораздо большаго, когда нынѣшнія его желанія будутъ удовлетворены. Если мы будемъ помнить это, у насъ исчезнетъ фантастическое дѣленіе народовъ на способные и неспособные къ достиженію высокой цивилизаціи; оно замѣнится различіемъ положеній, благоприятныхъ развитію стремленія къ прогрессу, и положеній, принуждающихъ народъ не думать о томъ, чего нельзя, по его мнѣнію, достичь.

Если обстоятельства очень долго оставались такими, что народъ не могъ увеличить прежняго запаса своихъ знаній, онъ привыкаетъ считать напраснымъ стремленіе увеличить ихъ; но какъ только представляется возможность узнать что нибудь новое, полезное для жизни, пробуждается въ немъ врожденное всѣмъ людямъ стремленіе къ увеличенію знаній. То же самое относительно всѣхъ другихъ благъ, совокупность которыхъ называется цивилизаціей.

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. X.

Пополнимъ новыми замѣтками то, что говорили мы о характерѣ нашего перевода въ предисловіи къ шестому тому его.

Начнемъ и теперь, какъ было тогда, замѣчаніями о транскрипціи звуковъ иностранныхъ собственныхъ именъ. Тогда мы говорили о восточныхъ, въ частности арабскихъ именахъ; теперь будемъ говорить о западныхъ.

Латинскій алфавитъ, употребляемый всѣми западными народами, обозначалъ буквами звуки своего языка очень удовлетворительно. Для передачи звуковъ греческаго языка въ немъ были сдѣланы приспособленія, тоже очень удовлетворительныя. Новые народы, принявшіе латинскій алфавитъ, приспособили его къ обозначенію звуковъ своихъ языковъ. Нѣкоторые сдѣлали это очень хорошо; напримеръ, итальянская орфографія превосходна; заслуживаетъ названія прекрасной и испанская; нѣмецкая несравненно хуже испанской, не говоря ужъ объ итальянской, но все-таки не очень дурна; англійская — мученье для самихъ англичанъ, ужасъ для иностранцевъ; французская не лучше ея, и менѣе ужасаетъ иностранцевъ только потому, что она мученія претерпѣла и преодолѣла, потому сроднилось съ нею очень много людей во всѣхъ европейскихъ земляхъ.

Но дурно ли или хорошо въ какомъ нибудь изъ новыхъ западныхъ языковъ приспособленъ латинскій алфавитъ къ передачѣ звуковъ этого языка, все-таки онъ приспособленъ въ немъ первоначально лишь для него; и чтобы сдѣлать свой алфавитъ способнымъ передавать звуки, чуждые національному языку, каждый западный народъ долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторые пополненія.

Въ итальянскомъ, испанскомъ, французскомъ языкахъ пополненія національнаго алфавита для передачи чужихъ звуковъ сдѣланы — насколько сдѣланы — по правиламъ удовлетворительнымъ. Такъ, напримеръ, во французскомъ алфавитѣ принято обозначать чуждый французскому языку англійскій звукъ *j* сочетаніемъ буквъ *dj*, и это сочетаніе во французской транскрипціи иностранныхъ словъ всегда соответствуетъ тому звуку, который въ англійскомъ алфавитѣ обозначается буквою *j* (а въ русской транскрипціи иностранныхъ словъ сочетаніемъ буквъ *дж*, совершенно соответствующимъ французскому сочетанію *dj*). Въ нѣмецкой литературѣ еще не установилось такой точности приспособленій алфавита къ передачѣ звуковъ, чуждыхъ нѣмецкому языку; такъ, напримеръ, сочетаніе буквъ *dj* въ одной нѣмецкой книгѣ соответствуетъ англійскому языку *j* (*дж*), въ другой русскому звуку *дъ*, въ третьей русскому сочетанію звуковъ *дй*; такимъ образомъ,

иногда сомнительно, какъ слѣдуетъ прочесть слово djak—«джакъ» или «дьякъ», слово djed, соотвѣтствуя въ одной книгѣ слову «джедъ», въ другой соотвѣтствуетъ слову «дѣдъ».—Подобная сбивчивость въ приспособленіяхъ національнаго алфавита къ транскрипціи чужихъ словъ есть и у англичанъ. Правда, и англичане и нѣмцы заботятся теперь устранить шаткость изъ своихъ транскрипцій иностранныхъ словъ, но еще не успѣли достичь полнаго успѣха въ томъ.

Къ чему было говорено это? Не къ тому ли, чтобы напоминаніе о шаткости транскрипціи въ нѣмецкихъ и англійскихъ книгахъ служило извиненіемъ ошибокъ или недосмотровъ при передачѣ иностранныхъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ? Нѣтъ, рѣчь о нашихъ личныхъ ошибкахъ этого рода будетъ послѣ. Теперь мы хотѣли выставить на видъ необходимость дѣла, которое можетъ быть исполнено только соглашеніемъ между важнѣйшими издательскими фирмами, редакціями главныхъ журналовъ и газетъ, опытными и хорошо образованными корректорами. Мы говоримъ о необходимости ввести въ нашъ алфавитъ точныя приспособленія къ передачѣ иностранныхъ собственныхъ именъ русскими буквами.

Мы хотѣли напомнить, что каждый національный алфавитъ составленъ для передачи только тѣхъ звуковъ, которые находятся въ языкѣ народа, употребляющаго этотъ алфавитъ; что самъ по себѣ, онъ не имѣетъ знаковъ, соотвѣтствующихъ звукамъ, чуждымъ этому языку; что для передачи ихъ онъ нуждается въ прибавкѣ особыхъ приспособленій, и что всѣ народы, имѣющіе литературу, какую должна имѣть нація, чтобы заслуживать имя народа европейской цивилизаціи, ввели въ свои алфавиты такія приспособленія; что поэтому, нуждается въ нихъ и русскій алфавитъ.

Теперь мы не имѣемъ возможности сноснымъ образомъ написать по-русски французское слово, начинающееся буквой «и» или сочетаніемъ буквъ «eu», нѣмецкое слово, начинающееся буквой «ö» или буквой «ü»; не имѣемъ даже возможности сносно написать ни одно изъ безчисленныхъ греческихъ, латинскихъ, испанскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ словъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ звукъ «h»;—прилично ли цивилизованному народу оставлять свой алфавитъ въ такомъ безпомощномъ положеніи?

Дѣло было бы довольно извинительно, если бы мы оставляли свой алфавитъ не имѣющимъ способовъ обозначать только тѣ чуждые нашему языку звуки, произношеніе которыхъ усвоится намъ съ трудомъ, какъ напримѣръ нѣмецкій звукъ «ng» или англійскій носовой звукъ въ сочетаніяхъ «ng» и «nk», или (въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ) французскій носовой звукъ, или англійскіе звуки твердое «th» и мягкое «th»; но нѣтъ: мы не имѣемъ способа точно написать французскіе звуки «eu», «и», нѣмецкіе «ö», «ü», хотя каждый русскій, разъ услышавъ, ужь умѣетъ сносно произнести ихъ. И, что еще предосудительнѣе для насъ, мы не позаботились дать нашему алфавиту способъ изображать звукъ «h», который имѣемъ мы въ своемъ языкѣ. (Напримѣръ, въ словахъ господня, госпожа, богатѣй, и который всѣ мы, говорящіе литературнымъ нарѣчіемъ, произносимъ превосходно во всей его чистотѣ).

Есть два способа приспособлять алфавитъ народа къ транскрипціи звуковъ, для которыхъ онъ не имѣетъ особыхъ буквъ: можно сдѣлать прибавку какому-нибудь особаго значка къ основной фигурѣ буквы, или можно обозначить звукъ сочетаніемъ буквъ. Намъ легко воспользоваться тѣмъ и другимъ способомъ, по-

тому что оба они ужь привычны намъ: мы превращаемъ букву, соответствующую звуку латинскаго «i» въ букву, обозначающую латинскій звукъ «j», ставя надъ нею дугу концами вверхъ: «и», «й»; мы обращаемъ знакъ нашего звука «е» въ знакъ звука «о» слѣдующаго за йотированнымъ произношеніемъ согласной, ставя надъ нимъ двѣ точки: «е», «ѣ»; употребляя другой способъ, мы пишемъ «дж» для обозначенія звука англійскаго «j».

По какому способу и въ какомъ именно видѣ произвести то или другое изъ надобныхъ намъ приспособленій нашего алфавита къ транскрипціи иностранныхъ словъ, это должно быть рѣшено соглашеніемъ между издательскими фирмами, редакціями періодическихъ изданій и корректорами.

Перечислимъ тѣ звуки важнѣйшихъ западныхъ языковъ, для транскрипціи которыхъ особенно нужны приспособленія, потому что надобность въ нихъ встрѣчается особенно часто; будемъ держаться порядка латинскаго алфавита:

короткое англійское «а» (напримѣръ, въ словахъ an, and); звукъ, болѣе близкій къ латинскому «е» (нашему «э»), чѣмъ къ латинскому (и нашему) «а»,

французское «е» muet въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ (напримѣръ, въ предлогѣ de)

французское «eu» и близкое къ нему нѣмецкое «ö».

латинское, испанское, англійское, нѣмецкое «h».

французское носовое «n», Англійское «n» въ сочетаніяхъ ng, nk и нѣмецкое ng не одинаковы, но достаточно сходны съ нимъ, чтобы для нихъ годился знакъ, избранный для него;

англійское «г», когда за нимъ не слѣдуетъ гласный звукъ (напр. въ словахъ or, nor);

англійское твердое «th» (напримѣръ, въ словахъ thing, think) Буква o не годится для обозначенія этого звука, потому что у насъ укоренилась привычка произносить ее какъ ф;

англійское мягкое «the» (напр. въ словахъ the, that);

французское «и». Нѣмецкое ii достаточно близко къ нему, чтобы быть отмѣчаему тѣмъ же знакомъ (выброшенная изъ гражданской азбукки ижица не годна для обозначенія этого звука, потому что мы привыкли произносить ее какъ наше и)

англійское короткое «u» (напр. въ словахъ but, cut);

англійское w; итальянское, испанское, нѣмецкое «u» въ an и тому подобныхъ сочетаніяхъ.

Кромѣ приспособленій для этихъ звуковъ, нужны еще нѣкоторые; но лишь были бы сдѣланы эти, легко будетъ сдѣлать по ихъ образцу всѣ другія.

Переходимъ къ замѣткамъ о транскрипціи иностранныхъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ.

Мы не хотѣли дѣлать никакихъ нововведеній въ азбукѣ, считая для такого преобразованія надобнымъ соглашеніе, о которомъ говорили. При слишкомъ недостаточной приспособленности нашего алфавита къ изображенію звуковъ, чуждыхъ русскому языку и даже нѣкоторыхъ, существующихъ въ немъ, и при проиходящей

отъ этого невозможности удовлетворительно переложить на знаки нашей азбукѣ очень значительную часть иностранныхъ именъ, транскрипція многихъ разрядовъ этихъ словъ колеблется между двумя или даже тремя, четырьмя способами, изъ которыхъ одинъ все-таки менѣе дуренъ, чѣмъ другой или другіе, мы держались того, который казался намъ наименѣе дуренъ. Но въ нѣкоторыхъ именахъ иногда уклонялись отъ него по привычкѣ къ старому, худшему, и потомъ нѣкоторые изъ этихъ ошибокъ оставались по недосмотру не поправлены нами. Такъ напримѣръ, изъ двухъ употребительныхъ въ нашей литературѣ транскрипцій англійскаго короткаго «а», старая, сохраняющая букву «а», гораздо хуже новой, замѣняющей ее буквою «э»; мы держались новой, но по привычкѣ къ старой иногда дѣлали опisku, не всегда замѣчали ее, перечитывая рукопись, и по недосмотру оставляли ее неисправленною. Такимъ образомъ, имя Cranmer, которое должно писать по-русски «Крэнмеръ», нѣсколько разъ было написано нами «Кранмеръ»; гдѣ замѣчена была нами эта ошибка, она исправлена; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣроятно ускользнула отъ нашего вниманія и осталась непоправленною. Такіе недосмотры досадны намъ. Но еще хуже то, что мы не всегда находили надобныя намъ указанія на истинное произношеніе именъ, которыхъ не умѣли съ достовѣрною точностью прочесть безъ справокъ. На французскомъ и англійскомъ языкахъ встрѣчаются имена, произношеніе которыхъ несообразно съ правилами орфографіи этихъ языковъ; когда мы не находили указаній на ихъ произношеніе, то, читая ихъ по догадкѣ, могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ ошибаться, и, вѣроятно, иной разъ ошибались. Ошибки незнанія по всей вѣроятности также встрѣчаются у насъ въ именахъ, принадлежащихъ языкамъ, орфографія которыхъ недостаточно извѣстна намъ. Такъ, напримѣръ, мы полагаемъ, что сдѣлали нѣсколько ошибокъ незнанія при восстановленіи португальскихъ формъ личныхъ именъ португальцевъ, которыхъ нѣмцы называютъ личными именами въ нѣмецкой формѣ. Нѣмцы не шокируются, называя португальскаго генерала или писателя Johann; по-русски нелѣпо было бы называть его «Юанномъ», надобно называть Жоано, по португальской формѣ его личнаго имени. Не во всѣхъ случаяхъ мы знали или могли найти португальскія формы личныхъ именъ. По всей вѣроятности есть у насъ ошибки и въ чтеніи нѣкоторыхъ португальскихъ фамилій.

Это очень досадно. Но если и предположить, что мы ошиблись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось намъ дѣлать транскрипцію безъ увѣренности въ ея правильности, число ошибочныхъ транскрипцій въ нашемъ переводѣ не велико. И мы надѣемся, что, сожалѣя вмѣстѣ съ нами о нашихъ ошибкахъ, русскіе ученые, занимающіеся исторіею западной Европы, найдутъ въ нашемъ переводѣ Вебера нѣкоторое облегченіе своимъ заботамъ о правильной транскрипціи именъ: мы дали ее многимъ именамъ, не помѣвшимъ ее. Кромѣ нѣкоторыхъ португальскихъ, кельтскихъ, датскихъ и западно-славянскихъ именъ, въ сложности, очень немногихъ, и быть можетъ двухъ, трехъ изъ французскихъ или англійскихъ именъ, произносимыхъ не по правиламъ орфографіи, транскрипція у насъ вездѣ надежна. (Печатки въ именахъ не мѣшаютъ этому: онѣ вообще таковы, что рассказывать и поправлять ихъ дѣло легкое.

Начиная нашъ переводъ, мы считали надобнымъ строго держаться подлинника, пока не приобрѣтемъ у публики довѣріе, которое уполномочитъ насъ улучшать переводимую нами книгу.

Въ первыхъ четырехъ томахъ мы не дозволяли себѣ никакихъ отступленій отъ подлинника. По всей вѣроятности, мы заслужили-бъ одобреніе публики, если бы менѣе долго оставались не принимающими на себя это право. Но мы и въ пятомъ томѣ взяли на себя это право лишь въ размѣрѣ, очень незначительномъ. На страницѣ 263 мы сдѣлали оговорку, что будемъ пользоваться имъ, предупредили читателей, что въ отдѣлахъ разсказа, относящихся къ нѣмецкой части франккаго государства будемъ отбрасывать подробности, не интересныя для людей не-нѣмецкой національности, напричѣмъ, будемъ въ перечисленіяхъ монастырей сокращать подробности о тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли важнаго историческаго значенія; мы говорили, что всѣ эти выпуски, взятые вмѣстѣ, составятъ лишь нѣсколько страницъ. Подводя теперь точный счетъ, мы видимъ, что они составили около 17 страницъ (изъ 765, которыя имѣетъ пятый томъ, въ нѣмецкомъ подлинникѣ).

Гораздо больше свободы дѣлать выпуски дозволили мы себѣ при переводѣ шестаго тома. Въ предисловіи къ нему, мы говорили объ этомъ такъ: «Воберъ поддается увлеченіямъ, господствующимъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. Большинство нѣмецкихъ историковъ продолжаетъ восхищаться доблестями своихъ предковъ въ X, XI, XII вѣкахъ въ Италіи.—Эти походы, гибельныя для итальянцевъ, были гибельны и для самихъ нѣмцевъ. Нѣмецкое государство, окрѣпшее, благодаря благоразумію Генриха I, было расшатано походами Оттона I и слѣдующихъ императоровъ въ Италію; Гознштауфены своими войнами въ Италіи разрушили свое государство и погубили свою династію.—Въ переводѣ выброшены почти всѣ лирическія тирады, которыхъ довольно много въ разсказѣ Геккера объ итальянскихъ походахъ нѣмцевъ».—Къ этому мы, повторивъ предувѣдомленіе, сдѣланное въ предисловіи русскаго изданія пятаго тома, прибавили, что «изъ разсказа о дѣлахъ, происходившихъ въ самой Германіи, выброшены тѣ мелочи, которыя не интересны для людей другихъ націй».

Мы продолжали дѣлать такъ и при переводѣ слѣдующихъ томовъ. Поговоримъ теперь подробнѣе о томъ, почему и въ какомъ размѣрѣ дѣлали мы это.

Между нами, русскими, едва ли найдется много людей, которые не извѣли-бы любви къ своей націи. И если они есть, то не принадлежатъ къ составу русской публики. Въ ней нѣтъ ни одного такого человѣка. Потому норма, на основаніи которой мы будемъ судить объ отношеніяхъ русской націи къ нѣмцамъ, не подлежитъ опасенію быть отвергнутой кѣмъ-нибудь изъ людей русской публики. Эта норма—любовь русскихъ къ русской націи.

Любовь къ своей націи обязываетъ людей быть признательными къ тѣмъ народамъ, вліяніе которыхъ было полезно для нея. Изъ этого слѣдуетъ, что мы, русскіе, пока мы помнимъ, что не какіе-нибудь другіе люди, а русскіе, обязаны имѣть признательность къ французамъ, англичанамъ и нѣмцамъ, при помощи которыхъ мало по малу выходимъ изъ бѣдственнаго положенія, въ какое повергло насъ поработеніе монголами; обязаны быть признательными и къ итальянцамъ, при содѣйствіи которыхъ вышли изъ варварства народы, ставшіе непосредственными руководителями нашими въ дѣлѣ улучшенія нашего умственнаго, нравственнаго и

матеріальнаго состоянія; мы обязаны также имѣть признательность къ грекамъ и римлянамъ, у которыхъ учились итальянцы и потомъ, при помощи итальянцевъ, французы, англичане и нѣмцы. Мы можемъ быть неодинаковыхъ между собою мнѣній о томъ, какой изъ этихъ шести народовъ имѣетъ наибольшее право на нашу признательность; но исторія общей европейской и въ частности нашей русской цивилизація свидѣтельствуетъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ очень большое право на это наше чувство.

Есть другая болѣе высокая точка зрѣнія на взаимныя отношенія между людьми; съ нея очевидно, что каждый народъ долженъ желать добра всякому другому; но не всѣ мы судимъ о человѣческихъ дѣлахъ по этому возвышенному нравственному принципу, и когда рѣчь идетъ въ частности о нашихъ обязанностяхъ относительно народовъ, бывшихъ непосредственно, какъ нѣмцы, англичане и французы, или черезъ ихъ посредство — какъ греки, римляне и итальянцы нашими учителями, имѣть необходимости говорить о томъ, что мы обязаны имѣть добрыя чувства ко всѣмъ народамъ; относительно этихъ пяти націй (пяти, потому что итальянцы въ сущности та же самая нація, которая въ началѣ нашей эры называлась римской) у насъ есть особенныя обязанности быть не только доброжелательными, но и признательными къ нимъ. Обязанностямъ, возлагаемымъ, по нашему мнѣнію, на русскихъ любовью къ своей націи, соответствуетъ характеръ мыслей, развиваемыхъ въ нашихъ «Очеркахъ» по вопросамъ, касающимся исторіи грековъ или римлянъ, итальянцевъ или французовъ, англичанъ или нѣмцевъ. Но чувство признательности, какое долженъ имѣть къ всѣмъ этимъ народамъ каждый русскій, пока онъ помнитъ, что онъ русскій, заставляетъ насъ въ нашихъ «Очеркахъ» разъяснять несправедливость порицаній, которымъ подвергается тотъ или другой изъ нихъ по дѣламъ, въ которыхъ виновность была не на его сторонѣ, защищать его отъ утрированныхъ и потому несправедливыхъ упрековъ за пороки или нравственныя слабости отдѣльныхъ лицъ его, какъ будто за общія преступленія всей его массы. Такъ, напримѣръ, мы имѣли случаи разъяснять неосновательность обвиненія грековъ послѣ Пелопоннесской войны и римлянъ позднѣйшихъ временъ пмисріи въ трусость. Представлялись намъ случаи защищать отъ такого же обвиненія итальянцевъ. Такимъ же тономъ признательнаго доброжелательства мы говорили о французахъ, англичанахъ и нѣмцахъ, когда рѣчь касалась какихъ нибудь несправедливыхъ порицаній имъ.

Это чувство руководило нами и въ дѣлѣ очищенія книги Вебера отъ клеветы на нѣмцевъ, измѣняющей характеръ безразсуднаго повторенія похвалъ свирѣпостямъ какія бы ни дѣлаемы нѣмецкими войсками въ Италиі. Въ предисловіи къ VI тому мы говорили, что дурная привычка хвалиться побѣдами въ походахъ, дѣланныхъ для завоеванія или грабежа, принадлежитъ большинству публики и, по вліянію общественнаго мнѣнія, большинству историковъ не у однихъ нѣмцевъ, а у всѣхъ народовъ. Если бы мы переводили англійскую или французскую историческую книгу, написанную обыкновеннымъ у этихъ націй тономъ, намъ встрѣтились бы такіе же многочисленные и такіе же отвратительныя похвалы людѣйскимъ походамъ войскъ той націи, въ которой принадлежитъ и для которой пишетъ авторъ.

Разсудимъ, какъ обязанъ былъ бы поступать человѣкъ, которому приходилось-бы переводить чей нибудь разсказъ объ отдѣльномъ лицѣ, имѣвшемъ свои

слабости, часто дѣлавшемъ, какъ и всякій человѣкъ, нехорошія дѣла, но заслуживающемъ уваженія другими своими качествами и поступками болѣе важными. Предположимъ, напримѣръ, что мы должны переводить біографію человѣка добраго и умнаго, который въ минуты раздраженія обижалъ другихъ и въ минуты увлеченія поступалъ безразсудно. Онъ могъ по слабости, общей всѣмъ людямъ, ставить въ похвалу себѣ нѣкоторыя изъ качествъ и дѣлъ достойныхъ не похвалы, а порицанія; его родные тоже хвалили ихъ, имѣя сами такія же слабости; одинъ изъ нихъ написалъ для чтенія имъ біографію его въ этомъ тонѣ. Въ ихъ мнѣніи она не компрометируетъ человѣка, жизнь котораго рассказываетъ съ неразборчивымъ панегиризмомъ; но если попадется въ руки людямъ, не участвовавшимъ въ дурныхъ дѣлахъ этого лица и свободнымъ отъ его слабостей, то возбудитъ въ нихъ омерзѣніе къ нему. Предположимъ, напримѣръ, что безусловно восхваляемый за все человѣкъ, поддавался, по слабости характера, обычаю своего вѣка, напиравался иногда до пьяна и въ пьянствѣ буйствовалъ. Въ біографіи, написанной родственникомъ и поклонникомъ его, вставленъ по поводу всякаго пьянаго кутежа панегирикъ пьянству, по поводу всякаго буйства, сдѣланнаго пьянымъ—панегирикъ буйству. Посторонніе люди, читая такую біографію, легко могутъ прійти къ мнѣнію, что герой ея былъ негодяй и злодѣй. А на самомъ дѣлѣ онъ какъ мы говорили, былъ добрый и честный человѣкъ, виновный лишь въ слабости характера, и тѣ пошлости, въ какія вовлекался онъ, поддаваясь дурному обычаю современниковъ, далеко перевѣшивались массою разумныхъ трудовъ, которыми занимался онъ, и честныхъ поступковъ, которые дѣлалъ въ обыкновенномъ своемъ здоровомъ душевномъ состояніи. Если вы переводите для другой публки біографію этого дѣятеля, написанную поклонникомъ его для родныхъ, имѣвшихъ одинаковыя привычки относительно пьянства и буйства, считавшихъ пьянство не безхарактерностью, а явленіемъ душевной энергіи, буйство не пошлостью вредной и для самого буйна, какъ для жертвъ его, а геройствомъ, то вы обязаны сдѣлать одно изъ двухъ: или къ каждой пошлой тирадѣ, превозносящей пьянныя, буйныя дѣла присоединять опроверженіе, разъясняющее истинный характеръ дурныхъ дѣлъ, извиняющее ихъ безразсудствомъ дѣлавшаго ихъ, напоминающее, что не въ этихъ дурныхъ, а въ другихъ, хорошихъ дѣлахъ состоитъ его право на добрую славу; или вы должны безъ церемоніи выбрасывать пустословныя изліянія пошлаго восторга. Если вы выберете второй способъ, то вы оставите два, три такіе панегирика, чтобы читатели вашего перевода видѣли, какія предубѣжденія господствовали въ кругу родныхъ этого дѣятеля и были раздѣляемы авторомъ переводимой вами книги; давъ эти образцы, вы прибавите отъ себя замѣчаніе, что въ книгѣ находится много подобныхъ мѣстъ и что вы исключили ихъ изъ вашего перевода по ихъ пустотѣ и пошлости. Мы предпочли этотъ второй способъ не только потому, что онъ избавляетъ русскую публику отъ скуки читать множество однообразныхъ пустословныхъ тирадъ и по необходимости монотонныхъ опроверженій ихъ; у насъ былъ и другой мотивъ дѣлать такъ. Никакими опроверженіями дурныхъ похвалъ нельзя разсѣять омерзѣніе, возбуждаемое въ безпристрастныхъ людяхъ панегириками біографа слабостямъ и дурнымъ дѣламъ его героя. Мы не хотѣли, чтобы въ русскомъ изданіи книга Вебера оставалась, подобно книгамъ большинства нѣмецкихъ историковъ, мнѣнія которыхъ раздѣляетъ онъ, дающей несправедливо дурное мнѣніе о нѣмецкой націи.

Такъ поступили бы мы съ французской книгой, превозносящей безразсудства и злодѣйства французовъ, съ англійской, превозносящей безразсудства и злодѣйства англичанъ. Наше уваженіе къ французской или англійской націи обязывало бы насъ къ этому. Но книга, переводимая нами, не французская или англійская, а нѣмецкая. Мы поступаемъ съ нею, какъ поступали бы съ французской или англійской и потому что имѣемъ и къ нѣмцамъ такое же чувство какъ къ французамъ и англичанамъ. Нѣмцы тоже имѣютъ право на признательность русскихъ и тоже дурно было бы съ нашей стороны оставлять въ говорящей о нихъ книгѣ самохвалство, искажающее благородныя черты нѣмецкой націи, создававшей свое благосостояніе разумнымъ, честнымъ, уметвеннымъ и физическимъ трудомъ. Подобно французской, англійской и всякой другой, она дѣлала много безразсудствъ, вредившихъ ей, много несправедливостей, уменьшавшихъ славу, какой заслуживаетъ она своими хорошими качествами и дѣлами. Къ числу этихъ дурныхъ ея слабостей принадлежатъ общія ей со всеми другими націями привычка къ самохвалству. Мы не скрывали отъ нашихъ читателей, что въ переводимой нами книгѣ много тирадъ самохвальныхъ, но считали обязанностью уваженія къ нѣмецкому народу выбросить эти мѣста, искажающія его характеръ. Чѣмъ было виновато въ итальянскихъ походахъ огромное большинство нѣмцевъ, жившихъ въ періодъ ихъ? Только тѣмъ, что не умѣло остановить ихъ; осуждая ихъ, оно только не могло помѣшать имъ, какъ не могло помѣшать и многому другому такому, что осуждало. Хвалили эти дурныя дѣла только соучастники ихъ. Это забываютъ потомки; таково вообще пропехожденіе національнаго самохвалства: забвеніе о страданіяхъ большинства предковъ отъ дурныхъ дѣлъ меньшинства, забвеніе о томъ, что оно порицало эти дурныя дѣла меньшинства.

Мы не желали, чтобы историческая дѣятельность нѣмецкой націи выставилась въ нашемъ переводѣ почти исключительно съ дурной стороны, какъ это дѣлается нѣмцами историками, раздѣляющими грубыя—правда ослабѣвающія, но все еще остающіяся слишкомъ сильными—предубѣжденія нѣмецкой публики.

Выбрасывая дурныя лирическія тирады въ прославленіе грабительскихъ нашествій нѣмцевъ на Италію, мы видѣли, что страницы очищаемыя отъ этихъ риторическихъ украшеній получаютъ характеръ простоты, которой не достаетъ многимъ другимъ изъ страницъ того (шестого) тома, переводимыхъ нами съ такою же точностью, какую ставили мы себѣ правломъ при переводѣ первыхъ пяти томовъ книги. Мы оставляли въ переводѣ VI тома эту разнохарактерность слога, чтобы читатели, замѣчая ее, видѣли, до какой степени можно было бы сократить изложеніе мыслей на нѣкоторыхъ изъ страницъ, оставленныхъ нами безъ всякой передѣлки. Тѣ изъ читателей, которые обратили вниманіе на разнохарактерность слога въ переводѣ VI тома, безъ сомнѣнія убѣдились, что черезъ упрощеніе слога можно было бы сокращать нѣкоторыя мѣста на половину, не выдуская ни одного факта, ни одной мысли автора. Съ VII тома мы стали дѣлать упрощеніе слога. Разъяснимъ, почему мы считаемъ его улучшающимъ книгу.

У каждой націи, имѣющей богатую литературу, есть своя особенная рутинная реторика. Едва ли можно сказать о русскихъ, что они приобрѣли такія прочныя понятія о достоинствахъ и недостаткахъ слога, какъ французы, англичане и нѣмцы. Есть и у насъ рутинная реторика, но она смѣсь французской, англійской и нѣмецкой рутинъ и элементы для этой смѣси берутся разными авторами

изъ трехъ своихъ источниковъ не въ одинаковыхъ пропорціяхъ, такъ что характеръ русской рутинной реторики у однихъ авторовъ близокъ къ французской рутинѣ, у другихъ къ нѣмецкой или англійской. Но и у русскихъ, какъ у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, есть влеченіе избавиться отъ риторическаго пустословія. Въ частности русской публикѣ нравится та манера писать прозой, которой держался Пушкинъ. Они любятъ въ прозѣ простоту, чуждался витіеватости. На сколько русскіе писатели умѣютъ слѣдовать его примѣру, они пишутъ просто. Изъ иностранныхъ обычныхъ способовъ прозаическаго изложенія русскимъ болѣе нравится французскій и англійскій, чѣмъ нѣмецкій. По всей вѣроятности они правы въ этомъ предпочтеніи. Но есть и въ англійской и во французской прозѣ дурная рутинная поговя за излишними украшеніями рѣчи. Напримѣръ, большинство англійскихъ прозаиковъ любятъ щеголять комономъ, большинство французскихъ антитезами, остроумными оборотами словъ, напыщеннымъ эмфазомъ. Но какесы бы ни были дурныя излишества украшеній слога въ англійской и французской риторической рутинѣ, нѣмецкая гораздо хуже: она—смысь тяжелаго педантизма съ поэтическими оборотами рѣчи пригодными только для стиховъ нелѣпыми въ прозѣ. Разумѣется какъ и всякая дурная привычка, манера нѣмецкихъ прозаиковъ писать смысью педантскаго слога съ поэтическимъ объясняется исторіей. Массу нѣмецкихъ писателей до сихъ поръ составляютъ люди, неимѣющіе доступа въ свѣтское общество: они такъ бѣдны, что не могутъ вести знакомства съ свѣтскими людьми на условіяхъ равноправности; потому вращаются въ кругу такихъ же кабинетныхъ тружениковъ, какъ сами они, и если не служатъ учителями, то приобрѣтають складъ мыслей, какимъ повсюду отличаются отъ обыкновенныхъ людей такъ называемые школьные педанты. Национальную славу нѣмцевъ въ литературѣ доступной всѣмъ, не ученой, а читаемой всѣми образованными людьми, создающей умственные привычки публики, составляетъ не проза, а та часть поэзи, которая имѣетъ стихотворную форму. Гете и Шиллеръ много писали прозой, но знаменитѣйшія и дѣйствительно гениальнѣйшія произведенія ихъ тѣ, которыя написаны стихами. Равнаго имъ вліянія не имѣлъ еще никто изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей: потому натурально, что нѣмецкіе прозаики до сихъ поръ впускають въ свои ученые книги обороты мыслей, слагающіеся подъ воспоминаніями о стихахъ. Изъ этого національнымъ источникамъ странностей нѣмецкой прозы присоединяется у большинства нѣмецкихъ прозаиковъ желаніе показать, что они умѣютъ строить антитезы и всякіе остроумные обороты словъ не хуже французовъ. Въ добавленіе къ тому, горчачая своей репутаціей педантовъ, пишущихъ тяжелымъ языкомъ, они усердствуютъ щеголять легкостью, великосвѣтскимъ изыщствомъ слога. Въ результатѣ всего этого получается такой хаотическій и изысканный слогъ, который не можетъ нравиться никому, кромѣ нѣмцевъ и людей, выросшихъ на нѣмецкихъ книгахъ.

Одно изъ его качествъ растянутасть. Если отбросить тяжеловѣсныя украшенія, имѣющія притязаніе придавать рѣчи поэтичность, остроуміе, глубокое и вмѣсто того дѣлающія ее тяжелой и многословной, то при сохраненіи всѣхъ отбѣнковъ мысли нѣмецкаго ученаго, пишущаго обыкновеннымъ нѣмецкимъ слогомъ, мы получаемъ изъ четырехъ страницъ его разсужденій три или даже двѣ. Веберъ пишетъ тѣмъ же слогомъ, какъ большинство нѣмецкихъ историковъ и другихъ ученыхъ.

Съ VII тома мы стали отбрасывать лишнія реторическія украшенія. Не всѣ страницы переводимой нами книги одинаково растянуты имп. На многихъ преобладаетъ разсказъ о фактахъ, и мало разсужденій; на нѣкоторыхъ факты загромождены реторическими разсужденіями. Отъ этой разницы происходятъ неодинаковость пропорціи, на какую уменьшается въ нашемъ переводѣ объемъ тѣхъ отдѣловъ книги, въ которыхъ рѣчь идетъ не о нѣмецкихъ дѣлахъ и въ которыхъ мы не дѣлаемъ никакихъ сокращеній, кромѣ происходящихъ отъ замѣны витіеватаго слога простымъ.

Въ отдѣлахъ, разсказывающихъ о внутреннихъ дѣлахъ Германіи, мы, какъ уже нѣсколько разъ говорили, отбрасываемъ мелочныя подробности, неимѣющія для читателей не нѣмецкой національности.

Такимъ образомъ, въ нашемъ переводѣ, начиная съ VI тома, число страницъ выходитъ значительно меньшее, чѣмъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Приведемъ цифры, замѣтивъ, что русскія страницы равны величиною нѣмецкимъ.

Томы.	Число Нѣмецкаго подлинника.	страницъ Русскаго перевода.
VI.	823.	742.
VII.	913.	760.
VIII.	918.	793.
IX.	926.	629.
X.	920.	1000.

Мы увѣрены, что разсудительные люди одобрятъ выпускъ мелочныхъ подробностей въ изложеніи нѣмецкихъ дѣлъ и упрощеніе слога для приспособленія русскаго перевода нѣмецкой книги къ интересамъ и вкусу русской публики. какъ одобряются французами и англичанами подобные приемы при переводахъ нѣмецкихъ книгъ на ихъ языки. Само собой разумѣется, что нельзя дѣлать этого при переводѣ твореній великихъ стилистовъ. Но Веберъ не имѣетъ притязаній быть Титомъ Ливіемъ. Онъ пишетъ, какъ большинство нѣмецкихъ историковъ и ставитъ свою заслугу не въ слоги, а въ добросовѣстную передачу существеннаго содержанія тѣхъ монографическихъ трудовъ, которые считаются наилучшими. Удовлетворительное исполненіе такого труда дѣлаетъ его книгу лучшимъ изъ трактатовъ, излагающихъ всеобщую исторію въ подробномъ фактическомъ разсказѣ. У разсудительныхъ людей не можетъ быть и вопроса о томъ, должны ли книги подобнаго рода быть при переводѣ приспособляемы къ надобностямъ публики, для которой дѣлается переводъ. Вопросъ можетъ быть лишь о томъ, хорошо ли передѣлывали мы переводимую нами книгу, и объ этомъ дѣйствительно долженъ быть вопросъ. Мы полагаемъ, что заслужили довѣріе читателей на столько, чтобъ они были расположены предполагать нашу передѣлку производимой хорошо. Специалисты, разумѣется, не имѣютъ права удовлетвориться этимъ предположеніемъ безъ проверки. Мы просили бы ихъ слышать нашъ переводъ съ подлинникомъ. Безъ сомнѣнія, каждому изъ нихъ при такомъ сличеніи показалось бы, что онъ счумѣлъ бы исполнить передѣлку лучше, нежели исполняется она нами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это мнѣніе будетъ, вѣроятно, справедливо. Но каждый, имѣющій знанія, надобныя для основательнаго сличенія, увидитъ, что

въ нашемъ переводѣ книга Вебера лучше, нежели въ подлинникѣ. — Значить ли это, что мы довольны нашимъ переводомъ? Нѣтъ, мы полагаемъ, что слѣдовало бы намъ улучшить книгу гораздо больше, нежели мы дѣлаемъ. Но толковать о тѣхъ своихъ намѣреніяхъ, которыхъ не исполняешь, — дѣло напрасное.

Веберъ писалъ очень добросовѣстно. Благодаря тому, фактическихъ ошибокъ у него мало. Но понятно, что въ такомъ громадномъ трудѣ недосмотры неизбѣжны. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, остались не замѣчены нами. Но мы съ увѣренностью можемъ сказать что въ большинствѣ случаевъ они нами исправлены.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

4.

Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ.

Самыя существенныя различія между людьми тѣ, которыя состоятъ въ разницахъ умственного и нравственного развитія ихъ и въ степени ихъ матеріальнаго благосостоянія. Говорятъ, что въ племенахъ, находящихся на очень низкой степени развитія, всѣ люди даннаго племеннаго общества имѣютъ одинаковыя понятія, знанія, нравственныя привычки. Это мнѣніе — риторическая утрировка того факта, что разница между людьми по привычкамъ и понятіямъ въ малочисленномъ и мало цивилизованномъ племени менѣе велики, чѣмъ въ многочисленной высоко цивилизованной націи. Онѣ въ немъ менѣе велики, чѣмъ въ ней; но все таки онѣ въ немъ есть, и притомъ большія. Иначе и быть не можетъ. Даже въ стадѣ животныхъ замѣчается большая разница между его членами по привычкамъ и занятіямъ. Такъ напримѣръ, не говоря уже о различіи характера между самцами и самками, тотъ самецъ, который имѣетъ авторитетъ вождя стада, выказываетъ гораздо больше сообразительности, находчивости, осторожности и смѣлости, чѣмъ остальные самцы, привыкшіе руководиться его внушеніями. Дикари на самой низкой ступени развитія все таки имѣютъ умъ болѣе развитый, чѣмъ даже слоны или орангутанги: изъ этого должно заключать, что между людьми одного дикарскаго племени разницы по обширности знаній и характеру привычекъ должны быть гораздо больше, нежели различія между животными одного стада.

По отлагая этотъ спорный вопросъ по его сравнительной маловажности для исторіи, и обращая вниманіе только на тѣ племена и народы, которые имѣютъ сколько-нибудь важное историческое значеніе, мы видимъ, что въ каждомъ изъ нихъ нѣкоторые люди значительно превосходятъ умственными или нравственными качествами средній уровень своего племени и народа, нѣкоторые другіе далеко не достигаютъ его. Разницы такъ велики, что въ самой цивилизованной націи находится довольно много людей уступающихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ наиболѣе развитымъ людямъ племени мало возвысившагося въ обществѣ своемъ составѣ надъ дикарствомъ. Возьмемъ для примѣра тотъ разрядъ знаній, относительно котораго особенно легко рѣшать, въ какомъ размѣрѣ обладаетъ имъ тотъ

или другой человѣкъ, — умѣнье считать. Въ Англіи, Франціи, Германіи находится множество взрослыхъ физически и умственно здоровыхъ людей, не умѣющихъ рѣшать ариѳметическіе вопросы, безъ труда разрѣшаемые торговыми людьми или сборщиками налоговъ въ негритянскихъ государствахъ Центральной Африки. Сравненіе людей по нравственному ихъ достоинству гораздо сбивчивѣе, чѣмъ опредѣленіе ихъ умственного уровня; но и тутъ мы можемъ дѣлать довольно прочныя выводы, если будемъ сравнивать не всю сумму нравственныхъ качествъ, а какое нибудь опредѣленное качество, напримѣръ то, какъ обращается отецъ или мать съ дѣтьми. Взявъ для сравненія именно этотъ элементъ нравственного развитія, мы должны будемъ признать, что въ племенахъ ведущихъ очень грубую жизнь находится много родителей, обращающихся съ дѣтьми менѣе безжалостно, чѣмъ многіе родители, принадлежащіе по своей національности къ передовымъ народамъ.

Такимъ образомъ каждый народъ, имѣющій историческое значеніе, представляетъ соединеніе людей очень различныхъ между собою по степенямъ умственного и нравственного развитія. Часть его составляютъ люди, похожіе своимъ невѣжествомъ и нравственной грубостью на самыхъ невѣжественныхъ и безжалостныхъ дикарей; другія части занимаютъ всяческія среднія степени между этой низшей и наилучшими представителями своей націи.

Потому, когда говорятъ о какой нибудь націи что она достигла высокой степени образованности, это не значитъ, что всѣ люди, составляющіе ее, много выше дикарей по своимъ привычкамъ и умственному развитію, но тѣмъ самымъ, что этой націи дается названіе высоко-цивилизованной, уже высказывается мнѣніе, что большинство людей, составляющихъ ее, далеко превосходитъ дикарей своимъ умственнымъ развитіемъ и достоинствомъ нравственныхъ привычекъ.

Теперь всѣ серьезные ученые согласны между собою въ признаніи той истины, что всѣ особенности, которыми возвышаются надъ грубѣйшими и невѣжественнѣйшими племенъ цивилизованные люди, составляютъ историческое приобрѣтеніе.

Спрашивается, какими жъ элементами произведено это улучшеніе понятій и привычекъ?

Чтобы ясно было, какова необходимо должна быть сущность отвѣта на этотъ вопросъ поставимъ вопросъ болѣе широкій: спросимъ себя не о томъ, какими элементами произведено повышеніе нѣкоторыхъ людей въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ надъ нѣкоторыми другими людьми, а вообще о томъ, чѣмъ произведено все повышеніе человѣческой жизни надъ жизнью другихъ живыхъ существъ, имѣющихъ организацію тѣла, подобную человѣческой. Отвѣтъ извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ всѣмъ людямъ достигшимъ такого умственного развитія, чтобы сознавать разницу между человѣкомъ и такъ называемыми неразумными животными.

Всѣ мы знаемъ, что всѣ тѣ преимущества, какія имѣетъ человѣческая жизнь надъ жизнью млекопитающихъ, не одаренныхъ такой силою ума, какъ человѣкъ — результаты умственного превосходства человѣка.

Что общезвѣстное и общепризнанное рѣшеніе общаго вопроса о происхожденіи всѣхъ преимуществъ человѣческой жизни, заключаетъ въ себѣ съ очевидной ясностью отвѣтъ на частный вопросъ о силѣ, производящей прогрессъ въ

жизни народовъ: основная сила возвышавшая человѣческій бытъ—умственное развитіе людей. Само собою разумѣется, что и умственной силой, какъ всякой другой, человѣкъ можетъ злоупотреблять такъ, что она будетъ производить не пользу, а вредъ или для другихъ людей, или даже и для него самого. Такъ, напримѣръ, интересы честолюбца обыкновенно бываютъ неодинаковы съ благомъ его націи, и свое умственное превосходство надъ ея массою онъ употребляетъ во вредъ ей; въ случаѣ успѣха онъ очень часто превышаетъ къ такому необузданному удовлетворенію своихъ страстей, что разрушаетъ собственное умственное, а наконецъ даже и физическое здоровье; что бывало съ отдѣльными людьми, увлекавшимися честолюбіемъ, бывало и съ цѣлыми народами. Такъ аоніане губили другихъ грековъ и погубили самихъ себя, злоупотребляя своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ большинствомъ другихъ грековъ; такъ потомъ римляне погубили всѣ цивилизованныя народы и самихъ себя, злоупотребляя своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ испанцами, галлами и другими малообразованными народами Европы и сошедшихъ съ Европою частей Африки и Азии. Умственная сила можетъ производить и часто производитъ вредные результаты; но производить ихъ лишь подъ давленіемъ силъ или обстоятельствъ, искажающихъ природный характеръ ея. Подъ вліяніемъ страстей человѣкъ очень умный и просвѣщенный можетъ поступать гораздо хуже огромнаго большинства своихъ соотечественниковъ, не имѣющихъ ни такого сильнаго природнаго ума, ни такой высокой образованности: не теперь признано, что всѣ такіе поступки лишь результаты обстоятельствъ, помѣшавшихъ нормальному развитію душевной жизни этого человѣка. Само по себѣ умственное развитіе имѣетъ тенденцію улучшать понятія человѣка о его обязанностяхъ относительно другихъ людей, дѣлать его болѣе добрымъ, развивать въ немъ понятія о справедливости и честности.

Всякая переменѣна въ народной жизни—сумма переменъ въ жизни отдѣльных людей, составляющихъ націю; потому, когда мы хотимъ опредѣлить, какія обстоятельства благоприятны и какія неблагоприятны улучшенію умственной и нравственной жизни націи, мы должны рассмотреть, отъ какихъ обстоятельствъ улучшается или портится въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ отдѣльный человѣкъ.

Въ старыя времена вопросы этого рода были очень затемнены грубыми понятіями, остававшимися у большинства ученыхъ людей отъ варварской старины ихъ націй. Теперь дѣло не представляетъ большихъ затрудненій въ теоретическомъ отношеніи. Основная истина ясна для большинства просвѣщенныхъ людей передовыхъ націй, и меньшинство, находящее эти истины несообразными съ своей личной выгодой, уже стыдится отрицать ихъ, принужденно вести борьбу противъ нихъ казуистическимъ способомъ: оно говоритъ, что вообще раздѣляетъ честныя убѣжденія большинства, оно только старается доказывать, что эти истины не вполне примѣняются къ данному частному случаю, въ которомъ онъ противорѣчатъ выгодамъ его. Такихъ оговорокъ всегда можно найти много, но фальшивость ихъ обыкновенно бываетъ очевидна для всѣхъ, неимѣющихъ личной выгоды называть ихъ основательными.

Въ наиболѣе мрачныя времена среднихъ вѣковъ господствовало между учеными людьми мнѣніе, что человѣкъ по своей природѣ расположенъ къ дурному и дѣлаетъ хорошее только по принужденію. Примѣняя это къ вопросу объ умствен-

номъ развитіи, педагоги тѣхъ временъ утверждали, что преподаваніе теоритическихъ знаній бываетъ успѣшно, лишь когда ведется посредствомъ жестокихъ наказаній. Ученые, писавшіе о нравственной жизни общества, точно также говорили, что масса людей расположена вести порочную жизнь, совершать всяческія преступленія, и что единственнымъ основаніемъ общественнаго порядка должно быть угнетеніе, что только насилье дѣлаетъ людей трудолюбивыми и честными. Всѣ мнѣнія этого рода признаны теперь невѣжественными, противорѣчащими человѣческой природѣ.

Изъ наукъ о законахъ общественной жизни первая выработала точныя формулы условій прогресса политическая экономія. Она установила, какъ неизбѣмый принципъ всякаго ученія о человѣческомъ благосостояніи, ту истину, что только добровольная дѣятельность человѣка производитъ хорошіе результаты, что все дѣлаемое человекомъ по вѣншему принужденію выходитъ очень плохо, что успѣшно дѣлается онъ только то, что самъ желаетъ. Политическая экономія примѣняетъ эту общую идею къ разясненію законовъ успѣшности матеріальнаго человѣческаго труда, доказывая, что всѣ формы не добровольной работы не производительны и что матеріальнымъ благосостояніемъ можетъ пользоваться только общество, въ которомъ люди пахутъ землю, изготовляютъ одежду, строятъ жилища, каждый по собственному убѣжденію въ полезности для него заниматься той работой, надъ которой онъ трудится.

Примѣняя тотъ же принципъ къ вопросу о пріобрѣтеніи и сохраненіи умственныхъ и нравственныхъ благъ, другія отрасли общественной науки призвали теперь, что просвѣщенными и нравственными становятся только тѣ люди, которые сами желаютъ сдѣлаться такими и что не только повиныться въ этихъ отношеніяхъ, но и оставаться на достигнутой высотѣ человѣкъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ желаетъ этого, добровольно заботится объ этомъ. Дѣйствительно, всѣ мы по житейскимъ наблюденіямъ знаемъ, что если ученикъ потерялъ любовь къ наукѣ, онъ быстро теряетъ пріобрѣтенныя знанія и мало по малу обращается въ невѣжду. То же самое и о другихъ сторонахъ цивилизаціи. Если, на примѣръ, человѣкъ утратитъ любовь къ честности, онъ быстро вовлечется въ такое множество дурныхъ поступковъ, что пріобрѣтетъ привычку къ безчестнымъ правиламъ жизни. Никакое вѣннее принужденіе не можетъ поддержать человѣка ни на умственной, ни на нравственной высотѣ, когда онъ самъ не желаетъ держаться на ней.

Во времена господства свирѣпыхъ педагогическихъ системъ говорили, что люди—въ данномъ случаѣ люди еще не взрослыхъ лѣтъ, дѣти — выучиваются чтенію, письму, арифметикѣ и такъ далѣе, только по принужденію, по страху наказаній за лѣность. Теперь всѣ знаютъ, что это вовсе не такъ, что каждый здоровый ребенокъ имѣетъ природную любознательность и, если вѣншія обстоятельства досадны для него не заглушаютъ ее, то учится охотно, находитъ наслажденіе въ пріобрѣтеніи знаній.

Люди, дѣйствующіе въ историческихъ событіяхъ не дѣти, а люди, умъ и воля которыхъ сильнѣе дѣтскихъ. Если жизнь ребенка шла сколько нибудь удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи и не чрезвычайно дурно въ умственномъ, то, по достиженіи юношескихъ лѣтъ, онъ оказывается человекомъ, понимающимъ вещи разсудительнѣе, способнымъ держать себя благоразумнѣе, чѣмъ

лѣтъ за пять передъ тѣмъ. Вообще говоря, десятилѣтній ребенокъ знаетъ больше, разсуждаетъ умнѣе, имѣетъ больше силы характера, чѣмъ пятилѣтній, а пятнадцатилѣтній подростокъ много превосходитъ всѣми этими качествами десятилѣтняго ребенка, и если жизнь его въ слѣдующіе годы пойдетъ не чрезвычайно дурно, то въ 20 лѣтъ онъ станетъ человѣкомъ еще болѣе знающимъ, умнымъ, разсудительнымъ, имѣющимъ болѣе твердую волю. Менѣе быстръ становится прогрессъ человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ по достиженіи полнаго физическаго развитія; но какъ физическія силы человѣка продолжаютъ возрастать довольно много лѣтъ послѣ совершеннолѣтія, такъ по всей вѣроятности продолжаютъ возрастать и умственные его силы и способность быть твердымъ въ исполненіи своихъ намѣреній. Можно полагать, что возрастаніе силъ прекращается обыкновенно около 30-ти лѣтнаго возраста, а при благоприятномъ ходѣ жизни длится нѣсколькими годами больше. Когда оно прекращается, физическія, умственные и нравственные силы человѣка довольно долго держатся приблизительно на высшемъ достигнутомъ уровнѣ и по всей вѣроятности не раньше, чѣмъ начинается хилѣть организмъ человѣка въ отношеніи физической силы, начинается у здороваго человѣка упадокъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Такъ теперь думаютъ натуралисты, занимающіеся изученіемъ человѣческаго организма.

Съ какихъ лѣтъ человѣкъ начинаетъ считать себя равнымъ по уму и нравственной силѣ съ людьми, достигшими полнаго развитія? Подъ влияніемъ самолюбія эта мысль обыкновенно овладѣваетъ человѣкомъ раньше того, чѣмъ было бы справедливо ему начать думать о себѣ такъ. Но громадное большинство людей, которыхъ старшіе называютъ несовершеннолѣтними, все-таки сохраняетъ расположеніе слѣдовать примѣру старшихъ, и напримѣръ пятнадцатилѣтніе юноши вообще стараются подражать примѣру своихъ старшихъ родныхъ или знакомыхъ. Такимъ образомъ о большинствѣ людей даже уже довольно близкихъ къ совершеннолѣтію всѣ мы положительно знаемъ, что ихъ развитіе опредѣляется качествами старшаго поколѣнія. Они, какъ имѣли съ младенчества, такъ и по достиженіи уже высокаго физическаго роста и приобрѣтеніи довольно значительной физической силы сохраняютъ влеченіе сдѣлаться такими, какъ ихъ старшіе: потому нѣтъ надобности ни въ какомъ насиліи для того, чтобы дѣти и подростающіе юноши или дѣвушки развивались именно такъ, какъ желаютъ старшіе: у нихъ самихъ есть очень сильное стремленіе къ этому; для воспитанія ихъ нужно не принужденіе, а только доброжелательное содѣйствіе тому, чего сами они желаютъ; не мѣшайте дѣтямъ становиться умными, честными людьми — таково основное требованіе нынѣшней педагогикъ; на сколько умнѣе, помогайте ихъ развитію, прибавляетъ она, но знайте, что меньше вреда имъ будетъ отъ недостатка содѣйствія, чѣмъ отъ насилія; если вы не умѣете дѣйствовать на нихъ иначе, какъ принужденіемъ, то лучше для нихъ будетъ, оставаться вовсе безъ вашего содѣйствія, чѣмъ получать его въ принудительной формѣ.

Мы напоминаемъ объ основномъ принципѣ педагогикъ потому, что до сихъ поръ остается въ большомъ обыкновеніи сравнивать иноземныя необразованныя племена и племена сословія своей націи съ дѣтьми и выводить изъ этого сравненія право образованныхъ націй производить насильственные перемѣны въ бытѣ подвластныхъ имъ нецивилизованныхъ народовъ и право господствующихъ въ государствахъ просвѣщеннымъ сословіямъ поступать такимъ же способомъ съ бытомъ не-

вѣжественной массы своей націи. Выводъ фальшивъ ужъ и по одному тому, что сравненіе совершеннѣйшихъ необразованныхъ людей съ дѣтьми—пустая реторическая фигура, уподобляющая одно другому два совершенно различные разряда существъ. Самые грубѣйшіе изъ дикарей—вовсе не дѣти, а такіе же взрослые люди, какъ и мы; тѣмъ меньше одинаковости съ дѣтьми у простолюдиновъ цивилизованныхъ націй. Но примемъ на минуту, что фальшивое сравненіе не фальшиво, а вѣрно. Все таки оно не даетъ ни малѣйшаго полномочія какому бы то ни было хотя-бы самымъ просвѣщеннѣйшимъ и доброжелательнѣйшимъ людямъ, насильственно измѣнять тѣ стороны быта простолюдиновъ или хотя бы дикарей, о которыхъ идетъ рѣчь, при оправдываніи произвольныхъ распоряженій относительно образа ихъ жизни. Пусть они маленькія дѣти (вѣроятно впрочемъ уже не грудные младенцы, потому что сами своими руками берутъ пищу и своими зубами жуютъ ее, а не питаются молокомъ женъ своихъ просвѣщенныхъ попечителей). Пусть мы нѣжнѣйшіе отцы этихъ—вѣроятно ужъ не двухмѣсячныхъ, а не меньше, какъ двухлѣтнихъ—малютокъ; что-жъ изъ того? Дозволяетъ ли педагогія отцу стѣснять двухлѣтняго ребенка болѣе, чѣмъ необходимо для сохраненія цѣлости рукъ и ногъ, лба и глазъ малютки? Дозволяетъ ли она принуждать этого малютку не дѣлать ничего такого, чего не дѣлаетъ отецъ, и дѣлать все то, что онъ дѣлаетъ? Отецъ ѣстъ при помощи вилки, долженъ ли онъ стѣснать двухлѣтняго ребенка, хватающаго куски кушанья рукой? «Но малютка обожжетъ себѣ пальчики о кусокъ жаркого». Пусть обожжетъ, бѣда не такъ велика, какъ стѣсненіе. Впрочемъ любители сравненія дикарей или простолюдиновъ съ дѣтьми вѣроятно даютъ предметамъ своихъ нѣжныхъ заботъ напущимъ землю, или пасущимъ скотъ, или хотя собирающимъ ягоды для своего пропитанія, никакъ не меньше десятилѣтняго возраста. Хорошо; какія же права имѣетъ не то, что посторонній воспитатель, а родной отецъ надъ десятилѣтнимъ ребенкомъ? Имѣетъ ли право хотя бы принуждать его учиться? Педагогія говоритъ: «Нѣтъ; если десятилѣтній мальчикъ не любитъ учиться, причина тому не онъ, а его воспитатель, заглушающій въ немъ любознательность дурными приемами преподаванія или непригоднымъ для воспитанника содержаніемъ его. Надобность тутъ не въ принужденіи воспитанника, а въ томъ, что воспитателю должно перевоспитать самого себя и переучиться: ему слѣдуетъ сдѣлаться изъ скучнаго, безтолковаго, суроваго педанта добрымъ и разсудительнымъ преподавателемъ, отбросить дикія понятія, которыми загроможденъ здравый смыслъ въ его головѣ, пріобрѣсти въ замѣнъ ихъ разумныя. Когда эти требованія науки будутъ исполнены воспитателемъ, мальчикъ станетъ охотно учиться всему, что найдетъ тогда надобнымъ преподавать ему учитель, сдѣлавшійся человѣкомъ разсудительнымъ и добрымъ. Привудительная власть взрослыхъ людей надъ десятилѣтнимъ мальчикомъ ограничивается тѣмъ, чтобъ удерживать его отъ нанесенія вреда самому себѣ и другимъ. Но вредъ вреду рознь. Когда рѣчь идетъ о принудительныхъ мѣрахъ для предотвращенія вреда, то ясно само собою, что не годится предотвращать менѣе значительный вредъ нанесеніемъ болѣе значительнаго. Принужденіе по самой сущности своей вредно: оно приноситъ огорченіе стѣсняемому и наказываемому, оно портитъ его характеръ, возбуждая въ немъ досаду на запрещающихъ и наказывающихъ, вводитъ его во враждебныя столкновенія съ ними. По этому разсудительные родители, другіе старшіе родные, воспитатели считаютъ дозволительнымъ для себя

употребленіе насильственныхъ мѣръ противъ десятилѣтняго мальчика лишь въ немногихъ наиболѣе важныхъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ поступки его вредны ему по ихъ мнѣнію. Когда вредъ не очень важенъ, они дѣйствуютъ на мальчика только совѣтами и доставленіемъ ему удобствъ отвыкать отъ вреднаго: они справедливо полагаютъ, что мелочныя шалости, отъ которыхъ не будетъ большой бѣды ни самому мальчику, ни другимъ, не должны быть предметами угрозъ и наказаній; пусть сама жизнь отвлечетъ его отъ этихъ шалостей, думаютъ они, помогая дѣлу совѣтами, стараются доставить шалуна другія, лучшія развлеченія и ограничиваются этимъ. — Впрочемъ, безспорно, бывають случаи, въ которыхъ вредъ воспрещаемаго болѣе великъ, чѣмъ вредъ воспрещенія. Въ такихъ дѣлахъ, принудительныя мѣры оправдываются разумомъ и предписываются совѣтью; конечно, съ оговоркой, что онѣ не будутъ болѣе суровы или стѣснительны, чѣмъ необходимо для пользы мальчиковъ, подвергаемыхъ имъ. Предположимъ, напри- мѣръ, что воспитатель получилъ въ свое завѣдываніе толпу мальчиковъ, имѣющихъ привычку драться между собой камнями и палками. Онъ обязанъ воспретить имъ эти драки, въ которыхъ часто получаютъ увѣчья, иной разъ даже бывающія смертельными. — О дѣлахъ ли подобнаго рода ведется рѣчь, когда принудительныя мѣры противъ уподобляемыхъ дѣтямъ простолюдиновъ или дякарей оправдываются обязанностью воспитателя запрещать дѣтямъ вредныя для нихъ поступки? Нѣтъ, къ фактамъ этого разряда не могутъ относиться подобныя разсужденія. Впервыхъ, если имѣтъ въ виду эти факты, то не о чемъ вести споръ, нечего доказывать; право правительства воспрещать драки не отрицается никѣмъ; во вторыхъ, когда говорится о воспрещеніи дракъ, то нельзя говорить въ частности о воспрещеніи ихъ какому нибудь особому разряду людей: рѣчь должна относиться ко всѣмъ людямъ, дерущимся между собою; какова степень ихъ образованности, все равно: они дерутся между собой, этого достаточно; кто бы ни были они, знатные или незнатные, ученые или невежы, одинаково надобно прекратить ихъ драку. И правительству ли только принадлежитъ право прекратить ее? — Нѣтъ; всякому разсудительному человеку совѣтъ все это прекратить — если онъ можетъ — всякую драку, какую онъ видитъ, и законы всѣхъ цивилизованныхъ земель одобряютъ каждый, исполнившій эту обязанность совѣсти. Какая жь надобность толковать, что и правительство имѣетъ право прекращать драки? Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ существуетъ и одобряется всѣмъ населеніемъ ихъ законъ, не то что дающій правительству право, — нѣтъ, возлагающій на него обязанность прекращать драки. Въ каждой цивилизованной странѣ все населеніе непрерывно требуетъ отъ правительства исполненія этого закона. И во всякой цивилизованной землѣ онъ одинъ и тотъ же для всего ея населенія; никакихъ исключительныхъ льготъ или стѣсненій въ дѣлѣ дракъ нѣтъ ни для какого класса людей, знатнаго ль или низкаго, просвѣщеннаго ль или невежественнаго; нѣтъ ихъ, и не нужно. Ни въ какой цивилизованной странѣ нѣтъ никакихъ споровъ ни о чемъ изъ этого. Къ чему жь было бы толковать въ частности о простолюдинахъ, и о томъ, что простолюдины подобны дѣтямъ, а правительство подобно должно быть школьнымъ учителямъ этихъ мнимыхъ школьничковъ, здоровенныхъ мужицъ и сѣдыхъ стариковъ, если бы разсуждающіе о сродствѣ простолюдиновъ съ дѣтьми желали только доказывать, что правительство имѣетъ право прекращать драки простолюдиновъ? Ясно, что любители удобовольствія простолюдиновъ дѣтямъ имѣють

въ виду не воспрещеніе дракъ, а нѣчто совершенно иное; имъ хочется чтобы простолюдины жили по ихъ фантазіямъ, имъ хочется передѣлывать народные обычаи по своему произволу. Предположимъ, что все не правящіяся имъ черты быта простолюдиновъ дѣйствительно дурны, что все правила быта, которыми желаютъ они замѣнить эти черты, дѣйствительно были бы сами по себѣ хороши. Но они—любители насилія, хотъ и умѣютъ говорить языкомъ цивилизованнаго общества, остаются въ душѣ людьми варварскихъ временъ.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ масса населенія имѣетъ много дурныхъ привычекъ. Но искоренять ихъ насиліемъ значить пріучать народъ къ правиламъ жизни еще болѣе дурнымъ, принуждать его къ обману, лицемерію, безсовѣстности. Люди отвыкаютъ отъ дурнаго только тогда, когда сами желаютъ отвыкнуть; привыкаютъ къ хорошему только когда сами понимаютъ, что оно хорошо и находятъ возможность усвоить его себѣ. Въ этихъ двухъ условіяхъ вся сущность дѣла: въ томъ, чтобы человѣкъ узналъ хорошее, и въ томъ, чтобы нашелъ возможнымъ усвоить его себѣ; въ желаніи усвоить его себѣ никогда не можетъ быть недостатка у человѣка. Не желать хорошаго—не въ натурѣ человѣка, потому что не въ натурѣ какого бы то ни было живаго существа. Нечего и говорить о томъ, желаютъ ли хорошаго себѣ существа, дышущія, подобно человѣку, легкими, имѣющія высоко развитую нервную систему; вѣсмотримъ въ движеніе червяка: даже и онъ ползетъ отъ того, что кажется ему дурнымъ, къ тому, что кажется ему хорошимъ. Влеченіе къ тому, что кажется хорошимъ—коренное качество природы всѣхъ живыхъ существъ.

Если мы, просвѣщенные люди какого нибудь народа, желаемъ добра массѣ нашихъ соплеменниковъ, имѣющей дурныя, вредныя для нея привычки, наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы знакомить ее съ хорошимъ и заботиться о доставленіи ей возможности усвоить его. Прибѣгать къ насилію—дѣло совершенно неумѣнное. Когда преніягствіе къ замѣнѣ дурнаго хорошимъ только незнаніе хорошаго, намъ легко достигъ успѣха въ желаніи улучшить жизнь нашихъ соплеменниковъ; тѣ истины, которыя надобно узнать имъ, не какія нибудь догматическія теоремы спеціальныхъ наукъ, а правила житейскаго благоразумія, совершенно доступныя пониманію всякаго взрослого человѣка, хотя бы самаго невѣжественнаго. Трудность дѣла не въ томъ, чтобы растолковать простолюдинамъ вредность дурнаго, полезность хорошаго; важнѣйшія истины этого рода хорошо извѣстны огромному большинству простолюдиновъ каждаго народа нашей европейской цивилизаціи. Оно само желаетъ замѣнить свои дурныя привычки хорошимъ, и не исполняетъ своего желанія только потому, что не имѣетъ средствъ вести такую жизнь, какую считаетъ хорошей и желало бы вести. Оно нуждается не въ наиданіяхъ, а въ пріобрѣтеніи средствъ для замѣны дурнаго хорошимъ. Меньшинство, желающее жить по правиламъ, которыя справедливо кажутся дурными просвѣщеннымъ людямъ, ничтожно по количеству въ каждой изъ націй цивилизованнаго міра; оно состоитъ изъ людей, которыхъ считаютъ дурными и масса простолюдиновъ, какъ масса образованнаго общества. Кромѣ этихъ немногихъ, нравственно больныхъ людей, все оставшееся простолюдинъ, какъ и все остальные просвѣщенные люди, желаютъ поступать хорошо; и если поступаютъ дурно, то лишь потому, что дурная обстановка ихъ жизни принуждаетъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ; все они тяготеютъ этимъ, все желаютъ улучшить обстановку

своей жизни такъ, чтобы не быть вводимыми ею въ дурные поступки. Обязанность людей, желающихъ добра своему народу, состоитъ въ томъ, чтобы помогать осуществленію этого желанія огромнаго большинства людей всѣхъ сословій. Не насилие противъ простонародья или какого другаго класса націй тутъ нужно, а содѣйствіе исполненію всеобщаго желанія.

Таковы должны быть отношенія просвѣщенныхъ людей къ массѣ ихъ соотечественниковъ. И должно сказать, что ужъ съ довольно давняго времени всѣ правительства цивилизованныхъ государствъ держатся этихъ разумныхъ понятій; варварскій способъ производить перемѣны въ народной жизни насильственными мѣрами давно отброшенъ правительствами всѣхъ европейскихъ государствъ; всѣхъ безъ исключенія; даже и турецкое правительство отказалось отъ попытокъ доставлять своему народу что нибудь хорошее насиліемъ надъ нимъ; даже и оно теперь знаетъ, что насильственные мѣры не улучшаютъ, а только портятъ жизнь того народа, къ національному составу котораго принадлежитъ оно.

Тѣ ученые, которые желаютъ, чтобы правительство какой нибудь цивилизованной страны принимало насильственные мѣры для преобразованія жизни своего народа, люди менѣе просвѣщенныхъ понятій, чѣмъ правители турецкаго государства.

Французы ль мы, или нѣмцы, русскіе ль, или испанцы, шведы ль или греки, мы имѣемъ право думать о своемъ народѣ, что онъ менѣе невѣжественъ, нежели турецкій; потому имѣемъ право требовать отъ ученыхъ нашей національности, чтобы они не отказывали своему народу въ томъ уваженіи, какое оказываютъ своему народу турецкіе паши.

Нѣкоторые изъ ученыхъ, стыдящихся требовать насилій надъ жизнью своего народа, не считаютъ постыднымъ говорить, что правительство цивилизованной націи имѣетъ обязанность принимать насильственные мѣры для улучшенія обычаевъ подвластныхъ ему нецивилизованныхъ инородцевъ.

Власть надъ чужими землями пріобрѣтается и поддерживается военной силой. Такимъ образомъ, вопросъ о правахъ правительствъ цивилизованныхъ націй надъ нецивилизованными племенами сводится къ вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ разумъ и совѣтъ могутъ оправдывать завоеваніе. Всѣ эти случаи подходятъ подъ понятіе самообороны. Ни одинъ осѣдлый народъ не имѣетъ такихъ обычаевъ, которые дѣлали бы для какого нибудь другаго народа необходимой мѣрой самообороны завоеваніе его. Каждый осѣдлый народъ ведетъ мирный образъ жизни, добываетъ себѣ пропитаніе честнымъ, спокойнымъ трудомъ. Военныя столкновенія между осѣдлыми народами возникаютъ не изъ основныхъ правилъ ихъ жизни, а только изъ недоразумѣній или порывовъ страстей. Если осѣдлый народъ имѣетъ такое превосходство силы надъ другимъ тоже осѣдлымъ народомъ, что можетъ покорить его своему владычеству, то ясно самой собою, что онъ имѣетъ силу, болѣе нежели достаточную для отраженія нападеній этого народа. Потому завоеваніе осѣдлаго народа никогда не можетъ быть признано необходимою для самообороны народа, покоряющаго себѣ его. Интересы каждаго осѣдлаго народа требуютъ спокойствія. Если народъ, болѣе сильный, заботится соблюдать справедливость относительно осѣдлаго сосѣда, менѣе сильнаго, то очень рѣдко будетъ подвергаться нападеніямъ отъ него. Нападеніе слабаго должно кончиться неудачей, по превосходству силы обороняющагося. Если сильный, отразивъ нападеніе слабаго, заклю-

читъ съ нимъ миръ на справедливыхъ условіяхъ, не злоупотребить своей побѣдой, то побѣжденный на долго утратитъ желаніе возобновить войну. Такимъ образомъ, болѣе сильный народъ всегда имѣетъ возможность устроить свои отношенія къ менѣе сильному осѣдлому сосѣду такъ, что преобладающій характеръ ихъ будетъ мирный. Завоеваніе осѣдлаго народа всегда нарушеніе справедливости; а нарушеніе справедливости никогда не можетъ быть полезнымъ для подвергающихся ему, всегда наносятъ имъ вредъ.—Итакъ, покореніе осѣдлаго народа, никогда не бывая необходимою самообороны покоряющаго, никогда не можетъ имѣть оправданія собѣ.—Иное дѣло, отношенія осѣдлыхъ народовъ къномадамъ. Они могутъ быть таковы, что покореніе сосѣдняго кочеваго племени необходимая мѣра самообороны осѣдлаго народа. Нѣкоторые номады миролюбивы; покореніе ихъ никогда не можетъ быть надобностью. Но многіе номады имѣютъ принципомъ своего быта грабежъ сосѣдовъ. Покореніе такихъ номадовъ можетъ бывать дѣломъ необходимости, и въ такихъ случаяхъ оправдывается разумомъ и совѣстью. Спрашивается: имѣютъ ли цивилизованные завоеватели право принуждать завоеванныхъ номадовъ къ перемѣнѣ ихъ обычаевъ?—Имѣютъ, насколько это необходимо для достиженія той цѣли, которой оправдывается завоеваніе, то есть для прекращенія разбойничества. Покоренные дикари разбойничали. Завоеватель не только имѣетъ право, имѣетъ обязанность запретить имъ это. Но когда онъ воспрещаетъ имъ разбой, о чемъ тутъ идетъ дѣло? О томъ ли, чтобъ улучшить нравы дикарей?—Нѣтъ, улучшение ихъ нравовъ можетъ быть (и часто бываетъ) результатомъ прекращенія разбоевъ; но мотивомъ запрещенія разбоевъ служить надобность цивилизованнаго народа, а не забота о благѣ разбойничавшихъ дикарей. Потребность цивилизованныхъ завоевателей въ безопасности для своего мернаго труда возлагаетъ на ихъ правительство обязанность прекратить разбойничество покоренныхъ дикарей. Полезно ль это для дикарей, или нѣтъ, все равно. Это можетъ стать полезнымъ для нихъ; но не для ихъ пользы дѣлается это, а для пользы ихъ завоевателей. Правительство цивилизованнаго народа ловитъ и наказываетъ въ своей землѣ разбойниковъ и воровъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ національности; для чего оно дѣлаетъ это? Для пользы ль этихъ разбойниковъ и воровъ? Нѣтъ, для пользы мирнаго, честнаго населенія своей землѣ; нація находитъ надобнымъ для себя, чтобъ они были ловимы и наказываемы, и возлагаетъ на правительство обязанность исполнять это. Понимкой и наказаніемъ грабителей ограничивались до недавняго времени отношенія правительства къ нимъ и желанія общества относительно ихъ даже у передовыхъ націй. Теперь просвѣщенное общество считаетъ своей надобностью заботиться объ улучшеніи правилъ жизни пойманныхъ и наказанныхъ грабителей и воровъ. Правительства цивилизованныхъ націй стараются исполнить эту добрую и разумную мысль просвѣщенныхъ классовъ, и когда дѣло ведется хорошо, то многіе изъ наказанныхъ грабителей и воровъ становятся людьми трудолюбивыми, честными. Но какими способами достигается этотъ результатъ? Тѣмъ, что администрація облегчаетъ судьбу наказываемыхъ, доставляетъ имъ средства трудиться съ выгодой для нихъ и хорошия, благородныя развлеченія во время ихъ тюремной жизни, сокращаетъ срокъ ихъ неволи въ награду за исправленіе. Итакъ, чѣмъ же улучшаются эти люди? Мѣрами кротости и заботливости, смягчающими ихъ наказанія, возбужденіемъ въ нихъ расположенія къ хорошимъ правиламъ жизни, а не насиліемъ, не наказаніями. Лишеніе свободы само по себѣ раздра-

жасть людей, портить ихъ, развиваетъ въ нихъ низкія и злыя склонности; тѣмъ еще хуже дѣйствуютъ наказанія болѣ суровыя, чѣмъ простое заключеніе въ темницу. Точно также, отнявъ у разбойническаго племени независимость для избавленія своей земли отъ его грабежей, правительство цивилизованнаго народа можетъ заботиться о доставленіи покореннымъ дикарямъ свѣдѣній о хорошемъ и средствъ для его пріобрѣтенія; это будетъ не насиліе, а дѣло доброжелательства; при хорошемъ исполненіи его, нравы дикарей будутъ смягчаться, и по мѣрѣ ихъ улучшенія завоеватели могутъ облегчать тяготу своей власти надъ побѣжденными; эта благородная политика будетъ сильно содѣйствовать улучшенію жизни покоренныхъ. Такимъ образомъ, когда завоеванное племя получаетъ что нибудь хорошее отъ завоеванія, то всѣ хорошіе результаты производятся не насиліемъ, а кротостью и уменьшеніемъ насилія.

О людяхъ нашего времени достовѣрно извѣстно, что насиліе ухудшаетъ ихъ, что кроткое доброжелательное обращеніе съ ними улучшаетъ нравственные ихъ качества. Такъ ли было и въ прежнія времена?—Естествознаніе отвѣчаетъ, что такъ было всегда не только въ жизни людей, но и раньше того, въ жизни предковъ людей. Та часть зоологіи, которая занимается изслѣдованіемъ умственной и нравственной жизни существъ, имѣющихъ теплую кровь, доказала, что всѣ безъ исключенія классы, семейства и виды ихъ раздражаются, нравственно портятся отъ насилій надъ ними, улучшаются въ своихъ нравственныхъ качествахъ при доброжелательномъ, заботливомъ и кроткомъ обращеніи съ ними. Ставить вопросъ шире чѣмъ обо всѣхъ живыхъ существахъ съ теплой кровью нѣтъ надобности при изслѣдованіи законовъ человѣческой жизни; и кажется еще не собраны матеріалы для разясненія формъ и законовъ нравственной жизни нѣкоторыхъ изъ позвоночныхъ, имѣющихъ холодную кровь и большинства безпозвоночныхъ живыхъ существъ. Но относительно существъ съ теплой кровью естествознаніе вполне разяснило, что общій законъ нравственной жизни всѣхъ ихъ состоитъ въ ухудшеніи отъ всякой жестокости, всякаго насилія надъ ними, въ улучшеніи ихъ нравственныхъ качествъ при добромъ обращеніи съ ними.

Но какъ же думать о достовѣрности множества историческихъ свѣдѣтельствъ, говорящихъ, что насиліе улучшало нравы дикарей, покоренныхъ цивилизованными націями?—Точно такъ же, какъ о достовѣрности всякихъ другихъ разсказовъ или разсужденій, противорѣчащихъ законамъ природы. Для историка, знакомаго съ законами человѣческой природы, не можетъ быть сомнѣнія, что всякіе разсказы подобнаго рода — вздорныя сказки; задача его относительно ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разяснить, какъ возникли онѣ, найти источники ошибокъ или мотивы преднамѣренной лжи, которыми онѣ порождены.

Теперь признано, что всѣ живыя существа, способны ощущать впечатлѣнія, производимыя на нихъ внѣшними предметами, и чувствовать боль или пріятное состояніе своего организма, стремятся приспособить обстановку своей жизни къ своимъ потребностямъ, занять въ ней наиболѣе пріятное для себя положеніе и съ этой цѣлью стараются какъ можно лучше узнать ее. Относительно всѣхъ тѣхъ существъ, у которыхъ органы слуха и зрѣнія устроены болѣе или менѣе сходно съ нашими, то есть, между прочимъ, относительно всѣхъ млекопитающихъ,

извѣстно теперь, что кромѣ желанія изучать обстановку своей жизни съ практической цѣлью для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей они имѣютъ и теоретическую любознательность: имъ пріятно смотрѣть на нѣкоторые предметы, слушать нѣкоторые звуки. Они имѣютъ склонность смотрѣть и слушать собственнo потому, что это пріятно имъ, независимо ни отъ какой выгоды въ матеріальномъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ зоологія установила эти факты относительно всѣхъ млекопитающихъ, нѣтъ возможности отрицать въ человѣкѣ врожденное стремленіе къ улучшенію своей жизни и врожденную любознательность. Эти качества, которыхъ не можетъ человѣкъ утратить, пока сохраняется здоровая дѣятельность его нервной системы, это первыя двѣ изъ основныхъ силъ, производящихъ прогрессъ.

Есть живыя существа, враждебныя къ одинаковымъ съ нимъ. Такъ говорить о паукахъ. Но между тѣми существами, которыя по зоологической классификаціи причисляются къ высшимъ отдѣламъ класса млекопитающихъ нѣтъ ни одного вида подходящаго подъ разрядъ существъ враждебныхъ подобнымъ себѣ. Всѣ они, напротивъ того, имѣютъ доброжелательное расположеніе къ существамъ одного съ ними вида. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ одинокую жизнь, какъ напримѣръ волки; но это лишь необходимость, налагаемая на нихъ трудностью добывать пищу; такъ охотники расходятся далеко одинъ отъ другаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало добычи для нихъ; всѣмъ извѣстно, что волки при всякой возможности соединяются въ маленькія общества: имъ пріятно бытъ вмѣстѣ. Тѣ существа, которыя по формѣ зубовъ и устройству желудка менѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ волкъ, и питаются или исключительно или преимущественно растительными веществами, ведутъ общественную жизнь.

О половой привязанности нѣтъ надобности говорить много: всѣ знаютъ, что она въ высшихъ отдѣлахъ млекопитающихъ очень сильна. А когда всѣмъ намъ извѣстно, что левъ и львица нѣжно любятъ другъ друга, что тигръ ходитъ добывать пищу для своей подруги, кормящей дитя, то нелѣпо было бы сомнѣваться, что половое чувство у людей располагаетъ мужчину и женщину къ взаимному доброжелательству. У млекопитающихъ сильно развита материнская любовь къ дѣтямъ; безъ этого чувства не могъ бы существовать ни одинъ видъ ихъ, потому что дѣти каждаго очень долго живутъ только благодаря заботливости матери, кормящей ихъ грудью. У каждаго вида млекопитающихъ мать очень сильно любитъ дѣтей въ продолженіе всего того времени, пока они не могутъ обходиться безъ ея заботъ. Потому нѣтъ возможности сомнѣваться, что въ человѣческомъ родѣ мать имѣетъ природную сильную любовь къ своимъ дѣтямъ и что ея любовь къ дитяти сохраняетъ свою силу на всѣ тѣ годы жизни ребенка, въ которые онъ не способенъ самъ прокормить себя и самъ защищаться отъ враговъ. А этотъ періодъ у человѣка очень продолжителенъ. Едва ли въ какой бы то ни было мѣстности, самой благопріятной для легкаго добыванія пищи человѣкомъ и наиболѣе безопасной для него, можетъ не умереть съ голода пятилѣтній ребенокъ, оставшійся совершенно безъ попеченія старшихъ. Вообще говоря, періодъ заботъ матерей о дѣтяхъ въ человѣческомъ родѣ длится гораздо больше пяти лѣтъ. Но если мы возьмемъ этотъ срокъ времени, очевидно слишкомъ короткій, то все таки надобно будетъ признать, что онъ имѣетъ продолжительность болѣе, чѣмъ достаточную для возникновенія привычки матери и ребенка жить вмѣстѣ.

Теперь говорить, что семейный бытъ не первоначальная форма человѣ-

ческой жизни, что икогда люди жили многолюдными нераздѣльными группами, въ которыхъ не существовало никакихъ прочныхъ индивидуальныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Намъ здѣсь нѣтъ надобности разбирать, слѣдуетъ ли считать достовѣрной эту теорію въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается. Если и допустить, что первоначально женщины и мужчины, жившіе вмѣстѣ не различали никакихъ отношеній кромѣ признаваемыхъ въ своемъ стадѣ антилопами, этимъ нисколько не измѣняются изложенныя нами понятія о томъ, какія силы слѣдуетъ признавать двигательными прогресса въ человѣческой жизни. Пусть та женщина, которая родила малютку не была признаваема имѣющей болѣе близкія отношенія къ нему, чѣмъ другія женщины того же племеннаго общества; допустимъ даже такое предположеніе, хотя оно противорѣчитъ факту, существующему у всѣхъ млекопитающихъ. Корова знаетъ своего теленка и любитъ кормить своимъ молокомъ этого теленка. То же самое у всѣхъ млекопитающихъ. Наперекоръ этому факту, допустимъ, что было время, когда женщина не знала, какое изъ дѣтей ея племенной группы рождено ею или, по крайней мѣрѣ, не считала себя обязанной и не имѣла влеченія кормить грудью именно того ребенка, который рожденъ ею. Все таки дѣти людей того времени не могли оставаться живы иначе, какъ будучи питаемы грудью, и если родъ человѣческой не исчезъ, то значитъ малютки тѣхъ временъ были кормимы грудью какихъ-нибудь женщинъ, своихъ ли матерей или другихъ женщинъ; и все таки группа дѣтей этого племеннаго общества была предметомъ заботливости группы женщинъ, имѣвшихъ въ груди молоко, выростала только потому, что была предметомъ заботливости этой группы.

Мы дѣлаемъ приверженцамъ теоріи, о которой говоримъ, всѣ уступки, какихъ могутъ они желать; мы готовы даже признать существа уже имѣвшія человѣческую организацію, стоявшими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи ниже овецъ, лишь бы только были приведены факты, дѣлающіе вѣроятнымъ такое предположеніе. Но должно сказать, что для этого повадилось бы передѣлать физиологію нервной системы и доказать, что существо, имѣвшее очертанія тѣла, сходныя съ нынѣшними человѣческими, могло имѣть головной мозгъ менѣе высоко организованный, чѣмъ у овцы. Пока этого не сдѣлано, пока физиологія будетъ говорить то, что нынѣ говорить о соотношеніяхъ между устройствомъ человѣкоподобнаго головного мозга съ человѣкоподобными формами тѣла, должно будетъ думать, какъ велитъ думать теперь физиологія, что тѣ существа, которыя были людьми, превосходили овецъ умомъ; должно полагать также, что дѣти этихъ существъ нуждались въ материнскихъ заботахъ гораздо долѣе, чѣмъ ягнята, и остается несомнѣнной истиной, что существованіе человѣческаго рода обуславливалось и тогда, какъ теперь, любовью матерей къ дѣтямъ. Допустимъ, наперекоръ сравнительной анатоміи, даже то, что существа, имѣвшія человѣческую форму тѣла находились когда нибудь на такой ступени умственного и нравственного развитія, которая должна быть названа болѣе низкой, чѣмъ степень развитія не только овецъ, но и всякихъ другихъ существъ, имѣющихъ теплую кровь. Пусть люди тогда не имѣли никакихъ добрыхъ чувствъ, все таки они жили какими нибудь группами, хотя бы состоящими каждая только изъ одной женщины и ея дѣтей того возраста, въ которомъ они еще не умѣютъ сами

добывать себѣ пищу. Пусть эта мать нисколько не любила дѣтей; пусть она давала новорожденному сосать ея грудь только по инстинктивному ея стремленію избавиться отъ стѣснительнаго ощущенія производимаго избыткомъ накопившагося молока; и пусть когда она переставала кормить ребенка своимъ молокомъ она не дѣлилась съ нѣмъ своей пищей, пожирала сколько могла, отгоняя ребенка, и онъ питался только остатками, которыхъ не могла она съѣсть сама; все таки ея дѣти довольно долго жили, вмѣстѣ съ нею; они видѣли, что она дѣлаетъ; пусть она не заботилась учить ихъ, хотъ объ этомъ заботится не только собака или кошка, но и корова; они все таки научались примѣромъ ея, если и не брала она на себя труда учить ихъ.

Было, разумеется не такъ. Съ той поры, какъ живутъ на свѣтѣ существа человѣческихъ формъ тѣла, было у нихъ нѣкоторое влеченіе къ взаимному доброжелательству. Это влеченіе, независимое ни отъ какихъ половыхъ или родственныхъ отношеній, производило тотъ фактъ, что взрослые мужчины находили пріятнымъ разговаривать между собою; если ихъ языкъ еще не былъ человѣческимъ, то умѣли жъ они выражать звуками голоса хотъ тѣ мысли и чувства, которыя выражаются въ бесѣдахъ волковъ, лошадей или овецъ между собою, и умѣли жъ они пояснять звуки своего голоса какими нибудь движеніями, какъ умѣютъ всѣ млекопитающія. Но пусть вовсе не умѣли они выражать своихъ ощущеній и обмѣниваться мыслями, какъ умѣютъ всѣ существа дышашія легкими, имѣющія дыхательное горло съ голосовыми связками; все-таки этимъ мужчинамъ было пріятно сидѣть вмѣстѣ, смотрѣть другъ на друга. Точно также было пріятно сидѣть вмѣстѣ женщинамъ. Половое влеченіе должно было производить въ мужчинъ и женщинъ хотъ такое же взаимное расположеніе, какое существуетъ между тигромъ и тигрицей. Связь матери съ ребенкомъ была не менѣе нѣжна и болѣе продолжительна, чѣмъ у тигрицы или овцы съ ихъ дѣтьми, и не могло не быть того, чтобы мать не учила свое дитя, чтобы мужчины не были защитниками женщинъ и дѣтей отъ опасностей. Добрыя чувства, существовавшія между людьми съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли существа, имѣющія человѣческую форму тѣла, помогали врожденному стремленію каждаго изъ нихъ улучшать свою жизнь и удовлетворять своей любознательности. Младшіе по природному влеченію слѣдовали примѣру старшихъ; дѣти учились, молодые люди пріобрѣтали опытность, наблюдали дѣйствія болѣе опытныхъ, стараясь усвоивать себѣ ихъ житейскія знанія. Эти влеченія существуютъ у всѣхъ млекопитающихъ, потому не возможно сомнѣваться, что они съ самаго начала существованія людей принадлежали къ основнымъ свойствамъ человѣческой природы.

Итакъ мы имѣемъ два разряда силъ, производящихъ улучшеніе человѣческой жизни; одинъ изъ нихъ образуетъ стремленіе человѣка заботиться о хорошемъ удовлетвореніи потребностей своего организма и желаніе пріобрѣтать свѣдѣнія независимо отъ практической полезности ихъ собственно потому, что пріобрѣтеніе ихъ пріятно; другой разрядъ составляютъ тѣ отношенія между людьми, которыя возникаютъ изъ взаимнаго ихъ доброжелательства; это разные виды пріятности и пользы, получаемой людьми отъ жизни въ одной группѣ и двѣ болѣе сильныя формы взаимнаго доброжелательства, производимыя не только потребностями нервной системы, какъ взаимное доброжелательство между посторонними другъ другу мужчинами или посторонними одна другой женщинами, но

принадлежащія къ числу такъ называемыхъ физиологическихъ функцій организма: одна изъ этихъ формъ доброжелательства—половое влеченіе и возникающая изъ него любовь между мужчиной и женщиной, другая форма его — материнская любовь и влеченіе мужчины заботиться о женщинѣ, съ которой сожительствуютъ онъ, и о своихъ дѣтяхъ отъ нея.

Эти силы дѣйствуютъ и въ жизни другихъ млекопитающихъ. Всматриваясь въ характеръ ихъ вліянія, мы должны признать, что собственно ими было производимо улучшеніе тѣхъ организмовъ, которые въ ихъ нынѣшнихъ формахъ мы называемъ млекопитающими существами.

У человѣка, благодаря какимъ-то особенностямъ исторіи его предковъ, головной мозгъ приобрѣлъ такое развитіе, какого не достигъ ни у одного изъ существъ подобныхъ ему формами тѣла. Въ чемъ состояли эти особенности исторіи, которыми произведено болѣе высокое развитіе умственныхъ силъ у предковъ человѣка? Общій характеръ ихъ ясно опредѣляется нашими физиологическими знаніями. О потребностяхъ мы можемъ составлять догадки, очень правдоподобныя; но едва ли найдены историческіе факты, которые давали бы достовѣрнымъ чертамъ отвѣта ясность болѣе той, какая дается имъ физиологіей; она показываетъ, что улучшеніе организмовъ производится благоприятными для ихъ жизни обстоятельствами. На основаніи этого мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что если предки человѣка поднялись въ умственномъ отношеніи выше другихъ существъ, съ которыми стояли нѣкогда на одномъ уровнѣ, то исторія ихъ должна была имѣть характеръ болѣе благоприятный для ихъ органическаго развитія, чѣмъ исторія существъ не поднимавшихся такъ высоко надъ прежнимъ общимъ уровнемъ. Это физиологическая истина. Но въ чемъ именно состояли обстоятельства, благоприятствовавшія физиологическому развитію предковъ людей, мы можемъ только догадываться. Очень правдоподобно, что предки людей по какому нибудь счастливому обстоятельству приобрѣли больше безопасности отъ враговъ, чѣмъ какую имѣли другія существа сходныя или одинаковыя съ ними. Это могло быть переселеніе въ какую нибудь мѣстность болѣе прежней удобную для спокойной жизни, имѣвшую много хорошихъ пріютовъ въ родѣ пещеръ, куда не могли проникать ни ядовитыя змѣи, ни большія хищныя животныя; или переселеніе въ обширный лѣсъ, свободный отъ этихъ враговъ или имѣвшій много такихъ деревьевъ, жить на которыхъ было удобно и безопасно; или быть можетъ, преимущество мѣстности состояло въ томъ, что она была обильнѣй хорошей пищей, чѣмъ тѣ мѣстности, въ которыхъ остались или куда принуждены были переселиться существа, начавшія послѣ того отставать отъ предковъ людей въ своемъ умственномъ развитіи. Эти и тому подобныя догадки сообразны съ законами физиологическаго развитія, потому правдоподобны; какія изъ нихъ соотвѣтствуютъ дѣйствительно происходившимъ фактамъ, мы еще не имѣемъ свѣдѣній.

Но какимъ бы то ни было путемъ предки людей, по вліянію какихъ-то благоприятныхъ обстоятельствъ своей жизни, приобрѣли такое высокое умственное развитіе, что сдѣлались людьми. Только съ этого времени начинается та исторія ихъ жизни, относительно которой возникаютъ вопросы не общаго физиологическаго содержанія, а специально относящагося къ человѣческой жизни.

Эти существа далеко превосходили умомъ всѣ тѣ виды млекопитающихъ, которые по своей физической силѣ были подобно имъ довольно безопасны отъ враговъ. Собственно превосходствомъ ума и объясняется весь дальнѣйшій прогрессъ

человѣческой жизни. Само собою понятно, что существа несравненно болѣе умныя, чѣмъ буйволъ или верблюдъ, несравненно легче преодолевали препятствія къ улучшенію своей жизни. Буйволъ не умѣетъ придумать, какъ ему устроить для своего сна полную безопасность отъ большаго хищнаго звѣря или отъ ядовитой змѣи; дикари, находящіеся на самой низкой фактически извѣстной намъ ступени человѣческаго развитія, знаютъ эти средства обезпечить себѣ безопасность сна, и мы видимъ, что простѣйшія изъ этихъ средствъ безъ труда могли быть найдены людьми даже менѣе развитыми въ умственномъ отношеніи, чѣмъ низшіе изъ нынѣшнихъ дикарей. Говорятъ, и по всей вѣроятности справедливо, что умѣнье взять въ руку камень или толстую палку и бить этимъ оружіемъ по врагу увеличило безопасность людей, дало имъ возможность улучшить свою матеріальную жизнь, и благодаря ей улучшенію, получить большее развитіе умственныхъ способностей. Мы видимъ, что умѣйшія изъ другихъ млекопитающихъ не достигли искусства ловко пользоваться этимъ способомъ защиты отъ сильныхъ враговъ. Говорятъ, что орангъ-утангъ и горилла хорошо дерутся камнями или палками, но въ этихъ опѣнкахъ ихъ искусства слово «хорошо» употребляется не по сравненію съ человѣческой ловкостью въ подобной оборонѣ, а лишь въ смыслѣ сравненія съ очень плохимъ умѣньемъ медвѣдя бросать во врага глыбами земли. Еслибъ орангъ-утангъ или горилла умѣли драться палками не то, что съ такимъ же искусствомъ, какъ дикари, а хотя бы не совѣмъ плохо по сравненію съ дикарями, они выгнали бы людей изъ тѣхъ земель, въ климатѣ которыхъ могутъ жить, не было бы ни одного человѣка ни въ той полосѣ Африки, гдѣ живетъ горилла, ни на Борнео. Изгнаніе людей нестерпимо произошло бы для завладѣнія продуктами ихъ земледѣльческаго труда.

Какими именно путями люди, находившіеся на ступени развитія болѣе низкой, чѣмъ грубѣйшіе изъ нынѣшнихъ дикарей, поднялись до ихъ сравнительно высокаго умственного развитія, мы опять не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Всѣ серьезные ученые признали за основное правило научныхъ объясненій тотъ законъ логики, что когда фактъ, о происхожденіи котораго нѣтъ у насъ прямыхъ свѣдѣній, объясняется дѣйствіемъ силъ, производящихъ одинаковыя съ нимъ факты на нашихъ глазахъ, то мы не имѣемъ права предполагать его произведеннымъ какими-нибудь другими силами, должны считать его результатомъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыми теперь производятся одинаковыя съ нимъ факты. Мы положительно знаемъ, что улучшеніе организма людей производится благоприятными обстоятельствами жизни ихъ, что съ улучшеніемъ организаціи головного мозга улучшаются умственные силы человѣка, что нравственный и матеріальный прогрессъ—результатъ улучшенія умственныхъ и нравственныхъ силъ; эти достовѣрные знанія о ходѣ прогресса въ наше время и въ прежнія эпохи, хорошо извѣстныя намъ, совершенно достаточны для объясненія прогресса человѣческой жизни въ тѣ эпохи, объ исторіи которыхъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній.

Беремъ для примѣра три громадныя улучшенія человѣческой жизни: пріобрѣтеніе искусства пользоваться огнемъ и поддерживать или зажигать его, прирученіе животныхъ и открытіе искусства воздѣлывать землю для производства хлебныхъ растений. Для того, чтобы можно было сдѣлать эти житейскія открытія, необходимы были какія-нибудь счастливыя обстоятельства давшія возможность сдѣлать ихъ.

Теперь предполагаютъ, что люди, не знавшіе употребленія огня, жили не

только въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣлый годъ безъ перерыва длится достаточная для человѣка теплота атмосферы, но и въ земляхъ, имѣющихъ холодное время года. Если было такъ, то племена или маленькія группы людей, жившія въ климатахъ, имѣющихъ холодныя мѣсяцы, болѣе страдали отъ холода, чѣмъ жившіе близко къ экватору; но слѣдуетъ ли предполагать, что именно у людей, болѣе страдавшихъ отъ холода было сдѣлано открытіе искусства охранять себя отъ стужи разведеніемъ огня? Нѣтъ, это соображеніе справедливо считается совершенно излишней гипотезой. Люди подъ экваторомъ тоже нуждались въ огнѣ. Ночи болѣе прохладныя, чѣмъ пріятно для людей привыкшихъ жить въ очень тепломъ воздухѣ, бываютъ и подъ экваторомъ. Надобность согрѣвать себя была и у людей экваторіальнаго пояса такъ велика, что искусство разводять огонь не могло не казаться драгоценнымъ улучшеніемъ жизни и для нихъ: слѣдовательно дѣло объясняется не разностью степеней пользы отъ огня для жителей разныхъ климатовъ, а только тѣмъ, въ какой землѣ произошли факты, которыми воспользовались люди для открытія способовъ поддерживать и зажигать огонь. Человѣкъ, два дня не ѣвшій ничего, съ радостью схватитъ и станетъ ѣсть попавшуюся ему пищу; но и человѣкъ, не ѣвшій ничего только одни сутки, сдѣлаетъ при такой же находкѣ то же самое; голодъ одного изъ нихъ сильнѣе, но и у другого онъ настолько силенъ, что находка пищи будетъ большой радостью для него; потому негнѣно было бы сказать: «людямъ, голодавшимъ въ продолженіе двухъ сутокъ, пріятна возможность поѣсть»; ограниченіе содержанія мысли опредѣленіемъ надобности въ двухсуточномъ голодѣ — искажаетъ физиологическую истину; мы выразимся правильно лишь въ томъ случаѣ, когда отбросимъ это излишнее опредѣленіе и скажемъ вообще: «людямъ, проголодавшимся, пріятна возможность поѣсть». Сколько именно времени не ѣлъ проголодавшійся человѣкъ, — двѣнадцать ли часовъ или цѣлая сутки, или двое сутокъ — не относится къ дѣлу. Разницы этихъ сроковъ имѣютъ значеніе по другимъ физиологическимъ вопросамъ, но не по вопросу о пріятности ѣды для проголодавшагося. Если человѣкъ часто голодать по двои сутокъ, то онъ сталъ физически слабъ; этого вреднаго вліянія не имѣютъ на обыкновенныхъ здоровыхъ людей интервалы между ѣдой, длящіяся только по 12 часовъ. Правда, къ концу такого интервала физическая сила человѣка значительно уменьшается, но никакого разстройства организма не происходитъ, и человѣкъ, проводящій безъ пищи въ каждыя сутки по 12 часовъ, остается черезъ годъ такой жизни такъ же силенъ, какъ былъ въ началѣ, а годъ, состоящій изъ двухсуточныхъ интерваловъ между ѣдой, разслабитъ самаго крѣпкаго человѣка: и если ужъ примѣнять понятія о разницѣ этихъ двухъ видовъ голоданія къ вопросу о способности находить средства для удовлетворенія голода, то слѣдуетъ сказать: чѣмъ продолжительнѣ періоды между удовлетвореніемъ голода, тѣмъ меньше имѣетъ человѣкъ способности пріобрѣтать себѣ пищу; это ясно, потому что онъ слабѣе физически, меньше способенъ работать или если пища пріобрѣтается не работою, а хожденіемъ за добычей, собираніемъ какихънибудь дико-растущихъ фруктовъ, ягодъ, корней, то не можетъ столько ходить для ея пріобрѣтенія, какъ сильный человѣкъ. Примѣнимъ такое же соображеніе къ вопросу объ открытіи употребленія огня для защиты тѣла отъ холода. Предполагаютъ, что обстоятельствами, которые повели къ этому открытію были какіе-нибудь факты горѣнія, производимые самой природой. Человѣкъ увидѣлъ, что отъ молніи вспыхнуло дерево; горѣніе еще продолжалось, когда гроза миновала и

когда человѣкъ успокоился; подошедши тогда къ горящему дереву, онъ почувствовалъ теплоту, пріятную для него при понизившейся отъ грозы температурѣ; при-сматриваясь, онъ замѣтилъ, что сосѣднія съ понизившимся до земли огнемъ сухія вѣтки хвороста загораются и т. д. Въ этомъ родѣ обыкновенно разсказывается исторія ряда наблюденій, кончающагося открытіемъ способа долго сохранять раскаленные угли подъ пепломъ и зажигать новый огонь при ихъ помощи. Она не имѣетъ положительной достовѣрности; дѣло могло происходить какъ-нибудь иначе; но слѣдуетъ назвать ее очень правдоподобной. Хорошо, сообразимъ же въ какой землѣ было больше шансовъ произвести этотъ рядъ наблюденій. Подъ экваторомъ дикарь проводитъ на открытомъ воздухѣ круглый годъ; въ странѣ, гдѣ онъ сильно страдаетъ отъ холода значительную часть года, онъ старается проводить ее въ какомъ-нибудь закрытомъ отъ вѣтра пріютѣ; эта часть года пропадаетъ для наблюденій, предполагаемыхъ правдоподобнѣйшимъ разсказомъ о вѣроятномъ способѣ открытія искусства зажигать огонь; соответственно пропорціи непригоднаго для этихъ наблюденій числа дней въ году шансы открытія искусства пользоваться огнемъ обращаются противъ предположенія, что оно было сдѣлано вдалекѣ отъ экватора, свидѣтельствуютъ въ пользу мысли, что искусство сохранения и зажигания огня было открыто людьми, жившими въ поясѣ вѣчно высокой температуры.

Справедливо говорятъ, что прирученіе животныхъ было очень важнымъ улучшеніемъ человѣческой жизни. Разсудимъ же относительно опредѣленныхъ частныхъ фактовъ этого дѣла, при какихъ обстоятельствахъ могли произойти они. Начнемъ соображенія съ прирученія того животнаго, потомки котораго называются теперь нашими европейскими домашними собаками. Кто были предки этихъ собакъ, вопросъ, кажется, еще не разъясненный съ полной достовѣрностью, но несомнѣнно, что это былъ какой-нибудь видъ животныхъ подобныхъ нынѣшнимъ волку, шакалу или динго. Спрашивается теперь, какія качества характера должно предполагать въ этой породѣ хищныхъ животныхъ, болѣе враждебныя человѣку или менѣе враждебныя, чѣмъ у наиболѣе непріязненныхъ человѣку породъ волка. Каждый скажетъ, что чѣмъ менѣе враждебна была человѣку эта порода, тѣмъ легче поддавалась прикармливанію и ласкѣ, тѣмъ больше былъ шансъ успѣха въ ея прирученіи. Такимъ образомъ, всѣ мы согласны въ томъ, что сравнительная мягкость характера животнаго, способнаго помогать человѣку въ ловлѣ добычи, въ защитѣ отъ другихъ хищныхъ животныхъ, въ охраненіи пріобрѣтеннаго имущества отъ другихъ людей, была обстоятельствомъ, облегчившимъ этотъ важный шагъ къ улучшенію человѣческой жизни.

Переходимъ къ земледѣлію. Въ какой мѣстности началось оно: въ такой ли, гдѣ находились растенія, въ дикомъ состояніи дававшія зерно, пригодное человѣку для ѣды, или въ такой, гдѣ не было этихъ растений? И какую почву стали первые земледѣльцы воздѣлывать для искусственнаго размноженія этихъ растений, — ту, которая казалась имъ плодородна или бесплодную? Всѣ мы считаемъ вѣроятнымъ, что земледѣліе началось въ какой-нибудь странѣ, гдѣ въ дикомъ состояніи росло много тѣхъ злаковъ, которые теперь, улучшившись отъ воздѣлыванія, стали пшеницей, ячменемъ или рожью, что для первыхъ опытовъ посѣва ихъ были выбраны клоки земли подобныя тѣмъ, на которыхъ они хорошо росли въ дикомъ состояніи; такимъ образомъ, удобства для дѣланія первыхъ попытокъ искусственнаго размно-

женія хлѣбныхъ растеній были по мнѣнію всѣхъ насъ обстоятельствами, повывисившими людей изъ кочеваго быта въ осѣдлый, земледѣльческій.

Соображенія, изложенныя нами, вѣроятно не покажутся никому содержащими въ себѣ что нибудь новое; вѣроятно каждый читатель скажетъ, что они давно извѣстны ему и что онъ всегда держался ихъ съ той поры, какъ сталъ по своимъ лѣтамъ способенъ интересоваться бытовыми вопросами и читать серьезныя книги. Эти общеизвѣстныя и общепринятія рѣшенія вопросовъ о началѣ употребленія огня, прирученія животныхъ и воздѣлываніи земли изложены нами именно для того, чтобы напомнить, какъ разсуждаютъ всѣ объ обстоятельствахъ, производящихъ прогрессъ. Когда мы судимъ о нихъ по правиламъ здраваго смысла и по выводамъ изъ нашего житейскаго опыта, мы всѣ находимъ, что успѣхи цивилизаціи производятся фактами, благопріятными для человѣческой жизни.

Такъ велятъ думать разсудокъ и житейскій опытъ.

Предисловіе къ русскому переводу «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. XI.

Мы сдѣлали два приложенія къ переводу этого тома.

Очеркъ исторіи Россіи отъ начала царствованія Іоанна Грознаго до конца царствованія Михаила Оедоровича, находящійся въ XI томѣ Вебера, чрезмѣрно кратокъ. Мы замѣнили его разсказомъ, заимствованнымъ изъ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей», Костомарова. Нѣмецкіе ученые считаютъ Костомарова замѣчательнѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ историковъ; ихъ мнѣніе справедливо. Костомаровъ былъ человѣкъ такой обширной учености, такого ума и такъ любилъ истину, что труды его имѣютъ очень высокое научное достоинство. Его понятія о дѣятеляхъ и событіяхъ русской исторіи почти всегда или совпадаютъ съ истиной, или близки къ ней. Разсказъ, извлеченный нами изъ его «Русской исторіи», дастъ вѣрное понятіе о лицахъ и фактахъ, выставленныхъ въ фантастическомъ видѣ тѣми русскими историками, теоріи которыхъ Костомаровъ отвергаетъ молча, по своему нерасположенію къ полемикѣ. Должно желать, чтобы молодые люди, готовящіеся разрабатывать русскую исторію, внимательно изучали мнѣнія Костомарова.

Другое приложеніе къ нашему переводу этого тома — разсказъ о битвѣ при Рокруа, переведенной изъ книги Шерюэля *Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV.*—Битва при Рокруа имѣетъ очень важное историческое значеніе: собственно съ нея начинается та слава, которой пользовалась французская армія во второй половинѣ XVII вѣка. До нея, испанская армія считалась лучшей между арміями великихъ державъ. Шведы были сами по себѣ слабы: военное могущество Швеціи возникло и нѣсколько времени поддерживалось только благодаря союзу съ Франціей и нѣмецкими лютеранскими государями. Безъ этого союза Швеція могла быть страшна только сосѣднимъ государствамъ, имѣвшимъ или малочисленные или плохія войска. Англичане, французы, австрійцы всегда считали ее государствомъ второстепеннаго значенія. По окончаніи тридцатилѣтней войны она утратила для нихъ важность, какую имѣла въ эту войну, благодаря тому, что французское правительство давало шведскому деньги на вербовку и содержаніе наемниковъ, а нѣкоторые изъ нѣмецкихъ предводителей наемниковъ поступили въ шведскую службу. Но испанская армія была страшна французамъ до бѣгства при Рокруа. Только блестящая побѣда, одержанная ими въ этомъ сраженіи, дала ихъ правительству ту увѣренность въ своемъ военномъ могуществѣ, которая пріобрѣла при Людовикѣ XIV такое сильное вліяніе на ходъ исторіи Европы.

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

5.

Климаты. Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты.

Теперь признано, что всѣ люди происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же предковъ. Потому всякія объясненія различій между этнографическими группами людей, различіями ихъ природы, должны быть отвергаемы, какъ не соответствующія нынѣшнему сословію науки. Природою существъ, произошедшихъ отъ однихъ предковъ, объясняется только одинаковое въ этихъ существахъ, по одинаковости ихъ природы. Различіе между ними не можетъ быть объясняемо ничѣмъ, кромѣ различія вліяній, подъ которыми шла ихъ жизнь.

Вліянія, подъ которыми идетъ жизнь людей, дѣлятся на два разряда: къ одному принадлежатъ вліянія внѣшней природы, къ другому вліянія отношеній между самими людьми.

Вліянія внѣшней природы подраздѣляются на два класса: одинъ составляютъ вліянія неорганической природы, другой вліянія органической.

Наибольшая часть вліяній неорганической природы издавна соединена въ понятіе о вліяніи климата. Мы должны рассмотретьъ важнѣйшіе изъ элементовъ этого понятія. Въ настоящемъ отдѣлѣ нашей работы мы займемся изложеніемъ астрономическаго закона, которымъ опредѣляются различія въ количествахъ солнечной теплоты на разныхъ параллельныхъ кругахъ и въ разныя времена года. На этомъ законѣ основаны научныя понятія о климатахъ. Климаты, въ которыхъ живутъ теперь люди, очень неодинаковы по температурѣ. Первобытною родиною людей была страна экваторіальнаго климата. Ни въ какомъ иномъ не могли возникнуть люди; и возникнувъ въ немъ, не могли существовать ни въ какомъ иномъ, пока не имѣли одежды и не знали искусства зажигать огонь: всякія попытки ихъ переселяться за предѣлы непрерывности теплої температуры должны были тогда быстро кончаться или возвращеніемъ въ экваторіальный климатъ или гибелью отъ холода. Научившись дѣлать себѣ одежду, устроить жилища, отоплять ихъ, люди приобрѣли возможность жить въ климатахъ, имѣющихъ холодныя ночи въ часть года, соответствующую тому времени, которое называется зимою въ климатахъ, гдѣ падаетъ снѣгъ; возможно стало людямъ жить и въ климатахъ, имѣющихъ зиму: и не только въ такихъ, гдѣ она коротка и не очень сурова, но и въ такихъ, гдѣ она очень продолжительна и морозъ ея очень суровъ. Люди цивилизованныхъ націй ужасаются при мысли о дѣйственности челоувѣческой жизни въ тѣхъ странахъ, гдѣ морозы не даютъ роста не только деревьямъ, даже травѣ. Но и въ земляхъ, гдѣ хоть на нѣсколько дней въ году замерзаетъ вода, жизнь людей опредѣляется температурными вліяніями, очень различными отъ тѣхъ, какія принадлежатъ климату первобытной родины ихъ.

Кромѣ температурныхъ, есть и другія различія между климатами, важныя для челоувѣческой жизни. По основной элементъ климата — температура его. Классификація климатическихъ поясовъ идетъ по градаціи температуръ.

Источникъ теплоты на земномъ шарѣ — лучи солнца. Количество теплоты, идущей отъ солнца на атмосферу мѣстности въ продолженіе дня, или, какъ мы будемъ называть для краткости, дневное количество солнечной теплоты, опредѣляется высотой пути солнца въ этотъ день и продолжительностью дня.

На линіи земного экватора всѣ дни года имѣютъ одинаковую продолжительность; но высота пути солнца измѣняется и тамъ, какъ вездѣ, съ каждымъ днемъ. Начнемъ обзоръ этихъ измѣненій высоты пути солнца подъ линіей небеснаго экватора съ того равноденствія, которое соотвѣтствуетъ астрономическому началу весны въ нашемъ сѣверномъ полушаріи.

Круги пути солнца стоятъ подъ экваторомъ вертикально ¹⁾. Въ эпоху весенняго равноденствія дневной путь солнца совпадаетъ съ кругомъ небеснаго экватора. А этотъ кругъ надъ земнымъ экваторомъ проходитъ точкой своего верхняго перегиба чрезъ зенитъ. Потому въ эпоху весенняго равноденствія центръ диска солнца, или, какъ говорится для краткости, солнце проходитъ въ полдень надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ. Высоты дневного пути солнца измѣняются высотой солнца въ полдень. Потому путь солнца надъ земнымъ экваторомъ имѣетъ въ эпоху весенняго равноденствія наибольшую высоту. Послѣ того путь солнца передвигается къ сѣверу; солнце проходитъ въ полдень мимо зенита съ сѣверной стороны; разстояніе это увеличивается съ каждымъ днемъ до эпохи лѣтняго солнцестоянія, когда путь солнца достигаетъ предѣла своего уклоненія на сѣверъ. Этотъ предѣлъ находится теперь въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ зенита. Чѣмъ дальше отъ зенита проходитъ солнце въ полдень, тѣмъ меньше высота его дневного пути. Въ эпоху нашего лѣтняго солнцестоянія полуденная высота солнца надъ земнымъ экваторомъ равняется высотѣ зенита за вычетомъ $23^{\circ} 27'$ уклоненія отъ зенита, то есть составляетъ $66^{\circ} 33'$. Достигнувъ этого предѣла, путь солнца начинаетъ передвиженіе къ югу, полуденное разстояніе солнца отъ зенита съ каждымъ днемъ уменьшается, высота пути солнца растетъ, и въ эпоху нашего осенняго равноденствія снова достигаетъ наибольшей величины; путь солнца снова совпадаетъ тогда съ кругомъ небеснаго экватора, и солнце въ полдень проходитъ надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ. Послѣ того солнце, продолжая свое передвиженіе къ югу, снова начинаетъ отдѣляться отъ небеснаго экватора, проходитъ въ полдень надъ линіей земного экватора все дальше на югъ отъ зенита, путь солнца все поднимается, пока, въ эпоху нашего зимняго солнцестоянія, достигнетъ предѣла своего южнаго уклоненія; полуденная точка пути солнца на этомъ предѣлѣ южнаго его уклоненія находится также въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ верхней точки небеснаго экватора, и высота пути солнца надъ земнымъ экваторомъ въ эпоху нашего зимняго солнцестоянія равняется въ эту эпоху такъ же, какъ въ эпоху нашего лѣтняго солнцестоянія $66^{\circ} 33'$. Послѣ того путь солнца начинаетъ передвигаться на сѣверъ, приближается съ каждымъ днемъ къ небесному экватору, полуденная высота солнца растетъ до эпохи нашего весенняго равноденствія.

¹⁾ Собственно говоря, суточные круговые обороты солнца не круги, а круговые извивы одной непрерывной спиральной линіи; но разстояніе между извивами ея незначительно по сравненію съ ихъ діаметрами; потому для простоты можно, не дѣлая большой погрѣшности, принимать каждый круговой изгибъ за особый замкнутый кругъ. Такъ обыкновенно и дѣлаютъ при вычисленіи дневныхъ количествъ солнечной теплоты. Мы въ настоящемъ случаѣ только слѣдуемъ примѣру астрономовъ, говоря о кругахъ дневного пути солнца, а не о круговыхъ извивахъ непрерывной спиральной линіи.

Итакъ, путь солнца надъ земнымъ экваторомъ два раза въ годъ достигаетъ наибольшей высоты и два раза наименьшей; наибольшія совпадаютъ съ эпохами равноденствій, наименьшія съ эпохами солнцестояній. Обѣ наибольшія равны между собою; и обѣ наименьшія тоже равны между собою. Такимъ образомъ, та половина года, которая соотвѣтствуетъ по времени нашему зимнему полугодію, одинакова съ половиною, соотвѣтствующей нашему лѣтнему полугодію.

Таковы существенныя черты хода измѣненій дневного пути солнца надъ линіей земного экватора.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ соотвѣтствующихъ измѣненій пути солнца надъ линіей нашего сѣвернаго тропика, или, какъ будемъ говорить для краткости, подъ тропикомъ.

На линіи земного экватора круги дневного пути солнца вертикальны; надъ земнымъ полюсомъ они горизонтальны; на всѣхъ линіяхъ географической широты, отъ линіи земного экватора до полюса, круги пути солнца имѣютъ наклонное положеніе. Они наклонены въ сторону экватора. На каждой линіи стороны между экваторомъ и полюсомъ уголъ ихъ наклоненія остается во все продолженіе года неизмѣннымъ; величина его равна величинѣ дуги разстоянія этой линіи широты отъ экватора. Линія тропиковъ отстоятъ отъ линіи экватора на $23^{\circ} 27'$. Итакъ, подъ нашимъ, сѣвернымъ, тропикомъ круги пути солнца имѣютъ наклоненіе въ сторону юга, и величина ихъ наклоненія равна $23^{\circ} 27'$.

Въ эпоху весенняго равноденствія путь солнца совпадаетъ съ линіею небеснаго экватора. Точка верхняго перегиба небеснаго экватора находится надъ линіею земного тропика въ разстояніи $23^{\circ} 27'$ отъ зенита. Итакъ, въ эпоху весенняго равноденствія полуденная высота пути солнца надъ линіей земного сѣвернаго тропика равна $66^{\circ} 33'$; это такая же высота, какую на земномъ экваторѣ солнце имѣетъ въ полдень въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія. Итакъ, высота пути солнца въ весеннее равноденствіе на линіи земного тропика равна высотѣ его на земномъ экваторѣ въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія. А продолжительность дня въ эпоху равноденствія подъ всѣми широтами до полярнаго круга равна неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня. При равной продолжительности дней и равной высотѣ пути солнца, количества дневной солнечной теплоты равны. Такимъ образомъ, количество солнечной теплоты тропическаго дня въ эпоху весенняго равноденствія равно количеству солнечной теплоты экваторіальнаго дня въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія.

Послѣ весенняго солнцестоянія солнце передвигается къ сѣверу отъ экватора; съ каждымъ новымъ днемъ полуденная высота его надъ земнымъ тропикомъ приближается къ зениту, то есть увеличивается; вмѣстѣ съ повышеніемъ пути солнца увеличивается и продолжительность тропическаго дня. Въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія передвиженіе солнца къ сѣверу достигаетъ своего предѣла; полуденная точка его отстоитъ тогда на $23^{\circ} 27'$ къ сѣверу отъ небеснаго экватора, то-есть совпадаетъ съ зенитомъ. Вмѣстѣ съ высотой пути солнца достигаетъ наибольшей величины и продолжительность тропическаго дня. Она въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія составляетъ 13 часовъ 27 минутъ. Послѣ лѣтнаго солнцестоянія солнце начинаетъ передвигаться къ югу; полуденная точка пути солнца съ каждымъ днемъ удаляется отъ зенита, высота пути солнца и продолжительность дня въ эту вторую половину лѣтнаго полугодія уменьшается въ томъ же порядкѣ, ка-

кимъ увеличивалась въ первую половину его; и въ эпоху осенняго равноденствія полуденная высота солнца снова равняется $66^{\circ} 33'$, продолжительность дня вновь равна неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня, и количество дневной теплоты снова равно тому, какое было въ эпоху весенняго равноденствія, равно количеству теплоты экваторіальнаго дня въ эпоху солнцестоянія.

Итакъ, каждый день второй половины лѣтнаго полугодія подѣ тропикомъ равняется соотвѣствующему дню первой половины. Такимъ образомъ, каждый день лѣтней половины тропическаго года равняется высотой пути солнца соотвѣствующему дню экваторіальнаго полугодія; но каждый имѣетъ продолжительность больше экваторіальной. Потому каждый день лѣтней половины тропическаго года превосходитъ количествомъ теплоты солнца соотвѣствующій ему день экваторіальнаго полугодія.

Изъ этого ясно, что во все продолженіе лѣтнаго полугодія линія земного тропика получаетъ отъ солнца количество теплоты больше того, какое получается линіей земнаго экватора.

Но другая половина экваторіальнаго года равна первой по высотамъ пути солнца и по количествамъ солнечной теплоты, которыя, при равной продолжительности дней, прямо соразмѣрны высотамъ пути солнца.

Не таково отношеніе второй половины года къ первой подѣ тропикомъ.

Въ эпоху осенняго равноденствія путь солнца совпадалъ съ небеснымъ экваторомъ, высота этого пути была $66^{\circ} 33'$. Послѣ того солнце, продолжая свое передвиженіе на югъ, удаляется отъ экватора, высота пути его уменьшается, пока оно въ эпоху зимняго солнцестоянія достигнетъ предѣла своего передвиженія къ югу. Этотъ предѣлъ равенъ величиною сѣверному предѣлу, отстоитъ отъ экватора тоже на $23^{\circ} 27'$. Итакъ въ продолженіе первой половины зимняго полугодія высота солнца на линіи земнаго тропика понижается съ $66^{\circ} 33'$ до $43^{\circ} 6'$. вмѣстѣ съ высотой пути солнца уменьшается и продолжительность дня. Въ эпоху осенняго равноденствія тропическій день продолжается 12 часовъ; въ эпоху зимняго солнцестоянія продолжительность его составляетъ только 10 часовъ 33 минуты. Вторая половина зимняго полугодія одинакова съ первой.

Сравнимъ теперь размѣры полугодичныхъ и годичныхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты подѣ экваторомъ и подѣ тропикомъ, припомнимъ, что при равной продолжительности дней эти количества прямо пропорціональны высотамъ пути солнца и замѣтивъ, что полуденная высота солнца, опредѣляющая высоту дневнаго пути его, измѣряется синусомъ того угла, до котораго солнце (точнѣе говоря: центръ диска солнца) подымается надъ астрономическимъ горизонтомъ въ полдень астрономическаго времени, что синусъ зенита (угла 90°) принимается за единицу, что синусы двухъ другихъ угловъ — десятичныя дроби, и что продолжительность дня въ вычисленіяхъ этого рода — астрономическая (то-есть, удлиненіе дня преломленіемъ лучей солнца въ атмосферѣ, не измѣняющее результата, а только запутывающее счетъ, не вводится въ вычисленіе) ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ лѣтнюю половину тропическаго года дневныя количества солнечной теплоты, начинаясь и кончаясь величинами, равными наименьшей экваторіальной и становясь по мѣрѣ удаленія отъ равноденствій все болѣе и болѣе

¹⁾ Таблица помѣщена на слѣдующей страницѣ внизу.

превосходящими соотвѣтствующія экваторіальныя величины, достигаютъ въ лѣтнее солнцестояніе такого превосходства надъ наибольшей экваторіальной величиной, какое производится увеличеніемъ продолжительности дня съ 12 часовъ до 13 часовъ 27 минутъ. Не будемъ вычислять точной величины этого избытка теплоты, потому что вычисленіе заняло бы слишкомъ много мѣста, еслибъ изложить его простымъ языкомъ; а излагать иначе мы не хотимъ. Пусть же будетъ сказано здѣсь только то, что ясно и безъ точнаго вычисленія: избытокъ наибольшаго тропическаго дневнаго количества солнечной теплоты надъ наибольшимъ экваторіальнымъ долженъ быть довольно великъ, потому что удлиненіе дня, производящее его, имѣетъ довольно значительную величину: 12 часовъ, это значитъ: 720 минутъ; а 13 часовъ 27 минутъ, это 807 минутъ; излишекъ второго числа надъ первымъ составляетъ больше $12^0/0$, то-есть около одной восьмой доли.

Въ зимнюю половину тропическаго года высоты пути солнца уменьшаются съ 0,9174 до 0,6704; а въ соотвѣтствующую половину экваторіальнаго года предѣлы измѣненія тѣ же, какъ въ первую половину: низшій предѣлъ 0,9174, высшій 1,0000. Итакъ еслибы въ зимнюю половину тропическаго года продолжительность дня не становилась меньше неизмѣнной экваторіальной, то дневныя количества солнечной теплоты измѣнялись бы въ эту половину тропическаго года отъ 0,9174 до 0,6704, наибольшее изъ нихъ было бы слишкомъ на $8^0/0$ меньше наибольшаго экваторіальнаго, а наименьшее слишкомъ на $26^0/0$ меньше наименьшаго экваторіальнаго; но вмѣстѣ съ пониженіемъ пути солнца въ зимнюю половину тропическаго года уменьшается и продолжительность дня; отъ этого происходитъ уменьшеніе дневнаго количества солнечной теплоты въ пропорціи болѣе значительной, чѣмъ опредѣляемая только по пониженію пути солнца. Предѣлъ уменьшенія продолжительности дня—10 часовъ 33 минуты; такимъ образомъ, въ тотъ

Предѣлы полугодичныхъ и годичныхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты.

	Подъ тропикомъ.	Подъ экваторомъ.
Первое полугодіе (лѣтнее тропическое).		
Наибольшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца.	1,0000	1,0000
Второй факторъ. Продолжительность дня.	13 часовъ 27 мин.	12 часовъ.
Наименьшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца.	0,9174	0,9174
Второй факторъ. Продолжительность дня.	12 часовъ.	12 часовъ.
Второе полугодіе (зимнее тропическое).		
Наибольшее дневное количество солнечной теплоты подъ тропикомъ равно наименьшему лѣтнаго полугодія.		Второе полугодіе одинаково съ первымъ.
Наименьшее дневное количество солнечной теплоты.		
Первый факторъ. Высота пути солнца.	0,6704	
Второй факторъ. Продолжительность дня.	10 часовъ 33 мин.	

день, когда высота пути солнца составляет только 0,6704, день имѣть не 720 минутъ, а только 633 минуты; и количество теплоты солнца въ этотъ день должно быть много меньше того, какое опредѣляется по одной высотѣ пути солнца: 633 минуты, это лишь семь восьмыхъ долей неизмѣнной продолжительности экваторіальнаго дня.

Что жъ мы видимъ, сравнивая тропическій годъ съ экваторіальнымъ?

Экваторіальный годъ состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ половинъ; предѣлы измѣненія дневного количества солнечной теплоты въ немъ 1,0000 и 0,9174; разница между наибольшимъ и наименьшимъ количествами гораздо меньше 9^о/_о.

Тропическій годъ состоитъ изъ лѣтнаго полугодія и зимняго полугодія. Въ лѣтнее полугодіе всѣ дни имѣютъ такіа количества солнечной теплоты, которыя больше экваторіальныхъ; предѣлъ этого излишка довольно великъ. Въ зимнее полугодіе наибольшее количество дневной солнечной теплоты равно наименьшему экваторіальному; наименьшее много очевидно меньше трехъ четвертей наименьшаго экваторіальнаго.

Наконецъ, сравнимъ одно съ другимъ два тропическіа полугодія. Одно изъ нихъ съ начала до конца имѣетъ количества дневной солнечной теплоты больше экваторіальныхъ, другое съ начала до конца имѣетъ количества меньше экваторіальныхъ, и разница доходитъ до предѣла, по которому тропическое количество дневной теплоты не составляетъ и двухъ третей наименьшаго экваторіальнаго.

Это значить въ тропическомъ годѣ около эпохи зимняго солнцестоянія дневныя количества солнечной теплоты вдвое меньше количествъ солнечной теплоты дней около эпохи лѣтнаго солнцестоянія.

Ясно, что по распредѣленію дневныхъ количествъ солнечной теплоты тропическій годъ значительно отличается отъ экваторіальнаго; ясно, что несколько температура зависить отъ дневныхъ количествъ солнечной теплоты, тропическій годъ долженъ имѣть въ зимнюю половину довольно большой періодъ времени холоднаго сравнительно съ наимѣнѣ теплыми днями экваторіальнаго года, а въ лѣтнюю половину довольно большой періодъ времени болѣе знойнаго. чѣмъ самые теплые дни экваторіальнаго года.

Всѣ мы знаемъ, что температура мѣстности опредѣляется не исключительно дѣйствіемъ дневныхъ количествъ солнечной теплоты, падающей на атмосферу этой мѣстности, что морскія теченія и вѣтеръ переносятъ большія количества тепла или холода изъ одной мѣстности въ другую, что болото и песчаная степь не одинаково воспринимаютъ и сохраняютъ теплоту или холодъ; знаемъ, что эти и другія вліянія производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень большое увеличеніе или уменьшеніе лѣтнаго тепла или зимняго холода; знаемъ также, что съ повышеніемъ мѣстности надъ уровнемъ моря понижается температура; всѣ мы знаемъ, что на вершинахъ Андовъ подъ экваторомъ лежитъ вѣчный снѣгъ, а у сѣвернаго полярнаго круга есть мѣстности, въ которыхъ весь годъ имѣетъ почти ровную температуру, какъ напримѣръ на Шетленцкихъ островахъ подъ 61° широты; знаемъ, что линіи равныхъ годовичныхъ температуръ подъ нѣкоторыми меридіанами поднимаются въ полярномъ направленіи градусовъ на 12 дальше своего положенія подъ другими меридіанами, что изгибы линій наибольшей лѣтней температуры имѣютъ размѣры еще болѣе значительные, что еще значительнѣе изгибы линій наименьшей

зимней температуры. Но какъ бы велики ни были размѣры температурныхъ измѣненій, производимыхъ въ дѣйствиіи дневныхъ количествъ солнечной теплоты мѣстными особенностями другихъ температурныхъ вліяній, всетаки должно имѣть ясное понятіе объ основномъ законѣ распредѣленія температуръ, состоящемъ въ измѣненіяхъ дневного количества солнечной теплоты въ продолженіе года. Эти основныя количества даютъ намъ возможность понимать истинный характеръ климатическихъ особенностей, производимыхъ мѣстными различіями вліяній, видоизмѣняющихъ результаты основного распредѣленія температуръ по направленію меридіановъ отъ экватора къ полюсу.

Мы представили обзоры годичныхъ измѣненій въ дневныхъ количествахъ солнечной теплоты подъ экваторомъ и подъ тропикомъ. Сдѣлаемъ соображенія о томъ, какъ измѣняются эти количества подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ.

Всѣ мы знаемъ, что дневныя количества солнечной теплоты въ зимнее полугодіе уменьшаются по направленію отъ тропика къ полюсу и что на полярномъ кругѣ въ эпоху зимняго солнцестоянія центръ диска солнца въ астрономическій полдень уже не подымается выше линіи астрономическаго горизонта, то есть ночь по астрономическому счету длится цѣлыя сутки и дневное количество солнечной теплоты, даваемое въ эти сутки отчасти верхнею половиною солнечнаго диска, подымающейся на нѣкоторое время выше линіи астрономическаго горизонта, отчасти преломленіемъ лучей солнца въ атмосферѣ, подымающимъ солнце выше видимаго горизонта, когда оно находится нѣсколько ниже астрономическаго горизонта, составляетъ величину такую незначительную, которая не имѣетъ практической важности; въ этотъ день подъ полярнымъ кругомъ солнце нѣсколько времени свѣтитъ, но почти нисколько не согрѣваетъ; мы знаемъ также, что періодъ непрерывной ночи увеличивается за полярнымъ кругомъ и что на полюсѣ онъ по астрономическому счету высотъ солнца занимаетъ все зимнее полугодіе. Потому всѣ мы имѣемъ отчетливое понятіе, что на сколько температура опредѣляется дневными количествами солнечной теплоты, зимнее полугодіе становится все болѣе и болѣе холоднымъ по направленію отъ тропика къ полюсу; но каковъ характеръ измѣненій дневныхъ количествъ солнечной теплоты по этому направленію меридіановъ въ лѣтнее полугодіе? Точныя вычисленія потребовали бы слишкомъ много мѣста, если бы мы стали излагать ихъ основанія простымъ языкомъ. Потому ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ цифръ, дающихъ возможность судить о приблизительной величинѣ дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ въ эпоху лѣтняго солнцестоянія. Это будутъ цифры полуденныхъ высотъ солнца и продолжительности дня. Количество дневной теплоты получается не черезъ простое перемноженіе этихъ двухъ факторовъ, а черезъ вычисленіе по формулѣ, пользоваться которой посредствомъ общезвѣстныхъ арифметическихъ способовъ — дѣло многосложное. Но простое соображеніе о пропорціяхъ, по которымъ идутъ въ направленіи отъ тропика къ полюсу уменьшеніе полуденной высоты солнца и увеличеніе продолжительности дня въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, даетъ уже нѣкоторую ясность представленію о томъ, какъ относятся дневныя количества солнечной теплоты въ эту эпоху подъ затропическими широтами къ наибольшему дневному количеству солнечной теплоты подъ экваторомъ. Рядомъ съ цифрами элементовъ, опредѣляю-

этих количества дневной теплоты солнца въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія, мы приведемъ цифры полуденныхъ высотъ солнца въ эпохи равноденствій; продолжительность дня подъ всѣми широтами до полярнаго круга равна тогда экваторіальной; потому цифры высотъ пути солнца въ эти эпохи съ точностью соотвѣтствуютъ количествамъ дневной теплоты и прямо показываютъ, въ какой пропорціи эта теплота находится къ наибольшей экваторіальной, соотвѣтствующей синусу угла 90^0 , принимаемому за 1,0000.

Эпоха равноденствія.			Эпоха лѣтнаго солнцестоянія.					Продолжитель- ность дня. Отно- шеніе ея къ про- должительности экваторіальнаго дня, принимае- мой за единицу.
Широта.	Полуденная высота солнца. Уголъ.	Синусъ угла.	Полуденная высота солнца. Уголъ.	Продолжитель- ность дня. Ча- сы и минуты.	Полуденная высота солнца. Синусъ угла.			
23°27' (тропикъ)	66°33'	0,9174	90°	13 ч. 27 м.	1,0000	1,		
25°	65°	0,9063	88°27'	13 " 34 "	0,9996	1,1305		
30°	60°	0,8660	83°27'	13 " 56 "	0,9935	1,1611		
35°	55°	0,8192	78°27'	14 " 22 "	0,9797	1,1972		
40°	50°	0,7660	73°27'	14 " 51 "	0,9586	1,2375		
45°	45°	0,7071	68°27'	15 " 26 "	0,9301	1,2861		
50°	40°	0,6428	63°27'	16 " 09 "	0,8945	1,3458		
55°	35°	0,5736	58°27'	17 " 07 "	0,8522	1,4264		
60°	30°	0,5000	53°27'	18 " 30 "	0,8033	1,5417		
65°	25°	0,4226	48°27'	21 " 09 "	0,7484	1,7708		
66°33'. (полярный кругъ)	23°27'	0,3979	46°54'	24 "	0,7302	2,0000		

Вдумываясь въ цифры этой таблицы, легко понять, что законъ измѣненія дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ въ лѣтнее полугодіе имѣетъ характеръ, опредѣляемый слѣдующими существенными чертами: чѣмъ дальше отъ экватора за тропикомъ находится данная мѣстность, тѣмъ меньше полуденная высота солнца надъ нею въ эпоху весенняго равноденствія (а при равной продолжительности дня этой эпохи подъ всѣми широтами до полярнаго круга, количество дневной теплоты подъ каждой широтой въ эту эпоху съ точностью соотвѣтствуетъ полуденной высотѣ солнца). Подъ всѣми широтами между тропикомъ и экваторомъ количество дневной теплоты въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія много больше наибольшаго дневнаго количества солнечной теплоты подъ экваторомъ. Но та величина, какую имѣетъ количество дневной солнечной теплоты въ эпоху весенняго равноденствія, тѣмъ меньше, чѣмъ дальше отъ экватора кругъ широты; слѣдовательно, тѣмъ больше времени надобно для того, чтобъ это возрастающее количество сравнялось съ наибольшимъ экваторіальнымъ и тѣмъ меньше времени остается до лѣтнаго солнцестоянія.

Такимъ образомъ лѣтнее полугодіе подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ отличается отъ соотвѣтствующаго экваторіальнаго полугодія тѣмъ, что соразмѣрно разстоянію круга широты отъ тропика уменьшается число дней, въ которые дневное количество солнечной теплоты больше наибольшаго экваторіальнаго. Вторая половина лѣтнаго полугодія въ этомъ отношеніи одинакова, какъ мы знаемъ, съ первой; потому законъ распредѣленія дневныхъ количествъ солнечной теплоты подъ широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ будетъ таковъ:

Чѣмъ дальше отъ экватора находится кругъ широты, тѣмъ больше число дней послѣ весенняго равноденствія и передъ осеннимъ равноденствіемъ принад-

лежитъ частямъ полугодія, имѣющимъ количества солнечной теплоты меньше наименьшаго экваторіальнаго; за этой первой частью весенней четверти года и передъ соотвѣтствующею ей послѣдней частью осенней четверти года, лѣтнее полугодіе имѣетъ подъ всякой широтой между тропикомъ и полярнымъ кругомъ такіе дни, въ которые количество солнечной теплоты повышается черезъ величины отъ наименьшей до наибольшей экваторіальной; между этими вторыми частями весенней и осенней четвертей года находится нѣкоторое количество дней, имѣющихъ количества солнечной теплоты больше наибольшаго экваторіальнаго. Эта часть лѣтнаго полугодія, состоящая изъ конца весенней и начала осенней четвертей года имѣетъ продолжительность тѣмъ большую, чѣмъ ближе къ тропику параллельный кругъ, и тѣмъ меньшую, чѣмъ дальше онъ отъ тропика. Вычислять длину дня подъ разными широтами между тропикомъ и полярнымъ кругомъ мы не будемъ по той же причинѣ, по которой не вычисляли наибольшихъ количествъ дневной теплоты въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія для широтъ между экваторомъ и полярнымъ кругомъ. Но есть на земномъ шарѣ два пункта, относительно которыхъ можно вычислить очень немногосложнымъ способомъ количество теплоты въ каждый день лѣтнаго полугодія; это полюсы. Простота вычисленія дастъ намъ возможность привести цифру дневного количества солнечной теплоты подъ сѣвернымъ полюсомъ въ эпоху лѣтнаго солнцестоянія. А для того, чтобы узнать отношеніе этой величины къ количеству солнечной теплоты подъ экваторомъ, мы вычислимъ наибольшее экваторіальное количество дневной теплоты. Мы примемъ простой способъ вычисленія, чтобы каждый читатель могъ самъ проверить его.

Въ каждый моментъ дня количество теплоты, идущей отъ солнца на атмосферу данной мѣстности, прямо пропорціонально высотѣ солнца (точнѣе сказать высотѣ центра диска солнца) надъ астрономическимъ горизонтомъ этой мѣстности (то есть надъ тою линіею, какую образуетъ горизонтъ на открытомъ морѣ или на равнинѣ, которая разстилается до края горизонта безъ всякихъ замѣтныхъ повышеній или пониженій своего уровня, образуетъ подобно морю правильную часть поверхности эллипсоида). Высоты солнца измѣряются, какъ мы знаемъ, синусами угловъ, образуемыхъ центромъ его диска съ тою точкою круга горизонта, которая находится на томъ же меридіанѣ. Изъ хорошихъ таблицъ логарифмовъ есть таблицы синусовъ, выраженные не логарифмами этихъ цифръ, а самими цифрами. Потому каждый, имѣющій хорошія таблицы логарифмовъ, можетъ проверить наше вычисленіе наибольшаго количества дневной теплоты подъ экваторомъ, сдѣлавъ простое сложеніе готовыхъ цифръ, находящихся въ таблицахъ длины синусовъ. Если же у желающаго сдѣлать проверку нѣтъ подъ руками хорошихъ таблицъ логарифмовъ, онъ можетъ проверить наше вычисленіе взявъ хотя бы самыя маленькія таблицы логарифмовъ. Ему должно будетъ приписывать логариомы синусовъ и потомъ приписывать въ таблицахъ чиселъ тѣ цифры, которыя соотвѣтствуютъ этимъ логариомамъ; эти цифры и будутъ цифрами длины синусовъ.

Простымъ арифметическимъ способомъ, которымъ поведемъ мы наше вычисленіе наибольшаго дневного количества солнечной теплоты подъ экваторомъ, получаются цифры лишь для отдѣльныхъ точекъ кривой линіи, составляющей путь солнца. Но если брать эти отдѣльные пункты на такихъ разстояніяхъ, чтобы изгибы кривизны между ними не имѣли значительной величины, то приблизительный счетъ даетъ выводъ, мало отличающійся отъ точнаго. Такъ, напримѣръ, когда

вычисляются стороны вписаннаго въ кругъ многоугольника, имѣющаго 192 стороны, то получается величина обвода, нѣсколько меньшая, чѣмъ окружность круга, а когда вычисляются стороны такого же многоугольника, описаннаго около круга, то получается величина обвода, нѣсколько большая окружности круга. Но разница между обводами перваго и втораго многоугольниковъ оказывается очень мала; потому видно, что истинная величина окружности круга, занимающая средину между этими двумя величинами, еще меньше отличается отъ каждой изъ нихъ, чѣмъ онѣ отличаются одна отъ другой. Нашъ многоугольникъ будетъ имѣть не 192 стороны, а 360 сторонъ въ полномъ своемъ обводѣ (180 сторонъ въ половинѣ обвода); потому дастъ выводъ очень близкій къ точной величинѣ.

Мы раздѣлимъ дневную половину пути солнца на градусы и будемъ находить высоты центра диска солнца въ моменты прохожденія его черезъ каждую изъ точекъ его дневнаго пути, совпадающихъ съ дѣленіемъ на градусы; такимъ образомъ мы получимъ рядъ высотъ, соответствующихъ точкамъ дневнаго пути солнца 0^0 , 1^0 , 2^0 и т. д. до другой оконечности полукруга: 178^0 , 179^0 , 180^0 . Для ясности приведемъ начало, небольшую долю средней части и конецъ этого ряда цифръ.

Пункты дневного пути солнца.	Высоты центра диска солнца въ эти моменты прохожденія черезъ эти пункты.
00	0,0000
10	0,0175
20	0,0349
30	0,0523
40	0,0698 и такъ далѣе.
860	0,9976
870	0,9986
880	0,9994
890	0,9998
900	1,0000
910	0,9998 (=высотѣ 89^0)
920	0,9994 (=высотѣ 88^0) и т. д.
1780	0,0349 (=высотѣ 2^0)
1790	0,0175 (=высотѣ 1^0)
1800	0,0000 (=высотѣ 0^0).

Представимъ себѣ, что прямыя линіи, соответствующія своимъ длинами величинамъ этихъ цифръ длины синусовъ, поставлены вертикально на горизонтальной линіи въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; мы получимъ рядъ линій, изъ которыхъ каждая слѣдующая подымается верхнимъ своимъ концомъ выше предыдущей, сначала много, потомъ меньше и меньше, пока въ срединѣ ряда повышеніе, уже давно слѣвавшееся незначительнымъ (соответственно разницамъ цифръ: 0,9994, 0,9998, 1,0000) прекращается на самой срединѣ ряда (въ пунктѣ 90^0 , синусъ котораго имѣетъ длину 1,0000) и далѣе замѣняется пониженіемъ, ходъ котораго совершенно соответствуетъ ходу повышенія въ первой половинѣ ряда (соответственно слѣдующимъ за 1,0000 цифрамъ 0,9998, 0,9994 и т. д.).

Соединимъ верхніе концы нашихъ вертикальныхъ линій поперечными линіями, которыя въ началѣ и въ концѣ ряда вертикальныхъ линій будутъ имѣть очень наклонное положеніе, а чѣмъ ближе къ срединѣ ряда, тѣмъ меньшую наклонность,

и въ самой срединѣ ряда будутъ лежать почти горизонтально. Такимъ образомъ мы получимъ многоугольникъ, верхній край котораго образуется ломанной линіею, сначала поднимающейся круто, потомъ все менѣе и менѣе круто, перегибающейся на своей срединѣ и опускающейся сначала полого, потомъ круто въ другой половинѣ своей, а нижній край образуется горизонтальной линіею. Верхній обводъ многоугольника имѣетъ 180 сторонъ соотвѣтственно тому, что мы считали длины синусовъ для каждого градуса половины круга. Площадь между ломанной линіею верхняго обвода и горизонтальной линіею, служащей основаніемъ многоугольника, будетъ своею величиною обозначать количество солнечной теплоты, идущей на атмосферу линіи земнаго экватора въ продолженіе того дня, въ который солнце проходитъ надъ этою линіею черезъ зенитъ.

Мы имѣемъ цифры высотъ пунктовъ перелома верхняго края нашего многоугольника; какими цифрами должны быть выражаемы горизонтальныя разстоянія между этими вертикалами. Та основная горизонтальная линія, на которой вертикально поставлены линіи синусовъ—это линія продолжительности экваторіальнаго дня. Онъ имѣетъ 12 часовъ, то есть 720 минутъ. А мы поставили на этой линіи 181 вертикаль, въ равныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, по числу градусовъ полукруга отъ 0^0 до 180^0 (0^0 , 1^0 , 2^0 и т. д. до 180^0 ; это 181 цифра, а не 180 цифръ; потому и число вертикаловъ 181; первый и послѣдній вертикалы, соотвѣтствующіе синусамъ 0^0 и 180^0 равны 0; каждый изъ нихъ — точка на горизонтальной линіи, обозначающая тотъ пунктъ, на которомъ пересѣкается ее наклонная линія, опускающаяся отъ 1^0 къ 0^0 и отъ 179^0 къ 180^0 ; число разстояній между 181 вертикалами будетъ 180).

Итакъ горизонтальная линія, изображающая собою продолжительность дня, имѣющаго 720 минутъ, раздѣлена на 180 равныхъ частей: ясно, что каждая изъ этихъ частей представляетъ собою продолжительность четырехъ минутъ. И дѣйствительно мы знаемъ, что солнце проходитъ каждый градусъ своего пути въ 4 минуты времени, а мы ставили на горизонтальной линіи вертикалы, изображающіе собою высоты солнца на пунктахъ его пути, отстоящихъ одинъ отъ другого ровно на градусъ. Итакъ если мы будемъ вести счетъ времени по минутамъ, то каждую изъ 180 равныхъ частей горизонтальнаго основанія нашего многоугольника мы должны считать за 4. По этой нормѣ счета мы должны будемъ помножить на 4 ту сумму, какая получается у насъ черезъ сложеніе всѣхъ цифръ, обозначающихъ длины вертикаловъ, то есть высоты солнца. Тогда мы будемъ имѣть счетъ суммы площади, выраженный произведеніемъ высотъ его, считаемыхъ десяти тысячными долями радіуса, на продолжительность времени, считаемаго по минутамъ. Но мы должны имѣть счетъ, выраженный въ единицахъ количества теплоты. Для этого мы должны будемъ перемножить полученное нами первое произведеніе на коэффициентъ теплоты. Счетъ теплоты ведется по единицамъ, называемымъ калоріями. Калорія такое количество теплоты, которое повышаетъ на 1^0 столбчатой скалы термометра 1 кубическій сантиметръ воды (или считать не по объему, а по вѣсу, то одинъ граммъ воды). Теперь принимаютъ, что количество теплоты падающей на 1 квадратный сантиметръ верхняго слоя атмосферы отъ солнца, находящагося въ зенитѣ равно 2,5 калоріямъ, то есть: если былъ бы выставленъ дѣйствию лучей солнца находящагося въ зенитѣ одинъ граммъ воды въ сосудѣ съ вертикальными стѣнками, имѣющемъ площадь дна равную 1 квадратному сантиметру и былъ

огражденъ отъ охлажденія, и если бы лучи солнца падали на эту воду, ни мало не ослабленные въ своей теплотѣ прохожденіемъ черезъ атмосферу, то температура этого грамма воды повысилась бы въ продолженіи 1 минуты на 2,5 градуса столбчатнаго термометра. Последнее условіе неудобноисполнимо: невозможно предотвратить уменьшенія теплоты лучей солнца при ихъ прохожденія черезъ атмосферу до насъ или инструментовъ, которыми производимъ мы наблюденія. Но поглощеніе части теплоты лучей солнца атмосферою при прохожденіи черезъ атмосферу, уменьшаетъ только силу ихъ дѣйствія на поверхность земли или моря и предметы находящіеся невысоко, надъ этой поверхностью, а сумма ихъ дѣйствія на температуру остается равна полной силѣ той теплоты, какую имѣютъ они за вычетомъ части отраженной въ пространство. Потому, когда опредѣляется теплотворное дѣйствіе лучей солнца, то принимаютъ его за равное 2,5 калоріямъ въ продолженіе минуты времени при высотѣ солнца, соотвѣтствующей зениту.

И такъ, мы должны начать вычисленіе сложеніемъ длины синусовъ, соотвѣтствующихъ высотамъ солнца въ моменты его прохожденія черезъ 0° , 1° и т. д. въ тотъ экваторіальный день, когда въ полдень оно проходитъ черезъ зенитъ. Чтобы каждый читатель могъ провѣрить дѣланное нами вычисленіе, помещаемъ въ примѣчаніи таблицу длины синусовъ угловъ 0° , 1° , 2° и т. д., 90° .

Таблица длины синусовъ угловъ отъ 0° до 90° по интерваламъ, равнымъ градусу.

$0^{\circ},00000$					
1,00175	$16^{\circ},02756$	$31^{\circ},05150$	$46^{\circ},07194$	$61^{\circ},08746$	$76^{\circ},09703$
2,00349	$17,02924$	$32,05299$	$47,07314$	$62,08829$	$77,09744$
3,00523	$18,03090$	$33,05446$	$48,07431$	$63,08910$	$78,09781$
4,00698	$19,03256$	$34,05592$	$49,07547$	$64,08988$	$79,09816$
5,00872	$20,03420$	$35,05736$	$50,07660$	$65,09063$	$80,09848$
6,01045	$21,03584$	$36,05878$	$51,07771$	$66,09135$	$81,09877$
7,01219	$22,03746$	$37,06018$	$52,07880$	$67,09205$	$82,09903$
8,01392	$23,03907$	$38,06157$	$53,07986$	$68,09272$	$83,09925$
9,01564	$24,04067$	$39,06293$	$54,08090$	$69,09336$	$84,09945$
10,01736	$25,04226$	$40,06428$	$55,08192$	$70,09397$	$85,09963$
11,01908	$26,04384$	$41,06561$	$56,08290$	$71,09455$	$86,09976$
12,02079	$27,04540$	$42,06691$	$57,08387$	$72,09511$	$87,09986$
13,02250	$28,04695$	$43,06820$	$58,08480$	$73,09563$	$88,09994$
14,02419	$29,04848$	$44,06947$	$59,08572$	$74,09613$	$89,09998$
15,02630	$30,05000$	$45,07070$	$60,08660$	$75,09659$	$90,10000$

Каждой цифрѣ отъ синуса 0° до синуса 89° соотвѣтствуетъ такая же цифра въ другой половинѣ счета, отъ синуса 91° до синуса 180° . Итакъ, сложивъ цифры отъ синуса угла 0° —0,0000 до синуса угла 89° —0,9998, мы должны удвоить сумму ихъ. Слагая, получаемъ 56,7984; множимъ эту цифру и получаемъ 113,5968; прибавляемъ къ этому произведенію синусъ 90° , встрѣчающійся только одинъ разъ, и потому не введенный нами въ сложеніе цифръ, сумму которыхъ надобно было удвоить; получаемъ

$$\begin{array}{r}
 113,5968 \\
 + \text{Sin } 90^{\circ} - \\
 \hline
 114,5968
 \end{array}$$

Эта цифра — сумма синусовъ угловъ 0° , 1° , 2° и т. д. до 180° , сумма высотъ солнца въ моменты его прохожденія черезъ эти пункты дневнаго пути. Счетъ

высотъ веденъ по долямъ высоты зенита, потому сумма получена въ единицахъ высоты зенита. Это значить, что сумма согрѣвающей силы солнца въ моменты его прохожденія черезъ пункты отъ 0^0 до 180^0 превышаетъ слишкомъ въ 114 разъ ту силу дѣйствія, какая принадлежитъ моменту прохожденія солнца черезъ зенитъ. Пункты высотъ, определенныхъ нами и соединенныхъ въ сумму по счету высоты зенита отдѣлены одинъ отъ другого цѣлымъ градусомъ пути; а каждый градусъ пути солнца проходитъ, какъ мы знаемъ, въ 4 минуты; мы знаемъ также, что количество теплоты, идущей въ продолженіе минуты съ лучами солнца, находящагося въ зенитѣ, принимается за равное 2,5 калоріямъ; это значить, что если мы хотимъ выразить въ калоріяхъ сумму теплоты, идущей на атмосферу подѣ экваторомъ въ продолженіе того дня, когда солнце въ полдень проходитъ надъ линіей земного экватора черезъ зенитъ, мы должны помножить полученную нами сумму высотъ солнца на 4 и произведенія помножить на 2,5, то есть, по легкости счета при замѣнѣ этихъ двухъ перемноженій однимъ помножить ее прямо на $4 \times 2,5 = 10$. Такимъ образомъ мы получаемъ выводъ, что сумма теплоты, идущая въ продолженіе этого дня на линію экватора, равняется 1145,968. За исключеніемъ двухъ крайнихъ цифръ $= 0,0000$ и средней цифры $= 1,0000$, всѣ слагаемыя длины синусовъ—бесконечныя дроби; мы брали ихъ съ четырьмя знаками; при такомъ счетѣ каждая принимаемая цифра можетъ заключать въ себѣ погрѣшность почти равную половинѣ единицы послѣдняго мѣста десятичной дроби, которое берется въ счетъ съ отбрасываніемъ всей слѣдующей части дроби. Нѣтъ правдоподобія, чтобы всѣ 179 слагаемыхъ дробныхъ цифръ имѣли наибольшую возможную погрѣшность и чтобы во всѣхъ она одинаково была плюсомъ или во всѣхъ минусомъ. Но очень правдоподобно, что сумма 179 погрѣшностей, каждая изъ которыхъ можетъ простираться до половины 1 послѣдняго знака, составитъ нѣсколько единицъ послѣдняго принятаго въ счетъ мѣста десятичныхъ дробей, и одинаково возможно этой погрѣшности быть плюсомъ или минусомъ; такимъ образомъ истинная цифра теплоты этого экваторіальнаго дня можетъ составлять или 1145,980 или только 1145,950, вмѣсто полученной нами цифры 1145,968.

Мы вычислили сумму дневной теплоты подѣ экваторомъ въ тотъ день, когда солнце проходитъ черезъ зенитъ, то есть, вычислили наибольшее количество теплоты экваторіальнаго дня. Вычислимъ теперь сумму теплоты идущей отъ солнца на полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія. Этотъ счетъ очень простъ. Пути солнца надѣ земнымъ полюсомъ лежатъ горизонтальными кругами; всегда или виденъ или не виденъ весь кругъ. Въ зимнее полугодіе онъ вовсе не виденъ; въ лѣтнее полугодіе онъ весь виденъ непрерывно отъ весенняго до осенняго равноденствія. Дни этого полугодія различаются между собою только высотой, на какой горизонтально лежитъ весь кругъ; въ эпоху лѣтняго солнцестоянія, когда высота его достигаетъ наибольшей величины, она составляетъ $23^0 27'$. Синусъ этого угла равняется 0,397949 (Мы беремъ эту дробь не съ четырьмя, а съ шестью десятичными знаками, потому что всякая погрѣшность въ ней увеличивается, какъ увидимъ въ 360 разъ, при переложеніи ея въ сумму дневной теплоты, слѣдовательно, должно взять величину ея съ гораздо большей степенью приближенія, чѣмъ какая достаточна для дробей, входящихъ въ сумму высотъ солнца лишь по два раза). Мы вели вычисленіе высотъ солнца въ экваторіальный день по разстояніямъ отъ градуса до градуса; слѣдовательно и сумму высотъ солнца въ полярный

день мы должны составить через сложение всѣхъ высотъ солнца по разстояніямъ отъ градуса до градуса, а этотъ день состоитъ изъ полнаго круга солнца, т. е. солнце проходить въ этотъ день черезъ всѣ 360 градусовъ круга. На каждомъ градусѣ высота его одна и та же, потому что кругъ имѣетъ горизонтальное положеніе. Такимъ образомъ мы найдемъ сумму высотъ солнца на всѣхъ 360 точкахъ прохожденія его черезъ градусы, перемноживъ общую высоту каждаго изъ этихъ моментовъ на 360. Дѣлаемъ умноженіе и получаемъ:

$$0,397949 \times 360 = 143,2616$$

Умножаемъ эту сумму высотъ на 10 и получаемъ, что количество солнечной теплоты, идущее на земной полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія, составляетъ 1432,616.

А наибольшая сумма солнечной теплоты экваторіальнаго дня составляетъ, какъ мы видѣли, только 1145,968. Принимая наибольшую экваторіальную сумму дневной солнечной теплоты за 1 сравненія, мы найдемъ, что сумма солнечной теплоты, идущая на полюсъ въ день лѣтняго солнцестоянія, равняется 1,25, то есть, что въ этотъ день на атмосферу полюса идетъ количество теплоты, превышающее цѣлой четвертью наибольшую экваторіальную сумму дневной теплоты.

Тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ не случилось раньше чтенія этого нашего очерка узнать, какова сумма теплоты, идущей на атмосферу полюса въ день лѣтняго солнцестоянія, и каково отношеніе этой величины къ наибольшей суммѣ теплоты экваторіальнаго дня, усомнились бы въ справедливости найденнаго ими теперь вывода, если бы не шли вмѣстѣ съ нами къ нему шагъ за шагомъ, имѣя полную возможность провѣрить каждую цифру и каждый ариметическій приемъ, посредствомъ которыхъ формировался выводъ. Мы не имѣли права предполагать довѣрія къ намъ въ дѣлѣ разъясненія астрономическихъ вопросовъ; намъ слѣдовало напротивъ того предполагать во многихъ читателяхъ мнѣніе, что авторъ «Очерка научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» вовсе не специалистъ по математикѣ. Это мнѣніе справедливо: по дѣлу не въ томъ, специализируется ли онъ по математикѣ, а лишь въ томъ, случилось ли ему узнать астрономическія истины, относящіяся къ вопросу о распредѣленіи солнечной теплоты по разнымъ параллельнымъ кругамъ и по разнымъ временамъ года. Надобно было изложить процессъ полученія этихъ истинъ такимъ простымъ языкомъ, чтобы ходъ соображеній былъ ясенъ для тѣхъ читателей, знанія которыхъ по математикѣ не превышаютъ знаній автора, и чтобы каждый изъ нихъ могъ провѣрить выводъ.

Излишекъ теплоты дня лѣтняго солнцестоянія подъ полюсомъ сравнительно съ наибольшей дневной теплотой подъ экваторомъ такъ великъ, что очевидно не могъ возникнуть весь въ одинъ день; напротивъ возрастаніе, шедшее отъ 0 въ началѣ первой половины лѣтняго полугодія къ величинѣ 1,25 въ концѣ ея, должно было достигъ величины 1,00 за довольно большое число дней передъ солнцестояніемъ; уменьшеніе отъ 1,25 до 1,00 идетъ въ началѣ второй половины полугодія тѣмъ же ходомъ, каковымъ шло въ концѣ первой половины возрастаніе и также займетъ довольно большое число дней. Такимъ образомъ даже подъ полюсомъ находится въ срединѣ лѣтняго полугодія довольно большой періодъ времени, когда дневныя количества солнечной теплоты превышаютъ наибольшую

дневную теплоту солнца подъ экваторомъ. Понятно, что чѣмъ дальше отъ полюса, чѣмъ ближе къ тропику, тѣмъ длиннѣе эта часть лѣтнаго полугодія.

Мы говорили о дневныхъ количествахъ солнечной теплоты въ лѣтнее полугодіе подъ полюсомъ только для того, чтобы придать ясность понятію объ отношеніяхъ этого полугодія подъ высокими широтами къ экваторіальному полугодію. Люди не живутъ подъ полюсомъ; возвратимся къ соображеніямъ о тѣхъ широтахъ, въ которыхъ живутъ они. Мы сдѣлали обзоръ годичнаго распредѣленія дневныхъ теплотъ солнца подъ тропикомъ и видѣли, что всѣ дни лѣтнаго полугодія подъ этой широтой имѣютъ дневныя количества солнечной теплоты большія количества ея въ соответствующіе дни экваторіальнаго года, но что другое полугодіе подъ тропикомъ имѣетъ гораздо меньше солнечной теплоты, чѣмъ подъ экваторомъ, гдѣ оно одинаково съ первымъ полугодіемъ. Широты между экваторомъ и тропикомъ, разумѣется, занимаютъ по распредѣленію дневныхъ теплотъ среднія положенія соответственно своимъ географическимъ широтамъ: чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ меньше разниа между полугодіями, чѣмъ ближе къ тропику, тѣмъ больше она.

За тропикомъ она возрастаетъ по направленію къ полюсу, это мы все знаемъ; но большую важность представляетъ разъясненіе вопроса о томъ, который изъ двухъ предѣловъ дневного количества солнечной теплоты передвигается съ увеличеніемъ широты съ такою быстротою, что его измѣненіе образуетъ главную причину увеличенія разницы между лѣтнимъ и зимнимъ полугодіями. Мы теперь имѣемъ уже довольно отчетливое представленіе объ этомъ. Наибольшее количество дневной теплоты или не уменьшается сравнительно съ тропическимъ подъ болѣе далекими отъ экватора широтами или уменьшается очень мало. Лѣтнія полугодія подъ градусами широты между тропикомъ и полярнымъ кругомъ имѣютъ сумму солнечной теплоты, тѣмъ меньшую, чѣмъ дальше отъ тропика; но уменьшеніе лѣтней полугодичной суммы происходитъ не отъ пониженія верхняго предѣла въ возрастаніи дневныхъ количествъ солнечной теплоты, а собственно оттого, что понижается предѣлъ, съ котораго начинаютъ расти они въ лѣтнее полугодіе и понижается наравнѣ съ нимъ предѣлъ, до котораго падаютъ они въ концѣ полугодія. Эти начальный и конечный предѣлы подъ широтами между тропикомъ и полюсомъ совпадаютъ съ эпохами весенняго и осенняго равноденствія, когда, какъ мы знаемъ, продолжительность дня подъ всѣми широтами до полюса равна неизмѣнной экваторіальной и составляетъ 12 часовъ. А при этой равной подъ всѣми широтами продолжительности дня эпохъ равноденствія, количества дневной теплоты прямо пропорціональны полуденнымъ высотамъ солнца. Разсмотримъ первыя двѣ колонны той нашей таблицы, въ которой приведены полуденныя высоты солнца въ эпохи равноденствій подъ нѣкоторыми изъ широтъ между тропикомъ и полярнымъ кругомъ, сравнимъ эти высоты. Подъ тропикомъ полуденная высота въ эпоху равноденствія = $0,9174$, то есть она лишь на одну тринадцатую долю меньше высоты зенита; подъ широтою 25° она равна $0,9063$, то есть на разстояніи лишь немногимъ больше полутора градуса отъ тропика по направленію къ полюсу она уменьшилась на $0,0111$, на одну девятистую долю и стала ужъ на одиннадцатую долю меньше зенитной. Подъ широтами 30° она равна $0,8660$, на разстояніи 5° ея уменьшеніе составило $0,0403$, то есть одну двадцать пятую долю единицы, служащей нормою сравненія и она стала почти на одну седьмую долю меньше зе-

нитной; дѣлая слѣдующіе переходы по разстояніямъ 5^0 , мы видимъ такой рядъ цифръ:

Широта . .	25^0	30^0	35^0	40^0	45^0	50^0	55^0	60^0	65^0
Полуд. выс.	0,9063	0,8660	0,8192	0,7660	0,7071	0,6428	0,5738	0,5000	0,4226
Разности		403	468	532	589	643	690	738	774

Съ каждымъ переходомъ на 5^0 по направленію отъ экватора къ полюсу разность полуденной высоты отъ высоты предшествовавшаго круга широты становится больше; это значить, что дневное количество теплоты въ эпоху равноденствія уменьшается въ пропорціи болѣе значительной, чѣмъ уменьшается разстояніе отъ полюса или увеличивается разстояніе отъ экватора, иначе сказать: уменьшеніе дневного количества теплоты въ эпоху равноденствія идетъ прогрессіей болѣе быстрой, чѣмъ приближеніе пунктовъ меридіана къ полюсу.

Чѣмъ ниже тотъ уровень, съ которымъ идетъ возрастаніе дневного количества солнечной теплоты въ первую половину лѣтняго полугодія, тѣмъ позднѣе достигнетъ эта растущая величина равенства съ наименьшей экваторіальной; потомъ пройдетъ нѣсколько времени до достиженія ея равенства съ наибольшей экваторіальной и, за вычетомъ этихъ двухъ частей, тѣмъ меньше останется часть четверти года, въ которую эта величина превосходитъ наибольшую экваторіальную. Вторая четверть лѣтняго полугодія одинакова, какъ мы знаемъ, съ первой, по количествамъ дневной теплоты; слѣдовательно, чѣмъ дальше отъ тропика кругъ широты, тѣмъ болѣе большую часть въ обѣихъ половинахъ лѣтняго полугодія составляютъ дни, имѣющіе количество дневной теплоты меньше наименьшаго экваторіальнаго. Собственно, въ этомъ и состоитъ разниа лѣтнихъ полугодій подъ далекими отъ экватора широтами, отъ соотвѣтствующаго по времени экваторіальнаго полугодія. Не уменьшеніемъ наименьшихъ количествъ дневной теплоты отличаются лѣтнія полугодія этихъ широтъ отъ экваторіальнаго полугодія, а увеличеніемъ продолжительности и интенсивности стужи въ началѣ и въ концѣ своего лѣтняго полугодія.

Если бы температура дней лѣтняго полугодія опредѣлялась только количествами дневной теплоты въ это полугодіе, она не была бы очень низка даже и подъ полярнымъ кругомъ. Полуденная высота солнца въ эпохи равноденствій подъ полярнымъ кругомъ составляетъ 0,3979, то есть равняется почти двумъ пятымъ долямъ наибольшей экваторіальной дневной теплоты, составляетъ почти четыре девятыхъ доли наименьшаго экваторіальнаго количества. Разница велика, но не колоссальна. Жизнь подъ полярнымъ кругомъ была бы удобна для однолѣтнихъ растений, которымъ нужна теплота лишь въ продолженіе пяти или даже только четырехъ мѣсяцевъ, если бы высота температуры тамъ опредѣлялась исключительно дневными количествами солнечной теплоты съ начала лѣтняго полугодія. Не только пшеница превосходно росла бы подъ полярнымъ кругомъ, очень хорошо росли бы тамъ и маисъ и даже рпечь. Но дѣло въ томъ, что началу лѣтняго полугодія подъ широтами, близкими къ полярному кругу, предшествуетъ полугодіе съ очень малыми количествами дневной теплоты. Въ продолженіе этого полугодія температура падаетъ такъ низко, что нужна очень большая сумма дневныхъ теплотъ весенней четверти года для ея поднятія до уровня выше точки замерзанія, и потому нужна очень большая сумма этихъ теплотъ для того, чтобъ исчезли ледъ и снѣгъ,

оттаяла почва на такую глубину, какая нужна для развитія корней пшеницы; еще тяжелѣе для жизни растеній подобныхъ пшеницѣ другое обстоятельство: подъ широтами далекими отъ экватора бывають даже днемъ морозы послѣ того, какъ земля ужъ оттаяла на довольно большую глубину, а по ночамъ морозы бывають и послѣ того, какъ перестаютъ бывать морозы днемъ; нѣсколькихъ часовъ такой низкой температуры достаточно, чтобъ убить растеніе, подобно пшеницѣ.

Такимъ образомъ разницы между климатическими поясами производятся во-первыхъ пониженіемъ количествъ дневной теплоты въ началѣ лѣтнаго полугодія и во-вторыхъ холодною зимою зимняго полугодія. Этотъ второй элементъ климатическихъ различій имѣетъ наибольшее значеніе въ произведеніи различій между растительностью подъ разными широтами, а характеръ растительности важнѣйшій изъ тѣхъ элементовъ, которыми опредѣляется удобство или неудобство человѣческой жизни у племенъ, перешедшихъ отъ добыванія пищи исключительно охотой или рыболовствомъ къ способамъ пропитанія, дающимъ болѣе изобильныя и болѣе вѣрныя средства жизни.

Предисловіе къ второму изданію русскаго перевода «Всеобщей Исторіи» Г. Вебера, т. I.

Въ новомъ изданіи нашего перевода перваго тома книги Вебера мы переработали форму изложенія сообразно привычкамъ русской публики, безспорно хорошимъ.

Книга Вебера напечатана тремя шрифтами: основній разсказъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ (цицero); онъ перерывается вставками менѣе крупнаго шрифта (боргеса); это—пополненія къ основному разсказу; кромѣ того, есть вставки еще болѣе мелкаго шрифта (петита); это—или выписки изъ нѣмецкихъ ученыхъ или разсказы содержанія книгъ. Большіе отдѣлы, соотвѣтствующіе главамъ, но не имѣющіе никакого названія, раздѣлены на куски менѣе крупныя; эти куски подраздѣлены на мелкіе, мелкіе дробятся на болѣе мелкіе. На поляхъ выставлены заглавія отдѣловъ, еще болѣе мелкихъ, имена государей, хронологическія цифры.

Эта тяжелая форма изложенія давно брошена французскими и англійскими учеными; русской публикѣ она не нравится; начинаютъ покидать ее и нѣмецкіе ученые, которымъ однимъ оставалась она мила. Мы въ переработкѣ своего перевода замѣнили ее общепринятою у французовъ, англичанъ и русскихъ, менѣе растянутою и болѣе удобною для чтенія связною формою разсказа.

Мы отбросили дробленіе книги на куски разныхъ шрифтовъ; весь текстъ мы сдѣлали непрерывнымъ цинеро; куски прежняго боргеса и прежняго петита, обратившись въ строки одного шрифта съ основнымъ разсказомъ, получили типографскую возможность не быть перерывами разсказа, стать его частями. Мы распредѣлили ихъ по тѣмъ мѣстамъ его, съ которыми они связаны по содержанію и отъ которыхъ были оторваны своимъ различіемъ по величинѣ буквъ. При этомъ устранились повторенія, которыхъ было множество: въ основномъ разсказѣ дѣло излагалось кратко, въ пополненіяхъ подробнѣе; краткое изложеніе не заключало въ себѣ ровно ничего, кромѣ повторяемаго подробнѣе въ пополненіи; когда подробное изложеніе переносилось въ соотвѣтствующее мѣсто краткаго, краткое выходило совершенно излишнимъ и выпускалось.

Дробленіе разсказа на мелкіе куски отброшено. Когда исторія народа не превосходитъ своимъ объемомъ величину одной обыкновенной главы, она осталась безъ всякаго дѣленія, потому что подраздѣленія, болѣе мелкія, чѣмъ главы, не допускаются нынѣшними правилами изложенія ученыхъ книгъ. Тѣ части разсказа, которыя имѣютъ размѣръ, превышающій величину главы, раздѣлены на главы: разсказъ о египтянахъ на двѣ главы, разсказъ объ индійцахъ на пять, объ израильтянахъ на шесть главъ.

Обозначеніе содержанія, уничтоженное на поляхъ, замѣнено подробнымъ оглавленіемъ, представляющимъ несравненно больше удобства находить страницу, на которой разсказывается приискиваемый фактъ. Такія оглавленія принято дѣлать въ англійскихъ историческихъ книгахъ.

Хронологическія цифры перенесены съ полей въ текстъ; черезъ это сдѣлалось во всѣхъ случаяхъ яснымъ, къ какому именно факту относится цифра. А при постановкѣ цифръ на поляхъ, очень часто выходила путаница: на одной строкѣ текста говорится о двухъ, о трехъ фактахъ, напримѣръ: одержана побѣда, взята крѣпость, одержана вторая побѣда; на полѣ противъ этой строки поставлена цифра года, мѣсяца, числа; къ которому изъ трехъ фактовъ она относится? Этого обыкновенно нельзя разобрать, если не помнить или не навести справку въ другой книгѣ.

Реторическія украшенія, растягивающія разсказъ многословіемъ, мы отбросили, какъ дѣлали въ нашемъ переводѣ начиная съ VII тома. Ни одного факта, ни одной мысли, относящейся къ дѣлу, мы не выпустили; выброшены только фразы старомоднаго краснорѣчія, котораго еще держится большинство нѣмецкихъ ученыхъ по рутинѣ, покидаемой возрастающимъ меньшинствомъ.

«Введеніе», написанное Веберомъ, разсматриваетъ вопросы, утратившіе интересъ. Мы замѣнили его очеркомъ нынѣшнихъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ такъ называемыя доисторическія времена.

Обороты рѣчи и собственные имена, испорченныя въ первомъ изданіи, корректура котораго не была читана нами, исправлены.

За собственно такъ называемыя типографскія опечатки должно винить не типографію, а насъ; типографія заслуживаетъ только признательности за свою заботу о правильномъ наборѣ текста, въ которомъ сдѣлано нами столько поправокъ, что трудно было разбирать густую, перепутанную сѣть ихъ.

Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена.

До недавняго времени тѣ авторы трактатовъ о всеобщей исторіи, которые хотѣли ограничиваться изложеніемъ достовѣрныхъ свѣдѣній или сообразныхъ съ правилами науки предположеній о жизни рода человѣческаго, начинали свои книги прямо разсказомъ о временахъ, отъ которыхъ дошли до насъ письменныя извѣстія или народныя преданія. Теперь писатели, не оставшіе отъ успѣховъ науки, имѣютъ возможность начинать разсказъ о жизни человѣчества со временъ гораздо болѣе отдаленныхъ, благодаря открытіямъ, сдѣланнымъ въ областяхъ знанія, болѣе или менѣе соприкасающихся съ собственно такъ называемой исторіей или даже далекихъ отъ нея, но разъясняющихъ другіе отдѣлы знанія, близкіе къ ней.

Изъ новыхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній или соображеній о давнихъ, такъ называемыхъ доисторическихъ временахъ жизни человѣчества были приняты историками раньше всего тѣ данныя о бытѣ людей и объ отношеніяхъ между разными народами, которыя выводятся изъ филологическихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ предисловіе къ разсказу объ историческихъ временахъ составили очерки род-

ства между народами индо-европейскаго или арійскаго, семитическаго, монгольскаго и другихъ семействъ, соображенія о томъ, гдѣ первоначально жило то или другое семейство до своего раздѣленія на разные народы, какой степени образованія достигало оно тогда, въ какомъ порядкѣ и какими путями переселялись изъ общаго отечества разныя части этого семейства въ земли, въ которыхъ застаютъ ихъ первыя письменныя извѣстія или изустныя преданія о нихъ.

Нѣсколько позднѣе были открыты матеріальные остатки человѣческой дѣятельности доисторическихъ временъ. Нѣкоторые изъ этихъ старинныхъ орудій, обломковъ посуды и другихъ принадлежностей человѣческой обстановки быта, кости или раковины животныхъ, служившихъ пищей людямъ, остатки человѣческихъ жилищъ относятся къ эпохамъ болѣе давнимъ, чѣмъ времена человѣческой жизни, разясняемыя филологическими данными. Еще дальше въ прошлое идутъ свѣдѣнія о жизни людей, доставляемыя зоологическими изслѣдованіями и соображеніями о топографическомъ характерѣ, о растительности и климатѣ тѣхъ земель, въ которыхъ жили люди давнихъ временъ. Геологическимъ свѣдѣніямъ о состояніи земной поверхности въ тѣ давнія эпохи предшествуютъ, въ нынѣшнихъ предисловіяхъ къ исторіи человѣчества, свѣдѣнія о возникновеніи твердой поверхности земнаго шара, сообщаемыя астрономіей.

Въ концѣ прошлаго вѣка астрономія достигла такого развитія, что возможно стало приобрести достовѣрныя понятія о томъ, какъ образовался земной шаръ. Эту работу исполнилъ гениальнѣйшій изъ специалистовъ по математикѣ и астрономіи, жившихъ послѣ Ньютона, Лапласъ. Теперь всѣмъ образованнымъ людямъ довольно хорошо знакома раскрытая имъ исторія солнечной системы и земнаго шара. Потому достаточно будетъ привести здѣсь тѣ черты ея, которыя слѣдуетъ припоминать при чтеніи другихъ исторій, болѣе новыхъ и принимаемыхъ нѣкоторыми за болѣе достовѣрныя.

Одинаковость движенія планетъ вокругъ солнца по сравнительно узкому поясу пространства въ одномъ и томъ же направленіи, одинаковость ихъ вращенія около своихъ осей въ томъ же направленіи, и нѣкоторыя другія одинаковости фактовъ, относящихся къ планетамъ и ихъ спутникамъ, показываютъ, что всѣ эти небесныя тѣла выдѣлились изъ одной массы матеріи и что ихъ движенія лишь результаты прежняго общаго движенія этой массы. Исторію перемѣнъ, которыми произведены изъ нея отдѣльныя тѣла нашей солнечной системы, Лапласъ объяснилъ дѣйствіями всеобщаго тяготѣнія. По закону тяготѣнія первоначальная масса, занимавшая громадное пространство и находившаяся въ очень разжиженномъ состояніи, должна была, вращаясь около своего центра тяжести, принять форму диска. Этотъ дискъ сжимался; при уменьшеніи диаметра быстрота вращенія его возрастала; съ возрастаніемъ быстроты вращенія увеличивалась центробѣжная сила; само собою разумѣется, что чѣмъ дальше отъ центра была часть вращающейся массы, тѣмъ больше была линія, проходимая ею въ данное время. При общемъ возрастаніи быстроты круговаго движенія массы, скорость вращенія окраины диска приобретала наконецъ такую величину, что уравновѣшивала центростремительную силу. Тогда окраина переставала приближаться къ центру, начинала вращаться около него на одномъ и томъ же разстояніи; а между тѣмъ вся остальная масса продолжала сжиматься по направленію къ центру тяжести. Такимъ образомъ окраина отдѣлялась отъ остальной массы. Черезъ нѣсколько вре-

мени быстрота вращенія новой окраины диска тоже достигала такой величины, что центробѣжная сила уравнивалась въ ней центростремительную, и съ нею повторялось то, что было съ прежней окраиной: она тоже отдѣлялась отъ остальной массы, продолжавшей сжиматься по направленію къ центру. Изъ этихъ отдѣлявшихся частей массы образовались планеты и спутники ихъ, а центральная масса образовала центральное тѣло, солнце.

При сжиманіи вещества повышается его температура. Количество вещества въ каждомъ изъ тѣхъ кусковъ, сгущеніемъ которыхъ образовались большія планеты и спутники ихъ, было такъ велико и пропорція сгущенія такъ значительна, что температура каждого изъ нихъ повысилась до степени, далеко превосходящей температуру плавленія наиболѣе огнеупорныхъ металловъ, а при такой температурѣ невозможны никакія изъ тѣхъ химическихъ соединений, какія образуются сочетаніемъ кислорода, хлора, серы и другихъ металлоидовъ съ металлами и составляютъ почти всю нынѣшнюю массу извѣстной намъ части твердой оболочки нашей планеты. То же было и въ другихъ большихъ планетахъ. Потому вещество каждой изъ большихъ планетъ находилось нѣкогда въ состояніи капельножидкомъ или, вѣроятнѣе, газообразномъ. Вращаясь около своей оси, оно должно было по закону тяготѣнія принять форму шара, сплюснутаго подъ полюсами; пропорція сплюснутости опредѣлялась отношеніемъ между силой притяженія всего вещества планеты къ центру его тяжести и быстротою вращенія его около оси. Масса мало-по-малу охлаждалась лучепусканіемъ своей теплоты; правда, она продолжала сжиматься. Это служило источникомъ развитія прибавочной теплоты въ ней: по дѣйствію лучепусканія было сильнѣе и прибавочная теплота только замедляла ходъ охлажденія, а не останавливала его. Охлажденіе шло съ поверхности внутрь, потому поверхность охладилась, когда центральная часть планеты еще сохраняла очень высокую температуру. Когда поверхность планеты остыла настолько, что нѣкоторые изъ составлявшихъ ее веществъ стали переходить въ твердое состояніе, началось образованіе кусковъ твердой коры: они увеличивались въ длину и въ ширину, становились толще, соединялись краями и наконецъ образовалась цѣльная твердая оболочка нашей планеты.

На этомъ мы остановимся, потому что дальнѣйшій ходъ дѣла на нашей планетѣ принадлежитъ уже не столько астрономической, сколько геологической исторіи ея. Обращая вниманіе на то, чѣмъ объясняютъ Лапласъ перемѣны, результатомъ которыхъ было возникновеніе нашей планеты, мы видимъ, что все основано у него на примѣненіи законовъ всеобщаго тяготѣнія и законовъ повышенія и пониженія температуры къ разьясненію хода дѣла. Въ этомъ состоитъ существеннѣйшее различіе составленной астрономической исторіи земнаго шара отъ теорій, какими замѣняютъ ее нѣкоторые изъ нынѣшнихъ астрономовъ. У Лапласа принципы объясненія — простыя, несомнѣнно достовѣрные законы движенія всякаго вещества, имѣющаго свободу движенія, и законы температурныхъ перемѣнъ, тоже достовѣрные относительно всякаго вещества. У астрономовъ, полемизирующихъ противъ выводовъ Лапласа, принципами объясненія берутся гипотезы или недостовѣрныя или прямо несообразныя съ законами природы. Наиболѣе извѣстныя изъ теорій, составленныхъ взамѣнъ Лапласовой, имѣютъ ту общую черту, что называютъ все вещество, знакомое намъ по опыту, совершенно пассивнымъ и выставляютъ причиною движенія небесныхъ тѣлъ удары гипотетическаго вещества, называемаго

эоирѣ. Ученые, любящіе разсуждать объ эоирѣ, приписываютъ ему свойства, несомѣстныя одно съ другимъ; они говорятъ, что частицы его не имѣютъ тяготѣнія ни одна къ другой, ни къ тому веществу, которое знаемъ мы по опыту. Пусть такъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ они предполагаютъ, что каждая частица обыкновеннаго вещества окружена атмосферой эоира, такъ что въблизи каждой частицы его эоиръ сгущенъ гораздо больше, чѣмъ вдали отъ обыкновеннаго вещества; зачѣмъ же ему сгущаться около частицъ обыкновеннаго вещества, когда онъ, по словамъ тѣхъ же ученыхъ, не имѣетъ тяготѣнія ни къ какому веществу? Прежде чѣмъ объяснять дѣйствіями эоира движенія небесныхъ тѣлъ, слѣдовало бы авторамъ этихъ теорій разсудить, что надобно имъ остановиться на одной какой-нибудь изъ двухъ несомѣстныхъ между собою мыслей: «эоиръ притягивается обыкновеннымъ веществомъ» и «эоиръ не притягивается обыкновеннымъ веществомъ». Строить теорію, на однихъ страницахъ которой онъ не подлежитъ закону тяготѣнія, а на другихъ подлежитъ—дѣло нелѣпое. Но пусть эоиръ имѣетъ ту прекрасную особенность, что о немъ въ каждую данную минуту можно говорить какъ понадобилось въ эту минуту, забывая, вьжутся ли новыя слова съ тѣмъ, что было говорено въ предшествовавшую минуту; все-таки тотъ способъ объяснять имъ движенія небесныхъ тѣлъ, котораго держатся составители этихъ теорій, не годится ни для чего, кромѣ сказокъ, пренебрегающихъ законами природы. Объясненіе имѣетъ такой видъ: частицы эоира летятъ по всѣмъ направленіямъ съ очень большой быстротой; наталкиваясь на какое-нибудь вещество, частица эоира отыргивается отъ него назадъ, передавая ему ту силу движенія по своему прежнему направленію, какую имѣла до столкновенія; это выходитъ въ родѣ того, какъ бы песокъ налеталъ на камень, имѣющій свободу движенія: песокъ отлеталъ бы отъ камня назадъ, а камень получалъ бы отъ его толчковъ движеніе по направленію, въ которомъ онъ налетаетъ на него. Прекрасно, по законамъ физики такъ и должно быть. Но что дальше, какъ объясняется этимъ взаимное тяготѣніе между солнцемъ и планетой? Вотъ какъ: солнце, отражая тѣ частицы эоира, которыя налетаютъ на него по направленію къ находящейся за нимъ планетѣ, закрываетъ ее отъ толчковъ съ этой стороны; а съ противоположной стороны она получаетъ толчки; потому двигается къ солнцу. Точно также и она закрываетъ солнце отъ толчковъ частицъ эоира, налетающихъ на нее по направленію, въ которомъ находится за нею солнце, а съ противоположной стороны солнце получаетъ толчки, потому и оно движется къ планетѣ: эти два движенія, сближающія планету съ солнцемъ, имѣютъ быстроту, соразмѣрную величинѣ защиты, даваемой одному изъ тѣлъ другимъ, а величина защиты соразмѣрна массѣ защищающаго тѣла. Такимъ образомъ, если мы для простоты соображеній возьмемъ въ расчетъ только солнце и землю, то получимъ слѣдующую пропорцію скорости движеній, которыми сближаются они: солнце имѣетъ массу слишкомъ въ 300.000 разъ больше массы земли; потому защита, даваемая солнцемъ землѣ, слишкомъ въ 300.000 разъ больше защиты, даваемой солнцу землей, и въ то время, въ которое солнце подвигается къ землѣ на одну какую-нибудь единицу мѣры, земля подвигается къ солнцу больше, чѣмъ на 300.000 такихъ единицъ. Это разсужденіе было бы прекрасно, если бы не происходило отъ забвенія объ основномъ законѣ давленія, оказываемаго капельножидкими и газообразными тѣлами. Какова бы ни была толщина слоя жидкости между двумя твердыми тѣлами и какъ бы ни было

велико протяженіе этой среды за задними сторонами этихъ тѣлъ, все равно: давленіе находящагося между ними слоя совершенно уравнивается собою давленіе, производимое на нихъ этою средою по противоположному направленію. Такъ, напримѣръ, если мы пустимъ два куска дерева посредиѣ огромнаго озера на разстояніи двухъ или трехъ сантиметровъ одинъ отъ другаго, они не будутъ сближаться между собою, хотя каждый изъ нихъ подвергается съ задней стороны давленію слоя воды, имѣющаго десятки или сотни километровъ въ длину, а давленіе на нихъ со сторонъ, обращенныхъ одна къ другой, производится лишь слоемъ воды въ два или три сантиметра длиною. Дѣло въ томъ, что количество толчковъ, производимыхъ частицами воды, одинаково съ обѣихъ сторонъ каждаго тѣла. То же самое относится къ давленію газообразныхъ тѣлъ и должно относиться къ давленію эфира, каковы бы ни были наши основательныя ли мысли или нравящіяся намъ фантазіи объ этомъ предполагаемомъ веществѣ. Оно по основному нашему предположенію находится въ газообразномъ состояніи и мы обязаны нашею собственною основною мыслью о немъ разсуждать о результатахъ его давленія сообразно достоящему закону давленія газообразныхъ тѣлъ.

Наши астрономическія и физическія знанія получили очень много важныхъ пополненій послѣ того времени, какъ Лапласъ составилъ исторію возникновенія солнечной системы и очеркъ астрономической исторіи земнаго шара. Потому его трудъ можетъ быть пополненъ значительнымъ количествомъ новыхъ подробностей и нѣкоторыя изъ подробностей, находящихся у него, должны быть по всей вѣроятности видоизмѣнены. Но тѣ основные законы природы, изъ которыхъ выводятся онъ существенныя черты своей исторіи солнечной системы и формированія земнаго шара, не получили съ его времени никакихъ важныхъ пополненій, потому что въ его время формулы ихъ ужъ имѣли полную точность, благодаря въ значительной степени его собственнымъ открытіямъ. Ученые, занимающіеся пополненіемъ его теоріи безъ претензіи замѣнить ее собственными изобрѣтеніями, улучшаютъ ее. Но объ ученыхъ, воображавшихъ себя способными приобрѣсти славу мыслителей болѣе глубокомысленныхъ, чѣмъ Лапласъ, превзойти его геніальностью, должно сказать, что они имѣли слишкомъ высокое понятіе о своихъ умственныхъ силахъ. Дѣло, за которое брались они, превышало размѣръ ихъ дарованій, они путались въ своихъ соображеніяхъ и сочиняли фантазіи, противорѣчащія законамъ природы. Чтобы переработать исторію солнечной системы и земнаго шара, данную Лапласомъ, надобно имѣть такую силу ума, какой не имѣлъ еще ни одинъ изъ геометровъ и астрономовъ, жившихъ послѣ него; и когда явится такой геніальный специалистъ, въ переработкѣ его сохранятся существенныя черты исторіи, данной Лапласомъ, потому что онѣ выведены изъ законовъ природы, бывшихъ ужъ хорошо сформулированными во время Лапласа.

Послѣ того какъ образовалась на земномъ шарѣ сплошная твердая кора, поверхность ея стала охлаждаться быстрѣе, чѣмъ могло это быть съ поверхностью, состоявшею изъ расплавленныхъ минераловъ, охлаждавшіеся слои которыхъ спускались въ глубину, замѣняясь поднимающимися изъ нея слоями менѣе остывшими, еще жидкими. Когда поверхность твердой коры получила температуру менѣе высокую, чѣмъ точка кипѣнія воды, водяной паръ, падавшій на нее дождями, образовалъ озера или моря въ ея впадинахъ; дожди отчасти разлагали химическимъ дѣйствіемъ воды нѣкоторыя изъ каменныхъ породъ, подвергавшихся имъ, отчасти разрушали

скалы ударами своихъ капель: потоки разрушали каменные породы, по которымъ текли, и сносили вывѣтрившіяся мелкія частицы съ высотъ въ углубленія: то же самое производило химическое дѣйствіе кислорода, углекислоты и другихъ развѣдающихъ составныхъ частей атмосферы, механическое дѣйствіе вѣтра: высоты вывѣтривались, образовавшаяся отъ этого пыль была сносима внизъ. Одновременно съ выравнивавшимъ поверхность земнаго шара дѣйствіемъ воды и атмосферы продолжалось охлажденіе, производившее теперь, по образованіи твердой коры, противоположное дѣйствіе: при охлажденіи, діаметръ земнаго шара уменьшался, твердая кора постоянно дѣлалась слишкомъ широка для его внутренней части, на которой лежала, опускалась къ ней; опускаясь, изгибалась и ломалась; отъ этого прежнія неровности земной поверхности увеличивались и образовались новыя. Такимъ образомъ постоянно росли горы, углублялись долины, а дѣйствіе воды и атмосферы постоянно разрушало выступы, постоянно отлагало куски и пыль этого разрушенія въ долины суши, въ воду озеръ и моря.

Слои, отложенные водою въ долинахъ суши, на днѣ озеръ и моря, располагались разумѣется болѣе или менѣе горизонтально, и, вообще говоря, ихъ рядокъ остался тотъ же, въ какомъ они отлагались. При продолжающемся охлажденіи и уменьшеніи діаметра земнаго шара проиходили, разумѣется, и перемѣны въ ихъ порядкѣ: твердая кора во многихъ случаяхъ ломалась и морщилась, такъ что горизонтальные слои получали очень наклонное положеніе, нерѣдко даже вертикальное, а тогда и опрокидывались, такъ что прежнія верхняя плоскость пласта ложилась внизъ, а прежнія нижняя дѣлалась верхней; нерѣдко морщины ломались и перемѣщались такъ, что край одного куска надвигался на сосѣдній кусокъ; часто въ трещины выжималось жидкое вещество внутренней части, еще остававшейся расплавленной; это вещество, поднявшись отъ давленія кусковъ коры по трещинамъ ея, разливалось по ея поверхности и такимъ образомъ поверхъ пластовъ сравнительно новыхъ, осѣвшихъ изъ воды, ложились массы внутренняго вещества, сохранившаго старый составъ. Но всѣ такіе случаи, хотя очень многочисленные, составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила, по которому отложившіеся изъ воды пласты лежатъ одинъ на другомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ осѣдали изъ воды, и сохраняютъ болѣе или менѣе горизонтальное положеніе.

Въ самыхъ нижнихъ и старыхъ осадочныхъ пластахъ или вовсе не сохранилось органическихъ остатковъ, или они такъ видоизмѣнились отъ проникавшаго въ эти пласты жара расплавленной внутренней части, что трудно различить ихъ отъ камня. Выше лежатъ пласты, въ которыхъ находятся остатки организмовъ, имѣющіе такой ясный характеръ органическаго состава, что ошибка невозможна: они несомнѣнно остатки организмовъ. Кромѣ остатковъ организмовъ, сохранились отпечатки ихъ на ялѣ, вѣдущемъ отвердѣвшемъ. Организмы, отъ которыхъ сохранились остатки или отпечатки въ пластахъ, наиболѣе давнихъ изъ заключающихъ въ себѣ такіе остатки или отпечатки, имѣли очень небольшой размѣръ и немногосложное устройство. Выше лежатъ пласты, въ которыхъ находятся остатки организмовъ болѣе крупныхъ и болѣе сложнаго устройства. Это уже растенія и животныя, подобныя нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ, но вовсе не нынѣшнія. Чѣмъ новѣе пласты, тѣмъ больше сходства съ нынѣшними имѣютъ сохранившіеся въ нихъ организмы. Но эти очень сходные съ нынѣшними организмы принадлежали

сначала къ такимъ разрядамъ растений и животныхъ, которые не считаются наиболѣе высоко организованными. Говоря въ частности о животныхъ, въ пластахъ, лежащихъ глубоко, нѣтъ остатковъ такъ называемыхъ позвоночныхъ животныхъ. Въ пластахъ болѣе новыхъ появляются остатки позвоночныхъ, но лишь принадлежащихъ къ наименѣе высоко организованнымъ разрядамъ позвоночныхъ; это рыбы; выше находятся и пресмыкающіяся. Но птицъ и млекопитающихъ еще нѣтъ. Остатки этихъ животныхъ, имѣющихъ наиболѣе высокую организацію, находятся лишь въ пластахъ очень новыхъ. Сначала это млекопитающія и птицы, лишь похожія на нынѣшнихъ, но вовсе не нынѣшнія; послѣ того такіа, о которыхъ надобно сказать, что они птицы и млекопитающія, одинаковыя съ нынѣшними, лишь не нынѣшнихъ видовъ; наконецъ, являются остатки млекопитающихъ и птицъ тѣхъ же видовъ, какъ нынѣшнія; наконецъ, появляются остатки птицъ и млекопитающихъ нынѣшнихъ породъ.

Два пласта, отлагавшіеся изъ воды при неодинаковыхъ условіяхъ, пріобрѣтали въ продолженіе одинаковаго времени неодинаковую толщину: во многихъ случаяхъ эта разница быстроты наростанія могла быть очень велика, такъ что, напримѣръ, одинъ пластъ пріобрѣталъ въ продолженіе даннаго времени толщину въ десятки разъ большую, чѣмъ другой. Но, вообще говоря, должна была быть нѣкоторая соразмѣрность толщины пластовъ, съ продолжительностью времени ихъ наростанія, и если мы будемъ брать группы, состоящія каждая изъ многихъ пластовъ, то можно полагать, что быстрота наростанія нѣкоторыхъ пластовъ одной группы уравнивается при общемъ счетѣ медленностью наростанія другихъ, такъ что періоды времени, въ которые образовались двѣ большія группы пластовъ, болѣе или менѣе пропорціональны толщинѣ этихъ группъ.

Принимая это за основаніе соображеній о періодахъ образованія разныхъ группъ осадочныхъ пластовъ, мы видимъ, что всѣ тѣ пласты, въ которыхъ найдены остатки млекопитающихъ и птицъ, отложились въ теченіе времени, незначительнаго по сравненію съ періодами образованія болѣе старыхъ группъ, въ которыхъ не найдено ихъ остатковъ, а находятся только остатки животныхъ менѣе высокой организаціи.

Въ той группѣ пластовъ, въ которой найдены остатки птицъ и млекопитающихъ, только верхніе пласты заключаютъ въ себѣ остатки нынѣшнихъ видовъ этихъ животныхъ, въ нижнихъ найдены только остатки старыхъ видовъ ихъ, неодинаковыхъ съ нынѣшними; и общая толщина пластовъ, имѣющихъ въ себѣ остатки нынѣшнихъ видовъ ихъ, незначительна по сравненію съ общей толщиной пластовъ, въ которыхъ найдены лишь остатки прежнихъ видовъ, несходныхъ съ нынѣшними; это значитъ, что нынѣшніе виды млекопитающихъ и птицъ существуютъ лишь въ теченіе времени, незначительнаго по сравненію съ тѣмъ, въ которое существовали другіе, болѣе старые виды ихъ.

Правда, наши находки даютъ лишь очень неполный и отрывочный матеріалъ для соображеній о томъ, къ какому именно времени относилось возникновеніе того или другаго вида животныхъ болѣе или менѣе высокой организаціи; нашими собственными раскопками вырыты лишь такіа количества песку, глины, мѣла или известняка и лежащихъ подъ ними каменныхъ породъ, сумма которыхъ ничтожна по сравненію съ массою этихъ пластовъ; дѣйствіемъ природы обнажены по берегамъ моря, въ разломахъ горъ, въ прорѣзахъ теченія рѣкъ и ручьевъ, части наслоеній,

имѣющія величину гораздо болѣе массивную, чѣмъ наши раскопки: но и эти части, открытыя для нашего изслѣдованія самой природою, составляютъ лишь маленькую долю всей массы пластовъ. Потому, ни объ одномъ, хотя бы самомъ верхнемъ пластѣ геологическихъ наслоеній — хотя бы, на примѣръ, о пескѣ морскихъ береговъ, рѣчныхъ долинъ и высохшаго дна прежнихъ морей или озеръ мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что въ немъ нѣтъ остатковъ никакихъ другихъ видовъ животныхъ, кромѣ тѣхъ, которые ужъ извѣстны намъ по нашимъ находкамъ; должно думать, что въ немъ есть и остатки многихъ другихъ видовъ, только еще не встрѣтились намъ въ изслѣдованной нами маленькой части массы этого пласта. Итакъ, о каждомъ изъ нынѣшнихъ видовъ птицъ и млекопитающихъ можно думать, что онъ возникъ раньше самаго стараго изъ тѣхъ пластовъ, въ которыхъ найдены его остатки, что они существуютъ въ пластѣ, образовавшемся непосредственно передъ этимъ пластомъ, а быть можетъ и въ пластахъ еще болѣе раннихъ, но только еще не попались намъ въ ничтожныхъ изслѣдованныхъ нами частяхъ этихъ болѣе старыхъ пластовъ.

Итакъ, отрицательныя данныя не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія времени, въ которое возникъ какой-нибудь изъ нынѣшнихъ видовъ млекопитающихъ или птицъ: относительно каждаго можно предполагать, что онъ существовалъ раньше времени образованія самаго нижняго изъ тѣхъ пластовъ, въ которыхъ найдены его остатки. Но есть положительныя данныя, опредѣляющія ту границу времени, раньше которой не могъ онъ существовать. Этотъ разрядъ фактовъ образуютъ тѣ остатки животныхъ, которые найдены въ пластахъ гораздо болѣе древнихъ, чѣмъ самый старыи изъ пластовъ, въ которыхъ найдены остатки животныхъ одинаковыхъ съ нынѣшними птицами или млекопитающими. Если въ какомъ-нибудь пластѣ, лежащемъ много ниже этого, найдены остатки нѣсколькихъ сотъ видовъ птицъ и млекопитающихъ, и всѣ эти виды различны отъ нынѣшнихъ, нѣтъ между ними ни одного не только одинаковаго съ какимъ-нибудь изъ нынѣшнихъ, но и близкаго по своей организаціи къ какому-нибудь изъ нихъ, то очевидно, что въ эпоху образованія этого пласта всѣ млекопитающія и птицы имѣли организацію неодинаковую съ нынѣшними, степень развитія этихъ организмовъ была иная, чѣмъ нынѣшняя, и не могли существовать тогда никакія изъ нынѣшнихъ млекопитающихъ и птицъ: всѣ нынѣшнія возникли позднѣе той эпохи.

На основаніи этихъ соображеній получается тотъ достовѣрный выводъ, что наибольшая, какую возможно предполагать, давность возникновенія какого-нибудь изъ нынѣшнихъ видовъ млекопитающихъ и птицъ относится къ временамъ очень новымъ по геологическому порядку эпохъ, что какова бы ни была давность возникновенія нынѣшнихъ видовъ этихъ существъ, она — время очень новое въ геологическомъ смыслѣ слова.

По справедливымъ понятіямъ, сдѣлавшимся теперь общепринятыми у всѣхъ добросовѣстныхъ специалистовъ, каждый изъ нынѣшнихъ видовъ млекопитающихъ или птицъ возникъ путемъ видоизмѣненія организаціи какого-нибудь болѣе стараго вида; и если существуютъ нѣсколько очень близкихъ между собою видовъ какого-нибудь разряда этихъ существъ, то разницы между ними возникли черезъ видоизмѣненія разныхъ группъ одного и того же общаго предка. Для ясности возьмемъ опредѣленный примѣръ. Теперь существуетъ довольно большое количество разныхъ птицъ, настолько сходныхъ между собою по организаціи, что всѣ

онѣ принадлежать къ одному семейству ласточекъ. Теперь принято справедливое мнѣніе, что всѣ эти виды ласточекъ произошли отъ одного стараго вида птицъ, и что всѣ разницы между нынѣшними видами ласточекъ возникли черезъ видоизмѣненіе прежней одинаковой организаціи разныхъ мѣстныхъ группъ одного прежняго вида птицы, имѣвшаго организацію уже довольно похожую на нынѣшнихъ ласточекъ. Изъ этого является вопросъ: какими именно разнициами въ обстоятельствахъ жизни этихъ разныхъ мѣстныхъ группъ одного и того же существа произведены различія, по которымъ разные группы его стали существами неодинаковой организаціи? Мы вообще не имѣемъ возможности съ полной точностью отвѣчать на подобные вопросы, должны ограничиваться заключеніями довольно неопредѣленнаго характера, говорящими только, что въ данномъ случаѣ должны были дѣйствовать какія-нибудь изъ обстоятельствъ, могущихъ производить перемѣны организаціи въ разсматриваемомъ нами направленіи. Беремъ для примѣра разницу между нынѣшними породами ласточекъ по силѣ, быстротѣ и ловкости полета. Разницы эти довольно значительны. Наша ласточка съ крыльями сравнительно короткими, дѣлающая себѣ норы въ глинистыхъ обрывахъ рѣчныхъ береговъ, летаетъ прекрасно; но несравненно лучше ея летаетъ наша домашняя ласточка, имѣющая болѣе длинныя крылья и выющая гнѣзда на стѣнкахъ нашихъ жилищъ. Должно полагать, что еще гораздо лучше нашей домашней ласточки летаетъ та, которая вьетъ гнѣзда, употребляемая въ пищу китайцами: она пролетаетъ въ пещеры чрезъ узкія отверстія, ежеминутно захлестывается волнами; наша домашняя ласточка едва ли въ состояніи дѣлать такіе быстрые и ловкіе обороты полета, какіе нужны для этого. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти три рода ласточекъ произошли отъ одной птицы; нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта прежняя птица летала очень хорошо, гораздо лучше птицъ, имѣющихъ слабый или тяжелый полетъ; но если мы спросимъ себя, какова была степень ея силы и искусства летать по сравненію съ нынѣшними, произошедшими отъ нея ласточками, то отвѣтъ будетъ достовѣренъ лишь когда мы удовлетворимся неопредѣленными выраженіями въ родѣ того, что прежняя птица, отъ которой произошли нынѣшнія ласточки, летала, по всей вѣроятности, менѣе хорошо, нежели нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ, и, на примѣръ, менѣе хорошо, чѣмъ ласточка, выющая съѣдобныя гнѣзда. Если бы мы захотѣли прибавить, что и наша домашняя ласточка летаетъ лучше той прежней птицы, мы уже вдали бы въ соображенія — положимъ правдоподобныя, но не имѣющія достовѣрности. Если меньше достовѣрности имѣла бы та прибавка, что даже и короткокрылая ласточка, дѣлающая себѣ норы въ обрывахъ рѣчныхъ береговъ, летаетъ лучше прежней птицы, отъ которой произошла. Очень возможно, что та прежняя птица летала лучше нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ видовъ ласточекъ. Идемъ далѣе въ разборъ вопросовъ, относящихся къ разницамъ въ полетѣ нынѣшнихъ ласточекъ. Спросимъ себя, отъ какихъ обстоятельствъ произошло, что нѣкоторые отдѣлы потомства общей прародительницы ласточекъ стали летать лучше ея, нѣкоторые же остались на той же степени хорошаго полета, какая ужъ принадлежала ей, а нѣкоторые, быть можетъ, стали летать менѣе хорошо, чѣмъ она? Достовѣрные отвѣты на вопросы этого разряда получаютъ лишь въ границахъ соображеній, основанныхъ на законахъ физиологіи. Общій характеръ этихъ отвѣтовъ будетъ такой: организація улучшается при условіяхъ жизни, благопріятныхъ улучшенію здоровья организма, ухудшается при обстоятельствахъ, вредныхъ организму.

Для примѣра возьмемъ нашихъ домашнихъ птицъ. Всѣ онѣ летаютъ хуже родственныхъ имъ птицъ, живущихъ на свободѣ. Эта перемѣна несомнѣнно принадлежитъ къ тому разряду измѣненій, который въ физиологiи называется пониженіемъ организацин. Чтобы найти, какія разницы жизни домашнихъ птицъ отъ жизни родственниковъ имъ видовъ, остающихся неприрученными, пропзвели это пониженіе организацин, мы должны искать, какія особенности жизни птицъ въ прирученномъ состояніи должны по законамъ физиологiи уменьшать способность ихъ къ хорошему полету. Тутъ прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что собственнику птицъ убыточна ихъ способность хорошо летать и онъ употребляетъ всякіе способы для ея уменьшенія. Будетъ ли достаточно это объясненіе или надобно искать еще какихъ-нибудь вліяній, чтобы могло считаться вполне объясненнымъ пониженіе тѣхъ частей организацин домашнихъ птицъ, которыми дается имъ способность летать, — это вопросъ спеціальной оцѣнки размѣра того вліянія, какое производятъ на организацию особенности образа жизни. Эта оцѣнка должна быть дѣлаема на основаніи данныхъ, представляемыхъ физиологiей. Для того, чтобы видно было, по какимъ правиламъ велитъ физиологiя вести это дѣло, предположимъ, что по найденнымъ ею фактамъ, понижающее дѣйствіе заботъ собственника объ уменьшеніи способности домашнихъ птицъ къ полету оказывается недостаточно сильнымъ для произведенія всего результата, происхожденіе котораго мы изслѣдуемъ, и что надобно искать другихъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Какія именно будутъ найдены нами добавочныя объясненія, мы еще не знаемъ; но физиологiя показываетъ намъ, каковъ долженъ быть характеръ ихъ; онъ неизбѣжно тотъ же самый, какой принадлежитъ заботамъ хозяина объ уменьшеніи способности птицъ къ полету; всѣ добавочныя вліянія, содѣйствующія успѣху этихъ заботъ, должны точно также состоять въ чемъ-нибудь вредномъ для развитія мускуловъ, движущихъ крыльями. и для развитія крыльевъ; а все то, что вредитъ развитію какихъ-нибудь частей организма, вредитъ и здоровью его: и если этотъ организмъ живое существо, ощущающее разницу здоровыхъ и нездоровыхъ вліяній на него, то всѣ вліянія, уменьшающія способности какой-нибудь птицы къ полету, производятъ въ ней ощущеніе неудовлетворительнаго состоянія ея организма, ощущаются ею какъ неудобства, если они малы, а если велики, то какъ страданія.

Разумѣется, физиологическія потребности разныхъ частей организма у существа, имѣющаго такую многосложную организацию, какъ птица, могутъ быть въ значительной степени неодинаковы. Такъ, напримѣръ, потребность желудка въ пищѣ неодинакова съ потребностью мускуловъ полета въ дѣятельности. Потому нѣкоторые обстоятельства, выгодныя для удовлетворенія потребности птицы въ пищѣ, могутъ оказывать вредное вліяніе на ея способность къ полету. Мысли этого рода повели къ недоразумѣнію очень распространенному. Очень многіе спеціалисты по изслѣдованіямъ о развитіи организмовъ держатся понятій, которыя въ примѣненіи къ вопросу, взятому нами для примѣра, выражаются такими словами: полное удовлетвореніе потребности желудка въ пищѣ всегда, или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно производитъ ослабляющее дѣйствіе на мускулы полета и на развитіе крыльевъ; голодь или всегда, или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно благоприятствуетъ развитію способности къ полету. Мысли подобнаго рода встрѣчаются въ большей части трактатовъ объ исторіи развитія организацин живыхъ существъ. Но онѣ произошли отъ смѣшенія понятій, строго различаемыхъ физиологiей. Тутъ перенесены на по-

нятіе о хорошемъ удовлетвореніи потребности желудка въ пищу тѣ черты, которыми въ физиологіи опредѣляется фактъ совершенно иного разряда — обжорство, переполненіе желудка такимъ количествомъ пищи, которое превышаетъ силу организма превращать пищу въ химическія соединенія, надобныя организму. Физиологія считаетъ обжорство фактомъ патологическимъ, результатомъ болѣзненнаго состоянія или самого желудка, или какихъ-нибудь частей нервной системы. Часто-ли подвергаются этому болѣзненному состоянію птицы и млекопитающія, ведущія свободную жизнь, — вопросъ едва ли изслѣдованный съ точностью, удовлетворительной для строгихъ ученыхъ требованій. Но тѣ житейскія наблюденія, какія случайно дѣлаются всѣми нами, производятъ впечатлѣніе, что обжорство болѣзнь очень рѣдкая между свободными млекопитающими и птицами. Послѣ продолжительнаго страданія отъ голода птица или млекопитающее въ свободномъ состояніи набрасывается на пищу съ жадностью и первые куски ее глотаешь такъ торопливо, что можетъ быть случается какому-нибудь изъ этихъ существъ подавиться въ первые моменты своей патологической фазы. Но это лишь предположеніе, которое при нынѣшнемъ плохомъ состояніи ученой разработки подобныхъ вопросовъ едва-ли можетъ быть подтверждено хоть однимъ дѣйствительно наблюденнымъ фактомъ. Допустимъ однако же, что оно вполнѣ подтверждено наблюденіями: все-таки мы будемъ имѣть такой рядъ состояній организма, подвергнунаго вреду отъ обжорства: недостатокъ пищи привелъ организмъ въ патологическое состояніе; результатомъ этого патологическаго состоянія была болѣзненная дѣятельность организма при воспріятіи пищи; результатомъ болѣзненнаго хода воспріятія пищи былъ вредъ для организма. Въ концѣ — вредъ: а вначалѣ что? Также вредъ: отъ вреда произошелъ вредъ, отъ болѣзненнаго состоянія произошло разстройство организма. Этому такъ и слѣдуетъ быть по законамъ физиологіи, и всякая мысль, несообразная съ этимъ, противорѣчить законамъ физиологіи, происходитъ отъ незнакомства съ ними, или забвенія о нихъ, или отъ неразумнія объ истинномъ смыслѣ физиологическихъ терминовъ.

По законамъ физиологіи, нормальный ходъ жизни млекопитающихъ и птицъ таковъ: желудокъ даннаго вида птицъ или млекопитающихъ имѣетъ такое устройство и обмѣнъ вещества въ его организмѣ, имѣетъ такую степень быстроты, что черезъ извѣстное количество времени послѣ хорошаго насыщенія это существо начинаетъ имѣть потребность въ принятіи новой пищи: когда возникаетъ эта потребность, живое существо, о которомъ идетъ рѣчь, начинаетъ чувствовать аппетитъ: раньше того оно не имѣетъ аппетита и не становится ѣсть; пища производитъ на него отталкивающее впечатлѣніе: пока оно поглотитъ такое количество новой пищи, какое достаточно для удовлетворенія надобности его организма, оно утрачиваетъ аппетитъ и перестаетъ ѣсть. Такимъ образомъ, пока жизнь этого существа идетъ хорошо, то-есть сообразно потребностямъ его организма, у него не бываетъ случаевъ обжорства. Всякій случай обжорства — результатъ предшествовавшаго патологическаго состоянія. Когда жизнь млекопитающаго или птицы идетъ нормально, оно имѣетъ только періоды аппетита; періодовъ голода въ его хорошей нормальной жизни нѣтъ. Если, на примѣръ, по устройству его организма, потребность пищи бываетъ у него два раза въ сутки, то передъ истеченіемъ періода 12 часовъ, которымъ отдѣляются одна отъ другой эпохи нормальнаго принятія новой пищи, это живое существо начинаетъ ощущать позывъ къ ѣдѣ; онъ постоянно растетъ, но не успѣваетъ достичь такой ненормальной силы, чтобы сдѣлаться мучительнымъ: нѣтъ,

онъ продолжается лишь пока остается ощущение пріятнымъ; при первомъ проявленіи непріятнаго элемента въ немъ, живое существо пріобрѣтаетъ желаніе прекратить его принятіемъ пищи, и если обстоятельства жизни соотвѣтствуютъ въ это время потребностямъ организма его, оно имѣетъ возможность удовлетворить этому желанію, а если въ это время не имѣетъ оно готоваго запаса пищи и не можетъ найти ее очень скоро, то значитъ обстоятельства расположились для него дурно: оно подвергается бѣдствію по дурному для него сочетанію ихъ.

Голодь—результатъ несообразности обстановки жизни животнаго съ устройствомъ его организма, состояніе, несообразное съ хорошимъ ходомъ функцій организма его, вредное для этихъ функцій, то-есть вредящее организму состояніе патологическое, производящее патологическіе результаты.

Такъ это по фізіологіи. Она строго различаетъ хорошіи ходъ функцій организма отъ дурнаго: апетитъ и результатъ его, своевременное принятіе пищи въ количествѣ, соотвѣтствующемъ надобностямъ организма, она относитъ къ разряду фактовъ жизни, полезныхъ для организма: голодь и его результаты къ разряду фактовъ, вредящихъ организму.

Если мы спутаемъ въ своихъ соображеніяхъ понятія о полезномъ и о вредномъ, будемъ воображать вредное полезнымъ, то, разумѣется, выводъ изъ нашихъ соображеній будетъ фальшивый. Этимъ страдаютъ очень многіе изъ вышшихихъ трактатовъ объ исторіи развитія организаціи живыхъ существъ. Несообразность разсужденій съ законами фізіологіи въ нихъ до такой степени груба, перенесеніе понятій объ одномъ разрядѣ фізіологическихъ фактовъ на другой разрядъ, которому фізіологія даетъ опредѣленіе, прямо противоположное опредѣленію перваго разряда, производится съ такой слѣпой несообразительностью, что фальшивость ихъ выводовъ о благотворномъ вліяніи фізіологическихъ бѣдствій на организмы не можетъ быть объясняема ни пробѣлами знаній у этихъ специалистовъ, ни недостаточностью ихъ умственныхъ силъ для правильнаго пониманія свѣдѣній, даваемыхъ фізіологіей: свѣдѣнія, надобныя для правильности соображеній въ данномъ случаѣ, такъ элементарны, что ихъ имѣютъ всѣ грамотные люди: отношенія между патологическими состояніями и результатами ихъ, опредѣленныя фізіологіей, такъ просты, что безъ всякаго ученія понятны человѣку самыхъ ограниченныхъ умственныхъ способностей; потому рѣчь тутъ должна идти не объ учености или недостаткѣ учености, не о силѣ или слабости дарованій у специалистовъ, принявшихъ теорію полезности голода и другихъ страданій живаго существа для улучшенія его организаціи: это дѣло такого же рода, какъ прежнія заблужденія, по которымъ большинство ученыхъ людей защищало нѣкогда простонародные предразсудки о существованіи вѣдьмъ и тому подобныя гнусныя, свирѣпыя нечѣстности. Причина заблужденія та, что эти специалисты разсуждаютъ на основаніи ошибочныхъ мнѣній, наслѣдованныхъ народами ихъ отъ предковъ-варваровъ. Даже у тѣхъ націй, которыя справедливо называются передовыми, общественное мнѣніе сохраняетъ много элементовъ грубости давнихъ временъ невѣжества и любви къ насилию: оно расположено повторять безъ критики тѣ афоризмы, которыми люди варварскихъ временъ оправдывали свои грабежи, убійства и другія проявленія своихъ грубыхъ склонностей. Одинъ изъ такихъ афоризмовъ—мысль, что не слѣдуетъ держаться добрыхъ правилъ въ обращеніи съ людьми менѣе сильными, нежели мы, что пріятнѣе ихъ, мы обуздываемъ дурныя склонности ихъ, научаемъ ихъ поступать хорошо,

дѣйствуемъ въ качествѣ благодѣтелей ихъ, насильственно обращая ихъ изъ дурныхъ людей въ хорошихъ, изъ лѣнивыхъ въ трудолюбивыхъ, изъ злыхъ въ добрыхъ. Въ примѣненіи къ фізіологическимъ вопросамъ это воззрѣніе на жизнь даетъ выводы такого рода: физическое страданіе полезно для улучшенія организма страдающаго существа; въ частности полезно для улучшенія организма голодъ, полезны всякія физическія лишенія. А общая ученая формула вывода изъ варварскихъ понятій, оправдывающихъ всякія жестокости, такова: страданіе — элементъ, улучшающій страдающее существо.

Мысли подобнаго рода противорѣчатъ фізіологіи. Но перемѣна общественнаго мнѣнія по вопросу о сходствахъ между видами органическихъ существъ привела специалистовъ къ принятію теоріи о родствѣ между видами: они, погрузившись въ мелочи анатомическихъ, или, какъ теперь принято называть, морфологическихъ изслѣдованій о сходствахъ и различіяхъ между органическими существами, воображали, будто ужъ имѣютъ достаточно правильныя понятія о пользѣ и вредѣ, о хорошемъ и дурномъ. А эти понятія были привычныя имъ, какъ и огромному большинству націи каждого изъ нихъ афоризмы, оправдывавшіе свирѣпость варваровъ, бывшихъ предками нынѣшнихъ цивилизованныхъ націй. Вспомнить о фізіологіи не представлялось надобности, когда дѣло было ясно и безъ нея.

Такимъ образомъ составила и получила широкое господство теорія, объясняющая повышеніе организаціи бѣдствіями существъ, организаціи которыхъ улучшалась, то-есть, когда рѣчь идетъ о живыхъ существахъ, фактами, производящими въ нихъ ощущенія страданій.

У тѣхъ живыхъ существъ, которыя имѣютъ высокую организацію, химическіе процессы жизни идутъ быстро и энергично, потому эти существа имѣютъ потребность принимать пищу въ большемъ количествѣ и часто; а процессомъ природы, производящей пищу, идутъ независимо отъ ихъ надобности въ ней, и потому сообразно съ нею; отъ этой несоответственности между потребностью ихъ въ пищу и процессами, производящими ее, живымъ существамъ высокой организаціи приходится голодать. Голодъ—главный источникъ ихъ страданій; онъ и былъ выставленъ сильнѣйшей причиной того, что организація ихъ достигла высокаго развитія. Всякія другія страданія ихъ были выставлены второстепенными причинами улучшенія ихъ организаціи, съ большей или меньшей силой, смотря по размѣру производимыхъ ими страданій, содѣйствующими главному благотворному элементу ихъ жизни, главному двигателю прогресса организаціи,—голоду.

Эта путаница соображеній, переносящая черты полезнаго для организмовъ на вредное для нихъ, распадается вся отъ примѣненія фізіологическихъ истинъ къ рѣшенію вопросовъ о повышеніи организаціи. Какъ скоро мы припомнимъ законы фізіологіи, само собою становится видно, что вредное для функций жизни существо не можетъ оказывать благотворнаго дѣйствія на его организацію. Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія распаденіе лишь одного изъ узловъ, образующихъ эту путаницу, основнаго недоразумѣнія, къ которому прилеплены все другія. Для здороваго состоянія живыхъ существъ высокой организаціи надобно имъ имѣть много моціона. Если держать млекопитающее связаннымъ или такъ тѣсно запертымъ, что оно лишено свободы передвиженія, то оно очень скоро становится больнымъ, и если получаетъ избыточную пищу, то или подвергается той болѣзни, которая называется ожирѣніемъ, или худѣетъ; въ томъ и другомъ случаѣ, если не будетъ возеращена

ему возможность дѣлать моціонъ. оно довольно скоро умираетъ. Такъ и слѣдуетъ тому быть по закону физиологіи, говорящему, что каждый органъ можетъ оставаться здоровымъ лишь подъ условіемъ, чтобы функція его происходила съ достаточной энергіей. Функція мускуловъ — движеніе: если они не имѣютъ его, то должны подвергнуться болѣзненному состоянію, которое будетъ усиливаться соразмѣрно продолжительности дѣйствія причины, производящей его, и мускулы образуютъ во всѣхъ живыхъ существахъ высокой организаціи такую большую долю всей массы организма, и жизненная важность ихъ такъ велика, что тяжелое страданіе ихъ необходимо должно производить разстройство всего организма.

Умственная и нравственная жизнь существъ, не принадлежащихъ къ разряду позвоночныхъ, вѣроятно не совсѣмъ одинакова съ тою, какую знаемъ мы по собственному опыту: ихъ нервная система имѣетъ не совсѣмъ такое устройство, какъ у высшихъ позвоночныхъ, у птицъ и млекопитающихъ; потому должно думать, что и функціи нервной системы у нихъ имѣютъ нѣкоторое различіе отъ формъ дѣятельности нервной системы у птицъ или млекопитающихъ. Быть можетъ, подобнымъ образомъ должно думать и о дѣятельности нервной системы у рыбъ, потому что головною мозгъ ихъ не совсѣмъ одинаковъ съ головнымъ мозгомъ живыхъ существъ, имѣющихъ теплую кровь. Но если мы ограничимъ кругъ своихъ соображеній о законахъ ощущенія органическихъ потребностей классомъ живыхъ существъ съ теплою кровью, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что у каждаго изъ нихъ удовлетвореніе потребностей каждаго органа возбуждаетъ пріятное ощущеніе, а неудовлетворенность ощущается какъ неудобство, если размѣръ ея не великъ, или какъ страданіе, когда онъ великъ. Мускулы ихъ имѣютъ потребность производить довольно большое количество передвиженій организма. Возможное ли дѣло предполагать, что какое-нибудь изъ этихъ живыхъ существъ захочетъ терпѣть непріятное ощущеніе, когда можно замѣнить его пріятнымъ?

Птицъ, живущихъ на свободѣ, никто, кажется, не винилъ въ недостаткѣ охоты двигаться, потому займемся только млекопитающими. Въ дѣтствѣ они любятъ играть, то есть производить передвиженіе тѣла только для забавы себя. Достигая возраста разсудительности, почти все они перестаютъ имѣть пристрастіе къ играмъ и наибольшую часть своихъ движеній дѣлаютъ съ какою-нибудь практической цѣлью. А самая главная практическая надобность — потребность въ пищѣ. Изъ этого выводится заключеніе, что голодъ — та сила, которая не даетъ ихъ мускуламъ бездѣйствовать, что если бы голодъ не принуждалъ ихъ ходить, бѣгать или прыгать для добыванія пищи, то они лѣнились бы дѣлать столько моціона, сколько надобно для поддержанія здороваго состоянія мускуловъ, и тѣмъ менѣе захотѣли бы дѣлать столько моціона, чтобы мускулы ихъ улучшались. Это пустая фантазія, выдуманная и повторяемая съ забвеніемъ о фактахъ общезвѣстныхъ. Нѣкоторымъ млекопитающимъ надобно очень много бѣгать или прыгать, чтобы добыть себѣ пищу. Это такъ; но такую жизнь ведутъ почти только тѣ разряды млекопитающихъ, которые называются хищными животными. Быть можетъ, что временами тоже надобно бываетъ очень много ходить или бѣгать для добыванія пищи тѣмъ травояднымъ млекопитающимъ, которые живутъ въ пустыняхъ, почти совершенно лишенныхъ растительности; можно предполагать такіе случаи, что стаду газелей надобно бываетъ пробѣгать въ день десятки километровъ, чтобы найти достаточно количество пищи въ какихъ-нибудь очень маленькихъ оазисахъ, отдѣлен-

ныхъ одинъ отъ другаго большими разстояніями. Но и число видовъ, ведущихъ такую жизнь и количество животныхъ, ведущихъ ее, очень невелико. За немногими исключеніями, травоядные млекопитающіе живутъ на такихъ мѣстностяхъ, что достаточно имъ передвинуться въ день лишь на десятки шаговъ, чтобы добыть достаточное количество пищи. Что жъ, доводятъ ли себя до ослабленія мускуловъ недостаточностью моціона эти млекопитающіе, къ числу которыхъ принадлежатъ всѣ виды рогатаго скота и всѣ виды лошадей? Мы знаемъ, что рогатый скотъ любитъ проводить очень много времени въ неподвижномъ отдыхѣ; но слабы ли мускулы этихъ буйволовъ, бизоновъ и другихъ дикихъ видовъ рогатаго скота? Буйволъ не имѣетъ организаціи, требующей хищническаго образа жизни; зубы и ноги его не орудія для битвъ, рога оружіе слишкомъ неповоротливое, сравнительно съ когтями льва или тигра; сочлененія спинныхъ позвонковъ и костей заднихъ ногъ не имѣютъ той гибкости, какая нужна, чтобы все тѣло поджималось, какъ надобно для большихъ прыжковъ; потому онъ производитъ впечатлѣніе существа, имѣющаго пропорціонально массѣ своего тѣла менѣе силы, чѣмъ левъ или тигръ; но это впечатлѣніе ошибочно, какъ показываютъ опыты, производимые при помощи динамометра: мускулъ буйвола или бизона, имѣющій одинаковый поперечный размѣръ съ мускуломъ льва или тигра, дѣйствуетъ на динамометръ съ такою же силой, какъ мускулъ этихъ хищныхъ животныхъ: разница между классами млекопитающихъ по отношенію къ силѣ тѣхъ или другихъ органовъ состоитъ въ томъ, что главные массы мускуловъ расположены у нихъ неодинаково, прикрѣплены къ разнымъ костямъ; есть нѣкоторое различіе и въ томъ, какую долю общаго вѣса организма составляетъ вся масса мускуловъ. Но мускулы одинаковаго поперечнаго размѣра имѣютъ у всѣхъ млекопитающихъ почти одинаковую силу, то-есть энергія жизни мускуловъ почти одинакова у нихъ всѣхъ.

Какимъ же способомъ мускулы рогатаго скота или живущихъ на свободѣ видовъ семейства лошадей получаютъ количество дѣятельности, надобное для пріобрѣтенія и сохраненія энергіи одинаковой съ тою, какую имѣютъ мускулы льва или тигра, принужденныхъ устройствомъ своего желудка дѣлать очень много моціона для добыванія пищи? Всѣ мы знаемъ о живущихъ на свободѣ видахъ семейства лошадей, что они бѣгаютъ безъ всякой надобности въ этомъ для добыванія пищи, исключительно по потребности много бѣгать. То же самое замѣчено и относительно дикихъ видовъ рогатаго скота людьми, наблюдавшими, какъ проводятъ время эти животные: правда они очень много и ходятъ и бѣгаютъ. Это совершенно то же, что моціонъ по гигиеническимъ мотивамъ у людей, не имѣющихъ надобности добывать пищу физической работой. Левъ или тигръ долженъ для добыванія пищи дѣлать столько моціона, что этимъ количествомъ передвиженій тѣла вполне удовлетворяется потребность его мускуловъ въ дѣятельности. Буйволъ наѣдается, переступивъ лишь нѣсколько десятковъ шаговъ; этого мало для удовлетворенія потребности его мускуловъ въ дѣятельности и онъ ходитъ или бѣгаетъ просто для удовлетворенія этой потребности своихъ мускуловъ.

Когда о физической работѣ разсуждали люди, не испытавшіе сами, какое количество ея можетъ исполнять обыкновенный человѣкъ безъ вреда своему здоровью, и когда не была разработана физиологія мускульной дѣятельности, ученые говорили исключительно о благотворности физическаго труда и для нравственной и для физической жизни трудящагося человѣка; трудъ противопоставлялся празд-

ности, источнику всѣхъ пороковъ, трудолюбіе противопоставлялось лѣности, вѣточнику нищеты, и предполагалось, что предметъ исчерпанъ этими панегириками труду, порицаніями праздности. Теперь всѣ мы знаемъ, что надобно обращать вниманіе и на вопросъ, существеннѣе различный отъ дидактическихъ упражненій въ похвалахъ трудолюбію; трудъ полезенъ, въ этомъ нѣтъ спора; но, спрашивается, какое количество труда достаточно для того, чтобы мускулы человѣка пріобрѣтали и сохраняли наибольшую силу и наиболѣе здоровое состояніе и каковы послѣдствія того, когда человѣкъ работаетъ гораздо больше, чѣмъ надобно для наилучшаго состоянія его мускуловъ? На вопросы этого рода прежде обращали очень мало вниманія; но они такъ просты, что теперь рѣшенія ихъ извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ: количество работы, соотвѣтствующее потребности нашихъ мускуловъ, гораздо меньше того, какое можетъ исполнять человѣкъ, принуждаемый къ тому необходимостью; работа, превышающая потребность мускуловъ въ дѣятельности, вредна для организма; если излишекъ работы надъ этой потребностью великъ, то работа преждевременно истощаетъ организмъ; а если онъ подвергается ей раньше, чѣмъ достигнетъ полного развитія, то она останавливаетъ развитіе мускуловъ на степеніи очень далекой отъ той, какой достигаетъ сила ихъ у людей, исполняющихъ лишь довольно незначительное количество физической работы.— По всей вѣроятности, мудрено отыскать теперь образованнаго человѣка, который не зналъ бы, что физическая работа, продолжающаяся только три часа въ день, дѣлаетъ трудящагося болѣе сильнымъ и болѣе здоровымъ, чѣмъ такая же работа, продолжающаяся двѣнадцать часовъ въ день.

Въ свободномъ состояніи работаютъ почти только тѣ млекопитающія, которыя дѣлаютъ себѣ жилища и заготовляютъ сѣбѣ припасы для себя на зиму. У большинства изъ нихъ сумма работы не велика: по устройству жилищъ, почти всѣ эти млекопитающія ограничиваются тѣмъ, что роютъ себѣ норы; сколько можно судить по скуднымъ и неточнымъ наблюденіямъ, должно полагать, что они ведутъ работу очень трудолюбиво, отдыхаютъ лишь почувствовавъ большую усталость; но сумма работы не велика; дѣло кончается въ нѣсколько дней; и потому цѣлый годъ или нѣсколько лѣтъ не представляется надобности снова приниматься за работу. Трудъ по устройству жилищъ великъ лишь у бобровъ, строящихъ плотины для поддержанія воды на одинаковомъ уровнѣ у входовъ въ свои норы. Собраніе запаса пищи на зиму требуетъ много времени каждый годъ; но млекопитающія носятъ въ свои жилища сѣбѣ припасы маленькими долями, всѣхъ которыхъ не составляетъ значительной тяжести, сравнительно съ вѣсомъ тѣла ихъ самихъ, такъ что собраніе запаса пищи составляетъ много труда только въ томъ отношеніи, что требуетъ большаго количества ходьбы или бѣганья; это больше моціонъ, чѣмъ работа въ строгомъ смыслѣ слова. Исключеніе образуютъ труды только тѣхъ немногихъ видовъ млекопитающихъ, которые собираютъ въ запасъ для себя не плоды или грибы, а корни; выкапывать корни—работа въ собственномъ смыслѣ слова. Еще больше работы приходится исполнять для добыванія пищи тѣмъ очень немногимъ видамъ млекопитающихъ, которые постоянно добываютъ ее, роаясь въ землѣ, какъ, напримѣръ, кроты.

Всѣ виды млекопитающихъ много работающіе составляютъ лишь небольшую долю общаго числа видовъ. Огромное большинство видовъ млекопитающихъ или дѣлаетъ только много моціона для добыванія пищи, какъ, напримѣръ, хищная жи-

вотныя и тѣ, которыя собираютъ запасы продовольствія себѣ на зиму, или и вовсе не имѣютъ надобности много ходить или бѣгать для добыванія пищи, какъ очень многіе виды травоядныхъ животныхъ. Однако же по точнымъ опытамъ, дѣлаемымъ при помощи динамометра, оказывается, какъ мы говорили, что мускулы у всѣхъ видовъ млекопитающихъ имѣютъ почти одинаковую энергію: мускулъ дикаго буйвола, вовсе не работающаго и имѣющаго очень мало надобности въ моціонѣ для добыванія пищи, сокращается при одинаковой толщинѣ съ такой же силой, какъ мускулъ льва, дѣлающаго очень много моціона для добыванія пищи, или мускулъ крота или бобра, работающихъ очень много. Изъ этого мы видимъ, что большинству млекопитающихъ для пріобрѣтенія большой энергіи мускуловъ достаточно количество труда и моціона не очень значительное по сравненію съ количествомъ работы у крота или бобра, или количествомъ моціона, необходимаго хищнымъ животнымъ для добыванія пищи.

Нѣкоторое количество моціона необходимо для здоровья живыхъ существъ, имѣющихъ такую организацію, какъ млекопитающія, и если какое-нибудь изъ этихъ существъ достигло высокаго развитія желаній относительно удобства своихъ жилищъ и обезпеченности отъ голода, то, разумѣется моціонъ взрослыхъ, разсудительныхъ существъ этого вида не будетъ простымъ развлеченіемъ, какъ у ихъ маленькихъ дѣтей, а получитъ характеръ труда для пріобрѣтенія обезпеченнаго пропитанія и удобной житейской обстановки. Такъ держатъ себя, напримѣръ, бобры. Но должно помнить, что количество моціона или труда, надобное собственно для здоровья его организма, не велико; и если оно исполняетъ много работы или дѣлаетъ много моціона, то наибольшая часть труда или моціона превышаетъ тотъ размѣръ, какой достаточенъ для пріобрѣтенія и сохраненія имъ собственно мускульной силы. И если взрослые бобры играютъ, то не собственно по потребности мускуловъ въ моціонѣ, а по нравственной потребности трудящагося существа доставлять своимъ мыслямъ отдыхъ отъ житейскихъ заботъ, удѣляя отъ часовъ физическаго отдыха нѣсколько времени для веселья.

Всѣми специалистами по исторіи развитія организмовъ принята теперь та истина, что видовыя и родовыя отличія органическихъ существъ пріобрѣтены исторически.

Такимъ образомъ всѣ тѣ качества человѣка, которыя составляютъ сумму собственно человѣческихъ особенностей, пріобрѣтены человѣкомъ исторически. Ихъ дала ему жизнь его. Первоначально онъ не имѣлъ ихъ.

Теперь найдены остатки человѣческой дѣятельности, принадлежащія эпохамъ, гораздо болѣе давнимъ, чѣмъ времена, къ которымъ относятся древнѣйшіе изъ письменныхъ свидѣтельствъ или народныхъ преданій. Но самыя старыя изъ этихъ находокъ показываютъ намъ человѣка уже достигшимъ такой ступени развитія, что слѣдуетъ признавать его имѣвшимъ тогда всѣ тѣ существенныя особенности, которыя называются собственно человѣческими качествами. Возьмемъ для примѣра тѣ находки, которыя считаются самыми давними памятниками человѣческой жизни, принадлежащими самому низкому фазису человѣческаго развитія. Это находки, состоящія исключительно изъ расколотыхъ камней, не получившихъ ни малѣйшей шлифовки. Разсудимъ, какую ловкость рукъ въ исполненіи техническихъ задачъ и какую силу соображенія необходимо было имѣть этимъ давнимъ людямъ, чтобы раскалывать кремни для пріобрѣтенія орудій, соотвѣтствовавшихъ топорамъ, ножамъ или

долотамъ; разсудимъ также, какія работы требовали, чтобы человекъ выдѣлывалъ себѣ такія орудія труда, и увидимъ, что люди, дѣлавшіе себѣ эти нешлифованные каменные орудія имѣли уже вполне человѣческую силу соображенія и ловкость рукъ и были уже мастерами въ чисто человѣческомъ смыслѣ слова: они рубили, перепиливали или долбили деревья, они были плотники, дѣлали себѣ для удобства жилища какіе-нибудь предметы, по существеннымъ чертамъ своего устройства одинаковые или съ хижинами или съ лодками нынѣшнихъ людей. Пусть степень ихъ умственного развитія и техническихъ искусствъ была очень низка по сравненію даже съ тѣми народами, которыхъ теперь называемъ еще остающимися въ состояніи дикости; пусть они по своему развитію были много ниже, чѣмъ самыя дикія племена нынѣшнихъ американскихъ или австралійскихъ дикарей; но сравнительно съ тѣмъ состояніемъ человека, которое было первоначальнымъ, они поднялись уже очень высоко.

Какимъ путемъ шло развитіе людей отъ первобытнаго состоянія до той сравнительно очень высокой ступени прогресса, которой достигли они, когда дѣлали самыя давнія и самыя несовершенныя изъ найденныхъ нами остатковъ человѣческой дѣятельности?—Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, специально относящихся къ этому вопросу. Мы должны рѣшать его не на основаніи какихъ-нибудь изъ нашихъ находокъ, а исключительно на основаніи физиологическихъ законовъ. Изъ физиологіи мы знаемъ, что организація улучшается при хорошемъ питаніи, при удобной обстановкѣ жизни. Одно изъ необходимыхъ условій хорошей обстановки жизни—взаимное довѣріе и доброжелательство между существами, считающими себя за одинаковыхъ, расположеніе ихъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, не возбуждающихъ взаимнаго озлобленія, держать себя другъ съ другомъ миролюбиво. Изъ млекопитающихъ, кажется, только кроты не имѣютъ взаимнаго доброжелательства, но зато кроты и не причисляются къ млекопитающимъ такой высокой организаціи, какъ лошады, бизоны, серны, волки или тигры, которые все имѣютъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ доброжелательное чувство къ существамъ одного съ ними вида.

Какова бы ни была первоначальная слабость ума и добрыхъ чувствъ у человека, онъ былъ въ этихъ отношеніяхъ ни ниже бизона или тигра: напротивъ, былъ много выше ихъ, какъ это показываетъ сравнительная анатомія. Большія полушарія мозга имѣли у него при самомъ началѣ его отдѣльнаго существованія организацію болѣе высокую, чѣмъ у млекопитающихъ, не очень похожихъ на него по формѣ тѣла.

Физиологія доказываетъ, что если организація человека не понизилась, а повысилась, сравнительно съ первоначальнымъ своимъ состояніемъ, то ходъ жизни человѣческаго рода имѣлъ больше элементовъ, благопріятствовавшихъ улучшенію его организаціи, чѣмъ имѣвшихъ тенденцію понижать ее. Исключительно этимъ преобладаніемъ благопріятныхъ для организма обстоятельствъ жизни надъ вредными для него, объясняетъ физиологія прогрессъ человека отъ первобытнаго состоянія до того, сравнительно, очень высокаго развитія умственныхъ силъ, когда онъ уже умѣлъ раскалывать кремни для пріобрѣтенія себѣ орудій работы. Безъ сомнѣнія, людямъ приходилось во времена этого прогресса много страдать отъ голода, отъ вредныхъ явленій внешней природы, отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и измѣй, отъ сильныхъ хищныхъ звѣрей, отъ собственныхъ неразумительныхъ поступковъ

и отъ взаимныхъ дурныхъ отношеній. Но какъ бы ни была велика сумма этихъ бѣдствій, она была меньше суммы фактовъ, полезныхъ для человѣческаго организма. Если бы было иначе, то организація человѣка не повышалась бы, а портилась бы, онъ подвергался бы тому, что въ зоологiи называется деградаціей, пониженіемъ организаціи. Для ясности соображеній, припомнимъ нѣкоторыя черты того ухудшенія, которое было бы неизбѣжнымъ результатомъ преобладанія вредныхъ историческихъ вліяній надъ хорошими въ тѣ времена человѣческаго существованія. Мускулы, управляющіе движеніями рукъ и ногъ, ослабѣвали бы: разстраивалось бы питаніе нервовъ, движущихъ мускулами; потому руки и ноги ослабѣвали бы, дѣйствовали бы хуже и хуже, и послѣдствіемъ этого было бы то, что самая структура рукъ и ногъ портилась бы, напримѣръ, кисть руки и пальцы получали бы организацію худшую прежней, рука становилась бы менѣ ловкой въ исполненіи тѣхъ дѣлъ, какія не могутъ быть исполняемы лапами медвѣдя, ослабѣвали бы связки, удерживающія позвонки спиннаго хребта въ вертикальномъ положеніи: уменьшалась бы ширина основанія, на которомъ стоитъ спинной хребетъ; это имѣло бы своимъ послѣдствіемъ то, что человѣку стало бы трудно ходить на двухъ ногахъ, не опираясь на руки, онъ принужденъ былъ бы ходить наклонившись станомъ, подогнувъ колѣна и опираясь на наружныя окраины ладоней или на кулаки рукъ, какъ ходятъ нѣкоторыя изъ другихъ существъ, имѣющихъ руки; если бѣ эта деградация продолжалась, то трудно сдѣлалось бы человѣку ходить и такимъ способомъ, онъ принялъ бы способъ ходьбы тѣхъ млекопитающихъ, которыя называются четвероногими.

Въ наиболѣе давнюю изъ тѣхъ эпохъ, которымъ принадлежатъ найденные нами остатки человѣческой дѣятельности, люди жили ужъ по всему пространству Азіи и Европы, имѣющему теперь теплый или умѣренный климатъ; но наибольшее количество находокъ сдѣлано, разумѣется, въ тѣхъ частяхъ западной Европы, которыя лучше другихъ изслѣдованы натуралистами и археологами, и въ которыхъ производится наибольшее количество глубокихъ прорѣзовъ земли для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и для другихъ техническихъ работъ. Потому главная масса нашихъ свѣдѣній о тѣхъ доисторическихъ временахъ человѣческой жизни, когда люди ужъ умѣли дѣлать себѣ рабочія орудія, относится къ населенію западной Европы.

Климатъ ея въ эти времена подвергался значительнымъ переменамъ, важнѣйшая изъ которыхъ произвела такое пониженіе температуры, что очень значительная часть Германіи, Франціи, даже Ломбардіи покрывалась ледниками. Теперь разъяснено, что для такого громаднаго расширенія ледниковъ вовсе не было нужно очень большаго усиленія холода: достаточно было средней годичной температурѣ Германіи понизиться на пять или на семь градусовъ, чтобы она почти вся покрывалась льдомъ, если въ то же время увеличилось годовое количество дождя и снѣга, и воздухъ постоянно имѣлъ больше сырости, чѣмъ раньше и послѣ того. Это могло быть произведено какими-нибудь переменами въ распредѣленіи моря и суши на сѣверѣ и югѣ отъ средней части западной Европы. Другими причинами временнаго пониженія температуры могли быть періодическія измѣненія формы орбиты земли. Въ томъ и другомъ случаѣ перемена объясняется безъ надобности

предполагать какое-нибудь большое измѣненіе въ очертаніяхъ средней части западной Европы. Но хотя и нѣтъ необходимости думать, что температура ея была въ ледниковый періодъ очень много ниже нынѣшней, то все-таки зимы въ ней были продолжительнѣе, а теплая часть года короче, прохладнѣй и сырѣе, чѣмъ теперь. Она имѣла не такой суровый климатъ, какъ Гренландія, но вѣроятно была холоднѣе и сырѣе нынѣшней средней части Норвегіи. Люди живутъ теперь въ климатахъ гораздо болѣе холодныхъ, чѣмъ какой имѣетъ даже и сѣверная Норвегія. Но это люди, имѣющіе огонь, жилища, теплую одежду. Только благодаря тому они могутъ жить въ сѣверной Азии и въ сѣверной окраинѣ Америки. Безъ огня и одежды не могли бы жить люди даже и въ средней Франціи, въ южной Германіи при нынѣшнемъ климатѣ этихъ земель. Поэтому самое существованіе людей въ ледниковый періодъ въ западной Европѣ, имѣвшей тогда климатъ болѣе холодный, чѣмъ теперь, показываетъ, что они ужь умѣли разводить и поддерживать огонь, пріобрѣтать себѣ теплую одежду и ловко прикрывать себя ею.

Едва ли можно сомнѣваться, что люди жили въ южной и средней Европѣ уже задолго до начала ледниковаго періода. Температура этихъ земель была тогда выше, чѣмъ въ ледниковый періодъ: но была ли выше нынѣшней—мы не знаемъ, можемъ только съ достовѣрностью сказать, что если была, то лишь очень немного выше, чѣмъ теперь. Напримѣръ, нельзя отрицать возможности того, что въ пліоценовый періодъ, предшествовавшій ледниковому, средняя Франція имѣла такой климатъ, какъ нынѣ имѣетъ южная. Но такую теплую, какъ Андалузія, она не могла быть въ эпоху образованія пліоцена, какъ называется верхняя группа слоевъ третичной формаціи, предшествовавшей ледниковому періоду. Были времена, когда Шпицбергенъ имѣлъ климатъ, какой нынѣ имѣетъ средняя Франція, а она имѣла, вѣроятно, такой теплый климатъ, какъ нынѣ имѣетъ сѣверная Африка. Но это было гораздо раньше періода пліоценовой формаціи.

Съ того времени, какъ возникли нынѣшніе виды живыхъ существъ, имѣющихъ теплую кровь, общая температура земнаго шара подвергалась только мѣстнымъ или періодическимъ колебаніямъ, но общій уровень ея съ той поры не измѣнялся замѣтнымъ образомъ. Нынѣшніе виды теплокровныхъ существъ возникли при условіяхъ температуры приблизительно одинаковыхъ съ тѣми, какія существуютъ теперь въ странахъ, бывшихъ отечествами ихъ. И обстановка жизни ихъ была тогда приблизительно такая же, какою остается она въ странахъ такого климата, не подвергшихся сильному преобразованію отъ дѣятельности человѣка. Растительность была тогда уже такая же, какую имѣютъ теперь мѣстности, гдѣ не вырублены или не сожжены лѣса человѣкомъ, не осушены имъ болота, не проведены каналы, не распаханы поля.

Существа такой организаціи, какъ человѣкъ, могутъ жить, не имѣя огня и одежды, только въ томъ климатѣ, который называется экваторіальнымъ. Онъ имѣетъ важныя черты различія отъ прилегающаго къ нему съ обѣихъ сторонъ тропическаго климата. Существенныя черты этой разницы по отношенію къ суточнымъ перемѣнамъ и годичному ходу температуры состоятъ тѣ, что въ экваторіальномъ климатѣ температура сохраняетъ приблизительно одинаковую высоту во все продолженіе года, что эта почти неизмѣнная по мѣсяцамъ и полугодіямъ высота температуры достаточна для того, чтобы существа такой организаціи, какъ человѣкъ, могли жить при ней безъ огня и одежды, и что по ночамъ не бываетъ такъ

пониженія температуры до такой стужи, которую не могли бы эти существа выдерживать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ безъ вреда своему здоровью. Это климатъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ хорошо растутъ хлѣбное дерево и другія деревья или кустарники такой же нѣжной организаціи, такіе же неспособные переносить холодъ. Въ какой именно части экваторіальнаго пояса находилась родина людей, остается вопросомъ еще неразъясненнымъ съ полной достовѣрностью; но по всей вѣроятности это была какая-нибудь изъ самыхъ южныхъ окраинъ Азіи или какая-нибудь часть Малайскаго архипелага, быть можетъ остающаяся и теперь сухой, быть можетъ залитая теперь моремъ.

Когда люди стали переселяться оттуда въ сосѣднія земли тропическаго климата не на временную лѣтнюю перекочевку, а на постоянную жизнь тамъ, они уже умѣли пользоваться огнемъ для защиты себя отъ стужи или ужь имѣли теплую одежду; безъ того они не могли бы продолжать своего существованія въ тропическихъ климатахъ; ихъ здоровье часто разстраивалось бы ночными холодами даже въ тѣ мѣсяцы, которые еще не принадлежатъ къ зимней порѣ года. а зимняя пора была бы невыносима для нихъ; они принуждены были бы перекочевывать на зиму ближе къ экватору или погибали бы.

Такимъ образомъ всякая находка остатковъ человѣческой дѣятельности въ земляхъ, лежащихъ за предѣлами экваторіальнаго климата, необходимо принадлежитъ тѣмъ временамъ, когда люди ужь умѣли хорошо обращаться съ огнемъ или защищать себя отъ холода теплой одеждой. Но едва ли какая-нибудь изъ находокъ, сдѣланныхъ въ Европѣ, принадлежитъ временамъ, когда человѣческія искусства еще не подымались выше умѣнья разводить огонь и завертываться въ теплую одежду. Должно, кажется, сказать, что наиболѣе давніе остатки человѣческой дѣятельности показываютъ людей, ужь обладавшихъ техническими искусствами болѣе высокими, чѣмъ умѣнье разложить и зажечь костеръ или завернуться въ шкуру какого-нибудь большаго млекопитающаго. Это были люди, умѣвшіе дѣлать себѣ изъ кремня рабочія орудія съ острыми ребрами, каменные топоры, ножи или долота; мы говорили, что самая надобность ихъ выдѣлывать себѣ такіа орудія ужь показываетъ, что они рубили деревья, долбили углубленія въ срубленныхъ бревнахъ, были мастеровые въ нынѣшнемъ смыслѣ слова.

Самыя давнія изъ каменныхъ орудій, найденныхъ въ Европѣ, лежатъ въ тѣхъ же слояхъ, въ которыхъ находятся кости мамонта и льва. Относительно мамонта мы знаемъ теперь, что онъ легко выносилъ не только такую стужу, какая бываетъ нынѣ въ средней Европѣ, но и морозы, гораздо болѣе продолжительные и суровые. Нынѣшніе виды львовъ едва ли могутъ пережить на открытомъ воздухѣ зиму Германіи или хотя бы южной Франціи. Поэтому должно думать, что левъ, жившій тогда въ средней Европѣ былъ нѣсколько иной, чѣмъ нынѣшній сѣверо-африканскій; онъ долженъ былъ имѣть болѣе выносливости къ стужѣ. Очень вѣроятно, что это былъ какой-нибудь видъ льва, особый отъ нынѣшнихъ. Такъ можно полагать по аналогіи съ тѣмъ, что были въ средней Европѣ тогда особые виды медвѣдя и быка, исчезнувшіе теперь. Но нѣтъ необходимости принимать именно этотъ способъ объясненія. Мы знаемъ, что нѣкоторыя млекопитающія умѣреннаго климата, переселяясь въ холодныя страны, прибрѣтаютъ болѣе густую и длинную шерсть. Потому могло быть, что левъ средней Европы отличался отъ нынѣшняго сѣверо-африканскаго только болѣе густою и болѣе длинною шерстью. Подобно во-

просу о львѣ могутъ быть объясняемы вопросы и о другихъ млекопитающихъ, жившихъ тогда въ средней Европѣ, а теперь живущихъ только въ климатахъ болѣе теплыхъ: это были млекопитающіе не нынѣшнихъ, а другихъ видовъ, или породы нынѣшнихъ видовъ, имѣвшіе болѣе теплую шерсть.

Когда ученые стали заниматься изслѣдованіями остатковъ человѣческой жизни въ доисторическія времена, имъ показалось, что можно распредѣлить эти находки по періодамъ довольно мелкимъ и рѣзко отдѣляющимся одни отъ другихъ. Такимъ образомъ было предположено, что когда люди употребляли каменные топоры и ножи, они еще вовсе не знали бронзовыхъ орудій, а бронзовые орудія вышли изъ употребленія у нихъ очень скоро послѣ того, какъ они узнали желѣзные. Предполагалось также, что знакомство съ бронзовыми орудіями распространилось по всей Европѣ довольно быстро, что замѣна каменныхъ орудій бронзовыми произошла у всѣхъ европейскихъ племенъ въ продолженіе жизни немногихъ поколѣній; то же думали и о замѣнѣ бронзовыхъ орудій желѣзными. Такимъ образомъ, раздѣляли рѣзкими гранями каменный вѣкъ отъ бронзоваго, бронзовый отъ желѣзнаго и полагали, что у всѣхъ племенъ средней части западной Европы каменный вѣкъ смѣнился бронзовымъ почти одновременно, что и желѣзный началъ почти одновременно у всѣхъ. Каждый изъ этихъ трехъ вѣковъ подраздѣляли на разные періоды, которые тоже рѣзко были разграничиваемы и считались смѣнявшимися у всѣхъ этихъ племенъ одновременно.

Когда число находокъ увеличилось и сужденія о нихъ стали болѣе осмотрительными, оказалось, что ходъ дѣла былъ иной, менѣе соответствовавшій систематическимъ рубрикамъ, что онъ былъ тогда у племенъ средней и сѣверной Европы такой же, какъ въ историческія времена у тѣхъ племенъ Азіи, Америки, Океаніи, которыя стали извѣстны цивилизованнымъ народамъ, когда еще находились въ состояніи дикомъ или близкомъ къ дикому: населеніе данной мѣстности, ознакомившись съ бронзовыми орудіями, продолжало употреблять каменные; въ первыя времена у него было еще мало бронзовыхъ орудій и вѣроятно приобрѣтеніе ихъ обходилось слишкомъ дорого, оказывалось недоступнымъ для большинства племени; потому употребленіе ихъ распространялось въ этомъ племени медленно. То же было при переходѣ отъ бронзовыхъ орудій къ желѣзнымъ. Бывали и такіе случаи, что племя, у котораго были только каменные орудія, оставалось не имѣющимъ сношеній съ образованными народами до такого времени, когда эти народы ужъ перестали употреблять бронзовые орудія, имѣли исключительно желѣзные; въ такомъ случаѣ торговцы цивилизованнаго народа, знакомясь съ племенемъ, имѣющимъ только каменные орудія, привозили ему исключительно желѣзные, и каменный вѣкъ смѣнялся у него прямо желѣзнымъ, бронзоваго вѣка не было въ его жизни.

То же самое примѣняется и къ подраздѣленіямъ каменнаго или бронзоваго вѣка на періоды по степенямъ улучшенія каменныхъ или бронзовыхъ орудій. Племя, умѣвшее выдѣлывать только очень грубыя каменные орудія, могло получить отъ цивилизованнаго народа бронзовыя, прежде чѣмъ научилось выдѣлывать каменные орудія высокаго техническаго достоинства, или получало даже прямо желѣзные орудія, такъ что въ его жизни не было никакихъ посредствующихъ степеней перехода отъ очень грубыхъ каменныхъ орудій къ желѣзнымъ. Такъ это было со всѣми племенами, которыя оставались еще на очень низкой ступени техническихъ искусствъ, когда вступили въ сношенія съ ними греки историческихъ

временъ, или римляне, или народы, усвоившіе себѣ техническія искусства римлянъ. Греки историческихъ временъ ужъ не употребляли бронзовыхъ орудій, имѣли исключительно желѣзные. Тѣмъ еще меньше могли передавать дикарямъ бронзовыя орудія римляне, начавшіе ходить или плавать въ земли варваровъ, только ужъ достигнувъ очень высокой цивилизаціи.

Образованность распространялась по средней и сѣверной Европѣ очень медленно. На сѣверѣ еще продолжался каменный вѣкъ, когда племена, сосѣднія съ Греціею, Италіею, греческими колоніями юго-восточнаго приморья Франціи, ужъ давно употребляли исключительно желѣзные орудія.

Такимъ образомъ, остается достовѣрнымъ только то, что ходъ развитія всего человѣческаго рода былъ таковъ:

Первоначально люди не знали употребленія огня, не имѣли никакихъ орудій работы, кромѣ тѣхъ, какія давала имъ природа; это были необдѣланные палки, камни, кости и рога животныхъ; потомъ они стали обдѣлывать эти матеріалы: раскалывать кремни, заострять палки; отдѣлка каменныхъ орудій была сначала очень грубою, потомъ улучшалась; одно изъ улучшеній составляла шлифовка; она была доведена до очень высокаго технического достоинства; племена, бывшія въ тѣ времена передовыми по успѣхамъ въ техническихъ искусствахъ, умѣли ужъ очень хорошо шлифовать каменные орудія, когда нашли способъ выдѣлывать орудія изъ мѣди; послѣ того они узнали, что сплавъ мѣди съ нѣкоторымъ количествомъ олова дастъ матеріалъ гораздо болѣе твердый, гораздо болѣе пригодный для выдѣлки орудій, чѣмъ простая мѣдь, и мѣдные орудія замѣнились бронзовыми: наконецъ бронзовыя замѣнились желѣзными.

Всѣ эти ступени улучшенія орудій и были пройдены тѣми племенами, которыя улучшали свои техническія искусства собственными силами, безъ помощи другихъ племенъ. Но большинство племенъ, сдѣлавшихся цивилизованными народами, училось у другихъ народовъ, достигшихъ образованности ихъ.

И если говорить въ частности о средней и сѣверной частяхъ западной Европы, то всѣ племена ихъ учились техническимъ искусствамъ или у грековъ или у римлянъ и другихъ народовъ, непосредственно бывшихъ учениками грековъ. А греки были учениками финикійцевъ, малоазійскихъ народовъ семитическаго племени, ассирійцевъ, египтянъ.

Мы ограничивались очень краткимъ обзоромъ существенныхъ понятій о томъ, какъ сформировалась обстановка человѣческой жизни, и какъ шло развитіе человечества въ доисторическія времена. И чтобы нашъ очеркъ имѣлъ всю возможную краткость, мы останавливались почти исключительно на тѣхъ вопросахъ, по которымъ не во всѣхъ хорошихъ спеціальныхъ трактатахъ излагаются понятія, соответствующія основнымъ истинамъ естествознанія. Многіе изъ трактатовъ, дающихъ фактамъ доисторической жизни человечества истолкованія, противорѣчащія основнымъ истинамъ естествознанія и потому фальшивыя, написаны натуралистами. Но это обстоятельство, могущее казаться страннымъ, объясняется тѣмъ, что авторы ихъ, хорошіе спеціалисты по нѣкоторымъ отдѣламъ естественныхъ наукъ, забывали въ своихъ изслѣдованіяхъ пользоваться простыми, общеизвѣстными истинами, принадлежащими не ихъ спеціальнымъ отдѣламъ изученія, а общимъ частямъ естествознанія—механикѣ, физикѣ, физиологіи.

Намъ остается изложить результаты филологическихъ изслѣдованій о доисто-

рическихъ временахъ жизни тѣхъ народовъ, которые были главными дѣателями въ извѣстной намъ по письменнымъ извѣстіямъ исторіи человѣчества.

Эти народы принадлежать къ четыремъ филологическимъ семействамъ: хамитскому, семитическому, индоевропейскому и еще какому-то другому, вѣроятно туринскому.

Египтяне были хамиты. Ихъ родственники по языку — берберы и народы сѣверовосточной Африки, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны сомали и балла. Хамиты пришли въ Африку изъ Азіи. Берберы перешли въ Африку раньше египтянъ.

Сумеры, учениками которыхъ были вавилоняне, были, вѣроятно, народъ туринскаго семейства, родственники тюрковъ или финновъ.

Народы семитическаго семейства—вавилоняне и ассиріяне, сирійцы, финикіяне, евреи, арабы—пришли въ западную Азію съ востока.

Спеціалисты по изслѣдованію первобытной исторіи индоевропейскаго семейства спорятъ теперь между собою о томъ, Азію или Европу должно считать родиной его. Мнѣніе, выводящее азіатскихъ индоевропейцевъ изъ Европы, кажется намъ фантазіей, лишенной всякихъ серьезныхъ основаній. Мы считаемъ достовѣрнымъ то мнѣніе, что родиною индоевропейскаго семейства была какая-нибудь горная часть Азіи на востокъ отъ Персіи и на сѣверъ отъ Афганистана.

Семиты, вавилоняне и ассиріяне, составившіе лишь два отдѣла одного народа, достигли высокой цивилизаціи раньше, чѣмъ какой бы то ни было народъ индоевропейскаго семейства.

Первые изслѣдователи родственныхъ отношеній между санскритскимъ и другими индоевропейскими языками дѣлали слишкомъ благопріятныя для нашего общаго племеннаго тщеславія заключенія о томъ, какова была степень цивилизаціи индоевропейцевъ, когда еще всѣ они жили въ своемъ первобытномъ отечествѣ и составляли одинъ народъ. Она была тогда еще невысока по сравненію съ бытомъ народовъ, имѣвшихъ большіе города и хорошихъ ремесленниковъ. Главнымъ занятіемъ нашихъ общихъ предковъ еще оставалось скотоводство; но они ужъ занимались и земледѣліемъ.

ЗАМѢТКИ О НЕКРАСОВѢ,

вызванныя «біографическими свѣдѣніями» и «примѣчаніями» въ посмертномъ изданіи стихотвореній Некрасова 1879 г.¹⁾

(О «*Біографическихъ свѣдѣніяхъ*»).

«На стран. XVIII и XIX приведена выписка изъ воспоминаній Достоевскаго о Некрасовѣ. Это такой мутный источникъ, которымъ не слѣдуетъ пользоваться. Для примѣра тому, какъ вздорны разсужденія Достоевскаго о Некрасовѣ, возьму изъ выписки полторы строки. Однажды, Некрасовъ сталъ разсказывать Достоевскому о своемъ дѣтствѣ, и въ этомъ разсказѣ «описывался» передъ Достоевскимъ «этотъ загадочный человѣкъ самой затаенной стороною своего духа»; а самая затаенная сторона его духа была — то, что его дѣтство оставило въ немъ грустныя воспоминанія. — Какимъ образомъ это могло быть «затаенною», даже «самой затаенной» стороною духа «загадочнаго человѣка», когда онъ въ столькихъ лирическихъ пьесахъ и столькихъ эпизодахъ поэмъ передавалъ всей русской публикѣ тяжелыя впечатлѣнія своего дѣтства? — Да и чего было бы таить въ нихъ? — Какъ любилъ онъ передавать ихъ публикѣ, точно также любилъ и пересказывать ихъ въ разговорахъ. — Послѣ этого натураленъ вопросъ: былъ ли «загадоченъ» человѣкъ, который такъ таилъ «самую затаенную сторону своего духа», который столько разъ говорилъ о ней публикѣ, и любилъ подробно разсказывать о ней каждому знакомому, желающему слушать? — Ровно ничего «загадочнаго» въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности, эти слабости не были нимало загадочными сами по себѣ: не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему они развились въ немъ: общезвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это. — А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ не ясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда-бъ уклонился отъ примодушнаго объясненія своихъ мотивовъ, — ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень примодушный».

¹⁾ Изъ книги «Н. А. Некрасовъ», А. Н. Пыпина, Спб. 1905. — Замѣтки эти были присланы при письмѣ къ А. Н. Пыпину отъ 9 декабря 1883 г. — *Примѣчаніе издателя.*

(Смр. XXVII).

«Кѣмъ была внушена Некрасову мысль поступить въ университетъ?—По разсказу его мнѣ, матерью.

«Дѣло было, по его разсказу мнѣ, такъ:

«Мать хотѣла, чтобы онъ былъ образованнымъ человѣкомъ, и говорила ему, что онъ долженъ поступить въ университетъ, потому что образованность приобрѣтается въ университетѣ, а не въ специальныхъ школахъ. Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; онъ сомнѣвался отпустить Некрасова не иначе, какъ только для поступленія въ кадетскій корпусъ. Спорить было бесполезно, мать замолчала. Отецъ послалъ Некрасова въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ; въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ у отца былъ человѣкъ, который могъ быть полезенъ успѣху просьбы о принятіи въ корпусъ (Полозовъ). Некрасовъ поѣхалъ въ Петербургъ, пожеланный отцомъ въ кадетскій корпусъ, съ письмомъ объ этомъ Полозову. Но онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ поступить не въ кадетскій корпусъ, а въ университетъ. Письмо отца къ Полозову онъ не могъ не отдать. И пошелъ отдать. Полозовъ, прочитавъ письмо, безъ всякихъ разспросовъ сказалъ Некрасову, что представить его Ростовцеву. Отказаться было невозможно. Некрасовъ побоялся и начать разговоръ о намѣреніи поступить въ университетъ: что сказалъ бы на это Полозовъ?— «Мечта, другъ, не выдержишь экзамена»,—и что могъ бы отвѣчать Некрасовъ? Онъ дѣйствительно былъ не подготовленъ къ экзамену для поступленія въ университетъ. Онъ разсудилъ, что долженъ молчать передъ Полозовымъ объ университетѣ, пока будетъ въ состояніи сказать, что надѣется выдержать экзаменъ. Промолчавъ объ университетѣ, не имѣлъ возможности отказаться отъ представленія Ростовцеву, и былъ представленъ. Когда нѣсколько подготовился къ экзамену, сказалъ Полозову о своемъ намѣреніи.

«Итакъ, употребленное въ «Биограф. свѣдѣніяхъ» выраженіе, что «случайная встрѣча съ Глушицкимъ перерѣшила всю судьбу» Некрасова, и все соответствующее этому выраженію въ изложеніи дѣла о поѣздкѣ Некрасова въ Петербургъ—ошибочныя слова. Если въ тѣхъ разговорахъ, по которымъ написанъ разсказъ «Биограф. свѣдѣній», попадались выраженія, заставлявшія полагать, что мысль о поступленіи въ университетъ внушена была Некрасову Глушицкимъ, это были выраженія не достаточно полныя; но вѣроятно же, что мысль о перемѣнѣ намѣренія Некрасова вслѣдствіе встрѣчи съ Глушицкимъ—только догадка, порожденная горячимъ чувствомъ признательности, съ какимъ говорилъ Некрасовъ о заботливости Глушицкаго доставить ему возможность приготовиться къ экзамену. Вѣроятно, это были разговоры собственно о петербургской жизни Некрасова, потому и попадали въ нихъ только отношенія къ Глушицкому, не попадали воспоминанія о разговорахъ съ матерью передъ отъѣздомъ въ Петербургъ».

(Смр. LXVII и XVIII).

«По перечисленіи мотивовъ, изъ которыхъ могла происходить «мягкость» — то-есть, снисходительность, доброжелательность — тона рецензій Некрасова. говорится, что кромѣ этихъ соображеній «мягкость» Некрасовской критики могла обуславливаться и благодушными чертами его характера: безъ сомнѣнія, собственно

ими она и «обуславливалась»; другія причины, если были, то были только очень второстепенными мотивами; главное дѣло было въ томъ, что Некрасовъ былъ человѣкъ очень добрый».

(Стр. LXX).

«Въ характеристикѣ начинающагося 1856 годомъ «второго періода журнальной дѣятельности» Некрасова говорится, между прочимъ, что «умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей; которые окружили его». — Дѣло было не въ расширеніи «умственнаго и нравственнаго горизонта поэта», а въ томъ, что цензурныя рамки нѣсколько «раздвинулись» и «поэтъ» получилъ возможность писать кое о чемъ изъ того, о чемъ прежде нельзя было ему писать. — Когда дошло и до крайняго своего предѣла расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онъ не подавленъ, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онъ подавленъ, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой. — Я говорилъ ему: «еслибъ у меня былъ поэтический талантъ, я дѣлалъ бы не такъ; я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь ли, или хоть черезъ десять лѣтъ; писалъ бы и оставлялъ бы у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры все равно: когда жъ нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано». Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ: о чемъ онъ думалъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

«Причина невозможности всегда была цензурная.

«Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полезнымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано: если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью что произведеніе будетъ напечатано лишь черезъ двадцать, тридцать лѣтъ: право на славу заработано созданіемъ пьесы; когда оно будетъ предъявлено, все равно: даже выгоднѣе для славы, если оно будетъ предъявлено черезъ десятки лѣтъ: посмертныя находки цѣнятся дороже даваемого поэтомъ при жизни. Но онъ служать только славѣ поэта, а не обществу, вопросы жизни котораго ужъ не тѣ, какіе разъясняются посмертною находкою.

«Итакъ, писать безъ надежды скоро увидѣть произведеніе напечатаннымъ Некрасовъ не имѣлъ влеченія. Потому содержаніе его поэтическихъ произведеній сжималось или расширялось соответственно измѣненіямъ цензурныхъ условій. Изъ того, что оно послѣ крымской войны стало шире прежняго, вымало не слѣдуетъ, что за три, за четыре года до начала войны умственный и нравственный горизонтъ его былъ менѣе широкъ.

«Имѣла ли большое вліяніе на образъ мыслей переменна въ настроеніи массы образованнаго общества, произведенная крымской войной? (по выраженію «Віогр. свѣдѣній», «горизонтъ» его «раздвинулся» отчасти подъ вліяніемъ этой перемены). Припомнимъ, въ чемъ состояла переменна. Было сознано массою обще-

ства, что надобно отмѣнить крѣпостное право, улучшить судопроизводство и провинціальную администрацію, дать нѣкоторый просторъ печатному слову. Только. Что новаго для Некрасова могло быть въ этихъ мысляхъ, новыхъ для массы образованнаго общества?—Задолго до крымской войны онѣ были ясными и твердыми мыслями—только ли того литературнаго передового круга, въ которомъ жилъ Некрасовъ съ 1846, если не съ 1845 года?—Нѣтъ, не этому только кругу онѣ были ужъ привычны въ 1846 году и раньше того; около 1845 онѣ были уже вполне усвоены большинствомъ той части образованнаго общества, мнѣнія которой рано или поздно пріобрѣтаютъ владычество надъ мыслями другой, болѣе многочисленной части его; вполне усвоены большинствомъ тѣхъ людей, которые сами чувствовали разницу таланта между Пушкинымъ и Бенедиктовымъ, Шекспиромъ и Коцебу и т. д.,—которые чувствовали эту разницу сами, и съ голоса которыхъ научились говорить о ней менѣе развитые образованные люди.—Переменная, произведенная крымской войною въ настроеніи русскаго общества, нимало не была переменною въ мысляхъ той части русскаго общества, которая до крымской войны любила Жоржа Занда и Диккенса; она состояла лишь въ томъ, что другая, болѣе многочисленная часть образованнаго общества,—та, которая любила Александра Дюма,—примкнула къ болѣе развитой части по вопросамъ о русскомъ бытѣ; это и дало возможность развитымъ людямъ заговорить о надобности преобразованій, издавна составлявшихъ предметъ ихъ затаенныхъ желаній: поддерживаемые новыми своими многочисленными союзниками, они доставили нѣкоторый просторъ печати,—и Некрасовъ, подобно другимъ передовымъ дѣятелямъ печатнаго слова, получилъ возможность расширить содержаніе своей дѣятельности; вотъ этимъ онъ дѣйствительно обязанъ «тому сильному движенію, которое началось въ обществѣ»,—обязанъ точно также, какъ и всѣ талантливые ли, не особенно ли даровитые, поэты, беллетристы, драматурги, его сверстники или старшіе его, имѣвшіе прогрессивный образъ мыслей: всѣмъ имъ можно стало писать кое о чемъ изъ того, о чемъ желали, не могли они писать прежде.

«Итакъ, переменна въ настроеніи большинства многочисленнѣйшей части образованнаго общества не «раздвинула умственный и нравственный горизонтъ» Некрасова, потому что онъ гораздо раньше этой перемены имѣлъ понятія, болѣе широкія, нежели какія могли быть внесены въ его мысли овладѣвшими тогда этою частью общества желаніями, не очень широкими, или, вѣрнѣе сказать, очень узкими; но все-таки, это «сильное движеніе», начавшееся въ обществѣ, имѣло большое вліяніе на его поэтическую дѣятельность: нимало не «раздвигая его умственный и нравственный горизонтъ», оно раздвинуло внѣшнія ограниченія, сжимавшія прежде дѣятельность его, дало ему возможность писать о томъ, о чемъ не дозволялось писать до той поры: это вліяніе перемены въ настроеніи общества дѣйствительно обнаружилось въ содержаніи поэтическихъ произведеній Некрасова»...

Переходя къ вопросу о томъ, имѣли-ли какое-нибудь вліяніе на поэзію Некрасова тѣ «новые люди, которые окружили его», авторъ замѣтокъ отвѣчаетъ на вопросъ отрицательно. Можно было бы думать, что отвѣтъ вызванъ скромной уклончивостью (такъ какъ самъ авторъ замѣтокъ принадлежалъ къ этимъ «новымъ людямъ»); но таково было дѣйствительно мнѣніе автора: Некрасову нечего было у нихъ заимствовать. Правда, у новыхъ людей «по нѣкоторымъ отдѣламъ знанія

было больше свѣдѣній; но многимъ вопросамъ были мысли болѣе опредѣленныя, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли, болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что нужно было ему знать какъ поэту, онъ зналъ отчасти хуже, отчасти не хуже новыхъ людей». Нѣкоторые частные взгляды были даже совсѣмъ различны... Добролюбовъ былъ самымъ молодымъ изъ новыхъ друзей Некрасова: еще меньше было возможности заимствованія.

«Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова; и я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширеніе «умственного и нравственного горизонта», а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиною, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ».

Перехожу къ слѣдующимъ строкамъ характеристики «второго періода» дѣятельности Некрасова.

«Въ чемъ же состояло расширеніе «умственного и нравственного горизонта поэта?»—Въ томъ, поясняютъ «Біографическія свѣдѣнія», что «прежніе идеалы» его «оттѣснялись» «новыми». Какъ Бѣлинскій не любилъ, чтобъ ему напоминали о его статьяхъ въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ «неохотно потомъ вспоминалъ» о грѣхахъ своей молодости въ родѣ «Трехъ странъ свѣта», — говорится въ «Біограф. свѣдѣніяхъ». Дѣйствительно ли онъ «неохотно вспоминалъ» о «Трехъ странахъ свѣта»?—Это замѣчаніе произошло, вѣроятно, изъ недоразумѣнія. Некрасовъ былъ не охотникъ говорить о своихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, ему случилось устранить вопросъ о «Трехъ странахъ свѣта» выраженіемъ недостатка охоты говорить объ этомъ романѣ: человеку, не знавшему, что онъ не любитъ разсуждать ни о какихъ своихъ произведеніяхъ, должно было показаться, что онъ не любитъ говорить объ этомъ романѣ.

«Главною причиною его неохоты говорить о своихъ произведеніяхъ была скромность. Онъ былъ очень скромный человекъ. Другая—второстепенная—причина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, какъ скучна и смѣшна для слушателя слабость большинства беллетристовъ и поэтовъ разглагольствовать о своихъ произведеніяхъ. Человекъ съ сильной волей, онъ легко удерживался отъ этой слабости.

«Три страны свѣта» и другія прежнія слабыя произведенія Некрасова («грѣхи его молодости», по выраженію «Біограф. свѣдѣній») вовсе не находятся въ такомъ отношеніи къ послѣдующимъ его произведеніямъ, какъ статьи Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ и Менцель къ позднѣйшимъ статьямъ. Бѣлинскій выражалъ въ тѣхъ прежнихъ статьяхъ мысли, которыя послѣ стали казаться ему ошибочны, дурыя, ненавистны. Въ «Трехъ странахъ свѣта» нѣтъ ничего такого, что казалось бы въ послѣдствіи Некрасову дурымъ съ нравственной или общественной точки зрѣнія. И, сколько мнѣ помнится, тамъ и не было ничего такого. Въ анализѣ этого романа, даваемомъ «Біограф. свѣдѣніями», проводится мысль о противоположности утилитарной житейской (въ данномъ случаѣ, коммерческой) дѣятельности благу народа. Точка зрѣнія фантастическая. Мнѣ она всегда казалась фантастическою. Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о «гнусности буржуазіи» и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хоть и внушаемыя «любовью къ народу», вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ со-

словія, интересы котораго, хоть и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тождественны съ интересами народа.

«Биографическія свѣдѣнія» продолжаютъ: прежде (до 1856 года) у Некрасова былъ только «горячій, но крайне неопредѣленный протестъ противъ рабства и угнетенія» — если протестъ былъ неопредѣленнымъ, по недостатку-ль опредѣленности въ мысляхъ Некрасова или по цензурной невозможности писать опредѣленно? — припомнимъ тогдашнія цензурныя условія, и не будетъ ровно никакой надобности пускаться въ предположеніе о расширеніи умственного и нравственного горизонта Некрасова для объясненія тому обстоятельству, что какъ только нѣсколько пораздвинулись цензурныя рамки, онъ сталъ писать то, что не дозволялось писать прежде, и сталъ «пѣвцомъ народнаго горя», пѣвцомъ котораго былъ онъ и прежде, насколько то было возможно.

«Онъ и прежде писалъ произведенія одинаковыя по мысли съ тѣми, за которыя «Биографическія свѣдѣнія» называютъ его «пѣвцомъ народнаго горя». Приведу заглавія нѣкоторыхъ изъ пьесъ этого содержанія, написанныхъ раньше (до начала и движенія въ обществѣ и сближенія со мною):

1846. Тройка.

1848. Вино.

1850. Проводы. (Вторая пьеса въ ряду соединенныхъ общимъ заглавіемъ: «На улицѣ»).

1853. Въ деревнѣ.

1853. Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго.

«Пьесы «Въ деревнѣ» и «Отрывки изъ записокъ Гаранскаго» написаны Некрасовымъ тоже не только до начала «сильнаго движенія въ обществѣ», но и до сближенія съ новыми людьми, которое началось лишь въ 1854 году.

«Въ началѣ выписки изъ разсказа доктора Вѣлоголоваго о болѣзни Некрасова находится (стр. LXXVIII) выраженіе: «При всей скрытности своего характера и необыкновенномъ умѣньѣ владѣть собою» (Некрасовъ не могъ не выражать, что проявленія симпатій общества къ нему трогаютъ его). — Очень большое умѣнье владѣть собою действительно было у Некрасова. Но «скрытенъ» онъ не былъ. Онъ только не былъ охотникъ говорить о себѣ, отчасти по скромности (это главное), отчасти потому, что зналъ изъ собственнаго опыта, какъ скучно и утомительно и смѣшно слушать охотниковъ много толковать о себѣ; онъ не хотѣлъ быть скучнымъ и смѣшнымъ. Но — когда видѣлъ, что человѣкъ желаетъ слушать, то говорилъ съ полною откровенностью, лишь бы человѣкъ, желающій слушать, казался ему заслуживающимъ его откровенности».

(«Примѣчанія къ стихотвореніямъ Некрасова»).

«По поводу «отрывковъ изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго» «Примѣчанія» говорятъ (стр. XXXV, XXXVI): «Несмотря на примѣчаніе автора» (цитирующаго заглавіе французской книги графа Гаранскаго), «едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это — оригинальная пьеса, а не переводъ». Еще бы сомнѣваться въ этомъ! Но для полнаго убѣжденія охотниковъ до подобныхъ выраженій.

«едва ли можно» и т. д.; когда и толковать тутъ было-бъ не о чемъ, если бы не было употреблено кѣмъ-нибудь такое выраженіе, скажу, что переводъ заглавія книги Гарапскаго на французскій языкъ Некрасовъ поручилъ сдѣлать мнѣ; у него оно было написано по-русски; я сдѣлалъ, а Тургеневъ поправилъ».

Примѣчаніе къ пьесѣ: «Тяжелый крестъ достался ей на долю». (Стран. XLVI).

«Содержаніе, повидимому, имѣетъ ближайшее отношеніе къ поэмѣ «Мать». — Ровно никакого; дѣло идетъ о совершенно иной женщинѣ, о той, любовь къ которой была темою столькихъ лирическихъ пьесъ Некрасова.

«Вообще, по поводу «Примѣчаній» должно пожалѣть о претензіи составителя ихъ поправлять стихи Некрасова, кажущіеся ему неправильными. Напрасно онъ испортилъ текстъ своими поправками; обыкновенный поводъ къ поправкамъ подаютъ ему «неправильность размѣра»; а на самомъ дѣлѣ, размѣръ стиха, поправляемаго имъ, правиленъ. Дѣло въ томъ, что Некрасовъ иногда вставляетъ двусложную стопу въ стихъ пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это дѣлается такъ, какъ дѣлаетъ Некрасовъ, то не составляетъ неправильности.

«Приведу одинъ примѣръ. Въ «Пѣснь Странника» (въ «Коробейникахъ») Некрасовъ написалъ:

Ужъ я въ третью: мужикъ! Что ты бабу бьешь?

Въ «Посмертномъ изданіи» стихъ поправленъ:

...Что ты бабу-то бьешь?

«Некрасовъ не по недосмотру, а преднамѣренно сдѣлалъ послѣднюю стопу стиха двусложною; это даетъ особенную силу выраженію. — Поправка портитъ стихъ.

«Такъ и въ другихъ случаяхъ.

«Авторъ «Примѣчаній» дѣлаетъ двѣ-три замѣтки о невѣрности выраженій (напримѣръ, о томъ, что нельзя сказать «женщина входила на Аѳонскія высоты», потому что женщинамъ воспрещенъ входъ въ Аѳонскіе монастыри). Въ этихъ двухъ-трехъ случаяхъ онъ, быть можетъ, правъ; но слѣдовало ограничиться замѣткой о неправильности выраженія, а не поправлять стихъ. — Впрочемъ, что касается «Аѳонскихъ высотъ», то надобно было бы справиться, вѣтъ ли на перешейкѣ Аѳонскаго мыса за стѣною, отдѣляющею монастыри отъ сѣверной части полуострова, какихъ-нибудь монастырей, церквей или вообще мѣстъ поклоненія, доступныхъ женщинамъ,

(Замѣтка къ «Своду статей о Некрасовѣ»).

«На стран. CLXXV говорится, что помѣщенное въ «Современникѣ» за 1856 годъ, въ томѣ LXX, на страницахъ 1—12 (по нумераціи библиографическаго отдѣла) «краткое извѣстіе о выходѣ собранія стихотвореній» (Некрасова) съ выпискою нѣкоторыхъ пьесъ — «статья самого Некрасова»; пѣтъ, эта статья написана мною, и пьесы, приведенныя въ ней, выбраны для помѣщенія въ ней мною.

«Что дѣло моей неопытности и несообразительности имѣло чрезвычайно тяжелое вліяніе и на «Современникъ», и на судьбу «Стихотвореній» Некрасова» (павлекли на нихъ цензурное гоненіе)... Цѣлые четыре года цензура оставалась лишенною возможности дозволить второе изданіе его «Стихотвореній»; оставалась бы лишена и дольше, если бы по счастію не принялъ на себя заботу о разрѣшеніи

цензурѣ этого дозволенія графъ Адлербергъ (графъ А. В. А., о которомъ говорится на стр. LXXII «Биограф. свѣдѣній»).

«Прибавлю къ прежнимъ замѣткамъ еще двѣ.

«1) Для всѣхъ очевидно, что въ пьесѣ «На Волгѣ (Дѣтство Валежникова)» есть личныя воспоминанія Некрасова о его дѣтствѣ. — Однажды, рассказывая мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ припомнилъ разговоръ бурлаковъ, слышанный имъ, ребенкомъ, и передалъ; пересказавъ, прибавилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ воспоминаніемъ въ одномъ изъ стихотвореній, которыя хочетъ написать. Прочитавъ черезъ нѣсколько времени пьесу «На Волгѣ», я увидѣлъ, что рассказанный мнѣ разговоръ бурлаковъ переданъ съ совершенною точностью, безъ всякихъ прибавленій или убавленій; перемѣны въ словахъ сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха: онѣ нисколько не измѣняютъ смысла рѣчи, и даже часто съ грамматической и лексикальной стороны не многочисленны и не важны. Въмѣсто—

«а кабы умереть къ утру, такъ было-бъ еще лучше»,—

въ пьесѣ сказано:

«А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще»;

только такими пятью, шестью перемѣнами и отличается передача разговора въ пьесѣ отъ воспоминанія объ этомъ разговорѣ, рассказаннаго Некрасовымъ мнѣ. Когда я читалъ пьесу въ первый разъ, у меня въ памяти еще были совершенно тверды слова, слышанныя мною.

«2) О пьесѣ: «Размышленія у наряднаго подвѣзда» могу сказать, что картина:

«Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное» и т. д.

—живое воспоминаніе о томъ, какъ дряхлый русскій грѣлся въ коляскѣ на солнцѣ, «подъ плѣнительнымъ небомъ» южной Италіи (не Сициліи).

«Вторая замѣтка; въ концѣ пьесы есть стихъ, —напечатанный Некрасовымъ въ такомъ видѣ:

«Иль судьбѣ повинуюсь закону»,

этотъ печатный стихъ—лишь замѣна другому»...

ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБѢЛЬСКОЙ.

ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБѢЛЬСКОЙ ¹⁾.

Достаточно прочесть три, четыре первых страницы разсказа, чтобы видѣть: онъ написанъ тѣмъ пожилымъ человекомъ, о которомъ идетъ рѣчь въ началѣ его.

Авторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ потому, что это представляетъ удобство для сохраненія отчетливой разницы между нимъ и болѣе или менѣе фантастическими пожилыми людьми, автобіографическіе разсказы которыхъ вставлены въ рамку его основнаго разсказа о своихъ разговорахъ и маленькихъ приключеніяхъ.

В. Поляхскій.

Знакомство съ другомъ принцессы

Корлеоне.

Съ 6 часовъ утра часовъ до 6 вечера въ первый четвергъ декабря янвѣшней зимы Павелъ Сергѣичъ Вязовскій, человекъ лѣтъ пятидесяти пяти, давнишній житель двухъ изъ трехъ комнатъ старенькаго крошечнаго деревяннаго домика въ одномъ изъ глухихъ угловъ Петербурга, проводилъ время по обыкновенію: сидѣлъ за рабочимъ столомъ и писалъ, уставъ писать ложился на диванъ и отдыхалъ читая, потомъ опять садился писать, и урывками между этихъ занятій успывалъ утромъ голосъ старушки, хозяйки домика: «самоваръ принесла, Павелъ Сергѣичъ», сказалъ ей «благодарю, Анна Даниловна», выпилъ два стакана чаю съ молокомъ, съѣлъ съ чаемъ ломоть бѣлаго хлѣба: опять успывалъ голосъ хозяйки: «принесла завтракъ, Павелъ Сергѣичъ», опять поблагодарилъ ее, выпилъ стаканъ молока съ чернымъ хлѣбомъ, составлявшій его завтракъ, опять успывалъ голосъ хозяйки: «принесла обѣдъ, Павелъ Сергѣичъ», опять поблагодарилъ ее, съѣлъ тарелку грешневой кашицы, составлявшую его ежедневный обѣдъ: опять успывалъ—это было, навѣрное часовъ въ 6. по аккуратному соблюдаемому старуш-

¹⁾ Эта повѣсть предназначалась къ помѣщенію въ 1889 г. въ «Русской Мысли», но не была пропущена цензурою.

кой порядку, — голосъ ея: «принесла самоваръ, Павелъ Сергѣичъ», опять сказать «благодарю васъ, Анна Даниловна», — но тутъ произошло отступленіе отъ ежедневнаго порядка: вставъ положить чаю въ чайникъ, и налить кипяткомъ, Павелъ Сергѣичъ увидѣлъ, что старушка не ушла, стоитъ, сложа руки и смотритъ на одинъ изъ локтей его пальто. Онъ вздохнулъ, подумавъ: «опять за то же», — и не ошибся: старушка сказала:

— Батюшка, Павелъ Сергѣичъ, отдайте же мнѣ пальто-то.

Вотъ ужъ мѣсяца три, чуть не каждую недѣлю это приставанье! А въ послѣднее время, кажется, иной разъ и чаще, чѣмъ каждую недѣлю. Именно по этому-то и угадалъ Павелъ Сергѣичъ такъ вѣрно намѣреніе, съ которымъ осталась въ комнатѣ Анна Даниловна, подавъ самоваръ.

— Отдамъ, Анна Даниловна, когда доносится.

— Да вѣдь еще весной на локтяхъ второй разъ положила заплаты, Павелъ Сергѣичъ. Вы думаете «не проносились»: сами-то заплаты не проносились, это правда, точно, да кругомъ-то ихъ расплзлось. И на полы-то вы посмотрите: вѣдь всё въ лохмотьяхъ.

— Ну, это вы ужъ напрасно, Анна Даниловна, отвѣчалъ Павелъ Сергѣичъ, посматрѣвъ на полы: — обтерлись, правда, но чтобъ онѣ были въ лохмотьяхъ, этого еще нельзя сказать.

— Право, отдайте, Павелъ Сергѣичъ, распорота бѣ я его, сшила бы доскуты въ родѣ подстилки, положила бѣ у двери, обтирать ноги — и прекрасно бы было.

— Отдамъ, Анна Даниловна, вотъ погодите, отдамъ.

— Отдать то отдадите, Павелъ Сергѣичъ; да когда это будетъ?

— Отдамъ, Анна Даниловна, отдамъ. Нельзя будетъ носить, отдамъ.

Анна Даниловна покачала головой и пошла изъ комнаты, но сдѣлавъ шагъ, остановилась:

— Вотъ что еще хотѣла я сказать вамъ, Павелъ Сергѣичъ: совѣтъ необыкновенное дѣло. Почти что сейчасъ вотъ былъ у меня... Ну, да ужъ общалась не говорить, такъ не скажу, — и одерживая побѣду надъ собою, старушка рѣшительно пошла изъ комнаты. Надобно было доставить ей удовольствіе, попросить разсказать необыкновенное дѣло. Она перѣдко употребляла такую тактику, чтобъ очистить свою совѣсть: не сама она отняла время у Павла Сергѣича своими новостями, а по его же просьбѣ.

— Кто былъ у васъ, Анна Даниловна: племянникъ или мужъ племянницы?

Итъ ужъ, Павелъ Сергѣичъ, общала, что не скажу, то не скажу.

И старушка ушла.

Павелъ Сергѣичъ положилъ чай въ чайникъ, налилъ кипяткомъ, прилегъ читать, потому что немпожко усталъ писавши, выпилъ два стакана чая съ молокомъ, съѣлъ съ чаемъ ломоть бѣлаго хлѣба, и сѣлъ писать. Усталъ писать, легъ отдохнуть читая; и только что опять сѣлъ за рабочій столъ, услышалъ голосъ Анны Даниловны.

— Батюшка, Павелъ Сергѣичъ!

Павелъ Сергѣичъ не подосадовалъ, что хозяйка помѣшала его работѣ: онъ зналъ, что безъ надобности она не побезпокоила бѣ его.

— Вотъ что батюшка, Павелъ Сергѣичъ: часа два тому будетъ, передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ я подала вамъ самоваръ, заѣзжалъ къ намъ солидный

такой мужчина, — лѣтъ, какъ бы вамъ сказать, тридцати пяти, — видный изъ себя и хорошо одѣтъ и лицо хорошее, и въ обхожденіи такой тихій, пріятный, и спрашивалъ у меня, дома ли вы будете нынѣшній вечеръ попозднѣе, часовъ этакъ въ восемь. Я сказала: извѣстно, что будете; онъ сказалъ: хорошо; я, говоритъ, это и зналъ впередъ, заѣзжалъ спросить лишь для вѣрности; ну и попросилъ, чтобъ я объ этомъ вамъ не сказывала; потому, говоритъ, что не для чего связывать его, мало ли, говоритъ, что можетъ случиться: можетъ, ему и понадобится бы или такъ просто вздумалось бы уйти, а если ему сказать, то будетъ связанъ. — Я говорю: напрасно опасаетесь, милостивый государь, связать его; никогда этого не бываетъ чтобъ онъ вечеромъ ушелъ куда, развѣ разъ въ году, а то всегда дома. — Я это знаю, говоритъ, но только все-таки прошу васъ, не сказывайте, чтобы на всякій случай не связать его. Что-жъ, вижу: правду онъ проситъ; ну и общалась промолчать. Хотѣла тогда сказать, ну, однако сдержала себя, промолчала. — общалась, такъ ужъ нечего дѣлать, промолчала вамъ о немъ. А вотъ онъ теперь здѣсь; остался у меня въ комнатѣ, и шубу не снялъ, просилъ спросить, угодно ли принять.

— Просите, — сказалъ Павелъ Сергѣичъ.

Старушка ушла. Павелъ Сергѣичъ положилъ перо и всталъ въ ожиданіи гостя. Хлопнула наружная дверь. — Итакъ, это былъ слуга, пріѣхавшій тогда съ вопросомъ отъ господина, и пошедшій доложить господину, пріѣхавшему теперь. Заскрипѣли ворота. Послышалось, что подъѣзжаетъ къ крыльцу экипажъ на колесахъ; на колесахъ при морозѣ, по крѣпкому снѣгу, стало быть, карета. Опять отворилась наружная дверь и на этотъ разъ не хлопнула, затворилась тихо. Старушка торопливо вошла и шопотомъ произнесла «Ватюшка, Павелъ Сергѣичъ! Господи! Господи!» подала Павлу Сергѣичу двѣ визитныя карточки, положенныя одна на другую.

Павелъ Сергѣичъ прочелъ на верхней

Лидія Васильевна
Старобѣльская.

«Удивительно», — подумалъ Павелъ Сергѣичъ: — «Положимъ, я нуженъ книгнѣ для какой нибудь справки о чемъ нибудъ изъ исторіи ея предковъ или предковъ ея мужа; но какъ могла она узнать обо мнѣ, и главное, почему она пріѣхала сама, а не прислала за мною?»

Онъ сдвинулъ верхнюю карточку съ другой, и недоумѣніе его исчезло. — Печатныя строки этой карточки были итальянскія; по русски, онъ будуще:

Діана де-Валери
принцесса Корлеоне;

подъ ними Павелъ Сергѣичъ прочелъ слова, написанныя женскимъ почеркомъ то же по итальянски. Въмѣстѣ съ печатными строками они въ русскомъ переводѣ будутъ:

„Діана де-Валери, принцесса Корлеоне рекомендуетъ расположенію г. Вязовскаго свою родственницу и друга, Лидію Васильевну Старобѣльскую“.

«Господи! Господи!» шептала хозяйка: — «Барыня! Знатная! Господи, Господи!»

Принцесса Корлеоне была дружна съ дочерью одного изъ пріятелей молодости Павла Сергѣича. Принцесса не могла не слышать отъ нея о немъ. Княгиня, вѣроятно, была за границей, видѣлась съ принцессой, упомянула о надобности въ какой нибудь справкѣ; принцесса сказала, что въ Петербургѣ есть человѣкъ, который съ удовольствіемъ будетъ рыться въ книгахъ или архивахъ, чтобы сдѣлать пріятное ей. Но княгиня не послала за нимъ, а пріѣхала съ своей просьбой сама къ нему?— Иначе и не могла поступить женщина, которую принцесса Корлеоне называетъ своимъ другомъ.

Эти соображенія были такъ просты, что Павелъ Сергѣичъ ужъ кончилъ ихъ, подымая взглядъ отъ второй карточки.

Онъ пошелъ въ комнату, которую старушка называла залой.

Вошла женщина высокаго роста, смуглая, съ прекрасными чертами лица.

— Прощу, княгиня, сюда, — сказалъ онъ низко кланяясь ей и показывая на свой кабинетъ: — все таки тамъ есть кресло.

— Какъ объясняете вы себѣ мое посѣщеніе?—начала она, подавая ему руку и идя въ кабинетъ:—вы думаете, мнѣ сказала о васъ Діана? Нѣтъ.

Княгиня сѣла на пододвинутое ей кресло, рукою приглашая Вязовскаго сѣсть рядомъ, и продолжая:—Нѣтъ, я сама знала ваше имя; у насъ есть общіе знакомые здѣсь, въ Петербургѣ: два изъ немногихъ ученыхъ, знающихъ васъ, бываютъ у одного изъ моихъ родственниковъ. Рекомендація Діаны была нужна мнѣ только для того, чтобы вы не отказались исполнить мою просьбу. Я полагаю, вы исполните всякую просьбу, передаваемую вамъ отъ имени Діаны?

— Безъ сомнѣнія, княгиня.

— Одѣньтесь же получше. Я пріѣхала за вами. У меня по четвергамъ вечеромъ собираются знакомые, и собираются рано: съ половины девятого. Нѣкоторые обѣдали, и я уѣхала отъ нихъ. Это свои люди. Въ нынѣшній четвергъ я жду довольно многихъ еще вовсе незнакомыхъ. Правда, оставшіеся пріймутъ ихъ и безъ меня, но все таки лучше, если ужъ буду дома я сама. Итакъ, намъ не должно терять времени. Зачѣмъ прошу я васъ быть у меня на вечерѣ, переговоримъ дорогой. А теперь, одѣвайтесь поскорѣе. Фрака у васъ, вѣроятно, нѣтъ; да и не нужно: но пальто у васъ есть получше?

— Есть, княгиня.

— Прекрасно. Дайте же мнѣ какую нибудь книгу, чтобы подождать васъ безъ скуки. Или у васъ нѣтъ никакихъ, кромѣ скучныхъ?

— Вотъ, княгиня, «Тысяча и одна ночь», если вы давно не перечитывали.

— Съ дѣтства. И плохо помню. — А кстати, вы въ старину любили рассказывать сказки дѣтямъ. А теперь?

— Сталь бы съ удовольствіемъ, княгиня, только дѣтей я теперь не вижу: то-есть вижу одного ребенка; но ему только еще два года. Нельзя же сказывать ему.

Ему, дѣйствительно, нельзя. Но моимъ дѣтямъ вы будете рассказывать? У меня сыну восемь лѣтъ, дочери семь.

— Расскажу, княгиня.

— Превосходно. Итакъ, я ухожу и жду васъ.

Черезъ минуту онъ вышелъ къ ней въ комнату передъ кабинетомъ.

— Благодарю, что такъ скоро явились. Но я возьму вамъ книгу съ

собой. Это предель, какой я не воображала по воспоминаніямъ дѣтства. — Идемъ. — Яковъ Ивановичъ, по пріѣздѣ домой, не пейте чаю, сказала она слугѣ, подававшему ей шубу: Я думаю, что попрошу васъ снова съѣздить сюда, то чтобы не простудиться. — Она пошла изъ домика. — Павелъ Сергѣевичъ, вы не сердитесь на меня, что я оторвала васъ отъ занятій?

— Помилуйте, княгиня.

Она сѣла въ карету. Влѣзъ и Вязовскій.

— Я удивилась, что вы могли принять меня безъ всякой задержки. Я знала, вы всегда въ халатѣ. Какъ же случилось, что вы были въ пальто?

— Точно, княгиня, прежде я всегда былъ въ халатѣ. Но вотъ уже лѣтъ пять у меня вовсе нѣтъ халата. Доносили прежній, и рассчитали, что выгоднѣе будетъ не тратить деньги на покунку, донашивать дома старыя пальто, въ которыхъ ужъ нельзя выходить; прежде я ихъ продавалъ; но какая же цѣна, когда совсѣмъ протерты локти.

— Такъ вы становитесь все скупѣе? А я думала, ужъ невозможно быть болѣе скупымъ, чѣмъ вы были десять лѣтъ тому назадъ. Вы видите однако, что мои свѣдѣнія о васъ останавливаются на годахъ уже довольно давнихъ. Тѣ люди, отъ которыхъ я слышала ваше имя въ Петербургѣ, не знаютъ о васъ ничего, кромѣ того, что вы бываете въ библіотекахъ, которыми они завѣдуютъ. Меня интересуютъ ваши матеріальныя средства. Скажите, сколько нынѣ составляетъ ваша половина дохода съ сада? Я знаю, по отдѣльнымъ годамъ это очень неодинаково, но среднимъ числомъ по сложности четырехъ лѣтъ, какъ считали вы прежде, — сколько теперь? Гораздо больше прежняго? Иблоки чернаго дерева оцѣнены теперь въ Петербургѣ по достоинству. Нынѣшней осенью я заплатила за тысячу ихъ 200 рублей; правда, это были отборныя.

— Какъ вамъ сказать, княгиня... мой доходъ, собственно говоря, составляетъ около 315 рублей; но это на золото, стало быть по нашему счету выходить много больше; по курсу нынѣшней биржи, напримѣръ, около... позвольте, такъ ли... такъ: около 489 рублей.

— «На золото», «по нынѣшнему курсу» — доходъ сада въ Увѣкѣ — получается по счету на золото! И составляетъ при очень высокомъ курсѣ золота меньше 500 рублей, а десять лѣтъ тому назадъ составлялъ больше 700 рублей — что это значить? Садъ въ низовьѣ Волги арендуетъ заграничная фирма? — Не можетъ быть! И доходъ уменьшился? — Не можетъ быть! Вашъ доходъ не отъ сада.

— Ваша правда, княгиня.

— А доходъ отъ сада?

— Какъ вамъ сказать, княгиня... Это точно, мой доходъ теперь не отъ сада.

— Это вы ужъ сказали: но что стало съ вашимъ доходомъ отъ сада?

— Какъ вамъ сказать, княгиня...

— Вы отдали и вашу половину двоюродному брату?

— Какъ вамъ сказать, княгиня... Вирочемъ, что же... Большое семейство; стали подростать дочери; помилуйте, двѣ были ужъ невѣсты.

— Когда это было?

— Восемь лѣтъ тому назадъ, княгиня.

— Съ того времени вы получаете по 300 и сколько? — рублей золотомъ?

— Разумѣется, княгиня; надобно было прежде устроить это дѣло; а то какъ же бы я остался безъ ничего? Помилуйте, княгиня; какія деньги могу я зарабатывать, съ этой глупостью въ головѣ? Такая глупость, что даже стыдно.

— Что вы называете въ этомъ случаѣ вашей глупостью? Вашу работу, вѣроятно?

— Разумѣется ее, княгиня; а то что же?

— То есть, кромѣ этого, во всемъ остальномъ вы поступаете благо-разумно?

— Ну, вотъ, княгиня! Будто я самъ не понимаю! Только всѣ другія мои глупости пустяки передъ этой.

— Возвратимся къ тому изъ этихъ пустяковъ, о которомъ говорили. Откуда жъ вы получаете доходъ? И за что?

— Послалъ, княгиня, въ Британскій Музей каталогъ библіотеки дѣда и отца; были рѣдкія изданія; тоже автографы: напримѣръ...

— Приблизительно, знаю.

— Ну, велѣли англійскому посольству отправить все это туда: я просилъ назначить мнѣ пенсію по оцѣнкѣ, какая будетъ; ну и назначили 50 фунтовъ въ годъ.

— Какъ же это, вы—вы!—продали библіотеку!

— Что жъ, княгиня, за важность? Я думаю, когда посылалъ каталогъ, я вычеркнулъ тѣ книги, какія нужны мнѣ; продать только ненужныя, а надобныя для работы остались у меня.

— А ваша работа — все та же, безъ сомнѣнія, о которой вы десять лѣтъ тому назадъ говорили, что трудитесь надъ ней ужъ девятнадцать лѣтъ? — Когда она будетъ кончена?

— Она доведена до конца два года тому назадъ, княгиня; теперь я перечитываю, пополняю. Года черезъ четыре кончу пересмотръ.

— И тогда поѣдете въ Парижъ печатать?

— Нѣтъ, княгиня, думаю поѣхать черезъ полтора года. Надобно пополнить въ Парижѣ, въ Лондонѣ.

— Для этого-то и стали копить деньги?

— Нѣтъ, княгиня, зачѣмъ копить деньги для этого? Въ Парижѣ, въ Лондонѣ даже дешевле жить, чѣмъ въ Петербургѣ.

— А какъ же вы доѣдете до Парижа? И переѣзды изъ Парижа въ Лондонъ, опять въ Парижъ, опять въ Лондонъ — много разъ придется переѣхать?

— Помилуйте, княгиня, какъ же не много? Такая работа будетъ, то есть, для пополненія справокъ — ну, тоже цитать — что нельзя иначе: нынѣ здѣсь, завтра тамъ.

— И въ Римѣ и въ Вѣнѣ придется побывать не разъ?

— Невозможно безъ того, княгиня.

— На это не достанетъ вашихъ 50 фунтовъ.

— Помилуйте, княгиня, какъ же достать.

— Откуда жъ вы будете брать эти деньги?

— Что жъ, княгиня, — издатель будетъ давать впередъ, развѣ много нужно?

— Я знала, что услышу такой отвѣтъ. Для чего мнѣ надобно было услышать его?

— Вѣроятно для того, княгиня, чтобы сказать: такъ у васъ, г. Вязовскій, нѣтъ ничего въ запасѣ?

— Да. Только я назвала бы васъ не «г. Вязовскій», а «Павель Сергѣичъ».

— Ваша правда, княгиня, въ этомъ я ошибся.

— А для чего я хотѣла услышать отъ васъ самого подтвержденіе тому, что у васъ вовсе нѣтъ денегъ въ запасѣ?

— Вѣроятно для того, княгиня, чтобы спросить: хорошо ли это по моему мнѣнію.

— Да, я хотѣла спросить, не случается ль иногда вамъ чувствовать огорченіе отъ того, что у васъ нѣтъ денегъ?

— Какъ не случаться: случается, княгиня.

— Я говорила, что свѣдѣнія, какія имѣть о васъ Діана, останавливаются на прощаніѣ вашемъ съ одною дѣвушкою десять лѣтъ тому назадъ.

— Вы не говорили, княгиня, именно этихъ словъ; но было понятно, что временемъ отъѣзда этой дѣвушки кончаются свѣдѣнія принцессы обо мнѣ.

— Діана получила, но ужъ послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, одно свѣдѣніе о васъ, относящееся къ болѣе позднему времени: къ недавнему, и даже настоящему. Вы бываєте у одной дамы. Ея фамилія — нужна ли для того, чтобы мы понимали другъ друга? Вѣроятно нѣтъ?

— Ваша правда, княгиня: это единственная дама, у которой я бываю.

— Вы любите ее?

— Какъ же не любить, княгиня. Я и васъ люблю.

— Объясненіе въ любви ко мнѣ, Павель Сергѣичъ? Не даромъ Діана хвалила вашу любезность.

— Нѣтъ вы не смѣйтесь, княгиня. Какъ же мнѣ не любить васъ? Развѣ вашъ мужъ не былъ тоже очень хорошій человекъ? И развѣ вы не любили его?

— Любила, Павель Сергѣичъ. Но оставимъ это.

«Умно объяснился въ своихъ чувствахъ», подумалъ Вязовскій:— «Надобно сказать ей что-нибудь. Что жъ бы такое сказать ей?»

Она молчала. Онъ придумывалъ, что жъ бы такое сказать ей.

Карета проѣхала Аничковъ мостъ. Мелькнулъ Казанскій Соборъ. Карета повернула въ Большую Морскую. Надобно было спѣшить придумать, что сказать, потому что ужъ недалеко было до дома княгини. Павель Сергѣичъ зналъ, гдѣ ея домъ, потому что это былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые знаютъ все въ Петербургѣ. Ужъ недалеко, вовсе недалеко было до него. Какъ тутъ быть? Надобно поскорѣе придумать. Нехорошо это будетъ не придумать.

Ничего не придумывалось. А повернувъ въ слѣдующую улицу, карета у перваго же подъѣзда и остановится.

Онъ наклонился, взявъ руку княгини и сталъ цѣловать.

Княгиня зарыдала.

Карета остановилась.

— Что жъ, княгиня, я думаю и дѣти у васъ хорошія.

Вотъ придумалось же, что слѣдовало сказать.

Я надѣюсь, будутъ хорошія, проговорила княгиня.

Она вышла изъ кареты.—Вышелъ и онъ.

Я не успѣла сказать, — начала княгиня, прошедши дверь подъѣзда: — я не успѣла сказать вамъ дорогой, о чемъ я хочу просить васъ.

— Это понятно, княгиня. Я полагалъ, объ ученой справкѣ, а выходить совсѣмъ другое. Разумѣется понятно. Какъ же не понятно. Тутъ и говорить, княгиня, не о чемъ!

— Итакъ, вы будете сказывать сказки моимъ дѣтямъ? — сказала она шутиливо, дѣлая надъ собой усилие, чтобы придать голосу веселый тонъ.

— Буду, княгиня.

— А если бъ я когда нибудь попросила васъ пожить у меня? Я попросила бъ отъ имени Діаны.

— Разумѣется, княгиня; какъ же безъ этого? Нельзя безъ этого: только для чего жъ говорить отъ имени принцессы, княгиня?

— Вотъ что! — Однако, надобно посмотрѣть. — Княгиня остановилась передъ зеркаломъ въ передней взглянуть, не видно ли по глазамъ, что она плакала. — Такъ вотъ что! Незачѣмъ просить отъ имени принцессы. Понимаю. Вы любите меня не меньше, чѣмъ Діану?

— Нѣтъ, княгиня; какъ же можно, большая разница.

— Чѣмъ же я хуже Діаны?

— Вотъ видите ли, княгиня. Вы...

Княгиня засмѣялась.

— Пощадите, Павелъ Сергѣичъ.

— Что жъ это я въ самомъ дѣлѣ, княгиня!

— Діана говорила правду: вы неоцѣненный собесѣдникъ. Павелъ Сергѣичъ.

— Да, это бываетъ, княгиня. Но больше я скучный собесѣдникъ.

— Для меня не будете скучнымъ. Я теперь же попрошу васъ остаться пожить у меня, — для формы прибавляя: если вы понравитесь моимъ дѣтямъ; въ чемъ, разумѣется, нѣтъ сомнѣнія не только у меня, даже и у васъ.

— Ваша правда, княгиня.

— Немножко замѣтно, что я плакала. Надобно мнѣ умыть глаза. Пойдемъ въ мои комнаты. Я и познакомлю васъ съ моими дѣтьми. — Она пошла въ боковую дверь.

Прошедши двѣ комнаты, они вошли въ небольшой салонъ. Тамъ сидѣла горничная.

— Гдѣ дѣти, Наташа?

— Играютъ въ нашемъ зимнемъ садикѣ, Лидія Васильевна; съ ними тамъ нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ дамъ.

— Это далеко вести васъ туда, Павелъ Сергѣичъ. Лучше позовите дѣтей сюда. Наташа. Скажите нашимъ дамамъ, которые тамъ, что я выйду въ пріемныя комнаты черезъ десять минутъ.

Въ одной изъ длинныхъ стѣнъ зала были двое дверей.

— Налѣво, спальная Володи, а направо, спальная моя и Ниночки. Идите со мною. Я могу разговаривать съ вами и умывая глаза.

Они перешли черезъ комнату ея сына въ слѣдующую, гдѣ былъ приборъ для умыванья.

— Комнаты для себя выберете вы самъ. Я совѣтовала бы взять тѣ двѣ,

которыя налѣво отъ нашего особаго зимняго садика,—моего и дѣтей. Впрочемъ, какъ самъ вздумаете. Дѣти покажутъ вамъ всю эту сторону дома, нашу семейную.

— Не для чего, княгиня, выбрали вы, то и будетъ хорошо.

— Я думаю. Итакъ, для васъ приготовить комнаты подлѣ садика.—А какъ мы будемъ называть ту даму, которую вы любите больше, чѣмъ меня, почти такъ же, какъ Діану?—Можетъ быть Корнеліей Васильевной?

— Я согласенъ называть ее вашей сестрой, княгиня.

— Она моложе меня пятью годами; и лучше?

— Я думаю, только четырьмя, княгиня. Ей двадцать три года.

— Если такъ, то да; но все таки, много моложе. И лучше?

Другой типъ, княгиня; у васъ малороссійскій; у нея итальянскій.

— А я могу быть съ нею знакома?

— Не знаю, княгиня. Но сомнѣваюсь.

— Сомнѣвается и Діана. Но быть можетъ, это удастся мнѣ. Я думаю сдѣлать такъ: вы скажете мнѣ, въ какомъ часу удобнѣе будетъ для нея завтра принять меня. — Княгиня отерла глаза и посмотрѣла въ зеркало. — Теперь не замѣтно.—Я поѣду передать ей, что вы поселились у меня.

— Что жъ, княгиня, это хорошо.

— Если она... Но вотъ бѣгутъ дѣти.

Дѣти бросились къ матери.—Мамаша! мамаша!

— Мамаша, а мы спросили — началъ Володя, приостанавливая свои поцѣлуи.

— У Наташи, подхватила Ниночка.

— Кто пріѣхалъ съ вами.. продолжалъ Володя.

— А Наташа не знала,—продолжала Ниночка.

Такъ это шло и дальше въ два голоса:

— А мы знали — и не сказали ей—Наташа, это Павелъ Сергѣичъ,—который будетъ сказывать намъ сказки.—И вы, Наташа, будете слушать съ нами. — И Павелъ Сергѣичъ будетъ учить насъ всему.

— Всему учитесь вы, Володя и Ниночка, если хотите,—сказала Наташа: а я не хочу не только всему, ничему учиться. И обманула-то васъ я, а не вы меня обманули: я слышала, кто пріѣхалъ съ Лидіей Васильевной, а сказала: не слышала.

Ахъ. что мы сдѣлали, мамаша!—воскликнула съ отчаяньемъ Ниночка: Мы забыли поздороваться съ Павломъ Сергѣичемъ! Павелъ Сергѣичъ, вы простите, что мы забыли?

— Это отъ радости, Павелъ Сергѣичъ,—пополнилъ Володя.

А я вамъ скажу вотъ что, молодая леди и молодой джентльменъ, началъ Павелъ Сергѣичъ:—знаете ли вы трехъ календеровъ?

— Трехъ—какъ?—Трехъ, кого? спросили два голоса.

А вы, Наташа?

— Не знаю и я.

— Ну, вы не хотите учиться, такъ нечего вамъ и слушать.

— И не буду.

И дѣйствительно, не будете слышать начала, если Павелъ Сергѣичъ не подождетъ васъ, сказала княгиня. Дѣти, какъ видите, Павелъ Сергѣичъ, рѣшили,

что я должна просить васъ остаться. Наташа, вы скажете вашему дядюшкѣ, чтобъ онъ передалъ старушкѣ хозяйкѣ, что Павелъ Сергѣичъ остается у насъ — и взявъ вещи, какія нужны. — До половины десятого, я прощаюсь съ вами, молодой джентльменъ и молодая лэди. — Павелъ Сергѣичъ, не надоѣстъ вамъ сидѣть съ ними почти цѣлый часъ?

— Мы увидимъ, княгиня. Не надоѣдимъ другъ другу, то просидимъ и до двѣнадцати, если вы позволите, княгиня.

— Невозможно, Павелъ Сергѣичъ; въ половинѣ десятого я приѣду за вами. Все общество соберется къ тому времени. Въ библиотекѣ группируются охотники до ученыхъ разговоровъ и разсужденій о политикѣ. Я проведу васъ къ нимъ. Съ нѣкоторыми, познакомлю; — съ тѣми, знакомство съ которыми будетъ, надѣюсь, пріятно вамъ; это очень ученые люди. Я распоряжаюсь вами, Павелъ Сергѣичъ, совершенно деспотично; но только на этотъ вечеръ, для перваго знакомства.

— Я понимаю, княгиня. Впрочемъ, и послѣ, всегда дѣлайте то же: мнѣ все равно.

— Нѣтъ, этого не будетъ послѣ. А за нынѣшній вечеръ вы оправдаете меня, когда мы переговоримъ по разѣздѣ гостей.

— Это понятно само собой, княгиня. Такъ лучше для перваго знакомства.

— А мы тогда тоже пойдемъ? — Только не къ ученымъ пойдемъ? спрашивали дѣти.

— Пойдете тогда къ нашимъ, и для нынѣшняго вечера оставайтесь тамъ, сколько вамъ угодно, хоть до самаго разѣзда гостей.

— Превосходно, сказалъ съ солиднымъ спокойствіемъ Володя.

— А я впередъ знаю, что усну тамъ, воскликнула Ниночка.

— А покуда, садитесь-ка, молодая лэди и молодой джентльменъ, вотъ сюда подлѣ меня; сказалъ Павелъ Сергѣичъ, усаживаясь на широкій низенькій диванъ. — Я думаю, вы сами знаете, какъ: маленькимъ надо на такіе диваны садиться съ ногами. — А вы, Наташа, не слушайте.

И онъ началъ.

— Лѣтъ тысячу тому назадъ самый сильный царь на свѣтѣ былъ халифъ. Халифы царствовали въ Азіи, и столица у нихъ въ то время была Багдадъ...

Наташа сѣла на диванъ подлѣ Ниночки.

— Я не слушать, Павелъ Сергѣичъ, а только мы съ Ниночкой поблѣмъ сидѣть обнявшись.

— Прежде были другія, а тогда Багдадъ. И самый сильный изъ всѣхъ халифовъ былъ Гарунъ Аррашидъ. Ни до него, ни послѣ него такого сильного не было. Онъ любилъ...

Княгиня ушла.

— Наташа, запремся, чтобъ никто не помѣшалъ, сказала Ниночка.

— Умно вздумали, Ниночка, сказала Наташа. — Володя, вы видите, мы съ Ниночкой сидимъ обнявшись, намъ встать нельзя, ступайте-ко, закройте дверь вы.

Володя вскочилъ, заперъ дверь и съ восклицаніемъ: — Когда вы меня потревожили, то вотъ же что! — бросился къ Наташѣ, сѣлъ прижавшись къ ней съ другой стороны отъ сестры.

— Это и точно лучше, Володя, сказала Наташа, обнимая его свободной рукой.

— ...Онъ любилъ, одѣвшись въ простое платье, ходить по Багдаду, чтобы своими глазами видѣть, все ли хорошо. Вотъ однажды...

— Господа и господа... да они заперлись, — слышался господамъ и господамъ голосъ княгини. Володя побѣждалъ отпереть дверь.

— Это я вздумала, мамаша, сказала Ниночка.

— Умница, душенька. — Я за вами, Павелъ Сергѣичъ. Я проведу васъ прямо въ библіотеку. Постѣ, когда пойдемъ ужинать, познакомьтесь съ остальнымъ обществомъ.

Вечеръ первый.

Въ библіотекѣ было человѣкъ двадцать. Двухъ или трехъ изъ нихъ Павелъ Сергѣичъ зналъ въ лицо. Его не зналъ даже и въ лицо ни одинъ. Съ нѣкоторыми княгиня познакомила его, выбрала, гдѣ сѣсть ему. Онъ усѣлся и сталъ слушать разговоры.

Въ той группѣ, въ которой посадила его княгиня, разговоръ шелъ объ ученыхъ предметахъ; въ другихъ объ искусствѣ, литературѣ, политикѣ.

Двое, между которыми посадила княгиня Павла Сергѣича, обращались къ нему съ вопросами, какъ онъ думаетъ о томъ или другомъ предметѣ разговора ихъ съ другими; онъ давалъ отвѣты, основательность которыхъ не могла быть потрясена никакой ученостью, никакой діалектикой: «Конечно, многіе думаютъ одинаково съ вами» или «Да, объ этомъ спорятъ». Когда спрашивавшій не удовлетворялся такими заявленіями его убѣжденій, говорили: — «По ваше мнѣніе?» — Павелъ Сергѣичъ не затруднялся высказать и свое собственное мнѣніе: «Да, это вопросъ интересный» или «Да, я когда то тоже интересовался этимъ» или «Да, это можетъ казаться любопытнымъ».

Собесѣдники перемѣщались изъ группы въ группу, одинъ за другимъ присоединялись къ группѣ, сидѣвшей около тѣхъ двухъ новыхъ знакомыхъ Павла Сергѣича, между которыми посадила его княгиня и которые не покидали своихъ мѣстъ; разговоръ мѣнялся; Павелъ Сергѣичъ давалъ отвѣты все въ прежнемъ вкусѣ, о чемъ бы его ни спрашивали. Наконецъ и перестали спрашивать его. — Всѣ присоединились къ той группѣ, въ которой сидѣлъ съ самаго начала Павелъ Сергѣичъ. Онъ видѣлъ, что тѣ два собесѣдника, между которыми посадила его княгиня, были главные лица общества, бесѣдовавшаго въ библіотекѣ. Теперь, поочередно говорили они; всѣ другіе только вставляли краткія замѣчанія, большею частью вопросы, въ промежутки объявля ихъ своими мыслями. Они говорили отчасти возражая одинъ другому, но больше соглашаясь между собою, лишь пополняя мысли другъ друга, о положеніи дѣлъ въ Россіи, о настроеніи русскаго общества, о желаніяхъ просвѣщенныхъ патріотовъ.

Вошла княгиня.

— Господа, дамы и легкомысленные молодые — къ сожалѣнію, и не моло-

дые, но тоже легкомысленные — товарищи ихъ препровожденія времени въ недостойныхъ вниманія вашей серьезности пустыхъ разговорахъ и смѣхѣ, прислашъ меня объявить, что дають вамъ три минуты на заключеніе мира по вашимъ спорамъ. Они рѣшили сѣсть за столъ въ половинѣ двѣнадцатаго. — Больше ли вы сходились, или больше расходились съ Мг. Вязовскимъ? — обратилась она къ тѣмъ двумъ, между которыми посадила его, когда привела въ библіотеку. — Я думаю, мало въ чемъ могли сойтись съ нимъ вы? — она назвала фамилію одного изъ этихъ двухъ. — А вы — она назвала фамилію другого — и того меньше? — Я не хотѣла пугать васъ впередъ; но теперь вы увидѣли, каковъ Мг. Вязовскій: страшный спорщикъ, ужасный, какого другаго не найти? Я боюсь, онъ по цѣлымъ полчасамъ не давалъ слова выговорить вамъ.

Они переглянулись между собой, какъ будто общими силами пріискивая такую форму отвѣта, которая не была неловкою. Павелъ Сергѣичъ соглашался въ душѣ, что положеніе ихъ затруднительно.

Но княгиня съумѣла вывести ихъ изъ него. — Я вижу, что ошиблась относительно степени участія Мг. Вязовскаго въ вашей нынѣшней бесѣдѣ. Павелъ Сергѣичъ не всегда разговорчивъ. И у кого изъ насъ не бываютъ такія настроенія души, что тяжело говорить? У кого не бывало также часовъ такой сосредоточенности мыслей на одномъ предметѣ, что мы чувствуемъ себя неспособными говорить ни о чемъ иномъ, интересующемъ другихъ? — Я думаю, что я ввела Павла Сергѣича въ тяжелое настроеніе мыслей одною изъ моихъ просьбъ, отнимающей у него очень много времени. Онъ былъ такъ добрѣ, что согласился остаться у меня. Почти все время, которое проведетъ онъ въ гостяхъ у меня, будетъ потеряно для его учебныхъ занятій. Это большая жертва, и понятно, что онъ былъ задумчивъ.

— О, княгиня, помилуйте! — Онъ махнулъ рукой. — Какая жертва! И какая потеря времени! Нуженъ же человѣку отдыхъ. А вы и вѣрили принцессѣ, что я работаю съ утра до ночи? Какъ же! Не все ли равно, читаю-ли я для отдыха вздоръ три, четыре часа въ день, или употребляю ихъ на разговоръ съ дѣтьми? Задумчивости не отъ чего было быть у меня. А просто я держалъ себя, какъ невѣжда. Не свѣтскій я человѣкъ, и не замѣтилъ, что нарушалъ приличія моимъ молчаніемъ, моими уклончивыми отвѣтами.

— Исправьтесь, если увидѣли свою ошибку. — Милая сестрица, — сказала бы я вамъ, но вы не сестрина, а братецъ. потому я скажу: милый братецъ, расскажите намъ одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя вы такъ прекрасно рассказываете.

— Извольте, княгиня.

— Послѣ ужина?

— Когда вамъ угодно, княгиня.

— О чемъ же будетъ ваша сказка?

— Не знаю, княгиня.

— Расскажите намъ такую сказку, чтобы всѣ бывшіе здѣсь извинили вамъ то, что вы держали себя съ ними, по вашему выраженію, какъ невѣжда.

— Извольте, княгиня.

— Вамъ надобно время обдумать. Мы не будемъ принуждать васъ идти съ нами ужинать. Вамъ принесутъ сюда молока и хлѣба; еще чего?

— Довольно и этого, княгиня. Только обдумывать мнѣ нечего. У меня въ памяти есть такая сказка.

— Прекрасно. Итакъ вы будете ужинать съ нами. Господа, всѣ ваши несогласія примирены?—то мы можемъ идти въ столовую.

Княгиня и бывшіе въ библіотекѣ шли анфладой пріемныхъ комнатъ. Общество салоновъ присоединялось къ нимъ. Княгиня познакомила Вязовскаго съ тремя родственными ей семействами, поручила его ихъ заботамъ.

Когда общество вошло въ столовую, оно состояли изъ восьмидесяти или девяноста человѣкъ. Лица тѣхъ трехъ семействъ, которымъ былъ порученъ Павелъ Сергѣичъ, расположилось группами по обѣимъ длиннымъ сторонамъ стола, чтобы вслѣдѣ были помощники и помощницы хозяйки въ исполненіи ея обязанностей. Двѣ старшія дамы этихъ семействъ повели Вязовскаго къ той короткой сторонѣ, которая была нижнимъ концомъ стола; старшая изъ нихъ сѣла по срединѣ ея, прямо противъ хозяйки, и посадила Вязовскаго налѣво отъ себя, а по правую сторону старшей сѣла другая. Старшей изъ этихъ дамъ было лѣтъ сорокъ, другой годами десятью или двѣнадцатью меньше.

— Вы остаетесь у Лиденъки, Mr. Вязовскій,—начала разговоръ за столомъ старшая:—нечего и говорить, какъ мы всѣ рады этому.

— Не знаю, баронесса, буду ли я хорошимъ гувернеромъ Володи; но другомъ его и Ниночки буду.

Дамы, взявшія подъ свое покровительство Вязовскаго, переглянулись между собой.

— Другомъ Володи и Ниночки вы уже стали, сказала дама, начавшая разговоръ.

— И другомъ Наташи, сказала та, которая была помоложе.

— Ваша правда, графиня, Наташа тоже подружилась со мною.

— Это очень милая дѣвушка, сказала баронесса.— Но какъ вамъ понравился Володя? Кстати, Наденька, гдѣ они, онъ и Ниночка?

— Онъ ушелъ спать, а Ниночка уснула, какъ сидѣла въ будуарѣ Лиденъки, отвѣчала графиня.— Итакъ ваше мнѣніе о Володѣ, Mr. Вязовскій?

Разговоръ пошелъ о дѣтяхъ княгини, потомъ графиня рассказывала о своихъ дѣтяхъ.

Ужинъ былъ непродолжителенъ. Онъ едва-ли длился четверть часа.

— Идемъ къ Лиденъкѣ,—сказала баронесса вставая.

— Mesdames и messieurs,—сказала княгиня, возвышая голосъ, чтобы было слышно всѣмъ.—Прошу васъ выслушать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ вы встанете. Сама я встану; такъ легче говорить громко.—Она встала.—Вы слышали—нѣкоторые отъ меня, другіе отъ нихъ—что Mr. Вязовскій расскажетъ намъ сказку. Я не знаю, до какой степени она будетъ импровизаціей. Отчасти, будетъ, въ томъ нѣтъ и сомнѣнія; но, вѣроятно, только отчасти. Въ прежніе годы, для отдыха отъ своего ученаго труда Mr. Вязовскій писалъ—вѣроятно и теперь пишетъ—повѣсти. Сколько знаетъ моя родственница, принцесса Корлеоне, ни одна изъ прежнихъ—писанныхъ раньше, чѣмъ за десять лѣтъ—не было докончена. Это понятно: служба только отдыхомъ отъ ученой работы, каждая изъ нихъ была отлагасма, когда утомленіе проходило и возобновлялся трудъ. А когда Mr. Вязовскій чувствовалъ потребность новаго отдыха, въ его мысляхъ были ужъ новые предметы раздумья о жизни, новыя формы мечты—если и о тѣхъ же идеалахъ, то въ новой обстановкѣ и. быть можетъ, въ новыхъ сочетаніяхъ элементовъ. Отвѣ-

чая на мою просьбу рассказать намъ сказку, Mr. Вязовскій выразился, что сказка на предложенную мной тѣму есть у него въ памяти. Потому я полагаю, что онъ воспользуется для разсказа намъ какою-нибудь изъ своихъ повѣстей. Но она оставалась, по всей вѣроятности, не конченной,—быть можетъ, едва начатой; и его разсказъ ненаписанныхъ ея частей будетъ импровизаціей на тѣму, обдуманную вѣроятно, вполне когда нибудь, давно или недавно. Но едва-ли его прежняя тѣма была совершенно одинакова съ предложенной мною и принятой имъ для разсказа намъ, потому что моя тѣма возникла изъ случайности, какъ вы слышали. Собственно такую случайность онъ едва-ли могъ имѣть въ виду. Потому я предполагаю, что и сама тѣма прежней его обдуманной, но недописанной повѣсти будетъ видоизмѣнена необходимостью приспособить ее къ особеннымъ чертамъ той надобности, сущность которой соответствуетъ основной ея идеѣ.—Прошу васъ перейти вмѣстѣ со мной и Mr. Вязовскимъ въ тотъ залъ, о которомъ многіе изъ васъ спрашивали, почему онъ былъ въ этотъ вечеръ запертъ. Въ немъ шла работа для приготовленія удобства Mr. Вязовскому разсказывать, намъ—слушать. Княгиня обратилась къ Вязовскому, стоявшему у угла стола близъ нея.

— Павелъ Сергѣичъ, я пригласила стенографовъ. Надѣюсь это для васъ все равно?

— Помилуйте, княгиня, какъ же не все равно.

— А довольно ли вѣрны мои догадки о томъ, что такое будетъ вашъ разсказъ.

— Очень достаточно вѣрны, княгиня.

Теперь прошу васъ встать, mesdames и messieurs, и пойдѣмъ въ Малый Бѣлый залъ.

Въ залъ, который назывался Малымъ Бѣлымъ, стояли полукругами передъ небольшою эстрадою мягкіе диваны, кресла, и между ними, для желающихъ нѣсколько стульевъ; по сторонамъ эстрады были поставлены два стола для стенографовъ; на эстрадѣ стояло кресло и передъ нимъ кабинетный столъ.

Вязовскій подошелъ къ стенографамъ, пожалъ ихъ руки, и разговаривалъ съ ними, пока общество выбирало мѣста. Когда всѣ сѣли, онъ взошелъ на эстраду, низко поклонился обществу, и сказалъ:

Мой разсказъ будетъ имѣть автобіографическую форму. Въ подобныхъ случаяхъ, публика предполагаетъ, авторы отрицаютъ тожество разсказчика съ лицомъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Я предоставляю вамъ самимъ рѣшать, до какой степени «я» разсказчика тожественно съ «я» разсказа. Чтобы вы имѣли достаточно твердыя основы для сужденія объ этомъ, я ознакомлю васъ съ ходомъ моей жизни. Сынъ русскихъ отца и матери, я родился въ Россіи и никогда не бывалъ заграницей.

Онъ снова поклонился, сѣлъ на кресло, оперся локтями на столъ, положилъ голову на руки, закрылъ глаза, черезъ нѣсколько секундъ открылъ ихъ, опустилъ руки на столъ, и началъ:

Мое оправданіе.

Отецъ мой былъ родомъ изъ Неаполя, мать уроженка Тосканскаго кантона; мы жили въ одномъ изъ большихъ селеній на сѣверномъ берегу По, въ прежней венеціанской области неподалеку отъ границы съ прежней миланской. Первые впечатлѣнія моего дѣтства соединены съ предѣстными лугами нашей равнины.

Одинъ изъ родственниковъ моей матери жилъ въ Лондонѣ; онъ занималъ довольно важную должность въ конторѣ одной изъ самыхъ сильныхъ банкирскихъ фирмъ Сити. Когда мнѣ было семь лѣтъ, мой отецъ получилъ отъ него приглашеніе поступить на службу въ эту контору. Мы были люди небогатые, отказаться отъ его предложенія было бы безразсудствомъ. Мы переселились въ Лондонъ. Черезъ полгода моя мать скончалась отъ тифа, который получила, ухаживая за мной, заразившимся въ школѣ. Это самое тяжелое воспоминаніе моей жизни. Отецъ довольно долго оставался печаленъ. Но черезъ два года по ея смерти вступилъ во второй бракъ. Моя мачиха была англичанка. Вместе съ ней поселилось у насъ ея семейство, состоявшее изъ матери и двухъ младшихъ сестеръ, милыхъ дѣвушекъ, веселыхъ, ласковыхъ. Разумѣется я полюбилъ ихъ. () томъ какъ любила меня мачиха, я не могу вспоминать, не умилаясь душой.

Мнѣ было 20 лѣтъ, когда я кончилъ курсъ въ Кембриджѣ. Отецъ извѣлъ меня въ контору фирмы. Я служилъ съ годъ подъ его начальствомъ. Глава фирмы зналъ меня, и скоро удостоилъ своимъ довѣріемъ, не смотря на молодость моихъ лѣтъ; часто давалъ мнѣ порученія въ первое время, конечно, небольшія, но требовавшія солидности и скромности. Однажды меня позвали въ его кабинетъ.

— Вы слышали о несчастіи, которое случилось съ Жоржемъ Дюбеллѣ?— спросилъ онъ меня, и видя по моему лицу, что я не знаю, продолжалъ: — Окипавъ, лошади котораго взбѣсились, ударилъ несчастнаго юношу острымъ обломкомъ дышла въ грудь; черезъ нѣсколько часовъ онъ перестанетъ дышать, но теперь онъ пользуется полнымъ сознаніемъ. Спѣшите къ нему, успокойте его за судьбу жены. Вы, надѣюсь, знали его сколько-нибудь?

— Мы пріятельски здоровались, когда мнѣ случалось входить въ то отдѣленіе конторы.

Тѣмъ лучше, что онъ хорошо знаетъ васъ. Онъ служилъ у насъ такъ недолго, что еще не умѣлъ быть особенно полезенъ завѣдующему нашей французской корреспонденціей. Но это все равно: скажите ему, что наша фирма будетъ давать его женѣ ту пенсію, какую найдетъ онъ достаточной для ея обезпеченія; вы опредѣлите цифру по разговору съ нимъ; чтобъ онъ былъ счастлѣе, начните съ того, что жалованье, которое получалъ онъ, было бы недостаточно для доставленія спокойствія женицѣ, лишившейся съ нимъ перспективы постепеннаго увеличенія своихъ денежныхъ средствъ; эта перспектива важный элементъ довольства жизнью; ее должно цѣнить дорого; и подымайте цифру пенсіи: можете идти до 300 фунтовъ. Лишняго не назначайте, но скупъ не будьте. Вотъ его адресъ. Спѣшите. Васъ ждетъ моя карета. Есть ли при васъ деньги? Возьмите на всякій случай. — Онъ подалъ мнѣ нѣсколько банковыхъ билетовъ и свертокъ sovereignовъ.

Я побѣжалъ, забывъ даже зайти въ контору за шляпой.

Считаю лишнимъ разсказывать, что я увидѣлъ, вошедши въ маленькую квартиру Жоржа Дюбеллѣ; да я мало что и видѣлъ, кромѣ моего сверстника, которому предстояло умереть черезъ нѣсколько часовъ. Его физическія страданія не были мучительны. Въ груди была глубокая рана отъ остраго конца желѣзной обивки дышла, сломавшагося о каменный столбъ, опрокинутый мчавшимися лошадьми. — Первые мои слова исцѣлили нравственные его страданія. Онъ говорилъ о 2,000 франкахъ; я сказалъ, что хорошо и стать спрашивать о ея семействѣ, воспитаніи, чтобъ увидѣть, достаточно ли будетъ этого; она молчала; говорилъ одинъ онъ; довольно легко; онъ разсказалъ, что ея отецъ — отставной офицеръ, въ родѣ поручика, что она теперь единственное дитя родителей: были два брата, довольно много старше ея; оба погибли въ Кохинхинѣ отъ мѣзмовъ тропическихъ болотъ; отецъ и мать ея люди довольно образованные; она очень хорошо образована; въ дѣвушкахъ не испытывала особенной нужды; отецъ получаетъ пенсію, у матери есть домикъ въ Арль и маленькій виноградникъ въ трехъ километрахъ отъ города: все вмѣстѣ это составляетъ тысячи полторы франковъ дохода; ихъ домикъ не даетъ дохода, они живутъ въ немъ одни; но надобно считать и цѣну даровой квартиры. По всему этому, 2,000 франковъ пенсіи будетъ достаточно для нея, говорилъ онъ; я сказалъ, что она будетъ получать 3,000 и что я оставляю ей не въ счетъ этой пенсіи на расходы возвращенія къ родителямъ 100 фунтовъ. Я не знаю, дѣйствительно ли 100 фунтовъ отдалъ я ей. Я не могъ бы даже сказать, молодой женщинѣ я отдалъ ихъ или старухѣ, еслибъ не зналъ, что жена юноши должна быть очень молода.

Тутъ былъ врачъ, тутъ были нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ помогать врачу: мое присутствіе было излишнимъ; я поѣхалъ доложить мистеру Бриггсу объ исполненіи его воли. Выслушавъ меня, онъ сдвинулъ брови и сказалъ голосомъ, суровость котораго заставила зарыдать меня, разстроеннаго отъ впечатлѣній, испытанных мною у постели умирающаго.

— Вы должны были оставаться тамъ до конца, мистеръ Сеттембрини. Если вамъ понадобится спросить у меня какого нибудь распоряженія, вы привлечете кого-нибудь въ моей каретѣ. Самъ вы должны не отлучаться отъ миссисъ Дюбеллѣ, пока она заснетъ.

Я провелъ всю ночь въ комнатѣ умершаго. Миссисъ Дюбеллѣ не хотѣла отходить отъ тѣла мужа. На разсвѣтѣ она задремала. Отправился уснуть и я, сдѣлавъ распоряженія о томъ, чтобы берегли ее.

Я распоряжался и похоронами, распоряжался потомъ приготовленіями миссисъ Дюбеллѣ къ отъѣзду. Мои патроны велѣли мнѣ проводить ее до Арля, гдѣ жило ея семейство. Мы выѣхали черезъ четыре дня по смерти ея мужа. Въ Арль я получилъ приказаніе не сѣмнить возвращеніемъ, и оставался тамъ два мѣсяца; а когда написалъ, что возвращаюсь, то получилъ приказаніе остановиться въ Парижѣ для исполненія порученія, которое будетъ дано мнѣ тамъ. Въ Парижѣ меня ждало приказаніе записать на имя М-ше Дюбеллѣ во французскомъ банкѣ ту сумму облигаціей Орлеанской дороги, которая даетъ 3,000 франковъ дохода. Ея пенсія была обращена въ капиталъ, переданный въ ея собственность. — «По разницѣ нашихъ лѣтъ должно думать, что М-ше Дюбеллѣ переживетъ меня: потому я долженъ былъ обезпечить ее», писалъ мнѣ въ Парижъ мистеръ Бриггсъ.

Вѣроятно нѣтъ надобности говорить о томъ, какая пережѣна въ моей душевной

жизни была произведена исполненіемъ порученія моего патрона успокоить умирающаго Жоржа Дюбеллэ.

Мы не переписывались съ М-ме Дюбеллэ. Ея мать, М-ме Вердьё, извѣщала меня о ней; я отвѣчалъ М-ме Вердьё записками, состоявшими изъ двухъ, трехъ строкъ.

— Отдохните, Павелъ Сергѣичъ, сказала княгиня. Въ залѣ направо вы найдете сигары.

— Я не курю, княгиня.

Она и тѣ двѣ дамы, подъ покровительствомъ которыхъ сидѣлъ Вязовскій за ужиномъ, переглянулись. Старшая изъ тѣхъ двухъ дамъ пожала плечами.

— Давно перестали вы курить, Мг. Вязовскій?

— Лѣтъ семь, баронесса.

— А чай съ молокомъ вы пьете?

— Пью, баронесса.

— Я слышала, что молоко нынѣ дорого.

— Очень дорого, баронесса.

— Скажите, Мг. Вязовскій, хороша была она? — сказала графиня.

— Она была изъ Арля, графиня.

— Ей вѣроятно было лѣтъ 16, когда вы познакомились съ ней?

— Съ ней познакомился не я, графиня, а мисторъ, или точнѣе выражаясь, синьоръ Сеттембрини.

— Синьоръ Сеттембрини познакомился съ нею въ Лондонѣ. А вы—въ Москвѣ или здѣсь?

— Я уклоняюсь отъ отвѣта графиня.

— Сколько же лѣтъ было ей при началѣ вашего знакомства?

— Ей было во время смерти мужа почти 18 лѣтъ, графиня.

— Откуда была она родомъ: изъ Малороссіи, съ Волги, изъ центральной Россіи или сѣверной?

— Она была уроженка Арля, графиня.

— Не потому-ли названа она у васъ южной французенкой, что у нея были совершенно черные волосы? Вы опять скажете: «уклоняюсь отъ отвѣта». Не говорите такъ; подобные отвѣты будутъ принимаемы мною за подтвержденіе вопросовъ. Итакъ: какого цвѣта были ея волосы? Я хочу пока знать только это. Совершенно черного?

— Совершенно, графиня.

— Дайте жъ ему отдохнуть, Наденька, сказала княгиня.

— Я нисколько не усталъ, сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте, сказала баронесса.

Черезъ полгода я вошелъ въ кабинетъ моего патрона и попросилъ у него отпуска на двѣ недѣли.

Вы надобенъ мнѣ, сказалъ онъ:—Не могу безъ неудобства для себя дать вамъ отпускъ раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ.

Еще мѣсяцъ неизвѣстности, страданія. Дрожащимъ голосомъ я повторилъ просьбу.

— У васъ очень спѣшное дѣло?

— Да.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Арль.

Въ Арль? — Онъ пристально посмотрѣлъ на меня. Я покраснѣлъ подъ его взглядомъ. Съ минуту прошло въ молчаніи.

— Вы поѣдете въ Марсель. Вы можете побывать тамъ, когда вздумается, лишь бы до истеченія двухъ недѣль. Тамъ васъ не задержатъ; это будетъ дѣло нѣсколькихъ часовъ. Потомъ я буду присылать другія порученія въ Марсели; такія же. Даю вамъ отпускъ на пять недѣль.

— Я никогда не забуду того, что дѣлаете вы для меня теперь, мистеръ Бриггсъ.

— Если во время вашей поѣздки не будете имѣть надобности телеграфировать мнѣ что-нибудь по вашимъ личнымъ дѣламъ, то немедленно по пріѣздѣ вы заѣдете сюда ко мнѣ, или пошлете мнѣ извѣщеніе о вашемъ пріѣздѣ, если это будутъ не конторскіе часы.

Изъ Парижа я телеграфировалъ М-ше Вердье: «Ѣду. Завтра въ 11 часовъ буду говорить съ нею и съ вами».

Меня встрѣтила только мать. Она была простая женщина, прямодушная и на мой привѣтъ ей, не дожидаясь вопроса о дочери, отвѣчала:

— Олеонора здорова. И думаю, что она выйдетъ къ намъ. Но я не увѣрена въ томъ. Она очень расстроена.

Я говорилъ ей о любви къ ея дочери, говорилъ, что пріѣхалъ только сказать о своей любви: не прошу назначить срокъ для дозволенія сдѣлать предложеніе; знаю, что дозволеніе не можетъ быть дано скоро; я готовъ тотчасъ уѣхать и не возвращаться безъ приглашенія; обѣщаюсь не писать ей, какъ прежде не писалъ.

— Я не могла не догадываться, что вы полюбили Олеонору, сказала М-ше Вердье: — такая нѣжная заботливость, какую выказывали вы тогда, была сильнѣе простаго сочувствія несчастью. И ваша внимательность ко мнѣ слишкомъ ясно свидѣтельствовала, что я не чужая вашему сердцу.

Я говорилъ съ М-ше Вердье объ индифферентныхъ вещахъ, рассказывалъ ей новости, слушалъ отъ нея новости. Прошло часа два.

— Я пойду къ ней, сказала М-ше Вердье.

Я сидѣлъ одинъ долго. Вошла мать.

Олеонора не можетъ видѣть васъ нынѣ. Я упранивала ее. Она слушала молча. Она расстроена сильнѣе, нежели была, когда ушла въ свою комнату, услышавъ ваши шаги. На ней липа нѣтъ. Она сказала только, что завтра, быть можетъ, выйдетъ къ вамъ. Обѣдайте завтра у насъ. Вы знаете, я хорошая кухарка. Вы помните, мы обѣдаемъ въ четыре часа.

Она обняла меня и поцѣловала.

— Олеонора не выйдетъ къ обѣду, сказала мнѣ на другой день ея мать: — Но она поговоритъ съ вами послѣ наединѣ; Боже мой! Боже мой! Я не могу познать ее; я опасаясь за ея разсудокъ.

Вскорѣ послѣ обѣда мать ушла, уводя съ собою мужа. Черезъ нѣсколько минутъ вошла М-те Дюбелле: она была блѣдна, будто только что вставшая послѣ продолжительной болѣзни.

— Я любила Жоржа, больше ничего не могу сказать вамъ. Забудьте меня. Дайте руку на прощанье.—Она взяла мою не подымавшуюся руку.—Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для меня и еще больше за ваше чувство ко мнѣ.

Я хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Не надо, не надо—она опустила мою руку, упавшую безсильно.—Прощайте.

Она ушла, я остался дожидаться ея матери. Мать вошла черезъ минуту, молча обняла меня и заплакала.

Я сказалъ ей, что уѣзжаю. Она сказала, что не теряетъ надежды. Мы крѣпко обнялись и я ушелъ.

Самъ не замѣчая, куда иду, я остановился и очнулся только по голосу носильщиковъ, которые въ-четверомъ несли на плечахъ что-то большое и тяжелое: «Остерегитесь». Я увидѣлъ, что подходилъ къ дебаркадеру Марсельской дороги. Мнѣ надобно было возвратиться въ гостиницу за портфелемъ и вещами. Но я еще успѣлъ пріѣхать на дебаркадеръ къ поѣзду. На другой день въ 11 часовъ утра мои порученія въ Марсели были уже исполнены. Я поѣхалъ въ Барселону, телеграфировалъ, ждать ли мнѣ тамъ порученія, до котораго еще оставалась недѣля слишкомъ, получилъ отвѣтъ, что могу возвратиться, и поѣхалъ въ Лондонъ.

Я пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера. Помня приказанія моего патрона, я отправился со станціи прямо въ контору; она была, разумѣется, пуста; я отдалъ сторожу записку о моемъ пріѣздѣ, попросилъ отослать ее къ мистеру Бриггсу, и поѣхалъ домой.

— Надѣлали вы мнѣ хлопотъ, мистеръ Сеттембрини, сказалъ дежурный клеркъ нашей конторы, входя ко мнѣ черезъ три часа. Зачѣмъ вы ушли, не повидавшись со мной? Развѣ трудно было перейти изъ первой комнаты во вторую? Виновать, впрочемъ, и я: вздремнулъ; вы должно быть пожалѣли разбудить меня; и точно: жаль было бы будить: я не спалъ всю ночь; подводя балансъ, недоставало двухъ пенсовъ и я, начавъ провѣрку вчера въ 5 часовъ вечера, нашелъ ошибку только въ 57 минутъ 9 часа утра. Я былъ такъ утомленъ, что не могъ тогда заснуть, и весь день не могъ. Не понимаю, какъ я сто разъ, двѣсти разъ видѣлъ сложеніе двухъ немногосложныхъ цифръ и не замѣчалъ ошибки. Отъ этого невѣрнаго итога и происходила ошибка въ балансѣ. А сложеніе итоговъ, которыхъ было 283, я произвелъ, какъ все всегда, правильно. Вотъ въ этомъ то и состояла бѣда: искалъ ошибки въ многосложномъ, трудномъ, а маленькое пропустилъ безъ вниманія. Судите самъ: возможно ли было предположить, что неправильно произведено сложеніе двухъ цифръ, сумма которыхъ составляетъ 2 фунта 15 шиллинговъ 8 пенсовъ, когда одна изъ двухъ слагаемыхъ цифръ равна 1 фунту? Я дремалъ, сидя на диванѣ; услышалъ какъ хлопнула дверь, вышелъ спросить, кто это; сторожъ сказалъ мнѣ, что это хлопнули дверью вы, уходя. Я посталъ его догнать васъ. Вы уже были далеко. И зачѣмъ попался вамъ кабъ съ такой хорошей лошадейю.

Слушая его, я вполне понялъ, до какой степени упалъ я духомъ. Правда, я и въ молодости былъ терпѣливъ; но какого же терпѣнія достало бы у человѣка душевно здороваго слушать все это, когда не только первыя слова вошедшаго показывали, что онъ имѣетъ какое-то спѣшное порученіе ко мнѣ, но и самое появленіе его у меня въ этотъ часъ ужъ свидѣтельствовало о чрезвычайной спѣшности сообщенія, которое онъ долженъ былъ сдѣлать. Пять разъ я хотѣлъ прервать его многословіе вопросомъ: «По какому же дѣлу вы присланъ ко мнѣ?» Но лѣнь было остановить. Онъ подивился еще тому, какъ пропускалъ ошибку въ маленькомъ простомъ сложеніи, хоть самъ ужъ объяснилъ причину, отъ которой произошло его невниманіе къ ней, и достигъ наконецъ до дѣла, съ котораго слѣдовало бы начать.

— Я послалъ съ вашей запиской курьера къ мистеру Бриггсу; курьеръ возвратился вотъ съ этой запиской. Читайте:

Я прочелъ: «Жду мистера Сеттембрини. Альфредъ Бриггсъ».

Я схватился за шляпу.—Мой посѣтитель продолжалъ:

— Вы понимаете, мистеръ Сеттембрини, что я рѣшился ѣхать самъ съ этой запиской, чтобы торопить васъ, а не могъ же я уйти съ дежурства, не замѣтивъ себя. Къ счастью одинъ мой помощникъ живетъ въ самомъ Сити, въ какой-нибудь четверти мили отъ конторы; пославъ за нимъ, я былъ увѣренъ, что черезъ десять минутъ онъ будетъ въ конторѣ; но онъ былъ у своей тетки; а мое приказаніе курьеру было: не возвращаться безъ него; курьеръ поскакалъ за нимъ къ теткѣ, а тетокъ у него цѣлыхъ три; и та тетка, къ которой поѣхалъ онъ, уѣхала съ нимъ къ другой теткѣ; курьеръ туда за нимъ; къ счастью засталъ его у этой тетки; такимъ образомъ и пріѣхалъ онъ въ контору. Я сталъ сдавать ему бумаги и телеграммы; онъ, какъ человѣкъ неопытный, спрашивалъ объясненій; я давалъ ихъ; но онъ...

Но я ужъ успѣлъ одѣться, потому не слышалъ продолженія, хотя повѣствователь гнался за мной по лѣстницѣ, желая посвятить меня во всѣ подробности дѣла до конца.

О томъ, гдѣ теперь мистеръ Бриггсъ, не имѣлъ надобности ни писать онъ, ни спрашивать я. Онъ всѣ вечера проводитъ въ своемъ семействѣ и если, что бывало не часто, уѣзжалъ, провожая жену и дѣтей на балъ или въ театръ, объ этомъ была извѣщаема контора.

Онъ жилъ не за городомъ, какъ большинство князей Сити, а въ своемъ домѣ близъ Пиккадилли. Но этотъ домъ въ центрѣ Лондона былъ сельская вилла.

Меня ввели въ кабинетъ мистера Бриггса.

— Вы рано вернулись, мистеръ Сеттембрини.

Я промолчалъ.

— Это потому, что вы рано поѣхали. Не унывайте. Черезъ два года, вѣроятно даже раньше, вы найдете пріемъ, какого заслуживаете. Я не ошибаюсь въ предположеніи о цѣли вашей поѣздки?

— Нѣтъ.

— Я хотѣлъ тогда не давать вамъ отпуска, прежде чѣмъ пройдетъ надобность моя въ васъ. Это длилось бы, вѣроятно, нѣсколько больше мѣсяца. Въ мѣсяцъ вы, можетъ быть, дошли бы до мысли, что вамъ еще рано ѣхать.

— Не дошелъ бы.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не въ чемъ винить себя. Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что я догадался дать вамъ порученіе въ Марсель; по крайней мѣрѣ вы избавлены отъ насмѣшекъ и, что обиднѣе насмѣшекъ, отъ сожалѣній. Надѣюсь, вы будете хранить абсолютное молчаніе о томъ, зачѣмъ вы ѣздили въ Арль. Думаете ли вы, что завтра въ конторѣ будете бодрымъ, спокойнымъ, какъ всегда? Если нѣтъ, скажитесь больнымъ и сидите въ своей комнатѣ, пока окрѣпнете духомъ. Не мѣшаетъ принимать лекарства. Не удивляйтесь, что я выказываю заинтересованность вами. Я самъ испыталъ въ молодости, что такое значить полюбить всей душой. Прощайте, я иду къ семейству. — Онъ подаль миѣ руку. — Не унывайте, черезъ два года, вѣроятно и раньше, вы найдете себя въ Арлѣ хорошій пріемъ.

И я махиха, мы очень любили другъ друга; ея дѣти мнѣ были милы, какъ были бы братья и сестры, рожденные моею матерью; но я уже не былъ единственнымъ сыномъ моего отца и съ поступленія въ контору уже не имѣлъ нужды въ матеріальной поддержкѣ отъ него; нравственныхъ заботъ ему я не дѣлалъ: онъ видѣлъ, что я скромный, благоразумный молодой человѣкъ, не поддамся никакимъ дурнымъ увлеченіямъ, да и не имѣю склонности къ нимъ. А мои братья и сестры требовали постоянной внимательности отца къ тому, чтобы они росли здоровыми, учились хорошо. Понятно, что мое положеніе въ семействѣ стало черезъ два, три года по моемъ поступленіи въ контору походить на отношенія младшаго брата къ старшему и его женѣ, молодого дяди къ племянникамъ и племянницамъ. На третьемъ году моей службы глава нашей фирмы поручилъ мнѣ завѣдываніе дѣлами совершенно посторонними кругу дѣятельности моего отца. Мнѣ часто приходилось ѣздить въ Ливерпуль, раза два я жилъ по нѣскольку недѣль въ Глазго. Наконецъ глава фирмы послалъ меня въ Филадельфію и я оставался тамъ болѣе пяти мѣсяцевъ.

А между тѣмъ сестры и братья мои подростали; правда, сестры моей махихи вышли замужъ, но все таки у насъ становилось тѣсно при мнѣ. А махиха и отецъ привыкли къ тому коттеджу въ Кэмберуэллѣ, который занимали съ самою свадьбой своей. — Когда я, проживъ долго въ Америкѣ и видя, что проживу тамъ еще довольно долго, написалъ отцу, что по возвращеніи поселюсь отдѣльно, онъ согласился; махиха спорила съ нимъ, писала мнѣ, но должна была уступить основательности нашихъ доводовъ; удерживать меня въ коттеджѣ значило бы стѣснять моихъ младшихъ сестеръ и братьевъ. — Это было на третій годъ послѣ моей несчастной поѣздки въ Арль. Такимъ образомъ я отдѣлился отъ семейства и оно привыкало къ тому, что моя жизнь идетъ особо отъ него.

Мать М-ше Дюбелле постоянно переписывалась со мною. Сначала ободряла меня, потомъ стала говорить, что ея дочь, въ первое время послѣ отказа миѣ молчаливая при ея заступничествѣхъ за меня, просить ее не упоминаетъ при ней обо мнѣ. Мать иногда преднамѣренно, чаще по забывчивости, нарушала это желаніе дочери; при первомъ ея словѣ обо мнѣ, дочь уходила. Мать привыкла не произносить при ней моего имени. Долго оно не слышалось въ разговорахъ

матери. Посторонніе иногда вспоминали о томъ, какъ я привезъ овдовѣвшую М-ше Дюбеллѣ, прожилъ два мѣсяца въ Арль, стараясь устроить для нея жизнь по возможности хорошую; разумѣется къ похвалѣ моей заботливости о ней прибавляли и другія похвалы мнѣ. Она довольно долго переносила эти упоминанія—не частыя и не длинныя—терпѣливо. Но вотъ—на третьемъ году вдовства, черезъ два года послѣ отказа мнѣ, она при одной изъ такихъ похвалъ рѣзко сказала говорившей гостьѣ: —«Вы ошибаетесь, это человѣкъ съ грубыми чувствами, эгоистъ». Гостья замолчала, взглянувъ на нее съ удивленіемъ, съ выраженіемъ порицанія на лицѣ. При новомъ такомъ же случаѣ, она съ усмѣшкой сказала: «Онъ былъ бы хорошъ, если бы не былъ человѣкъ низкой души», и стала ѣдко осмѣивать мою наружность (которая не была особенно некрасива въ молодости), мои манеры (скромныя, но не неловкія и ни мало не смѣшныя), мой французскій языкъ (очень чистый ужъ и тогда), мои понятія (честныя, но не наивныя, чуждыя экзальтаціи, потому не представлявшія никакого справедливаго повода для насмѣшекъ). Казалось, не будетъ конца этому потоку несправедливыхъ сарказмовъ. Гостьи напрасно старались остановить его. Имъ было тяжело. Одна изъ нихъ пожаловалась на головную боль и встала. Другія были рады воспользоваться случаемъ тоже проститься. Это повторялось. Весь Арль говорилъ, что у М-ше Дюбеллѣ испортился характеръ. Всѣ осуждали ее. Нѣкоторые гостьи (старинныя пріятельницы М-ше Вердье; это были въ тѣ годы единственныя гостьи М-ше Вердье и ея дочери) перестали посѣщать М-ше Вердье, не желая видѣть ея дочь. Мать писала, что вѣроятно это подѣйствовало на дочь: она стала молчать обо мнѣ, какъ прежде.— Я давно утратилъ надежду. Но все таки мнѣ было новой горечью читать, что она смѣется надо мною. Чѣмъ я заслужилъ насмѣшки? Еще больше, чѣмъ огорчительность ея непріязни ко мнѣ, была мнѣ мысль, что она стала злою. Но скоро она возвратила себѣ любовь подругъ матери. Онѣ увидѣли, что ея вспышки противъ меня были только симптомами нервнаго расстройства. Она оправилась отъ страданій, мучившихъ ее, и снова стала кроткою. Именно въ этомъ и состояла одна изъ привлекательнѣйшихъ особенностей ея характера: съ чрезвычайной силою воли въ ней соединялась кротость, никогда, кромѣ этого времени нервнаго расстройства, не измѣнявшая ей.

Вскорѣ послѣ того, какъ огорчался, я былъ обрадованъ. Всѣ эти почти четыре года со времени смерти мужа М-ше Дюбеллѣ была печальна. Теперь ея мать написала мнѣ, что она какъ будто возрождается душой. До той поры она чуждалась общества, рѣдко выходила даже къ гостямъ матери; съ своими прежними подругами вовсе не видѣлась: сказала имъ тогда, но пріѣздъ, что ей тяжело ихъ разговоры, и послѣ того не принимала ихъ. Теперь она стала нѣсколько измѣнять свой отшельническій образъ жизни. Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ прекратила свои жестокія нападенія на меня, М-ше Дюбеллѣ въ первый разъ согласилась отправиться съ матерью и отцомъ на прогулку за городъ. Это была уединенная прогулка въ рощу при виллѣ Au Grand Bois, стоявшей тогда пустою. Ограда рощи была заперта. Отецъ выпросилъ у завѣдывающаго виллою особое разрѣшеніе входа въ рощу. Они пробыли тамъ очень долго, съ своего обѣда до ночи. Дочь ушла отъ отца и матери, гуляла и сидѣла одна. Но они были рады и тому. Она полюбила эту рощу, ѣздила туда каждый

день, и не брала съ собой отца и мать. «Одной мнѣ лучше тамъ», говорила она. Безъ сомнѣнія она грустила тамъ; но возвращаясь домой, была менѣе грустна, чѣмъ прежде. Такъ прошло недѣли двѣ. Она перестала ѣздить въ рошу. «Мнѣ нѣтъ надобности облегчать свою грусть», сказала она на замѣчаніе матери, что ей наскучило ѣздить въ рошу. — «Вы видите, что я и безъ того теперь не грустна».

У меня была мысль, не должно ли считать злыя нападенія М-ше Дюбеллѣ на меня проявленіями ея раздраженія противъ самой себя за то, что не можетъ подавить въ своемъ сердцѣ влеченіе ко мнѣ. Но время шло, и не было новыхъ вспышекъ непріязни ко мнѣ; если тѣ порывы несправедливыхъ нападеній на меня были симптомами ея досады на себя за влеченіе ко мнѣ, то значить затихла эта досада, т. е. исчезла и причина досады, влеченіе ко мнѣ заглохло, замѣнилось равнодушіемъ.

М-ше Вердье стала писать мнѣ, что начинаетъ быть довольна дочерью: Элеонора охотно принимаетъ прежнихъ подругъ; впрочемъ, онѣ должны держать себя съ нею осторожно: когда поддаются своей молодой веселости, она уходитъ. Черезъ нѣсколько времени и этотъ остатокъ прежняго настроенія души М-ше Дюбеллѣ исчезъ: мать ея писала, что она слушаетъ веселую болтовню подругъ, которой прежде не допускала. Ея здоровье, угнетенное продолжительной печалью, быстро улучшается, писала мать, блѣдность ужъ замѣнилась свѣжимъ цвѣтомъ лица; на щекахъ появились нѣжные—еще слишкомъ нѣжные, едва замѣтные—признаки возвращенія румянца.

Когда упоминали при М-ше Дебюллѣ обо мнѣ, она говорила, что похвалы мнѣ справедливы.

Однажды М-ше Вердье сказала:

— Я напишу Mr. Сеттембрини, что ты расположена къ нему.

— Напишите, тамап, что я очень благодарна ему за расположеніе ко мнѣ; сказать ему это теперь будетъ, я надѣюсь, безопасно для него. Я увѣрена, онъ давно стыдится оскорбительной для меня мысли, что я измѣню памяти Жоржа. За что жъ продолжала бъ я досадовать на человека, который такъ заботился обо мнѣ? Да, я теперь могу сказать, что всегда была расположена къ нему. Если бъ онъ жилъ въ Марсели, мнѣ было бы пріятно повидѣться съ нимъ иногда.

— Я напишу ему, онъ пріѣдетъ.

— О тамап, тамап, вы неисправимы.

— Я напишу ему.

Какъ хотите. Но ѣхать сюда изъ Лондона не то, что изъ Марсели, не дружеское посѣщеніе, ровно ничего не значащее, а возобновленіе предложенія мнѣ. Я не думаю, чтобъ онъ былъ такъ непроницателенъ, какъ вы, моя добрая тамап.

— Ты запрещаешь ему навѣстить насъ?

— Я? Запрещаю? Ни мало. Какая мнѣ надобность до того, куда онъ поѣдетъ, или не поѣдетъ? Это его дѣло, а не мое.

— Я напишу ему, чтобъ онъ пріѣхалъ.

— Пишите, пожалуй, но помните, что это будетъ ваше приглашеніе.

М-ше Вердье написала мнѣ, что я могу пріѣхать.

«Какъ она простодушна, въ самомъ дѣлѣ», подумалъ я, и написалъ ей, что охотно прѣйду, когда буду имѣть досугъ.

— Видите, мамап, Мг. Сеттембрини сталъ благоразуменъ, сказала М-ме Дюбеллѣ, когда мать прочла ей мое письмо:—Онъ найдетъ досугъ прѣхать къ намъ, когда выдастъ замужъ младшую изъ дочерей, которыхъ будетъ имѣть со временемъ. Это будутъ красивыя дѣвушки, если будутъ похожи на его мать, черты которой наслѣдовалъ онъ, потому надѣюсь, у нихъ не будетъ недостатка въ женихахъ. Онѣ выйдутъ замужъ скоро; тогда мнѣ будетъ пріятно видѣть его въ Арлѣ.

— А если бъ онъ прѣехалъ теперь!

— То увидѣлъ бы, что не во всемъ хорошо слѣдовать вашему совѣту, моя добрая мамап; мнѣ было бъ очень жаль, но—наши отношенія, которыя, благодаря знанію, что никогда не увидимся, стали, такъ хороши, испортились бы. И серьезно говоря, мамап, я не могу простить ему ту обиду, что онъ воображалъ, будто я измѣню памяти Жоржа.

— Ты полагаешь, Элеонора, что никогда не выйдешь замужъ—я не говорю за Мг. Сеттембрини, но вообще?

— Выйду, или не выйду я не знаю, потому что нѣтъ человѣка, который могъ бы сказать о себѣ: «я никогда не унижу себя въ собственномъ мнѣніи». Но то я знаю, что если выйду замужъ, то не за Мг. Сеттембрини.—Мамап, будемъ откровенны. Правда, что я одна изъ первыхъ красавицъ Арля?

— Такъ говорятъ, Элеонора.

— Правда, что когда я была дѣвушкой, многіе прѣзжали изъ Марсели любоваться на меня?

— Ты сама видѣла ихъ, о чемъ же спрашивать?

— Думаете вы, что если бъ я захотѣла бывать въ Марсельскомъ обществѣ, то нашли бы для меня женихи изъ молодыхъ людей высшаго круга?

— Меня могло бъ обманывать материнское чувство: но и все здѣшнее общество говорить такъ.

— Мамап, если бъ я измѣнила памяти Жоржа, я была бы женщиной низкой души; а такія женщины ищутъ богатства и знатности. Вы понимаете теперь, что если бъ я вышла замужъ, то не за Мг. Сеттембрини.

М-ме Вердье поняла, что дѣйствительно такъ.

Не скажу, что я несколько не огорчился, читая это письмо М-ме Вердье. Но собственно говоря, что жъ новаго для меня было въ томъ, что М-ме Дюбеллѣ никогда не будетъ моею женой! Потому огорченіе было слабое и мимолетное.

Послѣ этого рѣшительнаго объясненія съ дочерью, М-ме Вердье перестала говорить ей обо мнѣ.

М-ме Дюбеллѣ быстро оправлялась. Румянецъ ея становился яркимъ, сохраняя свою нѣжность.

Легко было предугадывать, что М-ме Дюбеллѣ скоро порестанетъ жить затворницею, что веселье и счастье подругъ станетъ оживлять ее, что онѣ завлекутъ ее бывать въ обществѣ, что окруженная въ немъ поклонниками, она полюбитъ котораго нибудь изъ нихъ. Я радовался.

Разумѣется мои ожиданія оправдывались. М-ме Дюбеллѣ стала часто бывать въ семейныхъ кругахъ подругъ. И довольно скоро М-ме Вердье написала мнѣ,

что подружки вынудили у Элеоноры обѣщаніе участвовать въ поѣздкѣ довольно многочисленнаго общества въ паркъ Виллы Au Grand Bois, что эта прогулка назначена въ воскресенье, что отъ нея должно ожидать очень хорошаго дѣйствія на оживленіе души Элеоноры. Мать ея обѣщалась написать мнѣ о результатахъ прогулки послѣ завтра. Понятно, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого письма.

Мнѣ приходилось ждать почти недѣлю: письмо М-ме Вердье было написано во вторникъ, получено мною въ четвергъ. То, которое пошлетъ она въ понедѣльникъ будетъ получено мною въ среду. Съ пятницы я уже началъ раздумывать; удержусь ли я отъ намѣренія телеграфировать М-ме Вердье въ субботу, чтобъ она немедленно по возвращеніи съ прогулки, поздно вечеромъ въ воскресенье, или хотя бы даже ночью, сообщила мнѣ телеграммой, какое впечатлѣніе произвело на нее то, что было на прогулкѣ. Я самъ понималъ, что сдѣлаю этимъ себя смѣшнымъ въ глазахъ М-ме Дюбеллѣ и, что еще важнѣе, могу испортить наши отношенія. Но я думаю, что все-таки я исполнилъ бы свою безразсудную мысль.

Къ счастью мнѣ не понадобилось испытать на дѣлѣ твердость моего рѣшенія остаться терпѣливымъ. Утромъ въ субботу я получилъ отъ М-ме Вердье письмо сообщавшее мнѣ факты совершенно неожиданные не только мною или простодушной М-ме Вердье, жившей въ маленькомъ кругу своихъ знакомыхъ, мало знавшей новости, но и никѣмъ въ Арлѣ, никѣмъ въ самой Марсели.

Дѣло произошло въ Марсели, но отозвалось и въ Арлѣ такимъ шумомъ, что пріятельницы М-ме Вердье трепетали за своихъ сыновей.

Въ среду, въ 2 часа дня, префектъ департамента Устій Роны, Мг. Бильо, поѣхалъ къ вождю коалиціонной оппозиціи департамента, Гастону де Форкалькье, одному изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ Прованса, жившему теперь въ своемъ марсельскомъ домѣ. Черезъ полчаса префектъ вышелъ и помчался въ домъ префектуры съ такой безумной быстротой, что лошади едва не раздавили нѣсколькихъ человѣкъ. Въ 4 часа свѣтское общество Марсели узнало, что дочь префекта, М-лль Леонія Бильо, которую поутру видѣли здоровой, веселой, внезапно занемогла. Въ половинѣ 5-го свѣтскому обществу Марсели стало извѣстно, что единственный сынъ и наследникъ Гастона де Форкалькье, Ремонъ де Форкалькье, уѣхалъ изъ Марсели неизвѣстно куда или хотя бы по какому направленію: къ сѣверу ли по желѣзной дорогѣ, или на югъ, востокъ, западъ, моремъ. Къ вечеру говорила объ этихъ фактахъ вся Марсель, а вскорѣ послѣ начала вечера, говорилъ и Арль. Комментаріи были почти излишни. Само собою было ясно, что префектъ ѣздитъ къ Гастону де Форкалькье требовать женитьбы его сына на М-лль Леоніи Бильо и получилъ рѣшительный отказъ, что Леонія Бильо страстно любила Ремона де Форкалькье и что онъ если не прежде, то теперь отвѣчалъ на ея любовь пренебреженіемъ. Если бы люди хотѣли ограничиваться тѣми выводами изъ фактовъ, которые я достовѣрны и достаточны для разрѣшенія серьезныхъ вопросовъ о дѣлѣ, то не было бы въ Марсели и въ Арлѣ споровъ о томъ, какъ понимать дѣло, изумившее всѣхъ; но большинство людей непремѣнно хочетъ въ подобныхъ случаяхъ знать, была или не была любовницей молодого человѣка покинутая имъ дѣвушка. По этому вопросу общество распалось и въ Арлѣ, какъ въ Марсели, на двѣ партіи, — общество честныхъ людей, а не бонапартистовъ замѣчала М-ме Вердье: если

бы перегрызались между собой бонапартисты, это было бы приятно видѣть, но бонапартисты говорили всѣ въ одинъ голосъ, что это дѣло — интрига враговъ порядка, выдумывающихъ клеветы на Мг. Вильо; Ремонъ де Форкалькье полищенъ своими политическими друзьями и они держатъ его гдѣ-нибудь подъ стражей, чтобъ онъ не опровергъ гнусную выдумку, ставящую его имя въ связь съ именемъ М-Не Вильо. Онъ и она почти не были знакомы; часто ли встрѣчались они въ обществѣ? Въ обществѣ его отца не принять ея отецъ, въ обществѣ ея отца никогда не бывалъ онъ. Ремонъ де Форкалькье сказалъ бы правду. Онъ, какъ и его отецъ, врагъ правительства, но честный человѣкъ. Префектъ ѣздилъ предостеречь его отца отъ нѣкоторыхъ замысловъ противъ правительства, доказать, что они извѣстны правительству и будутъ наказаны, если не будутъ покинуты. Правительство желаетъ отвлечь честныхъ людей отъ злонамѣренныхъ, орудіямъ которыхъ служатъ они; оно желало бъ имѣть честныхъ людей своими союзниками, а не врагами. Болѣзнь М-Не Вильо — случайная; это простуда. — Бонапартисты, ссора между которыми была бы радостью для честныхъ людей, остались шайкой разбойниковъ, дѣйствующей единодушно по командѣ. Но честные люди перессорились между собой: и легитимисты, и орлеанисты, и республиканцы. Одни говорили, что Леонія Вильо благородная дѣвушка, вовсе не похожая и характеромъ, какъ чертами лица, на гнуснаго человѣка, замучившаго ее мать, отъ которой наследовала она и русые волосы, и голубые глаза, восприняла честныя убѣжденія, возвышенныя правила; что поэтому виноватъ Ремонъ де Форкалькье. Другіе признавая благородство души М-Не Леонія Вильо, говорили, что Ремонъ де Форкалькье человѣкъ безусловно честный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ; онъ не могъ быть обольстителемъ и Леонія Вильо не была его любовницей; а можетъ ли молодой человѣкъ быть подвергаемъ порицанію только за то, что не отвѣчалъ любовью на любовь дѣвушки? Казалось бы, что это рѣшеніе вопроса должно было нравиться защитникамъ и защитницамъ Леонія Вильо; но нѣтъ, лишь меньшинство ихъ принимало его; огромное большинство увлекалось своимъ желаніемъ сочувствовать несчастію благородной дѣвушки до такой горячности, что непремѣнно хотѣло считать ее любовницей человѣка, нежеланіе котораго, жениться на ней будетъ по всей вѣроятности причиной ея смерти. Защитники Ремона де Форкалькье горячились не хуже этого: въ своемъ усердіи оправдывать молодаго человѣка, дѣйствительно симпатичнаго и до той поры пользовавшагося безукоризненной репутаціей, они дѣлали жертвой обольщенія вмѣсто покинутой любовницы бѣжавшаго отъ нея любовника. Ремонъ де Форкалькье наследникъ 600.000 франковъ дохода; отецъ Леонія Вильо заманилъ богатаго вельможу; Леонія сама не понимала къ чему ведетъ ее отецъ; и кто скажетъ, что онъ сдѣлалъ ее любовницей Ремона де Форкалькье только въ надеждѣ, что благородный молодой человѣкъ не откажется загладить свой проступокъ бракомъ? Продавщій родину посоветится ли завлечь богача въ любовную связь съ дочерью, чтобы взять выкупъ? Негодяй могъ разсчитывать, что отецъ Ремона де Форкалькье дастъ миллионъ за то, чтобы отецъ дѣвушки молчалъ о дѣлѣ, бросающемъ дурную тѣнь на любовника ея обольстившаго ль или обольщеннаго, но вступившаго въ связь съ дѣвушкой безъ намѣренія жениться на ней.

Молодые люди и въ Арлѣ, какъ въ Марсели, перессорились между собой въ горячности споровъ обоить или обоить Ремонъ де Форкалькье: матери ихъ трепетали, въ ожиданіи дуэлей.

Но на другой день къ вечеру захохоталъ надъ собою Арль, какъ двумя часами раньше захохоталъ надъ собою Марсель. Оказалось, что ровно ничего романическаго не было ни въ одномъ изъ трехъ фактовъ, на которыхъ молва построила трагедію. Бонапартисты лгали, это само собою разумѣется; но ихъ выдумки были все таки менѣе далеки отъ истины, чѣмъ вымыселъ молвы. На другой же день послѣ того, какъ увлеклись ими, честные люди въ Марсели сообразили, что дѣло объясняется очень просто. За три мѣсяца передъ тѣмъ умеръ одинъ изъ депутатовъ Марсели. Теперь были назначены выборы новаго депутата. Префектъ ѣздилъ къ вождю оппозиціи предложить тайную поддержку правительства противъ оффиціального кандидата кандидату оппозиціи, кто бы ни былъ онъ, легитимистъ, орлеанистъ или республиканецъ, лишь бы не былъ онъ Тьеръ. Гастонъ де Форкалькье отвѣчалъ отказомъ, и Ремонъ де Форкалькье, помощникъ отца въ политическихъ дѣлахъ, побѣдилъ, какъ уполномоченный оппозиціи предложить кандидатуру Тьеру. Тайно уѣхалъ онъ потому, что оппозиціонный комитетъ получилъ уведомленіе о приказаніи задержать его подъ какимъ нибудь предлогомъ. И никакіе пріѣзды ль, отъѣзды ли его не могли имѣть никакого вліянія на здоровье Леоніи Бильо: онъ и она дѣйствительно почти вовсе не были знакомы. Леонія Бильо въ 12 часу скушала три порціи мороженаго; винить ее за это въ неосторожности было бы несправедливо, потому что дамы и дѣвушки, бывшія тогда съ ней на приморскомъ концѣ Promenade de Prado подъ верандой павильона Флоры скушали по четыре порціи мороженаго и больше, и остались здоровы: день дѣйствительно былъ знойный. Но съ моря налетѣлъ холодный шквалъ, и Леонія Бильо простудилась, потому что въ это время еще не прохладилась отъ зноя, подъ которымъ бѣжала она и ея подруги: если бъ она съѣла шесть порцій мороженаго, какъ многія изъ нихъ, то, вѣроятно осталась бы здорова подобно имъ.

Молодые люди Арля, перессорившіеся между собой изъ-за вопроса, обоить ли Ремонъ де Форкалькье Леонію Бильо, или былъ завлеченъ въ связь съ нею отцомъ ея, стыдились смотрѣть другъ на друга. Поѣздка всѣмъ обществомъ въ воскресенье была невозможна. Матери и сестры молодыхъ людей отложили ее до слѣдующаго воскресенья: къ тому времени этотъ вздоръ забудется.

Въ слѣдующую пятницу я получилъ новое письмо отъ М-не Вердьё. Поѣздка всѣмъ обществомъ въ паркъ вины Au Grand Bois улажена. Невозможно сомнѣваться, что она будетъ очень весела для молодежи: смѣнная ссора подновила дружбу. Одинъ изъ распорядителей поѣздки — Ремонъ де Форкалькье; онъ возвратился въ понедѣльникъ съ отказомъ Тьера принять кандидатуру. Всѣ въ Арлѣ дивятся тому, что онъ захотѣлъ быть участникомъ этой поѣздки: онъ человѣкъ вовсе не того круга. Но политическимъ дѣламъ онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ мужчинъ этого общества, но съ женами, сестрами или дочерьми онъ не знакомился, если не называть знакомствомъ то, что онъ раскланивался, встрѣчаясь на улицахъ: въ домахъ у нихъ онъ никогда не бывалъ, ни у одного изъ этихъ семействъ.

Я опять было волновался желаніемъ телеграфировать въ субботу М-ше Вердье, чтобъ она увѣдомила меня телеграммой о впечатлѣніи, какое произведетъ на нее то, что будетъ она видѣть во время прогулки. И опять не пришлось моему разсудку удостовѣриться опытомъ, можетъ ли онъ удержать меня отъ этой неосторожности: въ субботу, когда я, возвратившись изъ конторы, сидѣлъ съ книгой въ рукахъ и не читалъ ея, углубившись въ размышленіе: «телеграфировать, или не телеграфировать», мнѣ подали телеграмму отъ М-ше Вердье, обѣщавшую, что въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ мнѣ будетъ прислана новая телеграмма.

Въ 5 часовъ утра понедѣльника меня разбудили, чтобы отдать телеграмму. Она состояла изъ четырехъ словъ: «Я въ восторгѣ. Вердье».

Итакъ, я былъ достаточно подготовленъ ждать очень хорошихъ извѣстій. Но то, что прочелъ я въ письмѣ М-ше Вердье, помѣченномъ «Арль, 5 іюля 1858, понедѣльникъ, 3 часа пополудни», превзошло все мои ожиданія.

«Радуйтесь вмѣстѣ со мною, мой другъ!»—такъ начинала М-ше Вердье свое письмо! — «Элеонора—невѣста Ремона де Форкалькье. Я пишу это, проводивъ мать жениха, приѣзжавшую къ намъ сдѣлать отъ имени сына формальное предложеніе. Свадьба назначена черезъ двѣ недѣли, въ воскресенье 18 іюля».

Вотъ какъ это произошло.

Ремонъ де Форкалькье, возвратившійся въ Марсель въ понедѣльникъ, приѣхалъ въ среду въ Арль и вызвался въ собраніи знакомыхъ ему по политическимъ дѣламъ молодыхъ людей быть распорядителемъ поѣздки арльскаго общества въ паркъ виллы Au Grand Bois, назначенной въ воскресенье. Это было вечеромъ. Потому, дѣлать визиты въ тотъ же день онъ не могъ. Въ четвергъ утромъ онъ приѣхалъ въ Арль дѣлать визиты. Онъ сдѣлалъ ихъ всѣмъ 23 семействамъ, условившимся ѣхать въ воскресенье въ паркъ виллы Au Grand Bois. Понятно, что визиты его не могли длиться болѣе, какъ по нѣскольку минутъ. И у М-ше Вердье онъ пробылъ минутъ пять, не больше. Онъ не говорилъ М-ше Дюбеллѣ ничего, подобнаго комплиментамъ. Онъ лишь выразилъ въ простыхъ, глубоко прочувствованныхъ словахъ свое уваженіе къ ней за годы, проведенные ею въ печали. Только свое уваженіе къ ней за эти годы печали: онъ даже не прибавилъ выраженія удовольствія, что она возвращается къ жизни въ обществѣ. Въ пятницу онъ пробылъ въ Арль весь день, условливаясь о подробностяхъ прогулки въ собраніи молодыхъ людей и нѣкоторыхъ отцовъ и матерей семействъ, и отдѣльно съ нѣкоторыми семействами. Онъ посетилъ въ этотъ день десять или двѣнадцать семействъ. Теперь его посещения могли быть, и были, довольно продолжительны: четверть часа, полчаса, даже нѣсколько больше. Онъ былъ и у М-ше Вердье, вечеромъ. Пробылъ съ полчаса. Разговоръ его съ М-ше Дюбеллѣ былъ серьезный, безъ всякихъ любезностей, на которыя онъ былъ такъ щедръ въ разговорахъ съ другими молодыми дамами. То же самое, было въ субботу. Опять онъ провелъ въ Арль весь день, опять побывалъ у десяти или двѣнадцати семействъ, — отчасти у тѣхъ же, какъ вчера, отчасти у другихъ. Опять пробылъ вечеромъ съ-полчаса у М-ше Вердье, и разговоръ его съ ея дочерью былъ по прежнему серьезный безъ всякихъ любезностей. — «Мнѣ стало казаться, что въ этомъ

различіи его разговоровъ съ Элеонорою отъ разговоровъ съ другими молодыми женщинами есть что-то очень важное и очень высоко ставящее эту молодую даму надъ другими» — писала М-ме Вердьё: — «Но я умѣла промолчать объ этомъ, когда послѣ его посѣщенія видѣлась съ моими знакомыми. Не сказала даже Элеонорѣ, что я замѣтила это различіе, и какъ я думаю о немъ». Ея дочь держала себя съ нимъ такъ, какъ будто онъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, какой нибудь сельскій хозяинъ, негодіантъ, или ученый, заинтересованный исключительно своими дѣловыми занятіями, чуждый всякой мысли о томъ, чтобы нравиться женщинамъ. — Утромъ въ воскресенье онъ посѣтилъ тѣ изъ участвовавшихъ въ прогулкѣ семействъ, у которыхъ не было въ пятницу и субботу. Посѣтить еще разъ хоть одно изъ семействъ, у которыхъ онъ былъ послѣ своего перваго визита, онъ не имѣлъ времени: ему надобно было въ 2 часа отправиться въ паркъ виллы Au Grand Bois, чтобы наблюдать тамъ за окончаніемъ приготовленій къ приему общества. Потому не былъ онъ въ это утро и у М-ме Вердьё. Она не могла составить себѣ опредѣленныхъ понятій о томъ, чего надѣяться отъ прогулки; но предчувствовала, что будетъ радоваться за дочь; потому послала въ субботу телеграмму, обѣщавшую мнѣ, что она поспѣшитъ передать мнѣ свою ожидаемую радость, порадовать меня.

Въ паркѣ Ремонъ де Форкалькѣ держалъ себя относительно М-ме Вердьё и ея дочери точно такъ же, какъ въ Арлѣ: не оказывалъ имъ въ своей внимательности никакого предпочтенія передъ другими дамами, подходилъ къ нимъ не чаще, говорилъ съ ними не дольше. Тонъ его разговоровъ съ М-ме Дюбеллѣ былъ тотъ же самый, какъ при его посѣщеніяхъ дома ея матери въ пятницу и субботу: серьезный, почтительный, скорѣе грустный, чѣмъ веселый.

Распорядитель праздника въ паркѣ, Ремонъ де Форкалькѣ не имѣлъ свободы танцовать. Онъ не могъ ни на минуту быть увѣренъ, что не понадобится ему идти оказать какую нибудь услугу той или другой дамѣ, отдать какое нибудь непредвидѣнное распоряженіе прислугѣ. Но минутъ и даже нѣбольшой четвертой досуга у него было много. Когда думать, что досугъ продлится нѣсколько минутъ, онъ подходилъ къ какой нибудь изъ молодыхъ дамъ не танцовавшихъ въ это время и подавалъ ей руку, прося сдѣлать ему честь пройти съ нимъ по густой аллеѣ, направлявшейся отъ зданія виллы, около котораго группировалось общество, къ лѣсу, имя котораго служило названіемъ виллы. Общество и прислуга знали, что когда его нѣтъ на полянѣ и лужайкахъ, прилегающихъ къ переднему фасаду зданія виллы, то онъ въ этой аллеѣ, такъ что никогда не было затрудненія тотчасъ же найти его.

М-ме Дюбеллѣ вовсе не хотѣла танцовать, но должна была общаться три первыя кадрили мужьямъ своихъ ближайшихъ подругъ. Чтобы не давать общанія на другіе танцы, она еще въ пятницу сказала, что будетъ танцовать только эти три кадрили съ людьми, отказать которымъ не имѣетъ права.

Ужъ близки были сумерки, когда начиналась пятая кадриль на паркетѣ, которымъ покрытъ распорядитель праздника часть поляны передъ зданіемъ виллы. М-ме Дюбеллѣ, сидѣвшая съ матерью подъ однимъ изъ боскетовъ, окаймлявшихъ поляну, встала, какъ дѣлала при четвертой кадрили и при вальсахъ между кадрилями, чтобы подойти поближе смотрѣть на танцующихъ. Ремонъ де Форкалькѣ шелъ въ томъ же направленіи; увидѣвъ, что идетъ она, попросилъ и

ее, какъ просилъ прежде того десять или пятнадцать другихъ молодыхъ дамъ, сдѣлать ему честь пройти съ нимъ по аллеѣ. Она приняла предложеніе; они пошли въ аллею. Когда танцовали послѣднюю фигуру пятой кадрили, Ремонъ де Форкалькье и М-ме Дюбеллѣ возвратились изъ аллеи на поляну. Такъ дѣлалъ онъ и въ каждую изъ первыхъ четырехъ кадрили. Все время кадрили было для него сравнительно спокойное. Каждую изъ четырехъ прежнихъ онъ тоже всю отъ начала первой фигуры до середины или конца послѣдней проводилъ въ аллеѣ съ той дамой, которую просилъ оказать ему эту честь. Раза три, четыре во время кадрили ходила къ нему прислуга спросить о чемъ-нибудь, но это были обыкновенныя распоряженія о сигарахъ для мужчинъ, о фруктахъ и тому подобныхъ угощеніяхъ для дамъ; ему не было надобности выходить изъ аллеи для личнаго надзора за ихъ исполненіемъ.

И во время пятой кадрили, которое провелъ онъ въ аллеѣ съ М-ме Дюбеллѣ, ходили къ нему раза три или четыре официанты. Словомъ, отношенія Ремона де Форкалькье къ его дамѣ во время пятой кадрили должны были быть тѣ же самыя, какъ къ дамамъ, съ которыми разговаривалъ онъ въ аллеѣ въ первыхъ четыре кадрили. Такимъ образомъ никто не придалъ никакого значенія его разговору въ аллеѣ съ М-ме Дюбеллѣ; не придала даже и мать ея. Онъ и М-ме Дюбеллѣ возвратились изъ аллеи такими же спокойными, какъ пошли въ нее. Онъ занялся своими хозяйскими обязанностями съ прежней внимательностью; М-ме Дюбеллѣ съ прежней терпѣливой любезностью слушала болтовню подругъ и ихъ молодыхъ родственниковъ и по прежнему сидѣла, большею частью, подлѣ матери, стараясь развлекать ее, по правдѣ говоря нѣсколько скучавшую, подобно другимъ пожилымъ дамамъ.

Нѣсколько разъ въ продолженіе этой второй половины праздника, когда танцовали уже въ залѣ виллы, Ремонъ де Форкалькье подходилъ къ М-ме Вердье и ея дочери, сидѣвшей подлѣ матери. Степень внимательности его къ нимъ оставалась прежняя, то есть такая же, какъ къ другимъ дамамъ. Тонъ разговоровъ съ ними былъ тоже прежній. Въ два часа ночи пожилыя дамы рѣшительно потребовали возвращенія по домамъ: все равно, онѣ и мужья ихъ уже спятъ, то лучше же спать дома на постеляхъ, чѣмъ здѣсь, сидя на диванахъ или стульяхъ. Молодежь протестовала, но, какъ всегда и во всемъ, была безсильна противъ воли старшихъ.

Общество съѣло въ экипажи, ѣхать по домамъ. Дорогой оказалось, что М-ме Вердье справедливо не присоединялась къ шумному хору другихъ пожилыхъ дамъ, утверждавшихъ, что ихъ неодолимо клонить ко сну: она и не думала дремать, всю дорогу передавала мужу и дочери свои наблюденія и впечатлѣнія. Должно полагать, что въ ея разсказахъ не было ничего особенно интереснаго, потому что мужъ, по пріѣздѣ домой, признался, что всю дорогу дремалъ; но несомѣнно, что и не были они особенно скучны, потому что дочь слушала ихъ внимательно, часто дѣлала вопросы, поддерживавшіе ходъ разсказовъ, дѣлала свои замѣчанія, всегда кстати: она не дремала, это было ясно.

По пріѣздѣ домой М-ме Вердье, какъ дѣлала всегда передъ своимъ удаленіемъ на сонъ, проводила дочь до ея спальни и обняла ее на прощанье до утра. Но дочь вмѣсто того, чтобы на ея слова «Спокойной ночи, Элеонора» отвѣчать словами «Спокойной ночи, тата», сказала:

— Матап, Ремонъ де Форкалькье сдѣлать мнѣ предложеніе, я приняла; вы извините М-ше де Форкалькье, если завтра — то есть уже нынѣ — утромъ не пріѣдетъ она сама просить у васъ моей руки отъ имени сына. Ей нѣсколько нездоровится; она желаетъ быть у васъ сама, но если будетъ чувствовать себя не въ силахъ ѣхать, то пришлетъ вамъ только письмо съ сыномъ. Mr. Гастонъ де Форкалькье уѣхалъ на-дняхъ въ Парижъ и возвратится не ранѣе вторника, а М-ше де Форкалькье и Ремонъ не хотятъ отлагать дѣло для того только, чтобы вмѣсто матери въ случаѣ если она все еще не будетъ выходить изъ комнаты, ѣхалъ переговорить съ вами отъ имени сына отецъ. Дѣйствительно, не все ли равно пріѣхать и сыну, когда вы изъ письма матери будете видѣть, что она и отецъ вполне одобряютъ намѣреніе сына? Согласіе отпа получено по телеграфу. М-ше де Форкалькье приложить къ своему письму эту телеграмму. Теперь, спокойной ночи, матап.

М-ше Вердье стояла безъ движенія и голоса, окаменѣвшая отъ изумленія. Дочь поцѣловала ее и тихо пошла въ свою комнату. Мать смотрѣла молча; проговорила наконецъ:

— Элеонора, я войду къ тебѣ, спрошу, какъ же это.

Дочь отворила дверь своей комнаты. М-ше Вердье все еще стояла окаменѣвшая.

Дочь взяла ее за руку, ввела въ свою комнату, посадила.

— Вы хотите знать, матап, какъ это было? Неожиданно для меня, но совершенно просто, такъ что послѣ первой минуты удивленія можно найти это замѣчательнымъ только по своей неожиданности, а не потому, чтобы тутъ было что-нибудь въ самомъ дѣлѣ удивительное. Я видѣла, и вы сами видѣли, что мы очень понравились другъ другу. Что жъ въ этомъ особеннаго? развѣ и онъ и я не такіе, что можемъ нравиться другъ другу?

— Но такъ неожиданно! — машинально повторила М-ше Вердье то слово дочери, которое соотвѣтствовало ея удивленію.

— Правда, матап; но и въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Предложенія очень часто бываютъ неожиданностью.

— Когда жъ онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Во время нашего разговора въ аллеѣ, когда была пятая кадрили.

М-ше Вердье сидѣла, не умѣя найти новаго вопроса по растерянности мыслей отъ множества недоумѣній.

— Теперь вы знаете все, матап, я провожу васъ въ вашу комнату.

Она помогла матери встать, повела въ ея комнату. М-ше Вердье двигалась, какъ машина. Дочь посадила ее, наклонилась, поцѣловала и пошла изъ комнаты.

— Элеонора, да какъ же получена телеграмма отъ его отпа?

Дочь остановилась.

Онъ послѣ нашего разговора написалъ телеграмму матери, послалъ на станцію въ Арль, оттуда послали ее въ Марсель; мать отправила телеграмму на Марсельскую станцію; тамъ послали ее въ Парижъ; черезъ часъ получили отвѣтъ изъ Парижа, послали эту телеграмму отца къ матери. мать прислала ее въ Арль; изъ Арля принесли ее къ намъ въ паркъ. Вы видите, матап, все это было очень просто. Спокойной ночи.

Она ушла. Мать только развѣ минутъ черезъ пять замѣтила, что вовсе не для чего было спрашивать о томъ, какъ полученъ отвѣтъ отца, потому что и сама понимала, какъ.

Посидѣвъ еще сколько то времени — вѣроятно довольно долго, какъ она заключила потомъ изъ того, что вскорѣ послѣ услышала три удара стѣнныхъ часовъ, М-ме Вердье пошла къ дочери. Но дверь комнаты дочери была по обыкновенію заперта на время сна. М-ме Вердье прислушивалась: быть можетъ дочь еще не спитъ; даже безъ сомнѣнія, не спитъ еще: возможно ли скоро уснуть, получивъ такое предложеніе? Но нѣтъ, дочь дышала медленно и тихо; ни малѣйшаго шороха не было; дочь спала. («А она не спала, какъ утромъ сказала мнѣ» — поясняла М-ме Вердье: — «она легла, но не могла уснуть, и прекрасно слышала, какъ я подходила къ двери, переминалась, отошла, какъ сѣла на диванъ подлѣ ея двери, какъ ушла изъ той комнаты, которая передъ ея комнатою. — она все слышала, только не хотѣлось ей говорить со мною, а хотѣлось думать. Она всю ночь думала, сказала она мнѣ потомъ»). М-ме Вердье подивилась, какъ могла дочь заснуть, отошла отъ двери, присѣла на диванъ, посидѣла, размышляя, какъ понять это дѣло, и все не понимая ничего; вспомнила наконецъ, что надобно сообщить отцу о неожиданномъ, изумительномъ счастьи дочери, пошла въ комнату мужа, разбудила его; потерялъ и онъ голову отъ удивленія и радости: вспомнила она и обо мнѣ, что обѣщала немедленно послать телеграмму; написала телеграмму, мужъ понесъ на станцію.

Такъ и не могла М-ме Вердье заснуть часовъ до 8; уснула крѣпко, гораздо позднѣе того, чѣмъ привыкла вставать: послѣдняя мысль ея была, что обѣдъ не поспѣетъ къ 4 часамъ. Во снѣ она видѣла, что печетъ пастетъ въ родѣ страбургскаго, величиною во весь паркетъ, на которомъ танцовали въ паркѣ, и дивилась, какъ легко повертывается она такую громаду, будто маленькій бисквитъ и откуда взялась такая большая печь, что влѣзаетъ въ нее такая громада. На этомъ, дѣйствительно удивительномъ, обстоятельстве разбудила ее дочь, сказала, что надобно одѣться: черезъ полчаса пріѣдетъ М-ме де Форкалькье.

До того ли ужъ тутъ было, чтобы разспрашивать дочь? — «Давно я считаю себя старухой и съ молоду не была щеголиха», писала М-ме Вердье: — «но не хотѣлось же встрѣчать уродомъ такую знатную даму». Дочь помогала ей наряжаться. Сколько было хлопотъ; особенно съ браслетомъ была бѣда: не застегивается! — потолѣтъ рука съ тѣхъ поръ какъ былъ онъ надѣтъ въ послѣдній разъ: до крови исцарапала себѣ руку М-ме Вердье: но такъ и не успѣла застегнуть браслетъ, какъ слѣдуетъ, когда подъѣхала карета; бросилась М-ме Вердье встрѣчать будущую родственницу, а сама думаетъ: «Охъ, не свалился бы браслетъ! Стыдъ тогда будетъ: рука подъ нимъ исцарапана».

Она такъ устала, писавши такъ много, что ужъ не могла продолжать разсказа съ такой же подробностью, обѣщала разсказать все обстоятельно въ слѣдующемъ письмѣ завтра, а теперь лишь прибавляла, что была совершенно очарована любезностью М-ме де Форкалькье, и что М-ме де Форкалькье, вонедни, обняла Элеонору со словами: «Вы спасительница моего сына», и что М-ме де Форкалькье просидѣла часа полтора, простилась, ушла, сѣла въ карету и когда слуга захлопнулъ дверцу, она вдругъ разомѣлась, отворила дверцу, вошла опять въ залъ. все смѣясь, попросила сѣсть М-ме Вердье и Элеонору, сѣла сама и сказала: «Совѣмъ

забыла! такъ было и уѣхала, не передавъ предложенія моего сына. — М-ше Вердье, продолжала она торжественно: прошу руки вашей дочери для моего сына. Вы согласна, М-ше Вердье?» М-ше Вердье, снова повергнутая въ смущеніе мыслей формальнымъ заявленіемъ удивительнаго предложенія, наплась только сказать: «Охъ, ничего не понимаю!» — «Понимать вовсе и нѣтъ надобности», сказала М-ше де Форкалькье: «Я вижу, вы согласна и довольна этого. Теперь прощайте до завтра, М-ше Вердье; вамъ надобно уснуть, какъ видно по вашему лицу; а мнѣ такъ нездоровилось, что я черезъ силу сошла съ лѣстницы, плохо помню, какъ посадилъ меня Ремонъ въ карету, какъ перенесли меня изъ кареты въ купѣ нашего вагона. Со мною было отъ слабости что то похожее на обморокъ. Приѣхавъ сюда я оживилась; но, вѣроятно, мнѣ придется, по приѣздѣ домой, лечь въ постель. Слишкомъ много горя было у меня въ эти полторы недѣли; измучило оно меня. — М-ше Вердье и вы, Элеонора: Ремонъ приѣдетъ за вами завтра утромъ, вы проведете день у насъ и не осудите меня, если я прийму васъ, лежа въ постели».

Но теперь она казалась здоровой. Такъ подбѣствовала на нее радость видѣть Элеонору. Только что значать ей слова «вы спасительница моего сына»? Неужели же сынъ сказалъ ей, что застрѣлится, если получитъ отказъ? И неужели могъ опасаться отказа онъ, блестящій молодой человѣкъ такой знатной фамилиі, единственный сынъ, наследникъ 600.000 франковъ годоваго дохода? Непостижимое дѣло, непостижимое!» Этимъ восклицаніемъ кончала добрая М-ше Вердье свое письмо.

Въ тотъ же день появились въ арльскихъ и марсельскихъ газетахъ извѣстія о томъ, что помолвлены Ремонъ де Форкалькье и Элеонора Дюбеллѣ. (Само собою разумѣется, что съ того времени, какъ М-ше Дюбеллѣ стала бывать въ обществѣ, я читалъ арльскія и марсельскія газеты).

Во вторникъ приѣхалъ отецъ Ремона де Форкалькье, въ среду былъ данъ балъ помолвки. Здоровье М-ше де Форкалькье поправилось настолько, что она могла оставаться въ пріемныхъ комнатахъ до 11 часовъ вечера. — Послѣ того день за день давали балы въ честь жениха и невѣсты марсельскіе аристократы и милліонеры. Начиная съ пятницы М-ше де Форкалькье бывала на балахъ; ея здоровье совершенно возстановилось, какъ видно было изъ того, что на балѣ въ субботу она оставалась до самаго конца.

Я получалъ черезъ день длинныя письма отъ доброй М-ше Вердье: разумѣется они были коротенькими, блѣдными, наивными ребяческими эскизами, сравнительно съ великолѣпными картинами баловъ, которыми наполнялись столбцы марсельскихъ газетъ (читать арльскія уже не стоило).

Прошла недѣля.

Когда я во вторникъ черезъ недѣлю послѣ помолвки М-ше Дюбеллѣ и Ремона де Форкалькье вошелъ съ докладомъ къ мистеру Бриггсу (я ужъ съ годъ имѣлъ постоянные доклады у него по вторникамъ и пятницамъ), онъ сказалъ:

— Особенно важныхъ дѣлъ нѣтъ?

Я отвѣчалъ, что нѣтъ; всѣ дѣла моего нынѣшняго доклада такъ незначительны и просты, что собственно говоря, не нуждаются въ его разсмотрѣній; нужна только его подпись на нѣкоторыхъ бумагахъ.

— Въ такомъ случаѣ отложимъ дѣла и перенесемъ въ ту комнату; вы будете мой гость, мистеръ Сеттембрини.

Мы перешли въ комнату за рабочимъ кабинетомъ, конторскую гостинную мистера Бриггса.

— Скажите, что новаго въ Арлѣ?

Едва ли необходимо замѣчать, что Мистеръ Бриггсъ не переставалъ интересоваться моими арльскими отношеніями и по временамъ спрашивалъ меня о нихъ. По его вопросу я кратко характеризовалъ положеніе дѣлъ въ Арлѣ. Онъ, выслушавъ, говорилъ: «Теперь займемся нашими здѣшними дѣлами». Послѣ того разговора, который былъ у меня съ нимъ въ его домѣ по моемъ возвращеніи изъ Арля, когда онъ ободрялъ меня, я ни разу не слышалъ отъ него ни слова о томъ, какъ онъ понимаетъ дальнѣйшій ходъ отношеній М-ше Дюбеллѣ ко мнѣ. Теперь, какъ я видѣлъ, по приглашенію перейти въ его конторскую гостинную, будетъ иначе. Итакъ, онъ, какъ я говорилъ, началъ разговоръ своимъ обыкновеннымъ вопросомъ «Что новаго въ Арлѣ?»

— Въ среду былъ въ марсельскомъ домѣ Гастона де Форкалькье балъ помолвки его сына, Ремона де Форкалькье, съ М-ше Элеонорой Дюбеллѣ.

— Вотъ именно объ этомъ я и хотѣлъ спросить васъ, какъ понимать этотъ фактъ, совершенно различный отъ того, что считалъ я несомнѣннымъ. Я узналъ о ихъ помолвкѣ случайно, изъ письма нашего марсельскаго корреспондента, упомянушаго, почему успѣлъ онъ заключить вечеромъ въ пятницу всѣ тѣ сдѣлки, которыя, какъ онъ думалъ, займутъ у него утро субботы часовъ до двухъ: всѣ тѣ люди, которыхъ надобно было ему видѣть, собрались на балъ у него въ честь Ремона де Форкалькье и Элеоноры Дюбеллѣ, жениха и невесты. Скажите, что это такое?

Я кратко передалъ мистеру Бриггсу рассказъ М-ше Вердье о томъ, какъ дочь ея стала невестой Ремона де Форкалькье.

Мистеръ Бриггсъ глубоко задумался; я выкурилъ цѣловину предложенной имъ сигары, онъ все еще молчалъ; и если бъ я не приветалъ, чтобъ подвинуть къ себѣ чашечницу, онъ, вѣроятно, оставался бы погруженъ въ свои мысли очень долго. При моемъ движеніи онъ встрепенулся.

— Мистеръ Сеттембрини, потрудитесь дернуть советку; вы моложе меня лѣтами; притомъ вы уже встали.

Вошелъ его личный слуга, жившій при конторѣ.

— Потрудитесь попросить сюда начальника нашей французской корреспонденціи.

Вошелъ начальникъ отдѣла нашей французской корреспонденціи.

Прошу сѣсть, мистеръ Гэрднеръ. Можете ли вы сказать безъ справокъ, была или не была въ прошлый понедѣльникъ, 5 іюля, или въ слѣдующіе дни переведена въ счетъ нашей конторы изъ французскаго банка сумма облигацій Орлеанской дороги, дающая ровно 3000 франковъ дохода?

Такой суммы не было переведено; это я могу сказать съ увѣренностью.

— Мнѣ самому казалось такъ: но, мистеръ Гэрднеръ, потрудитесь принести сюда книгу, пересмотримъ вмѣстѣ съ вами для полной достовѣрности.

Мистеръ Гэрднеръ ушелъ. Мистеръ Бриггсъ обратился ко мнѣ.

— Попрожайте въ редакцію Times'a: скажите, что я прислалъ васъ къ мистеру Диллену; онъ приметъ васъ; попросите у него ту телеграмму изъ Ліона, въ которой говорилось о генуэзцахъ въ Неаполѣ. Онъ долженъ помнить ее, мы гово-

рили тогда о ней довольно долго. Нашъ разговоръ былъ вечеромъ въ среду 6 іюля, а наканунѣ вечеромъ мы тоже видѣлись, и тогда еще не было ея; потому она была или отъ 6 іюля, или не ранѣе, какъ отъ 5-го.

Мы обмѣнивались депешами съ Times'омъ. Мистеръ Дилень былъ тогда главнымъ редакторомъ Times'a. Онъ знаетъ меня лично.

— Помню эту ліонскую депешу, какъ не помнить, сказалъ онъ на мои слова о телеграммѣ, надобной мистеру Бриггеу. — Мы тогда думали, что это или фантазія слишкомъ пылкихъ враговъ правительства Луи Наполеона, утѣшающихъ себя грезами о несуществующихъ заговорахъ, или продуктъ какого-нибудь полицейскаго, слишкомъ усердствующаго выдумывать заговоры. Теперь, какъ вижу, мистеръ Бриггесъ находитъ основаніе предполагать, что въ этомъ странномъ извѣстіи была хоть маленькая доля правды. Попросите его при возвращеніи депеши сдѣлать помѣтку, не будетъ ли мнѣ надобно послать въ Ліонъ одного изъ нашихъ лучшихъ корреспондентовъ, путешествующаго теперь по французскимъ Альпамъ для отдыха, который никогда не бываетъ надобенъ ему.

Я привезъ ліонскую депешу Times'a мистеру Бриггеу. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Привезли, давайте сюда и отправляйтесь опять къ мистеру Дилену съ просьбою о разрѣшеніи мистеру Джеррольду принять отъ меня порученіе, по которому понадобится ему прожить нѣсколько дней въ Марсели. Онъ теперь охотится гдѣ-то во французскихъ Альпахъ или восточныхъ Пиринеяхъ, такъ ли или иначе, неподалеку отъ Марсели. — Дѣло въ томъ, мистеръ Сеттембрини, что мы съ мистеромъ Гурдиверомъ пересмотрѣли наши книги, начиная съ 5 іюля, дня возвращенія миссисъ Дюбеллѣ изъ парка; я навелъ справки въ англійскомъ банкѣ, во французскомъ банкѣ, и теперь могу сказать достоверно: миссисъ Дюбеллѣ до сихъ поръ не возвратила нашей фирмѣ даннаго ей капитала. Это важный фактъ. Изслѣдовать дѣло становится необходимымъ. И надѣюсь, мистеръ Дилень согласится на мою просьбу. Въ согласіи мистера Джеррольда я увѣренъ, потому что это порученіе очень понравится ему.

Я снова поѣхалъ къ мистеру Дилену. Онъ сказалъ, что извѣститъ мистера Джеррольда о порученіи мистера Бриггеса, что именно мистера Джеррольда онъ хотѣлъ послать въ Ліонъ и что теперь предоставляетъ самому мистеру Джеррольду и мистеру Бриггеу судить, нужна ль эта поѣздка.

Я возвратился къ мистеру Бриггеу. Онъ сказалъ:

— Мнѣ надобно прочесть письма миссисъ Вердье, начиная съ того, въ которомъ находится первое сообщеніе вамъ о планѣ поѣздки арльскаго общества въ паркъ Виллы Au Grand Bois. Отберите также тѣ изъ прежнихъ за нынѣшній годъ, которыя не совершенно пусты. Источникъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, очень плохой. Но другого пока нѣтъ, то надобно воспользоваться хоть имъ. Вы отвезете эти письма ко мнѣ на домъ. И пріѣдете ко мнѣ въ 10 часовъ. Я до того времени, вѣроятно, успѣю прочесть ихъ. Тогда скажу вамъ мое мнѣніе. Теперь замѣчу только, что до возвращенія Ремона де Форкалькье изъ загадочной поѣздки дѣло отношеній М-не Дюбеллѣ къ вамъ шло совершенно такъ, какъ предвидѣлъ я, и предвидѣлъ бы на моемъ мѣстѣ каждый понимающій жизнь сердца. Да, мистеръ Сеттембрини, съ самой поѣздки вашей въ Арль черезъ полгода по смерти Жоржа Дюбеллѣ, ходъ дѣла былъ тотъ самый, какому слѣдовало быть, только болѣе медленный, чѣмъ я рассчитывалъ, потому что М-не Дюбеллѣ имѣеть чрезвычайную

силу воли. Но природы нельзя одолѣть никакой силой воли; можно только задерживать побѣду природы, неотвратимую ничѣмъ, кромѣ смерти. Потому-то вдовы въ Индіи и сожигали себя, чтобъ не измѣнить памяти мужа. Все шло, какъ должно было идти по закону природы. Когда она напала на васъ, это было желаніемъ ея доказать себѣ, что она не имѣетъ любви къ вамъ; она перестала нападать на васъ, потому что ужь не имѣла силы говорить о васъ дурно: и когда она стала говорить о васъ съ доброжелательнымъ равнодушіемъ, это было послѣднимъ переходомъ къ заявленію желанія видѣть васъ; мать не умѣла взяться за это дѣло; слѣдовало вызвать васъ, не спрашивая ея согласія, угадать ея желаніе и исполнить, не принуждая ея высказывать его; неловкость матери возбудила ея сопротивление; но черезъ два, три мѣсяца она сама навела бы мать на мысль вызвать васъ, не спрашивая ея, съ общаніемъ хорошаго пріема вамъ. Все шло, все шло, какъ должно было идти, — до появленія Ремона де Форкалькье въ Арль по возвращеніи изъ его, какъ называлъ я, загадочной поѣздки. Она загадочна. Объясненіе, которое дали ей, безъ сомнѣнія, бонапартисты и которому повѣрила Марсель, противорѣчить безспорному факту: Тьеръ человѣкъ твердой воли и, по сознанію великой силы своего ума считающій свои понятія непогрѣшимыми, свои рѣшенія единственными разумными. Марсель могла забывать это, комитетъ оппозиціи департамента Устии Роны не могъ забыть: онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Тьеромъ. А Тьеръ постоянно заявлялъ, что не можетъ принять никакой кандидатуры, потому что его появленіе въ палатѣ депутатовъ было бы преждевременнымъ: для него еще нѣтъ должной дѣятельности тамъ. Оппозиціонный комитетъ Устии Роны не могъ сдѣлать такой глупости, какъ отправление уполномоченнаго съ предложеніемъ кандидатуры Тьеру. И кто это, человѣкъ, которому поручено было, по объясненію бонапартистовъ, ѣхать къ Тьеру? — Неопытный юноша, подобный вамъ, мой милый мистеръ Сеттембрини. Захочетъ ли Тьеръ говорить съ такимъ уполномоченнымъ? — онъ высалъ бы слугу сказать ему: школьникъ, вернись сидѣть на школьной скамьѣ. Нелѣпость, наглая нелѣпость бонапартистское объясненіе поѣздки Ремона де Форкалькье. Не къ Тьеру онъ ѣздитъ, и не по порученію комитета оппозиціи. Онъ ѣздитъ по своему личному дѣлу, это ясно; и по какому именно, довольно ясно; но съ какимъ намѣреніемъ и куда — вотъ вопросы, которыхъ, разумется, не разрѣшать письма М-ше Вердые. Понская девица имѣетъ, кажется, отношеніе къ этой загадочной поѣздкѣ; но она, съ умысломъ или безъ умысла, говоритъ вздоръ, невозможный вздоръ. Подождемъ, что скажетъ намъ мистеръ Джеррольдъ; и въ ожиданіи его извѣстій, вы хорошо сдѣлаете, если займетесь размышленіями о фактѣ, показавшемъ мнѣ надобность разъяснить дѣло поѣздки мистера Джеррольда въ Марсель. Вы не забыли этого факта? Повторю указаніе вамъ на него, предложивъ вамъ, въ видѣ предисловія ряду вопросовъ. Благородная ли женщина М-ше Дюбеллѣ? Осталась ли она вѣрна по смерти мужа? Пенсія, назначенная ей нашей фирмой, не была ли дана ей, какъ вѣдной женщннѣ? Вѣдный человѣкъ, получающій пособіе, какъ вѣдный человѣкъ, не почтетъ ли своей обязанностью отказаться отъ пособія, разбогатѣвъ? Наша пенсія М-ше Дюбеллѣ обращена въ капиталъ, отданный въ собственность ей; но измѣняется ли отъ этого сущность дѣла, измѣняется ли обязанность отказаться отъ пособія, въ которомъ перестаетъ нуждаться?

Почему-жъ миссисъ Дюбеллѣ не увѣдомила, что возвращается или хотя послѣ свадьбы возвратитъ нашей фирмѣ капиталъ, котораго не имѣетъ права удерживати

за собой, если дѣйствительно вступаетъ въ богатое семейство? И какъ могли бы мистеръ Гастонъ де Форкалькье и миссисъ Форкалькье допустить, чтобы женщина, вступающая въ ихъ семейство, оставалась пользующейся капиталомъ, который данъ въ пособіе бѣдной женщинѣ? — По моему, это объясняется такъ: ни она, М-ме Дюбеллѣ, ни отецъ и мать ея жениха не полагаютъ, что она будетъ его женою. Она его невѣста только по имени. Кто жъ его истинная невѣста? Очевидно: Леонія Билло. Для чего жъ все это дѣлается такъ? Я выскажу вамъ мое предположеніе, когда мы увидимся вечеромъ въ моемъ домѣ. Здѣсь у меня достаточно и своего дѣла, не имѣю времени больше заниматься вашимъ. Прочту письма М-ме Вердые. При всей пустотѣ ихъ, вѣроятно найдется же въ нихъ что нибудь пригодное для разъясненія истиннаго положенія дѣла. Соображу, и скажу вамъ, почему было надобно назвать невѣстой Ремона Форкалькье, вмѣсто истинной невѣсты, Леоніи Билло, благородную женщину, имѣвшую твердость духа принять названіе невѣсты. Онъ ушелъ въ свой кабинетъ. Я сидѣлъ въ его гостиной, теряясь въ мысляхъ.

— Можно видѣть мистера Бриггса?—сказалъ знакомый голосъ.

Я опомнился, всталъ и пошелъ доложить мистеру Бриггсу, что его желаетъ видѣть представитель ливерпульской фирмы, ведущей свои обороты главнымъ образомъ на авансы нашей фирмы.

Возвратившись къ рабочему столу въ своей комнатѣ конторы, я убѣдился, что не сошелъ съ ума: я работалъ, какъ слѣдуетъ.

Послѣ конторскихъ часовъ я поѣхалъ не въ мой клубъ обѣдать, а прямо домой, пересматрѣлъ еще разъ письма М-ме Вердые, отобралъ, какія были нужны мистеру Бриггсу, отвезъ ихъ къ нему, разумѣется, еще не возвратившемуся домой (время было раньше его обѣда), положилъ письма на его рабочій столъ и пошелъ въ Гейдъ Паркъ, бродилъ по безлюднымъ угламъ его до времени идти къ мистеру Бриггсу.

Ему доложили, что я жду его въ кабинетѣ. Онъ вышелъ и сказалъ:

— Излагать мои предположенія теперь ужъ нѣтъ надобности: мы имѣемъ факты. Читайте эти депеши. Мистеръ Дилень разрѣшилъ мнѣ передать ключъ шиффра, присланный имъ вмѣстѣ съ ними.

Онъ подаль мнѣ двѣ депеши и ключъ шиффра, и оставилъ меня одного.

Шиффръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые никакимъ искусствомъ не могутъ быть дешифрованы безъ ключа, а имѣющимъ ключъ читаются почти такъ же легко, какъ обыкновенное письмо.

Понятно, что я могу повторить только содержаніе, а не обороты рѣчи этихъ депешъ; впрочемъ, многія мѣста ихъ помнятся мнѣ буквально или почти буквально, такъ что я довольно близко воспроизвожу и слогъ ихъ.

«Пертюдъ. Вторникъ, 13 поля, 1 часъ 5 минутъ пополудни. Мистеру Дилену. Причина промедленія моего та, что я былъ на охотѣ въ 9 километрахъ отъ Пертюдъ. На доставленіе мнѣ вашей депеши было употреблено ни больше, ни меньше, какъ 53 минуты времени: — при разстояніи только въ 9 километровъ! Это ужасно. Однимъ этимъ ужъ достаточно характеризуются здѣшніе порядки. Вы правъ: Неаполь присланной вами ліонской депеши — это Марсель. Потому ѣхать въ Ліонъ нѣтъ надобности. — Пошлю первую мою депешу изъ Марсели не позже 8 часовъ. *Джеррольдъ*».

«Марсель. 7 часовъ 10 минутъ пополудни. Мистеру Дилену.—Этотъ Ремонъ де Форкалькье славный малый.—Натурально, я поѣхалъ со станціи прямо къ нимъ, къ Форкалькье. Это было въ 5 часовъ 17 минутъ. Никого изъ нихъ нѣтъ дома; всѣ на обѣдъ въ честь жениха и невесты,—отецъ, мать, женихъ и невеста и мать и отецъ невесты (мать и отецъ невесты живутъ у нихъ, вмѣстѣ съ дочерью). Я велѣлъ, чтобы приготовили мнѣ комнату и послалъ за Ремономъ де Форкалькье. Вмѣсто своей карточки я далъ записку: «Незнакомый англійскій другъ ждетъ. Не говорите никому причины вашего отъѣзда домой»;—думаю: пусть вообразить, лучше поторопится. Дѣйствительно: вообразилъ и примчался на крыльяхъ вѣтра, извинивъ свое бѣгство отъ супа безотлагательной надобностью свиданія съ политическими друзьями. Вотъ былъ сюрпризъ, когда я, давъ ему обнять себя, сказать, что моя фамилія Джеррольдъ, а не Сеттембрини. Но только благодаря разочарованію, отъ котораго опустили у него руки, я остался живъ. Большая физическая сила у него, больше моей.—Разсказывайте, говорю ему, избавившись отъ его объятій.— Не къ чести своей проиницательности я долженъ сказать, что многое было не такъ, какъ я предполагалъ по присланнымъ вами свѣдѣніямъ (впрочемъ, согласенъ: изъ-рукъ-вонъ плохимъ).

«Ремонъ и М-Пе Вильо дѣйствительно очень рѣдко видѣлись въ обществѣ». Да и не могло быть иначе при отношеніяхъ между ихъ отцами.— «Вѣроятно мы и до сихъ поръ не обмѣнялись бы десятию словами, кромѣ необходимыхъ учтивостей при встрѣчахъ, очень рѣдкихъ, если бъ не сблизилъ насъ случай, самъ по себѣ маловажный», говоритъ Ремонъ.

Отецъ Леонія (буду для краткости называть ее просто такъ) былъ назначенъ въ Марсель префектомъ, чтобы исполнять какъ должно, распоряженія Эсписаса (прежній префектъ былъ не совѣмъ звѣрь). Можете судить, съ какими ожиданіями приняли въ Марсели дочь такого отца: думали, мерзавка, которая ужъ не разъ заманивала въ свою спальню стариковъ для пособія каррьерѣ милаго папаша, а по ночамъ отдыхаетъ отъ этой дневной службы, утѣшаясь поочередно, иногда и не поочередно, а вмѣстѣ, пріятными качествами двухъ или трехъ молодыхъ любовниковъ, а главное, занимается шпионствомъ: словомъ, дѣвица, какъ слѣдуетъ быть дѣвицѣ бонапартистскаго высшаго общества. Черезъ три или четыре дня по пріѣздѣ новаго префекта и его дочери, человѣкъ тридцать молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находился Ремонъ, сидѣли передъ кафе на третьемъ километрѣ Promenade de Prado (день былъ вовсе теплый, что въ Марсели въ январѣ бываетъ не очень часто, потому-то всѣ и рады были быть на открытомъ воздухѣ). Леонія поѣхала посмотрѣть на море. Нѣсколько не доѣзжая кафе, ось коляски сломилась. Леонія и провожавшій ее слуга пошли пѣшкомъ, пока кучеръ верхомъ съѣздитъ за другимъ экипажемъ. Когда дочь префекта поровнилась съ кафе, всѣ молодые люди встали, ушли въ кафе, затворили двери и опустили жалюзи оконъ. Всѣ, кромѣ Ремона. Онъ потопалъ къ дочери префекта, почтительно поклонился и попросилъ сдѣлать ему честь, позволить вести ее подъ руку. Конечно, я считалъ ее дрянью, говоритъ онъ, но все-таки: дѣвушка, обидѣли ее, жалъ было бѣдняжку.—Что было дальше, можно отложить до завтра. Мнѣ страшно хочется спать послѣ двухъ бессонныхъ ночей (и за какія провинности дѣтства наказанъ я съ самой ранней молодости этой проклятой моею страстью къ

охотѣ! На бѣду, не могу спать въ вагонѣ: такъ и тинетъ разговаривать съ пассажирами. Привычка—вторая природа). Вамъ и безъ разсказа понятно, что было дальше: они видѣлись за городомъ, условились оставаться незнакомыми въ обществѣ. На третье свиданье Ремона съ Леоніей поѣхала съ сыномъ мать; полюбила Леонію, черезъ нѣсколько дней назначила мѣстомъ тайныхъ свиданій сына съ Леоніей свой апартаментъ; еще черезъ нѣсколько дней отецъ и мать Ремона велѣли Леоніи сказать отцу о ея отношеніяхъ къ Ремону и о томъ, что они желаютъ его брака съ нею. Отецъ Леоніи былъ въ экстазѣ восторга. Еще бы нѣтъ! Кромѣ 600.000 франковъ годового дохода, Гастонъ де Форкалькье имѣетъ 5.000.000 франковъ въ облигаціяхъ французской ренты; слѣдовательно безъ просьбы дать полмилліона франковъ милому родителю невѣсты своего сына за родительское согласіе. Это было сказано ему черезъ камердинера Гастона де Форкалькье.—Но какое жъ было время! Свирѣпствовалъ Эпинасъ. Каждую минуту могло прийти изъ Парижа приказаніе арестовать Ремона и хорошо еще, если только отвести въ тюрьму, а не отправить въ Ламбессу. Отецъ Ремона сказалъ, что не честно было бы сыну связывать въ такое время съ своей судьбой судьбу дѣвушки, что надобно подождать, пока народное негодованіе заставитъ правящую Францію шайку авантюристовъ возвратиться къ болѣе мягкой политикѣ и обратить Эпинаса въ прежнее ничтожество. Ремонъ понялъ, что это правда и свадьба была отсрочена до отставки Эпинаса. Рѣшительно ложусь спать. Не ждите новой депеши раньше 10 часовъ утра, если не будетъ землетрясенія этой ночью въ Марсели. *Джеррольдъ*.

Я сидѣлъ, задумавшись. Вошелъ мистеръ Бриггсъ.

— Прочли?

— Прочелъ.

— Разумѣется, нельзя было угадать, гдѣ и какъ они познакомились. Такія случайности не угадываются. Но возможно ли было сомнѣваться, что они любятъ другъ друга? Пойдете закусить съ нами? Мы люди патріархальные; то есть, не столько миссисъ Бриггсъ и я, сколько младшія дѣти: непремѣнно хотятъ поздно вечеромъ, за часъ передъ тѣмъ, какъ лягутъ, имѣть то, что въ старину называлось ужиномъ. Какъ не хотѣть? Юнымъ отъ 7 до 19 лѣтъ: растутъ. И нарушаютъ современные права, потому что просыпаются отъ голода, не выславшись, если не поѣдятъ незадолго передъ тѣмъ, какъ лягутъ. Кстати и мы, миссисъ Бриггсъ и я, садимся ужинать съ ними. Правда, ѣдимъ мало; но какъ-то весело, что дѣлаемъ удовольствіе дѣтямъ, сидя за ихъ ѣдой. Не постыдитесь оскорбить современные права, поужинать съ нами?

При его словахъ о ѣдѣ, я почувствовалъ волчій аппетитъ. Оказалось, что я не обѣдалъ.

— Постыжусь, но оскорблю. Оказывается, что я забылъ пообѣдать.

— Да? Впрочемъ и то сказать: что жъ бы за человѣкъ были вы, если бъ не забыли пообѣдать. И когда такъ, то у меня есть для васъ совѣтъ.—Мистеръ Дилепъ разрѣшилъ мистеру Джеррольду посылать депеши помимо него, прямо въ нашу контору. Я попросилъ мистера Джеррольда адресовать прямо на ваше имя, чтобы вы могли немедленно распечатывать. Я полагаю, вы пожелаете поселиться на эти дни въ конторѣ? То я посоветую вамъ вотъ что: работайте безъ отдыха. Кстати будьте безсѣйнымъ дежурнымъ: товарищи, которыхъ замѣтите въ эти дни, будутъ благодарны вамъ. Непрерывный трудъ—единственное средство въ вашемъ

положеніи не сойти съ ума.—У насъ остается нѣсколько минутъ до призыва къ оскорбленію цивилизаціи. Потолкуемъ.—Я прочелъ письма М-ме Вердье. Дѣйствительно, источникъ очень плохой. Но случайно попадаютъ у нея и такія сообщенія, которыя, помимо ея собственнаго пониманія показываютъ дѣло въ истинномъ его видѣ. Обращу ваше вниманіе на восклицаніе, съ которымъ миссисъ Форкалькье обнимаетъ миссисъ Дюбеллѣ: «Спасительница моего сына!» Даже М-ме Вердье, и та видитъ, что эти слова какъ-то не клеятся съ ея твердой вѣрой въ свадьбу ея дочери. Небогатая женщина, выходящая за богача и притомъ не мота, не пьяницу, человѣка, пользующагося общимъ уваженіемъ къ его уму и характеру, какимъ же образомъ и за что можетъ быть названа спасительницей его?—(Одно изъ двухъ: или она выходитъ за него по любви; въ такомъ случаѣ не отъ чего было спасать его: пороковъ, отъ которыхъ спасла его любовь къ ней, у него не было: М-ме Вердье объясняетъ слова матери Ремона предположеніемъ, что онъ хотѣлъ застрѣлиться въ случаѣ отказа; но если небогатая женщина выходитъ за богатаго человѣка по любви, то онъ всегда знаетъ впередъ, что женщина, любящая его, ждетъ только предложенія отъ него, чтобы дать свое согласіе; или бѣдная женщина выходитъ за богатаго человѣка не по любви, а по расчету; въ такомъ случаѣ онъ даетъ ей счастье, какого жаждетъ она,—богатство и почетъ, и остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ, не будетъ ли она грабить его, и ограбивъ, не выгонитъ ли изъ дому, то есть, вопросъ лишь о томъ, не губительница ли его она.—Ясно, что если М-ме Дюбеллѣ «спасительница» Ремона Форкалькье, то она не выходитъ за него и ясно, что онъ задумывалъ какое то очень опасное дѣло, надобность въ которомъ устранена согласіемъ М-ме Дюбеллѣ называться его невестой. Его мать сказала тогда, что «пзмучилась въ эти полторы недѣли»; а отъѣздъ ея сына былъ за полторы недѣли до записки сына, увѣдомившей ее о согласіи М-ме Дюбеллѣ: мать мучилась опасеніями сына со времени его отъѣзда: ясно, онъ хотѣлъ устроить какое-то опасное для него дѣло;—какое?—ясно: похищеніе Леоніи; отенъ ея взялъ назадъ свое согласіе на бракъ.—Вотъ съ этою-то поѣздкою Ремона и имѣетъ, вѣроятно, связь Ліонская депеша о генуэзцахъ въ Неаполѣ, то есть, итальянцахъ въ Марсели; депеша говоритъ, что подготовлялось возстаніе; никакихъ заговоровъ тогда не было; задумано было женихомъ нападеніе на домъ отца невесты, вооруженное похищеніе ея.—Однако, что-то долго не зовутъ насъ ужинать: должно быть, ждуть, не желая прервать нашъ разговоръ. А мнѣ съ вами теперь, по правдѣ сказать, и говорить ужь не о чемъ было, кромѣ того, что мистеръ Джеррольдъ будетъ адресовать денешу въ нашу контору, прямо на ваше имя.—Онъ взглянулъ на часы.—Такъ и есть, ждуть насъ. Пойдемъ.

На другой день, то есть въ среду, я чуть не съ разсвѣта переселился въ свою комнату въ нашей конторѣ.

Въ этотъ день я получилъ отъ мистера Джеррольда двѣ депеши:

«Среда, 14 поля, 10 часовъ утра. По распоряженію мистера Дилена и мистера Бригса, буду посылать мои денешу прямо вамъ, мистеръ Сеттембрини. Я всталъ въ 8 часовъ и буду писать до 10; въ 10 пошлю, сколько напишу.

«Видно былъ назначенъ префектомъ департамента Устій Роны 19 января, пріѣхалъ въ Марсель 20-го. Случай на Promenade de Prado, о которомъ рассказъ я вчера, былъ въ первую субботу по пріѣздѣ новаго префекта и его дочери; слѣдовательно 23 января, на четвертый день по пріѣздѣ.—Ремонъ и Леонія видѣ-

лись сначала за городомъ; потомъ, въ комнатѣ матери Ремона.—Я говорилъ, что свадьба была рѣшена въ половинѣ февраля (въ субботу, 15 февраля) и отсрочена до отставки Эспинасы и замѣны свирѣпой тирании политикой, болѣе благоразумной, менѣе щедрой на аресты и ссылки. Эспинасъ получилъ отставку 11 июня. Делангль, назначенный быть исполнителемъ новыхъ надобностей бонапартизма, объявилъ, что будетъ дѣйствовать въ духѣ законности и кротости. Отецъ Ремона сказалъ, что должно подождать, пока станетъ ясно, что общаніе сдѣлано съ серьезнымъ убѣжденіемъ въ бесилии правительства продолжать прежнюю политику свирѣпости. Прошло дней десять; стало видно, что правительство дѣйствительно отказалось отъ терроризма. Отецъ Ремона 23 июня въ 11 часовъ утра написалъ отцу Леоніи записку, которой формально просилъ руки его дочери для своего сына. Въ 2 часа отцу Ремона доложили, что пріѣхалъ префектъ просить свиданья. «Привять», сказалъ отецъ Ремона. Префектъ вошелъ въ кабинетъ; лицо было печальное. Что такое?— «Я спросилъ Делангля, могу-ли выдать дочь за сына вождя оппозиціи: объяснилъ, что этотъ бракъ, по моему мнѣнію, соответствуетъ политикѣ примиренія, которую приняло правительство. Делангль отвѣчалъ: совершенно раздѣляю ваше мнѣніе и лично одобряю бракъ; но подождите полчаса; я спрошу, одобряется-ли ваше и мое мнѣніе.—Префектъ тяжело вздохнулъ и со слезами на глазахъ продолжалъ: меньше, чѣмъ черезъ полчаса я получилъ депешу: Делангль писалъ: «Мнѣ сказано: въ день объявленія дочери префекта департамента Устій Роны невѣстой Ремона де Форкалькье вы подпишите отставку Бильо отъ должности. Заготовьте эту бумагу.—И сказалъ, что прошу дозволенія объяснить, почему я считалъ этотъ бракъ соответствующимъ политикѣ, исполнителемъ которой выбранъ я. Мнѣ было сказано: отъ васъ требуютъ не совѣтовъ, а внимательности къ приказаніямъ, какія даются вамъ. Делангль». Префектъ снова вздохнулъ, и продолжалъ: я отвѣчалъ Деланглю, что благодарю его за ходатайство и прошу о возобновленіи ходатайства въ благопріятную минуту. Онъ отвѣчалъ: «Вы сдѣлали большую неосторожность, пославъ мнѣ просьбу о возобновленіи ходатайства; ждите непріятности, которую постараюсь по возможности смягчить». И вотъ сейчасъ я получилъ отъ него новую депешу: «Меня призвали и сказали: Бильо проситъ васъ о возобновленіи ходатайства.—Да.—Что вы отвѣчали ему?—То, что онъ сдѣлалъ большую неосторожность, и долженъ ждать непріятности, которую я постараюсь по возможности смягчить.—Увѣдомьте его, что она смягчается по вашей просьбѣ. Прочтите этотъ декретъ и передайте ему содержаніе».—Префектъ простоналъ и проговорилъ прерывающимся голосомъ: въ депешѣ слѣдовало за этимъ содержаніе: декрета. Затѣмъ слѣдовало: «передайте ему, что исполненіе декрета отсрочено по вашей просьбѣ. Исполняя приказаніе, передаю вамъ то, что обязавъ передать. Делангль». Вы видите, бракъ въ настоящее время невозможенъ, — продолжалъ Бильо и, заливаясь слезами, просилъ отца Ремона ждать болѣе благопріятнаго времени. «Мы не скоро дождались бы его, и не имѣемъ надобности ждать, отвѣчалъ отецъ Ремона. Не стѣсняясь соображеніемъ объ отставкѣ. Сколько въ годъ надѣетесь вы получать отъ вашей должности?»—Мой предмѣстникъ получалъ, считая всѣ доходы, отъ 60 до 80 тысячъ; я надѣюсь получить больше. «Но не больше 100.000? —сказалъ отецъ Ремона: «я немедленно посылаю моему парижскому банкиру ордеръ составить формальный документъ, по которому обязываюсь въ самый часъ совершенія брака передать въ вашу собственность сумму пятипроцентной ренты, дающую 100.000 франковъ

дохода, прислать этотъ документъ вамъ, внести эту сумму во французскій банкъ, заготовить на ваше имя ордеръ французскому банку о передачѣ ее вамъ по предъ-
явленіи вами удостовѣренія о совершеніи брака. Доволенъ вы?» — Благодарю за
ваше великодушіе; но не могу согласиться. — «Вамъ мало? Вы преувеличили доходъ
вашего предмѣстника; а вы получали бы меньше его; теперь произволъ принужденъ
быть осторожнѣе, грабежъ казны и взяточничество уже невозможны въ прежнемъ
размѣрѣ. Въмѣсто 40, много 45 тысячъ, я даю вамъ 100 — и вамъ все еще мало.
Но мало, то мало; скажите вашу цифру; вы знаете мои средства; будьте благора-
зумы, сообразуйтесь съ размѣромъ ихъ; помните, что я хоть и богатъ, но все-
таки не герцогъ Девонширскій, не Эстергази, не Лихтенштейнъ». — Мнѣ, мало
было бы 100.000 франковъ дохода? О, нѣтъ! Не думайте обо мнѣ такъ дурно.
Я благодаренъ вамъ за вашу великодушную щедрость. Но я не могу принять ни-
какой суммы. — Онъ рыдалъ. «Почему же не можете?» — спросилъ отецъ Ремона. —
Въ декретѣ, исполненіе котораго отсрочено, находится, кромѣ отставки мнѣ, при-
казаніе арестовать меня и предать суду по обвиненіямъ, которыя перечисляются.
Вы знаете, я жертва безчисленныхъ клеветъ. — «И улики въ рукахъ правительства?
Напримѣръ, по обвиненію васъ въ отравленіи дяди, наслѣдникомъ котораго вы
были? Не понимаю, какъ вы, человѣкъ неслухъ, рѣшились на такое дѣло изъ-за
какихъ-нибудь 20.000 франковъ». Я былъ бѣдѣнъ. Вы помните, это было еще
до 2 декабря. — «Ваша правда. Но вы имѣете время уѣхать изъ Франціи. Черезъ
часъ вы будете въ открытомъ морѣ, и будетъ поздно ловить васъ. Леонія останется,
и вечеромъ нынѣ марсельское общество будетъ пировать у меня на ея свадьбѣ».
О, если бы я могъ бѣжать! Я самъ предложилъ бы вамъ это! Но за мной учреж-
денъ надзоръ. У всѣхъ входовъ вашего дома стоятъ переодѣтые стражи. Они про-
вожали меня изъ префектуры и будутъ провожать обратно въ нее. — «О, если такъ,
то дѣйствительно вы не можете согласиться. Но мы обойдемся и безъ вашего со-
гласія. Вы все-таки получите обѣщанное мной вознагражденіе». — Префектъ взвизг-
нулъ, схватился за голову, побѣжалъ изъ комнаты, выбѣжалъ на подъѣздъ и пом-
чался въ свою квартиру, взбѣжалъ на подъѣздъ, побѣжалъ въ ту комнату, гдѣ
обыкновенно сидѣла за работой или чтеніемъ дочь. — «Леонія, Леонія, иди со мной,
скорѣй, скорѣй», — онъ схватилъ дочь за руку и потащилъ съ собою такъ быстро,
что она едва успѣвала бѣжать за нимъ. Онъ побѣжалъ съ ней къ двери ея ком-
наты, сильно толкнулъ ее, такъ что она упала на коверъ; опомнившись отъ неожиданности,
она увидѣла дверь затворенной. Она хотѣла отворить; дверь была заперга.
Нѣсколько часовъ оставалась Леонія въ недоумѣніи, зачѣмъ заперъ ее отецъ. Ве-
черомъ щелкнулъ замокъ; вошелъ полицейскій съ большимъ подносомъ, на кото-
ромъ стояло кушанье; поставивъ подносъ на столъ, полицейскій подошелъ къ
Леоніи и ставъ между нею и дверью, уронилъ на ея платье маленькій лоскутокъ
бумаги, прошепталъ: «надобно съѣсть это», и громко сказалъ: Кушанье М-Но
Бильо. Здѣсь вы безопасны; вамъ угрожала бѣда; у васъ есть соперница, она хочетъ
устроить скандалъ; ея пріятель могли бы проникнуть даже въ салоны префектуры,
даже въ будуаръ вашъ. Но уже приняты мѣры и черезъ нѣсколько дней опасность
будетъ совершенно устранена». Онъ ушелъ, снова щелкнулъ замокъ. Леонія съѣла
за столъ спиной къ двери, прочла записку и проглотила съ ложкой супа этотъ
крошечный лоскутокъ бумаги. На немъ были только слова: «Ранѣе недѣли вы
будете освобождена. Тогда она поняла, что отецъ принужденъ былъ отказать

Ремону въ ся рукѣ и опасался, что она убѣжитъ съ нимъ. Дѣйствительно, ему не было бѣ оправданія передъ правительствомъ; всѣ говорили бѣ, что онъ помогаль бѣгству дочери, взявъ деньги съ отца Ремона.

Ремонъ ѣхаль издали вслѣдъ за префектомъ, мчавшимся домой, чтобы скорѣе запереть дочь. Увидѣвъ, что онъ взбѣжалъ на подъѣздъ своей квартиры, Ремонъ пошелъ къ одному изъ политическихъ друзей, жившему неподалеку отъ префектуры. Они послали старика слугу узнать, что происходитъ въ квартирѣ префекта. Старикъ были даны деньги, потому затрудненіе было развѣ въ выборѣ между готовыми продать себя на какое угодно дѣло слугами и служанками префекта и Леоніи. Черезъ полчаса Ремонъ и его другъ знали все. Они пригласили еще одного изъ своихъ политическихъ друзей. Планъ освобожденія Леоніи былъ составленъ въ четверть часа. Они были люди умные, рѣшили, что нападеніе на префектуру должно отложиться до пятой или шестой ночи, когда опасенія префекта ослабѣютъ. Они знали, что итальянцы лучше французовъ умѣютъ хранить тайну. Ремонъ сѣлъ на свою верховую лошадь и поѣхаль по улицамъ на западъ за городъ, будто дѣлая обыкновенную прогулку. Въ домикѣ сторожа одного изъ виноградниковъ на западной сторонѣ отъ Марсели онъ подождаль, пока привезли ему форму военного инженера (по приморью производились работы, которыми завѣдывали военные инженеры) и привели другую лошадь, принадлежащую одному изъ двухъ помогавшихъ ему друзей; онъ, одѣвшись инженеромъ, поѣхаль на ней спокойнымъ аллюромъ кругомъ Марсели съ сѣверной стороны, обогнулъ восточную до шоссе, направлявшагоса на востокъ и поскакаль по шоссеинымъ дорогамъ, по сельскимъ не шоссеирываннымъ дорогамъ, по тропинкамъ нивъ на сѣверо-востокъ къ Ниццѣ; два раза онъ перемѣняль лошадь, два раза перемѣняль платье и ночью подъѣзжалъ къ границѣ съ нѣсколькими контрабандистами, одѣтый самъ контрабандистомъ. Его спутники стали пробираться къ Вару, бывшему тогда границей. Онъ ѣхаль позади. Они ѣхали тропинками, на которыхъ обыкновенно поджидали ихъ таможенные стражи. Стражи увидѣли, поскакали за ними; они обратились въ бѣгство. Ремонъ промчался мимо нихъ и гнавшихся за ними стражей къ рѣкѣ, лошадь была хорошая, сильная, онъ бросился съ нею въ рѣку, на разбирая глубоко ли тутъ. Въ догонку за нимъ были посланы нѣсколько чумъ, но въ темнотѣ и при торопливости не очень искусныхъ стрѣлковъ онъ пролетѣли мимо. До Ниццы Ремонъ ѣхаль ужъ легкой рысью, давая отдохнуть лошади. Онъ подождаль на станціи поѣзда, шедшаго въ Геную и на разсвѣтѣ былъ ужъ тамъ. Черезъ два дня пятьдесятъ смѣлыхъ волонтеровъ, опытныхъ солдатъ тайной арміи мадзинистовъ поплыли моремъ, поѣхали желѣзной дорогой въ Марсель, раздѣлившись на партіи по три, четыре человека. Въ субботу ночью Ремонъ, переодѣтый путешествующимъ приказчикомъ, пріѣхаль въ приготовленный для его итальянцевъ пріютъ. Друзья, помогавшіе его отбѣзду, сказали, что прежнія усиленныя мѣры охраны префектуры отбѣнены съ прошлой ночи. Но въ эту ночь было уже поздно дѣлать нападеніе. Притомъ Ремонъ хотѣлъ предупредить Леонію, чтобы она не испугалась шума (выстрѣловъ бы не было, итальянцы сказали, что надобно дѣйствовать исключительно холоднымъ оружіемъ; они будутъ работать книжалами и не дозволить Ремону и его друзьямъ имѣть при себѣ ничего, кромѣ инагъ; за неумѣемъ владѣть книжалами, годятся инаги, хоть инага слабая игрушка передъ книжаломъ). Вечеромъ въ воскресенье была передана Леоніи записка: «не пугайтесь шума этой ночью». Она отвѣчала запиской: Не

хочу, чтобы свобода и счастье миѣ были куплены цѣной крови». Ремонъ сказалъ своимъ итальяцамъ, что дѣло отсрочивается на неопредѣленное время, и утормъ они пошли одинъ по одному наниматься въ работники на пристани. Вы видите, что дѣйствительно къ этому дѣлу и относится извѣстіе ліонской депеши и что дѣйствительно, въ немъ все ошибочно. Происхожденіе его: одинъ изъ друзей Ремона—шутникъ; онъ хотѣлъ подурачиться; а серьезная пѣль была та, чтобы предотвратить всякое препятствіе возобновленію дѣла, если понадобится возобновить; въ этомъ смыслѣ и были передѣланы факты; говорилось о возстаніи, о нападеніи на арсеналь, для доставленія оружія народу и говорилось, что заговорщики увидѣли невозможность успѣха и отправили итальянцевъ назадъ въ ночь, слѣдовавшую за ночью ихъ пріѣзда. Такимъ образомъ, если правительство узнало о пріѣздѣ итальянцевъ, то оно должно было видѣть, что опасность миновала, а префектъ понималъ бы, что опасность угрожала не его квартирѣ, а арсеналу. Если жъ правительство и префектъ ничего не знали, то предположили бы, что извѣстіе ліонской депеши—пустая выдумка революціонеровъ; предположили такъ и вы и не захотѣли напечатать вздоръ. Важно замѣтить одно обстоятельство: депеша говорила, что итальянцы уѣхали домой въ ту же ночь,—то есть въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ. Нѣтъ они оставались въ Марсели и работали на пристаняхъ; разумѣется, впрочемъ, не до чрезмѣрности усердно; больше занимались тѣмъ, что грѣлись на солнцѣ и курили свои сигары, называющіяся у нихъ кавурами, по имени изобрѣтателя, едва ли не еще болѣе омерзительныя, чѣмъ французскія.—Въ понедѣльникъ передъ временемъ обѣда Ремонъ вышелъ изъ своего пріюта, одѣтый въ свое платье, сѣлъ на свою лошадь и пріѣхалъ домой. На вопросъ, какимъ же образомъ думаетъ устроить свое освобожденіе Леонія, онъ получилъ вечеромъ отвѣтъ, что планъ у нея готовъ, но что она будетъ думать о немъ до слѣдующаго вечера. Во вторникъ вечеромъ она написала Ремону: «Вы безъ сомнѣнія знаете въ лицо *M-me Дюбеллѣ*, живущую въ Арлѣ и, вѣроятно, вы знаете о ней все то, что слышала я; попросите ее быть вашей невѣстой. Я увѣрена, что у нея достанетъ силы воли хорошо исполнить эту очень трудную обязанность; а въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что она согласится принять на себя спасеніе вашей жизни и моей. — *M-me Дюбеллѣ*; если вы не дадите миѣ освобожденія, Ремонъ не послушается меня въ другой разъ; они нападутъ на префектуру; я не переживу Ремона. *Леонія Вильо*».

Прежнія записки Леонія не имѣли подписи, эту она подписала, чтобы *M-me Дюбеллѣ* могла сличить ея подпись на запискѣ съ подписями ея на запискахъ пріятельницамъ, какія удастся собрать Ремону. Онъ разсудилъ, что *M-me Дюбеллѣ* повѣрить и безъ сличенія почерка и подписи. Въ среду, какъ вы знаете, онъ поѣхалъ въ Арль и принялъ на себя обязанность распорядителя прогулки арльскаго общества въ паркъ виллы *Au Grand Bois*.

Миѣ остается только разсказать о томъ, что было въ аллеѣ парка во время пятонъ кадрили.

Когда Ремонъ и *M-me Дюбеллѣ* подошли къ тому концу аллеи, у котораго начинался тѣсъ съ опушкой почти непроходимаго кустарника по окраинѣ, Ремонъ попросилъ *M-me Дюбеллѣ* сѣсть на ближайшую скамью и выслушать исторію его отношеній къ *Леоніи Вильо*. Кончивъ разсказъ, онъ сказалъ: вы видите, надобно было отказаться отъ нападенія на префектуру, по крайней мѣрѣ, отложить употребленіе оружія до того времени, когда окажется, что невозможно избѣжать этого

средства для освобожденія Леоніи. Но она увѣрена, что вы поможете намъ обойтись безъ него. Она проситъ васъ назваться моею невѣстой: отецъ ея увидитъ, что я измѣнилъ ей и освободитъ ее. Возьмите эту записку Леоніи ко мнѣ. Вотъ вамъ спички, вотъ складной фонарь, идите въ кустарникъ, тамъ зажжете фонарь и прочтете записку.

— Для чего?—сказала она, развѣ и безъ того не видно, что вы говорите правду. Ваша невѣста справедливо думаетъ, что если вы нападете на префектуру, то погибнете. Положимъ, вы овладѣете префектурой: но войска между тѣмъ займутъ пристань. Я обязана исполнить просьбу Леоніи Вильо. Когда возвратимся домой, я скажу матери, что вы сдѣлали мнѣ предложеніе, и что я приняла его. А ваша мать съумѣетъ исполнить свою роль?

— Ея роль будетъ легка.

— Правда. Она въ самомъ дѣлѣ полюбитъ меня.

— Вамъ необходимо будетъ принимать богатые подарки.

— Само собою разумѣется. Буду даже сама напрашиваться на нихъ.

— Мнѣ кажется вы стали очень грустна.

— Да; но, когда выйдемъ къ обществу, я съумѣю держать себя по прежнему, скорѣе веселой, чѣмъ грустной.

— Отчего вы стали такъ грустна?

— Говорить объ этомъ теперь было бы не время. Поговоримъ послѣ. Успѣемъ наговориться обо всемъ. Намъ надобно будетъ много часовъ оставаться наединѣ. Невозможно иначе: вы страстно влюбленъ въ меня, а я не дѣвочка, чтобы бояться быть наединѣ съ женихомъ, или чтобы позволить матери стеречь меня. Предупреждаю васъ, эти долгіе часы будутъ очень скучны вамъ.

— Почему же? Развѣ не можемъ мы найти интересныхъ предметовъ для разговора, когда перескажемъ другъ другу все о себѣ: будемъ говорить о литературѣ, театрѣ, искусствѣ: я не невѣжда, вы, какъ я слышала, читали и думали очень много.

— Увидите, будетъ-ли у васъ время говорить о литературѣ. Предупреждаю васъ, я странно надобѣмъ вамъ, и хлопотъ со мною, когда мы будемъ оставаться наединѣ, вы будете имѣть столько, что послѣ цѣлый годъ будете бѣгать отъ меня.

Меня начинаетъ очень интересовать, чѣмъ же именно вы будете надобѣдать мнѣ?

— Увидите. Насмотритесь и послушаетесь до сыта. Но не вора ли намъ вернуться къ обществу. Кажется танцуютъ послѣднюю фигуру.

— Кажется, нѣтъ еще, только предпослѣднюю.

— Все равно. Если еще нѣтъ, то пойдемъ потише и можемъ пройти обратно, сколько понадобится.

Она встала. Долженъ былъ встать и онъ. Она взяла его подъ-руку.

— Я предпочитаю ходить, потому что молчать удобнѣе, когда ходишь вдвоемъ, нежели когда вдвоемъ сидишь.

И говорилъ вчера, мистеръ Сеттембрини, что пошло нынѣ денежу не ранѣе 10 часовъ: теперь еще только 9, а рассказывать мнѣ больше нечего, какъ вы сами, вѣроятно, согласитесь. Подожду до 10 часовъ, не услышу ли еще чего, хоть знаю впередъ, что ничего не услышу. Во первыхъ всѣ они просятъ до 12, если не дольше (возвратившись съ бала въ 4 часа); во вторыхъ, если бы просну-

лись, то нечего было бы мнѣ больше слушать отъ нихъ. Все уже рассказано мнѣ Ремономъ и передано мною вамъ—во вчерашнихъ депешахъ черезъ посредство мистера Дилена, въ нынѣшней непосредственно. Подумаю, впрочемъ, не найдете ли чего-нибудь интереснаго еще не переданнаго.

Ничего не нашлось, потому что ничего нѣтъ. Слѣдующая депеша будетъ послана въ 10 часовъ вечера. Тогда они будутъ собираться на балъ и не до разговоровъ со мною будетъ имъ. *Джеррольдъ*.

«Среда, 9 часовъ 12 минутъ вечера. Почти ничего новаго не имѣю сообщить Вамъ, мистеръ Сеттембрини. Развѣ полюбопытствуете узнать, какъ шло время у жениха и невесты въ долгіе часы, которые проводили они наединѣ.

— Часы, проводимые мною наединѣ съ М-ше Дюбеллѣ тяжелѣе для меня, чѣмъ можете вы предполагать, мистеръ Джеррольдъ, говоритъ Ремонъ: истерики съ ней не бываютъ; но только истерики и не достаетъ. Не напрасно она грозила мнѣ скукой, давая согласіе быть моей невестой. Дѣйствительно, и скучно мнѣ съ ней и тяжело. Плачетъ о томъ, что унизила себя въ собственномъ мнѣніи. Я терялъ терпѣніе, забывалъ иногда деликатность, называлъ ея мысли настоящимъ ихъ именемъ, смѣшными. Пользы не было ни отъ какихъ резовъ, кромѣ одного: «Вспомните, наконецъ, М-ше Дюбеллѣ, что черезъ три часа вамъ надобно будетъ ѣхать на балъ. Какъ вы поѣдете съ заплаканными глазами?»— Это останавливало ее. «Къ тому времени пройдетъ краснота». — «Пройдетъ, если не будете больше плакать». — «Не буду». — Это было начало почти каждаго разговора наединѣ и начало это длилось по часу и больше. — Умоетъ глаза. Мы сидимъ и молчимъ. Она, потому что раздумываетъ все о томъ же: я для того, чтобъ успокоилась ея нервы. Скука. Беру книгу, читаю. Клянусь вамъ, мистеръ Джеррольдъ, что если бѣ остался мнѣ хоть съ годъ женихомъ М-ше Дюбеллѣ, я едѣлся бѣ однимъ изъ ученѣйшихъ людей Прованса. Чувствуешь, наконецъ, что неловко же молчать и читать дольше; возобновляешь разговоръ: М-ше Дюбеллѣ, общаетесь не плакать, если станемъ говорить. — Не буду плакать, теперь ужъ нельзя». — Должно отдать ей справедливость, что когда общалась, то, уже сдержать слово. — «Какая же надобность вамъ плакать, М-ше Дюбеллѣ? Кто принуждаетъ васъ къ тому, чтобы унижить себя въ собственномъ вашемъ мнѣніи, какъ выражаетесь вы?» Никто». — «Зачѣмъ же вы унижаетесь?» — «Я рѣшилась; я предвидѣла, когда принимала названіе невесты, что рѣшусь. Я знала, что оставаясь со мною наединѣ, вы будете говорить объ вашей любви къ Леоніи, что ваши слова, проникнутыя пламеннымъ чувствомъ, будутъ содрѣзывать мое сердце». — «Разъ я дѣйствительно былъ виноватъ въ этомъ передъ вами; но только разъ, въ первые наши долгіе часы наединѣ. Я увидѣлъ, что вы слишкомъ страдаете отъ моихъ словъ любви и послѣ того ужъ не позволялъ себѣ и упоминать о Леоніи, если вы сама не поведете разговоръ на нее. Зачѣмъ вы начинаете разговоры о ней? вы сама виновата. И скажите, развѣ не стараюсь я каждый разъ прекратить разговора о ней, начинаемаго всегда вами. Но васъ не остановишь». — «Какъ же я останавлиюсь, когда я завидую ей?» — «Если вамъ завидно, то позвольте мнѣ, я напишу мистеру Сеттембрини». — «Нѣтъ, не пишите». — «А слѣдовало бы вамъ самой написать ему». — «Я напишу». — «Когда же?» — «Когданибудь напишу». — Словомъ, невообразимая скука съ ней, мистеръ Джеррольдъ.

Новость! восхищающая меня новость! Дешеша отъ Алексинны Тинне приглашаетъ меня быть участникомъ ея путешествія въ Центральную Африку. Откровенно, мистеръ Сеттембрини: я не нуженъ вамъ больше здѣсь? Отвѣчайте немедленно; и каковъ бы то ни былъ вашъ отвѣтъ, отправьтесь завтра утромъ къ мистеру Дилену и поблагодарите его отъ моего имени за эту рекомендацію. Самъ не стану писать ему, потому что не удержался бы, сталъ бы сообщать ему полученныя по дорогѣ сюда и отъ Ремона и Гастона де-Форкалькье свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ; а мнѣ теперь не до того, чтобы тратить время на депеши. Я увѣренный въ вашемъ согласіи уволить меня отъ порученія, которое въ сущности я уже исполнилъ, займусь приготовленіями къ отъѣзду въ Каиръ, гдѣ ждетъ меня Алексина Тинне. Въ случаѣ вашего согласія на мой немедленный отъѣздъ не ждите больше депешъ отъ меня. Повторяю просьбу— передайте лично мою признательность мистеру Дилену за рекомендацію меня фрейлейнъ Тинне;—понимаете— передайте лично. Въ нетерпѣніи скорѣе получить ваше согласіе, посылаю депешу равнѣ назначеннаго срока. *Джеррольдъ*».

Порученіе, принятое на себя мистеромъ Джеррольдомъ, было дѣйствительно уже исполнено имъ. Я отвѣчалъ, что благодарю его и желаю ему вмѣстѣ съ фрейлейнъ Тинне пріобрѣсти безсмертную славу открытіемъ источниковъ Нила. Имя Алексинны Тинне полу-забыто теперь. Но въ тѣ годы оно было знаменито. Наслѣдовавъ громадное богатство отца, эта молодая дѣвушка, занимавшая высокое положеніе въ знатномъ голландскомъ обществѣ, поѣхала въ сопровожденіи матери и тетки и съ обществомъ приглашенныхъ ею ученыхъ и художниковъ черезъ Константинополь, Сирію въ Египетъ. Она задумала изслѣдовать центральную Африку, въ то время еще невѣдомую, и приглашала другихъ ученыхъ и художниковъ присоединиться къ обществу уже собранному ею.

Рано утромъ въ четвергъ, я отвезъ свои вещи на квартиру, потомъ занимался въ конторѣ до обыкновеннаго часа пріема у мистера Дилена. Дождавшись этого времени, отправился къ нему.

Я усердно, довольно вѣрно и потому не безъ краснорѣчія передалъ мистеру Дилену страстные выраженія признательности мистера Джеррольда за рекомендацію его Алексинѣ Тинне. Мистеръ Дилень слушалъ съ серьезнымъ видомъ, и дослушавъ, расхохотался.

— Удивительная сообразительность у нашего общаго друга, мистера Джеррольда. Я знаю, что Алексина Тинне жила эту зиму въ Каирѣ, что весной она уѣхала оттуда и съ той поры я ничего не знаю о ней: куда она уѣхала тогда и гдѣ теперь не имѣю понятія, можетъ быть и дѣйствительно опять въ Каирѣ. Но кому же прійдетъ въ голову, что ея сборы въ новое путешествіе и приглашеніе мистера Джеррольда участвовать въ немъ — выдумка? Все до такой степени соотвѣтствуетъ всеобщимъ знаніямъ о характерѣ и планахъ Алексинны Тинне, что всякій, кромѣ людей, ведущихъ личную переписку съ ней, приметъ разсказъ мистера Джеррольда о моей рекомендаціи и такъ далѣе за чистѣйшую правду. Чрезвычайно сообразительный человѣкъ. Кто жъ его знаетъ, можетъ быть, онъ и дѣйствительно увидѣть, или вѣроятно уже уѣхалъ изъ Марсели: но будьте увѣренъ, что если уѣхалъ, то по вашему дѣлу. Онъ

не бросить порученія, не исполнивъ до конца: это у него страсть болѣе серьезная, чѣмъ любовь къ охотѣ, которую онъ для шутки возводитъ въ непреодолимую свою страсть. Онъ любить бродить между народомъ; охота—удобный предлогъ для этого. Впрочемъ онъ дѣйствительно стрѣляетъ птицъ; но какихъ? — этого не угадаете; ни одной изъ тѣхъ птицъ, которыхъ стрѣляютъ другіе охотники, онъ не бьетъ; бьетъ совершенно иныхъ; какихъ, онъ когда нибудь расскажетъ вамъ удивительную исторію объ этомъ.—Да, охотиться за нѣкоторыми птицами онъ любитъ; еще гораздо болѣе любитъ бродить между народомъ; но если бѣ надобно было совершенно непрерывно заниматься принятымъ на себя дѣломъ пять лѣтъ, онъ ни разу—не то что не взялъ бы въ руки охотничьяго ружья, не вышелъ бы изъ-дому. Ждите отъ него депешъ; откуда и за какой подписью, или безъ подписи, я не знаю.

Я перевезъ свои вещи опять въ мою конторскую комнату и сталъ ждать депешъ мистера Джерролда.

Первая депеша пришла поздно вечеромъ въ тотъ день (четвергъ). Она была:

«Ливорно. Четвергъ, 15 июля, 9 часовъ 45 минутъ. Буду назадъ. Завтра въ 8 часовъ утра пошлите мнѣ въ Марсель депешу обыкновеннаго письма съ жалобой, что шифръ утомляетъ ваши глаза и голову. Я устриваю комедію для безопасной развязки дѣла, приготовленія къ которому были начаты ими такъ, что не была обезпечена полная достовѣрность и безопасность успѣха. Комедію я буду писать вамъ обыкновеннымъ письмомъ, потому что она становится на сцену для публики. Извѣстія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ буду писать шифромъ. Подписываюсь титуломъ, безспорную принадлежность котораго мнѣ вы по объясненіи мною, подтвердите вашимъ свидѣтельствомъ. *Тридцатисемилѣтній дуракъ*».

Я послалъ ему депешу, которой требовалъ онъ.

Слѣдующая депеша его была получена мною вечеромъ на другой день (въ пятницу). Она была обыкновеннаго письма.

«Марсель. Пятница, 16 июля, 5 часовъ 40 минутъ пополудни. Чортъ бы подралъ всѣ эти внимательности и деликатности! Алексіана Тинье изволила вздумать послать за мною свою яхту. Спѣшу и жду. Будто мало въ Марсели пароходовъ, идущихъ каждый день на востокъ. Если бѣ не было идущаго прямо въ Александрію, я переходилъ бы съ одного на другой въ гаваняхъ по направленію туда и былъ бы теперь на половинѣ пути. Отъ скуки веду пустые разговоры съ женихомъ и невестой и ихъ матерями. Разговоры съ Ра-стономъ де-Форкалькье, отномъ жениха, интересны. Только благодаря имъ я еще не повѣдился отъ скуки. Онъ умный и дѣльный человекъ. Но — не можетъ сладить съ женой, сыномъ и будущей дочерью. Расходы на свадьбу громады и этого еще мало имъ. Они сочинили планъ послѣ-свадебной повѣздки, которая обойдется никакъ не меньше 500.000 франковъ. Молодые съ отцомъ и матерью Ремона прямо со свадебнаго завтрака ѣдутъ въ Парижъ, даютъ тамъ три бала и оттуда отправляются въ объѣздъ по Европѣ черезъ Брюссель, Амстердамъ, Берлинъ, Петербургъ, Москву, Вѣну, Флоренцію. Въ каждой столицѣ даютъ балы, въ мелкихъ по одному, въ крупныхъ по три. Флоренція оказывается исключительная благосклонность: они поселяются на виллѣ до го-

сѣдству съ ней и живутъ тамъ цѣлый мѣсяцъ, даютъ пять баловъ, и возвращаются въ сельскую резиденцію фамилии Форкалькье. Будущая новая М-ше Форкалькье желаетъ удивить всю Европу своей красотой. Даетъ голову на отсѣченіе, если черезъ два года имѣнныя Гастона де-Форкалькье не будутъ продаваться съ аукціона. Я сказалъ М-ше Дюбеллѣ, что нахожу недостатки въ ея планѣ: обиженъ Лондонъ, — Лондонъ! — Лондонъ!! А сколько обижено мелюзги! Назову только сѣверную: Копенгагенъ, Христіанію, Стокгольмъ, а сколько ея въ средней и южной Европѣ! Не хорошо; слѣдуетъ пополнить планъ ея. Слѣдовало бы не лишить чести видѣть вашу красоту Константинополь, Тегеранъ, Мадридъ и Лиссабонъ. — Она съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣчала: вы ошибаетесь, я ни мало не тщеславна; но мнѣ необходимо развлеченіе послѣ пяти лѣтъ затворничества. Съ этого обмѣна мыслей между нами она изволила гнѣваться на меня. А чортъ бы побралъ кетати и ея гнѣвъ вмѣстѣ съ любовью Алексини Тинне! И говорю отцу Ремона: «Вы сходите съ ума. Прикрикните на нее, скажите рѣшительно, что остаетесь при прежнемъ благоразумномъ, скромномъ планѣ послѣ-свадебной поѣздки на пароходѣ по берегамъ Средиземнаго моря, съ посѣщеніями Неаполя, Салерно, Палермо, Греціи, Александріи, плаваніемъ по Нилу до перваго порога». — «Боже мой, что вы меня учите, будто я самъ не знаю, что долженъ былъ бы сдѣлать такъ! Но больше 25 лѣтъ прожили мы съ женой, не имѣя ни одной ссоры. Не могу я опечалить ее теперь суровостью». — И такъ дѣло безнадежно. Нынѣ за завтракомъ М-ше Дюбеллѣ не благоволила замѣтить меня. Ея маманъ и папанъ воротили отъ меня свои носы. (Эти курьезныя произведенія провансальской природы цѣлаго не знаютъ и не понимаютъ, разумѣется; они только ворочаютъ носами по командѣ дочекъ). И сказалъ: — «М-ше Дюбеллѣ, извините прямодушіе, но я защитникъ семейнаго принципа. И порицаю васъ за то, что въ свое путешествіе по столицамъ Европы вы не берете вашихъ родителей. Они были бы лучшимъ украшеніемъ тѣхъ баловъ, какими будутъ чтить васъ столицы въ благодарность за ваши балы». — Она съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣчала: «Благодарю за совѣтъ: но онъ нѣсколько запоздалъ: нынѣ утромъ рѣшено, что мои отецъ и мать ѣдутъ съ нами». — Вы скажете, мой милый Сеттембрини, что не понимаете, какъ достасть у меня смѣлости оставаться въ этомъ домѣ при такихъ отношеніяхъ къ владычцѣ его. Какое мнѣ дѣло до благоволенія или неблаговоленія этой женщины ко мнѣ? Хозяинъ и хозяйка дома — Гастонъ де Форкалькье и его жена; пока мнѣ не будетъ сказано ими или отъ ихъ плени, что они не желаютъ дальнѣйшаго моего присутствія въ ихъ домѣ, я остаюсь, потому что я полезенъ имъ, честнымъ, почтеннымъ людямъ; при мнѣ эта женщина все такъ нѣсколько сдерживаетъ фантазію своего тщесловія; безъ меня въ маршрутѣ послѣ-свадебной поѣздки были бы приняты Константинополь, Афины, Палермо, Неаполь, Римъ, Севилья, Лиссабонъ, Мадридъ. Она сама говорила своему будущему тестю, что думала объ этихъ городахъ, но отказывается отъ нихъ, желая показать непрошенному совѣтнику, что она помнитъ размѣръ средствъ фамилии Форкалькье и довольствуется тѣмъ размѣромъ расходовъ, который не обременителенъ. Вы скажете: Но Ремонъ вызоветъ васъ на дуэль». — Вѣроятно вызвалъ бы еще вчера: но, начиная мою борьбу за интересы ея будущихъ тестя, тещи и мужа, я для

подготовленія умовъ рассказывалъ нѣкоторые случаи моей жизни и по поводу ихъ имѣлъ надобность объяснить, что я не дерусь на дуэляхъ, но при мнѣ всегда револьверъ, изъ котораго я стрѣляю въ человѣка, выказывающаго намѣреніе оскорбить меня. Вы скажете: «Велятъ лакеямъ вывести меня». — Я желалъ бы, чтобы это было сдѣлано. Я люблю въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы провожали меня подъ руку дамы. Я надѣюсь, что мы вышли бы подъ руку съ М-ше Дюбеллѣ. Но оставимъ надежды на торжественное прощаніе мое съ ней. Я мирно уѣду, когда придетъ за мной въ марсельскую гавань маленький пароходъ общества Рубаттини «Сигара». Я забылъ сказать, что яхта Алексины Тинне сломала себѣ винтъ близъ Мессины и едва могла добраться до этой гавани; и вмѣсто нея нанять для меня Алексину Тинне этотъ пароходъ. Онъ придетъ сюда завтра (т. е. въ субботу) къ вечеру. Воображаю, что такое эта «Сигара»! Была, вѣроятно хорошаго сорта, но отъ старости сгнила и готова развалиться. Она готова къ послѣднему подвигу своей старости; а вы готовитесь дня черезъ три, четыре прочесть въ газетахъ «Крушеніе парохода «Сигары» и чудесное спасеніе мистера Джеррольда, корреспондента Times'a, при погибелѣ всего экипажа». Чудеснаго въ моемъ спасеніи ничего не будетъ: со мной плавательный снарядъ системы Мэнби, улучшенный мною. — Буду писать передъ отъѣздомъ, то есть ранѣе 9 часовъ вечера слѣдующаго дня. *Джеррольдъ*.

Суббота, 17 июля, 5 часовъ вечера. Пришла «Сигара». Она противъ моего ожиданія не чрезмѣрно не вкусна. Дурная женщина эта М-ше Дюбеллѣ, но умная женщина и необыкновенно хитрая. Я сказалъ, что отправляюсь въ 6 часовъ. Немедленно явилась ко мнѣ М-ше де Форкалькье и стала говорить въ такомъ стилѣ: «У васъ были непріятности съ М-онорой: она и я, мы не желали бы, чтобы вы — понимай: корреспондентъ Times'a, который можетъ насолить — уѣхали съ дурнымъ мнѣніемъ о ней. Пойдемъ, я помирю васъ». — Я пожалъ плечами. — «Иду, если желаете того вы, М-ше Форкалькье». — «Я прошу васъ». — Мы идемъ въ будуаръ той, которая съ 11 часовъ слѣдующаго дня будетъ называться также М-ше де Форкалькье. Я ожидалъ чувствительной сцены, но не такой. Входимъ. Она сидитъ на креслѣ съ Ремонъ; сидѣть рядомъ имъ обоимъ было бы тѣсно, потому она сидитъ на колѣняхъ у Ремона, прижавшись къ нему, обвивъ его шею своими ручками, милый ангелъ любви и кротости. При моемъ входѣ она стремительно бросается мнѣ на шею и прежде чѣмъ я успѣлъ приспособить губы къ ея поцѣлу, мои добъ, мои глаза уже лобызаются ею, затѣмъ начинается и длится едва ли не безъ конца поцѣлуй въ губы; онъ прерывается лепетомъ: я была виновата передъ вами; я понимаю, что вы охраняли общіе интересы, всего нашего семейства; но я горда и вспыльчива; простите меня, простите меня». — Будущій мужъ и будущая теща едва стацили ее съ моей шеп. Вы скажете: «Не дурно», — погодите хвалить. Я сказалъ, что если она считаетъ меня добросовѣстнымъ совѣтникомъ, то я прошу у нея разговора насидячъ. О, да! да! — Маманъ, Ремонъ, оставьте насъ». Они уходятъ. Она начинаетъ серьезнымъ, кроткимъ, но твердымъ тономъ:

— Я знаю, что вы хотите сказать мнѣ, мистеръ Джеррольдъ; сидѣмъ, и выслушайте меня прежде, чѣмъ высказывать ваше порицаніе. Я тщеславна; да, но поймите: у меня закружилась голова отъ мысли, что я госпожа всего

здѣсь. Повѣрьте, это пройдетъ; это ужъ начинаетъ проходить. Моя прошлая жизнь можетъ служить вамъ ручательствомъ, что у меня нѣтъ недостатка въ твердости воли. Мнѣ казалось, что я могу безъ особеннаго вреда положенію денежныхъ дѣлъ моей будущей фамиліи дозволить себѣ тѣ расходы, за которыя вы порицаете меня. Съ издержками послѣ-свадебной поѣздки, которыя считаю я въ 750.000 франковъ и которыя не превысятъ этой цифры, сумма всѣхъ расходовъ на удовлетвореніе тому, что справедливо называете вы моимъ женскимъ тщеславіемъ, не превзойдетъ 1.460.000 франковъ. Я веду, какъ видите, аккуратный счетъ. Семейство, въ которое вступаю я, жило ужъ десять лѣтъ экономно; сбереженія за это время съ процентами на нихъ составляютъ теперь 5.380.000 съ чѣмъ-то франковъ: я не запомнила цифры ниже десятковъ тысячъ; впрочемъ, если хотите, я покажу вамъ счета парижскаго банкира фамиліи Форкалькье: вы можете удостовѣриться, что я не обманываю васъ.

— Это было бы излишнимъ. Я вѣрю вамъ тѣмъ болѣе, что самъ знаю: сбереженія нѣсколько превышаютъ цифру 5.000.000 франковъ.

— Скажите жь, неужели такое тяжелое преступленіе моихъ будущихъ отца и матери бросить изъ этой суммы меньше, чѣмъ полтора милліона, много меньше, чѣмъ одну третью часть ея, лишь немногимъ больше четвертой части, на удовлетвореніе моему головокруженію, которое, повѣрьте мнѣ, ужъ начинается проходить. Скажите ваши требованія: вѣреть обѣщаюсь исполнить всѣ ихъ. Должна ли я, по вашему мнѣнію, отказаться отъ этой послѣ-свадебной поѣздки по континенту? Скажите, и услышите отъ меня: «отказываюсь».

Чортъ возьми! Клянусь вамъ, мое положеніе было затруднительно. Рѣдко кто успѣвалъ поставить меня въ такое затрудненіе.

— Вы колеблетесь, мистеръ Джеррольдъ? Вамъ жалъ меня? Не опасайтесь, я не буду плакать.

— Обѣщайтесь, что сумма расходовъ не превыситъ 1.500.000 франковъ и я доволенъ.

— Требуйте какого нибудь другого обѣщанія. мистеръ Джеррольдъ: давать это бесполезно, потому что цифра нѣсколько меньшая уже опредѣлена мной. Впрочемъ даю его. Но мое желаніе остается не исполнено: я хотѣла, чтобы вы потребовали отъ меня какой нибудь жертвы.

Я молчалъ. Чего еще могъ бы потребовать я отъ нея? Мое желаніе было уже удовлетворено: я видѣлъ, что денежные интересы ея будущей фамиліи безопасны подъ ея владычествомъ.

— Желаю, чтобы вы остались благоразумной, сдержали ваше рѣшеніе, и не сомнѣваюсь, что вы сдержите его.

— Надѣюсь. Позовите сюда Ремона и М-ше де Форкалькье, если нашъ разговоръ надинѣ конченъ. Но прежде пожмите мнѣ руку.

Я подалъ ей руку; она крѣпко сжавъ ее, сказала:

Всѣ поцѣлуй, мистеръ Джеррольдъ, не достаточно прочная гаранція моего чувства къ вамъ: они были порывомъ волненія. Теперь, вы видите, я спокойна.

Она взяла мою голову, наклонила къ себѣ и поцѣловала меня.

— Идите за Ремономъ и моей новой матерью.

Я сходилъ за ними.

— Матап и Ремонъ, мы цѣловались безъ васъ, поцѣлуемся и при васъ.

Она снова поцѣловала меня, крѣпко, — съ искреннимъ чувствомъ. По крайней мѣрѣ всякій видѣвшій сказалъ бы такъ. Прервавъ долгій поцѣлуй, на который отвѣчали отцовской нѣжностью мое сердце и мои объятія, она проговорила:

— Теперь идите, займитесь вашими приготовлениями къ отъѣзду.

О, какую смѣсю комедіантства и глубокаго искреннѣйшаго чувства была эта непредвидѣнная мною сцена; да, непредвидѣнная мною.

«Суббота 17 июля, 11 часовъ вечера. (Дешеша обыкновеннаго письма).

Я все еще здѣсь. Матросы «Сигары» все мертвецки пьяны. Когда отпущенный Элеонорой (я снова называю ее такъ, потому что дѣйствительно примирился съ нею, не на словахъ только, но и въ душѣ), я пріѣхалъ взглянуть, все ли готово къ отплытію, я нашелъ матросовъ уже болѣе чѣмъ полупьяными. Я отнялъ у нихъ вино, втолкалъ ихъ въ каюту экипажа, заперъ и ушелъ съ тѣмъ, чтобы нанять новыхъ матросовъ и пріобрѣсти новаго капитана.

Съ человѣкомъ, допустившимъ такое безобразіе, нельзя было плыть. Черезъ часъ я возвратился на «Сигару» съ новымъ капитаномъ и съ новымъ экипажемъ. Я выдалъ прежнему капитану жалованье за полгода ему и его матросамъ; пьяницы, услышавъ это, перестали роптать, прославляли отпустившаго ихъ съ наградой, вмѣсто наказанія, и велѣлъ новому экипажу разводить пары; остался самъ наблюдать за этимъ. Черезъ полчаса новый капитанъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Надобно набрать новый экипажъ; эти матросы тоже ужъ напились». Я пошелъ посмотреть. Да, они были пьяны. Было уже 9 часовъ вечера. Гдѣ набирать новыхъ матросовъ? Я разсудилъ, что скорѣе проспятъ эти. Послалъ попросить у ближайшаго полицейскаго комиссара четырехъ надежныхъ полицейскихъ, обѣщавъ дать имъ хорошее вознагражденіе за трудъ. Онъ прислалъ. Я отдалъ мой пьяный экипажъ подъ ихъ надзоръ, попросивъ капитана увѣдомить меня, когда они проспятъ; велѣлъ ему одновременно съ этимъ увѣдомленіемъ разводить пары, не дожидаясь моего новаго распоряженія, и возвратился къ Форкалькѣ. Они, по обыкновенію, собираются на балъ; это будетъ послѣдній передъ-свадебный балъ въ честь жениха и невесты; для него приберегъ свое право дать балъ первый здѣшній миллионеръ. Все они уговаривали ѣхать съ ними. Что жъ, посмотрю, каковы бываютъ балы у марсельскихъ миллионеровъ. Раньше двухъ часовъ утра мои пьяницы не выспятся (съ матросами, не вполнѣ протрезвившимися, я не поплыву, потому что съ утра поднялся вѣтеръ и все усиливается. Смерти я не боюсь, но безъ надобности тонуть не хочу). Мнѣ тѣмъ легче было согласиться на просьбу настоящихъ Форкалькѣ и будущей Форкалькѣ, что на балѣ будетъ дочь префекта, Леонія Вильо, которую все очень хвалятъ. Мнѣ хочется взглянуть, что такое эта Леонія, имя которой было на нѣкоторое время соединено молвой съ именемъ Ремона. Она выздоровѣла дня четыре тому назадъ и третьяго дня ужъ начала выѣзжать: но на балахъ она еще не бывала; да и я не былъ; потому не случилось мнѣ видѣть ее. Вещи мои уложены къ отъѣзду; я велѣлъ отвезти ихъ на «Сигару» по увѣдомленію, что капитанъ началъ разводить паръ, и пойду на мой пароходъ прямо съ бала».

«Ночь съ субботы на воскресенье, 2 часа 10 минутъ (шифрованная депеша). Разыгралась буря, отъѣздъ невозможенъ съ 10 часовъ вечера. Моряки говорятъ, (да и самъ я знаю здѣшнее море достаточно, чтобы видѣть): буря продлится по крайней мѣрѣ до вечера завтра. А какъ была подготовлена безопасность отъ погоня! Вы понимаете: новый экипажъ—отборные итальянцы Ремона, двѣнадцать безстрашныхъ героевъ, и пять такихъ же моряковъ, присканныхъ мною въ Генуѣ и Ливорно. Вы понимаете: я подпоилъ черезъ одного изъ нихъ, надежнаго чловека; вы понимаете: чѣмъ отвѣчали мои итальянцы и отборные итальянцы Ремона на мою просьбу дѣлать какъ я говорю, не спрашивая объясненія: «хоть на эшафотъ пойдемъ по вашему слову, другъ нашъ, не спросивъ, зачѣмъ». Они знаютъ, что я дѣлалъ десять лѣтъ тому назадъ въ Римѣ и въ Венеціи. Да и послѣ дѣлалъ я кое-что честное въ Италіи: это было сказано моимъ итальянцамъ вождями ихъ въ Генуѣ и Ливорно. Мы должны были уѣхать на пароходъ съ бала. И до послѣдней минуты оставались бы на палубѣ свидѣтелями невинности моего парохода четыре полицейскіе служители. Но буря все разстроила. Скверная исторія. До 10 часовъ я сохранялъ надежду. Скверная исторія».

«Воскресенье, 18 июля, 10 часовъ утра. (Депеша обыкновеннаго письма). Глупость женщинъ, даже пожилыхъ, превосходить всякое вѣроятіе. Эта добрейшая и благороднѣйшая изъ старыхъ дуръ, М-ме де Форкальмъ, была больна полторы недѣли тому назадъ и еще не поправившись, не давала отдыха, присутствовала на всѣхъ обѣдахъ и балахъ въ честь ея сына и будущей дочери, то есть каждый день начинала наряжаться съ 4 часовъ пополудни и оставалась въ корсетѣ до 5, 6 часовъ утра слѣдующаго дня. Она повидимому воображала, что она корова. Не спорю, сходство есть, —если не со всякой коровою, то, по крайней мѣрѣ, съ откормленной. Но коровы не затягиваются въ корсетъ и не сидятъ въ принужденной позѣ больше половины каждыхъ сутокъ въ бальной атмосферѣ, переполненной всякими отравляющими газами, изъ которыхъ самый невинный углекислота. Старая дура на балѣ, начавшемся вчера, упала въ половинѣ третьяго въ обморокъ. Отнесли ее въ спальную хозяйки, стали распускать корсетъ и ахнули отъ ея глупости: она затянула такъ туго, что отъ легкаго прикосновенія нога толстый шнурокъ лопнулъ и половинки корсета разлетѣлись сами собой вытягивая освободившійся шнурокъ. Теперь эта умная дама лежитъ на постели, разиня ротъ и все еще не надышалась досыта, чтобы дышать какъ по-обыкновенному. Свадьба отложена до выздоровленія доброй, милой маман. Врачъ обѣщаетъ, что она оправится нынѣ къ вечеру. Здѣсь свирѣпствуетъ буря, мой отъѣздъ не возможенъ.

Джеррольдъ».

«Понедѣльникъ, 19 июля, 8 часовъ утра (шифрованная депеша). Буря продолжается. Пока не получите новой шифрованной депеши, знайте, что буря все еще продолжается, отъѣздъ все еще не возможенъ».

«Понедѣльникъ, 19 июля, 2 часа пополудни. (Депеша обыкновеннаго письма). Вчера, въ досадъ на глупость моей милѣйшей пріятельницы и дѣйствительно добрейшей на свѣтѣ женщины, М-ме де Форкальмъ, я не рассказалъ вамъ моихъ приключеній на балѣ. Я былъ предметомъ овацій на немъ. Нашъ разговоръ наединѣ съ будущей дочерью моей милѣйшей дуры (которую я дѣйствительно люблю и потому дѣйствительно жалѣю до злости) былъ подслушанъ горничными (что и натурально при качествахъ французской прислуги и уже само по себѣ до-

статочно характеризует домашній бытъ французь). Когда мы прѣѣхали на балъ, всѣ дамы, которымъ представляли меня, говорили мнѣ комплименты за вѣрность моей дружбы къ фамиліи Форкалькье. Оказывалось, что нашъ разговоръ наединѣ съ Элеонорой ужь извѣстенъ всему высшему марсельскому обществу и въ существенныхъ чертахъ совершенно вѣрно, лишь съ маленькими прикрасами фантазій горничныхъ въ родѣ того, что я цѣловалъ руки М-ше Дюбелле (что, впрочемъ, очень могло бы быть, но чего въ дѣйствительности не было). Въ четверть 2-го общество было приглашено перейти въ столовый салонъ, чтобы освѣжиться легкой закуской. (До ужина было еще далеко). Закуска была такая роскошная, и обѣщала быть продолжительной, что общество сидѣло какъ за ужиномъ, а не ѣло въ стоячку, или какъ французы называютъ à la fourchette. Являются слуги, подносятъ шампанское, беремъ бокалы: я жду тоста въ честь жениха и невесты. Хозяинъ встаетъ и говоритъ: «за здоровье вѣрнаго друга, мистера Джеррольда!» Встаетъ М-ше Дюбелле и говоритъ: «Право спича на этотъ тостъ принадлежить мнѣ», дѣлаетъ очеркъ моихъ странствованій и той пользы, какую удалось мнѣ принести соотечественникамъ моимъ и людямъ другихъ націй въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и заключаетъ словами: «Таковъ же онъ былъ и здѣсь въ Марселл, какъ нашъ гость. Я обязана ему тѣмъ, что надѣюсь заслужить уваженіе подавленіемъ въ себѣ той дурной склонности, за которую справедливо порицали меня благоразумные люди. Пью за здоровье моего вѣрнаго друга, неотступавшаго передъ моимъ раздраженіемъ въ исполненіи своего правила быть полезнымъ всегда и вездѣ всѣмъ людямъ, къ которымъ приводятъ его благородныя обязанности публициста». Спичъ былъ покрытъ аплодисментами. На тостъ въ честь мнѣ я отвѣчалъ тостомъ въ честь французскаго общества, представителей котораго вижу я тутъ, и въ моемъ спичѣ говорилъ, что есть у французской націи недостатки, но она рѣшилась исправиться отъ нихъ, какъ теперь заявила подобное рѣшеніе одна изъ благороднѣйшихъ дочерей ея, которая не вполне несправедливо приписываетъ мнѣ нѣкоторое вліяніе на принятое ею рѣшеніе, но преувеличиваетъ значеніе моего содѣйствія ему. Оно было принято ею раньше, нежели произошло между нами объясненіе, какъ это извѣстно всѣмъ присутствующимъ здѣсь. Честь рѣшенія принадлежить ей, мнѣ только право на имя честнаго друга, симпатизирующаго благородной и твердой рѣшимости ея. Черезъ нѣсколько минутъ М-ше де Форкалькье упала въ обморокъ: ея мужъ, сынъ и будущая дочь ушли въ ту комнату, куда перенесли ее и когда врачъ нашелъ возможнымъ перевезти заболѣвшую домой, то, конечно, отправились съ нею. Я остался на балѣ и воспользовался случаемъ всмотрѣться въ характеръ Леоніи Вилло, которой былъ представленъ хозяйкою дома вскорѣ послѣ ея прѣѣзда на балъ. (Она прѣѣхала поздно, во время закуски). Это очень милая дѣвушка.

Проснувшись нынѣ въ 12 часу, я отправился взглянуть, что дѣлается на моемъ пароходѣ. Тамъ все въ порядкѣ, благодаря надзору четырехъ полицейскихъ, такъ любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе. Комиссаръ, котораго благодарилъ я, сказалъ, что моя благодарность должна относиться не къ нему, а къ префекту, безъ разрѣшенія котораго онъ не могъ бы исполнить моей просьбы. Я былъ радъ случаю познакомиться съ г. Вилло и отправился къ нему выразить признательность за его любезное одолженіе. Мы говорили долго. Онъ вовсе не такой дурной человекъ, какъ увѣряютъ враги правительства. Онъ пригласилъ

меня обѣдать у него. Я сказалъ, что приѣду, если не уплыву раньше. Но нѣтъ надежды отплыть нынѣ. Буря продолжаетъ свирѣпствовать. Есть нѣкоторые признаки, что она черезъ нѣсколько часовъ начнетъ ослабѣвать: но едва ли плаваніе станетъ безопаснымъ хотя бы ночью. О болѣзни глупой старухи не стоитъ много говорить; опасности нѣтъ, но дура едва ли встанетъ и завтра. Такимъ образомъ свадьба отлагается до вторника. *Джеррольдъ*».

«Понедѣльникъ 19 июля, 9 часовъ вечера. (Депеша обыкновеннаго письма). Вчера я обѣдалъ у префекта, обѣдалъ и нынѣ; въ этомъ состоитъ причина того, что я только теперь нашелъ досугъ написать нѣсколько словъ. Мг. Бильо рассказывалъ мнѣ такъ много интереснаго о положеніи дѣлъ во Франціи и о недавнихъ событіяхъ, что я, по возвращеніи отъ него, весь вечеръ писалъ, и только позднимъ утромъ нынѣ кончилъ письмо въ Times. Это не депеша, а письмо. потому что дѣло идетъ не о новостяхъ минуты: я дѣлаю обзоръ фактовъ внутренней исторіи Франціи за послѣднія десять лѣтъ, съ июнскаго возстанія, выдвинувшаго впередъ кандидатуру принца Луи Наполеона на санъ президента республики. Я излагаю понятія правительственной сферы объ этихъ фактахъ; мое сужденіе было бы не уместно въ этомъ обзорѣ хода дѣлъ съ точки зрѣнія нынѣшняго французскаго правительства. Отправивъ эту депешу къ вамъ, буду писать другое письмо въ Times; оно будетъ излагать содержаніе бесѣды префекта со мною за нынѣшнимъ обѣдомъ. Онъ рассказывалъ мнѣ свою жизнь. Я съ его разрѣшенія перескажу его рассказъ англійской публикѣ. Характеръ изложенія будетъ тотъ же: я передаю слышанное мною и только. Буду обѣдать у префекта и завтра, если не уплыву до того времени. М-ше де Форкалькье поправляется, свадьба назначена послѣ завтра, въ среду въ 2 часа дня. Молодые отправятся прямо изъ церкви въ послѣ-свадебное путешествіе. Не ждите отъ меня депешъ раньше вечера завтра, если не уплыву днемъ. Передъ отплывомъ извѣщу васъ, если оно будетъ раньше вечера. *Джеррольдъ*».

«Понедѣльникъ, 19 июля, 11 часовъ вечера (шифрованная депеша). Буря начинаетъ утихать. Завтра къ вечеру стихнетъ. Волненіе будетъ еще велико, но не будетъ представлять опасности. Не ждите больше отсюда шифрованныхъ депешъ».

«Вторникъ, 20 июля, 11 часовъ 25 минутъ вечера. (Депеша обыкновеннаго письма). Сейчасъ возвратился отъ префекта, бесѣда съ которымъ затянулась, какъ видите, на много часовъ. Если бъ я зналъ, какой это человѣкъ, я проѣхалъ бы со станціи прямо къ нему. Новаго ничего: слѣдующую депешу пошлю передъ отплывомъ, которое будетъ послѣ новаго моего свиданія съ префектомъ. Я отправлюсь къ нему въ 9 часовъ утра побывавъ на пристани и велѣвъ разводитъ паръ. За трезвость моего экипажа я спокоенъ: она охраняется прежними неподкупными и не пьющими ни капли вина полицейскими служителями».

«Снеція. Четвергъ, 22 июля, 5 часовъ утра. (шифрованная депеша). Безъ сомнѣнія, вы измучились, мой другъ продолжительностью моего молчанія. Молчать было надобно. То, что надобно, я дѣлаю, не подаваясь никакому чувству не согласному съ надобностями дѣла. Въ ночь со вторника на среду, въ половинѣ 12-таго часа я простился съ моимъ новымъ пріелемъ, префектомъ, у котораго сидѣлъ весь вечеръ и отправился на пароходъ, купленный мною, но только фактически, а не документально: формальнымъ образомъ онъ оставался пріелемъ».

пароходному обществу Рубаттини. Я заплатилъ деньги передъ его отплытіемъ изъ Генуи, потому что онъ могъ быть пущенъ ко дну на плаваніи изъ Марсели сюда.

Мы условились, что пароходъ будетъ готовъ къ отплытію въ половинѣ 2-го часа, на случай надобности намъ поторопиться, но что если ничего особеннаго не случится, то мы отплывемъ въ 2 часа; что Олеонора, Ремонъ, его отецъ и мать въ половинѣ 2-го часа сядутъ въ двѣ кареты, заѣдутъ за Леоніей и поѣдутъ къ тому уединенному мѣсту пристани, гдѣ стоитъ нашъ пароходъ.

Измѣны въ домѣ Форкальке не могло быть. Прислуга семейства состояла изъ людей скромныхъ, честныхъ, любившихъ его. Не должно было быть затрудненій и отъѣзду Леоніи. Личныя служанки ея любили ее. Двѣ изъ нихъ имѣли пріятелей, уходили и приходили въ ночное время (не потому, что скрывали свои связи, а потому, что днемъ и онѣ и пріятели ихъ были заняты дѣломъ: по праздникамъ пріятели приходили къ нимъ, сидѣли съ ними. Это были скромныя дѣвушки: пріятели ихъ были ихъ женихи; таковъ обычай). Леонія, надѣвъ платье одной изъ нихъ, могла выѣхать съ другой свободно идти изъ дому, не обращая на себя вниманія другой прислуги, если бы встрѣтился съ кѣмъ она и ея подруга.

Мы условились, что экипажи—двѣ кареты—поѣдутъ въ 50 или 55 минутъ 2-го часа къ мѣсту парохода на разстояніе сотни шаговъ и остановятся на полторы минуты, потомъ подѣдутъ совѣмъ, и всѣ нами войдутъ немедленно на пароходъ, не ожидая никакой встрѣчи, кромѣ поклона капитана.

Въ 45 минутъ 2-го часа я сказалъ четыремъ полицейскимъ, охранявшимъ пароходъ, что при окончаніи ихъ службы мнѣ я и матросы, довольные ими, хотимъ выпить за ихъ здоровье. Они пошли со мной въ матросскую каюту. Тамъ было одиннадцать итальянцевъ: намъ нужно было двѣнадцать человѣкъ; двѣнадцатымъ былъ я. Двое оставались при машинѣ: капитанъ и одинъ изъ матросовъ были на палубѣ.

Я усадилъ полицейскихъ за столъ, каждого между двумя итальянцами (мѣсто одного итальянца занималъ я, сѣвъ за столъ лицомъ къ двери), четыре другіе итальянца прислуживали. Мы разговаривали и по-немножку пили. Матросъ, остававшійся на палубѣ, вошелъ подымая обѣ руки поправить водоса: это значило: обѣ кареты подѣхали, остановились. Я поднялъ руку съ платкомъ: это было сигналъ: два платокъ коснулись моего лба, каждый изъ четырехъ, ставшихъ позади полицейскихъ, зажалъ ротъ своему полицейскому, двое, сѣдѣвшіе по сторонамъ, схватили этого полицейскаго за руки. Не было ни одного крика, слышался только легкій шумъ отодвигаемыхъ стульевъ и опусканія схваченныхъ полицейскихъ на полъ каюты. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ четверо были связаны и рты имъ заткнуты. Черезъ минуту Олеонора, Леонія, Ремонъ, его отецъ и мать вошли на пароходъ и онъ двинулся полнымъ паромъ. Было 58 минутъ 2-го часа ночи. Этотъ пароходъ дѣлаетъ 18 съ половиною узловъ въ часъ. Въ южныхъ гаваняхъ Франціи нѣтъ ни одного парохода такой быстроты. Отъ погони изъ Марсели мы были безопасны, но могли быть посланы корабли изъ Тулона на перерѣзъ намъ. Если бы одинъ изъ нихъ встрѣтился съ нами, мы пошли бы ко дну, потому что не было бы ему другого средства остановить насъ, кромѣ пусканія ядеръ вѣдѣ за нами: нагнать насъ не могъ бы ни одинъ изъ тулонскихъ кораблей, мы имѣли бы болѣе двухъ узловъ скорости въ излишкѣ противъ быстрѣй-

наго изъ нихъ. Шансъ встрѣчи былъ очень малъ, еще меньше былъ шансъ по-
пасть въ насъ ядромъ на разстояніи половины километра (ближе нельзя было бы
подойти къ намъ, хотя бы врагъ шелъ на насъ въ направленіи напменѣе выгод-
номъ для нашего ухода отъ него): ночь была лунная, но по небу шло много тучъ,
закрывавшихъ луну на четверть часа, на полчаса, оставлявшихъ ее свѣтить лишь
по три, четыре минуты. Шансъ нашей гибели былъ очень малъ, но все таки
былъ. Я не говорилъ объ этомъ никому. Всѣ наши воображали себя въ полной
безопасности съ той минуты, какъ пароходъ началъ отодвигаться отъ берега. До
высоты Тулона мы были совершенно безопасны. Но когда мы приближались къ
ней, мое сердце стало биться нѣсколько чаще, чѣмъ слѣдуетъ биться ему у муж-
чины въ минуты опасности. Полюбилъ я всѣхъ ихъ: и Ремона, и Леонію, и отца
и мать Ремона; но отъ мысли о ихъ гибели не трепетало бы мое сердце; горячо
я люблю только Элеонору. Я смотрѣлъ въ телескопъ по направленію къ Тулону,
высоту котораго проходила далекимъ уклономъ на югъ. Показывались нѣсколько
разъ корабли между нами и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ далеко за нашимъ гори-
зонтомъ Тулонъ; но они шли не на перерѣзъ намъ, а съ востока на западъ, изъ
гаваней Тосканы и Игурии въ Марсель; и это были не военные корабли, а поч-
товые и коммерческіе пароходы. Когда мы прошли высоту Тулона, я передалъ
телескопъ капитану, сѣлелъ въ пассажирскій залъ, гдѣ сидѣли Леонія, Ремонъ,
его отецъ, мать и моя милая Элеонора, беззаботно разговаривая. «Теперь мы въ
полной безопасности», сказалъ я имъ. «А развѣ была опасность?» — спросили они
съ удивленіемъ. «Очень небольшая, но была; не отъ Марсели, но отъ Тулона». Я
растолковалъ имъ, что нагнать насъ нельзя, но можно было успѣть перерѣзать
намъ путь.

Мы сдѣлали далекій обходъ на югъ: потому наше плаваніе было нѣсколь-
кими часами продолжительнѣе, чѣмъ могло бы быть безъ этого уклона, состав-
лявшаго прибавку пути на 60 или 70 морскихъ миль (узловъ). Мы вошли
въ гавань Спеціи въ 8 часовъ 32 минуты вечера, вышли на берегъ въ 8 ча-
совъ 49 минутъ (я считаю по марсельскому меридіану. Въ Спеціи время было
нѣсколько позднѣе). Насъ ждали на пристани кареты: мы отправились прямо
въ церковь (Св. Аннунціаты). Тамъ уже были зажжены люстры, собирався
народъ смотрѣть бракосочетаніе сына и дочери соединенныхъ довольно богатыхъ
землевладельцевъ. Мы вошли въ церковь; я подошелъ къ священнику, сказалъ
ему: «я повторяю вамъ ту просьбу, которую вы уже слышали»; онъ обра-
тился къ народу и сказалъ, что невѣста, увидѣть которую собрался его при-
хожане и другіе благочестивые люди, просила его извинить нѣкоторое проме-
дленіе: прическа ея случайно разстроилась; нужно четверть часа поправить
волоса; тѣмъ временемъ онъ обвѣнчаетъ другую свадьбу; и началъ обрядъ бра-
косочетанія французскихъ гражданина и гражданки Ремона де Форкалькье и
Леоніи Бильо. Передъ концомъ ихъ вѣнчанья пріѣхали женихъ и невѣста,
которыхъ ждалъ народъ. Невѣста въ великолѣпномъ кружевномъ платьѣ сказала
Леоніи: «Благодарю васъ за прекрасный подарокъ». Леонія отвѣчала: «Это пода-
рокъ не отъ меня, отъ моей подруги, которая не можетъ надѣть приготовленнаго
для нея кружевного платья, потому что рѣшилась сдѣлать свою свадьбу самымъ
скромнымъ образомъ». «Я тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ», сказалъ женихъ Элео-
норѣ, что вашъ подарокъ ускорилъ нашу свадьбу цѣлой недѣлей.

Элеонора хотѣла отправиться по направленію въ Англію съ первымъ поѣздомъ. Онъ отходилъ черезъ 7 или 8 минутъ. Мы уговорили ее быть на свадебномъ пирѣ невѣсты, женихъ которой благодарилъ ее за ускореніе ихъ свадьбы. Мы не ждали приглашенія, тѣмъ пріятнѣе была для насъ эта любезность. Сельскій домъ жениха находится въ одной итальянской милѣ отъ города. Мы провели съ гостями нашихъ хозяевъ полчаса, потомъ перешли въ отдѣльную комнату, приготовленную для насъ, поговорили, выпили нѣсколько тостовъ, попрощались и разъѣхались. Отецъ и мать Ремона возвратились на пароходъ и поплыли въ Марсель. Ремонъ и Леонія отправились на югъ; они будутъ мѣсяца два путешествовать по Южной Италіи, Сициліи, съѣздить посмотрѣть Грецію, Константинополь, берега Леванта и обозрѣвая берегъ Африки возвратятся въ Марсель. Кстати о Леоніи. Я получалъ двѣ депеши отъ отца ея. Въ первой онъ, отвѣчая на мой вопросъ, говоритъ, что декретъ о преданіи его суду уничтоженъ (какъ я предсказывалъ ему въ своемъ вопросѣ, потому что возможное ли дѣло для бонапартистской высшей компаніи разоблачать такіе подвиги усердныхъ слугъ!); но что отставка ему дана. Во второй депешѣ онъ проситъ меня благодарить Гастона де Форкалькье за назначенную ему пенсію въ 10.000 франковъ; онъ не знаетъ, что онъ обязанъ собственно мнѣ цифрой этой пенсіи; Гастонъ де Форкалькье хотѣлъ дать ему 50.000 франковъ: я сказалъ, что въ пять разъ меньше будетъ въ пять разъ полезнѣе для его здоровья: въ пять разъ меньше будетъ распутничать.

Я, подобравшись такъ близко къ Альпамъ, буду пробираться по нимъ до Карпатовъ, если не остановитъ этого путешествія какое нибудь порученіе мистера Дилена, болѣе интересное или важное. Вы теперь достаточно знаете меня, чтобы понимать: моя несчастная страсть къ охотѣ лишь предлогъ бродить между народами. Впрочемъ я стрѣляю превосходно, но только пулей; и бью много птицъ, но не тѣхъ, какъ другіе охотники. Увидимся, то расскажу исторію дѣвицы, которую клевали куры и носили на рогахъ коровы: она была дочь охотника; и если бъ у меня была дочь, то отцомъ героини моего разсказа былъ бы именно я.

Проводивъ стариковъ во Францію, молодыхъ Форкалькье на югъ, мы съ Элеонорой пріѣхали на станцію Генуэзской дороги. Я вызывался проводить мою милую Элеонору до Лондона: она сказала, что доѣдетъ и одна. Я проводилъ ее въ вагонъ: мы обнялись; пора было уйти мнѣ: я поцѣловалъ ея руку—моя милая Элеонора достойна того. Поѣздъ двинулся и я остался на дебаркадерѣ одинъ. И гораздо лучше, что она не взяла меня съ собой. Хорошія женщины хороши, не спорю; но есть у нихъ одно общее со всѣми другими женщинами не похвальное качество: только останься подольше ихъ собесѣдникомъ, то самъ не замѣтишь, какъ тебѣ уже подыскана невѣста, и не усидишь хлопнуть раза два глазами отъ удивленія, какъ уже увидишь себя обвѣнчаннымъ, и твоя пріятельница, хорошая женщина, поздравляетъ тебя съ счастливымъ бракомъ. Хотите послушаться опытнаго человѣка? Не женитесь на Элеонорѣ, которая черезъ два дня пріѣдетъ въ Лондонъ и на первый разъ остановится у мистера и миссисъ Бриггсъ, приславшихъ ей еще въ Марсель приглашеніе быть ихъ гостей. Вашимъ уваженіемъ къ моей опытности заклинаю васъ: не женитесь на ней; это будетъ очень хорошо по двумъ резонамъ,

одному для нея, другому для васъ. Она сохранить уваженіе къ себѣ, которое утратить, вышедши замужъ. А вы, когда доживете до 37 лѣтъ, то увидите, что вы старый дуракъ, какъ вижу я теперь о себѣ; это хорошо: дуракамъ легче жить на свѣтѣ, чѣмъ умнымъ людямъ. *Джеррольдъ*».

— Отдохните, Мг. Вязовскій, сказала баронеса:—И не отложить ли намъ продолженіе разсказа до слѣдующаго четверга? Теперь ужъ почти четвертъ 3-го, а мы не остаемся здѣсь позже 3-хъ часовъ. Лидія встанетъ довольно рано, въ 10.

— То, что остается мнѣ досказать, займетъ не много времени, баронесса, а я нисколько не усталъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте.

Черезъ два дня Элеонора пріѣхала въ Лондонъ. Мы повѣнчались.

Элеонорѣ не хотѣлось разставаться съ матерью и отцомъ, людьми дѣйствительно добрыми. Она была одна у нихъ; жалѣла покинуть ихъ, горячо по своему любившихъ ее. И попросила мистера Бриггса назначить меня помощникомъ представителя нашей фирмы въ Марсели. Онъ сказалъ:

— Ваше желаніе будетъ исполнено, мистеръ Сеттембрини. Я предвидѣлъ его и обдумалъ, какъ это сдѣлать получше. Я сильно раздосадованъ на васъ за то, что вы оправдали вашей просьбой мое предположеніе. Вы знаете, что вы надобенъ мнѣ здѣсь. Еще больше досаду я на миссисъ Сеттембрини, виноватой въ этомъ. Но мое чувство само по себѣ, а правила, по которымъ я долженъ рѣшить дѣло, сами по себѣ. Желаніе миссисъ Сеттембрини достойно всякаго уваженія, потому я обязанъ исполнить его, какъ могу. Она и вы хорошо понимаете сами, да и миссисъ Бриггсъ говорила ей, что вамъ, мистеръ Сеттембрини, предстоитъ блестящая коммерческая карьера, если вы останетесь при мнѣ. Но миссисъ Сеттембрини и вы такіе люди, которые понимаютъ, что такое они дѣлаютъ, и потому не раскаиваются въ томъ, что дѣлаютъ. Разсмотримъ ваше желаніе въ той формѣ, какую вы дали ему, чтобъ оно было наименѣе обременительно для меня. Въ этой формѣ оно неудобноисполнимо. Вы занимали здѣсь положеніе съ формальной стороны невысокое, но на дѣлѣ гораздо болѣе высокое, чѣмъ должность представителя нашей фирмы въ Марсели, одномъ изъ второстепенныхъ пунктовъ нашихъ операцій. Ваши отношенія къ тому, кто по формѣ будетъ вашимъ начальникомъ, будутъ по необходимости неудобными для него. Вы пользуетесь несравненно большимъ довѣріемъ у меня, чѣмъ онъ. Какой же вы подчиненный ему. И онъ одинъ успѣваетъ дѣлать все; на что-жъ ему помощникъ?—Притомъ, такъ какъ миссисъ Сеттембрини хочетъ жить съ отцомъ и матерью, то ей слѣдуетъ жить не въ Марсели, а въ Арлѣ. Всѣ свѣтлыя воспоминанія ихъ жизни соединены съ Арлемъ, съ ихъ домикомъ, ихъ виноградникомъ. Вы человѣкъ скромный въ своихъ денежныхъ желаніяхъ, миссисъ Сеттембрини и того скромнѣе. Назначить вамъ большое жалованье по должности представителя нашей фирмы въ Арлѣ я не могу. Спросите у миссисъ Сеттембрини, найдетъ ли она достаточнымъ, если вы будете получать 400 фунтовъ.

— Для Арля 10.000 франковъ очень большія деньги, сказалъ я:— когда мы съ миссисъ Сеттембрини говорили о томъ, какое жалованье можетъ быть дано мнѣ по должности, которой просилъ я, мы находили, что и въ Марсели намъ будетъ достаточно цифра нѣсколько меньше той, которую назначаете вы. А для Арля—это очень большое изобиліе денегъ. Но для нашей фирмы нѣтъ надобности имѣть представителя въ Арлѣ. Вы не единственный собственникъ интересовъ фирмы, я долженъ полагать, что вы хотите назначить мнѣ жалованье изъ собственной вашей кассы.

— На первое время да. Но я полагаю, что скоро вы найдете въ Арлѣ для нашей фирмы дѣла достаточно обширныя для того, чтобъ я имѣлъ право перенести ваше жалованье изъ моего личнаго счета въ счетъ фирмы и взять обратно себѣ выданныя вамъ деньги, которыя окажутся авансами для управляемыхъ вами дѣлъ.

На шестой день послѣ нашей свадьбы я уже присматривался въ Арлѣ, какое бы предпріятіе могло дать выгоду нашей фирмѣ. Долго присматриваться было не нужно: въ то время очень большія выгоды сельскимъ хозяевамъ департамента Устій Роны давало производство марены. Оно велось допотопными способами. Придавъ ему тотъ характеръ, какого требуетъ настоящее положеніе техническихъ знаній, можно было получать очень большой процентъ на капиталъ. Я занялся этимъ, дѣло пошло хорошо. Я купилъ участки въ тѣхъ мѣстностяхъ, наиболѣе благоприятныхъ производству марены. Я построилъ громадныя зданія для переработки продукта нашихъ плантацій и закупаемаго мною сырого матеріала.

Наша жизнь была пріятна. Насъ любили въ Арлѣ и въ Марсели. Съ семействомъ Форкальке мы были какъ родные. Это понятно само собою. Не только Элеонора была сестрой Леонин, но и мать ея пользовалась такимъ почетомъ въ семействѣ Форкальке, какъ будто была близкая старшая родственница матери Ремона. Пока былъ живъ отецъ Элеоноры, ея мать проводила время на-половину съ нимъ и съ нами, на-половину въ семействѣ Форкальке: когда онъ умеръ (на восьмомъ году моей жизни въ Арлѣ) М-ше Вердь почти совершенно переселилась къ Форкальке. Можно сказать: у насъ она только гостила, жила у нихъ. Понятно: у нихъ она пользовалась роскошью, какой не имѣли мы.

На десятый годъ моихъ занятій производствомъ, закупкой и переработкой марены появились извѣстія объ открытіи анилиновой краски, замѣняющей ее. Я полагалъ, что это долго будетъ сохранять лабораторный характеръ, что я успѣю вынуть капиталы изъ нашего производства раньше, чѣмъ выдѣлка ализарина получитъ фабричный размѣръ. Я скупился продавать въ убытокъ наши запасы; я жалѣлъ остановить работу на нашихъ плантаціяхъ и заводахъ, не прииславъ другихъ занятій для нашихъ работниковъ. Я намерѣлъ занятіе имъ и остановить наше производство марены. Я продалъ значительную часть нашихъ запасовъ съ безъ убытка для фирмы. Но цѣна стала много ниже издержекъ нашего пріобрѣтенія огромныхъ запасовъ, еще остававшихся на рукахъ у меня. Я поѣхалъ въ Лондонъ лично объяснить мистеру Бриттсу до какой степени виноватъ я въ убыткѣ, которому подвергнетъ фирму основанное мной предпріятіе.

— Да, сказалъ онъ: если бы вы меньше боялись продавать въ убытокъ, пока можно было продать безъ большого убытка, было бы лучше. Но я раздѣляю вашу вину передъ фирмой. Кто утверждалъ ваши соображенія объ медленной ликвидаціи предпріятія? Притомъ, фирма могла бы вынести и не такіе убытки безъ малѣйшаго стѣсненія для себя. — Онъ замолчалъ и задумался.

— Знаете ли, на чемъ я хочу остановиться—началъ онъ:—по какой бы цѣнѣ ни продали мы наши запасы, почти вся сумма, какую выручимъ мы, составитъ чистую потерю для купившихъ. Цѣна марены будетъ все падать. Самое лучшее былобы ежечъ всѣ наши запасы, чтобы не вредить людямъ большею частью небогатымъ. Но это было бы эффектно. Я не люблю эффектовъ. Заприте ваши склады, пусть запасы лежатъ. Всѣ будутъ смѣяться надъ нами, что мы выжидали улучшенія цѣнъ. Пусть смѣются. Лѣтъ черезъ пять, когда цѣна перестанетъ падать мы продадимъ наши запасы.

— Вѣроятно, на топливо, мистеръ Бриггсъ?

— Вѣроятно. Ликвидируйте остальные отрасли дѣла. Кончайте дѣло скорѣе и возвращайтесь ко мнѣ. Мы переговоримъ тогда, какое новое назначеніе можете получить вы отъ фирмы.

Съ первымъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Арль, пробывъ въ Лондонѣ часовъ пять. Мои отецъ и матица, которую справедливѣе называлъ я матерью, уже не были тогда въ живыхъ. Мои братья и сестры были милы мнѣ, но уже давно отвыкли отъ меня, сдѣлавшись въ эти двѣнадцать лѣтъ изъ подростающихъ юношей и дѣвушекъ отцами и матерями семействъ. Всѣ они жили безбѣдно и благоразумно, не нуждались ни въ помощи моей, ни въ совѣтахъ. Сестры мои жили въ Лондонѣ. Я повидался съ ними; попросилъ ихъ передать мои привѣтствія братьямъ.

Сестры оправдывались множествомъ дѣлъ въ томъ, что онѣ и братья давно прекратили переписку со мной. Я сказалъ, что не могъ и тогда осуждать ихъ за молчаніе на мои письма: у насъ было очень мало общаго. Одинъ мой братъ былъ профессоромъ греческаго языка въ Кембриджѣ, другой офицеромъ; обѣ сестры вышли за людей свѣтскаго общества и вели жизнь богатыхъ женщинъ того класса, который занимаетъ средину между среднимъ сословіемъ и аристократіей.

Черезъ полтора мѣсяца я возвратился въ Лондонъ, кончивъ ликвидацію; балансъ убытковъ составлялъ нѣсколько болѣе 185.000 фунтовъ. Мистеръ Бриггсъ предвидѣлъ приблизительную величину его по моимъ письмамъ, зная точную цифру по депешѣ, отправленной мною при выѣздѣ изъ Арля. Я ѣхалъ одинъ; Элеонора съ дѣтми оставалась въ Арлѣ, потому что мы не знали, гдѣ получу я новое назначеніе. Мы думали о Левантѣ, Египтѣ, Тунисѣ, потому что фирма наша расширяла свои обороты по торговлѣ съ тѣми землями и отъ времени до времени учреждала тамъ новыя агентуры. Думали мы также о Христіаніи, Бергенѣ, Копенгагенѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ. Мистеръ Бриггсъ любилъ повышать нашихъ представителей въ сѣверныхъ пристаняхъ, переводя ихъ въ гавани болѣе благопріятныхъ климатовъ. Потому вакансія тамъ бывала часты.

— Я взял въ счетахъ моихъ съ фирмой весь убытокъ на себя, сказалъ мнѣ мистеръ Бриггсъ:—какую долю его дозволю я вамъ считать лежащей на васъ—дѣло не имѣющее практическаго значенія въ настоящее время, потому что у васъ нѣтъ никакихъ средствъ уплаты. Но я изложу вамъ планъ, принятіе котораго можетъ въ довольно скорое время сдѣлать васъ, мистеръ Сеттембрини, изъ моего должника компаньономъ моимъ, имѣющимъ довольно большой капиталъ. Если вы примете мое предложеніе, я предоставляю вамъ самому опредѣлить, какая часть убытка должна считаться лежащей на васъ; вы говорили о половинѣ; я говорю: считаю по вашему, если вы примете мое предложеніе; если же нѣтъ, то нѣтъ, не соглашаюсь считать никакого долга мнѣ на васъ.

— Я принимаю ваше предложеніе, въ чемъ бы ни состояло оно.

— Я надѣюсь, примете, выслушавъ его; но выслушавъ обдумайте зрѣло, прежде нежели давать мнѣ отвѣтъ. Выгоды будутъ велики для меня: велики и для васъ; а въ послѣдствіи, будутъ велики и для фирмы. Но есть и очень тяжелыя условія хорошаго осуществленія этого плана, за исполненіе котораго и браться не стоитъ, если не имѣть твердой рѣшимости посвятить исполненію его всѣ свои силы на число лѣтъ значительное даже и для васъ, хотя вы двадцатью годами моложе меня. Будь вы не только моихъ лѣтъ, но лишь десятию годами старше, чѣмъ вы теперь, я не предложилъ бы вамъ этого назначенія. Самое тяжелое изъ условій, о которыхъ говорю я—именно продолжительность періода, на который надобно связать себя—копечно не формальнымъ обязательствомъ, а только нравственнымъ. Другое тяжелое условіе—климатъ; третье—невозможность для миссисъ Сеттембрини часто видѣться съ матерью, которая навѣрное не захочетъ ѣхать съ вами въ ту далекую страну суроваго климата, а главное не захочетъ покинуть своихъ друзей Форбалькъ, въ семействѣ которыхъ наслаждается роскошью, какой не могла доставлять ей дочь.

— Я имѣю увѣренность, что миссисъ Сеттембрини одобритъ мое намѣреніе принять ваше предложеніе. Тяжелыхъ условій мы не боимся, я напишу ей; назовите страну, о которой говорите вы.

— Писать не достаточно: вы должны будете съѣздить въ Арль. Такія дѣла не должны быть рѣшаемы иначе, какъ по живымъ впечатлѣніямъ личныхъ совѣщаній. Вы и миссисъ Сеттембрини безъ сомнѣнія пересматривали въ вашихъ разговорахъ тѣ мѣстности, въ одну изъ которыхъ можете быть назначены вы представителемъ нашей фирмы. Вѣроятно, вы не забывали и сѣверныхъ центровъ торговли.

— Да, мы говорили и о нихъ.

— Имѣли ли вы въ виду возможность вашего назначенія въ важнѣйшій изъ этихъ центровъ—Петербургъ?

Нѣтъ. Это мѣсто занято человѣкомъ, который, какъ мы знаемъ, выражалъ намѣреніе возвратиться въ Англію на отдыхъ не раньше какъ черезъ два года и который имѣетъ право считать свое желаніе обязательнымъ для фирмы. Онъ служилъ ей такъ долго и съ такимъ усердіемъ къ ея интересамъ, съ такою пользою для нихъ. Вы не можете поступить съ мистеромъ Боурингомъ несправедливо.

— Безъ сомнѣнія не могу. И притомъ твердо знаю, что мистеръ Боу-рингъ будетъ оттягивать и оттягивать срокъ своего возвращенія въ Англію. Я рассчитываю, что онъ оттянетъ его на четыре года. Но если бъ онъ пожелалъ возвратиться на родину для отдыха своей старости не раньше, какъ черезъ 10 лѣтъ—срокъ при его 74 годахъ неправдоподобный,—то онъ оставался бы на своей должности десять лѣтъ, получая отъ нашей фирмы такія же постоянныя просьбы продолжать свою службу, какъ получалъ до сихъ поръ. Онъ человѣкъ добросовѣстный, не останется на должности, когда почувствуетъ силы свои дѣйствительно ослабѣвшими. У меня совершенно иная мысль, чѣмъ неблагодарность къ нему. Ни одна иностранная фирма не имѣетъ въ Петербургѣ представителя лучшаго, чѣмъ мистеръ Боурингъ. Но онъ, подобно своимъ товарищамъ по положенію, чуждъ русской жизни. Я хотѣлъ бы, чтобы когда его мѣсто черезъ два ли года, или черезъ четыре, или черезъ восемь, десять сдѣлается по его собственному желанію вакантнымъ, то было бы занято человекомъ, который зналъ бы русскій языкъ и русскую жизнь, какъ знаютъ русскіе. Я предлагаю вамъ приготовиться къ исполненію этого моего желанія. Переселяйтесь въ Россію, куда вы хотите, лишь бы только это была мѣстность чисто русская, и изучите русскій языкъ такъ, чтобы говорить по русски такъ, какъ говорятъ русскіе, такъ чтобы ни поселенинъ, ни горожанинъ не могли замѣтить, что вы не русскій, пока вы самъ не скажете имъ этого: изучите русскіе обычаи такъ, чтобы держать себя съ простолюдинами ни чѣмъ не отличаясь отъ просвѣщенныхъ русскихъ, бывающихъ въ гостяхъ у нихъ. Вы можете достигъ этого, если захотите.

— Я захочу, мистеръ Бриггсъ. Я понимаю, какое значеніе для оборотовъ нашей фирмы съ Россіей и для выгоды русскихъ, насколько ихъ интересы соприкасаются съ нашими, будетъ имѣть то обстоятельство, что представитель фирмы будетъ говорить съ русскими, какъ свои со своими. И я полагаю, что способенъ усвоить себѣ русскій выговоръ во всей его чистотѣ. Я чистый итальянецъ по языку; и чистый англичанинъ; и чистый французъ; и буду чистымъ русскимъ. И лишь въ недавніе годы занялся изученіемъ дофинейскаго нарѣчія, и теперь, черезъ три года, я говорю на немъ какъ чистый дофинеецъ. Это ручается, что я еще не утратилъ способности усвоивать себѣ чистоту новаго для меня выговора. Скажу больше: пріучившись говорить однимъ нарѣчіемъ языка, труднѣе научиться говорить совершенно чисто на другомъ нарѣчій того же языка, чѣмъ усвоить себѣ въ такой же чистотѣ совершенно другой языкъ.

— Отправляйтесь жъ въ Арль, поживите тамъ недѣлю и черезъ недѣлю—никакъ не раньше—или отправляйтесь съ вашимъ семействомъ сюда, чтобы отсюда ѣхать въ Россію, или откажитесь отъ этого моего предложенія: оно будетъ въ такомъ случаѣ замѣнено другимъ совершенно по вашему выбору.

— Я думаю, что мы съ миссисъ Сеттомбрини выберемъ Россію. Та обязанность, которую прійму я на себя этимъ выборомъ очень почетна, прямо скажу: хороша, и быть можетъ мой примѣръ будетъ полезенъ для другихъ.

И побѣхавъ въ Арль: прожилъ тамъ недѣлю и послалъ мистеру Бриггсу

депешу, что выбираю Россію. Въ тотъ же день я получилъ депешу излагшую денежныя условія принимаемаго мною предложенія. Само собою разумѣется они были болѣе, чѣмъ справедливы въ нашихъ интересахъ.

На добрую мать моей жены не бросить тѣни, когда я скажу правду. Она была рада нашему отъѣзду изъ Арля, онъ давалъ ей свободу совершенно переселиться къ Форкалькье. Долгіе годы трудовой жизни даютъ человѣку право желать удобства и почета, и если мы нѣсколько увлекаемся, доводя свою потребность удобной жизни въ годы старческаго отдыха до нѣкотораго пристрастія къ роскошной обстановкѣ, когда она доступна намъ, несправедливо было бы строго порицать насъ. М-ше Вердые никогда не имѣла притязанія быть идеаломъ всѣхъ доблестей стоицизма; она хотѣла только быть честной, доброй женщиной, была такой до разлуки съ нами и осталась такой, окончательно вступивъ на правахъ родственницы въ семейство Форкалькье.

Мы выѣхали изъ Франціи весною 1870 года, прожили въ Лондонѣ мѣсяца три и лѣтомъ этого года пріѣхали въ Россію. Мы поселились въ Москвѣ; дѣлали всѣмъ семействомъ путешествіе по Волгѣ, по желѣзнымъ дорогамъ южной половины Россіи, посѣтили Кавказъ; а одинъ, я ѣздилъ и въ такія мѣстности, куда не было удобныхъ путей. Жили мы всѣмъ семействомъ по мѣсяцу, по два въ нѣсколькихъ губернскихъ или уѣздныхъ городахъ, по двѣ, по три недѣли въ хорошую пору года въ селеніяхъ нѣсколькихъ губерній на югѣ отъ Москвы; а одинъ я жилъ по недѣлямъ и зимою въ деревушкахъ, занесенныхъ снѣгомъ, и не только въ хижинахъ съ обыкновенной топкой печи, но и въ курныхъ избахъ.

Много странствовали мы, но большую часть года проводили въ Москвѣ и, собственно говоря, были жителями ея. Такъ прошло семь лѣтъ. На восьмомъ году нашей жизни въ Россіи, по преимуществу въ Москвѣ, мистеръ Боурингъ сталъ чувствовать, что дряхлѣетъ; я утратилъ возможность упрямить его, оставаться представителемъ нашей фирмы въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ пользоваться на родинѣ заслуженнымъ отдыхомъ въ глубокой старости. Я занялъ его мѣсто.

Не скажу, что намъ, моей женѣ и мнѣ, не было пріятно это очень значительное возвышеніе моего положенія. Съ денежной стороны оно представляло выгоды, которыми не могли не дорожить мы, имѣя четырехъ дочерей. Не скажу, что не было пріятно нашихъ двумъ старшимъ дочерямъ переселиться изъ Москвы въ столицу и болѣе блестящую и имѣющую гораздо болѣе многочисленное англійское общество, чѣмъ Москва и уже не только по сравненію съ Москвой, но и независимо отъ всякихъ сравненій многочисленное французское общество. Но выгоды и нравственныя привлекательныя стороны Петербурга не были такъ сильны надъ нами, чтобы не жаль было намъ разставаться съ Москвой: мы имѣли тамъ столько друзей; да полюбили и самый городъ, такой своеобразный, имѣющій, конечно, свои недостатки, но дѣлающійся милымъ всякому, кто долго поживетъ въ немъ, слѣдовательно имѣющій въ своей оригинальности больше хорошаго, чѣмъ дурнаго. Положеніе нашихъ денежныхъ дѣлъ въ концѣ московскаго періода нашей жизни было уже вполне удовлетворительно. Мое назначеніе жить въ Россіи безъ всякой обязанности, кромѣ добросовѣстнаго изученія русскаго языка и была мыслью мистера Бриггса; оно не предста-

влило въ близкомъ будущемъ ничего, кромѣ лишнихъ расходовъ; потому онъ не могъ отнести моего жалованья на счетъ фирмы, принявъ его на счетъ своей личной кассы. Онъ не возложилъ на меня никакихъ банкирскихъ или торговыхъ обязанностей, но открылъ мнѣ неограниченный кредитъ въ размѣрѣ своихъ личныхъ средствъ очень значительныхъ. Я уклонялся отъ всякихъ столкновений съ оборотами, какіе велъ мистеръ Боурингъ на счетъ нашей фирмы: но при моей жизни въ Москвѣ, при моихъ поѣздкахъ каждый годъ на нижегородскую ярмарку, внизъ по Волгѣ и въ Одессу и оттуда черезъ Кіевъ и Харьковъ разными путями обратно въ Москву я, имѣвшій всегда въ своемъ распоряженіи сотни тысячъ фунтовъ и если бы понадобилось, то и больше, не могъ не производить очень большихъ закупокъ и продажъ:—скажу не къ своей чести, а только для разясненія правилъ мистера Бриггса: я дѣлалъ покупки и продажи только въ тѣхъ случаяхъ, когда не представлялось продавцу другого покупателя, покупателю другого продавца, кромѣ меня: я не отбивалъ ни у кого не только хлѣба, но и такихъ выгодъ, безъ которыхъ легко было бы ему обойтись. Все такъ, но при громадномъ свободномъ капиталѣ, я не могъ не вести оборотовъ очень выгоднымъ образомъ; это понятно каждому коммерческому человѣку. Часть выгодъ мистеръ Бриггсъ предоставлялъ мнѣ, какъ своему комиссіонеру; поэтому—конечно великодушному съ его стороны счету—мой аральскій долгъ ему былъ черезъ шесть лѣтъ, по моемъ пріѣздѣ въ Россію, совершенно уплаченъ и ко времени нашего переселенія въ Петербургъ я имѣлъ болѣе 35.000 фунтовъ своего капитала.

Въ Петербургѣ я занялъ положеніе болѣе выгодное, чѣмъ должность личнаго комиссіонера мистера Бриггса. Теперь, черезъ одиннадцать лѣтъ я владѣю довольно значительной долей участія въ капиталѣ нашей фирмы. Словомъ, если не по лондонскому, если даже не по петербургскому, то по марсельскому счету я очень богатый человѣкъ. Будущность моего семейства съ избыткомъ обезпечена, и я начинаю мечтать объ отдыхѣ и свободѣ.

Я даже сталъ позволять себѣ пользоваться нѣкоторой свободой. Первое употребленіе, какое сдѣлалъ я изъ нея была поѣздка въ концѣ прошлой осени на родину. По закрытіи навигаціи мы всѣмъ семействомъ поѣхали въ Италію; и мнѣ хотѣлось больше, нежели въ другихъ частяхъ ея, пожить въ моей родной мѣстности. Исполненіе моего желанія зависѣло только отъ меня, моей жены и нашихъ дѣтей; слѣдовательно я пожилъ довольно долго въ моемъ родномъ селеніи на берегу По.

Были мы и въ Венеціи, и въ Миланѣ, и въ Генуѣ, и въ Флоренціи, Неаполѣ. Мы прожили въ Италіи всю русскую зиму, возвратились въ Петербургъ къ открытію навигаціи. Теперь прошло полгода и даже нѣсколько больше съ того часа, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ съ перевала Альпійскаго хребта на итальянскую землю. Впечатлѣнія моей поѣздки въ страну моего рожденія получили спокойный характеръ.

Выскажу одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя волновали меня въ странѣ моей націи.

И итальянецъ по происхожденію и по милымъ воспоминаніямъ дѣтства; я итальянецъ и по безукоризненной чистотѣ моего итальянскаго языка: я читаю газеты всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, читаю въ томъ числѣ

итальянскія. Если бъ я сталъ говорить во Флоренціи объ общихъ итальянскихъ и въ частности о тосканскихъ дѣлахъ, человѣкъ, не знающій, кто я, могъ бы думать, что говорить съ флорентійцемъ, не покидавшимъ Флоренцію, кромѣ какъ для поѣздокъ сравнительно непродолжительныхъ. И сотни людей во Флоренціи принимали меня за уроженца и постоянного жителя Флоренціи; и не было случая, чтобы кто-нибудь, не знающій меня, говорилъ со мною во Флоренціи не какъ съ флорентійцемъ, не говорилъ со мною такъ до самаго конца нашего разговора, если я не сообщалъ ему, какъ давно покинулъ я Италію.

Итакъ я могъ бы говорить съ итальянцами объ итальянскихъ дѣлахъ. Но не говорилъ. Я не принималъ участія въ разговорѣ, когда говорили о нихъ.

Люди нація, къ которой принадлежу я по моему происхожденію, порицали меня за то, что я молчу, когда они говорятъ о своихъ національныхъ дѣлахъ.

Справедливо ли это порицаніе?

Я люблю мою родину, но жизнь сдѣлала меня чужимъ ей.

Вязовскій всталъ.

— Мой рассказъ конченъ, но я прошу выслушать еще нѣсколько словъ.

Я не Сеттембрини; я не покинулъ мою страну съ дѣтства, какъ онъ, я всю мою жизнь провелъ безвыѣздно въ ней, и не могу сказать, какъ онъ, что сталъ чужимъ ей; чтобы его слова могли быть справедливо повторены мною отъ моего лица, я долженъ нѣсколько видоизмѣнить ихъ; и такъ — но предупреждаю: когда я скажу мое оправданіе отъ моего лица, и остановлюсь, не прерывайте молчанія: послѣ нѣкоторой остановки, я скажу еще нѣсколько словъ. Итакъ, вотъ оправданіе отъ моего лица моему молчанію при разговорахъ моихъ соотечественниковъ о нашихъ дѣлахъ:

— Я люблю мой родной народъ, но я чужой ему.

Вязовскій сѣлъ, помолчалъ нѣсколько секундъ, всталъ и началъ:

— Поправился или не понравился мой рассказъ обществу, слушавшему его, но уже по обязанности общности принципа оно безъ сомнѣнія желаетъ апплодировать. Я не уклоняюсь отъ оказанія мнѣ чести апплодисментомъ, напротивъ, я прошу о ней и надѣюсь заслужить ее не только по вашему, но и по моему собственному мнѣнію тѣми словами, которыя произнесу послѣ слѣдующей паузы.

Онъ обвелъ глазами весь залъ: онъ искалъ глазами княгиню: я не нашелъ. Въ горячности своей импровизаціи, онъ забывалъ о ней; теперь вспомнилъ, что ужъ давно не замѣчалъ ее на прежнемъ отдаленномъ мѣстѣ, въ послѣднемъ полукругѣ, на которомъ лишь три, четыре мѣста были заняты: ему вспомнилось, что она перешла туда изъ передняго полукруга давно: не замѣчая тамъ ее, онъ думалъ, что она перешла на другое мѣсто; но нѣтъ, ее не было нигдѣ. Но онъ могъ и не отъ нея узнать то, что было нужно ему: баронесса была почти такой же хозяйкой тутъ, какъ она. Онъ сошелъ съ эстрады, подошелъ къ баронессѣ и сказалъ ей:

— Баронесса, я не вижу княгини; но я по всему замѣченному мною долженъ полагать, что вы имѣете и при ней почти полныя, а въ ее отсутствіи совершенно полныя права хозяйки. Такъ ли это?

— Такъ, мой милый Павелъ Сергѣичъ.

Въ какую милость вошелъ онъ у нея! Въмѣсто прежняго «Мг. Вязовскій» онъ былъ теперь ея милый Павелъ Сергѣичъ! Что жъ, это хорошо.

— Позвольте мнѣ, баронесса, предложить вамъ тихо одинъ вопросъ.

— Отойдемъ немного въ сторону, сказала баронесса: но не зовите меня баронессой, зовите, какъ близкую знакомую, просто Вѣрой Дмитриевной.

Что за чудеса! Но некогда было разбирать ихъ. Вязовскій сказалъ нѣсколько словъ прежней «баронессѣ», теперь просто «Вѣрѣ Дмитриевнѣ». Она обыкновеннымъ голосомъ, слышимымъ для всѣхъ, бывшихъ не очень далеко, сказала:

— О, конечно, да, — и еще громче сказала: — Наденька, подойди сюда, я дамъ тебѣ порученіе.

Подошла графиня. Прежде чѣмъ слушать баронессу, она горячо пожала руку Вязовскому, сказавъ:

— Какъ я благодарна вамъ, Павелъ Сергѣичъ!

Онъ и для нея сталъ Павелъ Сергѣичъ, должно быть тоже милый. Чудеса и чудеса!

— Вы могли бы звать ее просто Наденькой, сказала баронесса: — она такъ полюбила васъ.

— Помилуйте, Вѣра Дмитриевна, какъ же можно мнѣ звать графиню такъ.

— Не хотите звать Наденькой, зовите Надеждой Николаевной — однако въ любви вы успеете объясниться послѣ. Теперь слушай, что я скажу тебѣ на ухо.

Баронесса сказала графинѣ на ухо нѣсколько словъ. Графиня ушла изъ зала. Баронесса сказала:

— Я очень рада, Павелъ Сергѣичъ, что вы доставили мнѣ случай высказать вамъ мое мнѣніе о вашемъ разсказѣ нѣсколько раньше, нежели могла бы я сдѣлать это безъ него. Отойдемъ еще подальше отъ другихъ и сядемъ.

Она пошла съ нимъ въ дальній оставшійся безлюднымъ уголокъ зала за послѣднимъ полукругомъ дивановъ и стульевъ аудиторіи. Посадивъ Вязовскаго рядомъ съ собой на диванъ, она тихо сказала ему:

— Павелъ Сергѣичъ, возможно ли дѣлать такъ! Лидія должна была уйти. Впрочемъ, она слышала все: она сѣла воть за тою отворенной дверью, въ пустомъ залѣ.

— Что жъ такое говорилъ я? — спросилъ онъ съ изумленіемъ, но не забывъ, что надобно говорить тихо.

На лицѣ баронессы выразилось удивленіе и смущеніе.

— Такъ вы говорили все это не преднамѣренно? Въ такомъ случаѣ я сдѣлала ошибку, заговоривъ объ этомъ. Впрочемъ все равно: не я, то Костенька сказалъ бы вамъ. И невозможно вамъ не знать этого, когда вы будете жить здѣсь.

— Да что же такое, Вѣра Дмитриевна?

— То, что Наденька вдова. И то, что она ужъ два года перестала носить трауръ; и то, что ей двадцать семь лѣтъ. Вы не знали этого?

— Помилуйте, Вѣра Дмитриевна, какъ же не знать? — все зналъ.

— И вы вздумали разсказывать объ Элеонорѣ Дюбеллѣ!

— Да, это точно! Молодецъ я; очень уменъ; — отозвался о себѣ съ заслуженнымъ одобреніемъ Вязовскій.

— Да это была бы не постижимая дерзость, если бы мы не видѣли, что

то крайняя наивность. Но мы всё глубоко благодарны вамъ, я, Костенька и Наденька, сказала баронесса, вставая и своей рукой съ длинными нѣсколько сухощавыми пальцами пожала его руку такъ горячо, что на томъ мѣстѣ края ладони, на которомъ лежалъ ея перстень, осталось рѣзкое красное пятно.

— Я сдѣлала боль вамъ, сказала она.

— Разумѣется, Вѣра Дмитриевна, какъ же не сдѣлать боли, когда осталось пятно? Сдѣлали, но очень мало; помилуйте, было чуть слышно.

— Придумайте что-нибудь всёми въ объясненіе нашего разговора.

— Чего тутъ придумывать, Вѣра Дмитриевна: повторю свое оправданіе.

— Прекрасно.

Баронесса пошла къ эстрадѣ: онъ шелъ съ ней. Остановившись у своего мѣста передъ эстрадой, она сказала, обращаясь ко всему обществу:

— Порученіе Mr. Вязовскаго, переданное мною Наденькѣ, должно оставаться секретомъ: но нѣтъ причины скрывать отъ нашего общества то, о чемъ говорили мы съ Mr. Вязовскимъ тамъ, въ дальнемъ углу: я сдѣлала ему выговоръ за оскорбленіе всего общества. Онъ слишкомъ дерзокъ. Онъ взойдетъ на свое прежнее мѣсто, чтобы обществу удобнѣе было слышать то, что онъ имѣетъ сказать. То, что будетъ говорить онъ теперь, мы не должны считать освобожденіемъ насъ отъ обязанности удерживаться отъ выраженій нашей признательности къ нему до того времени, когда онъ самъ попроситъ насъ объ этомъ.

Вязовскій хотѣлъ идти къ эстрадѣ; но изъ перваго ряда поднялся стройный мужчина, лѣтъ тридцати, съ добрымъ и умнымъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ, съ бѣлокурыми, длинными, вьющимися, шелковистыми волосами.

— Серпуховскій, назвалъ онъ себя, дѣлая поклонъ Вязовскому: -- я пріѣхалъ уже въ то время, когда вы начали рассказъ и безъ сомнѣнія только потому не былъ представленъ вамъ княгиней. Я не слышалъ лишь немногого, какъ мнѣ говорили; о томъ, что Сеттембрини кончилъ курсъ въ Кембриджѣ и поступилъ въ контору Бригса, вы рассказывали уже при мнѣ.

— Тетушка, обратился князь къ баронессѣ, вы заступаете мѣсто хозяйки, то рекомендуйте меня Павлу Сергѣичу, -- Mr. Вязовскій, вы позволите мнѣ называть васъ такъ? -- Кстати, тетушка, гдѣ Индія? Она ушла вскорѣ послѣ того, какъ я вошелъ: вошла во время перваго перерыва и опять ушла и уже не показывалась, такъ что я и не успѣлъ поздороваться съ ней.

— Племянникъ мой, братъ Наденьки, князь Константинъ Николаевичъ Серпуховскій; хорошій молодой человекъ, должна я прибавить, потому что -- хочу похвалиться -- былъ лѣтъ съ десяти моимъ воспитанникомъ и до сихъ поръ живетъ при мнѣ. Ему это сдѣлательно, но онъ жалѣетъ покинуть бездѣтную старуху, для которой почти замѣняетъ сына и совершенно замѣнялъ бы, если бы былъ годами пятью моложе, когда я должна была взять къ себѣ его, сироту. Почему пропала отъ насъ Лиденька, не знаю; не успѣла спросить. Но думаю, она занимается приготовленіемъ удобствъ для занятій Павла Сергѣича, который остается у нея. Сюда уже перевезены его книги. Это не такъ много, какъ ты могъ бы предполагать, Костенька, во все-таки сотни книгъ. Лиденька говорила, что ей хотѣлось бы привести все въ порядокъ къ тому времени,

какъ Павелъ Сергѣичъ, пойдетъ въ свои комнаты. Павелъ Сергѣичъ, нашъ секретъ обнаружился, идите на свое мѣсто.

Въ залъ вошли слуги съ подносами, на которыхъ стояли бокалы для шампанскаго, другіе слуги съ бутылками его.

— Успѣю сказать вамъ нѣсколько словъ, — сказалъ Серпуховскій, удерживая за руку Вязовскаго, сдѣлавшаго шагъ идти на свое мѣсто. — Я прошу васъ о дозволеніи искать близкаго знакомства съ вами. Кромѣ того я представляю вамъ одного изъ своихъ друзей.

— Э, князь, помилюйте, чего тутъ искать, когда каждый, кто захотѣлъ, тотъ и пріятель мнѣ; конечно, кто не изъ особенно дурныхъ людей. Вы, разумѣется, слышали отъ княгини ли, прямо ли отъ самой принцессы, о моемъ образѣ жизни и судя по немъ, думаете, я человѣкъ нелюдимый; это точно, знакомыхъ у меня въ молодости было мало, потомъ еще меньше, а со времени переселенія въ Петербургъ и вовсе почти нѣтъ, но это просто потому, что я человѣкъ неловкій...

— Павелъ Сергѣичъ, пора; всѣ сѣли на мѣста, ждутъ васъ, сказала баронесса.

— Сейчасъ, баронесса; послѣ договоримъ, князь.

Вязовскій взомель на свое прежнее мѣсто, сѣлъ.

Служители наливали шампанское, разносили.

Князь Серпуховскій подошелъ между тѣмъ къ одному столу стенографовъ, пожалъ руки всѣмъ шести мужчинамъ, сидѣвшимъ за нимъ, раскланялся съ пятью дѣвушками и однимъ мужчиной другаго стола по другой сторонѣ эстрады; слуга подаль ему стулъ и онъ сѣлъ къ столу стенографовъ, у котораго стоялъ.

Подали шампанское сидѣвшимъ за столами и князю.

— А Павлу Сергѣичу, забыли, — сказалъ князь, видя что слуги идутъ прочь, не подавая вина Вязовскому.

— Не велѣно, отвѣчалъ слуга, бывшій ближе другихъ.

— Павелъ Сергѣичъ не пьетъ, Костенька, сказала баронесса.

— Но, тетушка, онъ, какъ видно, предложить тостъ; многіе не пьютъ, но предлагая тостъ, берутъ бокалъ; это форма.

— Обойдется и такъ, князь, сказалъ Вязовскій, всталъ, обвелъ глазами, кончили ль слуги разносить вино, готовы ль всѣ, и началъ:

— Обществу, слушавшему меня, угодно выразить свое одобреніе мнѣ за изображеніе, дѣйствительнаго ль, или полу-вымышленнаго лица, понравившагося всѣмъ, какъ я видѣлъ, мистера Джеррольда, — и, возвышая голосъ, онъ съ очень большою силой произнесъ:

— За мистера Джеррольда!

Загремѣли аплодисменты.

Вязовскій наклонился въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ князь Серпуховскій.

— Князь, вы здѣсь свой; — мнѣ неловко сойти, пожалуйста, подойдите: я хочу спросить у васъ одну вещь.

— Князь взомель къ нему.

Онъ прошепталъ князю нѣсколько словъ.

— О, да, обыкновеннымъ голосомъ отвѣчалъ князь.

— Костенька, на какой вопросъ Павла Сергѣича отвѣчалъ ты словами: «О, да» — сказала баронесса: — Я отвѣчала словами: «О, да» на его вопросъ, найдется ли въ домѣ шампанское для тоста; а ты?

— На вопросъ, найдется ли въ домѣ шампанское для другаго тоста.

Всѣ разсмѣялись. Это много содѣйствовало прекращенію апплодисментовъ.

Слуги разнесли и налили шампанское.

Вязовскій началъ:

— Не все въ М-ме Элеонорѣ Дюбеллѣ было одобряемо всѣми. Но я глубоко уважаю и подобно мистеру Джеррольдѣ люблю ее; тѣмъ же чувствомъ люблю и такъ же горячо. Сила апплодисментовъ тосту въ честь ея покажетъ, многіе ли одобряютъ мое чувство къ ней. — И онъ еще громче перваго тоста произнесъ второй:

— За Элеонору Дюбеллѣ!

Громче прежняго загремѣли апплодисменты.

Вязовскій взглянулъ на баронессу, дѣлая рукою жестъ наливанія. Баронесса повторила жестъ, обратившись къ слугамъ. Они разнесли и налили вино. Общество видѣло, что должно прекратить апплодисменты.

Вязовскій началъ: — Мой третій тостъ не требуетъ вступленія, — и очень громко произнесъ:

— За мистера Бриггса!

Апплодисменты были тоже единодушны и громки.

Теперь Вязовскій ужъ самъ сдѣлалъ знакъ слугамъ. Они снова налили бокалы. Онъ подозвалъ наливавшего стенографамъ и князю, попросилъ дать бокалъ и ему, и началъ:

— Этотъ тостъ выпью я одинъ. И прошу слушающее меня общество не дѣлать апплодисментовъ ему.

И еще громче, чѣмъ даже тостъ за Элеонору Дюбеллѣ, онъ произнесъ слова:

— За честныхъ богатыхъ и знатныхъ людей, представители которыхъ составляютъ большинство находящагося здѣсь общества!

Онъ отпилъ вина и сказалъ:

— Слѣдующій мой тостъ имѣютъ право и вѣроятно будутъ пить всѣ лица, составляющія мою аудиторію полукруга. — Князь, дайте новый, полный бокалъ и отойдите.

Князь подаль ему бокалъ и отошелъ къ баронессѣ.

Вязовскій съ той же силой голоса, какъ свой четвертый тостъ, произнесъ пятый:

— За тѣхъ изъ слушавшихъ мой разсказъ небогатыхъ людей, которые не порицали меня за сочувствіе честнымъ богатымъ и знатымъ!

Онъ низко поклонился на-лѣво и на-право, стенографисткамъ и стенографамъ и выпилъ весь бокалъ.

Очень громки были апплодисменты и этому тосту.

Вязовскій сошелъ съ эстрады, подошелъ къ князю, стоявшему послѣ кресла тетки и сестры, сидѣвшихъ рядомъ и сказалъ:

— Докончу мое прерванное объясненіе, князь. По моему образу жизни можно думать, что я нелюдимъ; нѣтъ, я только неловкій человѣкъ, не умѣющій заводить знакомствъ; и занятой человѣкъ, желающій не тратить времени на пу-

стые разговоры; но вы, князь, хотите познакомиться со мною не для пустыхъ разговоровъ, это понятно. Благодарю васъ за честь вашего знакомства.

Онъ поклонился князю и хотѣлъ идти на свое мѣсто. Князь опять удержалъ его за руку.

— Я долженъ рекомендовать вамъ, Павелъ Сергѣичъ, одного изъ моихъ знакомыхъ; на это не надобно мнѣ спрашивать вашего согласія: я долженъ. Но это, когда вы кончите; вы хотите опять говорить что-то обществу? Идите.

Вязовскій взошелъ на свое мѣсто. Апплодисменты прекратились. Онъ началъ:

— Я хочу сказать о томъ, что тихо говорили мы съ баронессой, когда она отвела меня далеко отъ всѣхъ. Когда я кончалъ мой разсказъ, я хотѣлъ говорить объ этомъ много; но имѣлъ хоть то благоразуміе, что разсудилъ: вы утомлены. Потому скажу лишь нѣсколько словъ. Баронесса съ упрекомъ замѣтила мнѣ, что я былъ дерзокъ. Это правда. Я не хотѣлъ быть дерзкимъ, но былъ. Это вышло неспреднаѣменно: но вышло. И прибавлю новую дерзость. Я не жалѣю о томъ, что вышло такъ. Сказать въ лицо людямъ, что я чужой имъ, это дерзость. Я сдѣлалъ ее, и не жалѣю о ней.

Онъ низко поклонился, и сошелъ съ эстрады.

Къ нему подошли князь Серпуховскій и съ княземъ человѣкъ тоже лѣтъ тридцати, имѣвшій манеры хорошаго общества.

— Рекомендую вамъ, Павелъ Сергѣичъ, моего сотоварища по университету и хорошаго знакомаго, Владиміра Михайловича Глинскаго.

Глинскій и Вязовскій подали другъ другу руки.

— Я, какъ видите, человѣкъ, принадлежащій къ свѣтскому обществу, сказалъ Глинскій: — но съ тѣмъ вмѣстѣ, я литераторъ. — Я встрѣчалъ княгиню въ обществѣ; она знаетъ меня; но до сихъ поръ я не имѣлъ чести быть знакомъ съ нею. Тотъ кругъ свѣтскаго общества, къ которому собственно принадлежу я, не аристократія. Въ томъ кругу, гдѣ бываетъ княгиня, я довольно рѣдкій и очень мало замѣтный гость. Здѣсь я въ первый разъ. И приглашенъ Серпуховскимъ, по порученію княгини. Я былъ въ гостяхъ у одного изъ моихъ друзей, у котораго собираются по четвергамъ близкіе его знакомые, большей частью литераторы и пріятели литераторовъ. Это далеко отсюда; а я живу далеко и отсюда и отсюда. Мы съ Серпуховскимъ, хоть остаемся пріятелями, видимся рѣдко. Онъ не зналъ, что я тамъ; проѣхалъ ко мнѣ, отъ меня долженъ былъ ѣхать за мной туда; оттого мы и запоздали. А то и мнѣ пришлось бы съ полчаса, пожалуй, находиться въ числѣ оскорбляемыхъ, какъ вы выразились, вашимъ невѣжествомъ.

— Однако я покидаю васъ, Павелъ Сергѣичъ и Володя, сказалъ князь: — иду быть помощникомъ тетюшки и сестры, помощницъ Лидіи Васильевны: гости начинаютъ разѣзжаться. Возвратимся всѣ вчетверомъ, проводивъ ихъ.

— Я не могъ не хвалить васъ, Mr. Вязовскій, за...

— Но похвалить можно и послѣ, а сначала сядемъ, сказалъ Вязовскій: терпѣть не могу стоять. Вы помоложе меня чуть не вдвое, такъ слѣдуетъ вамъ дѣлать по моему; я же кстати такой человѣкъ. И скажу вамъ, какой я человѣкъ, когда мы сядемъ, — они подходили къ ближайшему дивану и сѣли.

— Ну-съ такъ вотъ я какой человѣкъ, смотрите. Онъ сугорбился, положивъ локти на колѣна, опустившій плечами, сколько было ловко, повѣсивъ голову и нахмуривъ брови. — Такъ вотъ вы смотрите на меня, а я смотрѣть на васъ не

буду.—Дѣйствительно онъ повѣсилъ голову прямо къ низу глазами, такъ что ему не было видно ничего, кромѣ сосѣдней съ его ногами части паркета. —А главное, слушайте. Смотрѣть на меня, это какъ вы хотите; лучше, пожалуй, и не смотрѣть: хорошаго мало увидите; а слушать меня, это надобно; потому что хоть можетъ быть и ничего кромѣ дурнаго или глупаго, по вашему мнѣнію, не услышите, но плохо вамъ будетъ, если попробуете сдѣлать мнѣ возраженіе. Вопросы я допускаю, даже люблю. Чего не поймете, спросите, объясню; люблю объяснять. Но возражать не совѣтую. А впрочемъ, это ваше дѣло, хотите—попробуйте. Вы хотѣли за что-то хвалить меня. Терпѣть не могу, чтобы хвалили или порицали меня, то есть такіе люди, какъ вы, съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ.—Онъ замолчалъ и немедленно покачалъ головой.

— Но скажите самъ за что я обидѣлъ васъ? Не правда ли, не за что было?— Онъ помолчалъ.

— Знаете что: вѣдь я нарочно помолчалъ. Зналъ, что вы разсердились; но не вижу, навѣрное не могу сказать, а взглянуть лѣнь. Хорошо сидѣть этакъ. Разумѣется лучше бы прилечь, да нельзя: съ секунды на секунду жди, что войдутъ дамы, проводивши гостей.—Такъ вотъ взглянуть лѣнь, а улыбку имѣть надобно, что вы сердитесь, я и помолчалъ. Если бы не сердились, сказали бы что-нибудь, а вы молчали. Скверный у меня характеръ, какъ вы видите. Но исправляться мнѣ поздно, да и не досугъ, да и не вижу надобности. Онъ опять помолчалъ.

— Ну, простите. Если сказать правду, вы должно быть не дурной человекъ. Напрасно я обидѣлъ васъ; но вы не думайте, что признавая себя неправымъ передъ вами, я въ самомъ дѣлѣ считаю себя неправымъ. Нѣтъ, это лишь моя манера говорить; скверная, дурацкая. Ну да, это мнѣ все равно дурацкая ли, или вѣтъ. Такой у меня характеръ; не могу держать себя иначе. Все извиняюсь, все виню себя. Не вѣрьте этому. Это лишь неуклюжее желаніе быть деликатнымъ. На самомъ дѣлѣ вы кругомъ виноваты.—Какъ смѣли вы вздумать похвалить меня, не потрудившись узнать, нуждаюсь ли я въ похвалахъ? Вы оскорбили меня, вообразивъ, что мнѣ нужны ваши похвалы. Мнѣ жаль, что я обидѣлъ васъ, только вы уже знаете, что эти слова мои пустыя. О томъ, что я обидѣлъ васъ нельзя мнѣ жалѣть; такъ было надобно. Теперь вы знаете, какъ слѣдуетъ вамъ держать себя со мной и не забудетесь. И не выйдетъ у насъ серьезной ссоры, а безъ того вышла бы. Вы забылись бы. Я хоть неуклюжій, но какъ умѣю по своей неуклюжести уступчивый, мягкій, деликатный человекъ; наступать мнѣ на ногу очень легко. И можно всякому очень долго. Но вдругъ изъ-за мелочи, которой не слѣдовало бы обидѣться, вздумаю я разсудить, что пора кончаться этому. И покончу по медвѣжьи. Хорошо, когда наступать на ногу дама. Хорошо, когда наступать на ногу простолюдинъ. Отъ простолюдина я не могу получить никакого оскорбленія, потому что онъ бѣдный, жалкій человекъ, ничтожный даже предо мной. Что считается съ людьми, которые ничтожны передъ нами? А дамы? Это тоже самое. Я, видите ли, думалъ и разсудилъ о женщинахъ, когда о нихъ еще не писали; стало быть у меня есть о нихъ свои понятія. Бѣдные люди, несчастные люди, женщины. Да,—я забылъ ваше имя и отчество?

— Меня зовутъ Владиміръ Михайловичъ.

— Ну, теперь давайте мириться, Владиміръ Михайловичъ, довольно наговорено грубостей съ моей стороны и не будетъ заносчивости съ вашей.—Вязовскій

передвинулъ локти на колѣнахъ, такъ что повернулся лицомъ къ своему собесѣднику и пристально посмотрѣлъ на него, потомъ опять устроился въ прежнее положеніе и сталъ смотрѣть въ полъ.

— Мы станемъ пріятелями. Вѣрьте не вѣрьте, все равно, самъ увидите: полюбите меня, потому что, какъ видно, намъ съ вами приходится часто бывать вмѣстѣ. Васъ пригласили сюда для меня. Зачѣмъ, не знаю; только видно, что для меня. — Возвратимся къ тому, съ чего вы начали и чѣмъ навлекли на себя неприятную сцену. Вы хотѣли похвалить меня за что-то. За что? — Я думаю за тосты? Такъ?

— Да.

— Прекрасно. Это я придумалъ въ самомъ дѣлѣ хорошо. Должны были начаться разсужденія о моемъ разсказѣ, о его достоинствахъ и недостаткахъ. Безъ такихъ разговоровъ, повидимому, нельзя было обойтись обществу; а между тѣмъ, во первыхъ, я этого терпѣть не могу, во вторыхъ, это было бы скучно самому обществу, — всѣмъ, всѣмъ въ немъ, кромѣ двухъ, трехъ людей высокаго мнѣнія о себѣ, которые наслаждались бы, щеголяя своимъ умомъ, тонкостью вкуса, умѣньемъ говорить хорошо; въ третьихъ, это тянулось бы долго, а время было уже позднее для хозяйки дома, которая, слышали вы, встаетъ въ 10 часовъ. Я своими тостами связалъ всѣмъ языки. Всѣ аплодировали; то есть одобреніе выражено и порицать нельзя. За эту ловкость хотѣли вы похвалить меня? Да, это было сдѣлано ловко, хоть я и неуклюжій. Но бросимъ все это, — сколько вамъ лѣтъ, Владиміръ Михайловичъ?

— Двадцать девять.

— Живы батюшка и матушка ваши?

— Живы.

— Ну, это хорошо; если они хорошіе люди, разумѣется. Я полагаю хорошіе?

— Хорошіе.

— Особенно мать.

— Да.

— Извините, Владиміръ Михайловичъ, что я сдѣлаю вопросъ нескромный. Ваша матушка не могла въ свое время, то есть когда они были молоды, жаловаться на вашего отца?

— Это, дѣйствительно нескромный вопросъ; но я могу отвѣчать на него безъ затрудненія: мой отецъ былъ вѣренъ моей матери.

— Вопросъ мой не былъ нескромный; я только назвалъ его такъ; это моя дурацкая деликатность. Я не дѣлаю нескромныхъ вопросовъ. Никогда. По неразумію, по незнанію могу дѣлать ошибки; дѣлаю часто; но замѣтивъ, извиняюсь, ужъ не по дурацкой деликатности, а въ самомъ дѣлѣ. Но преднамѣренно, нескромностей не дѣлаю. И никогда ничего огорчительнаго никому не говорю, безъ необходимости. — Вы видите теперь какъ идетъ разговоръ? — Я веду его какъ хочу. Такъ слѣдуетъ. А вы воображали вести его, какъ вамъ угодно. Это была дерзость. Что вамъ нужно, спрашивайте. Я готовъ учить. А если не имѣете, о чемъ посоветоваться со мной, то ждите о чемъ я заговорю, и слушайте и учитесь. — Да, такъ я сказалъ, что мой вопросъ не былъ нескромный. По вашему лицу я видѣлъ, вы росли въ честномъ семействѣ.

Я давалъ вамъ случай засвидѣтельствовать, что вашъ батюшка человѣкъ достойный уваженія. Если бъ я не звалъ по вашему лицу, что это такъ, я не спросилъ бы. Не хотите ли посмѣться, сказать: дерзкій вы человѣкъ, Павелъ Сергѣичъ! Посмѣйтесь; я люблю, чтобы смѣялся надо мной; только чтобы это было безъ высокомерія.—Хорошъ я былъ въ этомъ обществѣ? Странная фигура?

— Да, нѣсколько странная.

— А всетаки, нужды нѣтъ, что странная, на своемъ мѣстѣ была эта фигура?

— На своемъ.

— Хорошо рассказывалъ я?

— Хорошо.

— Ну, вотъ видите: начали хвалить меня, то и хвалите; потомъ говорите, за что можно порицать; сколько хотите; буду слушать.

— А тогда разсердились?

— Разница. Теперь вы будете говорить для собственного удовольствія, а не для того, чтобы одобрить или научить меня.—Вы любите театр?

— Люблю.

— А картины хорошія любите? И статуи? И поэзію?

— Да.

— Ну, и можете говорить обо всемъ этомъ, сколько вамъ угодно, и я буду слушать, потому что вы будете говорить для собственного удовольствія, а не для того, чтобы учить меня. Разумѣется, мнѣ будетъ скучно слушать васъ; я или самъ знаю то, что вы будете говорить, или, если не знаю, то потому, что не пожелалъ узнать; вы слышали: я десятки лѣтъ живу лишь для чтенія и для ученой работы; чего не знаю, того не захотѣлъ узнать. Скучно будетъ мнѣ слушать или давно извѣстное, или неинтересное мнѣ; нужды нѣтъ: не велика мнѣ бѣда поскучать. Привыкъ. Есть люди, которымъ надобно говорить со мною; говорить съ ними—моя обязанность. Исполненіе обязанности не скука; скука лишь пустота, а это не пустота, исполненіе обязанности. Но, Владиміръ Михайловичъ, кромѣ тѣхъ людей, которые говорятъ со мною по надобности, давно не встрѣчалъ я людей, съ которыми не скучно было бы говорить мнѣ. Съ давняго времени. И не вижу, чтобы были такіе люди. Потому и не ищу знакомствъ, и не имѣю знакомыхъ, кромѣ тѣхъ, кто нуженъ мнѣ, или кому нуженъ я. Тѣхъ и другихъ мало. Вамъ я могу быть нуженъ. Мои совѣты будутъ полезны вамъ. Что вы писали? И что вы пишете теперь?—Не обижайтесь моимъ незнаніемъ того, что писали вы: я мало читаю по-русски; очень мало; и вотъ ужъ одиннадцать лѣтъ почти нечего; со смерти Некрасова, съ появленія въ печати посмертныхъ его произведеній. Вотъ былъ человѣкъ! Имѣлъ свои недостатки. Но мелкіе и не мѣшающіе ничему благородному въ человѣкѣ. Да, хорошій былъ человѣкъ! благородный, великодушный, кроткій,—да, кроткій, при такой силѣ характера. И какого ума былъ человѣкъ? Вы были знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Если вы не знали его, то я скажу вамъ о немъ такъ: вы не видѣли ни одного человѣка съ такой силой ума, какъ онъ. А талантъ?—Говорить:

поэтъ народнаго быта, поэтъ прогресса. Разумѣется. Но не умѣеть цѣнить гений его тотъ, кто не прибавляетъ великій поэтъ любви. Со смерти Гёте, не было такого великаго поэта любви.

Вязовскій остановился, потому что замѣтилъ: голосъ его дрожитъ.

— Вы говорите о Некрасовѣ не такъ, какъ говорятъ вообще.

— Въ томъ то и дѣло, Владиміръ Михайловичъ, что обо многомъ я думая не такъ, какъ думаютъ вообще. Потому-то знакомство со мной и будетъ полезно для васъ: вы научитесь многое понимать правильнѣе, чѣмъ понимаете теперь. И если у васъ есть талантъ, разговоры со мной много помогутъ его развитію. Что вы писали и что вы пишете?

— Последняя моя повѣсть (онъ называлъ свою повѣсть) была напечатана въ (онъ называлъ журналъ въ которомъ она была напечатана).

— Разскажите мнѣ ее,—нѣтъ, ее вы лучше пришлите мнѣ прочесть, а разскажите ту, которую пишете теперь. Ее еще можно поправить. Я посоветую. Не всѣ мои совѣты будутъ прямо пригодны для нея; быть можетъ ни одинъ не будетъ годиться прямо для нея; но полезное вліяніе на ваши мысли при трудѣ будетъ оказывать общій характеръ моихъ совѣтовъ. Разсказывайте же.

Слушатель Вязовскаго, сдѣлавшійся наконецъ его собесѣдникомъ, сталъ разсказывать.

— Что жъ, это недурно.—Чтожъ, это не глупо,—сказалъ раза два или три Вязовскій.

— Вотъ мы и возвратились, начала княгиня.—Вязовскій взглянулъ: въ самомъ дѣлѣ, она, баронесса, графиня, князь возвратились, проводивъ гостей.

— Вотъ мы и возвратились.—Какъ понравилась вамъ повѣсть Мг. Вязовскаго, Мг. Глинскій?

— Я попробовалъ было похвалить—и даже не самый разсказъ Мг. Вязовскаго, а только тосты,—и то мнѣ достался такой наговяй, какого я не получалъ и на школьной скамьѣ въ высшихъ классахъ гимназій. Не требуйте жъ, княгиня, чтобы я высказалъ свое сужденіе о его разсказѣ.

— Павелъ Сергѣичъ, напрасно вы сдѣлали выговоръ Мг. Глинскому; виноватъ былъ не онъ, а Константинъ, который не предупредилъ его, что не любите никакихъ сужденій о васъ.

— Ваша правда, княгиня. Впрочемъ, мы уже помирились съ Владиміромъ Михайловичемъ.

— Не совѣмъ, кажется,—сказала княгиня.

— Признаться, я и самъ это думаю, княгиня; я только такъ сказалъ.

— Это у васъ дурная привычка, Павелъ Сергѣичъ, говорить не то, что вы думаете.

— Ваша правда, княгиня. Я ужъ сказалъ Владиміру Михайловичу, что это у меня дурная манера.

— Дѣло, впрочемъ, вовсе не о въ томъ, Мг. Глинскій правится вамъ или нѣтъ, хороша или дурна повѣсть Павла Сергѣича,—объ этомъ, дѣйствительно нельзя говорить ни съ нимъ, ни при немъ: я хотѣла спросить только то: купитъ ли ее тотъ журналъ, съ редакціей котораго вы близокъ.

— Охотно купить.

— Можно кончить это дѣло прямо съ вами?

— Я ничего не могу сказать о цѣнѣ княгиня; но что журналъ, въ которомъ я пишу, охотно возьметъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнья.

— Сколько же приблизительно, можетъ дать онъ? Берите самую низкую цифру. Сто рублей дасть?

— Навѣрное больше, княгиня; рассказъ довольно великъ.

— Хорошо; кончайте же торгъ. Давайте сто рублей,—только сейчасъ же; вы напишете редакціи вашего журнала, что купили повѣсть; она будетъ скоро переписана,—когда?—обратилась княгиня къ стенографамъ и стенографисткамъ, продолжавшимъ записывать.

— Если вамъ угодно, княгиня, то завтра часамъ къ 11 будетъ все переписано, сказалъ стенографъ старшій по лѣтамъ.

— Прекрасно; я прошу васъ объ этомъ. —Итакъ, Мг. Глинскій, завтра вы получите повѣсть, передадите ее въ редакцію вашего журнала, тамъ оцѣнятъ ее, пришлютъ вамъ деньги, вы возьмете свои сто рублей и передадите Павлу Сергѣичу.

— Я, согласенъ, княгиня; но со мною только 50 или 60 рублей. Я не знаю, зачѣмъ вы приглашаете меня. Костя, давай денегъ взаймы.

— Изволь.—Князь Серпуховскій отдалъ Глинскому свои бумажники.

Глинскій взялъ изъ него сторублевую бумажку, и отдалъ княгинѣ.

— Превосходно, сказала она.

— Нѣтъ, позвольте, княгиня; такъ не годится, сказалъ Вязовскій: — если печатать «Мое оправданіе», то надобно напечатать и все то, что нужно для ясности: какъ я попалъ къ вамъ, о чемъ мы съ вами говорили, и какимъ невѣждой я держалъ себя въ библиотекѣ.

— Правда; я сама это понимала, что съ такимъ предисловіемъ будетъ лучше: я только не хотѣла обременять васъ еще новой просьбой.

— Это вамъ стыдно, княгиня. Будто я не понимаю?

— Въ этомъ вы правы, Павелъ Сергѣичъ: я должна стыдиться, что не хотѣла прибавлять къ другимъ моимъ просьбамъ эту.

— То-то и есть, княгиня; это очень стыдно вамъ.

— Очень, Павелъ Сергѣичъ. Когда же вы расскажете вступленіе нашимъ новымъ знакомымъ?

— Это вамъ тоже стыдно, княгиня.

— Правда, Павелъ Сергѣичъ, я сдѣлала снова ту же ошибку, очень дурную.

— Важности въ ней нѣтъ, княгиня; я понимаю: это у васъ только такъ сказалось по привычкѣ вашей говорить такъ съ другими.

— Правда, Павелъ Сергѣичъ. Итакъ, опредѣленіе времени зависить, отъ меня и отъ нашихъ новыхъ знакомыхъ; а для меня всякое время одинаково удобно; слѣдовательно, рѣшить должны они по своему удобству.—Она подошла къ столу стенографистокъ, и обращаясь къ нимъ, обращалась по временамъ взглядами на группу стенографовъ за другимъ столомъ:— Mesdames и messieurs, удобно вамъ будетъ завтра обѣдать у меня? Мы обѣдаемъ рано, въ 5 часовъ; удобно вамъ?

— Благодаримъ, княгиня, сказала одна изъ стенографистокъ, переглянувшись со всѣми.

— А когда вы будете записывать; до обѣда, или послѣ обѣда?

— Мы можемъ прійти къ вамъ и до вашего обѣда; вѣроятно, въ 2 часа завтра мы будемъ ужь свободны. Но лучше, послѣ обѣда; вечерняя наша свобода вѣрнѣе.

— Прекрасно. Буду ждать васъ къ 5 часамъ, mesdames и messieurs. Они привстали, и поклонились.

— Обязанъ быть и вы, Mr. Глинскій.

— Благодарю, княгиня. Я, дѣйствительно, буду не лишнимъ завтра у васъ. Когда будетъ стенографированъ вступительный разсказъ Павла Сергѣича, легко будетъ приблизительно опредѣлить размѣръ цѣлаго; я отдамъ деньги по рассчету наименьшаго гонорара за повѣсти — онъ извѣстенъ мнѣ; журналъ дастъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько больше.

— Прекрасно; но теперь объемъ больше прежняго. Вы безопасно можете дать еще сто рублей.

— Могу.

— Давайте сейчасъ.

— Костя, давай.

Князь онятъ подаль бумажникъ своему пріятелю; Глинскій взялъ еще сторублевую бумажку и подаль княгинѣ.

— Теперь позвольте проститься, — сказалъ Глинскій.

— Кажется, все кончено; можно и намъ уйти? — спросила одна изъ стенографистокъ.

— Да, вамъ давно пора было бы отдыхать, mesdames и messieurs, сказала княгиня: Вамъ надобно рано вставать.

— Мы привыкли ко всему, выспимся, не выспимся, все равно.

Стенографистки и ихъ товарищи и Глинскій ушли. Остались только княгиня, баронесса съ племянникомъ и племянницей и Вязовскій.

— Пора, давно пора спать, — сказала баронесса: — ѣдемъ, Костенька и Наденька. — Но, какой вы дерзкій, Павелъ Сергѣичъ! И какой хитрый! — Какъ откровенно вы пересказали, за что именно упрекала васъ я! Казалось, будто я называла васъ дерзкимъ въ самомъ дѣлѣ за то, что вы называли себя чужимъ своему народу! Хитрецъ вы!

— Случается, Вѣра Дмитриевна, что иной разъ и сообразишь, какъ слѣдуетъ дѣлать; жаль только, рѣдко; а нелѣпости умѣю дѣлать безпрестанно.

— Я хочу шепнуть вамъ нѣсколько словъ, Павелъ Сергѣичъ. — Баронесса отвела его въ сторону. — Вы не можете сказать, что я не выказала расположеніе къ вамъ съ перваго же раза; но вы замѣтили, что мое расположеніе къ вамъ усилилось послѣ вашего разсказа?

— Какъ же не замѣтить, Вѣра Дмитриевна, хотя бы ужь изъ одного того, что вы съ этой минуты и стали называть меня вмѣсто Mr. Вязовскій Павломъ Сергѣичемъ.

— Главная причина увеличенія моего расположенія къ вамъ въ чемъ?

— Въ моей дерзости, произошедшей отъ недогадливости, Вѣра Дмитриевна; или, точнѣе говоря, отъ моей глупости. Позвольте спросить, какъ же именно родня графинѣ княгиня?

— Въ каждомъ словѣ у васъ хитрость.

— Въ каждомъ, Вѣра Дмитріевна, которое догадаюсь сказать какъ слѣдуетъ. Только гораздо больше я говорю глупости.

— Иногда, то, что вы называете глупостями, лучше всего самаго умнаго.

— Случается и это, баронесса. Позвольте же спросить, какъ родня княгиня ваша племянница?

— Собственно говоря, Лиденька и Наташа даже не родня между собою. Росли вмѣстѣ у меня, одна съ пяти, другая съ шести лѣтъ. Осиротѣли въ одно время. Я была очень дружна съ матерью Лиденьки: я была моложе только четырьмя годами. Въ дѣтствѣ такая разница много значитъ, между взрослыми людьми не значитъ ничего. Дружба наша была близкая: родство было дальнее: мы съ нею были троюродныя сестры.

— Это очень хорошо, Вѣра Дмитріевна.

— Да. Вашу руку, мой другъ: и я уведу своихъ. Лиденькѣ давно пора спать. Общайтесь не давая ей долго говорить съ вами: помните: ей должно встать въ 10 часовъ.

— Такія общанія плохо умѣю я сдерживать. Вѣра Дмитріевна. Охотникъ я говорить. Впрочемъ, постараюсь исполнить ваше желаніе.

— Наташа, Костенька, идемъ.

Подавая руку Вязовскому, графиня громко сказала:—Вы заслужили глубокую нашу признательность, Павелъ Сергѣичъ.

— Очень догадливъ; то какъ же не заслужить?

Княгиня проводила ихъ.

— Идемъ теперь ко мнѣ, Павелъ Сергѣичъ.

— Позвольте мнѣ идти въ мои комнаты, княгиня: вамъ пора... впрочемъ, что жъ я! Это невозможно, княгиня, чтобъ вы согласились отпустить меня не высказавъ мнѣ, что у васъ на душѣ.

— Да. Идемъ же. Но я—продолжала она, идя съ нимъ въ свой аппартаментъ—не задержу васъ, или вѣрнѣе саму себя: для васъ не выспаться. — все равно, какъ для нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Какъ же можно, княгиня. Я въ этомъ отношеніи лучше всѣхъ ихъ, я думаю. Но и для меня бывало, если три ночи сряду не спать, то очень чувствительно случалось это. Дадутъ рѣдкую книгу на короткій срокъ: а выписокъ изъ нея много; случалось.

— Лучше бы вамъ, женщинамъ, быть учеными: такими, какъ вы; и были бы мы спокойны, подобно вамъ.

— Ваша правда, княгиня.

— Не совѣмъ; есть безпокойства и у васъ.

— Какъ не быть, княгиня; есть.

— Особенно, одно?

— Да, княгиня.

— Теперь знаете, зачѣмъ я пригласила васъ? — Ни чьихъ денегъ не возьметъ она. А ваши возьметъ.

— Ваша правда, княгиня. Иначе, точно, нельзя, какъ заставивъ меня самого пріобрѣсти деньги. Стала бы допытываться, откуда взять. — «Вы дадите мнѣ чужія деньги; чужихъ мнѣ не нужно». Невозможно. А это, дѣйствительно, мои.

Они пришли въ маленькій, личный салонъ княгини передъ ея будуаромъ.

— Садитесь сюда, на это кресло подлѣ меня, сказала она, садясь съ ногами на маленькій оттоманъ, въ которомъ было уютно ей. Нѣсколько минутъ она молчала.

— Какъ вы думаете объ этомъ, Павелъ Сергѣичъ?

— Трудное дѣло, княгиня, трудное.

Она молчала.

— И собственно говоря, княгиня, мой совѣтъ въ немъ не нуженъ.

— Не нуженъ. Хочется только самой разсказать вамъ.

— Это, дѣйствительно, такъ. Разсказать, это дѣйствительно помогаетъ человѣку утвердиться въ своихъ мысляхъ.

— И за что они называли васъ дерзкимъ?

— Ваша правда, княгиня. Сходства, собственно говоря, нѣтъ. Это только вздумалось имъ находить сходство. Но ошибочно. Говорить прямо, княгиня?

— Прощу васъ.

— Хорошо, буду говорить прямо. У моей М-ше Дюбеллѣ затрудненіе благородное, не спору, но фантастическое, можно сказать ребяческое. «Измѣну памяти мужа», «потерию уваженіе къ себѣ за измѣну, за недостатокъ воли» — это пустыя мысли. Если она вѣрить въ загробную жизнь, то слѣдуетъ ей думать, что мужъ благословляетъ ее. Развѣ несчастья хотѣлъ онъ ей? Онъ любилъ ее, стало быть, желалъ ей счастья. А если она не вѣритъ въ загробную жизнь, то слѣдовало бъ ей чувствовать въ своей душѣ то самое, что переноситъ въ рай вѣра сходныхъ съ нею по характеру вѣрующихъ. Воспоминаніе о Жоржѣ станетъ милѣе ей, когда не будетъ отравлено мыслью: «моя любовь къ нему мѣшаетъ моему счастью». Она останавливается передъ ребяческимъ недоразумѣніемъ. У васъ совѣтъ другое. Дѣти, — вотъ что затрудняетъ васъ, я думаю. Такъ ли?—Вы скажите, а то я могу и ошибаться.

— Дѣти, Павелъ Сергѣичъ. Дѣти.

— Хорошо. Когда такъ, то сходное положеніе есть. Мачиха Сеттембрини. Только, они этого не замѣтили, потому что о мачихѣ говорится мимоходомъ. И притомъ тамъ: какова будетъ вторая жена къ дѣтямъ? — А тутъ: каковъ будетъ второй мужъ. Одежда разная, то и не замѣчаютъ, что одно и то же.

— Къ чему вы это ведете? Та мачиха хорошая—къ этому?

— Къ этому, княгиня.

— И сыну вдовца было бы хуже, если бъ отецъ не женился?

— Да, только жениться ему слѣдовало на хорошей женщинѣ, чтобъ сыну было хорошо. И полагаю, что собственно этого сомнѣнія нѣтъ. Что жъ, вѣдь Константинъ Николаевичъ любитъ Володю и Ниночку?

— Вы рѣшительно противъ меня.

— А вы какъ же думаете: можно разсудительному человѣку быть за васъ? Невозможно. Я говорилъ: сходства съ М-ше Дюбеллѣ нѣтъ. Это я такъ говорилъ, чтобы не вникать въ дѣло глубоко. А вникнуть, то окажется то же самое, только съ подстановкой другого слова вмѣсто прежняго. Память о мужѣ служить препятствіемъ счастью» — изъ этого слѣдуетъ: память мужа станетъ ей наконецъ ненавистна, если она не броситъ своей глупости. А у васъ: мысль

о дѣтихъ мѣшается»; слѣдовательно должно развиваться чувство непріязни къ дѣтямъ. Хорошо это?

— Отложимъ этотъ разговоръ. Вы страшный человѣкъ.

— Страшный ли, не страшный ли, а дѣйствительно думающій: пора вамъ почивать, княгиня.

Онъ всталъ.

— Павелъ Сергѣичъ, я думала о васъ лучше, сказала она, стараясь пробудить въ себѣ шутовское настроеніе:— я думала, вы любезный человѣкъ.

— Чѣмъ же я плохъ въ любезности, княгиня? Я въ этомъ отношеніи нравлюсь себѣ.

— А вотъ чѣмъ. Вы человѣкъ старомоднаго фасона любезности—такъ?

— Самаго настоящаго версальскаго, княгиня.

— Такъ припоминайте: любезные кавалеры вашего фасона всегда цѣловали ручки у дамъ.

— А что вы думаете, развѣ я не хотѣлъ выразить хоть этимъ мое уваженіе къ вамъ?

— Впрочемъ, вы ужъ и цѣловали.

— То совѣмъ не то, княгиня. То не версальскій фасонъ.

— А то, что можетъ соответствовать отцовской ласкѣ, когда добрый старикъ—посторонній человѣкъ. Благодарю васъ за эту ласку. Но повѣрите ли, я тогда плакала не о томъ, что дѣти мѣшаютъ мнѣ; я не думала тогда о себѣ; я думала только: жаль, что онъ умеръ.

— Вотъ это-то и ввело меня въ ту ошибку, что я не предположилъ въ васъ чувства, которое слѣдовало предположить. Думалъ: еще слишкомъ сильна печаль о мужѣ, еще нѣтъ мѣста въ сердцѣ ничему, кромѣ печали. Не сдѣлай я такой ошибки, развѣ бъ я рѣшился говорить объ Элеонорѣ Дюбеллѣ? Не безсовѣстный же я человѣкъ, чтобъ выставлять на видъ то, что человѣкъ желаетъ скрывать.

— Да, вы съ начала знакомства со мною успѣли надѣлать ужъ много ошибокъ. Хотѣли быть гувернеромъ Володи. Наденька едва удержалась отъ смѣха. И съ чего вы взяли это?—Я просила васъ разсказывать сказки дѣтямъ и пожить у меня нѣсколько времени. Если вы живете у меня, то какъ же вы не будете разсказывать сказки моимъ дѣтямъ? Вы охотникъ до этого, а дѣти просятъ. Неужели жъ я такая неделикатная женщина, что могла имѣть мысль оторвать васъ отъ вашихъ занятій?—Вотъ теперь моя очередь сказать вамъ: стыдно, стыдно думать обо мнѣ такъ. Чего я прошу у васъ?—Нѣсколькихъ дней, только; и въ этихъ дняхъ лишь по нѣскольку часовъ для меня.

Ваша правда, княгиня: свое гувернерство я выдумалъ очень глупо; и дѣйствительно, мнѣ стыдно передъ вами. Но кромѣ этого—что жъ могъ бы придумать для объясненія вашей просьбы поселиться у васъ? Даже теперь, когда вы сказали, что я ошибся, и самъ вижу, что очень грубо ошибся, не могу придумать: когда не такъ, то на что жъ вамъ нужно, чтобъ я жилъ у васъ?

— На то, Павелъ Сергѣичъ, чтобъ имѣть человѣка, которому можно говорить все, не опасаясь ни насмѣшки, ни порицанія, ни измѣны.

— Эта ваша правда, княгиня. Удивительно, какъ я не догадался объ этомъ. То есть вы даже и прямо говорили, что хотите разговаривать со мною.

Но я полагалъ этого мало, чтобъ объяснить надобность мнѣ жить у васъ. Я могъ бы приходить, когда вамъ угодно, хоть каждый день; это было бы проще.

— Не то, когда лишь временами тутъ человѣкъ, которому хочешь высказать свою душу, а большею частью нѣтъ его тутъ. Но дѣйствительно, есть у меня и другая надобность въ васъ. Это мое желаніе вы будете исполнять, сами того не замѣчая. И при вашемъ характерѣ, нельзя вамъ исполнять его иначе, какъ тѣмъ, чтобы жить у меня. Но дѣйствительно, пора спать мнѣ. Поговорить о томъ, зачѣмъ я просила васъ пожить у меня, всегда успѣемъ. Спокойной ночи, мой другъ.—Пришлю Наташу, она проводитъ васъ къ своему дядѣ, онъ проводитъ васъ въ ваши комнаты.

— Спокойной ночи, княгиня.

Княгиня ушла. Пришла Наташа, проводила Вязовскаго къ своему дядѣ; Яковъ Ивановичъ проводилъ Вязовскаго въ его комнаты. На вопросъ Якова Ивановича, все ли хорошо, онъ отвѣчалъ, что все хорошо. Яковъ Ивановичъ ушелъ. Вязовскій сѣлъ на диванъ, хотѣлъ подумать, но какъ сѣлъ, черезъ минуту уснулъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- I. Исправленные листы статей: **Studien, Гакстгаузена** (т. III настоящаго изданія), **Кавеньякъ** (т. IV), **Миль**, полит. экономія (заключительныя слова) (т. VII) и **Кредитныя дѣла** (т. VIII).

(По невозможности провѣрить своевременно эти статьи по рукописямъ, найденнымъ лишь въ послѣднее время, уже по отпечатаніи названныхъ томовъ, въ статьяхъ этихъ оказались нѣкоторые пропуски, вслѣдствіе чего къ настоящему тому и прилагаются исправленные листы, провѣренные по рукописямъ).

- II. Статьи, пропущенныя въ I, II и IV томахъ.

(Указаніе на принадлежность этихъ статей Н. Г. Чернышевскому было найдено лишь въ сентябрѣ по окончательномъ разборѣ его бумагъ, хранившихся въ архивѣ А. Н. Пыпина. Поэтому эти статьи и не могли быть своевременно помѣщены на своемъ мѣстѣ).

- III. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ.

- IX. Перечень заграничныхъ изданій сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.

Но это послѣднее улучшеніе — дѣло будущаго. Нынѣ лежатъ на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были по прежнему обычаю предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ. Прежде всего и больше всего: наивозможно-широкій просторъ и просторъ для личности и для собственного здравого разсудка каждому.

Къ статьѣ **Кавеньякъ** (т. IV)—взаимнѣ конца стр. 18.

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни Исполнительная Комиссія и Національное Собраніе въ іюнѣ, не хотѣли губить работниковъ для собственного удовольствія, то надобно было умѣреннымъ республиканцамъ признаться, что ихъ управленіе сдѣлало для исполненія требованій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайней мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Національнаго Собранія,—надежды были пробуждены, официально признаны справедливыми,—и вдругъ правительство совершенно отрекается отъ всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхъ. Республиканцы все равно, какъ и Гизо, говорятъ: молчите, или мы заставимъ васъ молчать штыками и картечью.

Сто-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію,—начальникъ, котораго они любили, коварно отнять у нихъ—ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа,—имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи,—неужели они отдадутся на жертву безъ сопротивленія?

Къ статьѣ Кавеньякъ (т. IV)—вза-
мѣнь стр. 19 — 26 и начала стр. 27
(до словъ: Но формалисты ничего
не предвидять).

Ошибки правительства привели къ неизбежной междоусобной войнѣ.

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Національнаго Собранія закрыть Національныя Мастерскія, какъ исчезъ Эмиль Тома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсѣянія по провинціямъ (22 іюня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Коммиссіи, бывший министръ публичныхъ работъ, Мари, принявъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно—безусловно повиноваться.

На слѣдующее утро (23 іюня) вспыхнуло возстаніе. Цѣлый день оно усиливалось, и вечеромъ Національное Собраніе передало исполнительную власть Кавеньяку, который, какъ военный министръ, съ самаго начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ разсказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроятно и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшнаго междоусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ, покажется, что наше объясненіе неполно, что мы упустили изъ виду вліяніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ демагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій; дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ іюньскихъ событіяхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной коммиссіи, назначенной по этому дѣлу, Кентеномъ Бошаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ослѣпленной ненависти, давно отвергнуть общественнымъ мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проникательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые судьи на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная коммиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрившись послѣ іюньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смуты, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до іюньскихъ дней, выставила Луи Блана, на котораго сваливали также учрежденіе Національных Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи Бланъ и Коссидьеръ, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націи (членами Національнаго Собранія), а представители могли быть подвергаемы судебному преслѣдованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собранія.

Правительство потребовало этого разрѣшенія,—Собранію былъ предложенъ вопросъ: находить ли оно достаточные поводы подозрѣвать участіе Луи Блана въ майскихъ и іюньскихъ событіяхъ и находить ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: „да“. Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, былъ, между прочимъ, и Бастіа, извѣстный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ ученій, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи Блана. Партія, къ которой принадлежалъ Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи Блана,—но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре:

„Нынѣ на разсвѣтѣ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Коммиссіи, такъ тяжело беспокоившей и Собраніе и Францію. Собраніе дало согласіе на судебное преслѣдованіе Луи Блана и Коссидьера за участіе въ преступленіи 15 мая. У насъ, быть можетъ, удивятся, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаю такъ, или иначе, голосъ по каждому дѣлу; только недосугъ и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это; но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимою; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію,—но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не дастъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что ученіе Луи Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣжденъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человѣкъ, имѣющій какое нибудь убѣжденіе, по необходимости считаетъ гибельнымъ противное убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочнымъ, но и опаснымъ. По этому принципу намъ всѣмъ пришлось бы перерѣзать другъ друга.

„Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и возстанія? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена, свобода отнята у журналовъ. Могъ ли я выдать двухъ представителей ихъ политическимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій,—это дѣло, которому я не могу содѣйствовать, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

„Я не осуждаю Кавеньяка за то, что онъ на время отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, чѣмъ оправдывается все,—спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищей были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло

можетъ поселить между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраніи, но и въ цѣлой Франціи; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи виѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе,—при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и непріятностяхъ, чтобы позаботиться о благѣ страны; потому я радовался, что нѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищей и что я не обязанъ выдавать ихъ.

„Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлалось гибельнымъ для республики!“

„Если ты найдешь нужнымъ, я уполномочиваю тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты“.

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастіа продолжаетъ:

„Говорятъ, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эти господа (избиратели департамента, представителемъ котораго былъ Бастіа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гнѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требованіе судебного преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть страхъ могъ заставлять класть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ насиліе, армія, національная гвардія, большинство Національнаго Собранія, влеченіе обстоятельствъ, правительство.“

„Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трелѣ? Въ показаніи говорится: „Я былъ въ Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи Блана, не слышалъ, чтобы онъ былъ тамъ; но въ жестахъ, въ фізіономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ слѣды того, что онъ былъ тамъ“. Высказывалась ли когда нибудь политическая ненависть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственного акта составлены въ такомъ духѣ!“

„Словомъ сказать, по совѣсти.... я не думаю, чтобы Луи Бланъ принималъ участіе въ майскомъ и іюньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется, почему я подалъ голосъ противъ обвиненія“.

Свидѣтельство Бастіа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинительный актъ не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіями честныхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до іюня; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Національныя Мастерскія, за-

крытіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ междоусобія. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбѣжнымъ результатомъ котораго было междоусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благопріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удержать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвратить ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой; многіе клубы дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно; наконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междоусобіи іюньскихъ дней: получивъ отказъ 22-го іюня ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возьмутся за оружіе.

Именно, отсутствіемъ вліяній, чаще всего пробуждавшихъ безпокойства во Франціи, іюньское междоусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междоусобій; въ этомъ отсутствіи обыкновенныхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами іюньскихъ дней и ужаса, произведеннаго этою рѣзней. Массы шли на битву безъ всякихъ предводителей; ни одного сколько нибудь извѣстнаго человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они?—это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодной смерти, открывшуюся передъ ними. То не были ни коммунисты, ни социалисты, ни красные республиканцы, — эти партіи не участвовали въ битвахъ іюньскихъ дней; чего хотѣли они?—улучшенія своей участи: но какими средствами могло быть улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самихъ инсурентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались ихъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если не были даже коммунистами? Побѣдители говорили, что они хотѣли грабить,—но они наличными деньгами расплачивались за все, что брали въ лавкахъ. Это открылось послѣ; но въ тѣ дни, инсургенты казались какими то варварами, цѣль которыхъ разрушеніе общества. Отчаяніе — вотъ единственное объясненіе іюньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого возстанія. Инсургенты сражались не для инсургентства или установленія какой нибудь политической формы,—они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый работою, и думали, что противники хотятъ истребить ихъ, чтобы не давать ни хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Оттого то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Національныхъ Мастерскихъ, взяли за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на погибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединялся никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную, дрались съ энергіею, какой не было ни въ іюль 1830, ни февраль 1848 года. Противъ нихъ выведены были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшія, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена

была „подвижная гвардія“, *garde mobile*, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской бездомной жизни, выдвинута была страшная артиллерія тяжелаго калибра, — всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новыя войска и новыя отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ, — да и этою медленною побѣдою противники инсургентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавеньякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкою непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пунктѣ, избранномъ для наступательнаго движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первую цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсургентовъ; потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ другой части не могли уже подавать помощи другъ другу, брать постепенно одну часть за другою. Знайки военнаго дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и задуманъ и исполненъ Кавеньякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроятности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго сопротивлялись съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавеньякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣстѣ съ президентомъ Национальнаго Собранія принялъ мѣры перенести Собраніе и резиденцію правительства въ Сень-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечь, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашныя битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшать потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ, — и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопролитенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достоверно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли, — да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ламорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Много злодѣйствъ было совершено съ обѣихъ сторонъ въ ожесточеніи битвы, потому что съ обѣихъ сторонъ за сражающимися укрывалось много преступниковъ, пользовавшихся бѣшенствомъ сраженія для насыщенія своего звѣрства. Такъ, нѣсколькими негодями со стороны инсургентовъ былъ убитъ генераль Бреа, захваченный въ плѣнъ; но съ противной стороны число страшныхъ примѣровъ жестокости было еще значительнѣе. Разсвирѣпѣвшіе солдаты и особенно подвижная гвардія, ворвавшись въ домъ, занятый инсургентами, часто убивала всѣхъ, кого тамъ находила. — стариковъ, женщинъ, дѣтей; множество совершенно невинныхъ людей, имѣвшихъ несчастіе попасть въ руки арміи и подвижной арміи, были разстрѣляны по подозрѣнію, что они распо-

жены въ пользу инсургентовъ—и потомъ оказывалось, что они вовсе не имѣли и мысли объ этомъ; разстрѣливаніе плѣнныхъ инсургентовъ было въ такомъ обычаѣ, что объ этихъ случаяхъ никто уже и не говоритъ; словомъ, читая рассказы объ ужасахъ, совершенныхъ національною гвардіею, подвижною гвардіею и солдатами, видимъ, что не даромъ было потомъ въ употребленіи у парижанъ выраженіе „кавеньяковскіе палачи“, *les bourreaux de Cavaignac*.

Какъ полководецъ, Кавеньякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военнаго дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ, онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое,—непреклонную энергію воли, когда, несмотря ни на какія просьбы, внушаемая нетерпѣніемъ, твердо слѣдовалъ своему плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достиженія диктатуры: это низкая клевета: онъ вѣрно служилъ Исполнительной Коммиссіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Національнымъ Собраніемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собранія, и ни самъ Кавеньякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внушить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собраніе, возвращая ему власть, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ;—когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ, принявъ это высокое порученіе, нимало не утратилъ простоты своихъ нравовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человѣкомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовалъ совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей,—всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранія, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно вѣрилось его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтона. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавеньякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной проицательности, ни особенныхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступалъ вовсе не предусмотрительно и не расчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками дѣла были доведены до іюньскаго междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавеньякъ. —онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительнаго вліянія на ходъ событій до іюня, —онъ ограничивался до той поры почти только своими спеціальными занятіями по должности военнаго министра, и управлялъ этою частью хорошо. Потому теперь, когда управленіе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣренныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможною готовностію къ примиренію, и тогда генераль, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса своихъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавеньякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія дѣла глазами своихъ политическихъ друзей, а поли-

тическіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежняго управленія объясненій возстанія, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно вслѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: „варвары у воротъ нашихъ“, — *les barbares sont à nos portes*; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ рабочихъ не несчастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихъ за оружіе чисто съ намѣреніемъ грабить и рѣзать. Сообразно такому понятію и повели они борьбу противъ нихъ, — не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ нибудь каннибаловъ, безпощадно, безжалостно. Ожесточеніе со стороны національной гвардіи, составлявшихъ опору умѣренныхъ республиканцевъ и звѣрскіе поступки со стороны шестнадцатилѣтнихъ, восемнадцатилѣтнихъ воиновъ подвижной гвардіи, увлеченныхъ опрометчивостью кипучей молодости и виномъ, вызвали много примѣровъ такой же жестокости со стороны инсургентовъ — умѣренные республиканцы съ какимъ-то самодовольствомъ ослѣпились этими отдѣльными случаями, оправдывавшими ихъ мнѣніе, и допустили себя совершенно забыть о причинахъ возстанія, лежавшихъ въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ.

Битва шла звѣрски съ обѣихъ сторонъ. Она необходимо должна была оставить много ненавистныхъ слѣдовъ въ памяти обѣихъ сражавшихся сторонъ. Но пусть инсургенты были варвары, пусть имѣли право умѣренные республиканцы не давать имъ пощады въ битвѣ, превратившейся оттого въ рѣзню съ разстрѣливаніемъ плѣнныхъ, — пусть имъ извинительно было все это въ предположеніи ихъ, что инсургенты взяли за оружіе не для защиты себя отъ голодной смерти, а для грабежа ихъ, умѣренныхъ республиканцевъ: — но вотъ побѣда стала рѣшительно склоняться на сторону войска національной гвардіи, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день возстанія, на другой день ожесточенной битвы, 25-го іюня. Въ этотъ моментъ возникали для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ былъ бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Но если инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри, то слѣдовало ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбежности своего пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности, — опасность уже отвращена, — не ввела ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣжденій, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвердить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ рабочихъ; кромѣ рабочихъ, искренними республиканцами были только немногіе отдѣльные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселянъ, желавшихъ низверженія республики. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами. — теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній; изъ всѣхъ ихъ чувствъ, остается имѣющимъ практическую силу только преданность

республиканской формѣ. Причины, ожесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обѣимъ сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что вчерашніе враги должны были теперь искать сближенія между собою; ясно, что умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ,—она останется беззащитна, она падетъ и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было гибельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрощенными нынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о пощадѣ, съ которою пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ ночи съ 25 на 26 іюня. Къ президенту Національнаго Собранія Сенару и къ Кавеньяку явилась депутація инсургентовъ; она говорила, что инсургенты сдадутся, если имъ дана будетъ амнистія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сенара и Кавеньяка, что это предложеніе—глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдадутся безусловно, на жизнь и на смерть. „Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ“, сказала Кавеньякъ депутація:—„я отвергаю всякія другія предложенія“.

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ „безусловная сдача на волю побѣдителей“, быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣе, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ этомъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предыдущіе дня безошаднымъ употребленіемъ картечи, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихъ въ плѣнь, убійствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами подвижной гвардіи. Они въ отвѣтъ Сенара и Кавеньяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подъ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что иначе не можетъ быть понято ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: „теперь вамъ не остается уже ничего, кромѣ какъ биться до послѣдней капли крови, потому что пощады вамъ не будетъ“.

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 іюня) съ прежнею безошадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ втораго часа пополудни такъ, какъ желали умѣренные республиканцы: совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсѣявшись. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, всѣ укрѣпленныя зданія въ Парижѣ, такъ что, наконецъ, пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери къ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простиралось до 14.000 человекъ.

Они всё были отданы подъ военный судъ, почти всё были приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебного приговора было уже сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтоны для отправленія въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ, — это было то, что называется по французски судъ на скорую руку, *justice sommaire*. Нечего говорить о томъ, много ли было захвачено людей совершенно по напрасну, по ошибкѣ; нечего говорить о томъ, много ли изъ этихъ арестантовъ, ни мало не прикосновенныхъ возмущенію, было оправдано ли, и много ли осталось по прежнему арестантами.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этою ссылкой цѣлой массы народа, массы уже отправленной на понтоны безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало по малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партію плѣнныхъ за другою, но все еще, по прошествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправилъ въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ примѣровъ. Но и наполеоновская ссылка была ничтожна передъ этою произвольною мѣрою: тамъ подвергнуты были произвольному наказанію всего сто, полтора-ста человѣкъ — теперь подвергались многія тысячи людей.

Такимъ то образомъ, началась диктатура Кавеньяка и полное владычество умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи. Они утвердились безпощадною побѣдою въ ужаснѣйшей изъ всѣхъ междоусобныхъ битвъ, когда либо заливавшихъ Парижъ кровью; побѣда была завершена чудовищною ссылкой въ противность всѣмъ понятіямъ о правосудіи.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ болѣе нежели даже въ самой безпощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благо-разуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то по крайней мѣрѣ по достиженіи совершенной побѣды, разсудокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужнымъ не только усмирить, но и совершенно обезсилить работниковъ. 26-го іюня это было сдѣлано, и военныя соображенія должны были уступить мѣсто правительственности. Самое основное правило политическаго благоразумія говорить, что при внутреннихъ раздорахъ побѣдоносная сторона можетъ укрѣплять свое господство только снисходительностью къ побѣжденной, — такъ дѣйствовали всѣ истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полного торжества они дали амнистію побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы этою мантіею милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междоусобіемъ. Они этого не сдѣлали, и озлоб-

леніе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражалось и усиливалось холодною неумѣстностью напраснаго мщенія надъ людьми, которые уже не могли быть вредны побѣдителямъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатурою Кавеньяка, приобрѣли безграничную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ, — не говоримъ уже законности или гуманности, но — всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла былъ путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Убіиства въ Трансноренской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ іюньскими убіиствами, разстрѣливаніями и ссылкой цѣлыхъ массъ. Если бы кто нибудь сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событій, что они совершаютъ такіа дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они приобрести, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпый бредъ. А между тѣмъ все совершившееся въ іюнь было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предусмотрительность ихъ не была помрачена политическою страстью, они въ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаютъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную, — игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанскаго правительства, которое хотѣли низвергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ рабочими, и силою этого класса достигли своей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить рабочихъ? Рабочіе желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы ихъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшенія будутъ произведены республикою. Такою цѣною приобрѣли они союзъ. Но могли ли они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія рабочихъ признавали они несбыточными, гибельными химерами. При этомъ, благоразумнѣе ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщеніи съ обѣихъ сторонъ. Рабочіе думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны ихъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы вообразили, что удержать рабочихъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результаты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достичь цѣли, которая отвергается другимъ, эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыя не могли удовлетворить, умѣренные республиканцы должны были знать, что имъ придется отвергать требованія, которымъ они льстили. Въ этихъ требованіяхъ, рабочіе видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя — нельзя было не видѣть, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ рабочихъ.

Вотъ послѣднія слова, которыми заканчивается трактатъ Милля. Пора и намъ кончить рядъ статей, получившихъ уже размѣръ, едва ли не слишкомъ обременительный для журнала. Страннымъ образомъ не успѣла войти въ наши очерки та часть теоріи, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ. Довольно подробною критикою господствующихъ понятій намъ удавалось приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства, наиболѣе выгоднаго для людей. Но мы не успѣли изложить, въ какихъ главныхъ подробностяхъ должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній. Намъ пришлось въ этомъ отношеніи довольствоваться неопредѣленными очерками, представленными у Милля въ главѣ о вѣроятной будущности рабочихъ сословій. Мысли его вѣрны, но слишкомъ блѣдны. И мы очень жалѣемъ о томъ, что не случилось намъ дополнить ихъ очерками, болѣе точными. Но что же дѣлать! Будемъ довольствоваться тѣмъ, что удалось намъ сдѣлать, хотя эта исполненная часть задачи незначительна по сравненію съ неисполненною.

Итакъ, не теряя времени на сожалѣнія о невыполненіи задуманнаго плава, обратимъ вниманіе на ту часть дѣла, которою удалось намъ заняться въ этотъ послѣдній разъ. Во всемъ длинномъ отрывкѣ, которымъ закончились наши выписки изъ Милля, существенно несправедливы только три или четыре строки, утверждающія, будто бы теоретически позволѣть представляемый Миллемъ перечень главныхъ исключеній изъ правила, предписывающаго оставлять отдѣльнымъ людямъ самимъ всю заботу объ ихъ экономическихъ дѣлахъ. Милль прямымъ образомъ имѣетъ въ виду только Англію и очень можетъ быть, что онъ не позабылъ ни одного изъ предметовъ, въ которыхъ особенно важно правительственное вмѣшательство для нея при нынѣшнемъ ея положеніи. Но если Англія имѣетъ очень сильныя надобности, до которыхъ еще не дошли другія страны, — напримѣръ, для Австріи, для Франціи, Испаніи, Россіи нѣтъ еще надобности такъ много заботиться о колонизаціи, какъ для Англіи, — то въ каждой изъ этихъ странъ могутъ быть свои особенныя обстоятельства, по которымъ очень важно правительственное вліяніе на дѣла, или не существующія въ Англіи, или не имѣющія для нея особенной важности. Если, напримѣръ, справедливо, что испанцами овладѣла лѣнь, то очень полезно было бы, когда бы испанское правительство позаботилось объ увеличеніи побужденій къ энергическому труду, недостатокъ котораго болѣе всего виновать въ бѣдности испанцевъ, по извѣстіямъ, принимаемымъ нами здѣсь на вѣру. (О нѣкоторыхъ частяхъ Австріи, въ особенности о Тироли, говорятъ, будто бы народъ тамъ слишкомъ пристрастенъ къ старинѣ: если это правда, очень

важны были бы правительственные заботы о разъясненіи пользы новыхъ вещей, познакомиться съ которыми не думаютъ сами тирольцы. Мы не разбираемъ здѣсь основательности приводимыхъ нами мнѣній объ испанцахъ и тирольцахъ: мы приводимъ ихъ только для примѣра тому, что могутъ существовать въ той или другой странѣ потребности, не имѣющія важнаго значенія для Англіи, въ которой народъ трудолюбивъ и не слишкомъ ослѣпленъ пристрастіемъ къ старинѣ. Эти примѣры служатъ намъ только для того, чтобы не представилось читателю страннымъ, когда мы скажемъ, что, напримѣръ, и въ Россіи могутъ существовать особенные случаи большой надобности правительственнаго вліянія, — случаи, не вошедшіе въ перечень Милля. Теперь все у насъ согласны въ томъ, что крѣпостныя отношенія были дѣломъ, требовавшимъ правительственнаго вліянія для своей развязки. Намъ кажется, что насколько нужно было оно для ихъ прекращенія, настолько же нужно оно для поддержанія другой черты нашего экономическаго быта. Мы говоримъ о нашемъ обычномъ способѣ землевладѣнія, по которому земля, принадлежащая поселянамъ, не раздѣлена между отдѣльными лицами въ полную наслѣдственную собственность, а остается общественнымъ имуществомъ, пользованіе которымъ равномерно распределяется между всеми членами общества. Много статей было написано нами въ защиту общиннаго землевладѣнія и нѣтъ намъ надобности вновь перечислять здѣсь его преимущества. Мы хотимъ только сказать, что если это учрежденіе на самомъ дѣлѣ полезно, то для его сохраненія пужна правительственная забота, потому что безъ законодательнаго охраненія оно не можетъ удержаться противъ частныхъ интересовъ. Этотъ случай подходитъ подъ принципъ, выставляемый Миллемъ по поводу законодательнаго опредѣленія рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Просимъ читателя внимательно пересмотрѣть доводы, которыми тутъ Милль доказываетъ, что есть общепользные учрежденія и обычаи, не могущіе сохраниться безъ прямого законодательнаго огражденія. Совершенно въ томъ же духѣ, въ какомъ разсуждаетъ онъ о часахъ работы, мы скажемъ про общинное землевладѣніе: для цѣлаго общества оно полезно; но каждому изъ членовъ общества можетъ представляться временная выгода отъ превращенія своего пользованія частью общественной земли въ полную собственность надъ этою частью ея. Эта мимолетная выгода несомнѣнно приведетъ въ худшее положеніе почти каждого изъ людей, которые соблазнились бы ею; но она можетъ имѣть столько соблазнительности, что приведетъ къ разрушенію выгоднѣйшаго для всехъ порядка, если достаточно будетъ минутный интересъ отдѣльнаго члена общины, чтобы участокъ, находящійся въ его пользованіи, былъ выдѣленъ ему въ полную собственность.

IV.

Банковыя преобразованія.

Не мало разныхъ вопросовъ предлагали мы читателю въ первыхъ трехъ главахъ нашего этюда: но вопросы были все такъ не мудрены, что не только ни одинъ читатель, вѣроятно, не затруднялся разрѣшать ихъ, вѣроятно не затруднилась бы отвѣчать на нихъ ни одна изъ петербургскихъ чухонскихъ кухарокъ, если бы онѣ принадлежали къ читательницамъ русскихъ журналовъ, какъ очевидно полагаютъ многіе высокоуважаемые нами люди, опасаясь, что „Отечественныя Записки“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Слово“, „Современникъ“ и „Библіотека для Чтенія“ могутъ имѣть (разумѣется, дурное, по мнѣнію этихъ господъ) вліяніе на русскій народъ, изъ котораго нельзя же исключить и чухонскихъ кухарокъ. Вотъ точно такого же рода вопросы будутъ и все слѣдующіе. За что другое не знаемъ, какъ ручаться въ нихъ, а за то уже ручаемся, что они будутъ не головоломны. Вотъ и теперь, на примѣръ, надобно начать намъ съ того, чтобы спросить себя: „отъ чего зависитъ положеніе кредита? и если оно неудовлетворительно, то чѣмъ оно можетъ быть улучшено?“ Если читатель соглашался со взглядомъ на дѣло, излагавшимся въ прежнихъ трехъ главахъ, онъ не затруднится въ отвѣтъ. Положеніе кредита,—это значитъ легкость или обременительность условій, на которыхъ капиталисты готовы бываютъ давать намъ въ заемъ деньги. Англія находитъ сколько ей угодно денегъ за $3\frac{1}{4}\%$, —по нынѣшнему это считается очень легкимъ процентомъ; оттого и говорятъ, что кредитъ Англіи находится въ хорошемъ положеніи. Турція, при помощи Мересса, ищетъ теперь и почти не находитъ денегъ за 10 или за 11% , а такой процентъ считается уже чрезвычайно тяжелымъ; потому говорятъ, что положеніе турецкаго кредита дурно. Спросимъ же себя, отъ чего зависитъ легкость или обременительность условій, на какихъ заключаются займы частными ли лицами, акціонерными ли компаніями, государствами ли,—все равно. Дѣло явное, что вещь эта зависитъ ни отъ чего иного, какъ отъ денежныхъ обстоятельствъ того, кто желаетъ занять деньги. Если его денежные дѣла хороши, то и условія, на которыхъ даютъ ему займы, бываютъ легки, то есть и положеніе его кредита бываетъ хорошо, если же нѣтъ, то нѣтъ. У частнаго лица денежное положеніе, просто такъ и называется денежнымъ положеніемъ; у акціонернаго общества оно тоже называется просто положеніемъ дѣлъ этого общества: но когда говорятъ о государствѣ, то вмѣсто этихъ простыхъ выраженій употребляютъ техническій терминъ „финансовое положеніе“ или другой техни-

ческой терминъ „бюджет“. Специалисты имѣють привычку разсуждать такимъ техническимъ языкомъ, который наводитъ робость на профана, думающаго, что подъ мудрыми словами (впрочемъ, полезными въ наукѣ) скрываются Богъ знаетъ какія невѣдомыя и, пожалуй, непостижимыя его простому житейскому смыслу вещи; въ иныхъ дѣлахъ оно такъ и бываетъ,—напримѣръ въ химіи, въ геологіи, въ микроскопической анатоміи; но вѣдь за то эти науки занимаются изслѣдованіями, чуждыми обыкновеннаго круга будничной жизни специалистовъ. А экономическая наука не такова: въ ней нѣтъ ни одного вопроса, который не подходилъ бы къ тому или другому разряду житейскихъ заботъ каждаго изъ насъ: въ ней нѣтъ факта, который не соотвѣтствовалъ бы дѣламъ, хорошо знакомымъ каждому изъ насъ. Потому читатель пусть не предполагаетъ, что не способенъ каждый профанъ понять финансовыя или бюджетныя вопросы такъ ясно, какъ только способенъ понимать счетъ, поданный ему кухаркою. По напрасной привычкѣ, отвязаться отъ которой трудно, мы, пожалуй, будемъ употреблять здѣсь техническія слова „финансовое положеніе“, „бюджетъ“ и т. д., но проще было бы говорить кухоннымъ языкомъ, который былъ бы совершенно достаточенъ для изложенія всей сущности кредитныхъ дѣлъ.

Кухоннымъ языкомъ выразились мы, что кредитъ государства зависить отъ положенія денежныхъ дѣлъ государства, а книжнымъ языкомъ слѣдуетъ прибавить, что кредитныя дѣла составляютъ ни больше, ни меньше, какъ результатъ, и только результатъ, бюджета. Заемъ дѣлается лишь оттого, что доходовъ не достаесть на расходы, только на покрытіе дефицита. Теперь видно, чѣмъ, и чѣмъ однимъ только можетъ быть исправленъ кредитъ: только исправленіемъ бюджета. Пусть каждый разсудитъ, можетъ ли это быть иначе. $2 \times 2 = 4$,—это штука, или нѣтъ. не „штука“: будемъ говорить ученымъ языкомъ,—это формула извѣстная; раземотримъ же эту формулу по-ученому. По-ученому, 4 тутъ результатъ, производимый взаимодействіемъ факторовъ 2×2 . Положимъ теперь, что эта цифра 4, этотъ результатъ вамъ не нравится, что вы желали бы измѣнить его, положимъ на цифру 6: вы сами знаете, что этого нельзя сдѣлать иначе, какъ измѣненіемъ въ производящихъ этотъ результатъ факторахъ: надъ самою цифрою 4, сколько вы ни бейтесь, ничего съ нею не сдѣлаесть; а попробуйте сдѣлать перемѣну въ производящихъ ее факторахъ, она перемѣнится сама собой; попробуйте написать 2×3 , само собою выйдетъ у васъ -- 6. Если же вы этого не сдѣлаесть, если вы будете хлопотать собственно надъ результатомъ, вы можете надѣлать, сколько вамъ угодно формальныхъ перемѣнъ,—ишите, пожалуй: $2 \times 2 = 1 + 1 + 1 + 1$, -- не поправилось и это, можете написать $3 + 1$, или $5 - 1$, или $7 + 2 - 5$, или какъ хотите, фигурки будутъ выходить очень разнообразныя, съ виду вовсе не похожія на 4, а въ сущности все останется у васъ прежній результатъ: вѣдь и $1 + 1 + 1 + 1$, и $3 + 1$, и $5 - 1$ и $7 + 2 - 5$ все тоже = 4.

Если читатель одаренъ такою геніальностью, что постигъ столь неслыханную мудрость, то онъ не затруднится отвѣчать на вопросъ: можетъ ли кредитъ быть исправленъ преобразованіемъ собственно кредитныхъ операций? Нѣтъ, не можетъ. Потому мы прямо скажемъ, что не могли не остаться

безполезными усилія, обращенныя на преобразование одной части нашихъ кредитныхъ дѣлъ, — на преобразование нашихъ банковыхъ учрежденій.

Мы не имѣемъ претензіи знать, или хотя отгадывать тѣ правительственныя предположенія о реформахъ, или тѣ приготовленія къ произведенію реформъ, которыя еще не обнародованы. Намъ доступны только обнародованные факты, только совершившіяся дѣйствія. Разсматривая эту выясненію для всѣхъ часть исторіи нашего финансоваго управленія, мы должны сказать, что съ той поры, когда правительство занялось заботами объ улучшеніи нашего государственнаго быта, главнымъ дѣломъ по финансовому управленію были банковыя преобразованія.

Наша прежняя банковая система имѣла важныя недостатки и неудобства. Мы не будемъ перечислять ихъ, потому что они много разъ были раскрываемы самимъ министерствомъ финансовъ. Мы ни мало не расположены защищать эту прежію систему; и будемъ еще имѣть случай коснуться двухъ важнѣйшихъ недостатковъ ея. Но, отлагая до слѣдующей главы рѣчь объ этихъ двухъ сторонахъ прежней банковской системы, мы хотимъ разсмотрѣть здѣсь, дѣйствительно ли представляли слишкомъ большую опасность для нашихъ государственныхъ дѣлъ тѣ черты прежняго положенія нашихъ банковъ, которыя были выставлены печатнымъ образомъ, какъ чрезмѣрно опасныя, требующія немедленныхъ исправленій чрезвычайными усиліями; были ли дѣйствительно обременительными для государства тѣ черты, которыя были выставлены въ печати обременительными, и, наконецъ, каковъ былъ результатъ чрезвычайныхъ усилій, сдѣланныхъ для устраненія этой опасности, для облегченія этой тяжести.

Теперь мы будемъ говорить серьезнымъ тономъ: наше изложеніе будетъ вполне понятно для неспеціалиста, но мы обращаемся собственно не къ нему, а къ нашимъ спеціалистамъ по финансовой части. Мы предупреждаемъ ихъ, что не будемъ и не можемъ входить въ техническія тонкости. Не можемъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ нѣтъ подъ руками подробныхъ подлинныхъ цифръ, какія были бы нужны для достиженія точности въ тонкихъ техническихъ выводахъ. Мы должны основываться только на обнародованныхъ свѣдѣніяхъ, на общихъ итогахъ, по которымъ можно опредѣлить лишь самыя крупныя, уже вовсе не техническія, а только, такъ сказать, популярныя черты хода дѣла. Во-вторыхъ, авторъ этой статьи не посвященъ въ биржевыя дѣла. Онъ ни разу и не былъ на биржѣ, никогда не искалъ и не слышалъ собственными ушами поучительные разговоры магнатовъ биржеваго или финансоваго міра, думая, что нѣтъ большой надобности человѣку знать рутинныя мелочи спеціальнаго ремесла, если не желаетъ или не надѣется самъ стать ремесленникомъ. Чтобы судить о дѣлѣ, достаточно знать о немъ столько, сколько знаетъ авторъ, и было бы напрасно кому-нибудь отрицать это, кричать о невѣжествѣ, о пустотѣ и т. д. автора этихъ статей: кричать о немъ это многіе, но до сихъ поръ это никому изъ нихъ не помогало и, кажется, не достигало своей цѣли. Мы просимъ спеціалистовъ нашихъ по финансовой части искать въ слѣдующемъ изложеніи не доказательствъ тому, могъ ли бы авторъ исправлять должность бухгалтера въ кон-

торѣ какого нибудь банкира или заниматься маклерскими дѣлами на биржѣ, а только вникать въ то, правду ли онѣ говорить.

Сотни тысячъ людей, постоянно имѣвшихъ дѣла съ нашими прежними кредитными учрежденіями, — или, по ихъ выраженію, съ „ломбардами“, и никакъ не подозрѣвавшіе, что государственныя кредитныя учрежденія находятся въ шаткомъ положеніи, — они имѣли полное право имѣть къ нимъ безусловное довѣріе, потому что всегда получали отъ нихъ деньги исправно и, конечно, никогда не измѣнили бы этого довѣрія, потому что никогда не представлялось бы прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ никакой надобности быть неисправными въ расплатахъ, — эти сотни тысячъ людей, очень близко знавшихъ наши кредитныя учрежденія, вдругъ узнали къ своему изумленію, что положеніе этихъ кредитныхъ учреждений очень шатко, что имъ грозитъ банкротство или такая опасность банкротства, которая для своего отвращенія потребуетъ отъ правительства громадныхъ жертвъ. Опасеніе, обнаруженное передъ русскимъ обществомъ, мотивировалось слѣдующимъ образомъ.

«Вклады принимаются во всѣхъ бавкахъ безостановочно, по одному желанію вкладчиковъ: возвращаются тоже по первому ихъ востребованію, во всякое время; наконецъ приносятъ вкладчикамъ проценты со дня пріема, а по истеченіи года и проценты на проценты, хотя бы оставались безъ производительнаго употребленія.

«Ссуды раздаются заемному банку, сохраннымъ казнамъ воспитательнаго дома и приказамъ общественнаго призрѣнія — на сроки болѣе или менѣе продолжительныя, преимущественно на 28 и 33 года, съ постепеннымъ возвратомъ малыми долями.

«Такимъ образомъ, банки съ одной стороны вынуждаются распрямить безпредѣльно свои ссудныя операціи, дабы выручать проценты, нужные для уплаты вкладчикамъ, а съ другой — обязаны сохранять постоянно въ запасъ значительную массу наличныхъ денегъ, дабы удовлетворять тѣхъ же вкладчиковъ, въ случаѣ внезапнаго требованія ими капиталовъ.

«Отсюда неизбежны двѣ крайности: или оскудѣніе кассъ, опасное для кредита банковъ, или чрезмѣрное накопленіе праздныхъ капиталовъ, что столь же убыточно для банковъ, сколь не выгодно для народнои промышленности.

«Первое до сихъ поръ встрѣчалось лишь весьма рѣдко, какъ явленіе случайное и скоропреходящее. Оно было отвращаемо разнообразными пособіями отъ казны. Отвѣтствуя за банки, правительство всегда поддерживало и впредь должно поддерживать ихъ кредитъ, хотя бы это сопряжено было съ нѣкоторыми временными затрудненіями; но такой порядокъ вещей, если бы онъ сталъ въ послѣдствіи повторяться чаще, нельзя признать ни нормальнымъ, ни удобнымъ для государственнаго казначейства, обремененнаго и безъ того значительными обязанностями. (Докладъ о банковыхъ преобразованіяхъ, 1 сентября 1859 года).

Послѣднія строки были бы совершенно ясны, если бы прямо за ними не находились слѣдующія строки.

«Другая крайность, то есть накопленіе излишнихъ капиталовъ, обнаруживалась доселѣ почти постоянно. Чрезмѣрное накопленіе вкладовъ въ банкахъ обнаружилось въ высшей степени, за два года предъ этимъ (въ 1857 г.), когда сумма капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды, составляла огромную цифру — свыше 120 милліоновъ рублей серебромъ» (Тотъ же докладъ).

Сопоставленіе этихъ двухъ соображеній, помѣщенныхъ въ докладъ рядомъ, затѣмняетъ вопросъ. Если „почти постоянно“ обнаруживалось „чрез-

мѣрное накопленіе вкладовъ, не розданныхъ въ ссуды“, — то есть остававшихся въ банковыхъ кассахъ, — то есть, если банки почти постоянно имѣли въ наличности чрезмѣрное количество денегъ, то какимъ же образомъ могли банки опасаться затрудненій въ своихъ средствахъ къ уплатѣ при востребованіи вкладовъ? „Чрезмѣрное накопленіе“ суммъ, остававшихся въ кассахъ безъ употребленія, — вѣдь это значитъ — накопленіе наличнаго, готоваго къ возвращенію запаса въ такомъ количествѣ, которое превышаетъ мѣру вѣроятнаго востребованія. Къ довершенію недоумѣнія мы находимъ, что это „чрезмѣрное накопленіе вкладовъ въ банкахъ обнаружилось въ высшей степени“ именно въ 1857 году, въ то самое время, когда были предприняты реформы, основывавшіяся на опасеніи „оскудѣнія кассъ“. Впрочемъ въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ говорится, что „оскудѣніе кассъ встрѣчалось лишь весьма рѣдко, какъ явленіе случайное и скоропреходящее“. Дѣйствительно, требованіе возврата вкладовъ до начала банковыхъ преобразованій никогда не происходило въ такихъ размѣрахъ, чтобы быть замѣтнымъ для публики: никто изъ насъ не помнитъ, чтобы когда нибудь, хотя на короткое время, овладѣвало публикою стремленіе требовать вклады обратно изъ банковъ, и по цифрамъ, офиціально обнародованнымъ, извѣстно, что въ теченіе долгаго времени передъ 1857 годомъ количество новыхъ вкладовъ ежегодно бывало гораздо значительнѣе той суммы, какая бывала въ томъ году востребована изъ банковъ прежними вкладчиками. Основываясь на этомъ, должны мы представлять себѣ ходъ дѣлъ въ слѣдующемъ видѣ.

Въ теченіе времени, непосредственно предшествовавшаго началу банковыхъ реформъ, все возрастала та сумма, которая изъ общаго количества новыхъ вкладовъ оставалась въ банковыхъ кассахъ безъ помѣщенія въ новыя ссуды, то есть все возрасталъ размѣръ того наличнаго денежнаго резерва, который долженъ былъ служить запасомъ для уплатъ, въ случаѣ востребованія вкладовъ. Къ 1 января 1857 года этотъ наличный запасъ возросъ до 180 милліоновъ рублей слишкомъ. До этого времени онъ возрасталъ, слѣдовательно въ предыдущіе годы эта цифра была менѣе. Сличая докладъ о банковыхъ преобразованіяхъ съ рѣчью г. министра финансовъ, произнесенною въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій 13 сентября 1860 г., мы находимъ слѣдующую черту, служащую къ поясненію дѣлъ. По докладу, количество „капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды“, составляло къ 1 января 1857 года, какъ мы видѣли, свыше 180 милліоновъ. По рѣчи г. министра финансовъ, „наличность банковъ“ составляла въ іюлѣ того же 1857 года свыше „150 милліоновъ“. Перевѣсъ востребованія суммъ надъ взносомъ ихъ начался лишь съ августа 1857 года, послѣ пониженія процентовъ по вкладамъ; а первые семь мѣсяцевъ того же года количество взносовъ должно было быть больше количества востребованій; значить, наличность банковъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ должна была бы возрастать въ сравненіи съ наличностью, бывшею 1 января 1857 года. Что же мы теперь видимъ? Сумма капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды, простиралась 1 января 1857 года свыше 180 милліоновъ; въ іюлѣ того же года наличность банковъ, долженствовавшая возрастать съ января, простиралась только свыше 150 милліоновъ, то есть была на цифру около 30 милліоновъ меньше количества капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды въ началѣ того года.

Изъ этого надобно заключать, что часть капиталовъ, оставшихся не розданными въ ссуды, не была оставляема въ банковской наличности, а была обращена на какія нибудь другія употребленія. Мы не выставляемъ этого за фактъ, потому что не имѣемъ о томъ прямыхъ указаній, а представляемъ этотъ выводъ изъ сличенія цифръ лишь какъ наше собственное предположеніе, могущее пояснить дѣло, и очень натуральное, такъ-что слѣдуетъ намъ оставаться при немъ, пока не будетъ раскрыто намъ положительными указаніями, что мы ошиблись, дѣлая такой выводъ.

Теперь же, не имѣя пока основаній считать его неправильнымъ, мы при его помощи находимъ возможность понимать дѣло, которое иначе оставалось бы не понятно. Изъ той суммы, какую составлялъ перевѣсъ вкладовъ надъ ссудами, часть не была оставляема въ наличности банковъ, а была обращена на другія употребленія. При существованіи такого правила очень могло случаться, что въ тѣ годы, когда перевѣсъ вкладовъ надъ ссудами не получилъ еще развитія, называемаго чрезвычайнымъ въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ, въ банковской наличности оставались суммы, сравнительно незначительныя. При незначительности банковской наличности отъ обращенія на другія употребленія тѣхъ суммъ, которыя должны были бы составлять банковую наличность, могло иногда происходить, что и безъ всякаго порыва публички къ требованію возврата вкладовъ, — банковая наличность оказывалась недостаточною въ случаѣ требованія возврата вкладовъ нѣсколькими отдѣльными вкладчиками, по ихъ случайнымъ личнымъ надобностямъ. Принимая такое объясненіе, мы можемъ понимать, что „казнѣ представлялась иногда надобность отвращать (по выраженію доклада о банковыхъ преобразованіяхъ) оскуднѣніе (банковыхъ) кассъ заемобразными пособіями“. Хотя до начала банковыхъ преобразованій, какъ извѣстно каждому, и ни разу не случалось, чтобы публикою овладѣвать даже и не въ значительной степени порывъ къ требованію возврата вкладовъ, а напротивъ, постоянно вносились новыхъ вкладовъ на большую сумму, чѣмъ на какую требовался возвратъ прежнихъ вкладовъ.

Если встрѣчались по временамъ затрудненія отъ причины, поясненной нами, то они могли быть отвращены на будущее время очень простымъ способомъ: слѣдовало только прекратить обращеніе на другія употребленія тѣхъ не розданныхъ въ ссуды капиталовъ, которые возникали изъ перевѣса новыхъ вкладовъ надъ возвратомъ прежнихъ вкладовъ, и должны были оставаться въ банковской наличности. При соблюденіи этой осторожности, соответствующей точному смыслу уставовъ банковыхъ учрежденій въ цѣломъ свѣтъ, наличность нашихъ банковъ быстро возрасла бы до цифры, вполне обезпечивающей ихъ на случай какого угодно стремительнаго порыва публички къ требованію возврата вкладовъ. Для устраненія такихъ опасеній, для избавленія государственнаго казначейства отъ всякой надобности оказывать банкамъ заемобразныя пособія, *не нужно было никакихъ преобразованій*, достаточно было поставить себѣ принципомъ не уклоняться отъ основнаго правила банковыхъ уставовъ.

Но повторяемъ: *реально не существовала* та опасность внезапнаго востребованія вкладовъ на огромныя суммы, которая выставлялась

причиною надобности въ банковыхъ преобразованіяхъ. Каждому извѣстно, каковы были лица, которымъ принадлежало $\frac{9}{10}$ или, вѣрнѣе сказать, $\frac{99}{100}$ изъ всей суммы вкладовъ: это были люди, столь чуждые всякой мысли усомниться въ исправности банковыхъ уплатъ, что никогда никакими силами нельзя было никому поколебать въ нихъ безусловнѣйшаго довѣрія къ банкамъ: когда само правительство стало доказывать непрочность положенія банковъ, они долго и тутъ не вѣрили словамъ самихъ банковыхъ установленій: мысль о недовѣрії просто не укладывалась въ головы этихъ людей, какъ не укладывается въ головы значительной части ихъ мысль, что земля стоитъ не на трехъ китахъ. Если бы сами банки не стали говорить имъ: „вы не должны вѣрить намъ“, эти люди развѣ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ могли бы просвѣтиться въ экономическомъ отношеніи до того, чтобы замѣтить разницу между банковыми билетами и звонкою монетою. Какъ вы полагаете, скоро ли проникнетъ въ наше общество сомнѣніе относительно справедливости того общаго въ немъ убѣжденія, что ржаной хлѣбъ питательнѣе пшеничнаго, или что „у бабы волосъ долоть“ и пр.? — а пока умственное состояніе общества не допускаетъ поколебаться этимъ прапрадѣдовскимъ истинамъ, никакъ не могла бы поколебаться и та завѣщанная прапрадѣдами истина, что такъ-называемые ломбардные билеты не только совершенно равносильны золоту, а даже лучше его: потому что звонкая монета можетъ быть потеряна, украдена, а банковый билетъ никакъ не можетъ пропасть, если владѣлецъ помнитъ его номеръ. Мы рѣшительно утверждаемъ, что на той степени экономическаго воспитанія, съ которой могла бы сдвинуться наша публичная жизнь черезъ десятки лѣтъ, ожидать отъ нея недовѣрія къ банкамъ или какого нибудь порыва къ требованію возврата вкладовъ, по недовѣрію къ нимъ, было такъ же напрасно, какъ ожидать, что перестанетъ эта публичка играть въ карты, любить жирныя кушанья, восхищаться рысаками.

Но кромѣ опасенія, что вернуть вкладовъ можетъ потребоваться по недовѣрію, — кромѣ этого опасенія, совершенно не соответствующаго нашимъ правамъ, — приводилось и другое основаніе ожидать такого требованія: года четыре тому назадъ, нашимъ обществомъ овладѣлъ порывъ къ составленію акціонерныхъ компаній. Люди могли потребовать возврата своихъ взносовъ и безъ всякаго недовѣрія къ банкамъ на оплачиваніе акцій. Примемъ сначала это соображеніе въ полной силѣ, въ какой выставляется оно: посмотримъ, могло ли и въ такомъ случаѣ возбуждать оно серьезныя опасенія за средства нашихъ банковъ по возврату взносовъ. У насъ много говорятъ о странномъ количествѣ капиталовъ, пошедшихъ на акціонерныя общества во время нашей акціонерной горячки. Посмотримъ, каковы на самомъ дѣлѣ цифры. По списку акціонерныхъ обществъ, перепечатанному въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1861 г. изъ „Журнала для акціонеровъ“, мы видимъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1856 до конца 1859-го, было основано 79 акціонерныхъ обществъ. Въ томъ числѣ было 7 компаній для построенія желѣзныхъ дорогъ. Изъ нихъ по уставу громаднѣй капиталъ имѣли: общество московско-саратовской дороги (45 милл.) и въ особенности главное общество россійскихъ дорогъ (капиталъ въ 275 милл. съ правомъ выпуска облигацій на 35 милл. всего 310 милл.). Остальные пять обществъ (варшавско-вѣнской, вар-

шавско-бромбергской, рижско-динабургской, волжско-донской и московско-ярославской желѣзныхъ дорогъ) требовали всей суммы капитала на 31,650,000. Если хотите, можно сказать на первый взглядъ, что общее количество капиталовъ, требовавшееся компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, было громадное, — итогъ простирается до 392,650,000, — почти до 400,000,000 рублей. Но вѣдь эта цифра годится только для щегольства въ газетныхъ объявленіяхъ и въ прогрессивныхъ фельетонахъ. Начать съ того что почти $\frac{4}{5}$ доли изъ общаго итога принадлежать одному главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но вѣдь главными основателями его были иностранные банкиры; главными помѣщеніями акцій предназначились быть парижская, амстердамская, лондонская и другія заграничныя биржи, а въ Россіи сами основатели надѣялись помѣстить лишь $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть капитала. У насъ много говорили, что почти всѣ акціи перешли потомъ въ Россію. Но на послѣднемъ общемъ собраніи, происходившемъ въ прошломъ году, громадный перевѣсъ количества акцій, предъявленныхъ иностранными капиталистами надъ количествомъ русскихъ акцій, доказалъ совершенную неосновательность такого слуха. Много, много, если положить, что на долю Россіи приходится изъ 310 милліоновъ общей суммы хотя 100 милліоновъ. Идемъ далѣе. По контракту общество обязывалось кончить постройку дорогъ въ 10 лѣтъ; стало быть на 10 лѣтъ распредѣлялось и требованіе капитала: на нашу долю приходилось много-много милліоновъ по 10 въ годъ. Это предположеніе по всей вѣроятности все еще слишкомъ высоко; но остановимся на немъ. И такъ положимъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдовало ожидать въ Россіи затраты на главное общество желѣзныхъ дорогъ милліоновъ по 10 въ годъ, а за четыре года милліоновъ до 40.

Затѣмъ другая колоссальная компанія московско-саратовская основалась лишь въ 1859 году и, какъ теперь видно, только на бумагѣ отличалась громадностью капитала, а на самомъ дѣлѣ успѣла собрать до 1860 года лишь 3 милліона рублей.

Изъ другихъ пяти дорогъ, по щеголяющихъ колоссальными цифрами въ своемъ уставѣ, варшавско-вѣнская и варшавско-бромбергская, конечно ни мало не адресуются къ почтеннымъ вкладчикамъ россійскихъ банковыхъ учрежденій. Едва ли много разсчитывала на этихъ почтенныхъ вкладчиковъ и рижско-динабургская дорога. Всѣ три вмѣстѣ они имѣютъ капиталъ въ 25,000,000 рублей: объ этихъ деньгахъ намъ нечего говорить, они нашихъ банковъ не касаются.

Остаются двѣ компаніи съ патріотическими разсчетами — московско-ярославская и волжско-донская съ капиталомъ 12,050,000. Изъ нихъ московско-ярославская до 1860 года успѣла собрать по своимъ акціямъ 810,000 рубл., а волжско-донская 3,200,000, всего 4,100,000 рублей.

Подведемъ же теперь итогъ затратъ русскаго капитала на желѣзныя дороги въ теченіе четырехъ лѣтъ, отъ начала нашей акціонерной горячки до начала прошлаго года, когда горячка эта уже миновалась.

Главное общество, примѣрно и по всей вѣроятности гораздо больше дѣйствительныхъ

взносовъ	40,000,000
Московско-саратовская дорога	3,000,000

Рижско-донская и московско-яро-	
славская	4,100,000
Итого	47,100,000

По разложенію на 4 года приходится менѣе 12 милліоновъ въ годъ.

Посмотримъ теперь на всѣ остальные акціонерныя общества, за исключеніемъ компаній желѣзныхъ дорогъ, на первый взглядъ запугавшихъ насъ Богъ-знаетъ какими громадными цифрами, а на дѣлѣ оказавшихся или не слишкомъ требовательными или не слишкомъ успѣшными въ сборѣ нашихъ денегъ. Капиталъ всѣхъ остальныхъ обществъ за всѣ четыре года едва равняется $\frac{1}{5}$ части блистательнаго итога, предъявленнаго компаніями желѣзныхъ дорогъ. Вотъ списокъ этихъ остальныхъ обществъ по годамъ

годы	Число основан- ныхъ компаній.	Сумма капитала ихъ
1856	5	14,500,000 р.
1857	11	9,770,000
1858	35	41,175,000
1859	23	17,450,000
Итого	65	82,895,000 р.

Это ужъ не Богъ-знаетъ какъ страшно,—милліоновъ по 20, по 21 въ годъ. Но вѣдь это акціонерныя компаніи опять только написали на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ были гораздо скромнѣе. Лишь немногія общества собрали полный взносъ по всему количеству акцій,—иныя выпустили не все число акцій, другія взяли по выпущеннымъ акціямъ лишь часть полной цѣны, а было много и такихъ обществъ, которыя только поторговались, да и остались съ тѣмъ же, не продавъ ни одной акціи, не взявъ ни копѣйки,—такъ и остались въ идеальномъ существованіи. Вотъ счетъ количества денегъ, дѣйствительно собранныхъ акціонерными компаніями (за исключеніемъ компаній желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ мы говорили выше).

Общества, основан- ныя въ годахъ	Успѣли собрать де- негъ до начала 1860
1856	9,000,000
1857	4,988,100
1858	16,882,000
1859	727,500
Итого	31,597,600 р.

Позвольте однако, это еще не все. Есть въ списокѣ 6 такихъ обществъ, которыя пытались было выпускать акціи, прося взносомъ—иные р. по 50, иныя р. по 25 на акцію, но о которыхъ неизвѣстно, по сколькимъ акціямъ успѣли они собрать эти умѣренныя количества синенькихъ и красенькихъ кредитныхъ билетовъ, акціи которыхъ такъ и остались безвѣстны биржевымъ маклерамъ, —ну, что намъ скупиться,—вѣдь расходъ нашъ оказывается очень

невеликъ: положимъ, что мы дали этимъ застѣнчивымъ обществамъ тысячекъ сотни 4 съ хвостикомъ, чтобы ужь вышелъ крупный счетъ — 32 милліона за 4 года.

Но только опять, позвольте, —мала цифра у насъ вышла, а все-таки больше настоящей. У вѣкоторыхъ обществъ есть акціи, оплаченныя разными суммами, —не зная, сколько ихъ оплачено по такой цѣнѣ, мы всѣ считали по одной высшей суммѣ. А кромѣ того, какъ вы полагаете, не существуетъ ли и такихъ обществъ, у которыхъ акціи господа учредителей и оказываются въ отчетахъ оплаченными, хотя господа учредители и директора еще не нашли надобности внести по нимъ деньги? Надобно бы сдѣлать какую нибудь скидку за эти два обстоятельства, —но Богъ съ ними, что тутъ намъ скряжничать: пусть остается хоть на бумагѣ кругленькая, полненькая цифра 32 милліона, до которой не достигали взносы въ суровой, скупой дѣйствительности.

Ну-съ, такъ сколько же переплатили мы акціонернымъ компаніямъ въ 4 года своего акціонернаго усердія?

По обществамъ желѣзныхъ дорогъ, никакъ не больше, а навѣрное гораздо меньше . .	47,100,000
По остальнымъ акціонернымъ обществамъ, навѣрное меньше	32,000,000
Итого, навѣрное гораздо меньше . . .	80,000,000

Теперь, если положить, что всѣ эти взносы непременно должны были произойти черезъ востребованные изъ банковъ вклады, все-таки банкамъ никакъ нельзя было ихъ опасаться, не только въ томъ случаѣ, если была у банковъ 1 января 1856 года наличность, но если бъ не было и ровно никакой наличности, лишь бы принять имъ то правило, о которомъ говорили мы выше —прекратить обращеніе на другія назначенія тѣхъ суммъ, которыя возникали изъ перевѣса вкладовъ надъ востребованіями и которыя должны были оставаться въ банковской наличности. Дѣйствительно, размѣръ взносовъ въ акціонерныя общества былъ постоянно менѣе такого перевѣса, пока не начали банки дѣлать чрезвычайныя усилія для уничтоженія этого перевѣса, для принужденія вкладчиковъ прекратить новые вклады и востребовать назадъ прежніе вклады.

Къ 1 января 1853 года, сумма вкладовъ въ нашихъ кредитныхъ учрежденій была —	806,083,233
А къ 1 января 1856 года.	924,681,639

За три года перевѣсъ вкладовъ надъ вос- требованіями составлялъ.	118,598,406
то есть, въ годъ среднимъ числомъ около	40,000,000

Тоже самое продолжалось до самой эпохи пониженія банковыхъ процентовъ. Теперь, если мы предположимъ, что рѣшительно всѣ суммы, по-

шедшія на взносы въ акціонерныя общества (менѣе 80 милліоновъ въ 4 года) составлялись бы изъ денегъ, которыя иначе пошли бы въ банки, или которыя уже лежали въ банкахъ, все-таки оставался бы въ эти годы значительный перевѣсъ новыхъ вкладовъ въ банки надъ востребованіями,—вѣдь перевѣсъ этотъ безъ такого уменьшенія составлялъ бы милліоновъ по 40 въ годъ, а на новое занятіе требовалось меньше 20 милліоновъ въ годъ, стало быть и за вычетомъ его оставался бы перевѣсъ новыхъ вкладовъ надъ востребованіями милліоновъ по 20 въ годъ.

Но вѣдь каждому извѣстно, что если сверхъ одного прежняго помѣщенія для сбереженій открывается еще другое помѣщеніе, то не вся сумма, обращающаяся на второе помѣщеніе, составляетъ изъ отклоненныхъ отъ прежняго помѣщенія капиталовъ, а обыкновенно, значительная часть ея составляетъ безъ всякаго ущерба прежнему помѣщенію, черезъ усиленіе сбереженій, благодаря двойной привлекательности двойнаго помѣщенія. Положимъ, напримѣръ, что возникало въ Россіи пароходство.—деньги, пошедшія на постройку пароходовъ, вовсе не были отвлечены отъ прежняго занятія постройкою экипажей. Телѣтъ, саней, фуръ и т. д. продолжало строиться не менѣе прежняго оттого, что стали строиться пароходы. Или положимъ, что въ некоторыхъ мѣстностяхъ, имѣвшихъ капиталы въ кожевенномъ производствѣ, начали бить подсолнечное масло—кожевенное производство ни мало не потеряло отъ этого: сумма шедшихъ на него капиталовъ не уменьшилась, а на маслостроеніе производство пошелъ новый капиталъ, не отнятый ни отъ кожевеннаго, ни отъ какого другаго прежняго производства. Случаи, въ которыхъ капиталъ шелъ бы на новое помѣщеніе изъ прежняго, бываютъ довольно рѣдки. да и въ нихъ количество перемѣщеннаго капитала составляетъ почти всегда лишь меньшую половину всей суммы капитала, занятаго новымъ помѣщеніемъ, а большая часть этого капитала берется изъ новыхъ сбереженій, еще не имѣвшихъ никакого помѣщенія.

Перелагая эти общіе выводы политической экономіи на простой языкъ въ примѣненіи къ нашему дѣлу, мы видимъ, что при возникновеніи у насъ акціонерной горячки надобно было ожидать слѣдующаго хода дѣлъ. Надобно было ожидать, что къ помѣщенію денегъ въ акціонерныя компаніи будутъ привлечены по преимуществу люди, которые занимались прежде подобными же болѣе или менѣе рискованными оборотами, общающимися въ случаѣ успеха прибыли, гораздо большую вѣрнаго банковаго процента: что главнымъ источникомъ взносовъ за акціи будетъ прибыль, получаемая этими оборотливыми лицами отъ прежнихъ ихъ предпріятій, которыхъ они не бросаютъ; что приманкою высокаго процента, общаемаго акціонерными компаніями, будутъ возбуждены также сберегать для покупки акцій часть своихъ доходовъ люди, которые прежде растрчивали весь доходъ свой: но что изъ лицъ, предпочитавшихъ вѣрный банковый процентъ высшему проценту рискованныхъ оборотовъ и хлопотливыхъ или невѣрныхъ помѣщеній, очень мало найдется такихъ, которые отвлекутся отъ банковъ акціонерными обществами. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ насъ неизвѣстно, что кто желаетъ хлопотать или рис-

ковать, всегда могъ получать у насъ на свой капиталъ болѣе 10% дохода? что болѣе 8% дохода давали ссуды частнымъ лицамъ подъ самое вѣрное обезпеченіе? что испоконъ вѣка каждый предполагавшійся имѣющимъ деньги былъ осаждаемъ людьми, предлагавшими ему помѣстить свой капиталъ на очень выгоднымъ и обезпеченныхъ вѣрнымъ залогомъ условіяхъ? Кто удерживался отъ этихъ привлекательныхъ помѣщений, кто предпочиталъ имъ банкъ, тотъ уже былъ надежный приверженецъ банка; какая бы ни была акціонерная горячка, она могла заразить развѣ слишкомъ немногихъ изъ такихъ людей. Оно дѣйствительно такъ и было. Громадное большинство акціонеровъ новыхъ компаній навербовалось изъ оборотливыхъ людей или горячихъ людей, никогда не клавшихъ денегъ въ банки; громадная же масса банковыхъ вкладчиковъ дала лишь незначительную пропорцію въ разрядъ акціонеровъ. Это извѣстно каждому. Такимъ образомъ изъ 80 милліоновъ рублей, пошедшихъ въ 4 года на акціонерныя общества, лишь меньшая половина была или вынута изъ банковъ, или была удержана отъ поступленія въ банки; значительнѣйшая часть акціонернаго капитала сформировалась безъ всякаго ущерба для банковыхъ взносовъ. Мы видѣли, что при отнятіи у банковыхъ взносовъ всей этой суммы 80 милліоновъ въ 4 года, банки все-таки имѣли бы ежегодно большой перевѣсъ новыхъ вкладовъ надъ востребованіями. Тѣмъ болѣе былъ перевѣсъ въ дѣйствительности, когда не по 20, а развѣ по 7 или 8 милліоновъ въ годъ шло бы на акціонерный капиталъ съ убылью банковымъ взносамъ.

Погодите, это еще не все. Пошло на акціонерныя общества менѣе 80 милліоновъ рублей въ 4 года, изъ нихъ лишь меньшая половина могла идти съ ущербомъ для банковыхъ взносовъ, — но неужели вы думаете, что и до этихъ суммъ дошелъ бы размѣръ затратъ на акціи, если бы не были приняты самимъ правительствомъ сильныя мѣры къ увеличенію затратъ на акціи? Въ рѣчи г. министра финансовъ, 13 сентября 1860 года, совершенно справедливо говорится: „мѣра эта (пониженіе банковаго процента) возбудила чрезвычайное развитіе акціонерныхъ предпріятій и стремленіе къ покупкѣ акцій и фондовъ“. Каждый изъ насъ засвидѣтельствуетъ, что слова г. министра финансовъ съ совершенною точностью выражаютъ ходъ дѣла. Если кто не хочетъ вполне довѣрять своему личному впечатлѣнію и словамъ, которыя слышалъ тогда отъ каждого, тотъ можетъ провѣрить ихъ цифрами, — цифры совершенно подтверждаютъ характеристику дѣла, представленную г. министромъ финансовъ и соответствующую всеобщему тогдашнему впечатлѣнію.

Въ два года, 1856 и 1857, основано было (кромѣ компаній желѣзныхъ дорогъ) 16 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 24.270.000 рублей. Надобно замѣтить, что уже и въ этотъ двухлѣтній періодъ входятъ слишкомъ пять мѣсяцевъ времени, подвергавшагося вліянію пониженнаго банковаго процента (въ первый разъ онъ былъ пониженъ, по той же рѣчи г. министра финансовъ, въ іюлѣ 1857 года). Конечно, и тутъ уже есть нѣкоторая доля капитала, принужденнаго обратиться въ акціонерныя общества только пониженіемъ банковаго процента. Кромѣ того, въ числѣ обществъ этого періода находится Общество русскаго общества пароходства и торговли,

основавшееся только благодаря прямому содѣйствію правительства, принявшаго на себя значительную часть взноса по акціямъ и даваго обществу очень значительный ежегодный доходъ. Не имѣя права считать русское общество пароходства и торговли возникшимъ изъ силы влеченія собственно частныхъ людей къ акціонернымъ предпріятіямъ, мы должны исключить его изъ счета, опредѣляющаго эту силу. Остается 15 обществъ съ капиталомъ въ 15.270.000 рублей, изъ которыхъ, какъ мы замѣтили, часть произошла уже отъ пониженія банковыхъ процентовъ.

Но если и не считать этого вліянія, уже обнаруживавшагося, если развитіе частныхъ акціонерныхъ обществъ за всѣ эти два года приписывать собственно влеченію публики, независимому отъ банковской реформы, все таки мы увидимъ чрезвычайно сильное вліяніе пониженнаго банковаго процента въ числѣ и капиталѣ акціонерныхъ обществъ, возникшихъ въ слѣдующіе два года. Въ 1858 и 1859 гг. (опять за исключеніемъ компаній желѣзныхъ дорогъ) основалось акціонерныхъ обществъ 58 съ капиталомъ въ 58.625.000 рублей. Сличеніе двухъ періодовъ обнаружить намъ силу, съ какою подѣйствовало на развитіе акціонерныхъ обществъ пониженіе банковаго процента.

Годы.	Число обществъ.	Капиталъ ихъ.
1856—1857	15	15,270,000
1858—1859	58	58,625,000

Цифры втораго двухлѣтія почти въ четыре раза больше цифръ перваго двухлѣтія. Слишкомъ $\frac{2}{3}$ развитія акціонернаго капитала въ 1858 и — 59 гг. мы смѣло можемъ приписать вліянію пониженнаго банковаго процента.

Мы видѣли, что въ теченіе четырехъ лѣтъ (1856—1859 г.), всѣми акціонерными обществами, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, было собрано менѣе 32 милліоновъ, и около 7 милліоновъ было собрано, за исключеніемъ главнаго общества, тѣми обществами желѣзныхъ дорогъ, которыя дѣйствовали на прострaнствѣ, на которомъ могли встрѣчаться съ нашими банковыми учрежденіями. Все это составляетъ менѣе 40 милліоновъ. Въ этой суммѣ около половины произошло прямо отъ пониженія банковаго процента, и развѣ 20 милліоновъ были бы обращены на эти дѣла безъ такого пониженія. Прибавьте столько же, если хотите вдвое больше, на покупку акцій и облигацій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, все таки оказывается, что на акціонерное дѣло, безъ возбужденія со стороны правительства, пошло бы не больше, какъ отъ 10 до 15 милліоновъ рублей въ годъ, а изъ нихъ едва ли не половина составила бы черезъ отвлеченіе вкладовъ отъ нашихъ банковъ. А безъ пониженія банковыхъ процентовъ сумма привычнаго перевѣса вкладовъ надъ востребованіями, сумма, изъ которой шелъ бы этотъ вычетъ, простиралась бы милліоновъ до 40 въ годъ, то есть за вычетомъ всѣхъ суммъ, отвлекаемыхъ акціонерными дѣлами, оставался бы перевѣсъ вкладовъ надъ востребованіями милліоновъ до 30 въ годъ.

Потому-то мы и говорили, что если бы въ нашихъ банкахъ къ 1 января 1856 года даже и вовсе не было никакой наличности, все таки не было бы имъ никакого опасенія затрудниться въ требуемыхъ уплатахъ, лишь бы

только захотѣли соблюдать они непремѣнное условіе порядка во всякихъ банковыхъ дѣлахъ: рѣшились они не давать никакихъ другихъ назначеній суммамъ, которымъ, по обыкновенному банковому порядку, слѣдовало бы оставаться въ ихъ кассахъ: одинъ уже перевѣсъ вкладовъ надъ востребованіемъ вкладовъ, съ постепеннымъ образованіемъ и увеличеніемъ кассовой наличности, которая, начавшись 1 января 1856 года отъ нуля, далеко превзошла бы къ 1 января 1860 года сумму 100 милліоновъ. При нравахъ нашего общества, при непоколебимомъ довѣріи его къ банкамъ, нечего было опасаться востребованія вкладовъ, въ размѣрѣ, затруднительномъ для кассъ, какова бы ни была наличность ихъ въ ту минуту, съ которой рѣшились бы банки строго слѣдовать обозначенному нами условію.

Но въ противоположность мотиву, напрасность котораго мы старались показать, выставился для банковыхъ реформъ еще другой мотивъ, прямо не совмѣстный съ первымъ. Говорилось, что банки не въ состояніи будутъ удовлетворить востребованію вкладовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ говорилось, что банки обременены чрезмѣрнымъ накопленіемъ кассовой наличности, которой уже не находится помѣщенія, которая лежитъ въ банкахъ напрасной тяжестью. между тѣмъ какъ должны банки производить уплату процентовъ по вкладамъ, изъ которыхъ составилаь эта чрезмѣрная наличность. Мы видѣли изъ доклада о банковыхъ преобразованіяхъ, что сумма капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды, составляла въ 1857 году свыше 180 милліоновъ рублей серебромъ.

Если бы слѣдовало рѣшать, какъ должны дѣйствовать банки подъ совмѣстнымъ вліяніемъ обоихъ этихъ мотивовъ, — подъ вліяніемъ опасенія, что не достанетъ у нихъ денегъ на требуемая уплаты, и подъ вліяніемъ обремененія своего громадными наличными суммами, которыхъ некуда имъ дѣвать при всемъ желаніи сбыть съ рукъ, — разрѣшить такую дилемму было бы невозможно, какъ невозможно было бы дать никакого совѣта человѣку, который въ одно время жаловался бы на чрезмѣрную свою полноту и на чрезмѣрную свою сухощавость. Къ счастью, мы надѣемся показать, что положеніе дѣлъ не было такъ безвыходно. Пугавшая насъ опасность востребованія вкладовъ въ размѣрѣ затруднительномъ для банковыхъ кассъ вѣроятно уже разсѣялась, и съ этой стороны читатель конечно успокоился. Теперь мы посмотримъ на минимую безвыходность обстоятельства, выставлявшагося другимъ мотивомъ для безотлагательныхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Сначала мы предположимъ, что дѣйствительно нельзя было бы уже пайти никакого выгоднаго помѣщенія для капиталовъ, затруднявшихъ банкъ своимъ чрезмѣрнымъ накопленіемъ. Трудно ли было бы банкамъ выносить нѣсколько лѣтъ такое обремененіе? Количество вкладовъ 1 января 1857 года, — года, къ которому относится разсматриваемый нами мотивъ, — должно было составлять 1,024,170,882 рубля *). Перевѣсъ востребованій надъ новыми вкладами простирался въ этомъ году только на 11,299,690 рублей, а коли-

*) Эту цифру мы выводимъ изъ слѣдующихъ данныхъ отчета г. министра финансовъ за 1857 годъ. Вклады къ концу этого года остались 1,019,871,192 рубля, а подъ вліяніемъ пониженаго въ половинѣ того года процента въ теченіе всего года истребовано было вкладовъ на 11,299,690 рублей болѣе, чѣмъ было внесено.

чество ссудъ оставалось въ теченіе этого года почти неизмѣннымъ, какъ и въ два предшествующіе и слѣдующій годъ *). Изъ этого видимъ, что тяжесть чрезмѣрнаго капитала, оставшагося нерозданнымъ въ ссуды, выставленная обремененіемъ для банковъ въ первую половину этого года, не могла значительно уменьшиться до самаго конца его. Такимъ образомъ, со стороны этой обременительности, весь 1857 годъ былъ самымъ тяжелымъ для нашихъ банковъ. Однако же, изъ отчета г. министра финансовъ за этотъ годъ мы видимъ, что прибыль, полученная нашими банками въ этомъ году, простиралась до 5,205,483 рублей. Положеніе, которое, при всѣхъ жалобахъ на его обременительность, оставляло банковымъ учрежденіямъ 5 милліоновъ прибыли въ самый тяжелый годъ, еще могло бы выносить отерочку, хотя бы и не представлялось никакой возможности найти выгодное помѣщеніе для капиталовъ, лежавшихъ безъ употребленія и давнишнихъ банки обязательствомъ уплаты процентовъ по нимъ.

Но неужели трудно было найти выгодное помѣщеніе для этихъ нерозданныхъ въ ссуды капиталовъ, такъ, чтобы они, оставаясь наготовѣ для уплаты по первому востребованію вкладовъ, — востребованію, котораго нельзя было ждать безъ пониженія банковыхъ процентовъ, — съ тѣмъ вмѣстѣ приносили банкамъ доходъ, съ излишкомъ покрывающій уплату по нимъ процентовъ вкладчикамъ. Каждому извѣстно, что если въ банкѣ накапливается наличность, имѣющая вѣроятность оставаться въ кассѣ довольно долгое время, то банкъ обмѣниваетъ эту наличность на какіе нибудь фонды, имѣющіе твердый курсъ и могущіе быть во всякое время реализованными на биржѣ. Нашимъ банкамъ стоило только прибѣгнуть къ этому извѣстному способу. Ближе всего было бы покупать облигаціи собственныхъ нашихъ займовъ, фонды нашихъ виѣшнихъ пяти-процентныхъ займовъ по среднему курсу около 110. Положимъ, что изъ капитала свыше 180 милліоновъ рублей, тяготившаго наши банки своею излишнею наличностью, было бы на это обращено 150 милліоновъ рублей, — мы такъ только говоримъ, не зная, какая часть всей накопившейся суммы считалась излишнею, а какая дѣйствительно нужною для кассовой наличности, — мы только для примѣра полагаемъ, что присутствіе 30 милліоновъ слишкомъ въ наличныхъ деньгахъ вѣроятно не было бы для кассъ слишкомъ стѣснительно, и только уже остальные 150 милліоновъ казались излишними и стѣснительными, а впрочемъ берите какую хотите долю лишняго и не лишняго, расчетъ будетъ тотъ же самый. И такъ положимъ, что лишними, обременительными были 150 милліоновъ рублей, что вышло бы при ихъ обращеніи на покупку пяти-процентныхъ фондовъ нашихъ виѣшнихъ займовъ.

Полагая фонды купленными по среднему курсу 110, всего было бы куплено фондовъ на сумму по нарицательной цѣнѣ 136,363,636 рублей; на нихъ по пяти-процентовъ банковыя кассы платили бы дохода 6,818,182 р.

*) Къ 1 января 1856 года количество ссудъ было 1,039,522,255 рублей, а къ 1 января 1859 года 1,038,199,531 рубль.

А за 150 миллионѣвъ вкладѣвъ, употребленныхъ на эту покупку, банковыя кассы платили бы вкладчикамъ по 4%о, всего	6,000,000 р.
--	--------------

Въ остаткѣ было бы чистой прибыли банкамъ.	818,812 р.
--	------------

Если бы принять такой способъ занятія для излишней части капиталѣвъ, не помѣщающихся въ ссуды, то очевидно, что банки наши не стѣснялись бы и не обременялись бы никакимъ накопленіемъ капиталѣвъ: тѣмъ больше прибыли, чѣмъ больше накопляется въ нихъ вкладѣвъ.

Могутъ возразить противъ частнаго помѣщенія, приведеннаго нами въ примѣръ. Это какъ кому угодно. Банки наши имѣли очень широкій просторъ выбора между разными фондами, и очень много можно было найти такихъ, которые, при самой высокой твердости курса, давали процентъ выше процента 4, уплачивавшагося нашими банками по вкладамъ. На одной парижской биржѣ обращается собственно французскихъ процентныхъ бумагъ на сумму болѣе 5.000 миллионѣвъ рублѣй серебромъ: еще больше размѣръ фондѣвъ, обращающихся на лондонской биржѣ. Выборъ можно было дѣлать изъ всей этой громадной массы помѣщенія. Вторая половина 1857 года и 1858 годъ почти до самаго конца были временемъ, особенно благопріятнымъ для подобныхъ оборотовъ. Тогдашній коммерческій кризисъ понизилъ цѣну фондѣвъ на всѣхъ западныхъ биржахъ, такъ что, купивъ ихъ тогда, можно было смѣло ожидать значительнаго выигрыша при реализаціи, въ какую бы минуту не понадобилось потомъ реализовать ихъ. Впрочемъ, напрасно мы и доказываемъ возможность этого способа имъ получать не убытокъ, а прибыль отъ накопленія денегъ въ кассахъ: вѣдь онъ не былъ неизвѣстенъ нашимъ банкамъ, напротивъ, употреблялся ими: такъ въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ мы читаемъ, что къ 1 іюля 1859 года изъ наличности банковыхъ кассъ, простиравшейся до 71,167,172 р., находилось въ „публичныхъ фондахъ“ 47,825,172 р.

Довольно было бы знать этотъ способъ помѣщенія наличныхъ капиталѣвъ, чтобы отстранялась всякая мысль о безвыходности положенія, въ которое, какъ намъ говорятъ, становились наши банки чрезмѣрнымъ накопленіемъ въ нихъ вкладѣвъ, остававшихся не розданными въ ссуды. Но въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ мы сверхъ того находимъ очень вѣрное указаніе на другой способъ помѣщенія, столь же выгодный для банковыхъ учреждений, сколько благотѣльный для государства. Вотъ слова доклада: „выкупъ крестьянскихъ угодій не можетъ совершиться безъ помощи кредита“. Распространиться объ этомъ предметѣ —мы считаемъ дѣломъ излишнимъ: безъ всякихъ объясненій каждому понятно, что чѣмъ больше могло собраться свободныхъ денегъ въ нашихъ банкахъ для обращенія на эту цѣль, тѣмъ лучше было для государства и выгоды для самихъ банковъ, потому что при назначеніи свободнымъ деньгамъ этого занятія они могли бы не оставаться праздными ни одного дня.

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія доказывать, что прежнія наши банковыя учрежденія были образцомъ совершенства и не имѣли очень важныхъ

недостатковъ, исправленіе которыхъ могло бы совершиться съ большою пользою для государства. Мы хотѣли только показать, что ихъ положеніе въ началѣ 1858 года вовсе не было отчаяннымъ, непремѣнно требовавшимъ наискорѣйшей реформы, не взирая ни на какія обстоятельства, не щадя никакихъ усилій; мы старались показать, что напрасно было опасеніе, что потребуются возвратъ вкладовъ въ размѣрѣ, превышающемъ средства, какими располагали бы кассы банковъ при соблюденіи основного правила всѣхъ банковыхъ учреждений, по какой бы то ни было системѣ устроенныхъ, и что съ другой стороны накопленіе вкладовъ легко могло быть изъ затрудняющаго обстоятельства обращено въ источникъ прибыли для банковъ и въ средство къ совершенію реформы сельскихъ отношеній, приступить къ которой намѣревалось тогда правительство.

Посмотримъ теперь, каковы были результаты банковыхъ преобразованій, мотивами къ которымъ выставлялись два разсмотрѣнные нами обстоятельства, — опасеніе за то, что кассы банковъ могутъ оскудѣть отъ переизбытка востребованій надъ вкладами, и мнѣніе объ обременительности чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ въ банковыхъ кассахъ отъ постоянного огромнаго перевѣса вкладовъ надъ востребованіями.

Сущность этихъ преобразованій извѣстна: банковый процентъ былъ пониженъ, — сначала съ 4 на 3, потомъ, когда такое пониженіе оказалось не производящимъ достаточно общирнаго или быстраго дѣйствія, процентъ былъ пониженъ съ 3 на 2. Первое пониженіе произведено было въ іюлѣ 1857 года, второе черезъ 25 мѣсяцевъ, 1 сентября 1859 года. Вместе съ тѣмъ, прежнимъ вкладчикамъ, не желавшимъ ни оставлять свои вклады по пониженному проценту, ни вынимать ихъ изъ банковъ предоставлено было право обмѣнивать прежніе билеты, по которымъ возвратъ вкладовъ производился безотлагательно по предъявленіи, на новые билеты съ болѣе или менѣе отдаленнымъ срокомъ выкупа или съ безвозвратнымъ помѣщеніемъ капитала. Сначала положено было по этимъ новымъ билетамъ 4⁰/₆, потомъ, когда этотъ процентъ оказался не довольно привлекательнымъ, по 5⁰/₆. Этою совокупностью мѣръ предполагалось остановить приливъ новыхъ вкладовъ въ банки, а прежніе вклады обратить изъ условія возвратимости по первому предъявленію въ безвозвратные; и такимъ образомъ отвратить опасность „оскудѣнія“ кассъ отъ востребованія вкладовъ и избавить кассы отъ чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ.

О томъ, какой размѣръ дѣйствія имѣли эти реформы въ первые пять мѣсяцевъ, до конца 1857 года, мы не можемъ судить съ точностью: мы только знаемъ изъ отчета г. министра финансовъ, за 1857 годъ, что въ этомъ году возвратъ вкладовъ сталъ выше взноса на 11,299,690 р., между тѣмъ какъ въ прежніе годы постоянно былъ на сторонѣ взноса очень значительный перевѣсъ. Но сумма 11,299,690 р. не выражаетъ всего возврата вкладовъ, происшедшаго послѣ пониженія процента, потому что въ первые семь мѣсяцевъ года, конечно, былъ по прежнему перевѣсъ вкладовъ, и востребованіе въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ должно было сначала уничтожить этотъ паростъ вкладовъ, прибавившейся до августа въ суммѣ ихъ, бывшей 1 января, а только потомъ началось пониженіе этой суммы, дошедшее къ

мы знаемъ, до 11,299,690 рублей. Итакъ, оставляя въ сторонѣ послѣдніе 5 мѣсяцевъ 1857 года, начнемъ счетъ съ 1 января 1858 г. По отчету г. министра финансовъ,

количество вкладовъ къ 1 января 1858 г. было	1,012,871,192 р.
а (по докладу о банковыхъ преобразованіяхъ)	
оставалось къ 1 января 1859 года	967,107,041 р.

итакъ, перевѣсъ возврата въ 1858 составлялъ .	45,764,151 р.
---	---------------

Въ первые восемь мѣсяцевъ 1859 года (по рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 г.), до пониженія процента съ 3 на 2, перевѣсъ возврата составлялъ	50,279,605 р.
--	---------------

Итого съ 1 января 1858 до 1 сентября 1859 г., въ теченіе 20 мѣсяцевъ, подъ вліяніемъ пониженнаго банковаго процента 3, перевѣсъ востребованія составлялъ	96,043,756 р.
--	---------------

А съ 1 сентября 1859 г., когда процентъ съ 3 пониженъ былъ на 2, до 1 сентября 1860 г. въ теченіе 12 мѣсяцевъ, перевѣсъ возврата составилъ . .	147,233,156 р.
--	----------------

Итого	243,276,912 р.
-----------------	----------------

Присоединивъ къ этому 11,299,690 рублей уменьшенія въ количествѣ вкладовъ къ 1 января 1858 противъ 1 января 1857 года, и положивъ нѣсколько милліоновъ на уничтоженную возвратомъ въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ 1857 года прибавку вкладовъ въ первые 7 мѣсяцевъ его, мы увидимъ, что всю сумму перевѣса востребованій надъ вкладами, произведенную пониженіемъ банковаго процента, надобно считать отъ 260 до 275 или 280 милліоновъ рублей въ теченіе 37 мѣсяцевъ съ августа 1857 по 1 сентября 1860. Изъ этой суммы нѣсколько менѣе половины приходится на вліяніе перваго пониженія до 3 процентовъ въ теченіе 25 мѣсяцевъ, а нѣсколько болѣе половины приходится на вліяніе втораго пониженія до 2 процентовъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ. Вторымъ пониженіемъ слишкомъ вдвое усилено было движеніе, начатое первымъ пониженіемъ.

На вотъ любопытная черта этого движенія. Мы говорили до сихъ поръ о перевѣсѣ возврата вкладовъ надъ взносомъ. Каковъ же былъ весь размѣръ востребованія вкладовъ въ эти годы столь сильнаго дѣйствія реформъ?

До начала реформъ востребованіе вкладовъ простиралось до 200 милліоновъ ежегодно. Съ 1 января 1859 по 1 сентября 1860, въ теченіе 20 мѣсяцевъ оно простиралось до 436,540,628 рублей, то есть въ мѣсяцъ, среднимъ числомъ, до 21,800,000; а въ годъ среднимъ числомъ по 262,000,000 р.; это значитъ, что, не смотря на чрезвычайныя усилія принудить вкладчиковъ къ востребованію вкладовъ, всего лишь на 60 милліоновъ въ годъ стало больше востребованій, чѣмъ было прежде—только около 200 милліоновъ въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ были востребованы вкладчиками собственно по вліянію пониженія процентовъ; остальная сумма

востребованій въ эти 37 мѣсяцевъ, простиравшаяся приблизительно до 600 милліоновъ слишкомъ, была вынута изъ банковъ просто по вліянію прежняго натурального порядка, по которому и до банковыхъ реформъ при постоянномъ перевѣсѣ вкладовъ надъ востребованіями, востребованія простирались до 200 милліоновъ рублей въ годъ. Эта сравнительная незначительность суммы 200 милліоновъ рублей, вынутой изъ банковъ по сильнѣйшему принужденію со стороны ихъ, лучше всего показываетъ, какъ непоколебимо было довѣріе публики къ банкамъ, и какъ напрасны были опасенія, что могли бы и безъ банковыхъ реформъ оскудѣть кассы отъ какого нибудь порыва публики къ востребованію вкладовъ. Прежнее движеніе востребованій, при которомъ ежегодно оставался перевѣсъ новыхъ вкладовъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, могло быть чрезвычайными усиліями самихъ банковъ расширено отъ суммы въ 600 милліоновъ, какую имѣло бы безъ того въ эти три слишкомъ года, не больше, какъ только до суммы 800 милліоновъ. Кажется, послѣ этого не нужно и говорить, съ какимъ изумительнымъ упорствомъ публика старалась удержаться отъ востребованія вкладовъ, къ которому при нуждали ее сами банки.

Точно также изумительно упорство публики вносить вклады, отвергаемые банками. Изъ рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 г. мы видимъ, что въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ 1859 года, то есть въ теченіе послѣднихъ 8 мѣсяцевъ процента, пониженнаго до 3,—въ эти 8 мѣсяцевъ, когда вліяніе пониженнаго процента, конечно, уже совершенно развилось, дѣйствуя передъ тѣмъ уже цѣлыхъ 14 мѣсяцевъ (съ августа 1857 до конца 1858), въ эти 8 мѣсяцевъ взносы простирались до 152,065,481 р., то есть въ размѣрѣ по 19 милліоновъ въ мѣсяць или по 230 милліоновъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ прежде, до пониженія процентовъ, высшая цифра взносовъ была менѣе 250 милліоновъ (въ 1856 г.). Чрезвычайнымъ успѣхомъ оттолкнуть отъ себя взносы банки наши успѣли изъ 290 милліоновъ оттолкнуть отъ себя менѣе 60 милліоновъ, успѣли оттолкнуть отъ себя $\frac{1}{5}$ долю прежняго прилива.

Скажите же теперь, возможно ли было бояться какого нибудь затруднительнаго для банковъ порыва къ востребованію прежнихъ вкладовъ со стороны публики, которая, не смотря на чрезвычайныя принужденія со стороны банковъ увеличить востребованія и уменьшить взносъ, такъ упорно выдерживала въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ (до сентября 1859) свою укоренившуюся привычку вносить и не требовать возврата.

Если мы не ошибаемся, все это дѣло представляетъ феноменъ, безпримѣрный въ исторіи кредита. Люди говорятъ: „мы вѣримъ безусловно“, имъ говорятъ: „нѣтъ, вы не должны намъ вѣрить“. Люди по прежнему отвѣчаютъ: „нѣтъ, мы вѣримъ и вѣримъ вамъ, мы не способны къ тому, чтобы не вѣрить вамъ“; тогда заставляютъ искусственными мѣрами дѣйствовать такъ, какъ будто они потеряли довѣріе; мѣры приняты сильныя, но люди такъ упорны, что на перекоръ этимъ мѣрамъ продолжаютъ дѣйствовать по прежнему; тогда принимаются новыя еще сильнѣйшія мѣры, чтобы люди, все еще не колеблющіеся ни въ довѣрін, ни въ прежнихъ привычкахъ, были лишены физической возможности оказывать довѣріе.

Странное дѣло, понять котораго никто не могъ бы, еслибъ не служило къ нему ключемъ забвеніе различій между особенными условіями, въ которыхъ дѣйствовали наши банки, и обыкновенными требованіями западныхъ экономистовъ и биржъ отъ западныхъ банковъ, находящихся въ другомъ положеніи. Видно было, что положеніе нашихъ банковъ неудовлетворительно; мы замѣтили это въ ту знаменитую эпоху чуднаго самообличенія, когда съ такимъ шумомъ, съ такими восторгами необычайной проницательности и восторженнѣйшаго восхищенія своею способностью находить дурнымъ дурное и желать хорошаго, мы процѣживали столько мухъ, продолжая по прежнему глотать верблюдовъ, когда становые и волостные писаря, засѣдатели и квартальные были объявлены виновниками нашихъ недостатковъ и безпорядковъ, —

Когда Громека съ силой адской
Все о полиціи писалъ,
Когда въ газетахъ Вышнеградскій
О безкорыстїи объявлялъ, —

когда тысячи благороднѣйшихъ людей бросали грязью въ князя Черкаскаго за неловкую, но противъ его собственнаго расположенія, съ глубокимъ отвращеніемъ сдѣланную имъ попытку компромисса между желаніями такихъ людей, какъ онъ, и ожесточенными отсталыми людьми, а сами съ восхищеніемъ своею прогрессивностью рѣшали вопросъ въ смыслъ самыхъ крайнихъ отсталыхъ людей, когда махровою розою нашего литературнаго благородства расцвѣлъ знаменитый протестъ въ пользу евреевъ, протестъ, къ которому приложилъ руку и авторъ этихъ статей (о, какъ молоды бываютъ люди вовсе не молодыхъ лѣтъ!), когда было совершено столько другихъ подвиговъ, отличающихся такимъ же глубокимъ смысломъ. Вотъ, въ это время, какъ мы сказали, замѣчено было, что наша банковая система дѣйствуетъ неудовлетворительно. Какъ же тутъ быть, что дѣлать? Вопросъ разрѣшился очень просто — слѣдующими силлогизмами.

Когда на западѣ положеніе банка неудовлетворительно, банку грозитъ кризисъ; у насъ положеніе банковъ неудовлетворительно, слѣдовательно нашими банкамъ грозитъ кризисъ.

Итакъ надобно принять наискорѣйшія, сильнѣйшія мѣры, для предотвращенія кризиса исправленіемъ неудовлетворительныхъ сторонъ положенія. Въ чемъ же эти неудовлетворительныя стороны и какъ ихъ исправить?

Положеніе западнаго банка бываетъ опасно, когда онъ имѣетъ слишкомъ большую сумму вкладовъ, которые обязанъ возвращать по первому востребованію. Тутъ съ минуты на минуту можетъ нахлынуть публика съ требованіемъ возврата вкладовъ, кассы банковъ оскудѣваютъ въ нѣсколько мгновеній, и — хлопъ! — затворяются двери банка, онъ прекратилъ платежи, онъ обанкротился. У насъ масса подобныхъ вкладовъ имѣетъ безпримѣрную величину, чуть ли не больше всей совокупности банковъ нѣкой западной Европы. Слѣдовательно, у нашихъ банковъ смерть на носу, и смерть собственно отъ этого обстоятельства; итакъ во что бы то ни стало консолидируемъ такіе вклады, обратимъ ихъ въ долгосрочные или безвозвратные.

На западѣ положеніе банка бываетъ очень тяжело, когда приливаетъ къ нему чрезмѣрный запасъ наличности. У насъ количество вкладовъ, не находящихся себѣ помѣщенія въ прежнія ссуды, растетъ громадно,—слѣдовательно, наши банки должны чувствовать обремененіе и постараться выпустить изъ своихъ кассъ эти капиталы, какъ дѣлаютъ западные банки.

Болѣе разсуждать не о чемъ. Опасность открыта, причины ея найдены, средства къ исправленію приисканы. Оно все бы такъ, только сходными именами назывались у насъ не тѣ вещи, по какимъ судили о нашихъ вещахъ. У французовъ Мелани—ужь непремѣнно изящнѣйшая дѣвушка. А наша Меланіе выше кухарки не бываетъ; изящная барышня у насъ называется Лидіею. Такъ вотъ было и тутъ.

Вкладчики банковъ у насъ были не тѣ люди, которые называются вкладчиками банковъ,—то люди, дающіе мимолетное помѣщеніе своимъ коммерческимъ капиталамъ на мелкіе промежутки, между оборотами,—нынѣ осталось у негоціанта нѣсколько тысячъ сверхъ торговой надобности, онъ несетъ ихъ въ банкъ, черезъ мѣсяцъ вынимаетъ, черезъ два мѣсяца снова кладетъ, чтобы опять вынуть. У насъ вкладчики были люди совершенно иного класса; они соотвѣтствовали не вкладчикамъ западныхъ банковъ, а сословію, называющемуся во Франціи рентьерами; а вклады нашихъ банковъ соотвѣтствовали не вкладамъ западныхъ банковъ, а фондамъ государственнаго долга. Во Франціи, кто хочетъ обратить свою движимую собственность въ процентныя бумаги, проситъ маклера обмѣнять ему деньги на государственные фонды; у насъ такой человѣкъ отправлялся въ опекунскій совѣтъ и просилъ служащихъ въ этомъ совѣтѣ обмѣнять ему деньги на „ломбардный билетъ“. Какъ французскіе рентьеры никогда, ни при какомъ коммерческомъ кризисѣ не находятъ нужнымъ продавать свою ренту, такъ наши вкладчики никогда не думали выпускать изъ рукъ свои ломбардные билеты; ихъ процентныя бумаги, какъ процентныя бумаги французскихъ рентьеровъ, поступали въ обмѣнъ на деньги, лишь по смерти владѣльца или когда владѣлецъ рѣшался обратить свою движимую собственность въ недвижимую. Разница лишь та, что часть французской ренты находится въ рукахъ коммерческихъ людей и является на биржу, а наши ломбардные билеты никогда не являлись на нее и не могли явиться.

Изъ этого также видна будетъ разница между накопленіемъ вкладовъ у западныхъ и у нашихъ прежнихъ банковъ. Если у коммерческихъ людей долгое время остается много денегъ безъ оборота, это значитъ, что торговля и промышленность впала въ застой, а вкладчики западныхъ банковъ—коммерческіе люди, и вклады ихъ—та часть оборотнаго торговаго и промышленнаго капитала, которая остается безъ дѣла; потому накопленіе вкладовъ тамъ—признакъ торговыхъ и промышленныхъ затрудненій, угрожающихъ коммерческимъ кризисомъ. А у насъ было совсѣмъ не то: накопленіе вкладовъ просто обозначало, что люди, не занимающіеся коммерческими дѣлами—чиновники, офицеры, домовладѣльцы и т. д. начинаютъ быть разсчитливѣе прежняго, начинаютъ меньше прежняго сорить деньги, лучше прежняго беречь ихъ. Какая могла быть бѣда отъ того имъ ли самимъ, нашей ли торговлѣ и промышленности, или нашимъ банковымъ учрежденіямъ? Это явленіе просто

было слѣдствіемъ перехода значительной части нашего общества отъ дикой азіатской роскоши къ болѣ скромному европейскому образу жизни. Эти вклады соотвѣтствовали тѣмъ ассигнаціямъ, которыми наши люди съ широкими натурами закуривали встарину трубки, тому шампанскому, которое лили они встарину на каминку въ баняхъ и тѣмъ фунтамъ жемчуга, которыми обвѣшивались ихъ жены.

Читали ли вы буквальные переводы и занимались ли курьёзнымъ сравниваніемъ смысла подлинника съ русскимъ смысломъ такихъ переводовъ? Вотъ вамъ небольшой образецъ,—мы переводимъ изъ англійскаго „Экономиста“: „напрасно беретъ свое жалованье тотъ офицеръ, который не сидитъ по крайней мѣрѣ въ семь часовъ въ день въ своей конторѣ надъ бумагами“,—что за дичь такая? Нѣтъ, по-англійски оно не дичь, потому что офицеръ по-англійски значитъ чиновникъ, а департаментъ или палата называется по-англійски контора. Мы только перевели не разобравъ этихъ обстоятельствъ и потому вышло у насъ Богъ-знаетъ что.

Спора нѣтъ, и западные банки принимаютъ иногда мѣры, чтобы оттолкнуть отъ себя приливъ вкладовъ и заставить прежнихъ вкладчиковъ брать вклады назадъ. Но въ какомъ положеніи находятся западные банки, когда прибѣгаютъ къ такимъ мѣрамъ? Наличность бываетъ у нихъ больше всего количества билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе: если всѣ вкладчики явятся нынѣ же въ банкъ, нынѣ же получатъ всѣ они всѣ свои вклады назадъ чистыми деньгами, а въ кассѣ банка останутся еще груды золота. Вотъ не угодно ли, напримѣръ, взглянуть на послѣдній балансъ англійскаго банка (Bank of England) въ среду 6 февраля.

I. Билетное отдѣленіе.

Билетовъ находится въ обращеніи . . . 25.488,315 фунтовъ.

Въ кассѣ отдѣленія находится: облигацій государственнаго долга и другихъ фондовъ 15.475,000 — —

Золотой и серебряной монеты 10.013,315 — —

Итого, въ кассѣ 25.488,315 фунтовъ.

Но это одно отдѣленіе, одна зала банка; а въ другомъ отдѣлѣ въ такъ-называемомъ банкирскомъ отдѣленіи, то есть въ другой залѣ, находится еще почти на 35 милліоновъ фунтовъ денегъ и биржевыхъ бумагъ въ кассѣ.

Вотъ теперь англійскій банкъ и можетъ, когда вздумается, крикнуть своимъ вкладчикамъ: подавайте мои билеты: я хочу ихъ обмѣнивать. Онъ можетъ это сдѣлать, потому что въ той залѣ, куда придутъ вкладчики, приготовлено для нихъ въ кассѣ денегъ и фондовъ, равносильныхъ деньгамъ ровно рубль на рубль противъ всего количества находящихся у всѣхъ вкладчиковъ билетовъ, а въ соседней залѣ еще лежитъ почти по полтора рубля кассовой наличности на каждый рубль всѣхъ этихъ билетовъ.

Ну, а наше положеніе таково ли было? Ломбардныхъ и другихъ процентныхъ билетовъ выпущено было нашими банками къ тому времени, когда начинались банковыя преобразованія, на сумму болѣе 1,000 милліоновъ руб.; а кассовая наличность, по рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 года—150 милліоновъ, то есть ровно по одному рублю на 7 рублей билетовъ, призывавшихся къ предъявленію.

Это было все равно, какъ если бы англійское казначейство вдругъ стало требовать, чтобы всѣ владѣльцы облигацій государственнаго долга предъявили ихъ ему для уплаты. Денегъ у англійскаго казначейства очень много: стоитъ ему захотѣть—и получить оно въ годъ сто милліоновъ фунтовъ; ну, а что, если бы нагрянули къ нему, да еще по его же приглашенію, съ требованіемъ обмѣна на наличныя деньги владѣльцы фондовъ государственнаго долга, простирающагося до 800 милліоновъ? Но англійское казначейство этого никогда не дѣлало, никогда не сдѣлаетъ, да это и не нужно никому, да это и невозможно ему, и каждый знаетъ, что оно не въ состояніи было бы уплатить всю эту сумму. И это знаніе никому не мѣшаетъ имѣть безусловное довѣріе къ англійскому казначейству и къ фондамъ англійскаго государственнаго долга, которые не могутъ быть выкуплены англійскимъ казначействомъ не только немедленно по предъявленіи, но и въ 10 лѣтъ и въ 50 лѣтъ. Да вѣдь не въ этомъ и дѣло, не то значеніе этихъ фондовъ, чтобы они выкупаемы были казначействомъ; владѣльцы купили ихъ только затѣмъ, чтобы получать по нимъ доходъ, и никогда не будутъ имѣть другой мысли.

Точно такое же значеніе имѣли у насъ банковыя билеты. Это были ни больше, ни меньше, какъ облигаціи государственнаго займа. Назывались они не такъ, но вѣдь въ каждой землѣ, на каждомъ языкѣ есть разница въ терминологіи отъ другихъ земель. У насъ мѣщанинъ—мѣщанинъ, а у французовъ мѣщанинъ—bourgeois, значить, по-нашему, капиталистъ, фабрикантъ, домовладѣлецъ; а что по-нашему мѣщанинъ, то по-французски называется пролетарій. Мало ли разницы бываетъ въ словахъ! Потому-то наука и трудное дѣло, что одни слова заучить еще недостаточно для пониманія дѣла. Разумѣется, еще хуже не знать и самыхъ словъ,—а впрочемъ, оно можетъ быть и не хуже: тутъ по крайней мѣрѣ руководить здравый смыслъ и житейская опытность; а узнавъ слова безъ пониманія дѣла, отбиваешься и отъ этихъ руководителей, не приобрѣтая лучшаго руководителя—истинно-научнаго взгляда.

Чтобы идти банкамъ нашимъ, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ, въ ожиданіи благотворныхъ результатовъ отъ реформъ бюджета и гражданскаго быта, еще нѣсколько лѣтъ по прежнему способу безъ обремененія для казны, а напротивъ еще съ нѣкоторою прибылью для нея, безъ увеличенія массы бумажныхъ денегъ, а напротивъ еще съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ ея,—на это довольно было у нашихъ банковъ ихъ наличности; но когда приняты были мѣры, призывавшія прежнихъ вкладчиковъ къ востребованію вкладовъ, останавливавшія приливъ новыхъ вкладовъ, то, разумѣется, оказалось, что наличныхъ и вообще всякихъ собственныхъ средствъ уплаты у банковъ нашихъ недостаточно. Хотѣли избѣжать затруд-

ненія, котораго не было бы, и разом попали въ самое тяжелое затрудненіе: чувствовали чрезмѣрность количества бумажныхъ денегъ, бывшаго въ обращеніи, и принуждены были увеличить эту массу; тяготились огромностью суммъ золота и серебра, посланныхъ за границу на уплату процентовъ по вышнимъ займамъ, и сдѣлали новые вышніе займы, стали принуждены посылать золото за границу еще больше прежняго; тяготились прежними процентами по банковымъ вкладамъ и стали платить по нимъ больше прежняго. Мы беремъ данныя изъ рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 года.

Но прежде чѣмъ приведемъ ихъ, сдѣлаемъ здѣсь отступленіе, которое, можетъ быть, выгодно для насъ было бы помѣстить въ самомъ началѣ статьи. Будемъ говорить откровенно. Статья эта слишкомъ мало походитъ на панегирикъ дѣйствіямъ министерства финансовъ, но банковымъ преобразованіямъ. Проще сказать, мы сначала до конца все только о томъ и говоримъ, что преобразование было начато не съ того, ведено не такъ, какъ слѣдовало бы; что результатомъ этихъ реформъ было только приведеніе дѣла въ положеніе тяжелѣе и хуже прежняго. У насъ слишкомъ обыкновененъ пріемъ въ каждомъ неодобреніи видѣть злонамѣренность, видѣть желаніе компрометировать правительство, повредить ему. Вообще отъ подобныхъ подозрѣній авторъ статьи не намѣренъ защищаться, потому что это было бы бесполезно: какъ и чѣмъ вы можете убѣдить человѣка, что вамъ вовсе нѣтъ радости враждовать противъ него или вредить ему. Если этотъ человѣкъ считаетъ васъ сатаной? Но въ частности по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, защититься можно, потому что дѣло это такого особеннаго рода. Государственный кредитъ — такая вещь, относительно которой не можетъ существовать разницы въ желаніяхъ людей, какого бы образа мыслей ни были они обо всѣхъ другихъ дѣлахъ. Будьте вы коммунистъ или ультрамонтанецъ, революціонеръ или реакціонеръ, будьте вы хоть мормонъ или скопеецъ, все-таки вы никакъ не можете не желать упроченія и возвышенія государственнаго кредита. Государственный кредитъ это такое же дѣло, какъ урожай, какъ хорошая погода: никакія ни политическія, ни общественныя разницы мнѣній не касаются этого дѣла. Тутъ у всѣхъ одна потребность, одно желаніе.

А дѣла, въ успѣшномъ ходѣ которыхъ заинтересованъ каждый и какъ частный человѣкъ, какого бы званія ни былъ, и какъ гражданинъ, какого бы образа мыслей ни былъ, — такія дѣла никогда не могутъ быть ни въ безнадежномъ положеніи, ни даже въ положеніи, котораго нельзя было бы очень легко исправить, лишь бы только узнать, что нужно сдѣлать для ихъ исправленія. Между прочимъ, именно поэтому и предполагается нами возможность говорить о государственномъ кредитѣ съ полною откровенностью. Тутъ никто не можетъ заподозрить, что мы руководились чѣмъ нибудь, кромѣ желанія пользы самому дѣлу.

Но возвратимся къ дѣлу. Мы хотѣли изъ рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 г. извлечь данныя о томъ, каковы были результаты мѣръ, предпринятыхъ для отвращенія минимой опасности и минимой обременительности прежняго положенія нашихъ банковъ. Вотъ подлинныя слова:

„наличность банковъ, составлявшая въ іюлѣ 1857 года“ (т. е. передъ началомъ банковыхъ реформъ) „свыше 150 милліоновъ рублей, понизилась въ іюнѣ 1859 г. до 20 милліоновъ рублей“; а предстояла перспектива дальнѣйшихъ востребованій въ очень большомъ размѣрѣ. Въ рѣчи г. министра финансовъ это положеніе называется затруднительнымъ. Слова эти относятся, какъ мы видимъ, къ іюню мѣсяцу 1859 г.; но, несмотря на то, была принята мѣра, долженствовавшая еще усилить востребованіе вкладовъ, и дѣйствительно усилившая его, какъ мы видѣли, слишкомъ вдвое: „1 сентября 1859 г. пониженъ банковый процентъ съ 3 на 2“, хотя самъ г. министръ финансовъ говоритъ передъ тѣмъ: „дабы выйти изъ такого затруднительнаго положенія“, надлежало „оградить банки отъ излишняго востребованія вкладовъ“. Востребованіе вкладовъ усилилось, а вскорѣ за этимъ усилившимъ его вторичнымъ пониженіемъ процента, именно черезъ четыре мѣсяца, „26 декабря того же года пріемъ вкладовъ въ заемномъ банкѣ, сохранныхъ кассахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія вовсе прекращенъ“, какъ будто бы кассы банковъ изнемогали отъ излишка наличности. Это было бы странно при изложенномъ нами взглядѣ на громадное большинство вкладчиковъ и вкладовъ, какъ на рентьеровъ и ренту; но руководились другими соображеніями, которыхъ касались мы выше, и потому считали необходимымъ идти этимъ путемъ, требовавшимъ значительныхъ пожертвованій. Мы уже видѣли, что банковая наличность, составлявшая въ іюлѣ 1857 г. болѣе 150 милліоновъ рублей, стала очень сильно уменьшаться; наконецъ она оказалась недостаточною для уплаты, и надобно было употребить на нихъ другія средства. Вотъ слова г. министра финансовъ изъ рѣчи его 13 сентября 1860 г.

«Обозначенныя преобразованія не могли совершиться безъ пожертвованій со стороны казны. Кассы банковъ къ 1 января 1859 г. составили: наличными деньгами 25,440,000 р., а государственными фондами, по нарицательной цѣнѣ, 43,405,127 р.; съ того же времени, какъ объяснено выше, истребовано изъ банковъ 436,540,628 р., болѣе противъ взносовъ на 197,412,761 р.

«На покрытіе этого излишка истребованій, были обращены сперва процентныя бумаги, принадлежавшія заемному и коммерческому банкамъ: изъ нихъ государственное казначейство приняло на себя 28.000,000 р., въ замѣнъ отпущенныхъ суммъ на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ, и сверхъ того выручено продажей означенныхъ процентныхъ бумагъ въ частныя руки 2,912,200 р.; остальные же фонды, составляющіе собственность опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, оставлены въ ихъ распоряженіи. Затѣмъ большая часть суммъ, поступившихъ по вышнему 3% займу, а равно и всѣ свободныя суммы государственнаго казначейства употреблены также на возвратъ капиталовъ изъ банковъ. Этихъ ресурсовъ, однакожъ, было недостаточно для безостановочнаго возврата вкладовъ, между тѣмъ количество платежей, причитавшихся отъ заемщиковъ, даже при исправномъ поступленіи оныхъ, не могло доставить способовъ къ совершенному обезпеченію возврата вкладовъ, при усиленномъ востребованіи оныхъ. По предвидѣнной недостаточности всѣхъ этихъ средствъ для удовлетворенія вкладчиковъ, высочайше разрѣшенъ былъ, на подкрѣпленіе банковыхъ кассъ, выпускъ до 100.000,000 р. кредитныхъ билетовъ. Такой выпускъ кредитныхъ билетовъ, ограниченный размѣромъ востребованія вкладовъ, былъ неизбѣжнымъ средствомъ къ исполненію обязательствъ, принятыхъ на себя банками; въ дальнѣйшемъ же употребленіи этого ресурса не настоятъ болѣе надобности, такъ какъ уставомъ государственнаго банка (§ 16) постановлено,

для облегченія исполненія возложенныхъ на сей банкъ обязанностей, относительно уплаты вкладовъ по востребованіямъ, выдавать срочные билеты комиссіи погашенія долговъ или билеты государственнаго казначейства. На семъ основаніи передано уже въ распоряженіе банка 15,000,000 руб. билетами государственнаго казначейства, о выпускѣ коихъ состоялся высочайшій указъ 8 іюня текущаго года.»

„Мы не знаемъ, какую часть 150 милл., находившихся въ банковской наличности, составляли кредитные билеты и какую процентныя бумаги; впрочемъ разниа эта и не важна для результата, потому что процентныя бумаги были также или всё или почти всё обмѣнены (или проданы) за кредитные билеты, которые также пошли на уплату по востребованію взносовъ *). Такимъ образомъ на удовлетвореніе востребованію вкладовъ было выпущено во всякомъ случаѣ болѣе 125 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ, которые иначе оставались бы изъятими изъ обращенія, сохраняясь въ банковыхъ кассахъ **). Сверхъ того, какъ мы видѣли, выпущено было еще 100 милл. руб. кредитныхъ билетовъ и 15 милл. рублей серій (билетовъ государственнаго казначейства), по своему значенію обращающихся съ такою же легкостью, какъ кредитные билеты. Сверхъ всего этого, всё свободныя суммы государственнаго казначейства употреблены были на удовлетвореніе того же востребованія. Количество этихъ суммъ мы не можемъ опредѣлить. Слагая остальные суммы, мы получаемъ, что банковыя реформы потребовали выпустить въ обращеніе, кромѣ 15 милл. руб. серіями, болѣе 225 милл. руб. кредитными билетами, которые безъ того или не получили бы существованія, или оставались бы изъятими изъ обращенія.

Дѣло не ограничилось этимъ. Въ предыдущей выпискѣ изъ рѣчи г. министра финансовъ сказано было, что „большая часть суммъ, поступившихъ по вышнему 3% займу, употреблена была также на возвратъ капиталовъ изъ банковъ. По займу этому, заключенному въ мартѣ 1859 г.,

*) По отчету о состояніи счетовъ государственнаго банка мы видимъ, что всѣхъ процентныхъ бумагъ въ кассѣ его находилось 9,474,516 р. (подъ рубрикою „фонды“ значится 8,549,424 р. и подъ рубрикою „принадлежащій банку“ процентныя бумаги 929,092). Мы не знаемъ, вновь ли приобретены самими государственнымъ банкомъ эти фонды, или переданы ему изъ кассъ прежнихъ банковъ.

**) Цифру эту мы принимаемъ болѣе 125 милл. рублей на слѣдующемъ основаніи. Кассовая наличность составила въ іюлѣ 1857 г. свыше 150 милл., а къ 1 января 1859 года 68,845,427 р., въ томъ числѣ 23,440,000 наличными деньгами, а государственными фондами, по нарицательной цѣнѣ, 45,405,427 руб., изъ этихъ фондовъ 23 милл. рублей нарицательнаго капитала, состояніе изъ билетовъ 6% займа 1818 года были проданы потомъ банками государственному казначейству; послѣ того въ іюлѣ 1859 г. банковая наличность понизилась до 29 милл. рублей. И такъ вышло изъ банковыхъ кассъ до 1 января 1859 года болѣе 82 милл. рублей (разница между наличностью кассъ въ іюлѣ 1857 и 1 января 1859); потомъ болѣе 25 милл. р. кредитными билетами оставшихся въ кассахъ къ 1 января 1859 г. и кредитные билеты, данные государственнымъ казначействомъ въ обмѣнъ 23 милл. р. билетовъ 6% займа 1818 года. Мы не знаемъ, по номинальной ли цѣнѣ были обмѣнены эти билеты государственнымъ казначейству, или по биржевому курсу, который конечно былъ бы гораздо выше номинальной цѣны. По полагаемъ обмѣнъ и по номинальной цѣнѣ, мы получаемъ изъ сложения этихъ трехъ суммъ (82 милл., 25 милл. и 23 милл.) 130 милліоновъ кредитными билетами. Въ этотъ счетъ кредитныхъ билетовъ, вышедшихъ изъ банковыхъ кассъ въ обращеніе, мы не кладемъ суммъ, вырученныхъ черезъ продажу фондовъ въ частныя руки, потому что полученные черезъ это кредитные билеты уже и безъ того находились въ обращеніи.

получено было 7 милл. фунтовъ, то есть 43,500,000 руб. сер. Вотъ какъ разсказана исторія этихъ денегъ въ рѣчи г. министра финансовъ.

«Первоначальное назначеніе этого займа, а именно: усиленіе размѣнаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ съ цѣлью изыятія сихъ изъ обращенія на соразмѣрную сумму, не могло, однакожь осуществиться. Вслѣдствіе чрезвычайно усилившагося привоза разныхъ машинъ, пароходовъ, рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, при ограниченномъ требованіи нашихъ произведеній на иностранныхъ рынкахъ, а также по случаю перевода изъ Россіи большихъ суммъ отъѣзжающими за границу, вексельный курсъ нашъ сталъ упадать, и посему оказалось необходимымъ покрывать торговый балансъ отпускомъ изъ Россіи золота. Въ сихъ обстоятельствахъ правительство было вынуждено, къ предупрежденію дальнѣйшаго упадка вексельнаго курса, производить платежи свои за границу изъ суммъ, поступившихъ средствомъ послѣдняго займа, дабы избѣгать такимъ образомъ покупки переводныхъ векселей на здѣшней биржѣ. Сверхъ того часть суммъ, находившихся за границею по этому займу, переведена сюда чрезъ продажу на здѣшней биржѣ, на счетъ правительства, векселей, выданныхъ здѣсь на иностранные города, а вырученные за эти векселя деньги обращались, какъ выше сказано, на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ».

Такимъ образомъ банковыя реформы не допустили осуществиться предположенію, состоявшему въ томъ, чтобы, увеличивъ размѣнный фондъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ, возобновить размѣнъ этихъ билетовъ на звонкую монету. Безъ банковыхъ реформъ дѣло это не представляло бы затрудненій. Къ 1 января 1857 года количество размѣнаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ составляло звонкою монетою и въ слиткахъ 122,838,117 рублей. Безъ банковыхъ реформъ этому фонду не было бы надобности уменьшаться. По счету государственнаго банка къ 1 января 1856 года, кредитныхъ билетовъ, вынужденныхъ въ обращеніе, находилось 714,580,226 рублей. Изъ нихъ или были бы изыаты изъ обращенія, или вовсе не получили бы существованія безъ банковыхъ реформъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ 225 милл. рублей; такимъ образомъ безъ банковыхъ реформъ оставалось бы теперь въ обращеніи не болѣе, а по всей вѣроятности менѣе, чѣмъ на 490 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Размѣнный фондъ, сохранившись донныѣ въ величинѣ 1 января 1857 г., представлялъ бы на каждыя 100 рублей кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, по 25 рублей звонкою монетою; при такой пропорціи могъ бы возобновиться размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. А если прибавить къ тогдашнему размѣнному фонду $43\frac{1}{2}$ милл. руб., доставленныхъ виѣшнимъ займомъ, предназначавшимся къ тому, то размѣнный фондъ составлялъ бы болѣе 166 милл. р. сер. звонкою монетою, то есть имѣлъ бы на 100 рублей кредитныхъ билетовъ почти по 34 р. звонкою монетою,—при такой пропорціи возобновленіе размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету не представляло бы уже никакихъ сомнѣній. Но черезъ банковыя реформы, съ возникавшими изъ нихъ затрудненіями банковыхъ кассъ, произошла въ размѣнномъ фондѣ такая перемѣна, что къ 1 января 1861 г. все количество звонкой монеты и слитковъ въ кассѣ государственнаго банка простиралось только до 84,335,007 руб. *); а кредитныхъ билетовъ, вынужденныхъ въ

*) Эту цифру мы получаемъ, вычитая изъ итога 92,884,431 р., входящія въ этотъ итогъ количество фондовъ 8,549,424 руб.

обращеніе, находилось тогда, какъ мы уже видѣли, слишкомъ на 714 милл. рублей, то есть на 100 руб. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, приходилось менѣе 12 руб. въ размѣнномъ фондѣ. При такой пропорціи возобновленіе размѣна конечно представляется дѣломъ затруднительнымъ. Банковыя реформы помѣшали этому дѣлу: онѣ отвлекли отъ размѣннаго фонда $43\frac{1}{2}$ милл. руб. золота, доставленныхъ займомъ, и уменьшили на $38\frac{1}{2}$ милл. руб. количество звонкой монеты и слитковъ, находившихся въ размѣнномъ фондѣ до начала этихъ реформъ. Поэтому г. министръ финансовъ въ рѣчи своей. 13 сент. 1860 г., справедливо говоритъ:

«Пожертвованія, которыя государственное казначейство должно было принять на себя, для возврата вкладчикамъ, по востребованію капиталовъ ихъ, затраченныхъ въ долгосрочныя ссуды, не позволяли принять по нынѣ подлежащихъ мѣръ къ открытію свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету.»

Мы сказали, что вся сумма займа была отвлечена отъ размѣннаго фонда собственно банковою реформою, — дѣйствительно вся. хотя не всей ей, а лишь большей половинѣ ея, дано было прямое обращеніе на уплату востребованій. Мы видѣли, что прямое назначеніе остальной меньшей части займа было другое: она употреблялась на поддержаніе вексельнаго курса. Его паденіе приписываютъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ родѣ усилившагося привоза заграничныхъ продуктовъ и увеличившагося числа русскихъ путешественниковъ, расходующихъ русскія деньги за-границею. Но если привозились къ намъ изъ-за границы рельсы, пароходы и т. д., то не надобно забывать, что тѣ же самыя предпріятія, для которыхъ требовались эти вещи, имѣли значительную часть своихъ акціонеровъ или хозяевъ между заграничными капиталистами, и что этимъ, шедшими на наши дѣла, заграничными капиталами конечно съ излишкомъ покрывалась цѣнность присылаемыхъ къ намъ рельсовъ и т. д., такъ что по этимъ дѣламъ перевѣсъ въ движеніи капиталовъ былъ къ намъ изъ-за границы, а не отъ насъ за-границу. Что же касается до русскихъ путешественниковъ, число ихъ дѣйствительно чрезвычайно увеличилось въ послѣдніе годы, но всю эту громадную прибавку въ цифрѣ путешествующихъ лицъ составили люди, очень небогатыя, не мотающіе денегъ ни за-границей, ни дома: число ихъ велико, но переводимая на нихъ за-границу сумма капитала не велика. А число проживающихъ за-границею богатыхъ людей, переводящихъ за-границу много денегъ, не увеличилось въ послѣдніе годы, потому что и въ прежніе годы было также велико: имъ и прежде никогда не бывало остановки ѣхать за-границу. Да и какая разница для вексельнаго курса отъ того, въ Россіи ли, за-границею ли живутъ русскіе, мотающіе много денегъ? Вѣдь живучи въ Петербургѣ, въ Москвѣ или въ провинціи, все равно тратятъ они деньги на заграничныя продукты, — на иностранныя вина, на иностранныя шелковыя матеріи и наряды и т. д., — вѣдь не на сало же и не на пень уже расходуютъ они свои деньги, когда живутъ дома. Значить, все равно: когда они живутъ за-границею, деньги высылаются банкирами въ векселяхъ прямо на ихъ имя, а когда живутъ дома, ровно столько же денегъ по ихъ надоб-

ностямъ высылають за-границу англійскій и другіе магазины въ уплату за выписанные товары для этихъ лицъ. Вексельному курсу въ одномъ случаѣ не легче и не тяжеле, чѣмъ въ другомъ. Это мы говоримъ про богатыхъ людей, тратящихъ много денегъ и за-границею, какъ дома. Но вслѣдствіе поѣздокъ небогатыхъ людей за-границу вексельный курсъ даже выигрываетъ. Денегъ они переводятъ за-границу мало, за то возвращаются изъ-за границы почти все они гораздо разсудительнѣе, чѣмъ были до поѣздки: они присматриваются къ заграничной жизни, видятъ, что мотовство считается тамъ пошlostью и глупостью, что разсчетливость тамъ въ модѣ у всѣхъ порядочныхъ людей, и сами возвращаются домой, научившись быть бережливѣе прежняго. А бережливость прямо дѣйствуетъ на повышеніе вексельнаго курса.

Причины паденія вексельнаго курса въ послѣдніе годы совершенно иныя, не имѣющія ничего общаго съ привозомъ рельсовъ и т. д. изъ-за границы и съ поѣздками русскихъ за-границу. Вексельный курсъ упалъ; это значитъ, что за извѣстную сумму нашихъ денегъ нельзя стало получать въ Лондонѣ или Парижѣ столько гиней или луидоровъ какъ прежде, а получается меньше прежняго, т. е. это значитъ, что наши деньги подешевѣли сравнительно съ французскимъ или англійскимъ золотомъ,—то есть вообще съ золотомъ, потому что золото—все то же золото. А вещь дешевѣетъ, когда количество ея становится слишкомъ велико. Значитъ подешевѣли наши деньги, т. е. кредитные билеты, значитъ и вексельный курсъ упалъ отъ того, что кредитныхъ билетовъ стало у насъ въ обращеніи слишкомъ много.

Мы не говоримъ о причинахъ размноженія кредитныхъ билетовъ въ годы, предшествовавшіе банковымъ реформамъ, потому что это не касается частнаго вопроса, разбираемаго въ вышней главѣ, посвященной собственно только банковымъ реформамъ. Но каковы бы ни были эти прежнія причины, по естественному ходу нашихъ взносовъ въ банковыя учрежденія, количество находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ стало бы быстро уменьшаться, приливая въ кассы банкотъ, и скоро уменьшилось бы до нормальнаго размѣра, если бы не помѣшали тому банковыя реформы (разумѣется, мы предполагаемъ при этомъ прекращеніе прежнихъ причинъ, размножавшихъ эти билеты). Къ 1 января 1857 г. кредитныхъ билетовъ было 689,279,844 рубля. Предполагая, что дѣйствіе прежнихъ причинъ ихъ размноженія прекратилось, мы имѣли бы въ слѣдующее время приблизительно такой ходъ дѣла. Въ іюлѣ мѣсяцѣ банковая наличность простиралась, какъ мы уже много разъ говорили, свыше 150 милл. рублей. Конечно, большая половина этой суммы состояла изъ кредитныхъ билетовъ: на остальную часть состоявшую изъ фондовъ, можно было купить на биржѣ кредитные билеты. По расчету перевѣса вкладовъ надъ востребованіями (около 40 милл. ежегодно), въ остальные 5 мѣсяцевъ 1857 г. прибавилось бы въ банковую наличность болѣе 15 милл. рублей. Итого, за вычетомъ 15 милл. рублей (если не больше), оставалось бы къ 1 января 1858 года въ обращеніи только на 525 милл. р. (или меньше) кредитныхъ билетовъ. Въ мѣзъ 1857 г. создано было кредитныхъ билетовъ на 60 милл. р. сер. Другіе 40 милл. влились бы въ банковыя кассы по обычному ходу перевѣса вкладовъ надъ востребованіями. За вычетомъ этихъ

110 милл. вышедшихъ изъ обращенія въ 1858 г., оставалось бы къ 1859 г. въ обращеніи только на 425 милл. р. кредитными билетами. Въ слѣдующіе два года (по 40 милл. ежегодно) еще легли бы въ банковыхъ кассахъ до 80 милл. р., и къ 1 января нынѣшняго года оставалось бы кредитныхъ билетовъ въ обращеніи всего миллионовъ на 350 *), если не меньше. Вексельный курсъ, вмѣстѣ со всѣми тоговыми и промышленными отношеніями, при такомъ ходѣ дѣлъ поправлялся бы самъ собою, и теперь уже давно былъ бы очень хорошъ.

Мы теперь говоримъ о пользѣ, какую принесло бы народному хозяйству и всѣмъ торговымъ отношеніямъ поглощеніе все большаго и большаго количества кредитныхъ билетовъ банковыми кассами, все большее и большее накопленіе наличности, которая лежала бы въ этихъ банкахъ безъ употребленія. А прежде мы говорили, что банки могли извлекать выгоду себѣ черезъ обращеніе этихъ накапливающихся въ нихъ кредитныхъ билетовъ на покупку фондовъ. Тутъ нѣтъ противорѣчій, потому что прежде мы только разбирали напрасныя предположенія, будто бы накопленіе наличности было обременительно для банковъ, и показывали способъ, по которому ближе всего было бы дѣйствовать лицамъ, державшимся такого предположенія, по нашему мнѣнію, ошибочнаго. Теперь же мы излагаемъ свой взглядъ, не согласный съ этимъ предположеніемъ. По нашему взгляду, понимать дѣло слѣдуетъ иначе, чѣмъ понимали лица, считавшія возрастаніе банковской наличности дѣломъ невыгоднымъ, стало быть и дѣйствовать слѣдовало бы иначе.

Мы знаемъ теперь, что внесеніе вкладовъ въ наши банки служило просто покупкою фондовъ государственнаго долга,—получая ломбардный билетъ, вкладчикъ получалъ (и желалъ получить, хотя не умѣлъ выразить своей мысли техническимъ языкомъ) облигацію внутренняго государственнаго займа, приносившаго 4⁰/о,—иначе сказать, вкладчикъ былъ просто подписчикомъ 4⁰/о государственнаго займа.

Но прежде чѣмъ стали постепенно разбираться облигаціи этого 4-хъ-процентнаго займа (ломбардные билеты), произведенъ былъ государственный безпроцентный заемъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ. На какую сумму былъ онъ произведенъ и когда онъ былъ произведенъ—опредѣлить это легко.

Къ 1 января 1853 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи на 311.375,581 р.

А къ 1 января 1857 г. на 689.279,844 „

Итого, слѣдовательно, въ теченіе четырехъ лѣтъ, 1853—1856, выпущено было (главнымъ образомъ по

*) Выше, мы видѣли, что если считать одну ту же сумму, которую принуждены были банковыми преобразованіями банковыя кассы выпустить въ обращеніе, то она оказывается не меньше, а конечно больше 235 милл. р. сер., и за вычетомъ ея одной, оставалось бы кредитныхъ билетовъ въ обращеніи не больше, а конечно меньше 490 милл.—Но кромѣ того, что вышла изъ банковыхъ кассъ эта сумма 235 милл., значительное количество вкладовъ было удержано отъ поступленія въ кассы изъ обращенія;—теперь находи, что безъ банковыхъ реформъ оставалось бы въ обращеніи не болѣе 350 милл. р. сер., мы находимъ эту цифру потому, что принимаемъ въ расчетъ обѣ стороны движенія, произведеннаго банковыми преобразованіями.

случаю крымской войны) кредитныхъ билетовъ, иначе сказать, произведенъ былъ безпроцентный заемъ на . . 377.984,263 „

Послѣ того (еще безъ всякаго отношенія къ банковымъ преобразованіямъ) выпущено было кредитныхъ билетовъ еще на сумму около 25 милл. рублей, какъ видно изъ приведенной нами цифры кредитныхъ билетовъ, бывшихъ въ обращеніи къ 1 января 1858 г. Такимъ образомъ, всю сумму безпроцентнаго внутренняго займа, произведеннаго во время, предшествовавшее банковымъ реформамъ, надобно полагать около 400 милліоновъ рублей серебромъ.

И вотъ облигаціи этого безпроцентнаго займа (кредитные билеты) постепенно обмѣнивались публично на облигаціи 4⁰/₁₀₀-наго займа (ломбардные билеты),—вотъ въ чемъ состояло по переводу на техническій языкъ, явленіе, называвшееся на популярномъ языкѣ чрезвычайнымъ приливомъ вкладовъ въ банки.

Выгоденъ ли былъ такой обмѣнъ для торговыхъ, промышленныхъ и вообще всякихъ экономическихъ дѣлъ имперіи?—Безъ всякаго сомнѣнія, потому что, существуя въ видѣ кредитныхъ билетовъ, облигаціи государственнаго займа смѣшивались съ деньгами и громадностью своего количества разстраивали нашу денежную систему, а превращаясь въ ломбардные билеты, облигаціи займа переставали имѣть это тяжелое вліяніе на денежную систему. Если брать интересы казны въ отдѣльности отъ интересовъ имперіи (чего не слѣдуетъ дѣлать), то выгоденъ ли былъ такой способъ обмѣна и для казны въ отдѣльности отъ имперіи? Конечно выгоденъ, потому что по внутреннему займу, происходившему посредствомъ ломбардныхъ билетовъ, платилось только ровно 4⁰/₁₀₀ (процентъ по тогдашнимъ вкладамъ), а по всякимъ другимъ займамъ платился процентъ болѣе тяжелый *).

Точно также и внутренніе займы стали выше этого: 4⁰/₁₀₀ непрерывно доходные билеты не удались (только казенныя мѣста взяли ихъ); должно было слѣдовать 5⁰/₁₀₀, т. е. 1⁰/₁₀₀ лишній; теперь государственный банкъ выдаетъ 4¹/₂⁰/₁₀₀ билеты (и 4⁰/₁₀₀)—тутъ срокъ возврата 3-10 лѣтъ—для достиженія номинальной срочности пожертвовали многимъ.

Поэтому въ рѣчи 13 сентября 1860 г. говорится:

„Такимъ образомъ въ теченіе одного года безсрочный долгъ государственныхъ кредитныхъ установленій, грозившій имъ постояннымъ востребованіемъ и стѣсняющій само правительство въ разрѣшеніи всякихъ промышленныхъ предпріятій, уменьшился съ 967.107.000 р. на 638.555,023 р., слѣдующимъ образомъ:

*) Напримѣръ, если вычесть уступку за комиссію и выгоду кредиторамъ отъ уплаты полного процента по облигаціямъ до полной ихъ оплаты, то заключенный въ маѣ 1859 года 3⁰/₁₀₀-ный заемъ едва ли давалъ чистыхъ 65⁰/₁₀₀ нарицательной цѣны; но даже и по этому курсу процентъ на полученные 100 р. составлялъ 4 р. 62 к.; сверхъ того за полученные 65 р. давалась облигація въ 100 р., т. е. за полученные 100 р. давалось обязательство въ 153 р. 85 к., т. е. въ капиталъ долга къ полученной суммѣ еще приписывалось болѣе половины этой суммы.

Возвращено вкладчикамъ	197.412,761
Обращено въ 5% билеты	272.620,800
„ „ 4% „	54.752,453
Положено обратить еще въ 4% же билеты	92.876,107
Изъ казенныхъ капиталовъ, обращающихся въ банкахъ, сдано въ государственное казначейство	20.892.902
	638.555,023

„Столь значительное уменьшеніе банковаго долга достигнуто: 1) увеличеніемъ ежегодныхъ платежей противъ банковаго процента, существовавшего съ 1830 по 1857 г., по 4 на 100, еще однимъ процентомъ на весь капиталъ, обращенный въ 5% банковые билеты, причемъ расходъ казны возрастаетъ на 2.700,000 р. въ годъ. 2) увеличеніемъ суммы выѣшнихъ займовъ на 7 мил. фунтовъ стерлинговъ, по коимъ слѣдуетъ уплатить процентовъ ежегодно 210.000 фунт. стерлинговъ или около 1.362,000 руб. 3) увеличеніемъ безпроцентнаго долга экспедиціи кредитныхъ билетовъ на сумму, выпущенную этими билетами, для удовлетворенія банковъ вкладчиковъ“.

Но это еще не все. Вотъ снова изъ рѣчи 13 сентября:

„Между тѣмъ, принимая во вниманіе съ одной стороны, что упомянутыя выше обстоятельства, по коимъ торговый балансъ обратился не въ пользу Россіи, могутъ и на будущее время поставить правительство въ необходимость воспособлять своими средствами производству заграничныхъ платежей, и съ другой стороны имѣя въ виду, что размѣнный фондъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ можетъ потребовать еще немаловажнаго подкрѣпленія, для открытія свободнаго размѣна сихъ билетовъ на звонкую монету, правительство признало нужнымъ заключить въ текущемъ году съ банкирскими домами Бернингъ и Гопе новый заемъ въ 8 милл. фунтовъ стерлинговъ взаменъ удержанной имъ у себя части какъ облигацій 3% займа на 5 милл. фунтовъ стерлинговъ, такъ и 23 милл. нарицательнаго капитала 6% билетами займа 1818 г., каковыя составляли запасный капиталъ заемныхъ и коммерческихъ банковъ, но приобретенный государственнымъ казначействомъ на суммы, отпущенныя имъ въ банки для возврата вкладовъ по востребованію“.

Такимъ образомъ сумма пожертвованій:

225 милл. или больше кредитными билетами,

15 милл. серіями,

7+8=15 милл. выѣшняго займа.

Вотъ и все, да невозможность размѣна на звонкую монету, о которой въ рѣчи 13 сентября говорится:

«Пожертвованія, которыя государственное казначейство должно было принять на себя, для возврата вкладчикамъ, по востребованію капиталовъ ихъ, затраченныхъ въ долгосрочныя ссуды, не позволяли принять по нынѣ надлежавшихъ мѣръ къ открытію свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету.»

Мѣры эти, возмѣщенныя все Высочайшимъ указомъ 10 января 1855 г., должны заключаться или въ уменьшеніи числа кредитныхъ билетовъ, или въ

усиленіи размѣннаго фонда. То и другое исполнимо лишь по средствамъ и т. д.

Вотъ и вся исторія.

Но дѣйствительно дурныя стороны прежнихъ кредитныхъ учрежденій были:

1) Давались ссуды часто только на мотовство помѣщиковъ: это должно было само собою исправиться черезъ принятіе болѣе строгихъ мѣръ взысканія и черезъ освобожденіе крестьянъ, отъ каковаго а) ссуды пошли бы крестьянамъ, в) сами помѣщики изъ мотовъ-сибаритовъ сдѣлались бы дѣльными хозяевами.

2) Полная зависимость отъ казначейства или лучше сказать Двора, такъ что собственно они служили только машиною для чеканки ассигнацій; это не исправлено учрежденіемъ государственнаго банка, но всетаки въ немъ хорошо хоть то, что обнарудуетъ свои отчеты — тутъ не такъ пагло могутъ выпускаться билеты, всетаки будетъ ли вѣрность въ отчетахъ? Не будутъ ли, какъ австрійскій банкъ тогда утаивать 111 милліоновъ флориновъ по національному займу *).

*) *Примечаніе издателя.* Последнія страницы этой главы, оставшейся неаннотированной, написаны стенограммой (такою же, какъ и дневникъ 1853 г.) и представляютъ скорѣе набросокъ, подлежащій, вѣроятно, еще дальнейшей обработкѣ.

Статьи, подлежащія включенію въ т. I настоящаго изданія.

- Соврем. 1855, № 1.— Библіографія: Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитриева. Москва. 1854.— Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. Сочиненіе Л. Ярцевой. Часть первая. Спб. 1854,
- „ „ № 2.— Библіографія: Знахари, историческій романъ въ двухъ частяхъ. В. Н. Савинова. Спб. 1855.— Камчатка и ея обитатели. Спб. 1855.— Путевые очерки русскаго художника И. Захарова. Вторая часть. Спб. 1855.
- „ „ № 3.— Библіографія: 1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб.— Цвѣтокъ на могилу пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ. Соч. А. Іевлева. Спб. 1854.— Экономическіе очерки Александра Апличеева. О монетѣ. Спб. 1855.
- „ „ № 4.— Библіографія: Очеркъ исторіи Императорскаго Гатчинскаго сиротскаго института. Составленъ П. Туръевымъ. Спб. 1854.
- „ „ № 7.— Библіографія: Журна, закавказскій альманахъ. Изданіе Е. А. Вердеревскаго. Тифлисъ. 1855.— Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Стихотворенія И. Козлова. Изданіе А. Смирдина. Двѣ части. Спб. 1855.— О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числительныхъ два, три, четыре въ рускомъ языкѣ. Новгородъ. 1855.— Деньга, Кабакъ, Набатъ. Новгородъ. 1855.— Историческія записки дирекціи Новгородской губерніи. Новгородъ. 1855.
- „ „ № 10.— Критика: Морской Сборникъ, издаваемый Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Годъ 1855. Книжка 1—9 (январь—сентябрь).

Статьи, подлежащія включенію въ т. II настоящаго изданія.

Соврем. 1856, № 4.— Жизнь Жоржа Занда. Предисловіе.

Статьи, подлежащія включенію въ т. IV настоящаго изданія.

- Соврем. 1858, № 11.—Замѣтка по поводу статьи П. Кулиша „Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ“.
- „ 1859, № 3.— Возвращеніе князя Михаила Обреновича въ Сербію.

Библіографія.

Мелочи изъ запаса моей памяти. *М. Дмитріева.* Москва. 1854^{*)}.

Записки г. М. Дмитріева, въ которыхъ сохранено такъ много интересныхъ и даже довольно много важныхъ воспоминаній, обращали на себя вполне заслуженное вниманіе журналовъ, когда помѣщались отрывками въ „Москвитининъ“. Всѣ отдали должную справедливость ихъ занимательности. живости: всѣ хвалили и благодарили почтеннаго автора за то, что онъ подѣлился съ публикою своими воспоминаніями о Карамзинѣ, И. И. Дмитріевѣ, другихъ писателяхъ карамзинской эпохи, которыхъ коротко зналъ, и прежнихъ литераторахъ, рассказы о которыхъ слышалъ отъ своего дяди. Съ другой стороны были замѣчены г. Дмитріеву и недостатки, которыми онъ безъ всякой надобности обременилъ свои записки — враждебныя выходки противъ Н. А. Полеваго (вѣроятно за то, что когда-то Полевой написалъ разборъ сочиненій И. И. Дмитріева, въ которомъ было высказано основательное сужденіе о степени поэтической геніальности этого замѣчательнаго сподвижника Карамзина) и непріязненное расположеніе къ современной литературѣ за то, что нынѣ пишутъ не такимъ слогомъ, какой нравится почтенному автору въ сочиненіяхъ Иванчина-Писарева, Грамматина, Измайлова и другихъ. Въ одномъ изъ журналовъ подробно были указаны и мелочныя погрѣшности въ числахъ годовъ и заглавіяхъ книгъ, встрѣчающіяся иногда у г. М. Дмитріева и неизбежныя въ замѣткахъ, писанныхъ на память. Не считая нужнымъ повторять здѣсь эти замѣчанія, сдѣланныя еще такъ недавно „Современникомъ“ и другими журналами, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о мысляхъ, которыя вызываются взглядомъ на воспоминанія г. М. Дмитріева, какъ вполне законченную книжку, въ которой авторъ передалъ все, что могъ передать „изъ запаса своей памяти“.

Всѣ люди, занимающіеся исторією русской литературы, жалуются на чрезвычайную скудость біографическихъ извѣстій о нашихъ старыхъ писателяхъ. Все, что намъ извѣстно о жизни Ломоносова или Державина, составитъ не болѣе, какъ очень тощую брошюрку. О Фонѣ-Визинѣ князь Вяземскій издалъ довольно большой томъ; недавно вышла отдѣльная книжка или даже книга о Сумароковѣ; но изъ этого не должно заключать, чтобы намъ было извѣстно много о жизни этихъ писателей: большая половина названныхъ нами монографій занята выписками изъ сочиненій Фонѣ-Визина и Сумарокова, раз-

боромъ ихъ литературной дѣятельности, общими разсужденіями о современной имъ эпохи; собственно біографическихъ подробностей вовсе немного. Потому историки нашей литературы осуждаютъ своихъ предшественниковъ, чрезвычайно немногочисленныхъ, за то, что они такъ мало заботились о сохраненіи для потомства живой и полной характеристики замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы“. Это правда, наши старики не записали почти ничего о современныхъ имъ литераторахъ. Но, быть можетъ, они въ этомъ случаѣ были несовсѣмъ неправы—вѣдь говорятъ же нѣмецкіе философы, что каждый историческій фактъ имѣетъ свое основаніе, очень удовлетворительное: вѣроятно, и молчаніе современниковъ о Тредіаковскомъ, Сумароковѣ и Херасковѣ имѣетъ свои очень основательныя причины. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ насъ и книжка г. М. Дмитріева. На заглавномъ ея листѣ напечатанъ огромный списокъ литераторовъ, о которыхъ въ ней говорится; тутъ выставлено не менѣе сорока четырехъ именъ, и между тѣмъ, вся книга заключаетъ въ себѣ не болѣе 174 страницъ. А болѣшую часть изъ этихъ сорока четырехъ литераторовъ г. М. Дмитріевъ зналъ лично, со многими былъ въ тѣсной дружбѣ. Какъ всѣ воспоминанія объ этихъ людяхъ составили только десять печатныхъ листовъ? Отчего это?

Достаточно взглянуть на содержаніе воспоминаній г. М. Дмитріева, чтобы убѣдиться, что о многихъ „болѣе было писать нечего“. Что, напримѣръ, припоминаетъ г. М. Дмитріевъ о Херасковѣ? То, что онъ главнымъ достоинствомъ стиховъ почиталъ гладкость, и что былъ съ нимъ вотъ такого рода случай:

«Однажды Василій Львовичъ Пушкинъ (дядя А. С. Пушкина), бывшій тогда еще молодымъ авторомъ, привезъ къ Хераскову свои новыя стихи.—Какіе? спросилъ Херасковъ—«Разсужденіе о жизни, смерти и любви, отвѣчалъ авторъ. Херасковъ приготовился слушать со всѣмъ вниманіемъ и съ большою важною. Вдругъ начинаетъ Пушкинъ:

Чѣмъ я начну теперь? Я вижу, что *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ *риема барабанъ!*
Вы лучше дайте мнѣ *зальцвасеру стаканъ*,
Для подкрѣпленія силъ! Вранье не *алкоранъ* и т. д.

Херасковъ чрезвычайно насупился, и не могъ понять, что это такое? —Это были буримы, стихи на заданныя рѣмы. Важный хозяинъ дома и важный поэтъ былъ не доволенъ этимъ сюриризмомъ, а Пушкинъ очень оробѣлъ. Дядя мой сказывалъ, что это было очень смѣшно».

Неудавшаяся шутка В. Л. Пушкина могла подать поводъ къ очень забавной сценѣ въ біографіяхъ и мемуарахъ—охотно тому вѣримъ; но если характеристическія черты поэтовъ должны были ограничиваться подобными анекдотами, то очень легко понять, что никому не приходило охоты тратить на нихъ время и бумагу.

Не г. Дмитріевъ также вина, если онъ гораздо подробнѣе, нежели о другихъ писателяхъ, говорить о графѣ Хвостовѣ и наивномъ В. Л. Пушкинѣ. надъ которыми всѣ подшучивали—историкъ разсказываетъ о томъ, что занимало людей извѣстной эпохи, и что же дѣлать, если въ эпоху, описываемую г. М. Дмитріевымъ, литераторы чрезвычайно занимались болѣе или менѣе

остроумными насмѣшками надъ бѣднымъ гр. Хвостовымъ и простодушнымъ В. Л. Пушкинымъ. Прочтемъ слѣдующее мѣсто:

«Вотъ какъ принимали въ члены Арзамасскаго Общества Василія Львовича Пушкина. Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили на диванъ, и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ. Это значило, что новопринимаемый долженъ вытерпѣть, какъ первое испытаніе, *шубное прѣніе*, то есть *прѣть* подъ этими *шубами*. Второе испытаніе состояло въ томъ, что лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи какого-то француза, петербургскаго автора, которую и читалъ самъ авторъ. Потомъ, съ завязанными глазами, привели его въ комнату, которая была передъ кабинетомъ. Кабинетъ, гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною, и отдѣлялась отъ него яркою огненною занавѣскою. Здѣсь развязали ему глаза, и ему представилось чучело, огромное, безобразное, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрытое простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище—*дурной вкусъ*; подали ему лукъ и стрѣлы, и велѣли поразить чудовище. Пушкинъ (надобно вспомнить его фигуру: толстый, съ подзубкомъ, задыхающійся и подагрикъ) натянулъ лукъ и уналь, пустивъ стрѣлу, потому что за простыней былъ скрытъ мальчикъ, который выстрѣдилъ въ него изъ пистолета холостымъ зарядомъ и повалилъ чучело. Потомъ ввели Пушкина за занавѣску, и дали ему въ руку эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковский. Все это происходило въ 1816 или 1817 году».

„Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти, но „всѣ люди извѣстные—прибавляетъ г. М. Дмитріевъ.—Никто не считалъ „въ то время предосудительнымъ шутить и быть веселымъ; тогда не считали „пужнымъ педантическую важность, убивающую природную веселость!“ Все это прекрасно и интересно, но зачѣмъ г. М. Дмитріевъ, рассказывая подобные анекдоты, прибавляетъ, что въ то время болѣе уважали литературу, нежели нынѣ, что даже Гоголь не пользуется нынѣ такою извѣстностью, какою прежде пользовался кп. Шаликовъ, потому что „тогда смотрѣли на словесность, какъ „на самое благородное занятіе, а нынче смотреть, какъ на гасрство пустыхъ „людей?“ Графъ Хвостовъ главное лицо въ воспоминаніяхъ г. Дмитріева, очень вѣрно отражающихъ тогдашнюю литературную жизнь: нашъ авторъ не менѣе десяти разъ возвращается къ гр. Хвостову; начнетъ говорить о какомъ нибудь литераторѣ, напишетъ нѣсколько строкъ—и видитъ, что безъ гр. Хвостова никакъ нельзя обойтись, потому что литераторъ, котораго хочетъ изобразить почтенный авторъ „Мелочей“, болѣе всего любилъ говорить о гр. Хвостовѣ, всего лучше острить надъ гр. Хвостовымъ! Потому безъ воспоминаній о гр. Хвостовѣ нѣтъ воспоминаній о русской литературѣ до Пушкина. Говоришь ли объ Арзамасскомъ Обществѣ—нельзя не сказать, что „въ рѣчахъ, произносимыхъ членами, много упоминался извѣстный гр. Хвостовъ“—слѣдуютъ анекдоты о немъ. Говоришь ли о журналѣ „Другъ просвѣщенія“—опять нельзя не упомянуть о томъ, какъ гр. Хвостовъ сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ слушателемъ, бѣжавшимъ отъ чтенія его стиховъ. Говоришь ли о Дмитріевѣ—опять надобно сказать, какъ правдиво и вмѣстѣ деликатно высказывалъ онъ гр. Хвостову свое мнѣніе о его произведеніяхъ: „ваша ода ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!“ Говоришь ли о Мерзляковѣ—не-

обходимо упомянуть, что онъ поссорился съ Дмитриевымъ, принявъ на свой счетъ эпиграмму

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна
Нашъ Бавій говорить, любуясь самъ собой:
Отнынѣ будетъ всѣмъ поэтамъ моднымъ смѣна:
Всѣ классики уже переводимы мной! и т. д.

и объяснить, что „хотя этотъ портретъ былъ похожъ на Мерзлякова, который тогда переводилъ греческихъ классиковъ, но эпиграмма написана была „на гр. Хвостова, который переводилъ французскихъ классиковъ“. Однимъ словомъ, безъ Хвостова не существуетъ ничто въ старинной литературѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, литература того времени была болѣе забавою, чѣмъ дѣломъ. Нѣсколько человекъ, одаренныхъ талантомъ, писали потому, что чувствовали призваніе писать; но этихъ людей, если не ошибаемся, нельзя считать много въ теченіе ста лѣтъ, прошедшихъ отъ Кантемира до Пушкина. И даже изъ этихъ немногихъ не всѣ понимали, что литературная дѣятельность—высокое призваніе служить на пользу общую. Что остается затѣмъ? Сумароковъ и другіе труженники, не имѣвшіе даже никакого таланта, но имѣвшіе самолюбіе, и желавшіе пріобрѣсти знаменитость стихами, какъ другіе пріобрѣтали знаменитость роскошными обѣдами, свѣтскостью, причудами. Но, повторяемъ, литература ни для кого, кромѣ немногихъ, не была цѣлью жизни. Это было сказано очень давно, и часто повторялось до тѣхъ поръ, пока „не разорвалась (по выраженію г. М. Дмитриева) цѣпь преданій“, между прежними и нынѣшними критиками, пока не было отыскано въ старой русской литературѣ и самостоятельности, и занимательности, и всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми она никогда и не думала хвалиться. Отъ писателей перейдемъ къ публикѣ. Осмотрѣла ли въ старину публика на литературу какъ на дѣло серьезное, имѣющее существенную важность? Была ли хотя просто привычка къ чтенію? Гораздо менѣе, нежели теперь. Этимъ сказано ужъ очень многое для людей, которые въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ, что литература сдѣлалась существенно потребностью ихъ жизни. Всѣхъ русскихъ писателей, начиная съ Кантемира и Ломоносова до Пушкина и Гоголя включительно не разослалось у насъ столько экземпляровъ, сколько Шиллера или Вальтеръ-Скотта между ихъ соотечественниками. Не слишкомъ гиперболически выразились бы мы, сказавъ, что каждая русская книга есть библиографическая рѣдкость; библиоманы перепечатаваютъ старинныя книги, сдѣлавшіяся очень рѣдкими, въ числѣ десяти или двадцати пяти экземпляровъ. Всѣ русскія изданія имѣютъ этотъ характеръ. Русская литература могла бы носить имя, которое Жуковский избралъ заглавіемъ одному изъ собраній своихъ стихотвореній: „Для немногихъ“. Что же было пятьдесятъ, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Русская публика состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ. Имѣла ли какое нибудь вліяніе старая русская литература на общество? Въ отвѣтъ приведемъ слова кн. Вяземскаго (изъ его сочиненія о Фонъ-Визинѣ): „Напрасно старался я—говорить онъ—отыскать какіе нибудь слѣды вліянія комедій Фонъ-Визина на общество: этого вліянія рѣшительно не существовало“. Мы выбрали Фонъ-Визина какъ самый рѣзкій примѣръ. Ощутительно вліяніе литературы

на общество началось только съ „Московского Телеграфа“ — каковы бы ни были недостатки этого журнала, нещадно поражаемые г. М. Дмитриевымъ, должно признаться, что онъ знакомилъ своихъ читателей съ современными понятіями въ наукѣ и литературѣ. До того времени, если на публику нашу (повторяемъ, тогда чрезвычайно малочисленную) имѣли какое нибудь вліяніе книги, то не оригинальныя, а переводныя. Исторія переводной литературы, къ сожалѣнію представляющая въ настоящее время очень много затрудненій, по необработанности матеріаловъ, была бы едва ли не интереснѣе исторіи оригинальной литературы стараго времени.

Однимъ словомъ, русская литература не занимала серьезно публики, очень малочисленной; узкость кружка писателей въ свою очередь была чрезвычайна; удивительно ли послѣ того, что она оставила о себѣ мало извѣстій? Въ лѣтописи вносятся только то, чѣмъ интересуется общество. Говоря это, мы не думаемъ утверждать, что изслѣдованія о старинной литературѣ, которыми занялись теперь съ большою ревностью, нежели когда нибудь, недостойны величайшаго вниманія. Каково бы ни было наше понятіе о настоящемъ положеніи русской литературы, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что она стала предметомъ, интересующимъ очень многихъ, получила нѣкоторую важность для общества, стала занимать нѣкоторое мѣсто въ исторіи націи. А какъ скоро извѣстное явленіе становится достойно вниманія исторіи, логическая необходимость требуетъ, чтобъ изслѣдованы были все предыдущія степени его развитія, отъ самыхъ первыхъ его зачатковъ. Сами по себѣ періоды эти, быть можетъ, и не заслуживали бы особеннаго вниманія, но значительность послѣдующаго развитія заставляетъ изслѣдовать его зародыши. Такъ дѣтство замѣчательнаго человѣка становится предметомъ нашего любопытства, хотя само по себѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Какъ бы то ни было, исторія русской оригинальной литературы до Жуковского и Пушкина должна занимать, вмѣстѣ съ характеристикой развитія переводной литературы, чрезвычайно важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще, въ исторіи общественныхъ правовъ и понятій. Нельзя отказать многимъ писателямъ XVIII вѣка въ почетномъ мѣстѣ — въ общей анекдотической исторіи русскаго общества, потому что въ числѣ ихъ были люди очень замѣчательные по благородству и энергіи характера. Память нѣкоторыхъ нашихъ писателей прошлаго вѣка всегда будетъ намъ также священна, какъ память другихъ дѣятелей на пользу просвѣщенія и другихъ благъ національной жизни. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованія о старыхъ нашихъ писателяхъ не могутъ не имѣть большой важности, не могутъ не приносить очень большой пользы, хотя бы даже результатомъ ихъ были вовсе не тѣ выводы, каковыхъ надѣются достичь многіе изыскатели, хотя бы обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ этихъ 9.934 сочиненій и изданій, означенныхъ въ Каталогѣ Смирдина, и привело насъ къ тѣмъ же мыслямъ, какія возбуждаются чтеніемъ „Мелочей“ г. М. Дмитриева. Вопросъ возбужденъ, слѣдовательно, требуетъ полного и основательнаго разъясненія, и чѣмъ ревностнѣе будутъ надъ нимъ трудиться, тѣмъ болѣе выиграетъ истина, хотя и нельзя думать, чтобъ изслѣдованія открыли какія нибудь сокровища, неизвѣстныя историкамъ русской литературы, говорившимъ, что все, бывшее до Пушкина.

было только приготовленіемъ къ литературѣ въ настоящемъ смыслѣ слова, что существенное значеніе оригинальной литературной дѣятельности нашей до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія состояло въ приготовленіи читателей, въ образованіи нѣкоторой массы публики, съ нѣкоторою любовью къ чтенію, съ нѣкоторымъ эстетическимъ чувствомъ. Такъ или нѣтъ, вопросъ объ этомъ теперь сильно затронуть, и чѣмъ скорѣе и обстоятельнѣе разрѣшится онъ, тѣмъ лучше. Потому, повторяемъ, нельзя не благодарить людей, которые, подобно г. М. Дмитріеву, дѣлятся съ нами матеріалами для его разрѣшенія.

Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. Сочиненіе Л. Ярцовой. Часть первая. Спб. 1854 *).

Заглавіе довольно странное. Что значить счастливое семейство, или полезное чтеніе? Къ чему это *или*?

Но дѣло вотъ въ чемъ:

А. С. Шишковъ, въ бытность свою президентомъ Россійской Академіи, замѣтивъ съ прискорбіемъ недостатокъ дѣтскихъ книгъ въ Россіи, возложилъ на г-жу Ярцову обязанность написать въ *нравственномъ смыслѣ* и въ русскомъ духѣ какую нибудь повѣсть для дѣтскаго чтенія. Г-жа Ярцова исполнила это лестное порученіе и написала дѣтскую книжку, подъ названіемъ: *Счастливое семейство*, которую А. С. Шишковъ переименовалъ въ *Полезное чтеніе для дѣтей*.

Это полезное чтеніе издано было впервые въ 1835 году на счетъ бывшей Россійской академіи; кромѣ того за него получила сочинительница отъ этой Академіи медаль, а отъ Академіи Наукъ—Демидовскую премію за хорошее изложеніе и понятное толкованіе нѣкоторыхъ ученыхъ предметовъ, простымъ языкомъ, безъ употребленія техническихъ словъ.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ второе изданіе своего сочиненія, г-жа Ярцова хотѣла соединить свое собственное заглавіе съ заглавіемъ, даннымъ ей книгѣ А. С. Шишковымъ. Вотъ какимъ образомъ объясняется это странное *или*.

Сочиненіе г-жи Ярцовой, увѣнчанное двойнымъ академическимъ вѣнкомъ, говоритъ само за себя. Нѣсколько устарѣлая форма и немного тяжеловатый языкъ этого сочиненія не мѣшаютъ ему занимать, однако, почетное мѣсто среди дѣтскихъ сочиненій, которыя составляютъ весьма не легко, замѣтимъ ми-
моходомъ.

*) Соврем. 1855, № 1.

Знахари. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. *В. Н. Савинова.*
Спб. 1855 *)

Критики съ высокоразвитымъ эстетическимъ вкусомъ, съ тонкими художественными требованіями прочтутъ романъ г. Савинова до конца; и чѣмъ долѣе они будутъ читать, тѣмъ сильнѣе будетъ пробуждаться въ нихъ эстетическій гнѣвъ. И, по прочтеніи послѣдней строки, сурово и грозно возмутятся они за карающее перо, докажутъ по пунктамъ, что „Знахарямъ“ не было знакомо ни одно эстетическое требованіе, и безпощадно осудятъ историческій романъ въ двухъ частяхъ.

Мы не можемъ послѣдовать ихъ примѣру, потому что прочитали одну только первую часть, не касаясь второй — чтеніе первой убѣдило насъ въ бесполезности продолжать трудъ — слѣдовательно нашъ эстетическій гнѣвъ не могъ возвыситься до безусловнаго осужденія. Скажемъ даже болѣе: пока мы читали первую часть, мы ощущали нѣкоторую непріязнь къ роману; но дочитавъ ее и положивъ романъ въ сторону, мы почувствовали живѣйшее благо-расположеніе духа, и пишемъ подъ вліяніемъ этого расположенія. Насъ, быть можетъ, назовутъ за это пристрастными; но мы повинемся голосу сердца, и кто насъ можетъ обвинить за то? Неужели надобно писать не то, что чувствуешь? А мы теперь твердо убѣждены, что должны быть признательны г. Савинову, должны хвалить его романъ. Безтрепетно исполняемъ эту обязанность, внушаемую голосомъ сердца.

Будемъ признательны г. Савинову и за то, что онъ не принадлежитъ къ числу „извѣстныхъ нашихъ беллетристовъ“ или „даровитыхъ нашихъ разсказчиковъ“ или „лучшихъ нашихъ писателей“. Ахъ, какъ облегчаетъ рецензента это обстоятельство, по видимому, не имѣющее вліянія на сущность дѣла. Г. Савиновъ написалъ плохой романъ, и всякій прямо можетъ сказать, что г. Савиновъ написалъ плохой романъ. И никто никого не осудитъ за такое сужденіе. Но чтѣ дѣлать рецензенту, если какой нибудь „даровитый разсказчикъ“ или „извѣстный беллетристъ“ напишетъ плохой романъ? (Случай, не столь рѣдкій, какъ желательно было бы предполагать). Неужели можно тогда сказать, что „романъ извѣстнаго беллетриста и даровитаго разсказчика плохъ“? Никакъ, ни подъ какимъ видомъ! „Рецензентъ не уважаетъ талантовъ; рецензентъ хочетъ пощеголять рѣзкостью своихъ мнѣній; рецензентъ не имѣетъ вкуса; рецензентъ близорукъ и смотритъ въ очки; рецензенту недостаетъ способности понимать вещи“. Впрочемъ эти упреки еще ничего не значатъ. Гораздо непріятнѣе то обстоятельство, что съ плохимъ романомъ „даровитаго разсказчика“ нельзя поступить такъ, какъ съ „Знахарями“ — надобно дочитывать его до конца. Судить о трудности подобнаго упражненія въ терпѣніи можетъ только тотъ, кто подвергалъ себя ему; а кто не подвергалъ, тому дадимъ понятіе о дѣлѣ, сказавъ, что гораздо вкуснѣе кушать прѣсный супъ, нежели по обязанности читать прѣсныя страницы. Но этимъ

*) Соврем. 1855, № 2.

не кончается пріятность, доставляемая „извѣстностью автора“ — его плохое произведеніе будетъ почти всюду расхвалено — новый источникъ занимательнаго чтенія. И тутъ еще не конецъ дѣлу — нѣтъ, только начало: „извѣстный писатель“, ставъ послѣ этихъ похвалъ еще „извѣстнѣе“ и „даровитѣе“, даетъ своему перу еще болѣе безконтрольный размахъ — и каждый плохой романъ приносить обильный плодъ послѣдующихъ, усовершенствованныхъ произведеній въ томъ же родѣ. Ахъ, какъ признательна должна быть литература „не даровитымъ рассказчикамъ“, „не извѣстнымъ беллетристамъ“ за то, что они не „даровитые“ и не „извѣстные!“

Нельзя также не похвалить г. Савинова за то, что „Знахари“ не психологическій романъ. Оцѣнить вполне всю великость такой заслуги могутъ только тѣ немпогіе несчастливцы, которымъ суждено дочитывать до конца психологическіе романы. Она увидѣла его на балѣ; онъ сказалъ ей: „я желалъ бы любить, но не вѣрю любви“; она сказала ему: „мнѣ жаль васъ“ — этого достаточно для составленія трехъ главъ въ психологическомъ романѣ: какъ подробно, тонко и вѣрно будутъ анализированы въ этихъ длинныхъ главахъ всѣ оттѣнки, всѣ переливы чувствъ! Но кто въ состояніи изобразить оттѣнки и переливы тоскливой скуки, которую производятъ онѣ въ читателѣ? Никто, ни даже самъ авторъ психологическаго романа.

У г. Савинова нѣтъ описаній природы, которыя бы занимали болѣе двухъ мишьятурныхъ страничекъ — это также достоинство немаловажное. Романъ начинается тѣмъ, что герой ѣдетъ по дорогѣ — развѣ г. Савиновъ не могъ написать, напримѣръ, слѣдующаго:

«Полдень, палящій отвѣсными лучами, заставляетъ все живое укрываться подъ тѣнью. Это часъ всеобщаго отдохновенія въ русской природѣ. Не пылитъ дорога, въ лѣсу ни листокъ не шелохнется. Прохожіе садятся подъ густыя вѣтви или спятъ на травѣ, которая сохраняетъ свою зелень только подъ защитою тѣнистыхъ деревьевъ. Все умолкаетъ; все дремлетъ; одни кузнечики шумятъ и т. д.»

Не подумайте, что этотъ отрывокъ — сочиненіе какого нибудь „неизвѣстнаго беллетриста“: — нѣтъ, мы выписали строки, вами прочитанныя изъ недавно вышедшей книги, которая, вѣроятно, всѣмъ будетъ похвалена за „прекрасный“ слогъ.

Ничего подобнаго не дѣлаетъ г. Савиновъ — онъ пишетъ плохой романъ безъ притязаній на различныя высшія достоинства слога, психологін, юмора и т. д. — развѣ это не есть своего рода заслуга?

Камчатка и ея обитатели. Спб. 1855 *).

Книжка эта, очень тоненькая, заслуживаетъ благосклоннаго вниманія читателей, потому что написана краснорѣчиво, хотя и несовѣтъ грамотно. Напримѣръ, приводя стихи Грибоѣдова:

*) Соврем. 1855, № 2.

Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся Алеутомъ

Авторъ объясняетъ ихъ такъ: „этими словами поэтъ вполне обрисовать современные понятія, въ которыхъ заключалось даже примѣшвалось, что-то заколдованное, превращающее“.

Путевыя записки русскаго художника. II. Захарова. Вторая часть. Спб. 1855 *).

Разбирая первую часть „Путевыхъ Записокъ“ г. Захарова, „Современникъ“ и другіе журналы отдали справедливость простотѣ разсказа и занимательности многихъ страницъ этихъ воспоминаній, замѣчая въ тоже время, что языкъ „Путевыхъ Записокъ“ очень нуждается въ исправленіи. Вторая часть написана языкомъ несовершенно удовлетворительнымъ, но уже гораздо болѣе правильнымъ, и потому можетъ быть прочитана гораздо легче, нежели первая. Небольшая книжка, изданная теперь г. Захаровымъ, рассказываетъ — очень подробно — одинъ только анекдотъ, правда, анекдотъ занимательный и даже романическій, такъ что походить болѣе на беллетристическое произведеніе, нежели на записки путешественника. Любимая одаleysка султана Махмуда II, Биби-Сагида, поѣхавъ однажды покупать себѣ наряды, влюбилась въ молодого купца, грека Констаки. Долго влюбленные видались въ лавкѣ Констаки: наконецъ Биби-Сагида замѣтила, что гаремныя соперницы подозреваютъ ея любовь. Оставалось одно средство спасенія — бѣгство. Констаки нанялъ греческое судно и увезъ Биби-Сагиду въ Грецію. На пути открылось, что Биби-Сагида племянница капитана Леонида, гречаника, Марія, похищенная пиратами и проданная на константинопольскомъ рынкѣ. Разсказъ г. Захарова можно, какъ мы замѣтили, упрекнуть въ растянутости, но простота его вознаграждаетъ до нѣкоторой степени этотъ недостатокъ. Приключенія Констаки, Биби-Сагиды и Леонида такъ походятъ на романъ, что анекдотъ, переданный г. Захарову евнухомъ Сарай-бурнусскаго гарема, можно было бы считать прикрашеннымъ, еслибъ самъ г. Захаровъ не видѣлъ потомъ въ Триестѣ героиню этого событія. Ея жизнь текла тогда (въ 1850 году) самымъ прозаическимъ образомъ — бывшая любимица Махмуда содержала гостиницу. Блестящіе глаза еще говорили о прежней красотѣ этой женщины.

*) Соврем. 1855, № 2.

1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. *).

«Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ жѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстями пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаеъ голосамъ.
Теперь не служить стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется отъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.»

Въ этихъ немногихъ строкахъ находится полное объясненіе того направленія, которое въ послѣднее время приняла Муза г. Майкова, вдохновеніе котораго въ прежнія времена преимущественно обращалось къ древнему міру, или подобно большинству русскихъ прозаиковъ трудилось надъ рѣшеніемъ сложной задачи о современномъ человѣкѣ (какъ напримѣръ, въ „Двухъ Судьбахъ“). Такъ, „теперь стихъ уже не служитъ поэту праздною забавой“, по его собственному выраженію, съ которымъ, впрочемъ, мы несомнѣнно согласны, ибо никогда не согласимся признать „праздную забавой“ нѣсколько превосходныхъ стихотвореній, которыми поэтъ обязанъ прежнимъ предметамъ своего вдохновенія. Но таковы поэты; они часто любятъ крайности. Чрезмѣрное самоуничиженіе и пылкое сознаніе своего значенія быстро смѣняются въ ихъ душѣ; г. Майковъ, отнимая всякую цѣну у своихъ прежнихъ произведеній, такъ характеризуетъ свои послѣднія стихотворенія:

Мой стихъ есть тоже мечъ,
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ;
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой.

Онъ въ поэтическомъ восторгѣ говоритъ, что у него одно непоколебимое убѣжденіе:

Одно въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы
И больше будетъ впереди (стр. 40).

Публика конечно будетъ безпристрастна, и, отдавая должную справедливость новымъ произведеніямъ г. Майкова, не будетъ называть прежнихъ „праздную забавую“.

Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова, отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

*) Соврем. 1855. № 3. *Примѣчаніе издателя.* Первые строки статьи писаны Некрасовымъ.

Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ,

Что наше время требуетъ своего Державина:

«Что слышу? что сердца волнуетъ?
Что веселится Царскій домъ?..
Опять Россія торжествуетъ!
Опять гремитъ Кагульскій громъ!
Опять время Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторгъ не полонъ! нѣтъ!
Нашъ вѣкъ великъ, могучъ и славенъ;
Но гдѣ-жъ, Россія, твой Державинъ?
О гдѣ пѣвецъ твоихъ побѣдъ?»

И гдѣ кимвалъ его, литавры,
Которыхъ громъ внималъ весь міръ?..
Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ!
Кто двесь стихомъ монументальнымъ
Произвѣститъ потомкамъ дальнымъ,
Что мы все тѣ же какъ тогда...»

Въ самомъ дѣлѣ, какой русскій не желалъ бы нынѣ стать поэтомъ, чтобы откликнуться на громкій вызовъ великихъ событій современности? Кто не хотѣлъ бы возвысить свой голосъ противъ враговъ отечества,

Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой?

Г. Майковъ созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣетъ Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Онъ смѣло приступилъ къ исполненію этой обязанности и послѣ нѣсколькихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ журналахъ, даритъ намъ небольшую книжку съ заглавіемъ „1854“, къ событіямъ котораго относится ея содержаніе. Это заглавіе заставляетъ предполагать, что подобныя книжки будутъ повторяться ежегодно. „Современникъ“, всегда считавшій своимъ долгомъ передавать на своихъ страницахъ явленія, вызванныя современностью, особенно когда само имя, подписанное подъ произведеніемъ, отвѣтствуетъ за его содержаніе и достоинство, уже познакомили русскую публику съ новымъ направленіемъ г. Майкова; такъ въ изданной теперь книжкѣ читатели найдутъ „Арлекина“, помѣщенного въ январскомъ номерѣ нашего журнала. Но большая часть стихотвореній, въ ней напечатанныхъ, являются въ публикѣ въ первый разъ. Въ числѣ ихъ есть два стихотворенія, свидѣтельствующія и самою формою о томъ, какъ вѣрно понимаетъ г. Майковъ требованія своего новаго направленія. Для выраженія истинно народныхъ чувствъ необходимъ народный языкъ, и мы считаемъ долгомъ указать стихотворенія „Отставной солдатъ Перфильевъ“ и „Пастухъ“, написанныя въ совершенно новомъ для г. Майкова родѣ, но, по нашему

мнѣнію, столь же счастливыя въ этомъ родѣ, какъ „Клермонскій Соборъ“ въ своей классической обработкѣ. Вотъ небольшой отрывокъ изъ „Пастуха“:

«Охъ дорога-ль моя, ты дороженька!
Какъ пришло тебѣ твое времечко
Не дорогой ты, стала улицей.
Разлетѣлися галки, вороны,
По березничку въ сторонѣ сиять:
Сѣрый зайчикъ въ кустикъ спрятался,
Приложилъ ушки, самъ дрожить какъ листъ;
Господа-ль катать, шестерикъ валить,—
Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
Тройка-ль бойкая несетъ купчика,
Пьянъ ямщикъ стоитъ, гонитъ что есть силъ,—
Да и ты, купецъ, поворачивай:
Ровно птицы спуютъ все фельдгегера.
Только утро-свѣтъ замечется
Ужъ скрыпучъ обозъ безъ конца ползетъ,
Все добро везутъ, кладъ казенную.
Вслѣдъ полки идутъ,—ѣдетъ конница,
Кони фыркаютъ, сабли звякаютъ,
Усачи сидятъ, подбоченились,
Говорятъ-шумятъ добры-молодцы,
Пастуха корятъ рохлей-увальнемъ,
Дураку кричатъ: «на кобылу сядь,
Сядь на пѣгую, да лицомъ къ хвосту,
Мы съ собой возьмемъ, прямо въ вахмистры!»
А потомъ идетъ артиллерія;
Пушки мѣдныя, все сердитыя,
Фуры крашены съ сизымъ порохомъ;
Офицеръ идетъ хотъ молоденькій
Только быстрый взглядъ, носикъ вздернутый.
Пастуха опять дразнятъ молодцы,
Дурака корятъ рохлей-увальнемъ,
И съ собою зовутъ позабавиться:
«Эй, деревня, слышь! зубки бѣличьи!
Погрызи поди въ сласть и до сыта—
У насъ фуры вонъ все съ орѣшками,
Все съ орѣшками все съ чугунными.»
Имъ пѣхота вслѣдъ: впередъ музыка,
Съ запѣвалами, съ пляской, съ гиканьемъ;
Ружья—что твой лѣсъ! каски мѣдныя,
Полы загнуты, сапоги въ пыли:
Идутъ—стонетъ долъ! Чуешь—сила валить.
Проучила меня зѣвать конница,
Проучила глазѣтъ артиллерія:
Ужъ пѣхотѣ я въ поясъ кланялся,
Съ головы скидалъ шапку старую,
Заслужилъ пастухъ слово доброе.
Бралъ я удали, заговаривалъ,
Провожалъ солдатъ семь и восемь верстъ;
Разузналъ отъ нихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,
Сколько въ свѣтѣ есть городовъ и сель,
И которые христіанскіе,

И которые басурманскіе,
 Какъ задумали злые нехристи,
 Полонить пришли землю Русскую,
 Наругаться пришли надъ иконами,
 Обижать пришли Царя Вѣлаго,
 Да легко сказать, надо съ бою взять,
 А на то пошло—такъ не выдадимъ:
 Съ нами Богъ и Царь, дѣло правое.
 Охъ дорога-ль моя, ты дороженька!
 Ты не долго была битой улицей.
 И прошло твое красно времечко,
 Поосѣла пыль, позатихла молвь,
 Тишина легла безотвѣтная.
 Пріосмѣлился заяцъ, выглянулъ
 На дороженьку, сталъ осинку драть;
 Галки, вороны почали скакать,
 И одинъ пастухъ одишенекъ,
 При дороженькѣ сиротинушка...»

Эти прекрасные опыты въ чисто-народномъ духѣ показываютъ намъ, что талантъ г. Майкова столь же гибокъ, какъ и силенъ. Но въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ этотъ талантъ тому роду, который поэтъ избралъ въ послѣднее время, положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ произносить теперь, когда новая дѣятельность поэта только-что начинается, полагаемъ, было бы рано. Теперь одно можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что если стихъ г. Майкова прибавилъ хотя единую искру одушевленія къ той массѣ патріотическаго энтузіазма, которымъ пренеполнены русскія сердца, то поэтъ, измѣнивъ направленіе согласно требованіямъ современности, поступилъ прекрасно и благородно—даже и въ такомъ случаѣ, еслибы эта перемѣна послужила въ ущербъ его таланту. Но о художественной сторонѣ новыхъ стихотвореній г. Майкова мы предоставляемъ себѣ въ послѣдствіи поговорить подробнѣе.

Въ книжкѣ г. Майкова находится девять стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно значительны по объему.

Вотъ названія всѣхъ 9 стихотвореній: „Бывало уловить изъ жизни мигъ случайный“, „Памяти Державина“, „Клермонтскій Соборъ“, „Посланіе въ лагерь“, „Отставной солдатъ Перфильевъ“, „Пастухъ“, „Молитва“, „Москвѣ“, „Арлекинъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что любители поэзіи поспѣшатъ пріобрѣсть эту книжку, имѣющую въ настоящее время двойной интересъ, какъ произведеніе даровитаго поэта и какъ задушевное выраженіе общаго чувства патріотизма.

Цвѣтокъ на могилу пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, сочиненіе
А. Левлева. С.-Петербургъ. 1854 *).

Умомъ и чувствомъ и душою
Меня Создатель надѣлилъ,
Какъ *своей* милостью святою,
И, благъ Податель одарилъ
По всемогущей своей волѣ
Взаямнъ богатой, красной доли
Умѣньемъ мыслить, разсуждать,
Умѣньемъ думой забавляться,
Любви и чувству предаваться
И сладко плакать и мечтать.

Этотъ списокъ дарованій автора приводитъ къ тремъ замѣчаніямъ:
1) Нельзя не радоваться, что г. Левлевъ надѣленъ и одаренъ такъ щедро;
2) къ числу его дарованій по собственному его перечню не принадлежить даръ писать порядочные стихи; 3) онъ подноситъ „цвѣтокъ“ не столько памяти „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“, сколько собственнымъ дарованіямъ.

Экономическіе очерки Александра Апличеева. О монетѣ. Спб.
1855 *).

Брошюра г. Апличеева заключаетъ въ себѣ не менѣе 30 страницекъ. Прочитавъ ихъ, вы не узнаете, что такое монета, если не знали прежде; а если знали, то чтеніе брошюры не уменьшитъ вашего знанія. Слѣдовательно сочиненіе г. Апличеева очень удовлетворительно достигаетъ своей цѣли доставить удовольствіе автору, не принося вреда читателямъ, которыхъ, впрочемъ, и не будетъ имѣть.

Очеркъ исторіи императорскаго гатчинскаго сиротскаго института. Составленъ П. Гурьевымъ, инспекторомъ классовъ при томъ же заведеніи. Спб. 1854 *).

Очеркъ этотъ чрезвычайно замѣтно проводитъ рѣзкую черту между состояніемъ учебной части института до 1848 и съ 1848 года.

*) Соврем. 1855, № 3.

*) Современ. 1855, № 3.

*) Соврем. 1855, № 4.

Объясняется это приложеннымъ къ нему спискомъ подъ буквою В.: „списокъ инспекторамъ классовъ Гатчинскаго института“... 4, надв. сов. Гугель, съ 1830 по 1841 годъ, 5, надв. сов. Станкевичъ, съ 1841 г. по 1848. 6, колл. сов. Гурьевъ, съ 1848 по настоящее время“.

Къ этому прибавить можно только, что Гугель былъ одаренъ истинно замѣчательными педагогическими способностями, какъ извѣстно всѣмъ, и что если можно говорить о его недостаткахъ, то лучше всего предоставить другимъ говорить о собственныхъ нашихъ достоинствахъ.

Зурна, закавказскій альманахъ. Изданіе *Е. А. Вердеревскаго*. Тифлисъ. 1855 **).

Прежде всего намъ должно знать, что такое *зурна* и какихъ звуковъ можно ожидать отъ этого мусикійскаго орудія.—Предисловіе альманаха понимаетъ необходимость такого вопроса отъ читателей, не имѣвшихъ еще случая наслаждаться зурною, и очень удовлетворительно отвѣчаетъ на него: „Зурною въ Грузіи называется собственно духовой инструментъ, играющій господствующую роль въ грузинскомъ туземномъ оркестрѣ“, и самый оркестръ грузинскій.—„Назвать *зурною* первый закавказскій литературный сборникъ—прибавляетъ откровенное предисловіе—казалось приличнымъ потому, что... какъ отъ азіатской зурны нельзя ожидать полной музыкальной стройности, такъ и отъ перваго закавказскаго альманаха несправедливо было бы требовать совершенной стройности въ литературномъ отношеніи. Поэтому-то самая смиренная скромность побуждаетъ издателя заранѣе просить снисхожденія критики и читателей, если настоящій тифлискій литературный оркестръ на первый разъ покажется имъ нѣсколько *зурноватъ*“.—Прямота, рѣдкая и похвальная, и несмотря на „зурноватость“ Зурны, мы радуемся ея появленію, потому что оно свидѣтельствуетъ объ усиленіи литературной дѣятельности или по крайней мѣрѣ стремленія къ литературной дѣятельности за Кавказомъ,—служить проявленіемъ факта,—во всякомъ случаѣ отраднаго, каковы бы ни были на первый разъ посильныя произведенія тифлискихъ писателей.

Альманахъ состоитъ изъ прозы и стиховъ. Въ стихахъ господствуютъ звуки двухъ зурнъ—зурны графа Сологуба и Вердеревскаго. Оба эти писателя принадлежать Петербургу болѣе, нежели Тифлису—извѣстность ихъ приобрѣтена сочиненіями, напечатанными въ „Сѣверной Пальмирѣ“; потому интересно взглянуть, какое вліяніе на ихъ таланты имѣлъ поэтическій край, куда перенеслась ихъ литературная дѣятельность. Прислушаемся сначала къ стихамъ. Вотъ одно изъ поэтическихъ произведеній, внушенныхъ графу Сологубу тифлисскою жизнью:

**) Соврем. 1855, № 7.

М. П. КОЛЮБЯКИНУ.

(при посылкѣ чернильницы).

Примите сей презентъ, у Гютиха добытый;
Подарокъ не казистъ, ни видомъ, ни цѣной,
Но тайный онъ родникъ, колодезь онъ закрытый
Всей мудрости земной.
Источникъ онъ наукъ и писанныхъ законовъ;
Онъ рѣчи плоть даетъ, и—вѣстникомъ молвы—
Гремящій онъ языкъ газетныхъ тѣхъ трезвоновъ,
Что любите такъ вы.
Онъ ключъ добра и зла, ключъ вѣщаго познанья;
Хоть черные подъ часъ родятся въ немъ грѣхи,
За то находятъ въ немъ—любовь, свои признанья,
Поэзія—стихи.
Значеніемъ ничто сравниться съ нимъ не можетъ!
Отрада и пріютъ взыскательныхъ сердецъ,
Онъ счастье замѣнить, разлуку уничтожить,
Онъ славѣ дать вѣнецъ.
Итакъ, мой даръ богатъ, хотя не для показа;
Взгляните же въ него, особенно тогда,
Когда историка тревожнаго Кавказа.
Не будетъ здѣсь слѣда.
Рѣшившись на письмо въ угоду нашей дружбы,
Чернильницу возьмите за бока,
И тихо молвите: «А что же, почему-жь бы
Не вспомнить старика?»

Поэтический востокъ живительно подѣйствовалъ на поэзію автора „Тарантаса“—какой петербургскій, московскій, нижегородскій или кіевскій поэтъ могъ бы найти источникъ поэтического вдохновенія въ такомъ, по видимому, незначительномъ случаѣ, какъ подарокъ или „презентъ“ „неказистой“ чернильницы? Но на Востокъ все облекается поэтической формою, гармоническими стихами, цвѣтущими выраженіями, остроумными и граціозными оборотами... Счастливы поэты, которыхъ благосклонная судьба переноситъ на Востокъ! Они, „взглянувъ“, по совѣту графа Сологуба, въ свою чернильницу и „взявъ ее за бока“ найдутъ въ ней неизсякаемый ключъ прелестныхъ стиховъ, какихъ никогда не удастся написать поэту, живущему въ нашихъ прозаическихъ городахъ.

Прозаическое произведеніе графа Сологуба носить еще болѣе очевидные слѣды животворнаго вліянія восточной поэтической природы. Пьеса его „Ночь передъ свадьбой“, составляющая лучшее украшеніе „Зурны“, показываетъ силу фантазіи, необычайную для насъ, жителей холоднаго сѣвера. Графу Сологубу угодно называть эту пьесу „Шуткою“ и говорить, съ обыкновенною авторскою скромностью, что она не имѣетъ литературнаго достоинства. Читатели не повѣрятъ этому: можетъ ли авторъ „Тарантаса“, „Аптекарьши“ и столькихъ произведеній, блестящихъ умомъ и прекрасною мыслью, напечатать что нибудь—не имѣющее замѣчательнаго литературнаго

постоянства. И читатели не ошибутся въ своемъ ожиданіи: „Ночь передъ свадьбою“ произведеніе очень замѣчательное, какъ убѣдить ихъ уже самый бѣглый очеркъ этой пьесы. Первая сцена представляетъ видъ нынѣшняго Тифлиса à vol d'oiseau. На первомъ планѣ пируетъ съ друзьями грузинецъ Кайхосро, женихъ прелестной Кетеваны. Пріятели, потягивая вино, толкуютъ о свадьбѣ, назначенной завтра, о просвѣщеніи, же лѣзныхъ дорогахъ и воздушныхъ шарахъ—изъ пьесы графа Сологуба мы узнаемъ, что воздушные шары и желѣзныя дороги чрезвычайно интересуютъ грузинъ. Послѣ того пріятели расходятся, остается на сценѣ одинъ Кайхосро, и видъ сцены измѣняется: она представляетъ Тифлисъ, какимъ онъ будетъ черезъ тысячу лѣтъ; со всѣхъ сторонъ возникаютъ дворцы, колоннады, статуи; видны также желѣзныя дороги — и вдругъ является бесѣдовать съ Кайхосро — кто бы, вы думали? — Шамиль (!!).

— Молчите, говоритъ онъ, обращаясь къ Кайхосро: — или я васъ застрѣлю.

— Кто вы такой? спрашиваетъ Кайхосро.

— Я Шамиль, сынъ Чеченскаго дворянскаго предводителя (предупреждаемъ читателей, что мы выписываемъ слово въ слово).

К а й х о с р о .

Да вы татаринъ, лезгинъ, нехрестъ.

Ш а м и л ь .

Нѣтъ, я, слава Богу, русскій.

К а й х о с р о .

Да какъ же по газетамъ Шамиль нашъ первый врагъ?

Ш а м и л ь .

Я студентъ Душетскаго университета. Мое призваніе живопись. Въ прошлое воскресенье я былъ въ театрѣ, въ Кукахъ. Давали новую пьесу, Руставель и Тамара...

Шамиль объясняетъ, что онъ видѣлъ тамъ „безцѣнную Кетевану“, узналъ, что отецъ хочетъ выдать ее замужъ, и явился теперь помѣшать свадьбѣ. Кайхосро сердится, Шамиль привязываетъ его къ трубѣ, на шумъ выходитъ Кетевана, и Шамиль объясняется ей въ любви. Кетевана говорить, что согласна бѣжать съ нимъ.

Ш а м и л ь .

Что я слышу! О Кетевана, о счастье мое! убѣжимъ! (*поетъ*).

Да, убѣжимъ на край вселенной,
Тамъ, радость свѣтлая, вдвоемъ
Въ любви торжественно-блаженной
Мы жизнью сердца проживемъ!
Ничто насъ тамъ не потревожитъ,
Не въ силахъ счастья погубить...

Кетевана.

Лишь если мужъ мой вѣчно можетъ

Шамиль.

Когда жена моя вѣкъ можетъ

(Вмѣстѣ).

Кетевана и Шамиль (вмѣстѣ).

Меня любить, меня любить!

Они уходятъ. Является трубочистъ, отвязываетъ Кайхосро отъ трубы и благодарить его за то, что онъ согласился принять такую услугу. Потомъ является Карапетъ, отецъ Кетеваны: Кайхосро жалуется ему, что Кетевана хочетъ бѣжать съ Шамилемъ. Карапетъ хладнокровно подчуется табакомъ раздраженнаго Кайхосро и уходитъ. Потомъ опять входятъ Шамиль и Кетевана; Шамиль бьетъ Кайхосро и кричить:

„Извозчикъ! извозчикъ!“—два воздушные шара влетаютъ на сцену и одинъ изъ извозниковъ за два цѣлковыхъ везетъ влюбленныхъ бѣглецовъ въ Парижъ. Вбѣгаетъ Карапетъ, и видя, что дочь улетаетъ съ Шамилемъ, поетъ:

Какое приключенье
Купца сразило тутъ!
Свершилось похищенье,
Любовники бѣгутъ,
Летятъ за Океаны!
Гдѣ сыщется ихъ слѣдъ?
Лишился Кетеваны
Несчастный Карапетъ!

Во второмъ дѣйствіи приключенія становятся еще запутаннѣе. Кайхосро ѣдетъ искать Кетевану и освѣдомляется о бѣглецахъ у засѣдателя, который оказывается не мужчиной, а дѣвицею; засѣдатель сначала грозитъ отрубить уши Кайхосро, потомъ влюбляется въ него, и начинается слѣдующая сцена:

Засѣдатель

Да не плачь же, не отчаявайся, я не могу видѣть плачущаго человѣка. Чтожь? свѣтъ созданъ: одна обманетъ, другая утѣшитъ!

Кайхосро.

Кто меня утѣшитъ?

Засѣдатель.

Разсѣйся, пойдемъ въ духанъ (т. е. въ трактиръ). Пойдемъ, мы заставимъ тебя позабыть про твою вѣроломную,—пойдемъ же туда.

Тамъ подь сѣнію духана
Приходи къ намъ отдохнуть;
Тамъ разсѣйся отъ обмана

И невѣсту позабуди—
Вѣрность мечтанье пустое,
Объ невѣрной что жалѣть!..
Отомстимъ ей лучше вдвое
И на зло ей станемъ пѣть.
Тра ла ла!

Кайхосро.

Тра ла ла!

Засѣдатель и Кайхосро (*вмѣстѣ*).

Да, пойду подѣ снѣ духана
И приду къ вамъ отдохнуть

Кайхосро.

Такъ разсѣюсь отъ обмана
Только милостива будь!

Кайхосро.

Да, если вы захотите меня утѣшить, такъ я... я... съ особеннымъ удовольствіемъ.

Засѣдатель.

Ну, вотъ видишь ли? Давно бы такъ... Ты думаешь, что въ меня можно влюбиться?

Кайхосро.

Очень, очень можно... Какъ она мила!

Засѣдатель.

Какъ онъ хорошъ!

Новые влюбленные идутъ „отдыхать подѣ снѣ духана“, то есть, трактира; туда являются и всѣ остальные дѣйствующія лица. Кайхосро и засѣдатель начинаютъ бить Шамиля; являются горцы защищать своего предводителя, даютъ залпъ и убѣгаютъ; декорации опять перемѣняются и представляютъ современный видъ Тифлиса, Кайхосро просыпается—онъ спалъ, какъ видимъ—и отправляется вѣнчаться съ Кетеваною, которая и не думала измѣнять ему для Шамиля. Уходя со сцены, онъ поетъ публичнѣ:

Я видѣлъ многое во снѣ,
Но главное мнѣ то казалось,
Что вы, смѣясь, внимали мнѣ,
Что наша шутка удавалась.

Надобно согласиться, что только „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Шекспира можетъ быть поставленъ на ряду съ шуткой гр. Сологуба по фантазмаго-

рической игривости великолѣпной фантазіи, создавшей Шамиля, Кайхосро и засѣдателя. О, какъ живительно дѣйствуетъ Востокъ на воображеніе! Могъ ли бы гр. Сологубъ напечатать свою предестную шутку въ Петербургѣ? Никогда здѣсь не создалъ бы онъ ничего подобнаго.

Но въ стихотвореніяхъ другого корифея „Зурны“, г. Вердеревскаго, мы не находимъ ничего особенно грузинскаго; г. Вердеревскій пишетъ въ Тифлисѣ совершенно такіе же стихи, какіе нѣкогда писалъ въ Петербургѣ, и подобные которымъ часто случается видѣть въ печати.

Затѣмъ должны мы сказать нѣсколько словъ и о помѣщенныхъ въ „Зурнѣ“ произведеніяхъ собственно тифлисскихъ поэтовъ и литераторовъ. Къ нимъ согласны мы примѣнить ту справедливую снисходительность, которой въ правѣ ожидать первыя литературныя попытки людей, только что начинающихъ пробовать свои силы въ сочинительствѣ. Гр. Сологубъ и г. Вердеревскій — люди, получившіе полное литературное образованіе, и должны поддерживать извѣстность, которую приобрѣли прежде, особенно первый. Но къ гг. П. О. Бобылеву, мирзѣ Фетъ-Али-Ахундову, гг. Гранкину, Шишкову, Кержаку-Уральскому, М. Щ-ну, Г. Г. Г., Дункель Веллингу, Цискарову, Берзенову, князю Эристову, графу Стенбоку, мы не должны быть строги. Все, что они напишутъ, заслуживаетъ полнаго участія и одобренія, какъ зародышъ и залогъ болѣе удовлетворительнаго развитія тифлисской литературы въ будущемъ. Мы должны даже сказать, что ихъ произведенія и придаютъ „Зурнѣ“ право на сочувствіе критики. Стихотворенія тифлисскихъ литераторовъ написаны вообще гладкими и легкими стихами; прозаическія произведенія — вообще языкомъ чистымъ и правильнымъ. Чего же болѣе желать, чего требовать отъ первыхъ опытовъ? Мы радуемся, что между коренными тифлисскими жителями являются люди, имѣющіе наклонность къ литературнымъ занятіямъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и между ними нѣкоторые будутъ писать гораздо лучше, иные, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ прекрасно. Съ этой точки зрѣнія мы радуемся появленію грузинской романистки, которая пишетъ, право, недурнымъ слогомъ. Разбирать всѣ эти произведенія съ тою взыскательностью, которая необходима для критики, было бы неумѣстно; и мы прощаемся съ „Зурною“ въ надеждѣ, что черезъ нѣсколько времени Тифлисъ дастъ намъ другіе сборники и произведенія, которые будутъ въ состояніи съ честью выдержать литературный разборъ.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Стихотворенія И. Козлова. Изданіе А. Смирдина. Двѣ части. Спб. 1855 *).

Это изданіе перепечатка прежняго, вышедшаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прежнее изданіе, какъ было уже доказано въ свое время, не отличалось совершенною полнотою и, между прочимъ, пропустило одно изъ до-

*) „Соврем.“ 1855, № 7.

вольно значительныхъ произведеній Козлова, въ которомъ поэтически разсказывается жизнь Байрона. Такимъ образомъ, для желающаго открывается полная возможность пуститься въ мелочные розыски о пропущенныхъ и старымъ и новымъ изданіями стихотвореній автора „Чернеца“. Открывается и другое поле для новыхъ разысканій по случаю новаго изданія сочиненій Козлова—подробной біографіи его не существуетъ; всёмъ извѣстно только, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда имѣлъ несчастье ослѣпнуть. Но если можно, то мы не знаемъ, для чего нужно было бы вдаваться въ подобныя изслѣдованія. Конечно, каждый можетъ по доброй волѣ избирать себѣ предметъ занятій; не будетъ ничего худаго, если кто нибудь составитъ большое біографически-библіографическое сочиненіе о Козловѣ—оно будетъ прочитано двумя или тремя людьми, которые, быть можетъ, замѣтятъ въ немъ, между тысячами ни мало не нужныхъ ни на что мелочей, одинъ или два факта, если не слишкомъ важныхъ, то и не бесполезныхъ для исторіи литературы. У насъ это дѣлается въ послѣднее время иначе. Думаютъ, будто бы каждое вновь отысканное стихотвореніе какого нибудь стариннаго второстепеннаго поэта, каждая вновь найденная бібліографическая мелочь—такія драгоценности, о которыхъ надлежитъ тотчасъ же повѣщать всю публику, безъ различія пола и возраста. На первый взглядъ можетъ казаться, что это увлеченіе, объясняемое молодостью нашей бібліографіи, безвредно и отчасти даже хорошо съ извѣстной точки зрѣнія, какъ хорошъ вообще энтузіазмъ къ труду, каковъ бы ни былъ предметъ его. Но должно припомнить, что есть занятія, которыя бываютъ полезны и почтенны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не входили они въ моду, а оставались исключительною участію немногихъ сильныхъ и ревностныхъ тружениковъ. Либихъ очень хорошо дѣлаетъ, что занимается анализомъ удобреній,—а хорошо ли было бѣ, если бы всѣ, желающіе чѣмъ нибудь заняться, начали избирать предметомъ своихъ изслѣдованій анализъ удобреній? И хорошо ли было бѣ, если бѣ свои кубы и реторты, изъ которыхъ вѣтъ различными сѣрнисто-водородными газами, вынесли они на общественное гулянье, или хотя бы въ собраніе какого нибудь ученаго общества, хотя бы общества сельскихъ хозяевъ? Нѣтъ, эти работы должны производиться въ уединенной лабораторіи, да и то при закрытыхъ дверяхъ. У насъ до сихъ поръ часто не хотятъ замѣчать различія между черновыми бумагами, экскерптами и коллекціями мелкихъ замѣтокъ, которымъ мѣсто только на письменномъ столѣ самого изслѣдователя, и тѣми статьями, которыя долженъ онѣ предлагать публикѣ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что мода на печатаніе черновыхъ бумагъ уже проходитъ. Но остается еще слѣдствіе впечатлѣнія, какому поддались авторы этихъ экскерптовъ и которое успѣли они передать многимъ изъ остальныхъ собратій нашего литературнаго міра. Трудолюбивые собиратели бібліографическихъ данныхъ чувствовали необходимость выставить какой нибудь „резонъ“, чтобы возбудить въ публикѣ вниманіе къ своимъ—вообще сухимъ—изслѣдованіямъ, и, къ сожалѣнію, придумали „резонъ“ не совсѣмъ точный и удачный. Они имѣли неосторожность сказать, что исторія русской литературы съ Ломоносова до Пушкина, предметъ новый, необъясненный, никѣмъ до того времени неизслѣдованный основательно; что всѣ прежнія сужденія о достоинствахъ нашихъ писателей, о значеніи ихъ сочиненій, о ходѣ и развитіи нашей литературы—по-

верхностны и ошибочны; что потому цѣль и важность болѣе или менѣе мелочныхъ изслѣдованій, которыми они (т. е. авторы новыхъ анализовъ литературнаго удобренія исторической почвы) предлагаютъ наслаждаться публикѣ,—состоитъ въ томъ, что ими приготавливаются основательныя понятія объ исторіи русской литературы—понятія, которыхъ напрасно будемъ искать въ прежнихъ разсужденіяхъ объ этомъ дѣлѣ, несправедливыхъ по недостатку основательнаго знакомства съ предметомъ. Собственно говоря, улики и доказательства не было на это представлено ровно никакихъ; должно также прибавить, что сухіе труды, имѣвшіе, по мнѣнію авторовъ, столь важную цѣль, не дали еще ни одного результата, замѣтнаго хотя бы въ микроскопъ. Но статьи были переполнены тѣмъ численными цитатами, заглавіями книгъ и именами; нѣкоторые изъ ихъ составителей дѣйствительно были люди трудолюбивые, владѣвшіе значительнымъ запасомъ экскерптовъ—и потому люди, которые сами не рылись въ старыхъ книгахъ, должны были повѣрить имъ на слово, будучи поражены ученою внѣшностью статей, и начали повторять, что исторія русской литературы съ Ломоносова (за старинную литературу московскихъ временъ,—предметъ дѣйствительно неизслѣдованный—никто не думалъ тогда приниматься)—ждетъ еще своей оцѣнки, потому что прежнія сужденія о ней несправедливы. Прежній библиографическій жаръ уже значительно остылъ, но возбужденные имъ голословные толки о необходимости подвергать нашу литературу новой оцѣнкѣ, о неосновательности прежнихъ сужденій и т. д. все еще продолжаются—потому неизлишне возразить на нихъ фактами. Русскимъ писателямъ остается еще такъ много сдѣлать для удовлетворенія нуждамъ настоящаго, что всякая трата времени и мыслей на передѣлку того, что уже прекрасно сдѣлано ихъ предшественниками, приносить положительный ущербъ литературѣ. Ница настоящаго—выражаясь фигуральнымъ языкомъ—нуждается въ дѣятеляхъ, а не безплодные пустыри прошедшаго, поле котораго (мы говоримъ объ исторіи русской литературы) давно изслѣдовано, на сколько требовалось и допускалось имъ изслѣдованіе.

Мы хотимъ доказать это фактами—и, пользуясь случаемъ, избираемъ для примѣра сочиненія Козлова. О немъ не было написано обширныхъ статей, какъ о важнѣйшихъ нашихъ поэтахъ—Державинѣ, Батюшковѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ; не было даже говорено о немъ столько, какъ о другихъ спутникахъ послѣдняго изъ этихъ корифеевъ, напримѣръ, о Баратынскомъ, Полежаевѣ, Языковѣ и проч. Потому, казалось бы, если о комъ можно и должно сказать что нибудь новое и основательное, то именно о Козловѣ; если кто нибудь изъ поэтовъ нуждается въ новой оцѣнкѣ, то именно онъ. Но мы приведемъ сужденіе о сочиненіяхъ Козлова, которое дѣлаетъ совершенно бесполезными всякія дальнѣйшія изслѣдованія о ихъ достоинствахъ и значеніи для русской литературы. Изъ какого журнала или какой книги взята нами эта выписка, не говоримъ, потому что она должна быть памятна всѣмъ занимающимся исторіею нашей литературы,—а кто не помнитъ ея, тотъ долженъ скромно сказать о себѣ, что не вполне знакомъ съ прежними трудами, о которыхъ потому и не долженъ отзываться презрительно, пока не узнаетъ ихъ лучше—тогда онъ будетъ и говорить о нихъ не такимъ тономъ, какъ говорить вошло нынѣ въ привычку.

Слава Козлова была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первая поэма Пушкина, съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Влестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ — совершенно одинаковы: ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чернецъ», разумѣется, гораздо-выше.

«Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе байронова «Джаура»; есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: «Джауръ» не отражается въ «Чернецѣ» даже и «какъ солнце въ малой каплѣ водъ» хотя «Чернецъ» и есть явное подражаніе «Джауру». Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, пасквозъ проникнутъ чувствомъ — и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія «Чернеца» возбуждаютъ въ насъ состраданіе къ нему; а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность воли Провидѣнія (Resignation) великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотверженіе перваго только неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе втораго — великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности надъ чувственностію. Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастье, — въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе — самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершается собственною силою человѣка. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва.

«Тѣмъ не менѣе, страданія Чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплотою чувства, плѣнили публику и возложили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями.

«И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова: «княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что «Чернецъ». Въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія почему онѣ растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ никакой истины: героиня — вѣтка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка. Кромѣ того, обѣ эти поэмы, не смотря на разность содержанія ихъ, суть ничто иное, какъ повтореніе «Чернеца»: слова другія, но мотивъ тотъ же, а одно и то же утомляетъ вниманіе, перестаетъ возбуждать участіе. Вотъ почему двѣ послѣднія поэмы не имѣли никакого успѣха, тогда какъ успѣхъ «Чернеца» былъ чрезвычайный. Какъ цѣлос, эта поэма уже нѣма для нашего времени; но многія частности и теперь еще прочтутся съ наслажденіемъ. Первая часть этого третьяго изданія сочиненій Козлова заключаетъ въ себѣ три его поэмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили; извѣстное его посланіе «Къ другу В. А. Ж.», интересное, какъ поэтическая исповѣдь слѣпца-поэта; балладу «Венгерскій Лѣсъ»; байронову «Абидосскую Невѣсту», Крымскіе Совѣты» и «Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи.» Что до баллады — кромѣ хоронихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, ибо принадлежитъ къ тому ложному роду поэзіи, который изобрѣтаетъ небывалую дѣйствительность, выдумываетъ Веледъ, Извѣдовъ, Остапогъ, Свѣжановъ, никогда не существовавшихъ, и изъ славянскаго міра создаетъ пѣмецкую

фантастическую балладу. Переводъ «Абидосской Невѣсты» — весьма замѣчательная попытка; но сжатости, энергіи молніеносныхъ очерковъ оригинала въ немъ нѣтъ и тѣни. — Также замѣчателенъ переводъ и «Крымскихъ Советовъ»; но отношеніе его къ оригиналу точно такое же, какъ и перевода «Абидосской Невѣсты» къ ея подлиннику. — Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами Козловъ переводитъ 14 стиховъ, показываетъ, что борьба неравная. — «Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи» есть не переводъ изъ Борнса, а вольное подражаніе этому поэту. Жаль! потому что эту превосходную пьесу Козловъ могъ бы перевести превосходно; а какъ подражаніе — она представляетъ собою что-то странное.

«Съ большимъ удовольствіемъ обращаемся ко второй части стихотвореній Козлова. Она вся состоитъ изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ и изъ отрывочныхъ переводовъ; но въ нихъ-то поэтический талантъ Козлова и является съ своей истинной стороны и въ болѣе блестящемъ видѣ. Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: на половину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже большая часть лучшихъ — переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія не выдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя относить къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, а его талантъ былъ выраженіемъ его души. Посему, талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнію. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозревая въ себѣ поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастье дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пьесъ; почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Тягостно страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть, — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполне, такъ что больше о немъ нечего сказать. Впрочемъ, его музѣ не чужды и звуки радости и роскошныя картины жизни, наслаждающейся самой собою.

«Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Врента протекала;
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Влескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоения аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ; —
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный миръ,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки вѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ...

Но густѣ тѣнь ночная;
И красоть цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утоная,
Покидаетъ пирь ночной.
Стигли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ,
Лишь торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ».

«Какая роскошная фантазія! Какіе гармоническіе стихи! что за чудный колоритъ — полупрозрачный, фантастическій! И какъ прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворенія съ другою—унылою и грустною, и какое поэтическое цѣлое составляютъ онѣ обѣ!..

«Многіе удивлялись въ Козловѣ вѣрности его картинъ, яркости ихъ красокъ,—ничего нѣтъ удивительнаго: воспоминаніе прошедшаго сильнѣе въ насъ при лишеніи настоящаго; чего страстно желаемъ мы, то живо и представляемъ себѣ, а чего сильнѣе желаетъ слѣпецъ, какъ не созерцанія картинъ и формъ жизни?...

Козловъ поэтъ чувства, точно такъ же, какъ Баратынскій поэтъ мысли. Поэтому же ищите у Козлова художественныхъ созданій, глубокихъ и мірообъемлющихъ созерцаній; ищите въ немъ одного чувства,—и вы найдете въ его двухъ книжкахъ много прекраснаго, едва ли не на половину съ посредственнымъ. Отъ этого всѣ переводы его отличаются однимъ колоритомъ—тѣмъ же самымъ, какъ и его оригинальныя произведенія...“

Кто читалъ сочиненія Козлова, тотъ согласится въ вѣрности и полнотѣ сужденія, приведеннаго нами. Что же можно прибавить къ этимъ словамъ, сказаннымъ уже давно? Развѣ новыя изслѣдованія о различныхъ редакціяхъ „Чернеца“, или новыя, подробнѣйшія сличенія „Безумной“ съ „Чернецомъ“ и перевода „Абидосской невѣсты“ съ оригиналомъ? Или разысканія о томъ, въ какомъ журналѣ въ первый разъ напечатано то или другое стихотвореніе? Или разсужденія съ цѣлью доказать, что „Венгерскій лѣсъ“ не есть подражаніе, а твореніе самостоятельное, высокое значеніе котораго доселѣ не было объяснено? Можно, если угодно, дѣлать и это: но прежде должно подумать о томъ, не лучше ли употребить время и трудъ на что нибудь болѣе важное.

О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числительныхъ два, три, четыре въ русскомъ языкѣ. Новгородъ 1855.

Деньга, Кабакъ, Набатъ. Новгородъ 1855.

Историческія записки дирекціи Новгородской губерніи. Новгородъ 1855 *).

Всѣ три статейки перепечатаны отдѣльными оттисками изъ „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Чтобы дать понятіе о характерѣ первыхъ двухъ статей, сдѣлаемъ небольшую выписку изъ первой, „посвященной изслѣдователямъ русскаго слова“. По русски говорится „два стола, три, четыре стола“—вмѣсто обыкновеннаго множественнаго (столы) здѣсь употребляется особенная форма, въ которой филологи видятъ остатокъ стариннаго двойственнаго числа, именительный падежъ котораго въ словахъ мужескаго рода совпадалъ по формѣ съ родител. пад. единств. числа. Авторъ брошюры несогласенъ съ этимъ объясненіемъ, которымъ совершенно довольны славянскіе филологи и думаетъ, что въ выраженіи „два стола“ — стола не есть особенная форма именит. пад. принадлежавшая старинному двойственному, а просто нынѣшій родит. пад., единств. числа, и видитъ въ этомъ „глубокую мудрость“. Уже въ Индіи, говоритъ онъ, были Брами, Вишну и Шива; у грековъ были три парки; во многихъ языкахъ различаются три времени и три рода и т. д.

«Наконецъ почти всѣ разные главные члены человѣческаго тѣла состоятъ, сверхъ общаго названія, изъ трехъ частей; такъ напр., глазъ состоитъ изъ 1, бѣлка, 2, радужной оболочки и 3, зрачка; ухо изъ 1, ушной раковины, 2, трубочки, 3, барабанной перепонки. Когда мы всѣ эти вышеупомянутые и подобные имъ предметы поближе разбираемъ, и представляемъ себѣ въ видѣ сектора круга, то выходятъ собственно четыре предмета, которые составляютъ единство. Изъ нихъ главный предметъ, заключающій въ себѣ прочіе (1) или знаменатель, имѣющій бытъ склоняемымъ, непременно долженъ быть поставленъ въ имен. пад. единств. числа, а прочіе (2, 3, 4) принадлежащіе какъ части къ единству его, должны быть поставлены въ родит. падежѣ, чтобы выразить принадлежность ихъ къ единству.

«На этомъ основаніи ввелъ древній мудрецъ (установитель русскаго языка) это употребленіе родит. падежа единств. числа при числительныхъ два три, четыре.

«Вотъ мое убѣдительно мнѣніе. Пусть оно докажетъ моимъ читателямъ, съ какимъ рвеніемъ и съ какою прозорливостію я привыкъ изслѣдовать темныя филологическія истины.

Объясненіе, чрезвычайно замѣчательное и прозорливое. Но мы увѣрены, что у не многихъ изъ филологовъ достанетъ прозорливости, чтобы понять его „убѣдительность“.

Въ третьей брошюркѣ представлены нѣкоторые свѣдѣнія о состояніи училищъ Новгородской губерніи по 1803 годъ.

*) Соврем. 1855, № 7.

К р и т и к а.

Морской Сборникъ, издаваемый Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Годъ 1855. Книжки 1—9 (январь—сентябрь *).

Заслуженное уваженіе, которымъ началъ въ послѣднее время пользоваться „Морской Сборникъ“ и многія, въ высокой степени интересныя особенности этого изданія, поставляютъ въ обязанность каждому журналу, желающему бесѣдовать съ своими читателями объ истинно важныхъ явленіяхъ нашей литературы, посвятить разбору „Морскаго Сборника“ особенную и подробную статью. Въ самомъ дѣлѣ, по общему мнѣнію всѣхъ, внимательно, слѣдившихъ за „Морскимъ Сборникомъ“ съ конца прошедшаго года, онъ составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей литературы,—быть можетъ, самое замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. И достаточно хотя въ легкомъ очеркѣ указать основанія, по которымъ произносится такое сужденіе, чтобы убѣдить въ его справедливости тѣхъ читателей, которые сами еще не имѣли случая познакомиться съ достоинствами изданія, о которомъ мы говоримъ.

Мы должны начать съ того замѣчательнаго факта, которому должно приписывать самое благоприятное и сильное вліяніе на качества, сообщившія этому изданію особенную важность. Этотъ фактъ—высокое покровительство и, скажемъ болѣе, руководство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, дающаго направленіе Морскому Министерству по званію Генераль-Адмирала, носимому Его Высочествомъ, которому угодно обращать Свою высокую заботливость и на усовершенствованіе ученаго изданія, принадлежащаго Его министерству.

Только при этомъ Высокомъ покровительствѣ, „Морской Сборникъ“ могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, по согласному мнѣнію публики: то есть, замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ специальныхъ журналовъ и по учено-литературному достоинству статей и по высокой важности помѣщаемыхъ въ немъ официальныхъ документовъ.

Быстрое совершенствованіе замѣчалось въ „Морскомъ Сборникѣ“ уже довольно давно; но особенно почетное мѣсто въ нашей литературѣ занялъ онъ съ нынѣшняго года, когда officialный отдѣлъ его расширился вслѣдствіе извѣстій о подвигахъ и судьбѣ защитниковъ Севастополя, между которыми столь блестящимъ образомъ отличались наши черноморскіе моряки, а

*) Соврем. 1855, № 10.

неофициальная часть приобрѣла нѣкоторые новые отдѣлы, и существовавшій прежде учено-литературный отдѣлъ обогатился многими прекрасными статьями.

Слѣдуя порядку программы „Морскаго Сборника“ и оставляя какъ независимый отъ редакціи журнала чисто — административный *первый* отдѣлъ его (постановленія и распоряженія правительства), отличаемый и внѣшнимъ образомъ отъ остальной части изданія римскими цифрами въ нумераціи страницъ, мы начинаемъ обзоръ „Морскаго Сборника“ за первые девять мѣсяцевъ текущаго года разсмотрѣнемъ его второй рубрики, носящей заглавіе; „Официальныя статьи и извѣстія“. Это одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ, которые отличаются особенно превосходнымъ характеромъ, и наиболѣе содѣйствовали возбужденію сочувствія къ „Морскому Сборнику“ во всѣхъ его читателяхъ. То направленіе, которое указалъ журналу его Выскій Руководитель, непосредственно выразилось въ составѣ и духѣ отдѣла, о которомъ теперь мы говоримъ. Кто подумалъ бы, что здѣсь преобладаетъ однообразный и сухой тонъ, который многимъ кажется необходимымъ спутникомъ официального изложенія, ошибся бы въ настоящемъ случаѣ: большая часть отчетовъ и донесеній, напечатанныхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, представляютъ для внимательнаго человѣка чтеніе поучительное. Мы не говоримъ о письмахъ „Сестеръ Крестовоздвиженской Общины“, предполагая, что всѣ наши читатели уже достаточно знакомы съ ихъ высокимъ интересомъ, потому что газеты постоянно перепечатавали извлеченія изъ этихъ писемъ, равно замѣчательныхъ по живости и точности разсказа о различныхъ эпизодахъ страшной и славной осады Севастополя, о положеніи раненыхъ геройскихъ защитниковъ этой крѣпости, по скромности и правдѣ, съ которою сестры говорятъ о своихъ неутомимыхъ попеченіяхъ на спасеніе и успокоеніе страждущихъ. Мы не говоримъ также о донесеніяхъ гг. Мансурова и Доргобужина, на которыхъ возложена обязанность заботиться о раненыхъ морякахъ — они также представляютъ самую вѣрную картину нашихъ севастопольскихъ госпиталей и служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ человѣколюбивой заботливости Морскаго Управленія о своихъ подчиненныхъ — эти донесенія мы также предполагаемъ извѣстными читателю. Но, чтобы продолжать перечень статей, относящихся къ защитникамъ Севастополя, упомянемъ о „спискахъ раненыхъ нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота, постоянно помѣщаемыхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“: доселѣ мы знали только общія цифры, здѣсь въ первый разъ было введено прекрасное правило сохранять для памяти имена не только офицеровъ, но и простыхъ воиновъ, пострадавшихъ за отечество, и передавать для свѣдѣнія родственникамъ извѣстія о ихъ положеніи. Нѣтъ надобности распространяться о впечатлѣніи, которое производятъ на читателей эти списки:

Да, мужественные защитники родныхъ укрѣпленій, принадлежащіе къ Морскому вѣдомству, ваши имена не остались безвѣстными, они внесены въ лѣтопись той осады, которая, благодаря вашей безпредѣльной храбрости, вынудила у самыхъ враговъ признаніе о доблестяхъ русскаго воина. Вслѣдъ за этими списками читатель постоянно находитъ многочисленныя извѣстія о мѣрахъ начальства къ призрѣнію матросовъ, оправившихся отъ ранъ. Всѣ они были спрашиваемы, въ чемъ теперь состоятъ ихъ желанія, которыя по

возможности будутъ выполнены Правительствомъ. И сколько скромности, самоотверженія было показано этими страдальцами!—Вообще, они сохраняли убѣжденіе, что жертвуя своею кровью, только исполнили свой долгъ, и не считали себя имѣющими какія либо особенныя права на благодарность и пособія; нужно было настоятельно требовать, чтобъ они высказали свои желанія—иначе они молчали, не думая просить ни о чемъ; да и будучи настоящими разспросами принуждены говорить, большая часть изъ этихъ вояновъ ограничивали свои желанія—возвращеніемъ на бастионы или общимъ, скромнымъ препорученіемъ себя милостивой заботливости начальства... Вотъ, напримѣръ, каковы были отвѣты 653-хъ раненыхъ матросовъ, о которыхъ извѣстія передаются въ январской книжкѣ „Морскаго Сборника“:

«Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда. Деревни Байдановки. 17-го рабочаго экипажа мастеровой Прокофій Алименко. На 10 бастионѣ, 10 октября, ядромъ оторвало лѣвую ногу. Нога отнята выше колѣна. Выздоровливаетъ.—Деревни Чистополь. Матросъ 32 го флотскаго экипажа Михаилъ Горкушъ, на 4-мъ бастионѣ 22-го октября, осколкомъ бомбы раненъ въ голову. Рана заживаетъ. Почти здоровъ...»

«На вопросы, въ чемъ состоятъ ихъ нужды, чего желаютъ для себя или для родныхъ, они почти всѣ единогласно отвѣчаютъ: «Ватюшка Царь не оставитъ насъ, а мы жел емъ, если Господь поможетъ выздороветъ, то поскорѣ явиться къ товарищамъ на бастионы, отплатить врагамъ». При настоятельномъ же требованіи отъ нихъ указанія на способы пособія, выразили желаніе:

Отправиться на родину	31
Получить денежное пособіе для семействъ	3
Освободить дѣтей изъ кантонистовъ	8
Выкупить сестру изъ крѣпостнаго состоянія	1
Не въ силахъ были говорить	5

«Изъявили вообще упованіе на милосердіе начальства 228; остальные 377 человекъ просили одной милости—дозволить имъ вернуться на бастионы и въ команды.»

Сколько мыслей родятъ эти строки, запечатлѣнные такою поразительною правдою! Изъ 653-хъ человекъ только 43, да и то единственно по повторенію требованію, изъявляютъ опредѣленныя желанія и надежды, — и какъ скромны эти желанія! Остальные—говорятъ только, что поручаютъ себя милости начальства—пусть оно само чѣмъ нибудь наградитъ ихъ, если находитъ достойными награды... А большая часть не произносятъ даже и этихъ словъ... Какъ ярко обрисовывается однимъ такимъ фактомъ жизнь русскаго воина, умирающаго за Отечество, не ожидая воздаяній! Какъ хорошо обрисовывается ими жизнь русскаго простолюдина вообще!—Но морское начальство, какъ видимъ изъ „Сборника“, хочетъ, чтобы вѣрная служба отечеству не осталась безъ воздаяній для этихъ людей, столь чуждыхъ даже мысли о воздаяніи. И „Морской Сборникъ“, исполняя эту цѣль правительства въ литературной сферѣ, передаетъ намъ достойныя памяти имена всѣхъ нижнихъ чиновъ его вѣдомства, пролившихъ кровь за родину, и прилагаетъ къ своимъ книжкамъ портретъ и краткую біографію то одного, то другаго изъ этихъ скромныхъ, но истинныхъ героевъ. Такъ при мартовской книжкѣ находимъ портретъ унтеръ-офицера Круглова, при июньской—квартирмейстера

Полукарова, при июльской — боцмана Буденко, при первой августовской — квартирмейстера Карасикова, при первой сентябрьской — боцмана Ананьина.

Многіе изъ отчетовъ по различнымъ частямъ Морскаго управленія, напечатанные въ „Сборникѣ“, представляютъ читателю очень важный интересъ, заключаая въ себѣ не только изложеніе фактовъ, но и выводы, замѣчательные по своей полнотѣ и точности, и вмѣстѣ съ тѣмъ служа убѣдительнѣйшими доказательствами неусыпной ревности Морскаго Министерства объ усовершенствованіяхъ по всемъ частямъ подвѣдомственныхъ ему учреждений. Не перечисляя всѣхъ такихъ отчетовъ, чтобы не утомлять читателей слишкомъ длиннымъ спискомъ, назовемъ, въ примѣръ, только отчеты по медицинской части, по ревизіонному управленію и по Коммиссаріатскому Департаменту. Для ознакомленія читателей, еще не имѣвшихъ подъ руками „Морскаго Сборника“, съ характеромъ этихъ официальныхъ документовъ, позволяемъ себѣ привести здѣсь небольшую выписку изъ заключительныхъ замѣчаній „отчета Директора Коммиссаріатскаго Департамента за 1854 годъ“.

«Усиленная дѣятельность Коммиссаріатскаго Департамента въ прошедшемъ году, вынужденная обстоятельствами, не осталась безплодною. Она обнаружила многія хорошія и дурныя стороны разныхъ частей управленія, и приобретенный опытъ будетъ служить основаніемъ дальнѣйшихъ усовершенствованій.

Усиленіе состава флота, вооруженіе всѣхъ трехъ дивизій, назначеніе шестимѣсячной кампаніи, формированіе запасныхъ ротъ и морского ополченія, — всѣ эти обстоятельства застали Департаментъ такъ сказать, въ располѣхъ, ибо не могли быть предварены никакими приготовительными распоряженіями, и притомъ въ такое время года, когда всѣ подряды и контракты заключены, и всякая медленность въ заготовленіяхъ отнимала возможность успѣха.

«Сложность учрежденія хозяйственнаго управленія представилась первымъ препятствіемъ къ успѣшнымъ дѣйствіямъ. Необходимость заставила департаментъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приступать къ исполненію распоряженій, не ожидая утвержденія оныхъ высшими инстанціями. Въ послѣдствіи, съ Высочайшаго соизволенія, предложено было Директору Департамента въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряжаться непосредственно и такимъ образомъ дана была возможность неупустительно принимать мѣры къ полному обезпеченію флота необходимыми потребностями.

„Обыкновенные способы заготовленій, посредствомъ подряда и гласныхъ публичныхъ торговъ, во многихъ случаяхъ оказались неудобными; ибо всякое объявленіе, раньше сдѣланное, возмущало цѣну на требуемый предметъ и отнимало возможность приобретать его изъ первыхъ рукъ. Поэтому департаментъ вынужденъ былъ хозяйственнымъ образомъ, чрезъ агентовъ, дѣлать нѣкоторыя закупки на биржѣ и у фабрикантовъ, и такимъ образомъ вошелъ въ непосредственное сношеніе съ лицами, которыя до сего времени не имѣли обыкновенія вступать въ обязательство съ казною.

«Въ истекшемъ году опыты заготовленій разныхъ матеріаловъ и продуктовъ изъ первыхъ рукъ увѣщались полнымъ успѣхомъ, ибо почти всѣ произведенныя такимъ образомъ закупки, не смотря на сѣбистость, обошлись казнѣ дешевле, чѣмъ заготовленіе чрезъ посредство подставныхъ подрядчиковъ, и особенно отличались превосходнымъ качествомъ приобретенныхъ продуктовъ.

«Но произведенный опытъ убѣдилъ также департаментъ и въ той истинѣ, что полезное улучшеніе не можетъ ограничиться однимъ привлеченіемъ къ участію въ дѣлахъ людей благонадежныхъ, ибо это участіе обуславливается необходимыми преобразованіями подвѣдомственныхъ департаменту управленій. Всѣ усилія департамента возбуждать въ честныхъ торговцахъ и фабрикантахъ желаніе имѣть съ казною дѣло, останутся тщетными до тѣхъ поръ, пока управленія, отъ которыхъ зависить пріемъ товаровъ, не получатъ образованіе, болѣе согласное съ цѣлю ихъ учрежденія.

«Существенный недостатокъ въ опредѣлительныхъ и точныхъ штатахъ отдѣльных командъ и отсутствіе свода табелей обмундированія крайне затрудняли и продолжаютъ затруднять департаментъ, при повѣркѣ требованій командировъ, по предметамъ комиссаріатскаго довольствія. Департаментъ въ теченіе всего истекшаго года старался собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія, чтобы привести въ ясность сію важную часть. Но огромный трудъ свода табелей обмундированія и штатовъ не могъ быть конченъ, хотя часть его уже готова. Въ теченіе нынѣшняго года департаментъ надѣется представить на утвержденіе начальства всѣ свои предположенія въ счетъ правительнаго устройства и упрощенія порядка довольствія командъ мундирными матеріалами. Въ настоящее время должно созваться, что неопредѣленность требованій, замѣченная и устраненная въ смѣтѣ Комиссаріатскаго департамента, еще вполнѣ существуетъ въ требованіяхъ командировъ и отпускахъ комиссаріата.

«Необыкновенно продолжительная кампанія прошедшаго года обнаружила ясно всѣ недостатки существующаго порядка отчетности командировъ и всѣ затрудненія, съ которыми сопряжено точное соблюденіе всѣхъ предписанныхъ формъ оной. Въ видахъ улучшенія сей важной части, составленъ уже департаментомъ проектъ совершенно новаго устройства отчетности по расходу морской провизіи, и проектъ этотъ, ежели будетъ утверждаемъ высшимъ начальствомъ, будетъ приведенъ въ исполненіе въ кампанію нынѣшняго года.

«По волѣ Его Императорскаго Высочества Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, всѣ г. Дивизіонные командиры представили замѣчанія свои о недостаткахъ по комиссаріатской и провіантной частямъ, замѣченныхъ ими въ продолженіе кампаніи прошедшаго года» *).

Кромѣ неисчисленныхъ нами разнообразныхъ и въ высокой степени важныхъ донесеній, отчетовъ и списковъ по различнымъ отраслямъ Морскаго управленія, въ „отдѣлѣ официальныхъ статей и извѣстій“ находимъ въ каждомъ номерѣ „Сборника“ по нѣскольку научнаго содержанія, изъ которыхъ назовемъ отчеты о опытахъ надъ Прикишинскимъ каменнымъ углемъ (№ 4-й, отд. II и № 8, вторая часть, отд. II); историко-статистическія описанія Ижорскихъ (№ 5-й, отд. II) и Александровскаго заводовъ (№ 7-й, отд. II), статья о Морскихъ бібліотекахъ Севастопольской (№ 3-й, отд. II) и Кронштадтской (№ 6-й, отд. II).

Опыты, произведенные по приказанію Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала Контръ-Адмираломъ фонъ Шанцемъ надъ Новгородскимъ прикишинскимъ каменнымъ углемъ, приводятъ къ слѣдующему выводу: „съ высушеннымъ Прикишинскимъ углемъ можно, въ случаѣ нужды, производить самыя простыя кузнечныя работы, не требующія сварки. Употребленіе его (сравнительно съ англійскимъ углемъ) сопряжено съ лишнею тратою времени и самаго топлива. Кромѣ того, Прикишинскій уголь можетъ производить на обрабатываемое желѣзо до нѣкоторой степени вредное вліяніе“ (№ 4, отд. II, стр. 310). При вопросѣ о распространеніи употребленія русскаго угля, возбужденномъ въ послѣднее время, выводы эти очень важны.

„Описаніе Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ“, составлено г. подполковникомъ Швабе. На мѣстѣ нынѣшнихъ Ижорскихъ заводовъ были въ 1714 г., по указу Петра Великаго, устроены пильныя мельницы. Но объемъ этихъ заводовъ оставался незначительнымъ до начала текущаго столѣтія, когда положено основаніе настоящему ихъ устройству. Нынѣ Ижорскіе заводы

*) Морск. Сбор. 1855 г. № 2, отд. 11, стр. 227.

состоять изъ 13 различныхъ отдѣленій, какъ-то: мелотовые заводы, мѣдно-литейный и плотиный заводъ, якорный заводъ и проч.

Александровскій пушечный заводъ (въ Петрозаводскѣ) основанъ также Петромъ Великимъ, и сначала изготовлялъ ежегодно орудій по 40 тысячъ пудовъ, и снарядовъ до 60 тысячъ пудовъ. Нынѣ же производитъ онъ вдвое большее количество.

Морская Севастопольская библіотека была основана въ 1821 году командиромъ Черноморскаго флота, адмираломъ Грейгомъ. Въ 1834 году адмиралъ Лазаревъ предложилъ офицерамъ пожертвовать по одному проценту изъ жалованья на постройку для этой библіотеки отдѣльнаго зданія; предложеніе было единодушно принято, и на значительный капиталъ, составившійся такимъ образомъ, было построено, при пособіи отъ покойнаго Государя Императора Николая I, прекрасное зданіе, открытое въ 1844 году. Но черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ открытія оно сгорѣло; тогда покойный Государь Императоръ благоволилъ пожаловать 52,000 р. сер. на постройку новаго зданія библіотеки, которое и было открыто въ 1850 году. Въ октябрѣ прошедшаго года библіотека содержала 8,300 сочиненій, на разныхъ языкахъ, въ 15,334 томахъ. На пріобрѣтеніе новыхъ книгъ и поддержаніе заведенія употреблялось ежегодно до 5,600 р. сер. Она была средоточіемъ жизни всѣхъ офицеровъ въ Севастополѣ. Съ открытіемъ осады великолѣпное зданіе начало страдать отъ бомбъ, изъ которыхъ одна, пробивъ крышу, произвела пожаръ, который съ трудомъ былъ потушенъ. Тогда постоянный покровитель библіотеки, покойный Государь Императоръ, вновь благоволилъ пожаловать 25,000 р. сер. на ея исправленіе.

Флотекая библіотека въ Кронштадтѣ, существующая съ 1832 года, составилось и поддерживается, подобно Севастопольской, вычетомъ одного процента изъ жалованья флотскихъ офицеровъ, ею пользующихся. По словамъ отчета, „съ появленіемъ въ Кронштадтѣ библіотеки, образъ жизни морскихъ офицеровъ много измѣнился: чтеніе и дѣльные умственные занятія начали содѣлываться необходимою потребностію для молодыхъ людей, съ посѣщающихъ“. Къ 1 января текущаго года, библіотека эта заключала сочиненій на русскомъ языкѣ 7907; на французскомъ 1607; на англійскомъ 814 и на нѣмецкомъ 1560, на другихъ 44, всего 11,995 сочиненій и кромѣ того, богатую коллекцію географическихъ картъ.

Третій отдѣлъ „Сборника“,—Гидрографическій, введенъ въ это изданіе съ нынѣшняго года, и предназначенъ замѣнить собою „Записки Гидрографическаго Департамента“, издававшіеся прежде отдѣльнымъ журналомъ. Одна изъ рубрикъ этого новаго отдѣла, „Лоцманскія замѣтки“, также замѣняетъ собою издававшіеся прежде отъ Гидрографическаго Департамента отдѣльными книжками „Извѣстія о перемѣнахъ по Южн“. Черезъ это соединеніе съ журналомъ, представляющимъ общій интересъ, статьямъ гидрографическимъ дается большій кругъ читателей, а „Лоцманскія извѣстія“, постоянно печатаясь въ изданіи, выходившемъ прежде ежемѣсячно, а въ послѣднее время (съ августа) даже по двѣ книжки въ мѣсяцъ, пріобрѣтаютъ возможность своевременнѣе доходить до людей, которымъ необходимы эти свѣдѣнія.

Обширѣйшая изъ помѣщенныхъ въ гидрографическомъ отдѣлѣ статей—

„Карты лейтенанта Мори“ (№ 6, 7, 8). Въ нашихъ литературныхъ журналахъ довольно часто упоминалось объ этихъ картахъ, чрезвычайно важныхъ и для мореплаванія и для физической географіи; но „Морской Сборникъ“ первый сообщилъ о нихъ подробныя извѣстія. „Карты вѣтровъ и дождей“ лейтенантъ Мори успѣлъ издать пока еще только для Атлантическаго океана отъ экватора до 60° сѣверной широты. Поверхность океана раздѣлена въ нихъ на квадраты по 5° географической широты и долготы и для каждаго такого квадрата показано, какіе вѣтры и какъ часто дуютъ на этомъ пространствѣ въ теченіе каждаго изъ мѣсяцевъ года, какъ часто господствуютъ штили, туманы, случаются бури и т. д. На основаніи этихъ картъ составлены для каждаго мѣсяца года „Лоцманскія карты“, по которымъ корабль, идущій изъ Европы въ Америку или обратно, можетъ, смотря по эпохѣ года, къ которой относится его плаваніе, выбрать для себя выгоднѣйшій путь, по которому найдетъ наиболѣе благопріятныхъ и наименѣе противныхъ вѣтровъ, избѣжить тумановъ и бурь, однимъ словомъ, быстрѣе и безопаснѣе, нежели по другимъ направленіямъ, достигнетъ своей цѣли. Сколько пользы приносятъ эти карты, уже доказано опытомъ; такъ, напримѣръ, корабли, слѣдующіе ихъ указаніямъ, сокращаютъ себѣ плаваніе отъ Соединенныхъ-Штатовъ до экватора во многихъ случаяхъ на цѣлыя двѣ недѣли. Еще значительнѣйшую пользу принесутъ приготовляемыя къ изданію карты южной половины Атлантическаго океана и Тихаго океана. Не менѣе важны изданія лейтенантомъ Мори карты пассатныхъ вѣтровъ, также морскихъ теченій и температуры воды на поверхности океана. Изъ соединенія фактовъ, указываемыхъ всѣми этими картами, составлены лейтенантомъ Мори общія „Путевыя карты“ для кораблей, переплывающихъ Атлантическій океанъ. Болѣе частное назначеніе имѣютъ его „Китоловныя карты“, указывающія, въ какіе мѣсяцы года и въ какихъ мѣстахъ океана наиболѣе встрѣчаются киты различныхъ породъ. Непосредственная цѣль всѣхъ этихъ трудовъ—польза мореплаванія; но съ тѣмъ вмѣстѣ они приводятъ къ многочисленнымъ выводамъ, имѣющимъ большую цѣну и для науки.

Въ первой половинѣ девятаго нумера помѣщенъ переводъ статьи самого лейтенанта Мори о лучшемъ средствѣ предотвратить столкновенія между кораблями на пути между Европою и Америкою; онъ предлагаетъ избрать отдѣльные пути для париходовъ, идущихъ изъ Европы и изъ Америки—тогда они будутъ внѣ опасности встрѣчаться между собою; а парусныя суда, которыя будутъ ходить въ полосѣ, лежащей между дорогами париходовъ, будутъ безопасны отъ встрѣчи съ ними.

Какъ бы введеніемъ къ изложенію трудовъ лейтенанта Мори служить статья „Новѣйшіе успѣхи гидрографіи“ (№ 6-й), излагающая преимущественно теорію теченій и приливовъ.

Кромѣ того, въ гидрографическомъ отдѣлѣ помѣщены слѣдующія статьи: Описаніе восточнаго берега Кореи (№ 1); Карта полуострова Кореи (№ 4); Замѣчанія о сѣверномъ Китайскомъ морѣ (№ 5); Портъ Сан-піо-Квинто на островѣ Камигуншѣ (№ 2); пояснительная записка въ картѣ низовьевъ Сыръ-Дарыи (№ 2); Очеркъ береговъ Каспійскаго моря, г. Пвашникова (№ 3); гидрографическіе труды О. О. Беллингегаузена на Черномъ морѣ, г. Соко-

лова (№ 6); изслѣдованіе шторма, бывшаго на Черномъ морѣ 14 ноября 1854 г. (№ 8), г. Ивашишцова. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, особенно Описанія Кореи, Низовьевъ Сыръ-Дарьи, Сѣверной части Китайскаго моря, и Каспійскаго моря и приложенія къ нимъ карты имѣютъ несомнѣнную важность для науки. Изъ описанія „Библіотеки Гидрографическаго Департамента“ (№ 4) мы узнаемъ, что это богатое собраніе заключаетъ въ себѣ нынѣ до 11,189 сочиненій, въ 40,000 томахъ, и въ томъ числѣ много сочиненій, замѣчательныхъ по своей рѣдкости.

Четвертый отдѣлъ „Морскаго Сборника“ — учено-литературный, заключаетъ въ себѣ статьи, наиболѣе занимательныя для большинства читателей, и мы будемъ говорить о нихъ съ болѣшими подробностями, нежели о статьяхъ гидрографическаго отдѣла, чисто специальныхъ. Въ девяти нумерахъ „Морскаго Сборника“ нами разсматриваемыхъ находимъ по этому отдѣлу очень много и очень разнообразныхъ сочиненій. Изъ біографическихъ разсказовъ о дѣятельности замѣчательныхъ сановниковъ нашего флота, мы назовемъ „Воспоминаніе о жизни и службѣ адмирала А. П. Авинова“ (№ 1); „Вице-адмиралъ М. П. Ратмановъ“ (№ 3); „Адмиралъ А. П. фонъ-Крузъ“ (№ 6); „Бригадиръ М. Т. Леонтьевъ“ (№ 8), „Адмиралъ Нахимовъ“ (№ 8), наконецъ очень подробную и интересную біографію адмирала Д. Н. Сенявина, составленную г. Арцымовичемъ (№№ 4 и 8). Начало этой біографіи особенно интересно потому, что въ нее внесены цѣлыя страницы изъ записокъ самого Сенявина о своей жизни. Приводимъ два или три небольшіе отрывка изъ этихъ записокъ:

«Батюшка самъ отвезъ меня въ (Морской) корпусъ, прямо къ майору Г—ву; они скоро ознакомились и скоро подгуляли. Тогда (около 1773 г.) было время такое, безъ хлѣбнаго ничего не дѣлалось. Распрошавшись межъ собой, батюшка сѣлъ въ сани, я подѣловалъ его руку; онъ перекрестилъ меня, и сказалъ: „Прости, Митюха! спущенъ корабль на воду, отданъ Богу на руки—пошелъ!“—и въ мигъ съ глазъ скрылся.

Мальчикъ началъ шалить и дѣлаться, такъ что три года просидѣлъ въ одномъ классѣ; но пріѣхалъ въ Кронштадтъ его дядя, и принялъ мѣры къ исправленію 14-лѣтняго племянника: взявъ его къ себѣ, объяснилъ ему вредъ лѣности, а—

«Въ заключеніе крикнулъ людей съ розгами, положилъ меня на скамейку, и выскѣ препорядочно, прямо какъ родной; право, и теперь то помню, вѣчная ему память и вѣчная за то благодарность. Послѣ обласкавъ меня по прежнему, подарилъ конфетами и самъ проводилъ меня въ корпусъ, рѣшительно подтвердивъ на прощанье, чтобъ я выбралъ себѣ любое; либо учиться, либо каждую недѣлю будутъ мнѣ такія же сѣканціи. Возвратясь въ корпусъ, я призадумался; уже и рѣзвость на умъ нейдетъ, пришелъ въ классы, выучилъ скоро мои уроки; и дѣло пошло изрядно.»

Но вотъ юноша произведенъ въ офицеры, и опредѣленъ на эскадру, крейсерующую у Португальскихъ береговъ. Она зимуетъ въ Лиссабонѣ, и молодой офицеръ принятъ въ хорошемъ обществѣ — здѣсь ожидаетъ его первая любовь:

«Въ этихъ собраніяхъ были всякій разъ двѣ сестры англичанки, по фамиліи П. Меньшая называлась Палси; ей было около 15-ти лѣтъ. Мы другъ другу очень

нравились. Я всегда просилъ ее танцевать; она ни съ кѣмъ почти не танцевала, кромѣ какъ со мной. Къ столу идти—я къ ней подхожу, или она ко мнѣ подбѣжитъ, и всегда выѣстъ. Она выучила по русски нѣсколько пріятныхъ словъ, и говорила со мной; я на другой разъ, выучивъ по англійски, отвѣчалъ ей прилично; и мы такъ свыклись, что послѣдній разъ на прощаньи очень и очень скучали, чуть ли не плакали.»

Черезъ нѣсколько времени Сенявинъ былъ уже адъютантомъ при адмиралѣ Макензи, которому помогалъ въ работахъ при построении первыхъ укрѣпленій и зданій въ Севастополѣ. Приводимъ изъ его записокъ отрывокъ о посѣщеніи новооснованнаго порта и флота Императрицею Екатериною II.

«При вступленіи на катеръ, Государыня милостиво привѣтствуя людей, позволила сказать: «здравствуйте, друзья мои! Какъ далеко я ѣхала, чтобъ только видѣть васъ!» Тутъ матросъ Жаровъ (который послѣ былъ лучший шипперъ во флотѣ) отвѣтствовалъ ей: «Отъ Евдакой Матушки Царицы чего не можешь статься!» (какъ хотите, такъ и разбирайте отвѣта матроса, едва знающаго читать да писать). Государыня оборотясь къ графу Войновичу сказала по французски, съ большимъ, какъ казалось, удовольствіемъ: «Какіе ораторы твои матросы!» Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу: росту были не менѣе каждый десяти вершковъ, прекрасные лицомъ и собою, на правой стороны всѣ были блондины, а на лѣвой всѣ брюнеты. Одежда ихъ была: ранжевые атласные широкіе брюки, шелковые чулки, въ башмакахъ, тонкія полотняныя рубашки, галстухъ тафяный того же цвѣта, нынѣ завязанъ; а когда люди гребли, тогда узелъ галстуха съ концами закинутъ былъ на спину; фуфайка ранжевая тонкаго сукна, выложена разными узорами чернаго шнура (цвѣта ранжевый и черный означаютъ гербъ Императорскій); шляпа круглая съ широкимъ галуномъ съ кистями, и султаномъ страусовыхъ перьевъ. Катеръ блестѣлъ отъ позолоты и лаку. Прочіе капитанскіе катера выкрашены также наилучшими красками подъ лакъ. Гребцы были одѣты въ тонкія синяго сукна фуфайки; бражки шелковые полосатые; розовый платокъ или галстухъ и шляпы съ позументами. Люди на ряяхъ поставлены были въ лѣтнемъ платьѣ: фуфайки и широкіе брюки бѣлые, шелковый галстухъ, круглыя шляпы и въ башмакахъ: кушаки были, по корабляхъ, разныхъ цвѣтовъ, на подобіе лентъ георгіевскихъ, владимірскихъ. За единообразіемъ въ то время, не гнались, было бы только пристойно и хорошо. Лишь только катеръ съ Государыней отвалилъ отъ берега и показался штандартъ, въ то самое время съ судовъ всего флота и крѣпостей салютовано съ každого по 101 выстрѣлу. Потомъ Государыня прибыла противу середины флота, салютовано въ другой разъ. Наконецъ по прибытіи Императрицы къ пристани, по снятіи штандарта, салютовано въ третій разъ по столько же выстрѣловъ. День ясный, клонился къ вечеру: теплота воздуха схлаждалась легкимъ вѣтромъ съ моря и все это выѣстъ привѣтствовало шествіе Государыни наивеличолѣпнѣмъ образомъ. По прибытіи Ея Величества во дворецъ, Генералитетъ, Штабъ и Оверъ офицеры были представлены и всѣ удостоены руки Ея Величества. Я находился въ это время на кораблѣ и былъ занятъ нѣкоторыми распоряженіями и потому представленъ часа съ два спустя, особо. Когда яцѣловалъ руку Государыни, тогда князь Григорій Александровичъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу мою; Ея Величество изволила подать мнѣ другую руку и сказала: «Вотъ ему въ другой разъ и другая рука за хорошую его службу.» Я не могу выразить тогдашній мой восторгъ, а скажу только, всѣ послѣдующія въ жизни моей напращенія никакъ уже сравнятся съ нимъ не могли.»

Во время осады Очакова, Сенявинъ былъ отправленъ къ Синопу, чтобъ этою диверсіею отвлечь турецкій флотъ на южную часть Чернаго моря; потомъ, въ ту же вторую турецкую войну, съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ

турокъ въ Архипелагѣ. Но громкую славу приобрѣли ему смѣлые подвиги у итальянскихъ береговъ въ войну съ французами 1805 года. Въ разсказѣ г. Арцымовича сообщены о нихъ нѣкоторыя новыя подробности, заимствованныя изъ официальныхъ донесеній, хранящихся въ архивѣ Морского Министерства.

Кромѣ біографій, въ „Морскомъ Сборникѣ“ помѣщено много статей, относящихся къ исторіи нашего флота. Изъ нихъ значительнѣйшія: „Плѣнъ въ Англіи корвета Спѣшный и транспорта Вильгельмина“, г. Шульца (№ 1). „Обзоръ дѣйствій на морѣ въ теченіе настоящей войны“, г. Шестакова (№ 2). „Очеркъ плаванія транспорта Нѣманъ“, г. Шульца (№ 3); „Исторія русскихъ призовъ“, кн. Дм. Эр. (№ 6, 7, 8 и 9); „Артиллерійское дѣло при устьѣ Наровы, 6-го іюня 1855 года“, г. Лаврова (№ 9); „Нѣсколько свѣдѣній объ основаніи Кронштадта“, г. Стренцеля (№ 8); „Храмъ Богоявленія, существовавшій въ Кронштадтѣ“ (№ 8); „Объ учрежденіи и измѣненіяхъ въ устройствѣ Адмиралтействъ-Коллегіи“, гр. Д. Толстаго (№ 6); „Охтенскія адмиралтейскія селенія“ г. Мансурова (№ 2). Изъ этихъ статей особенно интересна исторія Адмиралтействъ-Коллегіи.

По регламенту, изданному въ 1722 году, члены этой коллегіи выбирались „изъ старыхъ или увѣчныхъ флагъ-офицеровъ, которые мало удобны уже къ службѣ воинской“. На половину это были иностранцы, незнавшіе русскаго языка—обстоятельство, вынуждавшее у нихъ иногда очень оригинальныя признанія. Такъ, напримѣръ, вице-президентъ коллегіи, вице-адмиралъ Крюйсъ, далъ оберъ-секретарю Тормасову слѣдующее формальное предписаніе: „Всѣ письма, которыя въ докладъ благородному Коллегію надлежатъ, смотрѣть самому (т. е. Тормасову), дабы все управлять, какъ Его Царскаго Величества указъ повелѣваетъ; понеже я (т. е. Крюйсъ) россійскому языку недоволенъ, а и чрезъ письменный переводъ мнѣ пользы не будетъ, для того, что я приказному поведенію незаобычаенъ: того ради вамъ всѣ дѣла напередъ прочитатъ и о томъ тебѣ самому докладывать, а мимо тебя другимъ ни же съ какими дѣлами къ намъ не подходить; а которые указы, приговоры и выписки противны Его Царскаго Величества указу явятся, и въ томъ тебѣ меня хранить; и... ежели какія дѣла хотя въ маломъ чемъ явятся противны Его Царскаго Величества указамъ, регламентамъ и регуламъ, а я въ невѣдѣніи оныя въ несмотрѣніи твоємъ закрѣплю, то взыщется на васъ. И сей указъ записать въ книгу“. Несмотря на преобразование Коллегіи въ 1732 году, прежній порядокъ дѣлъ, по которому, за старостію членовъ коллегіи, всѣмъ управляли низшіе чиновники, продолжалъ существовать до Екатерины II, какъ видимъ изъ списка членовъ, составленнаго для Императора Петра III по запросу: „кто изъ нихъ въ службѣ быть способенъ, и кто зачѣмъ неспособенъ?“ Отвѣты были такого рода: о президентѣ Коллегіи, князѣ Голицынѣ: „За старостію лѣтъ и болѣзнями, болѣе трехъ лѣтъ въ коллежское присутствіе не пріѣзжаютъ, и по своему чину должности отправлять уже не въ состояніи“; объ адмиралѣ Мишурковѣ: „Нынѣ собранію Коллегіи объявилъ, что за старостію на морѣ служить не можетъ; а въ адмиралтейскомъ регламентѣ напечатано: въ Коллегіи члены обыкновенно выбираются изъ старыхъ или увѣчныхъ, ко-

торые мало удобны уже къ службѣ воинской, по силѣ котораго и слѣдовало бы ему присутствовать въ Коллегіи; но за глубокою старостію и дряхлостію и ту должность отправлять признается не въ силахъ» и т. д. При Екатеринѣ составъ Адмиралтейской Коллегіи былъ упрощенъ; со времени же учрежденія Морскаго Министерства (1805) она сдѣлалась только совѣщательнымъ собраніемъ при министрѣ.

По теоріи кораблестроенія и мореходства помѣщено въ учено-литературномъ отдѣлѣ «Морскаго Сборника» болѣе десяти статей, изъ которыхъ назовемъ: «Проектъ комплекта гребныхъ судовъ для 80-пушечнаго корабля», контръ-адмирала фонъ-Шанца (№ 7); по части исторіи и теоріи военного искусства «Объ ударныхъ трубкахъ для разрывныхъ артиллерійскихъ сварядовъ», г. Константинова (№ 2) и «Послѣдовательныя усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія», его же (№ 7). Изъ послѣдней заимствуемъ подробности, относящіяся къ штуцерамъ.

При гладкоствольномъ оружіи (т. е. безъ нарѣзокъ въ стволѣ) необходимъ значительный зазоръ (т. е. пустое пространство между пулею и стѣнками ствола); по причинѣ зазора, пуля подвергается не центральному давленію пороховыхъ газовъ: часть газовъ, которая прорывается между поверхностью пули и внутреннею поверхностью канала ствола, производитъ вращательное движеніе пули, неправильность котораго усиливается толчками пули о стѣны канала ствола, и послѣ вылета ея изъ ствола увеличивается сопротивленіемъ воздуха отъ неправильной формы пули, въ которой центр тяжести не совпадаетъ съ центромъ фигуры. Такимъ образомъ пуля на полетѣ переворачивается и мѣняетъ свое направленіе самымъ неправильнымъ образомъ. Для предотвращенія этихъ неправильностей, ослабляющихъ силу выстрѣла и дѣлающихъ невозможнымъ вѣрный прицѣлъ, единственное средство — сообщить пулѣ правильное винтообразное движеніе по оси, которая совпадаетъ съ линіею полета ея. Съ этою цѣлью еще въ концѣ XV вѣка вѣнскій оружейникъ Гаспаръ Цоллеръ сталъ нарѣзывать въ стволѣ винтовія дорожки, которыя сообщаютъ пулѣ винтообразное круженіе и доставляютъ слѣдующія выгоды: имп отстраняется всякая неправильность вращенія пули на полетѣ, и пуля правильно вертятся вокругъ оси своего полета, становится какъ бы совершенно правильно выточенною, такъ что на полетѣ центръ ея тяжести совпадаетъ съ центромъ ея фигуры, вокругъ котораго она вертится; кромѣ того, по отсутствію зазора, сила пороха не тратится, и пуля летитъ сильнѣе и дальше. Но заряджаніе такого оружія (винтовокъ) требовало столькихъ хлопотъ и времени, что оно доселѣ употреблялось только для охоты и стрѣльбы въ цѣль; въ битвахъ, гдѣ нужно заряжать легко и поспѣшно, винтовки могли только затруднять солдата. Но пуля, придуманная французскимъ капитаномъ Минье, устранила это неудобство: ея ружье съ внутренними нарѣзками заряжается такъ же легко и удобно, какъ простое ружье простою пулею. Она, какъ извѣстно, имѣетъ коническій видъ, и на толстомъ (заднемъ) концѣ ея сдѣлано углубленіе, въ которое вставляется чашечка изъ листового желѣза. Сила выстрѣла вгоняетъ эту чашечку внутрь углубленія, и довольно тонкія стѣнки пули, образующія это углубленіе, расширяются отъ напора чашечки, такъ что самымъ плотнымъ образомъ вдавливаются въ нарѣзки ствола и при-

легаютъ къ его стѣнкамъ, между тѣмъ, какъ до этого расширенія пуля могла двигаться по стволу свободно, и слѣдовательно, зарядить ея ружье было совершенно легко. Это простое, но важное изобрѣтеніе дало возможность вооружить войска парѣзнымъ оружіемъ, имѣющимъ всѣ достоинства охотничьихъ винтовокъ, но могущимъ посылать одинъ выстрѣлъ за другимъ такъ же быстро, какъ прѣжнія простыя ружья.

Намъ остается теперь, упомянувъ о прекрасномъ описаніи Пулковской Обсерваторіи г. Савича (№ 8), перейти къ рассказамъ о путешествіяхъ, принадлежащимъ къ числу лучшихъ статей «Морскаго Сборника». Оригинальныя статьи этого содержанія, помѣщенныя въ книжкахъ нынѣшняго года, почти всѣ относятся къ плаванію экспедиціи, которую снаряжало Русское Правительство съ цѣлью убѣдить японцевъ открыть свои порты европейской торговлѣ. Введеніемъ къ ряду этихъ интересныхъ отрывковъ служить прекрасная статья Зибольда «Дѣйствія Россіи и Нидерландовъ къ открытію Японіи для торговли всѣхъ народовъ» (№ 3); карта Японіи, приложенная къ этой статьѣ, очень любопытна потому, что есть снимокъ съ карты, составленной и гравированной японскими учеными. Въ слѣдующихъ нумерахъ «Сборника» помѣщены три статьи г. Гончарова: «Замѣтки на пути отъ Маниллы до береговъ Сибири» (№ 5); «Изъ Якутска» (№ 6) и «Русскіе въ Японіи» (№ 9). Хвалить эти статьи, написанныя съ всегдашнимъ талантомъ автора «Обыкновенной Исторіи», мы считаемъ совершенно излишнимъ, точно также какъ и замѣчать, что литературныя достоинства ихъ возвышаются малоизвѣстностью тѣхъ странъ, которыя описываетъ г. Гончаровъ. Корея, о которой преимущественно говорится въ первомъ отрывкѣ изъ записокъ русскаго путешественника, была посѣщаемъ европейцами едва ли не рѣже, нежели даже самая Японія; а Якутскъ, о которомъ рассказываетъ г. Гончаровъ въ другой статьѣ, извѣстенъ, кажется, гораздо менѣе Нагасаки. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь одинъ отрывокъ изъ прекрасныхъ записокъ г. Гончарова,—рассказъ о визитѣ къ нагасацкому губернатору для торжественной передачи депешъ.

«Что это? откуда я? гдѣ былъ, что видѣлъ и слышалъ? Прожилъ ли одинъ часъ изъ тысячи одной ночи, просидѣлъ ли въ волшебномъ балетѣ, или такъ мелькнулъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ калейдоскопическихъ узоровъ, которые мелькнутъ разъ въ воображеніи, поразятъ своею яркостью, невозможностью, и пропадутъ безъ слѣда?»

«Вы конечно бывали во всевозможныхъ балетахъ, видали много картинъ въ восточномъ вкусѣ, и потомъ забывали, какъ минутную мечту, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни? Ну, а еслибъ вдругъ вамъ сказали, что этотъ балетъ, эта мечта, узоръ, сонъ—не балетъ, не мечта, не узоръ и не сонъ, а чистѣйшая дѣйствительность? —«Гдѣ нибудь на островахъ, у Излера?» возразите вы. Да, на островахъ конечно, но не у Излера, а у Овосавы Бунгоно Ками Сама, Нагасацкаго губернатора. Мы сейчасъ отъ него. Не подумайте, чтобъ тамъ поразила васъ какая нибудь нелѣпая нестрѣта, отъ которой глазамъ больно, груди яркихъ тканей, драгоценныхъ камней, ковровъ, арабески, все, что называютъ восточною роскошью,—нѣтъ, этого ничего не было. Напротивъ все просто, скромно, даже бѣдно, но все странно, ново; что шатъ, то небывалое для насъ.

«Еще 5, 6 и 7 сентября ежедневно ѣздили къ намъ гокейасы договариваться о церемоніалѣ нашего посѣщенія. Вы тамъ, въ Европѣ, хлопчете въ эту минуту о томъ,

быть или не быть, а мы цѣлые дни бились надъ вопросами — сидѣть или не сидѣть, стоять или не стоять, потомъ какъ и на чемъ сидѣть и т. п. Японцы предложили сидѣть по своему, на полу, на пяткахъ. Ставьте на колѣни и потомъ садьте на пятки—вотъ это и значить сидѣть по японски. Попробуйте, увидите, какъ ловко: пять минутъ не просидите, — а японцы сидятъ по нѣскольку часовъ. Мы объявили, что не умѣемъ, такъ сидѣть, а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по нашему, на креслахъ. Но японцы тоже не умѣютъ сидѣть по нашему, а кажется, чего проще? — съ непривычки у нихъ затекаютъ ноги. Припомните какъ угощали другъ друга *Журавль и Лисица* — это буквально одно и тоже. На другой день, рано утромъ, явились японцы, среди дня опять японцы и къ вечеру они же. То и дѣло прѣзжаетъ ихъ длинная, широкая лодка, съ шелковымъ хвостомъ на носу, съ разрубленной кормой. Это младшіе *толки* ѣдутъ сказать, что сейчасъ будутъ старшіе *толки*, а тѣ возвращаются уже о прибытіи *гокейнсовъ*. Зачѣмъ еще? «Да все о перемональ» — «Опять?» — Мнѣніе губернатора привезли. — Ну?» — «Губернаторъ проситъ, нельзя ли на полу-то вамъ посидѣть?...» началъ со смѣхомъ и ужимками Кичибе.

«Онъ воротится изъ Едо, куда были посланы, кажется, чтобы присутствовать при переговорахъ съ американцами, замѣнилъ Ёбоду и Садагору, какъ старшій. — „Ахъ, ты, Боже мой! вѣдь сказали, что не садимъ, не умѣемъ, и платя у насъ не такъ шиты, и тяжело намъ сидѣть на пяткахъ...“ — „Да вы садьте хоть не на пятки, а протяните ноги куда нибудь въ сторону...“ — „Не оставятъ ли ихъ на фрегатѣ?“ ворчали у насъ и наконецъ разсердились. Мы объявили, что привеземъ свои кресла и стулья и садимъ на нихъ, а губернаторъ пусть сидитъ, на чемъ и какъ хочетъ. — Кичибе, Ёбода и Садагора, всѣ поникли головой, но потомъ согласились. Все это говорили они намъ въ каштанской каютѣ. Адмиралъ объявилъ имъ утромъ свой отвѣтъ и, узнавъ, что они вечеромъ прѣехали опять съ пустяками, съ объясненіями о томъ, какъ сидѣть, уже ихъ не принялъ, а поручилъ разговаривать съ ними намъ. „Да вотъ еще, просили они: губернаторъ желалъ бы угостить васъ, такъ проситъ принять завтракъ.“ — „Съ удовольствіемъ“, приказалъ сказать Адмиралъ. —» После разговора о дѣлахъ, продолжалъ Кичибе, губернаторъ пойдетъ къ себѣ *отдохнуть*, и вы тоже пойдете отдохнуть въ другую комнату, прибавилъ онъ, вертясь на стулѣ и судорожно смѣясь, да н... позавтракаете.» — «Одни? спросили его: вы никакъ съ ума сошли? У насъ въ Европѣ этого не дѣлается.» — «Но японски это весьма употребительно, сказали они, мы такъ всегда»... Но кажется лгали: они хотѣли подражать Адмиралу, который велѣлъ приготовить въ первое свиданіе завтракъ для гокейнсовъ и поручилъ намъ угощать ихъ, а самъ не присутствовалъ. — Боже мой, сколько просьбъ, моленій! Кичибе вертѣлся, суетился, судорожно хохоталъ у него по вискамъ лились потоки испарины. Ёбода кланялся, улыбался, какъ только могъ хуже. Суровый Садагора, и тотъ осклабился. Но мы были непреклонны. Всѣ *толки* опечалились. Со вздохомъ перешли они потомъ къ другимъ вопросамъ, напримѣръ къ тому, въ чьихъ шлюпкахъ мы поѣдемъ, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этимъ хотятъ выразить намъ уваженіе. Но мы уклонились и сказали, что у насъ много своихъ. Опять упрашивавшая съ ихъ стороны, отказъ съ нашей; у нихъ вытянулась лица. Все это такія мелочи, о которыхъ странно бы было спорить, еслибъ онѣ не вели за собой довольно важныхъ послѣдствій. Уступка ихъ настояніямъ въ пустякахъ могла дать имъ поводъ требовать уступокъ и въ серьезныхъ вопросахъ и пожалуй, въ нѣкоторой запосчивости въ сношеніяхъ съ нами.»

«У насъ стали думать, чѣмъ бы оказать имъ вниманіе, чтобы смягчить отказы, и придумали шить легкіе полотняные или коленкоревые башмаки, чтобы надѣть ихъ сверхъ сапогъ, входя въ японскія комнаты. Это—восточный обычай скидывать обувь, и японцамъ конечно должно понравиться, что мы не хотимъ топтать ихъ пола, на которомъ они ѣдятъ, пьютъ и лежатъ. Пошла суматоха. Надо было въ сутки шить, разумѣется на живую нитку, башмаки. Всѣхъ заняли, кто только умѣлъ держать въ рукахъ иглу. Судя потому, какъ плохо были шиты мои башмаки, я подозреваю, что ихъ шилъ самъ Оадѣвѣ, хотя онъ и обѣщалъ дать шить паруснику. Нѣкоторые изъ насъ подумывали было ѣхать въ калошахъ, чтобы было что снять при входѣ въ ком-

нату, но для одисобразія, послѣдовали общему примѣру. Впрочемъ я, пожалуй не прочь бы и сапоги снять, даже сѣсть на полъ, лишь бы присутствовать при церемоніи. Вечеромъ, видимъ опять ѣдутъ японцы. — Который это разъ! «За чѣмъ?» — «Да все о церемоніалѣ.» — «Что еще?» — «Губернаторъ проситъ, нельзя ли вамъ угощаться безъ него: такъ выходить хорошо по японски, говоритъ Кичибе. «А по русски не выходить», отвѣчаютъ ему. Начались поклоны и упрасиванья. «Ну хорошо, скажите имъ, приказалъ объявить Адмиралъ, узнавъ, за чѣмъ они пріѣхали:—что пожалуй они могутъ подать чай, такъ какъ это ихъ обычай, но чтобъ о завтракѣ и помину не было.» Японцы обрадовались и тому, особенно Кичибе: видно, ему приказано отъ губернатора непремѣнно устроить, чтобъ мы приняли завтракъ; губернатору конечно предписано отъ Горочью, а этому отъ Сіюгуна.—«Еще губернаторъ, началъ Кичибе, проситъ на счетъ шлюпокъ: нельзя ли вамъ ѣхать на нашей...» — «Пельзя», коротко и сухо отвѣчено ему. Стали потомъ договариваться о свитѣ, о числѣ людей, о караулѣ, о носилкахъ, которыхъ требовали для всѣхъ офицеровъ непремѣнно, и обо всемъ надо было спорить почти до слезъ. О музыкѣ они не сдѣлали, противъ ожиданія, викакого возраженія: вѣроятно всѣмъ, въ томъ числѣ и губернатору, хотѣлось послушать ее. Уѣхали. На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновенію, настоять на угощеніи завтракомъ, также на томъ, чтобъ ѣхать на ихъ шлюпкахъ, но напрасно. Имъ очень хотѣлось настоять на-этомъ, конечно за тѣмъ, чтобъ показать народу, что мы не ѣдемъ сами а насъ везутъ, словомъ, что чужіе въ Японіи воли не имѣютъ. Потомъ переводчики попросили изложить по голландски всѣ пункты церемоніала и отдать бумагу имъ, для доставленія губернатору. Имъ сказано, что бумага къ вечеру будетъ готова и чтобъ они пріѣхали за ней, но они объявили, что лучше подождутъ. Я ушелъ обѣдать, а они все ждали, потомъ легъ спать, опять пришелъ, а они не уѣзжали, и такъ прождали до ночи. Имъ дали на ютѣ обѣдать и П. обѣдалъ съ ними. Нужды нѣтъ, что у нихъ не бѣдятъ мяса, а они бѣли у насъ пирожки съ говядиной и супъ съ курицей. Велѣли принести съ лодокъ и свой обѣдъ, между прочимъ рыбу, жареную, *пресованную* и разрѣзанную правильными кусочками. К. Н. П. говоритъ, что это хорошо. Не знаю, правдали: онъ, въ дѣлѣ гастрономіи, такой снисходительный. Они уѣхали сказавъ, что свиданіе назначено завтра, 9 числа, что *регент-мейстеръ* первый послѣ губернатора чиновникъ въ городѣ, и два губернаторскихъ секретаря пріѣдутъ извѣстить насъ, что губернаторъ готовъ принять. Мы назначили ему 10 часовъ утра. Тутъ они пустились въ договоры, какъ примемъ, гдѣ посадимъ чиновниковъ.—«На креслахъ, на диванѣ, на полу: пусть сядутъ гдѣ хотятъ, на право, на лѣво, пусть влѣзутъ хоть на столъ, сказано имъ.—«Нельзя ли нарисовать, какъ они будутъ сидѣть?» сказалъ Кичибе. Ну, сдѣлайте милость: скажите, что дѣлать съ такимъ народомъ? А надо говорить о дѣлѣ: дай Богъ терпѣніе! Вотъ что значитъ запереться отъ всѣхъ: незамѣтно въ дѣтство впадешь. Настало вожаденное утро—мы цѣлый мѣсяцъ здѣсь: знаемъ подробно японскихъ свиней, оленей, даже раковъ, не говоря о самихъ японцахъ, а о Японіи еще ничего сказать не могли.

«Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава Бунгона Камі Сама, Нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланной бѣлыми циновками, мы увидѣли и нашихъ переводчиковъ. Впереди всѣхъ былъ Кичибе. Ужъ онъ маялся отъ нетерпѣнія, ему, повидимому, давно хотѣлось очнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, пошевелиться, пошумѣть и побѣгать. Только что мы на крыльцо, онъ вскочалъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывалъ рукой на амфиладу комнатъ, приглашая идти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкоровыхъ баламаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Оадѣвымъ, едва натащили. Я не узналъ Оадѣва: весь въ красномъ, въ ливреѣ, въ стоячемъ воротникѣ, а лицо на сторону—неподражаемъ. Онъ числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ, для прислуги, ко мнѣ.

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны заклеенная, вмѣсто стекла, бумагой рама доходила до полу, съ другой подвижныя бумажныя разрисованныя, и весьма

недурно, или сдѣланныя изъ позолоченной и посеребренной бумаги, ширмы, такъ что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ. Въ глубинѣ комнаты сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ, человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ, съ комическою важностію. Ни бровь, ни глазъ не шевелились. Не слышно и не видно было, дышутъ ли, мигаютъ ли эти фигуры, живыя ли они наконецъ? и сколько ихъ! Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ, вотъ двѣ только массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ, въ маленькомъ проходѣ, далѣе олять длинныя шеренги. Тутъ и молодые и старые, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдить съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ 40 лѣтъ, и почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между тѣмъ всѣ они устави́ли глаза въ стѣну, или въ полъ, и кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ гримасу глупѣе. Всѣ болѣе или менѣе, успѣли въ этомъ, многіе конечно неумышленно. Общій видъ картины былъ невыразимъ. Я былъ, какъ нельзя болѣе, доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. «Башмаки, башмаки!» слышу вдругъ чей-то шепотъ. Гляжу—на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? «Еще за три комнаты оставилъ», говорятъ мнѣ. Я увлекся и незамѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ башмаки лежать на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть также смиренно и безъ насъ, какъ при насъ; они и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ входимъ въ залу, свѣтите и больше другихъ, съ голыми стѣнами, или ширмами, только справа въ стѣнѣ стоялъ въ нишѣ золоченный большой лукъ. Знакъ ли это губерваторскаго сана, или такъ, украшеніе—я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими пыновками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектъ сидищихъ на полу фигуръ былъ еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать. Въ одно время съ нами показался въ залу и Овосава Бунгоно Каміи Сама, высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Овосава—это имя, Бунгоно—нѣчто въ родѣ фамиліи, которая кажется дается, какъ и въ нѣкоторыхъ евронеискихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по крайней мѣрѣ такъ у высшаго сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, ничто иное, какъ грамматическая форма. *Каміи*—почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ*; *Сама*—господинъ, титулъ прибавляемый сзади именъ всѣхъ чиновныхъ лицъ.

«Мы взаимно раскланялись. Кланяясь, я случайно взглянулъ на ноги—проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ. Они лежатъ подлѣ сапогъ. Оспираясь на руку Б. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напаялъ ихъ на ноги. «Не хорошо!» прошепталъ чуть слышно Б. и засмѣялся, слышнымъ только мнѣ да ему, смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. «Не хорошо», прошепталъ я въ свою очередь. А между тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, просилъ передать ему письмо, и, указывая на стоявшій на маленькомъ столикѣ, маленькій же, лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда. Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*, Богъ вѣдаетъ отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла, по уговору, стоя. Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ повели и черезъ которую мы проходили, не было никого, сидиція фигуры убрались вонъ. Тамъ стояло привезенное съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому не достало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что пришесть въ *отдыхальню* безъ башмаковъ: они остались въ пріемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ я положилъ ихъ въ ящикъ и дѣло такъ и осталось. За нами вслѣдъ, шумной толпой, явились знакомыя лица, переводчики, они ринулись на полъ и въ три ряда устлились, по своему. Мы завели съ ними разговоръ. «У васъ стеколъ нѣтъ вовсе въ рамкахъ?» спросилъ К. И. П. «Нѣтъ». Молчаніе.

«У васъ всё дома въ одинъ этажъ, или бываетъ въ два этажа»? спрашивалъ П. «Бываетъ въ два», отвѣчалъ Кичибѣ и поглядѣлъ на Лёду. «И въ три», сказалъ тотъ и поглядѣлъ на Садагору. «Бываетъ тоже и въ пять»; сказалъ Садагора. Мы засмѣялись. «Часто у васъ бываютъ землетрясенія?» спросилъ П. «Да бываютъ», отвѣчалъ Садагора, глядя на Лёду. «Какъ часто, въ 10, или въ 20 лѣтъ?»—«Да, и въ 10, и въ 20 лѣтъ бываетъ», сказалъ Лёда, поглядывая на Кичибѣ и на Садагору. «Горы раздѣляются и дома падаютъ», прибавилъ Садагора. И въ этомъ тонѣ продолжался разговоръ.

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣніемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тянуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ, то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскій. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахару. Опять появились слуги: каждый несъ приборъ, лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, маленькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было трудаѣе возиться. Японцамъ хорошо, сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всё эти штуки, набивать трубку, закуривать углями, вытряхивать пепель, а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощеніе *Лисицы* и *Журавля*. Хотя табакъ японскій былъ намъ уже извѣстенъ, но мы сочли долгомъ выкурить по трубкѣ, если только можно назвать трубкой эти наперстки, въ которые не помѣстится щепотъ нюхательнаго, не то что курительнаго табаку. Кажется я выше сказалъ, что японскій табакъ чрезвычайно мягокъ и крошится длинными волокнами. Онъ такъ мелокъ, что въ пачкѣ съ перваго взгляда похожъ на кучу какой-то темно-красной пыли. Трудно было нагнуться со стула къ жаровнѣ, стоявшей на полу: я хотѣлъ взять уголь рукой, но роль Спевазы оказалась не по мнѣ и я уравнилъ уголь на цыновку; надо было проворно поднять его, чтобы не испортить цыновки, и положить въ жаровню, помогъ дуть на пальцы. Я проклялъ журавлиное угощеніе.

«Кичибѣ суетился: то побѣжить въ пріемную залу, то на крыльцо, то опять къ намъ. Между прочимъ онъ пришелъ спросить, можно ли позвать музыкантовъ *отдохнуть*. «Хорошо, можно» отвѣчали ему и въ то же время послали офицера предупредить музыкантовъ, чтобы они больше одной рюмки вина не пили.

«Только что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящикомъ. Поставили передъ нами по ящику: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ—конфеты. Большой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка. Далѣе рыба, изъ дряннаго сахара, крашеная и намазанная какимъ-то масломъ. Наконецъ мелкія сухія конфеты: обсахаренные плоды и между прочимъ морковь. Не правда ли, отчаянная смѣлость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, не дурно: если, на основаніи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно «съѣсть и обсахаренную подошву», то морковь конечно и подавно! Да, взаперти многого не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороку включительно!

Наконецъ, не зная, въ который разъ, въбѣжавшій Кичибѣ объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, т. е. если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ самомъ дѣлѣ устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ пріемную залу и начался разговоръ. Прежде всего сѣли на принесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышеніе на четверть аршина отъ пола. Кичибѣ и Лёда оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибѣ. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣлъ, пронзительный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложился лбомъ на полъ. Лёда лежалъ все время такъ, и только изъ подлѣбья бросалъ такіе

же пронзительные взгляды, то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибе, а Люда присутствовали только для повѣрки перевода, и наконецъ, для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣнъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора. Воцарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированного ящика бумагу и началъ читать чуть слышимымъ голосомъ, но внятно. Только онъ кончилъ, одинъ старикъ дѣшнво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или лучше, палъ на колѣна, съ поклономъ принявъ бумагу, пошелъ къ Кичибе, опять палъ на колѣна, безъ поклона подалъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто. Послѣ этого вдругъ раздались крикливый, жестокій, какъ карканье вороны, голосъ Кичибе. Смѣяться онъ не смѣлъ, но втягивалъ воздухъ въ себя; гримасамъ и восклицаніямъ не было конца.

«Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только было, на вопросъ Адмирала, я разинулъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же порядкомъ прочелъ ее, тотъ же старикъ, секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что «скорого отвѣта на письмо быть не можетъ». Оно покажется не логически, не прочитавши письма, сказать, что скорого отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики, и помнить, что въѣдъ это крайній востокъ.

«Пока читали бумаги, я всматривался въ лица губернатора и его придворныхъ, занимаясь сортировкой фizioномій—на смысленныя, живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, отъ недостатка умственного движенія. Было также нѣсколько загадочныхъ, скрытыхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ въ глазахъ прятался огонь, хотя они и смотрѣли, по обыкновенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти спящія страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У нихъ, кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ, какъ можно глупѣе, и отъ того тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣе всѣхъ прочихъ, такъ это, можетъ быть, и потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Едо вѣрно и онъ кажется глупѣе. Одно лицо забавляе другаго. Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба Городзаймонъ, наиримѣрь. Его узнать нельзя: онъ, изъ почтенія, даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣя дохнуть, и такъ ровно, какъ будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться съ кѣмъ нибудь глазами. Ни Самбрю, ни Ойе-Самброски, ни переводчики не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ. Впрочемъ, въ ихъ уваженія къ старшимъ, я не замѣтилъ страха, или подобострастія. Это дѣлается у нихъ какъ то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и отъ того это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то вѣроятно это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль представленный для насъ. Должно быть и японцы, въ другое время, не сидятъ, точно одурѣлые, или, какъ фигуры воскового кабинета, не дѣлаютъ такихъ глупыхъ лицъ и не валяются на полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собой вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и малоли что мнѣ думалось!

«Еще мнѣ понравилось въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и льняныхъ маantilій, отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, красного, желтаго, зеленаго—все смѣсь, нѣжныя, смягченные оттѣнки того, другого, или третьяго. Не вѣрте картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи, въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ, и индійцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетѣ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ нисшаго класса, въ большинствѣ, во первыхъ бросается въ глаза нагота, какъ я сказалъ, а потомъ преобладаетъ какой нибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ, большею частію синій. Въ платьяхъ же другихъ, высшихъ классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, во съ большою строгостію и вкусомъ въ выборѣ ихъ. Пробѣгая глазами только по

платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сижу: вѣсто крайняго востока—какъ будто на крайнемъ западѣ: цвѣта какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штофныхъ, и то не яркихъ юбокъ, у стариковъ. У прочихъ, у кого гладкая, сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносиняго, цвѣта *Adelaide, vert de gris, vert de romme*, словомъ всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, *couleurs fantaisie*, были тутъ.

«Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, *pensée*, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его, покроемъ, отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе, послѣдніе у кисти руки широки, все вмѣстѣ похоже на мантили нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія то наставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соответствующій нашимъ вицъ-мундирамъ. Скажите, дулалъ ли я, думали ли вы, что мнѣ придется писать о японскихъ модахъ?»

«Съ какой холодной важностью и строгостью въ лицѣ, съ какимъ достоинствомъ говорилъ губернаторъ, глядя полусурово, но съ любопытствомъ, на насъ, на новыя для него лица, манеры, прически, на шитые золотомъ и серебромъ мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращеніе. Мы скрадывали невольныя улыбки, глядя, какъ онъ старался поддержать свое, истинно японское достоинство. Но это длилось не долго. Вдругъ когда онъ сталъ объяснять, почему скоро нельзя получить отвѣта изъ Едо, приводя, между прочими причинами, разстояніе. Адмиралъ сдѣлалъ ему самый простой и естественный вопросъ: «а если мы сами пойдемъ въ Едо моремъ, на своихъ судахъ: дѣло значительно ускорится? Мы, при хорошемъ вѣтрѣ, можемъ быть тамъ въ какуюнибудь недѣлю. Какъ онъ думаетъ»? Какая вдругъ перемѣна съ губернаторомъ! что съ нимъ сдѣлалось? куда дѣлся торжественный, сухой и важный тонъ и гордая мива? Его японское превосходительство смутилось. Онъ вдругъ снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть. Потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону и, съ умилной улыбкой, мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ, говорилъ тихо и долго. «Хи, хи, хи!» слышалось только изъ Кичибе, который, какъ груда какаянибудь, образующая фигурой опрскинутую вверхъ дномъ шлюпку, лежалъ, судорожно подергиваясь отъ этого, вѣсма существомъ его произносиваго *хи*. Губернаторъ говорилъ что «*японскому глазу болѣе видѣть чужіе суда въ другихъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасаки, что отвѣта мы тѣмъ не ускоримъ, когда пойдемъ сами*», и т. п. Потомъ начались учтивости. Съ обѣихъ сторонъ увѣряли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: намъ въ самомъ дѣлѣ любопытно было видѣть губернатора, тѣмъ болѣе, что мы мѣсяцъ не сходили съ фрегата и во всякомъ случаѣ видѣли въ этомъ развлеченіе. Но за Г. Овосаву можно было поручиться, что въ немъ въ эту минуту сидѣлъ самъ отецъ лжи, дьяволъ, къ которому онъ насъ, конечно, и посылалъ мысленно. Говорять, не въ пору гость хуже татарина: въ этомъ смыслѣ Русскіе были для него дѣйствительно хуже татаръ. Овосавѣ оставалось всего какихънибудь два мѣсяца до отъѣзда, когда, мы пріѣхали. Событіе это, т. е. нашъ пріѣздъ такъ важно для Японіи, что правительство сочло необходимымъ присутствие обоихъ губернаторовъ въ Нагасаки. Неправда, что Овосава Бунгоно имѣлъ причину сѣтовать на наше посѣщеніе?

«Послѣ размѣна учтивостей, губернаторъ всталъ и хотѣлъ было уходить, но Адмиралъ предлагалъ еще нѣкоторые вопросы. Губернаторъ просилъ отложить ихъ до другаго времени, опасаясь конечно всякихъ вопросовъ, на которые, безъ разрѣшенія изъ Едо, не зналъ бы что отвѣчать. Онъ раскланялся и скрылся. Мы пошли назадъ. За нами кинулась толпа чиновниковъ и переводчиковъ. Тутъ былъ и Баба Городзаймонъ. «Здравствуй Баба!» сказалъ я ужъ не помню, на какомъ языкѣ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой. Тутъ мы видѣли его, чутъ ли не въ послѣдній разъ. Его въ тотъ же день услали съ нашимъ письмомъ въ Едо. Онъ былъ счастливъ: онъ тоже отслужилъ годичный срокъ и готовился уѣхать съ губернаторомъ къ семейству, въ обѣянныя супруги, а можетъ быть и супругъ: у нихъ многоженство не запрещено.

«Проходя черезъ *отдыхальню*, мы были остановлены переводчиками. Они заступили намъ дорогу и просили—покупать. Въ комнатѣ стоялъ большой, прекрасно

сервированный столъ, уставленный блюдами, бутылками всѣхъ формъ, т. е. мадерой, бордо, и чего чего тамъ не было! Все на европейскій ладъ: вѣроятно столъ, посуда и вина, а можетъ быть и кушанья—взяты были у голландцевъ. Адмиралъ приказалъ повторить свое неизбежное условіе, т. е. чтобы губернаторъ участвовалъ въ завтракѣ. Кичибѣ кланялся, разводилъ руками, давился судорожнымъ смѣхомъ и все двигался къ столу, усердно приглашая и насъ. Другіе не оставали отъ него, улыбаясь, при-сѣдали—все напрасно. Мы покосились на завтракъ, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиковъ. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, караулъ отдалъ честь полномочному, и мы, въ прежнемъ порядкѣ, двинулись къ пристани.

Замѣтимъ еще статью г. Фесуна: «Калла и Лима» (№ 7)—интересную ужъ по одному тому обстоятельству, что со временъ капитана Головинна, посѣтившаго Перу въ 1818 году, въ этой странѣ еще не былъ ни одинъ русскій военный корабль, до фрегата «Авроры», въ числѣ офицеровъ котораго находился авторъ разсказа, представляющаго нѣкоторыя любопытныя подробности о состояніи Перу и столицѣ этого государства.

Изъ множества разнообразныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Смѣси», укажемъ постоянныя свѣжія и очень дѣльныя извѣстія о флотахъ важнѣйшихъ морскихъ державъ, особенно Англіи и Франціи, о всѣхъ новѣйшихъ улучшеніяхъ въ кораблестроеніи, также выписки изъ статей иностранныхъ газетъ о различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ союзныхъ флотовъ въ настоящую войну.

Въ Библиографіи помѣщены рецензіи новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій по морской части; изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія подробный разборъ сочиненія англійскаго генерала Дунгаса «О морской артиллеріи».

Оканчивая нашъ отчетъ о первыхъ девяти книжкахъ «Морскаго Сборника» за текущій годъ, повторимъ, что по общему сужденію всѣхъ своихъ читателей, этотъ журналъ въ настоящее время столько же превосходитъ всѣ остальные наши спеціальныя періодическія изданія по своему достоинству, какъ и по объему. А внимательное разсмотрѣніе его массивныхъ книжекъ убѣждаетъ въ томъ, что редакція, стараясь исполнить Высочую волю Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, дѣятельно и успѣшно заботится о всевозможномъ усовершенствованіи «Сборника», успѣвшаго уже занять почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ.

Жизнь Жоржа Санда *).

(Histoire de ma vie. Paris. 1854—1856. XIII vol.).

Статья первая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли какое нибудь явленіе въ изящной словесности послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ имѣло столь сильный успѣхъ, какъ мемуары Жоржа Санда. Успѣхъ этотъ былъ вполне заслуженъ. „Современникъ“ почелъ своею обязанностью знакомить русскую публику съ новымъ произведеніемъ этой писательницы, но мѣръ того, какъ оно писалось въ фельетонахъ одной изъ парижскихъ газетъ. Четыре статьи, помѣщенные въ „Современникъ“ 1854 и 1855 годовъ („Исторія моей жизни“, Жоржа Санда. „Современникъ“ 1854. № XII, и 1855, №№ I, III и VI), представляютъ почти полный переводъ одиннадцати главъ первой книги. Но потомъ мы остановились продолженіемъ этихъ статей, увидѣвъ необходимость дожидаться окончанія „Записокъ“ и тогда уже, на основаніи общаго впечатлѣнія, производимаго всеѣмъ цѣлымъ, рѣшить, какую форму удобнѣе избрать намъ для передачи ихъ содержанія на русскомъ языкѣ. Такое замедленіе было вынуждено и объемомъ и самымъ тономъ „Записокъ“. Казалось, что Жоржъ Сандъ намѣрена дать имъ громадный размѣръ, безъ разбора печатая все письма своихъ родственниковъ, хотя бѣ эти письма и не заключали въ себѣ ничего интереснаго для публики, даже ничего относящагося прямо къ ея собственной жизни; кромѣ того, разсказъ прерывался длинными размышленіями и отступленіями, нимало не любопытными для русской публики. Все это вмѣстѣ страшно растягивало біографію. Мы видѣли, что четыре напечатанныя нами статьи не подвинули еще разсказа.... не говоримъ: до рожденія автора, — даже до знакомства ея будущихъ родителей между собою. Мы прочитали еще томъ парижскаго изданія, и все еще рѣчь шла о временахъ, предшествовавшихъ рожденію автора; прочли еще томъ, и все еще тянулись письма ея бабушки, отца или матери, длинныя и безцеленныя, тянулись воспоминанія о тѣхъ временахъ дѣтства, о которыхъ, по собственному признанію, авторъ почти ничего не помнитъ; тянулись общія

*) Соврем. 1856, № 4. —Примѣчаніе издателя. Помѣщая здѣсь лишь предисловіе къ этой статьѣ, такъ какъ самая статья относится къ числу переводныхъ, включать которыя въ настоящее изданіе не предполагалось.

размышленія о воспитаніи человѣческой жизни, религіи и т. д. Переводить все это значило бы утомить читателей и безъ пользы для кого бы то ни было пожертвовать сотнями и сотнями страницъ. Мы рѣшились дожидаться окончанія „Записокъ“ и тогда, сообразно большому или меньшему интересу, какой будутъ имѣть онѣ въ цѣломъ, представить читателямъ болѣе или менѣе подробный рассказъ ихъ содержанія. Теперь „Записки“ копчены. Онѣ страшно растянуты, особенно въ первой и самой большой по объему половинѣ, обнимающей время до выхода Авроры Дюпенъ (г-жи Жоржъ Сандъ) замужъ. Цѣлые десятки страницъ наполнены иногда скучными письмами или разсужденіями, которыя хороши были бы, какъ отдѣльныя диссертациі о томъ или другомъ психологическомъ, нравственномъ или юридическомъ вопросѣ, но бесполезно замедляютъ біографическій рассказъ. И такъ, вполнѣ переводить „Записки“ г-жи Жоржъ Сандъ невозможно. Тѣмъ не менѣе, автобіографія заключаетъ въ себѣ очень много интересныхъ фактовъ и прекрасныхъ эпизодовъ. Иначе и быть не могло. Жизнь Жоржа Санда замѣчательна не только высокимъ психологическимъ развитіемъ: она также богата драматическими событіями. Все это вмѣстѣ сообщаетъ ея „Запискамъ“ высокую занимательность. Кромѣ того, Жоржъ Сандъ принимала сильное участіе въ историческихъ событіяхъ, сближалась со многими замѣчательными людьми, и ея „Записки“ прекрасно знакомятъ насъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Однимъ словомъ, успѣхъ, какой имѣли ея „Записки“ не въ одной французской, но также въ нѣмецкой и англійской публикѣ, былъ заслуженъ. Двѣ-третьи или три четверти этихъ „Записокъ“ скучны: но въ остальной четверти находимъ много очень интересныхъ сценъ, характеристикъ и очерковъ. Мы постараемся извлечь ихъ для читателя изъ огромной массы утомительныхъ отступленій.

Нѣкоторые отрывки мы будемъ переводить буквально и въ этихъ случаяхъ, конечно, удержимъ „я“ автора. Но болѣею частью мы должны будемъ пересказывать содержаніе „Записокъ“, говоря о Жоржѣ Сандѣ, въ третьемъ лицѣ. Авторъ пишетъ свою біографію въ такомъ тонѣ, что простое извлеченіе было бы недостаточно: читать „Записки“ Жоржа Санда безъ критики значило бы часто ошибаться относительно характеровъ и событій самымъ простодушнымъ образомъ; представлять всѣхъ людей, о которыхъ она говоритъ, въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ представляются они ей, значило бы вводить въ заблужденіе читателя или возбуждать въ немъ досаду легковѣрною наивною изложеніемъ.

Въ романахъ Жоржа Санда всегда бываетъ довольно много экзальтациі, слѣдствіе которой — иногда излишняя мечтательность, въ которой сходятся почти всѣ ея герои и героини, иногда излишняя идеализація природы, людей и событій. Въ романахъ эти качества если и дѣйствуютъ на нѣкоторыхъ, впрочемъ, не очень многихъ, невыгоднымъ образомъ, какъ картина, въ которой слишкомъ много пурпуровыхъ и розовыхъ оттѣнковъ, то на большинство производили сильное и благотворное впечатлѣніе, противодѣйствуя господствующей мелочности, холодности и пошлomu бездушію; потому экзальтація романовъ Жоржа Санда, будучи недостаткомъ съ художественной точки зрѣнія, придавала имъ новую силу для полезнаго дѣйствія на публику — вознагражденіе, слишкомъ достаточное для человѣка, знающаго, что если произведе-

ніе поезіи ничтожно безъ художественныхъ достоинствъ, то безъ живаго отношенія къ потребностямъ публики оно не будетъ заслуживать особеннаго вниманія даже съ эстетической точки зрѣнія, какъ нѣчто холодное и мертвое.

Но если экзальтація имѣла свою хорошую сторону въ романахъ Жоржа Санда, потому что была тамъ совершенно уместна и отчасти даже нужна, то въ автобіографическихъ запискахъ она производитъ на читателя впечатлѣніе рѣшительно невыгодное: потому что историку надобно судить о людяхъ хладнокровно, ему позволительнѣе смотрѣть на нихъ недоувѣрчивыми, нежели восторженными глазами. А человѣку, который пишетъ свою собственную біографію, мы скорѣе готовы извинить самолюбіе, потому что оно откровенно, натурально и сообразно съ сущностью его дѣла, нежели экзальтированное самоотрицаніе, которое ведетъ только къ недомолвкамъ и несообразностямъ. Записки Жоржа Санда страдаютъ всѣми недостатками экзальтаціи, набрасывающей на многое какой-то фальшивый колоритъ. О себѣ говоритъ Жоржъ Сандъ—какъ всегда думаютъ о себѣ экзальтированные люди—то съ нѣкоторымъ, прикрытымъ наружностью скромности, самопоклоненіемъ, то (и гораздо чаще) съ искреннимъ, но несправедливымъ самоотрицаніемъ. Бабушку, отца и мать воображаетъ и потому изображаетъ она какими-то идеальными существами. Тою же неосновательною, хотя искренною идеализаціею отуманены портреты многихъ другихъ людей, къ ней близкихъ. Всѣ эти главные лица ея „Записокъ“ не тѣ люди, какіе живутъ на бѣломъ свѣтѣ, а полувоздушныя существа: если доувѣрчиво принимать всѣ эпитеты и тирады, къ нимъ относящіяся, то лица, дѣйствующія въ „Запискахъ“ Жоржа Санда, имѣли бы въ себѣ менѣе истины, нежели вымышленные персонажи ея романовъ: Буагибо, Кардонне, Жакъ, Кароль, Индіана, Лукреція Флоріани дѣйствуютъ въ обстановкѣ болѣе или менѣе идеальной, и потому дѣйствія ихъ и отношенія къ другимъ лицамъ повѣсти имѣютъ внутреннее правдоподобіе: это характеры выдержанные, цѣльные, гармонизирующие и сами съ собою и съ общимъ колоритомъ міра, которымъ окружилъ ихъ художественный инстинктъ романиста. Но обстановка, въ которой живутъ г-жа Дюпенъ, Морисъ, Викторія Делабордъ, не могла быть измѣнена сообразно требованіямъ художественной гармоніи: вы понимаете, что самое идеальное лицо, среди людей и отношеній, нимало не идеальныхъ, не можетъ дѣйствовать идеально, не можетъ сохранить въ жизни идеальнаго характера, — и на самомъ дѣлѣ въ „Запискахъ“ безпрестанно проглядываютъ черты и подробности, показывающія вамъ, что въ дѣйствительности многіе изъ людей, изображаемыхъ госпожею Жоржъ Сандъ героями и героинями, были не совсѣмъ таковы, какъ ихъ представляетъ себѣ и вамъ авторъ. Особенно надобно сказать это о ея родственникахъ: бабушкѣ, отцѣ и матери. Тутъ идеализація, впрочемъ, очень естественна. Менѣе натурально казалось бы, въ человѣкѣ неэкзальтированномъ, стремленіе выставить или невинными и непорочными, или великими всѣхъ другихъ людей, изъ которыхъ иную, очевидно, были не совсѣмъ чисты и вовсе не велики. Но дѣло въ томъ, что Жоржъ Сандъ хочетъ воображать, будто не должна обвинять ни въ чемъ никого изъ виновныхъ передъ нею: видите ли, она не имѣетъ права ни на кого жаловаться, всѣ люди вредятъ другимъ только по недоразумѣнію или ошибкѣ и т. д. Такія понятія очень благородны, и въ

нихъ есть много правды; но, будучи доведены до крайности, они становятся не совсѣмъ справедливы и придаютъ разсказу натянутость. Прибавимъ, что если мы будемъ оправдывать всѣхъ и во всемъ, то не успѣемъ оправдать никого ни въ чемъ. И потому читатель, который захотѣлъ бы смотрѣть на г-жу Дюпенъ, ея сына и невѣстку (бабушку и родителей г-жи Жоржъ Сандъ), на г. Дюдевана (ея мужа), на Шопена (знаменитаго композитора) и проч. глазами автора, мало по малу разочаровался бы въ нихъ совершенно, и начавъ тѣмъ, что смотрѣлъ бы на нихъ слишкомъ наивно, кончилъ бы тѣмъ, что назвалъ бы ихъ людьми очень дурными. На самомъ дѣлѣ они были люди такъ себѣ, какъ большинство людей. Мы не обязаны закрывать глаза, чтобы раздѣлять предубѣжденіе автора въ ихъ пользу, и постараемся представить ихъ въ натуральномъ свѣтѣ, основываясь болѣе на фактахъ, представляемыхъ авторомъ, нежели на его мнѣніяхъ. Въ этой болѣе сообразной съ дѣйствительностью обстановкѣ личный характеръ самого автора и его жизнь если и не явятся намъ въ ореолѣ неправдоподобной надъоблачности (которая показала бы вѣроятна развѣ немногимъ, слишкомъ наивнымъ душамъ), то и не подадутъ повода предполагать основательность клеветъ, которыми чернили эту писательницу: равнодушный разсказъ нашъ, который нельзя упрекнуть въ излишней довѣрчивости, оставляетъ недоразумѣніямъ гораздо меньше мѣста, нежели самыя записки автора, который часто затемняетъ дѣло, отстраняя на второй планъ важнѣйшія обстоятельства излишними разсужденіями о томъ, что или ясно само по себѣ, или не относится къ главному предмету. Надобно вникнуть въ эти существенныя черты, чтобы сквозь обманчивый колоритъ экзальтаціи разсмотрѣть людей, имѣвшихъ вліяніе на развитіе и судьбу Жоржа Санда, въ ихъ истинномъ видѣ. Тогда мы яснѣе поймемъ развитие ея характера, и личность ея представится намъ именно такою, какою обнаруживалась въ ея поэтическихъ произведеніяхъ: это натура чрезвычайно сильная, которая только отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ воспитанія и ложнаго положенія, какими окружила ее судьба, получила характеръ отчасти болѣзненной восторженности, впрочемъ, не заглушившей здоровыхъ качествъ этой здоровой и высокой натуры. Такимъ образомъ, личность г-жи Жоржъ Сандъ является намъ полною представительницею лучшей части поколѣнія, воспитаннаго во Франціи отчасти воспоминаніями о Республикѣ и Имперіи, отчасти мистицизмомъ Шатобріана и Ламартина, отчасти романтизмомъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ напомнимъ читателю содержаніе переведенной нами части „Записокъ“, положеніе и характеры лицъ, продолжающихъ дѣйствовать въ 12-ой главѣ I книги, съ которой мы начинаемъ.

Если обращать вниманіе только на то, что имѣло вліяніе на будущую судьбу писательницы, содержаніе переведенной нами части разсказа, очень длиннаго, можетъ быть сжато въ немногихъ строкахъ. Разсказъ не доведенъ еще не только до рожденія Авроры Дюпенъ (имя, которое носила г-жа Дюдеванъ до замужества), но и до начала знакомства ея отца, Мориса Дюпена, съ матерью, Викторією-Софією Делабордъ. До сихъ поръ авторъ излагалъ семейныя воспоминанія о своихъ предкахъ—Морицѣ Саксонскомъ (побочною дочерью котораго была г-жа Дюпенъ, мать Мориса) и г. Дюпенѣ, отцѣ Мориса, который былъ откупищикомъ, меценатомъ энциклопедистовъ и другомъ

Ж.-Ж. Руссо. Дюпенъ былъ уже старикомъ, когда женился на молоденькой дѣвушкѣ, которая жила съ нимъ очень счастливо, но рано осталась вдовою и посвятила себя воспитанію сына. Въ революцію она лишилась большей части своего состоянія, подвергалась опасностямъ во время терроризма, будучи подозрѣваема въ сношеніяхъ съ эмигрантами, потомъ спасшись отъ грозившей гибели, при помощи Дешартра, который былъ гувернеромъ ея сына, Мориса, жила въ своемъ помѣстьѣ Ноганѣ, близъ городка Лашатры.

Г-жа Дюпенъ, которую внука, ею облагодѣтельствованная, представляетъ себѣ чуть не идеаломъ женщины, очень горячо любила своего сына, но до конца жизни хотѣла держать его въ такой строгой зависимости отъ себя, какой могутъ подчиняться только маленькія дѣти

Морисъ до конца жизни робѣлъ передъ матерью, но тяготился надзоромъ и старался тайкомъ отъ нея наслаждаться свободою, которой не смѣлъ защищать открыто и откровенно. Онъ рано поступилъ въ военную службу и, подчиняясь сначала матери, потомъ женѣ въ домашнемъ быту, былъ храбрымъ солдатомъ на полѣ битвы. Отъ связи съ горничною г-жи Дюпенъ у него былъ побочный сынъ, Ипполитъ. Г-жа Дюпенъ воспитывала ребенка въ своемъ домѣ, прогнавъ мать его.

Викторія Софія Делабордъ, будущая жена Мориса и мать Авроры, была, дочь простолюдина, промышлявшего обученіемъ и продажей пѣвчихъ птицъ. Рано оставшись безпомощною сиротою, хорошенькая парижанка не устояла противъ соблазновъ, ее окружавшихъ, и потомъ вышла замужъ, скоро овдовѣла и возвратилась къ прежнему образу жизни. Когда началось ея знакомство съ Морисомъ, она имѣла какого-то богатаго покровителя. Отъ перваго брака была у Викторіи дочь Каролина. Женщина благороднаго и рѣшительнаго характера, Викторія-Софія Делабордъ, несмотря на увлеченія своей молодости, едва ли не болѣе своего безхарактернаго мужа и его матери имѣетъ правъ на уваженіе.

Бальзакъ. *)

Въ послѣднихъ книжкахъ *Revue de Paris* мы нашли прекрасную біографію Бальзака, написанную сестрою знаменитаго романиста, Лаурою Сюрвилъ, урожденною Бальзакъ. Особенно интересны эти воспоминанія, согрѣтыя истинною родственною любовью, потому, что изображаютъ намъ въ Бальзакѣ именно тѣ основныя черты характера, которыя обнаруживаются только въ семейномъ кругу, только передъ самыми близкими друзьями. Бальзакъ, подобно почти всѣмъ талантливымъ писателямъ, имѣлъ много завистниковъ и враговъ, былъ предметомъ ожесточенной клеветы. Люди, имѣющіе свой расчетъ въ томъ, чтобы чернить характеры людей, таланта которыхъ не могутъ помрачить въ глазахъ публики, кричали о Бальзакѣ, какъ о легкомысленномъ и холодномъ эгоистѣ; читатели пасквилей, не знавшіе личности, противъ которой направлена была злоба, и не отгадавшіе низкихъ причинъ, направившихъ ее, часто вѣрили этимъ пустымъ выдумкамъ. Намъ чрезвычайно пріятно было въ воспоминаніяхъ сестры Бальзака найти новое подтвержденіе той истины, которая извѣстна по опыту каждому, кого случай ставилъ въ близкія отношенія съ истинно талантливыми писателями: обыкновенно, сердце этихъ людей таково, что заставляетъ или любить, или уважать ихъ какъ людей: поэзія едва ли можетъ жить въ дурномъ сердцѣ. Г-жа Сюрвилъ не скрываетъ слабостей своего брата: она говоритъ о нихъ съ благородною откровенностью, справедливо будучи увѣрена, что прекрасными качествами души ея брата слишкомъ достаточно вознаграждались эти ничтожныя недостатки его. Но въ каждой строкѣ ея воспоминаній вы видите отраженіе той пѣжной дружбы къ покойному брату, которую внушаютъ къ себѣ только люди истинно превосходные по душѣ; каждый фактъ убѣждаетъ васъ въ томъ, что Бальзакъ-человѣкъ заслуживалъ такого же уваженія, какъ и Бальзакъ-писатель. О жизни Бальзака у насъ почти ничего не было писано: отъ времени до времени повторялись только жалкіе анекдоты о его причудахъ, о томъ, что у него была цѣлая коллекція тростей, о томъ, какъ отъ тратилъ деньги на фантастическое украшеніе своего загороднаго домика въ Жарди, и т. п. Поэтому переводимъ біографію, написанную

*) *Соврем.* 1856, № 9. *Примѣчаніе издателя.* Помѣщая здѣсь лишь предисловіе къ этой статьѣ, такъ какъ самая статья относится къ числу переводовъ, включать которые въ настоящее изданіе не предполагалось.

г-жею Сюрвиль, опуская нѣкоторые эпизоды, служащіе только отвѣтомъ на разныя выходки французскихъ фельетонистовъ: выходки эти почти неизвѣстны нашей публикѣ, потому и разсужденія по поводу ихъ имѣли бы у насъ мало интереса.

Въ заключеніе біографіи, мы, для дополненія и повѣрки той характеристики, которую представляетъ сестра, приводимъ относящійся къ Бальзаку отрывокъ изъ мемуаровъ г-жи Дюдеванъ, дружбу которой Бальзакъ высоко цѣнилъ, какъ говоритъ его сестра.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬИ *) **).

Г. Кулишъ, вѣроятно основывается на отзывѣ многихъ изъ художниковъ, считающихся у насъ первоклассными, говоря, что послѣдняя картина Иванова—произведеніе, нарушающее законы искусства, и потому лишенное достоинства. Я полагаю, что такое мнѣніе составлено имъ по отзывамъ этихъ художниковъ потому, что они, какъ извѣстно, заботились объ распространеніи такого сужденія въ публикѣ, а самъ г. Кулишъ, по его собственнымъ словамъ, не видѣлъ еще картины Иванова, когда писалъ эту статью.

Нѣтъ спора въ томъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ мнѣніе людей, занимающихъ первыя мѣста въ извѣстномъ родѣ ученой или художественной дѣятельности, должно имѣть для публики большой вѣсъ при оцѣнкѣ новыхъ явленій, принадлежащихъ этому роду. Но бываютъ также случаи, когда именно прежнія знаменитости менѣе всего могутъ быть справедливыми судьями. Это именно тогда, когда оцѣниваемое произведеніе является попыткой произвести реформу въ той отрасли науки или искусства, въ которой уже прославились эти знаменитости. Извѣстно, что наши литературныя судьи двадцатыхъ годовъ не умѣли оцѣнить Пушкина. Тоже могло повториться и съ Ивановымъ. Общая причина неудовлетворительности такой оцѣнки состоитъ въ томъ, что знаменитости судятъ по старымъ, быть можетъ устарѣлымъ принципамъ о произведеніи, возникшемъ изъ новыхъ принциповъ, чуждыхъ пониманію человѣка, который составилъ себѣ извѣстность, слѣдуя прежнимъ принципамъ. Возможно предположить и другой источникъ невыгодной оцѣнки новаго явленія. Знаменитости—такіе же люди, какъ все остальные люди, слѣдовательно могутъ подчиняться вліяніямъ личныхъ соображеній при произнесеніи того или другаго сужденія. Кому пріятно сходить съ извѣстнаго, выгоднаго и почетнаго мѣста, чтобы собственною рукою возвести на это мѣсто другаго человѣка?

*) Мы помѣщаемъ статью г. Кулиша, какъ сборникъ писемъ двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ нашихъ художниковъ, но будучи не во всемъ согласны съ выводами, какіе дѣлаетъ авторъ изъ представляемыхъ имъ матеріаловъ, въ особенности не раздѣляя его взгляда на дѣятельность Иванова, мы считаемъ нужнымъ прибавить къ статьѣ г. Кулиша замѣтки, составленныя по нашему желанію однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ. *Примѣчаніе редакціи Современника.*

**) Предыдущая статья, помѣщенная въ томъ же № 11 Современника за 1858 г.,—„Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ, П. Кулиша“.—*Примѣчаніе издателя.*

Мы говоримъ это не голословно: съ какими чувствами былъ встрѣченъ Ивановъ въ Петербургѣ, свидѣтельствуя два факта, извѣстные всѣмъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ его сотоварищей не захотѣли даже отдать ему визита, когда онъ посѣтилъ ихъ по своему пріѣздѣ въ Петербургъ. Мы въ Петербургѣ такъ неуклонно соблюдаемъ внѣшнія формы, что подобное отступленіе отъ нихъ само по себѣ многозначительно. Прибавимъ къ этому вопросъ: многія ли изъ знаменитостей нашего искусства почли нужнымъ удостоить своимъ посѣщеніемъ хотя похороны Иванова?

Изъ этихъ фактовъ мы можемъ заключить, что если пріѣздъ Иванова не слишкомъ порадовалъ нѣкоторыхъ жителей Петербурга, зато внезапная смерть соперника поразила ихъ такъ, что они вѣроятно сами слегли въ постель,—иначе нельзя объяснить ихъ отсутствія на похоронной церемоніи.

Какъ бы то ни было, знаменитости объявили, что послѣдняя картина Иванова очень плоха, ровно никуда не годится,—и мы, разумѣется, не дерзнемъ противорѣчить ихъ приговору.

Но не отваживаясь говорить о достоинствахъ или недостаткахъ картины въ техническомъ отношеніи, мы представимъ нѣкоторые замѣчанія о томъ, дѣйствительно ли „сбилъ съ пути“ несчастный художникъ, и о томъ, какъ смотрѣлъ онъ самъ на искусство вообще и на свою задачу въ исторіи живописи.

Тѣмъ характеромъ, какой имѣетъ искусство теперь, Ивановъ рѣшительно не удовлетворялся; онъ говорилъ, что со временъ своего процвѣтанія въ Италіи въ XVI вѣкѣ, живопись забывала развиваться сообразно прогрессу общественныхъ идей, что художники нашего времени не должны довольствоваться тѣми идеями, которыя дошли до нихъ по преданію эпохи. Уже давно превзойденной новыми усѣбхами цивилизаціи: новое время требуетъ (говорилъ онъ) новаго искусства.—„Идея новаго искусства, сообразнаго съ современными понятіями и потребностями, говорилъ онъ, до сихъ поръ еще не вполне проявилась во мнѣ. Я долженъ еще долго и неуспѣшно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій; не раньше, какъ черезъ три, четыре года, я самъ отчетливо пойму, что и какъ я долженъ дѣлать: я долженъ разработать свои понятія и долженъ опредѣлить ихъ: раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искусства, я не начну производить новыя картины. До той поры, я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ. Въ чемъ же должно было состоять это пересозданіе искусства, и какъ готовился Ивановъ къ выполненію такой задачи? Отвѣтомъ на то можетъ служить случай, которому я былъ обязанъ сближеніемъ съ Ивановымъ. Художникъ привезъ ко мнѣ новое изданіе одного знаменитаго нѣмецкаго теологическо-философскаго сочиненія и французскій переводъ одного изъ прежнихъ изданій той же книги. „Въ новомъ изданіи, сказалъ онъ, авторъ сдѣлалъ значительныя перемѣны, такъ что опровергъ нѣкоторые изъ выводовъ, на которые соглашался прежде изъ уваженія къ возраженіямъ Неандера. Мнѣ хочется знать, въ чемъ именно состоятъ эти перемѣны. Я васъ прошу сравнить новое изданіе подлинника съ переводомъ, и перевести для меня измѣненныя авторомъ мѣста“. До той поры, видѣвшійся съ Ивановымъ только раза

два въ обществѣ, я не имѣлъ случая познакомиться съ его понятіями о вещахъ и воображалъ Иванова такимъ, какимъ онъ изображается въ „Перепискѣ“ Гоголя и отчасти въ письмахъ, печатаемыхъ г. Кулишемъ. Я былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ у Иванова интересъ къ понятіямъ, которыя совершенно противоположны направленію „Переписки“ Гоголя. „Неужели васъ такъ сильно занимаютъ изслѣдованія этого философа?“ спросилъ я Иванова. „А какъ жо? Вѣдь я долженъ знать, какимъ образомъ понимаютъ нынѣ передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свои сюжеты искусство. Художникъ долженъ стоять въ уровенъ съ понятіями своего времени“. Я увидѣлъ, что совершенно ошибался въ своемъ мнѣніи о его направленіи. Разговоръ обратился на сочиненіе, привезенное Ивановымъ, и другія изслѣдованія подобнаго рода. Изъ его бесѣды обнаружилось, что онъ основательно изучилъ многія изъ нихъ. О другихъ онъ разспрашивалъ съ живѣйшимъ интересомъ. „Мы, художники, заключалъ онъ, получаемъ слишкомъ недостаточное общее образованіе,—это связываетъ намъ руки. Сколько силъ у меня достанетъ—буду стараться, чтобы молодое поколѣніе было избавлено отъ недостатка, отъ котораго мнѣ пришлось избавляться такъ поздно. Вотъ теперь я, какъ видите, долженъ узнавать съ большими затрудненіями то, что другіе узнаютъ въ университетѣ. А какъ трудно отдѣлываться въ мои лѣта отъ вкоренившихся понятій!“ Словомъ сказать, въ этомъ и слѣдовавшихъ затѣмъ разговорахъ, Ивановъ являлся человекомъ, по своимъ стремленіямъ принадлежащимъ къ небольшому числу избранныхъ гениевъ, которые рѣшительно становятся людьми будущаго, жертвуютъ всѣми своими прежними понятіями истинѣ, и, приблизившись къ ней уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не бояся начинать свою дѣятельность вновь, съ самоотверженностью юноши.

Глубокая жажда истины и просвѣщенія составляла одну черту въ характерѣ Иванова. Другою чертою была дивная, младенческая чистота души, трогательная наивность, исполненная невинности и благородной искренности. Мало найдется даже между лучшими людьми такихъ, которые производили бы столь привлекательное впечатлѣніе совершеннымъ отсутствіемъ всякой эгоистической или самолюбивой пошлости. Никто не могъ меньше и скромнѣе говорить о себѣ, нежели онъ.

Однако же, какъ думалъ онъ о себѣ? Какъ смотрѣлъ онъ на свою картину, на всю свою прошедшую дѣятельность, чего ожидалъ отъ себя въ будущемъ? Онъ былъ слишкомъ скромненъ, чтобы самому говорить объ этомъ. Но я передамъ сущность его бесѣдъ, изъ которыхъ можно вывести отвѣтъ на эти вопросы.

„У насъ въ Россіи находится много людей, съ прекрасными талантами къ живописи. Но великихъ живописцевъ не выходитъ изъ нихъ, потому что они не получаютъ никакого образованія. Владѣть кистью—этого еще очень мало для того, чтобы быть живописцемъ. Живописцу надобно быть вполнѣ образованнымъ человекомъ. Если я получу какое-нибудь вліяніе на искусство въ Россіи, я прежде всего буду хлопотать объ устройствѣ такой школы живописи, гдѣ молодые люди, готовые быть художниками, получали бы основательное общее образованіе. Руководителемъ въ живописи молодыхъ ху-

дожниковъ съ такимъ приготовленіемъ, я желалъ бы быть. Въ средѣ ихъ могло бы развиваться новое направленіе искусства. Я уже старъ, а на развитие искусства, удовлетворяющаго требованіямъ новой жизни, нужны десятки лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы положить хотя начало этому дѣлу. Буду трудиться, мало по малу научусь яснѣе понимать условія новаго искусства, а потомъ выйдутъ изъ молодаго поколѣнія люди, которые совершатъ начатое мною“.

— Но скажите хотя въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ представляется вамъ новое направленіе искусства, на сколько оно стало уже понятно для васъ? спрашивалъ я.

— Съ технической стороны, оно будетъ вѣрно идеямъ красоты, которыми служили Рафаэль и его современники итальянцы. Техника доведена ими до высочайшей степени совершенства. Тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византійскомъ стилѣ въ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны и не заслуживаютъ сочувствія. Формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля, мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи,—вотъ задача искусства въ настоящее время. Прибавлю вамъ, что искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребностямъ людей. Оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я, знаете ли, боюсь (прибавлялъ Ивановъ, съ своею наивною вѣрою въ проницательность своихъ судей), какъ бы не подвергнуться гоненію, —вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предразсудковъ и преданій,—это замѣтятъ, скажутъ, что оно стремится преобразовывать жизнь,—и знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду: оно дѣйствительно такъ.

— Ну, этого не опасайтесь,—замѣтилъ я:—смысла долго не пойметъ никто изъ тѣхъ, кому непріятенъ былъ бы смыслъ, о которомъ вы говорите. Васъ будутъ преслѣдовать только завистники, по расчетамъ собственнаго кармана, чтобы вы не отняли у нихъ выгодныхъ работъ и почетныхъ мѣстъ. Да и тѣ скоро успокоятся, убѣдившись, что вамъ неизвѣстно искусство бить по карманамъ и интриговать.

— Да,—замѣчалъ Ивановъ.—Доходовъ у нихъ я не отоблю, заказовъ принимать я не хочу. Вотъ, напримѣръ, мнѣ предлагали... (И онъ разсказалъ о двухъ громадныхъ и чрезвычайно выгодныхъ заказахъ)—но я отказался.

— Какъ, отказались? зачѣмъ же?—спросилъ я въ совершенномъ изумленіи, и хотѣлъ убѣждать Иванова измѣнить его рѣшеніе.

— Нѣтъ, не говорите мнѣ этого,—перервалъ меня Ивановъ на первыхъ же словахъ.—Каково бы ни было достоинство моей кисти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому дѣлу, истины котораго я не признаю. При томъ же, я не хочу быть декораторомъ, для этихъ за

казовъ нужна декораторская работа. И вѣдь я уже говорилъ вамъ, что мнѣ теперь надобно работать надъ самимъ собою, а не надъ полотномъ.

Да, жаль, что Ивановъ умеръ такъ рано, жаль не только потому, что мы потеряли въ немъ великаго художника и одного изъ лучшихъ людей, какіе только украшаютъ собою землю, но и потому, что продленіе его жизни было бы выгодно для нравственной репутаціи его соперниковъ: они опытомъ убѣдились бы въ томъ, чему не хотѣли вѣрить, убѣдились бы, что Ивановъ не ищетъ богатства и почетныхъ мѣстъ, не хочетъ перебивать у нихъ заказовъ и должностей; увидѣвъ, что онъ не опасенъ ни для ихъ кармана, ни для лѣваго борта ихъ фраковъ, они навѣрное примирились бы съ нимъ, и русская публика съ умиленіемъ увидѣла бы дружбу знаменитостей съ человѣкомъ, котораго онѣ напрасно сочли было сначала своимъ соперникомъ. Соперничать съ ними въ томъ, чѣмъ онѣ дорожатъ, Ивановъ не хотѣлъ и не умѣлъ. Съ этой стороны онъ, дѣйствительно, былъ очень плохимъ художникомъ.

Ивановъ былъ нѣсколько лѣтъ въ настроеніи духа, подобномъ тому, жертвою котораго сдѣлался Гоголь, оставившій памятникъ своего заблужденія въ „Перепискѣ съ друзьями“. Но, къ счастью, Ивановъ прожилъ нѣсколько долѣе Гоголя, и у него достало времени, чтобы увидѣть свою ошибку, отказаться отъ нея и сдѣлаться новымъ человѣкомъ. Его примѣръ свидѣтельствуешь, что и заблужденіе Гоголя могло быть не безвыходнымъ. Размысленіе, знакомство съ людьми другаго настроенія, наконецъ историческія событія могли бы и на Гоголя подѣйствовать такъ, какъ подѣйствовали на Иванова. Но каково бы ни было дальнѣйшее развитіе Гоголя, объ Ивановѣ мы достоверно знаемъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ человѣкомъ заслуживающимъ не только славы по своимъ талантамъ, но и уваженія, и сочувствія всѣхъ благородныхъ людей образомъ мыслей, истинно достойнымъ нашего времени.

Возвращеніе князя Милоша Обрено- вича въ Сербію *).

Въ Сербіи въ теченіе 50 лѣтъ произошло 5 революцій; сообразно съ обычаями сербскаго племени, всѣ эти перевороты имѣли чисто демократическій характеръ.

Сербы, съ оружіемъ въ рукахъ приобрѣли себѣ и свободу политическую, — и съ нею народно-экономическую независимость. Подъ турецкимъ владычествомъ сербы не имѣли своего дворянства. Территориальное дворянство составляли турки. Съ сверженіемъ ихъ владычества естественнымъ образомъ совпало уничтоженіе этого дворянства и переходъ земли въ руки прежнихъ райевъ. Образовалось сословіе вольныхъ поселянъ, изъ которыхъ каждый завладѣлъ частью оставленныхъ земель: прежнія большія имѣнья раздѣлились. Между тѣмъ какъ въ Молдавіи и Валахіи вся территорія находится въ рукахъ 8.000 боярскихъ семействъ, въ Сербіи средняя величина участковъ не превосходитъ 10 — 15 десятинъ. Въ Сербіи нѣтъ ни большихъ территориальныхъ владѣльцевъ **), ни дворянства: и вотъ почему въ Сербіи всякое политическое движеніе должно необходимо быть движеніемъ демократическимъ. Этотъ характеръ основанъ на внутреннихъ экономическихъ причинахъ. Вотъ точка, съ которой надобно смотрѣть на сербскія революціи вообще и на послѣднюю въ особенности. Съ удивленіемъ была вездѣ принята вѣсть о томъ, что народное собраніе безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ низложило князя и захватило верховную власть. Но по сербскимъ обычаямъ — это вещь очень натуральная. Въ первое сербское возстаніе противъ турецкаго владычества, въ 1804 году, Георгій Черный считался совершенно равнымъ съ людьми, сражавшимися противъ турокъ подъ его предводительствомъ. Его слушали, какъ самаго храбраго и способнаго, да и то исключительно въ дѣлѣ сопротивленія туркамъ. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ постоянно былъ принужденъ собирать кучишину. Тоже явленіе мы видимъ и во второе возстаніе противъ турокъ, въ 15-мъ году, подъ руководствомъ Милоша, который, тотчасъ послѣ удаленія Георгія Чернаго изъ Сербіи, счелъ себя въ правѣ занять его мѣсто, по той простой причинѣ, что сознавалъ въ себѣ присутствіе тѣхъ же талантовъ. — Очевидно, что, при такомъ происхо-

*) „Соврем.“ 1859, № 3

**) Значительнѣйшая часть имѣній немногихъ сербскихъ „богачей“ находится въ Валахіи.

жденіи княжескаго достоинства, верховная власть собственно принадлежит народу, и весьма естественно, что народъ считаетъ себя въ правѣ низложить князя, котораго самъ надъ собой поставилъ. Сербь не могутъ чувствовать къ своему князю того робкаго благоговѣнія, которое является у подданныхъ государства, гдѣ монархическое начало развилось исторически; у нихъ существуетъ цѣлое поколѣніе, которое видѣло, чѣмъ князь былъ прежде, знаетъ, какъ онъ былъ сдѣланъ княземъ, и потому смотреть на него чрезвычайно просто. Въ 43 году скупщина собственною властью возвела на престолъ Александра Карагеоргіевича;—другая скупщина въ 58 году сочла себя въ правѣ низложить его.

Вторичное избраніе Милоша человѣку, знающему причины его изгнанія въ 1842 году, представляется несообразностью. Почему Милошъ былъ принужденъ отречься отъ престола и жить въ изгнаніи? Потому, что онъ противился установленію конституціи и хотѣлъ править на восточный ладъ, какъ христіанскій паша. Какъ же чисто-демократическая скупщина, считающая нарушеніе конституціи княземъ Александромъ достаточною причиною для его низложенія, возвращаетъ теперь власть Милошу? Но эта несообразность разъясняется чувствами сельскаго населенія, господствующаго въ Сербіи. Оно привыкло видѣть въ Милошѣ освободителя его отъ турецкаго ярма и основателя народнаго правительства, оно привязано къ нему, какъ обыкновенно первобытные народы привязываются къ своимъ вождямъ. Конечно, дѣло припало бы совершенно другой оборотъ, если бы зависѣло отъ тѣхъ сословій, которыя, по прекращеніи совершенно первобытнаго состоянія народа, поднялись надъ его уровнемъ. Во время прежняго владычества Милоша, они вступали съ нимъ въ столкновенія, чтобы оградить себя и первобытное состояніе государства замѣнить стройнымъ порядкомъ. Они составили конституцію (Уставъ), которая должна была ограничить Милоша.—Естественно, что Милошъ, до тѣхъ поръ правившій по своему произволу, не хотѣлъ согласиться на ихъ требованія. Слѣдствіемъ его сопротивленія былъ переворотъ, ловко подготовленный и быстро произведенный триумвиратомъ, состоявшимъ изъ Вучича, Петровевича и Ефрема Обреновича (брата князя). Милошъ былъ принужденъ отказаться отъ престола въ пользу сына. Какъ и теперь, такъ и тогда, явилась депутація въ Конакъ (княжескій дворецъ) и потребовала отреченіе Милоша. Какъ теперь, такъ и тогда, Вучичъ сказалъ князю: „Господинъ, народъ не хочетъ болѣе имѣть тебя княземъ“. — „Если народъ меня не хочетъ, такъ и я не стану ему навязываться“, — отвѣчалъ Милошъ. Отвѣтъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что, пользуясь привязанностью народа, Милошъ легко могъ зажечь междоусобную войну и удержаться на престолѣ.

Захочетъ ли теперь Милошъ, привыкшій руководствоваться произволомъ, терпѣть вмѣшательство скупщины? Милошъ никогда ея не боялся. Во время своего правленія онъ созывалъ ее нѣсколько разъ. Конечно, прежде она имѣла не совѣтъ тотъ характеръ, какъ теперь, когда она имѣетъ видъ парламента. Прежде народъ, сходясь изъ разныхъ округовъ, собирався подъ открытымъ небомъ; Милошъ являлся къ нему, и пользуясь своимъ извѣстнымъ краснорѣчіемъ и рѣдкимъ знаніемъ народнаго характера, легко убѣ-

ждалъ собраніе соглашаться на всё его предложенія. Теперь скупщина составлена изъ людей правильно выбранныхъ, которые дѣйствительно могутъ быть названы представителями народа. Между ними есть люди, учившіеся въ Гейдельбергѣ или въ Парижѣ, и проникнутые парламентскимъ духомъ. Они едва ли уступятъ, если Милошъ захочетъ продолжать свой прежній образъ правленія. Но Милошу теперь 80 лѣтъ, и жить ему остается, конечно, не долго, а сынъ его Михаилъ отличается умомъ и образованностью, и на него больше всего надѣются образованные сербы; притомъ 20-лѣтнее изгнаніе, безъ сомнѣнія, сильно измѣнило образъ мыслей стараго князя, и многое, что онъ прежде считалъ необходимымъ совершать съ драконовскою строгостію, теперь, вѣроятно, не повторится.

Чтобы понять характеръ нынѣшнихъ событій въ Сербіи, надобно припомнить главные факты со времени перваго отреченія Милоша. Паденіе Милоша въ 1839 году было произведено просками нѣсколькихъ честолюбивыхъ вельможъ и въ особенности Вучича. Замыселъ ихъ удался, но народъ въ немъ не участвовалъ. Миланъ, старшій сынъ и законный преемникъ Милоша, былъ человѣкъ больной и умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Зависть вельможъ была главной причиной, помѣшавшей Вучичу овладѣть престоломъ. Тогдашняя каймакамія рѣшилась дать странѣ другаго князя. Чтобы уничтожить въ родѣ Обреновичей право престолонаслѣдія, была созвана скупщина, и уже по ея выбору, а не по праву наслѣдства, престолъ былъ отданъ второму сыну Милоша, Михаилу. Вучичъ и приверженные къ нему вельможи думали было принять на себя роль опекуновъ молодаго князя, но, встрѣтивъ въ немъ замѣчательную энергію и силу характера, рѣшились на новый правительственный переворотъ. Въ ожиданіи этого событія, они призвали въ Сербію Александра Карагеоргиевича, младшаго сына Георгія Чернаго, находившагося тогда въ Валахіи. Ограниченность ума и слабость характера этого человѣка, казалось, какъ нельзя лучше соответствовали ихъ планамъ. Михаилъ весьма милостиво и безъ всякихъ подозрѣній взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ 1842 году планъ Вучича созрѣлъ. Ему удалось свергнуть князя Михаила. Скупщина, созванная Вучичемъ и большею частью состоявшая изъ наемныхъ цыганъ, выбрала княземъ Александра Карагеоргиевича. Послѣ этого переворота Вучичу дѣйствительно удалось захватить власть; Александръ пользовался только титуломъ князя. Во всѣхъ этихъ дворцовыхъ переворотахъ принимали дѣятельное участіе турецкіе комиссары, на долю которыхъ переналъ не одинъ свертокъ золота изъ оставленной Милошемъ народной запасной казны, которая также снабжала Вучича и его партію. Народъ, утомленный притѣсненіями олигарховъ, не разъ пытался освободиться отъ нихъ и снова вручить власть человѣку изъ рода Обреновичей; но подавляющая система Вучича установила наконецъ въ странѣ видимое спокойствіе. Между тѣмъ родственники княгини съ помощью интригъ и деспотизма заняли всѣ важнѣйшія должности и приобрѣли этимъ перевѣсъ надъ Вучичемъ, котораго вліяніе тогда значительно ослабло. Ненадовичи заняли его мѣсто въ управленіи безхарактернымъ княземъ, стараясь и все государственное устройство привести въ состояніе крайняго разслабленія. Сенатъ, состоявшій преимущественно изъ людей ограниченныхъ, былъ значительно пополненъ

людьми, лишенными всякой самостоятельности. Въ послѣднее время правленіе Александра сдѣлалось ржавой машиной, съ помощью которой партія Ненадовичей распоряжалась всѣмъ по произволу и раззоряла казну. Бѣдствія народа постоянно увеличивались. Онъ впалъ въ глубокую апатію, и только событія послѣдняго времени показали, что въ глубинѣ души его еще сохранились неиспорченныя чувства.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые сенаторы думали о низложеніи Александра и о возвращеніи престола Милошу; но планъ ихъ въ самомъ началѣ былъ открытъ Ненадовичами, и они дорого за него заплатились. Вучичъ, надѣявшійся овладѣть престоломъ, скрытно поддерживалъ составителей этого плана. Впослѣдствіи онъ, однако, перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, и весною настоящаго года помогъ Александру удержаться на шаткомъ княжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ Вучичъ и его кліенты играли Александромъ, какъ мячикомъ; хотя впрочемъ очевидно было, что рано или поздно послѣдніе возьмутъ верхъ. Вучичу и приверженнымъ къ нему вельможамъ угрожала тогда страшная перспектива сырыхъ подземелій Тургусованкой кулы (тюрьмы), такъ что они были поставлены въ непріятную необходимость выбрать одно изъ двухъ: или Александра съ тюрьмой въ перспективѣ, или князя изъ рода Обреновичей, съ которымъ было неразлучно прекращеніе ихъ политическаго владычества. Нѣтъ сомнѣнія, это послѣднее было все-таки лучше; но не легко отказаться отъ власти, и въ умахъ олигарховъ появилась третья мысль, удовлетворявшая всѣмъ имъ требованіямъ, — мысль объ учрежденіи каймаками. Планъ этотъ уже потому не могъ быть приведенъ въ исполненіе, что самые способные изъ олигарховъ мечтали во время междоусобицы овладѣть престоломъ. Эта мысль, явившись одновременно у многихъ, внушила имъ взаимную недовѣрчивость, въ особенности когда въ числѣ претендентовъ явился богатый майоръ Миша, хлопотавшій вѣроятно въ пользу своего зятя Дѣка Карагеоргіевича. Впрочемъ каждый изъ претендентовъ все еще надѣялся на успѣхъ, и въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ была созвана скупщина, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Турецкое правительство боялось результатовъ этого движенія, и выборъ депутатовъ уже показывалъ, что народъ хочетъ возвратитъ Милоша Обреновича; но олигархи все еще были убѣждены въ успѣхъ своего дѣла. Они надѣялись посредствомъ скупщины низложить Александра; а потомъ съ помощью городского гарнизона, въ преданности котораго не сомнѣвались, разогнать самую скупщину. Въ высшихъ кругахъ общества не боялись говорить, что существованіе скупщины продолжится на нѣсколько дней въ томъ только случаѣ, если она будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, т. е. сообразно съ приказаньями олигарховъ, — а иначе тотчасъ же будетъ она распущена.

Среди такихъ обстоятельствъ приближался день св. Андрея. Представители народа не явились въ этотъ день къ княжескому столу. Это обстоятельство уже должно было навести Александра на мысль объ отреченіи; но жена его и слишкомъ любостяжательные ся родственники не позволили ему удалиться съ честью. 3 декабря скупщина собралась въ первый разъ и назначила своимъ президентомъ майора Мишу. Этотъ выборъ разсердилъ олигарховъ, но они все еще не теряли надежды. 4 числа (старого стиля)

Александръ въ присутствіи высшихъ должностныхъ лицъ и духовенства открылъ скупшину. Тронная рѣчь, прочитанная секретаремъ его, была принята холодно: 3—4 голоса робко крикнули: „Живѣ“ (ура)! но тотчасъ же замолкли, не найдя отклика. 5 числа собраніе рѣшилось перемѣнить статутъ скупщины. Президентъ изъявилъ желаніе отложить это дѣло; но бѣлградскій депутатъ Милованъ Янковичъ и Чупріяджи Стаменковичъ отговорили собраніе отъ принятія его мысли. Для измѣненія различныхъ пунктовъ статута назначили особую комиссію, которая тотчасъ принялась за дѣло.

По новому уставу, принятому скупщиною, правленіе Сербіею изъ рукъ олигархическаго сената совершенно переходило въ руки собранія народныхъ представителей и княжество рѣшительно становилось въ рядъ конституціонныхъ государствъ; вотъ главныя постановленія новаго устава о скупщинахъ:

Скупштина *) одно изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ учреждений Сербской земли. Она законная выразительница воли сербской націи. Кто противится законному и свободному дѣйствію скупщины, тотъ измѣнникъ сербскому народу. Скупштина принимаетъ все мѣры, нужныя для общаго блага. Никакой законъ относительно правъ князя, сената, министерства и скупщины не можетъ быть изданъ или измѣненъ безъ предварительнаго согласія скупщины. Скупштина имѣетъ право именемъ націи требовать отмѣненія каждаго неудобнаго закона и каждаго противнаго національнымъ выгодамъ учрежденія. Нельзя заключать ни займа, ни какого другаго обязательства безъ позволенія скупщины. Она можетъ именемъ націи отдавать подъ судъ министровъ и всехъ другихъ чиновниковъ. Скупштина собирается ежегодно въ день Рождества Богородицы въ столицѣ Сербіи. Если новые депутаты не выбраны къ этому дню, депутаты прежней скупщины остаются законными представителями націи и обязаны, не дожидаясь созванія со стороны правительства, сами собираться въ назначенный срокъ, для составленія скупщины. Министры, которые не созовутъ скупщину въ законный срокъ объявляются государственными измѣнниками и наказываются строжайшимъ образомъ. Избиратели депутатовъ въ скупщину—все сербы, достигшіе 30 лѣтъ; избранъ депутатомъ можетъ быть каждый сербъ достигшій 35 лѣтъ. Обыкновенно продолженіе засѣданій скупщины—мѣсяць; въ случаѣ надобности, срокъ этотъ продолжается.

По предложенію того же Янковича собраніе единогласно приняло благодарственный адресъ гарантирующимъ державамъ и другой,—въ рѣзкомъ тонѣ,—султану, который хотѣлъ воспрепятствовать собранію скупщины. 6 и 7 были дни праздничные, — такъ что 4-е засѣданіе происходило 8-го числа. Президентъ былъ боленъ. Вице-президентъ Стевча Миловановичъ занялъ его мѣсто. Собраніе слушало чтеніе своего новаго статута, единогласно его приняло и отправило на утвержденіе въ сенатъ. Въ засѣданіи 9-го числа бѣлградскій депутатъ Берловачъ изъявилъ желаніе получить отчетъ о дѣйствіяхъ правительства съ 42 года.

Это предложеніе было принято; тогда онъ же потребовалъ пересмотра

(* Русскій читатель едва ли нуждается въ объясненіи этого слова: скупити—совокупить; скупштина—совокупщина, собраніе, первоначально—мірская сходка всехъ сербскихъ людей, теперь парламентъ, состояющійся изъ ихъ депутатовъ.

законовъ о судопроизводствѣ и уголовныхъ законовъ, представленій торговой палаты, и закрытія Гургусовацкой тюрьмы. Крушевацкій окружной начальникъ Наумовичъ предложилъ составить адресъ князю; но собраніе единогласно отвергло это предложеніе, потому что князь не передалъ скупщинѣ своей тронной рѣчи. Нѣкоторые депутаты потребовали прекращенія разнаго рода противозаконныхъ злоупотребленій. Лосницкій протоіерей Васичъ и Крагуевацкій депутатъ Туцковичъ говорили въ пользу свободы книгопечатанія. Въ засѣданіи 10-го числа Берловачъ говорилъ о множествѣ народныхъ бѣдствій, и былъ также встрѣченъ сочувствіемъ собранія. Послѣ рѣзкой рѣчи предсѣдателя Семендрановскаго окружнаго суда, противъ постыднаго образа дѣйствій правительства, скупщина единогласно объявила, что подобной тираніи нельзя выносить долѣе. Берловачъ въ 19 пунктахъ исчислилъ ошибки и преступленія правительства. Выслушавъ его, палата объявила, что всему виною самъ князь, и единогласно заключила о необходимости его отреченія.

Изъ 19-ти пунктовъ обвиненія главными были: 1) Онъ не созывалъ скупщины съ 1842 до 1848 года, хотя при вступленіи на престолъ торжественно обѣщалъ, что будетъ созывать ее каждые три года. 2) Онъ не созывалъ скупщины съ 1848 до 1858 года. 3) Князь противозаконно назначилъ нѣсколькихъ сенаторовъ. 4) Князь приказалъ судебнымъ мѣстамъ не принимать обвиненій противъ министровъ. 5) Онъ послалъ уполномоченнаго на вѣнскую конференцію по вопросу о дунайскомъ судоходствѣ, не сообщивъ объ этомъ сенату. 6) Онъ выдавалъ эмигрантовъ. 7) Онъ покровительствовалъ нѣкоторымъ семействамъ, чтобы пріобрѣтать приверженцевъ, и подкупалъ судей. 8) Онъ отказался распустить часть войскъ для сбереженія расходовъ. 9) Онъ растратилъ 900,000 талеровъ будто бы на военные издержки, но не отдалъ въ нихъ отчета. 10) Онъ нарушилъ Уставъ (конституцію), лишивъ судилища ихъ независимости.

Къ Александру отправили депутацію съ требованіемъ скупщины, чтобы онъ отрекся отъ княжескаго сана. Приводимъ этотъ актъ.

„Господинъ, народъ имѣлъ довольно случаевъ видѣть, что вы не имѣете ни умѣнья ни желанія доставить Сербіи счастье. Потому черезъ насъ народъ проситъ васъ отказаться отъ власти, но позволяетъ вамъ и вашему семейству остаться въ нашей землѣ, гдѣ не будете вы волоскомъ тронуты. Народъ ожидаетъ вашего отвѣта. Отказывайтесь безъ промедленія и тѣмъ докажете, что вы любите отечество“.

Въ то же время было дано знать объ этомъ сенату; а начальникъ гарнизона (зять Александра) получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи скупщины. Депутація, отправленная къ князю, вернулась съ извѣстіемъ, что князь желаетъ посовѣтоваться съ сенатомъ и дать отвѣтъ на другой день.

Вечеромъ въ тотъ же день отправилась вторая депутація скупщины въ конакъ (княжескій дворецъ), „чтобы утвердить князя въ его добрыхъ намѣреніяхъ“. Княгиня жестоко упрекала мужа за его слабость и говорила, что еслибъ была на его мѣстѣ, то скорѣе дала бы себя изрѣзать въ куски, чѣмъ отказалась бы. Депутаты скупщины стояли свидѣтелями этой семейной сцены. Александръ Карагеоргіевичъ нѣсколько времени слушалъ брань жены, наконецъ потерялъ терпѣніе, взялъ ее за плечи и вытолкнулъ въ со-

сѣднюю комнату. Тогда депутаты возобновили свои увѣщанія; но едва они произнесли нѣсколько словъ, какъ опять вбѣжала въ комнату княгиня и стала бранить и депутатовъ и мужа. Мужъ опять вытолкалъ ее вонъ. Черезъ нѣсколько времени по удаленіи депутатовъ князь призвалъ Гарашанина, своего министра внутреннихъ дѣлъ, но впрочемъ бывшаго однимъ изъ главныхъ интригантовъ, думавшихъ воспользоваться для личнаго возвышенія созваніемъ скупщины, и объявилъ ему, что удаляется въ Бѣлградскую цитадель подъ защиту турецкаго гарнизона. Гарашанинъ почелъ полезнымъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и въ 10 часовъ вечера князь прибылъ въ цитадель.

Сенатъ съ своей стороны спросилъ: вслѣдствіе какихъ причинъ скупщина требуетъ отреченія князя. Скупщина отвѣчала, что онѣ вполнѣ ему извѣстны; но что впрочемъ она сообщитъ ему извлеченіе изъ протокола своихъ засѣданій. Въ 8-мъ засѣданіи, 11 числа, Берловачъ и Протичъ объявили, что князь выразилъ сенату намѣреніе скорѣе отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ престола. Президентъ извѣстилъ собраніе, что князь ночью вѣроломно прошелъ въ турецкую крѣпость. Собраніе послало спросить сенатъ, справедливо ли это обстоятельство; но еще прежде возвращенія посланныхъ получило сенатскій актъ, подтверждавшій извѣстіе. Тогда скупщина объявила Александра лишеннымъ княжескаго достоинства и единогласно избрала княземъ Милоша, тотчасъ же объявивъ объ этомъ собравшемуся народу. Начальство надъ гарнизономъ и управленіе городомъ передано было вице-президенту скупщины Стевчѣ Миловановичу. Помощниками его были назначены капитаны Алимичъ и Марковичъ. Вслѣдъ затѣмъ доставленъ былъ изъ сената актъ, которымъ онъ изъявлялъ свое согласіе на низложеніе Александра и предлагалъ скупщинѣ рѣшить вопросъ о порядкѣ временнаго управленія краемъ. Скупщина отвѣтила, что уже озаботилась обо всемъ. Вслѣдъ затѣмъ ея постановленія были сообщены сенату, министерствамъ, бѣлградскому пашѣ и представителямъ великихъ державъ. Тысячи вооруженныхъ горожанъ постоянно окружали зданіе скупщины.

12-го декабря засѣданіе началось въ 9 часовъ утра и продолжалось до поздняго вечера. Нѣкоторые депутаты предложили собранію распустить вооруженныхъ Бѣлградскихъ горожанъ, поручивъ исполненіе этого вице-президенту Стевчѣ. Но Стевча замѣтилъ, что никого не призывали къ оружію, а что горожане по собственному желанію вооружились для охраненія своего имущества, защиты скупщины и исполненія ея приказаній. Граждане Бѣлграда, прибавилъ онъ, сохранили полный порядокъ; они достойны похвалы, а не осужденія. Сверхъ того, въ настоящихъ обстоятельствахъ, разсѣять народъ и отдѣлить его отъ скупщины было бы крайне неблагоразумно: въ прошлую ночь нѣкоторые сенаторы сговаривались съ княземъ о томъ, чтобы вывести его изъ крѣпости, снова провозгласить княземъ и разогнать скупщину. Онъ прибавилъ, что солдаты въ казармахъ уже находятся въ готовности къ бою, и пушки направлены противъ скупщины. Тогда собраніе объявило, что оно не разоидется ни въ какомъ случаѣ, и скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить народу. Актъ о низложеніи Александра и указъ о перемѣнѣ городского начальства были посланы на утвержденіе сената. Депутатія скоро

вернулась съ извѣстіемъ, что сенатскій караулъ не хотѣлъ пропустить ее, безъ личнаго позволенія котораго нибудь изъ сенаторовъ, а вице-президентъ сената объявилъ ей, что скупщина не имѣетъ права ничего предпринимать безъ согласія сената и отвѣтъ на сообщенные ему акты получить чрезъ посредство князя Александра. Нѣкоторые сенаторы прибавили еще, что скупщина идетъ по дурной дорогѣ и что ей пора одуматься. Страшный ропотъ поднялся въ собраніи, когда оно выслушало этотъ отвѣтъ. Многіе голоса потребовали прочтенія того акта, которымъ сенатъ изъявилъ свое согласіе на изложеніе Александра. Собраніе официально выразило свое недовѣріе къ сенату. Вновь отправленная къ нему депутація тотчасъ же вернулась съ извѣстіемъ, что нѣкоторые сенаторы отправились въ казармы, а другіе въ крѣпость, съ намѣреніемъ возвратить престолъ князю Александру. Донесеніе это произвело большой шумъ въ толпѣ, окружавшей залу засѣданія.

Когда же вице-президентъ объявилъ народу, что отрядъ войскъ направленъ противъ скупщины, горожане обѣщали защитить ее до послѣдней капли крови. Тогда войско возвратилось въ казармы. Тотчасъ послѣ этого собраніе приступило къ назначенію временнаго правительства. Членами его были выбраны Гарашанинъ, Стевча (оставленный въ то же время военнымъ и гражданскимъ начальникомъ города) и Угриичъ. Актъ объ этомъ тотчасъ же былъ сообщенъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, присутственнымъ мѣстамъ и народу. Черезъ нѣсколько времени въ собраніе вошелъ солдатъ съ письмомъ отъ вице-президента сената, въ которомъ онъ именемъ сената рѣзко претендовалъ на то, что вооруженная толпа задержала посланный имъ отрядъ. Собраніе, черезъ посредство того же солдата, отвѣчало, что ручается за безопасность сенаторовъ, которые не будутъ противиться желаніямъ народа, что народу нельзя запретить задерживать тѣхъ, которые хотятъ ему вредить, что военное сословіе должно исполнять волю народа, а не нападать на гражданъ и на представителей націи, и что если подобный случай повторится, то граждане будутъ защищать народное дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Вскорѣ собраніе получило извѣстіе о новомъ столкновеніи. Вице-президентъ сообщилъ ему, что два сенатора (Ранковичъ и Майстановичъ), предводительствуя отрядомъ войскъ, хотѣли вывести Александра изъ крѣпости; но что вооруженные горожане окружили этотъ отрядъ и взяли обоихъ сенаторовъ въ плѣнъ, оставивъ оружіе солдатамъ, которые обѣщали поддерживать народное дѣло. Тотчасъ послѣ этого нѣсколько членовъ сенаторовъ пришли въ залу засѣданій, съ просьбой о покровительствѣ и объявленіемъ, что поступокъ ихъ былъ вынужденъ насиліемъ офицеровъ, которые до сихъ поръ задерживаютъ нѣсколькихъ сенаторовъ въ казармѣ. Скупщина передала временному правительству управленіе государствомъ до прибытія Милоша и послало за находившимися въ казармахъ сенаторами, ручаясь имъ за ихъ безопасность. Сенаторы явились блѣдные, разстроенные, со слезами на глазахъ, безпрятственно были пропущены столпившимися горожанами и обѣщали поддерживать народное дѣло. Этимъ кончилось засѣданіе 12 дек., протянувшееся до поздняго вечера.

13 ч. рано утромъ тысячи вооруженныхъ бѣлградцевъ и множество поселянъ, собравшихся ночью изъ окрестныхъ деревень, стояли передъ зда-

ніємъ скупщины, съ твердымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе все, что она постановитъ.—Подъ ихъ прикрытіемъ засѣданіе началось въ 10 ч. утра. Члены временнаго правительства прочли свою прокламацію народу. Призваннымъ въ собраніе: городовому полковнику, начальнику военнаго отряда министерства внутреннихъ дѣлъ и начальнику артиллеріи было приказано, что подвѣдомственные имъ части должны дѣйствовать согласно волѣ народа. Прокламація временнаго правительства была прочтена собравшемуся передъ скупщиною народу.

Во время засѣданія 14 ч. въ сенатъ была послана прокламація скупщины, отъ 12 числа,—и въ тоже время получена изъ сената бумага слѣдующаго содержанія:

„Вчера въ засѣданіе сената, собравшагося въ опредѣленное время, около 10 ч. утра пришли 3 офицера съ отрядомъ здѣшняго гарнизона и объявили, что гарнизонъ желаетъ снова призвать князя Александра и что тѣ, которые будутъ противиться этому желанію, себѣ однимъ должны приписать все послѣдствіе сопротивленія. Насиліе принудило сенатъ въ сопровожденіи солдатъ отправиться въ казармы и объявить войскамъ, что онъ раздѣляетъ ихъ желаніе. Находясь въ казармахъ, сенатъ составилъ актъ, приглашающій князя Александра вернуться, снова принять княжескую власть и распускать скупщину. Окруженный солдатами, сенатъ былъ принужденъ прочесть это всему гарнизону казармъ. По отправленіи этого акта къ князю Александру, сенату была отведена особая комната, гдѣ онъ и оставался до прибытія депутаціи, призвавшей сенаторовъ въ скупщину. Послѣ всего случившагося, сенатъ теперь рѣшится объявить, что его поступки были вынуждены насиліемъ, что онъ отрывается отъ нихъ, свидѣтельствуя передъ скупщиною о своей готовности, какъ и прежде, поддерживать народное дѣло“. Скупщина потребовала отъ сената его актъ отъ 11 декабря и единогласно рѣшила—извѣстить султана объ избраніи Милоша, прося его утвердить это избраніе. Рѣшено было также—на слѣдующій день выбрать членовъ депутаціи, назначенной для призванія Милоша въ отечество. Между тѣмъ принесли сенатскій актъ, въ которомъ онъ изъявилъ свое согласіе на правительственный переворотъ. Скупщина постановила, что до прибытія Милоша княжеская власть принадлежитъ ей, а начальство надъ городомъ Стевчѣ. Сенатъ утвердилъ назначенное скупщиною временное правительство. Вѣлградскій депутатъ Янковичъ объявилъ, что президентъ унижаетъ достоинство собранія и вредитъ его самостоятельности, оказывая почести министрамъ, являющимся въ скупщину. Онъ также замѣтилъ, что, по торопливости, временному правительству были сообщены только нумера актовъ, которыми скупщина низложила Александра и возвела на престолъ Милоша, и что въ прокламаціи временнаго правительства не помѣщено слово „низложеніе“ Александра, а просто сказано, что онъ оставилъ управленіе и народъ, и тогда скупщина сочла нужнымъ выбрать другаго князя; какъ будто скупщина не имѣетъ права низложить князя, который вредитъ народу и нарушаетъ законы, если бы онъ и не оставлялъ добровольно управленія. Замѣчаніе это было принято и занесено въ протоколъ. Для успокоенія народа собраніе предложило сенату исполнить указъ о передачѣ городского управленія Стевчѣ. Сенатъ

согласился. Президентъ скупщины изъявилъ желаніе, поддержанное единогласнымъ рѣшеніемъ собранія, обратиться къ бѣлградскимъ горожанамъ, съ слѣдующимъ благодарственнымъ адресомъ:

„Братя! Когда власть поднялась на бой съ разумомъ, законамъ, желаніями и свободою народа, вы грудью защитили народную скупщину, и такимъ образомъ спасли ея существованіе. 12 (24) число декабря будетъ всегда памятно сербамъ, не только по рѣшимости и энтузіазму, съ которымъ вы отстаивали возлюбленную свободу народа; но и по безпримѣрному благоумію и честности, которыя вы показали при защитѣ нашего святаго дѣла. Вы подвергались смерти, чтобы оградить права и свободу народа, и спасли ихъ, но не мстили побѣжденному врагу. Братя, вы этимъ доказали какъ свою честность, такъ и честность всѣхъ сербовъ, и потому примите, черезъ посредство наше, ихъ заслуженную благодарность“.

Въ засѣданіи 15 числа было составлено и передано въ сенатъ для утвержденія слѣдующая просьба на имя султана.

„Ваше императорское величество! Народная скупщина, созванная въ день св. Андрея текущаго года, осмѣливается именемъ вѣрнаго сербскаго народа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ донести вашему величеству, нашему всемилостивѣйшему султану, что управленіе князя Александра Карагеоргіевича сдѣлалось невыносимымъ для страны и народа. Народная скупщина убѣдилась, какъ убѣжденъ въ этомъ и весь народъ, что причина всѣхъ бѣдствій края заключается въ князѣ Александрѣ Карагеоргіевичѣ, потому что онъ дѣйствовалъ противно законамъ и народнымъ выгодамъ, вслѣдствіе чего и потерялъ народную довѣренность. Продолженіе его власти стало невозможнымъ, потому что спокойствіе страны не могло быть поддержано, если бы онъ оставался княземъ Сербіи. По важности этой причины народная скупщина въ своемъ засѣданіи, 10 (22) декабря, единогласно рѣшила посредствомъ депутаціи просить князя Александра, чтобы онъ, ради счастія и успокоенія своего отечества, отказался отъ княжескаго достоинства. Князь Александръ обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день 11 (23) декабря утромъ; но не сдержалъ слово и ночью съ 23 на 24 декабря между 11 и 12 часовъ отправился въ крѣпость, и такимъ образомъ измѣнилъ народу и оставилъ его безъ верховнаго главы. Народная скупщина въ своемъ засѣданіи 11 (23) декабря единогласно рѣшила и объявила народу, что князь Александръ Карагеоргіевичъ пересталъ быть княземъ Сербіи. Чтобы страна не оставалась безъ верховнаго главы, народная скупщина, въ томъ же засѣданіи, постановила и объявила народу, что князь Милошъ Обреновичъ, прежде уже бывшій княземъ, и въ 1839 году добровольно отказавшійся отъ княжескаго достоинства, снова имъ облачается съ правомъ наслѣдственности въ мужескомъ колѣнѣ, согласно берату и уставной грамотѣ, уже прежде дарованнымъ ему вашимъ императорскимъ величествомъ. До времени же его прибытія народная скупщина приняла верховную власть на себя. Чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ въ краѣ, она назначила временное правительство изъ трехъ лицъ, которыя до прибытія князя Милоша будутъ управлять краемъ и пользоваться княжескою властью. Въ настоящее время народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы ваше императорское величество

обрадовали его высочайшимъ утвержденіемъ князя Милоша въ достоинствѣ князя Сербіи. Постоянная благосклонность, съ которою ваше императорское величество до сихъ поръ принимали желанія и просьбы своихъ вѣрныхъ сербовъ, внушаетъ имъ надежду, что и въ настоящемъ случаѣ ваше императорское величество не оставите ихъ своей высочайшей милостью. Въ этомъ убѣжденіи состоялось единогласное рѣшеніе народной скупщины, въ ея нынѣшнемъ засѣданіи, и съ этой всеподданнѣйшей просьбой она принадлежитъ къ престолу вашего императорскаго величества и осмѣливается просить ваше императорское величество всемилостивѣйше издать высочайшій берать, утверждающій князя Милоша Обреновича въ достоинствѣ князя Сербіи, съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, какъ это уже прежде всемилостивѣйше ему было даровано, относящимся къ этому бератомъ и уставной грамотой. Исполненіе этого желанія наложить новыя узы благодарности на вѣрныхъ сербовъ, и они не перестанутъ возносить къ Богу самыя теплыя молитвы о счастливой и долгой жизни вашего императорскаго величества. Принято и объявлено въ народной скупщинѣ 14 (26) декабря 1858 г., въ Бѣлградѣ.

Затѣмъ приступили къ избранію членовъ депутаціи, отправляемой къ Милошу.

Ее составляли слѣдующія лица: 17 представителей различныхъ округовъ Сербіи, по одному отъ cadaго, и сверхъ того: епископъ, окружный начальникъ, президентъ окружнаго суда и, въ видѣ отличія для бѣлградскихъ гражданъ, депутатъ отъ этого города. Депутацію положено было отправить 19 декабря. Митрополитъ (прежній жаркій противникъ Милоша, которому онъ впрочемъ обязанъ своимъ мѣстомъ) изъявилъ желаніе присоеди- ниться къ депутаціи.

Скупщина вручила ей слѣдующее письмо:

„Свѣтлѣйшій князь Сербіи Милошъ Обреновичъ!

Голосъ сербскаго народа посредствомъ народной скупщины, 11 (23) декабря, возвелъ васъ въ достоинство князя Сербіи съ правомъ наслѣдственности, уже прежде вамъ даннымъ. Скупщина отъ имени народа обратилась уже къ султану съ просьбой объ утвержденіи васъ въ этомъ достоинствѣ и сегодня проситъ вашу свѣтлость вернуться въ отечество.—Депутаціи, которая вручить вамъ этотъ актъ, поручено отъ имени скупщины и цѣлаго народа просить васъ сколько возможно скорѣе обрадовать насъ вашимъ возвращеніемъ. Въ составъ этой депутаціи скупщина назначила изъ среды своей слѣдующія лица (перечисляются имена депутатовъ), и сверхъ того сдѣлала распоряженія о присоединеніи къ ней: одного сенатора, по назначенію сената, одного епископа по выбору высшаго духовенства, и одного офицера, по назначенію временнаго правительства, и одного гражданина, по выбору Бѣлградской общины. Скупщина именемъ народа проситъ вашу свѣтлость благосклонно принять эту депутацію и въ ея сопровожденіи вернуться въ Сербію и въ резиденцію вашу, гдѣ васъ въ величайшій нетерпѣніемъ ожидаетъ весь народъ и его представители. Утверждено и объявлено въ народной скупщинѣ 15 (27) декабря 1858 въ Бѣлградѣ“.

Скупщина извѣстила сенатъ объ этомъ актѣ и поручила ему сдѣлать необходимыя распоряженія относительно путешествія депутаціи и пріема Милоша. По предложенію бѣлградскаго депутата Янковича, собраніе единогласно положило, послѣ прибытія Милоша, возвратить въ отечество всѣхъ безъ исключенія политическихъ изгнанниковъ.

Въ засѣданіи 16 декабря были прочтены благодарственные адреса скупщинѣ отъ городовъ Смедерева, Яподины и Крагуеваца и т. д. Депутатъ Сома Протичъ предложилъ принять мѣры для удаленія бывшаго князя Александра за сербскую границу, что необходимо для успокоенія народа. Рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, и по предложенію Берловича скупщина просила президента назначить чиновника, хорошо извѣстнаго въ Валахіи, для сопровожденія депутаціи. Берловичъ потребовалъ, чтобы сенатъ въ наискорѣйшемъ времени утвердилъ новый статутъ скупщины. Затѣмъ онъ предложилъ возвратить въ отечество бывшихъ Гургусовацкихъ заключенныхъ, находившихся въ Рушукѣ. Послѣ того скупщина занесла въ протоколъ засѣданій, что благодарственный адресъ къ бѣлградскимъ гражданамъ относится также ко всѣмъ чиновникамъ, студентамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, и поселянамъ, пришедшимъ изъ окрестностей на защиту народнаго дѣла.

Около 8 ч. утра того же числа депутація отплыла по Дунаю на небольшихъ открытыхъ судахъ, наскоро обращенныхъ въ палубныя; пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ и благословенія народа сопровождали ее. Австрійское пароходное общество не согласилось отдать одинъ изъ своихъ пароходовъ въ распоряженіе представителей народа, который оказалъ ему самое дружественное содѣйствіе при устройствѣ станцій на Дунаѣ. Необыкновенно высокая цѣна за наемъ и залогъ для обезпеченія цѣлости парохода были бы охотно даны,—но общество, имѣвшее по близости нѣсколько пароходовъ, затягивало дѣло, объявило, что пришлетъ пароходъ черезъ нѣсколько дней и т. д. Потому и рѣшено было предпочесть другой способъ путешествія, хотя бы и самый утомительный. Кромѣ письма скупщины депутація повезла Милошу пригласительный актъ и отъ сената.

Въ послѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ скупщина назначила 3 коммисіи для пріема жалобъ разнаго рода лицъ, приведенія ихъ въ систему и представленія скупщинѣ. Бѣлградская еврейская община просила позволенія присоединить одного еврея къ депутаціи, отправленной къ князю Милошу. Скупщина изъявила на это свое согласіе, хотя только жителямъ цѣлаго Бѣлграда, въ видѣ особенной награды за ихъ усердіе, было позволено назначить своего особеннаго депутата. Представителемъ еврейской общины былъ избранъ банкиръ Руссо.

Сынъ Милоша Михаилъ, жившій въ своемъ помѣстьи, въ австрійскихъ владѣніяхъ, ранѣе чѣмъ отецъ успѣлъ получить извѣстіе^а объ избраніи Милоша и о назначеніи самого его наслѣдникомъ престола. Онъ прислалъ благодарность сербскому народу за память объ услугахъ его отца. Черезъ нѣсколько времени было получено и согласіе Милоша, принятое бѣлградцами съ восторгомъ. Говорятъ, что народъ плакалъ отъ радости, когда въ церквахъ въ первый разъ помянули Милоша, князя Сербіи.

Но въ зимнюю погоду старикъ (ему теперь 82 года) не могъ ѣхать такъ быстро, какъ бы хотѣлось сербамъ. Онъ прибылъ въ Бѣлградъ не ранѣе 24 января (старого стиля); между тѣмъ событія въ Сербіи развивались своимъ порядкомъ. Скупщина все больше и больше убѣждалась въ злонамѣренныхъ интригахъ олигарховъ, предводителями которыхъ были: Вучичъ и Анастасевичъ Миша, отчасти и Гарашанинъ. Она учредила надъ ними надзоръ и наконецъ арестовала Вучича. Министры и сенаторы были партизанами и креатурами олигарховъ, потому скупщина наконецъ увидѣла надобность принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ засѣданіи 19 января одинъ изъ депутатовъ Ушицкаго округа, Николай Сердаръ, взшелъ на трибуну и сказалъ: „У меня было большое стадо овецъ. Я отдалъ его на попеченіе двадцати одного пастуха (министровъ въ Сербіи 4, а сенаторовъ было 17), стадо гибнетъ со дня на день, а ни одинъ изъ пастуховъ не говоритъ мнѣ, кто виноватъ въ томъ. Какъ же теперь мнѣ узнать, какихъ пастуховъ мнѣ хвалить, какихъ поподчивать палкою?“ За этими словами начинаются спѣлыя рѣчи противъ сената, хотѣвшаго обмануть сербскій народъ, хотѣвшаго остановить движеніе вооруженной силой. Всѣ министры и сенаторы объявляются низложенными. Черезъ нѣсколько времени жители Гургусовацкой области, въ которой находилась страшная тюрьма для политическихъ преступниковъ, прислали скупщинѣ просьбу о томъ, чтобы они были избавлены отъ позора видѣть на своей землѣ это гнусное зданіе. Просьба была принята, какъ заслуживала, и ненавистная Гургусовацкая кула теперь разрушена.

Изъ множества прогрессивныхъ постановленій, принятыхъ скупщиною, мы упомянемъ только о возвращеніи изгнанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый родоначальникъ новаго литературнаго движенія въ Сербіи, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, знаменитый издатель народныхъ сербскихъ пѣсень, и о томъ, что въ Сербіи провозглашена свобода печатнаго слова.

24-го января Милошъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, прибылъ въ Бѣлградъ. Мы не будемъ описывать народнаго энтузіазма, съ которымъ былъ онъ встрѣченъ. Скупщина теперь видѣла свои заботы приближающимся къ концу, и по совершенномъ утвержденіи новаго правительства была распущена княземъ 31-го января (12-го февраля). Для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталась избранная ею изъ числа депутатовъ постоянная коммиссія.

Олигархи, преслѣдуемые народною ненавистью, отдѣлались очень дешево: Вучичъ и Миша получили позволеніе уѣхать за границу.

Надобно теперь сказать, хотя для формы, о томъ, какъ держало себя турецкое правительство при этомъ непріятномъ для него дѣлѣ. Читатели знаютъ, что Турція и даже Австрія боятся энергіи дряхлаго Милоша и особенно страшатся того смысла, какой имѣетъ его имя для сербовъ, еще остающихся подъ турецкимъ или австрійскимъ господствомъ. Вся популярность Милоша основана на томъ, что онъ освободитель сербовъ. Разрозненныя части сербскаго племени ждутъ только счастливой возможности присоединиться къ Сербскому княжеству. Другіе турецкіе славяне также симпатизируютъ этому независимому, родному государству. Опасаясь, что подъ управленіемъ Милоша и его сына Сербское княжество раздвинетъ свои границы насчетъ турецкихъ и, чего добраго, даже австрійскихъ областей, эти двѣ державы, какъ извѣстно

читателямъ, сначала думали было вооруженною рукою подавить бѣлградское движеніе и возстановить ничтожнаго слугу турокъ и австрійцевъ, Александра Карагеоргіевича. Читатель помнитъ, что это намѣреніе послужило первымъ дипломатическимъ предлогомъ, выставленнымъ со стороны Франціи къ разрыву съ Австріею. Само собою разумѣется, что не дипломатическіе переговоры остановили турецко-австрійскій гнѣвъ: дипломаты всегда имѣютъ привычку „признавать совершившіеся факты“, и если бы Австрія съ Турціей надѣялись легко управиться съ сербами, они преспокойно заняли бы княжество, разстрѣляли и перевѣшали бы всѣхъ непріятныхъ имъ людей, а потомъ пошелъ бы обмѣнъ депешъ, сначала очень сердитыхъ, далѣе мало по малу смягчающихся передъ созерцаемъ „совершившагося факта“ и „возстановленнаго въ Сербіи порядка“; и Александръ Карагеоргіевичъ, возстановленный князь, остался бы управлять по турецко-австрійскимъ приказаніямъ. Къ счастью, сербы въ своемъ мужествѣ имѣли защиту болѣе надежную, нежели дипломатическія ноты Франціи. Турки и австрійцы сообразили, что напрасно они погорячились, что сербы не поддадутся безъ отчаянной борьбы, исходъ которой при извѣстныхъ чувствахъ босняковъ и австрійскихъ сербовъ довольно сомнителенъ, потому ограничились угрозами, а потомъ отказались и отъ угрозъ. Турція прислала свое утвержденіе избранію Милоша, и тѣмъ дѣло покончено. Разумѣется, надобно было хоть въ чемъ нибудь дать удовольствіе своей досадѣ на Милоша, оставивъ себѣ какой нибудь предлогъ на случай, если черезъ нѣсколько времени обстоятельства будутъ благопріятствовать вмѣшательствамъ въ сербскія дѣла. Потому въ бератѣ, утверждавшемъ Милоша, были вставлены кляузы, служащія облегченіемъ души въ безсильной досадѣ. Вмѣсто того, чтобы сказать „по низложеніи прежняго князя скупштиною“, бератъ выражается „по отреченіи прежняго князя“; о наслѣдственности сербскаго престола въ родѣ Обреновичей онъ умалчиваетъ. Но эти кляузы—дипломатическое пустословіе, годное развѣ для того, чтобы надъ нимъ смѣялись. Сербская скупштина объявила, что бератъ неудовлетворителенъ и, отправивъ къ султану рѣзкія замѣчанія противъ него, продолжала дѣйствовать не обращая никакого вниманія на Турцію. Сынъ Милоша, Михаилъ, все-таки объявленъ наслѣдникомъ своего отца, а про Александра Карагеоргіевича все-таки повторено, что онъ низложенъ.

Что можетъ обѣщать себѣ Сербія отъ новаго порядка вещей? Удержится ли старикъ Милошъ отъ произвола и притѣсненій, которыми далъ онъ олигархамъ возможность низвергнуть его 20 лѣтъ тому назадъ? Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о Сербіи, къ сожалѣнію, служатъ константинопольскія и австрійскія газеты, враждебныя сербамъ. Они уже говорятъ о дѣйствіяхъ Милоша много дурнаго; но вѣрить имъ мы не считаемъ благоразумнымъ, пока не получимъ свидѣтельствъ менѣе подозрительныхъ. Относительно одной стороны дѣла, именно національныхъ стремленій новаго правительства, и эти газеты не могли совершенно скрыть правды. Въ турецкихъ и австрійскихъ сербахъ оживляется надежда на составленіе одного національнаго государства. Для австрійскихъ славянъ она, конечно, не исполнится иначе, какъ при сильномъ потрясеніи Австріи событіями въ родѣ происшествій 1848 года. Но турецкіе славяне имѣютъ нѣсколько болѣе возможности измѣнить свои

отношенія, и потому Милошъ представляется для Турціи не совсѣмъ безопаснымъ вассаломъ и въ настоящее время. Говорятъ, будто его агенты дѣйствуютъ въ Булгаріи, и есть извѣстія, что онъ уже принималъ болгарскую депутацію. Мы не знаемъ, насколько это справедливо; но вѣрнымъ кажется то, что онъ посылалъ къ румынамъ поздравлять ихъ съ первымъ удачнымъ шагомъ къ приобрѣтенію національнаго единства. Во всякомъ случаѣ возвращеніе Обреновичей въ Сербію, подобно избранію Кузы общимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, должно считаться событіемъ, указывающимъ на развитіе въ христіанскихъ жителяхъ Турецкой имперіи стремленія къ соединенію въ свободныя государства на развалинахъ турецкой державы въ Европѣ, и, можетъ быть, событіемъ, до нѣкоторой степени приближающимъ эти племена къ давнишней цѣли ихъ пламенныхъ желаній. Еще больше, нежели на Милоша, надобно надѣяться въ этомъ отношеніи на его сына Михаила, котораго даже враги сербскаго княжества описываютъ человѣкомъ, соединяющимъ въ себѣ энергію и умъ отца съ образомъ мыслей, соотвѣтствующимъ духу нынѣшняго времени, съ честнымъ характеромъ и съ желаніемъ служить не своему эгоизму, а народнымъ потребностямъ.

Въ чувствахъ, съ которыми было принято сербами возникновеніе національнаго единства румыновъ, а румынами возстановленіе національнаго правленія въ сербскомъ княжествѣ, надобно видѣть лучший залогъ возможности удовлетворительной развязки натянутого положенія дѣлъ въ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. Повидимому они понимаютъ, что должны дѣйствовать дружно и что федерація ихъ разныхъ племенъ—необходимое условіе для приобрѣтенія и сохраненія ихъ свободы.

Библиографическій указатель

статей о Н. Г. Чернышевскомъ и о его сочиненіяхъ.

- Аббадона (Амфитеатровъ).**—Фельетонъ —Зарубежные отклики, XVIII. (О „Что дѣлать?“).—Русь, 1904, 7 ноября.
- Агафоновъ, В.**—Старые гимны разуму, свободѣ и „эгонистическому“ героизму.—Міръ Божій, 1905, № 10.
- Ав—въ, Я.**—О вновь изданномъ романѣ „Что дѣлать?“—Ист. Вѣстн., 1905, № 6.
- Allgemeine Zeitung** (Beilage zur), 1883, № 325, 22 Nov.—Die Aesthetik der Nihilisten. (Объ „Эстет. отношенійхъ“ и „Что дѣлать?“).
- Ангарскій, В.**—Памяти Н. Г. Чернышевскаго (къ пятнадцатилѣтію со дня его смерти).—Самар. Газета, 1904, 17 окт.
- Андерсонъ, В. М.**—Свѣтила русской мысли, вып. 2. Мысли, афоризмы и парадоксы. СПб. 1905.
- Антоновичъ, М.**—Современная эстетическая теорія (разборъ „Эстетич. отношеній“).—Современникъ. 1865; № 3.
- Антоновичъ, М.**—Арестъ Н. Г. Чернышевскаго. — Былое, 1906, № 3. стр. 90—94.
- Арсеньевъ, К. К.**—Общественная хроника. Вѣстн. Евр., 1889, № 11.
- Астраханскій Листокъ**, 1889, № ?.—Воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ Астрахани. (Выдержка изъ этой статьи—Новости, 1889, № 306, 6 ноября).
- Асхабадъ** 1899, № 247.—Анекдотъ изъ жизни Чернышевскаго (въ фельетонѣ).
- Ачкасовъ, П.**—Письма о литературѣ. — Рус. Вѣстн., 1895, № 1, стр. 224—226.
- Б. (Баллодъ?)**—Изъ жизни въ Нерчинскихъ рудникахъ въ 60-хъ годахъ, воспоминанія.—Амурскій Край, 1900, №№ 5, 8, 11, 14, 17, 23 и 29 (14 янв.—10 марта). (Выдержки—въ Закасп. Обзорѣ, 1900, №№ 51 и 74, 5 марта и 2 апр. и 1901, 30 окт.; въ Россіи, 1901, 11 окт.).
- Батуринскій.**—А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Герценъ и Чернышевскій. (Истор. Вѣстн., 1904, № 12).
- Бельтовъ.**—За двадцать лѣтъ. СПб. 1905.
- Бибииковъ, П. А.**—Критическіе этюды, 1859—1865, (въ 4-мъ этюдѣ—Рев-

- ность животныхъ. По поводу шельмованнаго поступка Вѣры Павловой Лопухиной).
- Библиотека для Чтенія, 1855, т. 132, отд. VI, стр. 5 (объ Эст. отнош.).
- Библиотека для Чтенія, 1861, № 8, стр. 24—50.—Повальное недоразумѣніе (по поводу спора Чернышевскаго съ Юркевичемъ).
- Библиотека для Чтенія 1862, № 3, стр. 153—175, Н.—овъ. Современныя поминки по друзьямъ. (О Добролюбовѣ и Чернышевскомъ).
- Библиотека для Чтенія, 1862, № 3, стр. 176—178.—Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литературы—Добролюбовъ или Панаевъ?
- Благовѣсть, 1889, № 17.—Н. Г. Чернышевскій (некрологъ).
- Блюммеръ, Л. П.—Письма о русской журналистикѣ.—Сѣв. Пчела, 1860, №№ 53, 59 и 80, (есть и о Чернышевскомъ).
- Бобровскій (А. С. Суворинъ).—Всякіе (книга, сожженная цензурою).
- Богучарскій, В.—Изъ прошлаго русскаго общества. СПб. 1904. (Также Міръ Божій, 1901, № 11).
- Богучарскій, В.—Изъ русскихъ журналовъ.—Міръ Божій, 1905, № 1.
- Борисовъ, Ив.—Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.—Рус. Старина, 1901, № 12. (Выдержка—Рус. Вѣд. 1901, 31 дек.—Н. В.—въ. Наши историческіе журналы).
- Бороздинъ, А. К.—Литературныя характеристики, XIX вѣкъ, т. II, вып. I. СПб. 1905.
- Боцяновскій, Вл.—Критическіе наброски.—Русь, 1904, 30 окт. (Выдержка—Закасп. Обзорѣніе, 1904, № 278).
- Брюнетьеръ.—Статья въ *Revue des deux Mondes*, 1876, № ?
- Буренинъ, В.—Критическіе очерки.—Нов. Время, 1894, 28 окт. (О развѣнчиваніи Волынскимъ Чернышевскаго).
- Бурцевъ.—За сто лѣтъ. Ч. I, стр. 69—85.
- Бурцевъ.—Описаніе рѣдкихъ русскіихъ книгъ, ч. V, № 1061. („Что дѣлать?“)
- Былое, 1903, № 4, стр. 60—61, 65. (Ссылка на каторга въ 60-хъ годахъ и о Чернышевскомъ въ каторгѣ, отрывокъ изъ письма Муравскаго).
- Былое, 1906, № 1, стр. 171—173.—Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому. (Поправка въ этой статьѣ: Былое, 1906, сент., стр. 208—Къ протесту по дѣлу А. П. Щапова).
- Былое, 1906, № 2, стр. 250—251.—Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому (сообщилъ М. К. Лемке).
- Бѣлелюбскій, проф.—Памяти Н. Г. Чернышевскаго.—Русь, 1905, 7 янв. (Приведено стихотвореніе „На смерть Н. Г. Чернышевскаго“).
- Б. А.—Критическія замѣтки.—Міръ Божій, 1904, № 12. (Къ 15-лѣтію со дня смерти Н. Г. Чернышевскаго).
- Б. В.—Герценъ и Тургеневъ.—Вѣстн. Всемирн. Исторіи, 1901, Февраль. (Разговоръ Герцена съ Чернышевскимъ).—Выдержка—Закасп. Обзор. 1901, № 48, 2 марта.
- Б. С.—Н. Г. Чернышевскій.—Новый Путь, 1904, № 11.

- Венгеровъ, С. А.**—Чернышевскій.—Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона, полут. 76.
- Вернадскій, И.**—О поземельной собственности (критику „Современника“).—Эконом. указатель, 1857, №№ 22, 25, 27 и 29; стр. 506—510; 583—586; 633—637; 677—685.
- Веселовскій, Алексѣй.**—Къ характеристикѣ А. Н. Пыпина.—Рус. Вѣдом., 1903, № 94.
- Вилюецъ.**—Кое-что о Вилюйской тюрьмѣ (письмо въ редакцію).—Россія, 1901, 27 окт.
- Вогюэ.**—Статьи въ *Revue des deux Mondes*, 1876, № 20.
- Водовозовъ, В.**—По поводу выхода въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1905, 25 ноября.
- Волконскій, князь С.**—Высшее образованіе женщинъ въ Россіи.—Нов. Время, 1899, 3 авг. (Нѣсколько словъ о колебаніи Чернышевскимъ въ романѣ. „Что дѣлать?“ основъ семьи и провозглашеніи безполезности брака).
- Волжскій Вѣстникъ**, 1905, № 19, 30 ноября.
- Волынский, А.**—Русскіе критики. СПБ. 1896. Глава „Чернышевскій и Гоголь“. (Изъ Сѣв. Вѣстника, 1894).
- Восточное Обозрѣніе**, 1904, № 271, 13 ноября.—Фельетонъ—Н. Г. Чернышевскій.
- Восходъ**, 1885, № 2, стр. 19—25 (рецензія А. Волынскаго о переводѣ Вебера).
- Впередъ** (журналъ) № 2. (Дѣло Чернышевскаго).
- Впередъ** (газета) № 33. (Дѣло Чернышевскаго).
- Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія**, 1905, № 18.—Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ.
- Вѣстникъ Европы**, 1885, № 12, стр. 903—905 (рец. о переводѣ Вебера).
- Вѣстникъ Европы**, 1892, №№ 5 и 11 (объ Очеркахъ Гогол. періода).
- Вѣстникъ Европы**, 1893, № 2 (объ Эстет. отношеніяхъ).
- Вѣстникъ Европы**, 1894, № 3.
- В. А.**—Что дѣлать?—Сынъ Отеч. 1863, № XXXIV (воскресный), стр. 535—543.
- В—овъ, А.**—Что дѣлать?—Духъ Христ., 1863, кн. I, отд. II, стр. 1—31.
- В. В.**—По поводу собранія сочиненій Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1906, № 16, 30 апр. (литер. приложеніе).
- Гаевскій, В. П.**—Новые люди. Что дѣлать?—Модный Магазинъ, 1863, № 14, стр. 165—170.
- Геккерь.**—Докладъ, прочитанный 11 ноября 1904 г. въ одесскомъ литературно-артистическомъ обществѣ о дѣятельности Чернышевскаго.—Одесскія Новости, 1904, № ? (Перепечатки были въ Сѣв.-Зап. Словъ, 1904, №№ 2156—2157; въ Закасп. Обозрѣніи, 1904, 23 и 25 ноября).
- Henckel, W.**—Zur russischen Romanliteratur.—Allgemeine Zeitung (Beilage zur), 1883, № 298, 26 oct. (О „Что дѣлать?“ по поводу выхода нѣмецкаго перевода.—Leipzig, F. A. Brockhaus, 1883).

- Герценъ, А. И.**.—Сочиненія, изд. 1905, т. 3, стр. 461.— Колоколь — „Лишніе люди и желч вики“. (Свиданіе Герцена съ Чернышевскимъ).
- Глинка, Юстина.**—Письмо въ редакцію. — *Наша Жизнь*, 1904, № 10, 16 ноября (по поводу ходатайства о возвращеніи Чернышевскаго).
- Глинскій, Б.**—А. Н. Пыпинъ. — *Ист. Вѣстникъ*, 1905, № 1, стр. 263—307.
- Головачева-Панаева, А. Я.**—Русскіе писатели и артисты, 1824—1870. СПб. 1900. (Выдержки — *Астрах. Вѣстникъ*, 1889, № 72, 14 іюля).
- Головинъ.**—Русскій романъ. 1897.
- Гольцевъ.**—Воспоминанія и переписка Н. Г. Чернышевскаго. — *Рус. Мысль*. 1903, № 1.
- Гороховъ, Николай (Лѣсковъ).**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ его романѣ „Что дѣлать?“—письмо къ издателю Сѣв. Пчелы. — *Сѣв. Пчела*, 1863, № 142, стр. 657—658.
- Грабъ, Павло.**—М. Г. Чернышевскій. Біографічний нарис. Львів., 1905.
- Гражданинъ**, 1889, № 291, 20 окт.—*Дневникъ*.
- Гражданинъ**, 1889, № 295, 24 окт.—Замѣтки прозаика. Интересное воспоминаніе о Чернышевскомъ.
- Гражданинъ**, 1889, № 313, 11 ноября.—(Таментацин о цензурныхъ слабостяхъ).
- Григорьевъ, Ап.**—Сочиненія, т. I.
- Гутьяръ, Н.**—И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ.—*Рус. Старина*, 1903, № 1, стр. 82—83.
- Г. В.**—Фантазія и жизнь. Книжки Недѣли, 1893, № 3 (объ Эстет. отношеніяхъ).
- Г. П.**—Нѣсколько словъ по поводу статьи г-на Чернышевскаго „о поземельной собственности“.—*Эконом. Указатель*, 1850, вып. № 12 (№ 64), стр. 258—264.
- Daily News**, 1883, 22 dec.—A russian political prisoner. (Интервью корреспондента газеты „D. N.“ съ Чернышевскимъ въ Астрахани.—Выдержка—*Нов. Время*, 1883, № 2804, 17 дек.).
- Дебогорій-Мокріевичъ, Вл.**—Воспоминанія. Stuttgart, 1903. стр. 21 (о поѣздкѣ Мышкина для освобожденія Чернышевскаго).
- Джаншѣвъ.**—Эпоха великихъ реформъ, изд. IX. (О Чернышевскомъ въ отдѣлѣ Скорбныя справки).
- Добролюбовъ, В. А.**—Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ. СПб. 1902.
- Добролюбовъ, Н. А.**—Сочиненія.
- Домашняя Бесѣда**, 1864, вып. 8, стр. 204—213.—Апология. (По поводу романовъ. „Что дѣлать?“ и Смѣлый Шагъ).
- Достоевскій, Ѳ. М.**—*Дневникъ писателя* за 1873 г. Нѣчто личное. (Сочиненія Д. изд. 1883, т. X; изд. 1895 (Маркса) т. 9. стр. 190—200).
- Драгомановъ, М. П.**—Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій воепросъ. Казань, 1906.
- Дружининъ**, сочиненія, т. VII (изъ Библ. для Чтенія 1856).

Духовниковъ, Ф.—Къ исторіи топографіи Саратова.

Духовниковъ, Ф.—Николай Гаврилович Чернышевскій, его жизнь въ Саратовѣ, Рус. Старина, 1890, № 9 стр. 531—568. (Окончаніе этой статьи осталось по цензурнымъ условіямъ того времени не-напечатаннымъ).

Зайцевъ, В.—Статья объ Эстет. отношеніяхъ въ Рус. Словѣ, 1865, №№ 4 и 5. (Библиогр. Листокъ).

Закаспійское Обозрѣніе, 1889, № 193, 5 сент.—По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.

Закаспійское Обозрѣніе, 1899, № 194, 7 сент.—Нѣкоторый протестъ. (По поводу напечатаннаго въ газетѣ „Асхабадъ“ анекдота изъ жизни Чернышевскаго).

Закаспійское Обозрѣніе, 1900, 10 ноября.—„Другимъ нельзя“, комедія Н. Г. Чернышевскаго.

Закаспійское Обозрѣніе, 1904, 23 и 25 ноября.—Н. Г. Чернышевскій, какъ экономистъ. (Перепечатка изъ Одесскихъ Новостей доклада Геккера).

Заклинскій, Ил.—Отзывъ мелкопомѣстнаго владѣльца о статьѣ г. Чернышевскаго „Суевѣріе и правила логики“. — Петерб. Вѣдомости, 1859, № 101.

Заринъ.—Лестъ живому и поруганіе надъ мертвымъ (письмо къ г. Чернышевскому).—Библ. для Чтенія 1862, № 3, стр. 138—152.

Захарьинъ, Ив. (Якунинъ).—О подложномъ письмѣ въ „дѣлѣ“ Чернышевскаго (письмо въ редакцію)—Новое Время, 1904, 23 ноября. (Поправка къ этому письму (В. Никитина)—Нов. Время, 1904, 29 ноября.

Зотовъ, В.—Петербург. Вѣдомости, 1856, № 165 (объ Очеркахъ Гогол. періода).

Ивановъ, Н.—Исторія русской критики, СПб. 1900

Ивановъ-Разумникъ.—Исторія русской общественной мысли. СПб. 1907.

Игнатовъ, И.—Галлерея русскихъ писателей. М. 1901, изд. Скирмунта, стр. 268—273 (съ портретами).

Историческій Вѣстникъ, 1886, № 2, стр. 447—448; № 6, стр. 679—682; 1887, № 2, стр. 458—459; № 9, стр. 660—662; № 12, стр. 734—736 (о переводѣ Вебера).

Историческій Вѣстникъ, т. LXXV (стр. 317), LXXVII (601), LXXXIII (605), LXXXIV (190—191), LXXXV (852), LXXXVI (591, 593, 607, 608, 1066).

Историческій Вѣстникъ, 1897, т. LXVIII, стр. 852; 1896, т. LXIII, стр. 794, 803—805.

Историческій Вѣстникъ, 1905, № 6 (о книжкѣ К. М. Оедорова—Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій).

И.—Литературные отголоски.—Рус. Вѣдомости. 1904, № 301.

Катковъ.—Статья въ Моск. Вѣдомостяхъ, 1879, № 153.

Каспій, 1889, № ? (См. Гражданинъ, 1889, № 313).

Каутскій, статья о взглядахъ Чернышевскаго на Мальтуса въ Jahrbuch f.

socialwissenschaft u. Politik v. Dr. Ludw. Richter въ I или II т.
(I т. 1879, II т. 1881).

Кіевскіе Отклики, 1904, №№ 289, 308.

Кіевскіе Отклики, 1905, № 11. (Къ біографіи Чернышевскаго).

Клейнбортъ, Л.—Изъ жизни и литературы. Памяти Н. Г. Чернышевскаго.—
Образованіе, 1904, № 12, стр. 107—118.

Клейнбортъ, Л.—Изъ прошлаго русскаго общества.—Образованіе, 1905,
№ 6.

Книжникъ, 1855, № 6. (Объ Эстет. отношеніяхъ).

Книжникъ, 1865, № 7. (Объ Эстет. отношеніяхъ).

Книжный Вѣстникъ, 1865, № 9, стр. 183—184 (объ Эстет. отноше-
ніяхъ).

Кокосовъ, В.—Къ воспоминаніямъ о Н. Г. Чернышевскомъ.—Рус. Богат-
ство, 1905, № 11—12, стр. 158—173.

Колоколь, 1865, №№ 186, 189, 190, 193. (О дѣлѣ Чернышевскаго и
обвинительный актъ).

Колубовскій.—Философскій ежегодникъ, 1893,—869. (Объ Эстет. отнош.).

Корниловъ, Д.—По поводу газетныхъ воспоминаній о Чернышевскомъ.—
Наша Жизнь, 1904, 19 ноября.

Короленко, В.—Воспоминанія о Чернышевскомъ. Лондонъ. 1894, (съ портре-
томъ).

Короленко, В.—Воспоминанія о Чернышевскомъ.—Рус. Богатство, 1904,
№ 11. (Выдержка—Русь, 1904, 28 ноября).

Короленко, В.—Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.—Рус. Богат-
ство, 1905, № 6 (въ отдѣлѣ Случайныя замѣтки).

Короленко, В.—Легенда о Чернышевскомъ. — Наши Дни, 1905, № 35
(или 31?).

Корсаковъ, Д. А.—Изъ переписки Кавелина.—Рус. Мысль, 1892, № 3,
стр. 6, 7.

Косица, Н. (Страховъ).—Счастливые люди. Одинъ изъ нашихъ типовъ.—
Библ. для Чтенія, 1865, № 7—8, стр. 142—166. (Полемика
съ „Днемъ“ о нигилизмѣ и о романѣ „Что дѣлать?“).

Ко., Н.—Еще о петербургской литературѣ, письмо къ редактору.—Время,
1861, № 6, стр. 137—155 (о статьѣ Причины паденія Рима).

Красноперовъ.—Мои воспоминанія.—Міръ Божій, 1896, №№ 9 и 10.

Крыловъ, В.—Эпизодъ на литературномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ (отрывокъ изъ
воспоминаній).—Истор. Вѣстникъ, 1900, № 2.

Крымовъ, М.—Знакомство съ Н. Г. Чернышевскимъ (1858—1862).—
Слово, 1905, 16 и 20 ноября (приложеніе № 2).

Кудринъ, Н. Е.—Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ.—Рус. Бо-
гатство, 1905, № 3, стр. 166—207.

К., М.—Учиться или не учиться. Замѣтка относительно того важнаго влія-
нія, которое Чернышевскій имѣетъ въ литературѣ. Библ. для Чтенія,
1862, № 5, стр. 187—195.

Ламбины, П. и Б.—Русская историческая бібліографія (1855—1863). Спб.
1861—1877.

- Левенфельдъ.**—Статья въ *Unsere Zeit*, 1882, № 10 (о „Что дѣлать?“).
Лемке, М.—Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904.
Лемке, М.—За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго (письмо А. И. Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу).—*Былое*, 1906, № 1, стр. 230—232.
Лемке, М.—Дѣло Н. Г. Чернышевскаго (по неизданнымъ источникамъ).—*Былое*, 1906, №№ 3—5, стр. 95—106; 125—187; 77—130.
Летучіе листки, издаваемые фондомъ рус. вольной прессы въ Лондонѣ, 1898, № 42, 23 марта.—Кое-что о неизвѣстныхъ произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго.
Лукьяновъ, А.—Стихотвореніе „Памяти Н. Г. Чернышевскаго“.—*Наша Жизнь*, 1904, 25 декабря.
Львовъ, В.—Журнальныя замѣтки. Н. Г. Чернышевскій. — Образованіе, 1905, № 1.
Льдовъ, К.—Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго. — Живописное Обозрѣніе, 1905, №№ 1—4. (Начавшаяся было печататься „Записка о дѣлѣ старообрядцевъ“, помѣщенная въ X т. ч. 1 полного собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго).
Любавскій, А.—Новые русскіе уголовные процессы, т. I. 1868 (1866—Дѣло Суворина объ изданіи книги „Всякіе“—о дѣлѣ Чернышевскаго, изложеніе этой книги).
Лякомте, М. А.—Воспоминанія о Саратовской гимназій.—Труды Саратовской Архивной Комиссіи, вып. XXIII.
Лѣсковъ, Н.—Г. Чернышевскій въ романѣ „Что дѣлать?“ — Рус. Рѣчь, 1863, № 142.
Л-скій, А.—Библ. замѣтка объ изданіи полного собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.—*Сарат. Дневникъ*, 1906, № 109, 25 мая.
Малышенко, Г.—Николай Гаврилович Чернышевскій. 1828—1889. (Биографическій набросокъ).—Рус. Мысль, 1906, №№ 4—6, стр. 147—182; 54—88; 73—121.
Маринскій, К.—Н. Г. Чернышевскій.—*Нов. Міръ*, 1899, № 22 (съ портретомъ).
Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова.—М. 1890. Т. I, стр. 624—629 (Письма Н. А. Добролюбова къ П. О. Л-скому, т. е. къ Н. Г. Чернышевскому). Отзывъ объ этой книгѣ.—Р. Мысль, 1889, № 1, стр. 76—93; № 2, стр. 29—46.—Рус. Вѣдом., 1889, № 40.—Нов. Вр. 1890, № ?.
Межовъ, В. И.—Сибирская бібліографія.—Спб. 1892.
Мезіеръ, де, А. В.—Библіографическій указатель произведеній рус. словесности.—Спб. 1902.
Михайловскій, Н. К.—Сочиненія.
Михайловскій, Н. К.—Литература и жизнь.—Рус. Богатство, 1904, № 1.
Мордовцевъ, Д.—О Рахметовѣ.—Сѣв. Курьеръ, 1900, № 164.
Московскія Вѣдомости, 1856, № 45 (Объ очеркахъ Гогол. періода).
Московскія Вѣдомости, 1856, № 143 (О книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
Московскія Вѣдомости, 1879, № 153. Передовая статья (по поводу вы-

- шедшей брошюры Цитовича. „Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать?“).
- М., Г.**—Забытый писатель.—Сынъ Отечества, 1899, № 285.
- М-е.**—По поводу стараго романа.—Новое Время, 1905, 20 іюня (о „Что дѣлать?“).
- М-ко, Н.**—Литературныя воспоминанія (Чернышевскій въ крѣпости).—Истор. Вѣстникъ, 1901, декабрь.
- Наблюдатель**, 1886, № 2, стр. 31; № 7, стр. 28—31; № 10, стр. 16—18; 1887, № 11, стр. 47—48; 1889, № 4 (о переводѣ Вебера).
- Наша Жизнь**, 1905, 6 января.—Замѣтка о разрѣшеніи сочиненій Н. Г. Чернышевскаго съ фамиліей автора.
- Наша Жизнь**, 1905, № 84, 8 мая.—Г. Скориковъ и Н. Г. Чернышевскій.
- Наша Жизнь**, 1905, № 102, 26 мая.—(О статьяхъ по крестьянскому вопросу).
- Некрасова, Е. С.**—Н. А. Герценъ въ перепискѣ съ А. Г. Кліентовою.—Рус. Старина, 1892, № 3.
- Neue Freie Presse**, 1882, № 6503, 3 окт.—(Въ „Политич. Обзорѣнн“ ссылка на корреспонденцію изъ Сибири газеты „Baltische Föderalist“ о Чернышевскомъ).
- Никаноръ, преосвященный.**—О значеніи семинарскаго образованія. Изд. II. Одесса. 1891 (изъ Херсон. Епарх. Вѣдом. 1890.—Перепечатки были въ Одесскомъ Листкѣ и Саратов. Листкѣ, 1890, №№ 151—152, 17 и 18 іюля).
- Никитенко, А. В.**—Записки и дневникъ. Т. II. Изд. Пирожкова.
- Никитинъ, В.**—Письмо въ редакцію.—Нов. Время, 1904, 29 ноября. (Поправка къ помѣщенному въ № 10321 Нов. Времени письму Захарыина (Якунина) о подложномъ письмѣ въ дѣлѣ Чернышевскаго).
- Николадзе, Н. Я.**—Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго.—Былое, 1906, № 9, сент., стр. 242—281.
- Николаевъ.**—Личныя воспоминанія о пребываніи Николая Гавриловича въ каторгѣ. М. 1906.
- Новое Обзорѣніе**, 1885, № 449. — (О статьѣ „Характеръ человѣческаго знанія“).
- Новое Время**, 1889, № 4900, 19 октября. — Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.
- Новое Время**, 1906, 25 сентября.—Фельетонъ. Книги о русской революціи. (Нѣсколько словъ о Чернышевскомъ).
- Новости**, 1889, № 289, 20 окт.—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.
- Новости**, 1889, № 295, 26 окт.—Корреспонденція изъ Саратова.
- Общественное движеніе при Александрѣ II.**—Историческій очеркъ. Изданіе редакціи Освобожденія. Paris. 1905.
- Образованіе**, 1902, № 10. —Метерлики или Чернышевскій. (Письмо въ редакцію П. А.). Выдержка—Восточн. Обзорѣніе, 1902, № 281.
- Овсянко-Куликовскій, Д.**—Литературныя бесѣды. VIII. Н. Г. Чернышевскій, какъ историкъ литературы и критикъ.—IX. Н. Г. Чернышевскій, какъ критикъ художественныхъ произведеній.—X. Пу-

- блицистическая критика Чернышевскаго. — Наша Жизнь, 1905, №№ 264, 290 и 328 (14 и 29 сент. и 8 ноября).
- Огарева-Тучкова, Н. А.**—Воспоминанія, 1848—1870. М. 1903. (Изъ Рус. Старины, 1894). Выдержка.—Нов. Время, 1894, 12 окт.; замѣтка М. Чернышевскаго—Н. Время, 1894, 16 окт.
- Одесскія Новости**, 1905, № 6525.
- Отечественныя Записки**, 1854, № 8, отд. IV, стр. 88, Журналистика—
Что такое „Искренность въ критикѣ“ (Соврем. 1854, № 7).
- Отечественныя Записки**, 1855, июнь, отд. IV, стр. 79—87. (Объ Эстет. отношеніяхъ).
- Отечественныя Записки**, 1856, окт. (Противъ 6 статьи Очерковъ Гогол. періода).
- Павловъ, Н.**—Г. Чернышевскій и его время. Историческій очеркъ.—Наше Время, 1861, № 27.
- Палимпсестовъ, Ив.**—Н. Г. Чернышевскій по воспоминаніямъ земляка. Рус. Архивъ, 1890, № 4, стр. 553—568.
- Панаевъ, В. А.**—Воспоминанія.—Рус. Старина, 1893, №№ 8, 9, 12; 1901, № 9.
- Пантелѣвъ, Л. Ф.**—Изъ воспоминаній прошлаго. Слб. 1905.
- Пантелѣвъ, Л. Ф.**—Н. Г. Чернышевскій въ Иркутскѣ по пути въ Астрахань.—Рѣчь, 1906, № 172, 23 сент.
- Пекарскій, Э. К.**—Беллетристика Чернышевскаго.—Рус. Богатство, 1900, № 10. Выдержки—Нов. Время, 1900, 26 окт.; Рус. Вѣд. 1900, 27 окт.; Закаспійское Обозрѣніе, 1900, № 241.
- Пекарскій, Эд.**—Еще о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1905, № 77.
- Петерб. Вѣдомости**, 1856, № 258 (объ Очеркахъ Гогол. періода).
1857, № 142 (о Лессингѣ).
1861, № 172.
1864, № 102, 9 мая (опубликованъ приговоръ по дѣлу Чернышевскаго).
1864, № 103, 10 мая (корректирующая поправка къ приговору).
1864, № 110, 19 мая (о назначеніи на 19 мая публичнаго приговора Чернышевскому).
1904, 11 ноября.
- Писаревъ, Д.** Сочиненія, изд. 1867, т. IV, стр. 1—47.—Мыслящій пролетаріатъ (о „Что дѣлать?“).
- Писаревъ, М. И.**—Воспоминанія о Чернышевскомъ. Волжскій Вѣстникъ, 1897, сент.—Выдержка—Нов. Время, 1897, 30 сент.
- Писемскій.**—О значеніи романа въ наше время.—Пантеонъ Литературы, 1889, т. IV.
- Plechanow, С.**—N. G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie.—Stuttgart, 1894 (съ портретомъ). (Изъ Соціалъ-Демократа, 1890—1892. Т. I, стр. 79—175 и слѣд.).
- Театральная бесѣда.—Петербург. Газета, 1886, 30 янв. (упоминаніе о подписи Чернышевскаго на адресѣ, поднесенномъ въ 1859 г. актеру Мартынову).

- Плещеевъ, Александръ.—Къ процессу Н. Г. Чернышевскаго (письмо въ редакцію).—Нов. Время, 1904, ноября ?.—Перепечатка—Наша Жизнь, 1904, 8 ноября.
- Потанинъ, Г. Н.—Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. — Истор. Вѣстникъ, 1905, №№ 1 и 2.
- Полевой, П. Н.—Исторія русской словесности.—Спб. 1900. Т. III, вып. XII, стр. 596—603.
- Потресовъ (Старовѣръ).—Этюды о русской интеллигенціи.—Спб. 1906.
- Протопоповъ, М.—Изъ исторіи нашей литературной критики.—Рус. Мысль, 1892, №№ 8—9, стр. 129—148; 104—125. (Объ Очеркахъ Гогол. періода).
- Przegląd Polski, 1868—1869.—(Замѣтка о переводахъ „Что дѣлать?“).
- Пыпинъ, А. Н.—Ник. Гавр. Чернышевскій, замѣтка.—Рус. Старина, 1889, № 12, стр. 830.
- Пыпинъ, А. Н.—Рецензія на книгу М. К. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ“.—Вѣстн. Евр., 1904, № 7.
- Пыпинъ, А. Н.—Н. А. Некрасовъ.—Спб. 1905.
- Пыпинъ, А. Н.—Мои замѣтки. — Вѣстн. Европы, 1905, №№ 2 и 3, стр. 469—509; 5—58.
- Рабочая Мысль, 1899, сент. (Отдѣльное приложеніе къ).—Къ десятилѣтію смерти Чернышевскаго.
- Рейнгардтъ, Н. В.—Н. Г. Чернышевскій (по воспоминаніямъ и рассказамъ разныхъ лицъ).—Рус. Старина, 1905, № 2.
- Р-тъ, Н. В.—Невинноосужденный (Дѣло Н. Г. Чернышевскаго).—Юристъ, 1905, № 9, 27 февр.
- Рогинскій, Р.—Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго.—Кіев. Отклики, 1905, № 48.
- Розовъ, П.—Н. Г. Чернышевскій.—Рус. Богатство, 1889, № 11, стр. 191—196.
- Розановъ, А. И.—Н. Г. Чернышевскій. — Рус. Старина, 1889, № 11, стр. 499—502.
- Розановъ, В.—Когда-то знаменитый романъ.—Нов. Время, 1905, 8 іюня.
- Россія, 1901, № 653, 19 февраля.—Община (есть и о статьяхъ Н. Г. Чернышевскаго по крестьянскому вопросу).
- Россія, 1901, № 667, 5 марта. — Выкупъ земли и свободы. (Есть и о статьяхъ по крестьянскому вопросу).
- Ростиславъ. — Лжемудрость героевъ Чернышевскаго. Сѣв. Пчела, 1863, № 138, стр. 551—553).
- Руковскій, И.—О продажныхъ цѣнахъ на земли въ Смоленской губ.—Моск. Вѣдом., 1859, № 174. (Полемика противъ статьи „Труденъ ли выкупъ земли“).
- Русская Мысль, 1885, № 12, стр. 8—9; 1886, № 9, стр. 144; № 12, стр. 341—342; 1887, № 4, стр. 221—222; № 10, стр. 599—601; 1888, № 12; 1889, № 5 (о переводѣ Вебера). 1892, № 6; 1893, № 4 (объ Эстет. отнош.).
- Русская Старина, т. 74, стр. 383—384.—Къ исторіи русской цензуры

- 1861—1862 (о статьѣ „Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія“). 1892, № 11 (объ очеркахъ Гогол. періода).
- Русскій Архивъ**, 1897, т. I, стр. 336—337. — Переписка о написанной Писаревымъ въ крѣпости статьѣ „Мысли о русскихъ романахъ“, заключающей преимущественно разборъ романа „Что дѣлать?“
- Русскій Инвалидъ**, 1865, № 62. (О книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Русскія Вѣдомости**, 1889, 18 окт. — Н. Г. Чернышевскій (некрологъ). Перепечатано въ Екатеринбург. Недѣль, 1889, № 44. — 1892, № ? (объ Очеркахъ Гогол. періода и критическихъ статьяхъ). — 1893, № 39 (объ Эстет. отношеніяхъ). 1904, № 301. Литературные отголоски (пятнадцатилѣтіе со дня смерти Чернышевскаго). 1905, № 65.
- Русское Богатство**, 1888, №№ 5 и 6; 1889, №№ 5 и 6 (о переводѣ Вебера). 1889, № 3, стр. 13—15. — Позитивизмъ въ рус. литературѣ (о статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи“). 1905, № 11—12, стр. 120—121 (о Миллѣ).
- Русское Слово**, 1863, № 3, отд. II, стр. 75—78 (о переводѣ Шлосера).
- Русь**, 1904, № 309; 1904, 5 декабря (о книгѣ А. Н. Пыпина „Н. А. Некрасовъ“).
- Самарская Газета**, 1904, 17 октября. — Молоть. — Искры (95. Сегодня).
- Саратовскій Дневникъ**, 1889, № 222, 18 октября — Н. Г. Чернышевскій, некрологъ. — 1889, №№ 222, 223, 224, 18—20 октября — Публикаціи о кончинѣ Н. Г. Чернышевскаго. — 1889, № 226, 22 октября — Краткое описаніе похоронъ. — 1889, № 228 — объ отказѣ доктора Н. посѣтить больного Н. Г. Чернышевскаго наканунѣ его смерти. — 1889, № 233, 31 октября — Краткое сообщеніе изъ Варшавы о панихидѣ студентовъ. — 1893, № 96, 9 мая — Выписка изъ „Недѣли“, замѣтка о жизни Чернышевскаго въ Сибири (изъ нѣмецкаго журнала „Вегетаріанское Обозрѣніе“ за прежніе годы (годъ не указанъ)).
- Сборникъ XXV лѣтъ литературнаго фонда**, изд. 1883. (Предложеніе Лаврова въ Литературномъ Фондѣ ходатайствовать объ освобожденіи Чернышевскаго).
- Сборникъ „Памяти Бѣлинскаго“**. М. 1899, стр. 388—389. — Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ Ив. Кондр. Бабсту.
- Сборникъ „Проблемы идеалиста“**. — Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія, статья П. Г.
- Сибирская Жизнь**, 1906, № 3 авг. (Библ. замѣтка о т. III и IV сочин. Чернышевскаго) 1906, № 37, 18 февр. (объ изданіи полного собранія сочиненій).
- Сибирскій Вѣстникъ**, 1891, № 6. — Разсказъ Н. Г. Чернышевскаго о пребываніи его въ ссылкѣ (изъ Рус. Бог. и Нов. Вр.). — 1889, № 132 — Н. Г. Чернышевскій, некрологъ (изъ Недѣли).
- Сивевичъ, В. М.** — Былыя встрѣчи. — Истор. Вѣстникъ, 1893, № 3, стр. 759—761.

- Сильчевскій.**—Статья о Плещеевъ въ Бирж. Вѣдом. 1903, № 477, 26 сент. (Свидѣтельство Плещеева о діалектическихъ способностяхъ Чернышевскаго).
- Снабичевскій.**—Исторія новѣйшей рус. литературы.
- Снальковскій, К.**—Наши государственные и общественные дѣятели. Спб. 1891. (Н. Г. Чернышевскій—перепечатка фельетона изъ Нов. Врем. 1889, № 4902, 21 окт.).
- Снальковскій, К.**—Изъ дневника меланхолика. Нов. Времѣ, 1904, 5 ноября. Выдержка—Вост. Обзорѣніе, 1904, №№ 285, 296.
- Скориновъ, Н. Ѳ.**—Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани. — Истор. Вѣстникъ, 1905, № 5, стр. 477—495.—Замѣтка на эту статью докт. Шенетовскаго въ Нашей Жизни, 1905, № 101, 25 мая.
- Скориновъ, Н. Ѳ.**—По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.— Истор. Вѣстникъ, 1905, № 7, стр. 125—132.
- Славинскій, П.**—Развитіе явленій общественнаго быта.—Отеч. Записки, 1859, № 7, стр. 157—200. (о статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій“).
- Случевскій, К.**—Явленія русской жизни подъ критикою эстетики. 3 книжки. Спб. 1866—1867. (Во 2-й книжкѣ—объ Эстетическихъ отношеніяхъ).
- Смирновъ, А. В.**—Н. Г. Чернышевскій. — Рус. Старина, 1890, № 5, стр. 449—465.
- Современникъ**, 1861, № 10.—Статья Т. З.—Деликатности въ наукѣ. О рабочемъ классѣ, Ѳ. Г. Тернера. (о Тюрго).—1865, № 1 (о книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Современныя Извѣстія**, 1881, № 116, 29 апр.—15 лѣтъ крамолы. Замысль освободить Чернышевскаго за 9 рублей.
- Соловьевъ, Вл.**—Сочиненія, т. VI, стр. 424—431.—Первый шагъ къ положительной эстетикѣ. (Объ Эстет. отношеніяхъ).
- Соловьевъ, Вл.**—Н. Г. Чернышевскій. Изъ литературныхъ воспоминаній, 1898. (Статья была написана для „Закаспійскаго Обзорѣнія“, но цензурою не была пропущена. Впослѣдствіи ею воспользовался К. М. Оедоровъ въ своей книжкѣ „Жизнь великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій“).
- Соловьевъ, Евг.**—Очерки по исторіи русской литературы.
- Соловьевъ, Евг.** (Андреевичъ).—Опытъ философіи русской литературы.
- Соловьевъ, Евг.**—Беллетристика Чернышевскаго. — Научное Обзорѣніе, 1899, № 4, стр. 755—767. — Выдержки—Россія, 1899, № 11; Театръ и Искусство, 1899, № 16.
- Соловьевъ, Н.**—Объ отношеніи естествовѣдѣнія къ искусству. Отеч. Зап. 1865, №№ 10 и 11. (Объ Эстет. отнош.).
- Соловьевъ, Н.**—Искусство и Жизнь. Критическія сочиненія. 3 части. М. 1869. (въ 1 части—объ Эстет. отношеніяхъ).
- Стаховичъ, С. Г.**—Матеріалы для біографіи Чернышевскаго. — Закасп. Обзорѣніе, 1905, №№ 237, 238, 239 и 243.

- Страна**, 1881, № 7, 15 января. — Передовая статья о необходимости возвращенія Чернышевскаго. — Выдержка — Порядокъ, 1881, № 16, 17 янв.
- Страна**, 1881, № 19. — Отзывъ „Рус. Мысли“ по поводу передовой статьи въ № 7 „Страны“.
- Суворинъ, А. С.**—Всеякіе. Спб. 1866. (Сожженная книга). См. Любавскій.
- Суворинъ, А. С.**—Фельетонъ Незнакомца въ Петерб. Вѣд. 1867, № 208 (по поводу изданій Чернышевскаго за границею г. Эллидинымъ).
- Суворинъ, А. С.**—Фельетонъ Незнакомца въ Нов. Времени, 1880, 13 апр. — (Нѣсколько словъ о свободѣ печати вообще и о манерѣ писанія Чернышевскаго).
- Суворовъ, П. П.**—Записки о прошломъ. ч. I. М. 1899. стр. 186—188, (о переводѣ Чернышевскаго въ Вилуйскъ и о попыткѣ Лопатина освободить его).
- Судъ надъ Чернышевскимъ.**—Заграничное изданіе Эллидина въ Женевѣ, 1876.
- Сынъ Отечества**, 1856, № 33.—(о Лессингѣ).
- Сѣверная Пчела**, 1859, №№ 237 и 254.—(Жалобы Надеждина на Некрасова и Чернышевскаго по поводу утраченныхъ будто бы въ редакціи Современника рукописей его сочиненій).
- Сѣверная Пчела**, 1860, №№ 53, 59, 80.—№№. (Блюмеръ,—Л. П.). Письма о русской журналистикѣ, (есть и о Чернышевскомъ).
- Сѣверный Вѣстникъ**, 1885, № 4, стр. 210—212; 1886, № 5, стр. 120—122. (о переводѣ Вебера).
- Сѣверо-Западное Слово**, 1904, №№ 2107, 2110, 2114, 2135, 2156—2157.
- Сѣверъ**, 1899, № ? стр. 899.—Чернышевскій, некрологъ.
- Танъ.**—Стихотвореніе „Памяти Чернышевскаго“.—Нижегородскій Сборникъ, Спб. 1905.
- Терпигоревъ, С. Н.**—Воспоминанія. 1896. Выдержки—Рус. Вѣд. 1896, № 73, 14 марта, фельетонъ В. В-ва; Закаспійское Обозрѣніе, 1896, № ?
- Тифлисскій Листокъ**, 1906, № 3, 4 января. (о Миллѣ).
- Толль, Ф.**—Наша дѣтская литература, стр. 148—149. (о книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Устряловъ, Ѳ.**—Воспоминаніе о спб. университетѣ въ 1852—1856 г.—Истор. Вѣстн. 1884, июнь, стр. 588—589.
- Учитель**, 1865, т. 5, № 17, стр. 642. (о книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Фаресовъ, А.**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій, некрологъ.—Истор. Вѣстникъ, 1889, № 12, стр. 644—651.
- Хованскій, И. Ф.**—Очерки исторіи г. Саратова, вып. I. Саратовъ, 1884.
- Цвѣтъ, С. Н.**—Экономическая дѣятельность и законодательство.—Рус. Вѣстникъ, 1860, № 15, авг., кн. 1, стр.—236—267.
- Ципринусъ.**—Промакъ въ ученіи новыхъ людей.—Голосъ, 1863, № 169, стр. 659—660. (о „Что дѣлать?“).

- Цитовичъ, П.**—Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать?“.—Одесса, 1879.
- Ц-ская, Е.**—Что мѣшаетъ быть женщинѣ самостоятельной (по поводу романа Чернышевскаго „Что дѣлать?“).—Библ. для Чтенія, 1863, № 9, стр. 1—19.
- Чернышевскій, Мих.**—По поводу воспоминаній Огаревой-Тучковой въ Рус. Стар.—Нов. Время, 1894, № 6690, 16 окт.—Объ огражденіи правъ собственности на изданіе сочиненій Чернышевскаго—Нов. Время, 1905, 4 марта и Русь, 1905, 4 марта.—По поводу изданія полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, Наша Жизнь, 1905, 1 дек.—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго, Былое, 1906, № 5, стр. 131—138.
- Шагановъ.**—Воспоминанія о Чернышевскомъ.—Восточное Обозрѣніе, 1905, ноябрь и декабрь.
- Schedo-Ferotti, D. K.**—Aus der Literatur des Nihilismus. Kritische Beleuchtung des Tschernyschefscky'schen Romans: Was thun?—Braunschweig. 1871.
- Шедо-Феротти** и нѣмецкій критикъ о романѣ „Что дѣлать?“—Рус. Вѣстникъ, 1872, т. 97, № 1, стр. 399—401. (изъ Magaz. für die Literatur des Ausl.).
- Шелгуновъ.**—Сочиненія, т. II. Изъ прошлаго и настоящаго.
- Шепетовскій, д-ръ.**—Клевета на Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1905, № 101, 25 мая.
- Эвальдъ, А. В.**—Воспоминанія. — Истор. Вѣстникъ, 1895, № 12, стр. 725—734.
- Энгельгардтъ, Н.**—Исторія литературы XIX вѣка.
- Э., Ник.**—Народное рабочее государство. — Нов. Время, 1905, 15 сент. (Нѣсколько словъ о Чернышевскомъ).
- Энциклопедическій Словарь**, Гранатъ, т. VIII.
- Энциклопедія**, Большая, подъ ред. С. Н. Южакова. т. XX. стр. 62—70.
- Юдинъ, П.**—Костомаровъ въ ссылкѣ.—Ист. Вѣстникъ, 1905, № 4. (Знакомство Чернышевскаго съ Костомаровымъ).
- Юдинъ, П.**—Н. Г. Чернышевскій въ Саратовѣ (съ портретомъ и рисунками).—Истор. Вѣстникъ, 1905, № 12, стр. 864—896.
- Юдинъ, П.**—Е. А. Бѣловъ. — Рус. Старина, 1905, № 12, стр. 489—512.
- Юдинъ, П.**—Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго (по астраханскимъ документамъ).—Истор. Вѣстникъ, 1906, № 1, стр. 199—203.
- Южный Край**, 1883, № 1033.—Нѣсколько словъ о Чернышевскомъ (изъ Нов. Вр.).
- Южный Край**, 1889, 21 окт.—Пикто. Пестрыя замѣтки. LXVIII.
- Языковъ, Д. Д.**—Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. IX. Русскіе писатели, умершіе въ 1889 г.—М. 1905.
- Яковлевъ, И.**—Корреспонденція изъ Парижа. Нов. Время, 1889, 31 дек. (Нѣсколько словъ о передѣлкѣ Золя романа „Что дѣлать?“ на французскій ладъ).

Федоровъ, К. М.—Памяти Н. Г. Чернышевскаго (съ портретомъ).—Закасп. Обозрѣніе, 1899, 17 октября.

Федоровъ, К. М.—Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Новые матеріалы для его біографіи (вошло потомъ въ отдѣльное изданіе)—Закасп. Обозрѣніе, 1904, 17 окт.

Федоровъ, К. М.—Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій.—1 изд. Асхабадъ 1904; 2 изд. Спб. 1905.

Перечень заграничныхъ изданій сочиненій Н. Г. Чернышевскаго и переводовъ на иностранные языки.

Сочиненія: Первое полное изданіе *), изд. М. Эллидина и К°. 1868—1870.

т. I—Научная и литературная критика 1853—1855.

т. II—Литературная критика и полемическія красоты.

т. III—Примѣчанія и дополненія къ полит. экономіи Дж. С. Милля.

т. IV—Очерки изъ политической экономіи по Миллю.

т. V—Полный сборникъ статей объ общинномъ владѣніи. Изд. 2.—1879.

Отдѣльныя статьи, изд. Эллидина въ Женевѣ:

Что дѣлать? Романъ писанный въ крѣпости, 1862—1863 г.

Судъ надъ Чернышевскимъ и Лессингъ.—1877.

Юльская монархія во Франціи.

Борьба партій во Франціи, Женева 1880.

Община и государство.

Кавеньякъ.

Антропологическій принципъ въ философіи.

Прологъ пролога, романъ 60-хъ годовъ, писанный до ареста **).

Заговорщики и соумышленники Людовика Бонапарте въ 1851 г.,

изложеніе по Кинглеку съ примѣчаніями Н. Г. Чернышевскаго.—1890.

Письма безъ адреса (по поводу упраздн. рабства въ Россіи).

Изд. 2.—1890.

Научились ли? Обращеніе къ публикѣ по поводу студентовъ.

Русскій человѣкъ на rendez-vous.—Carouge (Geneve). 1901.

Отдѣльныя статьи въ другихъ изданіяхъ:

Община и государство, изд. журнала „Набатъ“.—Двѣ статьи:
Критика философскихъ предубѣжденій и Экономическая дѣятельность
и государство.

*) Насколько оно дѣйствительно полное—можно видѣть изъ настоящаго изданія.

**) Романъ этотъ въ дѣйствительности былъ написанъ въ Сибири около 1867 г.

Статьи объ общинномъ владѣніи землею. Безъ мѣста изданія. 1872
Научились ли?— Берлинъ. Изд. Гуго Штейнвица, 1904. (Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній, ч. 94).

О землѣ, какъ элементъ богатства (бібліографія), Женева, 1874, тип. Трусова.

О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала (критика), Женева, тип. Трусова.

Письма безъ адреса. Цюрихъ, изд. журнала Впередъ. 1884.

Борьба партій во Франціи (Рус. соц.-дем. бібліотека, вып. 3), Женева, 1875.

Іюльская монархія (Рус. соц.-дем. библ., вып. 4), Женева, 1876.

Кавеньякъ (Рус. соц.-дем. библ. вып. 1), Женева, типогр. Трусова, 1874.

Судъ надъ Чернышевскимъ и „Что дѣлать?“, Женева, Н. Georg, 1878.

Что дѣлать? изд. Каспровича въ Лейпцигѣ.

Что дѣлать?—Лейпцигъ (Веймаръ). Безъ года.

Что дѣлать? Романъ, написанный въ заключеніи (sic) 1862—1863. Изд. „Современника“ *). Безъ года.

Прологъ, изд. Каспровича въ Лейпцигѣ.

Прологъ, изд. журнала Впередъ. Лондонъ, 1877.

Переводы на иностранные языки:

I. Что дѣлать?

Que faire? Roman.—Berlin, 1875.

Mit tegyünk?—Budapest, 1877.

Was thun?—Leipzig. 1883. id. 2 Aufl. ib. 1890.

Hvad skall man göra?—Stockholm, 1885.

A vital question, or what is to be done?—New-York, 1887.

II. Другія статьи.

L'économie politique jugée par la science.—Bruxelles 1874.

La possession communale du sol.—Traduction de E. Laran—Tamarikine (Bibl. d'études sociales, XI) Paris, s. a.

Lettres sans adresse (sur l'abolition du servage en Russie). Liège, 1874.

(*) Сколько мнѣ извѣстно, журналъ „Современникъ“ не выпускалъ отдѣльнаго изданія „Что дѣлать?“ Изданіе довольно странное. Шрифтъ похожій на шрифтъ „Современника“ и пагинація та же самая, но въ общемъ изданіе производитъ впечатлѣніе какой то поддѣлки. Обложка уже несомнѣнно повѣйнаго стили. Издана въ Петербургѣ, въ Имп. Публ. Библіотекѣ, приобрѣтена въ 1898 г.

